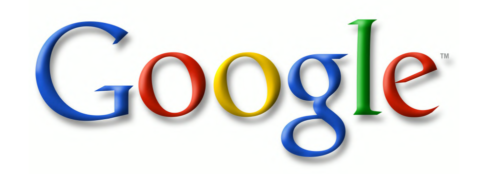
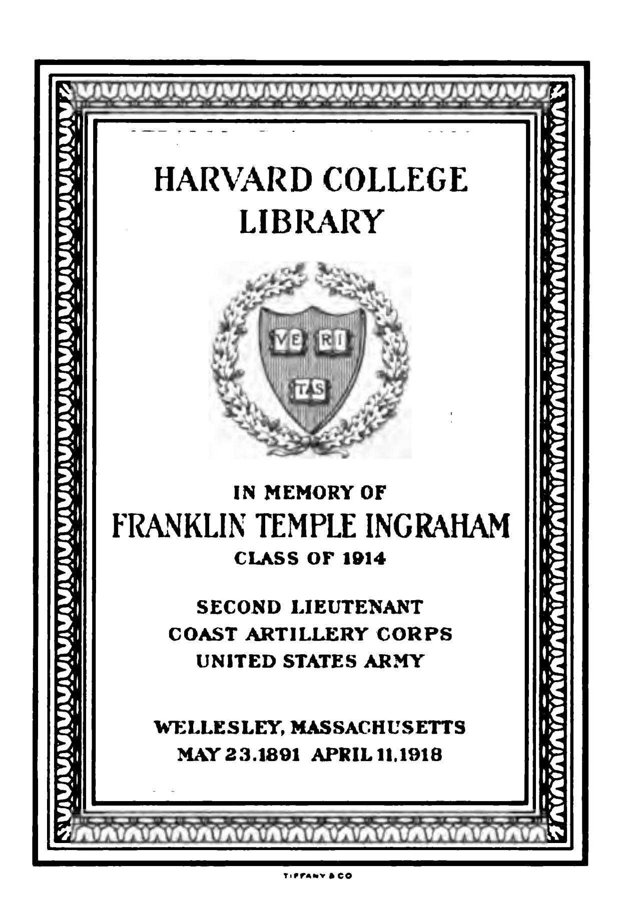

Google


HARVARD COLLEGE
LIBRARY
VE RI TAS
IN MEMORY OF
FRANKLIN TEMPLE INGRAHAM
CLASS OF 1914
SECOND LIEUTENANT
COAST ARTILLERY CORPS
UNITED STATES ARMY
WELLESLEY, MASSACHUSETTS
MAY 23.1891 APRIL 11.1918

TIFFANY & CO

М. Н. КАТКОВЪ.

СОБРАНІЕ
ПЕРЕДОВЫХЪ СТАТЕЙ
МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ.

1868 годъ.

ИЗДАНІЕ С. П. КАТКОВОЙ.

МОСКВА.

1897.

Типографія В. В. Чичерина,
прот. Марьиной слоб., за Камеръ-Коллежскимъ валомъ, соб. домъ, 2 ст. Моск. уѣзда.

Фототипія Шереръ, Набгольцъ и К°. Москва.

КАБИНЕТЪ М. Н. КАТКОВА

въ домѣ Университетской Типографіи на Страстномъ бульварѣ.

1868 годъ.

Указатель статей[1]).

ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА.

Общіе вопросы [2]).

Организація помощи голодающимъ въ сѣверной и средней полосѣ Россіи. 15.

Состоящій подъ предсѣдательствомъ Государя Наслѣдника Цесаревича Центральный Комитетъ для распредѣленія пособій въ пользу мѣстностей страдающихъ отъ голода. 19.

Лучшее средство помощи пострадавшимъ отъ неурожая. 32.

Покойный Цесаревичъ Николай Александровичъ. 66—А.

Близость кабака и продажа водки на выносъ какъ настоящія причины народнаго голода. 119.

Пожарная эпидемія. 166.

Администрація.

Устройство управленія въ Киргизскихъ степяхъ. 123. 126.

Военное дѣло.

Истинная дисциплина въ арміи. 6. 7.

Общество попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ. 9.

Пересмотръ Рекрутскаго устава и необходимость введенія всеобщей воинской повинности. 50.

Конскрипція и нынѣшняя система рекрутскаго набора. 62.

Процентное отношеніе грамотныхъ людей, ежегодно поступающихъ въ армію нашу и другихъ европейскихъ державъ. 63—Б.

Монаршія милости арміи по поводу дня рожденія Перваго Внука. 110—Б. 118—Б.

Желательность воспрещенія разрывныхъ пуль. 118—А, стр. 311.

Введеніе у насъ скорострѣльной винтовки. 130—Б.

Перевозка войскъ по желѣзнымъ дорогамъ и по водѣ. 137.

Измѣненіе системы рекрутской замѣны посредствомъ частнаго найма охотниковъ. 153—А.

Казарменныя помѣщенія для войскъ. 176. 177. 205. 206—А.

Книга генерала Ѳадѣева „О вооруженныхъ силахъ Россіи" и нападки на нее газеты *Вѣсть*. 236—А.

Объясненія газеты *Вѣсть* съ *Русскимъ Инвалидомъ* по вопросу о нашей военной организаціи. 238.

Двѣ статьи *Биржевыхъ Вѣдомостей* по поводу полемики о военныхъ реформахъ. 248—Б.

Еврейскій вопросъ.

Право Евреевъ пользоваться языкомъ своего отечества. 52.

Западный край.

Фальшивая игра въ „принципъ національности". 14.

Плохая постановка дѣла народнаго обученія въ Виленскомъ учебномъ округѣ. 18.

Истинный корень многихъ государственныхъ затрудненій въ Западномъ краѣ заключается въ томъ запретѣ, который лежитъ на русскомъ языкѣ. 61.

Историческій очеркъ крестьянскаго вопроса въ Западномъ краѣ съ 1861 года и опасенія за будущность тамъ русскаго дѣла. (По поводу слуховъ о циркулярахъ генерала Потапова). 75.

Неувѣренность въ силѣ и значеніи національной политики. 78—А, стр. 198.

Историческій очеркъ *дворянскаго вопроса* въ Западномъ краѣ. 87.

Демонстрація въ газетахъ *Вѣсть* и *Новое Время* по поводу перемѣнъ въ личномъ составѣ администраціи Сѣверо-Западнаго края. 89—Б. 106.

Отвѣтъ г-ну Т. о ходѣ крестьянскаго дѣла въ Сѣверо-Западномъ краѣ. 93.

Закрытіе Цытовянскаго костела. 112—В.

Новая администрація Сѣверо-Западнаго края признаетъ польскую народность за господствующую. 138. 144—Б.

---

[1]) Цифры означаютъ нумера *Московскихъ Вѣдомостей*, а буквы А, Б, В означаютъ первая, вторая и третья статья въ данномъ нумерѣ; нумеръ страницы указываетъ на часть статьи. Содержаніе нѣкоторыхъ статей могло быть обозначено лишь приблизительно.

[2]) Общіе вопросы, касающіеся Россіи, затрогиваются также въ нѣкоторыхъ статьяхъ, помѣщенныхъ подъ другими рубриками.

Поддѣлка въ Кіевѣ документовъ о дворянствѣ. 142.
Генералъ-губернаторство генералъ-адъютанта Безака въ Кіевѣ. 143—А.
Отвѣтъ г. Г. по вопросу о положеніи дѣлъ въ Сѣверо-Западномъ краѣ. 146—Б.
Корреспонденціи нѣмецкихъ и французскихъ газетъ изъ лагеря западно-русскаго дворянства. 148.
Судьба русскаго чиновника Терентія Минкевича. 152—Б. 182. 185. 206—Б.
Слухи о предполагаемыхъ перемѣнахъ въ ходѣ крестьянскаго дѣла въ Сѣверо-Западномъ краѣ. 153—Б.
„Историческій процессъ“ германизаціи Познани. 156. 168.
Хозяйственное положеніе Юго-Западнаго края. 164.
Возраженіе польско-русской печати по вопросу о Сѣверо-Западномъ краѣ. 172.
Новое Время о распоряженіи военнаго начальника полковника М. отъ 3-го августа 1863 года. 187—А.
Практическія заключенія статьи *Виленскаго Вѣстника* по вопросу о русскомъ языкѣ въ Западномъ краѣ находятся въ крайнемъ противорѣчіи съ ея теоретическою частью. 190.
Польская интрига и общественное мнѣніе. 192.
Личный составъ Виленскаго Учебнаго Округа. 186.
Случай съ бывшимъ новогрудскимъ мировымъ посредникомъ капитаномъ Сумароковымъ. 199.
Агитація газеты *Вѣсть* противъ выкупнаго дѣла въ западныхъ губерніяхъ и осмотръ Юго-Западнаго края генералъ-адъютантомъ Безакомъ. 200—А.
Вѣсть противъ администраціи Юго-Западнаго края. 204. 217—А.
Военное положеніе въ Сѣверо-Западномъ краѣ. 225. 226.
Случаи непризнаванія крестьянами Юго Западнаго края границъ отведенныхъ имъ надѣловъ. 236—Б.
Полемика мироваго посредника Юзефовича съ помѣщикомъ Еремѣевымъ. 249. 255—Б.
Нападки г. Спичакова въ газетѣ *Вѣсть* на г. Сумарокова. 256, стр. 715.
Несходство показаній земли въ актахъ съ дѣйствительнымъ пользованіемъ. 265—А. 267—Б.
Крестьянская реформа въ Царствѣ Польскомъ и Сѣверо-Западномъ краѣ. 266—А.
Скрытіе Высочайшихъ повелѣній. 267—В.
Памятникъ Богдану Хмѣльницкому. 268—Б.
Отмѣна пастбищнаго сервитута. 269. 270.
Вопросъ о безземельныхъ крестьянахъ. 271—А.
Отвѣтъ и семь вопросовъ газетѣ *Вѣсть* на статью ея по крестьянскому дѣлу въ Сѣверо-Западномъ краѣ. 278.

Крестьянское дѣло.

Передвиженіе населенія. 17. 90.
Дѣятельность Смоленскаго земства по продовольствію и доставленію заработка голодающимъ крестьянамъ. 140.
Общественныя запашки. 189.

Морское дѣло.

Необходимость навигаціонныхъ школъ. 107.
Историческій очеркъ вопроса о нейтральности всѣхъ морей. 118—А.
Кампбелль, посланникъ Соединенныхъ Штатовъ въ Стокгольмѣ, о видахъ русскаго правительства на Варангеръ-Фьіордъ. 157.
Ostsee-Zeitung о торговой важности Балтійскаго моря. 160.

Печать.

Мистификація *Journal de St.-Pétersbourg* относительно роли *Московскихъ Вѣдомостей* по вопросу о русско-прусскомъ союзѣ. 20.
Фальшивое настроеніе въ публикѣ поддерживаемое *Голосомъ* и одною петербургскою газетою читаемою на казенный счетъ. 23.
Узаконенія 13-го іюня 1867 года о порядкѣ печатанія постановленій и отчетовъ земскихъ дворянскихъ и городскихъ собраній. 45.
Чрезмѣрная свобода печати для органовъ антинаціональнаго направленія. 48.
Отвѣтъ *Новому Времени* по вопросу о нетерпимости. 74—А, стр. 188.
Польскія тенденціи *Вѣсти* и *Новаго Времени*. 105—А.
Правительственныя пособія въ печати. 170.
По поводу оправданія И. С. Аксакова. 220.
Рѣчь г. Скарятина, издателя газеты *Вѣсть*. 221—А. 224.
Обвиненіе *Московскихъ Вѣдомостей* газетою *Вѣсть* въ колебаніи государственнаго порядка и нигилизма. 240—Б.
Письмо князя Волконскаго и г. Офросимова по поводу манифеста газеты *Вѣсть*. 253—Б.
Отвѣтъ г. Спичакову на статью въ газетѣ *Вѣсть*. 256.
Что такое демагогія. (Мнѣніе газеты *Вѣсть*, краковскаго *Часа* и *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*). 271—Б.
Полемика съ *Рижскою Газетою* по вопросу о тенденціяхъ бывшаго ея редактора г. Эккарта и фонъ-Сиверса. 275—Б.
По поводу манифеста консервативной партіи опубликованнаго *Вѣстью*. 281.

Польскій вопросъ.

Сліяніе Царства Польскаго съ имперіей. 55.
Вопросъ о судебной реформѣ въ Царствѣ Польскомъ. 56.
Бѣда грозитъ намъ не со стороны Европы, а отъ собственныхъ друзей. 78—Б.
Высочайшій указъ объ амнистіи политическимъ преступникамъ польскаго мятежа. 113—А.
Начало новыхъ демонстрацій въ Варшавѣ. 141—Г. 154—Б.
Обзоръ крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ. 201. 202—Б.

Почтовое дѣло.

Неудовлетворительное состояніе почтовой части. 104—А.
Отдѣленіе петербургскаго почтамта отъ почтоваго департамента. 151.
Новый порядокъ почтовой разсылки періодическихъ изданій. 229.

Прибалтійскій край.

Агитація Поляковъ въ Прибалтійскомъ краѣ. 1—Б.
Ложь нѣмецкой интриги. Альзасъ и Балтійскія провинціи. Капитуляціи Петра Великаго. 139.

Арендные контракты въ Лифляндіи и Курляндіи и русская политика въ этомъ краѣ. 149.
Неурожай на островѣ Эзелѣ. 155—Б.
Національная политика Пруссіи и агитація органовъ нѣмецкой печати въ Балтійскомъ краѣ. 162.
Поджигательство нѣмецкаго патріотизма въ Россіи. 169.
Нѣмецкій патріотизмъ въ Германіи и въ Россіи. 183—Б.
Книга г. Самарина „Окраины Россіи". 187—Б. 191. 193. 194, стр. 523.
Почему „Остзейскія провинціи страшатся русской юстиціи". 194. 208—Б.
Петербургскія корреспонденціи въ нѣмецкую печать. 197.
Нападки на Ю. Самарина. 200—Б.
Обвиненіе *Московскихъ Вѣдомостей* въ возбужденіи ненависти къ Нѣмцамъ. 230.
Заявленіе дворянства трехъ балтійскихъ губерній. 261. 266—Б.

Пути сообщенія.

Необходимость желѣзной дороги между Ковной и Либавой. 3. 247. 250—Б. 252—А.
Ковно-Либавская и Либаво-Митавская желѣзныя дороги. 21.
Рыбинско-Твере-Петербургская и Рыбинско-Вышневолоцко-Петербургская желѣзныя дороги. 25.
Потребность въ правильномъ передвиженіи хлѣбныхъ запасовъ. 28.
Главное Общество Русскихъ желѣзныхъ дорогъ. 29. 129.
Московско-Смоленская желѣзная дорога. 37. 163.
Высочайшее разрѣшеніе постройки Московско-Смоленской желѣзной дороги. Принятіе Лицея Цесаревича Николая Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ подъ свое покровительство. 43.
Вопросъ о направленіи Московско-Брестской желѣзной дороги. 58. 59. 60. 68.
Проектъ г. Богдановича Сибирско-Уральской желѣзной дороги. 71—А.
Ostsee-Zeitung о переходѣ русской торговли въ Кенигсбергъ въ случаѣ постройки Витебско-Виленской желѣзной дороги. Важность Рижско-Виндавской и Ковно-Либавской желѣзныхъ дорогъ. 86.
Преимущество Елецко-Тульской линіи передъ Елецко-Орловской. Ковно-Либавская желѣзная дорога. 103.
Премудрость рижской *Zeitung für Stadt und Land* по вопросу о желѣзныхъ дорогахъ къ Виндавѣ и Либавѣ. 120—В.
Выборъ линіи въ развитіи желѣзнодорожной сѣти долженъ согласоваться съ общимъ государственнымъ интересомъ. 134.
Виндава или Либава? 179. 203.
Вопросъ о Либавской желѣзной дорогѣ. 211. 212. 216. 234. 263.
Либаво-Севастопольская желѣзная дорога. 222.
Преимущество линій Либава-Бобруйскъ-Минскъ-Вильно-Ковно и Минскъ-Смоленскъ передъ Витебскъ-Кіевъ и разными варіантами Кіево-Бердичевско-Кенигсбергской. 239.
Ковно-Либавская желѣзная дорога. 245.
Категоріи важнѣйшихъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ и пособіе имъ отъ правительства. 246—А.
Общество Рыбинско-Осѣченской желѣзной дороги. 252—Б.
Важнѣйшія линіи желѣзныхъ дорогъ. 272.

Религія и церковь.

Необходимость уничтоженія касты въ православномъ духовенствѣ. 40.
Православныя церковныя братства. 80.
Превращеніе христіанской церкви въ бюрократическій механизмъ. 109, стр. 286.
Оренбургское духовное магометанское собраніе. 126, стр. 329.
Чествованіе памяти Лютера въ Вормсѣ и Гуса въ Констанцѣ. 152—А.
Приглашеніе къ пожертвованіямъ на сооруженіе храма и обители въ Херсонесѣ. 154—А.
Менониты, Молокане и Духоборцы на рѣкѣ Молочной. 161.
Римско-католическая духовная коллегія и семинарія. 242.
Іосифъ Сѣмашко митрополитъ Литовскій. (По случаю его кончины). 255—А.

Сельское хозяйство.

Агитація протекціонистовъ. 46.
Лѣсоистребленіе и государственное лѣсоводство. 195.

Самоуправленіе.

Земское.

Общія причины задерживавшія дѣятельность земскихъ учрежденій въ первое трехлѣтіе. 208—А.
Агитація въ земскихъ собраніяхъ противъ реформы гимназій. 277.
„Обзоръ дѣйствій Новосильскаго уѣзднаго училищнаго совѣта съ 1-го сентября 1867 по 1-е сентября 1868 года" и „проектъ устава Московской учительской школы". 279.

Судебное дѣло.

О прокурорскомъ надзорѣ. 4.
Дѣло въ Московскомъ Окружномъ Судѣ становаго Глушкова обвинявшагося въ преступленіяхъ по должности. 63—А. 64—Б. 69—Б.
„Матовское" дѣло о шайкѣ дѣлателей и сбытчиковъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ. 66—Б.
Заявленіе полковника Дудинскаго оправданнаго отъ подозрѣній въ умышленномъ поджигательствѣ во время Симбирскихъ пожаровъ. 67—Б.
Отвѣтъ *Новому Времени* по дѣлу о побѣгѣ съ каторги раскольника Шумина. 74—А.
Мотивы преступленія гимназиста Горскаго убившаго семейство купца Жемарина. 100.
Вопросъ о смертной казни. 136.
Рѣшеніе Судебной Палаты на апелляцію бѣглаго ссыльно-каторжнаго Шумина. 141—А.
Мировой и кассаціонный судъ. 150.
Оправдательный вердиктъ новгородскихъ присяжныхъ по дѣлу Петрова убившаго свою жену. 173.
Строгость приговора суда по дѣлу Алексѣева убившаго изъ ревности. 209.
Дѣло полковника Колзакова. 214. 221—Б.
Дѣло г. Бильбасова. 227.
Слабыя стороны нашей судебной реформы. 233.
Вопросъ о предварительномъ заключеніи. 259. 264—Б.

Учебное дѣло.

Главнѣйшія основанія на которыхъ предполагается открыть Лицей Цесаревича Николая. 8.

Необходимость образованія народныхъ учителей. 22.
Обязательное обученіе грузинскому языку въ школахъ Общества возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ. 26.
По поводу доклада Московской губернской земской управы о народномъ обученіи. 27.
Агитація противъ реформы гимназій. 30.
Принятіе Лицея Цесаревича Николая Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ подъ свое покровительство. 43, стр. 105
Недоразумѣніе по вопросу о сельскихъ читальняхъ въ Польскомъ краѣ и во внутреннихъ губерніяхъ Россіи. 141—В.
Спеціальныя испытанія Вѣдомства Народнаго Просвѣщенія. 158.
Вопросъ о русскомъ гимназическомъ учителѣ. 241.
Агитація въ земскихъ собраніяхъ противъ реформы гимназій. 277.
„Обзоръ дѣйствій Новосильскаго уѣзднаго училищнаго совѣта съ 1-го сентября 1867 по 1-е сентября 1868 года“ и „проектъ устава Московской учительской школы“. 279.

Финансовые вопросы.

Увеличеніе нашего вывоза и вздорожаніе хлѣба внутри Россіи. 2.
Общество взаимнаго поземельнаго кредита. 11.
Протекціонизмъ. 31. 88.
Тарифная коммиссія и образчики способа дѣйствій протекціонистской агитаціи. 34.
Производство пива, чугуна, желѣза, машинъ и юфти не нуждается въ покровительствѣ. 36.
Тарифная коммиссія и вредъ пошлинъ на иностранныя машины. 39.
Отчетъ г. государственнаго контролера по исполненію бюджета за 1866 годъ. 44.
Невыгодность пошлинъ на иностранныя машины. 49.
Тарифная коммиссія и химическіе заводы. 54.
Пересмотръ трудовъ въ тарифной коммиссіи желателенъ съ охранительной, а не съ протекціонистской точки зрѣнія. 65.
Обозрѣніе финансоваго положенія Имперіи. 69—А.
Дороговизна и сверхсмѣтные расходы какъ главныя причины нашихъ финансовыхъ затрудненій. 76.
Разборъ двухъ брошюръ г. Шипова о *раціональномъ тарифѣ*. 79.
Чрезвычайное развитіе сверхсмѣтныхъ кредитовъ. 83.
Покровительственныя пошлины на машины и протекціонизмъ. 92.
Ипотечная система. 94.
Эластичность государственнаго дохода. 97.
Разборъ доводовъ большинства бывшей тарифной коммиссіи въ пользу введенія у насъ покровительственныхъ таможенныхъ пошлинъ на машины. 98—А. 99.
Стачка фабрикантовъ по вопросу о покровительственныхъ пошлинахъ на машины. 101—А.
Участіе иностранцевъ въ домогательствѣ усилить запретительный характеръ русскаго тарифа. Береговое право и коммиссіонная торговля. 110—А.
Уравненіе пошлинъ по морскому и сухопутному привозу, желательность нѣкотораго пониженія тарифа 1857 года и ограниченія покровительства хлопчато-бумажной фабрикаціи. Протекціонистская агитація. 116—А.
Англійская факторія въ Петербургѣ. 120—В.
Избытокъ въ денежныхъ знакахъ. 133.
Возвышеніе цѣнъ процентныхъ бумагъ, пониженіе учетнаго процента и операція покупки драгоцѣнныхъ металловъ. 145.
Вексельный курсъ не есть точный признакъ колебаній цѣнности кредитнаго рубля. Изъятіе излишка кредитныхъ билетовъ и уничтоженіе сверхсмѣтныхъ расходовъ. 146—А.
Приливъ капиталовъ къ предпріятіямъ. 186.
Наша отпускная торговля. 219.
Податная коммиссія. 228. 235. 254.
Нормальный уставъ поземельныхъ банковъ. 251.
Проектъ нормальнаго положенія о земскихъ банкахъ. 276.

Русскія владѣнія въ Азіи.

Задержаніе русскихъ купцовъ въ Бухарѣ. 105—Б.
Извѣстіе о взятіи генераломъ Кауфманомъ Самарканда. 112—А.
Средне-азіятскія ханства и положеніе которое предстоитъ принять Россіи въ Средней Азіи. 115.
Занятіе Бухарскаго ханства. 130—А.
Вопросъ о присоединеніи Бухарскаго ханства. 159.
Послѣднія событія въ Средней Азіи. 264—А.
Торговля съ средне-азіятскими ханствами и путь въ Каспійское море. 274.

ИНОСТРАННАЯ ПОЛИТИКА.

Восточный вопросъ.

Выходка фонъ-Бейста противъ Россіи. 1—А.
„Властолюбіе Россіи,“ военныя приготовленія Сербіи и предполагаемое сближеніе Австріи и Пруссіи. 10.
Политика Россіи относительно Восточнаго вопроса. 13.
Депеша фонъ-Бейста къ представителю Австріи въ Берлинѣ и тайная програмка Австріи въ Восточномъ вопросѣ. 33.
Политика Франціи по Восточному вопросу. 41. 42. 51.
Идея объ автономіи на Востокѣ. 53.
Политика Россіи на Востокѣ и австрійская дружба къ Портѣ. 57.
Графъ Бисмаркъ противъ предложенія императора Наполеона о совмѣстномъ дѣйствіи съ Россіей по Восточному вопросу. 74—Б. 78—А.
Реформы предпринятыя Портой въ интересѣ населеній Европейской Турціи. 84.
Консульская юрисдикція въ Турецкой имперіи. Тяжба христіанки Темяны Іовчевой съ четырьмя мусульманами какъ примѣръ турецкаго правосудія. 89—А.
Mémorial diplomatique о внезапномъ измѣненіи тона генерала Игнатьева. 104—Б.
Умерщвленіе Сербскаго князя Михаила. 116—Б. 117.
Заговоръ въ пользу сербской династіи Карагеоргіевичей. 118—Б.
Le Monde о критскомъ возстаніи и преніяхъ по этому вопросу во французскомъ законодательномъ корпусѣ. 144—А.

Лицемѣріе австро-французской журналистики по вопросу о христіанахъ Турціи. Спичъ фонъ-Бейста. Подать на оружіе въ Болгаріи и съ каждой головы скота въ Герцеговинѣ. 147.
Allgemeine Zeitung и *Wanderer* о разгромѣ 160 болгарскихъ инсургентовъ и *le Monde* о резолюціи Сѣверо-Американскаго конгресса по вопросу о Дарданеллахъ. 174.
Передвиженіе „черной точки“ съ горизонта Сербіи на горизонтъ Румыніи и отъ Румыніи къ Греціи. 258.
Двухлѣтняя борьба Критянъ съ Турціей. 260.
Взаимныя отношенія европейскихъ державъ въ Восточномъ вопросѣ. 262.
Участіе фонъ-Бейста въ греко-турецкомъ столкновеніи и вредъ для Франціи солидарности ея политики съ политикой Австріи на Востокѣ. 267—А.
Пропаганда американца г. Винга въ пользу Критянъ. 268—А.

Ватиканъ.

Свѣтская власть папы. 24.
Отвѣтъ архимандрита Евгенія на пригласительное къ вселенскому собору посланіе папы. 244.

Польскій вопросъ.

Польское легковѣріе и разочарованіе австрійскихъ Поляковъ. 5.
Польская интрига въ Болгаріи. 35—Б.
Пробужденіе польской эмиграціи какъ слѣдствіе поѣздки принца Наполеона въ Берлинъ. 47.
Потворство австрійскаго правительства польскимъ интригамъ. 64—А.
Послѣ возстанія 1830 и 1863 гг. Вѣнскіе трактаты фактически упразднены самою Франціей. 70.
Измѣненіе тона французской журналистики по вопросу о Польшѣ. 71—Б.
Дѣло въ Нижне-Сенскомъ ассизномъ судѣ. 102.
Образованіе польскихъ шаекъ въ Познани и Галиціи. 112—Б.
Каѳедра славянскаго языка въ Парижѣ. 121. 143—Б. 155—А.
Брошюры: 1) „Франція, Польша и принцъ Наполеонъ Бонапартъ“ и 2) „Принцъ Наполеонъ въ Германіи и Турціи“. 175.
Направленіе новой газеты *l'Etoile d'Orient* и сходство этого направленія съ новою программою принца Наполеона. 180.
Адресъ Львовскаго сейма и несостоявшаяся поѣздка Австрійскаго императора въ Галицію. Роль Австріи въ 1863 году. 207.
Польская эмиграція во Франціи. 243.

Обозрѣніе иностранной политики.

Французская печать извнѣ поджигаемая на ненависть къ Россіи. 12.
Вопросъ о монастырскихъ имуществахъ въ Румыніи. 16.
Объясненіе съ австрійскимъ органомъ въ Парижѣ *Mémorial diplomatique*. 35—А.
Ганноверскіе выходцы, вопросъ объ Алабамѣ и право натурализаціи въ Соединенныхъ Штатахъ. 38.
Депеша графа Бисмарка о поѣздкѣ принца Наполеона въ Берлинъ. 67—А.
Увѣренность во всеобщемъ мирѣ. Графъ Бисмаркъ. Истинное политическое искусство. 72.
Недоброжелательство къ Россіи органовъ Вѣнскаго кабинета. Адресъ торговой палаты города Мильвоки г. Куртину. 73.
Вопросъ о лѣвомъ берегѣ Рейна и Бельгіи. 77.
Книга Миллингена: „La Turquie sous le règne d'Abdoul-Aziz“. 81. 85.
Лихорадочное настроеніе Тюльерійскаго кабинета, французскія вооруженія и придирки къ Румыніи. 82.
Пражская демонстрація и политика дѣйствія второй имперіи. 91.
Побѣда политики прусскаго правительства. 95.
Система дуализма въ Австріи, рѣчь кн. Чарторыйскаго въ Лондонѣ и закладка чешскаго народнаго театра въ Прагѣ. 96.
Игра графа Бисмарка въ опытѣ съ проектомъ адреса. 98—Б.
Затѣи австрійскихъ Поляковъ. 101—Б.
Ликованіе французской и австрійской печати по поводу учрежденія въ Турціи Государственнаго Совѣта. 108.
Враждебныя выходки европейской печати противъ Россіи вызываются нѣкоторымъ образомъ нами самими. 109.
Двойственность французскихъ клерикаловъ въ ихъ взглядахъ на магометанство въ Константинополѣ и въ Алжирѣ. 111—А.
Празднованіе дня свв. Кирилла и Меѳодія въ Петербургѣ и агитація по этому поводу противъ Россіи. 111—В.
Le Monde о Даудъ-пашѣ. 114.
Брошюра г. Веста: „Армія отъ 1815 до 1868 года“. 120—А.
Россія въ отвѣтѣ передъ Франціей за дружбу Пруссіи и передъ Пруссіей за обладаніе Балтійскими губерніями. 122.
Сѣверо-германскій рейхстагъ и пангерманизмъ. 124.
Германофильскія мечтанія Арндта и ученіе фонъ-Мольтке о миротворномъ призваніи „сильной“ Германіи. 125.
Французская печать о желаніи Австріи воспользоваться сербскими безпорядками. 127.
Выходки *Journal des Débats* противъ Россіи. 128—А.
Затрудненія причиняемыя Австріи вопросами венгерскимъ, чешскимъ и польскимъ. 131.
Сочувствіе газеты *Times* стремленіямъ Пруссіи. 132.
Протоколъ о правѣ владѣнія иностранцами недвижимою собственностію въ Турціи. 135.
Клеветы на Россію. 141—Б.
Фантастическій проектъ де-Жирардена. 165—А.
Молчаніе европейской прессы о резолюціи Вашингтонскаго конгресса (относительно дарованія Криту независимости и свободнаго проѣзда черезъ Дарданеллы). 165—Б.
Повтореніе событій 1867 г. когда Франція была спасена Россіей отъ войны. 167.
Система сліяній различныхъ національностей Турціи. 171.
Рѣчь императора Наполеона въ Труа. 178. 181.
Притязанія Франціи на Бельгію. 183—А.
Солидарность интересовъ Россіи и Франціи. 184.
Заигрываніе Пруссіи съ Австріей. 188.
Политическое обозрѣніе послѣднихъ двадцати лѣтъ въ нашей оффиціозной газетѣ *le Nord*. 198.
Событія приведшія къ изгнанію королевы Изабеллы. 202—А.

Неудачи Франціи въ Испаніи и слухи о переговорахъ съ Италіей и Голландіей. 210.

Общество для содѣйствія скорѣйшему присоединенію всѣхъ южно-германскихъ государствъ къ Сѣверо-Германскому союзу. Національные либералы. 213.

Восхваленія „Монитера“ Австріи. 215.

Неурядица въ Австріи и прокламація барона Коллера къ жителямъ Праги. 217—Б.

Перерожденіе Пруссіи и ея внутреннія затрудненія. 223.

Рѣчь фонъ-Бейста въ военной коммиссіи. 231—А.

Статья *Journal de St.-Pétersbourg* „Война или миръ? и тревога ею возбужденная въ европейской печати. 232.

Рапортъ англійскому правительству г. Лангворта о дѣлахъ въ Болгаріи. 237.

Пятимилліонный дефицитъ въ Пруссіи. 240—А.

Аналогія словъ государственнаго канцлера Россіи со словами лорда Станлея. Польскій вопросъ и письмо Мадзини къ Полякамъ. 248—А.

Политика Пруссіи по отношенію къ Австро-Венгріи и Франціи. 250—А. 253—А.

Политика Англіи противъ Франціи и Россіи. 257.

Министерскій кризисъ во Франціи. 265—Б.

Греко-турецкая распря. 273. 275—А. 280.

1868 годъ.

№ 1.

Москва, 2-го января.

А.

Саксонскій государственный мужъ, которому императоръ Францъ-Іосифъ ввѣрилъ судьбу австрійской монархіи, сохранилъ въ Дрезденѣ свой журнальный органъ: это какъ бы личный *Мониторъ* г. фонъ-Бейста, *Дрезденскій Журналъ*, служащій обыкновенно отголоскомъ политическихъ идей и замысловъ, изобильно истекающихъ изъ работающей головы этого политическаго генія. Отсюда-то пускаются разные *ballons d'essai*, чтобы вывѣдать общественное мнѣніе, пока г. фонъ-Бейстъ не считаетъ умѣстнымъ заявлять о своихъ намѣреніяхъ въ признанныхъ органахъ Вѣнскаго кабинета.

Вотъ въ политическомъ мірѣ придаютъ нѣкоторое значеніе напечатанной недавно въ *Дрезденскомъ Журналѣ* вѣнской корреспонденціи, имѣющей повидимому, свойство политической программы.

„Всякая война," сказано въ этой корреспонденціи,—„долго еще будетъ для Австріи столь великимъ несчастіемъ, что ее „могла бы оправдать только необходимость „обороны отъ прямаго нападенія или отъ „явнаго посягательства на жизненныя условія національнаго существованія Австрійской монархіи. Но Австрія подверглась „бы *опасности*, еслибы кто-либо предпринялъ то что славянская пропаганда называетъ *своимъ призваніемъ освободить „европейскій Востокъ*. Напротивъ, условія существованія Австріи не потерпѣли „бы ущерба, еслибы довершилось объединеніе Германіи или Италіи. Во всякомъ „случаѣ Австрія обязана бдительно пещись о достиженіи по возможности мирнаго рѣшенія всякихъ европейскихъ замѣшательствъ, какъ и было по случаю „Люксембургскаго вопроса."

Снявъ дипломатическую оболочку съ этой фразы, мы найдемъ, что въ ней выражена слѣдующая мысль: Австрія не объявитъ войны ни Пруссіи, если Пруссія переступитъ черезъ Майнъ, ни Италіи, если Италія возьметъ Римъ, но Австрія рѣшилась непремѣнно вступить въ борьбу съ Россіей, если мы не перестанемъ заботиться объ участи нашихъ единовѣрцевъ на Востокѣ. Мало того, въ запутанной фразеологіи личнаго органа г. фонъ-Бейста замѣтно покушеніе возразить даже противъ законности принципа невмѣшательства, провозглашеннаго въ деклараціи отъ 18-го октября, къ которой Вѣнскій кабинетъ рѣшительно отказался присоединиться. Такъ какъ Австрія считаетъ освобожденіе Востока опаснымъ для условія его существованія и заявляетъ намѣреніе воспротивиться этому наступленію, то слѣдуетъ, что Австрія дѣйствительно воспротивится не только Россіи, если послѣдняя попытается освободить восточныхъ христіанъ, но и самимъ этимъ христіанамъ, если они возымѣютъ дерзость, не спросившись г. фонъ-Бейста, освободиться собственными силами.

Что касается до перваго предположенія, то мы къ нему столько же равнодушны, какъ были равнодушны и къ дипломатическому лукавству г. фонъ-Бейста, мѣсяцевъ шесть тому назадъ предлагавшаго потребовать, чтобы трактатъ 1856 г. былъ подвергнутъ пересмотру. Мы не хотимъ войны ни съ кѣмъ, а съ Австріей еще менѣе, чѣмъ съ кѣмъ бы то ни было изъ нашихъ противниковъ, ибо наносить смертельный ударъ державѣ, которая сама

стремится погубить себя и дѣйствуетъ въ этомъ направленіи съ бо́льшимъ упорствомъ чѣмъ ожесточеннѣйшіе враги ея,—значило бы понапрасну тратить силы. Само собой впрочемъ разумѣется, что хотя Россія питаетъ самыя миролюбивыя намѣренія, однако не можетъ отступить и предъ войной, если злой духъ, витающій надъ Вѣнскимъ кабинетомъ, побудитъ его затѣять какое нибудь дѣло, неизбѣжно ведущее къ столкновенію. Въ такомъ случаѣ г. фонъ-Бейстъ увидѣлъ бы до какой степени эта борьба популярна у насъ и какъ вся Россія обрадовалась бы, что наступилъ наконецъ часъ ея національному разчету съ Австріей.

Наше правительство гораздо прежде всѣхъ самохвальствъ *Дрезденскаго Журнала* заявило о своей восточной политикѣ съ такою ясностью и точностью, что для сомнѣній и недоумѣній не остается мѣста. Хотя мы искренно желаемъ прогрессивнаго развитія, благосостоянія, безопасности нашихъ дорогихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, живущихъ какъ въ европейской Турціи, такъ равно и въ Австріи, но мы отнюдь не думаемъ, чтобы для достиженія всего этого слѣдовало прибѣгать къ силѣ, ибо по нашему мнѣнію это не только несогласно съ нашими собственными интересами, но и съ интересами самихъ нашихъ единоплеменниковъ и единовѣрцевъ. Мы полагаемъ, что Австрія, спасенная отъ распаденія Славянами, могла бы существовать съ пользой для міра и достигнуть высокой степени процвѣтанія, еслибы захотѣла основать свое существованіе на справедливости къ большинству своихъ подданныхъ. Точно также мы говоримъ и чистосердечно думаемъ, что поддержаніе власти султана еще принадлежитъ къ потребностямъ европейскаго равновѣсія, лишь бы эта власть установилась на основаніяхъ разумныхъ, справедливыхъ и человѣколюбивыхъ, а не подкапывала сама себя угодливостью иноземной своекорыстной политикѣ и не захлебывалась въ крови народовъ, подчиненныхъ ея владычеству.

Это не есть провозглашеніе мнѣнія, внезапно возникшаго, но есть одна изъ политическихъ уловокъ, подобныхъ тѣмъ, которыя еженедѣльно появляются на берегахъ Дуная; это система глубоко обдуманная, рѣшительно усвоенная, и поддерживаемая съ постоянствомъ, о которомъ свидѣтельствуютъ уже болѣе столѣтія и всѣ дѣйствія Россіи, и всѣ слова ея дипломатическихъ актовъ.

Еслибы г. фонъ-Бейстъ въ своей спѣшной дѣятельности могъ имѣть въ виду вѣковые интересы и потребности исторіи, не гоняясь за славой *génie de l'à propos*, еслибъ онъ имѣлъ досугъ и волю не противорѣчить хоть себѣ самому, то онъ воздержался бы отъ помянутой выходки противъ Россіи и посовѣстился бы постыднаго для Австріи отзыва, будто освобожденіе христіанъ на Востокѣ угрожаетъ опасностью условіямъ существованія монархіи Габсбурговъ. Не прошло еще года съ тѣхъ поръ какъ этотъ министръ заявлялъ мнѣніе совершенно противное. Онъ принималъ на себя тогда великодушную роль защитника тѣхъ же христіанъ, которыхъ вѣчное порабощеніе теперь кажется ему условіемъ существованія для его новаго отечества. Въ числѣ документовъ преданныхъ гласности Императорско-Россійскимъ кабинетомъ есть донесеніе нашего посланника въ Вѣнѣ отъ 16-го (28-го) ноября 1866 года, въ которомъ, между прочимъ, сказано слѣдующее: „.....Г. фонъ-Бейстъ объявилъ мнѣ о своемъ намѣреніи водворить новую эру въ политикѣ относительно восточныхъ христіанъ.... „Вы знаете," сказалъ онъ, „что мы хотимъ жить въ „добромъ согласіи со всѣми нашими сосѣ„сѣдями, и я желаю, чтобъ это относи„лось и къ восточнымъ христіанамъ, ко„торые связаны общностью происхожденія „съ нѣкоторыми изъ народовъ нашей мо„нархіи. Поэтому я расположенъ благо„пріятствовать въ средѣ ихъ развитію ав„тономіи и основанію самоуправленія, огра„ниченнаго васcальною связью. Это было „бы самое вѣрное средство упрочить миръ „между султаномъ и райями, и интересы „Австріи предписываютъ ей содѣйство„вать этому результату, устраняя вѣроят„ности столкновенія, котораго она не мо„жетъ желать."

Эти заявленія были, сколько извѣстно, очень хорошо приняты въ Петербургѣ, хотя имъ и не давали тамъ большой вѣры, что доказывается слѣдующимъ мѣстомъ изъ депеши князя Горчакова къ барону Бруннову отъ 23-го ноября: „Г. фонъ„Бейстъ, заявилъ намѣреніе водворить но„вую эру въ политикѣ Австріи, эру ви„довъ широкихъ и возвышенныхъ. Г. фонъ„Бейстъ первый изъ государственныхъ лю-

„дей своей страны и теперешней эпохи „мужественно пытается сойдти въ этомъ „важномъ вопросѣ съ почвы узкаго со-„перничества. Мы можемъ только одобрить „эту попытку. Я ограничился передачей; „по телеграфу и въ общихъ выраженіяхъ, „что мы вполнѣ присоединяемся къ мыс-„ли, питаемой *въ настоящее время* г-мъ „австрійскимъ министромъ иностранныхъ „дѣлъ.“-Очевидно, что нашъ государственный канцлеръ имѣлъ основательныя причины видѣть въ этихъ широкихъ и возвышенныхъ видахъ г. австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ явленіе быстролетное. Въ головѣ этого геніальнаго государственнаго человѣка происходитъ такая частая смѣна идей и видовъ, что они нерѣдко сталкиваются между собой и взаимно себя уничтожаютъ: доказательство тому можно видѣть каждый день какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ Вѣнскаго кабинета. У г. фонъ-Бейста сегодня никогда не похоже на вчера, онъ то-и-дѣло самымъ внезапнымъ образомъ переходитъ отъ бѣлаго къ черному, оказывая величайшее пренебреженіе къ промежуточнымъ оттѣнкамъ. Поэтому мы отказываемся придавать практическое значеніе этимъ *ballons d'essai*, какова очевидно упомянутая выше статья *Дрезденскаго Журнала*, и пользуемся ими лишь для характеристики нынѣшняго печальнаго направленія политики, внѣшней и внутренней, которую внушаетъ Австріи г. фонъ-Бейстъ.

В.

Петербургскій корреспондентъ *Крестовой Газеты*, обыкновенно сообщающій весьма надежныя свѣдѣнія, пишетъ отъ 24-го декабря, между прочимъ, слѣдующее: ***Намъ очень хорошо извѣстно, что и въ балтійскихъ провинціяхъ Россіи Поляки дѣятельно стараются возбудить неудовольствія и подъ предлогомъ, будто вступаются за нѣмецкую національность много надѣлали такого; о чемъ безъ происковъ этихъ всемірныхъ зачинщиковъ безпорядка намъ едва ли пришлось бы слышать.***

Просимъ *Рижскую*, равно какъ и *С.-Петербургскую* (нѣмецкую) газеты принять къ свѣдѣнію это сообщеніе берлинской газеты, съ которою онѣ до сихъ поръ пѣли въ одинъ голосъ. Итакъ, дѣйствительно, въ балтійскихъ губерніяхъ происходило кое-что такое, что надобно объяснять изъ дурныхъ источниковъ. Дѣйствительно ли Поляки были виной той агитаціи, которой усердными органами служили вышеупомянутыя газеты, этого мы не рѣшаемъ и оставляемъ это на отвѣтственности *Крестовой Газеты*, но не лишено интереса это признаніе что агитація о какой-то нѣмецкой національности въ Россіи выходитъ изъ источниковъ предосудительныхъ. Мы съ своей стороны были всегда увѣрены и всегда выставляли на видъ, что громадное большинство всѣхъ классовъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ не одобряетъ этихъ враждебныхъ русскому государству декламацій, которыя съ удивительною наглостью выдавались за выраженіе чувствованій и стремленій, господствующихъ въ этомъ краѣ.

№ 2.

Москва, 3-го января.

Нашъ петербургскій биржевой корреспондентъ справедливо замѣчаетъ, что истекшій годъ былъ особенно благопріятенъ для Россіи въ экономическомъ отношеніи, и не менѣе справедливо ставитъ на первомъ планѣ небывалое доселѣ увеличеніе нашего отпуска. Это послѣднее явленіе заслуживаетъ особеннаго вниманія, тѣмъ болѣе что не со всѣхъ сторонъ въ нашей печати находитъ себѣ вѣрную оцѣнку.

Вывозъ какого-либо товара изъ какой-нибудь страны въ другую несомнѣнно доказываетъ не только излишекъ производства его въ первой странѣ, сравнительно съ потребностью, но и болѣе благопріятныя условія производства чѣмъ во второй; какой бы малый процентъ ни составляло количество вывозимаго товара относительно всего его производства, возрастаніе вывоза служитъ лучшимъ термометромъ возрастанія производства и усиленія благопріятныхъ для него экономическихъ условій. Какъ только потребность въ какомъ-нибудь товарѣ сдѣлается сколько-нибудь настоятельною, мы разумѣемъ потребность не нѣсколькихъ лицъ, а всеобщую, то эта потребность возвыситъ мѣстныя цѣны и не допуститъ до вывоза, который всегда менѣе выгоденъ и болѣе рискованъ для производителей и торговцевъ, чѣмъ продажа

для мѣстнаго потребленія. Такъ учитъ политическая экономія, и все это имѣетъ особенное примѣненіе къ товарамъ въ родѣ хлѣба, цѣна котораго не можетъ упасть отъ дѣйствія моды или измѣнившихся нравовъ и обычаевъ страны. Особенности положенія дѣлъ въ нашей странѣ еще увеличиваютъ силу примѣненія этого общаго правила къ нашему сельскому хозяйству. Отмѣна крѣпостнаго права сдѣлала освобожденный народъ болѣе требовательнымъ относительно качества хлѣба; къ тому же и количество народонаселенія значительно наросло съ 1861 года; оно должно было наростать сильнѣе прежняго уже вслѣдствіе множества браковъ въ средѣ прежнихъ дворовыхъ и отставныхъ или безсрочно-отпускныхъ солдатъ, которые почти всѣ переженились, пользуясь измѣнившимися условіями своего быта. Если мы тѣмъ не менѣе весьма быстро увеличили нашъ вывозъ и притомъ не однихъ хлѣбовъ, а всѣхъ вообще земледѣльческихъ произведеній (въ томъ числѣ льна), то надобно заключить о дѣйствительномъ улучшеніи условій сельскаго хозяйства въ Россіи.

Обильный вывозъ хлѣба изъ Россіи, несовмѣстимый съ проповѣдуемымъ нашими алармистами будто бы общимъ упадкомъ его производства, конечно возможенъ одновременно съ недостаткомъ хлѣба для мѣстнаго продовольствія въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ краяхъ ея, что̀ мы и видимъ теперь въ нѣсколькихъ неурожайныхъ мѣстностяхъ, на которыя указываетъ газета *Вѣсть*, возражая на наши слова о несбывшихся предсказаніяхъ относительно грозившаго будто бы Россіи всеобщаго голода послѣ крестьянской реформы. Но что̀ же имѣетъ общаго эта реформа съ не устраненными еще, хотя понемногу и устраняемыми недостатками нашихъ путей сообщенія, допускающими необычайныя въ цивилизованныхъ странахъ различія мѣстныхъ цѣнъ на наши товары вообще и въ особенности обусловливающія иногда изобиліе громоздкихъ хлѣбныхъ запасовъ даже вблизи краевъ страдающихъ отъ голода. Теперь и въ этомъ отношеніи сдѣланы замѣчательные успѣхи. Припомнимъ между прочимъ бѣдствія отъ неурожаевъ и отъ другихъ, менѣе извѣстныхъ причинъ, неоднократно испытанныя западнымъ краемъ, который, несмотря на разстройство своихъ хозяйственныхъ дѣлъ, произведенное повстаніемъ, и наперекоръ воплямъ сторонниковъ *Вѣсти*, не испытываетъ нынѣ и тѣни той нужды, которая угнетала массу его населенія (не шляхетство) въ недавнюю эпоху. Сооруженіе сѣти желѣзныхъ дорогъ, которое серіозно началось у насъ только въ самые послѣдніе годы, несомнѣнно уже отозвалось благопріятно на распредѣленіи нашихъ хлѣбныхъ запасовъ, а впредь, когда сѣверо-западный край будетъ прорѣзанъ насквозь брестско-московскимъ путемъ, чрезмѣрныя колебанія цѣнъ на хлѣбъ совершенно прекратятся тамъ, о голодѣ же не будетъ и помину.

Другой аргументъ газеты *Вѣсть* убѣждающій, по ея мнѣнію, въ упадкѣ производства хлѣба въ Россіи, есть нынѣшняя дороговизна хлѣба въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. Мы не будемъ говорить о томъ, какъ мало дороговизна сама по себѣ еще доказываетъ не только голодъ, но даже недостатокъ въ хлѣбѣ, если несмотря на увеличеніе производства, спросъ на хлѣбъ и внутри и за границей усилился въ большей степени чѣмъ возрасло производство. Такъ напримѣръ приводимое *Вѣстью* чрезвычайное вздорожаніе хлѣба въ Рыбинскѣ отнюдь не свидѣтельствуетъ объ оскудѣніи запасовъ хлѣба на Волгѣ, по которой нынѣ перевозится несравненно больше грузовъ хлѣба чѣмъ десять лѣтъ тому назадъ. Довольно указать на быстрое возрастаніе пароходства и на недостаточность все болѣе и болѣе чувствуемую перевозочныхъ силъ Нижегородской и Николаевской дорогъ. Но мы считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ вообще о значеніи возвышенія у насъ цѣнъ на хлѣбъ и на земледѣльческіе продукты. Возвышеніе всѣхъ цѣнъ въ Россіи послѣ Восточной войны, нѣсколько разъ усиливавшееся, объясняется удвоеніемъ и почти даже утроеніемъ (съ серіями) массы бумажныхъ денегъ. Но вслѣдствіе разныхъ причинъ, свойственныхъ отдѣльнымъ отраслямъ товаровъ, цѣны не на всѣ товары одновременно и равномѣрно возвышаются, и именно одно изъ самыхъ замѣтныхъ у насъ отклоненій отъ всеобщаго движенія дороговизны составляютъ цѣны на хлѣбъ и вообще на земледѣльческіе продукты (за исключеніемъ однако же льна, котораго и цѣны, и производство чрезвычайно усилились во время хлопковаго кризиса вслѣдствіе быстраго усиленія льнопряденія). Хлѣбные продукты, послѣ Восточной войны и освобожденія крестьянъ, возвышались въ цѣнѣ гораздо

слабѣе чѣмъ прочіе товары и трудъ; это явленіе между прочимъ, со одной стороны, обусловливается относительною слабостью спроса русскаго хлѣба на иностранныхъ биржахъ (вслѣдствіе малыхъ размѣровъ нашей внѣшней торговли), съ другой стороны, оно въ извѣстной степени свидѣтельствуетъ объ усиленіи производства хлѣба, которое при содѣйствіи другихъ, причинявшихъ дешевизну хлѣба обстоятельствъ, противодѣйствовало общему на него вліянію дешевизны денегъ и дороговизны всѣхъ товаровъ. Извѣстно, что цѣны подвержены самымъ прихотливымъ колебаніямъ, и независимо отъ общей причины дѣйствующей на ихъ повышеніе или пониженіе, нуждаются еще въ особыхъ мѣстныхъ и даже иногда случайныхъ обстоятельствахъ, чтобы получить толчекъ въ томъ или другомъ направленіи. Эта неправильность была у насъ до разорительной степени усилена выпусками бумажныхъ денегъ. Она дошла именно до той степени, которая называется *потрясеніемъ* цѣнъ, составляющихъ самое бѣдственное послѣдствіе принудительныхъ выпусковъ бумажныхъ денегъ, — столь точно изученное по однороднымъ примѣрамъ всѣхъ странъ и подвергающееся у насъ лжетолкованіямъ лишь со стороны людей, мнящихъ изобрѣсть свою собственную политическую экономію или извлекающихъ изъ выпусковъ бумажныхъ денегъ свои выгоды. Цѣны на земледѣльческія продукты у насъ несоразмѣрны съ общей дороговизной, и вотъ чѣмъ было угнетено наше помѣщичье сельское хозяйство; вотъ что препятствовало устройству его на вольнонаемномъ трудѣ, который во многихъ мѣстностяхъ оказывался, вопреки здравому смыслу, рѣшительно убыточнымъ. Но и тутъ отчасти выручили, а въ послѣдствіи еще болѣе будутъ выручать насъ желѣзныя дороги. Благодаря преимущественно ихъ вліянію, въ прошедшемъ и особенно въ нынѣшнемъ году, цѣны на хлѣбъ стали быстро возрастать. Тутъ нѣтъ ничего ненормальнаго; напротивъ тутъ возстановляется нарушенная доселѣ нормальность экономическаго положенія сельскаго хозяйства. Такому благопріятному для землевладѣльцевъ ходу дѣлъ отчасти содѣйствовали толчки, данные цѣнамъ на сельско-хозяйственные продукты нѣкоторыми особенными обстоятельствами — мѣстными неурожаями въ предѣлахъ нашей страны и усиленіемъ заграничнаго спроса, вслѣдствіе тамошнихъ неурожаевъ. Этотъ фактъ не заключаетъ въ себѣ самъ по себѣ ничего печальнаго ни для рабочаго класса, котораго заработанныя платы чрезвычайно вывысились въ послѣдніе годы, ни тѣмъ еще менѣе для землевладѣльцевъ, которыхъ органомъ выставляетъ себя газета *Вѣсть*. Если помѣщики не вполнѣ довольны справедливымъ возрастаніемъ своего дохода, который по нашему мнѣнію долженъ бы еще болѣе возрасти, то они могутъ быть въ претензіи только на протекціонистовъ, постоянно взывавшихъ къ новымъ выпускамъ ассигнацій.

Отрицая упадокъ у насъ вообще сельскаго хозяйства, мы не отрицаемъ неудовлетворительности хозяйства помѣщичьяго и того факта, что въ немъ чувствуется стѣсненность, но именно одною изъ самыхъ существенныхъ причинъ этого недуга въ нашемъ современномъ народномъ хозяйствѣ была несоразмѣрность цѣнъ на земледѣльческіе продукты съ общею дороговизной произведенною выпусками бумажныхъ денегъ, и именно одна изъ главныхъ принадлежностей этого недуга есть чрезвычайное развитіе крестьянскаго хозяйства, усилившее производство хлѣба, въ ущербъ его цѣнамъ и выгодамъ хозяйства помѣщичьяго. Выпуски бумажныхъ денегъ, какъ дознано опытомъ, вызываютъ въ обществѣ расточительность, развивающуюся и у насъ, хотя всѣ жалуются на безденежье. Рѣдко кто не слѣдуетъ общему теченію, и огромное большинство людей средняго достатка, принадлежащихъ къ высшему классу общества, удвоило свои расходы противъ того, что было десять тому лѣтъ. Крестьянъ это теченіе коснулось еще очень мало, и потому они гораздо менѣе помѣщиковъ чувствуютъ недостаточность своихъ доходовъ сравнительно съ расходами, и могутъ съ меньшимъ стѣсненіемъ для себя затрачивать въ свое хозяйство нужныя деньги. Вмѣстѣ съ тѣмъ не должно упускать изъ виду и той несомнѣнной истины, что помѣщики у насъ были менѣе крестьянъ приготовлены къ *разсчетливому* хозяйству сдѣлавшемуся общею потребностью земледѣлія, послѣ освобожденія крестьянъ и сооруженія желѣзныхъ дорогъ. Само собою разумѣется, что земледѣліе, въ томъ видѣ, въ какомъ оно происходило въ старое время, съ каждымъ днемъ дѣлается менѣе прибыльнымъ въ Московской, Тверской или Новгородской губерніи, когда теперь сталъ

подвозиться хлѣбъ къ Москвѣ по желѣзной дорогѣ изъ Рязанской и Тульской губерній, а скоро будетъ подвозиться изъ Курской, а можетъ-быть и Черниговской.

По этому послѣднему пункту впрочемъ у насъ господствуетъ недоразумѣніе, которое необходимо оговорить. Многіе полагаютъ напримѣръ, что подвозы хлѣба по южной дорогѣ будутъ подрывать хлѣбопашество губерній подмосковныхъ. Это совершенно ошибочно. Желѣзныя дороги измѣняютъ разчеты сельскихъ хозяевъ или лучше требуютъ отъ нихъ большей разчетливости, если они хотятъ увеличивать доходность своихъ имѣній, но не могутъ понижать доходность имѣній ни одной изъ мѣстностей по которымъ проходятъ. Въ подмосковныхъ губерніяхъ теперь выгоднѣе сѣять цѣнныя, такъ-называемыя торговыя растенія; выгоднѣе также развивать травосѣяніе и скотоводство; наконецъ выгоднѣе обходиться съ меньшимъ числомъ рабочихъ чѣмъ прежде. Все это совершенно естественно, и кто успѣваетъ всѣмъ этимъ во время пользоваться, тотъ усиливаетъ свой доходъ. Источники дохода наиболѣе прибыльнаго измѣнились, но доходъ вообще, то-есть доходъ прежній, нигдѣ не могъ понизиться отъ проведенія желѣзныхъ дорогъ. Это доказать очень легко. Московскія цѣны хлѣба отнюдь не могутъ быть измѣнены подвозомъ хлѣба изъ Курска, сколько бы ни привезла сюда хлѣба Курская губернія. Московскія цѣны на хлѣбъ зависятъ отъ всемірныхъ цѣнъ. Онѣ не могутъ упасть ниже цѣнъ лондонскихъ за вычетомъ издержекъ провоза и того барыша, который достается на долю торговца покупающаго хлѣбъ въ Россіи, чтобы продать его въ Лондонѣ. Но на лондонскія цѣны не будетъ имѣть замѣтнаго вліянія подвозъ хлѣба изъ Курска, еслибы тамъ даже удесятерилось производство. Лондонскія хлѣбныя цѣны могутъ измѣняться только при значительномъ развитіи сельскаго хозяйства въ цѣлой вселенной. Вообще можно сказать, что всемірныя цѣны на хлѣбъ подлежатъ лишь незначительнымъ измѣненіямъ, что портовыя цѣны всѣхъ странъ ведущихъ торговлю суть цѣны всемірныя, и что желѣзныя дороги по большей части оказываютъ только то дѣйствіе, что распространяютъ въ глубь страны высокія портовыя цѣны. Когда откроется движеніе по южной желѣзной дорогѣ, то цѣны въ Курскѣ поднимутся значительно, а въ Москвѣ останутся безъ измѣненія. Улучшивъ положеніе курскихъ помѣщиковъ, курская желѣзная дорога не ухудшитъ положенія помѣщиковъ подмосковныхъ.

Но, какъ сказано, и курскіе, и подмосковные, и всякіе другіе помѣщики въ Россіи должны привыкать къ разчетливому хозяйству и вообще къ искусству примѣняться къ обстоятельствамъ. Это искусство необходимо имъ не для одной конкуренціи съ крестьянскимъ хозяйствомъ. Крестьянское хозяйство, можно, пожалуй, подавить и весь русскій крестьянскій людъ пустить по міру, но никакая реакціонная партія въ Россіи не разоритъ своихъ заграничныхъ конкуррентовъ по сельско-хозяйственному или какому иному производству. Съ заграничною конкурренціей можно бороться только умомъ, неутомимою дѣятельностію и посильнымъ содѣйствіемъ улучшенію общихъ государственныхъ условій сельскаго хозяйства.

Весь бытъ въ нашемъ отечествѣ, и хозяйственный и политическій, быстро измѣняется; конечно, всего болѣе выиграютъ отъ этого усиленнаго хода исторіи тѣ, которые способны и внутри нашего отечества и за его предѣлами зорко за нимъ слѣдить и сообразовать съ нимъ свои дѣйствія, и конечно ничего не могутъ выиграть, кромѣ развѣ какой-нибудь случайной наживы, тѣ, кто будетъ смотрѣть на этотъ ходъ событій сложа руки, или еще хуже вдаваться въ безплодное его охужденіе и въ систематическое порицаніе великихъ благъ, которыя мы можемъ вынести изъ послѣдовательнаго развитія здравыхъ началъ, положенныхъ въ основаніе нашихъ государственныхъ преобразованій. Въ ихъ ряду для землевладѣльцевъ особенно важны земскія учрежденія и охрана гражданской свободы, впервые дарованная судебными установленіями, то-есть именно тѣ двѣ реформы, которыя не нравятся *Вѣсти*, мнимой поборницѣ помѣщичьихъ интересовъ.

№ 3.

Москва, 4-го января.

Въ *Видахъ Россійской Внѣшней Торговли* за 1866 годъ показано, что чрезъ Вержболовскую таможню, то-есть по желѣзной дорогѣ изъ Кенигсберга, привезено товаровъ на 20.320.094 руб. сер. Кро-

мѣ того, этимъ же путемъ привезено въ Москву товаровъ на 17.869.076 р. с., а въ Петербургъ (въ запечатанныхъ вагонахъ, съ очищеніемъ пошлиной на мѣстѣ) на 9.605.810 р. с. Итакъ, всего чрезъ Эйдкуненъ изъ Пруссіи привезено товаровъ на 47.794.980 р. с., между тѣмъ какъ туда вывезено товаровъ на 7.797.178 р. с. и денегъ 6.480.484 р. с. Привозъ Риги въ 1867 году дошелъ только до 6.750.938 р. с; привозъ Одессы до 12.798.339 р. с. Таганрога до 4.181.409 р. с., Архангельска до 658.245 р. сер., а самого Петербурга моремъ до 72.004.639 р. с. Привозъ другихъ нашихъ портовыхъ городовъ почти не стóитъ брать въ разчетъ. Итакъ, прошло лишь нѣсколько лѣтъ по открытіи желѣзной дороги изъ Ковна до прусской границы, какъ уже чрезъ всѣ наши главнѣйшіе портовые города, за исключеніемъ Петербурга, товаровъ привозится на сумму въ половину менѣе чѣмъ изъ прусскаго порта Кенигсберга. Этотъ портъ, ничѣмъ по своей природѣ не отличающійся отъ нашихъ Либавы и Виндавы, тѣмъ не менѣе, благодаря нашимъ же искусственнымъ мѣрамъ, въ теченіе послѣднихъ пяти лѣтъ, сталъ какъ бы второю столицей нашей внѣшней торговли, и уже соперничаетъ съ Петербургомъ, который при томъ же ходѣ дѣлъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, также очутится назади. Не поразительное ли это явленіе? Не прискорбное ли? Наши морскіе порты обратятся такимъ образомъ въ бѣдныя рыбачьи пристани, и вся какая еще останется тамъ торговля сосредоточится въ рукахъ нѣсколькихъ агентовъ отъ главныхъ кенигсбергскихъ домовъ, ведущихъ дѣла насчетъ иностранныхъ фирмъ и капиталистовъ. Вотъ блистательная перспектива! А между тѣмъ одинъ взглядъ на карту убѣждаетъ, что естественныя условія должны были бы способствовать процвѣтанію, обогащенію и возрастанію портовыхъ городовъ нашихъ, а не прусскихъ, которые для расширенія своей торговли не опираются на такую обширную страну, какъ Россія. Оба курляндскіе торговые города, Либава и Виндава, находились въ прошлое столѣтіе въ положеніи относительно гораздо болѣе цвѣтущемъ чѣмъ теперь. Виндава еще въ XVII столѣтіи слыла однимъ изъ самыхъ цвѣтущихъ городовъ на Балтійскомъ побережьѣ; она обладала глубокою гаванью и большимъ торговымъ флотомъ (кромѣ военнаго, который у герцога Курляндскаго состоялъ тогда изъ 40 судовъ съ 1.400 пушками); она торговала не только по европейскимъ водамъ, но и съ курляндскими колоніями въ Вестъ-Индіи и Африкѣ (островъ Табаго, Новая Митава, и пр.). А теперь Виндава походитъ болѣе на заглохшій поселокъ, съ плохенькою, опустѣлою гаванью, откуда иностранцы безпошлинно вывозятъ послѣдній лѣсъ для постройки своихъ флотовъ, вытѣсняющихъ насъ изъ Балтійскаго моря. Либава, по естественнымъ условіямъ своимъ будучи въ состояніи успѣшно состязаться съ Кенигсбергомъ и Пиллау, вела еще въ концѣ прошлаго столѣтія въ полтора раза болѣе значительную торговлю нежели теперь, такъ что ея торговля, говоря относительно, понизилась вдесятеро въ теченіе послѣднихъ 70 лѣтъ, ибо наша внѣшняя торговля за это время увеличилась въ шесть разъ. Нечего удивляться такому исходу: въ нашу эпоху всяческаго усовершенствованія сухихъ и водяныхъ путей сообщенія, этихъ городовъ не коснулись никакія улучшенія; совершенно забытые, они захудали и захирѣли. Кромѣ неудавшейся попытки въ царствованіе Александра I-го открыть судоходное сообщеніе между рѣками Виндавой и Нѣманомъ, кромѣ проектовъ устроить военную гавань въ Виндавѣ, кромѣ предположенія провести изъ Юрбурга или Ковна желѣзную дорогу въ Либаву, кромѣ этихъ неудавшихся попытокъ, несостоявшихся проектовъ, несбывшихся предположеній, ничего для этихъ столь важныхъ приморскихъ мѣстъ сдѣлано не было. Даже ни одной шоссейной дороги не было проложено до Либавы, и лишь въ недавнее время обращено вниманіе на Либаву, гдѣ приняты мѣры къ улучшенію порта. Это, надобно сознаться, маловато въ теченіе 70 лѣтъ. А такъ какъ въ это самое время прусскіе портовые города пріобрѣли всевозможные улучшенные пути сообщеній, то результатъ не могъ быть сомнителенъ.

Но обстоятельства, которыми никакъ не слѣдуетъ пренебрегать, требуютъ, чтобы мы поспѣшили извлечь возможныя выгоды изъ географическаго положенія Курляндской губерніи, и освободились отъ безпрерывно возрастающей сосѣдской опеки надъ нашими денежными интересами. Теперь остается для насъ выбирать одно изъ двухъ: или смотрѣть сложа руки какъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ привозъ всего цѣннаго товара будетъ сосредоточиваться

въ Кенигсбергѣ и другихъ прусскихъ портахъ, или немедленно ввести въ сѣть нашихъ желѣзныхъ дорогъ по крайней мѣрѣ одинъ изъ курляндскихъ портовыхъ городовъ, способный успѣшно соперничать съ Кенигсбергомъ. Этотъ портъ есть Либава, какъ ближайшій къ Ковну, а чрезъ него и ко всѣмъ западнымъ губерніямъ Россіи. Желѣзная дорога изъ Ковна въ Либаву такъ неотлагательно нужна, что слѣдуетъ обнаружить здѣсь особенную энергію, дабы сколько-нибудь нагнать упущенное. Еще въ 1839 году, когда Россія имѣла только одну маленькую желѣзную дорогу отъ Царскаго Села до Петербурга, Либава принялась хлопотать о построеніи къ ней желѣзной дороги, на первый разъ изъ Юрбурга на Нѣманѣ. Проектъ этотъ встрѣтилъ тогда полное сочувствіе со стороны министра финансовъ, графа Канкрина. Съ Высочайшаго соизволенія были предприняты изысканія, оконченныя въ 1842 году. Смерть графа Канкрина и странная мысль о вредѣ желѣзныхъ дорогъ, въ высшемъ политическомъ отношеніи, возникшая въ то время, помѣшали исполненію проекта. Въ 1847 году обстоятельства снова измѣнились, и на основаніи представленія генералъ-адъютанта Чевкина, послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе на гарантію. Но какъ ни умѣренны были тогда требованія капиталистовъ, условія гарантіи все-таки не удовлетворили ихъ. Въ теченіе двадцати лѣтъ, 1830—1850, то-есть именно въ то время, когда изъ лишней осторожности и отъ другихъ причинъ въ Россіи не строилось почти ни одной желѣзной дороги, указные проценты съ капитала были гораздо ниже нежели теперь. Только этимъ можно объяснить, что данная въ 1847 году гарантія простиралась только на 4 процента и лишь на 25-тилѣтній срокъ. Возникшіе вскорѣ за тѣмъ политическія смуты въ Европѣ устранили на нѣкоторое время возможность осуществленія проекта. Потомъ, при опредѣленіи проекта первой большой сѣти желѣзныхъ дорогъ въ 1857 году, правительство имѣло снова въ виду даровать Либавскому порту то важное значеніе, которое ему по справедливости принадлежитъ. Назначая Либаву у Балтійскаго, то-есть важнѣйшаго для торговли моря, конечнымъ пунктомъ огромной линіи желѣзныхъ дорогъ, связывавшей ее съ Курскомъ и даже съ болѣе южными мѣстностями, правительство начертало великолѣпный планъ, который, къ сожалѣнію, тоже не былъ исполненъ и замѣненъ гарантированною желѣзною дорогой изъ Динабурга въ Ригу, которая несравненно менѣе важна въ общемъ интересѣ торговли, и не можетъ быть доходна, потому что идетъ вдоль судоходной рѣки. Теперь остается только мечтать о томъ что было бы, еслибы состоялся планъ Курско-Либавской желѣзной дороги. Къ прямой линіи, чрезъ Ковенскую губернію (которая пошла бы не вдоль берега большой рѣки какъ теперь), богатый городъ Рига, безъ сомнѣнія, пристроилъ бы на свой счетъ вѣтвь къ себѣ изъ Шавельскаго или Поневѣжскаго уѣзда. Такимъ образомъ связь нашихъ внутреннихъ губерній съ прибалтійскими портами установилась бы на самыхъ удовлетворительныхъ началахъ. Но ошибка уже сдѣлана, и милліоны истрачены на уплату гарантированныхъ процентовъ недоходной дороги. Правда, ея доходность увеличится, когда она будетъ продолжена до Орла; но линія, которая бы шла прямо въ Либаву и соединялась вѣтвію чрезъ Митаву съ Ригой, была бы гораздо доходнѣе и доставляла бы нашей торговлѣ болѣе выгоды, такъ какъ Либавскій портъ почти не замерзаетъ и за фрахты къ нему платится обыкновенно менѣе чѣмъ до Риги. Фрахты въ Либавѣ, при оконченномъ уже устройствѣ гавани и по углубленіи ея до 18 футъ, естественно должны быть гораздо ниже рижскихъ фрахтовъ, во-первыхъ потому что Рижская гавань никогда не будетъ такъ глубока, какъ Либавская; во-вторыхъ, потому что застрахованіе *туда* и *оттуда* въ Ригѣ стоитъ и должно стоить дороже, нежели въ Либавѣ или Виндавѣ; втретьихъ, потому что Либава отправляетъ половину всѣхъ своихъ грузовъ на собственныхъ судахъ, между тѣмъ какъ Рига перевозитъ на своихъ судахъ только десятую часть своихъ грузовъ, а девять десятыхъ перевозятъ иностранцы. Послѣднее обстоятельство заслуживаетъ особеннаго вниманія: при повсемѣстномъ и равномѣрномъ развитіи флотовъ, собственные флоты портовыхъ городовъ перевозятъ до 50% своихъ грузовъ, а 50% остаются повсюду для чужихъ судовъ. Въ такомъ нормальномъ положеніи изо всѣхъ большихъ и малыхъ портовыхъ городовъ Россіи находится только Либава.

Въ 1857 году предъ Либавой мелькнула блестящая перспектива. Предполагалось соединить ее не только съ Курскомъ,

но и съ сѣверо-западнымъ краемъ. Одновременно съ большою Либавско-Курскою линiей Главному Обществу желѣзныхъ дорогъ было разрѣшено построить Ковно-Либавскую желѣзную дорогу, дабы открыть русскую гавань и для нашихъ западныхъ губернiй. Но и тутъ, какъ при постройкѣ Динабургской линiи, случилась бѣда. Несмотря на то что для возвышенiя доходности Петербургско-Варшавской линiи было бы выгоднѣе направить пассажирское и товарное движенiе изъ Петербурга и Москвы въ Берлинъ чрезъ Варшаву, мы постарались повернуть это движенiе на Восточную Пруссiю, а отъ Ковенско-Либавской линiи отказались вовсе. Съ тѣхъ поръ миллiоны русскихъ рублей возвысили доходность прусскихъ желѣзныхъ дорогъ и зажиточность прусскихъ городовъ, которые не замедлили отплатить за то Россiи небывалымъ доселѣ, самымъ безцеремоннымъ развитiемъ офицiально покровительствуемой контрабанды. Взглядъ на карту показываетъ, что путь въ Берлинъ чрезъ Варшаву не былъ бы длиннѣе пути чрезъ Кенигсбергъ; точно также очевидно, что далеко не было бы лишнимъ усиленiе русскаго элемента въ Варшавѣ проѣзжающими чрезъ нее русскими. Ни то, ни другое не было взято въ разсчетъ своевременно. Видно, прусское правительство обладаетъ какими-нибудь волшебными аргументами. Но такъ или иначе, ошибка сдѣлана: Ковенскую вѣтвь, въ ущербъ и Либавѣ и Варшавѣ и Петербургско-Варшавской желѣзной дорогѣ, мы поворотили на Кенигсбергъ, и теперь можно заботиться лишь о поправленiи поправимаго.

Въ этомъ соображенiи были произведены изысканiя для соединенiя Ковна и Либавы прямымъ рельсовымъ путемъ: оказалось, если не ошибаемся, что длина этого пути будетъ около 250 верстъ, между тѣмъ какъ отъ Ковна до Кенигсбергской гавани Пиллау будетъ 270 верстъ. Ковно теперь важный торговый пунктъ. Если же ковенская вѣтвь будетъ продолжена въ глубь страны (на Минскъ и Бобруйскъ), то коммерческое значенiе Ковна еще возвысится. Такимъ образомъ ковенско-либавская вѣтвь приняла бы всѣ товары идущiе теперь изъ ковна на Кенигсбергъ. Краткость пути, выгоды слѣдованiя въ предѣлахъ своего государства, нѣкоторыя удобства Либавскаго порта, все это вмѣстѣ оказывало бы на эти товары такое дѣйствiе, что имъ было бы выгоднѣе предпочесть Либавскiй портъ, хотя и непривычный для нихъ, порту Кенигсбергскому, несмотря на торговыя преимущества послѣдняго. Но и тутъ Либавѣ не посчастливилось. Прусскiе интересы были встревожены сравнительною краткостью Ковенско-Либавской вѣтви. Чтобы удержать за Кенигсбергомъ возможность конкурренцiи съ Либавой, надобно было достигнуть удлиненiя пути: надобно было сдѣлать такъ, чтобы товарамъ не было особеннаго разсчета идти на Либаву, то-есть, чтобы Ковенско-Либавскiй рельсовый путь приблизительно равнялся Ковенско-Пиллаускому. При томъ волшебномъ обаянiи, которое имѣютъ у насъ прусскiе интересы, дѣло невѣроятное оказалось вѣроятнымъ. Въ самой Россiи возникла оппозицiя противъ прямаго пути изъ Ковна въ Либаву; эта оппозицiя опиралась на соперничество между Ригой и Либавой. Дабы убавить шансы Либавы и увеличить шансы Риги, и надобно было провести Ковенско-Либавскую вѣтвь такъ, чтобы можно было примкнуть къ ней вѣтвь въ Ригу, и чтобы при этой системѣ не было особенной разницы вести товары изъ Ковна не въ Ригу, а въ Либаву. Это было совершенно согласно съ интересами Кенигсберга, и вотъ прежнiя изысканiя брошены, а въ прошломъ году произведены новыя, по которымъ разстоянiе между Ковномъ и Либавой выходитъ уже не 250, а 287 верстъ. Городъ Либава на свой счетъ произвелъ въ прошломъ году нивеллировку новой линiи желѣзной дороги изъ Ковна чрезъ Шавли до курляндской границы (187 верстъ), а оттуда съ одной стороны (100 верстъ) до Либавы, съ другой (73 версты) до Митавы. Между Ковномъ и Либавой было бы 287 верстъ, между Ковномъ и Ригой 299, то-есть лишь 12 верстами больше, что для такого населеннаго мѣста какъ Рига было бы неопасно. Мы уже не разъ высказывались, что ревность Риги къ Либавѣ не имѣетъ достаточнаго основанiя. Ригѣ предоставленъ обширный районъ: къ ней примыкаетъ прямой желѣзный путь на Орелъ. Нѣтъ никакой справедливости требовать, чтобы государство приняло на себя другой тяжкiй расходъ въ исключительныхъ интересахъ Риги, тѣмъ болѣе что этимъ расходомъ воспользовался бы навѣрное не рижскiй, а кенигсбергскiй портъ. До Риги было бы отъ Ковна 12 верстами болѣе чѣмъ до Либавы, но

съ другой стороны отъ Ковна до Либавы было бы не менѣе 287 верстъ, а до Пиллау только 272 версты, то-есть 15 верстами меньше. Такъ какъ прямая линія отъ Ковна до Либавы черезъ Россіены и Тельши положительно короче прусской линіи, а именно имѣетъ въ длину только 250 верстъ, то никакъ не слѣдуетъ, именно въ виду сильной конкурренціи Кенигсберга и Пиллау, дѣлать кругъ черезъ Шавли, и такимъ образомъ облегчать Пруссакамъ конкурренцію съ Либавой. Это мнѣніе уже нѣсколько разъ было нами высказано. Изъ Либавы намъ возражаютъ, что въ случаѣ сооруженія прямой линіи изъ Ковна къ Либавѣ (на Тельши и Россіены), Пруссаки, вѣроятно, построили бы дорогу изъ Тильзита въ Россіены, причемъ линія Ковно-Россіены-Тильзитъ-Мемельская, (240—245 верстъ) была бы пятью верстами короче прямой Ковенско-Либавской дороги. Если прусское вліяніе, говорятъ намъ, такъ сильно, что могло выхлопотать и поддержать до сихъ поръ существованіе изумительной разницы въ таможенныхъ пошлинахъ въ пользу сухопутной границы, то-есть просто въ пользу прускихъ портовъ, то что помѣшаетъ Пруссакамъ выхлопотать позволеніе на постройку Россіенско-Тильзитской вѣтви? (Постройка же Тильзитъ-Мемельской линіи на дняхъ будетъ разрѣшена въ Пруссіи.) Таково опасеніе, которымъ либавское купечество было склонено къ тому, чтобы просить о построеніи Ковенско-Либавской желѣзной дороги чрезъ Шавли. Этотъ городъ приблизительно на сорокъ верстъ ближе къ Ригѣ нежели къ Либавѣ; оттуда слѣдовательно городъ Рига весьма легко можетъ провести прямую линію (въ 80—90 верстахъ) до Митавы. Мы остаемся при томъ мнѣніи, что Ковно-Шавли-Либавская линія, предлагаемая теперь либавскимъ купечествомъ, есть нѣчто въ родѣ самоубійства, которое могло быть внушено только отчаяніемъ этого города и почти 30-тилѣтними постоянными неудачами его въ дѣлѣ желѣзныхъ дорогъ.

№ 4.

Москва, 5-го января.

Есть въ человѣкѣ глубокое, какъ бы прирожденное чувство консерватизма, которое причиной того, что онъ не безъ боли переходитъ изъ одного года въ другой, изъ однѣхъ границъ въ другія, покидаетъ старый домъ и водворяясь въ новомъ, озирается на старое мѣсто съ грустью. Каковы бы ни были недостатки существующей организаціи, какъ бы ни было въ ней неловко и тяжко, какъ бы ни было пламенно стремленіе къ преобразованію и какъ бы ни была рѣшительна вѣра въ новыя его начала,—все-таки, отдѣляясь отъ стараго мѣста, человѣкъ находитъ въ немъ то или другое, отъ чего надобно ему отрываться. Даже въ старыхъ нашихъ судебныхъ учрежденіяхъ, съ которыми значительная часть Россіи распростилась въ истекшемъ году, не все приходится поминать лихомъ; есть иное что слѣдуетъ помянуть добромъ на границѣ между прошедшимъ, бывшимъ,—и новымъ, созидающимся.

Укажемъ на учрежденіе прокурорскаго надзора. Нельзя не сознаться, что оно принесло большую пользу въ ряду государственныхъ учрежденій, а можетъ-быть, въ минуту преобразованія далеко еще не утратило практическаго значенія и въ старой своей формѣ. Задумано и поставлено оно было практично и какъ нельзя болѣе соотвѣтственно той почвѣ, на которой возникло въ прошлое столѣтіе. По разнымъ историческимъ, климатическимъ, экономическимъ условіямъ нашего быта, правильное устройство правительственной организаціи было у насъ невозможно; повсюду дѣйствовала власть единоличныхъ правителей, не находя руководящихъ указаній для себя ни въ законѣ, котораго вовсе не было, ни въ установившихся началахъ гражданственности, которая едва еще возникала, и не встрѣчаясь въ обществѣ съ какими-либо организованными силами, которыя могли бы воздержать ее и направить. Общественное устройство соотвѣтствовало состоянію земли и народнаго быта. Вездѣ были пустыри: въ законѣ, въ администраціи, въ хозяйствѣ, въ образованіи, въ правахъ, въ самыхъ потребностяхъ матеріальныхъ и духовныхъ двигающихъ впередъ развитіе лицъ и обществъ. На этихъ пустыхъ пространствахъ былъ полный разгулъ личному произволу, нестройному броженію общественныхъ силъ, самовластію правителей изъ коихъ ни одинъ не зналъ да и не могъ знать законныхъ предѣловъ своей власти. Въ такой средѣ надлежало создать законъ, водворить порядокъ изъ анархіи, устроить правильную организацію властей.

Но создать законъ въ скоромъ времени не возможно. Распространить писаный законъ, дать ему силу, утвердить его какъ общее мѣрило и руководство — это дѣло не годовое, а вѣковое. При отсутствіи или недостаткѣ закона надлежало по крайней мѣрѣ привесть къ единству дѣятельность властей, установить отвѣтственность, утвердить понятіе о нарушеніи, выставить постоянное руководство, дать исходъ жалобамъ. Новая государственная власть, истощаясь въ усиліяхъ расположить повсюду организованное правительство, установить раздѣленіе труда между различными его органами и дать имъ всѣмъ одно направленіе ко благу государства и къ правдѣ, придумала совершить это объединеніе устройствомъ центральнаго органа для надзора надъ дѣйствіями всѣхъ прочихъ органовъ власти. Связать это „око Царево" съ судебною частію, была мысль счастливая. Законъ, только что зарождавшійся на Руси и выражавшійся покуда только въ отдѣльныхъ, и нерѣдко противорѣчивыхъ, постановленіяхъ и указахъ по разнымъ предметамъ, законъ покуда скудный, неполный, несоглашенный самъ съ собою, получилъ въ этомъ же органѣ живаго себѣ истолкователя. Какъ бы ни были не совершенны лица, которымъ поручалось отправленіе важныхъ должностей прокурорскаго надзора, сколько бы ни страдали эти лица общими недостатками всѣхъ общественныхъ дѣятелей, администраторовъ и чиновниковъ въ Россіи, во всякомъ случаѣ нельзя не согласиться, что идеалъ прокурорскаго надзора, какъ онъ выражается въ учрежденіяхъ Петра и особенно Екатерины, весьма соотвѣтствовалъ общему строю государственнаго управленія. Посреди великаго множества властей, которыя имѣютъ право приказывать и распоряжаться, и при недостаткѣ общихъ руководительныхъ началъ для ихъ дѣятельности, особенное значеніе получаетъ органъ такой власти, которая сама не приказываетъ и не распоряжается, но имѣетъ право выводить на свѣтъ и обличать всякое незаконное дѣйствіе, всякое нарушеніе порядка, отступленіе отъ правосудія, злоупотребленіе власти. Въ фактическомъ смѣшеніи властей, отъ котораго бѣдствовала Россія въ половинѣ прошлаго столѣтія, Екатерина задумала водворить порядокъ и разграниченіе: лучшимъ для этого орудіемъ представилась прокурорская власть. Она служила и до послѣдняго времени главнымъ практическимъ средствомъ къ объединенію дѣятельности мѣстныхъ органовъ администраціи и къ охраненію закона во всѣхъ ея сферахъ. Условія, при которыхъ вводимо было учрежденіе о губерніяхъ, измѣнились, конечно, въ многомъ къ лучшему; но едва ли измѣнились они на столько, чтобы можно было, въ послѣднее время, признать прокурорскій надзоръ уже ненужнымъ и отживающимъ свою пору. Предѣлы различныхъ вѣдомствъ и властей, границы правъ и обязанностей у насъ еще не обозначились съ достаточною ясностью, произволу личныхъ воззрѣній и дѣйствій остается еще слишкомъ много простора въ тѣхъ пустыхъ пространствахъ, которыя и доселѣ такъ обильны всѣ сферы нашего общественнаго быта, а общественный контроль слабъ, пути его еще не проложены и его результата, серіозной отвѣтственности, не видится. Вотъ почему учрежденіе, во имя закона объединяющее дѣятельность правительственныхъ учрежденій, сохраняетъ у насъ свое практическое значеніе еще до сихъ поръ, гдѣ продолжаетъ существовать. Правда, что сила прокурорскаго надзора ослабѣла въ послѣднее время, отчасти отъ неудачнаго выбора людей, отчасти отъ равнодушія къ самой идеѣ этого учрежденія со стороны тѣхъ кому надлежало бы поддерживать и питать ее; но все-таки практическая важность учрежденія не подлежитъ сомнѣнію. Опытный, знающій и искусный въ обращеніи прокуроръ однимъ своимъ присутствіемъ и возможностью своего протеста сдерживалъ многіе порывы административныхъ мѣстъ и лицъ: относясь къ нему, всѣ должны были справляться съ закономъ и сами предъ собою оправдывать свои заключенія и распоряженія; въ немъ же они находили совѣтника на случаи сомнительные. Частныя лица, особливо безграмотные и податные люди, во всякомъ хожденіи по дѣламъ, во всякой прижимкѣ со стороны канцелярій, въ немъ могли находить готоваго ходатая и помощника. Изо всякой канцеляріи прокуроръ могъ потребовать дѣло къ своему просмотру и спрашивать о причинѣ медленности; по этому отъ него зависѣло предупреждать и прекращать множество мелкихъ злоупотребленій и притѣсненій канцелярской практики по всѣмъ вѣдомствамъ.

Нынѣ учрежденіе прокурорскаго надзора измѣнило свой видъ, — приняло новую форму

соглашенную съ новыми началами суда, рѣшительно отдѣленнаго отъ администраціи, и надобно надѣяться, что въ этой новой формѣ оно поддержитъ свою идею во всей чистотѣ и полнотѣ ея, если только выборъ лицъ будетъ дѣлаться добросовѣстно и удачно. Но отдѣленіе администраціи отъ суда можетъ быть и мнимое, и даже вредное; оно можетъ состоять въ томъ, что судебная организація не будетъ имѣть вліянія на администрацію, а администрація свое прежнее вліяніе на судъ не только сохранитъ, но и расширитъ. Это было бы горше прежняго. Чтобъ избѣжать этой опасности, есть одно средство: расширить кругъ вѣдомства суда, начиная съ его высшихъ инстанцій, постепенно все болѣе и болѣе дѣлать его объединяющимъ началомъ разнообразныхъ отраслей администраціи,—то-есть принимать мѣры, прямо противоположныя тѣмъ, которыя проповѣдуются или замышляются у насъ людьми, принимающими личину консерватизма, чтобы какъ-нибудь подкосить эту великую реформу нынѣшняго царствованія. Эти люди то смущаютъ общество слухами о предстоящей будто бы отмѣнѣ главныхъ гарантій независимаго суда, то, какъ теперь въ Москвѣ, распространяютъ недобрыя вѣсти объ ожидаемыхъ будто бы перемѣнахъ въ личномъ составѣ новыхъ судовъ, — перемѣнахъ не только тенденціозныхъ, но лишенныхъ смысла. Пожелаемъ, чтобы новый годъ, хотя и високосный, блистательно опровергъ эти зловѣщія предсказанія и съ тѣмъ вмѣстѣ помянемъ добромъ все то, что̀ было благодѣтельно въ старой формѣ прокурорскаго надзора и что̀ въ духѣ своемъ должно быть и нынѣ удержано ради государственной пользы.

№ 3.

Москва, 8-го января.

Нѣтъ на свѣтѣ людей, которые давались бы такъ легко и такъ часто въ обманъ какъ Поляки. Со временъ самыхъ отдаленныхъ и до сего дня они довѣрчиво поддаются политическимъ интригамъ, которыя то и дѣло мистифируютъ ихъ и пользуются ими какъ орудіемъ. Вышелъ бы томъ изъ одного перечня тѣхъ мистификацій, какимъ подвергались Поляки въ продолженіе всего своего безпорядочнаго политическаго существованія. Не заходя далеко въ старь, достаточно будетъ указать на событія текущаго столѣтія, во все продолженіе котораго Польша постоянно играла жалкую роль обманутой жертвы. Обнародованіе переписки Наполеона I и многихъ другихъ офиціальныхъ документовъ неоспоримо доказываетъ, что отъ начала до конца великой эпопеи первой Французской имперіи, глава ея съ холоднымъ и жестокосердымъ разчетомъ употреблялъ Поляковъ какъ орудіе, для обезпеченія успѣха разнымъ замысламъ, которые внушало ему ненасытное его честолюбіе. Съ этою цѣлью онъ питалъ въ нихъ надежды, которыхъ несбыточность совершенно понималъ, и сообщалъ между тѣмъ Александру I, чрезъ своего министра иностранныхъ дѣлъ, г. Шампаньи, слѣдующее завѣреніе: „Я хочу изгладить слова Поль-„ша и Поляки не только изъ политиче-„скихъ сдѣлокъ, но даже изъ самой исто-„ріи.“ Съ 1815 по 1863 г., не воспользовавшись нисколько жестокими уроками опыта, Поляки дали убаюкать себя изъявленіями мнимаго сочувствія, которыя дѣлали имъ исключительно съ тою цѣлію, чтобы поддерживать между ними химеру возстановленія великаго Польскаго государства на развалинахъ Россіи. Въ продолженіе почти половины столѣтія журналистика, парламенты и правительства западной Европы неизмѣнно держались этой системы подстрекательства. Поляки, съ своей стороны, столь же неизмѣнно поддавались обману и становились его жертвами. Г. Гизо весьма справедливо сказалъ: „Всѣмъ на свѣтѣ служила Польша, но никто никогда не служилъ ей.“

Была минута предъ италіянскою войной въ 1859 г., когда казалось, что Наполеонъ III хочетъ уклониться отъ этой пагубной системы и доказать свое намѣреніе не только не пользоваться по примѣру своихъ предшественниковъ, услугами Польши, но оказать ей самой истинную и дѣйствительную услугу, то-есть содѣйствовать ея примиренію съ Россіей, которой, и по праву сильнаго, купленному тысячелѣтнимъ трудомъ, и по исконному историческому праву, принадлежитъ бо̀льшая часть земель, на которыя Поляки предъявляютъ свои притязанія. Кажется даже что въ то время Наполеонъ III былъ не прочь способствовать присоединенію къ Россіи и австрійской провинціи Галиціи. Но это было располо-

женіе случайное, не долго продержавшееся, и четыре года спустя Тюльерійскій дворъ уже несся на всѣхъ парусахъ въ направленіи противоположномъ, служа въ свою очередь слѣпымъ орудіемъ Англіи, и приготовляя Пруссіи ея будущее торжество. На этотъ разъ Поляки опять дались въ обманъ. Они повѣрили въ дѣйствительность крестоваго похода противъ Россіи, въ ничтожество русскаго общественнаго мнѣнія, въ заказную поддѣльность русскаго патріотизма, и удовлетворяя потребностямъ политики, искавшей исхода для своихъ затрудненій, навлекли на себя бѣдствія, которыя чувствуются какъ бѣдствія и Россіей, не могущею отдѣлять себя отъ своей западной окраины.

И послѣ того галицкіе Поляки и польская эмиграція, несмотря на этотъ столь свѣжій урокъ, несмотря на боль причиненную имъ этимъ новымъ разочарованіемъ, поспѣшили броситься навстрѣчу новой мистификаціи, какъ скоро австрійское правительство сочло нужнымъ воспользоваться ихъ неисцѣлимымъ легковѣріемъ для цѣлей своей внутренней политики. Политическій планъ, извѣстный вообще подъ именемъ системы дуализма, опирается на основахъ искусственныхъ, на случайномъ соглашеніи двухъ группъ, руководящихся не одинакими и даже враждебными другъ другу интересами, поладившихъ между собою временно лишь для угнетенія славянскаго большинства Австрійской монархіи, причемъ каждая группа имѣла въ виду обратить это большинство въ орудіе для исполненія собственныхъ своихъ намѣреній. Мадьяры и Нѣмцы, соединясь подъ руководствомъ г. фонъ-Бейста, доставили этому государственному человѣку возможность соорудить то шаткое, но тѣмъ не менѣе опасное для общаго прогресса и мира политическое зданіе, которое можно считать уже возникшимъ на берегахъ Дуная, и которое рядится теперь въ либеральныя формы, чтобы прикрыть свое отреченіе не только отъ либеральнаго, но даже и отъ справедливаго образа дѣйствій по самымъ жизненнымъ вопросамъ своей внутренней политики. Дабы возвести въ короткій срокъ такое противоестественное зданіе, мало было Мадьяръ и Нѣмцевъ; правительству австрійскому необходимо было имѣть въ своемъ распоряженіи третій элементъ для установленія въ случаѣ надобности равновѣсія между тою и другою стороною. Этотъ элементъ г. фонъ-Бейстъ нашелъ въ Полякахъ, съ которыми онъ издавна находился въ сношеніяхъ. Отсюда проистекло назначеніе графа Агенора Голуховскаго, отсюда гоненіе на русскія населенія восточной Галиціи, отсюда же и аудіенція князя Льва Сапѣги въ Сенъ-Клу,—словомъ вся совокупность мѣръ и демонстрацій, которыя потому только не могли оскорбить Россію, что все это были лишь обычныя г-ну фонъ-Бейсту уловки внутренней политики, не угрожающія опасностью никому, кромѣ тѣхъ, кто прибѣгаетъ къ нимъ.

Поляки содѣйствовали г-ну фонъ-Бейсту съ свойственнымъ имъ неистощимымъ легкомысліемъ. Они старались облегчить исполненіе плановъ преобразователя Австріи, распавшейся на двое, и обманувъ самыя естественныя, справедливыя и скромныя ожиданія своихъ австрійскихъ единоплеменниковъ, увеличить собою число обманутыхъ. Пользуясь этимъ случаемъ, они принялись вопіять противъ Россіи, провозглашать Австрію державою самою либеральною и великодушною на свѣтѣ, и въ критическую минуту оказали г. фонъ-Бтйсту всѣ парламентскія услуги, въ которыхъ онъ имѣлъ надобность.

Но какъ скоро эта цѣль была достигнута, какъ скоро австро-саксонскій государственный мужъ возвелъ свое конституціонное зданіе, онъ не счелъ уже нужнымъ церемониться съ Поляками. „Gabbato il pericolo, gabbato il santo,“ говорятъ Италіянцы. Теперь повидимому Поляки поняли это, и недавно въ *Познанскомъ Дневникѣ* появилась корреспонденція изъ Кракова, исполненная горькихъ жалобъ на презрѣніе оказываемое въ Австріи Полякамъ, когда отъ нихъ добились всего что было нужно для внутренняго переустройства имперіи, въ ущербъ славянскому большинству. Перейдя, по обычаю своему, безъ всякой постепенности, отъ крайней лести къ ругательствамъ, Поляки угрожаютъ Австріи близкою бурей, чернятъ ея государственныхъ людей и ея армію, истощаются въ изъявленіяхъ повидимому безсильнаго гнѣва.

Съ своей стороны австрійскіе журналы, отвѣчая Полякамъ, высказываютъ жестокія для нихъ истины, внезапно пришедшія на память Вѣнскому кабинету. Вотъ, напримѣръ, что сказано между прочимъ въ одномъ изъ органовъ этого кабинета: „Вся-

„кій человѣкъ, одаренный здравымъ смысломъ, понимаетъ, что польскій вопросъ, „давно уже рѣшенный не можетъ быть возобновленъ дипломатіей; что же касается до „революціоннаго движенія Поляковъ, то въ „настоящее время оно сдѣлалось рѣшительною невозможностью. Польскіе революціонеры не могли бы въ сущности предпринять „ничего иного, какъ только выслать нѣсколько шаекъ, да надѣлать немного шуму въ „какой-нибудь части польскаго населенія, „но и то не надолго. Поляки прибѣгаютъ „ко всевозможнымъ усиліямъ дабы извлечь „себѣ пользу изъ новаго устройства Австріи.... Имъ хотѣлось бы поравняться „съ Мадьярами, но не трудно понять, что „имъ далеко до Мадьяровъ.... Полякамъ „очень трудно отступиться отъ своихъ мечтаній: они зашли слишкомъ далеко."

Неужели не довольно горько такое разочарованіе? Неужели недостаточно суровъ этотъ урокъ? Поймутъ ли наконецъ польскіе патріоты до какой степени жалка и пагубна для нихъ играемая ими роль вѣчной жертвы обмана!

№ 6.

Москва. 9-го января.

Россіи, послѣ тяжкихъ постигшихъ ее испытаній въ 1853—1855 годахъ, не оставалось иного выбора какъ идти къ коренному пересозданію своего общественнаго строя или же обречь себя на саморазрушеніе и примкнуть къ азіятскимъ ханствамъ. Великія реформы, смѣло предпринятыя державною волей, спасли Россію и открыли для ней славную будущность. Въ основы нашего общественнаго строя уже вошло начало, безъ котораго не возможенъ прочный гражданскій порядокъ,—идея законности. Но чѣмъ благодѣтельнѣе эти реформы, чѣмъ очевиднѣе врачующее и цивилизующее дѣйствіе ихъ на весь государственный организмъ нашъ, тѣмъ ожесточеннѣе вражда къ нимъ въ людяхъ стараго порядка съ одной стороны и въ недоброжелателяхъ Россіи, съ другой. Русскій прогрессъ встрѣчаетъ себѣ двоякихъ противниковъ въ качествѣ русскаго и въ качествѣ прогресса.

Духъ благотворнаго преобразованія не могъ не коснуться и арміи. Правда, въ арміи, по ея исключительному положенію, реформы не имѣли еще того рѣшительнаго характера какъ въ общемъ строѣ нашего народнаго быта, но то что сдѣлано, носитъ на себѣ отпечатокъ тѣхъ разумныхъ началъ, которыя служатъ основой дисциплины въ арміяхъ европейскихъ. Улучшеніе хозяйственной части въ войскахъ введеніемъ системы, при которой снабженія дѣйствительно доходятъ до солдата; распространеніе грамотности въ войскахъ, о которой прежде не было и помина; попытки къ сосредоточенію въ рукахъ командировъ отдѣльныхъ частей исключительно строевыхъ обязанностей; отмѣна позорящихъ взрослаго человѣка тѣлесныхъ наказаній для лицъ не состоящихъ въ разрядѣ штрафованныхъ; изданіе положенія о дисциплинарныхъ взысканіяхъ, съ точнымъ опредѣленіемъ степени власти начальниковъ относительно наложенія наказаній; введеніе новыхъ болѣе правильныхъ формъ судопроизводства; преобразованіе системы инспектированія войскъ, производимаго теперь лицами самостоятельными и не заинтересованными видѣть состояніе частей въ розовомъ свѣтѣ: всѣ эти реформы, служа къ уменьшенію произвола, къ огражденію личности военнослужащихъ и къ точному опредѣленію правъ и обязанностей каждаго военнаго чина, кладутъ основанія, на коихъ воздвигается система истинно-европейской дисциплины. Но и военныя преобразованія не избѣжали навѣтовъ отъ лицъ не сочувствующихъ и недовѣряющихъ *русскому прогрессу* или прямо ему враждебныхъ, лицъ которыя встрѣчаются у насъ на всѣхъ путяхъ. Съ разныхъ сторонъ слышатся тревожные крики: „дисциплина падаетъ!" „армія разрушается!" и при этомъ указываютъ на дисциплину добраго стараго времени.

Дисциплина есть понятіе европейское, слово дисциплина значитъ наука; о дисциплинѣ можетъ быть рѣчь лишь въ благоустроенномъ государствѣ, въ средѣ цивилизаціи и законности. Понятія всего лучше уясняются изъ сравненія. Прибѣгнемъ же къ сравненію. Возьмите армію французскую и возьмите армію эмира Бухарскаго. Сравните ихъ, и спросите себя, гдѣ дисциплина. Обѣ арміи изъ точки въ точку противоположны одна другой: которой же отдать преимущество? Съ точки зрѣнія порицателей преобразованій въ Россіи окажется, что армія эмира Бухарскаго есть идеалъ дисциплины. Облеките его солдатъ въ ев-

ропейскій мундиръ, выправьте имъ ноги, выучите ихъ пріемамъ европейской команды, введите въ эти войска наружныя формы военной европейской дисциплины, и вотъ та армія, которую рекомендують Россіи. Чтобъ уяснить себѣ, въ чемъ заключается сила военной дисциплины въ ея собственномъ смыслѣ, всего лучше взять для примѣра армію французскую. Франція—страна вулканическая, страна періодическихъ революцій, столько разъ низвергавшихъ въ ней династіи и колебавшихъ всѣ основы ея государственнаго и общественнаго быта. Если французская армія отличается образцовою дисциплиной, то причину тому отнюдь нельзя искать въ консервативномъ настроеніи общественной среды, изъ которой она происходитъ. Все напротивъ, въ этой средѣ, повидимому, клонится къ ослабленію и расторженію тѣхъ связей подчиненія и порядка, на которыхъ основана военная дисциплина. А между тѣмъ, что мы видимъ? Припомнимъ 48-й годъ. Пало правительство, рушился тронъ, страшная анархія господствовала въ странѣ, поднялись всѣ элементы безпорядка, все распалось на враждебные лагеря. Среди этого хаоса французская армія осталась непоколебима, никакія подстрекательства и соблазны не могли деморализовать ее; ничто не могло вовлечь ее въ сферу чуждыхъ ей тяготѣній; она являла особый міръ, совершенно твердая въ основахъ своей организаціи. Въ эти смутные дни, когда все рушилось и падало, французскій солдатъ точно также повиновался своимъ офицерамъ и армія точно также шла по командѣ своихъ генераловъ, какъ бы все вокругъ было спокойно и незыблемо. Вотъ дисциплина, чистая военная дисциплина, вкорененная въ армію. И эта испытанная дисциплина французской арміи въ роковую минуту спасла Францію; и именно этой-то дисциплинѣ французская армія, точно также какъ теперь прусская, обязана своими успѣхами на поляхъ битвъ.

Теперь спрашивается въ какую сторону должны идти наши дѣла? Желательно ли, чтобы наша армія приближалась болѣе къ идеалу бухарскому нежели къ европейскому? Слѣдуетъ ли намъ поставить добродѣтель нашей умѣренности и мудрость нашего прогресса въ томъ, чтобъ европейскія понятія о дисциплинѣ уравновѣшивать бухарскими порядками? Слѣдуетъ ли видѣть въ этихъ порядкахъ истинную сущность дисциплины, въ противоположность европейской безурядицѣ?

Дисциплина есть сила, связующая прочными узами тысячи, десятки и сотни тысячъ людей въ одно цѣлое и побуждающая каждаго изъ нихъ безусловно подчинять свою волю законному порядку. Въ основаніи дисциплины лежитъ уваженіе къ святости закона со стороны всѣхъ военнослужащихъ, начиная со старшихъ, признаніе личности въ ея человѣческихъ и гражданскихъ правахъ, и довѣріе подчиненныхъ къ начальникамъ. Чѣмъ глубже проникнуто войско сознаніемъ святости долга, чѣмъ искреннѣе довѣріе его къ начальствующимъ лицамъ, тѣмъ лучше оно дисциплинировано. Что содѣйствуетъ къ поддержанію въ войскахъ чувства долга и законности, что способствуетъ къ огражденію личности отъ произвола, что ведетъ къ улучшенію состава начальствующихъ чиновъ, все то естественно содѣйствуетъ и возвышенію дисциплины, точно также какъ все что колеблетъ въ солдатѣ убѣжденіе въ святости долга для каждаго военнослужащаго, все что способствуетъ развитію раболѣпства, все что унижаетъ, роняетъ духъ и оскорбляетъ чувство чести, что подрываетъ въ подчиненномъ довѣріе къ нравственнымъ и боевымъ качествамъ начальника, то прямо ведетъ къ ослабленію и разрушенію дисциплины.

Таково понятіе о дисциплинѣ въ войскахъ европейскихъ. Въ арміяхъ французской и прусской, гдѣ русскаго офицера поражаетъ педантическое чинопочитаніе внѣ службы и изысканная вѣжливость старшихъ въ отношеніи къ младшимъ, гдѣ повышеніе въ чинахъ есть дѣло не случая, а раціональной и никому не оскорбительной системы, гдѣ военнослужащіе проникнуты уваженіемъ къ своему званію и любовью къ службѣ, тамъ невозможно незаконное требованіе, во имя дисциплины, со стороны старшаго чина, и власть всегда является лишь органомъ службы; оттого и приказанія начальника исполняются безусловно. Старшій служитъ для младшаго примѣромъ уваженія къ закону. Личность младшаго ограждена отъ оскорбленія не одною буквой закона, но и общественнымъ мнѣніемъ и чувствомъ корпоративной чести: всякій служащій проникнутъ сознаніемъ, что оскорбляя честь младшаго, онъ позоритъ мундиръ. Австрія, приступивъ съ окончаніемъ послѣдней войны къ корен-

нымъ преобразованіямъ арміи, начала съ мѣръ къ поднятію дисциплины до европейскаго уровня. Императорскій приказъ, запрещающій офицерамъ говорить нижнимъ чинамъ „ты“, показываетъ, какъ понята важность развитія въ солдатахъ чувства чести.

Совсѣмъ иное видимъ мы въ полчищахъ азіятскихъ, гдѣ о твердости порядка, о святости закона, о долгѣ службы, объ огражденіи личности отъ произвола нѣтъ и рѣчи. Тамъ не зараждалось и мысли о тѣхъ основаніяхъ, на которыхъ зиждется благоустроенное общество. Подъ дисциплиной разумѣется тамъ страхъ, внушаемый властью, которая гордится своею наготой и полагаетъ свое достоинство лишь въ томъ, чтобы не признавать для себя никакого долга, ни закона. Въ арміи бухарскаго эмира, напримѣръ, начальнику отряда достаточно отдать приказаніе, чтобы безъ суда и расправы казнить подчиненнаго. Тѣлесныя истязанія считаются тамъ главнымъ средствомъ исправленія и дисциплины.

Сравнивая европейскую дисциплину съ азіятскою, легко замѣтить существенную между ними разницу: порядокъ, основанный на началахъ, свойственныхъ благоустроенному обществу, связываетъ часть узами прочными, которыя скрѣпляются при опасности и трудности военно-походной жизни; порядокъ обществъ не цивилизованныхъ тоже скрѣпляетъ часто войска терроромъ и произволомъ, но скрѣпляетъ на время, до наступленія неблагопріятныхъ обстоятельствъ, когда чувство страха исчезаетъ.

Наша армія, предъ крымскою кампаніей, съ точки зрѣнія дисциплины, не могла быть названа вполнѣ европейскою. Къ сожалѣнію, это не парадоксъ. Правда, отъ Европы заимствовано было все наружное, начиная съ обмундированія, снаряженія и вооруженія солдата, съ сѣдланія и мундштученія лошадей и кончая строевыми уставами; былъ составленъ весьма пространный сводъ военныхъ законовъ, была организована цѣлая сѣть строевыхъ и хозяйственныхъ учрежденій для удовлетворенія различнымъ войсковымъ потребностямъ; но при всемъ этомъ наружномъ благоустройствѣ, поражавшемъ величіемъ и пышностью глазъ довѣрчиваго иностранца, мы въ домашней будничной жизни упорно держались идеала азіятскаго.

Сознавая важность и необходимость дисциплины, но упустивъ какъ бы незамѣченными тѣ начала, на которыхъ она зиждется, наша прежняя военная организація, въ соотвѣтствіи съ общимъ положеніемъ дѣлъ, замѣнила ее системой безграничнаго произвола и терроромъ, предоставивъ начальникамъ всѣхъ степеней военной іерархіи безконтрольную власть надъ подчиненными и подкрѣпивъ эту власть правомъ наложенія всякаго рода тѣлесныхъ истязаній. Одно преданіе о прежнихъ истязаніяхъ солдата, о нашихъ чиновныхъ „костоправахъ“ и „трынчикахъ“, добивавшихся кулаками и розгами „игры въ носкѣ“, „мягкости шага“, равненія „въ ниточку“ и другихъ тонкостей, для войны вовсе не пригодныхъ, о выпариваніи солдатскихъ ногъ въ банѣ для сообщенія сочлененіямъ пріятной гибкости, о нарядахъ на часы въ ранцахъ, набитыхъ пескомъ и каменьями, невольно переноситъ воображеніе на дальній Востокъ.

Въ арміи, при всѣхъ ея достоинствахъ, не существовало вовсе тѣхъ элементовъ, къ которымъ могла бы привиться истинная дисциплина. Да и какая, на самомъ дѣлѣ, могла быть дисциплина тамъ, гдѣ употребленіе въ свою пользу разнаго рода казенныхъ отпусковъ на солдатскія потребности не считалось даже злоупотребленіемъ, гдѣ начальникъ считалъ долгомъ службы грубо позорить офицеровъ предъ фронтомъ, гдѣ судъ былъ только пустою формальностью, и гдѣ солдатъ и офицеръ на каждомъ шагу видѣли въ своихъ начальникахъ презрѣніе къ закону и циническое неуваженіе къ личности?

Наша армія имѣетъ славную исторію, которою мы можемъ гордиться по всей справедливости; но мы должны также сознаться, что духа истинной дисциплины въ ней все-таки не было. Если наша армія никогда не измѣняла своего долгу, если она со славой выдерживала состязаніе съ самыми лучшими европейскими арміями, то причину того надобно искать въ свойствахъ той народной среды, изъ которой она выходила. Русскій народный духъ живущій въ нашемъ солдатѣ поддерживалъ нашу армію и сообщалъ ей ту крѣпость и то достоинство, которыми она всегда отличалась.

№ 7.

Москва, 10-го января.

Возвращаемся къ вопросу о дисциплинѣ, котораго мы коснулись во вчерашнемъ № *Московскихъ Вѣдомостей*.

Рядъ нынѣшнихъ преобразованій военной организаціи встрѣченъ былъ въ войскахъ съ живѣйшимъ сочувствіемъ и съ полнымъ убѣжденіемъ въ ихъ необходимости. Крымская война доказала, что солдатъ нашъ, по преданности Государю, по патріотическому чувству, по стойкости и безстрашію въ бою, по способности переносить труды и лишенія военно-походной жизни, есть быть-можетъ наилучшій солдатъ въ мірѣ, но что эти драгоцѣнныя качества должны оставаться втунѣ въ случаѣ борьбы съ арміей лучше организованною, лучше вооруженною и снабженною. Пришлось сознаться, что непріятель одолѣлъ насъ превосходствомъ своихъ военныхъ учрежденій. Было необходимо поставить армію нашу въ уровень съ арміями европейскими; требовалось на мѣсто системы террора и рабства, чуждой всякаго понятія законности, поставить дисциплину основанную на строгомъ исполненіи долга и одушевленную чувствомъ чести. Войны 1859 и 1866 года служили подтвержденіемъ истины, что перевѣсъ остается на той сторонѣ, гдѣ военныя учрежденія лучше и прочнѣе, и гдѣ индивидуальное развитіе солдата выше. Въ австро-прусской войнѣ, по вѣрному выраженію одного изъ ея историковъ, перевѣсъ оказался на сторонѣ арміи грамотной предъ полуграмотною. Справедливо сказано, что въ этой войнѣ прусскій школьный учитель побѣдилъ австрійскаго.

Въ предпринятыхъ у насъ преобразованіяхъ, правительство дѣйствовало съ крайнею осторожностію, подвигаясь впередъ шагъ за шагомъ, полагая начала и предоставляя будущему ихъ развитіе и примѣненіе. Многія реформы имѣютъ характеръ какъ бы переходныхъ мѣръ. Срокъ службы у насъ сокращенъ, но онъ продолжительнѣе чѣмъ во всѣмъ европейскихъ арміяхъ, и еще очень обременителенъ для сословій подлежащихъ рекрутской повинности. Комплектованіе арміи посредствомъ наборовъ измѣнено къ лучшему, но изъ всѣхъ большихъ континентальныхъ армій, только въ Россіи (за исключеніемъ Царства Польскаго) не введена конскрипція, при которой не только облегчается военная повинность и сокращается срокъ службы, но и служба въ арміи пріобрѣтаетъ значеніе почетное и для большинства привлекательное. Тѣлесныя наказанія безъ суда удержаны только для разряда штрафованныхъ; но зачисленіе въ этотъ разрядъ еще слишкомъ мало обезпечено отъ случайностей и произвола. Пруссія, въ прошломъ году, въ видахъ возвышенія нравственнаго характера арміи, отмѣнила даже для штрафованныхъ тѣлесныя наказанія, замѣнивъ ихъ ссылкой въ рабочія отдѣленія. Распространеніе грамотности въ войскахъ есть предметъ постоянныхъ просвѣщенныхъ заботъ центральнаго правительства, и съ этой стороны въ короткое время сдѣланы важные успѣхи, но дѣло это находится въ удовлетворительномъ положеніи только въ нѣкоторыхъ частяхъ; въ другихъ же, успѣхъ его задерживается расположеніемъ войскъ на широкихъ квартирахъ или тѣмъ что ближайшее начальство видитъ въ грамотности роскошь для солдата и предпочитаетъ занимать его въ свободное отъ службы время выправкой. Новые судебные уставы измѣнили формы судопроизводства, но новый судъ лишь при дальнѣйшемъ развитіи своей самостоятельности будетъ въ силахъ значительно возвысить нравственный характеръ арміи. Въ хозяйственной части войскъ, личный произволъ, при пріемѣ и сдачѣ разнаго рода снабженій, не имѣетъ уже прежняго значенія; приняты даже мѣры, пока въ видѣ опыта, къ совершенному отдѣленію въ войскахъ строевой части отъ хозяйственной: но и это дѣло еще на полу-пути, и окончательное разрѣшеніе сложнаго, столь важнаго не въ одномъ экономическомъ отношеніи вопроса о военномъ хозяйствѣ еще ожидается въ будущемъ.

Переходныя мѣры сослужили однако свою службу; въ десять лѣтъ онѣ уже высоко подняли духъ нашей арміи, улучшили ея матеріальную часть и положили основы новому порядку вещей, построенному на законности и на уваженіи къ личности, —этихъ двухъ коренныхъ началахъ всякаго благоустроеннаго общества, а также и управленія благоустроенною арміей. Благодаря совершившимся преобразованіямъ, наша армія въ 1863 году съ радостью готовилась къ войнѣ; благодаря имъ же, Россія безбоязненно смотритъ на происходящее

теперь увеличеніе вооруженныхъ силъ на Западѣ, въ убѣжденіи, что въ случаѣ столкновенія боевыя качества нашего солдата не пропадутъ какъ прежде. Стòитъ только взглянуть на лица нынѣшнихъ солдатъ, чтобъ убѣдиться какое громадное разстояніе отдѣляетъ насъ отъ прошлаго, еще такъ недавняго, такъ свѣжо памятнаго. Съ полною увѣренностію можно теперь сказать, что еслибы нашей нынѣшней арміи пришлось бороться при тѣхъ же самыхъ условіяхъ какъ 1855 году, исходъ Севастопольской осады былъ бы иной. Но съ 1855 года европейскія арміи ушли въ развитіи своемъ далеко впередъ; ихъ военныя учрежденія, надо сознаться, все еще выше нашего; три европейскія и американская войны во многихъ отношеніяхъ подвинули еще далѣе военное дѣло. Чтобы стать въ уровень съ требованіями времени, намъ необходимо энергически двигаться впередъ въ духѣ началъ, положенныхъ державною волею Преобразователя. При такомъ превосходномъ военномъ матеріалѣ какъ нашъ солдатъ, Россіи, съ дальнѣйшимъ ходомъ преобразованій и съ построеніемъ сѣти желѣзныхъ дорогъ, требуемыхъ соображеніями статегическими, останется только пожелать поболѣе боевыхъ генераловъ. Переворотъ, происходящій нынѣ въ организаціи европейскихъ армій и характеризующійся увеличеніемъ массы штыковъ съ сильными резервами, поддержанными ополченіемъ въ видѣ милицій, ландштурмовъ и волонтеровъ, не можетъ не вызвать и съ нашей стороны соотвѣтственныхъ дѣйствій, хотя бы мы и желали отсрочить реорганизацію нашей арміи. Не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать, что и у насъ рано или поздно придется озаботиться подготовленіемъ въ мирное время запасныхъ войскъ, какъ вездѣ въ Европѣ, для отправленія въ военное время внутренней службы и въ подспорье дѣйствующей арміи.

Преобразованія въ нашей арміи, совершающіяся при такихъ обстоятельствахъ и при вооруженномъ мірѣ Европы, должны были вызвать всеобщее сочувствіе; но страсти не останавливаются ни предъ чѣмъ, и военныя преобразованія наши встрѣчаютъ такихъ же клеветниковъ какъ и отмѣна крѣпостнаго права, судебная реформа, земство и пр.

Люди, почему-либо заинтересованные въ поддержаніи духа прежнихъ порядковъ или чувствующіе свою несостоятельность при видимо водворяющемся въ нашей арміи благоустройствѣ, запугиваютъ неопытныхъ слухами, будто реформы ведутъ къ ослабленію дисциплины. Водворяющаяся у насъ прочная и серіозная европейская дисциплина представляется имъ или выставляется ими какъ упадокъ дисциплины; возвышеніе нравственнаго элемента арміи вслѣдствіе отмѣны тѣлесныхъ наказаній — какъ деморализація; болѣе строгій контроль за расходованіемъ казенныхъ снабженій — какъ ослабленіе авторитета начальниковъ. Еслибы кого-либо изъ этихъ критиковъ зачислить на службу въ самую дисциплинованную европейскую армію, она показалась бы ему верхомъ неурядицы, точно также какъ, съ другой стороны, хорошему офицеру французской или прусской арміи показалось бы дикою ордой войско, гдѣ начальствующія лица полагали бы силу дисциплины въ отсутствіи всякой законности.

Выставляя на видъ отдѣльные случаи, всегда и вездѣ возможные, господа эти какъ бы ничего не знаютъ о нарушеніяхъ дисциплины въ прежнія столь восхваляемыя ими времена. Они умалчиваютъ о томъ напримѣръ, какъ въ тѣ времена приходилось разкассировать цѣлую роту гвардіи, взбунтовавшуюся противъ жестокаго обращенія ротнаго командира, или о томъ какъ въ 1851 или 1852 году одинъ изъ нижнихъ чиновъ гвардіи, во время Высочайшаго смотра, осмѣлился выйдти изъ фронта и подойдти къ Государю съ жалобою на невыдачу ротнымъ командиромъ именинныхъ денегъ. Они какъ будто забыли, что экзекуціи шпицрутенами были лѣченіемъ весьма не рѣдкимъ, и что къ домашнимъ пыткамъ розгами въ войскахъ прибѣгали гораздо чаще чѣмъ теперь къ аресту на хлѣбѣ и на водѣ, что дезертирство въ войскахъ было тогда дѣломъ болѣе обыкновеннымъ чѣмъ теперь пьянство, и что субординація существовала болѣе по наружности нежели на дѣлѣ: извѣстно, что гвардейскій солдатъ зачастую презрительно уклонялся отъ отданія чести армейскому офицеру. Правда, судебныхъ дѣлъ было тогда менѣе теперешняго, — но какія же могли быть тогда судебныя дѣла, когда ротный командиръ самъ былъ безконтрольнымъ судьей солдата? Правда и то, что о случаяхъ неповиновенія и дерзости было менѣе слышно чѣмъ теперь;

но изъ того что о нихъ меньше говорилось, а въ печати, за неимѣніемъ таковой, и вовсе не говорилось, еще не слѣдуетъ чтобъ они встрѣчались рѣже. Цыфры говорятъ противное. Да и могло ли быть иначе, когда солдатъ, обязанный къ двадцатипяти-лѣтней службѣ, смотрѣлъ на себя какъ на отверженца общества, на свою службу какъ на страшное бѣдствіе, сгубившее всю его жизнь, и когда въ ссылкѣ и въ арестантскихъ ротахъ онъ видѣлъ иногда не наказаніе, а облегченіе своей участи?

Прислушиваясь къ аргументаціи противниковъ переустройства нашей арміи, убѣждаемся только въ томъ какъ далеки они отъ разумѣнія современныхъ требованій военнаго дѣла. Протестуя противъ индивидуальнаго развитія солдата, противъ признанія его въ достоинствѣ лица, противъ воспитанія въ немъ чувства чести, этого главнаго двигателя военной доблести, клеветники реформы считаютъ возможнымъ основать въ наше время организацію военныхъ учрежденій, дѣло столь сложное и трудное, на презрѣніи къ закону и системѣ террора. Стремясь къ возстановленію своего рода крѣпостнаго права въ арміи, они какъ бы хотятъ вселить въ солдата, уже начавшаго дружиться съ военною службой, прежнее къ ней отвращеніе, поставить его внѣ всякаго права среди общества, гдѣ уже господствуетъ идея законности, и искусственно возбудить въ немъ горькое и непріязненное чувство къ установленнымъ властямъ. Хороши основы для дисциплины въ наше время!

Агитація началась предъ польскимъ мятежомъ, вмѣстѣ со введеніемъ въ войскахъ грамотности, съ сокращеніемъ срока службы, съ уменьшеніемъ произвола въ наложеніи тѣлесныхъ наказаній и въ особенности съ установленіемъ болѣе строгаго контроля по части военнаго хозяйства. Кому не памятны возгласы о разрушеніи дисциплины, раздававшіеся у насъ въ 1860, 1861 и 1862 годахъ и разнесенные по Европѣ польскою заграничною печатью? Противники реформъ поддерживались, съ одной стороны, извѣстными революціонными русско-лондонскими изданіями, утверждавшими, будто расположенныя въ Царствѣ Польскомъ войска, держатъ сторону Поляковъ, будто казнь Арнгольда, Славицкаго и Щура за измѣнническія дѣйствія встрѣчена въ Россіи съ негодованіемъ, и въ то же время распространявшими по войскамъ литографированныя прокламаціи, въ родѣ: „*что надо дѣлать войску*?“; съ другой, состоявшими на службѣ Поляками и ихъ юными адептами, только что сошедшими съ ученической скамейки, кототорые хлопотали о томъ, чтобы сбить съ толку нашего солдата превратнымъ объясненіемъ дѣйствій и намѣреній правительства. Революціонные агитаторы, заодно съ тѣми что выставляли себя ревнителями охранительныхъ началъ, утверждали, что дисциплина въ арміи, расположенной въ Царствѣ и западныхъ губерніяхъ, разрушена до основанія. Что же вышло на повѣрку? Эти войска, оклеветанныя интригой, явили доказательства безпримѣрной дисциплины, терпѣливо снося, по приказанію своихъ начальниковъ, оплеванія, ругательства, даже побои отъ Поляковъ, даже во фронтѣ, стоя съ заряженнымъ ружьемъ и примкнутымъ штыкомъ! А когда при первыхъ выстрѣлахъ, раздавшихся въ лѣсахъ, войска были призваны къ дѣйствію, не эти ли солдаты, такъ оклеветанные, явили собою примѣръ непоколебимой преданности долгу, и своимъ патріотизмомъ отрезвили, а потомъ одушевили и спасли столько сбитыхъ съ толку юношей среди офицерства?

Къ счастію, ни клеветы Поляковъ, ни вопли противниковъ реформы не въ силахъ были отвести правительство отъ принятаго имъ пути. Спокойно и неуклонно шло оно впередъ, продолжая начатыя реформы: весной 1863 года, во время полнаго разгара мятежа, былъ отданъ приказъ объ отмѣнѣ въ арміи тѣлесныхъ наказаній безъ суда и объ учрежденіи разряда штрафованныхъ. Свѣжо еще воспоминаніе, съ какимъ злорадствомъ смотрѣли тогда враги реформы на эту мѣру, принятую, какъ они говорили, въ самое неблагопріятное время, и притомъ спустя лишь нѣсколько мѣсяцевъ послѣ отмѣны откуповъ и удешевленія водки. Дѣйствительность скоро опровергла ихъ разчеты: дисциплина не только не ослабѣла, но поднялась съ возвышеніемъ духа солдата, съ начавшимъ развиваться въ немъ чувствѣ чести, съ проблескомъ сознанія своей обезпеченности отъ противозаконнаго произвола.

Противники реформы были бы правы, еслибъ они утверждали, что преобразованія нынѣшняго царствованія разрушили прежнія понятія о дисциплинѣ, и тѣмъ да-

ли мѣсто истинной дисциплинѣ. На развалинахъ прежней мнимой дисциплины, основанной на грубомъ террорѣ, злоупотребленіяхъ власти и безправіи солдата, и оказавшейся столь губительною для арміи, возникаетъ дисциплина разумная, человѣколюбивая, и въ то же время гораздо болѣе строгая чѣмъ прежняя. Эта новая дисциплина основана на началѣ законности, которое не терпитъ никакихъ поблажекъ, какъ и никакихъ несправедливостей. Нынѣшній солдатъ не находится ни подъ палкой, ни подъ розгами; но онъ боится суда гораздо больше чѣмъ прежній боялся палки. Извѣстно, что теперь въ войскахъ одиночное заключеніе и арестъ наводятъ на солдата гораздо больше спасительнаго страха чѣмъ прежнія тѣлесныя наказанія.

Но новая дисциплина, уже оказавшая столь благотворное дѣйствіе на бытъ и характеръ солдата, окончательно утвердится у насъ, когда понятіе о законности войдетъ въ плоть и кровь не только солдатъ, но и начальствующихъ лицъ, когда эти послѣдніе будутъ видѣть свою первую и святую обязанность въ томъ, чтобы служить для подчиненныхъ примѣромъ уваженія къ закону и исполненія долга. Возвести это понятіе въ живую силу, какъ мы то видимъ въ европейскихъ арміяхъ, можетъ только правильная организація, дѣйствительный контроль и судъ правый и обезпеченный въ своей нелицепріятности. До тѣхъ поръ пока будутъ у насъ недуги законности, будутъ и клеветники новой дисциплины. Недавно слышали мы, будто гдѣто одно изъ начальствующихъ лицъ, выбравъ себѣ изъ фронта денщика, потребовало зачисленія его, безъ вины и суда, въ разрядъ штрафованныхъ для того чтобъ имѣть удобство подвергать его тѣлесному наказанію. Можно безошибочно предполагать, что подобныя лица принадлежатъ къ числу глубоко сѣтующихъ на упадокъ дисциплины въ нашей арміи.

№ 8.

Москва, 11-го января.

Въ № 209 *Московскихъ Вѣдомостей* прошлаго года мы говорили въ общихъ чертахъ о задуманномъ нами учебномъ заведеніи и о тѣхъ побужденіяхъ, которыя вызвали въ насъ рѣшимость ходатайствовать о разрѣшеніи основать его. Мы упомянули также, что составленный нами проектъ устава этого учебнаго заведенія находится, съ Высочайшаго соизволенія, на разсмотрѣніи въ законодательномъ порядкѣ, и выражали надежду, что основываемое нами заведеніе можно будетъ открыть въ январѣ мѣсяцѣ. Утвержденіе устава въ законодательномъ порядкѣ есть весьма важное обезпеченіе его прочности, что и побудило насъ ходатайствовать о томъ, но оно требуетъ времени; къ текущему январю оно не могло быть окончено, и пройдетъ еще быть-можетъ нѣсколько недѣль прежде нежели состоится рѣшеніе, коего мы испрашиваемъ. Между тѣмъ необходимыя приготовленія, за которыя мы принялись, не теряя времени, тотчасъ по представленіи проекта устава, теперь приближаются къ концу, и мы признали за лучшее, какъ въ интересѣ родителей, такъ и въ интересѣ самаго дѣла, временно открыть преподаваніе на правахъ частнаго учебнаго заведенія. Узаконенное разрѣшеніе на то уже испрошено нами, и въ субботу, послѣзавтра, по совершеніи водосвятія, начнутся въ нашемъ заведеніи классы. Затѣмъ, когда уставъ удостоится утвержденія, послѣдуетъ открытіе заведенія подъ знаменательнымъ, съ Высочайшаго соизволенія даваемымъ ему именемъ Лицея Цесаревича Николая. Съ того же времени, но никакъ не прежде, мы будемъ въ правѣ принимать пожертвованія лицъ, которыя пожелали бы способствовать этому патріотическому учрежденію, а покамѣстъ всѣ первоначальные расходы производятся изъ той совершенно достаточной для нихъ суммы, которую мы сами жертвуемъ на это заведеніе, какъ нами и заявлено въ проектѣ устава, представленномъ на правительственное утвержденіе.

Мы сказали въ № 209 прошлаго года, что публичная дѣятельность наша, по изданію *Московскихъ Вѣдомостей*, должна много способствовать намъ при устройствѣ этого новаго общественнаго дѣла. О его ходѣ будутъ отъ времени до времени появляться въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* сообщенія, долженствующія дѣлать общеизвѣстнымъ и разъяснять все то что окажется нужнымъ. Поводовъ къ этому будетъ много, по новости и обширности задачи, которую мы рѣшились взять на себя не изъ самонадѣянности, а изъ убѣжденія, что именно въ настоящее время

кто-нибудь долженъ за нее взяться, если русскому просвѣщенію суждено стать на свои ноги, а Русскому государству достигнуть внутренней силы, соотвѣтствующей его международному положенію.

Провести дѣтей, которыя будутъ ввѣрены заведенію, чрезъ крѣпкую и здоровую школу и выпустить ихъ зрѣлыми, готовыми къ жизни юношами, которые, въ своемъ званіи Русскаго, были бы въ полной силѣ дѣтьми Европы,—вотъ заявленная цѣль нашего предпріятія, для достиженія которой мы не пожалѣемъ усилій. Эти юноши должны получить образованіе, какъ общее приготовительное (въ гимназическихъ классахъ Лицея), такъ и спеціально-ученое (въ его классахъ университетскихъ), не уступающее, по высотѣ и силѣ своей, образованію другихъ странъ цивилизованнаго міра, и въ то же время соотвѣтствующее кореннымъ потребностямъ нашего отечества. Школа, чрезъ которую они должны пройдти, есть общая европейская, такъ-называемая классическая школа; развивая и укрѣпляя ихъ умственныя силы параллельно съ ихъ физическимъ возрастаніемъ, она должна ввести ихъ въ общее наслѣдіе человѣчества. Такое обученіе есть у насъ еще дѣло новое; для него должны быть выработаны и его основанія, и его пріемы и способы. Они могутъ вырабатываться лишь на практикѣ, и отсутствіе предварительной регламентаціи дастъ къ тому совершенный просторъ, для казенныхъ учебныхъ заведеній не существующій. Вотъ почему для прочнаго водворенія въ Россіи классической системы заведеніе, подобное учреждаемому нами, есть необходимость. Учебное дѣло у насъ сильно страдаетъ отъ неудовлетворительности руководствъ. Особенное вниманіе наставниковъ и основателей Лицея будетъ обращено на составленіе руководствъ, соотвѣтствующихъ педагогическимъ требованіямъ: къ этимъ работамъ уже приступлено, и можно надѣяться, что въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ появится полный рядъ учебниковъ по всѣмъ предметамъ гимназическаго курса, приспособленныхъ къ возрасту учениковъ и потребностямъ классической системы обученія. Нѣсколько учебниковъ предполагается издать уже въ теченіе нынѣшняго года. Такъ какъ элементъ спекуляціи будетъ совершенно устраненъ при составленіи и усовершенствованіи этихъ учебниковъ, и такъ какъ ожидается содѣйствіе опытныхъ и доброжелательныхъ дѣлу русскаго просвѣщенія сотрудниковъ, то спеціально для Лицея изготовленные учебники не могутъ не послужить и вообще существеннымъ облегченіемъ преподаванія. Другимъ не менѣе важнымъ условіемъ ожидаемаго успѣха будетъ то нововведеніе, которое можетъ быть доступно лишь училищу располагающему значительными денежными средствами. Мы говоримъ о томъ, что называемъ *туторствомъ*. Кромѣ общаго преподаванія въ классѣ, воспитанники будутъ пользоваться спеціальнымъ и такъ сказать индивидуальнымъ надзоромъ особыхъ наставниковъ, изъ коихъ каждому будетъ ввѣрена небольшая группа учениковъ. Эти лица, *туторы*, то-есть какъ бы опекуны дѣтей, должны будутъ слѣдить за всѣмъ относящимся къ ученію и воспитанію дѣтей своей группы, наблюдать за приготовленіемъ ими уроковъ, спрашивать ихъ до прихода учителя, объяснять непонятное, пріучать къ посильной борьбѣ съ трудностями, вообще заботиться о цѣломъ человѣкѣ, о его умственномъ, нравственномъ и физическомъ развитіи. Въ видахъ этого надзора, а также дабы избѣжать утомленія, между уроками будутъ назначены значительные промежутки времени, такъ чтобы каждый ученикъ приходилъ въ классъ съ свѣжими силами и вполнѣ приготовленный. Ученики должны быть совершенно отучены отъ мысли о возможности не исполнить своего долга,—не приготовить заданнаго урока. Съ другой стороны, этому требованію должна соотвѣтствовать умѣренность задаваемыхъ уроковъ, которые будутъ по возможности раздѣляться на обязательное для всѣхъ учениковъ и на предлагаемые только тѣмъ, которые идутъ съ отличіемъ. Заведеніе постарается поставить учениковъ въ необходимость трудиться серіозно и добросовѣстно, но безъ обремененія, столь вреднаго и однако же столь часто встрѣчающагося въ нашей учебной практикѣ. Оно будетъ считать непремѣнною обязанностью заботиться о физическомъ воспитаніи учениковъ, не ограничиваясь общими мѣрами, каковы питательный столъ, тщательная вентиляція, частыя прогулки и игры на чистомъ воздухѣ, правильная гимнастика, оно и въ отношеніи къ физическому воспитанію поставитъ себѣ цѣлью индивидуальный надзоръ за каждымъ воспитанни-

комъ въ отдѣльности, для чего врачъ заведенія будетъ обязанъ проводить значительное время съ здоровыми дѣтьми, наблюдая за ихъ гимнастическими упражненіями и играми. При нашемъ суровомъ климатѣ, при необходимости сидѣть большую часть года взаперти, гигіеническая сторона воспитанія имѣетъ особенную важность. У насъ, въ высшихъ классахъ общества, чаще нежели гдѣ-либо встрѣчаются нервныя дѣти, слабогрудые юноши, и главная въ томъ вина падаетъ на превратное воспитаніе.

Гигіеническія соображенія не дозволяютъ, чтобы дѣти отроческаго возраста сидѣли въ классѣ болѣе двухъ часовъ сряду. Тѣ же соображенія требуютъ, чтобы въ срединѣ недѣли былъ день съ меньшимъ числомъ уроковъ чѣмъ прочіе. Все это повело къ тому, что оказалось необходимымъ растянуть четырехъ-часовые уроки полнаго учебнаго дня на семь часовъ времени, наполнивъ промежутки туторскими занятіями, отдыхомъ и тѣлесными упражненіями, и вмѣстѣ съ тѣмъ отнести обученіе новымъ языкамъ на послѣобѣденное время. Какъ уже объявлено, оно будетъ происходить въ пансіонахъ, которые предполагается учреждать при Лицеѣ. На первое время учреждается одинъ такой пансіонъ; по мѣрѣ развитія заведенія и возрастанія числа учениковъ будутъ учреждаться другіе. Размѣры каждаго пансіона должны быть небольшіе; этимъ предполагается избѣжать того главнаго недостатка большихъ закрытыхъ заведеній, который можно назвать казарменностью. Бытъ пансіоновъ, предполагаемыхъ при Лицеѣ, долженъ приближаться къ семейному. Такое устройство будетъ благотворнѣе для нравственнаго воспитанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ облегчитъ и практическое изученіе новыхъ языковъ, въ большихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ извѣстно, недостижимое.

Употребляя всѣ получаемыя за воспитанниковъ деньги сполна въ интересѣ воспитанія и окружая его педагогическими средствами, въ нашемъ отечествѣ небывалыми, заведеніе будетъ имѣть своею обязанностью озаботиться и тѣмъ, чтобы его питомцы, оканчивая полный курсъ ученія, пользовались соотвѣтствующими, то-есть равными съ питомцами университетовъ, правами по службѣ. Оно не испрашиваетъ привилегій, нерѣдко ведущихъ къ усыпленію, оно не считаетъ нужнымъ для себя права удостоивать ученыхъ степеней на основаніи своего домашняго испытанія. Оно будетъ представлять своихъ воспитанниковъ на публичный судъ экзамена въ одномъ изъ русскихъ университетовъ. Но оно будетъ нести на себѣ обязанность доводить своихъ питомцевъ не только до пріобрѣтенія нужныхъ для университетскаго экзамена познаній, но и до успѣшнаго выдержанія этого экзамена и полученія правъ сопряженныхъ съ университетскими дипломами.

Серіозность избранной задачи требуетъ значительныхъ средствъ, а потому не было возможности назначить общедоступную плату за обученіе. За обученіе полному гимназическому курсу съ тремя новыми языками пансіонеры будутъ платить 675 р., полупансіонеры (остающіеся въ заведеніи до 8 часовъ вечера) 500 р., приходящіе 375 р., а безъ новыхъ языковъ 300 р. Заведеніе будетъ такимъ образомъ доступно лишь достаточнымъ семействамъ. Трудно однакоже освободиться отъ желанія открыть путь къ высшему образованію и къ высшей учености и даровитымъ мальчикамъ изъ народа, откуда вышелъ первый русскій ученый. Изъ этого желанія возникла мысль открыть въ послѣдствіи при Лицеѣ возможность безплатнаго обученія и воспитанія способныхъ мальчиковъ, преимущественно изъ народныхъ школъ. Это отдѣленіе Лицея предполагается наименовать Ломоносовскою семинаріей, для этого-то заведенія единственно и нужны пожертвованія. Основаніе же Лицея ни въ какихъ пожертвованіяхъ, кромѣ дѣлаемаго основателями на первоначальные расходы, не нуждается, и прочность его существованія отъ пожертвованій не зависитъ. Считаемъ нужнымъ заявить о томъ въ предотвращеніе толковъ основанныхъ на недоразумѣніи.

№ 9.

Москва, 12-го января.

Завтра, въ воскресенье, въ половинѣ третьяго, въ залахъ Благороднаго Собранія, будетъ первое собраніе учредителей московскаго мѣстнаго управленія при состоящемъ подъ Высочайшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы Обществѣ Попеченія о Раненыхъ и Больныхъ Воинахъ.

Это Общество удостоилось Высочайшаго утвержденія 3-го мая истекшаго года. Цѣль его, какъ сказано въ уставѣ, состоитъ въ томъ, чтобы „содѣйствовать во время войны военной администраціи въ уходѣ за ранеными и больными воинами и доставлять имъ, по мѣрѣ средствъ своихъ, какъ врачебное, такъ и всякаго рода вспомоществованіе.“ Оно примыкаетъ по своей цѣли къ тѣмъ обществамъ такого же устройства, которыя были учреждены въ разныхъ странахъ по мысли высказанной собиравшеюся въ 1863 году въ Женевѣ международною конференціей объ улучшеніи участи раненыхъ воиновъ дѣйствующихъ армій,—конференціей, которая въ свою очередь была результатомъ глубокаго впечатлѣнія, произведеннаго разказами о страданіяхъ вынесенныхъ ранеными въ войнахъ послѣднихъ лѣтъ, въ особенности разказами Женевца Генриха Дюнана *) о бѣдственномъ положеніи раненыхъ послѣ Сольферинскаго боя. На этой конференціи, въ которой принимала участіе и Россія, постановлено было образовать въ каждой странѣ особыя общества, которыя озаботились бы въ мирное время заготовленіемъ средствъ для подачи въ военное время пособій раненымъ и заболѣвшимъ воинамъ. Пруссія первая послѣдовала этому приглашенію, и была вполнѣ вознаграждена за то во время Датской, а особенно Австрійской компаніи. Когда возгарается война и начинаютъ падать ея жертвы, бываетъ уже поздно приниматься за многочисленныя и разнообразныя заботы о нуждахъ раненыхъ. „Чтобъ удовлетворить по возможности всѣмъ этимъ нуждамъ,“ говоритъ г. Нарановичъ въ прекрасномъ сочиненіи своемъ: *Замѣчанія по осмотру клиникъ въ Берлинѣ и учрежденію санитарной части въ прусской арміи во время войны въ 1866 году*, „единственный и вѣрный къ тому способъ—въ мирное время общими силами, какъ братьямъ одной семьи, дружно озаботиться составленіемъ необходимыхъ для того средствъ: при общемъ содѣйствіи они будутъ рости и множиться, будутъ ободрять духъ въ войскахъ и тѣмъ охранять безопасность самой семьи; это одна изъ мѣръ необходимыхъ для общаго благосостоянія: *si vis pacem, para bellum*.“ Только въ этомъ послѣднемъ смыслѣ можетъ быть названо приготовленіемъ въ войнѣ Высочайше утвержденное 5-го мая русское Общество. Цѣль его—воспользоваться мирнымъ временемъ чтобъ устроить возможно обширную организацію, которая могла бы, въ случаѣ войны, оказать существенную помощь санитарнымъ мѣрамъ правительства. Это не приготовленіе къ войнѣ, а принятіе мѣръ, которыя сдѣлали бы въ послѣдствіи приготовленія собственно на случай войны возможными и удобными. Эти мѣры, какъ сказано, заключаются преимущественно въ организаціи Общества. Высшее завѣдываніе дѣлами Общества сосредоточено въ Главномъ Управленіи, въ С.-Петербургѣ; оно направляетъ всѣ дѣйствія Общества къ надлежащему единству и соотвѣтственно цѣли его назначенія. По каждой губерніи должны быть учреждены мѣстныя управленія завѣдующія всѣми дѣлами Общества въ предѣлахъ ихъ губерніи и состоящія изъ членовъ, числомъ отъ 8 до 16, которые избираютъ изъ своей среды, срокомъ на 2 года, предсѣдателя, товарища его, казначея и кандидата къ нему.

Завтрашнее частное собраніе учредителей, вѣроятно, приступитъ къ избранію членовъ здѣшняго мѣстнаго управленія.

Забота объ обезпеченіи воиновъ, жертвующихъ въ борьбѣ за отечество здоровьемъ и жизнью, вездѣ лежитъ на правительствѣ и составляетъ одну изъ священнѣйшихъ его обязанностей. Чѣмъ болѣе обезпеченъ военно-служащій, что въ случаѣ болѣзни на походѣ или раны полученной въ битвѣ онъ не останется безъ помощи и попеченія, тѣмъ съ бо́льшимъ самоотверженіемъ переноситъ онъ труды и лишенія военно-походной жизни, тѣмъ смѣлѣе идетъ въ бой. Поэтому простой разчетъ здраваго смысла побуждаетъ правительства не щадить пожертвованій для обезпеченія участи больныхъ и раненыхъ: пожертвованія эти вознаграждаются сторицею, возвышая нравственный элементъ арміи въ военно-походное время. Но правительственныя пожертвованія, расточаемыя даже самою щедрою рукой, при неожиданномъ скопленіи на данномъ пунктѣ больныхъ и раненыхъ, не въ силахъ оказать страдальцамъ своевременную помощь. Въ Севастополѣ, послѣ штурмовъ, приходилось иногда до 200 раненыхъ на одного врача съ двумя лѣкарскими помощниками. При томъ кровопролитномъ характерѣ, который пріобрѣла война въ послѣдніе годы, десятки тысячъ жертвъ остаются на

*) „Un Souvenir de Solferino.“

нолѣ сраженія, и военно-медицинская администрація бываетъ лишена средствъ облегчить участь большинства страдальцевъ. Иногда это происходитъ отъ недостатка предусмотрительности или отъ небрежности, и въ такомъ случаѣ дѣло поправимо. Но въ большей части случаевъ препятствіемъ бываетъ самый характеръ администраціи,—тотъ необходимый контроль, которому она должна быть подчинена и который не позволяетъ ей принимать своевременно необходимыя экстренныя мѣры. Въ такихъ обстоятельствахъ содѣйствіе оказываемое военной администраціи обществомъ получаетъ значеніе до такой степени важное, что можетъ оказать рѣшительное вліяніе на судьбу тысячъ жертвъ. Такое именно благодѣтельное значеніе имѣли въ войну 1866 года прусскія частныя общества, подготовлявшія свой личный составъ, свои денежныя и матеріальныя средства издавна и исподволь, задолго до открытія кампаніи. То же самое было и въ Американскую войну; тамъ частныя благотворительныя общества доходили до 32.000 и употребили на больныхъ и раненыхъ въ теченіе войны до 30 милліоновъ рублей, собранныхъ изъ частныхъ пожертвованій.

Надобно имѣть живое представленіе о бѣдствіяхъ претерпѣваемыхъ лишенными медицинскаго пособія ранеными и больными въ военное время, чтобъ уразумѣть благотворность подобныхъ обществъ. Приводимъ слѣдующую выписку изъ упомянутаго выше сочиненія г. Нараиовича.

„24-го іюля 1850 года, послѣ жестокой битвы подъ Сольферино между Французами, Италіянцами и Австрійцами, поле сраженія покрыто было множествомъ раненыхъ; три дня переносили ихъ въ лазареты и при недостаткѣ лазаретныхъ учрежденій клали на солому, въ корридорахъ и сараяхъ. Въ продолженіе одного почти мѣсяца, со дня битвы при Монтебелло 20-го мая, это было послѣднее изъ пяти сраженій, въ которыхъ верхняя Италія, съ полумилліономъ вооруженныхъ своихъ воиновъ, боролась за свою свободу. Въ этотъ короткій срокъ скопилось болѣе 40.000 раненыхъ и 120.000 заболѣвшихъ разными болѣзнями. Кромѣ военныхъ врачей, 280 гражданскихъ италіянскихъ врачей прикомандированы были къ миланскимъ военнымъ лазаретамъ, и къ концу августа, какъ они утверждаютъ, рѣшеніе этой гигантской задачи еще не могло соотвѣтствовать ни требованіямъ человѣчества, ни правиламъ науки. Недостатки во всемъ доходили до невѣроятныхъ размѣровъ; достовѣрно то, что послѣ битвы при Маджентѣ, 4-го іюля, мѣшки и подкладку употребляли вмѣсто компрессовъ, ружейные ремни вмѣсто бинтовъ, а футляры отъ штыковъ и голенища послѣ умершихъ вмѣсто шинъ при перевязкѣ переломовъ. Раздробленные члены у раненыхъ начинали гнить и для отвращенія одного зловонія требовали уже безотлагательныхъ операцій. Вездѣ страшный упадокъ силъ. И посреди этого хаоса человѣческихъ бѣдствій не было средствъ къ ихъ облегченію; одинъ врачъ въ продолженіе мѣсяца имѣлъ на своемъ попеченіи по 1.424 больныхъ и раненыхъ.“

Въ противоположность этой ужасающей картинѣ можно привести изъ того же автора образчикъ, что совершалось ежедневно на всѣхъ пунктахъ театра военныхъ дѣйствій во время австро-прусской войны, благодаря организованной общественной благотворительности 200 провинціальныхъ комитетовъ учрежденныхъ въ Пруссіи и имѣющихъ свое средоточіе въ центральномъ комитетѣ:

„Отправленія отъ центральнаго комитета при содѣйствіи министерства торговли и вѣдомства телеграфовъ дѣлаются очень быстро и въ огромныхъ размѣрахъ. Напримѣръ въ 5-мъ часу пополудни 28-го іюля получено было извѣстіе о сраженіи съ Ганноверцами при Лангензальцѣ; въ тотъ же день, въ полночь, отправленъ былъ нарочный поѣздъ, въ три большіе товарные вагона, съ полнымъ запасомъ всего нужнаго для раненыхъ, и при немъ восемь врачей и восемь сестеръ милосердія. Въ то же время саксонско-прусское депо изъ Магдебурга выслало туда потребное число постелей и лазаретныхъ вещей. 30-го іюля центральное депо въ Берлинѣ дало знать объ отправленіи того же числа въ 8 часовъ вечера экстреннаго поѣзда въ Богемію съ разными запасами для арміи. Къ означенному часу доставлено было на Франкфуртскую желѣзную дорогу 600 центнеровъ разныхъ вещей; это были разные продовольственные припасы, пиво, вино, коньякъ, мясные припасы, соки изъ плодовъ, углекислая вода, шоколадъ, сигары; къ этому главное депо прибавило еще изъ собственныхъ запасовъ 75 оксофтовъ вина, и все это отправило въ 7 вагонахъ. Отправленія

эти почти ежедневны, даже до 25 вагоновъ въ одинъ поѣздъ; стоимость отправляемыхъ запасовъ въ одномъ поѣздѣ доходила иногда до 70-ти и до 80-ти тысячъ талеровъ. Мнѣ сказали въ центральномъ комитетѣ, что всѣ эти отправленія дѣлаются изъ пожертвованныхъ запасовъ, и что комитетъ изъ своего капитала до сихъ поръ не израсходовалъ на нихъ даже 100 тысячъ талеровъ. Стали потомъ затрудняться въ укупорныхъ для отсылки средствахъ, объявили объ этомъ въ газетахъ, и вслѣдъ затѣмъ площадь у Бранденбургскихъ воротъ, не далеко отъ Центральнаго Депо, завалена была разными укупорными снарядами."

Припомнимъ, что въ военное время не рѣдко вдесятеро больше людей гибнетъ отъ недостатка медицинской помощи чѣмъ отъ непріятельскихъ пуль, и что напримѣръ въ Крымскую войну во время первыхъ семи мѣсяцевъ смертность въ англійскихъ войскахъ доходила до 60%; а потомъ, послѣ окончательнаго устройства санитарной части, уменьшилась до $11^1/_2$%; припомнимъ, что въ особенности для раненыхъ важна своевременность помощи, а при колоссальныхъ размѣрахъ битвъ нашего времени быстрота помощи не можетъ быть достигнута иначе какъ при безконтрольномъ распоряженіи обширными средствами, коего по отношенію къ казеннымъ деньгамъ допустить нельзя, и намъ станетъ ясно, какое благотворное, ничѣмъ не замѣнимое дѣйствіе предстоитъ патріотическому Обществу, учрежденному нынѣ въ Россіи подъ августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы.

Это предпріятіе есть дѣло національнаго долга предъ арміей. Оно имѣетъ право на всеобщее сочувствіе. И у насъ, какъ въ Пруссіи, средства на это дѣло будутъ слагаться изъ милліоновъ мелкихъ жертвъ. Когда организація Общества съ его мѣстными управленіями будетъ окончена и сдѣлается общеизвѣстною, и если затѣмъ, по волѣ Божіей, рано или поздно наступитъ военное время, то и у насъ, не хуже чѣмъ въ Пруссіи, каждый рабочій, каждая служанка поспѣшатъ принести на святое дѣло свою лепту, и изъ малыхъ вкладовъ будутъ слагаться милліоны, коими будетъ полноправно распоряжаться центральное управленіе, при содѣйствіи управленій мѣстныхъ. Нынѣ требуется только устроить ту сѣть мѣстныхъ органовъ, которые въ военное время должна дать удобный истокъ народной заботѣ о людяхъ идущихъ на смерть за свое отечество. Москва отстала въ дѣлѣ этой организаціи; она должна поспѣшить учрежденіемъ мѣстнаго управленія и возможно широкимъ развитіемъ его дѣятельности. Считаемъ долгомъ содѣйствовать этому разъясненіемъ одного недоразумѣнія, которое, какъ намъ извѣстно, было главною причиной того, что московское мѣстное управленіе не формировалось такъ долго и что даже до сего времени нѣкоторыя почтенныя лица затрудняются принять участіе въ немъ.

Чтобы частная дѣятельность могла развиваться успѣшно, ей необходимо прежде всего обезпеченіе, что труды и жертвы ея не пропадутъ втунѣ, что они употреблены будутъ именно такъ какъ желаютъ жертвователи. Трудно представить себѣ въ самомъ дѣлѣ какое бы то ни было частное общество, которое бы стало дѣйствовать энергически, щедро собирать разнаго рода пожертвованія трудомъ и деньгами, не будучи обезпечено въ правѣ распоряжаться своими сбереженіями какъ собственностью и распредѣлять ихъ между нуждающимися чрезъ довѣренныхъ лицъ. Съ другой стороны, нѣтъ сомнѣнія, что если мѣстное общество не можетъ имѣть точныя свѣдѣнія о томъ, гдѣ въ военное время наиболѣе полезна его дѣятельность, то оно всегда приметъ указаніе объ этомъ съ благодарностью и само поспѣшитъ оказать помощь тамъ, гдѣ она нужнѣе. По этому многіе не видятъ необходимости въ слѣдующихъ параграфахъ устава Общества, по ихъ мнѣнію слишкомъ неопредѣленныхъ:

§ 27. „Главное управленіе въ С.-Петербургѣ, сосредоточиваетъ въ себѣ всѣ свѣдѣнія о капиталахъ и прочихъ средствахъ мѣстныхъ управленій и, *въ случаѣ надобности, перемѣщаетъ какъ суммы, такъ и имущества изъ одного управленія въ другое.*"

§ 28. „*Главное управленіе, черезъ посредство мѣстныхъ управленій, дѣлаетъ распоряженіе о производствѣ всѣхъ необходимыхъ заготовленій;* непосредственно же производитъ заготовленіе только въ случаяхъ исключительныхъ."

§ 49. „Мѣстныя управленія заботятся главнѣйше объ изысканіи въ предѣлахъ своей мѣстности всевозможныхъ способовъ къ увеличенію средствъ Общества. Они принимаютъ пожертвованія, какъ денежныя,

такъ и имущественныя, *и приводятъ въ исполненіе всѣ предложенія главнаго управленія.*"

При такихъ условіяхъ, мѣстныя общества представляются многимъ только сборщиками денежныхъ и другихъ пожертвованій.

Всякій кому извѣстенъ вполнѣ достойный уваженія личный составъ нынѣшняго главнаго управленія, заранѣе убѣжденъ, что на практикѣ центральное управленіе будетъ содѣйствовать развитію частной предпріимчивости и заботиться чтобы собранные деньги и матеріалы расходовались согласно желанію жертвователей. Но во всякомъ случаѣ это справедливое желаніе жертвователей обезпечено самою сущностью дѣла. Чего достигло бы главное управленіе, еслибъ оно пренебрегло этою стороной своихъ обязанностей? Оно достигло бы мгновеннаго прекращенія пособій. Вѣдь эти пособія могутъ притекать въ центральное управленіе не иначе какъ чрезъ посредство управленій мѣстныхъ. По самому существу дѣла не они отъ него, а оно отъ нихъ зависитъ. Приведенные параграфы необходимы лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда судьба многихъ тысячъ людей зависитъ отъ промедленія даже незначительнаго. Еслибъ и въ этихъ случаяхъ главное управленіе было обязано вступать съ мѣстными управленіями въ переписку, дѣйствовать посредствомъ приглашеній, а не предложеній, и ожидать отвѣтовъ чтобъ удостовѣриться, что его приглашеніе будетъ исполнено, то многимъ ли разнилась бы его дѣятельность отъ дѣятельности военномедицинской центральной администраціи, которой недостаточность, дознанная опытомъ, именно и повела къ учрежденію Общества Попеченія о Раненыхъ и Больныхъ Воинахъ?

№ 10.

Москва, 13-го января.

Обозрѣвая событія послѣднихъ восемнадцати лѣтъ, то и дѣло встрѣчаешь явленія, которыя нельзя объяснить ничѣмъ инымъ какъ одуряющимъ дѣйствіемъ безсмысленной политической фразеологіи, создаваемой и пускаемой въ ходъ мастерами этого дѣла. „Франція глава латинскаго племени", „Франція естественная союзница Польши", „Франція оплотъ европейской цивилизаціи противъ всепожирающаго властолюбія Россіи" и пр., вотъ напримѣръ тѣ пустозвонныя фразы, дѣйствію коихъ нація, скромно величающая себя остроумнѣйшею въ мірѣ, обязана длинною вереницей неудачъ и недочетовъ, завершившихся наконецъ тѣмъ, что la belle France превращается теперь въ громадную казарму. Пользуясь наркотическимъ дѣйствіемъ подобныхъ фразъ чтобъ отвлечь вниманіе народа отъ его внутреннихъ дѣлъ, политическое донкихотство уже съ 1866 года держитъ Францію въ отчаянной необходимости избрать одно изъ двухъ: либо отречься отъ великаго положенія, созданнаго ей судьбами исторіи, либо прибѣгнуть къ героическимъ средствамъ для уврачеванія ранъ нанесенныхъ ей въ многолѣтней борьбѣ со всякаго рода вѣтреными мельницами. А между тѣмъ всего проще и естественнѣе было бы поспѣшить выйдти изъ этой печальной дилеммы посредствомъ добросовѣстнаго сближенія съ націями, чьи интересы ни въ одномъ пунктѣ не сталкиваются враждебно съ дѣйствительными интересами Франціи, и сближеніе съ которыми всякій разъ сопровождалось для нея добрыми послѣдствіями. Французская дипломатія могла бы до нѣкоторой степени сама уврачевать раны нанесенныя ей собственною неосмотрительностью; но для этого требуются прежде всего залоги искренности, добросовѣстности и твердости. Тюльерійскій кабинетъ предпочелъ еще разъ настращать общественное мнѣніе своей страны нелѣпымъ пугаломъ „всепожирающаго властолюбія Россіи", и подчинить свою политику домогательствамъ Австріи, которая мечтаетъ возмѣстить на счетъ славянскаго Востока ущербы, вынесенные ею изъ роковой борьбы 1866 года. Тюльерійскій кабинетъ, конечно, разчитывалъ обратить усиленіе Австріи на Дунаѣ въ пользу своихъ домогательствъ на Рейнѣ,—и вотъ пресловутое „всепожирающее властолюбіе Россіи" является обычнымъ средствомъ, чтобъ увлечь общественное мнѣніе народа, легко поддающагося фразѣ, на путь противоположный его интересамъ, указаніямъ его исторіи и естественнымъ инстинктамъ его политическаго положенія...

Получивъ въ Зальцбургѣ и Парижѣ словесныя, а вскорѣ затѣмъ и фактическія удостовѣренія въ сочувствіи Франціи, Австрія немедленно принялась работать для осуществленія своихъ любостяжательныхъ

замысловъ на востокѣ. Распуская, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ бываетъ, клеветы на сосѣднюю державу, якобы сгарающую вожделѣніемъ поживиться наслѣдствомъ „больнаго человѣка". Вѣнскій кабинетъ пустился во всевозможныя продѣлки, чтобы заранѣе обезпечить себѣ пригодныя и подручныя ему части этого наслѣдства. Сербскія газеты неоднократно свидѣтельствовали о неутомимой пропагандѣ чинимой на всемъ правомъ прибрежьи Дуная толпой австрійскихъ агентовъ, съ свойственною имъ наглостію старающихся увѣрить тамошнія простодушныя населенія, будто даже титулъ императора Австрійскаго рѣшено замѣнить въ наискорѣйшемъ времени титуломъ *Императора Славянъ*. Проектируемая Австріей желѣзная дорога чрезъ всю Турцію должна способствовать этимъ козямъ. И вотъ сербское правительство, въ опроверженіе нареканій вѣнской печати по поводу его вооруженій, заявляетъ чрезъ свою газету, что въ виду возможныхъ грозныхъ случайностей, оно принимаетъ на себя обязанность стать оплотомъ неприкосновенности Турецкой территоріи...

Нѣтъ сомнѣнія, что представленіе, съ которымъ, какъ утверждаютъ газеты *Patrie* и *Etendard*, сначала Франція и Австрія, а за ними Англія и Пруссія, обращались къ Сербіи по поводу ея военныхъ приготовленій, есть не что иное какъ протестъ первыхъ двухъ дворовъ противъ этой готовности бѣлградскаго правительства ограждать славянскія народности Турціи отъ коварныхъ и враждебныхъ имъ затѣй Вѣнскаго кабинета. Но пока Франція, въ угоду новой своей союзницѣ и въ надеждѣ найдти въ ней себѣ опору, окончательно подрываетъ свой кредитъ посреди населеній Востока, въ самой Вѣнѣ начинаютъ появляться знаменательные признаки, грозящіе Франціи новыми разочарованіями въ скороспѣлыхъ комбинаціяхъ ея нынѣшней политики. Оторвать Австрію отъ Германіи и перевести на востокъ центръ ея тяжести, таковы были всегдашнія домогательства мадьярства, совершенно совпадавшія въ этомъ отношеніи съ очевидными цѣлями прусской политики. Это согласіе видовъ между Венгріей и Пруссіей вполнѣ обнаружилось во время войны 1866 года. Торжество политической программы Мадьяровъ, безусловно принятой г. фонъ-Бейстомъ, было съ тѣмъ вмѣстѣ и торжествомъ прусской программы по отношенію къ Австріи. Въ текущую минуту, повидимому, исчезаютъ и послѣдніе поводы къ соперничеству между Австріей и Пруссіей, и если для Австріи это сближеніе совершается въ области ея интересовъ на Дунаѣ, то едва ли можно думать, чтобы Пруссія не воспользовалась этимъ обстоятельствомъ для обезпеченія своего положенія на Рейнѣ. Усиленіе Австріи на Востокѣ не можетъ не входить въ планы прусской политики: отрицать это было бы съ прусской стороны либо грубою ошибкой, либо столь же грубымъ обманомъ. Ни прусское правительство, ни прусскій народъ не принадлежатъ къ числу тѣхъ, кого можно застращать фразами о властолюбіи Россіи и отвлечь ребяческими страхами отъ дѣйствительныхъ угрожающихъ имъ опасностей. Объ этихъ опасностяхъ, впрочемъ, озаботилась напомнить имъ сама Франція,— ея печать, ея представители въ палатахъ, ея министры,—во время преній о проектѣ военной реформы, отвѣтившемъ наконецъ на прошлогоднія завоеванія Пруссіи созданіемъ во Франціи военной силы въ 1.200.000.... Пока офиціозныя газеты, вѣнская *Presse* и берлинская *Norddeutsche Post*, соперничаютъ между собою сердечными изліяніями взаимныхъ сочувствій, которымъ вторитъ и *Крестовая Газета*,— вѣрная наперсница французскаго главнаго министра, г. Руэра, газета *Etendard* наивно выражаетъ пріятную надежду, что „это сближеніе (между Пруссіей и Австріей) „упрочитъ дружбу Франціи къ обѣимъ державамъ, понявшимъ наконецъ, что единственная угрожающая имъ опасность находится на восточной, а отнюдь не на „западной ихъ окраинѣ." Есть ли эта наивность — притворство или только повтореніе благодушнаго восторга изъявленнаго въ прошломъ году всѣми правительственными органами Франціи въ виду любостяжательныхъ стремленій Пруссіи? Вѣрно по крайней мѣрѣ то, что теперь въ общественномъ мнѣніи Франціи отзываются убѣжденія діаметрально противоположныя надеждамъ, которыя высказываются въ *Etendard* и въ ея спутницѣ, *Patrie*. Мыслящіе люди во Франціи начинаютъ заботливо и тревожно озираться: несомнѣнно, что вслѣдствіе прочнаго сближенія Пруссіи съ Австріей, Франція, окончательно изолированная собственными ошибками, неминуемо утратила бы положеніе первостепенной

державы...... „Одною изъ самыхъ серіозныхъ случайностей“, сказано весьма мѣтко въ *Journal de Paris*, „которою могла бы „отозваться для Франціи ея политика въ „1866 году и битва при Садовой, было бы „образованіе тѣснаго союза Пруссіи, господствующей надъ Германіей, съ Австріей, „спокойною обладательницей Дуная.“

Ужъ не хочетъ ли и въ самомъ дѣлѣ Тюльерійскій кабинетъ своими статейками въ газетахъ *Etendard* и *Patrie* отвлечь вниманіе Пруссіи отъ приготовляемаго ей сюрприза на берегахъ Рейна?

№ 11.

Москва, 15-го января.

А.

Извѣщая о сдѣлкѣ заключенной между Обществомъ Взаимнаго Поземельнаго Кредита и домомъ Ротшильдъ и Сыновья во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, газета *Вѣсть* съ торжествомъ указывала своимъ читателямъ, что вотъ каково-де то Общество, которое *Московскія Вѣдомости* обзывали несостоятельнымъ. Ротшильды, давно уже уклоняющіеся отъ участія въ русскихъ предпріятіяхъ, предпочли это, по словамъ *Московскихъ Вѣдомостей*, жалкое дѣло всѣмъ другимъ дѣламъ въ Россіи, не исключая и покупки Николаевской желѣзной дороги: не есть ли это въ самомъ дѣлѣ блистательное опроверженіе всего того что писалось въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* о безвыходномъ положеніи этого Общества, едва могущаго сводить концы съ концами? *Вѣсть* могла торжествовать тѣмъ болѣе что мы молчали на эту ея выходку, какъ и на всѣ другія. Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* была ведена дѣятельная полемика съ поборниками Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита, пока ихъ дѣло еще не было рѣшено окончательно, и пока можно было надѣяться, что замыслы руководителей этого Общества не осуществятся. О насъ кричали тогда, что мы не доброжелательствуемъ дѣлу поземельнаго кредита въ Россіи, не хотимъ признать стѣснительность того положенія, въ которомъ находятся землевладѣльцы въ Россіи, и желаемъ даже ихъ разоренія, вѣроятно дабы побольше имѣній перешло изъ русскихъ рукъ въ польскія или нѣмецкія. Крикуны знали, что ни въ чемъ этомъ нѣтъ ни слова правды. Мы видѣли ясно, что подъ предлогомъ усерднаго содѣйствія обрусенію западнаго края употреблялись усилія оттянуть на другое дѣло тѣ фонды, которые были назначены на обрусеніе. Молчать было невозможно, и мы говорили какъ умѣли и сколько было силъ. Но когда дѣло состоялось, когда увѣнчалась успѣхомъ смѣлая попытка отвлечь 5 милліоновъ рублей казеннаго фонда отъ первоначальнаго назначенія, и вмѣсто пособія дѣлу обрусенія, западнаго края, обратить этотъ фондъ на пособіе Обществу Взаимнаго Поземельнаго Кредита, тогда уже не было никакой практической пользы продолжать полемику, и обращенія къ намъ *Вѣсти* по этому дѣлу могли быть оставляемы безъ вниманія, подобно прочимъ разглагольствіямъ ея о нашей газетѣ. Мы въ читателяхъ *Вѣсти* предполагаемъ настолько разсудительности чтобы видѣть какое различіе должно быть между прежнимъ Обществомъ Взаимнаго Поземельнаго Кредита, не заслуживавшимъ имени общества состоятельнаго, и нынѣшнимъ, почерпающимъ свой кредитъ въ пятимилліонномъ казенномъ подаркѣ. Стоило ли разъяснять публикѣ, что само собой ясно? Къ тому же каковы бы ни были пути, коими Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита шествовало къ этой цѣли, все-таки полученныя имъ деньги остаются деньгами государственными, и нельзя не пожелать, чтобъ онѣ приносили государству пользу. Нельзя не дѣлать различія между лицами, несущими отвѣтственность за свои дѣйствія. Какъ бы ни дѣйствовали лица, стоящія во главѣ Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита, самое учрежденіе остается и послѣ того тѣмъ чѣмъ было прежде, — учрежденіемъ могущимъ принести пользу привлеченіемъ капиталовъ къ сельскому хозяйству. Правда, что и въ этомъ отношеніи чрезмѣрное развитіе кредита могло бы оказаться вреднымъ, потому что препятствовало бы переходу имѣній въ болѣе способныя руки, но чрезмѣрное развитіе поземельнаго кредита пока не предвидится: ему полагаетъ предѣлъ самая сдѣлка Общества съ франкфуртскими Ротшильдами, ограничивающая ежегодный выпускъ закладныхъ листовъ пятью милліонами рублей. Это ограниченіе, во всѣхъ отношеніяхъ необходимое, подтверждаетъ между

прочимъ вѣрность нашего предсказанія, что Общество Взаимнаго Поземельнаго Кредита окажетъ лишь самое миніатюрное содѣйствіе водворенію русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ. Казенный пятимилліонный фондъ давалъ возможность выпустить для одного западнаго края закладныхъ листовъ на 50 милліоновъ рублей и вся эта операція могла быть произведена въ 5 лѣтъ съ небольшимъ, то-есть ежегодно можно было бы выдавать для одного западнаго края отъ 5 до 10 милліоновъ рублей, что собственно и было бы нужно для его успѣшнаго обрусенія. Теперь на всю Имперію будетъ выдаваться ссудъ не болѣе какъ на 5 милліоновъ рублей въ годъ: какая же незначительная доля пойдетъ изъ этого числа на западный край и какимъ черепашьимъ шагомъ будетъ двигаться его обрусеніе! Туманъ напущенный поборниками этого дѣла исчезаетъ, и оно представляется въ совершенной ясности. Но не будемъ больше говорить о томъ. Ограниченіе кредита, выговоренное франкфуртскимъ домомъ Ротшильдъ и Сыновья, устраняетъ ту опасность, которая могла бы произойдти отъ чрезмѣрной выдачи ссудъ. Предстоящія Обществу Взаимнаго Поземельнаго Кредита операціи, если будутъ ведены правильно, могутъ принести только пользу русскому сельскому хозяйству, нуждающемуся въ приливѣ капиталовъ, и русскому землевладѣнію, претерпѣвающему стѣсненія, коихъ устраненіе желательно въ общемъ интересѣ. *Московскія Вѣдомости* всегда высказывались въ пользу умѣреннаго развитія поземельнаго кредита въ Россіи, какъ важной государственной потребности. Въ томъ же самомъ отношеніи къ этому дѣлу онѣ остаются и нынѣ. Онѣ смотрятъ на него съ полнымъ доброжелательствомъ и готовы оказывать ему поддержку разъясненіемъ его условій.

Такъ и теперь, наканунѣ открытія подписки на новые закладные листы Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита, мы считаемъ долгомъ указать публикѣ на выгодныя стороны этой новой бумаги. Это одна изъ лучшихъ бумагъ для помѣщенія денегъ. По теперешнему курсу, пріобрѣтается за 88 кредитныхъ рублей билетъ, вѣрно обезпеченный и приносящій въ годъ дохода 5 рублей звонкою монетой, что составляетъ теперь около 5 р. 85 к. кредитными билетами. Это значитъ $6^2/_3$%. Сверхъ того при тиражѣ на каждый билетъ выплачивается не просто номинальная цѣна его, 100 р., но съ преміей въ 25 р., слѣдовательно даже нѣсколько больше чѣмъ при первыхъ тиражахъ лотерейныхъ билетовъ. Это выгоды весьма значительныя. Далѣе, важно то, что капиталъ остается въ цѣлости, какъ бы низко ни упалъ вексельный курсъ. Въ этомъ отношеніи новые закладные листы къ преимуществамъ металлическихъ облигацій желѣзныхъ дорогъ присоединяютъ то важное удобство, что по ихъ купонамъ можно будетъ получать платежи во всѣхъ многочисленныхъ конторахъ и отдѣленіяхъ государственнаго банка. Наконецъ первые подпищики получатъ еще небольшую единовременную выгоду вслѣдствіе того, что теченіе процентовъ по новымъ закладнымъ листамъ начинается съ 1-го января, а деньги можно вносить 18-го марта: проценты за $2^1/_2$ мѣсяца окажутся барышомъ, и въ первый годъ получится стало-быть дохода около 8%. Вотъ выгоды новой бумаги, которыя не укроются, конечно, отъ вниманія публики и обезпечатъ успѣхъ открываемой послѣ-завтра подписки *).

№ 12.

Москва, 16-го января.

Съ закрытіемъ преній французскаго законодательнаго собранія о военномъ законопроектѣ, внезапно, какъ бы по свистку невидимаго машиниста, преобразился офиціальный пейзажъ составлявшій задній планъ декораціи этого весьма не забавнаго для Франціи политическаго представленія. Вмѣсто мрачной картины военныхъ ужасовъ, усиліями всей офиціозной печати выставляется нынѣ въ перспективѣ умилительная эклога миролюбія Европы. О громовѣщихъ циркулярныхъ статейкахъ, разосланныхъ министерствомъ съ Шекспиров-

*) Спѣшимъ исправить важный недосмотръ, вкравшійся въ послѣднія слова вчерашней передовой статьи, гдѣ говорится о теченіи процентовъ по закладнымъ листамъ Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита. Теченіе процентовъ дѣйствительно, какъ сказано тамъ, начинается 1-го января, но *подпищики имѣютъ уплатить проценты по купону за время съ 1-го января по день полученія закладныхъ листовъ.* Слѣдовательно, той дополнительной выгоды, о которой мы упоминали, подпищикамъ *не предоставлено.* (Изъ № 12-го *Моск. Вѣд.*).

скимъ заголовкомъ: *to be or not to be*; при этомъ, разумѣется, ни слова; всѣ державы алчутъ дружбы Франціи, и самые толки о неминуемой войнѣ оказываются лишь злоумышленною нелѣпицей необузданныхъ мутителей оппозиціонной печати... Не просвѣщенная Европа, а развѣ только дикая Россія можетъ помышлять нынѣ о войнѣ, Австрія и Пруссія сердечно обнимаются во имя цивилизаціи, и Франція благословляетъ ихъ союзъ, запечатлѣнный сознаніемъ великой истины, что общій врагъ грозитъ имъ съ Востока, а не съ Запада; а надъ Италіей, благодаря увлекательному краснорѣчію ружей Шасно, видимо совершается чудо возвращенія ея подъ благодѣющую руку императора Французовъ... Горизонтъ-де повсюду разъясняется; исчезли пресловутыя „черныя точки" прошлогодней Аміенской рѣчи, и послѣдніе остатки ихъ оказываются лишь тѣнью воскрылія русскаго орла, этой вѣчной угрозы спокойствію и просвѣщенію Европы. Но у орла-де нынѣ обрѣзаны когти: Россія стала безвредна своимъ отчужденіемъ отъ Европы; она изолирована глубокомысленною комбинаціей сердечнаго соглашенія Франціи съ Пруссіей и Австріей, непреодолимымъ влеченіемъ Италіи къ своему западному благодѣтелю, и нравственными узами прикрѣпившими къ тому же благодѣтелю либеральную Турцію, новыя учрежденія которой, по мнѣнію *Mémorial* и брошюры маститаго дипломата, герцога Вальми, еще болѣе чѣмъ учрежденія самой Франціи, проникнуты животворящимъ духомъ „безсмертныхъ принциповъ 89 года". Остается Англія,—но о ней стоитъ ли и говорить?— Англія нынѣ окоченѣла со страха предъ національными стремленіями фенійскаго заговора!

Такова тема которую внезапно стали развивать всѣ офиціозныя газеты Франціи, какъ только миновали пренія о военномъ законопроектѣ. Этотъ крутой поворотъ характера ихъ полемики соотвѣтствуетъ измѣненію, происшедшему съ тѣхъ поръ въ самыхъ потребностяхъ политики правительства. Искусственная воинская агитація не имѣла другой цѣли какъ только поднять вопросъ о военномъ законопроектѣ на степень вопроса о спасеніи отечества. Возбужденный ею французскій *шовинизмъ* не столько убѣдилъ большинство палаты, какъ послужилъ ему предлогомъ согласиться на самыя тягостныя для Франціи статьи этого проекта, и именно на ту, въ силу коей все холостое населеніе Франціи, уволенное отъ наборовъ 1864, 65 и 66 годовъ, входитъ нынѣ въ составъ подвижной національной гвардіи, благодаря чему, съ будущей весны, пятьсотътысячный резервъ будетъ находиться въ распоряженіи политики Тюльерійскаго кабинета. Цѣль воинственной агитаціи нынѣ достигнута; законъ вотированъ; за солдатами дѣло не станетъ. Теперь правительству нужны деньги; предвидится неизбѣжность новаго займа. Для успѣха его нужно довѣріе публики, требуется кредитъ; офиціозной печати приходится, такимъ образомъ, бороться противъ ею же самой возбужденныхъ опасеній. Она принялась за это дѣло со свойственною ей настойчивостью и безъ всякихъ зазрѣній. Конечно, тутъ же кстати порядкомъ достается Россіи, которая оказывается единственною виновницей всѣхъ опасеній и тревогъ миролюбивой Франціи, признавшей въ лаврахъ графа Бисмарка масличную вѣтвь. Не странно ли? Воевали Пруссія, Австрія и Италія, при „внимательномъ", или, точнѣе при поощрительномъ нейтралитетѣ Франціи; но результатомъ этой войны стала для Франціи безотлагательная необходимость съ лихорадочною поспѣшностью перемѣнить все вооруженіе своей арміи, привесть въ оборонительное положеніе свои крѣпости и возвысить численность своихъ военныхъ силъ съ 600.000 на 1.200.000 человѣкъ,— и виною этого результата, столь справедливо и глубоко раздражающаго нынѣ французскую націю, вдругъ оказалась ни съ того ни съ сего, Россія,—та Россія, которая еще въ минувшую весну предохранила Францію отъ войны за Люксембургъ,— съ которою Франція, со времени развязки австро-прусскаго столкновенія, не переставала дѣйствовать заодно въ помощь восточному христіанскому міру, но которой именно эта самая помощь вмѣняется нынѣ въ вину всѣми органами французской правительственной печати!

Эта куріозная программа не нова: она высказана впервые, тому назадъ безъ малаго полтора года, въ пресловутомъ циркулярѣ маркиза де-Лавалета отъ 16-го сентября 1866 года, въ которомъ Франція, изъявляя свое удовольствіе по случаю постановленій Пражскаго трактата, съ притворнымъ ужасомъ указывала на возрастающее могущество Россіи. По всей вѣроят-

ности, Пруссіи должно быть памятно, что почти одновременно съ этимъ циркуляромъ начались и тайные переговоры Франціи съ королемъ Голландіи объ уступкѣ Люксембурга. Сличеніе этого прецедента съ тѣмъ что происходитъ нынѣ, можетъ быть весьма поучительно не только для Пруссіи, но и для самой Франціи. Тѣмъ не менѣе теперь, какъ и тогда, этотъ маневръ видимо увѣнчивается внутри Франціи блистательнымъ успѣхомъ. Увлеченная одуряющимъ вліяніемъ польской пропаганды, вся независимая печать, при первомъ намекѣ, внезапно забываетъ всѣ прочіе вопросы и бросается, очертя голову, на Россію. Не переставая протестоватъ противъ отдаленныхъ экспедицій, настаивать на необходимости сохраненія мира, сѣтовать на безплодность Крымской войны, оплакивать 100.000 Французовъ и 1.500 милліоновъ франковъ принесенныхъ ей въ жертву, упрекать правительство за его неудачное вмѣшательство въ польское дѣло, негодовать противъ его неудачи въ Люксембургѣ, французская либеральная печать забываетъ; что, благодаря своей слѣпой, извнѣ поджигаемой ненависти къ Россіи, она сама была безсознательною пособницей и орудіемъ всѣхъ козней, фальшиво направлявшихъ общественное мнѣніе Франціи и вредившихъ ея самымъ существеннымъ интересамъ. Чтò бы ни готовилось нынѣ, французская печать не должна терять изъ виду, что, повинуясь этимъ внезапнымъ, періодически возобновляющимся натравливаньямъ на Россію, она нынѣ, какъ прежде, становится орудіемъ не сознаваемыхъ ею интригъ, и принимаетъ на себя предъ Франціей и предъ цѣлымъ міромъ значительную долю отвѣтственности за роковыя послѣдствія своего неразумія.

Впрочемъ, какъ видимъ изъ полученныхъ сегодня газетъ, французская журналистика наконецъ сознается въ недобросовѣстности, съ которою сообщаются ей чрезъ *Агентство Гаваса* извѣстія о статьяхъ русской печати, умышленно искажаемыхъ, при передачѣ по телеграфу, для того чтобы придать имъ воинственный характеръ. Такъ поступило *Гавасово Агентство* съ передовою статьей *Русскаго Инвалида*, отъ 3-го января (№ 2), которой особенно посчастливилось возбудить противъ себя возгласы негодованія и самые разнородные толки. Чтó же оказалось потомъ? № 2-й *Русскаго Инвалида*, возбудившій такую тревогу, прибылъ въ Парижъ и убѣдилъ французскихъ публицистовъ, что въ немъ не было никакой воинственной или угрожающей статьи. „Вблизи, замѣчаетъ очень наивно *Journal des Débats*, статья *Русскаго Инвалида* показалась намъ далеко не такою страшною, какъ представлялась издали.“ Гораздо рѣзче выражается по этому поводу *Avenir national*, котораго ужь никакъ нельзя заподозрить въ пристрастіи къ Россіи. Вотъ чтó сказано въ этой газетѣ:

„*Le Nord* обвиняетъ французское агентство въ томъ, что оно систематически опускаетъ статьи русскихъ газетъ, отзывающіяся въ пользу мира, и вмѣстѣ съ тѣмъ искажаетъ тѣ, кои не содержатъ въ себѣ никакого опредѣленнаго заключенія, придавая имъ враждебный смыслъ. Дѣло въ томъ, что *Агентство Гаваса*, невѣрною телеграфною передачей, придало статьѣ *Русскаго Инвалида* ультра-воинственный характеръ, котораго та въ дѣйствительности вовсе не имѣла. Зачѣмъ оно допускаетъ такія искаженія, которыя могутъ лишь поддерживать общественное безпокойство, возбуждать воинственныя страсти въ нѣкоторой части Франціи, словомъ, вызывать прискорбную борьбу! Мы не беремся рѣшать этотъ вопросъ.“

Чтó касается до мнимыхъ чрезвычайныхъ вооруженій Россіи, о которыхъ протрубили нѣкоторыя французскія газеты, то парижскій корреспондентъ *Nord*, отъ 22-го января, свидѣтельствуетъ, что по его свѣдѣніямъ, французское министерство иностранныхъ дѣлъ не раздѣляетъ недовѣрія, возбужденнаго этою враждебною Россіи журналистикой, „не потому, присовокупляетъ корреспондентъ, чтобы здѣсь получено было точное исчисленіе силъ русской арміи, но, по собраннымъ нынѣ офиціальнымъ свѣдѣніямъ, эти до крайности преувеличенные слухи, умышленно распускавшіеся въ публикѣ, лишены всякаго основанія.“

Пора бы кажется французской печати пріобрѣсть нѣсколько болѣе самостоятельности и зрѣлости въ своихъ сужденіяхъ и перестать служить послушнымъ органомъ всякой интриги, откуда бы она ни исходила. Чѣмъ поддаваться, какъ въ 1852, 1863 и 1866 годахъ натравливаніямъ на Россію, не полезнѣе ли бы ей было заняться, напротивъ, изобличеніемъ этихъ фальшивыхъ возбужденій, развивающихъ

самонадѣянный и кичливый *шовинизмъ* „великой націи,“ уже нѣсколько разъ поплатившейся за него своею кровью, своими трудовыми сбереженіями и горькими недочетами.

№ 13.

Москва, 17-го января.

Намъ остается только радоваться духу миролюбія, который повидимому водворяется теперь повсюду въ Европѣ. Въ положеніи дѣлъ не произошло никакой перемѣны, а во мнѣніи вдругъ совершился переворотъ. Вчера, казалось, изо всего готова была вспыхнуть всеобщая война; теперь всѣ со всѣми и во всякомъ дѣлѣ находятся въ наилучшихъ ладахъ. Вчера все являлось грознымъ вопросомъ; теперь нѣтъ никакихъ затрудненій, ни опасеній. Германскаго вопроса какъ будто и не бывало, а Восточный, который повидимому такъ тревожно занималъ всѣ умы и наполнялъ собою европейскую печать, будто бы вдругъ измѣнилъ свой характеръ и принялъ самый мирный оборотъ. Всѣ считали неизбѣжнымъ столкновеніе между Франціей и Пруссіей; только и было рѣчи что о союзахъ на случай этого возстанія: съ одной стороны Франція и Австрія, съ другой Россія и Пруссія, вотъ два лагеря, на которые повидимому должна была раздѣлиться Европа. Россія казалась естественною союзницей Пруссіи, и мысль эта имѣла счастіе сблизить людей самаго противоположнаго цвѣта. Русскіе иностранцы, видящіе въ Россіи только грубую случайность, и не признающіе за ней никакого назначенія кромѣ только того, чтобы служить орудіемъ чужихъ интересовъ и дѣлей, были въ этомъ отношеніи согласны съ нѣкоторыми политиками народной школы, вдохновляющимися идеею славянскаго единенія и великаго призванія Россіи. Весело было слушать о выгодахъ, какія Россія можетъ извлечь изъ союза съ Пруссіей въ разрѣшеніи Славянскаго и Восточнаго вопроса; а между тѣмъ ловкая политика канцлера Сѣверо-Германской федераціи уже успѣла извлечь для себя всѣ выгоды изъ этихъ толковъ, оставляя за нами только ихъ невыгоды. Теперь уже въ Европѣ перестаютъ говорить о русско-прусскомъ союзѣ, и рѣчь идетъ только о добрыхъ услугахъ, которыя взаимно оказываютъ другъ другу кабинеты Тюльерійскій и Берлинскій, и о дружелюбныхъ отношеніяхъ, которыя устанавливаются между Пруссіей и Австріей. Пруссія уже предпринимаетъ по восточнымъ дѣламъ совокупныя съ другими державами дѣйствія, которыя изолируютъ Россію. И вотъ теперь мы узнаемъ, что Европа обязана своимъ нынѣшнимъ мирнымъ настроеніемъ положенію, которое приняла Пруссія, твердому тону, которымъ она заговорила въ Петербургѣ, склоняя Россію къ болѣе спокойному взгляду на дѣла Востока. Оказывается, что виной всѣхъ тревогъ въ въ Европѣ была Россія, что якобы она своими громадными вооруженіями держала Европу въ тревогѣ, и заставила другія державы озаботиться военными преобразованіями и приготовленіями; но благодаря миротворному дѣйствію Берлинскаго кабинета, все обѣщаетъ благополучно уладиться: Россія, уступая настояніямъ съ этой стороны, отказывается отъ своихъ завоевательныхъ замысловъ, и вотъ причина столь быстрой перемѣны въ положеніи дѣлъ. Русская политика есть такимъ образомъ въ Европѣ элементъ раздора, потрясеній и войны; политика прусская, точно такъ же какъ и французская, служитъ напротивъ обезпеченіемъ мира и прочности существующаго положенія дѣлъ. Пусть будетъ такъ: мы во всякомъ случаѣ были бы рады наступившей перемѣнѣ въ общемъ настроеніи, еслибы только могли быть увѣрены въ искренности раздающихся со всѣхъ сторонъ миролюбивыхъ изъявленій. Обвиненія Россіи въ завоевательныхъ замыслахъ и въ чрезмѣрныхъ вооруженіяхъ встревожившихъ Европу, такъ противорѣчатъ очевидной дѣйствительности, что опровергать ихъ было бы дѣломъ смѣшнымъ и недостойнымъ. Имъ менѣе всѣхъ вѣрятъ тѣ, кто ихъ пускаетъ въ ходъ. Они возможны только въ нынѣшнее время грубыхъ мистификацій и обмановъ, въ которыхъ повидимому главнымъ образомъ полагается теперь политическое искусство.

Мы не посвящены въ тайны кабинетовъ и ничего не знаемъ о переговорахъ, которые между ними происходятъ. Мы можемъ судить о вещахъ только по ихъ естественнымъ отношеніямъ, и полагаемъ, что Россія, какъ вчера, такъ и нынѣ, слѣдуетъ одной и той же политикѣ, какъ въ общихъ европейскихъ дѣлахъ, такъ и въ

тѣхъ вопросахъ, которые особенно близко касаются ея интересовъ. Ей нѣтъ надобности отказываться отъ своего положенія по отношенію къ Восточному вопросу для того чтобъ успокоить Европу, ибо въ принятомъ ею положеніи ничего опаснаго для Европы не было. Точно также она не можетъ, въ угоду кому бы то ни было, отказаться отъ основаній своей политики на Востокѣ, ибо это значило бы отказаться отъ самой себя. Какъ вчера, такъ и нынѣ, дѣйствія Россіи, если брать въ соображеніе ея дѣйствительные интересы, вѣрнѣе всего обезпечиваютъ миръ, въ которомъ нуждается Европа, и который тѣмъ не менѣе безпрерывно нарушается. Россія не готовилась къ войнѣ ни по Восточному, ни по какому-либо другому вопросу; но она, безъ всякаго сомнѣнія, должна быть готова ко всякимъ случайностямъ, которыми столь обильно наше время и которыя безпрерывно измѣняютъ виды Европы. Что касается до Восточнаго вопроса, то она и теперь можетъ только такъ говорить и дѣйствовать, какъ говорила и дѣйствовала доселѣ. Она старалась не расходиться на Востокѣ съ другими державами, и теперь точно также всѣ ея желанія могутъ естественно клониться только къ тому, чтобы дѣйствовать на почвѣ этого вопроса совокупно съ другими и избѣгать всего что можетъ ее изолировать. Только крайнее ослѣпленіе или неразуміе могли бы заставить ее искать тайны разрѣшенія Восточнаго вопроса въ исключительномъ союзѣ съ Пруссіей. Въ Европѣ есть одна только держава, съ которою, при естественномъ ходѣ дѣлъ, Россія могла бы дѣйствовать согласно въ разрѣшеніи Восточнаго вопроса, какъ и по многимъ другимъ европейскимъ дѣламъ; несомнѣнно, что только Франція могла бы быть естественною союзницей Россіи, еслибы между этими двумя націями не было тьмы недоразумѣній, которыя не позволяютъ думать о какомъ-либо сепаратномъ между ними союзѣ. Другихъ союзовъ, основанныхъ на взаимномъ интересѣ обѣихъ сторонъ, для Россіи не представляется, и вся задача ея политики можетъ состоять лишь въ томъ чтобъ удерживать за собою свободу дѣйствій, которая даетъ силу ея слову, и не подчиняться видамъ чужой политики въ ущербъ своимъ драгоцѣннѣйшимъ интересамъ.

Сейчасъ только прочли мы въ лондонскомъ *Экономистѣ* весьма интересную замѣтку, которая отчасти подтверждаетъ то, что мы постоянно высказывали, но грѣшитъ тѣмъ, что изъ вѣрныхъ основаній дѣлаетъ невѣрныя заключенія. „Австрія „и Турція,“ говоритъ *The Economist*, „теперь естественныя союзницы. Обѣ онѣ „главнымъ образомъ зависятъ отъ того, „чтобы Дунай былъ свободенъ отъ контроля Россіи. Цѣлость Турецкой имперіи „стала дѣломъ въ полной мѣрѣ жизненнымъ для Австріи и Германіи... Утративъ свои италіянскія провинціи, выброшенная изъ Германіи, Австрія вступила „въ новую эпоху исторіи; она должна „стать *главною державой въ юго-восточной „Европѣ*; она—неизбѣжная союзница Турку и неизбѣжный врагъ Россіи.“ Въ этой замѣткѣ вѣрно то, что Австрія связана общими съ Германіей интересами на юго-востокѣ Европы и что эти интересы отнюдь не совпадаютъ съ тяготѣніями русской политики. Весь смыслъ прусской политики господствующей надъ Германіей состоитъ именно въ томъ чтобъ Австрія углубилась на юго-востокъ Европы; здѣсь австрійскіе интересы становятся германскими, и сама Австрія внѣ Германіи становится какъ бы ея продолженіемъ, ея піонеромъ въ этихъ мѣстахъ, ея естественнымъ союзникомъ, и никогда Пруссія именно здѣсь не будетъ содѣйствовать или доброжелательствовать Россіи. Теперешняя Австрія есть созданіе своей побѣдоносной союзницы и чѣмъ далѣе Австрія будетъ слѣдовать толчку, опредѣлившему ея теперешнее положеніе, тѣмъ болѣе будетъ соотвѣтствовать германской политикѣ, сосредоточенной въ Берлинѣ. Въ этомъ, кажется, нельзя сомнѣваться; нельзя также сомнѣваться и въ томъ, что чѣмъ болѣе Австрія будетъ такимъ образомъ соотвѣтствовать видамъ Германіи, объединяющейся подъ прусскимъ владычествомъ, и углубляться на Востокъ, тѣмъ менѣе эта искусственная формація, лишенная всякой внутренней организующей силы, всякой основы національнаго существованія и подверженная всевозможнымъ случайностямъ, можетъ соотвѣтствовать интересамъ русской политики, и нельзя не согласиться съ *Экономистомъ*, который указываетъ на нее въ этомъ новомъ ея положеніи, какъ на естественнаго врага Россіи на Востокѣ. Слѣдовало бы только прибавить, что она есть тоже есте-

ственный врагъ и христіанскихъ народностей, въ которыхъ заключается вся сила Восточнаго вопроса. Что Австрія есть естественный врагъ Россіи, съ этимъ мы можемъ согласиться; но что она обезпечиваетъ собою цѣлость Турецкой имперіи, какъ полагаетъ лондонская газета, то это есть дѣло очень спорное. Мы полагаемъ, что съ этимъ всего менѣе могли бы согласиться сами Турки, еслибъ они имѣли самостоятельную политику и собственнымъ умомъ отдавали себѣ отчетъ въ положеніи дѣлъ. Дѣйствительные интересы Россіи, которые становятся тѣмъ явственнѣе, чѣмъ рѣшительнѣе слѣдуетъ она инстинктамъ своей національной политики, запрещаютъ ей помышлять о расширеніи своихъ границъ; можно ли сказать это объ Австріи, которая выжидаетъ только случая, чтобы захватить Боснію и Герцеговину для закругленія своихъ владѣній и въ вознагражденіе за понесенныя ею территоріяльныя утраты? Россію прокричали врагомъ Турціи; но надобно по крайней мѣрѣ признать ее врагомъ безкорыстнымъ. Въ сущности же никто не подавалъ Турціи совѣтовъ болѣе дружелюбныхъ какъ Россія. Русская программа на Востокѣ, ясно выраженная и недавно обнародованная, вся направлена ко благу населеній европейской Турціи и въ то же время заключаетъ въ себѣ единственно возможныя основанія для существованія мусульманской власти султана въ Европѣ надъ христіанскими народами.

№ 14.

Москва, 18-го января.

Истины домогаются люди въ сферѣ знанія и науки, чистой правды—въ судахъ, если только суды устроены такъ, что могутъ служить органомъ чистой правды. Но было бы весьма жалкимъ ребячествомъ думать, что въ сферѣ политическихъ дѣйствій люди хлопочутъ о раскрытіи истины и о соблюденіи справедливости. Здѣсь, въ основѣ всего, сидитъ простое *хочу* и грубое *могу*. Логика играетъ здѣсь ту же роль, что̀ и риторика: идеи, теоріи, аргументы, подборъ фактовъ, все это имѣетъ здѣсь лишь второстепенное и несамостоятельное значеніе, все это назначается здѣсь вовсе не для того, чтобы порождать истину въ умахъ или раскрывать правду; все это служитъ здѣсь только предлогомъ, символомъ, орудіемъ, способомъ дѣйствія, сущность же заключается только въ могуществѣ. Кто что̀ можетъ, тотъ то и дѣлаетъ. Пусть аргументы будутъ хороши или дурны, они ничего здѣсь не рѣшаютъ и сами по себѣ ни къ чему не ведутъ; они мѣняются какъ одежда, и нынче пускается въ ходъ то что̀ опровергалось вчера. Спорящія стороны вовсе не имѣютъ въ виду убѣдить другъ друга вѣрностію своихъ доводовъ; въ политическихъ спорахъ мѣряются только силы, то наступая, то отступая, примѣняясь къ обстоятельствамъ и пользуясь всякимъ аргументомъ какой покажется въ данную минуту наиболѣе пригоднымъ.

Давно ли въ Европѣ только и рѣчи было что о такъ-называемомъ принципѣ національностей? Правительства, казалось говорили и дѣйствовали во имя этого „священнаго принципа;“ онъ, казалось, былъ солнцемъ политическаго міра; около него, казалось, вращались всѣ вопросы; въ немъ, повидимому, заключалась тайна всякой войны и всякаго міра; имъ, повидимому, все дышало, двигалось и жило. Въ дипломатіи это былъ сильнѣйшій аргументъ, предъ которымъ все долженствовало смолкнуть; на немъ зиждились и глубокомысленныя и чувствительныя теоріи; онъ возбуждалъ страсти; онъ возносилъ умы въ область идеала; онъ былъ клокочущимъ источникомъ вдохновенія и негодованія; онъ былъ несомнѣнною истиной и святою правдой,—и казалось, стоило только поставить его на видъ, чтобы повсюду стремительно пошли твориться разложенія и соединенія, чтобы единое раздроблялось, и многое сливалось во едино. Давно ли осаждали Россію во имя этого принципа, осыпая ее всевозможными проклятіями и угрозами? Давно ли, во имя этого принципа и вопреки всѣмъ убѣжденіямъ истины и правды, поднимали противъ Россіи призракъ польскаго вопроса? И вотъ теперь, просимъ обратить вниманіе на рѣчь лорда Станлея сказанную на банкетѣ, который давался 22-го января въ честь министровъ ея британскаго величества. Ниже мы приводимъ ту часть этой рѣчи, которая касается ирландскаго вопроса, по поводу такъ-называемаго фенійскаго движенія такъ разыгравшагося въ Соединенномъ королевствѣ. Съ какимъ глубокимъ презрѣніемъ и какъ рѣшительно высказывается объ этомъ принципѣ національностей та самая

Англія, которая въ 1863 году была во главѣ коалиціи, требовавшей чтобы Россія, во имя этого принципа, посягнула на самоубійство. „Прежде всего мы не должны „скрывать отъ себя тотъ фактъ", сказалъ лордъ Станлей, коснувшись нынѣшнихъ ирландскихъ волненій, „что есть партія „и можетъ-быть значительная партія, ко„торую не удовлетворятъ никакія возмож„ныя уступки. Тѣ кто домогаются отдѣль„наго національнаго существованія Ирлан„діи или отмѣны акта соединяющаго ее „съ Англіей,—это въ сущности одно и то „же,—хлопочутъ о томъ чего никогда не „получатъ; и объявить имъ это откровен„но и прямо, значитъ оказать имъ истин„ное дружелюбіе. Мы не допустимъ чтобы „Британская имперія была расторгнута на „части въ силу какихъ-либо фантастиче„скихъ теорій, или на томъ основаніи, что „нѣкоторые политики празднословили о „священномъ принципѣ національностей въ „примѣненіи къ другимъ странамъ. Ир„ландія нераздѣльна съ Англіей нынѣ и „во вѣки!" Изъявленія сочувствія сопровождали слова оратора и особенно громогласно прервали его на этомъ мѣстѣ. Какъ странно сопоставить теперь эту рѣчь, произнесенную при рукоплесканіяхъ многочисленнаго собранія, съ тѣмъ что празднословилось назадъ тому пять лѣтъ объ этомъ „священномъ принципѣ національностей" и въ дипломатическихъ депешахъ, и въ парламентахъ, и въ печати, и на митингахъ! А между тѣмъ принципъ національностей не имѣющій смысла противъ Россіи въ такъ-называемомъ Польскомъ вопросѣ, и который при полномъ своемъ примѣненіи вездѣ оказался бы въ ея пользу, могъ бы очень хорошо быть примѣненъ къ Ирландіи, и вотъ тутъ-то онъ объявляется только пустою фразой, фантастическою теоріей. Итакъ, всѣ эти убѣжденія, столь краснорѣчивыя, столь горячія, столь глубокомысленныя, столь чувствительныя, которыя были разчитаны на то, чтобы смутить насъ и предъ которыми, дѣйствительно, будто провинившіеся школьники отступали съ великимъ смущеніемъ наши умники пикирующіеся казаться образованными и либеральными людьми, были ни что иное какъ пуфъ, въ который ни мало не вѣрили тѣ, кто имъ пользовались и кого стало быть вовсе не было надобности разубѣждать. Поляки были подняты на ноги вовсе не изъ уваженія къ принципу національностей, не изъ сочувствія къ нимъ и не изъ увѣренности въ правотѣ ихъ дѣла; объ ихъ національности, объ ихъ дѣлѣ никто серіозно не думалъ. Нужно было, въ видахъ политической диверсіи, занять Россію, возбудить въ ней элементы смуты, и достигнуть чрезъ это результатовъ, которые не имѣютъ никакого отношенія къ польскому дѣлу. Истинными врагами Поляковъ были не тѣ, кто указывалъ имъ на тщету ихъ стремленій и противодѣйствовалъ имъ, а тѣ, кто возбуждалъ ихъ, изъявлялъ имъ фальшивое сочувствіе, толковалъ имъ объ этомъ священномъ принципѣ національностей, отъ котораго они теперь отрекаются и заводятъ уже рѣчь о какомъ-то историческомъ правѣ. Сказать Ирландцамъ, что они никогда не получатъ того, чего домогаются, значитъ поступить относительно ихъ дружелюбно, справедливо замѣтилъ лордъ Станлей. Мы точь-въ-точь то же самое, и быть можетъ съ большею справедливостью, говорили обращаясь къ Полякамъ, и весьма рады, что слова наши могутъ теперь опереться на столь значительный авторитетъ. Дѣйствительно, всякая разумно задуманная и хорошо исполненная мѣра, клонящаяся къ обрусенію русскаго края каковы девять Заднѣпровскихъ губерній, была бы прежде всего истиннымъ благомъ для Поляковъ, и наоборотъ, все что противодѣйствуетъ этимъ мѣрамъ, все что уклоняетъ ихъ и поддерживаетъ въ Полякахъ надежды на возстановленіе въ краѣ національности не имѣющей въ немъ ни смысла ни будущности, есть дѣло прежде всего враждебное множеству людей поставленныхъ въ необходимость признавать себя Поляками.

Недавно, по случаю пріобрѣтенія княземъ Любомірскимъ имѣнія зятя его, г. Млодецкаго, въ одной газетѣ было адвокатски указано, въ оправданіе этого случая, на то, что слѣдуетъ дѣлать различіе между благонамѣренными и неблагонамѣренными Поляками въ западномъ краѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что личная благонамѣренность и неблагонамѣренность тамъ, гдѣ онѣ оказываются, должны быть принимаемы въ уваженіе, и нѣтъ сомнѣнія, что люди ни въ чемъ не виновные не должны подлежать взысканіямъ, справедливо падающимъ только на виновныхъ. Но когда принимаются общія политическія мѣры, имѣющія своимъ предметомъ не лица, а положеніе дѣлъ, то примѣненіе ихъ не можетъ быть осно-

вано на личныхъ соображеніяхъ. Коль скоро идетъ рѣчь объ измѣненіи фальшиво навязанной цѣлому краю національности, то имѣется въ виду устраненіе всего того, что поддерживаетъ этотъ національный характеръ, столько же вредный для государства, сколько и пагубный для лицъ его носящихъ. При вопросѣ объ измѣненіи характера землевладѣнія въ западномъ краѣ, вызвавшемъ законъ 10-го декабря 1865 года, коимъ пріостанавливается право у лицъ польскаго происхожденія и католическаго исповѣданія вновь пріобрѣтать земли, можетъ быть принимаема въ соображеніе только національность людей, а не личныя ихъ свойства. Дѣло не въ томъ, чтобы населить этотъ край хорошими людьми въ замѣнъ дурныхъ, а чтобъ измѣнить національный составъ его землевладѣнія; дѣло не въ томъ, насколько тотъ или другой польскій землевладѣлецъ можетъ быть признанъ благонамѣреннымъ или неблагонамѣреннымъ, а въ національномъ ихъ характерѣ. Самые благонамѣренные люди невольно становятся вреднымъ элементомъ, если они поставлены въ необходимость представлять собою національность враждебную государству и во всякомъ случаѣ не совмѣстную съ его единствомъ. Благонадежный Полякъ въ Россіи есть тотъ кто отказывается быть Полякомъ. Къ сожалѣнію, національный вопросъ въ западномъ краѣ, какъ и вообще въ Россіи, поставленъ въ неестественную связь съ церковнымъ, такъ что лица римско-католическаго исповѣданія должны волею или неволею чувствовать и признавать себя Поляками. Вотъ другая мѣра, которая является совершенною необходимостію для умиротворенія края,—мѣра клонящаяся къ разобщенію польской національности и римской церкви, какъ и вообще къ отдѣленію вопроса національно-политическаго отъ церковнаго. Это различеніе настоятельно требуется справедливостію и самыми существенными интересами государства, и грубые, совершенно безсмысленные при настоящемъ положеніи дѣлъ предразсудки, которые противятся всякой мѣрѣ принимаемой въ этомъ направленіи, дѣйствуютъ совершенно за одно съ враждебными для государства и пагубными для его національнаго развитія элементами.

№ 15.

Москва, 19-го января.

Минувшій годъ оставляетъ по себѣ не совсѣмъ добрую память. Во многихъ мѣстностяхъ сѣверной и средней полосы нашего отечества, также какъ и въ значительной части остальной Европы, голодъ, послѣдствіе неурожая, достигаетъ размѣровъ народнаго бѣдствія. Дай Богъ, чтобы тощая корова,—не такъ какъ въ Фараоновомъ сновидѣніи,—пришла къ намъ только одна! Голодный годъ есть бѣдствіе не только самъ по себѣ, но и потому что онъ обладаетъ пагубнымъ свойствомъ уподоблять себѣ и послѣдующій, онъ съѣдаетъ и будущее. Неурожайная жатва одного года отнимаетъ посѣвъ у другаго, и людямъ приходится не только бороться съ бѣдствіемъ настоящаго, но и тяжко заботиться о томъ, чтобы предотвратить его послѣдствія. Будемъ надѣяться на помощь Божію, но не будемъ плошать и сами. Бѣдствіе, съ которымъ предстоитъ борьба, имѣетъ дѣйствительно серіозные размѣры, но далеко не такіе, чтобы впасть въ уныніе и опустить руки. Оно и потому не должно бы, кажется, застать насъ въ расплохъ, что общество наше поставлено теперь въ условія вызывающія въ немъ и самосознаніе и самодѣятельность; оно получило земскую организацію и начатки мѣстнаго самоуправленія; съ большею чѣмъ когда-либо прежде льготой, частныя лица могутъ соединять свои усилія въ общемъ интересѣ, и каждому предоставлена возможность заботиться о дѣлахъ, которыя касаются всѣхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что правительство сдѣлаетъ съ своей стороны все возможное для облегченія бѣдствія и упрежденія его дальнѣйшихъ послѣдствій. Съ этой стороны никогда въ тяжелыя годины не оскудѣвала у насъ помощь; но есть основаніе полагать, что въ настоящее время правительственное пособіе имѣетъ возможность организоваться удовлетворительнѣе и дѣйствовать успѣшнѣе чѣмъ бывало прежде. За частною благотворительностью, въ подобныхъ случаяхъ, дѣло у насъ тоже не станетъ. Задача главнымъ образомъ состоитъ только въ томъ, чтобы пожертвованія для облегченія народнаго бѣдствія достигали какъ можно вѣрнѣе своей цѣли, чтобъ они доносились бережно, за-

ботливо и сполна туда гдѣ они наиболѣе требуются. Мало того, чтобы давать, надобно давать такъ, чтобъ отъ нашего даянія происходила дѣйствительная польза. Мало заслуги просто бросить деньги, хотя бы и во имя самаго лучшаго дѣла; надобно чтобы вмѣстѣ съ деньгами добрые люди порасходовались и умомъ, чтобы вмѣстѣ съ матеріяльнымъ пожертвованіемъ, они положили на дѣло и нравственную заботу, безъ которой матеріальное пособіе нерѣдко лишается всякой цѣны, а иногда производитъ дѣйствія противоположныя ожидаемымъ. Всякое дѣло требуетъ организаціи: всякая цѣль для успѣшнаго достиженія требуетъ согласованныхъ съ нею средствъ. Нельзя не порадоваться, что городскія управленія нашихъ обѣихъ столицъ дружно отозвались на голосъ народной нашей нужды. Какъ Петербургская, такъ и Московская городскія думы постановили обратиться съ воззваніемъ къ частной благотворительности, и, конечно, не упустятъ съ своей стороны ничего, чтобы дѣло помощи, которое они берутъ въ свои руки, повести и организовать какъ можно лучше и плодотворнѣе, въ чемъ, безъ сомнѣнія, встрѣтятъ онѣ полное содѣйствіе какъ правительства, такъ и частныхъ лицъ. И призывъ, и самый примѣръ городскихъ управленій Москвы и Петербурга не останутся втунѣ. Ихъ примѣру, вѣроятно, послѣдуютъ и многія другія имѣющіяся у насъ общественныя управленія, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нужда въ помощи болѣе чувствуется. Близкая мѣстная помощь дѣйствуетъ успѣшнѣе чѣмъ общая и идущая издалека. Что же касается до благотворительныхъ людей, то въ нихъ, слава Богу, не бываетъ у насъ недостатка. Люди неравнодушные къ бѣдствіямъ ближняго находятъ святую отраду въ томъ, чтобъ облегчая бремя дѣйствій для другихъ, въ то же время чувствовать и на себѣ его тяжесть. Мы не считаемъ себя въ правѣ взывать къ какимъ-либо геройскимъ доблестямъ и самопожертвованіямъ, которыхъ впрочемъ и не требуется. Но у людей достаточныхъ есть всегда болѣе или менѣе такихъ потребностей, безъ которыхъ можно легко обойдтись. Пожертвовать добровольно, во время общественнаго бѣдствія, удовлетвореніемъ одной изъ такихъ потребностей, опредѣлить на вспоможеніе бѣдствующимъ нѣкоторую долю изъ своихъ удобствъ и такимъ образомъ принять хотя малое участіе въ страданіяхъ множества людей, на это не требуется геройскихъ доблестей, но такое лишеніе сопровождается для дающаго неоцѣнимымъ нравственнымъ пріобрѣтеніемъ. Кто даетъ, не испытывая при этомъ никакого чувства лишенія, тотъ только теряетъ, ничего взамѣнъ не пріобрѣтая.

Быть-можетъ, въ виду суровой нужды, въ разныхъ мѣстностяхъ окажется возможнымъ организовать что-либо въ родѣ взаимнаго вспоможенія. Нужда есть лучшій учитель людей, и пока она, при всей своей настоятельности, еще не приняла размѣровъ бѣдствія лишающаго людей всякой возможности нравственно и матеріально помочь самимъ себѣ, она всего успѣшнѣе могла бы способствовать устройству взаимнаго вспоможенія, которое вѣрнѣе всего обезпечиваетъ нуждающіеся классы народа отъ повальнаго бѣдствія и возвышаетъ въ то же время ихъ нравственный характеръ, пріучая ихъ къ самодѣятельности и ставя ихъ существованіе въ независимость отъ милостыни.

Для того чтобы помочь голодающимъ населеніямъ ничего не могло бы быть лучше, между прочимъ, какъ открыть для нихъ источникъ новыхъ заработковъ тамъ гдѣ это оказалось бы возможнымъ и полезнымъ. Если нѣкоторыя правительства злоупотребляютъ развитіемъ общественныхъ работъ для таго чтобы помочь самимъ себѣ въ какихъ-либо затрудненіяхъ; то изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобъ усиленіе общественныхъ работъ истинно полезныхъ не должно было служить однимъ изъ наилучшихъ и дѣйствительнѣйшихъ способовъ помогать нуждающимся населеніямъ въ трудное время. Не слѣдуетъ, въ виду случайнаго и временнаго бѣдствія, подрывать основы общаго благосостоянія народа и обременять потомство неоплатными долгами; но нельзя не пользоваться всякою возможностію согласить одно съ другимъ, такъ чтобы посредствомъ удовлетворенія мѣстной и временной нужды создать новый элементъ народнаго благосостоянія, новую силу для его развитія, новый капиталъ для потомства. Къ такого рода общественнымъ работамъ, безъ сомнѣнія, принадлежитъ постройка желѣзныхъ дорогъ, гдѣ они признаны несомнѣнно нужными. Смѣемъ думать, что въ виду голодающихъ населеній открытіе такихъ работъ было бы дѣломъ вполнѣ

благовременнымъ и вдвойнѣ полезнымъ. Къ числу дорогъ несомнѣнно полезныхъ принадлежитъ Московско-Смоленская, о которой было такъ много рѣчи въ печати, и которая обѣщаетъ столько выгодъ для цѣлаго государства, въ которой заинтересовано земство обѣихъ губерній. Съ другой стороны, Смоленская губернія, а равно и смежныя съ нею, принадлежатъ къ числу наиболѣе потерпѣвшихъ отъ прошлогодняго неуражая. До сихъ поръ тамошнія населенія отчасти поддерживались заработками отъ перевозки рельсовъ для Витебско-Орловской желѣзной дороги, и потому бѣдствія голода еще не обнаружились тамъ во всей силѣ. Но заработки эти прекращаются, и къ веснѣ тамошнія населенія неизбѣжно очутятся въ страшной крайности, которую всего лучше могло бы предотвратить немедленное открытіе работъ по новой желѣзной дорогѣ, долженствующей пройдти черезъ всю Смоленскую губернію. Земляныя работы, начатыя по всему протяженію этой линіи, заняли бы множество народа изъ разныхъ мѣстъ, ближнихъ и дальнихъ, и открыли бы источникъ обильныхъ заработковъ. Чтобы дать понятіе о крайности, въ которой находятся населенія Смоленской губерніи, и о бѣдствіяхъ, которыя угрожаютъ имъ къ веснѣ, достаточно сказать, что въ настоящую пору цѣны на рожь доходятъ тамъ до 10 р. с.

№ 16.

Москва, 20-го января.

Января 3-го (15-го) румынскія палаты были открыты лично принцемъ Карломъ Гогенцоллернскимъ, который, въ произнесенной имъ по этому случаю рѣчи, сказалъ между прочимъ слѣдующее: „....У „насъ болѣе чѣмъ гдѣ-либо церковь, кро„мѣ своего собственнаго характера, имѣла „еще и характеръ національный. Она и „возвышалась и приходила въ упадокъ „вмѣстѣ съ возышеніемъ и упадкомъ на„ціи. Посему очень естественно, чтобы „Румынскій народъ, возвративъ себѣ свои „древнія права, прежде всего озаботился „возвратить своей церкви ея древній „блескъ. Реформы, предпринятыя съ этою „цѣлью послѣднимъ правительствомъ, ока„зались опрометчивыми, и дали поводъ „думать, что было намѣреніе уклониться „отъ догматовъ великаго православнаго „исповѣданія. Желая какъ можно скорѣе „положить конецъ этому заблужденію, мое „правительство представитъ вамъ проектъ „закона, который вмѣстѣ съ огражденіемъ „независимости румынской церкви, дастъ „могущественныя ручательства что мы „хотимъ пребыть въ нѣдрахъ православ„наго исповѣданія“. Слова эти свидѣтельствуютъ о добромъ намѣреніи порвать всякую связь съ тѣми происками, которыхъ орудіемъ былъ предшественникъ князя Карла, и которыя имѣли цѣлью, вмѣсто православнаго исповѣданія, водворить въ Дунайскихъ Княжествахъ исповѣданіе латинское. Вмѣстѣ съ тѣмъ слова князя Карла свидѣтельствуютъ о его готовности положить конецъ самымъ скандалёзнымъ несправедливостямъ, совершеннымъ съ намѣреніями существенно враждебными къ Россіи.

Пора, давно пора! Такой поворотъ съ каждымъ днемъ требовался все настоятельнѣе. Слова князя Румыніи, тѣмъ болѣе замѣчательныя, что самъ онъ католикъ, не могутъ не радовать насъ, и мы по этому поводу считаемъ нелишнимъ припомнить и пояснить важнѣйшіе пункты вопроса, извѣстнаго подъ именемъ вопроса о монастырскихъ имуществахъ.

Святыя Мѣста Востока, то-есть четыре патріаршества: Константинопольское, Іерусалимское, Александрійское и Антіохійское, равно какъ религіозныя общины горы Синайской, горы Аѳонской и разныхъ провинцій Румеліи, уже съ XVI столѣтія владѣютъ въ Дунайскихъ Княжествахъ монастырями и недвижимыми имѣніями, которыя достались имъ отчасти по дарственнымъ росписамъ и завѣщаніямъ, отчасти посредствомъ купли или обмѣна, и вообще пріобрѣтены законнымъ образомъ. Эти монастыри и имѣнія существенно отличаются отъ туземныхъ монастырей и тѣхъ имѣній, которыя принадлежатъ внутренней молдо-валашской церкви; они составляютъ, въ силу неоспоримыхъ документовъ, полную, неотъемлемую, вѣчную собственность Святыхъ Мѣстъ, находящихся въ Оттоманской имперіи, и потому, въ отношеніи къ туземцамъ, эти имѣнія суть иностранная собственность, оплачивающая впрочемъ, наравнѣ со всякою частною собственностью въ Молдавіи и Валахіи, государственные налоги и по-

дати. Въ продолженіе вѣковъ мирное обладаніе этими монастырями и имѣніями не только не оспаривалось, а напротивъ было подтверждаемо многочисленными торжественными актами. Доходы съ этихъ имѣній составляли главное пособіе восточной церкви, и шли не только на религіозныя потребности, на содержаніе церквей и православнаго духовенства, но и на общественное обученіе и на благотворительныя заведенія для нашихъ единовѣрцевъ на Востокѣ. Сверхъ того, часть этихъ доходовъ употреблялась на то чтобы склонять Турокъ къ терпимости и удовлетворять алчность оттоманскихъ чиновниковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что при управленіи этими имуществами и при распоряженіи доходами съ нихъ бывали и злоупотребленія. Владычество Турокъ есть плохая школа, и очень понятно, что оно не имѣло особенно благопріятнаго вліянія на нравственность греческаго духовенства. Тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что лишь за немногими изъятіями доходы эти, простирающіеся почти до трехъ милліоновъ рублей серебромъ, были употребляемы съ пользой, ибо всѣ больницы и школы на Востокѣ содержались на счетъ церкви, и несмотря на сильную латинскую и протестанскую пропаганды, греческая церковь держала на Востокѣ твердо и высоко знамя православія.

Правительства Молдавіи и Валахіи въ первый разъ покусились на монастырскія имущества въ 1828 г. Жалуясь на нѣкоторыя якобы замѣченныя злоупотребленія игуменскаго управленія имѣніями, господари требовали вмѣстѣ съ тѣмъ чтобы часть доходовъ была употребляема въ самихъ Дунайскихъ Княжествахъ на общественную благотворительность. Греческая церковь соглашалась на пожертвованія, но не могла исполнить требованія не согласныя съ ея правами.

Таково было первое столкновеніе, вызванное господарями не безъ вліянія иностранныхъ и мѣстныхъ интригъ. Сначала, впрочемъ, не было ни малѣйшаго спора о правѣ собственности Святыхъ Мѣстъ на имѣнія; признаніе этого права заключалось въ самихъ притязаніяхъ правительствъ которыя хлопотали только о пресѣченіи злоупотребленій.

Тогда Россія властвовала въ Молдавіи и Валахіи, и она не преминула оказать покровительство православной церкви. Рѣшеніе вопроса было предоставлено органическимъ уставомъ смѣшанной коммиссіи, которой было предписано принять въ основу своего труда документы Святыхъ Мѣстъ на владѣніе принадлежащими имъ имѣніями и договориться о той суммѣ, какую благотворительныя заведенія края могли бы получать отъ иностранныхъ монастырей. Коммиссія собралась въ 1833 году въ Константинополѣ, но труды ея не привели ни къ какому результату, и вопросъ остался нерѣшеннымъ до трактата 1856 года.

Въ силу этого трактата, въ Молдо-Валахію была наряжена европейская коммиссія, которой было поручено освѣдомиться о желаніяхъ населенія по всѣмъ вопросамъ, относящимся къ переустройству Княжествъ. Уполномоченные великихъ державъ собрались на конференцію въ іюнѣ 1856, и въ протоколѣ № 13, засѣданія 30-го іюля 1858 г., было написано: „Г. „уполномоченный Россіи обратилъ внима„ніе конференціи на столкновеніе возник„шее въ Княжествахъ по поводу имѣній „посвященныхъ Святыхъ Мѣстамъ; по об„сужденіи дѣла, конференція рѣшила, что „дабы справедливо рѣшить существую„щее по этому предмету несогласіе между „правительствами Княжествъ и греческимъ „духовенствомъ, заинтересованныя сторо„ны будутъ приглашены условиться между „собою въ сдѣлкѣ. Если стороны не успѣ„ютъ договориться въ продолженіе года, „то постановить рѣшеніе посредствомъ тре„тейскаго суда, если же и судьи не при„дутъ къ соглашенію, то чтобъ они из„брали посредника.“

Такимъ образомъ великія державы, поручившіяся за Дунайскія Княжества, торжественно рѣшили, что если въ продолженіе года не послѣдуетъ соглашенія, то вопросъ будетъ рѣшенъ посредническимъ судомъ. Другимъ протоколомъ, отъ 6-го сентября 1850 года, это рѣшеніе было подтверждено, и были назначены опредѣленные сроки.

Но продолжая протоколировать и разсыпаться въ торжественныхъ увѣреніяхъ, нѣкоторыя державы, подъ тѣмъ предлогомъ чтобы создать оплотъ противъ Россіи, начали дѣйствовать на Дунаѣ въ противность международнымъ договорамъ.

Мелкій бояръ, по имени Александръ Іоаннъ Куза, былъ избранъ орудіемъ этихъ интригъ и нѣтъ надобности припо-

минать жалкіе происки, при помощи которыхъ онъ засѣлъ въ обоихъ княжествахъ съ тѣмъ чтобы разорить и разстроить ихъ сверху до низу.

Къ Александру-Іоанну былъ представленъ секретарь-іезуитъ, который получалъ инструкціи изъ Рима и Парижа. Несмотря на всѣ настоянія и протесты Россіи, несмотря на созваніе въ Константинополѣ новой коммиссіи, которой поручено было рѣшить вопросъ, несмотря на сопротивленіе самой Порты, Куза не только захватилъ всѣ монастырскія имущества, но и прогналъ греческихъ игуменовъ, отнялъ у нихъ документы на право собственности, наконецъ расхитилъ церковныя ризы и священные сосуды.

Европейская дипломатія сочла долгомъ преклониться предъ этимъ столь беззаконно совершившимся фактомъ. Она ограничилась только тѣмъ, что стала вымаливать у великодушнаго князя Кузы *какое-нибудь вознагражденіе*, и не задолго предъ своимъ постыднымъ изгнаніемъ изъ Букарешта Александръ-Іоаннъ поддержанный Тюльерійскимъ кабинетомъ, предложилъ уплатить единовременно 5 процентовъ съ капитала во 150 милліоновъ піастровъ (съ 10 милліоновъ рублей серебромъ), то-есть менѣе ежегоднаго дохода съ того что онъ отнялъ у восточной церкви. Сверхъ того, онъ создалъ пригодный ему синодъ съ тѣмъ, чтобы въ этомъ синодѣ засѣдали подручные ему профессоры и чиновники, а между тѣмъ его секретарь-іезуитъ назвалъ въ Букарештъ множество братьевъ лазаристовъ и другихъ агентовъ латинской церкви.

На этомъ дѣлѣ и осталось до сего времени. Князь Карлъ, повидимому, замѣтилъ, что пора подумать какъ бы исправить беззаконія надѣланныя его предмѣстникомъ. Можемъ ли мы здѣсь, въ Москвѣ, не выразить сочувствія такому намѣренію?

№ 17.

Москва, 22-го января.

Всякое затрудненіе, даже всякое несчастіе и бѣдствіе бываетъ полезно, если служитъ побужденіемъ вникнуть въ тѣ условія, коими оно было или причинено, или сдѣлано возможнымъ, и коихъ устраненію дотолѣ не придавалось должной важности. Нынѣшній голодный годъ будетъ въ прокъ намъ, если представитъ вліятельнымъ на наши внутреннія дѣла людямъ во всей живости необходимость серіозно подумать о неправильномъ распредѣленіи народонаселенія Россіи. Крѣпостное право, не только помѣщичье, но и государственное, задерживало доселѣ наши населенія на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ застали законы, воспретившіе ихъ передвиженіе. Помѣщичье крѣпостное право отмѣнено; чрезъ два года утратитъ силу и то ограниченіе свободнаго перехода, установленное для обезпеченія постепенности въ осуществленіи крестьянской реформы. Надобно желать и позволительно ожидать одновременной отмѣны и другихъ стѣсненій не имѣющихъ за себя тѣхъ соображеній справедливости и государственной мудрости, коими побуждалось законодательство, когда полагало десятилѣтній срокъ для свободнаго передвиженія крестьянъ, выходившихъ изъ крѣпостной зависимости. Эти другія стѣсненія имѣютъ происхожденіе фискальное и по большей части основаны на недоразумѣніи: государственная казна вдесятеро болѣе теряетъ отъ нихъ чѣмъ выигрываетъ. Они не обезпечиваютъ правильнаго взноса податей, потому что недоимки у насъ значительнѣе чѣмъ въ странахъ, не знающихъ закрѣпленія людей обществамъ, къ коимъ они приписаны. Успѣхъ въ этомъ отношеніи главнѣйшимъ образомъ зависитъ отъ реформы подушной подати, что, если не ошибаемся, уже болѣе шести лѣтъ должно составлять предметъ занятій такъ-называемой податной коммиссіи учрежденной при министерствѣ финансовъ. О ходѣ ея занятій по вопросу о подушной подати весьма мало извѣстно: повидимому вниманіе ея членовъ обращено болѣе на другія стороны нашей податной системы. Можетъ ли однако быть сомнѣніе, что въ ряду многаго важнаго не будетъ упущено изъ виду и то что наиболѣе важно, и что вопросъ о подушной подати будетъ разработанъ заблаговременно, прежде нежели приблизится 1870 годъ, который принесетъ съ собою послѣдній неоцѣненный даръ крестьянской реформы, свободу переселеній? Податная коммиссія, конечно, не хуже нашего знаетъ, что этотъ даръ потерялъ бы лучшую часть цѣны своей, еслибы не сопровождался реформой подушной подати и тѣми измѣненіями въ Положеніи 19-го февраля, которыя безъ этой реформы были бы не-

возможны, какъ ни очевидна ихъ необходимость. Всѣ эти измѣненія зависятъ отъ внесенія раціональныхъ началъ въ русскую податную систему и отъ устраненія той без сомнѣнія благонамѣренной, но совершенно ошибочной заботливости, которая держитъ милліонныя населенія въ дѣйствительной нищетѣ изъ опасенія, что они неспособны сами оградить себя отъ нищеты возможной во всякомъ человѣческомъ обществѣ, но въ Россіи, при обширности плодороднѣйшихъ земель, ей принадлежащихъ, гораздо менѣе возможной чѣмъ гдѣ-либо. Всего естественнѣе, чтобъ это заблужденіе потеряло силу, а правильные политико-экономическіе взгляды водворились сперва въ финансовомъ законодательствѣ: оно должно быть средоточіемъ, изъ котораго распространится свѣтъ на другія отрасли законодательства, касающіяся вопроса о передвиженіяхъ. Тогда не замедлятъ переработаться и многія статьи въ Положеніи 19-го февраля, получившія свой теперешній неудовлетворительный видъ, какъ записано въ журналахъ редакціонныхъ коммиссій, вслѣдствіе неудовлетворительности дѣйствующихъ постановленій о подушной подати, не подлежавшихъ разсмотрѣнію редакціонныхъ коммиссій. Объ этой связи мы уже не разъ въ прежнее время высказывались и не можемъ отказать себя въ удовольствіи привести теперь нѣсколько словъ изъ замѣчательной статьи кн. А. П. Васильчикова, напечатанной въ полученномъ вчера нумерѣ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* (отъ 20-го января, № 19). „Нѣсколько милліоновъ рукъ," говоритъ князь Васильчиковъ, „совершенно бездѣй„ствующихъ съ Покрова до Егорья (съ „1-го октября по 23-е апрѣля), нѣсколь„ко милліоновъ рабочихъ, прикрѣпленныхъ „къ такой почвѣ и къ такому климату, „гдѣ земледѣліе не оплачиваетъ трудъ зем„ледѣльца,—вотъ что составляетъ настоя„щій дефицитъ казны, народа и всей рус„ской земли. Никакіе займы его не по„кроютъ. Но, съ другой стороны, на дру„гомъ краю государства лежитъ столько „же милліоновъ десятинъ излишней плодо„роднѣйшей земли, сколько на сѣверѣ про„падаетъ рабочей силы, и покуда равно„вѣсіе между просторомъ и работой, ме„жду запросомъ и сбытомъ, между дѣломъ „и праздностью, не будетъ возстановлено „полною свободой передвиженія, до тѣхъ „поръ мы останемся, какъ были доселѣ, „бѣднѣйшимъ изъ всѣхъ народовъ Евро„пы." „Только свободнымъ движеніемъ этой рабочей силы,—прибавляетъ онъ,—застывшей въ началѣ XVII столѣтія, можетъ быть возстановлено кровообращеніе въ громадномъ, но вяломъ организмѣ русской земли." Предложенія, которыя дѣлаетъ князь Васильчиковъ, заслуживаютъ полнаго вниманія, и мы не замедлимъ къ нимъ возвратиться, а теперь ограничимся выраженіемъ надежды, что воспріимчивость къ нимъ публики будетъ усилена тяжкимъ опытомъ нынѣшняго года, для многихъ мѣстностей Россіи неурожайнаго, а для иныхъ и совершенно голоднаго.

Мы должны сегодня сказать нѣсколько словъ о письмѣ г. пробста фонъ-деръ-Лауница, напечатанномъ во вчерашней *Современной Лѣтописи*. Оно также соприкасается съ вопросомъ о передвиженіи. Латыши и Эсты, живущіе въ нашемъ балтійскомъ краѣ, не обнаружили въ своей исторіи той способности къ колонизаціи и переселеніямъ, которою отличается великорусское племя; они не расположены, безъ крайней необходимости, мѣнять мѣсто жительства своихъ предковъ. Тѣмъ не менѣе однакоже и въ нихъ замѣтно стремленіе къ переселенію. Въ № 43 нашей газеты за прошлый годъ мы разсказывали о многочисленныхъ попыткахъ Латышей и Эстовъ переселяться въ губерніи Могилевскую, Ковенскую, Витебскую, Псковскую, С.-Петербургскую, Новгородскую, Костромскую, Самарскую, въ Крымъ, въ землю Черноморскихъ казаковъ и на Кавказъ. Затѣмъ, въ *Современной Лѣтописи* отъ 19-го ноября прошлаго года мы сообщили нѣкоторыя свѣдѣнія, полученныя нами изъ уважительнаго источника о новѣйшей попыткѣ Латышей выселиться изъ Курляндіи въ Ковенскую губернію. Эти попытки весьма естественны, потому что во всѣхъ упомянутыхъ губерніяхъ переселенцу должно быть много привольнѣе чѣмъ въ балтійскихъ губерніяхъ, гдѣ сравнительно слишкомъ много земледѣльцевъ ничего не имущихъ. Но до сихъ поръ дѣло устраивалось такъ, что рѣдкимъ изъ этихъ переселенцевъ удавалось осуществить свое намѣреніе. Такъ было и съ новѣйшею попыткой вкратцѣ описанною въ *Современной Лѣтописи* отъ 19-го ноября. Сообщеніемъ этихъ свѣдѣній мы желали, безъ всякаго пристрастія въ ту или другую сторону, содѣйствовать разъясненію дѣла, имѣющаго

общій государственный интересъ, и какъ само собой разумѣется, готовы помѣстить всякую сколько-нибудь серіозную поправку, какъ и сдѣлали, получивъ письмо почтеннаго гробинскаго пробста. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы мы считали себя обязанными слѣдовать соммаціямъ въ родѣ той, которая была сдѣлана намъ нѣсколько недѣль тому назадъ въ *St.-Petersburger Zeitung.* Этой газетѣ нѣсколько разъ угодно было вмѣшиваться въ наши дѣла, даже семейныя, съ цѣлью споспѣшествовать видамъ своей *нѣмецкой* политики. Она сообщала напримѣръ своимъ читателямъ, не знаемъ въ какой мѣрѣ интересный для нихъ, но къ сожалѣнію выдуманный фактъ, будто бы издатель *Московскихъ Вѣдомостей* такъ мало убѣжденъ въ вѣрности проповѣдуемыхъ имъ русскихъ тенденцій, что воспитываетъ своихъ дѣтей за границей. Хотя мы настоятельно просили (и могли бы потребовать) почтенную *St.-Petersburger Zeitung* опровергнуть это интересное извѣстіе, такъ какъ оно совершенно ложно, но до сихъ поръ ей не было угодно исполнить нашу скромную просьбу. За то она сочла себя въ правѣ потребовать, чтобы мы помѣстили какое-то объявленіе г. Руммеля, правителя канцеляріи курляндскаго губернатора, относящееся къ случаю, упомянутому въ *Современной Лѣтописи* 19-го ноября, хотя въ этомъ объявленіи, приписывающемъ всѣ переселенія вліянію злоумышленныхъ людей, положительно сказано, что вина злоумышленныхъ смапщиковъ въ этомъ случаѣ *не доказана,* и хотя это объявленіе ни однимъ словомъ не опровергаетъ сообщенія нашего корреспондента, что переселившіеся крестьяне ни за что не соглашались возвратиться на родину. Къ тому же статья г. фонъ-Руммеля была сообщена не намъ, а *Рижской Газетѣ,* а изъ многолѣтняго опыта мы достаточно знаемъ, до какой степени способна эта газета искажать факты во всемъ что касается Латышей или Эстовъ. Наконецъ, этотъ случай былъ не въ Курляндіи, а въ Ковенской губерніи, откуда мы и получили наши извѣстія. Было бы черезчуръ отважно перепечатывать изъ *Рижской Газеты* статью, которую она выдаетъ за важный документъ относительно Латышей и Эстовъ: объявляла же она два года тому назадъ, толкуя о переселеніяхъ Латышей въ Новгородскую губернію (1865 г.), будто ей извѣстно изъ достовѣрнѣйшихъ источниковъ (главнымъ источникомъ было *миѳическое имя Иммаръ*), что вся земля, пріобрѣтенная для Латышей, состоитъ изъ чистаго болота. А между тѣмъ, наше тогдашнее, противопоставленное стократнымъ увѣреніямъ *Рижской Газеты* опроверженіе оправдалось, и лютеранскій пасторъ авторитетъ для *Рижской Газеты* болѣе убѣдительный, объявилъ ея показаніе совершенно ложнымъ. Не могло ли бы то же самое случиться и съ нынѣшнимъ случаемъ?

Другое дѣло письмо почтеннаго Гробинскаго пробста, г. фонъ-деръ Лауница, по тому же дѣлу, адресованное къ намъ и вчера напечатанное нами. Къ сожалѣнію, однакоже, мы должны замѣтить, что и оно не бросаетъ достаточнаго свѣта на дѣло. Въ немъ указывается, что, какъ всякому извѣстно, жители балтійскаго края имѣютъ право требовать и получать законные виды на переходъ въ Ковенскую или другую какую-либо россійскую губернію. Но мы уже не разъ имѣли случай упоминать, что объ этомъ правѣ своемъ Латыши не знаютъ вслѣдствіе извращенія закона о паспортахъ, въ латышскомъ переводѣ коего сказано, что крестьяне *только тогда имѣютъ право* получать законные виды, *когда не переходятъ далѣе 30 верстъ,* между тѣмъ какъ нѣмецкій и русскій текстъ гласитъ совершенно иначе. Затѣмъ въ статьѣ г-на фонъ-деръ-Лауница сказано, что никто въ Курляндіи никогда не подвергался опасности умереть съ голода. Но смерть отъ голода разумѣется не буквально; изнурительныя болѣзни, тифъ и т. п. тоже бываютъ слѣдствіемъ голода. А такъ какъ извѣстно, что $^{3}/_{4}$ латышскихъ жителей Курляндіи состоятъ изъ батраковъ, не имѣющихъ ни клока земли, то утвержденіе г. фонъ-деръ-Лауница едва ли имѣетъ вполнѣ убѣдительную силу. Авторъ письма говоритъ далѣе, что отзывы 800 Латышей, оставившихъ свою родину безъ вѣдома мѣстныхъ властей и изъявившихъ притомъ, по прибытіи въ Ковно, желаніе принять православіе, совершенно ложны относительно лютеранскихъ пасторовъ и ихъ заботливости о душевномъ благѣ ихъ прихожанъ. Но и тутъ нельзя не замѣтить, что лютеранскіе приходы включаютъ въ себѣ нерѣдко болѣе 10.000 и даже 15.000 душъ обоего пола, а потому весьма легко, можетъ быть, что воззрѣнія гг. пасторовъ въ данныхъ случаяхъ не-совпадаютъ съ

воззрѣніями подчиненныхъ имъ крестьянъ. Наконецъ, было ли взято съ каждаго изъ 800 Латышей по рублю за прописку имени, это привести въ извѣстность можетъ только слѣдствіе, начатое, какъ увѣряютъ нѣмецкія газеты, въ Ковенской губерніи.

№ 18.

Москва, 23-го января.

Печатаемая въ сегодняшнемъ листкѣ нашемъ статья виленскаго старожила не требуетъ комментаріевъ. Излагаемые въ ней факты такъ обильны и такъ краснорѣчиво говорятъ сами за себя, что намъ остается только указать на нее.

Впечатлѣніе производимое сопоставленіемъ фактовъ, предлагаемыхъ этою статьей, надобно признаться, не совсѣмъ утѣшительнаго свойства. Значитъ, недостачно доброй воли и усердія для успѣха дѣла, съ которымъ сопряжены важные государственные интересы; требуется еще ясная, провѣренная въ своихъ началахъ и приведенная въ соотвѣтствіе съ своими цѣлями, система дѣйствій. Къ сожалѣнію, въ Виленскомъ учебномъ округѣ данъ слишкомъ большой ходъ направленію, которое съ перваго взгляда рекомендуетъ себя своею благовидностію, но которое состоитъ изъ ошибокъ и недоразумѣній, и не можетъ не оказывать вреднаго дѣйствія. Намъ неоднократно приходилось съ прискорбіемъ упоминать о такъ-называемой партіи виленскихъ клерикаловъ, которые особенно группируются въ тамошнемъ учебномъ вѣдомствѣ. Записка виленскаго старожила характеризуетъ съ достаточною ясностію мнѣнія и образъ дѣйствій этой клерикальной партіи. Къ ней менѣе всего принадлежатъ лица духовныя; она состоитъ главнымъ образомъ изъ разныхъ чиновниковъ ревнующихъ о православіи въ видахъ политическихъ, но въ своей ревности обыкновенно забывающихъ и о политикѣ. Нѣтъ ничего хуже смѣшенія понятій. Ставя одно вмѣсто другаго, мы и то и другое лишаемъ смысла и силы. Нѣтъ ничего вреднѣе для возвышенныхъ интересовъ церкви, какъ употребленіе ихъ средствомъ къ достиженію постороннихъ имъ цѣлей, и ничто такъ не вредитъ предположеннымъ цѣлямъ политическимъ какъ употребленіе средствъ имъ несвойственныхъ. Лучшею провѣркой правильности избраннаго образа дѣйствій служатъ всегда результаты дѣятельности. Если дѣло, при всемъ усердіи, не спорится, значитъ, есть какая-нибудь ошибка въ направленіи; значитъ, усилія полагаются не на настоящее дѣло, ревность расходуется не производительно. Размноженіе народныхъ училищъ есть самая ближайшая самая естественная цѣль административныхъ заботъ по этой части: при большой простотѣ и ясности взгляда эта забота была бы на первомъ планѣ, и тогда само собой измѣнилось бы то отношеніе виленской училищной администраціи къ мѣстному православному духовенству на которое намекаетъ виленскій старожилъ. Вообще, глядя со стороны, нельзя не подивиться тому, какъ различно поставлено дѣло народныхъ училищъ въ двухъ половинахъ западнаго края. Въ юго-западномъ краѣ духовенство владѣетъ этимъ дѣломъ всецѣло и съ ревностью, повидимому чрезмѣрною, отклоняетъ отъ себя всякое участіе и даже содѣйствіе свѣтской власти, представляемой учебнымъ округомъ. Въ сѣверо-западномъ краѣ, совершенно наоборотъ, православное духовенство оказывается фактически устраненнымъ отъ народныхъ школъ, несмотря на то что именно въ сѣверо-западномъ краѣ имѣетъ ходъ та партія клерикаловъ, о которой мы сейчасъ упомянули. Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о подробностяхъ, и потому, при всей увѣренности въ добросовѣстности и основательности показаній виленскаго старожила, не беремся дѣлать изъ нихъ безусловные выводы, но упомянутая противоположность такъ разительна, что нельзя по ея поводу не высказать еще разъ мысли, которую мы уже не разъ излагали, о необходимости особаго правительственнаго органа для соглашенія и энергическаго проведенія мѣръ, принимаемыхъ въ обѣихъ половинахъ западнаго края. Центральныя управленія наши такъ обременены заботами о громадномъ и столь разнообразномъ цѣломъ Имперіи, что не могутъ найдти ни досуга, ни средствъ для спеціальнаго изученія политическихъ потребностей нашей западной окраины; къ тому же каждое изъ этихъ управленій имѣетъ свою спеціальную часть, изъ предѣловъ которой не выходитъ, вслѣдствіе чего и между дѣйствіями центральныхъ управленій нерѣдко оказывается рѣзкое разногласіе. Въ такомъ краѣ какъ западный по-

добныя разногласія могутъ вести къ чувствительнымъ для государства недочетамъ. Здѣсь требуется энергическая, послѣдовательная дѣятельность въ направленіи строго опредѣленномъ и проводимомъ всѣми органами государственной администраціи со всевозможною точностію и въ дружномъ согласіи. Только при этомъ условіи возможенъ тамъ успѣхъ русскаго дѣла, и съ другой стороны административные дѣятели только при этомъ условіи могли бы нести полную отвѣтственность за результаты своихъ дѣйствій; тогда не противорѣчило бы справедливости относить къ ихъ заслугамъ или упущеніямъ успѣхъ или неуспѣхъ каждаго дѣла.

Теперь этого нѣтъ. При всемъ томъ, что̀ мы говоримъ о Виленскомъ учебномъ округѣ, имѣются въ виду не лица, а ихъ постановка и система дѣйствій. Не виня никого въ отдѣльности, мы указываемъ на фактическое положеніе дѣла и считаемъ себя въ правѣ сказать, что оно представляется не совсѣмъ утѣшительнымъ. Западный край, къ сожалѣнію, все еще остается театромъ борьбы, а въ борьбѣ тотъ уже проигрываетъ кто не выигрываетъ, и дѣло не подвигающееся впередъ идетъ назадъ. Можно ли сказать, что въ сѣверозападномъ краѣ дѣло народнаго обученія подвигается впередъ? Между тѣмъ Виленскій учебный округъ находится въ положеніи болѣе нежели какой-либо другой учебный округъ благопріятномъ для успѣшнаго дѣйствія въ своей сферѣ. Онъ пользуется и нравственною и матеріальною поддержкой какъ центральной власти, такъ и мѣстныхъ параллельныхъ властей. Финансовыя средства его, назначенныя собственно на народное образованіе, столь велики что ни одинъ изъ прочихъ округовъ не можетъ и помышлять о соперничествѣ. Въ 1867 году, напримѣръ, округъ получилъ изъ государственнаго казначейства на эту часть 156.770 р. 90 к. для своихъ шести губерній (кромѣ Ковенской), да сверхъ того изъ процентнаго сбора было ассигновано на тотъ же предметъ 36.500 руб. Сравнительно съ тѣмъ, что̀ расходуется изъ казенныхъ денегъ на народныя школы въ Англіи, сумма эта, правда, весьма незначительна (ее надобно бы увеличить вдесятеро), но она чрезвычайно велика по сравненію съ тѣмъ, что̀ ассигнуется на эту важную часть въ остальныхъ учебныхъ округахъ Россіи, и мы были бы рады, еслибы кто-нибудь доказалъ, что достигнутые результаты сколько-нибудь соотвѣтствуютъ издержаннымъ средствамъ.

№ 19.

Москва, 24-го января.

Въ № 20 *Русскаго Инвалида*, дошедшемъ до насъ вчера поздно вечеромъ, напечатана статья кн. В. П. Мещерскаго подъ заглавіемъ: „Воззваніе о помощи.“ Этою статьей подтверждается сообщенное нами третьяго дня (№ 17), на основаніи газеты *Голосъ*, извѣстіе о предстоящемъ открытіи, подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, центральнаго комитета для собиранія и распредѣленія пособій въ пользу мѣстностей, терпящихъ отъ голода. Князь Мещерскій дополняетъ это дорогое русскому народу извѣстіе другимъ, которое сочувственно отзовется во всѣхъ сердцахъ. Государыня Великая Княгиня Цесаревна, раздѣляя труды своего Августѣйшаго Супруга, принимаетъ на себя заботу о сборѣ пожертвованій, которыя центральный комитетъ будетъ распредѣлять. Въ виду того несомнѣннаго факта, что „въ сѣверной полосѣ Россіи и въ нѣкоторыхъ губерніяхъ средней голодъ возвѣщаетъ свое ужасное, неумолимое и неизмѣримое по бѣдствіямъ царство,“ сказано въ статьѣ кн. Мещерскаго,—

„Государыня Цесаревна Великая Княгиня Марія Ѳеодоровна получила отъ Государя Императора святое право взывать къ обширной и единой семьѣ Русскихъ во всемъ государствѣ, для вспомоществованія нуждающимся въ хлѣбѣ, а Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ принялъ изъ рукъ Государя святое призваніе подъ знаменемъ союза Престола съ народомъ, сообща съ нѣсколькими достойными довѣрія русскими лицами, заботиться о томъ, чтобы помощь получала немедленное и по возможности правильное распредѣленіе. Не ослабляя ни въ чемъ значенія всѣхъ тѣхъ благодѣтельныхъ предначинаній и мѣропріятій, которыя на мѣстѣ неурожаевъ въ разныхъ губерніяхъ Россіи несомнѣнно будутъ стремиться къ достиженію той же цѣли посильными средствами, предполагающійся къ открытію центральный комитетъ въ С.-Петербургѣ призванъ единствомъ дѣйствій

оказывать скорую и вѣрную помощь для тѣхъ мѣстностей Имперіи, гдѣ, какъ напримѣръ, въ Архангельской, Олонецкой, сибирскихъ и нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ, одного мѣстнаго вспомоществованія усиліями правительства и земства недостаточно для обезпеченія продовольствія народа въ теченіе нынѣшняго года. Его цѣль — поручиться предъ Россіей въ томъ, что всѣ мѣры, необходимыя для приведенія въ извѣстность размѣровъ нуждъ и нуждающихся мѣстностей, будутъ безотлагательно приняты въ той полнотѣ, на которую указываютъ важность грустныхъ событій и священная обязанность человѣколюбія.“

Съ 22-го января, какъ видно изъ *Русскаго Инвалида*, въ собственной канцеляріи Ея Высочества Государыни Цесаревны, въ Аничковомъ дворцѣ, открытъ уже пріемъ пожертвованій ежедневно, отъ 10 часовъ утра до 4 часовъ пополудни, и въ первый день, 22-го января, пожертвованій поступило 2.000 руб. 60 к. Они принимаются „въ пользу жителей сѣверныхъ губерній,“ изъ чего можно заключить, что въ Петербургѣ предполагается сосредоточить сборъ пособій для ближайшихъ къ Петербургу мѣстностей, подобно тому какъ въ Москвѣ открыта подписка для мѣстностей ближайшихъ къ Москвѣ. Такое направленіе пожертвованій нисколько не уменьшитъ значенія центральнаго комитета, учреждаемаго для всей Имперіи. Объединить Россію во имя помощи голодающимъ и обезпечить равномѣрное распредѣленіе дѣлаемыхъ частными лицами подаяній между тѣми краями, гдѣ мѣстныя средства, въ соединеніи съ идущими отъ правительства и земства, окажутся недостаточными для обезпеченія продовольствія народа въ теченіе нынѣшняго года: вотъ чего имѣется въ виду достигнуть учрежденіемъ центральнаго комитета. Потребность въ центральномъ органѣ этого рода всѣми чувствовалась. Безъ его содѣйствія частная благотворительность не могла бы ни достигать своей цѣли, ни правильно и успѣшно развиваться. Скорая помощь, вотъ неотъемлемое преимущество частной благотворительности предъ пособіями идущими отъ государства, съ которыми по размѣрамъ своимъ она не можетъ сравниться. Но для подачи скорой помощи и для подачи ея именно тамъ, гдѣ она особенно нужна, надобно имѣть точныя свѣдѣнія о силѣ бѣдствія въ томъ или другомъ краѣ, а собираніе точныхъ свѣдѣній изо всѣхъ страждущихъ мѣстностей возможно лишь для центральнаго органа. Съ другой стороны чѣмъ болѣе будутъ приводимы въ ясность размѣры бѣдствія во всѣхъ частяхъ государства, тѣмъ болѣе должна оживляться частная благотворительность: чтобы вызвать ее и придать ей нужные размѣры необходимо сообщать публикѣ самыя полныя свѣдѣнія о силѣ бѣдствія и о благотворныхъ результатахъ частныхъ пожертвованій. Для этого опять требуется центральный органъ. Задача его состоитъ преимущественно въ собираніи и, конечно, обнародованіи вѣрныхъ свѣдѣній о положеніи мѣстностей посѣщенныхъ голодомъ, и изъ статьи кн. Мещерскаго видно, что она такъ и понимается учредителями комитета. Его цѣлію князь Мещерскій выставляетъ приведеніе въ извѣстность размѣровъ нуждъ и нуждающихся мѣстностей. Такимъ образомъ комитетъ съ самаго начала избираетъ себѣ ту дѣятельность, которая всего болѣе ему свойственна и должна быть съ благодарностью принята всѣми жертвователями. Если бы кто высказалъ опасеніе, что свѣдѣнія, собираемыя центральнымъ комитетомъ, будутъ болѣе или менѣе имѣть официальный характеръ и слѣдовательно могутъ страдать тѣми же невѣрностями, какими страдаютъ официальныя свѣдѣнія министерства внутреннихъ дѣлъ, то на это возраженіе не трудно отвѣчать. Официальныя свѣдѣнія опираются нерѣдко на невѣрныхъ данныхъ, это не подлежитъ отрицанію. Неизвѣстность, которою до самаго недавняго времени было покрыто истинное положеніе дѣла, есть одно изъ подтвержденій этой истины. Но съ другой стороны не слѣдуетъ упускать изъ виду, что гораздо труднѣе собрать свѣдѣнія о голодѣ предстоящемъ чѣмъ о голодѣ уже наступившемъ, а официальныя свѣдѣнія, о которыхъ идетъ рѣчь, всѣ относились къ первому разряду. Нельзя, конечно, придавать равную вѣру и всѣмъ свѣдѣніямъ о голодѣ уже наступившемъ: въ какихъ-нибудь двухъ мѣстностяхъ голодъ можетъ имѣть совершенно одинакую силу, а свѣдѣнія могутъ идти изъ нихъ разныя, изъ одной—изложенныя разительно, а изъ другой—вяло, и комитетъ могъ бы быть введенъ этимъ въ заблужденіе. Все это правда, и все это имѣло бы значеніе, еслибы не было средствъ проверки сообщеній изъ мѣстностей страдающихъ отъ голода. А

такихъ средствъ въ настоящую пору года много, и центральный комитетъ, начинающій свою дѣятельность такъ раціонально, не преминетъ, конечно, воспользоваться всѣми этими средствами. Укажемъ на одно изъ нихъ: на цѣны хлѣба и его суррогатовъ. При помощи телеграфной сѣти легко будетъ публиковать еженедѣльно этого рода свѣдѣнія изо всѣхъ мѣстностей нуждающихся въ хлѣбѣ. Эти свѣдѣнія будутъ говорить краснорѣчивѣе всѣхъ описаній. Гдѣ цѣны будутъ много выше обыкновенныхъ среднихъ цѣнъ, и въ особенности гдѣ онѣ будутъ возвышаться, тамъ можно будетъ безошибочно предполагать соотвѣтственную степень нужды въ хлѣбѣ. Это барометръ никогда не обманывающій. Появленіе болѣзней, увеличеніе смертности— другой признакъ бѣдствія, который тоже обмануть не можетъ. Безъ сосредоточенія свѣдѣній, даже этотъ ужасающій признакъ могъ бы оказаться и бо́льшая половина Россіи могла бы не узнать о немъ, а страждущая мѣстность могла бы долго оставаться безъ пособій. Центральный комитетъ пронесетъ подобную потрясающую вѣсть въ нѣсколько дней по всему государству, и пожертвованія польются рѣкой. Но дабы они дошли по возможности скоро до страждущихъ, центральный комитетъ долженъ имѣть полномочіе распоряжаться пожертвованіями, собираемыми въ разныхъ частяхъ Россіи. Наконецъ, центральный комитетъ можетъ съ большою пользой принимать участіе и въ распредѣленіи пожертвованій: этимъ участіемъ будетъ предотвращено случайное отправленіе пособій изъ разныхъ мѣстъ въ одну мѣстность. Вообще центральный комитетъ долженъ имѣть полныя свѣдѣнія не только о размѣрахъ нуждъ, но и о размѣрахъ пожертвованій и о подробностяхъ ихъ предполагаемаго или уже исполненнаго распредѣленія. Свойства дѣла показываютъ, что эти послѣднія свѣдѣнія должны быть тоже публикуемы.

Словомъ, лишь учрежденіемъ центральнаго комитета обезпечивается и правильное употребленіе и обильное поступленіе пожертвованій. Теперь, когда дано это первое условіе успѣха, слѣдуетъ, кажется, самымъ тщательнымъ образомъ обсудить въ какомъ видѣ должны доходить вспомоществованія до страдающихъ. Это вопросъ чрезвычайно трудный и сложный. Не рѣдко случалось, что вспомоществованія не уменьшали, а усиливали нужду въ хлѣбѣ. Таковы вспомоществованія, раздаваемыя въ видѣ хлѣба. Чтобы достигать цѣли, они должны быть дѣлаемы въ такомъ размѣрѣ, который вполнѣ обезпечивалъ бы продовольствіе въ данной мѣстности. Иначе, даровая раздача или дешевая продажа хлѣба только убила бы хлѣбную торговлю, не замѣнивъ ея. Хлѣбная торговля у насъ достаточно развита повсюду, за исключеніемъ губерній сѣверныхъ и Сибири. Нарушать ходъ ея весьма опасно. Если хлѣбный торговецъ знаетъ, что въ извѣстной мѣстности предполагается раздавать хлѣбъ или совершенно даромъ, или по уменьшенной цѣнѣ, то онъ, разумѣется, остережется посылать туда свой хлѣбъ; запасовъ тамъ не будетъ, и когда пожертвованный хлѣбъ будетъ розданъ и съѣденъ, наступитъ такая дороговизна, какая была бы невозможна, еслибы не было раздаваемо пособій хлѣбомъ даровымъ, либо дешевымъ. Поэтому вообще принимается, что выдача хлѣба въ натурѣ можетъ быть допускаема лишь для обсѣмененія полей, что́ же касается до продовольствія, то повсюду гдѣ существуетъ хлѣбная торговля, достаточно организованная, гораздо безопаснѣе доставлять нуждающимся не хлѣбъ, а средства покупать его. Эти средства суть деньги. Но помогать деньгами можно лишь въ видѣ исключенія: выдавать ихъ на руки не совсѣмъ удобно, ибо ведетъ къ лѣни и множеству злоупотребленій. Въ чемъ же должно заключаться главное пособіе? Не безопаснѣе ли всего тотъ путь, который состоитъ въ учрежденіи работъ по примѣру мудраго московскаго царя Бориса Годунова, вполнѣ одобряемому и новѣйшею политическою экономіей? Но это дѣло требуетъ развитія, и мы отлагаемъ рѣчь о немъ до другаго раза.

№ 20.

Москва, 25-го января.

Мы не можемъ не сказать нѣсколько словъ по поводу передовой статьи въ нынѣ полученномъ нумерѣ *Journal de St.-Pétersbourg*. Изъявляя сожалѣніе, что въ Европѣ не хотятъ признать русскую независимую гласность, и что сужденіямъ, которыя высказываются въ русской печати, часто за границей придается значеніе имъ несвойственное, эта почтенная газета поч-

та соглашается съ ненавистниками русской печати въ томъ, что отъ нея загарается весь сыръ-боръ въ Европѣ, и даетъ такимъ образомъ поводъ заключать, что дѣла вездѣ пошли бы тѣмъ лучше, чѣмъ менѣе были бы они обсуждаемы съ русской точки зрѣнія, и что все успокоится и уладится, какъ только смолкнетъ русская гласность, и общественное мнѣніе будетъ предоставлено одной иностранной печати, какъ это было въ прежнія времена. Далѣе, обращаясь къ текущимъ дѣламъ, *Journal de St.-Pétersbourg* не безъ основанія замѣчаетъ, что теперь всѣхъ въ западной Европѣ тревожитъ вопросъ объ отношеніяхъ между Россіей и Пруссіей. „Въ настоящее время,“ говоритъ эта почтенная газета, „органы гласности на Западѣ встревожены постоянствомъ нашихъ „добрыхъ отношеній къ Пруссіи, и они „силятся придать имъ несвойственный „смыслъ, истолковывая одно за другимъ „различныя мнѣнія высказанныя либо въ „русской, либо въ прусской печати.“

Теперь спрашивается, что могло встревожить общественное мнѣніе въ западной Европѣ касательно добрыхъ отношеній существующихъ между Пруссіей и Россіей? Конечно, не то, что отношенія эти могутъ охладѣть, а то чтобы между этими двумя державами не былъ заключенъ какой-либо сепаратный союзъ. Иностранная печать, дѣйствительно, была полна тревожныхъ толковъ о такомъ союзѣ и объ опасностяхъ, которыми будто бы угрожаетъ онъ спокойствію Европы, при чемъ, конечно, все зло такой комбинаціи приписывалось Россіи и на нее возлагалась отвѣтственность за послѣдствія. Забывъ и объ италіянскихъ, и о германскихъ дѣлахъ, вдругъ повсюду зашумѣли о Восточномъ вопросѣ, и въ предполагаемомъ союзѣ между Россіей и Пруссіей принялись отыскивать улики нашей коварной политики на Востокѣ.

Если таковы были тревоги возбужденныя на западѣ Европы толками о русско-прусскомъ союзѣ, то что могло бы усилить эти тревоги и что, напротивъ могло способствовать ихъ прекращенію? Очевидно, усиливать ихъ могли толки о необходимости для Россіи вступить въ тѣсный союзъ съ Пруссіей въ виду интересовъ нашихъ на Востокѣ. Столько же очевидно, напротивъ, что къ успокоенію общественнаго мнѣнія, встревоженнаго этими толками, всего болѣе могло способствовать убѣжденіе, что Россія не имѣетъ надобности въ какихъ-либо сепаратныхъ союзахъ, и что она могла бы даже повредить интересамъ своей политики, еслибы стала искать для нихъ поддержки исключительно въ сближеніи съ Пруссіей. Мы не знаемъ въ какихъ газетахъ и съ какой стороны велись у насъ толки о томъ, что Россія, во что бы то ни стало, должна заключить союзъ съ Пруссіей; но читателямъ извѣстно, что *Московскія Вѣдомости* въ этомъ виноваты не были. Напротивъ, мы, какъ умѣли, высказывали убѣжденіе, что Россіи полезнѣе удерживать за собою полную свободу дѣйствій.

Что же мы читаемъ теперь въ загадочной статейкѣ послѣдняго нумера *Journal de St.-Pétersbourg*? Не вѣря глазамъ своимъ, мы нѣсколько разъ перечитывали ее, чтобъ отдать себѣ отчетъ въ ея смыслѣ. Выходитъ, что именно *Московскія Вѣдомости* виной всѣхъ этихъ тревогъ и опасеній возбужденныхъ въ Европѣ толками о русско-прусскомъ вопросѣ. Мы, по благосклонному выраженію почтенной французско-петербургской газеты, „съ прозорливостію неоднократно поставляли на видъ „пользу добрыхъ отношеній между Россіей „и Пруссіей;“ но не довольствуясь этимъ, увлекались сверхъ мѣры, и „достаточно „было нѣсколькихъ общихъ замѣчаній, „внушенныхъ предусмотрительностію идущею далѣе цѣли, для того чтобъ иностранная печать воспользовалась этими „элементами спора и схватила ихъ какъ „текстъ для своей коварной полемики.“

Что все это значитъ? Какую коварную полемику возбудили мы въ иностранной печати нашими сужденіями по вопросу объ отношеніяхъ между Россіей и Пруссіей? Ни одного слова такой полемики въ иностранной печати мы не встрѣчали. Вся полемика—la perfide polémique,—возбужденная по этому предмету, есть только эта самая статейка въ *Journal de St.-Pétersbourg*, о которой теперь идетъ рѣчь.

Вотъ мистификація, которая превосходитъ наше разумѣніе!

Journal de St.-Pétersbourg продолжаетъ такъ: „*Московскія Вѣдомости* есть органъ слишкомъ значительный, и ихъ сужденія не могутъ проходить не замѣченными.“ Вслѣдъ за тѣмъ преподается намъ совѣтъ быть какъ можно осторожнѣе, дабы не впасть въ тонъ „тайныхъ и явныхъ враговъ Россіи.“ Но мы отнюдь не были

адвокатами тѣснаго союза между Россіей и Пруссіей: какимъ же образомъ могли бы мы впасть въ тонъ тайныхъ или явныхъ недруговъ Россіи, которые могли бы воспользоваться нашими замѣчаніями для того чтобы сдѣлать ихъ текстомъ коварной полемики? Союзъ заключаемый между двумя державами имѣетъ въ виду какое-либо совокупное дѣйствіе противъ другихъ. Мы полагали, согласно съ мирнымъ направленіемъ политики нашего правительства, что при теперешнемъ положеніи дѣлъ Россія не имѣетъ въ виду какого-либо дѣйствія, могущаго вовлечь ее въ войну. Если наше слово имѣетъ то значеніе, которое приписываетъ ему *Journal de St.-Pétersbourg*, то оно могло въ этомъ отношеніи дѣйствовать только успокоительно, и отнять у „тайныхъ и явныхъ враговъ Россіи" всякій предлогъ къ полемикѣ, возбуждающей раздраженіе и ненависть къ ней.

Но не адвокатствуя въ пользу союза съ Пруссіей, мы не имѣли основанія не желать, чтобы между обѣими державами продолжались добрыя отношенія. Между союзомъ оборонительнымъ и наступательнымъ и разрывомъ влекущимъ за собою непріязненныя отношенія есть весьма много посредствующихъ степеней, которыя могутъ болѣе или менѣе соотвѣтствовать и общему положенію дѣлъ, и дѣйствительнымъ интересамъ Россіи. Если мы не могли подать врагамъ Россіи поводъ распространять фальшивую тревогу опасеніями русско-прусскаго союза, то мы еще менѣе могли подать поводъ къ опасеніямъ разрыва Россіи съ Пруссіей. Есть опасенія войны между Пруссіей и Франціей, но никто даже и въ шутку не говорилъ объ опасностяхъ угрожающихъ Европѣ вслѣдствіе войны готовой вспыхнуть между Россіей и Пруссіей.

Итакъ, если мы были далеки отъ того, чтобы проповѣдывать союзъ съ Пруссіей въ виду войны съ какою-либо другою державой, то мы еще далѣе были отъ того, чтобы проповѣдывать войну съ Пруссіей. Въ чемъ же состоитъ наша погрѣшность?

Изъ заключительныхъ словъ статейки *Journal de St.-Pétersbourg* явствуетъ, что эта почтенная газета очень дорожитъ добрыми отношеніями между Россіей и Пруссіей. Но добрыя отношенія находятся въ серединѣ между союзомъ и войной, и мы не понимаемъ чего же она отъ насъ требуетъ и за что̀ на насъ сердится.

Добрыя отношенія къ одной державѣ не исключаютъ добрыхъ отношеній и къ другимъ. Во всякомъ случаѣ надобно полагать, что поддержаніе добрыхъ отношеній не значитъ подчиняться разчетамъ чужой политики или вступать въ какое-нибудь дѣло, котораго вся тяжесть можетъ пасть на нашу страну, а выгоды достанутся другимъ. Пруссія имѣетъ свои интересы, которые не всегда могутъ совпадать съ нашими. Едва ли кто можетъ доказать, напримѣръ, чтобъ интересы Россіи требовали раздробленія Даніи или чтобъ они требовали тѣхъ переворотовъ, которые совершаются теперь въ Германіи.

Во всякомъ случаѣ кому или чему можетъ быть вредъ отъ того, что мы не видѣли надобности ни въ сепаратномъ союзѣ, ни въ разрывѣ съ Пруссіей и что мы полагали бы для Россіи полезнымъ удерживать полную свободу дѣйствій?

Journal de St.-Pétersbourg находитъ, что *Московскія Вѣдомости* есть органъ имѣющій нѣкоторое значеніе. Но пріобрѣсти какое-либо значеніе можетъ только тотъ органъ, который говоритъ по совѣсти. Каковы бы ни были наши мнѣнія, мы можемъ говорить только то что̀ велитъ намъ наша совѣсть и наше разумѣніе, пока не убѣдились въ противномъ. Назвать чернымъ то что̀ кажется намъ бѣлымъ, мы ни за что не согласились бы—даже въ угоду почтенному г. Каппельмансу, издателю французской петербургской газеты.

№ 21.

Москва, 26-го января.

Въ № 3 нашей газеты мы говорили о необходимости скорѣйшей постройки Ковенско-Либавской желѣзной дороги. Возвращаемся къ этому вопросу.

Между нашимъ предположеніемъ о направленіи этой линіи и составленнымъ въ Либавѣ проектомъ есть нѣкоторое разногласіе. Либавскій проектъ предполагаетъ постройку желѣзной дороги изъ Ковна (съ 25.000 жителей) чрезъ Кейданы (съ 3.500 жителей) и Шавли (съ 16.000 жителей) въ Либаву (съ 10.000 настоящаго населенія) на протяженіи 287 верстъ. Мы, съ своей стороны, отдаемъ предпочтеніе прямой линіи изъ Ковна (съ 25,000 чел. населенія) чрезъ Россіены (съ 13.000 жит.) и Тель-

ши (съ 9.000 жит.) въ Либаву (съ 10.000 чел. населенія) на протяженіи около 250 верстъ. Послѣдняя и вообще проходитъ по лучшей мѣстности. Которой же изъ этихъ двухъ линій слѣдуетъ отдать предпочтеніе въ интересахъ страны, требующихъ чтобы русская заграничная торговля шла не чрезъ прусскій портъ Пиллау, а чрезъ русскій—Либаву?

Разстояніе между Ковномъ и Пиллау не болѣе 272 верстъ; очевидно, что въ предстоящей конкурренціи между этими портами успѣхъ за Либавой можетъ быть только въ томъ случаѣ, если протяженіе дороги къ Либавѣ будетъ короче чѣмъ къ прусскому порту. Это обстоятельство такъ важно, что всѣ другіе разчеты должны бы стоять на второмъ планѣ, особенно когда дорога строится на казенный счетъ и притомъ съ прямою цѣлью отклонить бо́льшую часть нашей торговли отъ заграничной гавани къ своей.

Не такъ теперь думаютъ однако въ городѣ Либавѣ. Такъ сознаютъ настоятельную въ государственныхъ интересахъ необходимость сооруженія Ковенско-Либавской дороги, но хотятъ для Либавы не одной, а двухъ дорогъ разомъ, забывая пословицу: *погонишься за двумя зайцами, ни одного не поймаешь*. Въ виду уже созрѣвшаго въ обществѣ убѣжденія въ очевидной необходимости Ковенско-Либавскаго пути, въ Либавѣ хотятъ разомъ выхлопотать правительственную гарантію по двумъ желѣзнымъ дорогамъ: Ковно-Либавской и Либаво-Митавской (около 170 верстъ). Такъ какъ негарантированная Митаво-Рижская желѣзная дорога (39 верстъ) скоро построится, то въ Либавѣ, въ случаѣ осуществленія обѣихъ линій, Ковно-Либавской и Либаво-Митавской разчитываютъ, вопервыхъ, привлечь къ себѣ, кромѣ ковенской торговли, и рижскую—въ тѣ зимніе мѣсяцы, когда прекращается навигація въ рижскомъ портѣ, а вовторыхъ сократить паровозный путь отъ Динабурга до Либавы до 416 верстъ, т.-е. почти на сто верстъ. Вслѣдствіе этого-то желанія проектъ Либаво-Шавле-Ковенской и Либаво-Митавской желѣзныхъ дорогъ и начертанъ такимъ образомъ, чтобъ обѣ дороги соединились на границѣ Курляндіи и чтобы послѣднія 100 верстъ пути, отъ границы Курляндской губерніи до Либавы, служили продолженіемъ для обоихъ путей. Въ такомъ случаѣ пришлось бы строить всего 363 версты, какъ и показано въ особенной брошюрѣ, изданной „учредителями" этой дороги. Отъ правительства требуется при этомъ гарантія пяти процентовъ капитала, а капиталъ на построеніе сказанныхъ 363 верстъ опредѣленъ не менѣе 24.600.600 р., что составляетъ приблизительно 68.000 р. на каждую версту дороги. Сумма весьма почтенная (при прежнемъ проектѣ Юрбурго-Либавской линіи полагалось менѣе 30.000 руб. за версту), и самъ собою возникаетъ вопросъ, оправдывается ли вполнѣ правительственная гарантія на проценты со всей этой суммы, уравновѣшивается ли возлагаемое на государственное казначейство бремя выгодами, ожидаемыми для государства отъ построенія всѣхъ 363 верстъ? Намъ кажется, что нѣтъ, и между прочимъ, потому что постройку Либаво-Митавской, или, въ замѣнъ ея, Виндаво-Рижской (послѣдняя линія тридцатью или сорока верстами короче Либаво-Рижской линіи) можно предоставить иниціативѣ частной предпріимчивости, пока не будутъ готовы самонужнѣйшія въ Россіи линіи, каковы Московско-Брестская и Харьковско-Таганрогская. Правительственная гарантія должна простираться лишь на самое необходимое, должна ограничиваться лишь тѣми случаями, гдѣ безъ ея содѣйствія могутъ страдать государственные интересы, подобно тому, напримѣръ, какъ они на самомъ дѣлѣ страдаютъ при нынѣшнемъ отклоненіи нашей торговли отъ нашихъ портовъ и принудительномъ сосредоточеніи ея въ Кенигсбергѣ. Вредъ такого неестественнаго направленія русской торговли очевиденъ, и въ виду устраненія происходящаго отсюда для государства серіознаго ущерба, нечего останавливаться предъ пожертвованіями со стороны государства въ той мѣрѣ, въ какой они необходимы. Но въ этомъ отношеніи государственнымъ потребностямъ вполнѣ удовлетворяетъ прямая Ковно-Либавская линія, и только гарантія одной этой линіи является необходимою съ государственной точки зрѣнія. Проекты Рижско-Либавской или Рижско-Виндавской линіи стоятъ на второмъ планѣ (причемъ послѣдняя, кажется, заслуживаетъ предпочтенія, и какъ кратчайшая, и какъ средство воспользоваться другою превосходною гаванью побережья Курляндской губерніи), и потому правительственной гарантіи по нимъ нельзя требовать такъ на-

стоятельно, какъ по Ковно-Либавской дорогѣ, имѣющей первостепенное общегосударственное значеніе: въ гарантіи по линіямъ второстепенной важности можетъ быть и отказано. Конечно, не только для торговаго города Риги, но и для торговли Петербурга, Москвы, Нижняго Новгорода и пр. и пр. было бы довольно полезно проложеніе желѣзнаго пути до Виндавы, гдѣ гавань тоже не замерзаетъ въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ. Но полезныхъ въ этой степени желѣзныхъ дорогъ весьма много, и въ настоящую минуту едва ли для государства не безопасно и даже едва ли возможно повсюду строить всѣ такія дороги на свой счетъ. Раціонально ли требовать этого отъ государства въ такое тяжелое для него время, когда оно принуждено искать пособія въ займахъ съ выигрышами? Къ тому же весьма многія линіи, какъ напримѣръ Уральская, имѣютъ въ государственныхъ видахъ гораздо болѣе правъ на государственную гарантію. Осуществленіе проекта Сибирской желѣзной дороги, какъ всѣмъ извѣстно, необходимо для спасенія всего нашего сѣверо-востока, для поднятія всей нашей горной промышленности, для оживленія торговли во всей Сибири. А надобно еще имѣть въ виду, что при Сибирской линіи необходимость заставитъ изготовлять и рельсы, и подвижной составъ на уральскихъ заводахъ. Какъ это будетъ полезно, о томъ нѣтъ надобности распространяться. Тутъ пойдетъ правильная работа, которая обезпечитъ дальнѣйшее сооруженіе желѣзныхъ дорогъ въ глуби Россіи: съ заводовъ средняго Урала всѣ выдѣлываемыя тамъ принадлежности будутъ доставляться по Волгѣ на дорогу Оренбургскую, которая, вѣроятно, будетъ строиться вслѣдъ за Уральскою, а затѣмъ и на Саратовскую. Но изготовленіе желѣзно-дорожныхъ принадлежностей на уральскихъ заводахъ пойдетъ сперва медленно, а потому Уральская дорога будетъ строиться постепенно, въ продолженіе многихъ лѣтъ. Очевидно, что здѣсь нельзя медлить приступомъ къ дѣлу и стало-быть не слѣдуетъ ждать, пока мѣстные капиталисты убѣдятся въ доходности этой линіи, хотя въ будущности она именно должна отличаться своею доходностью, если только направленіе ея будетъ хорошо обдумано и постройка произведена экономно. Все говоритъ въ пользу немедленнаго приступа къ построенію этой дороги предпочтительно предъ многими другими (исключая Московско-Варшавской, Московско-Азовской и Ковно-Либавской съ ея продолженіемъ внутрь страны на Минскъ и Бобруйскъ,— продолженіемъ, какъ мы не разъ излагали, необходимымъ и въ первостепенныхъ экономическихъ и стратегическихъ видахъ). Припомнимъ, что столь предпріимчивое и развитое населеніе Пермской губерніи — мѣстности богатой природными дарами — теперь не только страдаетъ, но гибнетъ (по даннымъ новѣйшаго *Статистическаго Временника* министерства внутреннихъ дѣлъ оно положительно уменьшается), Сибирская линія дала бы возможность заниматься доходными и весьма полезными работами столь большому числу рукъ, что этого, пожалуй, нельзя ожидать ни отъ одной изъ другихъ проектируемыхъ въ Россіи желѣзныхъ дорогъ. Дороги Рижско-Либавская или Виндавская дѣло другое; отъ несуществованія этихъ дорогъ ни мѣстное населеніе, ни общее торговое движеніе не терпятъ такъ много, чтобы нельзя было еще повременить, пока, вслѣдствіе окончанія Рижско-Митавской, Витебско-Орловской и Московско-Смоленской линій, приливъ товаровъ въ Ригу усилится, такъ что соединеніе ея съ однимъ изъ незамерзающихъ портовъ станетъ предпріятіемъ выгоднымъ и безъ гарантіи. Если Митаво-Рижская линія на практикѣ докажетъ свою доходность, то западно-европейскіе капиталы легко будутъ доступны для той изъ двухъ линій, Либавской и Виндавской, которая будетъ признана лучшею.

Не такъ думаетъ *Либавская Газета*, возражающая противъ нашихъ доводовъ. Изъ ея возраженій мы приведемъ только главные пункты, и то вкратцѣ: „Хотя теорія *Московскихъ Вѣдомостей*, говоритъ названная газета, вѣрна, и прямую линію изъ Ковно въ Либаву слѣдуетъ предпочесть, но практика требуетъ, чтобы мы поступили въ данномъ случаѣ иначе. Изысканія показали, что гористая мѣстность между городами Ковно, Россіены, Тельши и Либавой потребовала бы на нѣсколько милліоновъ лишнихъ издержекъ противъ линіи чрезъ Шавли, въ окрестностяхъ котораго, сверхъ того, производится много льна, что значительно возвысило бы доходность этой дороги. Еслибы линія была построена не чрезъ Шавли, то необходимость потребовала бы построить вѣтвь изъ Шавлей въ Россіены, которая въ послѣд-

ствія повела бы именно къ тому, чего желаютъ избѣгнуть *Московскія Вѣдомости*, къ осуществленію второй Эйдкуненской линіи, а самая дорога послужила бы не къ оживленію Либавской, а лишь къ увеличенію кенигсбергской и мемельской торговли.“ Кромѣ этихъ трехъ аргументовъ мы находимъ въ возраженіи *Либавской Газеты* еще нѣсколько маловажныхъ фразъ о пользѣ Митаво-Либавской линіи, причемъ упоминается, что существующее рельсовое различіе между русскими и прусскими желѣзными дорогами (принятое въ разсчетъ и нами) будетъ дѣйствовать въ пользу Либавы и въ томъ случаѣ, если разстояніе между Либавой и Ковномъ окажется немногимъ больше разстоянія между Ковномъ и прусскимъ портомъ Пиллау.

Что же касается до перваго аргумента, то насъ крайне изумляетъ, какъ скоро, въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, выросли горы на относительно ровной до тѣхъ поръ почвѣ, между городами Ковно, Россіены, Тельши и Либавой: до сихъ поръ ни одна газета еще не извѣщала публику объ этомъ весьма рѣдкомъ, а у насъ въ Россіи и совсѣмъ небываломъ проявленіи подземной вулканической дѣятельности. Лѣтомъ 1867 года насъ увѣдомляли изъ весьма уважаемаго источника, что Либаво-Шавле-Ковенскую линію слѣдуетъ предпочесть вопервыхъ потому, что постройка прямой линіи обходится, приблизительно, на 40.000 рублей дороже, нежели постройка болѣе длинной линіи чрезъ Шавли; вовторыхъ, что въ пользу города Шавли говорятъ его окрестности; наконецъ въ видахъ соединенія Либавы съ городами Митавою, Ригой и пр. Если въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ вслѣдствіе найденныхъ горъ сумма издержекъ отъ 40.000 рублей возросла до „нѣсколькихъ (стало-быть, по крайней мѣрѣ 3—4) милліоновъ“ рублей, что будетъ чрезъ годъ? Второй аргументъ, производство льна въ Шавельскомъ уѣздѣ, намъ кажется слишкомъ маловажнымъ въ сравненіи съ очевидною опасностью, заключающеюся въ невозможности конкуррировать съ богатымъ Кенигсбергомъ, имѣющимъ во сто разъ болѣе капиталовъ нежели Либава. Такъ какъ капиталы имѣютъ весьма значительный вѣсъ въ направленіи торговли, то намъ кажется, что было бы большимъ легкомысліемъ строить вмѣсто 250 верстъ 287, между тѣмъ какъ число верстъ отъ Пиллау составляетъ 272, причемъ капиталы Кенигсберга должны же уравновѣсить по крайней мѣрѣ хоть тѣ невыгоды Пруссаковъ, кои происходятъ отъ различной ширины рельсовъ. Третій и послѣдній аргументъ *Либавской Газеты*, что изъ города Шавли по какой-то неизвѣстной необходимости будетъ построена желѣзная дорога до города Россіены (80 верстъ), если Ковно-Либавская линія не пойдетъ черезъ Шавли, —намъ совершенно непонятенъ. Такъ какъ перевозъ шавельскаго льна долженъ стремиться къ морю, къ Либавѣ, а никакъ не къ городу Ковно, то можетъ случиться, что изъ Шавли построятъ боковую линію къ Тельшамъ, но ужь никакъ не къ Россіенамъ. Впрочемъ, намъ вообще нѣтъ надобности опасаться возникновенія какихъ-нибудь ошибочныхъ взглядовъ въ городахъ Шавли и проч.; нужно только, чтобы въ настоящую минуту не совершилось что-нибудь ошибочное на нашъ общій счетъ, то-есть на счетъ государства. Избѣгая собственныхъ ошибокъ, мы, можетъ-быть, достигнемъ и того, что наши сосѣди признаютъ за нами право и умѣнье вести наши дѣла согласно съ нашими, а не иностранными интересами и перестанутъ вводить насъ въ искушеніе. Вотъ, напримѣръ, мы уже дожили до того, что *Ostsee-Zeitung* признаетъ за нами полное право уравновѣшивать наши пошлины на сухопутной и на морской границѣ. Теперь, то-есть когда уже мы сами положительно исправляемъ нашу ошибку, уравнивая пошлины, упомянутая газета говоритъ: „Купецъ-иностранецъ, привыкшій въ другихъ „странахъ свѣта находить устройство по„шлиннаго дѣла въ пользу ихъ собствен„ныхъ портовъ, встрѣчаетъ, къ своему „изумленію, въ Россіи противоположное, „именно анормальныя дифференціальныя по„шлины въ невыгоду собственныхъ пор„товъ Россіи.“

Есть слухъ, что министерства финансовъ и путей сообщеній желаютъ, по возможности, отказаться отъ гарантированія сооружаемыхъ вновь желѣзныхъ дорогъ, исключая лишь нѣкоторые особые случаи. При нашихъ финансовыхъ затрудненіяхъ мы не можемъ не признать взгляда упомянутыхъ министерствъ основательнымъ; смѣемъ думать, что прямая Ковно-Либавская линія должна быть причислена къ тѣмъ, для которыхъ правительственная

гарантія признается необходимою и полезною.

№ 22.

Москва, 27-го января.

Русскій Инвалидъ въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ своихъ представляетъ рядъ цифръ, относящихся къ прошлогоднему рекрутскому набору. Изъ этихъ данныхъ, прежде всего бросилась намъ въ глаза цифра, выражающая отношеніе образованія. Всѣхъ рекрутъ въ прошломъ году принято въ Имперіи 92.104; грамотныхъ изъ этого числа оказалось только 7.851: менѣе чѣмъ 9 процентовъ! Надобно еще взять въ разчетъ, что въ число рекрутъ поступило 181 изъ привилегированныхъ сословій, и до 2.170 изъ лютеранъ, которые относительно грамотности суть также у насъ нѣкоторымъ образомъ привилегированное сословіе, ибо изъ нихъ почти каждый обязательно проходитъ чрезъ школу. Стало-быть, за вычетомъ этихъ и еще нѣкоторыхъ элементовъ, главная масса населеній имперіи, подлежащая рекрутской повинности, не даетъ и 5% грамотнаго люда. Наконецъ, мы должны взять въ соображеніе еще то, что̀ обыкновенно у насъ сходитъ за грамотность. Грамотнымъ называется у насъ тотъ, кто въ другихъ странахъ Европы числится неграмотнымъ. Къ числу грамотныхъ въ другихъ странахъ относятся только тѣ, кто умѣетъ совершенно свободно читать и писать; у насъ же грамотенъ и тотъ, кто умѣетъ разбирать по складамъ, и почти не знаетъ употребленія пера.

Какое печальное отношеніе! Это не просто только скудость; посреди нынѣшнихъ обстоятельствъ, при условіяхъ, которыя создаются ходомъ современной гражданственности, въ виду успѣховъ съ изумительною быстротой совершающихся въ остальномъ мірѣ, это есть положительное зло. Вопросъ о народномъ просвѣщеніи въ настоящее время есть одинъ изъ самыхъ жизненныхъ для Россіи вопросовъ, и нельзя наконецъ не подумать серіозно, въ чемъ состоитъ сущность предстоящей въ этомъ отношеніи задачи.

Во всякомъ дѣлѣ успѣхъ зависитъ не просто отъ массы усилій, которыя на него полагаются, но и отъ направленія, которое имъ дается. Въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія, какъ и во всякомъ дѣлѣ, недостаточно давать сорванные плоды; требуется дать корень производящій плоды. Дѣло начато, и существенная цѣль достигнута не прежде какъ открытъ источникъ откуда она безпрерывно можетъ черпать свои силы, не изсякая, не прерываясь и возрастая чѣмъ далѣе, тѣмъ сильнѣе. Еслибы какимъ-либо волшебствомъ могли мы всю массу нашего народа сдѣлать грамотною, даже порядочно грамотною, – задача народнаго просвѣщенія вовсе еще не была бы этимъ разрѣшена. Это была бы случайность, которая могла бы не оставить никакого слѣда въ народной жизни. Бывали случаи, что многолюдныя селенія, гдѣ всѣ до одного были порядочно обучены грамотѣ, при перемѣнѣ обстоятельствъ, во второмъ и третьемъ поколѣніи, погружались въ первобытную безграмотность, такъ что лишь немногіе одинъ за другимъ умирающіе старики оставались странными памятниками игры случая, научившаго ихъ грамотѣ. Вся сила вопроса народнаго просвѣщенія состоитъ въ томъ, чтобы въ нѣдрахъ народа постоянно и непрерывно, съ возрастающею силой, горѣли свѣточи, передаваемые изъ поколѣнія въ поколѣніе. Народъ обладаетъ тѣмъ что̀ называется просвѣщеніемъ не прежде, какъ оно станетъ въ немъ предметомъ особаго призванія и выразится болѣе или менѣе многочисленными общественными классами людей, посвятившихъ себя этому интересу, и имѣющихъ въ немъ цѣль и средства своего существованія. Если въ народной организаціи нѣтъ разряда людей, исключительно посвятившихъ себя дѣлу учительства, то не можетъ быть и рѣчи о народномъ просвѣщеніи, какъ о чемъ либо дѣйствительномъ. Не имѣя этого элемента, народное просвѣщеніе какъ бы не распространять его, всегда будетъ лишь отблескомъ чужаго свѣта, поверхностнымъ, случайнымъ и безплоднымъ явленіемъ, метеоромъ, проносящимся безъ послѣдствій. Степень и сила народнаго просвѣщенія измѣряются самостоятельностію въ немъ учительскаго призванія, силой, съ которою оно привлекаетъ къ себѣ людей, числомъ этихъ людей относительно цѣлой массы народа и ихъ достоинствамъ. Весь смыслъ вопроса заключается въ томъ, чтобы дать въ народной жизни мѣсто и достаточную силу такому призванію, и пока дѣло народнаго

обученія не станетъ особою въ народной жизни спеціальностію, пока оно не воплотится въ достаточномъ по своей численности классѣ способныхъ людей, достаточно къ нему приготовленныхъ, обрекающихъ ему свою жизнь и находящихъ въ немъ обезпеченіе своей жизни, до тѣхъ поръ все будетъ безплодно и напрасно. Говоря о народномъ просвѣщеніи, мы разумѣемъ здѣсь элементарное обученіе, и говоря объ учителяхъ, мы разумѣемъ учителей простонародныхъ школъ. Просвѣщеніе массъ выражается въ народныхъ учителяхъ; они его носители и двигатели; они его корень и цвѣтъ. Каковы народные учители, таково и просвѣщеніе народа; сколько ихъ, столько и его. Теперь спрашивается, какъ велико у насъ число народныхъ учителей и каковы эти учители? Увы, у насъ вовсе нѣтъ людей этого рода! У насъ нѣтъ и тѣни учительской профессіи какъ самостоятельнаго интереса въ народной жизни. Дѣло народнаго обученія служитъ у насъ случайнымъ занятіемъ или подспорьемъ для людей, которые вовсе къ нему не готовились и не полагаютъ въ немъ своего призванія. Народное обученіе есть у насъ дѣло между дѣломъ, предоставленное случаю. Скудная грамотность, выходящая изъ нашихъ народныхъ школъ, ничего не значитъ и ничего не даетъ. Отъ того-то инстинктъ народа такъ низко и цѣнитъ дары этой грамотности. У насъ нѣтъ народныхъ учителей, — и за дѣло народнаго обученія берется либо унтеръ-офицеръ, либо семинаристъ исключенный за неспособностію или за пьянство, вообще люди не имѣющіе никакого опредѣленнаго призванія, которые выбились изъ колеи, или ни къ чему не могли пристроиться, или такіе что̀ пробавляются этимъ дѣломъ временно, высматривая и выжидая другаго положенія. Правда, дѣло народнаго обученія находится у насъ нерѣдко въ рукахъ людей, которые хотя и не видятъ въ немъ своей спеціальной профессіи, но которые по роду своихъ занятій близки къ этому дѣлу и обладаютъ достаточными для веденія его условіями. Нельзя ли довольствоваться, напримѣръ, тѣмъ, чтобы дѣло народнаго обученія находилось напримѣръ въ рукахъ священнослужителей? Нѣтъ спора, что содѣйствіе духовенства дѣлу народнаго обученія неоцѣнимо, и что если народное обученіе можетъ служить для духовенства подспорьемъ, то и духовенство въ свою очередь можетъ служить ему добрымъ подспорьемъ. Но успокоиться на этомъ невозможно. Чѣмъ важнѣе и обширнѣе призваніе, тѣмъ менѣе оставляетъ оно мѣста для другихъ занятій. Содѣйствіе и подспорье предполагаютъ существованіе того, чему они оказываются, и пріобрѣтаютъ истинный смыслъ, естественные размѣры и цѣну только тамъ, гдѣ дѣло обладаетъ самостоятельною организаціей и развивается въ силу исключительно свойственныхъ ему потребностей. Нельзя считать его обезпеченнымъ и удовлетворительно поставленнымъ, если оно только пристегнуто къ другому дѣлу, хотя бы и весьма близкому. Каждое дѣло для успѣшнаго развитія требуетъ особаго призванія и особыхъ людей. То что̀ вообще называется развитіемъ есть не что иное какъ безпрерывное выдѣленіе занятій, отправленій, интересовъ. Дѣло народнаго обученія, повторимъ возвращаясь къ вышесказанному, имѣетъ значеніе только въ той мѣрѣ, въ какой оно служитъ предметомъ особаго призванія. Не слѣдуетъ также утѣшаться мыслію, что дѣло это можетъ процвѣтать тѣмъ успѣшнѣе, чѣмъ болѣе будетъ находиться въ рукахъ людей получившихъ образованіе выше того, какое требуется для учителя народной школы. Удовлетворительнымъ можетъ быть только то, что̀ вполнѣ соотвѣтствуетъ роду дѣла. Люди, по своему образованію стоящіе выше требованій народнаго обученія, никогда не могутъ заниматься имъ какъ дѣломъ своего призванія, съ полною серіозностію, какой требуетъ всякое дѣло.

Мы приходимъ къ тому заключенію, что дѣло народнаго обученія требуетъ прежде всего образованія народныхъ учителей спеціально къ этому дѣлу приготовленныхъ. Вся сила, стало-быть, заключается въ этомъ. Другіе способы народнаго обученія могутъ быть болѣе или менѣе счастливыми случайностями, болѣе или менѣе удачными замѣнами, но какъ самостоятельное и серіозное дѣло, оно можетъ начаться лишь съ образованіемъ народныхъ учителей, и развиваться по мѣрѣ того какъ будутъ умножаться и улучшаться школы, имѣющія своимъ ближайшимъ назначеніемъ готовить дѣятелей этого рода. Есть разныя сферы образованія, изъ коихъ каждая имѣетъ свои цѣли и средства. Образованіе народныхъ учителей есть нѣчто sui generis, есть дѣло особаго рода. Народные учители должны быть лучшіе и способные

люди этого рода, а не выкидыши изъ высшихъ сферъ образованія.

Обстоятельства именно теперь особенно благопріятствуютъ разрѣшенію этой первой и существенной задачи народнаго обученія. Слава Богу, мы освободились отъ тѣхъ тлетворныхъ вліяній, которыми были заражены наши школы. Было время, когда приходилось усиленно протестовать противъ всякой попытки заводить у насъ учительскія семинаріи, изъ справедливаго опасенія, чтобы народнымъ обученіемъ не овладѣлъ тотъ же безсмысленный нигилизмъ, который такъ пагубно дѣйствовалъ въ другихъ сферахъ образованія и котораго дѣйствія могли бы быть еще пагубнѣе въ дѣлѣ народнаго обученія. Время это миновало, воздухъ очистился, фальшь исчезла, и дѣло народнаго обученія можетъ быть двинуто съ полною безопасностію. Если больной и зараженный организмъ держать на строгой діэтѣ, то при нормальныхъ условіяхъ здоровья больничная діэта можетъ только изнурить организмъ, и сама наконецъ стать началомъ недуга.

№ 23.

Москва, 29-го января.

Теперь только и рѣчи что о голодѣ; со всѣхъ сторонъ слышится сочувствіе къ страждущимъ, желаніе освѣдомиться объ ихъ потребностяхъ и облегчить ихъ нужду; подписка, открытая подъ высокимъ покровительствомъ Августѣйшихъ Особъ, нѣтъ сомнѣнія, доставитъ средства, коихъ должное употребленіе значительно пополнитъ правительственныя и общественныя пособія, отчасти уже назначенныя, отчасти имѣющія быть назначенными на продовольствіе и на обсѣмененіе яровыхъ полей, въ мѣстностяхъ посѣщенныхъ неурожаемъ. Нисколько не парализуя столь благотворнаго общаго влеченія придти на помощь нуждающимся, должно однакоже замѣтить, что нѣтъ ни малѣйшаго повода изображать затруднительное положеніе нѣкоторыхъ мѣстностей Россіи какъ общее государственное бѣдствіе. Нынѣшній годъ далекъ отъ тѣхъ многократно бывшихъ на нашемъ вѣку годовъ въ Россіи, которые можно было безъ преувеличенія назвать голодными. Если теперь дѣлается для нуждающихся больше чѣмъ дѣлалось въ эти прежніе годы, то надобно видѣть въ этомъ одно изъ послѣдствій всеобщаго происходящаго въ нашемъ отечествѣ успѣха, коему надобно радоваться и всячески поддерживать доброе настроеніе, не давая ему понизиться. Впрочемъ, усилія, которыя теперь дѣлаются для оказанія помощи страждущимъ, отнюдь не чрезмѣрны. Какъ бы удачно они не были направлены, надобно помнить, что они только уменьшатъ нужду, но не устранятъ ея, и что многіе изъ нашихъ братій, даже при обильномъ приливѣ пособій, перенесутъ этою зимой и весной не мало лишеній въ самомъ необходимомъ, въ кускѣ насущнаго хлѣба. Итакъ помощь настоятельно нужна, и кто въ силахъ оказать ее, долженъ спѣшить принесеніемъ своей лепты. Тѣмъ не менѣе однакоже дѣйствительное положеніе дѣлъ вовсе не такъ дурно, какъ иные представляютъ его себѣ. Надобно благодарить главное управленіе печати за разъясненіе сообщенное имъ въ редакцію газеты *Голосъ* по поводу одной передовой статьи этой газеты. Главное управленіе по дѣламъ печати говоритъ въ этомъ разъясненіи на основаніи точныхъ данныхъ. Оно сообщаетъ, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ—

„существуетъ необыкновенное возвышеніе цѣнъ на хлѣбъ, а мѣстами и затрудненіе въ полученіи онаго, вслѣдствіе чего встрѣчается *нужда* въ продовольствіи, въ нѣкоторыхъ, впрочемъ немногихъ мѣстностяхъ довольно тяжелая, требующая скорой помощи, но не *голодъ*. Для устраненія, по возможности, таковой нужды, приняты и принимаются земскими учрежденіями, а гдѣ таковыя не введены, мѣстною и центральною администраціей, соотвѣтственныя мѣры къ подвозу въ нуждающіяся мѣстности хлѣба и предоставленію бѣдствующему населенію возможности получать оный по пониженнымъ цѣнамъ, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ и вовсе безплатно. Если же въ другихъ губерніяхъ земскія учрежденія не признали нужнымъ не только обратиться къ правительству о пособіи изъ общихъ средствъ государства, но даже не нашли необходимымъ израсходовать предоставленныя въ ихъ распоряженіе мѣстныя средства, то это должно бы служить лучшимъ доказательствомъ тому, что въ этихъ губерніяхъ, къ числу коихъ относятся и поименованныя *Голосомъ* Тамбовская, Орловская, Костромская и Твер-

ская, не только нѣтъ голода, но даже и особенной нужды въ продовольствіи."

Еслибъ упоминаемыя здѣсь данныя и могли быть оспариваемы, чего, сколько мы можемъ судить, нѣтъ, то послѣдне-приведенный аргументъ безусловно убѣдителенъ. Продолжать и послѣ этого разъясненія рѣчь о голодѣ, и не только продолжать ее, но смущать читателей зловѣщими ссылками на времена Годунова, когда слѣдовали одинъ за другимъ неурожайные годы, „которые народъ считалъ карою Божіей на царя," и когда вызванныя голодомъ „народныя волненія содѣйствовали проискамъ самозванцевъ," или указаніями на голодные годы 1788, 1789 и 1847 во Франціи, какъ дѣлаетъ одна петербургская газета, изъ разряда поддерживаемыхъ не публикой, а администраціей,—это значитъ или позволять себѣ болтовню безъ толку, или намѣренно производить въ публикѣ фальшивое настроеніе. Газета, о которой мы говоримъ, успѣла угостить своихъ читателей, изъ коихъ многіе читаютъ ее на казенный счетъ обязательно, удивительными куріозами. Она узнала напримѣръ, что даже въ хлѣбородныхъ губерніяхъ огромное количество удобной земли лежитъ безъ употребленія, и изъ этого она вывела не потребность въ болѣе правильномъ распредѣленіи населенія,—не необходимость облегчить земледѣльческому классу свободное передвиженіе,—а на оборотъ, что „свобода перехода съ одного мѣста въ другое (по крайней мѣрѣ въ отношеніи крестьянъ) является въ Россіи учрежденіемъ еще преждевременнымъ," и что „интересы государства будто бы требуютъ изысканія законныхъ средствъ, при помощи которыхъ можно было бы болѣе привязать нашихъ крестьянъ къ сохѣ." Сказанная газета даже прямо предлагаетъ „обложить болѣе высокою податью тѣхъ изъ крестьянъ, которые безъ уважительныхъ причинъ покидаютъ земледѣліе." Въ подтвержденіе этого проекта разрушить одно изъ коренныхъ основаній крестьянской реформы и завести въ Россіи нѣчто въ родѣ земледѣльческой касты, указано на тотъ якобы несомнѣнный фактъ, что „значительная часть нашего деревенскаго населенія пренебрегаетъ земледѣліемъ, предпочитая городскую жизнь," какъ будто Россія не отличается отъ другихъ сколько-нибудь цивилизованныхъ странъ именно малочисленностью городскаго населенія и вообще незначительностью города сравнительно съ деревней. О подобныхъ безсмыслицахъ не стоило бы говорить, какъ не стоило бы упоминать о сожалѣніи той же газеты, что Россія съ каждымъ годомъ бѣднѣетъ и что „въ виду такихъ-то обстоятельствъ въ Москвѣ открывается классическій лицей и уничтожается (!) послѣдняя реальная гимназія,"—сожалѣніи сопровождаемомъ надеждой, что „истребленія полей овражками и саранчей должны (sic) таки заставить разстаться съ Гомеромъ и Горацiемъ." Но всѣ эти пошлости служатъ аккомпаниментомъ увѣренію, будто бы „земля, этотъ главный источникъ нашего благосостоянія, *съ каждымъ годомъ* истощается, бѣднѣетъ, съ каждымъ годомъ производитъ все менѣе и менѣе," и „въ нашемъ отечествѣ, которое мы привыкли съ гордостью называть житницей Европы, голодъ уже стучитъ во дворъ во многихъ мѣстахъ." Такія увѣренія могутъ не только сбивать публику съ толку, но и роняютъ въ ней духъ, подкапываютъ вѣру въ будущее Россіи, распространяютъ предположеніе, что требуются какія-то радикальныя мѣры дабы излѣчить страну отъ недуга, причиненнаго тѣмъ ходомъ дѣлъ, которому Россія обязана своимъ обновленіемъ. Если даже на самыя очевидныя благодѣянія послѣднихъ лѣтъ, какъ на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, можетъ быть наброшена тѣнь утвержденіемъ, что у насъ будто бы отчасти преувеличиваютъ вліяніе желѣзныхъ дорогъ (это говоритъ все та же газета), и если подобныя разсужденія могутъ быть выдаваемы за „выводы политической экономіи въ примѣненіи къ особенностямъ и къ степени хозяйственнаго развитія Россіи," если наконецъ въ полученномъ сегодня № этой искуственно распространяемой газеты обѣщается еще нѣсколько статей въ томъ же родѣ „о мѣрахъ къ предупрежденію бѣдствій голода въ нашемъ отечествѣ," то по неволѣ приходится смотрѣть нѣсколько болѣе серіозными глазами даже на безсмыслицы и пошлости, съ перваго взгляда не заслуживающія никакого вниманія.

Такъ какъ населеніе въ Россіи не уменьшается, а весьма быстро возрастаетъ, и между тѣмъ усиливается, въ небывалыхъ дотолѣ размѣрахъ, и отпускъ хлѣба, то ясно, что производство хлѣба у насъ не падаетъ, а напротивъ, развивается, наперекоръ предсказаніямъ распускаемымъ людь-

ми недовольными крестьянскою реформой и тѣми мѣрами, которыя за нею послѣдовали и слѣдуютъ. О развитіи фабричнаго производства свидѣтельствуютъ размноженіе фабрикъ, возрастающее потребленіе ими красильныхъ матеріаловъ и деревяннаго масла, и улучшеніе выставокъ. Наконецъ объ успѣхахъ общаго благосостоянія можно безошибочно заключать изъ того обстоятельства, что напримѣръ такой продуктъ какъ сахаръ, не смотря на повышеніе взимаемой съ него подати, потребляется съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе. Примѣровъ можно бы привести много, но достаточно и этихъ, чтобъ успокоить всякаго разсудительнаго читателя относительно общаго хода дѣлъ въ Россіи за послѣдніе годы. Единственная слабая сторона наша, это—наши финансы, страдающіе преимущественно отъ разстройства денежной системы, но и эта система въ настоящую минуту представляется въ видѣ несравненно лучшемъ чѣмъ годъ или два тому назадъ, и къ тому же, несмотря на финансовыя затрудненія, Россіи удалось соорудить послѣ 1863 г. цѣлый рядъ желѣзныхъ дорогъ, который останется навсегда добрымъ памятникомъ этихъ лѣтъ, подвергающихся съ извѣстной точки зрѣнія такому рѣзкому порицанію. Если въ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ не послѣдуетъ остановки, а въ особенности если скоро будутъ построены южная дорога направляющаяся къ Одессѣ и предполагаемая западная изъ Москвы къ Варшавѣ, то улучшится не только экономическое, но и международное положеніе Россіи и она безъ особенныхъ усилій и пожертвованій удержитъ за собой то обезпеченное отъ всякой опасности мѣсто въ ряду великихъ державъ, которымъ она теперь пользуется вслѣдствіе временныхъ благопріятныхъ для нея обстоятельствъ. Въ Россіи желѣзныя дороги, по значенію своему, равняются вооруженіямъ. Затрудненія нынѣшняго года оставятъ по себѣ добрый слѣдъ, если побудятъ къ усиленію постройки желѣзныхъ дорогъ. Какъ общая правительственная мѣра, это самое раціональное средство помощи въ голодное время; гдѣ оно возможно, тамъ всего безопаснѣе прибѣгать къ нему. Затѣмъ осталось бы озаботиться обсѣмененіемъ полей. Остальное по большей части можетъ сдѣлать организованная частная благотворительность.

№ 24.

Москва, 30-го января.

Приверженцы папской свѣтской власти съ большимъ искусствомъ и настойчивостью обратили въ свою пользу предубѣжденіе, которое, несмотря на всѣ отрицанія опыта, на всѣ уроки минувшаго и настоящаго времени, находитъ еще вѣру въ политическихъ сферахъ Запада и даже у нѣкоторыхъ изъ нашихъ политическихъ котерій.

Мы отнюдь не имѣемъ намѣренія возбуждать вопросъ о духовномъ авторитетѣ папы въ католическомъ мірѣ. Собственно вопросу подлежитъ только мірское владычество, которое отнюдь не есть догматъ въ римской церкви, и нерѣдко оспаривается самыми ревностными ея сынами.

Поддержаніе этой свѣтской власти, говорятъ намъ, принадлежитъ къ самымъ необходимымъ потребностямъ общественнаго порядка въ Европѣ. Папство нельзя ослабить и преобразовать, потому что оно краеугольный камень въ сводѣ общественнаго зданія, и самый могущественный оплотъ противъ безпрерывно возрастающаго революціоннаго духа. Римъ есть кивотъ принциповъ власти, порядка и консерватизма. Отнимите у римскаго первосвященника малѣйшую частицу его свѣтской власти, и всѣ троны рушатся одинъ за другимъ, и міръ превратится въ обширное поприще смертоубійства.

Эти теоріи, которыхъ самымъ энергическимъ проповѣдникомъ былъ де-Местръ, имѣютъ многихъ приверженцевъ. Даже люди съ такимъ высокимъ умомъ, какъ гг. Тьеръ и Гизо, и корифеи англійскихъ торіевъ, до того поддались этимъ парадоксамъ, что считаютъ долгомъ своимъ, въ качествѣ консерваторовъ, поддерживать свѣтскую власть папства.

Нечего углубляться въ исторію, дабы доказать, что эта теорія есть самый рѣшительный парадоксъ. Стоитъ только обратить вниманіе на современныя событія, вникнуть въ языкъ и дѣйствія органовъ и агентовъ Римскаго двора, дабы убѣдиться, что напротивъ одно изъ пагубныхъ слѣдствій соединенія свѣтской власти съ духовною состоитъ въ томъ, что оно дѣлаетъ папу-государя самымъ могущественнымъ двигателемъ революціи и самымъ опаснымъ возбудителемъ анархіи.

Прискорбная роль, которую приняло на себя римско-католическое духовенство во время послѣдняго мятежа въ Польшѣ, — приняло съ одобренія и при дѣятельныхъ указаніяхъ Римскаго двора, есть фактъ всѣмъ извѣстный.

Официальнымъ документомъ Императорскаго кабинета выставлено на видъ, что въ 1861 г., съ самаго начала безпорядковъ въ Польшѣ, бо́льшая часть римско-католическаго духовенства содѣйствовала тайными происками приготовленіямъ къ мятежу, что въ одномъ изъ собраній этого духовенства въ 1862 г. единогласно опредѣлено „соблюдать согласіе и тѣсную „солидарность съ инсуррекціонною пар„тіей,“ и наконецъ что болѣе 500 римско-католическихъ священниковъ были судебнымъ порядкомъ уличены, что они непосредственно и матеріально участвовали въ кровавыхъ событіяхъ польскаго возстанія.

Въ томъ же документѣ доказано, что Римскій дворъ, хотя гласно не одобрялъ революціоннаго движенія, однако втайнѣ поощрялъ его, чтобы не сказать возбуждалъ. По настоянію Императорскаго правительства кардиналъ Антонелли отвѣчалъ: *„Святѣйшій отецъ конфиденціально не одобряетъ* поступковъ польскаго духовенства, но ему невозможно гласно *высказаться по этому вопросу.*“ А въ виду составлявшейся, казалось, всеобщей европейской коалиціи въ пользу польскаго мятежа и, полагая, что эта коалиція раздавитъ Россію, Римскій дворъ отрекся даже отъ этого *конфиденціальнаго неодобренія*, и папа-монархъ, явно присоединясь къ дѣлу польской революціи, не поколебался торжественно высказать самыя незаслуженныя и самыя оскорбительныя обвиненія на Россію и ея Государя.

Пять лѣтъ спустя мы видимъ, что Римскій дворъ, хотя и съ большею осторожностію, прибѣгаетъ къ той же тактикѣ, къ тѣмъ же средствамъ дѣйствія противъ Англіи по поводу фенійскаго движенія, представляющаго разительное сходство съ польскимъ мятежомъ 1863 года.

Въ официальной газетѣ Ватиканскаго двора *Osservatore Romano* была нѣсколько дней назадъ напечатана статья, свидѣтельствующая о тайномъ удовольствіи папскаго правительства и о его желаніи ободрить феніевъ. Послѣ нѣсколькихъ общихъ восклицаній объ опасностяхъ анархіи и о незаконности средствъ, къ которымъ прибѣгаютъ феніи, официальный органъ папскаго правительства выражается въ слѣдующихъ словахъ, которыя передаемъ буквально: „Англія пожинаетъ то что̀ посѣя„ла; британское правительство вкушаетъ „теперь плоды коварной, недобросовѣст„ной, революціонной политики, которой „оно въ продолженіе многихъ лѣтъ дер„жалось относительно всѣхъ законныхъ „правительствъ. Мятежи, потрясенія и без„порядки, которые британское правитель„ство такъ часто возбуждало, поощряло и „поддерживало на материкѣ, перебрались „черезъ проливъ и проникли въ самую сто„лицу могущественнаго Британскаго коро„левства. Законъ возмездія примѣняется, „наконецъ, къ Англіи, и взрывы такъ ра„довавшіе англійскій народъ, когда они „приключались на берегахъ Тибра, пора„жаютъ его ужасомъ, происходя на бере„гахъ Темзы. Такъ всегда было и такъ „будетъ всегда. Тотъ кто зажигаетъ домъ „сосѣда, увидитъ рано или поздно, что „разрушительная стихія объяла и его соб„ственный домъ... Феніанизму очевидно „Божественнымъ Провидѣніемъ предназна„чено наказать Англію за ошибки и за„блужденія, въ которыя она такъ долго „впадала къ ущербу справедливости и „права, какъ народовъ, такъ и прави„тельствъ“. Въ заключеніе *Osservatore* взываетъ къ г. де-Местру и съ радостью, плохо скрытою, восклицаетъ: „Сама Анг„лія, этотъ Ахиллъ, мнившій себя неуязвимымъ отъ посягательствъ революціи, дро„житъ и мятется теперь въ виду дерзно„венныхъ сектаторовъ, которые съ голов„ней и кинжаломъ въ рукѣ ведутъ войну „не на животъ, а на смерть противъ этой, „нѣкогда столь могущественной владычи„цы морей.“

Съ нѣкоторыми лишь измѣненіями, но почти въ такихъ же выраженіяхъ, тотъ же официальный органъ Ватикана отзывался о Россіи и ея правительствѣ съ самаго начала польскаго мятежа.

Сверхъ того, изъ содержанія пастырскаго циркуляра недавно обнародованнаго католическимъ примасомъ Ирландіи, кардиналомъ Кулленомъ, можно удостовѣриться, что Римскій дворъ не принимаетъ на себя труда измѣнить и способъ своихъ непріязненныхъ дѣйствій, и что въ 1868 году онъ дѣйствуетъ почти точно также какъ дѣйствовалъ въ 1863 г. Вотъ въ ка-

кихъ выраженіяхъ кардиналъ Кулленъ обращается къ Ирландцамъ:

„Ваша страна была повергнута въ величайшія несчастія, въ самую крайнюю бѣдность; въ большихъ городахъ Франціи, Австріи, Испаніи нѣтъ нищеты столь ужасной какъ въ Дублинѣ; болѣе трехъ милліоновъ Ирландцевъ были вынуждены удалиться по ту сторону океана; болѣе 400.000 коттежей, обитаемыхъ бѣдными, были срыты, дабы тѣ, что̀ занимали ихъ прежде, не могли въ нихъ пріютиться; множество деревень совершенно разрушены."

Правда, кардиналъ Кулленъ приглашаетъ своихъ согражданъ требовать удовлетворенія только законнымъ путемъ, но очевидно, что примасъ, показывая видъ будто хочетъ погасить пожаръ, старается раздувать его, настаивая съ преувеличеніями на страданіяхъ Ирландіи.

Факты подобнаго рода, вопреки всѣмъ историческимъ предразсудкамъ и софизмамъ, доказываютъ, что папство въ его теперешней формѣ не только не служитъ обезпеченіемъ для принциповъ порядка и власти, но постоянно угрожаетъ имъ опасностью.

Впрочемъ, лѣтъ пятьдесятъ назадъ, эта истина была уже признана и разъяснена необыкновенно краснорѣчиво однимъ изъ геніальнѣйшихъ политическихъ дѣятелей новаго времени. Несмотря на обширность цитаты, мы считаемъ не безполезнымъ привести самыя разительныя мѣста одного документа, недавно преданнаго гласности.

„..... Дабы разомъ прекратить споры, „столь противные благу религіи, его величество видитъ одно только средство: отнять у папы даръ Карла Великаго, и сдѣлать папу тѣмъ чѣмъ онъ долженъ быть, „поставить его духовную власть въ безопасность отъ вліянія страстей, которымъ „подвержена власть свѣтская. Іисусъ Христосъ, рожденный отъ дома Давидова, „не хотѣлъ быть царемъ. Въ продолженіе „многихъ вѣковъ основатели нашей религіи не были царями. Нѣтъ ни одного историка, ни одного добросовѣстнаго доктора богословія, который не сознался бы, „что свѣтская власть папъ была пагубна „для религіи. Причина споровъ, такъ долго волновавшихъ Францію, скрывалась „не въ духовной власти Рима, а въ свѣтской. Если нѣкоторыя великія націи отдѣлились отъ церкви, то причиною этого „опять были злоупотребленія власти Римскаго двора... Религіозные интересы жителей Франціи, Германіи, Италіи одинаково предписываютъ его величеству положить конецъ этой жалкой свѣтской „власти, этому скудному остатку всемогущества преемниковъ Григорія, предъявлявшихъ притязаніе повелѣвать королями, „раздавать короны и завѣдывать земными „дѣлами какъ небесными... Если его величество не сдѣлаетъ того, что̀ онъ одинъ „можетъ сдѣлать, то въ Европѣ останутся „сѣмена *споровъ и несогласій*. Потомство, „воздавая его величеству хвалу за возстановленіе алтарей и богослуженія, будетъ порицать его за то, что онъ не избавилъ большей части Европы отъ вліянія этой странной смѣси властей; несогласной ни съ религіей, ни съ спокойствіемъ государства. Это препятствіе можетъ быть устранено только отдѣленіемъ „свѣтской власти отъ духовной."

Эти строки писалъ не Русскій Императоръ, не король Англійскій или Прусскій; ихъ писалъ основатель династіи царствующей теперь во Франціи; Наполеонъ I написалъ ихъ собственною рукою въ инструкціяхъ, данныхъ имъ своему министру иностранныхъ дѣлъ, графу Шампаньи, 17-го мая 1809 года.

Страннѣе и замѣчательнѣе всего то что этотъ документъ, до сихъ поръ остававшійся неизданнымъ, преданъ гласности почти въ то самое время какъ г. Руэръ объявилъ отъ имени Наполеона III и самымъ торжественнымъ образомъ, что Франція будетъ всегда неизмѣнно поддерживать свѣтскую власть папства.

Неужели современная Европа не можетъ пріискать обезпеченія для полной независимости духовнаго авторитета, не прибѣгая къ жалкимъ аттрибуціямъ свѣтской власти, которая напротивъ ставитъ церковь въ совершенную зависимость отъ политическихъ интригъ? Неужели, даже при теперешнемъ составѣ Европы, папа, чтобы не быть ничьимъ подданнымъ, долженъ быть государемъ, трепещущимъ предъ Франціей и охраняемымъ тою сволочью, изъ которой составляется его войско и о которой говоритъ нашъ римскій корреспондентъ?

№ 25.

Москва, 31-го января.

Нѣтъ другаго пункта во внутренней Россіи, гдѣ накопилось бы (и по силѣ вещей всегда будетъ накопляться) такъ много хлѣба и другаго цѣннаго груза, какъ въ Рыбинскѣ. Понятно, что отъ времени до времени возникаетъ рѣчь о соединеніи Рыбинска желѣзнымъ путемъ съ однимъ изъ портовыхъ городовъ. То была рѣчь о Балтійскомъ Портѣ, то о Петербургѣ. Въ послѣднее время преимущественно толкуютъ о линіяхъ Рыбинско-Тверской и Череповецко-Сязской; кромѣ того, есть еще проекты Рыбинско-Вышневолоцкой и прямой Рыбинско-Петербургской линіи. Предъ нами теперь лежитъ весьма интересная, прекрасно составленная брошюра, разсуждающая о первой изъ этихъ четырехъ линій. Она полагаетъ длину линіи въ 215 верстъ, стоимость ея за каждую версту 75.000, а всего 16 $^1/_2$ милліоновъ металическихъ рублей. Валоваго дохода ожидается 5.886.000 рублей, а за отчисленіемъ 60% изъ этой суммы на эксплутацію — чистаго дохода 2.354.000 или 15% (*sic*). Но такъ какъ доходы показаны не въ металлическихъ, а въ бумажныхъ рубляхъ, то очевидно, что брошюра, въ другихъ пунктахъ столь осмотрительная, по этой статьѣ значительно преувеличиваетъ цифру доходовъ. Валовой доходъ исчисляется такъ: за провозъ отъ Рыбинска до Твери 8 милліоновъ пудовъ пшеницы, по 6 коп. съ пуда, 480.000 р.; за 16 милліоновъ пудовъ прочаго хлѣба, по 4 коп. за пудъ, 640.000 р.; за провозъ лѣсныхъ произведеній 1 милліона пудовъ, по 3 коп. съ пуда, 30.000 р.; за 15 милліоновъ пудовъ другаго болѣе цѣннаго товара, по 9 к. за пудъ, 1.350.000 р. Кромѣ того, учредители проекта предполагаютъ заключить по обоюдному соглашенію съ правленіемъ Николаевской желѣзной дороги контрактъ, въ силу коего правленіе Рыбинско-Тверской желѣзной дороги будетъ имѣть право препровождать свои товары и даже пассажировъ на свой счетъ въ особенныхъ вагонахъ по рельсамъ этой дороги до Петербурга, съ платежемъ только 20 процентовъ за употребленіе рельсовъ и пр. Изъ этой статьи полагаютъ извлечь значительный доходъ, а именно намѣреваются отправлять каждый пудъ пшеницы изъ Твери до С.-Петербурга за 8 коп., прочаго хлѣба за 6 коп., другаго товара за 11 к.; такъ что всего платилось бы изъ Рыбинска до С.-Петербурга съ пуда пшеницы 14 коп., съ прочаго хлѣба 10 коп., съ цѣнныхъ товаровъ 20 коп. На этихъ условіяхъ предполагаемое Общество Рыбинско-Тверской желѣзной дороги надѣется выручить за провозъ вышеисчисленнаго количества товаровъ валовую сумму 2.770.000 рублей, изъ которыхъ въ пользу Николаевской дороги отошло бы 20% или 554.000 р., и осталось бы 2.216.000 р. Учредители полагаютъ, что изъ послѣдней суммы слѣдуетъ отнести не болѣе 60% на расходы, и что Общество Рыбинско-Тверской желѣзной дороги такимъ образомъ будетъ въ состояніи возвысить процентъ доходности этой дороги на 886.000: разсчетъ едвали вѣрный, ибо, повидимому, чистый доходъ отъ перевозки поѣздовъ по Николаевской желѣзной дорогѣ будетъ весьма скромный. Наконецъ предполагается получить отъ перевозки пассажировъ чистаго дохода до 300.000 р.

Затѣмъ учредители полагаютъ, что несмотря на сильную конкуренцію водяной системы Тихвинскаго канала, по этой дорогѣ будетъ провозиться изъ Петербурга шесть милліоновъ пудовъ разнаго товара, отъ провоза которыхъ общество выручитъ валоваго дохода не менѣе 336.000 р. по Николаевской и 540.000 руб. по Твере-Рыбинской линіи.

Нельзя не замѣтить, что этотъ расчетъ не свободенъ отъ нѣкоторыхъ преувеличеній. Рыбинская желѣзная дорога безъ всякаго сомнѣнія будетъ приносить хорошій доходъ, но и для доходной линіи важно выгодное направленіе. Рыбинскъ лежитъ ближе къ Петербургу, нежели Москва, а на предполагаемой дорогѣ каждый пудъ товаровъ долженъ былъ бы пройдти изъ Петербурга до Твери 447 верстъ, а оттуда до Рыбинска 215 верстъ, всего 662 версты. Это потерянная работа, которая поглотитъ много денегъ, не принося пользы не только Петербургу и Рыбинску, но даже и Твери и Москвѣ. Намъ кажется, что колебаній насчетъ выбора линіи быть бы не должно: какъ наиболѣе выгодная представляется линія изъ Рыбинска къ Вышневолоцкой станціи Николаевской желѣзной дороги, могущая потомъ послужить и для дальнѣйшаго соединенія Рыбинска съ незамерзающимъ Балтійскимъ Портомъ, чего никакъ не слѣдуетъ упускать изъ виду.

По этой послѣдней линіи разстояніе между обоими крайними пунктами сократилось бы приблизительно до 600 верстъ, причемъ строимая новая линія была бы только 50—60 верстами длиннѣе Рыбинско-Тверской. Такъ какъ отъ Петербурга до Твери 447 верстъ, а до Вышняго Волочка 336, то прокатъ по Николаевской желѣзной дорогѣ сократился бы на одну четверть, и на основаніи вышеприведеннаго тарифа можно было бы взимать съ грузовъ за ихъ слѣдованіе по Николаевской дорогѣ слѣдующія цѣны: съ пшеницы 6 к., съ прочаго хлѣба $4^1/_2$, съ другаго товара $8^1/_4$ к. и соразмѣрно тому увеличить тарифъ Рыбинско-Вышневолоцкаго участка, взимая за провозъ отъ Рыбинска до Вышняго Волочка съ пшеницы по 10 к., съ прочаго хлѣба по $7^1/_2$ к., съ другаго товара по 12 к. При этомъ увеличился бы чистый доходъ новой линіи, она была бы поставлена въ меньшую зависимость отъ проката по Николаевской дорогѣ и сократился бы начетистый перевозъ обратныхъ поѣздовъ съ пустыми вагонами. Но еще важнѣе, что товаръ, привезенный огромными массами изъ Рыбинска въ іюнѣ и іюлѣ мѣсяцахъ къ Вышневолоцкой станціи, былъ бы совершенно обезпеченъ отъ необходимости ожидать тамъ отправки въ Петербургъ. Изъ многолѣтняго опыта не только Николаевской, но и Рязанской и Козловской желѣзныхъ дорогъ извѣстно, что нерѣдко товаръ лежитъ неимовѣрное время на станціяхъ и совершенно портится. Такъ какъ движеніе по Николаевской дорогѣ возрастаетъ въ громадныхъ размѣрахъ, а прокатъ рыбинскихъ грузовъ будетъ находиться въ зависимости отъ этого движенія, то онъ можетъ встрѣчать частыя и серіозныя препятствія. На Вышневолоцкой станціи это неудобство не имѣло бы значенія, потому что по окончаніи новаго Ладожскаго канала, именно оттуда можно весьма дешево отправлять товаръ въ Петербургъ внизъ по теченію въ десятидневный срокъ, и притомъ не дороже какъ по 5 копѣекъ съ пуда. Вѣрно разчитанная желѣзная дорога отнюдь не должна устранять полезную для дѣла конкуренцію водяной системы: можно предполагать, что многіе купцы, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ, предпочтутъ, начиная съ Вышневолоцкой станціи, водный путь, который доставилъ бы имъ 20—25 к. выигрыша на каждой четверти. Въ Вышнемъ Волочкѣ построились бы хлѣбные амбары, какъ теперь въ Рыбинскѣ, и въ этихъ амбарахъ товаръ могъ бы накопляться въ любомъ количествѣ въ теченіе года, платя за полежалое гораздо дешевле нежели въ Петербургѣ; а оттуда безъ всякой остановки могъ бы быть посылаемъ при первомъ требованіи рано весной въ Петербургъ, пользуясь Николаевскою дорогою лишь въ экстренныхъ случаяхъ. Рыбинская дорога, предоставивъ грузамъ это удобство, выиграла бы, сверхъ всего сказаннаго, и на увеличеніи ихъ количества: чѣмъ дешевле будетъ обходиться доставка грузовъ изъ Рыбинска въ Петербургъ, тѣмъ успѣшнѣе пойдетъ отпускъ изъ Петербурга, потому что тогда рыбинскіе грузы будутъ имѣть больше возможности конкуррировать съ американскими и левантскими.

Линія отъ Череповца до Ладожскаго озера также очевидно гораздо менѣе выгодна, нежели Рыбинско-Вышневолоцкая, такъ какъ она была бы полезна лишь въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Скорѣе можно было бы ожидать доходности отъ особенной прямой Рыбинско-Петербургской линіи, нежели отъ Череповецкой, но прямую линію отъ Рыбинска стоитъ вести не на Петербургъ, а единственно на Балтійскій Портъ. Вышневолоцкая линія, какъ сказано, имѣетъ предъ Тверскою преимущество и въ томъ отношеніи, что послужила бы первымъ участкомъ будущей большой линіи изъ Рыбинска на Новгородъ въ Балтійскій Портъ.

Какъ бы то ни было, весьма желательно обезпечить первенствующій хлѣбный амбаръ всей средней Россіи, Рыбинскъ, отъ жалкихъ случайностей при отправленіи нашихъ главныхъ продуктовъ въ Петербургъ. Благодаря этимъ случайностямъ, владѣльцы пароходовъ въ прошломъ году требовали и получили по 10 к. за отправленіе пуда хлѣба по одной рѣкѣ Шекснѣ, гдѣ прежде платилось только 3 к., а это значитъ, что по этой одной системѣ было заплачено 2—3 милліона руб. больше нежели слѣдовало бы, единственно за недостаткомъ серіозной конкурренціи. Кто читалъ корреспонденцію г. Колчина изъ Рыбинска въ № 2 нашей *Современной Лѣтописи*, тотъ знаетъ, что духъ монополіи въ этихъ мѣстностяхъ далеко еще не погасъ. Только сооруженіе хорошо обдуманной желѣзной дороги можетъ помочь въ этомъ весьма важномъ для всей Россіи дѣлѣ.

Брошюра о Рыбинско-Тверской желѣзной дорогѣ краснорѣчиво и убѣдительно доказываетъ, что вывозъ хлѣба изъ приволжскихъ губерній никогда не пойдетъ по желѣзнымъ дорогамъ къ Ригѣ или Либавѣ. Это блистательно подтверждается тѣмъ, что несмотря на извѣстныя неудобства нашихъ водяныхъ сообщеній отъ Рыбинска до Петербурга (пока еще не былъ открытъ новый Ладожскій каналъ), ни разу не было отправлено хотя сколько-нибудь значительное количество приволжскаго хлѣба по желѣзной дорогѣ отъ Нижняго-Новгорода въ Петербургъ, именно потому что по водяной системѣ изъ Нижняго Новгорода можно отправлять хлѣбъ въ Петербургъ 5 10 копѣйками съ пуда дешевле. Но изъ этого выходитъ и то заключеніе, что 600-верстная Рыбинско-Вышневолоцко-Петербургская линія должна быть рѣшительно предпочтена 660-верстной Рыбинско-Твере-Петербургской линіи.

Въ заключеніе прибавимъ, что для русскаго желѣзно-дорожнаго дѣла было бы чрезвычайно важно, еслибъ удалось построить Рыбинскую дорогу безъ гарантіи правительства. Доходность ея не подлежитъ сомнѣнію. Направленная на Волочекъ, она навѣрное дастъ 15—18 процентовъ съ капитала дѣйствительно затраченнаго (не номинальнаго). Это доходъ блистательный, позволяющій обойдтись безъ гарантіи, то-есть, безъ того условія, которое, что бы ни говорили въ его пользу, ставитъ и строителей и эксплуататоровъ дороги въ фальшивое положеніе.

№ 26.

Москва, 1-го февраля.

Мѣсяца два тому назадъ, по поводу возбужденнаго въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* вопроса о наилучшемъ обученіи инородцевъ, просвѣщаемыхъ христіанскою проповѣдью, мы сказали нѣсколько словъ о ходѣ этого дѣла на Кавказѣ, имѣя на памяти не задолго предъ тѣмъ обнародованный отчетъ Общества Востановленія Православнаго Христіанства на Кавказѣ. „Мы совершенно понимаемъ, писали мы, что инородцевъ учатъ грамотѣ на родномъ языкѣ каждаго изъ нихъ, употребляютъ его родной языкъ какъ органъ преподаванія, проповѣдуютъ на немъ Слово Божіе, совершаютъ на немъ богослуженіе; но мы затрудняемся понять, зачѣмъ разноязычныя горскія дѣти должны посвящать значительную долю своего труда и времени изученію грузинскаго языка, почти равно имъ чуждаго, труднаго и, какъ намъ кажется, безполезнаго." Мы брали вопросъ только съ педагогической стороны, отнюдь не входя въ какія-либо политическія соображенія. „Не слишкомъ ли это большая лингвистика, говорили мы, для бѣдныхъ полудикихъ ребятишекъ абхазскихъ или осетинскихъ?" Говоря это, мы не имѣли и не могли имѣть ни малѣйшаго намѣренія бросить какую-либо тѣнь на дѣйствія Общества, высокимъ цѣлямъ котораго невозможно не сочувствовать. Но мы считали себя въ правѣ и обязанными обратить вниманіе на то что̀ намъ казалось недостаточно объяснимымъ и понятнымъ. Въ то время когда въ офиціальныхъ сферахъ обсуждался вопросъ въ какой мѣрѣ желательно и полезно развивать искусственными средствами письменность на языкахъ мелкихъ инородческихъ племенъ, мы не могли пропустить безъ вниманія вопросъ объ искусственномъ распространеніи какого-либо инородческаго языка на племена ему чуждыя. Если татарскія школы для Татаръ—дѣло понятное, то татарскія школы для Чувашей, Мордвы или Черемисовъ были бы безъ сомнѣнія явленіемъ страннымъ. Весьма естественно, что къ Чувашину или Черемису проповѣдникъ или учитель обращается первоначально на ихъ языкахъ; затѣмъ понятно также, что ихъ обучаютъ языку ихъ отечества и и церкви, которой они становятся членами. „Нельзя, говорили мы, сомнѣваться въ томъ, что первоначальная проповѣдь христіанская должна совершаться на языкѣ самомъ понятномъ, близкомъ и роднымъ для людей, къ которымъ она обращается; но истинное благодѣяніе окажетъ инородцу тотъ, кто шагъ за шагомъ изведетъ его изъ тѣсноты въ великій христіанскій міръ и пріобщитъ его къ жизни историческаго народа, въ составъ котораго онъ входитъ. Христіанская проповѣдь должна спускаться во всякую низину и проникать во всякую тѣсноту; но тамъ, гдѣ нѣтъ почвы для самостоятельнаго развитія народной, общественной и христіанской жизни, вѣрно направленное и успѣшно идущее дѣло просвѣщенія поступаетъ хорошо, открывая для просвѣ-

щаемыхъ новую жизнь на языкѣ ихъ великаго христіанскаго отечества.“ Но, спрашивается, для чего было бы нужно посвящать черкесскаго или чувашскаго мальчика въ совершенно чуждую ему татарскую грамотность? Точно также трудно объяснить, зачѣмъ понадобилось бы обучать Осетина грузинскому языку, еще болѣе для него чуждому чѣмъ татарскій разнымъ инородцамъ бывшаго Казанскаго Царства? Наконецъ, еще труднѣе понять, зачѣмъ при дальнѣйшихъ шагахъ образованія было бы нужно дѣлать Черемиса Татариномъ, а Осетина Армяниномъ или Грузиномъ. Держась только образовательной точки зрѣнія, нельзя не согласиться, что, поступая такимъ образомъ, мы оказывали бы плохую услугу нашимъ инородцамъ. Статья наша ограничилась только самыми общими замѣчаніями, и мы заключили ее слѣдующими словами: „Сказанное нами мы вовсе не думаемъ обращать въ упрекъ почтеннымъ дѣятелямъ, посвятившимъ трудъ свой просвѣщенію полудикихъ племенъ Кавказа; но намъ кажется, что они умножаютъ трудъ для самихъ себя и для учащихся не только безъ пользы, но быть-можетъ и во вредъ дѣлу.“

Замѣтка наша была напечатана въ декабрѣ; и вотъ теперь, по истеченіи почти двухъ мѣсяцевъ, въ газетѣ *Кавказъ* читаемъ мы не возраженіе на указанныя нами соображенія, а отрицаніе факта, сопровождаемое бранью. Что касается до брани, то отвѣчать на нее мы не находимъ надобности, но не можемъ и не хотимъ молчать, когда осмѣливаются утверждать, что мы клевещемъ и выдумываемъ небывалые факты. Мы говорили, что мальчики набираемые изъ разныхъ горскихъ племенъ въ школы кавказскаго Общества обучаются грузинскому языку, независимо отъ своего природнаго и русскаго, а редакція *Кавказа* отрицаетъ этотъ фактъ и утверждаетъ, что въ отчетѣ Общества нѣтъ ничего, что могло бы подавать поводъ къ нашимъ замѣчаніямъ.

Отчетъ напечатанъ въ *Сѣверной Почтѣ* и справиться не трудно. Въ № 242 этой газеты читаемъ о Закатальскомъ округѣ, что въ Ингилойскомъ благочиніи живутъ два туземныя племени, Ингилойцы и Удины. Первые изъ нихъ принадлежали къ Грузинскому племени, но въ XVII вѣкѣ бо́льшая часть ихъ выведена въ Персію, мѣсто ихъ заняли Лезгины, что же касается до Удинъ, то они говорятъ языкомъ, котораго сродство съ другими языками еще не дознано; тѣмъ не менѣе ученики изъ этихъ племенъ „читаютъ и пишутъ довольно хорошо „*по грузински* и по русски.“ Далѣе въ томъ же нумерѣ *Сѣверной Почты* отчетъ говоритъ о Самурзаканскомъ округѣ, что въ тамошней Окулинской школѣ „занятія „*по грузинскому языку* состояли въ прак„тическихъ упражненіяхъ.“ Это повторено даже два раза съ присовокупленіемъ, что въ одноклассныхъ школахъ Самурзакана лучшіе ученики „читаютъ по-русски „и *по-грузински* довольно свободно.“ Объ ученикахъ изъ Сванетовъ мы узнаемъ изъ продолженія отчета въ № 242 *Сѣверной Почты*, что они „читаютъ по-русски, *по-грузински* и сванетски,“ и что въ Сванетіи употребляются буквари всѣхъ этихъ трехъ языковъ.

Но этимъ дѣло не ограничивается. Обстоятельство, особенно поразившее насъ, заключается въ слѣдующемъ: Общество воспитываетъ на своемъ иждивеніи значительное число пансіонеровъ, которыхъ образованіе идетъ гораздо далѣе элементарныхъ школъ грамотности и которые готовятся быть просвѣтителями и учителями своихъ соплеменниковъ. Изъ отчета мы узнаемъ, что въ духовныхъ семинаріяхъ, гдѣ обучаются будущіе священники для разныхъ кавказскихъ племенъ, изъ языковъ туземныхъ *грузинскій* есть „*обязательный для всѣхъ учениковъ*.“ Далѣе читаемъ: „Для практическаго подготовле„нія воспитанниковъ къ отправленію бого„служенія на мѣстныхъ языкахъ ежене„дѣльно, въ каждую среду, въ семинар„ской церкви совершалась божественная „литургія на языкѣ грузинскомъ, а ино„гда и осетинскомъ. Къ чтеніямъ и пѣ„ніямъ при сихъ богослуженіяхъ ученики „приготовлялись заблаговременно. Кромѣ „того, при этой литургіи ученики высша„го отдѣленія произносили на языкахъ „грузинскомъ и осетинскомъ китихизиче„скія поученія собственнаго сочиненія.“ Но, можетъ-быть, значительное большинство этихъ пансіонеровъ Общества здѣсь природные Грузины? Вовсе нѣтъ. Тутъ же читаемъ мы, что изъ числа этихъ воспитанниковъ: „Осетинъ 92, Грузинъ 11, За„мурзаканцовъ 21, Абхазцевъ 2, Рус„скихъ 4, Сванетовъ 5, Тушинъ 5, Хев„суръ 2, Грекъ 1, Ингушъ 1, Удинъ 4, „Айсаровъ 6, Лезгинъ 2 и Ингилоецъ 1.“

Итакъ, въ числѣ 155 человѣкъ, природныхъ Грузинъ, воспитываемыхъ Обществомъ имѣется только 11, а грузинскій языкъ обязателенъ для всѣхъ.

Просимъ теперь сопоставить съ этимъ фактомъ увѣреніе *Кавказа*, что „нигдѣ „ни въ отчетѣ, не въ практической дѣя„тельности Общества, никогда не суще„ствовало общеобязательности грузинскаго „языка." Нѣтъ сомнѣнія, что эти 90 слишкомъ человѣкъ Осетинъ, не говоря о прочихъ инородцахъ, назначаются вовсе не къ тому чтобы быть священниками или учителями посреди населеній Грузинскаго языка; нѣтъ сомнѣнія, что Осетины назначаются для осетинскихъ населеній, также какъ Удины для удинскихъ и Абхазцы для абхазскихъ. 90 человѣкъ получившихъ образованіе въ семинаріяхъ и гимназіяхъ, это значительная сила, которая должна стать *интеллигенціей* своего племени. Дѣти обучающіяся въ одноклассныхъ училищахъ грамотѣ ничего не значатъ въ сравненіи съ этими людьми, которые будутъ давать тонъ и цвѣтъ средѣ, гдѣ будутъ дѣйствовать. Дѣти научившіяся механически складывать буквы, и изъ которыхъ быть-можетъ бо́льшая часть забудутъ эту премудрость, какъ выйдутъ изъ школы, не могутъ идти въ сравненіи съ людьми, которые проходятъ полный курсъ ученія и готовятся быть руководителями своихъ соплеменниковъ, а всѣ эти Осетины, Хевгусы, Абхазцы, Лезгины, обязательно усвоиваютъ себѣ чуждый имъ языкъ Грузинскій, на немъ преимущественно учатся совершать богослуженіе, на немъ упражняются въ катехизическихъ поученіяхъ, въ которыхъ будетъ состоять главное призваніе ихъ жизни.

Кавказъ утверждаетъ, будто мы облыжнымъ образомъ приписываемъ Обществу „колоссальную нелѣпость или даже злоупотребленіе" и отнимаемъ у Общества право на признаніе заслугъ. Что замѣченное нами явленіе не есть выдумка „досужаго борзописца," какъ выражается *Кавказъ*, это доказывается документально отчетомъ Общества; что̀ же касается до „колоссальной нелѣпости" и „злоупотребленія," то мы оставляемъ эти крупныя выраженія на отвѣтственность *Кавказа*. Мы отозвались о дѣятельности Общества съ полнымъ и искреннимъ уваженіемъ; мы не имѣли ни малѣйшей надобности лицемѣрить предъ нимъ. На обстоятельство о которомъ идетъ рѣчь, мы указали какъ на случайность, которая отнюдь не можетъ бросать тѣнь на всю дѣятельность Общества, какъ на отдѣльный фактъ, который требуетъ разъясненія и который во всякомъ случаѣ легко можетъ быть устраненъ или исправленъ и приведенъ въ соотвѣтствіе съ истинными цѣлями Общества и намѣреніями огромнаго большинства его членовъ.

№ 27.

Москва, 3-го февраля.

Искренно сожалѣемъ, что въ силу недавняго узаконенія, подчинившаго цензурѣ отчеты о засѣданіяхъ общественныхъ собраній, мы не могли непосредственно слѣдить за ходомъ дѣлъ въ московскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, засѣдавшемъ въ теченіи января и недавно закрывшемъ свои засѣданія. На основаніи докладовъ управы, не подлежащихъ предварительной губернаторской цензурѣ, и отчетовъ о засѣданіяхъ собранія прошедшихъ черезъ оную и напечатанныхъ въ другихъ газетахъ, или приготовляемыхъ самою управой къ печати, мы предлагаемъ читателямъ въ нынѣшнемъ нумерѣ нашихъ *Воскресныхъ Прибавленій* обзоръ части вопросовъ, которымъ посвящена была дѣятельность собранія. При этомъ мы не можемъ не обратить особеннаго вниманія на доклады земской управы по вопросу о народномъ обученіи, которыми были вызваны наиболѣе оживленныя пренія. Намъ пріятно выразить наше живѣйшее сочувствіе этимъ докладамъ, касающимся столь важнаго въ настоящее время предмета. Это плодъ серіозныхъ и зрѣлыхъ соображеній, который какъ нельзя лучше свидѣтельствуетъ, что наше едва родившееся земство быстро мужаетъ и становится въ уровень со своими задачами.

Московская земская управа указываетъ въ своемъ докладѣ путь, который надобно признать единственно вѣрнымъ, если только вопросъ о народномъ образованіи есть у насъ не шутка, а серіозное дѣло. Управа настаиваетъ на необходимости образованія народныхъ учителей, которые въ учительствѣ видѣли бы свое призваніе. Она сознаетъ, и убѣдительно ставитъ на видъ недостаточность и непригодность слу-

чайныхъ дѣятелей, которыми до сихъ поръ пробавляется у насъ дѣло народнаго обученія. Точно также справедливо и убѣдительно заявляетъ она, что народными учителями могутъ быть лишь воспитанники народныхъ школъ, что народные учителя должны сами принадлежать къ народу и быть цвѣтомъ въ той средѣ, въ которой они призываются дѣйствовать. Но, какъ справедливо находитъ управа, народныя школы въ ихъ нынѣшнемъ видѣ не могутъ быть признаны достаточною подготовкой для учительскихъ семинарій. Соображая способы какими земство могло бы содѣйствовать разрѣшенію этой столь важной задачи, управа въ своемъ докладѣ пришла къ заключенію о необходимости изъ суммъ губернскаго земства основать нѣсколько школъ, по крайней мѣрѣ по одной въ уѣздѣ, которыя могли бы давать воспитанниковъ достаточно подготовленныхъ для продолженія ученія въ учительской семинаріи. Пренія происходившія по этому предмету въ земскомъ собраніи не пришли къ окончательному результату, и во многихъ отношеніяхъ оставили этотъ вопросъ еще открытымъ. Предположеніе управы объ основаніи новыхъ двухклассныхъ земскихъ училищъ, по одному въ каждомъ уѣздѣ не состоялось, и собраніе постановило употреблять свои суммы только на раздачу пособій уже имѣющимся въ наличности народнымъ школамъ. Впрочемъ, постановленіе это не находится въ противорѣчіи съ основаніями доклада управы, который также полагаетъ первымъ долгомъ поддержаніе существующихъ школъ. Намъ кажется, что мысль управы можетъ быть вполнѣ сохранена и приведена въ дѣйствіе и при этомъ ограниченіи. Сущность дѣла заключается не въ томъ, будетъ ли открыто нѣсколько новыхъ школъ для предположенной управою цѣли, а въ томъ только чтобъ имѣть на первый разъ нѣсколько хорошо устроенныхъ школъ, которыя давали бы большее или меньшее число людей способныхъ продолжать свое образованіе въ учительской семинаріи. Развитіе и улучшеніе существующаго есть самый вѣрный прогрессъ, и нѣтъ сомнѣнія, что изъ числа 180 школъ, числящихся въ Московской губерніи, безъ труда окажется нѣсколько такихъ, которыя могутъ быть улучшены и преобразованы, согласно съ планами управы, на земскія средства, въ училища двухклассныя. Раздавая пособіе существующимъ школамъ, земскія управы могутъ часть ассигнованной для этого суммы сосредоточить на приведеніи нѣкоторыхъ къ желаемому устройству.

Но изысканіе способовъ наилучшей организаціи учебнаго дѣла для народныхъ массъ не исчерпываетъ задачи. Рядомъ съ этими заботами возникаетъ другой вопросъ, ими не предрѣшаемый и отъ нихъ не зависящій. Мало того чтобы приготовить пиръ, надобно чтобы пришли гости. Со стороны департамента народнаго просвѣщенія и земскихъ корпорацій могутъ быть приняты всѣ мѣры для правильнаго и плодотворнаго развитія дѣла; но если въ народныхъ массахъ не скажется съ достаточною энергіей потребность образованія, дѣло все-таки будетъ идти вяло и безплодно. Хотя бы вполнѣ обезпеченная, хотя бы снабженная всѣми средствами и поставленная, какъ говорится, на самую лучшую ногу, педагогическая часть будетъ безполезнымъ снарядомъ, не дающимъ серіозныхъ результатовъ. Снарядъ снарядомъ, но для того чтобъ онъ дѣйствовалъ и приносилъ пользу, необходимъ матеріалъ, на разработку котораго онъ разчитанъ. Нельзя отрицать, что въ народныхъ массахъ случаются люди болѣе или менѣе понимающіе выгоды образованія. Изъ глубины народныхъ массъ, во всѣ времена, выходили люди съ потребностями образованія далеко превышающими уровень народныхъ школъ. Нѣтъ сомнѣнія, что всегда будетъ въ нашемъ крестьянствѣ большее или меньшее число людей расположенныхъ пользоваться дарами обученія. Но великій вопросъ народнаго просвѣщенія, поднимающійся теперь надъ нашимъ отечествомъ и бросающій тѣнь на его ближайшую будущность, касается не большаго или меньшаго количества отдѣльныхъ людей такъ или иначе настроенныхъ, а народныхъ массъ въ ихъ совокупности. Необходимо, чтобы въ самихъ массахъ заговорила немолчно и сильно потребность ученія. И когда дѣйствительно заговоритъ такая потребность, тогда-то будутъ оцѣнены должнымъ образомъ предварительныя заботы о наилучшемъ устройствѣ учебнаго дѣла. Но бѣда въ томъ, что народныя массы не чувствуютъ потребности образованія, а безъ потребности, живой, дѣйствительной, истинной, никакое дѣло идти не можетъ. Непобѣдимая, сама себѣ

пролагающая путь, потребность знанія развивается въ умахъ избранныхъ или достаточно подготовленныхъ, въ массахъ же эта потребность не можетъ стать движущею силой. Для того чтобы въ массахъ была дѣйствительная потребность образованія, необходимо, чтобъ онѣ почувствовали въ чемъ-либо неудобство оставаться безъ образованія, съ одной стороны, и выгоду его, съ другой. Въ печати и въ земскихъ собраніяхъ у насъ неоднократно была рѣчь объ установленіи обязательности ученія. Но если въ принципѣ обязательность ученія можетъ быть легко доказана, то не такъ легко осуществить ее на практикѣ. Во всякомъ случаѣ обязательность есть побужденіе отрицательнаго свойства; а чтобы дѣло пошло съ полнымъ успѣхомъ, чтобы въ немъ сказалась жизнь и сила, требуется стимулъ положительнаго свойства и притомъ не искусственный, не мнимый, но идущій изъ самихъ нѣдръ народнаго быта и связанный съ самыми кровными интересами людей. Гдѣ же найдти такой стимулъ?

Ниже помѣщаемое письмо къ намъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ съ поразительною мѣткостію. Напрасно вы будете на всѣ лады твердить народу достопочтенную истину, что ученіе есть свѣтъ, а неученіе—тьма. Онъ не будетъ противъ этого спорить; но дѣйствительно убѣдится въ этой истинѣ народъ не прежде, какъ она изъ словъ перейдетъ въ дѣло. Не проповѣдуйте ему о пользѣ ученія, а лучше дайте ему почувствовать эту пользу. Для того чтобы народъ повѣрилъ намъ, надобно, чтобы мы сами прониклись убѣжденіемъ въ пользѣ просвѣщенія, и доказали ему, что мы сами свѣтъ ученія предпочитаемъ тьмѣ, и понимаемъ, что время, въ которое мы живемъ, настоятельно требуетъ энергическаго и широкаго развитія просвѣщенія въ массахъ. Мысль, высказанная въ письмѣ, на которое мы ссылаемся, такъ вѣрна и въ то же время такъ проста, что невольно вспомнишь о Колумбовомъ яйцѣ. Ничего не можетъ быть проще и дѣйствительнѣе, для того чтобы возбудить въ народѣ истинную и живую потребность образованія, какъ эта мѣра, соединяющая въ себѣ всевозможныя выгоды и не представляющая никакого неудобства. Вопросъ о народномъ просвѣщеніи приводитъ она въ связь съ другимъ столь важнымъ для государства и столь глубоко входящимъ въ народный бытъ вопросомъ. Военная организація, оборона государства, охраненіе его достоинства и чести, его національной независимости, его національныхъ интересовъ, соединяется съ великимъ интересомъ народнаго просвѣщенія, и притомъ такъ, что одно другому помогаетъ, одно другому даетъ силу. Реформы военнаго дѣла, которыми ознаменовано нынѣшнее царствованіе, много принесли добра и льготъ народу, много смягчили военную повинность и на столько же укрѣпили нашу военную организацію; въ нихъ же теперь заключается и тайна самаго сильнаго стимула, какой только можетъ быть данъ въ эту минуту дѣлу народнаго просвѣщенія въ нашихъ народныхъ массахъ. Справедливо замѣчаютъ, что человѣкъ, не прошедшій чрезъ школу, требуетъ гораздо бо́льшаго времени для того чтобы выправиться въ хорошаго солдата. Противъ сокращенія сроковъ военной службы у насъ обыкновенно ссылались на темноту и невѣжество нашихъ народныхъ массъ. Въ Пруссіи всякій учится, а потому всякій легко и скоро можетъ пріобрѣтать выправку необходимую для того чтобъ быть хорошимъ солдатомъ. Война 1866 года показала, какую силу даетъ арміи народное просвѣщеніе. Но если въ Пруссіи сроки военной службы для всѣхъ сокращены болѣе нежели гдѣ-нибудь, потому что въ этой странѣ всѣ получаютъ первоначальное образованіе, то въ другихъ странахъ, какъ у насъ напримѣръ, было бы возможно въ той же мѣрѣ сократить сроки службы для получившихъ извѣстное образованіе. Пусть безграмотный подлежитъ болѣе продолжительному сроку; за то пусть тотъ, кто учился съ успѣхомъ, подлежитъ значительно сокращенному сроку. Польза ученія станетъ тогда совершенно ощутительна для народа, средства для школъ явятся сами собою, и школы будутъ переполнены ревностными учениками. Народъ убѣдится что ученіе есть свѣтъ, а не ученіе тьма. И чѣмъ далѣе будетъ такимъ образомъ идти дѣло, тѣмъ могущественнѣе съ одной стороны будетъ распространяться народное просвѣщеніе въ народныхъ массахъ и тѣмъ лучшій матеріалъ, съ другой стороны, будетъ получать военная организація...

№ 28.

Москва, 5-го февраля.

Бѣдствіями испытывается человѣкъ; ими же испытываются и общества. Лучшая проба для общества есть тотъ духъ, который оно обнаруживаетъ, и тѣ способы, которые оно раскрываетъ въ борьбѣ съ своими затрудненіями. Къ этому знаменателю приводятся всѣ успѣхи гражданственности, образованія и благоустройства страны. Только въ годину испытаній общество являетъ доказательства своей состоятельности и зрѣлости; тутъ также всего очевиднѣе выходятъ наружу тѣ недостатки, которыми оно страдаетъ. Въ борьбѣ съ случайнымъ бѣдствіемъ общество научается познавать себя, и приходитъ къ сознанію своихъ хроническихъ недуговъ; тутъ правительственный разумъ получаетъ драгоцѣнныя и ничѣмъ незамѣнимыя указанія.

Нельзя не скорбѣть въ виду страданій, которымъ подвергаются голодающія населенія въ разныхъ мѣстностяхъ нашего отечества постигнутыхъ неурожаемъ; но нельзя въ то же время и не порадоваться возбужденному имъ симпатическому общественному движенію, которое овладѣваетъ всѣми сверху до низу. Надъ вопросами дня повсюду возобладала одна забота, побуждающая каждаго къ посильному дѣйствію въ одномъ направленіи. Всякій охотно несетъ свою лепту, и вездѣ обнаруживается бодрая и мужественная рѣшимость бороться со зломъ Всякій чувствуетъ себя призваннымъ принять участіе въ общей заботѣ и понести на себѣ долю общаго бремени. Эта солидарность въ общемъ дѣлѣ есть утѣшительный признакъ свидѣтельствующій о томъ, что послѣдніе годы великихъ преобразованій произвели свое дѣйствіе. Мы не видимъ ничего похожаго на панику, которая обезсиливаетъ людей и лишаетъ ихъ способности къ борьбѣ. Общественное мнѣніе, при всей живости испытываемыхъ имъ впечатлѣній, сохраняетъ твердость и трезвость. Для того чтобы вызвать духъ благотворенія, нѣтъ никакой надобности прибѣгать къ преувеличеніямъ. Напротивъ, предъ темной зіяющею бездной останавливается всякій порывъ и падаетъ всякое рѣшеніе. Надобно, чтобъ общество понимало всю важность зла, съ которымъ предстоитъ бороться, но надобно также, чтобъ оно сохраняло увѣренность въ успѣшности борьбы. Ясная и правдивая картина положенія дѣлъ, вотъ что всего вѣрнѣе и лучше можетъ поддержать и направить общественный духъ. Для того чтобы поддержать благотворительное движеніе и усилить общественную бдительность, болѣе всего желательно теперь обнародованіе, по возможности полныхъ и точныхъ свѣдѣній о томъ, гдѣ и въ какой мѣрѣ ощущается бѣдствіе причиненное прошлогоднимъ неурожаемъ. Что бѣдствіе это есть далеко не всеобщее, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Цѣлыя обширныя полосы не только не терпятъ недостатка, но обладаютъ избыткомъ. Правда, избытокъ однѣхъ мѣстностей, какъ бы онъ ни былъ великъ, не окупаетъ собою бѣдствія другихъ; но обильныя пособія, направляясь въ мѣста нужды, привлекутъ туда избытокъ изъ болѣе счастливыхъ мѣстностей. Пособія такимъ образомъ окажутся дѣйствительными пособіями и всякій, давая свою лепту, можетъ сохранять увѣренность, что она пойдетъ въ прокъ. Цѣня всякое слово, направленное къ тому чтобъ усилить общественное сочувствіе къ бѣдствіямъ населеній, мы не думаемъ, чтобы заявленія этого рода должны были принимать мрачный характеръ. Признаемся, мы не совсѣмъ довѣряемъ искренности иныхъ возгласовъ и призывовъ. Благодаря Бога, Россія вовсе не находится въ такихъ обстоятельствахъ, чтобы приходить въ уныніе или ждать себѣ помощи изъ-за границы. Мѣстныя страданія населеній не ослабляютъ ея положенія, и борьба съ ними можетъ только возбудить и возвысить ея народныя силы.

Всего настоятельнѣе требуется теперь принятіе всякаго рода мѣръ къ облегченію торговаго движенія въ нашемъ пространномъ отечествѣ. Сѣти желѣзныхъ дорогъ, которыми въ послѣднее время покрываются его пространства, представляютъ собою самое лучшее обезпеченіе противъ послѣдствій мѣстныхъ неурожаевъ. Но для того чтобъ онѣ могли приносить дѣйствительную пользу въ подобномъ случаѣ, надобно, чтобы рельсовые пути были у насъ, какъ и вездѣ, могущественными факторами движенія, а не задержкой и препятствіемъ. Къ сожалѣнію, наши желѣзныя дороги, которыя въ настоящую минуту могли бы съ особенною силой дать почувствовать свою поль-

зу, даютъ напротивъ чувствовать только свою несостоятельность. Можно ли было бы говорить о голодѣ въ Россіи, какъ о народномъ бѣдствіи, теперь когда сѣть желѣзныхъ дорогъ дошла до Козлова, Моршанска и Воронежа, и когда открылась возможность, въ случаѣ надобности, двигать хлѣбные грузы даже изъ Курска? Милліоны пудовъ лежатъ у самыхъ рельсовъ безъ движенія; сытыя мѣстности страдаютъ отъ избытка, въ то время какъ населенія въ другихъ терпятъ страшную нужду. Неудобства, которыя до сихъ поръ ежедневно испытывались торговлей, становятся вопіющимъ зломъ въ настоящую минуту, когда правительство и общество соединяютъ свои усилія для того чтобы помочь постигнутымъ нуждой населеніямъ. Къ чему служатъ всѣ эти желѣзныя дороги, если онѣ не могутъ продвинуть забираемые ими грузы и бросаютъ ихъ на полупути? Печатаемое ниже заявленіе г. Козлянинова не можетъ не обратить серіознаго вниманія на этотъ важный предметъ. Посреди нынѣшнихъ обстоятельствъ, оно получаетъ особенное значеніе. Управленіе Николаевской желѣзной дороги отказывается принимать грузы отъ другихъ дорогъ. Съ 1-го по 31-е января, какъ свидѣтельствуетъ г. Козлянинов, оно приняло къ отправленію лишь 141.000 пудовъ, въ то время когда Козловской дорогѣ предъявлены были для доставленія за Москву милліоны, а съ 24-го января по 3-е февраля Николаевская дорога вовсе не принимаетъ грузовъ идущихъ изъ Козлова, и отправляетъ всего только по два товарныхъ поѣзда изъ Москвы. Недавно мы сообщали свѣдѣнія полученныя нами отъ строителей Курско-Кіевской желѣзной дороги, которымъ высочайше разрѣшено провозить рельсы до Курска; изъ этихъ свѣдѣній явствуетъ, что изъ 790.000 пуд. рельсовъ которые требуется перевезти въ Курскъ по южной дорогѣ въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ, было дѣйствительно перевезено, по 11-е января, только 77.920 пудовъ. Намъ неизвѣстно, оказала ли съ тѣхъ поръ южная дорога большую энергію въ употребленіи средствъ, которыя у нея имѣются; но положеніе дѣлъ на Николаевской дорогѣ съ каждымъ днемъ становится хуже, парализуя и подрывая самые существенные интересы государства и народной жизни. Понятно то нетерпѣніе, съ которымъ цѣлая страна ждетъ рѣшенія участи этой дороги, недоумѣвая, какимъ образомъ эта почти первая въ Европѣ по своей доходности линія могла придти въ столь бѣдственное положеніе. Мы не имѣемъ полныхъ и точныхъ свѣдѣній о предложеніяхъ, которыя дѣлаются правительству съ разныхъ сторонъ отъ лицъ и обществъ, желающихъ пріобрѣсти Николаевскую дорогу, а потому воздерживаемся отъ всякихъ сужденій относительно этого предмета. Но въ чьи бы руки не перешла эта важная дорога, нельзя представить себѣ ничего печальнѣе того положенія, въ которомъ она находится теперь. Впрочемъ, было бы мало утѣшительнаго, если тѣ лица или то общество, которымъ эта столь важная для Россіи артерія достанется, не представятъ ручательствъ, что личный составъ служащихъ на ней будетъ въ политическомъ отношеніи несомнѣнно благонадеженъ. Въ Россіи есть нѣкоторые элементы, въ виду коихъ такая оговорка пока еще не лишена значенія.

Заговоривъ о бѣдствующихъ населеніяхъ, которымъ нужна дѣятельная помощь, мы не можемъ не обратить вниманія нашихъ читателей на письмо, полученное нами отъ г. московскаго вице-губернатора Н. С. Фонъ-Визина и помѣщаемое въ нынѣшнемъ нумерѣ нашей газеты. Спѣшимъ изъявить живѣйшее сочувствіе этому практическому предложенію. Дѣло простое, но его достоинство именно и заключается въ простотѣ. Призывъ, съ которымъ обращается къ московскимъ жителямъ И. С. Фонъ-Визинъ, требуетъ не пожертвованій, а крупицъ падающихъ отъ трапезы. Задуманное дѣло тѣмъ не менѣе предпринимается въ широкихъ размѣрахъ; оно потребуетъ не мало усилій и значительныхъ пожертвованій отъ лицъ, которыя берутъ его въ свои руки. За то при усердіи, съ которымъ оно будетъ поведено, отъ него можно будетъ ожидать несомнѣнной пользы. Умѣнье извлекать многое изъ малаго и значительное изъ ничтожнаго есть черта общества по преимуществу разумнаго и зрѣлаго. Навѣрное всякій отзовется съ сочувствіемъ на это скромное, и между тѣмъ столь полезное предложеніе. Какое хозяйство не примется усердно подбирать свои крупицы, зная какое будетъ дѣлаемо изъ нихъ употребленіе?

№ 29.

Москва, 6-го февраля.

Вчера, упомянувъ, по поводу потребности въ правильномъ передвиженіи хлѣбныхъ запасовъ, о продажѣ Николаевской желѣзной дороги, какъ о важномъ условіи обезпеченія народнаго продовольствія во многихъ мѣстностяхъ России, мы указали на самый существенный, по нашему мнѣнію, пунктъ вопроса, коего близкое, можетъ-быть уже состоявшееся рѣшеніе нетерпѣливо ожидается публикой и составляетъ предметъ толковъ какъ въ обществѣ, такъ и въ печати. Наши читатели, конечно, замѣтили, что мы не принимали дѣятельнаго участія въ этихъ общихъ толкахъ о томъ, кому изъ конкуррентовъ на покупку или арендованіе Николаевской желѣзной дороги можно отдать предпочтеніе. Мы не упускали случая сказать слово о важности національнаго управленія такою линіей,—національнаго не только въ высшихъ, но и въ низшихъ слояхъ своихъ. Опытъ послѣднихъ пяти-шести лѣтъ, и при томъ именно желѣзно-дорожный опытъ, убѣдительно свидѣтельствуетъ о важности этой стороны дѣла. Тутъ рѣчь идетъ не только о политикѣ, хотя и политика не можетъ быть упускаема изъ виду при рѣшеніи вопросовъ государственной экономіи; тутъ рѣчь идетъ сверхъ того и можетъ-быть еще болѣе о результатахъ хозяйственныхъ. *Exempla sunt odiosa*, и мы не будемъ приводить того что̀ имѣемъ въ виду, дѣлая это замѣчаніе; мы считаемъ достаточнымъ указать на фактъ, что и постройка идетъ выгоднѣе и доходъ бываетъ больше на дорогахъ, дорожащихъ національнымъ характеромъ своего персонала. Вотъ главный пунктъ вопроса о передачѣ Николаевской желѣзной дороги въ частныя руки, тотъ пунктъ, о которомъ всякій можетъ составить себѣ опредѣленное мнѣніе и по которому желательно видѣть интересъ государства обезпеченнымъ. Обо всемъ остальномъ судить трудно. Сколько извѣстно изъ того что̀ проникло въ публику путемъ печати,—прямыхъ и болѣе подробныхъ свѣдѣній мы не имѣемъ,—выгоднѣе другихъ предложеній оказывается то, которое сдѣлано московскимъ купеческимъ товариществомъ. Оно гарантируетъ казнѣ ежегоднаго отъ Николаевской дороги дохода 7$^1/_2$ милліоновъ руб. (чрезъ два года послѣ передачи), соглашаясь обезпечить этотъ доходъ залогомъ въ 1.875.000 руб. и затратой собственнаго капитала, имѣющаго быть наличностью собраннымъ въ размѣрѣ 7 милліоновъ, и сверхъ того 8 милліоновъ, которые будутъ собраны въ послѣдствіи, смотря по срокамъ уплаты за предметы необходимые для пополненія подвижнаго состава желѣзной дороги. Если эти послѣдніе 8 милліоновъ и будутъ покрыты либо кредитомъ, либо выпускомъ бумагъ, то во всякомъ случаѣ ни правительственныя займы, ни займы будущихъ компаній желѣзныхъ дорогъ не подвергнутся вслѣдствіе того никакому стѣсненію. Точно также не измѣнится выгодное отношеніе правительства къ этому товариществу, если правительство, при его ли посредствѣ или чрезъ банкировъ, выпуститъ, подъ часть вышеупомянутаго дохода въ 7$^1/_2$ милл. руб., гарантированныя облигаціи: гарантія этихъ облигацій сдѣлаетъ правительство отвѣтственнымъ предъ ихъ владѣльцами, но отвѣтственность товарищества предъ правительствомъ не уменьшится и правительство будетъ имѣть полное обезпеченіе въ вѣрномъ взносѣ того, должно признаться, сравнительно весьма высокаго дохода, который обязывается доставлять ему товарищество. Наконецъ, чрезъ десять лѣтъ, $^2/_3$ возможнаго излишка въ доходѣ сверхъ 7$^1/_2$ милліон. будетъ поступать въ пользу правительства, $^2/_5$ въ пользу товарищества и $^1/_5$ въ запасный капиталъ. Совсѣмъ иначе обстоитъ дѣло въ другомъ, не менѣе серіозномъ предложеніи, которое сдѣлано правительству совѣтомъ Главнаго Общества Русскихъ Желѣзныхъ Дорогъ. Это предложеніе идетъ не отъ общаго собранія акціонеровъ и слѣдовательно не можетъ ихъ ни къ чему обязывать, а имѣетъ единственно въ виду доставить имъ нѣкоторыя дополнительныя выгоды. Главное Общество обязывается выплачивать правительству не 7$^1/_2$ милл. въ годъ, а только 6 милл., но если доходъ превыситъ эту норму, то въ пользу правительства тотчасъ же (не черезъ десять лѣтъ) будетъ отчисляться 75% (не 40%). Такимъ образомъ, если чистый доходъ Николаевской дороги достигнетъ указанной московскимъ товариществомъ нормы, то Главное Общество удержитъ въ свою пользу изъ излишковъ одну четвертую часть, то-есть при чистомъ доходѣ въ 7$^1/_2$ милліоновъ рублей выдастъ пра-

вительству не всѣ эти $7^1/_2$ милл. рублей, а 7.500.000 — $^{1540000}/_{4}$, или 7.125.000 р., остальные же 375.000 р. возьметъ себѣ. Уже тутъ стало-быть разница значительная, но она еще рѣзче бросается въ глаза, если принять во вниманіе, что при неисполненіи условій московское товарищество рискуетъ потерять свой залогъ и свои затраты, а Главное Общество, коего доходы уже и такъ гарантированы правительствомъ, не подвергаетъ себя никакому риску, и весь рискъ своего будущаго хозяйничанья возлагаетъ опять на правительство. Вотъ въ чемъ заключается та кажущаяся безсмыслица, которая такъ поражаетъ собой общественное мнѣніе. Главное Общество обѣщаетъ выдавать правительству извѣстную и сравнительно все-таки значительную часть чистаго дохода Николаевской дороги, но требуетъ чтобы дѣйствительное полученіе этой части дохода было гарантировано тѣмъ же правительствомъ. Это повидимому все то же, какъ еслибы кто-нибудь заложилъ свое имѣніе, а отвѣтственность за вѣрную уплату процентовъ снялъ съ себя и возложилъ на своего кредитора. Но это только кажущаяся безсмыслица. Въ сущности тутъ есть смыслъ.

Главное Общество было устроено на основаніи нераціональномъ. Вопервыхъ, оно было задумано въ размѣрахъ слишкомъ громадныхъ; вовторыхъ, оно относилось съ пренебреженіемъ къ національнымъ строителямъ и надѣлало много пустыхъ расходовъ; втретьихъ разныя власти были къ нему слишкомъ требовательны и заставили его войдти въ другіе пустые расходы (оно было, напримѣръ, принуждено построить среди равнины ненужный тоннель); наконецъ оно составилось при высокомъ вексельномъ курсѣ, между тѣмъ какъ уже существовалъ огромный избытокъ кредитныхъ билетовъ, вслѣдствіе чего вскорѣ все вздорожало, а вексельный курсъ упалъ, и Главное Общество, даже при самомъ правильномъ образѣ дѣйствій, не могло бы удержаться въ своихъ смѣтахъ. Акціонеры, видя все это, пришли въ уныніе и, что̀ называется, махнули рукой; иные изъ нихъ можетъ-быть поступили съ Обществомъ слишкомъ эгоистически. Какъ бы то ни было, началось невозможное хозяйство, и дѣла Общества совершенно растроились, такъ что оно оказалось несостоятельнымъ. Тогда правительство могло, если хотѣло, отобрать у Главнаго Общества всѣ издержки и заставить акціонеровъ поплатиться весьма чувствительно. Но акціонеры не были тутъ ни въ чемъ виновaны, а ихъ разореніе отозвалось бы невыгодно на общемъ довѣріи къ русскимъ предпріятіямъ. Правительство рѣшилось взять всѣ вольные и невольные убытки Главнаго Общества на себя, а акціонеровъ оставить при полной обѣщанной имъ гарантіи. Это рѣшеніе принято уже шесть лѣтъ тому назадъ. Хорошо ли оно, дурно ли, теперь говорить о томъ безполезно. Его передѣлать нельзя. Акціонеры Главнаго Общества теперь уже не могутъ быть лишены гарантированнаго дохода на весь внесенный ими капиталъ. Потери по неудачному дѣлу пали на правительство, и оно болѣе не въ силахъ снять ихъ съ себя. Это дѣло непоправимое, и странно теперь слышать якобы серіозные толки о несостоятельности Главнаго Общества и о его преступленіяхъ, заслуживающихъ кары. Для кары давнымъ давно прошло время, теперь остаются только послѣдствія помилованія, и разумное рѣшеніе можетъ состоять только въ томъ, чтобъ эти послѣдствія были по возможности менѣе чувствительны для государства. Въ чемъ же состоятъ эти послѣдствія? Они состоятъ въ томъ, что акціонеры Главнаго Общества потеряли всякую надежду на полученіе дивиденда сверхъ того что̀ имъ гарантировано правительствомъ, и изъ акціонеровъ превратились во владѣльцевъ ренты. Линіи Главнаго Общества сдѣлались въ сущности казенными линіями и управленіе ими страждетъ недостатками казеннаго управленія, то-есть даетъ дохода гораздо менѣе чѣмъ сколько получается со всѣхъ другихъ частныхъ дорогъ въ Россіи. За эти недочеты платитъ правительство. Такъ какъ желательно, чтобы столь фальшивое положеніе дѣла не продолжалось въ безконечность, то многіе и признаютъ выгоднымъ для государства воспользоваться продажей Николаевской желѣзной дороги, чтобы доставить акціонерамъ Главнаго Общества виды на полученіе дополнительнаго дивиденда сверхъ 5%, гарантированныхъ правительствомъ. Надѣются, что такая мѣра оживитъ Главное Общество. Акціи его поднимутся въ цѣнѣ, что̀ не останется безъ вліянія на кредитъ русскихъ предпріятій за границей, и сверхъ того хозяйство по эксплуатаціи линій Глав-

наго Общества должно будетъ улучшиться и такимъ образомъ правительство освободится отъ необходимости вѣчно приплачивать гарантію. Сверхъ того Главное Общество въ неоплатномъ долгу. Желательно заинтересовать его въ томъ, чтобъ оно уплачивало свой долгъ, а потому надобно предоставить акціонерамъ виды на увеличеніе ихъ дохода послѣ того срока, когда будетъ уплаченъ ихъ долгъ правительству. На этомъ основаніи предлагается, что излишекъ сверхъ 6 милл. чистаго дохода долженъ сперва дѣлиться между правительствомъ и Главнымъ Обществомъ, такъ чтобы правительство получало изъ него $^3/_4$, а Общество $^1/_4$, но чтобъ эти $^3/_4$ зачитались за долгъ Общества правительству, но это такъ продолжалось бы лишь до тѣхъ поръ когда будетъ уплаченъ правительству весь долгъ Главнаго Общества, а съ того времени правительство получало бы только половину излишка, предоставляя акціонерамъ вторую половину излишка сполна. Еслибъ эти разчеты увѣнчались успѣхомъ, то правительство не было бы въ накладѣ. Съ Николаевской дороги оно получало бы менѣе чѣмъ сколько можно, но на приплатахъ по Главному Обществу оно выиграло бы больше чѣмъ сколько потеряло бы по Николаевской дорогѣ. Свою долю въ излишкѣ чистаго дохода сверхъ 6 милл. оно будетъ зачитать за долгъ Общества, но тутъ потери не будетъ, потому что оно воротитъ ссуду, по которой иначе никогда не было бы уплачено. Вотъ почему, какъ мы сказали выше, о сравнительной выгодности предложеній, сдѣланныхъ Главнымъ Обществомъ и московскимъ товариществомъ, судить теперь трудно. Еслибъ акціонеры Главнаго Общества согласились взять на себя часть риска, то-есть еслибъ они затратили на исправленіе Николаевской дороги нужный для того капиталъ не требуя гарантіи правительства, то пришлось бы признать теперешнее предложеніе Главнаго Общества наиболѣе выгоднымъ для государственной казны. Безъ этого же условія разчеты на будущее совершенно гадательны.

№ 30.

Москва, 7-го февраля.

Сколько намъ извѣстно, новый уставъ нашихъ гимназій и прогимназій подлежитъ въ настоящее время пересмотру. Нѣтъ худа безъ добра. Были основанія сѣтовать на то что это столь важное преобразованіе, уже рѣшенное законодательствомъ, слишкомъ медленно вводилось въ дѣйствіе и большею частію остается только на бумагѣ. Теперь есть основаніе порадоваться, что новый уставъ не успѣлъ вступить въ полное дѣйствіе, и что переходное положеніе, въ которомъ до сихъ поръ находится дѣло, даетъ правительству возможность еще разъ вникнуть въ его основанія, для того чтобъ исправить или пополнить новый уставъ тамъ гдѣ онъ въ томъ или другомъ оказался бы нуждающимся. Несмотря на то что подлежавшій законодательному рѣшенію учебный вопросъ исполненъ неотразимыхъ убѣжденій и имѣетъ за себя краснорѣчіе великихъ, вѣковыхъ и всякому легко доступныхъ для провѣрки фактовъ, дѣло это въ началѣ явилось у насъ въ густой мглѣ недоразумѣній и обмановъ вольныхъ и невольныхъ. Историкъ русскаго образованія съ негодованіемъ припомнитъ все что̀ дѣлалось, съ одной стороны неразуміемъ и легкомысліемъ, а съ другой—злонамѣренностію, для того чтобы затмить сущность вопроса и уклонить его на ложные пути. Борьба была упорная и ожесточенная. Противники реформы являлись въ разнообразнѣйшихъ видахъ и въ удивительныхъ сочетаніяхъ. Это было возмутительное наругательство надъ истиной, это было безсовѣстное искаженіе фактовъ и извращеніе понятій, это была оргія обмановъ. Никакая очевидность не останавливала противниковъ реформы. Послѣ всякой улики они, какъ ни въ чемъ не бывало, возвращались на прежнее мѣсто, одни потому что знали чего хотѣли, другіе потому что не хотѣли знать того, о чемъ самоувѣренно судили и рядили. Одна и та же ложь, сто разъ уличенная обнаруженная и доказанная, появлялась во сто первый какъ ни въ чемъ не бывало, безстыдно осклабляясь, ни мало не заботясь чѣмъ-нибудь прикрыть и прикрасить себя, и разчитывая либо на невѣжество и безсмысліе, либо на равнодушіе не дающее себѣ труда ни о чемъ серіозно подумать, ничего сообразить и припомнить, или на самолюбіе разъ изрекшее свой приговоръ и считающее униженіемъ для себя возвратиться на него и сознаться въ ошибкѣ. Весьма естественно, что при новости возбужденнаго у насъ вопроса, при

скудости нашей жалкой науки, при тѣхъ недостаткахъ нашего образованія, которые именно и требуютъ коренной и широкой реформы учебнаго дѣла, агитація неутомимо работавшая противъ реформы, не могла остаться безъ послѣдствій, и правильное воззрѣніе на дѣло не могло такъ легко и скоро установиться, какъ было бы желательно, для того чтобы реформа получила твердыя и прочныя основанія и могла развиться широко и плодотворно. Новый уставъ не могъ не сохранить на себѣ отпечатка того ожесточеннаго противодѣйствія, съ которымъ дѣлу реформы приходилось бороться. Дѣло это было спасено; но въ тѣхъ способахъ какими предположено осуществить его, замѣтна прискорбная нерѣшительность, и какъ бы недостатокъ полнаго и яснаго убѣжденія. Вопросъ, съ самаго начала поставленный невѣрно, даетъ чувствовать эту невѣрность въ своемъ рѣшеніи. Уставъ допускаетъ странный дуализмъ въ учебной системѣ, и какъ бы принимаетъ въ самыя нѣдра вводимой имъ реформы противное ей начало, съ которымъ она выдержала борьбу. Въ учебномъ планѣ, въ распредѣленіи предметовъ преподаванія, замѣтны неувѣренность, колебаніе и недостатокъ твердаго и яснаго руководящаго начала. Что настоятельно требуется самою сущностію дѣла и безъ чего пропадаетъ все дѣло реформы, то является какъ бы въ видѣ случайной подробности или недобровольной уступки. Въ организаціи преобразуемыхъ школъ не все соотвѣтствуетъ педагогическимъ требованіямъ, и эта неправильность не могла бы не отозваться на ходѣ дѣлъ въ нихъ и не потребовать новыхъ измѣненій, которыя были бы сопряжены съ большими трудностями и съ нарушеніемъ болѣе или менѣе уважительныхъ интересовъ.

Итакъ, повторимъ, нѣтъ худа безъ добра. Замедленіе въ ходѣ реформы столь настоятельно требуемой самыми дорогими интересами нашего народнаго развитія, даетъ правительству возможность сообщить ей характеръ большей зрѣлости, лучше направить ее и сдѣлать ее плодотворнѣе. При настоящемъ положеніи вопроса, отъ пересмотра устава можно ожидать только лучшаго. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что дѣло русской науки значительно выиграетъ отъ тѣхъ перемѣнъ, которыя будутъ внесены теперь въ уставъ гимназій. Надобно желать только, чтобы предполагаемый пересмотръ коснулся всего что требуетъ пересмотра и не ограничился поверхностію. Затѣмъ уже останется пожелать, чтобы зрѣло и окончательно обдуманная реформа была незамедлительно и повсемѣстно приведена въ полное дѣйствіе, и чтобы далѣе не длилось переходное положеніе столь неудобное во всякомъ дѣлѣ, а тѣмъ болѣе въ педагогическомъ. Трудности, съ которыми болѣе или менѣе сопряжено введеніе новаго устава, вовсе не такъ непреодолимы чтобъ останавливаться предъ ними, въ виду тѣхъ неисчислимыхъ благотворныхъ результатовъ, которые должны произойдти для нашего народнаго образованія и для всѣхъ соединенныхъ съ нимъ интересовъ матеріальныхъ и нравственныхъ.

Говоря о борьбѣ, предшествовавшей появленію нашего новаго учебнаго устава, мы упомянули о противникахъ реформы. Да, дѣло не шло о двухъ какихъ-либо системахъ преобразованія, въ которыхъ нуждались наши гимназіи; дѣло въ сущности шло о самомъ принципѣ преобразованія, о томъ быть или не быть преобразованію. Борьба, какъ и въ другихъ сферахъ, шла между преобразованіемъ, которое долженствовало открыть новую эпоху для науки въ Россіи, и противниками всякаго существеннаго въ этомъ дѣлѣ измѣненія. Въ этомъ вопросѣ главными, какъ у насъ говорится, *консерваторами* явились наши нигилисты и ихъ руководители видимые и невидимые, извѣстные имъ и неизвѣстные. Полагая всю свою мудрость во всеобщемъ отрицаніи, нашъ нигилизмъ ухватился за *statu quo* нашего учебнаго дѣла съ несравненно большею цѣпкостію, чѣмъ бывшіе крѣпостники, надъ которыми онъ такъ глумился, за свое право. Слѣдуетъ ли этому удивляться? Нигилизмъ не можетъ не дорожить тѣмъ, что дало ему жизнь и въ чемъ заключается вся его сила. Поверхностное и пустое ученіе, ставящее себя въ замѣнъ правильнаго, образующаго и укрѣпляющаго ученія, вотъ въ чемъ состояла наша приготовительная къ университету школа, и вотъ въ чемъ заключается внутренній источникъ нашего позорнаго нигилизма. Земля наша велика и обильна; народъ нашъ многочисленъ; многимъ быть-можетъ имѣемъ мы право хвалиться и гордиться предъ другими народами; но всякій согла-

сится, что мы не имѣемъ ни малѣйшаго основанія гордиться богатствомъ нашей науки и высотой нашего народнаго просвѣщенія. Все по этой части у насъ до крайности скудно, слабо, ничтожно, и мы въ этомъ отношеніи кое-какъ пробавляемся крупицами падающими отъ чужой трапезы. Можно ли хотя приблизительно сравнивать состояніе науки въ нашемъ отечествѣ съ тѣмъ, что̀ мы видимъ у европейскихъ народовъ? И вотъ, однакоже, въ то время, когда возникъ вопросъ о преобразованіи нашихъ гимназій для того чтобы поставить ихъ въ уровень съ европейскими, насъ убѣждаютъ не дѣлать этого и стараются доказать намъ, что та учебная система, которая у насъ господствовала, есть наилучшая, и что Европѣ остается только послѣдовать нашему примѣру. То что̀ намъ предлагалось подъ именемъ реальныхъ гимназій не есть что-либо для насъ новое; это наши доселѣ существовавшія гимназіи, какихъ нигдѣ въ Европѣ не имѣется.

Вся бѣда заключается въ словѣ *реальное*, которое совершенно случайно замѣшалось въ вопросѣ. Изъ этого каламбура проистекаютъ всѣ недоразумѣнія и на него разчитанъ весь эффектъ пущенныхъ въ ходъ обмановъ. Вмѣсто *реальнаго* образованія скажите образованіе поверхностное, лишенное внутренней силы, образованіе средней руки, предоставляемое людямъ не предназначающимъ себя для высшихъ спеціальностей знанія и общественной дѣятельности,—и никакого спора не могло бы возникнуть. Вмѣсто *реальной* гимназіи скажите, какъ говорятъ Нѣмцы, *мѣщанская школа*, или школа для образованія будущихъ ремесленниковъ, будущихъ лавочниковъ и т. п., и вопроса бы не было. Гимназіями въ цѣломъ мірѣ называются школы примыкающія къ университету и составляющія съ нимъ одно цѣлое. Подъ университетомъ же разумѣются главныя спеціальности человѣческаго знанія. Все имѣетъ свое назначеніе, и все хорошо только въ сферѣ своего назначенія. Будущіе дѣятели науки какъ теоретической, такъ и практической, зрѣютъ и готовятся въ этихъ, особаго рода, примыкающихъ къ университету школахъ, называемыхъ гимназіями; но существованіе этого рода школъ отнюдь не мѣшаетъ существованію школъ другаго рода, которыя имѣютъ своею цѣлію сообщать въ большей или меньшей стенени общее образованіе будущимъ ремесленникамъ; точно также какъ существованіе этого другаго рода школъ отнюдь не мѣшаетъ размноженію первоначальныхъ училищъ, гдѣ образованіе не восходитъ далѣе простой грамотности. Что̀ у насъ существовало до сихъ поръ подъ именемъ гимназій и служило единственнымъ подготовленіемъ къ разнымъ спеціальностямъ знанія, то въ Европѣ составляетъ особый родъ образованія, которое считается достаточнымъ для будущихъ ремесленниковъ. Вопросъ заключается не въ выборѣ между двумя системами одной и той же сферы образованія, а въ томъ чтобы впервые положить у насъ начало образованію высшаго рода, которое требуетъ съ дѣтскихъ лѣтъ особой подготовки. Но поднимать уровень нашихъ гимназій до степеней европейскихъ не значитъ препятствовать размноженію и развитію уѣздныхъ училищъ, которыя принадлежатъ къ особой системѣ образованія, способной въ своихъ предѣлахъ къ значительнымъ усовершенствованіямъ, и соотвѣтствуютъ тому что̀ въ остальной Европѣ зовется реальными или профессіональными школами. Напротивъ, только тамъ гдѣ наука достигаетъ извѣстной высоты, становится возможнымъ популяризовать ея результаты. Чѣмъ многочисленнѣе и сильнѣе центры высшаго образованія въ народѣ, тѣмъ болѣе распространяется свѣтъ его на всѣ классы общества и на народныя массы. Если наше народное просвѣщеніе такъ скудно и уровень его такъ низокъ, то причина тому главнымъ образомъ заключается въ недостаткѣ у насъ ученаго или высшаго образованія.

Мы заговорили объ этомъ предметѣ, котораго уже давно не касались, потому что замѣчаемъ снова начинающіяся попытки замутить общественное мнѣніе, по всему вѣроятію возбужденныя слухомъ о предстоящемъ пересмотрѣ устава гимназій. Обстоятельства теперь не тѣ что̀ были прежде, и мы въ виду этихъ попытокъ остаемся совершенно спокойны, въ совершенной увѣренности, что повредить дѣлу онѣ не въ состояніи. Тѣмъ не менѣе считаемъ не лишнимъ, воспользоваться ими какъ поводомъ для новыхъ разъясненій этого столь важнаго вопроса.

№ 31.

Москва, 8-го февраля.

Помѣщенная ниже записка гг. братьевъ Струве и А. Лессинга, представленная ими въ коммиссію по пересмотру таможеннаго тарифа, такъ убѣдительна, что не требуетъ отъ насъ ни поясненій, ни подтвержденій. Достаточно упомянуть, что составители записки сами заводчики, и притомъ крупные, вслѣдствіе чего ихъ голосъ пріобрѣтаетъ еще большій авторитетъ. Принадлежащія имъ механическія заведенія, въ особенности главный заводъ, коломенскій, постоянно расширяются, принимаютъ все болѣе и болѣе заказовъ, которые становятся чѣмъ далѣе, тѣмъ труднѣе, и эти заказы относятся преимущественно къ юному у насъ желѣзно-дорожному дѣлу, гдѣ заграничная конкурренція должна быть особенно чувствительна. Нельзя не отдать имъ справедливости за добросовѣстное отношеніе къ дѣлу. Этою запискою они еще разъ засвидѣтельствовали, что надежду на успѣхъ своей заводческой дѣятельности они основываютъ на ея достоинствѣ, на ея дальнѣйшихъ усовершенствованіяхъ и на требующейся для того ихъ неусыпности, а не на припасеніи себѣ обезпеченій на тотъ конецъ, чтобы безъ труда и заботъ получать оброкъ съ семидесятимилліоннаго народа. Пожелаемъ, чтобы добрый примѣръ нашелъ подражателей, и чтобы финансовое управленіе, какъ по этой отрасли производства, такъ и по другимъ, поддерживало и поощряло трудъ разчетливый и честный, ожидающій выгодъ не отъ стѣсненія согражданъ, а отъ доставленія имъ новыхъ удобствъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что и въ мірѣ экономическомъ частный интересъ можетъ быть согласованъ съ общимъ, и что только тотъ частный интересъ прочно обезпеченъ, который не находится въ противорѣчіи съ другими уважительными интересами, а напротивъ ими поддерживается, какъ ихъ собственная потребность. Задача благоразумнаго финансоваго управленія состоитъ въ томъ чтобы по возможности водворять это согласіе между интересами частными и общими, а не вносить въ экономическій бытъ народа новыхъ диссонансовъ, чего теперь требуютъ отъ нашего министерства финансовъ протекціонисты.

Благодаря въ особенности трудамъ В. П. Безобразова, публикѣ теперь извѣстно, какъ смотрѣлъ на политическіе и національные вопросы главный виновникъ нашей такъ-называемой покровительственной системы, графъ Канкринъ. Сѣмена, съ презрѣніемъ брошенныя въ русскую землю полвѣка тому назадъ, принесли такой плодъ, что теперь выросла цѣлая масса интересовъ, стоящихъ въ невольно-враждебномъ отношеніи къ общей пользѣ и потому особенно раздражительныхъ. Мы воздерживались отъ обстоятельнаго изложенія нашихъ взглядовъ по вопросу о таможенныхъ пошлинахъ, ибо не имѣемъ желанія и не считаемъ нужнымъ приносить въ этомъ дѣлѣ чьи-либо интересы въ жертву даже высшему интересу общей пользы. При добросовѣстности противниковъ, мы могли бы вынудить у нихъ признаніе, что ни одна копѣйка, сообразно существовавшимъ обстоятельствамъ разумно затраченная въ фабричное дѣло, не пропала бы вслѣдствіе принятія правильныхъ мѣръ, а уменьшились бы только даровые азартные барыши, и притомъ не столько барыши отъ производства, сколько отъ торговли фабричными продуктами. Чтò можетъ быть повидимому желательнѣе для фабрикантовъ какъ не уменьшеніе колебаній въ цѣнѣ издѣлій, какъ не освобожденіе фабрикъ изъ-подъ деспотической власти торговцевъ требующихъ дурнаго, то есть въ сущности мошенническаго производства, лишь бы товаръ былъ дешевле, сохраняя свой внѣшній видъ? Чтó можетъ быть выгоднѣе для производителя, какъ не развитіе спроса, дающее ему возможность вознаграждать себя и въ случаѣ пониженія цѣны товара расширеніемъ производства? Но дѣло это поставлено у насъ такъ неправильно, что даже при самомъ полномъ желаніи ограждать каждый дѣйствительный интересъ и бороться лишь съ обманомъ, прижимками и усыпленіемъ, казалось опаснымъ затрогивать вопросъ о таможенномъ тарифѣ, — опаснымъ, въ интересахъ общественнаго единодушія. Вотъ причина того систематическаго молчанія, которое мы такъ настойчиво соблюдали. Къ сожалѣнію, этотъ образъ дѣйствій не былъ оцѣненъ. Мы подверглись самымъ ожесточеннымъ нападкамъ; о насъ прокричали на весь промышленный людъ, будто бы мы враги его, и иные, не видя отпора съ нашей стороны, повѣрили этимъ крикамъ, а другіе

пришли къ заключенію, будто мы не имѣемъ что отвѣчать на доводы, представляемые противниками приписывавшихся намъ крайнихъ фритредерскихъ взглядовъ. Дѣло получило извращенный видъ. Наши ожесточенные порицатели, тѣмъ болѣе крикливые чѣмъ менѣе убѣждены въ томъ, о чемъ кричать наняты, торжествовали побѣду и наконецъ принялись осыпать насъ упреками за то, что мы недостаточно добросовѣстны чтобы сознаться въ своихъ, якобы доказанныхъ намъ, ошибкахъ. Желаніе устранять поводы къ разногласіямъ въ такія минуты когда особенно нужно единодушіе, не могло идти такъ далеко, чтобы мы не только молчали, но и называли черное бѣлымъ: это значило бы говорить противъ совѣсти, чего отъ насъ никто ожидать не въ правѣ. Равнымъ образомъ никто не въ правѣ требовать отъ насъ, чтобы мы молчали видя лжетолкованія, къ коимъ наше молчаніе служитъ поводомъ, и въ особенности видя попытки не только сохранить въ полной силѣ элементы внутренняго экономическаго раздора въ русскомъ народѣ, но еще болѣе усилить ихъ и размножить. Пусть бы еще отстаивали сохраненіе существующихъ пошлинъ, прибѣгая даже къ облыжнымъ доводамъ и показаніямъ, но протекціонисты наши предлагаютъ новыя пошлины, и при томъ по такой статьѣ, гдѣ пошлины всего пагубнѣе, по привозу орудій производства, крайне нужныхъ и для развитія нашей главной промышленности, сельскаго хозяйства страдающаго отъ недостатка рукъ, и для улучшенія и размноженія нашихъ фабрикъ (не потому ли иные фабриканты соглашаются на пошлину съ машинъ, что сами уже поспѣшили расширить свои фабрики и боятся новыхъ конкуррентовъ?), и для успѣшнаго построенія желѣзныхъ дорогъ, съ чѣмъ связано все будущее Россіи, и наконецъ для самого машиннаго производства, которое не можетъ развиться, если введенію машинъ въ употребленіе будутъ положены препоны. Вотъ почему мы считаемъ долгомъ прервать наконецъ то молчаніе, которое мы на себя добровольно наложили, и попытаемся время отъ времени излагать свои взгляды, отнюдь не дозволяя впрочемъ, чтобы на ихъ коренную умѣренность хоть сколько-нибудь повліяло озлобленіе нашихъ противниковъ. Въ особенности мы постараемся поддерживать добрыя усилія, имѣющія право требовать отъ насъ болѣе нежели одного платоническаго сочувствія. Такихъ усилій замѣчается не мало, и печатая нынѣ превосходную записку гг. братьевъ Струве и А. Лессинга, мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь же нѣсколько строкъ изъ прошенія представленнаго г. министру финансовъ Санктпетербургскимъ Политехническимъ Обществомъ. Это прошеніе, напечатанное на дняхъ въ *Голосѣ*, оканчивается слѣдующими словами:

„Политехническое Общество приноситъ министерству финансовъ выраженіе глубочайшей признательности за то, что въ обнародованномъ предложеніи преобразованій тарифа сохраненъ безпошлинный ввозъ машинъ и, въ видахъ пользы отечественной промышленности, ласкаетъ себя надеждою, что такое благодѣтельное узаконеніе удержится и на будущее время по вышеприведеннымъ уваженіямъ. Побуждаясь этими же самыми уваженіями, Общество, въ заключеніе, осмѣливается всепокорнѣйше ходатайствовать о распространеніи льготы безпошлиннаго привоза на части машинъ, равно какъ на металлическій матеріалъ во всѣхъ видахъ и издѣліяхъ, а также на всякіе сырые и полуобдѣланные матеріалы, употребляемые на постройку и починку машинъ."

№ 32.

Москва, 12-го февраля.

Первый шагъ къ доставленію пособій страждущимъ отъ неурожая сдѣланъ и въ Москвѣ. До сихъ поръ здѣсь шла рѣчь только о сборѣ пособій. Въ сегодняшнемъ нумерѣ нашей газеты Московскій Отдѣлъ Центральной, подъ августѣйшимъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича состоящей коммиссіи, объявляетъ о первыхъ своихъ дѣйствіяхъ, а также и о ихъ кругѣ. Попеченію Московскаго Отдѣла ввѣряются три подмосковныя губерніи: Смоленская, Тверская и Орловская. Да увѣнчаются успѣхомъ его дѣйствія! Эти губерніи подручнѣе другихъ Московскому Отдѣлу; изъ нихъ легче получать здѣсь точныя свѣдѣнія; о ихъ положеніи можно составить себѣ приблизительно вѣрное понятіе и по тѣмъ извѣстіямъ, которыя сами собой въ обиліи притекаютъ сюда; наконецъ отсюда и помощь можетъ быть подана скорѣе и удобнѣе чѣмъ изъ Петербурга. Приписка этихъ трехъ губерній къ Московскому Отдѣлу во всякомъ случаѣ полезна для нихъ. Еслибы раздача посо-

бій оказалась неудовлетворительною, или потребность пособій превосходила бы средства Московскаго Отдѣла, то и въ такомъ случаѣ для означенныхъ трехъ губерній не было бы ущерба: попеченіе о нихъ продолжаетъ лежать на Центральной Коммиссіи; оно ввѣряется Московскому Отдѣлу лишь временно и условно, *впредь до особаго распоряженія*, которое не замедлитъ, конечно, послѣдовать въ случаѣ неуспѣшности дѣйствій Московскаго Отдѣла.

Объявляя о своихъ первыхъ постановленіяхъ, Московскій Отдѣлъ сообщаетъ публикѣ, что немедленно обращается въ губернскія земскія управы трехъ ввѣренныхъ его попеченію губерній за свѣдѣніями о положеніи народнаго продовольствія. Такимъ путемъ Отдѣлъ получитъ необходимыя данныя для правильнаго распредѣленія пособій между тремя губерніями. Этотъ путь кажется наиболѣе удобнымъ. Губернскія управы—учрежденія выборныя, а потому должны имѣть въ виду удовлетвореніе дѣйствительной потребности; въ нихъ не можетъ возникать побужденій прикрыть дѣло искусственнымъ умаленіемъ его размѣровъ. Дабы достигнуть возможнаго приближенія къ истинѣ, будетъ предстоять только одна критическая работа: привести свѣдѣнія имѣющія поступить изъ трехъ губерній къ одному знаменателю. Затѣмъ можно будетъ тотчасъ же приступить къ правильному распредѣленію пособій, и къ ихъ раздачѣ, при чемъ наиболѣе удобными органами Московскаго Отдѣла окажутся, какъ надобно думать, не губернскія, а уѣздныя управы, болѣе близкія къ нуждающимся; сверхъ того можно было бы дѣйствовать чрезъ особыхъ, спеціально для раздачи пособій высылаемыхъ лицъ.

Пока эта система еще не организовалась, Московскій отдѣлъ предполагаетъ немедленно отправить часть собранныхъ имъ суммъ для раздачи наиболѣе нуждающимся въ губерніяхъ Смоленской и Тверской, особенно пострадавшихъ отъ неурожая. Въ Смоленскую губернію предполагается препроводить до двадцати тысячъ рублей; въ Тверскую до десяти. Это временное распредѣленіе, какъ кажется, соотвѣтствуетъ дѣйствительной потребности: не подлежитъ сомнѣнію, что изъ подмосковныхъ губерній Смоленская страдаетъ болѣе другихъ, и что за нею идетъ Тверская. Что и въ другихъ губерніяхъ недостатокъ продовольствія мѣстами даетъ себя тяжело чувствовать, это читатели могутъ отчасти видѣть изъ помѣщеннаго ниже письма А. А. Фета, мироваго судьи Мценскаго уѣзда Орловской губерніи. Изъ губерній Тульской и Рязанской также слышатся жалобы на мѣстныя бѣды. Но подобные случаи имѣютъ характеръ исключенія, и вообще говоря, ни Орловская, ни какая-либо другая изъ подмосковныхъ губерній не могутъ идти въ параллель не только со Смоленскою, но и съ Тверскою.

Г. Фетъ, говоря о бѣдственномъ положеніи нѣкоторыхъ крестьянъ третьяго участка Мценскаго уѣзда, замѣчаетъ, что эти крестьяне не нищіе, что они нуждаются не въ подаяніи, а въ ссудѣ, и что ихъ затрудненія происходятъ главнымъ образомъ отъ совершеннаго отсутствія мѣстныхъ заработковъ. Это указаніе заслуживаетъ особеннаго вниманія. Благотворительность должна приходить на помощь въ исключительныхъ случаяхъ. Какъ мѣра общая, она безсильна. Она можетъ спасать отъ голодной смерти, можетъ призрѣвать заболѣвающихъ вслѣдствіе дурной пищи, можетъ давать топливо и одежду толпамъ нищенствующихъ, которые бродятъ изъ селенія въ селеніе, въ трескучій морозъ, одѣтые въ рубища—это не рѣдкость, минуть намъ, въ Духовщинскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи,—и тутъ чѣмъ быстрѣе подается помощь, тѣмъ лучше. Но продовольствовать цѣлыя губерніи нельзя посредствомъ одной благотворительности. Чтобъ убѣдиться въ этомъ, стóитъ только живо представить себѣ размѣры необходимаго на губернію продовольствія. По теперешнимъ цѣнамъ, напримѣръ, годовое продовольствіе Смоленской губерніи должно обойдтись не менѣе 25 милліоновъ рублей, а потому если половинѣ жителей этой губерніи недостанетъ хлѣба только на половину года, то потребуется купить хлѣба на 6 милліоновъ рублей. Чтó же можетъ сдѣлать благотворительность въ виду столь колоссальной потребности? Тутъ надобно основывать помощь на разчетахъ экономическихъ. Голодающіе крестьяне, говоритъ г. Фетъ, не нищіе; они нуждаются въ ссудахъ и заработкахъ. Вотъ чтó надобно повозможности припасти имъ чтобы поддержать ихъ въ борьбѣ съ послѣдствіями неурожая. Какой же избрать путь къ этой цѣли? Выдачу ссудъ организовать не легко. Сельскіе банки у насъ

только въ зародышѣ; думать о ихъ распространеніи теперь некогда. Выдавать въ ссуду казенныя деньги значитъ либо рисковать капиталомъ, либо обременить покомъ цѣлую губернію разорительными для нея взысканіями. Съ тѣмъ же самымъ неудобствомъ сопряжена выдача казенныхъ денегъ земскимъ учрежденіямъ для раздачи ихъ нуждающимся крестьянамъ; кромѣ того, это значило бы вести земство на первыхъ порахъ къ несостоятельности. Итакъ, остается желать, чтобъ усилился въ страждущихъ мѣстностяхъ приливъ капиталовъ на общемъ экономическомъ основаніи, и тутъ задача теряетъ всю свою трудность. Выдать изъ бюджетныхъ средствъ 6 милліоновъ рублей,—это очень тяжело для государства; удѣлить ту же сумму изъ текущихъ оборотовъ и средствъ народнаго хозяйства, это ничего не значитъ. Въ самомъ дѣлѣ, что̀ такое 6 милліоновъ сравнительно съ 700 милліонами обращающихся кредитныхъ билетовъ или съ милліардомъ кредитныхъ бумагъ, находящимся у насъ въ рукахъ публики? Перемѣщеніе 6-ти милліоновъ можетъ произойдти незамѣтно, безъ усилій, и никѣмъ въ государствѣ не почувствуется, кромѣ тѣхъ кои получатъ облегченіе. Надобно живо представить себѣ, что̀ такое значитъ приливъ капиталовъ въ какую-нибудь мѣстность. Между частными людьми заемъ капитала дѣлается на деньги, но не такъ дѣлается онъ между государствами или частями государства. Деньги служатъ тутъ по большей части только для счета, а дѣйствительная ссуда производится посредствомъ присылки товаровъ. Въ данномъ случаѣ ссуда заключалась бы преимущественно въ хлѣбѣ. Другими словами, приливъ капиталовъ въ Смоленскую, напримѣръ, губернію принялъ бы видъ прилива тѣхъ или другихъ товаровъ и особенно хлѣба. Надобно имѣть также въ виду естественное распредѣленіе приливающихъ капиталовъ. Можно было бы опасаться, что эти капиталы не дойдутъ до нуждающихся. Г. Фетъ считаетъ полезнымъ, чтобы въ мѣстностяхъ страдающихъ голодомъ было отмѣнено воспрещеніе брать за капиталъ проценты сверхъ указныхъ. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ это запрещеніе, временно сохраняя свою силу для остальной Россіи, было отмѣнено въ губерніяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая, то послѣдовалъ бы приливъ капиталовъ въ эти губерніи. Но съ перваго взгляда кажется, что эти капиталы не сдѣлали бы ничего для тѣхъ, кому теперь всѣ желаютъ оказать помощь. Такое заключеніе однако не вѣрно. Не вездѣ крестьянскія общества найдутъ возможность кредитоваться чрезъ мироваго судью или мироваго посредника. Но если и не крестьяне, а только торговцы и помѣщики получатъ возможность кредитоваться съ большею чѣмъ прежде легкостью, то они въ свою очередь будутъ имѣть средства кредитовать крестьянъ. Торговцу будетъ удобнѣе прежняго продавать въ долгъ хлѣбъ; помѣщикъ получитъ средства производить постройки, усиливать либо вырубку лѣса, либо запашку, либо скотоводство; а вслѣдствіе того увеличатся заработки и раздача за нихъ впередъ денегъ, которыя такимъ образомъ непремѣнно достигнутъ до того слоя населенія, который нуждается въ хлѣбѣ.

Самое сильное и вѣрное средство производить приливъ капиталовъ къ той или другой мѣстности заключается въ открытіи большихъ общественныхъ работъ, какова напримѣръ постройка желѣзной дороги. Это средство есть и самое выгодное для государства. Вспомоществованіе дѣлаемое въ этой формѣ не требуетъ отъ государства никакихъ жертвъ, потому что превращается въ сооруженіе имѣющее постоянную цѣнность. Государство избавляется отъ тягостныхъ взысканій, слѣдующихъ за выдачей ссуды обычнымъ путемъ. Оно помогаетъ страждущей мѣстности, внося въ нее жизнь, вмѣсто усыпленія, всегда сопровождающаго раздачу дароваго пособія или такой ссуды, которая хотя и подлежитъ возврату, но дается на условіи усиленнаго труда не въ настоящемъ, а въ будущемъ. Въ то же время и страждущая мѣстность не должаетъ; уже въ самый голодный годъ она зарабатываетъ сполна всю ту сумму которая помогаетъ ему пережить тяжкое время. Перспектива будущихъ лишеній, опасность будущей несостоятельности устраняется. Особенно важно, что такимъ пособіемъ пользуются не только работающіе на желѣзной дорогѣ, но и все прочее населеніе. Кто работаетъ на дорогѣ, тотъ этимъ спасается отъ бѣды. Кто на дорогѣ не работаетъ, тотъ выигрываетъ отъ прилива капиталовъ дающаго всѣмъ средства открывать и кредитъ и заработки въ болѣе обширныхъ чѣмъ прежде размѣрахъ.

№ 33.

Москва, 13-го февраля.

Въ числѣ документовъ собранныхъ въ австрійской *Красной Книгѣ* есть одинъ весьма замѣчательный, который дѣйствительно достоинъ дойдти до потомства, дабы увѣковѣчить воспоминаніе о дипломатіи Вѣнскаго кабинета въ лѣто отъ Рождества Христова 1867. Этотъ документъ есть депеша барона фонъ-Бейста къ представителю Австріи въ Берлинѣ, графу Вимпфену, отъ 17-го апрѣля 1867 года. Дабы понять все значеніе этой депеши, необходимо вспомнить, что въ апрѣлѣ 1867 г. французское правительство возбудило вопросъ о Люксембургѣ, и что между Франціей и Пруссіей готова была вспыхнуть война. Съ самаго начала этого спора г. фонъ-Бейстъ поспѣшилъ предложить и той и другой сторонѣ свои добрыя услуги, и принялъ на себя роль примирителя. Онъ выдвинулъ двѣ комбинаціи, никѣмъ тогда не принятыя, но въ которыхъ этотъ государственный мужъ тѣмъ не менѣе видитъ теперь свое дипломатическое торжество. До сихъ поръ все это очень естественно, и оставалось бы только замѣтить, что политическая игра была плохо прикрыта.

Но непонятно, для чего Вѣнскій кабинетъ счелъ своимъ долгомъ самъ предостеречь весь міръ противъ искренности своихъ словъ и невиннаго макіавеллизма своихъ комбинацій.

За недѣлю до того какъ телеграфныя проволоки повѣдали о мнимыхъ рѣшеніяхъ Люксембургскаго вопроса, изготовленныхъ въ Вѣнѣ, г. фонъ-Бейстъ въ письмѣ къ князю Меттерниху старался не о томъ, чтобъ умѣрить требованія Тюльерійскаго кабинета, а лишь объяснилъ неудобства той почвы, на которой требованія эти заявлялись. Въ депешѣ № 2-й, помѣщенной въ *Красной Книгѣ*, сказано между прочимъ слѣдующее:

„Вовсе не въ интересахъ Франціи давать благовидный предлогъ къ возбужденію противъ нея народныхъ страстей въ Германіи. Какъ искренніе друзья, *мы не можемъ поощрять* дѣйствіе Франціи *на почвѣ, которая, какъ мы думаемъ, будетъ для нея пагубна* въ случаѣ столкновенія.“

По устраненіи дипломатическихъ перифразъ, эти строки значатъ: „нападайте себѣ на Пруссію, если хотите, но такъ чтобъ имѣть вѣроятность успѣха и не возстановляя противъ себя Германіи; найдите другой предлогъ, помимо Люксембурга, и тогда можете разчитывать на наше сочувствіе.“

Этой двойственною игрой, которая, безъ сомнѣнія, не ускользнула отъ проницательности кабинетовъ, объясняется вѣжливый отказъ встрѣтившій предложенія Австріи. Въ Петербургѣ, какъ и въ Лондонѣ, ограничились нѣсколькими комплиментами, но за дѣло примиренія принялись безъ содѣйствія Вѣнскаго кабинета. Въ Берлинѣ притворились будто даются въ ловушку, вѣроятно затѣмъ, чтобы получше высмотрѣть планы г. фонъ-Бейста. Графъ Бисмаркъ принялъ предложенія представителя Австріи съ притворнымъ добродушіемъ, которое ободрило ревность Вѣнскаго кабинета. Тогда-то г. фонъ-Бейстъ отправилъ къ графу Вимпфену въ Берлинъ достопамятную депешу отъ 17 апрѣля 1867 года.

Приводимъ изъ нея слѣдующія мѣста: „Еслибы мы имѣли въ виду мстить Пруссіи, то мы стали бы раздувать искру раздора, а не гасить ея. Напротивъ, дѣятельно стараясь водворить миръ и совѣтуя Берлинскому двору рѣшиться на уступки Франціи, ставшія необходимыми, мы лучше всего доказываемъ, что мы далеки всякой мысли о мести, и вы можете откровенно попросить г. Бисмарка подтвердить это съ своей стороны.“

Казалось бы, что послѣ заявленія столь прекрасныхъ чувствованій, такого евангельскаго забвенія обидъ и столь безкорыстной заботливости о сохраненіи мира, въ остальной части депеши слѣдовало ожидать объясненій въ томъ же духѣ, но далѣе-то оказывается совсѣмъ иное. Австро-саксонскій государственный мужъ вдругъ перемѣняетъ тонъ, переходитъ изъ горней области въ земную юдоль, и въ слѣдующихъ выраженіяхъ предлагаетъ продать съ аукціона содѣйствіе Австріи:

„Г. первенствующій министръ Пруссіи безъ сомнѣнія скажетъ намъ, что тѣсный союзъ съ Австріей былъ бы для него пріятнѣе чѣмъ добрыя услуги, посредствомъ коихъ мы стараемся предохранить Европу отъ бѣдствій войны. Вамъ извѣстно что мы думаемъ объ этомъ важномъ вопросѣ.

Я не имѣю надобности повторять вамъ, что *намъ пришлось бы требовать за наше пособіе соразмѣрнаго вознагражденія*, въ чемъ, конечно, сознается и самъ графъ Бисмаркъ. Онъ также, безъ сомнѣнія, сознается, что намъ не приходится самимъ назначать это вознагражденіе, и что оно должно быть *намъ предложено.*"

Г. фонъ-Бейстъ не выторговывалъ ничего; никакого „вознагражденія" предложено не было, и ему пришлось закрыть свою лавочку до Зальцбургскаго свиданія. Но мы въ правѣ вывести изъ приведенной депеши нѣкоторыя заключенія. Вопервыхъ явствуетъ, что Австрія ищетъ „возраграждения," за которое она готова оказать свое содѣйствіе кому бы то ни было, хотя бы и злѣйшему врагу своему. Вовторыхъ очевидно также, что она не могла ожидать отъ побѣдителя при Кениггрецѣ какихъ-либо выгодъ въ Германіи, слѣдовательно она разчитывала получить ихъ въ другомъ мѣстѣ. До сихъ поръ объ этомъ можно было только догадываться. Но теперь это разъясняется офиціозною статьею, напечатанною въ *Allgemeine Zeitung*, офиціознимъ органѣ Вѣнскаго кабинета, и свѣдѣніями сообщенными намъ съ боснійской границы; теперь можно съ полною увѣренностью утверждать, что „вознагражденіе" столь пламенно желаемое и столь неосторожно попрошенное, состоитъ въ пріобрѣтеніи Босніи и Герцеговины.

Вотъ вопервыхъ, слово въ слово, что̀ сказано въ корреспонденціи изъ Вѣны, напечатанной въ вышеупомянутой газетѣ: „Увѣряютъ, что въ австрійской провинціи, „называемой Военною Границей, сдѣланы „всѣ приготовленія къ тому, чтобъ рас„положеннымъ тамъ полкамъ дать возмож„ность предпринять походъ довольно про„должительный. Куда же они будутъ на„правлены? Вообще говорятъ, что ихъ на„значаютъ въ Боснію и Герцеговину, *ко„торыя Вѣнскій дворъ рѣшился занять „во всякомъ случаѣ.*"

Изъ частныхъ, но совершенно надежныхъ источниковъ мы извѣстились, что за три или четыре недѣли предъ симъ фельдмаршалъ-лейтенантъ Габленцъ, сопровождаемый офицерами генеральнаго штаба, прибылъ на боснійскую границу для военной рекогносцировки, что онъ внимательно изучалъ горные проходы, теченіе рѣки Савы и ея притоковъ, и что многочисленные австрійскіе эмиссары, разсѣянные въ Босніи и Герцеговинѣ, стараются приготовить жителей этого края къ военному занятію его Австрійцами.

Итакъ, Вѣнскій кабинетъ столь твердо рѣшился „занять *во всякомъ случаѣ* Боснію и Герцеговину," что начинаетъ приготовлять къ этому общественное мнѣніе, и принимаетъ всѣ нужныя для этого предварительныя мѣры.

Теперь легко понять, почему г. фонъ-Бейстъ, не смотря на все свое желаніе угождать Франціи, отказался присоединиться къ коллективной деклараціи державъ, провозглашавшей принципъ невмѣшательства въ дѣла Востока. Не менѣе легко понять настойчивость, съ какою Вѣнскій кабинетъ старается увѣрить Европу въ какихъ-то сербскихъ агитаціяхъ, и вызвать со стороны державъ представленія сербскому правительству. Всѣ эти маневры естественно входятъ въ программу, которой подробности теперь достаточно обнаруживаются. Программа эта состоитъ въ слѣдующемъ: Распространять безпрерывно и повсюду тревожные слухи о любостяжательныхъ замыслахъ Россіи на Востокѣ и о ея интригахъ посягающихъ на цѣлость Оттоманской Имперіи; сѣять раздоры и недовѣріе между кабинетами, употреблять съ этою цѣлью бо̀льшую часть суммы, столь щедро дарованной администраціи отъ имперской думы на секретные расходы; отговаривать Порту отъ всякихъ уступокъ и реформъ, которыя могли бы удовлетворить христіанскія населенія Турціи и тѣмъ поддержать на Востокѣ спокойствіе; воспользоваться первыми движеніями, какія могутъ быть вызваны отказами Порты, а въ случаѣ надобности и возбудить эти движенія, дабы имѣть предлогъ ко вмѣшательству; наконецъ, занять Боснію и Герцеговину подъ видомъ охраненія цѣлости Оттоманской Имперіи, и потомъ безнаказанно остаться въ этихъ провинціяхъ, ссылаясь на „совершившійся фактъ," или пользуясь потворствомъ однихъ державъ, слабостью и безпечностью другихъ.

Такова, по всѣмъ признакамъ австрійская программа. Остается знать, не воспрепятствуетъ ли исполненію этой программы ея преждевременное разглашеніе.

№ 34.

Москва, 14-го февраля.

Изъ опубликованныхъ нами (см. №№ 2 и 4 *Московскихъ Вѣдомостей*) результатовъ первой части работъ тарифной коммиссіи (по отдѣлу жизненныхъ припасовъ), оконченной и внесенной въ государственный совѣтъ, читатели могли ознакомиться съ направленіемъ большинства членовъ коммиссіи и могутъ судить на сколько справедливы крики протекціонистовъ противъ фритредерскаго духа, будто бы заразившаго коммисеію. Изъ пятидесяти статей, входящихъ въ составъ этого отдѣла тарифа, почти половина (до 21 статьи) оставлена коммиссіей безъ измѣненія, т.-е., или безусловно въ нынѣшнемъ видѣ, или съ нѣкоторымъ округленіемъ размѣровъ пошлинъ въ копѣйкахъ и полушкахъ, или съ уравненіемъ оклада пошлины по морскому и сухопутному привозу; шесть статей подверглись *возвышенію* пошлинъ, и только по 23 статьямъ допущено *пониженіе* (въ томъ числѣ нѣсколько статей, по ничтожеству или отсутствію всякаго привоза, лишь обременяющихъ наши таможни, включены въ разрядъ безпошлинныхъ товаровъ). Изъ этихъ 23 статей приходится еще исключить вина и спиртные напитки, которые принадлежатъ къ немаловажнымъ статьямъ, и если вѣрить извѣстіямъ, будутъ оставлены, вопреки мнѣнію большинства коммиссіи, безъ перемѣны. Высшій предѣлъ предположенныхъ коммиссіей пониженій пошлинъ составляетъ 24% противъ нынѣшнихъ размѣровъ; въ видѣ исключенія только двѣ статьи понижены на половину или на 50%: свѣжій *виноградъ*, привозъ котораго, кажется, не можетъ причинить вреда развитію нашихъ виноградниковъ, и *пиво*, для котораго пониженіе проектировано въ силу ходатайства владѣльцевъ одной изъ значительнѣйшихъ въ Россіи пивоваренъ. Бо́льшая часть предположенныхъ коммиссіей пониженій составляетъ гораздо менѣе 24% противъ размѣровъ дѣйствующихъ у насъ пошлинъ, а нашъ тарифъ есть нынѣ въ Европѣ самый покровительственный, даже запретительный, не исключая и Португаліи, которая нынѣ приступаетъ также, вслѣдъ за всѣми европейскими государствами, къ заключенію таможенныхъ трактатовъ. Кажется, такой характеръ занятій коммиссіи по тому самому отдѣлу тарифа, который наименѣе имѣетъ отношенія къ капиталамъ затраченнымъ въ отечественную промышленность, трудно назвать фритредерствомъ. Почти всѣ проектированныя измѣненія тарифа задуманы единственно съ цѣлію поднятія таможенныхъ доходовъ, которыхъ упадокъ, какъ и естественно, наиболѣе заботитъ министерство финансовъ въ предпринятомъ томъ имъ пересмотрѣ тарифа. Мы обязаны однако замѣтить, что министерство финансовъ можетъ ошибиться въ такомъ разсчетѣ. Проектированныя до сихъ поръ измѣненія слишкомъ ничтожны; едва ли они могутъ содѣйствовать чувствительному удешевленію ввозныхъ товаровъ и затѣмъ такому усиленію потребленія и привоза, которое могло бы вознаградить за временный упадокъ дохода отъ пониженій. Только значительное пониженіе тарифа можетъ расширить иностранную торговлю, привлечь къ ней капиталы и усилить конкурренцію по привозу товаровъ, а безъ усиленія этой конкурренціи выгоды пониженія пошлинъ, въ особенности по предметамъ столь обширнаго потребленія какъ кофе, сахаръ и пр., могутъ остаться въ карманахъ продавцовъ. Главныя статьи потребленія, по I отдѣлу тарифа, каковы сахаръ, соль, чай, вино и проч., оставлены даже безъ всякаго измѣненія.

Если дальнѣйшіе результаты занятій коммиссіи будутъ подобны уже опубликованнымъ, то поневолѣ спросишь, окупятся ли промышленныя пониженія, неизбѣжно сопровождающія пересмотръ тарифа, ожидаемыми отъ этой мѣры выгодами въ нашей иностранной торговлѣ? Единственный пока положительный результатъ предположенныхъ коммиссіей измѣненій тарифа есть уравненіе окладовъ пошлинъ по морскому и сухопутному привозу. Нельзя не радоваться этому результату, такъ какъ возвышенный окладъ морскихъ пошлинъ противъ сухопутныхъ есть не что иное какъ покровительство оказываемое иностраннымъ портамъ въ ущербъ русскимъ и ложащееся тяжкимъ гнетомъ на развитіе нашего торговаго мореходства и нашихъ приморскихъ торговыхъ городовъ. Замѣчательно до какой степени наши доморощенные протекціонисты выступающіе между прочимъ и въ столбцахъ газеты *Вѣсть* подъ прикрытіемъ знамени національныхъ интересовъ, остаются равнодушны къ этому вопросу. Это объясняется тѣмъ, что диф-

ференціальная пошлина по морскому и сухопутному привозу есть необходимое послѣдствіе домогательствъ протекціонистовъ, для которыхъ вздорожаніе иностранныхъ товаровъ и препятствіе на пути ихъ въ Россію есть главный интересъ, хотя бы отъ этого и страдали всѣ встрѣчающіеся на этомъ пути русскіе интересы. Таково ученіе протекціонизма, и онъ правъ защищая дифференціальную пошлину съ своей точки зрѣнія, но онъ не правъ въ томъ, что называетъ эту точку зрѣнія русскою и патріотическою.

При скудости опубликованныхъ до сихъ поръ результатовъ занятій тарифной коммиссіи остается радоваться по крайней мѣрѣ уравненію морскихъ и сухопутныхъ пошлинъ, хотя принятіе этой столь давно желанной и столь очевидно необходимой для русской торговли мѣры нисколько не требовало полнаго пересмотра тарифа, вызова сотенъ экспертовъ со всѣхъ концовъ Россіи и изданія десятковъ томовъ матеріяловъ. Впрочемъ, и то правда, что въ обычномъ ходѣ дѣлъ приходится радоваться не наилучшему, а лишь бы только не самому дурному, ихъ исходу, и желать не наибольшаго возможнаго добра, а лишь бы только наименьшаго худа.

Мысли эти поневолѣ приходятъ въ голову по поводу происходящаго нынѣ пересмотра дальнѣйшихъ отдѣловъ нашего тарифа. Нынѣшняя, совершенно случайная обстановка этого дѣла и господствовавшее до сихъ поръ направленіе въ трудахъ коммиссіи не позволяютъ разчитывать на плодотворную реформу тарифа, соотвѣтствующую дѣйствительнымъ экономическимъ обстоятельствамъ Россіи и тѣмъ великимъ преобразованіямъ, коими ознаменована наша эпоха, а также движенію въ самомъ тарифѣ нашемъ, уже начавшемуся въ 1850 и 1857 годахъ. При самомъ началѣ дѣйствій коммиссіи мы высказали наши опасенія возбужденныя ея необычайнымъ составомъ, въ которомъ односторроннимъ мануфактурнымъ интересамъ охраняемымъ запретительными и покровительственными пошлинами данъ рѣшительный перевѣсъ, столь несправедливый и обидный для многихъ другихъ, первостепенныхъ въ государствѣ интересовъ. При подобномъ составѣ коммиссіи, столь очевидно благопріятномъ для дѣйствія на нее протекціонистской агитаціи, почти остается только желать, чтобы запретительный характеръ нашего тарифа не былъ усиленъ, и чтобы къ существующимъ болѣзненнымъ причинамъ слабаго развитія нашей промышленности не было прибавлено новыхъ. Какъ ни печально положеніе дѣлъ, въ которомъ приходится ограничиваться подобнымъ желаніемъ, но обстоятельства заставляютъ довольствоваться и этимъ. Незрѣлость экономическихъ понятій въ публикѣ и шаткость характеровъ легко поддающихся напору всякой организованной агитаціи, какого бы ни была она свойства, благопріятствуютъ неправильнымъ вліяніямъ на дѣйствія тарифной коммиссіи. Прискорбнымъ фактомъ такого напора имѣется между прочимъ куріозная переписка происходившая между редакціей газеты *Москва* и однимъ изъ правительственныхъ членовъ тарифной коммиссіи и опубликованная въ *Москвичѣ* (№ 9). Эта агитація организовалась, какъ кажется, на самую широкую ногу. При отъявленной недобросовѣстности ея руководителей, разчитывающихъ только на невѣжество и апатію общества, при развитіи новыхъ искуственныхъ интересовъ, связанныхъ съ протекціонизмомъ, — интересовъ принадлежащихъ самимъ агитаторамъ и несравненно менѣе застѣнчивыхъ чѣмъ интересы фабрикантовъ, — наконецъ при слабости отпора этой агитаціи со стороны здравыхъ интересовъ нашего народнаго хозяйства, и при чрезвычайныхъ трудностяхъ, которыми обусловлена у насъ организація всякой публичной дѣятельности, — можно страшиться за судьбы пересмотра не только таможеннаго тарифа, но и другихъ связанныхъ съ нимъ финансовыхъ вопросовъ. На дняхъ мы читали извѣстія о шумныхъ протекціонистскихъ демонстраціяхъ въ средѣ, казалось бы наименѣе для нихъ приличной, въ Петербургскомъ собраніи такъ-называемыхъ сельскихъ хозяевъ. Пространный докладъ составленный для этого собранія г. Колюпановымъ по поставленному вопросу о значеніи таможеннаго тарифа для успѣховъ сельскаго хозяйства посвященъ доказательствамъ того, что въ странѣ не можетъ процвѣтать земледѣліе безъ фабричной промышленности. Трудно повѣрить, чтобы стоило занимать собраніе сколько-нибудь просвѣщенныхъ людей доказательствами въ пользу подобной аксіомы, но еще труднѣе повѣрить, чтобы въ наше время протекціонисты находили нужнымъ доказывать это въ видахъ противодѣйствія экономистамъ, ко-

торые будто бы желают уничтоженія фабричной промышленности въ Россіи! Какъ ни трудно себѣ представить, чтобы въ нашемъ обществѣ еще можно было проповѣдывать подобныя небылицы, однако именно онѣ составляютъ главную тему всей нашей протекціонистской агитаціи и сбиваютъ съ толку не мало людей. Подъ шумомъ громкихъ рукоплесканій, вызываемыхъ безсмысленнымъ обвиненіемъ русскихъ экономистовъ въ желаніи уничтожить всякую фабричную промышленность въ Россіи, проводятся самыя безсовѣстныя домогательства, въ родѣ пошлинъ на машины, якобы долженствующихъ облегчить развитіе мануфактуръ и сельскаго хозяйства въ Россіи. Упомянутый выше докладъ г. Колюпанова, перепечатанный съ сочувствіемъ и почтеніемъ газетою *Москвичъ* (№ 30) какъ прекрасный трудъ, заключаетъ въ себѣ еще болѣе интересные куріозы. Такъ г. Колюпановъ говоритъ о неполномъ освобожденіи труда въ Россіи и о существующемъ до сихъ поръ прикрѣпленіи сельскаго народа къ землѣ; можно было бы ожидать со стороны людей, безпрерывно твердящихъ о нуждахъ рабочаго народонаселенія, что при этомъ будетъ что-нибудь сказано въ пользу освобожденія временно-обязаннаго народонаселенія отъ прикрѣпленія къ землѣ, составлявшаго, какъ всѣмъ извѣстно, повсюду вторую и тягостную фазу крѣпостнаго состоянія. Нѣтъ г. Колюпанову именно нужно прикрѣпленіе народонаселенія къ землѣ, дабы доказать необходимость *обезпеченія* (sic) для этого народонаселенія правительственными мѣрами въ Костромской и прочихъ сѣверныхъ центральныхъ губерніяхъ заработковъ на фабрикахъ, а для этого нужно искусственное поддержаніе въ этой мѣстности фабричной промышленности посредствомъ таможеннаго тарифа. Эта аргументація замѣчательна во многихъ отношеніяхъ; между прочимъ она свидѣтельствуетъ о томъ, какъ одно насиліе въ народнохозяйственномъ дѣлѣ солидарно съ другимъ, и какъ вредоносна пропаганда подобныхъ направленій не только для развитія народнаго хозяйства, изнемогающаго отъ несоразмѣрной дороговизны производства (то-есть именно отъ тарифа), но и вообще для успѣховъ нашей гражданственности. Воззрѣнія самаго крѣпостническаго свойства прокрадываются въ печать, согласившуюся служить органомъ этой пропагандѣ. Кстати упомянуть о наивности редакціи *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, восхищающихся заодно и рѣчью г. Колюпанова, и статьей князя Васильчикова, о свободѣ переселенія, и какъ будто искренне убѣжденной, что печатая статьи гг. Колюпанова и К°, она совершаетъ жертвоприношенія на алтарѣ либерализма. Мы должны упомянуть также и о редакціи *Москвы*. Нещадно наказуя одного изъ членовъ парижской коммиссіи за неповиновеніе предписаніямъ протекціонистовъ и за подозрѣніе, оказавшееся впрочемъ несправедливымъ, въ пристрастіи его къ ученіямъ политической экономіи, редакція этой газеты, имѣющая въ своихъ нѣдрахъ профессоровъ политической экономіи, обнаружила незнаніе такихъ элементарныхъ понятій этой науки, какъ *стоимость* (расходы производства) и *цѣнность* предметовъ. Редакція цитуетъ какъ нелѣпость слова сказанныя однимъ изъ членовъ податной коммиссіи при обсужденіи продажи казенныхъ горныхъ заводовъ о томъ, что рудныя мѣсторожденія не могутъ имѣть никакой стоимости и потому не подлежатъ предварительной оцѣнкѣ, подобно заводамъ, а могутъ имѣть только цѣнность, которая опредѣлится посредствомъ наддачъ на публичныхъ торгахъ. Для людей сколько-нибудь знакомыхъ съ языкомъ политической экономіи эти слова совершенно ясны, между тѣмъ какъ редакція означенной газеты приходитъ отъ нихъ въ изумленіе, видимо не понимая кореннаго различія между *стоимостію* и *цѣнностію*. Не знать азбуки своей науки и враждовать противъ ея истинъ, не понимая ихъ, это столько же смѣшно, сколько и печально. Запутываніе самыхъ ясныхъ и до точности опредѣленныхъ понятій, разчитанное на низкій уровень политико-экономическаго образованія публики, вотъ одно изъ главныхъ орудій нашей протекціонистской агитаціи.

Дурно или хорошо разсуждали мы о нашемъ тарифѣ, но читателямъ нашимъ извѣстно, что мы въ этомъ вопросѣ всего менѣе занимались развитіемъ отвлеченныхъ теорій, и каждое наше положеніе высказывали не иначе какъ на основаніи фактовъ и цифръ; мы постоянно заняты были только практическою стороной вопроса о тарифѣ и вовсе не касались общихъ понятій, что и было причиной неясности нашихъ статей для большинства публики. А между тѣмъ главный упрекъ, который дѣлаютъ

намъ органы протекціонизма; оставляя безъ всякаго возраженія всѣ поставленные нами на видъ факты, заключаются въ томъ, что въ вопросѣ о тарифѣ мы будто бы предавались исключительно отвлеченнымъ разсужденіямъ и повторяли общія мѣста о свободѣ торговли. Когда нѣтъ возможности опровергать факты и цифры, тогда остается разсчетъ на равнодушіе публики къ вопросу, на ея забывчивость, несообразительность; остается разсчетъ также на то, что многіе читатели *Вѣсти*, *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* или *Москвы* и *Москвича*, газетъ дружно соединившихся подъ знаменемъ агитаторовъ протекціонизма, не читаютъ *Московскихъ Вѣдомостей*. Впрочемъ, когда полемика этихъ господъ обращается къ фактамъ, то она отнюдь не становится добросовѣстнѣе. Недавно напечатали мы статью г. Филимонова противъ домогательствъ бумагопрядильщиковъ; статья эта изобличаетъ наглость агитаціи, рѣшающейся требовать запретительныхъ пошлинъ на хлопчатобумажную пряжу въ интересахъ нашего рабочаго люда. Укажемъ на другой любопытный фактъ недобросовѣстности. По поводу пошлинъ на металлы не въ дѣлѣ, мы упомянули (*Моск. Вѣдом.* 1867 г., № 279) о маловажности мѣди, какъ статьи привоза. Сказанное нами о мѣди выставляется *Москвичемъ* (№ 4), какъ примѣръ *непростительной небрежности* въ обращеніи съ экономическими вопросами, и какъ бы въ доказательство этой небрежности указывается, вопервыхъ, на усиленіе ввоза къ намъ мѣди въ 1836 г. до 30.000 пуд. и въ 1867 г. до 80.000 п.; вовторыхъ, на тяжесть горной (десятинной) подати съ мѣди, обременяющей у насъ внутреннее производство этого металла, будто бы упущенной нами изъ виду. А между тѣмъ, по справкѣ въ *Видахъ Торговли* (стр. 446) оказывается, что хотя ввозъ мѣди усиливается, однако въ 1866 г. всѣхъ безъ изъятія сортовъ мѣди не въ дѣлѣ привезено къ намъ черезъ всѣ таможни только 19.000 п.; сколько привезено въ 1867 г. еще неизвѣстно, но надо полагать, что и за этотъ годъ цифра ввоза также раздута означенною газетой какъ и за 1866 г. Во всякомъ случаѣ 19.000 пудъ иностранной мѣди ничтожное количество въ сравненіи съ 300.000 (приблизительно), производимыми въ Россіи. Что же касается до горной подати съ мѣди, то именно однимъ изъ главныхъ предметовъ, на который мы обращали особенное вниманіе въ нашей статьѣ, была непомѣрная тяжесть этой подати. Намъ ставится въ укоръ молчаніе по этому вопросу, а мы именно старались доказать, что конкурренція иностранной мѣди ничего не значить въ сравненіи съ разными внутренними тягостями падающими на нашъ горный промыселъ, и цифрами объясняли несоразмѣрность подати съ мѣди въ сравненіи съ чистою прибылью ея производителей. Вотъ образчики способа дѣйствій нашей протекціонистской агитаціи.

№ 35.

Москва, 15-го февраля.

А.

Mémorial diplomatique, австрійскій органъ въ Парижѣ, счелъ въ свою очередь нужнымъ изобличить передъ свѣтомъ непріязненную къ Пруссіи политику *Московскихъ Вѣдомостей*. Читатели наши найдутъ ниже строки вышеупомянутой газеты, посвященныя этому предмету. Мы освѣдомляемся изъ нихъ, что русская печать предается зажигательнымъ нападкамъ на Пруссію (должно-быть изъ дружбы къ Австріи), и что эти нападки будто бы вызвали со стороны Берлинскаго кабинета представленія нашему правительству. И то, и другое для насъ новость, равно какъ и то, что мы иронически отозвались на сдѣланное будто бы правительствомъ нашимъ по этому поводу заявленіе о независимости русской печати, и затѣмъ формально объявили войну Пруссіи. Это послѣднее дѣяніе наше, по крайней мѣрѣ, дѣлаетъ честь нашей рѣшимости и мужеству, и австро-французская газета могла бы поставить насъ въ образецъ какъ австрійскому, такъ и французскому правительству, которыя и хотятъ, и трусятъ вступить въ борьбу съ объединенною Германіей.

Но мы не сочли бы нужнымъ заводить рѣчь объ этихъ сообщеніяхъ австро-французскаго органа, еслибы не объясненіе, къ которому подали они поводъ въ *Journal de St.-Pétersbourg*. Мы воспроизводимъ изъ полученнаго сегодня нумера этой газеты замѣтку, имѣющую своимъ предметомъ оградить русскую печать отъ фальшивыхъ нареканій, которымъ она подвергается. Мы спѣшимъ отдать справедли-

вость исполненному достоинства и доброжелательному тону, которымъ *Journal de St.-Pétersbourg* высказывается по поводу маленькаго, недавно возникшаго между этою газетой и нами недоразумѣнія. Мы можемъ съ своей стороны только подтвердить то что по этому поводу сказано въ *Journal de St.-Pétersbourg,* кромѣ одного пункта, который мы должны оговорить. Мы, слава Богу, не подвержены ребяческой претензіи на непогрѣшимость нашихъ сужденій, и безъ всякаго чувства досады, а напротивъ съ благодарностію готовы не только выслушать всякій добрый совѣтъ, но и принять наставленіе. Мы не имѣемъ иной цѣли кромѣ разъясненія подлежащихъ общему сужденію вопросовъ, въ которыхъ болѣе или менѣе замѣшаны дорогіе для насъ, какъ и для каждаго Русскаго, интересы. Всякое указаніе, бросающее новый свѣтъ на вопросъ или открывающее въ немъ новыя стороны, можетъ только радовать насъ, а не возбуждать чувство досады. Но мы не можемъ быть равнодушны къ заключеніямъ о нашихъ намѣреніяхъ, и считаемъ себя обязанными возстановлять истинный смыслъ нашихъ словъ, когда источникъ ихъ подвергается сомнѣнію. Точно также дорожимъ мы правомъ говорить по совѣсти, которое даровано нашей печати и которымъ впервые создано на Руси общественное мнѣніе, составляющее въ нынѣшнее время истинную силу государствъ и народовъ. Все, въ чемъ замѣчаемъ мы покушеніе противъ правъ русскаго общественнаго мнѣнія, противъ законной независимости предоставленной его органамъ, принимаемъ мы близко къ сердцу, какъ покушеніе противъ дорогаго народнаго достоянія, противъ истинной силы и чести нашего отечества. *Mémorial diplomatique* свидѣтельствуетъ о представленіяхъ будто бы дѣланныхъ въ Петербургѣ Берлинскимъ кабинетомъ по предмету нашихъ статей. Мы не хотимъ вѣрить этому, потому что ни въ одной изъ нашихъ статей нѣтъ ни слова, которое могло бы дать иностранному правительству законное основаніе къ рекламаціи. Мы припоминаемъ другой случай, бывшій за нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ: одна изъ петербургскихъ газетъ получила предостереженіе за рѣзкость тона своихъ статей, гдѣ обсуждалась политика французскаго правительства; тогда распространились слухи, не замедлившіе появиться въ иностранной печати, будто предостереженіе сдѣлано по требованію французскаго посольства: наши читатели могутъ засвидѣтельствовать, что дѣло это приняли мы также близко къ сердцу, какъ еслибъ оно касалось лично насъ. Слухи о вмѣшательствѣ французскаго посольства въ дѣла нашей печати подверглись рѣшительному отрицанію со стороны офиціальной газеты министерства внутреннихъ дѣлъ; мы увѣрены, что и въ настоящемъ случаѣ вѣсти о попыткахъ графа Бисмарка взять въ руки наше общественное мнѣніе лишены всякаго основанія и принадлежатъ къ числу тѣхъ выдумокъ, которыя ежедневно фабрикуются во множествѣ.

Въ какомъ бы смыслѣ ни высказывались сужденія русской печати о европейскихъ дѣлахъ, они не могутъ вредить интересамъ русской политики. Какъ простыя мнѣнія, они могутъ дѣйствовать только силою логическихъ доводовъ или раскрытіемъ фактовъ. Правительство не обязано считаться съ ними, и можетъ принимать къ свѣдѣнію лишь то что ему самому покажется въ нихъ основательнымъ и справедливымъ. Безусловно предосудительны только тѣ мнѣнія, которыя служатъ выраженіемъ чуждыхъ странѣ сочувствій или подкуплены иноземнымъ правительствомъ; но и такія мнѣнія не могутъ сопровождаться какимъ-либо существеннымъ вредомъ для русской политики, ибо правительство остается совершенно свободно въ своихъ дѣйствіяхъ. Разнообразіе сужденій, лишь бы они были добросовѣстны и независимы, можетъ быть только полезно. Ведя дипломатическіе переговоры, которые остаются тайной для публики, правительство у насъ, совершенно свободное въ своихъ дѣйствіяхъ, можетъ находить подкрѣпленіе себѣ въ заявленіяхъ общественнаго мнѣнія своей страны, а обсужденіе вопроса съ разныхъ точекъ зрѣнія должно способствовать его разъясненію. Но что выгодно и удобно для насъ, то можетъ быть невыгодно и неудобно для другихъ, и весьма понятно, что иностранныя правительства не видятъ для себя особенной выгоды въ томъ, чтобъ общественное мнѣніе въ странѣ, съ которою они находятся въ дѣятельныхъ сношеніяхъ, отличалось самостоятельностію, чуткостію и настойчивостію въ оцѣнкѣ своихъ національныхъ интересовъ.

Когда мы обсуждали отношенія нашего

отечества къ Пруссіи, мы не только оставались на законной почвѣ дарованной намъ свободы, но это же самое и въ той же силѣ могли мы говорить и въ тѣ времена, когда печать наша находилась подъ цензурой. Мы не посвящены въ тайны переговоровъ между кабинетами. Мы обсуждали положеніе дѣлъ въ Европѣ съ точки зрѣнія простаго наблюдателя, стараясь разъяснять себѣ смыслъ вещей по ихъ естественнымъ отношеніямъ. Исторія въ своемъ ходѣ рѣдко соображается съ естественными отношеніями вещей; часто она разъединяетъ интересы тождественные и связываетъ воедино интересы разнородные, даже противоположные, заставляя ихъ служить и способствовать другъ другу. Естественные союзы рѣдко удаются, но для того чтобъ умѣть найдтись въ запутанныхъ комбинаціяхъ, которыя создаетъ исторія, полезно знать естественныя свойства и тяготѣнія элементовъ.

Общественное мнѣніе у насъ непоколебимо въ своей увѣренности, что политика его правительства, неуклонно національная и руководимая яснымъ сознаніемъ истинныхъ интересовъ своей страны, изберетъ путь наиболѣе имъ соотвѣтственный, Россія съ справедливою гордостью слѣдила за дѣйствіями Императорскаго кабинета посреди великихъ международныхъ затрудненій быстро смѣнявшихся въ послѣдніе годы; она можетъ спокойно смотрѣть впередъ въ ожиданіи будущаго.

Б.

Мы не можемъ не упомянуть объ одномъ куріозѣ, который принесла намъ нынѣшняя почта. Надобно замѣтить, что въ послѣднее время вдругъ въ страшномъ множествѣ начали появляться въ иностранной печати самыя наглыя выдумки, напоминающія время польскаго мятежа. Не проходитъ дня, чтобы не довелось прочесть какое-нибудь нелѣпое извѣстіе касающееся Россіи, то изъ Лифляндіи, то съ польской границы, то съ Востока. Въ газетѣ *France*, отъ 21-го февраля, подъ видомъ корреспонденціи изъ Рущука, прочли мы сегодня извѣстіе, которое касается насъ лично и даетъ мѣру той наглости, съ какою работаетъ интрига избравшая обманъ своимъ орудіемъ. Замѣтимъ при этомъ, что газета давшая этому извѣстію мѣсто въ своихъ столбцахъ, есть органъ офиціозный, издаваемый сенаторомъ де-Лагероньеромъ и находящійся, какъ сказываютъ, въ близкихъ сношеніяхъ съ французскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ.

„2-го февраля," говоритъ рущукскій корреспондентъ этой газеты, „болгарскій „профессоръ *Zapreanoff*, которому поручено организовать движеніе въ этой мѣст„ности сообща съ г. *Itanoff*, племянни„комъ г-на *Peutchovitch*, президента Ру„щукскаго коммерческаго суда, и съ г-мъ „*Abramoff*, получилъ и сообщилъ комите„ту письмо отъ главнаго редактора *Gazette* „*de Moscou* (*Moskowski Wiadomosti*). Пись„мо это извѣщаетъ, что С.-Петербургскій „кабинетъ изготовляетъ въ настоящую ми„нуту ноту, которая будетъ адресована „Портѣ, и въ которой онъ потребуетъ са„мымъ формальнымъ образомъ присоеди„ненія Крита къ Греціи и „правъ под„властныхъ христіанамъ." Нота эта, при„совокупляетъ редакторъ *Gazette*, будетъ „равносильна объявленію войны. Г. *Za*„*preanoff* въ то же время показалъ пись„мо изъ Бѣлграда, подтверждающее извѣ„стія, полученныя имъ изъ Москвы."

Далѣе рущукскій корреспондентъ повѣствуетъ, что извѣстіе это было отпраздновано особымъ банкетомъ, и что комитетъ разослалъ циркуляръ начальникамъ шаекъ, дабы они были наготовѣ въ виду предстоящаго движенія.

Въ заключеніе *France* успокоиваетъ публику убѣжденіемъ, въ недостовѣрности извѣстій о намѣреніяхъ С.-Петербургскаго кабинета, которыя ему приписываетъ „странное письмо главнаго „редактора *Московскихъ Вѣдомостей*."

Намъ нѣтъ надобности заявлять, что страннаго письма, о которомъ идетъ рѣчь, мы не писали; но считаемъ не лишнимъ замѣтить, что ложь въ этой выдумкѣ можетъ похвалиться своею чистотой, что въ ней нѣтъ ни малѣйшей примѣси правды, и что ни въ Рущукъ, ни въ какое-либо другое мѣсто Европейской Турціи, ни къ кому изъ Болгаръ мы не писали ни строки. Изъ какого источника взялась эта мистификація? Мистификаторъ самъ открылъ этотъ источникъ и обнаружилъ свое происхожденіе. Случилось такъ, что именно *Moskowski WIAdomosti* изобличили его подъ собственнымъ его перомъ.

Однако, зачѣмъ бы могла понадобиться польскимъ интриганамъ эта грубая ми-

стификація? Для кого она назначалась? Кого требовалось обмануть? Мы опасаемся, что сообщеніе газеты г. де-Лагероньера свидѣтельствуетъ о махинаціяхъ, которыя имѣютъ предметомъ своимъ нашихъ несчастныхъ соплеменниковъ на Востокѣ. Очень можетъ быть, что между Болгарами, равно какъ въ Герцеговинѣ и Босніи, распускаются подложныя письма якобы отъ разныхъ лицъ изъ Россіи, для того чтобы вызвать какое-нибудь опрометчивое, преждевременное и пагубное для дѣла восточныхъ христіанъ движеніе...

№ 36.

Москва, 16-го февраля.

При разсмотрѣніи вопроса о пошлинѣ съ пива въ тарифной коммиссіи, представители пивоваровъ, гг. Казалетъ и Кокоревъ, заявили, что русское пивовареніе, несмотря на его малое развитіе, не только не нуждается въ покровительствѣ, но еще выиграетъ отъ распространенія хорошихъ сортовъ заграничнаго пива, которые пріучатъ публику къ этому напитку, вслѣдствіе чего въ послѣдствіи спросъ на пиво, теперь мало употребительное, вообще въ Россіи увеличится къ выгодѣ русскихъ пивоваровъ. Основанія этого заявленія совершенно правильны. Расширеніе спроса и слѣдовательно сбыта есть болѣе вѣрное ручательство за будущность любаго производства чѣмъ возможность, при пособіи тарифа, прижимать покупателей и налагать на нихъ произвольные поборы. Наши пивовары не могутъ разчитывать на послѣднее: этому препятствуетъ сильная конкурренція дѣлаемая пиву водкой. Вотъ почему пивовары не боятся конкурренціи заграничнаго пива. Она имъ далеко не такъ страшна какъ конкурренція водки, и они сами просятъ о пониженіи пошлины, вѣрно разчитывая что ихъ отрасль промышленности должна получить новое развитіе вслѣдствіе распространенія въ русской публикѣ вкуса къ пиву. Представители другихъ отраслей промышленности, не стѣсненные внутреннею конкурренціей, иначе смотрятъ на свои дѣла. Они упускаютъ изъ виду тѣ существенныя выгоды, которыя они могутъ получить отъ расширенія сбыта своихъ произведеній, хотя въ сущности оно имѣетъ для нихъ не меньшую важность чѣмъ для пивоваровъ. Барыши производства могутъ возростать лишь вслѣдствіе двухъ причинъ, коихъ результатъ для производства совершенно тождественъ: высокія цѣны фабриката, сравнительно съ его стоимостью, и широкій сбытъ. Въ первомъ случаѣ интересъ фабриканта противоположенъ интересу потребителей, то-есть всего народа; во второмъ оба интереса совпадаютъ. Что же лучше! Отдѣльный фабрикантъ, особенно фабрикантъ малосвѣдущій и недѣятельный, предпочтетъ высокія цѣны, но если смотрѣть на дѣло съ точки зрѣнія цѣлой отрасли промышленности, если заботиться о ея преуспѣяніи и желать ей прочнаго водворенія въ странѣ то нельзя колебаться въ выборѣ. Чѣмъ болѣе распространено потребленіе, какого-нибудь продукта тѣмъ правильнѣе можетъ идти и производство, и тѣмъ вѣрнѣе будутъ доставляемые имъ барыши. Они не будутъ зависѣть отъ случайностей, не будутъ испытывать на себѣ пагубныхъ слѣдствій колебанія цѣнъ не будутъ находиться во власти торговцевъ, всегда расположенныхъ монополизировать рынокъ. Эти преимущества весьма важны или лучше, это необходимыя условія процвѣтанія всякой отрасли производства. Міръ экономическихъ отношеній отнюдь не есть *война всѣхъ противъ всѣхъ*. Его законы таковы, что каждый интересъ, служа себѣ, служитъ и другимъ интересамъ: въ немъ только то и прочно, что не нарушаетъ общаго согласія. Эти соображенія имѣютъ прямое примѣненіе къ вопросу о пошлинахъ на машины, возбужденному нашими протекціонистами столь несвоевременно. Будущность машиннаго дѣла у насъ зависитъ отъ распространенія машинной работы въ нашихъ коренныхъ про изводствахъ, дѣйствующихъ до сихъ поръ почти исключительно работой ручною. Введенію машинъ препятствуетъ неподвижность этихъ производствъ происходящая отъ многихъ причинъ, каковы недостатокъ внутренней конкурренціи замедляемой несовершенствомъ путей сообщенія, необразованность простаго народа и соединенное съ нею отсутствіе дисциплины въ средѣ рабочихъ, убыточность производства, причиняемая дороговизной жизни, слѣдствіемъ тарифа и избытка бумажныхъ денегъ, наконецъ отвлеченіе капиталовъ къ покровительствуемымъ отраслямъ промышленности. При неподвижности господ-

ствующей почти во всѣхъ безъ исключенія коренныхъ промыслахъ нашихъ нужна дешевизна машинъ, чтобы распространеніе машинной работы, хоть сколько-нибудь подвигалась впередъ, а дешевизнѣ машинъ, даже и при безпошлинномъ ввозѣ ихъ, препятствуютъ наши плохіе пути сообщеній. Машины товаръ громоздкій, и наши пространства громадны; понятно, что неудобства путей сообщеній ложатся на цѣну машинъ во внутренней Россіи. Къ этому присоединяется плохая организація торговли машинами, слѣдствіе малаго развитія всей нашей внѣшней торговли. Публика у насъ вообще платитъ слишкомъ высокіе коммиссіонные проценты при выпискѣ иностранныхъ товаровъ; это происходитъ отъ того, что при теперешнемъ тарифѣ прямыя сношенія съ нашими потребителями не выгодны для иностраныхъ производителей,—неудобство которое не скоро можетъ быть устранено, такъ какъ общее пониженіе тарифа не должно происходить спѣшно, по однѣмъ статьямъ—изъ уваженія къ затраченнымъ въ отечественное производство капиталамъ, по другимъ статьямъ—изъ опасенія подвергнуть риску фискальные интересы. Между тѣмъ интересы потребителей дѣлаютъ весьма желательнымъ, чтобы платимые ими накладные коммиссіонные проценты постепенно понижались, и чтобы по крайней мѣрѣ тѣ заграничные товары, которые не конкуррируютъ съ нашими и дороговизна которыхъ никому въ Россіи не нужна, продавались дешевле Этого нельзя достигнуть безъ оживленія внѣшней торговли, и тутъ единственный возможный путь, кажется былъ бы тотъ, чтобы пониженіе тарифа производилось не по всему тарифу, а по группамъ его статей, и чтобы въ этихъ группахъ оно клонилось къ совершенной отмѣнѣ пошлинъ. Такой правильный ходъ имѣла до сихъ поръ наша торговая политика напримѣръ по отношенію къ чугуну и желѣзу. Тарифная коммиссія предлагаетъ теперь, сколько извѣстно, совершенную отмѣну пошлины съ чугуна: это уже важный успѣхъ. Если вмѣстѣ съ этою отмѣной послѣдуетъ значительное пониженіе пошлины съ желѣза во всѣхъ его видахъ, то одна изъ важныхъ группъ внутренней и внѣшней торговли получитъ оживленіе, которое отразится и на торговлѣ машинами. Тогда возрастетъ конкурренція между торговцами и коммиссіонерами, уменьшится число посредниковъ, и они будутъ, при развитіи операцій, довольствоваться меньшимъ процентомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они будутъ сами заботиться о томъ, чтобъ отыскивать какъ можно больше покупщиковъ, доставляя имъ всяческія удобства. Наши желѣзныя издѣлія, вообще говоря, не боятся иностранной конкурренціи. Иныя выдерживаютъ ее за предѣлами Россіи, напримѣръ въ Дунайскихъ Княжествахъ, гдѣ не пользуются тарифнымъ покровительствомъ. Что касается до желѣза не въ дѣлѣ, то опытъ 1857 и 1859 годовъ показалъ, что пониженіе ввозной пошлины не дѣйствуетъ на внутреннія цѣны желѣза и слѣдовательно нисколько не стѣсняетъ заводчиковъ. Этотъ опытъ былъ такъ удаченъ, что надобно удивляться только тому, какъ могли пройдти послѣ 1859 года цѣлыя 9 лѣтъ безъ дальнѣйшаго шага впередъ въ этомъ отношеніи. Ввозъ иностраннаго желѣза только увеличитъ количество этого полезнаго металла доходящее до потребителей и распространитъ въ цѣлыхъ полосахъ Россіи привычку къ нему. Отъ этого много выиграетъ сельское хозяйство и будетъ сбережено много труда, теперь пропадающаго даромъ на деревянныя подѣлки, требующія постояннаго ремонта. Отъ этого выиграетъ и отечественное производство желѣза, потому что, при возрастаніи спроса, вѣрный сбытъ его будетъ болѣе обезпеченъ чѣмъ нынѣ. Распространеніе чугуна, желѣза и желѣзныхъ издѣлій потянетъ за собой и распространеніе машинъ, по естественному сродству этихъ статей торговли, а развитіе торговли машинами поведетъ къ ихъ удешевленію, столь необходимому для всѣхъ нашихъ коренныхъ производствъ. Но чѣмъ больше будетъ употребляться машинъ, тѣмъ больше будетъ потребности въ починочныхъ заведеніяхъ и тѣмъ скорѣе размножатся на ряду съ починочными и заведенія машино-строительныя. Значительный спросъ въ предѣлахъ извѣстнаго района—вотъ первое условіе для машиностроительныхъ заведеній, которое можетъ быть достигнуто лишь при удобномъ и дешевомъ полученіи машинъ изъ-за границы. Привычные рабочіе—второе условіе—будутъ приготовлены въ починочныхъ заведеніяхъ, въ слесарняхъ и т. п. Достаточность продажной цѣны машинъ обезпечивалась бы издержками перевозки, которыя падаютъ на иностранныя машины и

доходятъ отъ 10% цѣны до 70%, смотря по роду машинъ. Наконецъ всякому покупателю пріятнѣе взять машину изъ мѣстнаго заведенія чѣмъ выписывать ее изъза границы.

Между тѣмъ какъ интересы всѣхъ нашихъ коренныхъ производствъ требуютъ удешевленія иностранныхъ машинъ, нѣсколько машинныхъ заводчиковъ рѣшаются просить о введеніи пошлинъ на машины, то-есть о мѣрѣ которая, причинивъ ихъ вздорожаніе, погрузила бы въ совершенную неподвижность цѣлыя отрасли отечественной промышленности. Неужели голосъ ихъ можетъ быть услышанъ? Мы позволимъ себѣ сказать одно: исполненіе этого домогательства было бы тяжкимъ ударомъ не только экономической жизни Россіи, но и вообще ея преуспѣянію. Что было извинительно пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, то не можетъ найдти оправданіе теперь, когда и потребности Россіи и теоретическая сторона дѣла гораздо болѣе разъяснились. Эта мѣра была бы ударомъ и возникающему у насъ машино-строительному дѣлу, которое вовсе не такъ ничтожно какъ утверждаютъ въ видахъ агитаціи. Оно возникаетъ на правильномъ основаніи; развитіе его постепенно и здраво. Пошлина на машины измѣнила бы все: ея первымъ слѣдствіемъ было бы вторженіе въ машинныя заведенія безнаказанности за привычку дѣлать все кое-какъ, считать закащика своимъ оброчникомъ и покрывать свои промахи ходатайствомъ о повышеніи пошлинъ. Уступчивость этимъ притязаніямъ навязала бы правительству въ будущемъ несказанныя затрудненія. Теперь требуютъ введенія новыхъ пошлинъ ссылаясь на важность машино-строительнаго дѣла, но теперь на эти рѣчи можно отвѣчать, что именно важность машиностроительнаго дѣла и желаніе видѣть его дѣйствительно и правильно развивающимся не дозволяютъ вводить пошлину на машины, а тогда можно будетъ говорить о затраченныхъ капиталахъ, требующихъ огражденія, о рабочихъ которые будто бы останутся безъ хлѣба. Легко сдѣлать ошибку, поправлять ее бываетъ труднѣе.

Ниже мы помѣщаемъ продолженіе извѣстій о ходѣ занятій тарифной коммиссіи. Статьи тарифа о которыхъ тутъ идетъ рѣчь, не имѣютъ особенной важности, но между ними есть одна, представляющая интересъ: это—кожи выдѣланныя. Когда не было покровительства, Россія отпускала за границу до 150.000 пуд. юфти, а теперь отпускаетъ не болѣе 17.000 пуд. Вотъ результаты усыпленія, порождаемаго покровительствомъ даже въ такомъ народномъ промыслѣ какъ выдѣлка юфти. На крупныя кожи коммиссія удержала пошлину составляющую около 30% съ продажной цѣны.

№ 37.

Москва, 17-го февраля.

Въ числѣ мѣстностей наиболѣе пострадавшихъ вслѣдствіе прошлогодняго неурожая печальное первенство принадлежитъ, вмѣстѣ съ Архангельскою, Смоленской губерніи. Это заявлено состоящею подъ предсѣдательствомъ Государя Наслѣдника Цесаревича коммиссіей для доставленія пособій населеніямъ, нуждающимся вслѣдствіе неурожая; на это, по отношенію къ Смоленской губерніи, еще сильнѣе указывается въ сообщеніи министерства внутреннихъ дѣлъ, напечатанномъ въ нынѣ полученномъ нумерѣ *Голоса*; это же говорятъ намъ и всѣ доходящія до насъ частныя свѣдѣнія. Положеніе, въ которомъ эта губернія находится, дѣйствительно бѣдственное, требующее не просто пособій, но серіозныхъ, мудро обдуманныхъ и рѣшительныхъ мѣръ, дабы помощь вышла дѣйствительная, тѣмъ болѣе, что народное бѣдствіе грозитъ стать здѣсь хроническимъ. О послѣдствіяхъ прошлогодняго неурожая въ Смоленской губерніи мы имѣемъ самыя положительныя и совершенно точныя свѣдѣнія, живописующія ея положеніе въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Недостатокъ въ хлѣбѣ ощущался здѣсь еще съ осени, такъ что бѣдствующимъ населеніямъ было затруднительно обсѣменить озимыя поля: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ поля вовсе не засѣяны, въ большей же части посѣвъ былъ произведенъ такъ поздно, что и въ нынѣшнемъ году, даже при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, нельзя ожидать удовлетворительнаго урожая. Вотъ обстоятельство, которое осложняетъ положеніе дѣлъ въ этомъ краѣ и внушаетъ самыя серіозныя опасенія. Жители во многихъ мѣстахъ губерніи едва пропитываются овсянымъ хлѣбомъ съ примѣсью мякины и дубовой коры; но и овса, вслѣдствіе снѣга выпавшаго до уборки ярового хлѣба, со-

брано было такъ мало, что въ немъ уже и теперь оказывается крайній недостатокъ, а къ веснѣ не останется почти ничего для засѣва яровыхъ полей. Если теперь, при легкости подвоза саннымъ путемъ, цѣны на рожь доходятъ до 9 и до 10 рублей, то что же будетъ при наступленіи весны, когда послѣдніе запасы истощатся, когда прекратятся всякіе заработки, и когда подвозъ хлѣба станетъ почти невозможенъ? Вотъ перспектива близкаго будущаго посреди бѣдствій настоящаго! Какъ бы ни были обильны пособія общественной и частной благотворительности, много ли могутъ они сдѣлать въ такихъ обстоятельствахъ? Надобно не только какъ-нибудь пропитать населенія, которымъ угрожаютъ всѣ ужасы голода, но и предотвратить еще большія бѣдствія, ожидающія ихъ впереди. По мѣстнымъ соображеніямъ, двухъ милліоновъ едва будетъ достаточно для покрытія самыхъ вопіющихъ потребностей настоящаго. Сверхъ того, надобно принять въ разчетъ неизбѣжный ущербъ, который понесетъ казна отъ непоступленія сборовъ и отъ недоимокъ по податямъ. Мѣстное земство, на которое главнымъ образомъ падаетъ тяжесть борьбы съ послѣдствіями неурожая, не можетъ ожидать взносовъ отъ умирающихъ съ голода населеній; въ земскомъ собраніи минувшаго декабря предсѣдатели уѣздныхъ управъ заявили, что за первую половину нынѣшняго года нечего и думать о земскихъ повинностяхъ; но за одну ли только первую половину года придется отказаться отъ нихъ? Землевладѣльческимъ хозяйствомъ, въ свою очередь, предстоятъ новыя потрясенія и ущербы, ибо потребуется разсрочка оброковъ; равнымъ образомъ оказывается необходимою и разсрочка выкупныхъ платежей за цѣлый годъ на всѣ послѣдующіе годы, между тѣмъ какъ впереди грозитъ новый неурожай, который падетъ новымъ, еще болѣе тяжкимъ долгомъ на будущее.

Посреди такихъ обстоятельствъ нѣтъ другаго средства серіозно пособить злу, какъ открыть новый, чрезвычайный и обильный источникъ заработковъ для мѣстныхъ населеній. Такимъ источникомъ могутъ стать лишь значительныхъ размѣровъ публичныя работы. Но какія же публичныя работы могли бы занять большее число рукъ и быть такъ производительными, какъ постройка желѣзной дороги? Вотъ наиболѣе надежное средство помочь населеніямъ Смоленской губерніи; вотъ средство и прокормить эти населенія, и дать имъ возможность поправиться; вотъ средство облегчить затрудненія и для казны, и для земства, и для частныхъ хозяйствъ. Чѣмъ обильнѣе будутъ заработки, тѣмъ обильнѣе будетъ подвозъ хлѣба, и тѣмъ ближе къ нормальному уровню будутъ понижаться цѣны на хлѣбъ. Деньги, которыя этимъ путемъ разойдутся въ населеніяхъ, не только облегчатъ ихъ положеніе, но и окажутся самою производительною затратой какъ для нихъ самихъ, такъ и для цѣлаго государства. Народное бѣдствіе породитъ такимъ образомъ новый и могущественный элементъ народнаго благосостоянія, и мѣстный людъ, въ послѣдствіи, вспоминая о тяжкой пережитой имъ нуждѣ, будетъ имѣть причины благословлять ее.

Но мысль о Смоленской желѣзной дорогѣ не есть случайность вызванная преходящими обстоятельствами. Объ этой дорогѣ давно уже идетъ рѣчь; какъ въ Москвѣ, такъ и въ Смоленскѣ равно ею заинтересованы. О ней давно уже ходатайствуютъ и московское, и смоленское земство; въ этихъ заботахъ приняло живѣйшее участіе и дворянство обѣихъ губерній, и городская дума Москвы. Съ интересами мѣстными вполнѣ согласуются въ этомъ случаѣ и интересы государства. Важность и польза этой дороги признана правительствомъ, и мысль о ея сооруженіи удостоилась Высочайшаго одобренія. Въ нынѣшнемъ № нашихъ *Воскресныхъ Прибавленій*, въ обзорѣ истекшей сессіи Московскаго земскаго собранія, читатели найдутъ произнесенную въ одно изъ его засѣданій рѣчь князя Н. П. Мещерскаго, въ которой излагается исторія этого дѣла и виды на осуществленіе проекта, въ которомъ такъ сильно заинтересованы обѣ губерніи. Изысканія уже сдѣланы, и работы могли бы быть начаты съ наступленіемъ весны въ то самое время, когда нужда бѣдствующихъ населеній достигнетъ высшей степени. Скорое рѣшеніе этого дѣла побудило бы между тѣмъ торговцевъ отправить въ Смоленскую губернію хлѣбъ, еще пользуясь теперешнимъ саннымъ путемъ.

Если Смоленская и Московская губерніи во всѣхъ своихъ сословіяхъ такъ живо чувствуютъ потребность въ этой дорогѣ, то еще бо́льшую важность имѣетъ она для Россіи, для правительства. Пока Москва, которая становится теперь главнымъ

узломъ желѣзно-дорожныхъ сѣтей, не будетъ соединена съ Смоленскомъ, а чрезъ него съ самыми западными окраинами нашей государственной территоріи, важнѣйшіе интересы государства не могутъ считаться вполнѣ обезпеченными. Прямая и ближайшая дорога отъ Москвы на западъ, съ высшей государственной точки зрѣнія, есть необходимость, которая съ каждымъ днемъ будетъ заявлять себя болѣе и болѣе. Какъ европейское положеніе нашего отечества, такъ и его внутреннее развитіе равно требуютъ, и требуютъ настоятельно, непосредственнаго и тѣснѣйшаго соединенія востока съ западомъ, Поволжья съ Заднѣпровьемъ. Дорога отъ Москвы прямо на западъ должна имѣть неисчислимыя послѣдствія и въ матеріальномъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ Это одна изъ тѣхъ дорогъ, которыя не только удовлетворяютъ наличнымъ потребностямъ, но обладаютъ творческою силой, создающею новыя условія народной жизни. Смоленская дорога становится тѣмъ необходимѣе, что Московско-Кіевская утратила много своего значенія, вслѣдствіе обхода, который вынуждена была сдѣлать направленіемъ на Курскъ. Не странно ли уже и теперь видѣть, что отъ Москвы идутъ желѣзныя дороги по всѣмъ направленіямъ, и ни одной прямо на западъ? Нормальное ли это положеніе, и соотвѣтствуетъ ли оно требованіямъ обстоятельствъ и указаніямъ времени? Система желѣзныхъ дорогъ восточной половины Россіи раскидывается безпрерывно. Могутъ ли сѣти этой системы, сходящіяся въ Москвѣ, оставаться безъ прямаго и ближайшаго сообщенія съ другою системой желѣзныхъ дорогъ, долженствующихъ въ разныхъ направленіяхъ пересѣчь западную половину Россіи? Можетъ ли Москва, которая рано или поздно будетъ соединена желѣзною дорогою съ Сибирью, оставаться на всегда безъ прямаго и ближайшаго сообщенія съ Смоленскомъ, который уже связанъ съ Витебскомъ и Ригой и долженъ быть связанъ съ Брестомъ и Варшавой? Дорога отъ Москвы до Смоленска, повторимъ, есть необходимость, отъ которой нельзя уйдти. Если ее не будутъ дѣлать теперь, то придется дѣлать послѣ, —и въ такомъ случаѣ не было ли бы прискорбнымъ упущеніемъ не приступить къ этому сооруженію теперь же, когда оно можетъ послужить самымъ дѣйствительнымъ пособіемъ для бѣдствующихъ населеній и помочь государству въ затрудненіяхъ, которыя безъ этого могутъ быть облегчаемы только посредствомъ новыхъ затрудненій, долженствующихъ лечь на казну еще тяжеле, подобно уплатѣ долговъ производимой посредствомъ новыхъ, еще болѣе обременительныхъ займовъ?

Смоленская губернія не принадлежитъ къ числу хлѣбородныхъ въ Имперіи, и бѣдствія неурожая здѣсь явленіе нерѣдкое, а потому для ея населенія будетъ неоцѣнимымъ благодѣяніемъ желѣзная дорога, которая пересѣчетъ ее по всему ея протяженію, и приблизитъ ее къ главному хлѣбному рынку Имперіи, какимъ становится теперь Москва и какимъ Орелъ никогда не будетъ, даже при самыхъ обильныхъ урожаяхъ въ Орловской губерніи. Говорятъ, что въ торговомъ отношеніи Московско-Смоленская дорога не представляетъ большихъ выгодъ; но для того, чтобы должнымъ образомъ цѣнить торговые интересы соединенные съ тою или другою желѣзною дорогой, лучше всего прислушаться къ самой торговлѣ; а Московская городская дума, гдѣ торговые интересы представлены съ достаточною силой; единодушно высказалась въ пользу этой дороги и изъявила желаніе содѣйствовать ея осуществленію всѣми зависящими отъ нея способами. Интересъ торговый чутокъ; онъ не только видитъ, но и предвидитъ.

Въ рѣчи князя Мещерскаго приведены постановленія смоленскаго губернскаго земскаго собранія. Оно указываетъ на постройку Московско-Смоленской желѣзной дороги, какъ на такое средство пособія губерніи, при которомъ она могла бы обойдтись не только безъ другихъ денежныхъ затратъ со стороны государственной казны, но и безъ разсрочки въ платежѣ государственныхъ податей. Этому постановленію нельзя отказать въ основательности. Мѣстныя средства и частная благотворительность могутъ дѣйствительно сдѣлать все нужное для предотвращенія и смягченія частныхъ случаевъ бѣдствія, если вся губернія будетъ оживлена приливомъ строительнаго капитала и, разумѣется, если этотъ капиталъ будетъ значительнѣе того, который признается необходимымъ для раздачи прямыхъ продовольственныхъ пособій. Это послѣднее условіе существенно. Только при его соблюденіи можно будетъ считать казну освобожденную отъ необходимости затрачивать до двухъ милліоновъ наличныхъ

денегъ и сверхъ того допускать недоимки, безъ опредѣленныхъ видовъ на возвратъ всѣхъ этихъ жертвъ. Казнѣ весьма выгодно, вмѣсто рубля жертвуемаго ею почти безвозвратно, затратить не только два, но и три рубля на созданіе цѣнности равносильной затраченному капиталу. Возможность такой выгодной замѣны представляется рѣдко. Еще рѣже случаи, когда непроизводительныя издержки могутъ быть сполна замѣнены производительными, какъ нынѣ въ Смоленской губерніи, гдѣ требуется постройка желѣзной дороги на всемъ ея протяженіи съ востока на западъ и именно чрезъ наиболѣе нуждающійся Духовщинскій уѣздъ, между тѣмъ какъ южные уѣзды менѣе пострадали, а сѣверные имѣютъ въ пристаняхъ средство противъ крайней бѣды. Какіе же размѣры работъ необходимы, чтобы постройка желѣзной дороги вполнѣ достигла цѣли предполагаемой смоленскимъ земствомъ, то-есть доставила казнѣ всѣ выгоды замѣны затратъ въ сущности безсрочныхъ созданіемъ цѣнности равносильной положенному на нее капиталу, и избавила въ то же время Смоленскую губернію отъ тяжкаго бремени неоплатнаго долга? Объ этомъ, кажется намъ, не можетъ быть спора: требуются работы отъ Смоленска до границы Московской губерніи, и при томъ работы полныя, то-есть и полотно, и каменныя сооруженія, и станціонные дома, словомъ такія работы, при которыхъ было бы израсходовано на каждую версту протяженія дороги отъ 20 до 25 тысячъ рублей. Такіе размѣры работъ и для казны выгоднѣе, потому что обезпечатъ скорое открытіе дороги, и слѣдовательно полученіе процентовъ съ затраченнаго капитала. О средствахъ пріисканія капитала мы не говоримъ. Казалось бы, всего удобнѣе выдать концессію, но земство на этомъ не настаиваетъ, какъ видно изъ дополнительныхъ разъясненій къ рѣчи князя Мещерскаго, одного изъ уполномоченныхъ земства.

№ 38.

Москва, 20-го февраля.

„Міръ спокоенъ, когда Франція довольна,“ сказалъ принцъ-президентъ французской республики, въ пресловутой рѣчи, произнесенной въ Бордо 9-го октября 1852 г., которою было возвѣщено міру, а особенно французскимъ избирателямъ, что „имперія есть миръ!“ Не прошло съ тѣхъ поръ и шестнадцати лѣтъ, и Наполеонъ III могъ бы теперь выразиться, что только тогда сама Франція спокойна, когда по сосѣдству Пруссія довольна. Смутныя отговорки и торопливыя извиненія обоихъ кабинетовъ, французскаго и австрійскаго, изобличенныхъ графомъ Бисмаркомъ въ намѣреніи создать на границѣ Германіи гнѣздо антипрусской агитаціи нѣмецкихъ выходцевъ, а также дерзкій, явно наступательный и презрительно-ироническій тонъ, съ которымъ прусскія офиціозныя газеты отозвались объ этихъ извиненіяхъ и отговоркахъ, вполнѣ обнаружили не только лживость комедіи мнимаго австро-прусскаго союза, который будто бы изолировалъ Россію, но и то что центръ политическаго тяготѣнія западной Европы, дѣйствительно, перемѣстился изъ Парижа въ Берлинъ. Шесть сотъ паспортовъ, вопреки существующему между Австріей и Пруссіей договору о взаимной выдачѣ дезертировъ, отправленныхъ изъ Вѣны въ Швейцарію ганноверскимъ дезертирамъ, съ подложнымъ означеніемъ ихъ мѣстожительства, съ одной стороны, радушный пріемъ, встрѣченный этими выходцами на границѣ Франціи, съ другой, — фактически опровергли увѣренія австрійской и французской дипломатіи, будто на Зальцбургскомъ свиданіи рѣчь шла единственно о Восточномъ вопросѣ. Этою скороспѣлою продѣлкой снова дано Берлинскому кабинету назидательное предостереженіе что повтореніе притворныхъ дипломатическихъ нѣжностей, подъ прикрытіемъ коихъ ему готовился въ 1866 году сюрпризъ Люксембургскаго вопроса, имѣло такую же цѣль и въ нынѣшнемъ году, и что нынѣ, какъ тогда, призракъ всепожирающаго властолюбія Россіи и тревожныя заботы о Восточномъ вопросѣ служатъ для Франціи только средствомъ отвлечь вниманіе европейскихъ дипломатовъ отъ ея дѣйствительныхъ замысловъ, да еще развѣ только приманкой для Австріи. Ни наивныя отговорки барона Бейста, будто бы ничего не знавшаго о потворствѣ своихъ чиновниковъ просьбамъ низложеннаго короля Ганноверскаго, Георга V, ни необдуманно-усердныя объясненія *Вечерняго Монитера*, удостовѣрявшаго будто ганноверскіе выходцы, переступивъ французскую границу, „безъ разрѣшенія и даже безъ вѣдома ея

правительства,“ немедленно разосланы на жительство подъ надзоромъ полиціи, „на „значительное разстояніе отъ восточной „границы Франціи,“ по собственному рѣшенію (résolution spontanée) Тюльерійскаго кабинета, — ни то ни другое, конечно, не измѣнитъ убѣжденія прусскаго министра, что французское правительство, съ 1866 г., дѣйствуетъ подъ вліяніемъ „патріотическихъ тревогъ“ (angoisses patriotiques), овладѣвшихъ, по признанію г. Руэра, всѣми членами этого правительства, когда пришло „роковое“ извѣстіе о Кенигсгрецкомъ побоищѣ. Куріозныя выходки *Цейдлеровой Корреспонденціи*, конфиденціальнаго органа прусскаго министра-президента, даютъ въ этомъ отношеніи положительныя указанія. Въ отвѣтъ на отговорки барона Бейста, эта *Корреспонденція* иронически замѣчаетъ, что если высылка 500 подложныхъ паспортовъ изъ Вѣны въ Швейцарію могла быть неизвѣстна австрійскому канцлеру, то вѣроятно неизвѣстна ему недавно происходившая въ Вѣнѣ чеканка ганноверскихъ талеровъ 1868 г., съ изображеніемъ Георга V „короля Ганноверскаго.“ Что же касается Франціи, то уже 5-го февраля *Цейдлерова Корреспонденція* начала намекать на то, что въ случаѣ неисполненія Тюльерійскимъ кабинетомъ „приписаннаго ему намѣренія“ интернировать ганноверскихъ выходцевъ, Пруссія пожалуй и сама вздумаетъ образовать въ своей прирейнской окраинѣ сборище французскихъ выходцевъ. Девять дней спустя *Цейдлерова Корреспонденція* выразилась еще опредѣленнѣе: „Нѣтъ сомнѣнія,“ сказано въ ней, „что императорское французское правительство менѣе всякаго другаго въ Европѣ можетъ выдержать *игру революціонными началами*. Тѣмъ удивительнѣе должно показаться съ его стороны предположеніе создать на нашей границѣ сборище „ганноверскихъ выходцевъ чтобы производить ими, при содѣйствіи австрійскихъ „паспортовъ, тихое давленіе на наши рѣшенія по германскимъ дѣламъ. Въ интересѣ самого французскаго правительства, „мы бы искренно пожалѣли, еслибы ко „всѣмъ его ошибкамъ присоединилась еще „эта. Образованіе въ одномъ изъ нашихъ „пограничныхъ городовъ постояннаго сборища французскихъ и италіянскихъ патріотовъ могло бы оказаться, для императорскаго правительства, дѣломъ несравненно опаснѣйшимъ чѣмъ для насъ. всякое сборище ганноверскихъ выходцевъ, „особенно еслибы французскимъ патріотамъ „было внушено, что агитація направляется *не противъ Франціи*, а только противъ —.“

Статья *Цейдлеровой Корреспонденціи*, появившаяся 14-го февраля, получила 16-го числа въ отвѣтъ запутанныя завѣренія *Вечерняго Монитера* о „собственномъ рѣшеніи“ Тюльерійскаго кабинета и о томъ, что переходъ Ганноверцевъ чрезъ французскую границу яко бы случился безъ предварительнаго на то дозволенія правительства, между тѣмъ какъ графу Бисмарку не можетъ не быть извѣстно, что дозволеніе было формально дано графомъ Грамономъ, французскимъ посломъ въ Вѣнѣ, графу Платену, управляющему дѣлами низложеннаго короля Георга V. Въ настоящее время, въ Парижѣ, ходятъ толки, будто ганноверскіе выходцы, за исключеніемъ тѣхъ, кои почему-либо отвѣтственны предъ судами ихъ родины, будутъ возвращены Пруссіи съ условіемъ, чтобъ они были освобождены отъ всякаго преслѣдованія за ихъ переселеніе. Само собою разумѣется, что этимъ исходомъ ознаменуется новый блистательный успѣхъ прусской дипломатіи, не допустившей образоваться за границей гнѣзду внутреннихъ смутъ, которое могло бы стать для объединенной Германіи не менѣе опаснымъ чѣмъ то, которое изъ Рима волнуетъ Италію, чѣмъ то, которому Испанія обязана своею безвыходною анархіей, чѣмъ то, наконецъ, которое столь тяжко отозвалось въ жизни нашего отечества событіями 1863 года. Благоразумно удовлетворяясь этимъ успѣхомъ, прусская офиціозная печать прекратила до поры до времени свои безцеремонныя выходки противъ Тюльерійскаго кабинета, и это оказалось достаточнымъ для внезапнаго успокоенія опасеній нѣкогда столь кичливой французской имперіи. Но умѣренность, показанная въ этомъ случаѣ прусскимъ министромъ, очевидно не умаляетъ нисколько убѣжденій, вынесенныхъ имъ изъ новаго предостереженія касательно сокровенныхъ замысловъ обоихъ сосѣднихъ правительствъ, и пока австрійская офиціальная печать въ одинъ голосъ выражаетъ притворное негодованіе насчетъ продѣлокъ своего коронованнаго гостя въ Гитцингѣ, а органы Тюльерійскаго кабинета, какъ бы по сигналу, возобновляютъ свои нападки на Румынію, Сербію и Болгарію, причемъ, разумѣется, достается Россіи, —

прусское правительство спѣшитъ обезпечить свою приморскую окраину противъ случайностей внезапной высадки...

Между тѣмъ какъ въ центрѣ Европы двѣ сильныя континентальныя державы наблюдаютъ другъ за другомъ и вооружаются съ миролюбивыми рѣчами на устахъ; между тѣмъ какъ Австрія пріискиваетъ себѣ вознагражденіе на Востокѣ, стараясь прикрыть свои замыслы безпрерывными клеветами на Россію; между тѣмъ какъ христіанская кровь по прежнему проливается на островѣ Критѣ и нѣкоторыя державы упрямо отвращаютъ Турцію отъ единственнаго средства окончить миромъ это страшное кровопролитіе; между тѣмъ какъ интермедіи европейской драмы срываютъ у публики улыбку выходками этого бѣднаго экс-короля Ганноверскаго и золотой розѣ, которую Пій IX препроводилъ къ королевѣ Испанской: на самомъ западномъ краю политическаго горизонта встаетъ грозная туча и миръ можетъ быть не нынче такъ завтра застигнутъ бурей, которой взрывъ повлечетъ за собою неисчислимыя бѣдствія.

Эта гроза поднимается изъ-за Атлантическаго океана, изъ великой и удивительной страны, которая всегда была постоянно съ нами въ самыхъ дружескихъ связяхъ и направляется противъ Англіи. Съ одной стороны конгрессъ Соединенныхъ Штатовъ обсуждаетъ революціи самаго вызывающаго свойства и становится противъ Англіи по вопросу о феніяхъ въ положеніе совершенно враждебное. Съ другой стороны, судя по большимъ приготовленіямъ давно дѣлаемыхъ въ англійскомъ адмиралтействѣ, равно какъ по сосредоточенію громадныхъ морскихъ силъ, которыя недавно были исчислены въ *Times*, нельзя не убѣдиться, что какъ и въ Лондонѣ столкновеніе дѣйствительно считается вѣроятнымъ.

Кстати теперь привести на память спорные между Англіей и Соединенными Штатами вопросы. Во-первыхъ, правительство Соединенныхъ Штатовъ требуетъ отъ англійскаго вознагражденія за убытки, причиненныя разбоями южнаго капера *Алабама* морской торговлѣ Соединенныхъ Штатовъ во время войны между южными и сѣверными штатами. Извѣстно, что этотъ каперъ былъ снаряженъ въ одной изъ англійскихъ гаваней, что англійскія власти допустили вооружить его вопреки настоятельнымъ представленіямъ посланника Соединенныхъ Штатовъ въ Лондонѣ, и что, наконецъ, британское правительство дозволяло *Алабамѣ* запасаться продовольствіемъ и возобновлять свой экипажъ въ англійскихъ же портовыхъ городахъ. Извѣстно также, что каперъ *Алабама* причинилъ торговлѣ Соединенныхъ Штатовъ убытка на нѣсколько милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Лондонскій кабинетъ, не отказывая Сѣверо-Американскимъ Штатамъ собственно въ вознагражденіи, утверждаетъ, что королева Англійская имѣла право признать южные штаты воюющею стороной, и что поэтому англійскія гавани одинаково могли быть открыты для военныхъ кораблей и сѣверныхъ и южныхъ штатовъ Америки. Но американское правительство не довольствуется такимъ рѣшеніемъ, настаивая на вопросѣ о принципѣ, и требуя, чтобы министры британской короны торжественно отреклись отъ своихъ прежнихъ декларацій. Это явствуетъ изъ депеши г. Сюарда къ г. Адамсу отъ 19-го ноября 1867 года, гдѣ между прочимъ сказано, „что условіе, „на которомъ лордъ Станлей соглашается „исполнить требованіе Соединенныхъ Штатовъ, условіе, въ силу коего Соединенные „Штаты должны были бы отступиться отъ „положенія, постоянно ими сохраняемаго... „никакъ не можетъ быть принято, и что „прокламація королевы 1861 года, признающая южные штаты воюющею стороной, есть дѣйствіе несправедливаго вмѣшательства и нарушеніе существующихъ „трактатовъ, противное международному праву.“

Другой вопросъ, болѣе затруднительный, касается права натурализаціи.

Всѣ люди на свѣтѣ, безъ всякаго изъятія, говорятъ Американцы, имѣютъ право переселяться. Въ силу этого права, продолжаютъ они, каждый иностранецъ, прибывшій въ Америку и ставшій гражданиномъ Соединенныхъ Штатовъ, этимъ самымъ уже освобождается отъ всякой обязанности подданства той странѣ откуда онъ выселился, и всякое преслѣдованіе, какому онъ подвергся бы по случаю своего отреченія отъ первоначальнаго отечества, было бы оскорбленіемъ американскаго союзнаго знамени.

Англичане никакъ не соглашаются на это требованіе, и если справедливы увѣренія американскихъ журналовъ, будто такова и есть цѣль порученія возложеннаго на генерала Макъ-Клеллана, посланнаго въ Лондонъ, то можно заранѣе полагать, что онъ

получить рѣшительный отказъ. Что тогда будетъ?

№ 39.

Москва, 21-го февраля.

Мы уже нѣсколько разъ говорили о неестественной постановкѣ тарифнаго вопроса въ учрежденной для его разсмотрѣнія коммиссіи. Государственные вопросы могутъ быть правильно разсматриваемы лишь съ общей государственной точки зрѣнія. Если представительство интересовъ считается полезнымъ, то полезно въ государствѣ можетъ быть только допущеніе общаго представительства къ вліянію на законодательства. Возможны, правда, и при отсутствіи общаго представительства совѣщанія съ представителями отдѣльныхъ интересовъ, но эти совѣщанія должны имѣть опредѣленную цѣль – вызвать изложеніе данныхъ, которыя полезно принять къ свѣдѣнію, и притомъ обращеніе должно быть дѣлаемо къ каждому изъ интересовъ порознь, дабы соглашеніе ихъ между собой и съ общимъ государственнымъ интересомъ оставалось въ рукахъ общаго государственнаго законодательства. Засѣдающая нынѣ въ Петербургѣ тарифная коммиссія имѣетъ составъ, погрѣшающій противъ этихъ обоихъ правилъ. Вопервыхъ, она постановляетъ рѣшенія по большинству голосовъ, и хотя эти рѣшенія не имѣютъ ни для министра финансовъ, ни для законодательства обязательной силы, однакоже это все-таки рѣшенія, то-есть выраженія не доводовъ, а воли, желающей и могущей имѣть вліяніе. Вовторыхъ, каждый изъ членовъ коммиссіи, представляющихъ отдѣльный интересъ, подаетъ голосъ по всѣмъ вопросамъ, и является не излагателемъ доводовъ, а выслушивателемъ ихъ; чтобъ обезпечить себѣ успѣхъ, какъ докладчику, всякій членъ коммиссіи принужденъ вступать въ соглашеніе съ своими товарищами, а такъ какъ никто своимъ интересомъ охотно не пожертвуетъ, то пожертвованія могутъ дѣлаться лишь насчетъ интереса государственнаго. Такого рода сдѣлки, вынужденныя положеніемъ внѣшнихъ членовъ тарифной коммиссіи, совершенно запутываютъ дѣло, такъ что за ними не можетъ быть ясно слышимъ даже голосъ отдѣльныхъ интересовъ. Вотъ почему, или совѣщанія нашей петербургской тарифной коммиссіи должны остаться вовсе безъ вліянія, или должно ожидать отъ нихъ не мало вреда. Представителямъ той или другой группы плательщиковъ податей еще можетъ быть предоставляема иногда раскладка налога, но было бы страннымъ спрашивать, напримѣръ, откупщиковъ о томъ, слѣдуетъ ли отмѣнить откупъ, или предоставить виннымъ заводчикамъ назначеніе размѣровъ акциза съ водки. Еще страннѣе было бы предоставить имъ же рѣшеніе вопроса о томъ, какому акцизу подвергнется пиво. А между тѣмъ именно нѣчто подобное происходитъ въ тарифной коммиссіи.

Надняхъ большинство ея членовъ приняло заключеніе, которое въ случаѣ одобренія со стороны министра финансовъ и государственнаго совѣта, гибельно отзовется на развитіи производительныхъ силъ Россіи и надолго сохранитъ въ исторіи нашей промышленности память о дѣйствіяхъ этой коммиссіи. Въ засѣданіи общаго ея собранія 12-го февраля, рѣшено установить покровительственныя таможенныя пошлины на ввозъ иностранныхъ машинъ; подробности и виды этого новаго тяжкаго налога на нашу промышленность должны быть опредѣлены въ дальнѣйшихъ засѣданіяхъ, но въ общихъ чертахъ это дѣло можетъ считаться со стороны коммиссіи рѣшеннымъ. Судя по мотивамъ и видамъ, которыми подкрѣплялось это предложеніе, должно ожидать, какъ намъ пишутъ, установленія размѣровъ пошлины не менѣе 15% съ цѣнности машинъ, ибо защитники этого предложенія не соглашаются на незначительные размѣры, при которыхъ пошлина имѣла бы только фискальный характеръ. Нельзя не упомянуть съ благодарностью имена членовъ отъ правительства, засѣдающихъ въ тарифной коммиссіи и подавшихъ свои голоса въ пользу сохраненія нынѣшняго порядка, то-есть безпошлиннаго ввоза машинъ съ безпошлиннымъ ввозомъ чугуна и желѣза для владѣльцевъ механическихъ заводовъ (слѣдовало бы еще расширить число ввозимыхъ безпошлинно частей машинъ и сдѣлать болѣе точный и раціональный ихъ перечень). За предложеніе въ этомъ смыслѣ, сдѣланное А. К. Гирсомъ, были предсѣдатель коммиссіи Г. П. Небольсинъ, А. И. Бутовскій, В. И. Вешняковъ, Ѳ. Г. Тернеръ, П. П. Семеновъ и Н. К. Гирсъ. Но ихъ перевѣсило большинство, къ которому принадле-

жали всѣ остальные члены отъ правительства и депутаты отъ купечества и фабрикантовъ.

Мы уже имѣли случай высказаться по вопросу о введенiи пошлинъ на машины и напечатали записку механическихъ заводчиковъ гг. Струве и Лессинга, исчерпывающую этотъ вопросъ со всѣхъ сторонъ. Нельзя не подивиться, что доводы этой записки, составленной лицами, казалось бы, наиболѣе заинтересованными во введенiи пошлинъ на машины не поколебали если не депутатовъ отъ купечества, то, по крайней мѣрѣ, тѣхъ членовъ отъ правительства, которые за одно съ депутатами подали голосъ въ пользу введенiя этихъ пошлинъ. Въ печати приходилось намъ встрѣчать только такiя опроверженiя этой записки, которыя совершенно лишены смысла. Такъ напримѣръ было высказано, что безъ пошлинъ у насъ могутъ существовать только крупныя механическiя заведенiя, между тѣмъ какъ особенно желательны мелкiя. Но что такое мелкiя механическiя заведенiя? Развѣ при теперешремъ состоянiи механическаго дѣла мелкiя заведенiя могутъ браться за построенiе такихъ машинъ, которыя у насъ еще не строятся? Русское Техническое Общество съ особенною жадностiю требуетъ предоставленiя желѣзно-дорожныхъ принадлежностей туземному производству: но развѣ локомотивы и вагоны могутъ строиться въ мелкихъ заведенiяхъ, или развѣ мелкiя заведенiя когда-нибудь возьмутся за изготовленiе желѣзныхъ частей для желѣзно-дорожныхъ мостовъ? Наконецъ слыхано ли, чтобы рельсы могли дѣлаться въ мелкихъ заведенiяхъ? До сихъ поръ у насъ кричали всего болѣе объ извѣстномъ костромскомъ механическомъ заведенiи, но это заведенiе - крупное. То этотъ заводъ ежегоднымъ возрастанiемъ своего производства доказывалъ развитiе у насъ механическаго дѣла, имѣющее-де право на таможенное покровительство, ради дальнѣйшаго своего преуспѣянiя; то этотъ же самый заводъ, недостаткомъ сбыта, свидѣтельствовалъ о невозможности существованiя у насъ крупныхъ механическихъ заведенiй при иностранной конкурренцiи. И въ томъ и въ другомъ случаѣ, по мнѣнiю агитаторовъ патрiотическiя усилiя и платоническiя жертвы его владѣльцевъ даютъ имъ право на неплатоническое вознагражденiе со стороны правительства. Теперь оказывается, что владѣльцы другаго механическаго и притомъ не менѣе крупнаго заведенiя ведутъ все дѣло безъ патрiотическихъ жертвъ и не обращаются во имя патрiотизма къ карманамъ своихъ соотечественниковъ. Надобно было бы радоваться, что машиностроительное дѣло начинаетъ развиваться на свойственномъ ему экономическомъ основанiи, но наши патрiоты раздражаются еще болѣе прежняго, объявляютъ монополистами людей, не боящихся конкурренцiи, а заведенiе ихъ обзываютъ крупнымъ, заслуживающимъ всеобщей зависти и ненависти. Прежде твердили, что у насъ могутъ держаться только мелкiя заведенiя, и требовали тарифа для созданiя заведенiй крупныхъ. Теперь поднимаютъ шумъ въ пользу заведенiй мелкихъ. Но что̀ такое механическiя заведенiя мелкiя какъ не починочныя? А развѣ они не разорятся, если будетъ введена пошлина на машины? Развѣ имъ выгодно, чтобы число машинъ не увеличивалось, или чтобы крупныя заведенiя переманивали отъ нихъ рабочихъ? Въ запискахъ, поданныхъ въ тарифную коммиссiю для подкрѣпленiя домогательства въ пользу пошлинъ на машины и отпечатанныхъ въ ея матерiалахъ, тоже есть подобное противорѣчiе: съ одной стороны, необходимость этихъ пошлинъ доказывается невозможностью ограничиться въ Россiи одними починочными механическими заведенiями и невозможностью устраивать безъ этихъ пошлинъ иныя, то-есть строительныя заведенiя; съ другой стороны, доказывается, что у насъ уже существуютъ нынѣ (значитъ, безъ всякихъ пошлинъ на иностранныя машины) и требуютъ поддержки посредствомъ таможенной премiи механическiя заведенiя, которыя по главному роду своей дѣятельности строительныя, а никакъ не починочныя! При этомъ указывается въ видѣ примѣра на тотъ же извѣстный механическiй заводъ въ Костромѣ. Что̀ сказать о коммиссiи, на которую можно дѣйствовать подобными безсмыслицами? Механическое производство намъ нужно и оно у насъ весьма выгодно, но сильное препятствiе встрѣчаетъ оно въ недостаткѣ способныхъ къ нему людей. Какъ бы ни были велики размѣры пошлинъ на машины, можно ли ожидать, что ими одними поднимется въ Россiи механическое производство, котораго нынѣшнее цвѣтущее положенiе въ западной Европѣ обу-

словлено всѣми историческими успѣхами цивилизаціи и наукъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ? Если какая-нибудь отрасль промышленности непосредственно зависитъ отъ успѣховъ самыхъ отвлеченныхъ наукъ, такъ именно машиностроеніе; можно ли легкомысленно вѣрить въ быстрое возникновеніе у насъ всѣхъ условій цивилизаціи, необходимыхъ для этой отрасли, только отъ введенія новыхъ таможенныхъ пошлинъ? Если какая нибудь правительственная мѣра можетъ ускорить у насъ успѣхи механическаго искусства, то развѣ только усиленіе энергіи въ дѣлѣ общаго народнаго образованія. Для техническаго дѣла имѣются особыя техническія школы; ихъ было бы не трудно завести, но надобно помнить, что техническія школы зависятъ отъ университетскихъ. Онѣ получаютъ учителей изъ университетскихъ или классическихъ школъ; онѣ живутъ тѣмъ духомъ науки, который распространяется въ странѣ изъ этихъ разсадниковъ науки. Гдѣ слаба наука, тамъ никакое покровительство не разовьетъ машиностроенія. Улучшеніе нашихъ общеобразовательныхъ заведеній,—гимназій и университетовъ,—возведеніе ихъ на степень европейскихъ, безъ чего были бы тщетны всякія жертвы въ пользу техническихъ школъ и безъ чего не можетъ быть крѣпкой почвы для спеціальнаго или профессіональнаго воспитанія,—вотъ единственный вѣрный путь къ обезпеченію будущихъ успѣховъ механическаго искусства въ Россіи. Посмотрите какъ быстро развивается теперь машиностроеніе въ Германіи, которую обыкновенно упрекали въ чрезмѣрномъ служеніи чистой наукѣ. Нѣмецкая наука оказывается теперь сильною и вѣрною пособницей техническаго дѣла. Затѣмъ увеличенію сбыта для нашихъ механическихъ заведеній и привлеченію къ нимъ капиталовъ будетъ содѣйствовать все то, что способно усилить наше фабричное производство и его сбытъ, а здѣсь на первомъ планѣ стоитъ облегченіе перевозки товаровъ и уменьшеніе капиталовъ нужныхъ для устройства и поддержанія фабрикъ, то-есть все то, что противоположно дѣйствію пошлинъ на машины. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи важнѣе всего удешевленіе фабричныхъ матеріаловъ, которые между прочимъ дороги у насъ отъ высокихъ таможенныхъ пошлинъ и къ удешевленію которыхъ приложено слишкомъ мало заботъ со стороны нынѣшней тарифной коммиссіи. Впрочемъ механическое производство, на сколько оно при нынѣшнихъ условіяхъ доступно Россіи, видимо усилилось въ послѣдніе десять лѣтъ, послѣ пониженія таможеннаго тарифа въ 1850 и 57 годахъ, подъ вліяніемъ всеобщаго именно съ тѣхъ поръ усиленія фабричной промышленности, которое могутъ отрицать только заклятые протекціонисты, невнемлющіе никакимъ резонамъ.

Всѣ здравомысленные и чуждые видамъ на монополіи и коммерческіе захваты интересы самого фабричнаго нашего купечества обязаны были бы вооружиться противъ мѣры, долженствующей значительно увеличить всѣ расходы на производства, и замедлить не только размноженіе фабрикъ, но и сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, составляющихъ вопросъ жизни или смерти для нашего мануфактурнаго производства. Не могутъ же преобладать нынѣ въ нашемъ коммерческомъ сословіи понятія, которыми руководствовались торговые люди средникъ вѣковъ, основывавшіе всѣ свои разсчеты на недостаткахъ путей сообщеній и затрудненіяхъ въ торговлѣ! Самыя высокія покровительственныя пошлины на машины не могутъ имѣть иныхъ послѣдствій кромѣ вздорожанія машинъ, но наиболѣе печальная сторона введенія пошлинъ на машины есть замедленіе въ сооруженіи желѣзныхъ дорогъ съ своимъ послѣдствіемъ, задержкой развитія всей торговли и всей производительности, не только фабричной, но и всякой другой.

Очевидный вредъ обложенія и таможенными пошлинами иностранныхъ машинъ и крупные убытки сопряженные съ ними для всѣхъ фабрикантовъ (не механическихъ заводчиковъ) поневолѣ заставляютъ подозрѣвать въ недобросовѣстномъ разсчетѣ тѣхъ изъ нихъ, кто агитировали въ пользу этой злосчастной мѣры. Разчетъ этотъ можетъ состоять въ томъ, чтобъ опираться на вздорожаніе машинъ въ домогательствахъ относительно возвышенія пошлинъ по всѣмъ отраслямъ фабричныхъ издѣлій. Никто не въ правѣ назвать это предложеніе сколько-нибудь натянутымъ, когда во всѣхъ ходатайствахъ объ удержаніи или возвышеніи покровительственныхъ пошлинъ адвокаты фабрикантовъ постоянно ссылаются на чрезвычайную дороговизну у насъ всякаго фабричнаго предпріятія въ сравненіи съ иностраннымъ и, между прочимъ, въ особенности на дороговизну машинъ и

огромные капиталы, затрачиваемые на ихъ пріобрѣтеніе. Сверхъ этого, нельзя упустить изъ виду и другаго не болѣе благовиднаго разчета на то, что всѣ нынѣ дѣйствующія фабрики будутъ поставлены въ привилегированное положеніе относительно новыхъ фабрикъ, которымъ придется вывозить изъ-за границы машины, оплаченныя пошлиною. Наконецъ никакъ нельзя отрицать возможность соглашенія, состоявшаго въ томъ, чтобы сторонники пошлинъ на машины за оказанную имъ фабрикантами поддержку поддержали ихъ домогательства по другимъ статьямъ тарифа. Вотъ какимъ любостяжательнымъ разчетамъ дало ходъ теперешнее устройство тарифной коммиссіи. За возбужденными ею страстями голосъ дѣйствительныхъ интересовъ народа становится не слышенъ, и чѣмъ менѣе монополизована какая-нибудь отрасль производства, тѣмъ большему пренебреженію подвергаются ея интересы.

Тарифная коммиссія поставила себя чрезъ введеніе пошлинъ на машины въ большое затрудненіе. Однимъ изъ самыхъ рѣзкихъ примѣровъ отсутствія справедливой системы въ пересмотрѣ тарифа можетъ служить положеніе, создаваемое имъ для нашей металлургической промышленности. Прежде пошлинъ на машины, коммиссія уже рѣшила отмѣнить пошлину на чугунъ не въ дѣлѣ и понизить пошлины на желѣзо не въ дѣлѣ; сбавка пошлинъ на послѣднее, какъ слышно, предположена значительная. Этому мы вполнѣ сочувствуемъ и твердо увѣрены, что предположенная мѣра сама по себѣ не окажетъ никакого вреднаго дѣйствія на производство желѣза, а въ послѣдствіи принесетъ ему существенную пользу, усиливъ спросъ на желѣзо. Но спрашивается, за что наши горные заводы должны будутъ дороже теперешняго оплачивать иностранныя и русскія машины, и безъ того обходящіяся имъ такъ дорого вслѣдствіе исключительно дальней перевозки, за что горные заводы, въ одну изъ труднѣйшихъ эпохъ своей исторіи, приносятся въ жертву нѣсколькимъ механическимъ заводамъ? Казалось бы, все право на вниманіе и поддержку заслуживаютъ горные заводы, въ которые затрачено у насъ несравненно болѣе капиталовъ чѣмъ въ механическія заведенія и которые являютъ сверхъ того гораздо болѣе признаковъ жизни, чѣмъ будущіе заводы производящіе такія машины, которыя и въ западной Европѣ производятся далеко не повсемѣстно. За что создается подобное исключительно привилегированное положеніе для немногихъ нашихъ механическихъ заводовъ, которые уже и безъ того воспользовались многочисленными правительственными субсидіями? Усиленіе горнаго производства и удешевленіе металловъ одно изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ къ облегченію положенія механическихъ заведеній и къ ихъ умноженію,—одно изъ тѣхъ средствъ, которыя равно выгодны для всѣхъ интересовъ, но именно потому наши протекціонисты къ нему равнодушны.

№ 40.

Москва, 22-го февраля.

Въ минувшій январь, по возвращеніи изъ Петербурга въ мѣсто своего служенія, кіевскій генералъ-губернаторъ, А. П. Безакъ, получилъ отъ мѣстнаго православнаго духовенства (Липовецкаго уѣзда, Кіевской губерніи) адресъ, который появился затѣмъ въ *Кіевлянинѣ* и воспроизведенъ въ № 31 нашей газеты. Въ этомъ адресѣ духовенство наше впервые отозвалось корпоративно на преобразованія, коснувшіяся его быта и долженствующія въ своемъ развитіи возвратить ему, а съ нимъ и вообще церкви, достоинство, свободу и жизнь, въ которыхъ они такъ нуждаются. Полезно отыскивать значеніе во всякомъ обстоятельствѣ, даже въ маловажномъ, и мы не можемъ не видѣть нѣкотораго значенія въ томъ, что потребность лучшаго впервые съ особенною энергіей сказалась посреди духовенства Кіевской епархіи. Въ Кіевѣ началась наша духовная жизнь; здѣсь въ продолженіе вѣковъ было средоточіе нашего христіанскаго просвѣщенія; сюда восходятъ древнѣйшія и драгоцѣннѣйшія преданія нашего православія; здѣсь оно выдержало испытаніе борьбы, которая развила въ немъ энергію, разумѣніе и чувство достоинства; здѣсь православное духовенство не составляло особой породы, и несмотря на то что общія условія, сковавшія нашу церковную жизнь, распространились и сюда, на здѣшнемъ духовенствѣ не отпечатлѣлся еще типъ касты. Если здѣсь находится начало нашей духовной жизни, то здѣсь же весьма есте-

ственно должна съ особенною живостію чувствоваться и потребность ея обновленія. Къ великому счастію для нашего отечества, эта потребность обновленія духовной жизни не есть явленіе случайное и разобщенное, заглушаемое и подавляемое силою вещей противнаго свойства, но согласуется со всѣми великими интересами нашего народнаго быта, и настоятельно требуется ими. Преобразованіе, въ которомъ нуждается гражданская организація нашей церкви, предопредѣляется всѣмъ ходомъ нашихъ нынѣшнихъ преобразованій, которыя могутъ принести свой плодъ не прежде какъ организація духовной жизни въ нашемъ народѣ приметъ характеръ вполнѣ ей соотвѣтственный.

Какъ читателямъ нашимъ извѣстно, кіевскій генералъ-губернаторъ ходатайствуетъ о томъ, чтобы въ трехъ ввѣренныхъ его управленію губерніяхъ православное духовенство было изведено изъ затворовъ касты. Ничего не можетъ быть справедливѣе и, какъ мы убѣждены, ничего своевременнѣе и легче для исполненія, какъ это требованіе. Постепенность есть мудрое правило во всемъ; но въ чемъ состоитъ истинный смыслъ постепенности? Не въ томъ, конечно, чтобъ идти отъ послѣдствій къ основаніямъ, а въ томъ чтобы положивъ твердою и рѣшительною рукою основанія дѣлу, дать ему просторъ и время выработать подробности своей организаціи. Вотъ примѣръ: у насъ установился обычай предоставлять церковныя мѣста въ приданое за дочерями священно-служителей. Просвѣщенное разумѣніе и религіозное чувство отступаютъ предъ этимъ обычаемъ и справедливо видятъ въ немъ злоупотребленіе; но искренность прежде всего, и мы должны сознаться что это злоупотребленіе не есть случайность, которую стóитъ только отсѣчь чтобъ очистить существующую систему, но что оно вытекаетъ изъ основаній системы, есть ея существенная принадлежность, одинъ изъ ея плодовъ, по которому можно судить о ея природѣ. Прекращеніе какого-либо злоупотребленія можетъ иногда оказаться несправедливостію и сопровождаться потрясеніемъ и разстройствомъ весьма уважительныхъ интересовъ: это бываетъ именно въ тѣхъ случаяхъ, когда основанія фальшивой системы удерживаются, а отсѣкаются только вѣтви ея. Всѣ дурныя послѣдствія неправильнаго положенія духовенства исчезнутъ сами собою, какъ только упразднится каста съ ея пролетаріатомъ, съ ея своего рода крѣпостнымъ состояніемъ, съ ея архіереями, обязанными быть не просто предстоятелями церкви, но правителями особаго въ каждой епархіи народца, именуемаго духовнымъ званіемъ, который изъятъ изъ общихъ законовъ и составляетъ какъ бы status in statu. Всѣ затрудненія будутъ успѣшно побѣждены, если только начать съ начала, то-есть законодательно признать основной канонъ церкви, и постановить, что духовное званіе есть званіе лицъ состоящихъ въ церковныхъ должностяхъ, и что затѣмъ къ этому званію никто принадлежать не можетъ. Дѣтямъ же священнослужителей справедливость требуетъ предоставить права по крайней мѣрѣ равныя правамъ дѣтей протестантскихъ пасторовъ, то-есть личнаго дворянства.

Администрація юго-западнаго края была приведена къ этой истинно-государственной мысли потребностями гражданскаго свойства. Не только правило церкви, крайняя государственная необходимость требуетъ отмѣны этихъ условій, наложенныхъ обстоятельствами на церковь въ противность ея духу. Дѣйствительно, освобожденіе церкви есть теперь у насъ необходимость для государства. Все вопіетъ объ этомъ освобожденіи, въ которомъ заключается тайна истиннаго обновленія нашей народной жизни, и безъ котораго ничто не будетъ имѣть прочнаго успѣха, ничто не дастъ живаго плода; а первымъ шагомъ въ этомъ смыслѣ есть освобожденіе духовенства отъ несвойственныхъ христіанскому и тѣмъ паче православному духовенству условій потомственнаго званія. Потребность заявленная кіевскою администраціей вполнѣ согласуется съ направленіемъ нашего законодательства какъ вообще, такъ и въ особенности по дѣламъ церковнымъ. Мѣры принятыя въ послѣдніе два-три года, дополняя одна другую, ясными чертами обозначаютъ систему, которой правительство намѣрено держаться въ вопросахъ, касающихся нашего церковнаго быта. Одинъ значительный шагъ въ этомъ направленіи, и великое по своему значенію и послѣдствіямъ дѣло будетъ совершено.

Давно уже наступила пора серіозно подумать о нуждахъ духовной жизни въ нашемъ народѣ. Печальные признаки сви-

дѣтельствують, что медлить въ вопросахъ этого свойства невозможно. Все что можетъ способствовать оживленію нравственныхъ силъ народа, все что можетъ вести къ его просвѣщенію и разрѣшать узы его духовной жизни, есть для насъ спасеніе на всѣхъ путяхъ и во всѣхъ направленіяхъ. Церковь наша не можетъ долѣе оставаться въ тѣхъ условіяхъ, которыя обложили и какъ бы скрыли ее. Порядокъ вещей, основанный на механизмѣ нынѣшняго давленія, долженъ уступить мѣсто другому, который призвалъ бы къ дѣйствію силы нравственнаго порядка. Церковь должна быть церковію. Что бы ни говорили защитники папства, ей не можетъ принадлежать государственная власть, но потому же самому она не можетъ быть также и полицейскимъ учрежденіемъ, не слабѣя въ своемъ существѣ, не лишаясь своего духа. Ошибочно было думать, что церковь, опираясь на силу ей несвойственную, можетъ въ то же время сохранять въ себѣ и ту силу, которая ей свойственна. Нѣтъ, одно изъ двухъ. Чѣмъ болѣе церковь, какъ и всякое духовное дѣло, опирается на силу ей внѣшнюю, тѣмъ болѣе бездѣйствуетъ она внутренно. Духъ, безъ котораго люди начинаютъ обходиться, отлетаетъ отъ нихъ, и дѣло лишенное жизни подпадаетъ подъ законъ механизма. Истина только тамъ, гдѣ есть убѣжденіе въ ней, гдѣ есть вѣра въ ея силу. Если люди привыкаютъ поддерживать свое дѣло механическими способами, то дѣло мертвѣетъ въ ихъ рукахъ, и они теряютъ вѣру въ него, ибо что бездѣйствуетъ, то лишается силы, и людямъ не остается ничего иного какъ размножать и усиливать способы механическіе, обрекая себя во всемъ на духовное безплодіе и нравственное безсиліе. Издали, по одному взгляду, по одной поступи, можно отличить тѣхъ, кто въ своемъ дѣлѣ привыкъ опираться не на внутреннюю его силу, а на постороннія пособія, и въ комъ отъ неупотребленія осталась неразвитою сила нравственнаго дѣйствія, которая одна лишь даетъ и человѣку и его дѣлу характеръ истиннаго достоинства.

Увы! мы должны сознаться, что наша народная жизнь страждетъ оскуденіемъ нравственной производительности. Мы почти вовсе не замѣчаемъ могучихъ духовныхъ факторовъ въ нашей жизни. Вездѣ и во всемъ чувствуемъ мы себя несостоятельными и безсильными. Мы отступаемъ предъ всякою нравственною силой и трепещемъ всякаго состязанія, всякой борьбы невещественнаго свойства. Вина этого заключается не въ людяхъ, а въ положеніи дѣлъ, среди коего люди поставлены и которое не требуетъ отъ нихъ употребленія нравственныхъ силъ.

Мы, повидимому, съ величайшею заботливостію охраняемъ нашу православную церковь; но въ способахъ, которые для этого нами употребляются, не видно, чтобы мы были убѣждены въ ея истинѣ и были увѣрены въ ея силѣ. Мы охраняемъ ее какъ политическое учрежденіе и для этого слишкомъ жертвуемъ ею какъ великою христіанскою церковію. Мы довольствуемся тѣмъ, чтобъ она представляла собою хорошо выработанный бюрократическій механизмъ, и весьма естественно что она даетъ у насъ только такіе результаты, которые свойственны механизму этого рода. При тѣхъ условіяхъ, въ которыя поставлено у насъ духовенство, мы не въ правѣ и требовать отъ него чеголибо иного. Кто захотѣлъ бы выйдти изъ обычной колеи, тотъ представилъ бы собою явленіе крайне странное, и самъ бы смутился и усомнился въ себѣ.

Дѣла сложились такъ, что изъ церковной организаціи нашей совершенно исключено самое могущественное и великое начало, состоящее въ силѣ призванія. Ничего не предоставлено свободѣ христіанской совѣсти и мысли, все поставлено подъ цензуру, даже слово священника; ничто не внушено вѣрою въ судьбы великой Христовой церкви, все разчитано только на механическое сцѣпленіе. У иновѣрныхъ населеній отнято право употребленія отечественнаго языка въ религіозныхъ предметахъ, и подъ видомъ огражденія православной церкви цѣлыя населенія воспитываются въ духѣ отчужденія отъ своего отечества. Чтобы церковь была обезпечена въ потребномъ количествѣ священно-служителей, къ ней приписаны сотни тысячъ семей, которыя должны поставлять ей таковыхъ и образовать изъ себя особое колѣно въ народѣ, особое потомственное сословіе въ государствѣ. Самая паства нашей церкви имѣетъ видъ только какъ бы приписанныхъ къ ней населеній. Громадное множество народа находится въ совершенно внѣшнихъ къ ней отношеніяхъ, чуждое всякаго, хотя бы поверхностнаго

разумѣнія ея основаній, пребывая во тьмѣ и коснѣя въ грубѣйшихъ суевѣріяхъ. Дѣло церкви считается исполненнымъ, если человѣкъ зачисленъ въ метрикѣ православнымъ. Нѣтъ нужды, что многочисленныя населенія живутъ въ полномъ отчужденіи отъ церкви, лишь бы только они оставались помѣченными въ графѣ православныхъ и поддерживали внѣшнюю связь съ ней, либо усердно откупались отъ ней, составляя статью дохода для надзирающихъ за ихъ православіемъ мѣстныхъ властей. Что въ такомъ положеніи находились у насъ дѣла, это ни для кого не тайна, и изъ этого положенія они едва ли вышли и теперь. Дабы дѣла могли принять иной видъ, надобно, чтобъ измѣнились условія, въ которыхъ они находятся; надобно, чтобы церковь оживилась и начала дѣйствовать въ свойственномъ ей духѣ, а для этого надобно, чтобы система механизма дала мѣсто духовному началу свободы и жизни.

Тяжело подумать, что великая церковь Христова оказывается среди насъ недостаточно сильною устоять противъ ламайства и магометанства. Ничего не можетъ быть прискорбнѣе для христіанскаго чувства и унизительнѣе для нашей цивилизаціи какъ свѣдѣнія, къ сожалѣнію, несомнѣнныя, приходящія съ нашего Востока, изъ бывшаго царства Казанскаго, гдѣ христіанство встрѣчается съ магометанствомъ. Цѣлыя населенія спокойно зачисленныя въ графу христіанскихъ оказываются весьма ревностными магометанами, и предъ мечетью, храмъ христіанскій поникаетъ въ безсиліи. Магометанство посреди христіанскаго народа возносится надъ христіанствомъ, какъ сила нравственная и просвѣтительная, и въ то время какъ православныя населенія вокругъ коснѣютъ въ невѣжествѣ, лишенныя всякаго нравственнаго воспитанія, мечети становятся средоточіемъ просвѣщенія, и муллы усердно трудятся надъ образованіемъ и нравственнымъ возвышеніемъ паствы. Впервые такимъ образомъ доводится христіанству видѣть себя въ положеніи слабѣйшаго, имѣя за собою матеріяльную силу. Не есть ли это потрясающее свидѣтельство о глубоко неправильномъ положеніи дѣлъ? Путемъ механическаго давленія и нельзя поправить его; остается позаботиться о томъ, чтобы христіанство въ нашей народной средѣ обнаружило дѣйствіе преимущественно ему свойственное, вызвало на служеніе себѣ силы духовныя и основало свои храмы во глубинѣ свободной человѣческой совѣсти.

№ 41.

Москва, 23-го февраля.

Сторожилы города Кизляра разсказываютъ, что однажды, въ позднюю осень, пара воловъ запряженная въ казачью арбу до такой степени погрязла въ невылазную топь тамошней базарной площади, что истощивъ всѣ обычныя средства, собравшіеся жители не придумали другаго способа *спасенія* несчастныхъ четвероногихъ, какъ изрубить ихъ на куски и вытащить ихъ изъ грязи по частямъ. Въ продолженіи двухъ послѣднихъ годовъ, ни одна европейская держава не могла сравниться съ Франціей своимъ усердіемъ прибѣгать къ подобному героическому способу для *спасенія* Оттоманской Порты, погрязшей въ невылазную топь противоестественнаго порядка вещей, состоящаго во владычествѣ, посреди Европы, мусульманской орды надъ несравненно болѣе многочисленнымъ христіанскимъ населеніемъ. Тюльерійскій кабинетъ пренебрегъ въ 1866 г. и трактатами, и достоинствомъ конференціи великихъ державъ, и предостереженіями Россіи, а въ 1867 г. даже гнѣвомъ Англіи, съ самаго начала второй имперіи не перестававшей тяготѣть надъ ея политикой. 10-го марта 1866 г., по поводу подготовляемыхъ и уже развивавшихся въ то время переворотовъ въ Молдавіи и Валахіи, князь Горчаковъ предупреждалъ Францію, что „временное „объединеніе княжествъ окажется шагомъ „къ ихъ окончательному объединенію, „которое, въ свою очередь, приблизитъ „дѣло къ назначенію иностраннаго принца, возможному лишь при полной не„зависимости, подвергающей опасности цѣ„лость Оттоманской Имперіи. Мы указали „на неудобство“, сказано далѣе въ этомъ замѣчательномъ документѣ, „вступать на „путь возбужденія надеждъ, которыя ис„полнить въ послѣдствіи окажется невоз„можнымъ....“ Два мѣсяца спустя, 31-го мая, императорскій кабинетъ, рѣзко характеризуя оскорбительное для достоинства великихъ державъ самоуправство въ Дунайскихъ княжествахъ, отзывалъ своего

уполномоченнаго отъ участія въ конференціи, предваряя еще разъ Европу о неизбѣжныхъ послѣдствіяхъ происшедшихъ событій. Само собой разумѣется, что послѣ подобныхъ предостереженій не можетъ подлежать сомнѣнію, что Тюльерійскій кабинетъ дѣйствовалъ вполнѣ сознательно и обдуманно, закидывая, на берегахъ Дуная, сѣмена разложенія Турецкой имперіи, возбуждая надежды, исполненія которыхъ онъ не признавалъ стало-быть невозможнымъ, и способствуя осуществленію принципа, естественно несовмѣстнаго съ пресловутымъ принципомъ нераздѣльности Оттоманской имперіи. Дѣйствительно, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, когда общее волненіе христіанскихъ населеній Турціи стало оправдывать всѣ предсказанія Петербургскаго кабинета, и искра зароненная на берегахъ Дуная уже вспыхнула пожаромъ на горючей почвѣ геройскаго Крита, Тюльерійскій кабинетъ какъ будто стряхнулъ даже свое обычное смиреніе предъ волей Англіи, смѣло предложилъ ея представителю присоединеніе къ Эллинскому королевству уже не одной Кандіи, что̀ съ 1858 года было указано офиціальнымъ органомъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, какъ непремѣнное условіе спокойствія Востока,—но также Ѳессаліи и Эпира, на что̀ намекала въ 1862 году Англія, когда надѣялась на воцареніе въ Греціи одного изъ сыновей королевы Викторіи. Передавая лорду Станлею разговоръ съ маркизомъ Мутье, г. Фенъ (Fane), англійскій полномочный министръ въ Парижѣ, по свидѣтельству англійской *Синей Книги* за 1867 г., писалъ въ самый день этого разговора, 24-го января 1867 г: „Его превосходительство сказалъ мнѣ, что Критъ „оказывается постоянно больнымъ членомъ „имперіи и что лучше было бы отрѣзать „его, чѣмъ допустить чтобъ онъ сдѣлался зародышемъ (nucleus) Антонова огня, „который могъ бы распространяться отъ „него на остальныя части имперіи.... Онъ „присовокупилъ, что еслибъ онъ самъ „(маркизъ де-Мутье) находился въ положеніи султана, то не поколебался бы уступить также и Ѳессалію.„ Напрасно Фуадъ-паша говорилъ неоднократно не только г-ну Бурре, французскому послу въ Константинополѣ, но и самому г. де-Мутье, въ бытность султана въ Парижѣ, что рѣчи, подобныя упоминаемой г. Феномъ, суть сами по себѣ поощреніе къ возстанію: его просьбы, повидимому, не были въ состояніи поколебать великодушную рѣшимость Тюльерійскаго кабинета отстоять независимость подвластныхъ Турціи христіанъ согласно объясненіямъ даннымъ по этому предмету княземъ Латуръ-Довернемъ, представителемъ Тюльерійскаго кабинета въ Лондонѣ,—объясненіямъ, о которыхъ лордъ Станлей писалъ г. Фоксу 1-го февраля 1867 года, что они были столько же или даже еще *болѣе рѣзки* чѣмъ тѣ, которыя были даны г-мъ де-Мутье г. Фоксу, согласно депешѣ послѣдняго отъ 24-го января того же года.

Не прошло и года послѣ этой переписки, и Франція не только внезапно оступилась отъ великодушной роли защитницы христіанскихъ населеній на Востокѣ, но, забывая что вся дипломатическая дѣятельность ея за 1867 годъ уже принадлежитъ области исторіи, усиливается распространить убѣжденіе, будто она нисколько не причастна совершившимся и предстоящимъ событіямъ, а виною всему одно вѣчное „всепожирающее честолюбіе Россіи,“ которое уже давно красуется во главѣ политическаго репертуара пресловутаго г-на Прюдома, коего можно назвать поразительно вѣрнымъ сатирическимъ типомъ французскаго безсмысленнаго пустословія. На дѣлѣ оказывается, что всѣ эти великодушныя сочувствія къ угнетеннымъ христіанамъ были для Франціи не что иное какъ средство исполнять всякаго рода затѣйливыя и любостяжательныя причуды въ 1766 году въ угоду Пруссіи, которую тогда ободряли къ войнѣ, въ надеждѣ что „она дорого поплатится за свою неосторожность,“ а въ 1867 году, изъ мести къ Пруссіи, съ тѣмъ чтобъ отдѣлить отъ нея всѣхъ ея союзниковъ, по поводу новой причуды, вызванной „патріотическими треволненіями,“ которыя по словамъ г. Руэра, объяли французское правительство при извѣстіи, что „неосторожности“ Пруссіи увѣнчались блистательнымъ успѣхомъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ Восточный вопросъ служитъ Франціи, какъ онъ служилъ и Англіи въ 1862 году,—лишь орудіемъ для достиженія постороннихъ, своекорыстныхъ цѣлей, также какъ и нынѣ поднятый о немъ одновременно и въ Парижѣ и въ Вѣнѣ неумолкаемый трезвонъ, по всей вѣроятности, скрываетъ какую-нибудь новую затѣю. Забыта окровавленная Кандія, и на первый планъ выдви-

гаются болѣе сподручные Австріи вопросы по долинѣ Дуная; не довѣряютъ-де Сербіи, опасаются и Болгаръ, но болѣе всѣхъ наводитъ страхъ несчастная, ничтожная Румынія съ ея предпріимчивымъ княземъ, ни съ того ни съ сего, нежданно-негаданно якобы задумавшемъ—о ужасъ! о удивленіе!—провозгласить свою независимость... Если вѣрить толкамъ французскихъ газетъ, въ Букарештъ уже отправлена изъ Парижа дипломатическая нота явно угрожающаго характера, и офиціозная *Patrie* прямо заявляетъ, что „будущность дунайскихъ *областей* гораздо болѣе зависитъ отъ сохраненія мира, чѣмъ отъ тѣхъ предпріимчивыхъ попытокъ, коихъ первымъ результатомъ было бы что онѣ подвергнутъ опасности (mettre en question) всѣ до сихъ поръ осуществленные Румыніей успѣхи..“ Всякому извѣстно, что, по мнѣнію Франціи, эти успѣхи заключаются въ объединеніи Княжествъ и въ воцареніи иностраннаго принца; ужь не думаетъ ли таинственный внушитель наивной *Patrie* грозить Румыніи повтореніемъ въ 1868 году безцеремонныхъ продѣлокъ 1866 года, но на этотъ разъ, что̀ добраго, съ тѣмъ чтобы поручить ея политическое воспитаніе весьма либеральному правительству, спасаемому иностраннымъ министромъ, который уже успѣлъ погубить свое первое отечество? Но этотъ таинственный внушитель очевидно забываетъ, что многое возможное для Франціи въ 1866 году стало немыслимо для нея въ 1868; онъ забываетъ также, что иностранный принцъ, правящій Румыніею, носитъ имя Гогенцоллерна и что позади его, въ туманномъ Берлинѣ, чернѣется весьма не забавная для Франціи личность министра, которому вся французская офиціозная печать усердно продолжаетъ до сихъ поръ расточать свои гримасливыя любезности, получая въ отвѣтъ на нихъ лишь суровыя выходки *Цейдлеровой Корреспонденціи*. Такъ или иначе, но взоры Франціи устремлены нынѣ какъ бы единственно на Востокъ; а до того что̀ происходитъ за Рейномъ ей какъ будто нѣтъ никакого дѣла. Собраніе перваго таможеннаго парламента экономически объединенной Германіи лишь временно отсрочено; въ Баденѣ прусскій генералъ принимаетъ военное министерство; въ Берлинѣ громко выражается негодованіе, возбужденное противъ Франціи и Австріи изобличеніемъ ихъ стачекъ съ ганноверскими выходцами,—но все это, по мнѣнію офиціознаго *Mémorial diplomatique*, лишь „недоразумѣніе по сосѣдству;“ одна-де русская печать помышляетъ о возможности разрыва между двумя націями, сестрами по своему умственному и промышленному развитію; не на Рейнѣ, а на Дунаѣ сосредоточены-де заботы неизмѣнно безкорыстной и великодушной Франціи; не на Рейнъ, а на Дунай зовутъ-де ее интересы цивилизаціи и либерализма, которымъ угрожаютъ лишь полудикіе Славяне и Румыны, служащіе авангардомъ всепожирающему русскому казачеству противъ просвѣщенной оттоманской Порты, возрожденной, по мнѣнію того же *Mémorial diplomatique*, силою „безсмертныхъ принциповъ 89 года“.

Турецкій либерализмъ, турецкая цивилизація и искусственное волненіе якобы возбужденное въ славянахъ, Грекахъ и Румынахъ кознями Россіи, вотъ нелѣпыя фразы, которыми столь легко и безпрепятственно увлекается во всѣ возможныя нелѣпости либеральный *шовинизмъ* „великой націи“ des gobe-mouches, какъ выразился, намекая на своихъ соотечественниковъ, остроумный г. Лабуле въ своей новой сатирической сказкѣ, озаглавленной *Принцъ-пудель* (le Prince Caniche). Что̀ бы сказали, однако, эти пресловутые либералы, еслибы, подобно несчастнымъ христіанамъ, подвластнымъ Турціи, судьба надѣлила ихъ самихъ правительствомъ, которое заслужило бы, чтобы самый ревностный иностранный покровитель его обращался къ нему съ слѣдующими политическими комплиментами: „министры Порты,“ писалъ 1-го января 1861 г. лордъ Джонъ-Россель представителю Англіи въ Стамбулѣ, съ порученіемъ сообщить эту депешу константинопольскому кабинету, „не должны быть *равнодушны къ убійствамъ, когда жертвою ихъ бываютъ христіане*; „они не должны увлекаться, по прежнему, „соблазнами и *подкупа* предоставлять Сирію *расхищеніямъ самаго высокаго наддатчика, на политическомъ рынкѣ* Константинополя.“

Вопіющее неправосудіе, дикое своеволіе, безнаказанность насилій, хищничества, убійствъ, совершаемыхъ Турками надъ христіанами, все это, по мнѣнію западныхъ туркофиловъ, не что иное какъ ложь и клевета коварно распускаемыя С.-Петербургскимъ кабинетомъ для оправданія, въ

глазахъ либеральной Европы, искусственно возбуждаемаго имъ возстанія турецкихъ христіанъ.... Между тѣмъ оказывается, что ни одинъ русскій дипломатическій документъ о Восточномъ вопросѣ не содержитъ столь презрительнаго, рѣзкаго, язвительнаго отзыва о турецкомъ правительствѣ какъ эта выдержка изъ депеши его самаго неизмѣннаго и искренняго друга и покровителя...

№ 42.

Москва, 24-го февраля.

Будто пули баталіоннаго огня, такъ и сыплются теперь статьи французской офиціозной печати по Восточному вопросу. Справедливое негодованіе, которое высказывается и въ Букарештѣ, и въ Бѣлградѣ противъ внезапнаго поворота въ политикѣ Тюльерійскаго кабинета, видимо начинаетъ безпокоить этотъ кабинетъ насчетъ результатовъ двѣнадцатилѣтней настойчивой пропаганды, помощью которой онъ до нѣкоторой степени успѣлъ похитить довѣріе довольно значительной части несчастныхъ христіанъ, подвластныхъ Турціи. Напоминая Букарешту и Бѣлграду „безкорыстныя“ сочувствія и опору, якобы неизмѣнно получаемую ими отъ Франціи, французскія офиціозныя газеты всѣми силами стараются вразумить Сербію и Румынію, и возвратить ихъ къ лучшимъ чувствованіямъ. Мы замѣчали вчера, что *Patrie* уже намекаетъ на возможность отнятія у Румыніи всѣхъ добытыхъ ею преимуществъ; въ томъ же смыслѣ распространяется теперь и *Constitutionnel*, предваряя Румынію и Сербію, что настоящимъ положеніемъ своимъ онѣ обязаны не собственному дѣйствію, а соглашеніямъ между великими державами, которыя-де не стерпятъ, чтобы подписанные ими договоры были разрываемы по произволу революціонныхъ партій.

Какъ ни торжественъ тонъ этого заявленія, дѣлаемаго органомъ того правительства, которое не разъ возвѣщало удивленному міру, что оно ненавидитъ Вѣнскіе трактаты, и которое своимъ содѣйствіемъ воцаренію князя Карла само бросило Парижскій трактатъ въ тотъ же архивъ, куда сложены имъ и Виллафранкскій и Цюрихскій договоры, и Соледадская конвенція, и Лондонская конвенція 1852 года; но столь внезапное почтеніе къ трактатамъ можетъ въ этомъ случаѣ показаться тѣмъ болѣе забавнымъ, что событія, которыми учредился въ 1866 г. порядокъ существующій нынѣ въ Румыніи, хотя и поколебали основанія Парижскаго трактата, но не замѣнили его никакимъ новымъ договоромъ. Еще болѣе забавны мудрованія газеты *la Presse*, приводящей въ параллель предположенія о занятіи Румыніи либо русскими, либо австрійскими, либо турецкими войсками. По мнѣнію *la Presse*, первое изъ этихъ занятій „окажетъ содѣйствіе лишь Братіановскимъ *причудамъ* по части независимости и защититъ Румынію отъ мести султана,“ тогда какъ Австрія можетъ стремиться лишь къ „возстановленію въ Княжествахъ порядка и спокойствія, и къ обезпеченію тамъ державныхъ правъ Турціи.“ Сами враги наши, въ числѣ которыхъ *la Presse* отличается постояннымъ ожесточеніемъ, отдаютъ такимъ образомъ справедливость не только Россіи, что не ея знаменемъ осѣнится когда-нибудь месть мусульманъ надъ христіанами, но и Австріи, что не она обнажитъ когда-нибудь притупленный мечъ свой на защиту восточнаго христіанства. Вѣрно лишь то, что если она и обнажитъ его, то развѣ для удовлетворенія своихъ давнихъ любостяжательныхъ видовъ на низовья Дуная, о чемъ свидѣтельствуетъ не одно упорство обнаруженное ею въ 1856 г., когда по заключеніи мира, одна Австрія, вопреки только-что заключенному трактату и требованію всѣхъ подписавшихъ его державъ и къ величайшему негодованію всей французской печати, промедлила болѣе года очищеніемъ Дунайскихъ Княжествъ. Не ожидая ничего отъ Австріи и недовольная ея колебаніями въ продолженіе войны, Франція въ то время не была расположена поблажить любостяжательнымъ затѣямъ Австріи. Но не прошло съ тѣхъ поръ и трехъ лѣтъ, какъ вдругъ, вслѣдствіе таинственныхъ переговоровъ Виллафранкскаго свиданія, когда оказалась надобность задобрить Австрію и склонить ее къ уступкѣ тѣхъ изъ ея владѣній, которыми Франція обязалась вознаградить Піемонтъ за Ниццу и Савоію, — всѣ эти надежды вновь пробуждены самою Франціей, какъ свидѣтельствуютъ не только признанія турецкаго министра иностранныхъ дѣлъ о томъ какъ было подослано къ нему до-

вѣренное лицо съ цѣлью развѣдать его мнѣніе о возможности передачи Молдо-Валахіи во власть Австріи, но и извѣстные разспросы, съ которыми по возвращеніи изъ Италіи, Наполеонъ III лично обратился по этому же предмету къ одному изъ членовъ парижскаго дипломатическаго корпуса, отвѣтившаго ему на отрѣзъ, что жители Княжествъ предпочтутъ австрійскому правительству даже турецкое. Австрійская *Красная Книга* свидѣтельствуетъ, что въ настоящее время, болѣе чѣмъ когда-либо, Франція заинтересована задабривать Австрію, а забавныя опасенія притворно высказанныя въ послѣднее время Вѣнскимъ кабинетомъ на счетъ вторженія вымышленныхъ имъ какихъ-то румыно-славянскихъ шаекъ въ австрійскія населенныя Румынами области доказываютъ, что этотъ кабинетъ ищетъ только случая вмѣшаться вооруженною рукой во внутреннія дѣла своего немощнаго сосѣда.

Но такъ какъ австрійское вмѣшательство не менѣе русскаго противно постановленіямъ трактатовъ, къ которымъ вся французская офиціозная печать внезапно почувствовала столь трогательную нѣжность, то *la Presse* преимущественно одобряетъ занятіе Княжествъ турецкими войсками; разумѣется не иначе какъ съ согласія великихъ державъ подписавшихъ Парижскій трактатъ, который, подобно миѳическому фениксу, вдругъ возраждается нынѣ изъ собственнаго пепла. Уже въ 1866 году Турція обнаружила намѣреніе приступить къ занятію Княжествъ, на которое она, въ то время, имѣла неоспоримое право. Предъ настояніями великихъ державъ она отъ этого права тогда отказалась; на какомъ же основаніи потребуетъ она возвращенія его теперь? Впрочемъ, тутъ дѣло не столько въ требованіяхъ Турціи, сколько въ согласіи Европы, большинство которой едва ли имѣетъ нынѣ какой-либо интересъ дѣйствовать относительно Румыніи строже чѣмъ въ 1866 году.

Но всего куріознѣе выходка офиціозной газеты *Etendard* отъ 29-го февраля. Подобно *Patrie* и *Constitutionnel*, эта газета начинаетъ свою аргументацію трогательнымъ возваніемъ къ благодарности турецкихъ христіанъ. Раздраженіе ихъ считаетъ *Etendard временнымъ*, потому что въ основаніи его лежитъ „лишь ложная оцѣнка намѣреній Франціи“. Французская-де печать такъ-сказать единогласна въ своихъ сочувствіяхъ ко христіанскимъ населеніямъ Востока, хотя это должно показаться не совсѣмъ вѣроятнымъ послѣ того какъ въ газетѣ *la Presse* выражено предпочтеніе занятію Дунайскихъ Княжествъ Австріей „для защиты державныхъ правъ Турціи,“ предъ занятіемъ ихъ Россіей, „съ цѣлью защиты ихъ отъ *мести* султана.“ Но *Etendard*, какъ бы предвидя подобное возраженіе, изготовилъ на случай его удивительную теорію. Сочувствія-де французской печати единодушны; расходятся ея органы лишь въ выборѣ способовъ оказать восточнымъ христіанамъ болѣе дѣйствительную пользу. Въ Турціи-де, какъ и въ Австріи, все дѣло въ борьбѣ двухъ системъ: системы федерализма и системы единства. И та и другая имѣетъ свои выгоды и неудобства; первая повергаетъ весь восточный христіанскій міръ въ объятія Россіи, вторая рушится со всѣхъ сторонъ, и Турція можетъ-быть, уже не въ состояніи сплотить эти естественно отрывающіяся составныя части свои. Но федерализмъ-де соотвѣтствуетъ нетерпѣливымъ стремленіямъ христіанъ силой стряхнуть съ себя ненавистное иго, между тѣмъ какъ система единства, при безспорномъ численномъ превосходствѣ христіанъ, должна дать имъ средство „завладѣть миролюбиво всѣми положеніями въ Турціи и управлять имперіей *именемъ правовѣрныхъ*.“ Въ сущности, что *Etendard* называетъ *федерализмомъ*, то называется всѣми восточными христіанами освобожденіемъ отъ ига Турціи; а то что онъ называетъ *единствомъ*, есть закрѣпленіе этого ига. Тѣмъ не мѣнѣе, по мнѣнію французскаго офиціознаго публициста, и та, и другая система поддерживаются французскою печатью единственно подъ вліяніемъ ея искреннихъ сочувствій ко христіанамъ, которые, по всему вѣроятію, весьма охотно обошлись бы безъ сочувствій со стороны приверженцевъ турецкаго единства.

Вѣрный преданіямъ политики современнаго намъ французскаго правительства, *Etendard* объясняетъ, что своихъ собственныхъ мнѣній и сочувствій онъ въ этомъ случаѣ заявлять не намѣренъ. Надобно дожидаться, чтобы г. Руэръ былъ приведенъ въ необходимость провозгласить и по Восточному вопросу такое же: „никогда!“ — какое онъ вынужденъ былъ произнести въ вопросѣ Римскомъ. По всей вѣроятности,

Тюльерійскій кабинетъ до того времени не измѣнитъ, въ области Восточнаго вопроса, той замысловатой политики, которая, по выраженію одного изъ французскихъ публицистовъ, въ области Римскаго вопроса, „склонялась не колеблясь на сторону одной изъ обѣихъ партій, но заботилась избѣжать разрыва съ другою и не лишить ее надежды.“ Теперь раздраженіе восточныхъ христіанъ угрожаетъ Тюльерійскому кабинету подобнымъ разрывомъ, а потому *Etendard* и спѣшитъ заявить, что „политика императора запечатлѣна неоспоримыми сочувствіями ко христіанамъ.“ Не слишкомъ ли забавны эти завѣренія, сопровождаемыя такими восклицаніями: „Неужели въ самомъ дѣлѣ полагаютъ, что Франція ради Турціи расточала въ 1856 году свою кровь и свое золото?“ Оказывается, что Франція имѣла тогда въ виду обезпечить независимость христіанъ, „которой угрожала Россія,“ присовокупляетъ *Etendard*, не замѣчая, что послѣ этого турецкимъ христіанамъ остается молить Бога, чтобы Франція поменьше заботилась о ихъ независимости. Восточный православный міръ уже успѣлъ оцѣнить насколько его независимость упрочена пресловутыми танзиматомъ и хаттомъ, на которые ссылается *Etendard*, дабы доказать благодѣянія, которыми христіанскія населенія Востока преобязаны потраченнымъ за нихъ крови и золоту Франціи, по мнѣнію офиціозной газеты, самыя благодѣянія, какія Россія могла оказать христіанамъ, не должны имѣть въ ихъ глазахъ никакого значенія, ибо единственнымъ побужденіемъ ея была *корысть*, тогда какъ *безкорыстіе* Франціи очевидно. Въ чемъ состоитъ эта „корысть“ Россіи, этого *Etendard*, разумѣется, не объясняетъ. Что же касается мнимаго „безкорыстія“ Франціи, то событія послѣднихъ годовъ неоднократно доказывали, что для императорской Франціи весь восточный христіанскій міръ есть не что иное какъ запасный капиталъ, которымъ она во всякое время считаетъ себя вправѣ располагать по своему усмотрѣнію для пріобрѣтенія себѣ союзниковъ или въ вознагражденіе за требуемыя ею уступки и пожертвованія. Съ 1859 года она стала пользоваться этимъ капиталомъ дабы облегчить Австріи согласіе на требуемыя отъ нея уступки; въ 1866 году она вдругъ употребила его на поощреніе Пруссіи, согласно своимъ новымъ затѣйливымъ разчетамъ; наконецъ предложеніе объ уступкѣ Кандіи Эллинскому королевству не имѣло, со стороны Франціи, другаго побужденія, кромѣ желанія задобрить въ свою пользу Россію. Г. Эмиль де-Жирарденъ,—не рѣшаетъ въ какой мѣрѣ основательно, но весьма остроумно, — опредѣлилъ политику Франціи въ области Восточнаго вопроса сдѣланнымъ имъ открытіемъ, что „ключи Рейна хранятся въ Константинополѣ.“

№ 43.

Москва, 27-го февраля.

Вчерашній праздникъ Россіи, день рожденія Государя Наслѣдника Цесаревича, ознаменовался новою важною мѣрой принятою къ облегченію населеній пораженныхъ бѣдствіемъ прошлогодняго неурожая, — мѣрою тѣмъ болѣе важною, что она не ограничивается временною помощію нуждающимся, но открываетъ неизсякаемый источникъ благодѣяній для народа и создаетъ новый элементъ могущества и національнаго процвѣтанія Россіи. Одна изъ наиболѣе пострадавшихъ отъ неурожая губерній есть, какъ извѣстно, Смоленская. Значительныя суммы оказались необходимыми, дабы сколько-нибудь предотвратить бѣдствія населеній нуждающихся въ пропитаніи и въ средствахъ обсѣменить свои поля. Благодаря Высочайше утвержденной по этому предмету коммиссіи, состоящей подъ предсѣдательствомъ Его Высочества Государя Наслѣдника, народная нужда стала предметомъ самаго заботливаго и дѣятельнаго вниманія; но въ подобныхъ случаяхъ главная трудность заключается въ томъ, чтобы правительственныя пособія, общественные сборы и частныя пожертвованія дѣйствительно достигали своей цѣли и приносили соотвѣтственную ихъ размѣрамъ пользу. Въ мѣстностяхъ, наиболѣе нуждающихся, гдѣ населенія страдаютъ массами и гдѣ, какъ въ Смоленской губерніи, во многихъ мѣстахъ поля остались незасѣянными и стало-быть нужда угрожаетъ стать хроническимъ зломъ, невозможно ожидать удовлетворительныхъ результатовъ отъ раздачи случайныхъ пособій какъ бы они ни были обильны; необходимо открыть новый источникъ заработковъ для населеній, чтобъ они въ своемъ трудѣ могли найдти исполненіе сво-

ихъ недостатковъ. Задача въ томъ, чтобы въ виду нужды возбудить народную энергію, поднять и оживить силы въ населеніяхъ и дать имъ возможность успѣшно бороться съ нею. Самое надежное къ тому средство суть общественныя работы сколь можно болѣе вознаграждающія и трудъ и производительныя по своимъ результатамъ. Но если легко понять это, то не такъ легко осуществить это въ данныхъ обстоятельствахъ на дѣлѣ. Въ Смоленской губерніи не можетъ быть вопроса о томъ, какія общественныя работы всего нужнѣе для ней и всего лучше могли бы соотвѣтствовать требованіямъ нынѣшняго положенія дѣлъ. Никогда построеніе желѣзной дороги, долженствующей стать народнымъ капиталомъ и удовлетворяющей самымъ существеннымъ потребностямъ государства, не приходилось такъ кстати по обстоятельствамъ. Еще въ прошломъ году Смоленское земство, въ виду уже наступавшей нужды, остановилось на мысли объ открытіи публичныхъ работъ и постановило ходатайствовать объ осуществленіи давно задуманнаго плана построенія Московско-Смоленской желѣзной дороги, для которой уже сдѣланы всѣ необходимыя предварительныя изысканія. Но серіозныя затрудненія становились поперекъ, и лица уполномоченныя земствомъ ходатайствовать по этому предмету приходили въ уныніе. Несмотря на все убѣжденіе въ пользѣ желѣзной дороги, долженствующей связать Москву со Смоленскомъ и отдаленный востокъ Имперіи съ ея крайнимъ западомъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ пособить какъ временной, такъ и постоянной нуждѣ населеній въ одной изъ наименѣе надѣленныхъ отъ природы губерній, приходилось признать непреодолимую силу воздвигавшихся препятствій. Но вотъ, когда повидимому все было кончено, отъ г. министра внутреннихъ дѣлъ была получена г. московскимъ генералъ-губернаторомъ для сообщенія возвращавшемуся изъ Петербурга через Москву г. смоленскому губернскому предводителю дворянства телеграмма съ извѣстіемъ, на которое отзовется живымъ сочувствіемъ вся Россія: помимо всѣхъ затрудненій, Государемъ Императоромъ разрѣшено приступить къ землянымъ работамъ для Московско-Смоленской желѣзной дороги. Телеграмма была получена княземъ Вл. А. Долгоруковымъ вечеромъ, на благотворительномъ празднествѣ, которымъ московское общество чествовало день рожденія Августѣйшаго Предсѣдателя коммиссіи для пособія нуждающимся. Радостная вѣсть мгновенно облетѣла общество, и въ тотъ же вечеръ распространилась по Москвѣ, постоянно принимавшей живое участіе въ судьбахъ этой дороги, имѣющей для нея столь важное значеніе, вполнѣ оцѣненное ея торговыми классами. Всѣ спѣшили передавать ее одинъ другому, и торжественный день заключился общею радостію, которая украсила его лучше пышныхъ иллюминацій. Съ днемъ 26-го февраля навсегда будетъ связана благодарная память о великой помощи оказанной народу въ тяжкой нуждѣ и о началѣ одной изъ самыхъ важныхъ національныхъ дорогъ въ Россіи.

Важность Московско-Смоленской желѣзной дороги, уже столь ощутительная и теперь, вполнѣ будетъ оцѣнена лишь въ впослѣдствіи. Рѣшеніе, полагающее ей начало, получитъ во мнѣніи потомства силу событія историческаго. Какъ бы ни были полезны и необходимы линіи пролагаемыя съ сѣвера на югъ, но истинно историческое значеніе несомнѣнно принадлежитъ только восточно-западнымъ. Въ этомъ направленіи шла всемірная исторія, въ этомъ направленіи совершается она и теперь. Если пути сообщенія что-либо значатъ въ жизни народовъ, то путь который въ скоромъ времени, если дастъ Богъ, соединитъ Волгу, Уралъ и страны за Ураломъ съ европейскою границей Россіи, не можетъ не оказать глубокаго и мощнаго вліянія на судьбы исторіи.

Участвуя въ общемъ торжествѣ и радуясь общею радостію, мы имѣли для радости еще особую причину. Предъ этимъ днемъ получили мы отъ г. товарища министра Императорскаго Двора увѣдомленіе, касающееся судьбы учреждаемаго нами въ Москвѣ новаго учебнаго заведенія. Государь Императоръ Всемилостивѣйше разрѣшить изволилъ: посвящаемому памяти Царевича Николая Александровича лицею въ Москвѣ, быть подъ покровительствомъ Государя Наслѣдника Цесаревича.

Высокая честь Августѣйшаго покровительства есть залогъ всего лучшаго для лицея; она обезпечитъ самостоятельность его развитія, возвыситъ его духъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и его обязательства предъ русскимъ народнымъ просвѣщеніемъ. Да

поможетъ ему Богъ оправдать эту честь и достойно исполнить эти обязательства!

№ 44.

Москва, 28-го февраля.

Ожидаемое обнародованіе отчета, составленнаго г. государственнымъ контролеромъ для государственнаго совѣта по исполненію бюджета за 1866 г. будетъ самымъ краснорѣчивымъ доказательствомъ превосходства новаго порядка счетоводства и контроля передъ старымъ. Новыя счетныя и кассовыя правила, заставляющія бюрократическую среду измѣнить многія привычки, усвоенныя вѣками, не могли не возбудить противъ себя неудовольствій и жалобъ. Отчасти и для самихъ частныхъ лицъ, имѣющихъ дѣла съ казной, были въ первое время чувствительны разныя неудобства, неизбѣжныя при всякой значительной перемѣнѣ въ установившихся издавна административныхъ формальностяхъ. Публика, стоящая въ далекѣ отъ тайнъ счетоводства и государственныхъ кассъ, не могла составить себѣ ясное понятіе, почему оказались необходимыми для государства новые порядки въ этой области, возбуждающіе со всѣхъ сторонъ только жалобъ и чрезвычайно увеличившіе, по увѣренію чиновниковъ, канцелярскій трудъ. Это вполнѣ пойметъ публика лишь по опубликованіи упомянутаго выше отчета. Замѣчательный трудъ этотъ, дѣлающій честь государственному контролю, былъ бы невозможенъ безъ новаго кассоваго и ревизіоннаго порядка, распространеннаго на всю Имперію лишь въ 1866 г. Какъ велика практическая польза новаго порядка и какъ ошибочно разсуждали и въ настоящемъ случаѣ наши пессимисты, утверждавшіе, что введеніемъ единства государственной кассы удовлетворяется, въ ущербъ сущности дѣла, только отвлеченная теоретическая потребность, можно будетъ судить уже по тѣмъ немногимъ свѣдѣніямъ, которыя ниже извлечены изъ отчета государственнаго контроля.

Государственный бюджетъ есть болѣе или менѣе вѣроятное предположеніе, и смѣтныя исчисленія всегда находятся на большемъ или меньшемъ разстояніи отъ дѣйствительности. Поэтому бюджету даютъ только приблизительное понятіе о состояніи государственныхъ финансовъ. Чтобы судить объ этомъ состояніи, необходимы отчеты о дѣйствительно произведенныхъ расходахъ и дѣйствительно полученныхъ доходахъ. Самые бюджеты тѣмъ болѣе могутъ приближаться къ истинѣ, чѣмъ ближе къ нимъ по времени отчетныя свѣдѣнія, принимаемыя за основаніе смѣтныхъ исчисленій. При прежнемъ контрольномъ порядкѣ, наши отчеты ревизовались государственнымъ контролемъ лишь за 5, за 6 лѣтъ назадъ, да и эта ревизія не могла дать ни какого понятія о финсахъ государства. Каждое вѣдомство и даже разныя мелкія подраздѣленія отдѣльныхъ вѣдомствъ имѣли свои особенные капиталы, свое хозяйство, такъ что не могло быть никакого общаго отчета о государственныхъ доходахъ и расходахъ, въ настоящемъ смыслѣ этого слова. А между тѣмъ весьма нетрудно усмотрѣть, до какой степени необходимъ подобный отчетъ для правильнаго сужденія о финансовыхъ средствахъ государства, для поддержанія его кредита, для всякихъ финансовыхъ предположеній, наконецъ для составленія негадательныхъ бюджетовъ, и при этомъ нельзя не принять въ соображеніе, что вслѣдствіе разныхъ особенныхъ условій Россіи, разстоянія бюджетныхъ цифръ ея расходовъ и доходовъ отъ дѣйствительныхъ должны быть очень велики даже при улучшенной системѣ отчетности. По слухамъ, толкованнымъ во всѣ стороны и всегда преувеличеннымъ при своей неясности, уже давно было извѣстно, что въ нашихъ государственныхъ доходахъ бываютъ недоборы противъ смѣтныхъ предположеній и также экстраординарные кредиты по отдѣльнымъ вѣдомствамъ внѣ общаго порядка составленія бюджета; но каковы дѣйствительныя цифры этихъ недоборовъ и свѣрхсмѣтныхъ расходовъ, этого никто не зналъ документально. Въ нашъ вѣкъ, когда безъ мысли о государственномъ кредитѣ невозможна никакая политическая комбинація въ Европѣ, а кредитъ зависитъ отъ биржъ направляемыхъ тысячеголовою международною печатью и въ свою очередь ее направляющихъ, всякая тайна въ государственныхъ финансахъ толкуетъ въ невыгодную сторону и причиняетъ ущербъ государственной силѣ. Какова бы ни была дѣйствительность, ея раскрытіе успокоиваетъ общественное мнѣніе.

Нѣсколько самыхъ крупныхъ результа-

товъ исполненіе государственной росписи 1866 г. подтвердятъ какъ нельзя лучше вышесказанное. По этой росписи предполагалось доходовъ, безъ спеціальныхъ ресурсовъ на постройку желѣзныхъ дорогъ, 362.500.000 р. (мы округляемъ для наглядности всѣ цифры); дѣйствительно поступило 352.700.000; всего недобора 9.800.000. Эта цифра недобора есть однако только общій результатъ поступленія доходовъ; въ частности же одни доходы поступили въ большемъ количествѣ (на 17 милл.) чѣмъ ожидалось по росписи, другіе въ меньшемъ (почти на 27 милл.). Въ недоборѣ занимаютъ значительное мѣсто пособія государственному казначейству изъ постороннихъ источниковъ (земскихъ и общественныхъ сборовъ, и пр.); по этой статьѣ поступило противъ ожиданія менѣе на 11.400.000 руб. Вся эта сумма, хотя и составляетъ безспорный долгъ государственному казначейству и должна рано или поздно поступить въ него, однако въ смѣтномъ году составила убыль въ способахъ казны и должна была покрыться изъ другихъ ея источниковъ. Если вычесть эту сумму изъ недобора, то въ доходахъ 1866 г. окажется противъ смѣтныхъ ожиданій излишекъ въ 1½ милл. Расходовъ по росписи 1866 г. было назначено (безъ экстраординарныхъ расходовъ по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ) 376 милл.; въ теченіе смѣтнаго періода испрошено сверхсмѣтныхъ расходовъ до 50 милл., и осталось свободныхъ кредитовъ, не подлежащихъ болѣе исполненію, 12.700.000 р.; всего же израсходовано и подлежитъ еще къ исполненію за 1866 годъ 413.300.000 р. Итакъ, дѣйствительные расходы по исполненію росписи 1866 года превысили ея предположенія на 37.300.000. Сравнивая расходы съ доходами, находимъ, что первые превысили послѣдніе въ 1866 году на 60.600.000 руб.; при составленіи же росписи на этотъ годъ предвидѣлся дефицитъ только до 21.600.000. Изъ упомянутаго недочета слѣдуетъ однако вычесть 10 милл. недобранныхъ (какъ выше сказано) въ пособіяхъ государственному казначейству изъ постороннихъ источниковъ и долженствующихъ еще поступить. Такимъ образомъ цифра дѣйствительнаго дефицита составитъ до 50 милл. Дабы покрыть этотъ недочетъ доходовъ противъ расходовъ, государственное казначейство располагало въ 1866 году слѣдующими чрезвычайными ресурсами: *вопервыхъ* назначенными по самой росписи для покрытія предполагавшагося дефицита, остатками отъ перваго англо-голландскаго займа 1864 года (болѣе 16 милл.) и выпусками билетовъ государственнаго казначейства; *вовторыхъ*, частью 2-го внутренняго лотерейнаго займа (около 40 милл.), заимствованіями изъ разныхъ состоящихъ въ распоряженіи государственнаго казначейства особыхъ источниковъ (7 милл.) и частью 2-го англо-голландскаго займа (12 милл.). Всѣ эти чрезвычайные ресурсы составили, въ 1866 году, въ кассахъ до 84 милл., и потому не только сполна покрыли выведенный выше недочетъ доходовъ противъ расходовъ, но и послужили къ удовлетворенію потребностей по росписи 1867 года. Итакъ, благодаря этимъ чрезвычайнымъ ресурсамъ, почерпнутымъ въ кредитѣ, исполненіе бюджета 1866 года, хотя и значительно превзошедшее ожидавшіеся расходы, не оставило послѣдующимъ годамъ никакой тяжести. Съ этой стороны результаты исполненія бюджета 1866 года оказываются удовлетворительными. Несмотря на дѣйствительные недочеты въ бюджетѣ, значительно превзошедшія бюджетныя ожиданія, государственное казначейство оказалось вполнѣ состоятельнымъ и нашло въ государственномъ кредитѣ достаточно силъ, чтобы съ избыткомъ противустоять требованіямъ, къ сожалѣнію далеко вышедшимъ за предѣлы смѣтныхъ разчетовъ.

Мы представили общіе результаты движенія нашихъ государственныхъ финансовъ за 1866 г. Но разсматриваемый нами офиціальный трудъ заключаетъ въ себѣ изобильный матеріалъ для многихъ финансовыхъ соображеній. Мы еще возвратимся къ этому предмету, а пока ограничимся указаніемъ на самый выдающійся фактъ въ изложенныхъ выше свѣдѣніяхъ. Мы разумѣемъ чувствительную разницу между дѣйствительными цифрами доходовъ и расходовъ и смѣтными. Огромныя пространства Россіи и всякаго рода затрудненія въ сообщеніяхъ, препятствующія своевременному полученію правительственныхъ свѣдѣній, необходимыхъ для достовѣрности бюджетныхъ предположеній, конечно, въ значительной степени объясняютъ этотъ фактъ. Сверхъ того, для оправданія нѣкоторыхъ ошибочныхъ смѣтныхъ вычисленій слѣдуетъ принять въ соображеніе и новость правилъ, по которымъ составляют-

ся нынѣ всѣ смѣты. Наконецъ, нельзя умолчать и о томъ весьма существенномъ обстоятельствѣ, имѣющемъ немаловажное вліяніе на превышеніе дѣйствительныхъ расходовъ по разнымъ вѣдомствамъ противъ смѣтныхъ ассигнованій, что испрашиваніе сверхсмѣтныхъ расходовъ, въ теченіе дѣйствія смѣты, признается ими болѣе удобнымъ, чѣмъ порядокъ назначенія ихъ при общемъ разсмотрѣніи смѣты. На эту сторону дѣла, безъ сомнѣнія, должно быть преимущественно обращено вниманіе правительства, которое не можетъ желать чтобъ испрашиваніе сверхсмѣтныхъ кредитовъ обратилось въ правило. Такой способъ удовлетворенія государственныхъ расходовъ нарушалъ бы всю систему, созданную нашимъ новымъ законодательствомъ, и отнялъ бы у финансоваго управленія всякую возможность нести нравственную отвѣтственность за состоятельность государственнаго казначейства. Указанныя причины, однако, недостаточно объясняютъ исключительную въ 1866 году разницу между ожидавшимися и дѣйствительнымъ недочетомъ въ государственнымъ доходахъ и расходахъ.

Если испрашиваніе значительныхъ экстраординарныхъ кредитовъ обусловливалось отчасти обстоятельствами случайными, личными и устранимыми на будущее время, то оно происходило также и отъ главнаго нашего финансоваго недуга,—колебаній монетной единицы. Въ 1866 г. пароксизмы этой хронической болѣзни—паденіе иностранныхъ вексельныхъ курсовъ—были особенно сильны, и по нѣкоторымъ статьямъ сверхсмѣтныхъ расходовъ, мы имѣемъ положительныя указанія на ихъ дѣйствіе: таковы кредиты испрошенные, сверхъ ассигнованій росписи, на приплату процентовъ по внѣшнимъ (металлическимъ) займамъ, на приплату по купонамъ и облигаціямъ нѣкоторыхъ гарантированныхъ желѣзныхъ дорогъ, на заграничныя штатные расходы по министерству иностранныхъ дѣлъ и проч. Но сверхъ этихъ экстраординарныхъ кредитовъ, которые испрашивались буквально по случаю паденія вексельныхъ курсовъ, надобно взять въ разчетъ, что колебанія монетной единицы и зависящія отъ нихъ потрясенія въ цѣнахъ на всѣ товары должны были отразиться на матеріяльныхъ или операціонныхъ расходахъ по всѣмъ вѣдомствамъ. Наступающая въ теченіе года дороговизна не можетъ не обмануть бюджетныхъ предвидѣній.

Колебанія монетной единицы болѣе всего нарушаютъ равновѣсіе въ бюджетѣ, или говоря точнѣе, дѣлаютъ это равновѣсіе невозможнымъ.

№ 45.

Москва, 29-го февраля.

За нѣсколько дней предъ симъ въ *Сѣверной Почтѣ* (отъ 22-го февраля) появилась замѣтка, касающаяся узаконенія 13-го іюня 1867 г. о порядкѣ печатанія постановленій и отчетовъ земскихъ, дворянскихъ и городскихъ собраній. Мы не успѣли высказаться о ней тотчасъ по ея появленіи; но поднятый ею вопросъ не лишенъ важности и требуетъ разъясненія. Воспроизводя ниже текстъ этой замѣтки, мы хотимъ прежде всего отдать справедливость ея общему характеру и тону; она старается успокоить общественное мнѣніе, истолковать законъ въ наилучшемъ смыслѣ, и съ правдивостію которой нельзя не цѣнить, заявляетъ о неправильностяхъ въ дѣйствіяхъ мѣстной администраціи по отношенію къ земству. Но открывая вопросъ для добросовѣстнаго разъясненія, она обязываетъ насъ высказать съ полною откровенностію наши недоумѣнія.

Какъ бы ни истолковывать смысла узаконенія 13-го іюня, надобно однако признать, что по отношенію къ печати оно имѣетъ не расширяющую, а стѣсняющую силу. Мы были бы не искренни, еслибы сказали противное. Это, кажется намъ, слѣдуетъ признать во всякомъ случаѣ. До узаконенія 13-го іюня отчеты о засѣданіяхъ земскихъ и другихъ собраній появлялись въ печати свободно, а узаконеніе это поставило непремѣннымъ условіемъ предварительную губернаторскую цензуру. Ни уставъ земскихъ учрежденій, ни законъ о печати не полагали преградъ для гласности въ этой сферѣ, гдѣ гласность есть одно изъ главныхъ условій всякаго успѣха; а что не воспрещено закономъ, то считается дозволеннымъ. Не требовалось узаконять гласность для городскихъ, земскихъ и дворянскихъ собраній, ибо она подразумѣвалась сама собою, коль скоро закономъ не воспрещалась. Мы всегда думали,—думаемъ и теперь,—что чѣмъ шире допускается гласность въ обществен-

ныхъ дѣлахъ, тѣмъ лучше, и что если интересы первостепенной государственной важности нуждаются въ гласности и допускаютъ ее, то тѣмъ болѣе нуждаются въ ней дѣла сословныя и мѣстныя, поручаемыя выборнымъ людямъ. Мы считаемъ излишнимъ распространяться о пользѣ гласности и доказывать дознанную историческимъ опытомъ истину, что каковы бы ни были случайныя неудобства ея и къ какимъ бы злоупотребленіямъ ни подавала она поводъ, сумма ея невыгодъ ничего не значитъ въ сравненіи съ тою пользой, которую она приноситъ.

Узаконеніе, о которомъ идетъ рѣчь, отняло у печати часть самаго дорогаго изъ дарованныхъ ей правъ, — права отвѣчать за себя. *Сѣверная Почта* объясняетъ, что мѣстная администрація не всегда же дѣйствуетъ стѣснительно въ вопросѣ о гласности по отношенію къ земскимъ и другимъ собраніямъ; что на губернскія власти можно аппеллировать къ министру и къ правительствующему сенату, и что это уже достаточно обезпечиваетъ полезную гласность, предотвращая только то что могло бы чрезъ гласность оказаться вреднымъ. Мы не имѣемъ ни желанія, ни повода возбуждать какое-либо сомнѣніе въ доброжелательности мѣстныхъ властей, которымъ ввѣряется цензура, а еще менѣе тѣхъ высшихъ властей, къ которымъ можно аппеллировать въ случаѣ произвола и притѣснительности губернской цензуры; но мы полагаемъ, что вопросъ о цензурѣ рѣшенъ окончательно закономъ, который освободилъ отъ нея печать. Всѣ тѣ аргументы, которые могутъ быть употреблены въ подкрѣпленіе предварительной цензуры для печатанія отчетовъ о засѣданіяхъ собраній, были уже употреблены въ то время когда рѣчь шла объ отмѣнѣ предварительной цензуры, и навсегда устранены законодательствомъ, даровавшимъ Россіи свободную отъ цензуры печать. И во время общей цензуры печать могла утѣшать себя тѣмъ, что для жалобъ на произвольный образъ дѣйствій цензора открытъ путь въ цензурный комитетъ, въ главное управленіе цензуры, къ министру, наконецъ къ правительствующему сенату; однако законодательство признало этотъ порядокъ неудовлетворяющимъ своему назначенію, безполезнымъ, наконецъ вреднымъ; отмѣнило его и на мѣсто предварительной цензуры поставило личную пишущаго и печатающаго отвѣтственность. Тамъ нѣтъ печати, гдѣ она подлежитъ цензурѣ; тамъ не можетъ быть рѣчи о гласности, гдѣ надобно предварительно испрашивать на нее разрѣшеніе. Существующимъ закономъ о печати, и правительство и частныя лица достаточно ограждены отъ ея злоупотребленій. Отнюдь нельзя сказать, чтобы законъ этотъ лишалъ правительство возможности контролировать гласность и чтобы карательная цензура, которую оно удерживаетъ въ своихъ рукахъ, особенно при системѣ такъ-называемыхъ предостереженій, была оружіемъ слишкомъ недостаточнымъ противъ печати, которая не имѣетъ для себя иного обезпеченія, кромѣ справедливости и доброжелательности самого же правительства.

Правило 13-го іюня, возвращая печать подъ цензуру относительно обширной области дѣлъ подлежащихъ земскимъ, городскимъ и дворянскимъ собраніямъ, имѣло конечно въ виду увлеченія мысли и слова, которыя иногда могутъ прорываться посреди преній. Для преграждения имъ доступа въ печать, отчеты о преніяхъ подчинены предварительной цензурѣ губернскихъ властей. Но та же цѣль можетъ быть достигнута на почвѣ нынѣ дѣйствующаго закона о печати. Если законъ нашелъ возможнымъ возложить на издателя отвѣтственность за все имъ печатаемое, то отвѣтственность эта можетъ быть простерта и на печатаніе отчетовъ. Если издатель можетъ напечатать всякую статью, свою или чужую, безъ предварительной цензуры, но подвергаясь установленной закономъ отвѣтственности, то мы не видимъ основанія почему бы законъ и правительство не могли считать себя достаточно обезпеченными, поставивъ печатаніе отчетовъ собраній подъ ту же отвѣтственность. Если требуется принять мѣры, чтобы какое-либо противозаконное мнѣніе или преступное выраженіе въ преніяхъ собраній не проникло въ печать, то вмѣсто того чтобы возвращать ее подъ цензуру, можно было бы, не лишая печати дарованнаго ей права, подтвердить только, что печатающій отчеты собраній подвергается за нихъ такой же отвѣтственности, какъ еслибы то были его собственныя мнѣнія и выраженія. Мы охотно приняли бы на себя эту отвѣтственность, между тѣмъ какъ возвращеніе подъ цензуру, отъ которой уже видѣли себя освобожденными,

было бы дѣломъ для нашего нравственнаго чувства крайне тягостнымъ и почти невозможнымъ, такъ что мы предпочитаемъ вовсе отказаться отъ своевременнаго сообщенія отчетовъ собраній, нежели идти съ ними на цензуру, хотя бы и самую доброжелательную. Чувство, которое воспрещаетъ намъ это и въ которомъ мы откровенно сознаемся, не заключаетъ въ себѣ ничего предосудительнаго. Можно ли ожидать, чтобы люди, уже получившіе свободу, потомъ возвратились съ легкимъ сердцемъ въ состояніе, напоминающее имъ прежнюю неволю? Мы не сѣтуемъ и не жалуемся; мы только сознаемся.

Сѣверная Почта сама же правдиво приводитъ случаи затрудненій, встрѣчаемыхъ гласностію со стороны губернскихъ властей вслѣдствіе узаконенія 13-го іюня. Можно ли считать дѣло гласности обезпеченнымъ вслѣдствіе того, что ей предоставляется право восходить до министра и правительствующаго сената? Развѣ легкое дѣло, это восхожденіе отъ инстанціи къ инстанціи? Развѣ это не требуетъ ни хлопотъ, ни времени? Развѣ все равно, появится ли извѣстіе, имѣющее большую или меньшую общественную важность, на другой день или чрезъ нѣсколько недѣль и мѣсяцевъ? При такомъ положеніи не окажется ли гласность похожею на того заику, который послѣ многихъ усилій, вдругъ промолвилъ свое слово, когда разговоръ уже давно перемѣнился, и когда его слово потеряло всякій смыслъ?

Въ настоящую минуту предъ нами лежатъ отчеты нѣкоторыхъ земскихъ засѣданій, имѣвшихъ мѣсто мѣсяца три тому назадъ. Въ этихъ отчетахъ рѣчь идетъ о послѣдствіяхъ неурожая; но въ нихъ нѣтъ ни одного слова противозаконнаго, и мы могли бы дать имъ полную гласность въ то самое время, когда еще въ нашей печати не былъ возбужденъ вопросъ о голодѣ и не начинались сборы приношеній для доставленія пособій нуждающимся. Все что въ этихъ отчетахъ говорится по отношенію къ той или другой мѣстности, высказывается теперь въ печати не только частными лицами, но и правительственными органами, а между тѣмъ эти земскіе отчеты, въ силу узаконеній 13-го іюня, до до сихъ поръ не напечатаны и теперь утратили то значеніе, какое имѣли бы, еслибы своевременно появились въ печати.

№ 46.

Москва, 1-го марта.

Въ полученномъ сегодня № прибавленія къ ново-основанной нашими протекціонистами газетѣ *Содѣйствіе русской торговлѣ и промышленности* напечатанъ подробный отчетъ о засѣданіи Петербургскаго Общества Сельскихъ Хозяевъ, посвященномъ вопросу о значеніи тарифной реформы для сельско-хозяйственной промышленности. Правда, что въ этомъ засѣданіи, какъ и замѣтилъ подъ конецъ его В. П. Безобразовъ, вовсе не было рѣчи объ этомъ важномъ и интересномъ вопросѣ, но тѣмъ не менѣе засѣданіе было, если не очень важно, то небезынтересно. Этимъ оно всего болѣе обязано докладчику, г. Колюпанову. Вопервыхъ, онъ рекомендовался публикѣ какъ человѣкъ прибывшій издалека, „съ мѣстъ труда, обнищанія и голода,“ и уже одно это сдѣлало бы его интереснымъ въ то время, когда со всѣхъ сторонъ заявляется сострададаніе голодающихъ, еслибъ онъ не сознался, что прибылъ изъ Костромы, гдѣ въ нынѣшнемъ году голода нѣтъ, а обнищанія быть не можетъ, потому что удвоившееся въ послѣднія десять лѣтъ населеніе Костромы свидѣтельствуетъ о противномъ относительно губернскаго города, за губернію же говорятъ устроившіяся тамъ въ послѣдніе годы обширныя льнопрядильни, доставляющія до 3 милліоновъ рублей въ годъ заработка, — говорятъ, если только вѣрить благотворному дѣйствію фабрикъ на народное довольство, въ чемъ никто впрочемъ не сомнѣвается и что самъ г. Колюпановъ подтверждаетъ своимъ авторитетомъ. Ссылка на обнищаніе и голодъ повидимому не показалась г. Колюпанову достаточною дабы обезпечить ему сочувствіе публики, и онъ счелъ, вовторыхъ, нужнымъ оградить себя званіемъ земскаго человѣка, доказывая своимъ слушателямъ, что они тоже люди земскіе, хотя и живутъ въ Петербургѣ, и что они окажутся не сознающими *святости* лежащей на земствѣ обязанности, если оставятъ въ тревожномъ состояніи владѣльцевъ фабрикъ и заводовъ и будутъ смотрѣть хладнокровно, какъ висящій надъ головой ихъ мечъ Дамокловъ обрушится и навсегда лишитъ ихъ возможности подняться. Обстоятельства такъ-де трудны, что всякій земскій чело-

вѣкъ долженъ быть протекціонистомъ, а если не хочетъ быть святотатцемъ, земскій человѣкъ промышленный, то-есть нечерноземной полосы всей Имперіи, присоединяясь къ лагерю, требующему наложенія пошлинъ на машины, вмѣстѣ съ тѣмъ и себя оградитъ отъ святотатства. Сельское хозяйство во всей этой полосѣ, говоритъ г. Колюпановъ, не окупается: это доказывается тѣмъ, что воздѣланныя земли, гдѣ только возможно, сдаются въ аренду за безцѣнокъ. Но теперь еще пріискиваются арендаторы (они должно быть занимаются не окупающимся сельскимъ хозяйствомъ изъ опасенія прослыть фритредерами), и помѣщики въ свою очередь могутъ еще трудиться по части лѣсоистребленія. *Съ закрытіемъ фабрикъ* все прекратится: у помѣщиковъ будетъ отнятъ даже и промыселъ лѣсоистребленія, а окружать ихъ будутъ голодныя населенія, которымъ не на что купить хлѣба, и останется только „обратиться къ другимъ не столь мирнымъ способамъ прокормленія.“ Но и этой столь внушительной части доклада г. Колюпанова не было суждено устоять. По его словамъ закрытіе льнопрядильныхъ и льноткацкихъ фабрикъ въ Костромѣ *неизбѣжно* при предполагаемомъ пониженіи тарифа. Слѣдовавшій за нимъ ораторъ, В. И. Вешняковъ, успокоилъ слушателей простымъ заявленіемъ, что въ запискѣ г. Колесова, на которую намекалъ г. Колюпановъ, говоря о предполагаемомъ *повальномъ пониженіи пошлинъ*, нѣтъ и рѣчи о значительныхъ измѣненіяхъ и пониженіяхъ существующихъ пошлинъ на пеньковыя и льняныя издѣлія, а предполагается только сложить надбавочные десятипроцентные сборы и округлить пошлины, или принять размѣръ сухопутныхъ пошлинъ для морскаго привоза.

Протекціонисты гнѣваются, когда намъ случается называть ихъ агитаторами; но развѣ не агитаціи слѣдуетъ приписать этотъ паническій страхъ г. Колюпанова, побудившій его запугивать Петербургское Общество Сельскихъ Хозяевъ неминучимъ обращеніемъ всего населенія Костромской губерніи въ разбойниковъ, вслѣдствіе *неизбѣжнаго* закрытія тамошнихъ фабрикъ, когда въ дѣйствительности вовсе и не предполагалось лишать ихъ того покровительства, коимъ онѣ пользуются? Г. Колюпановъ не одинъ дался въ обманъ. Все земство Костромской губерніи испугалось не менѣе чѣмъ онъ *повальнаго пониженія пошлинъ*. Откуда же взялась бы эта всеобщая боязнь опасности, въ дѣйствительности вовсе не существующей, еслибы не было агитаторовъ, которые напускали страхъ на земство? Въ концѣ того засѣданія, о которомъ рѣчь, говорилъ А. П. Шиповъ. Онъ не проронилъ слова сожалѣнія о томъ, что костромское земство разыграло въ этомъ дѣлѣ такую смѣшную роль. Онъ обратился, какъ ни въ чемъ не бывало, къ собранію съ просьбой: „подкрѣпите заявленія *нашего* земства; окажите ему сочувствіе.“ Онъ не отрицалъ, что протекціонисты запугивали невинныхъ людей повальнымъ пониженіемъ пошлинъ. Напротивъ, онъ призналъ фактъ и отвѣтственность за него протекціонистовъ, и свою въ ихъ числѣ. Онъ согласился, что въ запискѣ г. Колесова, послужившей поводомъ къ агитаціи, предлагается не только пониженіе однѣхъ, но и повышеніе другихъ пошлинъ. „Подъ словами *повальное пониженіе* мы, протекціонисты, сказалъ онъ, разумѣемъ не такое случайное и безполезное *повышеніе* и пониженіе по отдѣльнымъ статьямъ, а вообще нераціональное назначеніе пошлинъ въ проектѣ г. Колесова.“ Если такъ употреблять слова позволительно, то не разумѣютъ ли протекціонисты и подъ повальнымъ закрытіемъ фабрикъ—неравномѣрное процвѣтаніе ихъ? Такъ бы они и сказали, вмѣсто того чтобы волновать, сбивать съ толку и раздражать публику.

Какъ не порицать протекціонистовъ, когда они открыто, въ печати, называютъ бѣлое чернымъ и указываютъ въ свою пользу на факты, говорящіе противъ нихъ?

Требуя сильно-покровительственныхъ, почти запретительныхъ пошлинъ на *ввозимыя* машины, они ссылаются на примѣръ Англіи, гдѣ былъ запрещенъ ихъ *вывозъ*.

Ихъ требованіе прямо направлено противъ русскаго сельскаго хозяйства и русскаго фабричнаго дѣла, а они изображаютъ его полезнымъ и тому и другому.

Скрывая явный вредъ, причиняемый покровительственною системой сельскому хозяйству, они указываютъ на Англію и на Питта. „Что же сдѣлалъ Питтъ?“ спрашиваетъ г. Колюпановъ: „охранительную политику, которая подняла англійскія мануфактуры, онъ перенесъ на англійское земледѣліе. Оно окрѣпло и распространилось

въ это время.“ Что же сдѣлалъ Питтъ? спросимъ мы въ свою очередь. Онъ затруднилъ и отчасти запретилъ привозъ хлѣба. Этимъ онъ возстановилъ равновѣсіе, нарушенное „охранительною политикой,“ дававшею мануфактурамъ перевѣсъ надъ земледѣліемъ. Благодаря Питту, англійская покровительственная система была нейтрализована, потеряла свое жало, направленное противъ земледѣлія. А у насъ какъ подражать Питту? Какъ воздать земледѣлію, то-есть всему народу, какъ пахарю, такъ и помѣщику, то, что отнимаетъ у нихъ протекціонизмъ?

Г. Колюпановъ говоритъ, что для успѣховъ земледѣлія нужны высокія цѣны на хлѣбъ, а для этого будто бы нуженъ переходъ значительной части земледѣльцевъ къ фабричнымъ занятіямъ. Но самъ же онъ говоритъ, что населенія нашихъ деревень прикрѣплены къ землѣ: какъ же они перейдутъ въ города? Да еслибъ они и перешли, то что послѣдовало бы затѣмъ, какъ не запустѣніе деревень? Чтобы хлѣбъ подорожалъ, для этого, по теоріи г. Колюпанова, нужно чтобы Россія производила его меньше, то-есть чтобы меньше пахалось земли. И это онъ говоритъ сельскимъ хозяевамъ, конечно, отнюдь не желающимъ, чтобъ ихъ собственность утратила свою теперешнюю цѣнность. Вѣдь въ силу причины указанной г. Колюпановымъ хлѣбъ можетъ дорожать только въ той мѣрѣ, какъ сокращается его производство. Что же за польза земледѣлію, земледѣльцамъ и землевладѣльцамъ производить на 10% меньше хлѣба и продавать его именно на 10% дороже? Нѣтъ, не это можно было бы назвать успѣхомъ; онъ состоитъ въ томъ, чтобъ и производство усиливалось, и вмѣстѣ съ тѣмъ поднимались цѣны. Это теперь и происходитъ, и земледѣліе обязано этимъ сооруженію желѣзныхъ дорогъ. Протекціонисты съ непонятною безцеремонностью злоупотребляютъ легковѣріемъ публики. Они ссылаются на политическую экономію именно въ тѣхъ случаяхъ, когда говорятъ ей на смѣхъ. Эта наука ясно показываетъ, что рыночная цѣна хлѣба, какъ и всякаго товара, зависитъ не отъ однѣхъ издержекъ производства, но и отъ издержекъ перевозки и отъ спроса. Она указываетъ на значеніе всемірныхъ цѣнъ всякаго товара, а слѣдовательно и хлѣба. Изо всѣхъ этихъ указаній прямо слѣдуетъ, что, напримѣръ, въ Москвѣ цѣна хлѣба никакъ не можетъ значительно понизиться отъ проведенія желѣзныхъ дорогъ изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ хлѣбъ теперь дешевъ. Московскія цѣны хлѣба суть всемірныя цѣны; онѣ могутъ понизиться лишь вслѣдствіе общаго измѣненія въ предложеніи и спросѣ хлѣба на всемъ земномъ шарѣ. Желѣзная дорога въ Курскъ или Воронежъ тутъ не можетъ имѣть почти никакого вліянія. Московскія цѣны будутъ и впредь, какъ теперь, не что иное какъ лондонскія цѣны, за вычетомъ лишь издержекъ перевозки изъ Москвы до Лондона. Слѣдовательно желѣзныя дороги не окажутъ замѣтнаго дѣйствія на московскомъ хлѣбномъ рынкѣ, а поведутъ къ возрастанію цѣнъ въ мѣстахъ производства. Вотъ гдѣ залоги лучшей будущности нашего сельскаго хозяйства и нашихъ сельскихъ классовъ. Что же дѣлаютъ протекціонисты? Едва оперяется у насъ желѣзно-дорожное дѣло, какъ они собираются нанести ему тяжкій ударъ введеніемъ высокой пошлины на всѣ его принадлежности.

Г. Колюпановъ называетъ дѣло протекціонизма *правымъ дѣломъ*. Но развѣ правыя дѣла прибѣгаютъ къ такимъ подлогамъ? Развѣ правотой протекціонизма объясняются его постоянные союзы со всѣмъ что есть вреднаго и пагубнаго? Развѣ мы не видимъ какъ протекціонизмъ принималъ участіе въ агитаціи противъ исправленія русской денежной системы? Развѣ мы не видимъ теперь, что агитаторы протекціонизма питаютъ безсмысленную агитацію противъ дарованія русскому народу европейской системы образованія, безъ которой мы никогда не выйдемъ изъ жалкаго положенія недорослей въ образованномъ мірѣ?

Отстаивать свои интересы всякій въ правѣ; но протекціонисты не имѣютъ въ этомъ надобности, потому что ихъ интересамъ (не только правымъ, но и неправымъ) ничто не угрожаетъ. Имъ можно только пожелать, чтобъ они сами были лучшаго мнѣнія о своемъ дѣлѣ. Они не были бы тогда такъ раздражительны, не метались бы такъ изъ стороны въ сторону и не изобличали бы себя на каждомъ шагу, полагая что обличаютъ другихъ.

№ 47.

Москва, 2-го Марта.

Вздумалось принцу Наполеону съѣздить въ Берлинъ, и вотъ уже снова всполошилась польская эмиграція... Ни назиданія опыта, ни изобличеніе обмановъ, въ которые она такъ часто и легко давалась, не могли излѣчить ее отъ ея историческаго легкомыслія, которому, при подстрекательствѣ мнимыхъ друзей, сознавшихся еще въ прошломъ столѣтіи, „что имъ полезна анархія Польши", *) отечество ихъ обязано своею гибелью. Давно ли, при послѣднихъ преобразованіяхъ государственнаго устройства Австріи, мечты Поляковъ были жестоко обмануты? Но баронъ Бейстъ, давно уже знакомый съ польскими нравами, не обратилъ никакого вниманія на шумный взрывъ досады, причиненный въ австрійскихъ Полякахъ разочарованіемъ ихъ надеждъ подѣлиться, въ системѣ дуализма, властью съ обоими исконными врагами, внезапно протянувшими другъ другу руку, дабы вѣрнѣе подавить одинаково ненавистное имъ славянство. Г. фонъ-Бейстъ былъ увѣренъ, что Поляки тотчасъ же опять и задешево явятся къ его услугамъ, и онъ не ошибся: польскіе патріоты ни въ Австріи, ни въ Турціи не отстали отъ своей исторической роли предателей своихъ славянскихъ братьевъ. При ихъ усердномъ содѣйствіи, во всей западной Европѣ поднята была та безсмысленная тревога, направленная противъ восточныхъ Славянъ, наивнымъ или коварнымъ органомъ которой явилась во Франціи печать, особенно офиціозная. Забывая самыя серіозныя заботы своей политической жизни, благодушная Франція увлеклась еще разъ притворными опасеніями насчетъ вымышленныхъ козней Россіи. . .

Но тонъ французской офиціозной печати въ отношеніи къ Россіи вдругъ измѣнился по возвращеніи барона Будберга въ Парижъ. Отважныя затѣи князей Дунайской долины, грозныя волненія ея населеній, также какъ и несмѣтныя полчища, якобы сосредоточенныя Россіей въ ея югозападной окраинѣ, честолюбивыя козни С.-Петербургскаго кабинета, все это внезапно оказалось миѳомъ, необъяснимымъ дѣйствіемъ какой-то „таинственной агитаціи" съ береговъ Дуная, злоумышленно распускающей по цѣлой Европѣ всякаго рода лживые толки и фальшивыя тревоги. Вмѣстѣ съ этимъ приходилось и польской эмиграціи отказаться отъ нелѣпой надежды, искусственнымъ возбужденіемъ Восточнаго вопроса сотворить чудо воскрешенія Польши въ предѣлахъ 1772 года. Но вотъ внезапная поѣздка принца Наполеона въ Берлинъ снова зашевелила польскую эмиграцію, и на всѣ увѣренія французской офиціозной печати о частномъ характерѣ этой поѣздки, газеты, служащія во Франціи органами польскихъ патріотовъ, отвѣчали разсужденіями, скроенными по образцу слѣдующей выдумки газеты *la Gironde*, прославившейся въ прошломъ іюнѣ неистовымъ лаемъ на Россію, при первомъ извѣстіи о злодѣяніи Березовскаго. „Люди", говоритъ эта газета, „которые утверждаютъ будто „принцъ Наполеонъ поѣхалъ въ Берлинъ „безъ всякаго политическаго побужденія, „полагаютъ, что онъ предпринялъ эту по„ѣздку либо для своего развлеченія, либо— „какъ утверждаетъ корреспондентъ *Indé„pendance belge*—затѣмъ чтобы не присут„ствовать при преніяхъ сената по проекту „закона о печати. Первое изъ этихъ мнѣ„ній просто смѣшно. Въ Берлинъ не ѣздятъ „зимою для развлеченія. Второе мнѣніе не„лѣпо. Еслибы принца и просили не гово„рить въ сенатѣ, то онъ могъ бы молчать, „что никогда не бываетъ трудно. Во вся„комъ случаѣ, если онъ желалъ путеше„ствовать, то предъ нимъ открыты Италія „и Португалія, а поѣхалъ онъ въ Берлинъ! „Онъ поѣхалъ въ Берлинъ, высказавъ мнѣ„ніе, что Франція должна вступить въ со„юзъ съ Пруссіей *противъ Россіи*. Послѣ „этого безполезно настаивать на цѣли этой „поѣздки..." *La Gironde*, подобно всѣмъ прочимъ франкопольскимъ газетамъ, находитъ полезнымъ въ этомъ пунктѣ воздержаться отъ дальнѣйшихъ объясненій, однако не можетъ не присовокупить, что предъ отправленіемъ своимъ въ путь, принцъ Наполеонъ имѣлъ продолжительный разговоръ съ своимъ вѣнчаннымъ родственникомъ. Само собою разумѣется, что всѣ эти таинственные намеки подлили масла въ огонь, уже весьма успѣшно раздутый въ средѣ польской эмиграціи торжественнымъ празднованіемъ 29-го февраля, перваго столѣ-

*) „L'anarchie de la Pologne convient aux intérêts de la France", писалъ министру герцогу Шуазелю французскій посланникъ въ Варшавѣ („Situation de la Pologne au 4 Janvier 1865, par A. de Moller.")

тія пресловутой Барской конфедераціи. Понятно, что рѣчь, произнесенная при этомъ случаѣ въ церкви Св. Магдалины, аббатомъ Дю-Герри во славу польскихъ мятежниковъ, всего болѣе подняла на ноги неизлѣчимыхъ сыновъ Польши. Для вящаго успѣха этой манифестаціи, уже съ 17-го февраля стали появляться рекламы, возвѣщавшія публикѣ, что Барской конфедераціи принадлежитъ честь перваго провозглашенія, двадцать однимъ годомъ ранѣе Франціи, „безсмертныхъ“ принциповъ 1789 года, и эта нелѣпость дѣйствительно послужила главною темой всѣхъ произнесенныхъ въ тотъ день „патріотическихъ“ рѣчей и невѣжественнаго предложенія депутата Карно слить въ единый тостъ три достопамятныя событія исторіи: „Барскую конфедерацію Поляковъ, провозглашеніе Сѣверо-Американской независимости и возвѣщеніе Французамъ правъ человѣка и гражданина.“ Какъ забавно расходится первое изъ этихъ событій съ обоими послѣдними, удостовѣриться въ этомъ французской публикѣ было бы не трудно, еслибы редакція *Фигаро* захотѣла сдержать слово, данное ею нашему соотечественнику, г. Моллеру, и напечатала помѣщаемое ниже объяснительное письмо его. Но *Фигаро* оказался въ этомъ отношеніи также мало независимымъ, какъ и продажная *Opinion Nationale*. Тѣмъ не менѣе манифестація 29-го февраля послужила совершенно неожиданно поводомъ къ новому разочарованію польской эмиграціи. На нелѣпости франко польской журналистики возражали не одни Русскіе. *Courier Français* и *Phare de la Loire*, два значительные органа французской демократіи, заявили самымъ категорическимъ образомъ, что они не имѣютъ ничего общаго съ домогательствами изувѣрной и олигархической Польши, а органъ лѣвой стороны законодательнаго сословія, *Intérêt Public*, предостерегая Поляковъ противъ готовящихся имъ новыхъ обмановъ, доказывалъ имъ, что у нихъ „нѣтъ „болѣе коварнаго, болѣе опаснаго и болѣе „жестокаго врага *какъ Австрія*, и что „если какой-либо народъ хочетъ возстановить свою независимость, то онъ дол„женъ полагаться единственно на свои си„лы“. При всемъ своемъ напускномъ недоброжелательствѣ къ Россіи, французскія партіи начинаютъ яснѣе понимать смыслъ дѣла польскихъ патріотовъ. Слѣдуя этимъ путемъ, французская журналистика могла бы оказать дѣйствительную пользу не только Польшѣ, но и самой Франціи въ ея внутреннихъ дѣлахъ, какъ и въ ея внѣшней политикѣ. Но до этого еще далеко: газеты, подобныя *Siècle* и *Opinion Nationale*, еще долго будутъ предпочитать безопасныя прогулки въ области польскаго вопроса серіозному занятію дѣлами своей страны. На первое время достаточно и того, что тщательно поддѣланная Поляками манифестація приготовила имъ лишь новое разочарованіе, которое должно было бы предостеречь ихъ отъ другаго, какимъ, безъ сомнѣнія, надѣлятъ ихъ странствія принца Наполеона, хотя эти странствія, по выраженію *Journal de Paris*, уже заранѣе обречены неизбѣжному превращенію въ увеселительную прогулку. Единственнымъ серіознымъ результатомъ этой прогулки будетъ развѣ только то, что въ Европѣ усилится то недовѣріе, которое Франція возбудила противъ себя изворотливыми и скороспѣлыми затѣями своей династической политики...

№ 48.

Москва. 4-го марта.

Тягостное впечатлѣніе производитъ укоръ, когда его произносятъ дружелюбныя уста и когда приходится признать до нѣкоторой степени его справедливость. Такое впечатлѣніе должна произвести въ Россіи недавно напечатанная въ новосадской газетѣ *Застава* статья д-ра Полита обращенная къ Россіи. Эта статья недавняго гостя Москвы и Петербурга, полная горечи, вызвана постоянными ожесточенными выходками нѣкоторыхъ петербургскихъ газетъ, особенно же *St.-Petersburger Zeitung*, противъ заграничныхъ Славянъ и сочувствія къ нимъ въ Россіи. „Возвра„щенія нашего Московской выставки на „родину,“ такъ начинаетъ г. Политъ, „наши соплеменники ждали съ волненіемъ „и нетерпѣніемъ. Они жаждали услышать „изъ нашихъ устъ, какъ и что дѣлается „въ великой славянской державѣ, на ко„торую всегда со страстною любовью бы„ли устремлены ихъ взоры и на которую „они возлагали свои надежды, когда ихъ „постигали горькія печали. Наши сопле„менники слѣдили за каждымъ шагомъ на„шимъ въ Россіи, читали каждое слово, „сказанное нами, и почерпали утѣшеніе

„въ отзывѣ, который находили наши заявленія въ сердцахъ братьевъ-Славянъ. „Мы возвратились изъ Россіи. Мы разказывали о ея обширности, хвалили достоинства братскаго Русскаго народа, описывали достопримѣчательности Петербурга и Москвы, — словомъ, мы разказывали обо всемъ что *хорошо*, но о дурномъ мы „молчали, не желая портить того представленія, которое Славяне, и особенно Сербы, имѣютъ о Россіи."

Г. Политъ съ чувствомъ говоритъ о дружеской встрѣчѣ, которая была оказана въ Россіи славянскимъ гостямъ; но, говоритъ онъ, мы съ недоумѣніемъ замѣчали, что въ то самое время, когда къ намъ отовсюду протягивались братскія длани и радостью дышала, казалось, вся Русская земля, въ это самое время нѣкоторые голоса отдѣлялись отъ общаго хора привѣтствій и отказывались принять участіе въ чувствахъ русской націи. *Вѣсть* дѣлала неодобрительные намеки, которые должны были нравиться ея многочисленнымъ читателямъ въ Царствѣ Польскомъ и западномъ краѣ, а *S.-Petersburger Zeitung*, глумясь надъ „гостями Русскаго народа," осмѣливалась называть ихъ измѣнниками: „объ этомъ мнѣ потомъ читали въ Вѣнѣ," говоритъ д-ръ Политъ, „когда хотѣли назначить противъ меня слѣдствіе, а въ доказательство вѣрности возводимыхъ петербургскою газетой обвиненій указывали на находящійся на ней русскій гербъ." И вотъ прошло съ тѣхъ поръ болѣе полугода. Волненіе произведенное московскою выставкой начинало успокоиваться и преслѣдованія противъ гостей нашихъ начинали прекращаться, когда австрійскому правительству понадобилось возбудить агитацію противъ Россіи. Слѣдуя лозунгу, данному вѣнской официозной печати, газета Россійской императорской академіи снова поднимается въ походъ противъ Славянъ и снова кричитъ объ измѣнѣ. Затѣмъ въ Петербургѣ печатаютъ, будто тамъ образовалось общество, которое всѣми силами постарается положить конецъ славянской комедіи и хлопотамъ славянофиловъ(!) собирать русскія деньги въ пользу *австрійскихъ чиновниковъ*, осмѣливающихся агитировать противъ своего законнаго государя." Въ то же время, *Вѣсть* съ гласомъ трубнымъ стала провозглашать не имѣющую смысла въ ея устахъ фразу: „Россія для Русскихъ." Но вотъ что замѣчательно. Въ то самое время какъ помянутыя петербургскія газеты такъ горячатся за цѣлость Австрійской имперіи и усматриваютъ опасность для нея въ литературномъ сближеніи племенъ и народовъ славянскихъ, со стороны германскаго племени грозитъ ей опасность, гораздо болѣе серіозная. Мы получили надняхъ изъ Вѣны воззваніе центральнаго комитета для III нѣмецкаго стрѣлковаго празднества „къ германскимъ соотечественникамъ въ чужихъ краяхъ," которое имѣетъ характеръ конечно несравненно болѣе политическій нежели всѣ взятыя вмѣстѣ рѣчи славянскихъ гостей нашихъ 1867 года. Президентъ и вице-президенты Центральнаго Комитета приглашаютъ „мужей германскихъ, живущихъ на чужбинѣ," прибыть въ Вѣну „для поддержанія германскаго чувства и духа" и объявляютъ, что цѣль предполагаемаго празднества „свобода и *единство* отечества." Какое же отечество всѣхъ этихъ „германскихъ мужей?" Ужь, конечно, не Австрія, переставшая и сама себя почитать германскою державой. Что же можетъ значить единство этого германскаго отечества? Очевидно, сліяніе нѣмецкихъ земель австрійскаго императора съ первенствующею державой Германіи... Что же скажетъ на это „вестфальскій мужъ въ Петербургѣ?" Что до насъ, то мы обѣщаемъ быть снисходительнѣе къ нему чѣмъ онъ къ г. Политу, еслибъ онъ сталъ проповѣдывать въ Вѣнѣ о свободѣ и единствѣ германскаго отечества.

Кто живетъ въ Россіи, тотъ неизбѣжно привыкаетъ ко многому, что совершенно непонятнымъ кажется для человѣка живущаго за границей; поразительныя для посторонняго глаза аномаліи едва обращаютъ наше вниманіе и твердая вѣра въ могущество времени и въ ту таинственную силу, которая бьетъ изъ нѣдръ русской земли, поборая мало-по-малу все ей несвойственное и враждебное, не покидаетъ насъ. Но ставя себя въ положеніе посторонняго наблюдателя, мы не должны удивляться, если г. Политъ восклицаетъ съ недоумѣніемъ: „*Petersburger Zeitung* есть „газета русской академіи: эта газета носитъ на себѣ знакъ царскаго орла; она „органъ извѣстныхъ офиціальныхъ круговъ; ея слова суть слѣдовательно выраженіе образа мыслей господствующей „въ Россіи силы;" и такъ какъ г. Политъ своими глазами удостовѣрился въ сочув-

ствіи русскаго общества къ Славянамъ, то естественно заключаетъ, что *Нѣмцы овладѣли Россіей*, что историческія противники славянства господствуютъ въ Россіи. *Россія и ея нѣмецкіе господа*, таково заглавіе статьи сербскаго публициста! И г. Политъ не одинъ даетъ подобное толкованіе страннымъ явленіямъ нашей печати. Относительная свобода, которою пользуются газеты извѣстнаго направленія и повторенные удары, наносимые газетамъ другаго направленія, комментируются за границей какъ выраженіе того или другаго направленія будто бы принимаемаго русскою политикой. По поводу запрещенія *Москвича* „ультра-панславистской газеты, которая каждое утро проповѣдовала *святой Руси* крестовый походъ противъ невѣрныхъ," *Journal des Débats* настоятельно говоритъ: „Русской печати полезно будетъ поразмыслить о судьбѣ *Москвича*: у нея много заботъ, кромѣ ежедневнаго натравливанья своихъ читателей на Турцію, на Австрію, на Западъ...." Читатели наши уже знаютъ, что подобныя же умозаключенія выражены газетами *Temps*, *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, *Correspondance Nord-Est*. Иностраннымъ публицистамъ неизвѣстны и непонятны тѣ личныя отношенія, которыя господствуютъ надъ русскою журналистикой. „Я нѣсколько разъ перечитывалъ, говоритъ д-ръ Политъ, статью подавшую поводъ ко вторичной пріостановкѣ газеты *Москва*,—и ни какъ юристъ, ни какъ публицистъ, не могъ найдти въ ней ничего, кромѣ возбуждающей улыбку преувеличенной деликатности, съ которою устанавливается различіе между *администраціей* и *правительствомъ*.... Я думаю, продолжаетъ онъ, что еслибы какой-нибудь мадьярскій публицистъ критиковалъ съ такою же деликатностію венгерскаго министра, то этотъ послѣдній прислалъ бы ему письменную благодарность. Еслибы мѣрить на русскій аршинъ, то редактора газеты *Мадьяръ-Уйсагъ* давно слѣдовало бы сослать въ Сибирь."

Всѣ эти укоры и намеки — мы пропускаемъ то что страдаетъ преувеличеніями и раздраженіемъ,—трогаютъ насъ потому именно, что они внушены не враждою, а сочувствіемъ. Въ нашихъ ушахъ еще звучатъ одушевленныя слова г. Полита, который не пропускалъ ни одного случая во время пребыванія своего въ Россіи, чтобы заявить о священной и правой связи соединяющей Сербовъ, его соотечественниковъ, съ Русскими. Откуда же эта горечь въ теперешнихъ словахъ его, съ небольшимъ черезъ полгода по возвращеніи изъ „обѣтованной земли?" Онъ это объясняетъ самъ. „Сербъ еще въ колыбели воображаетъ, что Русскій есть наибольшій господинъ въ мірѣ, и никакъ не можетъ представить себѣ, что онъ не господинъ даже у себя дома." Слова язвительныя, но къ прискорбію нашему, не лишенныя нѣкотораго основанія! Въ странѣ самой либеральной въ мірѣ, есть такія понятія, которыя оскорблять никто не посмѣетъ; въ обществѣ, въ которомъ оказывается наибольшее уваженіе къ личному мнѣнію, одиночные голоса не дерзаютъ отвергать то во что вѣруетъ, что любитъ вся масса. Отъ чего жь у насъ иначе? Мы видимъ у себя нѣсколько газетъ служащихъ органами для партій анти-національныхъ и открыто глумящихся надъ народомъ, среди котораго издаются, — и онѣ остаются въ покоѣ. Если это дѣлается изъ уваженія къ свободѣ печатнаго слова,—мы очень рады этому, и ничего не имѣемъ возразить; но мы видимъ съ другой стороны, что газеты иного направленія подвергаются тяжкимъ невзгодамъ за всякое быть-можетъ, лишь чрезмѣрно горячее слово, сказанное въ смыслѣ національномъ. Почему же въ отношеніи къ нимъ свобода слова не уважается? Мы видимъ далѣе, что нѣкоторыя газеты не только критикуютъ дѣйствія правительства, но нападаютъ на него съ ожесточеніемъ, честя, напримѣръ, администрацію западнаго края скопищемъ грабителей и разбойниковъ, и не уступая въ этомъ отношеніи ни краковскому *Часу*, не *Газетѣ Народовой*. Намъ отвѣчаютъ: это значитъ, что у насъ печать пользуется свободой. Прекрасно, но мы видимъ, что рѣзкое сужденіе съ русской точки зрѣнія рѣдко обходится без какихъ-либо невыгодныхъ для газеты послѣдствій. Это почему? Это потому, говорятъ, что администрація не можетъ допустить порицанія своихъ дѣйствій. Развѣ тутъ нѣтъ такого противорѣчія, изъ котораго иностранецъ, мало знакомый съ закулисною стороной нашихъ отношеній, можетъ вывести тѣ же самыя, какъ д-ръ Политъ, заключенія?

Мы не станемъ хвалиться чрезмѣрною свободой печати предъ д-ромъ Политомъ; но скажемъ ему съ полною откровенностію

что хотя ни о какомъ антиславянскомъ обществѣ мы не слыхали, и можемъ отрицать его существованіе, но очень хорошо знаемъ, что наши національные интересы и симпатіи имѣютъ у насъ противниковъ не менѣе горячихъ чѣмъ въ Австріи. Мы посовѣтуемъ ему не придавать чрезмѣрнаго значенія выходкамъ петербургской нѣмецкой газеты, хотя она и носитъ знакъ русскаго герба, потому что она, оскорбляя его и славянскихъ его собратовъ, оскорбляетъ и народное чувство всей России и противорѣчитъ словамъ Вѣнценоснаго Вождя, верховнаго представителя ея, сказавшаго славянскимъ гостямъ своего народа въ ихъ прошлогодній пріѣздъ: „Мы Сербовъ всегда считали за своихъ родныхъ братьевъ, и Я надѣюсь, что Богъ готовитъ вамъ въ скоромъ времени лучшую будущность." Наконецъ мы замѣтимъ г. Политу, что онъ слишкомъ увлекся. Обязанность добраго сербскаго патріота не можетъ состоять въ томъ, чтобъ ослаблять довѣріе своихъ соплеменниковъ къ Россіи, возбуждая фальшивыя надежды на помощь западныхъ державъ или проповѣдуя фантастическій Sonderbund съ Поляками, то-есть дѣлая именно то самое, что какъ нельзя болѣе согласно съ желаніями весьма немногочисленной въ Россіи, враждебной славянству и глумящейся надъ нимъ партіи. Австрійскіе Славяне не должны хоть въ будущемъ осуществлять программу своихъ коренныхъ зложелателей.

№ 49.

Москва, 5-го марта.

Одинъ современный финансовый дѣятель сдѣлалъ недавно относительно высокихъ таможенныхъ пошлинъ любопытное чистосердечное признаніе, на которое не мѣшаетъ обратить вниманіе. Г. Веллсъ (Wels), директоръ государственныхъ доходовъ въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, отдавая отчетъ въ своихъ изслѣдованіяхъ о финансовыхъ системахъ Европы въ сравненіи съ сѣверо-американскою, говоритъ между прочимъ о покровительственныхъ таможенныхъ пошлинахъ, что какъ бы онѣ ни были вредны для государства, онѣ имѣютъ для финансоваго управленія ту выгоду предъ другими налогами, что при введеніи и усиленіи таможенныхъ пошлинъ финансовое управленіе встрѣчаетъ всегда самую горячую поддержку въ большемъ или меньшемъ количествѣ людей, находящихъ въ этомъ налогѣ свой личный интересъ и готовыхъ защищать его какъ величайшее благо для публики, между тѣмъ какъ всякій другой налогъ, какъ бы онъ ни былъ справедливъ, возбуждаетъ лишь неудовольствіе; и вводя его, финансовое управленіе можетъ разчитывать только на сочувствіе спокойнаго и сознательнаго патріотизма. Если всякій иной, хотя бы самый справедливый и умѣренный налогъ не встрѣчаетъ горячей заинтересованной поддержки, то наоборотъ самая несправедливая и самая неумѣренная покровительственная таможенная пошлина тотчасъ находитъ въ свою пользу шумливую агитацію. Такъ разсуждаетъ г. Веллсъ, заявляя свое несочувствіе къ таможенному протекціонизму, но извиняя его какъ самый удобный источникъ доходовъ въ рукахъ неразборчиваго въ дѣйствіяхъ финансоваго управленія, которому безотлагательно нужно усилить свои наличныя средства. Эти разсужденія, между прочимъ представляющія въ настоящемъ свѣтѣ введеніе нынѣшняго высокаго таможеннаго тарифа въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ, пришлись кстати къ происходящему нынѣ пересмотру нашего тарифа, въ особенности къ вопросу о введеніи пошлинъ на машины. Соблазнъ этихъ пошлинъ для финансоваго управленія, которому защитники ихъ сулятъ немедленное увеличеніе государственныхъ доходовъ по меньшей мѣрѣ на одинъ милліонъ, долженъ быть весьма великъ. Какой другой новый налогъ, способный дать милліонъ государственному казначейству, найдетъ такихъ крикливыхъ защитниковъ, будетъ разрисованъ (безъ малѣйшихъ хлопотъ со стороны министерства финансовъ) десяткомъ распространенныхъ періодическихъ изданій какъ величайшее благодѣяніе для народа, какой другой новый налогъ встрѣтитъ въ свою пользу толпу агитаторовъ, готовыхъ клеймить противниковъ налога отсутствіемъ патріотизма? Мало этого, даже будущіе плательщики пошлинъ на машины не только не ропщутъ, но многіе изъ нихъ громко заявляютъ правительству, что съ величайшимъ наслажденіемъ готовы платить новый налогъ. Трудно отыскать въ финансовомъ арсеналѣ орудіе, съ которымъ въ рукахъ министръ финансовъ услышалъ бы отъ жертвъ сво-

ихъ операцій менѣе жалобныхъ стоновъ. А хвалебныхъ гимновъ не вызовутъ столько даже государственныя лотереи, создающія одного счастливца посреди милліона раздраженныхъ и обманутыхъ надеждъ.

Однакоже руководствоваться финансовыми соображеніями г Веллса могутъ только близорукіе государственные люди, и самъ онъ не безъ ироніи и горечи излагаетъ эту теорію въ своемъ докладѣ. Мы никакъ не теряемъ надежды, что наша высшая администрація со всею осмотрительностью взвѣситъ выгоды обѣщаемыя ей адвокатами пошлинъ на машины и сумѣетъ оцѣнить финансовые ущербы, неминуемо связанные съ этимъ новымъ ресурсомъ въ ближайшемъ будущемъ, тѣмъ болѣе что наше государственное казначейство не находится, сколько мы знаемъ, въ крайности, которая бы могла оправдывать подобныя героическія мѣры пріобрѣтенія наличности. Достаточно самаго простаго здраваго смысла, чтобы понять невыгодность пошлинъ на машины собственно въ финансовомъ отношеніи. Размѣры новыхъ капиталовъ, ежегодно затрачиваемыхъ въ промышленныя предпріятія, никакъ не могутъ возрасти вслѣдствіе введенія новаго налога, ибо они зависятъ отъ количества ежегодныхъ сбереженій въ странѣ, а новый налогъ, значительно увеличивающій расходы фабричнаго производства, способенъ скорѣе ослабить влеченіе капиталовъ къ этого рода помѣщеніямъ. Насколько будетъ взято казной посредствомъ пошлинъ на машины, настолько должны уменьшиться ежегодно затрачиваемые промышленные капиталы, а съ тѣмъ вмѣстѣ и заработки рабочаго люда, и всѣ государственные доходы связанные съ промышленностью, земледѣліемъ и торговлей. Налогъ на употребленіе машинъ,—и налогъ къ тому же довольно высокій (отъ 15% до 25% и болѣе ихъ цѣнности), какъ того весьма послѣдовательно, съ точки зрѣнія личныхъ интересовъ требуютъ механическіе заводчики,—налогъ на главную дѣйствующую силу въ современной промышленности и земледѣліи, подрывая источники возрастанія народнаго богатства, будетъ самъ по себѣ давать казнѣ ежегодно уменьшающійся доходъ, вслѣдствіе прогрессивно, со вздорожаніемъ машинъ, ослабѣвающей привычки ихъ употребленія, и будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ парализовать доходность всѣхъ остальныхъ налоговъ въ государствѣ. Разчитывать на выгодность пошлинъ на машины могутъ только такіе государственные люди, кои составляютъ свои финансовые планы по извѣстной французской поговоркѣ: *après nous le déluge*.

Мы нарочно обратили вниманіе на финансовую сторону дѣла, которою проповѣдники этой мѣры съ особеннымъ рвеніемъ стараются прельстить правительство.

Что же касается до пагубнаго дѣйствія пошлинъ на машины въ отношеніи къ успѣхамъ промышленности и механическаго производства, то мы неодиократно объ этомъ говорили, ссылаясь между прочимъ на мнѣніе такихъ отечественныхъ знатоковъ дѣла, какъ механическіе заводчики гг. Струве и Лессингъ. Нельзя, повторимъ, не удивляться, что изложенные ими въ тарифной коммиссіи доводы противъ пошлинъ на машины не убѣдили даже правительственныхъ ея членовъ; приходится въ особенности этому удивляться, и при этомъ поневолѣ дѣлать весьма печальныя заключенія о характерѣ дѣйствій тарифной коммиссіи, когда слышишь возраженія адвокатовъ пошлинъ на машины. Возраженія эти, направленныя между прочимъ и противъ насъ, считавшихъ своимъ долгомъ привлечь вниманіе публики къ полновѣсной запискѣ гг. Струве и Лессинга, остававшейся подъ спудомъ во многотомныхъ матеріялахъ тарифной коммиссіи, эти возраженія такъ слабы, что о нихъ едва ли стоило бы упоминать, еслибы легкомысліе, съ какимъ финансисты тарифной коммиссіи подчиняются наглой агитаціи, не угрожало важными уронами нашему народному хозяйству. Намъ говорятъ, что гг. Струве и Лессингъ не обнаружили никакого особеннаго великодушія, сопротивляясь покровительственнымъ пошлинамъ на машины, ибо занимаясь преимущественно *сборкой* механическихъ сооруженій, а не производствомъ ихъ, они ничего не проигрываютъ отъ безпошлиннаго ввоза машинъ и могутъ только выиграть отъ возможноменьшаго таможеннаго покровительства механическимъ издѣліямъ (см. *С.-Петербургскія Вѣдомости* № 53). Но вопервыхъ, кто же говорилъ о великодушіи гг. Струве и Лессинга? Великодушіе въ промышленномъ дѣлѣ не только неумѣстно, но даже весьма подозрительно, ибо оно противоположно промышленному разчету, безъ котораго всякое промышленное дѣло или несостоятельно, или основано на плутовствѣ. О своемъ

великодушіи толкують только фабриканты агитирующіе въ пользу запретительныхъ тарифовъ; но въ своемъ безкорыстномъ патріотизмѣ они могутъ убѣдить лишь весьма недальновидныхъ людей. Напротивъ, разсчетъ, подобный желаніямъ гг. Струве и Лессинга, видящихъ свою особенную выгоду въ томъ, что выгодно для всѣхъ, въ безпошлинномъ ввозѣ машинъ и механическихъ частей, гораздо уважительнѣе съ государственной точки зрѣнія чѣмъ великодушіе владѣльцевъ другихъ механическихъ заводовъ, заваленныхъ, по ихъ словамъ, заказами и не щадящихъ своихъ силъ, чтобы выпросить покровительственныя пошлины не ради своей пользы, а ради государства и своихъ покупателей. Вовторыхъ, гг. Струве и Лессингъ, конечно, могли бы также точно какъ и эти послѣдніе, найдти свою выгоду въ покровительственныхъ пошлинахъ на машины, ибо само собою разумѣется, что если они и дѣйствительно занимаются нынѣ преимущественно сборкой механическихъ частей, то производство машинъ имъ подручнѣе чѣмъ кому бы то ни было. Они предпочитаютъ невѣрнымъ барышамъ, связаннымъ съ протекціонистской агитаціей, характеръ дѣла основанный на вѣрномъ разсчетѣ и согласный съ интересами всей публики; но это еще нисколько не значитъ, чтобъ они не могли имѣть, по роду своего ремесла, тѣхъ же любостяжательныхъ и рискованныхъ видовъ, какіе воодушевляютъ ихъ собратій. Если они не хотятъ имѣть эти виды и не сочувствуютъ протекціонистской интригѣ, то они конечно заслуживаютъ за это всякой похвалы, хотя бы ихъ промышленное предпріятіе и не было жертвой великодушія и чистѣйшимъ патріотизмомъ, какимъ воодушевлены иные изъ ихъ собратій. Всего однакоже любопытнѣе другое возраженіе, безпрерывно повторяемое защитниками пошлинъ на машины противъ указанныхъ ими вредныхъ послѣдствій этой мѣры — дороговизны всякихъ механическихъ приспособленій, безъ которыхъ не можетъ процвѣтать ни одна отрасль промышленности. Противъ этого неминуемаго зла насъ утѣшаютъ тѣмъ, что дороговизна машинъ будетъ самая кратковременная, что внутренняя конкурренція механическихъ заводовъ, долженствующихъ размножиться подъ таможеннымъ покровительствомъ, быстро понизитъ цѣны на ихъ издѣлія, что къ тому же увеличеніе работы позволитъ этимъ заводамъ удешевить свое производство, и что наконецъ даже первоначальное кратковременное вздорожаніе машинъ не дойдетъ до размѣровъ всей пошлины, что хозяева механическихъ заводовъ, ради общей пользы, не поднимутъ цѣнъ на свои издѣлія на всю высоту тарифа. Такова вся аргументація, съ самоувѣренностію развиваемая противъ всего что было сказано нами и другими по вопросу о пошлинахъ на машины (см. *С.-Петербургскія Вѣдомости* № 53). Трудно представить себѣ что-нибудь страннѣе и несостоятельнѣе этой аргументаціи. Положимъ, что владѣльцы механическихъ заводовъ будутъ такъ милостивы къ русской публикѣ, что не возвысятъ цѣнъ въ размѣрѣ всей покровительственной пошлины, и положимъ, что механическія заведенія такъ быстро у насъ размножатся вслѣдъ за введеніемъ пошлинъ, что внутренняя конкурренція заставитъ спустить цѣны даже ниже нынѣшнихъ, какъ обѣщаютъ намъ лица, домогающіяся этихъ пошлинъ,—но спрашивается какая же тогда необходимость въ установленіи таможенной преміи на пользу отечественнаго механическаго производства. Вѣдь премія эта будетъ фиктивною и не увеличитъ барышей заводчиковъ. Неужели можно думать, что достаточно незначительнаго возвышенія цѣнъ на машины въ теченіе двухъ-трехъ лѣтъ, дабы создать механическое производство въ Россіи и привести его въ то же положеніе, въ какомъ оно находится нынѣ въ образованнѣйшихъ странахъ западной Европы? Можно ли болѣе нелѣпымъ образомъ защищать свое дѣло? Доказывать необходимость установленія на многіе годы преміи въ пользу своего предпріятія, и вмѣстѣ съ тѣмъ утверждать, что эта премія будетъ не убыточна для плательщиковъ, потому что она будетъ быстро уничтожена внутреннею конкурренціей! Наши механическія заведенія не въ состояніи будутъ удешевить свои издѣлія только потому, что у нихъ много заказовъ. Расходы производства конечно уменьшаются съ его развитіемъ, но надобно не имѣть никакого понятія о механическомъ дѣлѣ, чтобы думать, что каждый заводъ можетъ вдругъ усилить свое производство въ нѣсколько разъ, только потому что ему сдѣлано больше заказовъ. Между подобными нелѣпостями, защитники пошлинъ на машины высказали однако, сами того не подозрѣвая,

частицу правды, но правды, которая падаетъ на ихъ же голову. Дѣйствительно, для быстрой наживы, безъ всякаго существеннаго улучшенія и развитія своего дѣла, нынѣшнимъ нашимъ механическимъ заводчикамъ нужно не много лѣтъ дѣйствія новыхъ таможенныхъ пошлинъ, и имъ горя мало, что преувеличенныя (какъ это всегда бываетъ) надежды связанныя съ этою мѣрою, возбудивъ духъ спекуляціи на устройство механическихъ заведеній, съ недостаточными знаніями и капиталами, быстро убьютъ, усиленною конкурренціей, даже то производство, какое у насъ нынѣ существуетъ. До этого, то-есть, до дѣйствительныхъ успѣховъ отечественнаго механическаго производства, нѣтъ никакого дѣла агитаторамъ: имъ нужно только на скорую руку собрать дань съ своихъ недальновидныхъ покупателей, и потомъ поскорѣе выбраться изъ своихъ предпріятій.

№ 50.

Москва, 6-го марта.

Высказанная въ № 27 нашей газеты г-мъ В. О. мысль о возможности соединить усовершенствованіе правилъ отбыванія у насъ воинской повинности съ поощреніемъ низшихъ классовъ народа къ образованію, встрѣчена съ разныхъ сторонъ живымъ сочувствіемъ. Изъ числа заявленій его мы помѣщаемъ ниже письмо П. Б. Бланка, предсѣдателя тамбовской губернской земской управы, и обращаемъ вниманіе читателей на содержаніе этого благонамѣреннаго, на практическомъ знакомствѣ съ дѣломъ основаннаго письма. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы даемъ мѣсто второму письму къ намъ г. В. О., указывающему на выгодную связь въ которую предлагаемая имъ мѣра могла бы быть приведена съ конскрипціей какъ серіозное облегченіе ея весьма чувствительной на первое время тяжести. По поводу этого второго письма г. В. О. считаемъ не лишнимъ сказать отъ себя нѣсколько словъ.

Въ настоящее время, когда рекрутскій наборъ уже оконченъ по всей Имперіи, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей, гдѣ онъ отложенъ во вниманіи къ особымъ обстоятельствамъ, мы получаемъ съ разныхъ сторонъ о его ходѣ болѣе или менѣе утѣшительныя извѣстія. Рекруты идутъ на службу безъ прежняго паническаго страха; имъ извѣстно, что поступленіемъ во фронтъ они уже не лишаются гражданскихъ и человѣческихъ правъ, не отдаютъ всей жизни своей отправленію военной повинности. Самый обрядъ пріема рекрутъ, недавно еще вселявшій ужасъ въ новобранцахъ и отвращеніе въ зрителяхъ, сталъ человѣчнѣе: рекруты вводятся въ присутствіе не нагіе какъ прежде; о бритьѣ лба и затылка нѣтъ и помину; принятый на службу остается на первое время въ той же одеждѣ, какъ сданъ, что, будучи выгодно для казны, дѣйствуетъ успокоительно на новобранцевъ, которые такимъ образомъ не вдругъ и не круто переходятъ къ новому быту.

Преобразованія послѣднихъ лѣтъ по отношенію къ рекрутской повинности правильнѣе назвать лишь облегченіями, предпринятыми временно, въ видахъ согласованія, по мѣрѣ возможности, прежней системы набора съ устанавливающимся у насъ, вслѣдствіе крестьянской, судебной и земской реформъ, новымъ общественнымъ строемъ. Они очевидно носятъ на себѣ характеръ мѣръ переходныхъ, принимаемыхъ до окончательнаго пересмотра дѣйствующаго у насъ понынѣ *Рекрутскаго Устава*. Мысль объ этомъ пересмотрѣ возникла еще въ 1862 г., вслѣдъ за крестьянскою реформой. Военнымъ министромъ внесенъ былъ тогда въ совѣтъ министровъ докладъ о необходимости „безотлагательнаго“ пересмотра рекрутскаго устава, для согласованія его съ новыми условіями крестьянскаго быта и имѣвшимися въ виду мѣрами къ устройству положенія нижнихъ чиновъ. На основаніи этого доклада, Высочайше повелѣно было учредить въ С.-Петербургѣ особую коммиссію, подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Бахтина, на которую было между прочимъ возложено составленіе проекта *главныхъ началъ* новаго рекрутскаго устава

Коммиссіей были предприняты весьма серіозныя работы съ цѣлью всесторонняго изслѣдованія вопроса о нашей военной повинности; но шестилѣтніе труды ея имѣли пока практическимъ послѣдствіемъ лишь составленіе нѣсколькихъ облегчительныхъ правилъ для рекрутскихъ наборовъ, производимыхъ на основаніи прежнихъ узаконеній; что же касается главной задачи коммиссіи — новыхъ основаній для рекрутскаго устава, — то, сколько извѣстно, до

сихъ поръ коммиссіей не выработано еще ничего окончательнаго.

Главная черта нынѣ дѣйствующаго рекрутскаго устава есть та, что военная повинность распредѣляется не на всѣ сословія, а падаетъ исключительно на сословія низшія податныя и притомъ такъ, что въ массѣ лицъ, подлежащихъ набору, бываетъ весьма значительное число изъятій. Это есть послѣдствіе крѣпостнаго права вносившаго въ государственный бытъ нашъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и въ армію, начала противоположныя тѣмъ, на которыхъ зиждятся благоустроенныя общества и благоустроенныя арміи Европы. При господствѣ у насъ такихъ началъ, рекрутская повинность, принявшая на Западѣ со времени Наполеоновскихъ войнъ характеръ почетный и распространившаяся на всѣ классы и части населенія безъ изъятія, у насъ однихъ оставалась повинностью какъ бы унизительною. Такое воззрѣніе законодательства на военную повинность вызвало съ одной стороны массу изъятій, съ другой—узаконеніе обычая сдавать на службу не только людей порочнаго поведенія, но даже опороченныхъ судебнымъ приговоромъ. Законодательство откровенно смотрѣло на военную службу въ нижнихъ чинахъ какъ на наказаніе, и потому виновные, за нѣкоторыя преступленія, приговаривались судомъ къ отдачѣ въ солдаты. Тѣмъ же разумѣется взглядомъ смотрѣлъ на службу и новобранецъ, даже сдаваемый по очереди или по жребію. Да и могъ ли онъ смотрѣть иначе? Поступая на 25-ти-лѣтнюю службу, рекрутъ, при той системѣ устрашенія, которая господствовала въ арміи, не только видѣлъ себя на всю жизнь обреченнымъ службѣ, не только лишался за это всѣхъ имущественныхъ правъ, которыми пользовался до забритія лба, но считалъ даже семейство свое вещью казенною, ибо сыновья его, рожденные какъ на службѣ, такъ и въ отставкѣ, зачислялись въ кантонисты и воспитывались казной для различныхъ потребъ арміи.

Отмѣна сдачи солдатскихъ дѣтей въ кантонисты и приписка ихъ къ податнымъ сословіямъ, сокращеніе срока службы до 15-ти лѣтъ, запрещеніе сдавать на службу преступниковъ по суду, упраздненіе многихъ безполезныхъ формальностей при пріемѣ рекрутъ, разрѣшеніе пріема въ рекруты дворянъ-охотниковъ, уменьшеніе мѣры роста,—все это было истиннымъ благодѣяніемъ, и, конечно, много облегчило тяжесть рекрутской повинности, но все это еще не сняло съ нея того характера, который установился въ силу крѣпостнаго права. Она, попрежнему, лежитъ исключительно на податныхъ и все что мало-мальски выдается изъ общаго уровня, отъ нея освобождено; попрежнему званіе солдата, въ глазахъ народа, не есть почетное званіе, а тяжесть лежащая на неполноправныхъ и беднѣйшихъ массахъ населенія, отъ которой не отдѣлываются тѣ только, кто не въ состояніи поставить за себя наемника, или купить зачетную квитанцію, или, наконецъ, изуродовать свое тѣло такъ чтобъ и для службы считаться негоднымъ, и не подвергнуться отвѣтственности за „членовредительство.“ Попрежнему еще возможна отдача въ рекруты за проступки.

Ничего подобнаго нѣтъ, да и быть не можетъ, ни въ одномъ континентальномъ государствѣ западной Европы, гдѣ отправленіе военной повинности есть обязанность каждаго гражданина, безъ различія сословій, и гдѣ поэтому армія, заключая въ себѣ лучшія силы всего государства, имѣетъ гораздо болѣе обширный источникъ для своего комплектованія и, при являющейся оттого возможности значительнаго сокращенія сроковъ службы, несравненно менѣе истощаетъ государство. Съ своею системой, основанною на крѣпостномъ правѣ, которое уже рушилось, мы стоимъ теперь, по отношенію къ способамъ комплектованія арміи, далеко позади Европы, въ то самое время, когда благодаря системѣ конскрипціи, численность армій на западѣ доводится до небывалыхъ еще размѣровъ, при тѣхъ огромныхъ, сравнительно съ нашими, способахъ къ быстрой мобилизаціи, которые заключаются въ желѣзныхъ дорогахъ. Французская конскрипція ежегодно привлекаетъ на службу около трети молодыхъ людей, достигшихъ 21 года; армія, поддержаная слишкомъ 400 тысячнымъ резервомъ и таковою же подвижною національною гвардіей, вполнѣ способною для внутренней службы,—представляетъ теперь контингентъ въ 1.250,000 чел., передвиженіе которыхъ, при выгодной сѣти желѣзныхъ дорогъ, можетъ совершаться съ удивительною легкостью. Прусская система ландверовъ, усвоенная нынѣ и въ арміи Сѣверо-Германскаго Союза, дѣлаетъ военную службу также обя-

зательною для всѣхъ сословій, несмотря на силу и вліяніе тамъ аристократическаго элемента и на энергическую поддержку, которую правительство оказываетъ просвѣщенію, торговлѣ и промышленности. При 665.000 собственно прусскихъ подвижныхъ войскъ и слишкомъ 500.000 союзныхъ, поддержанныхъ сильными резервами, Пруссія, также покрытая сѣтью желѣзныхъ путей, явила въ 1866 году небывалый въ военной исторіи примѣръ, мобилизовавъ свою армію въ двѣнадцать дней. Одною изъ первыхъ мѣръ Австріи, послѣ пораженія при Садовой и Кениггрецѣ, было усовершенствованіе прежней системы конскрипціи, допускавшей значительное количество изъятій и признававшей, въ обширныхъ размѣрахъ, право откупаться отъ службы. По законамъ 1866 года, военной повинности подлежатъ всѣ австрійскіе подданные, и освобожденіе отъ службы посредствомъ взноса установленной преміи отмѣнено.

Низшіе слои общества, сельскіе и городскіе, во всей Европѣ составляютъ, какъ у насъ, и наиболѣе многочисленную и наименѣе цивилизованную часть общества, а потому возложеніе военной повинности исключительно на эти классы было бы и тамъ очень возможнымъ, даже, въ экономическомъ отношеніи, болѣе удобнымъ чѣмъ у насъ; однако мысли этой никому и въ голову не приходитъ, а напротивъ, въ конскрипціи всѣ видятъ самый вѣрный способъ къ возвышенію нравственнаго элемента арміи. Пруссія, которая послѣ пораженій при Іенѣ и Ауэрштетѣ была потрясена въ самыхъ основаніяхъ своихъ, была однако въ состояніи, благодаря конскрипціи, выставить черезъ семь лѣтъ армію, поднявшую русское королевство до степени великой державы; Австрія, послѣ Садовой, на дѣлѣ убѣдилась въ опасности пренебрегать умственнымъ развитіемъ войска, и приступила къ поправленію зла усовершенствованіемъ своей системы конскрипціи; нечего и говорить о Франціи, гдѣ, вслѣдствіе политическихъ и военныхъ катастрофъ начала нынѣшняго столѣтія, сознаніе въ необходимости конскрипціи и для государства, и для арміи, вошло въ плоть и кровь народа.

Наши податныя сословія, исключительно обремененныя военною повинностью, едва въ силахъ удовлетворять теперь потребностямъ арміи. Несмотря на то что наборы послѣднихъ лѣтъ доходятъ всего до 4-хъ съ тысячи, отовсюду раздаются жалобы о затруднительности ставить рекрутъ согласно совершенно справедливымъ требованіямъ военнаго вѣдомства касательно здоровья и лѣтъ; недоимка ежегодно возрастаетъ, и правительство видитъ необходимость прощать ее, а разрядъ неспособныхъ постоянно увеличивается. Факты эти всего краснорѣчивѣе убѣждаютъ въ своевременности и пользѣ скорѣйшаго исполненія Монаршей воли, ясно высказанной въ 1862 году, когда было рѣшено ввести въ Рекрутскій Уставъ новыя начала, согласныя съ требованіями времени. Изъ арміи доходятъ слухи то о необходимости поднять нравственный уровень войска, то о скудости въ офицерахъ, доходящей иногда до такихъ размѣровъ, что отправленіе служебныхъ обязанностей становится затруднительнымъ, то о низкомъ состояніи въ войскахъ грамотности, не соотвѣтствующемъ нынѣшнему устройству военнаго дѣла. Основныя реформы въ системѣ комплектованія нашей арміи необходимы до очевидности, а приведеніе ихъ въ дѣйствіе можетъ быть облегчено сокращеніемъ сроковъ службы по мѣрѣ образованія. Нельзя не пожелать, чтобы мы принялись за это важное дѣло не ожидая того времени, когда насъ могутъ принудить къ тому неблагопріятныя внѣшнія обстоятельства или потери, всегда болѣе или менѣе тяжкія.

№ 51.

Москва, 7-го марта.

Изо всѣхъ комбинацій, выработанныхъ во Франціи въ послѣднее время мечтаніями Поляковъ, едва ли какая можетъ сравниться по нелѣпости съ мечтой, которая теперь у нихъ въ большомъ ходу, создать для Франціи силу образованіемъ австро-прусскаго союза, направленнаго противъ Россіи. Мысль эта разрабатывалась впрочемъ и офиціозною французскою печатью, на что мы въ свое время обращали вниманіе читателей (см. №№ 10 и 12 *Московскихъ Вѣдомостей*), замѣтивъ, что только независимый *Journal de Paris* возражалъ тогда на эту безсмысленную затѣю, и доказывалъ, что образованіе подобнаго союза было бы „одною изъ *самыхъ серьезныхъ*

случайностей, какими могла бы отозваться для Франціи ея политика за 1866 годъ и битва при Садовой.“ Но вотъ тѣ же самыя офиціозныя газеты, какъ *Patrie*, *Etendard*, *Presse*, и даже *France*, которыя столь усердно развивали доводы въ пользу сказаннаго союза, утверждаютъ теперь, что поѣздка палероялъскаго Амфитріона въ Берлинъ имѣетъ совершенно частный характеръ и предпринята единственно изъ личныхъ побужденій. Эти личныя побужденія не совпадаютъ ли однако до нѣкоторой степени съ помянутою выше пропагандой офиціозной печати, внезапно прекратившеюся подъ вліяніемъ грустнаго разочарованія, какому неожиданно подверглись эти мечтанія вслѣдствіе вспышки австро-ганноверскаго приключенія? Со времени этой вспышки внезапно прекратились и бредни офиціозной печати о заключеніи вышесказаннаго союза и о выводимомъ изъ онаго, для вящаго яко бы спокойствія Европы, изолированіи Россіи.

Быть-можетъ, внезапная поѣздка принца Наполеона есть не что иное, какъ попытка сростить концы нечаянно порванной нити: такъ по крайней мѣрѣ объясняютъ ее Поляки. Его ненавистъ къ Россіи, его дѣятельныя сочувствія польскому дѣлу, и внушенныя ему этими сочувствіями мечтанія о союзѣ между Пруссіей, Австріей и Италіей, подъ гегемоніей Франціи, для борьбы съ Россіей, — все это давно уже не тайна ни для кого. Но можно сказать навѣрное, что каковы бы ни были его дипломатическіе таланты, они не спасутъ его въ этомъ случаѣ отъ торжественнаго *fiasco*, если только онъ дѣйствительно имѣетъ въ виду тѣ планы, которые приписываютъ ему парижскіе Поляки.

Какъ убѣдить Пруссію въ необходимости войдти съ Франціей въ соглашеніе на почвѣ Восточнаго вопроса? Неужели Франція можетъ льстить себя надеждой, что Берлинскій кабинетъ потеряетъ изъ виду неразрывную связь, которая установилась нынѣ между всѣми великими вопросами, нависшими, какъ громоносныя тучи, надъ спокойствіемъ и благосостояніемъ міра? Что бы ни говорилъ принцъ Наполеонъ, онъ не убѣдитъ въ Берлинѣ, будто не на Западѣ, а на Востокѣ, не въ Парижѣ, а въ Петербургѣ, гнѣздятся завоевательные замыслы, столь настойчиво угрожающіе спокойствію Европы съ тѣхъ поръ какъ французская политика убѣдилась въ своихъ недочетахъ, вслѣдствіе непредвидѣнной ею развязки австро-прусскаго столкновенія... Въ Берлинѣ всякому извѣстно, что Восточный вопросъ можетъ въ этомъ случаѣ послужить лишь тѣмъ благовиднымъ предлогомъ, котораго требовалъ баронъ Бейстъ, чтобы за какое-нибудь сподручное „вознагражденіе“ предоставить оружіе Австріи къ услугамъ Франціи въ области Германскаго вопроса. Въ Берлинѣ еще не забыли раздававшагося въ Парижѣ восклицанія, что „въ Константинополѣ хранятся ключи лѣваго берега Рейна“, — восклицанія, которое вырвалось изъ среды самыхъ приближенныхъ друзей Палероялъскаго дворца. Посреди созданнаго Тюльерійскою политикой *statu quo*, всякое дѣйствіе Франціи на почвѣ Восточнаго вопроса, должно имѣть, въ глазахъ Берлинскаго кабинета, значеніе обходнаго движенія для атаки съ тыла прусской позиціи на Рейнѣ. Нуждаясь въ союзникахъ, Франція, для исполненія своихъ замысловъ противъ объединенной Германіи, пытается склонить на свою сторону Пруссію! Что могло бы быть нелѣпѣе этого? Нельзя, впрочемъ, отрицать того, что Франція настойчиво ищетъ себѣ во что бы то ни стало союзниковъ на европейскомъ материкѣ. Эта настойчивость доказываетъ, до какой степени, вопреки всѣмъ завѣреніямъ парижской офиціозной печати, потеряна для Франціи надежда на возобновленіе пресловутаго „сердечнаго соглашенія“ 1854 — 56 годовъ: сочувствія Англіи къ объединенной Германіи, ея опасенія со стороны грозной американской соперницы, въ виду неизбѣжнаго, призваннаго ошибками Франціи, вмѣшательства Америки въ дѣла Европы, — все это разрушило всякую солидарность между англійскою политикой и затѣйливыми причудами ея противоестественной союзницы 1854 года. Нѣтъ сомнѣнія, что именно это изолированіе — не Россіи, а Франціи, — послужитъ на нынѣшній годъ залогомъ мира для Европы, при всѣхъ позывахъ политическаго донкихотства, которому Франція уже обязана образованіемъ двухъ грозныхъ единствъ у своихъ предѣловъ и блистательнымъ *fiasco* ея вмѣшательства въ 1863 г. во внутреннія дѣла Россіи....

Но мы не можемъ не порадоваться измѣнившемуся съ нѣкотораго времени тону французской офиціозной печати, по отношенію къ Восточному вопросу и вообще къ Россіи. Эта перемѣна тѣмъ чувстви-

тельнѣе, чѣмъ грубѣе были тѣ непріязненныя демонстраціи, которыя еще такъ недавно дѣлались въ Парижѣ по случаю празднованія Поляками Барской конфедераціи. Въ добрый часъ! Перемѣна настроенія французской политики, если таковая дѣйствительно произошла, какъ можно заключать изъ тона офиціозной печати, всего болѣе послужитъ къ выгодѣ самой Франціи и пособитъ ей выйдти изъ того неловкаго положенія, въ которомъ она теперь находится. Россія, руководимая своими интересами, не нуждается ни въ какихъ воинственныхъ союзахъ; но она не заинтересована также и тѣмъ, чтобы Франція находилась въ положеніи неловкомъ, стѣсненномъ и изолированномъ. Дорожа своими добрыми отношеніями къ сосѣдней Германской державѣ, Россія не имѣетъ причины враждовать противъ Франціи и не принимать ея руки, простертой на миръ, въ которомъ такъ нуждается Европа, изнуренная громадными, все возрастающими вооруженіями. Дабы, не тревожа другихъ, удержать въ Европѣ, посреди новыхъ обстоятельствъ, свое великое положеніе безъ порухи и урона,— Франція поступила бы всего лучше еслибъ отбросила свое искусственное, поддѣльное, изъ фальшивыхъ источниковъ возникшее недоброжелательство къ Россіи. Противодѣйствуя сочувствіямъ Россіи на Востокѣ, отвергая ея взглядъ на тамошнія дѣла, основанный на дѣйствительныхъ потребностяхъ не только христіанскихъ, но и мусульманскихъ населеній, и ища себѣ опоры въ распадающейся, но все еще алчной къ захватамъ, все еще надѣющейся заѣсть придунайскихъ Славянъ имперіи Габсбурговъ, Франція готовила бы себѣ въ будущемъ только новыя, еще болѣе горькія разочарованія и уроны. Способствуя подавленію живыхъ народныхъ силъ на Востокѣ, развитіе которыхъ становится необходимостію для равновѣсія Европы, Франція, во вредъ самой себѣ, подрывала бы основы этого равновѣсія. Если она не убѣдится въ этомъ теперь, то ей придется убѣдиться, когда уже будетъ слишкомъ поздно....

По нѣкоторымъ толкованіямъ, принцъ Наполеонъ имѣлъ отъ императора порученіе сообщить разнымъ дворамъ Германіи, что, по его мнѣнію, настоящее положеніе Европы стало невыносимымъ, и что даже война была бы предпочтительнѣе подобнаго порядка вещей. Принцъ обязанъ-де, впрочемъ, тотчасъ же присовокупить, что данное ему порученіе имѣетъ вполнѣ мирный характеръ, и передать надежду императора, что его желанія найдутъ отголосокъ въ желаніи Германскихъ правительствъ. Для прекращенія настоящаго положенія, подвергающаго опасности интересы всей Европы, необходимо-де достигнуть всеобщаго разоруженія и съ этою цѣлію устранить тревожные вопросы, въ числѣ коихъ первое мѣсто занимаютъ Восточный вопросъ и преобразованіе южной Германіи. Что касается послѣдняго, то Франція-де съ сочувствіемъ отнеслась бы къ учрежденію южно-германскаго союза. Повидимому, эти послѣднія толкованія похожи на правду. По крайней мѣрѣ вѣрно то, что возвѣщенная полонофильскими газетами поѣздка принца Наполеона въ Познань не состоялась.

№ 52.

Москва, 8-го марта.

Въ продолженіе послѣднихъ пяти лѣтъ, начиная съ 1863 г., въ Вильнѣ перемѣнилось пять генералъ-губернаторовъ. Каждый разъ назначеніе новаго правителя въ этотъ край, получившій, вслѣдствіе недавнихъ событій, столь значительную важность въ общей системѣ нашего государственнаго управленія, сопровождалось то опасеніями и тревогами, то изъявленіями радости и возбужденіемъ надеждъ. Опытъ однако достаточно показалъ, что съ перемѣною лицъ отнюдь не измѣнялись задачи, которыя правительство предпоставило себѣ въ западномъ краѣ. Какъ ни мало сходствовали между собою по характеру и образу мыслей начальники виленской администраціи смѣнявшіе одинъ другаго, не только вопросы оставались все тѣ же, но и въ способахъ рѣшенія ихъ мало было замѣтно перемѣны. Наконецъ, потому ли что администрація, при кратковременности срока, въ который приходилось ей дѣйствовать, не успѣвала освоиться съ мѣстными условіями и раскрыть во всемъ размѣрѣ свои дѣйствія, или потому что она была стѣснена въ своихъ способахъ, только и въ самомъ положеніи дѣлъ не произошло существенныхъ измѣненій. Единственная мѣра, которая въ этомъ отношеніи должна была имѣть серіозное значеніе, подвигается туго впередъ или лучше сказать, остановилась на пер-

выхъ шагахъ: мы разумѣемъ ту мѣру, которая касается землевладѣнія въ западномъ краѣ и клонится къ тому, чтобы вывести его изъ замкнутаго круга враждебной государству національной организаціи. Первоначальные планы къ широкому и дѣйствительному исполненію этой мѣры встрѣтили препятствія; фондъ, который былъ ассигнованъ для этой цѣли и который могъ бы способствовать, въ значительной степени, перемѣщенію поземельной собственности, безъ несправедливаго урона для нынѣшнихъ землевладѣльцевъ и съ великими выгодами для государства, получилъ иное назначеніе. Другой вопросъ, клонящійся къ тому чтобы самую идею русской національности вывести изъ тѣхъ искусственныхъ, фальшивыхъ и очевидно вредныхъ государству условій, въ которыхъ она заключена преданіями политики столь же несвойственной нашему времени, сколько противорѣчащей истинному разуму вещей, не сдѣлалъ и первыхъ шаговъ. У подданныхъ Русскаго государства, пользующихся его правами и несущихъ на себѣ его тяжести, по прежнему отнимается право на языкъ ихъ отечества, и они искусственно воспитываются въ чувствѣ національностей чуждыхъ и враждебныхъ той націи, въ составъ которой входятъ.

Кромѣ польскаго и римско-католическаго вопросовъ, которые тяготѣютъ надъ западнымъ краемъ, дѣла осложняются тамъ еще другимъ, не менѣе важнымъ, каковъ еврейскій. Евреи составляютъ около одной четверти населенія западнаго края вообще и около половины населенія городскаго. Люди свѣдущіе утверждаютъ, что дѣйствительная численность ихъ далеко превышаетъ цифру офиціальной статистики. Если при этомъ принять во вниманіе дѣятельность, смѣтливость и оборотливость Евреевъ, съ помощію коихъ они успѣли завладѣть всею торговлей и ремеслами западнаго края, и вслѣдствіе того стать въ самыя близкія отношенія ко всѣмъ слоямъ тамошняго населенія, то было бы излишне распространяться о значеніи еврейскаго населенія въ западномъ краѣ.

Въ кратковременное управленіе графа Баранова сѣверо-западнымъ краемъ, еврейскій вопросъ былъ поставленъ въ Вильнѣ съ поразительною вѣрностію и широтой взгляда. Въ свое время мы извѣщали объ этомъ, но, къ сожалѣнію, дѣло ограничилось только однимъ циркулярнымъ заявленіемъ генералъ-губернатора, которое случайно прочли мы въ мѣстныхъ губернскихъ вѣдомостяхъ и которое, сколько намъ извѣстно, осталось безъ дальнѣйшихъ послѣдствій. Предположенія администраціи коснулись самаго корня еврейскаго вопроса, который разросся дремучимъ лѣсомъ въ западной Россіи, и грозитъ ей однимъ изъ самыхъ серіозныхъ затрудненій, если дѣло не будетъ выведено изъ тѣхъ неестественныхъ условій въ которыхъ оно замкнуто. Евреи составляютъ въ Россіи какъ бы особое царство которое страшною силой тяготѣетъ на своихъ подданныхъ, лишая ихъ всякой человѣческой свободы. Наше законодательство закабалило Евреевъ еврейскому обществу и поставило ихъ религіозныя вѣрованія подъ авторитетъ правительства, искусственно разобщивъ Евреевъ съ окружающимъ міромъ. Что же касается до права Евреевъ пользоваться языкомъ ихъ отечества, то, несмотря на всѣ старанія просвѣщеннѣйшихъ между ними людей, они попрежнему остаются обязанными усвоять себѣ или нѣмецкій, или польскій языкъ.

Къ счастію для Россіи, Поляки, во все продолженіе ихъ владычества надъ западнымъ краемъ, ослѣпленные своею шляхетскою гордостію и латинскимъ фанатизмомъ, слишкомъ пренебрегали Евреями, предавая имъ въ тоже время всѣ интересы своей страны. Успѣй они ополячить Евреевъ, польскій вопросъ представился бы намъ въ несравненно болѣе грозномъ видѣ нежели теперь. Только въ послѣднее время польскіе патріоты поняли свою ошибку. Еще въ тридцатыхъ годахъ они не хотѣли допускать, „чтобы кровь Евреевъ на полѣ битвы смѣшивалась съ кровью шляхетскою,“ но предъ послѣднимъ мятежомъ, даже князь Чарторыйскій наказывалъ имъ, чтобы впредь они жили въ дружбѣ и братствѣ съ Евреями. Здравый смыслъ Евреевъ не допустилъ ихъ въ массѣ довѣрить польскимъ обольщеніямъ; однако и между ними нашлись люди, видѣвшіе спасеніе своихъ единовѣрцевъ въ сближеніи ихъ съ Поляками. Для достиженія этой цѣли они принялись за самое успѣшное дѣло, которое въ состояніи сближать разноплеменныя населенія, при различіи вѣроисповѣданій, — и они принялись распространять между Евреями польскій языкъ, и притомъ не только въ области человѣческихъ зна-

ній, всегда и вездѣ доступныхъ лишь не большому числу избранныхъ, а въ области религіи, охватывающей собою всѣ слои общества и проникающей существо человѣка и въ глубину его быта. Еврейскій языкъ, какъ мертвый, не понятенъ безъ продолжительнаго и прилежнаго изученія, которое для Евреевъ возможно лишь при помощи живаго языка того народа, между которымъ они живутъ. Для этой цѣли вездѣ имѣются переводы Библіи, молитвенниковъ и другихъ религіозныхъ книгъ на народный языкъ обитаемой Евреями страны, который такимъ образомъ, служа имъ орудіемъ къ изученію ихъ священныхъ книгъ, становится ихъ отечественнымъ языкомъ, дорогимъ и священнымъ для нихъ. Поляки и полякующіе Евреи хорошо поняли это и, совершенно раціонально, стали усиленно распространять еврейскій молитвенникъ, переведенный на польскій языкъ докторомъ Нейфельдомъ, и Библію, переведенную имъ же при участіи другихъ ученыхъ.

А на русскомъ языкѣ и по сіе время остается странный запретъ, который отчуждаетъ отъ Россіи цѣлые милліоны ея сограждан.

Уже пять лѣтъ тому назадъ мы имѣли случай видѣть русскій переводъ нѣкоторыхъ частей Библіи для Евреевъ (Пятикнижія и псалмовъ), сдѣланный кандидатомъ С.-Петербургскаго университета. г. Мандельштаммомъ, и напечатанный въ 1862 году въ Берлинѣ. Имя переводчика хорошо извѣстно русскимъ Евреямъ по прежде изданнымъ имъ (отчасти по порученію министерства народнаго просвѣщенія) сочиненіямъ, какъ то: руководство къ изученію русскаго языка для еврейскихъ учителей, словарь еврейско-русскій, еврейская грамматика и пр. Кромѣ того, онъ издалъ нѣмецкій переводъ Библіи и Маймонидова свода законовъ и два тома *Изслѣдованій о Библіи* (Biblische Studien), заслужившіе ему извѣстность какъ знатока библейскаго языка. Переводъ сдѣланный ученымъ Евреемъ, заслужившимъ подобными трудами кредитъ между своими единовѣрцами, соединяетъ въ себѣ всѣ условія, чтобы быть охотно принятымъ русскими Евреями, которые давно уже домогаются права на языкъ своего отечества, и все не могутъ добиться его, и до сихъ поръ принуждены читать свою Библію по переводамъ нѣмецкому и польскому.

Можно однако надѣяться, что этотъ столь важный для обрусенія западнаго края вопросъ, о предоставленіи иновѣрцамъ права на языкъ ихъ отечества, получитъ наконецъ разрѣшеніе, благодаря просвѣщенному содѣйствію г. оберъ-прокурора св. синода. Въ еврейскомъ журналѣ *Гамелицъ*, издаваемомъ въ Одессѣ, сообщается извѣстіе, что тамошнее отдѣленіе Общества распространенія просвѣщенія между Евреями уже въ первомъ засѣданіи своемъ постановило ходатайствовать о разрѣшеніи издавать переводы Библіи, молитвенниковъ и религіозныхъ книгъ еврейскихъ на русскомъ языкѣ, „такъ какъ безъ этого Обществу было бы не возможно достигнуть главной своей цѣли — распространять отечественный языкъ между Евреями.“ Во время проѣзда графа Д. А. Толстаго чрезъ Одессу, Общество обращалось къ нему чрезъ своего члена, проректора университета, профессора Богдановскаго, которому г. оберъ-прокуроръ поручилъ объявить Обществу, что онъ уже озабоченъ этимъ дѣломъ, и что ему удалось получить разрѣшеніе св. синода на допущеніе перевода Библіи г. Мандельштамма (при еврейскомъ текстѣ) съ нѣкоторыми только поправками; и что поэтому, какъ онъ полагаетъ, не будетъ уже больше препятствія къ изданію и молитвенника съ русскимъ переводомъ, и прочихъ религіозныхъ книгъ.

Но какъ ни былъ благопріятенъ исходъ этого дѣла въ синодѣ, мы не можемъ не выразить нѣкотораго недоумѣнія касательно вообще участія св. синода въ дѣлахъ этого рода. Можетъ ли синодъ православной церкви брать на себя цензуру богослужебныхъ писаній иновѣрцевъ и вообще контролировать ихъ религіозные интересы? Съ другой стороны, можно ли русскій языкъ считать предметомъ входящимъ въ кругъ догматовъ и управленія церкви? Одобреніе *иновѣрческихъ книгъ православнымъ* синодомъ затруднительно по двумъ причинамъ: вопервыхъ потому что св. синодъ *не можетъ* одобрить ничего сколько-нибудь несогласнаго съ ученіемъ православной церкви; вовторыхъ, потому что одобреніе его могло бы только возбудить въ иновѣрцахъ недовѣріе къ этимъ книгамъ, помѣшать ихъ распространенію, и тѣмъ самымъ уничтожить въ самомъ началѣ полезныя послѣдствія, ожидаемыя отъ ихъ изданія.

Кстати, мы не можемъ не припомнить о календаряхъ издаваемыхъ для католиковъ и заключающихъ въ себѣ рѣзкую полемику противъ ихъ церкви. Можно и должно разъяснять истины православнаго ученія въ особыхъ, собственно для того назначенныхъ сочиненіяхъ; но если въ книгахъ, имѣющихъ цѣлію распространеніе русскаго языка между иновѣрцами, въ Имперіи терпимыми, будутъ помѣщаемы статьи, прямо противныя ихъ вѣроученію, то онѣ будутъ только отвращать ихъ отъ чтенія этихъ книгъ; если же это будутъ, сверхъ того, изданія офиціальныя, то они могутъ еще возбуждать въ иновѣрцахъ опасеніе, что правительство намѣрено посягать на ихъ религію и свободу ихъ совѣсти.

№ 53.

Москва, 9-го марта.

Въ то время, когда наше правительство обратилось къ великимъ державамъ, приглашая ихъ дѣйствовать для преобразованія Турціи на основаніи принципа самостоятельности входящихъ въ ея составъ христіанскихъ народностей, мы искренно радовались этому, въ увѣренности, что мысль столь вѣрная должна наконецъ восторжествовать. Успокоеніе Востока, справедливое и безпристрастное рѣшеніе задачи примирить власть султана съ благосостояніемъ и безопасностью христіанскихъ населеній составляютъ одну изъ настоятельнѣйшихъ потребностей европейскаго порядка, и успѣть въ этомъ можно не иначе какъ даровавъ разнымъ національностямъ Востока возможность устроиться и управляться самимъ собою.

Однако, и самымъ вѣрнымъ идеямъ не сразу достается торжество; имъ приходится вступать въ борьбу съ предразсудками, невѣжествомъ, интригами и страстями человѣческими. Легче измѣнять теченіе рѣкъ, прокапывать горы, взрывать скалы для проведенія матеріальныхъ путей сообщенія, нежели противодѣйствовать интригѣ, разгонять мракъ невѣжества, искоренять предразсудки и давать свободный ходъ вѣрнымъ понятіямъ. А потому, радуясь, что Императорскій кабинетъ первый усвоилъ себѣ эту мысль и разставилъ вѣхи будущаго великаго зданія на Востокѣ, мы были однако увѣрены, что потребуется много времени и труда для приведенія этого дѣла къ благополучному концу. Намъ отрадно поставить на видъ, что несмотря на самое упорное недоброжелательство двухъ европейскихъ кабинетовъ, несмотря на непоколебимое равнодушіе Англіи, идея объ автономіи на Востокѣ менѣе чѣмъ въ годъ далеко подвинулась и ежедневно подвигается впередъ, если не въ матеріальномъ отношеніи, то по крайней мѣрѣ въ нравственномъ.

Въ доказательство мы приведемъ свидѣтельства, тѣмъ болѣе убѣдительныя, что они идутъ отъ трехъ органовъ, пользующихся особеннымъ авторитетомъ въ Европѣ, и уже вовсе неповинныхъ въ пристрастіи къ Россіи и ея правительству. Именно въ *Journal des Débats*, одномъ изъ журналовъ Европы особенно враждующихъ противъ Россіи, была нѣсколько недѣль назадъ напечатана статья г-на Сенъ-Маркъ-Жирардена, посвященная обсужденію дипломатическихъ документовъ Императорско-русскаго кабинета. Въ этой статьѣ доказано неоспоримо, что всѣ потрясенія на Востокѣ происходятъ отъ невыносимо-несправедливаго положенія, въ которое поставлены христіане въ Турціи, и что первый долгъ и самый настоятельный интересъ великихъ европейскихъ державъ побуждаютъ ихъ исправить это положеніе серіозными и дѣйствительными реформами. „Отбросимъ," говоритъ Сенъ-Маркъ-Жирарденъ, „недовѣріе въ Россіи и предразсудки противъ нея, посмотримъ добросовѣстно сущность доводовъ, содержащихся въ депешѣ князя Горчакова.... Чего въ дѣйствительности хочетъ Россія? Она требуетъ, чтобы Турція и Европа поступили съ національностями Востока столь же благопріятно, какъ съ Румыніей... Позаботимся же серіозно о реформѣ Турціи. Вотъ въ чемъ состоитъ средство сохранить миръ въ Европѣ. Безъ этой реформы общеевропейскій миръ всегда будетъ зависѣть отъ мятежа на какомъ-нибудь островѣ Архипелага. Мы уже не имѣемъ надобности въ войнѣ, дабы сдерживать Россію; одного мира будетъ достаточно, если средняя и западная Европа искренно пожелаетъ мира и искренно будетъ поддерживать его. Но при этой искренней волѣ надобно столь же искренне и столь же твердо настоять, чтобы требуемыя реформы были непремѣнно исполнены. Только этимъ однимъ Россія бу-

„детъ дѣйствительно сдержана, вопервыхъ, „потому что она будетъ удовлетворена; по „крайней мѣрѣ она говоритъ это, и я не „понимаю почему хотятъ лучше не довѣ„рять ея словамъ нежели ловить ея на-сло„вѣ. Сверхъ того, она будетъ сдержана „и потому что при реформѣ Турціи утра„титъ свои опоры и надежды, и вслѣдствіе „улучшенія участи христіанъ будетъ разъ„единена съ Востокомъ: ей придется тогда, „въ согласіи съ Европой, быть благотво„рительницей Востока, а не завоеватель„ницей. Такая доля все еще достаточно „прекрасна для благороднаго честолюбія „Монарха что̀ положилъ конецъ крѣпо„стному состоянію въ Россіи, и мы не со„мнѣваемся, что между русскими прави„тельственными лицами найдутся многіе „настолько здравомысленныя, что предпо„чтутъ эту мирную и почетную будущ„ность ненадежнымъ военнымъ предпрія„тіямъ.“

Г. Сенъ-Маркъ-Жирарденъ предлагаетъ созвать европейскую конференцію съ цѣлью улучшить положеніе христіанъ на Востокѣ и упрочить миръ на Западѣ.

„На этой конференціи,“ говоритъ онъ въ заключеніе, „встрѣтятся разныя пар„тіи и разныя мнѣнія. Можетъ быть Ав„стрія и Англія будутъ справа, Франція „въ центрѣ, Россія на крайней лѣвой сто„ронѣ, и благопріятствующіе христіанско„му Востоку писатели изумятся увидя се„бя съ нею.“

Ясно, что во мнѣніяхъ и наклонностяхъ автора этой статьи есть ощутительный прогрессъ. Хотя г. Сенъ-Маркъ Жирарденъ все еще заподазриваетъ въ насъ завоевательные виды на Востокъ, хотя онъ хочетъ поставить Россію въ *одиночество* и находитъ, что еще требуется *вынудить* ее быть благотворительницей Востока, однако онъ допускаетъ „что между русски„ми правительственными лицами могутъ „быть здравомысленныя.“ Онъ хочетъ устранить „недовѣріе къ Россіи“, и не давая еще *безусловной вѣры нашимъ словамъ*, предлагаетъ *поймать насъ на̀-словѣ*.

Это уже несомнѣнно пріобрѣтенный результатъ. И есть чему порадоваться, если мы сравнимъ этотъ языкъ съ тѣмъ, какимъ *Journal des Débats* выражался еще такъ недавно.

Пусть же Европа поймаетъ Россію на̀словѣ, пусть *принудитъ* ее быть благотворительницей Востока, пусть отниметъ „опору,“ доставляемую ей неудовольствіемъ турецкихъ христіанъ,—мы только этого и требуемъ; но пусть, отказавшись отъ недовѣрія ничѣмъ не оправданнаго и близорукаго, прекратитъ упорное сопротивленіе идеямъ столь здравымъ и практичнымъ, которыя Россія заявила съ цѣлью дѣйствительно улучшить положеніе нашихъ единовѣрцевъ; пусть Европа отступится отъ нелѣпыхъ и пагубныхъ утопій турецкой національной централизаціи, слiянія непримиримыхъ элементовъ, возрожденія Турціи посредствомъ присылаемыхъ изъ Парижа профессоровъ и при помощи пансіоновъ для мусульманскихъ дѣвицъ!

Подобные же признаки видимъ мы въ любопытныхъ письмахъ изъ Вѣны, недавно напечатанныхъ въ могущественномъ лондонскомъ органѣ, *Times*. Авторъ этихъ писемъ опровергаетъ и обращаетъ въ смѣхъ слухи, пущенные въ послѣднее время о русскимъ агентахъ, будто бы работающихъ въ Болгаріи и Сербіи. Великія европейскія державы, говоритъ онъ въ заключеніе, должны наконецъ понять, что христіанское населеніе Турціи не можетъ быть оставлено на произволъ оттоманскаго правительства, въ жестокости и грубой неспособности котораго не остается уже никакого сомнѣнія; чтобъ улучшить положеніе христіанъ есть только одно средство, именно дать имъ въ нѣкоторой мѣрѣ „самоуправленіе“, тѣмъ болѣе что весьма опасно и непредусмотрительно предоставлять исключительно одной Россіи проведеніе идей, которыя въ концѣ-концовъ должны же взять верхъ.

Но интереснѣе всего свидѣтельство заклятаго врага Россіи, заслуженнаго революціонера, нынѣ вынужденнаго силой обстоятельствъ воздать справедливость идеямъ, которыя заявлены Императорскимъ кабинетомъ, усвоить ихъ себѣ и стать ихъ ревностнымъ проповѣдникомъ. При этомъ замѣчательно еще и то, что крайне враждебная къ Россіи газета, *Opinion Nationale*, явный органъ принца Наполеона, дала пріютъ въ своихъ столбцахъ идеямъ рѣшительно тождественнымъ съ тѣми что̀ изложены въ меморандумѣ князя Горчакова о реформахъ какія непремѣнно требуются на Востокѣ.

Заслуженный революціонеръ, о которомъ идетъ рѣчь, есть генералъ Тюрръ, одинъ изъ корифеевъ Венгерскаго дѣла. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ *Opinion Nationale*

сообщаетъ содержаніе брошюры, недавно изданной этимъ генераломъ:

„Судьба Оттоманской имперіи тѣсно связана съ принципомъ автономіи національностей. Оставьте Славянъ и Грековъ подъ игомъ, и будьте увѣрены, что въ благопріятную минуту эти народы возстанутъ поголовно, съ Русскими или безъ нихъ, чтобъ отбросить Турокъ за Босфоръ. Но рѣшитесь, напротивъ, даровать этимъ народамъ автономію, и соединенные общими интересами съ Оттоманскою имперіей, они окажутъ ей содѣйствіе, какого до сихъ поръ не могли оказывать, и сообщать ей жизненность способную обезпечить спокойствіе Европы отъ московскаго честолюбія. Часто приходится намъ слышать, будто турецкіе Славяне и Греки душой и тѣломъ преданы Царю и его политикѣ. Это мнѣніе радикально ложное, и его нельзя, какъ многія другія, не назвать заблужденіемъ переродившимся въ предразсудокъ. Въ дѣйствительности упомянутыя населенія болѣе сочувствуютъ западу чѣмъ Россіи, и если иногда предаются противоположнымъ манифестаціямъ, то единственно потому что мы пріучили ихъ ничего не ожидать отъ насъ, тогда какъ Петербургскій кабинетъ подаетъ имъ надежду на освобожденіе."

Правда, отъ всего этого еще далеко до результата практическаго и рѣшительнаго; ни одна изъ великихъ европейскихъ державъ еще не присоединилась къ идеямъ Россіи и не оказала расположенія примѣнить ихъ къ дѣлу. Но можно полагать, что уже достигнута благосклонная нейтральность силы общественнаго мнѣнія, содѣйствіемъ коего отнюдь нельзя пренебрегать.

Мракъ смѣняется теперь туманомъ, который не скоро еще разойдется, но сквозь него уже проникаетъ нѣсколько лучей свѣта, и эти лучи, рано или поздно, увѣнчаютъ правительство, которое имѣло мужество взяться за починъ дѣла праваго и добраго.

№ 54.

Москва, 11-го марта.

Занятія тарифной коммиссіи приближаются, какъ слышно, къ своему концу, и вмѣстѣ съ тѣмъ уясняется ихъ характеръ, подвергавшійся столькимъ толкованіямъ въ лагерѣ протекціонизма. Это послѣднее выраженіе какъ нельзя лучше обозначаетъ странныя условія, въ которыя была поставлена по самой своей организаціи тарифная коммиссія. Шумливая и, какъ теперь оказывается, въ сущности нестройная толпа нашихъ протекціонистовъ расположилась около коммиссіи настоящимъ осаднымъ лагеремъ, изъ котораго высылались въ осаждаемую крѣпость всякаго рода снаряды. Крѣпость оказалась слабою; ея гарнизонъ состоялъ наполовину изъ непріятельскаго войска, а осаждавшій лагерь устроилъ свои вылазки такимъ образомъ, что могъ во всякое время, по своему усмотрѣнію, измѣнять составъ и освѣжать силы принадлежавшей ему части крѣпостнаго гарнизона. Посредствомъ замѣщенія депутатовъ кандидатами, половина личнаго состава коммиссіи, принадлежащая фабрикантамъ, то-есть, въ сущности протекціонистамъ, могла быть по мѣрѣ надобности измѣняема. Такимъ образомъ мы видимъ въ засѣданіяхъ коммиссіи съ правомъ голоса не всегда тѣхъ же самыхъ лицъ, которыя были первоначально избраны въ званіе депутатовъ, и какъ сказываютъ, не было почти ни одного засѣданія, въ которомъ были бы на лицо всѣ эти депутаты. За то два химическіе заводчика никогда не отсутствовали при подачѣ голосовъ о пошлинахъ на химическіе матеріалы. Вотъ какія льготы были предоставлены въ пользу людей, чьи привилегіи обсуждались въ правительственной коммиссіи! Нельзя умолчать объ этомъ въ виду пропаганды того дикаго понятія, будто такого рода представительство интересовъ въ разрѣшеніи государственныхъ вопросовъ есть успѣхъ въ дѣлѣ законодательства. Въ успѣхѣ такого рода насъ далеко опередили азіатскія ханства, гдѣ каждый стоитъ и думаетъ за себя, а общаго интереса никто не признаетъ и не понимаетъ. Представительство матеріальныхъ интересовъ затронутыхъ государственною реформой цѣнится лишь какъ представительство интересовъ государственныхъ. Порученіе представителя должно заключаться въ защитѣ не доходовъ, получаемыхъ имъ съ своего имущества, а выгодъ государства, связанныхъ съ этимъ имуществомъ и могущихъ только найдти въ такомъ представителѣ, въ силу личнаго его интереса, тѣсно связаннаго съ этими общими выгодами, болѣе энергическаго

защитника. Поэтому даже представительство сословій, составляющихъ совокупность интересовъ менѣе личныхъ чѣмъ барыши отъ нѣсколькихъ фабрикъ, обогащаемыхъ и разоряемыхъ таможеннымъ тарифомъ, признается въ государственномъ смыслѣ вреднымъ, ибо сословный депутатъ все-таки является въ законодательное собраніе отъ лица своего сословія, а не государства, съ коимъ тождественъ только цѣлый народъ. Все это сказано нами не въ укоръ депутатамъ отъ фабрикантовъ, засѣдающимъ въ тарифной коммиссіи; они призваны и посланы именно для того чтобы какъ можно покрѣпче поторговаться съ членами отъ правительства о размѣрахъ пошлинъ на производимые ими товары. Въ патріотизмѣ, не исключая и тѣхъ изъ нихъ что съ яростнымъ ожесточеніемъ набрасываются на малѣйшую попытку понизить пошлины даже на матеріялы и орудія ихъ собственнаго производства и громко вопіютъ противъ округленія пошлинныхъ дробей копѣйками внизъ, а не вверхъ—въ патріотизмѣ даже этихъ лицъ мы не имѣемъ никакихъ основаній сомнѣваться или предполагать въ нихъ менѣе патріотизма чѣмъ въ правительственныхъ членахъ коммиссіи, но по самому смыслу своего призванія въ коммиссію, они обязаны отрицаться отъ сознанія общихъ интересовъ, за которые никто не приглашалъ ихъ говорить. Они должны говорить за свои фабрики и фирмы, и даже не иначе какъ по указаніямъ протекціонистскаго согласія, которое противится всякому пониженію тарифа и домогается всякаго въ немъ повышенія. Но тутъ по крайней мѣрѣ есть принципъ, хотя для того чтобы ознакомиться съ нимъ не требовалось продолжительныхъ совѣщаній: его можно было знать напередъ. А прочіе члены коммиссіи, представляющіе собой государство, не связаны, повидимому, въ одно цѣлое никакимъ принципомъ. Систематическому дѣйствію они не противопоставляютъ систематическаго противодѣйствія. Такимъ образомъ дѣло запутывается, утрачиваетъ свою ясность, получаетъ неправильную оболочку, за которою трудно разсмотрѣть дѣйствительность. Задача первостепенной государственной важности превращается въ какое-то единоборство двухъ одностороннихъ интересовъ, изъ коихъ одинъ организовался въ смыслѣ защиты возможно большей таможенной преміи, а другой, по своему положенію чисто-отрицательный, дѣйствуетъ безъ опредѣленнаго принципа и повидимому не имѣетъ подъ собой почвы, даже фискальной. Отвлеченный интересъ казны можетъ быть каждымъ понимаемъ по своему. Одинъ финансистъ, какъ мы недавно видѣли, можетъ признавать высокій тарифъ самымъ вѣрнымъ способомъ къ исправленію несостоятельности казны, другой — самымъ убійственнымъ для государственныхъ финансовъ орудіемъ. Фискальнымъ можно назвать въ каждомъ данномъ случаѣ только то воззрѣніе на таможенный тарифъ, которое согласно съ видами существующаго финансоваго управленія; дурно или хорошо это воззрѣніе, во всякомъ случаѣ оно можетъ исходить только отъ министра финансовъ, который одинъ можетъ и долженъ знать какая роль принадлежитъ въ его финансовой системѣ таможенному тарифу какъ источнику государственныхъ доходовъ. Рѣшеніе тутъ можетъ быть только личное, принимаемое подъ личною отвѣтственностью. Но этой отвѣтственности правительственные члены тарифной коммиссіи не несутъ и потому замѣнять собой министра финансовъ очевидно не могутъ. Ихъ дѣломъ могло бы быть тщательное собраніе и критическая повѣрка данныхъ доводовъ, излагаемыхъ представителями интересовъ, словомъ подготовка дѣла къ окончательному рѣшенію, а не рѣшеніе его въ низшей инстанціи,—рѣшеніе случайное, происшедшее изъ борьбы, искусственно созданной вокругъ государственнаго дѣла, не только безъ всякой надобности и пользы для него, но и къ прямому его вреду. Посреди господства протекціонистской агитаціи иногда случались мелкія побѣды фискальныхъ интересовъ, въ духѣ свободной торговли; меньшинству правительственныхъ членовъ, менѣе другихъ зараженныхъ протекціонизмомъ, удавалось одерживать верхъ надъ домогательствами фабрикантовъ и даже вытарговывать у нихъ пониженіе тарифа. Но эти побѣды происходили единственно отъ неизбѣжнаго внутренняго антагонизма между разными промышленными интересами въ ихъ отношеніяхъ къ тарифу, каковъ напримѣръ антагонизмъ горныхъ заводчиковъ, нуждающихся въ дешевыхъ машинахъ и дорогихъ металлахъ, съ механическими заводчиками нуждающимися въ совершенно противоположномъ дѣйствіи тарифа; въ большей части случаевъ этотъ

антагонизмъ, присущій покровительственной таможенной системѣ (какъ напримѣръ между прядильщиками и ткачами относительно пошлинъ на пряжу) былъ только искусственно и можно сказать насильственно замиренъ тою стачкой, на которую мы уже указывали по поводу пошлинъ на машины.

Мы говоримъ: стачка. Взаимныя уступки интересовъ бываютъ политически правильны только въ томъ случаѣ когда вызываются общими потребностями государства, но онѣ принимаютъ видъ стачки, когда имѣютъ цѣлью совокупное дѣйствіе для того чтобы сообща выторговать что-нибудь у государства. Неправильность стачки на этотъ разъ увеличилась еще вслѣдствіе невозможности имѣть представителей всѣхъ промышленныхъ интересовъ. Нѣкоторые изъ нихъ были представлены въ самыхъ неравномѣрныхъ пропорціяхъ къ другимъ; одни привилегированные интересы подавляли другіе, а земледѣліе вовсе не было представлено.

Отсюда проистекли самыя печальныя и неправильныя съ государственной точки зрѣнія послѣдствія. Мы уже выставили на видъ до крайности привилегированное положеніе, занятое механическими заводами во всѣхъ предположеніяхъ тарифной коммиссіи. То же самое можно сказать и о химическихъ заводахъ, которымъ съ государственно-хозяйственной точки зрѣнія такое положеніе всего менѣе подобало въ заботахъ коммиссіи. Химическіе заводы считаются у насъ единицами, всѣ затраченные на нихъ капиталы едва достигаютъ милліона, и число всѣхъ рабочихъ на нихъ едва ли превосходитъ полторы тысячи человѣкъ. Что это значитъ въ сравненіи съ сотнями фабрикъ, сотнями милліоновъ капиталовъ и милліонами рабочихъ по всѣмъ другимъ отраслямъ, промышленности? А между тѣмъ, что же мы находимъ относительно химическихъ фабричныхъ матеріяловъ во II отдѣлѣ тарифа, по которому заключенія коммиссіи окончательно состоялись и были опубликованы нами по извлеченіямъ изъ журналовъ коммиссіи?

Вообще пересмотръ всего этого отдѣла фабричныхъ или полуобработанныхъ матеріяловъ оказывается еще менѣе удовлетворительнымъ чѣмъ измѣненія, проектированныя въ I отдѣлѣ. А этотъ II отдѣлъ заслуживалъ особеннаго вниманія и съ него болѣе или менѣе должна начинаться реформа тарифа, въ видахъ постепеннаго ослабленія его слишкомъ покровительственнаго характера. Изъ 85 статей входящихъ приблизительно въ составъ II отдѣла около 33 оставлено безъ всякаго измѣненія, по 27 предположены незначительныя пониженія, а по *пятнадцати статьямъ* предлагается повысить пошлину. Не должно забывать, что по многимъ товарамъ этого отдѣла слѣдовало бы вовсе отмѣнить таможенныя пошлины, ибо онѣ даютъ слишкомъ ничтожный доходъ и обременяютъ своею мелкостью таможенный присмотръ, что обложеніе государственнымъ налогомъ сырыхъ фабричныхъ матеріяловъ, силъ производства, не имѣетъ никакого основанія, и что освобожденіе отъ платежа таможенной пошлины фабричныхъ матеріяловъ можетъ быть только выгодно для отечественнаго фабричнаго дѣла и есть первое условіе для пониженія таможенной преміи въ пользу готовыхъ фабричныхъ издѣлій. Такъ, напримѣръ, обширную статью *химическихъ продуктовъ особо непоименованныхъ*, оставленныхъ большинствомъ коммиссіи при прежней высокой пошлинѣ (1 р. 10 к. за пудъ) слѣдовало бы включить въ разрядъ безпошлинныхъ или по крайней мѣрѣ весьма легко обложенныхъ товаровъ; самое наименованіе этой статьи показываетъ, что ей не соотвѣтствуютъ никакіе отечественные продукты, нуждающіеся въ покровительствѣ. По этой статьѣ было сдѣлано пониженіе тарифа въ 1857 г. и привозъ сталъ быстро возрастать; коммиссіи оставалось только продолжать реформу 1857 г. Эта статья очень важна для успѣховъ русской промышленности, ибо въ нее входятъ всѣ новыя химическія открытія, которыя столь быстро слѣдуютъ въ Западной Европѣ одно за другимъ и пользованіе которыми слѣдовало бы, казалось, поощрять, а не останавливать. Всего замѣчательнѣе и печальнѣе, что наибольшее число повышеній размѣра пошлинъ по II отдѣлу проектировано коммиссіей по главнѣйшей его отрасли — химическихъ матеріяловъ и препаратовъ; коммиссія отступила отъ началъ реформы тарифа 1857 г.; многія значительныя пониженія по этой отрасли, тогда принятыя, нынѣ коммиссіей отмѣняются. Едва вѣроятны повышенія, предположенныя коммиссіей относительно самыхъ необходимыхъ для

фабрикъ химическихъ веществъ; эти предположенія объяснимы только участіемъ въ составѣ коммиссіи двухъ химическихъ заводчиковъ и сверхъ того одного химика,— участіемъ нисколько несоразмѣрнымъ положенію русскаго химическаго производства, одного изъ ничтожнѣйшихъ въ нашей промышленности. Изумительны проектированныя повышенія, между прочимъ, по самымъ необходимымъ красильнымъ веществамъ (берлинской лазури и парижской сини, краповымъ препаратамъ, гарансину и проч.), квасцамъ, содѣ и содовымъ солямъ, и проч. Если прочіе фабриканты, не химическіе заводчики, засѣдавшіе въ коммиссіи, могли согласиться на такое направленіе въ пересмотрѣ самаго жизненнаго для нихъ отдѣла тарифа, то единственно въ надеждѣ на усиленіе мотивовъ въ пользу своихъ будущихъ домогательствъ по фабричнымъ издѣліямъ, какъ это уже и видно изъ ссылокъ ихъ, при обсужденіи III отдѣла тарифа, на необходимость большей охраны для фабричныхъ издѣлій, вслѣдствіе имѣющагося въ виду вздорожанія соды, съ возвышеніемъ на нее пошлинъ. Что если эти надежды не осуществятся, если какъ-нибудь случайно иначе расположатся между собою протекціонистскія силы въ томъ или другомъ засѣданіи коммиссіи? Тогда фабриканты, подававшіе свои голоса въ пользу вздорожанія необходимыхъ имъ для производства матеріяловъ и машинъ, будутъ обмануты даже въ своихъ надеждахъ на коммиссію. Такъ говорятъ, уже и случилось съ ситцами, на которые принято по всѣмъ разрядамъ пониженіе тарифа.

Наши протекціонисты обыкновенно утверждаютъ, что желаютъ развитія отечественной промышленности. Но для этого всего нужнѣе удешевленіе производства, а рѣшенія большинства тарифной коммиссіи прямо клонятся къ тому, чтобы сдѣлать его еще болѣе дорогимъ чѣмъ доселѣ. О такомъ образѣ дѣйствій нельзя было бы говорить спокойно, еслибы предвидѣлась возможность вліянія его на государственныя дѣла. Но предполагать что-либо подобное нѣтъ еще никакого основанія. Судьбы русскаго національнаго производства не зависятъ отъ тарифной коммиссіи. Онѣ будутъ подлежать разсмотрѣнію съ государственной точки зрѣнія въ государственномъ совѣтѣ, гдѣ, какъ насъ извѣщаютъ, уже образовано особое присутствіе, которое пересмотритъ работу тарифной коммиссіи и затѣмъ внесетъ все дѣло, для его ускоренія, прямо въ общее собраніе государственнаго совѣта.

№ 55.

Москва, 12-го марта.

Сегодня печатаемъ мы дополненія, сопровождающія Высочайшій указъ, данный правительствующему сенату отъ 29-го минувшаго февраля и помѣщенный въ столбцахъ вчерашняго нумера нашей газеты. Всякій пойметъ значеніе и важность этого событія, которымъ завершается цѣлый рядъ законодательныхъ мѣръ, слѣдовавшихъ одна за другою, начиная съ 1864 года. Къ этому концу дѣла шли твердымъ и неуклоннымъ шагомъ, и конецъ этотъ, уже возвѣщенный Высочайшимъ указомъ 28-го марта 1867 г., есть полное сліяніе губерній Царства Польскаго съ прочими частями Русской державы. Съ этою цѣлію, центральныя правительственныя учрежденія, коими этотъ край отдѣлялся въ особое государственное цѣлое, предположено упразднить, а мѣстныя по каждому вѣдомству управленія подчинить подлежащимъ министерствамъ. Указомъ 29-го февраля упраздняется послѣднее оставшееся въ дѣйствіи изъ центральныхъ правительственныхъ учрежденій Царства, и притомъ самое значительное, именно правительственная коммиссія внутреннихъ дѣлъ. Отнынѣ мѣстныя управленія этого края подчиняются, на общемъ основаніи, правительствующему сенату и причисляются къ министерству внутреннихъ дѣлъ; всѣ же прочія дѣла, которыя сосредоточивались въ правительственной коммиссіи внутреннихъ дѣлъ, но къ вѣдомству этого министерства не принадлежатъ, распредѣляются по соотвѣтствующимъ министерствамъ. Что же касается намѣстника въ Царствѣ, то онъ отнынѣ будетъ находиться въ такихъ же отношеніяхъ къ министерствамъ и мѣстнымъ управленіямъ, въ какихъ находятся генералъ-губернаторы на основаніи общаго губернскаго учрежденія. Дѣла и вся переписка въ губернскихъ и уѣздныхъ учрежденіяхъ должны производиться на русскомъ языкѣ.

Итакъ, губерніи Варшавская, Люблинская или Радомская входятъ теперь въ си-

стему одного и того же государственнаго управленія съ губерніями Новгородскою или Московскою. Двусмысленное положеніе, въ которомъ находился край, именуемый Царствомъ Польскимъ, прекращается въ принципѣ. Отнынѣ, въ силу закона, край этотъ долженъ стать органическою частію великаго цѣлаго, съ которымъ соединенъ нераздѣльно. Призракъ уступаетъ мѣсто дѣйствительности, и истинное положеніе дѣлъ вступаетъ въ свои права. Царство Польское, какъ особое государство въ соединеніи съ Россійскою имперіей, было положеніемъ ложнымъ. Оно было созданіемъ политики великодушной въ своихъ побужденіяхъ, но, какъ доказалъ опытъ, ошибочной въ своей идеѣ; оно возбуждало потребность, для того чтобы длить недовольство; оно воскрешало національность, надъ которою историческія судьбы произнесли приговоръ свой, для того чтобы на рубежѣ между жизнію и смертію держать ее въ постоянной агоніи. Либо полная независимость, либо полное сліяніе: всякое промежуточное состояніе было не возможно и пагубно, какъ столькими опытами доказали событія.

Особенно важно и отрадно то, что этотъ рядъ законодательныхъ мѣръ, начавшихся съ 1864 г. и приведшій къ полному сліянію составляющихъ Царство Польское губерній съ прочими частями Русской державы, представляетъ собой дѣйствительный прогрессъ во всѣхъ отношеніяхъ. Это рядъ самыхъ плодотворныхъ и благодѣтельныхъ преобразованій, какія когда-либо совершались посреди населеній этого края. Мѣры, вызванныя государственною необходимостію и клонящіяся къ укрѣпленію Россіи, оказываются въ то же время дѣломъ освобожденія и разрѣшенія, почти первыми на этой почвѣ начатками правильнаго гражданскаго быта. Какая глубокая и разительная разница между этими мѣрами призывающими къ жизни народныя силы, поставляющими ихъ въ условія необходимыя для человѣческаго быта, возводящими въ полноправность цѣлыя массы людей, доселѣ лишенныхъ всякаго гражданскаго значенія,—какая разница между этими дѣйствительными залогами благосостоянія края, которыя суть въ то же время и залоги его единенія съ великимъ цѣлымъ, — и эфемерными учрежденіями, дававшими этому краю фальшивую самостоятельность и служившими хвастливою декораціей, за которою скрывались народное безправіе и рабство!

Будемъ надѣяться, что скоро наступитъ, — что уже наступила пора, — когда здравомыслящіе между нашими соотечественниками привислянскаго края поймутъ, гдѣ его будущность и куда они должны перенести свои надежды и силы. Переставъ быть дѣтьми фантастическаго государства, они становятся гражданами великаго цѣлаго, развитіе котораго будетъ дѣломъ и достояніемъ столько же ихъ, сколько и нашимъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что то фальшивое положеніе, въ которомъ находились относительно Россіи образованные классы польскаго общества, отчасти обусловливалось ошибочною правительственною системой. Поддерживая автономію Царства Польскаго, соединеннаго съ Россіей, потворствуя польскимъ притязаніямъ на Днѣпрѣ, правительство тѣмъ самымъ, хотя, конечно, и противъ своего желанія, поддерживало тѣ мечты, съ которыми принуждено было бороться. Великодушнѣе и благоразумнѣе не давать повода къ мечтамъ, осуществленіе коихъ невозможно допустить. Щадя идею, приходилось прибѣгать къ мѣрамъ строгости противъ людей: не лучше ли дать отказъ идеѣ, безплодно раздражающей страсти? Такой именно взглядъ проникаетъ всѣ законодательныя мѣры, вызванныя безпорядками 1863 года. Остается желать, чтобъ администрація, на которую возложено ихъ исполненіе, была проникнута чувствомъ ихъ важности и разумѣніемъ ихъ силы. Время карательныхъ мѣръ, слава Богу, миновало; но нормальное положеніе дѣлъ далеко еще не установилось; цѣль указана, но для ея осуществленія остается сдѣлать еще много, и въ западномъ краѣ, въ этомъ отношеніи, сдѣлано быть-можетъ менѣе чѣмъ въ Царствѣ Польскомъ. Высочайшая воля указываетъ на необходимость полнаго сліянія польскаго края съ Имперіей; но это сліяніе прочно произойдетъ не прежде какъ западная Россія, при всѣхъ особенностяхъ своихъ, будетъ столько же Россіей, какъ и восточная. Истинный корень затрудненія называемаго польскимъ вопросомъ—не на берегахъ Вислы, а скорѣе Виліи и Днѣпра.

Польскій вопросъ не можетъ быть благополучно разрѣшенъ въ губерніяхъ Царства Польскаго, нынѣ сливаемыхъ съ Имперіей, пока не будутъ несомнѣнно русскими тѣ части ея, къ которымъ Царство

Польское примыкаетъ. Здѣсь, повторимъ, вся сила польскаго вопроса; здѣсь питаются его фальшивыя надежды, здѣсь пріобрѣтаетъ онъ свою роковую силу надъ умами; здѣсь становится онъ фанатизмомъ, сливаясь съ религіей; здѣсь Поляки суть ополяченные Русскіе; здѣсь польское національное чувство, сосредоточенное въ высшихъ классахъ общества, пріучилось презирать Русскій народъ въ лицѣ населеній униженныхъ и безправныхъ; здѣсь римско-католическая церковь, исповѣдуемая значительною частію населенія, превратилась въ польское національное учрежденіе, благодаря неправильному положенію въ которомъ продолжаетъ здѣсь находиться религіозный вопросъ. Національный характеръ землевладѣнія и религіозный вопросъ въ западномъ краѣ, вотъ сила тѣхъ затрудненій, съ которыми борется Россія не только здѣсь, но и на Вислѣ. Пока составъ земледѣльческаго класса въ девяти губерніяхъ западнаго края будетъ оставаться по преимуществу польскій, фактически образуя изъ себя замкнутую организацію; пока римскій католицизмъ будетъ удерживать характеръ польскаго національнаго учрежденія: дѣло не можетъ считаться поконченнымъ, и какія бы ни принимались мѣры, онѣ не будутъ въ состояніи проникать далѣе поверхности. Сліяніе Царства Польскаго съ Имперіей, при перемѣнѣ обстоятельствъ, можетъ легко стать тѣмъ чего добивались польскіе патріоты, — присоединеніемъ къ нему западнаго края. Все зависитъ отъ того, какъ пойдутъ далѣе дѣла, и, главное, какъ они пойдутъ въ западномъ краѣ. Законодательная мѣра великой государственной важности можетъ стать только началомъ новыхъ затрудненій, если предначертанія державной воли относительно этого края не будутъ приведены въ полное дѣйствіе, и обрусеніе его не станетъ правдой.

№ 56.

Москва, 13-го марта.

Въ то самое время когда губерніи Польскаго края окончательно соединяются въ общемъ управленіи со всѣми прочими частями Русской державы, готовится для этого края новая великая реформа, долженствующая возвысить его благосостояніе и гражданственность и вмѣстѣ стать новымъ элементомъ его единенія съ Россіей. Мы говоримъ о судебной реформѣ.

Новыя судебныя учрежденія есть одно изъ величайшихъ пріобрѣтеній нашего отечества за послѣднее время. Нельзя не дивиться величію этого преобразованія; нельзя также не дивиться быстротѣ и успѣшности, съ которыми оно совершилось. Это въ полномъ смыслѣ Минерва, вышедшая во всеоружіи изъ головы Юпитера. При организаціи столь сложной, при громадности своихъ размѣровъ, соотвѣтствующихъ громаднымъ размѣрамъ Россіи, при такомъ множествѣ достаточно приготовленныхъ лицъ, которыхъ новый судъ долженъ былъ съ самаго начала потребовать, — трудно было и восторженному оптимисту ожидать, чтобы дѣло обошлось такъ легко и въ общей сложности такъ удовлетворительно. Все является сразу, какъ бы по манію волшебнаго жезла, и великое, истинно-цивилизующее учрежденіе, — самостоятельная судебная власть, организованная исключительно въ интересахъ правосудія, — уже стало нашимъ національнымъ учрежденіемъ. Идея законности и общественной правды стала плотію, и оказываетъ свое дѣйствіе на народную жизнь. Въ своихъ судебныхъ учрежденіяхъ, равно какъ и въ другихъ преобразованіяхъ нынѣшняго царствованія, — Россія получила новыя нравственныя силы національнаго единенія, въ которыхъ она ничѣмъ не уступаетъ другимъ цивилизованнымъ народамъ міра. Судебная реформа наша уже проникла за Кавказъ, и судебное устройство, которымъ еще такъ недавно гордились какъ своею исключительною привилегіей наиболѣе цивилизованныя націи Европы, уже водворяется чрезъ Россію въ средѣ ея азіятскихъ населеній. Скоро новый судъ начнетъ дѣйствовать и въ западномъ краѣ, только что выходящемъ изъ смуты, и нѣтъ сомнѣнія, что при благопріятныхъ условіяхъ, онъ будетъ могущественно способствовать умиротворенію и обрусенію этого края. Вотъ наилучшіе и наивѣрнѣйшіе способы національныхъ усвоеній. Чѣмъ выше будетъ становиться наша гражданственность, чѣмъ богаче мы будемъ нравственными цивилизующими силами, тѣмъ крѣпче и безспорнѣе будетъ нашъ государственный составъ. Только въ Балтійскомъ краѣ, туго подвигается дѣло реформы. Тамъ, повидимому, не очень желаютъ ея хотя край этотъ обыкновен-

но поставлялся на видъ остальной Россіи, какъ драгоцѣнный алмазъ европейской цивилизаціи. Въ Дерптѣ торжественно засѣдала, за нѣсколько лѣтъ передъ симъ, *юстиць-коммиссія*, дѣло обсуждалось на ландтагахъ, однако и до сихъ поръ не слышно, чтобы судебная реформа готовилась здѣсь вступить въ дѣйствіе. Здѣсь повидимому охотно и легко обходятся безъ подобныхъ пустяковъ. Какъ хорошо всѣмъ извѣстно, здѣсь есть партія, которая не хочетъ, чтобы край этотъ имѣлъ что-либо общее съ остальною Россіей и вступилъ наконецъ въ живое органическое единеніе съ нею. Партія эта умѣетъ завладѣть всякимъ вопросомъ, проникнуть въ администрацію и перенять всѣ пути общественнаго мнѣнія въ своемъ краѣ; надобно думать, что она же задерживала и ходъ судебной реформы, выжидая минуты, благопріятной для того чтобы дать этому дѣлу направленіе болѣе соотвѣтственное ея видамъ. Съ вопросомъ о гласномъ и публичномъ судопроизводствѣ тѣсно связывается вопросъ о языкѣ и національности, и партія, которая не хочетъ, чтобы край этотъ былъ органическою частію Россіи, имѣетъ замыселъ сдѣлать изъ новыхъ судебныхъ учрежденій новое средство отчужденія его отъ Россіи. Еслибы замыселъ этотъ удался, то публичный всенародный судъ, введенный тамъ съ нѣмецкимъ языкомъ и стало-быть какъ нѣмецкое національное учрежденіе, дѣйствительно сдѣлалъ бы этотъ край безповоротно національнымъ пріобрѣтеніемъ Германіи, и тогда можно было бы, по всей справедливости, именовать его нѣмецкою землей. Это было бы самымъ рѣшительнымъ шагомъ въ томъ направленіи, которое упомянутая партія давно старается сообщить дѣламъ балтійскаго края, значительно успѣвая въ своихъ усиліяхъ. Даже введеніе русскаго языка въ мѣстныя присутственныя мѣста, которое казалось дѣломъ окончательно рѣшеннымъ, остановилось и готово утратить всякое значеніе, какъ сообщаютъ намъ изъ тѣхъ мѣстъ.

Вопросъ о судебной реформѣ въ Царствѣ Польскомъ, на общихъ основаніяхъ съ остальными частями Россіи, разрабатывался, какъ намъ извѣстно, съ замѣчательною энергіей. Въ Варшавѣ была учреждена особая юридическая коммиссія, для того чтобы примѣнить къ мѣстнымъ условіямъ начала новаго судопроизводства. Соображенія этой коммиссіи обсуждаются въ настоящее время въ Петербургѣ особымъ совѣщательнымъ комитетомъ.

Мы не можемъ не видѣть самаго утѣшительнаго признака въ томъ горячемъ интересѣ, съ какимъ русскіе люди, призванные къ дѣлу въ Царствѣ Польскомъ, принимаютъ его къ сердцу. Мы имѣемъ тому доказательства въ получаемыхъ нами оттуда свѣдѣніяхъ. Только что получили мы матеріалы и разныя сообщенія касательно этого вопроса, которые еще разъ даютъ намъ почувствовать какъ удачно подобраны были дѣятели высланные въ этотъ край изъ Имперіи, и какъ велика была въ этомъ отношеніи заслуга статсъ-секретаря Милютина, столь преждевременно и столь прискорбно покинувшаго поприще своей государственной дѣятельности.

Люди искренно преданные дѣлу и способные понимать его важность особенно озабочены вопросомъ объ организаціи мировой юстиціи въ Царствѣ, и о томъ какое значеніе, вслѣдствіе судебной реформы, получитъ гминный судъ, введенный въ 1864 году законодательными мѣрами преобразовавшими народный бытъ въ этомъ краѣ. Мы имѣемъ теперь нѣсколько замѣчательныхъ и обширныхъ статей по этому предмету, присланныхъ намъ съ мѣста, и постараемся незамедлительно познакомить съ ними нашихъ читателей. Вопросъ этотъ дѣйствительно заслуживаетъ серіознаго вниманія и изученія. По тому обороту, какой принимаютъ сужденія относительно этого предмета въ Петербургѣ, люди близкіе къ дѣлу опасаются за самыя основы того порядка вещей, который водворенъ былъ въ Польскомъ краѣ законодательствомъ 1864 года. Намъ пишутъ изъ Петербурга, что проектъ варшавской юридической коммиссіи по судебному устройству въ Царствѣ сталъ предметомъ неугомонной агитаціи со стороны польской аристократической партіи, „дѣйствующей и днемъ и ночью въ Петербургѣ чтобы разбить и разрушить всю систему обновленія гражданскаго быта въ Царствѣ Польскомъ, принятую послѣ мятежа... Поляки-шляхта, продолжаетъ нашъ корреспондентъ, чувствуютъ, что если не пріостановить быстрое развитіе народа, начавшееся при благопріятныхъ для Россіи обстоятельствахъ, не загонять его ударами *русской* полиціи, *русской* юстиціи и *русскихъ* солдатъ, то не далеко то время, когда населенія польскаго края очутятся народомъ слитымъ съ русскою граж-

данственностію, и тогда пропала не только старая шляхетская Польша отъ моря до моря, но и Польша Велёпольскаго." Они, по убѣжденію нашего корреспондента, знакомаго съ положеніемъ дѣлъ и настроеніемъ умовъ въ Царствѣ, „особенно боятся развитія народа, и болѣе всего хлопочутъ о томъ, чтобы лишить его всякой самостоятельности и подчинить его чиновникамъ, хотя бы то коренным Русскимъ, надѣясь при помощи Евреевъ такъ овладѣть ими въ непродолжительное время, что для ихъ цѣлей не нужно будетъ и польскихъ чиновниковъ."

Намъ пишутъ что въ виду судебной реформы Поляки-паны желаютъ одного отъ двухъ: либо вовсе уничтожить гминное (коммунальное, общинное) устройство, которое безъ гминнаго суда превращается въ пустой звукъ, то-есть уничтожить гминные суды, либо, если этого нельзя сдѣлать,— обратить теперешніе общіе для всѣхъ сельскихъ жителей, безъ различія сословій, гминные суды въ сословные крестьянскіе, на подобіе волостныхъ; то-есть загнать тѣ вызванныя къ новой гражданской жизни населенія на которыя только и можетъ опираться правительство, въ глухую мужицкую сферу, недоступную быстрому вліянію гражданственности, сбить ихъ въ стадо, которое при дальнѣйшихъ реформахъ края можно было бы оставлять въ сторонѣ какъ нѣчто еще не могущее, по исключительнымъ условіямъ своего быта, по низкому образованію и проч., поставляться наравнѣ съ обществомъ городскихъ жителей, пановъ, шляхты и т. п.

Читатели видятъ, что вопросъ, о которомъ идетъ рѣчь, имѣетъ большую важность. Вполнѣ сочувствуя тревогамъ и опасеніямъ, которыя онъ возбуждаетъ, мы однако недостаточно овладѣли его элементами для того чтобы теперь же обсуждать способы наиболѣе благопріятные къ его разрѣшенію. Прежде всего требуется сосредоточить на немъ какъ можно болѣе свѣта, чему наша газета, съ своей стороны, не преминетъ способствовать.

№ 57.

Москва, 14-го марта.

Высокая Порта начинаетъ, повидимому, яснѣе усматривать, откуда грозитъ ей дѣйствительная опасность. Не Россія, на которую обыкновенно слагаютъ всѣ отвѣтственность за возбужденіе Восточнаго вопроса, есть тотъ врагъ, кого Порта должна опасаться, но другая держава, въ которой турецкіе государственные люди, живущіе чужимъ умомъ, видѣли самаго вѣрнаго и заботливаго друга Оттоманской имперіи и наилучшее обезпеченіе ея цѣлости. Языкъ событій становится однако такъ ясенъ, что начинаетъ, повидимому, разубѣждать и убѣждать во многомъ даже турецкихъ министровъ. Между непріязнію, которую Турція встрѣчаетъ со стороны Россіи, и коварными замыслами противъ ея цѣлости, которыя питаются подъ личиной австрійскаго дружелюбія, есть великая разница. Вопреки всѣмъ наговорамъ, Россія не нуждается ни въ какомъ расширеніи своихъ владѣній. Въ Восточномъ вопросѣ она поставлена такъ, что всѣ разумно понятые интересы ея политики направлены къ лучшему не для нея одной, но и для всѣхъ, и даже столько же для власти султана, сколько для его христіанскихъ подданныхъ. Программа, которую выработала русская политика на Востокѣ, оказывается единственно возможнымъ способомъ обезпечить существованіе Оттоманской имперіи въ Европѣ, такъ что самыя противоположныя и равно исполненныя вражды къ Россіи партіи не только отдаютъ справедливость этой программѣ, но и готовы признать ее за свою. Не давно мы имѣли поводъ говорить объ этомъ странномъ явленіи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ только на минуту пресѣклась искусственная агитація, поставлявшая каждой партіи въ обязанность отвергать, клеветать и злословить все что отъ Россіи исходитъ, истина сама собою вступила въ свои права и заставила самихъ клеветниковъ громко свидѣтельствовать о ней. Мы не имѣемъ въ виду доказывать, что русская политика на Востокѣ всегда и во всемъ дѣйствовала справедливо и безошибочно; мы хотимъ сказать только, что политика справедливости всего болѣе соотвѣтствуетъ ея истиннымъ интересамъ на Востокѣ. Оставляя въ сторонѣ вопросъ, не подавала ли когда-либо сама Россія своимъ образомъ дѣйствій поводъ къ тѣмъ предубѣжденіямъ, которыя составились въ Европѣ о ея завоевательныхъ замыслахъ на Востокѣ, мы имѣемъ въ виду заявить только то, что политика любостяжанія и захватовъ была бы со стороны Россіи прежде всего ошибкой и не разчетомъ.

Не таково положеніе Австріи, также заинтересованной въ ходѣ дѣлъ на Востокѣ. Ея нѣжная заботливость о безопасности Турецкой имперіи вытекаетъ изъ источниковъ гораздо болѣе опасныхъ нежели открытая непріязнь Россіи. Чтобы прекратить эту непріязнь, Оттоманской Портѣ надобно только выйдти на тотъ путь, который указываютъ ей прежде всего собственные интересы, и который можетъ дѣйствительно обезпечить на неопредѣленное время ея существованіе въ Европѣ безъ ущерба для человѣчества и цивилизаціи,— „больному человѣку" надобно только послѣдовать той діэтѣ, которая одна можетъ продлить его дни и избавить его отъ мукъ агоніи. Что же касается до австрійской дружбы, то она внушена только ревнивою заботой заранѣе обезпечить себѣ долю въ наслѣдіи больнаго и даже, если можно, захватить ее еще при его жизни. Австрія сама есть тѣло едва ли болѣе благонадежное чѣмъ Турція. Недавнія событія выбили ее изъ того положенія, какое доселѣ занимала она въ Европѣ. Условія европейскаго равновѣсія измѣнились, и имперія Габсбурговъ принуждена передвинуть на Востокъ центръ тяжести своего искусственнаго существованія, и тамъ искать вознагражденій за понесенныя ею утраты въ Германіи и Италіи. Ея влеченія ни для кого не могутъ быть тайной; повидимому, они перестаютъ быть тайною даже для министровъ его султанскаго величества.

Недѣли двѣ назадъ въ Вѣнѣ, предъ венгерскою делегаціей, у правительственнаго коммиссара, обращавшагося къ ней съ рѣчью, вырвалось нѣсколько словъ признанія, въ смыслѣ коихъ нельзя ошибиться. Слова эти были тогда же оглашены телеграфомъ, а во вчерашнемъ нумерѣ нашей газеты рѣчь вѣнскаго официальнаго оратора воспроизведена in extenso. Г. фонъ-Фальке, говоря отъ лица государственнаго канцлера имперіи и возражая на рѣчь одного изъ членовъ делегаціи, сказалъ между прочимъ слѣдующее: „если ораторъ полагаетъ, что правительство Австрійской монархіи должно оставаться пассивнымъ зрителемъ насильственныхъ, то-есть съ оружіемъ въ рукахъ предъявленныхъ христіанами Портѣ требованій; то съ этимъ мнѣніемъ правительство ни въ какомъ случаѣ не можетъ согласиться." Слова эти сказаны въ виду недавней декларація четырехъ державъ, предоставившей Порту ея собственнымъ средствамъ и разуму, — въ виду повсюду признаннаго и вездѣ провозглашаемаго принципа невмѣшательства, наконецъ, въ виду Парижскаго трактата, который ограждаетъ внутреннія дѣла Турціи отъ отдѣльнаго вмѣшательства той или другой державы внѣ общаго европейскаго согласія. Въ какомъ же смыслѣ предполагаетъ Австрія дѣйствовать въ случаѣ столкновеній, могущихъ возникнуть между правительствомъ султана и его христіанскими подданными? Австрія не намѣрена оставаться пассивною зрительницею этихъ столкновеній; но чью же сторону приметъ она, султана или его подданныхъ? Вопросъ этотъ былъ предложенъ въ *Journal de St.-Pétersbourg*; но заявленіе австрійскаго официальнаго оратора могло бы подать поводъ къ запросу болѣе серіознаго свойства со стороны державъ.

Изъ связи словъ г. фонъ-Фальке достаточно ясно, что вмѣшательство Австріи было бы не въ пользу христіанскихъ населеній, но оно и не въ прокъ Турецкой имперіи. Оно пособило бы султану только тѣмъ, что освободило бы его отъ нѣкоторой части его мятежныхъ подданныхъ. Вмѣшательство Австріи можетъ быть ничѣмъ инымъ какъ попыткой ограбить Турцію, посредствомъ присоединенія Босніи и Герцеговины. Австрія вовсе не заинтересована поддержаніемъ спокойствія въ Турецкой имперіи; напротивъ, ей нужны въ Турціи смуты, и австрійскіе эмиссары давно уже хлопочутъ о томъ. Австрійская политика, повидимому, разчитываетъ, что въ настоящее время она можетъ успѣшнѣе чѣмъ въ послѣдствіи учинить задуманный ею захватъ. Распространяя въ Европѣ фальшивыя тревоги о приготовляемыхъ будто бы Россіей вооруженіяхъ, она старалась этимъ только отвлечь общее вниманіе отъ своихъ намѣреній и дѣйствій. Въ Вѣнѣ хорошо извѣстно, что Россія ни къ какимъ наступательнымъ дѣйствіямъ не готовилась. Напротивъ, тамъ повидимому разчитываютъ, что Россія теперь не такъ готова къ отпору, какъ будетъ черезъ годъ (когда между прочимъ ея южная дорога будетъ открыта на всемъ протяженіи), и потому интересы вѣнской политики клонятся очевидно къ тому, чтобы не только не задерживать, но торопить ходъ событій въ Турціи.

№ 58.

Москва, 15-го марта.

Необходимость прямаго соединенія Москвы со Смоленскомъ есть мысль не новая. Еще до приступа къ сооруженію Петербургско-Варшавской линіи предполагали вести желѣзную дорогу въ Варшаву изъ Москвы на Смоленскъ и Брестъ, но другія соображенія взяли верхъ надъ политическими и стратегическими, и съ Варшавой соединили не Москву, а Петербургъ. Послѣдній мятежъ на нашей западной окраинѣ снова поднялъ вопросъ о необходимости прямаго соединенія Москвы съ Варшавой и съ 1863 года Московско-Смоленско-Брестская дорога занимаетъ всѣхъ, хотя немного интересующихся положеніемъ нашихъ дѣлъ. Если экономическое значеніе этой дороги, имѣющей соединить прямымъ путемъ Востокъ съ Западомъ, Азію съ Европой, Тюмень съ Парижемъ, опредѣлится вполнѣ лишь въ будущемъ (для губерніи Смоленской значеніе это несомнѣнно и теперь), то тѣмъ рельефнѣе выступаетъ важность ея для государства въ отношеніяхъ политическомъ и административномъ. Московско-Смоленская дорога есть начало Московско Брестской, которая должна связать неразрывными узами обширныя русскія земли по обоимъ берегамъ Днѣпра. Русскій элементъ западнаго края найдетъ себѣ въ этой дорогѣ сильнѣйшую поддержку. При ея помощи и русское землевладѣніе, и русская жизнь водворяются въ этомъ краѣ скорѣе и прочнѣе. Въ случаѣ европейской войны Московско-Брестской дорогѣ придется играть особенно важную роль. При теперешней сѣти желѣзныхъ дорогъ, когда центръ Россіи соединяется съ Царствомъ Польскимъ лишь помощью Петербургско-Варшавской линіи, проходящей на значительномъ протяженіи, отъ Гродна до Лапъ, близъ прусской границы, сообщеніе по дорогѣ можетъ быть прервано въ самомъ началѣ военныхъ дѣйствій и государство можетъ очутиться въ положеніи весьма затруднительномъ.

При своемъ государственномъ значеніи, Московско-Смоленская дорога есть въ то же время жизненный вопросъ для губерніи Смоленской, и смоленское земство давно уже хлопочетъ о ея осуществленіи. Подробныя изысканія по этой линіи были произведены еще въ 1866 году, на счетъ лицъ, убѣжденныхъ въ необходимости этой линіи, и провѣрены минувшимъ лѣтомъ, при участіи офицеровъ отъ вѣдомства путей сообщенія. Согласно изысканіямъ, линія пройдетъ вблизи городовъ Можайска, Гжатска, Вязьмы, нѣсколько сѣвернѣе Дорогобужа. Протяженіе линіи составитъ 391 версту. Въ данную минуту важность постройки Московско-Смоленской желѣзной дороги возрастаетъ вслѣдствіе неотлагательной нужды, которую терпитъ населеніе Смоленской губерніи. Понятно живое впечатлѣніе радости, какъ въ Москвѣ, такъ и въ Смоленскѣ, при извѣстіи о повелѣніи Государя Императора приступить немедленно къ сооруженію Смоленской дороги.

Тѣмъ страннѣе слышать теперь о разныхъ предложеніяхъ, клонящихся къ измѣненію прямаго пути изъ Москвы въ Смоленскъ и слѣдовательно къ замедленію постройки. Объ этихъ предложеніяхъ ничего не было слышно, пока было время говорить; заговорили о нихъ только когда надо уже приступать къ дѣлу. Главную роль въ этихъ новыхъ предложеніяхъ играетъ Калуга. Прежде цвѣтущій и богатый городъ, Калуга много потеряла, когда ее обошло шоссе; затѣмъ оставляетъ ее въ сторонѣ и желѣзная дорога, имѣющая идти изъ Москвы на западъ. Понятно было бы въ Калужанахъ желаніе воспользоваться обсужденіемъ этой дороги, чтобы возстановить значеніе своего города. Но время обсужденія упущено; теперь наступило время работъ. Теперь весьма странно и скажемъ болѣе, теперь не позволительно подвергать вопросу то, что уже рѣшено Высочайшею волей. Не въ видахъ защиты Смоленской дороги, въ защитѣ нынѣ уже не нуждающейся, беремся мы за перо, а лишь для разъясненія дѣла. Замышляемыхъ предложеній объ измѣненіи пути, сколько намъ извѣстно, два. Первое: желѣзную дорогу изъ Москвы на Смоленскъ вести отъ Серпухова на Калугу и далѣе срединой Ельнинскаго уѣзда въ Смоленскъ; второе: также отъ Серпухова на Калугу, но далѣе на Рославль, гдѣ эта дорога должна примкнуть къ Орловско-Смоленскому пути.

Дабы правильно обсудить эти предложенія, мы разсмотримъ промышленное и торговое значеніе Калужской губерніи и укажемъ тѣ пункты, связь съ коими есть экономическая потребность для этой губерніи.

Калужская губернія есть болѣе промышленная нежели земледѣльческая мѣстность. По качеству почвы и малоземелью, сравнительно съ населеніемъ, она принадлежитъ скорѣе къ бѣднымъ нежели къ богатымъ губерніямъ Имперіи. Близость плодородныхъ губерній, удобство водяныхъ путей и сосѣдство Москвы, содѣйствовали значительному развитію въ ней мануфактурной и торговой промышленности, а также ремеслъ. Бо́льшую часть обрабатываемыхъ на ея фабрикахъ и заводахъ продуктовъ губернія получаетъ изъ Москвы и Нижняго, и въ этихъ же городахъ сбываетъ свои издѣлія. Въ общемъ оборотѣ, она не отпускаетъ хлѣба, но сама еще прикупаетъ его въ значительномъ количествѣ. Тотъ хлѣбъ, который до послѣдняго времени проходилъ транзитомъ но Калужской губерніи и направлялся къ пристанямъ Гжатской, Зубцовской и Бѣльской, шелъ изъ губерній Курской, Орловской и Тульской, и частью уже оставилъ, а частью оставитъ прежнее направленіе своего сбыта съ открытіемъ южной и Орловско-Смоленской дорогъ. Это произойдетъ независимо отъ постройки Московско-Смоленской дороги и никакимъ измѣненіемъ въ ея направленіи устранено быть не можетъ. Экономическимъ интересомъ губерніи останется тогда ея фабричная и заводная дѣятельность. Она имѣетъ довольно значительные размѣры. По свѣдѣніямъ, которыя мы заимствуемъ изъ *Статистическаго Временника*, сумма всего фабричнаго производства губерніи простирается до 4.426.292 руб. Въ томъ числѣ главнѣйшія фабрики суть:

Обрабатывающія шерсть—ежегоднаго производства на сумму	1.049.400 р.
Хлопчато-бумажныя	156.690 —
Писче-бумажныя	539.100 —
Кожевенныя	721.522 —
Стеклянныя и хрустальныя . .	105.900 —
Металлическія издѣлія	1.399.160 —
Химическія	143.887 —

Эти мануфактурныя и заводскія произведенія Калужской губерніи находятъ себѣ сбытъ: *сукна* — въ Москвѣ, Нижнемъ и Кяхтѣ; *писчая бумага* — въ Петербургѣ, Москвѣ, Нижнемъ и Харьковѣ; *чугунныя издѣлія* сплавляются по рѣкѣ Болвѣ и Деснѣ къ низовьямъ Днѣпра и въ Черное море, но также и по Окѣ въ Нижній Новгородъ; *кожи* идутъ въ Москву; *стекло* и *хрусталь* — въ Москву и Малороссію; *пряденая бумага* — въ Москву и Нижній Новгородъ, *парусныя полотна, щетина, топленое сало* и *химическіе продукты* — въ Петербургъ.

Закупка сырыхъ произведеній, частію для переработки ихъ на фабрикахъ, частію для транзитной торговли, производится также преимущественно въ Москвѣ и Нижнемъ или въ губерніяхъ Тульской, Орловской, Курской, Харьковской и Тамбовской. *Сало, пенька* и *щетина* закупаются въ губерніяхъ Курской, Орловской и Харьковской; *пушные товары*—на ярмаркахъ Нижегородской и Ирбитской; *сырыя кожи* — въ Козловѣ, Тамбовѣ, Моршанскѣ, Москвѣ, Лебедяни и Харьковѣ; *желѣзо* — на Нижегородской ярмаркѣ *).

Итакъ, фабричною и промышленною дѣятельностію Калужская губернія крѣпко связана съ Москвой, Петербургомъ и Южною Россіей, но не имѣетъ и не можетъ имѣть, по свойству развившихся промысловъ, никакого особеннаго отношенія ни къ Смоленску, ни къ Ригѣ. Это сдѣлается еще болѣе очевиднымъ, если прослѣдить отпускную и привозную торговлю Калужской пристани.

По имѣющимся свѣдѣніямъ, въ десятилѣтній періодъ времени съ 1848 года по 1857 годъ на Калужской пристани было пришедшихъ грузовъ, въ общей сложности, на 15.403.166 р.; въ томъ числѣ:

Изъ Нижняго Новгорода на	10.020.286 р.
— Мценска	2.948.151 —
— Орла	1.531.334 —
— Коломны	384.733 —
— Варежской пристани. .	90.215 —
— Перевлесской.	65.647 —
— Мурома	61.300 —
— Бѣлева	42.187 —

Отправлено съ Калужской пристани за тотъ же десятилѣтній періодъ на сумму 3.645.970 р., въ томъ числѣ въ города Москву, Нижній, Коломну, Мценскъ, Орелъ, Серпуховъ и Алексинъ на 3.254.864 руб.

По статьямъ предметы *привоза* **) на Калужскую пристань за тотъ же десятилѣтній періодъ, въ общей сложности, представляются такъ:

Ржи	687.636 четв.
Муки ржаной, крупичатой, пшеничной, пеклеванной и др.	432.890 —

*) *Мат. для Геогр. и Стат. Калужской губерніи.*

**) Ниже цифры привоза показаны *за вычетомъ* отпуска однородныхъ предметовъ, такъ какъ эти неправильности съ улучшеніемъ средствъ сообщенія прекратятся.

Пшеницы, гречихи, льнянаго сѣмени, конопли, овса и др.	715.735	чел.
Меду и патоки	41.087	пуд.
Соли	5.354.431	—
Мыла	108.522	руб.
Пеньки	212.562	—
Мочалъ	1.040.255	пуд.
Алебастру	632.589	—
Желѣза	3.950.779	—
Мѣди	113.361	—
Холста	235.426	—

Отпускная торговля Калужской пристани заключается въ желѣзныхъ и чугунныхъ издѣліяхъ и лѣсномъ товарѣ. Такимъ образомъ Калужская губернія сама нуждается въ предметахъ нашей отпускной торговли, за исключеніемъ лѣса. Отсюда происходитъ, при развитіи мануфактурной дѣятельности, тяготѣніе Калуги къ Москвѣ и южнымъ губерніямъ. Процвѣтаніе Калужской губерніи находится въ зависимости отъ Петербурга, Москвы, Нижняго Новгорода, городовъ украинскихъ и принизовыхъ Днѣпра, а во все не связано со Смоленскимъ или Рижскимъ портомъ. Нѣкоторую часть своихъ произведеній Калужская губернія сбываетъ въ Петербургскомъ портѣ, такъ какъ онъ для нея есть наивыгоднѣйшій изъ всѣхъ прибалтійскихъ портовъ. Отъ Калуги, промышленнаго и торговаго центра губерніи, Петербургъ отстоитъ всего на 780 верстъ, тогда какъ Рига на 1.100. Наконецъ, какъ замѣчено выше, транзитная торговля Калужской губерніи, центромъ коей служитъ мѣстечко Сухиничи, гдѣ иногда зимой скопляется отъ 5 до 6 тысячъ подводъ и совершается оборотъ на сумму до 7 милліоновъ рублей, должна почти прекратиться съ открытіемъ Орловско-Смоленской и южной желѣзныхъ дорогъ. Сухиничи пріобрѣли значеніе, какъ центральный пунктъ между уѣздами Жиздринскимъ, Брянскимъ, Болховскимъ, Бѣлевскимъ, Козельскимъ и Одоевскимъ, на пути къ пристанямъ Зубцовской и Бѣльской.

Что̀ же изъ этого слѣдуетъ?

Калугѣ нужно соединеніе съ Москвой съ одной стороны, и чрезъ Жиздринскій уѣздъ съ южною Россіей съ другой. Вотъ жизненная потребность не одного города, но цѣлой губерніи, и удовлетворить эту потребность не трудно. Калужское земство могло бы легко соединить свой губернскій городъ съ Москвой чрезъ Серпуховъ: для проведенія дороги въ 80 верстъ не потребуется ни огромныхъ капиталовъ, ни большихъ трудовъ. Но проведеніе соединительной вѣтви изъ Калуги въ Серпуховъ и проведеніе Московско-Смоленской желѣзной дороги—два вопроса не имѣющіе ничего общаго между собою. Прямое соединеніе Москвы со Смоленскомъ связываетъ кратчайшимъ путемъ не только два важные центра, одинъ важный въ отношеніи къ цѣлой Имперіи, другой—въ отношеніи къ западному краю, но и Нижній Новгородъ, Казань и Сибирь посредствомъ этого же пути кратчайшимъ образомъ соединяются съ западною Россіей и Европой. На этой линіи не замедлитъ развиться значительное движеніе. Это путь естественный и независимый отъ окрестныхъ интересовъ, хотя нельзя не замѣтить, что уѣзды Можайскій, Гжатскій, Вяземскій, по способностямъ и бойкости народа ихъ населяющаго, представляютъ всѣ условія къ развитію мануфактурной и промышленной дѣятельности. Удлинненіе этого пути, проведеніе желѣзной дороги отъ Серпухова чрезъ Калугу къ Смоленску, будетъ полезно только для Калуги, ибо соединить ее съ Москвой, на средства общегосударственныя (хотя нужда совершенно мѣстная). Движеніе по дорогѣ отъ Калуги до Смоленска отъ этого нисколько не усилится, а самый путь отъ Москвы до Смоленска удлинится почти на 100 верстъ, при чемъ поверстное количество строимой дороги нисколько не сократится. Московская, Владимірская, Нижегородская и всѣ восточныя губерніи, при сношеніяхъ съ западными, будутъ постоянно переплачивать за перевозку лишнихъ 100 верстъ. Проводить дорогу изъ Москвы въ Смоленскъ черезъ Калугу значитъ жертвовать интересами Смоленской, Московской, Владимірской, Нижегородской и другихъ губерній, интересу одного города.

Что же касается до другого предложенія, т.-е. вмѣсто прямаго соединенія Москвы со Смоленскомъ, провести желѣзную дорогу отъ Серпухова чрезъ Калугу на Рославль, то намъ кажется, что не можетъ быть и серіозной рѣчи о подобномъ предложеніи. Правда, въ этомъ случаѣ пришлось бы построить вновь не 390, а всего около 330 верстъ и слѣдовательно, для постройки потребовался бы меньшій капиталъ, но для кого нужно такое соединеніе? Еслибы оно состоялось, то отъ Москвы, чрезъ Серпуховъ, Калугу и Рославль до Смоленска было бы около 530 верстъ, и требовались бы двѣ перевалки

въ Серпуховѣ и Рославлѣ, между тѣмъ какъ отъ Москвы до Смоленска чрезъ Орелъ, тоже по желѣзной дорогѣ, 670 верстъ и одна перекладка въ Орлѣ. Невольно раждается вопросъ: на столько ли мы богаты, чтобы строить вновь 330 верстъ желѣзной дороги единственно для того чтобы получить сокращеніе пути на 140 верстъ? Вести же западную дорогу отъ Серпухова на Калугу и Рославль, съ тѣмъ чтобы продолжать ее изъ Рославля къ Бресту, значитъ вести ее невыгодно во всѣхъ отношеніяхъ, и въ политическомъ, и экономическомъ, и военномъ. Это мы не замедлимъ доказать въ одномъ изъ ближайшихъ нумеровъ нашей газеты, и надѣемся, что доказательства наши будутъ убѣдительныя.

Пусть же Калужская губернія, несвоевременнымъ соперничествомъ, не мѣшаетъ осуществленію великаго государственнаго дѣла. Въ случаѣ успѣшнаго соперничества, она выиграла бы меньше чѣмъ сколько потеряла бы губернія Смоленская, но съ этимъ выигрышемъ соединился бы важный общегосударственный ущербъ. Можно жалѣть о томъ, что Калуга обойдена южною дорогой, и мы въ свое время посильно отстаивали направленіе Московско-Кіевской линіи черезъ Калугу и Черниговъ. Но линія западная не можетъ идти иначе какъ на Смоленскъ. Это послѣднее направленіе принято правительствомъ и утверждено Царскимъ словомъ. Чрезъ нѣсколько дней должны начаться работы по этой линіи. Въ настоящее время эта линія доставитъ заработки именно въ мѣстностяхъ наиболѣе нуждающихся въ помощи вообще, такъ какъ она пройдетъ всю Смоленскую губернію отъ востока къ западу. Она и на будущее время вполнѣ обезпечитъ благосостояніе этой губерніи, бывающей теперь не рѣдко тягостью для государственной казны. Смоленскую губернію необходимо поддержать. Она всегда боролась противъ польскаго вліянія и нынѣ стоитъ на аванпостѣ въ великомъ дѣлѣ обрусенія нашихъ сѣверозападныхъ окраинъ. Значенія этого Калужская губернія не имѣетъ, да, кромѣ того, и не нуждается ни во временной, ни особенно въ постоянной помощи. Если правда, что уклоненіе линіи въ Калугѣ имѣетъ ту хорошую сторону, что привлекаетъ къ движенію значительный городъ, то несомнѣнно правда и то, что этимъ самымъ уклоненіемъ былъ бы нанесенъ смертельный ударъ уже не одному городу, а цѣлой губерніи—Смоленской. Проведеніе Московско-Варшавскаго шоссе, едва касающагося ея окраины причинило ей почти болѣе вреда, чѣмъ нашествіе Наполеона. Проведеніе желѣзной дороги, почти тѣмъ же путемъ, убило бы ее окончательно, ибо другой желѣзной дороги, конечно Смоленской губерніи не дождаться. Уклоненіе къ Калугѣ лишило бы, кромѣ того, и всю западную часть Московской губерніи, то-есть почти цѣлую половину этой губерніи, надежды имѣть когда-либо желѣзныя дороги, а самую Москву возможности обогатиться строительнымъ матеріаломъ, и главное—*топливомъ*, въ коемъ Москва такъ нуждается и коимъ Смоленская губернія изобилуетъ. Если Калужане непремѣнно хотятъ воспользоваться милостью, оказанною мудрымъ правительствомъ Смоленской губерніи въ настоящее тяжкое время и, конечно, въ награду за все, что она перенесла на своемъ долгомъ вѣку, со временъ Рюриковыхъ вѣрно и съ самоотверженіемъ отстаивая Русь, то самый лучшій способъ есть проведеніе перпендикулярной вѣтви, напримѣръ, къ Можайску. Эта вѣтвь (всего около 110 верстъ) доставитъ Калужанамъ возможность сноситься и съ Москвой, и съ Ригой (чрезъ Смоленскъ), безъ удлинненія всей линіи. Но, по нашему мнѣнію, Калужанамъ выгоднѣе держаться того естественнаго пути, который современемъ будетъ сооруженъ непремѣнно,—пути изъ Серпухова на Калугу, Брянскъ и Черниговъ. Это будетъ наиболѣе прямой путь между Петербургомъ и Москвой съ одной стороны, и Кіевомъ и Одессой съ другой. Они ускорили бы осуществленіе этого, не только для Калуги, но и въ государственномъ отношеніи важнаго и притомъ доходнаго желѣзнаго пути, еслибы теперь же принялись, съ нужною энергіей, за хлопоты о вѣтви изъ Серпухова въ Калугу, для чего, при имѣющихся въ Калугѣ средствахъ, могутъ немедленно найдтись всѣ способы.

№ 59.

Москва, 16-го марта.

Вопросъ, какое направленіе дать Московско-Брестской желѣзной дорогѣ, имѣющей столь громадное военное и государственное значеніе, есть одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ подлежащихъ рѣше-

нію въ настоящее время. Что касается первой половины этой дороги, то-есть части ея отъ Москвы до Смоленска, постройка которой, по Высочайшему повелѣнію, должна начаться немедленно, то здѣсь выборъ направленія нетруденъ и опредѣляется кратчайшею линіей отъ Москвы до Смоленска, на Можайскъ и Вязьму. Уклоненіе отъ этой линіи, и уклоненіе, конечно, легкое, можетъ быть оправдано лишь техническими условіями сооруженія. При проведеніи дорогъ, имѣющихъ мѣстное значеніе, можно дѣлать уклоненія въ ту или другую сторону, чтобы не обойдти того или другаго пункта, но при постройкѣ дорогъ, имѣющихъ значеніе государственное, кратчайшее направленіе есть обязанность. Лучшій примѣръ этому представляетъ Николаевская желѣзная дорога. Оттого что эта дорога не коснулась ни Новгорода, ни Торжка, конечно потеряли эти два пункта, но выиграли всѣ губерніи центральной Россіи и Поволжья, доставляющія свои произведенія къ Петербургскому порту, или, вѣрнѣе, выиграла вся Россія. Еслибы Николаевскую желѣзную дорогу провели черезъ Новгородъ и Торжокъ, она была бы на 70 верстъ длиннѣе, и десятки милліоновъ пудовъ, перевозимыхъ ежегодно этою дорогой, переплачивали бы совершенно непроизводительно за лишнія 70 верстъ пути, вслѣдствіе чего дальніе грузы вовсе не могли бы выдерживать конкурренцію, и оставались бы на мѣстахъ производства. Такъ и уклоненіемъ Московско-Смоленской дороги, на Калугу, былъ бы причиненъ ущербъ интересамъ не одной Смоленской, а нѣсколькихъ, и притомъ многихъ губерній; каждая верста въ сторону была бы для нихъ чистымъ *минусомъ*. Такое уклоненіе тѣмъ менѣе могло бы быть оправдано, что Калугу легко соединить съ сѣтью желѣзныхъ дорогъ безъ порчи столь важной дороги какова Московско-Смоленская. Что Калуга нуждается въ соединеніи съ Москвой, — этого нельзя не признать, но это не имѣетъ никакого отношенія къ дорогѣ Московско-Смоленской.

Нѣсколько сложнѣе рѣшеніе вопроса о направленіи дороги отъ Смоленска до Бреста. Наивыгоднѣйшимъ, по нашему мнѣнію, направленіемъ въ этомъ пространствѣ во всѣхъ отношеніяхъ будетъ линія черезъ Оршу, Минскъ, южнѣе Слонима, на Брестъ, то-есть приблизительно та самая линія, которая, сколько мы знаемъ, и проектируется. Такъ направленная, дорога пройдетъ населеннѣйшими уѣздами губерній Смоленской, Могилевской, Минской и Гродненской, пересѣчетъ западный край въ наивыгоднѣйшемъ направленіи и въ то же время будетъ кратчайшею линіей между Смоленскомъ и Брестомъ. Историческія обстоятельства, временное наше отчужденіе отъ западнаго края, мнимое военное значеніе Бобруйска, оригинальное направленіе, данное московско-брестскому шоссе, много содѣйствовали укорененію ошибочныхъ понятій о западномъ краѣ вообще и его нуждахъ; и вотъ причина почему приходилось такъ часто слышать несоотвѣтственныя предложенія, когда рѣчь касалась желѣзныхъ дорогъ западнаго края. Нельзя не радоваться, что такое положеніе дѣлъ прекращается.

Впрочемъ, если на разстояніи отъ Москвы до Смоленска дѣлаются предложенія объ уклоненіи отъ прямаго пути въ пользу Калуги, то что же удивительнаго, если на разстояніи между Смоленскомъ и Брестомъ кто-нибудь предложитъ уклоненіе пути въ пользу Бобруйска? Тутъ можно побуждаться интересами стратегическими, хотя это интересы мнимые, какъ мы постараемся сейчасъ доказать. Уклоняться на Бобруйскъ значило бы вести дорогу по срединѣ Полѣсья. Кто сталъ бы говорить въ пользу направленія дороги на Бобруйскъ чрезъ Полѣсье, настаивая на интересахъ стратегическихъ, тотъ долженъ полагать, что Полѣсье можетъ служить поприщемъ военныхъ дѣйствій. Нѣтъ ничего ошибочнѣе этого мнѣнія. Что такое Полѣсье? и что такое крѣпость Бобруйскъ?

Подъ общимъ именемъ Полѣсья разумѣютъ край, лежащій по обоимъ берегамъ Припети. Длина Полѣсья есть теченіе Припети, въ ширину оно имѣетъ отъ 150 до 400 верстъ. Брестъ, Слонимъ, Минскъ, Борисовъ обозначаютъ его крайнюю сѣверную границу. Кіево-Брестское шоссе — южную. Страна эта, низменная, болотистая, поросшая дремучими лѣсами, прорѣзанная на сотни квадратныхъ верстъ открытыми болотами и песчаными холмами, представляетъ мало селеній и пахатныхъ полей и почти не имѣетъ дорогъ. Рѣки, во множествѣ орошающія Полѣсье, разливаются весной и осенью на значительное разстояніе и на долгое время, и тогда сообщеніе по нимъ прекращается, или производится

на плоскодонныхъ судахъ. Берега рѣкъ большею частью болотисты и низменны и весьма затруднительны для переправъ. Всѣ дороги въ Полѣсьѣ не что иное какъ тѣснины весьма неудобныя, а иногда и недоступныя для движенія войскъ. Московско-Брестское шоссе прошло почти по срединѣ Полѣсья; это сооруженіе стоило дорого государству, но ни мало не оживило страны, по которой прошло, и представляетъ собою непрерывное дефиле. Географическимъ положеніемъ своимъ Полѣсье въ извѣстной мѣрѣ облегчаетъ оборону западнаго пограничнаго пространства, ясно обозначая тѣ пути, по коимъ сѣверо- и юго-западномъ краѣ могло бы произойдти вторженіе непріятеля. Заботиться объ укрѣпленіи Полѣсья, когда оно само по себѣ неприступно, и не можетъ стать театромъ военныхъ дѣйствій, было бы странно. Только партизанскіе отряды, избравъ Полѣсье за базисъ и въ его недоступности находя себѣ укрытіе, могли бы дѣйствовать во флангъ и тылъ непріятелю, который вторгался бы, сѣвернѣе или южнѣе Полѣсья, внутрь страны. Полагать, что крѣпости, Брестъ, Бобруйскъ и Кіевъ, отстоящія одна отъ другой на 400—600 верстъ, могутъ служить точками опоры для этихъ малыхъ отрядовъ, значитъ крайне смутно понимать, что такое точка опоры для малаго, особенно партизанскаго отряда. Полѣсье занимаетъ около 120.000 квадратныхъ верстъ, и если думать объ искусственныхъ точкахъ опоры для малыхъ отрядовъ, то нужно будетъ создавать ихъ десятками.

Бобруйская крѣпость была построена по предложенію графа Опермана, *дабы служить оплотомъ Полѣсью, а также плацдармомъ опорнымъ пунктомъ для дѣйствующихъ въ немъ войскъ* *). Такимъ образомъ при самой постройкѣ этой крѣпости было принято въ основаніе, что Полѣсье, это голодное, безлюдное, безконечное болото, можетъ быть театромъ военныхъ дѣйствій и чуть ли не притягивать и приманивать ихъ къ себѣ. На дѣлѣ, расположенный на нижней Березинѣ, въ глубинѣ Полѣсья, Бобруйскъ, находится не только вдали отъ средоточія нашихъ военныхъ средствъ, но и въ сторонѣ отъ всякихъ вѣроятныхъ военныхъ дѣйствій. Нельзя и представить себѣ такихъ военныхъ комбинацій, при которыхъ наша армія, или даже значительный корпусъ войскъ могли бы попасть въ Бобруйскъ. Отдѣленный Полѣсьемъ отъ Царства Польскаго, отстоя отъ Бреста почти на 400 верстъ, или на мѣсяцъ марша, Бобруйскъ не можетъ оказать никакой помощи арміи дѣйствующей въ Царствѣ Польскомъ, даже въ случаѣ ея пораженія. Шоссе, имѣющее видъ непрерывнаго дефиле, не есть путь движенія для арміи; въ военное время не только армія, но и значительный корпусъ войскъ не можетъ двигаться по одной дорогѣ. По желѣзной дорогѣ, если ее провели, армія также не могла бы отступить. Не болѣе можетъ содѣйствовать Бобруйскъ арміи расположенной въ окрестностяхъ Вильны, и по обстоятельствамъ вынужденной отступить на Минскъ, предъ непріятелемъ, который сталъ бы наступать со стороны восточной Пруссіи. Для арміи расположенной такимъ образомъ, дальнѣйшее отступленіе лежитъ на Борисовъ и Оршу, а вовсе не Полѣсье. Еслибы наша армія когда-нибудь была принуждена отступать къ Полѣсью, то это было бы равносильно страшному пораженію. Бобруйскъ отстоитъ на 500 верстъ отъ границы. Одно это обстоятельство, даетъ ему значеніе внутренняго поста. Прежде, когда мы смотрѣли на западный край, какъ на край польскій, оборонительная линія по Двинѣ и Днѣпру могла еще имѣть значеніе. Теперь же, послѣ благодѣтельныхъ реформъ нынѣшняго царствованія, западный край ничѣмъ не разнится отъ остальныхъ частей Русскаго царства. Потому и опорные пункты должны быть вынесены впередъ страны, а не лежать позади ея. Положеніе Бобруйска такъ невыгодно, что даже въ случаѣ отступленія арміи изъ Минска, дѣйствія Бобруйскаго гарнизона на непріятельскія сообщенія не могутъ быть рѣшительны; во-первыхъ потому, что Бобруйскъ отстоитъ отъ Минска на 162 версты, разстояніе слишкомъ значительное для операціонной линіи; во-вторыхъ потому, что единственная дорога между Минскомъ и Бобруйскомъ удобна для передвиженія военныхъ тяжестей и обозовъ лишь короткое время въ году. Но тутъ положеніе можетъ быть улучшено желѣзною дорогой изъ Минска въ Бобруйскъ.

Вообще сѣверо-западный край былъ бы наилучшимъ во всѣхъ отношеніяхъ образомъ пересѣченъ желѣзными дорогами,

*) *Военно-Энциклоп. Лексик.*

еслибы Московско-Брестская дорога прошла черезъ Оршу, Минскъ, южнѣе Слонима, и еслибы въ то же время была проведена вѣтвь изъ Вильны или Ландварова на Минскъ къ Бобруйску, съ тѣмъ чтобы въ послѣдствіи продолжать ее на Черниговъ и Нѣжинъ. Виленско-Бобруйская вѣтвь способна имѣть, какъ сказано, важное значеніе въ военномъ отношеніи. Еслибы сѣверо-западный край когда-либо сталъ театромъ военныхъ дѣйствій, то при вторженіи непріятеля изъ Восточной Пруссіи, путь отступленія нашей арміи будетъ къ Минску, базисъ же ея необходимо будетъ на Днѣпрѣ, а не на Двинѣ, ибо базисъ не можетъ быть на флангѣ арміи. При наступленіи непріятеля изъ Восточной Пруссіи, арміи собранной подъ Вильной, отступать къ Динабургу и затруднительно, и невыгодно. Затрудительно потому, что совершать отступательное фланговое движеніе на разстояніи 200 верстъ, съ переправою черезъ Вилію, въ виду непріятеля занимающаго Ковно и Вилькоміръ,—было бы дѣломъ крайне рискованнымъ. Невыгодно потому что при отступленіи на Динабургъ, армія, дѣйствующая въ сѣверозападномъ краѣ разъединялась бы съ арміей дѣйствующею въ Царствѣ Польскомъ, чего не было бы при отступленіи на Минскъ. Отступленіе нашей арміи внутрь страны далѣе Минска, было бы возможно только послѣ совершенной потери Царства Польскаго, Брестъ-Литовска и Динабурга, то-есть послѣ такихъ потерь, которыя въ настоящее время ни предвидѣть, не допускать невозможно. Объ этомъ говорить нечего, но для арміи расположенной подъ Минскомъ было бы чрезвычайно важно имѣть желѣзную дорогу не только на своемъ правомъ флангѣ, къ Смоленску, но и въ тылу у себя къ Бобруйску. Виленско-Бобруйская линія, соединяя возможный театръ военныхъ дѣйствій съ центромъ Имперіи и хлѣбородными губерніями средняго теченія Днѣпра, имѣла бы въ то же время для этихъ губерній важное экономическое значеніе. Губерніи: Могилевская, Черниговская, сѣверная часть Полтавской и Кіевская, нуждаются въ сбытѣ своихъ произведеній и тяготѣютъ къ балтійскимъ портамъ; Либава была бы для нихъ естественнымъ портомъ. Березина у Бобруйска столь же удобна для судоходства какъ и Днѣпръ, но Бобруйскъ, какъ пристань, несравненно удобнѣе Могилева, Рогачева, Рѣчицы и др. Такимъ образомъ сѣть желѣзныхъ дорогъ не должна, по нашему мнѣнію, миновать Бобруйскъ, но не вслѣдствіе его военнаго значенія, котораго онъ не имѣетъ, а благодаря его положенію какъ пристани.

Московско-Брестская желѣзная дорога на Оршу и Минскъ имѣла бы равно важное стратегическое значеніе какъ по отношенію къ сѣверо-западному краю, такъ и къ Царству Польскому. Пройдя чрезъ Минскъ, дорога эта была бы надежнымъ и прочнымъ оплотомъ войскамъ дѣйствующимъ въ Литвѣ. Съ тѣмъ вмѣстѣ эта дорога пріобрѣла бы и большое экономическое значеніе, потому что перерѣзала бы лучшія мѣстности сѣверо-западнаго края. Напротивъ, дорога, направляющаяся черезъ Могилевъ и Бобруйскъ на Брестъ, глубиной Полѣсья, не окажетъ никакой пользы въ военномъ отношеніи: она будетъ служить почти исключительно для военныхъ надобностей въ Царствѣ Польскомъ (для чего она впрочемъ нисколько не лучше Минской дороги). Она пройдетъ далеко отъ Вильны, и будетъ отдѣлена Полѣсьемъ отъ театра войны, а какъ извѣстно, отъ Бобруйска до Вильны слишкомъ 350 верстъ: трехъ недѣль мало для того чтобы войска могли перейдти это растояніе. Петербургско-Варшавская линія попрежнему оставалась бы главнымъ подспорьемъ для передвиженія войскъ, между тѣмъ какъ именно неудобства этой линіи и вынуждаютъ приступить къ постройкѣ Московско-Брестской дороги. Безполезная въ стратегическомъ отношеніи Бобруйско-Брестская дорога будетъ въ экономическомъ отношеніи столь безплодна какъ теперешнее шоссе.

Такимъ образомъ мы приходимъ къ заключенію, что вести Московско-Брестскую желѣзную дорогу на Бобруйскъ и далѣе, придерживаясь шоссе, значитъ лишиться тѣхъ важныхъ для государства выгодъ, которыя оправдывали бы ея сооруженіе. Пожертвовать этими выгодами, не получивъ ничего въ замѣнъ, было бы дѣломъ крайне нераціональнымъ. Если же дорогу вести на Минскъ, какъ она и будетъ, по слухамъ, направлена, то какой смыслъ можетъ имѣть предположеніе строить линію отъ Москвы до Смоленска, не въ прямомъ направленіи, а отъ Серпухова чрезъ Калугу на Рославль? Не значитъ ли это, уклонившись отъ здравыхъ требованій,

удлиннить безъ надобности протяженіе дороги? Вѣдь продолжать ее къ Бресту изъ Рославля прямымъ путемъ чрезъ Полѣсье во всѣхъ отношеніяхъ невыгодно, а вести ее на Рославль съ тѣмъ чтобы повернуть на Минскъ не имѣетъ смысла, потому что Рославль отстоитъ далѣе отъ Минска нежели Смоленскъ.

№ 60.

Москва, 18-го марта.

Общественное вниманіе сильно занято въ настоящее время рѣшеніемъ о построеніи Московско-Смоленской дороги. 26-го февраля пришла сюда радостная вѣсть о Высочайшемъ повелѣніи приступить немедленно къ открытію работъ на этой линіи. Въ тотъ же день распространенная повсюду въ Москвѣ, эта вѣсть быстро облетѣла и Московскую, и Смоленскую губерніи. Направленіе дороги, то-есть прямое соединеніе Москвы съ Смоленскомъ, есть потребность государственная и не нуждается въ защитѣ. Послѣ того какъ произнесено Царское слово, дающее жизнь предпріятію земства двухъ губерній, поддерживаемому и Московскимъ городскимъ обществомъ, усилія отстаивать это дѣло въ печати могутъ казаться излишними: къ чему ей подпирать то, что̀ и безъ ея содѣйствія стоитъ твердо? Но печать обращается къ публикѣ, и когда рѣчь идетъ о какомъ-нибудь дѣлѣ особенной государственной важности, то весьма желательно, чтобы были устраняемы всѣ возможныя сомнѣнія и разъясняемы всѣ вопросы, къ коимъ оно подаетъ поводъ. Въ предыдущихъ №№ *Московскихъ Вѣдомостей*, разсматривая предложенія, дѣланныя съ цѣлью отклонить эту линію отъ ея прямаго направленія въ пользу Калуги, Рославля или Бобруйска, мы не могли не убѣдиться въ совершенной несостоятельности этихъ предложеній. Чѣмъ прямѣе будетъ соединеніе Москвы съ Брестомъ, тѣмъ выгоднѣе будетъ оно и въ военномъ, и въ политическомъ, и въ экономическомъ отношеніи.

Мы не коснулись, однако, еще одного предложенія, которое можетъ быть сдѣлано и иными дѣлается въ видахъ удешевленія постройки; предложеніе это также мало серіозно какъ и другія, но оно кажется очень заманчивымъ для лицъ незнакомыхъ съ техникой желѣзно-дорожнаго дѣла. Спрашиваютъ: нельзя ли обратить полотно Бобруйско-Брестскаго шоссе подъ полотно желѣзной дороги, въ видахъ сокращенія издержекъ? Такому обширному государству какъ Россія, гдѣ сѣть желѣзныхъ дорогъ лишь начинаетъ пролагаться и гдѣ требуется выстроить еще не одну тысячу верстъ для того, чтобы связать самые главные пункты Имперіи, нужно не только строить дороги, но и строить ихъ возможно разчетливо. Съ этимъ нельзя не согласиться, и мы сами не разъ прямо высказывались противъ своевременности той или другой линіи, рискуя произвести неблагопріятное впечатлѣніе на мѣстные интересы. Говоря однако объ экономіи, никто не разумѣетъ такихъ экономическихъ разчетовъ, гдѣ стремленіе выгадать нѣсколько рублей влечетъ за собою потерю милліоновъ. Желѣзныя дороги должны проходить по странамъ людным, промышленнымъ и во всякомъ случаѣ способнымъ къ развитію гражданственности. Строить дорогу въ безлюдномъ Полѣсьѣ, единственно вслѣдствіе дешевизны постройки, вмѣсто того, чтобы проложить ее людными частями губерніи Минской, было бы весьма страннымъ разчетомъ. Дорога обходится тѣмъ дешевле, чѣмъ ровнѣе мѣстность по которой она проходитъ. Никому, однако, не приходитъ въ голову строить дорогу въ сѣверной части Киргизской степи, только потому, что тамъ стройка обойдется дешевле нежели подъ Москвой. А въ данномъ случаѣ даже и соображеніе въ пользу дешевизны оказывается лишь недоразумѣніемъ. Мнѣніе о выгодахъ, которыя будто бы можно получить отъ употребленія шоссе подъ желѣзную дорогу, намъ приходилось слышать не однажды, и мы получили о томъ даже нѣсколько письменныхъ заявленій. Въ самомъ дѣлѣ съ перваго взгляда такая мысль кажется весьма основательною. Стóитъ только, повидимому, немного измѣнить профиль дороги, положить рельсы на полотно въ половину готовое, да построить станціи, чтобы дорога была годна въ дѣло. Но такъ кажется лишь съ перваго взгляда. Вопервыхъ экономія при такой передѣлкѣ можетъ происходить лишь отъ уменьшенія земляныхъ работъ, коихъ въ мѣстности ровной требуется и подъ желѣзную дорогу ничтожное количество, а въ мѣстности

гористой она должна будетъ то-и-дѣло уклоняться отъ линіи шоссе, такъ какъ это послѣднее допускаетъ подъемы для желѣзной дороги невозможные: одна сажень подъема на сто погонныхъ саженъ дороги, вотъ все, что можетъ быть допущено для рельсоваго пути, — впятеро меньше того, что̀ допускается для шоссе. Строго держась направленія шоссе, пришлось бы въ небольшихъ возвышенностяхъ устраивать тонели; но кто не понимаетъ что желѣзной дорогѣ вообще гораздо выгоднѣе огибать возвышенія, чѣмъ ихъ прорѣзывать? Затѣмъ шоссе всегда пересѣкаетъ деревни, города, тогда какъ желѣзная дорога должна обходить ихъ. Наконецъ мостовыя сооруженія и трубы на шоссе не годятся подъ желѣзную дорогу. Шоссейныя дороги не избѣгаютъ мостовъ: постройка шоссейнаго моста сто̀итъ не дорого; мосты на шоссе иногда дѣлаются даже просто для разнообразія или украшенія дороги. Напротивъ, постройка моста подъ желѣзную дорогу требуетъ затраты столь значительнаго капитала, что расточительность въ этомъ случаѣ устраняется самою силой вещей. Если подвести итогъ всему сказанному, то отъ шоссе останется очень мало пригоднаго для желѣзной дороги, а между тѣмъ обращеніе шоссе подъ полотно для рельсовъ лишитъ мѣстныхъ жителей установившагося въ краѣ сообщенія. Они потеряютъ гораздо больше, чѣмъ сколько выиграетъ строительный капиталъ отъ копѣечныхъ сбереженій, если даже они и окажутся въ результатѣ. Вотъ почему вообще правильнѣе избирать для желѣзной дороги направленіе по возможности отдаленное отъ шоссе: при такой системѣ страна не теряетъ затраченнаго въ шоссе капитала. Но этого мало. Шоссе, просуществовавшее нѣсколько лѣтъ, усваивается мѣстными жителями какъ главный путь, и относительно его остальныя дороги получаютъ значеніе побочныхъ. Прежнія дороги, идущія параллельно шоссе, остаются безъ поддержки, и года черезъ два или три послѣ открытія шоссе приходятъ въ совершенную негодность. Съ занятіемъ шоссе подъ желѣзную дорогу, мѣстнымъ жителямъ пришлось бы расходовать новыя суммы на возстановленіе заброшенныхъ дорогъ. Въ особенности же тяжело будетъ возстановить прежнія сообщенія, еслибы шоссе, проходящее между Бобруйскомъ и Брестомъ Литовскимъ, было занято желѣзною дорогой, и слѣдовательно совершенно закрылось для ѣзды въ повозкахъ. Шоссе это служитъ единственнымъ удобнымъ путемъ между Бобруйскомъ, Слуцкомъ, Ковриномъ, Брестомъ-Литовскимъ и другими ближайшими къ шоссе городами. Ниже мы помѣщаемъ статью; „Сто̀итъ ли примѣнять шоссе подъ желѣзныя дороги,“ принадлежащую лицу, коротко знакомому съ желѣзно-дорожнымъ дѣломъ. Изъ нея легко усмотрѣть какихъ ничтожныхъ выгодъ можно ожидать отъ отдачи Брестскаго шоссе подъ желѣзный путь. Надѣемся, что эта статья достаточно разъяснитъ въ глазахъ читателей вопросъ, ею разсматриваемый.

Что касается вообще вопроса о Московско-Смоленской желѣзной дорогѣ, то считаемъ не лишнимъ привести вкратцѣ тѣ положенія, которыя мы подробно развивали въ предыдущихъ статьяхъ нашихъ.

1. Калугѣ нужно соединеніе съ Москвой и южною Россіей, а вовсе не съ Смоленскомъ и еще менѣе съ Рославлемъ. Соединеніе Калуги съ Москвой и проведеніе Московско-Смоленской желѣзной дороги— два самостоятельные вопроса не имѣющіе никакой связи между собою. Калужская губернія есть губернія по преимуществу промышленная. Близость плодородныхъ губерній, удобство водяныхъ сообщеній и сосѣдство Москвы содѣйствовали значительному развитію въ ней мануфактуръ и торговли, а также многихъ ремеслъ. Всѣ эти отрасли промышленности могутъ развиваться и впредь, сообразно мѣстнымъ условіямъ. Но транзитная торговля хлѣбомъ, идущая въ настоящее время чрезъ Калужскую губернію, должна почти прекратиться съ открытіемъ Южной и Орловско-Смоленской дорогъ. Это неизбѣжно, и затѣмъ для процвѣтанія Калужской губерніи нужны не тѣ пути, которые строились бы въ видахъ транзитной торговли, долженствующей лишиться будущности, а тѣ, которые могутъ оживлять Калужскую губернію, крѣпко связывая ее съ Москвой, Нижнимъ, Петербургомъ и южною Россіей. Петербургскій портъ есть самый выгодный для Калужской губерніи изъ всѣхъ балтійскихъ портовъ, ибо отстоитъ отъ Калуги, мѣстнаго промышленнаго центра, на 780 верстъ, тогда какъ отъ Риги до Калуги 1.100 верстъ. Линія Серпухово-Калужская, имѣющая всего около 80 верстъ протяженія, вполнѣ удовлетворила бы пер-

вымъ потребностямъ Калуги. Провести эту линію мѣстному земству не трудно, и для этого нѣтъ надобности сообщать Московско-Смоленской дорогѣ ошибочное направленіе.

2. Предложеніе вести дорогу изъ Серпухова на Калугу и Рославль, вмѣсто того, чтобы вести ее отъ Москвы къ Смоленску, есть предложеніе еще болѣе странное. Такое направленіе дороги безполезно для губерніи Калужской, вредно для губерніи Смоленской и противорѣчитъ интересамъ общегосударственнымъ, удлиняя сообщенія Москвы съ Смоленскомъ и Москвы съ Брестомъ на 140 верстъ. Не поднимая Рославля, такое направленіе ослабитъ значеніе Смоленска, политическая важность котораго, относительно западнаго края, не подлежитъ сомнѣнію. Вести дорогу на Рославль тѣмъ болѣе неумѣстно, что вторая половина Московско-Брестскаго пути необходимо направится изъ Смоленска. Начинать вторую половину дороги не изъ Смоленска, а изъ Рославля не предлагаетъ никто, даже ради оригинальности предложенія.

3. Вести Московско-Брестскую желѣзную дорогу, придерживаясь направленія Московско-Брестскаго шоссе, невыгодно во всѣхъ отношеніяхъ. Это значило бы лишить дорогу не только ея экономической, но и ея военной пользы для сѣверо-западнаго края. Пройдя на Оршу и Минскъ, желѣзный путь будетъ имѣть важное стратегическое значеніе, какъ для сѣверо-западнаго края, такъ и для крѣпостей на Вислѣ, а слѣдуя серединой Полѣсья, онъ будетъ пригоденъ лишь для военныхъ нуждъ Царства Польскаго. Для сѣверо-западнаго края тогда попрежнему останется главною связью съ средоточіемъ Имперіи Петербургско-Варшавская линія, неудобства которой и вызываютъ построеніе новаго пути. Бобруйскъ, отстоящій на 500 верстъ отъ границы и на 400 отъ Бреста, построенный въ глубинѣ Полѣсья, гдѣ предвидѣть военныя дѣйствія невозможно, давно уже пріобрѣлъ значеніе лишь внутренняго поста, какъ военный складъ и весьма удобная торговая пристать.

4. Нельзя также смотрѣть на Московско-Смоленскую дорогу, какъ на дорогу, строящуюся лишь для Смоленской губерніи, а въ случаѣ уклоненія на Калугу— для Калужской. Дорога, имѣющая важное общегосударственное значеніе, не можетъ быть оцѣниваема со стороны выгодъ той или другой губерніи, того или другаго города. Такая дорога должна принять направленіе, соотвѣтствующее интересамъ не мѣстнымъ, а общимъ государственнымъ: смоленскіе и калужскіе землевладѣльцы могутъ спорить между собой объ этой линіи съ точки зрѣнія своихъ мѣстныхъ потребностей, но лица правительственныя не въ правѣ съуживать точку зрѣнія при разрѣшеніи такого важнаго вопроса. Дороги, имѣющія столь обширное значеніе какъ Московско-Брестская, не терпятъ уклоненій. Прямое соединеніе Востока съ Западомъ, Европы съ Азіей, должно быть кратчайшимъ, чтобъ имѣть свою полную цѣну. Москва, Можайскъ, Вязьма, Смоленскъ, Орша, Минскъ, Брестъ—вотъ истинное направленіе Московско-Брестскаго пути. Мѣстные интересы Калуги, Могилева, Бобруйска, ничтожны сравнительно съ общими интересами обширныхъ областей, которыя будутъ участвовать въ движеніи между Москвой и Брестомъ.

№ 61.

Москва, 19-го марта.

Наши корреспонденты сообщаютъ намъ удивительный фактъ, на который нельзя не обратить вниманія, хотя въ немъ нѣтъ для насъ ничего новаго. Римско-католическій священникъ позволилъ себѣ прочесть въ своей церкви молитву за Царя по-русски, и за это онъ подвергся преслѣдованію со стороны мѣстныхъ властей, именно въ то самое время, когда правительство ставитъ обрусеніе этого края главною цѣлію своихъ въ немъ усилій. Вотъ удивительное противорѣчіе, въ которомъ запутались наши дѣла, и, говоря по правдѣ, вотъ истинный корень того зла, съ которымъ такъ тяжело и съ такимъ малымъ успѣхомъ борется правительство! Въ дѣлахъ государства, какъ и въ дѣлахъ людей, встрѣчаемыя затрудненія должны прежде всего обращать насъ на самихъ себя, съ тѣмъ, чтобы мы поискали причины ихъ на своей сторонѣ, ибо главною виной нашихъ затрудненій большею частію бываемъ мы сами. Чтобы справиться съ своими противниками, мы должны прежде справиться съ самими собою. Противники большею частію сами бываютъ порожденіемъ какой-

либо нашей слабости или внутренняго противорѣчія въ нашихъ дѣлахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что такъ-называемое польское дѣло въ Россіи, которое всегда было и доселѣ остается для нея источникомъ самыхъ серіозныхъ затрудненій, есть порожденіе ея собственной политики. Можемъ ли мы ожидать, чтобы въ Россіи не было враговъ ея государственнаго единства, если эти враги какъ бы входятъ въ програму ея политической системы? Можетъ ли быть рѣчь о полномъ національномъ объединеніи тамъ, гдѣ напротивъ все клонится къ разобщенію и отчужденію населеній, составляющихъ государство, — гдѣ, при неизбѣжной въ наше время вѣротерпимости, признакомъ національности поставляется религія? Можно ли требовать отъ иновѣрческихъ населеній, живущихъ въ Россіи, чтобъ они были преданы ей, и пользуясь полнотой ея гражданства, не употребляли его во зло, если имъ отказываютъ въ языкѣ ихъ отечества, если ихъ заставляютъ воспитываться въ національномъ отчужденіи отъ него? Возможно ли надѣяться на уваженіе и любовь къ той народности, которая держится подъ цензурой и въ которой скаредно отказывается даже тѣмъ, кто по своему происхожденію принадлежитъ къ ней? Дѣла западнаго края за послѣдніе годы представляютъ намъ это внутреннее противорѣчіе въ его самомъ крайнемъ и самомъ нестерпимомъ выраженіи. Мы видѣли напряженныя усилія администраціи изгонять отовсюду употребленіе польскаго языка: за каждое польское слово, сказанное публично, налагался штрафъ; польскія вывѣски подвергались неумолимому остракизму; дворянамъ-католикамъ того края, въ торжественныхъ случаяхъ, начальство объявляло, чтобъ они были вполнѣ русскими; и вотъ, въ то же время всѣмъ жителямъ этого края, не принадлежащимъ къ православной церкви, поставлялось и поставляется въ обязанность быть Поляками, и употребленіе польскаго языка дѣлается обязательнымъ даже для тѣхъ населеній, которымъ онъ чуждъ; налагается запретъ на русскій языкъ для людей, которымъ онъ природный, и они понуждаются къ усвоенію польской національности со всѣми ея преданіями, потому только, что исповѣдуютъ римско-католическую вѣру; священникъ этой церкви подвергается преслѣдованію за то, что онъ понялъ серіозно, что край этотъ есть русскій, и прочелъ молитву за Царя не по-польски, а по-русски! На что это походитъ, и къ чему это можетъ вести? Исправникъ, который привлекъ этого священника къ слѣдствію, будто преступника, дѣйствовалъ, впрочемъ, не противузаконно и, по всему вѣроятію, былъ убѣжденъ, что такимъ дѣйствіемъ оказываетъ самую усердную услугу „русскому дѣлу.“ Губернскія власти, поднявшія въ свою очередь тревогу по поводу мятежнаго ксендза заговорившаго по-русски, также, повидимому, убѣждены, что способствуютъ этимъ какъ нельзя лучше обрусенію края.

А еще недавно намъ возражали, что употребленіе русскаго языка совершенно свободно, и что отъ самихъ иновѣрцевъ зависитъ ввести его въ свое богослуженіе! Вотъ фактъ, который можетъ служить отвѣтомъ на это возраженіе, еслибъ оно дѣлалось искренно и дѣйствительно нуждалось въ отвѣтѣ.

Чѣмъ болѣе приходится намъ знакомиться съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ, тѣмъ болѣе убѣждаемся мы, что истинный корень многихъ государственныхъ затрудненій заключается именно въ этомъ запретѣ, который лежитъ на русскомъ языкѣ, или, что все то же, на русской народности. Россія не выйдетъ изъ своихъ затрудненій, пока не начнетъ серіозно освобождать свой языкъ. Безъ этого всѣ правительственныя мѣры, принимаемыя въ западномъ краѣ, будутъ имѣть только паллiативный характеръ и останутся безуспѣшны; безъ этого, и въ другихъ мѣстахъ затрудненія будутъ не умаляться, а возрастать; безъ этого, наконецъ, и народность наша въ самой себѣ никогда не возымѣетъ живой и плодотворной силы развитія, и не станетъ въ уровень съ тѣмъ положеніемъ, которое Россія занимаетъ въ мірѣ какъ великая держава.

Ограничиваясь замѣткой, къ которой подалъ поводъ случай сообщаемый нашимъ виленскимъ корреспондентомъ, мы не можемъ еще разъ не выразить того горькаго чувства, которое невольно испытываетъ наблюдатель, слѣдящій за ходомъ дѣлъ въ западномъ краѣ. Нельзя не скорбѣть при видѣ этихъ противорѣчій, которыя ободряютъ враговъ нашего отечества и предаютъ имъ на посмѣяніе дѣйствія нашего правительства. Зачѣмъ же принимать мѣры противъ польскаго языка, если употребленіе его есть такая государственная

необходимость, что даже не-Поляки должны въ этомъ краѣ признавать себя Поляками? Зачѣмъ отрицать здѣсь польскую національность, если мы изъ религіи нами терпимой, въ противность ей самой, дѣлаемъ польское національное учрежденіе? Для чего заботиться, чтобы край этотъ былъ по истинѣ русскимъ, если многіе милліоны живущихъ въ немъ людей вынуждаются промышлять себѣ языкъ на сторонѣ для первенствующаго во всякомъ человѣческомъ общежитіи дѣла, какъ религія? Для чего римско-католическій законъ Божій преподавать въ школахъ на русскомъ языкѣ, между тѣмъ какъ молитвы, большею частію общія обѣимъ церквамъ, не могутъ быть произносимы по-русски? Странное чувство должны выносить воспитанники учебныхъ заведеній, принадлежащіе къ римской церкви, которые въ классѣ слушаютъ ея догматы на языкѣ русскомъ, а молитву предъ классомъ обязаны читать по-польски. Противорѣчіе всегда свидѣтельствуетъ о какомъ-нибудь органическомъ порокѣ въ самой системѣ, и невозможно думать, чтобы такого рода противорѣчія ничего не значили и обходились даромъ. Не странно ли, что люди, съ большимъ усердіемъ и ревностію работающіе въ пользу того, что̀ они называютъ русскимъ дѣломъ, тянутъ въ одну сторону съ его отъявленными противниками?

№ 62.

Москва, 20-го марта.

Въ № 50 *Московскихъ Вѣдомостей* была рѣчь о выраженной въ 1862 г. волѣ Государя Императора относительно избранія новыхъ началъ для отбыванія рекрутской повинности и о необходимости согласовать эту повинность съ установляющимся у насъ, вслѣдствіе крестьянской, земской, судебной и другихъ реформъ, новымъ общественнымъ строемъ.

При сравненіи числовыхъ данныхъ по наборамъ нашимъ и первостепенныхъ державъ европейскаго материка, мы приходимъ къ выводамъ подтверждающимъ эту необходимость.

Во Франціи, гдѣ цифра мужскаго населенія достигаетъ 18 милліоновъ, ежегодно дозрѣваетъ молодыхъ людей призывнаго возраста (21 годъ) значительно свыше 300 тыс. человѣкъ, изъ коихъ въ послѣднее время ежегодно принимается на службу въ мирное время 95 тыс., въ военное— свыше 130 тыс.

Въ Австріи цифра мужскаго населенія $17^1/_2$ милл., то-есть почти та же что̀ и во Франціи; но число призываемыхъ къ выниманію жребія значительно больше французскаго, ибо, въ силу закона 1858 г., по тиражамъ призывались отъ 20 до 27 лѣтъ (начиная съ младшаго возраста, а въ силу закона 1861 г.—съ 20 до 22 л. включительно. Избираемый изъ нихъ ежегодный контингентъ свыше 75.000

Въ Пруссіи, имѣющей съ 1866 года до 12-ти милліоновъ мужскаго населенія, ежегодно принимается на службу молодыхъ людей 20-лѣтняго возраста до 70.000.

Имѣя населеніе, почти вдвое превышающее французское и австрійское (въ одной европейской Россіи, за исключеніемъ губерній Царства Польскаго), мы въ послѣдніе годы взимаемъ рекрутъ меньше чѣмъ Франція и лишь нѣсколько больше чѣмъ Австрія и Пруссія. Нашъ наборъ въ прошломъ году простирался до 92.000; въ нынѣшнемъ году онъ ожидался въ 87.000.

Казалось бы, что при такихъ благопріятныхъ условіяхъ, военная повинность наша должна быть почти нечувствительною для народа, по крайней мѣрѣ вдвое менѣе чувствительною чѣмъ въ остальной Европѣ, но то ли видимъ на дѣлѣ?

Недоимка въ половинѣ нашихъ европейскихъ губерній оказывается болѣе или менѣе серіозною и растетъ съ году на годъ. При прошлогоднемъ наборѣ, ея накопилось къ 15-му февраля въ губерніяхъ: Костромской—82 чел., Саратовской—64, Орловской—49, Нижегородской—74, Казанской—210, Лифляндской—21, Эстляндской—79, Курляндской—62, Подольской—100 и т. д. Правда, къ осени прошлаго года около трети этой недоимки было пополнено, но остальныя двѣ трети или прощены или продолжаютъ тяготѣть на массѣ населенія. По достовѣрнымъ слухамъ, при наборѣ нынѣшняго года ожидается повтореніе того же самаго явленія. Не станемъ входить въ причины вызвавшія недоимку, а ограничимся вопросомъ: если такое явленіе возможно у насъ при столь ничтожныхъ наборахъ какъ четыре съ тысячи, то чего же ожидать при наборахъ въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, не говоримъ уже объ усиленныхъ, которые въ прошлую

войну приходилось дѣлать по два раза въ годъ, не считая ополченія? Не ясно ли, что въ чемъ бы не заключались причины недоимки, онѣ служатъ указаніемъ съ одной стороны несостоятельности нынѣшней системы набора даже для обыкновеннаго комплектованія арміи въ мирное время, съ другой—трудности для населенія отбывать военную повинность въ настоящемъ ея видѣ?

Чѣмъ несосоятельнѣе система, тѣмъ тягота ея ощутительнѣе. До сихъ поръ еще манифестъ о наборѣ, при всевозможныхъ облегченіяхъ со стороны военнаго вѣдомства, производитъ въ средѣ подлежащаго рекрутской повинности населенія уныніе и тревогу. Для набора требуется всякій разъ болѣе чѣмъ двойной комплектъ лицъ предназначаемыхъ на службу, ибо кромѣ рекрутъ, сдатчики обязаны приводить подставныхъ и на случай бракованія тѣхъ и другихъ, имѣть еще запасныхъ въ резервѣ. Такимъ образомъ въ прошлогодній наборъ представлено было въ рекрутскія присутствія свыше 191.000, изъ коихъ болѣе четвертой доли всѣхъ выставленныхъ забраковано. Въ числѣ выставленныхъ находились люди отъ 21- до 30-лѣтняго возраста. Въ тѣхъ сословіяхъ, гдѣ дѣйствуетъ очередная система, люди въ теченіе десяти лѣтъ живутъ подъ страхомъ рекрутской повинности; отъ страха не освобождаются даже если были однажды забракованы за тѣлесными недостатками или хроническими болѣзнями. Кто изъ нихъ въ теченіе этого десятилѣтняго періода женится, тотъ рискуетъ на 10—15 лѣтъ быть оторваннымъ отъ своего семейства, оставить его безъ призрѣнія, даже безъ куска хлѣба. Отъ этого слабѣетъ движеніе столь еще скуднаго у насъ по пространству населенія и возрастаетъ нищета въ народѣ и безъ того большая. Удивляться ли, при такихъ условіяхъ, тому тягостному чувству, съ которымъ населеніе смотритъ на наборъ, и тѣмъ жертвамъ, которыя приносятъ люди для того чтобъ отъ него избавиться? Кто видалъ, что̀ такое нашъ наемный охотникъ, безобразно гуляющій по нѣсколько мѣсяцевъ насчетъ того семейства, за которое онъ нанимается и доводящій нанимателей до необходимости не только израсходовать на него всѣ свои сбереженія и войдти въ долги, но исполнять всѣ мерзости его пьянаго каприза, тому сдѣлается понятно какъ смотритъ народъ на теперешніе все еще долгіе и раззорительные для него сроки службы.

Посмотримъ теперь, до какой степени нынѣшняя система наша удовлетворяетъ потребностямъ арміи. По достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, послѣдніе наборы, въ отношеніи къ здоровью новобранцевъ, представляютъ значительныя улучшенія въ сравненіи съ наборами прежняго времени; случаи дезертирства—едва насчитываются десятками и встрѣчаются почти исключительно между Евреями; изъ 92 т. рекрутъ прошлогодняго набора, менѣе 14 т. старше 25-ти лѣтъ; но при этомъ между рекрутами оказывается грамотныхъ *менѣе одного процента*, между тѣмъ какъ во французской арміи процентъ грамотныхъ доходитъ до 70, въ прусской свыше 80; даже въ Австріи, предъ войной 1866 г., грамотныхъ было 3%, то-есть, втрое больше нашего. Хранить равнодушіе въ виду этого прискорбнаго и столь невыгоднаго факта, значило бы не понимать современныхъ требованій военнаго дѣла.

Но всего тягостнѣе вліяніе на армію нынѣшней системы набора въ отношеніи нравственномъ. Служба въ нижнихъ чинахъ, повсюду въ Европѣ почетная и популярная, является только у насъ какъ бы чѣмъ-то зазорнымъ: законъ освобождаетъ отъ нея все что̀ мало-мальски стоитъ или считается выше общаго уровня. У насъ пользуются свободой отъ нея не только цѣлыя сословія, но и цѣлыя массы населенія, наконецъ цѣлыя области: Бессарабія, напримѣръ, не несетъ военной повинности на томъ основаніи, что жители ея „отвыкли отъ военной службы." Слишкомъ двухъ-сотъ-тысячная часть населенія Сибири не подлежитъ повинности, потому только, что „привлеченіе его не будетъ чувствительно ни для народа, ни для арміи." Кромѣ того, у насъ допущено значительное число изъятій за взносъ 300 и 150 руб. При такихъ условіяхъ, солдатъ нашъ смотритъ на свое званіе не какъ на обязанность гражданина, а какъ на тяжкую необходимость тянуть лямку по невозможности отъ нея откупиться. Тѣмъ же взглядомъ смотритъ на солдата привилегированное и инородческое населеніе наше, считающее себя слишкомъ высоко стоящимъ для того чтобы служить въ арміи, комплектуемой исключительно изъ людей граждански-неполноправныхъ. Какъ же послѣ этого внушить арміи, что при совре-

менномъ состоянiи военнаго дѣла - возвышенiе ея духа и индивидуальное развитiе солдата должны, при воспитанiи войска, имѣть первенствующее значенiе?

Введенiе конскрипцiи быстро оживило бы армiю, придало бы ей свѣжiя силы, поднявъ ея нравственный уровень и открывъ ей новые источники для комплектованiя войскъ; оно благодѣтельно отозвалось бы на всемъ населенiи, сдѣлавъ для него наборы менѣе обременительными и болѣе равномѣрными, и сокративъ процентъ ежегоднаго набора. Армiя прiобрѣтала бы ежегодно конскриптовъ извѣстнаго возраста, военное образованiе коихъ значительно облегчалось бы, благодаря присутствiю въ ихъ рядахъ людей получившихъ предварительное образованiе и не добивающихся поступать въ писаря полковаго или дивизiоннаго штаба; служба въ ней сразу прiобрѣла бы характеръ почетный; сокращенiе сроковъ службы, и притомъ дифференцiальное, на основанiи образованiя, явилось бы логическимъ слѣдствiемъ новой системы набора.

Конскрипцiя не устраняетъ, какъ хотятъ увѣрить ея противники, покровительства наукѣ, искусству и просвѣщенiю. Напротивъ, въ тѣхъ государствахъ, гдѣ система конскрипцiи вполнѣ вошла въ нравы народа, мы встрѣчаемъ, наряду съ нею, самую энергическую поддержку образованiя. Такъ въ Пруссiи закономъ предусмотрѣны всѣ мѣры къ доставленiю молодымъ людямъ возможности окончить свое образованiе; конскриптамъ получившимъ гимназическiй аттестатъ въ окончанiи курса, предоставлено поступать вольноопредѣляющимися и служить, до зачисленiя въ резервъ всего одинъ годъ. Въ государствѣ благоустроенномъ конскрипцiя не только не служитъ препятствiемъ къ распространенiю образованiя, но сама является въ этомъ отношенiи мощнымъ двигателемъ. Къ тому же годъ военной службы для молодаго человѣка, получившаго образованiе, есть превосходное и ничѣмъ не замѣнимое дополненiе воспитанiя.

№ 63.

Москва, 21-го марта.

А.

Люди вырвавшiеся изъ рукъ разбойниковъ, избитые и ограбленные, бросились искать защиты у должностнаго лица, поставленнаго именно затѣмъ, чтобы блюсти безопасность, и благочинiе, и ограждать мирныхъ жителей отъ насилiй; но вмѣсто защиты и содѣйствiя которыхъ пострадавшiе искали и на которыя они имѣли право, блюститель порядка, въ самыхъ стѣнахъ своего святилища, самъ поступилъ съ ними почти также какъ и тѣ лихiе люди, отъ которыхъ они бѣжали; одинъ изъ нихъ особенно пострадавшiй, былъ избитъ, выгнанъ; наконецъ въ самомъ домѣ становаго, въ передней его канцелярiи, окончательно обворованъ мошенниками. Пока все это происходило, разбойники были изловлены жителями и приведены къ тому же становому; но тотъ, продержавъ ихъ нѣсколько дней, отпустилъ на всѣ четыре стороны безъ допроса и дознанiя. Когда его начальство, освѣдомившись о такихъ его поступкахъ, потребовало отъ него отчета, то онъ представилъ облыжное донесенiе и отперся ото всего, что потомъ несомнѣнно дознано и доказано на судѣ. Вотъ дѣло, которое само говоритъ за себя, не требуя ни разъясненiй, ни толкованiй. Начальство, удостовѣрившись въ преступномъ образѣ дѣйствiй своего агента, разрѣшило подвергнуть его судебному преслѣдованiю.

Г. Глушковъ судился съ участiемъ присяжныхъ, вслѣдствiе особеннаго взгляда Московской судебной палаты на статью 201 Уст. Угол. Судопр. Въ статьѣ этой сказано, что съ участiемъ присяжныхъ судятся обвиняемые въ преступленiяхъ, кои влекутъ за собою наказанiя соединенныя съ лишенiемъ или ограниченiемъ правъ. Г. Глушковъ обвинялся въ такихъ преступленiяхъ по должности, за которыя довольно снисходительный законъ полагаетъ высшею мѣрой наказанiя исключенiе изъ службы; а такъ какъ исключенiе изъ службы влечетъ за собою послѣдствiя, которыя близко подходятъ къ ограниченiю правъ, технически опредѣляемому Уложенiемъ какъ лишенiе нѣкоторыхъ правъ и преимуществъ, коимъ сопровождается въ извѣстныхъ случаяхъ заключенiе въ крѣпость и смирительный домъ; то Московская судебная палата, подвергая г. Глушкова суду съ присяжными, имѣла, безъ сомнѣнiя, въ виду, что въ случаѣ признанiя его виновности, онъ долженъ быть приговоренъ къ исключенiю изъ службы.

Мы не находимъ ничего возразить про-

тивъ такого толкованія вышеупомянутаго коренного постановленія Устава Уголовнаго Судопроизводства; напротивъ, мы полагаемъ, что судебная палата имѣла достаточное основаніе поступить такимъ образомъ. За то всякаго должно поразить толкованіе закона со стороны окружнаго суда, который счелъ возможнымъ приговорить подсудимаго просто къ удаленію отъ должности,—то-есть къ наказанію занимающему въ лѣстницѣ специяльныхъ взысканій за преступленія по должности одно изъ самыхъ послѣднихъ мѣстъ (ниже 7-ми-дневнаго ареста), между тѣмъ какъ присяжные дали утвердительный вердиктъ на всѣ три пункта обвиненія, и не признали въ пользу подсудимаго никакихъ смягчающихъ вину обстоятельствъ.

Изъ показаній нѣкоторыхъ свидѣтелей видно, что становой, преданный за свои поступки суду, учинилъ бо̀льшую часть ихъ въ пьяномъ видѣ. Въ какой мѣрѣ пьяное состояніе человѣка можетъ служить для него нѣкоторымъ извиненіемъ или смягченіемъ его вины предъ судомъ? Въ преступленіяхъ сопряженныхъ съ нарушеніемъ дисциплины опьянѣлость обыкновенно не принимается въ расчетъ и оказавшійся виновнымъ подвергатся всей тяжести наказанія. Если такъ, то едва ли нетрезвое состояніе можетъ служить извиненіемъ для агента власти въ преступленіяхъ по должности. Присяжные, какъ выше сказано, не дали смягчающихъ обстоятельствъ подсудимому, который подлежалъ ихъ приговору, но судъ тѣмъ не менѣе опредѣлилъ самую низшую мѣру наказанія. Итакъ, намъ остается только поздравить г. Глушкова съ благополучнымъ окончаніемъ его казуснаго дѣла.

Счастіе г. Глушкову, что онъ служилъ становымъ въ Московской губерніи, а не въ Виленской или въ Волынской! Будь подобный случай въ тѣхъ мѣстахъ, какія сильныя изъявленія негодованія противъ администраціи возбудилъ бы онъ въ столбцахъ *Вѣсти*,—разумѣется, еслибы г. Глушковъ обошелся такимъ образомъ не съ крестьяниномъ, пришедшимъ искать у него помощи, а съ какимъ-нибудь шляхтичемъ или официалистомъ знатнаго пана, прибившимъ или изобидѣвшимъ хлопа. Г. Глушковъ, самъ того не вѣдая, очутился бы въ званіи соціалиста и коммуниста, и въ перспективѣ была бы ему показана чуть не висѣлица. Что въ западномъ краѣ подобныхъ случаевъ не бываетъ, въ этомъ нельзя сомнѣваться, потому что подписчики и корреспонденты нашего петербургскаго *Часа* не пропустили бы ни малѣйшаго намека на что-либо подобное и раздули бы въ гору самый ничтожный случай. Въ западномъ краѣ есть стоокіе Аргусы, которые слѣдятъ за каждымъ шагомъ мѣстной администраціи, и ставятъ своею задачей не только уличать ее, но и клеветать на нее огуломъ. Съ другой стороны нельзя также сомнѣваться, что господа въ родѣ бирскаго исправника Васильева и богородскаго становаго Глушкова не рѣдкость въ остальной Россіи. Только крупные случаи всплываютъ на верхъ и пріобрѣтаютъ печальную извѣстность, а тѣ безчисленные случаи, изъ которыхъ сплетается ежедневная жизнь, ускользаютъ отъ всякаго контроля и являются обычнымъ порядкомъ вещей. Только судъ правильный и неозабоченный опасеніями столкнуться съ другими властями могъ бы служить органомъ для такого контроля надъ дѣйствіями этого множества мелкихъ агентовъ администраціи, чрезъ которыхъ она соприкасается со всѣми интересами народа; только такой судъ можетъ дать обезпеченія какъ для правительства, такъ и для частныхъ людей отъ злоупотребленій этихъ агентовъ,—еслибы притомъ преступленія ихъ могли прямо и безъ особыхъ спросовъ подвергаться судебному разсмотрѣнію.

Впрочемъ, предоставляемъ самимъ пострадавшимъ сѣтовать на то, что становой Богородскаго уѣзда за свои злоупотребленія не былъ подвергнутъ болѣе серіозному наказанію. Но позволительно пожелать, чтобы губернскія администраціи, при назначеніи подобныхъ мелкихъ, но столь чувствительныхъ для народа агентовъ, соблюдали строгую разборчивость, и чтобы по крайней мѣрѣ люди нетрезвые не могли попадать на такія мѣста, какъ исправникъ и становой.

Б.

Вчера въ передовой статьѣ нашей, мы коснулись мимоходомъ процентнаго отношенія грамотныхъ людей, ежегодно поступающихъ въ армію нашу и другихъ европейскихъ государствъ. Въ цифры вкрались большія погрѣшности. Спѣшимъ исправить ихъ, хотя на основаніи этихъ цифръ не

было сдѣлано никакихъ выводовъ. Во *Франціи* на 100 конскриптовъ обыкновенно поступаетъ: умѣющихъ читать и писать—67%, умѣющихъ только читать 3%, итого грамотныхъ 70%. Въ *Пруссіи* народное образованіе стоитъ гораздо выше. Въ наборъ 1864—65 годовъ изъ 63.032 человѣкъ поступившихъ въ ряды арміи, неграмотныхъ было всего 3.480; слѣдовательно, въ армію поступило грамотныхъ людей 94½%. Въ *Австріи*—въ наборъ 1865 г. поступило въ ряды арміи 79.605 (вмѣстѣ съ вольноопредѣляющимися и поступившими по распоряженію начальства), въ томъ числѣ грамотныхъ 25.111 человѣкъ или 31½%.*)

Что же касается до нашей арміи, то въ прошлогодній наборъ, съ 15-го января по 15-е февраля 1867 года, по свѣдѣніямъ, которыя мы имѣемъ, изъ числа поступившихъ 94.104 рекрутъ грамотныхъ было всего 7.851 чел. или $8^{10}/_{20}$. На этомъ основаніи, относительное число грамотныхъ, поступающихъ въ ряды арміи, у насъ почти въ 12 разъ менѣе нежели въ Пруссіи и почти въ 4 раза менѣе нежели въ Австріи.

Восемь съ половиной процентовъ грамотныхъ людей изъ числа вступающихъ ежегодно въ нашу армію составляютъ средній процентъ для всей Имперіи. Есть губерніи, гдѣ грамотность развита весьма значительно, но онѣ большею частью принадлежатъ не къ кореннымъ русскимъ. Въ прошлогодній наборъ изъ числа принятыхъ рекрутъ было грамотныхъ:

	Число принятыхъ рекрутъ	Грамотныхъ.
Въ губерніяхъ: Лифляндской, Эстляндской и Курляндской.	3.739	1.036
Въ шести губерніяхъ сѣверо-западнаго края.	10.184	624
Въ трехъ губерніяхъ юго-западнаго края.	10.943	321
Въ губерніяхъ Вологодской, Костромской, Ярославской, Владимірской и Московской.	7.242	1.566

Въ общемъ итогѣ въ трехъ губерніяхъ Балтійскаго края, грамотныхъ рекрутъ изъ общаго ихъ числа было 29%. По губерніямъ процентное содержаніе это распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

Въ Лифляндской	губерніи	50%
» Эстляндской	»	40%
» Курляндской	»	9%

*) *Военн. Стат. Сборн.* подъ ред. І. М. Обручева.

Затѣмъ слѣдуютъ губерніи Ярославская, Владимірская, Московская, Костромская, Вологодская, поставившія въ общемъ числѣ 20½% грамотныхъ. Изъ нихъ на долю Ярославской губерніи приходится 30%.

Губерніи заднѣпровской Руси очень отстали отъ другихъ. Прошлое время много сдѣлало въ этомъ краѣ для Поляковъ и шляхты, но очень мало для мѣстнаго русскаго населенія. Въ сѣверо-западномъ краѣ грамотныхъ рекрутъ было поставлено всего 6%, а въ юго-западномъ краѣ даже нѣсколько менѣе 3%.

№ 64.

Москва, 22-го марта.

А.

Было время когда графу Бисмарку приписывали замыселъ до чрезвычайности коварный. Утверждали будто послѣ побѣдъ при Садовой и Кенигтрецѣ, когда ему приходилось избирать одно изъ двухъ, равно затруднительныхъ рѣшеній, либо отважиться на европейскую войну, либо подчиниться невыгодамъ неполнаго торжества,—онъ избѣгъ затрудненій, подписавъ, повидимому, миръ, но предоставивъ себѣ довершить распаденіе Австріи посредствомъ г. фонъ-Бейста; причемъ увѣряли, будто прусскій министръ-президентъ являлъ къ г. Бейсту притворно сильную ненависть, которой въ сущности вовсе не питалъ къ нему, но дѣлалъ это единственно для того чтобы побудить австрійскаго императора избрать г. фонъ-Бейста въ свои министры.

Если такъ, то надобно сознаться, что никогда никакой человѣческій замыселъ не имѣлъ столь полнаго успѣха. Каждый день приноситъ новыя доказательства усердія, или лучше сказать нѣкотораго рода отчаянныхъ усилій, съ какими г. фонъ-Бейстъ заботится о пагубѣ монархіи, которой участь неосторожно ему ввѣрена.

Не разъ уже мы имѣли случай указывать нашимъ читателямъ на успѣхъ этого разрушительнаго труда; но то, о чемъ хотимъ теперь говорить, превосходитъ всякое ожиданіе и вполнѣ доказываетъ основательность разчетовъ, приписываемыхъ г. фонъ-Бисмарку.

Десять мѣсяцевъ спустя послѣ разгрома военныхъ силъ Австріи и послѣ ея

изгнанія изъ Германіи,—во время самаго разгара внутренняго кризиса, которымъ вся организація Австріи если не разрушена, то по крайней мѣрѣ сильно потрясена, кризиса, котораго исходъ очень сомнителенъ,—въ ту самую минуту, когда финансовое разстройство Австрійской имперіи вынуждаетъ ее прибѣгнуть къ налогу на ренту, то-есть, почти къ объявленію банкротства, Вѣнскій кабинетъ, если не обманываютъ разныя указанія, носится съ мыслію устроить крестовый походъ противъ Россіи. Снова ставится на сцену польская комедія, которую пять лѣтъ назадъ самъ Наполеонъ III безплодно пытался разыграть,—все это, конечно, не столько противъ Россіи, сколько съ цѣлью, чтобы подъ прикрытіемъ этой комедіи попытаться нанести ударъ Пруссіи и новосозданному германскому единству, изъ котораго Австрія исключена.

Вотъ, вопервыхъ, свѣдѣнія, почерпнутыя въ *Аугсбургской Газетѣ*, которая впрочемъ теперь чуть ли не болѣе повинуется внушеніямъ изъ Берлина нежели изъ Вѣны, и отчасти можетъ служить орудіемъ для ловкихъ махинацій г. фонъ-Бисмарка. Упомянутая газета разказываетъ, что вскорѣ якобы имѣютъ произойдти тайныя совѣщанія въ Краковѣ и Львовѣ по наущенію ландмаршала князя Сапѣги (того самаго, кого императоръ Францъ-Іосифъ возилъ съ собою въ Парижъ), и что этотъ Сапѣга *повинуется внушенію данному* изъ *высшихъ сферъ*. „Дѣло въ томъ," говоритъ *Аугсбургская Газета*, „что галицкое польское дворянство негодуетъ на реформы въ Царствѣ Польскомъ, „считая невозможнымъ примиреніе Русскихъ съ Поляками. Эта непримиримая „ненависть галицкаго дворянства къ Россіи зиждится на достаточныхъ основаніяхъ. Галицкая національно-польская „партія, многочисленнѣйшіе члены которой состоятъ изъ дворянъ, считаетъ себя главнѣйшимъ дѣятелемъ возстановленія Польши. Этою идеей галицкіе Поляки руководствуются во всѣхъ своихъ „дѣйствіяхъ, несмотря на всѣ ихъ завѣренія предъ австрійскимъ правительствомъ. „Партія эта боится потерять почву для „агитаціи противъ Россіи, если дѣло приметъ въ Польшѣ либеральный оборотъ, „и такимъ образомъ отдалится возстановленіе ея. Эта спекулятивная политика „проводится въ Галиціи совсѣмъ не въ „тайнѣ; напротивъ, ее можно ежедневно „читать между строкъ во всѣхъ задающихъ „тонъ газетахъ, каковъ, напримѣръ, *Часъ*. „*Газета Народова* и проч. Одинъ изъ „львовскихъ журналовъ до того дошелъ „въ своемъ усердіи къ возстановленію „Польши, что выставилъ во главѣ своего „изданія древній польскій гербъ—бѣлаго „орла и литовскаго всадника. Въ виду „этихъ заботъ объ отдѣленіи, явно провозвѣщаемыхъ галицкими Поляками, *образъ „дѣйствія австрійскаго правительства* „необъяснимъ; онъ не только *не обращаетъ вниманія* на интриги, происходящія „въ Галиціи, но еще ежедневно, къ ущербу Нѣмцевъ и галицкихъ Русскихъ, дѣлаетъ Полякамъ уступки въ ихъ національномъ смыслѣ, уступки очевидно обращаемыя въ средства для агитаціи."

То, что *Аугсбургской Газетѣ* справедливо кажется необъяснимымъ въ потворствѣ австрійскаго правительства этимъ интригамъ, становится довольно ясно послѣ умышленныхъ признаній, содержащихся въ статьѣ очевидно офиціознаго происхожденія, напечатанной въ *Neue Freie Presse*, личномъ, такъ сказать, органѣ г. фонъ-Бейста. Нѣсколько дней тому назадъ объ этой статьѣ было уже сообщено по телеграфу. Вотъ слово въ слово самыя замѣчательныя мѣста ея:

„Русское правительство, старающееся, „какъ извѣстно, сокрушить цѣлымъ рядомъ органическихъ мѣръ послѣдніе слѣды польской національности въ странѣ, „обыкновенно называемой *Конгрессовкою*, „раздѣлило эту страну на 9 губерній, которымъ воспрещено и названіе Польши. „Вмѣсто этого названія въ офиціальныхъ „актахъ говорится только о привислянскихъ губерніяхъ. Само собою разумѣется, что національный языкъ долженъ исчезнуть отовсюду, и что латинская церковь находится въ положеніи самомъ ненадежномъ. Во время событій 1863—1864 „гг., на которыя Австрія и западныя „державы отвѣчали только безсильными „протестаціями, князь Горчаковъ не обратилъ ни малѣйшаго вниманія на трактаты 1815 года. Самъ онъ и его аколиты „заботились только о томъ, чтобы удовлетворить требованіямъ запальчивой московской ультра-русской партіи, которой „вліяніе ежедневно возрастаетъ, и ни мало не тревожились тѣмъ что скажутъ „европейскіе басурманы. До сихъ поръ

„Европа молчала, но говорятъ, что вскорѣ она прекратитъ свое молчаніе. *Насъ извѣщаютъ*, что Тюльерійскій кабинетъ „сообщилъ сюда, что державамъ, подписавшимъ трактаты 1815 года, слѣдуетъ „договориться о коллективной мѣрѣ для „противодѣствія распоряженіямъ пагубнымъ для бытія Польскаго царства..... „Послѣ опыта, представляемаго послѣднимъ возстаніемъ, въ Парижѣ не хотятъ, „какъ слышно, опять дѣйствовать дипломатическимъ путемъ, и рѣшились добиться требуемаго силой."

Эти рѣчи поясняются многими статьями такого же рода въ органѣ венгерскаго министра Андраша. Такимъ образомъ министры транслейтанскій и цислейтанскій условились въ Вѣнѣ сбросить маску и явно приступить къ новому европейскому походу противъ Россіи. Правда, они стараются отвѣтственность за это навязать Тюльерійскому кабинету, но очевидно, что почин принадлежитъ имъ и что этотъ замыселъ родился еще въ то время, когда графъ Голуховскій былъ посланъ въ Галицію для ободренія Поляковъ. Нѣтъ сомнѣнія также, что совпаденіе этихъ манифестацій съ поѣздкой принца Наполеона и съ обнародованіемъ *черной* польской книги, препровожденной въ законодательное сословіе и въ австрійскій рейхсратъ (и принятой, по объявленію *Монитера* съ благодарностью), но есть дѣло случая, и что равнымъ образомъ роль Петра Пустынника въ этомъ новомъ крестовомъ походѣ неоспоримо принадлежитъ г. барону фонъ-Бейсту.

Остается только знать какія Вѣнскій кабинетъ имѣетъ въ виду вѣроятности успѣха и на какія державы изъ подписавшихъ трактаты 1815 года онъ разсчитываетъ. Онъ не можетъ надѣяться на Англію, ибо по опыту 1863 года не позволительно предполагать, чтобы британское правительство, которое присоединилось къ тогдашнимъ попыткамъ только для того чтобы разъединить Россію съ Франціей, захотѣло возобновить тотъ же маневръ теперь, когда оно вполнѣ достигло своей цѣли. Что касается до Пруссіи, то г. фонъ-Бисмаркъ долженъ быть доволенъ этими маневрами только въ томъ смыслѣ, что они затягиваютъ крѣпче узелъ отношеній между этою державой и Россіей. Интересамъ политики г. фонъ-Бисмарка не противно, чтобы Россію пугали призракомъ польскаго вопроса, ибо въ этомъ вопросѣ обѣ державы солидарны, а союзъ съ Россіей есть для Пруссіи необходимость.

Наконецъ, не разчитываетъ ли г. фонъ-Бейстъ еще на сочувствіе славянскихъ населеній Австріи или на поддержку восточныхъ Славянъ и Грековъ?

Б.

Вчера, говоря о взысканіи наложенномъ Московскимъ окружнымъ судомъ на становаго пристава Богородскаго уѣзда, г. Глушкова, мы сказали, что удаленіе отъ должности, къ которому онъ приговоренъ, занимаетъ въ лѣстницѣ особенныхъ наказаній налагаемыхъ за преступленія по службѣ мѣсто ниже семидневнаго ареста. Мы должны оговориться: семидневный арестъ вовсе не обозначенъ въ ст. 65 Улож. о нак., которая исчисляетъ наказанія за преступленія по службѣ налагаемыя по суду, а упоминается въ примѣчаніи къ ст. 69 Уложенія какъ одно изъ взысканій, которыя могутъ быть налагаемы, помимо суда, по распоряженію того начальства, отъ котораго зависитъ назначеніе къ должности занимаемой виновнымъ. Въ числѣ этихъ взысканій, рядомъ съ семидневнымъ арестомъ, значится и удаленіе его отъ должности, такъ что, напримѣръ, строгій выговоръ со внесеніемъ въ послужной списокъ является наказаніемъ болѣе строгимъ, ибо не можетъ быть наложенъ иначе какъ по суду.

Изъ отчета объ этомъ дѣлѣ видно, что г. Глушковъ уже подвергся по распоряженію своего начальства тому самому наказанію, которое нынѣ наложилъ на него судъ. Онъ еще до суда удаленъ былъ отъ должности пристава 1-го стана Богородскаго уѣзда и причисленъ къ Московскому губернскому правленію. Спрашивается: въ чемъ же существенно измѣнилось его положеніе послѣ суда и строгаго приговора произнесеннаго надъ нимъ присяжными? Въ стт. 63, 67, 68 и 69 Улож. о нак. обозначены послѣдствія нѣкоторыхъ наиболѣе строгихъ наказаній вычисленныхъ въ ст. 65. Такъ *исключеніе изъ службы* влечетъ за собою лишеніе права вступать снова въ какую-либо государственную службу, участвовать въ выборахъ и быть избираемымъ въ должности по назначенію дворянства, городовъ и селеній; *отрѣшенный отъ должности* лишается права въ теченіе трехъ

лѣтъ со дня отрѣшенія поступать снова на службу государственную и общественную. Насчетъ же послѣдствій *удаленія отъ должности* въ законѣ ничего не сказано, такъ что вторичное присужденіе г. Глушкова къ тому самому наказанію, коему онъ уже до того подвергся по распоряженію своего начальства, можетъ имѣть для него развѣ то значеніе, что онъ никогда уже не можетъ быть снова приставомъ 1-го стана Богородскаго уѣзда. Но ничто не мѣшаетъ назначить его (причисленнаго къ губернскому правленію въ ожиданіи приговора суда) завтра же приставомъ 2-го стана того же уѣзда.

Подробный приговоръ суда покамѣсть еще не объявленъ, и поэтому намъ не могутъ еще быть извѣстны соображенія суда при назначеніи наказанія. Въ раздѣлѣ пятомъ Улож. о нак., въ которомъ трактуется о преступленіяхъ по службѣ государственной и общественной, двѣ статьи наиболѣе подходятъ къ тѣмъ преступленіямъ, въ коихъ признанъ виновнымъ г. Глушковъ. Ст. 411 говоритъ о случаяхъ важныхъ упущеній со стороны чиновника, „когда отъ *нерадѣнія* его и медленности произошли видимые безпорядки или запущеніе въ дѣлахъ.“ За такого рода упущенія высшею мѣрой наказанія положено удаленіе отъ должности. Но въ ст. 341 за противозаконное бездѣйствіе власти положено нѣсколько наказаній, изъ коихъ *низшее* есть отрѣшеніе отъ должности, затѣмъ слѣдуетъ исключеніе изъ службы, заключеніе въ крѣпости на время отъ 8 мѣсяцевъ до 1 года и 4 мѣсяцевъ, а въ случаяхъ особенно важныхъ можетъ быть положено и лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и ссылка на житье въ Сибирь въ губерніи Томскую или Тобольскую съ заключеніемъ на мѣстѣ ссылки на время отъ одного до двухъ лѣтъ. Противозаконнымъ бездѣйствіемъ власти, по силѣ ст. 339-й Улож. о нак., признается неупотребленіе чиновникомъ или инымъ должностнымъ лицомъ въ надлежащее время всѣхъ указанныхъ или дозволенныхъ законами средствъ, коими онъ имѣлъ возможность предупредить или остановить какое либо злоупотребленіе или безпорядокъ и чрезъ то предохранить государство, общество или ввѣренную ему часть отъ ущерба или вреда.“ Мы не беремся судить подъ какую изъ этихъ статей Уложенія подходятъ поступки г. Глушкова. Но несомнѣнно, что московская судебная палата не подводила ихъ подъ ст. 411, ибо въ этой статьѣ высшимъ наказаніемъ положено удаленіе отъ должности, а стало-быть, при примѣненіи этой статьи, не могъ быть назначенъ судъ съ участіемъ присяжныхъ. Приговоръ же присяжныхъ ничуть не ослабилъ обвинительнаго акта, утвержденнаго судебною палатой. Обвиненіе это заключалось въ томъ, что подсудимый не произвелъ дознанія о преступленіи, о коемъ ему было заявлено лицами отъ онаго потерпѣвшими, что онъ задержалъ троихъ подозрѣваемыхъ и затѣмъ выпустилъ ихъ безъ соблюденія установленныхъ на этотъ предметъ постановленій и, наконецъ, въ томъ, что онъ нанесъ оскорбленіе дѣйствіемъ лицамъ пришедшимъ заявить ему о нападеніи, которому они подвергались, и просить его защиты. Если такія дѣйствія не подходятъ ни подъ одну стастью Уложенія, то въ законодательствѣ оказался бы важный пробѣлъ, требующій скораго пополненія.

№ 65.

Москва, 23-го марта.

Извѣстіе о пересмотрѣ трудовъ тарифной коммиссіи въ особомъ присутствіи изъ членовъ государственнаго совѣта, безъ сомнѣнія, порадовало всѣхъ кому дороги въ этомъ вопросѣ общіе интересы нашей промышленности, а не личныя домогательства, связанныя съ тарифомъ. Нынѣ вся надежда на то особенное вниманіе, которое посвящается этому дѣлу въ государственномъ совѣтѣ и отъ котораго оно ожидаетъ суда праваго; вмѣстѣ съ тѣмъ нынѣ избранный законодательный порядокъ позволяетъ ожидать и суда скораго, столь желательнаго въ виду колебаній промышленнаго рынка, вызванныхъ пересмотромъ тарифа и продолжающихся почти цѣлый годъ. Личное участіе Государя Наслѣдника Цесаревича въ присутствіи государственнаго совѣта по разсмотрѣнію тарифа свидѣтельствуетъ о той важности, которая придается нынѣ вопросамъ опредѣляющимъ судьбу народнаго труда.

Положеніе этого дѣла, впрочемъ, таково, что для глубокой и плодотворной реформы нашего тарифа не имѣется нужныхъ данныхъ; для этого вопросъ недостаточно подготовленъ въ первоначальной коммис-

сіи. Еслибъ эта коммиссія ограничилась спросомъ возможно бо́льшаго числа экспертовъ изъ разныхъ мѣстностей и отъ разныхъ разрядовъ фабричнаго дѣла, вмѣсто того чтобъ устанавливать между ними искусственное соглашеніе, и подъ его вліяніемъ сочинять проектъ новаго тарифа по большинству голосовъ совокупно съ экспертами, то въ настоящую минуту былъ бы собранъ, а можетъ-быть уже и разработанъ драгоцѣнный матеріалъ, коимъ воспользовалось бы законодательное рѣшеніе. Но теперь дѣло только затемнено рѣшеніями тарифной коммиссіи, которыхъ и сама она не принимала за рѣшенія въ законодательномъ смыслѣ, но которыя однакоже имѣютъ наружный видъ таковыхъ, а по удаленіи этого фальшиваго вида, теряютъ бо́льшую часть своего содержанія и лишаются всякаго авторитета. Въ этихъ quasi-рѣшеніяхъ ни одинъ фабричный интересъ не слышенъ своимъ истиннымъ голосомъ, голосомъ своей собственной, неподдѣльной, предварительнымъ соглашеніемъ съ другими интересами незамаскированной жизни; голоса тутъ перемѣшались какъ языки въ столпотвореніи вавилонскомъ: красильщики заявили себя въ пользу вздорожанія красокъ, ткачи ходатайствовали за дороговизну пряжи и т. д., всѣ говорили не такъ какъ бы имъ самимъ хотѣлось жить, а какъ имъ *приходится* жить въ силу разныхъ личныхъ вынужденій и домогательствъ. Всякому само собой понятно, что дѣло соглашенія и примиренія интересовъ, въ особенности интересовъ искусственныхъ и привилегированныхъ, созданныхъ самимъ законодательствомъ, есть прямая обязанность и исключительное право законодательной власти, а не лично заинтересованныхъ, независимо отъ совокупности общей государственной жизни. Только законодательная власть можетъ заключить ту или другую сдѣлку между интересами въ пользу цѣлаго; предоставленные самимъ себѣ, отдѣльные интересы нерѣдко рѣшатъ дѣло не только въ ущербъ цѣлому, но и противъ самихъ себя, подъ гнетомъ вліяній со стороны нѣсколькихъ интересовъ, случайно оказавшихся болѣе сильными или назойливыми въ ихъ собственной средѣ. Нашей высшей законодательной инстанціи предстоитъ такимъ образомъ трудъ исправить предположенія тарифной коммиссіи, конечно, не раздѣляемыя, въ ихъ совокупности, ни однимъ изъ ея членовъ, а по инымъ статьямъ просто возвратиться либо къ тарифу нынѣ дѣйствующему, либо къ такъ-называемому проекту г. Колесова. Консервативный образъ дѣйствій становится обязательнымъ: какъ ни куренъ нынѣ дѣйствующій тарифъ, но онъ дѣйствуетъ, съ нимъ связано множество интересовъ публики. Консервативность особенно требуется въ тѣхъ пунктахъ, коими затрогиваются интересы не спрошенные и не выслушанные въ тарифной коммиссіи, напримѣръ интересы потребителей и интересы сельскаго хозяйства. Относительно этихъ интересовъ, коммиссія по нѣкоторымъ статьямъ тарифа поступила совершенно радикально.

Правильная реформа тарифа должна была бы начаться съ возможно бо́льшаго пониженія пошлинъ по отдѣлу жизненныхъ припасовъ и фабричныхъ орудій и матеріяловъ, насколько это совмѣстимо съ потребностями государственнаго казначейства, и потомъ переходить къ постепенному пониженію пошлинъ на окончательныя фабричныя издѣлія. Само собою разумѣется что обстоятельства каждой фабричной отрасли должны быть принимаемы при этомъ въ соображеніе, и для ослабленія таможенной премiи долженъ быть избираемъ соотвѣтствующій этимъ обстоятельствамъ моментъ времени; но тѣмъ не менѣе общее движеніе законодательства должно быть къ пониженію, а отнюдь не къ повышенію пошлинъ, не говоря уже объ установленіи пошлинъ по статьямъ ввозимымъ нынѣ безпошлинно. Цѣль тутъ совершенно ясна: постепенное превращеніе покровительственныхъ пошлинъ въ фискальныя. Къ этой цѣли можно идти тихо, избѣгая потрясеній и ограждая отъ ущербовъ затраченные въ промышленность капиталы. Но все-таки надобно идти къ этой цѣли, а не удаляться отъ нея, не ставить вмѣсто здоровой жизни тепличную, не полагать новыхъ преградъ освѣжающему и возбуждающему дѣйствію всемірной конкурренціи.

Повторимъ, теперь всего желательнѣе чтобы проектъ тарифной коммиссіи былъ переработанъ съ точки зрѣнія *охранительной*. Этотъ проектъ, насколько онъ сдѣлался извѣстенъ, создаетъ у насъ новые, зависимые отъ тарифа интересы, и значительно измѣняетъ существующія условія фабричнаго производства, съ которыми сжились наши капиталы. Таковы были бы проектированныя пошлины съ машинъ, долженствующія, между прочимъ, пріостановить

нынѣшній ходъ сооруженія нашихъ желѣзно-дорожныхъ сѣтей, и совершенно измѣнить условія правительственныхъ концессій, только что начавшія у насъ слаживаться. Наши протекціонисты постоянно говорятъ объ охранительныхъ началахъ, а между тѣмъ ихъ домогательства совершенно радикальнаго свойства. Введеніе новыхъ пошлинъ и возвышеніе старыхъ только развѣ по крайнему злоупотребленію словомъ могутъ быть называемы мѣрами *охраненія* промышленности. Усиленіе запретительнаго тарифа глубоко потрясетъ отечественное производство и торговлю. Уже теперь сельское хозяйство у насъ доставляетъ слишкомъ мало выгодъ: оно, вмѣстѣ со всѣми отраслями промышленности лишенными покровительства, сдѣлается еще менѣе выгоднымъ, если еще болѣе возрастетъ прибыльность отраслей производства привилегированныхъ. Фабричное дѣло также потерпитъ отъ дороговизны всѣхъ условій производства, всегда сокращающей и массу свободныхъ для затраты капиталовъ; съ другой стороны, искусственно возбуждаемая спекуляція на тарифную премію неизбѣжно ведетъ къ кризисамъ: не изъ похвальбы, а ради разъясненія дѣла укажемъ на излагавшуюся нами нѣсколько лѣтъ тому назадъ мысль о томъ, что было необходимо слегка понизить пошлину съ бумажной пряжи тотчасъ вслѣдъ за окончаніемъ американской войны; теперешнихъ банкротствъ, столь тревожащихъ московскую торговлю, полагаемъ, не было бы, еслибъ эта мысль получила ходъ. Паденіе иностранныхъ вексельныхъ курсовъ въ 1866 году, равносильное возвышенію таможеннаго тарифа, совпало у насъ съ окончаніемъ хлопковаго кризиса и способствовало лихорадочному возбужденію нѣкоторыхъ отраслей нашей промышленности, въ томъ числѣ особенно хлопчатобумажной. Нынѣ эта послѣдняя уже испытываетъ горькіе плоды своихъ увлеченій 1866 года.

Протекціонисты говорятъ о воспитательномъ дѣйствіи таможеннаго тарифа; они проповѣдуютъ ученіе о томъ, что посредствомъ тарифа насаждаются и прививаются въ странѣ разные промыслы и искусства. Если это и имѣло какой-нибудь смыслъ въ старое время, то теперь для содѣйствія посредствомъ правительственныхъ мѣръ быстрѣйшимъ успѣхамъ промышленности представляются иные способы, не столь убыточные и гораздо болѣе вѣрные. Между этими способами желѣзныя дороги занимаютъ первое мѣсто. Содѣйствуя сооруженію желѣзныхъ дорогъ, государство положительно усиливаетъ барыши фабрикантовъ, ибо удешевляетъ провозъ и расширяетъ сбытъ; но гарантія по желѣзнымъ дорогамъ выгодна для всѣхъ и не обижаетъ, подобно таможенной преміи, никого изъ плательщиковъ податей. Протекціонисты, взывая къ таможенному покровительству, всегда ссылаются на нашу промышленную отсталость, и между прочимъ на недостатокъ у насъ желѣзныхъ дорогъ, сѣтью которыхъ покрыта вся фабричная Европа. Но это значитъ вращаться въ заколдованномъ кругу. Они жалуются, а сами хотятъ отнять у государства силы удовлетворить ихъ желаніямъ. Пониженіе таможеннаго тарифа, удешевляя жизнь, увеличиваетъ способы плательщиковъ податей и усиливаетъ всѣ источники государственныхъ доходовъ, которые между прочимъ даютъ государству средства на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и на содѣйствіе народному образованію. Распространеніе машинной работы есть въ наше время условіе не только успѣха, но и самаго бытія многихъ отраслей производства, именно всѣхъ тѣхъ, которыя нуждаются въ заграничномъ сбытѣ своихъ продуктовъ и слѣдовательно не могутъ уклониться отъ всемірной конкурренціи. Необразованность, невыдержанность и безпечность нашего рабочаго люда не есть ли главное препятствіе къ распространенію машинной работы въ ремеслахъ и особенно въ сельскомъ хозяйствѣ? Устранится ли это препятствіе тарифомъ? Улучшеніе матеріальнаго быта низшихъ классовъ чрезъ содѣйствіе дешевизнѣ жизни, распространеніе и улучшеніе училищъ, вотъ наилучшія, зависящія отъ государства, средства поднять русскаго рабочаго до той высоты, которая нужна ему теперь для успѣшной конкурренціи съ иностраннымъ рабочимъ, удесятеряющимъ свою физическую силу посредствомъ употребленія машинъ. Вотъ естественное направленіе разумнаго покровительства народному труду, между тѣмъ какъ повышеніе тарифа покровительствуетъ не труду, а спекуляціи. Въ Россіи уже около полувѣка господствуетъ система тарифа почти запретительная. Она не возвысила народнаго труда, не воспитала рабочихъ классовъ, и обогатила преимущественно только тѣхъ фабрикантовъ, ко-

торые сами торговали своими произведеніями и стало-быть пользовались не средними ихъ цѣнами, а колебаніями цѣнъ, разорительными для ихъ же собратій.

Правильное пониженіе тарифа должно, не производя потрясеній въ производствѣ, устранять возможность азартныхъ барышей въ торговлѣ его продуктами (предотвращать слишкомъ рѣзкія колебанія цѣнъ), а также пріостанавливать приливъ новыхъ капиталовъ къ покровительствуемымъ промышленностямъ, если онѣ сами по себѣ или вовсе невыгодны, или менѣе выгодны чѣмъ другія. Такія измѣненія тарифа не могутъ причинять крутыхъ переворотовъ въ фабричномъ мірѣ; они только заставляютъ фабрикантовъ быть на сторожѣ предъ иностранною конкуренціей, обновлять отъ времени до времени свои фабричныя устройства, а главное вести свои дѣла съ толкомъ и строгою разчетливостью. Такое дѣйствіе имѣлъ нашъ тарифъ 1857 г., но не надолго. Видя крайнюю неразчетливость нашихъ торговыхъ людей, ликующихъ наканунѣ банкротствъ, трудно вѣрить, что надъ ними будто бы нависла громовою тучей иностранная конкурренція, какъ они непрестанно жаловались, начиная съ 1857 года. Ослабленіе таможеннаго покровительства гораздо скорѣе чѣмъ его усиленіе обережетъ ихъ капиталы отъ разоренія, подобно тому какъ крѣпостное право не спасло многихъ помѣщиковъ отъ разоренія, а напротивъ безпечнымъ полученіемъ доходовъ съ имѣній привело къ гибели.

Въ одномъ отношеніи вопросъ о тарифѣ достаточно подготовленъ къ происходящему теперь окончательному законодательному разсмотрѣнію. Благодаря протекціонистской агитаціи, нещадившей средствъ на всякія демонстраціи и на полемику во множествѣ своихъ органовъ, гласное обсужденіе вопроса было довольно оживлено и общественное мнѣніе можетъ произнести свой судъ. Однимъ изъ куріознѣйшихъ эпизодовъ этой компаніи протекціонистовъ являются пренія въ Петербургскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства, о коихъ мы уже говорили и которыхъ окончаніе появилось теперь въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 77). Для публичнаго изобличенія сумбура, проповѣдуемаго нашими протекціонистами, всякій разъ когда имъ приходится защищать доказательствами свои притязанія, мы не можемъ желать ничего лучшаго какъ распространенія въ публикѣ этихъ рѣчей. Даже люди совсѣмъ незнакомые съ предметомъ не могутъ читая эти рѣчи, произнесенныя между прочимъ нѣкоторыми изъ главнѣйшихъ корифеевъ, не вразумиться относительно безсмыслія этихъ требованій и употребляемой въ пользу ихъ системы доказательствъ. Возражать на это краснорѣчіе нѣтъ никакой возможности, да и нѣтъ надобности: можно ли возражать напримѣръ на аргументъ побѣдоносно приведенный главнымъ ораторомъ въ пользу высокихъ тарифовъ, — что ихъ нѣтъ у дикихъ народовъ, а потому дескать у дикихъ нѣтъ и фабричной промышленности! Во всякомъ случаѣ мы не можемъ сѣтовать на словоохотливость протекціонистовъ: она значительный шагъ къ лучшему, и уже принесла свои плоды. Общественное мнѣніе воспользуется результатами всего происходившаго въ нашей печати по тарифному вопросу. Нельзя не замѣтить, что какъ только данъ былъ нѣкоторый отпоръ, и то еще самый слабый, движенію поднятому протекціонизмомъ въ журналистикѣ, такъ агитація усмирилась и стала отмалчиваться. Наши сужденія по этому предмету остаются пока безъ возраженій, кромѣ настойчиваго требованія со стороны одной газеты (*Содѣйствіе русской торговлѣ*), чтобы мы отказались отъ нашихъ словъ, въ которыхъ назвали эту газету новооснованнымъ протекціонистами органомъ.*) Просимъ извиненія, что замедлили отвѣтомъ на это требованіе. Слова наши были основаны на статьяхъ, помѣщаемыхъ въ этой новорожденной газетѣ. Она обратила до сихъ поръ на себя вниманіе только малограмотностью своего языка и ярыми статьями въ пользу протекціонистскихъ домогательствъ. Если она считаетъ оскорбительнымъ для своей чести быть органомъ протекціонизма, то мы не имѣемъ ничего возразить противъ того, и охотно заявляемъ, что авторы помѣщаемыхъ въ ней протекціонистскихъ статей не хотятъ чтобъ ихъ считали протекціонистами. Такого рода обидчивость не есть ли уже успѣхъ въ нашей журналистикѣ и при-

---

* Редакція упомянутой газеты, повидимому, хочетъ оградить себя отъ подозрѣнія въ искренности своихъ убѣжденій и заявить, что высказываетъ ихъ не по заказу или подкупу. До насъ касаться не можетъ; ничего подобнаго мы не говорили, а потому не имѣемъ надобности брать назадъ что-либо изъ нашихъ словъ.

знакъ начинающагося общественнаго суда надъ протекціонизмомъ?

№ 66.

Москва, 26-го марта.

А.

Какъ читателямъ нашимъ извѣстно, 16-го марта, въ Ниццѣ происходило освященіе сооруженной въ память Цесаревича Николая Александровича часовни, въ присутствіи его Августѣйшаго Брата, которому Провидѣніе предназначило жребій его земнаго призванія. Въ статьѣ *Русскаго Инвалида*, откуда мы заимствуемъ сегодня дополнительныя свѣдѣнія объ этомъ трогательномъ обрядѣ поминовенія происходившемъ вдалекѣ отъ Россіи, собрано нѣсколько драгоцѣнныхъ подробностей оживляющихъ въ памяти прекрасный образъ юноши, какъ бы въ мгновенномъ видѣніи блеснувшій надъ великою страной. Авторъ статьи, писанной въ Ниццѣ, послѣ освященія часовни, спрашиваетъ: „Что увѣковѣчиваетъ этотъ камень и этотъ пріютъ молитвы? Одну ли скорбь понесенной Царскою Семьей утраты, или что-либо глубже и долговѣчнѣе земной скорби? Последнее ли слово надъ этою таинственною жизнью скажутъ тѣ, которые сегодня здѣсь собраны для торжества, или многое должно быть сказано о ней въ будущемъ, когда лѣтопись Россіи укажетъ на страницы, приготовленныя для повѣсти о покойномъ Цесаревичѣ?“ Всѣ съ сочувствіемъ присоединятся къ его убѣжденію, что эта жизнь, хотя еще не совершившая подвиговъ своего призванія, принадлежитъ исторіи нашего отечества, ибо она, говоритъ авторъ, „достигла той степени развитія, когда каждая сторона ея обрисовывалась ясно и отчетливо предъ лицомъ не только тѣснаго круга знавшихъ Цесаревича близко, но и предъ цѣлою Россіей.“ Мы увѣрены также, что этотъ кратковременный и столь яркій расцвѣтъ совершился не даромъ для судебъ России, и что ему предназначено не просто только занять мѣсто въ ея лѣтописи. Этотъ свѣтлый, задумчивый исполненный чистой поэзіи образъ принадлежитъ нашему народу, и будетъ дѣйствовать въ его жизни. Покойному Цесаревичу не суждено было совершить на землѣ подвигъ своего призванія по рожденію,—другой былъ предъизбранъ къ тому,—но ему предназначено остаться на всегда въ народномъ созерцаніи вѣчно-юнымъ и ни чѣмъ не омраченнымъ идеаломъ. Какъ бы для этого былъ онъ такъ щедро надѣленъ дарами духовной природы, какъ бы для этого дано ему было на зарѣ жизни такъ высоко созрѣть умомъ и сердцемъ. Онъ еще не выступалъ на дѣйствіе, и борьба жизни еще не успѣла нарушить гармоническаго равновѣсія его нравственныхъ силъ. На царственной высотѣ, возносящейся надъ народомъ, онъ является прекраснымъ человѣческимъ идеаломъ, какъ бы олицетвореніемъ обновляемой Россіи, символомъ всего юнаго, стремящагося къ свѣту, всего духовно расцвѣтающаго и зрѣющаго. Лучшаго идеала для юныхъ поколѣній не могло бы создать созерцаніе поэта. Его прекрасная память какъ бы предназначена Богомъ осѣнять собою въ нашемъ отечествѣ святое дѣло науки и воспитанія.

Воспользуемся всѣми подробностями, которыя сообщаетъ авторъ статьи *Русскаго Инвалида*, чтобъ еще разъ оживить для себя этотъ образъ.

Еще съ дѣтства, какъ свидѣтельствуютъ близко знавшіе покойнаго Цесаревича, въ немъ раскрылся взоръ для внутренняго міра. Онъ слѣдилъ за собою, онъ постоянно *обдумывалъ себя*, какъ мѣтко сказано въ статьѣ *Русскаго Инвалида*, онъ хотѣлъ познать себя, и это стремленіе развилось въ немъ изъ чувства обязанностей соединенныхъ съ его высокимъ положеніемъ. „Это обдумываніе себя, не посягавшее на всѣ прелести молодой души, говоритъ авторъ статьи, происходило всегда въ живой и тѣсной связи съ обдумываніемъ своего положенія и своихъ обязанностей къ людямъ, Его окружавшимъ.“ Онъ былъ взыскателенъ къ самому себѣ. „Еще четырнадцати лѣтъ отъ роду покойный Цесаревичъ писалъ самому себѣ строгую программу поведенія и озаглавилъ ее словомъ *самоисправленіе*.“ Въ статьѣ *Русскаго Инвалида* выписано нѣсколько строкъ изъ этой тетради, заставляющихъ удивляться зрѣлости мысли и высотѣ нравственнаго чувства въ четырнадцати-лѣтнемъ отрокѣ: „строгость къ самому себѣ и снисходительность къ другимъ, бороться съ самолюбіемъ, строго наблюдать за собою въ обращеніи съ людьми, требовать правды и умѣть ее терпѣть, когда она не-

„пріятна, отдавать ежедневно себѣ отчетъ „что узналъ новаго." Простота этихъ словъ служитъ вѣрнымъ признакомъ, что они были почувствованы, что они перешли черезъ сердце и были не только словами, но пережитою мыслію. Авторъ статьи свидѣтельствуетъ, что строгость къ самому себѣ часто вела Цесаревича къ недовольству собою. „Тогда", продолжаетъ авторъ, —

„съ дѣтскимъ по чистотѣ усердіемъ онъ все предпринималъ, чтобы загладить свою вину и примириться съ самимъ собою. Умъ великаго князя былъ проницателенъ, любознателенъ и воспріимчивъ; въ то же время онъ былъ весьма взыскателенъ, требуя всегда самаго полнаго и всесторонняго разъясненія предмета, съ которымъ онъ знакомился. Эти свойства ума его виднѣлись въ его прекрасныхъ глазахъ, съ ихъ живымъ, слегка задумчивымъ, глубоко проницательнымъ и нѣжно вопрошающимъ взоромъ. Въ первые годы развитія, въ этомъ вопросѣ взгляда проглядывало нетерпѣливое желаніе узнать о впечатлѣніи имъ производимомъ; въ послѣдствіи въ немъ выражалось желаніе поглубже узнать человѣка съ которымъ онъ сходился. И какъ часто отъ проницательнаго взгляда его не ускользала не искренность въ рѣчахъ, не ускользало и многое такого, что для другихъ проходило не замѣтнымъ!"

Взоръ обращенный внутрь былъ въ юномъ Цесаревичѣ не только наблюденіемъ, но живымъ двигателемъ, силою дѣйствія, началомъ поступка. Наслѣдникъ престола великой державы вникалъ въ обязанности своего положенія съ тѣмъ, чтобы заранѣе пріучаться къ ихъ исполненію и къ высокой отвѣтственности, съ ними соединенной. Онъ спѣшилъ пользоваться преимуществами своего положенія для оказанія помощи тѣмъ кто въ его помощи нуждался: „Грѣшно намъ, говаривалъ юный Цесаревичъ, не давать много и съ любовію, когда намъ столько дано." Но благодѣянія, которыя оказывалъ Цесаревичъ, не были тою не сопровождаемою умомъ и сердцемъ расточительностію изъ многаго, которая не имѣетъ нравственной цѣнности. Прежде чѣмъ дать, свидѣтельствуетъ авторъ воспоминаній, юный Цесаревичъ любилъ обстоятельно узнать кому онъ даетъ, для чего нужна его помощь, и за тѣмъ, когда послѣ внимательнаго изслѣдованія онъ удостовѣрялся въ въ дѣйствительности нужды, для него было наслажденіемъ давать вдвое и втрое болѣе просимаго. Щедрый для другихъ, Цесаревичъ былъ скупъ для себя, и ставилъ себѣ долгомъ отказываться отъ многихъ дорогихъ прихотей. „Не нужно," отвѣчалъ однажды Великій Князь на предложеніе ему одного новаго расхода по его хозяйству, „когда знаешь какъ дорого „стоитъ бѣдняку трудовая копѣйка, право, „не хочется издерживать тысячи на то, „безъ чего такъ легко можно обойдтись." Въ покойномъ Цесаревичѣ было глубоко укоренено религіозное чувство, которое съ лѣтами становилось въ немъ все крѣпче и свѣтлѣе. Авторъ воспоминаній сообщаетъ драгоцѣнныя въ этомъ отношеніи подробности: „Религіозный вы человѣкъ?" спрашивалъ однажды Великій Князь своего собесѣдника, „знаете почему я васъ объ „этомъ спрашиваю: мнѣ сильно не по сердцу люди религіозные по привычкѣ, то-„есть безъ убѣжденія, въ нихъ что-то всегда „есть неискреннее." Вспоминая про первую свою юношескую исповѣдь, Великій Князь, между прочимъ, сказалъ слѣдующія трогательныя слова: „Никогда не забуду, какъ великъ былъ страхъ, какъ „глубоко было чувство раскаянія, съ которымъ я въ первый разъ приступалъ къ „исповѣди, — блаженное то было время. „Потомъ было оно ослабѣло, и я сокру-„шался не разъ о томъ, что недовольно „испыталъ раскаяніе; но теперь чувствую „что это дѣтское чувство иногда возвра-„щается."

Довѣріе и дружба Великаго Князя, по свидѣтельству автора, давались не легко; но, однажды данныя, сохранялись крѣпко. Поверхностныя сужденія о людяхъ были противны его природѣ. Нелегко податливый на дружбу, Великій Князь былъ еще менѣе склоненъ легко довѣрять дурнымъ и недоброжелательнымъ толкамъ о людяхъ, и всегда отъ обвинявшаго требовалъ неопровержимыхъ доказательствъ. „Зачѣмъ тратить время на разысканіе дурнаго, говорилъ въ такихъ случаяхъ Великій Князь, — когда доброе такъ легко въ немъ найдти?"

Вотъ еще превосходная черта, которая обрисовываетъ благородный характеръ Цесаревича и даетъ мѣру его нравственной высоты. Выписываемъ изъ *Русскаго Инвалида* все относящееся сюда мѣсто:

„Ни къ чему такъ не было сильно отвращеніе въ молодомъ Цесаревичѣ, какъ къ лести. Въ какой бы формѣ она ни проняв-

лялась, а увы! въ придворномъ мірѣ проявленій ея много,—тонкій умъ его и чуткая душа его разгадывали ее тотчасъ, и достаточно было иногда одной попытки ему польстить, чтобы внушить ему недовѣріе. Напротивъ, ничто такъ не внушало молодому Цесаревичу довѣріе, какъ правда, какъ бы непріятна она ни была; душа его какъ будто жаждала ея всегда и вездѣ; гдѣ онъ могъ, онъ не останавливался ни предъ какими препятствіями, чтобъ о ней узнать. Онъ дорожилъ ею, какъ лучшимъ, по его мнѣнію, средствомъ къ самосовершенствованію. „Когда вы обо мнѣ молитесь,“ спрашивалъ однажды Великій Князь одного изъ близкихъ ему, „что вы для меня просите?“ Послѣ отвѣта онъ сказалъ: „все это мнѣ дѣйствительно нужно; но по моему всего нужнѣе мнѣ характеръ.“ На вопросъ: „что вы разумѣете подъ этимъ словомъ?“ Великій Князь отвѣчалъ: „Я много объ этомъ думалъ: — имѣть характеръ значитъ быть полнымъ хозяиномъ своего дома, то-есть души своей, а въ особенности знать чего хочешь, чего надо хотѣть и какъ хотѣть. Я не отчаиваюсь, хотя до сихъ поръ чувствую себя не довольно хозяиномъ своего міра, ибо увѣренъ, что можно постепенно имъ дѣлаться.“ „Прямота, искренность и польза, вотъ мой девизъ,“ писалъ однажды Великій Князь одному изъ своихъ пріятелей въ отвѣтъ на услугу правды.“

Для юныхъ поколѣній, для дѣтей Россіи, зрѣющихъ и набирающихся силъ на службу ей, особенную симпатическую прелесть въ нравственномъ образѣ Цесаревича должна имѣть его глубокая, безпредѣльная любовь къ Россіи. Все, что извѣстно о покойномъ Великомъ Князѣ, свидѣтельствуетъ о силѣ и искренности этой любви. Онъ былъ преданъ своему народу всѣмъ умомъ и сердцемъ своимъ, всею поэзіей своей души; онъ былъ исполненъ святой вѣры въ его будущее, и чуткая душа его симпатически отзывалась на всякое проявленіе русской жизни. Онъ съ жадностію изучалъ Россію и проникался ея духомъ. Всѣмъ памятно его послѣднее путешествіе по Россіи въ 1863 году. Мы имѣли возможность сообщить тогда нашимъ читателямъ дневникъ этого путешествія, который вели его спутники. Царственный юноша, готовившійся къ своему великому призванію, знакомился съ разнообразіемъ страны и народнаго быта, и всѣмъ памятно, съ какимъ восторгомъ встрѣчалъ его народъ на этомъ пути. „Съ жадностію души юной, души Русской, говоритъ авторъ статьи *Русскаго Инвалида*, души прежде всего полной безпредѣльной любви сыновней, Великій Князь принималъ восторги народнаго чувства, но не о себѣ онъ думалъ въ то время; эту дань чувства цѣлаго народа какъ Сынъ Государя, какъ сынъ Россіи, Онъ приносилъ къ подножію царскаго престола.... Путешествіе это, какъ говорилъ самъ покойный Цесаревичъ, открыло въ душѣ его новый громадный міръ мыслей и свѣдѣній.... Болѣе сорока писемъ было написано имъ въ эти четыре мѣсяца; иныя помѣщались на 20 и слишкомъ страницахъ; каждое было полною и живою картиною всего что онъ видѣлъ и чувствовалъ въ извѣстную минуту.“

Великій Князь владѣлъ словомъ въ совершенствѣ, и приписывалъ эту способность легкаго и правильнаго распоряженія языкомъ своему первому наставнику, Я. К. Гроту. Въ послѣдствіи Цесаревичъ, съ живою любознательностью и поэтическимъ чувствомъ, проникалъ въ глубины русскаго слова, изучая, подъ руководствомъ Ѳ. И. Буслаева, древніе памятники и сказанія народнаго творчества. Почтенный авторъ статьи *Русскаго Инвалида* разсказываетъ, какъ часто ученикъ и учитель совершенно покидали окружающій міръ, и разбирая древнюю грамоту, забывали время и не замѣчали часовъ, давно пробившихъ для другаго урока...

Въ заключеніе мы не можемъ не выписать изъ обширной статьи *Русскаго Инвалида* слѣдующихъ строкъ, которыми она и заключается,—строкъ замѣчательныхъ по чувству, ихъ проникающему, и глубоко знаменательныхъ по подробностямъ, которыя въ нихъ содержатся:

„Въ октябрѣ 1863 года, Великій Князь вернулся въ Царское Село. Здѣсь оглядываясь назадъ, съ глубокимъ благоговѣніемъ воскрешаешь въ памяти все, что происходило съ той поры, ибо чѣмъ болѣе вдумываешься въ каждый день минувшаго, тѣмъ живѣе и яснѣе ощущаешь присутствіе Божіе надъ событіями, совершившимися съ той минуты. *Перерожденнымъ*, какъ говорилъ про себя юный Цесаревичъ, вернулся онъ къ уединенію и тишинѣ царскосельской жизни; но подъ сѣнью этого уединенія началась новая жизнь души Великаго Князя. Съ этой минуты перерожденія начинается самое тѣсное и самое полное сближеніе души его съ братомъ, Великимъ Кня-

земъ Александромъ Александровичемъ. Оба, какъ бы внимая таинственному гласу Божію, спѣшили соединиться узами, расторгнутыми только 12-го апрѣля, два года спустя. Съ этой минуты сближенія, ни одна мысль, ни одно впечатлѣніе Цесаревича не остались невысказанными его брату и его другу; въ ежедневныхъ и почти ежечасныхъ бесѣдахъ, все богатство его свѣтло развивщагося ума, его тепло согрѣвшейся души, незамѣтно освѣщали и согрѣвали душу молодаго его друга: и все крѣпче, подъ вліяніемъ таинственнаго общенія, привязывалась къ нему душа юнаго друга.

Весною 1864 года предвѣщалось юному Цесаревичу свѣтлое, радостное лѣто; все казалось ему глядѣло на встрѣчу непритворною улыбкой. Но увы! тою же весной набѣгали на юное чело его тучи и какъ будто глубоко и далеко заглядывала его дума. Тою же весной, однажды, въ прекрасный жаркій день, Великій Князь катался весело на Царскосельскомъ озерѣ и разговаривалъ о предстоявшей ему поѣздкѣ за границу; вдругъ лицо его приняло серіозное выраженіе, и съ полушутливымъ и полугрустнымъ тономъ уста его промолвили въ первый разъ зловѣщее предчувствіе: „а что вы скажете, если я за границей умру?“ Нѣсколько дней спустя на Варшавской желѣзной дорогѣ, Цесаревичъ прощался съ возлюбленнымъ своимъ братомъ. Слезы текли по лицу его, это лицо было грустно; долго оставались два брата въ объятіяхъ другъ друга, и что-то таинственно грустное осталось на душѣ тѣхъ, кто это прощанье и эти слезы видѣлъ. Нѣсколько недѣль спустя на берегу Сѣвернаго моря, въ Скевенингѣ, въ Голландіи, гдѣ Великій Князь находился для купанія, какъ часто сидя у берега переносился онъ мыслію въ Россію и тамъ искалъ любимый образъ своего брата и всего болѣе, всего чаще любилъ говорить о немъ!

Однажды, коснувшись въ разговорѣ будущаго, Цесаревичъ сказалъ: „хочется жить, думаю что могу быть счастливымъ, но въ то же время какое-то предчувствіе говоритъ мнѣ, что я не рожденъ для счастья и что-то другое меня ожидаетъ.“ Холодный вѣтеръ и набѣжавшая волна отвѣчали на эти вырвавшіяся слова, и тотъ кто ихъ слышалъ, невольно содрогнулся. Но вскорѣ вновь просвѣтлѣло лицо юнаго Цесаревича, и блеснувшее надъ моремъ солнце разогнало мрачныя думы.

Здѣсь да остановятся воспоминанія объ этой прекрасной личности молодаго Цесаревича, быть-можетъ, по волѣ Божіей имѣвшей здѣсь призваніе жизнію переходной свидѣтельствовать о жизни вѣчной. Вникая въ ея смыслъ, преклоняешься предъ таинственностью неисповѣдимаго Промысла, но въ тоже время дерзаешь ей находить великую и святую цѣль. Если призваніемъ ея не было то, къ чему подготовляли ее люди въ своихъ ожиданіяхъ, то кто можетъ сказать, что призваніе Божіе не было другое и это другое не исполнилось, и не осуществилось въ союзѣ двухъ братьевъ, изъ которыхъ одинъ уступилъ свое мѣсто, свое трудное земное дѣло другому, но не прежде, какъ снабдивъ его на трудную дорогу тѣмъ, что̀ оба считали самою вѣрною охраной и самою надежною помощью—безграничною любовью къ Россіи. Въ бесѣдахъ своихъ какъ много говорили они о ней, какъ живо принимали къ сердцу ея нужды, какъ свѣтло сознавали ея нынѣшнія великія судьбы, и какъ отъ всего сердца приготовлялись вмѣстѣ, служа ей, служить Своему Государю и Родителю! Но одного изъ нихъ уже нѣтъ! Гдѣ онъ? Этотъ камень говоритъ, что его нѣтъ, но эти молитвы говорятъ, что онъ живъ, живъ и для Того, Кому отданъ его жребій, живъ и для насъ Русскихъ.“

Б.

25 марта, въ 4-мъ часу утра, присяжные произнесли свой приговоръ по такъ-называемому „Матовскому“ дѣлу, которое разсматривалось въ Московскомъ Окружномъ Судѣ въ продолженіе всей прошедшей недѣли, начиная съ понедѣльника 18-го марта. Подсудимыхъ было 29 человѣкъ, въ томъ числѣ три женщины; защитниковъ было 20; обвиненіе же велъ прокуроръ Окружнаго Суда, М. Ѳ. Громницкій. Мы не замедлимъ сообщить въ общихъ чертахъ содержаніе этого чрезвычайно сложнаго дѣла. Судилась цѣлая шайка дѣлателей и сбытчиковъ фальшивыхъ кредитныхъ билетовъ, которая, имѣя своимъ главнымъ притономъ село Богородское Нижегородской губерніи, гдѣ заведена была цѣлая фабрика, раскинула широко свои сѣти по Россіи, сбывая въ продолженіе двухъ лѣтъ свои издѣлія во многихъ мѣстахъ, даже на Кавказѣ. Количество сбытыхъ билетовъ, по нѣкоторымъ даннымъ, достигло

суммы въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей. Большое число подсудимыхъ, ихъ защитниковъ и свидѣтелей и недостатокъ мѣста въ залѣ обычныхъ засѣданій заставили временно приспособить для засѣданій по этому дѣлу большую круглую (Екатерининскую) залу. Стеченіе публики во все время суда было громадное. Допросъ подсудимыхъ продолжался три дня; допросъ этотъ былъ особенно важенъ, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ сознались вполнѣ, и только благодаря ихъ сознанію, дѣло раскрылось во всѣхъ подробностяхъ. Въ четвергъ и пятницу происходилъ допросъ свидѣтелей; въ субботу прокуроръ произнесъ свою обвинительную рѣчь, которая съ небольшимъ перерывомъ продолжалась пять часовъ. Рѣчи защитниковъ заняли все остальное время въ субботу и воскресное засѣданіе до пяти часовъ пополудни. Присяжные удалились для совѣщаній въ 11 часовъ вечера и возвратились въ залу въ четвертомъ часу утра. По выслушаніи затѣмъ заключеній сторонъ о мѣрѣ наказаній, судъ отложилъ произнесеніе резолюціи до вторника, такъ что собственно 26-го марта произнесено было послѣднее слово этого громаднаго процесса. Нельзя было не удивляться той неутомимой энергіи, которую обнаружили присяжные во все продолженіе многодневнаго процесса. Несмотря на всю запутанность дѣла, несмотря на то, что засѣданія тянулись ежедневно не менѣе 12 часовъ и что даже время отдыха присяжные проводили въ стѣнахъ суда, строго охраняемые отъ всякаго сношенія съ внѣшнимъ міромъ, они ни на минуту не выказали ни нравственнаго, ни физическаго утомленія, и съ неослабнымъ вниманіемъ слѣдили за всѣмъ, что происходило на судѣ, тщательно отмѣчая всякій новый фактъ, всякое высказанное сторонами соображеніе, и вердиктъ произнесенный ими является строгимъ, но несомнѣнно справедливымъ и зрѣло-обдуманнымъ приговоромъ надъ цѣлымъ сборищемъ злоумышленниковъ, изъ коихъ почти для каждаго въ отдѣльности представленъ былъ свой особый рядъ уликъ. Принимая все это во вниманіе можно сказать, что эти простые люди, изъ коихъ большая часть, вѣроятно, впервые въ жизни *) пришли въ соприкосновеніе съ дѣломъ правосудія, совершили истинно-гражданскій подвигъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, въ виду самаго состава этихъ присяжныхъ, нельзя не придти къ тому отрадному заключенію, что этотъ великій институтъ сталъ твердо на нашей почвѣ, и блистательно оправдалъ или даже превзошелъ всѣ возложенныя на него надежды, ибо нѣтъ того закоулка въ Россіи, гдѣ бы нельзя было набрать во всякое время 12 человѣкъ столь же неопороченныхъ въ нравственномъ отношеніи, но вмѣстѣ столь же мало выдающихся по своему общественному положенію, какъ тѣ московскіе граждане, которые судили дѣло этихъ послѣднихъ дней.

*) Присяжные всѣ принадлежали къ торговому сословію. Только двое изъ нихъ, въ томъ числѣ старшина, зажиточные московскіе купцы.

Что касается содержанія самаго приговора, то побѣда вполнѣ принадлежала обвинительной власти, если только можетъ быть рѣчь о побѣдѣ тамъ, гдѣ побѣдитель руководствовался единственно интересами правосудія.

Изъ 29 подсудимыхъ присяжные оправдали только двоихъ, а смягчающія обстоятельства признаны ими лишь въ пользу весьма немногихъ. Большая часть обвиненныхъ приговорены къ каторжной работѣ на болѣе или менѣе продолжительные сроки; остальные къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе. Относительно нѣкоторыхъ судъ нашелъ возможнымъ ходатайствовать предъ Его Императорскимъ Величествомъ о смягченіи ихъ участи, именно обо всѣхъ трехъ женщинахъ, а также о тѣхъ, кои своимъ чистосердечнымъ сознаніемъ способствовали къ раскрытію дѣла.

№ 67.

Москва, 27-го марта.

А.

Недавно разошлась по всей Европѣ циркулярная депеша графа Бисмарка съ формальнымъ удостовѣреніемъ, будто принцъ Наполеонъ не имѣлъ въ Берлинѣ никакого политическаго порученія; удостовѣреніе это усердно подтверждается и въ Парижѣ. И что же? Только и не доставало этихъ офиціальныхъ и офиціозныхъ опроверженій, чтобы публика окончательно убѣдилась, что принцъ Наполеонъ дѣйствительно имѣлъ порученіе. Замѣчательнѣе всего то, что это весьма не лестное для правительствъ послѣдствіе ихъ удостовѣреній какъ будто предвидѣлось и въ Па-

рижѣ, и въ Берлинѣ, ибо одновременно съ подтвержденіемъ толковъ о появленіи циркуляра графа Бисмарка, офиціозныя газеты обоихъ кабинетовъ поспѣшили заявить, что изданіе подобныхъ документовъ вошло въ обычаи европейской дипломатіи. Но у невѣрующей публики и на это готовъ отвѣтъ: издавались-де подобные документы по поводу гастейнскаго свиданія между императоромъ Австрійскимъ, королемъ Прусскимъ и императоромъ Французовъ; дѣлались подобныя завѣренія по случаю поѣздки графа Кавура въ Пломбіеръ или графа Бисмарка въ Біаррицъ, но ничего подобнаго не бывало ни при одномъ изъ многочисленныхъ свиданій между членами русскаго Царствующаго Дома и прусскаго королевскаго семейства, потому что никто не имѣлъ ни повода, ни причины подозрѣвать при этомъ какіе-либо замыслы угрожающіе спокойствію Европы.

Что̀ касается завѣреній Берлинскаго кабинета касательно характера поѣздки принца Наполеона, то по всей вѣроятности они не имѣютъ теперь иной цѣли, какъ только помочь именитому гостю Пруссіи скрыть отъ политическаго міра торжественное *fiasco* его поѣздки. Всякому естественно приходитъ на мысль, что не для забавы же только вздумалъ принцъ Наполеонъ избрать именно суровый мартъ для прогулки къ туманнымъ берегамъ Шпре. Даже французскія офиціозныя газеты теперь не отваживаются отрицать, что побужденія къ этой поѣздкѣ были политическаго свойства, но, прибавляютъ, онѣ, это политика личныхъ воззрѣній принца, съ которою самъ императоръ не находится ни въ какой солидарности. Однако духъ невѣрія продолжаетъ носиться надъ публикой. Она соображаетъ, что принцъ Наполеонъ поѣхалъ въ Берлинъ съ разрѣшенія своего государя; что не поѣхалъ онъ въ Познань, потому что не получилъ на то разрѣшенія; что только недавно прекратилась опала, которой онъ подвергся за неосторожную рѣчь, не согласную съ „волею и дѣйствіями“ его вѣнчаннаго родственника, и что еслибъ онъ успѣлъ въ своемъ предпріятіи, еслибъ онъ достигъ какого-нибудь значительнаго дипломатическаго результата, то вѣнчанный родственникъ, безъ всякаго сомнѣнія, не отказался бы отъ солидарности съ его успѣхами.

Нельзя въ этомъ случаѣ не отдать принцу Наполеону должной справедливости: съ самаго воцаренія его двоюроднаго брата, онъ не переставалъ принимать на себя, съ истиннымъ самоотверженіемъ, неблагодарную роль дѣятеля, котораго слова и дѣйствія правительство впередъ предоставляетъ себѣ право признавать или не признавать, смотря по тому — успѣхомъ или неудачей разрѣшается возложенное на него порученіе.

Принцъ Наполеонъ не разъ превращался якобы въ частное лицо, въ любознательнаго туриста, толкующаго обо всемъ, и выражающаго, между прочимъ, свои личные политическіе взгляды на современныя затрудненія, свои мнѣнія о способахъ разрѣшить ихъ, разумѣется не иначе какъ въ интересѣ „великаго дѣла просвѣщенія, гуманности и либерализа,“ въ смыслѣ „безсмертныхъ“ принциповъ 89 года. Но на этотъ разъ глубокомысленные политики береговъ Сены забыли, что въ Берлинѣ они имѣютъ дѣло не съ наивнымъ г. Ратацци и не съ благодушнымъ Францискомъ II Неаполитанскимъ. Блестящій, пышный, офиціальный пріемъ, встрѣченный принцемъ Наполеономъ въ Берлинѣ, сразу разорвалъ завѣсу, подъ кровомъ которой парижскіе политики надѣялись провесть свои наивныя затѣи. Вмѣсто простаго, болтливаго туриста, долженъ былъ явиться во всемъ блескѣ своемъ двоюродный братъ избранника Франціи, законный опекунъ и даже наслѣдникъ императорскаго принца, и каждое слово произнесенное имъ при столь торжественной обстановкѣ весьма естественно должно было имѣть значеніе чисто офиціальное, а въ „волѣ“ и „дѣйствіяхъ“ его, согласно заявленію Наполеона III, по поводу знаменитой рѣчи принца сказанной въ Аяччіо, отражается верховная воля его государя. Принца замучили праздниками, учтивостями, почетомъ и лестью; его остроуміе, его мѣткія словца приводили въ восторгъ весь дворъ, но о дѣлѣ ему не дали выговорить двухъ словъ; а спустя нѣсколько дней, онъ уѣхалъ какъ пріѣхалъ: съ великимъ почетомъ, съ великою пышностью, въ сущности болѣе язвительными для его самолюбія чѣмъ могло бы быть самое безцеремонное обращеніе съ нимъ.

Циркулярная депеша графа Бисмарка къ прусскимъ дипломатическимъ агентамъ заграницей имѣетъ цѣлью придти на помощь весьма естественному смущенію, вы-

несенному именитымъ гостемъ Пруссіи изъ празднествъ, которыми такъ почтительно осмѣяны и такъ вѣжливо спроважены всѣ его надежды на простодушную довѣрчивость прусскихъ государственныхъ людей. Депеша графа Бисмарка вытекаетъ изъ общей политической системы, которой держится Берлинскій кабинетъ въ своихъ сношеніяхъ съ Тюльерійскимъ. Строго слѣдя за всѣми дѣйствіями французскаго правительства, бдительно предупреждая всѣ его козни, Берлинскій кабинетъ избѣгаетъ всего, что могло бы возбудить недовѣріе или затронуть самолюбіе Франціи. По словамъ *la France*, депеша графа Бисмарка положительно утверждаетъ, что отношенія между Франціей и Пруссіей какъ нельзя болѣе дружелюбны. Но вотъ *Bulletin International* извѣщаетъ, что между Франціей и Пруссіей происходитъ въ настоящее время обмѣнъ объясненій самаго щекотливаго свойства насчетъ одновременнаго созванія двухъ нѣмецкихъ парламентовъ, таможеннаго и федеральнаго. Пока *Gazetta di Milano* сообщаетъ, что генералъ Менабреа далъ знать капрерскому отшельнику, что „представляющіяся событія“ могутъ привесть Италіянцевъ въ Римъ „гораздо ранѣе, чѣмъ они полагаютъ,“ *Крестовая Газета* настоятельно подтверждаетъ слухъ о предстоящей поѣздкѣ наслѣднаго принца Прусскаго во Флоренцію,— слухъ подтверждаемый нашею сегодняшнею депешей. Тонъ газетъ, служащихъ органами государственнымъ людямъ Берлина и Парижа, не говоритъ въ пользу завѣреній депеши графа Бисмарка насчетъ „дружелюбія“ отношенія между Франціей и Пруссіей. Пока *Крестовая Газета* продолжаетъ свои суровые отзывы о политикѣ и о замыслахъ Франціи, *Цейдлерова Корреспонденція*, затрогивая чувствительную струну авторскаго самолюбія императора Наполеона, язвительно трунитъ надъ неудачей бонопартской „избирательной рекламы“ *(Wahl-Reclame)*, какъ она величаетъ брошюру: *Les Titres du le dynastie Napoléonienne*.

Завѣряя о своихъ искренно миролюбивыхъ наклонностяхъ, Пруссія очевидно не можетъ оставаться равнодушною предъ вмѣшательствомъ Франціи во внутреннія дѣла Германіи, каковымъ весьма естественно должна она признать запросы Тюльерійскаго кабинета по поводу созванія нѣмецкихъ парламентовъ.

Б.

Мы печатаемъ въ сегодняшнемъ № заявленіе полковника Дудинскаго,— того самаго „военнаго начальника,“ который въ мрачной памяти эпоху симбирскихъ пожаровъ подвергся подозрѣнію въ умышленномъ поджигательствѣ, но теперь вполнѣ оправданъ и имѣлъ утѣшеніе услышать это изъ собственныхъ устъ Государя Императора. Спѣша снять съ себя предъ своими и гражданами всякую тѣнь падавшаго на него чудовищнаго обвиненія, онъ, объявляетъ въ *Русскомъ Инвалидѣ* объ исходѣ производившагося надъ нимъ слѣдствія и проситъ перепечатать свое заявленіе во всѣхъ прочихъ газетахъ, особенно же въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, гдѣ сообщались извѣстія о привлеченіи его къ слѣдствію. Заявленіе полковника Дудинскаго проникнуто совершенно понятнымъ чувствомъ горечи. Но корреспонденты сообщали истинный фактъ. Дѣйствительно, въ Симбирскѣ, слѣдственною коммиссіей, былъ заподозрѣнъ, привлеченъ къ дѣлу и арестованъ штабъ-офицеръ Д—скій, командовавшій баталіономъ и призванный охранять безопасность города. Нельзя было умалчивать или скрывать этотъ поразительный фактъ, о которомъ въ публикѣ распространялись самые тревожные слухи. Корреспонденты не могутъ отвѣчать за дѣйствія официальной коммиссіи, которая возымѣла подозрѣніе на лицо, самымъ положеніемъ своимъ огражденное отъ всякаго подозрѣнія въ дѣлѣ такого возмутительнаго значенія. Но чѣмъ рѣшительнѣе дѣйствовала коммиссія, тѣмъ менѣе могли сомнѣваться корреспонденты, сообщавшіе объ этомъ чудовищномъ фактѣ. Когда впервые печатались эти корреспонденціи въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, мы ничего не знали ни о характерѣ, ни даже о происхожденіи лица, привлеченнаго къ слѣдствію. Самое имя его передавалось намъ различно.

Никто болѣе насъ не радуется оправданію г. Дудинскаго. Мы не можемъ не радоваться, что офицеръ русской арміи и русскаго происхожденія, безпорочно и честно служившій, вышелъ чистъ отъ всякаго подозрѣнія въ преступленіи чудовищномъ, которое не имѣло бы имени, еслибы было совершено лицомъ въ его положеніи. Съ живѣйшимъ сочувствіемъ приводимъ мы слѣдующій энергическій протестъ полковника Дудинскаго. „Воспитанный“, говоритъ

окъ, „въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ, „на счетъ казны, въ духѣ христіанства, „патріотизма, благородства, чести и това„рищества, затѣмъ прослуживъ во флотѣ „6 лѣтъ, потомъ въ гренадерахъ 1 годъ „и, наконецъ, въ гвардіи 10 лѣтъ, откуда „и получилъ назначеніе въ Бѣлевскій полкъ, „взысканный милостями своего Государя, „я какъ дворянинъ, православный, смолен„скій помѣщикъ, любящій свое отечество „всѣми силами своей души,—могъ ли я „быть поджигателемъ, измѣнникомъ, соли„дарнымъ съ Сѣраковскимъ, Огрызкой, Бе„резовскимъ и тому подобнымъ отребьемъ „рода человѣческаго? Смѣло спрашиваю „всѣхъ и каждаго изъ своихъ дорогихъ „соотечественниковъ и товарищей-сослу„живцевъ: можетъ ли человѣкъ, находя„щійся въ такой обстановкѣ, быть гнус„нымъ предателемъ? Въ отвѣтѣ на этотъ „вопросъ я не сомнѣваюсь."

№ 68.

Москва, 28-го марта.

Мы продолжаемъ получать заявленія общественной радости, которая вызвана вѣстью о рѣшеніи безотлагательно приступить къ работамъ на Московско-Смоленской желѣзной дорогѣ, и которая спѣшитъ перейдти въ дѣло. Такъ Вяземское уѣздное собраніе дворянства постановило 6-го марта пожертвовать весь свой запасный капиталъ на постройку станціи въ Вязьмѣ, съ тѣмъ чтобы работы открылись въ текущемъ году, для пособія нуждающимся жителямъ. Вяземское и Гжатское городскія общества пожертвовали землю подъ полотно дороги и станціи. Гжатское городское общество пожертвовало, 16-го марта, 25.000 рублей на постройку станціи, лишь бы только работы были начаты въ текущемъ году.

Никакихъ колебаній въ выборѣ направленія для Московско Смоленской дороги, какъ намъ пишутъ изъ Петербурга, не остается. Слухи о нихъ возникли вслѣдствіе ходатайства Калужанъ провести дорогу не изъ Москвы на Смоленскъ, а отъ Серпухова, чрезъ Калугу, на Рославль. Дорога приметъ направленіе, отъ Москвы на Можайскъ, Вязьму и Смоленскъ, такъ чтобы въ послѣдствіи Москва и вся сѣть внутреннихъ желѣзныхъ дорогъ, имѣющая Москву своимъ узломъ, получили прямое, а не ломаное сообщеніе съ Ригой и Варшавой Этимъ достигается весьма много для внутреннихъ губерній и для Риги, а вмѣстѣ съ тѣмъ навсегда обезпечивается благосостояніе Смоленской губерніи. Удивляться тому, что выгоды прямаго направленія Московско-Смоленской желѣзной дороги подвергались сомнѣнію,—конечно нечего. При рѣшеніи всякаго вопроса, какъ бы ни было ясно его значеніе, всегда окажутся точки зрѣнія и интересы клонящіеся отъ прямого пути въ разные обходы. Всегда можно найдти множество аргументовъ въ защиту какого угодно предложенія. Такъ, въ *Голосѣ*, недавно появилась статья о преимуществахъ направленія изъ Серпухова на Рославль предъ направленіемъ изъ Москвы на Смоленскъ. Считаемъ не лишнимъ разобрать главные доводы этой статьи, дабы устранить всякое сомнѣніе по столь важному государственному дѣлу. Указавъ, что изъ двухъ мѣстностей для проведенія желѣзной дороги должна быть выбрана та, которая гуще населена и гдѣ болѣе развита промышленность, *Голосъ* прибавляетъ: Смоленская губернія заключаетъ въ себѣ 49.262 кв. версты, съ населеніемъ въ 1.137 212 чел; Калужская 27.142 квад. версты, съ населеніемъ въ 964.796 душъ; слѣдовательно въ Смоленской губерніи приходится на квадратную версту 23 души, а въ Калужской 35. Далѣе поставляется на видъ, что въ Калужской губерніи больше нежели въ Смоленской заводовъ платящихъ и не платящихъ акцизъ; что тамъ выдѣлывается на 90.000 ведеръ больше спирту, пива и меду, и взято больше торговыхъ и промышленныхъ свидѣтельствъ. Но еслибы основываться на такого рода данныхъ, то не слѣдовало бы строить Николаевскую дорогу, и надобно было бы признать за ошибку утвержденіе линій Одесско-Балтской и Харьково-Таганрогской; при такомъ взглядѣ ни Смоленскъ, ни Рославль никогда не получили бы рельсоваго соединенія съ Варшавой, и не было бы надежды видѣть когда-нибудь построенною большую уральскую желѣзную дорогу. Обширныя пространства Россіи, теперь бывающія ей нерѣдко въ тягость, сдѣлаются элементомъ неожиданной силы, когда будутъ побѣждены вполнѣ, то-есть когда главные пункты государства будутъ соединены по возможности прямыми желѣзными дорогами. Но съ общей госу-

дарственной точки зрѣнія, разсматриваемое дѣло Московско-Смоленской желѣзной дороги стоитъ твердо. Взглянемъ на него и съ точки зрѣнія мѣстныхъ интересовъ. *Голосъ* сравниваетъ Смоленскую губернію съ Калужскою, н приводитъ, какъ выше сказано, нѣсколько цифръ. Но можно ли въ такомъ дѣлѣ, какъ выборъ направленія для желѣзной дороги, придавать серіозное значеніе разности цифръ сведенныхъ безъ обсужденія условій, при которыхъ эти цифры явились? Естественно допустить, что изъ двухъ губерній, земледѣльческой и промышленной, первая населена меньше, хотя тамъ, гдѣ населеніе распредѣляется неравномѣрно, не всегда дозволительно обобщать данныя на основаніи административныхъ дѣленій на губерніи и уѣзды. Въ Смоленской губерніи, напримѣръ, одинъ Бѣльскій уѣздъ равняется по пространству цѣлой трети Калужской губерніи, но онъ населенъ весьма скудно. Вводить его въ общую сумму, для полученія средней цифры, когда онъ остается въ сторонѣ отъ желѣзной дороги, не правильно: для вѣрности разсчета надобно бы ввести въ общую сумму значительную часть Калужской губерніи, лежащую въ равномъ удаленіи отъ линіи. Тѣ уѣзды, чрезъ которые пройдетъ Московско-Смоленская желѣзная дорога, населены вовсе не слабо: мѣстами на этомъ протяженіи приходится много болѣе нежели по 35 жителей на квадратную версту большею же частію населеніе весьма близко подходитъ къ этой цифрѣ. Именно:

Въ Московскомъ уѣздѣ приходится на 1 кв. версту	187.7	чел.
„ Звенигородскомъ	40.3	„
„ Можайскомъ	35.9	„
„ Гжатскомъ	33.1	„
„ Вяземскомъ	31.2	„
„ Смоленскомъ	34	„

Средняя населенность уѣздовъ, которыми пройдетъ Московско-Смоленская желѣзная дорога, при чемъ должно, по всей справедливости, принимать въ разчетъ и Московскій уѣздъ, окажется больше на Московско-Смоленскій нежели на Серпуховско-Рославской линіи.

Что же касается до фабричной дѣятельности, то она развивается въ каждой мѣстности лишь при извѣстныхъ условіяхъ. Если условія даны, то желѣзная дорога мощно разовьетъ ихъ въ нѣсколько лѣтъ. Ближайшая къ Москвѣ половина Николаевской желѣзной дороги есть тому лучшее доказательство. Съ открытія этой дороги, сколько фабрикъ, съ громаднымъ ежегоднымъ производствомъ, развилось между Вышнимъ-Волочкомъ и Москвой! Но если бы вздумали проводить эту столь важную для цѣлой Россіи дорогу примѣняясь къ тогдашнему состоянію фабричной дѣятельности, то дорога была бы испорчена: она изогнулась бы и удлиннилась бы къ невыгодѣ цѣлой Россіи и безъ существенной пользы для мѣстностей. Теперь на фабрикахъ Смоленской губерніи обрабатываются шерсть, кожа, сало, стекло и хрусталь; по числу фабрикъ, Смоленская губернія не многимъ уступаетъ Калужской. Въ Смоленской губерніи считается 175 фабрикъ, въ Калужской 225. Правда, числомъ рабочихъ и суммой производства Смоленская много отстаетъ отъ Калужской, но не слѣдуетъ забывать, что въ фабричномъ дѣлѣ трудно только положить основаніе, а если основаніе положено, то развитіе дѣла, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, совершается быстро и легко. Съ проведеніемъ желѣзной дороги, калужскія фабрики никакого ущерба не потерпятъ, а въ Смоленской губерніи фабричное производство будетъ рости годъ отъ году, для чего эта губернія имѣетъ всѣ условія. Отлучный промыселъ водится тамъ, какъ извѣстно, въ широкихъ размѣрахъ: ежегодно уходятъ для заработковъ до 44 тысячъ человѣкъ, то-есть 4% всего населенія и около одной пятой доли всѣхъ взрослыхъ рабочихъ губерніи. Бо́льшая часть ихъ фабричные. Отлучный промыселъ развитъ почти исключительно въ уѣздахъ Гжатскомъ, Вяземскомъ, Юхновскомъ и Сычевскомъ, то-есть ближайшихъ къ Москвѣ и къ линіи предположенной желѣзной дороги. Эти уѣзды имѣютъ готовое, къ фабричному дѣлу привычное населеніе. Это удобство, а также дешевизна дровъ привлекутъ туда фабрикантовъ. Для производства откроется новое поле, а государство получитъ новосозданную значительную цѣнность въ обширныхъ лѣсахъ, теперь почти ничего не стоящихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Смоленская губернія освободится отъ одной изъ причинъ своей теперешней бѣдности: отлучающіеся изъ нея рабочіе не будутъ проживать своихъ заработковъ на сторонѣ, какъ теперь.

Ни новыхъ фабрикъ, ни новыхъ цѣнностей, не создастъ въ равной мѣрѣ желѣзная дорога отъ Серпухова на Калугу и

Рославль. Мы уже имѣли случай говорить о производительности Калужской губерніи, о предметахъ ея отпуска и привоза. Губернія эта сама нуждается въ хлѣбѣ для продовольствія своихъ жителей. Транзитная торговля хлѣбомъ, шедшая зимнимъ путемъ, чрезъ Калужскую губернію изъ Тульской, Орловской, Курской и частью Черниговской, почти прекратится съ открытіемъ Южной и Орловско-Смоленской желѣзныхъ дорогъ. Затѣмъ, Калужская губернія ведетъ дѣятельныя сношенія съ Москвой, Нижнимъ и Ирбитью, съ одной стороны, съ украинскими городами и низовьемъ Днѣпра съ другой. Въ экономическомъ отношеніи она находится въ зависимости отъ Москвы, Нижняго, украинскихъ городовъ и низовья Днѣпра, покупая тамъ сырыя произведенія для своихъ фабрикъ, а также хлѣбъ для продовольствія жителей, и сбывая тамъ же произведенія своихъ фабрикъ. Этимъ опредѣляется направленіе нужныхъ ей желѣзныхъ дорогъ. Она естественно тянетъ къ востоку и югу, между тѣмъ какъ Смоленская къ сѣверу и сѣверо-западу. Дать направленіе желѣзной дорогѣ отъ Серпухова къ Рославлю значитъ провести ее по сѣверной части Калужской губерніи, когда Калужской губерніи нужна дорога на югъ и сѣверо-востокъ; съ другой стороны, это значитъ провести дорогу южнѣе Смоленской губерніи, тогда какъ весь сбытъ этой губерніи направленъ на сѣверъ; это значитъ погубить Смоленскую губернію и мало услужить Калужской. Зачѣмъ это дѣлать? Не лучше ли Калужанамъ озаботиться проведеніемъ тѣхъ вѣтвей, которыя дѣйствительно нужны для процвѣтанія ихъ губерніи? Въ этихъ заботахъ они будутъ имѣть право на всеобщую поддержку и сочувствіе.

Неравенство двухъ губерній по отношенію къ вопросу о желѣзной дорогѣ бросается въ глаза, если сравнить линіи Московско-Смоленскую и Серпуховско-Рославскую по той пользѣ, которую могли бы извлечь изъ первой Калужская, а изъ второй Смоленская губерніи.

Возьмемъ Калужскую губернію. Ея удобства нисколько не уменьшаются, а напротивъ, возрастаютъ отъ Московско-Смоленской желѣзной дороги. Все то, что Калужская губернія сбываетъ на сѣверъ, воспользуется близостью этой дороги. Соединительная вѣтвь отъ Калуги къ главной дорогѣ будетъ не только возможна, но и естественна.

Напротивъ, проведеніе западной линіи обходомъ около Смоленской губерніи искусственно лишило бы ее всѣхъ ея географическихъ выгодъ и удобствъ. Эти удобства заключаются въ томъ, что Смоленская губернія лежитъ на перепутіи отъ Москвы на западъ и отъ хлѣбородныхъ губерній средней полосы къ пристанямъ сплавляющимъ хлѣбъ въ Ригу и Петербургъ. По проведеніи Калужской линіи, Смоленская губернія навсегда осталась бы внѣ сѣти желѣзныхъ дорогъ, утратила бы все свое значеніе, и подвозъ къ пристанямъ прекратился бы, потому что товары направились бы къ Витебску по желѣзной дорогѣ. Соединительная вѣтвь къ Калужской дорогѣ для сбыта смоленскихъ произведеній была бы невозможна, потому что противоестественно было бы проводить дорогу на югъ для сбыта продуктовъ на сѣверъ.

Сбытъ Смоленской губерніи направленъ частью къ Петербургскому порту, чрезъ Гжатскъ, Ржевъ и Зубцовъ; частью къ Рижскому, чрезъ Бѣлый и Порѣчье. Изъ восточной части губерніи хлѣбъ нерѣдко въ большомъ количествѣ направляется въ Москву. Такимъ образомъ Ржевъ, Зубцовъ, Гжатскъ, Бѣлый и Порѣчье суть главнѣйшіе пункты, куда приливаютъ земледѣльческія произведенія Смоленской и ближайшихъ къ ней губерній. Ни Бѣлый, ни Гжатскъ, ни Порѣчье, однако, будучи только пристанями, не имѣютъ самостоятельнаго торговаго значенія. Торговля земледѣльческими продуктами для Бѣлаго сосредоточивается въ Вязьмѣ, гдѣ еще въ 1852 году было основано общество для страхованія товаровъ идущихъ въ Ригу. Изъ предметовъ отпуска Смоленской губерніи, кожи и сало идутъ въ Петербургъ и Москву, воскъ и медъ — въ Москву и т. д. Сбывая свои произведенія въ Петербургъ, Москву и Ригу, Смоленская губернія получаетъ оттуда въ замѣнъ все нужное для потребностей ея жителей. Вообще въ экономическомъ отношеніи, восточные уѣзды тяготѣютъ къ Москвѣ, западные къ Ригѣ. Это раздѣленіе губерніи на двѣ половины имѣетъ силу относительно привоза суконъ, иностранныхъ шелковыхъ и полотняныхъ издѣлій и галантерейныхъ вещей. Затѣмъ колоніальные товары на всю губернію доставляются изъ Риги, красный

товаръ изъ Москвы. Красный товаръ, несмотря на неудобства сообщенія, идетъ чрезъ Смоленскую губернію и далѣе въ Бѣлоруссію, Литву и даже въ Царство Польское. Желѣзо для губерній Смоленской и Витебской также идетъ исключительно изъ Москвы и Нижняго.

Бóльшая часть грузовъ направляемыхъ теперь изъ западной части Московской губерніи въ Москву, изъ восточной части Смоленской губерніи на Гжатскую, Зубцовскую и Ржевскую пристани и изъ западной половины на Бѣльскую и Порѣцкую пристани, пойдутъ, конечно, по Московско-Смоленской желѣзной дорогѣ. Мы не имѣемъ данныхъ, чтобы показать все количество грузовъ обращающихся между Москвой и Смоленскомъ, но можемъ привести какое количество ихъ было подвезено къ рѣчнымъ пристанямъ:

Въ Московской губерніи:

Къ пристанямъ на Рузѣ, Истрѣ, Озерной *) . . на 693.460 р.

Въ Смоленской губерніи:

Къ прист. на Гжати .	548.486 п.	471.334 „
„ „ Сбшѣ .	2.504.574 „	1.597.817 „
„ „ Каспльı.	1.889.899 „	2.111.679 „

Въ Тверской губерніи:

Къ Зубцовской прист.	1.211.114 „	1.830.776 „
„ Ржевской „	1.320.870 „	1.013.195 „

Что касается подвоза къ Зубцовской и Ржевской пристанямъ, то трудно сказать, какая именно часть грузовъ идетъ съ юга, но несомнѣнно, что бóльшая часть.

Всѣ грузы, которые направляются къ этимъ пристанямъ съ юга, нуждаются въ Московско-Смоленской дорогѣ.

Не голодъ постигшій Смоленскую губернію вызвалъ планъ Московско-Смоленской желѣзной дороги, этой сущей государственной необходимости, временная нужда населеній могла только ускорить приступъ къ работамъ: желѣзныя дороги нельзя пролагать по мѣстностямъ единственно только потому что ихъ посѣтило бѣдствіе неурожая. Вопросъ о Московско-Смоленской желѣзной дорогѣ былъ возбужденъ Смоленскимъ земствомъ еще въ февралѣ 1866 года; въ томъ же году земство Московской губерніи, Московское губернское собраніе дворянства и Московская городская общая дума постановили ходатайствовать о постройкѣ этой дороги. Въ январѣ 1867 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе, коимъ разрѣшалось дѣлать изысканія на этой линіи, и изысканія были немедленно сдѣланы на счетъ частныхъ лицъ, этому дѣлу сочувствующихъ. Въ маѣ 1867 года, дорога была одобрена Высочайше утвержденнымъ журналомъ комитета желѣзныхъ дорогъ. Затѣмъ, на утвержденіе правительства былъ представленъ подробный проектъ концессіи на эту дорогу земству Московской и Смоленской губерній. Наконецъ, 25-го февраля сего года, послѣдовало Высочайшее повелѣніе приступить нынѣ же къ землянымъ работамъ по постройкѣ предполагаемой желѣзной дороги между Москвой и Смоленскомъ. Съ обнаженіемъ земли отъ снѣга, эти работы вѣроятно, и начнутся вдругъ на всей линіи: Россія будетъ пролагать путь прямаго сообщенія своего востока съ западомъ, а бѣдствующее смоленское населеніе получитъ вѣрные заработки, которые спасутъ его отъ голода.

*) Лѣсъ.

№ 69.

Москва, 29-го марта.

А.

Послѣднія недѣли принесли съ собой три важные документа, разъясняющіе состояніе финансовъ Россіи. Мы разумѣемъ, вопервыхъ, рѣчь министра финансовъ, читанную имъ въ засѣданіи совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій 28-го минувшаго февраля при представленіи отчетовъ сихъ установленій за 1866 годъ; вовторыхъ, объяснительную записку къ отчету государственнаго контроля по исполненію государственной росписи за смѣтный періодъ 1866 года и наконецъ, въ третьихъ, всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ о бюджетѣ на 1868 годъ. О второмъ изъ этихъ документовъ мы имѣли уже случай говорить вкратцѣ, когда его обнародованіе еще только ожидалось мы указали тогда на громадность сверхбюджетныхъ расходовъ 1866 года и привели ее отчасти въ связь съ неправильнымъ состояніемъ нашей денежной системы. Чѣмъ болѣе разъясняется это дѣло допускаемыми въ немъ нынѣ успѣхами гласности, тѣмъ очевиднѣе становится, что исправленіе нашихъ финансовъ есть задача вовсе не такая трудная, какъ утвер-

ждають иные, и что ея счастливое разрѣшеніе главнѣйшимъ образомъ зависитъ отъ двухъ условій: отъ устраненія сверхсмѣтныхъ расходовъ и отъ исправленія денежной системы. Нынѣшній годъ совершилось пятидесятилѣтіе съ тѣхъ поръ, какъ, по окончаніи наполеоновскихъ войнъ, Россія приступила къ серіознымъ мѣрамъ для упроченія своей денежной системы, тогда разстроенной до послѣдней крайности, и когда съ этою цѣлію впервые была допущена гласность въ дѣлѣ финансоваго управленія кредитною частію. Пятидесятилѣтній юбилей этого важнаго въ русской исторіи шага ознаменованъ значительнымъ расширеніемъ гласности въ дѣлѣ государственныхъ финансовъ вообще: обнародованіе контрольнаго отчета за 1866 годъ есть важная мѣра, которая одна уже могла бы сдѣлать нынѣшній годъ памятнымъ. Но юбилейному году еще болѣе приличествовала бы другая слава предшественника его, та слава, что съ того года былъ совершенно прекращенъ выпускъ бумажныхъ денегъ и начались послѣдовательныя, неуклонно въ продолженіе 22 лѣтъ выдержанныя мѣры къ упроченію денежной системы. Суждено ли нынѣшнему году поравняться и въ этомъ отношеніи съ дорогимъ для Россіи 1818 годомъ?

Обнародованіе упомянутыхъ выше трехъ документовъ позволяетъ обозрѣть финансовое положеніе Имперіи, что̀ мы и постараемся сдѣлать. Начинаемъ этотъ обзоръ, какъ естественно, съ самаго корня финансовыхъ затрудненій,— денежной системы. Еженедѣльные, ежемѣсячные и ежегодные отчеты государственнаго банка и его конторъ и отдѣленій даютъ къ тому нѣкоторую возможность уже и независимо отъ рѣчи министра финансовъ, ежегодно произносимой въ совѣтѣ кредитныхъ установленій. Она важна не столько по сообщаемымъ ею даннымъ, сколько по тѣмъ взглядамъ, которые въ ней высказываются и по которымъ можно судить о томъ чего слѣдуетъ ожидать отъ дальнѣйшей политики финансоваго управленія. Въ прежнее время эта ежегодная рѣчь составляла въ нѣкоторомъ родѣ событіе; это былъ единственный публичный актъ, изъ котораго русская и иностранная публика могла почерпать свѣдѣнія о состояніи нашихъ финансовъ. Нынѣ когда стала ослабѣвать въ этомъ отношеніи система графа Канкрина, признававшаго гласность величайшимъ зломъ для финансовъ государства, нынѣ ежегодная рѣчь министра финансовъ имѣетъ значительный интересъ только въ томъ случаѣ, когда, какъ въ текущемъ году, излагаетъ съ нѣкоторымъ обиліемъ общія руководящія мысли. Къ этому на сей разъ послужилъ поводомъ наступившій (22-го Февраля) пятидесятилѣтній юбилей учрежденія совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій.

Главное и первое мѣсто дано въ рѣчи г. статсъ-секретаря Рейтерна важнѣйшему событію этого пятидесятилѣтія, ликвидаціи въ 1859 г. большей части государственныхъ кредитныхъ установленій, заемнаго банка, сохранныхъ казенъ, опекунскаго совѣта и приказовъ общественнаго призрѣнія, и преобразованію коммерческаго банка въ государственный банкъ. Въ рѣчи говорится объ этой реформѣ съ сочувствіемъ, какъ о мѣрѣ, положившей начало развитію у насъ частныхъ банковъ на мѣсто казенныхъ; при этомъ указывается на быстрое умноженіе въ послѣднее время разныхъ частныхъ кредитныхъ учрежденій. До 1859 г. частные банки составляли у насъ такое рѣдкое явленіе, что, можно сказать, ихъ не существовало; было до 20 городскихъ общественныхъ банковъ, съ весьма ограниченнымъ кругомъ дѣйствій, три дворянскія кредитныя общества въ Прибалтійскомъ краѣ и Александровскій Нижегородскій дворянскій банкъ. Въ нынѣшнемъ году, сверхъ этихъ послѣднихъ, существуетъ до 147 городскихъ общественныхъ банковъ (въ томъ числѣ разрѣшено и еще не дѣйствуютъ 30), до 14 разныхъ частныхъ кредитныхъ учрежденій и еще 5 банковыхъ проектовъ внесено въ государственный совѣтъ.

Графъ Канкринъ ставилъ одною изъ главныхъ своихъ задачъ поглощеніе частнаго банковаго кредита въ государственномъ. Ликвидація государственныхъ кредитныхъ установленій, учрежденныхъ на этомъ основаніи, была необходимымъ шагомъ къ освобожденію русскаго капитала изъ-подъ власти казны, къ оживленію частной предпріимчивости вообще и спеціально къ возникновенію у насъ частныхъ банковъ. Шагъ этотъ былъ несомнѣнно необходимъ и для финансовъ государства, потому что освобождалъ казну отъ угрожавшей кредитнымъ установленіямъ несостоятельности и отъ неправильнаго пользованія частными капиталами имѣвшаго цѣлію пониженіе ихъ

цѣны отчасти для удобства заемщиковъ, по большей части употреблявшихъ эти капиталы непроизводительно, отчасти для удобства государственнаго казначейства, затрачивавшаго не разобранные заемщиками излишки вкладовъ на разныя экстренныя надобности, чрезъ что собственно и укоренился у насъ обычай сверхбюджетныхъ расходовъ.

Но реформа эта совершилась серіозно только въ области недвижимаго или ипотечнаго кредита. Кредитъ коммерческій остался въ рукахъ казеннаго учрежденія, возвышавшаго учетный процентъ (какъ и слѣдовало), но въ то же время удерживавшаго низкій процентъ по вкладамъ (что едва ли слѣдовало и что доставляло лишь кажущіеся барыши въ отчетахъ банка, а въ сущности стоило казнѣ огромныхъ убытковъ, ибо требовало не только многихъ займовъ, но и значительнаго выпуска бумажныхъ денегъ). Въ то же время прежняя привычка привлекать частные капиталы по дешевой цѣнѣ для воспособленія государственному казначейству мелкими долями, безъ крупныхъ займовъ, — эта привычка, воспитанная прежними кредитными установленіями, осталась въ силѣ и повела къ усиленнымъ выпускамъ билетовъ государственнаго казначейства, теперь сдѣлавшихся наконецъ и для казны большою тягостью. Та же привычка вынуждала вмѣстѣ съ тѣмъ, отчасти для облегченія сбыта малодоходныхъ билетовъ государственнаго казначейства (серій), прибѣгать къ выпускамъ бумажныхъ денегъ въ большемъ количествѣ чѣмъ сколько было нужно для возмѣщенія вкладовъ, не покрывавшагося правильными государствеными займами. Итакъ, ни въ области коммерческаго, ни въ области государственнаго кредита не послѣдовало кореннаго измѣненія прежней системы и реформа, какъ сказано, серіозно коснулась только кредита недвижимаго. Всѣ операціи по этой отрасли кредита правительство дѣйствительно предоставило частной дѣятельности, но внезапное прекращеніе ссудъ въ 1859 г. подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ произошло наканунѣ самаго глубокаго переворота въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ и бытѣ нашихъ землевладѣльцевъ; начало правительственнаго невмѣшательства въ частную предпріимчивость было примѣнено посреди чрезвычайныхъ обстоятельствъ, для которыхъ оно едва ли было вполнѣ пригодно. Къ тому же несмотря на продолжительныя занятія Высочайше учрежденной коммисіи для устройства земскихъ банковъ, положительно указавшей на разныя переходныя правительственныя мѣры по организаціи частныхъ поземельныхъ банковъ, не было сдѣлано самаго необходимаго, чтобы вызвать эту организацію, облегчить частную инициативу въ дѣлѣ совершенно новомъ или даже только сдѣлать ее возможною.

Препятствіемъ къ правильному ходу дѣла оказалось неимѣніе общаго закона, въ силу коего могли бы основываться банковыя учрежденія для поземельнаго кредита. Такого закона нѣтъ и до сихъ поръ, а потому, не говоря уже о затрудненіяхъ, въ которыхъ должны находиться правительственныя лица, при разсмотрѣніи банковыхъ проектовъ, частныя лица никогда не могутъ быть увѣрены, что ихъ предположенія удостоятся утвержденія и что учредители не потратятъ даромъ времени на дѣло, для успѣха котораго необходимы ходатайства и связи. Нѣтъ сомнѣнія, что самые тяжкіе удары нанесены были сельскому хозяйству и землевладѣльческому классу никакъ не упраздненіемъ крѣпостнаго права и не поземельнымъ устройствомъ крестьянъ, а финансовыми обстоятельствами государства. Неожиданная ликвидація кредитныхъ установленій безъ ихъ замѣны частными банками, усиленные выпуски бумажныхъ денегъ, паденіе цѣнности монетной единицы, на которую исчислены оброки и выкупныя бумаги, и сверхъ того потрясенія всѣхъ цѣнъ, произведенныя тѣми же выпусками бумажныхъ денегъ и поднявшія всѣ цѣны (въ томъ числѣ на трудъ) не соразмѣрно съ цѣнами на земледѣльческіе продукты, вотъ истинныя причины затрудненій, испытанныхъ нашими помѣщиками. Только теперь поправляется это дѣло построеніемъ желѣзныхъ дорогъ, поднимающимъ цѣну продуктовъ сельскаго хозяйства, и поддержкой высокаго учетнаго процента, усиливающею ихъ отпускъ за границу, препятствующею отливу отъ насъ капиталовъ и вмѣстѣ содѣйствующею ихъ накопленію. Правда впрочемъ, что нѣтъ худа безъ добра. Прекращеніе ссудъ принесло ту пользу, что съ одной стороны побудило землевладѣльческій классъ къ бережливости, а съ другой ускорило ходъ выкупной операціи, которая замѣнила собой отчасти, съ бо́льшими или мень-

шими убытками, тѣ займы подъ залогъ имѣній, съ которыми всѣ издавна свыклись. Наконецъ, несмотря на неблагопріятныя обстоятельства, частная инициатива, вызванная ликвидаціей казенныхъ банковъ, коснулась и поземельнаго кредита. Начали возникать частныя кредитныя учрежденія (С.-Петербургское, Московское и Рижское городскія, Херсонское и Саратовское Общества заемщиковъ-землевладѣльцевъ). Въ истекшемъ году правительство даровало весьма важныя льготы и пособія Обществу Взаимнаго Поземельнаго Кредита. Въ рѣчи г. министра финансовъ уже прямо сказано, что правительство предоставило этому Обществу капиталъ въ 5 милл. руб., *оставшійся* по закрытіи Товарищества Пріобрѣтателей Имѣній въ Западномъ Краѣ, и что оно предоставило этотъ капиталъ не въ видахъ лучшаго чѣмъ прежде содѣйствія водворенію русскаго землевладѣнія въ томъ краѣ, а *для дополнительнаго обезпеченія исправности платежей* по закладнымъ листамъ Общества; это важное пособіе оказано Обществу, по словамъ рѣчи, „дабы оно могло скорѣе стать въ то положеніе, въ которомъ столь желательно видѣть поземельное кредитное учрежденіе, дѣйствующее на всемъ пространствѣ государства, въ коемъ поземельная собственность такъ нуждается въ пособіи кредита.“ Изъ этихъ словъ мы окончательно узнаемъ смыслъ факта, недавно такъ занимавшаго русское общество; капиталъ предназначенный для водворенія русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ совершенно утратилъ это назначеніе и употребленъ для другой цѣли, что мы и утверждали, но что другіе оспаривали. Не будемъ говорить о совершившемся фактѣ; послѣ приведенныхъ офиціальныхъ словъ всякія сѣтованія были бы праздны. Но мы должны высказать опасеніе, что организація этого Общества распространяющагося на всю Имперію и воспользовавшагося такою значительною привилегіей, можетъ подавить возникновеніе мѣстныхъ поземельныхъ банковъ, вопреки первоначальнымъ намѣреніямъ правительства и движенію уже начавшемуся у насъ въ разныхъ краяхъ. Опытъ покажетъ, въ состояніи ли Общество, соединяющее круговымъ ручательствомъ помѣщиковъ Пермской и Подольской губерній, соотвѣтствовать характеру поземельнаго кредита, мѣстнаго по самой своей сущности, и заслуживаетъ ли оно со стороны правительства исключительнаго покровительства предъ провинціальными кредитными обществами. Во всякомъ случаѣ, послѣ этого факта нельзя уже будетъ жаловаться на недостатокъ инициативы въ провинціальныхъ землевладѣльцахъ къ учрежденію поземельныхъ банковъ.

По коммерческому кредиту предположенное при кредитной реформѣ 1859 г. водвореніе частныхъ банковъ на мѣсто казенныхъ сдѣлало еще меньше успѣховъ чѣмъ по кредиту поземельному. Правда, мы имѣемъ теперь частные коммерческіе банки, которыхъ не было въ прежнее время, но число ихъ ничтожно, и они существуютъ только въ столицахъ; огромное большинство остальныхъ такъ-называемыхъ частныхъ банковъ суть *общественные городскіе*. Эти послѣдніе, дѣйствующіе за отвѣтственностью сословій, а не частныхъ лицъ, и за счетъ общественныхъ, а не частныхъ капиталовъ, не могутъ быть признаваемы настоящими частными банками. Они могутъ иногда дѣйствовать бодро и успѣшно, какъ напримѣръ банкъ Скопинскій, но ихъ положеніе непрочно; они слишкомъ зависятъ отъ распоряженій банка государственнаго; ихъ могутъ въ послѣдствіи весьма затруднить вклады срочные, а еще болѣе вклады вѣчные, еслибы накопились; вообще они далеко не могутъ оказывать всѣхъ услугъ частнаго банковаго кредита и расширеніе ихъ дѣйствій во многихъ отношеніяхъ опасно и не желательно. А частные въ собственномъ смыслѣ банки не могутъ основываться при непрочности денежной единицы и при всесильномъ господствѣ государственнаго банка, который заступилъ мѣсто прежняго коммерческаго и ясно выражаетъ во всей своей дѣятельности эту перемѣну своего эпитета. Покрывъ всю Имперію сѣтью своихъ конторъ и отдѣленій, онъ вбираетъ въ себя путемъ вкладовъ и займовъ почти всѣ сбереженія частныхъ лицъ, отвлекаетъ ихъ по прежнему отъ хозяйственныхъ предпріятій и парализуетъ возможность развитія частныхъ банковыхъ учрежденій. Сверхъ всѣхъ прерогативъ государственнаго кредитнаго учрежденія, дѣйствующаго за счетъ неограниченнаго государственнаго кредита, съ которымъ не можетъ конкуррировать никакой частный и по тому самому ограниченный банковый кредитъ, государственный банкъ пользуется правомъ,

которое не было предоставлено даже прежнему коммерческому банку. Это право, заключающееся въ неограниченномъ выпускѣ бумажныхъ денегъ съ принудительнымъ курсомъ, т.-е., неразмѣнныхъ на звонкую монету и обязательно принимаемыхъ во всѣхъ казенныхъ и частныхъ платежахъ,—одно это право достаточно, чтобы подавить всякое развитіе частнаго банковаго кредита. Мы сказали, что государственный банкъ имѣетъ право на *неограниченный* выпускъ бумажныхъ денегъ, и полагаемъ, что имѣемъ достаточное основаніе такъ выражаться. Выпуски для такъ-называемаго подкрѣпленія кассъ конторъ и отдѣленій это положительно доказываютъ.

Самая любопытная часть рѣчи г. министра финансовъ относится къ выпускамъ кредитныхъ билетовъ и къ приводимымъ для объясненія этой операціи соображеніямъ. Послѣ прекращенія размѣна, уменьшившаго количество кредитныхъ билетовъ въ обращеніи къ концу 1863 г. до 636½ милл., количество это стало въ послѣдующіе годы, при разныхъ колебаніяхъ, неуклонно возрастать. Къ концу 1864 года ихъ было 651 милл., къ концу 1866 г.—705 милл. (съ выпущенными на подкрѣпленіе кассъ конторъ и отдѣленій), а къ 1-му января 1868 г. 715 милл. (съ билетами какъ упомянутой категоріи, такъ и съ билетами, выпущенными подъ серіи). Нельзя быть увѣреннымъ, чтобы на этомъ остановились выпуски кредитныхъ билетовъ, какъ потому что государственный банкъ еще не воспользовался этимъ правомъ въ мѣрѣ дозволенной ему въ 1867 году, такъ и вслѣдствіе нижеслѣдующихъ сообщеній г. министра финансовъ. Въ рѣчи указываются слѣдующія обстоятельства, вынудившія къ новымъ выпускамъ кредитныхъ билетовъ чрезъ посредство государственнаго банка въ 1866 и 1867 годахъ: недостаточность вновь образующихся у насъ капиталовъ сравнительно съ требованіями на капиталъ, между прочимъ вслѣдствіе ежегодно повторявшихся дефицитовъ въ государственномъ бюджетѣ и сверхсмѣтныхъ расходовъ, новыхъ государственныхъ займовъ (2-го лотерейнаго) и выкупной операціи, причинила усиленное востребованіе вкладовъ изъ государственнаго банка, паденіе цѣны процентныхъ бумагъ и невозможность консолидировать возвращавшіеся въ кассу билеты государственнаго казначейства; къ этому присоединилось чрезвычайное развитіе вывозной (хлѣбной) торговли въ 1866 и 1867 гг. Кромѣ этого послѣдняго мотива, всѣ остальные приводятся къ одному и тому же: *потребности въ капиталѣ превосходящей его свободные запасы* или новыя сбереженія, какъ это прямо и выражено въ рѣчи. Но неужели выпуски бумажныхъ денегъ могутъ замѣнить недостающій капиталъ? Вѣдь политическая экономія съ самою крайнею точностью доказываетъ, что денежные знаки сами по себѣ не капиталъ, и что появленіе ихъ на рынкѣ увеличиваетъ не количество капиталовъ, а напротивъ *спросъ на капиталъ*. Постоянное возрастаніе бумажныхъ денегъ въ обращеніи производитъ у насъ никѣмъ не оспариваемое и для всѣхъ очевидное, постоянное возрастаніе дороговизны всѣхъ жизненныхъ потребностей, а возрастающая дороговизна неминуемо увеличиваетъ государственные расходы, сокращеніе которыхъ не во власти финансоваго управленія. Дефицитъ и займы для ихъ покрытія не могутъ прекратиться съ продолженіемъ выпусковъ бумажныхъ денегъ, развѣ правительство рѣшилось бы ежегодно обрѣзывать въ бюджетѣ самые необходимые для преуспѣянія и достоинства государства расходы. Но и это не поможетъ: при разсмотрѣніи бюджета могутъ быть устраняемы, въ видахъ сокращенія дефицита, самые настоятельные расходы, напримѣръ по сооруженіямъ для флота, по усиленію способовъ просвѣщенія, сооруженію желѣзныхъ дорогъ, ускоренію судебной реформы и т. д., а въ теченіе смѣтнаго года, вслѣдствіе усилившейся дороговизны, будутъ испрашиваться сверхсмѣтные кредиты и покрываться выпусками бумажныхъ денегъ для второстепенныхъ предметовъ. Нѣтъ, бумажныя деньги не капиталъ, а спросъ на капиталъ, и выпуски бумажныхъ денегъ не удовлетворяютъ потребностямъ въ капиталахъ, а напротивъ только *увеличиваютъ ее*. Усиливая спросъ на капиталъ, выпуски бумажныхъ денегъ въ то же время уменьшаютъ въ государствѣ запасы капиталовъ, ибо содѣйствуютъ ихъ непроизводительному потребленію. Въ виду упоминанія о пятидесятилѣтнемъ юбилеѣ совѣта государственныхъ кредитныхъ установленій вопросъ о нашемъ бумажномъ денежномъ обращеніи по-неволѣ всего болѣе выходитъ наружу: какіе бы мы ни сдѣлали успѣхи

въ отношеніи къ банковому кредиту въ эти полвѣка, денежное обращеніе находится въ томъ же положеніи, въ какомъ оно было до 1817 года. Послѣ монетной реформы 1839 года, составляющей лучшую заслугу графа Канкрина, единственную можетъ-быть достойную подражанія, мы снова возвратились къ финансовымъ вспомоществованіямъ посредствомъ выпуска ассигнацій, какъ было въ началѣ этого вѣка. Но то бурное военное время, когда, впрочемъ, лучшіе государственные умы уже сознавали это зло, несравненно болѣе его оправдывало чѣмъ нынѣшнее время, когда относительно мирныя и нормальныя обстоятельства, повидимому, указываютъ на необходимость исправленія денежной системы. Если г. министръ финансовъ объясняетъ двѣнадцатимилліонный дефицитъ нынѣшняго года преимущественно неурожаемъ, то это мнѣніе можетъ быть предметомъ серіозной критики: неурожай былъ не повсемѣстный, чему лучшимъ доказательствомъ служитъ громадный отпускъ хлѣба. Неурожай Богъ дастъ минуетъ, но минуетъ ли дороговизна возвышающая расходы казны? Цѣны процентныхъ бумагъ теперь лихорадочно возрастаютъ: по крайней мѣрѣ этому должна быть какая-нибудь другая причина; неурожай такого дѣйствія нигдѣ еще не оказывалъ.

Б.

Приговоръ въ окончательной формѣ Московскаго окружнаго суда по казусному дѣлу становаго пристава Глушкова объявленъ послѣднему 26-го марта. Изъ подробныхъ выводовъ и соображеній суда оказывается, что судъ сдѣлалъ съ своей стороны все что могъ для примѣненія къ настоящему дѣлу наиболѣе строгаго наказанія, такъ какъ онъ не имѣлъ права выходить за предѣлы обвиненія; обвинительная же власть примѣнила къ этому случаю ст. 429 Улож. о нак. Статья эта состоитъ изъ двухъ частей: въ первой говорится о неначатіи чиновникомъ, по нерадѣнію, уголовнаго слѣдствія, когда къ этому представлялся достаточный поводъ, и за такое упущеніе высшимъ наказаніемъ положено удаленіе отъ должности. Во второй части статьи 429 говорится о томъ же упущеніи, если оно имѣло причиной излишнее снисхожденіе или какое-либо пристрастіе къ лицамъ подлежащимъ слѣдствію: за это преступленіе высшимъ наказаніемъ положено исключеніе изъ службы. Но такъ какъ обвинитель на судѣ не указалъ такого факта, который далъ бы суду право поставить присяжнымъ вопросъ по признакамъ исчисленнымъ во второй половинѣ ст. 429 Улож., то подсудимый и не могъ быть обвиненъ согласно съ этою второю половиной ст. 429. Что же касается другихъ двухъ преступленій въ коихъ обвиненъ подсудимый—неправильнаго заарестованія и обиды нанесенной имъ гг. Блинову и Максину — то наказанія за нихъ положенныя въ законѣ еще ниже чѣмъ удаленіе отъ должности, такъ что судъ, на основаніи правила о совокупности преступленій, долженъ былъ назначить ему только наиболѣе строгое изъ всѣхъ положенныхъ за признанные присяжными пункты обвиненія, а такимъ въ этомъ случаѣ являлось удаленіе отъ должности, причемъ судъ добавилъ еще, что о настоящей судимости г. Глушкова должно быть внесено въ XI графу послужнаго его списка. Дальше этого судъ не могъ идти.

Судъ стало-быть поступилъ въ данномъ случаѣ со всею возможною для него строгостью, и не его вина, если наказаніе положенное подсудимому далеко не соотвѣтствуетъ силѣ его проступка. Замѣчанія, которыя мы высказали по поводу этого дѣла, не могутъ такимъ образомъ относиться къ суду, и мы съ удовольствіемъ заявляемъ объ этомъ теперь. Но тѣмъ не менѣе фактъ, указанный нами, остается во всей своей силѣ, тотъ фактъ, что чиновникъ оказавшійся виновнымъ въ вопіющихъ злоупотребленіяхъ приговоренъ судомъ къ наказанію, которому онъ еще прежде подвергнутъ былъ своимъ начальствомъ, такъ что на дѣлѣ судъ оставилъ его поступокъ безъ всякаго наказанія. Собственное начальство подсудимаго, Московское губернское правленіе, очевидно считало своего подчиненнаго подлежащимъ болѣе строгому наказанію, ибо въ противномъ случаѣ незачѣмъ было бы предавать его суду и вызывать всю эту длинную процедуру, о которой напередъ можно было знать, что она останется безъ всякихъ практическихъ результатовъ.

Но если очевидная неправильность настоящаго дѣла не кроется ни въ дѣйствіяхъ суда, ни въ дѣйствіяхъ присутственнаго мѣста, отъ коего зависѣло преданіе его суду, то гдѣ же слѣдуетъ искать ея причину? Намъ кажется, что причину эту

слѣдуетъ искать въ чрезмѣрной снисходительности наказанія, положеннаго за обиды дѣйствіемъ, нанесенныя должностнымъ лицомъ при отправленіи должности, въ ст. 347 Улож. Въ этой статьѣ сказано, что за такія обиды виновный подвергается „наказаніямъ за обиды опредѣленнымъ.“ Мы думаемъ, что должностное лицо, позволяющее себѣ, при исполненіи своихъ обязанностей, нанести обиду частному лицу, въ такой же мѣрѣ роняетъ достоинство ввѣренной ему власти, въ какой для власти чувствительна обида нанесенная частнымъ лицомъ одному изъ ея представителей. А между тѣмъ обиды втораго рода наказываются у насъ несравненно строже чѣмъ первыя.

№ 70.

Москва, 3-го апрѣля.

„Вѣнскіе трактаты уже не существуютъ,“ говорилъ Наполеонъ III 5-го ноября 1863 г.,—„я ненавижу Вѣнскіе трактаты,“ повторялъ императоръ Французовъ 6-го мая 1866 года,—и слова эти фактически подтверждены имъ въ сентябрѣ 1866 г., когда циркуляромъ его правительства было возвѣщено Европѣ, что онъ вполнѣ доволенъ совершившимся въ то лѣто кореннымъ измѣненіемъ порядка установленнаго этими трактатами. Въ 1852, 59, 61 и 66 годахъ, усиліями или содѣйствіемъ императора Французовъ отброшены одинъ за другимъ краеугольные камни политическаго строя установившагося въ Европѣ съ 1815 по 1820 годъ: отмѣненъ безусловный запретъ доступа Бонапартовской династіи къ престоламъ Европы, прекращено господство Австріи надъ раздробленною Италіей, присоединена Ницца и Савоія ко Франціи, нарушенъ нейтралитетъ двухъ швейцарскихъ кантоновъ, Шабле и Фосиньи, и упраздненъ федеральный актъ Германскаго Союза; весной 1867 года, нейтрализаціей федеральной крѣпости Люксембурга, завершилось это постепенное уничтоженіе всѣхъ основъ Вѣнскаго трактата, заключеннаго европейскимъ ареопагомъ, но отмѣненнаго, по большей части, безъ участія, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ вопреки протестамъ нѣкоторыхъ изъ великихъ державъ, скрѣпившихъ его своею подписью. Единственною цѣлью Вѣнскихъ трактатовъ было оградить Европу отъ повторенія бѣдствій, вызванныхъ завоевательными стремленіями Франціи, а потому въ сущности эти трактаты лишились всякаго смысла, какъ только исчезли изъ нихъ мѣры соотвѣтствующія этой цѣли. Новымъ порядкомъ, созданнымъ на ихъ развалинахъ, они фактически отмѣнены для цѣлой Европы.

Великодушіемъ Русскаго Государя, вопреки увѣщаніямъ и совѣтамъ его союзниковъ, на Вѣнскомъ конгрессѣ было воскрешено имя Польши, вычеркнутое изъ карты Европы Наполеономъ I. Въ статью Вѣнскаго трактата, установившую вѣчное соединеніе Польши съ Россіей, вкралась оговорка, лишенная смысла, такъ какъ она не имѣла ничего общаго съ единственною цѣлью, положенною въ основаніе всѣхъ комбинацій Вѣнскаго конгресса. Не удовлетворяясь возстановленіемъ имени Польши, эта статья оговаривала для нея отдѣльную администрацію, а между тѣмъ редижирована эта статья по указаніямъ императора Александра I, положившаго въ основаніе переговоровъ Вѣнскаго конгресса слѣдующія знаменательныя слова своей инструкціи графу Нессельроде: *) „Герцогство Варшавское завоевано мною у Наполеона; въ случаѣ еслибы стали вызывать объясненія насчетъ формы правительства, которую я намѣренъ дать ему, вы откажетесь отвѣчать.“ Являясь послѣдствіемъ какого-то необъяснимаго недоразумѣнія, упомянутая оговорка не могла оставаться долго безъ роковыхъ послѣдствій. Дѣйствительно, изъ всѣхъ опредѣленій Вѣнскаго трактата, статья его о Польшѣ изорвана первая, — но изорвана не Россіей, а самими Поляками, въ 1830 году, провозгласившими отдѣленіе Польши отъ Россіи и императора Николая Павловича лишеннымъ польскаго престола. Франція и Англія не только не протестовали противъ этого нарушенія Вѣнскаго трактата, но вступившись за польскихъ мятежниковъ, одобрили это нарушеніе, вслѣдствіе чего, еще въ 1830 г., Вѣнскіе трактаты утратили для Россіи всякую обязательную силу. То же самое повторилось и въ 1863 г. Но въ 1831 г. Россія не воспользовалась своимъ правомъ; она ограничилась возстановленіемъ силы опредѣленій Вѣнскаго трактата. Возобновивъ такимъ образомъ причину зла, Россія, въ

*) Situation de la Pologne au Janvier 1895. Par Alexandre de Moller.

1863 г., испытала еще разъ и дѣйствіе этой причины. Явная опора оказанная Франціей въ этомъ случаѣ возстанію, ея дипломатическія настоянія въ пользу притязаній шляхетскаго жонда, отвергнувшаго еще разъ двусмысленное положеніе созданное Вѣнскими трактатами, были, въ сущности, одобреніемъ и признаніемъ тѣхъ рѣшительныхъ мѣръ, которыми это положеніе упраздняется. Это значеніе вмѣшательства Франціи въ пользу повстанцевъ 1863 года выяснено рѣчью Наполеона III въ Оксеррѣ, 6-го мая 1866 года: мятежная шляхта домогалась отмѣны порядка, узаконеннаго въ 1815 г., Россія же являлась какъ бы защитницей этого порядка. Не пропуская ни одного случая высказаться противъ Вѣнскихъ трактатовъ, Наполеонъ III, дабы не впасть въ противорѣчіе съ самимъ собою, естественно принялъ сторону враговъ и обратился противъ защитниковъ опредѣленій этихъ трактатовъ. Оставаясь вѣрнымъ направленію, котораго онъ держался и въ Италіи, и въ Швейцаріи, онъ спѣшилъ и въ Польшѣ оказать содѣйствіе всякому факту, имѣвшему цѣлію вычеркнуть хотя нѣсколько строчекъ изъ международнаго законодательства 1815 года.

Итакъ, вмѣшательствомъ своимъ въ пользу возстанія 1863 г., державы, увлеченныя настояніями г. Друэнъ-де-Люиса въ дипломатическій крестовый походъ противъ Россіи, торжественно признавали и одобряли уничтоженіе той части синаллагматическаго договора 1815 г., которою Поляки обязывались относительно Россіи; но признавая уничтоженіе одной стороны этого договора, державы естественно не могутъ не признавать уничтоженія и другой стороны его, той, которою Россія обязывалась относительно Польши. Слѣдовательно, всѣ опредѣленія Вѣнскаго конгресса относительно Польши упразднены съ 1863 года самою Европой, а затѣмъ отношенія между Россіей и Польшей естественно возвратились къ своему *statu quo ante*, то-есть къ положенію, въ которомъ Вѣнскій конгрессъ засталъ эти отношенія, опредѣленныя приведенною выше выдержкой изъ инструкціи данной графу Нессельроде императоромъ Александромъ I. Польша была завоеваніемъ Русскаго императора; занятіе ея продолжалось три года, безъ всякаго протеста со стороны Европы, признавшей въ томъ, напротивъ, первый шагъ къ своему освобожденію отъ ига Наполеона I. Это одобреніе Европы вполнѣ совпадало и съ желаніями самихъ Поляковъ: всѣ воеводства подавали тогда адресы императору Александру I, умоляя его присоединить Польшу къ Россіи „безъ вниманія къ формѣ правленія, какою ему угодно будетъ надѣлить ее, лишь бы не допустить возвращенія ея подъ власть Нѣмцевъ, потому что Поляки связаны съ Русскими своимъ происхожденіемъ“, *) а польскіе сподвижники Наполеона I, за шесть дней до его отреченія, въ 1814 году, оставляли знамена его и спѣшили принести въ Парижѣ присягу на подданство *Русскому* Царю, такъ какъ о царѣ *Польскомъ* еще не было тогда и рѣчи.**) Признавъ и одобривъ заранѣе, на случай побѣды *жонда*, безусловное отпаденіе Польши отъ Россіи, западная Европа признавала и одобряла заранѣе, на случай побѣды Россіи, безусловное присоединеніе къ ней провинцій, составляющихъ Царство Польское.

Преобразованія, совершенныя съ 1864 г. Императорскимъ правительствомъ въ Польшѣ, очевидно, имѣли съ самаго начала въ виду этотъ логическій выводъ изъ вмѣшательства западной Европы въ пользу шляхетскаго вооруженнаго протеста противъ опредѣленій Вѣнскаго конгресса. Признанное и одобренное Европой уничтоженіе всѣхъ обоюдныхъ обязательствъ узаконенныхъ этимъ конгрессомъ, а слѣдовательно и возвращеніе польскихъ провинцій къ *statu quo ante* 1815 г., суть для Россіи „совершившіеся факты,“ не требующіе нынѣ ни объясненія, ни дополненія. Указомъ отъ 29-го февраля 1868 года Россія лишь завершила начало положенное 19-го февраля 1864 г., съ полнымъ сознаніемъ безспорнаго права пріобрѣтеннаго ею цѣной побѣды надъ мятежною шляхтой и надъ дипломатическимъ вмѣшательствомъ ея запальчивыхъ защитниковъ. Этимъ указомъ выброшено изъ польскихъ губерній революціонное начало, заключавшееся, съ 1815 г., по сознанію польскаго патріота Мохнацкаго, въ самомъ фактѣ возстановленія Царства Польскаго; этимъ указомъ положенъ конецъ двусмысленному положенію, которымъ поддерживались неосуществимыя мечты, стоившія бывшей Польшѣ столькихъ безплодныхъ

*) Смитъ, Исторія Польскаго мятежа.

**) Jonrnal des Débats отъ 15-го апрѣля 1814 г.

кровопролитий и висѣвшія постоянною угрозой надъ Европой. Всякое возраженіе противъ этого указа со стороны державъ, ободрявшихъ возстаніе 1863 года, поставило бы ихъ въ противорѣчіе съ самими собой и подало бы поводъ заподозрить ихъ въ тайныхъ замыслахъ противъ спокойствія Европы, которому указъ отъ 29-го февраля служитъ надежнымъ залогомъ. Поэтому мы считаемъ себя въ правѣ не придавать никакой вѣры нелѣпому извѣстію, сообщенному недавно газетой *la Presse*, будто Тюльерійскій кабинетъ обратился къ Вѣнскому съ предложеніемъ потребовать „пересмотра трактатовъ 1815 г.,“ не ограничиваясь „простымъ дипломатическимъ протестомъ противъ послѣднихъ рѣшеній касательно инкорпораціи Польши.“ Получая иногда министерскія наставленія и сообщенія, газета *la Presse* повинуется однако болѣе всего внушеніямъ папскаго нунція въ Парижѣ. Свѣдѣніе, сообщенное объ этомъ безсмысленномъ протестѣ, по всей вѣроятности, идетъ изъ этого источника, и есть не что иное какъ *ballon d'essai*. Безплодный протестъ Франціи противъ естественнаго результата ея же собственной политики не могъ бы имѣть въ настоящее время другой цѣли, какъ только подстрекнуть упавшую духомъ эмиграцію, и изобличилъ бы затаенные замыслы противъ европейскаго мира.

Во всякомъ случаѣ, Россіи нечего опасаться пересмотра Вѣнскихъ трактатовъ, пересмотра, который, напротивъ, могъ бы возбудить вопросы самаго щекотливаго для Франціи свойства.

№ 71.

Москва, 4-го апрѣля.

А.

Къ сегодняшнему № нашей газеты прилагается отдѣльная брошюра, подъ заглавіемъ: *Проектъ Сибирско-Уральской желѣзной дороги*. Она составлена г. Богдановичемъ, который уже нѣсколько лѣтъ посвящаетъ свои силы разъясненію и распространенію мысли, сперва заинтересовавшей его вслѣдствіе случайнаго знакомства съ уральскимъ краемъ, а потомъ тѣмъ болѣе укрѣплявшейся, чѣмъ болѣе онъ входилъ въ нее и ее усвоивалъ. Эта мысль есть убѣжденіе, вопервыхъ, въ необходимости соединить Сибирь съ Европейскою Россіей рельсовымъ путемъ чрезъ Уралъ, и, вовторыхъ, въ превосходствѣ линіи на Екатеринбургъ сравнительно съ прежде предложеннымъ, болѣе сѣвернымъ, направленіемъ на Тагилъ. И по тому, и по другому пункту мы вполнѣ сходимся съ г. Богдановичемъ. Дѣйствительно, между Сибирью и Европейскою Россіей происходитъ столь значительное движеніе пассажировъ и грузовъ, что доходность желѣзной дороги по уральскому волоку не можетъ подлежать сомнѣнію. Г. Богдановичъ беретъ теперешнія цифры и высчитываетъ, что уже теперь везется изъ Сибири въ Европейскую Россію разныхъ грузовъ не менѣе 5 милл. пудовъ и, наоборотъ, изъ Европейской Россіи въ Сибирь—не менѣе $4^{1}/_{2}$ милл. пудовъ. Съ проведеніемъ желѣзной дороги это движеніе должно усилиться.

Русскія владѣнія за Ураломъ составляютъ край столько же громадный, сколько разнообразный и непочатой. Не говоря уже о Туркестанской области, къ Сибири примыкаютъ нынѣ такія страны какъ Заилійскій край, гдѣ растутъ абрикосы, разводится виноградъ и дѣлаются опыты насажденія индиго и гаванскаго табаку. Рѣка Или, на верховьяхъ которой лежитъ Кульджа, столица западнаго Китая, впадаетъ въ обширное озеро Балхашъ, удобное для пароходства и имѣющее до 600 верстъ въ длину и до 60 въ ширину; оно лежитъ на перепутьи между Иртышомъ и Кульджей съ одной стороны, и Туркестанскою областью съ другой, и какъ въ ту, такъ въ другую сторону путь отъ него лежитъ по мѣстностямъ совершенно удобнымъ для водяныхъ или колесныхъ сообщеній. Въ этомъ направленіи, по всему вѣроятію, пойдетъ торговля. Нынѣ даже такъ-называемая Киргизская степь оживаетъ. Г. Богдановичъ говоритъ, что въ Киргизской степи устроено уже до шести мѣдиплавильныхъ заводовъ и три завода для выплавки серебро-свинцовыхъ рудъ; торговое движеніе изъ Омска на югъ быстро усиливается. Мѣстечко Акмолы возведено въ званіе города лишь въ 1863 году; въ 1865 году обороты торговли простирались тамъ до 426 т. р., въ 1866 г. до 900 т. руб., въ 1867 г. только по августъ мѣсяцъ уже полутора милліона. Эта торговля естественно тяготѣетъ къ Иртышу, съ которымъ сообщенія удобнѣе чѣмъ съ Оренбургомъ, потому что идутъ по про-

странствамъ не безводнымъ и не пустыннымъ. Туркестанская область покорена благодаря тому что къ дѣйствію со стороны Оренбурга присоединилось дѣйствіе изъ Западной Сибири. Чѣмъ было укрѣпленіе Вѣрное въ военномъ отношеніи, тѣмъ должна сдѣлаться въ торговомъ отношеніи мѣстность вокругъ озера Балхаша, если только Иртышъ будетъ соединенъ удобнымъ и дешевымъ путемъ съ Камой и чрезъ нее со всею системой путей сообщеній Европейской Россіи. Тогда Иртышъ пріобрѣтетъ важное коммерческое значеніе. Онъ для этого имѣетъ всѣ условія, не исключая и каменнаго угля, залегающаго, какъ упоминаетъ г. Богдановичъ, на лѣвомъ берегу его, 500 верстъ выше Омска, толщиной до 8 аршинъ, на глубинѣ не болѣе аршина или даже полуаршина. Тогда народное богатство Россіи извлечетъ полную выгоду и изо всего обилія сибирскихъ водяныхъ путей. Уже теперь на водахъ Западной Сибири работаютъ до 20 пароходовъ имѣющихъ въ сложности 1,325 силъ. До сихъ поръ сибирская торговля находилась въ большой зависимости отъ дѣла, которое поддерживалось искусственно. Кяхтинскій чай теперь теряетъ свое значеніе для Сибири. Но утраченное возместится сторицей, если Сибирь будетъ отправлять въ Европейскую Россію собственные продукты, и если произведенія нашихъ фабрикъ найдутъ себѣ правильный, отъ искусственныхъ мѣръ не зависящій сбытъ въ Среднюю Азію и обширныя страны западнаго Китая, причемъ главною артеріей сдѣлается Иртышъ. Что въ предметахъ отпуска Сибирь не будетъ имѣть недостатка, о томъ свидѣтельствуютъ цѣны. Г. Богдановичъ говоритъ, что въ ноябрѣ прошлаго года въ Тюмени были рады отдать баранину по 10 к. за пудъ, но не находилось покупателей; отъ Тюмени до Москвы не болѣе полуторы тысячи верстъ: еслибы была желѣзная дорога, эта тюменская баранина обошлась бы въ Москвѣ по 50 к. пудъ. Обыкновенная цѣна говядины въ Тюмени зимой отъ 60 до 80 коп. пудъ; тамошняя солонина обошлась бы съ доставкой въ Москву отъ 3 до 4 к. фунтъ. О рыбѣ мы уже не говоримъ. Но нельзя не упомянуть о русскомъ Алтаѣ, гдѣ на небольшомъ пространствѣ есть все: золото, серебро, мѣдь, свинецъ, желѣзная руда, яшма, малахитъ, порфиръ, аквамаринъ, и наконецъ глауберова соль, необыкновенно чистая, содержаніемъ въ 94%. Соль эта самосадочная въ Боровыхъ озерахъ, въ 120 верстахъ отъ Иртыша. Г. Богдановичъ прибавляетъ, что ежегодная добыча ея можетъ, какъ говорятъ, простираться до милліона пудовъ, и что, по слухамъ, глауберова соль находится еще ближе къ Иртышу, въ другихъ озерахъ, не болѣе 18 верстъ отъ берега.

Съ другой стороны и на Камѣ можетъ развиться живая дѣятельность, если Кама соединится съ уральскими заводами и Иртышомъ посредствомъ рельсовъ. По мнѣнію г. Богдановича, каменный уголь изъ дачъ Всеволожскихъ, близь села Александровскаго, въ Соликамскомъ уѣздѣ, можетъ придти къ Сарапулю на Камѣ не дороже 6–7-ми коп. за пудъ. Здѣсь стало-быть самое удобное мѣсто для передѣлки уральскаго чугуна на желѣзо, ибо, какъ замѣчаетъ г. Богдановичъ, выгоднѣе будетъ доставить по желѣзной дорогѣ $1^1/_2$ пуда чугуна на Каму, нежели везти къ заводамъ 3 пуда угля и приготовленный на этомъ углѣ изъ $1^1/_2$ пуда чугуна пудъ желѣза. На ряду съ заводскимъ дѣломъ, берега Камы должны получить въ недалекомъ будущемъ и новое торговое значеніе. Не подлежитъ сомнѣнію, что съ довершеніемъ сѣти внутреннихъ желѣзныхъ дорогъ Европейской Россіи, большая Нижегородская ярмарка утратитъ свое значеніе, но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы посредничество между востокомъ и западомъ могло уже теперь обойдтись безъ пособія ярмарокъ. Желѣзныя дороги произведутъ только то дѣйствіе, что отбросятъ пунктъ удобный для ярмарочнаго торга далѣе на востокъ, и легко предвидѣть, что этимъ пунктомъ, вмѣсто устья Оки, должно оказаться устье Камы. Предусматривая этотъ естественный ходъ дѣлъ (отъ котораго, впрочемъ, пострадаетъ только нижегородская ярмарка, а не самый городъ Нижній, потому что въ немъ ярмарочныя торговыя дѣла размѣстятся на цѣлый годъ, что будетъ городу еще выгоднѣе), нельзя не желать, чтобы рельсовый путь, имѣющій соединить Каму съ Турой, многоводнымъ притокомъ Иртыша, примкнулъ къ Камѣ въ пунктѣ по возможности близкомъ къ ея устью. Въ этомъ отношеніи Сарапуль несравненно выгоднѣе чѣмъ Пермь. Скоро ли будетъ сооружена желѣзная дорога изъ Сарапуля въ Ниж-

ній, этотъ вопросъ можно оставить совершенно въ сторонѣ, хотя и его нельзя не имѣть въ виду. Само собой понятно, что Сарапуль легче соединить рельсами съ Нижнимъ чѣмъ Пермь. Къ тому же рельсовый путь изъ Перми въ Нижній не могъ бы миновать Казани, а слѣдовательно непремѣнно получилъ бы направленіе криволинейное, между тѣмъ какъ Казань лежитъ на прямой линіи изъ Сарапуля въ Нижній. Но не упуская изъ виду отдаленной возможности сооруженія желѣзной дороги отъ Сарапуля къ Нижнему, надобно принять иныя, съ ближайшими интересами тѣснѣе связанныя основанія для разрѣшенія вопроса о наивыгоднѣйшемъ направленіи линіи между Камой и Турой, и однимъ изъ такихъ основаній должно быть, какъ сказано, предвидѣніе той важности, которую въ ближайшемъ будущемъ долженъ пріобрѣсть для русской внутренней торговли пунктъ сліянія Камы съ Волгой, послѣ того какъ Нижегородская ярмарка утратитъ свое значеніе, что̀ произойдетъ неизбѣжно и весьма скоро. Въ нашихъ глазахъ одно это соображеніе уже должно опредѣлить постройку желѣзной дороги изъ Тюмени не къ Перми, а къ Сарапулю, пункту болѣе южному и гораздо болѣе близкому къ устью Камы.

Мы не повторяемъ всѣхъ прочихъ соображеній, которыя могутъ быть приведены въ пользу направленія желѣзной дороги изъ Тюмени не на Пермь, а на Сарапуль. Они изложены подробно въ брошюрѣ г. Богдановича. Упомянемъ только о техническихъ преимуществахъ этой послѣдней линіи идущей по мѣстности столь удобной, что тутъ прежде предполагалось даже прорыть каналъ для соединенія сибирскихъ водъ съ водами волжской системы. Упомянемъ также, что эта послѣдняя линія направляется на главный городъ уральскаго горнаго района, Екатеринбургъ, по справедливости славящійся и своими заводами, и минеральными богатствами своихъ ближайшихъ окрестностей.

Г. Богдановичъ высчитываетъ, что предлагаемая имъ линія должна давать валоваго дохода слишкомъ по 10 т. р. на версту, разчетъ, можно сказать навѣрное, не преувеличенный, а напротивъ скорѣе слишкомъ скромный, если сравнить его съ разчетами другихъ желѣзно-дорожныхъ проектовъ, напримѣръ хотя бы новѣйшаго Грязе-Борисоглѣбскаго. По этому проекту, скажемъ кстати, оказывается, что Грязе-Борисоглѣбская дорога должна давать валоваго дохода никакъ не менѣе 19 т. р. на версту въ годъ, тогда какъ даже на Рязанской дорогѣ валовой доходъ только въ прошломъ году достигъ 15.000 р. на версту, а на Нижегородской онъ не превысилъ 12.000, на Козловской 10.000 р. Впрочемъ это маленькое преувеличеніе, о которомъ мы упоминаемъ мимоходомъ, не лишаетъ Грязе-Борисоглѣбской дороги правъ ея на сочувствіе, какъ за удачный выборъ направленія по плодороднымъ мѣстностямъ и по прямому пути къ озеру Эльтонскому въ одну сторону и къ Ригѣ въ другую, такъ и за первую попытку предпринять сооруженіе довольно значительной линіи (192 в.) довольствуясь субсидіей правительства въ 5 милліоновъ кред. рублей (въ счетъ номинальнаго капитала въ 13.440.000 р. металлическихъ) и не испрашивая правительственной гарантіи, а только выговаривая преимущественное право на правительственную гарантію по той линіи, которая будетъ въ послѣдствіи избрана правительствомъ какъ наиболѣе выгодное для государства продолженіе линіи Грязе-Борисоглѣбской. Правда, что это послѣднее условіе вводитъ насъ опять въ кругъ правительственной гарантіи, изъ котораго, благодаря Борисоглѣбскому земству, мы только было надѣялись выйдти, но уже и такой неопредѣленный и условный починъ въ новомъ пріемѣ составленія желѣзно-дорожнаго капитала заслуживаетъ живѣйшаго привѣтствія.

Б.

Вчера, въ передовой статьѣ нашей, мы говорили, что считаемъ себя въ правѣ не вѣрить нелѣпому извѣстію, пущенному въ ходъ парижскою *Presse*, будто бы Тюльерійскій дворъ обратился къ Вѣнскому съ предложеніемъ о пересмотрѣ Вѣнскихъ трактатовъ 1815 года, вслѣдствіе послѣднихъ распоряженій Императорскаго правительства относительно Царства Польскаго. Подтвержденіе словъ нашихъ мы находимъ въ полученныхъ нами сегодня французскихъ газетахъ; изъ нихъ мы видимъ, что въ общественномъ мнѣніи Франціи совершился переворотъ, далеко не благопріятный для Польши и полонофиловъ и, что̀ особенно замѣчательно, журналистика всѣхъ оттѣнковъ, и въ особенности демократическая, отличавшаяся всегда крайнимъ озлобленіемъ противъ Россіи, совершенно измѣнила свой тонъ.

Вотъ, напримѣръ, что̀ говоритъ *Epoque* по поводу слуховъ о перемѣнахъ въ Царствѣ Польскомъ:

„Ужели Россія не понимала, что въ этомъ „призрачномъ и ироническомъ титулѣ *Цар„ства Польскаго*, предоставленномъ стра„нѣ подчиненной ея законамъ, заключается „непрестанное возбужденіе къ безвыход„нымъ надеждамъ и къ кровавымъ столк„новеніямъ, и ужели она была не въ правѣ „исполнить въ административномъ отноше„ніи то что̀ было уже совершившимся фак„томъ въ отношеніи политическомъ? Намъ „возражаютъ,—повѣрятъ ли этому?—ссы„лаясь на трактаты 1815 года, которые „придали титулъ *Царства* русско-поль„скимъ губерніямъ. Трактаты 1815 года! „Да гдѣ они? И французскія газеты ссы„лаются на дипломатическое дѣло, къ раз„рушенію котораго мы безпрерывно стре„мились и которому надгробную рѣчь про„изнесли нѣкогда уста вѣнценосца! Какимъ „образомъ во Франціи можно говорить о „трактатахъ 1815 года, когда вся фран„цузская политика основана на упраздне„ніи этихъ трактатовъ? Будемъ же нако„нецъ послѣдовательны. Не станемъ ссы„латься съ одной стороны на то, что̀ отри„цаемъ съ другой. Мы слышали, что по„слѣднія рѣшенія Русскаго Императора за„тронули щекотливость Франціи и нѣсколь„ко озаботили правительство. Мы не зна„емъ, дѣйствительно ли это такъ, но да „позволено намъ будетъ спросить, на ка„комъ основаніи, въ политическомъ и гео„графическомъ отношеніяхъ, окончатель„ное приравненіе бывшаго *Царства Поль„скаго* къ прочимъ губерніямъ Россійской „Имперіи можетъ сдѣлаться новымъ элемен„томъ потрясеній для европейскаго равно„вѣсія?“

Далѣе *Epoque* выражается еще опредѣлительнѣе:

„Если фактъ положительный, неопровер„жимый, противъ котораго безсильны всѣ „на свѣтѣ возраженія, а именно: Польша „отдана была Европой Россіи, и нынѣш„ній Русскій Императоръ имѣетъ полное „право, какъ имѣлъ это право его предше„ственникъ, и будетъ имѣть его преемникъ, „поддерживать надъ Польшей власть дан„ную ему Европой.“

Въ *Courrier français*, органѣ крайней демократической партіи, находимъ заявленіе въ этомъ смыслѣ, еще болѣе рѣзкое. „Много толкуютъ,“ говоритъ эта газета, „о „протестѣ, будто бы адресованномъ отъ „Тюльерійскаго кабинета Русскому прави„тельству по поводу дѣйствій Россіи отно„сительно Польши. До тѣхъ поръ, пока не „получимъ болѣе достовѣрныхъ извѣстій, „мы отказываемся вѣрить подобной нелѣ„пости, которая повела бы къ новымъ и „запутаннымъ предпріятіямъ въ пользу воз„рожденія Польши;—*что касается до насъ, „то мы не понимаемъ изъ какой безумной „сентиментальности стараются этому „мертвому дѣлу придать популярность во „Франціи.*“

То же самое повторяется и въ департаментскихъ газетахъ: такъ напримѣръ въ *Journal de Niçe*, по поводу протестовъ и заявленій польскихъ комитетовъ, сказано: „Все, что̀ Франція можетъ сдѣлать для По„ляковъ, должно ограничиться обезпечені„емъ имъ гостепріимства, предоставляюща„го имъ права гражданъ. При нынѣшнемъ „положеніи Европы, польскихъ эмигрантовъ „не слѣдуетъ обольщать надеждой, кото„рая никогда не сбудется: Франція не сдѣ„лаетъ для нихъ ни малѣйшей попытки, и „теперь еще менѣе чѣмъ до возстанія.“

№ 72.

Москва, 5-го апрѣля.

Никогда настроеніе европейской политики и вслѣдъ за ней общественнаго мнѣнія не было такъ миролюбиво какъ въ сію минуту. Печать во Франціи, откуда обыкновенно ожидаются замыслы опасные для спокойствія Европы, наперерывъ свидѣтельствуетъ о миролюбіи Франціи, о ея готовности всѣми зависящими отъ нея способами содѣйствовать сохраненію и упроченію мира. Всякій намекъ на какіе-либо войнолюбивые замыслы французской политики отметается съ негодованіемъ. Самыя вооруженія объясняются ничѣмъ инымъ какъ желаніемъ обезпечить миръ при новыхъ условіяхъ европейскаго равновѣсія. Всѣ вопросы, которые могли бы возбудить разногласіе между дворами, или обращаются въ свое первобытное ничтожество, откуда иногда вызываетъ ихъ политическая интрига, или тщательно устраняются. Даже тѣ изъ нихъ, которые имѣютъ дѣйствительное назначеніе, которые созрѣли для рѣшенія и требуютъ его во имя самыхъ существенныхъ интересовъ европейскаго по-

рядка, отодвигаются и заглушаются, и рѣшеніе ихъ отсрочивается на неопредѣленное время.

Мы не имѣемъ повода сомнѣваться въ искренности этого миролюбія, столь настойчиво заявляемаго, и причину его находимъ въ самомъ положеніи дѣлъ, которое теперь образовалось въ Европѣ. Сами собою, независимо отъ полуразрушенныхъ и утратившихъ свою силу международныхъ трактатовъ, которыми былъ установленъ доселѣ господствовавшій порядокъ вещей въ Европѣ, сложились новыя условія ея равновѣсія, основаннаго на распредѣленіи дѣйствительныхъ силъ. Никакая война, справедливая или несправедливая, при теперешней комбинаціи ихъ, невозможна. Совершившіеся факты вступили въ свою силу, и пока не произойдетъ чего-либо новаго въ отношеніяхъ между державами, либо во внутреннемъ ходѣ дѣлъ той или другой изъ нихъ, можно надѣяться на сохраненіе мира, который обезпечивается такимъ образомъ не личными взглядами или чувствованіями, а самою силой вещей.

Особенный интересъ въ настоящее время представляютъ дѣла въ Германіи. Здѣсь образовался совершенно новый порядокъ вещей, о которомъ незадолго предъ симъ нельзя было и мечтать; но порядокъ этотъ еще не сложился окончательно, не вполнѣ упрочился и находится на пути развитія, гдѣ могутъ еще встрѣтиться разныя случайности. Сѣверо-германскую конфедерацію нельзя считать окончательною формулой Германіи. Что̀ будетъ дальше, какой характеръ примутъ отношенія этой конфедераціи къ южно-германскимъ государствамъ, какъ далеко можетъ быть подвинуто дѣло объединенія Германіи, какъ оно будетъ соглашено съ ея внутренними интересами и международными отношеніями, вотъ вопросы, которые теперь находятся на очереди, но которые въ настоящее время не представляютъ ничего угрожающаго спокойствію Европы.

Въ ходѣ германскихъ дѣлъ за послѣднее время нельзя не замѣтить той удивительной ироніи, которую такъ часто обнаруживаетъ исторія въ развитіи своихъ событій. Въ сѣверо-германскомъ парламентѣ одинъ изъ депутатовъ высказалъ мнѣніе, что государи южной Германіи не очень расположены присоединиться къ Сѣверо-Германскому Союзу, тогда какъ населеніе южной Германіи желаетъ этого присоединенія по причинѣ либеральнаго порядка вещей, водвореннаго Пруссіей въ сѣверной Германіи. Графъ Бисмаркъ счелъ нужнымъ возразить на это заявленіе слѣдующими словами:

„Если въ настоящее время южные Нѣмцы не хотятъ идти на встрѣчу сѣверу, „то единственно потому, что сѣверъ кажется имъ слишкомъ либеральнымъ. Великое герцогство Баденское есть самое „либеральное изъ южныхъ нѣмецкихъ государствъ, и потому оно желаетъ присоединиться къ сѣверу; противится этому „присоединенію только реакціонная партія, „что̀ доказывается послѣдними выборами. „Еслибы сдѣлать южной Германіи нѣкоторыя уступки, согласившись, напримѣръ, „на сохраненіе учрежденія въ родѣ того, „которое теперь отмѣняется въ Австріи „(то-есть конкондарта изъ законовъ о преподаваніи въ училищахъ), то можетъ-быть „мы добились бы и въ южной Германіи „большинства въ пользу присоединенія.“

Въ заключеніе графъ Бисмаркъ сказалъ, что „онъ не берется предрѣшать вопросъ, „точно ли всегда и во всемъ слѣдуетъ давать предпочтеніе либеральной политикѣ.“

Мы приводимъ эти слова не для того чтобъ оспаривать точность фактовъ, которые подтверждаются ими. Къ великому герцогству Баденскому, на которое указалъ г. фонъ-Бисмаркъ, мы присовокупимъ королевства Виртембергское и Баварское, гдѣ реакціонная партія не опускаетъ ни малѣйшаго случая, дабы противопоставлять оплоты унитарному движенію. Кровопролитное столкновеніе, недавно случившееся въ Трауэнштейнѣ (въ Баваріи), гдѣ исполненіе военно-союзныхъ постановленій вызвало народное возстаніе, сопровождавшееся криками „мы не хотимъ быть Пруссаками,“—было очевидно дѣломъ клерикальной и реакціонной партіи, встревоженной излишне либеральными тенденціями, преобладающими повидимому въ Сѣверномъ Союзѣ. Все это неоспоримо, но странно то обстоятельство, что подобное обиліе либерализма обнаруживается въ конфедераціи, которая совершенно справедливо можетъ почитаться исключительнымъ и личнымъ дѣломъ государственнаго человѣка, бывшаго не далѣе какъ два года назадъ отъявленнымъ и признаннымъ вождемъ партіи самой реакціонной, самой антилиберальной въ мірѣ,—партіи берлинскихъ юнкеровъ. Но еще замѣчательнѣе то, что

этотъ же самый государственный человѣкъ, провозглашая теперь столь радикальный переворотъ, не берется высказать свое мнѣніе о достоинствѣ либеральнаго начала, которымъ самъ же пользуется въ настоящее время, несмотря на то что прежде велъ противъ него ожесточенную борьбу.

Въ апрѣлѣ 1866 года, глава феодальной партіи въ Пруссіи, графъ Бисмаркъ, находился въ явной борьбѣ съ лѣвою стороной и центромъ прусскаго національнаго представительства. Всякому неблагопріятному для правительства постановленію палатскаго большинства онъ противопоставлялъ положеніе высокомѣрное и вызывательное, оказывалъ явное презрѣніе къ рѣшеніямъ палаты, и когда послѣдняя отказывала въ требуемыхъ имъ суммахъ, самовольно бралъ деньги въ государственномъ казначействѣ. Но въ то же время, дѣйствуя какъ бы непослѣдовательно, онъ подкапывалъ основы собственной партіи, совѣтовалъ прибѣгнуть ко всеобщей подачѣ голосовъ, соединялся съ одной стороны съ германскими унитаристами, съ другой—съ италіянскими. Послѣ побѣды при Кениггрецѣ и послѣ Пражскаго мира, онъ не только не воспользовался своими успѣхами въ пользу феодализма, но принялся возстановлять все что прежде втаптывалъ въ грязь, и наоборотъ отрекся отъ всего чему прежде поклонялся. Онъ просилъ и добился отпущенія за свои старые парламентскіе грѣхи, и смѣло обратился ко всеобщей подачѣ голосовъ, дабы созвать учредительное собраніе. Ни одинъ изъ самыхъ испытанныхъ англійскихъ министровъ партіи виговъ не явилъ бы столь много покорности и уваженія къ конституціи сколько оказалъ бывшій вождь юнкеровъ этому собранію, столь быстро учредившему сѣверогерманскую конфедерацію. Послѣ всего этого въ Берлинѣ дѣйствуютъ наконецъ, вмѣсто одного, три парламента: вопервыхъ, собственно прусскій, потомъ федеральный и наконецъ таможенный. Такимъ образомъ графъ Бисмаркъ, изъ всѣхъ министровъ міра, наиболѣе враждебный парламентскому управленію, стоитъ теперь лицомъ къ лицу съ тремя собраніями, въ которыхъ ему приходится играть самую видную роль, и слова, имъ высказанныя относительно значенія либерализма, свидѣтельствуютъ, что при исполненіи этой тройственной обязанности онъ не будетъ почерпать ни въ какой изъ тѣхъ силъ, которыя нужны ему для довершенія предпринятаго имъ дѣла, а будетъ сообразоваться съ теченіемъ дѣлъ.

Мы совершенно согласны, что смыслъ и сила вещей заключаются не въ либеральной или консервативной доктринѣ. То что называется либерализмомъ или консервативностію есть не иное что какъ отвлеченности, которыя не имѣютъ прямаго отношенія къ дѣлу и не могутъ служить формулой для жизни и ея требованій. Только поверхностные или тупые и ученическіе умы порабощаются школьнымъ абстракціямъ, и изъ-за нихъ не видятъ дѣйствительности. Умы самостоятельной мысли и творческаго дѣйствія, призванные двигать событіями, руководствуются не школьными предвзятыми доктринами, какое бы ни носили онѣ заглавіе, а интересами того цѣлаго, которому служатъ, требованіями той жизни, которая находитъ въ нихъ свой органъ, наставленіями той идеи, которая заключается въ задачѣ ихъ эпохи. Національная политика, какъ и всякое живое дѣло, не можетъ быть доктринерствомъ какого бы то ни было свойства; она создаетъ новыя понятія и раздвигаетъ горизонтъ воззрѣній; она въ одно и то же время и можетъ и должна быть какъ либеральною, такъ и консервативною, по скольку то и другое требуется благомъ цѣлаго и интересами жизни. Но съ другой стороны живое разумѣніе дѣйствительныхъ требованій и служеніе задачамъ своего времени не исключаетъ твердыхъ правилъ обязательныхъ всегда и вездѣ; напротивъ, оно въ нихъ имѣютъ свою силу, ибо въ нихъ заключается основаніе всякаго положенія дѣлъ. Истинное политическое искусство не состоитъ въ томъ, чтобъ отбросить всѣ принципы, освободиться отъ всякаго убѣжденія и считать правымъ пріобрѣтеніемъ все что попадетъ подъ руку. Надобно удостовѣриться, всегда ли однѣ и тѣ же причины будутъ сопровождаться одними и тѣми же дѣйствіями, и нѣтъ ли смертоносныхъ зародышей въ созданіяхъ, которыя не оживотворяются никакимъ принципомъ, и не знаменуются никакою идеей. Графъ Бисмаркъ не берется предрѣшать вопросъ, заключается ли превосходство вообще въ либерализмѣ; мы также не беремся рѣшить что чего превосходнѣе; но мы можемъ не колеблясь утверждать, что совершенное отсутствіе какого бы то ни было принципа есть уже само по себѣ великій и опасный недостатокъ. Никакими игольчатыми ружь-

ями, никакими нарѣзными пушками нельзя замѣнить отсутствіе этого условія, существенно необходимаго для всякаго политическаго созданія. Доказательство этому мы отчасти видимъ въ тѣхъ самыхъ явленіяхъ, на которыя указываетъ г. фонъ-Бисмаркъ. Въ умахъ южныхъ нѣмецкихъ населеній, которыя недавно еще пламенно желали объединенія Германіи, обнаруживается реакція. Даже въ расположеніи большей части жителей сѣверной Германіи можно замѣтить нѣкоторую холодность, если не попятное движеніе. Повсюду обнаруживаются сожалѣнія, опасенія, колебанія; повсюду задаютъ себѣ вопросъ: Пруссія ли поглотитъ Германію или Германія Пруссію, то-есть что̀ возьметъ верхъ: берлинскій ли цезаризмъ, или германскій либерализмъ?

№ 73.

Москва, 6-го апрѣля.

Органы Вѣнскаго кабинета не упускаютъ ни малѣйшаго случая обнаружить свое недоброжелательство къ Россіи. Кромѣ офиціальныхъ разоблаченій *Красной* австрійской книги, самый языкъ вѣнскихъ газетъ, болѣе или менѣе получающихъ внушенія изъ офиціальныхъ сферъ, ежедневно свидѣтельствуетъ объ избыткѣ ненависти къ Россіи. Такъ, напримѣръ, въ *Neue Freie Presse*, по поводу нашихъ сношеній съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами, напечатана недавно исполненная желчи статья, въ которой что̀ слово, то ложь, и въ которой явно высказалось желаніе поссорить насъ съ нашими заатлантическими друзьями. Упомянутая газета, утверждая будто американскій конгрессъ отказывается заплатить условленную за уступленныя нами колоніи сумму, не можетъ скрыть радости, внушаемой ей химерическою надеждой, что „эта сдѣлка, имѣвшая цѣлью скрѣпить союзъ Россіи съ Америкой, поведетъ къ столкновенію между двумя *юными гигантами.*“

Journal de St.-Pétersbourg опровергъ это извѣстіе. Въ статьѣ, которую мы воспроизвели въ нашей газетѣ третьяго дня, органъ министерства иностранныхъ дѣлъ объясняетъ причины замедлившія на нѣсколько дней исполненіе требуемыхъ формальностей, и присовокупляетъ. „Конечно, такой поступокъ былъ бы кстати для „органовъ, его выдумавшихъ и возвѣщающихъ о немъ, но онъ не согласуется съ „правилами и обычаями великаго народа, „который никогда не измѣнялъ своимъ „обязательствамъ и всегда блюлъ свою „честь и кредитъ.“ Отъ всѣхъ басенъ разглашенныхъ вѣнскою газетой, на лицо остается только новая демонстрація недружелюбныхъ чувствованій австрійской печати. Существованіе этой непріязни не удивляетъ насъ. Въ этомъ отношеніи, мы знаемъ чего держаться; но нельзя не подивиться неловкости и ребячеству, съ какими эти непріязненныя чувствованія заявляются. Очень понятно, если не совсѣмъ извинительно, что газеты *Debatte* или *Abendpost* упорствуютъ толковать о происках русскихъ агентовъ на Востокѣ,“ „о любостяжательныхъ замыслахъ Петербургскаго кабинета:“ вслѣдствіе неопредѣленности такихъ обвиненій не легко уловить ихъ, а по теоріи Донъ-Базиліо отъ клеветъ этого рода все-таки хоть что-нибудь да останется. Понятно также почему *Mémorial duplomatique*, отъявленный органъ австрійскаго посольства въ Парижѣ, старается выставить недавно принятыя Императорскимъ правительствомъ въ польскихъ губерніяхъ административныя мѣры вызовомъ брошеннымъ всей Европѣ и нарушеніемъ трактатовъ: понятно, почему этотъ журналъ утверждаетъ, что на обѣдѣ у принца Наполеона, графъ Валевскій провозгласилъ тостъ за возстановленіе Польши, и что всѣ присутствовшіе (60 человѣкъ) сердцемъ и словомъ „присоединились къ этому возглашенію.“ Это можетъ произвести эффектъ въ Галиціи, доставить г. фонъ-Бейсту нѣсколько благопріятныхъ постановленій въ нѣдрахъ многочисленныхъ парламентовъ и делегацій нынѣшней Австріи,—можетъ пожалуй повести къ недоразумѣніямъ между Россіей и Франціей, недоразумѣніямъ, изъ которыхъ Вѣнскій кабинетъ ласкается надеждой извлечь выгоду для своихъ дѣйствительно любостяжательныхъ замысловъ на Востокѣ. Но утверждать ни съ того, ни съ сего, будто цѣлый великій народъ хладнокровно намѣревается объявить себя злостнымъ банкротомъ, будто онъ хочетъ уклониться отъ уплаты долга свободно и добровольно заключеннаго,—высказывать подобныя увѣренія съ полнымъ сознаніемъ, что они не могутъ не быть опровергнуты,—это такъ неразумно, что перестаетъ

быть злымъ, или такъ зло, что теряетъ всякій смыслъ. Если г. фонъ-Бейстъ только на это употребляетъ пять сотъ тысячъ гульденовъ, разрѣшенныхъ ему на журнальные расходы, то надобно сознаться, что онъ дѣлаетъ изъ этихъ денегъ употребленіе вовсе не назидательное и не выгодное, и мы обращаемъ на этотъ фактъ вниманіе почтенныхъ членовъ обѣихъ делегацій, которыя призваны разыгрывать въ Вѣнѣ парламентскую пантомину, по либретто австро-саксонскаго государственнаго мужа.

Journal de St.-Pétersbourg утверждаетъ, „что сношенія между Россіей и Америкой „не подверглись ни малѣйшей перемѣнѣ.“ Доказательствомъ этому можетъ служить слѣдующій фактъ, о которомъ извѣщаютъ только что полученные американскіе журналы.

Секретарь посольства Соединенныхъ Штатовъ въ Петербургѣ, г. Іеремія Куртинъ, пріѣхавъ въ отпускъ въ Америку, былъ принятъ въ родномъ городѣ своемъ Мильвоки (въ штатѣ Висконсинѣ) съ изъявленіями живѣйшаго сочувствія. Сограждане этого дипломата хотѣли выразить ему свою признательность за то что онъ какъ нельзя лучше исполнилъ возложенное на него порученіе. Торговая палата города Мильвоки, одного изъ самыхъ многолюдныхъ и цвѣтущихъ городовъ Союза, препроводили къ г. Куртину адресъ, въ коемъ сказано, между прочимъ, слѣдующее:

„Ваше присутствіе среди насъ доставляетъ намъ величайшее удовольствіе, ибо намъ не безызвѣстно, что вы исполнили какъ нельзя лучше ваши обязанности, и что къ воспитанію полученному вами въ своемъ отечествѣ вы присоединили знаніе русскаго языка, что дало вамъ возможность вступить въ личное соприкосновеніе съ русскою націей и вполнѣ ознакомиться съ этою интересною страной... Такъ какъ вы вскорѣ воротитесь въ Россію, то всѣ мы, купцы и дѣловые люди этого города, котораго ежегодные обороты простираются до 110 милліоновъ долларовъ, хотя онъ находится въ тысячѣ миль отъ Атлантическаго океана, у цѣпи Великихъ Озеръ, всѣ мы просимъ васъ засвидѣтельствовать предъ Императоромъ Всероссійскимъ нашу признательность за Его благородныя усилія въ пользу человѣческаго прогресса, за доброту и дружелюбіе оказываемыя имъ Америкѣ, и поручаемъ вамъ донести Его Величеству, что мы искренно молимъ Бога о Его благоденствіи въ настоящее и будущее время.“

Г. Куртинъ, поблагодаривъ своихъ согражданъ за вниманіе оказанное ему лично, продолжалъ слѣдующимъ образомъ:

„Вы говорили, господа, что Американцы желаютъ счастія Россіи и питаютъ глубочайшее уваженіе къ великодушному и просвѣщенному Монарху управляющему судьбами этой страны. Въ доказательство того, что эти чувствованія питаются, обоюдно, я не могу привести ничего лучше и возвышеннѣе, какъ слова князя Горчакова, знаменитаго канцлера этой великой имперіи, произнесенныя имъ на прощальномъ обѣдѣ, данномъ въ 1866 году г. Фоксу. „Когда наши друзья,“ сказалъ канцлеръ, „возвратятся домой, пусть они увезутъ отъ насъ и сохранятъ воспоминанія, „подобныя тѣмъ, которыя оставляются ими „между насъ. Прошу ихъ сказать своимъ „согражданамъ, что есть на свѣтѣ великій народъ, который никогда не забудетъ „свидѣтельствъ сочувствія, явленныхъ ими „его Государю,—народъ, который никогда „не забудетъ, что въ исторіи обѣихъ націй была минута, когда Русскіе и Американцы жили одною и тою же жизнію, „когда наши отдаленные друзья раздѣляли наши ощущенія и наши радости.... „Въ продолженіе трехъ слишкомъ лѣтъ, „проведенныхъ мною въ Россіи,“ продолжалъ г. Куртинъ, „я слѣдилъ съ величайшимъ вниманіемъ и живѣйшимъ интересомъ за совершеніемъ реформъ самыхъ обширныхъ, всеобъемлющихъ и заслуживающихъ удивленіе и сочувствіе всѣхъ друзей человѣческаго прогресса. Эти реформы начались воззваніемъ Императора къ народу, дабы онъ призвалъ благословеніе Божіе на трудъ, которому возвращена на будущее время свобода, то-есть на самое вѣрное обезпеченіе національной свободы и общественнаго благосостоянія. За этимъ великимъ событіемъ послѣдовало учрежденіе земскихъ собраній, полная реформа судебной системы, съ учрежденіемъ присяжныхъ, выборныхъ мировыхъ судей и улучшенною системой законной защиты. Печать была освобождена отъ предварительной цензуры, и уже теперь русская журналистика и литература могутъ соперничать со всѣмъ что есть лучшаго въ этомъ отношеніи въ Европѣ. Журналы могутъ законно обсуждать всѣ важные вопросы.

Защитникамъ права подачи голоса женщинами въ Америкѣ не безынтересно будетъ знать, что женщины, имѣющія поземельную собственность въ Россіи, могутъ подавать голосъ при выборахъ наравнѣ съ мущинами, и что слѣдовательно въ этомъ отношеніи мы отстали отъ Русскихъ на либеральномъ пути. Дворяне и землевладѣльцы въ Россіи заслужили благодарность человѣчества за усердіе и добросовѣстность, оказанныя ими при введеніи въ силу этихъ реформъ. Считаю долгомъ, наконецъ, упомянуть въ сей торговой палатѣ о дѣловыхъ людяхъ Россіи, особенно же объ умныхъ и патріотическихъ московскихъ негоціантахъ, которые оказали столь великолѣпное гостепріимство нашему чрезвычайному посольству."

Итакъ, не во гнѣвъ газетѣ *Neue Freie Presse*, „два юные гиганта" можетъ-быть еще очень далеки отъ столкновенія о которомъ она возвѣщаетъ.

Г. Скайлеръ, консулъ Соединенныхъ Штатовъ въ Москвѣ (недавно прибывшій сюда, и, замѣтимъ мимоходомъ, еще въ Нью-Йоркѣ такъ ознакомившійся съ русскимъ языкомъ, что былъ въ состояніи перевести на англійскій языкъ, — и перевести превосходно романъ г. Тургенева: *Отцы и дѣти)* проситъ насъ заявить: что сообщенное въ *Journal de Paris* извѣстіе объ удаленіи отъ должности генерала Клея, посланника Соединенныхъ Штатовъ при нашемъ дворѣ, положительно ложно. Г. Клей не былъ ни *удаленъ*, ни *принужденъ* выйдти въ отставку, а также и не имѣлъ *никакихъ сношеній* съ Вашингтонскимъ сенатомъ. Вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, относящихся къ его семейству и его частнымъ дѣламъ, г. Клей просилъ объ увольненіи *по своему собственному желанію*, и остается въ Россіи до прибытія его преемника, который еще не назначенъ.

№ 74.

Москва, 8-го апрѣля.

A.

Въ новой петербургской газетѣ *Новое Время*, издаваемой г. Киркоромъ, бывшимъ редакторомъ *Виленскаго Вѣстника*, и г. Юматовымъ, бывшимъ редакторомъ *Вѣсти*, сдѣланы недавно ядовитыя нападки и на новое судоустройство, и на личный составъ новыхъ судовъ въ Россіи. Выписываемъ нѣсколько тирадъ:

„Итакъ, что дѣлаютъ наши любвеобильные судьи,—эти гордые своимъ высокимъ развитіемъ и образованіемъ ученики Бентамовъ и Миттермайеровъ, — судьи *пользующіеся несмѣняемостью*, творящіе судъ гласно и публично, во имя правды и милости?

„Что должны мы думать объ этихъ представителяхъ нашей молодой, нашей обновленной судебной корпораціи? Тѣ ли это люди, которые еще такъ недавно отличались своею избыточною, всеобъемлющею гуманностью? Тѣ ли это люди, о которыхъ было столько разсказовъ, свидѣтельствовавшихъ о томъ, что воры,—нерѣдко съ грабежомъ и разбоемъ,— могли выходить изъ суда или совсѣмъ оправданными, или подвергались лишь самымъ ничтожнымъ взысканіямъ?...

Въ паѳосѣ своей благонамѣренности эта газета поминаетъ о какихъ-то „*болѣзненныхъ* филантропическихъ припадкахъ судебной сантиментальности," проявлявшихся вопреки *интересамъ благоустроеннаго государства*, и намекая повидимому на извѣстный петербургской публикѣ случай признанія умопомѣшательства, замѣчаетъ о порицаемыхъ ею членахъ Шуйскаго суда:

„У нихъ не было желанія поручить медицинскому наблюденію дряхлаго, слабоумнаго старика; а между тѣмъ, еще такъ недавно наши новые судьи — люди новой школы и новыхъ взглядовъ — приходили именно къ этому самому выходу въ другихъ уголовныхъ случаяхъ, и быть-можетъ съ гораздо меньшимъ основаніемъ. Такъ вырывается изъ нашей общественной жизни иной фактъ, который рельефно выступаетъ и бьетъ въ глаза холоднаго наблюдателя нашего смутнаго безотчетнаго либерализма и нашей гуманной безпорядочности."

Этотъ иной фактъ, по словамъ *Новаго Времени*, состоитъ въ томъ, что „преслѣдованіе раскола и его убѣжденій идетъ со стороны нашего новаго судебнаго сословія." „Судьи, ссылаясь, конечно, на одну изъ статей закона, приговариваютъ къ наказанію плетьми дряхлаго старика раскольника за побѣгъ съ мѣста ссылки." „Приговоръ *терроризировалъ* толпу." „Плети, плети," раздавался въ залѣ сдержанный шепотъ. Не безъ удивленія при этомъ упоминается, что публика присутствовавшая въ судѣ не

позволила себѣ никакихъ демонстрацій. Судьи, пользующіеся несмѣняемостью, злоупотребили ссылкой на одну изъ статей закона; публика не злоупотребила публичностью суда только потому, что „впечатлѣніе было слишкомъ неожиданно, слишкомъ сильно."

Словомъ со всѣхъ сторонъ обнаруживается неудовлетворительность и даже государственная опасность новаго суда.

Въ чемъ же дѣло?

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда дѣйствовали еще суды стараго устройства, одинъ раскольникъ, по имени Шуминъ, пробрался въ церковь и похитилъ находившееся тамъ старинное, и слѣдовательно, драгоцѣнное для него Евангеліе. За это преступленіе (святотатство) онъ былъ сосланъ на каторгу, но ушелъ оттуда, былъ пойманъ и преданъ суду за побѣгъ. Окружной судъ въ Шуѣ разсматривалъ дѣло о побѣгѣ Шумина. Предъ судомъ былъ не раскольникъ или святотатецъ, а бѣглый каторжникъ, и онъ былъ приговоренъ къ наказанію 50 ударами плети.

Судъ рѣшалъ дѣло *безъ участія присяжныхъ*, а потому ему не оставалось ничего болѣе, какъ постановить свой приговоръ на точномъ основаніи закона; предъ нимъ былъ каторжникъ, убѣжавшій съ мѣста ссылки и законъ былъ ясенъ. Судъ могъ только просить о помилованіи, и намъ неизвѣстно было ли это сдѣлано Шуйскимъ окружнымъ судомъ.

„Мы не считаемъ себя призванными, говоритъ далѣе *Новое Время*, оспаривать юридическую сторону приведеннаго рѣшенія:" однако именно объ этомъ и идетъ рѣчь!

Если общественное мнѣніе имѣетъ право быть чѣмъ-либо недовольнымъ въ настоящемъ дѣлѣ, то никакъ не судомъ, а развѣ законодательствомъ. Но и съ этой стороны предметомъ неудовольствія можетъ быть *лишь* тотъ законъ, на основаніи котораго суды прежняго устройства приговорили Шумина въ каторжную работу, а никакъ не тотъ, который былъ примѣненъ Шуйскимъ окружнымъ судомъ и который относится къ преслѣдованію не „раскола и его убѣжденій," а побѣговъ съ каторги. Повсюду на свѣтѣ люди лишившіеся за преступленія своихъ гражданскихъ правъ подвергаются наказанію на тѣлѣ, потому что для присужденнаго въ каторгу, въ случаѣ дальнѣйшаго преступленія, не можетъ быть никакого другаго наказанія кромѣ тѣлеснаго или смертной казни. Какой же поводъ нашли редакторы *Новаго Времени* намекать, что тѣлесныя наказанія отмѣнены у насъ лишь на бумагѣ? „Грустно," говорятъ они, „намъ подумать, что „этотъ фактъ случился въ одной изъ под„московскихъ (sic) губерній, такъ близко „отъ той самой первопрестольной Москвы, „которая *желаетъ быть* Меккой и Меди„ной всего славянскаго міра. Что должны „сказать объ этомъ Погодины, Катковы и „другіе бойцы за величіе современной Рос„сіи? Что должны подумать наши недав„ніе славянскіе гости Палацкій и Ригеръ?" Соболѣзнованіе о Москвѣ и о бойцахъ за величіе современной Россіи совершенно лишнее, а недавніе славянскіе гости наши знаютъ европейскія законодательства и еслибы захотѣли обсуждать рѣшеніе Шуйскаго суда, то вѣрнѣе нашихъ публицистовъ нашли бы le défaut de la cuirasse. Они могли бы замѣтить, что тотъ законъ, на основаніи коего Шуминъ былъ приговоренъ прежними судами къ каторжной работѣ, слишкомъ суровъ въ отношеніи къ святотатцамъ, рѣшающимся на преступленіе не изъ корыстныхъ видовъ, а по фанатизму и суевѣрію, и противъ подобныхъ замѣчаній мы ничего не имѣли бы возразить. Напротивъ, мы припоминаемъ, что еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ мы имѣли случай высказать наше мнѣніе по дѣлу сходному съ первымъ преступленіемъ Шумина. Одинъ раскольникъ изъ секты *бѣгуновъ* вошелъ въ алтарь во время богослуженія, схватилъ потиръ съ престола, бросилъ его на полъ, пролилъ освященное вино, и растоптавъ потиръ ногами, кричалъ: „попираю мерзость Сатанину." Случай былъ еще гораздо болѣе возмутительный нежели похищеніе Евангелія. Но вотъ что мы говорили тогда:

„Можетъ ли такое нарушеніе святыни, такое оскорбленіе святѣйшихъ чувствованій цѣлаго народа остаться безъ послѣдствій для своего виновника? Конечно, нѣтъ: фанатизмъ или кощунство, дѣло это не можетъ остаться безъ заслуженной кары. Но въ чемъ должна состоять кара? Въ томъ ли чтобы довершить дѣло безумца удовлетвореніемъ его изступленной воли, исполненіемъ того дикаго желанія, которое побудило его къ этому поступку? Несчастный безумецъ искалъ мученическаго вѣнца, онъ хотѣлъ принести себя въ жер-

тву, онъ хотѣлъ освятить себя: дать ли ему этотъ вѣнецъ, дать ли ему испить этого блаженства лжесвятости, котораго онъ такъ жаждалъ?

„Подвергая виновнаго тѣмъ послѣдствіямъ, которыя онъ самъ имѣлъ въ виду, которыхъ онъ самъ добивался, мы лишаемъ кару ея значенія, какой бы ни держались мы теоріи наказаній. Если допустить, что поступокъ Заморина можетъ вызвать послѣдователей, то именно исполненіемъ надъ нимъ той кары, которой онъ самъ добивался, и можно вызвать этихъ послѣдователей. Духъ фанатизма, изъ котораго проистекаютъ подобныя явленія, можетъ только сильнѣе вспыхнуть отъ такихъ каръ, которыя въ глазахъ фанатиковъ—не кары, а исполненіе ихъ страстнаго желанія, удовлетвореніе ихъ изступленнаго чувства, вѣнецъ блаженства и святости въ ихъ помутившемся грубомъ разумѣніи. Самымъ вѣрнымъ средствомъ усилить духъ фанатизма было бы зажечь костры инквизиціи, какъ о томъ свидѣтельствуетъ исторія."

Мы далеко не считаемъ нормальными и удовлетворительными существующія у насъ отношенія между господствующею церковью и различными выдѣлившимися изъ нея ересями, но не можемъ не признать, что въ послѣдніе годы въ этомъ отношеніи сдѣлано уже довольно много. Полагаемъ, что весьма не безполезно, посредствомъ публичнаго обсужденія случаевъ подобныхъ настоящему, расчищать путь для болѣе полнаго осуществленія требованій вѣротерпимости въ нашемъ законодательствѣ, но думаемъ, что печать принимающая на себя подобную задачу должна прежде всего излагать факты какъ они есть, а не спутывать понятій и не бросать порицаній въ лицо тѣмъ, кто ихъ не заслуживаетъ. Если гг. Киркоръ и Юматовъ въ самомъ дѣлѣ сочувствуютъ предполагаемому, по слухамъ, переселенію въ Россію нѣсколькихъ раскольничьихъ семействъ, о чемъ они заявляютъ въ своей газетѣ, то имъ не слѣдовало бы дѣлать пугала изъ приговора Шуйскаго окружнаго суда и утверждать будто этимъ приговоромъ попраны всѣ понятія о вѣротерпимости, чего вовсе не было, потому что плети присуждены не раскольнику, а бѣглому каторжнику; напротивъ, имъ слѣдовало бы постараться о распространеніи этого сочувствія между ихъ читателями въ западномъ краѣ, гдѣ на переселеніе прусскихъ старообрядцевъ въ Ковенскую губернію многіе смотрятъ весьма неблагопріятно. Сочувствіе повело бы, конечно, къ желанію ознакомиться съ дѣломъ по вѣрнымъ, опубликованнымъ въ Россіи даннымъ, а не по баснямъ иностранныхъ корреспондентовъ *).

Наконецъ, если гг. Киркоръ и Юматовъ не желаютъ ослабленія притягательной силы великой славянской имперіи, если они радуются тому что „московская этнографическая выставка сдѣлала для пробужденія славянской идеи," и всему тому что въ Москвѣ будто бы „такъ искусно и осторожно создавалось," то имъ было бы надобно немножко измѣнить направленіе своей газеты.

Вотъ все что мы хотѣли сказать *Новому Времени* по поводу дѣла о раскольникѣ Шуминѣ; но полученный надняхъ другой нумеръ этой газеты даетъ намъ случай продлить нашу бесѣду съ нею. *Новое Время* заводитъ пѣснь на старый мотивъ, будто мы не допускаемъ никакихъ возраженій противъ нашихъ мнѣній, и будто наша газета „произносила, приго-„воры въ измѣнѣ не только противъ жур-„налистовъ несогласныхъ съ нею, но и про-„тивъ высшихъ правительственныхъ лицъ". Это послѣднее извѣстіе почтенные издатели *Новаго Времени*, конечно, вычитали въ извѣстномъ писаніи Шедо-Феротти, и въ статьяхъ, которыя служатъ этому писанію продолженіемъ и печатаются въ *Revue des deux Mondes*, за подписью г. де-Мазада. Ни наша, ни какая иная газета не получала никакихъ особыхъ полномочій. Наша газета начала такъ, какъ можетъ начать каждая русская газета, и точно съ такимъ же основаніемъ мы можемъ сказать, что *Новое Время* запрещаетъ возражать себѣ, какъ она приписываетъ намъ подобную шутовскую претензію. Мы высказываемъ наше мнѣніе, возражаемъ, оспариваемъ, и если въ томъ или другомъ случаѣ правда оказывается на нашей сторонѣ, то это не потому чтобы мы обладали какимъ-либо особымъ средствомъ убѣжденія кромѣ свойства тѣхъ интересовъ, которые намъ приходится защищать или силы доводовъ, на которые мы опираемся. Какою властію могли бы мы воспрепятствовать спорить съ нами?

*) См. въ послѣднемъ нумерѣ *Современной Лѣтописи* статью Н. С.

И будто кто-нибудь съ нами церемонится? Наконецъ есть ли въ Россіи люди, которые бы болѣе насъ ежедневно подвергались всевозможнымъ оспариваніямъ, нареканіямъ и оскорбленіямъ и въ туземной, и въ иностранной печати? *Новое Время* говоритъ, что мы обвиняли въ измѣнѣ тѣхъ, кто былъ съ нами не согласенъ. Однако мы не знаемъ никакой полиціи, которая была бы обязана приводить наши приговоры въ исполненіе. Пользуясь тою долей свободы въ обсужденіи вопросовъ законодательства и администраціи, которая предоставлена въ Россіи всякому, мы высказывались въ томъ смыслѣ, который намъ казался наиболѣе согласнымъ съ интересами государства, и вотъ можетъ-быть почему ни наши слова, ни наши мысли не бывали запутаны и нерѣдко встрѣчали сочувствіе. Намъ никогда не было надобности прибѣгать къ умолчаніямъ намекамъ и иносказаніямъ; мы никого лично не поддерживали, ни за кого не держались, никому и ничему не служили въ чемъ было бы не удобно публично признаться: вотъ почему нашъ голосъ бывалъ иногда смѣлъ и громокъ, и принуждалъ иныхъ къ молчанію. Не краснорѣчіе наше, не полемическое искусство, а тѣмъ меньше застращиванье дѣлали споръ съ нами для иныхъ неудобнымъ, а самое свойство тѣхъ началъ интересовъ, которые мы защищали.

Б.

Восточный вопросъ проходитъ по такимъ страннымъ фазамъ, что по поводу его встрѣчаются самыя невѣроятныя извѣстія. Давно ли Россія, Пруссія, Италія и Франція представляли Оттоманской Портѣ извѣстную коллективную декларацію, которая, повидимому, свидѣтельствовала о полномъ согласіи упомянутыхъ державъ по Восточному вопросу? Тогда измѣнила этому согласію Франція, уничтожившая своими послѣдующими дѣйствіями всю силу упомянутой деклараціи. Теперь новая странность, если вѣрить слѣдующей телеграммѣ, сообщенной изъ Лондона отъ 18-го апрѣля въ петербургскія газеты; вотъ что гласитъ эта телеграмма: „Берлинская корреспон„денція, напечатанная въ сегодняшнемъ „*Times*, извѣщаетъ, что графъ Бисмаркъ „отклонилъ сдѣланное ему императоромъ „Наполеономъ предложеніе относительно „общаго дѣйствія Франціи, Россіи и Прус„сіи по Восточному вопросу."

Что бы это значило? Ужели Пруссія отклоняетъ предложеніе Франціи, столь согласное съ ея прежнею политикой на Востокѣ, отъ того что соперничество между этими двумя державами не допускаетъ ихъ дѣйствовать сообща, несмотря на всѣ увѣренія ихъ офиціозныхъ органовъ, что онѣ пребываютъ въ нѣжной дружбѣ.

№ 75.

Москва, 9-го апрѣля.

Печатаемыя ниже извѣстія изъ сѣверо-западнаго края, заимствованныя изъ *Голоса*, запечатлѣны тѣмъ тревожнымъ настроеніемъ, которое весьма естественно вызывается слухами о предстоящей будто бы реакціи въ крестьянскомъ дѣлѣ того края. Мы далеки пока отъ мысли давать вѣру всѣмъ слухамъ по этому дѣлу первостепенной важности, и до сихъ поръ вовсе не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній объ упоминаемыхъ корреспондентомъ *Голоса* циркулярахъ. Съ 14-го марта,—дня въ который *Виленскій Вѣстникъ* объявилъ о прибытіи въ Вильну генерала Потапова,—въ этой газетѣ не напечатано ни одного циркуляра, хотя они, какъ пишутъ въ *Голосѣ*, слѣдуютъ одинъ за другимъ съ большою быстротой и имѣютъ повидимому серіозное значеніе. Корреспондентъ петербургской газеты замѣчаетъ не безъ основанія, что отмѣна воспрещенія работать въ праздники имѣетъ большую важность въ западномъ краѣ, потому что въ прежнее время крестьяне умышленно посылались на работы въ православные праздники и высокоторжественные дни, а чтить заставляли ихъ только праздники польскіе. Въ той же корреспонденціи встрѣчается извѣстіе будто вслѣдствіе поданныхъ помѣщиками прошеній множество выкупныхъ актовъ въ послѣдніе мѣсяцы возвращено министерствомъ внутреннихъ дѣлъ для переповѣрки, а между тѣмъ уже состоялось постановленіе о сокращеніи числа мировыхъ участковъ въ каждомъ уѣздѣ съ четырехъ на три, и въ каждомъ губернскомъ присутствіи изъ пяти членовъ оставляется только по два. Это послѣднее извѣстіе, должны мы замѣтить, совпадаетъ съ тѣми, которыя получены и нами и тоже вызываютъ опасенія за будущ-

ность тамъ русскаго дѣла, стоившаго Россіи столькихъ пожертвованій и усилій. Мы полагаемъ однако, что эти два извѣстія взаимно себя опровергаютъ. Еслибы рѣчь шла о переповѣркѣ выкупныхъ актовъ, то какъ было бы можно сокращать личный составъ мировыхъ учрежденій?

Крестьянскій вопросъ въ западномъ краѣ издавна былъ гордіевымъ узломъ нашей внутренней политики. Манифестъ 19-го февраля 1861 года, разрубивъ этотъ узелъ, вызвалъ въ средѣ польскаго міра западныхъ губерній бурю, разразившуюся вооруженнымъ мятежемъ. По обнародованіи манифеста, паны употребили все свое вліяніе, чтобы надѣливъ крестьянина негодною землей, сохранить надъ нимъ то подавляющее нравственное вліяніе, которымъ они пользовались въ силу крѣпостнаго права. Мировыми посредниками выбраны были, разумѣется, исключительно Поляки, и притомъ такіе, коихъ сочувствіе интересамъ польщизны и ненависть къ русскому *быдлу* не подлежали сомнѣнію. Они дали вопросу о надѣлѣ выгодное для пановъ направленіе, а при сопротивленіи крестьянъ не безуспѣшно обращались къ мѣстной администраціи за присылкой военныхъ командъ для экзекуцій. Въ канцеляріяхъ и въ сношеніяхъ съ мѣстнымъ населеніемъ введена была переписка и отчетность на польскомъ языкѣ; при офиціальномъ запросѣ объ этомъ, въ 1862 году, у одного изъ мировыхъ посредниковъ Виленской губерніи, послѣдній смѣло отвѣчалъ, будто это дѣлается съ вѣдома и словеснаго разрѣшенія высшей администраціи края. Въ теченіе 1861 и 1862 годовъ западный край быстро покрылся обширною сѣтью школокъ, въ которыхъ народъ обучался польской грамотѣ и гдѣ открыто внушалось ему нерасположеніе къ русской власти и презрѣніе къ православной вѣрѣ и русскому языку. Рвеніе къ обученію *быдла* сдѣлалось такъ сильно, что даже во время управленія краемъ графа Муравьева, мѣстной администраціи приходилось прибѣгать къ весьма энергическимъ мѣрамъ для удержанія польскихъ патріотовъ отъ пропаганды посредствомъ польскихъ азбукъ и катехизисовъ. Тысячи воззваній, вмѣстѣ съ десятками тысячъ распускаемыхъ панами навѣтовъ на русскія власти, волновали народъ, не на столько развитой, чтобы вездѣ отличить правду отъ клеветы. Мѣстная администрація, испуганная успѣхами польской агитаціи въ крестьянской средѣ, рѣшилась наконецъ прекратить отправку военныхъ командъ по требованію мировыхъ посредниковъ, и представила въ Петербургъ о необходимости вырвать народныя школы изъ рукъ помѣщиковъ и ксендзовъ и доставлять населеніямъ вѣрныя свѣдѣнія о ходѣ дѣлъ чрезъ народную газету; но эти мѣры оказались слишкомъ поздними: когда въ Вильнѣ полученъ былъ благопріятный отвѣтъ изъ Петербурга, польско-дворянскія шайки бродили ужъ по лѣсамъ и преслѣдовались войсками. Русскіе крестьяне остались не только чуждыми мятежу, но въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ власти, за недостаточностью войска, обращались къ ихъ содѣйствію (какъ напримѣръ въ Минской губерніи), они ловили въ лѣсахъ повстанцевъ и представляли ихъ военному начальству, на что сильно жаловались польскіе предводители дворянства въ донесеніяхъ министерству внутреннихъ дѣлъ, безцеремонно называя выраженіе преданности крестьянъ законному правительству соціальнымъ переворотамъ.

Правительство рядомъ многолѣтнихъ испытаній дошло до сознанія, что въ отношеніи къ крестьянскому вопросу западныя губерніи рѣзко отличаются отъ губерній внутреннихъ и что поэтому разрѣшеніе этого вопроса, и тамъ и тутъ, на одинаковыхъ основаніяхъ, было бы дѣломъ и несправедливымъ, и безразсуднымъ. Еще при выработкѣ Положенія 19-го февраля 1861 года было признано необходимымъ издать для поземельнаго устройства крестьянъ въ сѣверо-западномъ краѣ особое мѣстное положеніе, которымъ повѣрка крестьянскихъ повинностей возложена была на предполагавшіяся повѣрочныя коммиссіи. Указомъ 1-го марта 1863 года обязательныя поземельныя отношенія между тамошними крестьянами и помѣщиками были прекращены съ 1-го мая, и крестьянамъ повелѣно было вносить денежные платежи прямо въ уѣздныя казначейства. Такъ еще до полнаго разгара мятежа крестьянскій вопросъ въ сѣверо-западномъ краѣ поставленъ былъ въ совершенно иныя условія чѣмъ во внутреннихъ губерніяхъ. Какъ же было бы возможно переносить туда тѣ понятія о взаимныхъ отношеніяхъ крестьянъ и помѣщиковъ, которыя хороши въ губерніяхъ внутреннихъ? Что возможно и полезно тутъ, то тамъ было бы пагубно.

Первымъ дѣломъ графа Муравьева, по прибытіи въ край, было исполнить самое

необходимое: удалить всѣхъ польскихъ мировыхъ посредниковъ, изъ которыхъ многіе, какъ и слѣдовало ожидать, оказались ревностными слугами *жонда;* на ихъ мѣсто были назначены Русскіе. Повѣрочныя коммиссіи открыли свои дѣйствія въ іюлѣ. Графъ Муравьевъ требовалъ, чтобы повѣрочныя коммиссіи относились къ дѣлу „съ полнымъ вниманіемъ, со всевозможною осторожностію и *строго соблюдая законность дѣйствій;*" онъ преслѣдовалъ ошибки не вполнѣ еще опытныхъ тогда мировыхъ посредниковъ, оказывавшіяся „то въ превышеніяхъ власти, то въ односторонности дѣйствій, а иногда въ неумѣстномъ вмѣшательствѣ въ дѣла духовенства" (циркуляръ 19-го марта 1865 г.), но онъ не допускалъ и мысли о послабленіи въ пользу помѣщиковъ, когда дѣло касалось интересовъ крестьянина. Какъ ни коротко было время управленія краемъ графа Муравьева, онъ достигъ, по крестьянскому дѣлу, весьма важныхъ результатовъ: впервые встрѣтилъ крестьянинъ этого ополяченнаго края со стороны вновь устроенныхъ тогда мировыхъ учрежденій энергическое огражденіе отъ несправедливости и нелицепріятное соблюденіе закона; впервые, со времени возвращенія западныхъ губерній, онъ увидѣлъ, что быть русскимъ человѣкомъ не позорно; онъ сталъ подниматься изъ того непостижимаго у насъ во внутреннихъ губерніяхъ нравственнаго униженія, въ которое онъ поставленъ былъ вѣковымъ гнетомъ пановъ и дворовой шляхты. Всѣмъ этимъ сѣверо-западный край обязанъ преимущественно тѣмъ русскимъ чиновникамъ, которые замѣнили собой мировыхъ посредниковъ изъ Поляковъ и потому сдѣлались предметомъ ихъ самаго злобнаго порицанія.

Направленіе, сообщенное графомъ Муравьевымъ, поддерживалось въ крестьянскомъ дѣлѣ и его преемниками. Мировыя учрежденія чрезъ пять лѣтъ своего существованія, прошлымъ лѣтомъ, удостоились услышать изъ устъ Монарха одобреніе своей дѣятельности. Кому неизвѣстно, какъ трудна была борьба ихъ съ алчностію и интригами пановъ, употреблявшихъ всѣ усилія, чтобы поставить крестьянское дѣло въ выгодное для польской справы положеніе? На мѣстѣ они волновали крестьянъ клеветами на русскія власти, а въ Петербургѣ, чрезъ посредство *Вѣсти* и при поддержкѣ нѣсколькихъ вліятельныхъ лицъ, старались возбудить общественное мнѣніе противъ мѣстной администраціи. Борьба эта не всегда вѣнчалась успѣхомъ для русскаго дѣла; бывали случаи, впрочемъ не многіе, когда мѣстная администрація вынуждена бывала уступить; но въ цѣломъ крестьянское дѣло начало ужь становиться тамъ на столь же прочныя основы какъ во внутреннихъ губерніяхъ. Еще нѣсколько лѣтъ послѣдовательности и твердости въ принятой системѣ, и крестьянинъ перестанетъ казаться слѣпымъ орудіемъ для интригъ противъ Россіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ и самыя интриги ослабнутъ потому что утратится надежда на ихъ успѣхъ.

Ненависть польскихъ пановъ къ мировому институту весьма понятна. Всѣмъ извѣстна сила страсти, заключающейся въ крѣпостничествѣ; до какой же степени должно дойдти раздраженіе, когда эту страсть питаетъ антагонизмъ племени, исповѣданія, наконецъ государства? Говоримъ государства, ибо кто въ Россіи считаетъ себя въ полномъ смыслѣ Полякомъ и какъ Полякъ мыслитъ и дѣйствуетъ, тотъ принадлежитъ къ числу русскихъ подданныхъ только по наружности, а поистинѣ есть подданный государства польскаго, которое Поляки надѣются еще когда-нибудь увидѣть на мѣстѣ Россіи. Какъ бы мировой институтъ ни сталъ дѣйствовать, какъ бы ни сдѣлался онъ глухъ къ голосу крестьянъ, онъ все равно былъ бы ненавидимъ. Еслибы можно было даже отмѣнить обязательный выкупъ и возстановить барщину, ненависть пановъ и тогда не уменьшилась бы: дѣло возвратилось бы къ тому положенію, при которомъ злоба на освобожденіе крестьянъ довела пановъ до безумной попытки мятежа. Они могутъ успокоиться предъ однимъ: предъ фактомъ совершившимся безповоротно. Незыблемость нововведеннаго порядка, вотъ что единственно можетъ внести тамъ миръ въ умы и утишить страсти. Между тѣмъ въ послѣднее время даже въ среду русскаго общества сѣверозападнаго края стали проникать слухи, что дѣлу крестьянской реформы грозитъ реакція, и въ объясненіе ея необходимости пущена въ ходъ молва будто крестьянамъ дано больше чѣмъ они могли получить по праву. Слухи эти до того распространены, что повторяются даже въ заграничныхъ газетахъ. *Indépendance belge* въ приведенномъ вчера извлеченіи изъ нея, высказывая къ нимъ недовѣріе, выражаетъ

надежду, что Россія не отступитъ отъ избраннаго ею пути. Странно было бы придавать этимъ слухамъ серіозное значеніе, но нельзя и пропускать мимо ушей молву, касающуюся дѣла такой первостепенной важности. Вѣрить подобнымъ слухамъ значило бы признать возможность, что сама мѣстная администрація рѣшится принять на себя задачу искусственнаго возбужденія несбыточныхъ утопій польщизны, будетъ поддерживать въ ея средѣ напряженное настроеніе, въ то же время волнуя крестьянъ. Еслибы даже допустить предположеніе, что всѣ навѣты *Вѣсти* на веденіе крестьянскаго дѣла имѣютъ основаніе, чего на дѣлѣ отнюдь нѣтъ, то и въ такомъ случаѣ всякое ограниченіе крестьянъ въ пользованіи собственностью, утвержденною за ними предшествовавшими распоряженіями трехъ главныхъ начальниковъ края, было бы въ глазахъ населеній отрицаніемъ авторитета законной власти и возбудило бы въ крестьянахъ желанное польщизнѣ недовѣріе къ правительству, а помѣщиковъ-Поляковъ свело бы совсѣмъ съ ума.

Нельзя не пожелать, въ самыхъ существенныхъ интересахъ русскаго дѣла, чтобы подобные слухи встрѣтили какъ можно скорѣе фактическое опроверженіе,—чтобы крестьянамъ было внушено убѣжденіе въ неприкосновенности ихъ собственности, а помѣщикамъ въ послѣдовательномъ исполненіи предначертанной правительствомъ программы. Пусть польщизна усердно работаетъ по распространенію невыгодныхъ для Россіи слуховъ, усиливающихся подорвать довѣріе къ законной власти; администрація обязана разрушать дѣломъ и словомъ направляемую противъ государства интригу.

№ 76.

Москва, 10-го апрѣля.

Подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія принято объяснять неудовлетворительность финансоваго положенія Россіи какимъ-то внутреннимъ экономическимъ недугомъ, гложущимъ будто бы наше отечество съ эпохи великихъ преобразованій нынѣшняго царствованія и между прочимъ въ особенности съ упраздненія крѣпостнаго права. Ничего не можетъ быть ошибочнѣе этого взгляда.

Какъ можно говорить объ упадкѣ производительности Россіи въ виду небывалаго развитія отпускной торговли даже въ неурожайный годъ, подобный нынѣшнему? Именно теперь происходитъ въ хлѣбной торговлѣ замѣчательное явленіе: несмотря на неурожай и на особенно дѣятельную отправку хлѣба въ пострадавшія отъ неурожая мѣстности, не смотря на значительный отпускъ и на увѣренность, что и въ текущемъ году Западная Европа потребуетъ отъ насъ не мало хлѣба, какъ бы ни вышелъ тамъ хорошъ урожай нынѣшняго лѣта (тамъ истощились запасы),—несмотря на все это хлѣбъ у насъ значительно и, нельзя не сказать, неожиданно дешевѣетъ. Въ объясненіе этого нельзя ссылаться на вексельный курсъ, который, какъ извѣстно, не возвышается, да и не можетъ возвышаться вслѣдствіе постоянной покупки золота государственнымъ банкомъ; нельзя также ссылаться и на дороговизну денегъ, потому что въ деньгахъ, то-есть въ денежныхъ знакахъ уже нѣсколько времени чувствуется избытокъ, который и гонитъ въ гору цѣны всѣхъ бумагъ, — гонитъ столько же неожиданно, сколько неожиданно теперешнее пониженіе цѣнъ на хлѣбъ; равнымъ образомъ не могутъ тутъ дѣйствовать и соображенія относительно будущаго урожая, размѣры коего для большей части Россіи еще совершенная загадка; наконецъ и на заграничныхъ хлѣбныхъ рынкахъ хотя замѣтна наклонность къ пониженію цѣнъ, но рѣзкой перемѣны нѣтъ, а между тѣмъ цѣны въ Москвѣ и подмосковныхъ губерніяхъ понизились приблизительно на 10 коп. на пудѣ ржаной муки.

Этого нельзя не отнести къ обилію запасовъ, а обиліе запасовъ несомнѣнно свидѣтельствуетъ объ удовлетворительной производительности. Отпускъ возросъ, хотя довольно значительная часть Россіи страдаетъ отъ неурожая, и тѣмъ не менѣе цѣны на хлѣбъ падаютъ. Было ли бы это возможно, еслибы Россія производила теперь хлѣба меньше чѣмъ прежде? А надобно еще замѣтить, что теперь, по поводу неурожая, общественная благотворительность дѣйствуетъ съ успѣхомъ прежде небывалымъ; гдѣ населенія безвѣстно гибли бы отъ голодной смерти, тамъ теперь будутъ доставлены имъ средства не отказывать себѣ даже въ чистомъ хлѣбѣ, не прибѣгать къ привычной имъ и въ лучшіе годы *пушинѣ*; поэтому въ губерніяхъ страдающихъ отъ неурожая потребленіе

хлѣба не можетъ сократиться въ той мѣрѣ какъ было бы безъ нынѣшнихъ широкихъ пособій. Надобно также замѣтить, что и во всѣхъ остальныхъ губерніяхъ потребленіе хлѣба должно было возрасти противъ прежняго вслѣдствіе улучшеній происшедшихъ въ бытѣ низшихъ классовъ; не подлежитъ сомнѣнію, что крестьяне съѣдаютъ теперь, считая на душу, гораздо больше чистаго хлѣба чѣмъ сколько съѣдали десять лѣтъ тому назадъ. Наконецъ, надобно замѣтить, что теперь самое время распутицы, когда цѣны и въ урожайные годы обыкновенно поднимались, а не падали. Можно ли, въ виду этого факта, говорить съ пониманіемъ дѣла и добросовѣстностью объ упадкѣ земледѣльческаго производства Россіи? Скотоводство также не падаетъ, а напротивъ развивается, и особенно поразительные успѣхи дѣлаетъ овцеводство южнаго края Россіи, гдѣ несмотря на недостаточность путей сообщенія начинаетъ кипѣть жизнь. Многіе сѣтуютъ, и сѣтуютъ основательно, на распространеніе пьянства въ такъ-называемомъ простомъ народѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что ограниченіе этого порока весьма желательно, и что мѣры клонящіеся къ этой цѣли были бы какъ нельзя болѣе своевременны: еслибы признано было подлежащимъ взысканію проступкомъ одно уже появленіе въ пьяномъ видѣ на улицѣ, еслибъ открытіе питейныхъ домовъ было нѣсколько затруднено возвышеніемъ патента или требованіемъ разрѣшенія, либо залога (съ назначеніемъ денежныхъ штрафовъ за мелкіе проступки), то законодательство стяжало бы живѣйшую общественную благодарность. Но съ истиной несогласно приписывать пьянству вліяніе на какое-либо измѣненіе общихъ, и уже прежде существовавшихъ условій народнаго хозяйства къ худшему. Такого вліянія рѣшительно не видно, какъ не видно и вообще вліянія мнимо-усиливающейся праздности. Еслибъ эти вліянія дѣйствовали на трудъ народа, сокращая его, то рабочія руки дорожали бы быстрѣе чѣмъ мы видимъ теперь. Многіе упускаютъ это изъ виду, но не подлежитъ сомнѣнію, что до сихъ поръ еще руки у насъ гораздо дешевле чѣмъ слѣдовало бы быть, судя по общему экономическому положенію страны. Что касается до трудолюбія рабочихъ, то на фабрикахъ при сдѣльной платѣ они работаютъ до изнуренія силъ, а строители желѣзныхъ дорогъ должны засвидѣтельствовать, какъ легко у насъ пріискиваются люди на такія тяжкія работы, которыя въ другихъ мѣстахъ вовсе не исполняются трудомъ человѣка. При этомъ рабочіе довольствуются такимъ малымъ вознагражденіемъ, что предпринимателямъ нѣтъ разчета распространять далѣе извѣстнаго предѣла дѣйствіе машинной работы. Вообще едва ли гдѣ въ Европѣ можно строить земляное полотно за такую дешевую цѣну какъ у насъ. Вотъ указанія дѣйствительности. Къ нимъ можно было бы прибавить много другихъ, но и приведеннаго достаточно, чтобы совершенно устранить мнѣніе объ истощеніи экономическихъ силъ Россіи вслѣдствіе освобожденія крестьянъ и сопровождавшихъ оное измѣненій въ ихъ бытѣ.

Между тѣмъ нельзя отрицать и существованіе финансовыхъ затрудненій правительства. Гдѣ же ихъ источникъ? Иные ищутъ его также въ преобразованіяхъ. Если, говорятъ, преобразованія и не уменьшили производительныхъ силъ страны, то они потребовали отъ государства значительныхъ расходовъ и обременили бюджетъ. Такъ ли это? Крестьянская реформа не только не потребовала казенныхъ денегъ, но улучшивъ благосостояніе крестьянъ, дала возможность возвысить взимаемыя съ нихъ подушныя подати. Земская реформа не стоила казнѣ ни копѣйки, а во многомъ еще облегчила государственное казначейство; наконецъ мировая юстиція содержится не государствомъ, а земствомъ. Какія же эти преобразованія, о которыхъ можно сказать, что они легли тяжестью на бюджетъ? Изо всѣхъ министерствъ наиболѣе усиленъ въ послѣднія пять, шесть лѣтъ бюджетъ министерства внутреннихъ дѣлъ, но эти расходы не состоятъ въ связи съ системой преобразованій, и вызваны, какъ бо́льшая часть и другихъ надбавокъ въ бюджетѣ, необходимостью увеличить содержаніе чиновниковъ въ виду возрастающей дороговизны. Вотъ первое изъ представляющихся намъ явленій, которое дѣйствительно повело къ обремененію бюджета. Вотъ то явленіе, на которое слѣдуетъ прежде всего указывать, говоря о финансовыхъ затрудненіяхъ Россіи. Надобно сознаться, что тутъ мы положительно ушли назадъ отъ того положенія, въ которомъ находились до восточной войны. Причина дороговизны главнѣйшимъ образомъ заключается въ без-

прерывно возобновляющихся, то въ одномъ, то въ другомъ видѣ, выпускахъ бумажныхъ денегъ, а финансовыя преобразованія, къ сожалѣнію, еще не коснулись этого дѣла, исключая неудачную попытку открытія размѣна въ 1862 г. Въ дѣлѣ организаціи банковаго кредита, находящейся въ тѣсной связи съ денежною системой, Россія (мы еще недавно, № 69, объ этомъ говорили) тоже ушла не далеко впередъ, и положеніе государственнаго банка не внушаетъ пока увѣренности, что его дѣйствія клонятся къ какимъ-либо коренным мѣрамъ по упроченію нашего бумажнаго обращенія.

Такимъ образомъ не въ государственныхъ преобразованіяхъ по другимъ отраслямъ, какъ стараются доказать у насъ многіе, заключается источникъ нашихъ финансовыхъ золъ, а напротивъ, въ недостаточномъ соотвѣтствіи принятыхъ и принимаемыхъ у насъ финансовыхъ мѣръ съ общими цѣлями этихъ великихъ преобразованій; или лучше сказать, крайняя медлительность въ исправленіи денежной системы не позволяетъ Россіи вкусить всѣ блага ея государственнаго обновленія по другимъ частямъ. Нельзя не сочувствовать мыслямъ, высказаннымъ г. министромъ финансовъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ при представленіи государственной росписи на 1868 годъ, относительно государственной и финансовой пользы ожидаемой отъ сооруженія желѣзныхъ дорогъ; нельзя не радоваться тому, что къ этому дѣлу, еще такъ недавно привлекавшему на себя слишкомъ мало вниманія, приложены теперь всѣ заботы правительства. Однако, какъ ни будутъ съ развитіемъ сѣти возрастать прибыли желѣзныхъ дорогъ и какъ ни будутъ вслѣдствіе того уменьшаться жертвы государственнаго казначейства на приплаты по гарантіи, это еще не можетъ само по себѣ измѣнить характеръ нашего финансоваго положенія. Какъ бы ни увеличилась сумма народнаго и государственнаго дохода вслѣдствіе сооруженія желѣзныхъ дорогъ, онѣ сами собою не предотвратятъ дефицита въ бюджетѣ, который, какъ видится, способенъ опережать въ своемъ развитіи всякое усиленіе доходовъ. Напротивъ, причиняемое дефицитомъ вздорожаніе государственнаго кредита можетъ значительно замедлить еще не близкое довершеніе нашей колоссальной желѣзнодорожной сѣти. Во всякомъ случаѣ потомству нашему было бы легче, еслибы мы строили желѣзныя дороги на деньги, занимаемыя за менѣе убыточный процентъ, то-есть, еслибы нашъ государственный кредитъ стоялъ выше.

Въ оправданіе весьма распространенныхъ ложныхъ сужденій о зависимости дефицитовъ отъ мнимаго застоя въ дѣлахъ, не лишнимъ будетъ упомянуть, что застой въ дѣлахъ обнаружился бы недоборомъ въ доходахъ противъ бюджетныхъ предположеній. Но этого нѣтъ, какъ можно убѣдиться изъ отчета государственнаго контроля за 1866 г. Хотя, по нѣкоторымъ статьямъ, доходы не допоступили по росписи того года, но по другимъ они превзошли ожиданія, и въ общей сложности, если не считать суммъ недобранныхъ въ пособіяхъ государственному казначейству и оставшихся въ долгу на кредиторахъ казны, государственные доходы 1866 г. на $1^1/_2$ милліона превысили ожидавшійся по бюджету итогъ доходовъ. Рѣзкое неравновѣсіе въ финансовомъ положеніи произошло не отъ уменьшенія доходовъ противъ бюджета, а отъ увеличенія расходовъ. Здѣсь мы встрѣчаемся со вторымъ явленіемъ, находящимся также въ несомнѣнной связи съ финансовыми затрудненіями Россіи,—съ чрезмѣрнымъ и постояннымъ возрастаніемъ сверхсмѣтныхъ расходовъ.

Показанный въ бюджетѣ на 1868 г. недочетъ до $12^1/_2$ милл. руб. въ обыкновенныхъ доходахъ и расходахъ, конечно, производитъ не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе, посреди мира, при значительномъ сокращеніи числительности арміи и при ожидаемомъ въ 1868 г. увеличеніи обыкновенныхъ доходовъ болѣе чѣмъ на 23 милл. Но цифра бюджетнаго дефицита далеко не такъ важна, какъ цифра дѣйствительныхъ дефицитовъ, нароставшихъ въ послѣдніе годы отъ сверхсмѣтныхъ расходовъ и поглотившихъ цѣлый рядъ самыхъ разнообразныхъ государственныхъ займовъ. Въ 1866 г. дѣйствительная цифра дефицита (60 милл., въ томъ числѣ 10 милл. недобранныхъ пособій государственному казначейству) въ *три раза* превысила предвиденную въ бюджетѣ цифру (21 милл.). Дополнительные и экстраординарные кредиты по разнымъ вѣдомствамъ въ теченіе смѣтнаго періода достигли 50 милл., независимо отъ экстраординарныхъ расходовъ по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ, а между тѣмъ въ 1866 г. не было никакихъ собы-

тій, которыя своею неожиданностью объясняли бы такія чрезвычайныя отступленія отъ бюджета. Дѣйствительный недочетъ составляетъ страшную цифру 16°/₀ на всю сумму бюджета, или другими словами всѣ предвидѣнія нашей государственной росписи оказались *ни одну шестую* свою часть неблагонадежными. Тутъ есть о чемъ серіозно подумать. Сличимъ смѣтныя цифры дефицитовъ за эти шесть лѣтъ съ заключенными въ то же время государственными займами:

дефициты.	
1863	15.700.000
1864	46.500.000
1865	22.400.000
1866	21.600.000
1867	15.200.000
1868	12.500.000
Всего	133.900.000

Для потребностей этихъ же самыхъ шести лѣтъ сдѣлано у насъ новыхъ займовъ по нарицательной цѣнѣ около 550 милліоновъ (въ томъ числѣ два англоголландскіе займа, 1864 и 1866 гг., 75 милл., два лотерейные 200 милл., новыхъ серій билетовъ государственнаго казначейства на 54 милл., облигацій подъ Николаевскую желѣзную дорогу 75 милл., на подкрѣпленіе оборотовъ государственнаго банка билетовъ 4°/₀ металлическихъ на 12 милл. и 5°/₀ на 10 милл., кредитныхъ билетовъ въ обращеніи къ 1868 г. болѣе чѣмъ къ 1863 г. на 24 милл., седьмаго пятипроцентнаго займа 1862 г., для усиленія размѣннаго фонда, 94 милл. и разные мелкіе долги). Если мы сбавимъ съ этой суммы издержки по пріобрѣтенію капитала (до 20°/₀ съ общаго итога), если далѣе исключимъ отсюда издержки на построеніе желѣзныхъ дорогъ, и если даже исключимъ весь заемъ подъ Николаевскую желѣзную дорогу, какъ имѣющій спеціальное назначеніе для сооруженія новыхъ желѣзныхъ дорогъ въ будущемъ, мы все-таки получимъ до 200 милл. государственнаго долга, заключеннаго съ цѣлью *покрытія сверхъ бюджетныхъ дефицитовъ пяти послѣднихъ лѣтъ.* Другими словами, дѣйствительный недочетъ въ государственныхъ доходахъ Россіи для удовлетворенія ея расходовъ за пятилѣтіе въ полтора раза превосходилъ недочетъ выводившійся въ государственныхъ росписяхъ. Вотъ какое отношеніе имѣютъ наши бюджеты къ своему исполненію и вотъ какое значеніе имѣютъ у насъ сверхсмѣтные расходы. Дороговизна, причиняемая бумажными деньгами, и старинный обычай сверхсмѣтныхъ расходовъ, воспитанный системой казенныхъ банковъ и получившій безмѣрное развитіе вслѣдствіе дороговизны, вотъ самыя крупныя, самыя несомнѣнныя причины нашихъ финансовыхъ затрудненій.

№ 77.

Москва, 11-го апрѣля.

Говоря о предстоявшемъ столкновеніи между Франціей и Пруссіей на почвѣ Люксембургскаго вопроса, г. фонъ-Бейстъ, какъ явствуетъ изъ откровеній австрійской *Красной Книги*, такъ признавался французскому министру иностранныхъ дѣлъ: „Какъ искренніе друзья, мы не можемъ поощрять дѣйствіе Франціи *на почвѣ*, которая, мы думаемъ, *будетъ для нея пагубна* въ случаѣ столкновенія“... Судя по тону французскихъ газетъ, это заявленіе г. фонъ-Бейста принято въ основаніе всей политики Тюльерійскаго кабинета. А надобно замѣтить, что политика эта имѣетъ своего пророка, и что особенно въ 1866 году, въ продолженіе достопамятныхъ событій, которыми годъ этотъ ознаменованъ, предсказанія газеты *Liberté* сбывались съ удивительною вѣрностью. Теперь эта самая газета, согласно со всею офиціозною журналистикой, слѣдуя совѣту г. фонъ-Бейста, озабочена пріисканіемъ удобной *почвы* для столкновенія. „Когда между Франціей и „Пруссіей разразится война,“ восклицаетъ *Liberté*, „то пусть это будетъ не на почвѣ „вопроса иностраннаго вмѣшательства, на „которой, по общему убѣжденію, мы оказались бы *неправыми*, а на почвѣ вопроса о національной безопасности, на которой, по общему убѣжденію, мы окажемся *правыми*.“ Стóитъ сличить съ этими словами вышеприведенную выдержку изъ депеши г. фонъ-Бейста, чтобъ убѣдиться какъ наставленія этого государственнаго мужа вдохновляютъ нынѣ Пиѳію газеты *Liberté*, догадливость которой по части иностранной политики Тюльерійскаго кабинета успѣла внушить ея подписчикамъ слѣпую вѣру во вліяніе г. де Жирардена, между тѣмъ какъ иные въ вѣрности ея предсказаній находятъ доказательство, что искусное и бойкое перо издателя *Liberté* посвящено проведенію въ публику затаенныхъ

мыслей и намѣреній императора. Такъ или иначе, но вѣрность предчувствій издателя *Liberté* придаетъ иногда особенное значеніе ея прорицаніямъ. И вотъ теперь этотъ вѣщій голосъ твердитъ, что весь вопросъ о войнѣ или мирѣ заключается для Франціи единственно въ отысканіи почвы, которая не была бы для нея „пагубна,“ какъ выражался г. фонъ-Бейстъ, говоря о Люксембургскомъ вопросѣ. —„которая выставила бы Францію правою въ глазахъ общественнаго мнѣнія“, какъ выражается нынѣ г. де-Жирарденъ, говоря о потребностяхъ безопасности для Франціи...

Формальное опредѣленіе этой почвы, по мнѣнію г. Эмиля-де-Жирардена, должно быть предметомъ манифеста о внѣшней политикѣ Франціи, съ которымъ, какъ извѣстно изъ толковъ парижской офиціозной журналистики, императоръ Наполеонъ намѣренъ обратиться ко французскому народу, а по мнѣнію г. де-Жирардена, долженъ былъ бы обратиться „ко всѣмъ народамъ по вопросамъ, которые, за неспособностью или безсиліемъ дипломатіи, подлежатъ нынѣ разсѣченію мечомъ“.

Присоединеніе ко Франціи лѣваго берега Рейна, для возстановленія европейскаго равновѣсія нарушеннаго чрезмѣрнымъ усиленіемъ Пруссіи, въ этомъ заключается нынѣ открыто заявленная цѣль агитаціи, столь усердно чинимой почти всею французскою офиціозною печатью, въ рядахъ которой особенною запальчивостію отличается газета *le Pays*, но которой, въ этомъ случаѣ, отнюдь не противорѣчитъ и сенаторская *la France*, утверждая, что матеріальному разоруженію должно предшествовать *„разоруженіе вопросовъ“* посредствомъ возстановленія нарушеннаго европейскаго равновѣсія.“

Итакъ, французская печать сама предупреждаетъ Европу, что гдѣ бы первоначально ни произошло столкновеніе, предметомъ борьбы будетъ вопросъ о лѣвомъ берегѣ Рейна, причемъ всѣ прочіе вопросы послужатъ только вспомогательными средствами, дабы дать Австріи, согласно выраженію г. фонъ-Бейста, „благовидный предлогъ“ принять участіе въ дѣлѣ, не возбуждая противъ себя народныхъ страстей Германіи. Никогда политическая программа не высказывалась яснѣе и опредѣлительнѣе; между тѣмъ какъ французская офиціозная печать, и *Constitutionnel*. и *Etendard*, и *France*, и даже запальчивый *Pays*, не перестаютъ твердить, что Франція искренно желаетъ мира, что императоръ далекъ отъ всякаго завоевательнаго замысла, что онъ сознаетъ безусловную необходимость безмятежнаго спокойствія для Европы. Ужели однако вся эта агитація производится помимо и даже вопреки его волѣ? Все дѣло въ томъ, что французская офиціозная журналистика имѣетъ порученіемъ разыгрывать представленіе непреодолимыхъ влеченій общественнаго мнѣнія, которымъ вѣнчанный избранникъ націи современемъ признаетъ долгомъ своимъ уступить; но уступая требованіямъ общественнаго мнѣнія, увлекаясь національными стремленіями Франціи, вѣнчанный избранникъ ея будетъ имѣть право, во глубинѣ своего сердца, остаться вѣрнымъ своему зароку: „имперія есть миръ“, и виновникомъ нарушенія этой основной программы второй имперіи окажется тотъ, чьимъ необузданнымъ честолюбіемъ создано нынѣшнее положеніе Европы, несовмѣстимое „ни съ достоинствомъ, ни съ интересами Франціи“.... „Горе тому, кто первый подастъ въ Европѣ поводъ къ столкновенію!“ — восклицалъ принцъ-президентъ Французской республики въ своей знаменитой бордоской рѣчи 19-го октября 1852 года, въ то самое время, когда на востокѣ Европы дѣятельно подготовлялись событія, которыя должны были поставить Россію въ необходимость принять рѣшительныя мѣры къ огражденію своихъ правъ и интересовъ... Нѣчто подобное происходитъ и нынѣ: эта искусственная агитація общественнаго мнѣнія, эти толки о миролюбивой рѣшимости императора и о борьбѣ ея съ непреодолимыми стремленіями пресловутой, но небывалой *партіи войны*, эти мнимо успокоительныя офиціальныя завѣренія и офиціозныя статейки,—все это происходило и въ 1853 и 54 годахъ относительно Россіи, и въ 1859 году относительно Австріи, и въ 1861 году относительно Мексики, и въ 1863 году еще разъ относительно Россіи, и все это не имѣетъ повидимому нынѣ, какъ навѣрное не имѣло тогда, другой цѣли, другаго основанія, кромѣ необходимости избавить избранника Франціи отъ разногласія съ политическою программой, положенною 19-го октября 1852 года въ основаніе его избранія.... Замѣчательно, что во всѣ кровавыя эпохи послѣдняго времени, эта неизбѣжная фаза всѣхъ воинственныхъ предпріятій Тюльерійскаго ка-

бинета была каждый разъ предвѣстницей близости взрыва. Заронивъ искру подготовляемаго пожара, раздувавъ ее въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, французское правительство, когда приближался роковой часъ взрыва, внезапно принималось успокоивать поднятую имъ тревогу. Такъ дѣйствовало оно въ 1854 и въ 1859 годахъ. Удивительно ли, что многіе спрашиваютъ, почему и въ 1868 году не должно то же самое послужить знаменіемъ, что и для Пруссіи пробилъ наконецъ часъ кроваваго разочарованія въ любезностяхъ, которыми такъ щедро осыпаетъ ее съ прошлаго года Тюльерійскій кабинетъ?... Не даромъ же маркизъ де-Мутье, еще 28-го февраля 1867 года, въ своей депешѣ г. Базену, доказывая необходимость уступки Люксембурга Франціи, говорилъ: „какъ ни „велико наше долготерпѣніе, но мы, оче„видно *рано или поздно* будемъ принуж„дены объясниться *безъ обиняковъ*, и намъ „*сдается*, что дѣйствительно *настало вре„мя* когда продолженіе нашего молчанія „сдѣлается аргументомъ противъ насъ же.“ Не даромъ также, въ этой самой депешѣ, французскій министръ выражалъ непреодолимую потребность Франціи въ „нравственномъ и *матеріальномъ* удовлетвореніи, въ виду ненормальнаго порядка, созданнаго въ Европѣ побѣдами Пруссіи....“ Но Люксембургъ къ Франціи не присоединенъ; ни „нравственнаго, ни матеріальнаго удовлетворенія“ Франція отъ Пруссіи не получила, за исключеніемъ совершенно незначительнаго для Франціи упраздненія Люксембургской крѣпости; Европа 1868 г. осталась при своемъ *statu quo* 1867 г.;—а во Франціи явился новый военный дѣятель въ видѣ 550 тысячнаго боеваго резерва...

Или въ самомъ дѣлѣ справедливы толки, будто между Парижемъ и Берлиномъ ведутся переговоры о соглашеніи на почвѣ вопроса о независимости Бельгіи? Неужели смуты Шарльруаскаго каменно-угольнаго бассейна, раздававшіеся при этомъ клики: „да здравствуетъ императоръ,“ и притворныя опасенія французской офиціозной печати насчетъ мнимыхъ международныхъ соціалистовъ, якобы изливаемыхъ Бельгіей на Францію, неужели все это лишь первый шагъ къ разрѣшенію вопроса, поставленнаго графомъ Валевскимъ на Парижскомъ конгрессѣ, 8-го апрѣля 1856 г., въ одинъ день съ италіянскимъ вопросомъ,—о пагубномъ для спокойствія Европы дѣйствіи необузданной печати, пріютившейся подъ сѣнію независимости Бельгійскаго королевства? Неужели, наконецъ, всѣ кичливыя выходки французской офиціозной печати имѣютъ нынѣ цѣлью только вынудить Пруссію, во избѣжаніе болѣе грозныхъ для нея послѣдствій, согласиться на присоединеніе не только Бельгіи, но и Люксембурга ко французской территоріи? Еслибы подобные толки оказались справедливыми, то они не много дѣлали бы чести проницательности прусской дипломатіи, ибо во Франціи нисколько не скрываютъ уже и нынѣ, что уступка Бельгіи и Люксембурга, открывая правый флангъ прусской оборонительной линіи, сдѣлала бы матеріально невозможнымъ дальнѣйшее господство Пруссіи на всемъ протяженіи лѣваго берега Рейна.

Но какъ лѣвый берегъ Рейна, такъ и Бельгія суть вопросы, въ которыхъ Россія не заинтересована непосредственно; тѣмъ бдительнѣе приходится ей наблюдать за Австріей въ замыслахъ этой державы на Востокѣ

№ 78.

Москва, 12-го апрѣля.

А.

Извѣстіе недавно переданное телеграфомъ въ петербургскія газеты о томъ, что Берлинскій кабинетъ отклонилъ предложенія Франціи предпринять совокупное вмѣстѣ съ Россіей дѣйствіе на Востокѣ, повидимому, подтверждается. Въ этомъ положительно удостовѣряетъ берлинскій корреспондентъ газеты *Times*, обыкновенно сообщающій довольно вѣрныя свѣдѣнія объ всемъ что касается прусскихъ дѣлъ, хотя склонный къ увлеченіямъ фантазіи по отношенію къ Россіи, куда онъ по сосѣдству нерѣдко заглядываетъ. „Графъ Бисмаркъ, рѣшительный какъ всегда,“ пишетъ этотъ корреспондентъ отъ 15-го апрѣля (*Times* 18-го того же мѣсяца), „отклонилъ Наполеоновскія предложенія касательно совокупнаго дѣйствія Россіи, Пруссіи и Франціи на Востокѣ.“ Сообщая это, корреспондентъ успѣлъ уже какъ-то освѣдомиться, что Россія не совсѣмъ довольна тѣмъ, что Берлинскій кабинетъ разрушилъ интригу, которая такъ близко касается ея интересовъ. Такъ какъ берлинскій коррес-

пондентъ *Times*, повидимому, больше насъ знаетъ о впечатлѣніяхъ производимыхъ ходомъ европейскихъ дѣлъ на Россію, то мы и не намѣрены оспаривать его въ этомъ пунктѣ. Намъ неизвѣстно, въ чемъ состояли предложенія Франціи и какая была ихъ сила, а потому и не имѣемъ основанія рѣшать, въ какой мѣрѣ дѣла на Востокѣ могли бы выиграть вслѣдствіе предложеній Тюльерійскаго кабинета, и въ какой они проигрываютъ теперь, оттого что предложенія эти не были въ Берлинѣ приняты. Но если дѣйствительно предполагалось совокупное дѣйствіе на Востокѣ, въ которомъ должна была принять участіе Россія, то сказанныя предложенія едва ли могли быть противны ея интересамъ, и если они отклонены Берлинскимъ кабинетомъ, то какъ бы ни были основательны и мудры руководившія его при этомъ соображенія, нельзя сказать, чтобы кабинетъ этотъ, дѣйствуя такъ, поступалъ въ смыслѣ русской политики. У всякаго свои заботы, и надобно согласиться, что Берлинскій кабинетъ не обязанъ въ своемъ образѣ дѣйствій направляться заботами русской политики. Мы готовы радоваться тому, что ни Пруссія, ни иная держава, не связаны своими отношеніями къ Россіи, ибо это можетъ служить свидѣтельствомъ, что и Россія также сохраняетъ полную свободу дѣйствій. Свобода дѣйствій или, что̀ то же, свобода союзовъ есть то, что̀ въ международной сферѣ называется національною политикой. Мы думаемъ, что великая держава можетъ внушать тѣмъ болѣе довѣрія къ себѣ, чѣмъ она состоятельнѣе въ своихъ дѣйствіяхъ, чѣмъ свободнѣе въ своихъ отношеніяхъ. Европейское равновѣсіе въ сію минуту только можетъ удержаться при условіи этой свободы дѣйствій, которая становится,—и становится по необходимости,—руководящимъ началомъ современной политики. Мы говоримъ: по необходимости, — ибо дѣла теперь сложились такъ что державы почти вынуждены сохранять свободу своихъ дѣйствій. Вся бѣда только въ томъ чтобъ умѣть стоять на своихъ ногахъ и употреблять съ пользой свою свободу.

Россія не прикована къ Пруссіи, точно также какъ она не прикована къ Франціи, и уже этимъ однимъ поддерживаетъ теперь равновѣсіе европейской системы, которая утратила свои прежнія основы и находится въ полномъ броженіи; этимъ также поддерживаются, сколько мы понимаемъ, и достоинство Россіи, и политика ея національныхъ интересовъ.

Тѣмъ не менѣе, надобно сознаться, что по отношенію къ Россіи нѣтъ еще полной вѣры въ самостоятельность ея положенія, хотя мы не рѣшаемся высчитывать, насколько Россія теряетъ отъ этого въ общемъ ходѣ дѣлъ. Корреспондентъ, котораго мы цитовали, свидѣтельствуетъ, что Франція, постучавшись въ Берлинѣ и получивъ отказъ, не сочла нужнымъ или удобнымъ для себя обратиться съ своими предложеніями непосредственно въ Петербургъ. Очень вѣроятно, что при большей увѣренности въ свободѣ дѣйствій Россіи, Тюльерійскій кабинетъ не счелъ бы лишнимъ обратиться къ ней, и быть-можетъ даже постучался бы прежде въ Петербургѣ чѣмъ въ Берлинѣ. Печальная драма восточныхъ дѣлъ заключилась въ прошломъ году коллективною нотой четырехъ державъ, которая состоялась преимущественно благодаря усиліямъ Россіи, но не имѣла серіозныхъ послѣдствій. Предложеніе возобновить совокупное дѣйствіе на Востокѣ болѣе всѣхъ интересуетъ Россію и должно бы прежде всѣхъ относиться къ ней. А для того чтобы не безъ пользы дѣйствовать на Востокѣ, было бы уже достаточно соглашенія между Россіей и Франціей, еслибы только намѣренія Тюльерійскаго кабинета были въ этомъ вопросѣ вполнѣ искренни и не было бы никакихъ поводовъ подозрѣвать, что восточныя дѣла служатъ ему только диверсіей или средствомъ для какихъ-либо цѣлей, не имѣющихъ съ ними ничего общаго.

Если въ международной сферѣ есть нѣкоторая неувѣренность въ силѣ и значеніи національной политики, которая стала необходимостію для Россіи, то нѣчто подобное замѣчается и внутри. Мы должны сказать съ полною откровенностію, что и внутри нѣтъ полной увѣренности относительно силы русской національной политики. Многіе, и притомъ самые существенные пункты ея программы подвергаются сомнѣнію.

Вниманіе всѣхъ обращено теперь особенно на дѣла западнаго края. Дѣла эти, какъ надобно думать, вступаютъ теперь въ совершенно новую фазу. Періодическіе, почти ежегодно возобновлявшіеся толки о перемѣнѣ системы, которыми встрѣчали и провожали столь часто чередовавшихся въ

Вильнѣ генералъ-губернаторовъ, кажется, въ настоящемъ случаѣ не лишены основанія. Пусть задачи и цѣли остаются тѣ же самыя, но основанія и способы дѣйствія видимо измѣняются, а съ ихъ измѣненіемъ и задачи, въ которыхъ полагается вся сила, запутываются для общественнаго мнѣнія, и оно теряетъ опору для своихъ сужденій. Мы не можемъ теперь судить къ худшему или къ лучшему поведутъ начинающіяся въ сѣверо-западномъ краѣ перемѣны; но нельзя не замѣчать упадка общественнаго духа благодаря вѣстямъ быстро расходящимся въ публикѣ, отчасти преждевременнымъ, но отчасти не лишеннымъ основанія. Было бы хорошо, еслибы новая администрація энергически двинула дѣло на новые пути, но отнюдь не разрушая пріобрѣтенныхъ результатовъ и не подвергая вопросу то что̀ уже сдѣлано. Въ западномъ краѣ прочно сдѣлано только то, что касается крестьянскаго вопроса. Возбуждать снова этотъ вопросъ въ третій или четвертый разъ и исправлять то что̀ уже сдѣлано, это значило бы привести дѣла въ худшее чѣмъ когда-либо прежде положеніе. Будемъ надѣяться, что самая дурная доля этихъ слуховъ есть только послѣдствіе минутной паники возбужденной ожиданіемъ перемѣнъ.

Б.

Между тѣмъ какъ въ польскомъ мірѣ послѣднее время обнаружилось сильное неудовольствіе противъ французскаго правительства, за его равнодушіе къ упраздненію административной автономіи Царства Польскаго, *Вѣсть* (№ 40) мещетъ перуны противъ нынѣшней французской династіи якобы за поддержку, которую она оказываетъ польской эмиграціи. Почтенная газета патріотически и вызывающимъ тономъ заявляетъ при этомъ, что Франція не осмѣлится вмѣшаться въ наши *внутреннія* (курсивъ въ подлинникѣ) дѣла. Вмѣстѣ съ тѣмъ, передавая петербургскій слухъ о какомъ-то докторѣ и какой-то польской дамѣ, пріѣзжавшихъ туда подъ предлогомъ частныхъ дѣлъ, въ сущности же бывшихъ эмиссарами польской эмиграціи, *Вѣсть* внушительно объявляетъ Полякамъ Царства Польскаго и западныхъ губерній, что жестоко заблуждаются тѣ изъ нихъ, которые разчитываютъ, въ случаѣ преступныхъ увлеченій, встрѣтить въ Россіи разладъ между Русскими и что когда дѣло зайдетъ о правѣ и достоинствѣ Россіи, „между Русскими не будетъ ни партій, ни разногласія.“

Читатель, незнакомый съ пріемами *Вѣсти*, могъ бы заключить, что газета эта не на шутку опасается возможности возобновленія польскаго мятежа и распаляется патріотическимъ негодованіемъ при мысли объ иностранномъ вмѣшательствѣ въ наши дѣла. *Вѣсть*, разумѣется, столько же думаетъ о возможности того или другаго, какъ о вчерашнемъ днѣ; ея многочисленные подпищики западныхъ губерній узнаютъ изъ этого шума, что при настоящемъ положеніи дѣлъ Полякамъ разчетливѣе играть въ благонамѣренность, чѣмъ безпокоить правительство и мѣстную администрацію тревожными слухами.

Не со стороны Европы и не отъ повстанцевъ грозитъ дѣйствительная опасность: противъ открытыхъ враговъ найдутся и мѣры; бѣда грозитъ намъ отъ друзей, подобныхъ *Вѣсти*, отъ ея пановъ, продолжающихъ оставаться Поляками и подъ личиной преданности правительству, подготовляющихъ въ будущемъ такія неожиданности для Россіи, предъ которыми 63-й годъ покажется дѣломъ ничтожнымъ.

Повстанцы и вліяніе эмиграціи мыслимы только при тайной поддержкѣ ихъ крупнымъ польскимъ дворянствомъ. Въ 1831 году всѣ почти шайки въ западномъ краѣ были подъ личнымъ начальствомъ предводителей дворянства; во главѣ агитаціи 1861 и 1862 годовъ стояли предводители дворянства виленскаго, гродненскаго, минскаго, подольскаго. Имена графовъ Тышкевича, Плятера, Старжинскаго, Моля и друг. занимаютъ самыя видныя мѣста въ исторіи послѣдняго мятежа въ сѣверозападномъ краѣ. Паны держали въ рукахъ своихъ (также какъ держатъ и теперь) огромную массу мелкой, полуграмотной, вполнѣ зависимой отъ нихъ шляхты, и направляли эту сволочь по своимъ разчетамъ. Теперь и масса эта, и ея коноводы сдержаны мощною рукой. Положеніе 19-го февраля, при добросовѣстномъ его примѣненіи мировыми учрежденіями, вырываетъ изъ рукъ ихъ судьбу русскаго крестьянина. Всѣ старанія польскихъ пановъ направлены теперь къ двумъ пунктамъ: вытѣснить изъ края стоокаго аргуса въ видѣ русскихъ чиновниковъ и мировыхъ

посредниковъ, и вселить въ крестьянахъ недовѣріе и ненависть къ правительству, возбудивъ снова вопросъ объ ихъ собственности. Они знаютъ, что то и другое возможно сдѣлать лишь руками администраціи, и вотъ въ петербургскихъ гостиныхъ сильнѣе прежняго раздаются жалобы благонамѣренныхъ пановъ то на мировыхъ посредниковъ-соціалистовъ (которымъ очень легко и даже выгодно было бы пріобрѣсти полное благоволеніе помѣщиковъ, и начать брать съ нихъ взятки), то противъ распущенности крестьянъ, состоящей въ томъ что они твердо знаютъ нужные имъ параграфы Положенія 19-го февраля и о всякомъ самовольномъ поступкѣ пана доводятъ до вѣдѣнія мировыхъ посредниковъ. Благонамѣренные паны съ ужасомъ рисуютъ при этомъ картину какихъ-то будущихъ затрудненій для Россіи отъ этого порядка вещей; о мятежахъ 1831 и 1863 годовъ они при этомъ не вспоминаютъ. Жалобы ихъ поддерживаются столь же благонамѣренною печатью, представляемою *Вѣстью* и другимъ болѣе откровеннымъ органомъ, *Новое Время*...

№ 79.

Москва, 13-го апрѣля.

Предъ нами лежитъ трудъ, исполненный современнаго интереса и требующій разсмотрѣнія, какъ изложеніе мнѣній, имѣвшихъ въ послѣднее время несомнѣнное вліяніе на практическое веденіе дѣлъ. Мы говоримъ о двухъ брошюрахъ А. П. Шипова: *Обзоръ основаній раціональнаго тарифа примѣненнаго къ потребностямъ Россіи* и *Практическое примѣненіе къ началамъ раціональнаго тарифа*. Авторъ чрезвычайно недоволенъ дѣйствіями тарифной коммиссіи, и имѣетъ на это полное право, такъ какъ предположенія ея были, по его словамъ, послѣдствіемъ торга между чиновными членами коммиссіи и депутатами отъ фабрикантовъ, безъ всякой ясно опредѣленной государственной цѣли. Поэтому авторъ счелъ нужнымъ возстановить въ первоначальной чистотѣ желанія своей партіи, испорченныя вынужденными уступками въ пользу правительственныхъ членовъ коммиссіи. Такимъ образомъ возникъ проектъ *раціональнаго тарифа*. Право видѣть въ немъ выраженіе желаній партіи даетъ намъ вся прежняя дѣятельность г. Шипова, а равно его сѣтованіе на коммиссію, но мы въ правѣ также предполагать, что желанія партіи выражены имъ безъ преувеличеній. Почтенный авторъ, и по своему общественному положенію, и по консервативному характеру своего образа мыслей, никакъ не можетъ быть признанъ за крайняго представителя партіи протекціонистовъ; онъ и самъ неоднократно заявляетъ, что его проектъ есть самое умѣренное выраженіе отысканныхъ имъ раціональныхъ началъ тарифа, въ примѣненіи къ практическимъ обстоятельствамъ времени. Взглянемъ же, въ чемъ состоитъ умѣренность нынѣшняго русскаго протекціонизма.

Хотя г. Шиповъ опубликовалъ пока только первую часть своего проекта—отдѣлъ тарифа жизненныхъ припасовъ,—но уже и эта часть съ своими коментаріями даетъ полное понятіе какъ объ остальныхъ частяхъ: такъ и обо всей совокупности рекомендуемой имъ передѣлки тарифа. Этотъ отдѣлъ, между прочимъ озаглавленный авторомъ *articles de jouissance*, заключаетъ въ себѣ всѣ, какъ онъ называетъ, предметы *непроизводительнаго* потребленія, иначе всѣ нефабрикованные предметы потребленія. Всѣ эти предметы составляютъ, по системѣ г. Шипова, матерію для пошлинъ не столько покровительственныхъ, сколько фискальныхъ, и здѣсь онъ желаетъ въ особенности выказать финансовыя достоинства своей системы, доказывая что прибыль казны въ таможенномъ доходѣ отъ предлагаемыхъ имъ измѣненій составитъ по одному этому отдѣлу 3.499.518 руб. въ годъ. Мы не видимъ возможности признать надежность этой цифры, но приписываемъ ей важность въ другомъ отношеніи: она характеризуетъ ту новую фазу въ которую вступилъ нынѣ нашъ протекціонизмъ, стараясь приноровиться къ финансовымъ потребностямъ минуты. Протекціонизмъ беретъ подъ свою защиту казенный интересъ и хочетъ оберечь его отъ опасности, угрожающей ему со стороны чиновныхъ реформаторовъ тарифа. Этотъ союзъ между протекціонизмомъ и интересомъ казны во всякомъ случаѣ лучше прежняго союза съ бумажными деньгами. Въ этомъ есть прогрессъ. Вообще бросается въ глаза, что о заботахъ относительно покровительства отечественной

промышленности и о столь естественной со стороны фабричнаго люда охранѣ затраченныхъ капиталовъ, теперь уже мало слышно, а о возстановлении торговаго баланса и металлическаго денежнаго обращенія, посредствомъ запретительнаго таможеннаго тарифа, объ этой еще недавно любимой темѣ своей, наши протекціонисты теперь совсѣмъ перестали говорить. Что вопросъ объ охранѣ затраченныхъ капиталовъ стоитъ теперь на заднемъ планѣ, это жаль, потому что это неестественно; но что торговый балансъ и требованіе выпусковъ бумажныхъ денегъ исчезли съ поля, въ этомъ, какъ сказано, должно видѣть прогрессъ и прогрессъ весьма полезный. Не знаемъ что было тому причиной, теоретическое ли разъясненіе этихъ вопросовъ, или тѣ факты, которые теперь у всѣхъ на глазахъ: чрезвычайное паденіе иностранныхъ вексельныхъ курсовъ въ 1866 г., при постоянномъ перевѣсѣ нашего вывоза предъ ввозомъ, и быстрый приливъ драгоцѣнныхъ металловъ въ государственный банкъ, по первому спросу, безъ всякихъ измѣненій дѣйствующаго тарифа. Это факты крупные: желательно, чтобы въ нихъ хорошенько всмотрѣлась та часть публики, которая еще придерживается того крайне ошибочнаго популярнаго взгляда, что чѣмъ больше страна продаетъ своихъ продуктовъ на наличныя деньги, и чѣмъ меньше выпускаетъ отъ себя звонкой монеты, тѣмъ будто бы для нея выгоднѣе. Этотъ взглядъ примыкаетъ къ такъ-называемому меркантилизму, — системѣ еще болѣе неправильной чѣмъ система протекціонизма. Между тѣмъ онъ весьма распространенъ: его корень заключается въ весьма естественномъ примѣненіи къ народному хозяйству тѣхъ понятій, которыя имѣютъ силу относительно хозяйства частнаго. Въ послѣднемъ, какъ доходъ, такъ и расходъ считается на деньги, и въ деньгахъ же дѣлаются сбереженія. Чѣмъ больше денегъ получается въ частномъ хозяйствѣ, тѣмъ лучше, потому что тѣмъ бо́льшую, значитъ, оно даетъ прибыль. Но совсѣмъ не то въ хозяйствѣ народномъ, какъ легко убѣдиться изъ слѣдующаго разсужденія. Вѣдь и въ частномъ хозяйствѣ никто здравомысленно не копитъ денегъ для того, чтобы держать ихъ взаперти, а всякій старается помѣстить ихъ, то-есть передать другому взамѣнъ получаемаго отъ него имущества или обязательства. Точно также долженъ поступать и цѣлый народъ; ему также невыгодно держать у себя въ разныхъ кассахъ деньги, не приносящія процентовъ, а напротивъ выгодно помѣщать всѣ излишки противъ кассовыхъ потребностей, пріобрѣтая отъ другихъ народовъ либо имущества, то-есть усиливая ввозъ, либо обязательства, то-есть или давая свои деньги взаймы (участвуя въ государственныхъ займахъ другихъ народовъ), или уплачивая своимъ заимодавцамъ (покупая фонды своихъ внѣшнихъ займовъ). Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ деньги должны отправиться за границу, и слѣдовательно какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ намъ было бы выгодно отпускать за границу то *русское золото*, о которомъ многіе у насъ, не понимая сущности дѣла, расположены хлопотать, чтобъ оно отнюдь не уходило за границу, а сполна оставалось дома. Такая хлопотливость чрезвычайно какъ запутываетъ сужденія объ экономическихъ вопросахъ, и потому весьма желательно, чтобы теперешній приливъ золота въ государственный банкъ обратилъ на себя должное вниманіе публики и послужилъ къ распространенію въ ней болѣе вѣрныхъ экономическихъ понятій. Золото и вообще звонкая монета не могутъ держаться у насъ въ обращеніи, потому что при обиліи бумажныхъ денегъ Россія не нуждается для внутреннихъ оборотовъ въ звонкой монетѣ и что слѣдовательно держать звонкую монету намъ не выгодно, а выгодно отправлять ее за границу. Но вотъ государственный банкъ рѣшился—въ какихъ видахъ, въ точности не извѣстно,—принимать въ свои кассы звонкую монету и хранить ее въ своихъ подвалахъ, не выпуская ея въ обращеніе и стало-быть не получая дохода съ капиталовъ въ ней заключающихся. И что же мы видимъ? Въ короткое время въ государственный банкъ навезено изъ-за границы до 50 милліоновъ звонкой монеты. Точно также легко было бы и публикѣ получить изъ-за границы звонкую монету, еслибы публика въ ней нуждалась. Но публика въ ней не нуждается, имѣя бумажныя деньги въ избыткѣ противъ потребностей въ денежныхъ знакахъ, и вотъ почему звонкая монета не держится въ рукахъ публики. Еслибы было иначе, былъ бы убытокъ для народнаго богатства. А когда такъ, то нечего хлопотать о такъ-

называемомъ торговомъ балансѣ. Всѣ эти хлопоты основаны на недоразумѣніи, которое въ политической экономіи господствовало въ эпоху меркантилистовъ, но уже давнымъ-давно разъяснено и устранено.

Меркантилизмъ есть заблужденіе гораздо болѣе ошибочное и вредное чѣмъ протекціонизмъ, и наше общественное мнѣніе сдѣлаетъ успѣхъ, если протекціонизмъ совершенно отдѣлитъ себя отъ меркантилизма, и если всѣ наши протекціонисты перестанутъ толковать о торговомъ балансѣ, подобно тому какъ повидимому перестал ссылаться на него г. Шиповъ.

Едва ли однако и союзъ протекціонизма съ фискальнымъ интересомъ окажется совершенно состоятельнымъ. Г. Шиповъ утверждаетъ, что его планъ тарифной реформы обогатитъ казну новымъ доходомъ приблизительно въ $3^1/_2$ м. р. Но еслибы мы даже и уступили ему точность его предсказаній относительно единицъ рублей въ выведенной имъ цифрѣ, все-таки мы не могли бы признать въ ней что-либо прочное. Изъ 63 статей, составляющихъ опубликованный имъ отдѣлъ проекта, онъ оставляетъ безъ измѣненія нынѣ дѣйствующихъ пошлинъ только девять статей; пониженіе не допущено даже на такія статьи (пиво и медъ), по которымъ сами производители заявили ненадобность для нихъ никакого покровительства; въ выборѣ тѣхъ товаровъ (шампанскаго, масла коровьяго, уксуса, содовой воды, соленыхъ ягодъ, меда), для которыхъ не проектируется повышенія, также какъ и единственнаго— саго, для котораго почему-то, въ видѣ крайняго исключенія, предлагается пониженіе тарифа, авторъ руководствовался, кажется, болѣе случаемъ чѣмъ раціональными основаніями своей системы. Хотя однѣ изъ этихъ статей уже и теперь обложены весьма высокою пошлиной, а другія слишкомъ ничтожны для какого бы то ни было обложенія, но это обстоятельство еще не должно бы, кажется, считаться достаточнымъ для забвенія о казенномъ интересѣ. По остальнымъ 54 статьямъ предлагаются такія рѣзкія возвышенія тарифа, что нынѣшніе размѣры пошлины увеличиваются не только вдвое и втрое, но иногда даже до 5 и 8 разъ. По нѣкоторымъ статьямъ г. Шиповъ не довольствуется и пошлинами 1822 г.; онъ предлагаетъ возвысить подать даже по такимъ предметамъ народнаго потребленія, которые вошли въ обиходъ недостаточныхъ классовъ, какъ чай, кофе, соленая рыба, и такимъ, которые служатъ единственнымъ (къ стыду нашему) лакомствомъ бѣднѣйшихъ русскихъ людей, каковы орѣхи, хмѣль и проч. Самыя неприхотливыя приправы къ пищѣ, каперцы, миндаль, коринка, и проч., являющіяся обычнымъ украшеніемъ самаго скуднаго стола нашихъ горожанъ, настигаются какъ предметъ роскоши и непроизводительнаго потребленія (jouissance); къ этой категоріи отнесенъ даже ладонъ, и не только росной, но и простой. Г. Шиповъ, говоря что проектируемыя имъ возвышенія тарифа незначительны, находитъ возможнымъ даже на товары упомянутаго разряда наложить пошлины отъ 50% и чуть не до 500% противъ нынѣшнихъ размѣровъ. Подчиняя тарифу статьи нынѣ безпошлинныя, онъ остановился только предъ зерновымъ хлѣбомъ и солью. Послѣднее очень хорошо, и мы вполнѣ сочувствуемъ взгляду г. Шипова на соль, но не можемъ сочувствовать тому, что забота о продовольствіи низшихъ классовъ останавливается на хлѣбѣ и соли. Невѣрно, будто бы все прочее, подлежащее тарифу, потребляеття исключительно людьми достаточными, и невѣрно, чтобы всѣ эти достаточные люди имѣли средства легко переносить предполагаемое возвышеніе пошлинъ. Г. Шиповъ полагаетъ, что достаточныхъ людей, нуждающихся въ колоніальныхъ товарахъ, слѣдуетъ считать въ Россіи не болѣе 4 милліоновъ человѣкъ, но вопервыхъ, надобно желать, чтобъ этотъ кругъ расширился, а вовторыхъ, въ числѣ этихъ 4 милліоновъ окажется около милліона такихъ, которые имѣютъ дохода отъ 30 до 50 р. въ мѣсяцъ, и для которыхъ предлагаемая г. Шиповымъ надбавка будетъ не только чувствительна, но и невыносима. Большинство ихъ откажется отъ потребленія дорогихъ продуктовъ, а слѣдовательно ввозъ ихъ неизбѣжно уменьшится, и казенный доходъ понизится.

Какимъ образомъ могъ сложиться подобный поистинѣ драконовскій проектъ таможеннаго тарифа, особенно въ видахъ устраненія нашихъ финансовыхъ затрудненій? Авторъ самъ указалъ намъ въ своемъ сочиненіи связь мыслей, приведшихъ его къ такимъ плачевнымъ для русскихъ потребителей, т.-е., для всѣхъ русскихъ подданныхъ, предложеніямъ. Почерпнувъ, какъ онъ го-

ворить, изъ финансовой исторіи другихъ государствъ и изъ началъ политической экономіи, нѣкоторыя истины, какъ напримѣръ, что *не всякое* пониженіе таможеннаго тарифа увеличиваетъ доходы казны и что косвенные налоги на предметы роскоши и прихоти оказываются во многихъ случаяхъ весьма справедливыми и менѣе стѣснительными для плательщиковъ, чѣмъ прямыя подати,—авторъ почти склонился къ заключенію, что *всякое* возвышеніе тарифа будетъ выгодно для казны, что обложеніе *всякаго* предмета потребленія, кромѣ хлѣба и соли, единственныхъ товаровъ, на которые не должны распространяться фискальные виды, — будетъ справедливо, какъ обложеніе непроизводительнаго потребленія или наслажденія, и что *никакія* ошибки въ излишнемъ возвышеніи таможенныхъ пошлинъ не опасны, ибо онѣ могутъ быть вредны только для потребителей а не производителей, о пользѣ которыхъ слѣдуетъ исключительно заботиться. При этомъ совсѣмъ забывается, что производители не только существуютъ ради потребителей, но что безъ послѣднихъ, то-есть одни, производители въ государствѣ даже немыслимы. Производство не есть что-либо священное, имѣющее само въ себѣ цѣль.

Изъ соображеній г. Шипова оказывается, что весьма многія, если не всѣ бывшія у насъ пониженія тарифа или не имѣли никакого вліянія на увеличеніе ввоза иностранныхъ товаровъ или имѣли вліяніе самое ничтожное, или наконецъ ввозъ нѣкоторыхъ товаровъ даже уменьшился. Такъ онъ даже доказываетъ, что нѣкоторое усиленіе ввоза въ 1867 г. произошло единственно вслѣдствіе усиленія нашего вывоза. Правильно ли или неправильно это заключеніе, мы позволимъ себѣ привѣтствовать его, какъ одинъ изъ полезныхъ результатовъ борьбы протекціонистовъ съ экономистами. Не такъ давно еще намъ постоянно твердили изъ того лагеря, что наплывъ иностранныхъ товаровъ подрываетъ отечественное производство, а изъ доводовъ г. Шипова въ пользу фискальныхъ пошлинъ выходитъ, что все это—вздоръ. Это признаніе г. Шипова не можетъ не быть принято въ серіозное уваженіе, какъ признаніе партіи, и мы въ правѣ заключить, что для взглядовъ этой партіи осталась не безъ послѣдствій ея теперешняя ревность къ казенному интересу или, какъ выражается нашъ авторъ, къ исполненію „благихъ намѣреній и предположеній г. министра финансовъ, непонятыхъ или опущенныхъ изъ виду въ дѣйствіяхъ подчиненныхъ ему лицъ" (правительственныхъ членовъ тарифной коммиссіи).

Обратившись по примѣру г. Шипова къ практическимъ опытамъ другихъ государствъ и къ основаніямъ здравой политической экономіи, наши протекціонисты, конечно, не замедлятъ узнать какіе горькіе плоды дала въ исторіи давно испытанная финансовая система отчаяннаго извлеченія казенныхъ денегъ отовсюду откуда только можно, безъ вниманія къ истощенію источниковъ уплаты налоговъ. Прибѣгая къ такимъ способамъ, казна обогатится $3^1/_2$ милл. ежегоднаго дохода лишь на самое короткое время: въ теченіи немногихъ лѣтъ эта прибыль можетъ превратиться въ страшный минусъ казенныхъ доходовъ. До сихъ поръ опубликованъ только по преимуществу фискальный отдѣлъ контръ-проекта г. Шипова; каковъ долженъ быть покровительственный отдѣлъ (то-есть, пошлины на предметы производимые въ Россіи и всякія фабричныя и полуфабричныя издѣлія), можно судить изъ слѣдующаго требованія, выраженнаго во введеніи къ сочиненію г. Шипова. Покровительственныя пошлины, по мнѣнію его, должны сократить привозъ иностранныхъ товаровъ такъ, чтобъ они привозились *не для потребленія*, а единственно какъ изящные образцы для отечественнаго производства. Иностранные товары должны быть допускаемы въ видѣ исключенія, лишь когда внутренніе производители не въ силахъ удовлетворить развившемуся требованію публики. Раціональный таможенный тарифъ долженъ быть таковъ, чтобы привозъ иностранныхъ издѣлій постепенно уничтожался (стр. 7 и 8, вып. I). Что же тогда станется съ казеннымъ интересомъ? И на что разложится убыль, на земли или на души? Водка вѣдь отказывается давать больше теперешняго.

№ 80.

Москва, 15-го апрѣля.

Въ послѣднее время въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи стали учреждаться православныя церковныя братства. Сперва появились они въ губерніяхъ западныхъ,

гдѣ, впрочемъ, не были новымъ явленіемъ. Они существовали тамъ еще во времена польскаго владычества, когда православіе и русская народность подвергались въ томъ краѣ всевозможнымъ утѣсненіямъ и гоненіямъ со стороны латинопольскаго духовенства и правительства; цѣлію братствъ было поддерживать по возможности благолѣпіе церквей, заводить при нихъ школы, помогать бѣднымъ. По возсоединеніи западнаго края съ Россіей церковныя братства прекратили свое существованіе, но возникли вновь во время послѣдняго возстанія, когда латинопольская партія, поддерживаемая внѣшними вліяніями, заявила свои притязанія на границы 1772 года. Для возвышенія русской народности въ ополяченномъ краѣ, для полнаго его обрусенія церковныя братства приносятъ не мало пользы и, конечно, при дальнѣйшемъ развитіи своемъ, пріобрѣтя прочность, принесутъ еще болѣе. Въ церковную жизнь они вводятъ важный элементъ совокупнаго дѣйствія духовенства и мірянъ, въ чемъ русское православіе, вслѣдствіе водворившагося въ немъ левитизма, особенно сильно нуждается.

Это вторичное оживленіе западно-русскихъ церковныхъ братствъ замѣчательно тѣмъ, что вслѣдъ за ними стали учреждаться такія же братства и въ губерніяхъ внутреннихъ. Заботы и попеченія о нуждающихся своего прихода, поддержка церковнаго благолѣпія, содѣйствіе и покровительство народнымъ школамъ, это — потребности повсюдныя. Въ нѣкоторыхъ церковныхъ братствахъ имѣется еще въ виду противодѣйствіе расколу посредствомъ убѣжденія и вразумленія отпавшихъ отъ церкви или еще только впадающихъ въ заблужденія православныхъ. Какъ примѣръ приводимъ братство Св. Креста въ Саратовѣ, братство въ селѣ Мстерѣ (Вязниковскаго уѣзда, Владимірской губерніи). Въ немногіе годы своего существованія эти и подобныя имъ братства успѣли уже принести явную пользу. Благотворная дѣятельность ихъ, о которой не разъ было упоминаемо въ нашей газетѣ, продолжается и нынѣ. Для ослабленія и современемъ, при помощи Божіей, совершеннаго упраздненія прискорбнаго церковнаго раздора, внѣдрившагося въ православное русское общество, дѣятельность такихъ братствъ несравненно надежнѣе чѣмъ всѣ доселѣ принимавшіяся противъ раскола мѣры, въ продолженіе столькихъ лѣтъ неприведшія ни къ какимъ утѣшительнымъ результатамъ.

Въ октябрѣ минувшаго года къ существующимъ у насъ церковнымъ братствамъ примкнуло одно новое, кругъ дѣятельности котораго поставленъ еще шире. Церковное братство Святителя Гурія, учрежденное при Благовѣщенскомъ каѳедральномъ соборѣ города Казани, поставило себѣ задачей содѣйствовать учрежденію христіанской вѣры среди крещенныхъ инородцевъ, живущихъ въ Казанской губерніи: Татаръ, Чувашъ, Черимисъ, Вотяковъ и Мордвы, посредствомъ устройства въ ихъ селеніяхъ церквей, заведенія при нихъ инородческихъ школъ и распространенія книгъ религіозно-нравственнаго содержанія на языкахъ инородцевъ. Къ этому братство Святителя Гурія присоединило и цѣль миссіонерскую: содѣйствовать распространенію православія между инородцами, остающимися въ мусульманствѣ или язычествѣ, а также убѣждать и вразумлять раскольниковъ разныхъ сектъ, которыхъ не мало наберется въ Казанской епархіи. Кромѣ того, оно обратило свою дѣятельность на поддержаніе благолѣпія храмовъ Божіихъ, на заботы объ отправленіи богослуженія, неупустительномъ, чинномъ, благоговѣйномъ по уставу церкви, на содѣйствіе и покровительство учрежденію школъ въ православно-русскомъ населеніи, на распространеніе въ немъ полезныхъ книгъ, на развитіе въ народѣ здравыхъ понятій и искорененіе суевѣрій. Наконецъ заботы и попеченія о нуждающихся членахъ православной церкви изъ инородцевъ и оказаніи имъ какъ нравственной, такъ и матеріальной помощи также входятъ въ программу новоучрежденнаго братства.

Это святое предпріятіе какъ нельзя болѣе благовременно въ Казанскомъ краѣ. Въ послѣднее время среди тамошняго населенія обнаружилось религіозное движеніе. Съ одной стороны между горными Черемисами и отчасти между Чувашами возникло стремленіе быть христіанами не на словахъ только, но на самомъ дѣлѣ, а съ другой—крещеные съ давнихъ временъ Татары, живущіе смѣшанно съ единоплеменными имъ магометанами, начали значительными массами отпадать отъ христіанства. Поддержать одихъ въ добромъ направленіи, утверждая ихъ въ вѣрѣ и нравственности христіанской и разгоняя

вокругъ ихъ мракъ языческихъ суевѣрныхъ обычаевъ и преданій, ограждать другихъ отъ магометанской пропаганды, противопоставляя ей не полицейскія мѣры, а пропаганду христіанскую,—вотъ что̀ предлежитъ братству Святителя Гурія на первыхъ порахъ его существованія. Относительно поддержанія христіанской вѣры между крещеными Татарами, еще до открытія братства сдѣлано уже немало, благодаря христіанской ревности преподавателя въ Казанскихъ университетѣ и духовной академіи Н. И. Ильминскаго, а также его дѣятельнаго сотрудника и ближайшаго помощника крещенаго Татарина В. Т. Тимоѳеева. Г. Ильминскій уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ устроилъ въ Казани школу для дѣтей крещеныхъ Татаръ, въ которой дѣло обученія принялъ на себя г. Тимоѳеевъ. Это было сдѣлано на самыя скудныя средства, но г. Тимоѳеевъ успѣлъ, кромѣ казанской школы, завести нѣсколько подобныхъ ей въ разныхъ татарскихъ деревняхъ. Въ этихъ школахъ обученіе производится на татарскомъ языкѣ, ибо русскаго дѣти почти вовсе не понимаютъ. Съ помощію роднаго имъ языка учащіеся освоиваются и съ языкомъ русскимъ. Молитвы и церковныя пѣснопѣнія читаются и поются учениками на обоихъ языкахъ. Таковы главныя основанія этихъ школъ, вызванныхъ христіанскою ревностью. Живой примѣръ дѣйствуетъ живо. Изъ крещенныхъ Татаръ явилось нѣсколько подражателей своему однородцу Тимоѳееву, нашлись даже женщины посвятившія себя обученію дѣтей. Такъ въ селѣ Никифоровкѣ крещеная Татарка дѣвица Ѳедора Гаврилова учитъ татарскихъ дѣтей обоего пола и учитъ такъ, что казанскій архіепископъ, при обозрѣніи епархіи посѣтившій и эту школу, публично о ней заявляетъ, что видѣлъ школу „въ прямомъ смыслѣ образцовую". При живомъ, дѣятельномъ участіи братства Святителя Гурія, нѣтъ сомнѣнія, что такія школы разовьются и размножатся подъ сѣнію церкви, не оскудѣвая въ своемъ миссіонерскомъ характерѣ.

Первоначальная мысль объ учрежденіи въ Казани этого братства принадлежитъ преосвященному Гурію, епископу Таврическому, до нынѣшняго года пребывающему въ Казани въ званіи викарія тамошняго архіепископа. Долго проживъ въ столицѣ Китайской имперіи, преосвященный Гурій пріобрѣлъ тамъ опытность въ дѣлѣ миссіонерства; въ Римѣ, гдѣ онъ за тѣмъ находился нѣкоторое время при нашей миссіи, могъ онъ присмотрѣться къ дѣйствіямъ тамошняго Collegium de Propaganda fide, откуда выходятъ тѣ латинскіе миссіонеры, которые распространяютъ христіанство по самымъ отдаленнымъ, варварскимъ странамъ міра. Вникнувъ въ положеніе казанской паствы, преосвященный признадъ единственнымъ и самымъ надежнымъ способомъ для поддержанія и распространенія христіанства между инородческими племенами учредить осуществившееся нынѣ братство Святителя Гурія. Онъ составилъ уставъ братства, который былъ утвержденъ мѣстнымъ архіепископомъ Антоніемъ 4-го октября прошлаго года, въ день Святаго Гурія, апостола казанскаго, триста лѣтъ тому назадъ подвизавшагося на поприщѣ насажденія святой вѣры въ новопокоренномъ царствѣ Казанскомъ. Въ Благовѣщенскомъ каѳедральномъ соборѣ происходило торжественное освященіе братской хоругви, которая и поставлена при мощахъ Святителя Гурія. Въ тотъ же день было первое засѣданіе братства, произведены выборы въ члены совѣта братства и прочтена программа дѣйствій братства на первый братскій годъ, составленная преосвященнымъ Гуріемъ съ братчиками-учредителями. Вотъ какія задачи вычисляетъ эта программа:

1) Огражденіе православной общины отъ иновѣрной пропаганды. 2) Содѣйствіе къ наставленію и утвержденію въ вѣрѣ православной общины, живущей между инородцами, путемъ простой, даже для простолюдина понятной, сердечной проповѣди, поучающей народъ догматамъ религіи и объясняющей великое и трогательное символическое значеніе богослуженія христіанской церкви. 3) Содѣйствіе къ отправленію въ церквахъ богослуженія, неопустительному, чинному и благоговѣйному, которое невольно внушало бы уваженіе къ нашей св. церкви, какъ въ крещеныхъ инородцахъ, такъ и въ раскольникахъ. 4) Внушеніе русскимъ людямъ о христіанской обязанности добрыхъ, дружественныхъ и братскихъ отношеній ихъ къ крещенымъ инородцамъ, какъ братьямъ по вѣрѣ. 5) По мѣрѣ финансовыхъ и образовательныхъ средствъ поддержка существующихъ инородческихъ школъ, открытыхъ г. Ильминскимъ и Василіемъ Тимо-

ѳеевымъ въ Казани и уѣздахъ, равно и имѣющихъ быть открытыми кѣмъ-либо по образцу ихъ. 6) Снабженіе ихъ предметами, необходимыми для школы. 7) Снабженіе вообще инородцевъ иконами, крестиками, а церквей ихъ утварью, одеждами и проч. 8) Содѣйствіе къ изданію и составленію книгъ духовно-нравственнаго содержанія на инородческихъ языкахъ для школы и домашняго употребленія. 9) Содѣйствіе къ изданію руководства для пастырей и учителей инородцевъ. Въ этомъ руководствѣ должно быть и изложеніе съ опроверженіемъ важнѣйшихъ магометанскихъ вѣроученій и языческихъ заблужденій. 10) Содѣйствіе къ изданію на инородческихъ языкахъ книги, которая, въ формѣ проповѣди, бесѣды или разказовъ, но непремѣнно исторически знакомила бы читателя съ христіанскимъ ученіемъ. *Примѣчаніе*. Братство уполномочиваетъ совѣтъ, по усмотрѣнію его, объявить конкурсъ съ назначеніемъ преміи за лучшее сочиненіе, упоминаемое въ 9 и 10 пунктахъ. 11) Содѣйствіе къ подготовленію всего необходимаго для совершенія богослуженія на татарскомъ языкѣ благочинно и стройно. 12) Оказаніе помощи и поддержки нравственной и матеріальной нуждающимся членамъ православной церкви изъ инородцевъ, преимущественно учащимся въ школахъ. 13) Предоставить совѣту ходатайствовать о дарованіи братству права издавать на татарскомъ, чувашскомъ и другихъ инородческихъ языкахъ Казанской губерніи книги религіозно-нравственнаго содержанія подъ своею отвѣтственностію, безъ представленія ихъ въ петербургскую цензуру.

Мы выписали всѣ эти пункты сполна, потому что въ нихъ видна явственная печать ихъ живой связи съ жизнію, изъ которой они возникли; въ нихъ нѣтъ ничего сочиненнаго, ничего теоретическаго, отвлеченнаго или формальнаго; за то они широко обнимаютъ дѣйствительныя потребности жизни. Всѣ читатели, конечно, присоединятся къ намъ въ желаніи, чтобы братство, учрежденное на такомъ здравомъ основаніи, развивалось бодро и безпрепятственно. Есть надежда, что такъ и будетъ. Въ декабрѣ 1867 года братство уже считало въ своей средѣ двухъ покровителей (Казанскій архіепископъ Антоній и губернаторъ Скарятинъ), 18 братчиковъ-учредителей, 253 братчика, 81 сестру и 28 членовъ-благотворителей, всего триста восемьдесятъ двухъ членовъ, какъ духовныхъ, такъ и мірянъ всѣхъ сословій. Ко дню открытія заявлено было 1481 рубль ежегоднаго взноса братчиковъ въ пользу братства и поступило единовременныхъ пожертвованій на 3.903 рубля.

Остается желать и надѣяться, что примѣръ Казани не останется безъ подражанія, и что въ другихъ восточныхъ губерніяхъ, гдѣ живетъ много инородцевъ магометанъ и язычниковъ, будутъ мало-по-малу, сообразно средствамъ, не на бумагѣ, а на дѣлѣ, устраиваться братства подобныя братству Святителя Гурія.

№ 81.

Москва, 16-го апрѣля.

Недавно вышла въ Парижѣ книга подъ заглавіемъ: „La Turquil sous le règne d'Abdoul-Aziz“ Она имѣетъ самый живой и современный интересъ. Авторъ ея—Англичанинъ по происхожденію, Фредерикъ Миллингенъ, сынъ одного изъ старѣйшихъ англійскихъ резидентовъ въ Константинополѣ; онъ родился въ Турціи и нѣсколько лѣтъ служилъ въ турецкой анатолійской арміи, гдѣ командовалъ 3-мъ батальономъ четвертаго пѣхотнаго полка. „18 лѣтъ отъ роду, говоритъ онъ, судьба столкнула меня съ однимъ политическимъ изувѣромъ, ложныя доктрины коего были причиной моего заблужденія: христіанская цивилизація, по словамъ его, была не что иное, какъ обманъ, низость и интрига, а Турокъ представлялъ собою образецъ первоначальнаго нетронутаго порчею человѣка...“ Подъ вліяніемъ такихъ понятій и увлеченный однимъ изъ тѣхъ Петровъ-Пустынниковъ, которые проповѣдывали Восточную войну, г. Миллингенъ вступилъ въ ряды турецкой арміи подъ именемъ Османа Сеифи-Бея. Но ознакомившись съ турецкими дѣлами ближе, онъ разочаровался, бросилъ турецкую службу, и выѣхалъ изъ Турціи. Книга его заключаетъ въ себѣ прекрасные отвѣты на сдѣланное на дняхъ заявленіе лорда Станлея въ нижней палатѣ, будто дипломатія выработала проектъ примирительныхъ мѣръ, коими-де „будутъ довольны всѣ турецкіе христіане, за исключеніемъ только критскихъ сепаратистовъ.“

Г. Миллингенъ не находитъ достаточно сильныхъ эпитетовъ для порицанія турецкаго правительства, которое, со времени реформъ султана Махмуда, успѣло возстановить противъ себя безразлично и мусульманъ и христіанъ, азіатскихъ кочевниковъ, точно также какъ и наиболѣе образованныхъ жителей Константинополя. Въ прежніе времена, говоритъ намъ авторъ, безграничная по принципу власть падишаха была умѣряема вліяніемъ духовенства и безпокойнымъ духомъ янычаръ. Махмудъ пожелалъ возвыситься надъ ними, но онъ, и еще болѣе его преемники, подпали подъ вліяніе несравненно болѣе сильное, несравненно болѣе ненавистное народу и гораздо болѣе опасное для государства, такъ-называемыхъ *кіатибовъ* или турецкой бюрократіи. Эти кіатибы, подъ именемъ коихъ разумѣются центральные органы правительства, „составляютъ могущественную корпорацію, которая обладаетъ относительно высшею степенью образованія и знакомствомъ съ ходомъ текущихъ дѣлъ, а потому имъ было легко поіобрѣсть вліяніе на всѣ правительственныя учрежденія и даже полное господство надъ ними. Изъ корпораціи кіатибовъ выходятъ великіе эфенди, начальники департаментовъ, императорскіе комиссары, губернаторы, посланники, министры. Мало того: они захватили, можно сказать, верховную власть.“ „Эта неосязаемая, но вездѣ сущая корпорація и составляетъ нынѣ то, что называютъ *Портой*, правительствомъ султана,“ которое г. Миллингенъ отличаетъ отъ короны, нерѣдко ведущей борьбу съ *кіатибами*. Но передъ этой могущественной организаціей безсильна воля султана. Махмудъ подчинился имъ въ послѣдніе годы своей жизни, они успѣли погрузить въ развратъ и завѣдомо растлили физическія и нравственныя силы Абдулъ-Меджида, и по тому же самому пути ведутъ они нынѣшняго султана, не взирая на многія хорошія его качества и на готовность его трудиться для блага своихъ подданныхъ. Въ началѣ царствованія Абдулъ-Азиза началась борьба между дворцомъ султана и Портой. Первые два великіе визиря, Киприсли и Авали, не отвѣчали ожиданіямъ *кіатибовъ*. Гнѣвъ Абдулъ-Азиза былъ мечемъ Домокловымъ, висѣвшимъ надъ ихъ головами. Они громко выражали свое неудовольствіе на независимость отъ нихъ султана, распускали слухи, что онъ не въ своемъ умѣ и спрашивали открыто: „Кто же наконецъ приведетъ султана къ уму-разуму?“ Взоры кіатибовъ обратились на Фуадъ-пашу, какъ на человѣка тонкаго и способнаго къ инициативѣ. Правительственная система Фуадъ-паши, когда онъ былъ верховнымъ визиремъ состояла въ слѣдующемъ: 1) „пользоваться неопытностью Абдулъ-Азиза, чтобы обманывать его и компрометтировать предъ общественнымъ мнѣніемъ; 2) устранить отъ него всякую поддержку и всякій совѣтъ со стороны тѣхъ, которые были не заодно съ Фуадъ-пашей; 3) захватить въ свои руки назначеніе на высшія должности и 4) обманывать общественное мнѣніе и султана посредствомъ покорной себѣ печати.“

Съ самимъ г. Миллингеномъ былъ случай, характеризующій эту систему дѣйствій, основанную на производствѣ фальшивыхъ эффектовъ. Нашъ авторъ перессорился съ своими невыносимыми начальниками во время службы въ анатолійской арміи и пріѣхалъ въ Константинополь искать правосудія и защиты у Фуадъ-паши, какъ военнаго министра. Но Фуадъ-паша нашелъ, что жалобы баталіоннаго командира нарушаютъ дисциплину и приказалъ отправить его къ полку для производства надъ нимъ слѣдствія. Тогда, понимая, что дѣло начинаетъ касаться самой жизни его, г. Миллингенъ обратился къ британскому послу, и подавъ просьбу объ отставкѣ, предъявилъ свои права, какъ британскій подданный. Сэръ-Генри-Бульверъ вступилъ въ сношенія съ Фуадъ-пашей и послѣ долгихъ переговоровъ, между ними было условлено, что г. Миллингена схватятъ, продержатъ нѣсколько дней въ тюрьмѣ и посадятъ на корабль для отправленія въ Анатолію, а затѣмъ освободятъ…

Могутъ сказать, что это случай исключительный. Но это не такъ. Можетъ-быть въ Европѣ не мало армій, гдѣ усовершенствованнаго оружія гораздо меньше, чѣмъ въ турецкой. По словамъ нашего автора, турецкая пѣхота имѣетъ до 100.000 ружей, приспособленныхъ для ускоренной пальбы; матеріальныя части артиллеріи, орудія, лошади, вся принадлежность въ прекрасномъ состояніи; Турки хорошо стрѣляютъ и отлично ѣздятъ верхомъ,—а между тѣмъ, по свидѣтельству того же самаго автора, изо всего этого не выходитъ ни малѣйшаго проку. Причина этому та же самая: желаніе со стороны правительства

казаться сильнымъ, хорошо вооруженнымъ, готовымъ къ отпору. Скорострѣльныя ружья турецкіе не только различныхъ системъ, но и различныхъ калибровъ. Какъ будетъ обращаться солдатъ, переведенный изъ одной дивизіи въ другую, съ новымъ для него оружіемъ, какія затрудненія связаны съ приготовленіемъ различнаго калибра зарядовъ для этихъ ружей, объ этомъ никто не заботится; но 100.000 игольчатыхъ ружей, это такая цифра, которая громко звучитъ въ отчетахъ и въ статьяхъ туркофильскихъ газетъ; она даетъ представителямъ дружественныхъ Турціи державъ поводъ свидѣтельствовать передъ своими правительствами о быстрыхъ успѣхахъ Порты въ военномъ искусствѣ, — и этого довольно. По словамъ нашего автора, только два первые корпуса турецкой арміи порядочно обучены но и то лишь тѣмъ эволюціямъ, которыя производятся на плацу. „Сомнительно, говоритъ онъ, чтобы нашлось въ ней два генерала, которые умѣли бы примѣнить законы тактики къ различнымъ топографическимъ условіямъ;“ офицеры генеральнаго штаба не имѣютъ ни познаній, ни опытности и не пользуются ни малѣйшимъ уваженіемъ въ арміи. Вотъ впрочемъ собственныя слова г. Миллингена о той части войскъ, въ которой онъ служилъ. „Положеніе моихъ солдатъ было поистинѣ жалостное, говоритъ онъ; двѣ трети ихъ вовсе не имѣли бѣлья; шаровары ихъ были въ дырахъ, казакины до такой степени стары, что невозможно было опредѣлить, какого они цвѣта; даже зимой, въ январѣ, они принуждены были носить башмаки на босу ногу. Словомъ, они болѣе походили на нищихъ, чѣмъ на солдатъ. Странное и вмѣстѣ съ тѣмъ поучительное дѣло! Въ то время какъ мы ходили въ такомъ уборѣ, Фуадъ-паша провозглашалъ при помощи преданныхъ себѣ газетъ, что никогда еще турецкая армія не бывала въ столь блестящемъ положеніи, — и вся Европа вѣрила ему!.. Наше продовольствіе было подъ статъ экипировкѣ. Достойный нашъ дивизіонный командиръ, связанный тѣсной дружбой съ провіантмейстеромъ, кормилъ насъ *дохлятиной* (de la vache enragée). Люди часто не хотѣли ѣсть риса и масла. Въ продолженіе цѣлой недѣли однажды мы оставались вовсе безъ хлѣба, такъ что я принужденъ былъ производить фуражировки, чтобы прокормить свой баталіонъ. Что касается до жалованья, то мы считали за казной 22 мѣсяца недоимки, а другой баталіонъ нашего полка—34 мѣсяца.“ Когда въ баталіонѣ г. Миллингена открылась тифозная эпидемія, то противъ нея не было принято никакихъ мѣръ, и на 287 человѣкъ, находившихся на лицо, умерло 54 человѣка; изъ числа двухъ медиковъ, положенныхъ по штату, въ минуту открытія эпидеміи не оказалось ни одного: одинъ изъ нихъ былъ въ постоянной командировкѣ при дивизіонномъ начальникѣ, для обученія его племянника, а другой уѣхалъ по собственнымъ дѣламъ, съ разрѣшенія мѣстнаго паши. Части турецкой арміи, по крайней мѣрѣ анатолійской, разбросаны и не существуетъ ни контроля надъ ними, ни общаго направленія въ ихъ администраціи. Правда, отъ времени до времени ихъ объѣзжаютъ генералы или офицеры, состоящіе при штабахъ; „но такія командировки, доставляя получающимъ ихъ существенныя выгоды, даруются начальствующими лицами по большей части адъютантамъ, въ видѣ наградъ за ихъ услуги и въ знакъ особаго благоволенія. Такой инспекторъ бываетъ предметомъ истинныхъ овацій со стороны второстепенныхъ начальниковъ. Великолѣпно принятый и получивъ нѣсколько золотыхъ монетъ, онъ возвращается къ посылавшему его и привозитъ самые утѣшительные отзывы о состояніи войскъ.“

Такова оборотная сторона положенія турецкой арміи, изображенная человѣкомъ, кинувшемся въ ея ряды съ нѣкотораго рода фанатизмомъ! Фуадъ-паша, въ долговременную бытность свою военнымъ министромъ не сдѣлалъ для нее ровно ничего. Г. Миллингенъ говоритъ, что не имѣетъ никакого понятія въ военномъ дѣлѣ, и всѣ свои дарованія устремлялъ на то, чтобъ управлять не арміей, а султаномъ. Первое визирство не совсѣмъ удалось ему. Онъ сдѣлалъ на султана слишкомъ сильный напоръ и вызвалъ реакцію. Султанъ хотѣлъ было замѣнить его человѣкомъ себѣ преданнымъ Неврезъ-пашей, но пущена была въ ходъ интрига, и великимъ визиремъ былъ назначенъ Кіамиль-паша, лѣнивый эпикурецъ, а Фуадъ сдѣланъ военнымъ министромъ. Тогда сочинили путешествіе султана въ Египетъ. Фуадъ-паша, въ качествѣ военнаго министра, долженъ былъ сопровождать свою будущую добычу. На этотъ разъ онъ взялся

за дѣло иначе, и изъ Египта султанъ воротился съ убѣжденіемъ, что Фуадъ-паша единственный человѣкъ, способный спасти Турцію. Вскорѣ Фуадъ былъ опять возвышенъ въ санъ великаго визиря. Тутъ онъ опять сталъ дѣлать все возможное, чтобъ обаять султана и вмѣстѣ компрометтировать его, обезпечивая этимъ свою власть надъ нимъ. Гаремъ императорскій, въ началѣ царствованія сокращенный, возрос до 900 женщинъ; уменьшеніе расходовъ на дворъ отмѣнено; дворцовъ и кіосковъ строилось тѣмъ больше, чѣмъ меньше было денегъ въ казначействѣ, и дѣло дошло до того, что дворцы, только что построенные и ставшіе большихъ денегъ, стали уже ломать изъ прихоти (дворецъ Бейгербей; его велѣно сломать по возращеніи султана со всемірной выставки, чтобы замѣнить его новымъ). Вотъ политическій человѣкъ, который всего болѣе опирался на поддержку со стороны Англіи.

Лордъ Станлей, заявившій въ палатѣ общинъ, что единственная цѣль Критянъ состоитъ въ томъ, чтобъ отдѣлаться отъ Турціи, безъ сомнѣнія совершенно правъ. Въ такой странѣ, если въ ней происходитъ возмущеніе, нечего искать со стороны возмутившихся населеній иныхъ побужденій, кромѣ желанія сбросить съ себя иго столь же ненавистное, какъ и презрѣнное; но невозможно себѣ представить такую комбинацію, которая бы, по словамъ благороднаго лорда, въ состояніи была удовлетворить прочихъ подданныхъ султана. Мы могли бы выписать изъ книги г. Миллингена множество случаевъ, живописующихъ невыносимое положеніе дѣлъ въ провинціяхъ. Такъ напримѣръ, бывшій въ 1863 г. мудиромъ въ Катурѣ (въ Ванскомъ пашалыкѣ) Ахметъ-ага приказалъ зарѣзать купца Еврея, съ цѣлью воспользоваться бывшими при немъ 32.000 піастровъ; мудиръ остался совершенно безнаказаннымъ, а его клевреты, посаженные въ тюрьму получили возможность уйти изъ нея. Или еще: одинъ уважаемый за свою святость и за путешествіе въ Мекку Мулла-хаджи былъ атаманомъ шайки разбойниковъ, которую составляли его два сына и племянникъ, и имъ покровительствовалъ тотъ же самый катурскій мудиръ Ахметъ-Ага... По словамъ г. Миллингена, не только всѣ христіане, но сами Турки съ нетерпѣніемъ желаютъ свергнуть власть, которая уже не представляется имъ священною съ того времени, какъ она попрала старыя мусульманскія преданія, не усвоивъ себѣ европейской цивилизаціи. Даже въ самой Анатоліи, тамъ, гдѣ, по общему мнѣнію, таятся корни турецкаго могущества, и тамъ, говоритъ г. Миллингенъ, „мусульмане готовы были бы возстать, если бы у нихъ были деньги и руки.“ „Эти племена, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, разоренныя вторженіемъ Русскихъ, угнетаемыя своими пашами и правителями, не знаютъ, кого болѣе ненавидѣть. Но паши умудрились въ этомъ отношеніи взять верхъ, и большинство жителей сдѣлались горячими приверженцами московскаго правительства.“

№ 82.

Москва, 18-го апрѣля.

Французскія офиціозныя газеты упрекаютъ русскую печать въ невѣрныхъ взглядахъ на французскія вооруженія, и настойчиво повторяютъ, что Тюльерійскій кабинетъ не имѣетъ воинственнныхъ плановъ и заботится объ увеличеніи военныхъ силъ единственно въ видахъ сохраненія мира и поддержанія прежняго значенія Франціи въ Европѣ. Что французская публика, въ большинствѣ своемъ, настроена миролюбиво, это совершенно правда и никѣмъ не отрицается. Но французская армія, какъ впрочемъ и всякая армія, естественно желаетъ войны, и теперь, послѣ извѣстій о блистательномъ успѣхѣ абиссинской кампаніи, столь непохожей на кохинхинскую и мексиканскую, будетъ желать войны еще болѣе чѣмъ прежде, а Тюльерійскій кабинетъ колеблется въ своей нерѣшимости и тѣмъ, конечно, не ослабляетъ, а поддерживаетъ воинственное настроеніе. Русская печать впрочемъ гораздо болѣе имѣетъ повода интересоваться другими колебаніями Тюльерійскаго кабинета,—его колебаніями по вопросу Восточному, гдѣ, впрочемъ тоже естественно, Тюльерійскій кабинетъ непремѣнно хочетъ развивать свою дѣятельность. Мы имѣемъ основанія указывать только на одно,—на лихорадочное настроеніе Тюльерійскаго кабинета и на колоссальность французскихъ вооруженій. Что̀ изъ этого выйдетъ, это другой вопросъ, но вооруженія Франціи—фактъ неоспоримый. Если они дѣйствительно предпринимаются съ единственною цѣлію сохраненія

мира, то надо сознаться, что никто не старался болѣе держаться поговорки „хочешь мира, - готовься къ войнѣ,“ чѣмъ какъ нынѣ старается французское правительство, несмотря на всѣ разногласія которыя могутъ въ немъ господствовать по вопросу о способѣ употребленія тѣхъ, громадныхъ военныхъ силъ, коими Франція нынѣ располагаетъ. Наполеонъ III воздержался принять своевременное участіе въ Австро-Прусской войнѣ, участіе которое могло бы совершенно измѣнить результаты Богемской кампаніи. Эта нерѣшительность главы французскаго правительства дала Пруссіи возможность воспользоваться плодами своихъ побѣдъ. Съ тѣхъ поръ во всей Европѣ начались большія военныя приготовленія, и Франція подала тому примѣръ. Она не только измѣнила, въ этотъ короткій періодъ времени, вооруженіе своей пѣхоты, снабдивъ ее ружьями заряжающимися съ казенной части, но и пересоздала устройство своей арміи, образованіемъ подвижной національной гвардіи и переформированіемъ резерва. Кромѣ того она не щадитъ усилій и средствъ на укрѣпленіе своей сѣверо-восточной границы.

Вооруженіе пѣхоты скорострѣльными ружьями было произведено съ замѣчательною рѣшительностью и быстротой. Заготовленіемъ новаго оружія и передѣлкой старыхъ ружей на новыя образцы были заняты не только всѣ оружейные заводы и мастерскія, но и такія заведенія, которыя до того времени никогда и не думали заниматься оружейнымъ дѣломъ, слесаря, фабриканты швейныхъ машинъ, ножовщики и др. Значительная часть заказовъ была выполнена, сверхъ того, въ Италіи и Бельгіи. Весьма вѣроятно, конечно, что вслѣдствіе этой поспѣшности извѣстный процентъ ружей окажется плохо изготовленнымъ, но этого нельзя принимать во вниманіе, имѣя въ виду такія громадныя выгоды, какъ усиленіе нравственнаго духа войска отъ лучшаго вооруженія, и водвореніе въ войскахъ и въ населеніи довѣрія къ правительству, которое съ такою энергіей содѣйствовало тому.

Еще большаго вниманія заслуживаетъ образованіе подвижной національной гвардіи, которая въ связи съ новою организаціей резерва и новымъ закономъ о военной повинности увеличитъ французскую вооруженную силу до 1.230.000 человѣкъ. Законы, сюда относящіеся, разсматривались палатами въ прошломъ году и въ началѣ нынѣшняго, а 1-го февраля окончательно утверждены императоромъ и приводятся уже въ исполненіе. Впредь французская армія будетъ состоять изъ дѣйствующей арміи, изъ резерва, имѣющаго задачей пополнять ряды арміи и формировать новыя части, и изъ подвижной національной гвардіи. Резервъ будетъ состоять частію изъ людей прослужившихъ пять лѣтъ въ рядахъ арміи, частію изъ конскриптовъ, не зачисленныхъ въ нее; въ подвижную національную гвардію войдутъ люди, прослужившіе пять лѣтъ въ резервѣ, а также всѣ молодые люди, остающіеся свободные отъ конскрипціи; люди эти будутъ числиться въ спискахъ національныхъ гвардейцевъ тоже пять лѣтъ. Эта новая подвижная національная гвардія не имѣетъ ничего общаго съ извѣстною французскою національною гвардіей. Національная гвардія никогда не существовала какъ постоянное войско, хотя въ нее, номинально, и зачислялись всѣ взрослые люди (отъ 20 до 60 лѣтъ). Основаніемъ національной гвардіи послужила гражданская стража Парижа, устроенная въ 1789 году, по предложенію Мирабо, дабы обезпечить внутренній порядокъ и наблюдать за дѣйствіями исполнительной власти. Національная гвардія испытала много преобразованій. До 1852 года она принимала непосредственное участіе во всѣхъ политическихъ переворотахъ своей страны, но распоряженія 1852 года лишили ее всякаго значенія. Что же касается подвижной національной гвардіи, то она имѣетъ опредѣленный военный характеръ; ея назначеніе — охрана береговъ и отправленіе гарнизонной службы внутри государства, когда войска будутъ отвлекаемы къ границамъ. По значенію своему, подвижная національная гвардія близко подходитъ къ прусскому ландверу. Она будетъ организована въ отдѣльные баталіоны, въ числѣ 250, каждый силою отъ 1.500 до 2.000 человѣкъ, и при ней будетъ состоять 125 баттарей, по 200 человѣкъ въ каждой. Для первоначальнаго образованія ея, въ нее приказано зачислить всѣхъ холостыхъ людей и бездѣтныхъ вдовцовъ классовъ 1864, 1865 и 1866 годовъ (то-есть, въ эти годы подлежавшихъ конскрипціи по своему возрасту), не зачисленныхъ въ свое время въ армію. Въ іюлѣ же будутъ зачислены въ подвижную

національную гвардію и люди класса 1867 года, которые не попадутъ ни въ армію, ни въ резервы. Съ цѣлью формированія подвижной національной гвардіи, въ каждомъ департаментѣ учреждены теперь особые ревизіонные комитеты.

Неменьшая энергія видна и въ той поспѣшности, съ которою укрѣпляются въ настоящее время сѣверо-восточная граница Франціи. Извѣстно, что эта часть границы слабѣе другихъ частей. Не защищенная никакими естественными преградами, она представляетъ наиболѣе удобствъ ко вторженію внутрь Франціи со стороны противника, владѣющаго срединой теченія Рейна. Эта часть границы усѣяна крѣпостями, расположенными въ три линіи и составляющими непрерывную систему фортификаціонной обороны, начало которой было положено еще Вобаномъ. Къ сторонѣ Бельгіи здѣсь лежатъ крѣпости: Дюнкирхенъ, Лилль, Валансьенъ, Мобежъ, Шарлемань и Живе, и мн. др. къ сторонѣ Германіи—Мозгеръ, Мецъ, Страсбургъ и др., находящіяся съ ними въ связи. На эти-то крѣпости и обращено теперь особое вниманіе французскаго правительства. Въ опубликованномъ буджетѣ на 1869 годъ, ассигновано на инженерныя работы 13,655.000 фр., и значительная часть этой суммы опредѣлена на Лилль и Мецъ. Въ неменьшемъ размѣрѣ производились работы въ прошломъ году и производятся въ нынѣшнемъ.

Мы отнюдь не отрицаемъ, что эти вооруженія вынуждены обстоятельствами. Пруссія еще въ прошломъ году окончила организацію сѣверо-германской арміи, распространивъ прусскія военныя постановленія на всю Германію. Съ нынѣшняго года войска мелкихъ сѣверо-германскихъ владѣтелей получили даже общую нумерацію съ полками прусской арміи. Австрія также еще въ прошломъ году окончила преобразованіе своей арміи, доведя ея численность, по военному времени, до 760.000 человѣкъ, и снабдивъ значительную часть ея скорострѣльными ружьями.

Не подлежитъ спору, что два послѣдніе года и западная, центральная Европа употребила на дѣятельныя приготовленія къ войнѣ; несомнѣнно также, что Англія держитъ теперь въ Индіи стотысячную армію, рвущуюся къ новымъ подвигамъ, и еще болѣе узнавшую свои силы въ Абиссиніи, гдѣ многіе предсказывали ей неудачу. Въ послѣдніе дни нѣкоторыя иностранныя газеты заговорили о предположенномъ будто соглашеніи между державами для всеобщаго обезоруженія, но надеждъ на такое соглашеніе, должно сознаться, весьма мало. Извѣстіе принесенное на прошлой недѣлѣ телеграфомъ, что прусское правительство имѣетъ въ виду распустить нѣкоторую часть людей, теперь уже разъяснено въ прусскихъ газетахъ: сокращеніе простирается на 12.000 человѣкъ и едва ли имѣетъ какое-нибудь значеніе. Вооружившись съ головы до ногъ, заготовивъ громадное количество оружія и боевыхъ припасовъ, организовавъ громадныя, небывалыя доселѣ арміи, поставивъ крѣпости на военное положеніе, еслибы европейскія державы и согласились распустить по домамъ нѣкоторое количество людей, коихъ можно призвать обратно въ самый короткій срокъ, то даже и въ этомъ соглашеніи трудно было бы видѣть прочные залоги мира. Между тѣмъ Восточный вопросъ запутывается, и повторяющіяся придирки къ Румыніи—по австрійской, къ Греціи—по французской иниціативѣ, а равно колебанія, которыя началъ обнаруживать по этимъ дѣламъ Берлинскій кабинетъ, способны внушать серіозныя опасенія за будущее. Придиркамъ къ Румыніи нельзя не придавать извѣстной важности. Упомянувъ о нихъ кстати, приведемъ нѣсколько справедливыхъ строкъ, напечатанныхъ на дняхъ въ *le Nord*:

Припоминая философическое спокойствіе, съ коимъ бо̀льшая часть органовъ французской печати смотрѣла въ прошедшемъ году на мѣры нетерпимости, весьма положительныя и дѣйствительныя, которыя въ то время принимали румынскія власти противъ Евреевъ, нельзя не подивиться страстному ожесточенію, съ какимъ эти же самые органы преслѣдуютъ въ настоящую минуту министерство Братіано, по поводу фактовъ нетерпимости и религіознаго преслѣдованія, въ которыхъ его участіе несравненно менѣе достовѣрно.

№ 83.

Москва, 19-го апрѣля.

Мы говорили надняхъ (№ 76) о чрезвычайномъ развитіи, которое получили въ нашихъ государственныхъ расходахъ сверх-

смѣтные кредиты. Отчетъ государственнаго контроля за 1866 г. есть единственный официальный документъ, откуда можно извлечь положительныя данныя объ этихъ такъ-называемыхъ дополнительныхъ и экстраординарныхъ кредитахъ. Но и здѣсь приведены лишь цифры этихъ кредитовъ по каждой статьѣ государственной росписи, безъ объясненія основаній побудившихъ къ ихъ испрошенію и разрѣшенію. Для оправданія сверхсмѣтнаго расхода, сверхъ общихъ условій всякаго государственнаго расхода, еще два условія казались бы совершенно необходимыми: *во-первыхъ*, чтобы было доказано, что испрашиваемый дополнительный или экстраординарный кредитъ никакъ не могъ быть предусмотрѣнъ при составленіи дѣйствующей смѣты, и *во-вторыхъ*, что онъ отнюдь не можетъ быть отложенъ до смѣты будущей. Въ отчетѣ государственнаго контроля не оказывается достаточно свѣдѣній для разрѣшенія этихъ двухъ вопросовъ даже по крупнѣйшимъ передержкамъ въ бюджетѣ 1866 г.; по большей части не обозначены даже предметы этихъ передержекъ. Разсматривая заглавія статей, по коимъ оказываются значительнѣйшіе экстраординарные кредиты, мы можемъ придти только къ одному положительному и несомнѣнному заключенію, что упомянутыя два условія не сопровождали всѣхъ разрѣшенныхъ въ 1866 году сверхсмѣтныхъ расходовъ. Отчетъ государственнаго контроля, излагая исключительно цифровыя данныя, скупъ на объясненіе этихъ данныхъ; его примѣчанія къ цифрамъ почти ограничиваются бухгалтерскими и кассирскими соображеніями. Нельзя не ставить этого въ упрекъ государственному контролю, который, обнародовавъ впервые точныя цифры нашихъ государственныхъ доходовъ и расходовъ, оказалъ не только дѣлу изученія, но и улучшенія нашихъ финансовъ важную услугу. Можетъ-быть отъ контрольнаго отчета и нельзя ничего болѣе требовать, въ особенности на первое время, когда еще не обнаружены окончательно результаты всѣхъ ревизіонныхъ дѣйствій за 1866 г. и не получены свѣдѣнія ото всѣхъ подвѣдомственныхъ мѣстъ. Настоящій финансовый отчетъ объ исполненіи государственнаго бюджета, съ объясненіемъ обстоятельствъ, нарушившихъ ожиданія (а не упущеній и противозаконныхъ дѣйствій должностныхъ лицъ, подлежащихъ ревизіи контроля),—отчетъ необходимый для того, чтобы составленіе будущихъ бюджетовъ могло основаться на опытахъ прошедшаго, — ближе относится къ обязанностямъ министерства финансовъ чѣмъ государственнаго контроля. Нынѣ такія соображенія, руководящія при составленіи государственной росписи, излагаются, и то отчасти, только въ представленіяхъ министра финансовъ и государственнаго контролера государственному совѣту по отдѣльнымъ смѣтамъ; но эти соображенія не обнимаютъ собой общаго движенія государственныхъ доходовъ и расходовъ, и притомъ они совершенно недоступны для публики.

Изъ данныхъ изложенныхъ въ отчетѣ государственнаго контроля можно извлечь лишь приблизительное понятіе о главныхъ чертахъ сверхсмѣтныхъ расходовъ. Съ перваго взгляда поражаютъ безпрерывно повторяющіеся почти по всѣмъ вѣдомствамъ, въ особенности по министерству финансовъ, дополнительные и экстраординарные кредиты по содержанію *личнаго состава* управленій. Этого рода сверхсмѣтные кредиты тѣмъ менѣе могутъ говорить за себя, что всѣ расходы по этому предмету въ точности, до послѣдней копѣйки, опредѣлены законами и штатами и должны бы еще давать болѣе или менѣе значительные остатки, которыми легко могли бы покрываться рѣдкія и исключительныя превышенія расходовъ противъ штатовъ. Новые штаты и преобразованія въ личномъ составѣ управленій никогда не вызываются такою экстренною надобностью, чтобъ ихъ нельзя было отсрочить на нѣсколько мѣсяцевъ; такія реформы никогда не составляютъ спѣшной государственной необходимости, а напротивъ, всегда бываютъ плодомъ продолжительныхъ сужденій и соображеній. Вотъ эта-та категорія сверхсмѣтныхъ расходовъ, достигающихъ за 1866 г. значительной суммы, вмѣстѣ съ другими подобными статьями, появившимися отнюдь не вслѣдствіе чрезвычайныхъ и неожиданныхъ обстоятельствъ (какъ напримѣръ почти всѣ экстраординарные кредиты по высшимъ государственнымъ мѣстамъ, введеніе въ дѣйствіе новыхъ судебныхъ уставовъ, ремонтъ и исправленіе разныхъ зданій и сооруженій и проч.), — эта категорія сверхсмѣтныхъ расходовъ и внушаетъ догадку, что они испрашивались никакъ не потому что не

могли быть заранѣе извѣстны или не могли быть отложены до слѣдующей смѣты, а только по непривычкѣ къ новому порядку составленія смѣтъ, если не изъ желанія проводить желаемые расходы незамѣтно, въ продолженіе года, помимо того обстоятельнаго разсмотрѣнія, которое предшествуетъ утвержденію бюджета.

Во всякомъ случаѣ значительная доля передержекъ, судя по исполненію бюджета 1866 г., происходитъ у насъ еще вслѣдствіе шаткости кредитнаго рубля и условленной ею измѣнчивости цѣнъ на всѣ наши товары и на трудъ. Правда, что 1866 г. былъ ознаменованъ особенными пароксизмами этого финансоваго недуга, проявившимися въ рѣзкомъ паденіи вексельныхъ курсовъ; но, такъ или иначе, колебанія узаконенной монетной единицы, возникающія изъ двойственной цѣны денегъ, бумажныхъ и металлическихъ, не позволяютъ цѣнамъ на товаръ слѣдовать къ повышенію или пониженію подъ вліяніемъ естественныхъ или коммерческихъ причинъ. При такихъ условіяхъ равновѣсіе въ государственномъ бюджетѣ невозможно. Измѣненія цѣнности узаконенной монетной единицы въ сравненіи съ иностранною звонкою монетой, которою правительство расплачивается во всѣхъ своихъ заграничныхъ операціяхъ, и колебанія цѣнъ на товары и на трудъ по всѣмъ казеннымъ поставкамъ и подрядамъ, столь у насъ многочисленнымъ, съ одной стороны не допускаютъ точности въ бюджетныхъ ассигнованіяхъ, а съ другой—обманываютъ, во время дѣйствія смѣтъ, всѣ ожиданія ихъ составителей. Колебанія цѣнъ особенно опасны для нашей казны потому еще, что, несмотря на нѣкоторыя значительныя сокращенія казеннаго хозяйства въ послѣднее время, оно еще остается въ силѣ по многимъ отраслямъ управленія; сюда относятся наши казенные горные заводы, существованію которыхъ мы обязаны въ 1866 году сверхсмѣтными расходами на 2.300.000 руб. (въ смѣтѣ доходившей до 6.500.000 руб.); сюда относятся и вообще всѣ казенныя промышленныя предпріятія и производства. Многіе дополнительные и экстраординарные кредиты 1866 г. произошли, очевидно, отъ бывшаго въ этомъ году монетнаго кризиса; такова большая часть огромныхъ передержекъ въ платежахъ по государственнымъ займамъ (6.600.000), въ содержаніи министерства иностранныхъ дѣлъ (470.000), въ заготовкахъ по сухопутному интендантскому вѣдомству (5.500.000) и проч. Потрясенія въ цѣнахъ на матеріалы и вольнонаемныя работы вынуждаютъ распорядителей требовать экстраординарныхъ кредитовъ, которые по этому и не могутъ быть поставляемы въ вину должностнымъ лицамъ, расходующимъ казенныя деньги.

Сверхъ того надобно замѣтить, что самая медленность дѣлопроизводства по составленію нашей государственной росписи играетъ немаловажную роль въ дополнительныхъ и экстраординарныхъ кредитахъ. Весь періодъ бюджетныхъ работъ на 1866 годъ, съ представленія смѣтъ, продолжался въ государственномъ совѣтѣ цѣлыхъ восемь мѣсяцевъ, что отчасти зависѣло отъ просрочекъ въ представленіи смѣтъ и свѣдѣній низшими инстанціями. При такой медлительности дѣлопроизводства по бюджету, оказывается, что онъ составляется (считая съ первоначальнаго составленія частныхъ смѣтъ) не менѣе года. Дѣйствительно, требованія дополнительныхъ кредитовъ заявляются уже во время самаго разсмотрѣнія смѣтъ въ государственномъ совѣтѣ, и сверхсмѣтные расходы начинаются вслѣдъ за утвержденіемъ бюджета. Наконецъ обычное запаздываніе этого утвержденія, появляющагося черезъ два и три мѣсяца послѣ окончанія предыдущаго смѣтнаго года, уже само по себѣ отчасти причиняетъ сверхсмѣтные расходы, ибо всѣ отрасли управленія находятся нѣкоторое время, въ началѣ года, безъ окончательно составленной смѣты. Соображенія приходятъ на умъ какъ нельзя болѣе кстати теперь, когда могутъ быть приняты мѣры къ правильному и своевременному составленію смѣтъ на 1869 годъ.

Не надобно терять изъ виду и то, что независимо отъ разстройства нашей денежной системы, сверхсмѣтные расходы находятъ весьма благопріятную почву для своего развитія въ той расточительности на казенныя деньги, которая издавна стала свойствомъ нашей администраціи, и которую сверхсмѣтные расходы—это заслуживаетъ особеннаго вниманія – въ свою очередь питаютъ. Экстраординарные кредиты, подобно занятымъ деньгамъ, тратятся всегда съ большею расточительностію нежели кредиты точно опредѣленные въ бюджетѣ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда сверхсмѣтные расходы испрашива-

ются въ общемъ законодательномъ порядкѣ, а не экстраординарнымъ путемъ, потребность въ расходѣ не можетъ быть такъ строго обсужена и ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть уравновѣшена со всею совокупностью государственныхъ расходовъ. А никакой государственный расходъ не имѣетъ права на мѣсто въ бюджетѣ независимо отъ всѣхъ остальныхъ расходовъ; степень настоятельности каждой статьи бюджета опредѣляется единственно отношеніемъ ея ко всѣмъ другимъ статьямъ. Нѣтъ такого государственнаго расхода,—кромѣ развѣ обороны государства при открытомъ нападеніи на него,—который имѣлъ бы право на удовлетвореніе безъ всякаго соображенія съ другими расходами. Эта азбука государственныхъ финансовъ: иначе не было бы никакой надобности составлять бюджеты. Сверхсмѣтные расходы потому и нравятся, потому и плодятся, что испрашивающія ихъ мѣста всегда могутъ надѣяться, что разрѣшеніе ихъ въ теченіе смѣтнаго періода будетъ льготнѣе чѣмъ при общемъ утвержденіи смѣты. Такъ большею частію и бываетъ, и иначе не можетъ быть. Но однажды попавшіе въ бюджетъ расходы остаются въ немъ навсегда,—и вотъ одна изъ существенныхъ причинъ безостановочнаго развитія нашихъ государственныхъ расходовъ и возрастанія дефицита, несмотря на возрастаніе налоговъ.

№ 84.

Москва, 20-го апрѣля.

Офиціальные и офиціозные органы Порты съ напыщеннымъ самодовольствомъ извѣщаютъ, что послы французскій и австрійскій получили предписаніе просить аудіенціи у султана для заявленія ему, что оба упомянутые двора вполнѣ одобряютъ реформы предпринятыя Портой въ интересѣ разныхъ населеній Европейской Турціи.

Это неправдоподобное извѣстіе подтверждается мѣстными сообщеніями, идущими изъ достовѣрныхъ источниковъ. Мало того, что гг. Буре и Прокешъ исполнили это порученіе ничѣмъ неоправдываемое и столь противорѣчащее тому языку, которымъ Тюльерійскій кабинетъ выражался еще въ минувшемъ октябрѣ, но и англійскій посолъ въ Константинополѣ, лордъ Эллiотъ, уступивъ настояніямъ своего французскаго товарища, счелъ также нужнымъ присоединиться къ этой демонстраціи и поздравить Фуадъ-пашу съ административными мѣрами, принимаемыми Портой.

Посмотримъ, что это за мѣры, которымъ три христіанскія державы имѣютъ духъ воздавать хвалы.

На совѣты, которые были даны въ послѣднее время Портѣ, улучшить положеніе христіанскихъ подданныхъ султана, она отвѣчала только тремя слѣдующими актами:

Она разрѣшила спекулаторамъ бельгійскимъ, французскимъ и австрійскимъ провести желѣзныя дороги, давъ имъ значительную гарантію.

Она допустила двухъ христіанъ въ министерство, но не въ кабинетъ, и возвѣщаетъ нынѣ объ учрежденіи государственнаго совѣта, въ которомъ будутъ засѣдать и мусульмане, и христіане, и коего предсѣдатель будетъ принадлежать къ министерству.

Она провозгласила и привела въ исполненіе во многихъ частяхъ имперіи систему вилаетовъ, которую такъ восхваляютъ въ Парижѣ, выставляя ее административною реформой самою дѣйствительною и вполнѣ либеральною.

Не станемъ говорить о несчастномъ островѣ Критѣ, котораго жители оставлены на избіеніе, и гдѣ Аали-паша не могъ сдѣлать ничего иного кромѣ какъ назначить губернаторовъ in partibus infidelium, встрѣчаемыхъ ружейными выстрѣлами, какъ только они отважатся приблизиться къ людямъ ввѣреннымъ ихъ управленію. Никакія ухищренія не закроютъ истиннаго положенія дѣлъ, свидѣтельствующаго о совершенномъ безсиліи Турокъ и о геройской рѣшимости Критянъ держаться однажды заявленной цѣли, несмотря ни на турецкія войска напирающія на нихъ, ни на обѣщаемыя имъ льготы. Самъ лордъ Станлей сказалъ о нихъ недавно, что „этихъ критскихъ сепаратистовъ“ не заманишь теперь никакими уступками. Печатаемая ниже сего телеграмма еще болѣе подтверждаетъ вѣрность этихъ словъ британскаго министра иностранныхъ дѣлъ. Тутъ дѣйствительно не предвидится примиреніе.

Ограничимся обсужденіемъ трехъ вышеупомянутыхъ мѣръ.

Что̀ касается до концессій, данныхъ иностраннымъ капиталистамъ, то нельзя не признать, что этимъ капиталистамъ онѣ

очень выгодны и что современемъ онѣ могутъ быть полезны и жителямъ мѣстностей, по которымъ пройдутъ желѣзныя дороги. Но вмѣстѣ съ тѣмъ надобно поставить на видъ, что гарантія обѣщанная Портой побудитъ ее прибѣгнуть къ новымъ налогамъ, которые падутъ на христіанскія населенія бременемъ, тѣмъ болѣе тяжкимъ, что при теперешнемъ способѣ распредѣленія и взиманія податей въ Турціи, до казначейства доходитъ только третья часть денегъ, исторгаемыхъ у податныхъ сословій. Сверхъ того Порта повидимому и не подозрѣваетъ, что направленіе линій утвержденной ею сѣти избрано діаметрально противоположное какъ политическимъ, такъ и экономическимъ интересамъ Турціи, и въ особенности Константинополя. Подрывая столицу имперіи, эти линіи расположены такъ, чтобъ искусственно водворять въ Турціи австрійское вліяніе и увеличивать удобства австрійской торговли какъ отпускной, такъ и привозной.

Допущеніе двухъ христіанъ въ оттоманское министерство и учрежденіе доступнаго христіанамъ государственнаго совѣта, нисколько не измѣняютъ положенія, въ какомъ находятся ихъ единовѣрцы. Христіане на этихъ постахъ будутъ имѣть столь же мало вліянія, какъ и христіанскіе члены меджлисовъ или провинціальныхъ совѣтовъ, гдѣ по свидѣтельству 24 англійскихъ консуловъ, эти члены не смѣютъ сказать отъ себя ни слова. Это просто новая комедія годная для потѣхи европейскихъ ротозѣевъ, и Агаѳонъ-эффенди, о которомъ такъ много толковали австро французскія газеты, служитъ только декораціей турецкаго министерства, а никакъ не есть дѣйствительный министръ.

Итакъ, остается устройство вилаетовъ, какъ единственная серіозная принятая Портой мѣра, которая могла бы еще послужить предлогомъ къ похваламъ австро-французской дипломатіи.

На западѣ настойчиво и самоувѣренно утверждали, будто благодаря этому новому устройству вилаетовъ, все различіе между христіанами и мусульманами будетъ совершенно уничтожено; что введеніе всеобщей подачи голосовъ обезпечитъ равенство правъ и участіе всѣхъ классовъ общества, безъ различія религій и національности, въ завѣдываніи мѣстными и общими интересами. Говорили и писали, „что „христіане примутъ законное участіе въ „общественныхъ дѣлахъ, что новымъ за„кономъ даруются имъ тѣ же права, какъ „и мусульманамъ, что власти никогда не „будутъ представлять избирателямъ своихъ „кандидатовъ, и не дозволять себѣ нака„кого вліянія на выборы.. .“ Короче, увѣряли, что устройство вилаетовъ откроетъ новую эру, и что въ назиданіе всему человѣчеству и во благо оттоманскимъ подданнымъ, на Востокѣ будетъ создана политическая Аркадія.

Судя по изъявленію благодарности, повергнутому дипломатіей трехъ державъ къ стопамъ султана, можно бы подумать, что всѣ вышеупомянутые результаты дѣйствительно достигнуты, и что устройство вилаетовъ произвело чудеса.

Посмотримъ что́ вышло на дѣлѣ.

Въ силу новаго закона въ Эпирѣ, въ санджакѣ (провинціи) Янинскомъ, приступили недавно къ выборамъ, или лучше сказать, къ организаціи провинціальнаго совѣта.

Въ этомъ санджакѣ считается 4.250 мусульманъ, 1.500 Евреевъ, и 61.150 христіанъ. Слѣдовательно, христіанъ въ двѣнадцать разъ болѣе чѣмъ Турокъ. Сверхъ того, школы тамъ содержатся не государствомъ, а христіанскими общинами; языкъ большинства есть греческій, и сами магометане говорятъ только по-гречески, а дѣти ихъ братски принимаются въ школы, гдѣ за обученіе ничего не берутъ. Между тѣмъ при новыхъ выборахъ въ административный совѣтъ этой провинціи оказались слѣдующіе результаты, за которые мы можемъ поручиться:

4.250 мусульманъ этого санджака имѣютъ въ упомянутомъ совѣтѣ *одиннадцать* представителей изъ турецкихъ должностныхъ лицъ.

1.500 Евреевъ не имѣютъ *ни одного* представителя.

61.150 христіанъ имѣютъ только *двухъ* представителей.

Итакъ, турецкій элементъ имѣетъ на каждыхъ 386 человѣкъ своего племени по представителю, а христіане—одного представителя на 30.575 человѣкъ.

Приведемъ еще слѣдующіе факты. Дабы ввести систему вилаетовъ на островахъ Архипелага, *вали* (губернаторъ) поручилъ своему адъютанту объѣхать всѣ эти острова, населенные почти исключительно христіанами, отмѣнить всѣ привилегіи, которымъ они большею частію обязаны своимъ

сравнительно цвѣтущимъ состояніемъ, распустить муниципалитеты или демогеронтіи, которыя содержали свои школы и общеполезныя заведенія, закрыть мѣстныя присутственныя мѣста, гдѣ тяжбы судились по римскому или византійскому праву. Сокрушивъ такимъ образомъ все существовавшее на островахъ общественное зданіе, поправъ всѣ права, обычаи и вѣковыя преданія, турецкое правительство ограничилось провозглашеніемъ новаго закона, и ни мало не заботится привести его въ исполненіе, а на жалобы и вопли несчастнаго населенія, ставшаго жертвой жестокихъ политическихъ опытовъ,—вѣрнѣе сказать, продѣлокъ, не обращаетъ никакого вниманія.

Таковы дѣйствія, за которыя послы трехъ великихъ христіанскихъ державъ офиціально и торжественно изъявили благодарность своихъ правительствъ султану и его министрамъ. Къ этому шагу нельзя найдти иного повода, кромѣ развѣ желанія досадить Россіи, которая прямо высказала свое мнѣніе о недостаточности и ничтожествѣ мѣръ, принятыхъ Портой по устройству вилаетовъ.

Не возможно думать, чтобы кабинеты Тюльерійскій Вѣнскій и Лондонскій ошибались въ дѣйствительномъ значеніи этихъ мнимыхъ реформъ. Еще менѣе можно полагать, чтобъ они злобствовали противъ восточныхъ христіанъ и хотѣли усилить и продлить ихъ невыносимыя страданія. А потому новѣйшую выходку ихъ можно приписать только систематическому недовѣрію и недоброжелательству къ Россіи.

Мы нисколько не огорчаемся, а еще довольны этимъ. Монополія истины и справедливости сопряжена съ большими выгодами. Скоро обнаружится, что враги наши избрали ложный путь. Упорствуя въ антагонизмѣ столь же несправедливомъ, какъ и безразсудномъ, они къ собственному вреду убѣдятся въ неосновательности своихъ разчетовъ. Въ ожиданіи пока ударитъ неизбѣжный часъ возмездія, мы не имѣемъ поводовъ пугаться нашего одиночества въ дѣлахъ Востока, лишь бы только мы сами съ непоколебимою твердостью держались пути, на который вступили, и отнюдь не переставали попрежнему утверждать, что внѣ принципа автономіи и невмѣшательства мы не видимъ спасенія ни для восточныхъ христіанъ, ни для власти султана, ни для европейскаго равновѣсія.

№ 85.

Москва, 22-го апрѣля.

Мы печатаемъ сегодня краткій обзоръ происходившихъ въ британской палатѣ общинъ преній о критскихъ дѣлахъ. Г. Монкъ, возбудившій эти пренія, а также г. Кокренъ высказали по этому поводу много правды. Лордъ Станлей отвѣчалъ тономъ офиціальнымъ, но гораздо менѣе рѣшительно чѣмъ можно было заключать по телеграфному извѣстію о его рѣчи. Онъ отказался говорить о будущемъ направленіи англійской политики на Востокѣ и защищалъ только ея прошлыя дѣйствія. О новыхъ мѣрахъ турецкаго правительства онъ сказалъ, что онѣ удовлетворятъ всѣхъ, кромѣ сепаратистовъ, *если будутъ исполнены*. Это *если*, надобно сознаться, даетъ дѣлу совершенно особенный колоритъ въ устахъ офиціальнаго оратора, защищающаго политику, основанную на довѣріи къ гати-гумаюнамъ и другимъ подобнымъ театральнымъ представленіямъ турецкаго правительства. Зато другой ораторъ, г. Леярдъ, говорилъ опредѣленнѣе, и слова его пріобрѣтаютъ интересъ въ виду возможнаго вступленія партіи г. Леярда въ правительство. Г. Леярдъ во всемъ обвинялъ Россію. По его мнѣнію, критское возстаніе есть часть системы, которая нѣсколько лѣтъ проводится на Востокѣ однимъ могущественнымъ государствомъ, на которое стóитъ только намекнуть, чтобы всѣ поняли о комъ идетъ рѣчь. Г. Леярдъ сравнивалъ Россію съ Турціей и находилъ, что именно теперь внутренняя политика Россіи крайне враждебна политической и религіозной свободѣ, а Турціи, напротивъ, слѣдуетъ воздать должное за сдѣланныя ею улучшенія. Было бы несогласно съ достоинствомъ защищать Россію отъ подобныхъ нападокъ, и мы остановимся лишь на существѣ дѣла.

Невольно возвращаемся къ интереснѣйшей книгѣ *La Turquie sous le règne d'Abdoul-Aziz*, съ которою мы на дняхъ познакомили читателей. Когда рѣчь идетъ о томъ, повидимому еще отдаленномъ будущемъ, коему суждено увидѣть Св. Софію возвращенною христіанскому міру, то обыкновенно принимается, что Турція будетъ продолжать свое существованіе въ Малой Азіи, имѣя Анатолію средоточіемъ своей силы. Анатолія справедливо считается са-

мою турецкою изъ турецкихъ провинцій. Но вотъ г. Миллингенъ говоритъ намъ, что и Анатолія была бы готова возстать противъ турецкаго правительства, если-бы рекрутскіе наборы, принудительныя работы и вымогательства всякаго рода не довели этой страны до такой нищеты, что тамъ нѣтъ ни людей, ни денегъ, а остались только женщины, проклинающія пашей. Россія ли интригуетъ тутъ? Она ли внушила Фуадъ-пашѣ ту политику новыхъ налоговъ и принудительныхъ займовъ, которая, подъ конецъ его визирства, возбудила всеобщій во всѣхъ краяхъ Турціи ропотъ? Россія ли подсказала преемнику Фуада въ визирствѣ, Рушди-пашѣ, чтобъ онъ томилъ и выводилъ изъ терпѣнія Критянъ такими же проволочками, какими Фуадъ-паша отталкивалъ отъ турецкаго правительства Армянъ въ Курдистанѣ?

Курдистанъ, гдѣ г. Миллингенъ прожилъ нѣсколько лѣтъ, есть та часть турецкихъ владѣній, которая простирается отъ Арарата и русской границы до Багдада и отъ предѣловъ Малой Азіи до персидскихъ владѣній. Господствующее здѣсь по численности племя — Курды; за ними слѣдуютъ Армяне, подвергающіеся неисчислимымъ притѣсненіямъ со стороны свирѣпыхъ Курдовъ, которые смотрятъ на нихъ какъ на рабовъ. Армяне сносятъ эти жестокости, до которыхъ въ Константинополѣ никому дѣла нѣтъ, но иногда выходятъ изъ терпѣнія. Такъ было въ 1863 году въ Мушскомъ пашалыкѣ, гдѣ Армяне многочисленны. „Возставъ поголовно, онѣ рѣшились послать депутацію въ Константинополь, дабы просить защиты. Но Фуадъ-паша, тогда великій визирь, принялъ эти жалобы равнодушно. Видя, что ходатайства напрасны, армянская депутація объявила ему, что приславшее ее населеніе принуждено будетъ покинуть свои земли и удалиться въ Россію, если насиліямъ Курдовъ не будетъ положено предѣла.“ Въ 1865 году, въ томъ же Мушскомъ пашалыкѣ, точно также, выведенные изъ терпѣнія насиліями Курдовъ, Армяне послали новую депутацію, уже къ самому султану; но султанъ передалъ ихъ жалобы на разсмотрѣніе визирю, который засадилъ депутатовъ въ тюрьму и выпустилъ ихъ на условіи, чтобъ они немедленно убирались во-свояси. Въ 1866 году турецкое правительство было уже принуждено силой оружія водворять спокойствіе между племенами обитающими въ отрогахъ Тавра; теперь газеты сообщаютъ о новыхъ безпорядкахъ въ турецкихъ владѣніяхъ смежныхъ съ Персіей....

Не виновата ли и тутъ Россія? Эрзрумъ, гдѣ соединяются пути ведущіе изъ внутренней Азіи и откуда они направляются къ Черному морю и въ Малую Азію, есть одинъ изъ важнѣйшихъ пунктовъ азіатской Турціи и въ политическомъ, и въ торговомъ отношеніяхъ. Торговые обороты его простираются на 100 милліоновъ франковъ; но въ этой цифрѣ производство собственно турецкихъ областей занимаетъ ничтожную долю, — неболѣе 15 милліоновъ, — все остальное транзитъ, доставляющій выгоду лишь турецкимъ чиновникамъ. Отъ самой персидской границы до Требизонда Персіянами устроены и ими же содержатся всѣ караванъ-сераи и лавки. Въ Эрзрумѣ состоитъ 13 такихъ караванъ-сераевъ и болѣе 300 лавокъ, принадлежащихъ исключительно Персіянамъ. Благодаря сговорчивости мѣстнаго паши, они овладѣли даже мелочною торговлей; а чтобы турецкіе подданные не отбивали у нихъ хлѣба, говоритъ г. Миллингенъ, эрзрумскій паша назначаетъ на мѣстныя произведенія такую низкую таксу, что торговля ими становится невозможна; персидскіе же купцы, въ качествѣ иностранцевъ, пріобрѣтаютъ въ окрестностяхъ Эрзрума товары, не справляясь съ таксой, и перепродаютъ ихъ въ городѣ по какой цѣнѣ хотятъ. Такіе порядки, по словамъ г. Миллингена, раздражили всѣхъ; и теперь не только Армяне, но и Курды ненавидятъ турецкое правительство, а популярность Россіи между ними возрастаетъ.

Было бы странно, еслибы храбрые Критяне не воспользовались удобствами своего положенія для того чтобы возстать противъ Порты. Но они начали не съ возстанія. Первая фаза критскаго движенія отличалась умѣренностію и тактомъ. Равнина Омальская, говоритъ г. Миллингенъ, съ этими Критянами тѣснившимися отовсюду чтобы принять участіе въ совѣщаніяхъ ихъ собранія, имѣла почти такой же видъ какъ *Trafalgar-square* во время митинговъ реформистовъ. Спокойствіе и твердость — вотъ качества обнаруженные Критянами въ то время. Упрямство, надменность и криводушіе характеризовали образъ дѣйствій Порты. Три мѣсяца просьба Критянъ оставалась безъ отвѣта, который прибылъ лишь 1-го августа 1866 года, черезъ нѣ-

сколько дней по высадкѣ 6.000 египетскаго вспомогательнаго войска. Турки имѣли тогда подъ ружьемъ на цѣлый островъ 22.000 человѣкъ. Если бы тогда была сдѣлана хоть часть уступокъ, теперь тщетно предлагаемыхъ инсургентамъ, никакого возстанія не было бы. Но Турки положились на свои 22 тысячи войска, — и вызвали возстаніе. 2-го сентября было провозглашено присоединеніе Крита ко Греческому королевству и затѣмъ начался рядъ пораженій Измаилъ-паши. Тогда турецкое войско было усилено до 40.000 и начальникомъ поставленъ Киритли-паша. Онъ потерялъ половину войска въ двухъ кампаніяхъ, и былъ замѣненъ Омеръ-пашей, получившимъ новыя подкрѣпленія. Но успѣха и тутъ не было. Въ подмогу сердарь-экрему пришлось послать великаго визиря, который дѣйствовалъ деньгами, пока Омеръ-паша проливалъ кровь. Однако и эти первые люди Турціи принуждены были возвратиться домой, не достигнувъ никакихъ результатовъ и доставивъ Фуадъ-пашѣ возможность поручить команду критскими войсками его пріятелю Гуссейну, о которомъ г. Миллингенъ отзывается невыгодно и котораго, если вѣрить телеграфу, Греки на дняхъ разбили на голову. Причина неуспѣха турецкихъ дѣйствій на островѣ Критѣ заключается во внутренней слабости государства, въ негодности войска, во всеобщемъ недовѣріи къ турецкимъ сановникамъ и чиновникамъ. Россія тутъ ни причемъ. Она содѣйствовала перевозкѣ стариковъ, женщинъ и дѣтей въ королевство Греціи, но въ этомъ дѣлѣ учавствовали и прочія державы за исключеніемъ Англіи. Россія также содѣйствовала тому что состоялась декларація, настаивающая на невмѣшательство въ дѣла Турціи, но эта декларація осталась безъ послѣдствій

Слагая съ Россіи вину за критское возстаніе, нельзя однакоже отрицать, что положеніе Россіи на Востокѣ теперь дѣйствительно болѣе выгодно чѣмъ положеніе другихъ державъ. Но какъ произошло это?

„Восточная война," свидѣтельствуетъ г. Миллингенъ, „въ которой Россіи пришлось противустоять колоссальной коалиціи, ослабила ея вліяніе лишь на мгновеніе: какъ христіанскіе, такъ и мусульманскіе подданные султана открыто говорятъ нынѣ, что Россія, въ исполинской „борьбѣ противъ четырехъ первоклассныхъ „державъ, потерпѣла лишь частныя пораженія и что она возстала съ новою силой „послѣ этихъ пораженій. Низложеніе Шамиля, покореніе западнаго Кавказа, истребленіе (!) Черкесскихъ племенъ, поразили ужасомъ Азію и утвердили тамъ „убѣжденіе, что напрасно было бы ставить преграды возвышенію Россіи." Вліяніе Россіи и ея притягательная сила на подданныхъ султана ежегодно усиливаются. Достаточно было кратковременнаго пребыванія Русскаго Государя въ Крыму въ прошломъ году, чтобы глубоко взволновать все христіанское населеніе Турціи какъ европейской, такъ и азіатской; взоры всѣхъ, говоритъ Османъ-сеифъ бей (г. Миллингенъ), обратились къ Таврическимъ берегамъ съ любовію и упованіемъ. Совершенную противоположность политикѣ Россіи, ясной и соотвѣтствующей дѣйствительности, составляетъ политика державъ западной Европы, Франція стремится къ поддержанію началъ совершенно между собою несовмѣстимыхъ: „она поставила себѣ задачей охранять цѣлость Оттоманской имперіи, а съ другой стороны выставлять себя попечительницей турецкихъ христіанъ, благосостояніе коихъ возможно лишь при условіи разрушенія Турціи; двойственность лежитъ въ самой основѣ ея задачи, и вотъ почему ея дѣйствія отличаются поразительною непослѣдовательностію." Англіей, продолжаетъ нашъ авторъ, руководитъ великій интересъ: поддержать государство, паденіе коего, по утвердившимся понятіямъ, произвело бы всеобщее потрясеніе; убѣдясь что латинскій элементъ враждебенъ, а православный преданъ Россіи, ей не оставалось ничего болѣе, какъ собрать подъ свое знамя мусульманъ. Въ то же время и Англія дѣлаетъ видъ что благоденствіе турецкихъ христіанъ лежитъ у нея на сердцѣ. Хотя не послѣднюю роль въ этой политикѣ играютъ богатства турецкой почвы и выгоды англійской торговли, но тѣмъ не менѣе союзъ Англіи съ Турціей не проченъ; г. Миллингенъ утверждаетъ, что „Турки презираютъ Англичанъ, хотя и стараются имъ улыбаться...." Поддерживая Турцію, западныя державы ведутъ ее по прямому пути къ разложенію, а турецкихъ христіанъ раздражаютъ противъ себя и бросаютъ въ объятія Россіи. Чья же интрига въ этомъ виновата? Толками о русской интригѣ не хотятъ ли отвлечь вниманіе отъ интриги дѣйствительной, то-есть австрійской? Она

равно угрожаетъ и Турціи, и турецкимъ христіанамъ.

№ 86.

Москва, 23-го апрѣля.

Выставляя на видъ громадные размѣры, до какихъ достигло товарное движеніе на построенныхъ уже желѣзныхъ дорогахъ России и приводя въ примѣръ Николаевскую желѣзную дорогу, по которой. несмотря на ея неудовлетворительное управленіе, товарное движеніе возрасло съ 33 милл. пудовъ въ 1865 году до 48½ милл. въ 1866, и до 81 милл. въ 1867 году,—указывая вообще на быстрое развитіе русской торговли, — Штеттинская *Ostsee-Zeitung* выражаетъ надежду, что для всей этой огромной торговли (которая еще значительно увеличится съ постройкой Ярославской линіи, долженствующей направить въ Москву, для дальнѣйшей отправки на западъ, часть грузовъ волжскаго хлѣба) откроется прямой путь въ Кенигсбергъ, какъ только, по сооруженіи рельсоваго пути изъ Москвы въ Смоленскъ и Витебскъ, построится такой же путь и отъ Витебска прямо въ Вильну. Въ томъ, что и Витебско-Виленская дорога скоро будетъ сооружена *Ostsee-Zeitung* отнюдь не сомнѣвается; разчетъ, говоритъ она, докажетъ ея доходность, и дорога будетъ построена изъ коммерческихъ видовъ. Тогда, особенно по сооруженіи прямой линіи Нижегородско-Казанско-Екатеринбургско-Тюменьской, торговое движеніе по этой прямой линіи пойдетъ въ такихъ размѣрахъ, какимъ можетъ позавидовать всякая другая европейская линія. Тогда и Петербургъ немедленно потеряетъ свое „искусственно поддерживаемое" торговое значеніе; этотъ городъ опустѣетъ и вмѣсто его поднимется будущій центръ русской торговли—Кенигсбергъ.

Еслибы подобныя надежды высказывала какая-нибудь газета, выходящая въ Кенигсбергѣ, мы могли бы смотрѣть на нихъ какъ на проявленіе мѣстнаго, узкаго, бюргерскаго патріотизма и не обращать на нихъ особеннаго вниманія. Но *Ostsee-Zeitung* есть газета Штеттинская, и потому объ увлеченіяхъ узкаго патріотизма Кенигсбергскаго жителя тутъ не можетъ быть и рѣчи; всѣ доводы этой газеты основываются на спокойно-обдуманномъ разчетѣ, причемъ даже не упускается изъ виду „московско-русскій патріотизмъ," которому на этотъ разъ воздаются похвалы, хотя онъ такъ часто служитъ предметомъ ярыхъ нападокъ не только *Ostsee-Zeitung*, но и вообще нѣмецкихъ газетъ, разумѣется всегда служащихъ богу Ормузду и воюющихъ съ варварскими московскими исчадіями Аримана. А разчетъ этотъ слѣдующій: прямая Московско-Кенигсбергская линія будетъ длиною около тысячи верстъ; слѣдовательно, провозъ пуда хлѣба и другаго товара по этой дорогѣ будетъ обходиться не 15 коп. съ пуда, какъ по петербургской линіи, а 25 к. съ пуда. Но эта невыгода для Кенигсберга съ излишкомъ вознаградится тѣмъ, что вопервыхъ платится весьма дорого при перевозкѣ товаровъ изъ Петербурга въ Кронштадтъ для нагрузки ихъ на большія суда; вовторыхъ, фрахты изъ западныхъ странъ въ Петербургъ и наоборотъ должны быть выше нежели фрахты отъ Кенигсберга или обратно, втретьихъ, страховка фрахтовъ отъ и до Петербурга также должна обходиться значительно дороже нежели фрахтовъ до и отъ Кенигсберга, вчетвертыхъ, Кенигсберго-Пиллаутскій портъ почти цѣлый годъ открытъ (впрочемъ въ нынѣшнемъ году онъ очистился ото льда *позже* Либавскаго порта); впятыхъ, торговый разчетъ при отправкѣ товаровъ по хорошо управляемой желѣзной дорогѣ гораздо вѣрнѣе нежели при отправкѣ груза моремъ. Вслѣдствіе послѣдняго обстоятельства, весьма важнаго при коммерческихъ разчетахъ, купцы всѣхъ странъ все болѣе и болѣе предпочитаютъ отправку товаровъ по желѣзнымъ дорогамъ, и *Ostsee-Zeitung* предвидитъ, что въ весьма скоромъ времени не только Кенигсбергъ, но и другіе западные города, до самой Франціи и Голландіи, будутъ по упомянутой желѣзной дорогѣ отправлять товары въ Россію и привозить ихъ изъ Россіи. „И всѣ эти огромныя выгоды для Германіи будутъ пріобрѣтены безъ всякихъ издержекъ." Патріотическая нѣмецкая газета не забываетъ даже при этомъ случаѣ, выставляя на видъ доходность русскихъ дорогъ, остерегать своихъ земляковъ отъ участія при ихъ сооруженіи, и увѣряетъ своихъ читателей, что всякое помѣщеніе капиталовъ въ Россіи есть просто азартъ!

Мы не имѣемъ права порицать нѣмецкую газету за ея нѣмецкій патріотизмъ и

за то, что она предвидитъ перенесеніе *большей* части русской торговли въ нерусскій портъ. Увы, это дѣло весьма статочное! Въ № 3 нашей газеты мы сами излагали, на основаніи офиціальныхъ данныхъ за 1866 годъ, что наша внѣшняя торговля начала уже въ огромныхъ размѣрахъ переходить въ заграничные порты. Пусть возрастаетъ та часть торговли, которая не ищетъ морскихъ портовъ; до нея намъ дѣла нѣтъ, но нельзя сказать того же относительно товаровъ, которые приходятъ для нашего употребленія моремъ въ прусскіе порты. Мы привели примѣрно, что въ 1866 году одного хлопка было привезено на 16 милліоновъ рублей чрезъ Вержболовскую станцію; тѣмъ же путемъ было привезено на 5 милліоновъ рублей чая, опять такого продукта, который не растетъ въ Германіи. Наблюдательный корреспондентъ *Ostsee-Zeitung* указываетъ на плохія условія для морской торговли въ С.-Петербургѣ; то же самое онъ недавно доказывалъ и относительно торговли города Риги; онъ увѣряетъ, что русскій ленъ въ нынѣшнемъ году отчасти уже сталъ переходить прямо по желѣзной дорогѣ изъ Витебска въ Штеттинъ, избѣгая водянаго пути на Ригу. Почему? Потому, говоритъ корреспондентъ, что рижскіе городскіе портовые налоги такъ обременительны и цеховыя учрежденія (которыя, хотя они закономъ отмѣнены, всетаки существуютъ подъ другими формами) требуютъ столь значительныхъ издержекъ въ пользу рижскаго городскаго общества, что Штеттинскій купецъ много выиграетъ, отправляя ленъ изъ Витебска по желѣзной дорогѣ на Вержболово и Кенигсбергъ. Правда, *Рижской Газетѣ* некогда теперь заниматься подобными вопросами, какъ они ни важны сами по себѣ; эта газета слишкомъ занята проектами какъ бы поскорѣе построить прямѣйшую желѣзную дорогу изъ Риги въ Кенигсбергъ; ей въ пору толковать о средствахъ къ надлежащей борьбѣ между балтійскимъ населеніемъ и прочею Россіей: вотъ въ чемъ она видитъ свои задачи, словно во времена Іоанна Грознаго. Бѣдныя Либава и Виндава однѣ стоятъ на почвѣ истинныхъ интересовъ Россіи, да и то напрасно; напрасно, ибо до насъ доходятъ слухи, что Ковно-Либавская линія вновь отложена, а о Виндавской нѣтъ и слуха. Но все же нѣтъ никакой надобности, чтобы предположенная въ *Ostsee-Zeitung* прямая линія изъ Москвы и даже Сибири до незамерзающаго западнаго порта должна была вести къ однимъ лишь прусскимъ городамъ, когда наши города Либава и Виндава *ближе* и къ Москвѣ, и къ Нижнему-Новгороду нежели Кенигсбергъ, и когда они лежатъ въ нашемъ государствѣ, и слѣдовательно товаръ по желѣзной дорогѣ не долженъ перегружаться въ прусскіе вагоны. Эти преимущества даютъ Виндавѣ и Либавѣ неустранимый перевѣсъ надъ прусскими портами для торговли съ Москвой, Петербургомъ и Ригой. Разумѣется, портовыя издержки для судовъ должны быть притомъ уменьшены въ Виндавѣ и Либавѣ до того размѣра, въ какомъ они установлены въ Пруссіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, все въ этихъ двухъ портахъ должно быть устроено прочно и ладно, какъ это необходимо при сильной заграничной конкурренціи. Если иностранныя заявленія побудятъ насъ къ такимъ реформамъ, то мы выиграемъ отъ чужой дѣятельности. Ковно-Либавская желѣзная дорога, говоритъ упомянутая прусская газета, не нужна (хотя доходность этой линіи ею не оспаривается) потому-де, что въ этихъ маленькихъ городахъ нѣтъ такихъ капиталовъ, какіе нужны при большой торговлѣ. Но всякій пойметъ неосновательность подобнаго довода. Вмѣстѣ съ желѣзной дорогой появятся и космополиты-капиталы, всегда притекающіе туда, гдѣ имъ открывается возможность выгоднаго обращенія.

Теперь постройка прусской Тильзитско-Мемельской линіи желѣзной дороги уже не подлежитъ сомнѣнію. Этой-то линіи особенно боятся въ Либавѣ, въ томъ случаѣ, еслибы была построена дорога въ прямомъ направленіи между городами Ковно и Либавой; Либавцы полагаютъ, что Пруссаки легко исходатайствуютъ у нашего правительства разрѣшеніе продолжить Тильзито-Мемельскую линію въ Россіи, и такимъ образомъ создадутъ Россіено-Либавской линіи конкурренцію сильную своею новою линіей, которая будетъ 5-ю верстами короче Либавской. Но подобный промахъ съ нашей стороны едва ли возможенъ. Вопервыхъ, нѣтъ намъ никакой причины разрѣшать вѣтвь изъ Мемеля въ Ковно; вовторыхъ, нѣтъ намъ причины строить вѣтви Витебско-Виленскую или Динабургско-Либавскую прежде нежели соорудятся тѣ линіи къ Виндавѣ и Либавѣ,

которыхъ важность опредѣляется направленіемъ не предполагавшейся некогда, а теперь дѣйствительно строимой сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Противъ перехода русской торговли въ Кенигсбергъ, всѣ средства въ нашихъ рукахъ. Стоитъ только:

1. Строить желѣзную дорогу къ Либавѣ не изъ Динабурга, а изъ Бобруйска на Минскъ и Ландварово (соорудивъ въ Вильнѣ необходимыя укрѣпленія).

2. Въ то же время изъ Риги строить желѣзную дорогу не въ Либаву, а въ ближайшій къ Ригѣ превосходный и притомъ военный Виндавскій портъ.

Такимъ образомъ мы извлечемъ выгоду изъ нашихъ обоихъ западныхъ и почти незамерзающихъ портовъ на Балтійскимъ морѣ, и сами воспользуемся тою громадностью нашей торговли, о которой говоритъ штеттинская газета, какъ о неизбѣжной будто бы добычѣ Кенигсберга. Надобно только совершенно устранить взаимную ревность между русскими портами, до сихъ поръ убійственно отзывавшуюся на Виндавѣ и Либавѣ и служившую въ прокъ не Петербургу и не Ригѣ, а Кенигсбергу.

Петербургъ имѣетъ обширный районъ опредѣляемый желѣзными дорогами Николаевскою и Московско-Козловскою съ вѣтвями на Моршанскъ и Борисоглѣбскъ. Рига не менѣе обезпечена огромною артеріей, идущею на Орелъ и имѣющею дойдти до Ельца и Грязей съ одной стороны, до Курска и Харькова съ другой. Сверхъ того Ригѣ же послужитъ въ великую пользу дорога Московско-Смоленская. Ко всему этому обширному району Рига ближе Виндавы, а потому не имѣетъ причины ревновать къ ней: Виндава можетъ обогащаться лишь тою торговлей, которая пошла бы помимо Риги на Кенигсбергъ. Точно также Ригѣ нечего опасаться Либавы, которой районъ таковъ, что на немъ Рига не можетъ выдержать соперничество съ Кенигсбергомъ, а Либава можетъ.

На основаніи всего сказаннаго, не можемъ не высказать нашего глубокаго сочувствія къ судьбѣ столь важныхъ для самостоятельности нашей торговли линій Рижско-Виндавской и Ковно-Либавской. Въ заключеніе прибавимъ, что отсрочка сооруженія ихъ дѣйствительно не могла бы не возбудить сильныхъ опасеній. Наши заграничные сосѣди умѣютъ настойчиво заботиться о своихъ интересахъ, и если мы, съ своей стороны, отстанемъ отъ нихъ въ энергіи и будемъ медлить, то со временемъ все можетъ окончиться по ихъ желанію.

№ 87.

Москва, 24-го апрѣля.

Въ юго-западномъ краѣ выходитъ теперь наружу одна изъ возмутительнѣйшихъ продѣлокъ тамошней польской партіи. Продѣлка эта длилась не годъ, не два, но безнаказанно совершалась въ продолженіе трехъ послѣднихъ десятилѣтій. Въ № 82 *Московскихъ Вѣдомостей* уже было сообщено объ открытіи подлоговъ въ документахъ хранящихся въ центральномъ кіевскомъ архивѣ. Ниже заимствованы изъ *Кіевлянина* обнародованныя тамъ г. Козловскимъ подробности этого открытія, обнаружившаго, что многія тысячи поддѣльныхъ дворянскихъ документовъ фабриковались въ томъ краѣ на глазахъ у всѣхъ, и не безъ вѣдома предводителей дворянства. Нечего удивляться той усиленной агитаціи, которая снова разыгралась въ извѣстныхъ сферахъ противъ администраціи юго-западнаго края открывшей эти подлоги. Возникающій въ западномъ краѣ *дворянскій вопросъ*, надобно думать, обратитъ на себя полное вниманіе правительства и займетъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ ряду нашихъ внутреннихъ вопросовъ.

Припомнимъ главныя фазы дѣла. Послѣ мятежа 1831 года, въ которомъ польская шляхта, не приписанная въ то время ни къ какому сословію, принимала самое дѣятельное участіе, состоялось узаконеніе, чтобы лица именующія себя по преданію шляхтичами и не доказавшія дворянскаго происхожденія были сравнены съ однодворцами и гражданами, и записаны, наравнѣ съ другими, въ податныя сословія (Полн. Собр. Зак. 1832 г. №№ 4.868 и 5.746). Высочайшимъ повелѣніемъ 25-го іюля 1833 года (id № 6.351) указано шляхтичамъ представить доказательства на дворянство немедленно и никакъ не далѣе двухгодичнаго срока, а не представившихъ записать въ однодворцы, граждане, или почетные граждане, сообразно правамъ каждаго. Несмотря на Высочайшую волю, столь рѣшительно объявленную, дѣло затянулось, и 5-го іюня 1838 года, новымъ Высочайшимъ

повелѣніемъ (Полн. Собр. Зак. № 11.387), установленъ окончательный трехлѣтній срокъ на представленіе шляхтой документовъ о дворянствѣ, съ тѣмъ чтобы лица, которыя этого не сдѣлаютъ, были обращены въ однодворцы. 5-го ноября 1841 года (Полн. Собр. Зак. № 14.998) еще разъ послѣдовало Высочайшее повелѣніе, которымъ срокъ назначенный въ повелѣніи 1838 года, былъ продленъ еще на 3 года. Наконецъ, съ 1-го января 1844 года представленіе документовъ на происхожденіе должно было вовсе прекратиться. И что же? Оно не только не прекратилось, но именно съ этого времени страшно усилилось. Десятки тысячъ шляхты, именно послѣ означеннаго срока, ежегодно пріобрѣтали права потомственнаго дворянства. Въ Виленской губерніи, напримѣръ, числилось въ 1844 году потомственныхъ дворянъ обоего пола 5.743 чел., а въ 1857 году, то-есть всего четырнадцать лѣтъ спустя, 51.900 челов., или въ это время число дворянъ увеличилось почти въ десять разъ!*) То же было и въ другихъ западныхъ губерніяхъ. Въ Кіевѣ, по свидѣтельству мѣстной газеты, особенно много надѣлано дворянъ въ 1858 году. Вся дѣятельность по разсмотрѣнію представляемыхъ документовъ сосредоточивалась въ депутатскихъ собраніяхъ, руководимыхъ мѣстными предводителями дворянства. Какъ же былъ обойденъ законъ? Какими способами Высочайшая воля, столь ясно и настойчиво выраженная, не только не была исполнена, но послужила поводомъ къ усиленію злоупотребленій, которымъ хотѣла положить преграды?

Вопервыхъ, былъ испрошенъ трехлѣтній срокъ послѣ 1-го января 1844 года на представленіе *дополнительныхъ* документовъ къ начатымъ уже дѣламъ, что въ сущности означало предъявленіе новыхъ доказательствъ послѣ 1844 года.

Вовторыхъ, была допущена *приписка* къ родамъ утвержденнымъ въ дворянствѣ до 1844 года. Благодаря этому постановленію, предыдущія Высочайшія повелѣнія были какъ бы вовсе отмѣнены. Наконецъ —

Въ третьихъ, было дозволено принимать въ доказательство дворянскаго происхожденія выписки изъ актовыхъ книгъ, *истребленныхъ пожарами или другими случаями*, что давало возможность безнаказанно представлять фальшивые документы.*)

И, дѣйствительно, поддѣлка фальшивыхъ документовъ для доказательства дворянскаго происхожденія развилась въ такихъ громадныхъ размѣрахъ, что всякій могъ купить себѣ за два или за три рубля необходимый документъ, безбоязненно представить его въ депутатское собраніе и смѣло ожидать оттуда поддержки, вмѣсто изобличенія въ подлогѣ. Можно почти безошибочно сказать, что послѣ 1838 года $^{99}/_{100}$ изъ числа шляхты отыскивали дворянство по фальшивымъ документамъ. Все это дѣлалось вполнѣ гласно, было всѣмъ извѣстно въ краѣ, и надо только удивляться тому равнодушію, съ какимъ мѣстная администрація смотрѣла на этотъ всеобщій заговоръ. Слухи о поддѣлкахъ доходили и до центральнаго правительства; были даже назначаемы, по Высочайшему повелѣнію, слѣдственныя коммиссіи для раскрытія подлоговъ въ актовыхъ книгахъ; но эти розыски не привели ни къ какимъ результатамъ. Проходили многіе годы въ попыткахъ къ разоблаченію зла, а самое зло между тѣмъ росло съ поразительною быстротой. Въ Вильнѣ, Минскѣ, Гроднѣ, не мало лицъ находилось подъ судомъ за поддѣлку документовъ, нѣкоторые даже были схвачены съ поличнымъ; судъ однако длился по нѣскольку лѣтъ, преступники старались затягивать процессы, а между тѣмъ тысячи лицъ пользовались плодами ихъ поддѣлокъ. Мѣстная администрація какъ будто не хотѣла принять во вниманіе, что такого рода приращеніе русскаго дворянства есть великій ущербъ государству, и что это злоупотребленіе ни въ сущности, ни въ послѣдствіяхъ своихъ ничѣмъ не уступаетъ фабрикаціи фальшивыхъ ассигнацій, а напротивъ должно причинить гораздо больщій вредъ. Только одинъ изъ тогдашнихъ государственныхъ людей понималъ зло въ его силѣ и старался противодѣйствовать ему, — Д. Г. Бибиковъ, бывшій тогда генералъ-губернаторомъ въ Кіевѣ. Назначенная имъ повѣрочная коммиссія признала неправильными документы, которыми хотѣли доказать свое дворянство слишкомъ 40.000 человѣкъ. Одна эта цифра краснорѣчиво говоритъ о томъ размѣ-

*) *Матер. для Геогр. и Стат. Виленской губ.*

*) *Полн Соб. Зак.* 1843 г. № 16.574; 1845 года № 19.158.

рѣ въ какомъ развилась поддѣлка документовъ.

Какіе же результаты достались государству вслѣдствіе этихъ наглыхъ подлоговъ революціонной польской партіи, происходившихъ на глазахъ у администраціи? Вмѣсто отвѣта мы только выпишемъ цифры, уже однажды сообщенныя въ нашей газетѣ и показывающія число потомственныхъ дворянъ польскаго происхожденія и число потомственныхъ русскихъ дворянъ. Такъ числится—

Въ Виленской г. пот. дв.	51.078	об.	пола.
— Витебской	25.530	—	—
— Гродненской	37.019	—	—
— Ковенской	90.392	—	—
— Минской	54.575	—	—
— Могилевской	32.424	—	—
Волынской	52.563	—	—
— Кіевской	12.230	—	—
— Подольской	21.816	—	—

Итого, въ западномъ краѣ, во дворянствѣ числится 377.627 человѣкъ. Во всей же остальной Россіи, за исключеніемъ Финляндіи и Царства Польскаго, потомственныхъ дворянъ обоего пола насчитывается только 232.446 человѣкъ. Слѣдовательно, въ 9 западныхъ губерніяхъ Россіи на 145.000 больше потомственныхъ дворянъ нежели въ остальной Россіи. Въ то время какъ въ западномъ краѣ процентное отношеніе дворянъ къ остальному населенію составляетъ 3,56%, въ остальной Россіи это отношеніе едва доходитъ до 0,48%. Надобно при этомъ замѣтить, что въ средѣ дворянства западнаго края лица, причисляющія себя къ русскому народу, составляютъ рѣдкое исключеніе. Итакъ результатомъ наглаго заговора, дѣйствовавшаго на глазахъ администраціи и ея руками, вышло то, что въ Русскомъ государствѣ образовалось дворянство, $^3/_8$ котораго суть люди причисляющіе себя къ національности неприязненной русскому народу и отрицающей русское государство въ его бытіи. Могло ли это оставаться безъ вліянія на нашу государственную жизнь? Государственная служба у насъ, по преимуществу, удѣлъ дворянскаго сословія, которому предоставлены значительныя права и льготы сравнительно съ другими сословіями. И вотъ вышло, что огромная доля власти надъ русскимъ народомъ досталась въ руки партіи, чуждающейся русскаго народа и враждебной его государству! Въ присутственныхъ мѣстахъ часто большинство служащихъ состояло изъ Поляковъ, ибо Поляки въ бо̀льшемъ числѣ нежели Русскіе пользуются льготами при поступленіи на государственную службу.

Масса польскихъ шляхтичей была признана дворянами лишь потому, что въ свое время не были раскрыты фальшивые документы, послужившіе для нихъ доказательствомъ на дворянство. Теперь обманъ выходитъ наружу. Долженъ ли русскій народъ нести повинности, въ томъ числѣ и такую тяжелую какъ рекрутская, за людей, основавшихъ права свои на подлогѣ и обманѣ?

Кіевлянинъ (№№ 42 и 43) сообщаетъ подробности о важныхъ раскрытіяхъ, сдѣланныхъ въ Кіевѣ относительно поддѣльныхъ документовъ. Въ 1852 году тамъ былъ учрежденъ центральный архивъ, куда поступили древнія актовыя книги изъ всѣхъ присутственныхъ мѣстъ юго-западнаго края, по 1800 включительно. Къ концу прошлаго года, изъ прежняго штата служащихъ, остался только одинъ чиновникъ польскаго происхожденія. Слѣдуя примѣру своихъ прежнихъ товарищей, онъ представилъ къ подписи подложныя выписки изъ книгъ, для одного помѣщика на Волыни. Подлогъ былъ обнаруженъ и послужилъ къ открытію массы фальшивыхъ документовъ. Поддѣланные акты суть купчія крѣпости, духовныя завѣщанія, уступочныя записи на имѣнія, метрическія свидѣтельства, квитанціи и т. п. разныя юридическія сдѣлки между дворянами. Иногда въ одномъ актѣ упоминается до 8 и 10 фамилій дворянъ, или одно и то же селеніе служитъ предметомъ 20 или 30 актовъ. Поддѣлки такъ грубы, что одно и то же село въ одномъ актѣ продается, въ другомъ—дарится, въ третьемъ уступается по духовному завѣщанію, и все это одновременно. Въ Овруцкой земской книгѣ 1783 г., подъ 8 и 9-мъ декабря помѣщено до 160 актовъ, большею частію купчихъ крѣпостей писанныхъ *однимъ почеркомъ*. Съ актовыми книгами вообще поступали самымъ безцеремоннымъ образомъ: въ нихъ вырывали листы и вставляли новые; вытравливали цѣлыя страницы и писали на нихъ что̀ хотѣлось; передѣлывали собственныя имена и т. д. По приблизительному разчету, приводимому *Кіевляниномъ*, съ 1852 по 1866 годъ, изъ Кіевскаго архива, выдана по меньшей мѣрѣ тысяча фальшивыхъ выписей. Если предположить, что эти выписи были требованы для дока-

зательства правъ дворянства, то, считая на каждую выпись по 5 семействъ, выйдетъ что въ это время неправильно утверждены въ дворянствѣ 5.000 семействъ.

Правительство не можетъ оставить безъ вниманія столь важнаго, всѣхъ касающагося вопроса. Признавать людей на основаніи фальшивыхъ документовъ русскими дворянами не то ли же самое, что признавать фальшивыя ассигнаціи за настоящія и предоставлять поддѣльщикамъ право пользоваться ими?

№ 88.

Москва, 25-го апрѣля.

Идеи національной политики все глубже и глубже проникаютъ въ сознаніе русскаго общества. Но чѣмъ болѣе слѣдуетъ этому радоваться, тѣмъ желательнѣе чтобы къ этимъ идеямъ не примѣшивались другіе вопросы, гораздо менѣе ясные и безспорные.

Кто не знаетъ, что во многихъ, если не во всѣхъ важнѣйшихъ отрасляхъ нашей фабричной и ремесленной промышленности господствуютъ иностранцы,—капиталисты, директоры фабрикъ, техники, мастера и даже часто рабочіе,—и въ какомъ жалкомъ, дѣтскомъ подчиненіи находятся къ нимъ русскіе люди въ тѣхъ же самыхъ отрасляхъ промышленности? Кто не знаетъ, что за весьма немногими исключеніями, въ нашей международной торговлѣ, даже отпускной, господствуютъ иностранные фирмы какъ за границей, такъ и въ самой Россіи? Почти вся наша торговля съ другими государствами, съ нашей стороны, только пассивная, то-есть производится за счетъ иностранцевъ, которымъ русскіе купцы, ведущіе иностранную торговлю, служатъ коммиссіонерами или въ лучшемъ случаѣ вторыми руками. Всѣ важнѣйшія русскія фирмы по иностранной торговлѣ, въ нашихъ портовыхъ городахъ, имѣющія прямыя связи съ заграничными домами и ведущія торговлю за свой счетъ, суть иноземнаго происхожденія и большею частію, несмотря на давность своего водворенія въ Россіи, до сихъ поръ остаются въ иностранномъ подданствѣ; число русскихъ фирмъ, ведущихъ прямую иностранную торговлю, не только не возрастаетъ, а въ сравненіи съ прошедшимъ столѣтіемъ положительно уменьшилось. Съ другой стороны водвореніе въ Россіи иностранныхъ негоціантовъ нисколько не послужило къ развитію заграничной торговли, даже отпускной, въ средѣ нашего купечества, и оно какъ будто совсѣмъ оттѣснено отъ серіозныхъ дѣлъ. Все сказанное извѣстно каждому и возбуждаетъ не мало жалобъ и сѣтованій въ русскомъ коммерческомъ и фабричномъ мірѣ. Но однѣми жалобами на иностранцевъ дѣлу не поможешь, ни въ этомъ, ни въ другомъ случаѣ; надобно не жаловаться, а стараться, чтобы въ нашемъ быту не оставались тѣ условія, которыя причиняютъ нашу несамостоятельность и даютъ власть надъ нами иностранцамъ. Можно ли сомнѣваться, что первая причина нашей слабости въ фабричной промышленности, ремеслахъ и иностранной торговлѣ, главная вина нашего подчиненія иностранцамъ, заключается въ недостаточномъ образованіи нашего купечества и всего ремесленнаго и рабочаго класса? Отчего это происходитъ или лучше отчего это положеніе дѣлъ такъ долго держится? Мы знаемъ и видимъ, какъ легко въ Россіи богатѣть отъ торговли, пользуясь азартными барышами. Нигдѣ на свѣтѣ въ равной мѣрѣ не встрѣтимъ мы обычнаго у насъ явленія, что большинство торгующаго, милліонами ворочающаго купечества состоитъ изъ людей, которые начали торговать съ копѣйки. Дѣдовскій капиталъ въ нашемъ торговомъ мірѣ рѣдкость. Куда же дѣвались внуки тѣхъ людей, которые торговали въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтія? Вѣдь не всѣ же купцы того времени разорились, не всѣ же они были бездѣтны. Гдѣ теперь ихъ внуки? Нѣтъ надобности въ разысканіяхъ, чтобъ отвѣчать на этотъ вопросъ. Всѣ они вышли въ *господа* и не могли не выйдти, когда господами считались только чиновники и дворяне, а купца честили мужикомъ. При такомъ сословномъ униженіи естественно, что всякій купеческій сынъ получившій образованіе спѣшилъ вонъ изъ купечества, предоставляя отцовское дѣло сидѣльцамъ. Положеніе русскихъ ремесленниковъ еще хуже. Съ иностранцемъ ремесленникомъ и полиція и публика обращаются болѣе или менѣе хорошо, а на ремесленника русскаго смотрятъ какъ на парія. Кому же охота оставаться паріемъ, получивъ образованіе, когда представляется возможность перейдти въ высшую касту? Всякій чему-нибудь учившійся сты-

дился, да отчасти и теперь стыдится быть русскимъ ремесленникомъ, потому что и теперь еще ремесленники у насъ далеко не равноправны съ своими конкуррентами, ремесленниками иностранными, наполняющими наши города. Чтобъ устранить этотъ порядокъ вещей, надобно почтить русскаго ремесленника,—почтить не словами только, но и дѣломъ, то-есть въ законодательствѣ. Національная политика, водворяющаяся у насъ, разумѣется, приведетъ къ этому результату.

Впрочемъ за послѣднее время коммерческое и умственное образованіе нашего промышленнаго класса все - таки сдѣлало успѣхи въ сравненіи съ прошедшимъ столѣтіемъ. Съ другой стороны, нельзя не удивляться той природной смѣтливости и тѣмъ необыкновеннымъ способностямъ къ торговлѣ, благодаря которымъ, даже при совершенной необразованности, русскіе люди умѣютъ иногда изворачиваться въ сложныхъ и трудныхъ заграничныхъ дѣлахъ. Какъ же объяснить, что мы не только не замѣчаемъ ни малѣйшихъ успѣховъ въ освобожденіи русской международной торговли отъ иностранныхъ рукъ, но видимъ въ этомъ отношеніи скорѣе попятные шаги, и именно въ нынѣшнемъ столѣтіи, когда, что̀ ни говори, просвѣщеніе и у насъ идетъ впередъ? Въ кругу русскихъ фабрикантовъ и мастеровъ распространяются техническія свѣдѣнія, но національный характеръ нашей промышленности и ремеслъ нисколько не усилился въ сравненіи съ прошедшимъ столѣтіемъ, ни по свойству издѣлій, ни по роду и племени дѣйствующихъ лицъ. Особенно выдѣлка высшихъ сортовъ фабрикатовъ и предметовъ роскоши, пользующихся наивысшими таможенными преміями, отличается у насъ господствомъ иностранцевъ и иноземнымъ характеромъ своихъ произведеній. Таковы всѣ городскія ремесла, работающія на высшіе классы, подъ охраною почти запретительныхъ таможенныхъ пошлинъ, и находящіяся въ рукахъ людей, съѣхавшихся къ намъ со всѣхъ концовъ свѣта.

Какимъ же образомъ все это произошло? Дѣло въ томъ, что высокіе таможенные тарифы препятствуютъ самостоятельному и національному развитію промышленныхъ силъ страны. Чѣмъ выше тарифъ одной страны, сравнительно съ другими, тѣмъ болѣе онъ привлекаетъ къ ней иностранный трудъ и капиталы, но не съ тѣмъ чтобы прочно водвориться въ ней, а чтобы только воспользоваться таможенною преміей, по существу своему не долговѣчною. Что̀ сказано выше о недолговѣчности русскихъ торговыхъ домовъ, то въ не меньшей силѣ примѣняется и къ иностраннымъ ремесленникамъ. Какъ купцы стремятся въ дворяне, такъ иностранные ремесленники—за границу. При этомъ должно имѣть въ виду, что при усиленіи таможенной преміи, ею всегда скорѣе могутъ воспользоваться наѣзжіе иностранцы, которымъ легче переселиться съ готовымъ производствомъ, нежели туземцамъ браться за дѣло для нихъ новое. Вотъ почему между прочимъ русскіе промышленники у насъ иногда банкрутятся, въ то время какъ иностранцы богатѣютъ. Спрашивается: кто, напримѣръ, можетъ болѣе содѣйствовать успѣхамъ русской машиностроительной фабрикаціи: иностранцы ли, которые завели у насъ это ради фабрикаціи безъ всякаго таможеннаго покровительства, вслѣдствіе разчета на нашу нужду въ машинахъ, на естественныя прибыли этого дѣла, вообще на условія, которыя будутъ постепенно усиливаться въ ихъ пользу, или тѣ иностранцы, которые, будучи привлечены пошлинами на машины, учредили бы у насъ временныя отдѣленія своихъ заграничныхъ заведеній, для сбыта намъ машинъ по болѣе дорогой цѣнѣ, нежели продаютъ ихъ намъ нынѣ? Какой прокъ можетъ быть для развитія русской машиностроительной промышленности отъ подобныхъ заведеній, устроенныхъ на скорую руку съ иностранными мастерами, разчитанныхъ только на временные барыши отъ таможенной преміи, и которыя закроются при малѣйшей перемѣнѣ въ торговой политикѣ? Не выгоднѣе ли покупать эти самыя машины за границей по болѣе дешевой цѣнѣ, чѣмъ платить за нихъ въ три-дорога для обогащенія такихъ производителей? Еще болѣе существенное вліяніе покровительственныхъ тарифовъ въ томъ же направленіи заключается въ совращеніи отечественныхъ капиталовъ и рукъ съ пути тѣхъ промысловъ и ремеслъ, которые исторически сложились у насъ и находятъ благопріятныя для себя мѣстныя условія. Нигдѣ это вліяніе таможенныхъ тарифовъ не можетъ быть столь вредно какъ въ Россіи, странѣ бѣдной населеніемъ и капиталами. Что̀ же мы видимъ въ исторіи нашей промышленности? Разныя издавна и самобытно возникшія народныя издѣлія или из-

готовляются въ той же грубой, первоначальной формѣ, какъ нѣсколько столѣтій тому назадъ, или безвозвратно гибнутъ; разныя отрасли фабричной и ремесленной промышленности, вмѣсто того чтобъ образоваться на исторической почвѣ *самодѣльщины*, развивая ее посредствомъ болѣе искусной техники и болѣе утонченнаго вкуса, сосредоточились преимущественно на выдѣлкѣ по иностраннымъ образцамъ всякихъ товаровъ, чуждыхъ даже нашимъ географическимъ и климатическимъ условіямъ. Самымъ разительнымъ и печальнымъ въ этомъ смыслѣ фактомъ было паденіе всѣхъ отраслей нашей первобытной льняной и пеньковой промышленности. Вообще запретительная таможенная система не позволяла намъ улучшить ничего своего, ничего такого, чѣмъ мы могли бы отличиться не только у себя дома, но и на иностранныхъ рынкахъ, и заставляли насъ заводить чужое, въ чемъ мы должны идти всегда позади иностранцевъ. Мы жалуемся на недостатокъ самобытности нашихъ высшихъ классовъ, на ихъ пристрастіе къ подражанію, заимствованію и обезьянству, но въ промышленной нашей жизни таможенный тарифъ, послѣ отсутствія европейскаго образованія въ нашихъ школахъ, также не пользующагося сочувствіемъ нашихъ протекціонистовъ, всего могущественнѣе прививалъ упомянутые пороки. Это было насажденіе чужестраннаго, иногда успѣшное, но всегда насильственное; это было продолженіе пріемовъ Петра Великаго, со всѣми хорошими и дурными послѣдствіями такихъ пріемовъ. Было ли случайнымъ явленіемъ, что чужеземное купечество въ нашихъ портовыхъ городахъ единогласно, или почти единогласнымъ большинствомъ высказалось у насъ нынѣ противъ пониженія тарифа? Иностранные негоціанты, не только Нѣмцы, но даже Англичане, и между прочимъ, что̀ заслуживаетъ вниманія, въ особенности Англичане (это преимущественно извѣстно относительно Петербурга) съ негодованіемъ говорятъ объ усиліяхъ къ пониженію нашего тарифа, даже самому осмотрительному и самому медленному. Этотъ замѣчательный фактъ весьма просто объясняется. Иначе и быть не могло. Англіи, Франціи и Германіи и ихъ фабрикантамъ и купцамъ можетъ быть выгодно больше продавать Россіи и больше покупать у Россіи, также какъ это выгодно намъ; при этомъ имъ выгоднѣе имѣть непосредственныя коммерческія сношенія съ русскими фабрикантами и купцами, нежели торговать черезъ нѣсколько иностранныхъ конторъ, забравшихъ эту торговлю въ свои руки. Но этимъ нѣсколькимъ конторамъ положительно невыгодно пониженіе нашего тарифа, ибо съ нимъ неизбѣжно связано размноженіе русскихъ фирмъ, участвующихъ въ иностранной торговлѣ, такъ какъ всякое облегченіе по торговлѣ дѣлаетъ ее болѣе доступною для среднихъ и мелкихъ капиталовъ. Наконецъ иностранцамъ, временно водворившимся въ Россіи, выгодно, чтобы не возвышался и нравственный уровень русскаго купечества, что̀ непремѣнно послѣдовало бы при усиленной иностранной конкурренціи, когда всѣмъ пришлось бы торговать добросовѣстнѣе. Вотъ почему протекціонизмъ нашелъ такой отголосокъ въ иностранныхъ негоціантахъ нашихъ портовыхъ городовъ, не исключая даже азовскихъ портовъ, страдающихъ отъ недостаточнаго ввоза иностранныхъ товаровъ, которыми эти порты чудовищнымъ образомъ снабжаются до сихъ поръ изъ Балтійскаго моря.

Итакъ національное знамя въ рукахъ протекціонистовъ есть призракъ; они могутъ быть самыми пламенными патріотами и полезными сподвижниками національной политики, но лишь вопреки проповѣдуемымъ ими понятіямъ о народномъ хозяйствѣ. Протекціонизмъ, какъ мы это видимъ изъ тождества протекціонистской пропаганды во всѣхъ концахъ земнаго шара, имѣетъ всѣ принадлежности космополитизма. Нынѣ, и протекціонизмъ и космополитизмъ перестали быть руководящими началами въ законодательствѣ и политикѣ Европы, уступивъ мѣсто націнальнымъ интересамъ. Всѣ просвѣщенные политическіе дѣятели, въ особенности въ государствахъ, первенствующихъ энергіей своей національной политики, признаютъ, что ей какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ возможно свободное развитіе международной торговли, отъ коей выигрываютъ обѣ стороны, и возможно свободное развитіе всѣхъ промысловъ, безъ искусственнаго покровительства однимъ въ ущербъ другихъ, и именно чужеземныхъ въ ущербъ національныхъ. Иначе графъ Бисмаркъ, напримѣръ, хлопоталъ бы только о торговомъ трактатѣ съ Россіей, а не заключалъ бы торговыхъ трактатовъ съ Англіей, Франціей, Бельгіей, Италіей и т. д.

Кстати припомнимъ здѣсь одну любопытную иллюстрацію для высказанныхъ нами мыслей. Недавно наши протекціонисты съ негодованіемъ указывали на проектированное тарифною коммиссіей пониженіе пошлинъ на ножевой товаръ, долженствующее будто бы нанести смертный ударъ извѣстному народному производству этого товара въ селахъ Павловѣ и Ворсмѣ, страдающему и безъ того отъ разныхъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Въ числѣ обстоятельствъ неблагопріятныхъ для павловскаго металлическаго производства, къ которымъ-де тарифная коммиссія оказалась равнодушною въ своихъ заботахъ о пониженіи тарифа, протекціонисты съ особеннымъ шумомъ указывали на недостатокъ въ павловской промышленности механическихъ приспособленій, на дороговизну англійской стали и разныхъ другихъ привозныхъ иностранныхъ металловъ и матеріаловъ, а равно и освѣтительныхъ веществъ и проч. Можно ли болѣе неловкимъ образомъ проговориться? Какъ помогутъ Павлову и Ворсмѣ противъ всѣхъ этихъ затрудненій пошлины на машины и возвышеніе пошлинъ на употребляемые тамъ иностранные матеріалы? Не проще ли, вмѣсто удержанія нынѣшней пошлины на ножевой товаръ, желать удешевленія всѣхъ необходимыхъ для его производства иностранныхъ матеріаловъ? Вотъ національное производство, которое несомнѣнно усилилось бы отъ пониженія тарифа, сохранивъ всю свою самобытность и идя своею дорогой къ преуспѣянію, безъ всякихъ заимствованій и безъ машинальнаго подражанія иностраннымъ образцамъ. Что было бы безъ покровительственнаго тарифа съ павловскою фабрикаціей, которая при этомъ тарифѣ и *вслѣдствіе этого тарифа* погибаетъ, то было бы со всею отечественною промышленностью нынѣ исковерканною тарифомъ.

№ 89.

Москва, 26-го апрѣля.

А.

Обращаемъ вниманіе на помѣщенное ниже письмо Русскаго Паломника. Кромѣ другихъ сообщеній, говорящихъ сами за себя, оно извѣщаетъ о приготовляемой Императорскимъ кабинетомъ мѣрѣ, весьма важной для русскихъ подданныхъ живущихъ на Востокѣ. Нельзя не благодарить нашего посла въ Константинополѣ за его заботы объ интересахъ лицъ, состоящихъ, въ силу трактатовъ, подъ юрисдикціей его вѣдомства. Изъ словъ нашего корреспондента можно заключить, что эти заботы въ скоромъ времени увѣнчаются распространеніемъ благодѣяній судебной реформы на всѣхъ нашихъ соотечественниковъ, живущихъ на Востокѣ. Судъ надъ русскими подданными будетъ производиться тамъ на основаніи новыхъ судебныхъ уставовъ; въ Константинополѣ, при посольствѣ, будетъ состоять мировой судья подсудный Одесскому судебному округу. Положеніе дѣлъ на Востокѣ не позволяетъ вѣрить въ осуществимость желанія Оттоманской Порты отмѣнить консульскую юрисдикцію въ Турецкой имперіи. Эта юрисдикція основана на трактатахъ, и для упраздненія ея было бы нужно согласіе всѣхъ державъ. Но гораздо легче говорить фразы о турецкомъ прогрессѣ нежели испытывать его дѣйствительность на своихъ согражданахъ, а потому едва ли какое правительство рѣшится послѣдовать желанію Порты. Когда отказываютъ въ довѣріи румынскимъ судамъ, правильно организованнымъ и руководящимся законами цивилизованныхъ обществъ, — когда затрудняются отмѣнить консульскую юрисдикцію въ Румыніи, то кольми паче затруднятся сдѣлать подобный шагъ въ тѣхъ частяхъ Турецкой имперіи, гдѣ правосудіе остается въ рукахъ магометанъ.

Мусульмане и христіане могутъ жить рядомъ въ Турецкой имперіи, но одного цѣлаго, одной націи они не составятъ. Всѣ дѣлаемыя въ этомъ смыслѣ попытки поведутъ лишь къ разочарованію и только подтвердятъ вѣрность программы начертанной для турецкихъ реформъ Императорскимъ кабинетомъ на основаніи короткаго знакомства съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣлъ, — знакомства, которое нельзя оспаривать у нашей дипломатіи на Востокѣ. Въ дѣлѣ суда эта программа имѣетъ еще болѣе безспорное значеніе чѣмъ въ другихъ сферахъ общественной жизни.

Недавно приходилось намъ говорить о практическихъ условіяхъ административной реформы предпринятой Портой подъ именемъ устройства вилаетовъ и удостоенной торжественнаго одобренія трехъ дер-

жавъ. Основываясь на достовѣрныхъ данныхъ мы доказали, что эта такъ-называемая реформа не только не удовлетворяетъ жизненнымъ требованіямъ христіанскихъ населеній Турціи, но что неизбѣжнымъ послѣдствіемъ этихъ лживыхъ мѣръ будетъ только усиленіе мусульманскаго ига и усугубленіе бѣдствій удручающихъ Востокъ. Реформа судебная находится въ условіяхъ еще менѣе выгодныхъ.

До нашего свѣдѣнія доходитъ, изъ самаго достовѣрнаго источника, новый фактъ ярко освѣщающій юридическія условія восточнаго быта и необузданный произволъ, которому подвергаются жизнь, честь и состояніе всякаго христіанина въ Турціи, въ то самое время когда три христіанскія державы восхваляютъ ея прогрессивность.

Фактъ этотъ самъ по себѣ столь краснорѣчивъ, что достаточно изложить его для убѣжденія всякаго безпристрастнаго читателя. Мы приводимъ это изложеніе вполнѣ, не безъ нѣкоторой надежды, что оглашеніе возмутительнаго образа дѣйствій турецкихъ судовъ не только броситъ свѣтъ на турецкое правосудіе вообще, но можетъ-быть послужитъ къ возстановленію нарушеннаго права и въ спеціальномъ оглашаемомъ нами случаѣ, что̀ было бы очень утѣшительно.

Вотъ что̀ намъ передано, повторяемъ, изъ совершенно достовѣрнаго источника.

„11-го марта сего 1868 года въ гражданскомъ судѣ (темизи-хукукъ) города Битоля была рѣшена тяжба между христіанкой Темяной Іовчевою изъ селенія Бѣлушина и четырьмя мусульманами: Феизомъ, Латифомъ, Сали и Зекиромъ, жителями того же селенія.

„Сущность дѣла слѣдующая:

„Назадъ тому 15 лѣтъ, на разстояніи трехъ часовъ отъ села Бѣлушина, было найдено мертвое тѣло одного мусульманина, жителя этого селенія. Мѣстныя власти не открыли убійцы, но сыновья убитаго, Феизъ, Латифъ, Сали и Зекиръ, заявили подозрѣніе на одного зажиточнаго бѣлушинскаго селянина, христіанина, по имени Христо Іовчева. Вслѣдствіе чего, самъ Христо, родной братъ его Силянъ и двоюродные братья Аѳанасъ и Здраве были приведены въ Битоль и заключены въ тюрьму. Трое другихъ изъ семьи Іовчева: Христо, Іованъ и Спасе, которыхъ полиція не успѣла задержать отправились въ Константинополь, для ходатайства по этому дѣлу. Но въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ всѣ трое были убиты въ разное время на возвратномъ пути, и Іовчевы остались въ тюрьмѣ безъ всякой защиты и заступничества.

„Христіанинъ, заключенный въ тюрьму по подозрѣнію, гораздо несчастнѣе уличеннаго преступника: если уличенный осуждается закономъ на тюремное заключеніе, то тотъ же законъ опредѣляетъ и срокъ заточенію; взятый въ тюрьму по подозрѣнію остается въ ней на неопредѣленное время, а нерѣдко тамъ и умираетъ. Такъ Христо, Силянъ, Аѳанасъ и Здраве Іовчевы всѣ умерли въ битольской тюрьмѣ въ продолженіе полутора года и изъ семьи Христо осталась одна только дочь, въ то время двѣнадцатилѣтняя дѣвочка, Темана, которую крушевскіе христіане скрыли въ своей деревнѣ отъ преслѣдованія мусульманъ.

„По истребленіи такимъ образомъ всего семейства Христо Іовчева, мусульмане, Феизъ, Латифъ, Сали и Зекиръ, присвоили себѣ его недвижимую собственность, состоящую изъ двухъ мельницъ, 18-ти погоновъ (около 12-ти десятинъ) земли и трехъ луговъ, которыми спокойно владѣли въ продолженіе тринадцати лѣтъ.

„Скрытая въ селеніи Хрушево, дѣвочка Темана Іовчева достигла между тѣмъ совершеннолѣтія и вышла замужъ за одного Болгарина. Назадъ тому три года, когда носился слухъ, что новый битольскій генералъ-губернаторъ, Хюсни-паша, строго преслѣдуетъ разбойниковъ и воровъ, Темана, ободренная мужемъ и другими христіанами, на чьей памяти сохранилось все вышеизложенное происшествіе, рѣшилась заявить свои права на недвижимость, несправедливо присвоенную четырьмя братьями мусульманами.

„Хюсни-паша обратилъ большое вниманіе на это дѣло, и приказалъ произвести строгое слѣдствіе. Чрезъ пять мѣсяцевъ дѣло было рѣшено въ пользу Теманы. Вышли два приговора (иляма): въ силу одного, все спорное недвижимое имѣніе должно было быть возвращено Теманѣ, а въ силу другаго вышеупомянутые мусульмане были принуждены уплатить ей 42.000 піастровъ за тринадцать лѣтъ беззаконнаго пользованія чужою собственностію. Хюсни-паша, объявивъ Теманѣ содержаніе перваго иляма, посовѣтовалъ ей не взы-

скивать, въ силу втораго, 42.000 піастровъ съ ея противниковъ.

„Темяна, довольная возвращеніемъ принадлежавшей ей собственности, согласилась на предложеніе Хюсни-паши и была введена во владѣніе. Что же касается до 42.000 піастровъ, то были слухи, что часть этихъ денегъ хотя и была взыскана съ отвѣтчиковъ, но не дошла до Темяны.

„Послѣ каждой перемѣны паши, обыкновенно являются къ новымъ представителямъ власти просители съ просьбами о переизслѣдованіи прежде рѣшеныхъ дѣлъ. Точно также по прибытіи въ Битоль Тевфикъ-паши, на мѣсто Хюсни, явились въ числѣ просителей противники Теманы съ просьбой о возобновленіи ихъ тяжбы съ Теманой, рѣшенной Хюсни-пашой. Тевфикъ-паша передалъ просьбу мусульманъ въ мехкеме (мусульманскій судъ). На основаніи свидѣтельства двухъ мусульманъ, показавшихъ что спорное имѣніе, какъ имъ извѣстно, всегда принадлежало братьямъ: Феизу, Латифу, Сали и Зекиру, кади призналъ за ними право, и дѣло рѣшилъ въ ихъ пользу. Рѣшеніе было объявлено Теманѣ, и въ то же время, Тевфикъ-паша приказалъ жандармамъ взять ее отвести въ Прилѣпъ, для присутствія при вводѣ ея противниковъ во владѣніе. Темана хотѣла протестовать, но быда взята подъ стражу. Такая мѣра поразила ее до того, что она занемогла и была отправлена въ Битольскій госпиталь, гдѣ долго болѣла.

„Когда въ Битоль былъ назначенъ мутасарифомъ Шефикъ-бей, Темана, оправившись отъ болѣзни, вышла изъ госпиталя и подала просьбу на несправедливое рѣшеніе ея дѣла. Шефикъ-бей передалъ просьбу въ судъ (темиэи-хукукъ) гдѣ предсѣдателемъ кади.

„На этотъ разъ переслѣдованіе дѣла состояло въ томъ, что двое свидѣтелей мусульманъ, изъ с. Бѣлушина, были вторично допрошены для подтвержденія прежняго показанія, и потомъ ихъ провели по битольскому базару, запрашивая встрѣчныхъ мусульманъ, какое они имѣютъ мнѣніе объ этихъ людяхъ. Встрѣчные мусульмане отозвались, что они ничего худаго объ этихъ свидѣтелахъ не знаютъ. Послѣ чего, кади произнесъ 11-го марта приговоръ въ пользу противниковъ Теманы Іовчевой, и имѣніе, принадлежавшее ей по праву наслѣдства, опять было отдано во владѣніе мусульманъ Феиза, Лятифа, Сали и Зекира.

„Итакъ, Темана въ малолѣтствѣ осиротѣла и лишилась своей собственности вслѣдствіе убійствъ, насилій и захвата со стороны мусульманъ, а теперь окончательно разорена уже въ силу священнаго закона, то-есть по свидѣтельству двухъ мусульманъ. Что же касается до жителей селенія Крушева, которые спасли Теману, и до жителей ея родины, селенія Бѣлушина, на глазахъ которыхъ происходила вся описаниая катастрофа, и въ памяти которыхъ сохраняются всѣ ея подробности, — то, при переизслѣдованіи дѣла, о нихъ не было и рѣчи, потому что свидѣтельство христіанъ нигдѣ не имѣетъ никакого значенія, а тѣмъ болѣе въ священномъ судилищѣ кади.“

Такова судьба христіанскихъ населеній Турціи и таковы реформы, привѣтствуемыя рукоплесканіями западныхъ зрителей! Вотъ отъ какого правосудія ограждаетъ пребывающихъ въ Турціи Европейцевъ консульская юрисдикція, устраиваемая нынѣ для русскихъ подданныхъ на такомъ прочномъ основаніи какъ наши новые судебные уставы.

В.

Многочисленныя и почти одновременно огласившіяся перемѣны въ личномъ составѣ администраціи сѣверо-западнаго края вызвали восторженныя демонстраціи въ газетахъ *Вѣсть* и *Новое Время*. Свистомъ и ругательствами провожаютъ онѣ удаляющихся изъ края административныхъ лицъ, и заодно огрызаются на тѣ органы нашей печати, которые съ негодованіемъ устраняются отъ участія въ этихъ демонстраціяхъ. *Вѣсть*, привѣтствуя предстоящее водвореніе въ сѣверо-западномъ краѣ „порядка,“ мечетъ перуны противъ вымышленнаго ею какого-то „союза бюрократическаго элемента съ журналистикой,“ и таинственнымъ тономъ намекаетъ на какой-то хитро задуманный планъ, который долженъ былъ надѣлать не мало хлопотъ новому начальнику и доказать—предъ общественнымъ мнѣніемъ и правительствомъ—несостоятельность его взглядовъ.“ *Новое Время* (№ 73), этотъ вѣрный и подчасъ болѣе откровенный Поллуксъ *Вѣсти*, внушительно заявляетъ, что „въ западномъ краѣ *намъ* (кто эти *мы?*) нужны теперь не такіе люди, которые служатъ не Россіи и не православію, а крайней революціонной партіи.“

Кто же эти не называемые по именамъ соціалисты, революціонеры, враги православія, чье удаленіе такъ необходимо въ интересахъ „порядка?“

Вотъ главныя лица, уволенныя въ послѣднее время отъ службы въ сѣверо-западномъ краѣ.

Виленскій губернаторъ *С. Ѳ. Панютинъ*. Мы не считаемъ себя въ правѣ оцѣнивать его служебную дѣятельность ни въ ту, ни въ другую сторону; мы мало знакомы съ нею, но думаемъ по крайней мѣрѣ, что бывшій виленскій губернаторъ, назначенный на должность при графѣ Муравьевѣ, не соціалистъ, не революціонеръ и также не врагъ православія.

Попечитель Виленскаго учебнаго округа, *И. П. Корниловъ*, въ теченіе пятилѣтняго управленія округомъ, оказалъ безспорную услугу, которой нельзя не цѣнить, сформированіемъ чисто-русскаго и совершенно надежнаго педагогическаго сословія въ краѣ, какъ въ гимназіяхъ, такъ и въ народныхъ школахъ, и совершеннымъ изгнаніемъ польскаго языка изъ училищъ. Можно не соглашаться съ тою или другою частностію въ примѣненіи усвоенной бывшимъ попечителемъ округа системы, но въ общемъ она безспорно соотвѣтствовала предоставленной верховною властію цѣли обрусенія края посредствомъ школы, и приводила въ негодованіе польскихъ патріотовъ лишь потому что они видѣли въ ней рѣшительную отмѣну завѣщанной Чарторыйскимъ системы искусственной полонизаціи края тѣмъ же путемъ. Во всякомъ случаѣ, какой же это соціалистъ и крайній революціонеръ?

Управлявшій коммиссіей по крестьянскимъ дѣламъ въ сѣверо-западномъ краѣ, *Н. А. Зубковъ*—дворянинъ и помѣщикъ, пользующійся общимъ уваженіемъ вездѣ, гдѣ только извѣстенъ, и принадлежащій по своему состоянію къ тѣмъ слоямъ нашего помѣстнаго дворянства, которымъ *Вѣсть* хочетъ служить органомъ и льститъ ежедневно. Припомнимъ происходившій въ 1862 г. въ Твери дворянскій съѣздъ, постановленія котораго привели тринадцать членовъ мировыхъ учрежденій къ извѣстному заявленію; г. Зубковъ, тогда членъ тверскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, былъ въ этомъ дѣлѣ стойкимъ и твердымъ противникомъ увлеченія. Но несмотря на открытое сопротивленіе этому увлеченію, характеръ и образъ дѣйствій г. Зубкова внушили столь общее уваженіе къ нему, что въ началѣ 1863 года онъ былъ избранъ кандидатомъ на губернскаго предводителя. Съ открытіемъ въ сѣверо-западномъ краѣ мятежа и съ разнесшеюся тогда вѣстью объ опасности для государства отъ недостатка въ краѣ русскихъ чиновниковъ, г. Зубковъ оставилъ свои обширныя дѣла, еще до назначенія графа Муравьева поспѣшилъ въ Вильну, и былъ тотчасъ же назначенъ членомъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія въ Гроднѣ, а съ 1865 года по сіе время завѣдывалъ крестьянскою коммиссіей въ Вильнѣ. *Вѣсть* съ особенною злобою рукоплещетъ удаленію этого соціалиста и революціонера, руководившаго ходомъ крестьянскаго дѣла несогласно съ видами польскихъ пановъ.

Сверхъ того, дѣйствительные статскіе совѣтники *Стороженко* и *Тарасовъ* получили увѣдомленіе, что содержаніе имъ будетъ отпускаться лишь по 1-е іюня. Первый изъ нихъ былъ въ Вильнѣ, въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ, предсѣдателемъ ревизіонной коммиссіи, и стяжалъ ненависть крайнихъ польскихъ патріотовъ ревностною защитой предположенія ввести русскій языкъ въ католическое молитвословіе, а также тѣмъ, что безпристрастно произвелъ, по порученію графа Баранова, слѣдствіе о совращеніи въ католицизмъ православнаго населенія. Г. Тарасовъ былъ предсѣдателемъ еврейской коммиссіи, которая выработала въ прошломъ году извѣстный циркуляръ о Евреяхъ (оставшійся, впрочемъ, безъ исполненія). Онъ заслужилъ нерасположеніе пановъ тѣмъ, что занимался въ послѣднее время разчетомъ и раскладкой контрибуцій.

Вотъ эти соціалисты *Вѣсти*, эти крайніе революціонеры *Новаго Времени!*

Мы не считаемъ себя въ правѣ задавать вопросъ, почему одни изъ служащихъ лицъ замѣняются другими, и не имѣемъ основанія сѣтовать по поводу новыхъ назначеній въ администраціи западнаго края. Власть, несущая на себѣ отвѣтственность за управленіе краемъ, имѣетъ безспорное право окружать себя дѣятелями, которые ей болѣе извѣстны или могутъ болѣе соотвѣтствовать ея видамъ. Мы увѣрены, что по крайней мѣрѣ нѣкоторыя изъ новыхъ назначеній въ сѣверо-западномъ краѣ, и притомъ важнѣйшія, отнюдь не таковы, чтобы могли внушить надежды партія, ко-

торая почему-то считаетъ себя въ эту минуту торжествующею, и которая по всему вѣроятію, будетъ также разочарована, какъ и за полтора года предъ симъ, когда въ Вильну также былъ назначенъ новый генералъ-губернаторъ. Но нельзя допустить, чтобы съ такою наглостію, публично, предъ цѣлою страной, подвергались огульному поруганію лица, которыя добросовѣстно и по крайнему разумѣнію служили государству въ трудную пору и въ трудномъ мѣстѣ. Гдѣ же интересы Россіи найдутъ слугъ вполнѣ преданныхъ имъ, если со свистомъ и гамомъ выпроваживаютъ людей не за какія-либо злоупотребленія, которыхъ никто не обнаружилъ, но за то что они вѣрно исполняли программу призвавшей ихъ власти, принятую ею во время борьбы съ врагами государства? Цѣль, которую верховная власть предпоставила въ западномъ краѣ, остается, нѣтъ сомнѣнія, не измѣнною, ибо съ нею соединяется величайшая государственная необходимость; но правительство въ томъ или другомъ отношеніи можетъ измѣнить систему дѣйствій въ виду лучшаго достиженія той же цѣли: слѣдуетъ ли однако изъ этого чтобы люди, исполнявшіе прежнюю программу, должны были отдаваться на поруганіе врагамъ, чтобы въ насмѣшку надъ Россіей клеймили ихъ званіемъ революціонеровъ. Какая наглая иронія! Люди, которые боролись съ элементами мятежа и измѣны, обзываются за то революціонерами. Не то ли это самое что было нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда крестьяне западнаго края провозглашались мятежниками за то, что вязали бунтовавшихъ пановъ? И когда же чинится эта публичная расправа надъ людьми, которые главнымъ образомъ виновны только въ томъ, что слишкомъ живо чувствовали себя Русскими? Быть-можетъ наканунѣ событій, которыя потребуютъ отъ русскаго народа новыхъ и сильныхъ доказательствъ его патріотизма! Въ Петербургѣ освистываютъ людей за то что они дѣйствовали не въ угоду партіямъ враждебнымъ русскому государству,—а въ Лондонѣ, въ это же самое время, князь Чарторыйскій, глава польской *бѣлой* партіи, въ день 3-го мая чествуемый Поляками, призываетъ своихъ приверженцевъ подъ знамена для скрытнаго и неослабнаго дѣйствія къ возстановленію Польши на развалинахъ Россіи!

№ 90.

Москва, 27-го апрѣля.

Правильное, то-есть соотвѣтствующее экономическимъ условіямъ распредѣленіе народонаселенія по территоріи государства есть одно изъ важныхъ условій его процвѣтанія. Въ Россіи, какъ странѣ преимущественно земледѣльческой, это условіе имѣетъ еще болѣе значенія нежели въ какомъ-либо другомъ государствѣ. Неправильность въ распредѣленіи населенія лежала и лежитъ до сихъ поръ тяжелымъ гнетомъ на нашей производительности, но устраненіе ея не такъ легко какъ кажется тѣмъ, которые видятъ причину ея лишь въ крѣпостномъ правѣ. Упраздненіе послѣдняго остатка этого права съ близкимъ наступленіемъ 9-тилѣтняго срока, отъ обнародованія Положенія о крестьянахъ, когда они получатъ право отказываться отъ полеваго надѣла, внушаетъ однимъ радостную надежду на лучшее распредѣленіе рабочей силы, а другимъ тревожное опасеніе, что крестьяне изъ нечерноземныхъ мѣстностей переселятся въ черноземныя и владѣльцы земель сѣверной половины Россіи останутся вовсе безъ рабочихъ рукъ. Намъ кажется, что ни эти надежды, ни опасенія неосновательны. Мы уже говорили о статьѣ князя А. И. Васильчикова, помѣщенной въ № 19 *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*, подъ заглавіемъ: „Обязательное пользованіе мірскою землей и отказъ отъ земли по прошествіи девяти лѣтъ,“ и считаемъ полезнымъ, согласно обѣщанію, возвратиться къ обсужденію высказанныхъ въ ней мнѣній, для большаго разъясненія вопроса, который въ настоящее время служитъ предметомъ столькихъ толковъ и не безъ причины озабочиваетъ общественное мнѣніе. Начнемъ съ разбора мѣръ предлагаемыхъ княземъ Васильчиковымъ въ видахъ упраздненія упомянутаго недостатка.

Вопервыхъ, князь Васильчиковъ, совѣтуетъ, чтобы государство оказало содѣйствіе выкупу усадебъ низшаго разряда, выкупная цѣна которыхъ не превышаетъ 25 р. съ души. Вовторыхъ, онъ предлагаетъ упростить условія, требуемыя для пріема крестьянъ, уволенныхъ изъ одного общества и желающихъ приписаться къ другому; втретьихъ наконецъ — устранить затрудненія причиняемыя переселенцу от-

вѣтственностію по рекрутской повинности и по уплатѣ подушной подати.

Разсмотримъ эти предложенія поочередно. По ст. 130-й Мѣстнаго Положенія Великороссійскихъ Губерній, отказъ отъ пользованія полевымъ надѣломъ по прошествіи 9 лѣтъ, со дня обнародованія Положенія, обусловленъ выкупомъ усадебъ. По нашему мнѣнію, въ этомъ-то именно условіи, а не въ фактической трудности или легкости выкупа заключается существенное препятствіе къ правильному распредѣленію населенія въ Россіи и къ свободному переходу той его части, которая, по словамъ автора, *по скудости своего мѣстнаго быта, должна искать лучшихъ условій, приволья и заработковъ*. Съ какою цѣлію станетъ выкупать свою усадьбу тотъ крестьянинъ, который имѣетъ въ виду переселиться въ другое мѣсто? Развѣ только для того, чтобы продать ее; но въ такомъ случаѣ не проще ли было бы вовсе избавить его отъ невыгодной покупки? Мы говоримъ именно *невыгодной*, потому что если крестьянинъ можетъ продать свою усадьбу кому бы то ни было съ выгодой, т.-е. взять за нее дороже нежели сколько приходится заплатить по выкупному разчету, то покупщикъ не затруднится конечно внести за него эту меньшую сумму. Затрудненіе можетъ представиться только по тѣмъ усадьбамъ, выкупъ коихъ съ цѣлію продажи невыгоденъ. Предложеніе князя Васильчикова выдавать ссуды подъ усадьбы отдѣльно отъ полеваго надѣла нисколько не разрѣшаетъ этого послѣдняго случая. Выкупомъ усадьбы облегчился бы только отказъ отъ пользованія полевымъ надѣломъ, который поступилъ бы въ распоряженіе помѣщика, но главная цѣль — правильное распредѣленіе населенія согласно экономическимъ условіямъ страны, посредствомъ свободнаго перехода *той части населенія, которая, по скудости своего мѣстнаго быта, должна искать лучшихъ условій, приволья, простора и заработковъ*, — не только осталась бы не достигнутою, но и къ достиженію ея прибавлено было бы еще одно новое и весьма сильное препятствіе, именно обязанность уплачивать ссуду, полученную подъ усадьбу, не трогаясь съ мѣста. При настоящемъ порядкѣ вещей есть возможность обойдти стѣснительное дѣйствіе 130 ст., не выходя изъ предѣловъ закона. Если крестьяне желаютъ отказаться отъ полеваго надѣла, съ цѣлію переселенія, то они также пожелаютъ отказаться и отъ усадьбы (разумѣемъ собственно усадебную землю, ибо строенія въ такомъ случаѣ продаются крестьянами на своз), и если помѣщикъ согласенъ взять обратно то и другое, то это можетъ быть оформлено со стороны помѣщика въ видѣ подарка усадебной земли крестьянамъ, а со стороны ихъ, въ видѣ продажи ея обратно помѣщику. Какъ ни странно подобнаго рода дѣйствіе, оно представляетъ выходъ изъ затрудненія созданнаго буквой закона. Нѣчто подобное, только въ формѣ болѣе сложной, возможно и при той мѣрѣ, которую предлагаетъ князь Васильчиковъ. Помѣщикъ можетъ внести отъ имени крестьянъ выданныя подъ усадьбы выкупныя свидѣтельства, и затѣмъ совершить покупку бывшей своей, а потомъ сдѣлавшейся, помимо воли крестьянъ, крестьянскою усадебной земли, и такимъ образомъ устранить тѣ стѣсненія ихъ свободы и своей собственности, которыя были созданы регламентаціей. Но и то и другое возможно лишь при обоюдномъ согласіи помѣщика и крестьянъ. А безъ этого согласія содѣйствіе казны къ выкупу усадебъ можетъ только освободить крестьянъ отъ надѣла въ тѣхъ случаяхъ когда онъ имъ тяготенъ, но не можетъ предоставить имъ то что нужно для правильнаго распредѣленіе населеній, — свободу перехода. Выкупъ усадьбы при содѣйствіи казны прикрѣпляетъ напротивъ заемщика къ мѣсту жительства. Безъ выкупа усадьбы свобода перехода зависѣла бы отъ помѣщика, съ которымъ, какъ съ лицомъ живымъ, соглашеніе возможно. При выдачѣ казенной ссуды подъ выкупленную усадьбу, потребовалось бы для свободнаго перехода соглашеніе съ казной, что невозможно. Выкупъ усадебъ повелъ бы къ предположенной цѣли только въ томъ случаѣ, еслибы нужное для него пособіе было выдано казной въ качествѣ не ссуды, а подарка. Мы это и предлагали десять лѣтъ тому назадъ, когда крестьянскій вопросъ еще только былъ возбужденъ и обсуждался въ литературѣ. На выкупъ усадебъ мы смотрѣли какъ на средство вознаградить помѣщиковъ за отходившее отъ нихъ право на крѣпостной трудъ, даровать крестьянамъ столь важную для ихъ благосостоянія экономическую свободу и сдѣлать возможнымъ разрѣшеніе самой трудной стороны крестьянскаго дѣла (вопросъ о земельномъ

надѣлѣ) на основаніи добровольнаго соглашенія.

Что касается до второй мѣры, т.-е. до упрощенія условій требуемыхъ для пріема крестьянъ, уволенныхъ изъ одного общества и желающихъ приписаться къ другому, то весьма жаль что авторъ не далъ бо̀льшаго развитія своему предложенію. Одной отмѣны 143 ст. Общ. Положенія, по нашему мнѣнію, тутъ недостаточно. Что̀ значитъ пріемный приговоръ, когда принимающіе ни къ чему не обязываются? Это значитъ угощеніе сходки водкой и взятка волостному писарю. Если же они къ чему-либо обязываются, хотя бы только въ полицейскомъ отношеніи, то несправедливо лишать ихъ права на отказъ въ пріемѣ. Наконецъ, какъ поступать, если переселяется цѣлое сельское общество на землю, купленную у частнаго лица, или казенную, или нанятую на долгій срокъ? Неужели требовать чтобъ оно приписалось къ другому обществу, живущему по сосѣдству? И что̀ значитъ цѣлое общество? Пять дворовъ, составляющіе цѣлое общество на прежнемъ мѣстѣ, должны составить особое общество и на новомъ; но шесть дворовъ, переселяющихся изъ семи, почему же не могутъ составить особое общество? Все это вопросы, разрѣшеніе коихъ не можетъ быть сдѣлано отдѣльно, потому что они связаны съ цѣлою системой постановленій, принадлежащихъ къ другимъ областямъ законодательства, именно: къ существующей системѣ податей, къ системѣ рекрутской повинности, къ системѣ раздѣльности и замкнутости сословій и вообще къ тому странному порядку, по которому полной свободой движенія могутъ пользоваться у насъ только иностранцы.

Третье предложеніе князя Васильчикова относится къ рекрутской повинности и къ подушному окладу. Въ отношеніи первой онъ предлагаетъ не увольнять только тѣхъ, которые стоятъ на очереди, или могутъ быть привлечены къ ней въ слѣдующія три или шесть лѣтъ. Предложеніе это имѣетъ практическую силу лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда переселяются отдѣльныя лица или семейства, но при переселеніи цѣлаго сельскаго общества или значительной его части, затрудненіе остается неустраненнымъ. Здѣсь мы встрѣчаемся съ вредными послѣдствіями господствовавшаго въ нашемъ законодательствѣ взгляда на человѣка, какъ на предметъ собственности частныхъ лицъ или казны. Послѣдствія этого вреда отражаются до сихъ поръ на рекрутскомъ уставѣ съ его тысячными долями, переносимыми изъ одного года въ другой, съ его сложностію и съ неопредѣленностію очередной или жеребьевой системы. На практикѣ у насъ бываетъ трудно указать, какое семейство подлежитъ и какое не подлежитъ рекрутской повинности даже во время исполненія набора, а не только въ продолженіе *шести* лѣтъ. Всѣ злоупотребленія волостныхъ старшинъ, писарей и вожаковъ сельскихъ сходовъ, удесятеряющія для народа тягость рекрутской повинности, проистекаютъ именно изъ этой неопредѣленности. Мы полагаемъ, что отдѣльныя исправленія и пополненія повели бы только къ увеличенію и безъ того уже весьма сложной регламентаціи. Пока населеніе уѣздовъ не будетъ сгруппировано на основаніяхъ болѣе правильныхъ, чѣмъ сословія или даже отдѣльныя администраціи, до того времени запутанность при отбываніи повинностей и при уплатѣ податей едва ли можетъ быть уменьшена отдѣльными распоряженіями. Князь Васильчиковъ не исчислилъ льготъ, предоставляемыхъ иностраннымъ колонистамъ, но всѣ эти льготы сводятся къ уменьшенію податей. При настоящемъ положеніи нашихъ финансовъ едвали можно думать о сложеніи какихъ-либо сборовъ, и вотъ мы снова наталкиваемся на одинъ изъ коренныхъ вопросовъ, парализующихъ правильность нашего экономическаго развитія. Еслибы переложеніе податей съ душъ на землю было сдѣлано своевременно, то-есть до освобожденія крестьянъ, или, по крайней мѣрѣ, при самомъ освобожденіи, то оно могло быть исполнено безъ всякаго отягощенія, какъ крестьянъ, такъ и помѣщиковъ; въ настоящее время, и особенно при даровой уступкѣ четвертой части надѣла, именно съ цѣлію *отбыванія казенныхъ повинностей*, то-есть собственно уплаты подушной подати, это переложеніе становится чрезвычайно затруднительно. Многіе надѣялись, что подушная система сама собою ослабѣетъ, и что измѣненіе ея будетъ облегчено теченіемъ времени, но и эта надежда, при недавнемъ возвышеніи подушнаго оклада, отошла однимъ планомъ далѣе назадъ.

Обращаемся къ общимъ соображеніямъ, высказаннымъ въ статьѣ князя Васильчикова. Соображенія эти отличаются вѣр-

ностію, смѣлостію, обширностію и безпристрастіемъ взгляда, какія рѣдко встрѣчаются въ нашей публицистикѣ. Правильное и согласное съ дѣйствительными потребностями распредѣленіе рабочей силы по всему пространству государства есть такое условіе, безъ котораго никакіе финансовые фокусы не исправятъ того стѣсненнаго положенія, въ которомъ находится наше обширное отечество, одаренное столькими задатками нравственной и матеріальной силы. Это правильное распредѣленіе не можетъ быть сдѣлано путемъ регламентаціи или особыми распоряженіями власти; оно можетъ быть достигнуто только при полной свободѣ передвиженія, безъ которой плодотворное взаимнодѣйствіе труда и капитала немыслимо. Безъ сближенія этихъ двухъ элементовъ производительности, экономическое развитіе страны должно идти хромая и каждый изъ этихъ элементовъ тратиться безплодно. Капиталы не накопляются, а тотъ огромный классъ, который живетъ своимъ личнымъ трудомъ, остается обреченнымъ на вѣчную бѣдность, не потому чтобы въ рабочихъ рукахъ оказывался излишекъ, какъ въ нѣкоторыхъ государствахъ западной Европы, а только потому, что различныя законодательныя мѣры препятствуютъ свободѣ передвиженія рабочаго класса. Устраненіе этихъ препятствій князь Васильчиковъ вѣрно и эффектно называетъ вторымъ дѣйствительнымъ освобожденіемъ русскаго народа. Такова сущность мыслей, весьма убѣдительно высказанныхъ княземъ Васильчиковымъ. Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи сдѣлать нѣсколько выписокъ изъ его статьи:

„Съ 19-го февраля 1870 года откроется новый, второй періодъ освобожденія — вольный переходъ. По нашему разумѣнію, этотъ второй шагъ будетъ еще важнѣе перваго; вліяніе его на экономическій бытъ всего русскаго народа будетъ еще болѣе чувствительно, чѣмъ прекращеніе крѣпостной зависимости. Съ этого только срока русскій крестьянинъ выйдетъ на полную волю, и русская земля поступитъ въ свободное распоряженіе тѣхъ землевладѣльцевъ, которые пожелаютъ ее воздѣлывать.

„Заселеніе пустынныхъ и привольныхъ пространствъ совершается совокупными силами капиталовъ и рабочихъ рукъ; эти послѣднія набираются изъ разряда людей бѣдныхъ, которымъ на родинѣ тѣсно и скудно, и если имъ будутъ поставлены слишкомъ строгія условія, то и приливъ капиталовъ останется безплоднымъ, и самыя благодѣтельныя предпріятія остановятся предъ недостаткомъ рабочей силы, или непомѣрною ея дороговизной.

„Между тѣмъ этотъ послѣдній разрядъ крестьянъ есть именно тотъ, который представляетъ для сельскаго хозяйства и всякихъ сельскихъ работъ главный запасъ рабочей силы; они-то строятъ желѣзныя дороги, копаютъ руду, пашутъ, боронятъ, извозничаютъ. Эта-то рабочая сила, застывшая въ началѣ XVII столѣтія на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ее захватила помѣщичья власть, только и можетъ свободнымъ своимъ движеніемъ возстановить кровообращеніе въ громадномъ, но вяломъ организмѣ русской земли.

„Этой рабочей силѣ, пропадающей въ бюджетѣ нашего народнаго хозяйства, надо дать свободу и движеніе.

„Нѣсколько милліоновъ рукъ, совершенно бездѣйствующихъ съ Покрова до Егорья (съ 1-го октября по 23-е апрѣля), нѣсколько милліоновъ рабочихъ, прикрѣпленныхъ къ такой почвѣ и къ такому климату, гдѣ земледѣліе не оплачиваетъ труда земледѣльца,—вотъ что̀ составляетъ настоящій дефицитъ казны, народа и всей русской земли.

„Никакіе займы его не покроютъ.

„Но, съ другой стороны, на другомъ краю государства лежитъ столько же милліоновъ десятинъ излишней плодороднѣйшей земли, сколько на сѣверѣ пропадаетъ рабочей силы, и покуда равновѣсіе между просторомъ и работой, между запросомъ и сбытомъ, между дѣломъ и праздностью, не будетъ возстановлено полною свободой передвиженія, до тѣхъ поръ мы останемся, какъ были доселѣ, бѣднѣйшимъ изъ всѣхъ народовъ Европы.“

По поводу статьи князя Васильчикова мы уже указали на необходимость переработки многихъ статей Положенія 19-го февраля, получившихъ свой теперешній неудовлетворительный видъ вслѣдствіе неудовлетворительности дѣйствующихъ постановленій о подушной подати. Но этого мало. Положенія 19-го февраля 1861 г. старались ограничить право добровольныхъ соглашеній, изъ опасенія злоупотребленій со стороны помѣщиковъ, и тѣмъ стѣснили ту самую свободу крестьянъ, которую провозглашали. Еслибы принципъ добро-

вольныхъ соглашеній былъ принятъ за основаніе реформы, то легко было бы преодолѣть затрудненія представляемыя подушною системой и рекрутскою повинностію. Нужно было бы только пріискать мѣры, посредствомъ которыхъ свобода и подлинность этихъ соглашеній могутъ быть вполнѣ обезпечены, даже для малограмотнаго и неразвитаго крестьянина. Повторяемъ, что пріисканіе этихъ мѣръ вовсе не было бы такъ затруднительно, какъ представляютъ себѣ противники экономической свободы. Во всякомъ случаѣ, русскій крестьянинъ лучше бы понялъ свои интересы при этой простой формѣ, нежели при той сложной, запутанной и часто сбивчивой регламентаціи, которая введена Положеніями. Здравый смыслъ русскаго народа говоритъ ему, что дѣло не можетъ остановиться на такомъ разрѣшеніи, и что законъ, запрещающій ему соглашаться на то или другое что̀ онъ можетъ считать для себя выгоднымъ, какъ будто приберегаетъ для него что-то лучшее въ будущемъ, и какъ бы предупреждаетъ его, чтобъ онъ не лишилъ себя этихъ ожидаемыхъ выгодъ. Ошибается ли русскій народъ въ этомъ случаѣ?

Положимъ, что всѣ препятствія и всѣ затрудненія устранены, и что свобода перехода изъ однѣхъ мѣстностей въ другія вполнѣ возстановлена: какія тогда обнаружатся послѣдствія? Многіе опасаются, что сѣверныя, неплодородныя губерніи совершенно опустѣютъ, и что помѣщики не будутъ знать что̀ дѣлать съ возвращенными имъ землями. Мы нисколько не раздѣляемъ этого опасенія. Высокость въ тѣхъ мѣстахъ цѣнъ на сельскіе продукты всегда будетъ служить достаточнымъ противовѣсомъ, въ сравненіи съ черноземными губерніями. Земледѣльческій промыселъ въ малыхъ размѣрахъ, при хорошемъ удобреніи, будетъ тамъ выгоденъ даже и при нѣкоторомъ возвышеніи платы за работу. Если онъ въ настоящее время при большемъ избыткѣ рукъ невыгоденъ, то причина тому заключается вовсе не въ высотѣ рабочей платы, а въ обстоятельствахъ постороннихъ, въ дешевкѣ, въ нетвердости договоровъ и т. п. Но это явленіе общее, сами же по себѣ крестьяне нечерноземной полосы живутъ отнюдь не хуже, а напротивъ еще лучше крестьянъ черноземной полосы, и гораздо болѣе ихъ пользуются просторомъ и раздольемъ. Обиліе лѣса, рыбы, дичи вознаграждаетъ ихъ за малую производительность земли. Къ послѣднему они привыкли; весь ихъ бытъ устроенъ такъ, чтобъ обходиться съ малою запашкой. Главныя средства къ жизни доставляютъ имъ промыслы, отхожіе и мѣстные; съ этими промыслами они сжились и не промѣняютъ ихъ на однообразное хлѣбопашество. Но благосостояніе возможно на сѣверѣ лишь при извѣстной рѣдкости населенія, а потому излишекъ населенія долженъ имѣть оттуда свободный истокъ, и вотъ почему для сѣвера не менѣе чѣмъ для юга важна свобода переселеній. Впрочемъ наибольшее примѣненіе эта свобода имѣла бы не въ черноземной полосѣ, а въ сѣверной части черноземной полосы. Здѣсь крестьянинъ знаетъ цѣну земли, и здѣсь онъ болѣе нуждается чѣмъ на сѣверѣ и на югѣ. Отсюда можетъ происходить переселеніе на югъ въ размѣрахъ заслуживающихъ вниманія. Но именно здѣсь оно никому не опасно, и всѣмъ выгодно. Извѣстно, что помѣщики принуждены были здѣсь уступить крестьянамъ землю по оцѣнкѣ которая ниже цѣнъ вольной продажи. На это слышалось не мало жалобъ, и хлопоты большей части помѣщиковъ состояли здѣсь въ томъ чтобъ уступить какъ можно меньше земли. Противъ личнаго освобожденія крестьянъ здѣсь не спорили,—спорили только противъ надѣла ихъ землей. Здѣсь стало-быть помѣщикамъ выгодно отпустить часть крестьянъ съ тѣмъ чтобы взять за себя землю состоящую въ ихъ пользованіи. Итакъ вотъ та полоса Россіи, гдѣ весьма возможны тѣ добровольныя сдѣлки, о которыхъ мы говорили, и гдѣ желательны законодательныя мѣры, имѣющія цѣлію облегчить эти сдѣлки. Намъ кажется однако, что эти мѣры должны состоять въ содѣйствіи не столько выкупу усадебъ, сколько продажѣ помѣщикамъ земель, на которыхъ лежитъ выкупной долгъ: надобно предоставить помѣщикамъ, покупающимъ эти земли, такой же кредитъ, какимъ пользовались владѣвшіе ими крестьяне; другими словами, надобно чтобы земли надѣла выселяющихся крестьянъ могли переходить къ помѣщикамъ съ переводомъ выкупнаго долга.

Что касается до губерній южныхъ, куда долженъ направиться токъ переселенія, то въ отношеніи къ нимъ представляется другой вопросъ: гдѣ эти переселенцы раз-

мѣстятся? На казенныхъ земляхъ? Но этихъ земель на югѣ вовсе не такъ много, и притомъ поселеніе на нихъ потребуетъ такихъ пожертвованій со стороны правительства, которыя едвали вынесетъ нашъ бюджетъ. Поселеніе на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, которымъ принадлежитъ бо̀льшая часть земель южнаго края, могло бы идти успѣшнѣе, и только имъ достиглось бы правильное распредѣленіе рабочей силы; ибо въ виду удешевленія этой силы, помѣщики новороссійскаго края легко могли бы сдѣлать пожертвованія на постройки: но въ этомъ случаѣ, кромѣ препятствія со стороны дешевки и отсутствія гарантіи договорнаго права, является еще новое обстоятельство: переселяющіеся крестьяне должны сдѣлаться тамъ вольными арендаторами: о надѣлѣ по крестьянскому Положенію не можетъ быть рѣчи, если желать успѣха переселенію, но такое переселеніе не допускается нашими законами. Въ этомъ отношеніи рѣшительно необходима законодательная мѣра, разрѣшающая крестьянину выселяться изъ внутреннихъ губерній въ губерніи южныя на основаніи добровольнаго соглашенія съ тѣми помѣщиками Новороссійскаго края, которые снабдятъ переселенца и землей, и обзаведеніемъ. Эта мѣра была бы важнымъ шагомъ къ освобожденію русскаго крестьянина отъ той опеки, которая въ сущности выражается не чѣмъ инымъ какъ прикрѣпленіемъ его къ надѣлу.

Таковы, по нашему понятію, тѣ мѣры, которыя, вмѣстѣ съ развитіемъ мировой юстиціи и усиленіемъ строгости законовъ противъ пьянства и нарушенія договоровъ, могутъ подвинуть дѣло правильнаго распредѣленія населенія въ Россіи, составляющее одно изъ главныхъ условій процвѣтанія всякаго, въ особенности же нашего государства.

№ 91.

Москва, 29-го апрѣля.

Сегодня передаемъ мы читателямъ двѣ очень важныя телеграммы: одна сообщаетъ содержаніе столь нетерпѣливо жданной рѣчи императора Наполеона, произнесенной вчера въ Орлеанѣ; другая увѣдомляетъ о громадной народной демонстраціи, происходившей также вчера, въ Чехахъ. Манифестъ императора Французовъ поражаетъ совершеннымъ отсутствіемъ всего поразительнаго и пугаетъ только своею невинностью, а потому долженъ уступить первенство событію, которое громче заявляетъ себя и которое во всякомъ случаѣ ближе къ намъ, хотя бы въ географическомъ отношеніи.

Пражская демонстрація грянула будто громъ среди яснаго неба. Прага готовилась къ самому мирному изо всѣхъ торжествъ. 4-го мая ст. ст. имѣетъ открыться чешскій національный театръ, котораго такъ давно и горячо добивались тамъ. И вотъ, за нѣсколько дней до этого праздненства музъ, открылось движеніе совсѣмъ иного характера. Двадцать тысячъ народа собравшагося для политической демонстраціи — цифра громадная не только для чешской земли, но и для всякой страны на континентѣ. Такіе митинги не рѣдкость только въ Англіи; но и тамъ такая масса народа, собравшагося для столь рѣшительныхъ заявленій, не могла бы не обратить на себя вниманія. Энтузіазмъ, какъ сообщаетъ телеграмма, былъ великій. Собраніе постановило протестовать противъ новыхъ налоговъ, павшихъ тяжкимъ бременемъ на Чеховъ послѣ войны, которая на нихъ же, ни за что̀ ни про что̀, обрушилась всѣми губительными своими послѣдствіями. Но сила не въ томъ; гораздо важнѣе то, что эта громада приняла рѣшеніе требовать возстановленія Чешскаго королевства въ томъ же смыслѣ, какъ возстановлено Венгерское. Спрашивается, имѣетъ ли австрійское правительство основаніе признать это требованіе беззаконнымъ и революціоннымъ? Нѣтъ, это требованіе непосредственно выходитъ изъ того начала, которое поставлено во главу нынѣшняго устройства имперіи Габсбурговъ. Чехи требуютъ только того, чтобъ это начало получило надлежащее развитіе. Если Венгрія получила самостоятельность на основаніи своихъ „историческихъ правъ," если даже насильно присоединяются къ ней страны ей чуждыя по національности и симпатіи своихъ населеній, потому только что онѣ входили нѣкогда въ составъ земель подвластныхъ коронѣ Св. Стефана, то тѣмъ болѣе имѣютъ Чехи основаніе желать возсоединенія владѣній короны Вячеслава, однородныхъ по своему населенію и тяготѣющихъ другъ ко другу. Австрія перестала быть державой германскою:

для чего же и въ какую силу поддерживать ей систему германской централизаціи въ своихъ цислейтанскихъ владѣніяхъ? Рядомъ съ Венгерскимъ королевствомъ само собою должно быть признано и королевство Чешское; и Чехи, требуя этого, остаются на почвѣ самой строгой законности въ нынѣшней имперіи Габсбурговъ. Г. фонъ-Бейстъ находитъ нелишнимъ создать призракъ даже польской автономіи въ Галиціи и насильственно подчинить ей русскія населенія во имя историческихъ правъ Польши: какже не признать дѣйствительнаго и не утратившаго своей исторической индивидуальности Чешскаго королевства? Было время, когда въ централизованной германской Австріи князя Шварценберга и г. фонъ-Шмерлинга движеніе подобное вчерашнему народному собранію у горы Ржипъ было бы явленіемъ революціоннаго характера; но въ Австріи, исключенной изъ Германіи и выдѣлившей изъ себя Венгрію, притязанія Чеховъ суть дѣло самое естественное и законное...

Рѣчь императора Наполеона могла бы совершенно успокоить Европу, ободрить мирныя искусства и оживить промышленный трудъ, еслибы не было обстоятельствъ, которыя, дѣйствительно, заставляютъ пугаться ея миролюбія. Всякій невольно сопоставляетъ въ своемъ умѣ это „спокойствіе,“ которымъ наслаждается Европа, съ неслыханными по своимъ размѣрамъ вооруженіями.... Для чего же эти вооруженія столь губительныя для мирнаго труда, столь тягостныя для промышленности, столь мало совмѣстныя со всеобщимъ спокойствіемъ? Французская офиціозная печать объясняетъ зачѣмъ нужны эти страшныя вооруженія. Они за тѣмъ именно и нужны, чтобъ обезпечить спокойствіе Европы и поддержать ея равновѣсіе...

Это утѣшительно, и Европа рада вѣрить миролюбію, одушевляющему Тюльерійскій кабинетъ; но вѣра эта не можетъ успокоить ее, ибо Европа измѣряетъ свои опасности тѣми вооруженіями, которыя оказываются необходимыми для того чтобы поддержать ея равновѣсіе... Ее безпокоятъ эти колоссальныя заботы о ея спокойствіи. Кроткая рѣчь, произнесенная вчера въ Орлеанѣ, можетъ показаться мудрымъ актомъ сложенія съ себя отвѣтственности за катастрофу, которая предвидится невдалекѣ. Рѣчь эта какъ бы говоритъ намъ, что столкновеніе, котораго Европа опасается и которое можетъ потрясти ее въ основаніяхъ, произойдетъ не по винѣ Франціи, которая дорожитъ спокойствіемъ Европы и трудами мира.

Французская печать въ послѣднее время какъ бы подготовляла умы къ такому толкованію словъ царственнаго оратора.

Еще по поводу первыхъ засѣданій всегерманскаго пошлиннаго парламента, французскія газеты дали разумѣть, что если прежде Тюльерійскій кабинетъ не могъ нарадоваться успѣхамъ Пруссіи и Германіи, какъ осуществленію идеи „великихъ агломерацій,“ то теперь когда Франція пріобрѣла 550-тысячный боевой резервъ, эти самыя „стремленія къ объединенію,“ какъ выразился надняхъ маркизъ де-Мутье, „оказываются главною причиной возбужденнаго состоянія Европы, характеризующаго послѣдніе два года.“ По мнѣнію *la France*, газеты получающей свѣдѣнія изъ правительственныхъ сферъ, новый экономическій союзъ Германіи, оставаясь въ предѣлахъ означенныхъ трактатами, *могъ бы* дѣйствовать не затрогивая *ничьей щекотливости*. Къ *несчастію*, продолжаетъ сказанная газета, въ этомъ *не-политическомъ* парламентѣ, первое слово, оказалось словомъ *политическимъ*, первое предложеніе — предложеніемъ *политическимъ*. „Собравшись ради *единства пошлиннаго*, этотъ парламентъ говоритъ о *единствѣ національномъ*, и графъ Бисмаркъ уже облеченъ, даже относительно южной Германіи, политическою и полицейскою властью надзора за выборами.“

Итакъ французская „щекотливость“ затронута политическими стремленіями палаты, возобновившей послѣ 1848—49 года, подъ предлогомъ чисто-экономическимъ, національное представительство всей Германіи. Мы понимаемъ эту досаду; но предвидѣть это было можно и должно еще до заключенія Пражскаго трактата и экономическихъ и военныхъ конвенцій 1866 г. Что будетъ, такъ разсуждаетъ *la France*, если линія Майна, уже перейденная въ экономическомъ и военномъ отношеніяхъ, будетъ перешагнута и въ политическомъ? Въ полученномъ третьяго дня нумерѣ, эта газета, обыкновенно такъ умѣренная въ своихъ выраженіяхъ, высказывается еще сильнѣе. „Мы ли виноваты, что Австрія и Пруссія опрокинулись на Данію, и представили жалкое зрѣлище двухъ великановъ, напавшихъ на слабаго? Мы ли виноваты,

„что побѣдители заспорили потомъ о своей „добычѣ, и не успѣвъ поладить, ринулись „другъ на друга и принялись рѣзаться надъ „трупомъ своей жертвы? Мы ли виноваты, „что Пруссія, упоенная своимъ успѣхомъ, „стала угрозой всѣмъ европейскимъ дер-„жавамъ? Мы ли виноваты, что у самыхъ „воротъ нашихъ чрезмѣрно расширилось „королевство, которое поставило силу вы-„ше права и оказалось въ обладаніи мил-„ліономъ четырьмя стами тысячъ солдатъ „снабженныхъ новымъ, доселѣ неизвѣст-„нымъ оружіемъ? Мы ли виноваты, что об-„наруженіемъ этихъ силъ мы сами вызва-„ны къ преобразованію нашей военной си-„стемы, дабы поровняться съ нашимъ шум-„нымъ и опаснымъ сосѣдомъ? Мы ли ви-„новаты наконецъ, если Пруссія, не до-„вольствуясь огромнымъ приращеніемъ сво-„ей территоріи и власти, мечтаетъ и о по-„глощеніи южной Германіи, собирая, подъ „фирмой Таможеннаго парламента, истый „парламентъ Германской имперіи?"

Однако сказать по правдѣ, всему этому была виновна именно *политика дѣйствія* второй имперіи. Понятно, что, готовясь къ возобновленію этой самой политики, вторая имперія старается сложить съ себя отвѣтственность. Еще до собранія германскаго пошлиннаго парламента, она уже предостерегала его вѣщимъ голосомъ воинственнаго *Pays*. „Война будетъ", такъ говорила эта газета, — *Газета Имперіи*, какъ она называется, — „и должна быть, „и будетъ скоро. Не безъ повода, не безъ „причины будетъ она предпринята. Поводы представятся сами собою; могло бы „оказаться достаточнымъ и одного неис-„полненія Пражскаго трактата. Убѣжден-„ные въ необходимости этой войны, тре-„буемой гордостью, достоинствомъ, славой „и безопасностью Франціи, — мы ожидаемъ „терпѣливо... Но да вѣдаетъ Пруссія, что „мы готовы, *болѣе чѣмъ готовы*. Въ за-„ключеніе, однако, обращаемся къ ней съ „мольбой. Да будетъ Пруссія умна, осто-„рожна, благоразумна; да не подастъ она „намъ ни повода, *ни предлога* къ объявле-„нію ей войны... Мы умоляемъ ее не вы-„зывать необходимости войны, потому что всѣ *мы слишкомъ будемъ ей рады!*"

Полученная сегодня телеграмма извѣщаетъ, что и ультраофиціозный *Constitutionnel*, доказывая необходимость усиленнаго военнаго бюджета, основывается уже не на замысловатомъ ученіи маршала Ніеля о томъ, что сохраненіе мира якобы всего лучше обезпечивается громаднымъ развитіемъ военныхъ силъ Франціи, а въ тѣхъ видахъ, чтобъ она была готова *во всякое время* ко внезапному переходу съ мирнаго положенія на военное....

№ 92.

Москва, 30-го апрѣля.

Въ предположеніяхъ бывшей тарифной коммиссіи, пересматриваемыхъ нынѣ въ государственномъ совѣтѣ, заслуживають наибольшаго вниманія проектированныя большинствомъ ея членовъ пошлины на ввозъ иностранныхъ машинъ. Мы неоднократно высказывали тѣ серіозныя соображенія, которыя заставляютъ смотрѣть на эту мѣру, какъ на одну изъ самыхъ пагубныхъ для успѣховъ нашей промышленности. Кромѣ личныхъ выходокъ, которыя наши протекціонисты расточаютъ противъ каждаго своего противника, мы не слыхали никакихъ возраженій на наши доводы и могли бы считать этотъ споръ оконченнымъ. Невозможно отрицать, что по наложеніи пошлинъ все нуждающееся въ машинахъ производство будетъ принуждено довольствоваться не только болѣе дорогими, но и хуже изготовленными машинами, и что этимъ затруднится развитіе отечественной промышленности по всѣмъ отраслямъ, въ особенности же по сельскому хозяйству и по сооруженію желѣзныхъ дорогъ. Мы не сомнѣваемся, что государственные люди, рѣшающіе теперь судьбу тарифа, оцѣнятъ все государственное значеніе вопроса о пошлинахъ на машины, и что происходившія о немъ пренія не останутся безплодными. Но важность дѣла, составляющаго предметъ агитаціи, весьма дѣятельной, хотя и замолкнувшей въ печати, побуждаетъ насъ возвратиться къ нему съ новой, такъ-сказать съ личной стороны.

Въ теченіе послѣдняго десятилѣтія, ходатайства нашихъ механическихъ заводчиковъ о наложеніи пошлинъ на машины возобновлялись неоднократно; эти ходатайства дважды (въ 1857 и 1861) были подвергаемы правительственному разсмотрѣнію и восходили даже до государственнаго совѣта, который, согласно съ мнѣніями бывшихъ министровъ финансовъ Бро-

ка и Княжевича, отринулъ эту мѣру. Покровительственныя пошлины на машины были въ то время обсуждаемы подробно; домогавшіеся ихъ заводчики были не менѣе настойчивы и также какъ нынѣ доказывали, что ихъ дѣло не только развиваться, но и продолжать свое существованіе въ прежнихъ размѣрахъ не можетъ, если имъ нельзя будетъ поднять цѣны машинъ. Съ тѣхъ поръ доводы въ пользу этихъ домогательствъ нисколько не усилились, а напротивъ значительно ослабѣли; разница только въ томъ, что количество ходатаевъ чрезвычайно возрасло. Но это послѣднее обстоятельство не только не доказываетъ необходимости пошлинъ на машины, а краснорѣчивѣе всего говоритъ противъ нея: за это время увеличилось число механическихъ заведеній. Съ 1857 г. не умолкаютъ угрозы, что безъ пошлинъ невозможно продолжать механическое дѣло въ Россіи. Между тѣмъ по свѣдѣніямъ тарифной коммиссіи число механическихъ заведеній возрасло въ Россіи съ 19 въ 1851 г. и съ 35 въ 1857 г. до *ста двадцати шести* въ 1865. Чтобы судить о развитіи этого производства приведемъ среднія годовыя цифры за нѣсколько трехлѣтій. Всего произведено на нашихъ механическихъ заведеніяхъ среднимъ числомъ въ годъ:

Въ 1851—1853 годахъ	на 1.700.000	руб.
— 1855—1857	„	„ 3.950.000	„
— 1863—1865	„	„ 13.500.000	„

При этомъ необходимо замѣтить, что согласно положительнымъ фактамъ, указаннымъ въ протоколѣ тарифной коммиссіи, эти данныя о количествѣ годоваго производства машинъ въ Россіи, взятыя изъ офиціальныхъ показаній самихъ заводчиковъ, должно признать далеко *ниже* дѣйствительности. Во всякомъ случаѣ эти данныя даютъ приблизительное понятіе о возрастаніи производства съ 1857 г., когда лица ходатайствовавшія о покровительственныхъ пошлинахъ предрекали неминучую его гибель. Число рабочихъ, занятыхъ механическимъ дѣломъ, соотвѣтственно съ тѣмъ возрасло съ 1.350 въ 1851 г. и 6.600 въ 1856 до 17.800 въ 1865 г. Итакъ мы имѣемъ позади себя многолѣтній удовлетворительный опытъ производства *безпошлиннаго* и неуклонно усиливавшагося. Говорятъ, что нынѣшніе размѣры его все-таки маловажны въ сравненіи съ потребностями Россіи, но *вопервыхъ*, это справедливо лишь въ весьма ограниченной степени: такъ напримѣръ извѣстно, что 203 волжскіе парохода сооружены въ русскихъ мастерскихъ и только 115 пароходовъ привезены на Волгу изъ заграницы. *Вовторыхъ*, если дѣйствительно размѣры отечественнаго механическаго производства и не соотвѣтствуютъ нашимъ потребностямъ въ машинахъ и если возрастаніе этого производства зависитъ отъ какихъ-либо еще иныхъ условій, кромѣ развитія потребностей, то эти условія несомнѣнно заключаются въ успѣхахъ умственнаго образованія нашего промышленнаго и рабочаго класса. Должно содѣйствовать этимъ успѣхамъ, а не стѣснять ихъ посредствомъ дороговизны машинъ, которыя сами суть могущественный практическій способъ къ умственнымъ успѣхамъ рабочихъ. *Втретьихъ*, есть машины, выдѣлка которыхъ останется навсегда спеціальностію нѣкоторыхъ странъ, и самое промышленное государство, Англія, получаетъ многія свои машины изъ Германіи и Бельгіи. Наконецъ та отрасль механическаго дѣла, въ которой наиболѣе можетъ быть рѣчи о зависимости одного народа отъ другихъ, и которая единственно можетъ заявлять свои требованія въ силу какой-нибудь государственной необходимости,—мореходныя и вообще военныя механическія сооруженія, — эта отрасль; благодаря усиліямъ и поощреніямъ правительства, наиболѣе у насъ подвинулась, и къ тому же зависитъ отъ казенныхъ заказовъ, а не отъ тарифа. На эту сторону вопроса всего менѣе можно ссылаться, еслибы впрочемъ вообще могла быть рѣчь о прочномъ водвореніи какой-нибудь промышленности посредствомъ покровительственныхъ таможенныхъ пошлинъ.

Вотъ въ какихъ простыхъ и не допускающихъ, казалось бы, недоумѣній условіяхъ представляется вопросъ о введеніи у насъ покровительственныхъ пошлинъ на машины, ожидающій надняхъ своего окончательнаго разрѣшенія. Теперешнее мнѣніе г. министра финансовъ по этому дѣлу еще неизвѣстно публикѣ, но прежнее мнѣніе извѣстно; оно было высказываемо много разъ, весьма многимъ лицамъ и весьма рѣшительно. Еслибъ оно измѣнилось, то побужденія къ тому были бы, конечно, изложены предъ всею страною. Кромѣ того,

по столь коренному вопросу нельзя предполагать разногласія между министромъ финансовъ и значительнымъ числомъ первенствующихъ лицъ его министерства. Меньшинство членовъ тарифной коммиссіи, высказавшееся весьма рѣшительно и энергически противъ пошлинъ на машины, было многочисленно. Оно заключало въ себѣ людей извѣстныхъ своею дѣятельностію, просвѣщеннымъ образомъ мыслей и учеными трудами; къ этому меньшинству принадлежали предсѣдатель коммиссіи Г. П. Небольсинъ, А. И. Бутовскій, В. О. Вешняковъ, А. К. Гирсъ, П. П. Семеновъ и Ѳ. Г. Тернеръ. Большинство составилось благодаря членамъ отъ купечества и фабрикантовъ. Нужно ли говорить объ этой аномаліи? Люди, коихъ здравымъ и законнымъ интересамъ всего болѣе вредна предлагаемая мѣра, поддерживаютъ ее всѣми своими силами! Въ этомъ фактѣ выражается весь характеръ того движенія, въ которое были вовлечены предъ пересмотромъ тарифа многіе значительные люди нашего торговаго фабричнаго міра. Въ 1857 году московскіе фабриканты, узнавъ о домогательствахъ относительно пошлинъ на машины, настойчиво ходатайствовали предъ правительствомъ о недопущеніи этой мѣры. Тогда протекціонизмъ не былъ организованъ у насъ въ смыслѣ партіи, и потому не могло быть вопроса о взаимной поддержкѣ на основаніи взаимныхъ уступокъ. Съ тѣхъ поръ многое у насъ выросло. Протекціонисты съумѣли удачно организовать среди нашего общества агитацію, то играя на струнѣ патріотизма, то переиначивая политическую экономію закупленными жрецами этой науки. Та среда, которая наиболѣе страдаетъ отъ высокаго тарифа—мелкіе капиталы и весь сельско-хозяйственный міръ — эта среда наимѣнѣе способна и приготовлена дать отпоръ протекціонистской агитаціи, обнаружившей свои силы довольно неожиданнымъ образомъ. Мы не хотимъ возбуждать раздраженія въ общественномъ мнѣніи, но обиженные и нарушенные интересы народнаго хозяйства и здравый смыслъ публики должны же рано или поздно заговорить. Россію нельзя сравнивать съ Америкой, гдѣ протекціонизмъ шелъ рука объ руку съ междуусобіемъ и запретительный тарифъ былъ прежде всего дѣломъ возмездія противъ Юга. Въ Россіи едва ли наберется пятьсотъ человѣкъ. которые желаютъ, чтобы учрежденіе новыхъ фабрикъ и заводовъ обходилось впредь дороже теперешняго, чтобы сооруженіе желѣзныхъ дорогъ становилось начетистѣе, чтобы въ сельскомъ хозяйствѣ не распространялась машинная работа, обезпечивающая возможность конкурренціи съ другими странами, и чтобы вообще становилось съ каждымъ годомъ все дороже жить въ Россіи и все невыгоднѣе трудиться въ ней.

№ 93.

Москва, 1-го мая.

Въ отвѣтъ на статью нашу въ № 75 *Моск. Вѣд.* о ходѣ крестьянскаго дѣла въ сѣверо-западномъ краѣ, мы получили возраженіе отъ г-на Т., который, какъ онъ объясняетъ, занималъ въ Вильнѣ съ 1860 г. при тамошнихъ генералъ-губернаторахъ должность, доставлявшую ему возможность и средства *безошибочно* слѣдить за ходомъ событій, а въ особенности за крестьянскимъ дѣломъ. Г-нъ Т. утверждаетъ, что нами „сказано многое не такъ какъ было на самомъ дѣлѣ.“

Давая въ нынѣшнемъ листкѣ нашей газеты мѣсто этому возраженію (см. ниже), мы съ своей стороны пользуемся этимъ случаемъ, чтобы подтвердить наши доводы данными изъ тѣхъ же самыхъ источниковъ, на которые ссылается нашъ оппонентъ. Благодаря гласности, данной дѣламъ виленскихъ центральныхъ учрежденій, которыя, еще при графѣ Муравьевѣ, были открыты для изученія, мы обладаемъ достаточнымъ матеріаломъ для того чтобъ о дѣлахъ этого края говорить съ полнымъ убѣжденіемъ. Если мы позволяемъ себѣ судить о вещахъ и лицахъ, то дѣлаемъ это не иначе какъ на основаніи положительныхъ фактовъ и опираясь на самыя точныя свѣдѣнія. И въ настоящемъ случаѣ мы имѣемъ возможность отвѣчать документально на сдѣланныя намъ возраженія. Это будетъ весьма кстати при теперешнихъ тревожныхъ слухахъ настойчиво твердящихъ о реакціи, которая будто бы грозитъ дѣламъ въ сѣверо-западномъ краѣ.

Г-нъ Т., не отвергая сущности сказаннаго нами, пользуется нѣкоторыми выраженіями нашей статьи для того чтобы представить крестьянское дѣло въ иномъ свѣтѣ. Нашъ оппонентъ оспариваетъ наше

показаніе, что по обнародованіи манифеста 19-го февраля, паны употребили все свое вліяніе для того чтобы крестьянамъ досталась въ надѣлъ негодная земля. Уступая намъ въ томъ, что иные, по словамъ его весьма немногіе, успѣли, до объявленія Положенія, перевести крестьянъ съ однихъ участковъ на другіе, г-нъ Т. рѣшительно утверждаетъ, что 19-е февраля положило конецъ этимъ попыткамъ, и что крестьяне *вездѣ безъ исключенія* получили въ надѣлъ тѣ земли, на которыхъ засталъ ихъ манифестъ. Что попытки продолжались со стороны помѣщиковъ къ уменьшенію крестьянскаго надѣла, къ лишенію домохозяевъ участковъ, къ ограниченію и совершенному изъятію изъ крестьянскаго пользованія пастбищъ и вообще къ тому чтобы сдѣлать крестьянскій надѣлъ неудобнымъ и тѣмъ поставить крестьянъ въ полнѣйшую отъ пановъ зависимость, что попытки эти находили самую энергическую поддержку въ мировыхъ посредникахъ тогдашняго (польскаго) состава и въ губернскихъ присутствіяхъ, — это едва ли требуетъ подтвержденія указаніемъ на отдѣльные случаи. Въ то время само министерство внутреннихъ дѣлъ, конечно, на основаніи достаточныхъ данныхъ, полученныхъ чрезъ посредство генералъ-губернаторскаго управленія (и слѣдовательно не безызвѣстныхъ г-ну Т.), офиціально огласило неблагонадежность мѣстныхъ помѣщиковъ и мѣстныхъ мировыхъ учрежденій не только въ политическомъ отношеніи, но и въ порученномъ имъ дѣлѣ введенія Положенія 19-го февраля (*Сѣверная Почта* 1863 г. № 62). Г-ну Т. достаточно припомнить распоряженіе министерства внутреннихъ дѣлъ, въ январѣ 1863 года, по Ковенской губерніи, для разъясненія тамошнему губернскому присутствію неправильно допущенныхъ имъ толкованій нѣкоторыхъ статей Положенія, относящихся до надѣла бобылей, кутниковъ, до земель отдаваемыхъ въ наймы и пр., такъ какъ эти неправильныя толкованія давали помѣщикамъ основаніе отказывать въ землѣ крестьянамъ, не записаннымъ по инвентарямъ хозяевами. Что статьи Положенія примѣнялись неправильно, это усмотрѣно было министерствомъ изъ постановленій Ковенскаго губернскаго присутствія по спорамъ при утвержденіи грамотъ, и министерство признало необходимымъ дать для руководства общее разъясненіе. Вѣроятно г-нъ Т. можетъ привести себѣ на память не мало частныхъ случаевъ по жалобамъ крестьянъ, доходившимъ до генералъ-губернатора, — случаевъ, въ которыхъ ясно видны попытки испортить крестьянскій надѣлъ и потворство этимъ попыткамъ со стороны мѣстныхъ исполнителей.

Г-нъ Т. даетъ читателямъ такое понятіе, что будто бы паны сѣверо-западнаго края благодушно приняли и добросовѣстно привели въ исполненіе Положеніе 19-го февраля объ оставленіи за крестьянами ихъ надѣла. Неужели, однако, г-ну Т. неизвѣстна агитація дворянства сѣверо-западнаго края противъ повѣрки инвентарей и противъ Высочайшаго повелѣнія 22-го декабря 1852 года, коимъ между прочимъ крестьянская земля признавалась неотъемлемою мірскою? Неужели ему, на его наблюдательномъ посту, остались неизвѣстны предложенія дворянства западныхъ губерній объ освобожденіи крестьянъ „безъ земли“ и патріотическія усилія тогдашняго генералъ-губернатора, В. И. Назимова, обратить эти лукавыя предложенія въ пользу сельскаго населенія? Въ вопросѣ объ обезпеченіи крестьянъ землею правительство встрѣтило сильное противодѣйствіе въ дворянствѣ края какъ въ мѣстныхъ комитетахъ, такъ и въ редакціонныхъ коммиссіяхъ; правительство имѣло достаточное основаніе не довѣрять помѣщикамъ западныхъ губерній или избраннымъ изъ ихъ среды исполнителямъ Положеній 19-го февраля и министерство внутреннихъ дѣлъ, по двухгодичномъ опытѣ, сочло себя въ правѣ публично засвидѣтельствовать ихъ неблагонадежность.

Г-нъ Т. утверждаетъ категорически, что въ сѣверо-западномъ краѣ крестьяне получили *вездѣ безъ исключенія* тѣ самыя земли, на которыхъ засталъ ихъ манифестъ, и ссылается при этомъ на офиціальныя данныя, ему коротко извѣстныя. Это можетъ произвести на публику эффектъ, не соотвѣтствующій дѣйствительности. Мы позволимъ себѣ спросить г-на Т., что же вынудило покойнаго графа Муравьева расширить задачу и кругъ дѣйствій повѣрочныхъ коммиссій, которыя, по Положенію, по Высочайшему указу 1-го марта и по правиламъ 9-го апрѣля 1863 года, имѣли обязанностію приводить размѣръ крестьянскихъ повинностей въ соотвѣтствіе съ достоинствомъ крестьянскихъ участковъ? Вновь прибывшія въ 1863 году русскія

должностныя лица, ознакомившись съ положеніемъ дѣла еще только посредствомъ чтенія уставныхъ грамотъ (такъ какъ въ то время не безопасно было знакомиться съ крестьянскимъ дѣломъ на мѣстахъ), нашли совершенно неудовлетворительно исполненною существенную часть обязанностей мировыхъ посредниковъ по введенію уставныхъ грамотъ въ дѣйствіе. Поданныя крестьянами жалобы относительно состава надѣла или не были подробно прописаны, или устранялись какимъ-нибудь общимъ мѣстомъ, напримѣръ, что-де крестьяне основательныхъ возраженій не представили, или что разрѣшеніе отложено до повѣрочныхъ коммиссій. О пастбищахъ для крестьянъ, этой важнѣйшей принадлежности хозяйства въ теперешнемъ его положеніи, часто вовсе не упоминалось. Вотъ отчего и по вопросу о надѣлѣ возникали сомнѣнія въ правильности уставныхъ грамотъ и въ добросовѣстности ихъ повѣрки. Сомнѣнія эти подтвердились, когда было приступлено къ дѣлу, и однимъ изъ первыхъ распоряженій графа Муравьева (14-го августа 1863 г.) было поставлено повѣрочнымъ коммиссіямъ въ обязанность повѣрить не только размѣръ повинностей за крестьянскій надѣлъ, но и самый составъ его. Это распоряженіе не встрѣтило противодѣйствія со стороны министерства внутреннихъ дѣлъ, имѣвшаго возможность, по доходящимъ до него дѣламъ, удостовѣриться, что ложныя толкованія правилъ Положенія, съ цѣлію уменьшить или испортить крестьянскій надѣлъ, были въ обычаѣ польщизны западныхъ губерній. Интересно было бы разъяснить, чрезъ людей дѣйствительно участвовавшихъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ въ работахъ по земельному устройству крестьянъ въ виленскомъ генералъ-губернаторствѣ, не удались ли даже и при повѣрочныхъ коммиссіяхъ попытки пановъ лишить крестьянъ земель, на которыя они имѣли право; не открывались ли въ послѣдствіи уже по утвержденіи выкупныхъ актовъ, такія упущенія, которыя имѣли послѣдствіемъ то, что за крестьянами не укрѣплялось посредствомъ выкупа все то что̀ по Положенію имъ слѣдовало. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, помѣщики, предвидя освобожденіе крестьянъ съ землею, заранѣе приготовляли разными ухищреніями возможно меньшій для нихъ надѣлъ. Г-нъ Т. не отрицаетъ этого, хотя желаетъ придать этимъ злоупотребленіямъ незначительный размѣръ. Но если такія ухищренія были, то удивительно ли, что люди новые, незнакомые съ мѣстными обстоятельствами, могли бы быть вводимы въ заблужденія къ ущербу крестьянъ? Какъ бы то ни было, но доходящія до насъ свѣдѣнія о многочисленности жалобъ крестьянъ Ковенской губерніи на повѣрочныя дѣйствія заставляютъ насъ сомнѣваться, чтобъ слова г-на Т., будто „крестьяне вездѣ безъ исключенія получили тѣ земли, на которыхъ засталъ ихъ манифестъ,“—чтобъ эти слова выражали положеніе дѣлъ о поземельномъ устройствѣ крестьянъ даже послѣ повѣрочныхъ дѣйствій. Со стороны должностнаго лица, которое состояло при главномъ начальникѣ края по крестьянскому дѣлу, такое невѣдѣніе радикальной перемѣны въ задачѣ повѣрочныхъ коммиссій вслѣдствіе обнаруженія удачныхъ попытокъ пановъ и польскихъ мировыхъ посредниковъ надѣлить крестьянъ не тою землею, которая имъ слѣдовала, поистинѣ изумительно!

Еще изумительнѣе невѣдѣніе г-на Т. о характерѣ предпринимавшихся въ сѣверо-западномъ краѣ экзекуцій и его желаніе подвести подъ одну точку зрѣнія командированіе для этого войскъ во внутреннихъ и въ западныхъ губерніяхъ. Какъ не знать того общественнаго факта, что отношенія помѣщика внутреннихъ и западныхъ губерній къ крестьянину имѣютъ между собой очень мало общаго, и что національная и политическая рознь, отдѣляющая польскаго пана отъ мѣстныхъ населеній западныхъ губерній, есть главный источникъ золъ и для населенія, и для правительства? И во внутреннихъ губерніяхъ бывали случаи командированія войскъ, но они вызывались вовсе не тѣмъ разчетомъ какъ въ западномъ краѣ, то-есть, не имѣли цѣлію возстановить крестьянина противъ правительства и сдѣлать его врагомъ государства. Рекомендуемъ г-ну Т., хотя по выше цитованной статьѣ *Сѣверной Почты*, ознакомиться съ существенною разницей между русскимъ и польскимъ помѣщикомъ,—разницей, въ виду которой нѣтъ возможности добросовѣстно говорить о какой-нибудь солидарности между ними по отношенію къ крестьянамъ.

Вслѣдъ за обнародованіемъ Положенія 19-го февраля, изданы были правила (разосланныя въ наставленіи при приказѣ по военному вѣдомству отъ 20-го сентября 1861 г. № 186), которыми предостав-

лено было даже самымъ мелкимъ властямъ (напримѣръ, исправникамъ и городничимъ) требовать войскъ для усмиренія крестьянъ. Наполненная Поляками администрація западныхъ губерній, дѣйствовавшая заодно съ панами, воспользовалась этимъ правомъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, и сдѣлала изъ него средство революціоннаго устрашенія. Циркуляръ генерала Назимова отъ 9-го февраля 1863 года № 216 (отданный въ приказѣ по войскамъ округа лишь 27-го февраля за № 141) объявилъ о прекращеніи командировки войскъ; но паны даже и послѣ этого успѣвали добиваться экзекуцій, такъ что одному изъ воинскихъ начальниковъ, попустившему такое нарушеніе приказа, писано было въ мартѣ изъ Вильны отъ имени командующаго войсками: „подобнаго рода мѣра (командированіе отряда) „въ настоящее время составляетъ лучшее средство вооружать крестьянъ противъ правительства, „чего добиваются какъ сами помѣщики, „такъ равно члены земскихъ и городскихъ „полицій, набранные преимущественно изъ „тѣхъ же польскихъ дворянъ, столь усердно дѣйствующихъ къ поддержанію революціоннаго духа и политическихъ безпорядковъ." Просимъ г-на Т. вникнуть въ смыслъ этихъ словъ: это говоримъ не мы; это говорятъ факты. Чтобы напомнить г-ну Т., къ чему вели подобныя экзекуціи, приводимъ выписку изъ донесеній одного начальника колонны, командированнаго въ мартѣ 1863 года (значитъ, еще до графа Муравьева) въ Рѣчицкій уѣздъ (Минской губерніи):

„О грамотахъ (уставныхъ), которыя заставляютъ ихъ принимать, крестьяне не имѣютъ ни малѣйшаго понятія, а мировые посредники, вмѣсто объясненія имъ дарованныхъ Государемъ Императоромъ крестьянамъ милостей, каждое сомнѣніе крестьянъ принимаютъ за ослушаніе и неповиновеніе, и употребляютъ посредствомъ казаковъ жестокія и несправедливыя мѣры. Разказы крестьянъ по сему случаю, конечно, могутъ быть и преувеличены: такъ напримѣръ, въ урочищахъ Углы и Бѣлая Сорока жители разказываютъ, что при собраніи крестьянскаго общества, одинъ изъ крестьянъ сказалъ, что они будутъ молить Бога за Бѣлаго Царя, на что мировой посредникъ ему отвѣтилъ, что они должны молить Бога за французскаго короля и польскаго царя, а крестьянина, сказавшаго эти слова, хотѣлъ наказать. Когда же мужики хотѣли защищать крестьянина, то казаки, по приказанію полиціи, начали топтать крестьянъ лошадьми."

Г-нъ Т., возражая противъ точности нашего замѣчанія, что мировые посредники въ сѣверо-западномъ краѣ были выбираемы *исключительно* изъ Поляковъ, увѣряетъ, что въ числѣ ихъ были и Русскіе, и что они выбирались начальниками губерній съ осторожностью.

Сожалѣемъ, что г. Т. не пожелалъ показать *числа* русскихъ мировыхъ посредниковъ въ губерніяхъ Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской. Еслибъ онъ это сдѣлалъ, то онъ не позволилъ бы себѣ выраженія будто въ числѣ ихъ находилось *довольно* Русскихъ и православныхъ. Что касается до удостовѣренія его въ *осторожности* начальниковъ губерній при выборахъ посредниковъ, то не заключается ли въ этомъ косвенное признаніе вредности польскаго чиновника въ западномъ краѣ на всякой должности? Естественно раждается вопросъ: что было бы еслибы начальники губерній были неосторожны? Для оцѣнки мировыхъ посредниковъ, выбранныхъ со всевозможною *осторожностью*, ссылаемся на огромную переписку, имѣющуюся въ канцеляріи виленскаго генералъ-губернатора, о неблагонадежности мировыхъ посредниковъ причисляющихъ себя къ польской народности, и на представленіе генерала Назимова, въ августѣ 1862 года въ которомъ выразительно и такъ вѣрно сказано: „мировые „посредники, волостные писаря и сельскіе „учителя, избираемые нынѣ изъ лицъ, причисляющихъ себя къ польской народности, будучи поставлены въ столь выгодныя для дѣлъ польской пропаганды обстоятельства, не теряютъ случая пользоваться своимъ положеніемъ, чтобы дѣйствовать въ духѣ своей идеи." Въ томъ же смыслѣ писано было изъ Вильны, въ февралѣ 1863 года, и къ министру народнаго просвѣщенія, которому указывали на опасность для дѣла народнаго обученія вслѣдствіе того, что обязанности посредниковъ возложены на Поляковъ, въ виду тѣхъ способовъ, которые употреблялись посредниками и помѣщиками для противодѣйствія русскимъ школамъ и для размноженія въ краѣ польскихъ народныхъ училищъ. Ссылаемся наконецъ на то, что генералъ Назимовъ, еще въ началѣ 1862

года исходатайствовалъ себѣ право удалять отъ службы неблагонадежныхъ лицъ, служащихъ по выборамъ, въ томъ числѣ и мировыхъ посредниковъ, а затѣмъ 18-го апрѣля 1863 года, испросилъ Высочайшее повелѣніе о замѣщеніи польскихъ мировыхъ посредниковъ чиновниками отъ короны. Эти важныя обстоятельства не могутъ быть не извѣстны г-ну Т.; надобно удивляться только тому, что онъ упускаетъ ихъ изъ виду. Напоминать ли г-ну Т. дѣйствія мировыхъ посредниковъ, въ мартѣ 1863 г., когда они скопомъ подавали прошенія объ увольненіи ихъ отъ должности, по случаю изданія указа 1-го марта объ обязательномъ выкупѣ, по случаю обнародованія вышеуказанной нами статьи *Сѣверной Почты* и вслѣдствіе требованій *жонда*? Напоминать ли ему роль мировыхъ посредниковъ при составленіи минскаго адреса, или такіе случаи, какъ напримѣръ дѣятельное участіе ихъ въ трудахъ общества *Піонтковичей* распространеніемъ между крестьянами превратнаго толкованія словъ Государя Императора, сказанныхъ въ одной изъ внутреннихъ губерній: „не ждите отъ Меня другой воли кромѣ той, которую Я вамъ даровалъ, и исполняйте обязанности ваши;“ или такія дѣйствія, какъ напримѣръ то, что мировой посредникъ Бобруйскаго уѣзда, и попечитель тамошняго уѣзднаго училища, г. Кельчевскій, руководилъ революціонною демонстраціей въ костелѣ (8-го сентября 1862 г.), причемъ раздавалъ находившимся при этомъ питомцамъ своего училища экземпляры возмутительнаго гимна, и убѣждалъ ихъ пѣть этотъ гимнъ, предупреждая, что за всѣхъ, кто по приговору суда подвергнется штрафу, онъ внесетъ деньги?

Г-нъ Т. свидѣтельствуетъ, что изъ 35 виленскихъ посредниковъ оказались виновными при графѣ Муравьевѣ *только* 8 (г-ну Т. кажется это мало). Но если ужь ссылаться на административныя мѣры графа Муравьева и твердо держаться правила: „кто не пойманъ—не воръ,“ то не худо припомнить, что графъ Муравьевъ, мотивируя въ маѣ 1863 года необходимость удаленія отъ службы мировыхъ посредниковъ и кандидатовъ на эти должности, объявилъ, что „*въ большей части* сѣверо-западнаго края „мировые посредники, пользуясь своимъ „нравственнымъ вліяніемъ и обширными „правами, предоставленными имъ въ дѣлахъ „относящихся до благоустройства крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависи„мости, постоянно дѣйствовали къ угнете„нію ихъ и старались вовлекать крестьян„скія общества къ участію въ мятежѣ.“

Перейдемъ къ послѣднему возраженію г-на Т., который *положительно* заявляетъ, якобы основываясь на фактахъ не подлежащихъ сомнѣнію, что „офиціальной переписки на польскомъ языкѣ ни въ мировыхъ учрежденіяхъ, ни въ канцеляріяхъ не было.“

Такое рѣшительное возраженіе требуетъ и отвѣта положительнаго, а поэтому мы, не ссылаясь уже на показанія русскихъ мировыхъ посредниковъ, при вступленіи ихъ въ 1863 году въ должность, представимъ г-ну Т. на видъ слѣдующее донесеніе отъ 10-го октября 1861 года, за № 269, хранящееся въ архивѣ виленскаго генералъ-губернатора, объ объѣздѣ полковника Н. Н. Скворцова по Ковенской губерніи:

„При объѣздѣ моемъ по губерніи, я за„мѣтилъ, что *всѣ* мировые посредники упо„требляютъ польскій языкъ въ офиціаль„ной перепискѣ съ помѣщиками и ввели „его для письменнаго производства въ во„лостныя и сельскія управленія, такъ что „не только шнуровыя и разчетныя крестьянскія книжки, но и приговоры обществъ „временно-обязанныхъ крестьянъ пишутся „на польскомъ языкѣ.“

На спросъ полковника Скворцова о томъ, г. М., одинъ изъ мировыхъ посредниковъ Ковенскаго уѣзда, позволилъ себѣ отвѣчать, „что это дѣлается съ разрѣшенія генералъ„губернатора.“

Въ заключеніе замѣтимъ, что г-нъ Т. напрасно принимаетъ на себя трудъ защиты бывшаго виленскаго генералъ-губернатора. И безъ г-на Т. хорошо извѣстна патріотическая дѣятельность генералъ-губернатора Назимова въ борьбѣ за огражденіе крестьянина отъ польскаго пана и услуга оказанная имъ крестьянскому дѣлу въ сѣверо-западномъ краѣ. Нечего уважаемымъ флагомъ прикрывать товаръ не имѣющій съ нимъ ничего общаго. Всякому извѣстно, что генералъ Назимовъ, по прибытіи въ сѣверо-западный край, наслѣдовалъ тамъ уже готовую польскую администрацію; а между тѣмъ въ ходу были идеи самаго антинаціональнаго свойства, и въ петербургскихъ административныхъ сферахъ только и рѣчи было что о примиреніи съ польскими національными притязаніями въ Россіи. Окруженный съ одной

стороны польскою администраціей (что же до русскихъ чиновниковъ того времени, то изъ нихъ нерѣдко выдавались дѣятели вреднѣе чѣмъ сами Поляки), съ другой— панами успѣшно игравшими въ благонамѣренность въ Петербургѣ и въ Вильнѣ, генералъ-губернаторъ былъ крайне затрудненъ въ открытіи истины и стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Стóитъ припомнить, что въ февралѣ и мартѣ 1863 года, когда край былъ уже въ пламени, генералъ-губернатору доносили изъ многихъ мѣстъ будто все обстоитъ благополучно. Какъ фактъ, свидѣтельствующій въ какой степени польская канцелярская обстановка облегчала скрытіе истины, мы могли бы привести случай съ однимъ уѣзднымъ чиновникомъ, изъ Русскихъ, семейство котораго принимало въ іюлѣ 1861 года самое дѣятельное участіе въ мѣстныхъ демонстраціяхъ, а самъ онъ былъ однимъ изъ ревностныхъ укрывателей агитаторовъ и защитникомъ ихъ предъ властями. Доставленныя въ Вильну письменныя свѣдѣнія о его продѣлкахъ были, благодаря разнымъ канцелярскимъ родственнымъ связямъ, до того скрыты отъ высшаго начальства, что черезъ короткое время этотъ же чиновникъ назначенъ былъ въ Вильну на одно изъ второстепенныхъ но весьма вліятельныхъ мѣстъ.

Въ заключеніе остается поблагодарить г-на Т. за доставленный намъ поводъ возвратиться къ предмету, котораго мы коснулись мимоходомъ, и доказать то, чтò было только слегка помянуто. Возраженіе г-на Т. послужило такимъ образомъ къ подтвержденію того, чтò ему хотѣлось опровергнуть. Тѣмъ не менѣе заявленіе его есть весьма грустный фактъ и признакъ тревожный. Оно какъ бы свидѣтельствуетъ, что смутные слухи и опасенія, которые ходятъ въ публикѣ по отношенію къ сѣверо-западному краю, не совсѣмъ лишены основанія. Содержаніе и тонъ письма г. Т. характеризуютъ перемѣну происходящую или готовую произойдти въ умахъ, которая можетъ имѣть весьма опасныя послѣдствія.

Г-нъ Т. радуется тому, что миновала, какъ онъ выражается, пора литературной и административной горячки по отношенію къ западному краю. Пусть горячка! Но если заявленіе г-на Т. должно служить признакомъ выздоровленія, то дѣло плохо, и больному остается только поручить себя Божьей милости.

№ 94.

Москва, 2-го мая.

Жалобы на отсутствіе поземельнаго кредита сдѣлались у насъ общимъ мѣстомъ, съ того времени какъ прекратились ссуды подъ имѣнія изъ казенныхъ кредитныхъ учрежденій. Неожиданная пріостановка кредита, конечно, не могла не отозваться большимъ ущербомъ для землевладѣльцевъ, — не могла не затруднить ихъ въ пріисканіи ссудъ изъ частныхъ рукъ. На это землевладѣльцы наши сильно сѣтуютъ, но теперь, когда возникаетъ вторично вопросъ о лучшемъ устройствѣ поземельнаго кредита и вырабатываются относящіяся сюда законодательныя мѣры,—теперь очень важно имѣть въ виду, что простое возвращеніе или приближеніе къ прежнимъ порядкамъ отнюдь не можетъ быть желательно, а требуется установить дѣло на прочныхъ основаніяхъ, обезпечивающихъ поземельный кредитъ въ его общемъ наиболѣе широкомъ значеніи. Припоминая недавнее прошлое, нельзя не замѣтить, что поземельнаго кредита въ истинномъ значеніи этого слова и въ прежнее время у насъ почти не было: и до прекращенія ссудъ поземельная собственность не служила основаніемъ для частнаго кредита; легче было занять деньги подъ простую росписку нежели подъ заемное письмо и даже закладную. Спрашивается, на чемъ было основано такое положеніе дѣлъ, и въ какой мѣрѣ оно имѣетъ силу нынѣ. Правда, вина за оное должна быть въ значительной степени возложена на недостатки прежняго судоустройства и прежней системы взысканій, но и по устраненіи прежнихъ сложныхъ формальностей, и по прекращеніи злоупотребленій, къ которымъ онѣ давали поводъ, не остается ли и теперь у насъ одна и та же система частнаго кредита для землевладѣльцевъ? Это въ сущности есть система кредита личнаго. До сихъ поръ всѣ кредиторы владѣльца недвижимой собственности, за исключеніемъ казны и привилегированныхъ банковъ, получаютъ, при продажѣ имѣнія съ публичныхъ торговъ, удовлетвореніе по конкурсу, то-есть по нѣсколько копѣекъ на рубль, подобно кредиторамъ обанкрутившагося торговца. Другими словами, обезпеченіемъ служитъ и теперь личная увѣренность въ состоятельности

заемщика, а не разчетъ основанный на сличенiи цѣнности принадлежащаго ему недвижимаго имущества, съ количествомъ обременяющихъ его долговъ. Если нѣтъ закладной, то единственно личныя качества владѣльца недвижимой собственности, сколь бы она ни была значительна въ сравненiи съ кредитованною суммой, могутъ служить обезпеченiемъ для кредитора, что въ случаѣ взысканiя не явится масса другихъ долговыхъ обязательствъ, дѣйствительныхъ или безденежныхъ, которыя получатъ равныя съ нимъ права. Совершенiе закладной, кромѣ сложнымъ формальностей, представляетъ важныя неудобства, какъ для должника, такъ и для кредитора: первый стѣсняется въ правѣ распоряженiя имуществомъ, а второй не имѣетъ права передачи закладной третьему лицу и долженъ ожидать наступленiя срока уплаты отъ первоначальнаго должника. Единственное средство устранить эти недостатки заключается въ правильной ипотечной системѣ. При этой системѣ, недвижимая собственность обезпечиваетъ долги независимо отъ личности владѣльца, и кредиторъ, ссудившiй деньги въ виду недвижимой собственности, можетъ быть увѣренъ, что взыщетъ свой долгъ вполнѣ, безъ конкурса и раздѣла съ другими кредиторами, коихъ акты совершены, или записаны въ ипотечную книгу, послѣ занесенiя въ нее его ссуды. Владѣлецъ недвижимой собственности, не обремененный долгами, легко можетъ находить кредитъ подъ нее, не прибѣгая къ сложной процедурѣ совершенiя закладной на все свое имѣнiе, когда ему можетъ-быть нужна только относительно небольшая сумма; если кредиторъ нуждается въ возвратѣ суммы прежде срока, то онъ легко можетъ передать свое право третьему лицу, которое, занявъ его мѣсто въ ипотечной книгѣ, можетъ быть также увѣрено, что получитъ свои деньги обратно, какое бы количество долговъ ни было внесено въ ипотечную книгу ниже, то-есть послѣ его записи. Итакъ сущность ипотечной системы заключается въ установленiи старшинства взысканiя долговъ съ недвижимой собственности, вмѣсто взысканiя конкурснаго, которое сохраняется лишь для личнаго и коммерческаго кредита.

Многiе думаютъ, что введенiю ипотечной системы должна предшествовать точная оцѣнка всѣхъ недвижимыхъ имуществъ. Не говоря уже о томъ, что такая оцѣнка у насъ невозможна, она при ипотечной системѣ совершенно не нужна, и не только не должна ей предшествовать, но для осуществленiя своего сама нуждается въ долговременномъ дѣйствiи этой системы. Ни одинъ кредиторъ никогда не положится на чужую, а тѣмъ менѣе на официальную оцѣнку: онъ самъ сообразитъ стоимость имѣнiя. Ему нужно быть обезпечену лишь въ трехъ слѣдующихъ условiяхъ: а) что имущество дѣйствительно принадлежитъ тому лицу, которое занимаетъ у него деньги или вступаетъ съ нимъ въ обязательство; б) что составъ имѣнiя дѣйствительно таковъ, какимъ онъ обозначенъ въ документахъ, и в) что на имѣнiи не лежитъ такихъ долговъ или взысканiй, которые ему, кредитору, неизвѣстны и могли бы, помимо его воли, уменьшить его права на удовлетворенiе. Правильная ипотечная система должна удовлетворять только этимъ тремъ условiямъ, чтобы вполнѣ обезпечить интересы кредитора.

Другое возраженiе противъ ипотечной системы выходитъ изъ опасенiя всеобщей ликвидацiи, но оно еще менѣе основательно нежели первое. При существующей нынѣ конкурсной системѣ, всякiй кредиторъ спѣшитъ вытребовать обратно сдѣланную ссуду, опасаясь, что владѣлецъ имѣнiя надѣлаетъ новыхъ долговъ, и что такимъ образомъ доля участiя въ вознагражденiи уменьшится помимо его воли. При ипотечной системѣ такого опасенiя быть не можетъ. Старшiе кредиторы не только обезпечены въ полученiи полнаго удовлетворенiя, но и легко могутъ передавать свои права постороннимъ лицамъ, то-есть получать уплату до наступленiя срока; что же касается до кредиторовъ младшихъ, сдѣлавшихъ свои ссуды когда имѣнiе уже было обременено долгами, то интересъ ихъ заключается не въ томъ, чтобъ ускорить продажу имѣнiя за безцѣнокъ, и слѣдовательно остаться безъ уплаты, а въ томъ чтобы найдти покупателя за возможно высокую цѣну или дать владѣльцу возможность сдѣлать какой-либо оборотъ, облегчающiй уплату, или наконецъ дать ему время привести въ исполненiе такiя улучшенiя въ хозяйствѣ, которыя могутъ возвысить дѣйствительную цѣнность имѣнiя.

Наконецъ говорятъ еще, что расширенiе дѣйствiй Взаимнаго Поземельнаго бан-

ка и предполагаемое, какъ слышно, учреждение нѣсколькихъ губернскихъ земскихъ банковъ дѣлаютъ заботу объ основании и расширении частнаго поземельнаго кредита излишнею, и во всякомъ случаѣ уменьшаютъ пользу введенія ипотечной системы. Такое мнѣніе можетъ возникать только изъ смѣшенія понятій о двухъ различныхъ видахъ кредита, который доставляется собственникамъ поземельными банками и правильно устроенною ипотечною системой. Банки выдаютъ ссуды на долгіе сроки подъ всю массу имѣнія и притомъ при соблюденіи весьма сложныхъ формальностей сопряженныхъ съ значительными расходами и проволочками. Краткосрочные займы, и притомъ небольшими суммами, изъ поземельныхъ банковъ, несмотря на законодательное разрѣшеніе, невозможны по самому свойству своему. Они требуютъ быстроты и не могутъ по своему размѣру вознаграждать за расходы на оцѣнку, на полученіе законнаго свидѣтельства и другія неизбѣжныя для банковъ формальности, а еще менѣе за наложеніе на имѣніе запрещенія. Ипотечная система упрощаетъ, облегчаетъ и обезпечиваетъ частный кредитъ подъ недвижимыя имущества. Никакими поземельными банками не замѣнимый, онъ естественно является въ формѣ краткосрочныхъ займовъ, коихъ размѣры соотвѣтствуютъ каждый разъ дѣйствительной потребности занимающаго, то-есть именно въ той формѣ которая наиболѣе полезна для хозяйственныхъ улучшеній. Частное лицо, давая ссуду подъ имѣніе, очевидно будетъ лучшимъ судьей цѣнности этого имѣнія, дѣйствительности сдѣланныхъ въ немъ улучшеній и соразмѣрности его съ долгами, которые прежде на него были записаны. Здѣсь является живой стимулъ, недвижимое индивидуальное начало, недоступное для коллегіальныхъ учрежденій, каковы банки, и сильно содѣйствующее какъ развитію кредита, такъ и улучшенію сельскаго хозяйства. Банковыя ссуды являются только какъ часть кредитной системы, ибо могутъ имѣть мѣсто въ тѣхъ лишь случаяхъ, когда за ними сохраняется старшинство; между тѣмъ какъ вся выгода ипотеки заключается въ допущеніи вторыхъ, третьихъ и т. д. займовъ, соразмѣрно дѣйствительной цѣнности имѣнія.

Кромѣ главнаго преимущества ипотечной системы предъ нынѣ дѣйствующею системой отдѣльныхъ закладныхъ и общихъ запрещеній укажемъ еще на нѣкоторыя изъ ея выгодъ, именно на облегченіе продажи имѣній, на удобство передачи правъ обезпеченныхъ ипотекой, наконецъ на доставленіе возможности сохранять нераздѣльными такія имѣнія, которыя по своему свойству теряютъ значительную часть своей цѣнности отъ раздѣла. Не говоря уже о раздѣлѣ на равныя части, иногда неизбѣжномъ, весьма часто встрѣчаются выдѣлы седьмыхъ и четырнадцатыхъ частей, разрушающіе правильность хозяйственнаго устройства въ имѣніи. При нынѣшнемъ порядкѣ, устранить эти выдѣлы можно только покупкой частей на наличныя деньги или съ обезпеченіемъ закладными. При ипотечной системѣ можно избѣгнуть матеріальнаго раздѣла двумя способами: во-первыхъ, покупкой части въ кредитъ подъ ипотеку, и во-вторыхъ, ипотечнымъ обезпеченіемъ полученія соотвѣтствующей части дохода. Такое обезпеченіе налагая на владѣльца обязанность уплаты, не лишаетъ его права свободнаго распоряженія своею собственностію. Практическая польза этой стороны ипотечной системы очевидна, и не требуетъ доказательствъ.

Намъ остается только желать, чтобы трудъ коммиссіи, которая, какъ мы слышали, усердно занимается составленіемъ ипотечнаго устава на основаніяхъ раціональныхъ и практическихъ, былъ скорѣе приведенъ къ окончанію и на дальнѣйшемъ своемъ пути не встрѣтилъ какихъ-либо косвенныхъ и неожиданныхъ преградъ и затрудненій.

№ 95.

Москва, 8-го мая.

Если въ послѣднее время во Франціи пріутихъ воинскій пылъ официозной журналистики, то онъ еще тамъ поддерживается ультрамонтанскою печатью.

До сихъ поръ французская клерикальная печать свойственными ей спеціальными способами ратовала противъ Пруссіи какъ протестантской державы, во имя „европейской группы католическихъ интересовъ." Живописуя въ мрачныхъ краскахъ упорную борьбу, не перестававшую въ Германіи съ XVI вѣка между южнымъ католицизмомъ и сѣвернымъ протестантизмомъ, га-

зеты *l'Union*, *l'Univers*, *la Presse le Monde* надѣялись возбудить противъ Пруссіи фанатизмъ не только французскихъ и южно-германскихъ клерикаловъ, но также и католическихъ подданныхъ самой Пруссіи на лѣвомъ берегу Рейна. Въ самомъ дѣлѣ, какую, казалось бы, силу должна имѣть Франція въ этихъ прирейнскихъ провинціяхъ, благодаря католицизму, который въ нихъ господствуетъ? Какъ легко, казалось бы, можетъ она захватить ихъ при малѣйшемъ успѣхѣ своего оружія, благодаря ихъ религіи, которая такъ радикально отдѣляетъ ихъ отъ протестантской Пруссіи и такъ тѣсно сродняетъ съ Франціей, державой которая есть-де оплотъ и мечъ католицизма? Какой просторъ для ультрамонтанской агитаціи и какою, повидимому, опасностью должна грозить она Пруссіи! Не французскими ли орлами было исторгнуто достояніе Св. Петра изъ лапъ революціонной гидры? Не воскрыліемъ ли этихъ орловъ осѣняется и нынѣ свѣтская власть римскаго первосвятителя? Не Франціи ли предстоитъ святая задача оградить и въ Германіи интересы католицизма противъ всепожирающаго протестантства? И кто же поведетъ эти побѣдоносные *католическіе орлы* противъ протестантской неправды и для огражденія южно-германскихъ католиковъ отъ правительства, провозгласившаго себя оплотомъ ереси, — кто же поведетъ эти орлы какъ не тотъ, кого католическая Франція избрала своимъ спасителемъ отъ ужасовъ анархіи, кто нареченъ старшимъ сыномъ церкви, кто во славѣ и величіи порфиры гордится нынѣ званіемъ *почетнаго каноника* Латеранскаго собора въ Римѣ?... Вотъ сколько мотивовъ для французской клерикальной печати, чтобы въ видахъ политическихъ разжигать религіозныя страсти въ Германіи!

Болѣе благопріятныхъ условій для такого рода агитаціи, кажется, трудно пожелать. И что же? Ультрамонтанская журналистика Франціи сама бросаетъ это оружіе какъ безсильное, и полемику свою переноситъ изъ области религіозныхъ интересовъ на почву политическихъ, то изобрѣтая какой-нибудь „Маинцскій вопросъ," то возглашая необходимость *потребовать отъ Пруссіи* немедленнаго разоруженія. *Le Monde* съ уныніемъ восклицаетъ: „Отпоръ „прусскому поглощенію не серіозенъ! Католическія страны Германіи видятъ, что "онѣ уже не могутъ принадлежать къ европейской группѣ католическихъ интересовъ!" Клерикальная газета сознается въ своемъ пораженіи, и мы понимаемъ, что ей было бы слишкомъ больно признаться вмѣстѣ съ тѣмъ и въ истинной причинѣ этого пораженія. Почему же католическая южная Германія не даетъ серіознаго отпора протестантскому сѣверу, который хочетъ поглотить ее? Вотъ отвѣтъ: она убѣждена, что слѣдуя германскимъ тяготѣніямъ, она не подвергаетъ ни малѣйшей опасности своихъ католическихъ интересовъ. Все дѣло въ томъ, что здравая, столь разумная политика, отъ которой Пруссія не уклонялась ни разу въ своихъ отношеніяхъ къ католической церкви, сумѣла изъ вопросовъ государственныхъ и національныхъ разъ навсегда исключить вопросы вѣры и совѣсти, неприкосновенные для всякой благоразумной политики. Ни страстная и столь плодотворная для жизни и духа борьба, продолжающаяся въ нѣмецкомъ народѣ между двумя прозелитизмами, ни торжественно заявленныя притязанія прусскихъ королей быть съ одной стороны покровителями евангелическо-лютеранской церкви, а съ другой—вождями пангерманизма, не уклонили прусскаго правительства отъ этой политической программы. Съ особенною ясностью обнаруживается мощное дѣйствіе этой здравой политики въ происходящей на глазахъ нашихъ борьбѣ южно-германскаго разобщенія съ тяготѣніями всегерманскими. Даже въ юго-западной Германіи, — этой давней аренѣ горячихъ религіозныхъ состязаній,—политическая борьба до такой степени свободна отъ церковной примѣси, что самый энергическій отпоръ домогательствамъ протестантскаго сѣвера встрѣтился въ исто-протестантскомъ же Виртембергѣ, тогда какъ католическій Баденъ неудержимо тяготѣетъ къ общему центру нѣмецкой національности, которая группируется подъ гегемоніей протестантской Пруссіи. Вотъ фактъ разительный и мощный! Надежды французскихъ ультрамонтановъ привести въ дѣйствіе церковныя пружины для достиженія политическихъ цѣлей не могли устоять въ виду этого факта.

Отвѣчая въ прошломъ году на запросъ въ Британской палатѣ общинъ, лордъ Стан-лей утверждалъ, что въ случаѣ войны, самыя побѣды Франціи надъ Пруссіей останутся безплодны. Лордъ Стэнлей былъ правъ: успѣха оружія было бы недоста-

точно для того чтобы Франція могла органически усвоить себѣ лѣвый берегъ Рейна: ей пришлось бы выдержать на лѣвомъ берегу Рейна непріязнь его католическихъ населеній, воодушевляемыхъ столь вліятельнымъ между ними духовенствомъ. Во главѣ этого духовенства стоитъ теперь истый нѣмецкій патріотъ, римскій кардиналъ архіепископъ Кельнской епархіи, который предпочитаетъ полную независимость, какою католическое духовенство пользуется въ Пруссіи, тому гнетущему покровительству, тѣмъ поработительнымъ преимуществамъ, какими жалуетъ ее правительство Франціи.

Политика прусскаго правительства и возвышенный взглядъ его на права совѣсти и вѣры приносятъ нынѣ свои естественные и благіе плоды... Спрашивается, что̀ было бы съ Пруссіей, еслибы она вздумала усвоить себѣ воззрѣнія, преобладавшія въ то время въ отношеніяхъ ея великой, восточной сосѣдки, Россіи, къ протестантскимъ и католическимъ, возвращеннымъ ея державѣ, столь многочисленнымъ населеніямъ? Что̀ было бы съ Пруссіей, еслибъ оба призванія ея короля какъ всемірнаго покровителя протестантской вѣры и какъ вождя германской націи, такъ спутались въ ея политикѣ, что она вздумала бы одно ставить вмѣсто другаго и требовать, чтобы каждый Нѣмецъ былъ непремѣнно протестантомъ, а католикъ французомъ? Что̀ было бы съ Пруссіей, еслибы лѣтъ за сорокъ предъ симъ, увлекаясь недовѣріемъ къ духовной силѣ своей церкви, она вздумала запретить католикамъ своихъ прирейнскихъ населеній употребленіе нѣмецкаго языка, и принуждать ихъ замѣнить его французскимъ? Даже въ простомъ предположеніи что-либо подобное покажется плохою шуткой, когда рѣчь идетъ о Пруссіи; въ Россіи все это совершается въ очию, все это есть самая серіозная дѣйствительность... А между тѣмъ, на всѣ эти вопросы отвѣтъ одинъ какъ для Пруссіи, такъ и для Россіи: еслибы Пруссія поступала такимъ образомъ, то въ настоящее время на лѣвомъ берегу Рейна хозяйничали бы французскіе префекты, а кардиналъ-архіепископъ Кельнскій витійствовалъ бы въ парижскомъ сенатѣ противъ Пруссіи въ силу французскаго патріотизма, *вынужденнаго* ею самою.

Вотъ назиданіе, какое намъ, Русскимъ, можно вывести изъ событій происходящихъ на глазахъ нашихъ въ Германіи. Въ нашихъ губерніяхъ погранчныхъ съ Пруссіей и пограничныхъ съ Австріей, запретомъ русскаго языка для лютеранской и католической молитвы и проповѣди, всякій лютеранинъ, какъ и всякій католикъ, принужденъ оставлять у порога своей церкви русскую національность и признавать себя Нѣмцемъ или Полякомъ. Въ Вильнѣ, гдѣ вся католическая паства предана въ руки исто-польскихъ пастырей, каноникъ Головацкій, гонимый, ненавидимый Поляками, вытѣсненный ими за свое русское чувство изъ своей родины, признается, если вѣрить слухамъ, за человѣка опаснаго, удаленіе котораго необходимо подъ тѣмъ предлогомъ что онъ уніатъ, что онъ ксендзъ...

№ 96.

Москва, 4-го мая.

Сегодня должна была совершиться закладка зданія народнаго чешскаго театра въ Прагѣ, – быть положенъ краеугольный камень дѣлу, котораго съ примѣрною настойчивостью добивались руководители чешскаго народа, и отъ котораго можно ожидать пользы и для Чеховъ, и для всего славянства. Это очень хорошо понимаютъ не только тѣ прозорливые люди, которые руководятъ дѣломъ національнаго возрожденія Чеховъ, но и общественное мнѣніе всѣхъ славянскихъ племенъ, и вотъ почему закладка пражскаго театра принимаетъ размѣры всеславянскаго торжества; вотъ почему ко дню этой закладки должны были съѣхаться въ Прагу представители всѣхъ славянскихъ племенъ и всѣхъ славянскихъ земель.

Чехамъ принадлежитъ важная роль въ судьбахъ славянства. Не обширная, но опоясанная горами земля ихъ стоитъ какъ бастіонъ посреди пространствъ занятыхъ германскимъ племенемъ, какъ несокрушимый витязь на полѣ битвы, усѣяннамъ трупами дружины, къ которой онъ принадлежалъ. Разливъ Германскаго моря охватилъ Рудныя и Исполинскія горы, но не затопилъ ихъ. Въ неравной борьбѣ погибла политическая независимость чешской короны, но уцѣлѣло національное самосознаніе населеній ее составлявшихъ, и кто сочтетъ себя въ правѣ сказать, что неблизокъ день, съ котораго начнется вто-

рой періодъ политической исторіи Чехіи? Въ Европѣ нѣтъ страны, гдѣ просвѣщеніе глубже проникло бы въ народныя массы, чѣмъ въ Богеміи. Если въ Германской литературѣ, въ наукѣ, въ музыкѣ, которыми справедливо гордится Германія, Чехи занимаютъ видное мѣсто, если ихъ политическіе люди много содѣйствовали возвышенію Габсбургскаго дома, то сколько пользы и блеску доставятъ эти живыя силы, такъ долго служившія чужому дѣлу, когда онѣ получатъ возможность служить своей родинѣ! Не столько отъ избытка населенія, сколько отъ гнетущихъ обстоятельствъ, Чехи бѣгутъ изъ своего отечества, отчасти въ Германію, отчасти въ Америку, гдѣ ихъ народность удержаться не можетъ: какая была бы подмога цивилизаціи славянскаго міра, еслибъ этотъ элементъ не пропадалъ для него, еслибы систематически организовалось выселеніе Чеховъ въ другія славянскія страны? Политическая роль представителей Богеміи ограничена и въ высшей степени щекотлива, но дѣйствія ихъ обнаружили много таланта, много такта, знанія и характера. Лишь съ недавняго времени г. фонъ-Бейстъ не мало облегчаетъ имъ борьбу, которую они вынуждены вести за права и даже за самое существованіе своей родины.

Еще въ то время, когда энтузіасты французской журналистики поднесли г. фонъ-Бейсту титулъ *великаго обворожителя* Европы, когда со всѣхъ сторонъ превозносили комбинаціи его внутренней и внѣшней политики, мы предсказывали, что день разочарованія не замедлитъ наступить, и заявляли мнѣніе, что опасности системы дуализма, водворенной австро-саксонскимъ государственнымъ мужемъ въ Австріи, обнаружатся въ ближайшей будущности. Мы утверждали, что эта система, столь восхваляемая иностранными журналами, будетъ имѣть самыя пагубныя для Австріи послѣдствія, ибо невозможно ожидать ничего добраго отъ устройства, основаннаго на эксплуатаціи большинства населеній монархіи господствующимъ меньшинствомъ, состоящимъ изъ двухъ группъ, которыя ладятъ между собою только въ томъ случаѣ, когда имѣется въ виду притѣснять прочія національности.

Это предсказаніе оправдалось гораздо скорѣе, нежели мы думали, и теперь съ каждымъ днемъ являются новыя доказательства опасностей, которыя г. Бейстъ скопляетъ надъ Австрійской монархіей своими политическими импровизаціями. Венгерцы взяли себѣ львиную долю въ раздѣлѣ власти, и ихъ притязанія, по мѣрѣ усилій удовлетворить ихъ, съ каждымъ днемъ возрастаютъ. Венгрія приняла на себя не только 30 процентовъ общаго государственнаго долга, такъ что остальные подданные австрійскаго императора должны уплачивать въ два съ половиною раза болѣе нежели Мадьяры, и притомъ по долгу, который большею частью былъ составленъ для подавленія венгерскаго мятежа. Однимъ изъ первыхъ послѣдствій такой вопіющей несправедливости была необходимость прибѣгнуть къ несправедливымъ финансовымъ мѣрамъ для пополненія недочета причиненнаго въ казнѣ этими притязаніями Венгерцевъ: рѣшено взимать 7 процентовъ съ купоновъ австрійской ренты, а такъ какъ эта мѣра, падающая преимущественно на иностранцевъ, не встрѣтила серіознаго противорѣчія отъ европейскихъ правительствъ, то Австрія, повидимому рѣшилась сдѣлать еще одинъ шагъ на этомъ пути, который есть не иное что̀ какъ банкротство. По крайней мѣрѣ телеграфъ извѣстилъ насъ, что финансовая коммиссія имперской думы опредѣлила надняхъ взимать съ владѣльцевъ ренты новый налогъ сверхъ упомянутыхъ 7 процентовъ. Такимъ образомъ иностранцы, довѣрившіе австрійскому правительству свои капиталы, лишаются части своей собственности, потому что Мадьярамъ не благоугодно нести бремя государственнаго долга наравнѣ съ прочими подданными монархіи, въ которой однако Мадьяры хотятъ пользоваться преобладающимъ, если не исключительнымъ вліяніемъ. Но этой несправедливой мѣры недостаточно для покрытія дефицита: Вѣнскій кабинетъ прибѣгаетъ къ увеличенію налоговъ, и ихъ бремя пало почти исключительно на королевство Богемію, то-есть на ту часть монархіи, которая наиболѣе пострадала въ послѣднюю войну съ Пруссіей, которая всегда оказывала непоколебимую вѣрность габсбургской династіи въ бѣдствіяхъ постигавшихъ этотъ домъ, да и безъ того платила огромныя подати.

Чехи, наконецъ, вышли изъ терпѣнія. Это сказалось на митингѣ, уже извѣстномъ публикѣ изъ телеграммъ. Говорятъ даже, будто въ Богеміи плательщики податей условились между собою оказать

пассивное, но общее сопротивленіе взиманію новыхъ налоговъ.

Итакъ, вотъ къ чему повели менѣе чѣмъ въ два года столь много прославляемыя политическія комбинаціи г. фонъ-Бейста! Великій европейскій чародѣй не могъ стало-быть обаять своими чарами большинство подданныхъ того государя, которому вызвался служить. Равнымъ образомъ не замѣтно, чтобы чары его много подѣйствовали и на европейскіе кабинеты, ибо хотя онъ съ образцовою покорностью слѣдуетъ на буксирѣ французской политики на Востокѣ, и производитъ въ своихъ офиціозныхъ журналахъ дѣятельную пропаганду противъ Пруссіи, то возбуждая вопросы о союзныхъ крѣпостяхъ, то указывая на несоблюденіе нѣкоторыхъ статей пражскаго трактата, однако несмотря на все это, энтузіазмъ французовъ къ г-ну Бейсту значительно охладѣлъ и теперь парижскіе журналы едва воздаютъ должное обаятельному обращенію министра, котораго недавно еще превозносили до небесъ какъ политическаго человѣка, открывающаго новую эру для Австріи и чуть не для цѣлой Европы.

Барону Бейсту еще остается одно утѣшеніе или лучше сказать два. Мы недавно указывали на теплыя выраженія, въ какихъ Фуадъ-паша отозвался на счетъ г-на фонъ-Бейста и его политики въ одной изъ депешъ, включенныхъ въ австрійскую Красную Книгу. Это обиліе ѳиміама надняхъ увеличилось новымъ куреніемъ, которое воздалъ Вѣнскому кабинету князь Чарторыйскій въ недавней рѣчи своей, сказанной въ Лондонѣ.

Менѣе обращаясь въ своихъ комплиментахъ къ обворожительности г. фонъ-Бейста, этотъ вождь польской эмиграціи высказался въ политическомъ отношеніи весьма знаменательно. Онъ торжественно предложилъ Австріи содѣйствіе тайныхъ силъ, въ его распоряженіи состоящихъ. Онъ обѣщалъ ей свое покровительство. „Поляки,“ сказалъ онъ, „уже пользуются „свободой и правами, которыя Австрія „возвращаетъ имъ въ Галиціи... Примирясь „съ нею, Поляки должны искренно под„держивать ее во всѣхъ опасностяхъ, ко„торыя ей угрожаютъ.“

Если г. фонъ-Бейстъ еще не успѣлъ обдумать здраво какое употребленіе Поляки сдѣлаютъ изъ правъ и свободы, которыя, по ихъ словамъ, должны быть имъ *возвращены* Австріей, то онъ можетъ почерпнуть полезныя указанія изъ отвѣта даннаго органомъ существенно польскимъ, *Народовой Газетой*, газетѣ *Neue Freie Presse*, когда послѣдняя заговорила о притѣснительныхъ мѣрахъ, принятыхъ училищнымъ совѣтомъ въ Галиціи противъ тамошнихъ Нѣмцевъ и Русскихъ. „Въ Га„лиціи нѣтъ германскаго элемента,“ рѣзко отвѣчала *Газета Народова*, „есть только немного и Нѣмцевъ, которые *гостятъ у Поляковъ* и притомъ *гостятъ не будучи призваны въ гости*.“

Можно опасаться, что обѣщанное Австріи покровительство князя Чарторыйскаго окажется столь же мало надежнымъ, какъ и то, которое князь Чарторыйскій сулитъ Славянамъ, стараясь подогрѣть въ нихъ остывающее всюду сочувствіе къ польскимъ притязаніямъ. Дабы привлечь къ своему дѣлу симпатіи австрійскихъ Славянъ, онъ обнадеживаетъ ихъ, что станетъ хлопотать предъ австрійскимъ и венгерскимъ правительствами объ административной автономіи Чеховъ и прочихъ австрійскихъ Славянъ. Какая милость. „Мы „увѣрены,“ сказалъ онъ, „что Венгры най„дутъ такія требованія совершенно есте„ственными и удобопріемлемыми. Мы по„читаемъ искренними ихъ обѣщанія Сла„вянамъ...“ Какія обѣщанія? Какая автономія обѣщана (не говоримъ дана) Славянамъ, восточнымъ Галичанамъ, Хорватамъ, Словинцамъ, Далматинцамъ? Какая дана или только обѣщана Чехамъ? По всей справедливости они могутъ удовольствоваться лишь такимъ положеніемъ, которое ставило бы ихъ въ одинаковыя условія съ Венгерскою короной. „Они возстали,“ говорилъ польскій ораторъ про Мадьяровъ, „они возродились и подали намъ великій „и ободрительный примѣръ; они воскрес„ли съ бо́льшимъ блескомъ чѣмъ прежде „и можетъ-быть великая будущность ихъ „ожидаетъ.“ Вотъ слова, которыя Чехи могутъ вполнѣ примѣнить къ себѣ и своему отечеству. Примѣръ Венгріи долженъ служить имъ ободреніемъ и вселять въ нихъ надежду не на административную автономію, которую благосклонно предлагаетъ имъ князь Чарторыйскій, а на такую которая ни въ чемъ не уступала бы венгерской и отличалась бы отъ ней только тѣмъ что не была бы причиною ничьего угнетенія. Условій для разумнаго самоуправленія не меньше у Чеховъ, нежели у Мадьяръ,

которыхъ князь Чарторыйскій удостоиваетъ и (не безъ основанія) сравнивать съ Поляками. Чего въ самомъ дѣлѣ желаютъ Чехи, чего добиваются? Того что̀ провозглашено коренными законами Австрійской имперіи, что̀ признано за основаніе ея конституціи: равноправности племенъ, составляющихъ это сложное политическое тѣло, и *лишь въ связи съ нею* равноправности историко-политическихъ частей монархіи. Оба эти начала приняты австрійскимъ законодательствомъ: почему же Чехамъ, какъ и всѣмъ другимъ Славянамъ, не настаивать чтобы слова стали дѣломъ? Только едва ли Чехи могутъ успѣшно настаивать на этомъ въ союзѣ съ Мадьярами, которые, какъ и галицкіе Поляки, о равноправности *племенъ* не хотятъ ничего знать.

Глава *бѣлыхъ* между польскими эмигрантами не пропустилъ, конечно, случая припугнуть Славянъ и „московскимъ всепожирающимъ честолюбіемъ.“ Но этотъ призракъ, надѣемся, не заслонитъ отъ нихъ значенія мадьярскихъ притязаній. Многіе изъ представителей славянскихъ племенъ недавно и довольно долго жили среди насъ и могли сами наблюдать образъ мыслей всѣхъ слоевъ русскаго общества; они должны были вынести изъ своей прошлогодней поѣздки на этнографическую выставку убѣжденіе, что каждый новый шагъ ихъ на пути національнаго и политическаго развитія привѣтствуется нами со всевозможною искренностію и съ полнѣйшимъ безкорыстіемъ. Никакой задней мысли не примѣшивается и къ тому искреннему братскому сочувствію, съ которымъ мы стремимся нынѣ мысленно въ Прагу. „Театръ есть школа народная,“ сказала славная Екатерина, и конечно ни книги, ни газеты не имѣютъ на народныя массы такого глубокаго воспитательнаго вліянія, какъ сцена и раздающееся съ нея живое слово. Руководители чешскаго народа знаютъ это очень хорошо и это сознаніе безъ сомнѣнія возбуждало ихъ удивительную настойчивость и одушевляло всѣ славянскія племена, усердно приносившія свои пожертвованія для осуществленія народнаго театра въ Прагѣ. Московскій Славянскій комитетъ, съ своей стороны, назначилъ сумму для преміи за лучшее драматическое сочиненіе на чешскомъ языкѣ ко дню открытія театра, который нынѣ закладываютъ. Располагающее меньшими денежными средствами, но одушевленное неменьшимъ сочувствіемъ, Общество Любителей Россійской Словесности, препроводило привѣтственный адресъ въ Прагу, отправило туда изящно переплетенный экземпляръ одного изъ напечатанныхъ имъ драматическихъ сочиненій Н. А. Чаева (*Грозный Царь Иванъ Васильевичъ*), и въ воскресенье соберется въ публичное засѣданіе. Редакція *Московскихъ Вѣдомостей*, въ отвѣтъ на обязательное приглашеніе, отправила въ Прагу спеціальнаго корреспондента.

№ 97.

Москва, 6-го мая.

Въ *Economist*, отъ 9-го мая, напечатана довольно обстоятельная статья о русскихъ финансахъ. Въ ней справедливо указывается, что государственное хозяйство съ постоянно возрастающими дефицитами долго идти не можетъ, но общее заключеніе ея о плохихъ видахъ на лучшее будущее не совсѣмъ вѣрно. Помянутая газета находитъ, что пополненіе дефицитовъ займами имѣетъ свой предѣлъ, и что введеніе новыхъ налоговъ не можетъ считаться надежнымъ средствомъ тамъ, гдѣ государственный доходъ, какъ въ Россіи, не имѣетъ эластичности, то-есть не увеличивается самъ собой вслѣдствіе развитія общаго благосостоянія. Съ этимъ сужденіемъ о займахъ и новыхъ налогахъ вообще надобно согласиться, но что касается эластичности русскаго государственнаго дохода, то требуется оговорка, весьма серіозная. Эластичность дохода признается за самое благопріятное показаніе въ дѣлѣ финансовъ, за самое вѣрное свидѣтельство объ экономическихъ силахъ страны и о правильномъ выборѣ принятой въ ней финансовой системы. Но при такихъ заключеніяхъ должно имѣть въ виду, что повсюду эластичностью отличаются преимущественно косвенные налоги, а изъ прямыхъ только подоходная подать и разные виды штемпельныхъ сборовъ. Такъ какъ въ Россіи подоходная подать не существуетъ, а штемпельные сборы организованы неудовлетворительно, и подлежатъ скорому преобразованію, то вопросъ объ эластичности русскихъ финансовъ ограничивается косвенными налогами. Акцизы и таможенныя пошлины, вотъ тѣ статьи

русскаго государственнаго дохода, отъ которыхъ можно въ настоящую минуту требовать этого столь высоко цѣнимаго финансистами качества. Но и тутъ нуженъ анализъ, который долженъ показать, отъ финансовой ли системы или отъ особенностей страны происходитъ недостатокъ эластичности ея финансовъ, и только въ послѣднемъ случаѣ можно было бы утверждать, что ея положеніе непоправимо. Вглядѣвшись ближе въ наши косвенные налоги, мы замѣтимъ между ними важное различіе. Наши акцизы вообще высоки; главный изъ нихъ, акцизъ съ хлѣбнаго вина, такъ великъ, что при его существованіи трудно распространяться потребленію этого рода горячихъ напитковъ. Оно далеко не соотвѣтствуетъ нормѣ другихъ странъ и весьма могло бы расшириться не только безъ увеличенія пьянства, но и при его сокращеніи, еслибы распространилось въ простомъ народѣ ежедневное употребленіе водки за обѣдомъ. Но высота акциза препятствуетъ этому, и вотъ почему акцизъ съ хлѣбнаго вина не можетъ быть у насъ эластиченъ. Тутъ вина лежитъ на избранной системѣ, или, лучше сказать, на томъ, что движеніе акцизнаго законодательства послѣ отмѣны откуповъ приняло направленіе къ возвышенію акциза въ видахъ скорѣйшаго увеличенія дохода, а не къ постепенному естественному возрастанію акцизнаго сбора, обезпечивающему эластичность его въ будущемъ. Но другіе акцизные сборы возрастаютъ и у насъ, и именно въ той мѣрѣ, въ какой раціонально ихъ устройство. Въ интересѣ прочности русскихъ финансовъ остается только желать, чтобъ организація сборовъ возрастающихъ была распространяема мало-по-малу и на другіе сборы, а не наоборотъ, то-есть чтобы при реформѣ этихъ сборовъ имѣлся въ виду не минутный разсчетъ, а серіозный общій планъ, основанный на желаніи видѣть русскіе финансы прочно улучшенными. Покамѣсть еще нельзя ожидать правильнаго возрастанія акцизныхъ сборовъ, и по всей справедливости только отъ таможенныхъ пошлинъ можетъ быть требуема извѣстная эластичность. Что же показываетъ дѣйствительность? Газета *Economist* не обратила вниманія на этотъ пунктъ, или по недоброжелательству, или по не имѣнію данныхъ. Дѣйствительность тутъ говоритъ въ пользу русскихъ финансовъ и говоритъ сильно. Два дня тому назадъ (№ 95) мы помѣстили офиціальныя свѣдѣнія о таможенныхъ сборахъ за 1867 годъ и за январь мѣсяцъ текущаго года. Изъ этихъ свѣдѣній оказывается, что таможенный доходъ возросталъ у насъ въ 1867 году сильнѣе чѣмъ въ какомъ-либо другомъ государствѣ Европы. Въ 1866 году всѣхъ таможенныхъ доходовъ поступило 32.298.140 руб., а въ 1867 году 38.653.006 или на 6.354.866 руб. болѣе. Но тутъ должно еще взять въ разчетъ, что вслѣдствіе законодательныхъ мѣръ, одна изъ главнѣйшихъ статей прежняго прихода, пошлина съ сахара-сырца, дала въ 1867 году дохода противъ 1866 года менѣе на 2.365.298 руб. Если прибавить эту цифру къ перевыручкѣ, то окажется что таможеный сборъ по другимъ статьямъ возросъ не на 6.354.866 руб., а на 8.720.164 р., что относительно таможеннаго сбора 1866 года, также соотвѣтственно пониженнаго (не 32.148.140 руб., а 29.932.842 р), составляетъ не менѣе 28%. Болѣе блистательнаго результата нельзя требовать, и онъ тѣмъ важнѣе что достигнутъ благодаря законодательной мѣрѣ, — либеральному измѣненію въ обложеніи чая и соли, — и условливается не стѣсненіемъ, а увеличеніемъ народнаго довольства. Вотъ примѣръ, что раціональныя финансовыя мѣры находятъ въ Россіи весьма благодарную почву.

Къ раціональнымъ финансовымъ мѣрамъ самъ *Economist* относитъ усиленную постройку желѣзныхъ дорогъ, но онъ недостаточно оцѣниваетъ ея финансовое значеніе. Въ такой дѣвственной странѣ какъ Россія всякая полезная реформа должна отзываться и на финансахъ. Для этого нужно только чтобы полезное дѣйствіе реформы было ограждаемо дальнѣйшими необходимыми мѣрами. Такъ мировая юстиція увѣнчиваетъ собой крестьянскую реформу, упрочивая твердость договоровъ, и пресѣкая скоро и дешево мелкія нарушенія права, въ сельскомъ хозяйствѣ весьма чувствительныя. Та же мировая юстиція можетъ быть могущественнымъ орудіемъ противъ пьянства, которое впрочемъ въ селахъ нашихъ далеко не такъ велико, какъ утверждаютъ пессимисты. Тѣ же пессимисты сѣтуютъ на крестьянскіе раздѣлы, но это необходимое слѣдствіе личной свободы столь же драгоцѣнно для крестьянъ какъ и для критикующихъ крестьянскій бытъ журналистовъ, и дѣйствуетъ оно го-

раздо менѣе разорительно чѣмъ несвоевременныя продажи крестьянскаго имущества для пополненія недоимокъ. Вотъ пунктъ особенно важный для обезпеченія успѣховъ крестьянскаго благосостоянія, которое въ свою очередь такъ важно для эластичности финансовъ,—тотъ пунктъ въ законодательствѣ, который прежде всего требуетъ вниманія, если желать, чтобы благодѣтельная въ политическомъ отношеніи крестьянская реформа увѣнчалась послѣдствіями благопріятными для финансовъ Россіи. Точно также и относительно желѣзныхъ дорогъ существуютъ условія, коихъ соблюденіе необходимо для того, чтобы вся страна, а вмѣстѣ съ нею и государственные финансы, извлекли изъ нихъ полную выгоду.

Офиціальное объясненіе, коимъ сопровождаются напечатанныя въ № 59 свѣдѣнія о таможенныхъ сборахъ, справедливо приписываетъ увеличеніе таможеннаго дохода въ 1867 года преимущественно увеличенію привоза иностранныхъ товаровъ вслѣдствіе значительно усилившагося въ послѣдніе два года отпуска отъ насъ хлѣба. Дѣйствительно, привозъ товаровъ зависитъ отъ отпуска, и не будь усиленнаго отпуска хлѣба, не увеличился бы и привозъ, а слѣдовательно не возросъ бы и таможенный сборъ. Но значительный отпускъ хлѣба сдѣлался возможенъ благодаря желѣзнымъ дорогамъ; стало-быть желѣзнымъ дорогамъ казна главнѣйше обязана тѣми 8-мю милліонами таможенной перевыручки, которая не только возместила потерю на пошлинѣ съ сахара-сырца, но и доставила значительныя средства къ пополненію дефицита въ бюджетныхъ и сверхсмѣтныхъ расходахъ. Вотъ одно изъ краснорѣчивыхъ доказательствъ въ пользу теперешней системы правительственнаго содѣйствія скорѣйшей постройкѣ желѣзныхъ дорогъ. Казна приплачиваетъ еще огромныя суммы по гарантіямъ, но эти суммы, при всей ихъ колоссальности, все таки много ниже перевыручки въ таможенномъ доходѣ. Такимъ образомъ желѣзныя дороги, оживившія внутреннія сношенія, въ сущности и казнѣ не только ничего не стóятъ, но еще увеличиваютъ ея доходъ. Такъ оказывается уже теперь, при первыхъ, еще разрозненныхъ результатахъ улучшенія средствъ сообщенія. Что же будетъ, когда откроются сплошныя линіи, и когда можно будетъ говорить о дѣйствіи цѣлой сѣти рельсовыхъ путей? Нынѣшній годъ сдѣлаетъ эпоху по этой части. Осенью будутъ открыты желѣзныя дороги изъ Москвы чрезъ Орелъ и Курскъ до Кіева, и изъ Орла въ Витебскъ. Никогда въ Россіи не открывалось столько желѣзныхъ дорогъ разомъ. Это будетъ такой толчокъ въ экономической жизни страны, какихъ прежде не бывало. При самомъ лучшемъ урожаѣ хлѣбовъ въ западной Европѣ, нашихъ отпускъ долженъ быть и въ нынѣшнемъ году весьма великъ, потому что разница цѣнъ на рынкахъ западной Европы и въ нашихъ мѣстахъ производства, лежащихъ на желѣзно-дорожной сѣти, еще весьма велика. Къ тому же теперь въ западной Европѣ истощились обычные запасы; ихъ потребуется пополнить, а потому годъ или два цѣны тамъ не могутъ сильно понизиться, и мы дѣйствительно видимъ, что за каждымъ пониженіемъ цѣнъ обнаруживается обратное стремленіе къ повышенію, какъ и въ настоящую минуту оказывается изъ сегодняшнихъ телеграфныхъ извѣстій. А пока хлѣбный рынокъ будетъ находиться въ такомъ положеніи, въ Россіи прибудутъ новыя средства конкуренціи. Нынѣшній годъ замѣчателенъ въ лѣтописяхъ желѣзно-дорожнаго дѣла не только по ожидаемому открытію столь доходныхъ внутреннихъ линій, но и по энергическому приступу къ работамъ на линіямъ новыхъ. Помѣщаемая ниже телеграмма изъ Харькова извѣщаетъ о началѣ работъ на всемъ пространствѣ между Курскомъ и Таганрогомъ. На дняхъ начнутся работы на линіи Борисоглѣбской, внѣдряющейся въ край не початой. Надняхъ же послѣдуетъ приступъ къ работамъ на линіи Смоленской, имѣющей сблизить Нижній и Москву съ рижскимъ портомъ и западною Европой. Работы стало-быть будутъ производиться въ нынѣшнемъ году столь же дѣятельно какъ въ прошломъ, и на всѣхъ строящихся дорогахъ будетъ занято не менѣе ста тысячъ человѣкъ рабочихъ. Чрезъ два-три года, должно надѣяться, будутъ открыты всѣ линіи, къ постройкѣ коихъ приступлено нынѣ. Но чтобы Россія могла воспользоваться въ полной мѣрѣ этою столь значительною сѣтью желѣзныхъ дорогъ, нужно одно условіе, которое теперь, къ сожалѣнію, подвергается серіозной опасности. Если справедливо, что усиленный привозъ товаровъ, отозвавшійся столь благо-

пріятнымъ для нашихъ финансовъ возрастаніемъ таможеннаго сбора, условливался усиленіемъ отпуска, то и наоборотъ не менѣе несомненно, что отпускъ въ свою очередь зависитъ отъ привоза. Значительныя массы хлѣба могутъ быть куплены у насъ только въ томъ случаѣ, если извѣстная часть ихъ будетъ покрываться соотвѣтствующимъ привозомъ. Стѣсните привозъ возвышеніемъ пошлинъ,—и несмотря на всю выгодность покупки хлѣба у насъ, иностранцы будутъ принуждены отказаться отъ нея, потому что нечѣмъ будетъ уплачивать за покупаемый хлѣбъ. Это обстоятельство заслуживаетъ самаго серіознаго вниманія. Мы должны имѣть въ виду, что чѣмъ болѣе стѣсняемъ привозъ иностранныхъ товаровъ, тѣмъ болѣе стѣсняемъ и свой отпускъ. Это экономическая аксіома. А при уменьшеніи отпуска какая будетъ намъ польза отъ желѣзныхъ дорогъ? Не имѣя довольно работы, онѣ будутъ тягостью для государственной казны, обезпечившей извѣстный доходъ ихъ акціонерамъ и владѣльцамъ ихъ облагацій; въ то же время исчезнутъ и тѣ выгоды, которыя страна можетъ извлечь отъ сбыта хлѣба по новооткрываемымъ желѣзнымъ дорогамъ. Важность этихъ обоихъ интересовъ очевидна: что они сильно затронуты вопросомъ объ измѣненіи таможенныхъ пошлинъ, это не подлежитъ сомнѣнію. Вопросъ о тарифѣ не есть только вопросъ о привозѣ, это также вопросъ объ отпускѣ, то-есть о дальнѣйшихъ судьбахъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ, нашего сельскаго хозяйства, нуждающагося въ сбытѣ, и наконецъ нашего финансоваго положенія, которое не можетъ считаться прочно обезпеченнымъ, если будетъ искуственно уменьшаема эластичность таможенныхъ сборовъ, такъ блистательно обнаружившаяся въ 1867 году.

№ 98.

Москва, 7-го мая.

А.

Мы обѣщали разсмотрѣть доводы большинства бывшей тарифной коммиссіи въ пользу введенія у насъ покровительственныхъ таможенныхъ пошлинъ на машины.

Первый и основный доводъ, которымъ мотивируется это предложеніе, заключается въ слѣдующемъ: „Наложеніе пошлины на всякія машины справедливо потому, что, при существующей тарифной системѣ, всѣ издѣлія облагаются у насъ пошлинами болѣе или менѣе съ покровительственною цѣлью и что нѣтъ основанія дѣлать изъятіе для одного только машиностроенія, которому притомъ и сырой матеріалъ достается очень дорого.“ Мы нарочно выписали это разсужденіе съ буквальною точностью, ибо въ журналѣ тарифной коммиссіи оно поставлено во главѣ всѣхъ мотивовъ въ пользу предлагаемой мѣры и по мнѣнію членовъ ее предлагающихъ (гг. Андреева, Бранта, Веселовскаго, Н. Гирса, К. Ермакова, Жукова, Журова, Захерта, Колесова, Козакевича, кн. Оболенскаго, Рашета и Фронштейна) наименѣе можетъ подлежать спору. Намъ кажется наоборотъ этотъ доводъ не малыхъ курiозомъ. Нельзя не подивиться, что лица призванныя къ законодательному преобразованію приводятъ какъ первый и главный аргументъ въ пользу своего предложенія ссылку на характеръ дѣйствующаго законодательства, для обновленія и улучшенія котораго правительство именно и пригласило ихъ засѣдать въ коммиссіи. Пошлины на машины требуются какъ справедливыя и необходимыя потому-де прежде всего, что у насъ дѣйствуетъ тарифъ покровительственный! Можно было бы подумать, что тарифная коммиссія, по мнѣнію членовъ предложившихъ пошлины на машины, была учреждена ни для чего иного, какъ только для усиленія и развитія покровительственныхъ и запретительныхъ началъ нашего таможеннаго тарифа. Подобной задачи не заключалось однакоже въ преподанной коммиссіи программѣ, то-есть въ Высочайше одобренномъ докладѣ г. министра финансовъ, отъ 30-го іюня минувшаго года; хотя этотъ документъ былъ предметомъ весьма разнообразныхъ толкованій въ нашей печати, но „возможное усиленіе таможеннаго дохода, совокупно съ облегченіемъ правильной торговли“, то-есть съ устраненіемъ контрабанды, поставлено г. министромъ финансовъ единственною цѣлію для происходящаго нынѣ пересмотра тарифа. Для достиженія этой Высочайше указанной цѣли можно предлагать тѣ или другія перемѣны въ дѣйствующемъ таможенномъ законодательствѣ, но едва ли можно предла-

гать отмѣну издавна существующихъ изъятій изъ общей покровительственной системы тарифа и тѣмъ усиливать ее. Объ ея усиленіи нѣтъ помину въ этомъ, впрочемъ, неясномъ и вызвавшемъ столько лжетолкованій докладѣ г. министра финансовъ, а напротивъ съ положительнымъ сочувствіемъ говорится о пониженіяхъ тарифа въ 1850 и 1857 годахъ и выставляется благодѣтельное дѣйствіе этихъ реформъ на успѣхи отечественной фабричной промышленности. Послѣ этого, кажется, не должно бы оставаться недоумѣній относительно задачи, которая предлежала тарифной коммисіи, и относительно способовъ, которыми предполагалось достигнуть цѣли ея учрежденія. *О необходимости чрезвычайнаго развитія* протекціонистскаго характера тарифа, если строго держаться гласно и всенародно указанной правительствомъ цѣли пересмотра тарифа, не можетъ быть ни вопросовъ, ни споровъ. А какъ не назвать чрезвычайнымъ развитіемъ протекціонизма, когда предлагается покровительственная пошлина на предметъ, никогда не пользовавшійся таможенною охраной, предметъ первой жизненной необходимости для современной промышленности и цивилизаціи, предметъ сверхъ всего этого не случайно, не по недоразумѣнію, не по какимъ-нибудь побочнымъ обстоятельствамъ, а систематически, во преки постояннымъ и самымъ назойливымъ домогательствамъ изъятый правительствомъ отъ дѣйствія общей системы таможеннаго покровительства? Большинство говоритъ о существующей тарифной системѣ. Мы видѣли какъ странна эта ссылка. Но пусть будетъ такъ, пусть будетъ призвана коммиссія не преобразовывать тарифъ, а приводить его въ соотвѣтствіе съ существующею системой. Въ чемъ же состоитъ эта система? *Система* состоитъ очевидно не въ усиленіи, а въ ослабленіи покровительства сообразно возможности, то-есть при огражденіи фабрикантовъ отъ ущербовъ, могущихъ вести къ закрытію фабрикъ. *Система* очевидно состоитъ лишь въ охранѣ того, что вызвано покровительствомъ, а не въ развитіи покровительства. Послѣ измѣненій происшедшихъ въ нашемъ таможенномъ законодательствѣ въ послѣднее двадцатилѣтіе, измѣненій постепенныхъ, но въ общемъ своемъ ходѣ довольно послѣдовательныхъ, въ особенности послѣ принадлежащей нынѣшнему царствованію, реформы 1857 г., самой значительной и по заявленію г. министра финансовъ содѣйствовавшей успѣхамъ фабричнаго дѣла въ Россіи,—послѣ всего этого вводить новыя пошлины, долженствующія составить крупный налогъ на всѣ производительныя силы государства, значитъ отступать отъ дѣйствующей системы. Съ точки зрѣнія справедливости предлагаемыя пошлины всего менѣе могутъ выдержать критику. Въ теченіи двадцатилѣтняго и притомъ самаго бойкаго періода своего развитія наша промышленность сжилась съ мыслію объ ожидающемъ каждую ея отрасль, въ болѣе или менѣе продолжительные промежутки времени, болѣе или менѣе постепенномъ ослабленіи таможенной охраны; всѣ капиталы и всѣ экономическія условія нашего народнаго труда болѣе или менѣе приладились къ этому ходу дѣлъ. Государственная справедливость заключается въ томъ, чтобы такое направленіе таможеннаго законодательства имѣло равномѣрную силу для всѣхъ видовъ народнаго труда, и чтобы ни одинъ изъ видовъ труда въ государствѣ не предпочитался другимъ видамъ. Созданіе новой преміи въ пользу машиннаго дѣла тѣмъ менѣе *справедливо*, что это дѣло ничего другаго не производитъ кромѣ орудій и силъ для другихъ производствъ. Большинство говоритъ далѣе: *всѣ издѣлія облагаются у насъ покровительственною пошлиной*. Можетъ ли неосновательность доходить до такихъ предѣловъ въ людяхъ, несущихъ на себѣ отвѣтственность по важному государственному дѣлу! Изъятіе для *одного только* машиностроенія! Если бы даже и было вѣрно, что механическое производство одно не пользуется у насъ таможенною охраной, то и въ такомъ случаѣ нельзя было бы называть это обстоятельство изъятіемъ изъ общаго хода законодательства, а напротивъ слѣдуетъ предложеніе о пошлинахъ на машины назвать изъятіемъ, ибо дарованіе новой привилегіи есть изъятіе, есть противорѣчіе политикѣ, неуклонно, хотя и осмотрительно, стремящейся къ постепенному ослабленію и наконецъ къ отмѣнѣ этого рода привилегій. Но это положительно вѣрно, ибо кромѣ механическаго дѣла у насъ есть много другихъ отраслей фабричнаго производства, совершенно свободно существующихъ и не пользующихся таможеннымъ покровительствомъ, а первенствующее наше производство, сель-

скохозяйственное, даже не может быть ограждено тарифомъ. Чтобы имѣть право создавать покровительство для машинъ въ видахъ *справедливости*, нужно было бы по крайней мѣрѣ перебрать всѣ существующія и еще не существующія, но могущія возникнуть у насъ свободныя производства и даровать имъ всѣмъ то, что̀ во имя справедливости даруется механическому производству. Но такое направленіе таможенной политики было бы отмѣной покровительства, потому что равномѣрное или иначе справедливое покровительство перестаетъ быть покровительствомъ. Это была бы старинная англійская система, которая равно покровиетльствовала и сельскому хозяйству и фабричному дѣлу, а потому и не водворяла несправедливости, не препятствовала правильному развитію всѣхъ видовъ народнаго труда и не пріучала однихъ богатѣть на счетъ другихъ бозъ заслугъ и усилій. Только у насъ къ сожалѣнію такая *справедливая* равномѣрность покровительства не осуществима, потому что наше сельское хозяйство нуждается въ заграничномъ сбытѣ своихъ продуктовъ и слѣдовательно его продукты и издѣлія не могутъ быть ограждены наложеніемъ пошлинъ на соотвѣтственные продукты и издѣлія иностраннаго производства.

Не менѣе странно и упоминаніе въ вышеприведенномъ разсужденіи большинства тарифной коммиссіи о дороговизнѣ сыраго матеріала въ механическомъ дѣлѣ. Вопервыхъ, это дѣло страдаетъ гораздо болѣе отъ недостатка знающихъ и привычныхъ рабочихъ рукъ нежели отъ дороговизны матеріаловъ. Вовторыхъ, дороговизна эта именно зависитъ отъ покровительственнаго характера тарифа. Стало-быть тарифной коммиссіи либо слѣдовало озаботиться устраненіемъ этой дороговизны, либо, по крайней мѣрѣ, не ссылаться на нее, предлагая чрезвычайное усиленіе тѣхъ самыхъ порядковъ, которые производятъ у насъ дороговизну.

Словомъ, въ соображеніяхъ коммиссіи, призванной правительствомъ къ таможенной реформѣ, крайне странно найдти разсмотрѣнное нами доказательство въ пользу пошлинъ на машины, но это доказательство было большинству коммиссіи совершенно необходимо: ссылку на общую мысль о справедливости распространенія протекціонистскаго духа тарифа пришлось поставить впереди всѣхъ прочихъ доводовъ, ибо члены сдѣлавшіе это *справедливое* предложеніе чувствовали какъ слабы всѣ прочіе ихъ доводы, заимствующіе свою аргументацію уже не изъ общихъ началъ государственной справедливости и не изъ общей системы протекціонизма, а изъ предполагаемой практической пользы проектируемой мѣры. Всѣ эти доводы въ томъ же самомъ протоколѣ коммиссіи побѣдоносно разбиты меньшинствомъ коммиссіи, заявившимъ себя противъ пошлинъ на машины. Мы не замедлимъ поговорить о важнѣйшихъ изъ этихъ доводовъ, имѣющихъ впрочемъ, во мнѣніи самихъ членовъ подписавшихъ предложеніе, харектеръ второстепенный.

Б.

Восклицаніе графа Бисмарка: „Обращеніе къ страху не найдетъ отголоска въ нѣмецкихъ сердцахъ!“ принято въ пошлинномъ парламентѣ „съ бурнымъ одобреніемъ,“ какъ выразилась передавшая намъ эти слова вчерашняя телеграмма изъ Берлина. Судя по этой столь несвойственной телеграфу энергіи выраженія искуснымъ словомъ графа Бисмарка какъ будто пробуждена съ новою силой въ этомъ пошлинномъ парламентѣ восторженность пангерманскаго патріотизма, значительно охладѣвшаго вслѣдствіе отпора, встрѣченнаго имъ по поводу проекта адреса. Только въ угоду графу Бисмарку можно было давать ходъ толкамъ, будто союзный канцлеръ желалъ адреса, будто, отвергая предложеніе адреса, пошлинный парламентъ нанесъ министерству парламентское пораженіе, и будто виной этого пораженія былъ южно-германскій партикуляризмъ. Правда, самыми запальчивыми защитниками адреса были гг. Бамбергеръ и Бенигсенъ, извѣстные своею преданностію политикѣ сѣверо-германскаго канцлера, но противниками и побѣдителями ихъ были вовсе не южно-германскіе депутаты, а не менѣе преданные этой самой политикѣ прусскіе консерваторы, и во главѣ ихъ принцъ Альбертъ Прусскій, прусскій министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Эйленбургъ, прусскій генералъ Фогель-фонъ-Фалькенштейнъ и прусскій дипломатъ г. фонъ-Савиньи, которыхъ голосами рѣшена участь пресловутаго адреса. Гораздо вѣроятнѣе, что располагая преданными ему приверженцами національно-либеральной партіи по обѣ стороны Майна, графъ Бисмаркъ пустилъ

вопросомъ объ адресѣ пробный шаръ, а въ ожиданіи успѣха опыта самъ остался въ сторонѣ, не принимая участія въ возбужденномъ имъ страстномъ состязаніи. Одного слова его, разумѣется, было бы достаточно, чтобы перевесть на сторону защитниковъ адреса и своихъ товарищей и своихъ приверженцевъ изъ прусской консервативной партіи; но этого слова онъ не вымолвилъ...

Чего же выжидалъ графъ Бисмаркъ въ продолженіе этихъ столь рѣшительныхъ для его дѣла состязаній? Почему не рѣшился онъ бросить на вѣсы свое мощное слово? Не выжидалъ же онъ, чтобы высказались извѣстныя ему мнѣнія нѣсколькихъ заклятыхъ южно-германскихъ партикуляристовъ, которыхъ ему было легко не только пересилить мнѣніями преданнаго ему большинства парламента, но и принудить къ молчанію искуснымъ воззваніемъ къ патріотическому чувству Германіи, въ борьбѣ съ анти-національною крамолой, раздуваемою иностранцами! Если графъ Бисмаркъ чего-нибудь выжидалъ. то единственно мнѣнія грознаго за-рейнскаго сосѣда. Общій крикъ негодованія поднявшійся въ правительственной печати Франціи, въ то время какъ между маркизомъ де-Мутье и графомъ Гольцемъ происходили частыя бесѣды подъ предлогомъ переговоровъ то о давно покинутой Даніи, то объ идиллическихъ проектахъ разоруженія, и когда лихорадочно кипѣла дѣятельность воинскихъ приготовленій маршала Ніеля, не оставлялъ никакого сомнѣнія.

Итакъ, во Франціи, какъ и въ Германіи, люди свѣдущіе не могутъ сомнѣваться, что игрой графа Бисмарка въ опытѣ съ проектомъ адреса, руководилъ „страхъ" и страхъ внушенный вовсе не южно-германскою оппозиціей. Въ 1868 году только повторились событія, ознаменовавшія въ 1867 г. внезапный взрывъ Люксембургскаго вопроса. Тогда также пускался *ballon d'essai*, но тогда уступкѣ Пруссіи предъ угрозами Франціи данъ былъ видъ уступки настояніямъ цѣлой Европы, а теперь Пруссія какъ бы уступаетъ вымышленнымъ угрозамъ оппозиціи, якобы встрѣченной графомъ Бисмаркомъ, въ самыхъ нѣдрахъ великой германской семьи. Послѣдствія этихъ уступокъ очевидны: въ 1866 году не было и признака этой оппозиціи, когда былъ замѣненъ прусскимъ гарнизономъ федеральный гарнизонъ крѣпости Майнца; нынѣ, при первыхъ заявленіяхъ неудовольствія французской печати по этому поводу и вопреки кичливому завѣренію *Крестовой Газеты*, будто всякое возбужденіе „Майнцскаго вопроса, признается Пруссіей за *casus belli*, въ газетѣ *la France* получено извѣстіе о внезапномъ призваніи Гессенъ-Дармштадта къ охраненію, вмѣстѣ съ Пруссіей, этого оплота не только Рейнской, но и Майнской границы.

№ 99.

Москва, 8-го мая.

Продолжаемъ обзоръ тѣхъ доводовъ въ пользу обложенія машинъ пошлиной, коими подкрѣпляетъ свое мнѣніе большинство бывшей тарифной коммиссіи. Ссылка на то, что таможенная премія необходима преимущественно для петербургскихъ и прибалтійскихъ механическихъ заведеній падаетъ, кажется, самой собой, ибо эти мѣстности уже и безъ премій пользуются всѣми условіями выгодными для преуспѣянія механическаго искусства въ несравненно большей степени нежели остальная Россія. Въ подкрѣпленіе этого аргумента приводится, что столичныя механическія заведенія держатся нынѣ исключительно казенными заказами или субсидіями казны, которыя-де нераціональны, какъ мѣра искусственная, и разорительны для государственнаго бюджета, могущаго получить напротивъ того въ пошлинахъ на машины новыя для себя воспсобоmenія. Но не говоря уже о томъ, что въ столичныхъ механическихъ заведеніяхъ постоянно возрастаетъ исполненіе частныхъ заказовъ, какъ фактически доказано меньшинствомъ коммиссіи, можно ли относительно утверждать, что казенные заказы и даже субсидіи, даваемыя промышленности производящей принадлежности военной обороны, менѣе раціональны, чѣмъ покровительственныя таможенныя пошлины? Въ окончательномъ результатѣ и пошлины и субсидія уплачиваются подданными государства; и тѣ и другія составляютъ государственный налогъ, съ тою только существенною разницей, что налогъ служащій для выдачи субсидій и платы за казенные военные заказы распредѣляется между подданными гораздо справедливѣе и влечетъ за собою менѣе вредныхъ экономическихъ

послѣдствій, чѣмъ налогъ въ видѣ таможенныхъ пошлинъ на машины. Послѣдній облагаетъ орудія производства и распредѣляется не пропорціонально имуществу и достатку каждаго какъ долженъ всякій налогъ, а пропорціонально капиталу употребленному на промышленное производство, и притомъ той части этого капитала, которая прямо выражаетъ собой усилія производителя усовершенствовать свое дѣло и бороться съ его рутиной. Налогъ же, идущій на субсидіи и уплату за казенные заказы, есть не что̀ иное какъ вся податная система государства, которая имѣетъ свои достоинства и недостатки, которая болѣе или менѣе достигаетъ и не достигаетъ своей цѣли обложенія подданныхъ пропорціонально ихъ достатку и чистымъ прибылямъ, но которая все-таки стремится къ этой цѣли и сколько-нибудь ея достигаетъ, а если мало достигаетъ ея, то именно благодаря налогамъ, которые, подобно пошлинѣ на машины, падаютъ на трудъ и трудовые капиталы, вмѣсто того чтобы падать на результаты труда и производительныхъ капиталовъ—богатство. Какимъ образомъ можно съ общегосударственной и съ финансовой точки зрѣнія находить правильною такую мѣру, которая переноситъ тяжесть военной обороны государства со всѣхъ подданныхъ на однихъ ремесленниковъ, фабрикантовъ, сельскихъ хозяевъ, строителей желѣзныхъ дорогъ и т. д., вообще на тотъ классъ, который прилагаетъ механическую силу къ развитію производительности своего труда, и тѣмъ самымъ заслуживаетъ со стороны государства поощреніе, а уже конечно не исключительное противъ всѣхъ другихъ отягощеніе?

Еще бо̀льшая невѣрность обнаруживается во взглядѣ большинства бывшей тарифной коммиссіи на общее положеніе машиностроительнаго дѣла въ Россіи. Послушать протекціонистовъ, такъ остается только оплакивать его горькую участь, его жалкое, младенческое состояніе. Подъ вліяніемъ крикливой агитаціи, въ публикѣ сложилось самое низкое мнѣніе о нашихъ механическихъ заводчикахъ. Кто привыкъ вѣрить тому что̀ печатается, кто еще не имѣетъ понятія о той игрѣ, которая нынѣ ведется съ помощію печати, тотъ считаетъ за безспорную истину, что изъ машинъ продаваемыхъ въ Россіи самая ничтожная часть изготовляется дома, и что въ покупкѣ машинъ Россія совершенно зависитъ отъ иностранныхъ производителей, съ коими наши туземные строители машинъ конкуррировать будто бы не въ силахъ. Такіе взгляды чрезвычайно распространены въ публикѣ, и никто почти не сомнѣвается въ ихъ основательности. Дѣйсвительность однако представляетъ нѣчто совсѣмъ иное, и большинству тарифной коммиссіи это было очень хорошо извѣстно. Какъ же поступило оно?

Трудно говорить о необходимости покровительственныхъ пошлинъ для огражденія механическихъ заведеній отъ иностраннаго подрыва, когда наше юное машиностроеніе въ 1865 году уже произвело на 11.000.000 р противъ 6.000.000 руб. привоза этого года. Поэтому лица сдѣлавшія предложеніе о пошлинахъ на машины должны были постараться ослабить если не достовѣрность, то по крайней мѣрѣ значеніе цифръ, выражающихъ собою успѣхи механическаго производства въ Россіи, и по своей достовѣрности неоспоримыхъ. Для этой цѣли, къ сожалѣнію, употреблена членами коммиссіи, подавшими мнѣніе въ пользу пошлинъ на машины, нѣкоторая хитрость, несовсѣмъ дозволительная при обсужденіи государственныхъ дѣлъ, особенно въ правительственной коммиссіи. Стратагема заключается въ слѣдующемъ: Увеличеніе у насъ производства машинъ въ послѣдніе годы объясняется, по мнѣнію членовъ тарифной коммиссіи, предложившихъ пошлину на машины, единственно военными (казенными) и желѣзнодорожными заказами (постройкой вагоновъ и прокаткой рельсовъ); а если-де исключить эти заказы, то въ цифрахъ годоваго производства у насъ машинъ за послѣдніе годы, по словамъ этихъ членовъ, не окажется возрастанія, и цѣнность привоза иностранныхъ машинъ далеко превзойдетъ цифру отечественнаго производства. Но въ разчетѣ, сдѣланномъ по этому случаю *весь* итогъ привоза иностранныхъ механическихъ издѣлій былъ сравненъ съ русскимъ производствомъ, уменьшеннымъ на цифру военныхъ и желѣзнодорожныхъ заказовъ. А между тѣмъ, въ иностранномъ привозѣ, эти предметы составляли одну треть, и даже болѣе, всего итога. Вотъ еще одинъ разительный образчикъ того, какъ легко обращается большинство тарифной коммиссіи съ тѣми доводами, коими старается доказать необходимость на-

ложенія пошлины на привозныя машины. Это обстоятельство уже было замѣчено въ возраженіяхъ меньшинства коммиссіи.

Помянутая стратагема, сверхъ того, изобличаетъ превратныя понятія лицъ, защищавшихъ пошлины на машины, о развитии промышленности вообще и механической въ особенности. Дабы судить о возрастании внутренняго механическаго производства, нѣтъ причины исключать военныя, морскія и желѣзнодорожныя сооруженія, которыя всюду занимаютъ теперь одно изъ главныхъ мѣстъ въ развитіи механическаго дѣла, а у насъ по необходимости должны были идти впереди другихъ механическихъ издѣлій. Всякая промышленность вырабатываетъ преимущественно тѣ предметы, на которые обнаруживается сильнѣйшій спросъ: исключать такіе предметы изъ цифръ производства значитъ исключать изъ нихъ то, чѣмъ доказываются наибольшие его успѣхи. Количество капиталовъ затрачиваемыхъ въ каждую отрасль промышленности есть цифра опредѣленная, и потому привлеченіе ихъ къ одному роду издѣлій непремѣнно должно уменьшать производство другихъ. Чѣмъ больше заказываетъ казна, тѣмъ меньше досуга имѣютъ механическія заведенія для исполненія частныхъ заказовъ.

Далѣе, члены предложившие пошлины на машины стараются опровергнуть безспорно основательно мнѣніе противниковъ этой мѣры и меньшинства коммиссіи, что расходы провоза и выписки машинъ изъ-за границы такъ велики, что сами по себѣ уже равнозначительны сильной покровительственной преміи въ пользу нашихъ механическихъ заведеній. Весьма странныя вычисленія приводятся этими членами, дабы доказать, что разница въ цѣнѣ иностранныхъ машинъ составляетъ въ России противъ мѣстъ производства не более 4—11 процентовъ, при лѣтней доставкѣ, и 8—22 процентовъ при осенней. Хотя премія среднимъ числомъ въ 15% не можетъ считаться ничтожною, но въ этомъ случаѣ издержки провоза умалены самымъ невѣроятнымъ образомъ. Меньшинство коммиссіи приводитъ положительныя данныя, изъ которыхъ оказывается что средняя цифра этой разницы въ большинствѣ случаевъ доходитъ отъ 20% до 25%, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, особенно важныхъ для России, именно при покупкѣ земледѣльческихъ орудій, возрастаетъ до 59%, даже до 76%, и что высота этой естественной преміи такъ велика, что уже теперь *совсѣмъ остановился привозъ многихъ иностранныхъ машинъ* (каковы земледѣльческія орудія, паровые суда, котлы и горизонтальныя паровыя машины). Въ дѣлѣ, отъ котораго зависитъ будущность русской производительности, отдѣлываться увертками не позволительно. Вмѣсто того чтобы производить на довѣрчивыхъ людей неправильное впечатлѣніе искаженное цифрами, господа защитники пошлинъ на машины сдѣлаютъ лучше, если отвѣтятъ *да* или *нѣтъ* на слѣдующій вопросъ: хотятъ ли они только огражденія машиностроенія отъ иностранной конкурренціи, или имъ нужно чтобы правительство заставило всѣхъ русскихъ производителей нуждающихся въ механической силѣ платить оброкъ механическимъ заводчикамъ? Если они скажутъ на первое *да*, а на второе *нѣтъ*, то какъ защитятъ они обложеніе пошлиной и такихъ машинъ, коихъ ввозъ или прекратился, или готовъ прекратиться? Сверхъ того, думаемъ, мы, они должны дать категорическій отвѣтъ, желательно ли или нѣтъ распространеніе механической работы въ России, достаточно ли она распространена у насъ, и не служитъ ли препятствіемъ къ ея распространенію дороговизна машинъ? Мы надѣемся, что они не станутъ публично отрицать дороговизну механической силы въ России въ сравненіи съ западною Европой, и не рѣшатся выставлять ея мнимую дешевизну какимъ-то народнымъ бѣдствіемъ, требующимъ противъ себя настоятельныхъ мѣръ. Таково, правда, безъ преувеличенія направленіе аргументаціи большинства коммиссіи по этому пункту. Но есть разница между направленіемъ, коего результаты могутъ представляться неясно, и требованіемъ самихъ результатовъ въ ихъ грубой опредѣленности, и мы надѣемся, — скажемъ болѣе, мы увѣрены, — что защитники пошлинъ на машины отступятъ предъ поставленнымъ нами вопросомъ. Для успѣховъ русской производительности всего болѣе требуется примѣненіе механической силы въ значительно большемъ чѣмъ до сихъ поръ размѣрѣ. Безъ этого условія мы будемъ не въ силахъ выдерживать готовящуюся со всѣхъ сторонъ конкуренцію и насъ позорно вытѣснятъ со всемірнаго рынка какъ въ Европѣ, такъ и въ Азіи, не смотря на то что земля наша велика и обильна. Съ

игольчатыми ружьями не можетъ мѣриться старинное кремневое ружье. Въ промышленности то же самое. Введеніе механической силы есть для русскаго производства вопросъ жизни и смерти. Главная невыгода нашей промышленности состоитъ въ томъ, что издержки провоза слишкомъ возвышаютъ стоимость машинъ на мѣстахъ производства. На эту невыгоду не далѣе какъ въ 1864 году сильно жаловалась депутація московскихъ купеческихъ съѣздовъ, которая оцѣнивала расходъ выписки и перевозки машинъ въ 10—15% для негромоздкихъ машинъ и въ 30—40 процентовъ для громоздкихъ, составляющихъ большинство случаевъ. Депутація московскихъ съѣздовъ состояла изъ протекціонистовъ, и если на ея авторитетъ ссылаются протекціонисты большинства тарифной коммиссіи, то этою ссылкой они сами разрушаютъ свою теперешнюю аргументацію.

Стóитъ ли упоминать объ остальныхъ доводахъ, выдвинутыхъ членами предлагающими пошлины на машины? Мы вынуждены это сдѣлать единственно для того чтобы на насъ не могло пасть нареканіе въ сокрытіи хотя бы малѣйшихъ обстоятельствъ этого дѣла.

Совѣсть этихъ господъ видимо смущается предъ мыслію, что предлагаемая ими мѣра поведетъ ко вздорожанію машинъ и слѣдовательно увеличитъ тѣ трудности, съ коими принуждены у насъ бороться люди желающіе усовершенствовать свое производство введеніемъ механической силы. Большинство тарифной коммиссіи успокоиваетъ себя завѣреніемъ, что вздорожаніе машинъ будетъ только временное, что внутренняя конкурренція *чрезъ нѣсколько лѣтъ* удешевитъ ихъ даже противъ нынѣшнихъ цѣнъ, и что по тому не можетъ быть никакого вреда для успѣховъ отечественной промышленности отъ предлагаемой мѣры. Но что разумѣется тутъ подъ словами *чрезъ нѣсколько лѣтъ*? Съ такимъ неопредѣленнымъ выраженіемъ какъ-то неловко встрѣтиться въ офиціальномъ документѣ, долженствующемъ служить основаніемъ для законодательныхъ рѣшеній. Если *нѣсколько лѣтъ* значитъ лѣтъ 10 или 12, то утѣшеніе будетъ плохое, потому что этого промежутка времени слишкомъ достаточно чтобы насъ со всѣмъ оттерли на всемірномъ рынкѣ. А есть причины опасаться, что двусмысленное *нѣсколько* имѣетъ въ понятіяхъ большинства тарифной коммиссіи именно этотъ роковой для русской промышленности смыслъ. Члены большинства торжественно высказываютъ въ своемъ предложеніи необходимость установить новыя пошлины не менѣе какъ на 10 или 12 лѣтъ и не допускать въ этотъ срокъ никакихъ изъятій ни для казны, ни для акціонерныхъ (въ томъ числѣ и желѣзно-дорожныхъ) компаній, отъ дѣйствія новоустанавливаемыхъ пошлинъ. Мы уже говорили однажды о внутреннемъ противорѣчіи этого требованія съ увѣреніемъ будто машины вздорожаютъ на самое короткое время. Если они скоро подешевѣютъ, то покровительственная пошлина перестанетъ ограждать ихъ и окажется не нужною. Хлопотать о пошлинѣ на машины стóитъ лишь въ предположеніи, что она будетъ имѣть вліяніе довольно продолжительное, но въ такомъ случаѣ нельзя утверждать, что вздорожаніе машинъ будетъ временное, и надобно сознаться, что рѣчь идетъ о нанесеніи не легкой раны, а убійственнаго удара и русской промышленности вообще, и русскому сельскому хозяйству, и русскому желѣзнодорожному дѣлу, столь важному не только для экономической, но и для политической жизни отечества.

Какъ на послѣдній мотивъ сдѣланнаго большинствомъ тарифной коммиссіи предложенія, указывается на то обстоятельство, что ввозныя таможенныя пошлины на машины существуютъ въ Пруссіи и Франціи.

Мы не будемъ напоминать протекціонистамъ, что сами же они требуютъ, чтобы передѣлки нашего тарифа были соображаемы единственно съ обстоятельствами Россіи и чтобы наше законодательство отрѣшилось отъ руководящихъ началъ, почерпнутыхъ изъ общаго движенія таможенныхъ вопросовъ въ западной Европѣ. Но въ настоящемъ случаѣ ссылки на Францію и Пруссію вовсе нейдутъ къ дѣлу. Государственныя и экономическія основанія для введенія *новыхъ* покровительственныхъ и запретительныхъ таможенныхъ пошлинъ, въ самомъ лучшемъ случаѣ потрясающихъ установившіеся промышленные интересы, не имѣютъ ничего общаго съ соображеніями, заставляющими сохранять и лишь постепенно понижать пошлины, подъ охраной которыхъ возникло какое-либо производство въ теченіи продолжительнаго періода времени. Въ томъ и другомъ случаѣ государственныя соображенія бываютъ да-

же самаго противоположнаго свойства. Государственное благоразуміе вынуждало всѣ иностранныя правительства, вышедшія на путь таможенныхъ преобразованій, не отмѣнять разомъ премій, въ надеждѣ на которыя затрачены были огромные капиталы; то же самое благоразуміе побуждаетъ не отступать отъ безпошлиннаго ввоза машинъ, который былъ до сихъ поръ однимъ изъ существеннѣйшихъ основаній разчета при помѣщеніи всѣхъ нашихъ промышленныхъ капиталовъ.

Съ добросовѣстностью, можетъ-быть излишнею и утомительною для публики, мы разобрали и исчерпали всѣ безъ изъятія доводы, которыми вооружено предложеніе, занимающее теперь высшую законодательную инстанцію. Публика можетъ сама судить каковы мотивы, выставленные въ офиціальномъ предложеніи важныхъ государственныхъ мѣръ. Мы исполнили нашъ долгъ предъ нею, благодаря гласности, которая была допущена въ сужденіяхъ тарифной коммиссіи и которую правительство весьма мудро захотѣло воспользоваться для уясненія тарифныхъ вопросомъ предъ окончательнымъ ихъ рѣшеніемъ. Упорное молчаніе въ журналистикѣ противниковъ высказанныхъ нами замѣчаній слѣдовало бы признать хорошимъ признакомъ добросовѣстнаго сознанія однихъ въ невозможности выдержать открытый споръ и охладѣвшаго увлеченія другихъ. Мы хотимъ видѣть въ остепенившейся печатной агитаціи протекціонизма скорѣе эти добрые признаки нежели увѣренность въ томъ, что дѣло обдѣлано и безъ гласнаго обсужденія. Нельзя сомнѣваться, что важныя государственныя послѣдствія того событія въ исторіи нашего народнаго хозяйства, какимъ было бы установленіе пошлинъ на машины,—долженствующихъ на 25%, то-есть на *цѣлую четверть*, увеличить дороговизну механическихъ силъ и съ тѣмъ вмѣстѣ на одну четверть увеличить затрудненія нашего промышленнаго прогресса, — что послѣдствія этого событія будутъ безпристрастно и патріотически взвѣшены нашими государственными людьми.

№ 100.

Москва, 10-го мая.

Въ послѣднихъ №№ нашей газеты помѣщенъ отчетъ о процессѣ гимназиста Горскаго происходившемъ на прошедшей недѣлѣ во временномъ военномъ судѣ въ Тамбовѣ. Публика знакома теперь со всѣми подробностями этого кроваваго дѣла, столь глубоко взволновавшаго общественное мнѣніе. Судебное слѣдствіе даетъ возможность всмотрѣться поближе въ это дѣло, столь же ужасное, сколько и загадочное, гдѣ подъ неумолимыми ударами восемнадцатилѣтняго убійцы погибло, какъ справедливо выразился прокуроръ, три поколѣнія одного и того же семейства, и одновременно сошли въ могилу бабка со внуками и двѣ матери съ своими дѣтьми, изъ которыхъ одно не успѣло еще родиться.

Дѣло объ убійствѣ Жемариныхъ имѣетъ исключительное значеніе, не только по своему чудовищно-кровавому характеру, но и по тѣмъ сомнѣніямъ и вопросамъ, которые возникаютъ невольно при болѣе близкомъ ознакомленіи съ личностью преступника. Несмотря на полное и повидимому искреннее сознаніе послѣдняго, несмотря на то что внѣшній составъ преступленія, весь ходъ событія съ начала до конца, раскрыты вполнѣ, внутренняя сторона дѣла, побужденія подвинувшія молодаго преступника на его адскій замыселъ, тѣ условія среди коихъ эти побужденія могли возникнуть, окрѣпнуть и перейдти въ дѣло, далеко не выяснены. Горскій показываетъ, что его цѣлью былъ грабежъ; прокуроръ, за отсутствіемъ въ дѣлѣ указаній на другія побужденія, даетъ полную вѣру подсудимому, отвергаетъ догадки по этому предмету самого Жемарина и настаиваетъ, что именно корыстная цѣль, желаніе украсть у Жемариныхъ деньги и драгоцѣнности, заставила Горскаго совершить этотъ рядъ убійствъ, и что цѣль его имъ не достигнута по не зависѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ. Вопросъ этотъ стóитъ тщательнаго обсужденія.

Что мы видимъ на дѣлѣ? Въ 6 часу вечера, въ домѣ находящемся на самомъ бойкомъ мѣстѣ въ городѣ, и куда каждую минуту могли явиться посторонніе люди, молодой человѣкъ въ продолженіе можетъ-быть цѣлаго часа совершилъ рядъ убійствъ, большею частью посредствомъ выстрѣловъ изъ револьвера, которыхъ сдѣлано не менѣе пяти. Невѣроятная, роковая удача сопровождала каждый новый ударъ убійцы. А между тѣмъ то, для чего все это было сдѣлано, не удалось. Украсть что-нибудь Горскій не успѣлъ. Почему не приступилъ

онъ къ достиженію своей конечной цѣли? Коммодъ, въ которомъ, какъ было извѣстно Горскому, хранились драгоцѣнности, находился тутъ же; ящикъ, гдѣ лежали эти драгоцѣнности и деньги, оказался нѣсколько выдвинутымъ и въ немъ торчалъ ключъ. Убійцѣ стоило только протянуть руку, чтобъ овладѣть желаемымъ. Для того чтобы совершить грабежъ даже не требовалось ни одной капли крови. И что же? Кровь пролита съ ужасающею расточительностію, и ничего не тронуто въ видахъ грабежа; не было сдѣлано ни малѣйшей попытки къ тому, не оказалось ни малѣйшаго признака изъ котораго можно было бы заключить что преступникъ былъ озабоченъ мыслію о грабежѣ. Убійство, какъ *средство* съ *цѣлью* грабежа, совершается для того чтобы побороть противодѣйствіе встрѣчаемое убійцей, или же для устраненія свидѣтелей преступленія. Безъ крайней надобности грабитель или воръ, даже наторѣлый въ кровавомъ дѣлѣ, не совершаетъ убійства. Не станемъ говорить о томъ, что Горскій, принятый у Жемариныхъ какъ домашній, всегда могъ найдти удобный случай обокрасть ихъ. Допустимъ, что по тому своеобразно-логическому развитію, которое принимаетъ иногда злая мысль въ умѣ преступника, Горскому могло представляться необходимымъ убійство всѣхъ находившихся въ домѣ въ ту минуту, когда онъ приступитъ къ исполненію своего замысла, что онъ привыкъ къ этому взгляду и держался его машинально въ роковой вечеръ. Но вотъ онъ убилъ своего 10-ти-лѣтняго ученика, убилъ его бабушку, убилъ дворника, убилъ наконецъ кухарку съ такимъ неслыханнымъ звѣрствомъ, что кровь стынетъ въ жилахъ при собственномъ разказѣ его, какъ злополучная жертва билась въ его рукахъ, какъ эта беременная женщина, два раза раненая, выбѣжала на дворъ, какъ воротилъ онъ ее со двора, какъ снова вырвалась она и бросилась снова бѣжать, но споткнулась о трупъ дворника и здѣсь была добита кистенемъ. Въ домѣ, кромѣ Горскаго, остались одни трупы. Приступилъ ли онъ къ исполненію своего конечнаго замысла? Нѣтъ, онъ принялся заряжать револьверъ. Когда револьверъ уже былъ заряженъ, пріѣхала сама хозяйка съ ребенкомъ и горничной,—новая помѣха его будущему воровству. Горскій съ тою адскою удачей, которая сопровождала въ этотъ день каждый его подвигъ, убилъ и этихъ трехъ свидѣтелей. Снова онъ одинъ среди труповъ. Что же на этотъ разъ помѣшало ему приняться наконецъ за предположенный грабежъ? Новой помѣхи онъ, повидимому, скоро не ждалъ; это доказывается тѣмъ, что онъ ушелъ въ слесарню поправлять револьверъ, дабы возвратиться „и убить остальныхъ.“ Но зачѣмъ же убивать остальныхъ, когда, по его собственному убѣжденію, онъ располагалъ столь большимъ промежуткомъ времени, что успѣлъ бы десять разъ очистить коммодъ и всѣ другія хранилища, гдѣ были деньги или драгоцѣнности? Вѣдь не думалъ же онъ тащить мебель и сундуки? Идя заряжать револьверъ, не создавалъ ли онъ противъ себя опасной улики? Чѣмъ болѣе вдумываешься въ подробности этого дѣла, тѣмъ тверже убѣждаешься, что корыстная цѣль, которую выставляетъ Горскій какъ мотивъ преступленія, опровергается всѣмъ ходомъ дѣла, если только не предположить, что мы имѣемъ дѣло не съ преступникомъ, а съ идіотомъ. Но идіотомъ Горскаго никто не называетъ. Ни на судѣ, ни во время слѣдствія Горскій не обнаруживаетъ ни малѣйшихъ признаковъ какой-либо умственной ненормальности. Свѣдѣнія о его прошедшемъ также ничего подобнаго не указываютъ. Правда, на судѣ и во время слѣдствія онъ поражаетъ своимъ невозмутимымъ спокойствіемъ; въ немъ незамѣтно ни малѣйшихъ признаковъ раскаянія. Его письма къ роднымъ, все поведеніе его въ тюрьмѣ и предъ судомъ доказываютъ, что молодая душа его не изнемогаетъ подъ бременемъ его чудовищнаго преступленія, отъ котораго содрогнулся бы самый закоренѣлый злодѣй. Но если вѣрить, что въ душу каждаго человѣка положены вѣчныя начала добра, которыя могутъ быть заглушены, но не вырваны съ корнемъ, то остается предположить, что во глубинѣ души Горскаго кроется нѣчто заглушающее неумолимый голосъ совѣсти, позволяющее ему смотрѣть на свое дѣло лишь какъ на „непріятности,“ по отношенію къ его собственному семейству, и увѣщевать своихъ родныхъ, чтобъ они помнили, „что можетъ-быть Богъ все поведетъ къ лучшему.“ Или Горскій идіотъ, или догадка г. Жемарина о томъ, что преступленіе совершено имъ не съ цѣлью грабежа, а подъ вліяніемъ политическихъ побужденій, должна быть признана наи-

болѣе вѣроятною. Мы не хотимъ утверждать, что преступленіе Горскаго было плодомъ какой-либо политической махинаціи: какому *жонду* могло бы понадобиться избіеніе семейства тамбовскаго купца? Но нельзя назвать произвольнымъ или натянутымъ предположеніе, что фальшивая польская національная идея съ ея Валленродовскими идеалами, съ тѣмъ религіознымъ фанатизмомъ который находится въ ея основаніи, могла, въ незрѣломъ умѣ мальчишки, соединиться съ дурными нравственными элементами въ замыселъ чудовищнаго жертвоприношенія. Изъ дѣла ясно видно, что сознаніе принадлежности къ польской національности есть больное мѣсто въ системѣ защиты принятой Горскимъ. Онъ столько же старается скрыть это сознаніе сколько выставить на видъ свое намѣреніе грабить. Онъ показываетъ, что даже ненавидитъ Поляковъ, — но за что? За то что вслѣдствіе возстанія правительство принимаетъ мѣры предосторожности противъ лицъ польскаго происхожденія. Это не просто натяжка; это скорѣе иронія. Горскій утверждаетъ еще, что по-польски почти не знаетъ, а между тѣмъ его письма къ роднымъ писаны по-польски. Наконецъ, онъ говоритъ въ этихъ письмахъ объ „одномъ изъ нашихъ," прибавляя, что этотъ послѣдній былъ въ возстаніи, и что ему можно довѣрять.

Таковъ выводъ, къ которому нельзя не придти слѣдуя путемъ исключенія, ибо если вѣрно, что цѣль грабежа является въ высшей степени неправдоподобною и опровергается всѣмъ что̀ раскрыто на судѣ, если нельзя также допустить, что Горскій есть нравственное чудовище рожденное на свѣтъ, чтобы творить зло ради самаго зла, или идіотъ лишенный всякаго разумѣнія, находящійся въ состояніи полной невмѣняемости, то остается заключить одно, что онъ совершилъ свое ужасное преступленіе подъ вліяніемъ извѣстнаго настроенія мыслей, давшаго ему возможность смотрѣть на свое предпріятіе какъ на подвигъ своего рода, гдѣ ему быть-можетъ приходилось принести въ жертву этому настроенію чувство благодарности и нѣкоторой привязанности къ несчастному семейству вообще и въ особенности къ своему питомцу. Мы говоримъ это не къ отягченію участи Горскаго. Какъ ни возмутительна вообще мысль объ убійствѣ изъ политическихъ побужденій, и притомъ безцѣльномъ и безсмысленномъ, все-таки послѣднее предположеніе позволяетъ вычесть такъ-сказать изъ общаго итога личной вины Горскаго все то что̀ можетъ быть поставлено на счетъ той внѣшней атмосферѣ, подъ давленіемъ которой могъ сложиться преступный замыселъ. Вспомнимъ личность Раскольникова въ замѣчательномъ психологическомъ эпизодѣ г. Достоевскаго. Раскольниковъ замыслилъ и исполнилъ свое гнусное преступленіе подъ вліяніемъ фальшивой нравственной идеи о томъ, что сильная, геніальная натура имѣетъ право раздавить „ничтожную тварь," старуху-ростовщицу, никому не нужную и даже вредную. Горскій развивался подъ вліяніемъ фальшивой національной идеи, которая вслѣдствіе неблагоразумной политики отождествилась съ религіей и выработала изъ себя самый крѣпкій ядъ, отравляющій все нравственное существо преданныхъ ей людей, и эта идея въ умѣ гимназиста могла превратиться въ чудовищный замыселъ убійства для убійства. Раскольниковъ самъ для себя поставилъ предлогомъ ограбленіе старухи-ростовщицы, которую онъ дѣйствительно ограбилъ, но ничѣмъ не воспользовался изъ ограбленнаго. Авторъ показалъ намъ, что не корыстная цѣль побудила къ тому Раскольникова, и всѣ послѣдующія муки его проистекли не изъ раскаянія, а изъ того, что по мнѣнію Раскольникова проба не удалась и голосъ совѣсти заговорившій въ немъ представлялся ему подтвержденіемъ того, что онъ не избранная, не геніальная натура. И Горскому можетъ-быть приходила мысль о грабежѣ, онъ можетъ-быть полагалъ принести добытыя богатства на „олтарь отечества;" эта второстепенная цѣль не была имъ достигнута, но тѣмъ удачнѣе сошелъ съ рукъ главный замыселъ, и этимъ, только этимъ однимъ, можно объяснить, что Горскій, совершивъ дѣло которое могло привести въ содраганіе самаго закоренѣлаго злодѣя, пребывалъ повидимому въ нравственномъ спокойствіи, хотя многое показываетъ, что онъ далеко не закоренѣлый злодѣй, ибо при всей послѣдовательности въ его дѣйствіяхъ, въ нихъ замѣтна большая неосторожность, даже наивность. Вспомнимъ пестикъ заказанный знакомому кузнецу и потомъ оставленный на мѣстѣ преступленія; вспомнимъ его приглашеніе кучеру и нянѣ Жемариныхъ пойдти съ нимъ въ конюшню, чтобъ обогрѣться; не упустимъ

изъ виду и того, что онъ показывалъ *украденный* револьверъ по крайней мѣрѣ десяти разнымъ лицамъ, что онъ отдавалъ его безъ всякой надобности въ починку и что обрызганный кровью семи жертвъ, онъ отправился къ слесарю заряжать его вновь. Каждое изъ этихъ дѣйствій вызвало бы улыбку презрѣнія въ знающемъ свое дѣло преступникѣ, который, дѣйствуя изъ корысти или другихъ личныхъ видовъ, вопервыхъ, не сдѣлаетъ ничего *лишняго*, а во вторыхъ, всегда помнитъ о томъ какъ бы „схоронить концы."

№ 101.

Москва, 11-го мая.

А.

Намъ сообщаютъ изъ Петербурга, что предсѣдаемая генералъ-адъютантомъ Чевкинымъ коммиссія государственнаго совѣта приняла рѣшенія по вопросу о тарифѣ на машины. По предложеніямъ такъ-называемой тарифной коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ г. Небольсина, имѣлось въ виду установить три категоріи: а) земледѣльскія и сельско-хозяйственныя машины безъ пароваго двигателя обложить по 25 коп. съ пуда; б) локомотивы, локомобили, огнегасительныя трубы, аппараты изъ латуни и машинныя принадлежности — по 4 руб. 25 коп.; а) машины всѣхъ прочихъ сортовъ—по 50 коп.; коммиссія же государственнаго совѣта остановилась на слѣдующей классификаціи: а) машины земледѣльческія *безпошлинны*; б) локомотивы 75 к. съ пуда; в) всѣ прочія машины 35 коп. съ пуда. При этомъ, пишутъ намъ, принято въ соображеніе, что локомотивъ въ 2.000 пудъ будетъ дороже теперешняго *только* на 1.500 руб., а прочія машины при пошлинѣ въ 35 коп. съ пуда вздорожаютъ еще менѣе чувствительно, какъ и признаютъ-де сами фабриканты. Итакъ коммиссія государственнаго совѣта справедливо находитъ, что предположенная пошлина на машины была бы вредна русскому сельскому хозяйству. Но трудно понять, почему приложена иная мѣра къ фабричному и желѣзно-дорожному дѣлу, о поощреніи которыхъ такъ много идетъ теперь рѣчи. Въ виду близкой можетъ-быть опасности и ясно сознавая ея неизбѣжныя прискорбныя послѣдствія, считаемъ долгомъ еще разъ упомянуть, что показаніе фабрикантовъ, высказавшихся въ пользу обложенія машинъ пошлинами, не можетъ считаться за правильный голосъ русской фабричной промышленности. Фабриканты, пока не произошло извѣстной нашимъ читателямъ стачки, постоянно и справедливо жаловались на дороговизну машинъ. Такъ въ *Мнѣніяхъ* постоянной депутаціи московскихъ купеческихъ съѣздовъ утверждалось, что фабрика въ 30.000 веретенъ не можетъ обойдтись въ Россіи дешевле какъ по 20 рублей за веретено, тогда какъ въ Англіи обошлась бы она по 10 рублей за веретено, и что въ число 600.000 рублей нужныхъ у насъ для устройства такой фабрики входитъ на 240.000 руб. выписныхъ машинъ. Къ тѣмъ же *Мнѣніямъ* приложенъ подробный счетъ, во что обошелся ткацкій корпусъ торговаго дома „Саввы Морозова съ сыновьями" въ 1863 и 1864 годахъ. Всѣ расходы составляли 306.000 руб., и въ томъ числѣ выписныя изъ Англіи машины стоили съ доставкой 204.000 руб. Вѣсъ ихъ равнялся 60.000 пудовъ слишкомъ. При пошлинѣ въ 35 коп. и причиняемыхъ пошлиной накладныхъ расходахъ, по меньшей мѣрѣ по 5 коп. съ пуда, эти машины уплатили бы значительную сумму въ 24.000 руб. или 8% надбавки на стоимость фабрики. Такая надбавка не можетъ, конечно, способствовать развитію русскаго фабричнаго дѣла, и если фабриканты, взысказывавшіяся по этому поводу, говорили въ ея пользу, то они говорили въ ущербъ всѣхъ тѣхъ лицъ, которыя, подъ вліяніемъ тарифа, пожелаютъ заводить фабрики въ Россіи, и въ тѣхъ видахъ, чтобы такихъ лицъ оказалось по возможности меньше. Легко понять, какимъ интересомъ могло быть внушено подобное заявленіе, съ перваго взгляда имѣющее видъ весьма внушительнаго авторитета. Слѣдуетъ различать интересъ теперешнихъ фабрикантовъ отъ интереса фабрикантовъ будущихъ. Чѣмъ послѣднихъ будетъ меньше, тѣмъ первымъ выгоднѣе; тѣмъ легче имъ будетъ воспользоваться, не дѣлясь ни съ кѣмъ, барышами доставляемыми тарифомъ. При высокомъ тарифѣ, для публики единственное огражденіе во внутренней конкурренціи. Эту-то конкурренцію естественно желаютъ подавить или по крайней мѣрѣ стѣснить теперешніе фабриканты, дабы безпрепят-

ственно возвысить цѣны на свои фабрикаты и взимать съ народа лишній оброкъ въ теченіе возможно долгаго времени. Это очень выгодно, — но какъ это сдѣлать? Иного средства не представляется, какъ пошлина на машины, и вотъ сообща съ механическими заводчиками составляется планъ дѣйствій, вполнѣ заслуживающій имени заговора противъ будущихъ фабрикантовъ, то-есть противъ успѣховъ фабричнаго дѣла въ Россіи. Вотъ сущность того кажущагося куріоза, что сами фабриканты просятъ о пошлинѣ на машины, нужныя для ихъ фабрикъ. Онѣ нужны не имъ, а ихъ будущимъ корреспондентамъ. Сами же они уже запаслись, а отчасти успѣютъ запастись нынѣшнимъ лѣтомъ безпошлинно ввозимыми машинами.

Механическое дѣло отъ этой пошлины ничего не выиграетъ. Оно имѣетъ въ свою пользу издержки провоза, которыя при устройствѣ помянутаго Морозовскаго ткацкаго корпуса составили $57\frac{1}{2}\%$ со стоимости машинъ въ Англіи. Если 57% мало, то мало будетъ и 65%. Мы видѣли примѣръ, что въ порты Азовскаго моря совсѣмъ былъ запрещенъ привозъ желѣза, но несмотря на мѣстныя выгоды и удобства, желѣзные заводы не возникли въ Донецкомъ бассейнѣ. Но они возникнутъ непремѣнно, когда построятся предполагаемыя въ томъ краѣ желѣзныя дороги, и когда вообще желѣзодѣлательный промыселъ будетъ поставленъ въ Россіи удовлетворительнѣе теперешняго, что отъ тарифа не зависитъ.

Что касается желѣзныхъ дорогъ, то надбавка 1.500 руб. съ локомотива и еще болѣе значительная въ цѣломъ надбавка стоимости другихъ принадлежностей не будетъ чувствительна для дорогъ гарантированныхъ правительствомъ, потому что чувствовать ее будутъ не компаніи, а казна. Эти дороги вынесутъ все, особенно если не стѣсняться выдачей концессій съ баснословною поверстною стоимостью. Но желательно ли чтобы въ Россіи нельзя было строить желѣзныя дороги безъ правительственной гарантіи? Не въ томъ ли весь прогрессъ этого дѣла, чтобъ оно стало у насъ на свои ноги?

Б.

Польскіе патріоты, льстя нынѣ Австріи, разказываютъ о горькихъ слезахъ, которыя Марія Терезія пролила объ участи Польши. Однако это нисколько не помѣшало императрицѣ Австрійской отдѣлить въ свою пользу львиную часть при раздѣлѣ этой Польши, которая когда-то спасла Австрію отъ Турокъ. Точно также разсыпаясь въ любезностяхъ и нѣжностяхъ съ польскими паннами, князь Меттернихъ не затруднился предать пановъ на избіеніе галиційскимъ хлопамъ, когда это понадобилось. Пріемля обильный ѳиміамъ отъ гг. Клячко, Мазада, Гендрекура, Бауэра, Дегерри и Чарторыйскаго, что̀ готовитъ Полякамъ ихъ нынѣшній фетишъ, г. фонъ-Бейстъ? Что онъ уже нынѣ употребляетъ ихъ въ дѣло и на Дунаѣ, и на Санѣ противъ всего славянства, объ этомъ, кажется, не можетъ быть спора; что онъ разчитываетъ на нихъ чтобъ отвлечь Россію отъ вмѣшательства въ дѣла центральной Европы, когда пробьетъ для нея роковой часъ окончательнаго разчета между Франціей и Пруссіей, это также можетъ показаться весьма правдоподобнымъ; что, наконецъ, онъ надѣется, въ случаѣ нужды, найдти въ нихъ политическій и даже военный операціонный базисъ противъ Россіи,— и это не невозможно; но намѣревается ли онъ, въ воздаяніе за всѣ эти мнимыя услуги, осуществить мечтанія шляхетскаго *валленродства*, согласно надеждамъ его словоохотливаго витіи, князя Чарторыйскаго, то-есть намѣревается ли онъ обратиться самъ въ орудіе возстановленія Польши, это вопросъ совсѣмъ иного рода, и отвѣчая на этотъ вопросъ, полонофильство г. фонъ-Бейста легко можетъ соблазниться примѣромъ чувствительной Маріи Терезіи, а чего добраго и примѣромъ *галантнаго* князя Меттерниха. Разчитывая на исконныя узы общей съ Мадьярами вражды къ славянству, Поляки надѣются сами стать Мадьярами Цислейтаніи, и подѣлившись съ Венгріей развалинами Австріи, воскресить древнюю Польшу, окруженную славянскими обломками Габсбургской монархіи, которые никогда не входили въ составъ Рѣчи Посполитой. Само собою разумѣется, что превращая въ Венгрію и въ Польшу Транслейтанію и Цислейтанію, Поляки по примѣру Мадьяръ, должны явиться естественными врагами всѣхъ происходящихъ теперь проявленій жизненности славянства, и всѣ любезности, съ какими обращается къ нему князь Чарторыйскій, не изгладятъ изъ памяти ни Галичанъ, ни Чеховъ, ни

Сербовъ, ни Хорватовъ, ни Болгаръ, ту презрительную иронію, съ какою его нахлѣбникъ и наперсникъ, Познанскій Еврей, воспитанникъ іезуита Калинки, г. Клячко, глумился уже въ 1867 г. надъ усиліями „бѣдной Славы" (cette pauvre Slava) предохранить свою народность отъ угрожающаго ей со всѣхъ сторонъ поглощенія.

Поборникамъ шляхетской Польши нужны развалины и міазмы разложенія. Въ 1860—62 г. это вороново чутье направило ихъ на Россію. Теперь почуяли они зачатки разложенія, вынесенные Австріей изъ войны 1866 г., и быстрое развитіе этихъ зачатковъ врачеваніемъ, которому подвергли Австрію замысловатые опыты политическаго эмпирика, уже погубившаго свою родину, Саксонію. Но на этой почвѣ затѣи Поляковъ уже наткнулись на совершенно непредвидѣнное препятсвіе: ихъ программа встрѣтила противниковъ въ ультрамонтанахъ, опирающихся въ Австріи, вопреки всѣмъ мистификаціямъ вѣнскаго либерализма, на сочувствія огромнаго большинства населеній. Австро-французское ультрамонтанство рѣшительно враждебно новымъ проискамъ Поляковъ; по мнѣнію *le Monde*, тѣсный союзъ Поляковъ съ Мадьярами угрожаетъ Австріи самыми серіозными опасностями, и въ самой Вѣнѣ „люди мудрые" вполнѣ признали, что подъ вліяніемъ этого союза, „Австрія, уже ослаб„ленной со всѣхъ сторонъ своею полити„кой и своими пораженіями, не миновать „поглощенія Пруссіей для вящей славы со„зданія двухъ новыхъ имперій: *одной на* „*Вислѣ, другой на Дунаѣ*..." „Не воскрес„нуть Польшѣ на развалинахъ Габсбург„ской имперіи?..." восклицаетъ въ заключеніе ультра католическая газета.

№ 102.

Москва, 13-го мая.

Французскіе суды, когда-то столь горделивые и величавые, гдѣ ваше доброе имя, гдѣ ваша независимость? Въ послѣднемъ нумерѣ нашей *Современной Лѣтописи* описано въ подробности производившееся въ Нижне-Сенскомъ ассизномъ судѣ дѣло о поддѣлкѣ русскихъ кредитныхъ билетовъ бывшими повстанцами, шляхтичемъ Янковскимъ и ксендзомъ Шумовскимъ. Изъ этихъ свѣдѣній видно, что Янковскій занимался фабрикаціей этихъ билетовъ, несмотря на строгіе приговоры произнесенные надъ его соучастниками парижскимъ ассизнымъ судомъ въ продолженіи 1866 года; какъ бы ободряясь своею случайною безнаказанностью, онъ продолжалъ и послѣ этихъ приговоровъ свой преступный промыселъ. Лишь благодаря увѣщаніямъ женщины, состоявшей въ незаконной связи съ нимъ, Янковскій отказался отъ этого промысла; но роковая встрѣча со ксендзомъ Шумовскимъ снова совратила его съ честнаго пути. Блудница и священникъ, — какая противоположность, и какая чудовищная перемѣна ролей! Шумовскій, выдававшій себя за священника при одномъ изъ небывалыхъ *полковъ* возстанія 1863 года, по всей вѣроятности, дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ авторитетомъ духовнаго пастыря и былъ Ариманомъ борьбы, гдѣ погибшая женщина была началомъ добра и свѣта. Ариманъ одержалъ верхъ, и шляхтичъ повстанецъ предалъ ему свою душу. Послужившій Янковскому обращикомъ подлинный двадцати-пяти-рублевый билетъ доставленъ Шумовскимъ; его преступными руками растирались краски, доставлялись всякаго рода снадобья, необходимыя для поддѣлки ассигнацій; имъ же, наконецъ, пущены въ обращеніе приготовленные билеты, сначала въ Парижѣ, потомъ въ Руанѣ, причемъ польскій ксендзъ выговорилъ себѣ 25 франковъ преміи за каждый выпущенный билетъ двадцати-пяти-рублеваго достоинства; но на третьемъ разѣ, эта достославная работа прекращена внезапнымъ арестованіемъ подсудимыхъ. Всего оказалось выпущенными 1.700 двадцати-пяти-рублевыхъ билетовъ, то-есть на сумму 42.500 р.

Всѣ эти обстоятельства изобличены и доказаны либо признаніями обвиняемыхъ, либо присяжными показаніями никѣмъ не отведенныхъ свидѣтелей. Стало-быть въ безусловной преступности обвиняемыхъ сомнѣнія быть не могло; къ тому же, что касается Шумовскаго, должно было имѣться въ виду еще то, что за нѣсколько лѣтъ предъ симъ состоялся приговоръ объ изгнаніи его изъ Франціи, за публично произнесенныя имъ угрозы противъ жизни ея „вѣнчаннаго избранника," и произвольнаго нарушенія этого приговора, вслѣдствіе чего, какъ пойманный *en rupture de ban*, въ силу неотмѣненныхъ до сихъ поръ законовъ „общественной безопасности," Шумовскій, по простомъ засвидѣтельствованіи

его личности, подвергался высылкѣ въ Кайенну административнымъ порядкомъ по безаппеляціонному приговору любаго префекта...

Изъ *Gazette des Tribunaux* не видно, какимъ образомъ *pater* Шумовскій избѣжалъ этой участи. Дѣло въ томъ, что въ Кайенну онъ не высланъ, а 11-го мая предсталъ въ Гаврѣ, вмѣстѣ съ своею жертвой, шляхтичемъ Янковскимъ, предъ судомъ присяжныхъ. По отчету *Gazette des Tribunaux*, даже обвинительная рѣчь генералъ-прокурора признала, что „обвиняемые могли въ нѣкоторой степени увлекаться къ преступленію чувствомъ патріотизма;“ требовала же эта рѣчь наказанія виновныхъ только „во имя *международнаго права* и въ обезпеченіе *международныхъ сдѣлокъ*.“ Самъ генералъ-прокуроръ, — этотъ обыкновенно немилосердный во Франціи стражъ закона,—какъ бы признавалъ законность побужденій, вызвавшихъ обвиняемыхъ къ совершенію одного изъ самыхъ гнусныхъ грабежей; судъ надъ ними онъ самъ перенесъ на почву политическихъ соображеній. Понятно, что подъ вліяніемъ этого куріознаго обвиненія, присяжнымъ оставалось лишь согласовать приговоръ свой съ системой защиты обоихъ адвокатовъ, ухитрившихся доказывать, что оба подсудимые не были движимы никакимъ личнымъ интересомъ при совершеніи преступленія... И вотъ Нижне-Сенскій ассизный судъ освободилъ ксендза Шумовскаго отъ всякой отвѣтственности конечно изъ уваженія къ его высокому патріотизму и также вѣроятно въ томъ соображеніи, что французское правительство теперь въ большихъ ладахъ съ клерикальной партіей; а Янковскій приговоренъ къ наименьшей мѣрѣ опредѣленнаго закономъ наказанія, то-есть, къ двухлѣтнему тюремному заключенію....

Отдавая отчетъ объ этомъ дѣлѣ, *Gazette des Tribunaux* не находитъ въ немъ ни малѣйшаго повода къ какому-нибудь укоризненному отзыву. Какъ будто по какому-то таинственному лозунгу, французская печать, обыкновенно столь жадная до скандаловъ, воздерживается на этотъ разъ отъ воспроизведенія куріознаго отчета изъ *Gazette des Tribunaux*. Но за то вся французская печать приходитъ въ движеніе, какъ только на скамьѣ обвиняемыхъ появился Русскій. Изъ 80 милліоновъ Русскихъ оказался нѣкто Ванъ-Шуттенбахъ, изобличенный въ мошенническомъ похищеніи 7.300 фр., за что приговоренъ къ 6 мѣсячному заключенію. Отдавая отчетъ о его дѣлѣ, *Gazette des Tribunaux* замѣчаетъ, что „въ Россіи по крайней мѣрѣ мошенники хорошо ведутъ дѣла;“ а чисто офиціальный *Вечерній Монитеръ* поспѣшилъ подать остальной печати примѣръ воспроизведеніемъ этой остроумной выходки.

Это наглое зложелательство французской офиціальной журналистики, при возрастающей враждебности французскихъ судовъ ко всему Русскому, не лишено нѣкотораго значенія при настоящихъ обстоятельствахъ въ связи съ потвержденіемъ толковъ о предварительномъ сообщеніи Наполеону III лондонской рѣчи князя Чарторыйскаго и съ извѣстіями о поѣздкѣ извѣстнаго своею ненавистью къ Россіи французскаго генерала де-Гондрекура изъ Вѣны въ Парижъ, съ какимъ-то таинственнымъ порученіемъ отъ австрійскаго правительства. Закоснѣлые предразсудки Французовъ, заглушая въ нихъ чувство истины и правды, неоднократно служили до сихъ поръ орудіемъ болѣе или менѣе отдаленныхъ затѣй ихъ правительства. Самыя гнусныя преступленія постоянно исполнялись въ глазахъ цѣлой Франціи, какъ только въ основаніяхъ этихъ преступленій представлялось ей патріотическое побужденіе польскаго заговорщика. Если въ Россіи, какъ говоритъ *Gazette des Tribunaux*, мошенники хорошо обдѣлываютъ свои дѣла, то мошенничество никогда по крайней мѣрѣ не выдавалось у насъ за доблесть, и мы надѣемся, что наши суды никогда не запятнаютъ себя приговорами подобными тѣмъ, который былъ постановленъ Нижне-Сенскимъ ассизнымъ судомъ по дѣлу Янковскаго и Шумовскаго.

№ 103.

Москва, 14-го мая.

Теперь на заграничныхъ биржахъ открыта подписка на облигаціи Елецко-Орловской желѣзной дороги, на которую концессія дана 22-го прошлаго апрѣля. Сумма для сооруженія Елецко-Орловской линіи опредѣлена въ 12.036.000 руб., изъ коихъ 3.009.000 рублей въ акціяхъ и 9.027.000 руб. въ облигаціяхъ. По обли-

гаціямъ правительство гарантируетъ безусловно пять процентовъ и погашеніе въ теченіе 81 года; продажа облигацій будетъ производиться номинально по 76, а по болѣе точному разчету, по 74¾ за сто, кромѣ неизвѣстной, но, конечно, весьма высокой коммиссіи, такъ что правительство совершаетъ для сооруженія этой линіи весьма невыгодный для себя заемъ, при которомъ оно обязывается платить болѣе 6⅔ процентовъ. Другая невыгодная сторона этой гарантіи заключается въ томъ, что она впослѣдствіи окажется значительнымъ препятствіемъ при сооруженіи другой полезной линіи. Если что весьма естественно и вѣроятно, понадобится чрезъ нѣсколько лѣтъ построить Елецко-Тульскую желѣзную дорогу для доставки елецкаго хлѣба чрезъ Москву въ Петербургъ, то правительство не будетъ въ состояніи дать на эту дорогу концессію, такъ какъ оно должно будетъ опасаться, что Елецко-Орловская линія не будетъ достаточно доходна, въ случаѣ конкурренціи съ Елецко-Тульскою линіей. А конкуррировать съ этою послѣднею линіей, дѣйствительно, было бы для Елецко-Орловской линіи очень трудно, ибо по тульской линіи елецкимъ грузамъ приходилось бы дѣлать до порта ста верстами меньше чѣмъ по Елецко-Орловской; притомъ по Елецко-Тульской дорогѣ эти грузы шли бы къ Петербургу, откуда отправка хлѣба за границу обходится не только не дороже, но не рѣдко даже значительно дешевле чѣмъ изъ Риги, ибо судовъ съ грузомъ приходитъ гораздо болѣе въ Петербургъ, нежели въ Ригу, и торговля въ Петербургѣ свободнѣе отъ стѣсненій чѣмъ въ Ригѣ. Въ 1866 г., напримѣръ, прибыло въ Петербургъ и Кронштадтъ съ балластомъ 305 судовъ въ 20.188 ластовъ, съ грузомъ же 2.397 судовъ въ 313.093 ласта, между тѣмъ какъ въ Ригу прибыло съ балластомъ 1.485 судовъ въ 141.644 ласта, а съ грузомъ только 730 судовъ въ 65.613 ластовъ. (Въ прежнее десятилѣтіе эта пропорція была для Риги еще невыгоднѣе). Изъ Риги въ этотъ годъ отправилось за границу только 4 судна съ балластомъ, а изъ Петербурга и Кронштадта, напротивъ того, 134 судна. Такъ какъ среднимъ числомъ можно полагать, что за ластъ товаровъ привоза и вывоза должно платить фрахтовъ въ Ригѣ 15 руб., или 9—10 коп. за пудъ, а въ Петербургѣ 18 руб., то въ Ригѣ въ большинствѣ случаевъ приходится платить за одинъ отправленный товаръ 15 руб.; въ Петербургѣ же сумма 18 руб. въ огромномъ большинствѣ случаевъ дѣлится по поламъ на привозъ и вывозъ, такъ что ластъ вывоза обходится 9, много 10—11 руб. Вотъ въ чемъ состоитъ важное преимущество Петербургскаго порта въ теченіе лѣта; только въ опасное время поздней осени, и въ случаѣ большаго спроса на суда, въ Петербургѣ вывозные фрахты поднимаются до высоты рижскихъ цѣнъ. Московско-Смоленская желѣзная дорога измѣнитъ это важное различіе между двумя нашими главнѣйшими балтійскими портами лишь относительно цѣнныхъ товаровъ, дорожащихъ быстротой перевозки, такъ какъ товаръ изъ Москвы до Риги долженъ идти по желѣзной дорогѣ слишкомъ 300 верстъ далѣе, что, считая по 15 коп. за пудъ по тарифу Николаевской дороги за 600 верстъ, составляетъ слишкомъ 11¼ руб. лишней платы за провозъ каждаго ласта товара. Положимъ, что по сооруженіи Московско-Смоленской дороги ктонибудь будетъ отправлять изъ Москвы напримѣръ въ Лондонъ 1.500 четвертей хлѣба (100 ластовъ) и закажетъ привезти оттуда 100 ластовъ рельсовъ, каменнаго угля и пр.; перевозъ ластовъ до и отъ Петербурга обойдется московскому купцу (не считая коммиссіонерства и проч.) по 2.250 руб, то-есть 4.500 руб., а отъ Петербурга до Лондона и назадъ—1.800 р., итого 6.300 руб.; перевозъ же этихъ товаровъ чрезъ Смоленскъ и Ригу будетъ обходиться по одной желѣзной дорогѣ 6.750 руб, то-есть 450 рублями болѣе, хотя бы по морю изъ Риги въ Лондонъ и обратно перевезли товаръ *даромъ!* Но такъ какъ этого никогда не будетъ, и отправленіе товара по морю во всякомъ случаѣ будетъ обходиться не меньше 1.500 р., то кромѣ тѣхъ исключительныхъ случаевъ, когда Петербургскій портъ вовсе не можетъ оказать торговлѣ ту услугу, которую окажетъ ей портъ Рижскій, никто не будетъ жертвовать 2.000 рублями за удовольствіе отправить товаръ черезъ Ригу, а не черезъ Петербургъ. Имѣя въ виду, что Рижскій портъ въ теченіе года среднимъ числомъ замерзаетъ четыре мѣсяца, а Петербургскій не болѣе шести мѣсяцевъ, можно полагать, что подобные случаи будутъ случаями именно исключительными, а потому Московско-Смоленская

желѣзная дорога, расширяя для русской торговли возможность заграничной конкурренціи, не можетъ нисколько повредить Петербургскому порту и вообще не причинитъ никакого искусственнаго для страны невыгоднаго измѣненія въ путяхъ сбыта. Извѣстно сверхъ того, что при одинаково-выгодныхъ обстоятельствахъ выигрываетъ главнѣйшій портъ, притягивающій къ себѣ торговлю вслѣдствіе давленія бо́льшихъ капиталовъ и разнообразія оборотовъ. Совсѣмъ иное дѣло дорога Орловско-Елецкая. Здѣсь даются государственныя субсидіи именно для того чтобъ отклонить торговлю гор. Ельца отъ естественнаго направленія черезъ Тулу и Москву въ Петербургъ и дать ей менѣе естественное направленіе въ Ригу, причемъ доставка каждаго пуда хлѣба изъ Ельца до Англіи должна непремѣнно обойдтись 8—9 копѣйками дороже нежели при отправкѣ чрезъ Тулу, Москву и Петербургъ. Ссылаться на неаккуратность доставки грузовъ по Николаевской дорогѣ и этимъ оправдывать измѣненіе естественнаго направленія грузовъ въ настоящемъ случаѣ было бы неосновательно: Московско-Смоленская дорога уже создастъ для Николаевской дороги конкурренцію, которая нужна и полезна для устраненія сказанныхъ безпорядковъ. Въ виду всего сказаннаго щедрая гарантія по облигаціямъ Елецко-Орловской дороги кажется намъ большою ошибкой. Безъ казенныхъ субсидій мы признали бы Елецко-Орловскую линію полезною; но чрезвычайныя субсидіи, сто́ящія казнѣ весьма дорого, дѣлаютъ эту дорогу едва ли не положительно вредною.

Въ виду Орловско-Елецкой концессіи невольно возникаетъ вопросъ, почему же подобныя субсидіи такъ долго заставляютъ ждать себя для Ковно-Либавской линіи, хотя коммерческую и, вмѣстѣ, политическую необходимость оной, никто не въ состояніи отрицать. Намъ уже не разъ давали изъ Либавы относительно этого дѣла разные намеки о слишкомъ сильномъ вліяніи *не-русскихъ* интересовъ на разрѣшеніе вопросовъ о желѣзныхъ дорогахъ; мы приписывали эти намеки естественному пессимистическому впечатлѣнію, произведенному на тамошнихъ жителей тридцатилѣтними постоянными неудачами. Но обстоятельства заставляютъ насъ поневолѣ полагать, что не всѣ тамошнія мнѣнія основываются на пессимистическихъ воззрѣніяхъ. Рижскій портъ замерзающій 4—5 мѣсяцевъ, сдѣлается, при первой возможности обойдти его, недоступнымъ даже для грузовъ Витебской губерніи, которые, какъ извѣстно, благодаря цеховымъ устройствамъ города Риги (а устранить эти цеховыя учрежденія у насъ слишкомъ церемонятся) уже теперь массами отправляются въ Кенигсбергъ. Въ нынѣшнемъ году напримѣръ, съ 1-го января по 1-е марта, уже вывезено чрезъ Вержболовскую станцію льна не менѣе 472.693 пудовъ, тогда какъ въ 1867 году вывезено въ соотвѣтствующіе мѣсяцы только 393.256 п., а въ теченіе всего 1866 года не болѣе 490.273 пудовъ. Изъ этихъ цифръ явствуетъ поразительный прогрессъ перехода въ прусскіе порты нашей торговли изъ самыхъ прибрежныхъ къ Западной Двинѣ пунктовъ, на которые пока распространяется вліяніе Витебской-Рижской желѣзной дороги,—переходъ, въ которомъ виновны, вопервыхъ, замерзаніе Рижскаго порта, и вовторыхъ, худшее чѣмъ замерзаніе гавани зло – эксплуатація русскихъ производителей рижскими цеховыми учрежденіями. Эти два чувствительныя зла, грозящія погубить всѣ наши западныя торговыя сношенія, могутъ быть устранены только желѣзными дорогами къ одному изъ нашихъ незамерзающихъ зимою портовъ, Либавѣ или Виндавѣ, или, что̀ было бы всего лучше, сооруженіемъ обѣихъ этихъ линій. Мы всячески старались сосредоточить искусственнымъ образомъ нашу торговлю на Прусской сухопутной границѣ небывалою на свѣтѣ пошлиной въ пользу чужихъ портовъ и къ невыгодѣ собственныхъ: неужели ни одному изъ нашихъ портовъ не будетъ дана возможность пользоваться такими же выгодами, какія мы уже заготовили для чужаго порта? Очевидно, что дѣло идетъ здѣсь не объ исключеніи чужихъ портовъ, а о возстановленіи равноправности для нашихъ портовъ, для нашей собственной торговли. Можно ли быть скромнѣе насъ при такомъ требованіи? Постройка по возможности *прямой* Ковно-Либавской линіи дастъ намъ возможность исправить упущенное, такъ какъ Ковно-Либавская линія будетъ короче Ковно-Пиллауской и, кромѣ того, до Либавы не понадобится мѣнять вагоны. Современемъ мы даже можемъ, выстроивъ маленькую линію къ устью рѣки Святой Аа (66 верстъ южнѣе Либавы, 30

верстъ къ сѣверу отъ Мемеля) и положивъ тамъ 2—3 милліона на построеніе гавани, которая въ старину же существовала, создать на русской границѣ портъ, превосходящій по близости къ Москвѣ даже Мемель и вообще всѣ пункты незамерзающаго Балтійскаго побережья, о которыхъ можетъ быть рѣчь. Въ случаѣ этихъ сооруженій для прямой желѣзной линіи изъ Динабурга къ морю осталось бы выстроить не болѣе 250 270 верстъ до города Тельши, откуда одна линія пошла бы до Либавы, а другая, прямая, къ устью Святой Аа. Что̀ сказать объ этихъ усиліяхъ сдѣлать для насъ иностранные порты необходимостію, и установить такимъ образомъ ихъ опеку надъ нами? Какимъ именемъ заклеймить эти усилія въ самой Россіи?

Рижская *Zeitung für Stadt und Land* имѣла недавно случай высказать все свое прусско-нѣмецкое негодованіе на выраженныя нами мнѣнія о полезнѣйшемъ направленіи нашихъ будущихъ линій къ Балтійскому морю. Эта почтенная газета говоритъ: „Принципъ *Московскихъ Вѣдомостей* при обсужденіи линій нашихъ желѣзныхъ дорогъ таковъ, чтобы не соединяя прямо прибалтійскихъ губерній съ прусскими провинціями, рекомендовать протяженіе дорогъ съ востока (и юго-востока) къ Балтійскому морю. *Вотъ какова московская политика*; *но такая постройка никогда не можетъ лежать въ интересахъ прибалтійскихъ губерній, ни въ духовномъ, ни въ матеріальномъ смыслѣ.* (Каково презнаніе!) Это долженъ знать у насъ каждый именно въ тѣхъ пунктахъ (Либавѣ и Виндавѣ), для коихъ предложенія *Московскихъ Вѣдомостей* могутъ быть соблазнительны.“ Статья эта перепечатана въ разныхъ другихъ газетахъ, между прочимъ, разумѣется, и въ *St.-Petersburger Zeitung* Итакъ, желѣзныя дороги изъ Риги, Виндавы и Либавы въ Мемель и Кенигсбергъ вотъ что̀ требуется извѣстною партіей, работающей въ балтійскихъ губерніяхъ! Но такія линіи предлагалъ провести какой-то германскій Нѣмецъ лишь *послѣ* завоеванія этихъ нашихъ провинцій Пруссіей (см. № 33 *Современной Лѣтописи* 1867 г.).

№ 104.

Москва, 15-го мая.

Есть одна отрасль администраціи, повидимому не слишкомъ важная и во всякомъ случаѣ не первостепенная, но находящаяся въ тѣсной связи съ народною жизнью, съ семейными и экономическими интересами каждаго частнаго лица, до которой реформа почти не коснулась, и которая находится въ томъ же, а отчасти въ худшемъ, положеніи, какъ двадцать, тридцать, сорокъ лѣтъ тому назадъ. Мы разумѣемъ почтовое дѣло. Единственное улучшеніе, на которое можно указать по этой части, есть введеніе почтовыхъ марокъ, но и эта мѣра сопровождается страннымъ явленіемъ: увеличилось число пропадающихъ писемъ и уменьшился валовой почтовый сборъ. Пропажи писемъ дошли до размѣровъ ужасающихъ, именно, по наблюденію частныхъ лицъ въ разныхъ мѣстностяхъ, до двадцати процентовъ, то-есть, изъ пяти писемъ одно исчезаетъ. По отчету министра почтъ и телеграфовъ, валовой сборъ въ 1864 году составлялъ 7.479.542 руб.; а въ 1865 году 7.177.992 руб., то-есть менѣе на *301.550* руб.; по отчету государственнаго контроля, въ 1866 году всего сбора было предположено 7.782.775 руб., а дѣйствительно поступило 7.191.045 руб. 88 к. то-есть менѣе противъ предположеннаго на 591.729 р. 12 к. Не подлежитъ сомнѣнію, что народонаселеніе въ Россіи возрастаетъ, что число грамотныхъ въ послѣднее время увеличилось, что со введеніемъ крестьянской реформы, передвиженіе и промышленная дѣятельность въ этомъ сословіи расширились, а слѣдовательно возрасла и потребность въ корреспонденціи, что многочисленныя поѣздки высшихъ классовъ за границу вызываютъ также болѣе частныя письменныя сношенія, — а валовой почтовый сборъ уменьшается! Не значитъ ли это, что наши почты не удовлетворяютъ своему назначенію и не пользуются довѣріемъ публики? Лѣтъ десять тому назадъ, почтовое вѣдомство вызывало печать къ сообщенію замѣчаній и наблюденій относительно недостатковъ и необходимыхъ улучшеній въ почтовомъ дѣлѣ. Мы отозвались на это приглашеніе помѣщеніемъ въ нашихъ изданіяхъ множества статей и корреспонденцій, въ которыхъ подробно

и можетъ-быть утомительно для читателей разсматривались разныя практическія частности почтоваго дѣла. Другія редакціи сдѣлали то же самое; но такъ какъ подобныя статьи, по необходимости, имѣли характеръ обличительный, то-есть указывали на недостатки, исправленіе коихъ желательно, то въ тогдашнее подцензурное время сдѣлано было распоряженіе, чтобы статьи этого рода, предварительно ихъ напечатанія, были сообщаемы почтовому начальству, подъ тѣмъ предлогомъ чтобъ имѣть возможность публиковать въ одно время отвѣты и объясненія на нихъ. Это былъ очень искусный пріемъ, чтобы заставить печать умолкнуть, и жаль что искусство было потрачено въ этомъ направленіи, а не на дѣйствительное улучшеніе почтовой части. Нельзя не обратить вниманія на то повидимому странное обстоятельство, что по освобожденіи повременныхъ изданій отъ предварительной цензуры, печать какъ будто забыла о существованіи почтъ, и что только изрѣдка кто-нибудь отзовется, когда уже не хватитъ терпѣнія, какъ напримѣръ тотъ господинъ, у кого изъ тридцати писемъ, въ продолженіи полугода, пропало 11 (*С.-Пет. Вѣд.* № 110, отъ 24-го апрѣля). Отъ чего это происходило? Отъ того, что нѣтъ зла, къ которому бы не возможно было привыкнуть, и что публика и печать вовсе не такъ расположены у насъ къ обличеніямъ какъ иные полагаютъ, а съ другой стороны и потому, что почтовое вѣдомство обладало свойствами, которыя пріучаютъ къ терпѣнію. Если судить о какой-либо части по отсутствію жалобъ, а не по дѣйствительнымъ результатамъ, то пожалуй можетъ оказаться, что и городскія почты дѣйствуютъ удовлетворительно, тогда какъ извѣстно, что никто не рѣшается ввѣрить городской почтѣ нужное или спѣшное письмо, и что благодаря недовѣрію къ нимъ публики, основанному на извѣстной ихъ медленности и неисправности, самое содержаніе ихъ не окупается, какъ видно изъ отчета государственнаго контроля за 1866 годъ. Кому охота идти съ офиціальною жалобой по случаю недоставленнаго городскою почтой письма? Да и что̀ толку?

Кому случалось заглядывать въ книги для записыванія жалобъ на почтовыхъ станціяхъ, и прочитывать резолюціи почтовыхъ чиновниковъ по этимъ жалобамъ, того должно было поразить странное явленіе: въ огромномъ большинствѣ случаевъ, или почти всегда, пріѣзжающіе оказываются виноватыми, а станціонные смотрители и содержатели безупречными и ни въ чемъ неповинными. Извѣстно, что кромѣ нѣсколькихъ трактовъ, такъ называемыхъ вольныхъ, а въ сущности монопольныхъ почтъ, частныя лица, въ особенности купечество, никогда не ѣздятъ на почтовыхъ лошадяхъ, а нанимаютъ такъ-называемыхъ сдаточныхъ, и, кромѣ большихъ издержекъ ставятъ себя въ необходимость спорить и торговаться послѣ каждаго перегона. Вотъ убѣдительнѣйшее доказательство невозможности, именно для дѣловыхъ людей, пользоваться учрежденіемъ; которое преимущественно для нихъ и содержится и сто̀итъ земству такихъ громадныхъ денегъ. Несмотря на плачевное состояніе почтовой гоньбы, расходы на нее, постоянно возрастая, достигли слишкомъ 8 милліоновъ. Вслѣдствіе настояній министерства внутреннихъ дѣлъ, чтобы станціи отдавались въ содержаніе съ торговъ, а не по усмотрѣнію почтовыхъ чиновниковъ, цифра эта въ 1866 году понизилась до 7.248 667 руб., какъ видно изъ отчета государственнаго контроля за этотъ годъ. Но это исправленіе, очевидно, недостаточно, и земство продолжаетъ тратиться безъ пользы для государства и публики. Неудовлетворительное положеніе почтовой гоньбы вызвало учрежденіе въ 1863 г., по Высочайшему повелѣнію, особой коммиссіи изъ чиновъ отъ разныхъ вѣдомствъ. Объ открытіи занятій этой коммиссіи было обнародовано въ *Сѣверной Почтѣ*. Мы слышали, что коммиссія пришла къ заключенію о необходимости передать хозяйственное распоряженіе станціями земскимъ учрежденіямъ, и что ею выработаны два проекта: большинства и меньшинства;— что въ меньшинствѣ находились только три члена отъ почтоваго вѣдомства, а въ большинствѣ—представители всѣхъ прочихъ;—и что все различие между обоими проектами заключалось только въ томъ, что въ одномъ предполагалось устраненіе а въ другомъ сохраненіе нѣкоторыхъ правилъ,—отчасти именно тѣхъ, на коихъ, по мнѣнію публики основанъ извѣстный сборъ съ *хвоста или съ копыта*. Какая судьба постигла оба эти проекта, намъ неизвѣстно. Изъ отчетовъ земскихъ собраній видно, что отдача станцій въ содержаніе, но на старыхъ началахъ, то-есть

съ подчиненіемъ мѣстнымъ почтмейстерамъ, была допущена въ трехъ губерніяхъ: Херсонской, Новочеркасской и Саратовской. По Херсонской губерніи произошли пререканія, и столь сильныя, что земство просило снова избавить его отъ участія въ содержаніи станцій. А о томъ какъ идетъ дѣло въ остальныхъ двухъ губерніяхъ, пока еще ничего не слышно.

Если сложить сумму платимую изъ государственнаго земскаго сбора съ тѣми суммами, кои расходуются почтовымъ вѣдомствомъ на прогоны и на содержаніе своихъ чиновниковъ, то итогъ превзойдетъ на четыре милліона весь почтовый сборъ, или другими словами почтовая регалія, вмѣсто дохода, дастъ убытокъ около четырехъ милліоновъ рублей. *) Защитники старыхъ порядковъ почтоваго вѣдомства находятъ и тутъ отговорку: они указываютъ на огромную массу казенной корреспонденціи перевозимой безплатно, вычисляютъ сколько бы за нее пришлось получить по вѣсу денегъ, еслибъ она была оплачиваема наравнѣ съ частною, и выводитъ фантастическій перевѣсъ прихода надъ расходомъ. Но при оплатѣ казенныхъ пакетовъ, вѣсъ ихъ очень уменьшился бы: тогда не стали бы писать на толстой бумагѣ, — и цифра фактическаго прихода на столько же сократилась бы, расходъ же уменьшился бы на самую микроскопическую величину. Но какъ бы эта цифра ни была велика или мала, она составила бы лишній расходъ въ бюджетѣ по другимъ вѣдомствамъ, а потому недоборъ 5 милліоновъ почтовыхъ доходовъ въ сущности остался бы для казны тѣмъ же чѣмъ онъ былъ, а былъ бы только немножко замаскированъ для начальства. Къ чему же перекладываніе изъ одного ящика въ другой? Въ другихъ государствахъ правительственная корреспонденція также пересылается даромъ, а въ Англіи еще недавно члены парламента имѣли право пересылать безденежно даже свою частную корреспонденцію, и несмотря на то чистый доходъ отъ почтъ составляетъ въ Англіи 10 милліоновъ рублей, во Франціи 4 милліона, въ Австріи 2 милліона, въ Пруссіи $1^1/_2$ милліона, въ Италіи 757.000 и т. д. Мы не думаемъ впрочемъ, чтобъ единственною цѣлію учрежденія почтъ было доставленіе казнѣ дохода. Главная цѣль почтоваго учрежденія есть облегченіе сношеній какъ для правительства, такъ и для частныхъ лицъ; но если представляется возможность получить доходъ не затрудняя сношеній, то-есть безъ уклоненія отъ главной цѣли, то казна не имѣетъ основанія отказываться отъ дохода. Намъ могутъ возразить, что въ Россіи безмѣрныя протяженія, рѣдкость населенія, промышленная неразвитость и малограмотность жителей не допускаютъ сравненія съ другими европейскими государствами. Мы и не думаемъ сравнивать Россію съ Англіей; но мы попробуемъ сравнить Россію 1866 года съ Россіею же 1848 года. Мы не имѣемъ подъ руками цифры валоваго сбора почтовыхъ доходовъ 1848 года; но зная, что этотъ сборъ съ теченіемъ времени не увеличивается какъ бы слѣдовало, а напротивъ уменьшается, мы въ правѣ принять его въ 1848 годъ если не за большій, то за такой же какъ въ настоящее время; мы также не можемъ указать точной цифры расходовъ на прогоны и на содержаніе почтовыхъ чиновниковъ въ 1848 году, но зная, что число чиновниковъ и оклады ихъ не уменьшаются, а увеличиваются, мы въ правѣ принять этотъ расходъ въ 1848 году если не за меньшій, то за таковой же какъ въ настоящее время. Съ совершенною точностію можемъ мы указать на одинъ главный элементъ почтовыхъ расходовъ, — именно на приплату отъ земства въ 1866 году и на таковую же приплату въ 1848 году, и изъ разности этого элемента, ceteris paribus, вывести вѣрное заключеніе.

Въ 1866 году, на почту приплачивалось отъ земствъ 7.263.840 р. $68^3/_4$ к.; въ 1848 году – 2.767.771 р. Разность въ пользу 1848 года 4.489.914 р. $68^3/_4$ к., чѣмъ не только покрывается дефицитъ въ 4 милліона, но и дается значительный излишекъ чистаго дохода. Не должно забывать, что въ 1848 г. у насъ не было ни одной желѣзной дороги, а пароходство по Волгѣ далеко не такъ было развито, какъ въ 1866 году, и что наконецъ общее промышленное развитіе сдѣлало же какой-нибудь шагъ впередъ въ продолженіе восьмнадцати лѣтъ; такъ что, съ одной стороны, должны были уменьшиться расходы на пересылку корреспонденціи, а съ другой — увеличиться почтовый сборъ. Принимая ихъ даже одинаковыми, мы ви-

*) По отчету государственнаго контроля за 1866 годъ собственно — 3.862.598 р. $78^3/_4$ к. См. стр. 97, § 13.

димъ, что чистый доходъ замѣняется значительнымъ убыткомъ, и въ правѣ приписать это явленіе порядкамъ прежняго почтоваго управленія. Управленіе это прекратило свое бытіе въ качествѣ отдѣльнаго вѣдомства; будемъ надѣяться, что съ присоединеніемъ его къ министерству внутреннихъ дѣлъ, исчезнутъ причины тѣхъ стѣсненій, которыя столь тягостно отзываются на всемъ, а также и на государственныхъ доходахъ.

Б.

Австро-французскій и эксъ-мексиканскій органъ, *Mémorial diplomatique*, замѣчаетъ, что, „судя по запальчивости съ какою русскіе органы уговаривали державъ „поручительницъ присоединиться къ С.-Петербургскому кабинету съ цѣлю настоять на улучшеніи быта подвластныхъ „Турціи христіанъ, можно было бы подумать что они первые поспѣшатъ одобреніемъ важныхъ реформъ, которыя султанъ даруетъ своимъ подданнымъ. Напротивъ, эти самыя газеты нынѣ безмолствуютъ: молчаніе ихъ было бы *необъяснимо*, еслибы наши костантинопольскіе „корреспонденты не извѣщали насъ о внезапномъ измѣненіи въ тонѣ генерала „Игнатьева. Какъ прежде онъ убѣждалъ „своихъ товарищей, прочихъ пословъ, помогать его усиліямъ въ защиту интересовъ христіанъ, такъ нынѣ уклоняется „онъ отъ всякаго участія въ поздравленіяхъ, которыя представители Австріи, „Франціи и Великобританіи имѣютъ порученіе принести султану по случаю многочисленныхъ и важныхъ преобразованій, обнародованныхъ его величествомъ „со времени его возвращенія изъ путешествія.“

Необъяснимымъ во всемъ этомъ кажется намъ совсѣмъ иное, именно то, что *Mémorial diplomatique*, которому весьма хорошо извѣстно насколько требованія Россіи расходились и расходятся съ новыми мистификаціями Высокой Порты, могъ ожидать и отъ русской печати, и отъ русскаго посла какого-нибудь одобренія этихъ мистификацій. *Необъяснимымъ* можетъ показаться также и довѣріе этой газеты къ сообщеніямъ своего корреспондента, будто генералъ Игнатьевъ воздерживается отъ этихъ поздравленій единственно по той причинѣ, что они являются ему „косвеннымъ вмѣшательствомъ во внутреннія дѣла Турціи.“ Редакція *Mémorial diplomatique* не можетъ не знать, что какъ русскій посолъ, такъ и русская печать не могутъ сочувствовать мнимымъ улучшеніямъ, которыя, подъ предлогомъ слиянія христіанскихъ и магометанскихъ племенъ Оттоманской имперіи, имѣютъ въ виду лишь новое закрѣпленіе христіанъ подъ гнетъ мусульманской орды, подпертой силами великихъ державъ христіанскаго Запада. Оказывая притворное довѣріе къ свѣдѣніямъ своего корреспондента, *Mémorial diplomatique* находитъ „весьма странною“ приведенную имъ отговорку генерала Игнатьева, „послѣ напряженныхъ усилій Россіи съ цѣлію убѣдить Порту къ уступкѣ Греціи острова Кандіи,“ и выводитъ изъ этого сопоставленія, „что въ своихъ отношеніяхъ къ Турціи, русская дипломатія имѣетъ *очевидно*, два вѣса и двѣ мѣры.“ Съ 1858 года, Россія, сколько намъ извѣстно, не уклонялась ни разу отъ своего мнѣнія, что уступка Крита есть одно изъ непремѣнныхъ условій спокойствія Востока; отъ этого мнѣнія она, по всему вѣроятію, не отказывается и нынѣ. Но почему же *Mémorial diplomatique* не обращается съ этимъ упрекомъ ко Франціи, которая, не переставая съ января до мая 18?7 г. требовать той же уступки и „*серіознаго* опроса“ Критянъ *европейскою коммиссіей* при участіи *турецкихъ коммиссаровъ*, съ конца мая внезапно отказалась отъ этихъ требованій и ограничилась платоническимъ *желаніемъ*, чтобы Критяне были спрошены *турецкою коммиссіей* при участіи *европейскихъ коммиссаровъ*, а нынѣ усердно поздравляетъ Турцію съ результатами мнимаго слѣдствія, произведеннаго чисто-турецкимъ правосудіемъ верховнаго визиря. Безпрестанныя колебанія, и крутые повороты политики Тюльерійскаго кабинета, и двойная игра и двуязычная политика Вѣнскаго, и вѣрность Петербургскаго принципамъ національной политики Россіи на Востокѣ, — все это съ избыткомъ доказано послѣдними событіями, которыя уже вошли въ область исторіи и невѣдѣніемъ коихъ въ настоящее время можетъ отговариваться развѣ только грубое невѣдѣніе или недостойное притворство.

№ 103.

Москва, 16-го мая.

А.

Пражскія торжества не могли не отозваться въ русской печати; но въ этомъ дружномъ и сочувственномъ хорѣ особую и странную ноту тянетъ *Новое Время*. Одинъ изъ редакторовъ этой газеты отправился въ Прагу. За чѣмъ? Какой привѣтъ, какое пожеланіе предполагалъ высказать г. Юматовъ на славянскомъ праздникѣ? Представителемъ какихъ воззрѣній русскаго общества онъ тамъ явился? На эти вопросы отвѣчаетъ напечатанная въ *Новомъ Времени* корреспонденція: „Чехи „смотрятъ на польскій вопросъ далеко не „съ точки зрѣнія *Голоса*,“ поспѣшаетъ заявить корреспондентъ, который, въ качествѣ адъютанта, пріѣхалъ въ Прагу съ г. Юматовымъ. „Я самъ слышалъ здѣсь „въ Прагѣ лично отъ г. Ригера,“ продолжаетъ онъ, „что еще въ Москвѣ многіе „Русскіе благодарили его за гражданское „мужество и за примирительную рѣчь въ „отношеніи къ Полякамъ... Я не былъ въ „Краковѣ и Львовѣ, не знаю, что говорится тамъ въ польскихъ кружкахъ, но „знаю, что въ Прагѣ до сихъ поръ продолжаются дружескія отношенія къ По„лякамъ. Славянскому міру не достаетъ „zhody (согласія) между Поляками и Рус„скими... Я слышалъ, какъ Н. Н. Юма„товъ, стоя въ кружкѣ Славянъ (Чеховъ, „Хорватовъ и Словаковъ), говорилъ, что „Чехамъ выпала историческая роль при„мирить Россію съ Польшей.“ Вотъ содержаніе корреспонденціи напечатанной въ *Новомъ Времени*, вотъ faits et gestes одного изъ ея редакторовъ въ Прагѣ. Онъ пріѣзжалъ туда представителемъ Поляковъ и адвокатомъ Польши; его интересовало настроеніе умовъ заграничныхъ Славянъ относительно Поляковъ и Польши: онъ посвящалъ свои досуги и свое краснорѣчіе устройству польскихъ дѣлъ.... Вотъ по малой мѣрѣ оригинальное упражненіе для русскаго публициста! Чехи, Словаки и Хорваты, въ кружкѣ которыхъ декламировалъ свою идиллію Юматовъ, отзывались, по словамъ корреспондента его газеты, съ одобреніемъ на его слова. Вѣримъ. Для Чеховъ, Словаковъ и Хорватовъ, рѣчь идетъ о томъ, чтобъ отстоять свою независимость и образовать изъ себя самостоятельные политическіе организмы; Чехи хотятъ и готовы, какъ говорятъ они устами г. Ригера, „крѣпко стоять за корону С. Вячеслава, терпѣть за нее, биться за нее и, если нужно, за нее умирать;“ того же самаго хотятъ, мы увѣрены, Хорваты и Словаки относительно своей родины, и стремленія подобнаго рода понятны въ каждомъ изъ западно- и южно-славянскихъ племенъ. Жаль, если имъ менѣе понятна неприклонная воля Россіи удержаться на высотѣ того историческаго значенія, которое она пріобрѣла вѣковыми усиліями, твердая рѣшимость каждаго Русскаго точно также стоять, терпѣть, биться и, если нужно, умирать за цѣлость и единство Русской земли, за границы которой стояли, терпѣли, бились и умирали предки нынѣшнихъ Русскихъ, храня въ памяти древнее имя С. Владиміра и чтя вѣнецъ Мономаха. Г. Юматову слѣдовало бы понимать это, равно какъ и знать то, что единственно вопросъ о цѣлости и единствѣ Россіи, обозначенныхъ этими историческими именами, есть причина распри между Русскими и Поляками.

Къ чему лукавить? *Новое Время*, какъ и *Вѣсть*, представляютъ въ русской журналистикѣ интересы польскіе и фиктивнаго государства именуемаго Польшей, а не Россіи. Это фактъ, котораго ни скрывать, ни отрицать невозможно. Припоминаемъ кстати о томъ, что и деньги, на которыя *Вѣсть* издается, собираются между Поляками западнаго края. Это открытіе сдѣлано было около полугода тому назадъ и брошено въ лицо *Вѣсти* какъ тяжкое обвиненіе, отъ котораго она до сего времени не очистилась. *Волынскія Губернскія Вѣдомости* почерпнули это извѣстіе изъ офиціальнаго источника, что̀ и было засвидѣтельствовано.

Но если польскія тенденціи *Вѣсти* и *Новаго Времени* выставляютъ руководителей этихъ газетъ въ невыгодномъ свѣтѣ, то, съ другой стороны, нѣтъ худа безъ добра. Фактъ этотъ доказываетъ, вопервыхъ, значительный у насъ успѣхъ свободы печати, и, можетъ-быть, служитъ первымъ признакомъ того, что польскій элементъ начинаетъ входить въ отправленія русской жизни. Враждебные Россіи интересы защищаются нынѣ на русскомъ языкѣ; эта ежедневно печатаемая въ двухъ русскихъ газетахъ защита польскихъ ин-

тересовъ читается съ жадностію Поляками, и, благодаря этимъ газетамъ, русскій языкъ и даже русскія буквы впервые получаютъ для нихъ нѣкую прелесть. Съ тѣхъ поръ какъ существуютъ двѣ вышепомянутыя газеты, въ редакціи заграничныхъ листковъ отправляются лишь такія извѣстія, которыя лишены здраваго смысла, между тѣмъ какъ заявленія, имѣющія нѣкоторое притязаніе на правдоподобіе, печатаются въ *Новомъ Времени* и *Вѣсти*.

Итакъ, таинственная рука, помимо воли людей, направляетъ все согласно съ своими цѣлями… Но тѣмъ предосудительнѣе усилія упомянутыхъ газетъ маскировать дѣло, которому онѣ служатъ.

Не странно ли въ столбцахъ *Новаго Времени*, газеты ратующей противъ демократовъ и вмѣстѣ съ *Вѣстью* клеймящей этимъ титуломъ русскихъ чиновниковъ западнаго края, встрѣтить выраженія сочувствія „польскому демократическому обществу,“ существующему во Львовѣ, которое одно между всѣми польскими ассоціаціями рѣшилось привѣтствовать славянскій съѣздъ въ Прагѣ? Надобно было во что бы то ни стало пріурочить къ пражскимъ торжествамъ Поляковъ, примазать ихъ ко всеславянскому интересу; большинство Поляковъ объявило, что Чехамъ „надлежитъ выбирать между Польшей и Россіей,“ — и вотъ наши покровители крупнаго землевладѣнія откидываютъ свою аристократическую щепетильность, столь брезгливую въ отношеніи къ русскимъ демократамъ, и умиленно жмутъ руку львовскимъ *мѣрославчикамъ*…. Какъ же въ самомъ дѣлѣ Чехамъ, Словакамъ и Хорватамъ, которыхъ удостоилъ своей бесѣды г. Юматовъ, не быть благодарнымъ Полякамъ, когда такая могущественная организація какъ „Польское Демократическое Общество“ во Львовѣ, обнадеживаетъ ихъ своимъ сочувствіемъ! Но благосклонность *Новаго Времени* къ демократіи, подъ условіемъ чтобъ она была польскою, есть малѣйшее изъ противорѣчій, къ которымъ неминуемо приводитъ русскихъ полонофиловъ недобрый путь которымъ они слѣдуютъ. Такъ, напримѣръ, *Вѣсть*, сохранявшая, какъ извѣстно, пренебрежительное молчаніе о прошлогоднемъ съѣздѣ Славянъ, не хотѣвшая знать ихъ рѣчи и заявленія сочувствія къ Россіи, почтила своимъ вниманіемъ написанныя г. Ливчакомъ въ какомъ-то частномъ альбомѣ четыре строки, въ которыхъ онъ говорилъ, что счастлива-де та страна, которая имѣетъ національное и патріотическое дворянство. Что же проповѣдуетъ *Вѣсть* русскому дворянству, къ которому она исключительно обращается и образу мыслей коего она претендуетъ служить будто бы вѣрнымъ отраженіемъ? Съ самой той минуты, какъ сдѣлалось извѣстнымъ о недостаткѣ продовольствія въ значительной полосѣ Россіи, она не переставала глумиться надъ массами голодающихъ русскихъ населеній, но за то ровно три раза въ недѣлю умиляется надъ судьбой вчерашнихъ повстанцевъ и плательщиковъ ржонду. Можетъ-быть съ ея точки зрѣнія такъ и слѣдуетъ поступать, но ужь конечно глумленіе надъ голодающими собратьями, хотя бы и крестьянами, не обнаружило бы со стороны русскаго дворянства, еслибъ оно дѣйствительно было солидарно съ *Вѣстью*, ни національныхъ и патріотическихъ чувствованій, ни способности удерживать за собой первенствующее политическое положеніе для счастія страны своей. Зачѣмъ изображать польское дворянство тѣмъ, чѣмъ оно въ дѣйствительной польской исторіи никогда не было? Зачѣмъ внушать русскому дворянству страсти, подъ властію которыхъ оно перестало бы быть тѣмъ, чѣмъ оно въ русской исторіи всегда было и есть доселѣ? Для достиженія какой національной и политической цѣли нужно, чтобы польское дворянство было равноправно съ русскимъ, а русское единомысленно съ польскимъ?

Б.

Намъ пишутъ, что 3-го апрѣля въ Казалинскѣ (фортъ № 1) получено было извѣстіе о задержаніи въ Бухарѣ, въ концѣ февраля, русскихъ купцовъ. Верблюды были у нихъ отобраны для передвиженія бухарскихъ войскъ. 10-го марта задержаннымъ удалось послать въ фортъ № 1 нарочнаго съ описаніемъ совершившагося событія и съ просьбой о помощи. Около того же времени выѣхалъ изъ Ташкента бухарскій посланникъ, не придя ни къ какимъ соглашеніямъ, и на границахъ появились бухарскія шайки; такъ что не остается повидимому, никакого сомнѣнія относительно враждебныхъ дѣйствій бухарскаго эмира.

Туркестанское генералъ-губернаторство обладаетъ болѣе чѣмъ достаточными си-

лами и средствами, чтобъ исходъ борьбы, если безъ нея дѣло не обойдется, не подлежалъ сомнѣнію. Точно также вѣрно и то, что русскіе купцы не должны подвергаться потерямъ вслѣдствіе грубаго произвола азіатскихъ властителей. Если бухарскій эмиръ будетъ знать, что всѣ убытки, которые онъ причинитъ русскимъ подданнымъ, будутъ возмещены изъ его казны, то, конечно, это послужитъ для него доброю уздой.

Нельзя при этомъ случаѣ не вспомнить о дѣйствіяхъ нашего правительства относительно купцовъ, коихъ имущество было разграблено въ Чугучакѣ въ 1854 года (Щербачевъ, Хатовъ, Катышевцевъ, Самсоновъ, Мамонтовъ и русскіе Татары). Вслѣдствіе настоятельныхъ требованій, вся цѣнность разграбленнаго имущества была Китайцами возвращена пострадавшимъ сполна.

№ 106.

Москва, 17-го мая.

Мы должны покаяться предъ *Вѣстью* и *Новымъ Временемъ*. По зрѣломъ размышленіи, мы убѣдились, что эти органы были правы въ своихъ отзывахъ о русской администраціи западнаго края. Это были, дѣйствительно, крайніе революціонеры и мятежники; это было, дѣйствительно, нѣчто похожее на заговоръ, — и мы спѣшимъ отдать полную справедливость чутью обоихъ вышепомянутыхъ органовъ, которые съ шумнымъ скандаломъ провожаютъ во множествѣ удаляющихся теперь административныхъ лицъ изъ Виленскаго генералъ-губернаторства. Это бунтовщики и заговорщики противъ польскаго владычества въ этомъ краѣ, которые дѣйствовали съ большимъ увлеченіемъ и не вступали ни въ какія сдѣлки. Не такъ давно имѣли мы случай упоминать о нѣкоторыхъ изъ этихъ крайнихъ революціонеровъ. Одинъ изъ нихъ, Н. А. Зубковъ, бывшій предсѣдателемъ крестьянской коммиссіи въ Вильнѣ, прислалъ намъ для напечатанія письмо, которое читатели найдутъ ниже. А между тѣмъ, къ выбывшимъ присоединилось множество новыхъ мятежниковъ, преимущественно изъ числа мировыхъ посредниковъ, и два губернатора—ковенскій и могилевскій. А. П. Беклемишевъ, могилевскій губернаторъ, занималъ свой постъ въ самый разгаръ польскаго движенія и имѣлъ полную возможность раскрыть свою революціонную въ этомъ краѣ дѣятельность. Мы не знаемъ, какъ отзовутся *Вѣсть* и *Новое Время* о бывшемъ ковенскомъ губернаторѣ А. Г. Казначеевѣ; но партія, которая не хочетъ признавать этотъ край русскимъ, имѣетъ полное основаніе радоваться его удаленію: она имѣла въ немъ противника очень опаснаго,— столько же просвѣщеннаго, сколько добросовѣстнаго и энергическаго.

Услужливый виленскій корреспондентъ газеты *Вѣсть* счелъ себя уполномоченнымъ повѣдать публикѣ, почему администрація сѣверо-западныхъ губерній, въ разное время удаляла служащихъ по мировымъ учрежденіямъ лицъ, а редакція этой газеты еще съ бо́льшимъ чѣмъ прежде азартомъ принялась, по поводу послѣднихъ служебныхъ перемѣнъ, торжествовать побѣду правительства (вѣроятно русскаго?) надъ противниками, которые оказываются русскими чиновниками!

Тонъ этотъ не новъ, но вотъ что̀ удивительно. Газета *Вѣсть* находитъ теперь нужнымъ воздавать хвалу взгляду и административнымъ способностямъ покойнаго графа Муравьева, и еще болѣе: она не оспариваетъ государственнаго значенія крестьянскаго дѣла въ западномъ краѣ. Если вѣрить *Вѣсти* и ея корреспонденту, то еще при графѣ Муравьевѣ начали оказываться односторонности и крайности въ веденіи крестьянскаго дѣла, которыя отчасти прямо вели къ возбужденію соціальныхъ страстей въ крестьянскихъ массахъ. Послѣ графа Муравьева это направленіе усиливалось-молъ при возрастающемъ вліяніи нѣкоторыхъ руководителей, умѣвшихъ частными происками подчинять и служащихъ по крестьянскимъ учрежденіямъ, и даже губернаторовъ своимъ личнымъ воззрѣніямъ. Хотя эти односторонніе руководители, повидимому- постоянно отмѣтались высшею администраціей, но только въ самое послѣднее время партія *Вѣсти* сочла почему-то возможнымъ отпраздновать полное торжество начала безпристрастія, выражавшагося въ бдительномъ надзорѣ графа Муравьева.

Итакъ, корреспондентъ *Вѣсти* свидѣтельствуетъ, что графъ Муравьевъ преслѣдовалъ крайности какъ въ ту, такъ и въ другую сторону. Какъ же дѣйствовали его преемники? Припоминая повторявшія-

ся при каждой перемѣнѣ генералъ-губернаторовъ радостные клики этой газеты и ея угрозы служащимъ въ западныхъ губерніяхъ Русскихъ, и соображая дѣйствительно происходившія, также безъ объясненія причинъ, служебныя перемѣны, которыми *Вѣсть* оставалась довольна, естественно придти къ мысли, не покинута ли была послѣ графа Муравьева та средняя черта, которую якобы умѣлъ указать только онъ? Графъ Муравьевъ былъ безпристрастенъ. Газета *Вѣсть* радовалась его удаленію. Стало-быть ожидалось пристрастіе въ пользу помѣщиковъ. Еще болѣе радовалась *Вѣсть* удаленію генерала Кауфмана; она имѣла стала-быть основаніе думать, что пристрастіе въ пользу помѣщиковъ еще усилится. Но теперь, говоритъ *Вѣсть*, возстановляется равновѣсіе. Въ такомъ случаѣ надобно бы порадоваться хоть и съ *Вѣстью*, что теперь опять найдена благоразумная средина, и что односторонность въ пользу помѣщиковъ, могущая развивать въ нихъ польскія стремленія, будетъ отнынѣ болѣе чѣмъ въ послѣднее время преслѣдоваться.

Но шутки въ сторону. Мы не знаемъ почему высшая администрація края нашла нужными нѣкоторыя служебныя перемѣны, какъ не задавали себѣ этого вопроса и прежде когда сочли умѣстнымъ указать на извѣстныя намъ лица, чтобы разъяснить все неприличіе выходокъ по этому случаю газеты *Вѣсть*. Нынѣ пользуясь таинственными свѣдѣніями своего корреспондента о разныхъ интимныхъ сношеніяхъ между служащими, *Вѣсть* защищаетъ противъ насъ администрацію, доказывая необходимость и приводя основанія сдѣланныхъ перемѣнъ.

Полагаемъ, что администрація въ такой защитѣ не нуждается, но въ виду проповѣдуемой теоріи изгнанія Русскихъ, оказывающихся заговорщиками противъ Польскаго королевства, нельзя не обратить серіознаго вниманія на этотъ вопросъ, какъ на вопросъ общій.

Правительство — не польское, а русское,—неоднократно обманутое мѣстнымъ въ западныхъ губерніяхъ служилымъ элементомъ, обратилось къ русскому патріотизму, чтобъ исполнить великую представшую ему государственную задачу. Призывъ правительства не остался втунѣ. Генералъ-губернаторы, чередуясь довольно быстро, находятъ подъ руками готовыя орудія, переданныя имъ ихъ предмѣстниками; они застаютъ, если вѣрить *Вѣсти*, связь между ними, воодушевленіе основанное на преданности дѣлу, которое имъ дорого. Охотно допускаемъ, что генералъ-губернаторы подготовлены видѣть и односторонность въ дѣйствіяхъ чиновниковъ, и чаютъ ее, но неужели русскому администратору останавливаться на этомъ свойствѣ подчиненныхъ ему лицъ и безъ дальнѣйшихъ справокъ о томъ что сдѣлано ими полезнаго во время службы, поступать съ ними какъ съ негоднымъ отребьемъ? Достоинство всякаго администратора заключается въ умѣньи развивать дѣятельность подчиненныхъ на соотвѣтственныхъ имъ мѣстахъ и пользоваться ихъ способностями и усердіемъ къ достиженію цѣлей правительства. Тѣмъ болѣе важны эти качества въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ слѣдовало бы дорожить русскими людьми. Въ недостаткѣ усердія не упрекаютъ ихъ, напротивъ, имъ ставятъ въ вину крайность усердія,—слѣдуетъ ли считать этотъ недостатокъ, еслибъ и подтвердилось обвиненіе, неисправимымъ, и не было ли бы оказано больше пользы дѣлу, еслибъ эти силы, отъ которыхъ, по свидѣтельству *Вѣсти*, теперь считаютъ нужнымъ избавиться, при благоразумномъ руководствѣ, обращены были на служеніе задачѣ, которой онѣ сочувствуютъ? Не имѣемъ основанія думать, что вновь призываемыя лица не окажутся достойными представителями русскаго имени, но не можемъ не жалѣть, что частыя и слишкомъ безцеремонныя перемѣны въ лицахъ, имѣющія основаніемъ весьма эластическія понятія, мало способствуютъ укорененію во враждебномъ Россіи элементѣ уваженія къ ней.

Въ статьѣ корреспондента *Вѣсти* преимущественно выставляется въ мрачныхъ краскахъ связь лицъ, которыхъ и онъ признаетъ руководителями крестьянскаго дѣла. Не обладая тѣми свѣдѣніями, которыя служатъ ему для объясненія этого ненормальнаго по его мнѣнію явленія, мы полагаемъ, что въ этихъ свѣдѣніяхъ нѣтъ и надобности. Въ дѣлѣ новомъ не только по значенію своему, но и по обстановкѣ, какимъ было приведеніе въ исполненіе Высочайшихъ указовъ объ обязательномъ выкупѣ крестьянскихъ угодій, понятно, что съѣхавшіяся въ сѣверо-западныя губерніи лица для успѣшнаго веденія его должны были искать между собой обще-

нія и поддерживать сношенія: на содѣйствіе мѣстнаго элемента для уясненія частностей дѣла невозможно же было разчитывать. Встрѣчаемыя въ примѣненіи трудности, происходившія отъ неполноты узаконеній и недостаточности путей къ устраненію ихъ, тѣ неисчисляемыя препятствія, которыя возникаютъ въ борьбѣ противоположныхъ интересовъ, могли быть разумно разрѣшены или устранены только при совокупномъ обсужденіи и единодушномъ, послѣдовательномъ дѣйствіи. Необходимость совмѣстно обсуждать направленіе, которое слѣдовало дать возникавшимъ на практикѣ вопросамъ, не укрылось и отъ графа Муравьева задолго до учрежденія особой коммиссіи по крестьянскимъ дѣламъ онъ созывалъ неоднократно на общія совѣщанія изъ подвѣдомственныхъ ему губерній болѣе извѣстныхъ ему лицъ служившихъ по мировымъ учрежденіямъ. И послѣ учрежденія той коммиссіи, какъ графъ Муравьевъ, такъ и его преемники, пользовались этимъ способомъ. Понятно, что какъ въ этихъ случаяхъ, такъ и при совѣщаніяхъ въ губерніяхъ, завязывались знакомства, устанавливалась взаимная связь между лицами, служившими одному дѣлу и въ одномъ смыслѣ, выдвигались люди, которые, по довѣрію ли начальства, по болѣе ли живому участію или по запасу опыта и свѣдѣній, могли дать совѣтъ и указать недостатки въ образѣ дѣйствія другихъ, обращавшихся къ нимъ лицъ, особенно лицъ вновь пріѣзжавшихъ. Это авторитетъ естественный, проистекающій изъ самыхъ условій веденія дѣла, которое по возможности слѣдовало вести однообразно. Полагаемъ, что это образовалось еще во время графа Муравьева. Не на то надобно сѣтовать, что заслужившія общее довѣріе лица имѣли вліяніе, а скорѣе на то, что это вліяніе было слабо, что въ важнѣйшихъ вопросахъ однообразное примѣненіе распространеній не было достигнуто, и что вообще русскіе революціонеры и мятежники противъ Рѣчи Посполитой, оказались гораздо менѣе организованными чѣмъ заговоръ противъ Русскаго государства.

Что̀ такое эта пресловутая коммиссія, этотъ русскій *ржондъ*, теперь разсѣянный? Это была коммиссія совѣщательная. Значіе и кругъ ея обязанностей зависѣли отъ воли генералъ-губернатора, при которомъ она состояла, и потому нападки на непомѣрность ея вліянія не къ ней относятся. Но въ чемъ же оно проявляется? Корреспондентъ, столь посвященный въ тайныя побудительныя причины дѣйствій лицъ, о которыхъ онъ говоритъ, доказываетъ превышеніе коммиссіей предоставленной ей власти обвиненіемъ ея въ стѣсненіи власти губернаторовъ по перемѣнѣ личнаго состава мировыхъ учрежденій. Но, какъ всѣмъ извѣстно, только генералъ-губернатору предоставлено было въ 1863 году увольнять и назначать мировыхъ посредниковъ, которые въ то время были, какъ говорится, польскаго происхожденія. Губернаторамъ, по закону, не было предоставлено такой власти. Если представленія ихъ докладывались чрезъ коммиссію, то припомнимъ, что власть увольнять посредниковъ дана была собственно по неблагонадежности польскихъ помѣщиковъ, что, сохраняя ее доселѣ относительно русскихъ, генералъ-губернаторъ обязанъ, для сохраненія достоинства учрежденія и своего собственнаго придавать этой власти то же высокое значеніе, въ какомъ она относительно прочихъ мѣстностей вѣдается правительствующимъ сенатомъ, а потому удивительно ли, если тотъ или другой генералъ-губернаторъ не довольствовался личнымъ взглядомъ губернатора на извѣстное лицо, а требовалъ и справки объ извѣстной по дѣламъ служебной его дѣятельности и мнѣнія губернскаго присутствія, и вообще желалъ дать самъ себѣ отчетъ въ правильности своего распоряженія? Корреспондентъ *Вѣсти* приводитъ циркуляръ графа Муравьева, состоявшійся по докладу коммиссіи: что̀ же видимъ мы въ этомъ циркулярѣ? Графъ Муравьевъ указывалъ губернаторамъ и учрежденіямъ по крестьянскимъ дѣламъ на сохраненіе за мировыми учрежденіями самостоятельности, предоставленной имъ закономъ.

Помѣщики польскіе имѣютъ свои органы, въ которыхъ раздуваютъ всякую неправильность, но спрашивается: гдѣ же органъ крестьянъ, въ которыхъ вся опора Россіи въ этомъ краѣ? Не бѣда, если и не было такого органа, когда, какъ показываетъ *Вѣсть*, графъ Муравьевъ твердою рукой держалъ благоразумную средину: у крестьянъ не было адвокатовъ, но ихъ ограждала отъ пристрастій высшая администрація края. Если же по свидѣтельству этой газеты, нынѣ администрація все свое вниманіе устремляетъ на то,

чтобы карать односторонности не выгодныя помѣщикамъ, то нельзя не опасаться, что при такихъ обстоятельствахъ будетъ крайне неудобно для принимающихъ къ сердцу интересы крестьянъ возбуждать дѣла въ тѣхъ случаяхъ, когда крестьяне не получаютъ должнаго по закону. Если жалобы и сѣтованія помѣщиковъ польскаго происхожденія, имѣющія корень въ упраздненіи издѣльной повинности, въ обязательномъ выкупѣ и въ причиненной тѣмъ утратѣ извѣстной части прежнихъ доходовъ, а главное, прежняго вліянія на крестьянъ, однѣ будутъ получать движеніе, чему, повидимому, заранѣе и радуется *Вѣсть*, не разъ объяснявшая, что для сельскаго люда уже все, и даже слишкомъ много сдѣлано, то такая осторонность администраціи не будетъ полезна для Россіи. Забота о помѣщикахъ, которую будетъ выказывать высшая администрація, перейдетъ въ низшей администраціи въ угодливость имъ, въ ту односторонность, отъ которой, по свидѣтельству *Вѣсти*, предостерегалъ графъ Муравьевъ. Жалобъ не будетъ, даже если эта угодливость будетъ *продаваться*: это извѣстно изъ опыта. Все будетъ шито и крыто — на нѣсколько лѣтъ.

Всякій здравомысленный человѣкъ понимаетъ, что забота о выгодахъ крестьянъ не представляетъ ничего особенно привлекательнаго. Соблазновъ въ ней нѣтъ; она отчуждала честныхъ русскихъ чиновниковъ отъ мѣстнаго общества, она вела ихъ сначала къ лишеніямъ, а въ послѣдствіи привела къ непріятностямъ. Будемъ думать, что предвѣщанія *Вѣсти* не осуществятся, что русскимъ людямъ, призваннымъ теперь въ сѣверо-западныя губерніи, будутъ близки интересы крестьянскаго люда. Эти интересы въ совокупности своей составляютъ ту благодарную почву, отъ которой одной русская администрація можетъ ждать обильныхъ и здоровыхъ плодовъ.

№ 107.

Москва, 18-го мая.

Не разъ доводилось намъ призывать общественное сочувствіе къ политическимъ и торговымъ интересамъ Россіи на Балтійскомъ и Черномъ моряхъ; не разъ случалось намъ высказываться о томъ значеніи, какое для нашего отечества имѣютъ прибрежья этихъ морей. Нѣтъ ничего страннаго, что голосъ за морскіе интересы поднимался изъ континентальной Москвы. И въ другихъ странахъ, въ Германіи, во Франціи случается нерѣдко, что въ отдаленныхъ отъ моря, но центральныхъ пунктахъ, съ особенною живостію чувствуются и выставляются на видъ крупные морскіе интересы, между тѣмъ какъ въ береговыхъ пунктахъ интересы часто расщепляются на мелочи, и изъ виду теряется главное. Геніальный основатель Петербурга (хотя нельзя сказать, чтобъ онъ былъ первый русскій государь понимавшій великую важность Балтійскаго и Чернаго морей для Россіи) сдѣлалъ все возможное для того чтобы привить къ Русскому народу промыселъ мореходства, завоевавъ морскія прибрежья и съ неимовѣрными усиліями поставивъ столицу своего государства на финскихъ болотахъ. Новая столица имѣла своею задачею завоевать и утвердить за Россіей столь необходимое для нея, какъ великой державы, морское положеніе. Въ виду этой задачи приносились Россіей неисчислимыя жертвы:

И передъ новою столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ юною царицей
Порфироносная вдова...

Но старая столица не можетъ не упрекнуть новую, приморскую, именно въ томъ, что она, въ свое полутора-вѣковое существованіе, не достаточно оправдала его и не удовлетворительно разрѣшила задачу, ее создавшую.

Первая и существенная часть этой задачи есть вопросъ торговый, безъ разрѣшенія котораго не могла быть вполнѣ удовлетворена и потребность государственная, соединенная съ существованіемъ Петербурга. Но несмотря на то, что правительственный центръ могущественной имперіи былъ перенесенъ на балтійское прибрежье, оно до сихъ поръ, почти на всемъ своемъ протяженіи, осталось совсѣмъ чуждо Россіи, и верхъ одерживаютъ здѣсь интересы сосѣднихъ намъ народовъ, Нѣмцевъ и Шведовъ. Въ Балтійскомъ морѣ сильно и правильно развивается судоходство германское и скандинавское; но къ сожалѣнію, ничего русскаго въ этомъ морѣ нѣтъ. Хотя берега устьевъ Невы великолѣпно застроены и украшены гранитными памятниками, ка-

кихъ поискать и на берегахъ Темзы, гдѣ у города Лондона есть до семи тысячь собственныхъ торговыхъ судовъ; хотя колоссальная статуя Петра Великаго на Адмиралтейской площади краснорѣчиво указываетъ на мощную рѣку, которая съ востока катитъ свои воды и вливаетъ ихъ въ море, связывая съ нимъ внутреннія области Россіи, - однако едва ли найдется здѣсь и нѣсколько десятковъ хорошихъ русскихъ матросовъ вольнаго судоходства. Естественнымъ послѣдствіемъ этого грустнаго факта было то, что русскіе купцы, желавшіе имѣть свои суда для морской торговли (впрочемъ, число русскихъ судохозяевъ всегда было крайне незначительно), должны были набирать на нихъ экипажъ нерусскій, скоро убѣждались въ невыгодности разчета отъ подобнаго мнимо-русскаго судоходства, и бросали этотъ промыселъ, который для другихъ народовъ служитъ столь обильнымъ источникомъ обогащенія. Нельзя, впрочемъ, и требовать, чтобы простые торговые люди взялись, наперекоръ всему, за разрѣшеніе задачи столь общаго значенія. Не имъ было создавать условія, которыхъ не было; не имъ было полагать фундаментъ тому чего нѣтъ, и давать новое направленіе народной жизни. Оправданіемъ и утѣшеніемъ, правда очень плохимъ, могло служить имъ то, что и отчужденныя отъ Россіи ея балтійскія провинціи, съ господствующими сословіями нѣмецкаго характера, тоже не смогли создать хорошее торговое судоходство, потому что и здѣсь не заботились заложить необходимый для этого фундаментъ, который заключается въ развитіи народа. Само собою разумѣется, что не иностраннымъ же купцамъ, живущимъ въ Петербургѣ, или Одессѣ, Таганрогѣ и Архангельскѣ, стать создавать русскій торговый флотъ. А нельзя сказать чтобы свойства Русскаго народа, или климатъ его страны были виноваты въ этой неудачѣ; мы видимъ, что самыя разнородныя племена, Шведы и Греки, Нѣмцы и Финны, Англичане и Французы, Испанцы и Португальцы, Итальянцы и Далматскіе Славяне успѣшно занимаются морскимъ промысломъ, важность котораго для цивилизаціи, благосостоянія и могущества народовъ возрастаетъ ежедневно.

Въ нашихъ *Воскресныхъ Прибавленіяхъ* появился цѣлый рядъ статей (онъ оканчивается въ выходящемъ завтра нумерѣ) г. Вольдемара, который посвятилъ въ продолженіе многихъ лѣтъ свои усилія этому предмету, и преданъ ему всею душой. Статьи эти выставляютъ на видъ весьма печальную картину, въ которой находится морское дѣло у насъ, и несостоятельность тѣхъ мѣръ, которыя были принимаемы въ интересѣ этого дѣла. Авторъ старается установить понятія, которыя должны бросить ясный свѣтъ на предметъ его заботы. Онъ совѣтуетъ покинуть всякія ухищренія, которыя не только не помогаютъ дѣлу, но губятъ его, и принять простыя, безыскусственныя и дешевыя мѣры, принимаемыя повсюду, гдѣ быстро развивается мореходство. Онъ предлагаетъ открыть для прибрежныхъ населеній, приморскихъ и прирѣчныхъ, по крайней мѣрѣ самыя необходимыя средства къ образованію и предоставить народу ту долю промышленной свободы, безъ которой морское дѣло не можетъ не только процвѣтать, но зародиться. Статьи г. Вольдемара убѣдительно доказываютъ, что невозможно рѣшить этотъ народный вопросъ помимо народа, и что только посредствомъ народныхъ школъ и обезпеченіемъ личной предпріимчивости и свободы труда можно достигнуть цѣли, а безъ этого никакія старанія не будутъ успѣшны, несмотря на многіе милліоны казенныхъ, а также и частныхъ денегъ, потраченныхъ у насъ на развитіе морскаго промысла. Скажемъ болѣе: еслибы всѣ эти искусственные способы и увѣнчались нѣкоторымъ успѣхомъ, то успѣхъ этотъ былъ бы непроченъ и мало принесъ бы пользы. Большія судоходныя компаніи, составляемыя капиталистами, средневѣковыя цеховыя учрежденія, громадныя казенныя субсидіи никуда не годятся ни у насъ, ни въ другихъ странахъ. Мы не имѣемъ намѣренія входить въ подробности предмета, изложеннаго въ статьяхъ г. Вольдемара; статьи эти въ рукахъ у нашихъ читателей. Мы укажемъ только на слѣдующій фактъ: Между тѣмъ какъ берега Невы пышно обстраивались тесаннымъ финскимъ гранитомъ, морское дѣло становилось въ нашихъ глазахъ предметомъ роскоши и дилеттантизма, увеселеніемъ досужихъ и богатыхъ людей, а не тѣмъ что̀ оно есть, промысломъ навыкшаго въ работѣ и закаленнаго въ суровыхъ лишеніяхъ простаго народа. Для простаго люда, прирѣчнаго и приозернаго, живущаго рыболовствомъ и всякимъ другимъ водянымъ промысломъ,

въ теченіи полутораста лѣтъ, еще не пролегъ путь къ морю черезъ пышный Петербургъ.

Послѣдняя законодательная мѣра относящаяся къ этому вопросу и обнародованная въ прошломъ году, есть очень важный шагъ, ибо разрѣшаетъ выдачу субсидій мелкимъ навигаціоннымъ школамъ, но въ ней есть пункты, которые могутъ погубить дѣло. Новый законъ не дозволяетъ быть шкиперомъ на каботажной посудинѣ тому, кто не выдержалъ экзамена по крайней мѣрѣ въ плоской тригонометріи, въ употребленіи логариѳмовъ и въ ученіи о пропорціональныхъ линіяхъ и пр. Далѣе законъ ставитъ для каботажныхъ шкиперовъ (до сихъ поръ большинство ихъ у насъ совсѣмъ неграмотны) тѣ же высокія требованія математическаго знанія, которыя составляютъ необходимое условіе для шкиперовъ ходящихъ вокругъ свѣта. Кто такихъ экзаменовъ выдержать не можетъ (а гдѣ школы, которыя могли бы готовить къ нимъ?), тотъ оставайся на сушѣ, тотъ сиди у моря, того въ море не пустятъ. Съ этими постановленіями въ рукахъ, нашъ братъ Русскій можетъ теперь горделиво доказывать всякому невѣрующему иностранцу, что русскія судоходныя населенія стоятъ по своему образованію выше всѣхъ народовъ, ибо нигдѣ такихъ высокихъ требованій отъ каботажнаго судовщика не дѣлается; бѣда только въ томъ, что вскорѣ нельзя будетъ показать ни одного живаго русскаго каботажнаго судовщика, когда помрутъ нынѣшніе неграмотные, которымъ дозволено доживать свой вѣкъ. Въ другихъ странахъ принято за правило прежде заводить повсюду достаточное число годныхъ школъ, и затѣмъ уже требовать учености отъ народа. Замѣтимъ, что еще и теперь водится не мало шкиперовъ дальняго плаванія весьма неученыхъ, а въ Средиземномъ морѣ ходятъ и вовсе неграмотные. Впрочемъ нѣтъ сомнѣнія, что образованіе есть дѣло очень полезное для морскаго промышленника; но требовать отъ него можно только то что̀ ему по силамъ, что̀ ему въ мѣру, къ чему онъ имѣетъ способы и что̀ дѣйствительно соотвѣтствуетъ его промыслу.

Вообще надобно прежде всего желать, чтобы вмѣсто дилеттантизма сталъ показываться въ этомъ дѣлѣ серіозный планъ, при обдуманномъ исполненіи. Авторъ, статей, о которыхъ мы говоримъ, надѣется, что учрежденіе большаго центральнаго общества, которое приняло бы интересы морскаго дѣла на свое попеченіе и имѣло бы своихъ членовъ по всѣмъ нашимъ прибрежьямъ, и кромѣ того членовъ съ голосомъ во вліятельныхъ административныхъ сферахъ, что учрежденіе такого общества, вродѣ недавно возникшаго обще-германскаго навтическаго общества, вывело бы наше морское дѣло изъ тумана, и дало бы ему прочное основаніе и существенное значеніе. Мысль очень хорошая; но мы полагаемъ, что учредить подобное общество, съ тѣмъ чтобъ оно обладало достаточными силами для разрѣшенія задачъ, которыя на него возлагаются, тѣмъ труднѣе, что у насъ почти вовсе нѣтъ торговаго флота, а слѣдовательно нѣтъ сильнаго личнаго интереса въ этомъ дѣлѣ; что также нѣтъ у насъ издавна существующихъ небольшихъ мѣстныхъ мореходныхъ обществъ, какія есть, напримѣръ, въ Германіи, въ каждомъ прибрежномъ городкѣ, слитіе которыхъ въ одно цѣлое и дало бы желаемое. Но на нѣтъ и суда нѣтъ. Надобно дѣлать то, чего настоятельно требуютъ самые существенные интересы. Съ каждою новою желѣзною дорогой увеличивается наша морская торговля. Уже и теперь платимъ мы за фрахты при вывозѣ нашего товара и при ввозѣ чужаго, какъ надобно полагать, не менѣе 60—70 милліоновъ р. с. въ годъ; а вскорѣ эти суммы должны удвоиться. Такъ какъ вслѣдствіе конкурренціи, фрахтовая плата понизилась бы на 20—30%, еслибъ у насъ былъ свой торговый флотъ, то очевидно, что государство, благодаря развитію торговаго флота, съ избыткомъ воротило бы то во что̀ ему обходится содержаніе военнаго; а сверхъ того матросы, въ службѣ на торговыхъ судахъ, получали бы хорошую подготовку къ военному флоту безъ всякаго обремененія для казны. Наконецъ, развитіе русскаго мореходства оказало бы неоцѣнимое дѣйствіе на весь промышленный прогрессъ народа.

Нельзя не согласиться съ г. Вольдемаромъ, что для разъясненія дѣла и для поощренія къ нему, было бы весьма полезно изданіе цѣлаго ряда книжекъ для распространенія въ прибрежныхъ населеніяхъ. Необходимо учрежденіе значительнаго числа навигаціонныхъ школъ, хорошо приноровленныхъ къ дѣйствительнымъ потребностямъ каждаго берега и къ степени раз-

витія населеній. Положимъ, что понадобилось бы завести до двухсотъ подобныхъ школъ съ ежегоднымъ для каждой казеннымъ пособіемъ въ 500 р.; эти издержки составили бы около 100.000 руб. въ годъ, между тѣмъ какъ теперь казна расходуетъ ежегодно на субсидіи одному Русскому Обществу Пароходства и Торговли до 2.000.000 р. с., преслѣдуя недостижимую этимъ путемъ цѣль—развить въ Черномъ морѣ русскій торговый флотъ.

Но школы мало помогутъ, если не будетъ обезпечена въ надлежащей мѣрѣ промышленная свобода прибрежныхъ жителей. Обезпеченія эти не потребуютъ никакихъ пособій отъ казны. Требуются только серіозно обдуманныя правительственныя мѣры, причемъ, нѣтъ спору, весьма дѣйствительную пользу могло бы оказать въ подготовкѣ вопросовъ организованное общество, которое имѣло бы своимъ призваніемъ заботиться объ интересахъ русскаго мореплаванія.

№ 108.

Москва, 21-го мая.

Энтузіазмъ, внушаемый французской и австрійской печати новосозданнымъ въ Турціи государственнымъ совѣтомъ и рѣчью султана, не знаетъ предѣловъ. Газеты осыпаютъ падишаха привѣтствіями: цѣлые потоки лирическихъ восклицаній истекаютъ изъ уполномоченныхъ перьевъ, которыя работаютъ въ официозныхъ органахъ кабинетовъ Вѣнскаго и Тюльерійскаго.

„Въ нашъ вѣкъ,“ восклицаетъ г. де-ла-Героньеръ въ своей газетѣ *la France*, „совершилось много изумительныхъ преобразованій; онъ былъ свидѣтелемъ паденія многихъ преградъ; въ продолженіе его случилось множество перемѣнъ, произошло великое движеніе впередъ; но мы не думаемъ, чтобы до сихъ поръ было гдѣ-либо зрѣлище столь поразительное, столь поучительное, какое теперь представляетъ столица исламизма... Султанъ заимствуетъ у нашей страны, у націи „*самой христіанской*“ (trés chrétienne), „основное учрежденіе, дабы оно стало „средоточіемъ и возбужденіемъ духа реформы и прогресса. Онъ призываетъ въ „это учрежденіе лучшихъ своихъ подданныхъ, безпристрастно избранныхъ изъ „всѣхъ вѣроисповѣданій; онъ пріобщаетъ „ихъ къ управленію публичными дѣлами; „онъ объявляетъ, что Турція можетъ спастись, только искренно усвоивъ себѣ начала, на коихъ зиждется новѣйшая цивилизація. Наконецъ, онъ изъявляетъ „твердое намѣреніе возвысить свою имперію на степень государствъ имѣющихъ „наилучшее управленіе. Всѣ просвѣщенные „люди въ Европѣ одобрятъ эти слова и „эти намѣренія; не только потому что они „свидѣтельствуютъ о новомъ торжествѣ „началъ, которыя, вопреки самымъ упорнымъ противленіямъ, начинаютъ въ настоящее время брать верхъ, но и потому что ими, можетъ-быть, указывается „средство избѣжать въ будущемъ самыхъ „ужасныхъ случайностей.“

Г. де-ла-Героньеръ увлекается своимъ энтузіазмомъ до того, что разоблачаетъ причину своего энтузіазма. Восточные христіане, говоритъ онъ въ концѣ своей „статьи, „*перестанутъ обращать свои „взоры къ Россіи*, ибо найдутъ въ Константинополѣ защиту и покровительство, „которыхъ ожидаютъ отъ Петербурга.“

Та же мысль проглядываетъ въ статьѣ официознаго происхожденія, напечатанной въ *la Presse*. Сообщивъ рѣчь, произнесенную султаномъ при открытіи засѣданій турецкаго государственнаго совѣта, *la Presse* говоритъ слѣдующее:

„Невозможно не удивляться благородству и твердости этого языка. Преемникъ „Магомета II и Солимана объявляетъ, что „правительство обязано охранять права и „свободу каждаго, и объявляя это, прибѣгаетъ къ самымъ похвальнымъ усиліямъ установить въ нѣдрахъ своего правительства дѣятельный и серіозный контроль надъ собственными его дѣйствіями! „Это зрѣлище истинно прекрасное... Эта „рѣчь султана есть возвышенное подтвержденіе прогресса посредствомъ соглашенія всѣхъ интересовъ на основаніи безпристрастія и справедливости. Султанъ не „только не видитъ, подобно нѣкоторымъ „публицистамъ, силу государства въ личномъ могуществѣ монарха, но прямо и „во всеуслышаніе объявляетъ что эта сила будетъ проистекать для него изъ богатства населеній и благоденствія, которое доставитъ имъ администрація честная и враждебная злоупотребленіямъ.“

Потомъ, точно также какъ г. де-ла-Героньеръ, редакторъ газеты *la Presse* за-

ключаетъ слѣдующими замѣчаніями, обращая ихъ къ Россіи: „Принципы вѣротерпимости,“ говоритъ онъ, „устранятъ величайшее затрудненіе Восточнаго вопроса „и послужатъ лучшимъ оплотомъ Оттоманской имперіи отъ честолюбія Россіи. „Впредь гонители католической вѣры на „берегахъ Вислы будутъ уже слишкомъ „дерзки, если осмѣлятся выставлять себя покравителями христіанъ на Востокѣ.“

Мы могли бы сдѣлать много подобныхъ выписокъ, доказывающихъ какъ дружно и съ какою точностью австро-французскіе органы исполняютъ варіанты на тему, которую кабинеты Вѣнскій и Парижскій условились поставить на очереди; но это былъ бы трудъ безполезный и для насъ, и для читателей: въ Европѣ нѣтъ ни одного смышленаго человѣка, который бы могъ сомнѣваться въ покорности или, лучше сказать, въ раболѣпствѣ, съ какимъ Вѣнскій кабинетъ идетъ теперь на буксирѣ за Франціей.

Гораздо важнѣе поставить на видъ крайнюю безцеремонность, съ какою эти органы насмѣхаются надъ европейскою публикой, и стараются ввести ее въ заблужденіе, воздавая хвалы жалкой комедіи, состряпанной въ Константинополѣ, и представляя ее дѣломъ серіознымъ.

Эта комедія даже и не новость. Фуадъпашѣ не было никакой надобности много трудиться дабы снова поставить на сцену старую политическую декорацію, впервые придуманную его предмѣстникомъ, Решидъпашею. Людямъ простодушнымъ, которые могли бы счесть серіознымъ дѣломъ, государственный совѣтъ учрежденный теперь въ Константинополѣ, стóитъ только просмотрѣть газеты, выходившія лѣтъ двадцать назадъ. Изъ нихъ они увидятъ, что по восшествіи на престолъ Абдулъ-Меджида, въ Константинополѣ былъ не то что учрежденъ государственный совѣтъ, а еще лучше, созванъ парламентъ, и султанъ открылъ его рѣчью, съ которой теперешняя рѣчь Абдулъ-Азиза копія почти буквальная. Изъ старыхъ газетъ любопытствующіе увидятъ также, что и тогда, какъ теперь, нашлись своекорыстные хвалители, которые рукоплескали этому турецкому парламенту, приходили въ восторгъ отъ великодушія и либерализма султана, дивились цивилизаторскому генію его министровъ, возглашали, что на востокѣ открылась новая историческая эра. Чтò же вышло потомъ, чтò осталось отъ этихъ реформъ, отъ этого парламента, отъ всей этой грубой политической рекламы? Ничего... Только умножились страданія христіанъ, только еще болѣе ослабѣла сама Порта, только увеличились опасенія Европы. И въ то время, точно такъ же какъ теперь, много толковали о распространеніи наукъ въ Турціи и открытіи тамъ школъ, и точно такъ же какъ теперь посылали туда цѣлые грузы профессоровъ изъ Парижа. Какія же оказались послѣдствія? Умственный уровень оттоманскаго племени не только не поднялся, но понизился. Правда, найдутся франтѣ отъ Турокъ, занявшіе у парижской цивилицаціи искусство вставлять стеклышко въ глазъ, отпускать плохіе каламбуры и посѣщать bal Mabile, но создался-ли въ Турціи питомникъ способныхъ или по крайней мѣрѣ сносныхъ администраторовъ? За исключеніемъ Фуадъ паши и Аали-паши, есть ли въ Турціи хотя одинъ человѣкъ, котораго было бы прилично назвать политическимъ человѣкомъ?

И вотъ послѣ такихъ уроковъ, послѣ столь убѣдительныхъ доказательствъ пагубной безплодности подобныхъ опытовъ, снова дѣлается попытка обмануть міръ тѣми же фокусами. Стóитъ только взглянуть на органическій уставъ новаго турецкаго государственнаго совѣта, чтобъ убѣдиться въ полномъ и завѣдомомъ ничтожествѣ этой мѣры.

Первая статья этого устава гласитъ: государственный совѣтъ будетъ обсуждать лишь тѣ дѣла, которыя будутъ ему переданы великимъ визиремъ; стало-быть онъ не будетъ имѣть никакой иниціативы, и слѣдовательно никому и ничему не послужитъ гарантіей. Седьмая статья гласитъ, что президентъ, главный секретарь и члены совѣта будутъ назначаться султаномъ; стало-быть члены его не имѣютъ ни малѣйшей независимости, и всегда могутъ быть смѣнены. Наконецъ, въ 14 статьѣ сказано, что и весь этотъ органическій уставъ можетъ быть измѣненъ по повелѣнію султана въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство сочтетъ это полезнымъ или необходимымъ.

Что же касается до *безпристрастія* съ какимъ, по увѣренію французскихъ офиціозныхъ органовъ, султанъ „призвалъ лучшихъ подданныхъ своихъ, избранныхъ *изъ всѣхъ вѣроисповѣданій*, къ участію въ

управленіи общественными дѣлами, то для сужденія о томъ, какъ велико это безпристрастіе, достаточно указать на слѣдующіе цифры, сообщенныя въ офиціальной константинопольской газетѣ. Государственный совѣтъ составленъ такъ, что въ немъ засѣдаютъ 41 Турокъ, 9 Грековъ и Армянъ, 5 католиковъ и 3 Еврея. А между тѣмъ статистика свидѣтельствуетъ, что большинство жителей въ Турціи исповѣдуютъ православную вѣру.

Довольно одного этого, чтобъ опредѣлить значеніе этихъ мнимыхъ реформъ. Слѣдствіемъ ихъ будетъ лишь увеличеніе страданій христіанскаго населенія, и да неногнѣваются редакторы офиціозныхъ французскихъ журналовъ, восточные христіане всегда будутъ знать, что искренняго, добросовѣстнаго покровительства они могутъ ожидать только отъ Россіи, которая не переставала и не перестанетъ повторять, что нѣтъ спасенія для Турціи и нѣтъ безопасности для христіанъ внѣ полнаго примѣненія къ этой странѣ принциповъ автономіи и не вмѣшательства.

Константинопольскій корреспондентъ газеты *le Monde*, по ироническому сознанію ея „не простирающій своего восторга предъ рѣчью султана до лиризма газеты *Turquie*," упоминаетъ, что возвѣщенныя султанскою рѣчью устарѣлыя повторенія извѣстныхъ мистификацій уже успѣли вызвать „нѣкоторую оппозицію со стороны старой турецкой партіи." Выговоренное въ этой возобновленной программѣ турецкаго либерализма призрачное участіе христіанъ въ высшемъ управленіи имперіей уже признано улемами старо-Турками—„по справедливости," замѣчаетъ *le Monde*, „за „отрицаніе мусульманскаго преобладанія и „за посягательство на принцицы, которые „*согласно самимъ формальнымъ опредѣле-„ніямъ Корана*, должны быть основой ма-„гометанской державы" Шейхъ-уль Исламъ, Тевфикъ-эффенди, не могъ-де не вступиться за священные уставы закона, не могъ не уступить опасеніемъ мусульманскихъ подданныхъ Порты въ виду этихъ нововведній. Въ возданіе за исполненіе этого долга, Тевфикъ-эффенди, безъ церемоніи, замѣненъ Гуссейномъ эффенди, „богосло-„вомъ султана и послушнымъ царедвор-„цемъ (courtisan docile), который, при слу-„чаѣ, окажетъ болѣе гибкости и услуж-„ливости чѣмъ его предмѣстникъ." Итакъ, съ самаго начала, въ мусульманскомъ мірѣ оказывается весьма естественная реакція противъ небреженія главы правовѣрныхъ къ *самымъ формальнымъ опредѣленіямъ Корана*,—реакція, хорошо знакомая восточнымъ христіанамъ, и подобная той, которая пролила потоки крови въ Сиріи въ 1860 году.

Попирая религіозныя убѣжденія магометанства и раздражая его изувѣрство, а въ сущности оставляя между тѣмъ, попрежнему, за нимъ всю власть и силу въ государствѣ, султанъ можетъ-быть и безсознательно, принимаетъ всѣ зависящія отъ него мѣры чтобы подготовить, рано или поздно, повтореніе Джедскихъ кровопролитій, какъ неотвратимое и естественное завершеніе попытокъ насильственнаго слянія двухъ бытовъ, которые, согласно мудрымъ, но, къ сожалѣнію, напраснымъ указаніямъ меморандума Императорскаго кабинета отъ 6-го апрѣля 1867 г., могутъ существовать въ мусульманской державѣ только параллельно.

№ 109.

Москва, 22-го мая.

Понятны то злорадство и тотъ духъ клеветы, съ какими непріязненная Россіи печать колетъ ей глаза турецкими реформами, ставя ей въ образецъ Турцію даже въ вѣротерпимости. Всякій мыслящій и добросовѣстный умъ оцѣнитъ въ должной мѣрѣ эти хвастливыя нововведенія, которыя впрочемъ вовсе и не новость въ Турецкой имперіи. Это старая комедія даже и не на новый ладъ. Не трудно убѣдиться, что это чудовищное государство не можетъ идти тѣмъ путемъ, какимъ живутъ и развиваются націи, имѣющія будущность и историческое призваніе. Для этого не требуется восходить въ высшія сферы умозрѣнія, не требуется даже брать въ соображеніе, что Турція есть государство мусульманское и, стало-быть, по своей натурѣ варварское; достаточно одного простаго взгляда на этотъ конгломератъ лишенный всякой внутренней связи, всякаго объединяющаго начала, достаточно только сообразить, что это подчиненіе разныхъ народовъ верховной власти султана есть продуктъ грубаго давленія внѣшнихъ обстоятельствъ, и что Турецкая имперія рушилась бы сама собой, еслибы не поддержка отъ европей-

скихъ державъ, которыя въ ея сохранении видятъ условія всеобщаго равновѣсія. Единственная сила, которая держитъ теперь Турцію, есть взаимное опасеніе державъ, составляющихъ европейскую систему: возможно ли, чтобъ это совершенно внѣшнее для Турціи обстоятельство, на которомъ зиждется ея существованіе, могло стать организующею силой и началомъ внутренняго плодотворнаго развитія? Можетъ ли ожить и встать на ноги трупъ отъ того что живые люди вокругъ него ссорятся, и опасаясь, чтобъ кому-нибудь не досталось его наслѣдіе, не хотятъ признать его мертвымъ? Нельзя говорить о прогрессѣ или о реформахъ, не имѣя въ виду того, что должно подлежать имъ. Гдѣ же турецкая нація, какъ политическое дѣло подлежащее развитію? Турки въ Турціи, это малолюдная орда „правовѣрныхъ“ въ противоположность гяурамъ, составляющимъ громадное большинство населенія этой страны (мы разумѣемъ Европейскую Турцію). Турки, это терминъ по преимуществу религіозный; Турки, это вооруженный протестъ противъ всякой не мусульманской религіи и преимущественно христіанской. Въ чемъ же должна совершиться реформа, въ ученіи ли корана, или въ той власти, которая предоставляется ему надъ христіанскими народами, требующими жизни и самостоятельности? Если рѣчь идетъ не о реформѣ Корана, то остается желать лишь возможно болѣе полной автономіи христіанскихъ населеній Турціи и возможно болѣе рѣшительнаго отдѣленія ихъ отъ турецкаго элемемента? Прилагать къ Турціи политическія идеи, выработанныя христіанскою цивилизаціей, есть безсмысліе или грубый обманъ. Терпимость и свобода, еще болѣе духовная чѣмъ гражданская, эти понятія, взятыя въ своей истинѣ, не могутъ имѣть значенія въ Турціи; они были бы ея отрицаніемъ, а не прогрессомъ. Только въ христіанскомъ мірѣ, гдѣ духовная свобода есть начало всему, гдѣ полагается различіе между Божіимъ и Кесаревымъ, гдѣ царству міра сего отдается все ему принадлежащее, возможна гражданская жизнь и національное единство, способное слить и уравнять въ себѣ все разнородное. Чему и какимъ образомъ можно было бы ассимилировать разнообразные элементы, изъ которыхъ состоитъ Турція, для того чтобы могла образоваться турецкая нація, о которой такъ повидимому, заботятся въ Парижѣ и Вѣнѣ? Гдѣ та турецкая почва, на которой могли бы сойдтись разнородные элементы и организоваться въ одно цѣлое? Нѣтъ сомнѣнія, что никто серіозно не думаетъ объ этомъ, что всѣ эти затѣи турецкаго прогресса служатъ только уловками для достиженія цѣлей не имѣющихъ ничего общаго съ турецкимъ прогрессомъ. Никто не вѣритъ въ эти фокусы реформъ, ни обманщики, ни жертвы ихъ...

Но, надобно сознаться, недоброжелательныя выходки противъ Россіи, дѣлаемыя при этомъ пріязненною ей печатью, при всей своей недобросовѣстности и лживости, не лишены нѣкотораго повода. Россію сближаютъ съ Турціей, и коварно указываютъ на аналогію между ними. Изъ Турціи хотятъ посредствомъ фокусъ-покуса сдѣлать нѣчто похожее на политическую европейскую націю, а Россію, съ ея христіанскимъ народомъ, великимъ и сильнымъ, который въ продолженіе вѣковъ выработалъ непобѣдимое чувство своего единства, хотятъ представить подобіемъ Турціи. Хуже всего то, что враги Россіи въ этомъ отношеніи находятъ себѣ поддержку и опору въ ней самой. Мало того, что между Русскими не рѣдки люди не лишенные, къ сожалѣнію, вліянія, которые готовы принимать къ сердцу и приводить въ исполненіе самые враждебные для Россіи планы, готовые отрицать даже существованіе Русскаго народа,—мы должны сознаться, что въ нашей жизни дѣйствительно держатся противные ея основамъ, пагубные ей порядки, которые дѣлаютъ Россію съ виду похожею на Турцію. До сихъ поръ еще дѣло религіи смѣшивается у насъ съ народностію, и вѣротерпимость допускается только въ качествѣ начала враждебнаго, разлагающаго государство и создающаго или поддерживающаго въ немъ чуждыя ему національныя организаціи. Мы какъ будто хотимъ, чтобы Русскій также означалъ православнаго, какъ Турокъ—правовѣрнаго. Мы какъ будто поставлены въ необходимость имѣть своихъ Аристархи-беевъ, Даудъ-пашей и Агаѳонъ-эффенди. Вопреки истинѣ и духу христіанства, мы какъ будто держимся той идеи, что русское царство не есть, какъ всѣ другія царства, отъ міра сего, а есть уже само по себѣ царство небесное, въ которое иновѣрецъ да не внидетъ. Вопреки нашей природѣ, на перекоръ нашему призванію и во

вредъ нашему развитію, мы какъ будто въ самомъ дѣлѣ воображаемъ, что гражданское общество и церковь, какъ бы ни были они тѣсно соединены между собой, не суть одно и то же, и вслѣдствіе этого лишаемъ христіанскую церковь въ нашей средѣ свойственнаго ей характера, совлекаемъ ее съ ея высоты, и превращаемъ ее въ бюрократическій механизмъ; подавляемъ въ нашемъ народѣ силу духовной жизни, безъ которой нѣтъ ни христіанства въ его истинѣ, ни плодотворнаго гражданскаго развитія; держимъ языкъ нашего народа, главный органъ національнаго единенія, подъ запретомъ; остаемся равнодушны къ дѣлу просвѣщенія и христіанской проповѣди и оставляемъ вблизи церквей нашихъ коснѣть цѣлыя населенія въ грубѣйшемъ шаманствѣ, а въ то же время не находимъ другаго средства къ обрусенію русскаго западнаго края какъ насильственное обращеніе католиковъ въ православіе и закрытіе католическихъ церквей посреди католическихъ населеній; подвергаемъ цензурѣ синода православной церкви богослужебныя книги Евреевъ и заставляемъ такимъ образомъ нашу церковь контролировать вѣрованія ею отвергаемыя.

Что касается до западнаго края, то при всѣхъ превратностяхъ, которымъ въ краткій промежутокъ времени подвергалось его управленіе, дѣла тѣмъ не менѣе относительно главной задачи остаются въ одномъ и томъ же положеніи. Зло, которымъ этотъ край страдаетъ, имѣетъ два источника: составъ тамошняго землевладѣнія и неправильное положеніе религіознаго вопроса. Чтобы вывести этотъ край изъ его бѣдственнаго положенія и органически соединить его съ остальною Россіей, необходимо расторгнуть замкнутый кругъ господствующаго тамъ польскаго землевладѣнія, необходимо разрѣшить искусственную связь соединяющую католицизмъ въ этомъ краѣ съ польскою національностію, такъ чтобы терпимая въ Россіи церковь, къ которой принадлежатъ значительныя массы русскихъ населеній, не была національнымъ польскимъ учрежденіемъ, чтобы ей былъ предоставленъ русскій языкъ и чтобы соотвѣтственно этому былъ постепенно измѣненъ составъ ея духовенства. Что касается перваго вопроса, то повидимому онъ былъ рѣшенъ указомъ 10-го декабря 1865 г. Но дабы эта важная государственная мѣра не возымѣла дѣйствительной силы, были на глазахъ цѣлой страны употреблены удивительныя махинаціи, такъ что свѣдующіе люди считаютъ теперь это дѣло поконченнымъ и польское землевладѣніе болѣе чѣмъ когда-либо обезпеченнымъ. Что же касается религіознаго вопроса, то все дѣло по этой части ограничилось перечисленіемъ нѣсколькихъ тысячъ бѣлорусскихъ крестьянъ изъ католиковъ въ православные, да закрытіемъ нѣсколькихъ костеловъ.... Недавно, въ Ковенской губерніи, послѣдовало закрытіе одного костела посреди литовскаго и чисто-католическаго населенія, на томъ основаніи, что число его прихожанъ не велико. Впечатлѣніе, произведенное этимъ на мѣстныя населенія, было, какъ сказываютъ, самое прискорбное. Эти бѣдные люди, какъ испуганное стадо, толпились вокругъ своей святыни, простирались ницъ и лежали *крыжемъ*. Что иное могутъ имѣть своимъ послѣдствіемъ подобные случаи кромѣ усиленія фанатизма въ мѣстныхъ католическихъ населеніяхъ? Въ народныхъ массахъ, которыя, несмотря на усилія пановъ, оставались вѣрны Россіи и ея Государю, распространится темное чувство, отъ котораго нельзя ждать добра, и которое панамъ будетъ очень на руку....

Спросятъ, изъ какихъ побужденій дѣлается это въ Россіи? Изъ благочестивой ли ревности или изъ фанатизма? Нѣтъ! Въ Россіи господствуетъ полная вѣротерпимость, а благочестивая ревность имѣетъ предъ собой много дѣла, которое остается непочатымъ. Изъ политической мудрости? Но она учитъ не раздражать религіозныхъ страстей, и требуетъ только, чтобы терпимое иновѣріе не было политическимъ учрежденіемъ и органомъ чужой національности....

№ 110.

Москва, 23-го мая.

А.

Иноземные и отечественные опекуны нашего таможеннаго тарифа съ разныхъ сторонъ заявляютъ свое неудовольствіе противъ взглядовъ на этотъ вопросъ высказанныхъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, несмотря на то что это были взгляды самые умѣренные, скорѣе упускавшіе изъ виду силу общаго интереса чѣмъ грѣшившіе

противъ интересовъ частныхъ и неуступчивые только въ отношеніи къ попыткамъ еще болѣе укоренить въ Россіи неправильный порядокъ вещей, лишающій нашу промышленность той бодрости, того животворнаго возбужденія, которое дается лишь всемірною конкурренціей и которое нигдѣ вначалѣ не нравится лицамъ заинтересованнымъ, хотя безъ него никакая промышленность не можетъ ни достигнуть высокаго уровня, ни удержаться на немъ. Въ виду близкаго разрѣшенія дѣла законодательнымъ путемъ, полемика печати нѣсколько запоздала; мы не теряемъ однако надежды, что она хотя отчасти разсѣетъ туманъ, которымъ успѣла окружить самыя очевидныя стороны дѣла агитація, столь неожиданно разыгравшаяся въ общественной средѣ мало подготовленной для быстраго и энергическаго отпора по какому бы то ни было вопросу. Если дѣйствительно осуществятся, какъ говорятъ, въ преобразованіяхъ тарифа нѣкоторыя надежды нашихъ протекціонистовъ, то будетъ поучительно сравнить результаты этихъ мѣръ съ обѣщаніями торжественно данными, въ родѣ напримѣръ удешевленія машинъ, сулимаго намъ механическими заводчиками вскорѣ послѣ введенія пошлинъ на машины. Нельзя не пожалѣть о столь дорого стоящихъ урокахъ политической экономіи, но что дѣлать? Горькій опытъ, видно, неизбѣженъ. Еще поучительнѣе обнаружится участіе иностранцевъ въ домогательствѣ сохранить и усилить запретительный характеръ русскаго тарифа. Еслибы страсти не говорили теперь такъ громко, то это участіе иностранцевъ должно было бы уже теперь лучше всего вразумить нашихъ близорукихъ патріотовъ на чьей сторонѣ истинные русскіе интересы. Мы говоримъ о чужеземныхъ торговцахъ и даже цѣлыхъ корпораціяхъ, захватившихъ нашу торговлю въ свои руки и эксплуатирующихъ нашу промышленную отсталость и разныя учрежденія, которыми наша отсталость причиняется и поддерживается. Такъ, напримѣръ, извѣстный фабрикантъ типографскихъ машинъ въ Берлинѣ и Вѣнѣ, г. Зигель, проповѣдуетъ на германскихъ протекціонистскихъ митингахъ о гибели ожидающей варварскую Россію отъ распространенія въ ней началъ свободной торговли и о необходимости ввести у насъ пошлину на машины, доказывая эту необходимость тѣмъ, что онъ въ противномъ случаѣ не осчастливитъ Россіи открытіемъ въ ней отдѣленія своихъ машиностроительныхъ заведеній. Недавно насъ спрашивали въ газетѣ *Москва*, что разумѣемъ мы подъ временными отдѣленіями иностранныхъ механическихъ заведеній, которыя могутъ открыться въ Россіи безо всякой для нея пользы. Вотъ одинъ изъ многихъ образчиковъ того, что мы имѣли въ виду. Не мѣшаетъ замѣтить, что спекуляція г. Зигеля весьма вѣрно разчитана, ибо съ помощью пошлинъ на машины, онъ надѣется фабриковать у насъ и продавать намъ по дорогой цѣнѣ свои довольно плохія машины, которыхъ теперь не хотятъ у него покупать и по дешевой цѣнѣ, имѣя возможность выписывать лучшія машины изъ другихъ болѣе отдаленныхъ отъ Россіи мѣстностей чѣмъ Берлинъ и Вѣна. Просимъ обратить вниманіе на этотъ предметъ г. Шипова, который, судя по его словамъ (*Москва*, № 34), никакъ не можетъ взять въ толкъ какіе чужеземные интересы могутъ питаться нашимъ покровительственнымъ тарифомъ, во вредъ нашимъ отечественнымъ интересамъ. Г. Шиповъ обвиняетъ насъ въ ходатайствѣ за иностранныхъ машинныхъ заводчиковъ. Но надобно нарочно закрывать себѣ глаза для того чтобы не видѣть, что дѣло тутъ не въ интересахъ иностранныхъ фабрикантовъ, а въ томъ какое отношеніе имѣютъ они къ русскимъ интересамъ. Не объ иностранныхъ интересахъ рѣчь. Покровительствовать иностраннымъ интересамъ, выгоднымъ для нашего отечества, побуждаетъ самый простой здравый смыслъ, не говоря уже о просвѣщенномъ патріотизмѣ; покровительствовать же иностраннымъ интересамъ, хотя бы и выгоднымъ для нѣкоторыхъ изъ нашихъ соотечественниковъ, но вреднымъ для общихъ интересовъ Россіи, или безсмысленно, или безнравственно. Въ томъ-то и бѣда, что многіе наши патріоты не хотятъ или не умѣютъ различать иностранные интересы, которые во многихъ случаяхъ могутъ быть намъ выгодны и согласны съ нашею собственною національною политикой, отъ *противунаціональныхъ* интересовъ, которые всегда пагубны и которые находятъ себѣ пріютъ у насъ.

Намъ недавно случилось говорить, по поводу тарифнаго вопроса, о захватѣ всей нашей иностранной и портовой торговли нѣсколькими чужеземными фирмами, находящими свой интересъ въ подавленіи

русской національной торговли. Эти господа суть самые ревностные сторонники преувеличенныхъ таможенныхъ пошлинъ. Они понимаютъ, что нашъ тарифъ парализуетъ развитіе русской заграничной торговли, устраняя возможность правильныхъ и постоянныхъ сношеній, и давая просторъ лишь болѣе или менѣе случайной *выпискѣ* товаровъ чрезъ коммиссіонера. Порядокъ дѣлающій прямое участіе въ заграничной торговлѣ не только среднихъ и мелкихъ, но даже крупныхъ русскихъ торговцевъ невыгоднымъ, рѣзко разграничилъ внутреннюю и внѣшнюю торговлю и отдалъ послѣднюю въ руки коммиссіонеровъ, изъ которыхъ почти каждый торгуетъ всѣмъ чѣмъ угодно, не имѣя даже спеціальныхъ свѣдѣній требующихся отъ дѣльнаго торговца, и полагаясь на своихъ пріятелей заграничныхъ коммиссіонеровъ, причемъ весь рискъ ошибки или излишняго довѣрія падаетъ на русскаго купца, *выписывающаго* товаръ, или лучше сказать, на русскихъ потребителей, на которыхъ купецъ разлагаетъ свой рискъ. Положеніе, которое занимаетъ наша газета въ вопросѣ о таможенныхъ пошлинахъ, не могло нравиться этимъ чужеземнымъ опекунамъ русскаго коммерческаго міра и въ особенности ихъ усерднымъ корреспондентамъ изъ Россіи. Такъ въ *Крестовой Газетѣ* (№ 118) возражаютъ противъ нашихъ словъ, что протекціонистская агитація нашла особенно сильный для себя оплотъ въ средѣ нашего иностраннаго и инородческаго (англійскаго и нѣмецкаго) портоваго купечества. При этомъ корреспондентъ берлинской газеты указываетъ на московскій гостинный дворъ и на село Иваново, какъ на главные центры этой агитаціи, и на русскія „патріотическія" газеты, какъ на ея органы. Смѣемъ удостовѣрить нѣмецкую газету и ея корреспондентовъ, что какова бы ни была дѣятельность глашатаевъ протекціонизма, высылаемыхъ Москвой и Ивановымъ по недоразумѣнію, она была бы не значительна въ сравненіи съ силой нашего иноземнаго портоваго купечества, которое сумѣло, благодаря нашей терпимости, организоваться, подобно всѣмъ нашимъ инородческимъ элементамъ, въ формѣ привилегированныхъ сословій. Сильное противодѣйствіе оказанное пониженію тарифа торгующимъ въ Петербургѣ иностраннымъ купечествомъ, которое, мимоходомъ будь сказано, сверхъ монопольнаго захвата нашей заграничной торговли, обзавелось и фабриками и имѣетъ въ своей средѣ иностранныхъ консуловъ-фабрикантовъ, есть фактъ, коего не могутъ оспаривать лица бывшія свидѣтелями занятій тарифной коммиссіи. Въ сравненіи съ иноземными организаціями на нашей почвѣ, препятствующими успѣхамъ нашей международной торговли, та доморощенная агитація, о которой говоритъ корреспондентъ нѣмецкой газеты, можетъ быть названа младенческою попыткой.

Въ подтвержденіе можно указать на фактъ, едва ли въ настоящее время возможный въ какой-либо другой образованной странѣ кромѣ Россіи, — на фактъ, слишкомъ мало замѣченный или слишкомъ легко терпимый нашимъ внутреннимъ купечествомъ, въ томъ числѣ и сподвижниками протекціонизма.

Опубликованное недавно объявленіе департамента таможенныхъ сборовъ о томъ, что шкипера иностранныхъ судовъ не подлежатъ никакимъ инымъ сборамъ кромѣ правительствомъ установленныхъ, и что они могутъ очищать сами эти сборы въ таможняхъ, устраняетъ цѣлый рядъ возмутительныхъ злоупотребленій, которыя страшно затрудняютъ торговлю въ Петербургскомъ и Рижскомъ портахъ, и которыя однакоже, какъ намъ сообщаютъ, заинтересованныя лица надѣются сохранить и на будущее время. Кто повѣритъ, что рижское и петербургское биржевое купечество, состоящее почти исключительно изъ иностранныхъ негоціантовъ, издавна установило, по собственному произволенію и соглашенію, разные сборы въ свою пользу съ приходящихъ и отходящихъ кораблей и за совершеніе обрядовъ по очисткѣ товаровъ таможенными пошлинами? Кто повѣритъ, что столастовое судно, обязанное уплатить за два пути всего 10 руб. сер. пятикопѣечнаго установленнаго нашими законами сбора, уплачиваетъ въ дѣйствительности сто рублей и болѣе, чтобы получить отъ портоваго купечества право отойдти въ море отъ русскаго берега? Это невѣроятно, а между тѣмъ это такъ, и петербургское купечество, англійское и нѣмецкое, подняло, какъ намъ пишутъ, страшную бурю. Оно собираетъ митинги и пускаетъ въ ходъ всѣ средства, чтобы не подчиняться правительству объявившему право на эти поборы, настоящее *береговое право* среднихъ вѣковъ, незаконнымъ и недѣйствительнымъ. Этимъ правомъ на-

лагать свои сборы, биржевое петербургское и рижское купечество пользуется черезъ поставленныхъ имъ при таможняхъ *экспедиторовъ*, которые допущены правительствомъ въ качествѣ добровольныхъ коммиссіонеровъ для очистки кораблей и товаровъ отъ уплаты пошлинъ, и которые между тѣмъ присвоили себѣ монопольное на это право, такъ что до упомянутаго циркуляра таможеннаго департамента, таможни не позволяли очистки товаровъ и кораблей помимо этихъ экспедиторовъ. Безъ писменнаго удостовѣренія экспедитора, ни товары не выпускались изъ таможень, ни корабли не могли уйдти въ море. Такимъ образомъ, ни иностранные отправители товаровъ, несмотря на положительно заключенныя ими условія съ русскими торговцами-получателями, ни русскіе внутренніе отправители не могли производить свои операціи безъ уплаты податей въ пользу петербургскаго и рижскаго купечества, даже въ тѣхъ немногихъ случаяхъ, когда это купечество не участвуетъ вовсе въ ихъ операціяхъ. Насъ удостовѣряютъ, что поборы въ силу этого права, которое петербургскіе и рижскіе Нѣмцы и Англичане съ пышностію называютъ *обычнымъ* правомъ, среднимъ числомъ увеличиваютъ фрахтъ на 15%. Эти 15% ложатся тяжкимъ бременемъ почти исключительно на нашъ вывозной товаръ, ибо, благодаря тарифу, къ намъ приходитъ много судовъ съ балластомъ. Наши православные приволжскіе отправители пшеницы платятъ ластовый сборъ на изобильное содержаніе петербургскаго англиканскаго причта, кормить который отказываются нынѣ даже англійскіе шкипера приходящіе въ Кронштадтъ и не имѣющіе возможности побывать въ петербургской англиканской церкви. До какой наглости доходятъ дѣйствія таможенныхъ экспедиторовъ, можно судить по тому, что они продолжали до настоящаго времени взыскивать съ отправителей сборъ за судовые паспорты, отмѣненные правительствомъ 6 лѣтъ тому назадъ, и весь этотъ сборъ обращали въ пользу свою и своихъ покровителей. Мудрено ли, что *Speditionsgeschäft in Russland* составляетъ самую прибыльную коммерческую операцію, и даетъ огромныя состоянія иностранцамъ засѣвшимъ въ нашихъ портовыхъ городахъ? Вотъ интересы противунаціональные, организовавшіеся на нашей землѣ и также невыгодные для насъ, какъ и для другихъ странъ, желающихъ усиленія своей торговли съ Россіей. Замѣчательно, что англійское биржевое купечество въ Петербургѣ именуетъ себя *англійскою факторіей*, дѣйствуетъ отъ имени факторіи, какъ будто имѣющей права и привелегіи юридическаго лица, и вступаетъ въ переговоры съ русскими властями какъ признанное сословіе и учрежденіе. Между тѣмъ эта факторія, напоминающая развѣ англійскую факторію XVI столѣтія, изгнанную изъ Россіи, не имѣетъ никакого законнаго существованія ни по русскимъ, ни по англійскимъ законамъ. Англійскіе негоціанты, принадлежащіе къ этой выдуманной факторіи, вредятъ столько же торговлѣ Англіи съ Россіей, сколько и нашей внутренней торговлѣ; правильная международная торговля несовмѣстима съ подобными монополіями и, какъ слышно, наше правительство находитъ сильную для себя поддержку въ англійскомъ правительствѣ, которое ни причемъ въ этихъ злоупотребленіяхъ. Сложность и запутанность нашихъ таможенныхъ обрядовъ, составляющихъ не менѣе важный вопросъ въ таможенномъ законодательствѣ, чѣмъ размѣры пошлинъ даютъ поводъ къ возникновенію около нашихъ таможень всякихъ чужеядныхъ, мнимо-торговыхъ интересовъ, существующихъ единственно благодаря разнымъ таинственнымъ операціямъ, кои требуются или допускаются таможеннымъ уставомъ. Портовое купечество живетъ исполненіемъ этихъ таинственныхъ обрядовъ, — и вотъ причина крайняго у насъ развитія коммиссіонной торговли, позволяющей наживаться безъ всякаго риска. Новый таможенный уставъ есть насущная потребность нашей иностранной торговли, и желательно, чтобъ это дѣло сосредоточило на себѣ все вниманіе таможеннаго вѣдомства. Эти затрудненія причиняютъ болѣе вреда русскимъ товарамъ нежели заграничнымъ, которые, какъ болѣе цѣнные, могутъ легче выносить всѣ эти накладные расходы.

Сообщенные нами сегодня факты достаточно характеризуютъ ту среду нашихъ портовыхъ торговцевъ, которая оказала столь сильную поддержку протекціонистской агитаціи. Внутренніе наши протекціонисты отчасти правы, протестуя противъ серіознаго значенія, придаваемаго ихъ агитаціи; она дѣйствительно ничтожна въ сравненіи съ привелигированными иноземпле

ными организаціями, дѣйствующими въ пользу тѣхъ же домогательствъ. Иностранные наши возражатели могутъ теперь видѣть, имѣли ли мы поводъ протестовать противъ усилій нашего иноплеменнаго портоваго купечества противодѣйствовать успѣхамъ русской международной торговли. Домашніе возражатели противъ нашихъ статей по тарифному вопросу могутъ также видѣть кто ихъ союзники въ этомъ дѣлѣ.

Б.

День крещенія перворонднаго Внука Царскаго, Великаго Князя Николая Александровича ознаменовался для арміи новыми монаршими милостями, объявленными въ приказѣ военнаго министра отъ 20-го марта (см. *Московскія Вѣдомости*). Новыя узаконенія не заключаютъ въ себѣ коренныхъ преобразованій, но они весьма важны тѣмъ, что въ нихъ можетъ быть усмотрѣно не только признаніе необходимости разрѣшенія нѣкоторыхъ жизненныхъ для арміи вопросовъ, но и намѣреніе приступить къ ихъ разрѣшенію въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ.

Хотя новыя узаконенія о сокращеніи нижнимъ чинамъ на два года срока для выслуги къ безсрочному отпуску ближайшимъ послѣдствіемъ своимъ, въ большей части случаевъ, будутъ имѣть лишь зачисленіе въ безсрочные нижнихъ чиновъ, уже находящихся теперь во временномъ отпуску; но они являются какъ бы предвѣстниками сокращенія срока дѣйствительной службы, ибо надо надѣяться, что вмѣстѣ съ тѣмъ и увольненіе во временный отпускъ будетъ даваться годомъ или двумя ранѣе прежняго.

Пожалованіе въ пособіе офицерамъ по 1.200 р. на полкъ, въ частяхъ пѣхоты, офиціально объявлено мѣрой „хотя отчасти" содѣйствующею достиженію предустановленной Его Величествомъ цѣли, увеличить содержаніе офицеровъ до соотвѣтственнаго размѣра. Остается пожелать, чтобъ эта сумма, правильно распредѣленная, послужила пособіемъ для лицъ дѣйствительно нуждающихся, чему, какъ кажется, было бы обезпеченіемъ, еслибы при сужденіи о распредѣленіи этой суммы былъ допущенъ голосъ общества офицеровъ.

Пожалованіе офицерамъ, производимымъ изъ нижнихъ чиновъ, по 100 руб. и зачисленіе для штрафованныхъ нижнихъ чиновъ въ дѣйствительную службу времени нахожденія ихъ подъ судомъ и въ разрядѣ штрафованныхъ — суть мѣры, коихъ благость очевидна и не нуждается въ комментаріяхъ.

№ 111.

Москва, 24-го мая.

А.

Проникнутая духомъ знаменитаго папскаго *Силлабуса*, газета *le Monde* считаетъ долгомъ своимъ презирать и ненавидѣть, во Франціи, и либерализмъ, и университетъ, и г-на Дюрюи, и не пропускаетъ ни малѣйшаго случая, чтобы разразиться громовою анаѳемой противъ пагубныхъ принциповъ 89 года. Что же? Таковы у ней убѣжденія. Но въ Турціи у ней на этотъ счетъ совсѣмъ иное мнѣніе. Турецкій либерализмъ приводитъ ее въ восторгъ; французскому лицею въ Константинополѣ не можетъ она нарадоваться, хотя во главѣ этого заведенія красуется командированный г-мъ Дюрюи академическій инспекторъ; наконецъ восхищенію клерикальной газеты нѣтъ предѣловъ при извѣстіи о справедливомъ-де словцѣ Фуадъ-паши, что, по благости султана, и для Турціи нынѣ наступилъ 89 годъ. „Словно грезится," восклицаетъ *le Monde*, „когда „представляешь себѣ этихъ степенныхъ и „*почтенныхъ членовъ сословія умовъ*, этихъ „*благочестивыхъ мужей*, у которыхъ есть „двѣ формулы спасенія, одна для правовѣрныхъ, другая для невѣрныхъ, засѣдающихъ вмѣстѣ съ сими послѣдними въ „томъ же диванѣ... Фрондерство и злонамѣренность нападаютъ на составъ турецкаго государственнаго совѣта.... Но съ „чего же взяли христіане, что совѣтъ долженъ быть составленъ поровну изъ магометанъ и христіанъ?... Вопросъ тутъ не „въ *большинствѣ*, а въ *принципѣ*," присовокупляетъ клерикальная газета, празднуя отъ чистаго сердца, отъ глубины души, восходъ великой эры турецкаго прогресса, который долженъ увѣковѣчить на православномъ Востокѣ величіе магометанскаго престола, уже осѣняемаго, по повелѣнію святаго отца, теплыми молитвами католическаго іерусалимскаго патріарха и апостольскаго викарія.... Какого, казалось бы, еще торжества могутъ пожелать са-

мые запальчивые сторонники свободы мысли и совѣсти? Магометанство и католичество, султанъ и папа, предавъ полному забвенію преданія Крестовыхъ Походовъ, шествуютъ рука объ руку по пути свободы совѣсти, просвѣщенія и либерализма!... Какое высокое назиданіе для варварской Россіи, не ужившейся съ благодушными и трудолюбивыми Черкесами, какъ величалъ ихъ еще недавно покойный Эліасъ Реньйо, при рукоплесканіяхъ всей французской журналистики! Получилась бы она у французскихъ католиковъ въ Алжирѣ...

Но что̀ это? О, ужасъ! Ужь не грезится ли намъ? Въ слѣдующемъ № той же клерикальной газеты *le Monde*, столь благодушной къ магометанству, читаемъ, не вѣря глазамъ своимъ, слѣдующее: „Еслибы „правительство захотѣло освѣдомиться у „алжирскаго духовенства, то духовенство „отвѣтило бы ему: *Коранъ вамъ врагъ*! По„старайтесь всячески оторвать Араба отъ „его пагубнаго ученія... Арабъ своею вѣ„рой приведенъ въ скотское состояніе; онъ „удерживается въ этомъ состояніи и сво„имъ общественнымъ бытомъ основаннымъ „на Коранѣ. Подавляйте *многоженство*, или, „по крайней мѣрѣ, *не становитесь по„кровителями мусульманскихъ безобразій*. „*Не являйте Арабамъ позорище христі„анъ открывающихъ мусульманскія шко„лы*.... Вопросъ первенствующій предъ „всѣми есть вопросъ о *свободѣ апостоль„ства!*..."

Итакъ, вотъ что̀, устами *le Monde*, возглашаетъ христіанская Франція, и на этотъ разъ вѣщанія ея искренни. Магометанство, уничтожая семейство и порабощая женщину, мы согласны, не способно къ пріятію христіанскаго просвѣщенія, полагающаго въ основу человѣческаго общежитія семейную жизнь и святость христіанской дѣвы, супруги и матери. Но почему же христіанская Франція не говоритъ тѣмъ же голосомъ въ Константинополѣ, гдѣ слово ея было бы достаточно сильно для посрамленія „мусульманскихъ безобразій," подавляющихъ развитіе милліоновъ христіанъ? Почему? Развѣ подъ сѣнію христіанской вѣротерпимости не болѣе мыслимо параллельное существованіе магометанства подчиненнаго христіанской власти? Магометанство въ Алжирѣ есть дѣло понятное и неоскорбительное; но магометанство возмущаетъ и разумъ, и христіанскую совѣсть въ Константинополѣ, гдѣ оно властвуетъ надъ христіанами, и гдѣ власть его основана *единственно* на поддержкѣ другихъ христіанъ. Если клерикальная Франція такъ благодушна и дружелюбна къ исламу въ Константинополѣ, то почему же вопіетъ она противъ „мусульманскихъ безобразій" въ Алжирѣ, гдѣ страждутъ отъ нихъ только сами же Арабы,—почему умалчиваетъ объ этихъ „безобразіяхъ" тамъ, гдѣ они такъ страшно тяготѣютъ не на одномъ магометанствѣ, но и на бѣдствующемъ христіанствѣ, за которымъ, при всемъ его нравственномъ и численномъ превосходствѣ, *le Monde* не признаетъ даже равнаго съ магометанами права представительства въ совѣтахъ Порты? Надъ всѣми вопросами, по мнѣнію *le Monde*, первенствуетъ въ магометанскомъ Алжирѣ вопросъ христіанскаго апостольства; а въ христіанской Румеліи, въ христіанской Болгаріи, всякій успѣхъ апостольскаго дѣла подвергаетъ обращеннаго смертной казни...

Политика Франціи на Востокѣ, вотъ единственная причина восторженныхъ отзывовъ клерикальной газеты о константинопольскомъ магометанствѣ. Во глубинѣ своей совѣсти, она понимаетъ магометанство въ Константинополѣ совершенно такъ же какъ и въ Алжирѣ, покланяется же и кадитъ въ Стамбулѣ угнетателю и поработителю восточнаго православія.... Клерикальная французская газета радуется всякому случаю несогласія между восточными христіанами, ибо взаимныя несогласія ихъ упрочиваютъ тяготѣющее на нихъ магометанское иго, и она воспѣваетъ благоденствіе Болгаръ подъ властію преемника Османа.... „Всѣ толки," восклицаетъ *le Monde*, „о возможности союза турецкихъ Славянъ противъ султана, всѣ эти „толки—ложь, сущая ложь! На Востокѣ, „каждый за себя, Богъ за всѣхъ!... Бол„гары и не мыслятъ объ освобожденіи отъ „власти султана; отъ ней, отъ ней одной „ожидаютъ они улучшенія своего быта..." Это умилительно, но этому противорѣчитъ мнѣніе той же газеты о безнадежности и тлетворности магометанства въ Алжирѣ. „Мы находимъ въ Алжирѣ," говоритъ эта газета, „многоженство со всѣми своими без„чинствами, фатализмъ, безпечность, де„спотизмъ и коммунизмъ. Ужели кто ду„маетъ, что мы можемъ безнаказанно ды„шать этою нечистою атмосферой?... Осво„бодимъ этотъ край отъ міазмовъ, а не „то *мы будемъ отравлены*... Словомъ, на-

„до избрать либо Евангеліе, либо Коранъ...“ И вотъ въ Алжирѣ *le Monde* избираетъ Евангеліе, а для Болгаръ, для Грековъ, для Босняковъ, французская *христіаннѣйшая* газета рѣшительно предпочитаетъ Коранъ; она съ удовольствіемъ оставляетъ ихъ подъ нравственною „отравой“ „нечистой атмосферы“ магометанства,—магометанства не подвластнаго, какъ въ Алжирѣ, но имѣющаго верховную власть; она съ дикимъ злорадствомъ предаетъ ихъ „жестокимъ хищеніямъ послѣдователей Магомета,“ лишь бы на развалинахъ мусульманской власти не водрузилась когда-нибудь торжествующая хоругвь восточнаго православія...

Б.

11-го мая, въ великій для всего славянства день Свв. Кирилла и Меѳодія, въ Петербургѣ, въ соборѣ Казанской Божіей Матери, произнесены двѣ проповѣди: первая, предъ окончаніемъ литургіи, однимъ изъ соборныхъ протоіереевъ, на текстъ „Поминайте учителей вашихъ,“ другая, въ концѣ молебна, протоіереемъ І. В. Васильевымъ. Проповѣдникъ говорилъ о глубокой *вѣрѣ*, безъ которой мертво знаніе, о *вѣротерпимости* къ инымъ исповѣданіямъ, о любви къ нашимъ братьямъ по крови и вѣрѣ, и указывалъ на заслуги святыхъ первоучителей славянства, въ которыхъ оно находитъ залогъ и силу своего *духовнаго* единенія... Послѣ богослуженія, многочисленное общество собралось на завтракъ, за которымъ были посланы поздравительныя телеграммы въ Прагу, Загребъ, Львовъ, Бѣлградъ и Москву; затѣмъ слѣдовали многочисленныя *здравицы*, изъ коихъ одна предложена за *духовное* единство Славянъ, другая за нашихъ прошлогоднихъ гостей. Въ заключеніе предложено отпраздновать пятисотлѣтній юбилей Яна Гуса, „подвижника независимости славянской церкви отъ римской іерархіи...“

Въ этомъ заключаются всѣ факты, изложенные въ *Голосѣ*, и воспроизведенные офиціозною французскою газетой *la France* по поводу празднованія, въ С.-Петербургѣ, дня Свв. Кирилла и Меѳодія, коихъ апостольству восточное славянство обязано вмѣстѣ и христіанскою вѣрой, и своею письменностію. Фактъ простой, естественный и самый трезвый. Кому изъ постороннихъ можетъ быть дѣло до этого чисто семейнаго празднества, которое не раздражаетъ ни чьего самолюбія, не посягаетъ ни на чьи права? Кто, не лишенный самоуваженія и здраваго смысла, рѣшился бы протестовать въ виду этого случая? Къ сожалѣнію, *la France*, какъ видно, не имѣетъ избытка ни въ томъ, ни въ другомъ. „Эти подробности,“ говоритъ упомянутая газета о приведенныхъ выше обстоятельствахъ праздника, „составляютъ „для насъ новое доказательство *упорныхъ* „*стремленій* Россіи поддерживать агита„цію между славянскими народами, и пре„имущественно между тѣми, кои входятъ „въ составъ Австрійской имперіи.“ На это вмѣшательство французской газеты въ подробности нашей внутренней жизни, мы скажемъ, что для насъ подобныя выходки служатъ только доказательствомъ раболѣпства французской печати: она слѣпо исполняетъ отданный ей приказъ придираться ко всему, что бы ни дѣлалось, что бы ни говорилось въ Россіи. Французская печать такъ уронила свое достоинство и такъ мало независима, что ея заявленія не могутъ быть уважаемы и служатъ только признакомъ настроенія французскаго правительства.

Неужели *France* забыла, въ какихъ выраженіяхъ аббаты Бауэръ и де-Герри, въ своихъ проповѣдяхъ среди Парижа, отзывались о Россіи, о ея народѣ, о ея государѣ, о ея вѣрѣ? Неужели изъ ея памяти уже изгладились тысячи рѣчей, подобныхъ произнесенной уполномоченнымъ отъ министерства народнаго просвѣщенія, барономъ Туссенелемъ, при раздачѣ призовъ въ Батиньйольской школѣ, 3-го августа 1865 г., или подобныхъ произнесенной въ часовнѣ этой же школы 18-го декабря 1864 г. архіепископомъ Смирнскимъ? Не болѣе трехъ мѣсяцевъ предъ симъ, именно 29-го минувшаго февраля, не въ Парижѣ ли произносились возмутительныя рѣчи на польскомъ праздникѣ годовщины Барской конфедераціи?

Нѣкогда французская дипломатія откровенно высказалась, будто „анархія Польши *полезна* для Франціи..“ Всякому извѣстно какихъ обильныхъ потоковъ крови стоило несчастной Польшѣ это столько же лживое, сколько и чудовищное ученіе о „пользѣ“ Франціи... Не опять ли понадобились жертвы въ видахъ этой „пользы?“ Мнимое „агитаторство“ Россіи никогда на

стоило Австріи ни одной капли крови, между тѣмъ какъ спасеніе имперіи Габсбурговъ стоило не мало русской крови въ 1849 году... Какъ знать? Дешево ли для Австріи обойдется дружба Франціи, за которую Францъ-Іосифъ уже поплатился жизнію своего брата...

№ 112.

Москва, 25-го мая.

А.

Русскій Инвалидъ принесъ намъ сегодня совершенно неожиданное извѣстіе о начатіи военныхъ дѣйствій съ Бухарой и о новыхъ блестящихъ успѣхахъ одержанныхъ нашими войсками въ Средней Азіи. 1-го мая разбиты войска бухарскаго эмира на Самаркандскихъ высотахъ, а 2-го мая Самаркандъ, важнѣйшій городъ владѣній эмира послѣ Бухары, занятъ нашими войсками. По всему вѣроятію, военныя дѣйствія не остановятся на этомъ, и слѣдующіе дни принесутъ намъ вѣсти о дальнѣйшемъ движеніи нашихъ войскъ.

Пока намъ въ точности неизвѣстны послѣднія дѣйствія эмира, вызвавшія движеніе генерала Кауфмана къ Самарканду; но, сколько мы знаемъ, ташкентская администрація дѣлала все возможное для избѣжанія необходимости открыть военныя дѣйствія. Она старалась оставлять безъ вниманія не только мелкія непріятности вызывательнаго характера, которыя чинились Бухарой въ то самое время, когда посланникъ эмира дружелюбно трактовалъ въ Ташкентѣ, но даже безпрестанное въ русскихъ предѣлахъ появленіе бухарскихъ шаекъ приписывалось не эмиру, а либо своеволію бековъ, либо разбойническимъ наклонностямъ жителей. Наконецъ эмиромъ были задержаны въ Бухарѣ русскіе купцы, и одновременно съ этимъ выѣхалъ изъ Ташкента его посланецъ. Рѣшеніе немедленно начать военныя дѣйствія въ виду такихъ обстоятельствъ заслуживаетъ полнаго уваженія. Съ варварскими владѣльцами необходимо поступать такъ чтобы за всякое ими нанесенное оскорбленіе слѣдовала немедленная расплата; въ противномъ случаѣ русская власть утратила бы всякое уваженіе не только въ сосѣднихъ владѣніяхъ, но и въ своихъ мѣстныхъ населеніяхъ, и въ послѣдствіи пришлось бы ей съ усиліями и пожертвованіями возстановлять свой авторитетъ. Надо замѣтить, что генерала Кауфмана недавно ожидали въ Петербургѣ. Послѣдній гонецъ, пріѣхавшій изъ Ташкента, привезъ извѣстіе, что генералъ готовился выѣхать оттуда на дняхъ. Война началась вынужденнымъ, но рѣшительнымъ шагомъ.

Удовольствуются ли наши войска занятіемъ Самарканда, или двинутся на Бухару, что̀ всего вѣроятнѣе, для нанесенія окончательнаго удара? Въ какія политическія отношенія поставлена будетъ къ намъ Бухара, послѣ ея окончательнаго пораженія?

Съ 1864 года мы подвинулись въ Средней Азіи на сотни верстъ къ юго-востоку и заняли грозное положеніе въ виду Кокана и Бухары. Ташкентъ, центръ среднеазійской торговли, сдѣлался русскимъ городомъ, Сыръ-Дарья — русскою рѣкою, Небесныя горы — границей имперіи. Въ военномъ отношеніи такое положеніе весьма выгодно: Коканъ отдѣленъ отъ Бухары, доступы въ ханства свободны, и требуется весьма мало войскъ для того чтобы русская власть поддерживалась съ достоинствомъ въ занятой странѣ. Въ торговомъ отношеніи такое положеніе представляетъ не менѣе удобствъ, и лишь только установятся прочныя отношенія къ азіатскимъ владѣтелямъ, вся Средняя Азія, съ ея многочисленными населеніями, сдѣлается естественнымъ рынкомъ для сбыта русскихъ мануфактуръ. Уже теперь русская предпріимчивость пытается открыть для торговли многолюдныя страны западнаго Китая.

До сихъ поръ наши военныя дѣйствія въ Азіи сопровождались территоріальными пріобрѣтеніями. Слѣдствіемъ такихъ пріобрѣтеній до сихъ поръ, однако, едва ли было увеличеніе выгодъ для народа и могущества для государства. Азіатцы вступившіе въ подданство Россіи освобождены отъ военной повинности и платятъ несравненно меньше податей нежели платили прежде. При такихъ условіяхъ, вся тягость пріобрѣтеній ложится на коренное русское населеніе Имперіи. Наша государственная практика не выработала до сихъ поръ такого взгляда на управленіе вновь занимаемыми странами, при которомъ онѣ не требовали бы жертвъ со стороны кореннаго населенія Имперіи, а напротивъ открывали бы ему новыя льготы. По всему вѣро-

ятію, и завоеваніе Бухары потребовало бы только тратъ людьми и деньгами, не принося въ замѣнъ никакихъ выгодъ; тогда какъ мы можемъ быть совершенно довольны, если этотъ край будетъ поставленъ въ почтительное отношеніе къ Россіи, такъ чтобы всякій русскій подданный во владѣніяхъ эмира былъ столько же безопасенъ, какъ и въ предѣлахъ Имперіи

Вотъ телеграмма изъ Орска (извѣстіе это до Орска доставлено съ курьеромъ), отъ 23-го мая, напечатанная въ *Русскомъ Инвалидѣ*:

„Вынужденный вѣроломствомъ бухарскаго эмира, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ двинулся противъ него и разбилъ, 1-го мая, его войска на самаркандскихъ высотахъ. Жители города не пустили бѣжавшихъ Бухарцевъ. Послѣ блистательной побѣды 1-го мая, генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ 2-го мая занялъ Самаркандъ, сдавшійся безъ выстрѣла. Трофеи дѣла 1-го мая: 21 орудіе и весь лагерь бухарскаго эмира. Потери наши состоятъ изъ 3-хъ раненыхъ оберъ-офицеровъ и 28 нижнихъ чиновъ и 2 нижнихъ чиновъ убитыхъ.“

Вмѣстѣ съ этою телеграммой привезены курьеромъ извѣстія о происшествіяхъ предварившихъ дѣло съ бухарскими войсками. Эти извѣстія *Русскій Инвалидъ* обѣщаетъ сообщить въ непродолжительномъ времени.

B.

Вотъ уже дней десять какъ въ иностранной печати толкуютъ о составленіи повстанскихъ шаекъ въ Галиціи и Познани. Одни положительно подтверждаютъ существованіе этихъ шаекъ, замышлявшихъ новые безпорядки въ надвислянскихъ областяхъ; другіе столь же положительно отрицаютъ это, и изъявляютъ живѣйшее негодованіе противъ тѣхъ, кто осмѣливается подозрѣвать польскую эмиграцію въ революціонныхъ замыслахъ и попыткахъ. А нѣкоторые простираютъ свою наглость до того, что приписываютъ это движеніе интригамъ самой Россіи, которая будто бы употребляетъ значительныя суммы на то, чтобы поднять на ноги польскую эмиграцію, и имѣетъ для этого въ ея средѣ своихъ *agents provocateurs*. Это интересное свѣдѣніе пущено въ свѣтъ органомъ князя Чарторыйскаго *Nord-Est*, и вышло изъ лагеря пановъ, которые хотятъ пользоваться всѣми средствами,— личиной благонамѣренности и консервативными идеями въ Петербургѣ, эмиграціей въ Парижѣ, шайками въ Галиціи и клеветой въ печати.

Прежде всего нужно поставить на видъ, что слухамъ о шайкахъ предшествовали два всѣмъ извѣстные факта, которые могли послужить двойственнымъ сигналомъ для попытокъ этого рода на нашихъ границахъ. О составленіи шаекъ начали говорить тотчасъ послѣ рѣчи, произнесенной княземъ Чарторыйскимъ въ Лондонѣ, и послѣ возвѣщенія о поѣздкѣ принца Наполеона въ Галицію. Петербургскіе жители могли бы присоединить къ этому еще третій фактъ, свѣдѣнія о которомъ хотя и не вполнѣ дошли до публики, но который очень знаменателенъ по своему совпаденію съ упомянутыми слухами. Мы говоримъ о прибытіи въ Россію человѣка подозрительнаго, который называлъ себя врачомъ и благодаря дипломатическому покровительству умѣлъ втереться въ самые фашіонабельные салоны Петербурга и безнаказанно, въ виду русскихъ властей, завязать сношенія съ польскими и полонофильскими элементами, столь обильными въ сѣверной Пальмирѣ.

Очевидно, эти факты находились между собою въ связи, и могли вызвать или по крайней мѣрѣ поощрить повстанскія попытки, которыя огласились вслѣдъ затѣмъ.

По извѣстіямъ иностранныхъ газетъ, русскія власти первыя указали прусскому правительству на образованіе шаекъ въ Познани. Не знаемъ, въ какой мѣрѣ это правда; но положительно извѣстно, что офиціальные органы Берлинскаго кабинета съ полною увѣренностью подтверждали извѣстіе о шайкахъ. Итакъ, вопросъ сводится къ слѣдующему: правду ли говорили прусскіе офиціальные органы? Допустивъ отвѣтъ отрицательный, мы должны еще обсудить, съ какою же цѣлью Берлинскій кабинетъ компрометтировалъ бы себя явно невѣрными извѣстіями. Намѣреніе возбудить недовѣріе между Россіей и Австріей предполагать тутъ было бы неумѣстно. Нельзя не сознаться, что это былъ бы трудъ совершенно безполезный, ибо г. фонъ-Бейстъ уже давно съ большимъ усердіемъ и успѣхомъ самъ занимается приведеніемъ въ разстройство добрыхъ отношеній между Россіей и Австріей. Или, можетъ-быть, Берлинскій ка-

бинетъ имѣлъ въ виду напугать насъ и дать намъ почувствовать всю важность своей дружбы въ ожидающую насъ критическую минуту появленія 500 повстанцевъ? Не знаемъ въ какой мѣрѣ возможно такое предположеніе со стороны Пруссіи, но оно значило бы только то что въ Берлинѣ насъ считаютъ за дѣтей, которыя всего могутъ испугаться. Наконецъ, возникаетъ вопросъ, что̀ побудило офиціозный *Constitutionnel* отрицать прусскія свѣдѣнія съ опрометчивостью слишкомъ наивною, ибо, какъ справедливо замѣтила одна бельгійская газета, французскому правительству было матеріально невозможно, въ продолженіе какихъ-нибудь двѣнадцати часовъ, провѣрить то что̀ дѣлалось въ Галиціи или Познани.

Загадочность дѣла увеличивается еще тѣмъ, что въ газетѣ совершенно независимой, которая не слѣдуетъ ни прусскимъ, ни французскимъ внушеніямъ, именно въ *Journal de Genéve*, чрезъ два дня послѣ напечатанія въ газетѣ *Constitutionnel* опроверженія, появилась статья, содержащая между прочимъ слѣдующія строки: „Многіе польскіе выходцы, до сихъ „поръ жившіе въ Швейцаріи, уѣхали отсюда въ Галицію съ паспортами, которыми ихъ снабдило австрійское посольство въ Берлинѣ. Повидимому, они были „предупреждены, что ихъ ожидаетъ въ „Галиціи превосходный пріемъ, и отправились туда по призыву. То же самое „явленіе обнаруживается между Поляками, „какъ слышно, во Франціи и въ Италіи. „Но австрійскіе паспорты выдаются имъ „лишь въ такомъ случаѣ когда они несомнѣнно докажутъ, что они выходцы „политическіе. Эти факты извѣстны намъ „навѣрное, но пока еще мы не можемъ „дѣлать какіе-либо важные выводы изъ „нихъ. Дѣйствительно ли, какъ увѣряютъ, „имѣется въ виду сосредоточить Поляковъ „въ Галиціи, или Австрія просто исполняетъ долгъ человѣколюбія, доставляя „несчастнымъ изгнанникамъ убѣжище по „близости къ ихъ отечеству? Между этими двумя толкованіями еще можно колебаться; но во всякомъ случаѣ мы нашли „этотъ фактъ интереснымъ и считаемъ „нелишнимъ заявить его.“

Послѣдняя почта принесла намъ, правда, опроверженіе этихъ показаній, идущее отъ швейцарскаго правительства, но это опроверженіе запоздалое и вѣроятно вызванное какими-либо ходатайствами; къ тому же оно сдѣлано въ выраженіяхъ слишкомъ общихъ. Союзный совѣтъ, какъ телеграфируютъ въ петербургскія газеты, не отрицаетъ прямо извѣстія объ отъѣздѣ польскихъ выходцевъ изъ Швейцаріи въ Галицію, но уклончиво отрицаетъ только то, что „въ послѣднее время Поляки *во множествѣ* (nombreux) выѣхали изъ Швейцаріи, снабженные австрійскими паспортами“. Между тѣмъ, свѣдѣнія, полученныя нами изъ вѣрныхъ источниковъ, побуждаютъ насъ признать, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой степени, точность приведенныхъ показаній швейцарской газеты. Мы можемъ присовокупить къ нимъ, что австрійскіе дипломатическіе и консульскіе агенты въ Швейцаріи находятся въ прямыхъ и постоянныхъ сношеніяхъ съ тамошнимъ польскимъ комитетомъ состоящимъ подъ предсѣдательствомъ графа Плятера, и что по его-то рекомендаціи они, кажется, и выдавали затребованные отъ нихъ паспорты.

Но всего знаменательнѣе, что австрійская печать опровергаетъ прусскія увѣренія съ такою же неестественною запальчивостью какъ и парижскій *Constitutionnel*. Приводимъ лишь нѣкоторыя австрійскія отрицанія замѣчательныя по ихъ оригинальности.

Вопервыхъ вотъ что̀ сказано въ вѣнскомъ *Tagblatt* отъ 19-го мая: „Если, несмотря „на истощеніе Польши, Русскіе показываютъ видъ будто вѣрятъ немедленному „повторенію польскаго возстанія, то конечно ихъ тайная цѣль состоитъ въ томъ, „чтобы создавать Австріи затрудненія, обращаться къ ней съ жалобами, и наконецъ, подъ предлогомъ необходимости отражать могущія вторгнуться къ намъ польскія инсуррекціонныя шайки, сосредоточить на нашей границѣ большое число „войскъ.“

Потомъ объявивъ, будто какой-то русскій агентъ-подстрекатель, по имени Малышевскій, навербовалъ шайку изъ польскихъ выходцевъ живущихъ въ Парижѣ, *Tagblatt* заключаетъ свою статью слѣдующими словами:

„Изъ этого можно видѣть, что Россія „сама на собственныя деньги, вооружаетъ „противъ себя шайки выходцевъ.“

Почти то же утверждаетъ и вѣнская *Presse*; она указываетъ на того же русскаго агента-подстрекателя, и въ заклю-

ченіе говоритъ: „Кажется, Русскіе имѣ„ютъ въ виду двойную цѣль: вопервыхъ „они хотятъ извинить свою разрушитель„ную политику, вовторыхъ, перебить какъ „можно болѣе Поляковъ.“

Всѣ польскіе органы *Часъ*, *Дзенникъ Познаньски*, и *Глосъ вольны* исполняютъ варіаціи на ту же тему, только съ большимъ шумомъ. Они истощаются въ ругательствахъ на русскихъ клеветниковъ, дерзающихъ подозрѣвать добродѣтельную и миролюбивую польско-парижскую эмиграцію въ коварныхъ проискахъ. По ихъ увѣренію, общественный порядокъ въ Европѣ не имѣетъ болѣе усердныхъ защитниковъ, чѣмъ эти смиренные слуги ржонда, питающіе глубочайшее отвращеніе къ анархіи, исполненныхъ самыхъ консервативныхъ идей.

Нужно ли ставить на видъ чудовищную нелѣпость увѣренія, будто Россія „сама „вооружаетъ противъ себя шайки мятеж„никовъ съ двойственною цѣлью извинить „свою политику и перебить какъ можно болѣе Поляковъ“? Такой образъ дѣйствій приличенъ только Австріи и согласуется съ преданіями ея политики. Россія же могла бы достигнуть своихъ цѣлей гораздо проще: ей стоитъ только воспользоваться справедливыми, разумными и подручными ей способами, для того чтобы не губя Поляковъ, а напротивъ щадя ихъ, покончить навсегда съ польскимъ вопросомъ,—напримѣръ ей стоило бы только оставить при ихъ прежнемъ назначеніи тѣ 5 милліоновъ рублей, которые были опредѣлены на водвореніе въ западномъ краѣ русскаго землевладѣнія и т. п. Во всякомъ случаѣ: польскіе паны партіи князя Чарторыйскаго не могутъ очень жаловаться на то, что ихъ дѣла идутъ у насъ слишкомъ наперекоръ ихъ желаніямъ.

В.

Въ № 52 *Виленскаго Вѣстника* напечатана вѣдомость упраздненныхъ новымъ генералъ-губернаторомъ 7 костеловъ и 24 каплицъ. Въ числѣ закрытыхъ костеловъ значится Цытовянскій, Шидловскаго деканата, Россіенскаго уѣзда, Ковенской губерніи, о которомъ мы упомянули мимоходомъ въ передовой статьѣ № 109 *Московскихъ Вѣдомостей*. Если не ошибаемся, это—первый приходскій костелъ на Жмуди, закрытый въ послѣдніе годы. Графъ Муравьевъ упразднилъ въ Ковенской губерніи семь монастырей, но костелы ихъ оставилъ попрежнему приходскими. Кромѣ того, при графѣ Муравьевѣ и его преемникахъ, закрыто въ Ковенской губерніи нѣсколько каплицъ и двѣ филіи. Надо замѣтить, что ковенскіе приходы, повидимому, довольно крупны; по рубрицелламъ 1867 г. приходилось свыше четырехъ тысячъ жителей на приходъ. Но сверхъ приходскихъ костеловъ, на Жмуди имѣется множество филій, то-есть приписныхъ костеловъ, при которыхъ, однако, живутъ священники, отправляющіе богослуженіе и всѣ требы; въ сущности филіальные костелы ничѣмъ не отличаются отъ приходскихъ.

Виленскій Вѣстникъ объясняетъ мотивы закрытія Цытовянскаго костела слѣдующими словами: „Цытовянскій помонастырскій костелъ (закрытъ) по ненадобности въ немъ, съ упраздненіемъ самаго прихода и съ обращеніемъ костельнаго зданія въ православную церковь.“

Въ мѣстечкѣ Цытовянахъ, въ 186 верстахъ отъ Россіенъ, существовалъ бернардинскій монастырь, закрытый въ 1864 году графомъ Муравьевымъ; но костелъ оставленъ, какъ былъ, приходскимъ. Въ этомъ приходѣ нѣтъ филій; прихожанъ считается по рубрицелламъ 1868 г. свыше пяти тысячъ, хотя въ дѣйствительности, говорятъ, врядъ ли наберется четыре тысячи. Въ самомъ мѣстечкѣ Цытовянахъ проживаетъ 712 католиковъ и 2 православныхъ, да кромѣ того въ мѣстности Цытовянскаго прихода, въ околицѣ Подурупи, живутъ еще 2 православныхъ. Всѣхъ же православныхъ въ Россіенскомъ уѣздѣ, *по статистическимъ таблицамъ* изданнымъ въ Вильнѣ въ 1867 году, считается 946, а въ *Статистическомъ описаніи* Ковенской губерніи г. Аѳанасьева (стр. 521) показано православныхъ въ городѣ Россіенахъ 342 и въ уѣздѣ его 1.144, причемъ г. Аѳанасьевъ замѣчаетъ, что въ Россіенскомъ уѣздѣ особенно чувствуется недостатокъ въ православныхъ храмахъ, такъ что на 5.840 кв. вер. и на 1.144 православныхъ жителей существуетъ лишь одна православная церковь, и то на краю уѣзда при Нѣманѣ. Впрочемъ, можно считать, что треть изъ числа православныхъ Россіенскаго уѣзда живетъ въ городѣ Россіенахъ, гдѣ есть православная церковь; около того же—въ мѣстечкахъ Таурогенѣ и Юрбургѣ, а остальная треть, всего человѣкъ 400, разсѣяна по уѣзду.

Подробности мотивовъ закрытія Цытовянскаго костела намъ неизвѣстны, но едва ли можно полагать, чтобъ онъ былъ закрытъ въ видахъ сокращенія числа излишнихъ католическихъ молитвенныхъ зданій. Въ такомъ случаѣ, ближе было бы обратить вниманіе на множество филій и каплицъ, при коихъ находятся особые священники. Вообще, надобно чтобы правительственныя заботы въ этомъ отношеніи выражались въ видѣ общихъ мѣръ, а не случайныхъ и отдѣльныхъ распоряженій. Въ тридцатыхъ годахъ, напримѣръ, упразднялись приходы не имѣющіе опредѣленнаго числа прихожанъ. Это могло требоваться весьма основательными соображеніями; но закрывать костелы съ нѣсколькими тысячами прихожанъ и оставлять тѣ, при коихъ имѣется таковыхъ нѣсколько сотъ, едва ли это соотвѣтствуетъ истиннымъ видамъ правительства.

Разсказываютъ, что закрытіе Цытовянскаго костела обошлось не безъ затрудненій. Епископъ Волончевскій, говорятъ, не отрядилъ отъ себя депутатовъ къ этому закрытію. Чиновникъ, явившійся закрывать костелъ, нашелъ ограду его наполненную народомъ: одни лежали на землѣ крестомъ, другіе стояли на колѣнахъ. Оказалось, будто бы, что въ оградѣ костела существуетъ какая-то священная каплица, а стѣны ограды расписаны изображеніемъ страданій Спасителя: это то что называется тамъ кальваріями или полукальваріями. На предстоявшіе праздники Троицы къ этой кальваріи должны были стекаться богомольцы изъ окрестностей. Военному начальнику удалось уговорить прихожанъ разойдтись, разъяснивъ имъ, что распоряженіе о закрытіи касается собственно костела, а не кальваріи, которая можетъ быть перенесена на другое мѣсто. На предстоявшіе праздники разрѣшено совершить богослуженіе въ каплицѣ, стоящей въ оградѣ костела; самый же костелъ былъ запертъ.

До послѣдняго времени виленская администрація не распространяла на Жмудь тѣхъ мѣръ относительно католическихъ молитвенныхъ зданій, которыя оказывались болѣе или менѣе умѣстными въ другихъ губерніяхъ края, гдѣ католическое духовенство завладѣло множествомъ уніатскихъ церквей и часовень, отчасти не дальше какъ въ сороковыхъ годахъ, и гдѣ католицизмъ разставилъ свои филіи и каплицы, въ мѣстностяхъ не имѣющихъ католиковъ, и даже на православныхъ кладбищахъ.

№ 113.

Москва, 27-го мая.

А.

Въ минувшемъ году, около этого времени, правительство Франціи находилось въ положеніи трудномъ, опасномъ, почти безвыходномъ, въ которое привели его собственныя ошибки и увлеченія. Избранникъ Франціи терялъ вѣру въ свою звѣзду; подвластная ему, славолюбивая нація начинала уже чувствовать горечь униженія; Европа ежеминутно могла вспыхнуть пожаромъ всеобщей войны. Все томилось въ тревожномъ ожиданіи событій; интересы приходили въ разстройство, дѣла останавливались, и мирному празднику искусствъ и промышленности, задуманному въ Парижѣ, грозила оскорбительная неудача, которая довершила бы всеобщее разстройство и смятеніе. Въ это время миръ Европы, можемъ мы сказать съ законною гордостію, былъ спасенъ Россіей. Затрудненіе возникшее между Франціей и Пруссіей,—затрудненіе, изъ котораго обѣ эти державы не могли сами собою высвободиться,—было улажено благодаря безкорыстному посредству и добрымъ услугамъ Императорскаго кабинета. Согласіе, тогда изъявленное Государемъ Императоромъ на посѣщеніе Парижа, было дѣломъ великодушной рѣшимости, событіемъ неоцѣнимаго значенія Оно было истиннымъ благодѣяніемъ для правительства Франціи. Это была помощь поданная въ самую трудную минуту.

Народъ напутствовалъ своего Вѣнценоснаго Вождя, какъ и всегда, благословеніемъ, но на этотъ разъ и съ тайнымъ предчувственнымъ трепетомъ. Предчувствіе народное оправдалось. Государя, прибывшаго на праздникъ мира съ дарами мира и ознаменовавшаго отъѣздъ свой дѣйствіемъ милосердія въ облегченіе участи постигнутыхъ правосудіемъ участниковъ послѣдняго мятежа, сторожилъ въ столицѣ Франціи злоумышленникъ, польскій выходецъ съ Волыни…

День 25-го мая! Живо помнимъ мы впечатлѣнія этого дня въ минувшемъ году.

Какъ громъ пронеслась надъ Россіей и изъ конца въ конецъ потрясла ее вѣсть о покушеніи на жизнь ея Государя, вдали отъ своихъ, среди столицы чужаго государства...

Провидѣніе бодрствовало надъ дорогою для Россіи жизнію. Богъ спасъ ее, и спасъ Россію. День 25-го мая сталъ для русскаго народа днемъ благодарственнаго моленія. Въ благости сердца своего, Государь Императоръ пожелалъ, чтобы день этотъ былъ также днемъ милости и прощенія. „Его Величество, сказано въ *Journal de St.-Petersbourg*, въ объясненіе Высочайшаго указа объ амнистіи, который читатели найдутъ во главѣ этого листа, „припомнилъ о покушеніи заблудшаго Поляка „для того только чтобы разлить на многочисленныхъ политическихъ преступниковъ блага своего милосердія. Мы не „знаемъ, какое впечатлѣніе произведетъ „это милосердіе на несчастныхъ, кого оно „коснется; не рѣдко доброта сѣящая благодѣянія, собираетъ лишь неблагодарность и опытъ часто доказывалъ, до „какой степени фанатизмъ ослѣпляетъ „тѣхъ, кои шествуютъ его пагубнымъ свѣтомъ; но великодушный характеръ не „разчитываетъ, какія выгоды принесетъ „ему его дѣяніе; онъ творитъ благо для „самаго блага и для собственнаго утѣшенія."

Сердце, способное къ великодушнымъ побужденіямъ, пойметъ и оцѣнитъ святую потребность соединить благодарную память о спасительномъ дѣйствіи Божественнаго Промысла съ дѣломъ милости и прощенія.

Прощеніе своихъ обидъ есть одна изъ самыхъ возвышенныхъ добродѣтелей христіанина; помилованіе преступниковъ, постигнутыхъ общественнымъ правосудіемъ, есть самое лучшее преимущество царей. Жертвы политическихъ увлеченій, если только это не злодѣи, испорченные во глубинѣ своего нравственнаго существа, не разбирающіе средствъ и утратившіе чувство различія между добромъ и зломъ, возбуждаютъ состраданіе даже и въ томъ случаѣ, когда кары, ихъ постигающія являются вполнѣ справедливымъ возмездіемъ. А потому государственная мудрость становится истинною благостію, раскрывая и устраняя причины, которыя обманываютъ и губятъ людей. Съ одной стороны, снисхожденіе и милость къ людямъ, съ другой — неукоснительное и твердое преслѣдованіе зла, которое дѣлаетъ ихъ преступниками противъ государства, вотъ христіанское человѣколюбіе и вотъ также задача государственной мудрости. По слову Апостола, борьба должна быть не съ плотію, не съ людьми, а съ начами, — съ тѣми причинами, противъ которыхъ люди, и нерѣдко лучшіе, бываютъ безсильны.

Мѣры снисхожденія и милосердія къ политическимъ преступникамъ польскаго мятежа будутъ приняты общественною совѣстію тѣмъ съ бо́льшимъ сочувствіемъ, чѣмъ яснѣе стали для всѣхъ истинныя причины зла, и чѣмъ тверже и неуклоннѣе будетъ предотвращаемо зло въ его источникахъ.

Б.

Монаршія милости, коими былъ ознаменованъ для арміи день крестинъ Царскаго Внука, не суть только милости единовременныя, улучшающія личное положеніе теперешняго состава служащихъ: это вмѣстѣ съ тѣмъ мѣры имѣющія оказывать постоянное благотворное дѣйствіе на армію какъ на учрежденіе. Онѣ примыкаютъ къ общей системѣ военнаго преобразованія, и лишь въ связи съ нею можетъ быть оцѣнено ихъ значеніе, такъ-сказать, законодательное.

Начнемъ со срока службы нижнихъ чиновъ, подъ знаменами сокращеннаго двумя годами. По свѣдѣніямъ обнародованнымъ въ *Военномъ Ежегодникѣ*, справочной книгѣ, издаваемой при Главномъ Штабѣ и недавно вышедшей съ свѣдѣніями за 1866 г., численность нижнихъ чиновъ къ 1-му января 1867 года простиралась до 697.137 человѣкъ; сравнительно съ предыдущимъ годомъ она уменьшилась на 36.000 человѣкъ, главнѣйше вслѣдствіе временныхъ отпусковъ, коими къ концу 1866 года воспользовалось до 100.000 человѣкъ. Эти сто тысячъ человѣкъ отпущены по такъ-называемому желтому билету; теперь для большей части изъ нихъ желтый билетъ будетъ замѣненъ краснымъ, то-есть безсрочнымъ. На практикѣ нѣтъ существеннаго различія между желтымъ и краснымъ билетомъ. Кто уволенъ во временный отпускъ, тотъ можетъ считать себя столько же свободнымъ какъ и безсрочно-отпускные, но самое увольненіе въ одномъ случаѣ зависитъ отъ усмотрѣнія,

а въ другомъ есть право увольняемаго,— различіе весьма важное. О томъ значеніи, которое имѣетъ въ русской арміи безсрочный отпускъ, можно судить по статистическимъ даннымъ *Ежегодника*. Въ 1866 году въ арміи числилось около 386.000 холостыхъ, бездѣтныхъ и вдовыхъ; 44.000 женатыхъ и вдовыхъ, имѣющихъ семейства при себѣ, и 266.000 женатыхъ и вдовыхъ имѣющихъ семейства на родинѣ. Можно сказать утвердительно, что послѣдняя цифра, выражая собой число семействъ, оставшихся безъ отца и работника, обнимаетъ семейства, которыя, за немногими исключеніями, подверглись вслѣдствіе набора крайней нуждѣ и коихъ благосостояніе, какъ нравственное, такъ и матеріальное, зависитъ отъ болѣе или менѣе ранняго возвращенія къ нимъ отсутствующихъ. Слишкомъ треть арміи состоитъ изъ людей семейныхъ, разлученныхъ съ семействами службой! Въ какой другой арміи найдемъ мы подобное отношеніе? Болѣе четверти милліона семействъ могутъ быть облагодѣтельствованы безсрочнымъ отпускомъ Допущеннымъ нынѣ ускореніемъ безсрочнаго отпуска шестая доля ихъ будетъ удовлетворена въ своемъ желаніи и въ своей потребности, и скоро цифра 266.000 должна будетъ понизиться до чего-нибудь въ родѣ 200.000. Припомнимъ, что законодательство наше допускаетъ (за нѣкоторыми исключеніями) пріемъ рекрутъ съ 21 года до 30 лѣтъ включительно, то-есть беретъ новобранцевъ того возраста, въ которомъ весьма часто встрѣчаются люди уже обзаведшіеся семействомъ, и держитъ значительную часть лицъ, подлежащихъ военной повинности, въ теченіе девяти лѣтъ подъ страхомъ рекрутчины. Общества, отправляющія рекрутскую повинность по жеребьевой системѣ и слѣдовательно представляющія рекрутъ младшихъ возрастовъ, отрываютъ меньшее число людей отъ ихъ семействъ; но въ средѣ временно-обязанныхъ крестьянъ дѣйствуетъ система очередная. Въ послѣдніе годы сдѣланъ важный шагъ впередъ устраненіемъ отъ набора людей старше 30-ти лѣтъ. Въ интересахъ населенія и арміи естественно желать чтобы жеребьевая система повсюду взяла верхъ надъ очередною. Не менѣе желательно чтобы возрастъ, требуемый отъ рекрута, былъ соглашенъ съ возрастомъ, какой требуется для вступленія въ бракъ. Столь распространенные у насъ въ сельскомъ быту рановременные браки, конечно, вредятъ семейной жизни и ведутъ къ измельчанію населенія, къ ослабленію породы. Одинъ лишній годъ принесъ бы тутъ много пользы во всѣхъ отношеніяхъ, а съ другой стороны военная служба нисколько не потеряла бы отъ допущенія въ ряды арміи рекрутъ по достиженіи ими 19-ти лѣтъ отъ роду. Еслибы въ то же время, сообразно принятому рекрутскимъ законодательствомъ направленію, пріемъ рекрутъ былъ ограниченъ по меньшей мѣрѣ 25-тилѣтнимъ возрастомъ, то это послужило бы переходомъ къ замѣнѣ очередной системы жеребьевою и, безъ сомнѣнія, предотвратило бы съ одной стороны такую убыль въ арміи, какъ напримѣръ 16.620 человѣкъ, исключенныхъ въ неспособные, или 2.488 возвращенныхъ въ первобытное состояніе и, по всей вѣроятности, сократило бы даже печальную цифру 5.050 человѣкъ, скрывшихся въ 1866 отъ службы побѣгомъ. Возможно, что въ числѣ 19-ти и 20-ти-лѣтнихъ встрѣтится въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ болѣе или менѣе значительное число юношей физически поокрѣпшихъ; но вѣдь отъ пріема такихъ лицъ на службу, какъ и отъ пріема слабосильныхъ и болѣзненныхъ, армія обезпечена контролемъ рекрутскихъ присутствій.

Армія должна быть у насъ не только орудіемъ государственной охраны, но и народною школой. Числовыя данныя объ умственномъ образованіи арміи въ 1864 г. представляютъ пока явленіе мало утѣшительное. Изъ 697 т. нижнихъ чиновъ только $164^1/_2$ т. знали чтеніе и письмо и $153^1/_2$ т.— одно чтеніе; остальныя $378^1/_2$ т. были безграмотны. При нынѣшнемъ состояніи военнаго дѣла, умственное развитіе служитъ краеугольнымъ камнемъ и для развитія тактическаго, а потому понятно, что военное министерство употребляетъ зависящія отъ него мѣры къ развитію въ арміи грамотности: въ полкахъ учреждены учебныя команды, и недавно еще состоялся приказъ (23-го марта с. г. № 79) объ ежегодномъ ассигнованіи войскамъ для обученія грамотѣ по 10 коп. на человѣка и сверхъ того по 50 к. на человѣка на учебныя пособія для командъ въ полкахъ и отдѣльныхъ баталіонахъ. Расходъ этотъ не пропадетъ непроизводительно; онъ благодѣтельно отзовется и на нравственности, и на тактическомъ образованіи войска.

Переходимъ къ офицерамъ. Пятидесятилѣтній юбилей зачисленія Государя Императора въ гвардейскіе полки былъ недавно поводомъ къ тому, что увеличено содержаніе офицерамъ гвардіи; не задолго предъ тѣмъ было увеличено содержаніе артиллерійскихъ и инженерныхъ офицеровъ. Затѣмъ, надняхъ, въ крещеніе первороднаго Царскаго Внука, въ полки армейской пѣхоты назначено по 1.200 руб. на полкъ для ежегодной выдачи въ пособіе офицерамъ. По смыслу относящагося къ этой мѣрѣ приказа военнаго министра видно, что правительство озабочено вопросомъ объ обезпеченіи офицеровъ содержаніемъ, и что послѣдняя Монаршая милость служитъ только шагомъ къ мѣрамъ дальнѣйшимъ. Улучшеніе быта офицеровъ есть и справедливость къ арміи, и ея существенная потребность.

Изъ *Ежегодника* узнаемъ, что въ теченіи 1866 года прибыль офицеровъ въ войскахъ простиралась до 4.259 чел., а убыль—5.399.

Прибыль въ теченіи 1866 года происходила:

Отъ производства изъ военно-учебныхъ заведеній	488
Отъ производства изъ юнкеровъ и вольноопредѣляющихся	913
Отъ опредѣленія изъ отставки	194
— перев. изъ другихъ частей и вѣд.	2.665
Итого	4.259

Убыль въ томъ же году произошла.

Отъ увольненія отъ службы	996
— назначеній на должности, переводовъ, зачисленія по арміи	3.305
Отъ смерти	391
— разжалованія по суду	33
Всего	5.400

Сравнивая эти цифры, мы замѣчаемъ, что убыль отъ смерти и разжалованіе по суду составляютъ незначительный процентъ, и что главными причинами убыли были назначенія на должности (не строевыя), переводы, зачисленія по роду оружія и увольненія въ отставку; число убывшихъ по этимъ причинамъ простирается до 4.676, но отставка сама по себѣ беретъ немного и почти покрывается приливомъ юнкеровъ и вольно-опредѣляющихся. Прибыль же въ арміи отъ опредѣленія изъ отставки и отъ перевода во фронтъ изъ другихъ частей простиралась до 2.858; военно-учебныя заведенія доставили 488 офицеровъ, да юнкерами и вольно-опредѣляющимися вступило 913. За всѣмъ тѣмъ окончательный дефицитъ образовался, какъ мы видѣли, свыше 1.000 человѣкъ. Тревожиться этимъ нѣтъ причины; не подлежитъ сомнѣнію, что эта убыль въ военное время сама собой пополнится опредѣленіемъ изъ отставки и переходами изъ другихъ частей и вѣдомствъ. Сколько мы можемъ судить, артиллерійская часть требуетъ особенной заботы по заготовленію офицеровъ, — заботы, которая оказалась нужною и въ Пруссіи, гдѣ съ этою цѣлью издавна артиллерійская служба открыта для всѣхъ классовъ населенія на основаніи полной равноправности. Вообще же естественный прогрессъ арміи можетъ въ этомъ отношеніи состоять въ постепенномъ усиленіи производства изъ нижнихъ чиновъ, чему примѣромъ служитъ французская армія, и на чемъ въ древности была основана первая армія въ мірѣ, римская, гдѣ всѣ оберъ-офицеры производились изъ нижнихъ чиновъ, хотя штабъ-офицерская и генеральская карьеры были отдѣльныя.

Не касаясь этой обширной области, остановимся на этотъ разъ на вопросѣ объ образованіи.

Въ вѣдомости о распредѣленіи образованія между штабъ-и оберъ-офицерами арміи, по мѣсту воспитанія, *Ежегодникъ* приводитъ слѣдующія данныя:

Выпущено изъ кадетскихъ корпусовъ, военныхъ училищъ и другихъ соотвѣтствующихъ учебныхъ заведеній военнаго вѣдомства	8.149
Кончившихъ курсъ въ университетахъ, лицеяхъ, духовныхъ академіяхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ 1-го разряда	338
Кончившихъ курсъ въ гимназіяхъ, семинаріяхъ и другихъ учебныхъ заведеніяхъ 2-го разряда	2.037
Кончившихъ курсъ въ уѣздныхъ и другихъ училищахъ 3-го разряда	1.967
Прошедшихъ курсъ юнкерскихъ училищъ	1.194
Не проходившихъ этого курса	8.223
Итого	21.908

Изъ этой вѣдомости оказывается, что 36% офицеровъ нашей арміи получили образованіе въ кадетскихъ корпусахъ и соотвѣтственныхъ имъ заведеніяхъ, 36% не проходили никакого курса и 5,4% окончили курсъ въ юнкерскихъ училищахъ; остальные 22,6% окончили курсъ въ учебныхъ заведеніяхъ гражданскаго вѣдомства.

Надобно надѣяться, что распоряженіе военнаго министерства объ испытаніи на производство въ офицеры не въ дивизіон-

ныхъ штабахъ, какъ прежде, а въ юнкерскихъ училищахъ окажетъ значительное вліяніе на уменьшеніе въ арміи огромнаго теперь числа офицеровъ безъ всякой элементарной подготовки. Если оно на первое время и отзовется нѣкоторымъ ослабленіемъ производства въ первый офицерскій чинъ, за то, при начавшей развиваться въ нашей арміи грамотности, вызоветъ и между нижними чинами, разсчитывающими на офицерскія эполеты, усердіе къ занятіямъ въ учебныхъ командахъ, для которыхъ, какъ на дняхъ обнародовано, правительствомъ ассигнованы средства на первый разъ вполнѣ достаточныя.

№ 114.

Москва, 28-го мая.

Тотчасъ по полученіи извѣстія о назначеніи Даудъ-паши въ должность турецкаго министра торговли и общественныхъ работъ, мы нашлись вынужденными высказаться противъ восторженныхъ надеждъ внушенныхъ *la France* этимъ назначеніемъ, въ которомъ она находила новое ручательство въ искренности либерализма султана и его благоволенія къ подвластнымъ ему христіанскимъ народамъ. Назначеніе Даудъ-паши, напротивъ, является, по нашему мнѣнію, достаточнымъ доказательствомъ, что эти преобразованія, ежедневно пламеннымъ лиризмомъ вдохновляющія французскую и австрійскую печать, суть только новая мистификація Блистательной Порты. Мы замѣтили, что прошедшее Даудъ-паши, являя собой торжество англійской политики на Востокѣ, ручается развѣ только за то, что вслѣдствіе расширенія круга его дѣятельности и вліянія, христіанамъ угрожаютъ новыя тяготы и бѣдствія. Не прошло съ тѣхъ поръ и недѣли, какъ высказанное нами мнѣніе получаетъ новое и сильное свидѣтельство въ свою пользу, и отъ кого же? Отъ одного изъ самыхъ горячихъ и пристрастныхъ сторонниковъ турецкаго прогресса, — отъ газеты *le Monde*, которая, будто повинуясь какой-то таинственной власти, печатаетъ нынѣ письмо, „исходящее,“ по собственному ея показанію, „изъ почтеннаго источника,“ и опровергающее самымъ формальнымъ образомъ всѣ прежнія увѣренія этой газеты. „Маронитскій народъ,“ сказано въ этомъ письмѣ, „искони призрѣвающій въ своихъ горахъ племена гонимыя Полумѣсяцемъ, дающій и теперь убѣжище патріаршимъ престоламъ Армяно-Католиковъ, Грековъ и Сиро-Католиковъ, а также и папскому послу, лишился съ 1860 г. всѣхъ древнихъ правъ своихъ и обреченъ на ничтожество, близкое къ порабощенію.“ Какая назидательность въ самой этой *entrée en matière!* Десятки тысячъ Маронитовъ пали въ 1860 г. жертвами изувѣрства Друзовъ-магометанъ. Въ борьбу вмѣшалась Европа, подъ предлогомъ обезпечить христіанъ отъ возобновленія подобныхъ кровопролитій, и результатомъ этого вмѣшательства, въ которомъ Франція была рабочею силой, а политика Англіи была началомъ направляющимъ, оказалось порабощеніе христіанъ. „Преобразователи 1861 г.,“ продолжаетъ корреспонденція газеты *le Monde*, „поставили себѣ задачей лишить Маронитовъ того положенія, которое давало имъ возможность покровительствовать притѣсненнымъ христіанскимъ элементамъ.“ Жалобы Маронитовъ вызвали еще разъ вмѣшательство Европы. Осѣнивъ Маронитовъ своимъ мощнымъ покровительствомъ, генеральные консулы препроводили жалобы ихъ на администрацію къ главѣ этой самой администраціи, къ генералъ-губернатору, Даудъ-пашѣ. *Le Monde* даетъ подробный отчетъ о степени вниманія, котораго удостоилъ Даудъ-паша, — это хуже чѣмъ наивное ходатайство мнимыхъ покровителей ливанскаго христіанства. Пользуясь благодушіемъ этихъ покровителей, Даудъ-паша поспѣшилъ принять мѣры „противныя свободѣ церкви и религіознымъ льготамъ... Духовенство лишено было всѣхъ своихъ правъ...“ На произволъ паши было отдано всякое духовное, такъ же какъ и всякое учебное заведеніе: онъ могъ и разрѣшать ихъ открытіе, и запрещать ихъ. Но произволъ турецкаго администратора нуждался, какъ свидѣтельствуетъ корреспондентъ, въ удовлетвореніяхъ все болѣе притѣснительныхъ и жестокихъ. Авторъ письма своими глазами видѣлъ, „какъ въ прошломъ году два бѣдные монаха; несмотря на свою невинность, были изрублены сбирами паши;“ онъ видѣлъ какъ взламывались монастырскіе затворы; онъ былъ свидѣтелемъ „какъ монаховъ били палками и таскали за бороду;“ онъ былъ очевидцемъ, „какъ священниковъ забивали въ кандалы, какъ другихъ *подвергали истя-*

„заніямъ пытокъ“.... „и все это въ удовлетвореніе неистовства и предразсудковъ „генералъ-губернатора.... Говорятъ, будто „сама Порта была приведена въ негодованіе извѣстіями объ этихъ ужасахъ, о деревняхъ преданныхъ пламени, объ истребленіи нищетой и стужей цѣлыхъ населеній изгнанныхъ изъ своихъ жилищъ.“ Но благимъ намѣреніямъ Порты, по словамъ корреспондента *le Monde*, воспротивилась „европейская дипломатія.“ „Утверждали, „что покровительствующимъ державамъ было бы слишкомъ тягостно признаться въ „своемъ заблужденіи, и что поэтому онѣ „рѣшились упорствовать въ немъ.“ Какъ не узнать въ этомъ нелѣпомъ толкѣ обычной уловки Оттоманской Порты, существующей единственно поддержкой Европы, но не упускающей ни одного случая клеветать на нее предъ своими подданными и слагать на ея вмѣшательство всѣ бѣдствія своего управленія, руководимаго, въ сущности, одними Англичанами, а отнюдь не всею Европой? Дѣйствительно, за исключеніемъ Великобританіи, покровительствующія державы не были причастны мнимому „заблужденію“ насчетъ Даудъ-паши. Онѣ были виновны въ бѣдствіяхъ Ливана только своимъ бездѣйствіемъ въ виду энергической рѣшимости Великобританіи поддержать во что бы то ни стало своего кандидата, Даудъ-пашу, противопоставленнаго кандидату Франціи, Іосифу Кериму. Какъ во всѣхъ своихъ столкновеніяхъ съ Англіей, Франція ограничилась безплоднымъ протестомъ....

Такъ или иначе, но превозносимая клерикальною парижскою газетой благость Порты не охранила ливанскихъ христіанъ отъ насилій генералъ-губернатора, турецкаго Армянина-католика. Правда, изъ Константинополя высланы въ Ливанъ довольно значительныя суммы въ вознагражденіе хоть части матеріальныхъ ущербовъ его населеній, но и эти суммы, по свидѣтельству корреспондента *le Monde*, расхищены Даудъ-пашей. Оклеветавъ Европу предъ ливанскими христіанами, Даудъ-паша позаботился оклеветать христіанъ предъ Европой. „Дабы обмануть ее,“ гласитъ приводимое нами письмо, „Даудъ-паша самъ сочиняетъ „благопріятствующія его администраціи донесенія и заставляетъ своихъ офицеровъ „и приверженцевъ подписывать ихъ“. Но если благодушная Европа, какъ видно, удовлетворялась до сихъ поръ подобными фокусами, то въ Ливанѣ, по словамъ корреспондента *le Monde*, продолжали „надѣяться, что по истеченіи опредѣленнаго семилѣтняго срока (1861—1868), ввѣренная Даудъ-пашѣ власть не будетъ возобновлена....“

И что же? Эта власть дѣйствительно не возобновлена, но благодаря нынѣшнимъ либеральнымъ реформамъ Порты, Даудъ-паша получилъ новую, еще высшую власть, и кругъ его дѣйствій уже не замкнутъ Ливанскими горами, но раздался на все протяженіе Оттоманской имперіи. Блистательная Порта послала опальному губернатору не шнурокъ удавиться, какъ бывало въ старину, а министерскій портфель. Правда и то, что по манію маркиза де-Мутье и молитвами латинскаго патріарха Валерги, надъ Даудъ-пашей сотворилось чудо: изъ кровожаднаго тигра, опустошавшаго Ливанъ, онъ превратился теперь въ умилительное олицетвореніе турецкаго прогресса..

Однако приведенными выше выдержками изъ письма своего корреспондента *le Monde* нанесъ сильный ударъ своей туркофильской полемикѣ. Какъ ни доблестно публичное покаяніе, но клерикальная газета не находитъ его пріятнымъ для себя. Подчиняясь таинственной силѣ, побудившей ее напечатать письмо, „исходящее изъ почтеннаго источника,“ *le Monde* считаетъ долгомъ оградить свое достоинство и изъявляетъ сомнѣніе въ точности взводимыхъ на Турцію обвиненій. Ей не вѣрится, чтобы въ Турціи могли быть изверги подобные Даудъ-пашѣ, чтобы не были слишкомъ сгущены тѣ мрачныя краски, въ какихъ онъ живописуется ея корреспондентомъ. Иное дѣло, еслибы рѣчь шла о Россіи.... Тутъ можно не только всему повѣрить, но и дать ходъ всякому преувеличенію, всякой лжи и клеветѣ....

№ 115.

Москва, 29-го мая

Новыя побѣды нашихъ войскъ въ Средней Азіи снова возбуждаютъ вопросъ о положеніи, которое предстоитъ принять здѣсь Россіи. Въ короткое время, безъ труда, завоеваны здѣсь огромныя пространства, и теперь трудность состоитъ не въ томъ, какъ простирать далѣе наши завоеванія, а какъ положить имъ предѣлъ.

Въ Средней Азіи не имѣется такой силы, которая могла бы ясно и твердо обозначить границу Русскаго государства. Россія является здѣсь единственнымъ могуществомъ, предъ которымъ ничто держаться не можетъ и которое ни въ чемъ не находитъ для себя вынудительной границы. Что же дѣлать? Должна ли Россія сама создавать преграды своему могуществу, или расширять все далѣе и далѣе свои владѣнія? Выдумать ли для Средней Азіи международное право, и сочинить систему равновѣсія, въ которую входила бы Россія вмѣстѣ съ Бухарою, Коканомъ и Хивой, или присоединить къ своей территоріи эти обширныя полудикія и варварскія страны, которыя въ совокупности съ тѣмъ что уже забрано ею въ этихъ мѣстахъ, почти равняются всему протяженію Европейской Россіи? Если первое невозможно, то едва ли желательно послѣднее. Россія ли нуждается въ присоединеніи къ своей безмѣрной территоріи новыхъ безмѣрныхъ пустынь съ оазисами варварской гражданственности? Размѣры государственной территоріи Россіи такъ громадны, что становятся для нея причиною слабости. Все имѣетъ свою мѣру, и Россія едва ли уже не вышла изъ своей. Прибавимъ, что вмѣстѣ съ новыми столь обширными землями, которыя она недавно пріобрѣла въ Средней Азіи и которыя непомѣрно расширяютъ ея территорію, она включаетъ въ свой составъ совершенно чуждыя своему народу населенія, принадлежащія по своему быту, нравамъ и религіи къ міру не имѣющему ничего общаго съ тѣми началами, на коихъ основана ея гражданственность,— населенія, которыя въ своей совокупности никогда не могутъ быть ассимилированы ею, никогда не могутъ органически войдти въ ея жизнь.

Что же дѣлать однако? Цивилизованное и могущественное государство не можетъ граничить ни съ пустынями, ни съ варварствомъ; оно не можетъ также безъ опасности для своего здоровья неопредѣленно расширяться, захватывать новыя пустыни и вводить въ свой составъ многочисленные элементы, полудикіе и варварскіе. Россія не можетъ имѣть своимъ сосѣдомъ эмира Бухарскаго какъ самостоятельнаго и независимаго отъ нея потентата, и событія убѣдительнѣе всякихъ разсужденій свидѣтельствуютъ объ этой невозможности. Съ другой стороны, не менѣе очевидно и то, что христіанская нація не могла бы, безъ самыхъ вредныхъ для себя послѣдствій, цѣликомъ принять въ себя это мусульманское гнѣздо съ племенами, которыя порабощены ему. Есть большая разница между отрывочно входящими въ составъ государства варварскими населеніями и введенными въ него цѣлыми центрами антихристіанскаго быта. Въ Россіи есть магометанскія населенія; населенія эти довольно многочисленны, но къ счастію, они не составляютъ ничего цѣльнаго въ ея государственномъ организмѣ; они не имѣютъ общаго центра, который собиралъ бы ихъ воедино и давалъ бы имъ индивидуальность и самостоятельность. При мудромъ и просвѣщенномъ управленіи, въ христіанскомъ государствѣ, подобные отрывочные элементы иного міра могутъ существовать безвредно, мало-по-малу уступая дѣйствію высшей гражданственности и претворяясь въ своемъ существѣ. Но принять въ составъ Россіи цѣлыя мусульманскія царства, ввести въ свою жизнь средоточія варварской гражданственности, это иное дѣло, и предъ этимъ нельзя не остановиться. Что станемъ мы дѣлать съ этими мусульманскими національностями, съ этими азіатскими ханствами, еслибы мы были вынуждены принять ихъ цѣлостію въ нашъ государственный составъ? Разрушать насильственно этотъ непріязненный намъ міръ, подавлять эту чуждую антипатическую намъ жизнь, это не соотвѣтствовало бы нашимъ нравамъ, духу нашей гражданственности; это не могло бы обойдтись безъ отчаяннаго сопротивленія, безъ упорной и фанатической борьбы, которой дѣйствіе ощутила бы Россія повсюду въ своихъ владѣніяхъ, гдѣ только есть у нея мусульманскія населенія. Но, съ другой стороны, взять на себя обезпеченіе мусульманскаго закона въ его центрахъ и признать его владычество надъ цѣлыми областями, это не могло бы остаться безъ роковыхъ и пагубныхъ послѣдствій, и привело бы Россію въ самое фальшивое изъ всѣхъ возможныхъ положеній. Какой-нибудь законъ долженъ же быть обязателенъ для этихъ населеній. Если мы не рѣшимся подчинить ихъ непосредственно и насильственно закону нашей христіанской гражданственности, то намъ придется поддерживать обязательную силу мусульманскаго закона; намъ придется организовать этотъ законъ соотвѣтственно

условіямъ нашей цивилизаціи, примѣнять къ нему требованія нашего порядка, давать ему дальнѣйшее развитіе соотвѣтственно новымъ условіямъ, въ которыхъ должны очутиться подвластныя ему населенія, ставъ гражданами нашего государства; мы такимъ образомъ возьмемъ на себя не только обезпеченіе мусульманскаго закона, но и заботу о его развитіи, и невольно втянемся въ созиданіе порядка вещей основаннаго на магометанскихъ началахъ. Въ бо́льшихъ чѣмъ когда-либо размѣрахъ создадимъ мы фальшивую религіозно-общественную силу противную всѣмъ основамъ нашего нравственнаго бытія.

Если Россія въ Средней Азіи не можетъ терпѣть независимыхъ отъ себя владѣній, то мы должны убѣдиться и въ томъ, что она не можетъ безъ вреда для себя, далѣе распространять свою государственную территорію съ этой стороны, и захватывать въ свой составъ эти варварскія ханства. Намъ кажется, что путь, который открывается здѣсь для Россіи, яcенъ. Ей предстоитъ властвовать здѣсь безусловно, но не распространять своихъ предѣловъ и ничего болѣе не принимать внутрь себя. Эти страны должны находиться въ полной отъ нея зависимости, но тѣмъ не менѣе оставаться внѣ ея. Онѣ могутъ быть подчинены ей только въ качествѣ вассальныхъ или колоніальныхъ владѣній, отчасти такъ какъ Восточная Индія подчинена имперіи королевы Викторіи.

Дѣйствительно, Россія рано или поздно должна будетъ взять подъ свою руку средне-азійскія ханства; но пусть она и держитъ ихъ только подъ своей рукой. Пусть эти варварскія царства живутъ собственною жизнію и управляются какъ знаютъ. Россіи нѣтъ надобности входить въ ихъ внутренній бытъ и регулировать его. Она можетъ предоставить имъ свободу, отнявъ у нихъ власть. Не скрѣпляемый верховнымъ деспотизмомъ и предоставленный самому себѣ, варварскій бытъ не можетъ не подвергнуться быстрому разложенію, и не замедлитъ открыть въ себѣ пути для высшей гражданственности. Нѣтъ надобности подготовлять это искусственными мѣрами; это придетъ само собой вѣрнѣе и лучше, если только эти варварскія царства утратятъ обаяніе верховной власти и матеріальную силу деспотизма, которымъ они держатся. Вся задача для Россіи въ Средней Азіи, какъ намъ кажется, ограничивается только тѣмъ, чтобъ отобрать у тамошнихъ деспотовъ всякую вооруженную силу и взять ее въ свои руки. Какъ бы ни показалась трудною эта задача, она несравненно легче и проще чѣмъ инкорпорація средне-азійскихъ ханствъ и устроеніе въ нихъ многосложной администраціи на европейскій ладъ. Россія можетъ командовать въ этихъ странахъ, не управляя ими непосредственно. Пусть эти мусульманскія царства живутъ и умираютъ, какъ знаютъ; Россія, какъ мы думаемъ, исполнила бы свое призваніе въ этихъ мѣстахъ и хорошо обезпечила бы свои интересы, еслибы нашла возможнымъ подчинить ихъ себѣ только въ военномъ отношеніи.

№ 116

Москва, 30-го мая.

А.

6-го іюня, какъ намъ сообщаютъ, должно начаться въ общемъ собраніи государственнаго совѣта обсужденіе заключеній особаго присутствія, разсматривавшаго подъ предсѣдательствомъ генералъ-адъютанта Чевкина проекты новаго тарифа, составленные тарифною коммиссіей, и мнѣнія, заявленныя по этимъ проектамъ г. министромъ финансовъ. Это особое присутствіе, дѣйствовавшее на правахъ департамента государственнаго совѣта, подвергло, какъ извѣстно, труды тарифной коммиссіи подробному разсмотрѣнію и даже приглашало въ свою среду экспертовъ изъ фабрикантовъ по важнѣйшимъ статьямъ тарифа. Поэтому ожидаютъ быстраго хода дѣла въ общемъ собраніи государственнаго совѣта, тѣмъ болѣе что рѣшено распубликовать новый тарифъ за полгода до приведенія его въ дѣйствіе, то-есть до 1-го января 1869 года. Нельзя не порадоваться близкому окончанію этого дѣла, которое въ теченіе цѣлаго года держитъ нашъ торговый міръ въ нерѣшимости и ослабляетъ приливъ капиталовъ къ промышленнымъ предпріятіямъ. Это вліяніе тарифнаго вопроса сдѣлалось въ особенности замѣтно въ послѣднее время, когда о его ходѣ публика узнавала лишь изъ слуховъ, сообщаемыхъ болѣе или менѣе пристрастными вѣстовщиками. На сколько можно судить по довольно достовѣрнымъ

свѣдѣніямъ, новый тарифъ не будетъ заключать въ себѣ не только коренныхъ, но даже существенныхъ измѣненій противъ тарифа нынѣ дѣйствующаго, за исключеніемъ пошлинъ на машины, если только онѣ будутъ приняты согласно съ предположеніями особаго присутствія (засѣдавшаго подъ предсѣдательствомъ В. К. Чевкина) и удостоены Высочайшаго утвержденія и за исключеніемъ важной, въ противоположномъ смыслѣ, то-есть въ смыслѣ весьма благопріятномъ для нашего экономическаго и государственнаго преуспѣянія принимаемой мѣры, — уравненія пошлинъ по морскому и сухопутному привозу. Впрочемъ это уравненіе, насколько извѣстны предположенія состоявшіяся въ особомъ присутствіи, произойдетъ нѣсколько въ ущербъ нашей сухопутной торговли, ибо предполагаемые размѣры пошлины по значительной части товаровъ составляютъ среднія цифры между нынѣшними морскими и сухопутными пошлинами, тогда какъ основаніемъ для будущихъ единообразныхъ пошлинъ могли бы послужить, къ выгодѣ и торговли, и потребителей, и государственнаго казначейства, нынѣшнія сухопутныя пошлины, значительно низшія противъ морскихъ Еслибы уравненіе тарифа по морскому и сухопутному привозу состоялось въ этомъ послѣднемъ видѣ, то морской привозъ иностранныхъ товаровъ могъ бы значительно оживиться, какъ непремѣнно и будетъ при уравненіи тарифа,—но *оживиться* безъ ослабленія сухопутнаго привоза, долженствующаго неизбѣжно пострадать отъ того повышенія сухопутнаго тарифа, какое произойдетъ по многимъ товарамъ вслѣдствіе принятой нынѣ системы уравненія этого тарифа съ морскимъ. Въ какомъ бы однако видѣ ни была принята эта важная государственная мѣра, устраняющая одинъ изъ самыхъ прискорбныхъ ущербовъ, нанесенныхъ русскимъ національнымъ интересамъ излишнею уступчивостью Пруссіи, ничѣмъ соотвѣтствующимъ не отплатившей намъ, а напротивъ развивавшей контрабанду все болѣе и болѣе, мѣра эта будетъ все-таки плодотворна для развитія нашей морской торговли, для нашихъ портовъ и нашего судоходства. Можно даже полагать, что въ настоящее время, пока нашъ сухопутный привозъ съ западной границы, вслѣдствіе неблагопріятнаго расположенія желѣзно-дорожной сѣти, еще не соединенной съ незамерзающими русскими портами (то-есть, до проведенія Ковенско-Либавской и Виндавской линій), питаетъ преимущественно прусскіе порты, при этихъ условіяхъ нѣкоторое развитіе морской торговли *на счетъ сухопутной* не будетъ обидно для нашихъ національныхъ интересовъ. Это развитіе, зависящее конечно отъ многихъ другихъ обстоятельствъ, есть столь важный государственный вопросъ, что для него не жаль было бы и серіозныхъ жертвъ; тѣмъ менѣе можно жалѣть о жертвахъ подобныхъ тѣмъ, о которыхъ мы говорили недавно и къ которымъ будутъ волей или неволей вынуждены иностранные коммиссіонеры, захватившіе въ нашихъ портахъ всю русскую торговлю въ свои руки. Освобожденіе нашей торговли отъ этихъ поборовъ, существовавшихъ благодаря покровительству таможенныхъ чиновъ крупнымъ портовымъ купцамъ во вредъ мелкимъ и внутреннимъ торговцамъ, принесетъ, совокупно съ уравненіемъ морскаго и сухопутнаго тарифа, и слѣдовательно съ освобожденіемъ нашей заграничной торговли отъ теперешняго вліянія прусскаго купечества, несомнѣнную пользу. Должно надѣяться, что таможенное вѣдомство, сдѣлавшее въ недавнее время нѣсколько распоряженій къ упрощенію таможенныхъ обрядовъ, къ устраненію самовластія таможенныхъ экспедиторовъ, обогащавшихся на счетъ сложности таможенной процедуры, и къ законному покровительству правильной международной торговлѣ, не остановится въ своихъ энергическихъ усиліяхъ на этомъ пути; должно также надѣяться, что для продолженія этихъ усилій не понадобятся понужденія со стороны иностранныхъ консуловъ, большинство которыхъ, какъ слышно, весьма озабочено нынѣ упраздненіемъ таможенныхъ формальностей, расплодившихъ столько злоупотребленій въ ущербъ правильной торговлѣ.

Какъ сказано, окончательно предположенныя измѣненія въ размѣрахъ таможенныхъ пошлинъ довольно ничтожны и въ общемъ результатѣ новый тарифъ сохранитъ заключающуюся въ тарифѣ 1857 г. охрану русскихъ товаровъ даже и отъ такой иностранной конкурренціи, которую они могутъ несомнѣнно вынести съ пользой для себя и для несмѣтнаго множества потребителей. Тарифныя реформы 1850 и 1857 годовъ освободили до нѣкоторой сте-

пени торговлю высокими сортами товаровъ, находящими потребителей въ высшихъ классахъ. Ожидалось, что нынѣшняя реформа тарифа совершитъ нѣчто подобное для товаровъ доступныхъ большинству потребителей, и не подлежитъ сомнѣнію, что нѣчто подобное могло бы быть совершено безо всякой опасности для существующихъ фабрикъ. За доказательствами ходить не далеко; они были заглушены тѣмъ крикомъ, который подняли протекціонисты, но остаются столь же убѣдительными и ясными какъ были. Протекціонисты тутъ не свидѣтели: не запрещается ли на судѣ спрашивать свидѣтеля. о такихъ вещахъ, которыя могутъ быть въ ущербъ ему самому? Но въ такихъ спросахъ и нѣтъ надобности: свидѣтельство тутъ на лицо въ тѣхъ многочисленныхъ фабрикахъ, которыя возникли или расширились послѣ тарифа 1857 года на основаніи даннаго тогда обѣщанія, что дальнѣйшаго пониженія тарифа не послѣдуетъ въ продолженіе шести лѣтъ. Вотъ каковъ этотъ тарифъ 1857 года, о которомъ протекціонисты кричали что онъ убьетъ русское фабричное дѣло, и вотъ почему не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что нѣкоторое пониженіе его, благотворное и для финансовъ государства, и для потребителей, не причинило бы вреда русскому фабричному дѣлу, а напротивъ дало бы ему полезный толчокъ. Но это едва ли состоится. Живительный духъ соревнованія будетъ, по всему вѣроятію, и впредь столь же слабо вѣять въ нашей промышленной средѣ, какъ досель; колебанія цѣнъ на фабрикаты и азартный характеръ торговли ими останутся въ прежней силѣ; контрабанда будетъ царствовать не менѣе чѣмъ нынѣ; наконецъ дороговизна жизни, столь тягостно чувствуемая у насъ, не уменьшится, а скорѣе увеличится, потому что по нѣкоторымъ статьямъ фискальный элементъ, а по другимъ покровительственный будетъ усиленъ.

Преимущественное вниманіе при окончательномъ установленіи размѣровъ пошлинъ было обращено на охрану хлопчатобумажной и льняной фабрикаціи; по этой части заботливость правительственныхъ лицъ превзошла, какъ говорятъ, ожиданія и даже желанія экспертовъ, а хлопчатобумажная фабрикація господствуетъ во всей нашей фабричной промышленности, какъ она господствовала и въ дѣятельности протекціонистовъ. Послѣ пересмотра тарифа въ 1857 г. предполагалась и всѣми ожидалась новая реформа его въ томъ же духѣ. Всѣ фабрики заведены и устроены на основаніи этого предположенія. Правительство было въ полномъ правѣ сдѣлать еще одинъ шагъ впередъ. При этомъ, думаемъ мы, слѣдовало бы соблюсти различіе между льняною и хлопчатобумажною промышленностью. Первая не можетъ монополизоровать рынокъ, потому что со льняными тканями конкуррируютъ бумажныя; къ тому же она перерабатываетъ исключительно отечественный матеріалъ. Тутъ можно обойдтись безъ пониженія пошлинъ. Относительно же хлопчато-бумажной фабрикаціи требовалось ограничить покровительство тѣми размѣрами, которые дѣйствительно необходимы для огражденія нынѣ существующихъ фабрикъ. Весь излишекъ, который къ тому же по большей части достается не фабриканту, а торговцу, слѣдовало отрѣзать, начавъ съ пряжи, что настоятельно нужно для поддержки бѣдствующихъ ткачей дешеваго миткаля. Вотъ что требовалось общимъ интересомъ и что протекціонистамъ удалось перекричать. Понятно, что жалобы ихъ теперь совершенно стихли и замѣнились розовыми надеждами, за исключеніемъ вопроса о введеніи пошлинъ на машины, продолжающаго возбуждать ихъ лихорадочную суетливость. Это также весьма понятно: таможенныя пошлины на ввозъ иностранныхъ машинъ, какъ *новыя* покровительственныя пошлины въ пользу обширнѣйшей отрасли промышленнаго производства, до сихъ поръ не пользовавшейся никакою таможенною преміей, и сверхъ того въ пользу отрасли производства, доставляющей орудія, то-есть условія существованія для всѣхъ безъ изъятія отраслей улучшеннаго народнаго хозяйства, такія пошлины положили бы начало безконечнымъ притязаніямъ со стороны всѣхъ безъ изъятія русскихъ производителей на введеніе и усиленіе таможенной охраны въ пользу ихъ производствъ имѣющихъ обходиться дороже, благодаря пошлинамъ на машины. Затрудненія, въ которыя будетъ поставлено правительство этими притязаніями въ ближайшемъ будущемъ, очевидны для всѣхъ; они признаются въ лагерѣ протекціонистовъ достаточнымъ ручательствомъ за то, что про-

текціонизмъ будетъ все болѣе и болѣе проникать въ наше законодательство. Вотъ причина, почему наши механическіе заводчики, послѣ продолжительнаго молчанія въ печати, рѣшились на послѣднее дружное усиліе противъ ропота общественнаго мнѣнія, которому *Московскія Вѣдомости* послужили лишь весьма умѣреннымъ отголоскомъ.

Владѣльцы машино-строительныхъ заведеній, гг. Полетика, Шиповъ и неизвѣстный, стыдливо скрывшій свою фамилію подъ буквой Н., разразились газетными статьями (въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* и *Москвѣ)* противъ взглядовъ на тарифное дѣло, высказанныхъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Всѣ эти господа, какъ заинтересованныя лица, въ правѣ хлопотать о своихъ интересахъ и никто не думаетъ отнимать у нихъ этого права, проявленію котораго въ печати публика можетъ только радоваться. Но сердиться за то, что дѣло вызвано къ публичному суду, упомянутыя заинтересованныя лица также не имѣютъ права, а между тѣмъ вся ихъ литературная дѣятельность заключается единственно въ изліяніи желчи противъ людей, осмѣливающихся печатно говорить о тарифѣ не въ ихъ интересѣ, а въ общемъ интересѣ государства. Всего любопытнѣе то, что эти господа укоряютъ насъ будто мы обвиняли ихъ въ *измѣнѣ*. По ихъ мнѣнію, это обвиненіе заключается въ томъ, что мы назвали протекціонистскую *агитацію* ея именемъ; но агитація, если только она гласная и не пользуется привилегированными путями, есть не только не измѣна отечеству, а во всѣхъ отношеніяхъ усовершенствованный и болѣе безвредный способъ дѣйствія, чѣмъ стремленіе вліять на рѣшеніе государственныхъ вопросовъ посредствомъ канцелярской и иной интриги. Съ негодованіемъ протестуя противъ измѣны отечеству, въ которой никто и не помышлялъ печатно обвинять ихъ, господа механическіе заводчики въ то же самое время избрали главнымъ оружіемъ полемики противъ *Московскихъ Вѣдомостей* взведеніе на насъ обвиненія въ пристрастіи къ интересамъ иностранныхъ заводчиковъ во вредъ отечественнымъ. Это очень забавно, въ особенности послѣ недавно сообщенныхъ нами извѣстій объ энергическомъ содѣйствіи, которое оказываютъ нашимъ протекціонистамъ иностранцы, преимущественно въ вопросѣ о пошлинахъ на машины. Но шутки въ сторону. Мы не колеблясь скажемъ, что протекціонистская агитація есть успѣхъ въ нашей политической жизни. Но этотъ успѣхъ можно было бы считать полезнымъ только въ томъ случаѣ, если бы голосу фабрикантовъ были противопоставлены и другіе голоса,—голосъ сельскаго хозяйства и семидесяти милліоновъ потребителей. Это также интересы заслуживающіе вниманія, а между тѣмъ были ли они представлены въ этихъ преніяхъ? Правильное развитіе политической жизни всего болѣе нуждается въ равновѣсіи, а равновѣсія-то и не можетъ быть, когда къ рѣшенію дѣла, въ коемъ заинтересованы и производители и потребители, призываются только представители первыхъ, а вторые остаются безгласными.

Механическіе заводчики желали бы заглушить всякое возраженіе. Гнѣва своего противъ насъ они сдержать не могутъ. Все остальное содержаніе ихъ статей заключается въ грубомъ отрицаніи фактовъ и цифръ, которыми мы изображали положеніе вопроса о пошлинахъ на машины и которыми математически опровергаются ихъ доводы въ пользу необходимости для нихъ таможенной преміи. Г. Полетика рѣшается даже назвать эти цифры, взятыя нами изъ протоколовъ тарифной коммиссіи и лишь подтверждающія всѣмъ извѣстныя вещи, *подсчитанными!* Но на что не рѣшается г. Полетика въ своихъ полемическихъ пріемахъ? Онъ напримѣръ печатно заявляетъ, что столь извѣстные и уважаемые механическіе заводчики, каковы гг. Струве и Лессингъ, высказавшіеся противъ необходимости пошлинъ на машины, такъ мало понимаютъ вопросъ, что „не ясно представляютъ себѣ даже самую задачу механическаго завода“. Да и чему можно вообще удивляться со стороны протекціонистовъ, когда они рѣшаются обѣщать, что машины въ Россіи, послѣ введенія покровительственныхъ пошлинъ, будутъ дешевле чѣмъ за границей? Признаемся, мы все-таки не увѣрены, чтобы подобныя обѣщанія могли доставить побѣду ихъ дѣлу.

Б.

Послѣдній нумеръ нашей газеты уже поступалъ въ печать, когда мы получили телеграмму о злодѣйскомъ умерщвленіи князя Сербіи, Михаила. Трое убійцъ, сказано было въ телеграммѣ, сдѣлали на него

нападеніе во время его прогулки въ паркѣ, и выстрѣлили по немъ изъ револьвера. Депеша говорила о страшномъ волненіи, которое распространилось въ народѣ, когда убійство это огласилось въ Бѣлградѣ. Дальнѣйшія телеграммы извѣщаютъ о другихъ жертвахъ того же преступленія и о вѣроятности того, что оно совершено изъ личной мести, безъ политическихъ побужденій. Князь Михаилъ не обладалъ тѣми качествами, которыя въ его положеніи дѣлаютъ человѣка популярнымъ; но народъ былъ преданъ ему, возлагалъ на него свои надежды, съ его именемъ соединялъ всю свою будущность. Какъ бы то ни было, политическія ли побужденія или личная месть руководили убійцами князя Михаила, смерть его можетъ имѣть огромное значеніе для судьбы сербскаго народа и вообще для Восточнаго вопроса.

№ 117.

Москва, 31-го мая.

Вражеская пуля, поразившая князя Михаила, не осталась только покушеніемъ; она ловко попала въ цѣль. Злодѣяніе совершилось, и Богъ знаетъ какими послѣдствіями отзовется оно въ мірѣ. Для Востока, для Сербіи событіе роковое! Пусть только личная месть вооружила убійцъ, пусть причина злодѣянія была случайная, не имѣющая ничего общаго съ политическими обстоятельствами, — нельзя однако не согласиться, что внезапная смерть князя Михаила приходится какъ нельзя болѣе кстати недругамъ юной самостоятельности Сербскаго народа и вообще христіанскаго Востока. Личное дѣло братьевъ Радованювичей такъ способствуетъ нѣкоторымъ политическимъ планамъ, такъ согласуется съ видами нѣкоторыхъ партій посреди нынѣшнихъ обстоятельствъ, что случай, если это случай, сыгралъ роль самаго зоркаго въ своей злоумышленности разчета. Сейчасъ полученная телеграмма, которую мы передаемъ нашимъ читателямъ, извѣщаетъ, что кромѣ захваченныхъ на мѣстѣ убійцъ арестовано еще нѣсколько лицъ, которыхъ слѣдствіе признало, вѣроятно, болѣе или менѣе причастными къ дѣлу. Стало-быть слѣдственная коммиссія начинаетъ уже замѣчать, что дѣло это не совсѣмъ частное, какъ выдавалось оно первыми показаніями убійцъ.

Прискорбное извѣстіе о кончинѣ князя Сербскаго Михаила переноситъ невольно наши мысли къ событіямъ происходившимъ ровно за годъ предъ симъ. Москва принимала и чествовала тогда славянскихъ гостей своихъ, прибывшихъ съ запада и юга. На пиршествахъ высоко поднимались бокалы за здравіе государя Сербіи, и эти тосты вызывали выраженія живѣйшаго сочувствія какъ со стороны Сербовъ, его подданныхъ, такъ и всѣхъ другихъ Славянъ. Привѣтственная телеграмма, отправленная къ нему съ обѣда даннаго тогда Московскимъ университетомъ, возбудила въ нашихъ гостяхъ искренній восторгъ, который давалъ разумѣть, что съ именемъ князя Сербіи связываются дорогія для всего славянства надежды. Мы не могли не замѣтить, также, что представители независимаго Сербскаго княжества на прошлогоднемъ съѣздѣ носили отпечатокъ чего-то недостававшаго прочимъ представителямъ славянскихъ народностей, а именно, чувства государственнаго, сознанія той необходимости, которая заключается для народа въ крѣпкой національной организаціи и твердой все собирающей подъ свою руку власти. Они охотно говорили о своихъ учрежденіяхъ, о своей скупщинѣ, о своемъ государѣ, и казалось, что это маленькое ядро южно-славянскаго государства уже обнаружило притягательную силу въ отношеніи къ другимъ родственнымъ, но еще неорганизовавшимся племенемъ. Ошибались ли мы? Едва ли. Мы продолжаемъ вѣрить, что зародышъ государственной самобытности и національной жизни, завязавшійся въ части сербскаго племени, получитъ предназначенное ему исторіей развитіе, — и дай Богъ, чтобъ ударъ нанесенный ему въ лицѣ князя Михаила не имѣлъ пагубныхъ для него послѣдствій!

Въ самомъ дѣлѣ, какой враждебный рокъ тяготѣетъ надъ зачатками государственнаго устройства славянскихъ племенъ на Востокѣ! Въ настоящее время такихъ начатковъ есть только два, и представители ихъ одинъ за другимъ падаютъ подъ ударами убійствъ: нѣсколько лѣтъ тому назадъ Даніилъ, князь Черногорскій, теперь Михаилъ, князь Сербскій!

Телеграммы изъ Бѣлграда свидѣтельствуютъ, что смерть князя Михаила про-

извела на народъ потрясающее дѣйствіе: вотъ новое доказательство, что осторожная, сдержанная, но тѣмъ не менѣе національная политика его была въ послѣдніе годы оцѣнена въ Сербіи. Князь Михаилъ быть-можетъ не обладалъ тѣми качествами, которыя дѣлаютъ правительственныхъ людей особенно популярными. Мысль его, какъ говорятъ, была нѣсколько отвлеченнаго свойства. Быть-можетъ онъ не вполнѣ обладалъ тѣмъ великимъ для политическихъ дѣятелей условіемъ, которое состоитъ въ дарѣ группировать вокругъ себя способныхъ людей и одушевлять ихъ. У него быть-можетъ не было горячихъ приверженцевъ. Но онъ достойно носилъ свое родовое имя, онъ былъ вѣренъ преданіимъ Обреновичей, и народъ цѣнилъ его, былъ преданъ ему и возлагалъ на него свои надежды.

Телеграммы свидѣтельствуютъ также, что порядокъ, при всемъ волненіи народа, не былъ нарушенъ; провозглашено временное правительство, объявлено военное положеніе, войска въ готовности. Въ настоящихъ обстоятельствахъ прежде всего надо желать сербскому народу спокойствія, самообладанія. Побужденія руководившія убійцами, надо надѣяться, будутъ открыты, а сохраненіе порядка въ странѣ отниметъ у сосѣднихъ державъ предлогъ ко вмѣшательству во внутреннія дѣла ея Долгъ Россіи, который, мы не сомнѣваемся, она исполнитъ — оградить Сербію отъ всякаго вмѣшательства, а ея народную скупщину, которая вскорѣ имѣетъ собраться, отъ интригъ и пагубныхъ вліяній.

Первыя дѣйствія временнаго правительства обнаруживаютъ и энергію, и благоразуміе, и если молодое Сербское государство съ честію для себя выйдетъ изъ нынѣшняго кризиса, притягательная его сила возрастетъ безъ всякаго сомнѣнія. Но не должно обманывать себя: Сербія находится въ положеніи критическомъ и опасномъ; многоначаліе неизбѣжно порождаетъ партіи, и въ интересѣ Сербіи, какъ и всего славянства, надобно желать чтобы назначеніе преемника князю Михаилу послѣдовало какъ можно скорѣе. Но кто можетъ быть этимъ преемникомъ? Мы не намѣрены подсказывать Сербамъ разрѣшеніе вопроса, который еще болѣе интересуетъ ихъ нежели насъ; мы желали только раскрыть предъ нашими читателями всю важность кризиса постигшаго Сербію. Но мы не можемъ не выразить опасенія, что другіе не посовѣстятся не только подсказать, но и навязать Сербіи кандидата на упразднившійся престолъ. У мадьярской Австріи, вѣроятно, есть уже кандидатъ наготовѣ. Но да хранитъ Богъ нашихъ соплеменниковъ отъ внушеній съ этой стороны!..

Судьба этого маленькаго государства подвергается въ настоящее время величайшей опасности и не можетъ не возбуждать въ Россіи величайшаго участія. Оно вызвано къ жизни съ небольшимъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, именно трактатомъ заключеннымъ въ Букурештѣ въ 1812 году, оно получило тогда первые начатки своей автономіи. Но оно еще не было твердо обезпечено въ своихъ правахъ; Порта тяготѣла надъ нимъ, какъ надъ Бѣлградомъ до послѣдняго времени командовала турецкая крѣпость съ обращенными на городъ пушками, которыя не всегда безмолствовали. И вотъ, въ продолженіе полувѣка, юное княжество окрѣпло, успѣло освободиться отъ турецкихъ гарнизоновъ, утвердило и расширило свои права, организовало небольшую, но хорошо вооруженную армію, размножило учебныя заведенія, подняло умственный уровень своихъ населеній, и, далеко опередивъ во внутреннемъ развитіи своемъ государство, коего оно еще считается членомъ, открыло возможность русскому правительству упразднить въ немъ консульскую юрисдикцію и подчинить находящихся въ княжествѣ русскихъ подданныхъ мѣстнымъ судамъ. Все, слѣдовательно, и племенныя сочувствія, и единство религіозное, и національныя соображенія, и наконецъ естественное сочувствіе къ этой юной, самостоятельной, къ этой только что раскрывшейся жизни,—побуждаютъ насъ всѣми силами души желать, чтобы сербскій народъ благополучно вышелъ изъ нынѣшняго испытанія. Во что бы то ни стало, Россія должна оградить его. Повторимъ, это ея долгъ, — долгъ предъ собою, предъ христіанскимъ Востокомъ, предъ человѣчествомъ, — ибо на Востокѣ Россія представляетъ собою истинные интересы человѣчества.

Одна изъ полученныхъ сегодня телеграммъ извѣщаетъ, что дипломатическій корпусъ въ Бѣлградѣ собирался офиціально изъявить временному сербскому правительству соболѣзнованіе по случаю умерщвленія князя Михаила. Дипломатическій

корпусъ былъ предводимъ британскимъ генеральнымъ консуломъ г. Лонгвортомъ. Если не ошибаемся, по принятому обычаю, долженъ бы имѣть первенство г. Шишкинъ, недавно изъ генеральныхъ консуловъ возведенный въ высшее званіе политическаго агента при князѣ сербскомъ. Да не будетъ это предзнаменованіемъ положенія Россіи въ дальнѣйшемъ ходѣ сербскихъ дѣлъ.

№ 118.

Москва, 1-го Іюня.

А.

Телеграфъ извѣстилъ насъ третьяго дня, что императоръ Наполеонъ выразилъ готовность послѣдовать великодушному предложенію Государя Императора, имѣющему цѣлью ограничить кровавыя и жестокія слѣдствія войны (см. № 116 *Московскихъ Вѣдомостей*). Надобно надѣяться, что употребленіе разрывныхъ пуль, производящее такія опустошенія въ арміяхъ, будетъ отмѣнено большинствомъ державъ. Искренно радуясь, что иниціатива этой мѣры принадлежитъ Рускому государю, мы не можемъ воздать ей болѣе достойную хвалу, какъ прослѣдивъ тотъ путь человѣколюбія и великодушія, на который наше правительство выступило прежде всѣхъ и на которомъ оно можетъ подвинуться и еще впередъ къ своей чести и выгодѣ цѣлаго міра.

Уже много разъ былъ поднимаемъ вопросъ о нейтральности всѣхъ морей. Этотъ вопросъ поставленъ Россіей на Парижскомъ конгрессѣ 1856 года; рѣшеніе его было бы величайшимъ благодѣяніемъ для народовъ. Исполнивъ этотъ достославный долгъ, мы довершили бы дѣло традиціонное, мы увѣнчали бы зданіе, которому основу положила Екатерина Великая и которому болѣе или менѣе содѣйствовали всѣ ея преемники, ибо — какъ читатели убѣдятся изъ фактовъ, какіе мы приведемъ, — именно Россіи принадлежитъ инициатива и честь всѣхъ постановленій, введенныхъ въ народное право для обезпеченія свободы мореплаванія отъ стѣсненій, причиняемыхъ ему въ военное время.

Уже въ 1780 императорскій кабинетъ выставилъ первые пункты международнаго соглашенія по этому дѣлу, препроводивъ къ нейтральнымъ державамъ записку, въ которой было выражено желаніе: „чтобы всѣ нейтральныя державы общими силами установили и узаконили въ пользу торговаго мореходства нейтральныхъ націй естественную систему, основанную на справедливости, и которая, доставляя всѣмъ дѣйствительныя выгоды, послужила бы правиломъ для будущихъ вѣковъ.“

Декларацiей отъ 28-го февраля 1780 императорскій кабинетъ далъ знать воевавшимъ тогда державамъ (Англіи и Франціи), что онъ намѣренъ настаивать на правахъ своихъ подданныхъ и пригласить нейтральныя державы присоединиться къ Россіи для обязательнаго признанія слѣдующихъ началъ: „1. Что нейтральные корабли могутъ свободно плавать по морямъ и у береговъ націй состоящихъ между собою въ войнѣ. 2. Что имущество, принадлежащее подданнымъ упомянутыхъ, въ войнѣ состоящихъ, державъ должно быть неприкосновенно на нейтральныхъ корабляхъ, за изъятіемъ военной контрабанды. 3. Что дабы опредѣлить признаки какими отличается блокируемая гавань, должна быть признаваема блокируемою только такая гавань, у которой поставлены по распоряженію нападающей державы военные корабли и притомъ столь близко, что очевиднымъ образомъ было бы опасно входить въ эту гавань.“

Къ этой деклараціи первая присоединилась Пруссія статьею третьею трактата о нейтралитетѣ, который она заключила съ Россіей въ 1781 г. Франція присоединилась къ ней офиціальною нотою, отъ 25-го апрѣля 1781 г., но вскорѣ потомъ отчасти отступилась отъ этихъ правилъ. Многія другія державы также примкнули къ Россіи, скрѣпивъ узы вооруженнаго нейтралитета новымъ договоромъ, къ которому императорскій кабинетъ подалъ поводъ предложеніемъ 15-го августа 1800 года, и который имѣлъ цѣлью не только поддержать правила установленныя въ 1780 году; но и распространить ихъ разъясненіемъ значенія военной контрабанды и блокады, и правилами объ осмотрѣ купеческихъ кораблей и объ освобожденіи отъ осмотра тѣхъ кораблей, которые идутъ подъ прикрытіемъ конвоя.

Что̀ касается до Англичанъ, то они отвергли эти предложенія: не ограничиваясь примѣненіемъ своего любимаго правила, что флагъ не прикрываетъ груза, они хва-

тали и отводили въ свои гавани всѣ плывшіе во Францію нейтральные корабли, нагруженные хлѣбомъ и съѣстными припасами; сверхъ того они присвоивали себѣ право, съ крайнею грубостью и безъ малѣйшаго уваженія къ флагу нейтральныхъ державъ, осматривать всѣ корабли.

Во все продолженіе разныхъ войнъ, веденныхъ Наполеономъ, права нейтральныхъ державъ были преданы на произволъ грубой силы. Между тѣмъ какъ Англичане стѣсняли свободу мореходства самовольными придирками, Франція провозгласила континентальную блокаду и прибѣгла къ системѣ каперныхъ свидѣтельствъ, которой главными жертвами были подданные нейтральныхъ государствъ.

Уступая временно политической необходимости, Россія уклонилась на минуту отъ своихъ принциповъ, заключивъ въ 1801 г. морскую конвенцію съ Англіей, но послѣ бомбардированія Копенгагена и захвата датскаго флота, императорскій кабинетъ издалъ 26-го октября 1807 года декларацію, въ которой снова провозгласилъ принципы вооруженнаго нейтралитета и обязался не отступать отъ нихъ.

Но лишь въ 1854 г. право превозмогло силу и великія морскія державы присоединились болѣе или менѣе искренно и вполнѣ къ принципамъ поставленнымъ Россіей.

Объявивъ намъ войну въ 1854 г., Франція и Англія провозгласили добровольно, вслѣдствіе союзнаго трактата, заключеннаго ими между собою 10-го октября 1854 года, „что изъ всѣхъ прежнихъ постановленій по отношенію къ нейтральнымъ „государствамъ, онѣ удерживаютъ на время „войны противъ Россіи только право захватывать предметы военной контрабанды „и препятствовать нейтральнымъ судамъ „перевозить депеши къ непріятелю.“

Но уступки, вызванныя опасеніемъ, чтобы Американцы не вмѣшались въ нашу пользу, не были однако сочтены за достаточныя Вашингтонскимъ кабинетомъ, и онъ воспользовался событіями дабы доставить перевѣсъ принципамъ болѣе широкимъ. Съ этою цѣлью между Россіей и Соединенными Штатами была заключена конвенція, въ которой постановлено, что не только „флагъ прикрываетъ грузъ,“ но и „грузъ прикрываетъ флагъ,“ то-есть что нейтральная собственность должна быть неприкосновенна и на непріятельскомъ кораблѣ.

Наконецъ, принципы, уже въ 1780 году постановленные Россіей, получили новое расширеніе на Парижскомъ конгрессѣ 1856 года. Декларацiей 16-го апрѣля 1856 года, которая принята всѣми державами, постановлено:

1. Что каперство отмѣняется.

2. Что нейтральный флагъ прикрываетъ непріятельскій грузъ за исключеніемъ военной контрабанды.

3. Что грузъ, принадлежащій подданнымъ нейтральныхъ государствъ, неприкосновененъ и подъ непріятельскимъ флагомъ.

4. Что блокада, дабы она была обязательна, должна быть дѣйствительною, то-есть быть поддержана силой достаточною для дѣйствительнаго прегражденія доступовъ къ непріятельскому берегу.

Присоединясь къ этой деклараціи, наше правительство вставило оговорку, внушенную ожиданіемъ, что Соединенные Штаты не согласятся безусловно на отмѣну каперства. Оно внесло въ протоколъ, что „Россія не обязывается поддерживать принципъ отмѣны каперства и защищать его „противъ державъ, которыя не сочтутъ „нужнымъ согласиться на него.“ Польза этой оговорки немедленно была доказана отвѣтомъ Вашингтонскаго кабинета, который положительно объявилъ, что согласиться на отмѣну каперства только въ томъ случаѣ, если будетъ провозглашена безусловная нейтральность всѣхъ морей. Нельзя не согласиться, что точка зрѣнія Вашингтонскаго кабинета въ этомъ вопросѣ совершенно разумна: подобные вопросы не могутъ рѣшаться на основаніи формальнаго равенства условій веденія войны. Безусловная нейтральность всѣхъ морей—вотъ единственный вѣрный принципъ, признаніе коего сдѣлало бы честь нашему времени, и пока онъ не будетъ признанъ, до тѣхъ поръ Россія не можетъ считать себя связанною деклараціей 16-го апрѣля 1856 года касательно отмѣны каперства.

Б.

Одна за другою полученныя въ эту ночь телеграммы бросаютъ свѣтъ на бѣлградскую катастрофу и успокаиваютъ насъ касательно будущаго Сербіи. Сербская армія и городское представительство Бѣлграда, согласно волѣ покойнаго князя Михаила, провозглашаютъ чаемымъ преем-

никомъ ему его племянника Милана Обреновича. Народная скупщина, безъ сомнѣнія, объявитъ себя за него же. А между тѣмъ раскрываются побужденія злодѣйства. Предчувствія, на которыя намекнули мы во вчерашней статьѣ нашей, оправдались. Не личная месть руководила убійцами, говоритъ телеграмма, а политическіе замыслы. Князь Михаилъ палъ жертвой заговора, имѣвшаго цѣлію возстановить въ Сербіи антинаціональную и изгнанную изъ ней династію Карагеоргіевичей. Нынѣшній Карагеоргіевичъ живетъ въ Австріи и принадлежитъ ей всѣми своими интересами. Конечно, онъ былъ бы весьма угоднымъ мадьярской Австріи княземъ Сербіи. Энергическія и рѣшительныя дѣйствія властей и народа въ Бѣлградѣ подавили въ самомъ зародышѣ гнусный замыселъ, начавшій свое осуществленіе убійствомъ. Если, къ несчастію, убійцамъ удалось покушеніе на жизнь Михаила, то ихъ заговоръ поведетъ только къ новому и торжественному заявленію сербскаго народа въ пользу Обреновичей.

№ 119.

Москва, 3-го Іюня.

Вопросъ о народномъ продовольствіи, или, точнѣе сказать, о средствахъ предупрежденія бѣдственныхъ явленій голода, занимаетъ въ настоящее время и публику, и печать, и земство, и высшую администрацію. Мы не принадлежимъ къ числу тѣхъ, кто надѣется придумать такую мѣру, или, лучше сказать такой фокусъ, чтобъ навсегда предохранить Россію отъ бѣдствія, не со вчерашняго дня ее посѣщающаго. Но мы полагаемъ, что разъясненіе столь сложнаго и столь обширнаго вопроса лежитъ на обязанности каждаго мыслящаго гражданина, и что такія разъясненія могутъ принести по крайней мѣрѣ отрицательную пользу тѣмъ, что предохранятъ отъ скитанія по ложнымъ путямъ, не ведущимъ къ цѣли, несмотря на всю свою заманчивость.

Прежде всего спросимъ себя: вопросъ о голодѣ въ Россіи есть ли одно и то же съ общимъ вопросомъ о различіи богатыхъ и бѣдныхъ во всѣхъ государствахъ? На это мы рѣшительно отвѣчаемъ: нѣтъ. Конечно, и у насъ не тѣ люди страдаютъ отъ голода, которые богаты, но и не всѣ тѣ, которые бѣдны, и вотъ въ этомъ особенность нашего положенія. У насъ голодаютъ не низшіе классы городскихъ населеній, какъ въ западной Европѣ, и что еще важнѣе, не тѣ изъ лицъ сельскаго населенія что живутъ работой на сторонѣ, но именно крестьяне живущіе хлѣбомъ, ими же самими производимымъ. Едва ли кто станетъ оспаривать это замѣчательное и характеристическое явленіе. Если же оно несомнѣнно, то слѣдуетъ изучить его внимательно, не смущаясь предвзятыми теоріями. Такого изученія, къ сожалѣнію, еще не предпринято. Само собой разумѣется, что когда вспыхнетъ пожаръ, то должно прежде всего хлопотать о томъ какъ бы погасить его, и потомъ уже на досугѣ обсуждать предупредительныя мѣры противъ пожаровъ вообще и заниматься сочиненіемъ плановъ и несгораемыхъ зданій. Когда населеніе какой-либо мѣстности страдаетъ отъ голода, то прежде всего нужно тѣмъ или другимъ способомъ дать ему хлѣба, но на этомъ, конечно, не слѣдуетъ останавливаться, а должно поспѣшить ближайшимъ изученіемъ причинъ создавшихъ голодъ. Обыкновенная причина голода—неурожай. Возможно ли устранить эту причину? Въ абсолютномъ значеніи этого слова, конечно, нѣтъ, а въ относительномъ представляется нѣкоторая возможность. Если земледѣлецъ производитъ при хорошемъ урожаѣ только то количество хлѣба, которое необходимо для его собственнаго продовольствія, и не имѣетъ иныхъ средствъ пріобрѣтенія, то при посредственномъ урожаѣ, онъ терпитъ нужду, а при дурномъ—голодъ. Тутъ стало-быть требуется усиленіе производства, зависящее въ свою очередь отъ возможности сбывать хлѣбъ въ урожайные годы, для чего нужны улучшенія въ путяхъ сообщенія и развитіе внѣшней торговли, посредствомъ постепеннаго ослабленія покровительства во всѣхъ тѣхъ случаяхъ когда національная промышленность не нуждается въ немъ для своего существованія. Но этими условіями не исчерпывается потребность. Они обезпечиваютъ дѣло лишь съ отрицательной стороны. Безъ нихъ не могло бы усиливаться производство хлѣба, но они сами по себѣ не даютъ еще ручательства въ томъ, что земледѣльческія населенія воспользуются возможностью производить хлѣбъ въ большемъ чѣмъ

прежде размѣрѣ. Имѣя въ виду, что при равенствѣ имущественномъ и при одинаковости занятій, обмѣнъ услугъ, на которомъ зиждется вся цивилизація, въ нашемъ сельскомъ быту невозможенъ, многіе приходятъ къ заключенію, что тутъ необходимо внѣшнее побужденіе къ усиленію производства и составленію запасовъ. Средства эти думали найдти въ обязательныхъ денежныхъ и хлѣбныхъ запасахъ, но такіе запасы, однажды потребленные, не скоро, или почти вовсе не возстановляются. Нѣтъ ли возможности устроить дѣло такъ, чтобы кромѣ запасовъ обязательныхъ и офиціальныхъ имѣлись еще запасы частные, свободно накопляемые? Это было бы гораздо надежнѣе, и въ отысканіи этой-то возможности заключается не только ключъ къ разрѣшенію частнаго вопроса о противодѣйствіи неурожаямъ, но и вся тайна возвышенія уровня народнаго благосостоянія. Всякій запасъ есть излишекъ, остающійся за потребленіемъ. Повидимому стóитъ только сдѣлать возможною производительность и награждать бережливость, чтобы запасы, или сбереженія явились сами собой. Всякій желаетъ получать больше и расходовать меньше, а потому успѣхъ кажется несомнѣннымъ. Повидимому это такъ, но на дѣлѣ выходитъ совершенно иначе. Вопервыхъ, бережливость не примѣнима по отношенію къ хлѣбу, потребленіе коего зависитъ отъ численности населенія, и при извѣстной степени благосостоянія сокращено быть не можетъ. Поощренія могутъ имѣть тутъ цѣлію усиленіе не бережливости, а производства. Чтò же касается послѣдняго, не должно забывать, что человѣкъ не есть машина, или матеріальный атомъ, принимающій математическое направленіе, при дѣйствіи на него двухъ или нѣсколькихъ разныхъ силъ, но существо одаренное свободною волей. На эту волю могутъ вліять разнообразные стимулы, но необходимо чтобы воля имѣла энергію, а энергія рѣдко пріобрѣтается извнѣ и ни въ какомъ случаѣ не является слѣдствіемъ административныхъ мѣръ. Свобода располагать собой, сознаніе отвѣтственности предъ самимъ собой за свою участь, и извѣстная степень умственнаго развитія, — вотъ единственные источники этой энергіи. Уже далѣе слѣдуютъ обстоятельства не создающія свободной воли, но только благопріятствующія ея дѣйствію, а именно охрана пріобрѣтенной собственности отъ внѣшняго насилія, устраненіе промышленныхъ препятствій, облегченіе сообщеній съ отдаленными мѣстами, словомъ все то чтò способствуетъ обмѣну услугъ.

Взглянемъ теперь на положеніе нашего земледѣльческаго сословія съ точки зрѣнія тѣхъ основаній, которыя мы сейчасъ исчислили, какъ главныя и коренныя. Находятся ли наши крестьяне въ тѣхъ условіяхъ, при которыхъ развивается энергія человѣческой воли? Нашъ крестьянинъ не пользуется свободой располагать собой; онъ прикрѣпленъ къ землѣ, которую выкупаетъ, прикрѣпленъ къ рекрутскому участку, прикрѣпленъ къ податной цифрѣ сельскаго общества, и прикрѣпленъ самымъ страннымъ образомъ: земля принадлежитъ не ему, а какому-то отвлеченному понятію, называемому сельской общиной; рекрутская повинность виситъ надъ нимъ, въ видѣ Дамоклова меча, обрушить который на его голову зависитъ отъ произвола волостнаго схода и отъ угощенія или неугощенія волостнаго писаря; количество податей, которыя онъ долженъ платить, ему также неизвѣстно, ибо зависитъ отъ произвольной раскладки. Словомъ во всемъ неопредѣленность и сбивчивость, противъ которыхъ никакая разумная борьба не возможна, а единственное старинное проявленіе энергіи русскаго человѣка — бѣгство въ казачество или *за рубежъ* — принадлежитъ уже къ давно прошедшему. При этихъ стѣсненіяхъ крестьянинъ не отвѣчаетъ предъ собой за свою участь; община обязана дать ему землю и платить за него подати; а земская управа и губернаторъ кормитъ его, если у него не достанетъ хлѣба. Чтò касается до умственнаго развитія, то наши сельскія школы механической грамотности, даже тамъ гдѣ онѣ существуютъ не на бумагѣ только, едва ли могутъ служить пособіемъ въ этомъ отношеніи. Два главныя начала умственнаго развитія, религіозное наставленіе и правильный судъ, не оказали еще своего дѣйствія: сельское духовенство остается тѣмъ же чѣмъ было прежде, а гласный судъ введенъ не вездѣ; но гдѣ онъ и существуетъ, мировая юстиціи заслонена для крестьянъ волостными судами. Чтò касается до обстоятельствъ не благопріятствующихъ скопленію сбереженій, то перечислять ихъ было бы слишкомъ долго; достаточно указать на одну основную мысль

всѣхъ нашихъ крестьянскихъ порядковъ,—на общинную круговую поруку, благодаря которой зажиточный крестьянинъ ни на одну минуту не можетъ быть увѣренъ, что пріобрѣтенное его трудами сбереженіе останется за нимъ, если онъ его не скроетъ или не израсходуетъ непроизводительно.

Должно, однако, указать еще на одно обстоятельство, слишкомъ извѣстное, но къ удивленію оспариваемое заинтересованными лицами, именно на распространеніе пьянства. Толкуютъ о томъ, усилилось ли пьянство или нѣтъ, и заимствуютъ свои доказательства изъ цифръ опредѣляющихъ количество выпитаго вина, изъ цифры заплаченныхъ за него народомъ денегъ, и наконецъ изъ увеличенія или уменьшенія питейнаго дохода. А между тѣмъ вопросъ этотъ не разрѣшается цифрами, ни въ ту, ни въ другую сторону. Народъ могъ бы потребить гораздо большее количество вина и заплатить за него большее количество денегъ съ меньшимъ для себя вредомъ: это доказывается примѣрами другихъ государствъ, гдѣ среднее количество потребляемаго каждымъ жителемъ вина несравненно значительнѣе нежели у насъ. Потеря заключается не въ количествѣ денегъ платимыхъ за вино народомъ, но въ томъ безпорядкѣ хозяйства, въ томъ ослабленіи энергіи труда, въ томъ безобразіи семейной жизни, которые по необходимости проистекаютъ отъ соблазнительной близости кабака, этого спеціальнаго заведенія, разчитаннаго на пьянство, ничѣмъ другимъ кромѣ водки не торгующаго и никакихъ другихъ развлеченій рядомъ съ собой не допускающаго. Такихъ заведеній нѣтъ нигдѣ на свѣтѣ кромѣ Россіи: вездѣ водкой торгуютъ распивочно въ харчевняхъ, погребкахъ и трактирахъ, посѣщаемыхъ не одними пьяницами и окружающихъ своихъ посѣтителей ни одною атмосферой сивухи; вездѣ наконецъ бо́льшая часть водки потребляется на дому. У насъ было бы то же самое, и чтобы потребленіе водки расширялось, нѣтъ никакой надобности искусственно поддерживать несмѣтное размноженіе мѣстъ распивочной продажи крѣпкихъ напитковъ, и давать особыя льготы тѣмъ изъ этихъ мѣстъ, которыя исключительно посвящены пьянству. Дешевая ведерная и штофная продажа и дорогая продажа распивочная, и притомъ распивочная продажа не въ кабакахъ, а въ харчевняхъ (то-есть уравненіе кабаковъ съ харчевнями), вотъ условія этого дѣла, равно требуемыя и фискальнымъ интересомъ, и интересомъ народной нравственности. Заинтересованныя лица и тутъ находятъ возраженіе: они говорятъ, что народъ лучше всего научится не поддаваться соблазну, когда соблазнъ будетъ у него предъ глазами, что народную нравственность не слѣдуетъ охранять запретительными мѣрами и т. д., и одно литературно-политическое *baby*, также не чуждое акцизу, утверждало, что пьянству слѣдуетъ противодѣйствовать только проповѣдью воздержанія, и противъ каждаго кабака поставить по проповѣднику изъ школы патера Матьюса. Они забываютъ, что во всѣхъ государствахъ (въ цивилизованныхъ и либеральныхъ тѣмъ болѣе) принимаются мѣры къ ограниченію мѣстъ распивочной продажи вина, и что противодѣйствіе соблазну, даже въ отношеніи къ высшимъ классамъ, не достигается одною проповѣдью. Какъ ни плохи наши чиновники, но все же они образованнѣе нашихъ крестьянъ, а между тѣмъ правительство не хотѣло ограничиться одною проповѣдью противу вреда увлекаться игрою въ домино-лото, и рѣшилось удалить соблазнъ запрещеніемъ самой игры въ клубахъ и публичныхъ мѣстахъ. Если крестьянинъ можетъ принести вина домой и напиться до полусмерти, то и чиновнику никто не мѣшаетъ собрать компанію и проиграться въ пухъ и прахъ, но не встрѣчая часто кабака и лото, тотъ и другой сдѣлаетъ это только въ рѣдкихъ случаяхъ, а противъ этихъ случаевъ, пожалуй, подѣйствуетъ и проповѣдь о воздержаніи и благоразуміи.

Россія терпитъ голодъ не отъ избытка народонаселенія и не отъ истощенія почвы, ибо даже теперь производитъ хлѣба болѣе нежели сколько ей нужно для собственнаго продовольствія. Слѣдовательно причина разбираемаго нами народнаго бѣдствія заключается въ обстоятельствахъ постороннихъ технической сторонѣ агрономіи; на эти-то обстоятельства мы и желали обратить вниманіе читателей.

№ 120.

Москва, 4-го Іюня.

A.

Г. Граціанъ Вестъ, военный интендантъ французскихъ резервныхъ кадровъ, издалъ въ Парижѣ брошюру, озаглавленную: *Армія по военнымъ законамъ отъ 1815 по 1868 г.; преобразованія, какія придется ввести въ ея организаціи и необходимое ей покровительство внутри имперіи*. Первая часть этого сочиненія трактуетъ о нынѣшнемъ состояніи французской арміи, о системѣ ея наборовъ и средствахъ къ облегченію ихъ тягости, вторая же часть посвящена исключительно Пруссіи и изслѣдованію условій успѣха или неудачи, какія представляетъ для Франціи война съ этою державой. Главною опасностью является въ этомъ случаѣ г. Весту не милліонъ сто тысячъ прусскихъ войскъ съ германскими контингентами включительно, не численное и качественное превосходство вооруженій Пруссіи, ея магазиновъ, ея финансовыхъ средствъ,—всѣми этими выгодами пользовался и неаполитанскій король относительно Гарибальди, даже въ нѣкоторой степени и Австрія съ Германскимъ Союзомъ, относительно Пруссіи... „*Но въ* „*Италіи, какъ и въ Германіи*", продолжаетъ г. Вестъ, „*совершились измѣны*, и „онѣ то были виною пораженія... *Полагать-* „*ся на единодушный патріотизмъ Францу-* „*зовъ было бы опасною ошибкой.*" Понятно, что газета оттѣнка *le Monde* не могла не воспользоваться этими дѣйствительно драгоцѣнными признаніями, и она пытается еще разъ перенести все значеніе ожидаемой борьбы съ почвы политической на почву религіозную и даетъ ходъ фантазіи о какомъ-то крестовомъ походѣ латинства противъ не-латинства. „Вспом- „нимъ", восклицаетъ она, „что Франція „есть держава католическая, и что, по- „добно Австріи, она будетъ имѣть противъ „себя всѣхъ не-католиковъ цѣлаго свѣта, „*начиная съ нашихъ!* Вспомнимъ, что Прус- „сія есть, напротивъ, держава протестант- „ская, коей государь, до своего восше- „ствія на престолъ, былъ членомъ самыхъ „опасныхъ тайныхъ обществъ, такъ что „около его группируются симпатіи всѣхъ „враговъ церкви. Предположимъ, что Фран- „ція одержитъ на Рейнѣ побѣду; эта по- „бѣда, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ для „всего католичества отместкой за пораже- „ніе при Садовой! Равно и у г. Бисмар- „ка есть между нами союзники, какъ у „него были союзники въ Австріи въ 1866 „году... Австрійская армія, коей храбро- „сти и стойкости мы дивились подъ Соль- „ферино,—австрійская армія не выдержа- „ла напора; выдержитъ ли его наша ар- „мія?" Устраняя клерикальныя фантазіи, сочиненныя ad hoc, мы не можемъ однако не отдать въ этомъ случаѣ справедливости газетѣ *le Monde*: г. Бисмаркъ дѣйствительно не изъ тѣхъ, кто опрометью бросается въ военныя приключенія, не подготовивъ себѣ многолѣтними хлопотами надежныхъ союзниковъ въ самомъ отечествѣ своихъ враговъ. Позорныя разоблаченія процесса Кервегена содержатъ весьма поучительныя указанія на то, какъ ловкіе политики умѣютъ захватывать въ свои руки общественное мнѣніе въ чужихъ странахъ. Именно усиленная ревность, съ какою дѣло графа Бисмарка было подхвачено нѣкоторыми органами французской печати съ начала 1866 г., служитъ вѣрнымъ предвѣстіемъ приближенія неотвратимой борьбы.... Но клейма позоромъ поддержку и „нелѣпую радость" (joie stupide) тѣхъ безсознательныхъ или злоумышленныхъ Французовъ, которые „поддерживали „Піемонтцевъ и Пруссаковъ, оправдывали „предательства Сициліи и Неаполя, Ганно- „вера, Саксоніи и Австріи", какъ г. Вестъ, такъ и *le Monde*, забываютъ, что въ числѣ „союзниковъ" Кавура и г. фонъ-Бисмарка являлись во Франціи не однѣ газеты и не одни „клерикофобы"... Вдохновляясь примѣромъ Кавура, графъ Бисмаркъ, какъ теперь обнаружилось, успѣшнѣе всего пользовался для своихъ цѣлей безсознательнымъ пособіемъ своего сильнѣйшаго союзника, самого правительства Франціи, пожинающаго нынѣ плоды слѣпаго довѣрія къ обѣщаніямъ, кои давались ему, къ воззрѣніямъ и свѣдѣніямъ, кои навязывались ему въ теченіе многихъ лѣтъ искусною и послѣдовательною политикою берлинскаго Кавура, при помощи всякаго рода замаскированныхъ агентовъ. Кто же, какъ не само французское правительство поддерживало пруссофильскую и пангерманскую пропаганду газетъ подобныхъ *Siècle*, *Opinion nationale*, особенно же *Revue Contemporaine*, по справедливости слывшей въ то время изданіемъ офиціознымъ и усерд-

но помѣщавшей съ 1862 г., безъ всякой оговорки, запальчивыя статьи въ смыслѣ пангерманизма, выходившія изъ-подъ пера извѣстнаго нынѣ профессора г. Бамбергера? Давшись въ обманы Кавура, французское правительство точно также далось и въ сѣти графа Бисмарка, который успѣлъ въ то же время затмить политическое разумѣніе правительствъ Австріи и второстепенныхъ державъ Германскаго Союза, побуждая ихъ то по очереди, то совокупно орудовать всѣмъ своимъ вліяніемъ для его цѣлей, которыя завершились стѣсненіемъ и умаленіемъ европейскаго значенія Франціи, уничтоженіемъ Германскаго Союза, низверженіемъ нѣкоторыхъ членовъ его и изгнаніемъ Габсбурговъ изъ нѣмецкой семьи. Таковы плоды безсознательной довѣрчивости...

Кто можетъ поручиться, что политическіе дѣятели, обладающіе искусствомъ пользоваться добрыми отношеніями къ разнымъ державамъ, чтобы подготавливать себѣ вѣрныхъ въ нихъ союзниковъ, не ведутъ своей игры и у насъ, въ размѣрахъ быть-можетъ несравненно болѣе серіозныхъ и опасныхъ? Въ дѣлахъ политическихъ настоящее служитъ прикрытіемъ и маской будущаго.

Во Франціи есть династическія партіи дающія обильный матеріалъ для ловкой иноземной интриги; у насъ этого матеріала нѣтъ, но есть создаваемыя нашими собственными ошибками чужія и фальшивыя національно-политическія организаціи, которыя для иноземной политики даютъ матеріалъ еще болѣе обильный...

Б.

Рижская *Zeitung für Stadt und Land* снова поражаетъ насъ своею премудростью. Недавно, говоря о желѣзныхъ дорогахъ изнутри Россіи къ нашимъ почти не замерзающимъ гаванямъ Либавской и Виндавской, мы подивились, что эта газета, въ пылу своего весьма забавнаго *германскаго* патріотизма, объявила, что эти дороги рѣшительно не могутъ доставить Виндавѣ и Ригѣ ни матеріальной, ни нравственной пользы; намъ показалось также страннымъ, что нѣкоторыя изъ нашихъ другихъ нѣмецкихъ газетъ перепечатали безъ всякой оговорки это удивительное мнѣніе. Итакъ, русскимъ отпускнымъ гаванямъ нѣтъ матеріальной пользы отъ рельсовыхъ путей, которые связали бы ихъ съ русскою страной, производящею отпускные товары, между тѣмъ какъ прусскимъ гаванямъ, Кенигсбергу и Пилау, связь съ внутренними мѣстностями Россіи на столько выгодна, что мы можетъ-быть не строимъ либавской дороги именно изъ опасенія, что Кенигсбергъ пострадаетъ отъ привлеченія грузовъ къ Либавѣ! Внутреннія губерніи Россіи должны быть связаны съ Кенигсбергомъ и съ Кенигсбергомъ же должны быть связаны русскія гавани! Того-де требуютъ и матеріальные и нравственные интересы Либавы и Виндавы! Матеріальные интересы требуютъ разобщенія гаваней съ своимъ торговымъ райономъ, нравственные — разобщенія съ тѣмъ государствомъ, которому эти гавани принадлежатъ! Такова чудовищная теорія, противъ которой мы возражали. Теперь *Zeitung für Stadt und Land* вздумала оправдывать свое мнѣніе предъ *своею* публикой. Упомянутая газетка утверждаетъ будто одобряемыя нами линіи *имѣютъ цѣлью пресѣчь балтійскимъ провинціямъ прямую торговлю съ чужими краями*. Но одобряемыя нами линіи столь же мало могутъ это сдѣлать какъ и помѣшать какимъ-либо сношеніямъ почтенной газеты *für Stadt und Land* съ луною. Какая теперь есть торговля, такая и останется, но прибавится новая, громадная отпускная торговля именно съ чужими краями, которая распредѣлится между портами балтійскихъ губерній, такъ что каждому изъ нихъ будетъ много дѣла. Что же тутъ дурнаго? Не въ томъ ли вся бѣда, что для веденія отпускной торговли нельзя обойдтись безъ торговли внутренней, доставляющей отпускные грузы, а эта внутренняя торговля усилитъ сношенія Либавы и Виндавы съ внутренними краями Россіи чего помянутой газетѣ не хочется? Это не наша догадка, не предположеніе внушенное подозрительностью, отыскивающею повсюду противогосударственныя стремленія и покушенія. Нѣтъ, это напечатано *en toutes lettres* въ остзейской газетѣ. Она напоминаетъ намъ, что люди, составляющіе *десятую* (или и менѣе) долю балтійскаго населенія, будучи „Нѣмцами“, имѣютъ съ Германіей общіе умственные интересы (какъ будто не *всѣ* города и страны міра имѣютъ между собой общіе умственные интересы!) и въ своей аркадской невинности полагаетъ, что „это есть достаточный поводъ „требовать отъ русской казны гарантіи

„для желѣзныхъ дорогъ изъ Либавы, Вин„давы, Риги и пр. въ Пруссію". Эти дороги не имѣютъ никакого смысла для промышленной жизни; ихъ и Пруссія стала бы строить не изъ *торговыхъ* разчетовъ (ибо таковыхъ не имѣется), а только развѣ изъ *чисто-политическихъ* видовъ, еслибы эти провинціи, продолжая подвергаться усиленной германизаціи, наконецъ какимъ-нибудь образомъ поступили въ ея обладаніе и стали частью Германіи, что можетъ совершиться скоро и легко по мнѣнію прусскаго патріота, которое было воспроизведено въ № 33 *Современной Лѣтописи* за прошлый годъ. Это ли составляетъ нравственный интересъ Либавы и Виндавы, который долженъ понудить ихъ къ пожертвованію своими матеріальными, равно какъ и своими дѣйствительными, а не химерическими нравственными интересами? Но и на этомъ не останавливается наивность германскихъ патріотовъ въ нашихъ балтійскихъ губерніяхъ. Дороги полезныя въ политическихъ видахъ Пруссіи, а для Россіи въ политическомъ отошеніи вредныя и въ то же время для портовъ балтійскихъ губерній разорительныя, должны быть построены на русскія казенныя средства. Это тоже напечатано *en toutes lettres.* Впрочемъ и то правда: если вѣрить недавно-приведенной нами выпискѣ изъ приложенія къ *Курляндскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ,* и если въ самомъ дѣлѣ даже Митавско-Рижская линія осмѣливается разчитывать на *безусловную гарантію правительства,* хотя эта линія не доставитъ ни копѣйки дохода, - если, говоримъ, и эта короткая дорога, проходящая по совершенно гладкой мѣстности между двумя очень населенными городами, не можетъ обойдтись безъ правительственной гарантіи, — то какъ же ожидать, чтобы *Zeitung für Stadt und Land* пожелала строить желѣзныя дороги отъ Либавы, Виндавы и Риги въ Пруссію безъ гарантіи отъ русской казны?...

Видя и слыша что дѣлается вокругъ, не вѣришь ни глазамъ, ни ушамъ своимъ... Рѣчь идетъ о дорогахъ, могущихъ дать важное торговое значеніе двумъ гаванямъ балтійскаго края, способствовать оживленію и обогащенію этого края и притомъ связать его съ тѣмъ государствомъ, которому онъ принадлежитъ. Мѣстный интересъ не приносится въ жертву государственному, а оказывается съ нимъ въ полномъ согласіи. И что же? Газетка, выходящая въ Россіи подъ русскою цензурой, возстаетъ противъ этихъ дорогъ, именно потому что онѣ, будучи полезны помянутымъ гаванямъ, могутъ быть полезны и цѣлому государству. Проектъ этихъ дорогъ, говоритъ она, внушенъ московскою политикой; онъ выставляется какъ нѣчто предосудительное именно потому что въ основѣ его лежитъ коварное намѣреніе достигнуть результатовъ, полезныхъ Русскому государству.

В.

Мы недавно говорили о притязаніяхъ петербургскихъ иностранныхъ купцовъ противъ мѣры освободившей судохозяевъ отъ необходимости уплачивать въ пользу ихъ незаконные поборы. Мы упомянули, что эти притязанія идутъ главнѣйшимъ образомъ отъ купцовъ англійскихъ, но что англійское правительство не только не поддерживаетъ ихъ, а напротивъ сочувствуетъ мѣрѣ принятой нашимъ правительствомъ. Вотъ что сказано по поводу этого вопроса въ *Daily News* отъ 10 го іюня:

„Кто бы могъ подумать, что наступитъ время, когда русское правительство предложитъ практическія реформы для удобства иностранной торговли и эти мѣры встрѣтятъ противодѣйствіе со стороны англійскихъ купцовъ на мѣстѣ? Но этого могъ ожидать всякій, кому извѣстно, что такое британская въ Петербургѣ факторія и чѣмъ она всегда была. Факторія для торговли то же что для промышленности союзъ рабочихъ; ея члены всегда судятъ о каждой государственной мѣрѣ съ точки зрѣнія ея истиннаго или предполагаемаго вліянія на ихъ интересы. Перемѣны, сдѣланныя въ послѣднее время русскимъ правительствомъ, совершены въ духѣ свободной торговли, ибо они уменьшаютъ мѣстные налоги на торговыя сношенія. Но купцы, которые въ теченіи полустолѣтія противились этому, отправляются къ министру финансовъ и просятъ отмѣнить новыя мѣры, заявляя, будто бы они желаютъ имѣть необходимый контроль надъ судохозяевами, а въ дѣйствительности для сохраненія своихъ незаконныхъ поборовъ. Мы надѣемся, что министръ обнаружитъ твердость и не допуститъ, чтобы благоразумныя и либеральныя мѣры потерпѣли неудачу вслѣдствіе корыстныхъ усилій.

С.-Петербургская факторія была отмѣнена актомъ парламента и никогда не была признаваема русскимъ правительствомъ, а потому не слѣдуетъ дозволять, чтобъ она грабила судохозяевъ. Усилія факторіи направлены къ стѣсненію торговли и ежедневно наносятъ ей ущербъ. Дѣйствія ея могутъ потребовать вмѣшательства правительства ея величества и, во всякомъ случаѣ, лорду Станлею не мѣшаетъ не упускать ихъ изъ виду."

№ 121.

Москва, 5-го іюня.

Какъ будто волею таинственнаго рока, къ концу законодательныхъ сессій второй французской имперіи, всегда накопляются труды самыхъ серіозныхъ и трудныхъ вопросовъ. Съ 1851 года это истинное *несчастіе* не переставало возобновляться съ періодичностью лихорадки. Чтобъ избавиться отъ этого недуга, мудрое правительство отсѣкло пренія объ адресѣ, якобы отвлекавшія законодателей Франціи отъ истиннаго предмета совѣщаній въ собраніи народныхъ представителей. Но протекли уже два года послѣ этой операціи, а законодательному сословію все-таки приходится попрежнему пробѣгать, со скоростью *гимнастическаго шага*, многосложные и щекотливые вопросы о миліардахъ бюджета, о сотняхъ милліоновъ займа, о другихъ сотняхъ милліоновъ желѣзно-дорожнаго, проселочно-дорожнаго и тому подобныхъ дѣлъ. Рокъ, повидимому, неотвратимъ; о томъ искренно сѣтуютъ и правительство, и палаты, и всѣ плательщики податей во Франціи....

Но вотъ, посреди этого обилія важныхъ задачъ, безотлагательному изученію велемудрыхъ законодателей „остроумнѣйшей" націи міра нежданно предлагается новое великой важности дѣло, коимъ еще разъ отсрочивается рѣшеніе неотвязчиваго вопроса о миліардахъ. Однимъ этимъ обстоятельствомъ достаточно живописуется великое значеніе этого новаго на горизонтѣ Франціи вопроса. Что бы ни сталось съ бюджетомъ, Франція довольно богата, чтобы щедро оплачивать свою славу; ибо вопросъ *грамматическій*, внезапно возбужденный брошюрой одного изъ членовъ большинства законодательнаго корпуса, г. Делламара, подъ заглавіемъ: *Единственное вмѣсто множественнаго (Un singulier pour un pluriel)*, надобно думать, касается славы и важнѣйшихъ политическихъ интересовъ Франціи. Двѣ поправки съ разныхъ сторонъ представленныя бюджетной коммиссіи требуютъ, чтобы въ названіи каѳедры, учрежденной при *Collège de France*, для „славянскаго языка", единственное число было замѣнено множественнымъ. Патріотической заботливости Солоновъ новѣйшихъ Аѳинъ предстоитъ исправить непростительные промахи Орлеанской династіи обличившей ими свое равнодушіе къ славѣ и величію Франціи. Правительство „мѣщанскаго короля" упустило изъ вида, что создавая каѳедру славян*скаго языка*, а не славянс*кихъ языковъ*, Франція возбуждала съ тѣмъ вмѣстѣ и мысль о славянской взаимности и славянскомъ единствѣ, словомъ, весь славянскій вопросъ, и безсознательно готовила всепожирающему честолюбію Россіи самое грозное оружіе. Оно не поняло, что оружіе это станетъ, рано или поздно, опасно всѣмъ „естественнымъ" союзникамъ Франціи: великодушной Польшѣ, юнѣющей Австріи и либеральной Турціи. Весьма естественно, что въ виду опасности, грозящей „естественнымъ" союзникамъ Франціи, въ патріотической средѣ ея представителей должны исчезнуть всякія политическія несогласія. Какъ при Іоаннѣ д'Аркъ возгласъ: *Montjoie Saint Denis*, какъ при національномъ конвентѣ воззваніе: *Отечество въ опасности*, такъ теперь, въ эпоху возбужденнаго второю имперіей патріотическаго „изступленія", неистовый вопль: *вмѣсто единственнаго—множественное!* покроетъ всѣ голоса.... Да будетъ однако позволено нашему скромному голосу высказать при этомъ почтительное замѣчаніе. Сколько намъ извѣстно, славянская каѳедра была основана въ Парижѣ по настояніямъ польской эмиграціи; эту каѳедру занималъ сначала знаменитый Адамъ Мицкевичъ, для кого собственно она и была создана; послѣ возсѣлъ на нее архиваріусъ польскаго историческаго общества въ Парижѣ, г. Леонардъ Ходзько. Въ Мицкевичѣ, сколько извѣстно, никто до сихъ поръ не подозрѣвалъ орудія всепожирающаго честолюбія Россіи; что же касается г. Ходзько, то пользуясь своимъ положеніемъ при упомянутомъ историческомъ обществѣ, онъ собралъ къ 1865 году до 43.000 всякаго

рода и происхожденія элукубрацій о польскомъ вопросѣ и, прикрываясь псевдонимомъ графа Angeberg'а, „безпристрастнаго *нѣмецкаго* изслѣдователя (explorateur)“, какъ выражались о немъ французскія газеты, издалъ, въ 1862 г., извѣстный сборникъ, озаглавленный: *La Pologne* etc., въ которомъ тщательно подобраны и въ извѣстномъ смыслѣ озаглавлены разные, большею частію подложные документы, которые чѣмъ бы то ни было могли послужить въ пользу дѣлу польщизны, а еще старательнѣе пропущены всѣ несомнѣнно подлинные документы, коими, подобно указу Императора Николая I отъ іюня 1846 г., разоблачалась истина на счетъ либерализма польскихъ пановъ въ ихъ отношеніяхъ къ крестьянамъ, и причинъ побуждавшихъ русское правительство вступаться въ эти отношенія. Отсюда видно, что и г. Ходзько, также какъ и знаменитый предмѣстникъ его, не можетъ быть заподозрѣнъ въ тайныхъ сочувствіяхъ къ Россіи. Каѳедра славянскаго языка въ Парижѣ стала дѣятельнымъ орудіемъ польской пропаганды и неразлучной съ нею лжи и клеветы; славянскіе народы приносились въ жертву польской идеѣ, которая всегда была и будетъ лишь подспорьемъ для политическихъ комбинацій, чуждыхъ и враждебныхъ славянскимъ народамъ. Стóитъ заглянуть въ замѣчательное сочиненіе г. Пужада: *Chrétiens et Turcs*, посмотрѣть на любое воззваніе всѣхъ польскихъ возстаній, раскрыть извѣстную книгу Мѣрославскаго: *De la nationalité polonaise dans l'équilibre européen*, и вспомнить новую польскую программу, изложенную недавно княземъ Чарторыйскимъ въ Лондонѣ, чтобы всякому стало понятно, что толки о славянствѣ были для польской пропаганды въ Европѣ, и особенно между подвластными Австріи и Турціи славянскими народами, только предлогомъ для того чтобы вредить Россіи, а вмѣстѣ съ нею и всему славянскому міру. Вотъ лозунгъ данный съ высоты парижской каѳедры славянск*аго* язык*а* въ единственномъ числѣ.

Беремъ смѣлость довести до свѣдѣнія законодателей Франціи, что въ Россіи издавна учреждены каѳедры славянскихъ нарѣчій не въ единственномъ, а во множественномъ числѣ. Въ русскихъ университетахъ преподаются языки славянскіе, отдѣльно и сравнительно, изучается исторія ихъ литературъ и народовъ ими говорящихъ. Да будетъ извѣстно французскимъ политикамъ, что именно это изученіе славянскаго міра въ его естественныхъ отношеніяхъ и во множественномъ числѣ способствовало развитію панславизма, который они хотятъ заговорить.

№ 122.

Москва, 6-го Іюня.

Если правда, что отъ высокаго до смѣшнаго только одинъ шагъ, то не менѣе вѣрно и то, что отъ шутки до не-шутки не будетъ и полшага. Мы упоминали вчера о двухъ поправкахъ, внесенныхъ въ бюджетную коммиссію французскаго законодательнаго корпуса, настаивающихъ на томъ, чтобы замѣнить единственное число множественнымъ въ именованіи каѳедры славянскаго языка при *Collège de France*. Какъ бы ни были сами по себѣ эти заявленія нелѣпы и забавны, цѣль ихъ однако не шутка. Цѣль ихъ, по всѣмъ признакамъ, та, чтобы въ нѣдрахъ законодательнаго собранія Франціи возбудить политическій вопросъ о славянскихъ національностяхъ, объ отношеніяхъ къ нимъ Россіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ, по всей вѣроятности, и объ отношеніяхъ Россіи къ Польшѣ. Въ продолженіе нынѣшней законодательной сессіи, такъ-называемый „Польскій вопросъ“ былъ предметомъ только проповѣдей; доступъ въ собраніе представителей Франціи, повидимому, былъ для него закрытъ; тамъ объ этомъ несчастномъ вопросѣ не было и помину. Въ нѣкоторыхъ, не лишенныхъ значенія органахъ печати, была даже справлена тризна по немъ, какъ по дѣлѣ совсѣмъ мертвомъ. Но вотъ вышеупомянутыми заявленіями опять оно гальванизуется, и ему опять отворяются настежь ворота Бурбонскаго дворца. Гнѣвный вопль аббата Бауэра, тюльерійскаго духовнаго отца, крикъ негодованія аббата Дегерри, не въ примѣръ другимъ пожалованнаго въ званіе сенатора, быть можетъ смѣнятся теперь напыщеннымъ паѳосомъ г. Карно и фельетонными диѳирамбами г. Пельтана. А между тѣмъ инціатива внесенныхъ въ бюджетную коммиссію поправокъ принята членами большинства палаты,—а извѣстно какъ большинство это уклоняется отъ всякой инціативы, не продиктованной ему сооб-

раженіями министромъ. Заключенія отсюда вытекають сами собою, и они вполнѣ согласуются со всѣми прочими проявленіями весьма прозрачно затаенной мысли Тюльерійскаго кабинета. Нынѣшнія странствія принца Наполеона въ Вѣну, Пештъ и Константинополь предприняты, очевидно, не въ тѣхъ видахъ, чтобы водворить миръ и согласіе между Россіей и этими сосѣдями ея, высказывающими ежедневно, съ несвойственною имъ откровенностію, свое недоброжелательство къ „Московитамъ". Изъ Вѣны августѣйшій путешественникъ неожиданно прилетѣлъ въ Прагу, какъ разъ въ день народнаго торжества, и бесѣдовалъ съ чешскими вождями,—причемъ, конечно, не скрылъ отъ нихъ своего сожалѣнія, что посѣщеніе ими Парижа предъ поѣздкой въ Москву осталось безъ видимыхъ результатовъ.

Такимъ образомъ, предположенныя въ Парижѣ поправки въ докладу бюджетной коммиссіи находятся въ нѣкоторой связи съ попытками французскаго принца внести свою лепту въ вопросы Славянскій и Восточный. Вмѣстѣ съ тѣмъ печать французская, начавшая-было отрезвляться по отношенію къ Россіи, опять приняла яростный противъ нея тонъ. Одни органы съ почтительною довѣрчивостію перепечатывають самыя гнусныя выдумки изъ *Correspondence du Nord-Est* Чарторыйскаго; другіе тупо подтруниваютъ надъ человѣколюбивымъ предложеніемъ русскаго правительства объ устраненіи разрывныхъ пуль; третьи спѣшать отплатить клеветами за амнистію 25-го мая... Французское правительство, повидимому, пускаетъ въ ходъ всѣ подручныя ему средства, чтобы возбудить противъ Россіи, яко зачинщицы ожидаемыхъ кровопролитій, оскорбленную общественную совѣсть Европы, негодованіе исторіи, анаѳему народовъ.

Все это можетъ показаться, какъ говорилъ знаменитый Таллейранъ, не только преступленіемъ, но и ошибкой, если вспомнить, что съ 1863 г. Россія не подавала Франціи никакого повода ко враждѣ, если вспомнить, что интересы этихъ государствъ по большей части вопросовъ раздѣляющихъ Европу почти тождественны, если вспомнить наконецъ, что всѣ отношенія Петербургскаго кабинета къ Тюльерійскому были запечатлѣны характеромъ довѣрія: припомнимъ услуги, въ прошломъ году оказанныя Россіей Тюльерійскому кабинету при разрѣшеніи Люксембургскаго вопроса; припомнимъ еще болѣе поѣздку Государя Императора въ Парижъ, которая поддержала померкавшій блескъ второй имперіи. Какое же таинственное побужденіе влечетъ Наполеона III на путь слѣпой вражды противъ Россіи?

Здѣсь есть недоразумѣніе, равно тягостное для обѣихъ сторонъ, и французскія газеты сами безпрестанно намекаютъ на тайную причину этого роковаго недоразумѣнія. *Le Monde*, этотъ *enfant terrible* французской журналистики, сознается, что странствіями принца Наполеона запечатлѣвается австро-французскій союзъ, и что этотъ союзъ есть естественная реплика на союзъ прусско-русскій, „не составляющій нынѣ тайны ни для одного изъ кабинетовъ". Вотъ въ чемъ вся сущность дѣла. Франція не имѣетъ основанія враждовать противъ Россіи; но она видитъ въ ней союзницу Пруссіи; и уже заранѣе принимаетъ свои мѣры. Вражда падаетъ на Россію единственно по причинѣ предполагаемаго союза ея съ Пруссіей. Тюльерійскій кабинетъ не можетъ не видѣть, что истинная вина заносчивости Берлина его неуступчивости, его притязательности, его дальнѣйшихъ замысловъ, есть разчетъ его на поддержку со стороны Россіи quand même, и вотъ почему на Россію болѣе чѣмъ на самую Пруссію изливается теперь раздраженіе и ненависть французской политики.

И что же? Ловкая политическая игра успѣла сдѣлать то, что Россія, за свое поручительство въ чужомъ дѣлѣ, поставлена на правежъ; Россія принимаетъ на себя все зло, весь *odium* положенія дѣлъ, въ которомъ она неповинна, между тѣмъ какъ Пруссія все болѣе и болѣе отходитъ въ сторону, и изъ дѣйствующаго лица становится зрителемъ. Намъ остается утѣшать себя по крайней мѣрѣ тѣмъ, что въ случаѣ какой-либо непріятности, могущей послѣдовать для Россіи, ея добрая сосѣдка будетъ соблюдать нейтралитетъ, какъ въ 1854 году... Но это не все: дѣла будто бы находятся въ такомъ положеніи, что Россія должна дѣлать всевозможное для ублаженія Пруссіи, даже отказываться отъ построенія Либавской дороги и отрекаться отъ русскаго языка въ балтійскомъ краѣ... Наконецъ, и этого мало: въ Германіи повидимому хотятъ эксплуатировать то положеніе, въ которое привела себя Россія

по дружбѣ къ ней, и съ большею чѣмъ когда-нибудь откровенностію идетъ въ нѣмецкой печати рѣчь о балтійскихъ губерніяхъ Россіи, и поддерживается та наглая, не имѣющая имени интрига, которая съ нѣкоторыхъ поръ усильно работаетъ въ этихъ провинціяхъ.

Считаемъ не лишнимъ привести здѣсь изъ статьи, за подписью Алекъ, „Различные фазы Восточнаго вопроса", въ послѣдней, на дняхъ вышедшей книжкѣ *Русскаго Вѣстника* слѣдующія строки, характеризующія положеніе, о которомъ мы теперь заговорили:

„Въ маѣ 1867 года, Франція, озлобленная противъ Пруссіи, но не готовая къ бою, была спасена добрыми услугами Россіи и колебаніями самой Пруссіи. Въ продолженіе цѣлаго года Франція вооружалась съ лихорадочною дѣятельностью, чтобъ омыть въ прусской крови люксембургское пятно и вознаградить себя за никольсбургскіе недочеты. Въ продолженіе цѣлаго года, Пруссія, оставаясь вѣрною своей политикѣ, постоянно раздражала уже и безъ того сильно затронутую національную гордость Франціи. Но прошелъ годъ, и вотъ Франція является во всеоружіи. Событія, ознаменовавшія первый всегерманскій пошлинный парламентъ, окончательно раздражили Французовъ... На Пруссіи, слѣдовательно, на одной Пруссіи должна бы, казалось, разразиться ею же накликанная гроза, а доброе расположеніе Россіи естественно должно бы въ этомъ случаѣ стать самою крайнею необходимостью для Пруссіи. И что же? Какъ будто повинуясь какой-то безсознательной силѣ, вся прусская печать, именно нынѣ болѣе чѣмъ когда-либо, осыпаетъ Россію оскорбительными нареканіями, язвительными упреками, клеветами, часто превосходящими своимъ ожесточеніемъ даже возмутительныя филиппики франко-польской журналистики. Настойчиво требуя отъ Франціи невмѣшательства во внутреннія дѣла Германіи, нѣмецкая печать не менѣе настойчиво присвоиваетъ себѣ право вмѣшиваться во внутреннія дѣла Россіи. Отказываясь отъ всякаго заступничества за сплошную нѣмецкую національность Альзаса, *Allgemeine Zeitung*, *Кельнская Газета*, *Остъ-Зейская Газета*, даже *Крестовая Газета*, осмѣливаются возлагать на русское правительство отвѣтственность предъ Германіей за неприкосновенность того куріознаго порядка, благодаря которому нѣмецкое меньшинство населенія русскаго балтійскаго поморья и до сихъ поръ „не иначе можетъ смотрѣть у себя на все „не-нѣмецкое, какъ тѣмъ взглядомъ, ка„кимъ въ Америкѣ бѣлые смотрятъ на чер„ныхъ (sic!)". Редижируемая въ Берлинѣ русскимъ прибалтійцемъ *) *Livländische Beiträge* уже образовала изъ себя настоящій центръ систематической прусской пропаганды въ балтійскихъ губерніяхъ Россіи. Между тѣмъ графъ Бисмаркъ, умѣвшій, когда ему было нужно, зажимать ротъ не только нѣмецкой, но и французской печати, нынѣ однако не считаетъ нужнымъ умѣрить заносчивый пангерманизмъ печати, систематически возбуждающій Нѣмцевъ противъ Россіи. Въ пошлинномъ парламентѣ, когда на обвиненіе возведенное южанами противъ „сангвинической" политики Пруссіи, протягивающій якобы одну руку на французскій Альзасъ, другую же на русскій Остзейскій край, предсѣдатель поспѣшилъ возразить самымъ рѣшительнымъ отрицаніемъ всякаго помысла Пруссіи на чистонѣмецкія страны подчиненныя Франціи, но ни графъ Бисмаркъ, ни предсѣдатель не признали нужнымъ, хотя бы изъ приличія, вымолвить слово въ опроверженіе приписываемыхъ Пруссіи замысловъ на достояніе Россіи, не имѣющее ничего общаго съ Германіей... А между тѣмъ, нѣтъ сомнѣнія, Франція, во всеоружіи, нетерпѣливо и гнѣвно выжидаетъ лишь часа кроваваго состязанія. И вотъ силою какого-то непостижимаго фокуса, изліянію гнѣва Франціи открыта почва уже не Нѣмецкаго, а Восточнаго вопроса, и вмѣсто Пруссіи, оскорбившей достоинство и умалившей значеніе Франціи, выставляютъ на расправу Россію, которая еще только вчера оказала Франціи столь дорогую услугу...

Послуживъ орудіемъ и Франціи, и Австріи, ужели Восточный вопросъ превратится нынѣ въ орудіе хитрой, но въ этомъ

*) Г. Бокомъ (Bock), бывшимъ предсѣдателемъ Рижскаго гофъ-герихта. Цѣль этого измѣнническаго сборника всякой нѣмецкой клеветы состоитъ, между прочимъ, какъ объясняетъ издатель, „въ возбужденіи какъ мужественной стойкости „Нѣмцевъ Русскаго прибалтійскаго поморья въ „духовной, нравственной и политической борьбѣ „ихъ противъ заклятаго и исконнаго врага, Мо„сковита, такъ и разумнаго, послѣдовательнаго „содѣйствія имъ всего нѣмецкаго народа". (II Band, 1 Heft, S. 3.)

случаѣ не дальновидной политики Пруссіи? Ужели, наконецъ, превратится онъ въ орудіе дерзкой мистификаціи, помощью которой сторонники издателя *Livländische Beiträge* надѣются увѣковѣчить помянутые выше курьюзные порядки? Мы не имѣемъ причины дорожить пріязнію Пруссіи преимущественно предъ всякою другою державой, но для Пруссіи пріязнь Россіи, быть-можетъ, скоро станетъ истиннымъ *to be or not to be*..."

Не дойдутъ же дѣла до того, чтобы намъ привелось дорожить дружбой Пруссіи, какъ ручательствомъ за ея нейтралитетъ въ случаѣ европейскаго столкновенія...

№ 123.

Москва, 7-го Іюня.

Правительство занято, въ настоящее время, разрѣшеніемъ вопроса объ устройствѣ управленія въ киргизскихъ степяхъ. Въ виду безпрерывнаго распространенія нашей государственной территоріи на Востокѣ, этотъ вопросъ имѣетъ значеніе не только для того края, къ которому онъ непосредственно относится, но и для всѣхъ азіятскихъ областей, которыя намъ волею или неволею приходится вводить въ составъ Россійской Имперіи.

Вслѣдствіе соединенія Сибирской и Оренбургской передовыхъ линій и завоеванія Туркестана, Киргизскія степи очутились внутри Имперіи. Это громадное пространство заключаетъ въ себѣ 1.660.000 квадр. верстъ и около 1.400.000 жителей обоего пола; въ составъ его входятъ такъ-называемыя области Оренбургскихъ Киргизъ (приблизительно между рѣками Ураломъ и Ишимомъ) и Сибирскихъ Киргизъ (между рѣками Ишимомъ и Иртышемъ), земли казачьихъ войскъ Уральскаго (вдоль западнаго прибережья Урала) и Сибирскаго (къ югу отъ Тобольской губерніи) и Семипалатинская область. Все это пространство нынѣ со всѣхъ сторонъ окружено русскими владѣніями, кромѣ небольшой части на юго-западной границѣ, прикасающейся къ Усть-Урту (между Каспійскимъ и Аральскимъ морями) и къ землямъ Туркменъ. Управленіе киргизскими степями нынѣ раздѣлено между западнымъ сибирскимъ и оренбургскимъ генералъ-губернаторствами, которыя, каждое съ своей стороны, съ сѣверо-востока и юго-запада, раздвигали русскія границы внутрь Средней Азіи, до тѣхъ поръ пока ихъ передовыя линіи не обогнули всего этого пространства и для ихъ соединенія не пришлось покорить Туркестанъ. Вслѣдствіе подчиненія степей двумъ различнымъ управленіямъ, руководствовавшимся каждое своими собственными соображеніями, безъ окончательно установленнаго правительствомъ общаго плана администрацій, устройство и учрежденія въ обѣихъ частяхъ степей (сибирской и оренбургской были не одинаковы, хотя господствующее въ нихъ народонаселеніе, казаки и Киргизы, одно и то же. Вообще все административное устройство въ степяхъ имѣло характеръ временной и случайный, обусловленный) военными дѣйствіями; но нынѣ киргизскія степи уже перестали быть нашею передовою линіей и превратились въ край внутренній, требующій для себя болѣе или менѣе нормальнаго гражданскаго устройства. Для изученія мѣстныхъ условій этого устройства была командирована въ 1865 г., по Высочайшему повелѣнію коммиссія, подъ предсѣдательствомъ члена совѣта министра внутреннихъ дѣлъ тайнаго совѣтника Гирса; коммиссія эта объѣхала степи, ознакомилась съ бытомъ кочеваго населенія, съ нынѣшнимъ управленіемъ въ разныхъ мѣстностяхъ степнаго пространства, и послѣ трехъ-лѣтнихъ трудовъ составила сперва положеніе объ устройствѣ Туркестанскаго края, а потомъ проектъ преобразованія степнаго Оренбургскаго и Сибирскаго края. Этотъ проектъ совокупно съ разными мѣрами, предложенными коммиссіей для содѣйствія успѣхамъ благосостоянія, просвѣщенія и постепеннаго слиянія киргизскихъ степей съ Россіей, разсматривается теперь въ законодательномъ порядкѣ. Главное начало, которымъ руководилась коммиссія въ начертаніи своего проекта, заключается въ объединеніи управленія, нынѣ весьма разнороднаго; затѣмъ цѣлію новаго административнаго устройства степей поставлено введеніе въ нихъ учрежденій, по общимъ основаніямъ сходныхъ съ учрежденіями Имперіи, а въ частности примѣненныхъ къ характеру ордынскаго кочеваго населенія и къ особымъ экономическимъ и политическимъ условіямъ края. Все степное пространство предполагается раздѣлить на четыре области и каждую область на нѣсколько уѣздовъ; во всѣхъ областяхъ

будетъ тождественное управленіе, которому въ гражданскомъ отношеніи подчиняется безразлично все населеніе, какъ русское, состоящее почти исключительно изъ казаковъ, такъ и киргизское. Въ этомъ заключается самое существенное различіе проектированнаго административнаго порядка съ нынѣшнимъ. Повсемѣстное проводимое у насъ постепенное подчиненіе казачьихъ населеній общимъ гражданскимъ властямъ нельзя не признать важнымъ успѣхомъ въ государственномъ благоустройствѣ; труднѣе составить себѣ мнѣніе насчетъ размѣровъ, коими должно ограничиться въ этихъ мѣстахъ развитіе администраціи. Управленіе въ областяхъ предполагается, напримѣръ, поручить, подъ главнымъ завѣдываніемъ генералъ-губернаторскимъ, военнымъ губернаторамъ, коимъ подчиняются всѣ мѣстныя войска и которые будутъ вмѣстѣ съ тѣмъ наказными атаманами для казачьихъ населеній; въ уѣздахъ будутъ уѣздные начальники. Сколько необходимо для этихъ мѣстъ губернаторскихъ и уѣздныхъ управленій, объ этомъ нельзя судить ни по числу квадратныхъ верстъ, ни по числу жителей; можно только полагать, что нѣтъ надобности разомъ сильно увеличивать число администраторовъ въ этомъ глухомъ степномъ краѣ. При губернаторахъ предполагается учредить областныя правленія, на подобіе губернскихъ правленій, но съ тѣмъ однако различіемъ, что въ нихъ, для упрощенія, сосредоточатся всѣ безъ изъятія власти и дѣла мѣстнаго управленія, такъ что кромѣ областныхъ правленій, никакихъ другихъ областныхъ учрежденій не предполагается. Соединятъ ли въ себѣ областныя правленія и судебную власть, то-есть будутъ ли они высшею аппелляціонною инстанціей для низшихъ судовъ, этотъ вопросъ остается пока открытымъ. Если, съ одной стороны, раздѣленіе властей въ низшихъ инстанціяхъ не только въ средѣ полудикаго, но даже европейскаго населенія скорѣе вредно чѣмъ полезно, и если, съ другой стороны, необходимо заботиться о возможно-большей простотѣ и дешевизнѣ правительственнаго механизма въ степяхъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ невозможно упускать изъ виду, что независимость отъ администраціи судебной власти, охраняющей и контролирующей правосудіе, едва ли даже и тамъ не составляетъ государственной необходимости: иначе переходъ европейскаго населенія въ степи былъ бы сопряженъ для него съ утратой существенныхъ правъ на огражденіе отъ бюрократическаго произвола. Это соображеніе подкрѣпляется и тѣми, которыя имѣютъ силу относительно мѣстныхъ жителей. Сущность государственной задачи при устройствѣ этого края состоитъ въ томъ, чтобы поставить его въ то переходное состояніе, которое слѣдуетъ за прекращеніемъ чисто-военнаго положенія вновь покоренной страны и позволяетъ туземному населенію хотя отчасти вкусить плоды нормальной гражданской жизни и европейской цивилизаціи, а для этого прежде всего требуется установить сколько-нибудь прочную судебную власть, составляющую первое благо гражданскаго общества. Къ тому же независимость высшей судебной инстанціи, отъ административной власти особенно важна для гражданскихъ процессовъ, и именно для охраны правъ землевладѣнія, которыя должны только-что созидаться въ этой странѣ и которыя нежелательно видѣть въ безусловномъ распоряженіи мѣстныхъ администраторовъ. Низшія судебныя инстанціи предполагается устроить двоякимъ образомъ: у Киргизъ возстановляется въ полной силѣ народный судъ біевъ, а для русскаго населенія учреждаются, по назначенію отъ правительства, уѣздные судьи, на подобіе мировыхъ судей въ Имперіи. Возстановленіе народнаго киргизскаго суда, который, вслѣдствіе различныхъ регламентацій и подчиненія мѣстнымъ властямъ, былъ доселѣ лишенъ всякой самостоятельности, не будетъ, однако, препятствіемъ распространенію общей судебной власти и на кочевниковъ; на ихъ волю предоставляется всегда обращаться либо къ своимъ судьямъ, либо къ суду по общимъ законамъ Имперіи, то-есть къ уѣзднымъ судьямъ. Это предположеніе весьма мудрое: Киргизы чрезвычайно будутъ обрадованы возстановленіемъ своего народнаго суда, чего они крайне желаютъ, и между тѣмъ могутъ мало-по-малу, безъ всякаго насилія, пріобщаться къ нашей гражданской жизни, если новые русскіе суды, чего слѣдуетъ ожидать, будутъ дѣйствовать лучше киргизскихъ и успѣютъ внушить кочевникамъ довѣріе къ себѣ. Замѣтимъ кстати, что сообразно съ нашею привычкой, которая все еще держится, давать иноплеменнымъ болѣе правъ чѣмъ кореннымъ русскимъ населеніямъ, упомянутой важ-

кой льготы, даруемой нынѣ полудикимъ кочевникамъ степей, не имѣютъ еще наши крестьяне, которымъ не дозволено обращаться къ мировымъ судьямъ за рѣшеніемъ дѣлъ подсудныхъ волостнымъ судамъ; а между тѣмъ наши крестьяне повсемѣстно ощущаютъ необходимость подобнаго факультативнаго освобожденія ихъ отъ обязательнаго народнаго суда по обычаю, притомъ отъ суда искусственно организованнаго, и нерѣдко состоящаго изъ людей не пользующихся ихъ довѣріемъ. Далѣе въ проектѣ устройства степей предполагается раздѣленіе киргизскаго населенія на волости и аулы, подъ начальствомъ выборныхъ волостныхъ управителей и аульныхъ старшинъ; право выбора этихъ лицъ распространяется на большинство Киргизъ, тогда какъ нынѣ существующій порядокъ сосредоточиваетъ это право въ рукахъ родоначальниковъ и вообще кочевой аристократіи. Неоднократно и въ разныхъ формахъ испытанное управленіе Киргизами посредствомъ хановъ и султановъ ни разу не удавалось; правители-родоначальники служили весьма неблагонадежными органами для правительства и вмѣстѣ съ тѣмъ притѣсняли народъ своими злоупотребленіями и самовластіемъ; столь же несостоятельными оказывались и мелкіе чиновники, назначенные отъ правительства. Правительственная власть или вовсе не даетъ себя чувствовать кочевникамъ,—въ нѣкоторыхъ краяхъ она, говорятъ, какъ бы вовсе не существуетъ,—или служитъ источникомъ вопіющихъ беззаконій и корысти, дурно рекомендующихъ азіятскому населенію блага европейской цивилизаціи. Выборные волостные управители и аульные старшины будутъ получать изъ сборовъ съ подвластныхъ имъ кочевниковъ опредѣленное закономъ содержаніе; этимъ надѣются пресѣчь самовластные поборы нынѣшнихъ должностныхъ лицъ.

Далѣе предполагаются нѣкоторыя мѣры по медицинской части; назначеніе въ степь врачей и повивальныхъ бабокъ должно нѣсколько облегчить нынѣшнее безпомощное положеніе степнаго населенія, и проложить въ киргизскую семейную жизнь нуть русскому вліянію и отчасти христіанской проповѣди. Податная система также преобразуется; вводятся единообразный во всемъ краѣ кибиточный сборъ, вмѣсто нынѣшнихъ разнообразныхъ сборовъ, внутренняя раскладка этого сбора по зажиточности Киргизъ, паспортный сборъ и нѣкоторыя земскія повинности.

Самою трудною задачей въ устройствѣ степей будетъ законодательство относительно правъ поземельной собственности и владѣнія. Господствующій тамъ кочевой бытъ есть отрицаніе всякихъ понятій о поземельной собственности. Между тѣмъ, съ одной стороны, естественное возрастаніе населенія уже значительно стѣснило приволье кочевокъ, и въ кочевомъ населеніи уже возникаютъ стремленія къ осѣдлости и потребность въ опредѣленіи хотя нѣкоторыхъ правъ на землю, каковы права на зимовыя стойбища, такъ что сами Киргизы уже являются съ просьбами о разборѣ ихъ споровъ о правахъ на землю; съ другой стороны, привлеченіе русскихъ переселенцевъ и возбужденіе промышленной дѣятельности въ этомъ краѣ (сюда относится, напримѣръ, возникшій на киргизскихъ земляхъ горный промыселъ) необходимо требуютъ изданія какихъ-либо положительныхъ законовъ о правахъ на землю въ степяхъ. Коммиссія предлагаетъ въ своемъ проектѣ установить нѣкоторыя первоначальныя основанія для правъ поземельной собственности. Важнѣйшія изъ нихъ слѣдующія: занимаемыя киргизскими кочевьями земли признаются государственными и предоставляются въ *общественное* пользованіе Киргизъ; лѣтнія кочевки предоставляются въ общественное пользованіе *цѣлаго уѣзда*; зимовыя стойбища отдаются въ личное владѣніе хозяевъ кибитокъ, и всѣ постройки и жилья, которыя будутъ заведены ими, составляютъ ихъ полную наслѣдственную собственность; общества обязаны отводить особые участки въ постоянное пользованіе людей желающихъ заниматься земледѣліемъ; всѣ лѣса признаются въ степи государственною собственностью. Эта попытка положить первое начало нѣкоторой юридической опредѣленности правъ на землю въ народѣ, ведущемъ образъ жизни кочевой и потому непріязненный ко всякой подобной опредѣленности, встрѣтитъ на практикѣ не мало затрудненій: не легко подчинять бытъ номадовъ понятіямъ взятымъ изъ гражданскаго быта европейскихъ народовъ. Только естественная сила вещей,—густота кочеваго населенія относительно пространства, мало-по-малу устраняющая условія необходимыя для кочеваго быта, превратитъ его въ осѣдлый и приведетъ къ сознанію

необходимости личныхъ правъ на землю. Но кочевой бытъ заключаетъ въ себѣ для этихъ народовъ столько обаянія сравнительно съ осѣдлымъ, что будетъ держаться до послѣдней крайности; то же видимъ мы у всѣхъ полукочевыхъ племенъ, каковы наши Калмыки и Башкирцы, изъ коихъ послѣдніе нынѣ находятся въ періодѣ окончательнаго перехода къ осѣдлому быту. Для распространенія русскаго населенія въ степи коммиссія признаетъ необходимымъ привлечь *свободную* промышленную и земледѣльческую колонизацію, такъ какъ казацкія поселенія съ умиротвореніемъ степи не соотвѣтствуютъ болѣе этой цѣли; для русскихъ переселенцевъ предполагается назначить особыя пространства, преимущественно въ сѣверной части, представляющей болѣе выгодныя условія для земледѣлія. Совершенно вѣрно, что свободная колонизація должна имѣться въ виду при устройствѣ степнаго края, но мы сказали бы, что слѣдуетъ сдѣлать лишь *возможною* свободную колонизацію степей, а привлекать ее туда не слѣдуетъ. Въ Россіи есть мѣстности болѣе удобныя и выгодныя для поселеній чѣмъ киргизскія степи. Таковы новороссійскія земли; таковъ Крымъ; таковъ въ особенности Кавказъ съ Закавказьемъ. Правила для переселеній должны быть установляемы на основаніи общихъ государственныхъ соображеній. Поощрять національное переселеніе слѣдуетъ преимущественно въ европейской Россіи; въ Азію же, если привлекать, то лучше привлекать иностранцевъ.

Для просвѣщенія Киргизъ предначертаны также нѣкоторыя мѣры. Въ послѣднее время чрезвычайно распространилось между ними обученіе грамотности по мусульманскому закону, и важно то что усиленіе мусульманства произошло не вслѣдствіе его собственныхъ средствъ, а единственно подъ вліяніемъ администраціи, почислившей Киргизъ магометанами и на этомъ основаніи подчинившей ихъ произвольной власти муллъ. Были примѣры, что мечети строились въ тѣхъ краяхъ по распоряженію правительства, и что на эти работы наряжались христіане-казаки. Такъ случилось, что между Киргизами, которые, какъ кочевники, не только не были ревностными магометанами, но даже имѣли мало понятія о мусульманствѣ, теперь началъ распространяться мусульманскій фанатизмъ. Содѣйствовать тому непростительно ни съ христіанской, ни съ политической точки зрѣнія. Возрастающему на Востокѣ вліянію муллъ необходимо противопоставить въ киргизскихъ степяхъ русское просвѣщеніе и христіанскую проповѣдь: это вопросъ первостепенной государственной важности. Предполагается учредить въ степи нѣсколько уѣздныхъ училищъ, съ самою упрощенною программой первоначальнаго обученія русской грамотѣ, ввести обязательное обученіе русскому языку въ школахъ, открываемыхъ при мечетяхъ, и посылать Киргизъ въ общія учебныя заведенія Имперіи, къ чему между ними уже проявилось стремленіе. Наконецъ предполагаются нѣкоторыя мѣры къ противодѣйствію распространяющейся пропагандѣ исламизма и также къ ослабленію его организаціи, которой мы до сихъ поръ такъ много содѣйствовали; указывается также на необходимость болѣе положительныхъ дѣйствій къ этой цѣли, путемъ миссіонерской дѣятельности.

№ 124.

Москва, 8-го Іюня.

Какъ въ Москву, такъ и въ Петербургъ было сообщено изъ Парижа чрезъ Берлинъ по телеграфу о статьѣ *Вечерняго Монитера* отъ 17-го іюня, въ которой сказано, что императоръ и императрица Французовъ отправили къ Императору Всероссійскому, въ годовщину покушенія 25-го мая, симпатическую телеграмму. Телеграфъ дополнилъ это сообщеніемъ, что Государь Императоръ благодарилъ за это привѣтствіе *чрезъ г. де-Талейрана*. Между тѣмъ *Journal de St. Petersbourg* получилъ объ этомъ *специальную* телеграмму прямо изъ Парижа, въ которой нѣтъ ничего о г. де-Талейранѣ, и которую мы воспроизводимъ съ буквальною точностію:

„*Вечерній Монитеръ* сообщаетъ въ своемъ еженедѣльномъ обозрѣніи, что Императоръ и Императрица адресовали Царю телеграмму съ симпатическимъ воспоминаніемъ по случаю годовщины покушенія 6-го іюня, и что Царь *благодарилъ за это отвѣтною телеграммой*.

Берлинскій сигналистъ, по странной ошибкѣ, изъ *телеграммы* сдѣлалъ *Талейрана*, и заставилъ какъ насъ, такъ и петербургскія газеты сообщить извѣстіе не-

точное, о чемъ мы и спѣшимъ заявить, такъ же какъ и то, что по свѣдѣніямъ, нами полученнымъ, отношеніе между дворами двухъ великихъ державъ, Россіи и Франціи, не только не портятся, но напротивъ принимаютъ все лучшій характеръ.

Сегодня телеграфъ извѣстилъ насъ о закрытіи сѣверо-германскаго сейма. Тронная рѣчь короля прусскаго передана вкратцѣ; она упоминаетъ о надеждѣ на будущій миръ, но вообще столько же безцвѣтна, сколько были безцвѣтны послѣднія засѣданія этого сейма, носящаго громкое имя рейхстага, то-есть сейма имперскаго.

За бурями пошлиннаго парламента внезапно послѣдовалъ самый полный штиль въ засѣданіяхъ рейхстага. Французскія газеты кичливо замѣчають, что „дни славы сѣвернаго рейхстага рѣшительно миновали и, какъ кажется, не должны уже возвратиться.“ Дѣйствительно, насколько при открытіи этотъ сѣверогерманскій сеймъ былъ шуменъ и заносчивъ и восторгъ, возбужденный имъ тогда съ средѣ пангерманцевъ, оказывался единодушнымъ, настолько къ концу своей сессіи этотъ сеймъ сдѣлался скроменъ и тихъ Въ его послѣднихъ засѣданіяхъ замѣчалось если не уныніе, то какое-то курьозное желаніе принять видъ ничтожества. Публика о немъ какъ будто совершенно забыла; сами депутаты, повидимому, до такой степени охладѣли къ нему, что даже не признавали нужнымъ посѣщать его, такъ что въ его послѣднихъ засѣданіяхъ неоднократно не оказывалось требуемаго закономъ наименьшаго числа, то-есть 149 членовъ, и пренія по необходимости должны были происходить въ присутствіи лишь 100 и даже 90 наличныхъ членовъ.

Этотъ внезапный и крутой поворотъ совершился вслѣдствіе бурной интермедіи пошлиннаго парламента, раздѣлившей настоящую сессію сѣверо-германскаго рейхстага на двѣ части, рѣзко отличающіяся одна отъ другой своимъ тономъ и характеромъ. Нѣтъ сомнѣнія, что грозная рѣшимость, явленная Франціей относительно политическихъ притязаній пошлиннаго парламента, не мало способствовала внезапному охлажденію представителей Сѣверной Германіи. Французы, какъ видно, твердо увѣрены, что „простой рапортъ маршала Ніеля дѣйствительнѣе поддержитъ уваженіе ко Франціи за границей, чѣмъ наилучшая миролюбивая правительственная рѣчь въ законодательномъ корпусѣ, можетъ-быть болѣе даже *чѣмъ побѣда на Рейнѣ*“ (sic).

По свѣдѣніямъ доставленнымъ изъ Штутгарта въ *Journal de Paris*, виртембергскій министръ Варнбюлеръ вынесъ изъ засѣданій пошлиннаго парламента убѣжденіе, что *statu quo* Германіи не можетъ имѣть продолжительное существованіе. Заключенные въ прошломъ году между Югомъ и Сѣверомъ трактаты оборонительныхъ и наступательныхъ союзовъ должны-де либо завершиться заключеніемъ несравненно болѣе тѣснаго союза, либо расторгнуться окончательно и избавить южныя державы отъ ига Сѣвера. Изъ полученныхъ нами писемъ видно однако, что въ настоящее время Германія менѣе чѣмъ когда-либо расположена къ какому-нибудь рѣшительному шагу въ вопросахъ, которые еще такъ не давно возбуждали въ ней самыя запальчивыя состязанія.

Въ Берлинѣ, повидимому, признаютъ, что объединеніе Германіи достигнется гораздо легче и вѣрнѣе путемъ всегерманскаго пошлиннаго парламента чѣмъ путемъ сѣверо-германскаго политическаго парламента. Отсюда явилась рѣшимость умалить, до поры до времени, значеніе послѣдняго. Черезчуръ запальчивый пангерманизмъ большинства членовъ сѣверо-германскаго парламента, очевидно, могъ бы компрометтировать Пруссію относительно ея *некомфортабельной* зарейнской сосѣдки, весьма категорически выразившей, упомянутымъ рапортомъ своего военнаго министра, что она вполнѣ разчитываетъ на силу аргументовъ изобрѣтенныхъ г-нъ Шасспо. Входить въ состязаніе съ этими аргументами было бы неосторожно, и если для объединенія Германіи медленный путь пошлиннаго парламента признанъ болѣе „вѣрнымъ,“ то для *безопасности* этого пути, очевидно, слѣдуетъ избѣгать всякаго столкновенія съ неудобнымъ сосѣдомъ. Поэтому, въ ожиданіи болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, необходимо умѣрить пылъ сѣверо-германскаго пангерманизма, и дать грозѣ, накопившейся за Рейномъ, грянуть гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Въ Берлинѣ, повидимому, думаютъ что великое дѣло сплоченія всѣхъ странъ, „гдѣ звучитъ нѣмецкій языкъ“ (wo die deutsche Sprache klingt), очень можетъ быть совершено руками естественныхъ противниковъ его...

№ 125.

Москва, 10-го Іюня.

Громадныя вооруженія Франціи не имѣють другой цѣли, какъ только упрочить миръ. Увѣрялъ въ этомъ маршалъ Ніель, но не увѣрилъ газету *Times*. „Намъ трудно вѣрится, говоритъ она, „чтобы вызовъ „къ войнѣ могъ произойти со стороны „Германіи.“ Щекотливый французскій патріотизмъ подозрѣваетъ въ этихъ словахъ лондонской газеты внушеніе Берлинскаго кабинета. „Насъ увѣрятъ, говоритъ *la France*, „что не со стороны Германіи про„изойдетъ этотъ вызовъ, но мы спраши„ваемъ, съ какой же стороны слѣдуетъ ожидать его?“ Ни Италія, ни Россія, ни даже Австрія не кажутся этой газетѣ расположенными пускаться въ военныя приключенія. И вотъ, какъ будто въ отвѣтъ на французскія подозрѣнія, въ двадцать третьемъ засѣданіи сѣверо-германскаго сейма, начальникъ главнаго штаба прусской арміи, генералъ Мольтке, спѣшитъ успокоить Европу и насчетъ Пруссіи. „Что „мы не намѣрены нападать,“ восклицаетъ онъ, „это знаютъ всѣ наши сосѣди, даже „и тѣ, что̀ притворяются не знающими „того... Едва ли найдется разумный чело„вѣкъ, который не желалъ бы, чтобы рас„ходы предпринятые Европой для воен„ныхъ цѣлей, были обращены на цѣли „мирныя.“ Но миролюбіе знаменитаго виновника стратегическихъ комбинацій богемскаго похода обставлено оговорками далеко не столь идиллическаго свойства. Результата, вожделѣннаго „всякому разумному человѣку,“ онъ рѣшительно *не надѣется достигнуть путемъ международныхъ сдѣлокъ*. „Для достиженія этого ре„зультата я не нахожу другаго средства,“ говоритъ г. фонъ-Мольтке, какъ утвердить „въ сердцѣ Европы державу, которая, не „имѣя сама характера завоевательнаго, „была бы настолько сильна, чтобы могла „*запрещать войну своимъ сосѣдямъ*... Это „благословенное (segensreiche) дѣло не „можетъ быть исполнено никѣмъ, кромѣ „Германіи!..“

„Живое одобреніе“, „очень хорошо,“ „весьма справедливо“, такова была, какъ видно изъ отчета объ этомъ засѣданіи, встрѣча этихъ заявленій патріота-генерала въ патріотическомъ сеймѣ. Но точь-въ-точь такими же возгласами были встрѣчены, въ декабрѣ мѣсяцѣ, не менѣе патріотическимъ собраніемъ бурбонскаго дворца, завѣренія маршала Ніеля, будто для охраненія мира Европы необходимо, чтобы Франція явилась во всеоружіи. Что̀ же станется съ Европой, если между двумя этими сердитыми стражами ея спокойствія возникнетъ разногласіе? Франція, сколько извѣстно, никогда не думала отказываться отъ призванія, приписаннаго ей самимъ Фридрихомъ Великимъ, что безъ разрѣшенія ея, въ цѣлой Европѣ не долженъ раздаваться ни одинъ пушечный выстрѣлъ. Нынѣ то же призваніе присвоиваетъ себѣ Германія, какъ держава-де „не завоевательная.“ Между тѣмъ изъ сочиненія принца Лудовика-Наполеона: *Des idées Napoléoniennes* видно, что именно подобнаго свойства „миролюбіе“ было въ основаніи всѣхъ войнъ великаго Наполеона, и г. Мольтке съ другой стороны самъ полагаетъ, что для достиженія того положенія, какое Наполеонъ I стремился пріобрѣсть для Франціи, Германія должна идти отнюдь не путемъ международныхъ сдѣлокъ. И въ самомъ дѣлѣ Германія, на столько сильная, чтобы по своему усмотрѣнію „запрещать Европѣ войну,“ это значитъ не иное что̀ какъ Германія патріотическихъ мечтаній Арндта, осуществившая пресловутыя *права* нѣмецкой національности на всѣ страны, „гдѣ звучитъ нѣмецкій языкъ“ (wo die deutsche Sprache klingt). Звучитъ же этотъ языкъ и въ Нанси, въ 300 верстахъ отъ Парижа, звучитъ онъ и въ Ревелѣ, въ 300 верстахъ отъ Петербурга; звучалъ онъ, наконецъ, и среди чисто-скандинавскаго населенія Шлезвига...

Сколько мы помнимъ, осуществленіе восторженныхъ мечтаній Арндта въ Шлезвигѣ предпринято Пруссіей вскорѣ по возведеніи г. фонъ-Бисмаркъ-Шенгаузена въ должность министра иностранныхъ дѣлъ и предсѣдателя совѣта министровъ, а европейскія войны начались какъ разъ по возстановленіи имперіи Французовъ съ ея стариннымъ притязаніемъ запрещать войны въ Европѣ. Благодушный органъ Лондонскаго Города увѣряетъ, что „сохране„ніемъ мира Европа, до сихъ поръ, обя„зана единственно *умѣренности* двухъ „лицъ, графа Бисмарка и императора На„полеона.“ Помня назиданія прошедшаго, мы въ правѣ прибавить, что чѣмъ болѣе признавать умѣренность упомянутыхъ двухъ лицъ, тѣмъ очевиднѣе должно быть,

что задача, которую они поставили себѣ, неизбѣжно ведетъ ихъ къ войнамъ противъ ихъ воли. Впрочемъ, газета *la France* возмущается сопоставленіемъ графа Бисмарка съ императоромъ Наполеономъ по вопросу объ умѣренности... „Франція," говоритъ органъ де-Лагероньера, „доказала свою умѣренность и въ 1856 г. въ Парижѣ, и въ 1859 г., въ Вилла-Франкѣ, и въ 1866 г., присутствуя, съ ружьемъ у ноги, при переворотахъ, измѣнившихъ всѣ условія равновѣсія въ центрѣ Европы... Но когда Пруссія нападаетъ на Данію и раздробляетъ ее; когда она предписываетъ свою волю Германіи; когда она насильно присоединяетъ къ себѣ Ганноверъ, Гессенъ, Нассау и Франкфуртъ; когда она поглощаетъ всѣ сѣверныя державы Германіи; когда она исторгаетъ у южныхъ военные трактаты; когда она извлекаетъ всевозможныя выгоды изъ быстрыхъ побѣдъ своихъ, — мы, во всемъ этомъ, усматриваемъ ясно ея ловкость, ея честолюбіе, *ея силу*", ту самую *силу*, которую генералъ фонъ-Мольтке признаетъ неотъемлемымъ условіемъ мира Европы, — „но далеко не такъ ясно „усматриваемъ ея *умѣренность*."

„*Умѣренность* нашихъ сосѣдей за прошлое время," говоритъ въ заключеніе *la France*, „не есть еще вѣрное ручательство за ихъ умѣренность въ настоящемъ и „будущемъ." Дѣйствительно, слова г. фонъ-Мольтке свидѣтельствуютъ, что Германія присвоиваетъ себѣ призваніе, которое подняло всю Европу противъ Наполеона! Залогомъ же мира являлась въ Европѣ не Германія мечтаній Арндта и пророчествъ г. фонъ-Мольтке, созданіе которой дѣйствительно немыслимо „путемъ международныхъ сдѣлокъ," а Германія 1820 года, обусловленная взаимными интересами великихъ державъ, участвовавшихъ въ ея созданіи, именно „путемъ международныхъ сдѣлокъ." Эта Германія была *сильна*, какъ доказывается тѣмъ, что на нее никто не нападалъ въ продолженіи пятидесяти лѣтъ, но она была сильна только для обороны.

Грозясь Франціи, г. фонъ-Мольтке остается вѣренъ, относительно Россіи, тому систематическому пренебреженію, на которое недавно указывали мы въ нашей газетѣ. Въ то самое время когда французское правительство спѣшитъ выразить самое сочувственное одобреніе человѣколюбивому предложенію Русскаго Государя объ отмѣнѣ разрывныхъ пуль, начальникъ штаба прусской арміи, витійствуя въ Сѣверо-Германскомъ сеймѣ, саркастически замѣчаетъ, что хотя и „ходятъ толки, что „*гуманное* русское правительство домогается отмѣны этихъ пуль, но все дѣло „только въ томъ, что оно не желаетъ вводить ихъ у себя... Я сомнѣваюсь," присовокупилъ г. фонъ-Мольтке, „чтобъ оно „отмѣнило гранаты и шрапнели, пока они „останутся въ употребленіи у прочихъ „державъ."

По свидѣтельству отчета, эта иронія г. начальника штаба прусской арміи вызвала въ слушателяхъ всеобщій „смѣхъ." Надо полагать, что „смѣхъ" вызванъ былъ и во Франціи совершенно подобными же остротами *Journal des Débats* и нѣкоторыхъ другихъ газетъ, насчетъ человѣколюбиваго предложенія Россіи. Впрочемъ, устами офиціозной *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, прусское правительство уже какъ будто уклонилось отъ принятія этого предложенія: что же удивительнаго, если гг. прусскіе генералы соперничаютъ по этому поводу съ тупыми колкостями парижскихъ фельетонистовъ? Мнѣнія прусскихъ государственныхъ мужей не въ первый разъ совпадаютъ нынѣ съ мнѣніемъ *анти-династическихъ* французскихъ газетъ. Подчиняя интересы своего отечества интересамъ своей борьбы съ царствующею во Франціи династіей, означенныя газеты постоянно возбуждали свое правительство къ безсмысленной борьбѣ съ Россіей, а въ настоящее время это систематическое подстрекательство, по всей вѣроятности, должно быть признаваемо въ Берлинѣ едва ли не самымъ вѣрнымъ, а во всякомъ случаѣ самымъ безопаснымъ средствомъ осуществить германофильскія мечтанія Арндта и замысловатое ученіе г. фонъ-Мольтке о миротворномъ призваніи „сильной" Германіи.

№ 126.

Москва, 11-го Іюня.

Племена Средней Азіи, одни за другими, сами предаютъ себя въ руки Европейцевъ, которые одни могутъ обезпечить имъ и внутренній порядокъ, и внѣшнюю безопасность. Но тутъ является вопросъ первостепенной важности. Отвлеченіе и тра-

та государственныхъ силъ и капиталовъ на умиротвореніе анархическихъ, полудикихъ племенъ есть еще наименьшее зло въ исторической судьбѣ, выпавшей на долю восточныхъ окраинъ нашего государства. Несравненно вреднѣе могутъ оказаться сами тѣ элементы, которые пріобрѣтаютъ силу жизни и развитія въ обезпеченіяхъ гражданскаго, хотя бы даже только матеріальнаго, порядка водворяемаго нами въ кибиткахъ, аулахъ и ордахъ Средней Азіи. Это не только предположеніе, а фактъ, уже заявившій себя съ достаточною очевидностью. Всѣмъ извѣстно усиленіе исламизма въ Азіи за послѣднее время, громадное значеніе фанатиковъ Корана въ современныхъ политическихъ движеніяхъ около западныхъ предѣловъ Китайской имперіи и на самыхъ окраинахъ нашихъ владѣній въ Азіи. Съ умиротвореніемъ киргизскихъ ордъ, наполняющихъ пространство между Россіей и Китаемъ, проповѣдь Корана нашла тамъ такую для себя почву, какой она не только не имѣла здѣсь прежде, посреди неурядицы и волненій Киргизъ, но можетъ статься не имѣетъ нынѣ нигдѣ. Мечети чрезвычайно возрасли числомъ и устроились въ мѣстахъ дотолѣ дикихъ, пустынныхъ и небезопасныхъ для религіозной пропаганды; съ личною безопасностью, впервые и столь недавно водворенною могуществомъ русскаго государства въ степи, возникли въ колоніи торговцевъ-мусульманъ, пришельцевъ изъ разныхъ странъ внутренней Азіи и Россіи. Въ этихъ поселеніяхъ немедленно воздвигаются мечети и заводятся при нихъ школы, становящіяся центрами мусульманства, собирающія къ себѣ поклонниковъ и высылающія пропагандистовъ; эти центры будутъ все болѣе входить въ силу по мѣрѣ успѣховъ благосостоянія и административнаго устройства, даруемыхъ Россіей. Мало того: мусульманское правовѣріе зиждется у насъ на незыблемыхъ основахъ русской державы, чему блистательный образчикъ мы имѣемъ въ оренбургскомъ духовномъ магометанскомъ собраніи. Это учрежденіе въ силу возложенной на него русскимъ правительствомъ миссіи, ревниво охраняетъ магометанскую ортодоксію блюдетъ за вѣрностью Корану своихъ разсѣянныхъ сыновъ и неповинующихся караетъ силою русскихъ законовъ, опираясь на христіанское войско. Этотъ магометанскій синодъ не можетъ жаловаться на ревнивое властолюбіе представителей государства: онъ дѣйствуетъ безъ постояннаго прокурорскаго надзора; онъ самъ распоряжается своею канцеляріей; онъ пользуется охраной не только отъ всякаго внѣшняго насилія и посягательства на свой авторитетъ, но даже отъ всякой внутренней смуты. Установленный русскими законами для всякаго желающаго поступить въ санъ муллы, экзаменъ въ магометанскомъ законѣ предъ оренбургскимъ духовнымъ собраніемъ не только даетъ этому собранію право, но обязываетъ его держать въ чистотѣ магометанскій законъ и въ строгой дисциплинѣ мусульманское духовенство (этому учрежденію подчинено мусульманское духовенство всей Имперіи, кромѣ западныхъ губерній, Таврической и Кавказа), тогда какъ безъ этой заботливости русскаго правительства, оно легко поддало бы соблазнамъ мусульманскихъ ересей, могло бы замутиться въ своемъ правовѣріи и даже совратиться въ вѣроученія противныя исламизму. Въ лицѣ предсѣдателя оренбургскаго духовнаго собранія *главнаго оренбургскаго муфтія*, духовнаго сановника Россійской Имперіи, пользующагося даже въ средѣ христіанскаго русскаго общества уваженіемъ, подобающимъ его высокому общественному положенію, которое иногда, независимо отъ духовнаго сана, усиливается званіемъ потомственнаго дворянина Россійской Имперіи, въ этомъ лицѣ мусульманская духовная іерархія имѣетъ главу, какого она, сравнительно съ почетомъ, окружающимъ оренбургскаго главнаго или великаго муфтія, нынѣ тщетно стала бы искать не только во всемъ христіанскомъ мірѣ, но даже въ мусульманскихъ государствахъ. Вотъ силы ислама, собранныя на русской землѣ и возрастающія вмѣстѣ съ тѣмъ благоустройствомъ, которое русскій мечъ даруетъ полудикимъ населеніямъ Азіи. Мы сами усиливаемся вдохнуть новую жизнь въ эти населенія, утратившія, казалось бы, всякія нравственныя силы къ самобытному государственному существованію: мы сами вызываемъ и лелѣемъ фанатизмъ, который неминуемо вступить въ борьбу съ христіанскою цивилизаціей. За кѣмъ останется побѣда въ этой борьбѣ, это не подлежитъ сомнѣнію, но сомнительна польза этой борьбы противъ силъ, искусственно созданныхъ нами же самими, силъ ни для чего въ мірѣ ненужныхъ, кромѣ развѣ заклятыхъ

враговъ русскаго государства. Ревность мусульманскихъ проповѣдниковъ и духовенства къ обученію возбуждена и поощрена до того, что превосходитъ усилія въ этомъ отношеніи христіанскихъ миссіонеровъ всякихъ вѣроисповѣданій, мусульманскому духовенству предоставлено у насъ право, о которомъ христіанское духовенство не можетъ и думать, — право принуждать родителей къ посылкѣ дѣтей въ школу и содержать школы на податныя, принудительно собираемыя деньги. Такое могущество мусульманскаго духовенства тѣмъ болѣе чувствительно у насъ что вслѣдствіе разныхъ прискорбныхъ обстоятельствъ, въ которыя поставлена православная церковь, и многихъ недоразумѣній, обрекающихъ на бездѣйствіе лучшія ея силы, православное духовенство оказывается въ новѣйшее время весьма мало дѣятельнымъ. Нельзя при этомъ терять изъ виду, что сверхъ выгодъ полной самостоятельности и безусловной свободы, по дѣламъ внутренняго управленія, мусульманская іерархія пользуется у насъ еще весьма важными для пропаганды выгодами централизаціи.

Какими же мѣрами можетъ быть поправлено дѣло по крайней мѣрѣ пресѣчено дальнѣйшее развитіе зла? Самая общая и вопіющая потребность состоитъ въ томъ чтобъ организація мусульманской духовной власти не была частію нашего государственнаго законодательства, чтобы власть мусульманскаго духовенства основывалась лишь на добровольномъ подчиненіи ему мусульманъ, а не на русскомъ законѣ. Относительно киргизскаго края прежде всего требуется, чтобъ онъ не былъ подчиненъ въ религіозномъ отношеніи оренбургскому муфтію. Предоставленіе мусульманскаго закона въ степи собственнымъ его силамъ, ничтожнымъ въ сравненіи съ организаціей мусульманской духовной власти въ Имперіи, есть кажется самое умѣренное желаніе.

Также и по другимъ правительственнымъ вопросамъ относительно предположеннаго нынѣ устройства киргизскаго края, ничего другаго нельзя желать какъ возможно меньшаго вмѣшательства во внутренній нравственный и экономическій бытъ Киргизъ, съ цѣлію благоустроенія этого быта на враждебныхъ русской и европейской цивилизаціи началахъ. Пусть этотъ бытъ мало-по-малу разлагается и погибаетъ, лишь бы его разложеніе не сопряжено было съ насиліями противъ христіанскихъ населеній въ степи, которыя должны быть главнымъ предметомъ правительственныхъ заботъ. Пусть Киргизы мало-по-малу ощущая невыгоды своего полудикаго быта, сами придутъ къ убѣжденію въ необходимости измѣнить свои нравы, обычаи и вѣру, и усвоить себѣ начала высшаго быта. На это безъ сомнѣнія потребуеутся много времени; но торопиться и нѣтъ надобности, ибо едвали можетъ быть желательна быстрая ассимиляція кочевыхъ племенъ посредствомъ смѣшенія ихъ съ русскою народностью. Англо-саксонская порода отличается необычайною стойкостью и крѣпостью при поглощеніи другихъ національностей; однакожь Англичане, не только родившіеся, но лишь пожившіе въ Индіи, дѣлаются совсѣмъ другими людьми.

Мысли, высказанныя выше относительно мусульманства, могутъ быть одинаково примѣнены и къ другой стихіи степнаго края,— къ кочевому быту. Трудно представить себѣ болѣе уродливую государственную задачу для европейскаго правительства, какъ еслибъ оно вздумало *организовать* кочевой бытъ на своей территоріи, способствуя развитію и препятствуя разложенію его. Кочевой бытъ самъ себя пожираетъ. Зачѣмъ не предоставить его самому себѣ, не дѣлая напримѣръ попытокъ водворять, среди этого быта, юридическія понятія о землевладѣніи, и ожидая успѣховъ единственно отъ непосредственнаго перехода Киргизъ къ осѣдлому быту? Наиболѣе льготнымъ въ великомъ государствѣ долженъ быть общій гражданскій бытъ; переходъ къ нему долженъ казаться повышеніемъ у насъ и для казачества, ибо только при этомъ условіи можетъ быть въ казачествѣ естественная тяга къ сближенію съ цивилизованнымъ бытомъ. Точно также казакъ долженъ стоять неизмѣримо выше Киргиза, даже осѣдлаго, но еще не усвоившаго себѣ русской народности. Наконецъ осѣдлый Киргизъ долженъ быть лицомъ привилегированнымъ сравнительно съ Киргизомъ-кочевникомъ. При такомъ порядкѣ, изъ среды кочевниковъ будутъ сами собой выдѣляться лучшія элементы, передовые Киргизы будутъ сами стремиться къ тому чтобы повыситься на степень осѣдлаго быта. Такой переходъ можетъ, правда, совершаться лишь отдѣльными лицами, а не массами, и потому весьма

медленно, но за то онъ будетъ несравненно плодотворнѣе искусственной организаціи кочевьевъ, способной къ тому же поселить неудовольствіе между дикарями. Какія, напримѣръ, безобразныя понятія о поземельной собственности могутъ развиться изъ разныхъ псевдо-юридическихъ постановленій относительно такъ-называемаго *общественнаго* владѣнія въ аулахъ и кибиткахъ? Тратить усилія стоитъ лишь на охрану личной собственности: она послужитъ наилучшимъ зародышемъ гражданственности, который будетъ мало-помалу привлекать къ себѣ русскихъ переселецевъ, и степныхъ кочевниковъ. Всего выгоднѣе и удобнѣе было бы, еслибъ узаконенія относительно кочеваго быта, насколько это возможно, ограничивались тѣмъ, чтобы оградить осѣдлыя населенія отъ грабежей и заставить кочевниковъ безнедоимочно платить установленные съ нихъ сборы.

Такая отрицательная система отношеній къ полудикимъ населеніямъ, подпавшимъ подъ власть Россіи, есть едва ли не единственное средство превозмочь необоримыя затрудненія, которыми окружено это дѣло. Въ чемъ заключалась цѣль военныхъ дѣйствій Россіи въ Средней Азіи, заставившая присоединить нѣкоторыя ея области къ нашей государственной территоріи? Не въ томъ ли единственно, чтобы замирить извѣстное пространство земель между Россіей и метущимися ханствами Азіи для безопасности нашихъ окраинъ и нашей торговли? Далѣе этой цѣли нѣтъ никакой надобности идти. Тутъ не можетъ быть много пищи для законодательныхъ работъ и все условливается личнымъ тактомъ правителей. Кому неизвѣстно, что вся тайна политики въ Азіи заключается въ личности правителей, и что никакая административная организація, основанная на европейскихъ началахъ, не въ силахъ совладать съ разлагающимся въ соприкосновеніи съ Европой бытомъ полуварваровъ? Лучшимъ примѣромъ тщеты всѣхъ подобныхъ организаціонныхъ попытокъ служитъ французская Алжирія, гдѣ до сихъ поръ въ средѣ туземнаго населенія не удаются никакія усилія столь страстныхъ къ административной регламентаціи и столь искусныхъ въ ней Французовъ.

№ 127.

Москва, 12-го Іюня.

Говоря въ длинной статьѣ объ отношеніяхъ Австріи къ Сербіи, *Journal de Paris* сѣтуетъ, что въ основаніи ихъ лежала постоянно столько же недовѣрчивая, какъ и неловкая политика. Вмѣсто-де того, чтобы способствовать слiянію населеній обоихъ береговъ Дуная (?), Австрія воздвигла на своей границѣ настоящую китайскую стѣну. Самая же большая ошибка Вѣнскаго кабинета состояла въ излишнемъ пристрастіи къ Туркамъ. Эти-де сочувствія эта солидарность были столь явны, что австрійскаго генерала, коменданта города Землина, подозрѣвали въ сообщеніи разныхъ инструкцій турецкимъ пашамъ въ Бѣлградѣ, и что въ іюнѣ 1862 г. многія газеты приписывали ему мысль о бомбардированіи Бѣлграда. *Journal de Paris*, приводя эти толки, называетъ ихъ однако *нелѣпыми;* намъ напротивъ кажется, что упомянутыя подозрѣнія Славянъ не заключали въ себѣ ничего неправдоподобнаго, а страннымъ представляется лишь наивное сѣтованіе означенной газеты о томъ что она называетъ „неловкою" политикой Австріи. Дѣло въ томъ, что отношенія Австріи не только къ Сербіи, но и ко всѣмъ турецкимъ христіанамъ, постоянно были проникнуты не однимъ недовѣріемъ, но и явною непріязнію, которая проистекала вовсе не изъ какой-либо *неловкости*, а изъ обдуманной любостяжательной политики, не имѣвшей другой цѣли, какъ продлить неурядицы и смуты въ Турціи, дабы при случаѣ какого-нибудь европейскаго замѣшательства, послѣ того какъ Австрія возродится, а Россія будетъ приведена въ ничтожество, *въ мутной водѣ наловить рыбы*. Сама же упомянутая газета замѣчаетъ, что при первыхъ признакахъ сербско-турецкаго столкновенія болѣе 20.000 *граничаръ* были расположены по Дунаю, что боевые припасы и канонирскія лодки были спущены изъ Пешта въ Бѣлградъ, въ распоряженіе турецкаго коменданта и т. д. Князь Михаилъ имѣлъ полное право сказать консуламъ, что онъ покажетъ имъ австрійскіе снаряды, коими стрѣляли по городу турецкія орудія. Не менѣе странно можетъ показаться мнѣніе *Journal de Paris*, будто въ послѣдніе годы отношенія между Австріей

и Сербіей начинали значительно улучшаться. Въ виду затрудненій, которыми грозилъ возникавшій Люксембургскій вопросъ, Австрія старалась чѣмъ-нибудь угодить Россіи, — и вотъ все улучшеніе, которое можно было замѣтить въ дѣйствіяхъ вѣнскаго правительства по отношенію къ Сербіи. Это было явленіе случайное и эфемерное, и вскорѣ послѣ Зальцбургскаго свиданія г. фонъ-Бейстъ поспѣшилъ разсѣять всѣ надежды Сербіи на прочность перемѣны, внезапно было обнаружившейся въ политикѣ Вѣнскаго кабинета. Вопіющее потворство, оказанное Австріей насиліямъ и убійствамъ, совершеннымъ по приказанію Митхадъ-паши надъ Сербомъ и Болгариномъ подъ сѣнію австрійскаго флага, ни мало не противорѣчитъ тому придирчивому и даже угрожающему тону, который принялъ г. фонъ-Бейстъ въ депешѣ отъ 19-го декабря 1867 года, требовавшей отъ Сербіи объясненій, по поводу якобы опасныхъ для Габсбургской имперіи вооруженій княжества въ одинъ милліонъ жителей... И вмѣстѣ съ этимъ Австрія укрывала въ своихъ владѣніяхъ безпокойнаго соперника и непримиримаго врага династіи Обреновичей, низверженнаго князя Александра Карагеоргіевича, съ его семействомъ, образовавшимъ, на самой границѣ Сербіи, очевидно, не безъ вѣдома Австріи, центръ антидинастической агитаціи, коей характеръ вполнѣ разоблаченъ только нынѣ... Что эта агитація прикрывалась патріотическимъ велико-сербскимъ знаменемъ, изъ этого ничего не слѣдуетъ. Имѣя въ виду бѣлградскую молодежь, было весьма естественно водрузить это знамя. Другое дѣло когда бы заговоръ удался. Князь Михаилъ, правитель вѣрный своему народу, былъ бы убранъ; вслѣдъ за тѣмъ можно было бы убрать и велико-сербское знамя. Наивная сербская молодежь не была бы въ силахъ оказать противодѣйствіе. Съ нею управиться легче чѣмъ съ княземъ, имѣющимъ самостоятельную политику.

Характеръ политики покойнаго князя Михаила не могъ быть неизвѣстенъ публицистамъ, издающимъ *Journal de Paris*. Справедливо свидѣтельствуя, что „для Австріи и Турціи кандидатура Александра „Карагеоргіевича, *ихъ давней креатуры*, „должна послужить соблазномъ“, они вдругъ, сами не замѣчая своего противорѣчія, утверждаютъ, будто „топчидерскою „катастрофой прервано, самымъ несчастнымъ образомъ, начинавшееся сближеніе „между Австріей и Сербіей“. Признаться, отъ публицистовъ, издающихъ эту газету, можно было бы ожидать побольше проницательности. Хитрое перо продажнаго писаки выдвинуло для извѣстныхъ цѣлей всю эту нелѣпую исторію немыслимаго сближенія между Австріей и Сербіей, коихъ взаимныя отношенія, всю зиму, подавали поводъ къ самымъ серіознымъ опасеніямъ, и вотъ и въ памяти, и въ разсудкѣ редакторовъ одной изъ просвѣщеннѣйшихъ французскихъ газетъ немедленно затмились всѣ воспоминанія и соображенія, столь явно опровергающія эту ложь. Наравнѣ со всѣми польскими органами Вѣны и Парижа, *Jonrnal de Paris* доказываетъ, что эта самая Австрія, которая такъ легко „соблазнилась“ бы предложить кандидатуру Карагеоргіевича, душевно скорбитъ о кончинѣ Михаила, якобы прервавшей сближеніе Австріи съ Сербіей, что Сербамъ надоѣло „руское вліяніе“, что они въ своемъ чувствѣ склоняются нынѣ къ Туркамъ, и что провалившійся теперь Карагеоргіевичъ находится во главѣ партіи „великой Сербіи“, недовольной Михаиломъ за умѣренность и сдержанность обнаруженныя имъ въ послѣднее время.

Нравоученіе изо всей этой безсмысленной сказки вывести нетрудно. Михаилъ, оказывающійся другомъ Австріи и Турціи, палъ жертвой своего сопротивленія требованіямъ „велико-сербской“ партіи. Но эта партія враждебна Австріи, слѣдовательно она предана Россіи и т. д. Въ другой газетѣ, принадлежащей также къ числу тѣхъ во французской оппозиціонной печати, кои сохранили еще нѣкоторое самоуваженіе, въ *le Temps*, напечатана *корреспонденція изъ Бѣлграда*, въ которой такъ-таки прямо и говорится, что Александръ Карагеоргіевичъ „*повинуется Россіи*, ибо это доказывается уже *однимъ его именемъ*“ (!). При нѣкоторомъ знакомствѣ съ внутреннимъ устройствомъ парижскихъ редакцій, не трудно догадаться, откуда все это взялось. Мнимая „бѣлградская“ корреспонденція написана въ редакціи *le Temps*, въ Парижѣ, однимъ изъ мастеровъ великой фабрики подложныхъ депешъ и корреспонденцій подъ фирмой: *Correspondance du Nord-Est*. Она изобличаетъ себя самымъ забавнымъ обра-

зомъ, называя черногорскаго князя Николая — *Nikitsa!*

Надобно однако отдать справедливость французской печати въ послѣднее время: далѣе этой нелѣпости проскользнувшей въ *Temps* она не заходила. Даже извѣстныя своими польскими сочувствіями французскія газеты сохранили нѣкоторую тѣнь самоуваженія и не дали совсѣмъ увлечь себя обычнымъ въ подобныхъ случаяхъ токомъ лжи. За то берлинская *National-Zeitung*, одинъ изъ органовъ пангерманизма, увѣряетъ свою публику, что Австрія не можетъ выдать Карагеоргіевича сербскому правительству, по весьма простой причинѣ: онъ скрылся... и куда же? Въ Россію! На другой день, та же газета проводитъ и другую польскую выдумку: Англія, Франція, Австрія и Пруссія уже вошли-де въ соглашеніе насчетъ невмѣшательства въ дѣла Сербіи; Россія же, полагаютъ, окажетъ сдержанность, „дабы не усилитъ (!) *подозрѣнія въ соучастіи* въ сербскомъ заговорѣ“.

№ 128.

Москва, 13-го Іюня.

А.

Принимая въ первой аудіенціи новаго русскаго посла, Наполеонъ III, въ отвѣтъ на его рѣчь, сказалъ: „Послы Императора „Александра всегда могутъ быть увѣрены, „что найдутъ у меня радушный пріемъ... „Вы окажете, я не сомнѣваюсь въ томъ, „содѣйствіе къ поддержанію между Рос-„сіей и Франціей дружественныхъ отно-„шеній, которыя нынѣ существуютъ и ко-„торымъ я придаю самую высокую цѣну.“

Пять дней спустя, то-есть 30-го мая (11-го іюня), въ *Монитерѣ* было объявлено слѣдующее: „Императоръ Наполеонъ „поспѣшилъ принять предложеніе Россіи „о воспрещеніи разрывныхъ пуль.“

Циркулярная депеша русскаго министра, содержащая предложеніе, къ которому Наполеонъ III, дѣйствительно, поспѣшилъ присоединиться, подписана 9-го (21-го) мая; слѣдовательно, менѣе чѣмъ чрезъ 15 дней французское правительство дружелюбно приняло предложеніе Императора Всероссійскаго.

Наконецъ, въ еженедѣльномъ бюллетенѣ *Вечерняго Монитера* сказано, что императоръ и императрица Французовъ препроводили къ нашему Государю телеграмму съ выраженіемъ симпатическаго воспоминанія по случаю годовщины покушенія 6-го іюня.

Еще важнѣе чѣмъ этотъ обмѣнъ вѣжливостей и дружескихъ заявленій есть то согласіе, которое столь быстро и благополучно установилось между обоими дворами по сербскимъ дѣламъ. По крайней мѣрѣ французскіе офиціозные органы утверждаютъ, что тотчасъ по полученіи извѣстія объ убіеніи князя Михаила, правительство русское и французское договорились предоставить выборъ князя Сербіи самому народу сербскому, предупредить всякое вмѣшательство со стороны, и даже, въ случаѣ нужды, воспротивиться такому вмѣшательству. Итакъ, по крайней мѣрѣ въ отношеніи къ Сербіи, Тюльерійскій кабинетъ остался вѣренъ обязательствамъ, которыя принялъ на себя коллективною нотой 18-го октября 1867 г., и присоединился къ основнымъ началамъ русской политики на Востокѣ, — автономіи и невмѣшательства.

Этого уже было достаточно, дабы возбудить подозрительность противниковъ.

Нѣкоторые австрійскіе органы, заодно съ *Morning Post*, провозгласили, „что „Тюльерійскій кабинетъ сближается съ „русскою политикой на Востокѣ, что Фран-„ціи вовсе нѣтъ дѣла до цѣлости Отто-„манской имперіи, и что Тюльерійскій ка-„бинетъ расположенъ поддерживать усилія „Россіи, клонящіяся къ улучшенію участи „турецкихъ христіанъ.“

L'Etoile Belge, газета столь же непріязненная ко Франціи какъ и къ Россіи, и получающая внушенія изъ разныхъ дипломатическихъ источниковъ, говоритъ слѣдующее:

„Если правда, что естественными склон-„ностями преодолѣваются наконецъ всѣ „препятствія, то вторая имперія, вопреки „принцу Наполеону и его кандидатурѣ на „тронъ Польши, протянетъ руку Россіи. „Между ними естественно должно устано-„виться согласіе. Можетъ-быть возразятъ „намъ, что кесари Сены и Невы до сихъ „поръ еще не доказали, чтобы между ни-„ми было полное взаимное сочувствіе, и „что хотя тотъ и другой попеременно „считали нужнымъ дѣлать нѣсколько ша-„говъ для сближенія между собой, однако

„эти попытки обоюдно принимались не съ „большимъ радушіемъ."

Мы далеки отъ того, чтобъ оспаривать существованіе *естественныхъ склонностей* между Франціей и Россіей. Мы увѣрены, что препятствія, упомянутыя газетой *Etoile Belge*, могутъ быть устранены, и что обѣ націи, которыхъ разумные интересы ни въ чемъ не расходятся, современемъ дружелюбно подадутъ другъ другу руку; но мы также увѣрены, что для достиженія столь желаннаго результата надобно чтобъ и правительство, и народъ французскій искренно и добросовѣстно отказались отъ безплодной химеры, которую они допустили навязать себѣ подъ именемъ сочувствія къ Полякамъ. Сверхъ того нужно еще, чтобъ отбросивъ мелочные виды на исключительное вліяніе и устарѣвшія преданія религіозной пропаганды, Франція поняла, наконецъ, что какъ интересы, такъ и принципы ея налагаютъ на нее обязанность дѣйствовать заодно съ Россіей къ освобожденію восточныхъ христіанъ посредствомъ искренняго и разумнаго примѣненія началъ автономіи и невмѣшательства. До тѣхъ поръ, пока эти коренныя основы соглашенія между Франціей и Россіей не будутъ установлены ясно и прочно, случайныя сближенія, могущія произойдти между двумя кабинетами, не будутъ ни продолжительны, ни обильны результатами.

Какъ бы то ни было, нельзя не замѣтить, что параллельно съ признаками добрыхъ отношеній, которыя повидимому устанавливаются между правительствами Россіи и Франціи, усиливается раздраженіе въ нѣкоторой части французской печати. Любопытно и быть можетъ поучительно было бы довѣдаться о причинѣ этого страннаго явленія. Всего куріознѣе то, что самымъ запальчивымъ и озлобленнымъ органомъ является въ эту минуту газета, которая всегда особенно дорожила репутаціей умѣренности, сдержанности и политическаго благоразумія. Мы разумѣемъ *Journal des Débats*. Что̀ за причина тому, что эта газета усугубляетъ теперь свое усердіе въ разработкѣ и распространеніи всякой лжи, которая выпускается на свѣтъ противъ Россіи?

Но прежде чѣмъ разыскивать причину этого явленія не можемъ не посѣтовать на то, что съ нѣкотораго времени недостойныя выходки упомянутой газеты обращаютъ на себя слишкомъ серіозное вниманіе въ *Journal de St.-Pétersbourg*. Почтенный органъ этотъ повидимому не замѣчаетъ, что пускаться въ объясненія съ подобнымъ противникомъ значитъ оказывать ему не заслуженную честь. *Journal des Débats*, упавшій такъ низко, какъ мы видимъ его теперь, можетъ только гордиться вниманіемъ, которое оказываетъ ему органъ русскаго министерства иностранныхъ дѣлъ. Самый тонъ этихъ опроверженій, исполненный дипломатической вѣжливости, можетъ послужить лишь поощреніемъ къ дальнѣйшимъ выходкамъ, какъ бы свидѣтельствуя о значеніи газеты, къ которой они относятся, и быть-можетъ дастъ ей право разчитывать на новыя щедроты отъ своихъ вдохновителей...

Да и какъ входить въ серіозное препирательство съ наглымъ притворствомъ газеты, показывающей видъ, будто ей даже неизвѣстно, въ память какого событія изданъ Высочайшій указъ отъ 25-го мая (6-го іюня) 1868 г., якобы ознаменовавшій собою „рожденіе новаго Великаго Князя?" Возражая на это, русская офиціозная газета ограничивается замѣчаніемъ, что *Journal des Débats* охотно вспоминаетъ событіе 25-го мая (6-го іюня) 1867 г. „только затѣмъ, чтобы соболѣзновать преступ„нику, выразившему лишь слишкомъ *грубо* „(brutalement) то чувство, котораго не „гнушается эта газета." Для чего эти смягчительныя перифразы, къ чему этотъ почтительный тонъ съ газетой, пытавшеюся еще нѣтъ года тому назадъ, установить, для злодѣевъ подобныхъ Березовскому, какой-то разрядъ *привилегированныхъ убійцъ?*

Очевидно одобренный оказанною ему честью, *Jonrual des Débats* продолжаетъ свои лживыя и желчныя выходки противъ Россіи за предѣлы не только доброй совѣсти, которою онъ давно уже не стѣсняется, но и здраваго смысла. Такъ, по поводу предложенія Россіи объ отмѣнѣ разрывныхъ пуль, *Journal des Débats* разсказываетъ анекдотъ, почерпнутый изъ *Бреславской Газеты* (каковъ источникъ!), о нѣкоемъ г. Клечевскомъ, яко бы редакторѣ неизвѣстнаго намъ въ Варшавѣ *Воскреснаго Курьера*, коего бракъ съ дѣвицей, зачисленною въ списки католической церкви, хотя родители ея исповѣдывали православную вѣру, „былъ признанъ не„дѣйствительнымъ, *яко совершенный въ*

„католической церкви,“ самъ онъ осужденъ на ссылку въ Сибирь, жена же его на заключеніе въ монастырь, а ребенокъ перечисленъ въ православную вѣру и помѣщенъ въ пріютъ незаконнорожденныхъ… „Все это совершилось въ прошломъ году,“ присовокупляетъ *Journal des Débats*, „четыре года по окончаніи *національной* „борьбы и лишаетъ Россію права раздавать патенты (brevets) на человѣколюбіе. „Мы требуемъ, чтобы положенъ былъ конецъ этой чувствительной легендѣ о разрывныхъ пуляхъ…“

Стóитъ только пересказать этотъ анекдотъ, чтобъ убѣдиться въ грубости выдумки, которой онъ обязанъ своимъ происхожденіемъ, и въ недобросовѣстности, съ которою упомянутая парижская газета подхватила этотъ сообщенный ей польскими друзьями матеріалъ. Гдѣ слыхано, чтобы на основаніи ничѣмъ неудостовѣренной газетной статейки, и притомъ въ такомъ органѣ какъ *Бреславская Газета* (которой, безъ всякаго сомнѣнія, никогда и въ глаза не видали редакторы *Journal des Débats)*, можно было дѣлать общія заключенія о цѣлой странѣ и составлять противъ нея обвинительный актъ? Предположимъ, что нѣчто подобное разсказанному случаю и дѣйствительно было: спрашивается, возможно ли вслѣдствіе того представлять цѣлую страну царствомъ зла, изъ котораго не можетъ выйдти ничего добраго? Сколько бывало случаевъ и въ общественной жизни, и въ правительственной практикѣ Франціи, возбуждавшихъ негодованіе въ столбцахъ самой французской печати? А въ Англіи, на дняхъ, разсматривалось дѣло о жестокостяхъ, которыми ознаменовали себя власти острова Ямайки по случаю бывшаго тамъ возстанія: почему же добродѣтельная парижская газета не поспѣшила заявить, что Англія утратила всякое право подавать голосъ въ дѣлахъ человѣколюбія?

Очевидно, что анекдотъ, доведенный до свѣдѣнія французской газеты, есть вовсе не причина обнаруженнаго ею негодованія противъ Россіи, а только неразборчиво-схваченный предлогъ сказать въ эту минуту что-нибудь злое о ней.

Journal des Débats есть органъ либеральный; онъ стоитъ за дѣло цивилизаціи, онъ служитъ идеямъ прогресса: вотъ что пожалуй могутъ сказать намъ въ объясненіе его злобныхъ выходокъ противъ Россіи. Эта газета враждуетъ противъ насъ во имя либеральныхъ идей. Мы рады были бы допустить, что тѣ же побужденія внушаютъ, напримѣръ, и *Gazette de France* ея недоброжелательныя выходки противъ Россіи. Но намъ извѣстно, что эти газеты только въ наши дни дышатъ ненавистію къ Россіи, а прежде онѣ были къ ней весьма благосклонны. Надобно отдать имъ справедливость, онѣ всегда исповѣдывали тѣ начала, которыя находятся въ основѣ ихъ политическаго направленія; а между тѣмъ въ былыя времена онѣ вовсе не были отъявленными врагами Россіи. Нельзя сказать, что между Россіей за тринадцать лѣтъ предъ симъ и Россіей нынѣшнею нѣтъ разницы, и нельзя также сказать, что Россія во времяни крѣпостнаго права болѣе чѣмъ нынѣ соотвѣтствовала требованіямъ цивилизаціи и прогресса. Отчего же *Journal de Débats* сталъ систематическимъ врагомъ Россіи именно теперь?

Не одна польская интрига и вовсе не преданность либеральнымъ идеямъ, въ *Journal des Débats*, точно также какъ въ *Gazette de France* не одни клерикальныя вліянія, не мѣшавшія ей, вопреки проклятіямъ *Силлабуса*, проповѣдывать либеральныя идеи,—нѣтъ! ни одно изъ этихъ побужденій не есть истинная причина злобы этихъ и многихъ другихъ подобныхъ имъ органовъ противъ Россіи. Они говорили въ пользу Россіи, когда партіи, говорящія и нынѣ ихъ языкомъ, владѣли браздами правительства Франціи. Проповѣдывали онѣ тогда союзъ съ Россіей, потому что этимъ союзомъ очевидно упрочивались во Франціи защищаемыя ими династіи; нападаютъ же онѣ нынѣ на Россію, потому что, предпочитая свои династическіе интересы пользѣ своего отечества, онѣ прежде всего желали бы ввергнуть ненавистное имъ правительство въ безсмысленную борьбу, которая рано или поздно поколебала бы всѣ условія силы и прочности династіи Бонапартовъ…

Интересно поставить теперь въ параллель тонъ французской анти-династической печати съ тономъ ея печати династической по отношенію къ Россіи. Мы не говоримъ о *Монитерѣ*, котораго замѣтка отъ 18-го іюня, своими громкими сочувствіями къ Россіи, какъ бы послужила сигналомъ къ усиленію тона антидинастической печати Франціи. Но мы приводили на дняхъ обширную статью газеты *Eten-*

dard, рѣшившейся внезапно разстаться съ своимъ туркофильствомъ и нынѣ разоблачающей отвратительную дѣйствительность положенія дѣлъ въ Турціи. Точно также и газета *la France*, принадлежащая лицу искренно преданному династіи Бонапартовъ, приводитъ клевету *Journal des Débats* лишь затѣмъ чтобъ осудить его пошлую насмѣшку, будто иниціатива въ устраненіи разрывныхъ пуль есть не иное что̀ какъ „сентиментальная шутка". „Фактъ, сообщенный *Бреславскою Газетой*," говоритъ органъ виконта Лагероньера, „можетъ-быть и очень дуренъ, но изъ этого „отнюдь не слѣдуетъ, чтобы мысль объ „уменьшеніи бѣдствій войны не свидѣтель-„ствовала о добромъ побужденіи, которому „человѣчество должно радоваться..."

В.

Одинъ изъ издателей *Новаго Времени* жалуется что немногіе Русскіе, пріѣзжавшіе въ Прагу на случай закладки народнаго театра, распространяли другъ про друга весьма неблаговидныя извѣстія. Онъ приводитъ изъ *Debatte* оскорбительные отзывы о нѣкоемъ профессорѣ, путешествующемъ яко бы по распоряженію русской тайной полиціи, и отзывы изъ частнаго письма къ нему самому, въ коемъ ему сообщаютъ, что нѣкоторые изъ Русскихъ, бывшихъ вмѣстѣ съ нимъ въ Прагѣ, прославили его шпіономъ. Наконецъ онъ ставитъ и намъ на видъ, что мы назвали его представителемъ Польши (тоесть польскихъ интересовъ). Мы совершенно согласны, что о частной, никому неизвѣстной дѣятельности человѣка говорить надобно съ большою осмотрительностію; но *Новое Время* и г. Юматовъ съ полною откровенностію и совершенно публично проповѣдуютъ о федерализмѣ и объ автономіи „Польской націи", и намъ остается только *подчеркивать* ихъ собственныя слова. Не мы, а корреспондентъ *Новаго Времени*, бывшій въ Прагѣ вмѣстѣ съ г. Юматовымъ, выставилъ его тамъ представителемъ польскихъ интересовъ; намъ оставалось только подивиться этому и поздравить г. Юматова.

№ 129.

Москва, 14-го Іюля.

Разрѣшеніе вопроса о Николаевской желѣзной дорогѣ передаетъ первенствующую русскую линію въ руки Главнаго Общества Россійскихъ Желѣзныхъ Дорогъ. Разстроивъ свои дѣла по непростительной винѣ своей, это Общество не имѣло средствъ докончить ту довольно обширную сѣть, которая была ему предоставлена и давала ему право именоваться Главнымъ. Интересъ желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи требовалъ, чтобы уставъ Общества былъ исполненъ, чтобы на основаніи этого устава оно было признано несостоятельнымъ и чтобы вслѣдствіе того были отобраны у него построенныя имъ дороги, съ возвратомъ ему лишь гарантированнаго капитала. Это была бы катастрофа заслуженная, правда, акціонерами лишь отчасти, но государство имѣло полное право поступить такимъ образомъ, и еслибъ оно такъ поступило, оно не только сберегло бы нѣсколько десятковъ милліоновъ, но и избавило бы русское желѣзно-дорожное дѣло отъ дурной славы, которую распространило о немъ Главное Общество. Сооруженныя имъ линіи обошлись ему до безобразія дорого; его расходы по эксплуатаціи линій открытыхъ были много выше расходовъ по другимъ частнымъ дорогамъ въ Россіи. Все это бросало не выгодную тѣнь на русское желѣзно-дорожное дѣло вообще: все это устраняло и капиталистовъ, и строителей отъ участія въ предпріятіяхъ по сооруженію желѣзныхъ дорогъ въ Россіи. Всего этого не было бы, еслибы Главному Обществу наслѣдовало другое общество, которое тотчасъ же принялось бы за довершеніе линій еще не сооруженныхъ имъ, и дѣйствуя за своею отвѣтственностью, занималось бы заботливѣе хозяйствомъ по эксплуатаціи линій открытыхъ для движенія. Произошелъ бы рѣзкій кризисъ, много было бы криковъ и толковъ, но черезъ годъ или два наше желѣзно-дорожное дѣло стояло бы твердо, и теперь мы навѣрное имѣли бы не только Ѳеодосійскую, но и Либавскую желѣзную дороги. Правительство предпочло однако поддержать во что̀ бы то ни ста̀ло Главное Общество. Оно приняло на себя передержки противъ гарантіи; оно сняло съ Главнаго Общества обязанность строить

помянутыя двѣ линіи, коихъ сооруженіе было такимъ образомъ отсрочено на неопредѣленное время. Снявъ съ Главнаго Общества отвѣтственность за передержки, оно какъ бы само признало, что въ Россіи нельзя строить желѣзныя дороги по цѣнѣ умѣренной. Допустивъ существованіе общества не заинтересованнаго въ добропорядочномъ веденіи своего хозяйства, правительство оставляло на глазахъ публики, національной и иностранной, учрежденіе, гласившее о маловыгодности желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи, о незначительности валоваго дохода и высотѣ издержекъ по эксплуатаціи. Все это было крайне вредно, и на все это рѣшилось правительство изъ желанія избавить акціонеровъ Главнаго Общества отъ разоренія, которое какъ сказано выше, было ими лишь отчасти заслужено. Ихъ интересамъ были принесены въ жертву важные интересы государственные. Не знаемъ оцѣнены ли эти жертвы акціонерами Главнаго Общества. Въ заграничной печати не видно слѣдовъ подобной оцѣнки; тамъ слышны были только жалобы на недостаточность дивидента получаемаго акціонерами Главнаго Общества и на упавшую цѣну его акцій.

Надобно сказать правду: милость, оказанная аціонерамъ Главнаго Общества, имѣла характеръ полумѣры. Она избавила ихъ отъ разоренія, но не предотвратила упадка цѣны акцій; надежды на ихъ доходность, побуждавшія подписываться на нихъ, не осуществились; акціонеры сдѣлались рентьерами, и ихъ акціи превратились въ нѣчто весьма похожее на государственные фонды, а сама компанія совершенно утратила характеръ частнаго общества, потерявъ экономическій стимулъ къ разчетливому хозяйству. Чтобы поправить дѣло и опять поставить его на ноги, требовался дальнѣйшій актъ милости, и этотъ дальнѣйшій актъ совершенъ нынѣ. Его важность и польза бросаются въ глаза. Послѣ разгрома, причиненнаго расточительностью Главнаго Общества, дѣло русскихъ желѣзныхъ дорогъ упало въ общественномъ мнѣніи и всѣ отъ него отступались. Чтобъ освободить публику отъ этой паники, нуженъ былъ успѣхъ рѣшительный, и притомъ многократный. Успѣхомъ было сооруженіе Троицко-Сергіевскаго участка Ярославской дороги, но этотъ участокъ очень малъ и не могъ служить ободряющимъ примѣромъ. Еще бóльшимъ успѣхомъ была постройка Коломенско-Рязанскаго участка Саратовской дороги, окончившаяся благополучно какъ финансовое и строительное предпріятіе и поведшая къ блистательнымъ результатамъ по эксплуатаціи этой линіи. Наконецъ Козловская желѣзная дорога произвела совершенный переворотъ въ ходячихъ понятіяхъ о русскихъ желѣзныхъ дорогахъ; благодаря ей, онѣ изъ дѣла самаго непопулярнаго разомъ не только превратились въ предпріятіе заманчивое по своей выгодѣ, но сдѣлались предметомъ лихорадочныхъ увлеченій. Теперь часто приходится слышать, что гарантія по Козловской дорогѣ дана преувеличенная, и что учредители Общества этой дороги получили неправильныя, чрезмѣрныя выгоды. Но справедливость требуетъ сказать, что эти выгоды никому и ничему не повредили. Публика получила желѣзную дорогу, за которую должна быть благодарна; тутъ дороговизна дороги ни для кого нечувствительна, потому что тарифъ Козловской дороги тотъ же самый какъ и на другихъ дорогахъ. Тяжесть преувеличенной гарантіи могла пасть не на публику, а единственно на правительство, но и эта тяжесть оказалась нечувствительною, потому что Козловская дорога, даже въ самый первый годъ по своемъ открытіи, обошлась безъ казенной приплаты. Барыши, полученные строителями Козловской дороги, никому не повредили, но принесли ту существенную пользу, что привлекли къ желѣзно-дорожному дѣлу множество предпринимателей, коихъ конкурренція, ежедневно возрастающая, вскорѣ поведетъ къ пониженію гарантіи, или по крайней мѣрѣ къ ея ограниченію облигаціями, что въ свою очередь свяжетъ интересъ строителей не имѣющихъ побужденія заботиться о прочности сооруженій съ интересомъ акціонеровъ, требующимъ разчетливой и предусмотрительной стройки, дабы дорога нуждалась въ возможно-меньшемъ ремонтѣ. Козловская дорога была необходимою степенью къ этому успѣху. Но какъ ни улучшилось теперь положеніе желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи, оно не могло занять принадлежащее ему мѣсто въ ряду предпріятій, пока дороги Главнаго Общества были обречены на невозможность давать дивидентъ своимъ акціонерамъ. Только теперь, по совершенномъ возстановленіи дѣлъ этого общества, мож-

но надѣяться, что главныя русскія линіи будутъ дѣйствительно эксплуатироваться на комерческомъ основаніи что доходъ доставляемый ими будетъ постепенно возрастать, и что ихъ возрастающая доходность распространитъ въ публикѣ увѣренность въ доходности русскихъ желѣзныхъ дорогъ вообще. Этимъ будетъ дано условіе необходимое для того чтобы подписка на акціи будущихъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ шла также успѣшно, какъ теперь идетъ подписка на ихъ облигаціи и составленіе компаній для ихъ стройки.

Мы не говоримъ о другихъ соображеніяхъ, которыя находились въ основаніи принятаго относительно Николаевской желѣзной дороги рѣшенія. Въ числѣ этихъ соображеній, вѣроятно, есть и такія, которыя неизвѣстны намъ. Тѣмъ не менѣе нельзя не пожалѣть, что это дѣло пришлось рѣшить не въ пользу такъ-называемаго Русскаго Товарищества, предлагавшаго условія сравнительно весьма выгодныя и пользовавшагося сочувствіемъ, можно сказать, всеобщимъ. Было бы жаль, еслибы лица, составившія это Товарищество, совсѣмъ покинули свое намѣреніе послужить желѣзно-дорожному дѣлу въ Россіи. Правительство, помогая Главному Обществу окончательно стать на ноги, не можетъ также считать исполненными всѣ тѣ свои виды, коими Главное Общество было вызвано. Возрожденіе Главнаго Общества къ новой жизни должно быть увѣнчано осуществленіемъ всѣхъ тѣхъ линій, которыя лежали на его обязанности. Безъ этого условія праздникъ этого Общества, столь дорого стоившаго странѣ, не будетъ для нея праздникомъ. Южная линія, которая была предоставлена Главному Обществу, должна была направляться черезъ Харьковъ къ одному изъ крымскихъ портовъ. Эта линія теперь замѣнена двумя, которыя обѣ строятся и, по всему вѣроятію, будутъ открыты для движенія въ 1869 году. Сверхъ того, разрѣшены изысканія и по прямой средней линіи до одного изъ крымскихъ портовъ. Рано или поздно сорудится и эта линія. Но есть еще одна линія, которая совсѣмъ оставлена и не замѣнена никакою равносильною. Это линія Либавская. Ее предполагалось провести на Динабургъ и Курскъ. Теперь, въ виду колоссальной Рижско-Борисоглѣбской линіи, необходимо провести Либавскую линію западнѣе, направляя ее уже не на Курскъ, а на Кіевъ или Черниговъ и Нѣжинъ. Это направленіе не хуже предполагавшагося прежде. Оно можетъ даже считаться выгоднѣйшимъ, потому что склоняется болѣе на югъ. Къ тому же это направленіе линіи оживитъ западный край, котораго населенія крайне въ томъ нуждаются. Говоря это, мы предполагаемъ дѣломъ рѣшеннымъ сооруженіе Московско-Смоленской и Смоленско-Брестской желѣзныхъ дорогъ. Онѣ свяжутъ западный край съ центральною Россіей и пересѣкутъ его съ востока на западъ. Либавско-Кіевская линія пересѣкла бы его съ сѣвера на югъ; она оживила бы Ковенскую, Минскую, Могилевскую и Черниговскую губерніи. Она дала бы продуктамъ этихъ губерній сбытъ черезъ портъ почти никогда не замерзающій, а черезъ боковыя вѣтви свои, Смоленско-Московскую и Смоленско-Орловскую, открыла бы путь къ этому порту и изо всей центральной Россіи. Только тогда можно было бы считать задачи, лежавшія на Главномъ Обществѣ, исполненными и смотрѣть безъ сѣтованія на тѣ щедроты, коими правительство осыпало его. Московское Товарищество бралось за Николаевскую желѣзную дорогу не безъ средствъ, а потому сама собой является мысль, нельзя ли дѣло устроить такъ, чтобъ эти средства послужили къ совершенію того что оставляетъ недодѣланнымъ конкуррентъ Московскаго Товарищества, Главное Общество, нынѣ одержавшее верхъ надъ нимъ, конечно не по своимъ заслугамъ, а въ силу обстоятельствъ. Само собой разумѣется, что Главное Общество должно было бы уступить Обществу Либавской дороги свою Ковенскую вѣтвь, и уступить на выгодныхъ для общества Либавской дороги условіяхъ.

№ 130.

Москва, 16-го Іюня

А.

Всего нѣсколько дней тому назадъ мы сообщили важное извѣстіе о разрывѣ съ Бухарой и о движеніи туркестанскаго генералъ-губернатора внутрь этого ханства. Важный успѣхъ вполнѣ соотвѣтствовалъ отважной рѣшимости генерала Кауфмана, и послѣ нѣсколькихъ дней марша и не-

значительнаго боя на высотахъ Самарканда, этотъ городъ съ классическимъ именемъ былъ взятъ нашими войсками. Сегодня петербургскія газеты принесли намъ новое извѣстіе — о взятіи Бухары. Телеграмма гласитъ, что столица эмира взята безъ боя, а еще прежде въ частной телеграммѣ, сообщенной *Биржевыми Вѣдомостями*, извѣщалось, что для занятія Бухары генераломъ Кауфманомъ былъ командированъ полковникъ Абрамовъ. Это новый и рѣшительный ударъ Бухарскому эмиру, тѣмъ болѣе чувствительный, что нанесенъ безъ всякихъ усилій. Нѣсколькихъ переходовъ горсти русскихъ солдатъ было достаточно для того чтобы потрясти въ основаніи бухарское величіе.

Занятіе Бухарскаго ханства есть теперь осуществившійся фактъ, но занятіе не есть еще инкорпорація. Что среднеазіатскія ханства должны быть подъ рукою Россіи и состоять въ зависимости отъ нея, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Зависимость эта можетъ быть полная, оставаясь чисто-внѣшнею, и если страна, лишенная самостоятельной вооруженной силы, должна находиться подъ рукою Россіи, то управленіе бухарскими населеніями и вся внутренняя жизнь ихъ не могутъ стать съ пользою предметомъ попечительности русскихъ властей. Теперь яснѣе чѣмъ когда-либо выказывается вся выгода нашей пограничной черты въ Средней Азіи. Отнынѣ русскіе купцы столь же безопасно будутъ проживать въ Бухарѣ, Коканѣ и Кашгарѣ, какъ теперь проживаютъ въ Ташкентѣ. Не надо, однако, забывать, что преобладаніе въ Средней Азіи будетъ выгодно для Россіи только въ томъ случаѣ, если не будетъ вымогать изъ ней ни денегъ, ни людей, а напротивъ, само что-либо принесетъ ей, — если сбудутся слова, сказанныя въ одномъ изъ донесеній генерала Черняева: „Страна, въ прошломъ и нынѣшнемъ годахъ занятая, имѣетъ всѣ средства для самобытнаго существованія, и изъ Россіи кромѣ снарядовъ и пороху, ничего не потребуется.“

Б.

Напечатанный во вчерашнемъ нумерѣ *Московскихъ Вѣдомостей* журналъ военнаго совѣта отъ 25-го мая о порядкѣ отпуска въ войска учебныхъ припасовъ для стрѣльбы изъ скорострѣльныхъ винтовокъ, является указаніемъ, что снабженіе нашей арміи новымъ оружіемъ приводится наконецъ въ исполненіе. Мы не имѣемъ свѣдѣній, какія именно части войскъ снабжены этимъ оружіемъ, но уже самое распоряженіе объ отпускѣ учебныхъ припасовъ доказываетъ, что новое оружіе дѣятельно въ нѣкоторыхъ частяхъ вводится. Остается пожелать, чтобъ и остальныя части войскъ были снабжены новымъ оружіемъ безъ потери времени.

При теперешнихъ политическихъ обстоятельствахъ, выигрышъ времени въ этомъ отношеніи равносиленъ дипломатической побѣдѣ. Ни для кого не тайна, что мы живемъ наканунѣ событій, и что отъ степени готовности встрѣтить ихъ зависитъ въ настоящее время голосъ Россіи въ дѣлахъ Европы. При полномъ вооруженіи Пруссіи, Германіи, Франціи, Англіи, Австріи, снабдившей ужь около 300 т. человѣкъ ручнымъ оружіемъ новой и притомъ превосходной системы, наконецъ даже Турціи, голосъ державы, вооруженной ружьемъ, заряжаемымъ съ дула, невольно поникъ бы предъ голосомъ державъ готовыхъ къ войнѣ.

Мы далеки отъ мысли утверждать, чтобы вооруженіе было единственнымъ ручательствомъ побѣды; но едва ли кто станетъ отрицать, что армія лучше вооруженная имѣетъ существенный перевѣсъ, и что выгоды лучшаго вооруженія имѣютъ не только неоспоримое матеріальное значеніе, но и нравственное, какъ въ бою, такъ и до боя. Скорострѣльное ружье становящееся послѣ кампаніи 1866 года столь же общимъ въ Европѣ оружіемъ, какимъ былъ штыкъ съ начала XVII вѣка, утратитъ часть своего значенія по окончательномъ вооруженіи имъ всѣхъ европейскихъ армій; но пока это еще впереди, та армія, которая ранѣе снабжена имъ, должна имѣть несравненно большее обаяніе чѣмъ армія вооружающаяся медленно. Французское правительство поняло эту истину: недавній рапортъ маршала Ніеля императору объ окончаніи вооруженія арміи былъ обнародованъ какъ документъ чисто политическаго характера, и офиціозными газетами былъ истолкованъ въ смыслѣ правительственной демонстраціи. Дѣйствительно, скорость въ этомъ случаѣ служитъ не только доказательствомъ раціональной энергіи правительства, но и залогомъ успѣха въ будущемъ, ибо недостаточно того, чтобы снабдить армію новыми винтовками, надо пріучить ее

владѣть ими столь же искусно, какъ штуцерами заряжаемыми съ дула, для чего потребно время, а временемъ, скажемъ кстати, въ нашемъ суровомъ климатѣ при отсутствіи казармъ и зимнихъ стрѣльбищъ необходимо дорожить болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь въ Европѣ. Въ прошломъ году, во время толковъ по Люксембургскому вопросу, прусскіе военные люди, съ досадою слѣдя за успѣхами въ снабженіи французской арміи ружьями Шасспо, не безъ основанія однако замѣчали, что еслибы Франція рѣшилась немедленно выступить въ походъ, то новыя ружья были бы ей болѣе вредны чѣмъ полезны, ибо солдаты не были еще достаточно пріучены владѣть ими.

Введеніе у насъ скорострѣльной винтовки обусловливается не однимъ пріученіемъ солдата къ мѣткой стрѣльбѣ изъ оружія, для него новаго, но и другими приспособленіями. Въ порядокъ строя предполагается ввести значительныя преобразованія, и въ Петербургѣ, какъ извѣстно, проектированы различныя измѣненія и дополненія нынѣшняго пѣхотнаго устава; по всей вѣроятности, такія же измѣненія предстоятъ и драгунскому уставу. Надо полагать, что и самыя правила для обученія стрѣльбѣ, вслѣдствіе тактическихъ перемѣнъ въ строѣ и технической разницы между простымъ ружьемъ и скорострѣльною винтовкой, потребуютъ пересмотра. Далѣе, для обученія нижнихъ чиновъ бережному обращенію съ новымъ оружіемъ необходимо составить новыя правила о его сборкѣ и разборкѣ и основательно ознакомить съ ними солдата. Не говоримъ уже о разныхъ мелочахъ, въ родѣ обученія войскъ новымъ ружейнымъ пріемамъ, — такъ какъ скорострѣльная винтовка не имѣетъ курка, — или перемѣнъ въ аммуниціи пѣхоты и драгунъ и пр мелочахъ, которыя вмѣстѣ взятыя, болѣе или менѣе усложняютъ дѣло и опять-таки требуютъ прежде всего времени.

При указанныхъ условіяхъ, нельзя не порадоваться, что за дѣло новаго вооруженія принимаются у насъ, какъ можно заключать, съ заботливостью. Каждый день промедленія въ окончательномъ снабженіи арміи скорострѣльнымъ оружіемъ отзывался бы и на могуществѣ Россіи посреди другихъ державъ, и на ея боевой готовности.

№ 131.

Москва, 17-го Іюня.

Демонстраціи, происходившія въ Прагѣ по случаю прибытія туда императора Франца-Іосифа, нельзя считать за факты случайные и не имѣющіе значенія. Мы полагаемъ, что органы Вѣнскаго кабинета, несмотря на все свое желаніе, не будутъ настаивать на ребяческой попыткѣ увѣрить публику будто эти демонстраціи были слѣдствіемъ „панславянскихъ происковъ Россіи.“

Происходящее въ Прагѣ есть лишь одно изъ послѣдствій системы г. фонъ-Бейста. Мадьяро-нѣмецкій дуализмъ неизбѣжно долженъ былъ раздражить населенія, которымъ приходится терпѣть отъ него и нравственное униженіе, и матеріальный ущербъ. Съ другой стороны онъ подстрекнулъ притязательность притѣсняющаго меньшинства. Это должно было породить нескончаемый родъ безпорядковъ, столкновеній, разочарованій и досадъ всякаго рода. Телеграфъ сообщаетъ, что никакого соглашенія между правительствомъ и Чехами не состоялось, что впрочемъ можно было предвидѣть.

О взаимномъ озлобленіи между Чехами и австрійскими Нѣмцами, можно судить по слѣдующей выпискѣ изъ *Neue Freie Presse* (это было напечатано за нѣсколько дней предъ отъѣздомъ императора Франца-Іосифа въ Прагу):

„.... Его величество ѣдетъ въ Прагу. „Если Чехи предполагаютъ воспользоваться его присутствіемъ для демонстраціи, „то объ отвѣтѣ, который будетъ имъ данъ, „они могутъ заранѣе судить по тому факту, что императора сопровождаетъ князь „Карлъ Ауэршпергъ, удалившійся изъ богемскаго сейма вслѣдствіе того, что графъ „Лашанскій принялъ въ немъ положеніе „предосудительное. Притомъ Чехи уже успѣли нажаловаться на Австрію принцу „Наполеону; имъ уже не зачѣмъ обращаться съ своими жалобами къ своему „національному государю, и они не могутъ „ожидать отъ него иного отвѣта, кромѣ „того, чтобъ они согласовали свои интересы съ требованіями конституціи. Впрочемъ, утверждаютъ на основаніи вѣрныхъ „свѣдѣній, что гг. Палацкій и Ригеръ совершенно безуспѣшно обращались къ принцу Наполеону; онъ, какъ слышно, посо-

„вѣтовалъ имъ послѣдовать примѣру Поляковъ и явиться въ имперскую думу, „такъ какъ Европа ничего не знаетъ и „ничего знать не хочетъ о такъ-называемомъ Чешскомъ вопросѣ.“

Дѣйствительно ли таковъ былъ языкъ принца Наполеона, или—что повидимому вѣроятнѣе и что другія газеты утверждаютъ положительно—онъ старался самъ выиграть во мнѣніи вождей славянскаго движенія въ Чехахъ,—въ этомъ теперь трудно удостовѣриться, да это и не очень важно. Но за то вполнѣ достовѣрно, что Чешскій вопросъ, о существованіи котораго Европа будто бы не хочетъ знать, возстаетъ нынѣ сильнѣе чѣмъ когда-либо прежде, и что императоръ Францъ-Іосифъ совершенно убѣжденъ въ этомъ, а потому и вступилъ volens, nolens въ переговоры съ гг. Палацкимъ и Ригромъ. Столь же несомнѣнно, что благодаря системѣ дуализма, съ Чешскимъ вопросомъ должно случиться одно изъ двухъ: или Чехамъ будутъ возвращены права короны Вячеслава (а въ такомъ случаѣ партія мадьяро-нѣмецкая потерпитъ сильный ущербъ), или имъ откажутъ въ этихъ правахъ, и тогда оппозиція Чеховъ, безпрерывно возрастая, разстроитъ движеніе конституціоннаго механизма, изобрѣтеннаго г. фонъ-Бейстомъ.

Еще болѣе затруднительнымъ, что бы ни говорили органы г. фонъ-Бейста, продолжаетъ быть для Австріи и вопросъ Венгерскій. Онъ не только не рѣшенъ еще, какъ многіе полагаютъ, но съ каждымъ днемъ запутывается и угрожаетъ серіозною опасностью для Австрійской монархіи.

Мадьяры, ободренные огромными уступками, которыя были имъ сдѣланы, становятся все требовательнѣе. Они присвоили себѣ истинное господство надъ общимъ правительствомъ имперіи. Извѣстно, что Вѣнскій кабинетъ былъ вынужденъ опозориться банкрутствомъ, лишь бы удовлетворить финансовымъ требованіямъ венгерскаго министерства. Извѣстно также, что Вѣнскій кабинетъ былъ вынужденъ смиренно согласиться на притязанія Мадьяръ касательно военной организаціи королевства Св. Стефана. Этого мало: Мадьяры стараются присвоить себѣ право и на особенное представительство въ Европѣ. Г. Андращъ заводитъ свою особую дипломатію; онъ вступаетъ въ переговоры, заключаетъ трактаты, посылаетъ графа Зичи въ Бѣлградъ; онъ раскинулъ свой дипломатическій шатеръ рядомъ съ г. фонъ-Бейстомъ, и если вѣрить словамъ, которыя приписываются принцу Наполеону, то „теперь только для формы ведутся переговоры съ жалкимъ австрійскимъ канцлеромъ, истощившимъ всѣ свои усилія и „уловки; ибо серіозныя дѣла можно дѣлать „только съ графомъ Андращемъ.“

Австрійскіе Нѣмцы начинаютъ уже замѣчать, что на ихъ долю досталась роль очень жалкая, и въ досадѣ своей отзываются самымъ желчнымъ тономъ о занятіяхъ венгерскаго сейма. Объ этомъ свидѣтельствуютъ слѣдующія строки изъ органа, получающаго внушенія отъ г. фонъ-Бейста (вѣнская *Presse*): „Если спросятъ, „что сдѣлалъ венгерскій сеймъ въ области цивилизаціи со времени водворенія „министерства Андраща, то отвѣчать на „это можно безъ замедленія. Въ этомъ „сеймѣ очень много разсуждали о національныхъ отличкахъ для венгерскихъ „войскъ, и о дипломатическомъ наименованіи раздвоенной Австріи. Венгрію можно бы почесть за страну блаженную, гдѣ „представителямъ народа нѣтъ надобности „приступать къ какой-либо серіозной реформѣ, и гдѣ имъ остается пробавляться бездѣлками. Но такое предположеніе „было бы совершенно невѣрно. Венгрія и теперь есть та же старая Венгрія, гдѣ судья, „избранный своею партіей въ комитетѣ „(графствѣ) на три года, даже не принимаетъ на себя труда скрывать, *что онъ „выжимаетъ изъ другихъ партій сокъ какъ „изъ лимона*... Мы затруднились бы указать хотя на одно дѣйствительно замѣчательное дѣло венгерскаго парламента „въ послѣдніе полтора года... Впрочемъ, „прогрессивныя идеи въ политикѣ всегда „превосходно уживались въ Венгріи съ реакціонными идеями въ соціальномъ отношеніи, и не рѣдко въ этой странѣ бывало, что именно во время волненій, экономическая реакція особенно торжествовала. Кошутъ дѣйствовалъ заодно съ „людьми, которые поддерживали запретительную систему; революція 1848 г. надѣлила страну ремесленнымъ уставомъ „Клаузаля, возводившаго систему цеховъ „на степень догмата; едва октябрьскимъ „дипломомъ 1860 г. была возстановлена „муниципальная свобода, какъ Пештское „представительство снова отмѣнило промышленную свободу Тоггенбурга, да и въ „настоящее время Пештскій сеймъ поку-

„шается на такую же мѣру. Если отъ матеріальной области перейдемъ къ умственной, то увидимъ, что и послѣднія нѣмецкія гимназіи закрыты и преподаватели „этихъ заведеній повергнуты въ нищету. „Вознаграждаетъ ли слава, доставляемая „этою противонѣмецкою экзекуціей, за тотъ „фактъ, что преподаваніе въ Венгріи все „еще остается въ рукахъ духовенства?“

Рѣшительно, графъ Андращь воспитался въ одной политической школѣ съ маркизомъ Велёпольскимъ; въ Россіи знакомы всѣ тѣ рецепты, которые графъ Андращь примѣняетъ теперь къ Венгріи...

Затрудненія австрійскаго правительства осложняются наконецъ еще тѣмъ, что Вѣнскій кабинетъ увидѣлъ себя въ необходимости снова измѣнить свою политику относительно галицкихъ Поляковъ. До сихъ поръ г. фонъ-Бейстъ ободрялъ и поддерживалъ ихъ порывы къ политическому возрожденію; но теперь, вѣроятно вразумленный рѣчью князя Чарторыйскаго, и отчаявшись въ дѣятельномъ пособіи Франціи, онъ рѣшился на мѣру, которая была бы можетъ-быть весьма благоразумна, еслибы была принята своевременно. Онъ представилъ въ имперскую думу законъ, въ силу коего выборы въ депутаты коронныхъ земель для имперскаго сейма должны быть прямые, то-есть производиться не областными сеймами, а первоначальными избирателями. Слѣдствіемъ сего будетъ то, что галицкіе депутаты, до сихъ поръ избиравшіеся изъ польскихъ землевладѣльцевъ засѣдающихъ въ сеймѣ, будутъ впредь избираться громаднымъ русскимъ большинствомъ въ восточной части Галиціи. Въ *Ostsee Zeitung* пишутъ, что польская партія взбѣшена этимъ, и готова открыто поссориться съ г. фонъ-Бейстомъ.

Такимъ образомъ вопросы чешскій, венгерскій, польскій въ Австріи принимаютъ все болѣе затруднительный оборотъ, спутываются между собою, растравляютъ другъ друга... Таково, помимо вопросовъ финансовыхъ и внѣшнихъ, о коихъ мы предоставляемъ себѣ поговорить въ другой разъ, нынѣшнее положеніе Австріи.

№ 132.

Москва, 18-го Іюня.

Французская офиціозная печать признала въ одинъ голосъ, что рѣчью произнесенною королемъ Прусскимъ при закрытіи сейма изглаживается впечатлѣніе глубокаго неудовольствія, произведенное во Франціи откровеніями г. фонъ-Мольтке. Рѣчь короля есть-де торжественное отрицаніе заносчивыхъ ученій, проповѣдуемыхъ начальниковъ его штаба. Итакъ, послѣ этой рѣчи, Франція можетъ быть довольна, а слѣдовательно и Европа спокойна. Но вотъ внезапно возвышаетъ свой голосъ органъ Лондонскаго Города, *Times*. По мнѣнію этой столь вліятельной въ Англіи газеты, рѣчь короля Прусскаго не только не умаляетъ, но, напротивъ, дополняетъ значеніе рѣчи знаменитаго генерала, который, по примѣру маршала Ніеля, избралъ эмблемой своего миролюбія не устарѣвшую масличную вѣтвь, а игольчатое ружье. Въ заключеніе своей рѣчи, „миролюбивый“ генералъ замѣтилъ, что фактическая основа его ученія — объединеніе Германіи — еще не осуществилась, но должна осуществиться. Въ заключеніе своей рѣчи, „миролюбивый“ король выразилъ увѣренность, что при благодѣяніяхъ мира, труды парламента окажутся плодотворными и для сѣвера, и *для юга*. „Слова, коими заключается рѣчь короля,“ заключаетъ *Times*, „въ нѣкоторой мѣрѣ со„гласуются съ полновѣсными заявленіями „его министра, и извлекаютъ изъ нихъ „свое значеніе...“

Чтò скажутъ про это весьма вѣрное замѣчаніе простодушная *Patrie* и велемудрая *France?* „Дѣло упроченія нѣмецкой націи,“ присовокупляетъ лондонская газета, „завершается нынѣ безъ всякаго „препятствія. Всякій истекающій день уве„личиваетъ силу Германіи для войны.“ Ни *France*, ни *Patrie*, ни даже *Constitutionnel* не могутъ не признать, что слова эти не лишены основанія, но что станется при всемъ этомъ съ линіей Майна? Чтò станется съ надеждами на образованіе южногерманской конфедераціи? Какой тонъ придется принять французскому патріотизму, неоднократно заявлявшему свою щекотливость по этому вопросу? Какъ разстанется онъ съ дипломомъ, выданнымъ Франціи отъ Фридриха Великаго, и гласящимъ, что если во Франціи правительство порядочное, то безъ ея согласія не должно быть выпущено ни одного пушечнаго выстрѣла въ Европѣ? Можно было бы догадываться, что Франція, на этотъ разъ, не будетъ совершенно довольна; но *Times*

отнюдь не находить, чтобъ отъ ея неудовольствія могло сколько-нибудь замутиться спокойствіе Европы. „Съ каждымъ „днемъ,“ говоритъ лондонская газета, „возрастаетъ сила Германіи для войны, а „вмѣстѣ съ тѣмъ и сила ея вліянія на миръ. Пусть дадутъ ей *только время* завершить „свое дѣло, и миръ въ мирѣ обезпеченъ.“ А будетъ ли это дѣло нравиться Франціи, на это *Times* не считаетъ нужнымъ обращать вниманіе, ибо, по сужденію этой газеты, „новая организація разныхъ частей „германской семьи есть дѣло, въ кото„ромъ *никакое иностранное вмѣшатель„ство не можетъ быть терпимо.*“

Итакъ, органъ Лондонскаго Города рѣшительно не допускаетъ никакого вмѣшательства Франціи въ комбинаціи графа Бисмарка, столь близко подходящія къ ея европейскому положенію и достоинству. Правда, по успокоительному увѣренію *Times*, Германія, облеченная въ Европѣ „сильною полицейскою властью,“ не будетъ употреблять эту власть во зло Она де расположена оставлять своимъ сосѣдямъ всю свободу дѣйствій, какой требуетъ для себя, лишь бы эта свобода ограничивалась своими каждаго государства предѣлами. Дѣло слѣдовательно въ томъ, какія границы будетъ угодно Германіи признать дѣйствительными. Но что будетъ съ ея бѣдными сосѣдями, если на этой почвѣ они разойдутся съ нею въ своихъ воззрѣніяхъ? Вѣдь разошлась же Германія на почвѣ скандинавскаго Шлезвига съ воззрѣніями Даніи, которая, въ своей наивности считала себя независимою и безопасною у себя дома. Германія начала о томъ споръ посреди смутъ 1848 года, какъ разъ въ то самое время когда депутатъ Эйзенманъ, напутствуя своимъ благословеніемъ борьбу, возгаравшуюся въ Шлезвигѣ, требовалъ чтобы великая нѣмецкая семья заступилась за „угнетенныхъ братьевъ“ французскаго Альзаса и русскаго балтійскаго поморья (несмотря на то, что его населенія не имѣютъ ничего общаго съ „нѣмецкою семьей,“ пока усиліями русскаго правительства, въ послѣднее время особенно успѣшными, они еще не усвоены ей),—какъ разъ въ то самое время, когда первый Германскій народный сеймъ, въ изступленіи восторга, единогласно постановилъ принести національное благодареніе князю Виндишгрецу за успѣшное бомбардированіе Праги, вздумавшей предпочесть славянскій сеймъ нѣмецкому.

Но какое дѣло органу Лондонскаго Города и до Альзаса, и до Чеховъ, и даже до балтійскаго поморья? Всѣ эти мелочи, очевидно, не нарушаютъ его увѣренности, что стремленія Германіи суть дѣло чисто *домашняго* свойства. „Домашними“ стремленіями, вѣроятно, признаетъ онъ и сѣтованія Эйзенмана, и восторги Франкфуртскаго сейма. Для *Times* важно, что съ исполненіемъ „миролюбивыхъ“ надеждъ почтеннаго генерала фонъ-Мольтке, „будетъ „положенъ конецъ всѣмъ такъ-называе„мымъ *законнымъ вліяніямъ* и *покровитель„ствамъ*, основаннымъ на единовѣріи, на „однокровности и на тысячѣ другихъ пред„логахъ.“ Мы понимаемъ эти намеки; поймутъ ихъ также и въ Бѣлградѣ, и въ Прагѣ, и въ Аѳинахъ, и въ Константинополѣ. Они приведутъ въ восторгъ либерализмъ Аали-паши, философскую вѣротерпимость новаго шейхъ-юль-ислама, бывшаго камердинера султана, всѣмъ извѣстную гуманность Даудъ-паши, и подкрѣпятъ ихъ въ ихъ усиліяхъ улучшить бытъ восточнаго христіанства.

Итакъ, по мнѣнію *Times*, обезпеченіе мира Европы сильною „полиціей“ Пруссіи должно увѣковѣчить противоестественный порядокъ на Востокѣ, подчиняющій 14 милліоновъ христіанъ игу 4 милліоновъ магометанъ; исключить вліяніе Россіи и Франціи изъ области Восточнаго вопроса; лишить всякой будущности славянскія племена, и изъ Германіи сдѣлать современемъ 60-милліонную націю въ срединѣ Европы... Въ Лондонѣ разчитываютъ на объединенную Германію и заранѣе оплачиваютъ ожидаемыя отъ ней услуги торжественнымъ заявленіемъ, что въ новой организаціи „всѣхъ членовъ нѣмецкой семьи не можетъ быть допущено никакое иностранное вмѣшательство,“ и поощреніемъ ея домашнихъ стремленій. Ни Франція, ни Пруссія, скоро не рѣшатся ни взяться за оружіе, ни приступить къ разоруженію; а пока они будутъ выжидать и остерегаться другъ друга, „*они разорятся*...“ Впрочемъ „каждый день про„волочки будетъ для Германіи болѣе полезенъ...“

Разсужденія лондонской газеты не лишены интереса, и, пожалуй, иные найдутъ въ нихъ разгадку извѣстныхъ стремленій прусской печати, вполнѣ согласныхъ съ

патріотическими сѣтованіями почтеннаго г. Эйзенмана въ 1848 г.... Думаемъ, что и въ Парижѣ найдутъ интересными лондонскія разсужденія. Но Наполеонъ III, съ самаго начала своего царствованія, избѣгалъ всякаго несогласія съ Англіей и беспрекословно слѣдовалъ ея политикѣ. И вотъ братъ избранника Франціи уже спѣшитъ къ предѣлу своихъ политическихъ странствій, усердно хлопоча и въ Вѣнѣ, и въ Прагѣ, и въ Букарештѣ, и наконецъ въ Стамбулѣ въ пользу соображеній генерала Мольтке, встрѣчающихъ сочувствіе и поддержку въ Англіи и требующихъ для своего успѣха, чтобы вниманіе, дѣятельность и силы Франціи, *хотя бы только изъ приличія*, были отвлечены на юго-восточную окраину Европы....

№ 133.

Москва, 19-го Іюня.

Помѣщая сегодня нашу обычную полугодовую таблицу о состояніи счетовъ государственнаго банка *) мы не можемъ не упомянуть по этому поводу о томъ явленіи русскаго денежнаго рынка, которое, при теперешней распространенности процентныхъ бумагъ, безъ сомнѣнія, уже обратило на себя общее вниманіе публики. Мы разумѣемъ чрезвычайное вздорожаніе этихъ бумагъ, напоминающее отчасти лихорадку конца пятидесятыхъ годовъ. Параллельно происходитъ другое явленіе соотвѣтственнаго свойства: учетный процентъ понижается, то-есть дешевѣетъ свободный капиталъ. Онъ ищетъ помѣщенія и поднимаетъ цѣну бумагъ, на которыя обмѣнивается. Какая же тому причина? Давно ли свободный капиталъ былъ такъ дорогъ у насъ, что за 10% трудно было учесть самый вѣрный вексель? Неужели мы вдругъ сдѣлались такъ богаты капиталами, что они могутъ дешевѣть у насъ быстрѣе чѣмъ въ средоточіяхъ капиталовъ, въ Англіи, Германіи и Франціи? Да и можетъ ли накопленіе капиталовъ происходить даже въ самой бережливой и богатой странѣ съ тою быстротой, какую мы видимъ у насъ въ возвышеніи цѣны процентныхъ бумагъ? Думаемъ, что никто не будетъ отвѣчать на эти вопросы утвердительно, и что даже приверженцы ассигнаціонной системы, желающіе размноженія кредитныхъ билетовъ, согласятся, что причиной тутъ избытокъ не въ капиталахъ, а въ денежныхъ знакахъ. Количество кредитныхъ билетовъ дѣйствительно возрасло. Въ 1865 году, который вообще отличался правильностью банковаго дѣла, обращалось кредитныхъ билетовъ (вмѣстѣ съ тѣми кои находились въ кассахъ банка и его конторѣ) не болѣе 650 милліоновъ. Въ іюнѣ прошлаго года ихъ обращалось уже на 38 милліоновъ больше, а въ нынѣшнемъ іюнѣ обращается кредитныхъ билетовъ:

а) выпущенныхъ на основаніи Высочайшихъ указовъ	691.879.760 р.
б) выпущенныхъ безъ Высочайшихъ указовъ.	26.000.000 „
Итого. . .	717.879.760 р.

то-есть на 67 милліоновъ больше противъ 1865 года и на 29 милліоновъ больше противъ прошлаго года. Вотъ почему понижается учетъ и дорожаютъ процентныя бумаги; вотъ почему возрастаетъ и дороговизна, тяготѣющая теперь преимущественно надъ недостачными классами населенія: здѣсь въ Москвѣ стóитъ теперь не менѣе 4 р. въ мѣсяцъ то самое содержаніе рабочаго, которое въ прошломъ году обходилось 3 руб.

Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* такъ много говорено о вредныхъ послѣдствіяхъ избытка бумажныхъ денегъ, причиняющаго колебанія цѣнности того самаго орудія, коимъ измѣряется цѣнность всѣхъ другихъ предметовъ купли и продажи, что повторять многократно сказанное было бы тягостно. На этотъ разъ мы ограничимся указаніемъ на ту невыгоду теперешняго порядка вещей, которая должна броситься въ глаза даже человѣку предубѣжденному въ его пользу и нерасположенному внимать доводамъ политической экономіи, по необходимости всегда болѣе или менѣе теоретическимъ. Въ указаніи, которое мы намѣрены сдѣлать, голосъ теоріи вовсе не будетъ слышенъ; оно имѣетъ предметомъ своимъ невыгоду несомнѣнную и осязательную. Вздорожаніе процентныхъ

---

*) №№ 102 и 244 1864 г., №№ 96 и 248 1865 г., №№ 102 и 244 1866 г. и №№ 134 и 268 1867 г. Кромѣ того въ № 244 1866 г. помѣщены сравнительные результаты баланса государственнаго банка за три года начиная съ декабря 1863 г. по ноябрь 1866 г.

бумагъ на нашемъ денежномъ рынкѣ привлекаетъ ихъ къ намъ изъ-за границы. Ближайшая къ намъ берлинская биржа, еще такъ недавно управлявшая петербургскою, теперь послушно слѣдуетъ ея котировкамъ; это значитъ, что на берлинской биржѣ скупаются русскія процентныя бумаги по приказамъ изъ Петербурга. То же самое, хотя въ меньшихъ размѣрахъ, происходитъ и на другихъ иностранныхъ биржахъ. Чѣмъ дороже русскія процентныя бумаги въ Петербургѣ, тѣмъ дороже и тѣ цѣны, по которымъ онѣ покупаются для Петербурга за границей. Что же оказывается въ результатѣ? По неимѣнію капиталовъ у себя дома, мы заключили въ послѣдніе годы длинный рядъ государственныхъ и желѣзнодорожныхъ займовъ при содѣйствіи иностранныхъ банкировъ. Условія были довольно тяжелыя. Цѣна, по которой мы помѣщали въ послѣднее время свои гарантированныя правительствомъ бумаги за границей, была около 10% ниже прежней обычной цѣны. По столь же низкой цѣнѣ мы и теперь продолжаемъ заключать за границей свои займы для сооруженія желѣзныхъ дорогъ, и надобно согласиться, что при реализаціи значительныхъ капиталовъ намъ и нельзя обойдтись безъ содѣйствія иностранныхъ банкировъ. Но теперь вотъ что происходитъ: только что заемъ заключенъ, какъ петербургская биржа начинаетъ требовать вновь выпущенныя бумаги и гонитъ въ гору цѣну ихъ. Бумаги выпускаются за границей по низкой цѣнѣ, и вырученный за нихъ по этой низкой цѣнѣ капиталъ переводится въ Россію, но тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ возникаетъ въ Россіи спросъ на нововыпущенную бумагу, вслѣдствіе чего она дорожаетъ и уже по этой новой высокой цѣнѣ начинаетъ поступать на русскій рынокъ, который переводитъ за нее соотвѣтствующій капиталъ за границу, приплачивая разность, достающуюся въ пользу тѣхъ нашихъ иностранныхъ кредиторовъ, у кого мы скупаемъ свои бумаги. Всякій видитъ какъ разорительна должна быть для страны подобная операція. Потеря тутъ двойная: вопервыхъ платить дорого за вещь, которую мы сами же недавно продали да и теперь продолжаемъ продавать дешево, значитъ терпѣть очевидный убытокъ; вовторыхъ, именно теперь, когда предъ нами столько необходимыхъ предпріятій, вовсе не время намъ переводить только что занятые нами за границей капиталы обратно за границу.

Скажутъ: тутъ виновата публика, ея неразчетливость, ея неразуміе; вольно же ей бросаться безъ толку на процентныя бумаги и доводить ихъ до безумной цѣны. На дѣлѣ тутъ нѣтъ однакоже никакого неразумія со стороны публики. Имѣя въ рукахъ кредитные билеты, она хочетъ помѣстить ихъ и вѣрно разчитываетъ, что помѣстить ихъ за какой-нибудь процентъ выгоднѣе чѣмъ держать ихъ безъ движенія и слѣдовательно не получать съ нихъ никакого дохода. Точно также поступаетъ всякая публика, и такой образъ дѣйствій именно теперь оказался на пониженіи учетнаго процента за границей. Разница только та, что тамъ это есть признакъ дѣйсвительнаго избытка свободныхъ капиталовъ, а у насъ признакъ избытка въ денежныхъ знакахъ. Аналогію къ нашему ходу дѣлъ мы можемъ найдти, впрочемъ, въ Австріи, какъ читатели видѣли изъ помѣщенной во вчерашнемъ № *Московскихъ Вѣдомостей* вѣнской биржевой корреспонденціи. Одинакія причины, одинакія слѣдствія.

Но если публика невиновата въ разорительномъ для страны направленіи денежныхъ оборотовъ, то кто-нибудь долженъ же быть его виновникомъ. Оно находится въ связи, какъ сказано выше съ пониженіемъ учетнаго процента, а изъ опыта многихъ лѣтъ извѣстно, что учетный процентъ въ Россіи совершенно зависитъ отъ государственнаго банка. Онъ и теперь понижается, потому что его понижаетъ государственный банкъ. Нельзя видѣть это безъ прискорбія: понижая учетный процентъ, государственный банкъ самъ содѣйствуетъ развитію того убыточнаго для страны явленія, на которое теперь обращены глаза всѣхъ. Ровно годъ тому назадъ государственному банку было разрѣшено произвести подъ накопившіеся въ его кассахъ билеты государственнаго казначейства, временный выпускъ кредитныхъ билетовъ, въ совокупности не болѣе 35 милліоновъ рублей, и съ тѣмъ чтобы пока эти временно-выпущенные билеты не возвратятся въ банкъ и не будутъ погашены, учетный процентъ не былъ понижаемъ далѣе извѣстной нормы. На основаніи этого разрѣшенія было выпущено до 1-го декабря 1867 года кредитныхъ билетовъ на 23.706.368 руб. Изъ помѣщенной выше

таблицы видно, что эта сумма въ декабрѣ и январѣ оставалась безъ измѣненія, къ марту возрасла до 25.897.804 руб., и къ 1-му апрѣля совершенно исчезла со счетовъ банка. Какъ же это произошло? Въ Высочайшемъ повелѣніи, на основаніи коего производились эти временные выпуски, сказано, что *по мѣрѣ обратнаго поступленія въ банкъ выпускаемыхъ на вышеизложенномъ основаніи кредитныхъ билетовъ*, банкъ долженъ *извлекать ихъ немедленно изъ обращенія*. Спрашивается, извлекъ ли банкъ изъ обращенія тѣ 25.897.804. р., которые значились выпущенными къ 1-му марта, а къ 1-му апрѣля исчезли со счетовъ? Нѣтъ. Изъ тѣхъ же счетовъ видно, что къ 1-му марта было въ обращеніи кредитныхъ билетовъ:

а) выпущенныхъ на основаніи прежнихъ указовъ.	657.495.912 р.
б) выпущенныхъ на основаніи новаго указа.	25.897.804 р.
в) Выпущенныхъ безъ Высочайшихъ указовъ (на такъ-называемое подкрѣпленіе конторъ и отдѣленій).	33.000.000 р.
Итого. .	716.393.716 р.

А къ 1-му апрѣля кредитныхъ билетовъ обращалось:

а) выпущенныхъ на основаніи прежнихъ указовъ.	691.878.532 р.
в) выпущенныхъ безъ Высочайшихъ указовъ.	30.000.000 р.
Итого	721.878.532 р.

Итакъ, кредитные билеты не только не были извлечены изъ обращенія, а напротивъ даже вновь выпущены, хотя по счетамъ и значится изъятою изъ обращенія вся сумма въ 25.897.804 руб. Какъ же это случилось?

Читателямъ извѣстно, что съ 1-го августа прошлаго года государственный банкъ сталъ принимать золото и серебро по опредѣленной на кредитные билеты цѣнѣ, и что эта операція приняла весьма серіозные размѣры. Съ 1-го октября прошлаго года въ отчетахъ банка показывается, сколько въ оборотной кассѣ его состоитъ поступившаго такимъ образомъ металла. Мы узнаемъ, что въ ней состояло золотомъ и серебромъ (въ русской и иностранной монетѣ и слиткахъ):

Къ 1-му	апрѣля	1867 г. . .	10.801.351	руб.
„ „	ноября	1867 г. . .	17.210.401	„
„ „	декабря	1867 г. . .	25.293.783	„
„ „	января	1868 . . .	27.881.728	„
„ „	февраля	1868 г. . .	35.849.460	„
„ „	марта	1868	44.112 185	„

Но къ 1-му апрѣля количество драгоцѣнныхъ металловъ, состоящихъ въ оборотной кассѣ банка, вдругъ понизилось до 9.406.135 р. Убавка равняется 34.706.050 р. Куда дѣвалась эта сумма? Счеты показываютъ, что банкъ передалъ ее въ размѣнную кассу кредитныхъ билетовъ. Въ этой кассѣ значилось металла къ 1-му марта 60.164.394 р., а къ 1-му апрѣля 94.547.028 руб.; прибавка равняется 34.382.634, что почти совпадаетъ съ убавкой металла по оборотной кассѣ. Итакъ произошло перечисленіе металла изъ оборотной кассы банка въ размѣнную, и оно-то есть центральный пунктъ занимающаго насъ дѣла. Передавъ 34 милліона металла размѣнной кассѣ, банкъ получилъ право на общемъ основаніи, выпустить соотвѣтствующее количество кредитныхъ билетовъ, что́ онъ и сдѣлалъ. Къ 1-му марта значилось кредитныхъ билетовъ, выпущенныхъ на основаніи прежнихъ указовъ, 657.495.912, а къ 1-му апрѣля подъ тою же рубрикой значится 691.878.532 рублей. Прибавка 34.382.620. Получивъ эти 34 милліона, банкъ погасилъ ими:

а) выпущенные подъ обезпеченіе билетовъ государственнаго казначейства (серій)	25.897.804
б) изъ кредитныхъ билетовъ выпущенныхъ для подкрѣпленія конторъ и отдѣленій	3.000.000
Итого	28.897.804

Затѣмъ изъ 34.382.620 р. еще осталось въ распоряженіи банка около 5.484,830, коими и увеличилось количество кредитныхъ билетовъ находящихся въ обращеніи. Вотъ какъ могло случиться, что извлеченіе 25 милліоновъ кредитныхъ билетовъ изъ обращенія сопровождалось не сокращеніемъ, а расширеніемъ его.

Формально, нѣтъ сомнѣнія, все это правильно. Но если обратить вниманіе на сущность дѣла, то оно представится совершенно въ иномъ видѣ. Посредствомъ упомянутой выше операціи по пріему звонкой монеты за кредитные билеты банкъ собралъ въ своей оборотной кассѣ значительную массу металла. Что онъ передалъ извѣстную часть этой массы изъ своей оборотной кассы въ размѣнную кассу и получилъ соотвѣтственное количество кредитныхъ билетовъ, это совершенно правильно. Но возникаетъ вопросъ о томъ, какъ употребилъ банкъ полученные этимъ способомъ кредитные билеты. Получивъ

въ свое распоряженіе 34 милліона кредитныхъ билетовъ, онъ долженъ былъ покрыть ими, какъ онъ и сдѣлалъ, временные выпуски кредитныхъ билетовъ, но эти выпуски были двухъ сортовъ: одни кредитные билеты были выпущены на основаніи Высочайшаго указа подъ обезпеченіе билетовъ государственнаго казначейства; такихъ было къ 1-му марта 25.897.804 р.; эти были выпущены хотя условно и временно, но правильно; напротивъ, другіе кредитные билеты, также временно выпущенные банкомъ, находятся въ публичномъ обращеніи безъ всякаго законнаго основанія, и такихъ обращалось къ 1-му марта еще больше, именно 33 мил. руб. Не ясное ли дѣло, что приступая къ погашенію временныхъ выпусковъ, банкъ долженъ былъ начать съ тѣхъ, кои менѣе правильны и коихъ погашеніе должно быть особенно желательно банку, ибо онъ не можетъ не сознавать ихъ ненормальности и не чувствовать возлагаемой ими на него отвѣтственности? Лишь послѣ того какъ счеты банка были бы очищены отъ статьи, производящей столь тягостное впечатлѣніе, можно было бы приступить къ погашенію другаго разряда выпусковъ, произведенныхъ тоже на время, но въ силу законнаго полномочія. Таковъ былъ, очевидно, правильный путь, предлежавшій банку; вступая на этотъ путь, банкъ показалъ бы что онъ озабоченъ легальностью своихъ дѣйствій. Но въ такомъ случаѣ статья II (А) осталась бы еще нѣсколько времени въ счетахъ банка, и пришлось бы повременить пониженіемъ учетнаго процента, а это въ свою очередь отозвалось бы благопріятно на денежномъ рынкѣ. При высокомъ банковомъ учетѣ было бы невозможно то чрезмѣрное повышеніе курса процентныхъ бумагъ, которое сгоняетъ ихъ теперь со всей Европы въ Россію, выгоняя изъ Россіи капиталы, съ такими пожертвованіями только что привлеченные изъ-за границы.

Акціонерную лихорадку конца пятидесятыхъ годовъ основательно приписывали тогдашнему пониженію банковаго процента и обвиняли въ ней управленіе кредитными установленіями. Нынѣ кредитныя установленія преобразованы; ликвидація прежнихъ казенныхъ банковъ, такъ дорого стоившая, совершилась. Неужели тѣмъ не менѣе суждено повториться теперь прежней исторіи, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ? Тогда казенные банки выгоняли накопившіеся въ нихъ вклады посредствомъ пониженія банковаго процента. Теперь оборотная касса государственнаго банка, повидимому, также обремонена избыткомъ наличности и старается сбыть ее подъ залогъ государственныхъ бумагъ и учетъ векселей, для чего понижаетъ учетный процентъ. Безпристрастный наблюдатель долженъ сказать, что теперешняя политика банка еще хуже прежней: тогда избытокъ состоялъ изъ вкладовъ, по которымъ кредитныя установленія обязаны были платить проценты; теперешній же избытокъ наличности происходитъ отъ того, что банкъ самъ выпустилъ, и притомъ безъ законнаго полномочія, значительную массу кредитныхъ билетовъ, за которые, онъ никакихъ процентовъ не платитъ. Прежняго извиненія теперь не существуетъ, и если банкъ не хочетъ подвергаться совершенно справедливымъ сѣтованіямъ, онъ долженъ употреблять свободную наличность не на расширеніе своихъ операцій посредствомъ пониженія учетнаго процента, а на погашеніе выпусковъ, сдѣланныхъ имъ на такъ-называемое подкрѣпленіе конторъ и отдѣленій.

Считаемъ нужнымъ прибавить, что управленіе государственнаго банка повидимому сознаетъ эту обязанность. Понижая учетный процентъ, оно заботится и объ извлеченіи помянутыхъ неправильно выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ—насколько это возможно при пониженіи учетнаго процента, которое затрудняетъ эту операцію. Къ 1-му марта неправильно выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ (статья III пассива) состояло 33 милліона; къ 1-му іюня ихъ значится уже только 26 милліоновъ, слѣдовательно погашено семь милліоновъ. Этому нельзя не порадоваться, но, какъ сказано, пока эта статья III не исчезла вовсе со счетовъ банка, до тѣхъ поръ понижать учетный процентъ отнюдь не слѣдовало. Пусть бы сокращался портфель банка; отъ этого, при теперешнемъ положеніи денежнаго рынка, ничего кромѣ пользы произойдти не могло.

№ 134.

Москва, 20-го іюня.

Главное Общество возраждается; Общество Ярославской желѣзной дороги при-

ступаетъ къ доведенію своей линіи до ея цѣли. Что будетъ съ третьею линіей, ровесницей этихъ двухъ, съ линіей Саратовскою? Увы, Общество Московско-Саратовской желѣзной дороги возстановлено быть не можетъ. Рязань отдѣлена отъ Саратова Козловскою дорогой, принадлежащею другой компаніи, и къ тому же эта послѣдняя дорога успѣла пустить отъ себя столько ростковъ, что вопросъ о Саратовской дорогѣ представляется теперь совершенно въ иномъ видѣ чѣмъ какъ представлялся прежде, когда не были построены дороги Моршанская и Воронежская и не было мысли о дорогѣ Грязе-Борисоглѣбской, нынѣ уже разрѣшенной и, кажется, начавшей строиться. Въ настоящее время имѣются въ виду три линіи, направленныя къ средней и нижней Волгѣ: линія отъ Ряжска на Моршанскъ, Пензу и Сызрань до Самары, а затѣмъ когда-нибудь имѣющая протянуться и до Оренбурга; линія отъ Тамбова на Саратовъ, и линія отъ Козлова на Грязи и Борисоглѣбскъ, до Камышина. Неужели желательно, неужели по силамъ государства одновременное сооруженіе всѣхъ этихъ трехъ линій въ одномъ углу Россіи, когда существеннѣйшіе интересы требуютъ усиленной стройки дорогъ на западѣ, ибо безъ нихъ и востокъ благоденствовать не можетъ? Неужели необходимы теперь же шесть желѣзныхъ дорогъ къ Волгѣ (три упомянутыя, Ярославская, Рыбинская и Нижегородская), когда нѣтъ дороги къ Либавѣ и когда Москва, средоточіе русскихъ желѣзныхъ дорогъ, не соединена прямымъ путемъ ни съ Варшавой, ни съ Вильной, ни съ Ригой? Благоразуміе требуетъ равномѣрности и послѣдовательности въ развитіи желѣзнодорожной сѣти, и изъ имѣющихся въ виду трехъ линій къ средней и нижней Волгѣ необходимо сдѣлать безпристрастный выборъ въ общемъ государственномъ интересѣ. Взглянемъ же на эти три линіи. Первая изъ нихъ есть продолженіе уже существующей Ряжско-Моршанской дороги, примыкающей въ Ряжскѣ къ линіи Рязанско-Козловской и чрезъ нее къ Москвѣ и Петербургу; вторая должна служить той же самой цѣли и есть также продолженіе недавно разрѣшенной дороги, но гораздо меньшей чѣмъ Моршанская,— дороги Козловско-Тамбовской; наконецъ третья линія должна быть конечнымъ участкомъ пути, начинающагося у Риги и соединяющаго, въ своемъ юговосточномъ направленіи, Динабургъ, Витебскъ, Смоленскъ, Орелъ, Елецъ, станцію Грязи (на Козловско-Воронежской дорогѣ), Борисоглѣбскъ и Камышинъ; участокъ отъ Риги до Витебска давно уже готовъ; отъ Витебска до Орла будетъ конченъ въ нынѣшнемъ году; отъ Орла до Ельца разрѣшенъ къ постройкѣ; отъ Ельца до Грязей достраивается, и отъ Грязей до Борисоглѣбска начинаетъ строиться. Такимъ образомъ Саратовская линія, отъ Козлова чрезъ Тамбовъ до Саратова, является конкуррентомъ строящихся, и отчасти уже выстроенныхъ двухъ линій, идущихъ параллельно съ нею въ недальнемъ отъ нея разстояніи и гарантированныхъ правительствомъ или земствами разныхъ губерній. Самарская линія не можетъ сдѣлать того, что можетъ Камышинская, которая въ свою очередь не можетъ исполнить задачи, лежащей на линіи Самарской, хотя и гораздо важнѣе ея; но бо́льшая часть того, что ожидается отъ Саратовской линіи, уже будетъ достигнуто этими двумя линіями. Нельзя не сознаться, что это положеніе сильно уменьшаетъ шансы Саратовской линіи на осуществленіе. Естественно возникаетъ вопросъ, не выгоднѣе ли было бы Саратову отказаться отъ линіи на Тамбовъ, которая къ тому же представляетъ до Аткарска много техническихъ трудностей, и избрать какой-нибудь другой пунктъ желѣзно-дорожной сѣти, чтобы примкнуть къ нему съ меньшими издержками и съ большею выгодою для государства. Мы никогда не были партизанами Моршанской линіи; мы и теперь считаемъ, что построеніе ея есть ошибка. Но эта линія построена, и притомъ съ казенною гарантіей. Чѣмъ очевиднѣе малодоходность Моршанской линіи, тѣмъ необходимѣе продолжать ее. Моршанская линія сама по себѣ ничтожна, но превратившись въ Самарскую, она свяжетъ центръ Россіи и столицы кратчайшимъ путемъ съ ея отдаленнымъ востокомъ и средними частями Волги. Во всякомъ случаѣ необходимо продолжить ее до Пензы. Съ другой стороны уже разрѣшенъ къ постройкѣ участокъ отъ Грязей до Борисоглѣбска; это также совершившійся фактъ, и нельзя не видѣть, что экономическіе интересы требуютъ продолженія этой линіи до Камышина; тогда она соединитъ Рижскій портъ и сѣверо-западъ Россіи съ низовьями Волги и съ благодат-

ными степями южныхъ частей Саратовской губерніи и сѣверныхъ частей Земли Войска Донскаго, приблизитъ районъ цѣнныхъ сортовъ пшеницы, каспійскаго и нижневоложскаго рыболовства и Элтонское соляное озеро къ бѣдствующему сѣверо-западу и облегчитъ передвиженіе оттуда рабочихъ рукъ къ нуждающимся въ нихъ юго-восточнымъ степямъ. Въ чемъ же будетъ заключаться тогда роль средней Тамбовско-Саратовской линіи? Проходя отъ сосѣднихъ параллельныхъ линій на разстояніи 70 или 100 верстъ и суживая такимъ образомъ площадь ихъ и своего собственнаго вліянія, она не удовлетворитъ ни одной изъ тѣхъ цѣлей, которымъ должны служить упомянутыя двѣ дороги, требующія продолженія уже въ видахъ обезпеченія дохода существующихъ линій, гарантированныхъ правительствомъ. Саратовская дорога проектировалась въ то время, когда еще не могло быть широкихъ видовъ на будущее распространеніе руской желѣзно-дорожной сѣти; теперь позволительно предусматривать продолженіе рельсовыхъ путей до азіатскихъ предѣловъ. Съ той точки зрѣнія Саратовская линія не можетъ считаться однимъ изъ основныхъ звеньевъ сѣти будущихъ желѣзныхъ дорогъ Россіи; она не связжетъ центра Россіи съ отдаленнымъ востокомъ, она должна остановиться въ Саратовѣ, или же идти дальше параллельно водяному пути; въ этомъ отношеніи она уступаетъ и линіи Самарской, и линіи Камышинской. Сравнительно съ этою послѣднею, она едва ли выдержитъ безпристрастную критику и съ точки зрѣнія ближайшихъ потребностей: она удалитъ на сто верстъ сѣверо-западъ Россіи отъ плодородныхъ юго-восточныхъ степей, а соль и рыбу низовьевъ Волги и Каспійскаго моря заставитъ идти лишнихъ 250 или 300 верстъ; наконецъ, проходя по сѣвернымъ частямъ уѣздовъ Тамбовскваго и Саратовскаго, чрезъ уѣзды Кирсановскій, Сердобскій и Аткарскій, она оставитъ въ сторонѣ тѣ плодоносныя степи южныхъ частей первыхъ двухъ уѣздовъ и сѣверныхъ округовъ земли Войска Донскаго, которыя производятъ въ изобиліи лучшіе сорты пшеницы, содержатъ огромное скотоводство и нуждаются въ массѣ рабочихъ рукъ. Таково нынѣ обще-государственное значеніе Тамбовско-Саратовской дороги. Но и какъ линія мѣстная, она не будетъ приносить теперь особенной пользы. Она захватитъ на своемъ пути лишь маловажные города, въ родѣ Аткарска или Кирсанова. Учредители Борисоглѣбской желѣзной дороги высчитываютъ, что площадь вліянія Саратовской дороги пройдетъ по такимъ мѣстностямъ, гдѣ найдется только 64 селенія съ двумя и болѣе тысячами жителей, вмѣсто 141 на Камышинской линіи, и въ нихъ всего около 195.000 населенія, вмѣсто 494.000 на Камышинской линіи. Съ значеніемъ мѣстной дороги несогласно и то, что Саратовская дорога была бы одною изъ самыхъ дорогихъ русскихъ линій: стоимостью сооруженія она не уступила бы дорогамъ Главнаго Общества. Наконецъ ея доходность должна сильно пострадать отъ конкурренціи съ линіями почти параллельными, стѣсняющими ея районъ. Чѣмъ же можно бы оправдать сооруженіе такой, очевидно не выгодной, линіи? Только тѣмъ, что она идетъ къ Саратову, городу считающему до 85.000 жителей. Но въ такомъ случаѣ не слѣдуетъ ли поискать средствъ достигнуть этой цѣли другимъ путемъ!

Саратовъ пріобрѣлъ значеніе, вопервыхъ, какъ административный пунктъ, самый ранній на низовьѣ Волги, гдѣ прежде утвердилась безопасность и куда поэтому раньше привлеклось населеніе; затѣмъ Саратовъ есть крайпяя пристань на Волгѣ, которой, въ прежнее время, при отсутствіи пароходства, успѣвали достигать поздніе низовые грузы до закрытія навигаціи и откуда, раньше чѣмъ отъ городовъ болѣе южныхъ, устанавливается зимній путь. Поэтому въ Саратовѣ образовалось складочное мѣсто для грузовъ, приходящихъ туда съ низовья Волги и выжидающихъ перваго зимняго пути. Но съ развитіемъ пароходства на Волгѣ это значеніе Саратова ослабѣло; паровою буксировкой низовые грузы успѣваютъ до закрытія навигаціи, доходить уже не до Саратова, а до Самары, Казани и Нижняго. Если же устроится желѣзная дорога, соединающая низовья Волги съ балтійскими портами, то низовымъ грузамъ, разумѣется, выгоднѣе будетъ направляться на желѣзную дорогу не изъ Саратова, а изъ тѣхъ пунктовъ, которые лежатъ ближе къ мѣстамъ ихъ производства, то-есть ближе къ устью Волги и сѣвернымъ окраинамъ Земли Войска Донскаго. Камышинъ лежитъ на 220 верстъ ближе Саратова къ

району нижневолжскаго и каспійскаго рыболовства и на 200 верстъ ближе къ Элтону, что также чрезвычайно важно. Наконецъ весьма выгодно будетъ нижневолжскимъ грузамъ идти камышинскою линіей и потому, что она можетъ вести ихъ и къ петербургскому, и къ рижскому портамъ. Уже теперь, при существованіи собственно только двухъ путей ведущихъ съ юго-востока къ Москвѣ и Петербургу,— одного отъ Нижняго и другаго отъ Козлова, Моршанска и Воронежа, Николаевская дорога загромождена грузами, да и Рязанская встрѣчаетъ не мало затрудненій въ передвиженіи всѣхъ направляющихся по ней къ Петербургу тяжестей. Затѣмъ на ту же Николаевскую дорогу должны направиться грузы Южной дороги и продолженія Моршанской линіи на Пензу, Сызрань, и т. д. Благоразумно ли направлять исключительно на тотъ же самый путь къ къ Петербургу еще громадную массу грузовъ, ожидаемыхъ съ низовьевъ Волги, съ Каспійскаго моря и донскихъ степей, и притомъ грузовъ громоздскихъ и малоцѣнныхъ, требующихъ огромнаго количества подвижнаго состава? Очевидно, что имъ надо открыть и другой исходъ, а такой исходъ открываетъ имъ линія направляющаяся отъ Риги чрезъ Динабургъ, Витебскъ, Орелъ, Елецъ, Борисоглѣбскъ до Камышина. Это будетъ кратчайшій путь между юго-востокомъ и сѣверо-западомъ, между Каспійскимъ и Балтійскимъ морями, соединяющій конечные пункты, гдѣ навигація продолжается дольше, гдѣ на пути встрѣчаются самыя крайнія противоположности между богатствомъ и бѣдностью почвы, между требованіемъ на трудъ и изобиліемъ незанятыхъ рабочихъ рукъ.

Саратовъ есть городъ возрастающій; ему предстоитъ обильная надеждами будущность. Но еще обильнѣе надеждами будущность всего волжскаго низовья, и было бы неправильно утверждать, что она сосредоточивается въ судьбахъ одного Саратова. Что же изъ этого слѣдуетъ? Если потребности волжскаго низовья не могутъ быть удовлетворены одною дорогой изъ Тамбова въ Саратовъ, если Тамбовско-Саратовская линія была бы по техническимъ трудностямъ сооруженія слишкомъ дорога, а по близости къ другимъ параллельнымъ линіямъ малодоходна, и если въ то же время соединеніе Саратова съ общей сѣтью русскихъ желѣзныхъ дорогъ весьма желательно, то остается одно раціональное средство согласить и удовлетворить всѣ интересы—вѣтвь къ одной изъ этихъ линій, не конкуррирующая съ ними, а къ нимъ примыкающая и ихъ питающая. Мы полагаемъ, что этого требуютъ и интересы саратовскаго земства, желающаго строить Саратовскую дорогу за своею гарантіей. Тамбовско-Саратовская дорога могла бы быть доходна лишь въ томъ случаѣ, если бы не было вблизи ея другихъ параллельныхъ дорогъ, но эти дороги рано или поздно будутъ. Въ какомъ же положеніи очутится земство, если ему будутъ предстоять ежегодныя приплаты по гарантіи безъ видовъ на ихъ прекращеніе? Не будетъ ли для него разорительна такая приплата? Не возропщутъ ли плательщики земскаго сбора? Высота его не отзовется ли тяжко на мѣстномъ землевладѣніи и земледѣліи?

Гарантія земства есть дѣло у насъ новое, требующее тѣмъ большей осторожности чѣмъ оно можетъ оказаться полезнѣе въ послѣдствіи. Уже теперь, по поводу рѣшимости саратовскаго земскаго собранія принять гарантію предполагаемой имъ линіи на себя, то-есть на земство, слышатся неблагопріятные толки. Говорятъ, что земское собраніе не имѣетъ права возлагать на земство тягость гарантіи, и спрашиваютъ, кто даетъ гарантію, члены ли земскаго собранія, обязаннаго завѣдывать исполненіемъ извѣстныхъ повинностей и имѣющаго вслѣдствіе того право облагать извѣстными сборами имущества, находящіяся въ предѣлахъ его вѣдомства, или сами владѣльцы этихъ имуществъ. Правительство, говорятъ, не допуститъ безпредѣльнаго обложенія крестьянскихъ земель, а тѣмъ паче земель казенныхъ и удѣльныхъ, какъ оно не допустило безпредѣльнаго обложенія торговыхъ свидѣтельствъ. А если такъ, то въ правѣ ли большинство собранія состоящаго не изъ однихъ представителей личной собственности, облагать безпредѣльнымъ сборомъ имущества личныхъ собственниковъ, безъ согласія каждаго изъ нихъ порознь? Нельзя отрицать, что этотъ вопросъ указываетъ на слабую сторону нашего земскаго устройства, лишающаго земскія собранія возможности дѣйствовать также свободно, какъ напримѣръ могутъ дѣйствовать городскія думы. Но мы полагаемъ, что вопросъ о составѣ земскихъ собраній и о системѣ

земскаго обложенія, самъ по себѣ весьма важный, не долженъ быть препятствіемъ къ участію земства въ такомъ дѣлѣ, которое всего болѣе можетъ поднять его значеніе, а слѣдовательно повести и къ благопріятному рѣшенію того кореннаго вопроса. Весьма желательно, чтобы благородная потребность гражданской дѣятельности, обнаруженная членами многихъ земскихъ собраній по разнымъ дѣламъ, въ томъ числѣ и по желѣзно-дорожному, находила для себя свободное поприще и чтобы заботы *о пользахъ и нуждахъ*, и о *содѣйствіи производительности своей мѣстности* не поникали въ безсиліи предъ задачами, особенно важными и для отдѣльныхъ мѣстностей, и для цѣлаго государства. Сомнѣніе въ правѣ земскихъ собраній постановлять приговоры о гарантіяхъ основано на недоразумѣніи. Эти приговоры въ такой же мѣрѣ законны и обязательны, въ какой законны и обязательны, напримѣръ, займы, заключаемые департаментами во Франціи. Желѣзно-дорожныя концессіи разсматриваются у насъ высшими государственными инстанціями и утверждаются Высочайшею властью. Если въ такой Высочайше утвержденной концессіи будетъ сказано, что земство принимаетъ на себя гарантію по такой-то желѣзной дорогѣ и въ такой-то мѣрѣ, согласно приговору такого-то губернскаго или уѣзднаго земскаго собранія, то этимъ самымъ будетъ сказано, что означенный приговоръ утвержденъ, что онъ имѣетъ обязательную силу, и что подписывающіеся на облигаціи могутъ ему вѣрить. Точно также и во Франціи подобные приговоры департаментскихъ собраній получаютъ обязательную силу лишь по законодательномъ утвержденіи ихъ. Вопросъ о правѣ земскихъ собраній постановлять приговоры этого рода представляетъ гораздо менѣе затрудненій чѣмъ вопросъ о платежныхъ средствахъ земства, при теперешнемъ порядкѣ раскладки. Въ виду этихъ-то послѣднихъ затрудненій весьма важно, чтобы земскія собранія давали гарантіи лишь по линіямъ доходнымъ, и не зарывались, пускаясь на слишкомъ обширныя и рискованныя предпріятія, которыя могутъ въ послѣдствіи подорвать популярность земства въ самой средѣ его. Намъ кажется, что Тамбовско-Саратовская принадлежитъ къ такимъ рискованнымъ предпріятіямъ, и что интересы земства требуютъ предпочесть ей одну изъ вѣтвей или на Пензу, или на Борисоглѣбскъ, которая окажется нужнѣе и обойдется дешевле, а слѣдовательно будетъ и доходнѣе.

№ 135.

Москва, 21-го Іюня.

На Востокѣ совершился въ тихомолку фактъ, который можетъ повлечь за собой глубокій соціальный переворотъ въ Турціи. Тюльерійскій кабинетъ добился отъ Порты уступки, въ которой турецкое правительство до сихъ поръ постоянно отказывало и которая рано или поздно измѣнитъ всѣ условія быта Оттоманской имперіи. Французскій посолъ и также, какъ дополняетъ полученная нами константинопольская телеграмма, шведскій посланникъ подписали предложенный Портою протоколъ, на основаніи коего она представляетъ иностранцамъ право владѣнія недвижимою собственностію въ Турціи.

Самый текстъ этого протокола еще не обнародованъ, и намъ не извѣстны подробности этой важной сдѣлки. Но каковы бы ни были эти условія, надобно думать, что ими не отмѣняется сущность прежнихъ капитуляцій, въ силу коихъ иностранцы, живущіе въ Турціи, не подчиняются турецкимъ судамъ, хотя до сихъ поръ Порта и настаивала на отмѣнѣ этихъ преимуществъ.

Французское правительство давно уже имѣетъ въ виду ту цѣль, которая такимъ образомъ достигнута имъ теперь. На конгрессѣ 1856 года оно успѣло включить въ знаменитый гатти-гумаюнъ, надѣлавшій такъ много шума и оказавшій такъ мало пользы, слѣдующую статью: „Такъ какъ „законы, коими назначенъ порядокъ по„купки, продажи и пользованія недвижи„мою собственностію, одинаково распро„страняются на всѣхъ подданныхъ моей „имперіи, то можно будетъ дозволить и „иностранцамъ владѣть поземельною соб„ственностію въ моихъ владѣніяхъ, если „они будутъ повиноваться нашимъ законамъ „и полицейскимъ уставамъ, и будутъ не„сти всѣ повинности наравнѣ съ туземца„ми; *разумѣется, послѣ того какъ по се„му предмету будутъ заключены договоры „съ иностранными державами.*“

Уступая въ 1856 году настояніямъ фран-

пузской дипломатіи, Турки приберегли себѣ возможность уклониться отъ исполненія этого обязательства, чему содѣйствовала неопредѣленность и двумысленность изложенія вышеприведенной статьи. Право владѣть собственностію Турки должны были даровать лишь послѣ того какъ по сему предмету будутъ заключены ими договоры „съ иностранными державами." Турецкіе министры, большіе мастера въ искусствѣ откладывать и затягивать дѣла, постарались отдалить эти договоры съ иностранными державами. Съ этою цѣлью условіемъ для дарованія иностранцамъ права владѣть въ Турціи поземельною собственностью они поставили отмѣну капитуляцій, но на это требованіе никто не могъ согласиться. Статья 3-я закона, обнародованнаго Портой въ прошломъ году, гласитъ такъ: „Всякій иностранецъ можетъ воспользоваться выгодами сего закона, какъ „только держава, которой онъ есть под- „данный, согласится на распорядки пред- „ложенные Высокою Портой относительно „пользованія правомъ собственности." Протоколъ, который подписанъ теперь въ Константинополѣ, по всему вѣроятію заключаетъ въ себѣ разъясненіе этого пункта.

Дабы оцѣнить всю важность этой мѣры, надобно бросить взглядъ на теперешнія условія поземельной собственности въ Турціи.

Коранъ гласитъ: „Гдѣ ступалъ своимъ „копытомъ конь истаго правовѣрнаго, тамъ „травѣ не рости." Имѣя въ виду обширность, плодородіе и климатическія выгоды странъ захваченныхъ мусульманами, соображая что страны эти производятъ теперь и что онѣ могли бы производить, еслибы живущія въ нихъ трудолюбивыя населенія были свободны, нельзя не убѣдиться, что „копыта коней истыхъ правовѣрныхъ" добросовѣстно исполнили свою опустошительную миссію. Но въ нынѣшней Турціи есть нѣчто еще болѣе сокрушительное, хотя и не предусмотрѣнное Магометомъ. Это нѣчто есть нынѣшняя Турецкая администрація, то-есть грубое и противуестественное сочетаніе мусульманскихъ идей съ европейскими, не дающее мѣста для правды и подавляющее несчастныя племена, ставшія его жертвами. Поземельная собственность представляетъ въ Турціи зрѣлище самое плачевное. Мусульмане не земледѣльцы, и попеченіе о воздѣлываніи земли предоставляютъ они исключительно христіанскимъ населеніямъ. Дабы избавиться отъ административныхъ притѣсненій, конфискацій и обременительныхъ податей падающихъ на землевладѣніе, сами Турки вынуждены прибѣгать къ уловкѣ, и до сихъ поръ для обезпеченія хоть какого-нибудь дохода съ своихъ недвижимостей, они большею частью дарили ихъ мечетямъ, выговаривая себѣ ежегодную денежную выдачу. Вотъ источникъ огромнаго количества имѣній называемыхъ *вакуфами*, которыя, правда, не платили податей, но управлялись самымъ неразумнымъ и непроизводительнымъ образомъ. Таково было общее положеніе мусульманскихъ землевладѣльцевъ, за исключеніемъ беговъ Босніи, Герцеговины и верхней Албаніи, которые отдавали свои земли въ аренду сельскому люду этихъ провинцій.

Что же касается христіанскихъ подданныхъ султана, то изъ вышесказаннаго легко можно заключить о томъ, каково ихъ положеніе въ этомъ отношеніи. Вопервыхъ, никакая собственность за ними не обезпечена и всякій христіанинъ легко можетъ быть лишенъ собственности, хотя бы имѣлъ на нее самыя несомнѣнныя документальныя права. Достаточно свидѣтельства двухъ мусульманъ, дабы власти признали ихъ единовѣрца законнымъ владѣльцемъ чужой собственности. Поземельный налогъ, десятина съ дохода, чрезвычайныя подати всякаго рода, злоупотребленія при взиманіи податей и притѣсненія властей отягощаютъ сельскій людъ невыносимымъ бременемъ. Обо всемъ этомъ весьма точное понятіе можетъ дать текстъ офиціальнаго документа, обнародованнаго въ англійской *Синей Книгѣ* 1867: „Съ „каждымъ годомъ," сказано въ этомъ документѣ, народъ „болѣе и болѣе бѣднѣетъ „и продаетъ все что у него есть, такъ что „у христіанъ въ провинціяхъ, по большей „части, остаются только лохмотья, которыми они прикрываются, и рогожа, на „которой они спятъ въ своихъ жалкихъ „хижинахъ." (Донесеніе вице-консула Баркера лорду Лайонсу отъ 2-го апрѣля 1867.)

Легко понять, что при такомъ порядкѣ вещей цѣны на землю въ Турціи должны были до крайности упасть. Очевидно также, что европейскіе капиталы рѣкой польются къ такому выгодному помѣщенію, если только иностранные землевладѣльцы будутъ ограждены, прямо или косвенно, отъ произвола и злоупотребленій, хотя бы

для вида они и были подчинены нѣкоторымъ условіямъ магометанскаго законодательства относительно недвижимой собственности, какъ того желаетъ Высокая Порта.

Вотъ какимъ образомъ г. Эмиль де-Жирарденъ въ своей газетѣ *Liberté* оцѣняетъ послѣдствія этого ожидаемаго наплыва иностранныхъ капиталистовъ на Востокѣ: „Въ виду европейскаго труда и капитала Турки будутъ поставлены въ положеніе краснокожаго въ Сѣверной Америкѣ предъ Янки. Турки должны будутъ „*оевропеиться*, или убираться. Если они „не станутъ работать, не будутъ умѣть „что-нибудь дѣлать, что-нибудь предпринять, то долги и изысканія вѣрнѣе спровадятъ ихъ въ Азію чѣмъ всѣ ружья Шасспо. Если эти великія лѣнивцы будутъ „сложа руки смотрѣть на внесенный къ „нимъ европейскій трудъ, если они не станутъ снискивать себѣ пропитаніе въ потѣ лица, то они невозвратно погибнутъ."

Мы полагаемъ, что г. де-Жирарденъ лишь изъ вѣжливости выразился условно. Совершенно справедливо, что Турки очутятся въ томъ положеніи, въ какомъ краснокожіе, что ихъ постигнетъ та же участь какая постигла Индійцевъ въ Америкѣ, что „эти великіе лѣнивцы, не умѣющіе ничего предпринять, уберутся въ Азію:" но все это послѣдствія болѣе или менѣе отдаленныя. Что же касается до ближайшихъ послѣдствій, то ихъ еще легче предвидѣть, и они будутъ слѣдующія: предъ массой иностранцевъ, которые вторгнутся въ Турцію съ капиталами, энергіей и исключительными правами, турецкое правительство падетъ подъ бременемъ ежедневнаго вмѣшательства иностранныхъ пословъ и консуловъ, утратитъ послѣдній остатокъ силы и авторитета, и будетъ вынуждено либо отречься отъ себя, либо рассориться съ своими западными опекунами.

Надобно однако поставить на видъ, что не Россія подала сигналъ къ этому окончательному крушенію исламизма, что не она нанесла этотъ послѣдній неотразимый ударъ цѣлости Оттоманской имперіи, и что въ этомъ случаѣ ей остается позаботиться только о томъ, чтобы не были обезземелены исконные владѣльцы этихъ странъ,— христіанскія населенія европейской Турціи, и чтобы тѣ обезпеченія, которыя завоюютъ себѣ европейскіе переселенцы, достались на долю и туземныхъ христіанъ.

№ 136.

Москва, 22-го Іюня.

Въ послѣднее время, въ разныхъ законодательныхъ собраніяхъ былъ поднимаемъ вопросъ о смертной казни, и вездѣ, въ заключеніе всѣхъ обсужденій, была вновь признана необходимость удержать ее въ уголовномъ кодексѣ. Успѣхи цивилизаціи въ этомъ отношеніи состоятъ въ томъ, чтобы, вопервыхъ, какъ можно болѣе ограничить примѣненіе этой послѣдней кары человѣческаго правосудія, стѣсняя область подлежащихъ ей случаевъ, и вовторыхъ, обставить правосудіе, вынужденное прибѣгать къ ней, всѣми возможными обезпеченіями въ интересѣ общества и человѣколюбія. Какимъ громаднымъ разстояніемъ отдѣляется въ этомъ отношеніи современное общество отъ того порядка вещей, который господствовалъ въ Европѣ за два, за три столѣтія предъ симъ! Изъ уголовныхъ кодексовъ вовсе исчезла цѣлая масса преступленій, которыя бывало возводили тысячи несчастныхъ на костеръ. Въ ту пору внутреннія побужденія не принимались въ разчетъ, а теперь только они собственно и подлежатъ суду, только ими и опредѣляется характеръ дѣянія; страшныя злодѣянія и случайные проступки смѣшивались предъ неразборчивою карающею властію. Воришка на 10 шиллинговъ и закоренѣлый злодѣй шли равно на висѣлицу. Въ настоящее время, въ тѣхъ же самыхъ странахъ, гдѣ все это было, смертная казнь есть событіе рѣдкое и исключительное. Величайшая осторожность и разборчивость присутствуютъ при ея назначеніи. Судья какъ представитель закона, присяжные какъ выраженіе общественной совѣсти, наконецъ въ тѣхъ случаяхъ, когда законъ недоумѣваетъ и совѣсть колеблется, верховное право милости принадлежащее коронѣ, право драгоцѣнное если оно руководствуется разумомъ и не оскорбляетъ ни закона, ни совѣсти, а восполняетъ ихъ,—вотъ при какихъ условіяхъ совершается нынѣ дѣло карающаго правосудія. Справедливымъ считается лишь то возмездіе, которое имѣетъ своею цѣлію удовлетвореніе чистыхъ требованій человѣческой совѣсти, вѣчныхъ и всеобщихъ законовъ нравственнаго порядка; главною цѣлію устрашенія полагается безопасность и огражденіе не только общественныхъ

учрежденій, но человѣческой личности отъ насилій и злодѣяній среди общества. То самое побужденіе, которое предписываетъ величайшую разборчивость и осторожность въ дѣлѣ правосудія, оно же заставляетъ удерживать и смертную казнь для крайнихъ случаевъ; это побужденіе есть уваженіе къ человѣческой личности, потребность охранить и защитить ее. Если жизнь человѣческая ограждается отъ произвола и ошибокъ карающей власти, то въ эту же силу она должна быть обезпечена и отъ злодѣяній въ обществѣ, и общество, проникнутое святыней своихъ обязанностей, не считаетъ себя въ правѣ отнять у правосудія его самое строгое возмездіе, его самую грозную кару.

Не такъ давно, въ одной изъ нашихъ газетъ, съ нѣкоторою запальчивостію былъ также поднятъ вопросъ о смертной казни. Нашъ удѣльный прогрессъ съ гордостію былъ противопоставленъ общему ходу дѣлъ въ историческомъ человѣчествѣ. Между тѣмъ какъ другіе народы удерживаютъ въ своихъ кодексахъ принципъ смертной казни, и лишь по временамъ толкуютъ въ своихъ законодательныхъ собраніяхъ объ отмѣнѣ или смягченіи оного, у насъ-де еще въ прошломъ столѣтіи, самодержавною рукой императрицы Елисаветы, сразу вычеркнута эта кара изъ кодекса, и лишь въ послѣдствіи, весьма недавно, фальшиво внесена въ него снова изъ подражанія Западу, какъ нововведеніе противное нашимъ народнымъ началамъ. Но народныя начала наши во всѣ времена уживались съ самымъ неограниченнымъ примѣненіемъ смертной казни, и въ этомъ отношеніи намъ нечего гордиться предъ „гнилымъ Западомъ." Что же касается до указа императрицы Елисаветы (указъ этотъ, мимоходомъ сказать, не былъ и обнародованъ), то онъ не имѣетъ ничего общаго ни съ какою народностію, а внушенъ побужденіями, быть-можетъ прекрасными въ своихъ источникахъ, но не дѣйствительностію. Дѣло въ томъ, что несмотря на указъ объ отмѣнѣ, смертная казнь удерживалась на практикѣ; дѣло въ томъ, что именно вслѣдствіе мнимой отмѣны удержалась она на дѣлѣ въ формѣ самой грубой и варварской. Мысль, улетучиваясь въ воздушную область, оставляла на практикѣ примѣненіе смертной казни во тьмѣ и дикости. Въ оплату за удовольствіе отречься отъ смертной казни въ идеѣ, пришлось обозлить ее на практикѣ, и вмѣсто простой смертной казни прибѣгать къ *квалифицированной*, ибо битье нещадно кнутомъ, сопровождаемое вырываніемъ ноздрей, весьма обыкновенно влекло смерть истязуемаго. У насъ, говоритъ князь Щербатовъ, писатель жившій во времена Елисаветы и Екатерины, отмѣненъ только легкій видъ смертной казни, повѣшеніе и обезглавленіе, а самый тяжкій, засѣченіе, оставленъ. Правда, въ царствованіе Александра I, вмѣстѣ съ окончательною отмѣной пытки, „нещадное битье" кнутомъ замѣнено опредѣленнымъ количествомъ ударовъ, соотвѣтственно тяжести преступленія, но и затѣмъ эта „торговая казнь" нерѣдко влекла за собою смерть, ибо ея лютость зависѣла не столько отъ количества ударовъ, сколько отъ тѣлосложенія наказуемаго и произвола палача. Помимо этого, смертная казнь не разъ была опредѣляема за политическія преступленія, такъ что законодатель въ 1845 г. только правдиво формулировалъ то что никогда не пресѣкалось на практикѣ. Наконецъ, смертная казнь никогда даже и перомъ не была исключена изъ кодекса воинскаго, какъ высшая кара за нарушеніе воинской дисциплины и другія преступленія, совершаемыя частными людьми въ мѣстахъ объявленныхъ на военномъ положеніи. Правда, въ послѣднее время мы не разъ видѣли осужденія на сравнительно недолгіе сроки каторжной работы такихъ убійцъ, которые во всякой другой странѣ не избѣгли бы высшей кары человѣческаго правосудія. Но не далѣе какъ мѣсяца три тому назадъ, здѣсь, въ Москвѣ, на Ходынскомъ полѣ, разстрѣлянъ былъ человѣкъ, который, какъ положительно доказано на судѣ, виновенъ былъ лишь въ томъ, что подъ гнетомъ страха и изъ дѣтскаго желанія отдалить минуту грозившаго ему тѣлеснаго наказанія, бросился на офицера, противъ котораго лично ничего не имѣлъ, и схватилъ его за погонъ. Законъ, на основаніи коего барабанщикъ Пановъ разстрѣлянъ, не былъ отмѣненъ императрицей Елисаветой и дѣйствовалъ у насъ непрерывно со временъ Петра Великаго.

Итакъ, вопросъ не въ томъ ввести или не ввести у насъ вновь смертную казнь, а въ томъ можемъ ли мы обойтись безъ нея безусловно. Для разрѣшенія же этого вопроса, примѣръ остальной Европы даетъ намъ много поучительныхъ указаній.

Въ наукѣ уголовнаго права этотъ вопросъ разработанъ такъ основательно и обширно какъ рѣдкій другой. Со временъ Беккаріи, вотъ уже болѣе столѣтія, надъ нимъ настойчиво трудились великія мыслители; онъ былъ предметомъ размышленій для богослововъ, криминалистовъ и политиковъ. Труды по этому вопросу составляютъ громадную литературу, и если до сихъ поръ споры не прекратились, то во всякомъ случаѣ никто, знакомый хотя поверхностно съ этимъ предметомъ, не скажетъ, что какая бы то ни было сторона вопроса осталась до сихъ поръ неосвѣщенною.

Недавно въ британскомъ парламентѣ была рѣчь о смертной казни. Между говорившими въ ту и другую сторону былъ извѣстный мыслитель Джонъ Стюартъ Милль, который рѣшительно высказался за необходимость ея удержанія. Помимо спеціальнаго значенія его сужденій и того вниманія, которое заслуживаютъ его вѣскіе доводы, мнѣніе, высказанное по сему случаю этимъ замѣчательнымъ мыслителемъ, доказываетъ еще и то, до какой степени его здоровая страна чужда всякой фразы, отвлеченной односторонности и теоретической рутины, ибо Джонъ Стюартъ Милль, какъ извѣстно, принадлежитъ къ радикальной партіи, которая во всѣхъ странахъ выставляетъ отмѣну смертной казни однимъ изъ своихъ основныхъ догматовъ.

Повторять доводы за и противъ смертной казни здѣсь не мѣсто и нѣтъ надобности. Въ общихъ чертахъ они каждому извѣстны. Безусловное отрицаніе смертной казни стоитъ и падаетъ вмѣстѣ съ безусловными, такъ-называемыми абсолютными ученіями о принципѣ уголовныхъ каръ. Теорія, основанная на устрашеніи, считаетъ смертную казнь безусловно необходимою даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нѣтъ злодѣянія, но гдѣ требуется поддержать дисциплину. Безусловно отвергаютъ ее послѣдователи ученія объ исключительно-исправительной цѣли наказанія, забывая, что страхъ смертной кары есть также исправительное средство, и нерѣдко единственное, потрясающее человѣка въ его нравственныхъ основахъ, и что закоренѣлые злодѣи предъ лицомъ настигшей ихъ кары очищались въ глубинѣ души своей и примирялись съ своею совѣстію. Отвергаютъ ее также тѣ кто, какъ Беккарія и другіе мыслители прошедшаго столѣтія, объясняли искусственно происхожденіе государства изъ общественнаго договора, и отсюда выводили, что гражданинъ не могъ уступить государству такихъ правъ надъ собою, какихъ онъ самъ не имѣетъ, а стало-быть не могъ уступить и права надъ своею жизнью. Послѣдователей такихъ отвлеченныхъ и въ своей отвлеченности исключительныхъ теорій теперь осталось весьма немного, и наука почти единогласно, въ лицѣ своихъ серіозныхъ представителей, пришла къ тому заключенію, что каждая изъ исключительныхъ теорій, возмездія, исправленія, устрашенія, заключаетъ въ себѣ лишь извѣстную сторону истины, и что истина слагается изъ всѣхъ этихъ элементовъ вмѣстѣ взятыхъ. Въ приложеніи къ смертной казни споръ вертится въ настоящее время на томъ, необходима ли она для огражденія человѣка въ обществѣ. Въ обществѣ встрѣчаются такія чудовищныя преступленія, истиннымъ искупленіемъ которыхъ, въ силу вѣчныхъ законовъ, положенныхъ въ совѣсти каждаго человѣка, не исключая и самого преступника, можетъ быть только лишеніе жизни. Справедливость смертной казни, какъ возмездія за за обдуманное убійство, несомнѣнна; точно также не подлежитъ спору, что въ ней представляется законодательству незамѣнимое средство спасительнаго устрашенія, значительно превосходящее свою внутреннюю строгость. Нужна большая доля немыслящаго доктринерства, чтобъ относиться къ вопросу, замкнутому въ эти тѣсные предѣлы, съ тою же нетерпимостью, съ какою относились къ нему криминалисты прошедшаго столѣтія, которымъ предстояла борьба противъ смертной казни какъ ежедневнаго наказанія за самыя разнообразныя преступленія, и когда Жозефъ-де-Местръ ставилъ палача во главѣ общественнаго зданія.

Но если въ общемъ ходѣ цивилизаціи вопросъ о смертной казни приведенъ къ самому точному выраженію, то у насъ, къ сожалѣнію, онъ значительно осложнился вслѣдствіе многихъ аномалій. До 17-го апрѣля 1863 смертная казнь, продолжавшая карать преступленія политическія и противъ военной дисциплины, замѣнялась за другія преступленія кнутомъ, плетьми, шпицрутенами, вырываніемъ ноздрей, клейменіемъ,—истязаніями, которыя были узаконены въ качествѣ прибавочнаго наказанія для лицъ низшихъ сословій. Такое неравенство предъ уголовнымъ закономъ болѣе

возмутительно нежели смертная казнь примѣнимая одинаково ко всѣмъ виновнымъ въ тяжкомъ преступленіи обдуманнаго убійства, ибо тѣлесное наказаніе унижаетъ человѣка до животнаго, тогда какъ смертная казнь получаетъ свое грозное значеніе въ примѣненіи къ человѣку какъ человѣку. Съ 1863 года тѣлесныя наказанія по суду отмѣнены, и въ нашемъ уголовномъ кодексѣ осталась лѣствица наказаній, состоящая исключительно изъ разнообразныхъ видовъ лишенія свободы за всѣ роды преступленій, кромѣ политическихъ. Но именно съ тѣхъ поръ вполнѣ обнаружилось какъ неудовлетворительна и какъ несогласна съ справедливостью классификація преступленій и соотвѣтствующая имъ классификація наказаній по нашему уложенію. Можно спорить противъ смертной казни вообще, можно добиваться ея отмѣны, но невозможно защищать такую систему наказаній, гдѣ смертная казнь допускается въ самыхъ широкихъ размѣрахъ за преступленія политическія и противъ военной дисциплины, но самымъ строгимъ наказаніемъ за самое ужасное убійство или за цѣлый рядъ убійствъ, если только они совершены не надъ родителями и ближайшими родственниками, опредѣляется каторжная работа отъ 15 до 20 лѣтъ. Убійца, осужденный на каторгу и бѣжавшій оттуда, не будетъ казненъ даже въ томъ случаѣ, если затѣмъ убьетъ хотя бы своего отца и мать. Примѣняемая къ нарушеніямъ воинской дисциплины, смертная казнь есть средство устрашенія, а не возмездія по справедливости: въ силу какихъ же соображеній такое устрашеніе въ глазахъ того же законодателя не есть необходимость противъ злодѣевъ и извергов? Тутъ законодательство наше грѣшитъ очевиднымъ противорѣчіемъ. На основаніи какихъ соображеній будемъ мы отстаивать безусловное право на жизнь бѣглаго каторжника совершившаго новое кровавое злодѣяніе? Не на томъ ли, что наше законодательство исключило смертную казнь изъ своего кодекса и тѣмъ якобы далеко опередило прочіе цивилизованные народы Европы? Но тотъ же убійца-каторжникъ, пощаженный даже въ случаѣ пролитія крови своихъ родителей, будетъ по нашимъ же законамъ неминуемо разстрѣлянъ, если во время слѣдованія на мѣсто ссылки онъ замахнется на конвойнаго офицера или смотрителя тюрьмы.

Въ виду такой вопіющей аномаліи, что удивительнаго, если въ послѣднее время административная власть особенно часто находилась вынужденною предавать суду „по полевымъ уголовнымъ законамъ“ преступниковъ оказавшихся виновными въ особенно тяжкихъ преступленіяхъ или почему-либо особенно встревожившихъ общественное спокойствіе? Что мудренаго, если „висѣлица, по фигуральному выраженію газеты *Москва*, стала обходить поочередно грады и веси всей Россійской имперіи“? Но нормальнымъ такое явленіе также признать нельзя. Преданіе полевому военному суду равносильно у насъ предосужденію на смертную казнь, и это тѣмъ менѣе согласно съ строгою справедливостью, что преступникъ при совершеніи преступленія не имѣлъ этого въ виду, и грозный мечъ правосудія не являлся ему вдали какъ спасительное противодѣйствіе преступному побужденію, не говоря уже о томъ, что чѣмъ строже наказаніе, тѣмъ возможнѣе непоправимая ошибка правосудія, тѣмъ совершеннѣе долженъ быть судъ, тѣмъ больше гарантій должно быть предоставляемо подсудимому.

Итакъ, вотъ къ чему привелъ насъ принципъ непримѣненія смертной казни къ преступленіямъ противъ личности человѣческой. „Дѣло не въ практикѣ, а въ принципѣ“, говорятъ намъ, но что такое принципъ внѣ практики? Праздномысліе и фраза. Нѣтъ, несравненно лучше, чтобы смертная казнь вошла въ число наказаній уложенія, съ тѣмъ чтобы примѣненіе ея возможно было лишь по приговору правильнаго суда съ участіемъ присяжныхъ, въ случаѣ непризнанія послѣдними смягчающихъ обстоятельствъ.

Легкость наказанія, по нашему закону, за обдуманное убійство, внѣ всякаго сравненія съ кодексами другихъ государствъ, является еще болѣе несообразною съ требованіями справедливости, если примемъ во вниманіе низшіе разряды преступленій, особливо преступленій противъ собственности, которыя караются у насъ несоразмѣрно, а иногда и чрезчуръ строго. Гуманность требуетъ, чтобы личность человѣка цѣнилась выше имущества.

№ 137.

Москва, 24-го Іюня.

Въ № 129 *Московскихъ Вѣдомостей* перепечатанъ циркуляръ военнаго министра отъ 6-го іюня за № 183 объ учрежденіи при главномъ штабѣ, подъ предсѣдательствомъ начальника его, генералъ-адъютанта графа Ѳ. Л. Гейдена, *комитета по передвиженію войскъ разными дорогами и водою*. Члены этого комитета назначаются изъ генераловъ и офицеровъ генеральнаго штаба, чиновъ вѣдомства путей сообщенія и уполномоченныхъ отъ управленій желѣзныхъ дорогъ и пароходныхъ обществъ. На комитетъ возложено „обсужденіе всѣхъ вопросовъ, относящихся до перевозки войскъ по желѣзнымъ дорогамъ и водой.“ Органами его, для непосредственнаго наблюденія на мѣстѣ за передвиженіемъ военныхъ чиновъ и тяжестей и для приведенія въ исполненіе предположеній и рѣшеній комитета, назначаются на каждомъ изъ существующихъ желѣзныхъ путей особые *завѣдующіе передвиженіемъ войскъ* офицеры генеральнаго штаба, изъ числа штабъ-офицеровъ состоящихъ по порученіямъ при командующихъ войсками и при окружныхъ штабахъ.

Въ послѣднія войны, австро-французскую, американскую и австро-прусскую, желѣзныя дороги, какъ средство для передвиженія войскъ и припасовъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, пріобрѣли столь важное значеніе, что рѣшительное вліяніе ихъ въ будущемъ на ходъ войны становится несомнѣннымъ. Въ компанію 1859 года, на театръ военныхъ дѣйствій перевозились еще только незначительные отряды, какъ напримѣръ корпусъ Канробера (отъ Вогера до Кармле), или десятитысячный австрійскій отрядъ, перевезенный въ десять дней изъ Богеміи въ Италію. Въ американскую войну роль желѣзныхъ дорогъ становится уже гораздо значительнѣе, чему главною причиною было неудовлетворительное состояніе обыкновенныхъ дорогъ въ Сѣверной Америкѣ. Съ перваго же года войны, бдительное вниманіе воюющихъ армій обращается на желѣзныя дороги, и обѣ стороны соперничаютъ въ стараніи приспособлять ихъ къ боевымъ потребностямъ и затруднять противнику пользованіе ими. Съ этою цѣлью, вводятся въ составъ войскъ спеціальные отряды назначенные для постройки и порчи дорогъ; за арміями слѣдуютъ цѣлые обозы съ матеріалами и подвижнымъ составомъ для возстановленія испорченныхъ и даже для проложенія новыхъ путей; наконецъ, правила обороны поѣздовъ отъ нападеній противника вводятся въ тактическое образованіе войскъ. При такихъ условіяхъ, желѣзныя дороги служатъ уже не для однихъ стратегическихъ, но и для тактическихъ условій: напримѣръ, во время Бульронскаго боя цѣлый отрядъ пріѣзжаетъ въ подкрѣпленіе по желѣзной дорогѣ. Въ прусско-австрійскую войну желѣзныя дороги оказываютъ прусской арміи столь же важное пособіе какъ и игольчатыя ружья, доставляя ей возможность быстраго сосредоточенія войскъ на нѣсколькихъ театрахъ военныхъ дѣйствій; на главный театръ въ теченіе трехъ недѣль перевезено по рельсамъ до двухъ сотъ тысячъ человѣкъ, до пятидесяти шести тысячъ коней и свыше пяти тысячъ повозокъ, что̀ составляетъ среднимъ числомъ въ сутки до 10 тысячъ человѣкъ, 2½ тысячъ коней и слишкомъ 100 повозокъ.

Подобныя передвиженія, почти баснословныя, возможны лишь при раціональномъ приспособленіи желѣзныхъ дорогъ къ потребностямъ арміи, а также при условіи, чтобы войска были пріучены пользоваться желѣзными дорогами въ порядкѣ и безъ потери времени. То и другое было въ Пруссіи, какъ извѣстно, предметомъ многолѣтней практической работы. Флигель-адъютантъ Анненковъ, въ своемъ замѣчательномъ, и уже упомянутомъ въ нашей газетѣ трудѣ по этому предмету, приводитъ свидѣтельство одного изъ прусскихъ спеціалистовъ по управленію желѣзными дорогами, что Пруссія 8 или 10 лѣтъ занималась совокупнымъ обученіемъ личнаго состава своихъ желѣзныхъ дорогъ съ войсками, пріучая ихъ дѣйствовать вмѣстѣ *).

Дѣйствительно, въ Пруссіи, еще за нѣсколько лѣтъ до войны, учреждены были центральная и мѣстныя коммиссіи изъ чиновъ отъ войскъ и отъ управленій желѣзныхъ дорогъ. Цѣлью этихъ коммиссій была практическая разработка вопроса о приспособленіи средствъ желѣзныхъ дорогъ къ потребностямъ арміи, безъ нарушенія, конечно, частныхъ или торговыхъ

*) *Военн. Сборн.* 1866 г. № 12, стр. 350.

интересовъ. Коммиссіями сдѣлано было многое что могло бы служить образцомъ и для прочихъ армій; такъ напримѣръ, размѣщеніе войскъ подведено подъ правила, при которыхъ посадка и выгрузка ихъ производится какъ на ученьи, скоро и въ порядкѣ, между тѣмъ какъ при неопытности людей неизбѣжна потеря времени, суета, хлопоты и даже несчастные случаи. Одинъ и тотъ же отрядъ, для усадки и высадки, можетъ употребить и нѣсколько часовъ и нѣсколько минутъ, смотря потому—знакомъ онъ или незнакомъ съ этою операціей, пріучена или не пріучена къ ней администрація желѣзной дороги. По различію въ родѣ войскъ, измѣняются и способы размѣщенія ихъ на поѣзды, и условія требуемыя отъ подвижнаго состава желѣзной дороги: перевозка кавалеріи несравненно сложнѣе перевозки пѣхоты, а артиллеріи еще сложнѣе; вагоны, годные для пѣхоты, не годны для конницы, конные вагоны не годны для орудій и ящиковъ. Въ военное время, когда дорога каждая минута и когда перевозка производится большими массами, подобныя затрудненія были бы непреодолимы безъ предварительныхъ приспособленій.

Перевозка войскъ по желѣзнымъ дорогамъ и водой уже нѣсколько лѣтъ обращаетъ на себя серіозное вниманіе военнаго министерства. Отправленіе значительныхъ партій, въ особенности на Кавказъ, еще съ 1862 года производится подъ наблюденіемъ офицеровъ генеральнаго штаба, командируемыхъ съ этою цѣлью изъ Петербурга. Кромѣ того, отъ министерства назначались довѣренныя лица съ цѣлію изученія нашихъ и заграничныхъ желѣзныхъ дорогъ для военныхъ надобностей. Такъ, въ 1865 году, командированъ былъ генералъ-лейтенантъ Иванинъ, для ознакомленія съ нашими желѣзными дорогами, а флигель-адъютантъ Анненковъ ѣздилъ за границу для изученія тамошнихъ порядковъ. До сихъ поръ у насъ перевозка войскъ производилась плачевнымъ образомъ. Войска перевозились какъ товаръ, слѣдуя напримѣръ отъ Петербурга до Москвы не 19 часовъ, а около двухъ сутокъ; бывали и такіе случаи, что на всемъ этомъ пути людямъ не производилось варки; воздухъ въ вагонахъ, отъ тѣсноты помѣщенія, бывалъ спертъ иногда до такой степени, что по прибытіи партіи оказывалось болѣе или менѣе значительное число заболѣвшихъ, не говоримъ ужъ о случаяхъ отмороженія ногъ, ушей, рукъ и пр. Все это факты весьма недавняго прошлаго....

Упомянутый комитетъ съ его второстепенными органами дастъ, безъ сомнѣнія, новую организацію перевозочной части войскъ и чрезъ то возвыситъ нашу боевую силу, ибо слабая сторона военнаго дѣла у насъ состояла до сихъ поръ не въ численности войскъ, а въ ихъ малоподвижности и въ затрудненіи къ быстрому сосредоточенію ихъ въ данномъ мѣстѣ.

По смыслу приказа военнаго министра, точное обозначеніе круга дѣятельности комитета и его органовъ будетъ опредѣлено особымъ распоряженіемъ. Считаемъ, однако, не лишнимъ теперь же обратить вниманіе на обстоятельство важное столько же для перевозки войскъ въ военное время, сколько и для желѣзно-дорожнаго дѣла.

При быстромъ развитіи у насъ желѣзныхъ дорогъ въ настоящее время, личный составъ прислуги при нихъ (оберъ-кондукторы, машинисты, ихъ помощники и пр.). комплектуется часто изъ иностранцевъ. Есть дороги (Рижско-Динабургская, Динабургско-Витебская), на которыхъ большинство прислуги вовсе не знаетъ русскаго языка, да еще гордится тѣмъ; на Петербургско-Варшавской дорогѣ до 1861 года преобладалъ элементъ польскій, теперь преобладаетъ нѣмецкій; даже на Нижегородской большинство оберъ-кодункторовъ тоже чужаки. Явленіе это тѣмъ страннѣе, что спеціалисты по этой части формируются въ нѣсколько мѣсяцевъ.

Въ военное время, при передвиженіи по рельсамъ войскъ значительными массами, недостатокъ въ оберъ-кондукторахъ и машинистахъ можетъ быть причиной замедленія отправки войскъ. Въ Пруссіи, для предотвращенія этого неудобства, на желѣзныхъ дорогахъ дорогахъ обучались кондукторскому дѣлу въ свободное отъ службы время команды изъ нижнихъ чиновъ, отчего, при наступленіи войны, оказалось возможнымъ цѣлые поѣзды ввѣрять управленію солдатъ взятыхъ изъ фронта.

Усвоеніе этого правила было бы и у насъ дѣломъ весьма полезнымъ. Такъ какъ дислокація наша соображена съ направленіемъ желѣзныхъ дорогъ, то формирова-

ніе на зимнее время командъ для обученія управленію поѣздами (на подобіе командъ учебной, артиллерійской и пр,) не представило бы ни затрудненій, ни расходовъ, а между тѣмъ при этой мѣрѣ у насъ на случай войны подготовлены были бы люди для пополненія недостатка штатной прислуги при желѣзныхъ дорогахъ, въ мирное же время эти люди пріобрѣтали бы, съ выходомъ въ отставку, кусокъ хлѣба, а нашимъ желѣзнымъ дорогамъ доставляли бы въ своемъ лицѣ надежную прислугу. Что мы, въ самомъ дѣлѣ, за Турки, что даже прислугу на желѣзныхъ дорогахъ должны вербовать изъ иностранцевъ? Военному вѣдомству оставалось бы только слѣдить, чтобъ откомандированные нижніе чины дѣйствительно обучались дѣлу, а не употреблялись администраціей желѣзныхъ дорогъ на черныя работы въ должностяхъ кочегаровъ, чистильщиковъ и т. п.

138.

Москва, 25-го іюня.

Въ *Новомъ Времени* напечатана корреспонденція изъ Свенцянъ (Виленской губерніи) о посѣщеніи нынѣшнимъ виленскимъ губернаторомъ, контръ-адмираломъ Шестаковымъ, этого города. Корреспондентъ, съ умиленіемъ разсказывая о томъ, что тамошнимъ предводителемъ дворянства по этому случаю приглашены были многія лица на обѣдъ, данный въ честь губернатора, восторгается перемѣной въ возрѣніяхъ администраціи на помѣщиковъ западнаго края, которые-де „были въ восторгѣ и прямо говорили: сколько лѣтъ уже на насъ смотрѣли какъ на отверженниковъ общества; какъ паріи, мы не могли даже откровенно высказаться“ и пр. „Мѣстные чиновники“ (то-есть русскіе люди призванные властію для возвращенія этого края Россіи), язвительно прибавляетъ корреспондентъ, „особенно участвовавшіе въ пирушкѣ 25-го мая и *не удостоившіеся* быть приглашенными къ обѣду, были очень недовольны новымъ порядкомъ.“ „Дѣло не въ обѣдѣ,“ поучительно заключаетъ корреспондентъ, „а въ возстановленіи гражданскихъ (?) правъ людей, которыхъ у насъ доселѣ отталкивали, надъ которыми нерѣдко смѣялись и наносили *страшныя обиды народному самолюбію*“. Что можетъ быть яснѣе этого?

Новое Время, принявшее на себя роль офиціознаго органа нынѣшней виленской администраціи, оказываетъ ей, надо сказать правду, медвѣжьи услуги. Еслибы кто-нибудь сталъ основывать свои сужденія о положеніи дѣлъ въ сѣверо-западномъ краѣ на отзывахъ этой газеты, тотъ пришелъ бы къ заключенію, что съ марта нынѣшняго года мѣстная администрація употребляетъ всѣ усилія, чтобы разрушить все сдѣланное въ теченіе 1863—1867 годовъ, искусственно возстановить тамъ польское преобладаніе, воскресить угасавшія надежды польскихъ патріотовъ, которые уже начинали припоминать свое русское происхожденіе. Мы согласны, что съ точки зрѣнія *Новаго Времени* достиженіе русскою администраціей этихъ цѣлей можетъ быть и заслуживало бы громкаго одобренія, такъ какъ выхваляемая этою газетой администрація есть тѣмъ не менѣе русская, а не польскій ржондъ, то ей едва ли могутъ нравиться такія откровенности и ликованія.

„Страшныя обиды, наносимыя *народному* самолюбію,“ о которыхъ говоритъ корреспондентъ *Новаго Времени*, заключались бы, по здравой логикѣ, въ признаніи въ сѣверо-западномъ краѣ преобладанія народности чуждой и враждебной мѣстному населенію и государству. Такой обиды народному самолюбію не наносилось во время управленія краемъ графа Муравьева, генерала Кауфмана и графа Баранова. Но такъ какъ, по словамъ корреспондента, обиды эти наносились именно во время управленія трехъ названныхъ главныхъ начальниковъ, то естественно заключить, что рѣчь идетъ тутъ о народности вовсе не русской, а польской. Вотъ, значитъ, какой народности наносились страшныя обиды; вотъ какая народность ликуетъ въ приведенныхъ словахъ свенцянскаго письма, что ея права возстановляются, подъ предлогомъ возстановленія гражданскихъ правъ людей, къ ней себя относящихъ. Корреспондентъ очень откровененъ. Онъ говоритъ, что этихъ людей именно за это прежде и отталкивали, а теперь гладятъ по головкѣ. По его собственному признанію, страшныя обиды наносились не какому-либо иному ихъ самолюбію, а именно ихъ народному, то-есть польскому. Теперь же дѣла пошли иначе, и перемѣна эта не случайная; это „новый порядокъ,“ коимъ въ свою очередь недо-

вольны чиновники, оскорбляемые стало-быть также не въ качествѣ чиновниковъ, а въ своемъ „народномъ самолюбіи.“ Повторяемъ, что можетъ быть яснѣе этого?

Лицемѣріе хуже всего: толками о собственности, о гражданскихъ правахъ напущено много тумана въ вопросѣ о западномъ краѣ; всѣмъ этимъ туманомъ окружено польское „народное самолюбіе,“ требующее признанія и будто бы получающее его отъ новой администраціи сѣверо-западнаго края. Дѣло не въ правахъ землевладѣльца, не въ правахъ гражданина: все это маска, все это ложь. Дѣло въ польской народности, она должна быть уважена- то-есть признана господствующею, ибо иного значенія не можетъ имѣть признаніе польской народности въ западномъ краѣ. „Страшная обида“ была нанесена ей тѣмъ, что западный край былъ провозглашенъ русскимъ краемъ. Вотъ въ чемъ заключалась вина русской администраціи при прежнемъ порядкѣ! Чтобы загладить вину свою русской администраціи одинъ путь: возстановить порядокъ вещей, бывшій предъ 1863 годомъ, то-есть отмѣнить указъ 10-го декабря, отдать мѣстное русское населеніе въ руки пановъ, уничтожить русскія народныя училища, изгнать изъ края остальныхъ русскихъ чиновниковъ, замѣстивъ ихъ Поляками или, что еще хуже, людьми продажными и готовыми на всякія сдѣлки, поставить православное духовенство въ прежнее зависимое отъ польщизны положеніе и подкрѣпить всѣ эти мѣры русскими штыками. Но удовлетворится ли и этимъ *народное самолюбіе?* Предъ 1863 годомъ *патріоты* все это имѣли, и это не помѣшало имъ однако волноваться и бурно требовать въ Каменцѣ, Минскѣ, даже Рогачевѣ, присоединенія западнаго края къ Польшѣ, а вскорѣ затѣмъ возстать съ оружіемъ въ рукахъ. Это тоже принадлежитъ къ тому „новому порядку“, который будто бы водворяется теперь въ сѣверо-западномъ краѣ, и по мнѣнію корреспондента, нашелъ себѣ выраженіе въ свенцянскомъ обѣдѣ.

Сколько мы знаемъ, никогда и ни одно изъ начальствовавшихъ въ западномъ краѣ лицъ не считало своего присутствія гдѣ-либо несовмѣстнымъ съ присутствіемъ тамошнихъ дворянъ потому что они дворяне и землевладѣльцы Нѣкоторые изъ мѣстныхъ дворянъ занимали даже во время возстанія, при графѣ Муравьевѣ, должность предводителя и даже губернскаго. Но ластиться къ людямъ (какого-бы происхожденія и вѣроисповѣданія они ни были), которые еще такъ недавно принимали явное или косвенное участіе въ мятежѣ, безъ всякаго сомнѣнія, неприлично русскому губернатору,—а изъ смысла и тона корреспонденціи напечатанной въ *Новомъ Времени* можно бы заключить, что г. виленскій губернаторъ именно съ такими людьми велъ „одушевленную и вполнѣ откровенную бесѣду,“ ибо одни только эти люди могли сказать про себя, что на нихъ прежде смотрѣли „какъ на отверженниковъ общества“; имъ однимъ только невозможно было „откровенно высказываться“ о своемъ „народномъ“ самолюбіи, имъ однимъ „запрещалось пріѣзжать въ городъ, когда тамъ бывалъ губернаторъ.“ Корреспондентъ *Новаго Времени* рукоплещетъ этому началу „единенія и сближенія“ русской администраціи съ дворянами, которые не хотятъ быть русскими среди русскаго народа, и тѣмъ накидываетъ тѣнь на лицо занимающее столь важное положеніе въ адмнинистраціи края. Честь его, конечно, не можетъ пострадать отъ вздорныхъ намековъ какого-нибудь безъименнаго писаки, но было бы, кажется, не лишнимъ, еслибы *Виленскій Вѣстникъ* сказалъ что-нибудь въ возраженіе *Новому Времени*, которое повидимому хочетъ совсѣмъ замѣнить его собой.

№ 139.

Москва, 26-го Іюня.

Крестовая Газета (отъ 30-го іюня) грозитъ намъ Тевтобургскимъ лѣсомъ. Мы узнаемъ отъ нея, что въ Россіи есть между прочимъ двѣ націи, русская и нѣмецкая, и что русская нація, обманутая своими недостойными вожаками, возмутилась и притѣсняетъ нѣмецкую. По убѣжденію *Крестовой Газеты*, распря эта вскорѣ однако кончится такимъ же пораженіемъ, какое понесли римскіе легіоны Вара въ лѣсахъ древней Германіи. Но гдѣ же „руссоманы“ въ Россіи найдутъ себѣ Тевтобургскій лѣсъ? Кто нанесетъ имъ пораженіе? Искусный корреспондентъ *Крестовой Газеты*, пишущій будто бы изъ южной Германіи, хотя по всему вѣроятію проживающій или въ Берлинѣ, или въ Ригѣ,

имѣетъ безстыдство сказать, что тевтобургское пораженіе, во имя германской національности, нанесетъ Русскому народу самъ Государь Россіи. „Я питаю надежду“, говоритъ корреспондентъ, „что руссоманы скоро въ Quos ego благороднаго Императора найдутъ свой Тевтобургъ, и что русское правительство и высокій царствующій домъ останутся непричастны жатвѣ неправаго посѣва, а благородная русская нація отвернется отъ своихъ соблазнителей....“

Не знаешь чему дивиться: наглости ли притязаній, грубости ли мистификаціи, безстыдству ли разчета на ея успѣхъ? Читая подобныя строки въ нѣмецкихъ органахъ, пользующихся почетною репутаціей, невольно спрашиваешь себя, чѣмъ же все это лучше польскихъ продѣлокъ? Нынѣшнюю Россію и ея правительство эти господа трактуютъ хуже чѣмъ наши старые московскіе князья Золотую Орду. Наши предки, дѣйствуя то хитростью, то силой, отстаивали святое право христіанскаго народа порабощеннаго дикою ордой; а дѣйствующая противъ Россіи, какъ польская, такъ и нѣмецкая интрига, есть ложь не только въ средствахъ, но и въ основаніяхъ своихъ. Это ложь, которая, какъ говорится, на лжи ѣдетъ и ложью погоняетъ. Въ балтійскихъ провинціяхъ никогда не было нѣмецкаго народа, и вотъ отъ русскаго правительства требуется, чтобъ оно продолжало употреблять всѣ зависящіе отъ него способы къ обращенію тамошнихъ разноплеменныхъ населеній въ чисто нѣмецкій народъ, который бы свое отечество видѣлъ въ Германіи.

Но эти руссоманы, которыхъ ожидаетъ пораженіе, эти вожаки Русскаго народа, которые совращаютъ его съ пути, кто же это? *Крестовая Газета* ведетъ рѣчь о попыткахъ, какъ она выражается, ввести русскій языкъ въ присутственныя мѣста прибалтійскихъ губерній. Но всѣмъ извѣстно, что эта мѣра была рѣшена императоромъ Николаемъ еще въ 1850 г., хотя и осталась безо всякаго исполненія. Всѣмъ извѣстно, что въ прошломъ году, на основаніи доклада комитета министровъ, Высочайше повелѣно немедленно привести ее въ исполненіе, хотя, сколько мы знаемъ, она и теперь все-таки остается безъ должнаго исполненія. Наконецъ, всѣмъ памятно царственное слово, сказанное въ Ригѣ также въ прошломъ году,—слово, полагавшее конецъ недостойнымъ прекаканіямъ касательно національности этого края и открывавшее для него новую эру въ обѣщаніи реформъ и нововведеній, столь долго и томительно ожидаемыхъ его бѣдными подавленными населеніями, ежедневно во множествѣ похищаемыми у Россіи. Принадлежность этого края къ „единой Русской семьѣ“ и необходимыя нововведенія во имя гражданственности, народнаго блага и государственной пользы Россіи, вотъ все чего съ русской точки зрѣнія можно пожелать для этого края, и все это сказано съ высоты трона. Гдѣ же тѣ „руссоманы“, которые, по свидѣтельству *Крестовой Газеты*, совращаютъ русское народное чувство? Кто эти вожаки, которыхъ ожидаетъ тевтобургское пораженіе? Никакой честный русскій гражданинъ не имѣетъ иной программы кромѣ той, которая предустановлена въ этомъ дѣлѣ верховнымъ вождемъ Русскаго народа. Точно также всякій честный гражданинъ Россіи не можетъ не скорбѣть, что дѣло столь ясное, столь правое и столь необходимое, непрерывно спотыкается, что мѣры правительства, принимаемыя въ видахъ государственной пользы, остаются безъ исполненія, что слово самого Государя, достойное освободителя милліоновъ, не только не оказываетъ должнаго дѣйствія, но подаетъ поводъ къ новымъ болѣе чѣмъ когда-либо недобросовѣстнымъ прекаканіямъ и проискамъ.

Несравненно болѣе, чѣмъ грубое лицемѣріе *Крестовой Газеты*, нравится намъ откровенное нахальство другой нѣмецкой газеты, изъ которой мы воспроизводимъ сегодня весьма поучительную статейку, гдѣ французскій Альзасъ сравнивается съ нашими балтійскими провинціями. *Allgemeine Zeitung* справедливо утверждаетъ, что германская національность не можетъ имѣть никакихъ притязаній на Альзасъ, хотя эта страна есть искони нѣмецкая и заселена кореннымъ нѣмецкимъ народомъ. Почему? Потому что французское правительство, владѣя этою страной, ничѣмъ не отличало ея отъ самой Франціи и чрезъ администрацію, равно какъ и чрезъ школу, водворило въ ней господство французскаго языка. Вслѣдствіе этого, какъ авторъ статьи свидѣтельствуетъ, „сами Альзасцы не хотятъ принадлежать къ Германіи, а напротивъ хотятъ быть хорошими Французами...“ Совсѣмъ иное прибалтійскія губерніи принадлежащія Россіи. Если Альзасъ нельзя

считать нѣмецкою землей, то на эти провинціи Германія и можетъ и должна предъявлять свои права. Почему тамъ не можетъ, а тутъ можетъ? „Потому что жители Альзаса, хотя они и нѣмецкаго племени, не „желаютъ быть Нѣмцами, а желаютъ и хотятъ остаться Французами.“ Что же касается до Нѣмцевъ балтійскихъ, то они не хотятъ быть Русскими, и если въ русской службѣ встрѣчаются лица нѣмецкаго происхожденія, которыхъ можно назвать „хорошими Русскими“, то они происходятъ-де большею частію не изъ Балтійскихъ губерній. Авторъ, впрочемъ, не отрицаетъ, что и изъ Балтійскихъ губерній выходили люди, которые отличались полною преданностію своему великому отечеству и стало-быть были „хорошими Русскими“, но такіе люди, по его свидѣтельству, считаются будто бы въ балтійскихъ кругахъ за измѣнниковъ (такъ напримѣръ, къ числу этихъ измѣнниковъ Германіи и хорошихъ Русскихъ авторъ статьи относитъ русскаго посла въ Англіи, барона Бруннова), и это лишь исключенія, которыхъ нельзя принимать въ разчетъ. „Развѣ нѣтъ въ самой средѣ Германіи многихъ людей съ превратными понятіями;... которые находятъ, что Россія имѣетъ будущность?... Мало ли было Шлезвигъ-Гольштейнцевъ, и дворянъ и горожанъ, которые въ борьбѣ съ Германіей держали сторону Датчанъ? Но изъ-за этихъ измѣнниковъ никто не можетъ назвать Шлезвигъ-Гольштейнцевъ дурными Нѣмцами.“ Балтійскіе Нѣмцы, находясь на службѣ Россіи, по убѣжденію автора, прежде всего руководствуются своимъ общегерманскимъ и *лифляндскимъ* патріотизмомъ, хотя бы то было въ ущербъ Россіи, которую они не хотятъ признавать своимъ отечествомъ, и которой они никогда не могутъ быть искренно преданы. Но почему же это? Авторъ безъ церемоніи разъясняетъ причину. „Нѣмцы въ Балтійскомъ краѣ составляютъ меньшинство „живущее въ средѣ чуждыхъ имъ племенъ; „но тѣмъ не менѣе тамъ господствуетъ нѣмецкій языкъ. Русскіе чиновники вынуждены тамъ говорить понѣмецки.... Извѣстно, какое неудовольствіе во всемъ „краѣ произвелъ въ прошломъ году императорскій указъ, которымъ было повелѣно установить дѣлопроизводство во „всѣхъ коронныхъ присутственныхъ мѣстахъ трехъ провинцій на русскомъ языкѣ, а въ гимназіяхъ производить на немъ „же преподаваніе исторіи. Какую противоположность“, продолжаетъ словоохотливый авторъ, „представляетъ въ этомъ отношеніи Альзасъ! Здѣсь населеніе не разноплеменное, а сплошное нѣмецкое. Ему „предстояло только хранить свой родной „языкъ противъ французскаго“ (а не навязывать его другимъ племенамъ). „Дѣлаетъ ли оно это? Ну да.... безъ всякаго „сомнѣнія, въ Альзасѣ еще говорятъ по-нѣмецки, но только въ томъ размѣрѣ въ „какомъ въ Балтійскихъ провинціяхъ говорятъ по-латышски и по-эстски. Французъ пріѣзжающій въ Альзасъ или Лотарингію никогда не испытываетъ затрудненія по незнанію нѣмецкаго языка; тутъ „каждый житель усиливается говорить съ „нимъ по-французски, хотя французскіе „звуки часто и не очень изящно выходятъ „изъ нѣмецкихъ устъ. Въ обществѣ здѣшнихъ крестьянъ Французъ также услышитъ свой языкъ. Само собою разумѣется, что офиціальный языкъ во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ Альзаса отъ высшихъ до низшихъ есть французскій. Нѣсколько лѣтъ назадъ, когда по распоряженію правительства былъ отмѣненъ и послѣдній остатокъ преподаванія въ народныхъ школахъ на нѣмецкомъ языкѣ, то-есть преподаваніе закона Божія, противъ „этого входили съ представленіями нѣкоторыя духовныя лица, но ихъ представленія не были приняты во вниманіе, потому что народъ вообще остался къ этому равнодушенъ“ (а въ Балтійскихъ губерніяхъ Латыши и Эсты только и ждутъ того, чтобы ихъ избавили отъ обязательности нѣмецкаго языка и открыли бы имъ доступъ къ высшему образованію посредствомъ языка ихъ великаго отечества, съ которымъ связаны всѣ ихъ интересы).... За нѣсколько лѣтъ предъ симъ, довершаетъ авторъ эту характеристику, между альзасскими протестантами возникли богословскія пренія; пренія эти происходили не на нѣмецкомъ языкѣ, а на французскомъ языкѣ католическаго народа.

Весьма естественно, что тотъ превратный порядокъ вещей, который господствуетъ въ Балтійскихъ губерніяхъ, даетъ соотвѣтственные себѣ плоды. Между тѣмъ какъ въ Лотарингіи и Альзасѣ коренной нѣмецкій народъ сдѣлался живою частью французскаго, въ балтійскихъ провинціяхъ русскимъ правительствомъ предоставляется господство чужой народности, ей порабо-

щаются населенія, не имѣющія съ нею ничего общаго, люди воспитываются въ ненависти и презрѣніи къ Россіи и возбуждаются фальшивыя притязанія на этотъ край, которыя съ каждымъ днемъ однако пріобрѣтаютъ все болѣе основанія, по мѣрѣ успѣховъ германизаціи и съ возрастающею увѣренностію, что русское правительство не можетъ или не хочетъ измѣнить въ этомъ краѣ столь противоестественный порядокъ вещей.

Безцеремонный публицистъ *Аугсбургской Газеты*, поддразнивая русское правительство, ссылается на капитуляціи Петра Великаго, которыми будто бы ограничиваются права Россіи на эти провинціи. Впрочемъ, что̀ мудренаго, если иностранная газета позволяетъ себѣ ставить эти провинціи въ условныя отношенія къ Россіи и возводитъ ихъ въ международный вопросъ, когда то же самое, еще съ большею дерзостію, высказывалось въ балтійской печати и въ тѣхъ измѣнническихъ листкахъ, которые издаются за границею лифляндскимъ выходцемъ Бокомъ, листкахъ, играющихъ такую же роль по отношенію къ этимъ провинціямъ, какую нѣкогда игралъ *Колоколъ* по отношенію къ Россіи вообще?

Пора положить конецъ какимъ-то особымъ правамъ, на которыхъ будто бы должно основываться отчужденіе балтійскаго края отъ Россіи. Во-первыхъ, Курляндія не была предметомъ никакихъ капитуляцій, и еслибы капитуляціи Петра Великаго еще что-нибудь значили, то онѣ отнюдь не касаются этой значительной части Балтійскаго поморья. Во-вторыхъ, капитуляціи Петра Великаго, относящіяся къ Лифляндіи и Эстляндіи, совсѣмъ не имѣютъ того значенія, какое имъ приписывается. Протекло около полутораста лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ эти области, составлявшія издревле принадлежность Россіи, возвратились подъ ея власть. Съ тѣхъ поръ, и Россія и самый край этотъ измѣнились. Петръ Великій имѣлъ предъ собой лишь малочисленное сословіе господъ владѣвшихъ одною шестою долей того края, между тѣмъ какъ пять шестыхъ принадлежали казнѣ; населенія этихъ областей, по тогдашнему своему положенію и понятіямъ, которыя въ то время господствовали, не принимались въ разчетъ. Народъ былъ на степени безсловеснаго скота. Много времени протекло съ тѣхъ поръ. Какъ ни туго шли дѣла въ этомъ краѣ, все-таки подвигались они, уступая требованіямъ времени. Изъ-за дворянскаго ландтага и рижскаго и ревельскаго магистратовъ показались, наконецъ, на свѣтъ мѣстныя населенія, вышедшія изъ крѣпостной неволи и получившія нѣкоторое гражданское значеніе. Съ другой стороны, значительная часть казенныхъ земель роздана частнымъ лицамъ чрезъ пожалованіе, и огромное большинство теперешняго такъ-называемаго рыцарства владѣетъ имѣніями вслѣдствіе милостей и распоряженій русскаго правительства, не имѣющихъ ничего общаго съ капитуляціями. Что̀ имѣло какой-либо смыслъ во времена Петра Великаго, то въ настоящее время является лишеннымъ всякой силы и значенія. Для того чтобы по прошествіи полутораста лѣтъ заключенныя имъ капитуляціи удерживали по крайней мѣрѣ формальное юридическое значеніе, надобно было бы, чтобы субъектъ, къ которому они относятся, оставался тѣмъ же самымъ чѣмъ онъ былъ тогда. Наконецъ, слѣдовавшіе за Петромъ Великимъ русскіе государи не упускали торжественно заявлять, что условія заключающіяся въ капитуляціяхъ будутъ терпимы лишь дотолѣ, пока они не противорѣчатъ общимъ учрежденіямъ Имперіи и ея интересамъ.

Никогда право не было такъ несомнѣнно и чисто, какъ право русскаго правительства на совершеніе необходимыхъ въ Балтійскомъ краѣ преобразованій. Здѣсь самая очевидная государственная необходимость совпадаетъ съ требованіями гражданственности и народнаго блага. Дѣйствовать въ обратномъ смыслѣ, или что̀ то же, оставлять дѣла какъ есть, значило бы оскорблять разумъ, нарушать справедливость, вредить государству и затруднять будущность Россіи. Вопреки ложнымъ показаніямъ, всѣ реформы, которыя требуются въ этомъ краѣ интересомъ его населеній и благомъ Россіи, могутъ быть приведены въ исполненіе безъ всякихъ серіозныхъ затрудненій и съ полнымъ успѣхомъ, лишь бы только было приступлено къ нимъ съ твердою рѣшимостью. Затрудненія и препятствія могутъ происходить только отъ колебанія и разномыслія въ самомъ правительствѣ. Ничего не можетъ быть вреднѣе какъ попытки, спотыкающіяся на первыхъ шагахъ, и слова власти, не сопровождаемыя дѣйствіемъ. Лучше не начинать нежели не доходить до конца или обращаться вспять. Но если теперь русское правитель-

ство не имѣетъ предъ собой иныхъ препятствій кромѣ мнимыхъ, и иныхъ затрудненій кромѣ собственной тѣни, то въ послѣдствіи оно будетъ встрѣчаться съ препятствіями дѣйствительными, съ затрудненіями, отъ него не зависящими. Отсрочки не облегчаютъ дѣла. Съ каждымъ днемъ задачи правительства будутъ становиться запутаннѣе и труднѣе. Наступитъ день, и онъ уже близокъ, когда разумъ и справедливость будутъ не на сторонѣ правительства, а противъ него. Поддерживая противоестественный порядокъ вещей въ этомъ краѣ и порабощая его населенія чужой народности, мы уже не будемъ имѣть права требовать отъ нихъ, чтобъ они признавали своимъ отечествомъ Россію и оставались ей вѣрны...

№ 140.

Москва, 27-го Іюня.

Г. смоленскій губернскій предводитель дворянства, который, въ качествѣ предсѣдателя смоленской губернской земской управы и въ силу особыхъ данныхъ губернскимъ земствомъ ему совмѣстно съ нѣсколькими другими лицами полномочій, ведетъ дѣло Московско-Смоленской желѣзной дороги, доставилъ намъ помѣщаемое ниже „Объясненіе,“ вызванное газетными нападками на дѣятельность смоленскихъ земскихъ учрежденій по продовольствію тамошнихъ крестьянъ и открытію земляныхъ работъ на тамошней будущей желѣзной дорогѣ. Печатаемъ это „Объясненіе“ тѣмъ охотнѣе, что въ немъ сообщаются неизвѣстныя публикѣ, весьма интересныя свѣдѣнія, какъ о мѣрахъ принятыхъ въ Смоленской губерніи по продовольствію, такъ и объ устройствѣ первыхъ работъ по Московско-Смоленской желѣзной дорогѣ. Оба эти вопроса такъ важны, что мы считаемъ не лишнимъ дополнить данныя, заключающіяся въ „Объясненіи“ С. С. Иванова, нѣкоторыми имѣющимися у насъ свѣдѣніями.

Начнемъ съ замѣчанія о способѣ исполненія подобныхъ мѣръ посредствомъ земскихъ учрежденій. Хорошъ ли этотъ способъ? Въ какомъ отношеніи находится онъ къ прежнему бюрократическому? Его новость можетъ вести къ заключеніямъ, которыя полезно предупредить. Нерѣдко случается, слышать по поводу гласнаго суда, сѣтованія на распложеніе преступленій: только, говорятъ, и слышно, что о злодѣяніяхъ; становится жутко жить среди общественнаго быта, до такой степени испорченнаго и распущеннаго. Между тѣмъ въ дѣйствительности совершается у насъ преступленій не больше, а меньше чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и что особенно важно, никакъ не больше чѣмъ совершалось у насъ же прежде. Разница только та, что прежде судъ былъ тайный, и слѣдствіе также тайное; до публики не доходило то что дѣлалось въ судѣ; до суда не всегда доходило то, что подлежало слѣдствію. Теперь же все на виду, и вотъ почему публикѣ то и дѣло достается читать и слышать о преступленіяхъ. Въ томъ-то и заключается успѣхъ, что публика часто слышитъ о преступленіяхъ. Точно то же слѣдуетъ сказать и о земскихъ учрежденіяхъ. Изъ того, что ими дѣлаются промахи, что ихъ распоряженія сопровождаются иногда неудачами, отнюдь не слѣдуетъ, чтобы прежде, когда публика ничего не узнавала о неудачахъ и промахахъ администраціи, дѣла шли лучше теперешняго. Есть основаніе полагать, что въ дѣйствительности было наоборотъ. Въ каждомъ трудномъ дѣлѣ неизбѣжны и ошибки, и непредвидѣнныя неудачи, и можно быть довольну, если онѣ происходятъ не отъ безпечности и если къ нимъ не присоединяются злоупотребленія. По мѣрамъ о продовольствіи крестьянъ земскія учрежденія подлежатъ гораздо болѣе серіозной отвѣтственности чѣмъ та, какой могли бы подлежать чиновники. Относительно земскихъ учрежденій, администрація не имѣетъ побужденій къ снисходительности и покрывательству; недовольные изъ мѣстной публики могутъ свободнѣе жаловаться и сѣтовать; наконецъ, духъ партій пользуется всякою неудачей, чтобъ изъ мухи сдѣлать слона. Въ Смоленской губерніи къ этимъ полезнымъ для дѣла трудностямъ земской дѣятельности присоединилась, какъ мы узнаемъ изъ „Объясненія“ г. Иванова, еще и тикана. Нашлись люди, которые распускали между крестьянами фальшивые слухи, сбивавшіе ихъ съ толку: крестьяне, ожидая обѣщаннаго слухами преувеличеннаго денежнаго пособія, отказывались отъ припасеннаго для нихъ хлѣба, и нѣкоторыя изъ земскихъ управъ напились вынужденными продавать закупленный хлѣбъ торговцамъ. Въ то же время, поставщики

хлѣба не вездѣ соблюдали сроки доставки; гдѣ хлѣба не было, тамъ слышались громкія жалобы на недоставленіе обѣщаннаго хлѣба, изъ чего слѣдуетъ, что народъ, отказывавшійся въ другихъ мѣстахъ принимать хлѣбъ, былъ жертвой обмана, которому трудно пріискать имя.

Примѣры прежнихъ голодныхъ годовъ говорятъ рѣшительно противъ системы выдачи пособій въ видѣ ссуды деньгами или хлѣбомъ. Какъ нельзя болѣе обыковеннымъ дѣломъ бывало, что пособія выдавались по миновании въ нихъ надобности, напримѣръ зерно, назначавшееся для обсѣмененія полей, поступало въ раздачу когда уже было поздно засѣвать поля. Но въ прежнее время эти пособія только числились на крестьянахъ, въ дѣйствительности же поступали въ пользу помѣщика, который въ замѣнъ того самъ помогалъ крестьянамъ какъ зналъ, и этимъ облегчалось удовлетвореніе вопіющихъ потребностей. Теперь главная трудность положенія состоитъ именно въ отсутствіи этого пособляющаго крестьянамъ вмѣшательства помѣщика, и если принять эту трудность въ соображеніе, то нельзя не признать, что въ нынѣшній голодный годъ дѣйствія земскихъ учрежденій по продовольствію были сравнительно весьма успѣшны. Въ большей части Смоленской губерніи помощь по обсѣмененію яроваго поля поспѣла своевременно, а равно въ большей части губерніи и собственно-продовольственное пособіе было оказано на столько во-время, что рѣзкіе случаи бѣдствія были предотвращены, хотя въ нѣскольких уѣздахъ и чувствовался недостатокъ въ хлѣбѣ. Но тутъ оказались два неблагопріятныя обстоятельства: вопервыхъ, въ нѣкоторыхъ уѣздахъ былъ невѣрно вычисленъ дефицитъ средствъ продовольствія, за что отвѣтственность не можетъ падать на земскія учрежденія, такъ какъ они были обязаны руководиться данными разысканій, произведенныхъ бюрократическимъ порядкомъ подъ вѣдѣніемъ тайнаго совѣтника Анисимова; вовторыхъ закупленный хлѣбъ не былъ доставленъ въ срокъ: такъ, напримѣръ, въ Оршу ожидались весной 50 тысячъ пудовъ ржи для сѣверо-западныхъ уѣздовъ губерніи, а доставлено было до половины іюня не болѣе 7 тысячъ пудовъ; во Ржевъ слѣдовало доставить 15 тысячъ четвертей ржи, купленной по пониженной цѣнѣ отъ коммиссіи доставленія пособій, но и этотъ хлѣбъ не прибылъ во время. Пришлось покупать хлѣбъ у торговцевъ, которые между тѣмъ не заботились о пополненіи своихъ запасовъ, зная что будетъ доставленъ хлѣбъ закупленный въ видахъ вспоможенія нуждающимся. Такъ произошло, что цѣны хлѣба значительно возрасли въ тѣхъ уѣздахъ, куда опредѣленное количество его, заготовленное въ видахъ пособій, не было доставлено поставщиками. Тутъ нѣтъ ничего удивительнаго; во всемъ этомъ слѣдуетъ видѣть лишь одно изъ новыхъ доказательствъ той экономической истины, что въ окончательномъ результатѣ правильная хлѣбная торговля оказывается все-таки самымъ вѣрнымъ и самымъ дешевымъ обезпеченіемъ продовольствія. Лишь бы пораженная голодомъ губернія могла добыть тѣмъ или другимъ путемъ нужное количество средствъ для покупки хлѣба, а хлѣбная торговля уже сама озаботится, чтобы хлѣбъ былъ вездѣ, гдѣ есть средства покупать его.

Мы приходимъ такимъ образомъ къ вопросу, какимъ путемъ всего выгоднѣе доставлять мѣстности пораженной голодомъ нужныя средства для закупки хлѣба. Представляются два пути: ссуды и заработки. Какъ извѣстно, экономисты высказываются противъ ссудъ. Они обыкновенно указываютъ на то, что ссуды подрываютъ энергію населеній и не всегда находятъ наиболѣе нуждающагося. У насъ при общинномъ бытѣ и питаемомъ имъ чувствѣ равенства, выдача ссудъ особенно неудобна. Дѣло клонится обыкновенно къ тому, чтобы ссуды дѣлились поровну между нуждающимися, и не нуждающимися, и въ видахъ равенства пріемъ ссудъ не рѣдко дѣлается обязательнымъ для всѣхъ членовъ одного и того же сельскаго общества. Съ другой стороны, крѣпостное право оставило по себѣ, какъ одно изъ своихъ наслѣдій, беззаботность крестьянства о будущемъ, — недостатокъ который слѣдуетъ устранять, а не развивать; ссуды же несомнѣнно развиваютъ его. Наконецъ борьба съ нуждой ведется тѣмъ успѣшнѣе чѣмъ бодрѣе нуждающіе трудятся. Когда земля дала меньше обыкновеннаго, то равновѣсіе можетъ быть сколько-нибудь возстановлено усиленнымъ трудомъ и приливомъ капиталовъ. Выдача ссудъ напротивъ дѣлаетъ возможнымъ обойдтись не только безъ усиленнаго тру-

да, но и вовсе безъ труда. Результатомъ этого должно быть, что въ тотъ самый годъ когда земля произвела мало цѣнностей, трудъ человѣка производитъ ихъ также меньше обыкновеннаго. Что можетъ быть слѣдствіемъ того какъ не обѣдненіе населеній? Но ссуды выдаются не безвозвратно. Наступитъ время, когда нужно будетъ возвратить ихъ; и тогда окажется недочетъ произведенныхъ за голодный годъ цѣнностей во всей своей силѣ. Вотъ почему ссуды могутъ быть допускаемы лишь какъ одно изъ помогательныхъ средствъ при другихъ способахъ поддержки нуждающихся населеній, а главнымъ и самымъ надежнымъ изъ этихъ другихъ способовъ должно быть признано доставленіе заработковъ. Оно поддерживаетъ и вызываетъ бодрость, оно усиливаетъ трудъ и создаетъ новыя цѣнности; оно увеличиваетъ денежныя средства населеній, не обременяя ихъ долгами, наконецъ привлекаетъ въ пораженную голодомъ мѣстность капиталы, — словомъ снабжаетъ ее всѣми тѣми элементами, коими единственно и можетъ быть восполненъ недочетъ отъ упавшей производительности земли. Система доставленія заработковъ была бы совершеннѣйшимъ средствомъ борьбы съ голодомъ, еслибъ не имѣла своихъ важныхъ недостатковъ, заключающихся преимущественно въ невозможности пріискивать заработки равномѣрно доступные нуждающимся и въ то же время дѣйствительно производительные. Тотъ смоленскій корреспондентъ, который напечаталъ въ *Голосѣ* свои нападки на земскія учрежденія Смоленской губерніи и высказалъ сѣтованіе о томъ, что нуждающимся жителямъ этой губерніи предлагается вмѣсто хлѣба тяжкая работа на желѣзной дорогѣ, повидимому, вовсе не подозрѣваетъ, что именно тѣ заработки, которые онъ порицаетъ, отличаются замѣчательнымъ, исключительно-благопріятнымъ стеченіемъ условій, нигдѣ въ другихъ мѣстахъ не встрѣчающимся. Со одной стороны, мы имѣемъ работу несомнѣнно производительную,—построеніе желѣзной дороги, нужной для цѣлаго государства, а для мѣстности, по которой пройдетъ, имѣющей силу вопроса о жизни или смерти. Съ другой стороны—мѣстность, жители которой занимаются преимущественно земляными работами и ходятъ исполнять ихъ во всѣ концы Россіи. Какого можно желать болѣе благопріятнаго стеченія условій? Нигдѣ система заработковъ не можетъ быть примѣнена съ большею выгодой чѣмъ въ Смоленской губерніи къ построенію желѣзной дороги. Указанные выше недостатки этой системы въ данномъ случаѣ не имѣютъ силы, а достоинства ея оказываютъ полное дѣйствіе. Тутъ она безспорно есть наилучшій способъ помощи противъ голода. Можно сожалѣть только объ одномъ: работы по желѣзной дорогѣ начались въ іюнѣ; это слишкомъ поздно; будь къ нимъ приступлено хоть однимъ мѣсяцемъ раньше, многихъ изъ теперешнихъ затрудненій не было бы вовсе.

Но прошлаго не воротишь, и теперь остается только желать, чтобы въ будущемъ дѣло шло безъ запинокъ, и чтобы необходимые новые шаги предусматривались заблаговременно. Сколько мы можемъ судить, уже теперь предвидятся нѣкоторыя потребности, имѣющія представиться неизбѣжно. Въ настоящее время работы розданы и начаты на 150 верстахъ между Гжатскомъ и Вязьмой, и отъ Вязьмы до Днѣпра на пути къ Смоленску; рабочихъ поставлено до 8 тысячъ, но это число опредѣлилось не потребностью населеній въ заработкахъ, а размѣрами отпущенныхъ въ распоряженіе земства средствъ. Еслибы было больше средствъ, то легко было бы занять еще 2 или 3 тысячи людей, остающихся безъ прибыльнаго заработка. Между тѣмъ на дняхъ сойдетъ съ работъ по Витебско-Орловской линіи до 3 тысячъ человѣкъ, а чрезъ двѣ-три недѣли еще около 2 тысячъ. Часть этихъ людей разойдется по деревнямъ для сѣнокоса и уборки хлѣба, но болѣе половины ихъ будетъ нуждаться въ работѣ, а идти вдаль имъ въ нынѣшнемъ году особенно трудно, потому что это значило бы оставить свои семьи безъ поддержки въ тяжелое время. Но этого мало: цѣны ржи, возвысившіяся мѣстами до 13 р. за четверть, свидѣтельствуютъ, что мѣстные торговцы ожидаютъ и нынѣшнимъ лѣтомъ плохаго урожая. Засуха много повредила хлѣбамъ, крестьяне истощились, многіе изъ нихъ распродали свой скотъ и движимость; они, говорятъ, во многихъ частяхъ губерніи не будутъ въ состояніи обсѣять свои озимыя поля въ предстоящемъ августѣ мѣсяцѣ. Такимъ образомъ предвидится борьба съ нуждой не только въ нынѣшнемъ, но и въ будущемъ году. Населенію надобно собраться

съ силами, заработать побольше денегъ еще нынѣшнимъ лѣтомъ. Само собой разумѣется, что эта цѣль можетъ быть достигнута лишь въ томъ случаѣ, если теперь же, безъ замедленія, будутъ приняты мѣры къ доставленію работъ на желѣзной дорогѣ 4 или 5 тысячамъ человѣкъ. Вотъ главный выводъ, представляющійся при изученія положенія дѣлъ въ Смоленской губерніи. Прибавимъ только одно: для усовершенствованія столь раціонально избранной системы пособій посредствомъ заработковъ на желѣзной дорогѣ было бы весьма важно, чтобы дѣло не ограничивалось земляными работами, а совмѣстно съ ними производились заготовленія кирпича, шпалъ, гравія и т. п.

№ 141.

Москва, 28-го іюня.

А.

26-го іюня, въ Московской судебной палатѣ, объявлено было въ окончательной формѣ рѣшеніе палаты, состоявшееся 13-го іюня по поводу апеляціоннаго отзыва ссыльно-каторжнаго Шумина на приговоръ о немъ Владимірскаго окружнаго суда, присудившаго его за побѣгъ изъ Сибири на родину къ наказанію плетьми, чрезъ палача, и къ обратной ссылкѣ въ каторжную работу въ рудники съ увеличеніемъ первоначальнаго срока работъ на шесть лѣтъ. Ниже въ отдѣлѣ *Судебной Хроники* читатели найдутъ текстъ апеляціоннаго отзыва, равно какъ и рѣшеніе палаты. Владимірскій окружный судъ не нашелъ возможнымъ воспользоваться въ настоящемъ случаѣ драгоцѣннымъ правомъ, предоставляемымъ ст. 775 Уст. Угол. Суд., и ходатайствовать предъ верховною властію о смягченіи подсудимому наказанія, хотя въ пользу такого ходатайства высказался самъ обвинитель. Судебная палата, въ свою очередь, не уважила просьбы подсудимаго избавить его, по дряхлости и преклонности лѣтъ, отъ наказанія плетьми. Первая инстанція суда основала свой приговоръ на томъ, что въ этомъ дѣлѣ не представляется *особо уменьшающихъ вину обстоятельствъ*, а тѣмъ болѣе такихъ исключительныхъ и важныхъ, кои, по смыслу 775 ст. Уст. Угол. Суд. „давали бы „суду право ходатайствовать предъ Императорскимъ Величествомъ о смягченіи „участи подсудимаго."

Этотъ доводъ заслуживаетъ внимательнаго разсмотрѣнія. Сколько мы понимаемъ дѣло, можно съ увѣренностью утверждать, что обстоятельствъ, особо уменьшающихъ вину, вовсе не требуется и *не можетъ требоваться* для того чтобы судъ имѣлъ поводъ воспользоваться правомъ ходатайства. По разъясненію кассаціоннаго суда (*Сборникъ Рѣшеній Уголовнаго Кассаціоннаго Департамента за 1867 годъ № 3*), подъ обстоятельствами уменьшающими вину должно разумѣть тѣ, кои измѣняютъ свойство преступленія, входя въ составъ его признаковъ, и всегда обозначаются въ особомъ отдѣлѣ закона о томъ преступленіи, къ которому они относятся. При существованіи такихъ обстоятельствъ, измѣняющихъ самый составъ преступленія, судъ *обязанъ* сообразовать съ ними мѣру наказанія, которая иногда бываетъ несравненно ниже наказанія, опредѣленнаго за преступленіе безъ такихъ обстоятельствъ. Вотъ почему о нихъ, по закону, ставится присяжнымъ особый вопросъ. Но предвидѣть и опредѣлить напередъ все что въ данномъ спеціальномъ случаѣ измѣняетъ законный составъ преступленія, не удалось до сихъ поръ ни одному уголовному кодексу. Въ виду этого, новому суду предоставлено право ходатайствовать о смягченіи опредѣленнаго закономъ наказанія въ тѣхъ случаяхъ, когда строгое примѣненіе неумолимаго закона было бы несогласно съ справедливостью и требованіемъ общественной совѣсти. Таковъ истинный смыслъ 775 ст. Уст. Угол. Суд. Изъ правила изложеннаго въ ней вытекаетъ для суда только *право*, а не обязанность, но право въ высшей степени важное и благотворное, которымъ прежній судъ, осудившій Шумина за первоначальное его преступленіе, не могъ воспользоваться, хотя и видѣлъ, конечно, что Шуминъ похитилъ Евангеліе не съ корыстною, а съ религіозною цѣлію и слѣдовательно по справедливости не можетъ быть поставленъ на одну доску съ святотатцами. Намъ кажется, что уже это одно соображеніе могло бы быть признано судомъ за достаточный поводъ къ примѣненію теперь 775 ст. Формально обѣ инстанціи суда руководились законными соображеніями. Предъ ними былъ не религіозный фанатикъ, не человѣкъ желавшій провесть остатокъ дней

своихъ въ скиту, а ссыльно-каторжный бѣжавшій изъ Сибири. Понятно, что для отверженныхъ, которые за тяжкія преступленія уже лишены всѣхъ правъ составляющихъ принадлежность *человѣческой* жизни, возмездіе за новое преступленіе по необходимости должно направиться лишь на *животную* сторону ихъ существованія. Вотъ почему наказаніе плетьми сохранилось въ Уставѣ о ссыльныхъ. Ссыльно-каторжный Шуминъ, бѣжавшій изъ Сибири, долженъ понести по формальному закону суровое наказаніе, опредѣленное для ссылно-каторжныхъ за побѣгъ. Но весьма вѣроятно, что онъ не былъ бы ссыльно-каторжнымъ, еслибы прежній судъ, подобно теперешнему, могъ воспользоваться тѣмъ неоцѣненнымъ правомъ, которымъ не пожелалъ воспользоваться вторичный судъ, какъ намъ кажется, по недоразумѣнію. Думаемъ, что для вѣроятности такого предположенія нѣтъ даже надобности принимать во вниманіе чрезвычайную строгость по нашимъ законамъ наказаній за преступленія противъ вѣры вообще. Достаточно указать, что и нашъ страшно суровый въ этомъ отношеніи законъ всегда признаетъ значительнымъ смягчающимъ вину обстоятельствомъ въ преступленіяхъ противъ вѣры неразуміе и невѣжество (см. напр. ст. 176, 178, 182, 183, 211, 234, 235 Улож. о нак.). Неужели это одно соображеніе, не говоря уже о нравственной оцѣнкѣ побужденія ко вторичному преступленію—побѣгу изъ каторги, а таже о тѣлесной слабости, засвидѣтельствованной медицинскимъ осмотромъ, и о преклонности лѣтъ подсудимаго, можетъ быть сочтено недостаточнымъ поводомъ для примѣненія ст. 775 Уст. Угол. Судопр., и ходатайствованія не только объ избавленіи Шумина отъ лютаго наказанія, которому, онъ по строгому смыслу закона, долженъ подвергнуться наравнѣ съ злодѣемъ, возвратившимся въ общество, съ цѣлью приняться вновь за прежнее кровавое ремесло, но и о совершенномъ помилованіи этого несчастнаго, такъ много пострадавшаго за проступокъ не имѣвшій въ основаніяхъ своихъ ничего кощунственнаго, безнравственнаго или злаго?

Б.

Нѣкоторые журналы продолжаютъ распространять подозрѣнія будто смерти князя Михаила Обреновича причастно русское правительство. Разумѣется, не для того чтобъ опровергать эти клеветы, намѣреваемся мы говорить о нихъ; онѣ сами собою и всею своею тяжестью падаютъ на тѣхъ отъ кого исходятъ. Но будетъ справедливо и полезно выставить предъ общественнымъ мнѣніемъ какъ тѣхъ, кто распространяетъ подобныя гнусности, такъ и тѣхъ, кто поощряетъ къ тому.

Вотъ, напримѣръ, образецъ клеветы посредствомъ намека, взятый изъ *Revue des Deux Mondes*. Эта діатриба напечатана въ двухъ-недѣльной хроникѣ упомянутаго журнала отъ 15-го іюня и принадлежитъ перу г. де Мазада, который такъ прославилъ свое имя услужливо подписывая его подъ всякою ложью о Россіи и ея дѣлахъ. Приводимъ слова этого рыцаря печати точь-въ-точь:

„Сербія, какъ и всѣ восточныя страны, „есть постоянное поприще борьбы вліяній, „идей и страстей, въ которой самую дѣ„ятельную роль играетъ Россія, какъ по„кровительница Славянъ. Князь Михаилъ „умѣлъ искусно умѣрять эту борьбу; онъ „не дозволялъ навязывать себѣ иностран„ное вмѣшательство, и какъ разумный па„тріотъ, не понималъ почему слѣдуетъ „свергать турецкое иго для того только „чтобы подпасть подъ иго Россіи. Осо„бенно съ нѣкотораго времени, именно по„слѣ шумныхъ затѣй славянской пропа„ганды, *князь Михаилъ уклонился отъ Рос„сіи*, опасаясь ея приказовъ, и болѣе сбли„зился съ Австріей. Въ сущности все его „честолюбіе заключалось въ желаніи под„держать миръ у себя и только для этого „въ послѣднее время онъ вооружался, а „совсѣмъ не затѣмъ, чтобы затѣвать вой„ну на Востокѣ. Что же послѣдуетъ те„перь? *Воспользуется ли Россія* смертью „князя Михаила дабы при помощи *много„численныхъ приверженцевъ своихъ* въ Сер„біи доставить перевѣсъ своему вліянію? „Возобновится ли борьба партій и поверг„нетъ ли она опять эту страну въ бездну „треволненій? Вотъ вопросы возбуждаемые „неожиданною смертью Михаила. Можетъ„быть не иное что какъ прискорбный слу„чай, но можетъ-быть и точно изъ крови, „пролитой убійцами, вновь возстанетъ Во„сточный вопросъ.“

Немного нужно прозорливости дабы различать среди этихъ двусмысленныхъ фразъ, намековъ и умолчаній мысль автора. То что онъ хочетъ сказать и въ чемъ уси-

ливается убѣдить своихъ читателей, можетъ вкратцѣ быть выражено слѣдующими словами: „Такъ какъ князь Михаилъ противился панславянскимъ проискамъ Россіи, не хотѣлъ пожертвовать независимостью Сербіи и сблизился съ Австріей, то можетъ-быть смерть его и не была простымъ случаемъ, а дѣломъ многочисленныхъ приверженцевъ Россіи въ Сербіи, и очень вѣроятно русское правительство, пользуясь смертью князя, постарается дать перевѣсъ своему вліянію и возобновить Восточный вопросъ.“

Каково бы ни было негодованіе, которое, безъ сомнѣнія, будетъ возбуждено подобнымъ намековъ въ нашихъ читателяхъ, мы приглашаемъ ихъ не вполнѣ изливать эти чувства на *Revue des deux Mondes*, и добрую долю ихъ приберечь для журнала, который много превзошелъ г. Мазада.

Именно вотъ что̀ напечатано прямикомъ въ вѣнской газетѣ *Neue Freie Presse* (26-го іюня, № 1372), слывущей однимъ изъ офиціозныхъ органовъ г. фонъ-Бейста:

„Надобно надѣяться, что бѣлградскому „процессу будетъ дана возможная гласность „и что вопросъ объ участіи въ убійствѣ „князя будетъ выведенъ на свѣжую воду, „по крайней мѣрѣ на столько чтобы по„ложить конецъ обвинительнымъ слухамъ, „распускаемымъ партіями въ Бѣлградѣ и „Новомъ Садѣ. Тогда можно будетъ удо„стовѣриться правда ли будто у одного „изъ подсудимыхъ захвачены бумаги, на„влекающія сильное подозрѣніе на русское „правительство. Въ лондонскомъ журналѣ „*International* сказано даже будто найде„ны два собственноручные письма канц„лера имперіи, князя Горчакова.“

Всего интереснѣе, что подобныя слова печатаются въ офиціозномъ органѣ правительства, оказывающаго самое радушное гостепріимство князю Карагеоргіевичу, во имя котораго дѣйствовали убійцы князя Михаила Обреновича, что̀ теперь юридически доказано. Австрійское правительство лучше всякаго другаго знало кого слѣдуетъ считать истиннымъ виновникомъ злодѣйства, замышленнаго на австрійской территоріи, и которому — какъ явствуетъ изъ показаній сдѣланныхъ заговорщиками — предшествовали безпрерывные разъѣзды взадъ и впередъ эммиссаровъ изъ Австріи, разные переговоры, высылка денегъ, словомъ предварительныя приготовленія, которыя не могли ускользнуть отъ бдительности австрійской полиціи. Мало того, если свѣдѣнія доставленныя намъ изъ вѣрнаго источника, оправдаются, то кажется, что Вѣнскій кабинетъ не расположенъ выдать Карагеоргіевича даже еслибъ участіе его въ убійствѣ князя Михаила было несомнѣнно доказано судебнымъ порядкомъ. Очевидно, въ Вѣнѣ хотятъ приберечь кандидата на сербскій тронъ для того случая, если можетъ быть новый князь, провозглашенный скупщиною, по молодости и неопытности, не съумѣетъ сопротивляться мѣстнымъ страстямъ и чужеземнымъ интригамъ...

В.

Отъ П. Б. Бланка изъ Тамбовской губерніи получили мы слѣдующее поразительное сообщеніе, которое и спѣшимъ напечатать въ надеждѣ, что вопросъ разъяснится удовлетворительнымъ образомъ и что самое дѣло, котораго онъ касается и которое имѣетъ несомнѣнную важность для нашего народнаго образованія, выпутается изъ затрудненій при просвѣщенномъ патріотическомъ содѣйствіи г. министра внутреннихъ дѣлъ:

„Никто не можетъ оспаривать, что лицамъ простаго званія, обучившимся грамотѣ, должны быть даны средства поддержать пріобрѣтенное и дальнѣйше развить себя посредствомъ чтенія, которое, въ то же время, какъ занятіе въ свободные часы, при совершенномъ отсутствіи въ деревняхъ какихъ-либо полезныхъ развлеченій, можетъ отвлечь, по малой мѣрѣ охотниковъ читать, отъ посѣщенія трактировъ, кабаковъ и тому подобныхъ увеселительныхъ заведеній, одиночно отъ всякой иной промышленности красующихся своими вывѣсками и флагами во всѣхъ деревушкахъ. Между тѣмъ, по поводу возникшей переписки о поддержаніи строившихся было сельскихъ читаленъ въ одномъ изъ уѣздовъ Тамбовской губеріи, мѣстное начальство сообщило ходатайствующимъ объ этомъ, что на основаніи циркулярныхъ предписаній г. министра внутреннихъ дѣлъ отъ 10-го августа 1865 г. за № 165 и отъ 26-го іюля 1867 г. за № 2.070, публичныя библіотеки дозволяется открывать только въ губернскихъ и въ наиболѣе значительныхъ уѣздныхъ городахъ, „но отнюдь не въ селеніяхъ.“

„Почти вслѣдъ за этимъ увѣдомленіемъ,

въ газетахъ былъ распубликованъ Высочайшій указъ правительствующему сенату 23-го мая 1868 г., по которому распространяя дѣйствіе Положенія о пошлинахъ на польскія губерніи, въ измѣненіе и дополненіе онаго для этого края, въ первомъ параграфѣ сказано: книжныя лавки, магазины и библіотеки для чтенія могуть быть содержимы безъ платежа пошлинъ „повсемѣстно."

„Тутъ, очевидно, есть какое-то недоразумѣніе. Можетъ-быть нынѣшній министръ внутреннихъ дѣлъ не успѣлъ еще отмѣнить прежняго распоряженія, вызваннаго какимъ-либо особеннымъ поводомъ; въ противномъ же случаѣ такая аномалія рѣшительно непостижима. Если имѣется опасеніе, что въ сельскія читальни могутъ проникнуть какія-либо вредныя книги для народной нравственности или для безопасности государства, то подобное опасеніе имѣетъ больше основаній въ отношеніи къ неспокойнымъ доселѣ польскимъ губерніямъ, чѣмъ въ отношеніи къ мирнымъ поселянамъ Тамбовской губерніи. Какая же причина можетъ быть тому, что не первымъ, а именно этимъ послѣднимъ *отнюдь* нельзя дозволить открывать публичныя читальни? Весьма было бы желательно, чтобы вопросъ этотъ уяснился для русскихъ людей."

Г.

Въ газетѣ *Москва* напечатано между прочимъ слѣдующее извѣстіе изъ Варшавы: „Въ воскресенье, 9-го мая, одна русская дама въ Саксонскомъ саду испытала большую непріятность; она шла подъ руку съ какимъ-то военнымъ, — вдругъ откуда ни возьмись толпа мальчишекъ и гимназистовъ съ вопросомъ: „Что это за костюмъ, что за фасонъ; moskiewsky... Затѣмъ крикнувъ *ура*, толпа разсыпалась, увидѣвъ полицейскаго."

Единичный ли это случай, или начало демонстрацій подобныхъ тѣмъ которыя происходили въ 1861 году, мы не знаемъ, но находимъ въ немъ подтвержденіе опасеній, которыя мы лишь отчасти рѣшаемся сообщить публикѣ. По словамъ того же корреспондента, въ Варшавѣ съ нѣкотораго времени стали очень часты пожары, причина которыхъ многимъ кажется подозрительною; цѣлая туча эмигрантовъ собралась въ Галиціи, а въ русской печати съ настойчивостію твердятъ о *польской націи*, о *великой неправдѣ XVIII вѣка* и не двусмысленно выражаютъ мысль, что западныя губерніи не по праву принадлежатъ Россіи. Непостижимо!

№ 142.

Москва, 1-го іюля.

Открытая въ Кіевѣ поддѣлка фальшивыхъ документовъ, которыми возводилась польская шляхта въ званіе потомственнаго дворянства Россійской имперіи, не останется, какъ надобно думать, безъ послѣдствій. Намъ писали изъ Вильны, что тамъ ожидалось прибытіе особой коммиссіи для повѣрки дѣйствій депутскихъ собраній, гдѣ сосредоточивалось дѣлопроизводство по перечисленію въ дворянское сословіе. Въ добрый часъ, если это справедливо. Переизслѣдованіемъ этого темнаго дѣла будетъ оказана немалая услуга государству, которое не можетъ допустить, чтобы какія-либо лица пользовались не принадлежащими имъ правами. Признать противное значило бы то же что узаконить въ пользу дѣлателей фальшивыхъ ассигнацій право употребленія ихъ, требуя въ то же время, чтобы другіе расплачивались не иначе какъ настоящими деньгами. Къ тому же, возводимые такимъ образомъ въ дворянство Россійской имперіи челядинцы магнатовъ освобождаются отъ взноса податей и отбыванія повинностей, которыя ложатся на другихъ.

Въ сѣверо-западномъ краѣ, а также и въ юго-западномъ, прежде и послѣ Д. Г. Бибикова, возведеніе въ дворянское достоинство было дѣломъ весьма обыкновеннымъ. Фабрики фальшивыхъ документовъ работали въ глубокой тайнѣ, покрываемыя мѣстными вліятельными лицами изъ польскихъ патріотовъ, и хотя эти фабрики иногда обнаруживались, но преслѣдовались лишь поддѣлыцики документовъ, а кто воспользовался плодами поддѣлки, тѣ оставались безнаказанны. О чрезмѣрномъ размноженіи дворянъ западнаго края узнавалось лишь при собираніи статистическихъ свѣдѣній. Мѣстныя учрежденія, гдѣ сосредоточивались дѣла о дворянствѣ, всегда были наполнены исключительно католиками, или Поляками, что стало одно и то же по существующему у насъ фальшивому положенію дѣлъ.

Въ самой Вильнѣ, даже со времени графа Муравьева, сколько намъ извѣстно, не было *ни одного* собственно-русскаго чиновника въ вѣдѣнiи мѣстнаго губернскаго предводителя дворянства.

Зло будетъ дѣйствовать и возрастать пока на дворянскiй вопросъ въ западныхъ губернiяхъ не будетъ обращено серiознаго вниманiя, пока не подвергнутся пересмотру дворянскiе документы утвержденные въ теченiе извѣстнаго перiода времени, и не будутъ установлены новыя правила для признанiя уроженцевъ западнаго края въ дворянскомъ достоинствѣ Россiйской имперiи.

Въ западныхъ губернiяхъ доказательствомъ дворянскаго достоинства по большей части служатъ грамоты, которыя выдавались бывшимъ польскимъ правительствомъ и поддѣлка которыхъ легка, потому что справки по нимъ, за рѣдкими исключенiями, почти невозможны. Фальшивые документы обыкновенно писались на древней бумагѣ, изъ которой вытравлялось написанное прежде; для подписей королей и приложенiя печатей употреблялись штампы. Почти повсемѣстно въ западномъ краѣ ко дворянству причислена господская челядь. И садовникъ, и лакей, и кучеръ потомственные дворяне, и вся эта челядь, пользуясь дворянскимъ правомъ, старается обратить своихъ дѣтей на государственную службу и наполнить ими присутственныя мѣста. Мы часто удивляемся, откуда берется столько уроженцевъ западнаго края на службѣ. Причина понятна. Всего дворянъ въ Россiйской имперiи 609.072 человѣка обоего пола, но изъ нихъ дворянъ западнаго края 377.627 человѣкъ или болѣе $^3/_5$. На 40 губернiй европейской Россiи, имѣющихъ 49.877.137 жителей, числится всего 135.474 потомственныхъ дворянъ мужескаго пола. Въ девяти же западныхъ губернiяхъ Россiи имѣющихъ 11.032.172 жителя, считается 202.713 потомственныхъ дворянъ мужескаго пола, тогда какъ соотвѣтственно населенiю и пропорцiонально дворянству остальной Россiи, число это не должно было бы превысить 29.960. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что масса дворянъ западнаго края состоитъ главнымъ образомъ изъ людей причисляющихъ себя къ польской народности. Численное преобладанiе этого дворянства вноситъ въ государственную жизнь Россiи массу непрiязненныхъ ей элементовъ. Сверхъ того, если сосчитать какъ велика потеря оттого только, что эта масса освобождена отъ окладныхъ сборовъ, рекрутской, подводной и постойной повинностей, то получится изрядная сумма, которую за этихъ soit disant дворянъ уплачиваетъ народъ натурой и деньгами. Въ каждый рекрутскiй наборъ (принимая по 4 съ тысячи), лица неправильно причисленныя къ дворянству не поставляютъ 690 рекрутъ, и каждый годъ лишнiй баталiонъ выставляется за нихъ другими.

Въ армiи пятая часть офицеровъ, состоитъ изъ Поляковъ (католиковъ), тогда какъ нижнихъ чиновъ изъ польскихъ населенiй насчитывается всего 8%. Въ нѣкоторыхъ частяхъ армiи, напримѣръ въ резервной кавалерiи, Поляки въ числѣ офицеровъ составляютъ болѣе 32%. Въ мѣстныхъ войскахъ еще недавно были части, гдѣ офицеры изъ польскихъ уроженцевъ составляли до 90% общаго числа. Вообще же процентное отношенiе польскихъ офицеровъ въ нашей армiи слѣдующее:

Въ пѣхотѣ	23,6%
„ кавалерiи дѣйствующей	15,7
„ „ резервной	32,6
„ артиллерiи полевой	21,6
„ „ резервной	20,3%
„ инженерномъ вѣдомствѣ	22,2%

Въ послѣднихъ нумерахъ *Виленскаго Вѣстника* встрѣчаются интересныя свѣдѣнiя о положенiи дворянъ въ Минской губернiи. Изъ 76.000 дворянъ этой губернiи, землевладѣльцевъ всего 2.084; все остальное—неимущая шляхта. Между причинами размноженiя дворянства въ Минской губернiи *Виленскiй Вѣстникъ* указываетъ именно на фабрикацiю фальшивыхъ документовъ, и подтверждаетъ, что размноженiе дворянъ было искусственною мѣрой польскихъ патрiотовъ, дабы захватывать мѣста въ администрацiи. Авторъ статьи замѣчаетъ, что дворянскiе документы такъ искусно фабриковались, что фальшь ихъ весьма трудно отличить. Мы не думаемъ, чтобъ это было слишкомъ трудно для опытнаго взгляда. Ни въ Кiевѣ, ни въ Вильнѣ нѣтъ недостатка въ свѣдующихъ людяхъ, и въ этомъ дѣлѣ археографическiя коммиссiи западнаго края могли бы оказать значительную услугу.

№ 143.

Москва, 2-го Іюля.

А.

Между тѣмъ какъ въ сѣверо-западномъ краѣ, вслѣдствіе частыхъ перемѣнъ въ личномъ составѣ администраціи, дѣла безпрерывно колеблются и умы находятся въ постоянномъ броженіи, въ Кіевѣ уже начинаютъ ясно высказываться полезные плоды послѣдовательныхъ административныхъ дѣйствій. Надняхъ мы съ особеннымъ удовольствіемъ помѣстили у себя письмо г. Беккерса, землевладѣльца и промышленника Подольской губерніи, свидѣтельствующее о чрезвычайныхъ успѣхахъ благосостоянія между крестьянами въ томъ краѣ. Г. Беккерсъ приводитъ въ примѣръ принадлежащее ему имѣніе, гдѣ земля совершенно обыкновеннаго качества и крестьяне не имѣютъ никакихъ особенныхъ выгодъ. На 250 дворовъ они имѣли въ 1863 году 15 плуговъ (то-есть 90 воловъ), теперь у нихъ 152 плуга (или около 900 воловъ). Такія же или близко подходящія къ тому свѣдѣнія объ увеличеніи матеріальнаго благосостоянія новыхъ собственниковъ-крестьянъ получаются и изъ другихъ частей юго-западнаго края; отовсюду доходятъ вѣсти о возстановленіи между ними довѣрія и уваженія къ законной власти. Не менѣе серіозны и другіе достигнутые тамъ успѣхи. Особенно важно то что сдѣлано и что предположено для улучшенія быта православнаго духовенства, для устраненія поводовъ къ антагонизму между нимъ и сельскимъ населеніемъ и для подъятія русскихъ интеллигентныхъ силъ въ краѣ. Намъ доводилось не разъ говорить о выработанномъ кіевскою администраціей проектѣ раскрыть затворы левитской касты, которая создалась у насъ вопреки правиламъ церкви и значенію христіанскаго духовенства.

Чтобъ оцѣнить услуги, оказанныя Россіи нынѣшнею администраціей юго-западнаго края, надобно припомнить то положеніе, въ какомъ находился край предъ вступленіемъ въ управленіе имъ генералъ-адъютанта Безака.

Мятежъ 1863 года не пріобрѣлъ въ юго-западномъ краѣ тѣхъ размѣровъ какъ въ сѣверо-западномъ единственно оттого что тамошніе крестьяне, безгранично преданные Государю, не ограничились подобно забитымъ Полякамъ и Бѣлоруссамъ, пассивнымъ содѣйствіемъ законной власти и войскамъ, а сами зорко слѣдили за каждымъ враждебнымъ шагомъ повстанцевъ-пановъ и, при малѣйшей возможности, затрудняли формированіе шаекъ, то предваряя о нихъ власти, то представляя властямъ мятежниковъ, схваченныхъ съ оружіемъ въ рукахъ. Вслѣдствіе этого, главнымъ притономъ мятежа стала преимущественно западная полоса края, гдѣ, по смежности съ Царствомъ Польскимъ и Галиціей, бунтовщики могли найдти поддержку и средства къ укрытію; въ восточной части края мятежъ затихъ весьма быстро, и въ то время когда въ окрестностяхъ Вильны раздавался еще громъ оружія, безоружные мужики, бабы и мальчишки, при всеобщемъ смѣхѣ, на веревкахъ проводили по улицамъ Кіева ясновельможныхъ героевъ, разряженныхъ въ кунтуши и чамарки, обвѣшанныхъ бранными доспѣхами и патріотическими эмблемами. Удивительное явленіе представлялъ въ это смутное время нашъ южно-русскій народъ! Крестьяне ловили и вязали пановъ, но въ самомъ разгарѣ дѣла не позволили себѣ никакихъ возмездій, какъ ни много горечи накипѣло у нихъ на сердцѣ. Никакихъ противуобщественныхъ проявленій, ни грабежей, ни убійствъ. Среди сценъ безпорядка и смятеній, народъ сохранялъ полное самообладаніе. Этого мало: вѣрный своему юмору, онъ сумѣлъ обратить въ смѣхъ нарядный паѳосъ задуманной панами трагедіи. Тѣмъ не менѣе мятежъ въ юго-западномъ краѣ имѣлъ организацію столь же обширную какъ и въ сѣверо-западномъ, и даже благодаря богатству тамошнихъ пановъ, снабженную болѣе значительными денежными средствами; польская пропаганда посредствомъ костела и тайныхъ школокъ шла здѣсь еще дѣятельнѣе чѣмъ въ Виленскомъ генералъ-губернаторствѣ; наконецъ, въ силу государственнаго права Рѣчи Посполитой, здѣсь было болѣе строгое, чѣмъ на Литвѣ, подчиненіе варшавскому ржонду.

Система, принятая въ Кіевѣ для подавленія мятежа, рѣзко отличалась отъ виленской. При несомнѣнной добросовѣстности и патріотизмѣ, лицо стоявшее тогда во главѣ кіевской администраціи не было достаточно свободно отъ тѣхъ предубѣжденій во взглядѣ на положеніе дѣлъ, которыми въ послѣдствіи такъ искусно поль-

зовались вдохновители *Вѣсти*, для того чтобы сбить съ толку общественное мнѣніе и переладить образъ дѣйствій правительства. Извѣстно, что въ теченіе 1864 года то и дѣло командировались, по жалобамъ пановъ, взбѣшенныхъ сопротивленіемъ оказаннымъ крестьянами мятежу, войска для экзекуцій. Экзекуціи творились въ страшномъ множествѣ; одна переписка о командированіи войскъ для усмиренія крестьянъ составила, говорятъ, въ теченіи года нѣсколько толстыхъ томовъ. Къ началу 1865 года дѣла въ краѣ пришли въ крайне напряженное состояніе. Въ это-то критическое время былъ назначенъ въ Кіевъ генералъ-адъютантъ Безакъ, и подъ его рукой черезъ нѣсколько мѣсяцевъ край принялъ совсѣмъ иную физіономію. Дѣла пошли спокойно и обдуманно, шагомъ вѣрнымъ, но рѣшительнымъ, безъ крайностей, уклоненій и колебаній.

Но именно теперь, когда плоды этой дѣятельности уже даютъ себя чувствовать и когда остается сдѣлать еще нѣсколько усилій дабы упрочить начинанія послѣднихъ трехъ лѣтъ, польскіе органы, *Вѣсть* и *Новое Время*, повидимому совершенно успокоенные за Вильну, направляютъ всѣ свои баттареи противъ Кіева. Средствомъ къ этому служатъ, само собой разумѣется, клеветы, которыя неутомимо обличаетъ *Кіевлянинъ*, выставляя дѣло въ истинномъ свѣтѣ; но развѣ возможно убѣдить людей, которымъ, напротивъ, нужна ложь, а не истина?

Намъ сообщаютъ изъ Петербурга о проискахъ по одному весьма куріозному дѣлу касающемуся юго-западнаго края. Происки клонятся къ тому, чтобы перевершить, сначала хоть въ видѣ исключенія, дѣло одного пана, подданнаго двухъ государствъ, рѣшенное мировыми учрежденіями, согласно съ законами, но не съ претензіей пана, состоящею въ томъ чтобы владѣть въ русскихъ предѣлахъ землею на основаніи иностраннаго законодательства, чего не хочетъ допустить и Высокая Порта въ своей территоріи. За этимъ дѣломъ, какъ намъ пишутъ, польская партія слѣдитъ во всѣ глаза; при ея наклонности къ увлеченіямъ, ей кажется, что она близка къ своему полному торжеству. Самообольщеніе доходитъ до того, что въ юго-западномъ краѣ паны ужъ не охотно говорятъ о разверстаніи съ крестьянами, котораго до сихъ поръ добивались съ нетерпѣніемъ.

Б.

Еще весьма недавно заграничная публика не подозрѣвала существованія въ Россіи другихъ газетъ, кромѣ *Journal de St.-Pétersbourg*. Въ продолженіи Крымской войны впервые стали упоминаться и другія наши газеты, но статьи ихъ, не безъ основанія, признавались тогда непрерывнымъ „монологомъ правительства съ самимъ собой,“ какимъ, впрочемъ, являлась въ послѣдствіи г. Жюль-Фавру и французская печать. Времена эти миновали. Съ польскаго возстанія, но особенно послѣ мудраго расширенія правъ русской печати, пережившей свое 19-е февраля, Европа признаетъ въ Россіи существованіе общественнаго мнѣнія и независимаго слова. Польскіе выходцы усердно переводятъ русскія статьи, передѣлывая ихъ соотвѣтственно потребностямъ своей пропаганды, а французское правительство, какъ видно, не очень-то полагаясь на Поляковъ, нанимаетъ, сказываютъ, для этой цѣли Русскихъ и передаетъ своимъ газетамъ, при посредствѣ *Гаваса Агентства*, все что соотвѣтствуетъ надобностямъ его политики. За неимѣніемъ другихъ источниковъ, французская печать волей-неволей была бы обречена служить во всемъ, что касается Россіи, слѣпымъ орудіемъ то польской интригѣ, то затѣямъ того или другаго изъ правительственныхъ лицъ. Значительную услугу оказываетъ въ этомъ отношеніи французской печати газета *Nord*, передавая ей переводы, имѣющіе во всякомъ случаѣ то достоинство, что они пополняютъ умышленные пропуски и исправляютъ умышленные подлоги переводовъ, поставляемыхъ Поляками и *Агентствомъ Гаваса*. Что *Nord*, также какъ и *Journal de St.-Pétersbourg*, читаются даже въ самыхъ враждебныхъ къ Россіи редакціяхъ, это доказывается часто приводимыми ими выдержками изъ статей корреспонденцій и переводовъ, печатаемыхъ въ этихъ обѣихъ газетахъ. Благодаря этому можно было бы ожидать, что французская журналистика избѣгаетъ по крайней мѣрѣ повторенія черезчуръ эксцентрическихъ сужденій, подобныхъ, напримѣръ, тѣмъ, которыя были вызваны предложеніемъ г. Деламарра, заявившаго предъ бюджетною коммиссіей страшныя опасности для равновѣсія Европы вслѣдствіе того, что при *Collège de France* въ Парижѣ учреждена каѳедра не

славянскихъ языковъ, а славянскаю языка: этимъ неосторожнымъ учрежденіемъ Франція положила-де начало панславизму. Въ отвѣтъ на удивительные толки, возбужденные этимъ предложеніемъ во французской печати, мы замѣтили, что „въ Россіи издавна учреждены каѳедры славянскихъ нарѣчій,“ что „въ русскихъ университетахъ преподаются языки славянскіе, отдѣльно и сравнительно, изучается исторія ихъ литературъ и народовъ ими говорящихъ,“ и что „именно это изученіе славянскаго міра въ его естественныхъ отношеніяхъ во множественномъ числѣ способствовало развитію панславизма.“ Нѣсколько дней спустя, эти замѣчанія были воспроизведены газетою *Nord*. Послѣ этого, всѣ французскія газеты сохранившія хоть тѣнь самоуваженія стыдятся упоминать объ этомъ предметѣ. Онѣ умалчиваютъ даже о томъ, что бюджетная коммиссія отвергла предложеніе г. Деламарра.

Journal des Débats не участвовалъ въ хорѣ апологіи, затянутомъ всею полонофильскою печатью Франціи во славу изобрѣтательности г. Деламарра. Повидимому, эта газета ожидала, что предложеніе г. Деламарра о переименованіи каѳедры славянскаго языка изъ единственнаго во множественное поступило на обсужденіе въ законодательный корпусъ, для того чтобы отличиться усердіемъ въ развитіи этой темы. Но предложеніе г. Деламарра отвергнуто, и упущенъ случай угодить польскимъ благопріятелямъ, которые надѣялись, посредствомъ этой нелѣпости, возбудить въ законодательномъ сословіи толки о Польшѣ. Во что бы то ни стало, надобно исправить упущеніе,—и вотъ благодаря длинной передовой статьѣ по этому предмету въ полученномъ сегодня нумерѣ *Journal des Débats*, эта почтенная газета можетъ надѣяться, что божество, обитающее въ *Hôtel Lambert*, будетъ и впредь являться ей въ томъ обстоятельномъ видѣ, въ какомъ громовержецъ Олимпа являлся нѣкогда къ прекрасной Данаѣ.

№ 144.

Москва, 3-го Іюля.

А.

Ни воры, ни разбойники, ни убійцы, никакіе преступники въ мірѣ не вызывали въ клерикальной французской газетѣ *Monde* такихъ порывовъ негодованія, какъ Гарибальди съ его оборванными сподвижниками, особенно когда сіи послѣдніе оказывались Французами. Но вотъ, наконецъ, представился ей случай подарить пріятною улыбкой и бѣдную гарибальдійскую сволочь.

Г. Балло, о которомъ мы на дняхъ упоминали именующій себя гарибальдійцемъ, клевещетъ на Критянъ, и этой заслуги оказалось достаточно, чтобъ ублажить парижскихъ ультрамонтановъ. *Monde* причисляетъ его къ „бравымъ Французамъ, сподвижникамъ Гарибальди,“ увлеченнымъ запальчивою филэллинскою агитаціей Аѳинъ которая не увлекла-де ни единаго Эллина...

Любопытно знать что скажутъ объ этомъ мнѣніи своей парижской церковной союзницы Аали-паша и Фуадъ-паша, столь усердно увѣрявшіе въ продолженіе безъ малаго двухъ лѣтъ, что всѣ критскіе мятежники суть не что иное какъ подосланные эллинскимъ правительствомъ подданные короля Эллиновъ? Утверждая, что въ Критѣ не было ни одного Эллина изъ независимой Греціи, г. Балло и *Monde* не подозрѣваютъ, что они оказываютъ этимъ медвѣжью услугу друзьямъ своимъ въ турецкомъ правительствѣ. Всѣ обвиненія, взводимыя симъ послѣднимъ на Грецію, оказываются стало-быть сущею ложью, такъ какъ въ Критѣ, по словамъ *Monde*, дрались одни „бравые Французы“ да *сами Критяне*, правда, не зная за что и для чего, такъ какъ управленіемъ Порты они совершенно довольны; виной же всему „своекорыстіе и честолюбіе“ Россіи, домогающейся присоединенія Крита.... впрочемъ не къ своимъ владѣніямъ, а къ Эллинскому королевству. Но медвѣжьи услуги оказываются не одной Портѣ, а также и ея покровителямъ, консуламъ Франціи и Англіи, которые неоднократно свидѣтельствовали о происходившихъ на ихъ глазахъ неистовствахъ и жестокостяхъ не только баши-бузуковъ, но и регулярныхъ войскъ вице-короля Египетскаго и Омеръ-паши. По мнѣнію г. Балло и газеты *Monde*, всѣ эти жестокости не болѣе какъ „миѳы,“ журнальныя „утки,“ изданіемъ коихъ, сколько намъ извѣстно, если и занимались газеты, то не иначе какъ на основаніи документовъ англійской *Синей* и французской *Желтой Книги*...

Что касается до самихъ Критянъ, ко-

торые послѣ столькихъ испытаній и потерь не теряютъ духа и продолжаютъ биться какъ герои, о чемъ приводимъ мы свидѣтельство изъ *Daily News*, источника вовсе не финэллинскаго, то *Monde* выписываетъ нѣкоторыя жестокія обвиненія, взводимыя противъ нихъ изобличительнымъ перомъ мнимаго гарибальдійца. Что это за герои! „Эти защитники независимости не имѣли даже стульевъ,“ „садились они для своихъ совѣщаній на землю,“ и „ихъ никогда не насчитывалось болѣе 5 000 человѣкъ“....

Итакъ, горсть молодцовъ, всего 5.000 человѣкъ—правда, не имѣющихъ даже стула—даетъ болѣе двухъ лѣтъ неодолимый отпоръ безпрестанно возобновляющимся полчищамъ Турціи и Египта. Затѣмъ всѣ увѣренія турецкой дипломатіи оказываются ложью; всѣ увѣренія французской дипломатіи—тоже; всѣ увѣренія англійской дипломатіи – тоже; о Греціи же и Россіи нечего и говорить. Гласитъ истину одинъ г. Балло; предугадывала эту истину газета *Monde*, кичащаяся нынѣ безпристрастіемъ, съ коимъ она воспроизводила всѣ возраженія, противопоставляемыя ея увѣреніямъ московскою печатью. Мы что-то не помнимъ, однако, чтобы *Monde* воспроизвелъ въ своихъ столбцахъ сдѣланное въ московской печати замѣчаніе о томъ, что эта газета, имѣющая притязаніе быть органомъ интересовъ христіанства, кадитъ въ Константинополѣ магометанству, господствующему надъ христіанами, между тѣмъ какъ совмѣстное съ христіанствомъ существованіе ислама въ Алжирѣ выставляется ею какъ позоръ Франціи....

Въ томъ же нумерѣ *Monde* напечатанъ отчетъ преній французскаго законодательнаго корпуса по поводу политики Тюльерійскаго кабинета въ Критскомъ вопросѣ. Клерикальная газета не можетъ подавить негодованія, возбужденнаго въ ней рѣчью, произнесенною г. Жюлемъ Фавромъ въ защиту Крита и въ порицаніе безпрерывныхъ колебаній и поворотовъ Тюльерійскаго кабинета относительно критскаго дѣла. „Знаютъ ли наши демократы, что защищая „Критъ, они трудились за Россію!“ восклицаетъ *Monde* съ пѣной у рта? „Россія „заявляетъ себя наслѣдницей Турецкой „имперіи.... Россія возобновляетъ нынѣ „кровавую комедію 1772 года.“ Этими фразами старается она предотвратить ожидаемое ею дѣйствіе рѣчи Жюля Фавра; но мы спѣшимъ успокоить ея опасенія. По несчастію, рѣчь г. Фавра, во всемъ что касается Критскаго вопроса, рѣшительно не заслуживаетъ подобныхъ предосторожностей Никогда этотъ ораторъ не оказывался менѣе убѣдительнымъ, менѣе увлекательнымъ какъ нынѣ, въ защитѣ благороднѣйшаго изо всѣхъ своихъ политическихъ клиентовъ. Г. Фавръ слишкомъ истощилъ себя въ пользу польской лжи, и на защиту критской правды у него не достало ни той энергіи, ни того пыла, которыми онъ успѣвалъ сглаживать не лестное для себя впечатлѣніе, производимое легкомысленнымъ обращеніемъ съ предметами, о которыхъ доводится ему говорить и о которыхъ часто не имѣетъ онъ понятія. Въ настоящемъ случаѣ онъ доставилъ даже такому плохому оратору, какъ маркизъ де-Мутье, случай одержать надъ нимъ пабѣду, и торжественно заявить, что „единственное начало порядка между „христіанскими населеніями Востока есть „начало мусульманское.“

Сколько намъ помнится, почти то же самое твердили дипломаты наканунѣ кровопролитій въ Дамаскѣ, Джеддѣ, въ Малой Азіи, а также въ Эпирѣ, Ѳессаліи, Босніи, Болгаріи.... Мы считаемъ себя въ правѣ посовѣтовать г. Фавру, а особенно г. де-Мутье, пересмотрѣть весьма поучительную переписку французской дипломатіи съ турецкою и англійскою въ продолженіе 1860 и 1861 годовъ.

B.

Новое Время находитъ нужнымъ возвратиться къ „Свенцянскому обѣду,“ на которомъ мѣстные дворяне, въ первый разъ послѣ 1863 г., чествовались вмѣстѣ съ губернаторомъ. Мы прежде всего спросимъ негодующую на насъ офиціозную газету, по какой причинѣ свенцянскіе дворяне не получали подобныхъ приглашеній съ 1863 года и почему, какъ выражается ея корреспондентъ, ихъ *отталкивали?* Можетъ-быть это былъ какой-нибудь заговоръ противъ свенцянскаго дворянства, злонамѣренная стачка русскихъ чиновниковъ (не исключая и губернаторовъ)? Можетъ-быть вслѣдствіе простаго каприза, ни на чемъ не основанной прихоти графа Муравьева, устранены были чиновники изъ мѣстныхъ уроженцевъ, вызваны были другіе изъ иныхъ губерній, наложенъ былъ контрибуціонный сборъ, объявлено было

военное положеніе, поставлены обывательскіе караулы и т. п.? Все это было установлено, — не правда ли? — потому, что „виленскій сатрапъ“ такъ хотѣлъ, что *Московскія Вѣдомости*, пославшія его управлять этимъ краемъ, подстрекали къ тому, а вовсе не потому что помѣщики западнаго края бунтовали, замышляя съ иностранною помощью оторвать половину Россіи?... Такой выводъ слѣдуетъ сдѣлать изъ той развязности, съ которою *Новое Время* прилагаетъ эпитетъ „вѣрноподданный“ къ дворянству западнаго края. Преступники наказаны, говоритъ эта газета, лица принимавшія косвенное участіе въ мятежѣ высланы, „а кто остался, тотъ можетъ и долженъ пользоваться правами вѣрнаго гражданина.“ Прекрасно; но и тѣ чиновники, которые не удостоились приглашенія къ столу г. виленскаго губернатора, тоже должны пользоваться „правами вѣрнаго гражданина“... Дѣло не въ отнятіи гражданскихъ правъ у людей, которые такъ или иначе ускользнули отъ наказанія, а въ томъ, что нѣтъ ни разумнаго, ни приличнаго повода ласкаться къ нимъ, заигрывать съ ними, возвращаться къ тому жалкому поведенію въ ихъ отношеніи, которымъ руководились многіе администраторы прежняго времени, благодаря внушеніямъ преданныхъ польскому дѣлу людей. *Новое Время* полагаетъ, что мы возбуждаемъ страсти въ западномъ краѣ: но намъ говорили это и въ 1863 году. И тогда, по мнѣнію очень многихъ, гораздо лучше было бы, еслибъ и мы, и всѣ молчали; ловкіе люди въ тихомолку докончили бы давно начатую ими работу. Не начинается ли снова эта работа? Мы не желаемъ раздражать но не считаемъ себя въ правѣ молчать, когда видимъ что опять начинается рѣчь о „сближеніи“ съ помѣщиками западнаго края не какъ съ Русскими, будь это католики или протестанты, а *какъ съ Поляками*. Что значитъ „польское народное самолюбіе“ въ Россіи, о которомъ заявляетъ *Новое Время*? Можно ли признавать его и льстить ему, не признавая въ то же время и Польши въ Россіи? Кому это не ясно, и кого еще хотятъ обойдти? Никто больше насъ не настаивалъ на томъ, чтобы, согласно съ господствующимъ у насъ закономъ вѣротерпимости, исключить вѣроисповѣдный вопросъ изъ политическаго понятія національности, и открыть для всѣхъ подданныхъ Россіи, какого бы то ни было изъ терпимыхъ въ ней вѣроисповѣданій, возможность быть вполнѣ Русскими; но мы не видимъ, чтобы помѣщики западнаго края и ихъ органы въ Петербургѣ принимали къ сердцу этотъ вопросъ и очень заботились о немъ.

Новому Времени слѣдовало бы прежде потрудиться надъ доказательствомъ того, что свенцянское дворянство отрекается отъ несвойственнаго русскимъ „вѣрноподданнымъ“ польскаго патріотизма, а пока гости свенцянскаго обѣда продолжаютъ считаться Поляками, до тѣхъ поръ говорить о консерватизмѣ этихъ господъ, какъ о чемъ-то для русскаго правительства драгоцѣнномъ, значитъ играть въ недостойную игру.

Какъ извѣстно, въ Пруссіи водится еще такъ-называемая феодальная партія, но Поляки не пытаются запугивать ее въ свою пользу призракомъ всепожирающей демократіи и соціализма. Самый заклятой бранденбургскій подпищикъ *Крестовой Газеты* отвѣтилъ бы имъ лишь презрительною улыбкой, еслибъ имъ вздумалось увѣрять его, напримѣръ, либо въ существованіи какой-нибудь солидарности между прусскимъ землевладѣніемъ и интересами познанскихъ пановъ „съ польскимъ народнымъ самолюбіемъ,“ либо въ своевременности измѣнить установленныя условія крестьянской собственности, либо наконецъ въ необходимости вручить управленіе крестьянскими интересами въ Познани просвѣщеннымъ польскимъ землевладѣльцамъ... Ни на почвѣ религіозной, ни на почвѣ соціальной, польской интригѣ не остается никакой надежды убѣдить прусскую публику или прусское правительство, что необходимо, ради консерватизма, вручить вожакамъ этой интриги бразды общественной власти.

За невозможностью предаваться патріотическимъ козням, познанскіе Поляки предаются теперь патріотическимъ пирушкамъ. Ни съ того, ни съ сего, тихій провинціальный городъ Познань сдѣлался съ нѣкотораго времени театромъ загадочныхъ манифестацій. 28-го іюня праздновался тамъ *тридцатисемилѣтній* юбилей возстанія 1831 года, и не только познанскіе Нѣмцы, но и личный органъ графа Бисмарка, *Norddeutshe Allgemeine Zeitung*, съ удивленіемъ задаютъ себѣ весьма естественный вопросъ: откуда взялось это куріозное предпочтеніе къ цифрѣ 37? Въ самомъ дѣлѣ странно: почему именно юбилей тридцатисемилѣтній, а не какой-нибудь дру-

гой? Или ужъ въ самомъ дѣлѣ тридцать седьмымъ годомъ завершится, по мнѣнію Поляковъ, эра, коей началомъ было паденіе Варшавы 8-го сентября 1831 года? Не прошло съ тѣхъ поръ и недѣли, и вотъ 4-го іюля творится новая мистификація съ новыми рѣчами и ликованіями. „Весь городъ нашъ,“ пишетъ познанскій корреспонъентъ *Ostsee-Zeitung*, „закипѣлъ со вчерашняго дня какимъ-то лихорадочнымъ оживленіемъ по поводу наѣхавшихъ къ намъ Поляковъ изъ Галиціи, Западнопрусской провинціи и Познани. Гости встрѣчены на станціи желѣзной дороги многочисленною публикой, во главѣ которой красовался, въ польскихъ костюмахъ, особо наряженный для этого торжества комитетъ 130 записныхъ патріотовъ.“ Привѣтственную рѣчь карпатскимъ братьямъ держалъ *помѣщикъ* Буловѣцкій. „Раздробленіемъ отчизны,“ сказалъ онъ между прочимъ, „Поляки разрознены лишь по наружности, въ сущности же остались они *попрежнему* соединены единствомъ своихъ стремленій и духа; попрежнему составляютъ они и нынѣ неразрывное національное цѣлое“...

Въ Пруссіи не понимаютъ что̀ значатъ эти новыя польскіе манифестаціи и какой тридцасемилѣтній юбилей праздновался въ Познани. Въ Россіи причины этому виднѣе. Познанскіе банкеты, это отголосокъ угощеній „польскаго народнаго самолюбія“ въ Россіи. Дайте срокъ, и тому ли еще будемъ мы свидѣтелями...

№ 145.

Москва, 4-го Іюля.

Мы всегда съ удовольствіемъ готовы обнародовать всякія основательныя соображенія, говорящія въ пользу или защиту какого-либо правительственнаго учрежденія. Тѣмъ пріятнѣе это намъ, когда рѣчь идетъ о такомъ учрежденіи, какъ государственный банкъ, котораго дѣйствія подлежатъ, и въ интересѣ кредитнаго дѣла должны подлежать, полной гласности, и котораго добрая репутація сильно отзывается на общемъ состояніи государственнаго кредита и финансовъ. Вотъ почему мы съ особеннымъ удовольствіемъ печатаемъ присланное намъ изъ Лондона письмо, представляющее операціи государственнаго банка въ благопріятномъ свѣтѣ. Неизвѣстный намъ авторъ этого письма, основываясь на цифрахъ банковыхъ отчетовъ, дѣлаетъ выводы о дальнѣйшихъ видахъ государственнаго банка и приходитъ къ заключеніямъ, которыя и намъ представляются какъ нѣчто возможное и, конечно, весьма желательное. Но схоластическая аксіома гласитъ: *a posse ad esse non valet consequentia*, и въ виду возможнаго хорошаго намъ нельзя было умолчать о дѣйствительномъ дурномъ, а дѣйствительное дурное есть то вліяніе, которое оказываетъ банкъ на возвышеніе цѣнъ процентныхъ бумагъ и на пониженіе учетнаго процента. И то и другое считается признакомъ дешевизны капитала, которая въ свою очередь есть признакъ обилія капиталовъ. У насъ, напротивъ, нѣтъ избытка капиталовъ. Искусственно вызывать признаки ихъ избытка, значитъ вызывать признаки обманчивые, и притомъ такіе, коихъ дѣйствіе не ограничивается тѣмъ что они порождаютъ ошибочныя мнѣнія и вводятъ людей въ заблужденіе, а сверхъ того обнаруживается и непосредственно на денежномъ рынкѣ, въ силу общихъ экономическихъ законовъ. Возьмемъ, напримѣръ, возвышеніе цѣны процентныхъ бумагъ. Если это явленіе возникаетъ естественно, то оно признакъ хорошій; но предположимъ, что оно вызвано искусственно: что̀ тогда будетъ? Вопервыхъ, публика получитъ фальшивыя понятія о положеніи дѣлъ, а это можетъ повести многихъ къ разнымъ дѣйствіямъ такого рода, что въ нихъ потомъ придется раскаиваться; вовторыхъ, и независимо отъ этихъ личныхъ ошибокъ, будутъ дѣйствовать въ ложномъ направленіи тѣ экономическіе законы, коими управляется денежный рынокъ. Явленіе, искусственно вызванное, подлежитъ тѣмъ же экономическимъ законамъ, какъ и явленіе естественно возникшее. Когда въ капиталахъ избытокъ, то въ силу экономическаго закона, возстановляющаго равновѣсіе, капиталы стремятся уйдти оттуда, гдѣ ихъ слишкомъ много. Но точно также они убѣгаютъ и оттуда, гдѣ нѣтъ дѣйствительнаго избытка въ нихъ, а есть только явленія, служащія признакомъ избытка. Взглянемъ на заграничныя биржи, въ особенности на берлинскую, которая ведетъ съ нами болѣе оживленный торгъ процентными бумагами, чѣмъ другія европейскія биржи. Что̀ же мы видимъ? Вексельный курсъ обнаруживаетъ упорное расположеніе къ постоянному, хотя и медленному пониженію,

но въ то же время русскія процентныя бумаги, даже такія, которыя писаны не на звонкую монету, а на кредитные рубли, какъ напримѣръ 5-й заемъ, поднимаются въ цѣнѣ. Что̀ это значитъ? Этимъ не что̀ другое не выражается, какъ усиленное требованіе процентныхъ бумагъ въ Россію и слѣдовательно отливъ капиталовъ изъ Россіи. Въ этомъ не было бы ничего дурнаго, еслибъ былъ у насъ дѣйствительный избытокъ въ капиталахъ; наши капиталы переходили бы въ тѣ страны, гдѣ на капиталъ спросъ больше, и гдѣ можно получать съ нихъ больше дохода, но когда избытка нѣтъ, а есть только фата-моргана избытка, и когда этотъ призракъ дѣйствуетъ и выгоняетъ изъ страны капиталы, которыхъ и такъ слишкомъ мало, то какъ отрицать, что этимъ наносится ей существенный вредъ? Этотъ вредъ, какъ мы упоминали въ № 133, выражется двоякимъ образомъ: вопервыхъ, мы теряемъ капиталы именно въ то время, когда особенно нуждаемся въ нихъ; вовторыхъ, мы сбываемъ свои капиталы по цѣнѣ дешевой въ то самое время, когда привлекаемъ къ себѣ иностранные капиталы по цѣнѣ сравнительно весьма дорогой. Столь же убыточно для страны и неестественное пониженіе учетнаго процента. Оно есть признакъ избытка въ свободномъ, ищущемъ временнаго помѣщенія капиталѣ. Чѣмъ выше учетный процентъ, тѣмъ большее число капиталовъ можетъ довольствоваться временнымъ помѣщеніемъ и не искать затраты въ долговременныхъ предпріятіяхъ. Пониженіе учетнаго процента сокращаетъ сумму капиталовъ временно помѣщаемыхъ и слѣдовательно не теряющихъ способности послужить по мѣрѣ надобности и основнымъ и оборотнымъ капиталомъ для предпріятій. Но искусственное пониженіе учетнаго процента не можетъ быть прочно, и когда оно минуетъ, то всею народною промышленностью тяжко почуется недочетъ въ оборотномъ капиталѣ.

Эти оба явленія, дорожаніе процентныхъ бумагъ и пониженіе учетнаго процента, должны сверхъ того препятствовать и самому ходу той операціи, которую предпринялъ государственный банкъ. Они оказываютъ на вексельный курсъ совершенно однородное дѣйствіе, — понижаютъ его, а при пониженіи курса долженъ естественно остановиться приливъ золота въ банкъ, если банкъ не возвыситъ покупной цѣны золота. Такое же неблагопріятное вліяніе на приливъ золота въ банкъ долженъ имѣть и привозъ процентныхъ бумагъ. Золото поступало въ банкъ изъ-за границы въ видѣ платежей за наши отпускные товары. Теперь въ числѣ этихъ платежей поступаютъ приходящія къ намъ изъ-за границы процентныя бумаги, и ясное дѣло, что чѣмъ болѣе будетъ привезено процентныхъ бумагъ, тѣмъ меньше можно будетъ привозить золота, и слѣдовательно тѣмъ меньшій успѣхъ должна имѣть операція банка по пріобрѣтенію драгоцѣнныхъ металловъ.

Уже теперь она нѣсколько сократилась. Въ апрѣлѣ поступило въ банкъ драгоцѣнныхъ металловъ на 4.547.548; въ маѣ на 4.186.764; въ іюнѣ, какъ видно изъ только что опубликованнаго іюльскаго баланса государственнаго банка, лишь на 2.548.580. Впрочемъ спѣшимъ прибавить, что этотъ послѣдній балансъ (на 1-е іюля) благопріятенъ, ибо количество кредитныхъ билетовъ выпущенныхъ безъ обезпеченія (для такъ-называемаго подкрѣпленія конторъ и отдѣленій) сократилось на 3 милліона и теперь составляетъ 23.000.000 противъ 26.000.000, бывшихъ въ балансѣ предыдущемъ (на 1-е іюня). По чрезвычайному интересу соединенному съ этими операціями государственнаго банка, считаемъ не лишнимъ представить здѣсь сводъ главнѣйшихъ цифръ, въ коихъ онѣ выражаются за все время съ тѣхъ поръ, какъ банкъ началъ означать покупку металла въ своихъ балансахъ, то-есть съ 1-го октября прошлаго года.

	Металлъ размѣн. кассы.	Металлъ обор. кассы.	Кред. бил. и пр. обор. кассы.	Проц. бумаги, прин. банку.	Кредитные билеты. На общемъ основаніи.	На подкрѣпл. конторъ.	Подъ серіи.
Къ 1 окт. 1867 г.	59.649.693	10.801.351	8.235.900	19.588.014	652.116.723	34.700.000	14.906.368
„ 1 нояб. —	63.819.711	17.210.401	12.533.112	12.080.829	656.286.741	34.700.000	23.706.368
„ 1 дек. —	64.893.297	25.293.783	11.729.874	7.168.326	657.360.327	34.700.000	23.706.368
„ 1 янв. 1868 г.	64.999.726	27.881.728	12.776.044	7.360.272	657.466.756	34.000.000	23.647.020
„ 1 февр. —	65.627.297	35.849.460	11.609.733	6.586.389	657.494.327	33.000.000	23.647.020
„ 1 марта —	65.028.882	44.112.185	6.743.355	6.920.160	657.495.912	33.000.000	25.897.804
„ 1 апр. —	99.411.502	9.406.135	23.416.051	21.907.064	691.878.532	30.000.000	—
„ 1 мая —	99.412.631	13.953.683	23.784.432	16.546.028	691.879.661	28.500.000	—
„ 1 іюня —	99.412.73')	18.140.446	23.543.426	16.938.935	691.879.760	26.000.000	—
„ 1 іюля —	99.413.197	20.689.026	17.109.011	15.876.680	691.385.364	23.000.000	—

Къ особенностямъ баланса за истекшій мѣсяцъ принадлежитъ то, что количество кредитныхъ билетовъ выпущенныхъ на общемъ основаніи сократилось (691.385.324 противъ 691.879.760 къ 1-му іюня; сокращеніе — 494.396) безъ соотвѣтствующаго уменьшенія размѣннаго фонда, который еще увеличился на 467 руб., а напротивъ съ уменьшеніемъ безпроцентнаго долга государственнаго казначейства за непокрытые кредитные билеты (567.972.166 противъ 568.467.029 къ 1-му іюня; сокращеніе — 405.137).

Впрочемъ ни это сокращеніе, ни упомянутое выше болѣе значительное изъятіе 3 милл. не много уменьшили сумму выпущенныхъ въ обращеніе кредитныхъ билетовъ противъ конца прошлаго года. Было выпущено:

	къ 1 іюля 1867 г	къ 1 декаб. 1867 г.	къ 1 іюля 1868 г.
На общемъ основаніи .	650.965.416	657.360.327	691.385.364
На подкрѣпленіи конт. .	36.000.000	34.700.000	23.000.000
Подъ серіи.	—	23.706.368	—
Итого. . .	686.965.416	715.766.695	714.385.864

Противъ 1-го іюля прошлаго года въ обращеніи состоитъ лишняго 27.419.948. Правда, что металлъ размѣнной кассы за этотъ годъ возросъ еще больше: 1-го прошлаго іюля металла въ размѣнной кассѣ состояло 58.498.416, а сего 1-го іюля — 99.413.197; увеличеніе на 40.914.781 р. Но это только значитъ, что годъ тому назадъ было въ обращеніи неправильно выпущенныхъ 36 милл., а теперь таковыхъ обращается 23 милл. Въ этомъ отношеніи теперь дѣло обстоитъ лучше тогдашняго, хотя неправильность, тогда допущенная, еще далеко не устранена. Тѣмъ не менѣе однакоже обращеніе, въ общемъ своемъ итогѣ, опредѣляющемъ цѣнность кредитнаго рубля, возрасло въ продолженіе года на $27^1/_2$ милл., и пока оно не сократится на всю эту сумму, до тѣхъ поръ не можетъ возвратиться тогдашнее общее положеніе денежнаго рынка, несомнѣнно лучшее теперешняго. Нельзя не желать, чтобы къ тому въ возможной скорости повела предпринятая банкомъ операція закупки металловъ.

Намъ не менѣе чѣмъ нашему лондонскому корреспонденту кажется вѣроятнымъ, что эта операція задумана въ видахъ общей пользы, но задумавшіе ее весьма могутъ увлекаться ею, и именно противъ этихъ увлеченій должна съ пользой дѣйствовать критика. Намъ вообще кажется, что и тутъ, какъ вездѣ, имѣетъ силу общее правило, что цѣль не освящаетъ средствъ. Очень хорошо имѣть въ виду сокращеніе бумажнаго обращенія, но опасно расширять оное хотя бы и временно и съ тѣмъ чтобы въ послѣдствіи сократить, ибо это послѣднее намѣреніе можетъ не исполниться вслѣдствіе какихъ-нибудь случайныхъ обстоятельствъ, а временные выпуски могутъ остаться въ обращеніи. Какъ во всякомъ дѣлѣ, такъ и здѣсь: и цѣль должна быть общеполезная, и средства законныя. Въ этихъ тѣсныхъ предѣлахъ операція покупки металла шла бы-можетъ-быть тише теперяшняго, но за то еслибы были извлечены изъ обращенія сперва кредитные билеты ничѣмъ не обезпеченные, то польза была бы двоякая:

1) учетный процентъ не былъ бы пониженъ, а слѣдовательно было бы задержано и вздорожаніе процентныхъ бумагъ и пониженіе вексельнаго курса.

2) билеты государственнаго казначейства накопившіеся въ банкѣ нельзя было бы обратно выпускать въ публику, въ чемъ также заключается нѣкоторая опасность для будущаго.

Билеты государственнаго казначейства суть тѣ же бумажныя деньги, только крупнаго достоинства (coupure), то-есть исключительно пятидесятирублевыя, и притомъ приносящія проценты, то-есть не выгодныя для государства. Трудно сказать, по какой части бумажнаго обращенія нужнѣе сокращеніе, по безпроцентной ли (кредитнымъ билетамъ) или по этой процентной (серіямъ). Вѣрно то, что серіи окажутся на практикѣ главнымъ препятствіемъ при всякомъ серіозномъ улучшеніи денежной системы. Теперь банку легко продавать ихъ: публика охотно покупаетъ ихъ, потому что увеличилось количество обращающихся бумажныхъ денегъ, но какъ только излишне выпущенные кредитные билеты будутъ изъяты изъ обращенія, воротится то положеніе дѣлъ, которое повело къ Высочайшему повелѣнію о выпускѣ кредитныхъ билетовъ подъ обезпеченіе накопившимися въ банкѣ серіями. Что же тогда будетъ? Опять придется выпускать кредитные билеты?

Намъ кажется, что операція покупки драгоцѣнныхъ металловъ, при той полезной цѣли, которую мы, какъ нельзя болѣе готовы предполагать въ ней, вмѣстѣ съ нашимъ лондонскимъ корреспондентомъ,

была безупречна только пока происходила при 10% учетѣ. Въ этомъ условіи заключался, по нашему мнѣнію, предѣлъ ея пользы; то-есть затѣмъ на нее могутъ быть съ пользой употребляемы лишь излишки, еслибъ излишки остались, отъ изъятія неправильно выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ.

Прибавимъ въ заключеніе, что успѣшный доселѣ ходъ этой операціи зависѣлъ также отъ того, что мѣстныя конторы и отдѣленія банка снабжали его все это время обильными средствами. Какія громадныя суммы банкъ извлекалъ изнутри государства, показываютъ слѣдующія разительныя цифры, коими выражается долгъ петербургскаго банка конторамъ и отдѣленіямъ по переводнымъ билетамъ на конторы и отдѣленія и по текущему счету съ ними:

	Перев. билеты.	Счетъ.	Итого.
Къ 1-му декабря 1866 г.	14.331.304	1.903.621	16.234.925
— 1-му января 1867 г.	10.168.241	2.897.428	13.065.669
— 1-му февраля —	10.993.835	8.278.222	19.272.057
— 1-му марта —	14.144 141	4.461.727	18.605 868
— 1-му апрѣля —	10.353.418	13.513.114	23.916.532
— 1-му мая —	10.787.746	13.730.380	24.578.126
— 1-му іюня —	16.040.325	11.107.812	27.148.137
— 1-му іюля —	13.030 880	14.184.076	27.214.956
— 1-му августа —	16.932.023	10.862.694	27.804.717
— 1-му сентября —	21.047.864	48.681.859	29.729.723
— 1-му октября —	25.486.106	10.511.826	35.997.932
— 1-му ноября —	22.889.013	12 056.928	34.945.941
— 1-му декабря —	15.255.293	17.652.705	32.907.908
— 1-му января 1868 г.	9.342.469	22.024.562	31.367.051
— 1-му февраля —	20.690.852	12.738.724	33.429.576
— 1-му марта —	29.849.243	3.613.844	33.462.087
— 1-му апрѣля —	28.364.236	11.410.544	39.774.780
— 1-му мая —	14.427.711	23.209.559	37.637.270
— 1-му іюня —	19.803.218	22.060.963	41.864.181
— 1-му іюля —	24.384.117	17.742 604	42.026.721

Полтора года тому назадъ банкъ былъ долженъ конторамъ и отдѣленіямъ 16 милліоновъ руб.; теперь онъ долженъ имъ 42 милліона; увеличеніе 26 милліоновъ. Вотъ сумма коею банкъ могъ располагать для поддержанія своихъ кассовыхъ средствъ.

№ 146.

Москва, 5-го іюля.

А.

Когда мы говоримъ объ исправленіи русской денежной системы, то разумѣемъ отнюдь не повтореніе того опыта, который былъ сдѣланъ въ 1862 и 1863 годахъ, когда думали восстановить номинальную цѣну кредитнаго рубля посредствомъ размѣна на звонкую монету, для чего, въ видахъ усиленія металлическаго фонда, былъ заключенъ сто-милліонный заемъ. Мы разумѣемъ только устраненіе колебаній цѣнности кредитнаго рубля. Но понятіе о колебаніи цѣнности кредитнаго рубля мы беремъ въ обширномъ смыслѣ, обнимающемъ не только видимыя, но и замаскированныя колебанія,—не только тѣ что выражаются въ вексельномъ курсѣ, но и тѣ, коими причиняется дороговизна. Вексельный курсъ, стоящій значительно ниже *pari*, есть признакъ удешевленія монетной единицы,— признакъ, правда, не пререкаемый, но почти никогда въ точности не выражающій сущности дѣла. Еслибы достаточно было имѣть въ виду вексельный курсъ при рѣшеніи вопроса объ удешевленіи денежной единицы, то дѣло было бы очень просто; отвѣтъ давался бы ариѳметикой. Положимъ, что теперешнимъ вексельнымъ курсомъ вѣрно указывается теперешняя внутренняя цѣнность кредитнаго рубля, и пусть задача состоитъ въ томъ, чтобы довести эту цѣнность до цѣнности номинальной. Тогда надобно было бы разчитывать такъ: теперь въ обращеніи приблизительно 715 милліоновъ кредитныхъ билетовъ, а полуимперіалъ теперь стоитъ приблизительно 6 руб.; итакъ внутренняя цѣнность обращающихся нынѣ 715 милліоновъ равняется приблизительно 120 милліонамъ полуимперіаловъ, а еслибы кредитный рубль имѣлъ свою полную номинальную цѣну, то 120 милліоновъ полуимперіаловъ стоили бы не 715, а не много болѣе 615 милліоновъ рублей; слѣдовательно излишекъ бумажнаго обращенія, требующій изъятія, долженъ равняться приблизительно ста милліонамъ рублей. Между тѣмъ можно съ увѣренностью сказать, что еслибы сто милліоновъ были изъяты изъ обращенія посредствомъ размѣна, этимъ еще не была бы возстановлена номинальная цѣна кредитнаго рубля. Почему это? Потому что вексельный курсъ не сполна выражаетъ дѣйствительное удешевленіе кредитнаго рубля. Вексельный курсъ указываетъ, что кредитный рубль подешевѣлъ на $^1/_7$ долю своей первоначальной цѣны, но въ дѣйствительности, какъ можно заключать по дороговизнѣ, упадокъ значительнѣе. На какое удешевленіе кредитнаго рубля указываетъ дороговизна, сказать трудно. Для отвѣта на этотъ вопросъ требовались бы обширныя статистическія изслѣдованія о движеніи цѣнъ на главные предметы торговли,—изслѣдованія которыхъ у насъ не сдѣлано и не

дѣлается, несмотря на всю ихъ заманчивость; но еслибъ они и были сдѣланы, то все-таки отвѣтъ получился бы самый неточный: такъ сложны элементы, коихъ взаимодѣйствіемъ опредѣляется рыночная цѣна предметовъ купли и продажи. Не ища точности, можно съ увѣренностью сказать, что жизнь вздорожала за послѣднія десять лѣтъ гораздо болѣе чѣмъ на $^1/_7$, въ иныхъ случаяхъ болѣе чѣмъ на $^1/_2$, въ большей части случаевъ не менѣе чѣмъ на $^1/_4$. Что̀, однако, изъ этого слѣдуетъ? Кто возьметъ на себя сказать, какая доля этой дороговизны приходится насчетъ бумажныхъ денегъ и какая насчетъ возвышенія налоговъ, которые за это время также значительно возрасли? Никто не въ силахъ заранѣе разсчитать сколько денегъ поглотилъ бы размѣнъ, еслибъ онъ былъ открытъ, сто ли или двѣсти милліоновъ, или еще болѣе. Вексельный курсъ не можетъ тутъ служить указателемъ. Онъ тутъ признакъ обманчивый. Возможны такіе случаи, когда вексельный курсъ остается безъ измѣненія, а внутренняя цѣнность монечной единицы тѣмъ не менѣе колеблетея, и колеблется сильно, подрывая разчеты внутренняго производства, незаслуженно разоряя однихъ и обогащая другихъ. Отчасти это происходитъ именно теперь, когда условія покупки недвижимой собственности и процентныхъ бумагъ подвергаются столь рѣзкимъ колебаніямъ при относительномъ постоянствѣ вексельнаго курса. Наоборотъ во время авство-прусской войны цѣны предметовъ купли и продажи не подлежали у насъ особеннымъ колебаніямъ, а вексельный курсъ понижался на 5% и болѣе въ одну недѣлю. Теперь спрашивается, что̀ важнѣе для успѣховъ экономической жизни, то ли чтобы меньше колебались цѣны всѣхъ предметовъ купли и продажи, или то, чтобы цѣна векселей была по возможности попостоянна? Кто будетъ отрицать, что если второе желательно, то первое гораздо важнѣе? А если такъ, то вѣрная система исправленія денежной системы должна имѣть въ виду не только видимую цѣну кредитнаго рубля выражающуюся въ вексельномъ курсѣ, но еще болѣе цѣну его такъ-сказать существенную, господствующую надъ всею внутреннею торговлей. Особенно это имѣетъ силу у насъ, при неразвитости нашей иностранной торговли.

Трассировка, размѣнъ, покупка золота, все это болѣе или менѣе относится къ иностранной торговлѣ; при всемъ этомъ имѣется въ виду вексельный курсъ, а не внутреннія цѣны, коихъ колебанія даже не рѣдко употреблялись банкомъ какъ средство для достиженія цѣлей указуемыхъ видами внѣшней торговли. Правильною можно было бы назвать ту систему, которая ставила бы на первомъ планѣ внутреннюю, а не внѣшнюю торговлю. Главнымъ предметомъ, на который должны быть направлены усилія, можетъ разумѣется, быть и по отношенію ко внутренней торговлѣ только излишекъ кредитныхъ билетовъ. Не будь избытка въ денежномъ обращеніи, лучше всего было бы предоставить торговлю естественному ходу дѣлъ. Необходимость вмѣшательства вызывается лишь неправильнымъ состояніемъ денежной системы. Въ чемъ же должно состоять вмѣшательство? Могутъ ли быть допущены новые выпуски кредитныхъ билетовъ для смягченія критическихъ явленій, по временамъ наступающихъ? На этотъ вопросъ надобно отвѣчать рѣшительнымъ нѣтъ. Не выпуски кредитныхъ билетовъ, а лишь изъятіе ихъ можетъ быть употреблено какъ средство помощи, и при употребленіи этого-то средства должны быть принимаемы въ разчетъ обстоятельства внутренняго рынка гораздо болѣе чѣмъ рынка внѣшняго. Вниманіе не должно быть поглащаемо вексельнымъ курсомъ. Если это бывало доселѣ, то это было ошибочно. Равнымъ образомъ неправильно было бы держаться абстрактной теоріи изъятія, какъ было отчасти въ 1862 году. Ни съ чѣмъ несообразно сокращать денежное обращеніе, когда отовсюду слышатся жалобы на безденежье, когда и недвижимая собственность и процентныя бумаги дешевѣютъ, а учетный процентъ идетъ въ гору. Но когда обнаруживаются противные тому признаки, то вмѣшательство необходимо, и своевременное сокращеніе денежнаго обращенія можетъ избавить внутреннее производство и внутреннюю торговлю отъ многихъ потерь и разочарованій. Если пользоваться такими минутами для изъятій, то можно достигнуть безъ потрясеній прочнаго исправленія денежной системы. Какъ производить изъятіе, это вопросъ техники, не представляющій трудностей: можно возвысить проценты по вкладамъ; можно открыть размѣнъ кредитныхъ билетовъ на процентныя бумаги, или на золото и процентныя бумаги пополамъ и т. д.

Это подробности. Сущность же дѣла всего проще опредѣляется отрицательнымъ разъясненіемъ того чего не слѣдуетъ дѣлать, что было бы ошибкой. Прототипъ возможныхъ по этой части ошибокъ у всѣхъ на памяти пониженіе процента платившагося по вкладамъ прежнихъ казенныхъ банковъ, вытолкнувшее на рынокъ, массу кредитныхъ билетовъ, которая нашла было себѣ спокойное пристанище въ кладовыхъ опекунскихъ совѣтовъ. Вотъ что пагубно и теперь, какъ было тогда, и о всякой новой мѣрѣ можно сказать заранѣе тѣмъ болѣе или тѣмъ менѣе хорошаго, чѣмъ болѣе или чѣмъ менѣе далека она отъ сходства съ упомянутою мѣрой, которая потрясла экономическій бытъ Россіи еще сильнѣе чѣмъ выпуски кредитныхъ билетовъ произведенные во время Крымской войны.

Изъятіе кредитныхъ билетовъ не оказало бы ожидаемаго дѣйствія еслибы повело только къ тому, чтобы въ замѣнъ изъятыхъ кредитныхъ билетовъ стали обращаться серіи и чаще теперешняго переходить изъ рукъ въ руки. Билеты государственнаго казначейства (серіи), по своему отношенію къ денежной системѣ, мало отличаются отъ кредитныхъ билетовъ. Это также своего рода бумажныя деньги; въ недавней операціи государственнаго банка серіи были связаны съ кредитными билетами не случайно. По отношенію къ серіямъ правильная система состоитъ также въ томъ, чтобы сокращать ихъ, пользуясь такими моментами, когда публика желаетъ сбывать ихъ съ рукъ, но отнюдь не пользоваться представляющеюся иногда возможностью обратно спускать ихъ въ публику. Какъ сокращать количество обращающихся серій, это также вопросъ техники, коего мы теперь не касаемся. Замѣтимъ только, что тутъ дѣло труднѣе чѣмъ съ кредитными билетами, хотя за средствами и тутъ остановки быть не можетъ; можно дѣйствовать и не одними займами; можно соединить сокращеніе текущаго долга съ передачей государственнаго банка въ руки акціонерной компаніи и т. д.

Но, возразятъ намъ, легко все это писать на бумагѣ, а исполнять на дѣлѣ крайне трудно. Противъ послѣдняго нѣтъ спора. Для начала было бы важнымъ успѣхомъ, еслибы сущность правильной системы была хоть только въ теоріи поставлена внѣ сомнѣнія. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ помѣхой для дѣла была не только практическая трудность его исполненія, но и теоретическая трудность соглашенія о свойствѣ предлежащей задачи и тѣхъ средствъ, коими она можетъ быть наиболѣе правильно рѣшена. Тутъ господствовало досслѣ разногласіе, и только многолѣтній опытъ начинаетъ повидимому разгонять туманъ, которымъ была закрыта отъ глазъ искомая цѣль. Что касается до препятствій, затрудняющихъ ея достиженіе, то нельзя сказать, чтобъ они не были правильно понимаемы и оцѣняемы. Всякому извѣстно, что послѣдовательныя мѣры исправленія денежной системы невозможны при постоянной потребности государственнаго казначейства въ экстраординарныхъ ресурсахъ. Всякому извѣстно также, что для устраненія нашихъ финансовыхъ затрудненій нужно не столько сокращеніе бюджета, сколько прекращеніе такъ-называемыхъ сверхсмѣтныхъ или сверхбюджетныхъ кредитовъ.

Если специальность вопроса о регулированіи нашей денежной системы, грубые предразсудки, еще распространенные въ нашей публикѣ относительно безвреднаго удовлетворенія государственныхъ потребностей посредствомъ бумажныхъ денегъ и, наконецъ, нѣкоторыя исключительныя обстоятельства и мѣры на время закрывшія отъ простаго глаза экономическія страданія, причиняемыя шаткостью монетной единицы,—если все это до сихъ поръ не позволяло сосредоточить достаточно вниманія на искорененіи этого зла нашихъ финансовъ, то всѣ уже совершенно ясно видятъ, что главное затрудненіе государственнаго банка заключается въ необходимости исполнять непредвидѣнныя требованія финансоваго управленія, и что эти непредвидѣнныя требованія вызываются непомѣрнымъ развитіемъ экстраординарныхъ кредитовъ по всѣмъ отраслямъ управленія. Объ этомъ было достаточно у насъ говорено въ печати, и сколько извѣстно, на необходимость устраненія этого порядка вещей уже энергически указано высшимъ правительствомъ при разсмотрѣніи бюджета на 1868 г. Стоитъ ли тратить мѣсяцы ежедневныхъ трудовъ на составленіе смѣтъ и исключеніе изъ нихъ тысячныхъ расходовъ, при обсужденіи государственной росписи въ законодательномъ порядкѣ, когда каждое вѣдомство можетъ на милліоны выходить изъ бюджетныхъ ассигнованій и

при исполненіи бюджета могутъ быть въ общемъ итогѣ на цѣлые 60 милліоновъ превышены ожидавшіеся годовые расходы, какъ это случилось въ 1866 г. и какъ это случается чуть не ежегодно, судя по цифрамъ государственныхъ займовъ? Какого при этомъ порядкѣ можно ожидать разсчета отъ министра финансовъ и на какихъ финансовыхъ данныхъ можетъ онъ основать не только плодотворныя, вызываемыя нынѣшнимъ политическимъ положеніемъ Россіи, мѣры къ устройству финансовъ, но даже сколько-нибудь благонадежныя операціи для палліативнаго устраненія финансовыхъ затрудненій? Только посредствомъ твердаго бюджета, съ одной стороны, устанавляется разумная, основанная на государственныхъ соображеніяхъ и не зависящая отъ произвола административныхъ исполнителей классификація всѣхъ категорій государственныхъ расходовъ отъ наиболѣе до наименѣе необходимыхъ, и съ другой стороны, опредѣляется наибольшая тяжесть налога, которую можетъ вынести народъ безъ истощенія своихъ производительныхъ силъ и которая есть крайній предѣлъ для всякаго бюджета. Можетъ ли администрація идти вѣрнымъ шагомъ, когда высшій начальникъ отдѣльной части не знаетъ напередъ хотя приблизительно какимъ количествомъ матеріяльныхъ средствъ онъ будетъ располагать, когда въ деньгахъ необходимыхъ для самыхъ фундаментальныхъ улучшеній въ его части ему будетъ отказываемо или назначеніе этихъ денегъ будетъ отлагаемо на неопредѣленное время, и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ случаѣ остатковъ въ концѣ года или свободныхъ суммъ въ теченіе финансовыхъ операцій напримѣръ въ случаѣ остатковъ отъ какого-нибудь займа, или даже просто въ случаѣ заключенія противъ ожиданія какого-нибудь займа, этому же самому лицу или другому будутъ открываемы кредиты на предметы менѣе нужные или даже на предметы роскоши и прихоти? Отсюда неизбѣжно слѣдуетъ неувѣренность важнѣйшихъ частей управленія въ полученіи средствъ на продолженіе начатыхъ правительственныхъ работъ, неувѣренность составляющая предметъ справедливыхъ сѣтованій въ бюрократическомъ мірѣ. На эту сторону дѣла, кажется, не было обращено вниманія, а между тѣмъ она объясняетъ менѣе невыгоднымъ для Россіи и весьма простымъ образомъ многое, ведущее къ лжетолкованіямъ со стороны нашихъ недоброжелателей. Еще менѣе возможны серіозныя улучшенія въ системѣ налоговъ, когда не имѣется въ виду опредѣленнаго бюджета расходовъ. Это у насъ постоянно и оказывается. Подушная подать, представлявшаяся легчайшимъ способомъ быстраго увеличенія доходности налоговъ, была непомѣрно возвышена и съ тѣмъ вмѣстѣ была чрезвычайно усилена первоначальная несправедливость нашей податной системы, чрезмѣрно обременяющей недостаточные классы и трудъ.

Допущеніе постоянныхъ сверхъ-бюджетныхъ расходовъ, доходящихъ до 13% на общій итогъ государственной росписи и до 35% и болѣе по отдѣльнымъ вѣдомствамъ, приводитъ къ нѣкоторымъ политическимъ и финансовымъ результатамъ, даже худшимъ, чѣмъ было бы управленіе государствомъ вовсе безъ бюджета. Оно водворяетъ по всѣмъ отраслямъ управленія обычай испрашивать по смѣтамъ наименѣе нужные расходы, а самые необходимые, то-есть такіе, въ которыхъ нельзя ожидать отказа, отлагать для испрошенія въ видѣ экстраординарныхъ кредитовъ. Этотъ обычай, довольно естественный даже при добросовѣстныхъ стремленіяхъ администраторовъ къ улучшенію своихъ частей, не можетъ быть никому изъ низшихъ должностныхъ лицъ поставленъ въ укоръ, даже едва ли можно обвинять высшихъ правительственныхъ лицъ въ подобномъ пользованіи всѣми предоставленными имъ путями къ усиленію матеріальныхъ способовъ своей дѣятельности. Но понятно какую неурядицу причиняетъ этотъ обычай. Укажемъ на главное зло, отсюда проистекающее, на систематическое, а не случайное, какъ могло бы быть безъ бюджета, возрастаніе расходовъ роскоши и прихоти насчетъ насущныхъ нуждъ государства. Лица, разсматривающія первоначальныя смѣты въ законодательномъ порядкѣ, не имѣютъ ни сильныхъ побужденій, ни возможности пресѣкать развитіе роскоши въ бюджетѣ, не потому чтобъ они были къ этому равнодушны,—какъ можетъ казаться судя по щедрости, господствующей по многимъ у насъ расходамъ,—а единственно потому что при составленіи и утвержденіи общей росписи законодательное учрежденіе вовсе не имѣетъ предъ собою всего итога расходовъ, нужныхъ на наступающій смѣтный періодъ. Понятіе о необ-

ходимости и пользѣ большей части государственныхъ расходовъ относительно; это понятіе, безъ котораго невозможно составленіе бюджета, возникаетъ только изъ соображенія общаго итога испрашиваемыхъ кредитовъ и взаимнаго отношенія ихъ всѣхъ между собою.

Въ настоящее время года, когда только что начинается представленіе въ государственный совѣтъ специальныхъ смѣтъ по вѣдомствамъ на 1869 г., всего удобнѣе положить начало пресѣченію этого зла. Сокращеніе государственныхъ расходовъ можетъ производиться только въ центрѣ государственнаго управленія, откуда видно государственное значеніе каждаго расхода; оно никогда не происходитъ на окружности, гдѣ каждое отдѣльное вѣдомство, при самыхъ добросовѣстныхъ намѣреніяхъ, бываетъ озабочено разрастаніемъ своихъ средствъ насчетъ другихъ вѣдомствъ.

Б.

Въ № 93 *Московскихъ Вѣдомостей* мы напечатали письмо къ намъ отъ одного изъ виленскихъ чиновниковъ до-Муравьевскаго времени, который пожелалъ скрыть свою фамилію подъ буквой Т. Такъ какъ въ письмѣ этомъ онъ голословно опровергалъ приведенныя нами данныя о положеніи дѣлъ въ сѣверо-западномъ краѣ, то мы нашли нужнымъ подтвердить наши доводы фактами, почерпнутыми, согласно желанію г. Т., изъ офиціальныхъ источниковъ.

Съ мѣсяцъ тому назадъ мы получили отъ него же пространное и переполненное желчными и совершенно голословными выходками другое письмо, напечатанное нынѣ въ № 125-мъ *Новаго Времени*. Не имѣя желанія вступать въ перебранку, и притомъ съ лицомъ, имя котораго извѣстно только намъ, а не публикѣ, мы не считали нужнымъ печатать его письмо, которое не заключаетъ въ себѣ никакихъ фактовъ, а ограничивается тѣмъ, будто сказанныя нами въ № 93 возраженія, кромѣ одного, вовсе не отвѣты на его доводы. Спорить объ этомъ, во всякомъ случаѣ, излишне, потому что провѣрить дѣло всякому легко: стоитъ только сличить письмо г. Т. съ нашимъ отвѣтомъ, напечатаннымъ въ одномъ и томъ же 93 нумерѣ *Московскихъ Вѣдомостей*.

Мы ограничились бы этою краткою замѣткой въ отвѣтъ на это послѣднее письмо г. Т., еслибъ онъ не упрекнулъ насъ за то, что мы указывали въ статьѣ на одного чиновника, съ великорусскою фамиліей и православнаго исповѣданія, который укрывалъ агитаторовъ мятежа, но „не разоблачили яснѣе предъ публикой „и не указали куда въ послѣдствіи, по прибытіи графа Муравьева, юркнула эта крупная личность, умѣвшая такъ искусно замаскироваться предъ высшимъ начальствомъ. Вѣроятно,“ прибавляетъ г. Т., „она „не ускользнула отъ необыкновенной прозорливости покойнаго графа, имѣвшаго „глубокій инстинктъ въ распознаваніи подобныхъ людей, и, нѣтъ сомнѣнія, что онъ „отправилъ эту личность, въ примѣръ и „поученіе другимъ, туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ.“

Охотно беремся удовлетворить любознательность г. Т., и опять тѣмъ же способомъ, который онъ признаетъ безусловно достовѣрнымъ, то-есть ссылкой на офиціальный документъ. Какъ виленскій чиновникъ, г. Т., легко можетъ навести въ канцеляріи генералъ-губернатора справку о содержаніи рапорта изъ Бѣлостока отъ гродненскаго вице-губернатора къ тамошнему губернатору (27-го іюля 1861 г. № 31), пересланную бывшему начальнику края при отношеніи губернатора отъ 30-го іюля 1861 г. за № 187. Лицо, скрывающее себя за буквою Т., фактически убѣдится изъ этого любопытнаго документа какъ въ томъ, что означенный чиновникъ съ фамиліей на *овъ*, дѣйствительно, игралъ въ Бѣлостокѣ роль, о которой г. Т. отзывается съ благороднымъ негодованіемъ, такъ и въ томъ что этотъ чиновникъ не былъ однако отправленъ, „въ примѣръ и поученіе другимъ, туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ.“ Графъ Муравьевъ ограничился тѣмъ, что лишилъ его всякаго служебнаго вліянія, передавъ изъ его вѣдѣнія въ другія учрежденія всѣ серіозныя дѣла. Теперь, если вѣрить слухамъ, этотъ чиновникъ имѣетъ виды получить въ одномъ изъ уѣздовъ края, вѣроятно, въ видахъ его обрусенія, одно изъ конфискованныхъ имѣній.

Думаемъ, что г. Т., по наведеніи указанной нами справки въ канцеляріи, уволитъ насъ отъ объясненій о тѣхъ „истинно-преданныхъ престолу и русскому дѣлу лицахъ,“ о которыхъ онъ намъ пишетъ, и о его воззрѣніяхъ на то, хорошо или дурно идетъ теперь въ краѣ „наше родное русское дѣло,“ какъ ему угодно выражаться.

№ 147.

Москва, 6-го іюля.

Лицемѣріе, вотъ новое подкрѣпительное начало, введенное въ изнемогающее тѣло Турціи. На Востокѣ теперь все надѣло грубо улыбающуюся личину. Турки, съ усугубленною ревностью притѣсняя, грабя и подавляя христіанскія населенія, еще выдаютъ себя просвѣщенными и человѣколюбивыми реформаторами. Въ прежнее время христіане страдали тяжко. Какъ и теперь, ихъ облагали податями, обремѣняли повинностями. Съ каждымъ новымъ султаномъ, съ каждымъ новымъ визиремъ, съ каждымъ новымъ пашею присланнымъ въ провинцію, усиливались и грабежъ, и жестокости. Христіане стенали, уплачивали и золотомъ, и кровью тяжкія подати; но въ прежнюю пору у нихъ, по крайней мѣрѣ, не совсѣмъ была отнята надежда, и вопли ихъ находили нѣкоторый отголосокъ въ мірѣ.

Теперь они лишены и этого послѣдняго утѣшенія. Дипломатія написала на дверяхъ восточнаго ада Дантовъ стихъ: *Lasciate ogni speranza.* Мало того что турецкіе христіане не находятъ поддержки и сочувствія ни въ Парижѣ, ни въ Лондонѣ, ни въ Берлинѣ, ни въ Вѣнѣ; но дерзая стенать подъ бременемъ ига, ихъ сокрушающаго, они должны еще слышать отовсюду пріятныя рѣчи: „На что вы жалуетесь? Вы теперь живете подъ правительствомъ человѣколюбивымъ и просвѣщеннымъ. Вашъ султанъ осыпаетъ васъ реформами и милостями всякаго рода. Онъ учредилъ образцовый судъ, устроилъ государственный совѣтъ по образцу націи самой образованной на свѣтѣ. Не сказалъ ли вамъ самъ, этотъ превосходный и чадолюбивый Абдулъ-Азизъ, который, проѣхавшись по Европѣ, превратился въ Марка Аврелія, что каждый изъ васъ можетъ дослужиться до великаго визиря? Министры его — отличные государственные люди. Съ какимъ усердіемъ и мудростію пекутся они о вашемъ счастіи, руководясь наставленіями представителя націи слывущей самою просвѣщенною на землѣ! Чего же вы хотите, чего вамъ нужно? Живите себѣ спокойно; не то васъ заставятъ молчать."

Таковъ, безъ преувеличенія, ежедневный языкъ, съ которымъ офиціозная австро-французская журналистика обращается ко христіанамъ Турціи, — языкъ тѣмъ болѣе прискорбный, что онъ неоднократно подтверждался официіально.

Не далѣе какъ мѣсяцъ назадъ, на банкетѣ, который турецкій посолъ въ Вѣнѣ далъ въ честь своего государя, г. фонъ-Бейстъ произнесъ спичъ, имѣющій занять видное мѣсто въ лѣтописяхъ послѣобѣденнаго краснорѣчія. Разсыпавшись въ неслыханныхъ гиперболахъ, метафорахъ и комплиментахъ, канцлеръ Австрійской имперіи провозгласилъ Абдулъ-Азиза величайшимъ государемъ, а Фуадъ-пашу величайшимъ изъ министровъ, и изъявилъ желаніе чтобы серпъ луны сдѣлался полной луной, то-есть, чтобъ оттоманское владычество возрасло, распространилось и упрочилось какъ можно болѣе. Не пускаясь въ гастрономическія импровизаціи и не прибѣгая къ астрономическимъ метафорамъ, г. маркизъ де-Мутье, которому суждено всегда пѣть *duo* съ г. фонъ-Бейстомъ, отозвался во французскомъ законодательномъ корпусѣ не менѣе лестно о Туркахъ и столь же сурово о христіанахъ.

Изо всѣхъ этихъ прекрасныхъ словъ Турки заключаютъ, что если джауры такъ глупы и податливы, то надобно этимъ пользоваться, дабы высосать у подвластныхъ христіанъ всю кровь, и не теряя времени принимаются за дѣло.

Такъ, напримѣръ, *Mémorial diplomatique*, органъ по преимуществу австро-турецкій, извѣщалъ надняхъ, „что турецкое правительство задумало устроить земское ополченіе (Landwehr) по образцу „прусскаго для замѣны баши-бузуковъ. „Прежде всего этотъ родъ милиціи введутъ въ Болгарію. Въ Ландверѣ будетъ „обязанъ служить каждый Болгаръ, имѣющій 20 лѣтъ отъ роду. Не имѣющіе „оружія получатъ его отъ правительства, „которое, дабы покрыть этотъ расходъ, „обложитъ каждаго главу семейства временнымъ налогомъ въ $3^1/_2$ турецкихъ ливра (лева)".

Едва ли нужно разъяснять что это за мѣра. Нѣтъ сомнѣнія, что Турки побоятся вооружить Болгаръ, ибо вооруженные Болгары тотчасъ выгнали бы или истребили бы своихъ притѣснителей. Все дѣло тутъ только въ томъ, чтобы подъ этимъ предлогомъ у каждаго болгарскаго домохозяина отнять $3^1/_2$ турецкихъ лева (болѣе 25 рублей серебромъ), то-есть

болѣе всего что кто-либо изъ болгаръ можетъ еще имѣть при оттоманскомъ управленіи и при безпрестанныхъ вымогательствахъ подъ предлогомъ податей всякаго рода.

Въ Герцеговинѣ, какъ намъ извѣстно изъ достовѣрнаго источника, чинятся такія же притѣсненія какъ и тѣ что готовятся для Болгаріи.

Въ послѣдніе годы Герцеговина очень обѣднѣла благодаря податямъ и налогамъ, которые съ 1856 года возрасли въ огромномъ размѣрѣ. Недавно еще Турки, подъ видомъ вооруженій и устройства дорогъ, принудили работать все мужское населеніе провинціи, такъ что въ конецъ разорили всѣ округа, ибо множество вьючнаго скота, лошади и мулы, пали отъ безплатной перевозки громадныхъ тяжестей.

Герцеговина страна горная, почва въ ней каменистая, климатъ суровый, а потому земледѣліе тамъ плохо идетъ, и жители занимаются большею частію скотоводствомъ. Здѣсь скотоводство есть единственный источникъ для удовлетворенія турецкой алчности къ грабежу. И вотъ Порта сдѣлала недавно распоряженіе, которое насытитъ эту алчность и довершитъ разореніе страны. Сверхъ девятнадцати податей, лежащихъ на этой провинціи, турецкое правительство предписало еще взимать по 60 *паръ* съ каждой головы скота. Эта мѣра повергла въ отчаяніе Герцеговинцевъ; она подастъ, разумѣется, поводъ еще къ злоупотребленіямъ при взиманіи подати, къ административнымъ притѣсненіямъ, которыми удесятерится эта новая подать, и безъ того громадная. Легко представить себѣ какія повлечетъ она послѣдствія. Турки предвидятъ что будетъ, но покорствуя своему обычному фатализму, они не тревожатся мыслями о будущемъ и думаютъ только о томъ какъ бы побольше награбить въ настоящемъ. Австрійцы знаютъ также какія должны произойдти послѣдствія, и готовятся воспользоваться ими. Съ марта мѣсяца, по Герцеговинѣ рыщутъ агенты Вѣнскаго кабинета. Недавно въ Мостарѣ, напримѣръ, видѣли австрійскаго полковника и двухъ капитановъ штаба. Почти на дняхъ полковникъ Густавъ Теммель былъ посланъ изъ Зары генераломъ Филипповичемъ для снятія плановъ и развѣдки страны. Въ Вѣнѣ очень ошибаются воображая что эти происки остаются неизвѣстны. На востокѣ не случается ничего, что бы въ Россіи не становилось извѣстно, и у насъ общественное мнѣніе не имѣетъ надобности говорить: „Cavete, cavete, ne quid detrimenti...“

№ 148.

Москва, 8-го Іюня.

Ostsee-Zeitung, а за нею и *Кельнская Газета*, сообщаютъ о какихъ-то неудовольствіяхъ, будто бы обнаружившихся въ сельскихъ населеніяхъ Ковенской губерніи, по поводу способовъ примѣненія закона о земельномъ надѣлѣ. Крестьяне находятъ-де, что во многихъ случаяхъ нарушены ихъ права, и дѣло будто бы уже дошло до того, что „требовалось вмѣшательство вооруженной силы, нанесшей многимъ обществамъ *тяжкія бѣдствія*.

Судя по этимъ свѣдѣніямъ, пожалуй, можно было бы подумать, что уже начинаютъ оправдываться мрачныя сказанія изъ польскаго лагеря о соціалистической пропагандѣ русскихъ чиновниковъ, вздумавшихъ оказывать только что не измѣнническое покровительство мятежнымъ крестьянамъ западнаго края противъ тамошнихъ вѣрноподданныхъ и консервативныхъ пановъ. Но заключеніе упомянутой корреспонденціи гласитъ совершенно противное. Для разбора дѣла и „облегченія участи крестьянъ“ назначена коммиссія, и вотъ трудами ея уже будто бы открыто, что жалобы крестьянъ, по большей части, направлены противъ „превышеній власти *чиновниковъ повѣрочной коммиссіи* противъ *мировыхъ посредниковъ*,“ то-есть какъ разъ противъ тѣхъ же соціалистовъ-чиновниковъ, которыхъ *Вѣсть* и *Новое Время* обвиняли въ оказаніи крестьянамъ пристрастія въ ущербъ помѣстному сословію.

Какъ объяснить это странное разнорѣчіе? *Ostsee-Zeitung* извѣстна своею готовностью оказывать гостепріимство всѣмъ сообщеніямъ враговъ общественнаго благоустройства и національныхъ интересовъ Россіи. На этотъ разъ, корреспондентами ея, конечно, не могли быть ни крестьяне, ни прежніе чиновники, которые, безъ сомнѣнія, позаботились бы выставить себя съ лучшей стороны. Очевидно, что эти корреспонденты не иные кто, какъ западно-русскіе помѣщики „съ польскимъ народнымъ самолюбіемъ“ или же тѣ изъ чи-

новниковъ, которые имъ благопріятствуютъ. Подобно Огинскимъ и Чарторыйскимъ при императорѣ Александрѣ Павловичѣ, подобно Старжинскимъ и Велёпольскимъ въ наше время, они выставляютъ причиной всего зла чиновниковъ опредѣленныхъ прежними генералъ-губернаторами сѣверо-западнаго края и столь же ненавистныхъ польскому народному самолюбію, провозглашаемому въ сѣверо-западномъ краѣ официознымъ *Новымъ Временемъ*....

Тѣ же самыя обвиненія повторяются и въ парижской *Liberté* „частнымъ“ (?) письмомъ полученнымъ изъ Ковна. Во всѣхъ этихъ свѣдѣніяхъ сообщается то же самое: притѣсненія и „превышенія власти“ чиновниковъ специально назначенныхъ для установленія условій крестьянской собственности вызвали неудовольствіе и неповиновеніе со стороны крестьянъ; генералъ-губернаторъ Потаповъ поспѣшилъ на мѣсто смутъ по усмиреніи оныхъ „военною силой,“ назначивъ коммисеію съ цѣлію положить предѣлъ произволу чиновниковъ и „облегчить участь“ несчастныхъ крестьянъ.

Но обо всѣхъ этихъ событіяхъ, якобы совершившихся уже во второй половинѣ мая, мы до сихъ поръ не имѣемъ никакого свѣдѣнія. Мы слышали только будто въ Вильнѣ идетъ рѣчь о переповѣркѣ повѣрочныхъ коммиссій и о назначеніи съ этою цѣлію переповѣрочныхъ коммиссій, но вѣры этимъ слухамъ не давали и приписывали ихъ проискамъ польскихъ патріотовъ. Весьма естественно, что переповѣрка крестьянскаго дѣла возбудила бы ропотъ между крестьянами на новыя власти за перетолкованіе совершенно въ иномъ смыслѣ неоднократно возвѣщенной крестьянамъ, всѣми мѣстными властями отъ генералъ-губернаторовъ до послѣдняго становаго, — воли Царя. „Царь этого не знаетъ,“ говорили крестьяне въ Царствѣ Польскомъ, какъ свидѣтельствовалъ *Dziennik Poznański* (20-го августа 1862 г.), когда по распоряженію гминныхъ войтовъ, подвергали ихъ жестокимъ воинскимъ экзекуціямъ, дабы принудить къ повиновенію бунтовавшей шляктѣ. То же скажутъ и ковенскіе крестьяне, еслибы вдругъ вчерашняя правда была выставлена имъ нынѣ ложью, и отъ имени Царя стали бы распоряжаться ими попрежнему „польскіе“ паны или, что еще хуже, послушные имъ новые русскіе чиновники....

Нѣтъ, сомнѣнія, что упомянутыя корреспонденціи нѣмецкихъ и французскихъ газетъ писаны изъ лагеря западно-русскаго дворянства съ „польскимъ народнымъ самолюбіемъ.“ Всякій согласится съ этимъ, кому памятны событія, предшествовавшія возстанію 1862 г. Пока въ Петербургѣ, вдохновителями *Вѣсти* и *Новаго Времени*, вызываются извѣстныя мѣры, во имя необходимости положить предѣлъ произволу чиновниковъ-соціалистовъ, якобы подкапывающихся подъ основы права собственности своимъ пристрастіемъ къ крестьянамъ, — за границей, въ виду естественныхъ результатовъ, какіе вызоветъ въ крестьянахъ столь внезапный переворотъ, уже подготовляется почва для новой системы нареканій противъ русскаго правительства. На него, до сихъ поръ, въ продолженіи болѣе пяти лѣтъ, взводится обвиненіе въ соціализмѣ, якобы превращенномъ въ орудіе систематическаго ограбленія помѣщиковъ въ западномъ краѣ; на него же нынѣ предстоитъ сбросить, по примѣру происходившаго въ Царствѣ Польскомъ до 19-го февраля 1864 г., вину систематическаго угнетенія крестьянъ, которые могутъ благоденствовать только подъ покровомъ консервативныхъ пановъ и коихъ благосостоянію „препятствуетъ только порабощеніе Польши Русскому правительству. *). Предвидя успѣхъ своихъ козней въ Петербургѣ, польскіе помѣщики предвидятъ и естественныя послѣдствія этого успѣха, и приготовляютъ публику Европы къ предстоящей, внезапной перемѣнѣ картъ. Въ виду этой перемѣны спѣшатъ они нынѣ передать своимъ заграничнымъ друзьямъ новый лозунгъ ожидаемой новой кампаніи противъ Россіи и доказывать подъ ладъ берлинскимъ газетамъ, имѣющимъ въ виду другую часть ея владѣній, будто Россія всѣ свои реформы пишетъ только на бумагѣ.

№ 149.

Москва, 9-го Іюля.

Дѣла въ прибалтійскихъ губерніяхъ подвижутся впередъ, а это, какъ всегда бываетъ, значитъ, что они пятятся, хотя и безъ скачковъ какъ въ сѣверо-запад-

*) Tyszkiewicz „Ecrits sur la Pologue“ p. 74.

ныхъ губерніяхъ. Положеніе становится все труднѣе: фактъ прискорбный, и на него необходимо обратить серіозное вниманіе. Годъ тому назадъ, въ городѣ Ригѣ, произнесено было царственное слово, открывавшее для этого края эру благодѣтельныхъ реформъ. Прошелъ годъ послѣ того, когда такъ ясно и торжественно объявлена была воля Монарха Россіи, и что же? Какія приняты дѣйствительныя мѣры для постепеннаго, но рѣшительнаго утвержденія русскаго языка въ административныхъ и учебныхъ сферахъ прибалтійскихъ губерній, въ содержимомъ на русскія деньги университетѣ, въ гимназіяхъ, уѣздныхъ и народныхъ училищахъ, чего такъ настоятельно требуютъ интересы Россіи и самого этого края въ громадной массѣ его населеній? Измѣнился ли прежній порядокъ запутаннаго городскаго устройства, предоставляющій меньшинству возможность употреблять городскіе налоги на то, чтобы противодѣйствовать обрусенію городовъ? *) Кто бы могъ подумать, что край этотъ, для успѣховъ коего на пути образованія казна тратитъ гораздо болѣе чѣмъ для внутреннихъ губерній, отстанетъ отъ прочей Россіи въ томъ что есть особенно существеннаго въ гражданственности, въ улучшеніяхъ по судебной части, потому что власть имѣющіе классы тамошняго населенія опасаются, чтобы при первомъ лучѣ правосудія не разсѣялся какъ дымъ тотъ псевдо-нѣмецкій характеръ, которымъ они облекаютъ свою страну? Кто бы могъ представить себѣ, что экономическій бытъ крестьянъ, обезпеченный на всемъ пространствѣ Россіи отъ Вислы до Амура, отнюдь не будетъ улучшаться въ прибалтійскихъ губерніяхъ, но напротивъ, будетъ приходить еще въ худшія условія, если только это возможно?

Недавно, въ № 20 *Современной Лѣтописи* мы сообщили два примѣра такъ-называемыхъ „добровольныхъ соглашеній" въ Эстляндіи и Курляндіи. Въ настоящую минуту у насъ предъ глазами цѣлый рядъ подобныхъ арендныхъ контрактовъ изъ Лифляндіи: они свидѣтельствуютъ, къ величайшему прискорбію, что даже прошлогоднее, либеральное, съ трудомъ добытое, подъ вліяніемъ правительства, постановленіе, коимъ отмѣняется *смѣшанная аренда*, то-есть обязательство, возлагаемое на балтійскихъ крестьянъ, платить за землю деньги и вмѣстѣ съ тѣмъ отправлять барщину, примѣняется на дѣлѣ такимъ образомъ, что положеніе крестьянъ не только не улучшилось вслѣдствіе того, но рѣшительно становится хуже прежняго. Законъ толкуютъ такимъ образомъ: Отмѣна барщины и смѣшанныхъ контрактовъ значитъ, что всѣ находящіяся въ силѣ контракты между помѣщиками и крестьянами могутъ быть нарушены и, по усмотрѣнію помѣщика, замѣнены другими, въ коихъ всѣ повинности опредѣлены на деньги и въ то же время страшно повышены. Денежная цѣна аренды назначается произвольно и такъ высоко, что нельзя и думать объ уплатѣ ея крестьянами, и крестьянину не остается ничего другаго какъ отрабатывать ее барщиной, только не въ размѣрахъ прежней барщины, а съ весьма значительною надбавкой.

Эти контракты характеризуютъ соціальное положеніе несчастнаго балтійскаго края. По нимъ, какъ документамъ непререкаемымъ, можно судить объ остальномъ. Припомнимъ содержаніе контрактовъ обнародованныхъ въ № 20 *Современной Лѣтописи*, изъ коихъ одинъ эстляндскій, другой курляндскій, прежде нежели взглянемъ на тотъ что описанъ въ помѣщенной ниже корреспонденціи изъ Лифляндіи. Эстляндскій контрактъ заключенъ съ бывшимъ барщинникомъ, работавшимъ прежде на помѣщика по четыре дня въ недѣлю. Вслѣдствіе отмѣны барщины помѣщикъ потребовалъ оброчной платы 100 рублей въ годъ съ участка, на который высѣвается ежегодно 2 четверти ржи и около 6 четвертей ячменя и овса, то-есть за участокъ немного большій обыкновеннаго тягловаго въ ближайшихъ къ Москвѣ земледѣльческихъ губерніяхъ. Крестьяне не въ силахъ уплатить такой оброкъ, а потому принуждены были или бросить свои участки, или согласиться отрабатывать оброкъ барщиной, отбывая за каждый такой участокъ еженедѣльно уже не по 4 дня, а по 6 дней и сверхъ того обязываясь

*) Повидимому отмѣнено даже давно рѣшенное упраздненіе рижскаго цеховаго устройства, предоставляющее рижскому купечеству право облагать налогомъ ленъ, вывозимый моремъ чрезъ Ригу, вслѣдствіе чего и теперь уже значительное количество льна, привозимаго изъ Витебска, идетъ за границу не черезъ нашу ближайшую гавань Ригу, а чрезъ Кенигсбергъ, о чемъ мы неоднократно упоминали, указывая на такое странное извращеніе пути для вывоза русскаго продукта, возбуждающее удивленіе иностранцевъ и прусской журналистики.

молотить на помѣщика хлѣбъ по ночамъ, и не въ зачетъ тѣхъ 6 дней сжать по полудесятинѣ озимаго и яроваго хлѣба, и работать въ годъ: 2 дня для бороньбы, 2 дня для сѣнокоса, 8 дней для выкопки картофеля, 6 дней для возки навоза, 11 дней для уборки льна, 11 дней на винокуренномъ заводѣ, 1 день для стрижки овецъ, 20 дней для молотьбы, 42 дня для пастьбы скота и въ заключеніе дать еще двѣ подводы за 65 верстъ, все это, какъ сказано, сверхъ барщины отбываемой круглый годъ по шести дней въ недѣлю. Вотъ перечень работы, введенной новымъ контрактомъ, коимъ замѣненъ старый, не соотвѣтствовавшій новому закону именно тѣмъ, что установлялъ барщинную работу, но въ размѣрахъ меньшихъ, именно по 4 дня въ недѣлю. Итакъ, что же мы видимъ? Вслѣдствіе закона отмѣняющаго барщинную работу оказывается незаконною прежняя льготная барщина и установляется барщина же, только болѣе тягостная. Прогрессъ этого рода не есть исключительный случай; приведенный контрактъ есть образчикъ изъ числа многихъ однородныхъ.

Въ чемъ состоялъ другой контрактъ, курляндскій? Здѣсь за 23 десятины полагается плата 330 р. и сверхъ того еще 12 руб., 30 руб., 24 р., 1 р. и 20 руб., всего 87 р., но очевидно не съ тѣмъ чтобы крестьяне платили эти деньги, а только для того чтобы замаскировать ими барщинную работу, остающуюся въ силѣ на ряду съ денежнымъ оброкомъ, въ насмѣшку надъ новымъ закономъ. Оброкъ и барщинная работа, это и есть такъ-называемый смѣшанный контрактъ, но смѣшанные контракты отмѣнены закономъ, а потому къ арендной цѣнѣ прибавлено 87 р., — сумма обезпечивающая помѣщика, что крестьянинъ будетъ добровольно отбывать барщину, уплачивая и денежный оброкъ, то-есть останется на положеніи, которое законъ хотѣлъ отмѣнить.

Скажутъ, что же тутъ дѣлать, когда, крестьяне добровольно подписываютъ такіе контракты? Но о доброй волѣ не можетъ быть рѣчи, когда выходъ крестьянъ изъ губерніи для переселенія въ другія мѣста каждый разъ принимаетъ почему-то характеръ якобы угрожающій спокойствію и преслѣдуется чуть не какъ мятежъ всѣми органами власти, устроенными на феодальныхъ началахъ и отъ высшей администраціи въ сущности независимыми. Положимъ однако, что контракты, удерживающіе смѣшанную повинность, подписываются добровольно. Что изъ этого? Вѣдь и прежде смѣшанные контракты были заключаемы добровольно, и однакоже законъ счелъ полезнымъ отмѣнить ихъ. Къ чему же законъ, если есть возможность сейчасъ же и съ горшей силой возстановлять то что имъ отмѣняется? Если смѣшанные контракты были безупречны, то зачѣмъ было отмѣнять ихъ? Если же отмѣнить ихъ было необходимо, то стало-быть не могутъ быть признаны безупречными контракты, которые, по изданіи закона, возстановляютъ въ прежней, но усугубленной силѣ то что имъ отмѣнено? Другимъ закономъ новѣйшаго времени предписано вознаграждать крестьянина за улучшенія земли. Курляндскій добровольный контрактъ постановляетъ условіемъ, чтобы крестьянинъ отказался отъ права на вознагражденіе предоставленнаго ему этимъ закономъ. Опять спрашивается, былъ ли этотъ законъ изданъ съ какою-нибудь цѣлью, или онъ не имѣлъ никакой практической цѣли, другими словами, шутка ли онъ или серіозное дѣло. Нельзя предполагать, чтобы законъ былъ шуткой, и стало-быть, еще разъ, контрактъ превращающій его въ шутку, не можетъ считаться безупречнымъ. Этого мало. Законы доселѣ упомянутые касаются экономическихъ отношеній, но есть другія улучшенія которыя были произведены новѣйшимъ законодательствомъ въ гражданскомъ положеніи лицъ, именно женщинъ. Что же сказать о контрактѣ на арендованіе земли, который и эти законодательныя улучшенія обращаетъ въ шутку? А въ курляндскомъ контрактѣ мы читаемъ слѣдующее: „жена арендующаго, ознакомленная со льготами дарованными женскому полу закономъ, должна, *отказываясь отъ всѣхъ этихъ законныхъ льготъ*, подписать этотъ контрактъ съ обычными словами присяги: Да поможетъ мнѣ Богъ. Аминь." Просимъ читателей вникнуть во всю силу этихъ словъ. Вопервыхъ контрактъ по общимъ понятіямъ есть актъ гражданскій и утверждается подписью, а не присягой, которая допускается только въ дѣлахъ государственныхъ: здѣсь феодалъ, требуя присяги себѣ, дѣйствуетъ какъ государь. И что же утверждается присягой? Отказъ женщины отъ тѣхъ льготъ, которыя законъ только что предоставилъ женскому полу! Какая еще нужна харак-

теристика для того чтобы выставить въ полномъ свѣтѣ эти „добровольные“ контракты? Но и того мало. Теперь повсюду въ Россіи преобразуется судъ. Въ прибалтійскихъ губерніяхъ дѣло преобразованій идетъ, правда, черепашьимъ шагомъ, но феодалы опасаются, что сила времени возьметъ свое и что пожалуй до истеченія срока разбираемыхъ нами контрактовъ, заключаемыхъ на 12 лѣтъ, въ Курляндіи тоже будетъ введено что-нибудь похожее на судъ для всѣхъ равный, правый и скорый. Контрактъ и тутъ напираетъ на крестьянина, и побуждаетъ его „добровольно“ отказаться отъ будущихъ благодѣяній правосудія. Онъ запрещаетъ крестьянину обращаться въ спорахъ съ помѣщикомъ къ общимъ судамъ. Какъ контрактъ г. Вайненса, онъ ставитъ судъ третейскій на мѣсто учрежденныхъ судовъ государства. Но г. Вайненсъ не превозносилъ по крайней мѣрѣ того правосудія, котораго онъ обѣгалъ, а балтійскіе бароны постоянно утверждали, что боятся сближенія съ Россіей, дабы не пострадало въ ихъ краѣ отправленіе правосудія, по ихъ увѣреніямъ, образцовое. Судебная реформа отсрочивается въ балтійскихъ губерніяхъ подъ предлогомъ, что тамъ и безъ реформы правосудіе гораздо лучше обезпечено чѣмъ въ остальной Россіи Объ этомъ намъ прожужжали всѣ уши, а между тѣмъ въ арендныхъ контрактахъ заявляется полнѣйшее недовѣріе къ мѣстной юстиціи, на крестьянъ налагается обязанность бѣжать ея, какъ язвы, и вмѣсто суда государственнаго, на содержаніе котораго крестьяне платятъ вмѣстѣ съ другими подать, установляется судъ третейскій, для крестьянъ крайне неудобный, потому что имъ несравненно труднѣе нежели помѣщику пріискать человѣка, который бы не опасался отстаивать въ третейскомъ судѣ ихъ интересы.

Еще болѣе вопіющимъ кажется намъ случай описанный въ помѣщенной ниже корреспонденціи изъ Лифляндіи. Здѣсь подъ предлогомъ закона, отмѣняющаго смѣшанные контракты, нарушаются контракты существующіе, и судъ признаетъ это нарушеніе законнымъ. Крестьянинъ платилъ 94 р. и отправлялъ весьма незначительныя натуральныя повинности; контрактъ обезпечивалъ за нимъ эти условія еще на два года, до Юрьева дня 1870 года. Но вотъ появился новый льготный законъ. Вслѣдствіе того, помѣщикъ считаетъ себя въ правѣ измѣнить условія контракта прежде истеченія срока ему, и вмѣсто 94 р. требуетъ 165 р., какъ бы вымещая на крестьянахъ свой гнѣвъ противъ законодательнаго вмѣшательства въ „домашнее учрежденіе.“ Крестьянинъ настаиваетъ на своемъ контрактѣ. Онъ проситъ оцѣнить отмѣненную закономъ натуральную повинность и заранѣе обѣщаетъ не спорить объ оцѣнкѣ. Пусть помѣщикъ самъ оцѣнитъ ее, какъ хочетъ; пусть онъ оцѣнитъ ее въ тридорога: крестьянинъ подчинится оцѣнкѣ. Онъ уже не имѣетъ притензіи на то, чтобы новый законъ улучшилъ бытъ его. Онъ будетъ радъ-радешенекъ, если только избѣжитъ разоренія. Пусть возьмутъ съ него больше чѣмъ стóитъ работа, отъ которой онъ освобождается, но пусть надбавка будетъ хоть сколько-нибудь соразмѣрна той работѣ, въ замѣнъ которой она полагается. Помѣщикъ остается непреклоненъ. Приходскій судъ рѣшаетъ дѣло въ пользу крестьянина; уѣздный — въ пользу помѣщика, и помѣщикъ „на свой страхъ“ требуетъ экзекуціи, которая и производится. Здѣсь мы опять встрѣчаемся съ понятіемъ рѣзко противорѣчащимъ государственному праву всѣхъ цивилизованныхъ странъ. „На свой страхъ“ дѣйствуютъ только государства въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ, и экзекуціи производимыя на этомъ основаніи называются войнами. Изъ гражданъ же государства, по миновапіи феодальныхъ порядковъ, никому не представляется „на свой страхъ“ дѣйствовать вооруженною силой; внутри государства вооруженная сила исполняетъ только судебные приговоры, и даже въ распоряженіе администраціи поступаетъ она лишь въ случаѣ опасности угрожающей общественному порядку, въ каковомъ случаѣ только высшимъ представителямъ мѣстной администраціи предоставляется дѣйствовать „на свой страхъ и за своею отвѣтственностью;“ въ распоряженіе же частныхъ лицъ вооруженная сила не поступаетъ никогда, и въ этомъ заключается существенный признакъ государства, которое, по господствующимъ нынѣ въ Европѣ понятіямъ, заслуживаетъ названіе государства цивилизованнаго.

На такихъ примѣрахъ, какъ вышеизложенные, всего лучше видно, что̀ такое средневѣковой феодализмъ, и почему онъ несовмѣстенъ съ новѣйшимъ государственнымъ устройствомъ. Когда говорится о

средневѣковомъ феодализмѣ по отношенію къ балтійскимъ губерніямъ, то это не фраза, а сущность дѣла. Удивительнѣе всего, что въ виду такихъ фактовъ еще осмѣливаются говорить о превосходствѣ такъ-называемой балтійской цивилизаціи. Въ нашемъ простодушіи, мы и не воображаемъ себѣ, что законъ, казавшійся намъ столь либеральнымъ и добытый съ такими усиліями въ видахъ облегченія участи бѣдныхъ крестьянъ, можетъ послужить поводомъ къ жестокимъ экзекуціямъ. Руководители балтійской политики подсмѣиваются надъ этимъ простодушіемъ, довѣряющимъ всему что̀ они скажутъ. Значитъ только для формы, только для того чтобы отвести глаза кому слѣдуетъ, внесенъ въ лифляндскіе крестьянскіе законы 1860 года и тотъ параграфъ, на основаніи коего крестьянинъ арендаторъ долженъ получить вознагражденіе за постройку и другія улучшенія, произведенныя имъ на арендуемой имъ землѣ въ продолженіе срока его аренды! Вслѣдствіе отмѣны смѣшанной аренды, новый особый пунктъ въ крестьянскихъ контрактахъ 1868 г., утвержденныхъ лифляндскимъ (Венденскимъ) уѣзднымъ судомъ, произвольно отмѣняетъ всѣ эти вознагражденія, положительно опредѣленныя закономъ, сохраняющимъ свою силу... Въ феодальномъ государствѣ, каковое мы, къ крайнему удивленію Европы, поддерживаемъ въ прибалтійскомъ краѣ, общіе законы не имѣютъ силы; всѣ постановленія ихъ можетъ, по своему усмотрѣнію, отмѣнять вполнѣ или частію, могущественный феодальный помѣщикъ, который самъ избираетъ судей, поставляющихъ себѣ священною обязанностію исполнять волю своего избирателя. Документы, находящіеся у насъ предъ глазами, подтверждаютъ истину сказаннаго во всей силѣ слова. Мы нисколько не удивимся, если кому-нибудь изъ прибалтійскихъ феодаловъ вздумается въ контрактахъ съ крестьянами отмѣнить десять заповѣдей Господнихъ. Но ужели такое положеніе дѣлъ совмѣстимо съ прочнымъ и правильнымъ государственнымъ порядкомъ и съ истинными интересами Россіи, съ уваженіемъ, на которое имѣетъ право авторитетъ ея правительства?

Всѣмъ извѣстно, что въ Германіи только одно маленькое государство, благодаря своему изолированному положенію, умѣло сохранить средневѣковые, старо-германскіе порядки; но перваго сближенія съ Пруссіей, чрезъ посредство Сѣверо-Германскаго Союза, было достаточно, чтобъ убѣдить мекленбургскія власти, что феодализмъ отжилъ свой вѣкъ и что необходимо упрочить за крестьянами землевладѣніе на началахъ новой гражданственности. Въ настоящее время, во всей Европѣ мы не найдемъ мѣста, гдѣ бы прежняя феодальная система оставалась въ силѣ, какъ у насъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ, гдѣ все населеніе и всѣ государственные интересы отданы какъ бы въ аренду одному классу, который, по своему усмотрѣнію, можетъ отмѣнять, и отмѣнять *de facto*, всѣ дѣйствующіе законы государства.

Въ нашемъ прибалтійскомъ краѣ улучшенія въ томъ смыслѣ, какъ они производятся въ Пруссіи и даже въ маленькомъ Мекленбургѣ (который не играетъ политической роли въ Европѣ и поэтому могъ долѣе сохранять феодальное устройство чѣмъ первостепенныя державы), невозможны до тѣхъ поръ, пока этотъ край сохраняетъ свой псевдонѣмецкій характеръ, пока правда не водворится на мѣсто всяческой лжи, пока $^9/_{10}$ тамошнихъ жителей не нѣмецкаго происхожденія не выйдутъ изъ грубой зависимости отъ меньшинства и не получатъ возможности возвышать свой свободный голосъ при каждомъ спеціальномъ вопросѣ провинціальнаго быта.

До сихъ поръ мы всѣми силами старасися создать у себя маленькую Германію, и принуждаемъ Латышей и Эстовъ считать своимъ отечествомъ не Россію, а эту искусственную маленькую Германію, въ которую превращается нашъ прибалтійскій край. Ихъ строго наказываютъ, ихъ отправляютъ въ ссылку, если они осмѣлятся открыто признавать Россію своимъ отечествомъ! И все это дѣлается для того, чтобъ угодить ничтожному по числу нѣмецкому меньшинству, которое мы такъ ревностно стараемся обратить въ большинство; мы какъ будто недовольны, что намъ не удалось достигнуть этой цѣли въ теченіе полутораста лѣтъ, а между тѣмъ мы успѣли въ это время, въ Лифляндіи напримѣръ, обратить огромное большинство тамошнихъ казенныхъ имѣній (около $^5/_6$ всей губерніи) въ собственность *нѣмецкихъ* помѣщиковъ, которымъ *мы именно* и придали нѣмецкій характеръ, тогда какъ значительное число ихъ и происхожденія-то вовсе не нѣмецкаго. Нынѣ, благодаря нашимъ стараніямъ, только седьмая часть

Лифляндіи принадлежитъ къ казеннымъ имѣніямъ, и крестьяне, Латыши и Эсты, съ глубочайшимъ прискорбіемъ вспоминаютъ о счастливомъ прошедшемъ, когда они были вполнѣ обезпечены въ матеріальномъ отношеніи казенными землями; исключеніе составляютъ только лифляндскіе крестьяне графа Шереметева, которые, со времени Петра Великаго, одни находились, и находятся до сихъ поръ, почти въ такомъ же выгодномъ положеніи, какъ и государственные крестьяне. Этотъ неопровержимый фактъ мы приводимъ, какъ одно изъ тысячи доказательствъ, что крестьяне балтійскихъ губерній чувствовали бы себя гораздо счастливѣе, еслибы казенныя имѣнія, которыя казна не желала удержать за собой, попали въ руки коренныхъ *русскихъ* помѣщиковъ. Но русская политика постаралась лишить Россію огромныхъ выгодъ, которыя она могла бы пріобрѣсти, еслибъ обширное балтійское побережье, посредствомъ обрусенія его, было уже теперь дѣйствительнымъ элементомъ ея силы и прогресса.

Грубые балтійскіе порядки считаются у насъ какою-то святыней. Почему же такой взглядъ на нихъ сохранился только у насъ? Такого рода порядки въ давнія времена существовали повсюду, и повсюду они установлены были *навсегда*; самое дикое цеховое устройство швейнфуртское, рацебургское, каценъ-элленбогенское, могло, по смыслу предоставленныхъ ему привилегій, существовать во вѣки вѣковъ. Итакъ, не въ томъ дѣло, имѣютъ ли эти порядки свое начало въ какихъ-нибудь давнихъ привилегіяхъ, а въ томъ совмѣстны ли они съ нынѣшними настоятельными потребностями государства, цивилизаціи, народнаго блага. Что касается прибалтійскаго края, то существующіе тамъ порядки положительно вредны какъ *для* его населенія, такъ и для Россіи, и слово Монарха, возвѣстившее въ прошедшемъ году въ Ригѣ о необходимости *нововведеній*, выражаетъ вполнѣ то чего желаетъ вся Россія, всѣ вѣрные и истинные сыны ея.

№ 150.

Москва, 10-го Іюля.

Опубликованныя въ предпослѣднемъ № нашей газеты, три законодательныя мѣры по судебному вѣдомству составляютъ одно изъ самыхъ крупныхъ событій дня, и будутъ приняты общественнымъ мнѣніемъ съ тѣмъ вниманіемъ, которое не перестаетъ возбуждать каждый шагъ въ развитіи нашей великой судебной реформы. Прежде всего, конечно, радостно отзовутся въ сердцѣ каждаго, глубоко знаменательныя слова раздавшіяся съ высоты трона о томъ, что судебная реформа оправдала ожиданія Державнаго Обновителя Россіи, „доставивъ „народу скорый, правильный *и пользующійся общимъ довѣріемъ* судъ.“ Эти дорогія слова должны разсѣять всѣ сомнѣнія о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ правительства по судебной реформѣ. Нашлись доброжелатели, которые всячески старались замутить общественное мнѣніе, распуская слухи о томъ, будто бы дальнѣйшее введеніе судебной реформы отсрочено на неопредѣленное время, будто бы предположено измѣнить во многомъ коренныя начала положенныя въ основаніе Судебныхъ Уставовъ 20-го ноября, отмѣнить судъ присяжныхъ и пр. и пр. Всѣмъ этимъ толкамъ положенъ конецъ указомъ 30-го іюня. Повсемѣстное введеніе судебной реформы, правда, нѣсколько отдалено противъ срока назначеннаго въ 1-й ст. Положенія 19-го октября 1865 года, коимъ крайній срокъ сего опредѣленъ въ 1870 году. Но невозможность соблюсти этотъ срокъ давно стала очевидною, и достаточно объясняется положеніемъ нашихъ финансовъ; а распространеніе теперь же мироваго института на всѣ губерніи, гдѣ введеніе его возможно, доказываетъ заботу правительства о возможно скорѣйшемъ предоставленіи всему государству благодѣяній судебнаго преобразованія. Наконецъ, указъ объ открытіи Одесскаго судебнаго округа въ теченіе первой трети будущаго года, вполнѣ разсѣеваетъ всякое сомнѣніе насчетъ намѣреній правительства.

Повсемѣстнымъ, гдѣ только возможно, введеніемъ мировыхъ учрежденій удовлетворяется одна изъ самыхъ насущныхъ потребностей народа относительно суда, ибо нѣтъ сомнѣнія, что мировой судъ стоитъ гораздо ближе къ народу, чѣмъ общіе суды, вѣдѣнію коихъ подлежатъ только крупные, а потому болѣе рѣдкіе процессы какъ гражданскіе, такъ и уголовные. Противъ такого отрывочнаго введенія судебной реформы возражали, что при

совмѣстномъ существованіи мировыхъ учрежденій и старыхъ судебныхъ мѣстъ должно произойдти вредное смѣшеніе двухъ различныхъ системъ, изъ коихъ одна признана отжившею свой вѣкъ. По судебнымъ уставамъ, мировые судьи подчинены въ дисциплинарномъ отношеніи судебнымъ палатамъ; былъ слухъ, что въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ введется мировой судъ безъ новыхъ судовъ общихъ, предполагается установить дисциплинарную подчиненность мировыхъ учрежденій старымъ судебнымъ мѣстамъ второй инстанціи. Это затрудненіе счастливо обойдено пунктомъ 5-мъ указа 30-го іюня, коимъ установляется подчиненность вновь открываемыхъ мировыхъ учрежденій существующимъ судебнымъ палатамъ по особенному временному распредѣленію губерній между ними. Введеніе прокурорскаго надзора при мировыхъ учрежденіяхъ въ лицѣ товарищей губернскихъ прокуроровъ есть также мѣра весьма практическая, ограждающая самостоятельность мироваго института по отношенію къ старымъ судебнымъ мѣстамъ, и въ то же время могущая заготовить для будущаго опытныхъ дѣятелей прокурорскаго надзора, въ которыхъ чувствуется и будетъ еще болѣе чувствоваться большая нужда. Вообще нельзя не отдать полной справедливости той заботливости, съ которою законодательная власть старалась въ этомъ трудномъ дѣлѣ объ охраненіи неприкосновенности и чистоты началъ реформы 20-го ноября, не допуская посторонней примѣси. Въ этомъ заключается лучшее ручательство за полное и успѣшное осуществленіе реформы, начертанной въ судебныхъ уставахъ и являющей собою послѣднее слово науки процессуальнаго права.

Другой указъ 1-го іюля объ усиленіи состава кассаціонныхъ департаментовъ правительствующаго сената и объ измѣненіи нѣкоторыхъ статей учрежденія судебныхъ установленій и уставовъ уголовнаго и гражданскаго судопроизводства касается спеціально кассаціоннаго суда и заключаетъ въ себѣ важное нововведеніе, которое съ перваго взгляда можетъ возбудить разнообразныя толкованія, тѣмъ болѣе что причины вызвавшія эту законодательную мѣру пока не обнародованы. Нѣтъ сомнѣнія, что современемъ публикѣ будутъ сообщены соображенія законодательства по этому предмету, какъ это принято относительно всѣхъ законоположеній по судебной реформѣ, но уже и теперь не трудно угадывать эти соображенія. Дѣятельности кассаціоннаго суда грозила серіозная опасность вслѣдствіе чрезмѣрнаго накопленія дѣлъ. Подчиненіе мировыхъ учрежденій непосредственно кассаціонному суду, а не судебнымъ палатамъ, какъ предполагалось первоначально,—вотъ причина этого неудобства. Но можно ли было желать, чтобы было принято первоначальное предположеніе? Полагаемъ, что нѣтъ. Для сохраненія полной независимости мироваго института, а также въ видахъ единообразнаго примѣненія законовъ и нормальнаго развитія судебной практики, мировыя учрежденія, думаемъ мы, должны быть непремѣнно подчинены кассаціонному суду, какъ верховному хранителю и толкователю истиннаго смысла законоположеній по матеріальному и процессуальному праву, гражданскому и уголовному. Можно сказать положительно, что если судебныя учрежденія вообще и мировыя въ особенности стали у насъ сразу на твердую юридическую почву и судебная практика уже въ это сравнительно короткое время со введенія реформы получила неожиданное практическое развитіе и научное значеніе, которое еще ждетъ своей ученой оцѣнки, то этимъ результатомъ мы обязаны главнымъ образомъ дѣятельности кассаціоннаго суда, который имѣлъ уже случай въ своихъ рѣшеніяхъ, обнародованныхъ для всеобщаго свѣдѣнія, разработать и уяснить почти всѣ коренныя начала, положенныя въ основаніе Уставовъ 20-го ноября, равно какъ множество важныхъ вопросовъ по матеріальному праву. Авторитетъ, коимъ пользуется кассаціонный судъ не только между практиками-юристами, но и для теоріи, великъ и вполнѣ заслуженъ. Но съ другой стороны тѣсный кругъ юридическихъ вопросовъ, подлежащихъ вѣдѣнію мировыхъ судей, почти исчерпанъ въ опубликованныхъ до сихъ поръ рѣшеніяхъ сената, тогда какъ ему предстоитъ еще многое сдѣлать прежде чѣмъ установлено будетъ на твердыхъ началахъ толкованіе нашихъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ, страдающихъ именно отсутствіемъ системы и твердости основныхъ началъ. Самая переработка нашего матеріальнаго права, гражданскаго и уголовнаго, и согласованіе его съ усовершенствованнымъ, построеннымъ на на-

учной почвѣ процессомъ, сдѣлается возможною и желательною лишь по прошествіи нѣкотораго времени, когда значительно обогатится тотъ матеріалъ, который ежедневно теперь накопляется въ судебной практикѣ. Отъ этой-то благотворной и самой существенной своей задачи кассаціонный судъ въ значительной мѣрѣ отвлекается массою мелкихъ дѣлъ, возносимыхъ на его разсмотрѣніе изъ мировыхъ съѣздовъ. Большинство кассаціонныхъ жалобъ на мировые съѣзды совершенно ничтожны и весьма часто заключаютъ въ себѣ доводы по существу дѣла, ибо понятіе о различіи между кассаціей и аппелляціей еще не усвоено нашимъ обществомъ, въ особенности тѣми сферами его, которыя соприкаются съ мировыми учрежденіями. Среднее отношеніе между количествомъ кассаціонныхъ жалобъ на мировыя учрежденія и на общія судебныя мѣста равняется десяти къ 1, такъ что на каждое дѣло, болѣе или менѣе сложное и дѣйствительно нуждающееся въ разъясненіи, приходится десять дѣлъ, по которымъ кассаціонный судъ долженъ оставлять жалобу безъ послѣдствій, ссылаясь въ сотый и тысячный разъ на статью 5-ю Учр. Суд. Устан., установляющую, что правительствующій сенатъ не входитъ въ разсмотрѣніе дѣла по существу. Вновь открываемыя мировыя учрежденія въ 16 губерніяхъ еще гораздо болѣе обременили бы сенатъ, отвлекая его отъ истинно-плодотворной его дѣятельности, еслибы право принесенія жалобъ было оставлено безпрепятственно каждому, кто имѣетъ какое-либо дѣло въ судахъ. Чрезмѣрное усиленіе состава кассаціоннаго суда и дробленіе его на многіе департаменты невозможно уже потому, что тогда рѣшенія его были бы лишены того единства взгляда на юридическіе вопросы, порождаемые нашею судебною практикой, какимъ эти рѣшенія отличались до сихъ поръ; не менѣе важно и то, что мелочность занятій легко могла бы понизить уровень этого высокаго учрежденія. Эти-то соображенія и послужили, повидимому, поводомъ къ установленію залоговъ въ 10, 25 и 100 р., вносимыхъ вмѣстѣ съ кассаціонною жалобой и возвращаемыхъ если жалоба будетъ уважена, но пропадающихъ въ случаѣ ея неправильности. Предвидѣть напередъ насколько „залоги правой кассаціи“ послужатъ дѣйствительнымъ регулятивомъ въ этомъ дѣлѣ — трудно. Во всякомъ случаѣ нельзя не порадоваться, что исключенія изъ правила о залогахъ допущены въ широкихъ размѣрахъ, особенно по уголовному судопроизводству, гдѣ отъ залога освобождаются всѣ подсудимые по дѣламъ судимымъ съ присяжными, а также тѣ, кои содержатся подъ стражей, или подлежатъ по обжалованному приговору тюремному заключенію.

№ 151.

Москва, 11-го іюля.

Мы не успѣли еще до сихъ поръ отозваться на правительственную мѣру, отъ которой публика въ правѣ ожидать для себя многихъ удобствъ. Разумѣемъ отдѣленіе петербургскаго почтамта отъ почтоваго департамента. Эти два учрежденія, совершенно различныя по своему назначенію и по кругу своихъ занятій, находились, если не ошибаемся, уже болѣе 35 лѣтъ въ завѣдываніи лицъ, соединявшихъ въ себѣ должности директора почтоваго департамента и петербургскаго почтъ-директора. Теперь на каждую изъ этихъ должностей назначены особыя лица. Петербургскій почтамтъ, наравнѣ съ прочими почтамтами, почтовыми конторыми и другими почтовыми учрежденіями Имперіи, будетъ на дѣлѣ подчиненъ почтовому департаменту, и, надобно думать, почувствуетъ надъ собой серіозный контроль, чего доселѣ не было, конечно, не безъ ущерба для почтоваго дѣла во всемъ государствѣ.

Это дѣло есть такая часть, по которой всего менѣе встрѣчается препятствій къ улучшеніямъ. Техническая сторона ея доведена въ большей части европейскихъ государствъ до высокаго совершенства. Эти улучшенія стóитъ только усвоивать; ни какой своеобразности тутъ не нужно; политическія, національныя особенности государства тутъ почти не имѣютъ значенія, и даже въ личныхъ силахъ не можетъ оказаться недостатка. Годныхъ для почтовой службы людей можно найдти всюду; отъ нихъ не требуется ни образованія, ни даже опытности пріобрѣтаемой долголѣтнимъ упражненіемъ; главное требованіе — чтобъ они не были бѣлоручки. Въ самой Германіи, гдѣ такъ распространено университетское образованіе, отъ почтовыхъ

чиновниковъ не требуютъ окончанія курса не только въ университетѣ, но и въ классической гимназіи; на службу по почтовой части принимаются тамъ воспитанники реальныхъ гимназій и мѣщанскихъ школъ, приготовлявшіеся къ промышленному труду и потому не пугающіеся ежедневной работы отъ 10 до 12 часовъ и притомъ безъ строгаго соблюденія праздниковъ. Таковъ уровень огромнаго большинства почтовыхъ чиновниковъ въ самыхъ цивилизованныхъ государствахъ. Благоустроенная почтовая часть невозможна, если почтовые чиновники, занимающіеся механическимъ трудомъ, имѣютъ по своему образованію и общественному положенію притязаніе на досугъ, необходимый при усиліяхъ умственныхъ или нравственныхъ. Какъ бы то ни было, вѣрно то, что нѣтъ такой страны на свѣтѣ, которая не могла бы довести личный составъ своей почтовой части до полнаго соотвѣтствія съ ея потребностями. Въ этихъ потребностяхъ собственно и заключается предѣлъ возможныхъ улучшеній почтовой части въ данномъ государствѣ. Само собою разумѣется, что между двумя сосѣдними городами, обмѣнивающимися одною или двумя сотнями писемъ въ годъ, невозможно учредить ежедневное почтовое сообщеніе, но нѣтъ ни малѣйшей разумной причины уклоняться напримѣръ по линіямъ желѣзныхъ дорогъ отъ предоставленія русской публикѣ всѣхъ безъ исключенія удобствъ, предоставляемыхъ при подобныхъ условіяхъ публикѣ англійской или нѣмецкой. Не будетъ парадоксомъ сказать, что у насъ сумма этихъ удобствъ, при правильномъ веденіи дѣла, должна быть еще больше, потому что безо всякаго сравненія легче управиться съ газетами и письмами отправляемыми изъ Москвы чѣмъ изъ Лондона или даже Берлина. На что тамъ тратится часъ, а у насъ до сихъ поръ требовалось отъ трехъ до пяти часовъ, то можетъ быть у насъ несомнѣнно сдѣлано въ полчаса. Въ нынѣшнемъ году предстоитъ значительное расширеніе сѣти открытыхъ для публики желѣзныхъ дорогъ. Линіи отъ Москвы до Кіева, отъ Орла до Риги будутъ открыты навѣрно; очень можетъ быть что паровозы дойдутъ и до Одессы и Харькова. По всѣмъ этимъ трактамъ почтовая служба можетъ быть устроена въ точности такая же, какъ въ другихъ государствахъ Европы. Если объ этомъ еще недавно нельзя было и помышлять, то виной тому было единственно устройство управленія почтовою частью.

Особенность этой части заключается въ томъ, что она существуетъ для публики подобно всякой другой отрасли экономическихъ услугъ, но дѣйствуетъ, вопервыхъ, безъ конкурренціи, вносящей въ личныя услуги энергію, а вовторыхъ, при такихъ условіяхъ, что неудобства претерпѣваемыя публикой, по своей дробности, не могутъ быть предметомъ настоятельныхъ жалобъ, сопряженныхъ съ тратой времени и усилій. Сношенія замедляются, успѣхамъ гражданственности полагаются препоны, публика недовольна, а жалобъ можетъ быть совсѣмъ не слышно. Чтобы потребности публики были тутъ сполна удовлетворены, нѣтъ другаго средства кромѣ того контроля надъ почтовою частью, который лежитъ на обязанности ея начальства. Оно одно имѣетъ возможность съ полнымъ успѣхомъ вступаться за публику, быть ея рукой и глазомъ, пользоваться въ ея интересѣ всякою представляющеюся возможностью, не рѣдко ни кому, кромѣ почтоваго начальства, и неизвѣстною. По другимъ отраслямъ управленія можетъ быть много видовъ контроля: здѣсь есть одинъ дѣйствительный контроль—начальническій. По другимъ отраслямъ управленія можно находить элементы улучшеній, прислушиваясь къ говору публики: въ почтовой части улучшенія такъ мелочны и до того связаны съ подробностями техники, нисколько не хитрой правда, но закрытой для посторонняго наблюденія, что лишь завѣдывающій почтовою частью, при неусыпной заботливости о пользѣ публики, можетъ придумывать мѣры соотвѣтствующія потребности и средствамъ, въ свою очередь, какъ сказано, вполнѣ ей соотвѣтствующимъ. Говорить ли о разорительныхъ для казны и земства злоупотребленіяхъ, которыя не могутъ быть устранены, если центральное управленіе не слѣдитъ за всѣми подробностями дѣла и не входитъ въ самую мелочную повѣрку движенія многосложной машины, дѣйствующей на пространствѣ цѣлаго государства?

Изыскивать лучшіе способы устройства почтовой части, какъ въ цѣломъ, такъ и во всѣхъ подробностяхъ манипуляціи по сбору, передвиженію и раздачѣ корреспонденціи, а также наблюдать за примѣ-

неніемъ этихъ способовъ на дѣлѣ, вотъ задача почтоваго департамента. На петербургскомъ почтамтѣ лежатъ обязанности совершенно иного рода. Это мѣсто исполнительное, отличающееся отъ другихъ подобныхъ мѣстъ Имперіи только тѣмъ, что находясь въ Императорской резиденціи и на глазахъ у центральнаго управленія, оно должно служить образцомъ для подражанія. Понятно, что когда директоръ почтоваго департамента былъ въ то же время и петербургскимъ почтъ-директоромъ, то вниманіе его было раздѣлено и либо дѣло въ департаментѣ, либо дѣло въ почтамтѣ страдало, уже по тому одному, что ближайшій начальникъ не могъ посвящать ни тому ни другому все свое время. Но еще важнѣе другое возникавшее отсюда неудобство. По должности почтъ-директора, директоръ почтоваго департамента несъ на себѣ отвѣтственность за петербургскій почтамтъ; онъ былъ такъ-сказать не только командиръ части и вмѣстѣ инспекторъ ея, что одно уже несообразно, но онъ былъ еще и министръ, опредѣляющій бюджетныя средства. Понятно, что, вопервыхъ, инспекторская часть должна была отъ того хромать, что, вовторыхъ, петербургскій почтамтъ становился въ привилегированное положеніе сравнительно съ другими однородными учрежденіями, и втретьихъ, что стóя очень дорого и дѣйствуя, при отсутствіи контроля, далеко не безупречно, петербургскій почтамтъ былъ не образцомъ, а скорѣе дурнымъ примѣромъ, на который другія подвѣдомственныя почтовому вѣдомству учрежденія всегда могли ссылаться въ оправданіе своихъ упущеній. Почтовый департаментъ, терпя недостатки петербургскаго почтамта, и допуская его промахи, не могъ быть по справедливости строгъ ни къ одному изъ почтовыхъ учрежденій Имперіи. Злоупотребленія, какія были возможны при этомъ порядкѣ, неисчислимы, но о нихъ говорить мы не станемъ.

Теперь, когда должности директора почтоваго департамента и петербургскаго почтъ-директора разъединены, какъ правительство, такъ и публика могутъ требовать и ожидать отъ обоихъ начальствующихъ лицъ несравненно лучшаго чѣмъ прежде устройства и веденія почтоваго дѣла. Надо дать имъ, конечно, время осмотрѣться. Какъ люди, до сихъ поръ, сколько извѣстно, не служившіе по почтовой части, они должны еще потрудиться надъ тѣмъ, чтобъ изучить свои почтовые порядки и узнать иноземные. Лишь вслѣдъ затѣмъ могутъ они приступить къ серіозной дѣятельности имѣющей цѣлью осмотрительно и постепенно упразднять свое дурное, а лучшему давать ходъ, присоединяя къ нему хорошее чужое. Но по свойству дѣла приготовленія эти вообще не требуютъ долгаго срока, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ, когда придется устраивать что-нибудь сызнова, какъ напримѣръ, при организаціи движенія по вновь открываемымъ желѣзнымъ дорогамъ, нѣтъ и вовсе надобности въ предварительномъ изученіи; нужно только примѣнить къ дѣлу добрую волю и внести въ него новый духъ. Зная коротко почтовые порядки, мы въ правѣ сказать, что въ этомъ послѣднемъ чувствуется особенная надобность. Назначеніе въ обѣ должности лицъ, чуждыхъ прежнимъ порядкамъ и обычаямъ, позволяетъ надѣяться, что эта потребность будетъ удовлетворена. Пожелаемъ, чтобъ и вообще ожиданія, на которыя публика получила теперь право, исполнялись съ успѣхомъ, къ общей пользѣ и общему удовольствію. Въ такомъ случаѣ, чрезъ нѣсколько лѣтъ мы не узнаемъ нашей почтовой части.

№ 252.

Москва, 12-го Іюля.

А.

Чествованіе памяти двухъ знаменитыхъ подвижниковъ протестантства, — Славянина Гуса и Германца Лютера, — почти одновременно подало поводъ къ двумъ манифестаціямъ, совершенно тождественнаго свойства и значенія. На празднества обоихъ предъявителей протеста противъ злоупотребленій Римской церкви собрались не одни послѣдователи ихъ ученій, но и люди другихъ исповѣданій, и даже приверженцы римской церкви, соединенные общею политическою мыслію. Какъ Гусомъ, такъ и Лютеромъ олицетворяются для просвѣщеннѣйшей части посѣтителей Костанцскаго и Вормскаго празднествъ совсѣмъ не тѣ идеи, которыя господствовали въ ихъ время. У подножія памятника Лютера были католики-либералы, преклоняясь предъ ликомъ бойца свободы совѣсти, были и католики-пангерманцы, преклоняясь

предъ создателемъ нѣмецкаго литературнаго языка, этого творческаго глагола создавшаго изъ хаоса народъ. Католикъ, бургомистръ вормсскій, привѣтствовалъ сочувственною рѣчью сданный подъ его храненіе памятникъ героя протестантства. Точно также, къ чествованію памяти славнаго Чеха, сожженнаго изступленнымъ изувѣрствомъ, прибыли не одни протестанты, но и Чехи-католики, преклоняющіеся предъ героемъ поднявшимъ чешскую народность на борьбу съ германизмомъ. Мученикъ своихъ религіозныхъ убѣжденій, Гусъ палъ жертвою вѣроломства германскаго императора, который опасался національнаго возстанія Чеховъ-гуситовъ противъ Германской священной католической имперіи. Согласно общему характеру среднихъ вѣковъ, борьба вѣроисповѣдная сливалась тогда съ борьбою національною и Германія и папство взаимно служили другъ другу подепорьемъ и орудіемъ, чтобы подавить въ Богеміи гуситство, поддержанное чешскою національностью. Въ настоящее время обѣ стороны помѣнялись ролями, и Чехи совершили бы крупную ошибку, увлекаясь вліяніемъ воспоминаній, не только не имѣющихъ ничего общаго, но и ставшихъ въ прямое противорѣчіе съ настоящими условіями ихъ національной борьбы. Теперь чешское духовенство служитъ опорой для національной партіи въ ея борьбѣ съ Цислейтаніей.

Характеромъ вормсскаго торжества выясняется та сила, которой Пруссія обязана своими успѣхами. „Благодаря этому „характеру, еще задолго до того времени, „когда государственныя заслуги Бисмар„ка и военныя заслуги Мольтке," говоритъ *Times*, „отождествили понятія о Гер„маніи и о Пруссіи, во мнѣніи народа они „совпадали... Католики и протестанты, „лютеране и кальвинисты привыкли обра„щать свои взоры къ Берлину, дабы найд„ти тамъ опору для своихъ общихъ герман„скихъ стремленій... Прусское правитель„ство почувствовало себя достаточно силь„нымъ, чтобы привесть католическія рейн„скія провинціи на такой прочный уро„вень равноправности съ протестантскою „Пруссіей, что его не въ состояніи поко„лебать и самые запальчивые ультрамон„таны." Какъ это мудрое устраненіе вѣроисповѣдной розни изъ вопросовъ національныхъ послужило краеугольнымъ камнемъ величію Пруссіи, такъ должно было бы послужить оно началомъ возрожденія чешской національсти. Всѣ мыслящіе доброжелатели чешскаго дѣла должны стараться придать Констанцскому съѣзду такое значеніе, какое доброжелатели прусскаго дѣла придаютъ Вормскому съѣзду. Къ сожалѣнію, у насъ еще въ ходу игра религіозными предметами, употребляющая вѣру орудіемъ для политическихъ цѣлей, и притомъ не въ пользу, а во вредъ имъ. Ни съ того, ни съ сего вдругъ послышались у насъ голоса, которые съ комическою заботливостію обращались къ чешскому народу съ убѣжденіями немедленно, по поводу Гусова празднества, перейдти въ православіе, — какъ будто это такъ легко, когда рѣчь идетъ о цѣломъ народѣ, и какъ будто политическіе органы и партіи имѣютъ тотъ авторитетъ, какой требуется для подобныхъ предложеній. Впрочемъ, не только въ нашей юной печати случается эта странность, что свѣтская газета беретъ на себя призваніе церковной каѳедры и пускается въ вѣроисповѣдный прозелитизмъ между извѣстіями о рысистыхъ бѣгахъ и скандалами ежедневной хроники. За то же дѣло вдругъ теперь принялся въ Парижѣ, записной деистъ *Journal des Débats*, газета имѣющая своими сотрудниками гг. Литтре и Ренана. Ревностный поборникъ полнаго отдѣленія церкви отъ государства, противникъ папской власти и въ недавнемъ спорѣ между архіепископомъ и генералъ-губернаторомъ Алжира, высказавшійся въ пользу послѣдняго, то-есть за покровительство исламу въ Алжирѣ и противъ христіанскаго прозелитизма въ тѣхъ мѣстахъ, *Journal des Débats*, по поводу Вормскаго съѣзда презрительно глумится надъ просвѣщеннымъ чувствомъ, умѣющимъ различать вопросы политическіе отъ богословскихъ. Рѣчь вормсскаго бургомистра внушаетъ газетѣ г. Бертена презрительное и ироническое недовѣріе. Ей кажется непонятнымъ, какъ могъ человѣкъ римско-католическаго вѣроисповѣданія говорить о заслугахъ, оказанныхъ нѣмецкой народности „монахомъ совершившимъ реформацію." Пусть-де приметъ этотъ бургомистръ протестантскую вѣру, „но пока онъ этого не сдѣлаетъ," присовокупляетъ доктринерская газета, „мы будемъ признавать *болѣе логичными* „*тѣхъ католиковъ, которые жалѣютъ,* „*что Лютеръ не былъ сожженъ.*"

Къ сожалѣнію, вѣроисповѣдные безъ

вѣры возгласы не остались безъ дѣйствія и на патріотическую чешскую газету, *Народные Листы*, прекратившую нынѣ свое существованіе. Безъ всякой цѣли и смысла задирала она духовенство, и вотъ теперь пусть послушаютъ писавшія въ ней лица какъ радуются въ Берлинѣ первымъ признакамъ разрыва между чешскимъ національнымъ движеніемъ и духовенствомъ, которое давало ему силу. *Крестовая Газета*, не перестававшая съ самаго начала глумиться надъ усиліями чешской народности отстоять свою самостоятельность, находившая „неприличными" и „грубыми" холодность и недовѣріе, оказанныя Пражанами Австрійскому императору и его саксонскому руководителю, *Крестовая Газета* является теперь съ самыми поучительными по этому предмету откровеніями. Трубнымъ звукомъ возвѣщаетъ она объ отдѣльныхъ и мелкихъ проявленіяхъ, столь необдуманно примѣшавшихся къ празднованію памяти Гуса, и замѣчаетъ, съ плохоскрытымъ восторгомъ, что „хотя Чехи, „повинуясь національнымъ побужденіямъ, „и держались до сихъ поръ католическаго „духовенства, которое служило имъ опо„рой, но, въ настоящее время, они обра„щаются къ нему спиной, оказывая этимъ „значительную поддержку либерализму, бо„рющемуся на другой почвѣ съ католичествомъ"... *Крестовая Газета* усердно разоблачаетъ католикамъ, якобы грозныя для нихъ, легкомысленныя слова *Народныхъ Листовъ*, и забывая свое призваніе служить органомъ самому ревностному лютеранскому піетизму, она выступаетъ въ этой борьбѣ витяземъ католичества....

Любопытно знать, что скажутъ и во Франціи, и въ Россіи любители играть вѣроисповѣдными вопросами объ этомъ положеніи, принимаемомъ, относительно чешскаго католичества, органомъ ультра-лютеранской партіи Пруссіи, въ которой Чехи, по справедливости, видятъ для себя бо́льшую опасность чѣмъ въ Австріи.

Между словъ, въ припадкѣ болтливости, *Крестовая Газета* предупреждаетъ чешскихъ вождей о дѣйствительныхъ опасностяхъ, угрожающихъ ихъ дѣлу, въ случаѣ легкомысленнаго разрыва съ духовенствомъ. „Пусть прервется," восклицаетъ ультра-лютеранская газета, „водворившая„ся между ними *противоестественная* „связь, и чешская партія *лишится своей* „*главной опоры въ народѣ* и, какъ партія, „она окажется слишкомъ слабою, чтобъ „обезпечить за собой большинство какъ „на выборахъ, такъ и во всякомъ другомъ „случаѣ..."

Б.

Въ № 146 *Московскихъ Вѣдомостей* была рѣчь объ одномъ чиновникѣ до-Муравьевскаго времени, который въ 1861 году укрывалъ уличныхъ агитаторовъ. Нѣкто Т., возымѣвшій усердіе обратить насъ своими письмами на путь истины, выражался объ этомъ чиновникѣ съ большимъ негодованіемъ и дивился какъ онъ не былъ сосланъ „туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ." Онъ не только остался тамъ, гдѣ водятся телята, но имѣетъ, какъ сказываютъ надежды на полученіе одного изъ конфискованныхъ имѣній, быть-можетъ принадлежавшее кому-либо изъ числа тѣхъ агитаторовъ, которыхъ онъ въ былое время укрывалъ.

Невольно спрашиваешь себя: хуже или лучше была бы его участь, еслибъ онъ дѣйствовалъ иначе и не укрывалъ, а открывалъ измѣну, которая подкапывалась подъ Россію и выразилась потомъ мятежомъ? Печальнымъ отвѣтомъ на это можетъ послужить печатаемое вслѣдъ за симъ письмо г. Минкевича о судьбѣ дяди его, Терентія Минкевича.

Трудность борьбы, которую вела Россія съ коалиціей въ 1855 году, оживила надежды Поляковъ: западный край наполнился агитаторами, распространявшими революціонныя брошюры и воззванія; повсюду заготовлялись тамъ склады оружія, повстанскихъ шапокъ, кунтушей, патронташей; въ Кіевской губерніи, шляхтичи Розенталь и Скавронскій мутили крестьянъ; въ Минскѣ, Рогалевичъ сформировалъ шайку съ цѣлью поджечь присутственныя мѣста, разграбить казну и подать этимъ сигналъ къ поголовному возстанію литовскаго дворянства; въ Ковенской губерніи, паны дѣлали приготовленія для принятія непріятеля, который, по ихъ соображеніямъ, долженъ былъ высадиться между Полангеномъ и Либавой; въ Мозырскомъ уѣздѣ бродила уже шайка повстанцевъ, назначенная для партизанской войны. Своевременное арестованіе Рогалевича и его сообщниковъ заставило отсрочить общее возстаніе, днемъ котораго назначалось 18-го іюля; но страсти кипѣли попрежнему. Взятіе Севастополя довело агитацію до

такихъ размѣровъ, что одной искры достаточно было для воспламененія пожара. Виленская администрація получала отъ нѣкоторыхъ довѣренныхъ лицъ темныя и сбивчивыя указанія на напряженное настроеніе польщизны, но не могла напасть на слѣдъ организаціи.

Въ это критическое время, нѣкто Терентій Минкевичъ, сынъ минскаго православнаго священника, рѣшился, по мѣрѣ силъ, содѣйствовать облегченію заботъ правительства. Въ сентябрѣ онъ сообщаетъ въ Петербургъ извѣстные ему факты, называетъ дѣйствующихъ лицъ. Для большей вѣрности, онъ отправляетъ письмо свое въ трехъ экземплярахъ: изъ Могилева, Слуцка и Бердичева.

Въ Петербургѣ и не подозрѣвалось въ какомъ натянутомъ положеніи находились наши дѣла въ западныхъ губерніяхъ. Письмо Минкевича пересылается въ Вильну, гдѣ оно принято съ неудовольствіемъ, потому что противорѣчило успокоительнымъ донесеніямъ, посылаемымъ въ Петербургъ. Изъ Вильны командируется чиновникъ, который начинаетъ слѣдствіе съ отысканія доносителя, и предполагая его, какъ самъ сознается, *непремѣнно изъ среды православнаго духовенства*, легко открываетъ Минкевича, который впрочемъ и не думаетъ скрываться предъ нимъ. Минкевича, въ сопровожденіи чиновника, Поляка Клопотовскаго, отправляютъ въ Вильну, гдѣ онъ даетъ весьма весьма важныя, дополнительныя свѣдѣнія и указываетъ самыя мѣста, гдѣ слѣдуетъ произвести обыски. Въ то же время одинъ изъ правительственныхъ агентовъ, объѣзжавшій Минскую губернію, доставляетъ данныя подтверждающія показанія Минкевича. Оказывается, какъ и слѣдовало ожидать, что руководителями агитаціи были крупные паны, по большей части компрометтированные по возстанію 1831 года, а орудіемъ ихъ мелкая шляхта. Наступленіе зимняго времени и послѣдовавшее за тѣмъ заключеніе перемирія и мира заставляютъ пановъ отказаться отъ вооруженнаго возстанія: мятежъ не разыгрывается, но подземная работа продолжается.

Между тѣмъ вступаетъ въ силу новая система дѣйствій,—система примиренія съ польскимъ „народнымъ самолюбіемъ.“ Чиновники, непріятные польщизнѣ, удаляются изъ края; ихъ замѣняютъ люди съ новыми взглядами. Простодушный Терентій Минкевичъ, не будучи въ состояніи понять внезапно овладѣвшее администраціей настроеніе, и убѣждаясь на практикѣ, что дѣла въ краѣ становятся еще хуже прежняго, продолжаетъ роль Кассандры и подтверждаетъ слова свои фактами. Онъ становится такимъ образомъ спицей въ глазу, препятствующею видѣть вещи въ желанномъ свѣтѣ. Тогда, не изслѣдуя его показаній, принимаются уже за него самого. Начинаютъ собирать доносы о его прежней жизни, и спрашиваютъ о ней между прочимъ у лица, которое Минкевичъ письменно называлъ своимъ врагомъ. Это лицо, однако, свидѣтельствуя о желчномъ его характерѣ, имѣетъ добросовѣстность прибавить: „онъ (Минкевичъ) самъ себя и близкіе ему считаютъ его поборникомъ правды и страдальцемъ правды ради, и я съ своей стороны убѣжденъ, что Терентій Минкевичъ въ своихъ доносахъ и жалобахъ *могъ всегда имѣть болѣе или менѣе справедливое основаніе*.“

Но несмотря на то, что протоколы слѣдствія гласятъ о тождественности показаній Минкевича съ показаніями правительственнаго агента объѣзжавшаго Минскую губернію, его слова признаны „бездоказательными извѣтами“ ему поставлено въ упрекъ все, начиная съ его „болѣзненнаго и жалкаго положенія“ и кончая предложеніемъ, будто „онъ желаетъ показать свою преданность правительству.“ Не за вину, но „*для предупрежденія на будущее время подобныхъ съ его стороны поступковъ*,“ а также во вниманіи къ его набожности, Минкевичъ „для пользы края и для него самаго“ ссылается въ маѣ 1856 года на жительство въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь....

Не прошло и пяти лѣтъ какъ подтвердились кровавыми фактами показанія Минкевича; но легче ли ему отъ этого? Въ то время какъ смягчены наказанія столькимъ мятежникамъ, прощено столько политическихъ преступниковъ, никто и не вспомнилъ о несчастномъ Минкевичѣ, виновномъ въ томъ только, что дѣйствовалъ не какъ тотъ чиновникъ, что укрывалъ агитаторовъ въ Бѣлостокѣ. Онъ обличалъ измѣну предъ своимъ правительствомъ и вотъ онъ покрытъ позоромъ, и погубилъ свою жизнь. А еслибъ онъ, напротивъ, послужилъ тайному польскому *ржонду*, то и попавъ въ бѣду былъ бы чествуемъ какъ мученикъ....

№ 153.

Москва, 13-го іюля.

А.

Напечатанный въ № 151 *Московскихъ Вѣдомостей* Высочайшій указъ правительствующему сенату объ измѣненіи дѣйствовавшей до сего времени системы рекрутской замѣны посредствомъ частнаго найма охотниковъ принадлежитъ очевидно къ мѣрамъ принятымъ въ огражденіе арміи отъ ежегодно возрастающаго напора въ нее наемниковъ вступавшихъ до сихъ поръ на службу по соглашенію съ лицами, имѣвшими возможность, посредствомъ взноса болѣе или менѣе значительной суммы избѣжать личнаго отбыванія рекрутской повинности.

Нынѣшніе наемники пользуются въ арміи самою печальною репутаціей и единогласно признаются тамъ вреднымъ, въ нравственномъ отношеніи, элементомъ. Такое понятіе о нихъ усвоилось въ войскахъ до того сильно, что признается даже офиціально: при комплектованіи, напримѣръ, войскъ гвардіи рекрутами запрещается назначать туда, въ числѣ рекрутъ, наемниковъ, хотя бы послѣдніе, по физическимъ качествамъ, и удовлетворяли требуемымъ для гвардіи условіямъ. Числовыя данныя подтверждаютъ справедливость такого взгляда: въ разрядѣ штрафованныхъ числилось наемниковъ къ 1-му января 1866 года свыше 13%, къ 1-му января 1867 года свыше 18%; изъ числа 5.095 бѣжавшихъ въ 1866 1.299 человѣкъ (то-есть свыше 15%) были наемники.

Причина этого явленія понятна: въ наемники шли по большей части люди праздные, порочные, которымъ нечего было терять отъ перемѣны въ образѣ жизни. Нанятые по большей части мѣсяца за три до набора, они „гуляли" все это время на счетъ своихъ нанимателей, дозволяя себѣ всевозможныя безчинства и безобразія и не рѣдко доводили нанявшее ихъ семейство до полнаго разоренія. Представленные въ рекрутское присутствіе, они зачастую на колѣняхъ умоляли о принятіи ихъ на службу, по пріемѣ же продолжали пьянствовать и, по израсходованіи денегъ, дезертировали. Тайными поставщиками такихъ людей были въ разныхъ мѣстностяхъ особые агенты, которые, ловко обходя строгія предупредительныя и карательныя мѣры закона, эксплуатировали въ свою пользу и нанимателей и нанимаемыхъ.

Названный указъ, если не совсѣмъ устраняетъ въ будущемъ пріемъ въ армію такого рода рекрутъ (такъ какъ пріемъ наемниковъ на прежнемъ основаніи допускается въ случаѣ еслибы число желающихъ замѣнить себя превышало число выкупныхъ квитанцій), то по крайней мѣрѣ долженъ сильно содѣйствовать уменьшенію ихъ процента. Отнынѣ само правительство принимаетъ на себя замѣну лицъ, желающихъ освободиться отъ службы посредствомъ денежнаго взноса, и *нанимаетъ* на службу, въ теченіе цѣлаго года, какъ частныхъ лицъ, имѣющихъ „особое удостовѣреніе о своемъ хорошемъ поведеніи и благонадежности," такъ и нижнихъ чиновъ, служившихъ и служащихъ въ сухопутныхъ войскахъ и во флотѣ. Служивые зачисляются на службу въ томъ случаѣ, если они выслужили обязательный срокъ или пріобрѣли право на безсрочный отпускъ или наконецъ прослужили десять лѣтъ и находятся во временномъ отпуску. Частныя лица принимаются на пяти-, десяти- и пятнадцатилѣтній срокъ, а нижніе чины только на пяти- и десятилѣтній. Денежное вознагражденіе нанимаемому соразмѣряется со срокомъ принимаемой имъ на себя обязательной службы.

Это нововведеніе, кажущееся съ перваго взгляда перенесеніемъ на нашу почву французской dotation de l'armée, въ сущности имѣетъ съ ней весьма мало общаго: во Франціи замѣстителемъ, съ правомъ полученія изъ дотаціонной кассы, можетъ быть только старослуживый солдатъ, тогда какъ у насъ имъ можетъ быть всякій физически годный къ военной службѣ и неподозрительный въ нравственномъ отношеніи. Съ другой стороны, во Франціи, при общеобязательной службѣ, освобождаются отъ рекрутства посредствомъ денежнаго взноса по большей части лица обезпеченныя въ средствахъ, тогда какъ у насъ взносъ за квитанцію 570 рублей будетъ, по прежнему крайне отягощать подлежащія рекрутству семейства. Военная повинность лежитъ у насъ исключительно на бѣднѣйшемъ классѣ населенія, а цѣна 570 р. средствамъ этого класса не соотвѣтствуетъ и немастеровому человѣку отработать ее въ десятилѣтній срокъ нѣтъ возможности. Поэтому число продаваемыхъ квитанцій не можетъ быть у насъ столь значительно какъ во Франціи.

Что касается собственно до армии, то указъ 18-го іюня будетъ имѣть, кромѣ уменьшенія количества наемниковъ, ту выгодную сторону, что можетъ содѣйствовать увеличенію въ арміи числа старослужившихъ солдатъ и унтеръ-офицеровъ, въ коихъ чувствуется въ послѣднее время осязательная надобность, ибо если размѣръ вознагражденія будетъ достаточный, то между старыми солдатами безъ сомнѣнія, найдутся охотники продолжать службу. Для арміи весьма важно имѣть въ своемъ составѣ старослуживыхъ, бывалыхъ въ походахъ и дѣлахъ: такого рода солдаты въ мирное время служатъ самымъ надежнымъ оплотомъ въ поддержанію въ части воинскаго духа; въ военное, при своемъ вліяніи на товарищей, они становятся надежными руководителями молодежи къ перенесенію трудовъ и лишеній военно-походной жизни, а примѣромъ своимъ часто одушевляютъ и ободряютъ неопытныхъ. Наши севастопольскіе и кавказскіе ветераны теперь въ арміи на перечетъ, хотя многіе изъ нихъ должны быть въ такомъ еще возрастѣ, что могли бы лѣтъ пять, а иные и десять прослужить во фронтѣ. Еслибы вновь вводимая система замѣщеній успѣла привлечь въ армію значительное число такого рода служакъ, она придала бы нашимъ войскамъ именно тотъ элементъ, который имъ теперь наиболѣе нуженъ.

Б.

Воспроизводимъ сегодня нѣсколько разъяснительныхъ строкъ изъ *Сѣверной Почты*, по поводу слуховъ о предполагаемыхъ перемѣнахъ въ ходѣ крестьянскаго вопроса въ сѣверо-западномъ краѣ. Совершенно справедливо, что этими слухами возбуждаются съ одной стороны тревожныя опасенія, съ другой—надежды; но смѣемъ думать, что правительство не можетъ держать нейтралитетъ между двумя столь противоположными сторонами, и что въ настоящемъ случаѣ опасенія возбуждаемыя слухами о перемѣнахъ въ столь существенномъ вопросѣ, какъ крестьянскій въ западномъ краѣ, могутъ возникать только изъ тѣхъ интересовъ, которые должны быть всего дороже правительству. Это интересы, съ которыми связаны умиротвореніе края, спокойствіе и безопасность государства, наконецъ будущность Россіи. Опасенія не могутъ возникать сами собой; всегда что-нибудь подаетъ къ нимъ поводъ, и прежде всего подаютъ поводъ къ нимъ надежды противной стороны. Эти надежды высказались съ необузданнымъ восторгомъ при первомъ извѣстіи о происшедшей въ нынѣшнемъ году личной перемѣнѣ въ главномъ начальствѣ сѣверо-западнаго края. Что касается до насъ, то мы не имѣли никакого основанія при этомъ извѣстіи предаваться опасеніямъ. Мы не имѣли чести личнаго знакомства ни съ графомъ Муравьевымъ, ни съ генераломъ Кауфманомъ, ни съ графомъ Барановымъ, и ни въ какихъ личныхъ отношеніяхъ къ нимъ не находились, точно также какъ не имѣли чести находиться въ какихъ-либо отношеніяхъ къ нынѣшнему генералъ-губернатору. Никакихъ пристрастій, никакихъ предубѣжденій мы здѣсь не имѣли и не имѣемъ; никакого личнаго вопроса для насъ не соединяется съ положеніемъ дѣлъ ни въ Вильнѣ, ни въ Кіевѣ. Мы могли имѣть въ виду здѣсь только интересъ государства, какъ мы понимали его по крайнему разумѣнію нашему, согласно направленію указанному Верховною волей, которая въ то же время есть и воля Россіи. Съ самаго начала мы старались успокоить общественное мнѣніе, которое начинало смущаться оживленіемъ надеждъ *противной* стороны и слухами, распространявшимися въ публикѣ о радикальномъ измѣненіи системы дѣйствій, которое будто бы новая администрація поставила себѣ цѣлію. Мы напоминали публикѣ, что слухи эти возобновлялись при каждой перемѣнѣ начальствующихъ лицъ въ Вильнѣ; мы замѣчали, что перемѣны въ ходѣ дѣлъ могутъ быть къ лучшему, и пользовались всякимъ случаемъ для того чтобъ истолковать первыя дѣйствія новой администраціи въ наилучшемъ смыслѣ, и тѣмъ успокоить опасенія однихъ и охладить надежды другихъ. Но, къ сожалѣнію, наши усилія оказывались напрасными: надежды высказывались все громче и необузданнѣе, а съ тѣмъ вмѣстѣ росли и распространялись тревожныя опасенія въ публикѣ. Съ каждымъ днемъ мы были все болѣе и болѣе выбиваемы изъ нашихъ успокоительныхъ траншей; поддерживать долѣе тотъ же тонъ было бы неискренностію, и слова успокоенія звучали бы ироніей. Начали дѣйствительно появляться признаки, которые, при всей доброй волѣ, трудно было объяснить для общественнаго мнѣнія въ смыслѣ совершенно удовлетворитель-

комъ; мы начинали убѣждаться, что новая администрація въ Вильнѣ усвоила себѣ програму, которая давно уже была извѣстна публикѣ чрезъ посредство изданій, направленіе и характеръ коихъ ни для кого не тайна. Въ личномъ составѣ администраціи края, собранномъ не безъ труда и усилій, сразу были произведены перемѣны въ весьма широкомъ размѣрѣ по всѣмъ частямъ и степенямъ. Ничего подобнаго не бываетъ даже въ тѣхъ странахъ, гдѣ правительственный механизмъ основанъ на игрѣ партій. Вступаетъ ли въ управленіе дѣлами кабинетъ виговъ или кабинетъ торіевъ, второстепенные дѣятели большею частію остаются на своихъ мѣстахъ; предполагается, что какъ та, такъ и другая партія, чередуясь въ правительствѣ, служитъ одному и тому же дѣлу, и равно старается пользоваться людьми способными и навыкшими въ дѣлахъ. Въ числѣ удалявшихся толпою изъ края должностныхъ дѣятелей были лица хорошо извѣстныя, снискавшія себѣ общее уваженіе своимъ характеромъ, способностію и преданностію интересамъ своего отечества, что имѣло особенную важность въ томъ краѣ, гдѣ интересы русскаго государства подвергаются спору и встрѣчаютъ себѣ противодѣйствіе то явное, то тайное. Мало того, что должностныя лица, въ точности и добросовѣстно исполнявшія данную имъ правительственную програму, были увольняемы или спѣшили удалиться сами; нѣкоторые не только увольнялись, но изгонялись чуть не въ 24 часа будто преступники или мятежники. Однако и въ виду подобныхъ фактовъ продолжали мы слабѣющимъ голосомъ успокоивать публику, и протестовать противъ ликованій, свиста и гиканья, которыми провожали выходившихъ дѣятелей края органы противнаго лагеря. Но окончательно парализовало насъ и хуже всего было то, что изъ самыхъ рядовъ новой администраціи выходили слухи и распространялись толки которыми не могло не тревожиться общественное мнѣніе. Патріотизмъ предавался поруганію и вовсе отрицался въ русскомъ народѣ. Выползли господа, которые стали щеголять цинизмомъ и ставить въ достоинство должностнымъ лицамъ Фальстафовское отсутствіе всякихъ убѣжденій. Лица, не низко поставленныя, проповѣдывали всѣмъ, кому угодно было слушать, весьма удивительныя вещи. Всѣ тѣ растлѣвающія гражданское чувство ученія, которыя были въ такомъ ходу до 1863 года, были снова пущены въ ходъ, только съ инымъ оттѣнкомъ и въ иной оправѣ.

Также какъ и *Сѣверная Почта*, мы увѣрены, что общественное мнѣніе становится у насъ силою, и поэтому мы надѣемся, что теперь не такъ легко смутить и деморализовать его. При этомъ мы не забываемъ своей обязанности быть по силамъ органомъ этой у насъ новой силы и способствовать тому чтобъ она имѣла не дурное, а доброе вліяніе на исходъ того или другаго дѣла. Одна изъ главныхъ задачъ честнаго органа между прочимъ состоитъ въ томъ чтобы всякія предположенія, порождаемыя ошибочными воззрѣніями или подсунутыя злонамѣренною интригой, выводить наружу, обращая на нихъ вниманіе всякаго мыслящаго человѣка.

Обращаясь къ тому спеціальному вопросу, котораго касается *Сѣверная Почта* въ своей замѣткѣ, мы выражаемъ полное убѣжденіе, что правительство не допуститъ въ этомъ вопросѣ никакихъ вредныхъ уклоненій, и что окончательное рѣшеніе его въ высшей инстанціи будетъ соотвѣтствовать истиннымъ потребностямъ дѣла. Всякій порадуется узнать, что центральное правительство не допуститъ переповѣрки повѣрочныхъ дѣйствій, ни отрѣзки земли, уже намежеванной крестьянамъ; что оно напротивъ озабочено тѣмъ, чтобы избѣжать отобранія земель у крестьянъ, за исключеніемъ лишь сервитутовъ, отмѣна коихъ будетъ правильно вознаграждена, такъ что крестьяне не потерпятъ отъ недостаточности пастбищъ. О сервитутахъ мы не разъ высказывались: въ экономическомъ отношеніи сервитуты препятствуютъ правильному веденію хозяйства и большую часть улучшеній дѣлаютъ невозможными; въ юридическомъ отношеніи они вносятъ неясность и смуту въ права по имуществу. Если крестьяне, лишаясь права пастьбы въ лѣсу помѣщика, получатъ, какъ сказано въ *Сѣверной Почтѣ*, въ собственность безвозмездно часть этихъ лѣсовъ или иныхъ земель по такому разчету, который вполнѣ удовлетворилъ бы ихъ потребности въ этомъ отношеніи, то недоразумѣній не возникнетъ: лишаясь одного, крестьяне получатъ другое; замѣна будетъ для нихъ осязательна, и крестьяне легко убѣдятся въ ея справедливости, лишь бы она была въ самомъ

дѣлѣ справедлива. Но другое дѣло — исправленіе межевыхъ дѣйствій. *Сѣверная Почта* извѣщаетъ, что отбирать у крестьянъ излишне отмежеванную землю не предполагается. Это сообщеніе имѣетъ важность, которой мы не отрицаемъ, но считаемъ своимъ долгомъ откровенно сказать, что и надбавка выкупныхъ платежей, даже по самой справедливой оцѣнкѣ, можетъ вести къ неблагопріятнымъ для правительства послѣдствіямъ. Отъ крестьянъ нельзя требовать, чтобъ они ясно поняли различіе между составленіемъ выкупнаго акта и отмежевкой земли; повѣрка межевыхъ дѣйствій покажется имъ повѣркой выкупнаго акта; отмежеванная земля остается, правда, за ними, но выкупной взносъ возвысится, а это почувствуется ими какъ измѣненіе сдѣлки, о которой имъ было сказано, что она окончательно повѣрена правительствомъ и никакому дальнѣйшему измѣненію подлежать не можетъ. Мы думали бы, что если гдѣ отъ ошибочныхъ межевыхъ дѣйствій пострадали законные интересы помѣщиковъ, то справедливость и вмѣстѣ съ тѣмъ политическое благоразуміе побуждаютъ желать, чтобы вознагражденіе за ущербъ пало не на крестьянъ, а на государственную казну, которая этимъ обременена быть не можетъ. Это пунктъ весьма щекотливый, и при всей увѣренности въ видахъ высшаго правительства по крестьянскому дѣлу западнаго края нельзя утверждать, чтобы въ той или другой административной сферѣ не было предположеній подвергнуть снова вопросу, хотя бы и косвенному, состоявшіяся тамъ, послѣ столькихъ усилій, сдѣлки между помѣщиками и крестьянами. Все это подаетъ поводъ заключать, что подобныя предположенія не совсѣмъ лишены хода, можетъ дѣйствовать крайне вредно.

Сѣверная Почта справедливо замѣчаетъ, что въ сообщеніи слуховъ слѣдуетъ соблюдать осторожность, такъ чтобы слухъ, быть можетъ лишенный всякаго основанія, не передавался публикѣ за положительный фактъ. Что касается до насъ, то мы всегда такъ и поступали. Однако приведенныя *Сѣверною Почтой* строки изъ нашей газеты свидѣтельствуютъ, что мы сообщали о вышеупомянутыхъ предположеніяхъ не въ видѣ слуха, могущаго быть и не основательнымъ, а въ видѣ положительнаго извѣстія. Но тутъ есть ошибка, въ которой виноваты не мы. Въ *Сѣверной Почтѣ* слова нашей газеты приведены такимъ образомъ: „предполагается обязательное разверстаніе пастбищъ и сервитутовъ, пересмотръ повѣрочныхъ дѣйствій, именуемая исправленіемъ межевыхъ дѣйствій, и отрѣзка неправильно намежеванной крестьянской земли, въ случаѣ обнаруженія значительной разницы между показаніемъ выкупнаго акта и дѣйствительностью." Редакторъ замѣтки, цитуя наши слова, пропустилъ одно весьма существенное слово, и тѣмъ придалъ цитованному мѣсту характеръ, какого оно въ нашей газетѣ не имѣетъ. У насъ сказано: „*Утверждаютъ* что," „сообщаютъ *будто*." Мы передавали публикѣ слухъ, а замѣтка *Сѣверной Почты* заставляетъ насъ свидѣтельствовать о фактѣ. Мы не имѣли претензіи знать, дѣйствительно ли предполагалось принять вышесказанныя мѣры; но мы знали изъ вѣрнаго источника, что въ Вильнѣ объ этомъ говорили, возбуждая съ одной стороны опасенія, а съ другой надежды. Мы сообщали эти извѣстія въ нумерѣ нашей газеты отъ 4-го іюня, стало быть слишкомъ за мѣсяцъ предъ симъ. Еслибы такого говора въ Вильнѣ не было, — скажемъ болѣе, еслибы тамъ вовсе не было тѣхъ предположеній, которыя разносились этимъ говоромъ, — то извѣстіе лишенное всякаго основанія по столь важному предмету вызвало бы разъясненіе въ *Виленскомъ Вѣстникѣ*, при чемъ были бы сообщены точныя свѣдѣнія о предположеніяхъ администраціи, дабы вывесть общественное мнѣніе изъ недоразумѣній и предохранить его отъ ложныхъ слуховъ.

Остается думать, что примыкающія къ офиціальнымъ сферамъ лица говорили объ имѣвшихся предположеніяхъ съ тою цѣлію, чтобы заранѣе выпытать общественное мнѣніе или вызвать сужденія въ публикѣ, которыя могли бы быть приняты къ свѣдѣнію. Если дѣйствительно имѣлось это въ виду, то мы исполнили ихъ желаніе, обративъ общественное вниманіе на предметъ имѣющій несомнѣнную важность.

Повторимъ, мы не имѣемъ никакихъ личныхъ пристрастій, ни предубѣжденій. Съ полнымъ усердіемъ, сколько позволяютъ намъ силы, готовы мы служить способами печати новой администраціи края, гдѣ важныя подлежащія рѣшенію задачи требуютъ соединенныхъ усилій правительства и общества, одушевленныхъ патріотизмомъ просвѣщеннымъ и умнымъ. Но для

этого мы должны выйдти изъ полумрака и видѣть предъ собою ясную программу, о которой могли бы мы составить опредѣленное мнѣніе.

№ 154.

Москва, 15-го Іюля.

А.

Сегодня, 15-го іюля, церковь наша празднуетъ память Св. равноапостольнаго князя Владиміра, и сегодня мы находимъ наиболѣе приличнымъ помѣстить приглашеніе къ пожертвованіямъ на сооруженіе храма и обители въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда князь, просвѣтившій Россію Христовымъ ученіемъ, самъ принялъ святое крещеніе. Развалины Херсонеса Таврическаго вдвойнѣ драгоцѣнны для насъ какъ великая христіанская святыня и какъ одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ исторіи русскаго народа, — а между тѣмъ онѣ и до сего дня остаются развалинами. Еще императоръ Александръ I, посѣтивъ незадолго до кончины своей Таврическій полуостровъ, возымѣлъ намѣреніе соорудить храмъ во имя Св. Владиміра на развалинахъ Херсонеса; но исполненіе этого намѣренія получило начало лишь во время управленія Таврическою епархіей просвѣщеннаго іерарха и знаменитаго духовнаго витіи преосвященнаго Иннокентія, который, при небольшихъ средствахъ и поддерживаемый усердіемъ нѣкоторыхъ частныхъ лицъ, воздвигъ здѣсь малую обитель и временный храмъ. Во время Восточной войны, эти сооруженія были разрушены до основанія непріятелемъ, но твердость іерарха не сокрушилась: едва заключенъ былъ миръ, какъ онъ приступилъ къ новымъ работамъ и имѣлъ утѣшеніе незадолго до кончины своей вторично открыть на этомъ историческомъ мѣстѣ иноческую обитель, братія коей трудилась между прочимъ надъ раскопками и отыскала самую крещальню равноапостольнаго князя. Тогда возникло величавое предположеніе соорудить храмъ на фундаментѣ древняго зданія, въ коемъ крестился кіевскій князь, а когда оказалось, что этотъ фундаментъ недовольно проченъ для подобной постройки, то рѣшено было прикрыть оный сводами и на нихъ поставить новый храмъ.

Въ 1861 году совершена была закладка предположеннаго зданія, въ присутствіи Государя Императора, Государыни Императрицы, Великаго Князя Константина Николаевича и Великой Княжны Маріи Александровны. Работы начались, и въ настоящее время нижній этажъ храма вчернѣ готовъ; готовъ и постепенно обогащается особый музей для храненія древнихъ предметовъ, добываемыхъ посредствомъ раскопокъ. Но предположенія покойнаго Иннокентія, удостоившіяся Высочайшаго утвержденія, были широки: онъ желалъ учредить при Херсонесской обители домъ призрѣнія престарѣлыхъ и увѣчныхъ воиновъ преимущественно изъ числа защитниковъ Севастополя, и сировоспитательное заведеніе, въ коихъ уходъ и попеченія имѣла принять на себя монастырская братія. Для осуществленія всѣхъ этихъ предположеній, внушенныхъ просвѣщеннымъ благочестіемъ, средства собранныя на работы въ Херсонесѣ оказываются недостаточными, и настоятель тамошней обители, архимандритъ Евгеній, приглашаетъ къ пожертвованіямъ всѣхъ, для кого священны воспоминанія о началѣ Русской церкви и Русскаго государства. „Какъ было бы удобно и какъ прилично," писалъ въ 1862 году по этому поводу незабвенный московскій іерархъ, имѣя въ виду сборъ пожертвованій на херсонскій храмъ, „еслибы милліоны православныхъ „Россіянъ рѣшились принять въ семъ дѣлѣ „участіе! Еслибы каждый православный „Россіянинъ положилъ на сіе дѣло двѣ „или три копѣйки, потребное количество „денегъ вскорѣ было бы собрано."

В.

Нѣсколько дней тому назадъ, сообщая извѣстіе о дерзости сдѣланной въ Варшавѣ, въ Саксонскомъ саду, одной русской дамѣ толпою гимназистовъ, мы выражали опасеніе, чтобъ это не было началомъ цѣлаго ряда демонстрацій съ политическимъ характеромъ. Наши опасенія оправдались скорѣе чѣмъ мы думали, если справедливы свѣдѣнія, заимствуемыя нами изъ *Голоса*. По словамъ корреспондента этой газеты, вслѣдъ за происшествіемъ въ Саксонскомъ саду, одной дѣвицѣ, носящей висячія косы (по-русски), какіе-то негодяи прицѣпили къ платью бумажку съ ругательною надписью... Но пусть продолжаетъ самъ корреспондентъ:

„На Новомъ Свѣтѣ, въ саду, подъ названіемъ *Вокзалъ*, играли съ нянюшкой-Полькой два маленькіе мальчика, одѣтые въ армячки. Противъ нихъ усѣлись на лавкѣ трое студентовъ или гимназистовъ уже взрослыхъ (форма у тѣхъ и другихъ почти одинакова), и повели атаку на нянъку. — „Шпѣгъ ты москевскій, здрайца (измѣнница)!“ бранили ее благовоспитанные юноши. — „Ты продалась москалямъ для того, чтобы доносить на своихъ родаковъ! И москольчатъ этихъ монгольскихъ холишь на нашу пагубу...“ „Будь проклята твоя душа!“ продолжали *адепты краевой цивилизаціи*: „на томъ свѣтѣ угодишь въ самое пекло, чертямъ на потѣху“...

„Даже торговки, обыкновенно благосклонныя къ русскимъ карманамъ, стали выказывать свою польскую враждебность. Подходитъ, напримѣръ, чей-нибудь слуга къ лотку съ ягодами и спрашиваетъ для себя по-русски малины; торговка оглядываетъ его непріязненнымъ взоромъ, объявляетъ, что у ней сломаны вѣсы, складываетъ ихъ подъ салфетку и отворачивается, хотя тутъ же, за секунду, на глазахъ у покупателя, отвѣшивала свой товаръ Еврейкѣ...

„Подобныхъ примѣровъ теперь не оберешься; то и дѣло слышишь, что тамъ или здѣсь произошелъ какой-нибудь скандальчикъ сквернаго свойства. Были, впрочемъ, въ этомъ году скандалы и покрупнѣе. Довольно указать хоть на революціонную, довольно обширную организацію, случайно открытую въ Варшавѣ въ началѣ этого года. Объ этомъ казусѣ въ русскихъ газетахъ не было сказано ни полслова, но фактъ существованія организаціи былъ засвидѣтельствованъ, разумѣется, послѣ ея открытія самими варшавскими корреспондентами польскихъ заграничныхъ изданій...

„Мы здѣсь, поистинѣ, какъ на иголкахъ: кругомъ чувствуется не дружелюбное прикосновеніе на улицѣ, въ лавкахъ, на общественныхъ гуляньяхъ, даже у себя дома. Надо мной, въ верхнемъ этажѣ, проживаетъ скромное польское семейство, нарушающее иногда мое спокойствіе только бренчаньемъ Полекъ на фортепьянахъ. Вдругъ, въ одинъ вечеръ, раздаются наверху знакомые звуки: *Еще польска не згинела* и *Боже, цось польску*; затрещалъ потолокъ подъ топаньемъ мазура и шумное празднество протянулось до утра. На другой день, въ городѣ слышу отъ многихъ знакомыхъ жалобы на безпокойно проведенную ночь изъ-за танцевъ у сосѣдей.“

Оказалось, что въ Варшавѣ, какъ въ Парижѣ, справлялась въ нынѣшнемъ году годовщина 3-го мая... Вообще, говоритъ корреспондентъ *Голоса*,

„— въ варшавской атмосферѣ скопляется зловѣщее электричество; въ головахъ у Поляковъ замутилось; чуется что-то недоброе. Такое положеніе дѣла видимо каждому неослѣпленному наблюдателю: на него указываетъ множество мелочныхъ, но, тѣмъ не менѣе, знаменательныхъ симптомовъ. По улицамъ чаще и чаще стали появляться траурныя дамы, иногда съ крупными черными цѣпями на шеѣ; съ балконовъ домовъ полетѣли въ проходящихъ плевки, большею частью падающіе на военныхъ, хотя обыкновенно и объясняемые шалостью дѣтей, когда родителей позовутъ къ отвѣту; Поляки при встрѣчахъ, рѣдко узнаютъ своихъ знакомыхъ изъ Русскихъ; на людей съ какими-либо національно-русскими отличками въ костюмѣ набѣгаютъ уже застрѣльщики въ лицѣ гимназистовъ и уличныхъ мальчишекъ; чаще прежняго стали попадаться подъ руку полиціи карточки разныхъ довудцевъ, запрещенныя сочиненія, зажигательныя рукописи...“

Замѣчательно, что съ нѣкотораго времени преступленія, не имѣющія повидимому ничего общаго съ политикой, окрашиваются въ Варшавѣ политическимъ цвѣтомъ. Такъ, по извѣстію *Варшавскаго Дневника*, отставной поручикъ Бржезинскій, на дняхъ сужденный и уже подвергшійся казни, вознамѣрившись убить мужа женщины, съ которою былъ въ связи, склонилъ нѣкоего исключеннаго изъ гимназіи Варыкевича и „проживающаго безъ опредѣленныхъ занятій“ дворянина Корыцкаго содѣйствовать этому убійству, увѣривъ ихъ, что человѣкъ, котораго онъ вознамѣрился лишить жизни, „своими доносами правительству погубилъ будто бы много лицъ, принимавшихъ участіе въ мятежѣ и, какъ человѣкъ вредный для края въ политическомъ отношеніи, долженъ быть убитъ.“

Недавно, говорятъ, было открыто оригинальное сборище въ какой-то корчмѣ около Варшавы. Это былъ, по увѣренію *Новаго Времени*, родъ дѣтскаго митинга (?), на которомъ собрались преимущественно гимназисты и вообще несовершеннолѣтная молодежь. Предметомъ ихъ обсужденій была организація новаго возстанія, въ

виду того что распространялось известными телеграммами из Гумбинена о готовящемся новом восстании в Галиции. Странный однакож „детский митинг", на котором обсуждается вопрос „о новом восстании."

Дай Боже, чтобы все эти происшествия открыли наконец глаза добровольно слепотствующим! Корень польскаго вопроса, повторим в тысячный раз, не в Варшаве и не в конгрессувке, а в двух соседних генерал-губернаторствах.

№ 155.

Москва, 16-го Іюля.

А.

Недавно *Journal des Débats* съ прискорбіемъ извѣщалъ, что поправки представленныя по поводу куріозной брошюры г. Деламарра: *Un singulier pour un pluriel*, отвергнуты бюджетною коммиссіей какъ не имѣющія ничего общаго съ бюджетомъ. Вышло однако, что поправки эти были допущены, и въ засѣданіи законодательнаго корпуса 17-го іюля, краснорѣчіемъ г. Карно, для законодателей Франціи разоблачена наконецъ роковая истина, что есть на свѣтѣ нѣсколько славянскихъ нарѣчій, которыя болѣе или менѣе разнятся между собой, хотя и происходятъ отъ одного ближайшаго корня... Свершилось: приговоромъ законодательнаго сословія „великой націи" уничтожено главное орудіе русскаго панславизма, каѳедра славянскаго языка въ Collège de France, а на мѣсто ея воздвигнется каѳедра славянскихъ языковъ, опровергающая этимъ названіемъ своимъ, вмѣстѣ съ миѳомъ о „единствѣ языка" славянскихъ народовъ, миѳъ „единства ихъ расы." Но это не все: поразивъ гидру панславизма, тотъ же ораторъ поставилъ для Франціи и первыя вѣхи новаго политическаго пути... „Европѣ угрожаетъ опасность подпаетъ не славянскому, а московскому элементу, причемъ „азіатская цивилизація восторжествовала „бы надъ европейскою," и дабы оградить Европу отъ этой опасности, ораторъ совѣтуетъ „противопоставить коалицію трехъ „элементовъ: славянскаго, славяно-германскаго (?) и латинскаго," съ тѣмъ чтобы „федерація, сложившаяся изъ естественныхъ группъ славянскихъ народовъ, представляла первую оборонительную линію „этой коалиціи..."

Таковы предложенія, которыя французскій законодательный корпусъ выслушалъ въ засѣданіи 17-го іюля, къ великому торжеству оратора сберегавшаго въ продолженіи слишкомъ семи мѣсячной сессіи всѣ силы своего краснорѣчія дабы поразить разомъ врага европейской цивилизаціи.

Но, — вотъ что значитъ невѣжество и легкомысліе! — вмѣсто того чтобы поразить этотъ такъ-называемый русскій панславизмъ, г. Карно сталъ незамѣтно для себя покорнымъ служителемъ этой вражеской силы. Въ русскихъ университетахъ именно существуетъ каѳедра славянскихъ языковъ, и интересамъ русской политики ничѣмъ нельзя было бы такъ угодить, какъ образованіемъ сильной федераціи самостоятельныхъ славянскихъ группъ, которыя теперь придавлены мертвыми тѣлами Австріи и Турціи; — группъ слишкомъ слабыхъ для того чтобы каждая могла стоять совершенно отдѣльно, но слишкомъ обособленныхъ для того чтобы слиться въ одно нераздѣльное цѣлое.

Г. Карно обращаетъ вниманіе французскихъ законодателей на „рѣзкость русской печати," какъ на доказательство, что „она „находитъ въ этихъ поправкахъ не простой споръ о словахъ." „Вы не повѣрите," восклицалъ ораторъ, „съ какимъ нетерпѣніемъ сторонники и противники панславизма ожидаютъ вашего рѣшенія!" Въ Россіи ожидали — не съ нетерпѣніемъ, а съ любопытствомъ, — преній объ этихъ поправкахъ только для того чтобы посмотрѣть до какой степени можетъ дойдти разгулъ напыщеннаго и невѣжественнаго пустословія.

Присутствовавшіе на этомъ засѣданіи французскіе министры не признали нужнымъ возражать на рѣчь г. Карно; но намъ сдается, что эта далеко не лестная для оратора сдержанность министровъ объясняется самимъ содержаніемъ его рѣчи. Только одинъ изъ министровъ, г. Дюрюи, высказалъ при этомъ, весьма кстати, лукавый парадоксъ, замѣтивъ, что занятія политикой роняютъ умственный уровень и вредятъ литературнымъ дарованіямъ. Говоря это, г. Дюрюи, конечно, не могъ разумѣть ни древняго Рима или Аѳинъ, ни современной Англіи, ни даже прежней Франціи. По всему видно, что г. Дюрюи разумѣлъ просто политическихъ мужей въ ро-

дѣ г. Карно, и въ этомъ случаѣ нельзя не согласиться съ нимъ на счетъ одуряющаго вліянія балаганной политики.

Итакъ, желая поразить Россію, г. Карно убѣждаетъ свое отечество слѣдовать путемъ, давно уже проложеннымъ самою Россіей. Въ этомъ заключается единственная характеристическая сторона забавной рѣчи о славянскихъ языкахъ. Что касается коалиціи, то бодрый духомъ г. Карно презрительно отвергъ урокъ недавнихъ странствій извѣстнаго принца на берега Шпре и Дуная. Что ему за дѣло, что Пруссія и Австрія, съ грубымъ упрямствомъ, не внали гласу цивилизаціи и прогресса, и хотятъ лучше сами служить Европѣ оплотомъ противъ Россіи чѣмъ создать между собою и ею славянскую преграду, отдѣляя подъ оную — первая одну треть, а вторая двѣ трети своихъ владѣній? Хотя г. Карно и не теряетъ надежды увлечь ихъ своимъ краснорѣчіемъ, однако ему все-таки придется убѣдиться, что единственнымъ помощникомъ ему въ созданіи подобной преграды „противъ Россіи" можетъ явиться развѣ сама же Россія, и сколько бы ни дивился этотъ наивный ораторъ, а дѣло все таки въ томъ, что онъ выражалъ лишь русскія мнѣнія, облекая ихъ въ форму враждебной для Россіи комбинаціи. Дорожа болѣе сущностью чѣмъ формою, болѣе результатомъ чѣмъ намѣреніями, мы приглашаемъ г. Карно продолжать столь же усердно служить проводникомъ русскихъ интересовъ.

Между тѣмъ, будто по данному сигналу, въ одинъ голосъ заговорили по случаю этого куріоза нѣмецкія газеты. Онѣ оказываются въ этомъ случаѣ гораздо взыскательнѣе русскихъ. Ихъ поразило то, что не было никакихъ офиціальныхъ возраженій на бредни несчастнаго оратора, который впрочемъ, сколько мы помнимъ, ни разу съ 1863 года не удостоивался ни слова въ возраженіе со стороны министровъ. Ихъ изумило полусонное вниманіе, оказанное витійству г. Карно изнывавшимъ отъ жара большинствомъ палаты; онѣ подмѣтили даже со стороны президента, г. Шнейдера, сгорающаго желаніемъ ускорить окончаніе сессіи, какую-то странную поспѣшность заключить засѣданіе вотировкой. „Все это доказываетъ ненависть Франціи къ Россіи! Все это направлено противъ Россіи!" вопіютъ въ одинъ голосъ парижскіе корреспонденты *Крестовой Газеты* и *Кельнской Газеты*, и имъ усердно вторятъ корреспонденты *National-Zeitung* и *Allgemeine Zeitung*. Признаемся чистосердечно: крики нѣмецкой печати являются намъ самымъ замѣчательнымъ фактомъ въ пошлой фарсѣ поправокъ по поводу названія каѳедры славянскаго языка; только въ этихъ крикахъ и обнаруживается политическая мысль. Хватаясь за самые незначительные случаи, пользуясь самыми ничтожными фактами, напрягая всѣ силы чтобы возбудить взаимное недовѣріе между Франціей и Россіей, нѣмецкія газеты дѣйствуютъ совершенно послѣдовательно, направляемыя хитрою политикой, которая поставила себѣ задачей произвесть столкновеніе между двумя великими державами, взаимною пріязнію коихъ была бы уничтожена всякая возможность осуществленія заявленной генераломъ Мольтке смѣлой надежды возвести Германію въ верховную, международную, судебно-полицейскую власть, которая управляла бы судьбами европейскаго материка.

Б.

Намъ пишутъ съ острова Эзеля, что весенними засухами и ранними жарами уничтожены тамъ всякія надежды на урожай. Жителямъ острова угрожаютъ на зиму всѣ бѣдствія голода, и положеніе ихъ тѣмъ ужаснѣе, что въ продолженіе большей части зимы сообщенія съ материкомъ бываютъ крайне затруднены по непрочности льда на протяженіи 12-верстнаго пролива. Въ виду этого обстоятельства, общественной благотворительности предстоитъ заблаговременно озаботиться способами помочь нашимъ нуждающимся соотечественникамъ на островѣ Эзелѣ. Въ настоящее время, быть-можетъ, положеніе ихъ еще не совсѣмъ безнадежно; быть-можетъ, выпавшими въ послѣднее время дождями поправятся если не всѣ, то хоть нѣкоторыя поля; но на всякій случай, мы спѣшимъ предложить нашимъ братьямъ на островѣ Эзелѣ гласность нашей газеты.

Соболѣзнуя несчастію, угрожающему Эзельцамъ, уже и въ прошломъ году тяжко испытаннымъ нуждой, мы не можемъ не напомнить нѣкоторымъ петербургскимъ органамъ, что бѣдствія понесенныя въ этомъ году многими мѣстностями нашего прибалтійскаго поморья и угрожающія нынѣ острову Эзелю служатъ безспорнымъ опроверженіемъ тѣхъ заключеній, которыя они по-

спѣшили вывести изъ подобныхъ же бѣдствій, когда ими были поражаемы въ другихъ частяхъ Россіи населенія, призванныя къ новой жизни указомъ 19-го февраля 1861 года. Озабоченные гораздо более успѣхомъ своихъ ученій чѣмъ пріисканіемъ средствъ придти на помощь страдальцамъ, эти органы спѣшили воспользоваться бѣдствіями нашего сельскаго люда съ цѣлію доказать пагубныя послѣдствія Положенія 19-го февраля 1861 г. Ни на островѣ Эзелѣ, ни на островѣ Даго—коего голодные крестьяне высланы недавно изъ Петербурга обратно на попеченіе тамошняго просвѣщеннаго помѣстнаго сословія, какъ обыкновенно выражается *Вѣсть*,—нигдѣ, во всемъ Балтійскомъ краѣ, не было введено Положеніе 19-го февраля, нигдѣ крестьяне въ этомъ краѣ не были поставлены въ независимость отъ тамошняго просвѣщеннаго помѣстнаго сословія, и при всемъ томъ тамошніе крестьяне гораздо менѣе великороссійскихъ въ состояніи бороться съ бѣдствіями неурожайнаго года.

№ 156.

Москва, 17-го Іюля.

Какъ-то разъ газета *Вѣсть* крайне недовольная ходомъ дѣлъ въ Вильнѣ (теперь, повидимому, она совершенно довольна) и ратуя противъ тамошней администраціи, противъ чиновниковъ, противъ бюрократическаго принципа (исключительно въ примѣненіи къ западному краю),—изрекла глубокомысленныя слова, которыми случайно не успѣли мы воспользоваться въ то время. „По нашему мнѣнію,“ было сказано въ передовой статьѣ № 46 *Вѣсти*, „задача слiянія польскаго населенія съ Россiей должна разрѣшиться „историческимъ процессомъ, подобно тому что̀ мы видимъ въ Пруссіи.“

Итакъ, вся сила въ *историческомъ процессѣ*. *Историческій процессъ*, вотъ чего намъ недоставало. Вотъ чему Пруссія обязана своими громадными успѣхами, и вотъ что̀ надобно намъ завести у себя во что бы то ни стало. Прочь чиновники, мировые посредники, наѣхавшіе въ западный край! Прочь народныя училища, долой крестьянскій вопросъ и работы повѣрочныхъ коммиссій! Заботы о національномъ характерѣ тамошняго землевладѣнія, все это пустяки и вздоръ: требуется только историческій процессъ, подобный тому что̀ мы видимъ въ Пруссіи. Пусть также признаваемыя русскимъ закономъ вѣроисповѣданія остаются символомъ и орудіемъ національностей разлагающихъ государство: никакихъ мѣръ принимать не нужно, и нечего жалѣть о тѣхъ пяти милліонахъ, которые были ассигнованы для кредитной операціи, имѣвшей цѣлію оказать мощное пособіе предположенному обрусенію края, но благодаря нѣкоторому процессу (историческому?) перемѣстились въ кассу другой операціи, мастерски упразднившей первую. Все устроится наилучшимъ образомъ само собою: стоитъ только завести у насъ штуку называемую историческимъ процессомъ.

Однако, что̀ же такое этотъ „историческій процессъ“, которымъ безъ хлопотъ улаживаются всѣ затрудненія и достигаются блистательные результаты? Сказано: „подобно тому что̀ мы видимъ въ Пруссіи“: значитъ легко довѣдаться въ чемъ дѣло; стоитъ только справиться какъ шли дѣла въ прусскихъ провинціяхъ, присоединенныхъ отъ Польши.

Мы имѣемъ отличную справку о томъ „историческомъ процессѣ,“ какимъ Пруссія успѣла прочно усвоить себѣ эти провинціи и наложить на нихъ печать своей національности. Мы имѣемъ свидѣтельство очевидца, который присутствовалъ при процессѣ, и очевидца отнюдь неподкупленнаго въ пользу Пруссіи. Мы беремъ свидѣтельство одного изъ магнатовъ нашего западнаго края, чей авторитетъ долженъ быть непререкаемъ во мнѣніи *Вѣсти*, и *патріотизму* котораго даже *Новое Время* должно отдать справедливость.

Вѣдомо ли почтеннымъ лицамъ пишущимъ въ *Вѣсти*, что все столько разъ высказанное ими противъ системы дѣйствовавшей въ западномъ краѣ въ послѣднія пять лѣтъ, было сказано именно противъ того процесса, которому Пруссія обязана своими успѣхами, и который ставятъ они же въ образецъ для нашего правительства? Ни объ управленіи графа Муравьева, ни о ходѣ дѣлъ при генералѣ Кауфманѣ не было говорено консервативными панами западнаго края, присылавшими свои корреспонденціи въ петербургскую консервативную газету, ничего сильнѣе того что̀ въ первой четверти нынѣшняго

столѣтія говорилъ князь Огинскій о прусскихъ порядкахъ, съ тою только разницей, что по грубости нравовъ того времени князь Огинскій говорилъ откровенно и чистосердечно.

„Прусскіе Поляки,“ писалъ 1-го декабря 1811 года этотъ столь извѣстный панъ и патріотъ, „внезапно увидѣли, какъ „весь край наполнился толпою нѣмецкихъ „чиновниковъ, которые вытѣснили всѣхъ „туземцевъ съ ихъ мѣстъ и общественныхъ „должностей.... Необходимость исключи„тельнаго употребленія нѣмецкаго языка, „придирки и притѣсненія чиновниковъ сдѣ„лали это правительство ненавистнымъ „дворянству. Правда, этимъ воспользова„лись земледѣліе и мануфактуры, но цѣ„ною притѣсненій и угнетеній дворянства, „единственнаго класса, составлявшаго нѣ„когда польскую народность“ *).

Вотъ драгоцѣнное свидѣтельство! Добрая, невинная *Вѣсть*, плененная „историческимъ процессомъ,“ коему Пруссія обязана своими успѣхами, не знала, что и у насъ начинался этотъ таинственный историческій процессъ, что дѣла въ западномъ краѣ до начала нынѣшняго года забрели именно на тотъ путь, какимъ всегда шли въ Пруссіи, и что когда дѣла у насъ шли этимъ путемъ, тутъ-то они и были предметомъ негодованія *Вѣсти*, которая точно также ратовала противъ нихъ во имя интересовъ дворянства, какъ и князь Огинскій въ 1811 году противъ дѣйствій прусскаго правительства.

Не менѣе интересно свидѣтельство польскаго патріота и магната о томъ, что польская народность заключается только въ польскомъ дворянствѣ, и стало-быть есть терминъ искусственный и фальшивый. Правительство умное и въ своихъ органахъ вѣрное себѣ не можетъ сомнѣваться, куда должны быть направляемы рѣшительные удары въ борьбѣ съ такъ-называемою польскою народностію, и прусское правительство дѣйствовало въ своихъ провинціяхъ неуклонно, послѣдовательно и съ полнымъ успѣхомъ, хотя ему предстояли несравненно бóльшія трудности нежели въ западномъ краѣ, который почти сплошь заселенъ русскимъ народомъ, порабощеннымъ ополяченною шляхтой. Прусское правительство заняло всѣ общественныя должности своими агентами, и цѣня ихъ патріотическое усердіе, направляло его на полезныя, серіозныя и практическія цѣли. Освобождая сельскій людъ и улучшая быть его, оно не колебалось въ своихъ дѣйствіяхъ и не давало мѣста интригѣ, которая вздумала бы подъ флагомъ консервативныхъ идей провозить контрабанду крамолы. Прусское правительство понимало всю важность вопроса о томъ, въ чьихъ рукахъ находится землевладѣніе края и какой національный характеръ оно носитъ. Говорятъ, что въ Германіи и капиталовъ, и предпріимчивости несравненно болѣе чѣмъ у насъ, что они сами собою направлялись къ присоединеннымъ провинціямъ, завладѣвали тамъ землею и промыслами. Вѣрно однако то, что они не встрѣчали никакихъ административныхъ затрудненій, препонъ и формальностей, а напротивъ, администрація всѣми способами склоняла туда предпріимчивость и капиталы, уготовляла имъ пути и на каждомъ шагу ободряла, поднимала ихъ и дѣйствовала въ полномъ съ ними соглашеніи. Прусское правительство достигало своихъ цѣлей простыми и сподручными средствами; оно поступало такимъ же хозяйственнымъ способомъ и такъ же успѣшно, какъ наши старые московскіе князья, которые изъ малаго сумѣли сдѣлать многое, собрали Русскую землю, упрочили ея независимость и положили начало ея будущему величію. Прусское правительство пользовалось всякимъ случаемъ, чтобы окупать земли у польскаго дворянства, и безъ всякихъ общихъ мѣръ вело дѣла такъ, чтобы поступавшія въ продажу имѣнія переходили въ нѣмецкія руки. Полонизмъ давно бы окончательно угасъ въ прусскихъ провинціяхъ, и даже въ Познани не оставалось бы никого изъ не нѣмецкихъ или не онѣмеченныхъ землевладѣльцевъ, еслибы польскій вопросъ не былъ постоянно возбуждаемъ въ сосѣдней странѣ....

Кто-то недавно въ газетѣ *Nord*, въ корреспонденціи изъ Петербурга, упрекалъ насъ въ томъ, будто мы не цѣнимъ должнымъ образомъ Пруссію и оскорбляемъ ея національное самолюбіе. Ничего не можетъ быть несправедливѣе этого обвиненія; напротивъ, мы пользуемся всякимъ случаемъ отдать справедливость искусной и совершенно національной политикѣ Пруссіи. Нѣтъ, мы до такой степени цѣнимъ ее,

*) „Recueil des traités, conventions etc concernant la Pologne“ 1762—1862, par le Comte d'Angeberg p. 535.

что и для себя не желали бы ничего лучше, какъ успѣшно соревновать ей въ нашемъ смыслѣ. Мы не только воздаемъ Пруссіи должную хвалу, но были бы готовы поставить ее въ образецъ себѣ, и дѣйствовать по отношенію къ ней хотя отчасти такъ же, какъ она дѣйствуетъ въ отношеніи къ намъ.

Посмотрите: Пруссія находится къ Россіи въ наилучшихъ отношеніяхъ; тѣмъ не менѣе она точно такъ же укрѣпляется на своей восточной границѣ, какъ и на западной. Никому не можетъ придти въ голову, чтобы Россія стала когда-нибудь нападать на Пруссію съ завоевательными цѣлями, но прусское правительство тѣмъ не менѣе укрѣпляется, и хорошо дѣлаетъ. Оно дѣлаетъ еще лучше, оно ведетъ свои дѣла такъ, что ея восточные сосѣди не только считали бы для себя неотпустимымъ грѣхомъ принимать съ своей стороны какія-либо мѣры предосторожности противъ Пруссіи, но даже показывать видъ людей наблюдающихъ, замѣчающихъ, понимающихъ вещи.

Пруссія потрясла всѣ основы доселѣ стоявшей системы европейскаго равновѣсія, и ловко воспользовавшись обстоятельствами, успѣшно окончила одна за другою двѣ большія завоевательныя войны; она весьма естественно должна была поднять противъ себя тьму интересовъ и возбудить бездну вопросовъ, изъ коихъ каждый грозилъ ей большею или меньшею опасностію. Пріязнь Россіи была для нея необходимостію, отъ которой быть-можетъ зависѣло ея существованіе. Но недостаточно чтобы Россія была готова до самоотверженія поддерживать ее, подвергаться всѣмъ ея опасностямъ, обращать противъ себя всѣ возбужденныя ею ненависти, всѣ раздраженные ею интересы, и занявъ собою ея враговъ, дать ей время додѣлывать начатое; считается еще возможнымъ ожидать за принятіе такихъ услугъ отъ Россіи ея же благодарности, и не только нравственной, но и матеріальной. Обыкновенно за добрыя услуги платятъ тѣмъ же; но наша сосѣдка такъ искусно ведетъ свои дѣла, что сама ожидаетъ платы за услуги, которыя ей оказываются, за жертвы, которыя ей приносятся. Наши нѣмецкіе сосѣди, теперь когда наша поддержка имъ особенно нужна, считаютъ благовременнымъ явно вмѣшиваться въ наши внутреннія дѣла, и открываютъ огонь изо всѣхъ батарей по нашимъ балтійскимъ провинціямъ, подстрекая въ нихъ нѣмецкую партію къ сопротивленію и обѣщая ей поддержку и помощь. Наши занѣманскіе сосѣди хотятъ по своему направлять линіи нашихъ желѣзныхъ дорогъ, и еще смѣются намъ въ глаза, утверждая, что для насъ полезнѣе ожидать нашею торговлей не свои порты, а чужіе. Отсылаемъ читателей къ замѣткѣ нашей въ предпослѣднемъ нумерѣ *Московскихъ Вѣдомостей*, вызванной доводами штеттинской газеты противъ построенія столь жизненной, столь необходимой для Россіи, особенно въ коммерческомъ отношеніи, Либавской желѣзной дороги. Либавская линія полезна для Россіи, но она не представляетъ выгодъ для Пруссіи, и она не должна строиться, а Пинско-Бѣлостоцкая линія, напротивъ, выгодна для Пруссіи, она притянетъ къ ея Кенигсбергскому порту нашъ западный край и погубитъ Либаву,— и вотъ опять ходятъ слухи, что со дня на день ожидается открытіе работъ по линіи Пинско-Бѣлостоцкой...

№ 157.

Москва, 18-го Іюля.

Перелистывая сборникъ многотомной дипломатической корреспонденціи за 1866 годъ, изданный въ прошломъ году правительствомъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ (*Papers relating to foreign affairs*. Washington 1867. Part 2, p. 177), мы напали на одинъ документъ, не лишенный интереса для насъ Русскихъ.

Г. Кампбелль, посланникъ Соединенныхъ Штатовъ при Стокгольмскомъ дворѣ, однажды, не имѣя ничего особеннаго сообщить своему правительству о дѣлахъ, въ коихъ оно непосредственно заинтересовано, счелъ не лишнимъ посвятить цѣлую депешу (отъ 14-го января 1866 г.) предмету, которому, какъ онъ свидѣтельствуетъ, Англія и Франція придаютъ чрезвычайную важность и который касается Россіи въ пунктѣ для нея весьма чувствительномъ.

Достопочтимый г. Кампбелль начинаетъ депешу свою съ того, въ чемъ всякій Русскій отъ всей души согласится съ нимъ, именно, что Россія крайне нуждается въ морскомъ портѣ, свободномъ круглый годъ

ото льда, съ надежною якорною стоянкой, достаточно обширномъ, который могъ бы быть сильно укрѣпленъ и который командовалъ бы водами открытаго моря. Пока Россія не пріобрѣтетъ соотвѣтственнаго ей морскаго значенія, она не можетъ ни считать свое всемірное положеніе упроченнымъ, ни чувствовать себя въ обладаніи всѣми необходимыми условіями внутренняго развитія и процвѣтанія. Но гдѣ же найдти такой портъ, какой былъ бы такъ нуженъ для Россіи, по справедливому замѣчанію американскаго дипломата? Какъ добраться до такого морскаго пункта, который соединялъ бы всѣ вышесказанныя условія и при этомъ былъ бы подъ рукой центральнаго правительства? Тихій Океанъ омываетъ владѣнія Россійской Имперіи, но онъ безмѣрно отдаленъ отъ ея центровъ, да и тамъ главные морскіе пункты наши недавно отошли къ отечеству г. Кампбелля. Есть однако пунктъ у самой границы Европейской Россіи, который, будь онъ въ ея границахъ, открывалъ бы ей всемірный просторъ океана. Пунктъ этотъ никому не нуженъ, и только Россія могла бы имъ воспользоваться, для ней только могъ бы онъ имѣть значеніе. Но, какъ говорится, близокъ локоть, а не укусишь. Варангеръ Фьйордъ (то-есть Варангскій, или пожалуй Варяжскій заливъ) на Норвежскомъ берегу, между 68 и 69°/₀ сѣв. шир., соединяетъ въ себѣ всѣ вышесказанныя выгоды. „Заливъ этотъ", пишетъ г. Кампбелль, „содержитъ нѣсколько вмѣстительныхъ гаваней, способныхъ служить убѣжищемъ для большихъ флотовъ, и можетъ быть такъ „укрѣпленъ, что доступъ къ нему съ „моря былъ бы очень труденъ, если не „вовсе невозможенъ. Тепловатыя воды „гольфстрима разливаются вдоль этого „берега, и флоты могли бы отсюда выходить въ море во всѣ времена года. „Россія трактатомъ 1809 года пріобрѣла „полосу земли, которая заключаетъ въ „себѣ большую часть Финляндіи и доводитъ русскую пограничную линію на семь „англійскихъ миль (верстъ на десять) отъ „сказаннаго залива." Г. Кампбелль убѣжденъ, что Россія считаетъ пріобрѣтеніе этихъ водъ дѣломъ первой для себя важности. Но, доносить онъ своему правительству, Англія и Франція, особенно первая, смотрятъ на такъ-называемые захваты Россіи въ направленіи къ сѣверному морю съ чрезвычайною ревностію. Г. Кампбелль полагаетъ, что обладая этими надежными гаванями, русскія вооруженныя суда могли бы во всякую пору нанести удары французскимъ и англійскимъ портамъ, и съ помощію пара всегда очутиться предъ ними черезъ нѣсколько часовъ по снятіи съ якоря, или же найдти себѣ убѣжище за укрѣпленіями въ опасной для ея противниковъ близости. „Европейскіе соперники Россіи боятся", говоритъ г. Кампбелль, „что черезъ это она, „могучая на сушѣ, можетъ стать столь же „могучею и на морѣ."

Но почему американскій посланникъ при Стокгольмскомъ дворѣ заговорилъ объ этомъ предметѣ въ своей депешѣ отъ 14-го января 1866 года? Онъ сообщаетъ, что около того времени возникли слухи, будто король Шведскій и Норвежскій вступилъ съ Россіей въ переговоры объ уступкѣ той узенькой полоски земли, которая дала бы Россіи возможность достигнуть морскаго берега и исправила бы границы между обѣими странами. „Англія и Франція", пишетъ онъ, „встревожились „и отправили депеши каждая къ своему „посольству при этомъ дворѣ для удостовѣренія въ истинности или ложности „этихъ слуховъ. Графъ Мандерстремъ „выразительно отрицалъ не только фактъ „этихъ переговоровъ, но и самую вѣроятность, чтобы Швеція когда-либо открыла „таковые." Г. Кампбелль замѣчаетъ, что Швеція несетъ по этому предмету особыя предъ Англіей обязательства. Дѣйствительно, истиннымъ антагонистомъ Россіи какъ здѣсь, такъ и на Востокѣ, является собственно Англія, между тѣмъ какъ Франція играетъ только роль спутника, служа орудіемъ въ чужомъ дѣлѣ и часто во вредъ себѣ.

Г. Кампбелль разказываетъ затѣмъ о затрудненіяхъ возникающихъ въ пограничныхъ сношеніяхъ между Россіей и шведско-норвежскимъ правительствомъ, затрудненіяхъ, кои вѣроятно и подали поводъ къ слухамъ, напрасно встревожившимъ Англію.

Разкажемъ дѣло со словъ г. Кампбелля: Произошли столкновенія вслѣдствіе якобы захвата рыболовныхъ ловель въ Норвегіи русскими подданными съ одной стороны, и нарушенія русской территоріи шведскими съ другой. За пятнадцать лѣтъ предъ тѣмъ норвежское правительство вы-

проводило русскихъ рыболововъ, засѣвшихъ на южной сторонѣ Варангскаго залива для промысла въ норвежскихъ водахъ. Въ видѣ возмездія русское правительство воспретило шведскимъ Лопарямъ переходить черезъ русскую территорію, когда они гоняютъ свои оленьи стада къ морскому берегу. Кабинеты Христіаніи и Стокгольма, опасаясь всякаго спора съ Россіей, обѣщали удовлетвореніе и сдѣлали соотвѣтственное распоряженіе. Но кочевое населеніе не знаетъ толку въ границахъ и рубежахъ: норвежскіе Лопари продолжали гонять свои стада туда, гдѣ находился имъ кормъ и соленая вода, выбирая наикратчайшій путь. Въ 1863 году Россія снова обратилась съ жалобами по этому предмету, и вслѣдствіе того даны были шведскимъ правительствомъ новыя инструкціи, назначено было слѣдствіе, наряжена была коммиссія, которая на мѣстѣ отбирала свѣдѣнія отъ шведскихъ, норвежскихъ и финляндскихъ Лопарей. Въ результатѣ оказалось, что русское и шведское правительства имѣли одинаковыя причины къ жалобамъ по поводу взаимнаго нарушенія границъ подданными того и другаго государства, и коммиссія старалась дознаться какъ бы выйдти изъ этого затрудненія, убѣдившись, что ограниченія, поставляемыя для передвиженія стадъ и ихъ владѣльцевъ, были причиной всего этого замѣшательства, и что причина эта будетъ продолжаться, пока не состоится какое-нибудь соглашеніе. Дѣло это такъ и осталось по сіе время. Никакого соглашенія не было достигнуто, и никакого распорядка не сдѣлано. „Мы можемъ“, говоритъ въ заключеніе г. Кампбелль, „съ полною увѣ„ренностью полагать, что Россія не пой„детъ ни на какія сдѣлки, которыя за„ставили бы ее отказаться отъ давно „лелѣемаго ею желанія достигнуть откры„таго моря. И нѣтъ ничего невѣроятнаго, „что она воспользуется благопріятнымъ „моментомъ для того чтобъ обезпечить за „собою воды Варангеръ-Фьйорда; но нѣтъ „пункта мнимыхъ или дѣйствительныхъ „домогательствъ Россіи, за которымъ Ан„глія, вмѣстѣ съ Франціей, наблюдали бы „съ такою ревнивою заботливостію, какъ „за всякимъ шагомъ Россіи въ направле„ніи къ Норвежскому взморью“.

Оставляя на отвѣтственности американскаго дипломата его догадку о видахъ русскаго правительства на вышеописанный пунктъ Норвежскаго морскаго берега, мы не можемъ не согласиться съ нимъ касательно важности этого пункта для Россіи. Важность эта, впрочемъ, состоитъ не въ томъ, чтобъ угрожать мореходству Англіи или Франціи; обладаніе подобнымъ пунктомъ имѣло бы животворное дѣйствіе на развитіе великаго народа и могущественно оплодотворило бы цивилизацію громадной страны. Увы! послѣ Петра Великаго, который съ такими тяжкими усиліями добился до моря, насъ преслѣдуетъ злой рокъ во всѣхъ нашихъ попыткахъ пріобрѣсти или утвердить за собою морское значеніе. Мы растянулись и разсыпались на безмѣрныхъ протяженіяхъ, и не успѣли собраться ни на одномъ значительномъ морскомъ пунктѣ. А между тѣмъ на одинъ такой пунктъ мы могли бы съ величайшею для себя выгодою промѣнять многія изъ нашихъ тысячеверстныхъ пустырей. Даже тамъ, гдѣ предѣлы нашей Имперіи подошли къ морю, мы находимся какъ бы не у себя дома; мы обойдены и оттѣснены отъ нашихъ морскихъ окраинъ, а гдѣ мы начинали было понемногу входить въ силу, тамъ остановлены на первыхъ шагахъ. На Черномъ морѣ мы обезоружены; недавно нашлись мы вынужденными распустить и распродать все, что здѣсь еще оставалось отъ нашихъ морскихъ заведеній. Балтійское побережье... но здѣсь намъ въ глаза говорятъ, что этотъ край не Россія, что онъ тяготѣетъ къ другой странѣ, и мы какъ будто убѣждаемся этими наглыми откровеніями, спотыкаемся въ робкихъ попыткахъ доказать противное, и оказываемся сильными только въ тѣхъ мѣрахъ, которыя могутъ способствовать полному отчужденію этого края отъ Россіи. Мы оставляемъ безъ употребленія и значенія лучшія гавани нашего Балтійскаго побережья. Даже теперь, когда сѣтью желѣзныхъ дорогъ покрывается вся Россія, когда строятся линіи, которыя безъ всякаго ущерба для страны могли бы еще лѣтъ двадцать оставаться въ проектѣ, когда находятся средства вести параллельныя дороги на пятидесяти-верстномъ разстояніи, — громоздятся непреодолимыя затрудненія для постройки желѣзной дороги изъ Либавы на Ковно, важность коей бросается въ глаза, и составляются комбинаціи какъ бы убить Либавскую гавань,

на которую уже израсходованы большія суммы, какъ бы благовидно принести ее въ жертву торговымъ интересамъ сосѣдней державы, именно въ то самое время, когда эта держава пріобрѣтаетъ сильное морское значеніе, и когда то, что въ 1848 г. казалось бреднями фантастовъ, германскій флотъ, становится дѣйствительностію, и когда въ безспорномъ обладаніи Россіи едва ли остается даже и Финскій заливъ.

Какъ внѣ; такъ и внутри, вездѣ можно наслѣдить дѣйствіе этой враждебной силы, работающей то явно, то скрытною интригой, чтобъ отбивать насъ отъ моря. Когда намъ доводилось регулировать нашу границу съ Пруссіей, мы и не подумали объ устьяхъ Нѣмана, о Мемелѣ, пунктѣ столь маловажномъ для ней, а для Россіи неоцѣненномъ. Когда послѣ войны съ Турціей, въ 1829 году, она „предоставила себя великодушію побѣдителя," и мы въ Адріанополѣ предписывали ей условія мира, турецкій паша, безъ сомнѣнія, втайнѣ руководимый наставленіями англійской дипломатіи, сумѣлъ провести насъ, и мы получили землю совершенно ненужную намъ и уступили нѣсколько верстъ приморской полосы, которая стала бы драгоцѣннымъ алмазомъ русской короны, потому что на ней находится Батумъ превосходнѣйшая гавань на всемъ Черномъ морѣ.

Г. Камбелль, основываясь на свѣдѣніяхъ собранныхъ имъ въ Стокгольмѣ, пишетъ, что сѣверныя гавани, которыя открывали бы для Россіи океанъ, остались за Норвегіей въ 1809 г. Но спрашивается, какимъ образомъ Россія завоевавъ тогда обширное пространство земли, не довела своей границы до морскаго берега, и остановилась въ десяти верстахъ отъ великолѣпнаго порта, не имѣющаго значенія для Норвегіи, и которымъ теперь ни она, ни Россія не могутъ пользоваться? Стоитъ только взглянуть на карту, чтобъ убѣдиться въ невозможности той границы, которая зигзагами отрѣзываетъ отъ Россіи морской берегъ. Въ старыя времена эти мѣстности были большею частью русскимъ достояніемъ. Сюда хаживали и здѣсь селились наши Новгородцы; не вдалекѣ оттуда находился нашъ Печенскій монастырь. Захватывая тундры и скалы Финляндіи, мы не позаботились объ утвержденіи за собою береговъ открытаго моря, и оставили здѣсь нашу границу безъ точнаго обозначенія. Наши противники воспользовались послѣ этою неопредѣленностью, и мы были обойдены узкою полоской земли, отрѣзавшею насъ отъ океана. Что граница наша въ этихъ мѣстахъ была не ясна, это доказывается тѣмъ, что въ 1826 г. оказалась надобность исправлять ее. Какъ же она была исправлена?

Здѣсь мы остановимся, и передадимъ слово другому. Начавъ съ депеши американскаго дипломата, мы окончимъ выпиской изъ статьи русскаго торговаго человѣка, г. Сидорова, которая, подъ заглавіемъ *Сѣверъ Россіи*, была напечатана въ майской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* за 1866 годъ:

„Въ 1826 году—по какому поводу, намъ неизвѣстно,—была послана экспедиція для опредѣленія рубежа между Россіей и Норвегіей. Представителемъ Россіи былъ подполковникъ Галяминъ, Норвегіи— майоръ Мейлендеръ. Эта экспедиція порѣшила отнести границы наши отъ Верестъ-Наволока къ рѣкѣ Ворьемѣ, верстъ на 70 къ востоку, по прямой линіи, не принимая въ разсчетъ около 500 верстъ изгибовъ берега, чѣмъ уступлены Норвегіи, не считая мелкихъ бухтъ, заливы: Пазрѣцкій, Няведемскій и Ровдинскій, никогда не замерзающіе, съ глубокими превосходными гаванями... Такими судьбами Россія лишилась превосходной Пазрѣцкой гавани, имѣющей по рѣкѣ Пазъ сообщеніе съ отдаленными лѣсами; сто душъ православныхъ Лопарей очутились за границею, тогда какъ эта самая территорія морская и горная, по писцовымъ книгамъ и жалованнымъ царскимъ грамотамъ, составляла вотчину Печенскаго монастыря, находящагося на рубежѣ Норвегіи. Такое пріобрѣтеніе обошлось нашимъ сѣвернымъ сосѣдямъ въ 2.000 специйтовъ (цѣнность этой монеты нынѣ по курсу 1 р. 43 к. с.) и 10 черно-бурыхъ лисицъ (въ 70 руб. каждая), поднесенныхъ кому слѣдуетъ, какъ извѣстно многимъ Поморамъ, чрезъ Норвежскаго купца Арно. Нынѣшняя граница начинается у озера верхней Имандры или Энаре, соединяющаго двѣ пограничныя линіи, финляндскую и норвежскую; отсюда идетъ нашъ рубежъ по ручью Пазсъ, впадающему въ рѣку того же имени, потомъ по этой рѣкѣ тянется на сѣверъ, но не доходя Верестъ-Наволока поворачиваетъ лѣсистыми мѣстами на юго-востокъ; здѣсь

наша граница пересѣкаетъ рѣки Нявдему, Устельгу, и достигнувъ рѣки Пазъ, идетъ по лѣвому берегу къ морю; въ этомъ направленіи, наткнувшись на препятствіе— русскую церковь Бориса и Глѣба, обходитъ ее клиномъ, и отрѣзавъ на самомъ взморьѣ Пазрѣцкое устье, тянется лѣсами прямо къ югу-востоку на протяженіи 70 верстъ параллельно морскому берегу; наконецъ, пройдя чрезъ озеро Чамозеро, поворачиваетъ къ морю по ничтожной рѣчкѣ Ворьемѣ, впадающей въ столь же ничтожную бухту. Эти подробности показываютъ, что нѣкоторыя рѣки и озера состоятъ въ общемъ владѣніи, а изъ другихъ рѣкъ верховья принадлежатъ намъ, устья же ихъ, то-есть морскія пристани,— Норвежцамъ. Стало-быть для Россіи пресѣченъ сплавъ лѣсовъ къ морю по стариннымъ русскимъ рѣкамъ: Пазъ, Нявдемѣ и Устельгѣ, а взамѣнъ того для Норвежцевъ явилось новое удобство контрабандировать лѣсомъ, тѣмъ болѣе что на всемъ этомъ пространствѣ нѣтъ другихъ защитниковъ интереса русской казны кромѣ горсти полудикихъ Лопарей."

№ 158.

Москва, 19-го Іюля.

Въ № 147 нашей газеты напечатано Высочайше утвержденное 22-го апрѣля сего года мнѣніе государственнаго совѣта по вопросу о спеціальныхъ испытаніяхъ вѣдомства народнаго просвѣщенія. Смыслъ этой законодательной мѣры можетъ разъясниться лишь по изданіи упоминаемыхъ въ ст. 17-й означеннаго мнѣнія государственнаго совѣта особыхъ правилъ, коими будутъ, съ утвержденія министра народнаго просвѣщенія, опредѣлены предметы, способъ и порядокъ испытаній, полнаго и сокращеннаго, для полученія разныхъ педагогическихъ званій, начиная съ учителя гимназіи до начальнаго учителя и учительницы. Пока не появились эти особыя правила, нельзя судить о принимаемой мѣрѣ и даже нельзя угадать чѣмъ она вызвана и къ чему клонится. Съ перваго взгляда яснымъ представляется только то, что рѣшено перевести экзамены домашнихъ учителей и учительницъ изъ университетовъ въ гимназіи. Почему это понадобилось, мы не знаемъ: по крайней мѣрѣ здѣсь въ Москвѣ не слышно было жалобъ на производимые въ университетѣ экзамены домашнихъ учителей и учительницъ; впрочемъ, иные экзаменующіеся можетъ-быть найдутъ для себя удобнымъ держать эти экзамены въ губернскихъ городахъ пограничныхъ, гдѣ отнынѣ, вѣроятно, и будетъ выдаваться большая часть аттестатовъ этого рода. Далѣе въ Высочайше утвержденномъ 22-го апрѣля мнѣніи государственнаго совѣта бросается въ глаза, что оно вовсе не упоминаетъ о такъ-называемыхъ домашнихъ наставникахъ. Изъ этого иные заключаютъ, что это званіе отмѣняется, но намъ кажется, что для такого заключенія нѣтъ достаточнаго основанія. Домашніе наставники суть высшій разрядъ педагоговъ, посвящающихъ себя частной дѣятельности (отъ нихъ требуется окончаніе университетскаго курса); отмѣна предоставленныхъ имъ, въ сущности весьма небольшихъ и никому не вредныхъ правъ отозвалась бы неблагопріятно на нашемъ педагогическомъ дѣлѣ. До сихъ поръ этими правами воспользовались, правда, лишь какой-нибудь десятокъ-другой лицъ. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы должно было упразднить непопулярное званіе, а напротивъ скорѣе слѣдуетъ, что его надобно сдѣлать болѣе популярнымъ, то-есть не уменьшить, а увеличить соединенныя съ нимъ преимущества. При маломъ числѣ казенныхъ гимназій, совершенно недостаточномъ сравнительно съ населеніемъ внутреннихъ губерній и даже сравнительно съ числомъ высшихъ учебныхъ заведеній, нельзя, съ какой угодно точки зрѣнія, даже при полномъ убѣжденіи въ превосходствѣ казенныхъ училищъ, не желать развитія въ Россіи частной педагогической дѣятельности, а потому нельзя не считать званія домашнихъ наставниковъ полезнымъ. Если же оно полезно, но привлекаетъ къ себѣ немногихъ, такъ что даже и дѣйствительные домашніе наставники не хлопочутъ о томъ чтобы воспользоваться предоставленными имъ преимуществами, то очевидно, что полезное измѣненіе въ существующемъ порядкѣ вещей должно вести не къ упраздненію званія домашнихъ наставниковъ, а къ лучшей постановкѣ его, къ чему, если не ошибаемся, накопившійся въ министерствѣ народнаго просвѣщенія пенсіонный капиталъ домашнихъ учителей и наставниковъ даетъ теперь возможность, а дальнѣйшія

средства могли бы быть доставлены введеніемъ небольшаго сбора съ домашнихъ учителей и наставниковъ на пополненіе пенсіоннаго капитала. Окончившіе курсъ въ университетахъ предпочитали до сихъ поръ казенную службу частной и шли охотнѣе въ писаря, чѣмъ въ домашніе наставники, а если и становились домашними наставниками, то временно, не заботясь объ оффиціальномъ вступленіи въ это званіе. Вотъ почему оно такая рѣдкость, что многимъ изъ нашихъ читателей по всему вѣроятію даже неизвѣстно о его существованіи. Но потребность въ частныхъ средствахъ обученія именно теперь сильно ощущается, и частныя учебныя заведенія пріобрѣтаютъ съ каждымъ днемъ большее и большее значеніе. Для этихъ заведеній вопросъ о домашнихъ наставникахъ имѣетъ существенную важность. Нельзя желать, чтобы наставники частныхъ учебныхъ училищъ непремѣнно были и учителями гимназій, то-есть что то же, чтобъ учителя гимназій непремѣнно давали уроки, кромѣ гимназій, и въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Этого нельзя желать ни въ интересѣ казенныхъ гимназій, ни въ интересѣ частныхъ училищъ. Нельзя также считать правильнымъ порядкомъ, что главные педагоги частныхъ учебныхъ заведеній, посвящающіе своему заведенію всѣ свои силы, бываютъ у насъ почти исключительно иностранцы, а изъ Русскихъ развѣ только тѣ кто по какому-нибудь случайному обстоятельству не кончили курса въ университетѣ. Педагогическое дѣло въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ несомнѣнно выиграетъ, когда въ число главныхъ педагоговъ при нихъ будутъ вступать кончившіе курсъ въ русскихъ университетахъ. Возможно ли это? Полагаемъ, что возможно. Число студентовъ въ русскихъ историко-филологическихъ факультетахъ теперь понемногу возрастаетъ и должно еще быстрѣе возрастать въ послѣдствіи, когда преподаваніе греческаго языка будетъ введено во всѣ классическія гимназіи и совсѣмъ исчезнутъ теперешнія мнимо-классическія школы съ однимъ латинскимъ языкомъ, только роняющія у насъ систему классическаго образованія. Съ другой стороны историко-филологическій институтъ въ Петербургѣ, сколько намъ извѣстно, бодро принявшійся за свое дѣло, будетъ также снабжать наши среднія учебныя заведенія русскими преподавателями. Все это позволяетъ надѣяться, что русское педагогическое сословіе наконецъ размножится и что тогда и частныя учебныя заведенія, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ которыя не будутъ лишены средствъ прилично вознаграждать за педагогическій трудъ, будутъ достаточно снабжены окончившими курсы въ русскихъ университетахъ и освободятся отъ необходимости основывать дѣло воспитанія русскаго юношества на вывезенныхъ иностранныхъ педагогахъ не знающихъ по-русски и не могущихъ развивать въ своихъ питомцахъ русское національное чувство. Но для русскаго подданнаго имѣетъ немалую важность, чтобы, посвящая себя частной педагогической дѣятельности и отказываясь отъ важныхъ преимуществъ государственной службы, онъ пользовался хотя тою небольшою долей правъ ея, которая можетъ быть предоставлена домашнимъ наставникамъ. Во всякомъ случаѣ теперь было бы крайне несвоевременно отмѣнять это званіе. Но, какъ сказано, оно и не отмѣняется тою законодательною мѣрой, о которой мы говоримъ. Она касается лишь особыхъ испытаній на разныя педагогическія званія, а званіе домашняго наставника предоставляется, по закону, безъ всякаго особаго испытанія, окончившимъ университетскій курсъ. Слѣдовательно объ этомъ званіи и не было повода упоминать въ новомъ законѣ.

Скажемъ еще объ одномъ недоумѣніи, которое вызываетъ новая мѣра и которое не такъ легко устраняется. Оно относится къ § 19, и мы приводимъ этотъ параграфъ цѣликомъ.

„19. Лица иностранныхъ исповѣданій, желающія подвергнуться одному изъ установленныхъ настоящими правилами испытаній въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ законоучителей сихъ исповѣданій, представляютъ письменныя удостовѣренія отъ своихъ священниковъ и пасторовъ въ томъ, что имѣютъ требуемыя познанія въ законѣ Божіемъ, и затѣмъ освобождаются отъ испытанія въ этомъ предметѣ.“

Этотъ параграфъ составляетъ важное нововведеніе въ нашемъ законодательствѣ, ибо подобныхъ экзаменовъ и аттестацій еще никогда не требовалось для вступленія въ учебную службу. У насъ нѣтъ запрещенія Евреямъ и даже мусульманамъ быть преподавателями въ казенныхъ училищахъ. Если принять принципъ этого

параграфа, то Еврей, который захочетъ быть учителемъ рисованія и не докажетъ, что не вѣритъ въ божественность Христа, или мусульманинъ, который желая учить ариеметикѣ, обнаружитъ сомнѣнія въ ученіи Магомета, окажутся не удовлетворяющими требованію закона. То же самое случится съ католикомъ, сомнѣвающимся въ непогрѣшимости папы, съ уніатомъ, который затрудняется вѣрить въ святость Кунцевича. Въ послѣднее время было опредѣлено въ наши гимназіи нѣсколько Галичанъ, вызванныхъ Н. А. Милютинымъ, да и теперь продолжаются эти вызовы. По точному смыслу новаго закона, опредѣленіе этихъ лицъ на службу будутъ зависѣть отъ прiисканія такого ксендза, который захочетъ дать имъ свидѣтельство въ знаніи закона Божія по римско-католической догматикѣ, обязательной для уніатовъ. Къ чему эти затрудненія, стѣсняющія свободу дѣйствій самой же администраціи? Къ чему наконецъ и отъ лицъ римско-католическаго исповѣданія требовать, чтобъ они испрашивали предварительное разрѣшеніе ксендза на принятіе общественной должности въ Московіи? Подобныя послѣдствія не могли же быть въ видахъ составителей новаго положенія объ экзаменахъ, а между тѣмъ они неизбѣжны.

Измѣненія въ законодательствѣ могутъ происходить двоякимъ путемъ. Вопервыхъ, они могутъ быть вызываемы дѣйствительными потребностями управленія или народной жизни; вовторыхъ, бываетъ и такъ, что теоретическія, не вызванныя дѣйствительными потребностями законодательныя реформы видоизмѣняютъ въ томъ или другомъ смыслѣ народную жизнь, и порождаютъ новыя потребности влекущія за собою дальнѣйшія измѣненія въ законодательствѣ. Можно сказать многое pro и contra объ этимъ двухъ двухъ главныхъ мотивахъ къ изданію новыхъ законоположеній, нельзя не отдать предпочтенія первому; нельзя не признать, что удовлетвореніе дѣйствительныхъ потребностей должно имѣть перевѣсъ предъ мотивомъ теоретической стройности, ибо, въ сферѣ законодательства, цѣль самой теоріи есть наилучшее удовлетвореніе практическихъ потребностей.

Въ данномъ вопросѣ такъ много дѣйствительныхъ и притомъ вопіющихъ потребностей, что, повидимому, нѣтъ особенной надобности въ обобщеніяхъ, чтобы двигать впередъ законодательство. Задача состоитъ въ томъ, чтобы постепенно образовать педагогическое сословіе въ Россіи и содѣйствовать возвышенію его уровня. Для этого необходимо усилить приливъ людей къ этому сословію. Какъ достигнуть этого? Прежде всего надобно сдѣлать учительскую службу болѣе привлекательною, при чемъ надобно имѣть въ виду желаніе не тѣхъ что̀ вступаютъ въ нее на время, а намѣревающихся посвятить ей свою жизнь. Такіе естественно желаютъ, чтобы служба обезпечивала ихъ будущее, то-есть чтобы возрастающія съ годами потребности находили себѣ удовлетвореніе въ повышеніи жалованья. Пусть въ началѣ службы жалованье будетъ немного меньше теперешняго, но пусть будетъ въ перспективѣ цѣлый рядъ повышеній, доступныхъ учителю и безъ производства въ инспекторы или директоры. Лишь при этомъ условіи можно заводить болѣе строгіе чѣмъ прежде экзамены, хотя и тутъ нельзя не замѣтить, что мѣры относительно испытаній для полученія служебныхъ должностей могутъ вести къ неблагопріятнымъ послѣдствіямъ, если ограничиваются немногими отраслями службы. При теперешнемъ жалованьи, остающемся въ гимназіяхъ губерній внутреннихъ безъ повышенія въ продолженіе 25 лѣтъ, требовать спеціальныхъ экзаменовъ отъ будущихъ учителей значитъ отталкивать ихъ отъ службы въ гимназіяхъ. Кому будетъ охота подвергаться экзамену, чтобы получить должность учителя, лишенную правильной карьеры, когда можно безъ спеціальнаго испытанія вступить на службу по другимъ вѣдомствамъ, открывающимъ длинную перспективу повышеній? Но и градаціи въ жалованьи тутъ мало. Это мѣра медленно дѣйствующая. Она побудитъ въ послѣдствіи многихъ готовиться къ учительскому званію, но не увеличитъ числа лицъ, которыя уже теперь готовы къ нему. Чѣмъ болѣе законодательство затруднитъ полученіе учительской должности, тѣмъ меньше будетъ являться кандидатовъ на нее, а именно теперь они особенно нужны. Что̀ же дѣлать? Понижать ли требованія и опредѣлять неготовыхъ? Это было бы очевидно вредно, тѣмъ болѣе что учителя опредѣляются на 25 лѣтъ. Но если облегчать экзаменъ не слѣдуетъ, то ничего другаго не остается какъ облегчать русскимъ подданнымъ приготовленіе къ нему,

вызывать иностранцевъ и наконецъ опредѣлять учителей условно, съ обязательствомъ выдержать испытаніе въ извѣстный срокъ. Это послѣднее допускается всюду, не только въ Австріи, но и въ Пруссіи, гдѣ Staatsexamen на учителя можно держать и предъ вступленіемъ на службу, и въ первые годы ея. У насъ подобное условное опредѣленіе до сихъ поръ не допускается, какъ бы въ убѣдительное доказательство того, что между законодательствомъ и дѣйствительными потребностями жизни у насъ все еще нѣтъ должнаго взаимнодѣйствія, и что мы должны остерегаться обобщеній, стараясь идти путемъ удовлетворенія возникающихъ потребностей. Пусть законодательство будетъ менѣе стройно; пусть оно примѣняется къ тому что нужно въ данную минуту, не имѣя въ виду отдаленнаго будущаго: отъ этого оно только выиграетъ, потому что пріобрѣтетъ серіозность, внушающую уваженіе. Въ новомъ положеніи объ экзаменахъ говорится между прочимъ объ испытаніи на должность учителя въ училищахъ разныхъ разрядовъ, изъ коихъ иные еще не существуютъ. Тутъ очевидно имѣлась въ виду полнота, но что было бы напримѣръ, еслибы въ учителя этихъ училищъ никто не экзаменовался за неучрежденіемъ ихъ, а въ учителя гимназій, вслѣдствіе того, что практическая примѣнимость положеній принесена въ жертву системѣ обобщенія? Мы упомянули о вызываемыхъ иностранцахъ, и разумѣли педагоговъ изъ славянскихъ земель Австріи, гдѣ теперь весьма многіе почтенные люди подвергаются преслѣдованію и охотно перешли бы на службу въ Россію. Эти австрійскіе эмигранты, само собой разумѣется, должны подвергаться испытанію, но также само собой разумѣется, что это испытаніе не можетъ подходить подъ общую мѣрку, и что даже нельзя одинаковымъ образомъ трактовать всѣхъ кандидатовъ на учительскія должности прибывающихъ изъ Австріи. Отъ молодыхъ людей можно требовать одного, отъ людей заслуженныхъ надобно требовать другаго. Какъ бы раціонально ни были составлены тѣ правила, коими будетъ опредѣленъ порядокъ экзаменовъ на гимназическій участокъ, эти правила не могутъ подойти къ потребности указанныхъ случаевъ, если только будутъ удобопримѣнимы къ тѣмъ случаямъ, которые не составляютъ исключенія подобно этимъ. Что изъ этого слѣдуетъ? Не то ли, что общихъ правилъ недостаточно, даже что интересъ дѣла не въ нихъ, а въ исключеніяхъ? Но исключенія такъ и должны разсматриваться и разрѣшаться какъ исключенія; составлять, примѣняясь къ нимъ, общія правила было бы вредно. Теперь нужны экстренныя мѣры по приготовленію гимназическихъ учителей. Нужныя мѣры должны быть принимаемы безъ замедленія, но онѣ никакъ не должны имѣть вліянія на общія правила. Возводить исключеніе въ правило, что можетъ быть ошибочнѣе этого? Но и обобщать нѣсколько исключеній, чтобы посредствомъ отвлеченія составить общее правило, это также ошибочно. Невозможно признать правильнымъ путемъ къ должности учителя гимназіи какой-либо иной путь кромѣ ученія въ университетѣ и духовной академіи (при соблюденіи нѣкоторыхъ дополнительныхъ условій). *Узаконять* другіе пути было бы опасно, можно только *допускать* другіе пути, въ видѣ исключенія, и притомъ ихъ надобно допускать не на основаніи какихъ-нибудь общихъ отвлеченныхъ правилъ, а сообразно особенности каждаго подлежащаго разрѣшенію случая. Мы имѣемъ основаніе полагать, что эта живая сторона дѣла будетъ принята во вниманіе при составленіи тѣхъ правилъ о порядкѣ испытаній, коихъ изданіе предписывается ст. 17 разбираемаго нами мнѣнія Государственнаго Совѣта. Это мы заключаемъ изъ того, что сношенія по вызову Славянъ-педагоговъ изъ Австріи продолжаются, чего бы не могло быть, еслибы предполагалось подчинить дѣло пріисканія гимназическихъ учителей абстрактнымъ нормамъ общихъ, не терпящихъ исключенія правилъ. Если же исключенія будутъ допускаться по отношенію къ иностранцамъ, то нѣтъ причины не допускать исключеній и по отношенію къ русскимъ подданнымъ если того потребуетъ живой интересъ дѣла.

№ 159.

Москва, 20-го Іюля.

Походъ русскихъ войскъ въ Бухару, начавшійся блистательнымъ занятіемъ Самарканда, привелъ эмира къ спасительному сознанію своей слабости. Напечатан-

ная наднях въ *Русскомъ Инвалидѣ* частная телеграмма извѣстила объ окончаніи войны и о заключеніи мира; въ нумерѣ полученномъ сегодня помѣщена вторая телеграмма, съ нѣкоторыми дополнительными подробностями; курьеръ съ этимъ извѣстіемъ еще въ пути, но оно не подлежитъ сомнѣнію.

Война съ Бухарой началась за два года предъ симъ. Отношенія наши къ этому ханству приняли непріязненный характеръ еще лѣтомъ 1865 года, при покореніи генераломъ Черняевымъ Ташкента. Эмиръ самъ имѣлъ въ виду захватить Ташкентъ, что и подало поводъ къ распрѣ. Не объявляя войны, эмиръ собиралъ войска около нашихъ границъ, и началъ волновать умы покореннаго Россіей населенія. Генералъ Романовскій, вскорѣ по прибытіи своемъ въ край, двинулся противъ него, разбилъ на голову его армію при Ирджарѣ и отнялъ у него Ходжентъ, Ура-Тюбе и Джузакъ. Послѣ этого военныя дѣйствія прекратились, но миръ заключенъ не былъ. Все время, до послѣдняго движенія генерала Кауфмана въ Бухару, шли переговоры о мирѣ, а между тѣмъ шайки Бухарцевъ неоднократно появлялись въ нашихъ предѣлахъ. Теперь будетъ положенъ конецъ этому неопредѣленному положенію. Заключеніе мира съ Бухарой важно и потому еще, что прекращаетъ всякіе толки о присоединеніи Бухарскаго ханства. Дѣйствія генерала Кауфмана въ Бухарѣ были встрѣчены общимъ одобреніемъ; но въ то время когда одни въ этихъ дѣйствіяхъ видѣли только благоразумную рѣшительность, другіе привѣтствовали ихъ какъ начало новыхъ присоединеній и доказывали, что Россія должна включить въ свои владѣнія оба бассейна Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи, и заняться цивилизованіемъ этихъ странъ. (*Вѣсть* № 69.) Исполненіемъ этой программы вниманіе и силы Россіи надолго были бы отвлечены отъ нашихъ внутреннихъ и европейскихъ дѣлъ. Программа не новая: еще въ тридцатыхъ годахъ намъ предлагалъ ее извѣстный Мѣрославскій.

Зачѣмъ Россіи присоединять къ себѣ многолюдныя массы иноплеменнаго, чуждаго ей магометанскаго населенія? Выиграетъ ли русская народность, если послѣ тяжкихъ усилій, она достигнетъ наконецъ успѣха и приметъ въ себя эти населенія? Выиграетъ ли государство? Уже и Туркестанская область даетъ себя чувствовать государственному бюджету. Что же было бы далѣе при новыхъ занятіяхъ и цивилизаторскихъ упражненіяхъ?

Занятіе Ходжента, Ура-Тюбе и Джузака дало Россіи господствующее въ Средней Азіи положеніе. Кокантъ и Бухара отдѣлены одно отъ другаго русскими владѣніями, и поставлены такъ относительно Россіи, что она во всякое время можетъ не только разгромить ихъ, но и совсѣмъ уничтожить. Послѣднія событія въ Бухарѣ достаточно доказываютъ это. Въ короткое время горсть русскихъ войскъ безпрепятственно проникаетъ изъ Джузака въ нѣдра Бухары, и несмотря на возбужденную тамъ народную войну достигаетъ сразу значительныхъ результатовъ. При такихъ условіяхъ ханы могутъ быть только покорными орудіями въ нашихъ рукахъ. Ханъ Коканскій уже давно и находится въ такомъ положеніи. Въ такое же положеніе, по всему вѣроятію, будетъ приведенъ нынѣ и эмиръ Бухарскій. Затѣмъ лучшаго сосѣдства нечего и искать намъ въ Средней Азіи. Какъ ни велика неурядица въ этихъ ханствахъ, какъ ни грубы нравы и обычаи ихъ жителей, все же въ Средней Азіи они являютъ собою гораздо высшую степень цивилизаціи чѣмъ окружающіе ихъ кочевники. Бухара и Кокантъ, съ ихъ зависимымъ отъ насъ положеніемъ, лучше замыкаютъ наши границы нежели непосредственное сосѣдство съ разбойничьими туркменскими племенами, кочующими между Бухарой и Персіей, или множествомъ мелкихъ деспотовъ Кундуза, Гейбека, Кеймереда, Сигана, Баміана, Маймене и наконецъ горныхъ владѣтелей въ Кабулѣ, Кафиристанѣ и Бадахшанѣ. Между тѣмъ присоединеніе Бухары, надобно думать, раздражило бы противъ Россіи большинство ея населенія, съ магометанскимъ духовенствомъ во главѣ. Бухара привыкла къ самостоятельному существованію; она имѣетъ свои гордыя преданія: она издавна была центромъ не лишеннымъ своего рода величія и нѣкотораго блеска въ магометанскомъ мірѣ. Оставляя ей тѣнь самостоятельности и не путаясь въ ея внутреннее управленіе, можно приручить ее, и черезъ нее, безъ всякихъ жертвъ и усилій, имѣть дѣйствительное вліяніе въ долинѣ Аму-Дарьи.

Мнѣніе, что съ среднеазіатскими владѣтелями не можетъ быть никакого ладу, едва ли вѣрно. Какъ ни кратковременно

ваніе прошедшее въ Средней Азіи, но и оно уже доказываетъ возможность имѣть въ своемъ сосѣдствѣ независимое и дружественное ханство. Мы говоримъ о Коканѣ. Коканъ еще недавно былъ обширнымъ владѣніемъ, простиравшимся отъ Небесныхъ Горъ до южныхъ границъ Сибири и низовья Сыръ-Дарьи. Всѣ земли занятыя въ послѣднее время Россіей и окаймляющія Киргизскую степь отняты ею отъ Кокана. Ханъ Коканскій, Худояръ, состоитъ въ близкомъ родствѣ съ эмиромъ Бухарскимъ, и ему обязанъ своимъ престоломъ. Несмотря на все это, Худояръ-ханъ, съ замѣчательнымъ въ его положеніи тактомъ, тотчасъ же понялъ свое истинное положеніе относительно Россіи. По взятіи Русскими Ташкента, лѣтомъ 1865 года, онъ устранился отъ военныхъ дѣйствій, когда Бухарскій эмиръ сталъ къ нимъ готовиться. Съ этого времени Коканское ханство стало въ самыя покорныя къ Россіи отношенія. Въ своихъ письмахъ къ русскимъ властямъ, Худояръ-ханъ неоднократно свидѣтельствовалъ о своей покорности и желаніи мира. Во время рѣшительнаго столкновенія Русскихъ съ Бухарцами, онъ писалъ генералу Романовскому: „Душевное желаніе мое есть одно „только: быть Бѣлому Царю искреннимъ „другомъ, враждовать же съ нимъ я не „имѣю никакого намѣренія."... „Если при„будутъ къ намъ торговцы или же дру„гаго сословія люди изъ народа Бѣлаго „Царя, за чѣмъ бы то ни было, мы во „всякомъ случаѣ будемъ уважать ихъ и „ласкать болѣе чѣмъ своихъ подданныхъ, „и будутъ они производить у насъ сво„бодно торговлю, равнымъ образомъ и „отсюда, сколько бы ни прибыло торгов„цевъ въ Имперію Бѣлаго Царя, мы на„дѣемся, что и они, также какъ ваши „подданные, будутъ обласканы и допущены „къ свободной торговлѣ, ибо это всегда „такъ водится. Если такимъ образомъ съ „обѣихъ сторонъ будетъ свободное тор„говое сношеніе, то жители, пользуясь по„добною свободой и спокойствіемъ, будутъ „молить Бога..." *) Вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ имени своего властителя, посланный объявилъ генералу Романовскому, что „Ху„дояръ-ханъ всегда будетъ свято испол„нять приказанія русскихъ властей". И дѣйствительно, во все время войны съ Бухарой, Худояръ велъ себя какъ нельзя лучше. Не заявляя никакихъ претензій на непосредственные переговоры съ центральнымъ русскимъ правительствомъ, Худояръ ни разу не нарушилъ покорныхъ и дружескихъ отношеній къ Россіи и не провинился ни въ какомъ вѣроломствѣ. Наша торговля чрезъ его владѣнія не встрѣчаетъ ни препятствій, ни затрудненій.

*) *Замѣтки по средне-азіятскому вопросу.* Д. И. Романовскаго.

Единственный интересъ Россіи въ Средней Азіи есть чисто торговый. Намъ некогда цивилизовать тамошніе народы, у насъ и своего дѣла довольно: но намъ нужно обезпечить наше торговое движеніе во глубину Азіи и дать обширный рынокъ нашимъ мануфактурамъ. Въ четыре года мы обезпечили себѣ рынки Ташкента, Бухары и Кокана, наши товары уже начинаютъ проникать въ китайскій Туркестанъ, гдѣ не встрѣчаютъ никакой себѣ конкурренціи: вотъ существенныя выгоды, и на этомъ пути можемъ мы легко достигнуть наилучшихъ успѣховъ.

№ 160.

Москва, 23-го Іюля.

Ostsee-Zeitung въ длинной статьѣ распространяется о торговой важности Балтійскаго моря. Она говоритъ объ отдаленныхъ временахъ, ганзейскихъ и доганзейскихъ, когда на теперешнемъ русскомъ балтійскомъ побережьѣ торговали Вестфальцы, вытѣсненные потомъ ревнивыми ганзеатами. „Какъ Средиземное море усѣяно было по „всему берегу колоніями греческими, такъ „Балтійское—нѣмецкими." „Нижне-саксон„ское племя обнаружило при этомъ всю „свою желѣзную силу и только въ рус„скихъ балтійскихъ провинціяхъ утратило „оно способность поглащать другія пле„мена, промѣнявъ ее отчасти на пошлую „надменность, за которою нерѣдко ничего „кромѣ хвастовства и безмозглости (Schein „und Schwindel) не скрывается." Петръ Великій понялъ значеніе Балтійскаго моря и прежде нежели удалось ему завоевать Лифляндію и Эстляндію, превратилъ болотную деревушку близъ устья Невы въ столицу своей Имперіи. „Въ 1717 г.," продолжаетъ *Ostsee-Zeitung*, „отплылъ изъ Кронштадта первый русскій корабль, нагруженный русскими товарами. Въ 1724 г. уже прибыло въ Петербургъ 230 судовъ

самыхъ разнообразныхъ націй; въ 1865 прибыло ихъ 9.385 съ 1 113.000 ластовъ...." Нынѣ, по словамъ все той же газеты, открывается предъ нами другое зрѣлище: чрезъ Балтійское море проходитъ 43% всего отпуска Россійской Имперіи и 51% всего ея привоза, но вмѣстѣ съ тѣмъ оказывается, что значеніе Петербургскаго порта возрастаетъ не въ той пропорціи какъ значеніе Риги. Такъ хотя съ 1861 по 1865 г. отпускъ всѣхъ русскихъ портовъ финско-балтійскаго побережья возросъ съ 68 милліоновъ рублей на 80 милліоновъ, но въ этой разницѣ на долю Петербурга пришлось увеличеніе лишь въ пять милліоновъ рублей сер., тогда какъ въ Ригѣ оно достигло семи милліоновъ. Въ Петербургѣ сошлись двѣ колоссальныя желѣзно-дорожныя артеріи и три системы водяныхъ сообщеній, и тѣмъ не менѣе онъ не выдерживаетъ конкурренціи Риги, коей портъ, однако, не совсѣмъ удобенъ, замерзаетъ зимой и подверженъ внезапнымъ обмелѣніямъ бара отъ наносимыхъ вѣтромъ песковъ. Поэтому штеттинская газета находитъ совершенно понятнымъ, что быстро возрастающее значеніе Балтійскаго моря обнаруживается не столько на ходѣ дѣлъ въ русскихъ балтійскихъ портахъ, сколько на торговомъ движеніи чрезъ сухопутную границу Россіи, по той вѣтви, которая соединяетъ Петербурго-Варшавскую желѣзную дорогу съ прусскими балтійскими портами. Въ 1861 г. Россія вывезла чрезъ сухопутную границу всего на сумму 21 милліонъ руб. сер.; въ 1865 г. уже на 31 милліонъ, и это усиленіе особенно сказалось на Вержболовской таможенной заставѣ (то-есть по Ковно-Кенигсбергской линіи). Въ эти четыре года „русскій отпускъ черезъ Вержболово," говоритъ *Ostsee-Zeitung*, „*увеличился ровно въ десять разъ*, именно съ 623.000 р. на 6.408.000 р." Въ то же самое время, когда въ заграничномъ отпускѣ русскихъ товаровъ происходили приведенныя выше явленія, „въ привозѣ „ихъ въ русскіе прибалтійскіе порты оказывается постоянное уменьшеніе, тогда „какъ торговое движеніе привоза по желѣзной дорогѣ *постоянно увеличивается*."

Но куда же дѣвается убыль въ привозной торговлѣ нашихъ прибалтійскихъ портовъ и какимъ образомъ эта убыль будто бы вознаграждается прибылью привоза нашей сухопутной торговли? На эти вопросы можно отвѣчать самымъ опредѣлительнымъ образомъ: эту убыль, которая оказывается въ таможенныхъ книгахъ русскихъ прибалтійскихъ портовъ, можно отыскать въ таможенныхъ книгахъ прусскихъ прибалтійскихъ портовъ, гдѣ она является уже не убылью, а *прибылью*. Суда, не поспѣвшія въ Ригу до замерзанія Двины или попавшія на случайные, но частые и продолжительные заносы ея бара, обращаются прямо въ Кенигсбергъ, откуда товары ихъ отправляются по желѣзной дорогѣ въ Россію. До построенія Ковенско-Кенигсбергской желѣзной дороги, суда эти обращались въ Виндаву или въ Либаву; въ настоящее время вся жизнь этихъ двухъ портовъ внезапно перенесена въ Кенигсбергъ магическою силой желѣзно-дорожнаго сообщенія. Тутъ стало быть не море конкуррируетъ съ желѣзною дорогой, а прусскій портъ съ русскими портами, которые не могутъ выдерживать конкурренціи съ нимъ. Гдѣ причины тому? *Ostsee-Zeitung* совершенно вѣрно указываетъ ихъ. Это, во-первыхъ, дифференціальныя пошлины, дѣйствовавшія въ пользу Кенигсбергскаго порта и въ ущербъ русскимъ портамъ; это, во-вторыхъ, стѣсненія, коимъ подвергались корабли въ русскихъ гаваняхъ; это наконецъ, в-третьихъ, незамерзаемость Кенигсбергскаго порта и его соединеніе съ русскою сѣтью желѣзныхъ дорогъ, тогда какъ русскіе не замерзающіе порты съ нею не соединены. Два первыя изъ этихъ условій теперь устраняются. Новый тарифъ, на дняхъ обнародованный, почти совершенно отмѣняетъ дифференціальныя пошлины въ пользу сухопутнаго ввоза, эту удивительную мѣру, которая въ цѣломъ мірѣ не имѣла себѣ ничего подобнаго. Товары, ввозимые въ Россію чрезъ прусскія гавани, оплачивали меньшую пошлину чѣмъ ввозимые чрезъ порты Россійской Имперіи, и весьма естественно, что товары, назначаемые въ Россію предпочитали выгружаться въ Кенигсбергѣ и идти на Ковно по желѣзной дорогѣ нежели направляться прямо въ который-нибудь изъ россійскихъ портовъ, тѣмъ болѣе что въ россійскихъ портахъ они подвергались лишнимъ поборамъ. Но теперь и эти поборы отмѣняются, а *Ostsee-Zeitung* тѣмъ не менѣе высказываетъ надежду, что благопріятный для Пруссіи ходъ русской заграничной торговли будетъ продолжаться по-прежнему, то-есть что торговля въ русскихъ портахъ будетъ падать, а торговля по

желѣзнымъ дорогамъ ведущимъ изъ Пруссіи въ Россію, развиваться. На чемъ же основаны эти надежды?

Еслибы, дѣйствительно, желѣзная дорога могла успѣшно конкуррировать съ моремъ, то было бы выгоднѣе везти товары изъ Франціи въ Россію и обратно транзитомъ чрезъ Германію, и чрезъ Германію же и Голландію шла бы торговля Россіи съ Англіей. Но товары обмѣниваемые между Россіей съ одной стороны, и Англіей и Франціей съ другой, идутъ, за ничтожными исключеніями, моремъ между этими странами и Кенигсбергомъ, слѣдовательно, морскаго пути не обѣгаютъ, а обѣгаютъ только неудобства, сопряженныя для нихъ со вступленіемъ въ Россію, не сухимъ, а морскимъ путемъ. Итакъ, если сухопутная торговля Россіи съ Пруссіей должна развиваться въ ущербъ русской морской торговлѣ съ другими странами, то причиной того могутъ быть лишь эти неудобства. Но, какъ замѣчаетъ сама *Ostsee-Zeitung*, два важнѣйшія изъ нихъ, дифференціальныя пошлины и неправильные поборы съ кораблей въ русскихъ гаваняхъ, теперь падаютъ. Спрашивается, какія же за тѣмъ еще остаются неудобства? Кенигсбергскій портъ имѣетъ два преимущества, которыя, по словамъ штеттинской газеты, будутъ и впредь привлекать къ нему торговлю предпочтительно предъ русскими портами, обреченными на постепенное паденіе. Вопервыхъ, Кенигсбергская гавань (Пиллау) не замерзаетъ; вовторыхъ, Кенигсбергъ соединенъ желѣзною дорогой съ русскою желѣзною сѣтью. Эти оба довода мы принимаемъ вполнѣ. Петербургъ и Рига замерзаютъ, Пиллау — нѣтъ: но развѣ на русскомъ побережьѣ нѣтъ не замерзающей Либавы? Развѣ отъ Вильны и Ковна ближе до Пиллау чѣмъ до Либавы? Въ чемъ же стало-быть дѣло? Дѣло не въ томъ, что Пиллау не замерзаетъ: въ этомъ отношеніи мы можемъ конкуррировать съ Пруссіей. Дѣло въ томъ, что Кенигсбергъ есть ближайшій не замерзающій портъ, который примыкаетъ къ нашей внутренней желѣзно-дорожной сѣти. Балтійскіе порты Россіи не были бы всѣ огуломъ обречены на сулимое имъ штеттинскою газетой паденіе, еслибы существовала Ковенско-Либавская желѣзная дорога. Все дѣло въ этой дорогѣ. Такъ выходитъ изъ собственной аргументаціи *Ostsee-Zeitung*. Но эта же самая газета изо всѣхъ силъ старается доказать, что Либавская желѣзная дорога не нужна Россіи, что хозяйственные интересы Россіи требуютъ, чтобы Россія пользовалась удобствами Кенигсбергскаго порта, предоставляемыми для ея употребленія съ прусскимъ либерализмомъ. Замѣчательная логика!

Итакъ, доказавъ неопровержимымъ „краснорѣчіемъ цифръ" огромное торговое значеніе Балтійскаго моря, *Ostsee-Zeitung* заключаетъ свою статью довольно наивнымъ признаніемъ, что благодаря устройству русско-прусскаго желѣзнаго пути, все это значеніе переносится нынѣ въ исключительное пользованіе прусскихъ портовъ. „Балтійское море", говоритъ она, „играетъ „въ иностранной торговлѣ Россіи такую „огромную роль, что безъ сомнѣнія стоитъ „взглянуть поближе въ торговое движеніе „совершающееся по этому *безцѣнному* бас„сейну. Наши предки", присовокупляетъ она, „имѣли настолько свѣтлый взглядъ, „что уже за тысячу лѣтъ до сего распо„знали значеніе этого бассейна; преемни„ки ихъ подвинулись въ сознаніи еще *нѣ„сколько* далѣе". Мы въ этомъ нисколько не сомнѣвались. Что эти господа „преемники" пошли еще „*нѣсколько* далѣе" въ сознаніи своихъ интересовъ сравнительно съ первыми нѣмецкими торговцами-монахами и воинами, поселившимися на русскомъ прибережьи Балтики, это доказываетъ намъ каждый день сама *Ostsee-Zeitung*, направляя по своему наши желѣзныя дороги и утверждая, безъ смѣха, что для Россіи полезнѣе оживлять своею торговлей не русскіе порты, а прусскіе. Ей кажется страннымъ, что мы рѣшительно отказываемся понять почему Россія, своими капиталами и своимъ трудомъ, должна способствовать оживленію прусскихъ портовъ, и руководствоваться требованіями прусскаго общественнаго мнѣнія, а не русскаго, при постройкѣ русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Въ этой упрямой непонятливости *Ostsee-Zeitung* можетъ, если ей угодно, видѣть слѣдствіе нашей „варварской культуры", она можетъ сожалѣть о „замѣчательной слабости", которою мы страдаемъ, утверждая, что передовою гаванью Курляндіи и Лифляндіи долженъ быть не прусскій портъ, а русскій, — мы все-таки остаемся при своемъ убѣжденіи, а именно: что если вліяніемъ Ковенско-Кенигсбергской желѣзной дороги торговое движеніе нашихъ портовъ перенесено въ прусскій портъ, то этимъ

перенесеніемъ причиненъ ущербъ и нашимъ портамъ и всему нашему торговому движенію въ Балтійскомъ морѣ; а такъ какъ и достоинство правительства, и интересы страны требуютъ *безотлагательнаго* возмещенія этого ущерба, то единственнымъ средствомъ къ тому является постройка по возможности прямой и дешевой желѣзной дороги къ Либавѣ. Съ этого пункта ничто не можетъ сбить насъ, и мы можемъ только желать, чтобы толки о политической экономіи по этому поводу въ просвѣщенной штеттинской газетѣ, а равно и вообще въ прусскихъ газетахъ, не отзывались тою „пошлою надменностью", которую *Ostsee-Zeitung* приписываетъ потомкамъ нѣмецкихъ рыцарей, поселившихся въ балтійскихъ губерніяхъ Россіи. Тутъ нѣтъ ничего общаго съ политическою экономіей, и можно только подивиться тому, что о такомъ предметѣ можетъ быть какой-нибудь споръ. Развѣ мы требуемъ, чтобы съ постройкой Ковенско-Либавской дороги было приступлено къ разрушенію Ковенско-Кенигсбергской? Мы не хотимъ монополіи для Либавы, но именемъ справедливости, именемъ достоинства нашего правительства, именемъ нашего балтійскаго флота, именемъ наконецъ самыхъ существенныхъ интересовъ Россіи, мы настаиваемъ на безотлагательной необходимости поставить нашъ незамерзающій прибалтійскій портъ въ тѣ же выгодныя условія, какими сами мы надѣлили чужіе балтійскіе порты. Заботиться тутъ, слѣдовательно, нечего о „матеріальныхъ интересахъ" торговаго оборота Россіи, за которые такъ тревожится *Ostsee-Zeitung* при одной мысли о постройкѣ Ковенско-Либавской дороги, какъ будто этою постройкой будетъ закрыто для нашей торговли движеніе по Ковенско-Кенигсбергской дорогѣ. Вопросъ вовсе не въ томъ, быть ли той *или* другой дорогѣ; все дѣло въ томъ, лучше *ли для Россіи* чтобъ оставалась *одна* Ковенско-Кенигсбергская дорога, или чтобы *совмѣстно съ этою дорогой* была еще и Ковенско-Либавская? Столь драгоцѣннымъ штеттинскому офиціозному органу графа Бисмарка „матеріальнымъ интересамъ" русской торговли не будетъ предстоять въ такомъ случаѣ другой опасности, какъ ошибиться въ выборѣ той или другой дороги; а противъ этой опасности оградиться, кажется, не трудно. Мы не сходимъ съ почвы матеріальныхъ интересовъ, и утверждаемъ, что только постройкой Ковенско-Либавской дороги могутъ быть доставлены русской торговлѣ выгоды конкурренціи между двумя путями сообщенія, какъ равномѣрно только постройкой Ковенско-Либавской дороги можетъ возстановиться прогрессивное движеніе русской торговли на Балтійскомъ морѣ, не прекращавшееся со времени Петра Великаго, пока оно не было внезапно и насильственно остановлено....

Таковы естественныя заключенія, къ которымъ мы приходимъ, взглянувъ, по совѣту *Ostsee-Zeitung*, поближе на торговое движеніе Балтійскаго моря. Но эта газета, какъ кажется, разумѣла совѣтъ свой совершенно въ иномъ смыслѣ. „Мы рѣшительно не постигаемъ", говоритъ она, „какимъ образомъ такая свѣтлая голова, „какъ г. Тернеръ, въ Петербургѣ, преподающій политическую экономію будущему „Императору можетъ, по обсужденіи возрастающихъ между Пруссіей и Россіей „торговыхъ оборотовъ, воскликнуть: *Та„кимъ путемъ прямыя торговыя сношенія „Россіи съ тѣми странами, которыя за„бираютъ слишкомъ 60°/₀ всего отпуска, „постоянно стѣсняются и отнимаются „Пруссіей, хотя она для своего собствен„наго потребленія беретъ не свыше 14°/₀ изъ „цѣнности нашихъ русскихъ отпускныхъ „товаровъ*". *Ostsee-Zeitung* не постигаетъ какъ „свѣтлая голова" можетъ говорить такія „нелѣпости"; а между тѣмъ сама же подтверждаетъ эту цифру 14°/₀; сама же утверждаетъ, что „Англія забираетъ го„раздо *больше половины* всего русскаго от„пуска, а русскаго привоза приходится на „ея долю не болѣе 33°/₀", но что „и этотъ „*прямой* привозъ англійскихъ произведе„ній *безпрестанно уменьшается* (бумаж„ныхъ матерій: въ 1861 г. 1.510 т. р., а „въ 1865 всего на 350 т. р.; тоже и съ „машинами), *а по мѣрѣ уменьшенія при„воза* въ Россію *англійскихъ продуктовъ, „безпрестанно растетъ привозъ прусскихъ „товаровъ*, который *уже теперь превыша„етъ вшестеро* привозъ англійскихъ, но „въ которомъ значительная доля прихо„дится однако на коммиссіонные товары". Этимъ послѣднимъ замѣчаніемъ *Ostsee-Zeitung* какъ бы хочетъ успокоить завистниковъ и ненавистниковъ Пруссіи. Угомонитесь, говоритъ она имъ; товары идущіе къ вамъ изъ Пруссіи отнюдь не всѣ прусскіе; между ними очень много коммиссіонныхъ, то-есть французскихъ, англійскихъ

и т. д., которые только идутъ въ Россію чрезъ Пруссію. Но въ томъ-то и неправильность, что это товары коммиссіонные. Будь они прусскіе, никто не сказалъ бы ничего противъ полученія ихъ изъ Пруссіи въ возрастающемъ количествѣ, потому что никто не питаетъ къ Пруссіи ребяческой зависти или ненависти. Повторяемъ: будь это товары прусскіе, можно было-бы порадоваться тому, что торговля ими развивается. Пруссіи выгодно отпускать ихъ, но если мы ихъ покупаемъ у Пруссіи, значитъ намъ выгодно ввозить ихъ. Интересъ тутъ былъ бы обоюдный. Равнымъ образомъ еслибъ уменьшался привозъ англійскихъ товаровъ въ Россію, это значило бы что онъ пересталъ быть выгоденъ, и о немъ нечего было бы жалѣть. Но вовсе не объ этомъ рѣчь, и не объ этомъ говорилъ г. Тернеръ въ словахъ, которыя выписала *Ostsee-Zeitung*. Все дѣло тутъ, очевидно, въ томъ, что уменьшается не столько привозъ англійскихъ товаровъ въ Россію, сколько, согласно наивному признанію самой *Ostsee-Zeitung*, *непосредственный* привозъ этихъ самыхъ товаровъ, то-есть привозъ ихъ изъ Англіи „*прямо*" въ русскіе порты; а это можетъ оказываться „особенно радостнымъ" только для прусскаго патріотизма, и упрекать г. Тернера въ томъ, что онъ этому не радуется, значитъ упрекать его не въ невѣрности его экономическихъ понятій, а въ томъ, что онъ разсуждаетъ съ точки зрѣнія политической экономіи, а не прусскаго патріотизма. Пруссія становится искусственно посредницей тамъ, гдѣ были бы естественны прямыя сношенія: вотъ о чемъ сожалѣетъ г. Тернеръ. Г. Тернеръ порицаетъ тотъ фактъ, что „*прямыя* торговыя сношенія Россіи съ тѣми странами, что забираютъ слишкомъ 60% всего ея отпуска, „постоянно *стѣсняются и оттягиваются* „*Пруссіей*". Мы также порицаемъ этотъ фактъ, но спѣшимъ прибавить, что и тутъ, по всей справедливости, винить слѣдуетъ не Пруссію, а нашу собственную, непостижимую рѣшимость смотрѣть прусскими глазами на свои потребности и отворачиваться отъ очевидности, что дальнѣйшею отсрочкой постройки Ковенско-Либавской дороги мы наносимъ смертельный ударъ великому дѣлу, начатому геніальнымъ первоначальникомъ русской морской торговли...

№ 161.

Москва, 24-го Іюля.

Можетъ-быть, мало есть мѣстностей, наводящихъ на столь поучительныя размышленія, какъ небольшая область рѣчки Молочной, принадлежащей къ Азовскому бассейну.

На берегахъ этой рѣчки основаны, восемьдесятъ лѣтъ тому назадъ, менонитскія колоніи. Мениониты—религіозная секта, существующая въ Германіи съ 1536 года и подвергавшаяся, особенно въ Пруссіи, сильнымъ гоненіямъ, заставившимъ многихъ членовъ ея искать себѣ новаго отечества. Когда менониты, равно какъ и другіе выходцы изъ Германіи, переселялись въ Россію, нашъ народъ находился въ глубокомъ порабощеніи, и не пользовался ни малѣйшимъ изъ тѣхъ гражданскихъ правъ, которыя подняли его въ наши дни и все болѣе и болѣе уравниваютъ съ цивилизованными народами міра. Въ виду общаго безправія и рабства, менонитамъ, переселявшимся въ пустынный, тогда только что пріобрѣтенный Новороссійскій край предоставлены были слѣдующія преимущества, почти сполна сохраненныя и понынѣ: 1) свобода вѣроисповѣданія и право принесенія присяги по своимъ обычаямъ; 2) безусловное освобожденіе на вѣчное время отъ рекрутства; 3) обширное самоуправленіе, ставящее ихъ въ положеніе совершенно исключительное; 4) надѣлъ казенныхъ земель по 65 десятинъ на семейство, съ платою на вѣчныя времена по 15 коп. за десятину; 5) освобожденіе на десять лѣтъ послѣ переселенія ото всѣхъ сборовъ, не исключая и вышеупомянутаго пятнадцати-копѣечнаго; 6) вспоможеніе деньгами на проѣздъ и обзаведеніе, сѣменами на первый разъ и лѣсомъ на постройки, съ безпроцентнымъ возвратомъ ссуды по истеченіи десяти лѣтъ; 7) освобожденіе отъ всякихъ обязательныхъ работъ, подводъ и расквартированія войскъ, за исключеніемъ временнаго, въ случаѣ передвиженія арміи; 8) право винокуренія и продажи питей въ предѣлахъ колоній, съ обращеніемъ доходовъ въ исключительную пользу общинъ.

Такимъ образомъ гонимые въ протестантской Пруссіи, эти сектаторы стали въ Россіи помѣщиками обширныхъ и плодородныхъ земель, и поставлены сразу къ условія болѣе благопріятныя чѣмъ даже при-

вилегированныя русскія сословія. Само собою разумѣется, что при такихъ условіяхъ эти трудолюбивые и бережливые люди быстро достигли замѣчательной степени благосостоянія, а многіе изъ ихъ числа пріобрѣли даже колоссальные капиталы.

Мы очень охотно отдаемъ справедливость этимъ добрымъ людямъ, и отнюдь не имѣемъ причины сѣтовать на терпимость къ ихъ религіознымъ вѣрованіямъ. Но можно ли считать дѣломъ нормальнымъ и справедливымъ то привилегированное положеніе, какое было предоставлено чужимъ выходцамъ? Радушные хозяева чѣмъ богаты, тѣмъ и рады; но далѣе этого честное гостепріимство простираться не можетъ, и тотъ домъ не въ порядкѣ, гдѣ пришельцы садятся на голову дѣтямъ.

Исключительное положеніе молочанскихъ колонистовъ, пришедшихъ изъ Германіи, оттѣняется еще рѣзче при сравненіи съ участью другихъ колонистовъ молочанскихъ, и также сектаторовъ, только пришедшихъ туда не изъ чужихъ краевъ, а изъ глубины Русской земли,—молоканъ и духоборцевъ.

Религіозныя ученія этихъ сектъ очень близки съ ученіями менонитовъ. Поселились русскіе сектаторы на Молочной лѣтъ пятнадцать послѣ менонитовъ, но при условіяхъ прямо противоположныхъ. Вмѣсто полной вѣротерпимости, предоставленной Нѣмцамъ, однородныя вѣрованія Русскихъ подвергались гоненіямъ; объ освобожденіи отъ рекрутства, о свободѣ винокуренія, о самоуправленіи, о ссудахъ и десятилѣтнихъ льготахъ не было и помину; оброчная плата за землю вдесятеро превышаетъ назначенную съ Нѣмцевъ; сверхъ того, натуральныя повинности, подводы, квартиры и *общественный* сборъ не на нужды общества легли тяжелымъ гнетомъ на эти русскія поселенія въ сосѣдствѣ совершенно обѣленныхъ нѣмецкихъ. Чиновничье управленіе, пользуясь терроромъ религіозныхъ преслѣдованій, давало себя чувствовать здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ-либо. И что жь однако? Благодаря уму, терпѣнью, труду, трезвости, честности и бережливости, русскіе поселенцы на Молочной успѣли преодолѣть всѣ препятствія, перемочь всѣ невзгоды и, въ своей тѣснотѣ, достигнуть замѣчательной степени благосостоянія. Нѣмецкій путешественникъ, покойный Гакстгаузенъ и еще недавно дерптскій профессоръ сельскаго хозяйства, г. Петцольдъ, съ почтеннымъ безпристрастіемъ отдають справедливость молоканамъ и ихъ быту, ихъ превосходному хозяйству, и свидѣтельствуютъ (а мы имѣемъ свѣдѣнія, коими вполнѣ подтверждается это свидѣтельство), что, напримѣръ, въ дѣлѣ древоводства русскіе поселенцы опередили нѣмецкихъ, введя вкусъ и изящество тамъ, гдѣ у послѣднихъ имѣю мѣсто безотрадное однообразіе.

И вотъ нѣмецкіе сектаторы процвѣтаютъ на берегахъ рѣки Молочной, а сосѣдей ихъ, почти въ одно время поселившихся съ ними, уже нѣтъ... Въ 1841 и 1848 годахъ имъ былъ нанесенъ рѣшительный ударъ; было признано нужнымъ изгнать ихъ изъ Европейской Россіи, лишивъ ихъ жилищъ, земель и имущества, собраннаго полувѣковымъ трудомъ. Многія тысячи людей, разоренныхъ и разстроенныхъ, вынуждены были оставить благодатные берега Молочной и перебираться на чужую далекую сторону. Большинство ихъ въ Закавказскомъ краѣ намѣренно были поставлены въ самыя тяжелыя условія. Немногимъ удалось попасть на мѣста привольныя въ Закавказскомъ краѣ, столь обильномъ благодатными землями, ожидающими только труда, чтобы процвѣсть и стать источникомъ богатства. Для большей части изгнанниковъ отведена была пустыня въ западной части Ахалцыхскаго уѣзда. На огромной степи, высящейся на 3.000 футовъ надъ поверхностью моря, поселенцы были осуждены на тягостную борьбу съ природою. Тѣмъ не менѣе мы имѣемъ свидѣтельства, и опять идущія не изъ какого-либо пристрастнаго къ русскимъ сектаторамъ источника, что эти закаленные въ трудѣ піонеры русской цивилизаціи и здѣсь вышли побѣдоносно. Путешественники съ удивленіемъ разсказываютъ о ихъ благосостояніи, о силѣ и здоровьѣ мущинъ, объ изяществѣ женщинъ, о гостепріимствѣ и привѣтливости господствующихъ въ ихъ поселеніяхъ.

Въ этомъ полудикомъ, но столь богато одаренномъ краѣ, только тамъ и замѣчаются признаки культуры, гдѣ разбросаны жилища этихъ переселенцевъ съ береговъ Молочной. Пусть же въ виду этого разительнаго факта не говорятъ намъ о превосходствѣ нѣмецкихъ переселенцевъ въ дѣлѣ труда и культуры. Вотъ примѣръ, который лучше всего свидѣтельствуетъ чего можно было бы ожидать отъ нашего предпріимчиваго, отважнаго, упорнаго въ

труда и умнаго народа, еслибъ онъ хотя на половину пользовался тѣми обезпеченіями и льготами, какія предоставлены у насъ иноплеменнымъ переселенцамъ.

Вчера мы сообщали почерпнутое изъ заграничныхъ газетъ извѣстіе о томъ, что изъ Пруссіи переселяются къ намъ цѣлою массой еще остававшіеся тамъ менониты. Мы не можемъ не порадоваться переселенію къ намъ этихъ трудолюбивыхъ людей. Россія просторна, и мѣста въ ней найдется вдоволь. Оставляютъ эти люди свое отечество, потому что непреклонный законъ возлагаетъ на нихъ военную повинность, противъ которой протестуетъ ихъ религіозная совѣсть. Ихъ вѣрованія не допускаютъ войны ни въ какомъ случаѣ, а прусскій законъ не допускаетъ, чтобы кто-нибудь изъ гражданъ подъ какимъ бы то ни было предлогомъ считалъ себя уволеннымъ отъ военной повинности. Въ Россіи военный законъ далеко не такъ строгъ, и религіозная секта обязывающая своихъ послѣдователей уклоняться отъ военной службы можетъ быть тѣмъ болѣе терпима, что новымъ закономъ установляется замѣна натуральной военной повинности денежною, чего въ Пруссіи не допускается. Теперь всякій у насъ изъ тѣхъ, на кого простирается военная повинность, можетъ освобождаться отъ ней посредствомъ взноса установленной суммы. Если религіозныя вѣрованія воспрещаютъ переселяющимся къ намъ сектаторамъ нести лично военную службу, то они съ чистою совѣстію и ни мало не нарушая предписаній своей вѣры, могутъ оплачивать свою повинность деньгами. Надобно ожидать, что въ настоящее время не будетъ болѣе дѣлаемо обидныхъ и обременительныхъ для русскаго народа изъятій, и что мы приближаемся къ той порѣ, когда вообще прекратятся эти изъятія. Могутъ быть дѣлаемы облегченія и допускаемы увольненія отъ исполненія военной обязанности, но не иначе какъ на основаніи общихъ и равныхъ для всѣхъ правилъ; могутъ быть дѣлаемы облегченія и сектаторамъ, которымъ совѣсть и вѣра возбраняютъ нести военную службу; уплата суммы выкупа отъ военной службы можетъ разсрочиваться льготнымъ для нихъ образомъ; но едва ли безъ явной и обидной несправедливости нѣмецкіе переселенцы мениониты могутъ быть вовсе уволены въ настоящее время не только отъ дѣйствительнаго несенія военной повинности, но и отъ замѣны оной, предоставляемой въ законѣ для желающихъ.

Въ заграничныхъ газетахъ, гдѣ нами мы это извѣстіе, присовокупляютъ, что прусскіе менониты якобы будутъ направлены въ Новороссійскій край въ сосѣдство къ своимъ собратіямъ поселеннымъ тамъ за 80 лѣтъ передъ симъ. Мы непонимаемъ зачѣмъ было бы нужно въ Новороссійскомъ краѣ, и безъ того переполненномъ иностранными переселенцами, заводить цѣлое иностранное государство? Почему бы не направить новыхъ поселенцевъ этой секты на востокъ, въ губерніи Самарскую и Оренбургскую, гдѣ они найдутъ себѣ привольныя мѣста?

Къ сожалѣнію, мы видимъ напротивъ, что избытокъ населеній въ разныхъ мѣстностяхъ самой Россіи направляется въ прежнія башкирскія земли, а Новороссійскій край, Ставропольская губернія, Кавказъ съ приморскою полосою югозападнаго склона Закавказья какъ бы охраняются ревниво отъ русскаго элемента... Невольно приходитъ на память наглая программа, изложенная однимъ нѣмецкимъ фокусникомъ въ брошюрѣ изданной года за три или четыре предъ симъ, програма, состоящая въ томъ, чтобы русскій народъ, по мѣрѣ того какъ въ разныхъ мѣстностяхъ будетъ оказываться избытокъ населенія, ссылать въ Сибирь и въ Киргизскія степи, а Европейскую Россію, и особенно ея окраины, южныя и западныя, предоставлять переселенцамъ изъ Германіи.

№ 162.

Москва, 26-го Іюля.

Тонъ государственныхъ людей Пруссіи отличается большою самоувѣренностію. Судя по этому тону, систематически проводимому во всѣхъ дѣлахъ, можно думать, что прусское правительство не встрѣчаетъ ни малѣйшихъ затрудненій во вновь присоединенныхъ странахъ, и что оно не имѣетъ и тѣни сомнѣнія въ готовности всей Германіи вкусить нынѣ же блага прусскаго объединенія. Дѣйствительность не соотвѣтствуетъ, однакоже, этому тону. Настроеніе умовъ въ объединяемыхъ или, вѣрнѣе, покоренныхъ провинціяхъ — весьма тревожное. Судя по свѣдѣніямъ, нами полученнымъ изъ источниковъ весьма ува-

жительныхъ, газеты не только прусскія и сѣверо-германскія, но и южно-германскія, даже такъ-называемыя *гвельфскія*, еще недостаточно отражають дѣйствительное состояніе умовъ.

Раздраженіе въ присоединенныхъ провинціяхъ особенно въ Ганноверѣ, Нассау и Франкфуртѣ, противъ новаго правительства еще далеко не успокоилось. Не только въ разныхъ политическихъ кругахъ издавна и систематически настроенныхъ противъ Пруссіи, но даже въ среднемъ промышленномъ классѣ и между самыми практическими людьми безпрерывно и весьма громко высказывается сомнѣніе чтобъ этотъ порядокъ могъ удержаться и чтобъ онъ не былъ переходнымъ періодомъ, за коимъ должны послѣдовать новые перевороты. Потихоньку издаются и распространяются брошюры (напримѣръ *Wer ist des Deutschlands Feind*), въ коихъ не только возбуждаются страсти противъ Пруссіи, но дѣлается прямо призывъ къ иностранному вмѣшательству. Пруссія провозглашается самымъ опаснымъ врагомъ Германіи, въ сравненіи съ которымъ даже Франція можетъ быть лучшимъ другомъ. Озлобленіе мелкопомѣстной Германіи раздувается разными интересами, раздавленными Пруссіей. На дняхъ происходилъ общегерманскій праздникъ стрѣлковъ въ Вѣнѣ; на немъ не было недостатка въ болѣе или менѣе горькихъ изліяніяхъ противъ Пруссіи со стороны недовольныхъ, собравшихся съ разныхъ концовъ Германіи и надлежащимъ образомъ подожженныхъ въ столицѣ имперіи Габсбурговъ, которая будучи вытѣснена изъ Германіи и потерявъ центръ тяжести, въ порывахъ самосохраненія хватается за всякую соломинку.

Мы не хотимъ сказать, чтобъ успѣхъ отважнаго дѣла предпринятаго Пруссіей подвергался теперь опасности; но не мѣшаетъ принять къ свѣдѣнію трудности дѣла, съ которыми прусское правительство борется. Увѣренность въ своихъ силахъ есть великое условіе всякаго успѣха, и въ этомъ отношеніи Пруссія, а равно и государственный человѣкъ стоящій во главѣ ея движенія, могутъ послужить блистательнымъ примѣромъ. Кромѣ множества внутреннихъ и внѣшнихъ обстоятельствъ, заставляющихъ германскія страны подчиняться господству Пруссіи, ея собственное, непоколебимое признаніе себя за господствующую силу ломитъ всякое сопротивленіе враждебныхъ ей элементовъ и собираетъ дѣтей Германіи подъ ея знамя. Всякій ропотъ обобранныхъ контрибуціями народонаселеній смолкаетъ, всякое кокетничанье Вѣны съ Германіей превращается въ шутовство предъ этимъ могуществомъ, не сомнѣвающимся ни минуты въ исполненіи своихъ велѣній. Говорятъ всякія недоразумѣнія и мечты германскаго партикуляризма исчезаютъ въ Нѣмцѣ, какъ только онъ становится подъ прусское знамя. Какой бы ни былъ заклятой врагъ Пруссіи, превращается въ яраго Пруссака, какъ только надѣнетъ синій мундиръ. Прусская бюрократія дисциплинирована не хуже войска, и малѣйшіе проступки противъ *командо* преслѣдуются въ ней съ неменьшею строгостью чѣмъ проступки противъ военной дисциплины. Невыносимо тяжелая посреди мирныхъ обстоятельствъ, эта бюрократія является необычайною силой въ переворотѣ, совершаемомъ нынѣ Пруссіей. Наконецъ, даже въ печати и на каѳедрѣ дѣйствуетъ своего рода *командо*. Не только серіозная, но и каррикатурная политическая журналистика, искусно разыгрывая мистификацію провинціальной разноголосицы и независимыхъ партій, твердитъ на разные лады одно и то же— о безуміи гвельфовъ, о единой Германіи, о великомъ призваніи Пруссіи. Съ завоеванными областями поступлено круто. Повсюду быстро установляется единообразная прусская система управленія, прежнія должностныя лица увольняются или перемѣщаются, и вездѣ посажены прусскіе чиновники, опытные въ дѣлѣ сглаживанія всякихъ провинціализмовъ.

Такъ овладѣваютъ для національныхъ цѣлей искусные государственные люди всѣми элементами дѣйствія. Нашимъ остзейскимъ соотечественникамъ не мѣшало бы поближе ознакомиться съ тѣмъ что дѣлается нынѣ въ Германіи, вмѣсто того чтобы перемигиваться съ Пруссіей и вызывать къ сочувствію Германіи своими клеветами на Россію. Они могли бы научиться у Пруссіи гораздо большему нежели у сочинителей-книжонокъ, подобныхъ гг. Боку и Экарту. Пусть ознакомятся они съ системой дѣйствій Пруссіи, сурово объединяющей свои провинціализмы. Въ особенности есть чему поучиться у Пруссіи въ томъ, что называется національною политикой. Успѣшно развиваться и достигать своихъ цѣлей можетъ эта политика только

при неуклонности и послѣдовательности въ дѣйствіяхъ. Колебанія на этомъ пути порождаютъ ропотъ и затрудненія; только твердость и рѣшительность умиряютъ страсти и смягчаютъ горечь интересовъ, затронутыхъ реформами, необходимыми въ интересѣ государства.

Всего забавнѣе, что наши доморощенные гвельфы, въ своихъ жалобахъ на Россію, ищутъ сочувствія въ странѣ, которая нынѣ отличается чрезвычайною рѣшительностію и безпощадною крутостію мѣръ въ смыслѣ діаметрально противоположномъ желанію этихъ господъ, — въ смыслѣ неумолимой національной политики, между тѣмъ какъ легонькія попытки таковой въ Россіи возбуждаютъ безсовѣстные вопли и даже вѣроломный призывъ къ чужеземному вмѣшательству. Обращеніе къ Пруссіи можетъ насъ научить настойчивости мѣръ въ отношеніи къ провинціямъ, непокорнымъ государственному единству.

До сихъ поръ, не говоря уже о внутреннихъ значительныхъ затрудненіяхъ окружающихъ прусское правительство, и не позволяющихъ ему пускаться въ политику опасныхъ для Пруссіи случайностей, разумнѣйшіе изъ ея политическихъ людей сами очень хорошо понимаютъ, какъ безсмысленны жалобы нашихъ прибалтійскихъ соотечественниковъ, что, однако не мѣшаетъ имъ, въ интересахъ своей политики и въ видахъ на будущее, пользоваться этими безсмысленными криками. Они находятъ нелишнимъ поддерживать фальшивую агитацію, которая теперь усиленно ведется главными, и притомъ болѣе или менѣе близко къ прусскому правительству стоящими органами нѣмецкой печати. То и дѣло появляются въ нихъ, особенно въ *Крестовой Газетѣ*, *воровскія* статейки по дѣламъ нашимъ въ Балтійскихъ губерніяхъ. Дѣлается это именно въ виду тѣхъ мѣръ, которыя въ нихъ не столько принимаются, сколько не принимаются для разрѣшенія совершенно простыхъ и ясныхъ задачъ, связанныхъ съ положеніемъ дѣлъ въ этихъ провинціяхъ, и завѣщанныхъ небрежностью, неразуміемъ и ошибками прошлыхъ временъ. Система полумѣръ всегда заставляетъ предполагать неясность плана и недостатокъ убѣжденія, а съ тѣмъ вмѣстѣ возбуждаетъ надежду повернуть дѣло въ другую сторону. Дабы пресѣчь эту фальшивую агитацію, надобно дѣйствовать съ полною откровенностію, не возбуждая и не поддерживая притязаній, которыхъ удовлетворить не можемъ, ибо всякое подслащиванье и ослабленіе несогласной съ ними политики не замиритъ ихъ, а напротивъ только придастъ имъ большее раздраженіе и ядовитость и вызоветъ дурныя попытки даже тамъ, гдѣ безъ этого не могло бы быть ни малѣйшаго къ нимъ поползновенія. Ловкіе люди понимаютъ, что Россіи нужно сдѣлать лишь нѣсколько прямыхъ и твердыхъ шаговъ на пути своей національной политики для того, чтобы разомъ покончить всѣ затрудненія, стѣсняющія ея правильное развитіе внутри и ослабляющія ея положеніе какъ великой державы; но никому кромѣ самой Россіи нѣтъ надобности, чтобъ она уладила свои затрудненія; никому кромѣ ея самой нѣтъ ни выгоды, ни пользы отъ того, чтобъ ея національная политика развивалась успѣшно; никто со стороны не будетъ поощрять ее въ этомъ только для нея полезномъ дѣлѣ...

Пока чужіе интересы не воспользовались нашими затрудненіями, намъ надобно спѣшить уладить ихъ, и въ Балтійскомъ краѣ, дѣйствительно, лучше всего брать примѣръ съ Пруссіи. Впрочемъ Россія находится въ условіяхъ несравненно лучшихъ чѣмъ Пруссія. Русская національная политика, какъ въ Балтійскомъ краѣ, такъ и въ западныхъ губерніяхъ, не есть только дѣло государственной необходимости, суровое и тяжкое, но съ тѣмъ вмѣстѣ и дѣло справедливости, освобожденія, человѣколюбія...

№ 163.

Москва, 26-го Іюля.

Напечатанное нами вчера извѣстіе о поступленіи въ министерство внутреннихъ дѣлъ заявленій со стороны лицъ, вызывающихся строить Московско-Смоленскую желѣзную дорогу, побуждаетъ насъ посвятить еще нѣсколько словъ этому дѣлу, о которомъ мы говорили такъ часто. Читатели знаютъ, что работы по Московско-Смоленской желѣзной дорогѣ начались нынѣшнимъ лѣтомъ. Онѣ были избраны какъ лучшее средство помочь нуждающейся въ продовольствіи губерніи, не обременяя ея долгомъ и въ то же время осу-

щественая дѣло важное для цѣлаго государства. Рѣшеніе начать работы состоялось по непосредственному Высочайшему повелѣнію, чѣмъ усугубляется значеніе предпріятія и усиливается желаніе, чтобъ оно было приведено къ успѣшному исходу. Съ другой стороны оно пріобрѣтаетъ особенную важность вслѣдствіе несчастія, грозящаго посѣтить Смоленскую губернію и въ нынѣшнемъ году. И неофиціальныя и сколько извѣстно офиціальныя свѣдѣнія о состояніи урожая въ Смоленской губерніи сходятся къ тому, что тамъ окажется значительный недочетъ въ хлѣбѣ и предстоящая зима будетъ еще тяжеле прошлой для тамошнихъ уже изнуренныхъ населеній. Помощь требуется настоятельно; она еще нужнѣе теперь чѣмъ была доселѣ. Знающіе люди согласны также въ томъ, что желѣзно-дорожныя работы суть лучшая форма помощи, или лучше единственная форма, не сопряженная съ тягостными для государственнаго казначейства жертвами и съ разореніемъ губерніи. Какія средства были бы нужны чтобы выдавать пособія безвозвратно! Но еслибъ эти средства и нашлись, нельзя было бы желать ихъ употребленія. Даровыя раздачи пріучаютъ къ безпечности и праздности, которая потомъ неблагопріятно сказывается на всемъ, не только на производствѣ, но и на нравственномъ бытѣ населенія. Къ тому же даровая раздача пособій была бы прецедентомъ, на основаніи котораго и другія губерніи стали бы потомъ просить подобнаго же снисхожденія. Россія такъ велика и принадлежитъ къ такимъ различнымъ климатамъ, что рѣдкій годъ въ какомъ-нибудь углѣ ея не бываетъ неурожая: каково же было бы положеніе государственнаго казначейства, еслибы на него ложилась ежегодная тягость безвозвратныхъ пособій голодающимъ. Необходимость велитъ выдавать не безвозвратныя пособія, а ссуды. Но если такъ, то возникаетъ вопросъ о средствахъ уплаты долга. Смоленская губернія не принадлежитъ къ разряду тѣхъ, гдѣ неурожай явленіе исключительное и гдѣ стóитъ только пережить трудный годъ, чтобы благоденствовать среди изобилія плодовъ земныхъ, дозволяющаго незамѣтнымъ образомъ уплатить долги неурожайнаго года. Смоленская губернія въ плохіе года бѣдствуетъ, но и въ хорошіе едва кое-какъ перебивается. Хлѣба въ ней никогда не бываетъ въ обиліи; заработковъ внутри губерніи мало, и еслибы не отхожій промыселъ, то у крестьянъ не доставало бы денегъ даже для уплаты податей. Губернія еле-еле борется съ недоимками: какая же можетъ быть рѣчь о правильномъ возвратѣ ссудъ? Принимать ссуды добросовѣстно, то-есть съ намѣреніемъ уплатить ихъ, Смоленская губернія не можетъ, и потому нельзя не одобрить засѣдавшаго въ текущемъ іюлѣ смоленскаго губернскаго земскаго собранія за рѣшеніе, что Смоленская губернія въ силахъ занять и по минованіи голода уплатить, сверхъ того что уже поступило отъ казны, не болѣе 160 тыс. руб. Это постановленіе честное, говорящее въ пользу смоленскаго земства. Пособіе, дѣйствительно полезное для Смоленской губерніи, не должно обременять ее долгомъ. Оно не можетъ быть, какъ сказано выше, и пособіемъ безвозвратнымъ. Оно должно состоять въ усиленномъ доставленіи заработковъ посредствомъ созданія среди губерніи новой значительной цѣнности, способной сдѣлаться постояннымъ факторомъ ея благосостоянія и въ послѣдствіи сполна окупить требующіяся для ея созданія затраты. Такою цѣнностію, особенно для Смоленской губерніи, можетъ быть только желѣзная дорога. Еслибы требовалось помочь какой-либо другой губерніи, то можно было бы затрудниться соображеніемъ, что нельзя будетъ набрать всѣхъ землекоповъ изъ мѣстныхъ жителей. Для Смоленской губерніи это затрудненіе не существуетъ. Въ Россіи нѣтъ губерніи, гдѣ землекопный промыселъ былъ бы такъ распространенъ какъ въ Смоленской, и слѣдовательно нѣтъ губерніи, гдѣ населеніе могло бы въ равной мѣрѣ воспользоваться земляными желѣзно-дорожными работами какъ въ губерніи Смоленской. Болѣе счастливаго стеченія условій нельзя себѣ представить. Но какъ ни сродны Смоленской губерніи земляныя работы, нѣтъ причины ограничиваться ими. Тамъ много землекоповъ между крестьянами, но и тамъ далеко не всѣ крестьяне землекопы, и наиболѣе всѣмъ крестьянамъ доступный промыселъ есть промыселъ извозный, а желѣзно-дорожныя работы именно требуютъ въ значительной мѣрѣ развозки разныхъ тяжестей и добыванія разныхъ мѣстныхъ матеріаловъ, каковы песокъ, гравій, камень, кирпичъ, лѣсъ для шпалъ и по-

строекъ и т. п. Многія изъ этихъ работъ важны еще въ томъ отношеніи, что могутъ производиться зимой, когда прекращаются земляныя работы; развозку матеріаловъ даже выгоднѣе производить зимой чѣмъ лѣтомъ. Наконецъ, хотя сооруженіемъ желѣзной дороги имѣется въ виду оказать Смоленской губерніи пособіе въ коемъ она нуждается по причинѣ голода, но простой разчетъ требуетъ вести эти работы такъ, чтобы затрачиваемый на нихъ капиталъ началъ какъ можно скорѣе приносить проценты, то-есть чтобы какъ можно скорѣе открылось движеніе по желѣзной дорогѣ. Это должно быть что называется *une pierre à deux coups*. Желѣзно-дорожныя работы должны дѣйствовать какъ продовольственный способъ, но въ то же время должны создавать доходную цѣнность, и быть ведены такъ чтобъ она какъ можно скорѣе начала давать доходъ. Въ этомъ отношеніи условія также сошлись благопріятно. Работы, разсматриваемыя какъ продовольственное средство, должны быть разнообразны, но то же самое требуется и въ томъ случаѣ, если будемъ смотрѣть на сооруженіе желѣзной дороги какъ на самостоятельное дѣло, имѣя въ виду скорѣйшее открытіе движенія по ней. Ни съ той, ни съ другой точки зрѣнія нельзя ограничиваться земляными работами. Равнымъ образомъ желательно, въ видахъ продовольствія, чтобы работы производились на всемъ протяженіи линіи желѣзной дороги въ предѣлахъ Смоленской губерніи, то-есть отъ Смоленска до границы Московской губерніи; для скорѣйшаго открытія движенія тамъ требуется непрерывное веденіе работъ начиная отъ Смоленска, то-есть отъ того пункта гдѣ новая линія примыкаетъ къ желѣзно-дорожной сѣти и чрезъ который она будетъ получать рельсы и подвижной составъ. Итакъ, главныя требованія тождественны съ обѣихъ точекъ зрѣнія, продовольственной и строительной; съ обѣихъ оказывается необходимымъ значительно расширить работы противъ теперешняго. Теперь дѣло ограничивается возведеніемъ земляного полотна: надобно немедленно приняться за битье кирпича и заготовку другихъ матеріаловъ, дабы зимой развезти ихъ по линіи. Теперь работы производятся между Днѣпромъ и Гжатскомъ, да и тутъ не безъ перерывовъ: надобно чтобы перерывовъ не было и, кромѣ того, надобно приняться за работы между Смоленскомъ и переходомъ чрезъ Днѣпръ. На этомъ протяженіи нельзя было приступить къ работамъ съ самаго начала, потому что изысканія, вообще оказавшіяся весьма удовлетворительными, требовали на этомъ протяженіи значительныхъ измѣненій. Теперь, мы полагаемъ, необходимыя исправленія линіи уже сдѣланы, и было бы крайне неэкономно оставлять до будущаго года не тронутымъ этотъ перерывъ, потому что этимъ было бы отсрочено на цѣлый годъ окончательное открытіе линіи. Вотъ тѣ два требованія, которыя равно возникаютъ и съ продовольственной и съ строительной точки зрѣнія.

Но тутъ является серіозный вопросъ. Для исполненія обоихъ требованій нужно значительное усиленіе денежныхъ средствъ: откуда взять ихъ? Интересы замѣшанные въ этомъ дѣлѣ такъ велики, что еслибы не было другихъ источниковъ, надобно было бы обратиться къ государственному казначейству, и для государственнаго казначейства былъ бы разчетъ удовлетворить обращенному къ нему требованію. Такъ было бы при невозможности составить компанію для построенія дороги. Но по счастію, въ этомъ не настоитъ надобности. Къ составленію компаніи нѣтъ препятствій. Мѣстныя условія сооруженія благопріятны. Всѣ матеріалы есть на мѣстѣ или вблизи, и ихъ можно получить по дешевой цѣнѣ; мѣстность удобная; почва за немногими исключеніями легкая; отчужденіе земель не потребуетъ большихъ издержекъ, если только удастся выхлопотать разрѣшеніе строить станцію въ Москвѣ у Тверской заставы, на томъ мѣстѣ, которое городъ уступаетъ безвозмездно, и которое чрезвычайно удобно во всѣхъ отношеніяхъ (между камеръ-коллежскимъ валомъ и ипподромами; слѣдовательно отъ Ходынскаго поля не отходитъ ни одного аршина). Не менѣе благопріятно состояніе денежнаго рынка, и этимъ обстоятельствомъ надобно тѣмъ поспѣшнѣе пользоваться, что оно не можетъ быть продолжительно. Наконецъ выгоды эксплуатаціи Московско-Смоленской желѣзной дороги не подлежатъ сомнѣнію. Иные полагаютъ, что она будетъ служить преимущественно для пассажирскаго сообщенія между центральною Россіей, русскимъ западнымъ краемъ и за-

западною Европой. Не отрицая вѣрности разсчетовъ на значительное пассажирское движеніе, мы полагаемъ однако, что при этихъ разсчетахъ окажется то же что было на Троицкой дорогѣ, гдѣ также ожидался доходъ почти исключительно отъ пассажировъ, а на дѣлѣ вышло, что сборъ съ грузовъ скоро переросъ сборы съ пассажировъ. Всѣ условія по части грузовъ, существующія для Ярославской дороги, должны имѣть еще бо́льшую силу на дорогѣ Московско-Смоленской, но тутъ къ нимъ присоединится перевозъ значительнаго количества грузовъ высшаго разряда, направляющихся къ Москвѣ изъ Пруссіи и изъ Риги. Обратимъ вниманіе на то, что уже теперь, безъ прямаго рельсоваго сообщенія съ западомъ и до открытія южныхъ желѣзныхъ дорогъ, въ московской складочной таможнѣ оплачивается заграничныхъ товаровъ цѣнностью не менѣе какъ на 10 милліоновъ рублей. Это количество должно значительно возрасти по открытіи Смоленской дороги. Новый тарифъ также окажетъ нѣкоторое дѣйствіе на увеличеніе привоза въ Москву. Всѣ эти товары будутъ платить желѣзно-дорожный тарифъ по высшимъ разрядамъ, возвышая чистый доходъ желѣзной дороги. При этихъ условіяхъ, а также при чрезвычайной дешевизнѣ топлива, отношеніе чистаго дохода къ валовому должно быть на Смоленской желѣзной дорогѣ особенно благопріятно, и для достиженія самыхъ блистательныхъ результатовъ остается только желать, чтобы при сооруженіи дороги было поступлено хозяйственно, то есть чтобъ имѣлось въ виду сокращать не строительные, а ремонтные расходы, для чего надобно употреблять сталь болѣе широкою рукой чѣмъ на другихъ, теперь строимыхъ въ Россіи желѣзныхъ дорогахъ. Какъ бы то ни было всѣ условія тутъ таковы, что понимающіе дѣло финансовые люди не сомнѣваются въ доходности Смоленской дороги и смотрятъ на ея построеніе какъ на выгодное коммерческое предпріятіе. Эти условія имѣютъ еще ту выгоду, что понятны всякому при одномъ взглядѣ на карту, а потому заграницей реализовать капиталъ для Смоленской дороги легче чѣмъ для любой другой линіи. Итакъ затрудненій въ образованіи компаніи для ея сооруженія не предвидится. Рѣчь должна идти только объ условіяхъ, и мы кажется можемъ, не нарушая скромности, упомянуть, что земскимъ уполномоченнымъ по Московско-Смоленской дорогѣ была уже не съ одной стороны заявлена готовность взяться за осуществленіе ввѣреннаго имъ дѣла посредствомъ акціонернаго капитала, а въ послѣднее время были предложены условія, коихъ выгодность отрицать невозможно. Предложеніе состояло въ томъ, чтобы строить дорогу съ акціонернымъ капиталомъ въ 66 т. металлическихъ рублей на версту и съ тѣмъ чтобы только $^{2}/_{5}$ этого капитала были собраны посредствомъ гарантированныхъ облигацій, а $^{3}/_{5}$ заключались бы въ акціяхъ негарантированныхъ. Когда капиталисты готовы рисковать тремя пятыми капитала, то понятно, что гарантія на $^{2}/_{5}$ не сопряжена ни съ какимъ рискомъ и нужна только для того, чтобы выпустить облигаціи. Что́ же препятствуетъ немедленному образованію компаніи, которая могла бы тотчасъ же возвратить казнѣ капиталъ, нужный для усиленнаго производства работъ сообразно продовольственной и строительной потребности? Желаетъ ли Смоленское земство само заняться постройкой желѣзной дороги? Но это желаніе могло бы быть уважено только въ томъ случаѣ, еслибы земство строило дорогу на собственныя, а не на казенныя средства. Очень можетъ быть, что уполномоченнымъ земства удалось бы построить дорогу дешево, но нельзя сказать, чтобъ это было очень вѣроятно, а быстрой стройки отъ земства ни въ какомъ случаѣ ожидать нельзя. Въ сущности нѣтъ различія между казенною и земскою постройкой. Нѣкоторыя условія склоняютъ вѣсы въ пользу земства, но за то личный составъ земскихъ учрежденій подлежитъ каждые три года къ переизбранію, а этого одного уже достаточно, чтобы вызвать сомнѣніе въ способности земства удовлетворительно вести такое обширное дѣло. Смоленская губернія къ тому же отличается внутренними раздорами партій. Вотъ почему желая скорѣйшаго сооруженія Смоленской желѣзной дороги, мы самымъ рѣшительнымъ образомъ высказываемся въ пользу немедленнаго составленія компаніи и немедленной передачи ей работъ начатыхъ земствомъ на казенный счетъ. Мы имѣемъ впрочемъ всѣ основанія полагать, что это мнѣніе раздѣляется и земствами, какъ Смоленскимъ, такъ и Московскимъ,

а равно и городомъ Москвой. Въ здѣшней городской думѣ было даже прямо высказано желаніе, чтобы земства не выговаривали стѣснительныхъ для компаній условій, въ чемъ нельзя не видѣть косвеннаго порицанія тому образу дѣйствій, который былъ допущенъ при составленіи компаніи строящей дорогу изъ Витебска въ Орелъ и который теперь служитъ для земствъ соблазнительнымъ примѣромъ. Въ московскомъ земскомъ собраніи одинъ изъ уполномоченныхъ земства двухъ губерній по Смоленской желѣзной дорогѣ, принимавшій въ этомъ дѣлѣ съ самаго начала живѣйшее участіе и весьма много содѣйствовавшій его осуществленію, князь Н. П. Мещерскій, торжественно заявилъ, что по его и лицъ имъ представляемыхъ мнѣнію важно только то, чтобы желѣзная дорога была построена, а кѣмъ она будетъ построена, это все равно. Наконецъ въ послѣднемъ смоленскомъ губернскомъ земскомъ собраніи, бывшемъ на дняхъ, только одно изъ относящихся къ Смоленской желѣзной дорогѣ рѣшеній было принято единогласно, и состояло оно, какъ намъ сообщаютъ, въ томъ, что земство желаетъ скорѣйшаго образованія компаніи. Итакъ намѣривающимся участвовать въ этомъ дѣлѣ остается только предъявить правительству свои условія и просить о выдачѣ имъ концессіи. Мнѣніе, что земство будетъ противодѣйствовать тому, ни на чемъ не основано и совершенно опровергается приведенными сейчасъ данными. Но еслибъ оставалось еще сомнѣніе, то пусть конкурренты имѣютъ въ виду, что земство даже не можетъ противодѣйствовать имъ. Единственная зависимость конкуррентовъ отъ земства могла бы заключаться въ томъ, что въ рукахъ земства находятся изысканія, а къ нимъ нуженъ доступъ при окончательномъ составленіи условій концессіи. На это мы должны сказать, что доступъ къ изысканіямъ будетъ несомнѣнно открытъ каждому конкурренту, и что просить о томъ отнюдь не значитъ заявлять притязаніе на чужую собственность. Разрѣшеніе произвесть изысканія дано, правда, на имя земства, но произведены они не на земскій, а на частный счетъ, и слѣдовательно не принадлежатъ земству въ собственность. Частныя же лица, сдѣлавшія на этотъ предметъ складчину, желаютъ одного: чтобы скорѣе соорудилась желѣзная дорога, и никакихъ притязаній не имѣютъ, кромѣ возврата незначительной суммы (18 т. руб.), въ которую изысканія обошлись.

№ 164.

Москва, 29-го Іюля.

Ниже читатели найдутъ продолженіе заимствуемыхъ изъ *Кіевлянина* интересныхъ свѣдѣній о ревизіи нѣкоторыхъ уѣздовъ юго-западнаго края, произведенной генералъ-адъютантомъ Безакомъ минувшею весной. На дняхъ мы перепечатали свѣдѣнія собранныя по указанію его мировыми учрежденіями Сквирскаго уѣзда о состояніи крестьянскихъ и помѣщичьихъ хозяйствъ; нынѣ приводимъ такія же свѣдѣнія, относящіяся къ уѣздамъ Брацлавскому, Литинскому и Радомысльскому. Эти свѣдѣнія, потребованныя, повидимому, изо всего края, должны заключать въ себѣ сравнительныя данныя объ его экономическомъ положеніи. Въ настоящее время, когда уже начинаютъ обнаруживаться послѣдствія выкупа крестьянскихъ угодій, такіе сравнительные выводы пріобрѣтаютъ особенное значеніе въ виду настойчивыхъ разглагольствій нѣкоторыхъ газетъ, частымъ повтореніемъ успѣвшихъ не только себя, но и многихъ легковѣрныхъ читателей убѣдить, будто хозяйство и промышленность въ западныхъ губерніяхъ гибнутъ, и всѣ источники производительности изсякли, такъ какъ помѣщики не имѣютъ капиталовъ и оборотныя средства ихъ уменьшаются взиманіемъ обременительнаго процентнаго сбора, а крестьяне, бросивъ свойственный состоянію ихъ трудъ, добываютъ себѣ скудныя средства только пользуясь необезпеченностью собственности, да и добытое этимъ путемъ тотчасъ же пропиваютъ въ кабакахъ. Подобныя увѣренія, подкрѣпляемыя не безкорыстными жалобами мѣстныхъ помѣщиковъ и можетъ-быть справедливыми отдѣльными случаями, постоянно раздуваемыми съ извѣстною цѣлью, обратили на себя и вниманіе правительства. Намъ извѣстно, что въ прошломъ году министерство внутреннихъ дѣлъ посылало въ сѣверо-западныя губерніи особыхъ чиновниковъ, которые заявляли, что цѣль ихъ поѣздокъ есть собираніе свѣдѣній о теперешнемъ положеніи помѣ-

щичьихъ хозяйствъ сравнительно со временемъ до мятежа. Какія получены были ими инструкціи, къ кому болѣе всего должны были они обращаться за данными, какіе способы повѣрки были имъ указаны, мы не знаемъ; остались также недоступны для публики результаты ихъ трудовъ и собранные матеріалы. Въ публикѣ носились самые сбивчивые и противорѣчивые слухи какъ о цѣли, такъ и о результатахъ этихъ таинственныхъ поѣздокъ. Генералъ-губернаторъ юго-западнаго края счелъ болѣе совмѣстнымъ съ достоинствомъ управленія поставить прямо и согласно одною изъ задачъ своей послѣдней поѣздки ознакомленіе съ хозяйственнымъ положеніемъ края. По заведенному имъ порядку ревизіи съ опредѣленною заранѣе, всѣмъ извѣстною цѣлью, и приготовлены были мѣстными исполнителями возможно-полныя данныя. Обнародованныя свѣдѣнія, съ коими желающіе могутъ ознакомиться въ *Кіевлянинѣ*, начиная съ № 72, должны подѣйствовать успокоительно на всякаго не предубѣжденнаго читателя; изъ нихъ съ совершенною ясностью можно видѣть, что и свободный свой трудъ, и излишки произведеній и заработковъ крестьяне употребляли и употребляютъ для улучшенія своего матеріальнаго положенія, содѣйствуя тѣмъ обогащенію края, и что благосостояніе края быстро идетъ въ гору. Масса самостоятельныхъ земледѣльческихъ производителей усилилась; число тяглыхъ и пѣшихъ хозяевъ, владѣющихъ полевыми участками, возрасло; огородниковъ и бобылей стало гораздо меньше. Исправное поступленіе податей и повинностей, несмотря на возрастающіе мірскіе расходы, замѣтное улучшеніе крестьянскихъ построекъ и увеличеніе ихъ числа, значительное умноженіе крестьянскаго скота, особенно лошадей, коими замѣняются волы (что бываетъ повсюду признакомъ прогресса и именно теперь происходитъ во Франціи), расширеніе запашекъ и вообще нанимаемой крестьянами земли, возвышеніе какъ арендной, такъ и покупной платы за землю, наконецъ размноженіе среди крестьянъ промышленныхъ заведеній,—все это подтверждаясь данными собираемыми въ каждомъ уѣздѣ, представляетъ картину постепеннаго счастливаго уврачеванія того болѣзненнаго положенія до котораго крестьяне края доведены были такъ-называемымъ развитіемъ на раціональныхъ началахъ помѣщичьяго хозяйства. Что они не бездѣйствуютъ, доказывается тѣмъ, что наемная цѣна земли возрастаетъ несравненно быстрѣе чѣмъ заработная плата. Значитъ, спросъ на землю гораздо больше чѣмъ спросъ на трудъ. Это противорѣчитъ общему мнѣнію, основанному на облыжныхъ показаніяхъ, но тѣмъ не менѣе это непререкаемый фактъ, и въ этомъ фактѣ слѣдуетъ видѣть лучшее ручательство за ожидающее край будущее. Если не будетъ неблагопріятныхъ вліяній на установившійся порядокъ, то можно съ увѣренностью надѣяться на правильное развитіе благосостоянія земледѣльческихъ населеній, сумѣвшихъ оцѣнить заботы о нихъ правительства и разумно воспользоваться дарованными имъ правами и льготами. Подтвержденіе этого вывода читатели могли найдти въ письмѣ подольскаго землевладѣльца г. Беккерса, помѣщенномъ въ № 139 нашей газеты. Возрастаніе личнаго довольства каждаго даетъ возможность подумать и объ употребленіи избытковъ на общеполезныя цѣли. Уже въ прошлогоднемъ отчетѣ объ объѣздѣ генералъ-губернатора упоминалось сколько крестьяне жертвуютъ на содержаніе школъ, на возведеніе и украшеніе храмовъ. Въ нынѣшнемъ году отъ нихъ поступали и пожертвованія въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Вообще говоря, состояніе запасныхъ магазиновъ въ юго-западномъ краѣ удовлетворительно, и, что особенно важно, по волостямъ учреждаются особые мірскіе капиталы. Капиталы эти, при правильномъ устройствѣ выдачи изъ нихъ ссудъ, могли бы содѣйствовать освобожденію крестьянъ и отъ зависимости отъ Евреевъ или ея ограниченію; заведеніе ремесленныхъ училищъ, при большемъ развитіи крестьянъ, дало бы этому трудолюбивому населенію толчокъ къ занятію промыслами, понынѣ находящимися въ рукахъ Евреевъ. Такимъ образомъ была бы упразднена едва ли не самая значительная нынѣ невыгода экономическаго положенія сельскихъ населеній, отзывающаяся и на всемъ краѣ.

Свѣдѣнія о положеніи помѣщичьяго хозяйства, къ сожалѣнію, далеко не представляютъ желаемой полноты; трудности собиранія ихъ почти непреодолимы при неохотѣ помѣщиковъ дѣлиться нужными данными о результатахъ ихъ хозяйства изъ опасенія, какъ указывается въ *Кіев-*

лянинъ, что этими данными воспользуются для процентнаго сбора. По Сквирскому уѣзду сдѣланъ на основаніи представленныхъ доказательствъ выводъ, что помѣщичьи хозяйства приносятъ теперь такія же выгоды какъ въ 1864 году, и въ самомъ дѣлѣ еслибы имѣнія не доставляли средствъ къ развитію хозяйства, то не увеличивалось бы число сахарныхъ и винокуренныхъ въ нихъ заводовъ. Допустимъ, однако, что доходы имѣній сократились противъ 1863 года, когда крестьяне по уставнымъ грамотамъ состояли на издѣльной повинности: были ли совершенно законны эти доходы, и могъ ли, при сохраненіи ихъ, дѣйствительно улучшиться бытъ крестьянъ? Многочисленные факты, обнаруженные при послѣдующей повѣркѣ грамотъ въ западномъ краѣ, удостовѣряютъ, что большинство помѣщиковъ умѣли сохранить за собою рабочую силу и въ то же время, пользуясь освобожденіемъ крестьянъ, уменьшить предоставляемыя имъ выгоды; крестьяне не могли наконецъ этого не замѣтить, и вотъ почему чѣмъ дальше подвигалось дѣло составленія уставныхъ грамотъ, тѣмъ труднѣе было введеніе ихъ въ дѣйствіе; крестьяне все менѣе и менѣе довѣряли безпристрастію помѣщиковъ и посредниковъ изъ ихъ среды, и наконецъ рѣшительно, почти цѣлыми уѣздами, отказывались ото всякаго участія въ принятіи грамотъ, опасаясь закабалить себя безповоротно въ болѣе чѣмъ прежде тяжкія отношенія къ землевладѣльцамъ. Что издѣльная повинность была выгодна для помѣщиковъ западныхъ губерній, это видно и изъ того, что она почти вездѣ сохранилась до Высочайшихъ указовъ 1863 года. Въ большей части остальныхъ губерній Россіи барщина начала прекращаться въ первые же годы по обнародованіи Положеній, причемъ, конечно, не обошлось безъ потерь; помѣщики уже съ 1861 или съ 1862 года принуждены были заняться перестройкой своихъ хозяйствъ на новый ладъ, на коммерческую ногу, и пріискивать необходимыя для того денежныя средства. Можно безъ ошибки принять, что помѣщики западныхъ губерній лишніе два года противъ помѣщиковъ внутреннихъ губерній пользовались выгодами барщины во всей силѣ этого слова, идущаго изъ временъ крестьянскаго безправія. А между тѣмъ переворотъ въ хозяйствѣ, который помѣщики внутреннихъ губерній должны были вынести гораздо ранѣе и которому они подчинились, сознавая необходимость жертвы для общаго блага,—вызвалъ уже въ 1861 году въ такъ-называемыхъ польскихъ помѣщикахъ бурю жалобъ на разореніе, которыя еще не подкрѣплялись тогда извѣтами на лицъ участвовавшихъ въ осуществленіи обязательнаго выкупа, и воплями о потрясеніи всего общественнаго строя революціонными стремленіями, грозящими растлить въ народѣ всѣ гражданскія понятія. Русскіе вѣрноподданные переносили на себѣ молча трудности переходнаго времени; и только когда нѣкоторыхъ польскихъ помѣщиковъ постигло разореніе совершенно по ихъ винѣ, вслѣдствіе возбужденныхъ ими политическихъ смутъ, только тогда заговорили и о русскихъ помѣщикахъ, дабы придать благовидность доводамъ въ пользу тѣхъ русскихъ помѣщиковъ, которые называютъ себя не русскими, а польскими. А между тѣмъ кому легче было пережить трудное время и устроить хозяйство на новыхъ началахъ? Въ западныхъ губерніяхъ издавна велась сдача имѣній въ аренду; помѣстья раздѣлены на фольварки, отдѣльныя фермы, которыя легко находятъ нанимателей; арендаторовъ много, и они обладаютъ опытностью въ сельскомъ хозяйствѣ, а часто и средствами, которыми могутъ обезпечить заключаемыя условія. Во внутреннихъ губерніяхъ класса съемщиковъ вовсе не имѣется; дѣйствительно нерѣдко плачевные результаты отдачи имѣній въ аренду свидѣтельствуютъ о крайнемъ недостаткѣ лицъ, изъ коихъ можно было бы сдѣлать надежный выборъ безъ опасенія совершенно разстроить хозяйство. Но этого мало: и не отдавая всего имѣнія въ аренду, въ западныхъ губерніяхъ всегда легко найдти съемщиковъ излишнихъ земель. Число не надѣленныхъ землею крестьянъ тамъ весьма значительно, и конкуррентами ихъ являются разные вольные люди, бывшіе дворовые, старообрядцы, однодворцы и вся толпа прежней шляхты. Всѣ эти люди держали и держатъ земли въ наймахъ, разрабатываютъ пустоши и устраиваютъ фермы и односелья на свои средства. Въ послѣдніе годы многіе изъ нихъ ищутъ земель и не находятъ; помѣщики, отчасти по враждебному расположенію къ лицамъ, остававшимся вѣрными правительству, отчасти изъ опасенія мѣръ къ устройству ихъ быта на принятыхъ для крестьянъ осно-

ваніяхъ, выгоняютъ ихъ по истеченіи сроковъ и отдаютъ свои земли только шляхтичамъ. Къ упомянутымъ разрядамъ охотниковъ нанимать земли надобно еще причислить выходцевъ изъ прибалтійскихъ губерній, коренныхъ тамошнихъ уроженцевъ, которыхъ вытѣсняетъ оттуда развитіе наноснаго нѣмецкаго элемента. Словомъ, такого количества охотниковъ нанимать земли, съ обязательствомъ обзавестись хозяйствомъ, нѣтъ въ центральной Россіи, а потому и при отдачѣ земель въ наемъ западныя хозяйства имѣютъ огромныя преимущества предъ внутренними.

Самое веденіе хозяйства въ западномъ краѣ также значительно легче чѣмъ въ центральной Россіи; постоянныхъ работниковъ можно нанимать гораздо дешевле при значительномъ числѣ бездомныхъ крестьянъ, которые притомъ незнаютъ другаго промысла кромѣ земледѣлія; нужда и огромная конкурренція сбиваютъ цѣны на рабочихъ; часто изъ-за окуты съ огородцемъ для пріюта семьи батракъ работаетъ по дню и по два въ недѣлю, обязуясь въ остальные являться по востребованію за самую ничтожную плату. Гдѣ же найдти такія выгодныя условія для веденія хозяйства во внутреннихъ губерніяхъ? Упомянемъ, что и цѣна на земледѣльческія произведенія въ западномъ краѣ большею частью высока, а въ юго-западномъ краѣ возрастаетъ съ поразительною быстротой; всѣ затраты на хозяйство хорошо оплачиваются; близость заграничныхъ требованій, а также губерній Царства Польскаго и большое скопленіе войскъ поддерживаютъ цѣны на высокомъ уровнѣ. Наконецъ слѣдуетъ взять въ соображеніе и услуги Евреевъ. Тогда какъ во внутреннихъ губерніяхъ, особенно въ отдаленіи отъ желѣзныхъ дорогъ, приходится часто безуспѣшно искать покупателя на то или другое произведеніе домашняго хозяйства, въ западныхъ губерніяхъ Евреи, шныряющіе по всѣмъ угламъ, не дадутъ ничему залежаться. Всѣ эти выгоды, общія для большей части западныхъ губерній, представляютъ тамошнее помѣщичье хозяйство съ весьма выгодной стороны и даютъ полное основаніе полагать, что выводы сдѣланные въ юго-западномъ краѣ о хорошемъ положеніи его вообще должны быть вѣрны. Пусть же русскіе помѣщики сравнятъ обстоятельства и удобства, при коихъ они должны вести свои хозяйства, съ тѣми, въ какихъ находятся помѣщичьи имѣнія западныхъ губерній, и поймутъ насколько добросовѣстны раздающіяся оттуда жалобы. Пусть не укроется отъ ихъ вниманія и то, что, какъ свидѣтельствуетъ *Кіевлянинъ*, помѣщики западнаго края, даже и при контрибуціи, платятъ съ десятины одва ли не меньше чѣмъ сколько платится въ менѣе выгодныхъ для хозяйства центральныхъ губерніяхъ Россіи.

Весьма желательно, чтобъ остающіяся въ западныхъ губерніяхъ съ 1863 г. лица, имѣвшія возможность слѣдить на мѣстѣ за веденіемъ и переворотами тамошняго хозяйства, подѣлились съ публикой своими замѣчаніями, основанными на личномъ наблюденіи, и помогли разсѣять туманъ, напускаемый на этотъ вопросъ изъ корыстныхъ цѣлей.

Можно ожидать, что поѣздка виленскаго генералъ-губернатора по ввѣренному ему краѣ также не останется безплодною для ознакомленія съ дѣйствительнымъ экономическимъ бытомъ страны. Генералъ-адъютантъ Потаповъ, если не ошибаемся, заявлялъ, что одною изъ задачъ его управленія будетъ забота о поднятіи края въ хозяйственномъ и промышленномъ отношеніи. Огромное вліяніе на производительность края должно имѣть и тамъ, какъ вездѣ, развитіе крестьянскаго хозяйства. Правда, при объѣздѣ, можно судить только на основаніи внѣшней обстановки; но нынѣшнему виленскому генералъ-губернатору легко будетъ сравнить свои настоящія впечатлѣнія съ тѣми которыя онъ испытывалъ при объѣздѣ этого края въ 1864 г., и вывести заключеніе о томъ что сдѣлано въ эти годы для поднятія самаго многочисленнаго, самаго производительнаго и вмѣстѣ надежнаго класса населенія.

№ 165.

Москва, 30-го Іюля.

А.

Идеи, фантастически излагаемыя г. Эмилемъ де-Жирарденомъ въ его газетѣ *Liberté*, гораздо серіознѣе чѣмъ могутъ показаться съ перваго взгляда. Г. де-Жирарденъ, конечно, облекаетъ ихъ формами не очень-дипломатичными: требованіе, чтобы Пруссія въ десятидневный срокъ согласилась на созваніе конгресса, имѣю-

щаго цѣлію образовать отъ „Страсбурга до Нѣмецкаго моря" нейтральное государство, единственно ради удобствъ Франціи, императорская прокламація къ французскому народу съ обѣщаніемъ отречься отъ прерогативъ, которыя Наполеонъ III до сихъ поръ такъ ревностно отстаивалъ за собою; словомъ, вся внѣшняя сторона проекта, выработаннаго и пущеннаго на свѣтъ Божій г. Эмилемъ де-Жирарденомъ, очевидно, свидѣтельствуетъ, что этою импровизаціей мы обязаны только его личной инициативѣ. Но откинувъ въ сторону эксцентричности и странности свойственныя перу этого публициста, если мы вникнемъ въ сущность дѣла, то придемъ почти къ полной увѣренности, что главный редакторъ газеты *Liberté* высказалъ тайную мысль большинства Французовъ и самаго правительства французскаго, то-есть императора Наполеона. Язвы, нанесенныя національному самолюбію Франціи непомѣрнымъ усиленіемъ Пруссіи и кичливыми отказами г. фонъ-Бисмарка на требованія территоріальнаго вознагражденія, заявленныя Тюльерійскимъ кабинетомъ вскорѣ послѣ битвы при Кенигтрецѣ, — эти язвы такъ глубоки и болѣзненны, что, несмотря на всѣ усилія скрыть до поры до времени причиняемыя ими страданія, въ Парижѣ едва могутъ сдерживать выраженіе раздраженнаго національнаго чувства. Громадность вооруженій даетъ право заключать, что всѣ усилія императора Наполеона III имѣютъ цѣлію приготовиться къ рѣшительному дѣйствію. Теперешняя задача Тюльерійскаго кабинета не легка: во внѣшнихъ дѣлахъ ему необходимо, по возможности, скрывать свои воинственныя намѣренія и подготовлять себѣ союзы или по крайней мѣрѣ доброжелательный нейтралитетъ; во внутреннихъ, побудить Францію къ терпѣнію, поддержать патріотическое настроеніе не слишкомъ его раздражая, добиться отъ націи гототовности на большія пожертвованія деньгами и людьми, увѣряя между тѣмъ въ мирныхъ намѣреніяхъ, и сдѣлавъ нѣкоторыя уступки въ либеральномъ смыслѣ, удержать однако въ своихъ рукахъ власть необходимую для великой международной расправы.

Многоразличными и противорѣчивыми требованіями подобной задачи объясняются всѣ политическія загадки, представляемыя нынѣшними дѣйствіями Франціи. Отсюда проистекаютъ безпрерывныя мирныя увѣренія офиціальныхъ органовъ, сопровождаемыя патріотическими декламаціями изданій болѣе или менѣе офиціозныхъ; отсюда идилліи произносимыя съ трибуны г. Руэромъ, и военные гимны возглашаемые маршаломъ Ніелемъ; отсюда либеральныя полууступки, за которыми на дѣлѣ слѣдуютъ произвольныя мѣры, и обѣщанія сбереженій соединенныя съ займами, не имѣющими иного оправданія кромѣ необходимости готовиться къ войнѣ; отсюда, наконецъ, вся эта совокупность противорѣчій и видимыхъ несообразностей, характеризующихъ положеніе дѣлъ предъ наступающимъ кризисомъ.

Итакъ, г. Эмиль де-Жирарденъ только разгласилъ на весь міръ, можетъ-быть ранѣе чѣмъ правительству Наполеона III было бы то пригодно, проекты, которые въ Тюльерійскомъ дворцѣ обдумываются къ тому времени, когда будетъ окончено военное преобразованіе, то-есть къ веснѣ 1869 года. Само собою разумѣется, что Наполеонъ III не послѣдуетъ точь-въ-точь программѣ, предначертанной въ *Liberté*. Онъ не такъ безразсуденъ, чтобы съ самаго начала борьбы встревожить Европу, требуя рейнской границы или настаивая на созданіи фантастическаго государства, придуманнаго пылкимъ воображеніемъ г. де-Жирардена. Безъ сомнѣнія, онъ найдетъ предлогъ болѣе благовидный и станетъ выжидать исхода борьбы, дабы — если ходъ войны будетъ ему благопріятенъ — потребовать условій, которыя могутъ быть ему пригодны.

Въ своемъ проектѣ письма къ маркизу Мутье, г. де-Жирарденъ разчитываетъ, что Россія останется въ совершенномъ и безусловномъ нейтралитетѣ.

Неоспоримо, что для Россіи нѣтъ никакой выгоды способствовать увеличенію могущества Пруссіи. Мы не разъ указывали на опасности, могущія проистечь для Россіи отъ примѣненія пангерманскихъ теорій, которыхъ верховнымъ жрецомъ является г. фонъ-Бисмаркъ, а проповѣдники вербуются даже въ нашихъ прибалтійскихъ губерніяхъ. Не менѣе положительно и то, что Императоръ Александръ II, такъ же какъ и Алаксандръ I, не желаетъ ни раздробленія, ни уничиженія Франціи. Но, съ другой стороны, мы не можемъ терять изъ виду, что Франція продолжаетъ быть слѣпымъ орудіемъ политики столько же противной ея истиннымъ ин-

тересамъ, сколько враждебной Россіи почти на всѣхъ пунктахъ ея международнаго положенія и даже въ ея внутреннихъ вопросахъ....

Если Россія будетъ поставлена въ прискорбную необходимость выбирать одно изъ двухъ золъ, то вѣроятно она взвѣситъ все и выберетъ меньшее. Эти соображенія не должны ускользать отъ вниманія политическихъ людей какъ въ Парижѣ, такъ и въ Берлинѣ, и если правда, что Наполеонъ III рѣшился во что бы то ни стало на крайнія мѣры противъ Пруссіи, то ему не трудно понять на какихъ условіяхъ онъ можетъ обезпечить себѣ нейтралитетъ Россіи.

Играть роль обманутой жертвы не достойно Россіи: пріобрѣтенный ею опытъ научилъ ее не вступаться ни во что, не получивъ прочнаго обезпеченія въ честной игрѣ своего партнера.

Б.

Лондонскій телеграфъ усердно упреждаетъ всѣ извѣстія, привозимыя намъ сѣверо-американскою почтой. Однако, повидимому, это усердіе соединяется съ нѣкоторою разборчивостію. Такъ изъ передаваемой нами сегодня константинопольской корреспонденціи видно, что турецкая печать очень озабочена извѣстіями о двухъ резолюціяхъ, принятыхъ Вашингтонскимъ конгрессомъ относительно Высокой Порты. Первою изъ этихъ резолюцій положено настоять на дарованіи Криту полной свободы и независимости. Второю опредѣлено потребовать отъ султана правъ свободнаго проѣзда черезъ Дарданеллы и Босфоръ и плаванія по Черному морю какъ для военныхъ, такъ и для купеческихъ судовъ, безо всякихъ ограниченій. Извѣстивъ объ этомъ только турецкую печать, лондонскій телеграфъ, повидимому, не нашелъ въ нихъ ничего интереснаго для остальной Европы, а потому и не призналъ нужнымъ обременять насъ лишними депешами. Англійская печать, которая такъ внимательно слѣдитъ за всѣми событіями своей грозной соперницы за океаномъ,—англійская печать, которая тревожится за участь Турціи по случаю появленія за Дунаемъ полутораста плохо вооруженныхъ мятежниковъ,—эта за всѣмъ зорко наблюдающая печать какъ будто не замѣчаетъ вашингтонскаго заявленія, хотя, безъ сомнѣнія, оно давно уже всполошило англійскую дипломатію. Само собою разумѣется, что послѣ этого нельзя и ожидать, чтобъ это заявленіе было замѣчено простодушною французскою печатью, рѣшившеюся съ нѣкотораго времени, ничего не знать кромѣ того что возвѣститъ ей органъ Чарторыйскаго, *Nord-Est*. Гораздо болѣе загадочнымъ является въ этомъ случаѣ молчаніе нѣмецкой печати, особенно газеты графа Бисмарка, *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, столь бдительно слѣдящей за малѣйшими событіями въ Венесуэлѣ и Парагваѣ, но проходящей молчаніемъ то что происходитъ въ великой республикѣ, опирающейся одною окраиной на Атлантическій, другою на Тихій Океанъ...

Въ № 163 нашей газеты — какъ разъ подъ лондонскою телеграммой, сообщавшею запоздалое извѣстіе объ уплатѣ суммы слѣдующей за Аляску,—мы помѣстили почерпнутую нами изъ нью-йоркскихъ газетъ вторую изъ приведенныхъ выше резолюцій, которая касается возстановленія свободы Чернаго моря. Мы выжидали голоса Европы; но Европа оказалась какъ будто въ заговорѣ, чтобы передать право своего голоса одной Турціи. „A tout seigneur, tout honneur", а наше дѣло тутъ, какъ видно, въ сторонѣ. И вотъ, органы турецкаго общественнаго мнѣнія, какъ видно изъ письма нашего корреспондента, спѣшатъ вооружиться, по этому поводу, ученіемъ Монроэ, и колютъ имъ глаза Вашингтонскому конгрессу. Если-де Америка должна принадлежать однимъ Американцамъ, то пусть Европа принадлежитъ однимъ Европейцамъ. Не странно ли встрѣтить это ученіе въ органахъ магометанской орды, гнетущей 14 милліоновъ христіанскаго населенія въ Европѣ?

№ 166.

Москва, 31-го Іюня.

Человѣка, который ѣдетъ изъ зараженной чумою мѣстности, подвергаютъ заключенію въ карантинѣ на значительный срокъ, а если онъ вздумалъ бы пробраться мимо карантина, то законъ постигъ бы его наравнѣ съ тяжкими преступниками, не спрашивая о томъ, заразилъ ли онъ кого-нибудь или нѣтъ. Было время, когда вездѣ

почиталось нужнымъ для общественной безопасности воздвигать заставы и затруднять свободное передвиженіе людей посредствомъ паспортовъ, и нарушители этихъ стѣснительныхъ законовъ вездѣ подвергались наказаніямъ, несмотря на то что эти законы едвали были полезны и что отъ ихъ нарушенія не страдалъ никто. Такова всегдашняя принадлежность подобныхъ законовъ. Хотя бы въ нарушеніи ихъ не усматривалась никакого преступнаго умысла, законъ тѣмъ не менѣе караетъ оное, какъ дѣйствіе *могущее* причинить вредъ обществу, нарушить спокойствіе его членовъ, уменьшить безопасность ихъ личности или собственности. Пока не доказано самымъ несомнѣннымъ образомъ, что чума не заразительна, ни одно правительство, ни одно законодательное собраніе не рѣшится отмѣнить каратинный уставъ, какъ бы онъ ни былъ стѣснителенъ, и какъ ни противуестественнымъ съ перваго взгляда кажется подвергать человѣка покусившагося миновать карантинъ, наказанію наравнѣ съ нарушителемъ вѣковѣчныхъ законовъ нравственности. И законъ правъ: покушеніе миновать карантинъ есть легкомысленный рискъ не своею, а другихъ людей жизнію, и слѣдовательно коренится въ чувствѣ безнравственномъ.

Эти мысли сами собою возникаютъ, когда подумаешь о *пожарной эпидеміи*, которая, кажется, свила себѣ гнѣздо въ Россіи, подобно тому какъ чума на Востокѣ. Но вопросъ о чумѣ вызвалъ международное вмѣшательство; для изученія обстоятельствъ сопровождающихъ зарожденіе и распространеніе этой болѣзни была наряжена смѣшанная коммиссія отъ державъ Европы: не слѣдуетъ ли что-нибудь сдѣлать и для противодѣйствія свирѣпствующей у насъ *пожарной эпидеміи*? Сгоритъ нѣсколько сотъ дворовъ, пойдутъ сотни и тысячи народа по міру, испепелится нѣсколько десятковъ тысячъ десятинъ лѣсу; слѣдствіе откроетъ, что пожаръ произошелъ „отъ неосторожнаго обращенія съ огнемъ,“ и дѣло сдается въ архивъ. Въ русскомъ законодательствѣ давшемъ столь широкій просторъ соображеніямъ „о предупрежденіи и пресѣченіи преступленій,“ нѣтъ никакихъ распоряженій, способныхъ предупредить это столь общее и столь губительное для благосостоянія страны зло. Трудно себѣ представить приблизительно цифру убытковъ, происходящихъ ежегодно отъ пожаровъ; съ достаточною полнотой составленная пожарная статистика Россіи привела бы всѣхъ въ изумленіе и ужасъ. Она доказала бы, что у насъ ежегодно обращается въ дымъ нѣсколько сотъ верстъ желѣзныхъ дорогъ, десятки броненосныхъ судовъ, суммы на которыя можно было бы покрыть Россію сѣтью школъ всякаго рода. Страшно подумать: теперь вся сѣверо-западная полоса Россіи объята огнемъ; почти отъ Динабурга до Петербурга и оттуда почти до Москвы поѣздъ желѣзной дороги двигается по пожарищу. Въ продолженіе долгаго времени, въ Петербургѣ едва можно было дышать отъ дыма. Въ Москвѣ мы также задыхаемся отъ гари, которая по нѣскольку дней стоитъ надъ городомъ будто густой туманъ и отнимаетъ лучи у жаркаго солнца. Возможно ли, въ виду такого ужасающаго явленія, утѣшаться тѣмъ, что оно происходитъ не отъ злаго умысла, а отъ неосторожности или небрежности? Небрежность отъ которой страдаетъ общественное благосостояніе, которая истребляетъ народное богатство, есть своего рода преступленіе. Невозможно допускать, чтобы человѣкъ игралъ съ огнемъ тамъ, гдѣ есть удобовоспламенимыя вещества. Этого невозможно дозволить, и законъ не дозволяетъ этого; но спрашивается, достаточно ли выражено нашимъ закономъ сознаніе, что въ основаніи той небрежности, отъ которой происходятъ пожары, заключается большею частью противуобщественное и безнравственное чувство? „Не мой лѣсъ, не бѣда коли и сгоритъ,“ шевелится въ умѣ гуртовщика, когда онъ, поднимаясь съ ночлега, не даетъ себѣ труда плеснуть водой на тлѣющія головни, или засыпать ихъ землей.

Въ виду бѣдствій причиняемыхъ у насъ пожарами, вслѣдствіе неосторожности и небрежности, нельзя не признать слабости и недостаточности нашего законодательства относительно этого пункта. Пожарная практика такъ прискорбно обильна у насъ, что могла бы повести къ весьма обширнымъ и отчетливымъ законодательнымъ соображеніямъ. У насъ не различается въ этихъ случаяхъ простая случайность, которую предусмотрѣть или предупредить часто бываетъ внѣ человѣческой возможности, отъ небрежности, которая имѣетъ характеръ болѣе или менѣе преступный и должна подлежать законной карѣ, ощутительной и дѣйствительной. Пусть въ ос-

нованіи небрежности влекущей за собою великія общественныя бѣдствія нѣтъ намѣренія непосредственно направленнаго къ такому результату, но она все же проистекаетъ изъ побужденій болѣе или менѣе неизвинительныхъ и условливается настроеніемъ ума или воли болѣе или менѣе неодобрительнымъ и безнравственнымъ. Законъ долженъ быть достаточно вооруженъ противъ подобныхъ случаевъ небрежности и карать ихъ соотвѣтственно степени ихъ прочности. Побужденія, изъ которыхъ проистекаютъ иные случаи небрежности, бываютъ зародышами самыхъ порочныхъ наклонностей и веществомъ, изъ котораго при извѣстныхъ условіяхъ создаются самыя тяжкія преступленія. Человѣкъ знающій, какія страшныя послѣдствія могутъ произойдти отъ его небрежности и въ данномъ случаѣ могущій легко избѣжать ея, но не дѣлающій этого или изъ корысти или потому что послѣдствія его небрежности коснутся не его, а другихъ, не долженъ оставаться безнаказаннымъ въ виду не только дѣйствительно причиненнаго, но и возможнаго бѣдствія. А между тѣмъ дѣйствія самой непростительной небрежности законъ нашъ оставляетъ почти безнаказанными, полагая въ большей части случаевъ, какъ напримѣръ за оставленіе огня непотушеннымъ при отбытіи съ того мѣста, гдѣ онъ былъ разложенъ, денежное взысканіе не свыше 10 руб. За устройство печей, дымовыхъ трубъ и т. п. безъ соблюденій правилъ установленныхъ для предохраненія отъ пожаровъ печники и распоряжавшіеся работами подвергаются денежному взысканію не свыше 50 руб. сер. Когда законъ говоритъ *не свыше*, онъ этимъ предоставляетъ судьѣ право понизить наказаніе, если есть къ тому поводъ, и слѣдовательно наказаніе можетъ быть всегда соразмѣрно со степенью виновности подсудимаго въ данномъ случаѣ, а опредѣляемая закономъ высшая мѣра наказанія выражаетъ собой взглядъ законодательства вообще на сравнительную важность того преступнаго дѣянія, за которое оно полагается. Штрафъ не свыше десяти рублей за нарушенія исчисленныя въ статьѣ 95-й Устава о наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями, особенно въ первыхъ ея пунктахъ, свидѣтельствуетъ, что самъ законъ подводитъ эти нарушенія подъ одинъ уровень съ легкими провинностями противъ условныхъ требованій общественнаго благочинія. При такомъ взглядѣ закона, можно ли ожидать, чтобы народъ смотрѣлъ правильнѣе? Дурная и во многихъ случаяхъ безнравственная привычка небрежно обращаться съ огнемъ не искоренится въ народѣ, пока законъ не выскажетъ серіознаго порицанія ей, а это порицаніе можетъ быть высказано лишь назначеніемъ наказанія, отвѣчающаго какъ ея нравственному источнику, такъ и тѣмъ бѣдствіямъ, которыя она причиняетъ. Правда, въ тѣхъ случаяхъ, когда небрежное обращеніе съ огнемъ бываетъ причиной пожара, нашъ законъ усиливаетъ наказаніе, давая суду право приговаривать виновнаго къ заключенію до одного мѣсяца или денежному штафу до ста рублей. Но это дополненіе не можетъ оказать должное дѣйствіе на исправленіе народныхъ нравовъ въ этомъ отношеніи. Вопервыхъ причиной усиленнаго наказанія является тутъ случайность, не зависящая отъ воли виновнаго, и оно переносится какъ несчастіе, если когда-нибудь и назначается. Вовторыхъ, по самому свойству дѣла, именно въ томъ случаѣ когда послѣдствіемъ небрежности бываетъ пожаръ, слѣды проступка исчезаютъ и доказать его почти не бываетъ возможности. Чтобы правосудіе было достаточно вооружено, надобно, кажется намъ, отмѣнить въ большей части случаевъ различіе наказаній на небрежное обращеніе съ огнемъ смотря потому повело ли оно къ пожару или нѣтъ, и оставить теперешній легкій десяти-рублевый штрафъ только за такія провинности, въ основаніи которыхъ нѣтъ причины предполагать безнравственное равнодушіе къ бѣдствіямъ ближнихъ.

№ 167.

Москва, 1-го августа.

„Когда первый встрѣчный говоритъ: „нѣтъ депешъ, то это значитъ: нѣтъ депешъ. Но когда г. Руэръ говоритъ: „нѣтъ депешъ, то это значитъ: есть депеши.“ Такъ выражался въ 1867 г. остроумный *Journal de Paris* по поводу извѣстныхъ завѣреній, которыми гг. Руэръ и де-Мутье также рѣшительно опровергали толки о Люксембургскомъ вопросѣ, какъ предшественникъ ихъ, г. Бильйо, отрицалъ въ 1862 г. намѣреніе Франціи

основать въ Мексикѣ имперію подъ скипетромъ австрійскаго эрцъ-герцога. Судя по всему что происходитъ нынѣ можно подумать, что въ Европѣ готовится повтореніе сюрпризовъ весны 1867 г. Опять возникаютъ съ разныхъ сторонъ слухи о какихъ-то таинственныхъ переговорахъ; опять на всѣ эти слухи сыплется градъ офиціальныхъ опроверженій; но увы! и въ Германіи, и въ Англіи, даже во Франціи, публика, повидимому, „условилась" насчетъ значенія офиціальныхъ и офиціозныхъ опроверженій, а Парижане рѣшительно отказываются вѣрить, чтобъ императоръ Наполеонъ посвящалъ все свое время и въ Пломбьерѣ, и въ Фонтенебло лишь изученію вселенскихъ соборовъ и устава предполагаемой земледѣльческой академіи. На голословныя отрицанія толковъ о домогательствахъ Франціи стать во главѣ военно-экономическаго союза со своими мелкопомѣстными сосѣдями, публика насмѣшливо указываетъ на факты свидѣтельствующіе о справедливости этихъ толковъ, а подобные факты, какъ на зло, возобновляются чуть не ежедневно. Такъ, на дняхъ, открылось, что „Бельгіецъ," уже два года проповѣдующій своими письмами въ офиціозную *Patrie* о необходимости присоединенія Бельгіи ко Франціи, вовсе не „Бельгіецъ," а просто парижскій журналистъ, командированный въ Брюссель правительственною газетой; такъ *Constitutionnel*, убѣдившись изъ грозной статьи *Morning Herald*, что Англія не намѣрена соблюдать относительно расширенія могущества Франціи ту сдержанность, какую соблюдала въ вопросѣ о расширеніи могущества Пруссіи, совѣтуетъ Англіи „зрѣло обдумать первый шагъ своего возвращенія (!) на арену международныхъ столкновеній европейскаго материка;" такъ лордъ Станлей, отвѣчая на запросъ г. Отвея, не только не заявилъ ни словомъ своего собственнаго мнѣнія о слухахъ, подавшихъ поводъ къ запросу, но сославшись на мнѣнія представителей Бельгіи и Голландіи, не упомянулъ о представителѣ Франціи, а офиціальный *Монитеръ* Французской имперіи не только не восполнилъ пропуска, но и воздержался отъ воспроизведенія всего этого, столь близко касающагося Франціи, парламентскаго разговора; наконецъ, министерскій *Morning Herald*, отвергая мнѣніе, что первая статья его была внушена лишь завистью ко Франціи, повторяетъ самымъ рѣшительнымъ тономъ, что Англія не допуститъ заключенія между Франціей, Бельгіей и Голландіей не только военнаго, но и экономическаго союза, и отечески предупреждаетъ Францію, что для достиженія такихъ преимуществъ, какими нынѣ пользуется Пруссія, ей предстоитъ пройдти чрезъ такую же войну, сдѣлать такія же пожертвованія и увѣнчаться такими же лаврами какъ Пруссія... Ни въ Берлинѣ, ни въ Лондонѣ не нашли нужнымъ стѣсняться въ откровенности касательно препятствій ожидающихъ осуществленіе какихъ бы то ни было замысловъ о гегемоніи Франціи въ союзѣ съ Бельгіей и Голландіей. По этому предмету у Наполеона III нынѣ не можетъ оставаться никакого сомнѣнія...

Весь вопросъ слѣдовательно въ томъ, до какой степени въ настоящее время уцѣлѣли эти проекты въ тайной мысли Тюльерійскаго кабинета. Понятно, съ какимъ тревожнымъ любопытствомъ Франція ждетъ разрѣшенія этого вопроса. И — не несчастіе ли въ самомъ дѣлѣ? — всѣ эти тревоги пришлись какъ разъ къ концу законодательной сессіи, когда, среди многосложныхъ вопросовъ о милліонахъ и милліардахъ, Солоны „остроумнѣйшей націи міра" были патріотически озабочены сооруженіемъ непреодолимой преграды русскому панславизму посредствомъ извѣстной грамматической поправки? Но теперь сессія закрыта; для удовлетворенія своего любопытства, Франціи не остается ничего иного какъ слѣдить за офиціозными газетами и назидаться письмами мнимаго „Бельгійца" въ газетѣ *Patrie*. А надо признаться, что впечатлѣніе какое французская публика можетъ вынести изъ внимательнаго изученія разностороннихъ газетныхъ толковъ о *status quo* Европы не очень лестно для народнаго самолюбія „великой націи." Пока Пруссія рвала мечомъ трактаты 1815 г. и заключала союзы нарушившіе только что заключенный ею Парижскій трактатъ, Европа рукоплескала, Альбіонъ ликовалъ, а Франція довольствовалась выводомъ изъ всего этого нѣкоторыхъ принциповъ, въ надеждѣ что признаніемъ ихъ въ пользу Пруссіи предотвратится возможность отрицать ихъ, когда и она въ свою очередь рѣшится воспользоваться ими. И вотъ Франція пытается теперь слѣдовать примѣру Пруссіи, основываясь на отмѣнѣ трактатовъ и на

возстановленіи полной „свободы союзовъ.“ Но, при первомъ слухѣ объ этихъ попыткахъ, внезапно сцена: британскій барсъ скалитъ зубы, а неблагодарная Пруссія хватается за мечъ...

„Завладѣваетъ ли Пруссія Ганноверомъ,“ восклицаютъ французскія газеты, „ни о „какихъ трактатахъ нѣтъ и помину; но „если Франція сбирается заключить союзъ „съ Голландіей и Бельгіей, вдругъ вос„кресаютъ всѣ возможные трактраты.... „Мы слабѣемъ; надо же возстановить намъ „прежнее наше значеніе... И вотъ намъ „отвѣчаютъ: Вы слабѣете? Тѣмъ лучше; „мы этого-то и хотѣли: оставайтесь сла„быми.“

Какъ не понять нетерпѣнія Франціи, какъ не понять ея усилій выйдти изъ такого положенія и для этого найдти себѣ союзниковъ?... Но въ это-то самое время вдругъ пошли смутные толки о сближеніи между Пруссіей и Австріей.

Съ 17-то іюля, въ *Кельнской Газетѣ*, въ *National-Zeitung*, въ *Allgemeine Zeitung*, печатается безпрерывный рядъ корреспонденцій изъ Вѣны и Берлина, утверждающихъ, что иниціатива мысли о союзѣ принадлежитъ Пруссіи, что поводомъ къ тому было охлажденіе этой державы къ Россіи, „угнетающей нѣмецкую національность въ своихъ прибалтійскихъ владѣніяхъ,“ и что эта мысль особенно поддерживается знаменитымъ генераломъ Мольтке, „ненавистникомъ всего русскаго.“ 25-го іюля, заговорила объ этомъ предметѣ и *Крестовая Газета*. Ей „совершенно непостижимо, почему правительственныя сферы Франціи такъ раздражаются при первомъ словѣ о соглашеніи между Австріей и Пруссіей для совокупнаго дѣйствія *на Востокѣ?*“ Какъ не полюбоваться этою наивностью газеты, бывшей неизмѣнною ревнительницею завоевательной политики Берлинскаго кабинета? Ужели совѣсть прусской феодальной газеты до такой степени чиста, что и не подозрѣваетъ для Франціи возможности интересоваться другими вопросами, кромѣ Восточнаго? Да и откуда тутъ взялся несчастный *Востокъ*, когда вовсе не о немъ была рѣчь? *Крестовая Газета* ухитрилась найдти въ немъ средство къ „раздраженію“ офиціальной Франціи, возвѣстивъ, что въ Турціи, „панславизмъ“ (то-есть Россія) „находится въ неразрывной связи съ мадзинизмомъ.“

Франція какъ будто и въ самомъ дѣлѣ встревожилась событіями на Востокѣ; извѣстіе о вторженіи въ Болгарію полутораста несчастныхъ мятежниковъ, повидимому, не даетъ покоя маркизу де-Мутье. Однако въ то же время онъ бросаетъ между Пруссіей, Австріей и Италіей яблоко раздора. Генералъ Ламармора, слѣдуя его внушеніямъ, сдѣлалъ свой запросъ въ парламентѣ, и вывелъ наружу Уздомовскую ноту. Но яблоко оказывается безвреднымъ; въ сущности же обнаруживается лишь то, что маркизъ де-Мутье гораздо болѣе озабоченъ сближеніемъ Австріи съ Пруссіей чѣмъ суматохой на низовьяхъ Дуная,—и вотъ, какъ будто по манію фокусника, во всѣхъ газетахъ Пруссіи и Австріи внезапно посыпались опроверженія ими же самими возбужденныхъ толковъ. Уже 28-го іюля *Bank und Handels-Zeitung* съ замѣчательною беззастѣнчивостью объявляетъ, что хотя она первая сообщила извѣстія о союзѣ Пруссіи съ Австріей, но что извѣстія эти оказались неосновательными. Распущены-де они лишь для того чтобы поссорить Австрію съ Франціей. Въ томъ же смыслѣ отзывается и вѣнскій корреспондентъ *Morning Post*, замѣчая, что тѣсныя отношенія „между „Франціей и Австріей такъ важны послѣд„ней, что она не рѣшится пожертвовать „ими союзу гораздо менѣе важному и не „представляющему достаточныхъ залоговъ „прочности.“ И въ *Кельнскую Газету* и въ *National Zeitung* пишутъ со всѣхъ сторонъ, что ко всѣмъ этимъ толкамъ подало поводъ охлажденіе Пруссіи къ Россіи, и посреди всего этого хора, весьма стройно управляемаго жезломъ невидимаго капельмейстера, личный органъ графа Бисмарка, *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, серіозно объявляетъ, что эти толки были польскою штукой органа Чарторыйскаго *Correspondance du Nord-Est* и имѣли якобы цѣлію разрушить „столь желанное соглашеніе, которое устанавливается между Австріей и Франціей.“ Это куріозное заявленіе и сдѣлано, и выслушано безъ смѣха, несмотря на то, что въ основаніи программы Чарторыйскаго положенъ, какъ извѣстно, союзъ Франціи съ Австріей. Между тѣмъ, въ Берлинѣ, саксонскій уполномоченный, г. Фризенъ, сообщаетъ письмо барона Бейста, который удостовѣряетъ своего друга и бывшаго подчиненнаго „въ неизмѣнной готовности Ав-

стріи вступить въ союзъ съ Пруссіей," а въ то же самое время органъ австрійскаго посольства въ Парижѣ, *Mémorial diplomatique*, и за нимъ ультра-офиціозный *Constitutionnel*, утверждаютъ оба, какъ бы вслѣдъ за органомъ графа Бисмарка, что эти толки были распущены единственно для того чтобы прервать узы добраго и полнаго согласія, установившагося между Франціей и Австріей...

Итакъ вся Европа понимаетъ и сама Франція не отрицаетъ, что въ глазахъ ея всякое сближеніе какой-либо державы съ Пруссіей имѣетъ значеніе разрыва съ Франціей. Съ своей стороны Берлинскій кабинетъ, понимая раздраженіе оскорбленной и униженной Франціи, не упускаетъ ни одного случая чтобы направить эту грозу на громовой отводъ Восточнаго вопроса... Самые слухи, пущенные изъ Берлина, о сближеніи Пруссіи съ Австріей „для совокупнаго дѣйствія на Востокѣ," какъ будто намекали, что на этой почвѣ Франція можетъ дружелюбно сойдтись съ Пруссіей. Въ ловкихъ рукахъ берлинской дипломатіи эти слухи были оружіемъ обоюдуострымъ: фальшивою приманкой для Франціи, столь же фальшивою и грубою угрозой для Россіи, дабы вынудить ее къ разнымъ уступкамъ въ ея внутренней политикѣ. Если въ данную минуту органы Берлинскаго кабинета поспѣшили опроверженіемъ этихъ толковъ, то они все-таки стараются подтвердить, что поводомъ къ возникшему говору о сближеніи Австріи съ Пруссіей было неудовольствіе послѣдней державы по поводу извѣстныхъ внутреннихъ вопросовъ Россіи, на которые въ Берлинѣ начинаютъ уже посматривать почти какъ на международные вопросы, подлежащіе контролю Пруссіи...

Къ осени ли 1868 г., къ веснѣ ли 1869 г., но вѣрно то, что нынѣ подготовляется повтореніе событій 1867 г., когда, благодаря внезапному обращенію къ Россіи, Франція была спасена отъ войны при самыхъ неблагопріятныхъ для нея обстоятельствахъ, а для христіанскаго востока блеснула было заря свободы. Но Франція, какъ извѣстно, не устояла.... Было все пущено въ ходъ для того чтобы между Россіей и Франціей не могло состояться никакого соглашенія. „И въ 1867, и въ 1868", воглашаютъ съ плохо скрытымъ восторгомъ всѣ нѣмецкія газеты, „отъ союза съ Россіей отказалась „Франція единственно изъ опасенія возбудить неудовольствіе Англіи..."

Итакъ, замышляетъ ли Франція покупку Люксембурга, ей преграждаетъ путь *veto* Пруссіи, поддержанное Англіей; задумываетъ ли Франція какой-нибудь Zollverein съ окружающими ее второстепенными державами, ее останавливаетъ *veto* Англіи, подпертое Пруссіей; рѣшается ли наконецъ Франція выступить на путь самостоятельной національной политики и подать руку Россіи и здѣсь останавливаетъ ее повелительное *veto* надменнаго Альбіона!

Франція, родина Іоанны д'Аркъ, Франція, нѣкогда горделивая, гдѣ же девизъ твой: „Jamais en France l'Anglais ne règnera?"

№ 168.

Москва, 2-го августа.

Въ одну изъ тѣхъ бурныхъ эпохъ, когда, среди всякаго рода неурядицъ, болѣзненному польскому патріотизму грезится миражъ возрожденія Рѣчи Посполитой, раздался слѣдующій варіантъ обычнаго вопля польской справы противъ виновниковъ ея пораженія: „Чиновники-реакціонеры, забывая самыя священныя права, нисколько не постигая потребностей времени и имѣя въ виду лишь свои мѣста и свои интересы, сумѣли, путемъ искусственной агитаціи, возбужденной во имя національности, исторгнуть у правительства" и пр. и пр. Читатели едва ли догадываются откуда заимствованы эти слова. Они, пожалуй, скажутъ намъ, что такъ говорятъ и такъ вопіютъ не одни Поляки, но и Русскіе, напримѣръ въ газетѣ *Вѣсть*, преисполненные желаніемъ „служить русскому дѣлу, какъ его понимаютъ." Пожалуй, намъ скажутъ даже, что приведенныя нами слова цѣликомъ выписаны изъ недавнихъ нумеровъ *Новаго Времени*. Дѣйствительно, мы сами спѣшимъ отдать полную справедливость примѣрному усердію, съ какимъ иныя газеты у насъ ратуютъ противъ чиновниковъ западнаго края, которые „забываютъ самыя священныя права," „не постигаютъ потребностей новаго времени," не имѣющаго ничего общаго съ тѣмъ временемъ, „когда наносились страшныя обиды *народному самолюбію* Поляковъ; — чиновниковъ которые озабочены

единственно своими „мѣстами“ и своими „интересами,“ и возбуждають наконецъ „искусственныя агитаціи,“ во „имя русской національности,“ дабы „исторгнуть у правительства“ всякаго рода несогласныя съ его политикой мѣры. Но на этотъ разъ приведенныя нами слова заимствованы не изъ русской газеты, а изъ польскаго документа.

Въ приведенной нами выдержкѣ фразу: „во имя національности“ слѣдуетъ дополнить словомъ „нѣмецкой“; и за тѣмъ вся выдержка заимствована изъ „протеста, „предъявленнаго 27-го апрѣля 1848 года „польскимъ національнымъ комитетомъ великаго герцогства Познанскаго противъ „декретовъ Прусскаго короля отъ 14-го и „26-го апрѣля того же года.“ *)

Итакъ что теперь говорится о русскихъ чиновникахъ западнаго края, съ указаніемъ что не этой-де „вольной дружинѣ“ совершить дѣло обрусенія, осуществимое лишь „историческимъ процессомъ,“ подобнымъ тому коимъ шла германизація Познани, все это точь въ точь говорилось Поляками о прусскихъ чиновникахъ, двигателяхъ того „историческаго процесса,“ предъ коимъ мы Русскіе приглашаемся пасовать. Мы уже имѣли случай говорить объ этомъ фетишѣ „историческаго процесса“ и о странномъ единогласіи его петербургскихъ поклонниковъ съ его главными врагами, польскими патріотами. Но знаютъ ли наши полонофилы до какой степени этотъ „историческій процессъ,“ которымъ они не могутъ налюбоваться, противоположенъ въ сущности всѣмъ ихъ ученіямъ? Вся ихъ система основана на вымышленной необходимости отодвигать на задній планъ политическую сторону польскихъ мечтаній, якобы безвредную или по крайней мѣрѣ гораздо менѣе опасную чѣмъ разрушительные принципы соціализма, прикрывающагося въ западномъ краѣ личиной защиты правъ русской національности. Естественнымъ выводомъ отсюда является, вопервыхъ, что надобно противодѣйствовать всѣми силами „извѣстнаго рода дѣятелямъ,“ то-есть главнымъ защитникамъ русскаго національнаго дѣла въ западномъ краѣ, клеймимымъ презрительною кличкой „вольной дружины;“ вовторыхъ, что надобно въ западномъ краѣ защищать землевладѣльцевъ, особенно крупныхъ, безъ различія ихъ національности, противъ нападокъ этой „вольной дружины.“ Что же оказывается? Вся эта аргументація есть простое воспроизведеніе того, что уже много разъ повторялось польскими патріотами въ самыхъ различныхъ обстоятельствахъ. „Насъ безпокоятъ не основныя начала, принятыя правительствомъ, а тѣ видоизмѣненія которымъ они подвергаются въ примѣненіи, проходя сквозь руки извѣстнаго рода дѣятелей.“ Такъ читали мы на дняхъ въ одной петербургской газетѣ. Не то ли же самое говоритъ познанскій протестъ, жалующійся на то, что забывающіе самыя священныя права чиновники исторгаютъ у правительства мѣры, якобы не согласныя съ его политикой? Но и Познанцы не сами это придумали. Эти жалобы—стародавняя уловка, повторяющаяся періодически, словно *corsi e ricorsi* Вико. „Люди благоразумные,“ писалъ въ 1811 г. князь Огинскій,**) „не обвиняя русскаго правительства, во всѣхъ бѣдственныхъ мѣрахъ сбрасывали гнусность ихъ на чиновниковъ...“ „Какъ мало чиновниковъ,“ присовокупляетъ онъ, „оправдали намѣренія правительства!“

Нынѣшнія петербургскія и виленскія разсужденія не что иное какъ буквальный переводъ тѣхъ аргументацій, помощью коихъ ретивый и искусный патріотъ, князь Огинскій, старался убѣдить императора Александра I, что для блага самой Россіи и „огражденія Литвы отъ *иностранныхъ* вліяній“—необходимо сліяніе всего западнаго края, превращеннаго въ королевство Польское, съ оторванными отъ него „Варшавцами.“ Совершенно также, и даже еще гораздо сильнѣе, выражался тотъ же Огинскій и о прусской „вольной дружинѣ,“ хранительницѣ секрета, именуемаго историческимъ процессомъ. Познанскіе помѣщики отзывались о прусскихъ чиновникахъ съ такою же безцеремонностью, съ какою западно-русскіе помѣщики съ польскимъ „народнымъ самолюбіемъ“ отзываются нынѣ о многогрѣшной русской „вольной дружинѣ...“

Но быть-можетъ отъ гоненій прусской „вольной дружины“ были изъяты въ Познани; по крайней мѣрѣ, „начала, созидавшія и охранявшія общественный порядокъ въ теченіе вѣковой работы исторіи“ т.-е. „начала консервативныя,“ олицетворе-

*) Angeberg. „Recueil des traités, conventions et „actes diplomatiques concernant la Pologne.“ 1762—1862.

**) Angeberg. La Pologne etc. p. 536, 537.

мыя, какъ извѣстно, крупнымъ землевладѣніемъ? Увы! даже и на этой почвѣ ожидаетъ насъ горькое разочарованіе! Система, лежащая со времени перваго раздѣла Польши въ основаніи прославляемаго прусскаго „историческаго процесса,“ именно и направлялась болѣе всего противъ крупныхъ польскихъ землевладѣльцевъ; она разчитывала для германизаціи края *единственно* на „среднее“ нѣмецкое землевладѣніе. Система эта, существовавшая съ самаго перваго надѣленія Пруссіи обломками распавшейся Польши, формулована въ слѣдующемъ указѣ короля Фридриха Вильгельма III:

„Государственному министерству.

„Берлинъ, 13 марта 1833 *).

„Предположенія, изложенныя въ рапор„тѣ коммиссіи, управляющей дѣлами вели„каго герцогства Познанскаго, отъ 4-го „числа с. м., нахожу Я вполнѣ соотвѣт„ствующими настоящему положенію. Я со„гласенъ чтобы при каждой продажѣ съ „публичнаго торга *такого рода* имѣній „главный презицентъ относился къ вамъ „съ предложеніемъ покупки, и Я разрѣ„шаю вамъ покупать *эти* имѣнія и про„давать ихъ покупщикамъ *нѣмецкаго про„исхожденія*. Я также нахожу нужнымъ „подтвердить вамъ, чтобы, согласно мѣст„нымъ условіямъ, *большія имѣнія были „раздробляемы на среднія* и продаваемы „*въ этомъ видѣ* покупщикамъ *нѣмецкаго „происхожденія*...“

Какъ видно, державный руководитель „историческаго процесса“ высказывалъ на этотъ счетъ, въ Познани, совсѣмъ иного рода убѣжденія чѣмъ *Новое Время*, которое не признаетъ нужнымъ допускать въ русскомъ западномъ краѣ различія между помѣщиками съ русскимъ „народнымъ самолюбіемъ,“ и помѣщиками съ польскимъ „народнымъ самолюбіемъ.“ Но на что не пріищутъ отвѣта вдохновляемые изворотливыми преемниками Огинскихъ и Старжинскихъ бравые органы, которые ухитряются ратовать и въ Вильнѣ, и въ Ригѣ, якобы въ пользу русскаго дѣла, именемъ „консервативныхъ началъ!“ Они, пожалуй, скажутъ, что Пруссія не получала отъ соціально-коммунистической революціи такихъ жестокихъ уроковъ какъ мы. Дѣйствительно, приведенный нами документъ изданъ въ 1833 г., когда о коммунизмѣ еще почти не было помину. Но едва минуло съ тѣхъ поръ 15 лѣтъ, какъ Пруссіи пришлось бороться въ 1848 г., въ самомъ Берлинѣ, съ соціальною революціей. Революціонный взрывъ произошелъ тогда и въ Познани, но, какъ всегда въ Польшѣ, его соціальныя стремленія подчинились тамъ тотчасъ же движенію политическому, руководимому аристократіей. Между тѣмъ обнаружилась въ Познани та мощная реакція нѣмецкой національности, которую Поляки, какъ сказано выше, называли „искусственною агитаціей,“ точь въ точь какъ выражаются нынѣ ихъ польско-русскіе преемники, говоря о настойчивой реакціи русской національности противъ истинныхъ причинъ бѣдствій 1863 года. Какъ у насъ, въ 1863 году, такъ силою этой реакціи задушена и въ 1848 году революціонная гидра въ Познани. Что же оказалось по миновании бури и возвращеніи въ свои берега взволнованнаго ею народнаго моря? Было ли замѣтно въ прусскомъ правительствѣ вліяніе дѣтскаго страха, омрачающаго разумъ людей на столько, чтобъ они теряли довѣріе къ своимъ защитникамъ, поражали своихъ союзниковъ и бросались въ объятія своихъ враговъ? Испугалось ли это правительство воспоминанія о разсѣянномъ имъ призракѣ соціальной революціи? Ничего этого въ Пруссіи не случилось: королевское повелѣніе отъ 13-го марта 1833 года продолжало служить основаніемъ „историческому процессу“ германизаціи Познани; попрежнему, крупное польское землевладѣніе продолжало дробиться на „среднія“ имѣнія, которыя попрежнему продолжали продаваться исключительно Нѣмцамъ, безо всякаго изъятія въ пользу Поляковъ; наконецъ сами Поляки, опять-таки попрежнему продолжали вопить предъ лицомъ „Европы и исторіи“ противъ *свирѣпыхъ* способовъ этого „историческаго процесса.“ **) Невозмутимая въ своемъ спокойствіи духа, германская національность продолжала свое разрушительное дѣйствіе противъ славянства, не уступая ему ни одной пяди изъ ребяческаго опасенія дать ходъ соціализму и коммунизму.

*) Angeberg. La Pologne. Ac. p. 952.

**) Angeberg. p. 1.103. Nous protestons contre les cruautés, les pillages, et les meurtres exercés contre nos concitoyens dans le grand-dusché du Posen,“ p. 1.106. Manifeste du comité national polonais du G. D. de Posen contre la conduite „atroce“ des autorités prussiennes.

Если въ Пруссіи польскія притязанія ничтожны, то причина этой ничтожности заключается въ томъ, что они не находятъ себѣ опоры ни въ прусскомъ обществѣ, ни въ прусскомъ правительствѣ. Пруссія на все смотритъ только прусскими глазами; во всемъ полагается только на прусскій патріотизмъ; на совѣты же, какъ на клеветы Поляковъ, якобы озабоченныхъ интересами Пруссіи и нѣмецкой національности, при случаѣ провозглашаемой или тоже ихъ родственницей, смотритъ она какъ на ложь, не заслуживающую ничего, кромѣ презрѣнія. Такъ, 1815 году, Пруссія отвернулась отъ генерала Косинскаго, вздумавшаго, указывая на примѣръ Россіи, убѣждать берлинское правительство, именемъ его-де собственныхъ интересовъ, въ необходимости создать отдѣльную польскую армію; такъ, въ 1848 году, Пруссія отвернулась отъ польскаго комитета и отъ Адама Чарторыйскаго, увѣщавшихъ ее къ оказанію „братскаго" довѣрія „братскимъ" чувствамъ Поляковъ къ Нѣмцамъ; она безъ церемоніи заказала въ 1848 году ротъ познанскимъ Полякамъ, когда они позволили себѣ оправдывать оказавшаго имъ послабленіе прусскаго генерала и клеветать на офиціальныхъ дѣятелей нѣмецкой народности въ Познани...

Такова истина насчетъ восхваляемаго „историческаго процесса" германизаціи Познани. Онъ есть не что иное какъ государство, утверждающее свое единство, и все его достоинство въ его послѣдовательности и еще въ томъ, чтобы національная борьба при этомъ оставалась свободною отъ вѣроисповѣдной примѣси. Съ Римомъ Пруссія вела дѣла такъ ловко, что не она заискивала въ Римѣ, а Римъ заискивалъ въ Берлинѣ. Эти отношенія остались въ силѣ даже теперь, послѣ того какъ Пруссія вступила въ союзъ съ Италіянскимъ королевствомъ.

№ 169.

Москва, 3-го августа.

По поводу трехъ резолюцій, принятыхъ въ Стокгольмѣ на первомъ засѣданіи шведскихъ журналистовъ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, съ свойственною ей ловкостью, дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія: „Это засѣданіе приняло, въ числѣ прочихъ резолюцію, чтобы журналы всѣхъ „политическихъ оттѣнковъ дружно содѣйствовали общей защитѣ противъ *извра-„щенія фактовъ*. Но вотъ, совершенно неожиданно обнаружилось, что само же засѣданіе стокгольмскихъ журналистовъ, „какъ видно, не очень озабочено соблюденіемъ своего собственнаго постановленія, такъ какъ слѣдующею за тѣмъ резолюціей опредѣляется, что впредь всѣ „извѣстія изъ Норвегіи, Даніи и Финляндіи будутъ помѣщаться подъ рубрикой „*Внутреннихъ извѣстій*. Развѣ приписывать странамъ совершенно не принадлежащія имъ свойства не есть *извращеніе „фактовъ*? Особенно относительно Финляндіи, эта странная резолюція не можетъ опираться даже на аргументъ *племеннаго родства*."

Душевно радуемся этому правдивому слову со стороны газеты служащей органомъ графу Бисмарку. Мы такъ дорожимъ подобными заявленіями, что спѣшимъ доставить означенной газетѣ и другіе случаи оказать еще болѣе справедливое безпристрастіе. Позади финляндскаго сепаратизма мы не находимъ на столько значительной національной силы, чтобъ она могла внушать намъ большое опасеніе за этотъ край, какъ бы отчужденный отъ насъ своимъ государственнымъ обособленіемъ. Еще съ большею радостію встрѣтили бы мы замѣчаніе *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, еслибъ оно относилось не къ безвреднымъ, хотя и заносчивымъ, фантазіямъ шведскихъ панскандинавистовъ,— о которыхъ мы очень мало заботимся—и не по поводу Финляндіи—мы вспоминаемъ, что она принадлежитъ Россіи только тогда, когда изъ сбора народныхъ пожертвованій удѣляемъ часть для облегченія нуждъ ея голодающихъ населеній,—но напримѣръ, къ берлинской сосѣдкѣ органа графа Бисмарка, *Крестовой Газетѣ*, и по поводу балтійскаго поморья, этого крѣпкаго достоянія Россіи. Нѣтъ сомнѣнія, что на этой почвѣ прусская офиціозная газета имѣла бы еще болѣе основанія, чѣмъ въ Финляндіи, отрицать у враждебной намъ печати всякое право на аргументъ „племеннаго родства," вооружась которымъ, такъ усердно ратуютъ противъ насъ, по отношенію къ русскимъ балтійскимъ губерніямъ, и *Крестовая Газета*, и *Кельнская Газета*, и аугсбургская *Allgemeine Zeitung*, и *National-Zeitung*, вы-

сылая противъ насъ фланкерами нѣмецкой національности отчаянныхъ джигитовъ *Königsberger-Zeitung* и *Ostsee-Zeitung*, а также подъ сѣнью прусскаго гостепріимства, остзейскій г. Герценъ,—г. Бокъ,— въ своемъ берлинскомъ *Колоколѣ*,—*Lievländische Beiträge*. Вся эта стройная армія, за исключеніемъ развѣ одной южно-германской *Allgemeine Zeitung*, какъ мы замѣчали на дняхъ, доставила блестящія доказательства своего догадливаго послушанія сигналамъ невидимаго главнокомандующаго, по поводу замѣчательныхъ эволюцій только что прекратившейся нынѣ кампаніи австро-прусскаго союза. Намъ сдается, что серіознаго слова *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* было бы достаточно, чтобы вызвать не менѣе искусныя эволюціи этой арміи, которая съ недавняго времени чинитъ безпрестанные набѣги въ область Россіи... Для пусской офиціозной газеты вымолвить это *серіозное* слово было бы тѣмъ легче и приличнѣе, что для этого ей стоило бы только воспроизвесть торжествено заявленное въ прошломъ году ея знаменитымъ внушителемъ весьма справедливое замѣчаніе, что чисто-нѣмецкое населеніе нашего прибалтійскаго побережья относится къ не-нѣмецкому, какъ *одинъ* къ *тысячѣ*. Это слово, еслибъ оно только было вымолвлено *серіозно*, оказалось бы, безъ сомнѣнія, тѣмъ болѣе дѣйствительнымъ, что, напримѣръ, *Крестовая Газета*, какъ слышно, далеко не нуждается тѣхъ же вдохновеній, которымъ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* обязана всѣмъ своимъ значеніемъ въ европейской печати, и что въ 1866 году, когда для Пруссіи было чрезвычайно важно, чтобы подобныя заявленія принимались въ Россіи *серіозно*, нѣсколько словъ, сказанныхъ въ этомъ смыслѣ личнымъ органомъ графа Бисмарка, немедленно были не только воспроизведены, но и съ усердіемъ комментированы всѣми безъ исключенія прусскими газетами, особенно же *Крестовою* и *Кельнскою*...

Признаемся, мы давно ожидали со стороны личнаго органа графа Бисмарка хоть одного слова въ опроверженіе систематическихъ клеветъ на Россію и еще болѣе систематическаго поджигательства стремленій неумѣстнаго и фальшиваго въ Россіи нѣмецкаго патріотизма. Мы находили этому ожиданію полное основаніе, вспоминая съ какою мѣткою ироніей *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* трунила въ 1866 году надъ нашими опасеніями, съ какимъ глубокимъ знаніемъ дѣла она успокоивала насъ „краснорѣчіемъ цифръ!“ Но мы находили и другое основаніе тому, вспоминая, какъ сказано выше, съ какою энергіей самъ графъ Бисмаркъ отвергъ въ 1867 году нелѣпыя притязанія г. Лёве вступаться за нѣмецкую національность въ Россіи. Но все это происходило въ 1866 и 1867 годахъ, какъ будто подъ вліяніемъ всѣмъ извѣстныхъ обстоятельствъ того времени... Въ 1868 дѣла принимають иной оборотъ, отношенія Россіи къ Пруссіи опредѣлились точнѣе, а отношенія Россіи къ Франціи, вслѣдствіе того, сдѣлались натянуты,—и вотъ крики о гоненіяхъ на протестантскую вѣру, на несправедливость и насилія русскаго правительства относительно нѣмецкаго элемента, о безнравственности и безправіи принимаемыхъ Россіей мѣръ внезапно стали, съ конца минувшей зимы, какъ бы неизмѣннымъ лозунгомъ газетъ, состоящихъ непосредственно подъ рукой берлинскаго правительства, которое по этой части не очень церемонится, какъ оно и показало закрытіемъ, *въ одинъ день*, трехъ газетъ въ городѣ Фленсбургѣ. *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* безмолвствуетъ посреди этого оглушительнаго, хотя и весьма стройнаго хора всей плеяды нѣмецкой журналистики, поставившей себѣ задачей пропаганду нѣмецкаго сепаратизма въ Россіи, и эта никакою нелѣпостію не возмутимая молчаливость невольно напоминаетъ намъ, что и самъ графъ Бисмаркъ, столь опредѣленно высказавшійся въ 1867 году о безсмысліи притязаній на достояніе Россіи пангерманистовъ прусскаго парламента, не призналъ нужнымъ въ 1868 вымолвить хоть слово въ опроверженіе опасеній, внушаемыхъ этими самыми притязаніями южанамъ всегерманскаго пошлиннаго парламента... Это молчаніе показалось и въ Россіи, и во всей Европѣ тѣмъ болѣе знаменательнымъ, что самъ президентъ, съ совершенно несвойственною ему запальчивостью, торжественно отрицалъ всякое право Пруссіи и на малѣйшій клочекъ нѣмецкой земли, принадлежащей Франціи, но воздержался отъ подобнаго отрицанія по отношенію къ русской государственной территоріи.

Заботясь о спицѣ въ глазѣ своего отдаленнаго, заморскаго сосѣда, *Norddeut-*

sche Allgemeine Zeitung, не замѣчать, въ своемъ собственномъ глазѣ, не только бревна,—и такого толстаго, какъ *Крестовая Газета*,—но и цѣлаго окружающаго ее лѣса газетъ, всевозможныхъ политическихъ оттѣнковъ, безусловно согласныхъ между собою лишь въ двухъ отношеніяхъ: въ своей смиренной осторожности относительно Франціи и въ своей невыносимой дерзости относительно Россіи... Намъ кажется болѣе чѣмъ сомнительнымъ, чтобы приведенная нами внезапная выходка *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* умѣрила сколько-нибудь беззастѣнчивость пыла антирусской пропаганды въ нѣмецкой печати. Признаемся чистосердечно: мы даже далеко не увѣрены, чтобы такова была цѣль приведеннаго нами *entre filet* офиціозной прусской газеты противъ панскандинавскаго увлеченія шведскихъ журналистовъ. Мы не поручимся даже, не готовятся ли уже въ *Крестовой Газетѣ*,—какъ бы для уравновѣшенія того незначительнаго вліянія, какое этотъ *entre-filet* могъ бы оказать въ пользу Россіи на нѣкоторыхъ болѣе наивныхъ Нѣмцевъ,—какіе-нибудь новые громы противъ угнетеній, якобы выносимыхъ нѣмецкою національностью и лютеранскою вѣрой въ новоизобрѣтенной *Gesammt-Lievland*, сплоченной воедино волей г. Бека, подъ воскрыліемъ прусскаго орла...

№ 170.

Москва, 5-го августа.

Сегодня хотимъ мы обратить вниманіе публики на одинъ изъ скандаловъ нашей общественной жизни. Рѣчь наша коснется печати.

Печать у насъ въ настоящее время уже не случайность. Теперь это есть опредѣленное существованіе, особая сфера общественной дѣятельности, признанная закономъ и имѣющая свои точно-обозначенныя права и обязанности. Значеніе печати ростетъ у насъ съ каждымъ днемъ; ея свойства и задачи разъясняются на дѣлѣ и опытѣ все болѣе и болѣе. Это фактъ уже вполнѣ обозначившійся, и всякая возникающая въ немъ неправильность заслуживаетъ серіознаго вниманія. Что прежде могло казаться извинительнымъ по неясности дѣла, то теперь было бы сознательнымъ нарушеніемъ справедливости, завѣдомымъ злоупотребленіемъ. Въ прежнее время правительственныя лица и вѣдомства считали, напримѣръ, въ порядкѣ вещей содержать на казенный счетъ частныя изданія или насильно навязывать читающему люду сужденія нѣкоторыхъ пишущихъ лицъ. Такимъ образомъ нѣкоторыя мнѣнія получали форсированный ходъ, нѣкоторыя сужденія искусственно или насильственно распространялись въ публикѣ, нѣкоторымъ интересамъ приносились въ жертву интересы казны и частныхъ лицъ, общественная польза и справедливость. Быть-можетъ мнѣнія, которыя призывались такимъ образомъ къ жизни и дѣйствію, особенно соотвѣтствовали видамъ правительства? Быть-можетъ изданія, которыя получали такимъ образомъ существованіе изъ средствъ казны, служили органами какихъ-либо партій въ правительственныхъ сферахъ или какихъ-либо лицъ облеченныхъ властію, а эти партіи и лица, пользуясь возможностію располагать казенными средствами, употребляли ихъ на то, чтобы настраивать общественное мнѣніе по своему усмотрѣнію? Но всѣмъ извѣстно, что правительство, въ собственномъ смыслѣ этого слова, не имѣло ничего общаго съ сужденіями, которыя, въ подобныхъ изданіяхъ высказывались, и которыя весьма часто находились въ крайней противоположности какъ съ интересами правительства, такъ и съ его ясно выраженною волей. Весьма нерѣдко изданія эти становились центромъ усилій противъ самихъ предположеній и начинаній правительства, и служили средствомъ къ тому, чтобы, съ одной стороны, обманывать публику своею близостью къ официальнымъ сферамъ, а съ другой, вводить въ заблужденіе правительство призракомъ общественнаго мнѣнія, котораго они были фальшивыми представителями. Правительственныя партіи? Но могутъ ли быть у насъ *правительственныя* партіи? Нечего таить грѣха: вездѣ гдѣ сходятся люди,—и въ правительственныхъ сферахъ, быть-можетъ, болѣе чѣмъ гдѣ-нибудь,—могутъ возникать болѣе или менѣе значительныя разногласія во мнѣніяхъ и направленіяхъ, хотя разногласія эти ни въ какомъ случаѣ не могутъ выходить за предѣлы общаго для всѣхъ равно обязательнаго дѣла государственной пользы. Но какого бы свойства ни были эти партіи, именно то въ чемъ заключается принципъ су-

ществованія каждой, то въ чемъ состоятъ ея разности съ другими, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть дѣломъ правительственнымъ, а есть интересъ въ такой же силѣ частный, какъ и всякій другой, и потому не имѣетъ права прибѣгать къ пособіямъ казны для достиженія своихъ цѣлей, какъ бы ни казались онѣ полезными. Правительственное лицо, какъ и всякое другое, можетъ имѣть *свои* мнѣнія о разныхъ предметахъ какъ относящихся, такъ и не относящихся къ государственному управленію; оно, безъ сомнѣнія, имѣетъ право желать, чтобъ раздѣляемыя имъ мнѣнія имѣли ходъ и перевѣсъ надъ другими. Но ему, какъ и всякому другому, предоставляется заботиться объ этомъ своимъ личнымъ усердіемъ и на свой собственный счетъ, безо всякой примѣси правительственнаго авторитета, безъ помощи прямыхъ или косвенныхъ мѣръ, какія могутъ находиться въ распоряженіи власти, ибо всякія такія мѣры были бы въ этомъ случаѣ превышеніемъ власти. Однако, что ясно и строго разграничивается въ теоріи, то въ сумятицѣ практики не всегда можетъ быть доведено до желанной чистоты. Мы готовы допустить, что, и при самыхъ лучшихъ условіяхъ, могутъ быть на практикѣ добросовѣстныя отступленія отъ правила; но допуская это, мы спрашиваемъ, частныя изданія съ правительственными пособіями были ли дѣйствительно и во всѣхъ отношеніяхъ органами тѣхъ или другихъ правительственныхъ лицъ, которыя, по крайней мѣрѣ своею извѣстностію и достоинствомъ своего положенія, гарантировали бы достоинство мнѣній, коихъ эти изданія были проводниками?

Говоря объ изданіяхъ, мы разумѣемъ исключительно тѣ, что обозначаются совокупнымъ именемъ *печати*, имѣющей и призваніе, и право произносить сужденія обо всѣхъ современныхъ вопросахъ въ установленныхъ закономъ предѣлахъ; мы не относимъ сюда изданій спеціальныхъ, чисто ученыхъ, и вообще свободныхъ отъ современныхъ политическихъ или общественныхъ тенденцій. Правительственныя вѣдомства и лица могутъ, съ большею или меньшею пользой, предоставлять казенныя пособія на изданіе подобныхъ трудовъ, по зрѣлой и справедливой оцѣнкѣ ихъ достоинства, въ интересѣ просвѣщенія и науки, соблюдая при томъ всякую осторожность, чтобы не стѣснить другихъ подобныхъ трудовъ и не породить монополіи, всегда болѣе вредной, чѣмъ полезной для дѣла. Оговорившись такимъ образомъ, мы повторяемъ вопросъ: были ли органами какихъ-либо правительственныхъ лицъ всѣ тѣ періодическія изданія, которыя пользовались казенными пособіями и судили самымъ опредѣленнымъ образомъ обо всѣхъ современныхъ предметахъ, начиная отъ испанскихъ дѣлъ до пляски канкана у Излера? Безъ сомнѣнія нѣтъ, и еслибы кто вздумалъ сомнѣваться въ этомъ, то мы можемъ представить доказательства устраняющія всякое сомнѣніе. Правительственныя вѣдомства и лица сами, когда возникалъ вопросъ, не разъ печатно отвѣчали, что они не имѣютъ ничего общаго ни съ направленіемъ этихъ газетъ, ни съ отдѣльными сужденіями, которыя находили въ нихъ мѣсто. Они объявляли, что имѣютъ въ покровительствуемыхъ ими изданіяхъ только извѣстный, офиціально принадлежащій имъ отдѣлъ, и отклоняли отъ себя всякую отвѣтственность за все что помѣщалось внѣ извѣстной черты. Такимъ образомъ публика получала удостовѣреніе, что мнѣніе газеты въ ея передовыхъ статьяхъ и фельетонахъ не имѣютъ офиціальнаго характера. Но, къ сожалѣнію, скандалъ этимъ не прекращался, а усиливался. Люди мыслящіе не могли не дивиться магическому свойству, которое офиціально приписывалось типографской линейкѣ въ листѣ газеты. Если правительственныя вѣдомства и лица не могли принять на себя отвѣтственность за сужденія господъ пишущихъ въ газетѣ, если они не могли одобрить общее направленіе этихъ сужденій и нерѣдко должны были съ негодованіемъ отрекаться отъ нихъ (чему бывали примѣры), — то въ какихъ же видахъ сообщался этимъ сужденіямъ и мнѣніямъ форсированный ходъ?

Отъ общихъ соображеній перейдемъ теперь къ индивидуальному случаю.

Лѣтъ за шесть предъ симъ, покойный литераторъ, Н. Ф. Павловъ, получивъ право на изданіе въ Москвѣ газеты, исходатайствовалъ чрезвычайныя на этомъ предметъ правительственныя пособія. Почта взялась разсылать его газету почти даромъ, а министръ внутреннихъ дѣлъ предписалъ губернаторамъ обязать безотвѣтныя крестьянскія общества подписываться на нее. Судя по свойству этихъ временнообязанныхъ читателей, повидимому, имѣ-

лось въ виду такими чрезвычайными средствами дать ходъ изданію предназначенному исключительно для простаго народа, для люда малограмотнаго и бѣднаго. Многое можно было бы сказать противъ такихъ чрезвычайныхъ мѣръ въ пользу частнаго изданія даже при такомъ специальномъ назначеніи. Еслибъ имѣлся въ виду интересъ крестьянскихъ обществъ и предполагалось распространить сферу публичности поглубже въ народъ, то справедливость требовала не навязывать крестьянскимъ обществамъ одну какую-нибудь газету, а предоставить всѣмъ подобнымъ изданіямъ равную льготу, явственно обозначивъ при этомъ ихъ характеръ и размѣръ ихъ программы. Изданія этого рода, еслибъ имъ была предоставлена какая-нибудь общая льгота, должны были бы существенно отличаться отъ всѣхъ, кои по своему характеру не могли бы въ этой льготѣ участвовать. Программа народной газеты, съ вышесказанною специальною льготой, есть дѣло всѣмъ извѣстное и простое. Кругъ предметовъ, коихъ она призвана касаться, и способъ, какимъ она должна трактовать ихъ, ясны сами собой. Такія изданія съ особенными правительственными льготами и специальнымъ назначеніемъ не могутъ, конечно, конкуррировать съ другими въ сужденіяхъ, а тѣмъ менѣе дозволять себѣ выходящую изъ ихъ сферы полемику.

Но вскорѣ оказалось, что газета, о которой начали мы рѣчь, вовсе не такъ понимала свою задачу; она съ самаго начала совпала на общую программу всѣхъ литературно-политическихъ изданій. Пользуясь вышесказанными чрезвычайными условіями, которыя сразу обезпечили ея существованіе большимъ капиталомъ собраннымъ изъ крестьянскихъ кошелей, она стала органомъ личныхъ мнѣній, личныхъ интересовъ и иногда самолюбій не имѣющихъ ничего общаго ни съ казной, ни съ крестьянами. При даровой разсылкѣ своихъ экземпляровъ, при значительномъ капиталѣ, съ избыткомъ обезпечившимъ ея существованіе, она могла предлагать листки свои за крайне дешевую цѣну и прокладывать себѣ пути въ разныхъ слояхъ читающей публики. Съ самаго начала оказалось у ней громадное число читателей, отчасти вынужденныхъ властями, отчасти привлеченныхъ крайнею дешевизной.

По смерти основателя этой газеты и по переходѣ ея въ руки нынѣшняго издателя, обязательная подписка, уже достаточно обезпечившая ея существованіе, была отмѣнена, но почтовая льгота осталась. Льгота эта остается за нею и до сихъ поръ. За разсылку ежедневныхъ газетъ почта взимаетъ съ каждаго экземпляра, по установленной таксѣ, 3 руб. сер. Если предположить, что *Русскія Вѣдомости*, о коихъ идетъ рѣчь, расходятся теперь не болѣе какъ въ числѣ десяти или двѣнадцати тысячъ экземпляровъ, то окажется, что казна жертвуетъ на это изданіе, въ видѣ почтовой льготы, около тридцати тысячъ р. с. Въ это же самое время казна получаетъ съ насъ за право изданія *Московскихъ Вѣдомостей* сумму *вдвое* превосходящую ту что она получала до поступленія этой газеты въ наши руки. Почтовое же вѣдомство взимаетъ за наши изданія, въ совокупности, тысячъ тридцать въ годъ только за разсылку по трактамъ. Что же выходитъ? Выходитъ что правительство беретъ у нашей газеты за почтовую разсылку тридцать тысячъ руб. сер., и передаетъ ихъ издателю *Русскихъ Вѣдомостей*, для удешевленія его изданія, между тѣмъ какъ подписная цѣна *Московскихъ Вѣдомостей* понижена быть не можетъ, ибо казна, еще сверхъ того, взимаетъ съ нихъ, по контракту, деньгами и сервитутами до 80 тысячъ рублей въ годъ.

Ни при покойномъ Павловѣ, ни въ послѣдствіи мы не предъявляли никакой претензіи по этому поводу, хотя, быть-можетъ, имѣли бы на это право. Мы принимали изданіе *Московскихъ Вѣдомостей*, когда онѣ не имѣли семи тысячъ подписчиковъ, а для того чтобы вести это изданіе, при условіяхъ заключеннаго нами съ казной контракта, требовалось отъ девяти до десяти тысячъ подписчиковъ. Для печати наступала новая, лучшая пора, и необходимо было предвидѣть усиленное развитіе конкурренціи, которая чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе должна была отягчать и трудъ, и издержки изданія. Малѣйшая несостоятельность подвергала издателей опасности разоренія. И вотъ казна, требуя отъ нихъ точнаго соблюденія всѣхъ условій, получая съ нихъ болѣе ста тысячъ въ годъ доходу, за изданіе и за почтовую разсылку, въ то же время предоставляетъ взимаемыя съ нихъ деньги на искусственное усиленіе конкурренціи, съ которою они должны бороться; этого мало:

правительственною властью масса читателей (не всегда изъ крестьянъ, но и изъ другихъ сословій) обязательно притягивалась къ разнымъ изданіямъ, которыя имѣютъ общую съ *Московскими Вѣдомостями* программу.

Но мы оставляемъ въ сторонѣ собственно матеріальный вопросъ; мы коснулись его только для того чтобы представить полную характеристику дѣла, о коемъ ведемъ рѣчь. Мы переходимъ къ факту болѣе серіозному въ нравственномъ нежели въ матеріальномъ отношеніи.

Читателямъ извѣстно, что газета, о которой мы заговорили, явилась въ недавнее время самымъ ревностнымъ орудіемъ агитаціи поднятой противъ Московскаго университета нѣкоторыми изъ его членовъ. Она посвящала свои столбцы самымъ ожесточеннымъ выходкамъ противъ совѣта Московскаго университета, его ректора, его членовъ, наконецъ противъ насъ, когда мы были вынуждены вступиться въ этотъ вопросъ, ставшій предметомъ публичныхъ толковъ. Забывая свое происхожденіе и характеръ того круга читателей, на который главнымъ образомъ изданіе этой газеты разсчитано, она выпускала нумера, столбцы коихъ были сплошь заняты этой исторіей. Сидѣльцамъ за прилавками и посѣтителямъ харчевенъ иногда приходилось довольствоваться одною университетскою солью гг. Дмитріева и Ко безъ кусочка хлѣба.

Почему *Русскія Вѣдомости* стали органомъ извѣстной университетской партіи, преимущественно предъ всѣми другими изданіями, изъ коихъ иныя также судили объ этомъ дѣлѣ, но ни одно не поравнялось ревностію съ *Русскими Вѣдомостями*? Какія бы отношенія или личные интересы ни связывали редакцію этой газеты съ героями университетской исторіи, ея публикѣ до этого нѣтъ дѣла. Говорятъ, что она обязана своимъ благополучіемъ именно тѣмъ лицамъ, за которыхъ она такъ горячо вступалась и которыя будто бы первоначально исходатайствовали пособія и льготы, давшія ей существованіе. Пусть такъ; пусть даже эти лица дали ей денегъ изъ собственнаго кармана: почтеннымъ чувствомъ благодарности не могутъ быть оправданы столь неприличныя выходки и столь безцеремонное искаженіе истины, какими она ознаменовала себя въ вопросѣ, доступномъ лишь для нѣкоторыхъ общественныхъ сферъ. Не только явно умышленное извращеніе фактовъ, но даже и добросовѣстное одностороннее изложеніе дѣла было бы нравственно не дозволительно ей въ виду той публики, къ которой она преимущественно обращается, и которая, не имѣя способа провѣрить дѣло изъ другихъ источниковъ и представить себѣ отчетливо его значеніе, можетъ удерживать въ своей памяти только слова ругательства и поношенія, соединенныя въ ея столбцахъ съ нѣкоторыми именами.

Въ послѣдней статьѣ своей по этому предмету, появившейся за нѣсколько дней предъ симъ, *Русскія Вѣдомости* превзошли самихъ себя. Это съ перваго слова до послѣдняго есть ругательство на университетъ, а главнымъ образомъ на насъ за объяснительную статью нашу, помѣщенную въ послѣдней книжкѣ *Русскаго Вѣстника*. *) Почтенная редакція означенной газеты договорилась между прочимъ до того, что мы будто бы этою статьею хотѣли подкупить правленіе университета, по случаю приближающагося срока нашему контракту, въ надеждѣ выманить себѣ болѣе льготныя на будущее время условія. Въ этомъ низкомъ намекѣ нѣтъ ни слова не только правды, но и правдоподобія. Контрактъ, въ силу коего мы владѣемъ *Московскими Вѣдомостями*, заключенъ на двѣнадцать лѣтъ, и до истеченія его срока остается еще болѣе шести лѣтъ. Контрактъ этотъ не есть частное дѣло университета, а утвержденъ съ Высочайшаго соизволенія министерствомъ народнаго просвѣщенія. Ни правленіе, ни совѣтъ университета не имѣютъ права сдѣлать въ немъ ни малѣйшей перемѣны. Можно ли, въ полемическихъ видахъ, выводить столь тяжкое и столь напрасное нареканіе не только на частныхъ лицъ, но на цѣлое учрежденіе въ его представителяхъ, и притомъ предъ публикой лишенной возможности разобрать въ чемъ тутъ дѣло?

---

*) Для упомянутой статьи нашей, помѣщенной въ № 6 *Русскаго Вѣстника*, по свойству ея предмета, мы находили достаточною болѣе ограниченную сферу гласности; но уступая желанію многихъ членовъ университета, мы при первой возможности дадимъ ей мѣсто, съ нѣкоторыми поясненіями и дополненіями, въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, какъ изданіи принадлежащемъ университету.

Что касается до насъ лично, то мы привыкли къ ругательствамъ и поношеніямъ и остаемся совершенно къ нимъ равнодушны, изъ какого бы источника они не выходили. Читателямъ нашимъ извѣстно, что мы не только не прибѣгали къ средствамъ, которыя предоставляетъ законъ для оскорбляемыхъ печатью, но и никогда не сѣтовали на его злоупотребленія, по скольку они относились къ намъ лично. Мы такъ высоко цѣнимъ свободу печати, что охотно готовы переносить на себѣ всѣ ея злоупотребленія. Публичная дѣятельность обязываетъ, она должна ставить людей выше всякихъ оскорбленій личнаго самолюбія. Припомнимъ мимоходомъ ожесточенный пасквиль, котораго мы были предметомъ въ одномъ изъ петербургскихъ большихъ изданій. Авторъ этой статьи былъ позванъ къ суду, но не нами и не за насъ; мы же, одни въ печати, явились защитниками ея автора, ограждая свободу слова даже въ ея злоупотребленіяхъ и считая себя тѣмъ болѣе въ правѣ на это, что именно мы были въ этомъ случаѣ предметомъ злоупотребленій, — за что подверглись новымъ поношеніямъ, со стороны противной партіи.

Но если мы не сѣтуемъ на злоупотребленія свободы печати, то считаемъ своимъ долгомъ громко протестовать противъ злоупотребленія правительственными пособіями. Пусть оспариваютъ наши мнѣнія, пусть поносятъ нашъ характеръ, пусть осыпаютъ насъ ругательствами, но пусть все это дѣлается не на казенный счетъ. Пусть все это предоставляется усердію и средствамъ частныхъ лицъ, кружковъ, партій, пожалуй сословій. Мы не можемъ допустить только того, чтобы партіи и частныя лица ругали насъ или оспаривали наши мнѣнія на счетъ казны Россійской Имперіи.

Въ *Русскихъ Вѣдомостяхъ* обвиняютъ насъ въ намѣреніи подкупить нашими статьями правленіе Московскаго университета. Недавно польскими органами распущенъ былъ по свѣту слухъ будто намъ, якобы за услуги наши по польскому вопросу, отведено правительствомъ одно изъ конфискованныхъ имѣній въ Ковенской губерніи. Вотъ два добрыя о насъ извѣстія: какая же разница между ними? Разница та, что послѣднее сочинено и пущено въ ходъ усердіемъ польской эмиграціи, что всѣмъ вѣдомо; а первое усердіемъ органа, созданнаго и распространяемаго русскимъ правительствомъ, что также всѣмъ вѣдомо.

Никто не можетъ сѣтовать на нынѣшнюю администрацію внутреннихъ дѣлъ или на нынѣшнее почтовое управленіе за раздачу казенныхъ пособій. Лица стоящія во главѣ этой администраціи были призваны къ своему посту въ текущемъ году, и на нихъ не можетъ падать отвѣтственность за неправильности, какія могли бы оказаться въ переданномъ имъ положеніи дѣлъ. Мы понимаемъ, что почтовыя льготы, предоставляемыя нѣкоторымъ изданіямъ, не могутъ быть отняты у нихъ до истеченія года; но имѣемъ основаніе полагать, что при нынѣшней администраціи, которой просвѣщенные взгляды на этотъ предметъ намъ достаточно извѣстны, не возобновятся неправильности допущенныя прежде въ этомъ отношеніи.

Тѣмъ не менѣе, мы беремъ смѣлость по дѣлу, происходившему публично, также публично обратить вниманіе подлежащихъ властей на скандалъ, къ которому, мы думаемъ, не могутъ онѣ оставаться равнодушны. Пусть казенныя пособія, въ видѣ ли почтовой льготы, или иначе, временно остаются за частными изданіями, которыя ими пользуются; но нельзя не признать, что власти, отъ которыхъ эти изданія получаютъ пособія, отвѣтствуютъ за ихъ поведеніе.

Извѣстно, что издатель *Русскихъ Вѣдомостей* неоднократно былъ подъ судомъ и подвергался по суду взысканію за оскорбленія частныхъ лицъ, нанесенныя въ его газетѣ, и которымъ бы они не подверглись если бы не было этой газеты, созданной и поддерживаемой правительствомъ.

Нельзя допустить, чтобы въ пріютахъ и богадѣльняхъ, содержимыхъ правительствомъ, проживали люди, которые промышляли бы скандаломъ, или открыто служили орудіемъ для личныхъ *вендеттъ*. Это даже въ предположеніи не можетъ быть допущено; какъ же въ печати можетъ быть допускаемо это на дѣлѣ?

Если бы можно было думать, что полемика, которой былъ предметомъ Московскій университетъ въ вышеупомянутой газетѣ, есть выраженіе глухой борьбы между двумя правительственными вѣдомствами, — между министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и министерствомъ народнаго просвѣщенія, между почтовымъ департамен-

томъ и университетомъ,—то мы бы знали, съ чѣмъ имѣемъ дѣло, и постарались бы избрать соотвѣтственный тому образъ дѣйствій. Тогда мы сочли бы себя обязанными дать вѣсъ каждому слову этой полемики, и не считали бы постыднымъ для себя или недостойнымъ вниманія публики пускаться во всѣ ея извороты. Намъ приходилось бы считаться не съ неизвѣстными рыцарями, а съ важнымъ и тревожнымъ общественнымъ вопросомъ. Но всякое предположеніе, что эта полемика имѣетъ хотя сколько-нибудь офиціозный характеръ, было бы хуже чѣмъ нелѣпостію. Однако остается скандалъ, что частные люди, кто бы они ни были, на казенный счетъ позорятъ въ публикѣ общественныя учрежденія и съ пособіемъ правительства злословятъ мирныхъ граждань.

Люди живущіе общественнымъ подаяніемъ должны по крайней мѣрѣ вести себя прилично и не попадаться на улицѣ въ нетрезвомъ видѣ. Чѣмъ болѣе свободы предоставляется публикѣ какъ въ печати, такъ и въ другихъ сферахъ, тѣмъ лучше, но въ порядкѣ вещей, чтобы за своими пансіонерами подлежащія власти имѣли строгій надзоръ.

№ 171.

Москва, 7-го августа.

Политическая система столь торжественно провозглашенная и съ такимъ страстнымъ усердіемъ приводимая въ дѣйствіе маркизомъ Мутье на Востокѣ, система, основанная на сліяніи разныхъ національностей Оттоманской имперіи, на сосредоточеніи власти въ рукахъ турецкихъ министровъ, и на возрожденіи подданныхъ султана посредствомъ распространенія между ними западной цивилизаціи, оказывается съ каждымъ днемъ все менѣе состоятельною. Вскорѣ, повидимому, ее придется присоединить ко многочисленнымъ неудачнымъ импровизаціямъ Тюльерійскаго кабинета. Нельзя однако утверждать, чтобы французское правительство встрѣтило какія-нибудь препятствія при этихъ опытахъ in anima vili, которыми оно занимается уже болѣе года. Порта была такъ заинтересована въ успѣхѣ этихъ опытовъ, что не имѣла надобности препятствовать имъ. Паши Фуадъ и Аали охотно и съ примѣрною покорностью содѣйствовали имъ, и самъ султанъ говорилъ и дѣлалъ все что ему диктовали. Французскій посолъ пользовался въ Константинополѣ истинною диктатурой. Онъ полновластно раздавалъ въ Турціи министерскіе портфели; по собственному произволу назначалъ и отставлялъ даже низшихъ чиновниковъ, не только провинціальныхъ губернаторовъ, профессоровъ и школьныхъ учителей. Полновластіе г-на Бурре не было стѣснено даже дипломатическимъ соперничествомъ, и лишь опытные въ политикѣ люди могли разсмотрѣть за этою блестящею обстановкой руководящее вліяніе его британскаго товарища, который, вѣрный системѣ сдержанности, усвоенной англійскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, довольствовался самою скромною съ перваго взгляда ролью. Онъ обнаруживалъ свое присутствіе единственно тѣмъ, что поддерживалъ совѣты французскаго посла, предоставляя его отвѣтственности сомнительные эксперименты, а на свою долю приберегая болѣе серіозные случаи, каково напримѣръ сепаратное обращеніе Кандіотовъ къ королевѣ Викторіи. Что касается до нашего посла, то заявивъ откровенно мысль Россійскаго кабинета, какъ она выражена въ меморандумѣ князя Горчакова, и отрекшись отъ всякой отвѣтственности за послѣдствія упомянутыхъ экспериментовъ, онъ остался — сообразно нашимъ интересамъ и нашему достоинству—въ положеніи безучастнаго, хотя и зоркаго наблюдателя за этимъ своего рода „историческимъ процессомъ." Онъ даже отлучался на довольно долгое время изъ Константинополя, какъ бы говоря г-ну Бурре: „Дѣлайте что вамъ угодно, любезный товарищъ, и убѣдитесь собственнымъ опытомъ въ практической неисполнимости вашихъ химерическихъ идей."

Г. Бурре кроилъ, паялъ, рубилъ, вязалъ, прививалъ, трудился всѣми силами, и вотъ результаты, которыхъ онъ достигъ.

Мы уже упоминали въ предыдущемъ нумерѣ о событіи въ Скутари, тѣмъ болѣе замѣчательномъ, что французскія власти именно при этомъ случаѣ надѣялись засвидѣтельствовать предъ всемъ міромъ объ успѣхахъ Турокъ въ человѣколюбіи и вѣротерпимости. Считаемъ не лишнимъ остановиться на характеристическихъ подробностяхъ этого дѣла. Въ окрестностяхъ Скутари умеръ одинъ старшина Мирдитовъ, римско-католическаго исповѣданія; ему устро-

или пышныя похороны, и о нихъ мы читаемъ въ *Монитёрѣ* отъ 9-го августа: „.....Среди грубаго населенія, коего фанатизмъ такъ еще силенъ, что во многихъ мѣстностяхъ христіане вовсе не имѣютъ церквей, сбѣжавшаяся на похороны „толпа видѣла какъ въ совершенномъ порядкѣ проходила длинная католическая „процессія, предшествуемая и сопровождаемая музыкантами и сильнымъ отрядомъ „Оттоманскихъ войскъ. За отсутствіемъ „мушира Исмаила, губернаторъ Ферикъ-„Ахмедъ-паша любезно явился на *призывъ* „консула, въ полномъ мундирѣ и съ орденами; онъ *шелъ рядомъ* съ г. Обаре „(французскимъ консуломъ), представляя „съ своимъ многочисленнымъ штабомъ самое разительное свидѣтельство умной вѣротерпимости. Всѣ были изумлены превосходнымъ порядкомъ, какой соблюдали „мусульмане въ то время какъ скутарскій „архіепископъ читалъ напутственныя молитвы. Тѣло несомое во гробѣ подъ богатымъ покровомъ и провожаемое иностранными консулами, было доставлено „на католическое кладбище среди громаднаго стеченія мусульманъ и христіанъ. По „обычаю, покойнику были воздаваны военныя почести многочисленнымъ отрядомъ „войскъ, и послѣ церемоніи съ высоты цитадели былъ произведенъ залпъ изъ пушекъ. Глубокое впечатлѣніе, произведенное этимъ случаемъ, подаетъ надежду, „что вчерашній день *не прошелъ безъ полезныхъ результатовъ для интересовъ христіанъ*.“

Вотъ что говорилъ на дняхъ *Монитёръ*, офиціальный органъ французскаго правительства. Губернаторъ турецкой провинціи не дожидается приглашенія, а является на *призывъ* французскаго консула; онъ идетъ *съ нимъ рядомъ* въ полномъ мундирѣ и даже съ орденами. Онъ посылаетъ отрядъ турецкихъ войскъ сопровождать кортежъ, устроенный французскимъ консульствомъ для погребенія человѣка, состоявшаго подъ покровительствомъ Франціи. Казалось бы, что въ прекрасной Турціи все идетъ какъ нельзя лучше, что благодаря столь очевидно господствующему вліянію Франціи на Востокѣ, нечего бояться фанатизма, что тамъ исчезла ненависть къ христіанамъ, и что великія попеченія г-на Мутье примирить племена и слить ихъ воедино подѣйствовали съ чудесною быстротой,— и что же?

Однѣ сутки спустя послѣ этихъ, столь напыщенно описанныхъ похоронъ, отъ которыхъ, какъ сказано въ *Монитёрѣ*, можно было надѣяться полезныхъ результатовъ для христіанъ, все мусульманское населеніе Скутари и окрестныхъ мѣстъ массой возмутилось, бросилось къ могилѣ мирдитскаго старшины, погребеннаго наканунѣ съ такою пышностію, выкопало его трупъ, изуродовало его, надругалось надъ нимъ и вдобавокъ избило безоружныхъ христіанъ, попавшихся этимъ дикарямъ на глаза.

Сколько же, спрашивается, нужно еще демонстрацій подобнаго рода, дабы убѣдить французское правительство, что оно гонится на Востокѣ за кровавою и безплодною химерой? Сколько еще нужно доказательствъ того, что—какъ совершенно справедливо сказалъ князь Горчаковъ— „въ политикѣ, какъ и въ химіи есть элементы отталкивающіе другъ друга, противные другъ другу, элементы, которыхъ „ассимиляція невозможна, что христіане и „мусульмане никогда не сольются, до тѣхъ „поръ пока власть находится въ рукахъ „послѣднихъ, и наконецъ, что упорствовать въ системѣ, ведущей къ подобнымъ „результатамъ, значитъ принимать на себя за нихъ отвѣтственность, или лучше „сказать дѣлаться въ нихъ морально и матеріально участникомъ?“

Безплодность этой системы доказывается и другими случаями, менѣе трагическими, но не менѣе поучительными. Приведемъ одинъ изъ нихъ въ дополненіе къ сказанному.

Читателямъ извѣстно, что г. Бурре очень много хлопоталъ объ устройствѣ въ Константинополѣ смѣшаннаго лицея, въ которомъ христіане и мусульмане должны были обучаться у французскихъ преподавателей, снабженныхъ программами знаменитаго г. Дюрюи. Этотъ эффектный проектъ, причинявшій въ Константинополѣ даже министерскіе кризисы, имѣлъ послѣдствія въ высшей степени комическія. Коллегія, преподаватели, книги, все это есть въ Константинополѣ уже съ полгода—нѣтъ только учениковъ, ибо, несмотря на всѣ настоянія г-на Бурре, ни мусульмане, ни христіане не хотятъ посылать своихъ дѣтей въ это училище. Въ довершеніе смѣха самъ Пій IX вмѣшался въ это дѣло и издалъ два бреве, исполненные порицанія педагогическимъ трудамъ французскаго посла.

Пора бы правительству Наполеона III положить конецъ этимъ жестокосердымъ и вмѣстѣ смѣшнымъ опытамъ, которыми г. Мутье занимается въ ущербъ Востоку, а также достоинству Франціи и ея серіознымъ интересамъ въ настоящее и будущее время.

№ 172.

Москва, 8-го августа.

Забавно, что газета *Новое Время* думаетъ, что хотятъ оскорбить ее, когда ее называютъ офиціознымъ органомъ. Никому не могло бы придти въ голову принять эту газету за органъ какой бы то ни было части управленія, тѣмъ паче виленскаго, еслибъ она сама не старалась изо всѣхъ силъ выставлять себя въ этомъ качествѣ, что при извѣстномъ характерѣ этой газеты можетъ компрометтировать только администрацію, которой она такимъ образомъ навязывается. Для гг. Юматова и Киркора не можетъ быть ничего обиднаго въ томъ предположеніи, что они радѣютъ (мы надѣемся — безкорыстно, и во всякомъ случаѣ не за казенное вознагражденіе) управленію, которое содѣйствуетъ ихъ воззрѣніямъ и желаніямъ. Но едва ли можетъ быть лестно для административныхъ лицъ, поставленныхъ на такой важный постъ, какъ Вильна, требующій яснаго и твердаго образа мыслей, соотвѣтствовать тѣмъ воззрѣніямъ и желаніямъ, которыя откровенно высказывались въ *Новомъ Времени*, вмѣстѣ съ выраженіями ея сочувствія къ нынѣшней виленской администраціи и съ доказательствами своихъ особенныхъ сношеній съ нею. Если тутъ есть оскорбленіе, то не *Новому Времени* отъ насъ, а виленской администраціи отъ *Новаго Времени*. Обижаясь мнимымъ намѣреніемъ нашимъ оскорбить ее, означенная газета хочетъ отплатить намъ тою же монетой, и называетъ насъ органомъ кіевской администраціи, на томъ основаніи, что исчисляя *виленскихъ* генералъ-губернаторовъ, съ которыми мы не были ни въ какихъ личныхъ отношеніяхъ, мы не упомянули между ними генерала Безака. Это дѣлаетъ честь изворотливости *Новаго Времени*: но въ силѣ все-таки остается тотъ фактъ, что мы столь же мало находились въ какихъ-либо личныхъ отношеніяхъ къ нынѣшнему кіевскому, какъ и къ нынѣшнему виленскому генералъ-губернатору. Болѣе нежели кого нибудь изъ лицъ управлявшихъ западнымъ краемъ имѣли мы случай лично узнать покойнаго генерала Анненкова, который предшествовалъ нынѣшнему кіевскому генералъ-губернатору въ управленіи этимъ краемъ. Мы цѣнили его личныя достоинства и патріотическій образъ мыслей; но это не препятствовало намъ высказывать съ полною откровенностью наше мнѣніе объ ошибочности и несостоятельности системы дѣйствовавшей при немъ въ Кіевѣ, точно также какъ никакія личныя отношенія не помѣшали бы намъ отдать должную справедливость нынѣшнему ходу дѣлъ въ томъ краѣ. Мы не получаемъ никакихъ свѣдѣній отъ тамошней администраціи; все, что мы знаемъ о ходѣ дѣлъ въ кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ, почерпается нами изъ источниковъ всѣмъ доступныхъ или изъ сообщеній частныхъ лицъ хорошо намъ извѣстныхъ. Намъ рѣдко доводилось говорить о кіевскихъ дѣлахъ; вниманіе печати преимущественно поглощалось дѣлами виленскими, которыя постоянно были предметомъ интриги и безпрерывно подвергались катастрофамъ; но теперь, въ виду усиленной агитаціи поднятой въ нѣкоторыхъ петербургскихъ газетахъ противъ кіевскаго управленія, мы считаемъ своимъ долгомъ чаще возвращаться къ дѣламъ этого края, чему послужитъ большимъ удобствомъ ожидаемое вскорѣ открытіе желѣзной дороги между Москвой и Кіевомъ.

Новое Время, навязываясь въ органъ виленской администраціи, желаетъ также чтобъ его считали за органъ „русскаго общества, которое дорожитъ своимъ достоинствомъ". Отъ имени этого общества удостоиваетъ оно своего одобренія наше обращеніе (въ № 158) къ „патріотизму просвѣщенному и умному". „Но для этого слѣдуетъ", пишетъ *Новое Время*, „высказать ясно и опредѣлительно, какова должна быть программа дѣйствій". Беремъ смѣлость замѣтить, что въ этомъ отношеніи, кажется, дѣло не стало за нами. Постоянно за послѣднее время мы выражали довольно „ясно и опредѣлительно", въ чемъ состоитъ критерій нашихъ мнѣній о потребностяхъ западнаго края. Мы высказали весьма не двусмысленно, что по нашему мнѣнію достоинство правительства и безопасность края требуютъ, „что-

„бы вчерашняя правда не была выставляема нынѣ ложью“, и чтобъ „отъ имени Царя попрежнему не стали нынѣ распоряжаться крестьянами польскіе паны, „или, *что еще хуже*, послушные имъ русскіе чиновники.“ Мы находили неприличнымъ, чтобъ административныя лица „ластились къ людямъ — какого бы происхожденія и вѣроисповѣданія они ни „были — которые еще недавно принимали „косвенное или явное участіе въ мятежѣ.“ Замѣчая, что „польскіе помѣщики имѣютъ свои органы, въ которыхъ раздуваютъ всякую неправильность“, мы спрашивали: „гдѣ же органъ крестьянъ, въ „которыхъ вся опора Россіи въ этомъ „краѣ“, и, вмѣстѣ съ *Вѣстью*, мы отдавали справедливость управленію покойнаго графа Муравьева, „державшаго твердою рукой благоразумную середину: у „крестьянъ не было адвокатовъ, но ихъ „ограждала отъ пристрастій высшая администрація края.“ Ничего бóльшаго мы не желали ни тогда, ни прежде, ни теперь; вслѣдствіе чего, когда *Вѣсть*, купно съ *Новымъ Временемъ*, стала радоваться ею же приписанному нынѣшней виленской администраціи намѣренію карать только невыгодныя помѣщикамъ уклоненія, мы противъ этого намѣренія поспѣшили протестовать со всею энергіей, къ какой только были способны.

Такова была почва, на которой держалась наша защита противъ нападокъ польско-русской печати. Мы припомнили, что *Вѣсть* подкрѣпляла свою аргументацію въ пользу крупнаго землевладѣнія ссылкой на „историческій процессъ“, какимъ Пруссіи удалось усвоить своей національности пріобрѣтенныя ею отъ Польши провинціи. Мы сочли не лишнимъ разъяснить этотъ пресловутый „историческій процессъ“,—и что же? — оказалось, что онъ и есть именно та самая система, которую *Вѣсть* и *Новое Время* забрасывали въ нашемъ западномъ краѣ грязью.

Итакъ не мы, а наши противники сослались впервые на примѣръ Пруссіи. Тѣмъ не менѣе *Новое Время* обращается къ намъ съ куріознымъ вопросомъ: „Могутъ ли наши защитники (то-есть мы) „*вольной дружины* (такъ принято въ этихъ „органахъ называть чиновниковъ виленской администраціи, при прежнихъ генералъ-губернаторахъ), для оправданія „различныхъ злоупотребленій, ссылаться „на примѣръ Пруссіи?“ Что такое значитъ оправдывать „злоупотребленія“? Злоупотребленіемъ прежде всего были бы преступныя, изъ корыстныхъ видовъ, сдѣлки съ врагами государства. Не думаемъ, чтобы мы когда-нибудь оправдывали такого рода злоупотребленія; но мы также не оправдывали и крайностей направленія, въ честности котораго не сомнѣвались. Мы отнюдь не льстили прежней виленской администраціи, и съ полною откровенностью указывали на ошибки и увлеченія. Впрочемъ безъ крайностей и излишняго усердія не обходится нигдѣ никакая обширная система управленія, нигдѣ, *даже въ Пруссіи*, примѣромъ которой намъ нынѣ опять колютъ глаза. Пусть публицисты *Новаго Времени* пороются въ дѣлахъ управленія Познанью оберъ-президентомъ Флотвеллемъ, и они увидятъ, что и это управленіе не было свободно отъ крайностей; если же они станутъ въ Пруссіи прислушиваться, также усердно какъ прислушиваются въ Россіи, къ толкамъ польскихъ пановъ, то увидятъ, что всѣ обвиненія, какія они возводятъ на русскую многогрѣшную „вольную дружину,“ суть не что иное какъ буквальное повтореніе обвиненій также усердно и злобно возводимыхъ Поляками и на прусскую мѣстную администрацію. Публицисты *Новаго Времени*, пожалуй, могутъ и не рыться въ прусскихъ архивахъ первой половины нынѣшняго столѣтія; крайности прусской системы безпрестанно обнаруживаются на глазахъ нашихъ въ ново завоеванныхъ областяхъ, не только тамъ, гдѣ эта система приходитъ въ столкновеніе съ чужою національностію, какъ напримѣръ датскою, но и въ одноплеменномъ Ганноверѣ. Не знаемъ, оправдываетъ ли прусское правительство эти крайности и считаетъ ли ихъ крайностями, но вѣрно то, что онѣ не послужили ему поводомъ къ измѣненію принятой имъ системы управленія, или къ изгнанію изъ Шлезвига „вольной дружины“ прусскихъ администраторовъ и къ замѣненію ихъ такими, которые бы поблажали датскому патріотизму.

Новое Время, начавъ свою статью противъ защитниковъ „вольной дружины“ вышеприведеннымъ забавнымъ вопросомъ, продолжаетъ свою полемику тѣмъ же шутовскимъ тономъ. Примѣромъ Пруссіи колетъ эта газета глаза защитникамъ „вольной дружины,“ ука-

зывая на религіозныя притѣсненія, на придирчивость мелочной взыскательности въ употребленіи польскаго языка. Но мы защищали въ „вольной дружинѣ“ только принципъ государственный, состоящій въ томъ, чтобы русская власть, особенно въ краѣ спорномъ, была ввѣряема несомнѣнно русскимъ рукамъ, чтобы на дѣла края русская администрація смотрѣла съ точки зрѣнія русской, чтобы въ основаніи дѣйствій русскаго правительства было уваженіе къ патріотизму только русскому; что же касается вопросовъ вѣры, то на этой почвѣ мы ставили на видъ, что еслибы Пруссія, въ своихъ рейнскихъ провинціяхъ, дѣйствовала относительно своихъ католическихъ подданныхъ какъ Россія дѣйствуетъ въ западномъ и прибалтійскомъ краѣ съ своими католическими и протестантскими населеніями, то ея владѣнія на лѣвомъ берегу Рейна были бы давнымъ-давно во власти Франціи. „До сихъ поръ еще дѣло религіи,“ говорили мы 22-го мая (№ 109), „смѣшивается у насъ съ народностью и вѣротерпимость допускается только въ качествѣ начала враждебнаго, разлагающаго „государство и создающаго или поддерживающаго въ немъ чуждыя ему національныя организаціи. Вопреки истинѣ и духу „христіанства, мы какъ будто держимся „той идеи, что Русское царство не есть, „какъ всѣ другія царства, отъ міра сего, „а есть уже само по себѣ царство небесное, въ которое иновѣрецъ да не внидетъ. „Мы какъ будто хотимъ чтобы Русскій означалъ православнаго, какъ Турокъ правовѣрнаго... и не находимъ другаго средства къ обрусенію русскаго западнаго края, „какъ насильственное обращеніе католиковъ въ православіе и закрытіе католическихъ церквей посреди католическаго „населенія.“ Развѣ по нашему совѣту изданъ недавно въ Вильнѣ циркуляръ, которымъ опредѣляются штрафы за употребленіе въ частныхъ сношеніяхъ польскаго языка, между тѣмъ какъ польскій языкъ остается въ дѣлѣ религіи обязательнымъ не только для пановъ, считающихъ этотъ языкъ своимъ природнымъ, но и для русскихъ крестьянскихъ населеній католической вѣры, которыя для того чтобы молиться Богу, должны выучиваться польскому языку? Развѣ по нашему совѣту закрывали въ Ковенской губерніи костелъ посреди чисто-католическаго населенія, подъ предлогомъ что число его прихожанъ не велико, а въ Витебской губерніи закрыли другой, якобы за ветхостью, хотя нынѣ и поговариваютъ что его откроютъ вновь, такъ какъ онъ внезапно оказался весьма удовлетворительной прочности?

Но возлагая всѣ эти дѣйствія на отвѣтственность защитниковъ „вольной дружины,“ *Новое Время* говоритъ точь-въ-точь тѣмъ же языкомъ, какъ и *Кельнская Газета* (№ 225 отъ 14-го августа), которая вдругъ является теперь тоже витяземъ виленской администраціи противъ якобы чрезмѣрныхъ требованій „московской печати.“ „Тотъ самый генералъ Потаповъ,“ сказано въ передовой статьѣ означенной газеты,— „который подъ страхомъ штрафа и тюрьмы запретилъ польскимъ жителямъ шести „губерній употребленіе даже въ домашнемъ „быту роднаго языка, подвергается безпрестаннымъ нападкамъ со стороны московской печати, заподазривающей въ немъ „друга Поляковъ за то что онъ *допустилъ* „употребленіе польскаго языка въ католическомъ богослуженіи, и за то что онъ „держится *еретическаго* мнѣнія, что священная неприкосновенность личной собственности совмѣстна, на бывшей польской землѣ, съ замышляемымъ водвореніемъ русскаго демократическаго порядка. Но изъ Москвы учатъ его лучшему: „покровительство оказанное генералъ-губернаторомъ *крупному землевладѣнію* противъ завоевательной любостяжательности „одичалыхъ литовскихъ крестьянъ есть-де „преступленіе противъ русскаго характера „края...“

Затѣмъ слѣдуютъ сѣтованія о сервитутахъ, о которыхъ мы также выразились довольно опредѣлительно въ № 153 нашей газеты.

Насъ нисколько не удивляетъ буквальное совпаденіе мнѣній *Кельнской Газеты* съ мнѣніями *Вѣсти* и *Новаго Времени*. Къ этому намъ пора привыкнуть. Вѣдь не въ первый же разъ самые неугомонные враги русскихъ интересовъ въ нѣмецкой печати, *Остзейская Газета* (въ Штеттинѣ) и *Кельнская Газета* являются отголоскомъ мнѣній господствующихъ въ нѣкоторыхъ нашихъ административныхъ сферахъ. Мы не забыли, что еще не такъ давно, послѣ того какъ виленскій корреспондентъ *Вѣсти* началъ настаивать на необходимости прекратить „превышенія власти“ со стороны „повѣрочныхъ коммиссій и мировыхъ посредниковъ,“ въ *Ostsee-Zeitung*, въ *Кельнской Газетѣ*

и даже въ парижской *Liberté*, стали появляться также корреспонденціи изъ западнаго края, обращавшія вниманіе Европы на тѣ же „превышенія власти....“

Такъ или иначе, но дѣло въ томъ, что *Кельнская Газета*, очевидно, идетъ рука-объ-руку съ петербургскими органами, которые взяли на себя обязанность служить указателями путей виленской администраціи. *Вѣсть* видѣла въ назначеніи новаго генералъ-губернатора въ Вильну начало новой системы, основанной на изгнаніи ненавистной ей „вольной дружины....“ Объяснивъ не разъ, что, по ея мнѣнію, для сельскаго люда въ западномъ краѣ „уже слишкомъ много сдѣлано,“ *Вѣсть* заранѣе радовалась, что жалобы и сѣтованія тамошнихъ помѣщиковъ одни будутъ получать движеніе.... Повидимому она увѣрена, что ея прорицанія оправдались, и вотъ *Кельнская Газета* также спѣшитъ заявить, что „нынѣ встрѣчаются замѣчательныя изъятія „изъ общаго до сихъ поръ правила, въ силу „коего *польскій дворянинъ* всегда долженъ „былъ оказываться *неправымъ*.“

По мнѣнію *Новаго Времени*, въ западномъ краѣ пробилъ часъ полнаго возстановленія правъ этихъ почтенныхъ польскихъ помѣщиковъ, для крестьянъ же, рѣшительно, сдѣлано „слишкомъ много“ и надо унять ихъ; къ тому же они „безпечны;“ имъ нужно „внѣшнее побужденіе;“ они бродяги, предпочитающіе „дальніе заработки“ мѣстнымъ, а помѣщикамъ нужны косари. Во имя цивилизаціи „историческаго процесса“—все это надо передѣлать; надо возвратить полноправіе угнетенному помѣщику; надо какъ говоритъ *Кельнская Газета*, чтобъ и онъ наконецъ — этотъ несчастный, загнанный *польскій* помѣщикъ — могъ найдти себѣ правду и судъ....

Все это очень хорошо, и нельзя не порадоваться трогательному единомыслію двухъ петербургскихъ газетъ съ *Кельнскою*. Но вотъ статейка, помѣщаемая нами ниже, подъ заглавіемъ: *Прусское правительство и помѣщики западныхъ окраинъ Россіи*, заимствованная изъ берлинской корреспонденціи аугсбургской *Allgemeine Zeitung*. Въ ней сообщаются офиціальные отзывы прусскаго правительства о вопіющемъ положеніи—*не помѣщиковъ, а рабочаго люда* какъ въ западномъ краѣ, такъ и въ просвѣщенной *Gesammt-Livland*, въ этомъ „авангардѣ западной культуры“ противъ „русско-татарскаго бюрократическаго соціализма.“ Циркуляры прусскаго правительства изобличаютъ, что въ пограничныхъ съ Пруссіей русскихъ провинціяхъ „земледѣльцы и ихъ управляющіе *обманываютъ* бѣдныхъ переселенцевъ; если по-„слѣдніе жалуются, то они *не находятъ „суда*, а систематическое, безстыдное, лов-„кое притѣсненіе доводитъ слугъ до *край-„нюю бѣдствія*, дѣвушекъ же повергаетъ „въ развратъ.“ Въ предостереженіе переселяющихся, прусскіе циркуляры приводятъ примѣръ,—и гдѣ же взятъ этотъ вопіющій примѣръ неистоваго и *безнаказаннаго* произвола?—Онъ взятъ въ Лифляндіи, среди тамошняго *нѣмецкаго* дворянства.... Что скажетъ *Вѣсть* съ *Новымъ Временемъ*, что скажетъ *Кельнская Газета*, импровизованная защитница помѣщиковъ, объ этихъ дѣлаемыхъ прусскою администраціей изобличеніяхъ вопіющаго безправія на нашей сѣверо-западной границѣ не для несчастныхъ и угнетенныхъ, по ихъ мнѣнію, помѣщиковъ, а для рабочаго люда, на который они съ замѣчательнымъ единодушіемъ призываютъ и въ Вильнѣ, и въ Ковнѣ, и въ Кельнѣ, и въ Штеттинѣ, и въ Кенигсбергѣ, новыя угнетенія, новыя притѣсненія, только потому что этотъ людъ тянетъ къ Россіи и не хочетъ быть ни Нѣмцемъ, ни Полякомъ?...

Съ *Кельнской Газетой* мы не будемъ спорить. Ея цѣль очевидна: по неизвѣстнымъ намъ причинамъ, она взялась защищать виленскую администрацію, и притомъ не предъ общественнымъ мнѣніемъ Европы, (иначе она прибѣгла бы къ другимъ аргументамъ), а предъ русскимъ же правительствомъ. Именно съ этою весьма прозрачною цѣлью печатаетъ она передовою статьей *изъ Кельна* свѣдѣнія и толки, которые не могли иначе дойдти до нея съ такою подробностью (въ нихъ упоминается о фактахъ неизвѣстныхъ даже и русской печати), какъ въ корреспонденціи съ мѣстъ; съ тою же цѣлью упоминаетъ она объ ультранаціональныхъ будто бы стремленіяхъ, обнаруженныхъ виленскою администраціей, гоненіемъ на вѣру и на употребленіе польскаго языка въ частномъ быту...

Никогда болѣе чѣмъ нынѣ, по прочтеніи помѣщаемой ниже берлинской корреспонденціи *Allgemeine Zeitung*, мы не сознавали необходимости слѣдовать примѣру Пруссіи, „власть коей,“ какъ въ этомъ случаѣ справедливо замѣчаетъ *Кельнская Газета*, „ознаменовалась на польской землѣ

„поднятіемъ уровня просвѣщенія и благо-„состоянія, упроченіемъ понятій о правѣ „и собственности....“ О просвѣщеніи и благосостояніи не можетъ быть и рѣчи ни въ западномъ краѣ, ни въ балтійскомъ краѣ, пока въ основаніе правъ поземельной собственности не будетъ положено признаніе права личнаго и собственности бѣдствующаго рабочаго люда, пока и этотъ людъ не будетъ огражденъ праведнымъ судомъ противъ своеволія... Возможно ли допустить предположеніе, чтобы Пруссія могла достигнуть столь блестящихъ и завидныхъ результатовъ, еслибы,—подобно тому что мы дѣлаемъ въ Лифляндіи,—она оставила за Познанью олигархическія учрежденія Польши, или еслибы, — подобно тому что мы также дѣлаемъ въ Лифляндіи, и по мнѣнію *Вѣсти* и *Новаго Времени* должны дѣлать и въ западномъ краѣ, — она поручила мѣстному дворянству, чуждому населеніямъ края и чуждающемуся національности государства, благоустроеніе и просвѣщеніе Познанской или Западно-Прусской провинціи.

№ 173.

Москва, 9-го августа.

Воспроизводя ниже, въ отдѣлѣ Судебной Хроники, корреспонденцію *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* изъ Новгорода о происходившемъ въ этомъ городѣ интересномъ процесѣ, мы считаемъ не лишнимъ сдѣлать по этому поводу нѣсколько замѣчаній.

Крестьянинъ Иванъ Петровъ убилъ свою жену, заставъ ее въ тотъ же день утромъ *en flagrant délit* прелюбодѣянія. Онъ убилъ ее попавшимся ему подъ-руку полѣномъ, во время послѣдовавшей затѣмъ ссоры, выведенный изъ терпѣнія тѣмъ, что она ругала его, выдавая ему его вещи, которыя онъ требовалъ для того чтобы навсегда съ нею разстаться. На судѣ и до суда Петровъ во всемъ этомъ сознался, но присяжные (7 чиновниковъ 3 купца и 2 крестьянина) оправдали его. Корреспондентъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей* сообщаетъ, что приговоръ присяжныхъ возбудилъ крайнее недоумѣніе: какимъ-де образомъ сознанное преступленіе осталось для убійцы безо всякихъ послѣдствій? Мы не раздѣляемъ этого недоумѣнія. Вездѣ, гдѣ введенъ судъ присяжныхъ, весьма часто встрѣчаются подобнаго рода явленія. Оцѣнивая по совѣсти доказанный фактъ преступленія, сравнивая данный случай съ тою отвлеченною оцѣнкой, которую установляетъ законъ, и находя въ этихъ двухъ оцѣнкахъ несоотвѣтствіе, присяжные рѣшаются лучше оставить виновнаго безо всякаго наказанія, чѣмъ подвергнуть его тѣмъ тяжкимъ, далеко превышающимъ его вину послѣдствіямъ, которыя опредѣлены въ законѣ. Такъ и въ данномъ случаѣ присяжные предпочли освободить вовсе Петрова чѣмъ подвергнуть его каторжной работѣ въ рудникахъ на время отъ 12 до 15 лѣтъ, которой онъ подлежалъ по ст. 1455 Улож. о нак.

Законодательства по большей части стараются предотвратить подобное „самовластіе“ присяжныхъ, воспрещая сторонамъ касаться во время преній мѣры отвѣтственности подсудимаго по закону. Но это воспрещеніе обыкновенно остается мертвою буквой, ибо между присяжными часто бываютъ люди свѣдующіе въ законахъ; другіе же знаютъ послѣдствія преступнаго дѣла, или потому что оно принадлежитъ къ числу всѣмъ извѣстныхъ по своему значенію, или же потому что нѣкоторые изъ нихъ уже не разъ участвовали въ уголовномъ судѣ въ качествѣ присяжныхъ. Наконецъ, кто можетъ воспретить человѣку грамотному, призванному въ качествѣ присяжнаго для участія въ судѣ, ознакомиться предварительно съ наказаніями, опредѣляемыми по закону за наиболѣе важныя и чаще другихъ встрѣчающіяся преступленія? Однимъ словомъ, „игра въ жмурки“ съ присяжными не достигаетъ своей цѣли, и едва ли можно на это сѣтовать.

Давно признано, что строгое теоретическое разграниченіе между призваніемъ присяжныхъ и обязанностію судей, между вопросами факта и права, на практикѣ неисполнимо и нежелательно. Присяжные судятъ живаго человѣка, а не отвлеченный фактъ, и поэтому они не могутъ не принять во вниманіе всей созданной жизнью обстановки его преступленія, которою часто опредѣляется его характеръ, но которую общая норма закона никоимъ образомъ предусмотрѣть не можетъ. Бываютъ такіе разряды преступленій, въ оцѣнкѣ коихъ законодатель вообще расходится съ общественнымъ мнѣніемъ. Это именно тѣ преступленія, кои караются болѣе вслѣд-

ствіе условныхъ причинъ, чѣмъ изъ соображеній основанныхъ на вѣчныхъ законахъ совѣсти. Именно потому эти преступленія условнаго свойства часто и бываютъ изъяты изъ суда присяжныхъ. Здѣсь нѣтъ надобности вдаваться обсуждать насколько подобныя изъятія умѣстны, и не лучше ли устранить противорѣчіе посредствомъ соглашенія всѣхъ уголовныхъ законовъ съ требованіями общественной совѣсти. Но тѣ разряды преступленій, кои обозначены въ уголовныхъ кодексахъ преступленіями противъ частныхъ лицъ и противъ собственности, всегда подлежатъ суду присяжныхъ. Въ этомъ случаѣ интересы общества всегда достаточно ограждаются его представителями на судѣ, и ни въ какой странѣ еще не слышно было жалобы на то, что безопасность частнаго лица и его собственности недостаточно ограждена на судѣ присяжныхъ. Скорѣе приходится слышать наоборотъ, что присяжные чрезчуръ строго относятся къ такимъ преступленіямъ. . . . . . .

Итакъ, оправдательный вердиктъ новгородскихъ присяжныхъ по упомянутому дѣлу не можетъ потревожить ничьего покоя, ни вызвать опасеній общаго свойства. Спрашивается однако, на сколько приговоръ ихъ долженъ быть признанъ справедливымъ, и дѣйствительно ли они считали подсудимаго неподлежащимъ никакому наказанію? Незачѣмъ, подобно защитнику Петрова, входить въ историческія изысканія для того чтобы найдти въ древнемъ законодательствѣ, какъ нашемъ, такъ и чужеземномъ, примѣры того, что убійство мужемъ жены можетъ быть оставляемо безъ наказанія. Такая ненаказуемость признана въ законодательствѣ одной изъ самыхъ цивилизованныхъ странъ Европы. Французскій уголовный кодексъ (Code Pénal, art. 325) освобождаетъ отъ наказанія убійство однимъ изъ супруговъ другаго въ случаѣ прелюбодѣянія, застигнутаго въ супружескомъ домѣ и въ моментъ застиженія (*flagrant délit*). Но между полною безнаказанностью и тѣмъ наказаніемъ, коему добивалась подвергнуть Петрова обвинительная власть на основ. 1455 Улож. о нак., разстояніе огромное. Новгородскимъ присяжнымъ предстоялъ именно выборъ между этими двумя крайними пунктами; они предпочли вовсе оправдать виновнаго чѣмъ подвергнуть его наказанію неизмѣримо болѣе тяжкому чѣмъ онъ по совѣсти заслуживалъ. Изъ разказа корреспондента явствуетъ, что наши присяжные отнюдь не становились на точку зрѣнія французскаго законодателя и не желали оправдывать подсудимаго, а сдѣлали это лишь послѣ того, какъ имъ предоставлено было выбрать лишь одно изъ двухъ крайнихъ рѣшеній. Въ чемъ же тутъ погрѣшность и чему надобно приписать тотъ исходъ дѣла, который оказался несогласнымъ съ общественною совѣстью и съ убѣжденіемъ самихъ присяжныхъ? Несмотря на краткость изложенія дѣла въ приводимой корреспонденціи, не трудно добраться до этой погрѣшности. Присяжные затруднялись рѣшить дѣло отвѣтомъ на *одинъ* вопросъ, поставленный имъ судомъ по признакамъ указаннымъ въ ст. 1455 Улож. о нак. Ихъ спросили: виновенъ ли подсудимый въ томъ, что заставъ жену свою въ прелюбодѣяніи, а также возбуждаемый бранью, съ которою она обратилась къ нему при первой послѣ того встрѣчѣ, онъ убилъ ее, хотя и безъ заранѣе обдуманнаго умысла, но въ раздраженіи отъ ея поступковъ, зная, что посягаетъ на ея жизнь? Присяжные, послѣ долгаго совѣщанія, возвратились въ залу суда и просили раздѣлить вопросъ на два, такъ чтобы послѣднія слова: *зная, что посягаетъ на ея жизнь*, вошли въ составъ другаго вопроса. Когда судъ имъ въ этомъ отказалъ, они, на этотъ разъ послѣ краткаго совѣщанія, вынесли оправдательный вердиктъ. . . . . .

Присяжные добивались раздѣленія вопроса на два, очевидно съ тѣмъ чтобъ отвѣтить на одинъ изъ нихъ утвердительно, а на другой отрицательно. Несомнѣнно также, что они имѣли въ виду отвергнуть сознательное убійство, для чего и просили выдѣлить послѣднія слова въ особый вопросъ. Итакъ ясно, что по мнѣнію присяжныхъ подсудимый оказывался виновнымъ въ нанесеніи, съ намѣреніемъ, хотя безъ умысла на убійство, побоевъ, отъ коихъ послѣдовала смерть, то-есть въ преступленіи предусмотрѣнномъ ст. 1464 угол. о нак. и влекущемъ за собою заключеніе въ смирительномъ домѣ отъ 8 мѣсяцевъ до 2 лѣтъ, или заключеніе въ тюрьмѣ отъ 4 до 8 мѣсяцевъ. Нѣтъ надобности, да и данныхъ мы не имѣемъ, судить, насколько такой приговоръ былъ бы болѣе согласенъ съ обстоятельствами дѣла чѣмъ обвиненіе въ сознательномъ

убійствѣ. Достаточно того, что присяжные желали подвести судимое дѣяніе подъ признакъ умышленныхъ побоевъ, можетъ-быть потому что преступленіе это казалось имъ, если не по внѣшнему составу, то по внутреннему характеру, наиболѣе подходящимъ подъ упомянутый видъ. Но судъ не далъ имъ возможности произнести эту оцѣнку, и не раздѣлилъ вопроса по ихъ требованію. Судъ поступилъ согласно съ буквой закона, отказавъ присяжнымъ въ ихъ требованіи, ибо присяжные, разрѣшая вопросы имъ предлагаемые, не могутъ участвовать въ ихъ постановкѣ или требовать измѣненія ихъ редакціи. Такое участіе предоставлено только сторонамъ, и въ данномъ случаѣ приходиться жалѣть, что защитникъ подсудимаго не усвоилъ себѣ той точки зрѣнія, на которую стали присяжные. Защитникъ имѣлъ бы полное право настаивать на раздѣленіи вопроса, основываясь на стт. 751, 756 и 763 Уст. Угол. Суд. Но такъ какъ защитникъ этого не сдѣлалъ, и такъ какъ послѣ утвержденія вопросовъ судъ не могъ уже измѣнить ихъ по требованію присяжныхъ, то, на основаніи французскаго кодекса уголовнаго судопроизводства, присяжнымъ дѣйствительно оставалось бы только поступить такъ, какъ они поступили, то-есть оправдать совсѣмъ подсудимаго. Но по нашему уставу уголовнаго судопроизводства присяжные имѣли полную возможность произнести именно тотъ приговоръ, который имъ казался наиболѣе справедливымъ, несмотря на упущеніе защитника и на то, что судъ не имѣлъ уже возможности исправить это упущеніе раздѣленіемъ вопроса по требованію присяжныхъ. Наши законоположенія о постановкѣ вопросовъ присяжнымъ построены вообще по системѣ французскаго кодекса, но въ нихъ есть одно важное дополненіе, которое приближается къ такъ-называемому спеціальному вердикту, принятому въ англійскомъ уголовномъ процессѣ, ибо нашимъ присяжнымъ предоставляется измѣнить составъ обвиненія, ограничивъ его отрицаніемъ того или другаго признака, входящаго въ составъ дѣянія предусмотрѣннаго даннымъ вопросомъ. Вотъ что сказано въ ст. 812 Уст. Угол. Суд.:

„Когда присяжные засѣдатели признаютъ что однимъ утвержденіемъ или отрицаніемъ невозможно съ точностью выразить ихъ мнѣніе, то они могутъ дать надлежащее значеніе отвѣту прибавленіемъ къ установленнымъ выраженіямъ нѣкоторыхъ словъ, напримѣръ: *Да, виновенъ, но безъ предумышленія.*“

Въ виду этой статьи закона ясно, что въ данномъ случаѣ присяжнымъ не было надобности въ томъ, чтобы поставленный для нихъ вопросъ былъ непремѣнно раздѣленъ на два. Руководствуясь приведенною статьей, они могли изложить свой отвѣтъ такъ: *да, виновенъ, но безъ сознанія, что онъ посягаетъ на ея жизнь.* Не подлежитъ сомнѣнію, что присяжные не требовали бы раздѣленія вопроса, еслибъ имъ была знакома ст. 812 Уст. Уг. Суд. Столь же очевидно и то, что они не произнесли бы оправдательнаго приговора, еслибы по возвращеніи ихъ въ залу суда, предсѣдатель указалъ имъ на эту статью, если, какъ надо полагать, онъ не сдѣлалъ этого въ своемъ заключительномъ словѣ при врученіи старшинѣ присяжныхъ вопроснаго листа.

Такимъ образомъ раскрывается погрѣшность, приведшая къ не совсѣмъ удовлетворительному разрѣшенію этого дѣла,— погрѣшность, которую слѣдуетъ приписать упущенію суда, а не заблужденію присяжныхъ и для исправленія которой уставъ представляетъ всѣ средства путемъ кассаціи. Уголовный кассаціонный департаментъ уже изъяснилъ какимъ образомъ долженъ поступать судъ, въ случаѣ если присяжные затруднятся разрѣшеніемъ предложеннаго имъ вопроса и образъ дѣйствій указанный кассаціоннымъ судомъ (см. *Сборникъ Рѣш. Угол. Касс. Деп.* за 1867 годъ № 605) могъ вполнѣ быть примѣненъ къ настоящему случаю.

№ 174.

Москва, 10-го августа.

Нѣмецкія газеты, поставившія себѣ задачей во что бы ни стало придираться къ Россіи, слишкомъ часто забываютъ глубокомысленное наставленіе — „surtout pas trop de zèle“— которымъ знаменитый Талейранъ напутствовалъ исполнителей своихъ порученій. Излишнее усердіе, не сдержанное совѣстью, увлекаетъ ихъ иногда въ такіе куріозы, какіе можно слышать еще только въ домѣ умалишенныхъ. Недавно сообщали мы о томъ, какъ аугсбургская

Allgemeine Zeitung ухитрилась подмѣтить *пикантныя* вещи и *тонкую иронію* нитья въ картинѣ г. Коцебу; но упомянутая газета не удовлетворилась этимъ чудесныхъ доказательствомъ проницательности своего мюнхенскаго корреспондента. Ея парижскій корреспондентъ воспылалъ благороднымъ соревнованіемъ и оставилъ своего собрата далеко за собою. По случаю кроваваго разгрома баталіонами Митхадъ-паши сто-шестидесяти болгарскихъ инсургентовъ, раздѣленныхъ на четыре шайки, ликованія парижскаго корреспондента *Allgemeine Zeitung* омрачаются горькою мыслію, что не смотря на пораженіе нанесенное болгарскимъ шайкамъ, всетаки достигнута цѣль, для которой были онѣ сформированы, вооружены и высланы Россіей. Въ виду какой же цѣли кровожадная Россія такъ хладнокровно принесла въ жертву жизнь своихъ несчастныхъ братьевъ по вѣрѣ и по крови? Надъ этимъ вопросомъ можетъ задуматься только „грубый“ Русскій. Благодаря болѣе возвышенной культурѣ, „хитрый“ Нѣмецъ не встрѣчаетъ никакого затрудненія. Вѣнская газета *Wanderer*, въ приведенной нами на дняхъ статьѣ, доказала, какъ дважды два четыре, что не успѣхомъ султанскихъ гаттовъ и танзимата облагодѣтельствованные ими восточные христіане обязаны интригамъ Россіи. Но благія намѣренія султана обнаружились нынѣ новыми преобразованіями, въ основаніе коихъ положенъ государственный совѣтъ, *шурай-девлетъ*, вдохновляемый и направляемый просвѣщеннымъ и либеральнымъ Митхадъ-пашей, тѣмъ самымъ, что прославился въ прошломъ году разбойническимъ умерщвленіемъ Серба и Болгарина у Рущука на пароходѣ подъ нейтральнымъ флагомъ Австріи. Парижскій корреспондентъ аугсбургской газеты безъ всякаго труда открываетъ цѣль почему Россія затѣяла болгарскую суматоху: ей было необходимо, при самомъ началѣ, уничтожить дѣйствіе новыхъ щедротъ султана; ей было необходимо подкопаться подъ *шурай-девлетъ* направляемый геніемъ Митхадъ-паши. Она перебросила черезъ Дунай 160 человѣкъ Болгаръ, въ увѣренности, что Порта отправитъ противъ нихъ именно этого знаменитаго Митхадъ-пашу, и такимъ образомъ лишитъ *шурай-девлетъ* „его главы, его души“... „Итакъ“, вѣщаетъ въ заключеніе глубокомысленный корреспондентъ, „благодаря интригамъ Россіи, „новыя реформы Турціи окажутся еще „разъ *пустою фразой*.“

Вотъ угощенія, которыя, благодаря одуряющему дѣйствію разныхъ политическихъ *маній*, серіозно подносятся отечеству Канта, Гете и стольких другихъ свѣтилъ?

Теперь перейдемъ къ другому куріозу, на который стоитъ тоже обратить вниманіе.

Въ № 163 нашей газеты мы помѣстили извлеченное нами изъ американскихъ газетъ извѣстіе о резолюціи, принятой 6 го іюля, въ засѣданіи палаты представителей Сѣверо-Американскаго конгресса, о необходимости настоять на отмѣнѣ всѣхъ ограниченій и прещеній падающихъ какъ на военныя, такъ и на купеческія суда при прохожденіи черезъ Дарданеллы и Босфоръ въ Черное море. Извѣстіе это было помѣщено самымъ скромнымъ образомъ на третьей страницѣ, подъ телеграммами, и напечатано обыкновеннымъ, среднимъ газетнымъ шрифтомъ, безо всякихъ курсивовъ. Никакимъ замѣчаніемъ мы не сопровождали это извѣстіе.

Видно, однако, самое молчаніе наше, неизвѣстно почему, оказалось въ этомъ случаѣ краснорѣчивымъ. *Monde* подмѣтилъ въ этомъ молчаніи выраженіе нашего „удовольствія“, и притомъ самаго знаменательнаго свойства. „Удовольствіе“, съ какимъ „*Московскія Вѣдомости*“, гласитъ парижская клерикальная газета, „записываютъ этотъ фактъ, доказываетъ *довольно* „*ясно* (!) на вліяніе подъ которымъ *Соединенные Штаты* рѣшились вмѣшиваться „въ дѣла Турціи. Уже было извѣстно, что „между Вашингтонскимъ правительствомъ „и Россіей установились наилучшія отно„шенія; неизвѣстно же было то, что это „доброе соглашеніе доходило до того, что „Сѣверная Америка становится пособни„цей Россіи въ ея политикѣ на Вос„токѣ“...

Нѣсколько дней спустя послѣ сообщенія перваго извѣстія, мы признали нужнымъ прервать молчаніе, которое въ Парижѣ показалось такъ краснорѣчивымъ. Насъ вызвало къ тому сообщеніе нашего константинопольскаго корреспондента, что извѣстіе о резолюціи конгресса, только что прочтенное нами въ нью-йоркскихъ газетахъ, уже успѣло встревожить константинопольскую печать, вооружившуюся противъ Америки извѣстнымъ ученіемъ

Монроэ. Мы воспользовались этимъ случаемъ, чтобъ засвидѣтельствовать объ отеческой разборчивости, съ какою лондонскій телеграфъ посылаетъ въ каждую страну только тѣ извѣстія послѣдней американской почты, которыя онъ, по своимъ соображеніямъ, находитъ для ней полезными или по крайней мѣрѣ безвредными. Но, къ несчастію, мы не ограничились этимъ замѣчаніемъ. По поводу сообщенныхъ намъ корреспондентомъ куріозовъ аргументаціи турецкой печати, мы подивились, что за права Европы противъ Америки вступается магометанская орда, гнетущая въ Европѣ 14 милліоновъ христіанъ.

Что скажетъ газета *Monde* по поводу этихъ неосторожныхъ замѣчаній?... Если молчаніе наше подало ей поводъ къ вышеприведеннымъ глубокомысленнымъ выводамъ, то, спрашивается, какими громами—Боже великій!—должна она разразиться надъ нами теперь, когда, какъ бы въ защиту требованій ненавистной ей великой заатлантической республики, мы дерзнули коснуться чувствительной струны сердечныхъ пристрастій парижской клерикальной газеты къ мусульманскому владычеству въ Европѣ.

№ 175.

Москва, 12-го августа.

Самая характеристическая черта польской шляхты есть удивительное легкомысліе, съ какимъ она сама усиливается выставить на позоръ предъ цѣлымъ свѣтомъ всю нелѣпость своихъ затѣй, и та опрометчивость съ какою она открываетъ своихъ соучастниковъ и разглашаетъ тайныя побудительныя причины ихъ дѣйствій.

Такъ, напримѣръ, до сихъ поръ трудно было понять, что побуждало принца Наполеона принимать положеніе столь открытно враждебное къ Россіи и столь страстно восторженное относительно такъ-называемаго польскаго дѣла. Въ рѣчи своей, произнесенной въ мартѣ мѣсяцѣ 1863 года, принцъ Наполеонъ нарушилъ всѣ приличія и формы соблюдаемыя не только членами царствующихъ фамилій, но и каждымъ благовоспитаннымъ человѣкомъ. Онъ позволилъ себѣ отозваться въ самыхъ оскорбительныхъ выраженіяхъ о Россіи и ея Государѣ. По справедливому замѣчанію одного изъ нашихъ дипломатовъ, принцъ Наполеонъ укусилъ тогда руку питавшую его, ибо всѣмъ извѣстно, что съ 1815 года до 1848 король Іеронимъ, его отецъ, да и самъ принцъ Наполеонъ жили великодушными и щедрыми подаяніями трехъ Русскихъ императоровъ. Съ тѣхъ поръ усердіе этого принца къ дѣлу польскихъ мятежниковъ ни на минуту не ослабѣвало и нерѣдко проявлялось даже вопреки волѣ императора Наполеона. Что же было къ этому поводомъ? Почему человѣкъ столь умный какъ принцъ Наполеонъ не отступался отъ безплодныхъ химеръ? По какой причинѣ онъ съ остервененіемъ усиливался кусать руку питавшую его нѣкогда, и которую раздражать безъ причины было неразумно и непредусмотрительно? Эти вопросы, не разъ возникавшіе вѣроятно въ умѣ нашихъ читателей, разрѣшены ясно и опредѣлительно въ брошюрѣ, изданной въ Брюсселѣ и Лейпцигѣ за нѣсколько дней предъ отъѣздомъ принца Наполеона въ его послѣднее путешествіе.

Франція, Польша и принцъ Наполеонъ Бонапартъ, таково заглавіе этой брошюры, случайно попавшей въ наши руки. Мѣста, которыя мы приведемъ изъ ней, не требуютъ объясненій. Коснувшись событій 1863 г. и преній, вызванныхъ ими во французскомъ сенатѣ, авторъ слѣдующимъ образомъ приступаетъ къ главной цѣли своего сочиненія: „Какъ не уважать принца „Наполеона, какъ не удивляться ему, какъ „не любить принца, который въ 1863 г. разгромилъ защитниковъ всей этой гнусности „(рѣчи Тьера, Ларошжаклена и Лагероньера), требуя смѣло и великодушно отъ „своего правительства, чтобъ оно наконецъ „загладило эти несправедливости? Вотъ почему понятна признательность Польши къ „нему самому и къ династіи, къ которой „онъ принадлежитъ. Польша хранитъ для „него и предлагаетъ ему величайшую честь „какую только можетъ она оказать ему и „какую оказать ему она рѣшилась. Она „обязана самой себѣ и Франціи *не избирать никого кромѣ французскаго принца, „и она сдѣлаетъ это*. Продолжителемъ и „представителемъ своего достославнаго минувшаго, своей демократической монархіи, самаго благороднаго, самаго либеральнаго, самаго благодѣтельнаго между „всѣми созданными человѣческимъ разумомъ образами правленія, она не можетъ

„поставить члена тѣхъ династій, кои всѣ участвовали въ сатанинскомъ пріобщеніи польскимъ тѣломъ и кровью."

Можетъ ли быть что нибудь нелѣпѣе и возмутительнѣе этихъ метафоръ? Но дѣло настолько ясно, что польскіе революціонеры выставляютъ принца Наполеона кандидатомъ на химерическій тронъ королевства, которое они мечтаютъ воскресить.

Когда, какъ и при какихъ условіяхъ поставлена эта кандидатура, объ этомъ они добродушно берутся сами извѣстить насъ, и притомъ съ подробностями довольно любопытными и мало извѣстными. Глава III брошюры, о коей идетъ рѣчь, начинается слѣдующимъ образомъ: „Произнося свою рѣчь, внушенную страстною и вмѣстѣ съ тѣмъ самою разумною преданностью дѣлу Франціи и Польши, принцъ Наполеонъ не возвѣщалъ ли о своей кандидатурѣ на польскую корону? Или онъ лишь смутно предчувствовалъ эту величавую будущность? Мы не знаемъ. Но мы не удивились бы этому направленію мыслей. Напротивъ, мы считаемъ его естественнымъ, совершенно законнымъ у принца, носящаго славное имя Наполеона I, который объявлялъ возстановленіе Польши настоятельною необходимостью какъ для Франціи, такъ и для Европы."

Но авторъ брошюры, утверждая, будто ему неизвѣстно имѣлъ ли принцъ Наполеонъ, произнося свою рѣчь, намѣреніе возвѣстить о своей кандидатурѣ на польскій тронъ, тутъ же доказываетъ, что таково въ самомъ дѣлѣ было положительное, давно обдуманное намѣреніе честолюбиваго оратора. Вотъ тѣ неизвѣстныя до сихъ поръ подробности, которыя сообщаетъ авторъ брошюры: „Уже въ тотъ годъ, когда вспыхнула Восточная война и *даже до ея начала*, была сильная пропаганда, чтобы принца Наполеона провозгласить кандидатомъ на польскую корону. Это была иниціатива добровольная, истинно національная, основанная на историческихъ преданіяхъ и на славныхъ во вѣки воспоминаніяхъ первой имперіи, неразрывно соединившихъ Францію съ Польшей. Кандидатура принца Наполеона *не нами выставлена*, хотя она владѣетъ нашимъ полнымъ сочувствіемъ. Шестьдесятъ тысячъ Поляковъ, собравшихся въ Городлѣ 10-го октября 1861, по приглашенію Бобровскаго и Траугутта, делегатовъ варшавскаго комитета, подписали актъ, коимъ принцу Наполеону предлагалась корона. Былъ ли этотъ актъ врученъ принцу? *Мы полагаемъ, что былъ; мы имѣемъ основаніе утверждать это положительно....* Если въ 1863 г. принцъ сказалъ во всеуслышаніе, и конечно съ яснымъ сознаніемъ того, что онъ говорилъ: сердце мое совершенно польское, то актъ 10-го октября 1861, подписанный въ Городлѣ, былъ способенъ утвердить его въ этомъ вѣрованіи, почетномъ для него и для его фамиліи, и столь драгоцѣнномъ для Польши.... Въ 1863 Ромуальдъ Траугуттъ, подполковникъ московской арміи и генералъ арміи польской, принялъ на себя порученіе извѣстить принца Наполеона о его избраніи на престолъ Польши. Онъ исполнилъ это порученіе, и мы просимъ извинить насъ что даже и теперь мы налагаемъ на себя нѣкоторую сдержанность."

Впрочемъ, эта сдержанность, въ которой авторъ брошюры извиняется предъ своими читателями, не простирается очень далеко, ибо черезъ нѣсколько строкъ, говоря что „Траугуттъ, по возвращеніи своемъ въ Варшаву, въ сентябрѣ 1863 г., былъ призванъ къ управленію страною", онъ явно даетъ уразумѣть, что этотъ двойной измѣнникъ, этотъ дезертиръ перешедшій къ непріятелю дабы ввести его въ крѣпость, которую присягалъ защищать, былъ принятъ съ отверстыми объятіями въ Пале-Роялѣ и возвратился оттуда съ полномочіями, которыя ставили его во главу повстанскаго правительства. Извѣстно какъ Траугуттъ исполнилъ это преступное порученіе; извѣстно, что онъ былъ однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ организаторовъ корпуса жандармовъ-кинжальщиковъ и вѣшателей, что посредствомъ тайныхъ убійствъ, поджоговъ и грабежа онъ навелъ ужасъ на самыхъ родаковъ своихъ, и что наконецъ подвергся казни, заслуженной злодѣйствами. Теперь оказывается, что это былъ намѣстникъ принца Наполеона.

Заключеніе этой брошюры есть новое и энергическое воззваніе въ пользу кандидатуры принца Наполеона.

„Мы настаиваемъ", говоритъ авторъ брошюры, „на томъ, чтобы польская корона была предложена принцу Наполеону, который достоинъ ея, по своей любви къ Польшѣ, по своимъ высокимъ личнымъ качествамъ, но особенно потому что онъ Французъ, что принадлежитъ къ династіи заслужившей благодарность Франціи и Ев-

„роны и драгоцѣнной для Польши. Французъ и Полякъ, онъ со славою будетъ „продолжать минувшее этихъ націй, столь „давно соединенныхъ между собою и „столь благородно другъ другу преданныхъ.“

Итакъ, вотъ ключъ къ загадкѣ. Вотъ почему Пале-Рояль не переставалъ съ 1861 г. быть однимъ изъ притоновъ тайной шайки, которая въ 1863 году засѣдала въ варшавскихъ подпольяхъ подъ именемъ ржонда народоваго. Вотъ почему его высочество предпринимаетъ свои поѣздки по Европѣ....

Случай весьма кстати доставляетъ намъ возможность пополнить эти открытія сообщеніемъ содержанія новаго сочиненія, въ коемъ изложены цѣль, поводы и результаты этой политической одиссеи.

Это сочиненіе, подъ названіемъ: *Принцъ Наполеонъ въ Германіи и въ Туриіи*, издано уже не въ Брюсселѣ, а въ самомъ Парижѣ, у книгопродавца-издателя Дантю, въ *Пале-Рояль*. Въ этой брошюрѣ нисколько не замѣтно примѣси польской безмозглости; форма ея и слогъ — очевидно происхожденія французскаго, и по обороту многихъ фразъ легко узнать, что ея авторъ почерпалъ свои идеи изъ одного источника со знаменитымъ ораторомъ французскаго сената.

Что касается до цѣли поѣздки принца Наполеона въ Берлинъ, то она ясно показана въ слѣдующемъ: „Мысль принца Наполеона паритъ превыше случайныхъ обстоятельствъ, и возносится въ область „истинной французской политики, гдѣ онъ „уразумѣлъ, что Россія есть непримиримый „врагъ новой Франціи....“

Итакъ, мысль принца, парящая превыше случайныхъ обстоятельствъ, глубоко враждебна Россіи. Это объясняется до нѣкоторой степени, ибо есть натуры не прощающія полученныхъ ими благодѣяній. Это объясняется также явно признанными видами принца Наполеона на химерическое польское королевство. Но нельзя понять какъ можетъ разсчитывать на успѣхъ во Франціи бездоказательное утвержденіе будто Россія есть непримиримый врагъ новѣйшей Франціи, между тѣмъ какъ справедливо совершенно противное. Истинные интересы какъ Франціи, такъ и Россіи ни въ чемъ не расходятся, не противорѣчатъ другъ другу, и дабы возбудить между этими странами вражду или даже простое несогласіе, надобно чтобы ихъ интересы были принесены въ жертву замысламъ личнымъ и династическимъ.

Какъ бы то ни было, принцъ Наполеонъ отправился въ путь съ цѣлію подогрѣть свою кандидатуру. Прежде всего имѣлась въ виду Познань, но тутъ, само собой разумѣется, горькія разочарованія ожидали его. Было сумасбродствомъ обращаться къ Пруссіи, имѣя въ основаніи своихъ замысловъ претензію на польскій престолъ. Чѣмъ вѣжливѣе былъ оказанный ему въ Берлинѣ пріемъ, тѣмъ болѣе долженъ онъ былъ убѣдиться въ совершенной невозможности придти къ какому-нибудь соглашенію съ Пруссіей для осуществленія своихъ плановъ.

Возвратясь въ Парижъ съ одними разочарованіями, принцъ Наполеонъ не лишился еще бодрости. Брошюра, о которой мы говоримъ, сообщаетъ сокровеннѣйшія размышленія, какимъ онъ предавался. „Въ такомъ положеніи“, думалъ принцъ, „на „что бы лучше всего рѣшиться? Выпытать „Австрію, а потомъ удостовѣриться въ „истинномъ состояніи оборонительныхъ и „наступательныхъ силъ Турціи“. Сказано, сдѣлано. Неутомимый путешественникъ садится въ вагонъ и несется для своихъ развѣдокъ на всѣхъ парахъ въ Вѣну. Результатъ этихъ развѣдокъ изложенъ въ выраженіяхъ столь краснорѣчивыхъ, что не требуется комментаріевъ. „Баварскій дворъ“, сказано въ брошюрѣ, „заявилъ вполнѣ свое „ничтожество, уклоняясь, какъ ребенокъ-„неучъ, отъ свиданія съ принцемъ Напо„леономъ.“ „Уступки Франца-Іосифа“, сказано далѣе, „всегда будутъ только уступ„ками исторгнутыми силою минувшихъ за„трудненій, и онъ всегда захочетъ взять „ихъ назадъ, какъ только ему можно бу„детъ сдѣлать это прилично... Австрія могла „бы снова привлечь къ себѣ Нѣмцевъ своего „государства и южной Германіи, дѣйствуя „либеральнѣе Пруссіи; но ни Францъ-„Іосифъ, ни г. фонъ-Бейстъ неспособны „идти этимъ путемъ. Австрія могла бы воз„становить порядокъ въ своихъ финансахъ, „прекратя свою безумную расточитель„ность, устроивъ у себя дешевые дворъ и „правительство. Но Францъ-Іосифъ ни„когда не согласится отстать отъ смѣш„ныхъ и безсмысленныхъ расходовъ, тре„буемыхъ старинными этикетомъ австрій„скаго двора, а г. фонъ-Бейстъ никогда „не согласится на убавку ни одного крей„цера изъ жалованья, слѣдующаго ему по

„званію канцлера имперіи. Послѣ всего „этого какъ же можетъ Франція разчитывать на поддержку южной Германіи или „Австріи на Востокѣ?“

Невозможно выражаться презрительнѣе на счетъ государя и его перваго министра. Изъ уваженія къ приличію, мы сочли нужнымъ пропустить одно мѣсто еще болѣе язвительное для Австріи. Впрочемъ эти новыя неудачи, кажется, внушили принцу Наполеону совершенное отвращеніе отъ христіанства. О королевѣ Викторіи онъ пишетъ: „Въ Англіи продолжительное царствованіе женщины чрезвычайно ослабило уваженіе, подобающее „королевской власти.“ Гнѣвъ и досада принца простираются даже и на ту сторону Атлантическаго океана. „Можемъ ли „мы надѣяться чего бы то ни было отъ „Америки?“ восклицаетъ онъ. „Очевидно „ничего. Америка смотритъ на насъ съ „высоты своего исполинскаго роста какъ „гиганты Бробдигнага смотрѣли на бѣд„наго Гулливера.“

Послѣ всѣхъ этихъ безплодныхъ попытокъ, принцу Наполеону оставалось искать только у магометанъ орудій для своей политики. И вотъ онъ спѣшитъ отправиться въ Константинополь, принявъ предварительно, проѣздомъ черезъ Букурештъ, привѣтствіе тридцати Поляковъ, представленныхъ ему офиціально французскимъ консуломъ. Но увы! даже на берегахъ Босфора, въ дружескихъ объятіяхъ Фуадъ-паши и Садыкъ-паши наполеоновскій Телемакъ нашелъ только поводы къ новому огорченію. Эти поводы высказаны въ брошюрѣ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Чего „можетъ ожидать Франція отъ Констан„тинополя? Ничего, или очень мало. Во„просъ о христіанахъ, лукаво поднятый „Россіею, лишаетъ султана его власти „надъ истинными правовѣрными, не воз„награждая его ничѣмъ за уступки, сдѣ„ланныя христіанамъ. Послѣдніе только и „думаютъ какъ бы освободиться изъ-подъ „власти его правительства и обращаютъ „свои взоры къ Россіи.“

Брошюра заключается указаніемъ на совершенное одиночество Франціи и на невозможность чѣмъ бы то ни было отвратить столь непріятное положеніе. Спѣшимъ заявить, что мы отнюдь не раздѣляемъ мнѣнія принца Наполеона. Намъ кажется, что Франція останется въ одиночествѣ, и что положеніе ея не можетъ поправиться только до тѣхъ поръ, пока она будетъ терпѣть замыслы и происки, посягающіе на ея достоинство и интересы, въ родѣ тѣхъ, которые такъ цинически изложены въ упомянутой брошюрѣ...

№ 176.

Москва, 13-го августа.

Когда рѣчь идетъ, напримѣръ, о налогѣ на соль или объ акцизѣ на вино, всякій сразу пойметъ, что вопросы эти имѣютъ значеніе для народнаго быта; но скажите „казарменныя помѣщенія для войскъ“, и инымъ, пожалуй, покажется, что рѣчь идетъ о военной спеціальности, которая ни для кого кромѣ самихъ войскъ или военнаго министерства не представляетъ практическаго интереса. Впрочемъ, еслибъ и дѣйствительно рѣчь шла о какомъ-либо вопросѣ касающемся исключительно военной организаціи, то и въ такомъ случаѣ зрѣлое и умное общественное мнѣніе не можетъ оставлять его безъ вниманія, отзываясь его спеціальностью. Развѣ военная организація государства не связана тѣсно съ народнымъ бытомъ, и развѣ всякая существенная въ этой организаціи перемѣна не должна отозваться повсемѣстно и глубоко въ бытѣ народа? Солдатъ берется изъ народа: спрашивается, всѣ ли слои народа подлежатъ этой повинности? Какая участь постигаетъ оторваннаго отъ семьи новобранца? Обреченный къ тому, чтобы въ случаѣ надобности жертвовать жизнію для обороны страны, и искупая своими лишеніями спокойствіе и безопасность своихъ согражданъ, обезпеченъ ли онъ по крайней мѣрѣ въ томъ отношеніи, что отъ него не потребуется жертвъ излишнихъ и напрасныхъ, и что онъ не останется на всю лучшую пору своей жизни оторваннымъ отъ родной среды и изъятымъ изъ гражданскаго общества? Было время, когда солдатъ обрекался на 25-ти-лѣтнюю службу. Теперь срокъ службы сокращенъ болѣе чѣмъ на половину: вмѣсто 25 лѣтъ, всей службы для солдата полагается 12 лѣтъ, непрерывнаго же пребыванія подъ знаменами только 7 лѣтъ. Можно ли сказать, что эта перемѣна въ нашей военной организаціи не имѣетъ значенія для народной жизни? Но и семь лѣтъ срокъ немалый;

военная повинность все-таки остается дѣломъ суровымъ и тяжкимъ. Есть страны, гдѣ дѣйствительной службы требуется отъ солдата только два года. Почему же у насъ срокъ службы не могъ бы быть сокращенъ еще на половину? Почему нашему солдату необходимо оставаться въ рядахъ семь лѣтъ, а не три года? Разница была бы огромная. При такомъ сокращеніи рекрутская повинность утратила бы почти всю свою суровость.

Мы упомянули о казарменномъ помѣщеніи для войскъ. Къ нашему стыду, войска наши, за немногими исключеніями, не имѣютъ для себя помѣщеній. Они расквартировываются въ зимнее время по обывательскимъ домамъ, и вотъ, вслѣдъ за рекрутскою повинностью, на народъ падаетъ еще повинность постойная, коей тягость будетъ все более и более ощущаться по мѣрѣ успѣховъ народнаго благосостоянія, или лучше по мѣрѣ успѣха человѣческаго образа жизни въ нашемъ народѣ. Уваженіе къ семейной жизни, къ неприкосновенности домашняго крова требуетъ прекращенія постойной повинности. Того же требуютъ и интересы тактическаго образованія войскъ. Солдатъ живетъ солдатомъ, обучается и служитъ собственно только три лѣтніе мѣсяца въ году, во время лагерныхъ сборовъ; затѣмъ все остальное время года онъ живетъ не прошенымъ гостемъ въ избѣ мужика, и весьма естественно что для обученія и военнаго образованія требуется вдвое или втрое болѣе лѣтъ чѣмъ въ тѣхъ странахъ, гдѣ солдатъ въ теченіе круглаго года находится на службѣ. Нашъ солдатъ долженъ прослужить десять лѣтъ, для того чтобы, считая по три лѣтніе мѣсяца въ каждомъ году, вышло въ итогѣ два года съ половиной дѣйствительнаго состоянія на службѣ. Такимъ образомъ масса времени теряется совершенно безплодно для военной службы. Какое расточеніе времени и трудовыхъ силъ въ которыхъ мы такъ нуждаемся! Отъ чего же происходитъ это зло? Единственно отъ того, что войска не имѣютъ у насъ своихъ помѣщеній, и что наши солдаты почти три четверти года живутъ разбросанные по деревнямъ, лишь номинально состоя на службѣ.

Итакъ вопросъ о казарменныхъ помѣщеніяхъ для войскъ принадлежитъ къ числу самыхъ серіозныхъ вопросовъ, съ которыми соединяются существенныя интересы и государства, и народной жизни. Ближе всѣхъ поставлены къ этому вопросу земскія собранія; имъ предстоитъ озаботиться изысканіемъ средствъ къ упраздненію этой варварской постойной повинности, и къ замѣненію ея особыми и постоянными помѣщеніями для войскъ. Внимательное изученіе дѣла должно привести ихъ въ убѣжденію, что великія пріобрѣтаемыя чрезъ это выгоды не сопровождаются никакими неудобствами, и что дѣло это, предпринятое раціонально, можетъ быть исполнено безъ отягощенія земства.

Постойнная повинность сама по себѣ есть тяжкое бремя. Она чувствуется тѣмъ тяжеле, что по необходимости распредѣляется неравномѣрно: между тѣмъ какъ нѣкоторыя части страны до крайности обременены постоемъ, другія по нѣскольку лѣтъ не несутъ вовсе этой повинности. Вышедшій недавно *Сводъ сужденій и постановленій земскихъ собраній о земскихъ повинностяхъ*, изданный высочайше учрежденною коммиссіей для пересмотра системы податей и сборовъ, представляетъ обильные матеріалы для изслѣдованія постойной повинности въ ея значеніи для земства.

Съ своей стороны, военное министерство неоднократно призывало содѣйствіе земства къ постройкѣ для войскъ казарменныхъ помѣщеній. Знающіе люди могутъ удостовѣрить, что зимой не только не подвигается строевое образованіе солдатъ, стоящихъ по широкимъ квартирамъ, но и одиночное обученіе ихъ грамотѣ и стрѣльбѣ прерывается. Надобно удивляться природной способности русскаго человѣка, благодаря которой онъ, при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, все-таки выходитъ отличнымъ солдатомъ. Долгая зима протекаетъ безъ всякой пользы для военнаго образованія, а въ лѣтніе сборы войскъ, при нашемъ короткомъ лѣтѣ, да еще при отпускѣ войскъ на заработки, едва-едва можно успѣть довести баталіоны и полки до правильнаго движенія въ сомкнутомъ строѣ и нѣсколько заняться учебною стрѣльбой.

Все имѣетъ своихъ возражателей; можетъ ли обойдтись безъ таковыхъ и вопросъ о казармахъ? Иные скажутъ, что при казарменномъ помѣщеніи болѣзненность и смертность въ войскахъ должны быть больше чѣмъ при стоянкѣ по деревнямъ, и что постройка казармъ стоитъ до-

рого. Первое изъ этихъ возраженій лишено всякаго основанія. Военно-статистическія данныя показываютъ, что въ хорошо устроенныхъ казармахъ здоровье солдатъ сохраняется лучше чѣмъ въ крестьянскихъ избахъ, несмотря на то что при расположеніи въ казармахъ люди несутъ болѣе или менѣе тяжелую службу, а въ деревняхъ расположены на отдыхъ. Что же касается до дороговизны казармъ, то добиваться для войскъ громадныхъ каменныхъ сооруженій, какія встрѣчаемъ мы въ столицахъ, значило бы добровольно отказываться отъ казарменнаго расположенія арміи. Странно думать о роскоши совершенно безполезной, когда неудовлетворены насущныя потребности; еще страннѣе, при возможности удовлетворить такія потребности, откладывать дѣло на неопредѣленное время и довольствоваться фантазіями въ настоящемъ. Не то ли же это, что отказывать голодному въ кускѣ хлѣба, приговаривая, какъ Иванъ Ивановичъ у Гоголя: „тебѣ можетъ-быть и говядинки хочется?“

Не угодно ли заговорить съ иными любителями грандіознаго о казармахъ для арміи: въ ихъ воображеніи мигомъ нарисуются цѣлыя слободы обстроенныя громадными каменными домами, съ великолѣпными учебными плацами, со щегольскими стрѣльбищами, съ манежами, гдѣ можетъ свободно обучаться трехъ баталіонный полкъ; имъ и въ голову не приходитъ, что на размѣщеніе всей нашей арміи съ такою роскошью потребовались бы десятки милліоновъ, и что одинъ ремонтъ подобныхъ помѣщеній, производимый по обыкновенной у насъ системѣ, обходился бы ежегодно въ милліоны. Не лучше ли намъ однако, оставивъ мечты въ сторонѣ, имѣть простыя деревянныя казармы, въ видѣ теплыхъ зимнихъ бараковъ, нежели оставлять солдата жить восемь мѣсяцевъ въ году на крестьянскихъ палатяхъ и питаться чѣмъ Богъ пошлетъ?

Дабы казармы обошлись дешево, нужно прежде всего чтобъ онѣ строились изъ матеріала самаго дешеваго. Въ Сѣверной Америкѣ дерево есть главный, чуть ли даже не единственный матеріалъ, употребляемый на постройку казармъ, а между тѣмъ войска размѣщены тамъ съ такимъ удобствомъ, о какомъ и понятія не имѣютъ наши солдаты, помѣщенные по большимъ городамъ въ каменныхъ зданіяхъ. Въ санитарномъ отношеніи американская армія можетъ послужить образцомъ для европейскихъ, не исключая и англійской. Въ Америкѣ каждый полкъ размѣщается въ теплыхъ, отлично вентилированныхъ двухъ-этажныхъ баракахъ, которыхъ назначается по одному на двѣ роты (каждая во 100 человѣкъ). Кромѣ помѣщенія для нижнихъ чиновъ, въ каждомъ баракѣ имѣются унтеръ офицерскія квартиры и офицерскій покой, кухня, цейхгаузъ, столовая и комната для умыванья. Въ видахъ сбереженія мѣста, кровати нижнихъ чиновъ расположены въ три яруса. Кромѣ этихъ пяти бараковъ (въ полку 10 ротъ), назначается по одному для помѣщенія офицеровъ, для ихъ прислуги и для офицерской столовой, для госпиталя и для цейхгауза. Обозъ и конюшни помѣщаются въ отдѣльныхъ деревянныхъ строеніяхъ. Такимъ образомъ весь полкъ помѣщается въ десяти баракахъ, построенныхъ въ формѣ квадрата, вокругъ широкаго двора, служащаго учебнымъ мѣстомъ. Постройка земствомъ подобныхъ помѣщеній въ нашей сѣверной и средней полосѣ была бы дѣломъ весьма нетруднымъ и относительно дешевымъ, въ особенности если со стороны военнаго вѣдомства, въ чемъ нѣтъ сомнѣнія, была бы оказана подмога рабочими людьми. Нельзя конечно ни надѣяться, ни требовать, чтобы казармы сразу выросли изъ земли со всѣми военными приспособленіями: съ манежами, учебными плацами, гимнастическими городками и т. д. Эти приспособленія могутъ явиться нѣсколькими годами послѣ казармъ, по мѣрѣ денежныхъ средствъ и возможности; но прежде всего нужны казармы, и не нужно терять изъ виду, что люди расположенные по деревнямъ не имѣютъ же этихъ приспособленій. На первое время хорошо было бы и то, еслибы казармы прекратили главное зло: расположеніе арміи на обывательскихъ квартирахъ; все остальное не замедлитъ явиться послѣ того, какъ главное дѣло будетъ сдѣлано.

Выгоды казарменнаго расположенія заключаются въ сосредоточенномъ расположеніи войскъ. При военныхъ дѣйствіяхъ нашего времени, когда войска призваны дѣйствовать значительными массами, необходимо чтобъ и въ мирную пору они получали соотвѣтственную подготовку. Если при разбросанномъ расположеніи нижнихъ чиновъ трудно выработаться хорошему солдату, то не менѣе трудно при этихъ усло-

віяхъ выработаться и хорошему офицеру или генералу. Собирать на короткое лѣто большія массы войскъ, съ тѣмъ чтобы потомъ тотчасъ же разводить ихъ на широкія квартиры, и дорого и затруднительно. Это одна изъ причинъ почему у насъ значительные сборы войскъ имѣютъ мѣсто только подъ Краснымъ Селомъ, и небольшіе—подъ Варшавой и Москвой. Большая часть нашей арміи ограничивается полковыми сборами и, слѣдовательно, большей части ея въ теченіе года не приходится даже увидѣть что такое совокупное дѣйствіе пѣхоты съ артиллеріей или пѣхоты съ кавалеріей; мы не говоримъ уже о соединеніи всѣхъ трехъ родовъ оружія. Военачальнику трудно образоваться, ничѣмъ не командуя, или командуя незначительною частью. Постройка казармъ пособила бы этому горю, такъ какъ, по всей вѣроятности, при такой постройкѣ будетъ принята система постоянныхъ военныхъ лагерей, гдѣ всѣ три рода оружія находятся въ постоянномъ сборѣ. Что касается размѣровъ этихъ лагерей, то можно сказать, что двѣ дивизіи пѣхоты съ артиллерійскими бригадами и бригадою кавалеріи, расположенныя въ одномъ мѣстѣ, подъ общею командой одного генерала, представляютъ всѣ данныя для того чтобы при обученіи войскъ не было пренебрежено одиночнымъ развитіемъ солдата, и чтобы въ то же время войска пріучались къ дѣйствію въ массахъ.

Вопросъ о постройкѣ у насъ казарменныхъ помѣщеній поднимался уже не разъ. Болѣе другихъ извѣстно предложеніе генерала Данненберга, сдѣланное послѣ Крымской войны. Въ 1864 году, когда приводилася въ исполненіе проектъ нормальной дислокаціи, военное министерство увѣдомило министра внутреннихъ дѣлъ, что самое простое разрѣшеніе вопроса о наиболѣе сосредоточенномъ размѣщеніи войскъ заключается въ казарменномъ ихъ расположеніи. Земскія управы были тогда же увѣдомлены, что въ числѣ средствъ для устройства казарменнаго помѣщенія военное министерство указываетъ:

1. На уступку гражданскимъ вѣдомствомъ принадлежащихъ ему ненужныхъ зданій, для обращенія подъ постой войскъ.

2. На приспособленіе земствомъ для этой цѣли бывшихъ соляныхъ и винныхъ магазиновъ, находящихся въ вѣдѣніи министерства финансовъ.

3. На склоненіе городскихъ обывателей и земства къ найму частныхъ зданій для казарменнаго расположенія квартирующихъ войскъ, взамѣнъ исполненія постойной повинности натурою.

4. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ на доставленіе земствомъ однихъ матеріаловъ, изъ коихъ могутъ быть устроены разныя хозяйственныя помѣщенія при содѣйствіи самихъ войскъ.

Нѣкоторыя земства, напримѣръ, Торопецкое, дѣятельно принялись за дѣло, чему, конечно, способствовали мѣстныя обстоятельства. При дешевизнѣ строительныхъ матеріаловъ, и съ помощью войскъ, въ Торопецкомъ уѣздѣ можно было бы устроить новыя помѣщенія дешевле чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ. Кромѣ того расположеніе войскъ въ этомъ уѣздѣ, удаленномъ отъ торговыхъ пунктовъ, обезпечило бы жителямъ сбытъ сельскихъ произведеній. Дѣло однако не могло пойдти далеко впередъ, ибо земство не знало сколько именно, по соображеніямъ военнаго министерства, можно размѣстить войскъ въ Торопецкомъ уѣздѣ, а также какой вмѣстимости должны быть зданія. Еслибы земства всѣхъ уѣздовъ принялись за постройку казармъ съ такимъ же усердіемъ, то нѣтъ сомнѣнія, что въ скоромъ времени у насъ считались бы тысячами постройки для размѣщенія войскъ. Однако,—что же бы вышло? Земство истратило бы значительныя суммы для освобожденія крестьянина и его семьи отъ постоя, но войска не выиграли бы почти ничего. Какъ и теперь, они были бы разбросаны по странѣ, гдѣ рота, гдѣ взводъ.

Приниматься за постройку казармъ слѣдуетъ не иначе какъ систематически, ибо только здравая система можетъ облегчить ходъ дѣла, направляя его неуклонно къ конечной цѣли. Нормальная дислокація составлялась при необходимости раскидывать солдатъ по крестьянскимъ избамъ, тогда какъ при постройкѣ казармъ, очевидно, будетъ предпочтено сосредоточенное расположеніе войскъ въ районахъ желѣзныхъ дорогъ и водяныхъ сообщеній, въ мѣстностяхъ обильныхъ сельскими произведеніями, но сравнительно менѣе удобныхъ для ихъ сбыта, и въ извѣстной близости отъ тѣхъ мѣстъ, которыя были бы избраны для упомянутыхъ выше постоянныхъ военныхъ лагерей.

Обращаясь къ давнопрошедшему, имен-

но къ тому времени, когда впервые сформировалась наша постоянная регулярная армія, мы припоминаемъ, что тотчасъ по окончаніи Сѣверной войны Петръ Великій началъ заботиться о казарменномъ размѣщеніи войскъ. Большая часть помѣщиковъ того времени были противъ постройки казармъ и желали, чтобы солдаты, безъ хлопотъ, были разставляемы по крестьянскимъ дворамъ. Государь, усматривая однако, что тѣмъ дворамъ, гдѣ будетъ постой, предъ тѣми, гдѣ его не будетъ, произойдетъ значительная тягость, и имѣя въ виду сосредоточенное размѣщеніе полковъ, предписалъ войскамъ строить для самихъ себя помѣщенія. Каждая рота имѣла свою слободу. Зданія слободы состояли изъ простыхъ избъ, и были распредѣлены такъ, что на каждаго сержанта, на двухъ унтеръ-офицеровъ и на трехъ рядовыхъ полагалось по одной избѣ. Въ серединѣ слободы помѣщался оберъ-офицерскій дворъ, а въ серединѣ расположенія полка — полковой штабъ, при немъ госпиталь и сараи для полковаго обоза. Матеріалъ для постройки казармъ, лѣсъ и мохъ должно было поставить земство, постройка же производилась полками. Въ степныхъ мѣстахъ, гдѣ трудно было найдти лѣсъ, строились мазанки. Осенью 1724 года было приказано окончательно приступить къ постройкамъ, съ тѣмъ чтобы къ началу 1726 года всѣ работы были совершенно окончены. Свободныя казенныя зданія находившіяся въ мѣстахъ квартированія полковъ, обращались подъ полковые штабы. Полки, поселенные въ балтійскомъ краѣ и вообще не далеко отъ границъ, строили себѣ квартиры не vértно, а побатальонно. Всѣ постройки дѣлались по чертежамъ, высланнымъ при указахъ въ конные и пѣшіе полки. *)

Со смертью великаго преобразователя, дѣло это, какъ и многое при немъ начатое, было задержано. Однимъ изъ первыхъ указовъ императрицы Екатерины I былъ продленъ срокъ постройки воинскихъ помѣщеній съ 2 на 4 года, съ оговоркой, чтобы тамъ гдѣ жители пожелаютъ держать драгунъ и солдатъ, какъ холостыхъ, такъ и женатыхъ съ дѣтьми, въ крестьянскихъ дворахъ, вовсе не строить казармъ. **) Послѣ этого наша армія сразу перешла къ тому способу квартирнаго размѣщенія, который всегда причинялъ такъ много затрудненій и такъ тяготилъ населеніе.

Не наступила ли теперь пора возвратиться къ прерванному дѣлу преобразователя? Не требуютъ ли этого теперь болѣе чѣмъ когда-либо самые настоятельные интересы военнаго дѣла и гражданственности? Не слѣдуетъ ли намъ при этомъ, въ интересѣ дѣла, ограничить свою задачу самыми скромными размѣрами, но отнюдь не откладывать ея разрѣшенія въ долгій ящикъ?

№ 177.

Москва, 14-го августа.

Возвращаемся къ важному вопросу о постоянныхъ помѣщеніяхъ для войскъ, котораго мы коснулись вчера.

Люди близко знакомые съ нуждами нашей арміи и понимающіе всю важность преобразованій послѣднихъ двѣнадцати лѣтъ сознаются, что намъ остается желать еще очень многаго и что главною препоной къ тому, чтобы поставить нашу армію вполнѣ на европейскую ногу, есть недостатокъ казармъ. Безъ сосредоточеннаго расположенія войскъ невозможны ни скорое тактическое образованіе солдата, ни истинная, вошедшая въ плоть и кровь, выработанная жизнью, а не наружная, установленная приказами, дисциплина войскъ, ни наконецъ военная подготовка офицеровъ.

При нынѣшнемъ состояніи военнаго дѣла въ Европѣ, тактическое образованіе солдата можетъ идти успѣшно только въ связи съ умственнымъ развитіемъ его. Необходимость распространить въ войскахъ грамотность такъ теперь ощутительна, что военное министерство, при всѣхъ заботахъ о сокращеніи своихъ расходовъ, вноситъ ежегодно въ смѣту значительную сумму на пріобрѣтеніе однихъ учебныхъ пособій. Но можно ли разсчитывать на успѣхъ обученія, когда большинство солдатъ, въ теченіе восьми мѣсяцевъ въ году, расквартированы между крестьянами и проводятъ время въ праздности?

Въ русской арміи считается свыше 250 тысячъ женатыхъ нижнихъ чиновъ, оставляющихъ семейства свои въ нищетѣ; для этихъ семействъ вопросъ о сокращеніи срока солдатской службы есть въ большей части случаевъ вопросъ о существованіи.

*) *Полное Собр. Законовъ* №№ 4.294, 4.533, 4.543 и 4.630.

**) Ibidem 11 февр. 1825 г. № 4.654.

Можно ли однако серіозно думать о сокращеніи сроковъ службы, когда армейскій солдатъ обучается въ году всего три, четыре мѣсяца, проводя остальные въ крестьянской избѣ, гдѣ, конечно, всего менѣе можно пріобрѣсть военную выправку? Во всей Европѣ сроки службы короче нашихъ, но во всей Европѣ военные чины размѣщаются въ казармахъ. Въ Пруссіи солдатъ совершенно вырабатывается менѣе нежели въ два года: было ли бы это возможно при стоянкѣ на широкихъ квартирахъ?

Если постройка казармъ столь настоятельно вызывается требованіями военными, то съ другой стороны того же настойчиво требуетъ и непомѣрная тягость, которую несетъ земство при нынѣ принятой системѣ расквартированія войскъ. Постойная повинность не отнесена у насъ не только къ числу государственныхъ повинностей, но даже и къ числу губернскихъ. Она распредѣляется до крайности неравномѣрно не только между губерніями и уѣздами, но и между волостями и деревнями одного и того же стана. Нѣкоторые города отягощены ею до крайности. Таковы напримѣръ Кронштадтъ и Ораніенбаумъ. По заявленію домовладѣльцевъ Ораніенбаума, многіе жители значительную часть года вовсе не могутъ жить въ своихъ домахъ, занятыхъ постоемъ *). Въ Кронштадтѣ квартирная повинность переложена на денежную, и домовладѣльцы платятъ ежегодно въ квартирную коммиссію отъ $1/_8$ до $1/_4$ валоваго дохода. Еще болѣе обремененъ постойною повинностью городъ Псковъ. По положенію 3-го октября 1838 года, постойная повинность въ этомъ городѣ отбывается денежнымъ сборомъ въ $2^1/_2$ съ оцѣночной суммы каждаго дома. При принятой въ основаніе оцѣнкѣ обывателямъ приходится платить 25% годоваго дохода; вмѣстѣ же съ налогомъ, падающимъ на недвижимое имущество взамѣнъ подушной подати съ мѣщанъ и прочими сборами, обыватели платятъ около 40% съ доходнаго рубля! **). Отяготительность и ненормальность такого положенія не могли не причинить ущерба благосостоянію города: несмотря на проходящую мимо желѣзную дорогу въ городѣ почти не воздвигается новыхъ построекъ, а улучшеніе городскаго хозяйства немыслимо. Какъ неравномѣрно распредѣляется постойная повинность между разными уѣздами одной и той же губерніи, можно судить изъ того, что въ Псковской губерніи стоимость этой повинности въ теченіи одного года была:

Во Псковѣ и его уѣздѣ	27.284 руб.
Въ Островѣ	9.414 „
„ Опочкѣ	17.874 „
„ Новоржевѣ	1.908 „
„ Великихъ Лукахъ	2.124 „
„ Торопцѣ	2.016 „
„ Холмѣ	2.124 „
„ Порховѣ	36.558 „

Разность огромная! Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, когда войска стягивались на тѣсныя квартиры, въ каждомъ дворѣ размѣщалось отъ 10 до 15 человѣкъ. По исчисленію Елисаветградскаго земства, постойная повинность обошлась въ годъ одному этому уѣзду въ 106.622 руб. *) Сумма чрезвычайная для уѣзда. Если главнымъ недостаткомъ налога считается его неравномѣрность и изнурительность, то нѣтъ налога менѣе удовлетворительнаго чѣмъ повинность постойная, какъ она отбывается у насъ. Она нераціональна до самыхъ частныхъ своихъ примѣненій. Какъ сказано, она распредѣляется неравномѣрно не только по уѣздамъ, но и по волостямъ. По свѣдѣніямъ собраннымъ земскимъ собраніемъ Ростовскаго уѣзда, въ пяти волостяхъ постоя вовсе не было, нѣкоторыя не несли постоя съ незапамятныхъ временъ, въ другихъ изо всего количества деревень постоемъ были заняты отъ $1/_4$ до $1/_3$ деревень, а одна волость вся сплошь была занимаема постоемъ.

Постойная повинность тяжела еще потому, что кромѣ необходимости держать въ своей семьѣ чужаго человѣка, домохозяинъ долженъ продовольствовать постояльца, въ замѣнъ отпускаемаго ему пайка, состоящаго изъ 1 пуда $32^1/_2$ фун. муки и $1^1/_2$ гарнца крупъ въ мѣсяцъ. Недостаточность этого продовольствія домохозяинъ долженъ пополнять отъ себя и безмездно даетъ еще приварокъ. При самой умѣренной оцѣнкѣ приварка (принятой въ земскомъ собраніи Александрійскаго уѣзда, Херсонской губерніи), въ $1^1/_2$ коп. въ день, все даромъ получаемое солдатомъ обойдется домохозяину въ годъ въ 5 руб. 40 коп.; деньги очень значительныя для крестьян-

*) Сводъ сужденій и постановленій земскихъ собраній о земскихъ повинностяхъ, стр. 1073.

**) Іbid стр. 1079.

*) Сводъ сужденій и т. д. стр. 1124.

скаго семейства. Только постройка казармъ можетъ избавить жителей отъ этого установленнаго обычаемъ налога,— говоримъ обычаемъ, потому что выдача приварка войскамъ, находящимся на постоянныхъ квартирахъ, не предписана закономъ и не включена въ уставъ о земскихъ повинностяхъ. Жители обязаны продовольствовать лишь проходящія команды, за отпускаемыя имъ кормовыя деньги. Но обычай возлагать дополнительное содержаніе солдатъ на обывателей, между которыми они расквартированы, такъ утвердился, что съ нимъ сообразуются установленные отпуски на довольствіе войскъ.

Спросятъ, можетъ-быть, имѣютъ ли наше земство средства для постройки казармъ. Не колеблясь, отвѣчаемъ: имѣетъ, особенно если со стороны военнаго министерства будетъ оказано содѣйствіе рабочими людьми, въ чемъ, разумѣется, не можетъ быть сомнѣнія. Наше земство такъ много расходуетъ теперь на квартирное довольствіе войскъ, что если перевести натуральную постойную повинность на деньги, то постройка казармъ обезпечитъ ему несомнѣнную экономію. Конечно, первоначальная постройка потребуетъ затраты капиталовъ, но капиталъ затраченный производительно не уничтожается. Почти вездѣ, гдѣ земство пробовало переводить квартирную повинность въ денежную, оказывается прямая выгода отъ постройки казармъ. По докладу Псковской губернской управы, въ Псковской губерніи квартирное довольствіе двухъ пѣхотныхъ полковъ, 2-хъ батарей, 2-хъ резервныхъ баталіоновъ, 1 губернскаго баталіона и 7 уѣздныхъ командъ, обошлось въ годъ 99.302 руб. Если капитализовать эту сумму даже изъ 10%,—а кому невыгодно помѣстить свой капиталъ на 10%?—то составился бы капиталъ въ милліонъ рублей, на который безъ всякаго сомнѣнія можно выстроить помѣщенія со всѣми удобствами и приспособленіями для несравненно большаго числа войскъ. При такихъ жертвахъ, едва ли можетъ возникнуть сомнѣніе, что земство уѣздовъ обремененныхъ постойною повинностью будетъ только въ выгодѣ, если займется постройкою казармъ, особенно если сдѣлаетъ это съ возможною экономіей. Но тутъ до извѣстной степени необходимо вмѣшательство государства. Само собой разумѣется, что менѣе благопріятно взглянутъ на дѣло тѣ уѣзды и тѣ губерніи, которыя досель были пощажены постойною повинностью. Не требуетъ ли однакожъ справедливость, чтобъ и они приняли на себя долю тягости? Это можетъ быть достигнуто только путемъ законодательства.

Многочисленные протоколы земскихъ собраній показываютъ, что при раціональномъ ходѣ дѣла, земство встрѣтитъ съ полнымъ сочувствіемъ вопросъ о постройкѣ казармъ. Теперь однимъ изъ главныхъ препятствій къ тому должно считать то обстоятельство, что ни одинъ уѣздъ не знаетъ, какая именно доля тягости должна при этомъ пасть на него. Мы видѣли какъ неравномѣрно распредѣлена постойная повинность. Можно ли требовать, можно ли желать, чтобъ уѣзды вслѣдствіе требованій стратегическихъ, особенно обремененные ею, строили казармы на все число войскъ въ нихъ расположенныхъ, когда другіе уѣзды и даже цѣлыя губерніи, совсѣмъ не несутъ такой тягости? Кромѣ того, безъ яснаго закона, земствамъ нѣтъ гарантіи, что по постройкѣ казармъ какимъ-либо уѣздомъ въ него не будутъ введены новыя части войскъ для расквартированія по обывателямъ. Вотъ существенныя препятствія, которыя могутъ быть устранены лишь общимъ государственнымъ законодательствомъ. Ему одному принадлежитъ въ этомъ дѣлѣ иниціатива, какъ и высказано нѣкоторыми земствами. Въ видѣ примѣра укажемъ на Херсонское уѣздное земство. Командующій войсками Одесскаго военнаго округа предложилъ Херсонской губернской управѣ обсудить, не найдетъ ли она выгоднымъ для земства замѣнить постойную повинность постройкой казарменныхъ помѣщеній. Управа предложила этотъ вопросъ Херсонскому уѣздному земскому собранію, которое признало постройку казармъ необходимою, но прежде нашло нужнымъ ходатайствовать: 1) чтобы сдѣлано было распредѣленіе войскъ по всѣмъ губерніямъ; если же затѣмъ потребуется помѣстить больше войскъ въ одной мѣстности противъ другой, то чтобы излишекъ содержался не на счетъ земства этой мѣстности, а на счетъ государственнаго сбора, и 2) чтобы всѣ лишнія казенныя зданія, удобныя для казармъ, были переданы въ земство. По мнѣнію Херсонскаго земства, казармы должны быть устроены и содержимы однимъ уѣздомъ лишь въ одинако-

вомъ размѣрѣ съ прочими уѣздами; излишекъ долженъ пасть на государственный сборъ; постройку же казармъ слѣдуетъ производить не вдругъ, а постепенно, положивъ сборъ по $^{1}/_{20}$ съ оцѣночнаго рубля.

Мы не знаемъ какія послѣдствія имѣло ходатайство Херсонскаго земства, но нельзя не признать, что требованія его справедливы и согласны столько же съ интересами земства, сколько и государства.

№ 178.

Москва, 16-го августа.

Недавно агенство Гаваса въ Парижѣ поспѣшило возвѣстить, что органъ Лондонскаго города, *Times*, остался совершенно доволенъ рѣчью императора Наполеона, сказанною въ отвѣтъ меру города Труа. Это было кстати посреди тревожныхъ толковъ, возбужденныхъ этою рѣчью въ парижской независимой печати. Но вотъ за телеграммой подоспѣла и сама газета, и Парижане съ удивленіемъ нашли въ ней нѣчто иное. Лондонская газета не оказала въ этомъ случаѣ ни довѣрія, ни почтенія къ императору Французовъ... „Выражать „живое удовольствіе по поводу рѣчи им„ператора Наполеона въ Труа," говоритъ *Times*, „*есть долгъ всего человѣческаго рода*, „обитающаго на материкѣ Европы... Фран„цузскія газеты, офиціальныя и полуофи„ціальныя, по тому случаю, что въ рѣчи „императора нѣтъ прямой угрозы нару„шить миръ, выражаются такъ, какъ будто „императоръ даровалъ Европѣ милость, „за которую всѣ мы обязаны питать глу„бочайшую признательность. Многіе Фран„цузы серіозно думаютъ, что если Фран„ція, въ полномъ обладаніи своимъ спо„койствіемъ и достоинствомъ, соглашается „не нападать на своихъ сосѣдей, то это „съ ея стороны есть снисхожденіе, за ко„торое всѣ иностранцы обязаны ей благо„дарностью. Такое чувство Французовъ и „поощреніе встрѣчаемое имъ въ Европѣ „суть недобрыя знаменія для мира: они „доказываютъ, что доброе право недоста„точно сильно въ Европѣ, чтобъ обуздывать политику великихъ военныхъ дер„жавъ."

Что̀ означаютъ эти строки? Еслибъ Европа была болѣе проникнута чувствомъ „добраго права," то „человѣческому роду" нечего было бы обращать вниманіе на слова императора Французовъ: вотъ что теперь проповѣдуетъ вліятельный лондонскій органъ. А давно ли объ этомъ „добромъ правѣ" *Times* былъ иного мнѣнія? Правда, тогда вопросъ былъ не о Рейнѣ, а только о злополучномъ, геройскомъ Критѣ; еще прежде дѣло шло о „политикѣ великой военной державы," которая называлась Пруссіей, какъ нынѣ дѣло идетъ о политикѣ великой военной державы, которая именуется Франціей. Въ сущности же это гибкое ученіе о „правѣ" подчиняется соображеніямъ не имѣющимъ ничего общаго съ вопросомъ о правѣ: права та сторона, чьи домогательства совпадаютъ съ интересами политики Джонъ-Буля; не права та, чьи стремленія въ чемъ бы то ни было прекословятъ этимъ интересамъ...

Увы! для Франціи миновало доброе время „сердечнаго согласія," когда англійская печать коварно льстила ея тщеславію и превозносила величіе и всемогущество ея избранника. Теперь уже нѣтъ надобности щадить французскую чувствительность. Теперь въ Лондонѣ увѣрены, что избранникъ Франціи и безъ того сдѣлаетъ все возможное, чтобъ угодить читателямъ *Times*. Изъ Парижа пишутъ напримѣръ въ аугсбургскую *Allgemeine Zeitung*, что лордъ Станлей настоятельно требовалъ отъ маркиза де-Мутье обезпеченій мира, и что будто бы вслѣдствіе того Наполеонъ III поспѣшилъ озаботиться изготовленіемъ не только своего отвѣта на рѣчь мера города Труа, но будто бы и самой рѣчи означеннаго мера, дабы имѣть случай исполнить требованіе британскаго министра. Теперь уже менѣе прежняго говорится и объ англійской политикѣ невмѣшательства. Такъ вѣнская *Presse* заявляетъ, что миръ обезпеченъ принятымъ Англіей рѣшеніемъ не уклоняться болѣе отъ участія въ вопросахъ европейскаго материка, — рѣшеніемъ, за успѣхъ коего ручается и 1861 годъ, когда по требованію Англіи, императоръ Наполеонъ отказался отъ своихъ притязаній въ Сиріи, и 1864 годъ, когда Англія предпочла лучше пожертвовать Даніей чѣмъ подать какой-нибудь поводъ къ открытію войны на Рейнѣ. А прусскій офиціозный органъ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, съ своей стороны, утверждаетъ, что какъ разъ за

„нѣсколько дней до отъѣзда королевы министерская газета *Morning Herald* весьма опредѣлительно объявила, что даже „на коммерческій союзъ Бельгіи съ Франціей слѣдуетъ взирать такъ же серіозно, „какъ на военный.“ Въ Англіи не вѣрятъ миролюбію императора, но увѣрены въ необходимости, которая изолировала Францію и лишила ее свободы движенія и „свободы союзовъ.“

Одна Австрія до сихъ поръ, повидимому, крѣпко держалась императора Наполеона, но вотъ и она, устами *Дрезденской Газеты* и *General-Correspondenz*, торжественно объявляетъ, что въ случаѣ войны она можетъ стать только на сторону Пруссіи... Послѣ этого органу Лондонскаго города нечего было и взвѣшивать серіозно силу словъ, сказанныхъ императоромъ Французовъ. Правда, г. фонъ-Бейстъ, ободряя Пруссію, не нашелъ нужнымъ приводить въ уныніе и Францію, и внушаемые имъ органы дополнили его завѣренія, столь благопріятныя для Берлина, завѣреніемъ не менѣе благопріятствующимъ Парижу, признавая необходимость замышляемаго тамъ союза какъ единственнаго средства возстановить нарушенное равновѣсіе Европы... „Нейтралитетъ, какъ средство сохраненія „мира; миръ какъ средство сохраненія нейтралитета:“ такова программа г. фонъ-Бейста, высказанная имъ на стрѣлковомъ праздникѣ въ Вѣнѣ. Но въ Берлинѣ не хотятъ довольствоваться такимъ безпристрастіемъ. „Мы не заподозриваемъ искренности этихъ заявленій,“ говоритъ *National Zeitung*, „но въ Вѣнѣ до сихъ поръ „не высказывалось рѣшеніе не противиться „вступленію Юга въ составъ Сѣверо-Германскаго Союза... Заявленія австрійской „печати вообще очень смутны и нерѣшительны. Чего, въ продолженіе одного года, „не высказано Австріей касательно отношеній ея къ Пруссіи? То проповѣдуетъ „она союзъ съ Пруссіей, то предлагаетъ „соглашеніе съ Франціей, то она грозится „образованіемъ южно-германскаго союза, „то объявляетъ рѣшимость не имѣть болѣе ничего общаго съ Германіей и посвятить свои силы единственно упроченію „своего внутренняго состоянія.“ Соглашеніе между Франціей и „Австріей признается „необходимымъ на почвѣ Восточнаго вопроса, вслѣдствіе интересовъ общихъ тамъ „обѣимъ державамъ... Но со стороны Сѣверной Германіи достаточно возвѣщено, „что на почвѣ Восточнаго вопроса она не „имѣетъ никакихъ непосредственныхъ интересовъ. Ея политика тутъ пользуется совершенною свободой. *Къ чему же Австріи „сердечное соглашеніе съ Франціей, когда „пособникомъ своей восточной политики „она можетъ имѣть Германію?*“

Дѣйствительно уже какъ будто видятся нѣкоторыя разногласія между политикой Австріи и Франціи по восточному вопросу: между тѣмъ какъ парижская телеграмма сообщила намъ вчера, что отношенія Франціи къ Румыніи измѣнились въ благопріятномъ смыслѣ вслѣдствіе свиданія императора Наполеона съ г. Братіано, сегодняшняя почта приноситъ намъ извѣстіе, что „если въ Румыніи дѣла дойдутъ до революціоннаго движенія, то со стороны Австріи предвидится даже *вооруженное вмѣшательство...*“ Не странно ли, что какъ разъ въ это самое время въ газетахъ поговариваютъ о намѣреніи князя Карла отречься отъ престола?

Тѣмъ не менѣе и *Times* и берлинскія газеты требуютъ отъ императора Наполеона болѣе положительныхъ заявленій миролюбія чѣмъ рѣчь въ Труа. Парижскій корреспондентъ *Крестовой Газеты* недавно замѣчалъ, что при нынѣшнемъ напряженномъ состояніи общественнаго мнѣнія, самое молчаніе Наполеона III на торжествахъ 14-го и 15-го августа будетъ истолковано въ тревожномъ смыслѣ, а *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* намекала, что эти торжества представляютъ „искреннимъ друзьямъ мира“ самый удобный случай успокоить общественное мнѣніе, высказавъ громко свое желаніе обезпечить спокойствіе Европы... На этотъ разъ берлинскіе намеки остались однакожъ безъ исполненія. Минуло 14-е число; минуло и 15-е; „искренніе друзья мира“ покамѣстъ остались безмолвны. Вопреки внушеніямъ *Times*, вопреки предостереженіямъ *Крестовой Газеты* и увѣщаніямъ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, „особа, въ чьихъ рукахъ находятся первыя данныя къ разрѣшенію задачи,“ не нашла нужнымъ позабавить своими откровеніями читателей остроумнаго *Times*... Безмолвіе избранника Франціи нашло себѣ совсѣмъ иного свойства комментаторовъ: офиціозный *Gaulois* не обинуясь замѣчаетъ что этимъ безмолвіемъ императоръ объяснилъ весьма чистосердечно, что нынѣ прошло время паллiативныхъ средствъ и дѣтскихъ утѣшеній: избранникъ Фран-

ціи, чувствуя, что событія влекутъ его впередъ, не хочетъ-де обманывать общественное мнѣніе... Французская политика очевидно стоитъ на распутіи.

№ 179.

Москва, 17-го августа.

У нас было въ ходу мнѣніе, которое иными высказывалось съ чувствомъ народной гордости,—мнѣніе, будто наше любезное отечество есть міръ совершенно исключительный, гдѣ все должно быть на выворотъ. Мнѣніе это и теперь часто употребляется, какъ аргументъ при сужденіи о разныхъ вопросахъ общественнаго интереса. О чемъ бы ни зашла рѣчь,—начиная съ финансовъ и ассигнацій, и кончая вопросомъ о воспитаніи и объ учебной программѣ въ гимназіяхъ,—непремѣнно раздадутся голоса, которые на всѣ лады будутъ развивать вамъ мудрую тему: что-де Русскому здорово, то Нѣмцу смерть, и наоборотъ. И обыкновенно выходитъ такъ, что изъ особеннаго уваженія къ здоровью русскаго человѣка ему предоставляется пробавляться желудями.

Какъ ни ненавистно, какъ ни нелѣпо это ученіе, къ прискорбію нашему, мы должны сознаться, что у насъ дѣйствительно многое идетъ наперекоръ смыслу и порядку общему для всѣхъ народовъ и обязательному для всѣхъ странъ міра. Вездѣ, при разсмотрѣніи какого бы то ни было общественнаго вопроса, прежде всего берется во вниманіе интересъ общественный, интересъ страны, и всякая точка зрѣнія старается прежде всего зарекомендовать себя тѣмъ, что она наиболѣе соотвѣтствуетъ требованіямъ государственной пользы или народнаго благосостоянія. У насъ наоборотъ, всякая точка зрѣнія считается тѣмъ болѣе уважительною, чѣмъ она менѣе соотвѣтствуетъ подобнымъ требованіямъ, и въ Россіи всего тяжеле отстаивать интересы самой Россіи. Усвойте себѣ точку зрѣнія какого хотите своекорыстнаго частнаго интереса, и вы можете быть увѣрены, что васъ поймутъ; этого мало: объявите, что вы домогаетесь рѣшенія вопроса въ смыслѣ противномъ русскому народу или прямѣе въ интересѣ чужаго государства, васъ выслушаютъ съ пріятностію и пожалуй будутъ рукоплескать вамъ, какъ человѣку хорошему и уму либеральному. Совсѣмъ иное, если вы предадитесь маніи искать во всемъ интереса Россіи: вы прослывете человѣкомъ безпокойнымъ и мрачнымъ; васъ освищутъ и облаютъ; каждое слово ваше примется въ дурную сторону, каждый шагъ вамъ придется брать съ боя, каждую мелочь вытягивать какъ тяжелый возъ по ухабистой и песчаной дорогѣ. Самыя пустыя и очевидныя требованія ваши будутъ казаться крайне притязательными; всякій обманъ будетъ признанъ дѣйствіемъ противъ васъ вполнѣ дозволительнымъ. Въ Пруссіи, напримѣръ, сочли бы сумасшедшимъ того, кто вздумалъ бы доказывать, что правительство этой страны должно сообразоваться не съ прусскими интересами, а съ интересами сосѣдней съ нею державы, Россіи или Франціи, и строить, напримѣръ, свои желѣзныя дороги не такъ какъ нужно Пруссіи, а такъ какъ требуется торговыми или военными интересами той или другой изъ сосѣднихъ націй; у насъ же пожалуй назовутъ сумасшедшимъ того, кто найдетъ, что если воздвигается крѣпость, то ея орудія должны откровенно смотрѣть впередъ, а не назадъ. Интересъ Россіи, какъ истина, по изреченію древняго мудреца, скрывается въ глубокомъ колодцѣ; на виду же и въ дѣйствіи обрѣтаются всякіе другіе интересы, которые впрочемъ не всѣ имѣютъ равную силу. Въ тѣхъ частяхъ Россіи, гдѣ противу-національные интересы не могутъ имѣть мѣста, легко и быстро беретъ верхъ всякій своекорыстный интересъ. Въ окраинахъ, гдѣ поддерживаются какія-либо враждебныя національному единству страны притязанія, первенство принадлежитъ имъ, и интересы частной корысти почтительно предъ ними сторонятся. Самый высшій чинъ въ этой іерархіи принадлежитъ интересу иностранному, который заставляетъ говорить въ свою пользу все прочее, между тѣмъ какъ интересъ Россіи, со дна своего кладезя, едва бываетъ слышенъ.

Бѣдная Либава! тебя не спасло даже и то, что ты находишься въ Курляндіи и въ силу сего считаешься городомъ нѣмецкимъ! Интересъ Либавы пришелся поперекъ гораздо болѣе могущественному интересу соединенной Германіи, и Либава погибла. Интересу курляндскаго приморскаго городка привелось въ кои-то вѣки очутиться истиннымъ русскимъ интересомъ, и вотъ онъ провалился, и его вопли едва слышны изъ кладезя.

Припомнимъ, какое упорное и долгое сопротивленіе встрѣтила Кіевская дорога, и съ какими трудностями и теперь еще приходится бороться Смоленской желѣзной дорогѣ. Но что высказывалось противъ этихъ и другихъ національныхъ русскихъ линій, то не можетъ быть сказано противъ Либавской. Смоленская дорога не вошла-де въ сѣть, а потому строить ее нельзя, хотя можно строить никогда не входившія въ сѣть дороги Моршанскую, Воронежскую, Борисоглѣбскую, Шуйскую, Елецкую, Рыбинскую, Кременчугскую. Смоленская дорога невыгодна-де въ экономическомъ отношеніи,—хотя она соединитъ Москву, главный узелъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ, съ западнымъ краемъ Россіи и со всею западною Европой. Противъ Либавской дороги нельзя приводить и эти аргументы. Выгоды ея бросаются въ глаза, и когда составлялась первоначальная сѣть русскихъ желѣзныхъ дорогъ, на Либавѣ, преимущественно предъ всѣми балтійскими портами, по справедливости, остановилось вниманіе правительства. И вотъ тѣмъ не менѣе Либава остается за штатомъ; она побѣждена безъ боя и хоронится втихомолку. Вмѣсто Либавы, желѣзная дорога соединяющая центральную Россію съ балтійскимъ поморьемъ уперлась въ Ригу, стоящую на берегахъ залива, который болѣе четырехъ мѣсяцевъ въ году остается подо льдомъ. Протянута линія изъ Петербурга до Варшавы, и тотчасъ же дала отъ себя боковой отпрыскъ къ Кенигсбергу, а Либава осталась въ сторонѣ. Въ какихъ направленіяхъ и въ какихъ мѣстностяхъ не строятся и не предполагаются теперь новыя желѣзно-дорожныя сооруженія,—а Либава все-таки остается въ сторонѣ. Проектъ вреднѣйшей Пинско-Бѣлостокской дороги изучался серіозно и брошюры о немъ печатались на казенный счетъ; иныя линіи, коихъ убыточность для казны очевидна, не только предполагаются, но уже отстроены и открыты для движенія. Захотѣлось кому-то построить на счетъ казенной гарантіи линію отъ Ряжска до Моршанска, и дѣло давнымъ-давно сладилось безъ всякихъ затрудненій и споровъ. Мы не удивимся, если наконецъ и Туруханскій край примкнетъ къ сѣтямъ желѣзныхъ дорогъ, а Либава останется въ своемъ разобщеніи. Вся вина ея въ томъ, что она находится по сю сторону русской границы: будь она городомъ прусскимъ, она давно была бы соединена съ сѣтью нашихъ желѣзныхъ дорогъ и даже рижское купечество съ почтеніемъ посторонилось бы предъ нею.

Въ настоящее время, когда послѣ долгаго коснѣнія и колебанія наконецъ закипѣла у насъ стройка желѣзныхъ дорогъ и когда вниманіе правительства снова можетъ остановиться на Либавѣ,—придумана удивительная стратегема. У насъ множество морскихъ не замерзающихъ гаваней, – всего только три на Балтійскомъ морѣ: Балтійскій Портъ, Виндава и Либава. И вотъ, для того чтобъ убить Либаву, сочтено возможнымъ поставить вопросъ такъ: Либава или Виндава, какъ будто два эти мѣста когда-нибудь были или могутъ быть въ антагонизмѣ между собою,—какъ будто эти двѣ, почти единственныя гавани наши на Балтійскомъ морѣ не заслуживаютъ въ равной степени вниманія, и не должны стоять во главѣ соотвѣтственныхъ имъ линій русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Что общаго между линіей Ковно-Либавскою и линіей Рижско-Виндавскою?

Читателямъ извѣстно, что наряжена коммиссія для осмотра обоихъ упомянутыхъ портовъ, съ цѣлію опредѣлить который изъ нихъ наиболѣе представляетъ выгоды къ тому чтобы служить якорною стоянкой для военнаго флота: цѣль прекрасная, хотя нельзя не пожалѣть, что вопросъ объ этомъ не былъ поднятъ прежде, когда на Либавскую гавань не было потрачено болѣе полутора милліона рублей для приспособленія ея къ потребностямъ военнаго флота. Какъ бы то ни было, вопросъ о томъ, который изъ двухъ портовъ можетъ болѣе соотвѣтствовать военному назначенію, не находится ни въ какой связи съ вопросомъ о желѣзныхъ дорогахъ, къ которымъ должны примыкать эти два порта, единственные на нашемъ Балтійскомъ поморьѣ, которые могутъ получить важное значеніе въ эпоху развитія желѣзныхъ дорогъ. Если Виндава представляетъ болѣе удобствъ къ тому, чтобы служить убѣжищемъ для военнаго флота, то пусть портъ ея отдѣлывается и обстраивается соотвѣтственно этой цѣли, и пусть желѣзная дорога соединитъ ее съ Ригой, которая уже стоитъ во главѣ обширныхъ желѣзнодорожныхъ сѣтей, проникающихъ далеко во глубину Россіи до Кіева и низовьевъ Волги. Всякій, кто понимаетъ дѣло, будетъ рукоплескать рѣшенію, которое подыметъ заглохшую Виндаву и дастъ

ей значеніе и мѣсто въ нашей государственной и народной жизни. Но, какъ бы ни было важно то значеніе, которое можетъ пріобрѣсти Виндавскій портъ, онъ отнюдь не замѣнитъ собою Либавы. Не странно ли было бы, еслибы кто-нибудь сталъ аргументировать противъ линіи, соединяющей, напримѣръ, Москву съ Нижнимъ Новгородомъ, ставя на видъ выгоды желѣзной дороги, которая соединяетъ Москву съ Козловомъ? Но ставить вопросъ между Либавой и Виндавой еще невѣроятнѣе....

Если окажется, что Виндава представляетъ особенное удобство къ тому, чтобы служить военною гаванью, тѣмъ лучше; потому что она никогда не можетъ пріобрѣсти самостоятельное торговое значеніе. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи Виндава всегда будетъ только дополненіемъ рижскаго порта, его суккурсаломъ. Зачѣмъ пойдутъ товары въ Виндаву черезъ Ригу, когда они могутъ грузиться въ рижскомъ портѣ? Правда, рижское торговое сословіе пользуется безобразными привилегіями, которыя причиняютъ и русскимъ отправителямъ, и иностраннымъ судовщикамъ ущербы, такъ что торговля будетъ рада всякому порту, лишь бы не имѣть дѣла съ Ригой. Конкурренція Виндавы, конечно, побудитъ Ригу къ лучшему обращенію съ своими торговыми гостями, но неужели и безъ этого невозможныя ни въ какомъ цивилизованномъ государствѣ и терпимыя въ Россіи привилегіи рижскихъ купцовъ не будутъ отмѣнены законодательно, теперь когда Рига, посредствомъ желѣзныхъ дорогъ, захватила себѣ столь громадное значеніе въ системѣ русской заграничной торговли? А какъ скоро дѣла въ Ригѣ освободятся отъ безобразій, грузамъ не будетъ надобности идти на Виндаву и дѣлать лишнихъ 170 или 180 верстъ по желѣзной дорогѣ.

То ли же Либава? Стоитъ взглянуть на карту Европейской Россіи. Она пересѣчена теперь двумя линіями, почти параллельными, сближающимися на юго-востокѣ. Петербургъ, Москва, Козловъ, Борисоглѣбскъ, вотъ одна линія. Рига, Витебскъ, Смоленскъ, Орелъ, Борисоглѣбскъ, вотъ другая. Это двѣ большія артеріи, ведущія къ Балтійскому морю, но онѣ не захватываютъ всего *естественнаго* района русскихъ балтійскихъ портовъ. Западнѣе ихъ нужна еще третья, параллельная имъ артерія, коей южный пунктъ долженъ быть въ сосѣдствѣ Кіева, а портъ—Либава. Привлекать эти обширныя страны къ Рижскому порту было бы такою же натяжкой, какъ и отдавать ихъ Кенигсбергу. Онѣ лежатъ не за Ригой и не за Кенигсбергомъ, а за Либавой, и ихъ коммерческіе интересы могутъ быть удовлетворены только такою линіей, которая соединила бы Либаву, Ковно, Минскъ, Бобруйскъ и Кіевъ, либо Нѣжинъ, или какой-нибудь другой пунктъ на Курско-Кіевской желѣзной дорогѣ. Есть ли что-нибудь общее между этою линіей, долженствующею оживить всю западную Россію, и тѣмъ малымъ клочкомъ, который доведетъ до Виндавской гавани Рижско-Борисоглѣбскую линію и будетъ служить ея дополненіемъ, можетъ-быть весьма желательнымъ, но во всякомъ случаѣ съ экономической точки зрѣнія маловажнымъ?

№ 180.

Москва, 19-го августа.

На дняхъ присланъ намъ первый № новой газеты, озаглавленной *l'Etoile d'Orient* и издающейся въ Букурештѣ на французскомъ языкѣ. Съ перваго взгляда на этотъ листокъ, трудно сказать, съ кѣмъ мы имѣемъ дѣло, но мы опасаемся, чтобы новая букурештская газета не оказалась преемницей покойнаго *Голоса Румыніи*, газеты, которая съ негодованіемъ возстала въ 1868 г. противъ молдо-валахскаго правительства за то, что оно не позволило шайкѣ польскихъ выходцевъ, подъ начальствомъ Милковскаго, безнаказанно нарушать нейтралитетъ и позорить честь юнаго знамени возрождающейся Румыніи... *Голосъ Румыніи* служилъ органомъ франко-польской пропаганды, которая своими гладіаторами въ Букурештѣ имѣла не однихъ польскихъ бродягъ и членовъ французской коммиссіи предпринявшей пересоздать Румынію по образцу Франціи, но также своего рода патріотовъ молдаво-валахскихъ, воспитанныхъ во Франціи и вынесшихъ изъ ея училищъ, вмѣстѣ съ пошлою фразеологіей либерализма старой школы, безсмысленную ненависть къ Россіи..... Эти „патріоты" обогатили свою родину введеніемъ въ нее канкана и другихъ столь же изящныхъ танцевъ, коихъ изученію они спеціально предавались въ *Closerie des Lilas*; но съ тѣмъ вмѣстѣ они надѣлили свою страну тѣмъ же, чѣмъ ихъ французскіе

родоначальники надѣлили Францію: шумною толпой политическихъ крикуновъ, имѣющихъ на все готовыя объясненія и заранѣе на все принятыя рѣшенія. Въ румынской печати они не могли найдти себѣ должный отпоръ. Большая часть газетъ тамъ подпала вліянію польскихъ выходцевъ, останавливавшихся въ Букурештѣ на пути въ Турцію, гдѣ они вступали на службу ислама. Лишь въ недавнее время, не далѣе какъ въ прошломъ году, когда движеніе между турецкими христіанами усилилось, румынскіе публицисты стали замѣчать, что есть различіе между интересами ихъ страны и интересами турецкихъ казаковъ Чайковскаго. Юная румынская печать начала освобождаться отъ вліяній, сдѣлавшихъ ее орудіемъ политическихъ видовъ, кои не имѣютъ ничего общаго съ будущностью Румыніи.

L'Etoile d'Orient, повидимому возобновляетъ замолкнувшія преданія *Голоса Румыніи*. Программа ея повторяетъ всѣмъ извѣстныя заключенія, вынесенныя принцемъ Наполеономъ — „принцемъ, сражавшимся *за насъ* (?) подъ Альмой“ — изъ его послѣднихъ странствій по юго-востоку Европы касательно необходимости возвысить обаяніе Франціи на Востокѣ... Тождественность этихъ двухъ программъ, равно какъ внезапность появленія этой *Звѣзды Востока* немедленно вслѣдъ за проѣздомъ помянутаго принца, восторженные отзывы ея о взаимныхъ сочувствіяхъ, якобы сказавшихся между Румынами и этимъ принцемъ въ продолженіе его кратковременнаго пребыванія въ Букурештѣ, наконецъ свѣдѣнія, принесенныя намъ и телеграфными проволоками, и почтой о внезапномъ возстановленіи наилучшихъ отношеній Тюльерійскаго кабинета къ Букурештскому правительству, — все это даетъ достаточное основаніе для предположенія, что доблестный воинъ, сражавшійся, по сказанію *Звѣзды Востока* при Альмѣ *за Румынію*, не чуждъ происхожденію родившейся на берегахъ Дамбовицы газеты, и что она, вѣроятно, послужитъ достойнымъ суккурсаломъ давно извѣстнаго, на берегахъ Сены, палерояльскаго органа *Opinion Nationale*...

По слѣдующимъ выдержкамъ можно получить довольно полное понятіе какъ о направленіи *Восточной Звѣзды*, такъ и о сходствѣ этого направленія съ новою программою принца Наполеона.

„Какъ XVI вѣкъ былъ вѣкомъ свободы совѣсти, такъ XIX вѣку суждено быть „вѣкомъ возстановленія національностей... „Самое существованіе Румыніи есть воплощенная пропаганда свободы и національности... Занятіе Румыніи иностранцами (то-есть Русскими во время послѣдней Восточной войны) вызвало вооруженный протестъ народовъ Запада противъ мнимыхъ „правъ завоеванія... Спасенная Западомъ „Румынія привязана къ нему узами надеждъ страждущихъ населеній Востока. „*Etoile d'Orient* есть французская трибуна, „воздвигнутая на берегахъ Дуная подъ „румынскимъ созвѣздіемъ и открытая всѣмъ „законнымъ (?) стремленіямъ народовъ Востока... Франція, *старшая дочь церкви* (это говорится въ православной Румыніи) и „мать революціи, предпринимала освобожденіе Греціи, Румыніи и Италіи... но не „довершила ни одного изъ нихъ.“ Для Греціи она сдѣлала много, но восторгъ остылъ, и Франція забыла Грецію для Польши; *для* освобожденія Польши ждала она возвращенія собственной свободы, но вотъ пала монархія, возникла республика и — она отвернулась отъ Польши... За императорскими орлами устремилась Франція на Востокъ; „Россія была разбита, *но только* „*до половины*, воздвигнута преграда, *но* „*недостаточная*“. Также и въ Италіи Франція остановилась на половинѣ дороги и совѣтуетъ нынѣ, что въ Италіи не высказывается анти-прусское настроеніе, какъ совѣтуетъ на то, что и въ Греціи не достаточно сильно настроеніе анти-прусское. „Дѣйствія Митхадъ-паши равняются дѣй„ствіямъ Муравьева“; а между тѣмъ Франція молчитъ и не вступается за бѣдныхъ Болгаръ, стремящихся къ свободѣ. „Чтобъ „остановить вліяніе Россіи, недостаточно „крика противъ ея честолюбія. Дабы пре„дотвратить *опасное* вмѣшательство Россіи „въ дѣла восточныхъ христіанъ, Западу „надо самому заняться этими дѣлами...“

Весь этотъ лживый пафосъ взятъ цѣликомъ изъ *Opinion Nationale*. Если подобныя выходки не дѣлаютъ чести внушителямъ и редакторамъ *Opinion Nationale*, то въ Букурештѣ ихъ безстыдство выходитъ изъ всякой мѣры. Тамъ нельзя не знать, что Россія радуется всякому признаку искренняго желанія со стороны западныхъ державъ пособить *серіозно* и *добросовѣстно* нашимъ братьямъ на Востокѣ. Пусть г. Сенъ-Маркъ-Жирарденъ и Кº оспариваютъ безкорыстіе нашихъ сочувствій къ православ-

ному востоку, но не Румыну, не православному восточному христіанину, приличествовало бы заявлять въ этомъ отношеніи какое-нибудь сомнѣніе, какъ ему не прилично гдѣ бы то ни было, подъ чьимъ бы то ни было вліяніемъ, называть *опаснымъ* вмѣшательство „Россіи въ дѣла восточныхъ христіанъ...“ Возмутительно слышать въ устахъ Румына не только сличеніе Митхадъ-паши съ графомъ Муравьевымъ, не только сожалѣніе, что Россія была разбита лишь на половину, и что преграда, воздвигнутая противъ нея, недостаточна, но также и ликованіе объ освобожденіи Молдо-Валахіи, вмѣшательствомъ Запада, отъ занятія *иностранцами*, то-есть Русскими, когда именно только благодаря потокамъ крови этихъ *иностранцевъ* была спасена румынская народность. Очевидность не требуетъ доказательствъ; она признается всѣми, кто не имѣетъ интереса въ извращеніи истины. Никто не заподозритъ въ излишней преданности къ Россіи г-на Пужада, бывшаго французскаго генеральнаго консула въ Букурештѣ... Будучи самъ женатъ на Румынкѣ, княжнѣ Гикѣ, и ознакомившись со всѣми подробностями историческаго развитія Молдо-Валахіи, г. Пужадъ выводитъ изъ этого изученія слѣдующія заключенія, назидательныя для тѣхъ изъ Румынъ, кои одушевлены напускною ненавистью къ Россіи:

„Было время, когда Россія совершила „великія благодѣянія для Молдо-Валахіи. „Постоянствомъ своихъ усилій она смягчила жестокость правленія государей, „назначенныхъ Портой. Вліяніе это было „благодѣтельно для Румынъ. Россія освободила ихъ отъ турецкихъ крѣпостей и „ввела ихъ въ кругъ европейской семьи; „она надѣлила ихъ кодексомъ, хотя и неполнымъ, но способствовавшимъ ихъ матеріальному и умственному развитію.... „Нельзя отрицать, что Россія имѣла неоднократно порывы великодушія въ пользу Румынъ.“

Это свидѣтельство изъ противнаго Россіи лагеря, и мы совѣтовали бы редакторамъ *Etoile d'Orient* почитать по крайней мѣрѣ книгу г. Пужада, чтобъ освѣжить въ своемъ умѣ исторію своей родины и ея отношенія къ Россіи.

Въ заключеніе своей програмы *Etoile d'Orient* объявляетъ, что „*безъ сомнѣнія* (?) публика окажетъ ей благосклонный пріемъ.“ Мы не раздѣляемъ этой увѣренности даже за румынскую публику. Нѣтъ достоинства въ томъ, чтобы быть орудіемъ честолюбія политическихъ авантюристовъ, въ родѣ палероялькаго принца, и интригъ польской эмиграціи. Политически-образованные Румыны не забыли, конечно, что усерднѣйшіе возстановители Польши — Чарторыйскій и Огинскій — умоляли Императора Александра I присоединить къ Австріи завоеванные Россіей Дунайскія Княжества, въ замѣнъ Галиціи, которая предназначалась къ округленію задуманной ими будущей Польши *).

№ 181.

Москва, 20-го августа.

Ультраофиціозный *Constitutionnel*, комментируя въ своемъ нумерѣ отъ 24-го августа рѣчь произнесенную въ Труа, торжественно объявляетъ въ воспроизводимой ниже статьѣ, что съ горизонта исчезли всякія „черныя точки,“ что положеніе проясняется,“ что „миръ нарушенъ не будетъ,“ что благодаря словамъ императора въ Труа „Франція пріобрѣтаетъ довѣріе къ миру,“ и что потому „мудрость капиталовъ заключается въ смѣлости.“ Послѣдуютъ ли этому призыву капиталы пріютившіеся въ подвалахъ французскаго банка въ числѣ 1.800 милліоновъ франковъ? Не знаемъ, но курсъ ренты, сначала поднявшійся, — весьма впрочемъ незначительно, — будто опомнился, и начинаетъ падать. Это мы видимъ; а что дурныя времена, какъ говоритъ *Constitutionnel*, миновали, что черныя точки съ политическаго горизонта исчезли, это отнюдь не очевидно. Гдѣ онѣ были, эти черныя точки? куда дѣвались? что породило ихъ? что разсѣяло? Справедливо замѣчаютъ, что прямой отвѣтъ на эти вопросы несравненно вѣрнѣе и скорѣе успокоилъ бы общественное мнѣніе, чѣмъ всевозможныя общія фразы и завѣренія миролюбиваго лиризма офиціозныхъ или офиціальныхъ органовъ. Припомнимъ: едва Франція начинала успокоиваться насчетъ „черной точки“ Люксембургскаго вопроса, какъ императоръ Наполеонъ, возвращаясь изъ Зальцбурга, возвѣстилъ въ Лиллѣ,

---

*) Ladislas Czartoryski: „Correspondence et conversation du prince Adam Czartoryski avec l'Empereur Alexandre I“.

24-го августа 1867, своимъ удивленнымъ подданнымъ весьма непріятный для нихъ сюрпризъ, что съ высоты зальцбургской обсерваторіи имъ опять открыты на горизонтѣ „черныя точки." Скоро Французы стали положительно удостовѣряться въ дѣйствительности этихъ точекъ: благодаря имъ, Франція надѣлена подвижною національною гвардіей яко наилучшею гарантіей мира, займомъ въ 429 милліоновъ франковъ, яко необходимымъ дополненіемъ этой гарантіи, и лихорадочною дѣятельностію вооруженій. Но гдѣ же признаки, что въ этомъ отношеніи „мудрость французскаго правительства," доказавъ свое миролюбіе дѣйствительно весьма убѣдительными аргументами 550.000 боеваго резерва и 700.000 ружей Шаспо, успѣла въ чемъ-нибудь и гдѣ-нибудь измѣнить напряженное состояніе европейскаго *status quo*? Сколько извѣстно, все идетъ по прежнему, своимъ обычнымъ и *естественнымъ* порядкомъ, не только на Дунаѣ, и въ Критѣ, и на Босфорѣ, но и на Рейнѣ, и въ Берлинѣ, гдѣ „миролюбивой" программѣ маршала Ніеля, полагающей въ основу гарантій европейскаго мира превращеніе Франціи въ громадную казарму, противопоставляется „миролюбивая" программа генерала фонъ-Мольтке, требующая, чтобы весь материкъ Европы состоялъ впредь подъ военно-полицейскимъ надзоромъ объединенной Германіи. Дѣйствительно, куда ни посмотришь, нигдѣ не замѣтно перемѣны противъ того что было годъ тому назадъ, немотря на миролюбивыя изліянія, коими *Constitutionnel* благоразсудилъ ознаменовать годовщину Лилльской рѣчи. Совершенно также, какъ за годъ предъ симъ, Пруссія медленно, но неуклонно, слѣдуетъ по пути объединенія Германіи съ безусловнымъ исключеніемъ изъ нея Австріи; начальникъ прусскаго генеральнаго штаба осматриваетъ укрѣпленія и позиціи долины Рейна, между тѣмъ какъ въ Германіи то и дѣло ловятъ французскихъ офицеровъ, съ подложными паспортами, тайно занимающихся военною сьемкой. Въ Австріи сильнѣе чѣмъ когда-либо продолжается процессъ политическаго разложенія: Мадьяры съ каждымъ днемъ становятся заносчивѣе и требовательнѣе, распоряжаясь послѣдними силами Австріи, чтобы расширить свое господство на низовья Дуная, и освобождать себя все болѣе и болѣе отъ Вѣны; Чехи протестуютъ именемъ историческаго права и справедливости противъ нынѣшняго порядка вещей въ Вѣнѣ; даже Грацъ отвергаетъ всякую солидарность съ вѣнскимъ рейхсратомъ, и сами Поляки, по внушенію Мадьяръ и въ надеждѣ на союзъ съ ними, согласно извѣстной программѣ Чарторыйскаго, отшатнулись отъ Вѣны, заявивъ о своемъ рѣшеніи не участвовать въ Цислейтанскомъ парламентѣ... Не болѣе успокоительны признаки и въ пограничномъ съ Австріей другомъ великомъ политическомъ тѣлѣ, пораженномъ, подобной, неотвратимымъ разложеніемъ. Точь въ точь какъ въ прошломъ году, продолжаются нынѣ волненія и неурядицы въ Турціи; какъ въ прошломъ году, нетерпѣніе подвластныхъ ей Славянъ стряхнуть съ себя иго выражается кровавыми вспышками; какъ въ прошломъ году, Критъ обагряется кровью; и въ самомъ Константинополѣ наконецъ, совершенно какъ прежде, никто не даетъ ни малѣйшей вѣры мистификаціямъ либеральныхъ турецкихъ учрежденій... Гдѣ же, во всемъ этомъ, знаменія якобы уже совершившагося „проясненія" политическаго горизонта Европы? гдѣ утѣшительные признаки, что „черныя точки," замѣченныя въ августѣ 1867 года, внезапно исчезли въ августѣ 1868 г.?

Замѣчательно, что по мѣрѣ усиленія миролюбиваго настроенія офиціальныхъ и офиціозныхъ завѣреній Тюльерійскаго кабинета, усиливается, какъ бы для равновѣсія, и воинскій пылъ нѣкоторыхъ газетъ, не безъ причины слывущихъ проводниками мысли этого кабинета... Пусть парижскіе корреспонденты прусскихъ газетъ повторяютъ, что порицаніямъ г. Эмиля де-Жирардена никто нынѣ не даетъ вѣры, кромѣ его самого: мы помнимъ, что то же самое повторяли эти корреспонденты въ концѣ іюля 1866 года, когда *Liberté* съ такимъ же пыломъ, также загадочно для публики какъ нынѣ, поддерживалъ своими угрозами и совѣтами, неизвѣстныя въ то время публикѣ настоянія г. Бенедетти, чтобы Франціи было дано приличное территоріальное вознагражденіе за ея „внимательный нейтралитетъ." Онъ и тогда становился въ явное противорѣчіе съ безусловно миролюбивыми офиціальными и офиціозными завѣреніями Тюльерійскаго кабинета. Нынѣ г. де-Жирарденъ безъ всякихъ обиняковъ проповѣдуетъ, для Франціи, *безотлагательную* необходи-

мость борьбы съ Пруссіей, но голосъ его вопіетъ не совсѣмъ въ пустынѣ. Ему вторитъ большинство независимой печати Франціи;“ ему вторитъ полуофиціозная, клерикальнаго оттѣнка, *la Presse;* ему вторитъ и „младшій братъ“ ультра-офиціознаго *Constitutionnel*, тоже ультра-офиціозный *Pays;* ему вторитъ наконецъ и самъ *Constitutionnel*, который, какъ будто въ предвидѣніи отъѣзда императора, разъясняетъ необходимость и законность регентства императрицы... Въ то же время *Opinion Nationale* мѣтко припоминаетъ, что каждый разъ когда императоръ Наполеонъ готовился къ войнѣ, между газетами *Constitutionnel* и *Pays*, являлось такое же противорѣчіе какъ и нынѣ; одинъ изъ этихъ двухъ ультра-офиціозныхъ органовъ съ такою же настойчивостью проповѣдывалъ миръ, съ какою другой проповѣдывалъ войну.

№ 182.

Москва, 21-го августа.

Отъ виленскаго генералъ-губернатора, черезъ посредство главнаго управленія по дѣламъ печати, получена была нами для помѣщенія въ нашей газетѣ статья, въ коей излагаются свѣдѣнія объ учителѣ Лядинскаго училища, Игуменскаго уѣзда, Минской губерніи, сынѣ православнаго священника Терентіи Минкевичѣ, высланномъ изъ своей родины въ 1856 году, на жительство въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Сообщеніе это было напечатано нами за три дня передъ симъ, въ № 179 *Московскихъ Вѣдомостей;* считаемъ долгомъ возвратиться теперь къ этому предмету и занять имъ нашихъ читателей во имя истины и справедливости, тѣмъ болѣе что вышеупомянутое офиціальное сообщеніе не могло не возбудить, во всякомъ внимательномъ читателѣ, весьма странныхъ и смутныхъ вопросовъ. Объ этомъ Минкевичѣ первоначально были сообщены свѣдѣнія въ № 21 *Современной Лѣтописи* и потомъ въ № 152 *Московскихъ Вѣдомостей*, гдѣ было напечатано письмо на наше имя отъ его племянника. Нѣтъ сомнѣнія, что читатели поспѣшили прочесть офиціальное сообщеніе, которое должно было бросить свѣтъ на этотъ поразительный фактъ и объяснить его сколько-нибудь удовлетворительнымъ образомъ. Многіе могли приписывать странность этого факта неполнотѣ или неточности свѣдѣній, которыя были первоначально сообщены о немъ въ нашей газетѣ. Но вотъ сама администрація взялась разказать это загадочное дѣло, администрація находящаяся на мѣстѣ и имѣющая въ своемъ обладаніи всѣ относящіяся къ дѣлу документы. Читатели имѣли право надѣяться, что офиціальное объясненіе устранитъ изъ этого дѣла по крайней мѣрѣ то, что можетъ бросать тѣнь не столько на отдѣльныя дѣйствія административныхъ властей сколько на правила, которыми они руководствуются, на ихъ воззрѣнія, на ихъ образъ мыслей. Всякаго рода случайности, и недоразумѣнія возможны всегда и вездѣ; но общественное мнѣніе не можетъ не смущаться, если ошибка возводится въ правило и прискорбная случайность выставляется какъ правительственная мудрость. Къ сожалѣнію, помѣщенный нами офиціальный разказъ не только не успокоитъ публики въ этомъ отношеніи, но еще усилитъ ея смущеніе.

Офиціальный разказъ ни въ чемъ не опровергаетъ сообщенныхъ нами свѣдѣній о Терентіи Минкевичѣ; напротивъ, онъ во всемъ подтверждаетъ ихъ, но въ противоположность нашему разказу отличается тономъ рѣзкаго сужденія о личности Минкевича и усиленіемъ красокъ въ характеристикѣ дѣйствій тогдашней виленской администраціи по отношенію къ этому страдальцу.

Вотъ сущность офиціальнаго сообщенія: „Бывшій учитель Лядинскаго духовнаго „училища, исключенный изъ духовнаго „званія Терентій Минкевичъ, въ октябрѣ „1855 года отправилъ по почтѣ къ бывшему шефу жандармовъ, генералъ-адъютанту графу Орлову, безыменное письмо, „въ коемъ сообщалъ, что въ литовскихъ „губерніяхъ распространены заграничныя „брошюры, могущія имѣть опасныя послѣдствія для общественнаго спокойствія, и „что въ литовскихъ губерніяхъ таится злоумышленіе имѣющее связь съ преступными замыслами противъ правительства „обнаруженными въ то время въ городѣ „Минскѣ.“ Это безыменное письмо, или „извѣтъ“, какъ оно названо потомъ въ офиціальномъ разказѣ, было препровождено изъ III отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества канцелярія къ

тогдашнему виленскому генералъ-губернатору для дознанія. Оказалось, что „большая часть обвиненій возведенныхъ Минкевичемъ на разныхъ лицъ уже была въ „виду коммиссіи, производившей изслѣдованіе въ городѣ Минскѣ“, по случаю открытаго тамъ „злоумышленнаго общества“. Не смотря на то что такимъ образомъ *большая часть* показаній сдѣланныхъ Минкевичемъ оказались не лишенными основанія, — ибо къ тѣмъ же фактамъ пришла и слѣдственная коммиссія, — офиціальное сообщеніе называетъ ихъ однако извѣтомъ, и продолжаетъ такъ: „*прочіе извѣты* Минкевича оказались голословными, неосновательными и приведены „имъ, какъ съ достовѣрностью слѣдуетъ заключить, съ *цѣлію показать будто бы „свою приверженность правительству и „въ предположеніи, что при бывшихъ въ „1855 году, военныхъ событіяхъ, его извѣ„тамъ дадутъ вѣру, и онъ получитъ воз„награжденіе.*“ Эти офиціальныя строки не могутъ не повергнуть въ изумленіе читающую публику. Администрація, а не какая - либо оппозиціонная партія въ обществѣ, отзывается съ негодованіемъ и презрѣніемъ о человѣкѣ за то, что онъ хотѣлъ изъявить свою приверженность правительству, и выставляетъ его поступокъ въ ненавистномъ свѣтѣ, допуская заключеніе, что онъ дѣйствовалъ только въ надеждѣ получить вознагражденіе. *Извѣтомъ* называются показанія, *большая часть* коихъ признана не лишенными основанія, а заключеніе о недостойныхъ побужденіяхъ допускаются безъ всякаго указанія на какія-либо обстоятельства, которыя могли бы послужить ему основаніемъ; этого мало: заключеніе это допускается вопреки очевидному факту, упомянутому выше. За нѣсколько строкъ предъ тѣмъ, въ самомъ сообщеніи было сказано, что Минкевичъ препроводилъ къ шефу жандармовъ *безыменное* письмо: какимъ же образомъ онъ могъ разчитывать на вознагражденіе оставаясь неизвѣстнымъ? Считаемъ нелишнимъ присовокупить, что Минкевичъ, какъ видно изъ дѣла, принималъ особенныя, весьма хлопотливыя мѣры къ тому, чтобъ остаться неизвѣстнымъ; спрашивается: какія же, въ виду этого обстоятельства, надобно имѣть основанія, для того чтобъ уличать человѣка въ корыстныхъ побужденіяхъ?

Но имѣлъ или не имѣлъ Терентій Минкевичъ какія-либо корыстныя побужденія для изъявленія своей приверженности правительству, гдѣ же, спрашиваетъ изумленный читатель, преступленіе этого человѣка? Еслибъ и въ самомъ дѣлѣ захотѣлъ онъ отличиться предъ правительствомъ своею ревностью и надѣялся современемъ получить награду, памятуя поговорку, „за Богомъ молитва, а за царемъ служба не пропадаютъ“, то что же въ этомъ могутъ найдти дурнаго административные чины, большие и малые, которые не считаютъ же грѣхомъ получать награды за показаніе своей ревности на службѣ?

Поступокъ Минкевича, виновнаго въ томъ что онъ хотѣлъ изъявить свою приверженность къ правительству, представляется, именно съ офиціальной точки зрѣнія, до такой степени предосудительнымъ, что для смягченія его требуется наилучшая аттестація о характерѣ человѣка и обо всей прошлой жизни его. Къ несчастію, какъ сказано въ офиціальномъ сообщеніи, „свѣдѣнія, имѣющіяся о самомъ „Минкевичѣ, были далеко не въ его пользу“. Онъ былъ два раза подъ слѣдствіемъ, въ 1839 и 1848 годахъ, за поступки, какъ явствуетъ изъ офиціальнаго разказа, противозаконные, а въ 1849 году подавалъ въ синодъ просьбу съ жалобою на злоупотребленія консисторіи, вслѣдствіе чего былъ исключенъ изъ духовнаго званія.

Изумленіе читателя возрастаетъ: Вотъ человѣкъ, который попадался въ противозаконныхъ поступкахъ, и все ему сходило съ рукъ; но онъ вздумалъ показать свою приверженность правительству, и попался. Все что прежде проходило ему даромъ, тутъ возстало противъ него грозною уликой. И его безпокойный характеръ, и противозаконные поступки молодыхъ его лѣтъ, все надлежащимъ образомъ вмѣнено ему въ вину, какъ только оказалось, что онъ, въ довершеніе ко всему, заразился недугомъ изъявлять приверженность своему правительству, — и при томъ гдѣ же? — въ краѣ исполненномъ элементовъ мятежа и измѣны!... Кто знаетъ, можетъ-быть этотъ Минкевичъ (такъ подумаетъ иной читатель) въ былое время самъ увлекался польскими идеями, и быть можетъ тѣ противозаконные поступки его прежней жизни о которыхъ упоминается въ офиціальномъ разказѣ, находятся въ связи съ какими-нибудь политическими злоумышленіями; но съ лѣтами онъ остепенился, возвратился на путь долга, хотѣлъ быть-можетъ загла-

дить предъ правительствомъ свои прежнія преступныя дѣйствія, и вотъ именно за это подвергается тяжкому позору, и сосланъ, *для пользы края*, въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, который долженъ былъ стать для него тюрьмой... Признано нужнымъ, продолжаемъ словами официальнаго сообщенія, „для предупрежденія на будущее время со стороны Минкевича *подобныхъ поступковъ* и во вниманіе къ болѣзненному и жалкому состоянію Минкевича, *посвятившаго себя покаянію и молитвамъ*, какъ *для пользы края*, такъ „и для него самаго, отправить его на „жительство въ Валаамскій или Кирилло-„Бѣлозерскій монастырь, а сдѣланныя имъ „показанія оставить безъ дальнѣйшаго „разслѣдованія.“

Какая ужасная иронія!... Пусть бы лучше осталось это въ архивахъ канцелярій... Какой страшно-назидательный урокъ для русскихъ людей въ этомъ злополучномъ западномъ краѣ, гдѣ людей бьютъ и за то что они бунтуютъ, и за то что они изъявляютъ приверженность къ правительству, — и за то что они хотятъ быть поляками, и за то что они хотятъ быть русскими!... Когда мы излагали дѣло Минкевича, то мы старались по возможности смягчить впечатлѣніе, и объяснили исходъ его случайностями обстоятельствъ того времени. Но официальное сообщеніе безпощадно выставляетъ на видъ именно ту сторону дѣла, которая всего болѣе должна смущать публику...

Какъ прежде, такъ и теперь, въ дѣлѣ несчастнаго Минкевича мы всетаки видимъ не болѣе какъ печальную случайность. Дѣло Минкевича началось при одномъ генералъ-губернаторѣ, а окончилось при другомъ. Новый генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ Назимовъ, прибылъ въ Вильну въ 1856 году, когда относительно Поляковъ предположено было принять такъ-называемую примирительную политику. Имѣлось въ виду уступчивостію и лаской расположить мѣстныхъ пановъ къ лучшимъ чувствованіямъ. Показанія Минкевича рѣшено было оставить безъ вниманія какъ пустые навѣты и тѣмъ показать довѣріе къ панамъ; а между тѣмъ услужливая среда, наполненная польскими элементами, сумѣла представить автора показаній негодяемъ, съ которымъ церемониться нечего. Онъ казался самымъ пригоднымъ матеріаломъ для того чтобы на немъ отпечатлѣть великодушіе новой политики по отношенію къ польскимъ панамъ; онъ, казалось, такъ и напрашивался на то, чтобы послужить очистительною жертвой.... Послѣ 1830 года исполнилось тогда слишкомъ 25 лѣтъ, а 1863 годъ былъ еще далеко впереди. Въ послѣдствіи генералъ-адъютантъ Назимовъ, ознакомившись съ положеніемъ дѣлъ, во многомъ измѣнилъ направленіе ввѣренной ему администраціи относительно польскихъ пановъ, сколько это было возможно при господствовавшихъ въ то время идеяхъ. Твердость и рѣшимость, съ какими виленская администрація дѣйствовала, когда открылся великій крестьянскій вопросъ, и заслуги, оказанныя ею въ то время, всего лучше свидѣтельствуютъ, что печальный эпизодъ съ Минкевичемъ былъ случайнымъ недоразумѣніемъ, которое не можетъ служить основаніемъ для неблагопріятныхъ заключеній объ образѣ мыслей лица, стоявшаго тогда во главѣ виленской администраціи. Совсѣмъ иное дѣло теперь, послѣ опытовъ 1863 года, послѣ тѣхъ разоблаченій, къ которымъ онъ подалъ поводъ, послѣ того всесторонняго изученія, которому подвергся польскій вопросъ. Теперь повторить ошибку, которая въ 1856 году была лишь печальною случайностію, не было бы уже ни случайностію, ни ошибкой. Мы увѣрены, что лица стоявшія въ 1856 году во главѣ виленской администраціи сознали бы чистосердечно свою ошибку, еслибъ имъ довелось внимательно пересмотрѣть дѣло, о которомъ идетъ рѣчь, что они не стали бы глумиться надъ жертвой своей ошибки, и не стали бы разказывать это дѣло такъ, чтобъ оно послужило страшнымъ урокомъ для русскихъ людей въ западномъ краѣ, которые вздумали бы обнаруживать свою приверженность къ правительству.

Нынѣшняя виленская администрація, сообщившая намъ для напечатанія свѣдѣнія о Минкевичѣ, имѣла возможность узнать дѣло въ точности; у ней въ рукахъ находятся всѣ документы, на которые она ссылается.

Какъ сказано въ официальномъ сообщеніи, свой отзывъ о характерѣ и прошлой жизни Минкевича, виленская администрація основала единственно на показаніяхъ полученныхъ ею отъ архіепископа Минскаго, въ вѣдѣніи коего Минкевичъ состоялъ. Намъ извѣстенъ подлинный от-

зывъ преосвященнаго Михаила, и мы не можемъ не подивиться, что изъ этого отзыва, въ официальномъ сообщеніи, исключено все что говорится въ пользу Минкевича и остальное представлено въ невѣрномъ свѣтѣ и преувеличенномъ видѣ. Утверждая это, мы знаемъ, что должны представить доказательства. Но лучшаго доказательства не можетъ быть, какъ сличеніе словъ преосвященнаго Михаила съ тѣми мѣстами официальнаго сообщенія, гдѣ передаются его слова.

Отзывъ преосвященнаго Михаила.

Терентій Минкевичъ, по окончаніи въ 1835 году курса наукъ въ семинаріи, состоя еще неопредѣленнымъ на мѣсто, подвергся въ 1839 году слѣдствію и суду по *жалобѣ арендованаго владѣльца* имѣнія Протасевичъ, Бобруйскаго уѣзда Янушевича, о возмущеніи имъ, Минкевичемъ, крестьянъ къ неповиновенію ему, Янушевичу, *о составленіи отъ имени тѣхъ крестьянъ на Янушевича жалобы за обремененіе ихъ повинностями*, о непозволительномъ задержаніи Минкевичемъ посланнаго отъ Янушевича письма, о неправильномъ распоряженіи военною экзекуціей для сбора въ церковь денегъ и о неприличномъ (?) обращеніи Минкевича съ крестьянами въ церкви. По этому дѣлу Минкевичъ полиціей взятъ былъ подъ стражу и заключенъ въ Бобруйскомъ острогѣ, откуда освобожденъ по Всемилостивѣйшему манифесту, на основаніи коего рѣшеніемъ Минской уголовной палаты, утвержденной правительствующимъ сенатомъ, положено: *не входя въ подробное разсмотрѣніе прописанныхъ поступковъ Минкевича*, объявить ему о томъ со внушеніемъ Монаршей милости. Причемъ, *по случаю аппеляціи Минкевича на то новое палаты о немъ рѣшеніе* и т. д.

Официальное сообщеніе.

Онъ, какъ сообщилъ бывшій минскій архіепископъ Михаилъ отъ 12-го марта 1856 года, за № 699, едва кончивъ курсъ наукъ въ семинаріи и не бывъ еще опредѣленъ на мѣсто, въ 1839 году подвергся слѣдствію и суду за возмущеніе крестьянъ противъ своего владѣльца, за что содержался въ Бобруйской крѣпости и былъ освобожденъ на основаніи Всемилостивѣйшаго манифеста.

Подлинныя слова архіепископа Минскаго не оставляютъ сомнѣнія относительно этого перваго факта изъ прошлой жизни Минкевича, который былъ поставленъ противъ него какъ обстоятельство отягчительное. Слѣдуетъ вопервыхъ принять въ соображеніе, что дѣло происходило въ одной изъ губерній западнаго края, гдѣ бѣдный сельскій русскій людъ былъ всегда предметомъ безсовѣстной и жестокой эксплуатаціи со стороны ополяченныхъ пановъ и шляхты. Вовторыхъ, изъ показанія преосвященнаго Михаила явствуетъ, что Янушевичъ, подавшій жалобу на Минкевича, вовсе не былъ, какъ значится въ официальномъ сообщеніи, владѣльцемъ крестьянъ, за коихъ Минкевичъ вступался, а пользовался ихъ трудомъ только въ качествѣ арендатора. Втретьихъ, Минкевичъ былъ посаженъ въ острогъ полиціей только вслѣдствіе поданной на него жалобы, а не по судебному рѣшенію, которое еще не состоялось, и нѣтъ основанія полагать, что дѣйствія, за которыя онъ былъ посаженъ въ острогъ, имѣли дѣйствительно преступный характеръ. Напротивъ, изъ подлинныхъ словъ архіепископа слѣдуетъ заключить, что въ дѣйствіяхъ Минкевича, тогда еще пылкаго юноши, быть можетъ не совсѣмъ осторожныхъ, не было ничего преступнаго, тѣмъ менѣе безнравственнаго, и что они могли быть внушены самымъ уважительнымъ нравственнымъ побужденіемъ. Дѣло его еще не было разсмотрѣно судомъ, когда послѣдовалъ Всемилостивѣйшій манифестъ, вслѣдствіе котораго Минкевичъ былъ выпущенъ изъ острога. Еслибъ онъ сознавалъ себя виновнымъ, то онъ былъ бы доволенъ счастливъ случаемъ, возвратившимъ ему свободу и прервавшимъ судебное слѣдствіе, подъ которымъ онъ находился. Но изъ показаній преосвященнаго Михаила видно, что Минкевичъ не былъ доволенъ этимъ исходомъ, и хотѣлъ чтобы дѣло его было до конца разсмотрѣно судебнымъ порядкомъ. Онъ имѣлъ право требовать, чтобы судъ надъ нимъ продолжался, хотя по своей юридической неопытности не умѣлъ формуловать свое требованіе, которое и не было принято въ уваженіе. Очевидно однако, что человѣку въ его положеніи только при полной увѣренности въ своей правотѣ можно было требовать продолженія суда надъ собой.

Преосвященный Михаилъ.	Официальное сообщеніе.
Кромѣ того Терентій Минкевичъ состоялъ и въ 1848 году, подъ слѣдствіемъ по жалобѣ дворянина Касперовича о нападеніи Минкевичемъ въ ночное время на домъ его, Касперовича, о вытѣсненіи его изъ онаго и о другихъ противозаконныхъ поступкахъ. *Но что таковымъ слѣдствіемъ обнаружено, о томъ свѣдѣнія* въ консисторіи изъ Игуменскаго земскаго суда *не имѣется.*	Въ 1848 году Минкевичъ вновь находился подъ слѣдствіемъ по дѣлу о нападеніи имъ въ ночное время на домъ дворянина Касперовича и по другимъ противузаконнымъ поступкамъ.

Изъ подлинныхъ словъ преосвященнаго Михаила явствуетъ, что на Минкевича подана была дворяниномъ Касперовичемъ жалоба, но что жалоба эта не была признана основательною даже со стороны земской полиціи, которая, особенно въ тѣ времена и въ тѣхъ мѣстахъ, отличалась весьма усердною исполнительностію въ отношеніи къ беззащитнымъ бѣднякамъ подобнымъ Минкевичу, когда имъ случалось приходить въ столкновеніе съ людьми болѣе или менѣе сильными. Можно ли допустить, чтобы столь тяжкое преступленіе, какъ ночное нападеніе на мирное жилище, осталось безнаказаннымъ, еслибы жалоба Касперовича оказалась заслуживающею вниманія? А между тѣмъ виленская администрація вовсе не упоминаетъ о томъ, что слѣдствіе *не обнаружило степени справедливости* жалобы Касперовича,—и упускаетъ изъ виду, что еслибы жалоба эта была признана основательною, то Минкевичъ давно былъ бы въ солдатахъ или въ Сибири.

Преосвященный Михаилъ.	Официальное сообщеніе.
Изъ справки сей В. В. изволите заключить, что Терентій Минкевичъ съ раннихъ поръ выказалъ неспокойный характеръ и непреодолимую страсть къ доносамъ и жалобамъ. *Зная же хорошо Терентія Минкевича, я нужнымъ считаю добавить, что онъ самъ себя и близкіе ему считаютъ его поборникомъ правды, и я съ своей стороны убѣжденъ, что Терентій Минкевичъ въ своихъ доносахъ могъ всегда имѣть болѣе или менѣе справедливое основаніе,* но будучи отъ природы желчнымъ, нетерпѣливымъ и непоблажливымъ, преувеличивалъ во всемъ и во всемъ видѣлъ черныя пятна.	Къ сему преосвященный Михаилъ присовокупляетъ, что онъ лично знаетъ Минкевича, который съ юнаго возраста имѣлъ неспокойный, желчный, нетерпѣливый характеръ и непреоборимую страсть къ доносамъ и жалобамъ.

Просимъ читателей прочесть еще разъ подлинныя слова преосвященнаго Михаила и обратить особенное вниманіе на тѣ изъ нихъ, которыя напечатаны курсивомъ и о которыхъ нѣтъ и помину въ официальномъ сообщеніи. Они имѣютъ двойную цѣну: возстановляя нравственный характеръ поруганнаго Минкевича, они въ то же время свидѣтельствуютъ о высокой, истинно христіанской справедливости сказавшаго ихъ архипастыря. Минкевичу доводилось неоднократно сталкиваться съ епархіальнымъ управленіемъ. Какъ изображаетъ его преосвященный, Минкевичъ былъ „непоблажливъ,“ и принималъ живо къ сердцу все что казалось ему неправильностію и злоупотребленіемъ. Всѣмъ извѣстно, въ какомъ жалкомъ положеніи находилось православное духовенство западнаго края до 1863 года, когда событія наконецъ обратили на этотъ край вниманіе всей Россіи. Минкевичъ видѣлъ неправильности въ положеніи дѣлъ, протестовалъ противъ нихъ, но весьма естественно, что онъ не всегда могъ распознать истинныя причины зла, и нерѣдко приписывалъ произволу лицъ то что было только неотразимымъ дѣйствіемъ обстоятельствъ. Тѣмъ большее достоинство имѣетъ благородный отзывъ преосвященнаго Михаила о человѣкѣ, который былъ несправедливъ къ нему самому, но котораго всѣ протесты и жалобы, тѣмъ не менѣе всегда имѣли, какъ свидѣтельствуетъ самъ преосвященный, болѣе или менѣе уважительное основаніе, и который, хотя бы и ошибался въ своихъ сужденіяхъ, всегда дѣйствовалъ добросовѣстно и въ интересѣ правды.

Вотъ въ какомъ свѣтѣ выходитъ личность Минкевича изъ отзыва архіепископа, который близко зналъ его, и на авторитетъ котораго ссылается официальное сообщеніе, представляя того же Минкевича, въ видѣ столь ненавистномъ и презрительномъ.

Что же касается до того событія въ жизни Терентія Минкевича, которое имѣло для него столь роковыя послѣдствія,

то мы имѣемъ объ этомъ полныя и совершенно положительныя свѣдѣнія. Съ нашей стороны было бы непростительнымъ малодушіемъ, еслибы мы, зная истину, уклонялись возстановить ее. Мы не замедлимъ возвратиться къ этому предмету.

№ 183.

Москва, 22-го августа.

А.

Вопреки всевозможнымъ опроверженіямъ, вопреки угрозамъ англійской министерской печати и презрительнымъ насмѣшкамъ прусской, толки о тайныхъ усиліяхъ Тюльерійскаго кабинета заключить союзъ съ окружающими Францію мелкопомѣстными государствами, повидимому, съ каждымъ днемъ усиливаются какъ во французской публикѣ, такъ и въ англійской. Лондонская телеграмма сообщила намъ на дняхъ о новой статьѣ газеты *Times*, признавшей нужнымъ заняться еще разъ серіознымъ обсужденіемъ этого вопроса и, какъ видно, высказаться по этому поводу съ такою же нелюбезною откровенностью, какъ и министерскій *Morning Herald*. Между тѣмъ, на дняхъ въ *Кельнскую Газету* и *National-Zeitung* писали изъ Швейцаріи, что тамъ всѣ увѣрены, что толки о союзѣ не лишены основанія. Еще опредѣлительнѣе высказывались на счетъ этихъ толковъ, въ смыслѣ благопріятномъ для видовъ Франціи, австрійская офиціозная *General-Correspondenz* и вдохновляемая барономъ Бейстомъ вѣнская корреспонденція *Дрезденской Газеты*. Что же касается французскихъ офиціозныхъ газетъ, то двѣ изъ нихъ *Patrie* и *Pays*, какъ будто имѣютъ назначеніемъ придираться ко всему что дѣлается и даже что *могло бы дѣлаться* въ Бельгіи, и именемъ „безопасности“ Франціи и для „спасенія“ самой Бельгіи требовать присоединенія ея ко Франціи. Обѣ эти газеты развиваютъ до сихъ поръ тему поставленную въ 1856 году графомъ Валевскимъ, въ полномъ засѣданіи Парижскаго конгресса, о необходимости для Европы, ради укрѣпленія въ ней консервативныхъ началъ, принять мѣры къ обузданію анти-монархическихъ и ультра-соціалистскихъ стремленій бельгійской печати. Теперь внезапно присоединилась къ этимъ газетамъ и клерикальная *Union*. По свѣдѣніямъ этой газеты, будто бы домогательства Франціи на Бельгію приняли совершенно новый оборотъ, въ виду опасеній Англіи за Антверпенъ. Завязались будто бы переговоры о томъ чтобъ Антверпенъ и часть Фландріи были уступлены Голландіи; Франція же присоединила бы къ себѣ остальную часть Бельгіи. По словамъ *Union*, такою сдѣлкой будто бы уже успокоены опасенія Сентъ-Джемскаго кабинета и будто бы все ультра-католическое населеніе Антверпена радуется этому предположенію, недовольное преобладаніемъ скептицизма, невѣрія, „франъ-масонства“, и пр. въ правительственныхъ сферахъ Бельгіи, и привлекаемое къ Голландіи господствующею въ ней ничѣмъ неограниченною свободой совѣсти. „Состояніе Бельгіи“, говоритъ въ заключеніе *Union*, „есть предметъ раздумья и сожалѣнія „для всѣхъ ея искреннихъ друзей: наканунѣ предстоящихъ Европѣ событій, Бельгія является *одною изъ самыхъ черныхъ точекъ* горизонта...!“

Какъ можно было предвидѣть еще за полтора мѣсяца, подобнымъ толкамъ о Бельгіи придало силу назначеніе виконта де-Лагероньера представителемъ Франціи при Брюссельскомъ дворѣ. Изъ разныхъ парижскихъ корреспонденцій видно, что публика съ нетерпѣніемъ ожидаетъ какихъ-нибудь объясненій со стороны правительства. Какъ бы въ отвѣтъ на это ожиданіе, заговорилъ франко-австрійскій органъ *Mémorial Diplomatique*; но объясненія его оказываются не совсѣмъ успокоительными. По мнѣнію *Mémorial*, дѣло идетъ единственно о томъ, чтобъ уничтожить внушаемое Бельгіи съ прусской стороны недовѣріе ко Франціи, и вразумить какъ правительство, такъ и народъ Бельгіи, въ той истинѣ, что „тѣсная дружба съ Тюльерійскимъ кабинетомъ есть лучшій залогъ ея свободы и независимости.“ Эта „тѣсная дружба“ нужна не въ видѣ угрозы противъ той или другой державы, а единственно для упроченія общаго спокойствія. Подтрунивая надъ этимъ заявленіемъ, *Journal des Débats*, отъ 28-го августа, находитъ, что г. де-Лагероньеръ оказывается такимъ образомъ „посланникомъ дружбы съ порученіемъ чрезчуръ платоническаго свойства,“ и что этому довольно странно противорѣчитъ упомянутое выше положеніе принятое относительно Бельгіи офиціозными органами *Patrie* и *Pays*. Но *Mémo-*

rial не ограничивается выше приведеннымъ заявленіемъ: онъ выражаетъ при этомъ, на счетъ Пруссіи, мысль, встрѣченную криками негодованія со стороны парижскихъ корреспондентовъ берлинскихъ газетъ. Сближаться преимущественно со Франціей, по мнѣнію франко-австрійскаго органа, Бельгіи слѣдуетъ уже потому, что Тюльерійскій кабинетъ поступаетъ съ нею несравненно „честнѣе" Берлинскаго, который, объявивъ императору Французовъ, во время австро-прусской войны, что не можетъ уступить ему ни пяди нѣмецкой земли, предлагалъ ему однако, въ видѣ вознагражденія, завладѣть всѣмъ достояніемъ бельгійской короны.

Mémorial diplomatique, подобно Янусу, имѣетъ два лица: одно французское, другое австрійское. На этотъ разъ, должно быть, онъ говорилъ устами своихъ обоихъ лицъ, и оставался вѣренъ политикѣ Вѣнскаго кабинета, раздувающаго всѣми силами недовѣріе и раздоръ между Франціей и Пруссіей. Но какъ бы ни сердились по этому случаю прусскія газеты, обвиненіе высказанное франко-австрійскимъ органомъ не лишено основанія. Отъ одного изъ нашихъ корреспондентовъ намъ положительно извѣстно, что осенью 1866 г., въ Берлинѣ, именно въ кругу весьма вліятельныхъ сторонниковъ *Крестовой Газеты*, которая теперь такъ негодуетъ на объясненіе *Mémorial diplomatique*, шла именно рѣчь о своевременности, пользѣ и даже „необходимости" отдать Франціи Бельгійское королевство, яко гнѣздо соціализма необузданной печати и средневѣковаго католическаго изувѣрства...

Б.

Намъ то и дѣло приходится слышать упрекъ, что увлеченные національнымъ фанатизмомъ, мы будто бы всюду видимъ измѣну. Съ нѣкотораго времени это обвиненіе противъ насъ особенно часто встрѣчается въ прусскихъ газетахъ. При этомъ намъ ставятъ въ упрекъ какую-то ненависть нашу къ Нѣмцамъ, не замѣчая, что рѣдкій нумеръ нашей газеты не противорѣчитъ этому странному обвиненію. Напротивъ мы не пропускаемъ ни одного случая поставить образцомъ для самихъ себя силу національныхъ стремленій Германіи, не одобряя ихъ только тамъ, гдѣ они переходятъ въ жадный и слѣпой фанатизмъ, не знающій предѣла своимъ притязаніямъ и кичливости. Отдавая должное нѣмецкому патріотизму *за Нѣманомъ*, мы находимъ полное основаніе протестовать противъ его проявленій по *сю сторону Нѣмана*. Но вотъ *Крестовая Газета* (№ 169), принадлежащая къ числу самыхъ упорныхъ и злобныхъ берлинскихъ противниковъ русской національной политики (хотя, если не ошибаемся, получаетъ и до сихъ поръ субсидіи изъ русской казны), грозитъ намъ, говоря: „Русская демократія (?) дѣйству„етъ относительно остзейскихъ провинцій „съ тою же цѣлью, къ которой, въ свое „время, стремились копенгагенскіе демо„краты въ при-эльбскихъ герцогствахъ." Скромный и милый намекъ!.. Впрочемъ пусть Германія интересуется сопредѣльными съ нею областями Россіи; мы даже не отрицаемъ у ней права пользоваться нашими ошибками для достиженія своихъ цѣлей. Все это считаемъ мы *de bonne guerre*, какъ говорятъ Французы, и вольно самой Россіи поддерживать притязанія чужой національности, побаждать имъ или работать въ ихъ видахъ; вольно ей не пользоваться примѣромъ своихъ соперниковъ дабы исправлять свои ошибки.

Но мы отдаемъ должное нѣмецкому патріотизму только въ Германіи; когда же нѣмецкій патріотизмъ высказывается въ Россіи, и между ея подданными, то мы называемъ его уже не патріотизмомъ, а измѣной, что совершенно согласно и съ здравымъ смысломъ, и съ законами.

Мы понимаемъ, что въ Германіи могутъ опасаться или не желать принятія такихъ мѣръ въ Россіи, которыя *сильнихъ* укрѣпили бы ее, но не думаемъ, чтобы подобныя чувствованія были позволительны и честны по сю сторону Нѣмана.

Одинъ изъ самыхъ ревностныхъ противниковъ и обвинителей нашихъ, петербургскій корреспондентъ *Ostsee-Zeitung*, оказывается русскимъ подданнымъ, по всей вѣроятности занимающимъ даже какую-нибудь довольно важную должность, какъ можно заключить по точнымъ свѣдѣніямъ, которыя онъ передаетъ въ означенную газету обо всѣхъ дѣйствіяхъ и даже *намѣреніяхъ* русскаго правительства... Признаніе своего русскаго подданства случайно выскользнуло изъ-подъ его пера въ корреспонденціи, помѣщенной въ № 379 *Ostsee Zeitung*, слѣдующею фразой: „торговлей „какого-нибудь города интересуется *наше*

„правительство лишь съ точки зрѣнія фис„кальной.“ И вотъ этотъ русскій подданный, знакомый съ негласными *намѣреніями* и *мнѣніями* своего правительства, является рьянымъ противникомъ либавской дороги и защитникомъ монополіи прусскихъ портовъ въ дѣлѣ русской иностранной торговли. Скажутъ, что объ этихъ предметахъ могутъ быть разныя сужденія; но означенный корреспондентъ въ томъ же №. штеттинской газеты, о которомъ мы упомянули выше, говоритъ: „желаетъ ли „правительство впредь сколько возможно „удовлетворить своимъ внутреннимъ *воен„нымъ* потребностямъ... мы взираемъ на „это безъ зависти, *хотя и не безъ опасеній*.“ Какъ назвать русскаго подданнаго, который до такой степени усвоилъ себѣ иностранный патріотизмъ, что смотритъ, „*не безъ опасеній*“ на мѣры, принимаемыя для усиленія военной защиты его страны, для удовлетворенія „военнымъ *потребностямъ*“ государства, на вѣрность коему онъ приносилъ присягу? Гдѣ тутъ хваленая „нѣмецкая феодальная вѣрность,“ гдѣ тутъ пресловутыя „нѣмецкая добросовѣстность,“ „нѣмецкая честность?“

№ 184.

Москва, 23-го августа.

Многія иностранныя газеты толкуютъ самымъ произвольнымъ образомъ нашу статью въ № 165 *Московскихъ Вѣдомостей*, отъ 31-го іюля. Прибѣгая, по обыкновенію, къ искаженнымъ или неполнымъ выпискамъ, онѣ выводятъ невѣрныя заключенія изъ слѣдующихъ строкъ, которыхъ смыслъ объясняется и оправдывается тѣмъ что сказано впереди нихъ:

...„Если правда, что Наполеонъ III рѣшился во что бы то ни стало на крайнія мѣры противъ Пруссіи, то ему не трудно понять на какихъ условіяхъ онъ можетъ обезпечить себѣ нейтралитетъ Россіи. Играть роль обманутой жертвы не достойно Россіи: пріобрѣтенный ею опытъ научилъ ее не вступаться ни во что, не получивъ прочнаго обезпеченія въ честной игрѣ своего партнера.“

- Парижская *Presse*, многіе редакторы которой получили турецкіе ордена во время пребыванія султана въ Парижѣ, вопіетъ противъ московскаго властолюбія и утверждаетъ, „что условіе, на коемъ, по мнѣнію „*Московскихъ Вѣдомостей*, возможно со„глашеніе между Россіей и Франціей со„стоитъ въ предоставленіи первой изъ этихъ „державъ полной свободы для осуществле„нія ея властолюбивыхъ видовъ на Во„токѣ.“

Та же газета, пользуясь этимъ случаемъ, совѣтуетъ Англіи поразмыслить „о предложеніяхъ“ *Московскихъ Вѣдомостей*.

„Если какая-нибудь держава,“ говоритъ *Presse* въ заключеніе, „окажется въ от„ношеніи къ намъ недовѣрчивою, безпо„койною, можетъ быть требовательною, то „ей не худо вспомнить о томъ, что съ дру„гой стороны дѣлаются серіозныя усилія „увлечь насъ къ такому образу дѣйствій, отъ „котораго она можетъ потерпѣть ущербъ, и „что если она не останется въ товарище„ствѣ съ нами, то мы имѣемъ уже гото„выхъ спутниковъ.“

Мы уже не разъ и съ совершенною ясностью не допускающею никакого двусмысленнаго толкованія, высказывали что мы думаемъ касательно нашихъ отношеній ко Франціи. Не разъ и опредѣлительно выражали мы условія, которыя по нашему личному и независимому мнѣнію могли бы обезпечить Тюльерійскому кабинету добросовѣстное, серіозное и безкорыстное содѣйствіе Россіи. Въ число этихъ условій отнюдь не входили какія-либо территоріальныя измѣненія, въ коихъ Россія не нуждается. Такъ какъ мысль нашу продолжаютъ искажать, какъ бы не понимая ея, то мы вынуждены снова разъяснить ее, хотя намъ приходится повторять себя.

Разъясненіе это тѣмъ легче для насъ, что мы не имѣемъ надобности ничего скрывать, ибо наша политика имѣетъ ту выгоду, что можетъ смѣло высказываться предъ цѣлымъ свѣтомъ. На лукавые возгласы австро-французской и турко-французской печати, мы скажемъ то что всегда говорили въ столбцахъ *Московскихъ Вѣдомостей*.

Истинные, хорошо понятые интересы Россіи и Франціи не противорѣчатъ другъ другу ни въ чемъ, и нѣтъ на земномъ шарѣ ни одного пункта, гдѣ бы они не могли быть согласованы и гдѣ бы Россія и Франція не могли оказывать другъ другу взаимное содѣйствіе. Добрыя отношенія между этими великими континентальными державами были бы лучшимъ обезпеченіемъ всеобщаго равновѣсія и спокойствія.

Но для того чтобы добрыя отношенія могли установиться прочно и постоянно, необходимы два условія.

Первое, чтобы Франція отказалась отъ призрака именуемаго возстановленіемъ Польши. Для этого нужно только, чтобы въ Парижѣ потрудились понять, что Польша не есть народъ, а оторвавшаяся отъ народа феодальная дружина, и что уже около полустолѣтія шайка феодальныхъ анархистовъ обманывала французскую націю и всѣ правительства, смѣнявшіяся въ Тюльерійскомъ дворцѣ, увѣряя ихъ будто возстановленіе Польши возможно и будто въ этомъ возстановленіи Франція заинтересована своими преданіями и принципами. Еслибы такъ было въ самомъ дѣлѣ; еслибъ отказавшись отъ этого призрака, Франція должна была пожертвовать какимъ бы то ни было, хотя бы наималѣйшимъ изъ своихъ интересовъ, еслибъ она должна была стать въ противорѣчіе со своими національными требованіями,—мы не подумали бы приглашать ее отказаться отъ своего теперешняго образа дѣйствій; тогда нечего было бы толковать о соглашеніи съ Россіей, и намъ оставалось бы только отражать ея нападенія. Но, по счастію, справедливо совершенно противное. Прогрессивная и либеральная Франція 89-го года не можетъ имѣть ничего общаго съ польскою шляхтой, и ни какое изъ преданій Франціи, ни одинъ изъ ея національныхъ интересовъ не можетъ побуждать ее къ возстановленію надъ славянскими населеніями областей прилегающихъ къ Вислѣ (не говоримъ уже о западномъ краѣ, гдѣ никогда не было населеній польскаго языка), ненавистнаго для нихъ ига польской шляхты. Франція стала бы въ противорѣчіе съ исторіей, еслибы старалась сокрушить сбывшійся безповоротно фактъ, то-есть кончину шляхетской Польши и возрожденіе ея населеній въ сліяніи съ Россіей...

Равнымъ образомъ, относительно восточнаго вопроса, мы хотимъ и требуемъ только того, чтобы Франція не противорѣчила себѣ самой и пеклась только о собственныхъ интересахъ.

Въ этомъ отношеніи мы согласны съ авторомъ недавно вышедшей въ Парижѣ у Аміо политической брошюры за подписью Y *). Эта брошюра оканчивается между прочимъ такими размышленіями:

„Требуютъ ли интересы Франціи, чтобъ „она не признавала органическій недугъ, „которымъ страдаетъ Востокъ, и настаивала на шарлатанскихъ средствахъ къ „его уврачеванію, которыхъ недѣйствительность слишкомъ убѣдительно доказана „опытомъ? Нужно ли Франціи становиться „въ противорѣчіе съ собою, попирая на „Востокѣ принципъ національностей, ко„тораго она такъ держится на Западѣ, что „ссылается на него даже въ пользу націо„нальностей искусственныхъ или не имѣю„щихъ никакого основанія къ существо„ванію? Наконецъ, можно ли пріобрѣсти „вліяніе дѣйствительное и прочное, посвя„щая всѣ свои усилія поддержанію такого „порядка вещей, при которомъ два мил„ліона Турокъ сосутъ кровь четырнадцати „милліоновъ христіанъ? Можно ли раціо„нально утверждать, чтобы Франція 89-го „года, Франція — гдѣ царствуетъ избран„никъ цѣлаго народа, должна была идти „здѣсь на перекоръ всѣмъ своимъ нача„ламъ, всѣмъ своимъ политическимъ уче„ніямъ?..“

Французская политика, слѣдуя на Востокѣ ложнымъ путемъ, старается какъ бы оправдать себя церковными побужденіями. Вѣроятное ли дѣло, чтобы Франція нашего времени дѣйствительно увлекалась фанатическою ревностію, которая далеко оставляла бы за собою времена крестовыхъ походовъ? Можно ли серіозно думать, чтобы Франція, воспламенившись вѣроисповѣднымъ прозелитизмомъ, враждовала противъ христіанскихъ населеній Востока потому только, что они не подчиняются римскому папѣ? Можно ли допустить, чтобы Франція, полагающая свою гордость въ религіозной свободѣ, была искренне руководима духомъ столь неслыханной нетерпимости въ Турціи? Нѣтъ, все это служитъ только ложнымъ прикрытіемъ для ложной политики,—политики утратившей свои цѣли и измѣнившей своимъ собственнымъ интересамъ, для того чтобы стать орудіемъ интересовъ ей враждебныхъ...

На Востокѣ, какъ и вездѣ, мы требуемъ отъ Франціи только того чѣмъ она сама предъ собою обязана. Мы не хотимъ ни „увлекать“ ее, ни „обманывать;“ мы хотимъ только чтобъ она вышла снова на тотъ путь, съ котораго ей не слѣдовало бы никогда уклоняться и на которомъ мы

*) Dossier de la question d'Orient pour 1766—1867. 1868. Paris, Amyot, 8, rue de la Paix.

дѣйствительно готовы быть ей добрыми и надежными „спутниками,“ если только она пойдетъ къ той же цѣли, къ какой и мы, то-есть къ мирному и прогрессивному развитію христіанскихъ населеній Турціи, огражденныхъ отъ всякаго вмѣшательства.

№ 185.

Москва, 24-го августа.

Всѣмъ еще памятны годы 1853, 1854 и 1855, когда наше отечество напрягало свои силы въ тяжкой борьбѣ съ самыми могущественными державами Европы, которыя соединили противъ него всѣ свои средства. Страннымъ можетъ показаться то, что въ это время воевавшія съ нами западныя державы не вздумали поднять въ Россіи внутреннихъ враговъ ея, которые могли бы стать для нихъ весьма полезными союзниками.

Желаніе организовать возстаніе въ бывшихъ польскихъ областяхъ Россіи было какъ у патріотовъ польскихъ, такъ и у враждовавшихъ съ нами державъ, и не было недостатка даже въ нѣкоторыхъ попыткахъ къ тому. Но союзныя державы имѣли особенныя причины не давать ходу этимъ попыткамъ, но крайней мѣрѣ до поры до времени. Возбудить польскій вопросъ въ Россіи значило возбудить его вообще, и тѣмъ встревожить обѣ великія германскія державы, а чрезъ это скрѣпить расторгавшійся Священный Союзъ въ то время, когда Австрія уже склонялась на сторону западныхъ державъ, Пруссія же съ остальною Германіей соблюдала холодный нейтралитетъ.

Настроеніе умовъ въ ополяченной шляхтѣ западныхъ губерній, какъ положительно извѣстно, было таково, что и безъ возбужденія Польскаго вопроса при первомъ появленіи непріятеля въ сосѣдствѣ этихъ губерній, лѣса ихъ повсемѣстно наполнились бы вооруженными шайками, которыя сдѣлали бы положеніе русской арміи, въ виду непріятельскихъ силъ, крайне затруднительнымъ. Въ Ковенской губерніи паны и ксендзы, получавшіе вѣсти отъ эмигрантовъ, ожидали непріятельской высадки между Полангеномъ и Либавой, и подготовляли къ тому мѣстное населеніе. Пущена была въ ходъ молва, что высадка предпринимается для возстановленія Польши въ границахъ 1772 года, и что Поляки должны употребить всѣ усилія для содѣйствія союзникамъ въ войнѣ противъ москалей, и отовсюду доходили вѣсти о заготовленіи оружія, складовъ пороху, продовольствія, снаряженія...

Дѣла были въ такомъ положеніи, что наконецъ даже Пруссія стала тревожиться за свои бывшія польскія провинціи. Въ іюнѣ 1855 года наши власти въ Варшавѣ получили изъ Берлина предостереженіе, что въ Царствѣ Польскомъ, также какъ и въ западныхъ губерніяхъ, замышляется общее возстаніе, что съ этою цѣлію распространяются тамъ возмутительныя брошюры и воззванія, и высылаются туда эмиссары, большею частію изъ Нѣмцевъ, снабженные значительными суммами денегъ. Въ доставленной берлинскою полиціей запискѣ утверждалось, что имѣются положительныя свѣдѣнія о существованіи огромнаго заговора, который охватывалъ западныя губерніи и Царство.

О содержаніи этой записки было сообщено виленскимъ и кіевскимъ властямъ. Во главѣ виленской администраціи находился тогда генералъ-адъютантъ Бибиковъ 2-й. Въ то самое время, когда было получено имъ это предостереженіе, одинъ арестантъ въ виленскомъ тюремномъ замкѣ показалъ, что въ Минскѣ составилось общество, имѣвшее цѣлію возбудить польское возстаніе въ краѣ. Между тѣмъ генералъ-губернаторъ юго-западнаго края (князь Васильчиковъ), встревоженный неблагонадежнымъ настроеніемъ польской среды, которое уже обнаружилось на югѣ злоумышленными попытками взволновать крестьянское населеніе, сообщилъ въ Вильну, что, по его замѣчанію, центръ агитаціи находится въ Минской губерніи.

Генералъ Бибиковъ нарядилъ коммиссію для произведенія слѣдствія въ городѣ Минскѣ, и въ то же время командировалъ довѣренное, довольно высоко поставленное лицо, для наблюдательнаго объѣзда Минской губерніи.

Коммиссія въ Минскѣ дѣйствительно обнаружила нѣсколько злоумышленниковъ, но пришла къ заключенію, что дѣло лишено серіознаго политическаго характера, что оно было затѣяно однимъ негодяемъ, который имѣлъ въ виду только ограбить присутственныя мѣста, а дабы имѣть пособниковъ, пустилъ въ ходъ, преимущественно между не кончившими курсъ гим-

казнеслами, польскія идеи, между тѣмъ какъ никто изъ помѣщиковъ и вообще людей значительныхъ въ краѣ не только не принималъ участія въ этихъ замыслахъ, но и ничего не зналъ о нихъ. Кончилось тѣмъ, что нѣсколько молодыхъ людей были отчасти отданы въ солдаты съ выслугой, а отчасти высланы въ другія губерніи съ правомъ поступить тамъ на службу; самъ же зачинщикъ, нѣкто Рогалевичъ, и еще двое съ нимъ, были преданы военному суду.

Между тѣмъ, довѣренное лицо командированное генералъ-губернаторомъ въ Минскую губернію, донесло, что помѣщики и дворяне въ этой губерніи, „за весьма „незначительнымъ исключеніемъ, имѣютъ „большое сочувствіе къ воюющимъ съ Россіей державамъ, что между ними есть „много такихъ, за которыхъ въ политическомъ отношеніи поручиться невозможно, а иные, судя по образу ихъ мыслей, „котораго они не скрывали въ разговорахъ, „находятся въ полной готовности, особенно въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, воспользоваться малѣйшимъ удобнымъ случаемъ „для содѣйствія непріятелю, посредствомъ „вооруженнаго возстанія... Военныя и политическія свѣдѣнія, получаемыя ими „прежде обнародованія почти всегда въ „превратномъ видѣ, доказываютъ, что они „имѣютъ съ чужими краями тайныя сношенія," источникъ коихъ доносившему агенту не удалось однако обнаружить.-По свидѣтельству того же лица, мысль о возстановленіи Польши была распространена въ Минской губерніи, и нѣтъ сомнѣнія, присовокупляетъ онъ, „что о бывшихъ въ Минскѣ затѣяхъ Рогалевича не безъизвѣстно „многимъ не обнаруженнымъ по производимому дѣлу лицамъ". Злоумышленные паны, по свидѣтельству того же лица, „имѣли въ своемъ распоряженіи мѣстныхъ „главнѣйшихъ чиновниковъ".

Тому что минская коммиссія наряженная по дѣлу Рогалевича не пришла ни къ какимъ серіознымъ результатамъ удивляться нечего. Заграничные эмиссары бродили по краю, имена ихъ были извѣстны администраціи, и ни одинъ не былъ пойманъ; возмутительныя прокламаціи цѣлыми тюками провозились черезъ границу, и ни одинъ тюкъ не былъ остановленъ. Да и могло ли быть иначе въ краѣ, гдѣ не только помѣщики были въ заговорѣ противъ Россіи, но даже агенты правительственной власти, чиновники, состояли въ распоряженіи враговъ государства?

Тѣмъ не менѣе край этотъ есть все-таки русскій. Несмотря на то что онъ былъ цѣлые вѣка въ отчужденіи отъ Россіи, несмотря на то что и по присоединеніи къ ней все русское тамъ было въ угнетеніи, загонѣ и презрѣніи, русское чувство теплилось еще въ простыхъ сердцахъ. Ничто такъ не убѣждаетъ насъ въ силѣ нашей народности, ничто такъ не укрѣпляетъ нашу вѣру въ ея будущее, какъ этотъ безотчетный и непреоборимый инстинктъ, которымъ она сказывается въ людяхъ даже при такихъ обстоятельствахъ, въ какихъ и теперь еще находится нашъ западный край. Чувство народности, какъ и всякое другое, испытывается всего вѣрнѣе въ бѣдствіи. Что мудренаго если люди одушевляются патріотизмомъ тамъ, гдѣ онъ приноситъ честь и славу? Труднѣе хранить его въ душѣ, когда онъ не только не говоритъ воображенію, не только не ласкаетъ самолюбія, но еще роняетъ людей и вмѣсто чести приноситъ имъ поруганіе.

Въ той же самой Минской губерніи, гдѣ все сколько-нибудь вліятельное и значительное радовалось при неудачахъ русскаго оружія во время войны 1853—55 годовъ и готовилось при первомъ удобномъ случаѣ возстать на помощь врагамъ Россіи, были люди, у которыхъ надрывалась душа посреди этихъ злостныхъ ликованій, которые плакали при вѣсти о паденіи Севастополя и которые должны были въ то же время таить какъ преступленіе свои слезы. Пусть назовутъ этихъ людей полоумными чудаками; пусть такъ! Дѣло только въ томъ, что такіе чудаки были въ западномъ краѣ, и къ числу ихъ принадлежалъ тотъ самый Терентій Минкевичъ, о злополучной долѣ котораго мы говорили недавно.

Нашимъ читателямъ отчасти знакома эта личность и нѣкоторыя обстоятельства его жизни. Онъ былъ духовнаго званія, но въ западномъ краѣ духовное званіе не запечатлѣлось еще типомъ особаго общественнаго сословія. Дѣдъ и отецъ его были священники, но родъ его былъ дворянскій, хотя онъ и состоялъ въ епархіальномъ вѣдомствѣ. Минкевичъ не былъ, по своему русскому чувству, уродомъ въ своей семьѣ. Кто слѣдилъ за событіями 1863 года, тому должно быть памятно имя священника Конопасевича, погибшаго отъ мятежниковъ;

онъ былъ родной племянникъ Минкевича. Съ характеромъ энергическимъ и „непоблажливымъ," Терентій Минкевичъ, къ несчастію своему, былъ глубоко проникнутъ чувствомъ своей русской народности: отсюда всѣ его бѣдствія. Все что онъ видѣлъ и слышалъ вокругъ себя волновало его тѣмъ сильнѣе, чѣмъ глубже и безотчетнѣе былъ въ немъ народный инстинктъ. Къ довершенію его бѣдствій, онъ пламенѣлъ страстію ратовать за правду, и всѣ знавшіе его ближе, дѣйствительно признавали въ немъ искренняго поборника правды даже въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ ошибался въ своихъ сужденіяхъ. Можно представить себѣ, какъ наболѣло сердце Минкевича во время неудачной войны Россіи, особенно въ ожиданіи событій, которыя ежедневно могли вспыхнуть на его родинѣ. Тогда на Руси не было политической печати, да и никакой русскій листокъ не могъ залетѣть въ тотъ край и въ ту среду, гдѣ, въ крайней бѣдности, влачилъ свое существованіе Минкевичъ. Ему не было свѣдомо что творилось въ высшихъ политическихъ сферахъ; онъ зналъ только то что ему говорили собственный смыслъ и совѣсть, и что онъ слышалъ и видѣлъ вокругъ себя. Онъ имѣлъ полное основаніе тревожиться, что Россія готовятся еще новыя опасности, послѣ тѣхъ ударовъ, которые она уже вынесла. Его не могла не поразить безуспѣшность минской слѣдственной коммиссіи въ раскрытіи истины и несоотвѣтствіе результатовъ ея розыска съ тѣмъ что ему было извѣстно положительно. Изъ опыта какъ собственнаго, такъ и другихъ лицъ, онъ зналъ какъ напрасны всѣ попытки наводить мѣстныя власти на слѣдъ истины, и съ какими опасностями бываетъ это сопряжено на его родинѣ. Онъ пришелъ въ убѣжденію, что власти были обмануты, что правительство не знаетъ всей истины о положеніи края и не подозрѣваетъ опасностей, которыя въ немъ таились и готовились. И вотъ онъ рѣшился изложить что ему было достовѣрно извѣстно, и отправить, помимо всѣхъ посредствующихъ властей, записку свою прямо въ Петербургъ на имя шефа жандармовъ. Въ его положеніи нужна была большая рѣшимость, чтобъ отважиться на это. Минкевичъ былъ уже на примѣтѣ, и его жизнь подвергалась опасности, какъ писалъ онъ самъ въ заключеніи этой записки. Чтобъ отправить ее безопасно по почтѣ, онъ долженъ былъ взять на себя много тяжелыхъ хлопотъ, которыя, по всему вѣроятію, стоили ему значительныхъ при его нищетѣ издержекъ. Онъ послалъ ее не изъ Минской, а изъ Могилевской почтовой конторы, и въ то же время изъ трехъ другихъ городовъ западнаго края послалъ по тому же адресу увѣдомленіе объ отправленной изъ Могилева запискѣ. Записка эта была изложена, какъ видно, съ большою спѣшностью и конечно безо всякихъ заботъ объ отдѣлкѣ выраженія. Въ то время, русскимъ людямъ западнаго края въ положеніи Минкевича не было возможности усвоить себѣ пріемы правильнаго и изящнаго литературнаго языка. Однако какъ ни плохо въ стилистическомъ отношеніи была изложена его записка, она одушевлена чувствомъ и запечатлѣна характеромъ правдивости въ каждомъ словѣ своемъ. Въ ней нѣтъ общихъ мѣстъ; каждое показаніе свое сопровождаетъ онъ фактическими подробностями съ мелочною отчетливостью. Какъ въ этой первоначальной запискѣ, такъ и въ послѣдующихъ показаніяхъ своихъ, данныхъ имъ въ Вильнѣ, Минкевичъ сообщаетъ только то, что происходило въ ближайшей къ нему мѣстности, что онъ самъ видѣлъ или слышалъ или о чемъ дознался отъ очевидцевъ. Онъ тщательно отмѣчаетъ что было ему извѣстно изъ собственнаго опыта и о чемъ освѣдомился отъ другихъ, и при какихъ обстоятельствахъ.

Вотъ сущность показаній Минкевича: онъ утверждалъ, что открытый въ Минскѣ заговоръ не былъ изолированнымъ случаемъ, лишеннымъ политическаго значенія, какъ нашла слѣдственная коммиссія; что заговоръ этотъ входилъ въ планы такъ называемой Минкевичемъ „литовской политики," и былъ въ связи съ замыслами заграничныхъ агитаторовъ; что возстаніе, задуманное въ Минскѣ Рогалевичемъ, было ожидаемо вліятельными панами; что они уже дѣлали къ нему приготовленія, запасая оружіе и снаряды; что ожидаемыя событія были предметомъ совѣщаній между панами, которые собирались другъ у друга иногда по ночамъ и въ лѣсу; что особенную роль играла при этомъ заграничная польская брошюра, которую Минкевичъ самъ не имѣлъ случая прочесть, но содержаніе коей зналъ отъ другихъ. О существованіи этой брошюры было извѣстно

и коммиссіи, которая не могла изловить ее и пришла къ заключенію, что она имѣлась у Рогалевича только въ одномъ экземплярѣ и не получила никакого хода въ краѣ. Минкевичъ положительно удостовѣрялъ, что брошюра эта ходила во многихъ экземплярахъ (и показаніе это въ послѣдствіи подтвердилось), распространялась между панами и читалась въ ихъ таинственныхъ сходкахъ. По свѣдѣніямъ, которыя Минкевичъ сообщалъ о содержаніи этой брошюры, она принадлежала къ числу тѣхъ, исполненныхъ горячечнаго бреда и фанатической ненависти къ Россіи, сочиненій, коими такъ обильна польская революціонная литература. Въ этой брошюрѣ, по свѣдѣніямъ Минкевича, писано между прочимъ, что не вѣрующій въ воскресеніе Польши не вѣритъ въ воскресеніе души и во второе пришествіе Іисуса Христа, и тотъ да будетъ проклятъ во вѣки вѣковъ; что днемъ смерти Польши былъ раздѣлъ ея; второй день—погребеніе, 1812 годъ; третій день—настоящее время когда Польша несомнѣнно возстанетъ изъ мертвыхъ. Брошюра главнымъ образомъ взывала къ тому, чтобъ „истребить въ Россіи голову, сердце и сѣмя,“ и это объяснялось аллегорически, какъ выраженіе замысла истребить весь царствующій домъ, дабы при войнѣ, которую вела Россія, нанести ей рѣшительный и окончательный ударъ.

Впрочемъ, Минкевичъ ошибался, если думалъ, что правительство и высшая власть въ сѣверо-западномъ краѣ не имѣли никакихъ свѣдѣній о томъ что онъ сообщалъ. Выше было упомянуто о предостереженіи, которое получило наше правительство отъ берлинской полиціи; выше было упомянуто также о довѣренномъ лицѣ, которое было командировано генералъ-губернаторомъ въ Минскую губернію для развѣдокъ, и которое уже сообщило ему свои заключенія, приведенныя выше и вполнѣ согласныя съ показаніями Минкевича.

Генералъ Бибиковъ 2-й, которому прислана была для дознанія записка Минкевича, обратилъ на нее серіозное вниманіе. Онъ поручилъ дѣятелямъ слѣдственной коммиссіи провѣрить ея показанія, и буде можно, открыть ея автора. Бывшей слѣдственной коммиссіи, какъ и слѣдовало ожидать, записка эта не понравилась. Съ этой стороны впервые было сказано сердито, что авторъ ея былъ побужденъ къ своимъ доносамъ корыстными видами, и хотя не опровергалось ни одно изъ его показаній, но дѣлались какія-то смутныя придирки къ автору, старавшіяся то заподозрить чистоту его побужденій, то ослабить значеніе и силу его показаній. Тѣмъ не менѣе пришлось отчасти оставить не опровергнутыми и непоколебленными всѣ показанія записки.

Между тѣмъ авторъ ея былъ отысканъ и привезенъ въ Вильну, гдѣ онъ представилъ еще болѣе подробныя и опредѣленныя показанія.

Генералъ-губернаторъ не удовольствовался одностороннею повѣркой показаній Минкевича черезъ бывшую коммиссію. Онъ пригласилъ то довѣренное лицо, которое было уже командировано имъ для наблюденія въ Минскую губернію, обратить особенное вниманіе на уѣздъ, къ коему относились показанія Минкевича, ничего однако не сообщивъ ему ни о Минкевичѣ, ни о его запискѣ. Вскорѣ генералъ-губернаторъ получилъ съ этой стороны обстоятельныя свѣдѣнія, которыя съ поразительною точностію совпали съ показаніями Минкевича.

Здѣсь должны мы прервать нашъ разсказъ, чтобъ отдать чести этому правительственному агенту, о которомъ доводилось намъ неоднократно упоминать. Тѣмъ пріятнѣе намъ свидѣтельствовать о добросовѣстности и политической честности этого лица, что по своему происхожденію онъ былъ уроженецъ западнаго края и носилъ одну изъ аристократическихъ польскихъ фамилій! Съ полною трезвостію образа мыслей, съ правильнымъ взглядомъ на вещи, съ твердымъ сознаніемъ своего государственнаго долга, онъ исполнилъ свое порученіе какъ истинный русскій гражданинъ. Выше мы уже отчасти сообщали, почти въ собственныхъ его выраженіяхъ, общіе выводы сдѣланныхъ имъ наблюденій. Точно также и всѣ фактическія показанія его отличаются рѣдкою отчетливостію, оцѣнка лицъ и дѣйствій—мѣтностью взгляда и правдивостію, что особенно бросается въ глаза, если сопоставить его донесенія съ фактами раскрытыми Минкевичемъ. И вотъ, сынъ бѣднаго православнаго священника, выгнанный учитель, жившій почти въ нищенствѣ, совершенно сошелся во взглядѣ на вещи и въ оцѣнкѣ явленій съ человѣкомъ, отдѣленнымъ отъ него *toto mundo*, о которомъ

онъ не имѣлъ никакого понятія и который, въ свою очередь, не подозрѣвалъ его существованія,—съ потомкомъ аристократической фамиліи польскаго имени и католическаго вѣроисповѣданія. Какая убѣдительная правда должна быть въ тѣхъ оцѣнкахъ, гдѣ сошлись между собою два лица столь противоположныхъ общественныхъ положеній!

Надобно присовокупить, что показанія этихъ обоихъ лицъ не были такого свойства, чтобы непремѣнно требовалось хватать людей и вѣшать. Ни съ той, ни съ другой стороны не выставлялось ничего такого, что въ глазахъ разумнаго, сильнаго и самообладающаго правительства, требовало бы ссылокъ и казней. Показанія эти клонились только къ тому, чтобъ открыть правительству просвѣтъ на положеніе, сосредоточить въ рукахъ его нити, по которымъ оно могло бы слѣдить за лицами и дѣйствіями, принимая въ то же время благоразумныя мѣры, законодательныя и административныя, чтобы вывести край изъ той смуты, которая поневолѣ дѣлала людей злоумышленниками, возбуждала въ нихъ фальшивыя надежды и бросала ихъ въ пучину мятежа и измѣны. Еслибы съ того времени правительство продолжало дѣятельно свои наблюденія, поручая свои интересы лицамъ столько же благонадежнымъ, сколько свѣдущимъ и умнымъ, цѣня паче золота русское чувство и искренній патріотизмъ, и съ честію принимая правду, откуда бы она ни исходила, то всякая злоумышленная интрига и измѣна быстро иссякли бы въ этомъ краѣ, и Россіи не пришлось бы пережить 1863 года. Событія этого года въ сущности не открыли ничего, что не явствовало изъ показаній бѣднаго выгнаннаго учителя Лядинскаго духовнаго училища. Но тѣ самые элементы, которые въ то время, когда виленскія власти были озабочены раскрытіями Минкевича, требовали только бдительнаго надзора для того чтобы стать безвредными, потребовали въ послѣдствіи тяжкихъ ударовъ чтобъ ихъ образумить... . . . .

Въ концѣ 1855 года произошла перемѣна какъ въ личномъ составѣ высшей виленской администраціи, такъ и въ общей политикѣ правительства относительно западнаго края. Конецъ исторіи о Минкевичѣ извѣстенъ читателямъ изъ офиціальнаго сообщенія. Все, что до тѣхъ поръ было сдѣлано чтобы воспользоваться свѣдѣніями Минкевича для правительственныхъ соображеній, было брошено. Минкевичемъ воспользовались только для того чтобъ явственнѣе отмѣтить начало новой административной эпохи для западнаго края, которая долженствовала примирить мѣстныхъ пановъ, въ качествѣ польскихъ, съ русскимъ правительствомъ. Изъ показаній Минкевича, а также изъ донесеній вышеупомянутаго довѣреннаго агента, были выписаны имена лицъ, которыхъ они касались, и у минскаго губернскаго предводителя дворянства спрошенъ былъ отзывъ о нихъ. Отзывъ этотъ былъ полученъ и, вѣроятно, произвелъ весьма пріятное впечатлѣніе. Всѣ лица, о которыхъ была рѣчь, были аттестованы наилучшимъ образомъ, какъ добродѣтельные, блаженно догоравшіе старцы, какъ мужи добра и долга, преданные мирнымъ хозяйственнымъ занятіямъ и благу своихъ крестьянъ, какъ благочестивыя жены, живнія только о Богѣ и ни о чемъ не помышлявшія кромѣ дѣлъ милосердія. Мы передаемъ совершенно вѣрно сущность отзыва минскаго губернскаго предводителя дворянства на запросъ новаго генералъ-губернатора.

Читатели безъ сомнѣнія замѣтили одно необъяснимое противорѣчіе въ офиціальномъ сообщеніи. Сказывая о судьбѣ, постигшей Минкевича въ награду за желаніе изъявить правительству свою къ нему приверженность, сообщеніе присовокупляетъ, что тогда рѣшено было „сдѣланное „имъ указаніе оставить безъ дальнѣйшаго „разслѣдованія.“ Но если оно оставлено безъ разслѣдованія, то на какомъ же основаніи можно называть хотя что-нибудь въ немъ *извѣтомъ*, какъ это сдѣлано въ сообщеніи? Изъ дѣла, какъ нами показано, явствуетъ напротивъ, что свѣдѣнія, доставленныя Минкевичемъ были предшествовавшею администраціей всесторонне провѣрены и изслѣдованы, и добросовѣстность ихъ поставлена внѣ всякаго сомнѣнія. Если новыя власти не хотѣли воспользоваться его показаніями, то зачѣмъ же называть ихъ извѣтомъ? Наконецъ, какъ понять со стороны административныхъ властей этотъ тонъ презрѣнія, съ какимъ говорится о доносѣ Минкевича, будто о дѣйствіи безчестномъ и подломъ? Пусть въ либеральной публикѣ разбираютъ въ какой мѣрѣ честно или нечестно доносить правительству о злоумышленіяхъ противъ правительства; но можно ли со

стороны административныхъ сферъ предосуждать дѣйствіе, которое правительствомъ же поставляется въ непремѣнную и священную обязанность каждому, подъ опасеніемъ страшныхъ каръ, ибо кто зналъ о злоумышленіи и не донесъ о немъ, тотъ подвергается отвѣтственности наравнѣ съ злоумышленникомъ?

Что касается характера того доноса, который являетъ Минкевича во мнѣніи виленскихъ властей столь презрительнымъ существомъ, то, напротивъ, онъ удовлетворяетъ условіямъ самаго утонченнаго кодекса чести въ какомъ бы то ни было либеральномъ обществѣ. Никто на свѣтѣ, ни съ какой точки зрѣнія, ни въ какомъ отношеніи, не можемъ считать предосудительнымъ всякое противодѣйствіе непріятелю, съ которымъ наша страна ведетъ войну, разоблаченіе его замысловъ, поимку его лазутчиковъ или открытіе измѣнниковъ, которые находятся съ нимъ въ сношеніяхъ, и ему радѣютъ. Вездѣ и во всѣ времена, не только законами, но и понятіями самой изысканной либеральной общественной среды, всякое противодѣйствіе врагамъ и измѣнникамъ страны поставлялось въ непремѣнную обязанность людямъ и приносило имъ честь, а не безчестіе.

Лядинскій учитель былъ поруганъ и лишенъ чести за то, что донесъ своему правительству о замѣченныхъ имъ признакахъ измѣны. Мораль, которую всякому предоставляется извлечь изъ его судьбы, есть то, что въ видахъ своей безопасности надобно совершенно освободиться отъ предразсудка именуемаго гражданскимъ долгомъ.

Минкевичъ, *для пользы края*, былъ высланъ на жительство въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь. Съ тѣхъ поръ протекло почти двѣнадцать лѣтъ. Наши читатели, вѣроятно, помнятъ письмо его племянника, напечатанное въ нашей газетѣ (№ 152). Минкевичъ какъ бы пропалъ безъ вѣсти для своихъ родныхъ и друзей. Что пережилъ и что испыталъ онъ въ это долгое время? Тѣ заговорщики, которые замышляли вооруженное возстаніе и кровопролитіе въ Минскѣ и были за то высланы во внутреннія губерніи на службу, быть можетъ теперь и въ чинахъ, и въ почестяхъ; польскіе мятежники 1863 года, сосланные въ Сибирь, уже давно получили свободу и возвращены своимъ семьямъ; а человѣкъ, виноватый единственно въ томъ, что съ величайшими усиліями и съ опасностью жизни, донесъ правительству объ измѣнѣ, остается до сихъ поръ въ заточеніи, покрытый безчестіемъ, лишенный добраго имени. Можно представить себѣ какъ тяжко было ему первое время его невзгоды. Чѣмъ сильнѣе и глубже сознавалъ онъ свою правоту, тѣмъ мучительнѣе долженъ онъ былъ чувствовать постигшую его участь, и тѣмъ хуже должно было становиться его положеніе. Онъ былъ признанъ неблагонадежнымъ за изъявленіе своей приверженности къ правительству и за ревность противъ государственной измѣны: кто же ради Бога могъ повѣрить ему, если онъ пытался объяснять это своимъ слушателямъ? Не только для простой, суровой и безхитростной братіи Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря, разобщеннаго въ своей отдаленной глуши со всѣми треволненіями міра, но и для людей живущихъ въ мірѣ и привыкшихъ къ его хитросплетеніямъ, должно это казаться дѣломъ чрезвычайно мудренымъ. Несмотря на всѣ протестаціи Минкевича, на него, какъ надобно полагать, смотрѣли въ мѣстѣ его заключенія какъ на человѣка злоумышленнаго, какъ на врага престолу и отечеству, тѣмъ болѣе злонамѣреннаго, чѣмъ настойчивѣе сѣтовалъ онъ на несправедливость, его постигшую. Будь онъ просто измѣнникъ или мятежникъ, къ нему относились бы снисходительнѣе. Въ немъ видѣли бы несчастную жертву увлеченія, между тѣмъ какъ положеніе человѣка, караемаго правительствомъ за приверженность къ нему, было чудовищностью необъяснимою и невѣроятною, и не находило ни въ понятіяхъ, ни въ чувствѣ людей готоваго симпатическаго отголоска.

Недавно получили мы нѣкоторыя скудныя свѣдѣнія о дальнѣйшей судьбѣ Минкевича за точность которыхъ, впрочемъ, не можемъ поручиться. Первое время его пребыванія въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ провелъ онъ, говорятъ, довольно спокойно. У него, повидимому, была увѣренность, что дѣло его разъяснится, и что вскорѣ ему будетъ возвращена и свобода, и честь. Но прошелъ годъ, и онъ имѣлъ прискорбіе разочароваться въ своихъ надеждахъ. Послѣ того имъ овладѣло уныніе, и характеръ его, говорятъ, ожесточился. Отношенія его къ монастырской братіи становились все хуже, такъ что въ 1859 году изъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря онъ былъ переведенъ въ Спасо-Евѳиміевскій

Суздальскій монастырь и помѣщенъ тамъ въ арестантскомъ отдѣленіи. Здѣсь прожилъ онъ около семи лѣтъ. Тяжкія испытанія, которыми Богу угодно было посѣтить его, не погубили его до конца. Онъ мало-по-малу успокоился, духъ его смягчился и быть-можетъ возвысился. Въ 1866 г., во вниманіе къ преклоннымъ лѣтамъ и десятилѣтнему заключенію, Минкевичъ былъ освобожденъ изъ арестанскаго отдѣленія монастыря и отправленъ на жительство въ Рязанскую губернію подъ надзоръ полиціи. Дальнѣйшихъ свѣдѣній о немъ мы не имѣемъ.

Мы кончили. Dixi et levavi animam. Мы думаемъ, что исполнили долгъ нашъ какъ предъ публикой, такъ и предъ правительсвомъ, и прежде всего предъ своею совѣстію. Высшее правительство можетъ легко провѣрить свѣдѣнія, которыя мы изложили во имя истины и справедливости. Документы по дѣлу Минкевича должны храниться въ виленскихъ архивахъ, и мы беремъ на себя полную отвѣтственность за свои показанія. Терентій Минкевичъ сталъ жертвою прискорбнаго недоразумѣнія, въ которое было введено правительство; но оно не уронитъ своего достоинства, если признаетъ ошибку и тѣмъ возвратитъ ей характеръ случайности. Напротивъ, именно достоинство правительства, столь дорогое для всякаго честнаго Русскаго, именно и требуетъ, чтобы возстановлена была честь человѣка, на котораго пала ошибка и который до сихъ поръ несетъ ея тяжесть.....

Изо всякаго зла можетъ проистечь благо. Тяжкія испытанія, которымъ подвергался Минкевичъ, быть-можетъ, будемъ надѣяться, не разбили его души, но еще очистили и возвысили ее нравственно. Его страданія, быть-можетъ, не останутся безъ пользы и для его русскаго отечества, которому хотѣлъ онъ сослужить службу. Быть-можетъ, тѣми несчастіями, которыя его постигли, онъ и сослужитъ свою службу, и онъ примирится съ своимъ прошедшимъ. Разительный фактъ его судьбы, возстановленный во всей истинѣ, не можетъ не послужить урокомъ и указаніемъ. И припомнить этотъ фактъ приходится кстати именно теперь, когда на родинѣ Минкевича принимать къ сердцу самые дорогіе для русскаго правительства интересы, значитъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ, быть человѣкомъ неблагонадежнымъ и соціалистомъ, котораго слѣдуетъ, *для пользы края*, выпроваживать оттуда съ жандармами....

Общество научается не столько идеями, сколько опытами своей жизни, и Минкевичъ есть, мы надѣемся, поучительный опытъ....

№ 186.

Москва, 27-го августа.

Блестящій успѣхъ подписокъ на акціи Козловско-Тамбовской и Рыбинско-Осѣченской желѣзныхъ дорогъ есть явленіе пріятное въ томъ отношеніи, что свидѣтельствуетъ объ окончательномъ поступленіи желѣзно-дорожнаго дѣла въ разрядъ предпріятій считаемыхъ у насъ выгодными и пользующихся популярностію. Пять лѣтъ тому назадъ, когда это дѣло было подорвано ошибками и неудачами Главнаго Общества, нельзя было и думать, чтобы такъ скоро совершился благопріятный поворотъ въ общественномъ мнѣніи. Тогда казалось, что пройдутъ десятки лѣтъ прежде нежели желѣзно-дорожное дѣло въ Россіи станетъ опять на свои ноги и получитъ возможность двигаться впередъ, не нуждаясь въ дорогихъ помочахъ государственнаго казначейства. Припомнимъ, что южная желѣзная дорога была отдаваема одной англійской компаніи слишкомъ по 100 тысячъ рублей металлическихъ за версту, съ присоединеніемъ другихъ цѣнныхъ привилегій, и что эта компанія отказалась: такъ велика была тогдашняя паника. Съ тѣхъ поръ не прошло пяти лѣтъ, и оказывается возможнымъ собирать обширные капиталы безъ гарантіи правительства: успѣхъ неожиданный! Но есть и другая сторона медали. Капиталы обращаются теперь къ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ предпочтительно предъ другими предпріятіями. Это очень хорошо. Это полезно Россіи, для которой всего важнѣе одержать побѣду надъ своими громадными, подавляющими человѣка пространствами. Это и въ коммерческомъ отношеніи вѣрно, потому что доходность предпріятія естественно соразмѣряется съ потребностію въ немъ, и если потребность Россіи въ желѣзныхъ дорогахъ дѣйствительно велика, то не можетъ не быть великъ и барышъ ожидающій тѣ капиталы, которые послужатъ къ удовлетворенію этой потребности. Спрашивается однако: откуда взялась эта масса капиталовъ, ищущая помѣщенія въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ? Приглядываясь ближе къ

состоянію денежнаго рынка, мы замѣчаемъ, что капиталы приливаютъ не къ однимъ желѣзнодорожнымъ предпріятіямъ. Изобиліе денегъ—общее явленіе. Что же оно значитъ? Давно ли всѣ жаловались на безденежье? Среди этихъ жалобъ состоялись два лотерейные займа, унесшіе большую часть народныхъ сбереженій съ рынка, уже страдавшаго безденежьемъ, то-есть крайнимъ недостаткомъ свободныхъ капиталовъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что при этихъ условіяхъ отнюдь не могло произойдти такое накопленіе капиталовъ въ Россіи, какое повидимому обнаруживается въ упомянутыхъ подпискахъ, и вообще въ цѣнѣ процентныхъ бумагъ. Лотерейные займы доходятъ до 40% преміи; всѣ сколько-нибудь порядочныя акціи возвышаются; даже 5% государственные билеты, еще недавно столь несчастные, и тѣ отмѣчаются почти по 90 р. за 100. Въ этомъ всеобщемъ повышеніи процентныхъ бумагъ выражается дешевизна капиталовъ,—и мы спрашиваемъ: естественная ли это дешевизна? Россія затрачиваетъ теперь огромное количество капиталовъ на долгій срокъ. Чего стоитъ одна постройка желѣзныхъ дорогъ? А одновременно съ нею идетъ значительная затрата капиталовъ на улучшенія по сельскому хозяйству, на учрежденіе многихъ фабрикъ и заводовъ, на расширеніе старыхъ, наконецъ на усиленіе военной обороны государства. Положимъ, что всѣ эти капиталы затрачиваются производительно и будутъ содѣйствовать увеличенію народнаго дохода, но это возможно лишь въ будущемъ, и если тогда будутъ возрастать народныя сбереженія и накопляться капиталы, то это будетъ понятно. А теперь не откуда оказаться избытку сбереженій; теперь мы находимся въ періодѣ долгосрочныхъ затратъ, и капиталамъ дешевѣть нѣтъ причины. Къ какому же придти заключенію. Изобиліе капиталовъ, обнаруживающееся теперь повсюду, въ желѣзнодорожныхъ подпискахъ столько же какъ и на Нижегородской ярмаркѣ не можетъ быть дѣйствительнымъ изобиліемъ и не можетъ происходить ни отъ чего другаго кромѣ избытка бумажныхъ денегъ. Объ этомъ вопросѣ писано и переписано, такъ что, возвращаясь къ нему, нельзя сказать ничего новаго. На практикѣ онъ также испытанъ у насъ со всѣхъ сторонъ, и тоже не можетъ представить ничего новаго, ничего такого, что не было бы уже пережито Россіей. Теперешній приливъ капиталовъ къ предпріятіямъ есть вторичное появленіе тѣхъ послѣдствій порчи нашей монетной системы, которыя выразились между прочимъ акціонерною лихорадкой 1858 года. Если не будетъ принято мѣръ, то и дальнѣйшее теченіе процесса будетъ то же самое какъ тогда. Новыя предпріятія будутъ родиться какъ грибы; публика будетъ бросаться на нихъ, но скоро окажется, что это были предпріятія дутыя, и не пройдетъ двухъ-трехъ лѣтъ какъ они пополопаются.

Защитники бумажныхъ денегъ не хотѣли вѣрить ихъ избытку и настаивали даже на дальнѣйшіе выпуски. Это желаніе ихъ исполнено; государственный банкъ усилилъ обращеніе, и вотъ оказываются плоды, пріятные по наружности, а внутри чрезвычайно горькіе. Серіозность теперешняго положенія не можетъ, полагаемъ, укрыться изъ виду послѣ недавняго, совершенно аналогическаго опыта. Она нисколько не уменьшается тѣмъ, что государственный банкъ, ловко воспользовавшись обстоятельствами, увеличилъ металлическій фондъ. Это можетъ оказаться полезнымъ въ послѣдствіи, а теперь металлическій фондъ противодѣйствуетъ лишь паденію вексельнаго курса, слѣдовательно искусственно помогаетъ привозу и вредитъ отпуску, что отнюдь не желательно: поддержка вексельнаго курса, въ какой бы формѣ не происходила, всегда вредна; онъ долженъ слѣдовать за развитіемъ дороговизны, и если, какъ теперь дороговизна возрастаетъ, а вексельный курсъ не падаетъ, то это убыточно для народнаго хозяйства. Считаемъ долгомъ упомянуть, что государственный банкъ уже приступилъ къ изъятію части новыхъ выпусковъ и ведетъ эту операцію успѣшно. Но тѣмъ не менѣе, въ настоящую минуту, кредитныхъ билетовъ въ обращеніи больше чѣмъ сколько было два года тому назадъ, и предотвратить начинающуюся на нашемъ денежномъ рынкѣ лихорадку нѣтъ другаго средства, кромѣ изъятія по меньшей мѣрѣ всего того количества кредитныхъ билетовъ, которое значится выпущеннымъ для усиленія конторъ и отдѣленій государственнаго банка.

Мы говоримъ: „нѣтъ другаго средства,“ и спѣшимъ устранить мысль, которая можетъ быть вызвана теперешнимъ критическимъ положеніемъ денежнаго рынка. Всего

очевиднѣе въ этомъ положеніи лихорадочное стремленіе капиталовъ къ какому-либо помѣщенію. Но это стремленіе есть только признакъ положенія, и было бы ошибкой, принявъ признакъ за сущность, сосредоточить усилія на его устраненіи, и противодѣйствовать, напримѣръ, акціонернымъ предпріятіямъ. Убыточны могутъ быть всякія предпріятія, не одни акціонерныя, а еще убыточнѣе расточительность, не оставляющая по себѣ никакого слѣда, кромѣ потребности и привычки безслѣдно губить капиталы. Избытокъ денегъ найдетъ себѣ пути. Правительство можетъ оттѣснить его отъ акціонерныхъ предпріятій, но не оттѣснить его отъ народнаго хозяйства, и онъ тѣмъ больше причинитъ вреда, чѣмъ тѣснѣе будетъ сфера его дѣйствія. Ужь если направлять избытокъ денежныхъ знаковъ, то безъ сомнѣнія всего полезнѣе направлять его на построеніе желѣзныхъ дорогъ.

Постепенно сокращать денежное обращеніе, строго воздерживаться отъ поддержки вексельнаго курса и отнюдь не затруднять образованія желѣзно-дорожныхъ компаній,—вотъ что̀ можетъ благополучно вывести насъ изъ того критическаго положенія, въ которомъ мы опять очутились. Обильный въ значительной части Россіи урожай нынѣшняго года будетъ не малымъ подспорьемъ при этихъ усиліяхъ.

№ 187.

Москва, 28-го августа.

А.

На дняхъ *Новое Время*, офиціозный органъ виленскаго управленія, въ твердой увѣренности разгромить тѣхъ кто желали бы чтобы чиновникамъ сѣверо-западнаго края не вмѣнялся въ преступленіе ихъ русскій патріотизмъ, напечатало распоряженіе одного военнаго начальника, которое, по мнѣнію этой газеты, доказываетъ непререкаемымъ образомъ глубокое варварство людей служащихъ русскому національному интересу. Распоряженіе, о которомъ мы говоримъ, заключается въ предложеніи отъ 3-го августа 1863 года полковника М., военнаго начальника В—го уѣзда, Ковенской губерніи, тамошнему исправнику. Военный начальникъ ставитъ своему подчиненному на видъ требованіе, чтобы ксендзы встрѣчали мятежныя шайки не хлѣбомъ и солью, а проповѣдью о долгѣ вѣрноподданныхъ, грозя въ противномъ случаѣ предавать ихъ военному суду; онъ грозитъ военною экзекуціей помѣщикамъ, которые возбуждаютъ къ мятежу крестьянъ, и напоминаетъ о мѣрѣ принятой правительствомъ, обратить на потушеніе мятежа ихъ доходы, которые они употребляли на его возбужденіе. Что̀ же находятъ во всемъ этомъ эксцентрическаго издатели *Новаго Времени* и какъ, по ихъ мнѣнію, долженъ былъ поступать полковникъ М? Ввѣренный ему уѣздъ былъ объятъ мятежомъ, во главѣ коего, какъ всѣмъ извѣстно, находились ксендзы и помѣщики польскаго происхожденія: на нихъ онъ и обращаетъ вниманіе своего подчиненнаго. Конечно, для нихъ было бы гораздо пріятнѣе, еслибы полковникъ М, изъ опасенія нарушить права собственности, столь усердно охраняемыя *Новымъ Временемъ* въ западномъ краѣ, и изъ уваженія къ духовной арміи римскаго владыки, закрылъ глаза на продѣлки помѣщиковъ и ксендзовъ, какъ это дѣлали многіе до него; но трудно въ одно и то же время служить и Россіи и ея врагамъ, и военный начальникъ В – го уѣзда предпочелъ остаться вѣрнымъ своей присягѣ. Мы не находимъ возможности винить его за это, хотя и очень хорошо знаемъ, что существуетъ какой-то неизданный, но тѣмъ не менѣе дѣйствующій кодексъ, въ силу коего г. М., точно также какъ Мицкевичъ, могъ быть обвиненъ и сосланъ въ монастырскіе казематы или въ арестантскія роты.

Полковникъ М. отзывается неуважительно о папѣ и вообще о католическомъ духовенствѣ... Что̀ же? Развѣ онъ находится въ какихъ-либо обязательствахъ предъ католическою церковью и предъ ея главою? Развѣ авторитетъ папской власти простирается и на тѣхъ, кто не признаетъ его? Послушайте какъ въ Англіи въ печати и парламентѣ отзываются о папѣ и о католическомъ духовенствѣ, а г. М. писалъ не для печати, и не для оглашенія между католиками: въ письмѣ своемъ къ подчиненному агенту, онъ отнюдь не былъ обязанъ пріискивать дипломатическія выраженія для отзыва о римскомъ владыкѣ, который былъ тогда въ открытой войнѣ съ Россіей. Факты, вполнѣ несомнѣнные факты, свидѣтельствуютъ, что католическое духовенство западнаго края возбуждало мятежъ

и проповѣдывало убійства, что оно благословляло измѣнниковъ и разрѣшало отъ присяги на вѣрноподданство; всѣмъ извѣстно, что много ксендзовъ было взято съ оружіемъ въ рукахъ во главѣ шаекъ: какимъ же образомъ было не упомянуть о тѣхъ и другихъ вмѣстѣ? Винить въ этомъ надо факты, а не того, кто записалъ ихъ. И въ то время, когда гнуснѣйшій мятежъ предводимый священниками былъ во всемъ разгарѣ, громы Ватикана молчали и отъ Рима не раздавалось дѣйственнаго слова увѣщанія и укора, которое должно было бы образумить недостойныхъ пастырей. Оставалось дѣйствовать свѣтской власти, которой г. М. былъ представителемъ въ В—мъ уѣздѣ, и онъ объявилъ, что будетъ дѣйствовать средствами принадлежащими свѣтской власти. Онъ предупредилъ ксендзовъ, что виновные въ измѣнѣ будутъ преданы военному суду, и имѣлъ полное право на это. Такимъ образомъ, и съ этой стороны полковникъ М. не подлежитъ ни малѣйшему упреку, и документъ напечатанный въ *Новомъ Времени* послужитъ, мы надѣемся, руководствомъ всякому русскому офицеру въ подобныхъ обстоятельствахъ. Можетъ-быть этотъ документъ перейдетъ въ заграничныя газеты, а черезъ нихъ достигнетъ Ватикана; но если святѣйшему отцу будетъ непріятно увидѣть свое имя въ нелестной для него компаніи съ недостойными пастырями его церкви, пусть онъ винитъ гг. Киркора и Юматова, предавшихъ гласности переписку не предназначавшуюся для гласности.

Мы отнюдь не удивляемся, что документъ напечатанный въ *Новомъ Времени* представляется издателямъ этой газеты совсѣмъ не съ той точки зрѣнія какъ намъ. Въ своемъ просвѣщенномъ либерализмѣ, они конечно желали бы чтобы каждый мятежникъ взятый съ оружіемъ въ рукахъ препровождался на судъ присяжныхъ, избранныхъ изъ среды мѣстнаго дворянства и ксендзовъ; чтобъ относительно лицъ заподозрѣнныхъ въ содѣйствіи мятежу былъ соблюдаемъ Habeas Corpus, и чтобы весь избытокъ власти существующій въ военное время обращенъ былъ противъ крестьянъ отказывающихся повиноваться панамъ, увлекающимъ ихъ въ мятежъ. Но не странно ли, что эта газета дѣлаетъ попытку представить въ ненавистномъ видѣ дѣйствія полковника М. въ то же самое время какъ въ другихъ усердное служеніе государству и народу Терентія Минкевича клеймится названіемъ извѣта? Почему вдругъ понадобилось возбуждать толки о томъ и другомъ? Точно будто хотятъ сказать всѣмъ Русскимъ служащимъ и неслужащимъ въ сѣверо-западномъ краѣ: не думайте подражать Минкевичу и полковнику М. или мы сошлемъ васъ какъ перваго изъ нихъ и осмѣемъ какъ втораго.

В.

Correspondance du Nord-Est Чарторыйскаго нашла въ чешскомъ вопросѣ неисчерпаемый источникъ всякаго рода клеветъ противъ Россіи. Запугивать Европу незримыми кознями русскаго панславизма, глумиться надъ его мнимыми ухищреніями, трунить надъ его небывалыми недочетами, все это весьма естественно входитъ въ програму газеты, поставившей себѣ единственною цѣлью во что бы то ни стало чернить Россію въ глазахъ Европы, навлекать на все русское ненависть и презрѣніе просвѣщеннаго міра и прославлять на весь свѣтъ притягательную силу польской идеи въ борьбѣ со всепожирающимъ властолюбіемъ русскаго панславизма.... Зная, что такое *Correspondance du Nord-Est*, кто удивился бы, напримѣръ, появленію въ ея столбцахъ, на счетъ русскаго панславизма, слѣдующихъ курьезныхъ заявленій и язвительныхъ комментаріевъ: „Чрезъ какого-то профессора Самарина, „русскіе *панславиcты*, какъ слышно, серіозно увѣщевали чешскихъ предводите„лей, вопреки желаніямъ *Богемцевъ*, не „сходиться со врагами Россіи (то-есть По„ляками). Во всякомъ случаѣ *русскимъ* „*панславистамъ* должно быть, казалось, „крайне непріятнымъ, что за всѣ *свои ко*„*кетничанья съ Чехами* имъ все-таки при„шлось узнать, что гг. Ригеръ и Палац„кій послали Полякамъ поздравительный „адресъ по поводу открытія ими послѣд„нимъ, въ Рапперсвилѣ, памятника сто„лѣтней годовщины заключенія, *противъ* „*Русскихъ*, Барской конфедераціи.“ Это глумленіе надъ неуспѣхомъ небывалаго *кокетничанья* русскихъ панславистовъ, это настойчивое повтореніе ложныхъ и уже опровергнутыхъ вѣстей о какомъ-то поздравительномъ адресѣ, якобы посланномъ Полякамъ отъ гг. Палацкаго и Ригера, это злорадство, что сказаніе объ этомъ небываломъ адресѣ должно быть непріятно для

людей, которые съ русской точки зрѣнія смотрятъ на славянскія дѣла, все это вполнѣ прилично органу ясновельможнаго пана, поспѣшившаго изъ Hôtel Lambert въ Галицію, дабы вѣрнѣе управлять въ сосѣдствѣ Россіи и Чеховъ, нитями шляхетской польской интриги. Ничего иного нельзя и ожидать отъ внушаемой имъ *Correspondance du Nord-Est*. Но все это является совершенно въ иномъ свѣтѣ, какъ только допустимъ предположеніе, что столь грубое глумленье надъ русскими сочувствіями является темою передовой статьи въ русской же газетѣ. Въ глазахъ Француза или Пруссака, самое предположеніе подобнаго рода показалось бы возможнымъ только въ видѣ аргумента *ad absurdum*. Но что Нѣмцу смерть, то Русскому здорово — и вотъ это предположеніе, немыслимое нигдѣ на свѣтѣ, въ Россіи оказывается вседневною дѣйствительностью, ибо приведенная нами выдержка извлечена вовсе не изъ *Correspondance du Nord-Est*, а изъ петербургской газеты, которая хотя и издается на нѣмецкомъ языкѣ, но уже потому должна считать себя русскою, что во главѣ ея красуется двуглавый русскій орелъ. Прилично ли этому орлу осѣнять глумленіе надъ русскими интересами и симпатіями? Но вестфальскій патріотъ, издающій *St.-Petersburger Zeitung*, кое-что смекаетъ и знаетъ что̀ знаетъ; онъ смѣется себѣ въ бороду, и находитъ, что россійскій орелъ вовсе не такой неприличный символъ во главѣ его анти-русской газеты...

Въ поясненіе вписанныхъ строкъ изъ *St.-Petersburger Zeitung*, приведемъ выдержку изъ другой нѣмецкой газеты: „По „порученію и съ поддержкою правитель„ства", пишетъ курляндскій корреспондентъ *Кельнской Газеты*, „какой-то г. Са„маринъ.... издалъ книгу, доказывающую „необходимость немедленнаго и совершен„наго обрусенія якобы опутаннаго прус„скими интригами остзейскаго края, и на„правленную противъ издающихся въ Бер„линѣ: *Livländische Beiträge*... Въ цар„ствованіе императора Николая означен„ный авторъ сидѣлъ нѣсколько времени „въ петербургской крѣпости за *доносы* про„тивъ высшихъ чиновниковъ остзейскихъ „провинцій...."

Итакъ, главная причина отзыва *St.-Petersburger Zeitung* о г. Самаринѣ заключается въ томъ, что онъ дерзаетъ противодѣйствовать остзейскому патріоту и русскому подданному г. Бокку, который въ дружественномъ намъ Берлинѣ, подъ покровомъ правительства, закрывшаго въ одинъ день, во Фленсбургѣ, три газеты за проповѣдываніе датскаго патріотизма въ Пруссіи,—преспокойно издаетъ повременные выпуски, коихъ громко заявленная цѣль состоитъ „въ поддержаніи муже„ственной стойкости Нѣмцевъ прибалтій„скаго поморья въ духовной, нравствен„ной и *политической* борьбѣ ихъ *противъ* „*ихъ заклятаго и исконнаго врага, Моско„вита*, и въ возбужденіи разумнаго и по„слѣдовательнаго *содѣйствія имъ со сто„роны всего Нѣмецкаго народа*". Къ тому же г. Самаринъ ѣздилъ въ Прагу; онъ желаетъ добра дѣлу чешской народности, коей стойкость навлекла на нее громы прусской печати, видящей въ чешской землѣ жертву уже готовую къ поглощенію „великою нѣмецкою семьей"....

Кельнская Газета именуетъ доносомъ письма, писанныя нѣкогда изъ Риги г. Самаринымъ въ Москву, къ своимъ *неслужащимъ* друзьямъ, письма, коихъ искренній патріотизмъ, *вслѣдствіе доноса посланнаго изъ Риги*, отозвался ихъ автору заключеніемъ въ крѣпости. Но какъ будемъ мы сѣтовать на *Кельнскую Газету*, когда ея глумленія надъ „доносами", внушенными преданностью Россіи, быть-можетъ окажутся взятыми изъ какого-нибудь офиціальнаго документа? По слѣдамъ г Герцена, нѣкогда почтившаго насъ обвиненіемъ въ „доносѣ" за изобличеніе его *Колокола*, укоры этого рода у насъ теперь въ большомъ ходу противъ всего русскаго, и не только въ рыцарской Ригѣ, но и въ шляхетской Вильнѣ.

№ 188.

Москва, 31-го августа.

Вопреки всѣмъ нѣжностямъ, какими г. фонъ-Бейстъ столь щедро осыпалъ до сихъ поръ Берлинскій кабинетъ, вопреки усердію, съ какимъ *Кельнская Газета* превращала свои столбцы въ почтовый ящикъ для обмѣна *billets-doux* между Вѣной и Берлиномъ,—напряженное кокетничанье Пруссіи съ Австріей, повидимому, разрѣшается для первой весьма чувствительнымъ *фіаско*. Вмѣсто вожделѣнныхъ лобзаній, долженствовавшихъ запечатлѣть офиціозную

газетную переписку, во всей южно-германской печати, более или менее дружелюбной къ Австріи, завязалась теперь полемика, которой предметомъ Пруссія и которая, въ сущности, есть лишь на два голоса ведомый монологъ Вѣнскаго кабинета, имѣющій единственною цѣлью угостить Берлинскій кабинетъ всякаго рода колкостями. Поводомъ къ этому куріозному обстоятельству послужило офиціозное заявленіе весьма загадочнаго свойства: аугсбургская *Allgemeine Zeitung*, слывущая органомъ весьма преданнымъ Вѣнскому кабинету, высказавъ сначала,—правда мелькомъ,—что въ 1867 году только пристрастіе г. фонъ-Бейста ко Франціи помѣшало заключенію прочнаго союза между Пруссіей и Австріей,—вдругъ объявила потомъ, что еще до *Гаштейнскаго свиданія*, этого Іудина лобзанія взаимноданнаго обѣими великими державами Германіи, Вѣнскій кабинетъ началъ готовиться къ войнѣ со своею соперницей. Понятно, что столь неожиданный комплиментъ, какимъ *Allgemeine Zeitung* вздумала почтить политическую предусмотрительность нынѣшней Австріи, не могъ не вызвать, съ австрійской стороны, самаго категорическаго опроверженія, которое дѣйствительно и появилось въ офиціозной *Wiener-Abendpost*. Но этотъ *Монитеръ* Вѣнскаго кабинета не ограничился простымъ отрицаніемъ справедливости взводимаго на Австрію обвиненія въ двоедушіи. Онъ воспользовался этимъ случаемъ, чтобы пролить вновь горькія слезы негодованія и скорби по поводу надѣлавшей много шума, но уже нѣсколько устарѣвшей Уэдомовской депеши, знаменуя ее какъ „грѣхъ," который Пруссія „должна стараться закрасить" (beschönigen). Съ своей стороны, другой офиціозный австрійскій органъ, *Neue Freie Presse*, высказалъ противъ Берлинскаго кабинета обвиненіе еще въ болѣе серіозномъ грѣхѣ будто только его происками возбуждена и поддерживается тяжкая для Австріи запутанность Чешскаго вопроса. Между тѣмъ, пока офиціозныя газеты г. фонъ-Бейста клонятъ свою рѣчь столь усердно къ тому, чтобы Пруссія постаралась искупить свои политическіе грѣшки противъ Австріи, по всей Германіи разносится слухъ, будто статья въ *Allgemeine Zeitung*, возбудившая распрю между импровизованными друзьями, написана австрійскимъ дипломатомъ, графомъ Бломомъ, какъ бы затѣмъ чтобы подать Вѣнскому кабинету болѣе или менѣе благовидный предлогъ къ предъявленію новыхъ претензій. На почвѣ Восточнаго и Чешскаго вопросовъ Вѣнскій кабинетъ, какъ видно, уже вполнѣ удовлетворенъ предложеніемъ добрыхъ услугъ, формулованнымъ ему впервые, со стороны Пруссіи; въ *National Zeitung* и *Kölnische Zeitung* въ настоящее время какъ будто возникаетъ надежда превозмочь сопротивленіе Пруссіи даже на почвѣ Германскго вопроса.

Легко представить себѣ какую глубокую досаду долженъ былъ вызвать въ *Кельнской Газетѣ* и consorts столь внезапный поворотъ жеманныхъ любезностей, какими г. фонъ-Бейстъ и получаемая имъ печать встрѣтили первые авансы Берлинскаго кабинета для сближенія съ Австріей. „Мы здѣсь не постигаемъ", наивно пишетъ отъ 30-го августа въ *Кельнскую Газету* (№ 242) ея австролюбивый берлинскій корреспондентъ, „*къ какой стати* (?) въ Вѣнѣ опять возникаетъ какая-то „надобность вызывать и возбуждать про„тивъ Пруссіи неудовольствія (Missstim„mungen). Съ тѣхъ поръ какъ расторг„нуты *противоестественныя* и *насиль„ственныя* (?) узы (Zwangsband) стараго „Германскаго Союза, здѣсь ничего луч„шаго не желаютъ какъ вступить въ „чистосердечную политическую дружбу съ „Австріей, для совокупнаго обезпеченія „мира и интересовъ *средней Европы*." И *Кельнская Газета*, и *Крестовая Газета*, и *National Zeitung*, даже наша милая сосѣдка, *Ostsee Zeitung*, очень сердятся на новое положеніе, внезапно принятое относительно Пруссіи всею вѣнскою печатью и значительною частью южно-германской. *Крестовая Газета*, отъ 1-го сентября, отъ увѣщаній переходитъ даже только что не къ угрозамъ, живописуя въ самыхъ мрачныхъ краскахъ картину Австріи, терзаемой разносторонними влеченіями многочисленныхъ національностей, распластанной дуализмомъ, подобной „*сто„рукому Бріарею*, коего всѣ руки обращаются одна противъ другой". Все это не иное что какъ обвинительный актъ направленный противъ г. фонъ-Бейста, якобы виновника тяготѣнія Австріи къ возврату въ Германію. И въ самомъ дѣлѣ, съ каждымъ днемъ какъ будто собираются новые поводы къ тому, чтобы вы-

двинуть вновь вопросъ объ этомъ непріятномъ для Пруссіи тяготѣніи. Телеграфъ извѣщаетъ, что офиціозный корреспондентъ *Hamburger Nachrichten* не обинуясь выставляетъ г. фонъ-Бейста потворствующимъ втайнѣ замысламъ Франціи противъ нейтралитета Бельгіи, а парижскій корреспондентъ *Кельнской Газеты* передаетъ, что на послѣднемъ совѣтѣ министровъ императоръ Наполеонъ, какъ слышно, изложилъ планъ назначаемаго имъ для напечатанія въ *Монитерѣ* письма къ своему министру иностранныхъ дѣлъ, съ новымъ предложеніемъ конгресса и всеобщаго разоруженія, къ коему онъ долженъ повести. Не явится ли это письмо естественнымъ дополненіемъ знаменитаго письма отъ 11-го іюня 1866 г., въ которомъ, вмѣстѣ съ признаніемъ что Пруссія „плохо разграничена", заявлялась необходимость сохранить Австріи ея „великое положеніе въ Германіи"? Означенный парижскій корреспондентъ самъ какъ будто намекаетъ на возможность такого характера предполагаемаго письма, присовокупляя, что безотлучно пребывающій нынѣ въ Фонтенебло князь Меттернихъ, приверженецъде необходимости оборонительнаго и наступательнаго союза между Австріей и Франціей и *возвращенія Австріи въ Германскій Союзъ*, совершенно сошелся съ императоромъ Наполеономъ насчетъ предполагаемаго конгресса... И вотъ въ *Крестовой Газетѣ* происходитъ новый, не менѣе внезапный поворотъ: разразившись всѣми громами своими надъ французскою воинственною журналистикой, означенная газета съ отчаяніемъ взываетъ къ барону Бейсту, заклиная его исполнить великую задачу, ибо „только *онъ одинъ* (!) можетъ „вполнѣ обезпечить миръ, въ которомъ „всѣ нуждаются, *особенно Австрія*".

Говорятъ, будто Лондонскій кабинетъ хлопочетъ теперь только о локализаціи предстоящихъ военныхъ дѣйствій, а въ *Берлинской Корреспонденціи* вопіютъ, что со стороны Франціи замышляется противъ европейскаго мира нѣчто въ родѣ *coup d'état*: это указываетъ на истинныя побужденія той куріозной заботливости объ интересахъ Австріи, которою вдругъ одушевилась Пруссія...

Одной Пруссіи угрожаетъ опасность,— опасность серіозная и ею самою вызванная; а между тѣмъ она напрягаетъ свои силы, дабы доказать не только Австріи, *но и Россіи*, что не ей, а имъ, Австріи и Россіи, безотлагательно необходимъ союзъ съ Пруссіей,—союзъ, который долженъ навлечь на нихъ бѣдствія войны... по чужому дѣлу! А съ Россіи имѣется еще въ виду сорвать при этомъ взятку...

№ 189.

Москва, 2-го сентября.

Обращаемъ вниманіе читателей на помѣщаемую ниже статью, направленную противъ предразсудка будто общественныя запашки могутъ послужить къ улучшенію крестьянскаго быта. Статья эта ставитъ вопросъ ясно и трезво. Только мечтатели, любящіе ходить въ полумракѣ, гдѣ всякой смутной мысли и всякому полусознательному увлеченію привольно, могутъ возлагать свои надежды на обязательное введеніе общественныхъ запашекъ, какъ на средство облегчить крестьянамъ бремя круговой поруки. Въ дѣйствительности было бы наоборотъ. Круговая порука несправедлива и задерживаетъ прогрессъ. По мѣткому выраженію г. Т., она—„катокъ, который, пробѣгая по общинѣ, пригибаетъ выдающіяся изъ общаго уровня личности;" она—„неодолимый барьеръ, Прокрустово ложе таланту." Ею затрудняется и почти воспрещается та „свободная игра въ перегонку," которая есть необходимое условіе успѣха не только въ наукахъ и искусствахъ, но и во всякой промышленности. Порожденіе грубаго общественнаго быта, она въ свою очередь поддерживаетъ его грубость. Облегчать бремя круговой поруки могутъ лишь такія мѣры, которыя возводятъ бытъ на высшія ступени, приближая его къ личной свободѣ, стоящей на верху лѣстницы, а общественныя запашки суть дальнѣйшая ступень изъ быта цивилизованнаго въ бездну коммунизма, поглащающую свободное проявленіе силъ человѣка. Введеніе общественныхъ запашекъ было бы во всѣхъ отношеніяхъ движеніемъ попятнымъ. Г. Т. весьма вѣрно пользуется аргументомъ *ad hominem*, обращаясь къ порицателямъ крестьянскихъ Положеній. Именно съ этой стороны слышится рѣзкій голосъ неудовольствія и опасеній по тому поводу, что русскій крестьянскій бытъ, какъ онъ теперь устроенъ, заключаетъ въ себѣ слишкомъ много эле-

ментовъ коммунизма. Предполагая правдивость этого голоса, должно ожидать, что наши порицатели Положеній возмущаются мыслію о возможности такихъ мѣръ, которыя еще болѣе усилили бы въ крестьянскомъ бытѣ элементы, столь тревожащіе ихъ. Они должны наоборотъ радоваться, видя несомнѣнныя доказательства всеобщаго между русскими крестьянами несочувствія къ общественныхъ запашкамъ. Кому не памятны проявленія этого несочувствія изъ того еще недавняго времени, когда ошибочно направленное теоретическое доброжелательство къ крестьянамъ повело къ слишкомъ торопливой попыткѣ ввести общественныя запашки, путемъ принужденія, въ обществахъ крестьянъ удѣльнаго вѣдомства, перечисленныхъ туда изъ вѣдомства крестьянъ государственныхъ? Проявленія о коихъ мы говоримъ, были рѣзки, но теперь можно судить о нихъ спокойно. Въ ихъ основѣ нельзя не признать того здраваго смысла, на который, какъ говоритъ г. Т., „не даромъ полагался Освободитель, даруя освобожденіе." „Здравый смыслъ народа" высказался противъ общественныхъ запашекъ, и этотъ народный протестъ непререкаемо свидѣтельствуетъ, что въ нашемъ крестьянствѣ господствуетъ стремленіе не къ коммунизму, такъ пугающему его порицателей, а къ формамъ быта противоположнымъ, цивилизованнымъ и прогрессивнымъ. Кто дѣйствительно пугается коммунизма и способенъ ясно видѣть его несовмѣстимость со всѣмъ что̀ дорого въ успѣхахъ человѣческаго общества, тотъ долженъ стоять, по вопросу объ общественныхъ запашкахъ, на сторонѣ народнаго чувства.

Совершенно вѣрно говорится, что коммунизмъ есть не что̀ иное какъ попытка, путемъ законодательства, возвратить человѣческое общество къ тому грубому и дикому быту, который давно пережитъ народами цивилизованными. Дѣйствительно, въ жизни человѣческаго общества нѣтъ ничего очевиднѣе той противоположности, которая существуетъ между началомъ, выражающимся въ коммунизмѣ, и началомъ личной свободы, создающимъ всякій успѣхъ въ исторіи человѣчества. Но также не подлежитъ сомнѣнію, что коммунистскія стремленія не имѣли бы никакого значенія, еслибы въ числѣ побужденій къ нимъ не дѣйствовало дурно понятое, нетерпѣливое желаніе улучшить общественный бытъ. Взявъ всѣ эти черты вмѣстѣ, и безпристрастно вникнувъ въ сущность дѣла, не въ правѣ ли мы будемъ спросить, чѣмъ же различаются стремленія коммунистскія, столь рѣшительно и основательно порицаемыя общественнымъ мнѣніемъ, и дѣлаемое съ точки зрѣнія, считающей себя консервативною, предложеніе ввести въ поземельное устройство крестьянъ общественныя запашки? Не заключается ли въ этомъ совпаденіи вся сила ироніи того стариннаго афоризма, *que les extrêmes se touchent?*

Чтобы не запутаться въ лабиринтѣ возможныхъ формъ общественнаго быта, надобно твердо держаться ясныхъ началъ и широкихъ сужденій, способныхъ служить вѣрнымъ критеріемъ. Такое ясное начало, такой вѣрный критерій есть личная свобода. Ходя въ ея свѣтѣ, мы никогда не собьемся съ пути и никакъ не смѣшаемъ крайностей. Мы различимъ свободную ассоціацію, которая есть верхъ успѣха, отъ ассоціаціи вынудительной, которая есть соціализмъ; мы различимъ желательное всеобщее улучшеніе быта, цѣль всякаго разумнаго законодательства, отъ грубой законодательной нивеллировки, дающей однимъ право жить трудомъ и добромъ другихъ, въ чемъ заключается сущность коммунизма. Видя ясно эти различія, мы будемъ судить трезво о томъ, что̀ достижимо законодательствомъ, и не смѣшаемъ результатовъ, коихъ можно ожидать отъ него, съ тѣми что̀ могутъ быть лишь плодомъ прогресса и времени.

Ясность и трезвость мысли даютъ смѣлость и вѣрность рукѣ. Трусливость, мнительность, колебаніе между противоположными направленіями, тѣмъ вреднѣе, чѣмъ серіознѣе дѣло, къ которому онѣ относятся. Не такое настроеніе легло въ основу великой мѣры освобожденія крестьянъ, и не изъ такого настроенія должны вытекать достойныя ея дальнѣйшія мѣры по части крестьянской реформы. Довѣріе къ здравому смыслу народа, предводившее дѣло освобожденія, теперь оправдалось на дѣлѣ и должно быть признано обязательнымъ для дальнѣйшаго законодательства. Тогда было извинительно не довѣрять будущему, еще безвѣстному; теперь было бы неразумно ослабѣвать въ довѣріи, опирающемся на пережитый опытъ. „Великое преобразованіе, говоритъ г. Т., совершилось

съ тишиной, стройностью и въ порядкѣ, которые засвидѣтельствовали, что народъ нашъ способенъ подвинуться въ общественномъ развитіи." Да будетъ же дальнѣйшее движеніе законодательства движеніемъ общественнаго развитія, да будетъ оно свободно отъ передергиваній и вздрагиваній, можетъ-быть всего болѣе вредныхъ именно тѣмъ интересамъ, которые повидимому расположены желать ихъ.

Въ такихъ крупныхъ мѣрахъ, какъ крестьянская реформа, интересы всѣхъ классовъ общества солидарны. Ущербъ причиненный крестьянскому благосостоянію, не можетъ не оказаться ущербомъ и для всего землевладѣнія, которому придется окончательно расплачиваться за недочеты какъ въ государственной казнѣ, такъ и въ народномъ богатствѣ. Доходность земли возрастаетъ подъ самыми разнообразными вліяніями. Она зависитъ всего болѣе отъ цѣнъ на хлѣбъ, которыя, какъ теперь всѣ могли убѣдиться, зависятъ въ свою очередь преимущественно отъ путей сообщенія, а улучшеніе путей сообщенія было бы невозможно, еслибы казна не находила средствъ поддерживать его, какъ случилось бы при упадкѣ податной силы народа. Да и вообще наши финансовыя затрудненія должны же быть когда-нибудь побѣждены: необходимое для этого усиленіе народной производительности недостижимо безъ расширенія личной свободы въ средѣ того класса, который платитъ наибольшую долю податей. Крестьяне должны получить право заниматься тѣмъ что̀ имъ выгодно, дабы казна не была приведена въ необходимость выбирать съ землевладѣльческой ренты свои недочеты по сбору податей съ производства. Столь же очевидна зависимость ренты отъ наемной цѣны земель и отъ продажной цѣны участковъ, пріобрѣтаемыхъ богатѣющими крестьянами. Наконецъ, говорить ли о зависимости ренты отъ общественнаго спокойствія? Поземельная рента есть изо всѣхъ экономическихъ явленій именно то, которое наиболѣе чувствительно къ измѣненіямъ въ народномъ благосостояніи. Такъ или иначе, на ней прежде всего отзовется всякій понесенный имъ ущербъ. Таковъ разумъ внутреннихъ законовъ, управляющихъ общественными отношеніями: гармонія силъ дѣйствуетъ тутъ не менѣе чѣмъ въ мірѣ физическомъ.

Мы приходимъ такимъ образомъ къ двоякому заключенію. Вопервыхъ, прогрессивное движеніе крестьянскаго быта есть самое прочное и наименѣе обманчивое обезпеченіе интересовъ землевладѣнія. Вовторыхъ, прогрессивнымъ можно считать только такое движеніе, которое ведетъ къ торжеству начала личной свободы. Обязательное введеніе общественныхъ запашекъ было бы мѣрой противоположнаго направленія.

№ 190.

Москва, 3-го сентября.

Съ большимъ интересомъ прочли мы въ нумерѣ, отъ 27-го августа, *Виленскаго Вѣстника* передовую статью, въ которой весьма толково и съ яснымъ разумѣніемъ вопроса излагаются доводы въ пользу предоставленія русскаго языка русскимъ иновѣрцамъ для религіознаго употребленія. Читая въ этой статьѣ общія сужденія объ этомъ вопросѣ, мы не могли не порадоваться успѣху политическихъ понятій въ нашемъ обществѣ. У насъ есть въ свѣжей памяти тѣ же ожесточенные возгласы, какими была встрѣчена мысль о необходимости разъединенія религіознаго вопроса съ политическимъ; мы еще не отдохнули отъ усилій, съ какими приходилось отстаивать дѣло столь ясное отъ двухъ противоположныхъ партій, которыя были въ непримиримой борьбѣ между собой, но въ самомъ главномъ предметѣ спора обнаруживали удивительное единодушіе и помогали другъ другу. Какъ только былъ поставленъ русскій національный вопросъ, открылось обширное поприще для доктринеровъ по части русской народности, которые имѣли уже готовую программу для ея будущаго, программу вынесенную изъ мрака и тѣсноты ея прошедшаго. Эти доктринеры такъ-называемыхъ русскихъ началъ сошлись, въ слѣпотѣ своей, съ врагами русскаго народа, которые очень зорко видѣли, что рѣчь шла о самомъ существенномъ для Россіи вопросѣ, съ разрѣшеніемъ коего замыслы ихъ теряли почву и лишались значенія. Общественное мнѣніе не было еще достаточно приготовлено къ тому, чтобы дать должный отпоръ фальшивымъ воззрѣніямъ и лукавымъ махинаціямъ, и многіе добросовѣстные умы терялись въ недоумѣніи, не зная какому пути слѣдовать. Администрація западнаго

края, къ которому прежде всего относился вопросъ, путалась въ противорѣчіяхъ, а время между тѣмъ уходило. При чрезвычайномъ развитіи власти въ краѣ, гдѣ только что подавленъ былъ мятежъ, затѣвались громоздкія предпріятія для достиженія ничтожныхъ результатовъ, не приводилась въ дѣйствіе мѣра столько же естественная, легкая и справедливая, сколько рѣшительная и плодотворная. Но если время благопріятное для дѣйствія утекало, то все-таки съ его теченіемъ понятія въ обществѣ разъяснялись и зрѣли, и вотъ теперь не раздается уже ни одного голоса, который рѣшился бы повторить то что̀ за два, за три года предъ симъ высказывалось съ такимъ азартомъ и упорствомъ противъ эманципаціи русскаго языка.

Но отдавая должную справедливость теоретическимъ сужденіямъ изложеннымъ въ упомянутой статьѣ *Виленскаго Вѣстника*, мы тѣмъ болѣе удивлены практическими заключеніями, къ которымъ она направляетъ своихъ читателей.

Начинается она сообщеніемъ весьма характеристическихъ фактовъ изъ недавняго прошлаго въ сѣверо-западномъ краѣ, свидѣтельствующихъ о томъ съ какою наглостію, съ какимъ презрѣніемъ къ Россіи и ея правительству, и вмѣстѣ съ какимъ тонкимъ разчетомъ дѣйствовала тамъ интрига, замысливъ ополячить населенія этого края. Польскіе политики въ послѣднее время, болѣе просвѣщенные чѣмъ ихъ предки, готовясь къ событіямъ 1863 г., отказались отъ старыхъ преданій и перестали дѣйствовать церковнымъ прозелитизмомъ, который погубилъ старую Польшу. Задачей было поставлено не распространеніе католицизма въ мѣстныхъ населеніяхъ, а напротивъ ополяченіе населеній исповѣдующихъ православную вѣру. Благоразумно избѣгая всего что̀ могло бы встревожить совѣсть и разбудить религіозныя страсти, руководители польской интриги хлопотали о томъ, чтобы сдѣлать польскій языкъ органомъ религіозныхъ потребностей какого бы то ни было вѣроисповѣданія въ краѣ. Они успокаивали людей относительно ихъ вѣрованій, и старались съ дѣтскихъ лѣтъ вкоренять въ нихъ убѣжденіе, что вѣра не препятствуетъ имъ быть ревностными Поляками. Обстоятельства имъ благопріятствовали, и они дѣйствовали такъ успѣшно, что даже духовенство православное въ этомъ краѣ усвоило себѣ польскій языкъ и готово было причислять себя къ польской народности. Молодые люди изъ православныхъ, учившіеся въ тамошнихъ гимназіяхъ, часто выходили, благодаря этой политикѣ польскихъ вожаковъ, самыми завзятыми патріотами въ польскомъ смыслѣ. Дѣло это не зашло слишкомъ далеко только благодаря тому, что преждевременно разыгралось мятежомъ, который имѣлъ совершенно неожиданныя для враговъ Россіи послѣдствія, и компрометтировалъ, по крайней мѣрѣ на время, ихъ замыслы,— говоримъ на время, потому что теперь надежды ихъ снова оживаютъ....

Виленскій Вѣстникъ расказываетъ, какъ въ 1859 году одинъ православный архипастырь, объѣзжая свою епархію нечаянно наткнулся на сельскія училища для мальчиковъ и дѣвочекъ православнаго исповѣданія, въ которыхъ они обучались всему, даже закону Божію и молитвамъ, на польскомъ языкѣ. Магнатъ-помѣщикъ, въ отвѣтъ на недоумѣніе изъявленное преосвященнымъ, откровенно отвѣчалъ: „Крестьяне наши, по случаю предстоящей эманципаціи, выйдутъ изъ-подъ *нашего* вліянія, а потому необходимо стараться привязать ихъ къ помѣщикамъ *образованіемъ „на польскомъ языкѣ и въ польскомъ духѣ*.“ Преосвященный донесъ объ этомъ куда слѣдуетъ. Была наряжена ревизія, которая обнаружила, что польскіе помѣщики систематически заводили для крестьянскихъ дѣтей православнаго исповѣданія подобныя школы, или *школки*. Но послѣдствіемъ ревизіи было то, что эти новооткрытыя польскія учебныя заведенія получили уставъ узаконившій ихъ существованіе и ввѣрившій ихъ, какъ значится въ § 3 этого устава, „*просвѣщенной и благонамѣренной попечительности* самихъ помѣщиковъ, кои притомъ могутъ поручить смотрѣніе за оными и другимъ, достойнымъ сего, благонадежнымъ людямъ по *своему выбору*.“ Вотъ въ какомъ положеніи были дѣла! Мудрено ли, что польскіе патріоты были увѣрены въ исполненіи всѣхъ своимъ замысловъ? Мудрено ли что они были увѣрены въ благосклонномъ содѣйствіи самаго же русскаго правительства въ дѣлѣ клонившемся къ раздробленію государства? Мудрено ли, что въ западномъ краѣ „польская справа“ пріобрѣла крѣпкую организацію и возымѣла силу, и что люди не расположенные къ политическимъ затѣямъ становились поневолѣ польскими патріо-

тами,—быть-можетъ надѣясь отчасти угодить тѣмъ правительству?

По поводу дѣла о польскимъ народныхъ школахъ, которыя были ввѣрены *просвѣщенной и благонамѣренной попечительности* помѣщиковъ, отъ этихъ господъ офиціально поступали заявленія такого рода: „если возвращеніе польскаго языка, „для преподованія на немъ всѣхъ предметовъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, необходимо, то *тѣмъ очевиднѣе* „оно необходимо въ сельскихъ и приходскихъ училищахъ, иначе всѣ заботы и „старанія о просвѣщеніи крестьянскаго сословія здѣшняго края не достигнутъ *пред„полагаемой цѣли*“ (?). Особенно интересно мнѣніе одного изъ этихъ господъ, который ставилъ на видъ дозволенную Нѣмцамъ германизацію балтійскихъ губерній, причемъ не безъ основанія спрашивалъ, почему же эта система „не примѣ„няется къ девяти губерніямъ братскаго „славянскаго населенія,“ а затѣмъ весьма добродушно доказывалъ, что обученіе дѣтей на русскомъ языкѣ „потушаетъ стрем„леніе къ просвѣщенію, и вмѣсто ожидае„маго правительствомъ сближенія *разры„ваетъ связь между нимъ и цѣлымъ слоемъ „образованнаго и образующагося народо„населенія девяти губерній.*“

Виленскій Вѣстникъ, приводя всѣ эти характеристическіе факты изъ прошлаго, ставитъ ихъ въ назиданіе настоящему. „Помѣщикъ-графъ,“ замѣчаетъ эта газета, „высказалъ глубокую истину, признавшись, „что по освобожденіи русскихъ крестьянъ „отъ зависимости польскому пану, нрав„ственное господство надъ крестьянами „возможно только посредствомъ искусствен„наго привитія имъ польской рѣчи и поль„скаго образованія.“ Затѣмъ виленская газета обращается съ горькимъ упрекомъ къ господствующей у насъ до сихъ поръ системѣ. „Кто же, какъ не мы сами,“ восклицаетъ она, „возбранялъ матери, рус„ской католичкѣ, учить ея дѣтище молить„ся по-русски; кто же, какъ не мы сами, „запрещали русскому католику прочесть „*публично* „Отче нашъ“ на русскомъ язы„кѣ; кто же наконецъ, какъ не мы сами, „поддерживалъ до сего времени пагубную „идею польскихъ патріотовъ, отождествляя „церковное дѣло съ политическимъ, вслѣд„ствіе обязательнаго усвоенія польскаго „языка въ римско-католической проповѣди, „церковномъ покаяніи и общественныхъ мо„литвахъ? Если горсть польскихъ патріо„товъ, для сохраненія вліянія надъ огром„ною массой православно-русскихъ хло„повъ, смѣло бралась за рискованное дѣло „разъединенія православія съ русскою на„родностію и, не трогая перваго, легко „достигала, какъ мы видѣли изъ выше„приведеннаго примѣра, ополяченія рус„скаго человѣка, то во сколько же разъ „обязательнѣе для насъ разъединеніе ка„толицизма съ польскою народностію и „языкомъ, которые искусственно привива„лись нами къ двумъ милліонамъ католи„ковъ бѣлорусской и малорусской рѣчи? „Имѣли ли мы право наконецъ осуждать „ополяченіе русскихъ людей Поляками, по„ка сами полячили ихъ польскою молит„вой и проповѣдью, поддерживая уродли„вый союзъ католицизма съ польщизной, „стоившею неповинному въ ней народу „стольких слезъ и бѣдствій?“

Мы вполнѣ сочувствуемъ этимъ горькимъ упрекамъ и совершенно соглашаемся съ этими сужденіями столь основательными, съ этими требованіями столь справедливыми. Нельзя высказаться съ большею ясностію и силою убѣжденія. *Виленскій Вѣстникъ* сталъ теперь органомъ Виленскаго учебнаго округа, и мы не можемъ не порадоваться столь просвѣщеннымъ воззрѣніямъ, которыя тамъ господствуютъ по одному изъ самыхъ важныхъ для края вопросовъ и о которыхъ столь краснорѣчиво свидѣльствуютъ вышеприведенныя строки. Но, къ сожалѣнію, начало статьи не совсѣмъ соотвѣтствуетъ ея продолженію, а практическія заключенія, которыми она оканчивается, находятся въ крайнемъ противорѣчіи съ ея теоретическою частію, и совсѣмъ побиваютъ то что въ ней высказано съ такимъ горячимъ убѣжденіемъ...

Продолженіе статьи сообщаетъ свѣдѣнія уже извлеченныя изъ ней въ № 188 нашей газеты о предположеніяхъ, которымъ данъ въ настоящее время ходъ. Мы узнаемъ, что надняхъ должно выйдти въ свѣтъ (уже вышло) изданіе нѣкоторыхъ католическихъ молитвъ по-русски для употребленія воспитанниковъ учебныхъ заведеній, вмѣстѣ съ краткимъ катехизисомъ, въ числѣ 6.000 экземпляровъ, который будетъ немедленно введенъ въ употребленіе во всѣхъ „гимназіяхъ, прогимназіяхъ уѣздныхъ и, *по всей вѣроятности*, народныхъ училищахъ округа.“ Молитвы, о коихъ идетъ рѣчь, ограничиваются весьма не-

многими, какъ-то: предъ сномъ, предъ транезой, предъ ученіемъ, „Отче нашъ;" между тѣмъ какъ тѣ молитвенники, по которымъ католики слѣдятъ за богослуженіемъ въ церкви, остаются на польскомъ. Что же касается до катехизиса, то это дѣло было уже давнымъ-давно рѣшено правительствомъ, и странно, что объ исполненіи этого рѣшенія сообщается теперь какъ о новости, и притомъ съ непонятною оговоркой. Мы не понимаемъ, что̀ значатъ слова *Виленскаго Вѣстника*, что изданіе, о которомъ онъ сообщаетъ, будетъ *ненавѣрно*, а только *вѣроятно*, введено въ употребленіе въ *народныхъ училищахъ*, которыя всего болѣе нуждаются въ немъ, потому что для бѣлорусскихъ крестьянъ римскаго закона польскій языкъ есть чужой, а правительство, какъ объясняется въ той же статьѣ *Виленскаго Вѣстника*, принимаетъ эти мѣры въ видахъ огражденія крестьянскихъ населеній отъ ополяченія.

Далѣе мы узнаемъ, что „предположено „новое изданіе римско-католическаго треб„ника, гдѣ вопросы и отвѣты употреби„тельные при нѣкоторыхъ обрядахъ, и пе„чатавшіеся до сего времени по-польски, „будутъ замѣнены русскими." Сообщая это свѣдѣніе, *Виленскій Вѣстникъ* присовокупляетъ: „въ настоящее же время, дѣй„ствительно, русскій крестьянинъ въ рус„ской же губерніи прямо обязывается изу„чать польскій языкъ, хотя бы для того „собственно, чтобы быть крестнымъ от„цомъ, бракосочетаться, отпѣть своихъ ро„дителей, принять участіе въ обѣдняхъ, „вечерняхъ, панихидахъ, крестныхъ хо„дахъ и т. п." Наконецъ мы узнаемъ еще, что клириковъ, которые оканчиваютъ курсъ въ римско-католическихъ семинаріяхъ и могутъ въ качествѣ священниковъ, назначаться въ законоучители уѣздныхъ народныхъ училищъ, постановлено подвергать дополнительному экзамену *по русскимъ предметамъ* при гимназіяхъ. Въ этомъ извѣстіи не ясно что̀ значитъ этотъ дополнительный экзаменъ по русскимъ предметамъ. Намъ говорятъ, что въ самихъ семинаріяхъ преподаваніе производится только на русскомъ и латинскомъ языкѣ; но эти заведенія, столько же какъ и гимназіи, находятся подъ рукой правительства, отъ котораго зависитъ принять надлежащія мѣры для того чтобы русское преподаваніе въ семинаріяхъ не было обманомъ. Если же въ видахъ болѣе вѣрнаго обезпеченія русскаго преподаванія все-таки считается не лишнимъ особое испытаніе при гимназіи, то надобно, чтобъ это было общею мѣрой равно обязательною для всѣхъ клириковъ, будутъ ли для нихъ въ виду мѣста законоучителей или нѣтъ.

Этими тремя предположеніями, по свѣдѣніямъ *Виленскаго Вѣстника*, ограничиются пока всѣ мѣры относительно русскаго языка и иновѣрческаго вопроса въ западномъ краѣ. Въ сущности мѣры эти заслуживаютъ вниманія только какъ признакъ того, что правительство наконецъ обратило серіозное вниманіе на этотъ вопросъ; но всякій понимающій дѣло согласится, что сами по себѣ онѣ отнюдь не рѣшаютъ вопроса, о которомъ идетъ рѣчь, и что на нихъ невозможно ни минуты остановиться.

Не такъ однако посудилъ *Виленскій Вѣстникъ* въ заключеніи своей статьи. Онъ находитъ, что этими тремя мѣрами исчерпывается весь вопросъ, по скольку онъ можетъ подлежать практическому рѣшенію въ настоящее время. На этихъ мѣрахъ, полагаетъ онъ, правительство должно теперь остановиться.

Послѣ всего что̀ было выписано выше изъ той же статьи, читатель съ удивленіемъ прочтетъ слѣдующія строки, которыми она оканчивается: „Намъ кажется, что введеніе „русскаго языка въ проповѣдь и въ такъ„называемое дополнительное богослуженіе „должно явиться по истеченіи извѣстнаго „времени... Скоропостижность и насиль„ственныя мѣры въ дѣлѣ запущенномъ нами „же самими, и требованіе отъ людей взрос„лыхъ, отъ стараго поколѣнія, чтобъ оно „разсталось съ давно усвоеннымъ языкомъ „въ религіозной практикѣ, приведетъ толь„ко къ раздраженію и нѣмой оппозиціи и, „слѣдовательно, затормозитъ желанный ус„пѣхъ въ такомъ важномъ для окончатель„наго умиротворенія края дѣлѣ."

Трудно повѣрить, чтобъ эти строки были написаны тѣмъ же самымъ перомъ, изъподъ котораго вышли слѣдующія слова: „имѣемъ ли мы право осуждать ополяченіе „русскихъ людей Поляками, пока сами по„лячимъ ихъ польскою молитвой и поль„скою *проповѣдью?*" Практическія заключенія статьи требуютъ такой медлительности, что дѣло не должно вовсе двигаться съ мѣста, а въ теоретической части, въ другомъ столбцѣ, заявлялось слѣдующее: „Чѣмъ скорѣе разорвемъ мы цѣпи прико„вывающія здѣшній русскій народъ къ

„польщизнѣ, тѣмъ скорѣе покончимъ мы „дѣло обрусенія западной окраины нашей „и, наоборотъ, медленность въ этомъ важ„номъ дѣлѣ, вслѣдствіе навязываемаго „крестьянамъ польскаго языка, будетъ „укрѣплять ихъ въ польщизнѣ и, слѣдо„вательно, съ каждымъ годомъ дѣлать для „насъ все болѣе и болѣе труднымъ ихъ „обрусеніе".

Куріозную исторію представитъ для будущихъ поколѣній вопросъ о русскомъ языкѣ въ западномъ краѣ! Новая фаза, въ которую онъ теперь вступаетъ, судя по статьѣ *Виленскаго Вѣстника*, еще удивительнѣе чѣмъ тѣ перипетіи, которымъ онъ подвергался доселѣ: полнѣйшее удовлетвореніе всѣмъ его требованіямъ—на словахъ, и отрицаніе самой сущности его на дѣлѣ. Если-бы правительство послѣдовало практическимъ совѣтамъ, которые даетъ ему *Виленскій Вѣстникъ*, то это значило бы, что оно отказывается отъ разрѣшенія этого вопроса, признаннаго имъ за существенный и настоятельный. Но въ такомъ случаѣ несравненно лучше было бы отказаться просто нежели принимать мѣры не имѣющія серіознаго значенія. Худо не дѣлать того что требуется обстоятельствами и разумомъ вещей, но несравненно хуже удовлетворяться мнимымъ разрѣшеніемъ вопроса и успокоиваться на мѣрахъ, которыя получаютъ смыслъ только при полномъ разрѣшеніи вопроса, сами же по себѣ, не достигая цѣли, могутъ только раздражать умы или, что еще опаснѣе, внушать имъ презрѣніе къ правительству или увѣренность въ его безсиліи. Благоразумная постепенность заключается не въ томъ, чтобы принимать рядъ полумѣръ, обходящихъ вопросъ. Постепенность можетъ состоять только въ способахъ примѣненія или распространенія мѣры полной и серіозной безъ ущерба ея существенному значенію.

Какой смыслъ можетъ имѣть преподаваніе католическаго катехизиса на русскомъ языкѣ, если въ церковномъ употребленіи будетъ оставаться попрежнему польскій языкъ, какъ священный, хотя и гонимый свѣтскими властями съ площадей и рынковъ, изъ кофейныхъ и трактировъ? Какое значеніе могутъ имѣть для католиковъ нѣсколько молитвъ переведенныхъ на русскій языкъ для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ, когда русскій языкъ попрежнему не впущенъ въ церковь ихъ, и когда проповѣдь и дополнительное богослуженіе должны попрежнему совершаться на языкѣ польскомъ? *Виленскій Вѣстникъ* опасается насильственныхъ мѣръ. Но насиліе заключается не въ томъ, чтобъ отказывать въ русскомъ языкѣ русскимъ населеніямъ, которыя должны теперь поневолѣ обучаться польскому языку для того чтобы слѣдить за своимъ богослуженіемъ и разумѣть слово проповѣди составляющей существенную часть католическаго богослуженія, а скорѣе въ томъ, что на русскомъ языкѣ, хотя и природномъ для нихъ, но не освященномъ въ ихъ глазахъ и не допущенномъ въ ихъ церковь, заставляютъ ихъ учиться закону Божію, или читать въ нѣкоторыхъ случаяхъ нѣкоторыя молитвы. Не значитъ ли это играть дѣломъ религіи и смущать совѣсть людей?

Странно, что съ русской же стороны называютъ насиліемъ справедливую льготу, предоставляемую русскимъ людямъ рожденнымъ въ католицизмѣ, употреблять свой природный языкъ для религіозныхъ потребностей, такъ, чтобы, оставаясь вѣрными своей церкви, они оставались въ то-же время вѣрными своему государству и своей національности. Можно было бы понять эти толки о крутыхъ мѣрахъ, еслибы рѣчь шла о населеніяхъ Плоцкой или Радомской губерніи; но рѣчь идетъ о русскихъ населеніяхъ, рѣчь идетъ о краѣ, гдѣ русскій языкъ издавна господствуетъ, гдѣ всѣ знаютъ его, всѣ обязаны учиться ему, гдѣ возбраняется употребленіе польскаго языка даже для тѣхъ, кто на немъ воспитанъ въ нѣдрахъ семьи и считаетъ его себѣ природнымъ!!

Еслибы разныя соображенія требовали нѣкоторой постепенности въ ходѣ вопроса, о которомъ идетъ рѣчь,—еслибы встрѣтились затрудненія къ введенію русскаго языка въ проповѣдь и въ дополнительное богослуженіе по всѣмъ католическимъ приходамъ западнаго края, то вопросъ тѣмъ не менѣе былъ бы рѣшенъ во всей силѣ, еслибы русскій языкъ былъ допущенъ сначала въ нѣсколькихъ костелахъ. Разобщеніе церковнаго дѣла съ національнымъ, полонизма съ католицизмомъ, было бы достигнуто, еслибы русскимъ языкомъ вполнѣ былъ замѣненъ польскій хотя въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, особенно тамъ гдѣ крестьянское населеніе римскаго закона особенно густо. Пусть будетъ предоставлено времени повсемѣстное распространеніе этой мѣры; но необходимо чтобы гдѣ-

нибудь была она принята вполнѣ и серіозно. Для умиротворенія края, о которомъ говоритъ *Виленскій Вѣстникъ*, именно необходимо, чтобъ это дѣло не оставалось подъ вопросомъ и сомнѣніемъ, а было рѣшено такъ или иначе.

№ 191.

Москва, 4-го сентября.

А.

Въ 1848 году министръ народнаго просвѣщенія, графъ Уваровъ, былъ обрадованъ слѣдующимъ сообщеніемъ генералъ-губернатора трехъ балтійскихъ провинцій: „Надлежитъ признать," писалъ генералъ-адъютантъ князь Суворовъ, „чтъ въ Дерпт-„скомъ университетѣ, въ *уѣздныхъ и на-„родныхъ* училищахъ, и *даже въ частныхъ* „*пансіонахъ*, русскій языкъ *занялъ при-„надлежащее ему мѣсто*, и *занялъ* безъ „насильственныхъ распоряженій, такъ ска-„зать, *по сознанію края*, что это орудіе „*необходимо для него нужно*. Въ такомъ „положеніи, всякое понудительное распо-„ряженіе казалось бы изъявленіемъ *нѣ-„котораго неудовольствія* правительства и „*недовѣрія къ собственнымъ усиліямъ жи-„телей достигнуть указанной имъ цѣли*." Чего же большаго могло бы пожелать центральное правительство? Главный начальникъ края сообщаетъ министру не объ ожиданіяхъ и надеждахъ, а *о фактѣ* уже совершившемся: русскій языкъ уже *занялъ* „принадлежащее ему мѣсто;" начиная съ университета, слывшаго дотолѣ разсадникомъ нѣмецкаго патріотизма, и до частныхъ пансіоновъ, и вліятельные жители признали его необходимость, общественные классы напрягаютъ всѣ силы, дабы „достигнуть указанной имъ цѣли." Русское слово, живой символъ Россіи, водворялось само собой при усердномъ содѣйствіи всѣхъ мѣстныхъ силъ ... Не оправдывалось ли этимъ сообщеніемъ главнаго правителя края, который пользовался полнымъ довѣріемъ своего государя, предвидѣніе г. Аурелія Буддеуса, который возвѣщалъ за годъ предъ тѣмъ, что рѣшительное слово, произнесенное въ 1845 году императоромъ Николаемъ, навсегда и безповоротно упразднило балтійскую нѣмечину, и что русскій языкъ, силой потребностей самого края, въ самомъ скоромъ времени станетъ тамъ языкомъ административнымъ? Понятно, что центральное правительство, имѣя въ виду не мудрованія какого-нибудь г. Буддеуса, а факты столь положительно сообщенные генералъ-адъютантомъ княземъ Суворовымъ, не могло не согласиться съ его справедливыми заключеніями: при столь благопріятной обстановкѣ вопроса, всякая „понудительная мѣра," дѣйствительно, могла бы лишь охладить доблестное рвеніе, съ какимъ мѣстное общество доказывало на дѣлѣ свою преданность Россіи....

Правительство могло такимъ образомъ заранѣе обречь себя на пріятную роль зрителя умилительной картины патріотическихъ усилій балтійскаго общества, дружно направленныхъ къ предпоставленной цѣли. На этомъ пути, которымъ такъ блистательно шествовало русское слово въ балтійскихъ провинціяхъ, правительству оставалось только поставить первыя вѣхи. За учебнымъ подготовленіемъ въ школахъ всѣхъ степеней, должна была въ близкомъ будущемъ послѣдовать эпоха административнаго водворенія русскаго языка. И вотъ чрезъ полтора года послѣ того, 3-го января 1850, обнародовано Высочайшее повелѣніе, указывавшее въ точности тѣ „цѣли," къ достиженію коихъ якобы стремились возвѣщенныя княземъ Суворовымъ „усилія жителей." „Съ 1-го января 1858 года," было сказано въ этомъ указѣ, „т.-е. „*по окончаніи полнаго начинающими въ* „*1850 г. высшее образованіе своего учеб-„наго курса*, по коронным присутствен-„нымъ мѣстамъ опредѣлять *только лицъ* (безо всякаго исключенія), имѣющихъ ос-„новательное познаніе въ русскомъ языкѣ.... „Когда же главное мѣстное начальство „признаетъ что такихъ чиновниковъ во „всѣхъ коронныхъ присутственныхъ мѣ-„стахъ достаточное число, *то войдти оному* „*съ особымъ представленіемъ* о назначеніи „положительнаго и опредѣлительнаго срока „для введенія всего въ нихъ дѣлопроизвод-„ства на *одномъ только* (также безъ вся-кихъ исключеній) *русскомъ языкѣ*..."

Какъ видно изъ словъ указа, отмѣченныхъ нами курсивомъ, формальный отзывъ князя Суворова 1848 г. о положеніи русскаго языка въ балтійскихъ школахъ послужилъ главнымъ основаніемъ мѣры, довѣренной въ 1850 г. его патріотизму и свободной отъ всякаго „понудительнаго" свойства, дабы не оказать жителямъ совершенно не заслуженнаго „неудовольствія

„и недовѣрія къ ихъ собственнымъ усиліямъ достигнуть указанной имъ цѣли"... Но вотъ протекъ 1858 годъ, протекаютъ еще многіе годы, а главное начальство края не входитъ ни съ какимъ „особымъ представленіемъ о назначеніи *положительнаго* и *опредѣлительнаго* срока для „введенія всего дѣлопроизводства на *одномъ только* русскомъ языкѣ"; правительство же, довѣрчиво полагаясь какъ на усилія самихъ жителей, такъ и на преданность своихъ собственныхъ дѣятелей, не признаетъ нужнымъ подтверждать главному мѣстному управленію о своихъ требованіяхъ или спрашивать его объ успѣхѣ исполненія оныхъ, избѣгая подать поводъ къ сомнѣнію, что верховная воля, представляющая собою всю Россію, можетъ быть не исполнена... Къ тому же, все это время, мѣстная власть не доносила ни о малѣйшей оппозиціонной попыткѣ, ни о какомъ мятежномъ проявленіи, какимъ, по точному разуму нашего Свода Законовъ, слѣдуетъ признать всякое противодѣйствіе оказанное подданными исполненію Высочайшаго указа...

Наконецъ минуло около двухъ десятилѣтій съ тѣхъ поръ какъ министерство народнаго просвѣщенія извѣстилось офиціально, что русскій языкъ уже занялъ во всѣхъ сферахъ народнаго обученія прибалтійскаго края „принадлежащее ему мѣсто"; минуло слишкомъ семнадцать лѣтъ по обнародованіи указа 1850 года; минуло слишкомъ девять лѣтъ съ того времени, когда, въ силу этого указа, на службу „по коронными присутственнымъ мѣстамъ" должны были опредѣляться *исключительно* „только лица имѣющія *основательное познаніе русскаго языка*." И что же?—Комитетъ министровъ, обсуждая вопросъ о введеніи русскаго языка въ прибалтійскихъ губерніяхъ, открылъ, что Царская воля, торжественно и опредѣлительно выраженная указомъ отъ 8-го января 1850 г., осталась „мертвою буквой"; генералъ-губернаторъ признается своимъ подчиненнымъ, что „дѣлопроизводство" на русскомъ языкѣ „можетъ встрѣтить *нѣкоторыя* затрудненія", настолько сильныя, однакожь, чтобы побудить его къ значительному измѣненію вновь выраженной Высочайшей воли; а заграничный глашатай нѣмецко-балтійскаго патріотизма,—не какой-нибудь космополитъ-соціалистъ въ родѣ г. Герцена, но защитникъ правъ собственности и нѣмецкой культуры, бывшій вице-президентъ лифляндскаго гофгерихта, столбовой лифонскій дворянинъ, г. фонъ-Боккъ, заявляетъ, не обинуясь, что въ его дражайшемъ отечествѣ, въ совокупной Лифляндіи (Gesammt-Livland), введеніе русскаго языка въ присутственныхъ мѣстахъ и школахъ *всѣ* считаютъ *варварствомъ* и *тиранніей*. „Навязываніе русскаго языка", вѣщаетъ сей патріотъ, бывшій правительственнымъ органомъ, „наполняетъ сердца учащейся нѣмецкой молодежи, *сознающей „свое превосходство надъ Русскими, глубочайшею къ нимъ ненавистью* (Russenhass)!"

Что же сталось съ бѣднымъ русскимъ языкомъ, который, уже въ 1848, якобы „занялъ принадлежащее ему мѣсто", такъ что правительству нечего было о немъ заботиться? Гдѣ же „усилія жителей достигнуть указанной имъ цѣли"? Обо всемъ этомъ нѣтъ и помину, какъ будто все это было сказано не генералъ-губернаторомъ, облеченнымъ довѣріемъ верховной власти и носящимъ славное имя, а брошено на вѣтеръ Ауреліемъ Буддеусомъ... Обо всемъ этомъ нѣтъ помину, точно такъ же какъ нѣтъ помину о явномъ пренебреженіи оказаннымъ въ балтійскихъ губерніяхъ къ Царскому слову 1845, и Высочайшему указу отъ 3-го января 1850.

Предъ нами раскрыта только что вышедшая въ свѣтъ за границей книга г. Самарина: *Окраины Россіи (I. Балтійское поморье)*, которую уже заранѣе отрекомендовалъ русскимъ читателямъ бѣшеный лай нѣмецкой печати, встрѣтившій ея появленіе. Это дѣйствительно замѣчательное сочиненіе, которое должно бы стать настольною справочною книгой у всякаго добросовѣстнаго русскаго дѣятеля въ балтійскомъ краѣ, разоблачаетъ во всѣхъ подробностяхъ интригу, несравненно болѣе опасную и изворотливую чѣмъ польская, интригу, которая работаетъ съ блистательнымъ успѣхомъ, при очевидной стачкѣ со всевозможными антирусскими началами, при возбужденіяхъ отъ иностранной, не только частной, но и офиціозной печати,—возбужденіяхъ, не отдаленныхъ, не безплодныхъ, какими дѣйствуютъ на Поляковъ изъ западной Европы, а близкихъ, настойчивыхъ и мѣтко направленныхъ... Книга г. Самарина доказываетъ фактами истину неоднократно возвѣщенную нашимъ рижскимъ корреспондентомъ, что съ 1848

года, благодаря успокоительнымъ завѣреніямъ отъ главнаго управленія прибалтійскаго края, благодаря совершенному бездѣйствію этого управленія, благодаря стачкѣ мѣстныхъ властей,—„мертвою буквой“ оказались всѣ предположенія, распоряженія и мѣры правительства къ утвержденію здѣсь государственнаго единства Россіи.

По словамъ нашего корреспондента, балтійскія губерніи стали въ 1867 „по крайней мѣрѣ *втрое болѣе нѣмецкими*, чѣмъ „были въ 1845“. Г. Самаринъ раскрываетъ тѣ уловки, которыми обходили волю „*обо*„*жаемыхъ* балтійскимъ рыцарствомъ монарховъ: рѣшившись выдавать за подлогъ „или грязную канцелярскую продѣлку все „что въ офиціальномъ выраженіи Высо„чайшей воли и мысли не подходитъ подъ „мѣстныя воззрѣнія, ничего не стоитъ *пе*„*ремахнуть черезъ любой законъ*.“ Извѣстно, что той же системы держатся и въ западномъ краѣ, начиная съ князя Огинскаго до *Новаго Времени*, русскіе вѣрноподданные „съ польскимъ народнымъ самолюбіемъ“, нападающіе на законъ подъ предлогомъ осужденія его исполнителей и обращающіе въ ничто самый принципъ закона подъ предлогомъ злоупотребленій въ его примѣненіяхъ... Но г. Самаринъ доказалъ, со всевозможною ясностью, что не въ одной этой кампаніи противъ русскаго закона идетъ у насъ нѣмецкая агитація рука объ руку съ польскою. Выписываемъ нѣсколько отрывковъ изъ замѣчаній внушенныхъ г. Самарину основательнымъ изученіемъ этихъ кампаній:

„Въ Пруссіи познанскіе Поляки впер„вые подняли голосъ за мнимо угнетен„ныхъ Балтійцевъ и продолжаютъ въ сво„ихъ газетахъ оплакивать горькую участь „ожидающую лютеранство и нѣмецкую на„ціональность. Въ свою очередь, въ от„плату за эту добрую услугу, балтійскіе пу„блицисты поносятъ память покойнаго графа „Муравьева, указываютъ Европѣ на *угне*„*теніе* латинскаго духовенства и негоду„ютъ на *насильственное* введеніе въ за„падномъ краѣ русскаго языка. Развер„ните любую заграничную брошюру бал„тійскаго издѣлія и вы найдете въ ней всѣ „знакомые вамъ мотивы польскаго изоб„рѣтенія; вы узнаете, напримѣръ, что „русскіе вовсе не Славяне, а выродив„шіеся Монголы; что еслибы русскія ин„триги не мѣшали дворянству, то кре„стьяне въ балтійскихъ губерніяхъ давно „были бы облагодѣтельствованы своими „помѣщиками и сдѣлались бы собственни„ками, что Русскій Императоръ считается „главой своей церкви не только въ мір„скихъ, но и въ духовныхъ дѣлахъ, иначе (буквально) *кесаремъ-папой*; что *латин*„*ству и протестанству давно бы пора* „*отложить всякія мдежоусобныя распри* „*и, опознавъ себя взаимно какъ одно цѣ*„*лое, именно какъ западное христіан*„*ство, объявить войну восточному христі*„*анству* *) *и москалю*, этому исконному „и непримѣримому, общему ихъ врагу...**) „Правда, балтійскіе дворяне не брезга„ютъ дешевыми мнѣніями западнаго края „и пользуются распространенными на нихъ „льготами—это своимъ чередомъ; а тѣмъ „временемъ, за границей, агенты ихъ про„должаютъ подвизаться рука объ руку съ „Поляками, подъ однимъ знаменемъ, да „еще въ добавокъ они же, по поводу „нашихъ уступокъ, печатно надъ нами „издѣваются—и по дѣломъ.“ ***)

Приведенный выше отзывъ прибалтійскаго генералъ-губернатора былъ вызванъ мѣрами, предложенными министромъ народнаго просвѣщенія во исполненіе Высочайшей воли, изъявленной въ 1845 году касательно введенія русскаго языка въ народное обученіе Дерптскаго учебнаго округа. Естественнымъ послѣдствіемъ этого отзыва явился указъ отъ 3-го января 1850 года, участь коего читателю извѣстна. 1-го іюня 1867 года, комитетъ министровъ признавъ, что Высочайшая воля, выраженная въ указѣ отъ 3-го января 1850 года, осталась „мертвою буквой“, постановилъ мнѣніе, во всѣхъ подробностяхъ повторившее повелѣнія этого указа и мнѣніе это утверждено Высочайшею волею. Возвращаясь изъ-за границы 15-го іюня 1867 года, Государь Императоръ произнесъ по сему поводу въ Ригѣ слѣдующія достопамятныя слова: „Я желаю, „господа, чтобы вы не забывали, что вы „принадлежите къ единой семьѣ русской „и составляете нераздѣльную часть Рос„сіи... Я въ правѣ надѣяться, что и „въ мирное время Я найду въ васъ со„дѣйствіе Мнѣ и представителю власти

*) Буквально. См. Livländische Beiträge. B. I. L. S. 36, 177. Lief. III. S. 1, 2, 299.

**) Буквально. См. Wesentliche Verschiedenhenit etc S. 1, 30. Lievl. Bietr B. I. Lief. I. S. 10, 110. Lief. III. S. 1, 2. etc. Appel an die Offentlichkeit v. Sievers S. 9, 16.

***) Wesentliche Verschiedenheit etc. S. 37-

„Моей у васъ... для приведенія въ исполненіе тѣхъ мѣропріятій нововведеній, которыя Я считаю полезными и *необходимыми* для вашего края. Я увѣренъ, господа, что и въ этомъ отношеніи Я не ошибусь въ Моемъ довѣріи къ вамъ, и что вы оправдаете его на дѣлѣ...“

Но въ то самое время, когда произносились эти столь милостивыя слова, которыми Освободитель Русскаго народа, только что спасенный вторично Божьимъ промысломъ отъ покушеній злодѣевъ, почтилъ прибалтійское дворянство, уже начинала свою работу хитрая интрига съ цѣлью обойдти Высочайшую волю выраженную 1-го іюня 1867, какъ была обойдена Высочайшая воля выраженная 3-го января 1850. Въ балтійскихъ корреспонденціяхъ заграничныхъ газетъ уже приводилась обычная уловка, съ помощью коей, какъ выразился г. Самаринъ, „ничего не стоитъ перешагнуть черезъ любой законъ“. *Московскія Вѣдомости* передавали въ то время съ какою наглостію интриганы доказывали въ лицо правительству, что указъ отъ 1-го іюня того года былъ не болѣе какъ канцелярская затѣя „русскаго народнаго фанатизма“. Рижская корреспонденція, помѣщенная въ № 145 *Московскихъ Вѣдомостей* 1867 г. сообщала, уже въ началѣ іюня, объ уныніи наведенномъ на истинно вѣрноподданныхъ прибалтійскаго края подложнымъ воспроизведеніемъ царственнаго слова мѣстными газетами подъ надзоромъ предварительной цензуры, между тѣмъ какъ въ заграничную печать сыпались градомъ заявленія нѣмецкаго патріотизма. Прошло съ тѣхъ поръ четыре мѣсяца, и генералъ-губернаторъ, въ циркулярѣ къ губернаторамъ, уже выразилъ мнѣніе о затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ введеніемъ русскаго языка въ дѣлопроизводство... Сличеніе этихъ двухъ отзывовъ, данныхъ двумя генералъ-губернаторами, 1848 и въ 1867, о степени распространенія русскаго языка въ Прибалтійскомъ краѣ, внушаетъ г. Самарину слѣдующія весьма мѣткія заключенія:

„Вопросъ о русскомъ языкѣ въ училищахъ и вопросъ о русскомъ языкѣ въ присутственныхъ мѣстахъ состоятъ въ очевидной связи, и этою-то именно связью мѣстная интеллигенція очень удачно пользовалась для отклоненія разрѣшенія того и другаго. Когда правительство заявляло желаніе, чтобы русскій языкъ преподавался въ гимназіяхъ не какъ мертвый, чтобъ увеличено было число часовъ, посвящаемыхъ его изученію, и чтобы нѣкоторые предметы преподавались на немъ, изъ Риги и Дерпта обыкновенно отвѣчали: „помилуйте! къ чему тутъ *принудительныя* мѣры, когда мы сами очень хорошо сознаемъ необходимость знать по-русски и учимся русскому языку добровольно, притомъ съ полнымъ успѣхомъ!“ А когда мы настаивали на введеніи дѣлопроизводства на русскомъ языкѣ, хотябы въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ, намъ говорили: „что вы это! да у насъ ни одинъ изъ служащихъ по-русски не смыслитъ; сперва нужно выучиться“.

И вотъ благодаря этимъ уловкамъ, русскій языкъ до сихъ поръ не введенъ ни въ народное обученіе, ни въ административное дѣлопроизводство... Всѣ надежды теперь сосредоточиваются на судебной реформѣ, которая должна наконецъ рѣшить, принадлежитъ ли этотъ край Россіи, или ему суждено отнынѣ стать дѣйствительно нѣмецкимъ краемъ.

Но по поводу вопроса о судебной реформѣ въ балтійскихъ губерніяхъ г. фонъ-Боккъ разсказываетъ неимовѣрныя чудеса. „На одномъ изъ засѣданій центральной коммиссіи для судебной реформы“, говоритъ сей злокозненный агитаторъ *(Livl. Beitr.* B. 1. Lief, III. S. 20), „бывшій генералъ-губернаторъ графъ Шуваловъ выразилъ мысль, что введеніе суда присяжныхъ *было бы самымъ дѣйствительнымъ средствомъ для онѣмеченія Латышей*, такъ какъ уже *окончательно признано*, что языкомъ судопроизводства *долженъ быть* и оставаться *нѣмецкій* (!). „Я“, будто бы продолжаетъ графъ Шуваловъ, „*стою за введеніе присяжныхъ*; но, „еслибъ я былъ на мѣстѣ Государя, который *не хочетъ чтобы сельское населеніе онѣмечилось*, то я исполнилъ бы желаніе дворянства *и, не устанавливая присяжныхъ*, не далъ бы остзейскимъ провинціямъ могучаго орудія германизма...

Почему же то что могло бы послужить „могучимъ орудіемъ германизма“ не могло бы послужить „могучимъ орудіемъ“ *обрусенія?* Но дѣло не въ этомъ...

Возможно ли чтобы главный начальникъ края, облеченный полнымъ довѣріемъ своего государя, настаивалъ на принятіе

мѣры, которая по его убѣжденію, имъ откровенно выраженному, должна дать результаты противные предначертаніямъ и волѣ Государя? *Государь не хочетъ чтобы сельскій людъ нѣмечился*, говорилъ будто бы губернаторъ, *а потому я предлагаю мѣру, которая послужитъ самымъ могучимъ орудіемъ германизаціи*. Еслибы можно было повѣрить этому чудовищному факту, то безъ труда объяснились бы всѣ прискорбныя и опасныя явленія въ нашей государственной жизни... Жаль только что подобные навѣты распускаются въ Германіи лицомъ нелишеннымъ значенія какъ г. Боккъ, и остаются безъ опроверженія.

Б.

Передача Николаевской дороги Главному Обществу совершилась. Ожидалось, что она будетъ ознаменована рядомъ объявленій новаго управлянія о необходимѣйшихъ улучшеніяхъ по эксплуатаціи. Эти ожиданія не исполнились; повидимому все пойдетъ по старому, кромѣ изгнанія служащихъ для опредѣленія на ихъ мѣста *своихъ*. Остался въ силѣ даже контрактъ съ г. Вайненсомъ, устраненіе коего считалось главнымъ побужденіемъ къ продажѣ Николаевской дороги. Если правда, что Главное Общество въ продолженіе трехъ мѣсяцевъ не смогло даже набрать людей для мазки колесъ, то надобно сильно усомниться въ его способности вести дѣло, за которое оно взялось повидимому въ надеждѣ поправить свою безславную репутацію,

---

№ 192.

Москва, 5-го сентября.

Иногда случается намъ перелистывать газеты 1863 года, и одинъ видъ безпрерывныхъ извѣстій изъ Варшавы, Вильны, Кіева, о появленіи то тутъ, то тамъ измѣнническихъ шаекъ, рисуетъ съ необыкновенною живостію картину той мрачной, тревожной, постыдной эпохи. Казалось, половина Европейской Россіи была объята мятежомъ; вооруженныя и организованныя толпы повстанцевъ бродили на всемъ пространствѣ отъ низовья Нѣмана до низовьевъ Днѣстра, отъ Карпатъ до Западной Двины. Онѣ переходили даже на лѣвую сторону Днѣпра и чинили тревогу между жителями Псковской, Смоленской, Черниговской губерній; въ то же время отъ правительствъ почти всей Европы, не исключая и Константинопольскаго, летѣли въ Петербургъ сердитые совѣты какъ управлять Россіей. Мрачное, постыдное время! Въ сущности, однакожъ, возстаніе было такъ ничтожно, что мужики, когда имъ не мѣшали, легко справлялись съ нимъ. Отчего же многимъ и повидимому не безъ основанія, казалось, что Россія находится на краю гибели? Оттого что общество наше было деморализовано, оттого что у многихъ призванныхъ дѣйствовать было слабо сознаніе своего долга, оттого что многіе расположены были не разгонять шайки штыкомъ и картечью, а у взятыхъ съ оружіемъ въ рукахъ преступниковъ просить извиненія. Были люди въ образованной публикѣ, которые негодовали на выраженія „шайки" и „мятежники", встрѣчавшіяся въ донесеніяхъ военныхъ начальниковъ. Были люди изъ числа военныхъ и природныхъ Русскихъ, которые убѣждали солдатъ не стрѣлять по вооруженнымъ мятежникамъ.

Таково было настроеніе, если не большинства русскаго общества, то довольно значительной и важной его части. Какимъ образомъ оно сложилось и какими средствами было подготовлено, это въ настоящее время довольно извѣстно. Издавна систематически развращалось общественное мнѣніе въ Россіи. Принимались ли писать о Петрѣ Великомъ, — тотчасъ на первый планъ выдвигали его пороки и, съ точки зрѣнія французской, прусской или шведской политики, осуждали завоеваніе балтійскаго края какъ нѣчто беззаконное и позорное; касалось ли дѣло Екатерины Великой, — опять выставлялись на видъ ея личные недостатки, и вмѣсто славы и величія Россіи, говорилось о жалобахъ на нее Поляковъ и Французовъ; шла ли рѣчь о Суворовѣ, — о *великомъ* Суворовѣ, — и тутъ употреблялся тотъ же пріемъ: проходили молчаніемъ его геніальныя военныя дарованія, безпримѣрную отважность его плановъ и несокрушимую настойчивость при ихъ исполненіи, но широковѣщательно распространялись о томъ, напримѣръ, что послѣ взятія штурмомъ Измаила, этотъ городъ былъ отданъ имъ на разграбленіе (прискорбное право войны, почти повсемѣстно господствовавшее не только въ тѣ времена, но и еще послѣ

при Наполеонѣ I). Въ такомъ смыслѣ писали исторію, политическія статьи, романы, даже поэмы, и за границей, и въ Россіи, и общественное мнѣніе не устояло: понятія извратились; стали стыдиться того, что составляетъ славу и гордость Россіи, а то что вездѣ считается позорнѣйшимъ изъ преступленій, измѣна своему народу и своему отечеству, многимъ казалось доблестью. Обличеніе заговора противъ Россіи стали называть *изветомъ* даже люди правительства; побужденію руководившему Минкевича не находили иныхъ побужденій, кромѣ корыстныхъ... Вотъ почему положеніе дѣлъ въ 1863 году казалось и дѣйствительно могло считаться опаснымъ. Но опасность заключалась не въ вооруженномъ вмѣшательствѣ Европы, о которомъ ни одно правительство серіозно не думало, не въ „народномъ" энтузіазмѣ Поляковъ, котораго не было, какъ нѣтъ и народа польскаго въ истинномъ смыслѣ этого слова, а въ глубокомъ извращеніи понятій, овладѣвшемъ частію русскаго общества со включеніемъ администраціи.

Событія отрезвили общественное мнѣніе въ Россіи, что отразилось на печати. Но съ нѣкотораго времени интрига снова начинаетъ забирать общественное мнѣніе въ свои руки: говоримъ *интрига*, ибо несознательное заблужденіе невозможно послѣ 1863 года. Псевдо-либерализмъ (не просто отрицаніе, а отрицательная величина истиннаго) пущенъ опять въ ходъ, и за нимъ, какъ за ширмами, работаетъ мысль весьма положительнаго и даже практическаго свойства. Это злая изворотливая интрига пользующаяся каждымъ случайнымъ безпорядкомъ чтобы выставить неспособность будто бы русскаго народа къ самостоятельности, каждымъ вездѣ на свѣтѣ возможнымъ промахомъ новыхъ судебныхъ учрежденій чтобы возбудить сомнѣніе о примѣнимости къ Россіи европейской цивилизаціи. Любимая сфера дѣйствія этой интриги есть польскій вопросъ. Здѣсь она является во всеоружіи подложнаго либерализма: до политической стороны вопроса ей нѣтъ дѣла; ей нѣтъ дѣла до того что громадное большинство дворянства западныхъ губерній было замѣшано въ дѣлѣ мятежа и измѣны: она требуетъ для него тѣхъ же правъ какими пользуется дворянство внутреннихъ губерній; ей нѣтъ дѣла до того, что *польское* католическое духовенство почти поголовно употребляло религію какъ оружіе для революціонныхъ цѣлей: она желала бы чтобы вліянію ксендзовъ на простой народъ была открыта полная свобода. До всего сказаннаго ей нѣтъ дѣла или, вѣрнѣе, потому-то она и предъявляетъ свои требованія что очень хорошо предвидитъ всѣ ихъ послѣдствія. Она очень хорошо знаетъ, что до сего времени единственнымъ оплотомъ русскихъ интересовъ въ западномъ краѣ служатъ тѣ чиновники, которые послѣ мятежа собрались тамъ подъ знаменемъ національной политики принятой правительствомъ,— и потому-то рукоплещетъ она, когда ихъ начали высылать оттуда, когда разрѣжаются ряды этой арміи, которая составляетъ всю силу Россіи въ тѣхъ мѣстахъ. Цѣль интриги будетъ достигнута тогда лишь, когда мѣстная администрація наполнится людьми подобными тѣмъ что способствовали развернуться событіямъ 1863 года, потакали злоумышленникамъ и состояли въ ихъ распоряженіи. Чиновники честные, русскіе по своему образу мыслей, еще болѣе чѣмъ по происхожденію, это кошемаръ интриги, и такъ какъ ей надобно подорвать въ самомъ принципѣ кредитъ русскаго личнаго состава въ администраціи западнаго края, то она не довольствуется скандалезными исторійками насчетъ нынѣшнихъ „дѣятелей", какъ насмѣшливо называетъ ихъ интрига, но перетряхиваетъ архивы и выхватываетъ примѣры изъ эпохи возстанія. Тактика довольно ловкая, потому что люди непосредственно участвующіе въ борьбѣ, разгоряченные, раздраженные ею, выходятъ изъ своего нормальнаго положенія, и дѣйствія ихъ не трудно представить въ отталкивающемъ видѣ предъ глазами хладнокровнаго зрителя. Если закрыть батальную картину и представить зрителю лишь одну группу изъ нея, то предъ нимъ будетъ отвратительное зрѣлище человѣка, который колетъ или рѣжетъ другаго человѣка. Но эта ужасная группа приметъ иное значеніе какъ скоро откроются облака пороховаго дыма, огонь выстрѣловъ, ряды войскъ; тогда возмутительный эпизодъ получитъ смыслъ и уважительное значеніе.

Не совершенно такъ ли же поступаетъ бо́льшая часть враждебныхъ заграничныхъ газетъ и нѣкоторыя *русскія* (?), когда онѣ касаются событій 1863 года? Поразитель-

ная картина разомъ отрезвленнаго этими событіями общественнаго мнѣнія закрывается; умалчивается о могучемъ чувствѣ національности, мгновенно овладѣвшемъ Россіей, о заслугѣ тѣхъ немногихъ, въ первую минуту, которые, рискуя возбудить противъ себя презрѣніе, — да, презрѣніе, — кинулись спасать отечество... Мы сказали: умалчивается; нѣтъ, не умалчивается: ихъ стараются предать осмѣянію и поруганію. Иностранная полонофильская печать взяла на себя это упражненіе относительно графа М. Н. Муравьева, а петербургская суккурсала ея, *Новое Время*, занялась второстепенными дѣятелями. Обходя молчаніемъ личныя опасности, которымъ они подвергались, ихъ самоотверженіе, ихъ труды, ихъ лишенія, эта газета ярко выставляетъ на видъ все, что есть неизбѣжно суроваго въ военной дѣятельности, а особенно при усмиреніи мятежа, когда приходится имѣть дѣло не съ легально дѣйствующими противниками, исполняющими предписанія законнаго правительства, а съ заговорщиками, съ мятежниками и измѣнниками, поставившими себя внѣ закона. Недавно петербургская *Correspondance du Nord-Est* произвела подобный эксперимент надъ бывшимъ въ 1863 году военнымъ начальникомъ В—го уѣзда Ковенской губерніи, полковникомъ М., дерзнувшимъ непочтительно отозваться о католическомъ духовенствѣ Ковенской губерніи и о самомъ римскомъ первосвященникѣ. Мы не только не знаемъ лично этого полковника, но лишь на дняхъ узнали его имя и получили свѣдѣнія о его дѣятельности въ западномъ краѣ; слѣдовательно отозвавшись въ № 187 нашей газеты на выходку *Новаго Времени*, мы говорили и могли говорить единственно о предложеніи военнаго начальника мѣстному исправнику, и содержаніе этого предложенія мы находили и находимъ не только не заслуживающимъ поруганія, но совершенно основательнымъ и справедливымъ. Читатели, вѣроятно, помнятъ, что полковникъ М. грозилъ судомъ и военною экзекуціей помѣщикамъ возбуждающимъ къ мятежу сосѣднихъ крестьянъ, обращеніемъ на потушеніе мятежа доходовъ, которые до того времени шли на содержаніе повстанія (что и дѣлалось потомъ правительствомъ по всей справедливости), и требовалъ чтобы ксендзы склоняли повстанцевъ не къ нарушенію, а къ исполненію долга вѣрноподданныхъ. Таково содержаніе предложенія полковника М. В—му исправнику. Теперь оказывается, что это предложеніе было циркулярно разослано для объявленія, по словамъ *Новаго Времени*, помѣщикамъ и ксендзамъ. Что-жь? Сущность циркуляра такова, что и панамъ, и ксендзамъ весьма не худо было почитать его. Но выраженія въ которыхъ онъ изложенъ были неприличны для циркуляра, который предлагался къ прочтенію ксендзамъ. Мы очень рады согласиться, что нѣкоторыя выраженія документа имѣвшаго такое назначеніе были безтактны и неумѣстны. Но гдѣ же преступленіе, гдѣ поводъ къ негодованію? Безтактность есть безтактность, и больше ничего. Мы думаемъ, что только злонамѣренность можетъ раздувать это дѣло. Полковникъ М. обвинялъ католическое духовенство въ „наклонности“ къ разбою; но еслибъ онъ упомянулъ не о наклонности къ разбою, а о сообщничествѣ въ разбоѣ *польскаго* духовенства ввѣреннаго ему уѣзда, развѣ это было бы несправедливо? Полковникъ М. говоритъ о сообщничествѣ папы съ дѣломъ ксендзовъ въ западномъ краѣ, но развѣ слово „солидарность“ не было бы въ извѣстной степени вѣрно? Вся вина этого офицера состояла слѣдовательно лишь въ томъ, что онъ былъ не мастеръ писать и что ему не доставало такта. Что же тутъ такого возмутительнаго, такого „невѣроятнаго?“ Если почтенные издатели *Новаго Времени* рвутъ на себѣ волосы по поводу невѣжливаго слова русскаго офицера о папѣ посреди мятежа, гдѣ главными дѣятелями были недостойные своего званія священники, то на какой высокій ладъ придется имъ настроить свою лиру, когда они сочтутъ удобнымъ вспомнить объ отзывахъ г. Араго, защитника Березовскаго, или принца Наполеона въ полномъ засѣданіи французскаго сената—о Россіи и о Русскомъ Государѣ, или наконецъ объ аллокуціяхъ самого папы, который также не очень разбиралъ свои выраженія говоря о Россіи и ея Государѣ? Спрашивается, какая разница между этими заявленіями со стороны лица столь высоко стоящаго и циркуляромъ русскаго офицера попавшаго во время мятежа въ начальники уѣзда? Какъ бы ни были выраженія этого циркуляра неумѣстны и безтактны, въ сущно-

сти своей онъ справедливъ и основателенъ, а объ аллокуціяхъ римскаго первосвященника, введеннаго интригой въ заблужденіе и раздраженнаго несправедливо, нельзя этого сказать.

Вдохновителямъ *Новаго Времени* лучше бы заняться не слогомъ русскихъ чиновниковъ, а измѣнническими кознями паповъ подготовлявшихъ мятежъ, не циркулярами полковника М., а дѣйствіями ксендзовъ, подобныхъ Мацкевичу, Горбачевскому, Станиславу Ишорѣ, этимъ служителямъ Христа, работавшимъ кинжаломъ и веревкой, благословлявшимъ на убійство, разрѣшавшимъ измѣну: вотъ предметы достойные красноречія *Новаго Времени*, вотъ гдѣ оно найдетъ разительные примѣры кощунства надъ собственною, а не надъ чужою религіей, преступленія дѣйствительно возмутительныя, основательные поводы негодовать, ужасаться, протирать глаза отъ изумленія.

Издатели *Новаго Времени* дважды, съ возрастающею фуріей, бросались на полковника М. и повѣствовали о дѣлѣ весьма хорошо имъ извѣстномъ: какъ же они не сказали своимъ читателямъ о томъ, что этотъ полковникъ тотчасъ же послѣ этого случая былъ удаленъ отъ должности графомъ Муравьевымъ? Циркуляръ полковника М. былъ приведенъ для того чтобы характеризовать прежнюю администрацію этого края, ея варварство и неслыханные ужасы, которыми она отличалась, — и что же? что выходитъ? Чиновникъ, дѣйствовавшій совершенно согласно съ своимъ долгомъ, тѣмъ не менѣе былъ удаленъ только за безтактность выраженій употребленныхъ имъ въ циркулярной бумагѣ, впрочемъ весьма справедливой и основательной по своему содержанію, и внушенной усердіемъ на службѣ законному правительству. Вотъ эта администрація, которую хотятъ выдавать теперь за скопище разбойниковъ! Исключительнымъ случаемъ была даже безтактность выраженій, сказанныхъ среди борьбы съ мятежомъ въ укоръ лицамъ болѣе или менѣе причастнымъ мятежу или поощрявшимъ его. Случай, которымъ интрига хотѣла воспользоваться въ своихъ видахъ, обращается противъ нея же самой.

Что же касается до грубой брани расточаемой этими публицистами намъ, то мы повторимъ слова сказанныя другими въ подобномъ случаѣ: „Vos injures n'atteindront jamais la hauteur de notre dédain."

№ 193.

Москва, 6-го сентября.

Возвращаемся къ книгѣ г. Самарина *), изъ которой мы сдѣлали третьяго дня нѣсколько выдержекъ. Трудъ этотъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ *дневи* и *злобѣ его*. Надлежало предостеречь наконецъ русскаго человѣка отъ роковыхъ послѣдствій того малодушія, съ какимъ онъ, по мѣткому выраженію г. Самарина, „пьянѣетъ отъ удовольствія и безъ оглядки „вдается во всякій обманъ, когда Нѣмецъ „или Полякъ даетъ ему чувствовать, что „онъ, Русскій, есть un accident heureux „parmi les siens... не подозрѣвая даже „какое безконечное презрѣніе его ребя„ческая довѣрчивость, а еще болѣе лег„кость, съ какою онъ выдаетъ все *свое* и „всѣхъ *своихъ*, внушаетъ остзейскимъ и „польскимъ *салоннымъ* миссіонерамъ, ко„торые *никогда не переводятся* въ выс„шихъ кругахъ Петербурга." Не менѣе важно было также раскрыть и предъ правительствомъ истинный смыслъ комплиментовъ, проникнутыхъ язвительною иронiей и злобнымъ презрѣніемъ, какими платятъ ему тѣ же „миссіонеры" за систему поблажекъ и потворства иноземному патріотизму, рѣшительно несогласимому, по сознанію и самого г. фонъ-Бокка, съ обязанностями туземнаго вѣрноподданства... Русскіе администраторы, видя какими способами разрушаютъ ихъ репутацію какъ только имъ вздумается стать въ чемъ бы то ни было въ противорѣчіе съ требованіями самой наглой измѣны, должны быть благодарны г. Самарину за его разоблаченія, ибо, говоря его словами, „отъ пе„чатнаго слова, да еще сопровождаемаго „ссылкой, можно всегда защититься; но „нашептыванье, для котораго существу„етъ спеціальный терминъ, часто встрѣ„чающійся въ конфиденціальныхъ пере„пискахъ агентовъ балтійскихъ сословій „съ ихъ довѣрителями—эти *Privat-Insi„nuationen*, – отъ нихъ какъ уберечься?" Какъ бываютъ безсовѣстны и дерзки эти Privat-Insinuationen, о томъ можно судить

*) *Окраины Россіи*. Серія первая: *Русское Балтійское поморье*. Выпускъ I. Прага. Типогр. Ф. Срейшовскаго. 1868.

не только по приведеннымъ нами третьяго дня словамъ, которыя остзейскій Герценъ, г. фонъ-Боккъ, вложилъ въ уста графу Шувалову. Еще хуже: *Allgemeine Zeitung*, въ статьѣ *Альзасцы* и *Лифляндцы*, свидѣтельствуетъ, что вліятельные общественные классы въ балтійскихъ губерніяхъ, въ 1846 году, дали въ средѣ своей ходъ возмутительнѣйшимъ инсинуаціямъ, будто бы скончавшіеся отъ свирѣпствовавшей въ то время тифозной эпидеміи два брата, генералъ-адъютанты Веймарны, были въ Петербургѣ *отравлены* за свое слишкомъ ревностное и *докучливое* заступничество въ пользу правъ церкви и національности своей балтійской родины...

Но патріотическій трудъ г. Самарина еще более удовлетворяетъ настоятельной потребности самой государственной жизни Россіи, показывая до какой степени „наше положеніе на окраинахъ существенно „разнится отъ положенія внутри Россіи,“ такъ какъ здѣсь „у насъ нѣтъ и быть „не можетъ анти-русскихъ цѣлей,“ тогда какъ „тамъ имѣются наготовѣ, въ пол„номъ сборѣ, силы прямо намъ враждеб„ныя, съ тою именно цѣлью вышколенныя, „чтобъ *обращать въ наступательное про„тивъ насъ оружіе* всякую нашу ошибку „и пользоваться намъ во вредъ каждою „потерянною нами минутой,“ до какой степени, также, всѣ эти анти-русскіе интересы идутъ нынѣ во всемъ и вездѣ рука-объ-руку, взаимно оказывая себѣ поддержку; до какой степени, наконецъ,— „давленіе дома и послабленіе на окраи„нахъ—одно другимъ обусловливаются... „Кто нашептываетъ правительству, что „оно слишкомъ далеко зашло на пути ли„беральныхъ реформъ и пугаетъ его полу„свободою нашей печати, присутствіемъ „крестьянъ на земскихъ собраніяхъ и все„сословнымъ выборомъ мировыхъ судей; „кто проповѣдуетъ необходимость подтя„нуть, обуздать и осадить русское обще„ство, двинувъ противъ него аппараты „полицейской власти, тотъ въ то же время „заигрываетъ съ польскою шляхтой и „молча пасуетъ при встрѣчѣ съ балтій„скимъ царствомъ...“ Дѣйствительно, осаживать русское общество, заглушать русское общественное мнѣніе, значитъ давать въ Россіи просторъ и силу всѣмъ враждебнымъ ей началамъ, и *Сѣверная Почта* (при прежнемъ управленіи) была въ этомъ отношеніи тѣмъ Арминіемъ, которымъ *Крестовая Газета* недавно грозила намъ.... Но слава Богу, въ Россіи уже вырабатывается разумѣніе истинныхъ и *неразлучныхъ* между собою интересовъ правительства и страны, и въ этомъ-то именно отношеніи книга г. Самарина можетъ оказать нашему обществу, равно какъ и правительству, большую услугу, живописуя истинный характеръ самой опасной изъ анти-русскихъ интригъ. „На окраинахъ Россіи,“ говоритъ г. Самаринъ,— „*особенно* сѣверо-западной и балтійской пахнетъ гарью. Въ одномъ мѣстѣ недавній пожаръ не совсѣмъ потушенъ; уголья еще тлѣютъ подъ золой, а уже многіе, и въ томъ числѣ учредители новыхъ порядковъ, начинаютъ говорить громко, что *вся бѣда* не отъ поджигателей, *а отъ* пожарной команды, *и что нужно поскорѣе разогнать ее*, такъ какъ заливая огонь и срывая горѣвшія крыши, *она кое-гдѣ перебила панскія зеркала, загрязнила ковры и разметала заборы*. Въ другомъ мѣстѣ накопляются горючіе матеріалы, и безымянныя корреспонденціи, разсылаемыя оттуда во всѣ иностранныя газеты, грозятъ намъ всякими бѣдствіями. Это *тѣ же подметныя письма, написанныя* изъ Россіи *и* для Россіи, *но перебрасываемыя намъ изъ-за границы*.... Пугаться этихъ угрозъ было бы смѣшно; но, съ другой стороны, неблагоразумно было бы и пренебрегать ими.“

Г. Самаринъ поднялъ перчатку, дерзко брошенную балтійскими кавалерами, которые для своей агитаціи располагаютъ заграничными газетами и типографіями. Для изданія своихъ выпусковъ, которые будутъ выходить въ неопредѣленные сроки, онъ предпочелъ Прагу. „Единственная среда,“ говоритъ онъ, „къ которой „мы можемъ относиться нашею народною „совѣстью, общественнымъ мнѣніемъ ко„торой мы можемъ и должны дорожить, „это міръ славянскій. Но если изданіе „его книги вызвано потребностью защи„щать государственные и народные инте„ресы Россіи противъ балтійскаго и поль„скаго провинціализма *также свободно*, „какъ, напримѣръ, гг. фонъ-Боккъ, фонъ-„Сиверсъ и другіе, имъ же имя легіонъ, „защищаютъ предъ западною Европой свои „провинціальные интересы противъ Рос„сіи,“ то мы не понимаемъ, почему не могла бы быть напечатана въ Москвѣ эта превосходная книга, въ которой нѣтъ

ни одного слова не согласнаго съ духомъ и даже буквой нашего нынѣшняго законодательства о печати. Правда, за двадцать лѣтъ предъ симъ неосторожныя, *по тогдашнимъ понятіямъ*, замѣчанія о балтійскомъ поморьи, подвергли г. Самарина правительственной карѣ, о которой, впрочемъ, онъ вспоминаетъ „не только безъ „горечи, но и безъ сожалѣнія," благодаря судьбу, доставившую ему „случайно „видѣть покойнаго императора съ глазу-„на-глазъ, слышать прямодушную рѣчь „его и унести въ памяти, изъ кратковре-„меннаго свиданія, образъ историческаго „лица, неожиданно явившагося въ стро-„гой и благородной простотѣ своего обая-„тельнаго величія...." Г. Самаринъ самъ повторяетъ и подчеркиваетъ слова: *по тогдашнимъ понятіямъ*. Пусть недруги Россіи, какъ остзейскіе корреспонденты *Крестовой Газеты*, клевещутъ за границей, будто въ нашихъ нынѣшнихъ реформахъ нѣтъ правды, и что онѣ существуютъ только *на бумагѣ*: клеветы эти безсильны смутить того, кто сознаетъ, подобно г. Самарину, что „благословляя сво-„его Освободителя, Россія въ правѣ знать, „и дѣйствительно знаетъ, за что она „благословляетъ...." Что можетъ быть такъ оскорбительно для русскаго народнаго чувства какъ мысль, что отстаивать самые священные интересы своей страны отъ злоумышленной интриги не безопасно въ Россіи, и что для этого надобно прибѣгать къ посредству заграничныхъ типографскихъ станковъ наравнѣ со злоумышленниками?

Третьяго дня мы приводили примѣръ, какими роковыми послѣдствіями сопровождаются „послабленія на окраинахъ", которыя всегда совпадаютъ съ пагубною реакціей и давленіемъ внутри. Рѣшительное слово Государя въ 1845 году и царскій указъ 1850 оказались „мертвою буквой"; правительство, парализованное стачкой мѣстныхъ властей, отступило въ ущербъ своему достоинству и во вредъ государству. Понятно, что всѣ эти факты лежали и въ 1867 году тяжелымъ гнетомъ на сердцѣ преданныхъ Россіи народныхъ массъ балтійскаго края, и дѣйствительно, вскорѣ по произнесеніи Государемъ Императоромъ 15-го іюня 1867 въ Ригѣ тѣхъ достопамятныхъ словъ, которыя уже вошли въ исторію, рижскій корреспондентъ нашъ извѣщалъ насъ „о неопредѣленномъ страхѣ, что практическіе результаты, которыхъ слѣдовало бы ожидать отъ Высочайшаго слова, *не будутъ соотвѣтствовать и самымъ скромнымъ надеждамъ патріотовъ*". Внезапное усиленіе дерзкихъ выходокъ въ заграничныхъ корреспонденціяхъ изъ Риги и Митавы въ отвѣтъ на раздавшійся съ трона призывъ обращенный къ балтійскимъ жителямъ, какъ къ дѣтямъ „единой русской семьи", показывало какъ далеко подвинулось въ балтійскихъ губерніяхъ вражеское дѣло, въ какую силу вошло оно и какою исполнилось дерзостію, вступая въ открытую борьбу съ торжественно выраженною волей Монарха Россіи. Читателямъ нашимъ извѣстно, что этотъ неотвязчивый, бѣшеный голосъ не умолкаетъ и до сихъ поръ. Цѣль этой агитаціи возбудить въ Россіи недовѣріе правительства къ обществу и общества къ правительству, а за границей распространить ненависть и презрѣніе къ народу и правительству Россіи. Съ дерзкимъ глумленіемъ именуютъ они Русскаго Государя „оплотомъ нѣмецкаго патріотизма въ Россіи", и издѣваются надъ безсмертными дѣяніями преобразовавшими Россію. Что же касается *русскаго* царственнаго слова, почтившаго прибалтійское рыцарство столь милостивымъ довѣріемъ, оно внушаетъ рыцарямъ подвизающимся въ нѣмецкой печати, *своего рода* патріотическія разсужденія: „Остзейскія провинціи", вѣщаетъ рижскій Баярдъ, подвизающійся съ опущеннымъ забраломъ въ столбцахъ *Кенигсбергской Газеты* (№ 171), „или *нѣмецкія гер-„цогства*, прилегающія къ Рижскому зали-„ву, какъ въ силу своей исторіи, такъ и *въ „силу своего государственнаго устройства* „суть *нѣмецкая* область, которую связы-„ваетъ съ Россіей *только особа* царствую-„щаго государя и которая *только до тѣхъ „поръ* можетъ оставаться *нераздѣльною „съ Россіей, пока уважаются ея мѣстныя „учрежденія*. Какъ императоръ Австрій-„скій говоритъ въ Пештѣ по-венгерски, „такъ точно *и мы имѣемъ* право тре-„бовать, *чтобъ Императоръ Русскій* (все-таки *Русскій*, то-есть *не нашъ*, не природный остзейскій) *употреблялъ въ Ригѣ „нѣмецкій"*. По мнѣнію того же истолкователя балтійскихъ вѣрноподданскихъ требованій, если *Русскій* императоръ свободно объясняется по-нѣмецки въ Берлинѣ, то онъ *не имѣетъ права* говорить и въ Ригѣ иначе какъ по-нѣмецки! И одна-

ко этотъ рыцарь находитъ усердный и единодушный отголосокъ въ прусской печати всѣхъ возможныхъ оттѣнковъ: между имъ и *Крестовою Газетой* завязывается разговоръ, и на запросъ офиціознаго органа прусской феодальной партіи: правда ли что остзейскіе рыцари только потому и отвергаютъ русскія нововведенія, что они *русскія?*—остзейскій рыцарь *Кенигсбергской Газеты*, превращенный въ ясновидящую пиеію, отвѣчаетъ своему магнетизеру торжественное *да!*

Впрочемъ, надо сознаться, что всему этому не могли не способствовать нѣкоторые куріозы въ нашемъ офиціальномъ мірѣ. Въ самомъ разгарѣ остзейскаго разгула въ мѣстной печати, при первыхъ возраженіяхъ возмущеннаго этими криками русскаго національнаго чувства, замѣтка *Сѣверной Почты*, отъ 9-го ноября 1867, всю вину возложила на русскую же печать. На нее пали министерскіе громы. Мы не могли не быть оскорблены этимъ; но мы овладѣли собою, и обратили смыслъ министерскихъ объясненій, вопреки ихъ выраженіямъ, противъ балтійско-нѣмецкой печати, и хотя со стороны министерства не было на это возраженія, но въ первоначальномъ и собственномъ смыслѣ замѣтки нельзя было сомнѣваться, и въ Германіи она была понята какъ ударъ Арминія нанесенный русскимъ правительствомъ русскому патріотизму. Разчетливые рыцари поспѣшили воспользоваться естественными выводами изъ министерскихъ заявленій: царскіе указы единогласно, въ цѣлой Германіи, ославлены грязными канцелярскими продѣлками „московскаго фанатизма"; и вотъ теперь явно грозятъ намъ отпаденіемъ остзейскаго края, если мы дерзнемъ коснуться его феодальныхъ нѣмецкихъ учрежденій, и отъ Русскаго Государя *требуютъ* чтобъ Онъ говорилъ не иначе какъ по-нѣмецки съ своими подданными остзейскихъ губерній... Упоминая объ этой не имѣющей имени агитаціи, г. Самаринъ дѣлаетъ слѣдующія замѣчанія:

„Высочайшее повелѣніе отъ 3-го января 1850 года, сколько извѣстно, не вызвало въ свое время ни протестовъ, ни возраженій. Не мудрено, что тогдашній генералъ-губернаторъ и всѣ мѣстныя власти предпочли послѣдовать обыкновенной въ Балтійскомъ краѣ системѣ обращеній съ русскими законами, т.-е. не говоря ничего, просто поступить такъ, *какъ будто бы ихъ вовсе не было*. Во всякомъ случаѣ, по той ли, по другой ли причинѣ, *никто въ продолженіи 17-ти лѣтъ не шевельнулъ пальцемъ для исполненія Высочайшей воли*, которая, по выраженію комитета министровъ, во всѣхъ частяхъ своихъ осталась мертвою буквой. А что еслибы что-нибудь подобное обнаружилось въ Московской, Калужской или Саратовской губерніи? Съ какимъ благороднымъ негодованіемъ накинулись бы на нее тѣ же самые Ливены, Палены, Эттингены, Кейзерлинги и другіе за столь непростительное пренебреженіе къ волѣ *обожаемаго* монарха!.. Наконецъ, въ прошломъ году... высшее правительство вспомнило про законъ 1850 года и, не желая ни расшевеливать прошлаго, *ни разыскивать виновныхъ* въ такомъ дѣлѣ, въ которомъ очевидна была стачка всѣхъ мѣстныхъ властей, ограничилось простымъ повтореніемъ и подтвержденіемъ приведеннаго Высочайшаго повелѣнія; иначе: оно еще разъ заявило *свое право* и свое намѣреніе *говорить въ Балтійскихъ губерніяхъ на собственномъ своемъ государственномъ языкѣ*. И что же? Это простое повтореніе вызвало бурю. Вся мѣстная интеллигенція ощетинилась; въ иностранныхъ газетахъ посыпались язвительныя жалобы на правительство; лифляндское дворянство пріосанилось и приготовилось къ рѣшительному отпору. Сравните теперь 1850 годъ съ 1867, впечатлѣніе, произведенное изданіемъ *новаго* закона, съ дѣйствіемъ, произведеннымъ простымъ *подтвержденіемъ* закона давно изданнаго, и вамъ представится наглядно, на сколько въ 17 лѣтъ упалъ авторитетъ власти."

„Вотъ послѣдствія", скажемъ мы вмѣстѣ съ г. Самаринымъ, „хваленой системы поблажекъ и потворства въ видахъ „снисканія популярности въ одной области, точнѣе: въ тѣсномъ кругу одного или „двухъ сословій и въ явный ущербъ той популярности, которою правительство пользуется въ остальной Россіи". Отъявленный врагъ Россіи, издатель *Лифляндскихъ Вкладовъ*, пользуясь всякимъ случаемъ, чтобы выразить свое сочувствіе къ управленію князя Суворова, называетъ это время временемъ „отдыха и спокойствія въ „продолженіи коего край *сообразился, одумался и собрался съ силами*"... Съ этими-то *силами* приходится правительству нынѣ бороться; внушенною ими увѣренностью вызвана нынѣ агитація чисто-мя-

тежнаго свойства, которая напраено сызлается въ оправданіе свое на заслуги оказанныя Россіи нѣкоторыми личностями. Авторъ книги, о которой идетъ рѣчь, справедливо замѣчаетъ по этому поводу:

„Никогда никто не отрицалъ и не забывалъ личныхъ заслугъ служилыхъ людей, вышедшихъ не только изъ балтійскаго дворянства, но и изъ тамошняго средняго сословія. Вся Россія, съ почтительною признательностью, произноситъ имена Сиверса, Барклая, графа Палена, Тотлебена и многихъ другихъ, не забывая при этомъ ни Женевца Лефорта, ни Шотландца Гордона, ни Ольденбуржца Миниха. Но мы все-таки не миримся съ мыслью, чтобы пролитая кровь давала право пропагандировать противъ Россіи въ латышскихъ деревняхъ, отрицать обязательность издаваемыхъ правительствомъ законовъ, не исполнять лѣтъ по двадцати высочайшихъ повелѣній, надоѣдать графу Бисмарку жалобами на наше правительство и направливать противъ насъ общественное мнѣніе Германіи."

Недавно польскій органъ въ Петербургѣ, *Новое Время*, возглашалъ съ патріотическою гримасой: „Мы все еще не теряемъ надежды, что балтійское дворянство, *несмотря* на всѣ *угрозы* (?) *ультра-нѣмецкихъ газетъ*, открыто заявитъ, что *ихъ* (?) отечество—Россія!" Да какія же это „угрозы ультра-нѣмецкихъ газетъ" „остзейскому дворянству"? Развѣ вдохновителямъ *Новаго Времени* неизвѣстно, что вся эта ожесточенная кампанія противъ Россіи ведется во *всѣхъ* нѣмецкихъ газетахъ почти исключительно ихъ прибалтійскими корреспондентами? Угрозъ дѣйствительно не мало; но ужели этимъ господамъ неизвѣстно противъ кого направлены эти угрозы? Рижскій корреспондентъ г. фонъ-Бокка высказывается объ этомъ со всевозможною ясностью: „Изъ хода дѣла о „введеніи русскаго языка, мѣстное рыцар„ство увидитъ, что тамъ, на верху (въ Пе„тербургѣ), политикой *правитъ страхъ*, „такъ же какъ и въ нѣкоторыхъ нашихъ „политическихъ кружкахъ. Это напомина„етъ двухъ человѣкъ случайно другъ на „друга наткнувшихся впотьмахъ. Обоихъ „прохватилъ страхъ, но тотъ изъ нихъ, „который первый рѣшился окликнуть: кто „идетъ? непремѣнно обратитъ другаго въ „бѣгство. Итакъ, будемъ продолжать во „всю глотку кричать: кто идетъ? *въ газе„тахъ* и въ высшихъ сферахъ (an *hoher* „*Stelle*), и *трусливый призракъ исчезнетъ!*" Все дѣло, по мнѣнію этого агитатора, въ оказаніи нѣсколько рѣшительнаго отпора мѣрамъ правительства по поводу повторенія закона 1850 года; „впрочемъ", говоритъ онъ, „если они наткнутся на сопро„тивленіе, то можетъ-быть и не рѣшатся „принуждать къ исполненію". На сопротивленіе дѣйствительно *наткнулись*, а изъ приведенной выше статьи *Сѣверной Почты* отъ 9-го ноября 1867 года можно видѣть на сколько оправдались злыя предвѣщанія...

Въ чемъ же, однако, состояли эти мѣры, которыя г. Боккъ называетъ „насильственными", хотя корреспондентъ его уже находитъ въ нихъ признаки, что на верху *политикой правитъ страхъ?* Выписываемъ изъ книги г. Самарина образчикъ этихъ мѣръ, принятыхъ мѣстными властями во исполненіе царственной воли и въ отвѣтъ на августѣйшій призывъ обращенный къ прибалтійскимъ членамъ „единой семьи русской":

„Мѣстныя власти, на которыхъ лежала обязанность исполнить волю правительства, дѣйствительно засуетились и приступили очень усердно *только не къ исполненію*, а къ собиранію подробнѣйшихъ статистическихъ данныхъ *для возраженія*. Съ этою цѣлью присутственныя мѣста потребовали отъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ точныхъ свѣдѣній о степени ихъ познаній въ русскомъ языкѣ. Къ этому запросу прилагалась акуратно составленная таблица, въ которую каждый обязывался вписать свое имя въ ту или другую графу. Была графа для вовсе незнающихъ русскаго языка, другая для понимающихъ, но неспособныхъ писать по русски, третья для владѣющихъ языкомъ вполнѣ; были, кажется, еще подраздѣленія. Которыя изъ этихъ графъ должны были наполняться именами и которымъ предназначалось оставаться пустыми, всѣмъ было извѣстно напередъ; говорили—незнаю правда ли—что самъ начальникъ Лифляндской губерніи, г. Эттингенъ („онъ былъ губернаторомъ съ 1862 по 1868 г. и, какъ извѣстно всѣмъ, *заправлялъ тремя генералъ-губернаторами.*" Livl. Beitr. B II. Lief. I. S. 38), вписалъ свое имя во вторую графу. Но не всѣ доставили требуемыя отъ нихъ свѣдѣнія; такъ одинъ изъ мѣстныхъ *коронныхъ* чиновниковъ возвратилъ посланную къ нему таблицу съ отмѣткою: „что на подобнаго

„рода вопросы запрещаетъ ему отвѣчать „его совѣсть." Все это *разумѣется была комедія*, придуманная умными людьми для выигранія времени, и чтобы дать возможность начавшейся агитаціи; въ сущности же *никто въ краѣ не вѣрилъ въ дѣйствительное исполненіе воли правительства*. Всѣ напротивъ были увѣрены, что оно спасуетъ предъ единодушнымъ сопротивленіемъ сословій и передъ тѣми затрудненіями, *которыя воздвигали ему его собственные агенты*; разчитывали навѣрное, что оно дастъ отсрочки, согласится на уступки и что *мертворожденная буква не оживетъ*. Сбылись ли эти надежды—объ этомъ пусть судятъ читатели по прочтеніи предположенія отъ 26-го октября 1867 г."

Дабы рельефнѣе выставить совершающееся на глазахъ нашихъ въ прибалтійскомъ краѣ попятное движеніе русской государственной власти, мы сопоставляемъ сегодня заимствованное изъ книги г. Самарина содержаніе указа, отъ 3-го января 1850 г., и текстъ предложенія прибалтійскаго генералъ-губернатора подвѣдомственнымъ ему начальникамъ губерній отъ 26-го октября 1867 г., вмѣстѣ съ замѣчаніями, внушенными г. Самарину сличеніемъ этихъ двухъ документовъ.

Ободренная успѣхомъ агитація, конечно, не удовлетворится теперь прежними уступками. Она добивается бо́льшаго. Г. Самаринъ весьма ясно доказываетъ, до какой степени балтійскіе публицисты стали налегать въ послѣднее время на взаимную связь, якобы установленную мѣстными привилегіями между двумя выраженіями. „Die Treue *dem* Monarchen" u „die Treue *des* Monarchen" (вѣрность Монарху и вѣрность Монарха) и на изобрѣтенное ими Recht der Mitberathung (право участія въ законодательствѣ), подкрѣпляя его латинскою формулой: nihil insciis Livonis (ничего безъ вѣдома Лифонцевъ). *На первое время* балтійскіе рыцари, какъ видно, завидуютъ обособленію Финляндіи.... А далѣе?... Но предоставимъ слово г. Самарину:

„Я очень хорошо знаю, что мы не увидимъ въ Балтійскомъ краѣ шитыхъ знаменъ съ революціонными эмблемами и не услышимъ ни одного выстрѣла; что тамошніе дворяне никогда не пойдутъ до ляса (гдѣ бы ихъ всѣхъ перехватали Латыши) и ужъ конечно никогда не подумаютъ подкупать народъ къ возстанію отмѣною повинностей и даровыми надѣлами (за это ручается мудрая разчетливость тамошнихъ помѣщиковъ и общій характеръ всѣхъ сочиненныхъ ими крестьянскихъ положеній). Припоминая былыя времена XVI, XVII и XVIII вѣковъ, я вижу, что Балтійскій край никогда не бунтовалъ и не возставалъ въ обыкновенномъ значеніи этого слова; онъ не отторгался насильственно ни отъ Польши, ни отъ Швеціи, а такъ сказать, *отваливался* отъ нихъ въ ту минуту, когда онъ могъ это сдѣлать безъ особеннаго для себя риска, т. е. когда сила измѣняла державѣ, которой онъ принадлежалъ, и переходила въ другія руки. Но я вижу также, что *каждому изъ этихъ кризисовъ предшествовала продолжительная, глухая работа, которою онъ исподоволь подготовлялся*... Газетная агитація свое дѣло сдѣлала; она успѣла убѣдить Германію въ томъ, вопервыхъ, что на нашемъ балтійскомъ поморьѣ частью совершаются, частью готовятся какія-то вопіющія беззаконія; вовторыхъ, что дѣйствія нашего правительства оскорбительны для Германіи, и втретьихъ, что по своему историческому призванію она имѣетъ поводъ вступиться въ дѣло. Это первый моментъ. За этимъ обыкновенно слѣдуютъ запросы, предлагаемые въ представительныхъ собраніяхъ вожаками крайнихъ партій, людьми отчаянными. Такихъ запросовъ было уже нѣсколько—это второй моментъ. Прусское министерство разъ уже на нихъ отвѣчало и отклонило отъ себя всякое вмѣшательство; вѣроятно отклонитъ и въ другой, и въ третій разъ, но запросы будутъ продолжаться. Наконецъ (таковъ обыкновенный ходъ дѣла) правительство дружественно къ намъ расположенной державы обратится въ Петербургъ *съ ласковою просьбой* сообщить ему *что-нибудь* въ формѣ, если не завѣренія, то хоть бы объясненія, *чѣмъ бы оно могло унять* у себя *докучливую* оппозицію и зажать ей ротъ... Слово отчизна для Лифляндца имѣетъ двоякое значеніе: въ тѣсномъ смыслѣ оно означаетъ Лифляндію, а въ смыслѣ болѣе широкомъ, означаетъ das Deutschthum, германизмъ, это нѣкогда отвлеченное понятіе, нынѣ воплотившееся въ могучій политическій организмъ, стоящій во всеоружіи у нашей границы. Вотъ чему и кому служитъ Балтійское рыцарство, служа русскому правительству. Я сказалъ это въ 1848 г. и былъ посаженъ въ крѣпость.... Вице-президентъ Лифляндскаго гофгерихта, г. В. фонъ-Боккъ.... переби-

раетъ и опровергаетъ одинъ за другимъ всѣ упреки, которымъ уроженцы Балтійскаго края подвергаются въ нѣмецкихъ либеральныхъ газетахъ, какъ извѣстно ставящихъ имъ въ вину, между прочимъ, и то обстоятельство, что многіе изъ нихъ посвящаютъ свои способности на службу государственнымъ интересамъ Россіи... Понятно, что автору понадобилась, для замаскированія его мысли многочисленная, неуклюжая фраза; но все же таки смыслъ ея довольно ясенъ: вмѣсто того чтобъ осуждать своихъ Балтійскихъ земляковъ, Германія должна радоваться, что люди, по отношенію къ ней *свои*, вступая въ русскую службу и овладѣвая государственными силами Россіи, пріобрѣтаютъ возможность *мѣшать ей сдѣлаться вполнѣ русскою* и, тѣмъ самымъ, *подъ знаменемъ двухглаваго орла* служатъ Германіи. „Эти слова, произнесенныя корифеемъ современной Балтійской интеллигенціи подвизающейся за границею, и отъ которыхъ никто не отрекся, не требуютъ комментарія.“

Да, мы вполнѣ понимаемъ чувство заставившее г. Самарина воскликнуть: „*Имѣяй уши слышати, да слышитъ!*“

№ 194.

Москва, 7-го сентября.

Какъ только раздастся въ Ригѣ, Ревелѣ и Митавѣ „ревъ“ русскаго языка, по выраженію *Крестовой Газеты* (№ 195), то губерніи сіи перестанутъ быть нѣмецкими, а вмѣстѣ съ тѣмъ исчезнетъ *форпостъ* европейской культуры, и „мѣсто нѣмецкой *культурной* жизни заступитъ русская необразованность“ (*National - Zeitung*, № 315). Извѣстно также, что „русской „юстиціи страшатся остзейскія провинціи „наравнѣ съ чумой, войной и голодомъ“, ибо „о публичномъ судопроизводствѣ съ „устными преніями и съ присяжными въ „Россіи есть что-то такое развѣ *на бумагѣ*, „но на дѣлѣ нѣтъ ничего“. (*Крестовая Газета* №№ 123 и 195.) Это пишутъ не Кюстинъ или Александръ Дюма, легкомысленные Французы, вертопрахи и верхогляды, а солидные вѣрноподданные съ Балтійскаго поморья, „ученый юристъ“, пріятель южно-германскаго корреспондента *Крестовой Газеты* и другіе сыны Германіи, доблестные рыцари кичащіеся феодальною вѣрностью и презрительно вопрошающіе: „что такое русская добросовѣ„стность, что русская вѣрность, въ сравне„ніи съ нѣмецкими“?—въ сравненіи, напримѣръ, съ вѣрностью достоуважаемаго бывшаго вице-президента лифляндскаго гофгерихта, „корифея интеллигенціи бал„тійскаго рыцарства, подвизающагося въ „заграничной печати“ для вящаго упроченія нѣмецкой культуры въ полудикой Россіи.

Германія съ негодованіемъ взираетъ на поправленіе ея возвышенной культуры, насильственно замѣняемой варварствомъ страны, гдѣ правильный судъ едва ли имѣется даже на бумагѣ. И вотъ, въ концѣ первой половины сего года, были одинъ за другимъ обнародованы циркуляры прусскаго министра внутреннихъ дѣлъ, оберъ-президента Познани и ландрата Нейсскаго округа, въ предостереженіе рабочимъ людямъ въ Пруссіи не только противъ переселенія, но даже противъ поѣздокъ на заработки въ Россію, гдѣ „помѣщики и ихъ управители часто *обманываютъ* переселенцевъ“ и гдѣ рабочій людъ *не находитъ суда*. Понятно, что подобный приговоръ, облеченный официальнымъ авторитетомъ, внушенный мудрою заботливостью просвѣщеннаго правительства объ участи своихъ согражданъ въ полудикой странѣ, придавалъ новую силу горькимъ и трогательнымъ сѣтованіямъ балтійскихъ рыцарей на Россію, гдѣ правильный судъ существуетъ только на бумагѣ, да и то едва ли.

Но официальныя предостереженія прусскихъ властей имѣли иное значеніе. Говоря о *Россіи*, они говорили только о ея западныхъ окраинахъ, именно о тѣхъ частяхъ ея, гдѣ все русское считается позоромъ цивилизаціи, гдѣ процвѣтаютъ чуждые ей порядки и враждебные ей патріотизмы. Офиціозная *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* (№ 172, отъ 25-го іюня, подкрѣпляла правительственныя предостереженія фактовъ, гдѣ героемъ является ливонскій рыцарь, г. фонъ-Л***. Въ № 172 *Московскихъ Вѣдомостей* былъ вкратцѣ разсказанъ этой случай. Вслѣдствіе нѣкотораго несогласія, возникшаго между доблестнымъ обладателемъ „нѣмецкой культуры“, и его лѣсничимъ, прусскимъ подданнымъ, первый, г. фонъ-Л***, безцеремонно приказалъ своимъ слугамъ связать своего за-нѣманскаго „соотечественника“ котораго тутъ же „повалили, отпонтали

„ногами, и скрутивъ ему руки на спину, „бросили въ сани и повезли, такъ, однако, „что часть его тѣла волочилась по землѣ“ (nachsclеppte), сначала на дворъ помѣщика, накинули тамъ на него тулупъ, потащили ночью, по вьюгѣ, за 21 версту, въ деревню, служащую мѣстопребываніемъ судьи, и тамъ несчастный безъ околичностей тотчасъ же былъ брошенъ въ тюрьму. По словамъ офиціозной прусской газеты, „несчастный занемогъ отъ вынесеннаго имъ *звѣрскаго* обращенія, отъ „простуды и лишеній... Никакого вознагражденія, *ни даже уплаты недоданнаго „жалованья* онъ, *до сихъ поръ*, добиться „не могъ“, хотя судебное дѣло началось въ январѣ 1867 года. Замѣчательно также, что главною причиной раздраженія г фонъ-Л*** было не только требованіе лѣсничаго объ удовлетвореніи его жалованьемъ, но также отказъ его возвратить г-ну фонъ-Л*** письма, коими сей послѣдній приглашалъ его къ себѣ въ услуженіе...

Спрашивается: о чемъ свидѣтельствуетъ этотъ фактъ? Г. фонъ-Л*** отказывалъ несчастному въ жалованьи, да еще хотѣлъ отобрать у него свои пригласительныя письма, которыя имѣли силу безспорныхъ документовъ, гдѣ, надобно думать, были съ подробностью обозначены какъ плата, такъ и всѣ условія, предложеніемъ коихъ г. фонъ-Л*** успѣлъ привлечь къ себѣ въ услуженіе: вотъ и рыцарство! Въ довершеніе всего, несчастнаго скрутили, оттаскали, а юстиція посадила въ тюрьму, и протекло полтора года, а дѣло оставалось все въ томъ же положеніи: вотъ и культура. И это вопіющее дѣло приключилось не съ латышскимъ бобылемъ, не съ эстонскимъ поденщикомъ, а съ прусскимъ подданнымъ, въ виду заступничества, которое онъ могъ найдти у своего правительства. Отсюда легко сдѣлать заключеніе о томъ, какова должна быть доля туземныхъ рабочихъ, лишенныхъ всякаго покровительства законовъ, которыхъ стоны никуда не долетаютъ и за которыхъ не заступится графъ Бисмаркъ.

Въ виду этого факта не понятнѣе ли становится, почему на нашемъ Балтійскомъ поморьѣ „страшатся русской юстиціи *на„равнѣ съ чумой, войной и голодомъ*“? Съ русскою юстиціей дѣло это приняло бы иной оборотъ, предугадать который можетъ нынѣ у насъ всякій, и еслибы кто по этому дѣлу попалъ въ тюрьму, то, конечно, не жертва „звѣрскаго обращенія“; дѣло было окончено незамедлительно, а der edle Ritter узналъ бы на себѣ что такое судъ правильный, какимъ гордится европейская гражданственность; а лѣсничій и прусскій подданный могъ бы засвидѣтельствовать у себя дома, что въ Россіи, благодаря славнымъ преобразованіямъ ея Царственнаго Освободителя, для рабочаго люда есть нелицепріятный судъ, тогда какъ въ нѣмецкой *колоніи*, которая держитъ подъ своимъ гнетомъ коренныя населенія русскаго Балтійскаго побережья, вслѣдствіе стачки мѣстныхъ властей, обращающей въ „мертвую букву“ неоднократно выраженную волю Монарха, для рабочаго люда, дѣйствительно, *нѣтъ* и *быть не можетъ* ни свободы, ни суда, пока, вмѣстѣ съ иностраннымъ патріотизмомъ, не искоренится въ этомъ несчастномъ краѣ обособляющее его отъ Россіи феодальное начало, какимъ страны, гдѣ дѣйствительно процвѣтаетъ „германская культура“, не дали бы и на одинъ день опозорить свой государственный бытъ...

Этотъ укоризненный для русскаго правительства фактъ, относящійся къ нашему балтійскому поморью, заявленный прусскими властями и разказанный въ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, былъ воспроизведенъ только въ аугсбургской *Allgemeine Zeitung*. Между тѣмъ *Крестовая Газета*, не передавшая самаго разказа, приняла въ свои столбцы если не опроверженіе (таковое, какъ видно, невозможно), то нѣкоторое возраженіе по этому поводу, въ видѣ письма отъ лифляндскаго предводителя дворянства, г. фонъ-Лиліенфельда, отъ 5-го (17-го) августа 1867 г. Принимая это возраженіе, *Крестовая Газета* сообщила, что это письмо было адресовано сначала въ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, но эта газета отказалась помѣстить его до наведенія справокъ черезъ своего корреспондента. Само собою разумѣется, что г. фонъ-Лиліенфельдъ старался, въ письмѣ своемъ, нѣсколько замять и скрасить „звѣрскій“ поступокъ своего собрата по рыцарству, но никакихъ фактовъ не представилъ, а ограничился высокопарнымъ протестомъ и общими фразами во славу остзейской Ѳемиды „предъ форумомъ просвѣщеннаго міра“, не обозначивъ даже судебнаго мѣста, гдѣ производится дѣло. „Дѣло рѣшено въ высшей „провинціальной инстанціи“, вѣщаетъ пред-

водитель лифляндскаго рыцарства, не говоря какъ рѣшено, и какъ бы не замѣчая, что въ этомъ дѣлѣ *два дѣла*: гражданское и *уголовное*, и что о послѣднемъ еще не было вымолвлено ни слова, — „и каждый,“ продолжаетъ онъ, „кого оно интересуетъ, можетъ убѣдиться, *какимъ образомъ* въ Лифляндіи администрируется „правосудіе и законъ (Recht und Gesetz „gehandhabt)…“ Но не лучше ли, не проще ли, не доказательнѣе ли было бы это возраженіе, еслибы г. фонъ-Лиліенфельдъ потрудился объяснить *въ чемъ же состояло* рѣшеніе суда? Не странно ли посылать русскую публику за справками въ Ригу? Но предводитель лифляндскаго рыцарства, какъ видно, нашелъ простѣйшій способъ не совсѣмъ удобнымъ. Ему, не совсѣмъ вѣроятно безъ причины, показалось гораздо болѣе осторожнымъ для успѣшнаго оправданія „*учрежденій* и положенія края“,—такъ какъ въ этомъ, повидимому, заключается главная цѣль его письма,—прибѣгнуть къ общимъ фразамъ исполненнымъ олимпійской величавости. Даже *Крестовая Газета*, вопреки оказанному ею въ этомъ случаѣ пристрастію, даетъ ему пріятельскій совѣтъ сообщить публикѣ рѣшеніе суда. Но г. фонъ-Лиліенфельдъ не обнаружилъ поспѣшности послѣдовать совѣту столь дружелюбной къ нему газеты…

Пользуемся этимъ случаемъ, чтобы выписать нѣсколько строкъ изъ книги г. Самарина *), о которой вели мы рѣчь вчера. „О томъ“, говоритъ онъ, что̀ казалось „возможнымъ, естественнымъ и необходимымъ для огражденія русскихъ крестьянъ отъ русскихъ помѣщиковъ, о томъ, „противъ чего почти никто изъ послѣднихъ даже не спорилъ, правительство „какъ будто не дерзало и подумать въ „примѣненіи къ Лифляндіи, Эстляндіи и „Курляндіи. Какъ можно! Это все хорошо „для полудикой страны, гдѣ все дѣлается „изъ-подъ палки, по принужденію… У насъ „вѣдь *царство свободы!* Давайте намъ „только почаще воинскія команды, какъ „только мы ихъ потребуемъ, да не мѣшайте намъ расправляться по своему *съ „подстрекателями*, и вы увидите какъ „скоро водворятся между крестьянами и „нами нормальныя отношенія, плодъ добровольныхъ отношеній…“ Что̀ значатъ эти *добровольныя отношенія*, о томъ можно получить довольно отчетливое понятіе изъ № 149 *Московскихъ Вѣдомостей*, гдѣ мы сообщали образчикъ добровольныхъ контрактовъ заключаемыхъ въ балтійскомъ краѣ. Что̀ же касается сельскаго суда въ этомъ „благословенномъ краѣ, гдѣ все „разрѣшается само собою“, то тамъ, „принято *общее* правило“, говоритъ г. Самаринъ, „что каждое имѣніе составляетъ волость, слѣдовательно сохранена прежняя „единица *вотчинной администраціи*…. „Всѣ инстанціи, по организація ихъ и по „установленному порядку замѣщенія судебныхъ должностей, находятся въ рукахъ „дворянства. По дѣламъ полицейскимъ, „старшины и помощники ихъ подчинены „уѣздной полиціи, которой всѣ чины назначаются по выбору дворянства, и изъ „среды его… При строгой корпоративной „замкнутости балтійскаго рыцарства, при „существующемъ въ Лифляндіи, Эстляндіи и Курляндіи способѣ замѣщенія всѣхъ „полицейскихъ и *судебныхъ* должностей, „можетъ ли надѣяться правительство „найдти въ нихъ такое же добросовѣстное содѣйствіе, какое у насъ оказало ему „помѣстное дворянство, въ лицѣ мировыхъ „посредниковъ и председателей мировыхъ „съѣздовъ?“

*) *Окраины Россіи. Балтійское поморье.* Прага 1868.

№ 195.

Москва, 9-го сентября.

На предостереженія о бережливомъ обращеніи съ лѣсами обыкновенно возражаютъ, что наши лѣсныя богатства неисчерпаемы и что намъ нечего бояться безлѣсія. При этомъ приводятъ изъ Тенгоборскаго, какъ нѣчто безмѣрное, цифру 180 милліоновъ десятинъ будто бы покрытыхъ у насъ лѣсами, хотя цифра эта подлежитъ, очевидно, значительному сокращенію, такъ какъ въ нее входятъ болота, озера и поляны, заключающіяся внутри лѣсовъ, а также вырубленныя, но не облѣсившіяся пространства, которыхъ въ Россіи уже не мало, и хотя, даже если принять эту цифру безъ скидки, то слишкомъ треть ея приходится на двѣ губерніи, Архангельскую и Вологодскую, а въ остальной Россіи оказывается менѣе полуторы десятины лѣса на человѣка, что̀ вовсе не слишкомъ много. Какъ мало кри-

тики лежитъ въ основаніи ходячаго мнѣнія, что Россія есть страна лѣсистая, читатели могутъ увидѣть изъ нововышедшей книжки *Русскаго Вѣстника*, гдѣ напечатана статья г. Рудзкаго „Очерки русскаго лѣсоводства,“ на которую мы считаемъ нелишнимъ обратить вниманіе интересующихся весьма важнымъ для будущности Россіи вопросомъ о лѣсномъ хозяйствѣ.

Г. Рудзкій опредѣляетъ количество годичнаго потребленія лѣса въ Россіи, согласно изслѣдованіямъ г. Арнольда *), въ полъ-кубической сажени на человѣка (на топливо, на строевой и подѣлочный лѣсъ): опредѣленіе отнюдь не преувеличенное, ибо въ Германіи, гдѣ климатъ вообще умѣреннѣе, деревянныхъ построекъ меньше и топливо расходуется бережнѣе, выходитъ мѣстами по $^{3}/_{10}$ кубической сажени на человѣка. Присоединяя предполагаемое потребленіе дровъ на фабрикахъ, пароходахъ и желѣзныхъ дорогахъ г. Рудзкій получаетъ 44 милліона кубическихъ саженъ какъ цифру ежегодной потребности Россіи въ лѣсѣ, при чемъ отпускъ лѣса за границу, весьма значительный въ послѣднее время, вовсе не принятъ во вниманіе. Сколько же нужно намъ имѣть лѣса, чтобы можно было потреблять ежегодно, 44 милл. куб. саж., вырубая лишь такую часть лѣса, какая ежегодно прирастаетъ? Количество прироста зависитъ отъ природныхъ свойствъ почвы и отъ способа хозяйства. Въ Пруссіи приростъ казенныхъ лѣсовъ меньше одной трети кубической сажени на десятину средняя добыча во всей Германіи около половины кубической сажени. Въ нынѣшнемъ своемъ состояніи, утверждаетъ г. Рудзкій, лѣса наши едва ли способны давать больше чѣмъ прусскіе, а потому для обезпеченія нашей ежегодной потребности въ лѣсѣ, намъ необходимо имѣть подъ лѣсомъ 130 милліоновъ десятинъ или по 2 дес. на душу. Въ дѣйствительности же у насъ приходится на душу:

Въ губ. Архангельской и Вологодской	около 50 дес.
Въ губерніяхъ лѣсистыхъ Новгородской, Олонецкой, Костромской, Вятской, Казанской, Пермской, Оренбургской	около 6 дес.
Въ губ. Петербургск., Псковской, въ губерніяхъ сѣверо-западнаго края, и въ губерніи Волынской	около 2 дес.

*) Въ *Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества* 1867 г.

Во всей остальной Россіи лѣса менѣе чѣмъ нужно. Что южная Россія безлѣсна, это всѣ знаютъ, но даже въ центральныхъ, сравнительно лѣсистыхъ губерніяхъ имѣется лѣса менѣе десятины на душу, то-есть вдвое менѣе средней потребности. Сюда относятся тринадцать лежащихъ вокругъ Москвы губерній, перечисляемыхъ нами по мѣрѣ ихъ лѣсистости. Нижегородская, Владимірская, Смоленская, Симбирская, Тверская, Ярославская, Пензенская, Московская, Калужская, Рязанская, Орловская, Тамбовская, Тульская. Во всѣхъ этихъ губерніяхъ взятыхъ вмѣстѣ, имѣется лѣса по $^{9}/_{10}$ десятины на человѣка, а это губерніи фабричныя и притомъ болѣе другихъ снабженныя желѣзными дорогами и пароходными сообщеніями; слѣдовательно потребность этихъ губерній въ лѣсѣ должна быть еще выше средней, то-есть превосходить 2 дес. Понятно, что крестьяне этихъ губерній должны чувствовать недостатокъ въ лѣсѣ и для построекъ, и для топлива; понятно, что они принуждены строиться дурно, жить тѣсно и слѣдовательно неопрятно, и пополнять недостатокъ дровъ соломой и даже навозомъ, что крайне вредно отзывается на сельскомъ хозяйствѣ, а въ послѣдствіи отзовется еще хуже.

Положеніе дѣла становится еще болѣе опаснымъ вслѣдствіе того, что казенныхъ лѣсовъ у насъ сравнительно мало. Изъ 180 милліоновъ десятинъ лѣса, показанныхъ у г. Тенгоборскаго, три пятыхъ считаются, правда, въ казенномъ управленіи, но частныхъ лѣсовъ на сѣверѣ почти вовсе нѣтъ и всѣ они расположены, по преимуществу, въ губерніяхъ малолѣсныхъ, именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ скучено наибольшее населеніе и гдѣ наиболѣе развита фабричная промышленность. Въ тринадцати центральныхъ губерніяхъ государственныхъ лѣсовъ менѣе трети общаго количества. Только въ этомъ маломъ размѣрѣ лѣсоводство въ этихъ губерніяхъ можетъ считаться обезпеченнымъ.

Извѣстно, что доходъ отъ *правильнаго* хозяйства въ лѣсной дачѣ не составляетъ значительнаго процента отъ капитала, представляемаго ея цѣнностію. Представимъ себѣ, напримѣръ, дачу въ 1.000 десятинъ и допустимъ, что древесною породой, почвою и требованіями рынка обусловливается возрастъ деревъ при срубкѣ во 100 лѣтъ; тогда, при правильномъ хо-

зяйствѣ, должно рубить ежегодно $^1/_{100}$ часть или 10 десятинъ. Если десятина стоитъ 1.000 рублей, то годичный валовой доходъ съ дачи, при правильномъ хозяйствѣ, опредѣлится въ 10.000 рублей. Для опредѣленія же капитальной стоимости предположимъ, что дача насаждена правильно, то-есть что одна сотая площади ея занята 100-лѣтнимъ лѣсомъ, одна сотая 99-лѣтнимъ, одна сотая 98-лѣтнимъ и т. д. до одного года; въ такомъ случаѣ общая капитальная стоимость лѣса будетъ равняться стоимости не 1.000, а только 500 десятинъ столѣтняго лѣса, то-есть 500.000 рублямъ. То-есть, она будетъ въ 50 разъ болѣе чѣмъ ежегодный доходъ отъ правильнаго хозяйства, который поэтому составляетъ всего 2% отъ капитальной стоимости.

По тому же разчету пятидесятилѣтніе лѣса даютъ 4%, а сорокалѣтніе пять процентовъ. Болѣе пяти процентовъ могутъ доставить лишь лѣса, вырубаемые въ возрастахъ младшихъ чѣмъ 40 лѣтъ, но при такихъ возрастахъ можетъ быть производима лишь древесина низшихъ сортовъ, не годящаяся на строеніе и на подѣлки.

Такимъ образомъ, какъ бы великъ ни былъ абсолютный доходъ отъ лѣснаго хозяйства, низкое процентное отношеніе этого дохода къ капитальной стоимости лѣса всегда будетъ побуждать владѣльца къ единовременной или, по крайней мѣрѣ, возможно скорой реализаціи капитала, заключающагося въ спѣлыхъ лѣсахъ, и къ помѣщенію этого капитала хотя бы въ государственныя бумаги, дающія безъ хлопотъ, 6%. При существованіи же болѣе высокаго процента дѣлается выгоднымъ сведеніе даже молодыхъ лѣсовъ: напримѣръ, при доходѣ отъ денежныхъ капиталовъ 10%, что у насъ далеко не рѣдкость, выгодно сводить даже 20-лѣтніе, то-есть чуть не хворостяные лѣса. Предѣлъ лѣсоистребленію поставляется лишь размѣрами рынка, который не вездѣ допускаетъ возможность скорой реализаціи лѣсныхъ запасовъ.

Кромѣ указанной сейчасъ органической причины, побуждающей къ быстрому сведенію владѣльческихъ лѣсовъ, есть еще причины временныя, но дѣйствующія тѣмъ не менѣе весьма сильно. Разумѣемъ прежде всего кризисъ, постигшій помѣщиковъ съ освобожденіемъ крестьянъ! Неумѣнье многихъ владѣльцевъ устроить надлежащимъ образомъ охраненіе лѣса и лѣсное хозяйство, опасенія порубокъ и пожаровъ, доходившія впервые годы, а отчасти теперь доходящія до паники, повели къ распродажѣ лѣсовъ большими массами и по дешевой цѣнѣ. Лѣсоистребленіе въ послѣдніе годы достигло невѣроятныхъ размѣровъ; частные лѣса повсемѣстно таютъ и исчезаютъ съ ужасающею быстротой, попытки же къ возобновленію вырубленныхъ лѣсовъ и къ разведенію новыхъ такъ рѣдки и ничтожны, что не могутъ уменьшить опасеній. Въ настоящее время, вслѣдствіе переполненія рынка, цѣны на лѣсные матеріялы во многихъ мѣстахъ Россіи не только не возрасли, но даже весьма замѣтно упали; за то тѣмъ рѣзче и тяжеле будетъ, въ близкомъ будущемъ, переходъ къ непомѣрному повышенію цѣнъ, которое въ особенности вредно отзовется на мѣстностяхъ, обязанныхъ нынѣ своимъ процвѣтаніемъ развитію огнедѣйствующихъ заведеній.

При такомъ положеніи дѣлъ, очевидно, какого вниманія заслуживаетъ вопросъ о суррогатахъ дровъ, особенно о каменномъ углѣ. Вопросъ этотъ поставленъ теперь много лучше прежняго, и съ нимъ уже соединено много добрыхъ надеждъ. Отъ его дальнѣйшаго хода зависятъ успѣхи отечественной промышленности. Но имъ отнюдь не упраздняется вопросъ лѣсной: лѣсъ корабельный, строевой, подѣлочный будетъ требоваться даже и при повсемѣстной замѣнѣ дровъ, какъ топлива, каменнымъ углемъ; кромѣ того, лѣсъ на корню требуется для поддержанія влажности, столь драгоцѣнной среди нашего материковаго климата. А такъ какъ только государство способно, не увлекаясь временными барышами, вести консервативное лѣсное хозяйство, въ интересахъ не только современниковъ, но и потомковъ, то вопросъ о государственномъ лѣсоводствѣ пріобрѣтаетъ чрезвычайную важность.

Противъ государственнаго владѣнія лѣсомъ возстаютъ у насъ преимущественно вслѣдствіе малодоходности казенныхъ лѣсовъ. Не отрицая этого прискорбнаго и обиднаго факта, невозможно однако согласиться съ тѣми, что на основаніи его, и его одного, стремятся отрицать самый принципъ государственнаго владѣнія лѣсомъ. Вполнѣ достовѣрныя статистическія данныя доказываютъ, что въ западной Европѣ казенные лѣса даютъ бо́льшій чистый

доходъ съ десятины чѣмъ частные, и нѣтъ причины отрицать возможность того же и у насъ. Нынѣшняя бездоходность указываетъ лишь на существованіе серіозныхъ недостатковъ въ лѣсномъ управленіи. Они должны быть, конечно, устранены, и къ устраненію ихъ уже принимаются мѣры. Лѣсной администраціи послѣдняго десятилѣтія нельзя отказать въ признаніи извѣстныхъ заслугъ какъ по увеличенію доходовъ съ одного милліона на четыре, такъ и въ особенности по улучшенію въ личномъ составѣ; остается только желать, чтобы движеніе не прекратилось въ началѣ пути.

Увеличеніе чистаго дохода можетъ быть достигнуто или посредствомъ увеличенія валоваго дохода. или же посредствомъ уменьшенія расходовъ.

Къ значительному увеличенію валоваго дохода могла бы вести казенная разработка лѣса безъ посредничества лѣсопромышленниковъ, обходящагося тѣмъ дороже, чѣмъ выше ходячій процентъ на деньги, и чѣмъ менѣе знакомы лѣсопромышленники съ раціональною разработкой лѣса, посредствомъ которой можетъ быть предупреждено столь обыкновенное у насъ обезцѣненіе древесины высокихъ качествъ вслѣдствіе раздѣлки ея на низкіе сорта. Но казенная разработка есть промышленность, а казна плохой промышленникъ; поэтому успѣхъ тутъ сомнителенъ. Вѣрнѣе подѣйствовало бы упрощеніе условій и обряда продажи лѣса на срубку, внесеніе въ это дѣло коммерческихъ началъ и въ томъ числѣ разумно организованнаго кредита. Наконецъ, нѣтъ причины пренебрегать извлеченіемъ побочныхъ доходовъ, отъ бортеваго и насѣчнаго пчеловодства, отъ рыболовства, отъ отдачи въ оброкъ лѣсныхъ полянъ, отъ сбора орѣховъ, ягодъ и грибовъ, отъ охоты, отъ пользованія торфомъ, пескомъ и глиной, отъ уступки подъ сельскохозяйственное и промышленное пользованіе участковъ отличающихся счастливымъ положеніемъ вблизи городовъ или при рѣкахъ. Вообще водвореніе доброй привычки не пренебрегать копѣйками, изъ коихъ составляются въ массѣ милліоны рублей, послужило бы навѣрное къ полученію изъ однихъ побочныхъ источниковъ такого дохода, который превысилъ бы весь нынѣшній сборъ отъ лѣсовъ.

Расходы, необходимые для этихъ улучшеній, съ избыткомъ, надобно думать, покрылись бы тѣми сбереженіями, какія могутъ быть достигнуты посредствомъ уменьшенія бюрократизма и разумнаго примѣненія децентрализаціи въ лѣсномъ управленіи, о чемъ въ статьѣ г. Рудзкаго говорится, по нашему мнѣнію, весьма вѣрно.

№ 196.

Москва, 10-го сентября.

Въ іюльской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія* помѣщена статья бывшаго попечителя Виленскаго учебнаго округа И. П. Корнилова: „Общія замѣчанія о положеніи учебно-воспитательнаго дѣла въ Виленскомъ учебномъ округѣ въ 1867 году.“ Хотя въ общемъ направленіи учебной части не произошло и не предвидится тамъ никакой перемѣны, но въ виду агитаціи овладѣвающей сѣверозападнымъ краемъ, помянутая статья пріобрѣтаетъ живой интересъ, по указаніямъ на недавнее прошлое и на нынѣшнюю главную потребность.

Читатели помнятъ, что мы не всегда сходились съ прежнею администраціей Виленскаго учебнаго округа въ воззрѣніяхъ, но мы постоянно отдавали полную справедливость ея патріотическому направленію, и много разъ указывали, какъ на дѣйствительную услугу оказанную ею Россіи, на введеніе въ тамошнихъ училищахъ вполнѣ русскаго состава начальниковъ и преподавателей.

Надобно замѣтить, что правительство уже съ 1831 г. сознавало необходимость сосредоточить въ рукахъ исключительно русскихъ педагогическое дѣло въ западныхъ губерніяхъ. Но русскіе учителя, избиравшіеся по большей части изъ казеннокоштныхъ студентовъ, неохотно шли въ западный край, гдѣ, какъ имъ было извѣстно, ихъ ожидали только лишенія и непріятности, и гдѣ администрація не оказывала имъ дѣйствительной поддержки; большинство пользовалось всякимъ случаемъ, чтобы перейдти во внутреннія губерніи, и должности ихъ по большей части замѣщались Поляками. Но какъ ни неудачно шло дѣло на практикѣ, вѣрная система поддерживалась по крайней мѣрѣ въ принципѣ и скопленіе въ учебномъ округѣ значительнаго числа Поляковъ постоянно выставлялась учебною администраціей какъ зло, которое тѣмъ или инымъ путемъ слѣ-

дуетъ устранить. Трудности, само собой разумѣется, чрезвычайно возрасли, когда наступилъ „періодъ примиренія.“ Введено было въ гимназіяхъ и даже въ народныхъ училищахъ преподаваніе польскаго языка, и расходы по этому предмету приняты на счетъ русской казны. Полонизація края пошла быстрыми шагами. Мѣстная администрація не могла не видѣть этого. Во главѣ виленскаго учебнаго округа въ то время было лицо, которое было способно измѣрить и принять къ сердцу опасность такого хода дѣлъ, и начальство сѣверо-западнаго края входило уже въ 1862 году съ представленіемъ о совершенной необходимости изъять народное образованіе изъ вліянія польщизны. Въ томъ же году начальникъ юго-западнаго края, указывая на патріотическія продѣлки польскихъ наставниковъ, настаивалъ на переводѣ изъ ввѣреннаго ему края учителей и надзирателей Поляковъ во внутреннія губерніи и о воспрещеніи на будущее время занимать эти должности Поляками. Но не такъ смотрѣли на это дѣло въ Петербургѣ. Министерство народнаго просвѣщенія, обсуждая предложенныя княземъ Васильчиковымъ мѣры, находило, что онѣ „носятъ на себѣ отпечатокъ нетерпимости и насилія, противорѣчащихъ духу Высочайшаго манифеста 26-го августа 1856 года.“ „Тягостныя для уроженцевъ западныхъ губерній“, сказано было въ составленномъ по этому дѣлу представленіи, „онѣ (эти мѣры) не менѣе тягостны для тѣхъ изъ коренныхъ Русскихъ, подданныхъ Его Величества, которые, по административному распоряженію, назначались бы на должности въ край, въ которомъ, въ замѣнъ удаленія отъ родины, ихъ ожидаютъ недоброжелательство и нравственныя испытанія.“ И такія воззрѣнія господствовали въ Петербургѣ въ ноябрѣ 1862 года, то-есть въ ту пору, когда истекалъ двухлѣтній періодъ манифестацій и уже громко велась рѣчь о вооруженномъ возстаніи. Онѣ казались тѣмъ удивительнѣе, что правительству подробно извѣстно было о непосредственномъ и самомъ дѣятельномъ участіи учащейся польской молодежи въ мятежническихъ демонстраціяхъ и о потворствѣ имъ польскихъ наставниковъ и начальниковъ. Гимназисты, служа орудіемъ коноводовъ, были въ краѣ главными уличными агитаторами и первыми зачинщиками публичныхъ скандаловъ. Дерзости сходили имъ съ рукъ по большей части безнаказанно, что естественно поощряло ихъ къ новымъ дерзостямъ.

Но вспыхнулъ мятежъ; за нимъ послѣдовало разоблаченіе горькой для насъ истины; пропасть, бывшая предъ нами въ 1863 году, освѣтилась во всемъ ея ужасѣ. Мѣстная учебная администрація дѣятельно принялась за очищеніе педагогическаго сословія. Цифры говорятъ краснорѣчивѣе словъ о важности достигнутыхъ ею результатовъ.

Къ 1-му января 1863 года въ гимназіяхъ, прогимназіяхъ, дворянскихъ, уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской губерній составъ начальниковъ и преподавателей по вѣроисповѣданіямъ былъ слѣдующій:

Православныхъ	115
Католиковъ	271
Прочихъ христіанскихъ исповѣданій	60

Къ 1-му января 1868 года разница выражалась слѣдующими цифрами:

Православныхъ	382
Католиковъ	73
Протестантовъ	55
Евреевъ (врачей при гимназіи)	2

Изъ сличенія приведенныхъ цифръ видно, что процентъ наставниковъ по вѣроисповѣданіямъ въ теченіи пяти лѣтъ измѣнился слѣдующимъ образомъ:

	1863.	1868.
Православныхъ	26%	75%
Католиковъ	60%	14%
Прочихъ исповѣданій	14%	11%

Надобно взять въ разчетъ, что въ числѣ 73 католиковъ считается 16 иностранцевъ, учителей французскаго языка, такъ что на долю собственно мѣстныхъ уроженцевъ приходится въ округѣ всего 57 мѣстъ, изъ коихъ 52 заняты ксендзами-законоучителями, одно—учителемъ физики, два—учителями рисованія и два письмоводителями. Такимъ образомъ новый личный составъ учебнаго округа слѣдуетъ назвать вполнѣ русскимъ.

Этотъ національный институтъ нуждается теперь въ томъ только, чтобы сохранить нынѣшнюю чистоту его. Пока край не будетъ дѣйствительно выведенъ изъ своего двусмысленнаго положенія (а по тому какъ теперь идутъ дѣла, этого, увы! не предвидится), теперешній составъ учебнаго сословія есть совершенная необходимость. Это истина очевидная, въ которой,

сколько намъ извѣстно, нынѣшній попечитель Виленскаго учебнаго округа ни мало не колеблется; но, какъ кажется, она не всѣми признается въ виленскихъ административныхъ сферахъ. Еще въ минувшемъ апрѣлѣ тамъ громко высказывали, что находятъ *совершенно лишнимъ* сосредоточеніе учебной части въ рукахъ Русскихъ, и что каѳедры учителей математики, физики, древнихъ языковъ, могли бы быть занимаемы лицами изъ Поляковъ. Замѣчательно, что эти мнѣнія высказывались безъ всякой существенной надобности, единственно изъ желанія видѣть въ учебномъ вѣдомствѣ польскій элементъ, ибо въ ту пору всѣ вакантныя мѣста учителей въ краѣ были заняты и не оказывалось надобности искать учителей ни математики, ни древнихъ языковъ.

Мы не приписываемъ важности агитаціи противъ единственнаго русскаго института въ сѣверо-западномъ краѣ, не подвергшагося даже и въ послѣднее время одинаковой участи, напримѣръ, съ тамошними мировыми учрежденіями. Важною гарантіей его цѣлости служитъ непосредственное подчиненіе Виленскаго округа министерству народнаго просвѣщенія. Но мы считаемъ нужнымъ указать на заключенія статьи И. П. Корнилова. За исключеніемъ нѣсколькихъ директоровъ, всѣ служащіе въ Виленскомъ учебномъ округѣ получаютъ жалованье по старымъ штатамъ съ добавкой 50% изъ собираемой съ польскаго землевладѣнія контрибуціи. Но и съ этою добавкой содержаніе въ Виленскомъ учебномъ округѣ оказывается меньше чѣмъ въ Царствѣ Польскомъ и внутреннихъ губерніяхъ, такъ что учителямъ западнаго края *выгодно* переходить на службу либо на западъ, либо на востокъ. Г. Корниловъ упоминаетъ о случаяхъ перехода уже бывшаго. Если эти случаи будутъ повторяться, то приведенный выше виленскій разговоръ можетъ получить весьма практическое значеніе.

№ 197.

Москва, 11-го сентября.

Одинъ изъ куріозовъ такъ называемой „національной“ борьбы остзейскаго рыцарства съ „московскимъ фанатизмомъ“ и „нелѣпою національною гордостью“ Русскихъ, какъ выражается *Berliner-Post*, состоитъ въ томъ, что когда балтійскіе витязи „нѣмецкой культуры“ уже черезчуръ проболтаются въ своей ли, въ заграничной ли печати, немедленно изъ Петербурга начнется подмигиваніе, предостерегающее ихъ отъ медвѣжьихъ услугъ, оказываемыхъ ими излишнею откровенностью своему дѣлу. Ни съ того, ни съ сего вдругъ появляются въ нѣмецкой печати петербургскія корреспонденціи, весьма прозрачно намекающія остзейскимъ патріотамъ на необходимость поразбавить вино водою, попридержать языкъ, и не только не высказывать лишняго, но и не слишкомъ раздражать „нелѣпую національную гордость Русскихъ“. Стоглазый Аргусъ, стерегущій въ Петербургѣ всѣ антирусскіе интересы, обращается и теперь къ личному органу графа Бисмарка, *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*. Разсыпаясь въ похвалахъ русскому правительству, напоминающихъ довольно живо тѣ, какія расточалъ ему въ прошломъ году французскій офиціозный *Constitutionnel*, наканунѣ пріѣзда Государя Императора въ Парижъ, петербургскій корреспондентъ офиціозной прусской газеты сѣтуетъ на упорство и ожесточеніе нападокъ „иностранной“ печати, которая съ ужасомъ повѣствуетъ о насильственной руссификаціи *нѣмецкихъ и польскихъ* провинцій. „Не говоря уже о томъ“, присовокупляетъ однако корреспондентъ, „что въ *значительной части* (только въ части?) этихъ „провинцій большинство жителей говоритъ „не по-нѣмецки и не по-польски, а по-латышски и по-русски, и что слѣдовательно „провинціи эти неумѣстно называть нѣ„мецкими или польскими, скажемъ только, „что для сообщенія между частными ли„цами, равно какъ и для мѣстной и про„винціальной администраціи, относительно „употребленія того или другого языка со „стороны русскаго правительства не по„ставлено никакихъ ограниченій. Только „въ сношеніяхъ съ центральными присут„ственными мѣстами употребленіе русскаго „языка объявлено обязательнымъ, и этого „нельзя не признать рѣшительно необхо„димымъ....“

На этотъ разъ, какъ видно, петербургскій корреспондентъ, соображаясь съ обстоятельствами, считаетъ нужнымъ немножко посориться съ нѣмецкимъ патріотизмомъ балтійскихъ публицистовъ, хотя патріотизмъ этотъ такъ устойчивъ, что онъ нимало не отступилъ и передъ извѣстными

объясненіями графа Бисмарка на запросъ г. Леве въ прусскомъ Парламентѣ, ибо имѣлъ у себя въ запасѣ другое, якобы сдѣланное тѣмъ же государственнымъ человѣкомъ, заявленіе, успокоительнаго свойства, удостовѣряющее въ томъ, будто „еще „до битвы подъ Танненбергомъ (1410 го„да) нынѣшняя Восточно-Прусская про„винція, какъ и остзейскія провинціи при„надлежащія Россіи, составляли часть прус„ской земли, яко вѣковое владѣніе Нѣ„мецкаго ордена“. Но, во всякомъ случаѣ, выше приведенныя строки изъ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* выражають не мнѣніе самой редакціи газеты графа Бисмарка, а лишь сужденія ея петербургскаго корреспондента, русскаго подданнаго, повидимому болѣе всего озабоченнаго мыслію какъ бы изгладить дурное впечатлѣніе, произведенное выходками тѣхъ изъ его друзей, тоже русскихъ подданныхъ, которые говорили, напримѣръ, что „они не безъ опасеній“ взирали бы на усиліе оборонительныхъ средствъ Россіи и на укрѣпленіе за ней ея западной окраины, или которые строго „требовали“, чтобы Русскій Государь говорилъ въ Ригѣ не иначе какъ по-нѣмецки, если онъ можетъ говорить по-нѣмецки въ Берлинѣ. Иную силу имѣли бы тѣ же слова, еслибы *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* помѣстила ихъ не въ отдаленномъ уголкѣ своихъ иностранныхъ корреспонденцій, а на первой страницѣ, передовою статьей. Только въ этомъ случаѣ можно было бы признать за ними какое-нибудь значеніе, такъ какъ ими выражалось бы мнѣніе не корреспондента, частнаго лица, да еще можетъ-быть русскаго подданнаго, а самой газеты первенствующаго министра Пруссіи и канцлера Сѣверо-Германскаго Союза. Въ настоящемъ же видѣ слова эти, въ рукахъ ловкой дипломатіи, могутъ пригодиться развѣ только къ тому же, къ чему въ іюнѣ 1867 понадобились французскому правительству напыщенныя апологіи офиціознаго *Constitutionnel*.

Впрочемъ, петербургскій корреспондентъ берлинской газеты самъ озаботился, въ концѣ своего письма, успокоить тѣ незначительныя опасенія, которыя онъ своими вышеприведенными словами могъ бы внушить наиболѣе наивнымъ изъ прусскихъ пангерманистовъ. „Нельзя отрицать“, говоритъ онъ, „что тамъ и сямъ (въ балтійскихъ провинціяхъ и западномъ краѣ) „проявлялись анти-нѣмецкія и анти-поль„скія тенденціи, но за это на правитель„ство нельзя возлагать отвѣтственность“. Признавая, что упоминаемыя имъ провинціи никакъ нельзя называть нѣмецкими *или* польскими, означенный корреспондентъ считаетъ долгомъ очистить русское правительство отъ всякаго участія въ *русскихъ* тенденціяхъ, такъ какъ въ балтійскомъ краѣ, не менѣе какъ и въ западномъ, русскій патріотизмъ не можетъ проявляться иначе какъ съ тенденціей анти-нѣмецкою или анти-польскою. Въ Москвѣ, въ Харьковѣ, въ Нижнемъ безъ этихъ тенденцій можетъ, конечно, обойтись русскій патріотизмъ, но всякому понятно, что это невозможно ни въ Вильнѣ, ни въ Ригѣ, гдѣ процвѣтаетъ сознаніе и господствуетъ гордость чужихъ патріотизмовъ... И вотъ чтобы загладить дурное впечатлѣніе, какое могла бы произвести въ Германіи первая часть письма, петербургскій корреспондентъ спѣшитъ снять съ русскаго правительства отвѣтственность за проявленіе русскаго патріотизма „тамъ и сямъ“ на почвѣ балтійскаго и западно-русскаго вопросовъ... Сомнѣваемся, чтобы честному Русскому подобная защита показалась лучше чѣмъ всѣ возможныя ругательства и клеветы....

Гораздо прямодушнѣе дѣйствовала *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, когда помѣщала на своей первой страницѣ повѣствованіе другаго своего корреспондента, сообщавшаго ей о подвигахъ балтійскаго рыцаря съ „нѣмецкою культурой“, г. фонъ-Л***, надъ беззащитнымъ лѣсничимъ, прусскимъ подданнымъ. Гораздо добросовѣстнѣе являлась она также, отказавъ въ напечатаніи возраженія противъ этого повѣствованія до наведенія справокъ у своего корреспондента. Правда впрочемъ, тогда дѣло шло *не о защитѣ, а объ обвиненіи русскаго правительства*. Протестъ лифляндскаго дворянскаго предводителя до сихъ поръ не напечатанъ въ столбцахъ этой газеты, но всей вѣроятности, потому что наведенныя справки не оправдали его. Также и *Крестовая Газета*, вопреки приглашенію своему, какъ видно, не получила до сихъ поръ текста судебнаго рѣшенія по дѣлу лѣсничаго, избитаго, измученнаго и не добившагося, *въ продолженіи слишкомъ полутора года*, „ни вознагражденія, ни даже уплаты недоданнаго ему жалованья....“ Итакъ, до сего числа 11-го (23-го) сентября, никакого удовлетворенія

не сдѣлано жертвѣ „звѣрскаго обращенія". Впрочемъ, очень можетъ быть, что сообщеніе не только о состоявшемся судѣ, но и о томъ, что лѣсничій остался доволенъ остзейской Ѳемидой, обрадуетъ надняхъ *Крестовую Газету*... Съ бѣднымъ лѣсничимъ въ случаѣ крайности, вѣроятно, можно поладить; судъ и слѣдствіе въ балтійскомъ краѣ домашнее дѣло.

№ 198.

Москва, 12-го сентября.

Недѣли двѣ назадъ, въ брюссельской газетѣ *Nord*, была напечатана передовая статья, нѣчто въ родѣ политическаго обозрѣнія послѣднихъ двадцати лѣтъ, подавшая поводъ къ весьма прискорбнымъ толкованіямъ. Въ этой статьѣ писанной такъ изворотливо, что ее можно было бы приписать перу какого-нибудь дипломата, авторъ, объявивъ, что онъ не питаетъ никакой вражды къ Австріи и чуждъ всякой предвзятой мысли, обозрѣваетъ отношенія существующія между Россіей и Австріей и взаимныя дѣйствія двухъ упомянутыхъ державъ, начиная съ 1848 года. Австрія „первая, говоритъ онъ, сокрушила старинную солидарность, соединявшую ее съ „Россіей, и несмотря на измѣну и вражду „къ Россіи, явленную Вѣнскимъ кабинетомъ въ 1854 и 1856 годахъ, Петербургскій кабинетъ не пожелалъ мстить Австріи „и не воспользовался для этого ни однимъ „изъ многихъ случаевъ, которые представлялись ему въ послѣдствіи."

Еслибъ авторъ статьи ограничился этими напоминаніями, бѣда была бы не велика; ретроспективныя изслѣдованія его имѣли бы лишь одно неудобство: они были бы безполезны. Дѣйствительно, что́ пользы доказывать истины очевидныя, и зачѣмъ открывать нашимъ противникамъ, что намъ можно вредить безнаказанно, и что Россія оказываетъ благодѣянія только для того чтобъ ей платили неблагодарностію? Но этого мало показалось автору несчастной статьи, и по странному заблужденію, которое можетъ быть приписано только недостатку національнаго чувства, онъ выводитъ изъ вышеприведенныхъ строкъ слѣдующія заключенія:

„Россія, наравнѣ съ другими континентальными государствами, заинтересована „въ томъ, чтобъ Австрія не утратила своего „вѣса въ средѣ европейскихъ державъ; „для Россіи важно чтобы законное вліяніе Вѣнскаго кабинета не замѣнилось „другими вліяніями, которыя, подъ кровомъ „древняго Габсбургскаго скипетра, водворили бы революціонную политику. Быть „роялистомъ болѣе чѣмъ самъ король — „это роль не прибыточная, но иногда „обязательная. Можетъ показаться страннымъ, что Россія, которую обвиняютъ „въ систематической враждѣ къ Австріи, „болѣе австрійски настроена чѣмъ правительство пребывающее въ Вѣнѣ, однако „это въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ справедливо, и между новѣйшими политическими мѣрами г. фонъ-Бейста есть такія, „которыя могутъ быть одобрены только „людьми желающими униженія Австріи...."

Итакъ, вотъ къ какимъ выводамъ приходитъ авторъ этой непонятной статьи, изложивъ предательскія и враждебныя дѣйствія Вѣнскаго кабинета по отношенію къ намъ самимъ и къ христіанскимъ народамъ Востока: „Россія заинтересована въ томъ чтобъ Австрія не утратила своего вѣса въ средѣ европейскихъ державъ. Россія должна быть plus royaliste que le roi; она болѣе должна радѣть въ пользу Австріи чѣмъ сама Австрія, и чѣмъ неблагоразумный г. Бейстъ, котораго политику мы порицаемъ только во всемъ томъ, въ чемъ она можетъ вредить Австріи!"

Это почти невѣроятно, и можно бы подумать, что подобные выводы доходятъ до крайнихъ предѣловъ нелѣпости, еслибы черезъ нѣсколько строкъ сочинитель австрофильскихъ манифестовъ не превзошелъ себя, совѣтуя Императорскому кабинету обратиться къ Вѣнскому съ таковою рѣчью

„Мы достаточно вредили другъ другу; „довольно нанесли мы себѣ взаимныхъ „ударовъ. Прекратимъ же *месть и злопамятство*, которыя обратились въ пользу „только нашимъ врагамъ; попытаемся *возвратиться* (?) къ соглашенію, основанному на взаимности добрыхъ отношеній; „примемъ во вниманіе наши взаимныя потребности; позаботимся о нашихъ обоюдныхъ интересахъ, и вмѣсто того чтобъ „увеличивать наши *взаимныя затрудненія*, „окажемъ другъ другу добросовѣстное содѣйствіе, дабы уменьшить или разрѣшить „эти затрудненія.... Условимся между собою съ этою цѣлью и перестанемъ искать „себѣ пользы причиняя вредъ другъ другу

„къ величайшей выгодѣ нашихъ общихъ „противниковъ."

Если предположить, что писавшій эти строки помнилъ что̀ самъ излагалъ нѣсколько выше, пространно доказывая какъ свободна была постоянно Россія отъ мести и злопамятства, то нельзя принимать эту тираду серіозно. Въ уста Россіи она могла быть вложена развѣ только для шутки. Но этотъ юмористическій оборотъ оказался до крайности неудаченъ. Выписанныя нами слова были поняты иностранною печатью буквально, и такъ какъ газета, въ которой они напечатаны, по слухамъ, принимаетъ внушенія отъ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ, то непріязненныя Россіи газеты принялись кричать, что она пасуетъ предъ Австріей. Мы увѣрены, что еслибы канцлеръ Имперіи не находился въ отсутствіи, то *Journal de S.-Pétersbourg* давно бы высказался противъ всякой солидарности съ этою странною статьей. Но тѣмъ сожалительнѣе, что она принята въ столбцы газеты, слывущей основательно или нѣтъ за одинъ изъ нашихъ офиціозныхъ органовъ, и что при этомъ Вѣнскій кабинетъ имѣлъ нѣкоторый поводъ указать на нее въ своихъ органахъ съ торжествомъ для Австріи и пренебреженіемъ къ Россіи.

Первый затрубилъ объ этомъ *Mémorial diplomatique*, котораго связи съ вѣнскимъ правительствомъ всѣмъ извѣстны; онъ хвастливо протрубилъ, что Россія смирилась предъ австрійскимъ канцлеромъ, что она униженно проситъ союза съ Австріей, что князь Горчаковъ бьетъ себя въ грудь, жалобно вопія: mea culpa!

Хотя *Nord* рѣзко возразилъ на эти фанфаронады *Mémorial diplomatique*, но парижскій органъ вѣнскаго кабинета снова принялся доносить о мнимыхъ попыткахъ Россіи обольстить австрійское правительство, и снова началъ восхвалять чудесное положеніе, въ которое поставлена политикою г. фонъ-Бейста Австрія, будто бы держащая теперь въ своихъ рукахъ судьбы человѣчества! Что̀ же касается до сближенія съ Россіей, то *Mémorial diplomatique* прибавляетъ, что князь Горчаковъ „могъ бы предвидѣть безполезность своей „попытки, вспомнивъ о безуспѣшности „того ходатайства, съ какимъ въ 1867 г. „онъ обращался къ г. фонъ-Бейсту дабы „добиться пересмотра трактата 1856 года."

Никогда безстыдство не заходило такъ далеко. *Красная Книга* обнародованная самимъ Вѣнскимъ кабинетомъ и собраніе нашихъ собственныхъ дипломатическихъ документовъ свидѣтельствуютъ напротивъ, и свидѣтельствуютъ непререкаемо, о томъ пренебреженіи, съ какимъ въ Петербургѣ были отвергнуты предложенія сдѣланныя г. фонъ-Бейстомъ въ 1867 году касательно пересмотра трактата 1856.

Къ неудачнымъ вѣжливостямъ статьи газеты *Nord* относимъ мы и упоминаніе о взаимныхъ будто бы затрудненіяхъ, коими страдаютъ и Австрія, и Россія. Приравниваніе Россіи къ Австріи по меньшей мѣрѣ не имѣетъ смысла. Достаточно повторить то что̀ одинъ австрійскій журналъ самъ на дняхъ говорилъ о невозвратно разстроенномъ положеніи, въ какомъ находится теперь Габсбургская монархія. Вотъ какъ выражается объ этомъ вѣнская *Presse*:

„Едва прошелъ годъ съ тѣхъ поръ какъ „водворенъ дуализмъ, и уже партіи самыя „разнообразныя возстаютъ противъ этой „системы... Въ Венгріи лѣвая сторона „старается отмѣнить делегацію, перенести „въ Пештъ центръ монархіи и возобновить иностранную политику мадьярскаго „короля Лудовика I и Матвѣя Корвина. „Чехи усиливаются низвергнуть цислейтанскую конституцію, Поляки только и думаютъ о томъ какъ бы поколебать зданіе, сдѣлавшееся послѣднимъ убѣжищемъ „ихъ національности; Словенцы клонятся „къ Бѣлграду; тріестскіе *italianissimi* „даютъ волю своей досадѣ если не явно, „то по крайней мѣрѣ среди ночныхъ сумятицъ. Не къ тому ли послужитъ довершеніе новаго зданія Австріи, чтобы „пріютить въ немъ цѣлое *шаривари* національностей?.... Расторженіе Австріи на „разныя группы, венгерскую, польскую, „иллирійскую, нѣмецкую, чешскую—вотъ „цѣль, которой добиваются. Если Австрія „не успѣетъ устроиться въ видѣ монархической Швейцаріи, то австрійскимъ Нѣмцамъ будетъ позволительно безусловно „передаться Германіи, какая бы она ни „была."

Неужели Россія находится въ такомъ положеніи? Правда, она имѣетъ счастіе обладать политическими людьми, которые были бы не прочь уподобить ее имперіи Габсбурговъ, и для этой цѣли раздробить не только государственную область Россіи, но и самый народъ ея, быть-можетъ болѣе цѣльный и единый чѣмъ какой-либо

во всей Европѣ... Не принадлежитъ ли и авторъ статьи къ этой школѣ?

Не можемъ не сказать въ заключеніе, что одно мѣсто статьи *Nord* заставило насъ очень серіозно пожалѣть о существованіи офиціозныхъ органовъ на свѣтѣ. Мы разумѣемъ то мѣсто, которое можетъ быть принято за намекъ на возможность *возвращенія* къ прежнимъ отношеніямъ, то-есть къ Священному Союзу. Этотъ намекъ тѣмъ неизвинительнѣе, что авторъ самъ же говоритъ, что подобная комбинація была бы дѣломъ крайне антипатическимъ для Россіи, самъ же онъ упоминаетъ, что Россія упрекаетъ теперь прежніе порядки за то, что они приносили въ жертву интересы государства политикѣ принциповъ и чувствованій. Авторъ. очевидно, клонится къ тому, чтобы Россія содѣйствовала примиренію между Австріей и Пруссіей. Но полагать, что великая держава можетъ мирить двѣ другія одними убѣжденіями, по примѣру квакеровъ, было бы очень странно. Дѣйствительнымъ средствомъ можетъ быть только введеніе новыхъ элементовъ въ дѣло, и этими новыми элементами могутъ быть интересы не державъ враждующихъ, а державы примиряющей. Позволительно ли съ русской точки зрѣнія желать, чтобъ Австрія и Пруссія помирились насчетъ Россіи?

№ 199.

Москва, 13-го сентября.

Недавно пришлось намъ разказать одинъ страшно-вопіющій фактъ изъ недавняго прошлаго. Не знаемъ какія послѣдствія будетъ имѣть раскрытіе истины для несчастнаго Минкевича, который десять лѣтъ томился въ монастырскихъ казематахъ за свое желаніе, какъ значится въ офиціальномъ сообщеніи объ этомъ дѣлѣ, изъявить свою приверженность правительству. Да и живъ ли онъ? Никакого слуха о немъ уже не доходитъ до насъ, а между тѣмъ какой-то добрый человѣкъ изъ путешествующихъ за границей Русскихъ прислалъ въ его пользу довольно значительную денежную сумму (банковый билетъ въ 1.000 франковъ), которую мы не знаемъ куда и переслать.

Будемъ ли удивляться тому что происходило въ тѣ, хотя еще весьма недавнія, времена безгласности, безправія и глубокаго уничиженія, въ которыхъ находилось русское общество? Не то ли самое въ сущности творится и теперь въ размѣрахъ поразительныхъ? Читатели обратили, конечно, вниманіе на объясненіе бывшаго новогрудскаго мироваго посредника, капитана Сумарокова, удаленнаго отъ должности, съ обязательствомъ выѣзда изъ края и съ угрозой, при неисполненіи сего въ семидневный срокъ, быть отправленнымъ подъ стражей. Это объясненіе было напечатано въ № 30 нашихъ *Воскресныхъ Прибавленій*. Случай этотъ не единственный. Увольненіе лицъ служившихъ въ составѣ прежней виленской администраціи есть фактъ всѣмъ извѣстный; точно также извѣстно и то, что въ нынѣшнемъ году, какъ бы въ соотвѣтствіе съ 1863 годомъ, когда оттуда высылались административнымъ порядкомъ лица причастныя мятежу, какъ гг. Дружбацкій, Бейштортъ, Бойштофтъ и пр., высылаются люди заподозрѣнные въ русскомъ образѣ мыслей. Чтобы соотвѣтствіе было полное, не было недостатка и въ духовномъ лицѣ, православномъ іеромонахѣ, нынѣшнею весной вывезенномъ изъ Вильны съ жандармами. Польскіе органы, издаваемые на русскомъ языкѣ въ Петербургѣ, провожаютъ гикомъ и свистомъ увольняемыхъ и выпроваживаемыхъ такимъ образомъ русскихъ людей, которые за пять лѣтъ предъ симъ скликались благимъ матомъ въ этотъ край для содѣйствія правительству въ его борьбѣ съ мятежомъ и измѣной. Польскіе органы, со злобнымъ ироническимъ смѣхомъ, клеймятъ этихъ людей прозваніемъ коммунистовъ и демагоговъ, въ разрядъ каковыхъ попали такимъ образомъ бывшіе начальники губерній, попечитель тамошняго учебнаго округа, предсѣдатель коммиссіи по крестьянскимъ дѣламъ, многіе мировые посредники, вынесшіе на плечахъ своихъ главную тяжесть предстоявшей къ разрѣшенію здѣсь задачи, и многія другія болѣе или менѣе заслуженныя лица.

Въ своемъ объясненіи г. Сумароковъ разказалъ исторію своей служебной дѣятельности въ западномъ краѣ. Онъ не могъ утаить ничего существеннаго и не могъ выдумать ни малѣйшей подробности, не подвергаясь и въ томъ и въ другомъ случаѣ опасности быть уличеннымъ; онъ высказывается во всеуслышаніе, черезъ печать, и всякое отступленіе отъ истины,

которое онъ рѣшился бы позволить себѣ, обратилось бы ему на голову. Въ западномъ краѣ прослужилъ онъ около трехъ лѣтъ: около года въ Ковенской губерніи и два года въ Волынской и всего три недѣли въ Минской губерніи. Со всею откровенностію разказалъ онъ столкновенія еще въ 1864 съ тогдашнимъ ковенскимъ губернаторомъ (сыномъ главнаго начальника края), столкновенія не имѣющія никакой важности и въ которыхъ правда, какъ показали послѣдствія, была на сторонѣ г. Сумарокова. Во всѣхъ его дѣйствіяхъ какъ за это время, такъ и послѣ, видна живая заботливость о ввѣренномъ ему дѣлѣ, и только благодаря тому что правительство нашло въ ту трудную пору дѣятелей столько же способныхъ, сколько добросовѣстныхъ и преданныхъ, оно вышло побѣдителемъ изъ борьбы происходившей во мракѣ и полной всякихъ обмановъ. Состояніе здоровья заставило г. Сумарокова перейдти на службу въ юго-западный край. 30-го мая 1865 года вступилъ онъ въ завѣдываніе мировымъ участкомъ въ Волынской губерніи, которою управлялъ тогда генералъ Чертковъ, и черезъ нѣсколько дней перечисленъ въ должность предсѣдателя повѣрочнаго отдѣленія Кременецкаго уѣзда, „гдѣ,“ говоритъ онъ, „благодаря даннымъ намъ „средствамъ и содѣйствію мѣстныхъ ми„ровыхъ посредниковъ, я могъ окончить „повѣрочныя работы по выкупу крестья„нами надѣла ранѣе срока 1-го декабря „1866 г., что, впрочемъ, при дружномъ „содѣйствіи высшей администраціи съ „мѣстными исполнителями, не было осо„бенно удачнымъ исключеніемъ: нѣкото„рые представили и въ октябрѣ окончен„ныя ими дѣла... По окончаніи работъ, я „въ Кіевѣ получилъ за нихъ благодар„ность отъ главнаго начальника края.“

Семейное горе заставило его покинуть службу и возвратиться въ родную Кострому; но въ послѣдствіи, узнавъ что крестьянское дѣло въ сѣверо-западномъ краѣ еще требовало людей, онъ поспѣшилъ снова туда на службу, привлекаемый тѣмъ, что около того времени былъ назначенъ туда же помощникомъ генералъ-губернатору бывшій волынскій губернаторъ, генералъ Чертковъ, который имѣлъ возможность оцѣнить его усердіе, добросовѣстность и способность. 7-го марта сего года онъ поступилъ въ должность мироваго посредника въ Новогрудскомъ уѣздѣ, а 13-го марта прибылъ въ Вильну новый начальникъ края генералъ-адъютантъ Потаповъ, и 29-го того же мѣсяца изъ Вильны дано было знать минскому губернатору телеграммой (почта не съ достаточною скоростію передала бы это распоряженіе) объ удаленіи г. Сумарокова отъ должности. Этого мало: вслѣдъ затѣмъ г. Сумароковъ получилъ предписаніе немедленно выѣхать изъ края; сроку давалось ему только семь дней, и еслибъ онъ не успѣлъ въ теченіе этого времени собраться, то его вывезли бы насильно съ жандармами. Каковы же должны быть дѣйствія человѣка, котораго самое пребываніе въ краѣ считается столь зловреднымъ и опаснымъ, которому, даже въ качествѣ частнаго лица, не дозволено ни минуты оставаться ни въ одной изъ шести обширныхъ губерній! Каковъ злоумышленникъ долженъ быть этотъ мировой посредникъ, чье пребываніе ни минуты нетерпимо даже здѣсь, на этой классической почвѣ всякихъ злоумышленій!

„Пусть читатели представятъ себѣ мое „положеніе,“ пишетъ г. Сумароковъ, „ког„да минскій губернаторъ отъ 30-го марта „далъ мнѣ знать, что телеграммой отъ „29-го марта, новый главный начальникъ „края уволилъ меня вовсе отъ должно„сти, и обязываетъ подпиской о немед„ленномъ выѣздѣ изъ края, и наконецъ „когда предъявили мнѣ предписаніе отъ „10-го апрѣля, что если я не выѣду въ „теченіе семи дней съ полученія его, то „буду отправленъ изъ сѣверо-западнаго „края подъ стражей. Я былъ боленъ, не „имѣлъ средствъ такъ быстро подняться, „не получивъ при опредѣленіи ни подъем„ныхъ, ни прогонныхъ денегъ и еслибы „не обязательность добрыхъ Русскихъ, не „желавшихъ дать меня въ посмѣшище По„лякамъ, то вѣроятно угроза была бы „исполнена... Причинъ къ такому обра„щенію съ лицомъ не запятнавшимъ себя „своею службой мнѣ не объявили... Уво„ленный отъ службы безъ прошенія, я „лишенъ возможности представить что„либо въ свое оправданіе, если я въ чемъ „заподозрѣнъ, и безъ суда потерялъ пра„во свободно жить, гдѣ пожелаю, и прі„обрѣсти какъ Русскій собственность въ „сѣверо-западномъ краѣ.“

Г. Сумароковъ недоумѣваетъ, что могло быть причиной неожиданно постигшей его

катастрофы. Въ Новогрудскомъ уѣздѣ онъ состоялъ на службѣ три недѣли. Онъ перебираетъ и разсказываетъ всѣ свои дѣйствія въ это краткое время и догадывается, что единственнымъ предлогомъ къ его удаленію послужило то, что онъ возбудилъ въ мировомъ съѣздѣ вопросъ о неправильныхъ дѣйствіяхъ предсѣдателя съѣзда, г. Спичакова, корреспондента газеты *Вѣсть*, который, какъ свидѣтельствуетъ г. Сумароковъ, задерживалъ не только жалобы, поступавшія въ съѣздъ, но и постановленія самаго съѣзда и запустилъ дѣла, безпрерывно уѣзжая въ Вильну и Петербургъ Догадка эта подтверждается тѣмъ, что и другому мировому посреднику, предсѣдавшему въ томъ самомъ съѣздѣ, когда было сдѣлано единогласное постановленіе представить на усмотрѣніе губернатора непорядки допущенные г. Спичаковымъ, предложено было подать прошеніе объ увольненіи, а одному ѣздному чиновнику, осуждавшему на сторонѣ дѣйствія того же г. Спичакова, велѣно пригрозить отставкой. Итакъ, если догадка г. Сумарокова не лишена основанія, то на судьбу его имѣла вліяніе газета *Вѣсть*, служащая, какъ доказано, органомъ польскихъ помѣщиковъ западнаго края и издаваемая при денежномъ отъ нихъ пособіи. Но если г. Сумароковъ былъ уволенъ за несогласіе съ г. Спичаковымъ, то, спрашивается, за что онъ былъ вышвырнутъ изъ края?

Нынѣшняя виленская администрація не любитъ гласности. Мы слышали, что она желаетъ затруднить редакціямъ газетъ полученіе корреспонденцій изъ Вильны, и вмѣняетъ своимъ чиновникамъ въ преступленіе всякую строку посланную изъ края; но, повидимому, исключеніе дѣлается для *Вѣсти* и *Новаго Времени*, и г. Спичаковъ, дѣятельно служившій газетѣ *Вѣсть* нареканіями на администрацію, къ которой онъ принадлежалъ, ни выславъ изъ края, ни смѣщенъ съ своей должности.

Весьма понятно, что, по поводу разсказа капитана Сумарокова, газета *Вѣсть* съ великимъ азартомъ набросилась на него, обвиняя его въ самохвальствѣ (за то что онъ, подвергшись незаслуженнымъ оскорбленіямъ, захотѣлъ возстановить свое доброе имя) и клеймя его прозваніемъ краснаго....

Мы давно уже знаемъ, что вѣрныхъ своему долгу чиновниковъ, служащихъ въ западномъ краѣ и въ Царствѣ Польскомъ, враждебная Россіи партія прокричала коммунистами и революціонерами. Еще въ началѣ 1866 года мы сами слышали отъ нѣкорыхъ пановъ изъ западнаго края, наѣзжавшихъ тогда въ Москву, тѣ самые отзывы о русскихъ чиновникахъ, которые потомъ печались въ *Вѣсти* и на основаніи которыхъ теперь изгоняютъ ихъ изъ края. Интригѣ удалось то, что года за три предъ симъ казалось совершенно несбыточнымъ. Такъ повернулись дѣла, что вчерашніе мятежники, заговорщики и измѣнники государству являются представителями консервативныхъ началъ, а люди, которые тушили мятежъ, боролись съ измѣной, разрушали заговоръ и спасали государство, вышли революціонерами и коммунистами. Ловче сыграть невозможно... Но будемъ ли удивляться успѣху вражеской интриги, зная въ какіе союзы она вступала и къ какимъ махинаціямъ прибѣгала, начиная съ этого мрачной памяти 1866 года?...

Спасибо тѣмъ русскимъ людямъ, которые ссудили г. Сумарокову нѣсколько денегъ, чтобъ онъ могъ выѣхать изъ края безъ жандармовъ и не сталъ, какъ онъ говоритъ, посмѣшищемъ для Поляковъ. Но для посмѣшища осталось все-таки довольно...

Обращаемся къ *Вѣсти*. Спрашивается: на какомъ основаніи эта почтенная газета обвиняетъ г. Сумарокова въ коммунизмѣ? Изъ разказа г. Сумарокова явствуетъ, что еще въ 1864 году, состоя на службѣ въ Ковенской губерніи, онъ принялъ къ сердцу положеніе батраковъ, которыми эта губернія преисполнена; онъ подалъ сначала ковенскому губернатору, потомъ въ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе мнѣніе о томъ, что было бы полезно обезпечить батраковъ какимъ-либо поземельнымъ надѣломъ. Въ своемъ объясненіи онъ отчетливо излагаетъ свои доводы, которые совершенно соотвѣтствуютъ видамъ правительства какъ при разрѣшеніи крестьянскаго вопроса вообще въ Россіи, такъ особенно въ этой части ея, и именно въ Ковенской губерніи, гдѣ крестьянское населеніе систематически обезземеливалось, и которая есть одинъ изъ самыхъ опасныхъ пунктовъ русской территоріи. Г. Сумароковъ говоритъ:

„Ко мнѣ множество поступало жалобъ отъ батраковъ и кутниковъ на притѣсне-

нія и обременительность раскладки подушной подати со стороны домохозяевъ. Оказалось, что подушныя раскладываются во всѣхъ волостяхъ однообразно по числу ревизскихъ душъ въ семействѣ каждаго крестьянина, такъ что домохозяинъ, владѣющій участкомъ, если по ревизіи у него записано двѣ души въ семьѣ, вносить и подушныя за двѣ души, а батракъ, въ семьѣ коего значится семь ревизскихъ душъ, можетъ-быть и малолѣтнихъ дѣтей, хотя бездомный и безземельный, платитъ по одинаковой раскладкѣ подушныхъ за семь душъ. Разница заключалась въ томъ, что нѣсколько болѣе накладывали подушныхъ на батраковъ нанимающихся внѣ предѣловъ общества, и уменьшали ихъ съ работниковъ остающихся у домохозяевъ своего общества. Раскладка казенныхъ податей подлежитъ вѣдѣнію сельскаго схода, но этотъ сходъ состоитъ изъ домохозяевъ, кутники же и батраки имѣютъ своихъ представителей только на волостномъ сходѣ; принявъ во вниманіе, что по 78 ст. Общаго Положенія въ число дѣлъ подлежащихъ волостному сходу не включены дѣла о неправильной раскладкѣ казенныхъ податей, слѣдовательно и подушной подати, я затруднился дать своею властью законный ходъ домогательству батраковъ, который могъ бы повести къ спаведливой раскладкѣ подушныхъ, какъ она ведется въ великороссійскихъ губерніяхъ, гдѣ, распредѣляясь по числу тяголъ, владѣющихъ землей, изъ подушной фактически становится поземельною. Сочувствія къ такому способу раскладки я не встрѣтилъ въ домохозяевахъ, отговорившихся значительнымъ числомъ батраковъ, и когда предложенія мои не привели къ желаемому результату, то не считая себя уполномоченнымъ разрѣшить встрѣченное затрудненіе и сознавая обязанность обратить вниманіе властей на безвыходное положеніе кутниковъ и батраковъ я въ бытность въ Ковнѣ, въ октябрѣ 1864 г., заявилъ ковенскому губернатору о состояніи этого класса сельскаго населенія, весьма многочисленнаго въ Ковенской губерніи, и о важности нѣкоторыхъ мѣръ какъ съ экономической, такъ и съ политической точки зрѣнія. Не встрѣтивъ сочувствія и разойдясь во взглядахъ, я повелъ это дѣло чрезъ Ковенское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе и сообщилъ въ оное затруднившія меня обстоятельства при раскладкѣ подушныхъ. Не находя прямыхъ указаній въ Положеніяхъ какъ рѣшить такія дѣла, которыя, по мнѣнію моему, не были предусмотрѣны, я считалъ долгомъ доводить о нихъ до свѣдѣнія высшей инстанціи."

Читатели видятъ изъ этихъ умныхъ и здравомысленныхъ строкъ, что рѣчь шла даже не столько о поземельномъ надѣлѣ, сколько о болѣе справедливомъ и уравнительномъ распредѣленіи подушныхъ. Но во всякомъ случаѣ, какъ осмѣлиться послѣ 19-го февраля 1861 и 19-го февраля 1864 обвинять въ преступномъ коммунизмѣ предположенія такого рода, хотябъ они оказались не совсѣмъ практическими или не совсѣмъ умѣстными?

Мнѣніе, поданное г. Сумароковымъ объ устройствѣ батраковъ, не было принято ближайшими властями. Замѣчаніе о неумѣстности его проекта было сдѣлано генераломъ Потаповымъ, который состоялъ тогда помощникомъ главнаго начальника края. Но когда чрезъ нѣсколько времени г. Сумароковъ, по разстроенному здоровью, пожелалъ перейдти на службу въ болѣе теплый климатъ, генералъ Потаповъ „обязательно содѣйствовалъ" его переходу въ Волынскую губернію. Не явное ли доказательство, что начальство, сдѣлавшее ему замѣчаніе за неумѣстность его проекта, отнюдь однако не считало его человѣкомъ неблагонадежнымъ? Какъ допустить, чтобъ упомянутое правительственное лицо способствовало г-ну Сумарокову получить мѣсто, еслибъ оно изъ поданнаго имъ мнѣнія объ обезпеченіи ковенскихъ батраковъ усматривало въ немъ человѣка неблагонадежнаго? А что мнѣніе, поданное г. Сумароковымъ о батракахъ Ковенской губерніи не было неумѣстно, доказательствомъ тому служитъ то, что графъ Муравьевъ вскорѣ послѣ того счелъ нужнымъ составить особую коммиссію для разъясненія этого вопроса и облегченія участи ковенскихъ батраковъ...

Коммиссія эта впрочемъ не пришла ни къ какому результату; но нынѣ обнаруживается какъ основательны и умѣстны были заботы людей принимавшихъ къ сердцу вопросъ объ участи батраковъ столь многочисленныхъ въ Ковенской губерніи. Батраки ищутъ себѣ обезпеченія въ выселеніи, и обнадеженные плохо понятымъ циркуляромъ министерства внутреннихъ дѣлъ о порядкѣ переселенія въ Самарскую

и Оренбургскую губерніи, бросаютъ жилища, распродаютъ имущества и толпами двигаются въ обѣтованную землю; но изъ этого выходитъ только отягченіе участи искателей лучшаго: начальство возвращаетъ ихъ на прежнія мѣста жительства. Итакъ, забота объ устройствѣ батраковъ была вызвана не бреднями соціализма и имѣла не анархическую, а весьма консервативную цѣль—огражденіе ихъ отъ эксплуатаціи, и не только экономической, но и политической, ибо на этой почвѣ масса пролетаріевъ представляетъ матеріалъ самый пригодный для злоумышленниковъ, и извѣстно, что нигдѣ въ западномъ краѣ мятежъ не держался такъ долго и упорно какъ въ Ковенской губерніи.

Поводомъ къ движенію между батраками, конечно, былъ прошлогодній скудный урожай. По свѣдѣніямъ, которыя мы имѣемъ, въ Ковенской губерніи урожай былъ не очень дуренъ, но цѣны по случаю требованія хлѣба въ Пруссію и близости доставки сильно поднялись; крестьяне-хозяева находили весьма выгоднымъ оставить у себя только имъ самимъ необходимо-нужный на продовольствіе хлѣбъ, а излишекъ продать по высокимъ цѣнамъ; батраковъ же разчитали совсѣмъ. То же сдѣлали и помѣщики и предоставили батракамъ кормиться гдѣ и какъ они пожелаютъ; оттого они и ходили толпами просить милостыню. Были ли приняты особыя мѣры для пособленія именно батракамъ и ихъ семействамъ изъ запасныхъ магазиновъ и изъ пожертвованныхъ суммъ, намъ неизвѣстно; но безъ особаго вниманія ближайшаго начальства, легко могло случиться, что и пособія пошли хозяевамъ, изъ коихъ выбираются должностныя лица и которые преобладаютъ на сходкахъ. Что-то будетъ съ ковенскими батраками въ нынѣшнемъ году при совершенномъ неурожаѣ? Какъ-то заплатятъ они подушную подать?

Пусть мнѣніе г. Сумарокова было неумѣстно и неосновательно. Онъ не обязывался имѣть обо всемъ самыя вѣрныя и основательныя мнѣнія; онъ присягалъ только на вѣрность Государю и государству,—а можно ли въ его мнѣніи найдти что-нибудь не согласное съ долгомъ вѣрноподданнаго?

Мы не беремъ на себя рѣшать въ какой мѣрѣ слѣдуетъ или не слѣдуетъ увольнять отъ должности опытныхъ, добросовѣстныхъ, надежныхъ и ненадежныхъ русскихъ дѣятелей, въ какихъ нуждается правительство вездѣ, а особенно въ западномъ краѣ. Вопросъ теперь не въ этомъ; весь интересъ дѣла заключается единственно въ томъ, требуется ли, изъ края полнаго элементовъ мятежа и измѣны, высылать съ жандармами людей, опасныхъ только для этихъ элементовъ и повинныхъ только въ преданности государственнымъ пользамъ Россіи и въ несогласіи съ такими органами какъ *Вѣсть?*

Если дать вѣру свѣдѣніямъ, которыя мы имѣемъ (а мы имѣемъ ихъ изъ источниковъ совершенно достовѣрныхъ), то въ Вильнѣ теперь поговариваютъ о томъ чтобы снять военное положеніе для Поляковъ, а установить его для русскихъ чиновниковъ, яко коммунистовъ и соціалистовъ... Вотъ какъ перевернулись дѣла—на глазахъ у всѣхъ!...

№ 200.

Москва, 16-го сентября.

А.

Какъ и слѣдовало ожидать, выводы сдѣланные нами (№ 164) изъ данныхъ собранныхъ при послѣдней ревизіи генералъ-губернатора юго-западныхъ губерній объ экономическомъ положеніи края,—выводы показывающіе, что и крестьянское хозяйство и помѣщичье не только не разорены, но находятся въ условіяхъ весьма благопріятныхъ, не понравились газетѣ *Вѣсть*. Она старается бросить тѣнь на достовѣрность свѣдѣній, и ей кажется страннымъ легковѣріемъ полагаться на данныя, которыя были приготовлены въ возможной полнотѣ на мѣстахъ по случаю объѣзда губерній съ опредѣленною, заранѣе всѣмъ извѣстною цѣлью. Если она и допускаетъ нѣкоторое развитіе хозяйства, то приписываетъ его исключительно благопріятнымъ условіямъ почвы, климата, положенія и прежнему накопленію капиталовъ. Впрочемъ, она теперь мѣняетъ тактику: дѣло-де совсѣмъ не въ томъ, чтобы доказать, что край не разоренъ дѣйствіями повѣрочныхъ коммиссій и мировыхъ посредниковъ, какъ она доселѣ утверждала. Пусть край не разоренъ, все въ немъ обстоитъ благополучно;—администрація края все-таки находится подъ обвиненіемъ, и

для ея защиты, которую будто бы мы на себя приняли, надобно убѣдить газету *Вѣсть*, что крестьянское дѣло не велось тамъ неправильно и что жалобы на разныя беззаконія, которыми чиновники якобы ознаменовали себя, не основательны. *Вѣсть* выставляетъ цѣлый рядъ вопросовъ, и требуетъ чтобъ обвиняемые явились къ ея суду съ отвѣтами.

Въ вопросахъ этихъ перемѣшаны разные предметы, но во всемъ видно желаніе задѣть какъ исполнителей, такъ и правительственныя распоряженія по крестьянскому дѣлу. Пока *Вѣсть* будетъ дожидаться отвѣтовъ на свои вопросы, мы совѣтуемъ ей заняться изученіемъ замѣчательнаго труда гг. Воейкова и Загоскина: *Кіевская губернія*, изданнаго въ 1867 г. Здѣсь она найдетъ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ Кіевской губерніи, интересующія ее данныя о сравнительномъ количествѣ земель, утвержденныхъ за крестьянами, о размѣрѣ выкупныхъ платежей сравнительно съ продажными и наемными цѣнами и т. п.

Но какія бы ни задавали себѣ задачи вдохновители *Вѣсти*, наша задача была ясно указана въ статьѣ, возбудившей ея негодованіе. Въ виду агитаціи поднятой ею и другимъ польскимъ органомъ противъ правительственной системы въ юго-западномъ, а прежде и въ сѣверо-западномъ краѣ, — агитаціи, подкрѣпляемой разглагольствіями о разореніи края выкупомъ крестьянской земли по новѣркѣ надѣла и повинностей, мы обратили безпристрастное вниманіе публики на факты, разительно доказывающіе неправду этихъ приговоровъ Если мы взяли эти факты изъ юго-западнаго края, то только потому, что тамошняя администрація довела ихъ до свѣдѣнія публики. Было бы пріятно, еслибъ и сѣверо-западный край приподнялъ туманную завѣсу, его скрывающую, и подѣлился бы съ публикой собранными по тому же предмету фактами. Мы высказали это желаніе, которое вѣроятно всѣ раздѣляютъ, и продолжаемъ думать, что для чистыхъ интересовъ государства въ западномъ краѣ нѣтъ никакой надобности въ таинственности.

Но брать на себя защиту той или другой части управленія было бы съ нашей стороны слишкомъ самонадѣянно при скудости вообще свѣдѣній, доступныхъ публикѣ; мы можемъ высказывать наше мнѣніе только по обнародованнымъ распоряженіямъ и обнаруженнымъ результатамъ, которые обыкновенно далеко не обнимаютъ всей сферы администраціи.

Что касается основательности разныхъ жалобъ, то каждая изъ нихъ можетъ быть разъяснена только всѣми относящимися къ ней обстоятельствами, а полемика объ основательности вообще жалобъ, которыя можетъ-быть нигдѣ не уважены, по меньшей мѣрѣ безплодна. Мы знаемъ только то, что неоднократно обнародовывались документальныя разъясненія недобросовѣстности жалобъ нѣкоторыхъ лицъ, которымъ *Вѣсть* давала пріютъ на своихъ страницахъ. Не отрицаемъ, что бываютъ на свѣтѣ и справедливыя жалобы, по которымъ должно дѣлаться законное удовлетвореніе; но для исправленія частныхъ случаевъ не было бы надобности въ систематической агитаціи, имѣющей явно своею цѣлію остановить и обратить вспять все выкупное дѣло въ западныхъ губерніяхъ.

Въ послѣднихъ №№ *Вѣсти* появились статьи двухъ помѣщиковъ, которые разказываютъ какъ у нихъ и крестьянское хозяйство не подвигается и ихъ собственное разстроилось; мы не имѣемъ повода выражать сомнѣніе относительно частныхъ случаевъ, которые они сообщаютъ, хотя можемъ не соглашаться съ ихъ мнѣніемъ о причинахъ застоя, на который они сѣтуютъ. Припомнимъ читателямъ, что есть заявленія землевладѣльцевъ, представляющія дѣло въ другомъ свѣтѣ; одно изъ нихъ было напечатано въ № 189 нашей газеты и въ виду другихъ, офиціально удостовѣренныхъ данныхъ, мы не можемъ не склониться къ тому мнѣнію, что оно вѣрнѣе изображаетъ общее положеніе дѣлъ въ краѣ.

Но *Вѣсть* не хочетъ допускать достовѣрность офиціальныхъ данныхъ, потому-де что онѣ были приготовлены для ознакомленія генералъ-губернатора съ экономическимъ положеніемъ края и что задача ревизіи была заранѣе извѣстна.

Не останавливаемся на оскорбительности подобныхъ вовсе не двусмысленныхъ намековъ для всего состава русской администраціи въ краѣ; отъ *Вѣсти* нельзя, впрочемъ, и ожидать другаго. Но обращаясь къ самому способу осмотра края, принятому генералъ-адъютантомъ Безакомъ при періодическихъ его объѣздахъ, мы, насколько намъ извѣстенъ изъ *Кіевлянина* (№ 56)

соблюдаемый притомъ порядокъ, не можемъ не признать этого способа и весьма разумнымъ, и полезнымъ. Высшая администрація не можетъ все дѣлать сама; но она должна знать какъ все дѣлается, и кѣмъ дѣлается, и уже тогда распоряжаться гдѣ нужно для исполненія правительственныхъ задачъ. Главная обязанность ея, кромѣ указанныхъ въ законѣ, есть выборъ лицъ, умѣнье направлять способности каждаго наилучшимъ образомъ и одушевленіе всѣхъ любовью къ дѣлу, порученному ихъ способностямъ и добросовѣстности. Кажется, печальное прошлое достаточно доказало, что пора перестать смотрѣть на подчиненныхъ какъ на исполнительныя машины; при такомъ взглядѣ вся служба превращается въ безплодный формализмъ, и сущность дѣла ускользаетъ отъ взгляда администраціи. Дабы здраво судить о результатахъ извѣстныхъ мѣръ, о степени достиженія предположенной цѣли и необходимости дальнѣйшаго развитія,— нужно знать какъ принятыя мѣры дѣйствуютъ на практикѣ, въ соприкосновеніи съ живыми интересами общества. Самыя вѣрныя данныя о томъ, что принятыя мѣры обнимаютъ всю область, на которую предназначены дѣйствовать, могутъ доставить, конечно, только тѣ исполнители, которымъ приходится ежедневно примѣнять ихъ и знакомиться съ ихъ послѣдствіями на самомъ дѣлѣ. Отсюда видна тѣсная связь, которая должна соединять всѣхъ служащихъ одному дѣлу. Не потому ли у насъ такъ много законовъ остается втунѣ, что власти мало заботятся ознакомиться по ближайшимъ даннымъ со способомъ примѣненія ихъ? Не оттого ли такъ много мѣръ оказываются безплодными, что онѣ бьютъ по воздуху, а сущности дѣла и не касаются? Въ этомъ отношеніи ревизіи могли бы приносить большую пользу. Но единовременная ревизія всего административнаго строя даетъ обыкновенно поверхностные результаты, развлекая вниманіе даже самаго способнаго администратора и не позволяя ему достаточно сосредоточиться, особенно при неизбѣжной спѣшности ревизіи; съ другой стороны, и отъ подчиненныхъ лицъ нельзя требовать той отчетливости, которая для пользы дѣла должна выставить въ полномъ свѣтѣ цѣлый рядъ предметовъ. Поэтому нельзя не отдать справедливости способу принятому генералъ-адъютантомъ Безакомъ, при ревизіи, которую онъ каждый разъ сосредоточиваетъ лишь на извѣстныхъ частяхъ ввѣреннаго ему управленія. Этотъ пріемъ облегчаетъ сравненіе добытыхъ результатовъ и уясняетъ необходимость того или другаго направленія въ ходѣ дѣлъ. Чтобъ обозрѣніе было полно и всѣ данныя собраны, необходимо, чтобъ извѣстно было о задачѣ ревизіи. Еслибы рѣчь шла о ревизіи съ предвзятою цѣлью все разгромить для уничтоженія открывающихся злоупотребленій, то может-быть и сподручнѣе было бы стараться застать исполнителей врасплохъ; но это не всегда удается, и мы полагаемъ, что для этого нѣтъ надобности въ такомъ сложномъ средствѣ, какъ генералъ-губернаторская ревизія. Полагаемъ, что въ четырехъ-лѣтнее управленіе высшая администрація юго-западнаго края успѣла настолько узнать и оцѣнить исполнителей, что она сумѣетъ остановить и покарать злоупотребленія вовремя, не дѣлая набѣговъ на чиновниковъ. Можно разумно полагаться на добросовѣстность лицъ, которыя успѣли доказать ее, и дать имъ и время и возможность приготовить всѣ необходимыя данныя чтобъ ознакомить высшее административное лицо съ положеніемъ дѣлъ на мѣстахъ. Но, скажетъ съ ироническою усмѣшкой *Вѣсть*, которая повидимому держится теоріи устрашенія въ отношеніяхъ начальства съ подчиненными, гдѣ же ручательство въ этой добросовѣстности? Намъ не приходилось администрировать, но житейскій опытъ учитъ, что à la longue самый благотворный по своимъ послѣдствіямъ образъ дѣйствій съ людьми есть нравственное возвышеніе ихъ. Мы полагаемъ, что уваженіе къ личности чиновника и предоставленіе ему въ разумныхъ границахъ самостоятельности должны облагороживать и оживлять службу и служащихъ, особенно если къ этому присоединяется умѣнье пріохочивать къ дѣлу. Наконецъ занятія общимъ дѣломъ всего легче приводятъ къ самостоятельной оцѣнкѣ лицъ, столь необходимой для администратора. Всѣ эти условія успѣха плодотворности администраціи, необходимыя по нашему мнѣнію вездѣ, пріобрѣтаютъ особенное значеніе въ западныхъ окраинахъ, гдѣ такъ усложнилась задача правительства; тамъ, какъ показалъ опытъ, безучастными орудіями ничего не сдѣлаешь, и самонадѣянно обманываются тѣ, если только они дѣйствительно заботятся

о ввѣренномъ имъ дѣлѣ, которые думаютъ вести его при мертвомъ молчаніи, съ помощью безотвѣтныхъ машинъ.

Б.

Мы не сомнѣвались, что изданіе г. Самарина, о которомъ не разъ была рѣчь въ нашей газетѣ, должно возбудить цѣлый рядъ обвиненій противъ „ce soi-disant parti russe, qui n'est au fond que la révolution déguisée“, со стороны тѣхъ что̀ возбуждая всѣми средствами ненависть и презрѣніе къ Россіи, отвергая всѐ безъ исключенія благія реформы ея Преобразователя, тѣмъ не менѣе выставляютъ себя вѣрнѣйшею опорой Его Престола. Въ самомъ дѣлѣ, было бы странно, еслибы по поводу книги г. Самарина заинтересованная *интеллигенція* не признала нужнымъ послѣдовать своей обычной столь солидно обдуманной системѣ политическихъ навѣтовъ не только противъ лицъ, но и противъ цѣлаго общества, противъ всей Россіи, якобы съ цѣлью предохранить Монарха отъ опасностей, угрожающихъ ему со стороны „стрѣльцовъ“, что̀ „роются теперь подъ землею и подползываютъ во мракѣ, съ намѣреніемъ, выждавъ благопріятную минуту, выскочить изъ засады и исторгнуть изъ рукъ *законнаго Государя* бразды правленія“, а также съ цѣлью „пріобрѣсти въ общественномъ мнѣніи Европы союзника Монарху, желающему добра, для подкрѣпленія его въ трудной, утомительной борьбѣ Его съ темными силами, мѣшающими осуществленію его желаній...“

Быть-можетъ читатели почувствуютъ нѣкоторое удивленіе, узнавъ, что̀ столь заботливымъ стражемъ правъ „законнаго Монарха“ является не иной кто, какъ достославный г. фонъ-Бокъ, бывшій вице-президентъ лифляндскаго гофгерихта, эмигрировавшій изъ Россіи дабы издавать въ Берлинѣ извѣстные читателямъ *Лифляндскіе Вклады* (*Livl. Beitr.* B. I. Lief. II, S. 29, 31, 33, 34), но оставшійся вѣрнымъ хитрому политическому жаргону своей родины, хотя цѣль его изданія состоитъ „какъ въ возбужденіи мужественной стойкости Нѣмцевъ Русскаго балтійскаго поморья въ борьбѣ ихъ *противъ заклятаго и исконнаго врага*, Москвитянина, такъ и въ призваніи разумнаго, неуклоннаго содѣйствія имъ *всего нѣмецкаго народа*“.

Сегодня получена нами брошюрка, писанная по французски и изданная въ Баденѣ подъ заглавіемъ: „*Письмо къ г. Самарину по поводу его брошюръ Окраины Россіи*“. Отличительная черта этой микроскопической книжонки есть совершенное согласіе съ приведенною выше системой, столь поучительно развитою г. фонъ-Бокомъ. Г. Самаринъ является здѣсь демагогомъ, карбонаріемъ, однимъ изъ мятежныхъ „стрѣльцовъ“ какихъ живописуетъ г. фонъ-Бокъ, совѣтуя правительству Россій искать противъ нихъ „союзника въ общественномъ мнѣніи Европы“. Дабы выставить въ этомъ свѣтѣ лицо, котораго образъ мыслей хорошо извѣстенъ и правительству и публикѣ, всѐ средства должны были показаться честными рыцарю (а можетъ-быть и амазонкѣ), поспѣшно сочинившему помянутую книжонку. Раскрывъ ее, мы встрѣтили на 11 страницѣ слѣдующія слова, обращенныя къ г. Самарину: „Вы говорите о русской идеѣ и о необходимости *поставить на ноги* (mettre sur pied) народныя массы....“ А затѣмъ, на 14 страницѣ, авторъ, нуждаясь въ благовидномъ предлогѣ, чтобъ объяснить „ужасъ“ якобы внушенный ему мнѣніями г. Самарина, нисколько не стѣсняясь превращаетъ выраженія „*поставить на ноги* массы“, въ выраженіе „*поднять* массы“ (вмѣсто: *mettre sur pied* les masses“, „*soulever* les masses“), что̀ и служитъ ему затѣмъ основаніемъ цѣлой филиппики противъ якобы революціонныхъ стремленій г. Самарина, открывающихъ „широкое поле для игры дурныхъ страстей (au jeu des mauvaises passions)“, филиппикѣ, завершающейся на 24 страницѣ возмутительнымъ намекомъ, гнусною клеветой, передачею которой мы не позволимъ себѣ оскорбить чувство нашихъ читателей...

Что̀ же подало поводъ къ столь ужасающимъ выводамъ изъ книги г. Самарина? Г. Самаринъ сѣтуетъ на изъятіе русскихъ подданныхъ балтійскаго края изъ общихъ законодательныхъ преобразованій, которыми Освободитель Русскаго народа оградилъ права и интересы массъ отъ произвола личнаго или сословнаго. Желанія г. Самарина, якобы открывающія „широкое поле для игры дурныхъ страстей“, ограничиваются распространеніемъ на балтійское побережье Россіи благодѣяній Положенія 19-го февраля. Взывая къ національной политикѣ правительства, Россія,

говоритъ онъ, „развязанная у себя дома, „вѣрная своему историческому призванію, „непремѣнно понесетъ и туда *дѣйствитель-„ную* свободу *для всѣхъ, поставитъ на „ноги народныя массы*, подниметъ ихъ „духъ, — а на всѣхъ нашихъ окраинахъ „народныя массы все еще за насъ.“ Пусть же теперь судятъ какую надобно имѣть безсовѣстность, чтобъ изъ этихъ словъ извлечь смыслъ, какой предложенъ въ книжкѣ неизвѣстнаго автора изъ балтійскихъ уроженцевъ! Весь фокусъ исполненъ черезъ простое превращеніе словъ „поставить на ноги массы“ въ выраженіе „поднять массы“, т.-е. возбудить ихъ къ возстанію (soulever). Ничего проще придумать нельзя; благо, говорятъ, бумага не краснѣетъ. Но какъ назвать подобное искаженіе и смысла, и самой буквы приводимыхъ выраженій, съ цѣлью вывести изъ нихъ возмутительную клевету?

№ 201.

Москва, 17-го сентября.

Крестьянская реформа въ губерніяхъ Царства Польскаго приходитъ къ концу; вотчинныя отношенія селеній и городовъ къ ихъ бывшимъ владѣльцамъ всюду упразднены, и ликвидаціонные разсчеты со всѣми помѣщиками должны окончательно состояться въ теченіе этого года. Затѣмъ, должно послѣдовать и упраздненіе мѣстныхъ крестьянскихъ коммиссій, спеціально призванныхъ къ осуществленію крестьянской реформы. Но законодательство 19-го февраля 1864 года заранѣе озаботилось установить тѣ обезпеченія, которыя предстоитъ еще создать правительству для того чтобъ охранить и упрочить дѣло великой реформы. Статья 10 указа „о приведеніи „въ дѣйствіе новыхъ о крестьянахъ поло-„женій“ прямо говоритъ, что „по оконча-„тельномъ исполненіи коммиссіями главной „обязанности, для которой онѣ призваны, „а именно по введеніи въ дѣйствіе ликви-„даціонныхъ табелей, *будетъ издано особое „законоположеніе объ учрежденіи постоян-„ныхъ должностей для завѣдыванія дѣла-„ми крестьянскаго общественнаго управ-„ленія.*“

Итакъ въ недалекомъ будущемъ предстоитъ въ губерніяхъ Царства Польскаго закрытіе однихъ и созданіе другихъ учрежденій по дѣлу столь важному какъ крестьянское. Закрываемыя учрежденія дѣйствовали хорошо, достигли своей цѣли успѣшно и быстро. Какова будетъ дѣятельность новыхъ „постоянныхъ“ учрежденій, этого никто знать не можетъ, хотя есть полная возможность ожидать всего лучшаго, въ виду большей опытности и того довѣрія которое естественно внушается успѣшнымъ совершеніемъ многотрудной крестьянской реформы. Замѣна хорошаго настоящаго безвѣстнымъ будущимъ представитъ тѣмъ менѣе опасности, чѣмъ тѣснѣе примкнетъ новый „постоянный“ порядокъ къ упраздняемому временному. Всѣ согласны, что кресьянская реформа послужила и тамъ на Вислѣ, какъ у насъ въ губерніяхъ внутреннихъ *основаніемъ* для всѣхъ остальныхъ, которыя были предприняты въ послѣдствіи и отчасти уже совершились. Это *основаніе* должно оставаться неприкосновеннымъ и быть твердо охраняемо, если мы не хотимъ колебать то, что сами же устроили, рѣшившись на эту громадную работу въ тѣ дни, когда великія бѣдствія угрожали нашему отечеству.

Работа эта дѣйствительно была громадна, и теперь, когда она кончена или почти кончена, будетъ своевременно обозрѣть ее общимъ взглядомъ.

Сельскій людъ нигдѣ такъ не бѣдствовалъ въ цѣлой Европѣ, какъ въ земляхъ бывшей Польши. Рабство въ его самыхъ безчеловѣчныхъ формахъ оставалось всегда удѣломъ народа въ чудовищной организаціи польскаго шляхетскаго государства. Такъ было во время Рѣчи Посполитой; такъ было и послѣ со временъ Наполеона I, когда народъ былъ объявленъ на бумагѣ свободнымъ. Послѣ Вѣнскаго конгресса эта шляхетская институція, съ ея притязаніями на государство, нашла себѣ опору, независимо отъ устроеннаго нами же Царства Польскаго, въ томъ безусловномъ подчиненіи, въ какое ей былъ отданъ народъ русскимъ правительствомъ. Крестьянская реформа не только должна была освободить народъ, но еще упразднить шляхту, какъ вредоносное начало въ нѣдрахъ государственной и народной жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ ввести народъ въ общій съ нами и нормальный строй гражданской жизни. Такого широкаго политическаго значенія не имѣла и не могла имѣть крестьянская реформа ни въ остальныхъ частяхъ Россіи, ни въ другихъ го-

сударствахъ Европы. Это былъ не просто прогрессъ, болѣе или менѣе подготовленный предыдущею исторіей; это было упраздненіе предыдущей польской исторіи,—переводъ населеній изъ польской исторіи въ русскую. Само собой разумѣется, что исполнителями подобной реформы не могли быть польскіе шляхтичи или зависящіе отъ нихъ чиновники; нужны были русскія и честныя руки. Такъ понимали дѣло съ перваго раза, но подъ вліяніемъ господствующаго мнѣнія, что у насъ ни на что не может оказаться достаточнаго числа людей, предполагалось обратиться за помощью къ иностранцамъ, то-есть прусскимъ чиновникамъ, опытнымъ по части регулированія крестьянскихъ повинностей. Четыре года тому назадъ, это предположеніе казалось весьма практическимъ; теперь оно вспоминается съ улыбкой. Пользоваться опытными иностранцами вовсе не привелось. Несмотря на то что за два года предъ тѣмъ крестьянская реформа въ Имперіи потребовала весьма много силъ у русскаго общества, несмотря на то что послѣдовавшія за нею реформы сильно поддерживали спросъ на людей, несмотря наконецъ на то что въ девять губерній западнаго края разомъ понадобилась цѣлая масса русскихъ дѣятелей,—нашлись люди и для Царства Польскаго. Въ противность опасеніямъ, надо сознаться, весьма естественнымъ, за людьми дѣло не стало. Русское общество еще разъ оказалось сильнѣе чѣмъ о немъ думали. Оно снабдило государственную службу въ губерніяхъ Царства Польскаго людьми добросовѣстными, способными, патріотически настроенными. Они явились въ достаточномъ числѣ: не только учредительный комитетъ, завѣдывающій всѣми дѣлами по устройству крестьянъ, не только центральная и ликвидаціонная коммиссія, коимъ поручена ликвидаціонная операція; но, что важнѣе и труднѣе, всѣ мѣстныя по крестьянскимъ дѣламъ коммиссіи, число коихъ доходило въ горячее время (1866 г.) до 15, составлены изъ русскихъ людей. Предсѣдателей, товарищей предсѣдателя и коммиссаровъ было въ нихъ за это время 148 человѣкъ. И работы приходилось на каждаго изъ нихъ не мало! При самомъ началѣ работъ, коммиссіи по крестьянскимъ дѣламъ должны были приступить къ разбору 74.557 прошеній. Члены коммиссіи, люди новые въ краѣ, должны были изучить мѣстные обычаи, мѣстный народный говоръ и тяжелый языкъ польскихъ офиціальныхъ документовъ. Интеллигенція края встрѣтила ихъ враждебно. Каждый шагъ ихъ подвергался обжалованію. Но тѣмъ не менѣе работа спорилась въ ихъ рукахъ. Ими открыто до 1.200 случаевъ неправильнаго обмѣна земель и до 300.000 морговъ такъ-называемыхъ *пустокъ*, то-есть участковъ опустѣвшихъ за выходомъ крестьянъ изъ имѣній и неправильно присоединенныхъ къ землямъ фольварковымъ (помѣщичьимъ). Всего ко времени изданія указовъ 19-го февраля 1864 г. считалось въ частныхъ и институтскихъ (то-есть разнымъ юридическимъ лицамъ принадлежащихъ) имѣніяхъ крестьянской земли 3.718.769 морговъ, а какъ результатъ работы коммиссіи, общее количество крестьянской земли въ этихъ имѣніяхъ составляетъ нынѣ около 5½ миллоновъ морговъ, то-есть прибавилось крестьянской земли около 1¾ миллиона морговъ. Еще разительнѣе результатъ занятій коммиссій оказался на числѣ крестьянскихъ семействъ, или, какъ тамъ говорятъ, дымовъ. Въ 1864 году въ частныхъ и институтскихъ имѣніяхъ числилось 220 тысячъ дымовъ осѣдлыхъ крестьянъ; по окончаніи трудовъ коммиссій будетъ числиться—около 420 тысячъ, то-есть почти вдвое. Сервитутовъ предоставлено крестьянамъ коммиссіями все въ тѣхъ же частныхъ и институтскихъ имѣніяхъ: пастбищныхъ, особенно важныхъ для независимости крестьянъ отъ помѣщиковъ, приблизительно на 250 тысячъ дымовъ и лѣсныхъ приблизительно на 225 тысячъ дымовъ, при чемъ особеннаго вниманія заслуживаетъ что коммиссіи, присуждая крестьянамъ необходимые для ихъ хозяйства сервитуты, въ то же время содѣйствовали полюбовной замѣнѣ сервитутовъ участками лѣса или полевой земли и вообще разверстнѣ угодій: такихъ добровольныхъ сдѣлокъ было заключено между крестьянами и помѣщиками до 1-го января текущаго года не менѣе 4.224 и онѣ въ большей части касаются цѣлыхъ селеній. Самою главною работой по устройству крестьянъ помѣщичьихъ имѣній была повѣрка (а частію и составленіе вновь) и утвержденіе ликвидаціонныхъ табелей. Число табелей возрасло до 19.677. Въ настоящее время почти всѣ онѣ утверждены. Къ 1-му января текущаго года утверждено 15.841 и по нимъ присуждено помѣщикамъ воз-

награжденія слишкомъ 50 милліоновъ рублей ликвидаціонными листами. Все ликвидаціонное вознагражденіе должно составить болѣе 60 милліоновъ рублей. Ликвидаціонные листы появились на варшавской биржѣ въ началѣ декабря 1866 г. и до половины января 1866 года стояли на 80%; потомъ курсъ ихъ, подъ вліяніемъ сильныхъ продажъ, сталъ понижаться и въ 1867 г. дошелъ до самой низшей отмѣтки въ $54^3/_4$% (за четырехпроцентную бумагу), но съ тѣхъ поръ понемногу поправляется и уже поднялся за 60%.

Характеристическая черта польскаго государственнаго быта состоитъ въ томъ, что обезземеленіе крестьянъ производилось не только подъ вліяніемъ частнаго владѣльческаго интереса въ имѣніяхъ частныхъ, но такъ-сказать и просто по любви къ искусству — въ имѣніяхъ казенныхъ. „При открытіи дѣйствій коммиссіи," читаемъ мы въ одномъ офиціальномъ документѣ, „крестьяне казенныхъ очиншеванныхъ имѣній обращались къ нимъ съ жалобами на неправильное регулированіе земель при очиншеваніи. При ближайшемъ ознакомленіи съ этимъ дѣломъ оказалось, что въ нѣкоторыхъ изъ означенныхъ имѣній надѣлъ крестьянъ при очиншеваніи уменьшался и крестьяне часто лишались пастбищныхъ сервитутовъ безъ всякаго вознагражденія, съ небольшимъ лишь, сравнительно съ понесеннымъ ими ущербомъ, пониженіемъ повинностей. Въ другихъ имѣніяхъ, хотя при регулированіи и были увеличены крестьянскіе надѣлы, но увеличеніе это не вознаграждало крестьянъ за лишеніе пастбищъ, тѣмъ болѣе что отведенныя имъ добавочныя земли были нерѣдко значительно худшаго качества." Въ 1862 г. впускъ крестьянскаго скота въ казенные лѣса былъ разомъ запрещенъ во всемъ Царствѣ безъ всякаго вознагражденія, и лишь подъ русскимъ управленіемъ, въ 1865 и слѣдующихъ годахъ, была опять разрѣшена въ бывшей Августовской губерніи пастьба крестьянскаго скота въ казенныхъ лѣсахъ за установленную плату. При такой, какъ бы національной враждебности польской интеллигенціи къ крестьянству, понятно, что и устройство быта крестьянъ въ казенныхъ и майоратскихъ имѣніяхъ потребовало отъ коммиссій многихъ усилій. Наконецъ однимъ изъ важныхъ и трудныхъ предметовъ ихъ занятій были города, коихъ въ Царствѣ считается 451 и изъ нихъ 238 владѣльческихъ. Но кругъ дѣятельности коммиссій былъ такъ обширенъ, что такія крупныя задачи какъ освобожденіе городовъ кажутся въ немъ подробностями; при общемъ обзорѣ нельзя на нихъ останавливаться, и мы спѣшимъ къ крестьянскому самоуправленію.

Новое устройство волостей (гминъ) оказалось вообще соотвѣтствующимъ потребности. При наступленіи первыхъ гминныхъ выборовъ, на основаніи указа 19-го февраля 1864 г., возникали опасенія, что большинство избирателей принадлежащихъ къ крестьянамъ, отнесутся равнодушно къ дарованному имъ праву или подпадутъ подъ вліяніе непріязненныхъ правительству классовъ польскаго общества. Опасенія эти не оправдались Большинство избранныхъ войтовъ и лавниковъ принадлежали къ крестьянскому состоянію; но избраніе пало также частію на помѣщиковъ, частію на мелкую шляхту, а равно были выбраны и нѣкоторые изъ прежнихъ войтовъ. Весьма немного было выбрано людей неблагонадежныхъ; они не были утверждены въ должностяхъ. Общій результатъ выборовъ, если принять въ соображеніе, что они были первые въ Царствѣ Польскомъ, оказался благопріятнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Вторые гминные выборы, которые начались въ минувшемъ году, даютъ результаты еще болѣе благопріятные. Несмотря на все это, странно было бы ожидать, чтобы новое для простаго народа привислянскихъ губерній сельское самоуправленіе, съ первыхъ же шаговъ, пошло совершенно правильно, безъ всякихъ недостатковъ. Напротивъ, оно въ теченіе протекшихъ четырехъ лѣтъ со времени своего открытія требовало постояннаго надзора и руководства. Изъ отчетовъ коммиссаровъ, по произведеннымъ ими постепеннымъ ревизіямъ, обнаруживается, что мѣстами замѣчались упущенія, происходившія большею частію отъ непониманія закона и неопытности; злоупотребленій открывалось весьма мало.

Гминный судъ не есть учрежденіе новое: онъ существовалъ до указовъ 1864 года; разница между старыми и нынѣшними судами состоитъ въ томъ, что вмѣсто гминнаго судьи (онъ же былъ и войтомъ) помѣщика и состоявшихъ при немъ лавниковъ положено, что предсѣдатель суда (онъ же и войтъ) и лавники избираются

жителями гмины, имѣющими не менѣе 3 морговъ земли. Весьма интересно, что при введеніи этого народнаго суда тотчасъ же обнаружилось, что по наслѣдствамъ и раздѣламъ крестьянскихъ имуществъ жизнь находится въ противорѣчіи съ закономъ. Въ жизни крестьянскіе участки и хозяйственный инвентарь нераздѣльно переходятъ къ одному изъ наслѣдниковъ, а другіе получаютъ нѣкоторое вознагражденіе деньгами; по кодексу Наполеона, дѣйствующему въ Царствѣ, всѣ дѣти дѣлятъ наслѣдство послѣ умершихъ родителей поровну. Національный порядокъ гораздо предпочтительнѣе для крестьянскаго благосостоянія, а потому, Высочайшимъ повелѣніемъ 18-го (30-го) ноября 1865 года, дѣла по наслѣдствамъ и раздѣламъ крестьянскихъ имуществъ освобождены изъ-подъ искусственнаго вліянія Наполеонова кодекса, и предоставлены гминнымъ судамъ, для рѣшенія по существующимъ обычаямъ. Въ другихъ гражданскихъ дѣлахъ, предоставленныхъ гминнымъ судамъ, открылось, что бо́льшая часть споровъ, случающихся въ сельскомъ быту, по недвижимымъ имуществамъ, по обязательствамъ и по вознагражденію причиненныхъ убытковъ, превышаютъ цѣнность 30 рублей и потому ускользаютъ отъ вѣдомства гминныхъ судовъ. Въ этихъ случаяхъ жители гминъ должны были обращаться къ общимъ судебнымъ мѣстамъ, испытывая проволочки, а крестьяне, сверхъ того, почти всегда подвергались пристрастнымъ въ пользу помѣщиковъ рѣшеніямъ. Вслѣдствіе сего, по Высочайшему указу, послѣдовавшему 30-го ноября (12-го декабря) того же 1865 года, гминнымъ судамъ предоставлено право принимать къ своему разбирательству иски до 100 руб. Изъ этого видно, что законодательство было до сихъ поръ наклонно къ тому чтобы расширять подсудность въ пользу гминнаго суда, но съ другой стороны, вслѣдствіе нѣсколькихъ случаевъ рѣшеній гминными судами дѣлъ, превышающихъ ихъ власть, явилась практическая потребность въ инстанціи, которая имѣла бы надзоръ за судебною дѣятельностью гминныхъ судовъ и останавливала бы всякое нарушеніе коренныхъ основаній ихъ устройства. Въ этихъ видахъ послѣдовали три Высочайшія повелѣнія въ 1865, 1866 и 1867 годахъ, которыми право отмѣны (кассаціи) рѣшеній гминныхъ судовъ по дѣламъ о наслѣдствахъ и раздѣлахъ, судебно-полицейскимъ и гражданскимъ искамъ предоставлено коммиссіямъ по крестьянскимъ дѣламъ.

Этимъ же коммиссіямъ слѣдуетъ конечно, приписать тотъ важный фактъ, что введеніе русскаго языка въ губерніяхъ Царства Польскаго идетъ впередъ очень быстро. Онъ сдѣлался офиціальнымъ языкомъ всѣхъ гминныхъ управленій съ русскимъ и литовскимъ населеніемъ и нѣкоторыхъ изъ остальныхъ мѣстностей. Онъ начинаетъ входить въ жизнь народа, особенно въ губерніяхъ, находящихся по правую сторону рѣки Вислы, гдѣ русское и литовское населеніе употребляютъ русскій языкъ въ приговорахъ гминныхъ сходовъ и въ рѣшеніяхъ гминныхъ судовъ. Онъ введенъ въ сельскихъ училищахъ, какъ въ мѣстностяхъ съ русскимъ и литовскимъ населеніемъ, такъ и въ мѣстностяхъ чисто польскихъ. Въ 1864 г. при открытіи дѣйствій учредительнаго комитета, почти всѣ поступавшія прошенія писались по-польски; въ настоящее время половина подаваемыхъ прошеній пишется по-русски. Не должно преувеличивать значеніе этого факта, но нельзя и отрицать его политическую важность и не желать, чтобы дѣла шли и впредь въ томъ же направленіи какъ доселѣ. Но для этого нужно, чтобы гминное управленіе не было предоставлено исключительно самому себѣ, при чемъ оно непремѣнно подпало бы вліянію окружающей среды, враждебной русскому языку и русскому государству.

Вообще оставить крестьянское самоуправленіе въ Царствѣ безъ доброжелательнаго надзора значитъ вести дѣло къ тому, чтобы вскорѣ обнаружилась его несостоятельность. Враги крестьянской реформы стали бы радостно повторять, что она не удалась, что она не была достаточно обдумана, а между тѣмъ неудача была бы лишь слѣдствіемъ отступленія отъ реформы,—неисполненія 10 статьи указа 19-го февраля 1864 г., въ которой сказано, что по исполненіи крестьянскими коммиссіями ихъ обязанностей будутъ учреждены постоянныя должности *для завѣдыванія дѣлами крестьянскаго общественнаго управленія*.

Въ чемъ однако можетъ заключаться это завѣдываніе и какіе именно предметы могутъ къ нему относиться? „Наша правда и нашъ судъ“, говорятъ теперь крестьяне Царства Польскаго. Завѣдываніе ихъ пра-

вомъ и ихъ судомъ, порученное лицамъ постороннимъ или чиновникамъ, не исказить ли и не уничтожитъ ли тѣхъ началъ самоуправленія, которые хотя и не успѣли еще вкорениться въ жизнь населенія, но тѣмъ не менѣе уже существуютъ, и по волѣ законодательства 19-го февраля 1864 г., должны существовать? Не произведетъ ли такое завѣдываніе тѣхъ же самыхъ послѣдствій, какіе извѣстны намъ изъ опыта управленія государственныхъ крестьянъ палатами, окружными начальниками и ихъ помощниками? Невозможно, конечно, предположить, чтобы законодательство стало отнимать у крестьянскаго населенія одними статьями то самое что предоставлено ему другими. Итакъ, повторяемъ, въ чемъ же должно состоять это завѣдываніе? Въ немногомъ. Но это немногое чрезвычайно важно. Оно заключается въ строгомъ охраненіи того порядка вещей, который создало законодательство 19-го февраля. Завѣдываніе должно имѣть, потому, характеръ не столько положительной, сколько отрицательной, или оборонительной дѣятельности. Не трудно перечислить эти предметы обороны: самостоятельность, независимость и законность выборовъ; невмѣшательство писарей и всякихъ постороннихъ лицъ въ дѣла общественнаго управленія; независимость гминнаго суда и вмѣстѣ съ тѣмъ законность въ формахъ и обрядностяхъ сего суда, равно какъ семейныхъ совѣтовъ и опекъ; охраненіе крестьянскаго землевладѣнія и вообще правъ, предоставленныхъ крестьянскому населенію указами 19-го февраля и постановленіями учредительнаго комитета, изданными въ развитіе этихъ указовъ; наблюденіе за тѣмъ, чтобы количество крестьянской поземельной собственности не уменьшалось путемъ различныхъ отчужденій, а оставалось въ непосредственномъ владѣніи этого класса населенія; устраненіе всѣхъ неправильностей въ сборахъ установленныхъ казенныхъ податей, и охраненіе земледѣльческаго населенія отъ всякихъ произвольныхъ поборовъ, обязательныхъ десятинъ, незаконныхъ и неравномѣрныхъ натуральныхъ повинностей, не исключая рекрутской, и наконецъ право ходатайства и представленія высшимъ властямъ о нуждахъ и потребностяхъ земледѣльческаго населенія.

Само собою разумѣется, что постоянныя должности, которыя будутъ учреждены для такого рода завѣдыванія, должны быть поставлены въ совершенную независимость отъ мѣстной административной власти. Зависимость ихъ слишкомъ рѣзко противорѣчила бы существу и цѣли учрежденія, и обращала бы значеніе его въ нуль. Власть контролирующая и не имѣющая никакихъ свойствъ и средствъ власти исполнительной не можетъ вредить ни въ какомъ случаѣ единству и силѣ власти административной. Но по самому свойству и характеру земледѣльческаго населенія, и по значенію онаго въ нашихъ интересахъ политическихъ и государственныхъ среди другихъ враждебныхъ намъ классовъ, такая охранительная и контролирующая власть совершенно необходима до тѣхъ поръ, пока связь мѣстныхъ интересовъ съ интересами русскими не ослабитъ и окончательно не сотретъ всякіе замыслы о какомъ-то отдѣльномъ отъ Россіи и самобытномъ существованіи бывшихъ польскихъ губерній.

Въ Царствѣ Польскомъ предстоитъ вскорѣ, какъ надо надѣяться, учрежденіе мироваго института. Совмѣщеніе обязанностей мироваго судьи съ обязанностями по завѣдыванію общественнымъ крестьянскимъ управленіемъ, въ томъ смыслѣ, какъ это завѣдываніе обозначено выше, представляется самымъ естественнымъ и наиболѣе экономическимъ способомъ разрѣшенія предстоящаго вопроса. Такое совмѣщеніе можетъ тревожить одпѣ только щепетильныя теоріи о строгомъ раздѣленіи и взаимномъ равновѣсіи властей. Желающіе удостовѣриться въ томъ, какъ легко совмѣщаются судебныя обязанности съ административными въ низшихъ отправленіяхъ той и другой власти, могутъ справиться съ англійскими мировыми учрежденіями. Тамъ найдется множество примѣровъ, что контроль раскладки податей, завѣдываніе нѣкоторыми сборами, администрація путей сообщенія, тюремъ, управленіе даже полиціей, и множество другихъ чисто административныхъ дѣлъ, по управленію графствами, лежитъ на личной обязанности мировыхъ судей. Такое совмѣщеніе должностей въ надвислянскомъ краѣ тѣмъ удобнѣе, что и та и другая должности одинаково будутъ независимы отъ исполнительной власти, и что обязанности по завѣдыванію общественнымъ управленіемъ гминъ должны имѣть характеръ чисто охранительный. Правомъ контроля пользуются и теперь до нѣкоторой степени коммиссары.

№ 202.

Москва, 18-го сентября.

А.

Итакъ, послѣдняя отрасль изъ царствовавшихъ Бурбуновъ утратила свой тронъ! Эта знаменитая фамилія, нѣсколько столѣтій властвовавшая въ прекраснѣйшихъ странахъ Европы, теперь уже вся состоитъ только изъ изгнанниковъ. Возстаніе, одновременно вспыхнувшее въ разныхъ пунктахъ Испаніи, восторжествовало, и королева Изабелла уже болѣе не королева. Такъ какъ безпокойства, которыхъ театромъ Испанія не переставала быть въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ, такъ запутали ея положеніе, что оно сдѣлалось непонятно, то считаемъ не безполезнымъ представить нашимъ читателямъ обозрѣніе событій, которыя повели къ катастрофѣ послѣднюю отрасль Бурбоновъ.

По смерти Фердинанда VII, въ 1833 году, на тронъ Испаніи была возведена дочь его инфанта Изабелла, наслѣдница не столько по закону, сколько по завѣщанію. Она была еще не совершеннолѣтняя, и регентство было поручено ея матери, королевѣ Христинѣ, управленіе которой началось при добрыхъ знаменіяхъ. Назначенная въ правительницы самимъ Фердинандомъ VII во время болѣзни, кончившейся его смертью, она начала свое управленіе открытіемъ университетовъ, обширною амнистіей и удаленіемъ министра Каломарде, который навлекъ на себя всеобщую ненависть управленіемъ притѣснительнымъ и ультра-реакціоннымъ. Правительница призвала къ дѣламъ г. Сеа Бермудеса, человѣка менѣе непопулярнаго. Этого было достаточно чтобы поселить въ обществѣ надежду, что наконецъ установится правильная свобода и благоденствіе на мѣсто жестокаго и безумнаго деспотизма, подъ которымъ Испанія страдала семнадцать лѣтъ. Въ энтузіазмѣ своемъ либералы того времени называли королеву Христину „радугою мира, свѣтиломъ отечественнаго возрожденія, матерью Испанцевъ“ и проч. и проч. Всѣ радостно приняли актъ назначавшій Изабеллу королевой подъ регентствомъ ея матери.

Эти, повидимому, либеральныя уступки были вынуждены у королевы Христины обстоятельствами, ибо черезъ три дня по смерти Фердинанда VII, братъ его донъ-Карлосъ явился соперникомъ королевы Изабеллы и возбудилъ междуусобную войну, которая продолжалась болѣе семи лѣтъ, и навлекла на Испанію ужаснѣйшія бѣдствія. Армія донъ-Карлоса, навербованная во имя фанатизма, нетерпимости и старыхъ преданій, состояла изъ священниковъ, которые лично начальствовали надъ шайками инсургентовъ, изъ дворянъ желавшихъ сохранить свои старыя привилегіи, изъ рабочихъ и крестьянъ, которые въ слѣпотѣ своей шли проливать кровь за костры инквизиціи и за свои цѣпи. Дѣло Изабеллы должно было, повидимому, опираться на принципахъ совершенно противныхъ. Правительница понимала это, и вотъ почему она рѣшилась на первое время пожертвовать своими убѣжденіями и личными наклонностями, не менѣе реакціонными и деспотическими чѣмъ убѣжденія и наклонности донъ-Карлоса. Но какъ только дочь ея была возведена на тронъ и нашлась возможность противиться донъ-Карлосу, правительница сбросила съ себя личину. Она издала манифестъ, въ которомъ не было ни слова о правахъ націи, а говорилось только „что правительница намѣрена поддерживать во всей силѣ абсолютную власть и католическую религію.“ Христина объявила себя непримиримымъ врагомъ всякаго политическаго и религіознаго нововведенія, и провозгласила, „что для государства лучшая форма правительства есть та, къ которой нація привыкла.“ Она обѣщала, что предметомъ ея попеченій будутъ административныя реформы, какія, по ея мнѣнію, могутъ доставить народу счастіе.

Эта понятная программа произвела всеобщее разочарованіе, которымъ уничтожались надежды внушенныя первыми дѣйствіями королевы Христины. Ея министръ тотчасъ же примѣнилъ эту программу къ дѣлу, сославъ безъ суда людей либеральнаго образа мыслей, запретивъ большую часть журналовъ, и т. д. Важнѣйшія лица, присоединившіяся къ дѣлу молодой королевы, скоро поняли опасность; они не щадили никакихъ усилій дабы свести ея правительство съ пагубнаго пути, на который оно вышло. Маркизъ Мирафлоресъ, тотъ самый что недавно еще давалъ полезные совѣты королевѣ Изабеллѣ и отказался отъ президентства въ сенатѣ, обращался тогда къ правительницѣ съ настоятель-

ными представленіями, совѣтуя созвать кортесы и принять цѣлый рядъ благоразумно либеральныхъ мѣръ. Генералъ Кесада, генералъ-капитанъ старой Кастиліи, требовалъ формально отставки министра, составившаго опасный манифестъ. Генералъ Льяндеръ, сражавшійся за дѣло Изабеллы, сказалъ въ энергической поданной имъ запискѣ, что исполнить обѣщанія данныя королевой при вступленіи на тронъ есть ея священный долгъ; онъ указывалъ на бѣдствія, въ которыя вовлекалъ Испанію министръ, и говорилъ, обращаясь къ правительницѣ: „Если такое положеніе продлится еще нѣсколько мѣсяцевъ, то, повѣрьте, государыня, оно лучше поможетъ врагамъ ея величества Изабеллы II чѣмъ всѣ ихъ усилія.“ Наконецъ, министръ Сеа Бермудесъ былъ отставленъ и замѣненъ Мартинесомъ де-ла-Роса, прежнимъ депутатомъ города Кадикса. Новое министерство освободило отъ цензуры артистическія и литературныя произведенія и смягчило ея суровость относительно сочиненій политическихъ и религіозныхъ. Оно нарядило коммиссію для составленія новаго гражданскаго кодекса, распространило амнистію на тѣхъ, кто были изъ нея исключены, возвратило конфискованныя имущества, и учредило городскую стражу. Эти мѣры и призракъ конституціи, изданной въ 1834 году подъ названіемъ королевскаго статута, не могли вполнѣ удовлетворить желанія націи; но онѣ все-таки были приняты хорошо, и дѣло королевы Изабеллы, энергически и самоотверженно обороняемое, наконецъ восторжествовало.

Но когда донъ-Карлосъ былъ побѣжденъ и изгнанъ изъ Испаніи, королева-правительница рѣшительно предалась попыткамъ деспотической реакціи, которыя повели къ высылкѣ ея изъ Испаніи и къ учрежденію новаго регентства съ генераломъ Эспартеро во главѣ. Наконецъ, когда королева Изабелла достигла совершеннолѣтія и начала сама управлять, Испанцы убѣдились горькимъ опытомъ, что подобно всѣмъ Бурбонамъ, и она „ничему не научилась и ничего не забыла.“ Королева только о томъ и думала, чтобъ уклоняться отъ всякихъ уступокъ и слѣдовать теоріямъ самаго мрачнаго ѳеократизма. Это повело къ нескончаемому ряду революцій, возстаній и „пронунсіаменто,“ которые продолжались болѣе тридцати лѣтъ, задерживая нравственное и матеріальное развитіе страны, и развращая ее въ политическомъ отношеніи. Уступая иногда силѣ, королева ставила бунтовавшаго генерала министромъ, который приступалъ къ дѣламъ подъ сѣнію либеральнаго знамени. Но если ей не удавалось привлечь его къ идеямъ абсолютизма и церковной нетерпимости, она отставляла его или вынуждала выйдти въ отставку черезъ его противниковъ соперниковъ. Такимъ образомъ Нарваэсъ, Эспартеро, Конча, О'Доннель были попеременно министрами, но не могли ни удержаться, ни сдѣлать что-нибудь полезное, ибо опредѣлялись лишь для вида, а истинные повѣренные и совѣтники королевы были ея дворцовые приближенные, ея духовники и пресловутая сестра Патросинія.

Таковой порядокъ вещей не могъ продолжаться вѣчно, и удивительно какъ онъ держался такъ долго. Теперь Бурбонская династія въ Испаніи поражена на смерть, и для самой Испаніи, такъ же какъ для европейскаго равновѣсія, было бы счастіемъ, еслибъ Испанія соединилась съ Португаліей, и на тронъ Филиппа II вступила юная и прогрессивная Брагаицская династія.

Б.

Въ дополненіе ко вчерашнимъ соображеніямъ о крестьянскомъ дѣлѣ въ Царствѣ Польскомъ, не можемъ не замѣтить, что слияніе присоединеннаго края съ государствомъ можетъ быть достигнуто внутреннимъ и внѣшнимъ способомъ, и что одно внѣшнее слияніе можетъ имѣть невыгодныя стороны. Въ западныхъ губерніяхъ устройство администраціи и все законодательство были, какъ извѣстно, тѣ же самыя какъ и въ прочихъ губерніяхъ; всѣ дѣла были сосредоточены въ центральныхъ вѣдомствахъ, и дѣлопроизводство было на русскомъ языкѣ, и однакоже въ 1863 году Россія не безъ нѣкотораго удивленія узнала, что сѣверо-западныя губерніи не принадлежатъ Россіи. Другаго примѣра и опыта едва ли нужно намъ дожидаться, чтобъ убѣдиться, что централизація всѣхъ отраслей управленія надвислянскихъ губерній и даже дѣлопроизводство на русскомъ языкѣ сами по себѣ недостаточны для достиженія прочныхъ результатовъ. Централизація управленій губерній Царства Польскаго въ министерствахъ Имперіи нагляднымъ образомъ до-

казываетъ, что польское государство существуетъ теперь только въ воспоминаніяхъ шляхты, въ лакейскихъ Палероялѣ, и еще въ кой-какихъ постоялыхъ дворахъ, разсѣянныхъ по Европѣ. Но не все то что̀ наглядно бываетъ дѣйствительно. Упраздненіе всякихъ отдѣльныхъ управленій въ этихъ губерніяхъ и сосредоточеніе всѣхъ отраслей управленія въ соотвѣтственныхъ центральныхъ вѣдомствахъ, достигало бы вполнѣ своей цѣли, при такомъ только условіи, еслибы вопервыхъ національное единство въ географическихъ границахъ нашего государства было у насъ внѣ всякаго сомнѣнія и вопроса; вовторыхъ, еслибы надвислянскія губерніи представляли въ настоящее время страну вполнѣ организованную, гдѣ всѣ государственныя и общественныя учрежденія, сливаясь въ высшемъ государственномъ единствѣ, имѣли бы вмѣстѣ съ тѣмъ каждое свою опредѣленную сферу дѣйствія, безъ всякаго смѣшенія съ другими.

Но ни одного изъ этихъ условій для этихъ губерній еще не существуетъ, и долго еще не будетъ. А такъ какъ здѣсь безпрерывно возникаютъ вопросы и требованія, которыя немыслимы въ какой-нибудь изъ центральныхъ губерній, то мы полагаемъ, что едва ли можно обойдтись здѣсь безъ *особыхъ* мѣстныхъ учрежденій. Когда обособленіе живетъ внутри страны и имѣетъ такую, напримѣръ, сильную опору, какъ землевладѣніе и церковь, то успокоиваться на внѣшней централизаціи и предполагать, что такимъ средствомъ уравниваются и сглаживаются всѣ внутреннія противорѣчія, было бы, кажется, очевидною ошибкой.

№ 203.

Москва, 19-го сентября.

На дняхъ (№ 196) мы приводили выписку изъ *Либавской Газеты*, сообщавшую извѣстіе будто одна прусская компанія уже получила отъ русскаго правительства концессію на дальнѣйшее сооруженіе Кенигсбергско-Лыкской желѣзной дороги до Бѣлостока (чрезъ Гродно). Имѣя въ виду разрѣшеніе *уже данное* производить изысканія изъ Бердичева въ Брестъ-Литовскъ, и неизбѣжное соединеніе этой линіи, стоверстною вѣтвію отъ Бреста, съ Бѣлостокомъ, а также уже начавшіяся работы по линіи отъ Бреста, чрезъ Смоленскъ, въ Москву, нельзя не признать, что, такимъ образомъ, Кенигсбергъ очень можетъ вскорѣ оказаться приморскимъ исходомъ (tête de ligne) двухъ огромныхъ линій Кенигсбергско-Одесской и Кенигсбергско-Московской! „Надо сознаться", восклицала по этому поводу *Либавская Газета*, „что „Кенигсбергу завиднымъ образомъ счастливится *въ его планахъ относительно желѣзныхъ дорогъ Россіи*. Спѣлые плоды почти „сами собою валятся въ его руки. Однако, ни географическое положеніе Кенигсберга, ни его гавань Пиллау не представляютъ для русской торговли никакихъ выгодъ, которыхъ не могла бы ей „представить Либава." Тѣмъ не менѣе *Ostsee-Zeitung* требуетъ чтобы всѣ разумные Русскіе рукоплескали такому результату, потому-де что для Россіи же будетъ барышъ, когда она воспользуется удобствами кенигсбергскаго порта. Это приглашеніе радоваться дѣлается серіознымъ тономъ, какъ будто намъ въ самомъ дѣлѣ лучше пользоваться удобствами Кенигсберга нежели тѣмъ же самымъ Кенигсбергомъ и вдобавокъ еще Либавой. Дѣло тутъ именно въ этомъ: вопросъ не о томъ, чтобы пользоваться *или* Кенигсбергомъ *или* Либавой. Но еслибъ и предлежало выбрать одинъ изъ двухъ портовъ, то странно было бы требовать, чтобы мы, Русскіе, не порадѣли Либавѣ болѣе чѣмъ Кенигсбергу. Тутъ космополитизмъ не умѣстенъ, и зависѣть отъ иностранцевъ разорительно. Иначе надобно было бы прійдти къ такому заключенію, что Россія не пострадала бы нисколько, передавъ, напримѣръ, Петербургъ и Ригу Пруссіи. Вѣдь торговля шла бы своимъ обычнымъ путемъ чрезъ тѣ же порты.

Ostsee-Zeitung, называя фанатиками лицъ, которыя не позволяютъ себя морочить какъ дикарей, забываетъ, что на сторонѣ фанатиковъ стоитъ въ этомъ случаѣ авторитетъ Петра Великаго. Всѣ стремленія многотрудной и достославной жизни этого великаго человѣка направлялись къ тому, чтобы доставить въ руки Россіи приморскіе исходы главныхъ артерій, по коимъ текла русская торговля. Въ то время такими артеріями являлись водяныя сообщенія. Нынѣ рѣки отодвинуты на задній планъ желѣзными дорогами; и вотъ, если вѣрить *Ostsee-Zeitung*, эти новыя артеріи промышленной и тор-

говой жизни нашего отечества, съ нашего же согласія, отводятся нынѣ опять къ иностраннымъ приморскимъ исходамъ, предоставляя снова, какъ во времена до петровскія, всю или самую значительную, самую жизненную часть нашей торговли въ руки иностранцевъ! Должны ли мы отдать даромъ всѣ результаты трудовъ Петра Великаго изъ-за того только, чтобы не прослыть фанатиками? „Мы охотно допускаемъ,“ говоритъ однако петербургскій корреспондентъ *Ostsee-Zeitung*, „что для Либавы, какъ и для Ревеля, желѣзная дорога,“ а слѣдовательно именно вопросъ привлеченія къ себѣ русскаго отпуска, „есть, во всякомъ случаѣ, жизненный вопросъ.“ Ничего болѣе мы сами доказывать не желали, а именно, что если Либавѣ, нашему лучшему порту Балтійско-финскаго поморья, не будутъ возвращены, постройкою желѣзно-дорожнаго сообщенія съ внутренностью Россіи, тѣ средства соперничать съ прусскими портами, которыхъ лишило ее устройство рельсоваго сообщенія въ пользу Пруссіи,—то Либавѣ, а вмѣстѣ съ нею и нашему торговому флоту Балтійскаго моря, придется отказаться отъ надеждъ на лучшее будущее.

Но, мы понимаемъ, все дѣло здѣсь въ точкѣ зрѣнія съ какой смотрѣть на этотъ „жизненный вопросъ“ Либавы и нашего балтійскаго флота. Съ точки зрѣнія *Ostsee-Zeitung*, о „жизненномъ вопросѣ“ Либавы конечно не стоитъ и говорить, какъ только онъ поставленъ на вѣсы съ вящщимъ преуспѣяніемъ прусскихъ портовъ. За такой взглядъ мы собственно не пеняемъ на прусскую газету. Вотъ, напримѣръ, когда дѣло зашло о Ревелѣ, ни съ того, ни съ сего поставленномъ въ параллель съ Либавой, то у прусскаго патріота береговъ Невы явились совсѣмъ иного рода взгляды. О Ревельско-Петербургской желѣзной дорогѣ *Ostsee-Zeitung* отозвалась довольно сочувственно. Это опять понятно; Ревель, ни въ какомъ отношеніи не можетъ дѣлать серіозной конкурренціи Кенигсбергу: тому противятся не только климатическія неудобства обоихъ исходныхъ прибалтійскихъ портовъ этой дороги, но также и совершенно отдѣльный отъ кенигсбергскаго бассейна районъ торговаго движенія, которому они служатъ морскимъ исходомъ. Къ тому же, Ревельско-Петербургская дорога, слѣдуя параллельно берегу и въ незначительномъ отъ него разстояніи, можетъ способствовать развѣ къ умаленію значенія нашего каботажнаго флота, а никакъ не къ усиленію его. Въ этихъ соображеніяхъ заключается тайна благосклонности, оказываемой штеттинскою газетой „жизненному вопросу“ Ревеля.

Между тѣмъ въ Либавѣ удобный, обширный и безопасный портъ замерзалъ, по свидѣтельству *Русскаго Инвалида*, въ продолженіе десяти лѣтъ только на девять дней; естественный районъ его торговой дѣятельности охватываетъ всю западную и юго-западную Россію, коей отпускъ и привозъ, въ случаѣ разобщенія Либавы отъ тамошней желѣзнодорожной сѣти, не менѣе естественно обратятся къ Кенигсбергу. До постройки Ковно-Вержболовской дороги, продолжительное покрытіе льдомъ и частые песчаные наносы устьевъ Двины, опасность плаванія не только по Рижскому заливу, но и по всему побережью отъ мыса Штейнсорта (35 верстъ сѣвернѣе Либавы) до мыса Домеснеса, этого кладбища судовъ, какъ называютъ его туземцы,—наконецъ, случайныя, но частыя и иногда очень позднія накопленія льдовъ наносимыхъ сѣвернымъ вѣтромъ, между Эзелемъ и Домеснесомъ и даже до Штейнсорта, доставляли Либавѣ значительное число грузовъ, назначавшихся не только Ригѣ, но и Виндавѣ, лежащей на половинѣ пути между Штейнсортомъ и Домеснесомъ. Самыя подробныя и доказательныя свѣдѣнія объ этихъ преимуществахъ Либавы не только предъ Ригой, но и предъ Виндавой, изложены въ полученной нами на дняхъ превосходной брошюрѣ изданной либавскимъ торговымъ комитетомъ и озаглавленной: *Вопросъ о Либавской желѣзной дорогѣ* (*Die Libausche Eisenbahnfrage*), о которой мы не преминемъ поговорить обстоятельнѣе. Благодаря этимъ преимуществамъ, до постройки Ковенско-Кенигсбергской линіи, Либава вела торговлю, строила суда и становилась для всего русскаго флота разсадникомъ опытныхъ, отличныхъ моряковъ. Все это теперь исчезло; прибыльныя дѣла у Либавы отняты; тамошнія суда не имѣютъ дома работы, и судохозяева принуждены были броситься на хищническій вывозъ изъ Россіи разнаго свойства лѣсовъ. Все это не иначе можетъ быть устранено какъ возстановленіемъ равенства условій конкурренціи съ Кенигсбергомъ, то-есть надѣленіемъ Либавы тѣмъ же огромнымъ пре-

имуществомъ, которымъ мы поспѣшили надѣлить Кенигсбергъ. „Жизненный вопросъ Либавы" является такимъ образомъ жизненнымъ вопросомъ и для русскаго купеческаго флота, въ конкурренціи его съ прусскимъ флотомъ, тогда какъ Ревель, Балтійскій портъ и даже Виндава могутъ соперничать лишь между собой. Легко понять, почему въ глазахъ *Ostsee-Zeitung* „жизненный вопросъ" Ревеля достоинъ всякаго уваженія; что же касается жизненнаго вопроса Либавы, то онъ самоотверженно долженъ быть принесенъ ею въ жертву на алтарь нѣмецкаго отечества, и принесенъ безропотно, безпрекословно, дабы не подать повода къ позорящимъ похваламъ *Москвитянки*, что нѣмецкая-де Либава не чужда и патріотизму русскому...

Такова логика, такова аргументація, которою передовой органъ прусской пропаганды въ Россіи отвѣчаетъ на доводы, основанные на статистическихъ данныхъ и на законахъ здравой политической экономіи, коими мы опровергали мудрованія *Ostsee-Zeitung* насчетъ направленія нашихъ желѣзныхъ дорогъ, и ея дерзкія прорицанія, что еще на нашемъ вѣку не только „Кенигсбергъ станетъ передовою гаванью Риги," но и „главное движеніе товаровъ „*всѣхъ сѣверныхъ губерній Россіи* обра„тится преимущественно къ прусскимъ портамъ." Мы могли бы спросить эту газету, куда дѣвалась ея непреодолимая наклонность къ отдѣленію *на этой почвѣ*, вопроса матеріальнаго отъ вопроса національнаго? Куда дѣвалась ея страсть къ выводамъ историческимъ и статистическимъ, на основаніи коихъ она позволяла себѣ называть *нелѣпыми* весьма здравыя разсужденія г. Тернера? Она старается самымъ наглымъ образомъ возбудить въ Либавцахъ ненависть и недовѣріе къ Русскимъ и фанатизмъ измѣнническаго патріотизма, дабы привести ихъ къ нелѣпѣйшему выводу о необходимости пожертвовать своимъ „жизненнымъ вопросомъ" интересамъ иностранныхъ портовъ и чужой національности... Впрочемъ, въ прусской газетѣ эти желанія, повторимъ, весьма понятны, но откуда же взялась ея увѣренность въ успѣхѣ столь нелѣпой пропаганды въ Россіи? Говоря о читателяхъ удостоивающихъ своимъ довѣріемъ *Московскія Вѣдомости*, *Ostsee-Zeitung* находитъ, ихъ „крайне *невѣжественными*, присовокупляя, однако, что тѣ же *Московскія Вѣдомости* „имѣютъ большое вліяніе не толь„ко на своихъ многочисленныхъ *частныхъ* „читателей, но также и на *высшія слу„жебныя сферы*, стоящія *близко къ пра„вительству*." Очевидно, что это дерзкое сужденіе какъ о русской публикѣ, такъ и о русской „высшей" администраціи одно могло лежать въ основаніи обнаруживаемой этою газетой увѣренности въ успѣхѣ своей столько же наивной, какъ и непристойной аргументаціи. Мы не можемъ не обратить вниманія на настойчивость съ какою она утверждаетъ, что правительство уже окончательно произнесло смертный приговоръ надъ Либавой, не только тѣмъ что оно разрѣшило продолжать Лыкско-Кенигсбергскую дорогу до Бѣлостока, но также и тѣмъ, что оно „предпочло Либавѣ Виндаву, ради превосходства ея гавани!" Послѣднее изъ этихъ свѣдѣній, нѣсколько дней спустя, какъ будто до нѣкоторой степени подтвердилось статьей *Русскаго Инвалида*: *По поводу направленій желѣзныхъ дорогъ въ балтійскіе порты*: *Виндаву и Либаву*. Между тѣмъ, съ перваго взгляда на карту должно быть очевидно, что въ коммерческомъ отношеніи никакого спора, никакого соперничества между этими двумя портами быть не можетъ. „Россія не на„столько богата хорошими портами," замѣчаетъ приведенная нами брошюра, „чтобъ одинъ изъ нихъ могъ оставаться безъ желѣзной дороги." Уже въ № 179 объясняли мы, что ничего общаго между этими двумя портами нѣтъ, и что, поэтому, между ними никакого выбора быть не можетъ. Каждый изъ нихъ имѣетъ совершенно отдѣльный отъ другаго районъ торговаго движенія. Виндава можетъ служить лишь передовою, а также и зимнею гаванью Риги, то-есть морскимъ исходомъ торговаго движенія желѣзныхъ путей рижскаго района имѣющаго крайнимъ предѣломъ своимъ на востокѣ Борисоглѣбскъ. Въ этомъ отношеніи Виндава не угрожаетъ Кенигсбергу никакою особенно серіозною конкурренціей. Либава же, напротивъ, должна служить морскимъ исходомъ всему торговому движенію *нашего Западнаго и Юго-Западнаго края*, движенію, которое безъ сомнѣнія достигнетъ весьма значительныхъ размѣровъ съ проведеніемъ желѣзной дороги отъ Ковна черезъ Минскъ и Бобруйскъ съ одной стороны на Нѣжинъ или Ромны, съ другой— на Житоміръ, но которое, въ случаѣ если не будетъ устроена желѣзная дорога ме-

жду Ковномъ и Либавой, обратится на Кенигсбергъ, *а никакъ не на Виндаву*. Какой же тутъ можетъ быть выборъ *между* Виндавой и Либавой? Виндаву предполагается соединить съ Митавой и Ригой, то-есть съ сѣверною сѣтью нашихъ желѣзныхъ путей, а Либаву съ южною. Мы предлагаемъ не Виндаву *или* Либаву, а Виндаву для сѣвернаго, Либаву для южнаго торговаго движенія. Проведеніе же, какъ предлагаетъ *Русскій Инвалидъ*, желѣзной дороги изъ Митавы на Виндаву *и* Либаву превращаетъ Либаву, какъ говорится въ простонародіи, въ „лишнюю спицу въ колесницѣ," отрывая ее насильственно и совершенно безплодно какъ для нашей торговли, такъ и для нашего флота, и наконецъ для самой Либавы, отъ естественнаго района ея торговаго движенія, то-есть отъ западной Россіи, съ тѣмъ чтобы прицѣпить ее къ сѣверному району, которому Либава принесетъ пользу только случайнымъ образомъ, въ тѣ дни, когда многочисленныя неудобства не только рижскаго, но и виндавскаго портовъ, поставятъ наше сѣверное торговое движеніе въ необходимость обратиться къ болѣе отдаленной приморской *tête de ligne*. Для Либавы же „жизненный вопросъ" состоитъ вовсе не въ этомъ движеніи, а въ движеніи нашей западной торговли. „Между коммерческими интересами „Либавы и Виндавы," сказано въ брошюрѣ либавскаго торговаго комитета, „само по „себѣ не существуетъ никакого соперни„чества. Они, напротивъ, до такой степени „расходятся въ противоположномъ направ„леніи, что другъ друга вовсе и не ка„саются; поэтому самое столкновеніе, въ „которомъ они нынѣ находятся, кажется „намъ насильственно вызваннымъ." Дѣйствительно, это столкновеніе не имѣетъ ничего нормальнаго и вызвано единственно коварнымъ и изворотливымъ вмѣшательствомъ иностраннаго интереса во внутреннія дѣла Россіи, при непостижимой нашей собственной рѣшимости, какъ сказано въ № 160 *Московскихъ Вѣдомостей*, „смо„трѣть нерусскими глазами на свои потреб„ности и отворачиваться отъ очевидности, „что дальнѣйшею отсрочкой постройки Ко„вейско-Либавской дороги мы наносимъ „смертельный ударъ великому дѣлу, нача„тому геніальнымъ первоначальникомъ рус„ской морской торговли."

204.

Москва, 20-го сентября.

До нынѣшняго года происки партіи, органомъ которой служитъ *Вѣсть*, направлены были главнымъ образомъ противъ администраціи сѣверо-западнаго края: онѣ стремились къ тому, чтобъ очернить тамошнихъ русскихъ чиновниковъ „тушившихъ пожаръ", и выставить ихъ людьми опасными не для поджигателей, а для правительства, которому они служили. Администрація юго-западнаго края пользовалась не большимъ сочувствіемъ полыцизны, но *Вѣсть*, держась правила стратегіи нападать порознь на силы непріятеля, направила главныя силы свои на Вильну, ограничиваясь только партизанскими противъ Кіева дѣйствіями. Цѣль партіи, скрывающейся за *Вѣстью*, повидимому достигнута въ Вильнѣ; по крайней мѣрѣ, партія эта теперь очень довольна: русскіе люди, поспѣшившіе на призывъ правительства въ край исполненный мятежа и измѣны, и принявшіе за правду объявленную относительно его систему дѣйствія и вѣрою и правдой помогавшіе законнымъ властямъ, которыя цѣнили и одобряли ихъ службу, изгоняются изъ края будто разбойники и грабители; крестьянское дѣло подвергается снова вопросу, и офиціально рѣчь идетъ о томъ, чтобы снять въ краѣ военное положеніе для Поляковъ и сохранить его исключительно для Русскихъ. Спокойная за Вильну, *Вѣсть* съ вящимъ жаромъ устремляется теперь противъ Кіева. Въ каждомъ нумерѣ ея являются тѣ же клеветы на кіевскую администрацію, какія за годъ предъ симъ сыпались на Вильну.

Партія, о которой идетъ рѣчь, не есть порожденіе нынѣшняго времени; она ведется издалека, хотя, надобно признаться, прошлыя времена не представляютъ ничего подобнаго той отвагѣ и дерзости махинацій, къ какимъ интрига прибѣгаетъ теперь среди бѣлаго дня...

Крестьянское дѣло въ юго-западномъ краѣ еще въ прошлое царствованіе было поставлено однажды на вѣрную дорогу. Русскій крестьянинъ близокъ былъ къ освобожденію отъ тяготѣвшаго надъ нимъ ига; но ловкіе люди скоро сумѣли обойдти Высочайшее повелѣніе. Мы говоримъ объ инвентаряхъ. Инвентарныя правила, утвер-

жденныя въ 1847 году, имѣли цѣлью оградить крестьянина отъ произвола пановъ, и тѣмъ защитить его отъ насильственной полонизаціи. Тогдашній генералъ-губернаторъ въ Кіевѣ, Д. Г. Бибиковъ, лично редижировалъ проектъ этихъ правилъ и успѣлъ, несмотря на всѣ препятствія, добиться ихъ утвержденія; но едва приступилъ онъ къ дѣлу, какъ та же партія, которая нынѣ имѣетъ *Вѣсть* своимъ органомъ, пустивъ въ Петербургѣ въ ходъ всѣ пружины, успѣла подорвать силу только что утвержденныхъ правилъ, и спасла колебавшуюся власть польскихъ пановъ. Благодаря ея неутомимой работѣ въ тогдашнихъ министерствахъ внутреннихъ дѣлъ и государственныхъ имуществъ, въ 1848 году дана была правиламъ новая редакція, въ которую незамѣтно введены существенныя послабленія въ пользу пановъ. Въ силу этихъ новыхъ правилъ было приступлено въ губернскихъ комитетахъ къ разсмотрѣнію инвентарей каждаго имѣнія въ отдѣльности, и работу эту тянули ровно цѣлые четыре года. Между тѣмъ интрига успѣла добиться въ Петербургѣ совершенной передѣлки первоначальнаго положенія о введеніи инвентарей: характеръ его былъ существенно измѣненъ, и въ 1852 году приведеніе инвентарей въ исполненіе возложено было на самихъ пановъ, крестьянамъ же они не были даже и объявлены „въ отвращеніе превратныхъ толковъ“. Такимъ образомъ благія начинанія правительства были обращены въ „мертвую букву“, и крестьяне очутились еще въ большей чѣмъ прежде зависимости отъ помѣщиковъ, поддержанныхъ всею силой мѣстной полиціи.

Велика была эта побѣда польщизны надъ Россіей, въ особенности если вспомнить, что покойный императоръ понималъ все зло власти польскихъ помѣщиковъ надъ крестьянами, и при утвержденіи инвентарныхъ правилъ поступилъ вопреки мнѣнію большинства тогдашнихъ администраторовъ, довѣряя всего болѣе опытности и патріотизму государственнаго человѣка, бывшаго тогда генералъ-губернаторомъ въ Кіевѣ. Для одержанія такой блистательной побѣды, интригѣ нужно было прежде всего отвлечь вниманіе высшаго правительства отъ западныхъ губерній и направить его энергію въ противную сторону: она ловко воспользовалась съ этою цѣлью тогдашними событіями въ Галиціи и революціоннымъ движеніемъ въ западной Европѣ. Галицкая рѣзня, вызванная панами и подъ рукой попущенная самимъ правительствомъ Австріи, была выставлена какъ слѣдствіе демагогическихъ происковъ; февральская революція во Франціи, отозвавшаяся почти во всей Европѣ и встрѣтившая особенное сочувствіе въ средѣ польщизны, выставлена какъ явленіе опасное всего болѣе для нашихъ внутреннихъ губерній, куда едва и слухи долетали о волненіяхъ колебавшихъ Европу. Несчастное полу-польское дѣло Петрашевскаго обратилось какъ бы въ подтвержденіе этихъ злостныхъ извѣтовъ, имѣвшихъ цѣлію смазить правительство на ложные пути. И вотъ вся энергія правительства устремилась тогда противъ самой Россіи, противъ русскаго народа, и при общемъ упадкѣ духа вражеская работа противъ Россіи закипѣла въ ея нѣдрахъ живо и успѣшно. Что касается до инвентарей, то панами была пущена молва о развитіи въ юго-западномъ краѣ опасной для правительства демократической пропаганды посреди тамошнихъ населеній, и это подѣйствовало.

Игра была сыграна ловко. Правительство введено было въ пагубный обманъ, изъ котораго едва вышло въ 1863 году, и который снова разставляетъ теперь свои сѣти.

Удача такъ вдохновила польщизну, что она не разъ пыталась возобновить свой ловкій маневръ въ 1861 году, дабы затормозить великую реформу 19-го февраля. Еще въ концѣ 1860 года паны, игравшіе въ преданность правительству, пугали мѣстныя власти существованіемъ при Кіевскомъ университетѣ „тайнаго общества коммунистовъ“, имѣвшихъ-де цѣлью сближеніе студентовъ съ крестьянами: оказалось на дѣлѣ, что общество это была чистая польская работа, въ которую вовлечены были, на показъ властямъ, нѣсколько неопытныхъ русскихъ юношей. Въ февралѣ 1861 года, до обнародованія манифеста объ освобожденіи крестьянъ, въ Балтійскомъ уѣздѣ подброшено было письмо на имя генералъ-губернатора, якобы отъ уманскихъ крестьянъ; въ немъ мѣстныя власти извѣщались о намѣреніи крестьянъ „перерѣзать Ляховъ“. Какъ ни грубъ былъ обманъ, администрація сочла нужнымъ показать, что вѣритъ ему: полетѣли эстафеты, начались розыски и оказалось, разумѣется, что письмо это было вздоромъ,

а слогъ его изобличалъ грубую польскую фабрикацію. Между тѣмъ желательный польщизнѣ эффектъ былъ сдѣланъ, и о письмѣ офиціально сообщено было въ Петербургѣ. Бывшее около того же времени (въ маѣ 1861 г), близь Канева, погребеніе тѣла поэта Шевченка вызвало новую продѣлку: паны, въ особенности предводители дворянства, *письменно* увѣряли будто крестьяне собираются, въ память автора *Тарасовой Ночи*, вырѣзать Поляковъ и Жидовъ. Паны доносили, что по Уманьскому уѣзду бродятъ съ оружіемъ три крестьянскія шайки, готовыя по знаку начать рѣзню. Доносы, заключавшіе въ себѣ обо всемъ этомъ самыя повидимому положительныя данныя, взволновали администрацію: самъ губернаторъ поскакалъ въ Каневъ и Умань для разузнанія въ чемъ дѣло; сдѣлано было распоряженіе о командированіи войскъ: и что же оказалось? Въ уѣздахъ царствовала полнѣйшая тишина; крестьяне, и не подозрѣвая небылицы возведенной на нихъ преданными правительству панами, спокойно занимались полевыми работами, и такъ мало думали о враждебныхъ противъ помѣщиковъ дѣйствіяхъ, что, по свидѣтельству губернатора, къ одному изъ нихъ, въ бывшій въ то время какой-то праздникъ, добровольно, даже безъ приглашенія, явились 300 крестьянъ на помощь и трудились цѣлыя сутки безъ всякаго вознагражденія. Вотъ каковы были разбойники, о которыхъ паны доносили въ Кіевъ и о которыхъ тоже производилась обширная переписка съ Петербургомъ. Къ счастію, высшее правительство не далось тогда въ обманъ, и его твердость спасла крестьянское дѣло и разрушила козни.

Нынѣшняя агитація *Вѣсти* противъ администраціи юго-западнаго края есть продолженіе интриги, наглость которой тѣмъ поразительнѣе теперь, что мы пережили съ тѣхъ поръ событія 1861—1864 года, и что въ Россіи есть уже и гласность, и общественное мнѣніе...

№ 205.

Москва, 21-го сентября.

Въ провинціи болѣе нежели въ столицахъ интересуются вопросомъ объ уравненіи постойной повинности и постройкѣ казармъ, и это весьма естественно. Тягость постойной повинности менѣе чувствительна въ столицахъ, гдѣ имѣются казармы, чѣмъ въ провинціи, гдѣ она выносится городскими и сельскими обывателями на своихъ плечахъ. Въ *Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ* встрѣтили мы вызванныя нашими замѣчаніями интересныя статьи объ уравненіи постойной повинности посредствомъ постройки казармъ. По мнѣнію *Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей* „уравненіе постойной повинности немыслимо „до тѣхъ поръ, пока въ мѣстахъ, на ко„торыя укажутъ стратегическія соображе„нія, не будутъ устроены казармы, кото„рыя могли бы вмѣстить всю многочислен„ную русскую армію. Еслибы земства каж„дой губерніи въ отдѣльности принялись „за постройку постоянныхъ помѣщеній для „войскъ, то оказалось бы, что одна гу„бернія понесетъ на этотъ предметъ въ „нѣсколько разъ болѣе затратъ чѣмъ дру„гая. Это было бы несправедливо и не „подъ силу многимъ земствамъ. Подобная „неравномѣрность между губерніями пред„полагаемыхъ затратъ болѣе всего удержи„ваетъ земства отъ какихъ бы то ни было „рѣшеній по этому вопросу. Итакъ, пер„вый шагъ для разрѣшенія его, какой мо„гутъ сдѣлать въ настоящее время зем„скія собранія, состоитъ въ ходатайствѣ „предъ высшимъ военнымъ управленіемъ, „чтобы было сдѣлано распредѣленіе войскъ „по губерніямъ, которое позволило бы су„дить на сколько одно земство несетъ тя„жесть квартирной повинности менѣе дру„гаго, и слѣдовательно на сколько одна „губернія должна помочь другой въ дѣлѣ „возведенія постоянныхъ помѣщеній для „войскъ. Само собою разумѣется, что въ „чрезвычайныхъ обстоятельствахъ нужно „предполагать отступленія отъ этого рас„предѣленія, но ужь и то хорошо, если „населеніе будетъ испытывать тяжесть по„стоя только въ чрезвычайныхъ случаяхъ. „Распредѣленіе войскъ по губерніямъ дастъ „возможность опредѣлить долю участія каж„дой изъ нихъ въ устройствѣ казармъ, къ „которому затѣмъ можетъ приступить зем„ство *съ помощію самихъ войскъ*. Войска „помогутъ рабочими руками, земство возь„метъ на себя остальное. Такъ какъ нѣтъ „крайней необходимости въ каменныхъ ка„зармахъ, то на первое время могутъ быть „построены деревянные бараки. Подобнымъ „образомъ, какъ кажется, можно достиг-

„нуть и не въ дальнемъ будущемъ пере-„ложенія постойной повинности, столько „необходимаго какъ для земства, такъ и „для военнаго управленія.“

Уравненіе постойной повинности посредствомъ постройки казармъ, вотъ формула, равно выражающая интересъ какъ правительства, такъ и земства. Комитетъ, состоявшій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ съ 1849 и работавшій десять лѣтъ, подъ предсѣдательствомъ лица, государственныя способности котораго внѣ всякаго сомнѣнія, не пришелъ ни къ какимъ значительнымъ результатамъ только потому что видѣлъ конечную цѣль своей задачи въ повсемѣстномъ переложеніи натуральной постойной повинности на деньги, а не разсматривалъ этого вопроса въ связи съ постройкой казармъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ, пока не будетъ построено казармъ, не будетъ возможности избѣжать натуральнаго и обязательнаго постоя, а слѣдовательно до тѣхъ поръ не можетъ быть уравнена и самая повинность.

Постройка казармъ для войскъ не только избавитъ земство отъ тяжкой и разорительной постойной повинности, не только соединитъ наше войско въ стройный организмъ, но оно сдѣлаетъ возможнымъ облегченіе самой тяжкой изъ натуральныхъ повинностей,—рекрутской. Теперь, когда солдаты разбросаны, въ теченіе большей части времени своей службы по обывателямъ, когда у нихъ пропадаетъ для службы и обученія отъ семи до восьми мѣсяцевъ въ году, срокъ дѣйствительной службы въ рядахъ арміи по необходимости чрезмѣрно дологъ. Нашъ солдатъ только послѣ 8 или 10-лѣтней дѣйствительной службы увольняется во временный или безсрочный отпускъ, тогда какъ прусскій солдатъ, напримѣръ, служитъ всего три года, послѣ чего перечисляется въ резервъ. Несмотря на такую огромную разницу, смѣло можно сказать, что наши войска (конечно за исключеніемъ гвардіи расположенной въ казармахъ) въ восемь лѣтъ службы имѣютъ менѣе времени для своего военнаго образованія нежели прусскія въ три года. Быстрота же, съ которою можно воспитать солдата, имѣетъ первенствующее вліяніе при установленіи отношенія между числомъ лѣтъ дѣйствительной службы и числомъ лѣтъ службы вообще. У насъ такимъ отношеніемъ для войскъ дѣйствующихъ можно принять 8 (время увольненія во временный отпускъ) къ 12, или какъ 2 : 3. *) Еслибы наша армія была расположена въ казармахъ, гдѣ войска живутъ скученно и имѣютъ всѣ средства для своего образованія, то и у насъ можно было бы, безъ всякаго сомнѣнія, принять за предѣльный срокъ дѣйствительной службы три, много четыре года, и тогда число лѣтъ дѣйствительной службы относилось бы къ числу лѣтъ всей службы, какъ 3 или 4 : 12 или какъ 1 : 3 или 4. Иными словами, тогда бы у насъ составъ войскъ мирнаго времени относился къ составу войскъ военнаго времени не какъ 2 : 3, а какъ 1 : 3 или 1 : 4. Намъ бы пришлось содержать въ мирное время не $^2/_3$ арміи военнаго времени, а только $^1/_3$ или $^1/_4$. По крайней мѣрѣ 200.000 человѣкъ находящихся теперь подъ ружьемъ были бы тогда свободны, и это отнюдь не было бы уменьшеніемъ арміи, а только выразило бы тотъ прогулъ, который имѣютъ теперь наши бездомныя войска въ зимнее время. Выгода отъ этого была бы огромная: содержаніе арміи обошлось бы нѣсколькими милліонами дешевле чѣмъ теперь, а страна пріобрѣла бы сотни тысячъ работниковъ, силы коихъ пропадаютъ теперь вполнѣ непроизводительно.

Если сравнить, въ какомъ положеніи находится вопросъ о казарменномъ размѣщеніи войскъ въ европейскихъ государствахъ и у насъ, наша отсталость рѣзко бросится въ глаза.

Въ Пруссіи постройка казармъ началась съ 1810 года, то-есть съ того времени, когда это государство вынуждено было измѣнить свою военную систему и довести до возможно-большей величины отношеніе между вооруженною силой мирнаго времени и вооруженною силой военнаго. Постройка казармъ шла настойчиво и дѣятельно, и теперь всѣ состоящіе на службѣ войска размѣщаются въ казармахъ. Натуральный постой удержанъ только для военнаго времени, а также при передвиженіяхъ войска и командъ. Даровато постоя не допускается сверхъ трехъ дней. За четыре дня домовладѣльцы уже получаютъ вознагражденіе отъ казны.

Франція приступила къ постройкѣ ка-

*) Для всей арміи, то-есть вмѣстѣ съ резервными и мѣстными войсками отношеніе состава войскъ мирнаго времени (по обыкновенно-мирному положенію) къ составу войскъ военнаго времени еще невыгоднѣе, именно какъ 3 : 4.

зармъ въ 1811 году, для чего былъ установленъ особый, временный налогъ въ 2 милліона франковъ. Народонаселеніе приняло эту мѣру съ большимъ сочувствіемъ, и каждый департаментъ хлопоталъ, чтобъ у него были построены казармы. Такое рвеніе понятно. Когда войска стоятъ не по обывателямъ, они не обременяютъ населеній, но стоянка ихъ содѣйствуетъ развитію нѣкоторыхъ отраслей промышленности и увеличиваетъ мѣстный сбытъ. Во Франціи даже для проходящихъ командъ устроены во многихъ мѣстахъ казармы, отчего постой въ натурѣ есть величайшая рѣдкость.

Въ Австріи болѣе $^3/_4$ арміи размѣщено въ казармахъ, постройка коихъ продолжается и теперь, по мѣрѣ накопленія особаго квартирнаго капитала. Только финансовыя затрудненія заставили Австрію замедлить возведеніемъ казармъ, но самый вопросъ о нихъ давно рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ. Натуральный постой хотя еще и держится тамъ въ незначительной степени, но онъ не даровой; жители получаютъ за него вознагражденіе достаточное для того чтобъ общества могли на выданныя деньги нанимать подъ постой войскъ частные дома, ничего не прибавляя отъ себя.

Въ Англіи также всѣ войска размѣщены въ казармахъ. Неприкосновенность семейнаго очага въ этой странѣ такъ велика, что когда въ экстренныхъ случаяхъ приходится размѣщать части войскъ или проходящія команды по обывателямъ, ихъ размѣщаютъ не иначе какъ по гостиницамъ и постоялымъ дворамъ. Англія представляетъ и другой примѣръ не менѣе для насъ поучительный: несмотря на блестящее положеніе финансовъ государства, казармы выстроены тамъ, хотя и съ удобствами, но весьма скромно. Войска, квартирующіе въ постоянномъ лагерѣ въ Альдершоттѣ, имѣютъ для своего помѣщенія деревянные бараки.

Быть-можетъ, впрочемъ, наша отсталость въ этомъ дѣлѣ будетъ для насъ не безполезна. Теперь конечно съ большею основательностью можно разрѣшить вопросъ о постройкѣ казармъ, нежели можно было сдѣлать это 20 лѣтъ назадъ. Теперь по всему пространству Россіи протянулись линіи желѣзныхъ дорогъ, и при постройкѣ казармъ мы, конечно, соберемъ войска значительными группами на важнѣйшихъ стратегическихъ пунктахъ страны. Съ другой стороны, мы воспользуемся, безъ сомнѣнія, многочисленными гигіеническими наблюденіями надъ казарменною жизнію и раціональнымъ устройствомъ казармъ вознаградимъ, хоть и поздно, Русскій народъ за то, что изо всѣхъ европейскихъ армій въ нашей была до сихъ поръ наибольшая смертность.

№ 206.

Москва, 23-го сентября.

А.

Возвращаемся еще разъ къ предмету статьи нашего послѣдняго №. Въ 1827 г. Государственный Совѣтъ, разсматривая вопросъ о размѣщеніи войскъ и о натуральной постойной повинности, нашелъ, что повинность эта является „главнѣйшею „преградою къ благосостоянію городскихъ „жителей; неувѣренность въ безпричастномъ пользованіи собственностью, необходимость, часто возобновляющаяся, уступать часть дома постояльцу, и безпокойство, нерѣдко наносимое послѣднимъ хозяину или его семейству, не только „удерживаютъ обывателей отъ улучшенія „ихъ жилищъ или отъ постройки ихъ вновь, „но заставляютъ многихъ запускать оныя, „а иногда даже оставлять города, продавая дома свои за безцѣнокъ.“ (Мнѣніе Госуд. Сов. 30-го декабря 1827 г.).

Слишкомъ 40 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ какъ высшее правительственное учрежденіе Имперіи осудило ненормальность и тягость натуральнаго постоя, и все-таки постойная повинность осталась какъ была. Она столько же обременяетъ города, какъ и за 40 лѣтъ передъ симъ, и распредѣлена точно также неравномѣрно. Наравномѣрность эта особенно видна на городахъ. Въ 1866 году число войскъ, квартировавшихъ въ городахъ и селеніяхъ Европейской Россіи, было слѣдующее:

	Въ городахъ.	Въ селеніяхъ
Генераловъ	517	9
Штабъ-и оберъ-офиц. .	18.997	5.523
Нижнихъ чиновъ . . .	490.000	180.000

Такимъ образомъ въ городахъ квартировало 511.150 человѣкъ, или 73% общаго числа войскъ, въ селеніяхъ 186.402 чело-

вѣка или 26% *). Если примемъ въ соображеніе соразмѣрность населеній городскаго и сельскаго, то выйдетъ, что города вообще въ семнадцать разъ болѣе обременены постоемъ нежели селенія, хотя, съ другой стороны, при неравномѣрности распредѣленія постоя, есть селенія обремененныя еще болѣе чѣмъ города. Намъ доводилось уже указывать на то, какъ тяжело падаетъ эта повинность на города и мы приводили въ примѣръ Псковъ, Кронштадтъ и Ораніенбаумъ, гдѣ, по заявленію земства, многіе домовладѣльцы значительную часть года не находятъ для себя помѣщенія въ собственныхъ домахъ. Такая тягость привела къ тому, что во многихъ городахъ, какъ намъ положительно извѣстно, городскія власти стали пользоваться постоемъ войскъ *какъ карательною мѣрой*, направляемою противъ домовладѣльцевъ неисправно отбывающихъ другія повинности. Такое назначеніе постоя служить карательною мѣрой не можетъ не быть оскорбительно для воинскихъ чиновъ. Неся на себѣ тяжесть службы и имѣя право на квартирное довольствіе, они не должны бы получать его въ видѣ кары для другихъ.

Казарменнымъ расположеніемъ у насъ пользуется только малая часть войска. Въ 1866 году въ казармахъ помѣщалось всего 118.472 человѣкъ, что составляетъ относительно общаго числа войскъ лишь 17%. Остальные 83% нашей арміи довольствовались квартирами по отводу отъ обывателей. Въ казармахъ расположены войска несущія внутреннюю службу, войска же дѣйствующія, за исключеніемъ гвардіи и части гренадеръ, разбросаны по деревнямъ. Казармы строились у насъ до сихъ поръ почти исключителнно казной, и правительство не разъ думало построить ихъ на всю армію. Въ 1828 году былъ учрежденъ, подъ предсѣдательствомъ графа Оппермана, особый комитетъ съ цѣлью избрать и назначить пункты для устройства постоянныхъ полковыхъ штабовъ и для уравненія повинностей губерній, гдѣ квартируютъ войска, съ тѣми кои свободны отъ постоя. Предположено было занять изъ опекунскихъ совѣтовъ сумму необходимую на возведеніе казарменныхъ зданій. Комитетъ задался самыми широкими размѣрами построекъ, высчитавъ что полковые штабы могутъ быть окончены въ двѣнадцать лѣтъ и обойдутся государству въ 46.800.000 р. асс.; затѣмъ ремонтъ, отопленіе и освѣщеніе ихъ стоило бы ежегодно 1.444.548 рублей. Въ предположенныхъ зданіяхъ помѣщались бы одни штабные чины, квартирное же довольствіе остальныхъ людей стоило бы сверхъ того ежегодно 5.475.354 руб. Еслибы проектъ графа Оппермана былъ приведенъ въ исполненіе, то казна должна была бы издержать въ первыя 12 лѣтъ 127.508.846 ассигнаціонныхъ рублей, а затѣмъ тратить ежегодно на квартирное довольствіе около 7.000.000 р. асс. Ничего нѣтъ поэтому удивительнаго, что тогдашніе министры финансовъ и внутреннихъ дѣлъ отказались отъ исполненія проекта, который вовсе не разрѣшалъ вопроса о казарменномъ размѣщеніи войскъ, оставлялъ по прежнему натуральный постой для дѣйствующихъ войскъ и обошелся бы казнѣ такъ дорого. Вообще наши казенныя постройки отличаются дороговизной и непрочностію; при постройкѣ же казармъ бывали случаи ничѣмъ не объяснимые. Командиръ корпуса внутренней стражи, генералъ Капцевичъ, придя къ убѣжденію въ необходимости размѣстить гарнизонныя (мѣстныя) войска въ казармахъ, предположилъ для начала построить въ Курскѣ казарму *для одной роты*. Первоначальная смѣта была исчислена въ 103.000 р. асс. Подвергнутая исправленію, смѣта вдругъ, къ общему удивленію, возрасла на 347.000 рублей, а самое зданіе съ торговъ было построено за 260.000 руб. Столь странное колебаніе цѣнъ и необыкновенная дороговизна остановили постройку помѣщеній для гарнизоновъ. Нѣкоторыя казармы оказывались такъ дурно выстроенными, что въ нихъ нельзя было жить. Напримѣръ, казармы въ Нижнемъ-Новгородѣ пятнадцать лѣтъ оставались совершенно необитаемыми отъ чрезвычайной сырости. При передѣлкѣ зданій въ казармы, требовались смѣтами инженеровъ такія суммы, которыя могли возбуждать только смѣхъ. Для помѣщенія ярославскаго гарнизоннаго баталіона, были куплены, напримѣръ, фабричныя зданія за 14.285 руб. и приспособлены за 47.242 рубля. Тотчасъ по постройкѣ, въ нихъ совершенно неожиданно понадобились дополнительныя работы и исправленія, потребовавшія сначала 29.364 руб., а потомъ еще 62.016 руб. сер. Наконецъ были даже случаи, что съ переводомъ войскъ въ казармы расходы, падавшіе на обывателей,

*) *Военн. Сборн.* 1867, декабрь.

не сокращались а возрастали. Именно такой случай былъ въ Саратовѣ, гдѣ съ переводомъ гарнизона въ казармы, издержки по содержанію его увеличились на 1.500 рублей въ годъ. Что же удивительнаго, если подобные случаи охлаждали общество въ стремленіи строить помѣщенія для войскъ?

Вообще, чтобы дѣло постройки казармъ шло успѣшно, необходимо, чтобъ оно велось самимъ земствомъ, при общемъ указаніи отъ правительства на тягость, которая должна пасть при равномѣрной раскладкѣ на каждую губернію, и при спеціальномъ указаніи со стороны военнаго министерства въ какомъ порядкѣ, гдѣ именно и въ какой совокупности слѣдуетъ располагать казарменныя постройки. Нѣтъ сомнѣнія, что земство сумѣетъ надлежащимъ образомъ распорядиться при постройкѣ казармъ. Ему есть изъ-за чего похлопотать: переходъ отъ натуральной постойнной повинности къ казармамъ представляетъ значительныя матеріальныя выгоды, и черезъ короткое время расходы земства сократятся значительно. Нельзя сомнѣваться также, что найдутся лица, которыя предложатъ свои капиталы на дѣло несомнѣнно выгодное во всѣхъ отношеніяхъ. Въ Сѣверной Америкѣ бо́льшая часть казармъ построена частными капиталистами. Комитетъ, состоявшій при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ съ 1849 по 1859 годъ, послѣ долгихъ изысканій, опредѣлилъ стоимость квартирнаго довольствія для нижняго чина въ 7 руб. с. въ годъ. Цифра эта не велика, потому что теперь каждый солдатъ довольствуется отъ хозяина приваркомъ, и обходится ему гораздо дороже, земскія же управы повсемѣстно цѣнятъ постой одного человѣка выше 7 р. Но и при семирублевой оцѣнкѣ квартирное довольствіе баталіона (вмѣстѣ съ нестроевыми) обходится въ годъ около 7.000 рублей. Капитализируя эту сумму изъ 10%, окажется, что на постройку казармъ для одного баталіона можно израсходовать капиталъ въ 70.000 руб., при чемъ земство будетъ ежегодно расходовать то же, что оно расходуетъ теперь, но освободится отъ натуральной повинности. Очевидно, что на 70.000 руб. у насъ, при сравнительной дешевизнѣ матеріаловъ, можно было бы построить не кое-какія, а даже роскошныя для одного баталіона казармы, чего впрочемъ вовсе не требуется.

Вскорѣ послѣ Восточной войны генералъ Данненбергъ сдѣлалъ предложеніе о постройкѣ для всей арміи деревянныхъ одноэтажныхъ казармъ. На основаніи сдѣланнаго въ его проектѣ смѣтнаго исчисленія, казармы для трехъ-баталіоннаго полка обошлись бы всего въ 75.000 руб., для кавалерійскаго полка (8-го эскадроннаго) во 100.000 р., артиллерійской бригады во 130.000 р.; постройка помѣщеній для всей арміи стоила бы 15.000.000 рублей. Въ пятнадцать лѣтъ проектъ могъ быть исполненъ совершенно незамѣтно и необременительно; но почему-то онъ былъ оставленъ безъ вниманія. Безошибочно можно сказать, что у насъ во многихъ мѣстахъ, при толковой постройкѣ, можно выстроить казармы за цѣну исчисленную генераломъ отъ инфантеріи Данненбергомъ. Всякій пойметъ, какія огромныя выгоды пріобрѣло бы государство отъ осуществленія этого проекта, когда теперь ежегодный расходъ на квартирную повинность составляетъ около половины суммы, на которую можно построить казармы.

Надобно надѣяться, что земство обратитъ вниманіе на вопросъ, который имѣетъ для него несомнѣнную важность, такъ какъ бо́льшая часть земскихъ сборовъ расходуется на квартирное довольствіе войскъ.

Б.

Въ первую половину минувшаго іюня, въ № 21 нашей *Современной Лѣтописи*, между другими фактами изъ недавняго прошлаго въ западномъ краѣ, сообщено было впервые краткое извѣстіе о несчастной жертвѣ примиренія нашей администраціи съ Поляками въ 1865 году, бывшемъ учителѣ Лядинскаго духовнаго училища, Терентіи Минкевичѣ. Недѣли черезъ двѣ послѣ того, мы получили письмо отъ одного изъ его родственниковъ, которое было напечатано вмѣстѣ съ вызванною имъ замѣткой въ № 152 *Московскихъ Вѣдомостей*. Заявленіе этого поразительнаго факта не могло, казалось намъ, остаться безъ послѣдствій для человѣка столь жестоко и столь невинно пострадавшаго за свою преданность правительству, если еще онъ оставался въ живыхъ. По крайней мѣрѣ оно могло послужить къ возстановленію его добраго имени; оно могло послужить также поучительнымъ указаніемъ для настоящаго. Но сообщая этотъ фактъ, мы старались

представить его какъ случайную ошибку. Мы никого не уличали, никого не обвиняли. Цѣль наша была главнымъ образомъ обратить на этотъ фактъ вниманіе ближайшихъ властей, которыя легко могли ознакомиться со всѣми его подробностями изъ находящихся въ Вильнѣ документовъ, возстановить истину и исправить вопіющую несправедливость прошлаго времени.

Заявленный нами фактъ дѣйствительно обратилъ на себя вниманіе виленской администраціи; но что послѣдовало? Послѣдовало то, что мы получили отъ виленскаго генералъ-губернатора, черезъ посредство главнаго управленія по дѣламъ печати, официіальное сообщеніе, которое вовсе не требовалось и которое мы, во избѣжаніе скандала, не стали бы печатать, еслибы не были обязаны къ тому закономъ, ибо оно въ читающей публикѣ могло возбудить только ненависть и презрѣніе къ правительству. Это официіальное сообщеніе ни въ чемъ не опровергало, ни исправляло сообщенныхъ нами свѣдѣній. Вся разница противъ нашего изложенія состояла только въ томъ, что официіальное сообщеніе какъ бы вновь осуждало Минкевича, клеймило его позоромъ и оправдывало постигшую его участь. Случайность прошлаго времени оно возводило въ принципъ, ошибку—въ правило.

Въ дополненіе къ обнародованнымъ нами свѣдѣніямъ, официіальное сообщеніе, ссылаясь на отзывъ данный о Минкевичѣ епархіальнымъ начальствомъ, присовокупило нѣсколько обстоятельствъ, которыя представляютъ его какъ человѣка дурнаго и буйнаго, въ родѣ того какъ *Вѣсть* и *Новое Время* изображаютъ мировыхъ посредниковъ и чиновниковъ удаляемыхъ теперь изъ сѣверо-западнаго края.

Если мы не могли не напечатать этого сообщенія, то не могли точно также оставить дѣло безъ объясненій, которыхъ требовали истина и достоинство правительства. Мы должны были указать на странныя противорѣчія заключающіяся въ самомъ этомъ документѣ, и сличили показанія сдѣланныя виленскимъ сообщеніемъ о Минкевичѣ, на основаніи отзыва о немъ отъ епархіальнаго начальства, съ самимъ этимъ отзывомъ, который намъ былъ извѣстенъ въ его подлинномъ видѣ. Оказалось, что содержаніе отзыва передано было въ официіальномъ сообщеніи совершенно невѣрно, причемъ систематически выпущено все что несомнѣнно и положительно свидѣтельствовало въ пользу несчастнаго Минкевича; всему же остальному придано несвойственное значеніе. Мы разсказали по неопровержимымъ документальнымъ свѣдѣніямъ всю его исторію, и намъ выпала странная обязанность защищать Минкевича отъ властей, вмѣнявшихъ ему въ безчестіе то, что онъ предупреждалъ правительство о злоумышленіи и измѣнѣ противъ Государя и государства.

Послѣ этого прошло болѣе мѣсяца, и только теперь газета *Вѣсть* (№ 106) сочла нужнымъ заговорить объ этомъ. Она сообщаетъ, что въ Вильнѣ „много толкуютъ о статьѣ *Московскихъ Вѣдомостей*, „въ которой сравнивается сообщенное отъ „главнаго управленія по дѣламъ печати „разъясненіе дѣла о сосланномъ въ Спасо-„Бѣлозерскую обитель г. Минкевичѣ съ „полнымъ текстомъ отзыва, даннаго о немъ „духовнымъ начальствомъ, изъ котораго „отзыва въ сообщеніи выписаны только „нѣкоторыя мѣста, клонящіяся къ обвиненію Минкевича, а пропущено то, что „могло бы служить къ его *извиненію* (?)....

Затѣмъ означенная газета, какъ бы отъ лица виленской администраціи, объясняетъ, что это произошло *безъ всякаго злаго умысла*, а только отъ того, что составитель сообщенія *не имѣлъ подъ рукою полнаго отзыва духовнаго начальства*, и могъ только пользоваться выпиской изъ него. Случай этотъ почтенная газета приписываетъ главнѣйше несовершенству заведеннаго въ Россіи способа дѣлопроизводства, и присовокупляетъ, что не самъ же „генералъ-„губернаторъ долженъ рыться въ архивахъ „чтобы извлекать оттуда матеріалы для „г. Каткова". (Какъ будто мы когда-нибудь просили г. виленскаго генералъ-губернатора извлекать для насъ матеріалы, и какъ будто вышеупомянутое сообщеніе было прислано намъ въ качествѣ матеріала!).

Но мы имѣемъ возможность положительнымъ образомъ опровергнуть показаніе виленскаго (официіальнаго?) корреспондента *Вѣсти*: полный отзывъ духовнаго начальства (отношеніе преосв. Михаила) и основанное на немъ представленіе въ Петербургъ о ссылкѣ Минкевича хранятся въ одномъ и томъ же дѣлѣ (№ 162). Къ тому же дѣло о Минкевичѣ весьма обстоятельно и дѣльно изложено въ особой докладной запискѣ также хранящейся при дѣлѣ. Мы не стоимъ за установленный у насъ поря-

докъ дѣлопроизводства, но въ этомъ случаѣ онъ нисколько не виноватъ. Дѣло тутъ вовсе не въ ошибкѣ чиновника, а въ томъ, что въ офиціальныхъ сферахъ Вильны, послѣ опытовъ 1863 года, продолжаютъ называть „извѣтомъ" показанія, которыя вполнѣ подтвердились на глазахъ всей Россіи, и предаютъ человѣка публичному позору за желаніе *показать свою приверженность правительству*.

№ 207.

Москва, 24-го сентября.

Вѣнское правительство совершенно перемѣнило свою политику относительно галицкихъ Поляковъ. О поѣздкѣ императора было уже возвѣщено офиціально; галицкій сеймъ назначилъ особенную сумму на пріемъ императора и императрицы; для торжественнаго въѣзда ихъ величествъ вызолотили вновь карету старыхъ польскихъ королей; но вдругъ въ Вѣнѣ одумались и совершенно перемѣнили образъ дѣйствій съ Поляками, къ величайшему изумленію неисправимыхъ безумцевъ эмиграціи, уже мечтавшихъ о скоромъ возстановленіи Польши въ предѣлахъ 1772 года.

Первымъ признакомъ этого поворота былъ отказъ императора Австрійскаго принять въ частной аудіенціи князя Чарторыйскаго. Съ тѣхъ поръ событія шли быстро одно за другимъ, и поворотъ совершился въ Вѣнѣ съ рѣшительностью, обычною въ дѣйствіяхъ г. фонъ-Бейста, этого *génie de l'apropos*, какъ его тамъ называютъ. На революціонныя постановленія галицкаго сейма, на адресъ вотированный во Львовѣ и провозглашавшій ни менѣе, ни болѣе какъ расторженіе монархіи, императоръ отвѣчалъ тѣмъ что отказался отъ предположенной поѣздки, а знаменитый графъ Агеноръ Голуховскій, который два года назадъ прибылъ, какъ самъ онъ сказалъ своимъ соотечественникамъ, за тѣмъ „чтобы вновь водрузить знамя, свергнутое въ Варшавѣ", послѣ небольшаго колебанія, уволенъ въ отставку. Отъявленный органъ польской эмиграціи, *Correspondance du Nord-Est*, гремитъ противъ Вѣнскаго кабинета и сердито объявляетъ, что одинъ изъ корифеевъ польской партіи, депутатъ Смолка, предложилъ въ сеймѣ отвѣчать на эти вѣнскія демонстраціи отказомъ выбрать депутатовъ, которыхъ Галиція должна послать въ имперскую думу. Это предложеніе не было принято, но одно то что оно было сдѣлано, уже достаточно свидѣтельствуетъ о расположеніи умовъ въ Галиціи.

Самые упрямые партизаны польскаго дѣла не могутъ не признать, что и въ этомъ случаѣ галицкіе Поляки и польскіе эмигранты оказали неизвинительную неловкость хвастовства и болтливости. Всего проще, логичнѣе и сообразнѣе съ ихъ такъ-называемыми интересами и съ обстоятельствами было бы соблюдать положеніе скромное, пользоваться примирительнымъ до слѣпоты расположеніемъ вѣнскихъ государственныхъ людей, дать императору Францу-Іосифу пріѣхать въ Краковъ, очаровать его оваціями, словомъ: слѣдовать примѣру Венгерцевъ и извлекать всевозможную выгоду изъ недальновидной политики г. фонъ-Бейста.

Ничего не бывало. Львовскимъ панамъ мало было губернатора угодливаго, почти сообщника, мало было что они добились самыхъ обширныхъ уступокъ, что помѣстили одного отъ своихъ въ министры, что захватили всю власть во Львовскомъ сеймѣ, откуда 25 русскихъ депутатовъ должны были удалиться въ нынѣшнюю сессію при самомъ началѣ преній, и что наконецъ запретили галицкимъ Русскимъ употреблять языкъ свой въ школахъ и администраціи. Они принялись шумѣть, кричать, судить и рядить, разглашать преждевременно о своихъ революціонныхъ и сепаратистскихъ видахъ. Такими предостереженіями они, разумѣется, должны были открыть Вѣнскому кабинету глаза. Главнымъ побужденіемъ перемѣнить образъ дѣйствій относительно Галиціи была, однакоже, для Вѣнскаго кабинета, повидимому, не внутренняя, а внѣшняя политика. Въ берлинской *National Zeitung*, отъ 1-го октября, мы нашли сужденія по поводу адреса Львовскаго сейма и несостоявшейся поѣздки императора, которыя кажутся намъ вѣрными, и мы приводимъ ихъ цѣликомъ:

„Предложенія, обсуждавшіяся въ галицкомъ сеймѣ во время приготовленій къ поѣздкѣ императора, были не слишкомъ ободрительнаго свойства; адресъ и резолюція, въ коихъ, хотя въ болѣе мягкой формѣ, выражена вполнѣ программа Смолки, имѣли въ виду привлечь большинство сейма; тѣмъ не менѣе посѣщеніе Галиціи императоромъ

еще не было отмѣнено. Г. фонъ-Бейстъ, даже въ виду обоихъ этихъ документовъ, очевидно не утратилъ довѣрія къ своей посреднической ловкости; но пренія объ адресѣ и резолюціи оказались опаснѣе чѣмъ самые эти документы; пренія начали переходить въ область внѣшней политики, и г. фонъ-Бейстъ вдругъ замѣтилъ опасность."

Рѣчь шла уже не о провинціальной самостоятельности, а о томъ чтобы Галиція была начаткомъ будущаго польскаго государства. Въ этомъ сходились всѣ, не исключая и намѣстника. Продолжаемъ выписку изъ *National Zeitung*:

„Графъ Голуховскій, въ своей рѣчи противъ предложеній объ адресѣ съ начала до конца развивалъ программу возстановленія Польши, и неоднократно напиралъ на то, что и онъ считаетъ Галицію только частью великаго польскаго государства и что ея политика должна быть направлена къ тому, чтобы съ данными средствами, возвратить недостающія части Польши. Намѣстникъ въ своей рѣчи возстаетъ противъ австрійской федераціи, преимущественно потому что: „федерація не сподручна для польской націи, ибо", прибавилъ онъ, „здѣсь, господа, мы почитаемся „частью Польши, а создать федеративный „организмъ значило бы навсегда заградить „намъ будущность, правда кроющуюся покамѣсть въ туманѣ, но все-таки возможную". Мнѣніе, что федеративное положеніе Галиціи въ средѣ Австрійской имперіи несовмѣстно съ интересами всей великой Польши, заявляется въ рѣчи намѣстника нѣсколько разъ и нетрудно изъ сказанныхъ словъ разгадать невысказанную его мысль, что на Галиціи лежитъ патріотическій долгъ дѣйствовать за возстановленіе Польши силами всей Австрійской имперіи." . . . .

„Сколько намъ извѣстны образъ дѣйствій г. фонъ-Бейста и ходъ австрійской политики, отмѣна поѣздки императора къ которой уже сдѣланы были всѣ приготовленія, не послѣдовала бы такъ внезапно, еслибы Поляки нападали только на конституцію; но въ виду могущаго послѣдовать серіознаго раздора съ иностранными державами, хотя бы съ одною Россіей, всѣ прочія соображенія должны были умолкнуть."

Чему же мы обязаны такимъ вниманіемъ Вѣнскаго кабинета? Въ теченіе десяти лѣтъ Австрія чуть не въ десятый разъ играетъ польскимъ огонькомъ, то раздувая его, то стараясь погасить, то оставляя тлѣть подъ золою самыхъ нелѣпыхъ сдѣлокъ. При каждой такой попыткѣ Австрія бывало обожжетъ себѣ пальцы; но едва пальцы заживутъ, она сызнова начинаетъ ту же игру, которая влечетъ за собою дѣйствительныя опасности и для самой Австріи, и для Поляковъ. По этому поводу, въ одной изъ послѣднихъ книжекъ *Revue des Deux Mondes* (15-го сентября) содержатся откровенія, тѣмъ болѣе интересныя, что они вышли отъ одного изъ самыхъ рьяныхъ приверженцевъ польскаго дѣла.

Вотъ въ какихъ выраженіяхъ г. Клячко, въ недавней статьѣ своей *Les Préliminaires de Sadowa*, описываетъ роль, которую Австрія играла въ 1863 во время послѣдняго польскаго мятежа:

„Къ несчастію, Тюльерійскому кабинету „не удалось сохранить до конца сдержан„ность, которую онъ соблюдалъ въ первое „время (польскаго мятежа). Народное вол„неніе во Франціи, шумныя и нѣсколько „лукавыя демонстраціи Англіи ставили его „въ положеніе тягостное и тревожное; *но „болѣе всего онъ былъ сбитъ съ толку и „увлеченъ въ послѣдствіи страннымъ об„разомъ дѣйствій Австріи*. Дѣйствитель„но, къ изумленію всего міра, вѣнское „правительство нисколько не пугалось поль„скаго мятежа, не мѣшало ему, даже за„мѣтнымъ образомъ благопріятствовало... „Такимъ образомъ положеніе принимало „видъ совершенно новый, и г. Друэнъ-де„Люису это показалось *лучемъ свѣта*. Онъ „внезапно усмотрѣлъ возможность пред„принять, общe съ австрійскимъ прави„тельствомъ, дѣло справедливости, возста„новленія, *хорошей политики*, и началъ „дѣйствовать въ пользу Польши. Конечно, „въ этомъ несчастномъ походѣ француз„скій кабинетъ впалъ во многія ошибки и „провинился въ разныхъ двуличностяхъ; „конечно, вѣроломный образъ дѣйствій „Сентъ-Джемскаго кабинета въ этомъ ди„пломатическомъ турнирѣ заслуживаетъ „приговора еще болѣе строгаго; но нельзя „отрицать, что особенно на Вѣнскомъ ка„бинетѣ лежитъ отвѣтственность за послѣд„нюю кровавую трагедію. Австрія могла, „отказавшись отъ предложеній Франціи и „принявъ простыя административныя мѣры, „объявивъ Галицію на военномъ положе„ніи, остановить мятежъ съ самаго нача-

„ла. Этимъ сохранила бы она много польской крови, а Францію сберегла бы отъ „глубокаго уничиженія. Но человѣкъ завѣдывавшій тогда австрійскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ не умѣлъ рѣшиться ни на какой добросовѣстный поступокъ; онъ видѣлъ въ польскомъ дѣлѣ „только случай подразнить Россію и компрометтировать Францію, не замѣчая, что „этимъ онъ подвергаетъ опасности самое „существованіе Австріи."

Такъ представляется дѣло г-ну Клячко съ польско-французской точки зрѣнія. Совершенно вѣрно, что въ началѣ польскаго мятежа Франція дѣйствовала сдержанно, и что лишь въ послѣдствіи она была увлечена и *сбита съ толку* положеніемъ, которое приняли Англія и Австрія. Но останавливаться въ объясненіи событій на австрійской двуличности не значитъ, конечно, доходить до сущности дѣла. „Подразнить Россію, компрометтировать Францію", это недостаточныя объясненія для дѣйствій, подвергавшихъ опасности „самое существованіе Австріи." Вѣрнѣе будетъ толкованіе, если спросить кому эти дѣйствія принесли выгоду. Сбивали Францію съ толку двѣ державы, Англія и Австрія. Что выиграла Австрія? Ничего; она только нажила себѣ Садовую, какъ замѣтилъ г. Клячко. Что же касается Англіи то она достигла своей цѣли. Ее заботили сближеніе Россіи и Франціи, и она его разстроила. Ей было желательно чтобъ усилилась Пруссія въ центрѣ Европы, а Австрія была направлена на Востокъ: первое сбылось; второе, что называется на мази. Изъ этого можно заключить, что не природная двуличность, —неразлучная впрочемъ принадлежность державы принужденной держаться на балансѣ,—не безкорыстное желаніе дразнить и компрометтировать другихъ побудили Австрію къ ея дѣйствіямъ въ 1863 году, а вліяніе англійской политики. Это же вліяніе, надобно думать, лежитъ и теперь въ основаніи крутаго поворота австрійской политики въ отношеніи къ польскому вопросу. Странно думать, чтобы рѣчи Львовскаго сейма были сюрпризомъ для барона Бейста и могли переполошить его. Но Англія всѣми мѣрами старается, чтобы Франція осталась особнякомъ, окруженная всѣми возможными затрудненіями, а Австрія оставалась пока въ ладахъ и съ Россіей, и съ Пруссіей. Безтолковая шумливость есть всегдашняя принадлежность совѣщаній о томъ, что не осуществимо. Рѣзко проявившись на Львовскомъ сеймѣ, она только подтвердила, что изъ польскаго дѣла ничего выйдти не можетъ. Для австрійскаго правительства это не было новостью и ужь конечно не испугало его. Это могло быть только поводомъ къ перемѣнѣ политики, а причину перемѣнъ, кажется, должно искать въ общихъ комбинаціяхъ международныхъ отношеній Европы.

№ 208.

Москва, 22-го сентября.

А.

Въ нынѣшнемъ сентябрѣ истекаетъ первое трехлѣтіе со времени введенія земскихъ учрежденій. Припоминая теперь въ общихъ чертахъ все сдѣланное этими органами нашего молодаго самоуправленія, нельзя, правда, указать на особенное обиліе достигнутыхъ результатовъ: большею частью видны только начатки и приступы къ дѣлу; программа, предначертанная земству въ статьяхъ 2-й (XIV пунктовъ), 62-й (VIII пунктовъ) и 64-й (VII пунктовъ) Положенія, отнюдь еще не исполнена во всѣхъ своихъ подробностяхъ; насущные вопросы земской жизни,—о повинностяхъ, о народномъ образованіи, о народномъ здравіи и продовольствіи, и т. п., — во многихъ мѣстностяхъ еще только поставлены, и переходятъ, въ видѣ вопросовъ же, къ новымъ земскимъ представителямъ. Но не должно забывать, что работа земскихъ строителей, вообще не легкая, была еще болѣе затруднена и осложнена тѣми условіями, при коихъ имъ сдано было земское хозяйство: они вступали въ завѣдываніе имуществомъ, которое дотолѣ было на рукахъ не хозяевъ-собственниковъ, заботливыхъ и рачительныхъ, а наемныхъ управляющихъ, лицъ большею частію вовсе не заинтересованныхъ въ процвѣтаніи ввѣреннаго имъ добра, и потому не очень то радѣвшихъ о его пользахъ и нуждахъ. Съ первыхъ, еще не твердыхъ, шаговъ своихъ, земство нашло хозяйство запущеннымъ и разстроеннымъ. Приходилось начинать сызнова почти по каждой отрасли земской дѣятельности, отъ улучшенія дорогъ и мостовъ до пополненія хлѣбныхъ запасовъ и распространенія оспопрививанія.

Не слѣдуетъ также забывать, что земское дѣло, почти съ самаго начала своего, встрѣчало затрудненія еще другаго рода. Всѣмъ памятны тѣ пренія, которыя были вызваны въ земскихъ собраніяхъ измѣненіемъ статей 9-й и 11-й Временныхъ Правилъ, въ силу указа 21-го ноября: только-что возникшее земство было стѣснено въ своихъ дѣйствіяхъ и ограничено въ своихъ распоряженіяхъ въ пользу одной благопріятствуемой группы того же земства, чѣмъ внесенъ пагубный зародышъ розни въ молодое, еще не окрѣпшее учрежденіе, котораго преуспѣяніе всего болѣе зависитъ отъ согласнаго и дружнаго содѣйствія всѣхъ входящихъ въ него составныхъ частей. Равнымъ образомъ неблагопріятны были для земскихъ учрежденій другія узаконенія, касавшіяся порядка и дисциплины въ земскихъ собраніяхъ и опубликованія въ печати происходившихъ въ нихъ преній, заслушанныхъ докладовъ и т. п. Извѣстно, что на основаніи этихъ законовъ, власть губернатора, которой и безъ того, еще въ первоначальномъ Положеніи, удѣлялось такъ много мѣста, усилена еще болѣе въ ущербъ земству; что значительно расширены дисциплинарныя права предсѣдателей собраній, которые занимаютъ свое мѣсто не какъ члены всесословнаго земства, а въ качествѣ представителей лишь одного сословія, что иногда подвергаетъ ихъ искушенію вносить въ занятія земскихъ собраній духъ партіи и сословнаго интереса. Неблагопріятное для земскихъ учрежденій направленіе помянутыхъ мѣръ, и въ особенности ограниченіе гласности, которая есть для нихъ то же что воздухъ для организма, подѣйствовали на нихъ мертвящимъ образомъ, и имъ досталось влачить свое существованіе безъ силы, безъ одушевленія, безъ сочувствія. Сколько разъ приходилось читать и слышать, что такое-то собраніе съ трудомъ насчитало законную треть своихъ членовъ, а такое-то и вовсе не могло состояться за недостаточностію своего численнаго состава! При такихъ обстоятельствахъ, вопросы естественно не могли разсматриваться съ тою основательностію и многосторонностію, къ какимъ быть-можетъ пришло бы собраніе въ полномъ своемъ составѣ, благодаря разнообразію воззрѣній и большей опытности, которыя не преминули бы сказаться въ его постановленіяхъ.

Нынѣшняя организація земскихъ управъ и сложившійся въ большинствѣ ихъ распорядокъ должностей также, какъ кажется, не вполнѣ соотвѣтствуютъ условіямъ плодотворной дѣятельности. Опредѣляя составъ управъ, уѣздныхъ и губернскихъ, Положеніе (ст. 46 и 56) не дѣлаетъ никакой разницы въ правахъ и объемѣ власти предсѣдателя и членовъ, и только относительно дѣлопроизводства предоставлены власти предсѣдателя преимущественно „распоряженія о собираніи свѣдѣній, приготовленіи дѣлъ къ докладу и тому подобныя исполнительныя дѣйствія“ (ст. 96). На практикѣ, однако, устройство управъ легко можетъ принять, и нерѣдко дѣйствительно принимаетъ, видъ напоминающій собою присутственныя мѣста стараго порядка, гдѣ *вся* распорядительная власть сосредоточена въ рукахъ предсѣдателя, а прочіе члены коллегіи носятъ характеръ совѣтниковъ и подчиненныхъ ему помощниковъ. Организація земскихъ управъ въ нѣкоторомъ смыслѣ есть, дѣйствительно, сколокъ съ присутствій стараго порядка, коллегіальное устройство коихъ не имѣетъ ничего общаго со съѣздами мировыхъ посредниковъ или мировыхъ судей: здѣсь каждый членъ съѣзда, въ своей сферѣ, есть власть самостоятельная и единоличная, а предсѣдатель съѣзда является лишь звеномъ смыкающимъ воедино самостоятельныхъ дѣятелей, между тѣмъ какъ въ прежнихъ присутствіяхъ на предсѣдателѣ лежала вся власть и вся отвѣтственность, членамъ же оставалось только слѣдовать его воззрѣнію. Всѣмъ хорошо извѣстенъ характеръ нашего старо-коллегіальнаго порядка: либо полное самовластіе предсѣдателя (часто секретаря), либо полное бездѣйствіе власти, что нисколько не лучше.

При широкой рамѣ, въ какую организація управъ поставлена Положеніемъ (ст. 99) и правилами о порядкѣ приведенія его въ дѣйствіе (ст. 67, 78 и др.), казалось бы, устройство ихъ, наклонное при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ легко выродиться въ присутствіе прежняго времени, могло бы быть легко соглашено съ новымъ, болѣе жизненнымъ устройствомъ мировыхъ учрежденій. Въ этихъ видахъ слѣдовало бы прежде всего придать болѣе самостоятельности единоличной дѣятельности членовъ управъ и достигнуть этого было бы можно раздѣленіемъ между ними занятій, съ общаго ихъ

согласія, такъ чтобы каждый изъ нихъ орудовалъ своею отдѣльною частію, неся личную отвѣтственность за свои распоряженія, подобно тому какъ мировые судьи дѣйствуютъ каждый самъ по себѣ и сами же избираютъ изъ своей среды предсѣдателя съѣзда. При такомъ распорядкѣ отдѣльныхъ частей управленія, легко можетъ случиться, что одинъ членъ управы возьметъ на себя два отдѣла, между тѣмъ какъ другой откажется отъ опредѣленнаго занятія и отъ постояннаго жалованья, а приметъ на себя исполненіе лишь временныхъ порученій и удержитъ за собою право голоса въ коллегіальныхъ совѣщаніяхъ, подобно почетнымъ мировымъ судьямъ. Дѣло отъ этого ничего не потеряло бы, а сужденія земскихъ съѣздовъ много выиграли бы въ зрѣлости.

Наконецъ, трехлѣтній опытъ доказалъ, что многія занятія управъ требуютъ отъ ихъ членовъ болѣе разъѣздовъ чѣмъ постояннаго пребыванія въ городѣ, и что дѣятельность ихъ вообще имѣетъ скорѣе характеръ временныхъ трудовъ чѣмъ ежедневной канцелярской службы присутственныхъ мѣстъ. Только завѣдываніе письменною и казначейскою частями условливаетъ болѣе или менѣе неотлучное нахожденіе при управѣ; остальныя же занятія, какъ-то: дороги, страхованіе, школы, народное продовольствіе, собираніе статистическихъ свѣдѣній и пр., отнюдь не требуютъ ежедневной явки въ помѣщеніе управы и сидѣнья по нѣскольку часовъ въ ея канцеляріи. При подобной, болѣе независимой, постановкѣ членовъ управъ и возможности жить у себя дома и заниматься собственнымъ хозяйствомъ, найдется, навѣрно, гораздо болѣе желающихъ идти на эту службу даже при болѣе ограниченномъ содержаніи отъ земства.

Мы не думаемъ дѣлать здѣсь длинный перечень всѣмъ тѣмъ, болѣе или менѣе неблагопріятнымъ, условіямъ, среди коихъ земскимъ учрежденіямъ приходилось начинать и вести далѣе свое многотрудное дѣло; довольствуемся краткимъ указаніемъ наиболѣе общихъ причинъ, задерживавшихъ и стѣснявшихъ дѣятельность учрежденія, которому могла бы предстоять плодотворная будущность. Всякій жизненный и способный къ развитію институтъ почерпаетъ въ сознаніи своихъ недостатковъ силу для своего улучшенія, и минувшее трехлѣтіе не останется, будемъ надѣяться, безслѣдно-прожитымъ моментомъ. Къ тому же, вступая въ новый трехлѣтній періодъ, земство найдетъ доброжелательную опору въ мировомъ судѣ, благодѣянія коего должны вскорѣ, по силѣ недавняго указа, распространиться на всѣ мѣстности, гдѣ дѣйствуютъ земскія учрежденія. Этой солидарности между двумя институтами, земскимъ и судебно-мировымъ, земство, конечно, не можетъ не сознавать. Беремъ изъ записки предсѣдателя Харьковской уѣздной земской управы, по поводу открытія мировыхъ судебныхъ учрежденій въ Харьковскомъ уѣздѣ, слѣдующія слова, которыя показываютъ какія земство возлагаетъ надежды на введеніе новаго суда: „Земство въ короткое „время своей дѣятельности убѣдилось, что „его хозяйство не имѣетъ надежной ограды и стражей. Наше общественное добро „имѣетъ много непріятелей! Скажу откровенно: наша земская собственность сильно нуждается въ защитѣ закона, и земскія учрежденія возможны только въ связи съ новыми судебными установленіями; „въ противномъ случаѣ, посѣянное на земской нивѣ будетъ вытравлено овражками. „Едва успѣемъ построить мостъ, какъ „тутъ же изъ рукъ строителей вытаскиваютъ бревна и скобы желѣзныя: днемъ „строится, ночью разрушается — это работа Данаидъ!“

Б.

Обращаясь къ „форуму просвѣщеннаго міра,“ предводитель лифляндскаго рыцарства писалъ еще 5-го (17-го августа), по дѣлу избитаго лѣсничаго Пруссака, что „дѣло это рѣшено въ высшей провинціальной инстанціи“. Достоинство званія, должно быть, не позволяло ему спуститься въ юдоль юридическихъ мелочей. Мѣсто — Лифляндія, вѣдомство — судебное: вотъ указанія, коими должна была удовлетвориться воспріявшая означенный протестъ *Крестовая Газета*. Для разрѣшенія загадки, Пруссакамъ, германскимъ или кельнскимъ, предоставлялось съѣздить въ Лифляндію, гдѣ „каждый, кого это дѣло интересуетъ, можетъ убѣдиться *какимъ образомъ* въ балтійскихъ провинціяхъ администрируется правосудіе и законъ.“

При нынѣшней легкости сообщеній, дѣ-

ло было и просто, и легко, и незатѣйливо. Однако *Крестовая Газета*, несмотря на всю свою слабость къ рыцарству вообще и къ лифляндскому въ особенности, не удовлетворилась этимъ объясненіемъ. Ей пришла странная мысль попросить г. лифляндскаго губернскаго предводителя, чтобъ онъ самъ обезпокоился наведеніемъ этихъ справокъ. Но вождь меченосцевъ не призналъ нужнымъ внять просьбѣ своего берлинскаго доброжелателя. Злословіе журнальнаго скептицизма приписало это величавое молчаніе просто боязни обмолвиться чѣмъ-нибудь нелестнымъ для остзейской Ѳемиды. Къ счастію, мѣсто предводителя поспѣшилъ заступить въ нѣмецкой заграничной печати другой рыцарь, правда, съ опущеннымъ забраломъ, который тѣмъ не менѣе принесъ наконецъ своимъ братьямъ „великой нѣмецкой семьи" отрадное извѣстіе по дѣлу объ истоптанномъ и обманутомъ прусскомъ работникѣ. „*Наконецъ* могу извѣстить васъ," пишутъ изъ Риги, отъ 21-го сентября, въ *Кельнскую Газету*, „что сообщенное *недавно* (neulich, — то-есть 25-го іюня!) газетою *Norddeutsche* „*Zeitung* приключеніе между лифляндскимъ „помѣщикомъ, г. фонъ-Л***, и его лѣс„ничимъ, прусскимъ подданнымъ, рѣшено „*недавно* (neuerdings) въ здѣшнемъ гофге„рихтѣ, *въ пользу послѣдняго* (то-есть лѣс„ничаго), и г. фонъ-Л*** преданъ проку„рорской власти для преслѣдованія его „уголовнымъ порядкомъ. До сихъ поръ, „слѣдовательно, нѣтъ основанія сомнѣ„ваться въ *безпристрастіи* нашихъ су„довъ."

Итакъ, балтійская Ѳемида, продремавъ полтора года, проснулась: горе виновнымъ! Дѣло *будетъ* разсматриваться уголовнымъ порядкомъ. Правда торжествуетъ, и избитому Пруссаку остается только засвидѣтельствовать предъ редакціей *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, что вопреки ея обвиненіямъ въ остзейской не-Россіи, съ „нѣмецкою культурой", для рабочаго люда *есть судъ*. Мы съ своей стороны также получили изъ Риги свѣдѣнія, которыя спѣшимъ передать *Крестовой Газетѣ*, въ надеждѣ избавить ея читателей отъ издержекъ и хлопотъ поѣздки за справками въ Ригу. Избитый Пруссакъ былъ привезенъ къ *орднунгсрихтеру* города Дерпта, въ средоточіе балтійскаго просвѣщенія и Rechtsbewusstseins, что однако нисколько не помѣшало процедурѣ начаться съ предварительнаго заключенія лѣсничаго *на три дня* въ тюрьму. Затѣмъ Пруссакъ подалъ жалобу въ дерптскій *ландесгерихтъ* (земскій судъ). Сіе почтенное судилище рѣшило, что дѣло представляетъ двѣ стороны: грубости сказанныя рабочимъ рыцарю фонъ-Л***, и истязанія нанесенныя рыцаремъ рабочему. *Ландесгерихтъ* приговорилъ Пруссака къ *двухмѣсячному тюремному заключенію*, а постановить приговоръ о г. фонъ-Л***, какъ о дворянинѣ, призналъ себя некомпетентнымъ, и предоставилъ эту сторону дѣла рижскому *гофгерихту*. Итакъ, прусскій рабочій достигъ своею жалобой пока только того, что его же посадили въ тюрьму, гдѣ онъ могъ въ полной мѣрѣ оцѣнить „безпристрастіе" остзейской Ѳемиды. Кому извѣстно какъ ведутся процессы въ *гофгерихтѣ*, тотъ могъ быть увѣренъ, что дѣло это затянулось бы по крайней мѣрѣ лѣтъ на шесть. Но вдругъ появились сердитыя статьи въ прусскихъ газетахъ; заговорилъ личный органъ графа Бисмарка; отозвалась и русская печать. Тутъ вспомнили о Дамокловомъ мечѣ судебной реформы, противъ которой столь энергически протестуетъ балтійская „культурная жизнь" въ борьбѣ съ русскимъ „варварствомъ". *Гофгерихтъ* рѣшился дѣйствовать съ совершенно несвойственною ему быстротой и энергіей, и г. фонъ-Л***, видя что ему предстоитъ участь агнца приносимаго въ жертву на алтарь германскаго патріотизма и за неприкосновенность „учрежденій и положенія края", которыя отстаивали въ *Крестовой Газетѣ* вождь лифляндскаго рыцарства и въ *Кельнской Газетѣ* ея рижскій корреспондентъ, — рѣшился предпочесть всякій другой исходъ. Онъ вдругъ объявилъ, что подаетъ жалобу въ правительствующій сенатъ. Это послѣднее обстоятельство, не бывалое въ лѣтописяхъ балтійской „культурной жизни", гдѣ судъ и слѣдствіе всегда считались дѣломъ домашнимъ, очень оскорбило собратьевъ г. фонъ-Л***, и они всячески теперь склоняютъ его отказаться отъ этого намѣренія... Между тѣмъ мечъ остзейской Ѳемиды продолжаетъ оставаться безсильнымъ противъ благороднаго рыцаря, а Пруссакъ, жертва „звѣрскаго поступка", какъ выражались прусскіе органы, отсидѣвъ два мѣсяца въ тюрьмѣ, дѣйствительно можетъ засвидѣтельствовать своему правительству, „какимъ образомъ администрируется судъ

и законъ" въ балтійской не-Россіи. Повторяемъ сказанное прежде: если подобное дѣло приключилось съ прусскимъ подданнымъ, то какова же должна быть доля туземныхъ рабочихъ, латышскихъ и эстонскихъ бобылей?...

№ 209.

Москва, 27-го сентября.

Приговоръ суда по дѣлу Алексѣева поразилъ многихъ изъ бывшей на судѣ публики своею строгостью. Вообще, какъ мы уже имѣли случай высказать по поводу вопроса о смертной казни, наши уголовные законы отличаются скорѣе излишнею мягкостью сравнительно съ уголовными кодексами другихъ странъ относительно преступленій смертоубійства. Самою высшею мѣрой наказанія за предумышленное убійство хотя бы десяти человѣкъ полагается у насъ двадцать лѣтъ каторжной работы. Исключеніе сдѣлано лишь для вторичнаго убійства послѣ наказанія за разъ совершенное умышленное убійство, а также для умышленнаго убійства родственниковъ восходящей или нисходящей прямой линіи, мужа и жены, и родныхъ брата, сестры, дяди и тетки, за что назначена каторжная работа безъ срока. По буквѣ закона Алексѣевъ подлежалъ сему послѣднему наказанію, но такъ какъ присяжными выговорено для него снисхожденіе, то судъ спустился въ лѣстницѣ наказаній на двѣ степени, назначивъ наказаніе въ самой низшей мѣрѣ данной степени, то-есть по 3-й степени ст. 19 Улож. о нак. Однимъ словомъ, судъ, въ предѣлахъ предоставленной ему закономъ власти, сдѣлалъ все для него возможное дабы облегчить участь подсудимаго. Если тѣмъ не менѣе приговоръ суда поражаетъ своею строгостью, то причина того заключается въ нашемъ уголовномъ законѣ, который, возвышая столь значительно наказаніе за убійство одного изъ супруговъ другимъ, не дѣлаетъ никакого различія между тою или другою побудительною причиной убійства. Въ этомъ заключается одна изъ важнѣйшихъ недомолвокъ, довольно многочисленныхъ въ нашемъ Уложеніи о наказаніяхъ, несмотря на то что въ немъ считается не менѣе 1711 статей *). Убійство посторонняго человѣка изъ-за какого-либо гнуснаго побужденія, напримѣръ корысти, конечно легче чѣмъ убійство изъ тѣхъ же побужденій однимъ супругомъ другаго, и тутъ понятна громадная разница между каторгой отъ 15 до 20 лѣтъ, полагаемою за первое, и пожизненною каторгой за второе. Но мужъ убившій жену въ порывѣ безумной ревности едвали заслуживаетъ, по справедливости, наказанія вдвое или втрое болѣе тяжкаго**) чѣмъ убійца умертвившій свою жертву съ цѣлью завладѣть ея имуществомъ. Если Алексѣевъ приговоренъ къ наказанію не болѣе тяжкому чѣмъ простой убійца, то это случилось лишь благодаря большому простору въ назначеніи размѣра наказанія предоставленному судебной власти Уставомъ Уголовнаго судопроизводства. Но этимъ указанная недомолвка въ Уложеніи о наказаніяхъ не вполнѣ устранена. При смягченіи наказанія Алексѣеву на двѣ степени, вслѣдствіе приговора присяжныхъ, судъ все-таки принялъ за норму наказаніе положенное ст. 1451 Улож. о нак., то-есть каторгу безъ срока, а между тѣмъ въ преступленіи, подобномъ тому которое совершилъ Алексѣевъ, родственное отношеніе къ жертвѣ преступленія можетъ служить скорѣе къ уменьшенію чѣмъ къ отягченію его вины. Еслибъ убійство изъ ревности приравнено было къ убійству въ запальчивости и раздраженіи, тогда суду предстояло бы, принявъ за норму наказаніе положенное въ 1455 ст. Улож. о нак. и затѣмъ спустившись ниже на 2 степени, назначить Алексѣеву наказаніе по степ. 6-ой 19 ст. Уложенія, то-есть каторжную работу отъ 6 до 8 лѣтъ. Это наказаніе, хотя все еще быть-можетъ слишкомъ строгое въ данномъ случаѣ, было бы все-таки ближе къ справедливости чѣмъ положенное ему теперь. Чтобъ убѣдиться въ суровости приговора произнесеннаго надъ Алексѣевымъ стоитъ только припомнить, что Мазуринъ приговоренъ всего къ пятнадцати годамъ каторги, а Даниловъ къ

*) Изъ этихъ 1711 статей около 1200 посвящены преступленіямъ и проступкамъ противъ порядка управленія, общественнаго благоустройства и благочинія, и имущества, и доходовъ казны. Французскій уголовный кодексъ имѣетъ всего 462 статьи, прусскій 331 параграфъ, италіянскій 684 статьи.

**) Говоримъ, вдвое или втрое, потому что убійство изъ ревности совершается большею частью молодыми людьми.

девяти годамъ! Эти приговоры произнесены Московскимъ окружнымъ судомъ почти въ томъ же составѣ, что и по дѣлу Алексѣева, и оба эти приговора были формально столь же согласны съ буквой закона, какъ и теперешній. Скажемъ болѣе: по дѣлу Данилова и Мазурина судъ дошелъ до крайнихъ предѣловъ строгости предоставленной ему закономъ, и если тѣмъ не менѣе Даниловъ понесъ наказаніе несоотвѣтственное гнусности его двойнаго убійства, то лишь благодаря тому, что онъ воспользовался льготой предоставляемою закономъ несовершеннолѣтнимъ недостигшимъ 21 года, хотя ему было уже слишкомъ 20 лѣтъ, и онъ, по своей нравственной порчѣ, отнюдь не заслуживалъ этой льготы. Тутъ раскрылся другой важный недостатокъ Уложенія, опредѣляющаго уголовное совершеннолѣтіе a priori и притомъ черезчуръ далеко сравнительно напримѣръ съ французскимъ кодексомъ, по которому уголовное совершеннолѣтіе опредѣлено въ 17 лѣтъ.

Именно въ виду такихъ недостатковъ и недомолвокъ закона, высокое призваніе судьи заключается въ томъ, чтобы не довольствуясь буквой закона, взвѣсить нравственнымъ чутьемъ индивидуальную вину подсудимаго, и, насколько возможно въ предѣлахъ положительнаго закона, подвергнуть его той карѣ, которую онъ по совѣсти дѣйствительно заслуживаетъ.

Если наименьшая мѣра наказанія, которая опредѣлена Алексѣеву на основаніи такъ-сказать ариѳметическаго подбора статей закона, является черезчуръ строгою, то уже одно это соображеніе было бы, кажется, достаточнымъ поводомъ примѣнить къ настоящему случаю ст. 775 Уст. Угол. Суд., которая предоставляетъ суду драгоцѣнное право ходатайствовать предъ Верховною Властью о смягченіи наказанія въ размѣрѣ выходящемъ изъ предѣловъ судебной власти. Для этого въ данномъ случаѣ представлялись особыя уваженія еще и другаго рода.

Самая личность подсудимаго, его чистосердечное сознаніе и раскаяніе, несчастныя обстоятельства натолкнувшія его отчасти противъ воли на совершеніе кроваваго дѣла, — припомнимъ; какъ онъ самъ просилъ окружающихъ не оставлять его: „поберегите меня“— наконецъ сомнительный вопросъ объ его состояніи вмѣняемости,—все это такія условія, которыя заслуживаютъ полнаго вниманія съ точки зрѣнія правосудія. Присяжные не увлеклись теоретическими соображеніями, которыя развивали предъ ними нѣкоторые изъ экспертовъ-психіатровъ, и въ этомъ нельзя не видѣть новаго подтвержденія трезвости сужденія нашихъ присяжныхъ. Дѣйствительно, въ настоящемъ дѣлѣ мало было указаній на то, чтобы придти къ заключенію объ умоизступленіи, въ точномъ смыслѣ этого слова; данныя, на которыхъ основали свои выводы эксперты, высказавшіеся въ пользу невмѣняемости, дѣйствительно черезчуръ неопредѣленны и въ добавокъ мало достовѣрны; трудно на нихъ было построить твердыя заключенія, не говоря уже о томъ, что наука психіатріи, въ ея новѣйшемъ направленіи, вообще обнаруживаетъ свойственныя каждой новой теоріи крайности и слишкомъ склонна къ выводамъ противоположнымъ ученію о свободѣ человѣческой воли. Какъ бы то ни было, сомнѣніе было однако возбуждено, и въ подкрѣпленіе его приведены нѣкоторые факты, изъ коихъ можно вывести, какъ намъ кажется безошибочно, что Алексѣевъ, въ моментъ совершенія преступленія, не совсѣмъ владѣлъ собою. Нашъ законъ признаетъ или полное вмѣненіе, или полное невмѣненіе; средины нѣтъ. Ученіе о неполномъ вмѣненіи дѣйствительно еще не выработало такихъ твердыхъ результатовъ, которые могли бы быть облечены въ форму закона и войдти въ составъ уголовнаго кодекса. Но при опредѣленіи наказанія, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, соображенія о состояніи неполной вмѣняемости, если для нихъ есть какія-либо уважительныя данныя, могутъ имѣть свою силу на вѣсахъ правосудія. Вотъ въ чемъ, по истинѣ, можетъ заключаться то качество *милостиваго*, которое придано нашему суду властью, его создавшею.

№ 210.

Москва, 28-го сентября.

Читателямъ извѣстно до какой степени въ Европѣ, съ начала минувшаго августа, интересовались вопросомъ, состоится ли или нѣтъ предполагаемое свиданіе между императоромъ Французовъ и королевой Испанскою. Дѣйствительно, свиданіемъ этимъ, особенно послѣ посѣщенія Напо-

леона III графомъ и графинею Джирдженти*, какъ бы завершалась дѣятельная кампанія, предпринятая съ конца прошлаго года нѣкоторыми французскими офиціозными газетами, а особенно австро-французскимъ *Mémorial diplomatique*, съ цѣлью доказать испанскому правительству необходимость самаго тѣснаго союза съ Франціей и намекнуть ему при этомъ, что и военныя приключенія, виднѣющіяся на заднемъ планѣ этого союза, должны не пугать Мадридскій кабинетъ, а напротивъ радовать его, согласно извѣстному ученію объ отводахъ грозы накопившейся внутри. Надо замѣтить, что это внезапное положеніе, принятое въ декабрѣ 1867 г. французскою офиціозною печатью относительно испанскаго правительства, уже само по себѣ было весьма рѣзкимъ поворотомъ. Въ то время оно являлось естественнымъ послѣдствіемъ событій завершившихся роковымъ кровопролитіемъ при Ментанѣ. Утративъ надежду на искреннюю дружбу Италіи, Наполеонъ III, по необходимости, обратился къ тому правительству, которое, одно въ цѣлой Европѣ, встрѣтило съ восторгомъ извѣстіе о Ментанскомъ побоищѣ. До тѣхъ поръ, болѣе десяти лѣтъ, отношеніями между Тюльерійскимъ и Мадридскимъ кабинетами правили почти явное недоброжелательство и взаимное недовѣріе. Въ Парижѣ негодовали на естественную враждебность испанскаго правительства къ новому Италіянскому королевству, воздвигнутому на развалинахъ бурбонскихъ престоловъ и угрожающему свѣтской власти папы, и негодованіе это, по мнѣнію испанскаго правительства, а отчасти и народа, выражалось тѣмъ, что Парижъ превратился въ постоянное гнѣздо революцій, потрясавшихъ и опустошавшихъ Испанію: Франція оказывала покровительство всѣмъ разбитымъ шайкамъ испанскихъ инсургентовъ, которыя, нѣсколько дней спустя, появлялись снова съ оружіемъ въ рукахъ, въ предѣлахъ своего несчастнаго отечества... Въ продолженіе десяти лѣтъ въ Испаніи толковали, что Тюльерійскій кабинетъ замышляетъ низверженіе послѣдней царствующей вѣтви бурбонской династіи; въ продолженіе всего этого времени во Франціи утверждали, что испанское правительство на волоскѣ, что оно не продержится до конца года... Но проходитъ годъ, и за нимъ многіе другіе, а испанское правительство все-таки держалось... Лишь въ 1866 году, послѣ торжества Пруссіи, состоялись первыя попытки сближенія бонапартовской Франціи съ бурбонскою Испаніей, и со стороны послѣдней дано въ залогъ этому сближенію признаніе Италіянскаго королевства. Но именно это признаніе привело лишь къ большему охлажденію отношеній Мадридскаго кабинета ко Флорентійскому, а съ другой стороны и отношенія Испаніи къ Тюльерійскому кабинету не могли поправиться, когда онъ, отзывая свои войска изъ Рима, сближался съ Италіей. При безпрестанно возобновлявшихся, въ продолженіе лѣта 1867 года, вооруженныхъ возстаніяхъ Аррагона и Каталоніи, Тюльерійскій кабинетъ держался взгляда, что въ Испаніи „сегодняшняя революція легко можетъ стать завтра правительствомъ“ *). Но Ментанское побоище, какъ сказано, совершило рѣшительный поворотъ. Съ тѣхъ поръ, повидимому, должны были окончательно упрочиться дружелюбныя отношенія, неудачно завязанныя между Франціей и Испаніей во время свиданій коронованныхъ особъ въ Біаррицѣ и Санъ-Себастіанѣ въ сентябрѣ 1866 года. Вдовствующая королева Христина во всеуслышаніе возглашала въ Парижѣ, что единственное спасеніе престола ея дочери есть тѣсный союзъ съ бонапартовскою Франціей; въ Европѣ стали поговаривать о возобновленіи на югѣ Франціи свиданій 1866 года; и какъ разъ въ то же самое время, по справедливому замѣчанію газеты *Monde*, отзывы англійской печати о правительствѣ Изабеллы II внезапно стали походить на суровые отзывы той же печати о правительствѣ Франциска II за нѣсколько дней до вторженія Гарибальди въ Неаполитанское королевство...

И вотъ, на границѣ Испаніи, состоялось на дняхъ предвѣщенное свиданіе; но вмѣсто царственной союзницы, императоръ Французовъ встрѣчалъ развѣнчанную изгнанницу... Тотъ самый рокъ, чья воля бросила между сближавшимися Россіей и Франціей кровавыя событія 1863 года, а между Франціей и Италіей Ментанское побоище, тотъ самый рокъ обрушилъ пре-

*) Графиня Джирдженти—старшая дочь королевы Изабеллы, графъ Джирдженти,—братъ послѣдняго короля Обѣихъ Сицилій.

*) На это ясно указывалось въ *Русскомъ Вѣстникѣ* (№ 1 за нынѣшній годъ), въ статьѣ Алекс: *Черты современной политики*.

столъ Изабеллы II какъ нѣкогда разбилъ въ дребезги корону Франциска II, при первомъ искреннемъ сближеніи ихъ правительствъ съ правительствомъ вѣнчаннаго избранника Франціи... Самые толки о заключеніи союза между Испаніей и Франціей оказались могучимъ орудіемъ въ рукахъ испанскихъ агитаторовъ, чтобы возбудить патріотическое негодованіе косныхъ массъ своего народа слухами, будто правительство гордой Испаніи становится агентомъ ненавистной ей бонапартовской Франціи... Устоявъ, въ продолженіе десяти лѣтъ, противъ козней испанскаго революціоннаго гнѣзда въ Парижѣ, престолъ Изабеллы не удержался и одного мѣсяца противъ этихъ козней, какъ только гнѣздо ихъ было перенесено въ Лондонъ.

Что касается испанскаго народа, то до сихъ поръ, какъ замѣчаютъ въ *Liberté*, онъ высказался только на счетъ того чего онъ не хочетъ; о томъ же, чего онъ хочетъ, онъ до сихъ поръ не вымолвилъ ни слова. Бурбоновъ онъ рѣшительно не хочетъ; сліянію съ Португаліей противится взаимная вражда обоихъ народовъ, еще далеко не остывшая; республика не соотвѣтствуетъ испанской исторіи, а противъ воцаренія въ ней принца Савойской и даже Орлеанской династіи, безъ сомнѣнія, возстанетъ еще могучая въ Испаніи клерикальная партія... Надобно полагать, что Испаніи всего нужнѣе свобода совѣсти, о которой не думало серіозно до сихъ поръ ни одно изъ всѣхъ ея правительствъ; вовторыхъ, ей нужно освободиться отъ укоренившагося въ ней преторіанства. Въ этихъ двухъ условіяхъ заключаются ея настоятельнѣйшія потребности.

Понятно, что французское правительство заинтересовано вопросомъ не о принципахъ, коихъ торжествомъ условливается спасеніе Испаніи, а о лицахъ, которымъ она ввѣритъ свои судьбы. Понимая значеніе этого выбора и увлеченныя свойственною французской клерикальной партіи воинственностью, *Monde* и *Univers* уже намекаютъ на необходимость для Франціи, именемъ „великихъ соціальныхъ принциповъ“, бросить свой мечъ на колеблющіеся вѣсы, коими рѣшится участь Испаніи. По всему вѣроятію, однако, гласъ ихъ вопіетъ въ пустынѣ...

Совершенное изолированіе Франціи посреди Европы, таковы естественныя послѣдствія той династической спекуляціи, которая побудила Наполеона, въ началѣ его царствованія, отдать себя въ руки коварному Альбіону. Новый, чувствительный недочетъ понесенный французскою попыткой въ Испаніи долженъ побудить Тюльерійскій кабинетъ къ новымъ попыткамъ сблизиться во что бы то стало съ Италіей. Но живо памятуя о Ментанѣ, Италія теперь уже не будетъ такъ сговорчива какъ прежде. Ея примиреніе съ Франціей можетъ произойдти нынѣ лишь на вулканической почвѣ Вѣчнаго Города, на почвѣ, коей малѣйшее колебаніе должно отозваться французскому правительству сильнымъ подземнымъ ударомъ...

Тюльерійскій кабинетъ на этотъ разъ какъ будто не останавливается предъ этими соображеніями. Въ газетахъ поговариваютъ снова о будто бы предстоящихъ таинственныхъ переговорахъ Франціи съ Италіей. Въ то же время, на другой окраинѣ Франціи, если вѣрить брюссельской *Finance* и парижской *Presse*, возобновляются переговоры съ Голландіей, съ тѣмъ чтобы, по заключеніи ихъ, поставить Бельгію въ необходимость войдти въ составъ торгово-военнаго союза съ Франціей и Голландіей,—планъ о которомъ можетъ, впрочемъ, идти рѣчь только въ томъ случаѣ, если Франція, выведенная изъ себя своимъ *fiasco* въ Испаніи, рѣшится пренебречь суровыми предостереженіями, уже не разъ слышавшимися изъ Англіи по поводу непріятныхъ для Лондона толковъ о союзахъ Франціи съ ея сосѣдями. А между тѣмъ, во французской печати съ злобнымъ уныніемъ указываютъ на союзъ, будто бы уже заключенный между Пруссіей и Россіей, и какъ бы въ отместку вчерашняя телеграмма сообщила намъ, что ультра-офиціозные *Etendard* и *Constitutionnel* уже возобновляютъ свои замолкшія съ нѣкотораго времени діатрибы противъ Румынскаго правительства... „Услужливость короля Вильгельма дѣйствительно неистощима“, язвительно замѣчаетъ сегодня органъ французской дипломатіи, *France*, сопоставляя прошлогоднее назначеніе прусскаго генерала Бейера военнымъ министромъ въ Баденѣ съ подобнымъ же назначеніемъ нынѣ прусскаго полковника фонъ-Кремени въ Румынію.

№ 211.

Москва, 30-го сентября.

Закладывая на островѣ Котлинѣ основы Кронштадтской цитадели, безсмертный первоначальникъ русскаго военнаго и купеческаго флота не разлучалъ этихъ двухъ вопросовъ, связанныхъ силой самыхъ коренныхъ условій своего существованія. Для свѣтлаго взгляда Петра Великаго, изучившаго собственнымъ опытомъ, въ Голландіи, естественные законы морскаго величія, не могло подлежать сомнѣнію, что военный флотъ *необходимъ*, на сколько ограждаются имъ морскіе интересы отечественной торговли, и что *возможенъ* онъ единственно при развитіи торговаго флота. Первый пушечный выстрѣлъ съ отдѣланныхъ вчернѣ первыхъ верковъ Кронштадтской крѣпости, вѣроятно, менѣе обрадовалъ патріотическое сердце Петра чѣмъ отплытіе изъ Петербурга, въ 1717 г., перваго русскаго купеческаго корабля, нагруженнаго русскимъ товаромъ... Кронштадтъ, безъ сомнѣнія, былъ тогда лучшимъ морскимъ исходомъ главной водяной артеріи, по которой произведенія русской земли изливались за границу съ тѣхъ отдаленныхъ временъ, когда почти тѣмъ же путемъ Варяги ходили въ Византію. Прошло полтораста лѣтъ со времени отплытія перваго русскаго купеческаго корабля. Явились желѣзныя дороги, для которыхъ нѣтъ зимы, и Кронштадтъ, цѣпенѣющій полгода подъ ледяною массой, уже далеко не соотвѣтствуетъ потребностямъ и средствамъ Россіи. Первымъ условіемъ всякаго морскаго исхода считается нынѣ непрерываемость открываемаго имъ морскаго пути, соотвѣтствующая непрерывному движенію по внутреннимъ путямъ сообщенія въ продолженіе цѣлаго года: вмѣстѣ съ тѣмъ само собой очевидно, что лишь въ такомъ портѣ можетъ развиться купеческій флотъ, пользующійся равенствомъ условій съ своими иностранными конкуррентами, ибо доходъ судна зависитъ отъ числа рейсовъ, а число рейсовъ—отъ продолжительности навигаціоннаго времени.

Извѣстно, что на всемъ протяженіи слишкомъ 2.400 верстъ нашей сѣверо-западной морской окраины (не считая островов), такихъ портовъ, какіе хоть сколько-нибудь соотвѣтствуютъ этимъ условіямъ, — *всего два*: вопервыхъ, Либава, коей гавань, въ продолженіе 10 лѣтъ, замерзала только на 9 дней; вовторыхъ, Виндава, коей гавань, въ эти же 10 лѣтъ, замерзала на 30 дней и притомъ болѣе вдается въ море, а слѣдовательно лежитъ дальше отъ мѣстъ производства. Понятно, что еслибы между этими *единственными* двумя почти непрерывно открытыми портами нашей 2.400 верстной западной морской окраины возможно было допустить *каков-нибудь торговое* соперничество, то вопросъ о немъ, этимъ простымъ наблюденіемъ, долженъ былъ разрѣшиться *безспорно въ пользу Либавы*. Въ отношеніи къ торговымъ интересамъ, въ этомъ вопросѣ рѣшительно нѣтъ мѣста для какого-либо соперничества, тѣмъ болѣе что по самому положенію этихъ обоихъ портовъ на картѣ, каждому изъ нихъ предназначенъ свой совершенно отдѣльный районъ торговой дѣятельности. Но естественнымъ и, говорятъ, необходимымъ дополненіемъ вопроса о перенесеніи нашей торговой морской дѣятельности на новый пунктъ должно быть перенесеніе и военной морской силы прикрывающей торговлю. Тутъ уже нельзя обойтись безъ выбора между Либавой и Виндавой, и при этомъ выборѣ естественно руководствоваться тѣмъ фактомъ, что всѣ морскія державы признаютъ неудобнымъ сосредоточеніе, въ той же гавани, интересовъ морской военной силы съ интересами морскаго торговаго движенія. Расположеніе Тулона близь Марсели, Бреста и Шербурга между Бордо и Гавромъ, Портсмута возлѣ Соутамптона, достаточно доказываетъ это общее правило, котораго по возможности держалась и Россія, оставляя напримѣръ Одессу торговымъ портомъ, а для военныхъ цѣлей избравъ сосѣдній Николаевъ. Если интересамъ торговли болѣе соотвѣтствуетъ Либава, то для военнаго порта естественно имѣть въ виду преимущественно Виндаву. Если же этотъ послѣдній пунктъ дѣйствительно, какъ говорятъ, имѣетъ важныя военныя удобства, то намъ дается въ руку все что только могли бы мы пожелать.

Такъ представляется это дѣло въ общихъ чертахъ. Элементы его, повторяемъ, слѣдующіе: 1) необходимо перенести на западъ морской исходный пунктъ русской торговли и избрать для него незамерзающій портъ; 2) желательно придвинуть къ западной границѣ морскую военную силу. Что касается до первой части вопроса, то

исторія, поскольку ей будетъ возможно судить по однимъ *намѣреніямъ*, должна будетъ отдать полную справедливость просвѣщеннымъ и патріотическимъ воззрѣніямъ русскаго правительства. Уже въ 1847 году, когда желѣзно-дорожное дѣло являлось не въ видѣ полной самостоятельной системы путей сообщенія, а лишь средствомъ дополненія или исправленія неотвратимыхъ недостатковъ нашихъ водяныхъ сообщеній, покойный императоръ, имѣя въ виду огромное значеніе Нѣмана въ нашей системѣ водяныхъ сообщеній и что эта чисто-русская рѣка ускользаетъ отъ насъ въ руки иностранной державы, владѣющей ея устьемъ, опредѣлилъ установить прямое соединеніе ея теченія отъ города Юрбурга, — гдѣ она оставляетъ русскую границу и превращается въ прусскую рѣку, — съ Балтійскимъ моремъ, и *именно съ Либавой*. Императоръ Николай Павловичъ является въ этомъ случаѣ продолжателемъ великаго дѣла, предпринятаго первоначальникомъ независимости русскаго отпуска: устройствомъ Юрбургской желѣзной дороги покойный государь также дѣйствительно освободилъ бы отъ прусской зависимости торговое движеніе всей западной системы нашихъ водяныхъ сообщеній, какъ завоеваніемъ Ингерманландіи, императоръ Петръ I освободилъ отъ шведской зависимости торговое движеніе восточной системы нашихъ водяныхъ сообщеній... Но, купно съ участью многихъ предначертаній верховной власти въ балтійскомъ краѣ, царскій указъ 1847 года предписывавшій построеніе Юрбургско-Либавской желѣзной дороги, оказался такою же „мертвою буквой,“ какою двадцать лѣтъ спустя, по признанію комитета министровъ, сталъ извѣстный указъ о русскомъ языкѣ отъ 3-го января 1850 года. Впрочемъ, Либава еще не была забыта. Спустя ровно десять лѣтъ, Высочайшимъ указомъ, отъ 25-го января 1857 года, она занесена какъ наше главное исходище на Балтійскомъ морѣ, въ проектъ желѣзнодорожной сѣти, обнимавшей всю поверхность Европейской Россіи.

Читателямъ извѣстно, что именно когда такимъ образомъ будущность Либавы казалась вполнѣ и окончательно обезпеченною, когда въ ней завязывалась новая жизнь и ея судостроеніе усиливалось, ее ожидали самые злобные удары судьбы. Изъ Ряжска въ Моршанскъ, изъ Царицына въ Калачъ, изъ Ельца въ Борисоглѣбскъ, наконецъ изъ Петербурга въ Балтійскій Портъ (послѣднее на смерть нашему только что начавшему развиваться каботажному движенію въ Финскомъ заливѣ) утверждены и частью исполнены, частью исполняются проекты импровизованные, никогда ни въ какую правительственную сѣть не входившіе; а движеніе по Нѣману и торговля всего сѣверо-западнаго края Россіи отведены въ Кенигсбергъ, и самая рѣчь о значеніи Либавы обзывается проявленіемъ тупаго національнаго „фанатизма,“ которому многіе считаютъ болѣе фашонабельнымъ предпочитать внушенія фанатизма анти-національнаго. Для довершенія ироніи, многихъ вдругъ омрачила напускная мысль, что Либавская дорога можетъ стать даже опасною для Россіи. Императоръ Николай I не боялся вести дорогу отъ Юрбурга къ Либавѣ. Теперь неизвѣстно какъ пущено въ ходъ и многихъ не на шутку озаботило опасеніе, что Либава лежитъ всего въ 84 верстахъ отъ границы, и что линія Ковенско-Либавская, болѣе отдаленная отъ границы чѣмъ Юрбурго-Либавская можетъ подлежать захвату со стороны Пруссіи.

Не странно ли? Варшавско-Петербургская линія есть, безъ сомнѣнія, одна изъ главныхъ военныхъ артерій нашего отечества, а при построеніи ея никто не стѣснялся подобными соображеніями; Либавская же дорога, на протяженіи отъ Ковна до Либавы, имѣетъ преимущественно торговое значеніе, и вотъ эти самыя, чисто военныя, соображенія вдругъ оказываются относительно ея настолько важными, чтобъ отвергнуть самую постройку ея. Впрочемъ, какъ весьма справедливо замѣчаетъ недавно вышедшая брошюра Либавскаго торговаго комитета, „по этому „правилу слѣдовало бы полагать, что въ „стратегическомъ отношеніи всякая до„рога, отстоящая отъ границы менѣе чѣмъ „на сто верстъ, должна быть признана „опасною. Но мы видимъ, что это сообра„женіе, ни въ какомъ государствѣ не удер„живаетъ отъ сооруженія важныхъ въ тор„говомъ отношеніи желѣзныхъ дорогъ“. Дѣйствительно, подобными опасеніями не руководилась ни Пруссія относительно Россіи при постройкѣ Лыко-Кенигсбергской линіи, или при постройкѣ двухъ линій отъ Бреславля къ австрійской границѣ, — ни даже Австрія относительно Пруссіи и Россіи при постройкѣ длинной линіи отъ Вейскирхена черезъ Одербергъ, Краковъ и

Львовъ на Тирасполь, съ вѣтвью на Броды,—ни второстепенныя державы Германіи и сама Пруссія при проведеніи своихъ желѣзныхъ дорогъ по лѣвому берегу Рейна, параллельно французской границѣ. Всѣ эти линіи, безъ исключенія, почти нигдѣ не удаляются отъ границы болѣе чѣмъ на 100 верстъ, и весьма многія изъ нихъ, особенно австрійская, слѣдуютъ почти на всемъ протяженіи своемъ менѣе чѣмъ въ десяти верстахъ отъ границы. Мы сами наконецъ не держались этого правила при начертаніи нашей главной военной артеріи Петербурго-Варшавской; но вотъ какъ только дѣло идетъ о Либавской дорогѣ, противъ нея вооружаются этимъ небывалымъ правиломъ, не для того чтобъ измѣнить ея направленіе,—эту неосторожную и напрасную уступку (чрезъ Шавли вмѣсто чрезъ Тельши) тщетно пытались сдѣлать сами Либавцы въ надеждѣ спасти ею „вопросъ о жизни“ своего порта—но для того чтобы просто отвергнуть ее!.. Не очевидно ли во всемъ этомъ вліяніе силы враждебной русскому флоту, русской торговлѣ, и извращающей смыслъ и значеніе самыхъ несомнѣнныхъ фактовъ, единственно для того чтобы побудить Россію пренебречь своими самыми существенными интересами для вящаго преуспѣянія интересовъ иностранныхъ, и совершить Пенелопину работу надъ великимъ дѣломъ Петра?...

Полемика по нашему желѣзно-дорожному дѣлу поистинѣ курьозна. Когда приходилось доказывать стратегическими потребностями нашей сѣверо-западной окраины необходимость прямаго желѣзно-дорожнаго сообщенія между Москвой и Варшавой чрезъ Смоленскъ и Брестъ; когда возникала рѣчь о совершенномъ отсутствіи укрѣпленій по всей этой окраинѣ, и именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ намъ болѣе всего угрожаетъ близость прусской границы; когда мы указывали въ этомъ отношеніи на образецъ мудрой предусмотрительности, съ какою Пруссія, при самыхъ нѣжныхъ дружественныхъ отношеніяхъ къ Россіи, неуклонно воздвигала грозные верки и въ Кенигсбергѣ, и въ Кюстринѣ, и въ Летценѣ, и въ Пиллау, и въ Мемелѣ; когда изо всѣхъ этихъ обстоятельствъ выводили мы необходимость укрѣпленнаго лагеря въ Вильнѣ,—что отвѣчали въ то время наши за-нѣманскіе противники устами своихъ петербургскихъ сознательныхъ и безсознательныхъ пособниковъ? Они отвѣчали намъ, что между Россіей и Пруссіей немыслима и возможность какого-нибудь столкновенія; что обнаруживать въ этомъ отношеніи какія-нибудь опасенія было бы, съ нашей стороны, и неполитично, и несправедливо; что никакой угрозы намъ съ этой стороны ожидать не слѣдуетъ, такъ какъ точки столкновенія предстоятъ намъ только на югѣ и на юго-западѣ, единственно на почвѣ Восточнаго вопроса; что кромѣ какъ о восточномъ вопросѣ Россіи-де ни думать, ни заботиться не о чемъ; что на сѣверо-западѣ, въ остзейскихъ провинціяхъ и въ Литвѣ, Россія не должна даже допускать мысли о столкновеніи съ Пруссіей, дабы не затронуть ея щекотливости своимъ несправедливымъ недовѣріемъ, вслѣдствіе чего всѣ вопросы о направленіи на этой окраинѣ нашей желѣзно-дорожной сѣти должны-де разсматриваться совершенно независимо отъ всякихъ военныхъ соображеній и руководствоваться единственно интересами матеріальными, чисто торговаго, чисто промышленнаго свойства. Вотъ что отвѣчали намъ въ то время, вотъ что отвѣчаютъ намъ даже и нынѣ, только на другой почвѣ, когда въ виду ежедневныхъ, очевидныхъ успѣховъ восторженной, ловкой, неуклонной пропаганды нѣмецкой національности посреди нѣмецкихъ населеній нашего балтійскаго побережья, мы заявляемъ необходимость мѣръ, которыми рѣшительно былъ бы положенъ конецъ неосуществимымъ мечтаніямъ и была бы навсегда пресѣчена возможность какимъ бы то ни было иностраннымъ національностямъ запускать корни въ Русской землѣ и подрывать ими самыя основы государственнаго единства... Въ настоящее время возникъ вопросъ о чисто матеріальныхъ, чисто торговыхъ, чисто промышленныхъ интересахъ, которыми должны-де руководствоваться всѣ предначертанія касательно направленія нашей желѣзно-дорожной сѣти сѣверо-западной окраины... И что же? Оказывается, что какимъ-то фокусомъ вопросъ уже перенесенъ на иную почву, именно на почву чисто военную; что о возможности столкновенія съ Пруссіей говорятъ какъ о фактѣ весьма естественномъ, которымъ всѣ прочія соображенія отодвигаются будто бы на задній планъ, и въ припадкѣ внезапнаго недовѣрія къ нашей сосѣдкѣ, вдругъ рекомендуютъ намъ относительно ея такія предосторож-

ности, о какихъ сама Пруссія не думаетъ не только по отношенію къ намъ, но и по отношенію къ Франціи, о какихъ не помышляетъ даже и Австрія ни относительно Пруссіи, ни относительно Россіи!.. Посмотримъ однакоже на результатъ. Вслѣдствіе такой предосторожности что̀ намъ совѣтуютъ дѣлать? Невѣроятно, но совѣтуютъ пожертвовать прусскому Кенигсбергу русскою Либавой. Намъ объявляютъ, что такъ какъ о соединеніи Ковна съ югомъ Россіи нынѣ не думаютъ, то нечего и думать также о соединеніи Ковна съ Либавой, а такъ какъ первая изъ этихъ линій можетъ осуществиться развѣ *чрезъ десять лѣтъ* и тѣмъ временемъ Либава безвозвратно разорится въ конецъ, — это признаетъ и *Русскій Инвалидъ*,—то въ видѣ утѣшенія, comme fiche de consolation, ей дарують желѣзно-дорожное сообщеніе съ Митавой, — линію, имѣющую въ послѣдствіи послужить для соединенія Риги съ Кенигсбергомъ!

Все это говоритъ намъ наша офиціальная военная газета въ статьѣ, отвѣтственность за которую мы отнюдь не возлагаемъ на просвѣщенную и патріотическую редакцію *Русскаго Инвалида*. Но почему же не думаютъ *нынѣ* о соединеніи Ковна съ Житоміромъ или Кіевомъ? Вѣдь думаютъ же *нынѣ* о соединеніи Бреста съ Бердичевымъ и даже, какъ слышно, Лыка съ Брестомъ? Потому, говорятъ намъ, что *нынѣ*,—неизвѣстно почему,—на первомъ планѣ вопросъ военный, и первымъ результатомъ постановки военнаго вопроса, вопреки правиламъ которыми руководствовались мы сами при сооруженіи Николаевской крѣпости близь Одессы, оказывается невозможность *совмѣстнаго* существованія Либавы *и* Виндавы, одной въ видѣ военной гавани открытой, въ случаѣ нужды, для торговаго флота, а другой въ видѣ исключительно купеческаго порта,—одной для сѣвера, другой для юга. О своихъ торговыхъ и промышленныхъ интересахъ, о жизненномъ вопросѣ своихъ портовъ и своего флота, Россіи нынѣ, какъ видно, думать некогда: она вдругъ испугалась своей беззащитности отъ Пруссіи въ случаѣ войны; и чтобъ избѣжать опасности должна, говорятъ, пещись о преуспѣяніи прусскихъ промышленныхъ и торговыхъ интересовъ предпринимая сооруженіе Брестско-Лыкской и Брестско-Бердичевской линіи...

№ 212.

Москва, 2-го октября.

Возвращаемся къ вопросу о Либавѣ. Проведеніе къ ней желѣзной дороги имѣетъ цѣлію дать западной полосѣ Россіи національный портъ, коего она теперь лишена, и потому принуждена пользоваться прусскими портами, Данцигомъ и Кенигсбергомъ. Къ Данцигу примыкаетъ бассейнъ Вислы, который за нимъ и останется. Но нѣтъ причины чтобы бассейны Нѣмана, Припети, Березины, средняго Днѣпра находились въ зависимости отъ Кенигсберга, когда можно устранить эту зависимость безъ ущерба для какого бы то ни было русскаго интереса: нужно только провести желѣзную дорогу отъ Либавы по направленію на юго-востокъ, въ параллель къ дорогѣ уже строящейся и идущей отъ Риги также къ юго-востоку на Динабургъ, Витебскъ, Смоленскъ, Орелъ, Елецъ и Борисоглѣбскъ. Рига тутъ ничего не потеряетъ: она могла спорить съ Либавой когда рѣчь шла о проведеніи желѣзной дороги изъ Курска прямо на Либаву, но теперь Курскъ находится въ районѣ Риги; измѣнить это уже нельзя и никто не хочетъ, а хлопочутъ только о томъ, чтобы привлечь къ Либавѣ тѣ мѣстности, которыя уже привлечены къ Кенигсбергу ковенскою вѣтвью, а отчасти будутъ неминуемо привлечены къ нему другими дорогами, если онѣ будутъ строиться въ интересѣ Кенигсберга, а не Либавы. Итакъ вопросъ теперь поставленъ не между Ригой и Либавой, а между Либавой и Кенигсбергомъ. Но и этотъ взглядъ беретъ дѣло только съ одной стороны. Въ сущности вопросъ гораздо шире. Либавско-Ковенская линія не можетъ существовать безъ продолженія изъ Вильны на Минскъ, Бобруйскъ и далѣе, а эта линія есть существенная потребность западнаго края, необходимое дополненіе къ строящейся теперь сѣти желѣзныхъ дорогъ. Либавѣ нужно то, что̀ вмѣстѣ съ тѣмъ есть жизненный вопросъ для цѣлаго края.

Въ этой фазѣ своей дѣло Либавы, повидимому, поставленное весьма выгодно, подверглось однакоже неожиданной метаморфозѣ. Соперницей ея явилась Виндава, и вмѣстѣ съ тѣмъ выступилъ на первый планъ военный интересъ, о которомъ такъ долго не позволяли у насъ и заикнуться

при обсужденіи направленій желѣзныхъ дорогъ.

Виндава, говорятъ имѣетъ въ стратегическомъ отношеніи то преимущество, что расположенный въ ней флотъ имѣетъ возможность „дѣйствовать во флангъ непріятелю, направляющемуся въ Финскій заливъ, *а равно и къ Либавѣ*“. Какъ будто бы Либава, съ своей стороны, не представляетъ расположенному въ ней флоту возможности дѣйствовать также „во флангъ непріятелю, направляющемуся въ Финскій заливъ“, *а равно и къ Виндавѣ*. Далѣе, говорятъ, Либавскій портъ представляетъ огромное неудобство, „подвергая бомбардированію, съ моря, суда находящіяся въ „портѣ“, тогда какъ въ Виндавѣ суда могутъ спастись отъ бомбардированія, поднимаясь вверхъ по рѣкѣ, судоходной на 10 верстъ, хотя, между прочимъ, и не безъ значительныхъ препятствій. Наконецъ, говорятъ, Либава лежитъ очень близко отъ прусской границы (82 версты), а потому, какъ самый городъ, такъ и линія Ковенско-Либавская, „подвержены захвату непріятелемъ“. Послѣднее изъ этихъ соображеній кажется намъ серіознѣе прочихъ, и мы начнемъ съ него наше возраженіе.

Мы полагаемъ, что та линія, головою коей должна быть Либава, есть прежде всего линія комерческая, но что вмѣстѣ съ тѣмъ она можетъ имѣть не малое стратегическое значеніе, какъ линія соединяющая два театра войны, сѣверо-западный и юго-западный, самымъ выгоднымъ въ стратегическомъ отношеніи образомъ, именно позади неприступнаго Полѣсья и притомъ чрезъ Бобруйскъ, первоклассную крѣпость. Отъ Бобруйска, мы полагаемъ, эта линія можетъ развѣтвиться надвое: одна вѣтвь можетъ направиться на югъ, черезъ Мозырь, съ тѣмъ чтобы примкнуть или къ Кіеву или къ Житоміру и Бердичеву; другая можетъ быть проведена на Рогачевъ и Нѣжинъ, или на Рогачевъ, Новозыбковъ и Роменъ, откуда предполагается вести дорогу на Кременчугъ и далѣе до Николаева. Эта послѣдняя линія пересѣкла бы мѣстности особенно извѣстныя дешевизной хлѣба, и для которыхъ всего выгоднѣе имѣть своимъ портомъ Либаву. Для большей наглядности мы помѣщаемъ эскизъ той сѣти желѣзныхъ дорогъ, которая удовлетворила бы главнымъ экономическимъ, политическимъ и стратегическимъ потребностямъ мѣстностей лежащихъ между Москвой и Варшавой, и надѣемся, что одного взгляда на этотъ эскизъ будетъ достаточно, чтобъ убѣдиться въ огромномъ значеніи той желѣзной дороги, которая направилась бы на юго-востокъ отъ Либавы. Говорятъ, что эта линія въ самой сѣверной оконечности своей подвергается опасности захвата, такъ какъ она проходитъ недалеко отъ прусской границы. Совершенно правда, что въ такомъ случаѣ Либава *временно* лишилась бы выгодъ своего положенія какъ *tête de ligne* сѣти. Но что же изъ этого? Вѣдь эти выгоды связаны съ проведеніемъ желѣзной дороги къ Либавѣ, а если ея не строить, то ихъ не будетъ ни *временно*, ни *постоянно*. Этого мало: не строить этой линіи, значитъ мы отдадимъ всѣ выгоды прусскому порту. Не странно ли; изъ опасенія чтобы голова нашей желѣзно-дорожной сѣти не была захвачена Пруссіей мы, съ изумительнымъ великодушіемъ, предлагаемъ ея порту быть этою головой. Захватитъ ли когда-нибудь Пруссія Либаву, будетъ ли когда-нибудь Либава прусскимъ городомъ—это еще вопросъ; но что Пиллау есть прусскій портъ, это непререкаемая дѣйствительность.

Итакъ о временномъ ущербѣ Либавы не можетъ быть рѣчи. Съ общей государственной точки зрѣнія захватъ всякой линіи есть ущербъ, но опасеніе захвата не останавливаетъ отъ постройки дорогъ параллельныхъ границѣ, чему примѣры мы привели на-дняхъ изъ прусской и австрійской практики. Впрочемъ этотъ доводъ падаетъ самъ собой. Противники либавской линіи находятся въ противорѣчіи съ самими собой. Они порицаютъ Либавскую линію за то что она подвержена „захвату“, и въ то же время рекомендуютъ строить линію Брестско-Бердичевскую, которая еще болѣе подлежитъ захвату. Разница только въ томъ, что первая подлежитъ захвату со стороны Пруссіи, а вторая — со стороны Австріи. Кто боится захвата, и съ этой точки зрѣнія отвергаетъ линію Либавскую, тотъ долженъ тѣмъ паче отвергать линію Брестско-Бердичевскую.

Что касается до насъ, то мы полагаемъ, что если Австрія строитъ линію параллельную русской и прусской границамъ, а Пруссія линію параллельную французской границѣ, то и Россія можетъ безо всякаго опасенія рѣшиться на построеніе линіи, которая, на небольшой части своего протя-

женія, пройдетъ параллельно прусской границѣ, тѣмъ болѣе что эта линія, по преимуществу коммерческая, будетъ весьма полезна и въ военномъ отношеніи. *Постоянная* выгода Либавскаго порта состоитъ въ томъ, что тамъ можетъ получить широкое развитіе русскій купеческій флотъ, это необходимое основаніе флота военнаго. Если мы будемъ продолжать, въ ущербъ русскому флоту, доставлять Пруссіи, вмѣстѣ съ русскими фрахтами, возможность имѣть всегда наготовѣ для ея морской военной силы, обильный разсадникъ отличныхъ моряковъ, то этимъ значительно уменьшимъ шансы своего успѣха на морѣ, а успѣхъ на морѣ не менѣе важенъ для насъ чѣмъ успѣхъ на сухопутьи. Либавская линія съ ея продолженіемъ на юго-востокъ представляетъ *постоянныя* выгоды и для сухопутныхъ силъ. Положимъ, что сѣверная оконечность этой линіи *временно* отрѣзана. Это нисколько не будетъ препятствовать тому вліятельному подспорью, какое остальная часть линіи окажетъ нашей операціонной базѣ или оборонительной линіи въ сѣверо-западномъ краѣ доставленіемъ не только жизненныхъ и боевыхъ припасовъ, коими изобилуетъ южная Россія, но также, въ случаѣ нужды и при первой возможности, многочисленныхъ дѣйствующихъ войскъ и резервовъ изъ юго-западнаго края. Ни одного изъ этихъ преимуществъ не доставитъ нашимъ войскамъ, дѣйствующимъ въ сѣверо-западномъ краѣ, линія Лыко-Бѣлостокская, продолженная чрезъ Брестъ до Житоміра и Кіева. Для доставленія по этой линіи военныхъ средствъ юго-западной Россіи на театръ войны въ сѣверо-западный край, надобно было бы слѣдовать чрезвычайно кружнымъ путемъ, а именно, сначала къ сѣверо-западу, отъ Кіева до Бреста и Бѣлостока, потомъ къ сѣверо-востоку отъ Бѣлостока и Бреста въ Вильну, причемъ, около Гродна, линія эта, *не менѣе либавской*, подвержена „захвату“ со стороны Пруссіи.

Итакъ не подлежитъ сомнѣнію, что линія Либаво-Бобруйская, съ своими развѣтвленіями, на нашей картѣ означенными, весьма полезна въ стратегическомъ отношеніи. А коль скоро это такъ, то стратегическія соображенія не могутъ служить оправданіемъ тому, чтобы торговые интересы Либавы были приносимы въ жертву торговымъ интересамъ Кенигсберга. Но, говорятъ намъ, не только либавская дорога подвержена непріятельскому „захвату“; самъ городъ Либава, *какъ приморская крѣпость*, признается *опаснымъ*, ибо, по близости своей отъ границы, онъ также подверженъ „захвату!“ Вотъ такъ притча, подумаешь! Строятъ крѣпость противъ непріятеля; а вмѣстѣ съ тѣмъ находятъ „опасною“ позицію, которую можетъ отыскать непріятель. Да развѣ прусскій Майнцъ не близокъ къ границѣ? Развѣ Прусскій Кенигсбергъ не близокъ къ границѣ? Развѣ прусскіе Мемель и Торнъ не на самой границѣ?

Впрочемъ, это, кажется, только отговорка. Если Либава, какъ приморская крѣпость, дѣйствительно хуже Виндавы, то можно только радоваться, что по близости Либавы, торговаго порта, оказывается пунктъ, особенно удобный для порта военнаго,—Виндава. Надняхъ мы уже имѣли случай замѣтить, что соединеніе военнаго порта съ коммерческимъ обыкновенно избѣгается; поэтому, чѣмъ несомнѣннѣе военное значеніе Виндавы, тѣмъ скорѣе должно избрать Либаву для проведенія къ ней коммерческой желѣзной дороги. Къ сожалѣнію, однако, есть основанія сомнѣваться въ преимуществахъ Виндавы, даже какъ военной гавани. Штеттинская *Ostsee-Zeitung* поспѣшила сообщить своимъ читателямъ, что русское правительство убѣдилось въ превосходствѣ Виндавскаго порта надъ Либавскимъ даже въ гидротехническомъ и гидрографическомъ отношеніяхъ. Но изданная Либавскимъ торговымъ комитетомъ брошюра приводитъ множество доказательствъ противнаго. 1858 и 1859 годы выставляются Виндавой въ числѣ самыхъ выгодныхъ по продолжительности навигаціи (364 и 365 дней свободныхъ ото льда); между тѣмъ, на основаніи лоцманскихъ книгъ самой Виндавы, либавская брошюра доказываетъ, что въ 1858 отъ 5 декабря по 11-е, вся гавань была покрыта сплошнымъ льдомъ, также какъ и въ 1859 28-го и 29-го января, чѣмъ и оканчивается веденіе лоцманской книги. Виндавская гавань оказывается весьма часто недоступною также и по причинѣ позднаго ледохода, нагоняемаго сѣверными вѣтрами и теченіями, и упирающагося въ мысъ Штейнсортъ, которымъ Либава отстоящая отъ него на 35 верстъ южнѣе, предохраняется отъ такого же бѣдствія. Даже 15-го марта въ 1862 петербургское судно *Самолетъ* принуждено было, сплошнымъ ледоходомъ, от-

казаться отъ достиженія Виндавы, и пристало въ Либавѣ. Къ тому же, входъ въ Виндавскую гавань до такой степени опасенъ въ сильную погоду, что 13-го іюня сего года, даже военный пароходъ не отважился войти въ нее. Якорная же стоянка въ открытомъ морѣ предъ Виндавой *невозможна*, по причинѣ сильнаго волненія и большой глубины, достигающей до 30 саженъ уже въ 10 верстахъ отъ берега, тогда какъ даже въ 35 верстахъ отъ берега Либавы оказывается всего 16 саженъ глубины. Наконецъ, баръ устья Виндавы и подвижная песчаная мель, у самаго выхода изъ гавани, имѣютъ иногда не болѣе $11^3/_4$ футовъ, а въ 1867 *заперли на нѣсколько мѣсяцевъ*, въ Виндавской гавани, много пришедшихъ туда и уже нагруженныхъ русскихъ и иностранныхъ судовъ.

Не имѣя въ виду либавской брошюры, мы были того мнѣнія, что Виндавѣ естественно принадлежитъ военное, а Либавѣ — коммерческое значеніе. Виндавскій портъ, думали мы, превращенный въ гавань военную, могъ бы по временамъ служить и передовою купеческою гаванью Ригѣ, въ тѣхъ *случаяхъ*, когда Рига недоступна для морскаго движенія; Либава же должна быть постояннымъ исходищемъ для торговаго движенія западнаго края. Въ этой двойственности двухъ нашихъ лучшихъ портовъ нельзя было не усмотрѣть благопріятнаго для Россіи обстоятельства. Но либавская брошюра указываетъ въ Виндавѣ такіе недостатки, которые, кажется, заслуживаютъ особеннаго вниманія лицъ, коихъ мнѣніе будетъ имѣть вліяніе на рѣшеніе этого дѣла. Устраненіе всѣхъ этихъ недостатковъ, на сколько оно возможно (устраненіе опасностей якорной стоянки, сильнаго морскаго ледохода и подвижной мели едва ли находится во власти человѣка) потребуетъ затраты капиталовъ, какъ замѣчаетъ либавская брошюра, несравненно болѣе значительныхъ чѣмъ тѣ, коихъ сумма вычислена въ статьѣ *Русскаго Инвалида* (два милліона); къ этимъ затратамъ присоединятся расходы на сооруженіе крѣпости. Что, если послѣ всѣхъ этихъ громадныхъ издержекъ, окажется что Виндавская крѣпость не соотвѣтствуетъ своей цѣли?

Но, для насъ, теперь вопросъ не въ томъ. Въ томъ видѣ, въ какомъ военный вопросъ нынѣ поставленъ совершенно согласно предпочтеніямъ и предвѣщаніямъ *Ostsee-Zeitung*, мы находимъ въ немъ лишь предлогъ, выдвинутый защитниками интересовъ Кенигсберга, чтобы достигнуть того вопіющаго результата, что *единственный* русскій портъ, который можетъ соперничать съ прусскими и, этимъ соперничествомъ, упрочить и обезпечить великое дѣло Петра, будетъ принесенъ въ жертву иностранному порту. Поддаваясь опасеніямъ, внушаемымъ намъ возможностью войны съ Пруссіей, и поддаваясь имъ лишь настолько, чтобы, ради ихъ, отвергнуть самую постройку Либавской дороги, мы должны, говорятъ намъ, принять безусловно всѣ прусскіе проекты касательно желѣзно-дорожной сѣти западнаго края. Отвергающіе Либавскую линію потому что она „подвержена захвату,“ по близости своей отъ прусской границы, — не отвергаютъ ни Лыко-Брестской линіи, ни, какъ слышно, и Митаво-Тильзитской, которыя переходятъ чрезъ эту самую границу! Предвидя возможность войны съ Пруссіей, во всякомъ случаѣ весьма отдаленной, Россія должна будто бы отвергнуть Либаву, какъ приморской исходъ своей западной сѣти... и вести эту самую сѣть въ прусскіе порты! Какая удивительная логика!

Въ заключеніе приводимъ одно соображеніе, которымъ по нашему мнѣнію, рѣшается споръ. Что станется съ торговымъ движеніемъ нашей западной сѣти, въ случаѣ войны Пруссіи не съ Россіей — пока еще не близкой, — но съ Франціей, которая, конечно, начнетъ военныя дѣйствія съ обложенія блокадой всѣхъ прусскихъ портовъ? Всякому извѣстно, что возможность войны между Пруссіей и Франціей принадлежитъ нынѣ къ числу тѣхъ политическихъ случайностей, которыя ни одинъ серіозный человѣкъ не вправѣ терять изъ виду. Еслибы, при открытіи этой войны, существовала Либавско-Ковенская дорога, то Либавскій портъ и русскій флагъ стали бы на время естественными проводниками всего торговаго движенія Сѣверной Германіи. Но что станется съ русскимъ отпускомъ въ случаѣ, если, при открытіи войны между Пруссіей и Франціей, желѣзно-дорожная сѣть западной Россіи не будетъ имѣть другаго исхода кромѣ прусскихъ портовъ?

№ 213.

Москва, 3-го октября.

Вниманіе политическаго міра поглощено теперь исключительно испанскою революціей и лишь отчасти удѣляется оно замѣшательствамъ въ Австріи, обнаруживающей въ своихъ отношеніяхъ къ Галиціи и Богеміи новые и несомнѣнные признаки близкаго крушенія дуализма, или лучше, признаки новой фазы въ исторіи распаденія имперіи Габсбурговъ. Подъ шумъ этихъ событій, дѣла въ Германіи идутъ своимъ порядкомъ. Дальновидная и ловкая политика не теряетъ ни одной минуты чтобы воспользоваться каждымъ благопріятнымъ для Пруссіи поворотомъ европейскихъ дѣлъ, подверженныхъ въ наше время столь быстрымъ и неожиданнымъ перемѣнамъ. На дняхъ совершился въ Германіи фактъ, который, посреди оглушительнаго грома испанскихъ переворотовъ и посреди живо затрогивающихъ любопытство злоключеній австрійской внутренней политики, можетъ казаться не только для иностранной, но даже для германской публики, малозначительнымъ и блѣднымъ. Онъ и разчитанъ, повидимому, на то, чтобъ его не замѣчали и о немъ не толковали. Этотъ совершившійся незамѣтнымъ и невиннымъ образомъ фактъ, который за мѣсяцъ передъ симъ возбудилъ бы волненія во французской и нѣмецкой журналистикѣ, есть составившееся въ Гессенъ-Дармштадтѣ общество для „содѣйствія скорѣйшему присоединенію всѣхъ южно-германскихъ государствъ и въ особенности Гессенъ-Дармштадта къ Сѣверо-Германскому Союзу“. Статуты этого общества (Verein), законнымъ образомъ утвержденные, опубликованы недавно въ нѣмецкихъ газетахъ. Каждый членъ общества обязуется содѣйствовать всѣми зависящими отъ него способами объединенію всей Германіи вокругъ Пруссіи. Общество открываетъ свои дѣйствія и набираетъ членовъ во всѣхъ германскихъ государствахъ, еще не принадлежащихъ къ Сѣверо-Германскому Союзу. Первымъ условіемъ программы этого общества, чрезвычайно краткой, сухой и не заключающей въ себѣ ни одной громкой фразы, ни одного лишняго слова, способнаго произвести впечатлѣніе, есть немедленное и *безусловное* приступленіе каждаго южно-германскаго государства къ Сѣверо-Германскому Союзу, *не требуя никакихъ измѣненій въ устройствѣ Союза или въ нынѣшней правительственной системѣ Пруссіи*. Это послѣднее постановленіе очень важно; оно рѣзко отличаетъ Гессенъ-Дармштадтское Общество для объединенія Германіи отъ безчисленнаго множества *ферейновъ*, клубовъ и всякихъ собраній, толкующихъ въ южной Германіи объ объединеніи (а часто и разъединеніи) *фатерланда* подъ тѣми или другими условіями и требующими подъ часъ не только измѣненія, но и ниспроверженія Прусскаго государства. Отнынѣ агитація стремящаяся къ поглощенію всей Германіи Сѣверо-Германскимъ Союзомъ, то-есть Пруссіей, находится на законной и, можно сказать, почти офиціальной почвѣ. Первое зерно мало, но оно брошено, и можетъ, смотря по обстоятельствамъ, разростись въ громадное движеніе, которымъ правительство Пруссіи будетъ располагать по усмотрѣнію.

Чтобы оцѣнить все значеніе занимающаго насъ факта, достаточно припомнить недавнія громкія заявленія прусскихъ офиціозныхъ газетъ по поводу слуховъ распространившихся во Франціи о приступленіи Бадена къ Сѣверо-Германскому Союзу; органы прусскаго правительства отвѣчали насмѣшками и изумленіемъ: какъ-де можно сообщать столь *нелѣпыя* (sic) извѣстія, до такой степени противорѣчащія здравому смыслу. Достаточно сравнить эти заявленія съ передовою статьей берлинской *National-Zeitung* (3-го октября) по поводу учрежденія Гессенъ-Дармштадтскаго общества, чтобъ убѣдиться какой значительный шагъ дѣлается нынѣ въ развитіи прусской политики и какъ быстро воспользовалась она замѣшательствами Франціи въ виду испанскихъ событій, новыми симптомами несостоятельности Имперіи Габсбурговъ, а главное — увѣренностію что Россія послѣдуетъ за нею quand même. *National-Zeitung* съ необычайнымъ шумомъ привѣтствуетъ вновь образовавшееся общество, которое судя по ея словамъ, положитъ начало новому періоду въ развитіи Сѣверо-Германскаго Союза и ускоритъ его распространеніе на всю Германію. Въ статьѣ обширной и разчитанной на то, чтобы произвести сильное въ Германіи впечатлѣніе, идетъ рѣчь о необходимости энергическаго дѣйствія всѣхъ искреннихъ друзей Сѣверо-Германскаго Союза и Пруссіи къ безотлагательному завершенію зданія Союза посредствомъ включенія въ него всѣхъ южно-

германскихъ государствъ. Сѣверъ не долженъ-де оставаться какъ было до сихъ поръ нейтральнымъ въ отношеніи къ пропагандѣ, чинимой на югѣ и получившей нынѣ посредствомъ Гессенъ-Дармштадтскаго Общества законное существованіе,— Сѣверъ долженъ овладѣть общественнымъ мнѣніемъ въ Баваріи и Виртембергѣ, гдѣ народъ еще раздѣленъ на два лагеря, прусскій и анти-прусскій, и требовать, чтобы къ Сѣверо-Германскому Союзу немедленно приступили Баденъ и Гессенъ-Дармштадтъ, гдѣ народъ уже обнаружилъ достаточно единодушія въ своихъ тяготѣніяхъ къ Сѣверу и гдѣ колебаніе происходитъ только отъ нерѣшимости правительственныхъ лицъ. Во всякомъ случаѣ, дѣло объединенія Германіи, по мнѣнію *National-Zeitung*, не можетъ быть долѣе оставляемо въ своемъ нынѣшнемъ положеніи; надобно-де спѣшить окончить его, и если прусское правительство затрудняется принимать мѣры ко включенію южно-германскихъ государствъ въ Союзъ, то оно дастъ себя вынудить къ этому общественнымъ мнѣніемъ и дѣйствіемъ такъ называемой въ Пруссіи *національной партіи*. Въ послѣдствіи оно *дастъ себя вынудить* и къ другимъ дѣйствіямъ, которыя заставятъ Россію обо многомъ вспомнить и пожалѣть.

Статья *National-Zeitung*, весьма рѣшительная въ своемъ тонѣ, заслуживаетъ вниманія по тѣмъ отношеніямъ, въ которыхъ находятся теперь къ прусскому правительству и его системѣ политическіе элементы, для которыхъ эта газета служитъ руководящимъ органомъ. Она представляетъ собою ту фракцію прежней парламентской оппозиціи, создавшей для политики графа Бисмарка столько внутреннихъ затрудненій, устраненныхъ единственно военными событіями 1866 года, которая послѣ этихъ событій, подъ названіемъ *національныхъ либераловъ*, присоединилась къ правительству и рѣшилась поддерживать систему графа Бисмарка внутри и внѣ государства. Это присоединеніе было немаловажно для прусскаго правительства, которое все еще подвержено довольно чувствительнымъ ударамъ со стороны внутренней конституціонной оппозиціи. Но помимо того, партія называемая національно-либеральною играетъ теперь весьма дѣятельную роль въ правительственномъ составѣ Пруссіи. Политическіе люди этого оттѣнка занимаютъ нынѣ первенствующее мѣсто въ прусскомъ, преимущественно въ сѣверо-германскомъ правительствѣ. Они сдружаютъ съ прусскою политикой разнообразные оттѣнки либеральнаго мнѣнія внутри и внѣ Пруссіи; своими личными способностями они содѣйствуютъ внутреннимъ административнымъ и финансовымъ реформамъ, предпринятымъ Пруссіей въ составѣ Сѣверо-Германскаго Союза. Безъ участія этихъ людей, весьма пестрый составъ нынѣшняго правительства Пруссіи, заключающаго въ себѣ почти всѣ безъ изъятія оттѣнки политическихъ партій, не имѣлъ бы ни достаточныхъ средствъ для борьбы со внутренними врагами, ни притягательной силы для дѣйствія на общественное мнѣніе Юга. Такія отношенія національно-либеральной партіи къ нынѣшнему составу прусскаго правительства придаютъ особенное значеніе возглашаемымъ въ *National-Zeitung* требованіямъ немедленнаго завершенія германскаго единства подъ прусскою державой. Обстоятельства покажутъ въ какой степени нынѣшній моментъ европейскихъ дѣлъ удачно избранъ для новаго дальнѣйшаго шага прусской политики. Нѣтъ сомнѣнія, что кромѣ отрицательно благопріятныхъ для этой политики обстоятельствъ, Пруссія разчитываетъ особенно на свои отношенія къ Россіи, въ увѣренности, что сосѣдка не только сослужитъ ей службу не безъ опасностей для себя самой, но и заплатитъ ей за то что ея служба великодушно принимается,— заплатитъ уступками въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ и интересахъ.....

№ 214.

Москва, 4-го октября.

Общественная нравственность воспитывается законами, а законы дѣйствуютъ только тамъ, гдѣ есть судъ правильный, то-есть огражденный отъ постороннихъ вліяній и призванный исключительно къ тому чтобы служить органомъ закона. То что называется независимостію суда, ничего иного не значитъ какъ такая организація судебной власти, которая даетъ ей возможность и обязываетъ ее приводить въ дѣйствіе законъ во всей его силѣ и чистотѣ. Это не есть, какъ наивно воображаютъ иные, привилегія судей, которая дается имъ для того чтобы возвысить ихъ

личное положеніе; независимость есть напротивъ то что должно связывать судью и держать его въ тѣснотѣ его призванія. Прежде всего независимость судьи обезпечивается отъ него самого, отъ его произвола, отъ случайностей его личнаго положенія, отъ его пристрастія, корыстолюбія и честолюбія, ото всего наконецъ что можетъ стать между нимъ и закономъ. Если въ народѣ нѣтъ такого учрежденія, которое имѣло бы своимъ назначеніемъ приводить въ дѣйствіе законъ и только законъ, то это значитъ, что законы не существуютъ для народа и что въ общественной жизни нѣтъ того начала, которое зовется законностію, нѣтъ того, что именуется общественною нравственностію. Такое учрежденіе есть судъ, какъ власть самостоятельная, имѣющая свою строго очерченную сферу, и никакое иное учрежденіе, никакая иная власть, не можетъ замѣнить то специфическое, то особенное дѣйствіе, которое въ политическомъ обществѣ производитъ судъ. Какъ бы ни была хороша въ своемъ личномъ составѣ администрація, она никогда не можетъ производить это дѣйствіе, и имѣя иное наназначеніе, не можетъ служить органомъ закона. Административная власть должна пользоваться полною свободой движеній на томъ просторѣ, который предоставленъ ей дѣйствующими законами; если же законы бездѣйствуютъ, то администрація не только не можетъ обезпечить общественную нравственность, но и сама неудержимо предается порчѣ.

До послѣдняго времени у насъ не было правильнаго суда, и мы съ грустію должны сознаться, что общественная нравственность находилась у насъ въ глубокомъ упадкѣ. Законы издавались у насъ въ изобиліи, и нельзя сказать, чтобы наши кодексы уголовный и гражданскій не были достаточно полны; но законы наши не дѣйствовали, и въ нашей общественной жизни не было того что зовется законностію. Законы были на бумагѣ, но они не присутствовали въ народѣ какъ живыя силы, они не входили въ совѣсть людей, не возвышали въ ней своего строгаго и спасительнаго голоса посреди разныхъ побужденій и замысловъ, вторгающихся со всѣхъ сторонъ въ душу человѣка и овладѣвающихъ его волей. Не дѣйствовали законы, не было и общественной нравственности. Въ тѣхъ или другихъ случаяхъ можетъ-быть дѣлалось лучше тѣмъ велитъ законъ; но тѣмъ не менѣе законъ бездѣйствовалъ, ибо не имѣлъ своего самостоятельнаго, исключительно ему принадлежащаго органа. Законы часто употреблялись только для прикрытія беззаконій, и о нихъ вспоминали когда нужно было ввернуть кляузу для того чтобы запутать дѣло. Никто не помышлялъ о законѣ, а возстановленіе нарушеннаго права ожидалось только отъ случая, отъ счастливаго стеченія обстоятельствъ, отъ той или другой вліятельной личности. Въ общественныхъ понятіяхъ при такихъ условіяхъ не могло быть различія между преступнымъ и дозволительнымъ, между законнымъ и беззаконнымъ. Нравственный критерій не имѣлъ никакой силы: дѣйствія безнравственныя и беззаконныя входили въ обычай; совѣсть мирилась съ предосудительнымъ и безчестнымъ. Казнокрадство, взяточничество, мошенничество, всякаго рода обманы и подлоги не только сходили съ рукъ и извинялись, не только не роняли человѣка въ обществѣ, но еще создавали ему репутацію ума и ловкости....

Но вотъ явился правильный судъ, и въ обществѣ сразу почуялось присутствіе закона. Онъ выступилъ изъ многотомной книги, гдѣ записанъ, и сталъ посреди людей. Въ обществѣ вдругъ оказались преступленія и проступки, о какихъ прежде не было и помина. Только предъ лицомъ закона обнаруживаются беззаконія, только онъ вноситъ въ жизнь ту глубокую основу человѣческой нравственности, которая состоитъ въ разумѣніи добра и зла.

Многое, что прежде чинилось съ патріархальнымъ добродушіемъ или съ самодовольной улыбкой на устахъ, должно будетъ спрятаться во мракъ, если только судебныя учрежденія устоятъ у насъ какъ вѣрный и чистый органъ закона.

Кто считалъ у насъ не только преступнымъ, но даже нравственно предосудительнымъ обмануть при продажѣ лошади и сбыть за дорогую цѣну ничего не стоящую животину? Кому серіозно представлялось на мысль, что законъ именуетъ это мошенничествомъ и караетъ за это страшною карой, особенно чувствительною для тѣхъ, кто принадлежитъ къ привилегированнымъ сословіямъ, которыя пользуются особенною честію? Послѣ процесса 30-го сентября въ Московскомъ окружномъ судѣ, законъ далъ о себѣ знать всѣмъ, кому вѣ-

дать надлежитъ; еще два, три подобные урока и буква его заговоритъ краснорѣчиво, перейдетъ изъ книги въ общественную совѣсть, и запечатлѣется въ ней неизгладимо.

Мы не будемъ повторять подробности вышеупомянутаго процесса, который произвелъ на публику потрясающее впечатлѣніе. Дворянинъ, заслуженный штабъ-офицеръ, пользовавшійся въ обществѣ почетнымъ положеніемъ, приговоренъ по силѣ закона къ трехмѣсячному тюремному заключенію и къ сопряженному съ тѣмъ лишенію всѣхъ правъ дворянства, преимуществъ службы и знаковъ отличія. Дѣйствіе, въ которомъ онъ обвинялся, считалось бездѣлкой; этого мало: подобныя дѣйствія были предметомъ похвальбы. А между тѣмъ законъ подобныя дѣйствія клеймитъ именованіемъ мошенничества, словомъ, отъ котораго у всякаго честнаго человѣка бросается кровь въ лицо, и караетъ безпощадно.

Но лица, на которыхъ падаютъ первые удары вооружившагося закона, становятся предметомъ невольнаго сочувствія. Эти лица какъ бы расплачиваются за общій грѣхъ; они падаютъ очистительною жертвой за общество, которое жило въ блаженномъ невѣдѣніи закона и не только не предосуждало, но почти поощряло и вызывало подобныя дѣйствія.

Полковникъ Колзаковъ продалъ пару лошадей лицу, которое нуждалось въ нихъ для городской ѣзды. Изъ проданныхъ лошадей одна оказалась съ порокомъ, который былъ такъ искусно прикрытъ, что только пристальный взглядъ опытнаго знатока могъ бы заподозрить его. Но скрывъ порокъ, продавецъ не лишилъ покупателя возможности удостовѣриться въ качествѣ своей покупки: г. Колзаковъ предоставилъ покупателю продержать у себя лошадь нѣсколько дней до окончательной расплаты. Но когда деньги были уже отданы, по прошествіи нѣкотораго времени, порокъ обнаружился и тогда купившій потребовалъ назадъ свои деньги. Продавецъ отвѣчалъ на это отказомъ, и когда дѣло дошло до мироваго суда, онъ объявилъ предъ судьей, что онъ самъ ничего не зналъ о порокѣ, который оказался у одной изъ проданныхъ лошадей. Дѣло было передано прокурорскому надзору и на основаніи произведеннаго слѣдствія судебная палата предала полковника Колзакова суду. Въ окружномъ судѣ судебное слѣдствіе раскрыло, что порокъ у одной изъ проданныхъ лошадей не только былъ извѣстенъ продавцу, но что именно съ цѣлію продать ихъ навернувшемуся покупателю были употреблены разныя средства скрыть этотъ порокъ. Было раскрыто, впрочемъ, что хотя проданныя лошади для городской ѣзды негодны, но цѣна, за нихъ взятая, есть приблизительно настоящая цѣна. Процессъ происходилъ предъ присяжными, которымъ даны были всѣ средства сообразить это дѣло во всѣхъ его подробностяхъ и взвѣсить въ своей совѣсти. Они выслушали свидѣтелей и экспертовъ, они выслушали сильную рѣчь обвинителя и доводы защиты. Приговоръ присяжныхъ объявилъ подсудимаго виновнымъ въ обманѣ, но они не взяли на себя сказать чтобы подсудимый извлекъ изъ обмана денежную для себя выгоду. Они не признали, чтобъ обманъ былъ сопряженъ съ похищеніемъ. „Виновенъ, но безъ похищенія,“ сказали присяжные. Это приговоръ по наружности обвинительный, но по сущности освободительный, ибо по нашимъ законамъ уголовному взысканію подлежитъ только такой обманъ, посредствомъ котораго чинится похищеніе. Проданы лошади для городской ѣзды негодныя (хотя годны для другаго употребленія), и эта негодность намѣренно скрыта. Въ проданной вещи есть *vitium occultum*, недостатокъ неявный, завѣдомо утаенный продавцемъ отъ покупателя. Это признано присяжными. Говоря юридическимъ терминомъ, признанъ *dolus*. Продавецъ дѣйствовалъ не *bona fide*. Но что изъ этого слѣдуетъ? Слѣдуетъ несомнѣнно, что сдѣлка продажи теряетъ свою силу, и что покупатель имѣетъ право по гражданскому суду воротить свои деньги и взыскать убытки. Но изъ этого еще не слѣдуетъ чтобы признанный присяжными обманъ могъ послужить основаніемъ не только для гражданскаго, но и для уголовнаго взысканія.

Для понятія мошенничества, подлежащаго уголовному преслѣдованію, мало одного факта обмана. Обманъ можетъ быть предосудителенъ, но не подлежать карѣ закона; обманъ можетъ быть и невинный, и дозволительный. Но какъ бы ни былъ обманъ предосудителенъ, требуется еще другой элементъ для того, чтобы составилось понятіе мошенничества, наказуемаго уголовнымъ судомъ. Этотъ элементъ есть хище-

ніе. Надобно, чтобъ обманывающій имѣлъ въ виду воспользоваться чужою собственностію, и не только имѣлъ въ виду, но и достигнулъ цѣли, дабы преступленіе мошенничества состоялось. Такъ принимаютъ всѣ лучшіе криминалисты, изъ коихъ большая часть не признаетъ даже покушенія на мошенничество. Нашъ законъ также ставитъ необходимымъ условіемъ мошенничества хищеніе, опредѣляя его такъ: „мошенничествомъ признается всякое, посредствомъ какого-либо обмана учиненное, *похищеніе* чужихъ вещей, денегъ или иного движимаго имущества.“ (Улож. о нак. ст. 1.665). Между тѣмъ, что мы видимъ въ дѣлѣ полковника Колзакова? Лошади были имъ проданы за 365 р., а два эксперта, спрошенные подъ присягою о ихъ цѣнѣ, опредѣлили ее одинъ въ 400, другой въ 325 р. При этомъ замѣчательно, что въ 250 р. оцѣнена именно лошадь, имѣвшая на копытахъ трещины, сокрытіе коихъ подало поводъ къ уголовному преслѣдованію. Присяжные, которые, по обязанности своей, должны были тщательно въ своей совѣсти анализировать предлежавшій имъ вопросъ, разрѣшили его съ замѣчательнымъ тактомъ. Благодаря драгоцѣнному праву, предоставленному имъ ст. 812 Уст. Угол. Суд., о важномъ значеніи которой мы имѣли случай высказаться по поводу новгородскаго процесса крестьянина Ивана Петрова, присяжные отвергли фактъ хищенія. Не ихъ было дѣло рѣшать, можетъ ли за тѣмъ быть рѣчь о *виновности* подсудимаго. Они держались предложеннаго судомъ вопроса и признали подсудимаго виновнымъ въ томъ, что онъ скрылъ недостатки лошадей и тѣмъ обманулъ г-жу Киркоръ, *но безъ похищенія*. Слово *виновенъ*, заимствованное изъ судейскаго вопроса, гдѣ оно относилось къ мошенничеству, то-есть къ похищенію, употреблено присяжными, очевидно, по недоразумѣнію. Въ сущности же присяжные признали, что, несмотря на обманчивыя свѣдѣнія, сообщенныя подсудимымъ покупателю о лошадяхъ, онъ однако не имѣлъ при этомъ въ виду выманить у него лишнія деньги и получилъ за лошадей не болѣе того, что онѣ дѣйствительно стоили, то-есть присяжные придали факту такое значеніе, при которомъ, съ точки зрѣнія закона, нельзя говорить о виновности.

Въ виду подобнаго рѣшенія присяжныхъ, какъ объяснить чрезвычайно строгій приговоръ суда? Судъ повидимому руководствовался тѣмъ, что присяжные все-таки признали, что лошади не годились для городской ѣзды. Но подобный выводъ можно сдѣлать изъ отвѣта присяжныхъ, лишь благодаря редакціи вопроса черезчуръ многословнаго. Впрочемъ такой выводъ нисколько не ослабляетъ юридической силы отвѣта присяжныхъ, что похищенія не было. Судъ сослался на рѣшеніе кассаціоннаго суда отъ 1-го ноября 1867 года № 482. Но это рѣшеніе, по нашему мнѣнію, не можетъ имѣть примѣненія къ настоящему случаю. Тамъ кассаціонный судъ нашелъ правильнымъ примѣненіе 173 ст. уст. о нак. нал. мир. суд., такъ какъ мировой судья и мировой съѣздъ признали, что подсудимый, воспользовавшись простотой и довѣріемъ покупщика, сбылъ ему *никуда негодную лошадь*. Но если присяжные признали, что лошади Колзакова стоили тѣхъ денегъ, которыя за нихъ были выручены, то отсюда слѣдуетъ, что ихъ нельзя считать никуда негодными, ибо вещь никуда негодная не имѣетъ никакой цѣны.

Судъ могъ постановить свое рѣшеніе только на основаніи вердикта присяжныхъ. Въ данномъ случаѣ обманъ подлежалъ уголовной карѣ только въ качествѣ мошенничества; но присяжные въ дѣйствіи подсудимаго не нашли именно того элемента, который сообщилъ бы ему этотъ характеръ мошенничества. Присяжные, объявивъ подсудимаго не виновнымъ въ хищеніи, тѣмъ самымъ признали, что онъ не подлежитъ уголовному суду. А потому судъ, приговоривъ полковника Колзакова къ уголовной карѣ, отступилъ отъ вердикта присяжныхъ и примѣнилъ законъ не къ тому факту, который былъ установленъ ихъ совѣстью. Судьи поразили карой закона фактъ коего не было, ибо какое бы кто ни составилъ себѣ мнѣніе о дѣйствіи подсудимаго, для суда обязателенъ только тотъ характеръ дѣйствія, который признанъ присяжными.

Но если приговоръ присяжныхъ отнялъ у проступка подсудимаго характеръ мошенничества наказуемаго уголовнымъ закономъ, то онъ не снялъ съ него отвѣтственности гражданской. Намъ кажется, что правонарушеніе признанное присяжными можетъ и должно послужить основаніемъ къ признанію г. Колзакова отвѣтственнымъ за вредъ и убытки на основ. ст. 31 Уст.

Угол. Суд. и ст. 7 Уст. Гражд. Суд. Уголовной отвѣтственности нѣтъ, потому что отвергнутъ существенный признакъ необходимый для того, чтобы признанный въ данномъ случаѣ обманъ могъ быть подведенъ подъ разрядъ обмановъ уголовныхъ (dolus criminalis), но имѣются всѣ элементы къ признанію правонарушенія гражданскаго (dolus civilis). Въ области уголовнаго права обязателенъ только законъ общій, государственною властью установленный и притомъ подъ условіемъ самаго буквальнаго его толкованія, безъ малѣйшаго расширенія его точнаго смысла. Вотъ почему мы говоримъ, что признаніе присяжными, что лошади стоили заплаченныхъ за нихъ денегъ, хотя и не были годны для городской ѣзды, не можетъ быть истолковано въ смыслѣ имущественнаго вреда, ибо на основаніи постановленій о куплѣ-продажѣ нѣтъ для продавца другаго обязательства кромѣ выдачи покупщику пріобрѣтенной имъ вещи. Напротивъ, въ области гражданскаго права, кромѣ общихъ законовъ, имѣютъ силу и частныя сдѣлки и договоръ между двумя лицами имѣетъ для договаривающихся сторонъ такую же обязательную силу какъ и самый законъ. Г-жа Киркоръ, торгуя лошадей, нуждалась въ нихъ для городской ѣзды, а не для завода, и потому право ея на вознагражденіе, на основаніи приговора присяжныхъ и приведенныхъ выше статей закона, не можетъ подлежать сомнѣнію. Она имѣетъ право не только на вознагражденіе уплаченныхъ ею денегъ, но и всѣхъ тѣхъ убытковъ, которые возникли для нея вслѣдствіе нарушенія со стороны г. Колзакова ихъ взаимнаго договора, ибо она покупала лошадей для спеціальной, извѣстной г. Колзакову цѣли, къ которой онѣ оказались негодными вслѣдствіе сокрытія неявныхъ недостатковъ.

№ 215.

Москва, 6-го октября.

Вечерній *Монитеръ* Французской имперіи какъ нельзя болѣе доволенъ внутреннимъ состояніемъ имперіи Габсбурговъ. „Вопреки частнымъ сопротивленіямъ,“ вѣщаетъ этотъ офиціальный органъ въ своемъ послѣднемъ еженедѣльномъ обозрѣніи, „преобразованіе Австрійской монархіи съ „каждымъ днемъ упрочивается и обнару„женныя чешскимъ и галицкимъ сейма„ми непріязненныя стремленія ни въ чемъ „не ослабили благоволительнаго распо„ложенія императора Франца-Іосифа и „чувствъ благодарности и довѣрія въ на„селеніяхъ.“ Итакъ, по мнѣнію офиціальнаго органа французскаго правительства, все идетъ къ лучшему въ наилучшей изъ Австрій, и успѣхъ замысловатаго дѣла, предпринятаго въ ней г. фонъ-Бейстомъ, доказываетъ лишь справедливость пословицы, что „никто не пророкъ въ своемъ отечествѣ.“

Но въ это самое время, въ Вѣнѣ, офиціозный органъ, *Neue Freie Presse*, говоритъ слѣдующее: „Промежутокъ времени „отъ одной парламентской сессіи до дру„гой чрезъ нѣсколько дней долженъ окон„читься: онъ оказался болѣе мрачнымъ и „смутнымъ чѣмъ мы опасались. Имперская „дума прервала свои засѣданія 24-го іюня, „съ сознаніемъ созданнаго ею и оставлен„наго потомству *славнаго дѣла* государ„ственной реформы, съ чувствомъ успо„коенія, что вышедшее изъ ея среды ми„нистерство будетъ безусловно, во всѣхъ „отношеніяхъ, стражемъ конституціи, съ „чувствомъ довольства, что населеніе ра„достно одобряетъ вѣроисповѣдные май„скіе законы. Но едва прошли четыре „мѣсяца—и какъ все измѣнилось! Исчезли „успокоеніе и довольство; мѣсто ихъ за„ступили тревога и уныніе... Да, сдѣланы „тяжкія ошибки, и скрывая ихъ, мы не „поможемъ нашему дѣлу... Было бы уди„вительно, еслибы національная притяза„тельность упустила изъ рукъ заманчивый „случай, который былъ данъ ей этою *зло„получною* сессіей... Да, время, истекшее „между состоявшимся путешествіемъ им„ператора въ Прагу и отмѣненнымъ путе„шествіемъ императора въ Галицію, яв„ляется нынѣ періодомъ полнымъ полити„ческихъ ошибокъ и прискорбнѣйшихъ „промаховъ...“

Невеселый тонъ этихъ признаній мало соотвѣтствуетъ удовольствію, съ какимъ французскій *Монитеръ* возвѣщаетъ, что затѣянное г. фонъ-Бейстомъ дѣло „съ каждымъ днемъ упрочивается.“ „Совершены тяжкія ошибки,“ говоритъ вопреки этому *Neue Freie Presse*, сознаваясь что изо всего происходившаго до сихъ поръ въ Австріи, правительство вынесло только горькія разочарованія. И какъ, въ самомъ

дѣлѣ, не призадуматься австрійскимъ политикамъ? Національное движеніе Чеховъ долго и упорно выдавалось офиціозною австрійскою печатью за бредни нѣсколькихъ фанатиковъ-профессоровъ, не имѣющія никакого отголоска въ народѣ, проникнутаго и до сихъ поръ, по мнѣнію *Монитера*, чувствами „благодарности и довѣрія“ къ правительству,—и что же? „*народъ* сталъ едва ли не запальчивѣе и страстнѣе прежняго,“ сознается нынѣ *Neue Freie Presse*, описывая уже извѣстныя читателю послѣднія происшествія въ Прагѣ. О профессорахъ болѣе нѣтъ и помину, и офиціозная газета, скрѣпя сердце, признается, что на ихъ мѣсто выступилъ народъ. Не болѣе успокоительны признанія австрійской газеты о волненіяхъ въ Тирольскомъ сеймѣ и о событіяхъ въ Галиціи, гдѣ, вопреки всѣмъ урокамъ полученнымъ Австріей отъ польскихъ патріотовъ, правительство ея съ прежнею наивностью, по сознанію офиціозной газеты, „оперлось на намѣстника, хотя его „двуязычіе и ненадежность были всѣмъ „очевидны.“

Ни для сомнѣній, ни для обмановъ нѣтъ болѣе мѣста: волнуются не профессора; а народности, на которыя распадается механизмъ Австрійской имперіи и которыя требуютъ распространенія на каждую изъ нихъ тѣхъ привилегій, какихъ добилась Венгрія двадцатилѣтнимъ противодѣйствіемъ правительству и измѣнническою стачкой, во время послѣдней войны, съ торжествующимъ врагомъ, опозорившимъ и обрекшимъ ничтожеству нѣкогда горделивую державу повелителей Германіи...

Но сознаваясь въ безчисленныхъ недочетахъ и разочарованіяхъ, вынесенныхъ австрійскимъ правительствомъ изъ развитія системы г. фонъ-Бейста, *Neue Freie Presse* заявляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что измѣненіе этой системы было бы для Австріи „началомъ конца.“

Напротивъ, все случившееся, по мнѣнію вѣнской газеты, есть „проклятіе связанное съ недодѣланнымъ дѣломъ;“ виной же всему „пассивная законность;“ армія до сихъ поръ парализованная должна быть освобождена,“ такъ какъ „*либеральной* „конституціонной партіи Австріи прежде „всего нужно явить могущество и рѣши„тельность.“

Итакъ, вопреки утвержденіямъ французскаго *Монитера* о неизмѣнности „благоволительнаго расположенія“ главы Австрійской имперіи, „конституціонный либерализмъ“ г. фонъ-Бейста находитъ нужнымъ развязать руки арміи и поручить доблести героевъ Кениггреца и Находа пропаганду его системы. Та армія, что не сумѣла предохранить Богемію отъ бѣдствій непріятельскаго вторженія, должна теперь одушевиться воинственнымъ жаромъ при мысли, что на этотъ разъ ей придется имѣть дѣло не съ прусскими войсками съ ихъ весьма некомфортабельными игольчатыми инструментами, а съ безоружными чешскими толпами. Ничего этого не вѣдаетъ *Монитеръ*: онъ что-то слышалъ о какихъ-то „частныхъ сопротивленіяхъ,“ но ему ничего неизвѣстно о событіяхъ у Св. Панкратія, и объ уныломъ настроеніи, наведенномъ ими на вѣнскаго государственнаго мужа, который еще не опомнился отъ сюрприза подготовленнаго ему Львовскимъ сеймомъ съ его „либеральнымъ“ намѣстникомъ.

Но если обо всемъ этомъ безмолвствуетъ *Монитеръ*, то за него говоритъ *France*, глубокомысленно замѣчая, что „волненія „Богеміи и Тироля суть одинъ изъ при„знаковъ несчастнаго кризиса, терзаю„щаго нынѣ монархію Габсбурговъ.“ „Воз„становлено Венгерское королевство,“ гласитъ органъ французской дипломатіи, „и что же? Имъ (то-есть Богеміи и Тиролю) „недостаточно и этого!“ Дѣйствительно, странная взыскательность! Провозглашена независимость вѣчно мятежной Венгріи, перенесены съ нея на вѣрные до сихъ поръ Богемію и Тироль всѣ государственные военные расходы, причиненные бунтами и измѣнами Венгріи, и вотъ Богемія и Тироль находятъ все это недостаточнымъ, и требуютъ еще чего-то..... Имъ присылаютъ въ отвѣтъ военное положеніе и распущеніе избранныхъ ими сеймовъ.

Надобно думать, что есть же какое-нибудь серіозное намѣреніе, какая-нибудь цѣль въ этихъ завѣдомо фальшивыхъ отзывахъ французскаго *Монитера* объ Австріи. Вчерашняя почта сообщила намъ идущія изъ Парижа вѣсти о „сильномъ раздраженіи,“ причиненномъ императору Наполеону неожиданными событіями въ Испаніи. И въ самомъ дѣлѣ, событія эти со дня на день принимаютъ для него все болѣе неблагопріятный оборотъ. Ни одинъ изъ выдвинутыхъ революціей проектовъ

будущаго правительства Испаніи не соотвѣтствуетъ видамъ правительства императора Наполеона. Сосѣдство республики опасно. Еще опаснѣе сосѣдство орлеанской монархіи. Осуществленіемъ программы „Иберійской уніи“ Франція пріобрѣла бы сосѣдку въ великой Португаліи, а Португалія со временъ Метуэнскаго договора есть вассалъ Англіи. Не менѣе серіознымъ, особенно при настоящихъ отношеніяхъ Италіи ко Франціи, было бы избраніе на испанскій престолъ принца Савойской династіи. Чувство „раздраженія,“ дѣйствительно, проглядываетъ во всѣхъ органахъ французскаго правительства. Такъ *France* привязывается къ словамъ офиціозной берлинской *Provincial Correspondenz*, заявившей Испаніи, что Пруссія окажетъ волѣ ея народа такое же почтеніе, какого она сама требуетъ для Германіи. Преобразованія Германіи, по словамъ органа французской дипломатіи, не имѣютъ ничего общаго съ событіями въ Испаніи. „Страны, хищнически присо„единенныя; королевства насильно упраз„дненныя или подчиненныя; границы нагло „перенесенныя; Австрія изгнанная изъ „Германскаго Союза; Пруссія, распростра„няющая свою территорію и свое господ„ство надъ сѣверною Германіей и изъяв„ляющая упорныя стремленія присоеди„нить къ себѣ и южныя государства и „образовать, въ центрѣ Европы, обшир„ную имперію, коей главою и рукою былъ „бы Берлинъ,—все это конечно постоитъ „низложенія династіи въ Испаніи...“ Не довольствуясь этою атакой, которая отнюдь не отличается свойственною дипломатіи сдержанностію, *France* подхватываетъ другой случай поспорить съ Берлиномъ, вступаясь за *Patrie* въ ея полемикѣ по поводу датской тронной рѣчи. „Французская печать,“ по мнѣнію *France*, „ограничивается заявленіемъ, что въ „Парижскомъ трактатѣ есть *пятая* статья „и что эта статья не исполнена.... „Пруссія можетъ предпочесть сохраненіе „датскихъ областей возвращенію ихъ; но „ей не удастся сдѣлать двусмысленнымъ „(ambigu) то, что ясно какъ день... Быть„можетъ Пруссіи непріятно слышать на„поминаніе обязательства, коего исполне„ніе ею замедлено. Но виной тому она же „сама...“

Въ Берлинѣ теперь, повидимому, считаютъ себя обезпеченными *quand même* относительно Россіи, и вотъ органъ графа Бисмарка, *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, влача за собою шумную толпу всякихъ органовъ берлинскаго *шовинизма*, не остается въ долгу у французской печати. *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* даетъ рѣшительный отпоръ притязанію Франціи говоритъ именемъ Пражскаго трактата, и это, уже и безъ того не очень пріятное Тюльерійскому кабинету угощеніе, приправляетъ она ироническими намеками на безплодность извѣстнаго ученія о территоріальныхъ возмещеніяхъ въ уплату за „внимательный нейтралитетъ.“ „Пусть „французская политика оглянется,“ восклицаетъ *National Zeitung*, „на резуль„таты своего „вліянія“ и въ Мадридѣ, и „во Флоренціи. Германія же сумѣетъ от„дѣлаться отъ безстыжаго фанфаронства.“ И вотъ посреди этой непріязни офиціальный *Монитеръ* восхваляетъ преобразованія Австріи и выставляетъ ее какъ упроченное могущество. Онъ естественно хочетъ успокоить французскую публику, что въ роковой часъ борьбы Франція можетъ благонадежно опереться на дружескую руку цвѣтущей Габсбургской имперіи... *На безрыбьи и ракъ рыба.*

№ 216.

Москва, 7-го октября.

Защищая тему, что Россіи выгодно воспользоваться преимуществами Либавскаго порта, мы ссылались на высокія авторитеты: на виды Петра Великаго и Николая I, а также на рѣшенія нынѣшняго царствованія, принятыя въ 1857 году, когда была начертана первая желѣзно-дорожная сѣть и въ ней предоставлено Либавѣ самое видное мѣсто. Зложелатели Либавы лукаво противуставятъ всему этому слова будто бы сказанныя Государемъ Императоромъ по поводу продажи Николаевской желѣзной дороги: „*Въ этомъ вопросѣ* матеріальные интересы не имѣютъ ничего общаго съ національностью.“ Пропустивъ подчеркнутое нами начало царственной фразы, *Ostsee-Zeitung* вооружилась остальною частью ея, чтобы зажать намъ ротъ но вопросу о томъ, выгоднѣе ли для Россіи имѣть двѣ дороги,—одну въ иностранный портъ, Кенигсбергъ, а другую въ русскій портъ, Либаву,—или одну только

дорогу, и именно ту, которая ведетъ въ иностранный портъ! На этотъ непозволительный маневръ отвѣчали мы еще въ № 154, указывая на разницу между выборомъ покупщиковъ той или другой желѣзной дороги и выборомъ направленія желѣзныхъ дорогъ.

Мѣсяца полтора или два спустя, та же газета надписала эти же извращенныя ею царственныя слова эпиграфомъ новой статьи о Либавской желѣзной дорогѣ. Считаемъ теперь нелишнимъ привести вызванныя этимъ непозволительнымъ маневромъ замѣчанія изъ либавской брошюры уже извѣстной читателямъ *).

„*Матеріальные интересы*," справедливо сказано въ упомянутой брошюрѣ, „*не „имѣютъ ничего общаго съ національно- „стію*, — это значитъ, другими словами, „что для насъ тотъ рынокъ долженъ быть „признанъ лучшимъ, на которомъ мы выгоднѣе можемъ покупать и продавать. „Но таковъ ли для Россіи прусскій рынокъ? Дороже ли оплачиваются въ Кенигсбергѣ наши отпускные товары чѣмъ „въ Ригѣ и Петербургѣ? Можемъ ли мы „нужные намъ привозные товары получать „дешевле изъ Кенигсберга чѣмъ прямо „изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ эти товары производятся? Напротивъ, наша зависимость „отъ Пруссіи подрываетъ наше *матеріальное благосостояніе*, ибо вслѣдствіе этой „зависимости мы лишаемся тѣхъ выгодъ, „которыя могла бы доставить намъ непосредственная международная торговля съ „государствами заморскими. Именно этотъ „*матеріальный ущербъ* былъ бы устраненъ „обращеніемъ Либавы въ складочное мѣсто западно-русской торговли. Простирающійся на многіе милліоны барышъ, „который прусское торговое сословіе и „прусскій купеческій флотъ выручаютъ „изъ транзитной торговли съ Россіей, достался бы не Пруссіи, а Россіи. Какой „Русскій — славянскаго ли, нѣмецкаго ли „происхожденія — можемъ безъ негодованія „читать явно высказанное въ прусскихъ „газетахъ заявленіе, что Кенигсбергъ „долженъ стать *передовою гаванью всей „сѣверной Россіи?* Эта цѣль, безъ всякаго сомнѣнія, будетъ достигнута Пруссіей, если не будетъ выстроена Либавско- „Ковенская дорога, ибо тогда не будетъ „у Россіи, на Балтійскомъ морѣ ни одной „гавани, которая могла бы соперничать „съ Кенигсбергомъ. Но Либавско-Ковенская дорога надѣлитъ Россію такою гаванью, ибо *Ковно отстоитъ отъ Либавы „не далѣе чѣмъ отъ Пиллау.*" *) Либавскій рынокъ будетъ во всѣхъ отношеніяхъ выгоднѣе для русской торговли, какъ только Либавскій портъ будетъ поставленъ на равную ногу съ кенигсбергскимъ, поскольку это зависитъ отъ *искусственныхъ* удобствъ, которыми мы сами, на русскія деньги, надѣлили Кенигсбергъ, не только построивъ въ его пользу желѣзную дорогу, но и даровавъ русскому привозу со стороны Кенигсберга преимущества пониженнаго таможеннаго тарифа, въ сравненіи съ привозомъ черезъ Либаву. До какой степени эти двѣ огромныя привилегіи — привилегія желѣзно-дорожнаго сообщенія и привилегія дифференціальной таможенной пошлины — повели къ подавленію либавской торговли, сосредоточивъ въ рукахъ Пруссіи и ея портовъ заграничное торговое движеніе Россіи, объ этомъ можно судить уже потому, что въ продолженіе 30 лѣтъ, при быстро возрастающей прогрессіи русскаго отпуска, число отплывающихъ кораблей въ Кенигсбергѣ (Пиллау) *увеличилось* съ 700—800 до 1.800 и 2.000; въ Мемелѣ съ 600—700 до 900 и 1.000; между тѣмъ какъ въ Либавѣ оно *уменьшилось* съ 200—250 до 160 и 180.

Отчего же процвѣтаютъ прусскіе Кенигсбергъ и Мемель, а наша Либава падаетъ? Прусскіе органы ухищряются увѣрить насъ, что въ вопросѣ о направленіи желѣзныхъ дорогъ національный интересъ могутъ имѣть въ виду только политическіе фанатики. Пусть будетъ такъ. Забудемъ, что между Либавой и Мемелемъ проходитъ русско-прусская граница, и взглянемъ на дѣло съ космополитической точки зрѣнія. Какой портъ лучше? Недавно нашли мы въ *Либавской Газетѣ* слѣдующее извѣстіе:

„4-го сентября вошелъ въ нашу гавань прусскій корабль, нагруженный картофелемъ, который шелъ изъ Данцига въ Мемель. Корабль этотъ въ тотъ же день былъ вблизи Мемеля, но не могъ войдти въ гавань, несмотря на то что на немъ были

*) „Die Libausche Eisenbahn frage". Herausgegeben vom Libauer Handels-Komität.

*) Гавань Кенигсберга, отстоящая отъ него на 35 верстъ.

мемельскіе лоцманы. Тогда шкиперъ рѣшился искать спасенія въ Либавской гавани, въ которую и вошелъ безъ опасности и затрудненій.“

Итакъ Либавскій портъ лучше Мемельскаго. Можетъ-быть Пиллау, передовая гавань Кенигсберга, такъ быстро возрастающая, поставлена природой въ условія болѣе выгодныя чѣмъ Либава? Но и тутъ приходится отвѣтить: нѣтъ. „Кенигсбергъ, Мемель и Либава,“ говоритъ справедливо *Либавская Газета*, „имѣютъ одинаково позади себя русскія земли, коихъ центръ— „Ковно. Отъ Либавы Ковно отстоитъ не „дальше чѣмъ отъ Пиллау. Либава свободна большее время года отъ льда, „имѣетъ болѣе удобный портъ чѣмъ Мемель и Пиллау, и отстоитъ отъ Борнгольма и отъ Зунда не дальше чѣмъ „они.“

Итакъ Либава, какъ портъ, лучше и Мемеля и Пиллау. Что̀ же изъ этого слѣдуетъ?

Будь всѣ эти три порта въ рукахъ одного государства, оно не могло бы покровительствовать Кенигсбергу и Мемелю больше чѣмъ Либавѣ, а напротивъ обратило бы на Либаву, какъ на лучшій изъ трехъ портовъ, особенное вниманіе. Не станемъ разбирать какъ случилось, что Россія не захотѣла довольствоваться Петербурго-Варшавскою желѣзною дорогой, а сочла нужнымъ построить въ подрывъ ей вѣтвь Эйдткуненскую. Не станемъ входить въ разсмотрѣніе и того, какія недоразумѣнія побудили Россію ввести дифференціальныя пошлины въ пользу прусскихъ портовъ и въ ущербъ портамъ русскимъ. Ограничимся указаніемъ факта, что Либава падала главнѣйшимъ образомъ отъ двухъ причинъ: отъ дифференціальныхъ пошлинъ и отъ недостатка путей сообщенія. Должны ли онѣ быть и впредь оставляемы въ силѣ?

Первая изъ этихъ причинъ будетъ почти совершенно устранена тарифомъ нынѣшняго года. Не внушаетъ ли это надежды, что нынѣшній же годъ будетъ ознаменованъ рѣшеніемъ, которое упразднитъ и вторую? Новый тарифъ водворитъ почти полное равенство между русскими и прусскими портами. Для уравненія Либавы съ Кенигсбергомъ, останется дать ей такой же рельсовый путь въ Ковно, какой данъ Кенигсбергу вѣтвью изъ Ковна въ Эйдткуненъ.

№ 217.

Москва, 8-го октября.

А.

Мы не разъ указывали на систематическую агитацію, непрерывно чинимую газетами *Вѣсть* и *Новое Время* противъ нынѣшней администраціи юго-западнаго края. Агитація дѣйствуетъ съ безпримѣрнымъ нахальствомъ, не останавливаясь ни предъ какими средствами: ей ни почемъ ни извращеніе факта, ни сочиненіе навѣтовъ, если только дѣло касается русскихъ чиновниковъ вызванныхъ на службу въ западный край. Игра ведется въ открытую, и улика въ подлогѣ не производитъ никакого дѣйствія. *Вѣсть* упорно молчитъ, когда ей напоминаютъ доказанный офиціально фактъ, что польскіе паны юго-западнаго края даютъ ей субсидію. *Новое Время* не стѣсняется тѣмъ, что корреспондентомъ ея, нападающимъ на дѣйствія русской администраціи въ юго-западномъ краѣ, оказывается нѣкто г. Сарнѣцкій, уличенный судомъ въ подлогахъ.

Еще весьма недавно *Вѣсть* чуть не каждый нумеръ посвящала дѣламъ сѣверо-западнаго края, трубя тревогу о его разореніи вслѣдствіе призыва чиновниковъ и мировыхъ посредниковъ изъ внутреннихъ губерній. Но времена перемѣнились, и заботы о хозяйственныхъ условіяхъ приписаннаго къ Вильнѣ края отложены какъ инструментъ, для фокусовъ болѣе ненужный. Сѣверо-западный край, откуда теперь высылаются русскіе чиновники исполнявшіе систему, не ими сочиненную, но предустановленную правительствомъ, потекъ млекомъ и медомъ, и все вниманіе означеннаго органа обратилось на юго-западныя губерніи противъ тамошнихъ мировыхъ учрежденій. Маска, которою прикрывается партія стоящая за этою газетой, при нападкахъ на Кіевъ, та же что̀ недавно служила при войнѣ противъ прежнихъ виленскихъ властей: заботы о хозяйственныхъ интересахъ края и вытекающая изъ того необходимость изгнанія оттуда вѣрныхъ своему долгу чиновниковъ.

Въ недавнее время кіевскій генералъ-губернаторъ, при объѣздѣ края, потребовалъ, чтобы мѣстныя мировыя власти изготовили статистическія свѣдѣнія о состояніи тѣхъ мѣстностей, черезъ которыя ле-

жалъ его путь. Доставленныя ему данныя, опубликованныя въ *Кіевлянинѣ*, подтверждаютъ приходящія съ разныхъ сторонъ свѣдѣнія. *Вѣсть*, въ программу которой входитъ распространеніе слуховъ объ упадкѣ тамъ хозяйства, съ яростію напала на эти данныя и объявила съ забавною запальчивостію, что онѣ не вѣрны. Въ *Кіевлянинѣ*, который съ удивительнымъ терпѣніемъ слѣдитъ за навѣтами *Вѣсти*, между прочимъ было замѣчено, что если въ офиціальныхъ данныхъ могли встрѣтиться неточности, то развѣ оттого что каждый хозяинъ показывалъ скота *менѣе* чѣмъ у него находилось на лицо; такъ „если у „него 3 пары рабочаго скота, то онъ по„казываетъ только 2; если 5, то только „3 и т. д., а ягнятъ и телятъ почти никто „не показываетъ“. Для всякаго читающаго эти строки очевидно, что если экономическое положеніе края находится, по офиціальнымъ даннымъ, въ хорошемъ положеніи, то въ дѣйствительности оно еще лучше, и таковы на самомъ дѣлѣ свѣдѣнія, которыя получаются оттуда отъ лицъ не заинтересованныхъ извращеніемъ истины. Что же *Вѣсть?* Она видитъ въ этомъ указаніи *Кіевлянина* признаніе невѣрности офиціальныхъ данныхъ и продолжаетъ еще громче бить тревогу по поводу обѣдненія края. Что это такое какъ не интрига? Вопросъ объ обѣдненіи Россіи имѣетъ въ *Вѣсти* куріозный видъ. На дняхъ (№ 111) эта газета припомнила своимъ читателямъ, что она первая указала на фактъ обѣдненія крестьянъ вообще въ Россіи, и что этотъ фактъ многіе прежде оспаривали, а теперь уже не отрицаютъ. Такое завѣреніе должно произвести эффектъ на читателей, не привыкшихъ къ пріемамъ *Вѣсти*. Добродушнѣйшіе изъ нихъ могутъ подумать, что теперь въ самомъ дѣлѣ фактъ обѣдненія русскихъ крестьянъ признается всѣми или по крайней мѣрѣ признается больше чѣмъ прежде: нельзя же говорить прямо на выворотъ! Но чего обыкновенно нельзя, то для *Вѣсти* можно. Она утверждаетъ, что фактъ хозяйственнаго обѣдненія Россіи теперь не отрицаютъ, между тѣмъ какъ именно теперь есть болѣе чѣмъ прежде основаній отрицать его, и на эти основанія многіе, въ томъ числѣ и мы, нерѣдко указываютъ. Вся исторія объ обѣдненіи Россіи есть выдумка, имѣющая цѣлью интригу и ничего болѣе. Если вѣрить *Вѣсти*, вся Россія бѣднѣетъ а преимущественно бѣднѣетъ, юго-западный край, и потому эта клика особенно озабочена его хозяйственнымъ положеніемъ. *Вѣсть* почти ничего не говоритъ теперь о сѣверо-западномъ краѣ; его хозяйственнымъ положеніемъ она всего менѣе тревожится. Что же изъ этого надобно вывести, если предполагать, что ея вдохновители серіозно думаютъ то что она говоритъ? Надобно вывести, что крестьянское благосостояніе выше въ сѣверо-западномъ чѣмъ въ юго-западномъ краѣ. Таково ли мнѣніе *Вѣсти?*

Но не успѣла еще окончиться послѣдняя полемика съ *Кіевляниномъ* о хозяйственныхъ дѣлахъ заботящаго *Вѣсть* юго-западнаго края, какъ эта газета возбуждаетъ по отношенію къ тому же краю вопросъ политическій. Она отрицаетъ, чтобы между крестьянами тамъ водворялось довѣріе къ законнымъ властямъ. Чтобы поднять довѣріе юго-западныхъ крестьянъ къ правительству, надобно, какъ видно, поставить ихъ въ прежнюю зависимость отъ польскихъ пановъ, а то крестьянствомъ совсѣмъ обуялъ духъ своеволія, чему и доказательства на лицо. Въ краѣ было нѣсколько лѣсныхъ пожаровъ (гораздо меньше чѣмъ около Петербурга), и крестьяне не потушили ихъ. Развѣ это не буйство? Тароватые помѣщики предлагали крестьянамъ по 1 р. 81 к. за уборку десятины пшеницы (извѣстно, что въ Самарской губерніи въ нынѣшнемъ году уборка хлѣба обходилась за 20 р. с. съ десятины); крестьяне стакнулись не брать этой цѣны; потомъ тѣ же помѣщики предлагали имъ работать изъ десятаго снопа, и крестьяне долго крѣпились, но подъ конецъ согласились убирать пшеницу изъ двѣнадцатаго снопа, что баснословно дешево. Это тоже бунтъ. Кромѣ того положительно-де извѣстно, что крестьяне будто бы *ожидаютъ* какихъ-то новыхъ милостей, и есть слухи, „*будто* крестьяне вырывали столбы „(межевые) и даже въ нѣкоторыя мѣста „посланы воинскія команды“ (№ 111). Въ какомъ именно мѣстѣ случилось это происшествіе и до какой степени оно достовѣрно, *Вѣсть* этимъ не интересуется; она сама сознается, что „не можетъ поручиться за полную достовѣрность этихъ слуховъ“. Интересъ не въ фактѣ, а въ томъ чтобъ ударить тревогу о неуваженіи крестьянъ къ законной власти: (о неуваженіи пановъ къ законной власти *Вѣсть* не мол-

вить ни слова).. Такова обычная уловка всякой интриги: требуется въ данную минуту произвести впечатлѣніе въ извѣстномъ смыслѣ, а тамъ пусть выдуманный или фальшиво представленный фактъ опровергается и обращается въ ничто. Но еслибъ и допустить, что дошедшіе до *Вѣсти* слухи подтвердились, развѣ приведенный ею фактъ могъ бы служить матеріаломъ для какихъ-нибудь общихъ выводовъ? Развѣ онъ не оставался бы явленіемъ отдѣльнымъ, какое бываетъ вездѣ, и противъ котораго, по словамъ самой *Вѣсти*, приняты мѣры?

Вѣсть сравниваетъ свой образъ дѣйствій съ нашимъ. Слава Богу, между нами нѣтъ ничего общаго. Мы указываемъ только на факты. Развѣ не фактъ, что мы получили извѣстное официальное сообщеніе по дѣлу Минкевича? Развѣ не фактъ, что русскихъ чиновниковъ высылаютъ изъ сѣверо-западнаго края безъ другой вины съ ихъ стороны кромѣ усерднаго исполненія предписаній прежняго начальства? Это факты несомнѣнные, и притомъ крупные, производящіе глубокое впечатлѣніе. *Вѣсть*, напротивъ, высказываетъ общія озлобленныя сужденія объ администраціи юго-западнаго края. Слухи, за достовѣрность коихъ нельзя ручаться, не могутъ, при добросовѣстномъ отношеніи къ дѣлу, вызвать подобныя сужденія. Если произносятся приговоры недостаточно мотивированные, то-есть не внушенные дѣломъ, то всякій въ правѣ заключать о постороннихъ, и притомъ предосудительныхъ, побужденіяхъ.

Вѣсти усердно соревнуетъ *Новое Время*. Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ своихъ (195) эта газета положительно утверждаетъ, будто въ средѣ тамошнихъ „мировыхъ дѣятелей", какъ она выражается, есть одинъ *клейменый каторжникъ*: ни имени этого лица, ни мѣста нахожденія его участка, ни времени о которомъ идетъ рѣчь, эта газета не указываетъ, она тоже смѣкаетъ, что дѣло тутъ вовсе не въ фактѣ, а въ томъ, чтобы произвести впечатлѣніе.

Но бѣды не было бы, еслибъ эти газеты были органами только польской партіи; къ сожалѣнію, онѣ хвастаются своими связями съ офиціальнымъ міромъ и служатъ до нѣкоторой степени указателями интригъ, которыя проникаютъ туда и дѣйствуютъ оттуда. Утѣшительно по крайней мѣрѣ то, что общественное мнѣніе у насъ настолько уже созрѣло, что не дается въ обманъ. Съ тѣхъ поръ какъ въ западный край стали созываться русскіе люди, они сдѣлались предметомъ самой дѣятельной интриги: клевета преслѣдовала ихъ и на мѣстѣ, и въ Петербургѣ. Каждый неосторожный шагъ ихъ выслѣживался и предавался публичному поруганію; лучшія дѣйствія ихъ извращались и представлялись не какъ необходимость въ краѣ полномъ измѣны и мятежа, а какъ дѣйствія опасныя для общественнаго порядка. Нѣсколько лѣтъ тянется эта интрига, и теперь, повидимому, она считаетъ себя вполнѣ торжествующею. Но она оказалась безсильною запятнать честныхъ людей, и только возвысила ихъ въ общественномъ мнѣніи, а вмѣстѣ съ тѣмъ вызвала въ русскомъ обществѣ довѣріе къ своимъ юнымъ, зрѣющимъ силамъ. Нельзя не принять во вниманіе, что между тысячами людей, наскоро вызванныхъ въ западныя губерніи, не много нашлось такихъ, которые увлеклись бы матеріальными выгодами стачекъ съ панами и рѣшились бы дѣйствовать въ ущербъ интересамъ Государя и государства: ихъ охраняли отъ этого сознаніе святости возложенныхъ на нихъ обязанностей и общій духъ, который установился въ ихъ средѣ соотвѣтственно направленію данному дѣламъ съ высоты Трона.

Б.

Фельдмаршалъ-лейтенантъ баронъ Коллеръ не стяжалъ лавровъ въ недавней борьбѣ, послѣ которой Австрія, тяжело раненая, обратилась къ героическому врачеванію знаменитаго саксонскаго эмпирика. Воспроизведенный въ послѣднемъ нашемъ нумерѣ текстъ прокламаціи его къ Пражанамъ (о которой уже извѣщалъ насъ телеграфъ) доказываетъ, что доблестный воинъ надѣется возвысить свою боевую репутацію на улицахъ Праги.

Баронъ Коллеръ является исполнителемъ требованій высказанныхъ офиціозною *Neue Freie Presse* и въ Прагѣ онъ олицетворяетъ собою систему придуманную въ Вѣнѣ и имѣющую задачей возместить послабленія, сдѣланныя въ пользу вѣчно-мятежной мадьярской стихіи, угнетеніемъ остальныхъ народностей многоязычной, лишенной національнаго единства, державы Габсбурговъ, — народностей, которыя были

непоколебимо вѣрны ей, и зла противъ нея никогда не умышляли. На долю фельдмаршала-лейтенанта Коллера выпала задача смывать кровью пражскихъ жителей послѣдствія „тяжкихъ ошибокъ,“ какъ выразилась австрійская офиціозная газета, коихъ виновниками были *не они*, а вѣнскіе политики сочинившіе систему дуализма. Недавно сообщали мы куріозное извѣстіе о томъ, что офиціозною *Wiener Abendpost* была воспроизведена, безъ оговорокъ, статья прусской *Weser-Zeitung*, подъ заглавіемъ: *Внутреннее положеніе Австріи*, гдѣ доказывалась неизбѣжность распаденія монархіи Габсбурговъ, а австрійскимъ Нѣмцамъ на сей случай обѣщался радушный пріемъ у „очага прусской Германіи...“ Вотъ уже до чего дошло дѣло!

Неурядица, возбужденная въ народностяхъ многоязычной имперіи принесенныхъ въ жертву мадьярскому Молоху, уже отозвалась въ самыхъ нѣдрахъ цислейтанскаго министерства. Объ этой административной анархіи упоминаетъ и офиціозная *Neue Freie Presse* устами своего пештскаго корреспондента. Другой горячій приверженецъ нынѣшней системы австрійскаго дуализма, вѣнскій *Fremdenblatt*, высказываетъ, по этому поводу, слѣдующія безнадежныя размышленія: „Мы съ радо„стію встрѣтили этотъ первый парламент„скій кабинетъ и, конечно, послѣдніе по„желаемъ его смѣны; но мы съ прискор„біемъ сознаемся: исчезло обаяніе, кото„рымъ общественное мнѣніе окружило ми„нистерство при его рожденіи, а *съ тѣмъ* „*вмѣстѣ должна исчезнуть и система* „олицетворяемая этимъ министерствомъ. „Въ состояніи ли новый председатель со„вѣта министровъ обновить его, упрочить „его, водворить въ его нѣдрахъ не достаю„щій ему духъ согласія и взаимной соли„дарности? Мы въ этомъ рѣшительно со„мнѣваемся“...

Будемъ продолжать словами берлинской *Крестовой Газеты*: „Не минуло и года „*новой эры* Австріи,“ говоритъ эта газе„та, „и уже эта имперія погружена въ „неурядицу, до сихъ поръ небывалую... „Сплоченіе Австріи должно было явиться „результатомъ политическихъ эксперимен„товъ, которые начались установленіемъ „дуализма... Областное право идетъ впе„реди права государственнаго (Landrecht „geht vor Reichsrecht), таковъ былъ изби„рательный лозунгъ тирольскаго сейма; „протестъ членовъ и резолюціи галицкаго „сейма являются лишь развитіемъ этого „принципа...“ (Припомнимъ мимоходомъ, что именно этотъ самый принципъ разлагающаго преобладанія областной автономіи надъ государственнымъ правомъ тою же газетой рекомендуется и навязывается Россіи по отношенію къ ея окраинамъ).

Система г. фонъ-Бейста находится въ полномъ разрушеніи, котораго не остановятъ никакіе бароны Коллеры... Система эта обречена гибели, но политическіе органы, преданные г. фонъ-Бейсту, сознаются, что ея паденіе будетъ для Австріи „началомъ конца.“ Мрачныя предсказанія близки къ тому, чтобы сбыться; и вотъ въ виду предполагаемаго исхода прусская печать уже заранѣе готовитъ для нѣмецкихъ населеній Австріи мѣстечко „у очага прусской Германіи.“ Населеніямъ, которыя не желаютъ помѣститься у „очага прусской Германіи,“ предстоитъ теперь тяжкое испытаніе, но оно не можетъ быть продолжительно, и имъ навсегда опредѣлится та степень независимости и самостоятельности, какую готовятъ для нихъ грядущія событія...

№ 218.

Москва, 9-го октября.

Въ послѣднемъ нумерѣ *Виленскаго Вѣстника* сообщаются новыя интересныя свѣдѣнія, о которыхъ уже было сообщено намъ телеграммой, по вопросу о русскомъ языкѣ для иновѣрцевъ. Повидимому, можно считать теперь всѣ затрудненія касательно этого вопроса окончательно улаженными. „Главнѣйшее препятствіе,“ замѣчаетъ *Виленскій Вѣстникъ*, „къ совер„шенному упраздненію польскаго языка „изъ религіозной практики русскихъ рим„ско-католиковъ, которое предполагалось, „по слухамъ, со стороны святѣйшаго си„нода, устранено нынѣ окончательно.“

Намъ кажется, что весь вопросъ собственно заключался только въ томъ недоразумѣніи, будто русскій языкъ принадлежитъ къ догматамъ православной церкви и входитъ въ сферу ея управленія. Въ предѣлахъ Россійской Имперіи, ея законами, допускаются и признаются религіозныя учрежденія, не находящіяся въ

связи съ православною церковію, но числящія за собою милліоны русскихъ подданныхъ, которымъ невозможно, безъ величайшей несправедливости, а съ тѣмъ вмѣстѣ и безъ вреда для государства, отказывать въ правѣ на языкъ своего отечества. Это множество людей болѣе или менѣе разномыслящихъ въ дѣлѣ вѣры съ православною церковью должны были, вслѣдствіе помянутаго недоразумѣнія, чуждаться своего отечества, признавать себя въ немъ за иностранцевъ и воспитываться въ чувствѣ болѣе или менѣе непріязненномъ къ нему. Вопросъ единственно въ томъ, чтобы прекратить это странное недоразумѣніе, сохранившееся въ нашей административной практикѣ отъ прежнихъ временъ, секуляризировать русскій языкъ и предоставить право на употребленіе его разнымъ религіознымъ учрежденіямъ подъ общимъ контролемъ правительства. Учрежденія другихъ исповѣданій, ихъ вѣроученіе, молитвословіе, богослуженіе, отнюдь не могутъ подлежать контролю синода православной церкви, ибо такой контроль ставилъ бы съ одной стороны управленіе православной церкви въ неестественныя отношенія; съ другой, вносилъ бы смуту въ совѣсть иновѣрцевъ, велъ бы къ соблазнамъ и во всякомъ случаѣ былъ бы притѣсненіемъ и нарушалъ бы законъ вѣротерпимости, безъ котораго не можетъ существовать никакое цивилизованное государство, особенно столь громадная держава всемірнаго значенія, какъ Россія. Коль скоро государство признаетъ въ своихъ предѣлахъ *разныя* религіозныя учрежденія, то этимъ самымъ оно предоставляетъ каждому изъ нихъ внутреннюю автономію и независимость отъ другаго въ предметахъ вѣры, и удерживаетъ исключительно за гражданскою властію все что касается ихъ гражданскаго положенія.

Святѣйшій синодъ, безъ сомнѣнія, самъ находилъ неудобнымъ и затруднительнымъ для себя участіе въ разрѣшеніи вопросовъ, касающихся внутренняго быта иныхъ вѣроисповѣданій. Это можно видѣть изъ самого отзыва синодальнаго оберъ-прокурора. „Оберъ-прокуроръ," сообщаетъ *Виленскій Вѣстникъ*, „отозвался, что введеніе русскаго языка при богослуженіи въ римско-„католическихъ костелахъ, по мнѣнію свя„тѣйшаго синода, *зависитъ отъ министер„ства внутреннихъ дѣлъ*, которому под„чинены всѣ иностранныя исповѣданія въ „предѣлахъ Россіи, и что къ допущенію „этого введенія, равно какъ въ изданію „на русскомъ языкѣ католическихъ мо„литвенниковъ и другихъ богослужебныхъ „книгъ *со стороны синода препятствій „не встрѣчается*." Объявивъ, что вопросъ, о которомъ синодъ спрашивали, зависитъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, то-есть отъ власти гражданской, духовная власть мудро обозначила предѣлъ своего вѣдомства и отклонила отъ себя то что по самой натурѣ своей подлежать ея контролю не можетъ. Этимъ самымъ высшая духовная власть церкви положила конецъ грубому недоразумѣнію, которое тяготѣло надъ нашею жизнію и было виной стольких неправильностей и смутъ. Отзывъ данный синодальнымъ оберъ-прокуроромъ имѣетъ важность, которая не исчерпывается даннымъ случаемъ. Вышеприведенныя слова имѣютъ, можно сказать, историческое значеніе, которое можетъ быть оцѣнено только въ послѣдствіи, при дальнѣйшемъ развитіи сказавшагося въ нихъ начала.

Но признаніе начала и дѣйствительное примѣненіе его — двѣ разныя вещи. Между тѣмъ и другимъ могутъ возникнуть новыя неясности. Мы опасаемся, чтобы нѣчто подобное не случилось и въ настоящемъ случаѣ. Предоставленіе иновѣрцамъ ихъ отечественнаго языка окажется мѣрой плодотворною и полезною только въ томъ случаѣ, если будетъ имѣть характеръ справедливой льготы. *Виленскій Вѣстникъ* сообщаетъ, что уже въ настоящее время въ Вильнѣ работаетъ надъ переводомъ римско-католическаго требника „особая ком„миссія, въ составъ которой входитъ *между „прочимъ* одно духовное лицо римско-ка„толическаго исповѣданія." Изъ какихъ же, однако, членовъ состоитъ коммиссія имѣющая своимъ предметомъ изложеніе богослужебныхъ римско-католическихъ книгъ? Наконецъ, не совсѣмъ понятно, зачѣмъ въ этомъ случаѣ нужна особая коммиссія. Составленіе или изложеніе богослужебныхъ книгъ входитъ въ сферу религіознаго учрежденія и неотъемлемо принадлежитъ его автономіи. Римско-католическая церковь имѣетъ свою организацію; ей или ея послѣдователямъ надобно вполнѣ предоставить редакцію ея богослужебныхъ книгъ. Ничего не можетъ быть страннѣе положенія людей, которые были бы призваны писать катихизисъ, составлять про-

повѣди или излагать богослужебныя книги для церкви, къ которой они сами не принадлежатъ. Если священникъ Стацевичъ, нынѣ ректоръ римско-католической академіи въ Петербургѣ, составилъ по-русски катихизисъ своего вѣроученія безъ помощи какихъ бы то ни было коммиссій, то онъ же, или другое лицо изъ католиковъ, могли бы, по вызову правительства, съ неменьшимъ успѣхомъ заняться изложеніемъ требника на русскомъ языкѣ. Со стороны правительства достаточно сдѣлать запросъ или поставить требованіе, а все остальное должно быть предоставлено усердію и свободѣ самихъ заинтересованныхъ учрежденій и лицъ. Нѣтъ сомнѣнія, что при каждомъ изъ различныхъ религіозныхъ учрежденій, которыхъ существованіе въ Россіи обезпечено покровительствомъ ея законовъ, найдутся люди, которые посвятили бы себя подобному труду съ чувствомъ призванія и съ сердечнымъ участіемъ. Потребность въ этомъ между иновѣрцами чувствовалась давно, и искала себѣ удовлетворенія тамъ, гдѣ ей не противодѣйствовали политическія причины, гдѣ религіозныя учрежденія, вслѣдствіе запрета лежавшаго на русскомъ языкѣ, не получили враждебнаго политическаго характера, какъ напримѣръ, католицизмъ въ западномъ краѣ, ставшій фальшивымъ символомъ польской національности. Извѣстно, что Евреи давно уже просятъ себѣ права пользоваться русскимъ языкомъ для своихъ религіозныхъ требъ, и вотъ недавно получили мы изъ Варшавы изложенное на прекрасномъ русскомъ языкѣ еврейское вѣроученіе. *) „Давно уже почувствовали мои русскіе единовѣрцы," пишетъ авторъ этой книги въ своемъ предисловіи, „недостатокъ начальнаго ученія о Моисеевомъ законѣ на русскомъ языкѣ." Нѣтъ сомнѣнія, что та же потребность давно чувствуется и въ другихъ религіозныхъ сферахъ. Въ *Голосѣ* недавно извѣщалось, что въ Варшавѣ также появился на русскомъ языкѣ лютеранскій катихизисъ. Въ выходящей книжкѣ *Русскаго Вѣстника*, въ статьѣ подъ заглавіемъ „Судьба русскаго языка въ костелахъ сѣверо-западнаго края", сообщаются свѣдѣнія о значительномъ развитіи римско-католической богослужебной литературы въ прежнія времена въ этомъ краѣ, и о мѣрахъ, которыя въ послѣдствіи принимались польскими патріотами для того чтобъ истребить эту литературу.

Найдутся люди, которые пожалуй скажутъ, что если предоставить самимъ католикамъ изложеніе ихъ религіозныхъ книгъ на русскомъ языкѣ, то они могутъ употребить эту свободу во зло. Любопытно было бы знать какъ и въ чемъ можетъ возникнуть здѣсь злоупотребленіе,—если только не считать злоупотребленіемъ самое существованіе этой церкви? Всякій пойметъ, что если то или другое религіозное вѣрованіе терпимо въ государствѣ, то нельзя считать злоупотребленіемъ со стороны его приверженцевъ убѣжденіе въ истинѣ его догматовъ, и нельзя ожидать, чтобъ они въ своихъ вѣроучебныхъ книгахъ глумились надъ своею вѣрой или подкапывались подъ основы своей церкви. Вѣротерпимость либо нетерпимость: надобно либо возбранить вѣроисповѣданіе, котораго не хотимъ терпѣть въ своей странѣ и изгнать его приверженцевъ, либо дать имъ право свободно исповѣдывать свою вѣру. Было бы странно претендовать на римско-католика за то напримѣръ, что онъ вѣритъ въ непогрѣшимость папы или видитъ въ немъ намѣстника Св. Петра и главу церкви; было бы еще страннѣе требовать, чтобы въ своихъ вѣроучебныхъ книгахъ онъ сглаживалъ существенныя отличія своихъ догматовъ или излагалъ ихъ двусмысленнымъ образомъ. Что мудренаго? Пожалуй, найдутся люди, которые потребуютъ, чтобы религіозныя книги иновѣрцевъ заключали въ себѣ просто-на-просто опроверженіе ихъ догматовъ. Но можно ли серіозно считаться съ подобными взглядами и требованіями? Что же касается до какихъ-либо дѣйствительныхъ злоупотребленій, то оставляя самимъ религіознымъ учрежденіямъ или заинтересованнымъ лицамъ заботиться объ изложеніи ихъ религіозныхъ книгъ, правительство этимъ не отказывается отъ общаго контроля предупреждающаго и пресѣкающаго все что клонилось къ нарушенію дѣйствующихъ въ государствѣ законовъ.

*) *Начальное ученіе о Моисеевомъ законѣ*. Религіозно-нравственная законоучебная книга для еврейскаго юношества, составленная законоучителемъ варшавскихъ смѣшанныхъ мужской прогимназіи и женской гимназіи, Бернардомъ Сегалемъ. Варшава, 1868. Мы замѣтили только неточное употребленіе формы *передать* вмѣсто *предать*, напримѣръ въ выраженіи: *передать смерти*, вмѣсто *предать смерти*.

Мы опасаемся, чтобъ излишнее вмѣшательство въ такое дѣло какъ изложеніе религіозныхъ книгъ не повредило его успѣху и не причинило болѣе вреда чѣмъ пользы. Религіозные труды, предпринятые коммиссіей бюрократически составленною, неизбѣжно будутъ дѣломъ мертворожденнымъ, и не усвоятся жизнію той религіозной общины, для которой предназначаются. Плоды этихъ трудовъ будутъ чувствоваться въ ней какъ нѣчто насильственно навязанное и притѣснительное. Злонамѣренной интригѣ откроется лишь новое поприще для дѣйствія. Зло, которое предполагается искоренить, останется въ силѣ. Для того чтобы расторгнуть пагубную связь религіознаго начала съ политическимъ, какую мы видимъ въ западномъ краѣ, надобно чтобы мѣры клонящіяся къ этой цѣли были, повторимъ, дѣломъ просвѣщенной справедливости и льготы, и чтобъ они не могли быть истолкованы въ смыслѣ притѣсненія и насилія религіозной совѣсти. Надобно чтобы религіозная сторона дѣла была поставлена внѣ всякаго сомнѣнія для вѣрующихъ. Въ интересѣ дѣла тѣмъ лучше, чѣмъ большимъ религіознымъ авторитетомъ пользовались бы для католическихъ населеній ихъ религіозныя книги на русскомъ языкѣ. Пусть эти требники и молитвенники изгагаются хотя бы въ Римѣ, подъ непосредственнымъ надзоромъ высшихъ духовныхъ властей этой церкви: для предположеннаго дѣла было бы тѣмъ лучше.

№ 219.

Москва, 10-го октября.

Благодаря улучшеніямъ, совершенно преобразившимъ извѣстное правительственное изданіе, выходящее подъ заглавіемъ *Виды внѣшней торговли*, теперь легко обозрѣвать разнообразныя группы статистическихъ данныхъ по этой части. Взглянемъ на нѣкоторыя изъ этихъ данныхъ. Нашъ отпускъ значительно возросъ за послѣднія десять лѣтъ; съ 136.487.057 р. въ 1858 году онъ увеличился до 207.606.686 р. въ 1867, причемъ должно еще замѣтить, что исчисленіе цѣнности отпуска сдѣлано за послѣдніе годы по такъ-называемому постоянному прейсъ-куранту (пшеница 7 р. 10 к. за четверть вмѣсто дѣйствительной цѣны 15 р.), если же считать стоимость отпуска по дѣйствительнымъ цѣнамъ, то оказалось бы, что онъ достигъ въ прошломъ году до цифры въ 300 милл. руб. Мы возьмемъ цѣны постоянныя; по отношенію къ нимъ мы получимъ, что отпускъ за десять лѣтъ возросъ на 52%. Такова общая цифра возрастанія. Интересно узнать, какъ эта общая цифра распредѣляется. Извѣстно, что наиболѣе улучшились за это время пути сообщенія ведущіе къ балтійскимъ портамъ. Но тѣмъ не менѣе въ Балтійскомъ морѣ отпускъ возросъ за десять лѣтъ съ 64.370.139 руб. до 85.303.906 руб., то-есть лишь на 32%, слѣдовательно балтійскіе порты далеко отстали отъ общаго движенія вверхъ. Въ южныхъ портахъ успѣхъ значительнѣе: въ 1858 они отпустили на 49.622.887, въ 1867 на 80.915.661 р.; возвышеніе 63%. Но всего болѣе увеличился отпускъ по западной сухопутной границѣ: въ 1858 онъ равнялся 17.923.667 р. а въ 1867—34.531.652, то-есть возросъ безъ малаго на 100%. Итакъ за десять лѣтъ отпускъ возросъ:

въ балтійскихъ портахъ	на	....	32%
„ южныхъ	„	„	63%
по сухопутной границѣ	„	....	100%

Изъ сухопутныхъ таможенъ западной границы возрастаніе приходится преимущественно на долю Вержболовской и Юрбургской, то-есть на долю таможенъ, вывозящихъ русскіе товары чрезъ прусскіе порты. Вотъ какъ возрасталъ отпускъ по Вержболовской таможнѣ:

Въ	1861	году	622.944
—	1862	—	1.824.515
—	1863	—	1.972.816
—	1864	—	4.193.038
—	1865	—	6.407.938
—	1866	—	7.797.178
—	1867	—	8.498.641

Съ такимъ быстрымъ развитіемъ торговыхъ оборотовъ Либава вовсе не можетъ идти въ сравненія; она отпускаетъ лишь мѣстныя произведенія, ячмень, рожь, овесъ, спиртъ, ленъ, льняное сѣмя и лѣсной товаръ, и весь ея отпускъ не доходитъ до милліона рублей. Но интересно сравнить развитіе торговли чрезъ прусскіе порты съ торговымъ движеніемъ Риги, въ пользу котораго правительствомъ принесено столько жертвъ. Несмотря на постройку Рижско-Динабургской и Динабурго-Витебской

желѣзныхъ дорогъ рижскій отпускъ почти не идетъ впередъ. Вотъ его цифры:

Въ 1861	году	19.118.197
— 1862	—	20.182.973
— 1863	—	18.615.630
— 1864	—	21.805.934
— 1865	—	26.383.906
— 1866	—	23.964.075
— 1867	—	22.133.192

Еще разительнѣе статистика привоза. Онъ возросъ за десять лѣтъ съ 128.175.199 въ 1858, до 232.791.108 въ 1867, слѣдовательно на 81%. Въ томъ числѣ привозъ чрезъ балтійскіе порты возросъ лишь съ 64.370.139 до 85.303.906, или на 32%, а привозъ сухопутный съ 20.837.335 до 71.030.330 р. или на 340%, то-есть привозъ сухопутный возрасталъ слишкомъ въ десять разъ быстрѣе чѣмъ привозъ моремъ. Отъ чего это? Преимущественно отъ того, что по желѣзнымъ дорогамъ можно доставлять товары круглый годъ, между тѣмъ какъ доставка чрезъ балтійскіе порты прерывается ихъ замерзаніемъ. Не будь этого невыгоднаго условія, наша морская торговля могла бы развиваться параллельно съ сухопутною. Извѣстно что провозъ моремъ дешевле чѣмъ по желѣзнымъ дорогамъ, а срочность доставки на пароходахъ можетъ быть столь же строго соблюдаема какъ и по желѣзнымъ дорогамъ. Все дѣло стало-быть въ томъ, чтобы морская торговля наша могла пользоваться незамерзающими портами.

Если сличить по отношенію къ привозу прогрессъ Риги и Вержболова, то получимъ слѣдующія цифры.

Въ Ригѣ прогрессъ былъ слѣдующій:

въ 1861	году	5.247.948
— 1862	—	4.991.589
— 1863	—	5.929.208
— 1864	—	5.342.033
— 1865	—	8.845.608
— 1866	—	6.750.938
— 1867	—	13.268.959

Въ Вержболовѣ

въ 1861	году	4.189.953
— 1862	—	11.617.752
— 1863	—	13.779.342
— 1864	—	18.637.495
— 1865	—	16.438.297
— 1866	—	20.320.094
— 1867	—	31.610.239

Цифры эти доказываютъ до какой степени, благодаря скорой и удобной перевозкѣ по желѣзнымъ дорогамъ (отчасти и гибельному вліянію дифференціальныхъ пошлинъ) привозъ нашъ быстро переходитъ въ руки прусскихъ портовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, отдавая въ руки прусскаго мореходства нашъ привозъ, мы увеличиваемъ число кораблей входящихъ въ наши гавани безъ фрахта, съ однимъ балластомъ. Эти корабли принуждены оплачивать *два рейса* фрахтомъ *одного отпуска*, чѣмъ и объясняется то быстрое возвышеніе фрахтовъ всего нашего побережья, а особенно Финскаго залива и Петербурга, которое естественно влечетъ за собою и сокращеніе нашего морскаго отпуска, не позволяя ему развиваться, какъ могло бы быть при иныхъ условіяхъ. До какой степени увеличивалось въ послѣднее время число судовъ, вошедшихъ въ наши порты съ однимъ балластомъ, о томъ свидѣтельствуютъ слѣдующія цифры: въ 1861 г. число ихъ простиралось до 1.463 съ 111.936 ластами, а въ 1865 оказалось ихъ уже 2.300 съ 223.632 ластами, слѣдовательно почти вдвое. По числу ластовъ отношеніе было:

	Съ балласт.	Съ товар.
Въ 1861	111.936	326.225
„ 1862	133.675	300.251
„ 1863	115.290	317.872
„ 1864	160.740	310.849
„ 1865	223.632	315.073

Понятно, что такъ дѣла продолжаться не могутъ. Всего болѣе пострадалъ при этомъ Петербургъ, коего привозъ, въ эти пять лѣтъ, уменьшился на 25,8 милліоновъ (въ 1861 г. 84,9 милліона, въ 1865 всего 59,1 милліона), причемъ фрахты его отпуска естественно должны были слѣдовать той же прогрессіи, только въ обратномъ смыслѣ. Не должно ли это мало-по-малу вести къ обращенію петербургскаго отпуска въ болѣе дальніе, даже и иностранные порты, гдѣ фрахтъ окажется ниже? Мы радуемся тому развитію, которое принимаетъ наша отпускная торговля благодаря оживившему Россію движенію по желѣзнымъ дорогамъ, но среди этой радости не должно упускать изъ виду, что отпускная торговля получаетъ у насъ не естественный ходъ, и что польза оказываемая нашему производству желѣзными дорогами не мало ослабляется возрастаніемъ фрахтовъ, которое затрудняетъ насъ въ конкурренціи съ иноземными производителями.

Заговоривъ о *Видахъ внѣшней торговли*,

не можемъ не привести цифръ по торговлѣ транзитомъ. Было провезено:

Въ 1858	году	на	416.560
— 1859	—	—	425.444
— 1860	—	—	625.734
— 1861	—	—	838.357
— 1862	—	—	1.241.141
— 1863	—	—	1.423.018
— 1864	—	—	1.171.583
— 1865	—	—	1.141.270
— 1866	—	—	11.412.895
— 1867	—	—	1.574 780

Исключительно громадная цифра транзитнаго движенія въ 1866 году объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что, во время бывшей тогда войны между Австріей и Пруссіей, торговля этихъ государствъ между собою и перевозка товаровъ изъ одной части оныхъ въ другую производилась чрезъ Царство Польское. Не заключается ли въ этихъ цифрахъ намекъ на то, какую пользу можетъ принести Либавская дорога въ случаѣ войны Пруссіи съ Франціей?

Въ предвидѣніи войны, западная Европа, спѣшитъ своими громадными вооруженіями; почему бы въ предвидѣніи той же войны, въ которую мы, повидимому, не хотимъ быть увлечены, не поспѣшить бы и намъ принять мѣру, съ помощью которой это всеобщее бѣдствіе можетъ, хоть въ одномъ отношеніи, обратиться не во вредъ, а въ пользу Россіи?... Во всякомъ случаѣ весьма желательно вывести нашу торговлю изъ ея зависимости отъ портовъ именно той державы, которой угрожаетъ война съ Франціей, на столько сильною на морѣ, чтобы съ самаго начала войны держать всѣ прусскіе порты въ блокадѣ.

Газеты не мало заняты теперь предположеніемъ румынскаго князя Карла приступить къ безотлагательному устройству желѣзно-дорожнаго сообщенія между Вирціоровымъ, Турно-Сѣвериномъ, гдѣ Дунай выходитъ изъ предѣловъ Австрійской имперіи, Букурештомъ и Галацемъ, сообщенія, которымъ все торговое движеніе его новаго отечества освобождается отъ турецкой зависимости, установившейся послѣ устройства Варно-Рущукской желѣзной дороги, которая привлекла въ Варну торговое движеніе верхняго Дуная и Румыніи. Князь Карлъ поступаетъ благоразумно, но мы должны сознаться, что приведя дунайскую торговлю въ Варну, Порта оказалась предусмотрительнѣе Россіи.... Она сдѣлала для Варны то, чего мы еще не сдѣлали для Либавы.

Для Либавской желѣзной дороги составлялись разныя компаніи, но до сихъ поръ всѣ предположенія ограничивались Либавско-Ковенскимъ участкомъ, и потому дѣло не представлялось во всей его важности. Нашъ петербургскій биржевой корреспондентъ сообщаетъ намъ извѣстіе о предположеніи г. Кистера, которое выводитъ вопросъ о Либавской желѣзной дорогѣ изъ его тѣсноты; — беретъ его въ связи съ обширною сѣтью. Либава - Бобруйскъ, — смыслъ этого предпріятія очевиднѣе, чѣмъ Либава-Ковно. Но судя по краткому извѣстію, сообщаемому нашимъ корреспондентомъ, можно полагать, что проектъ Либаво-Бобруйской желѣзной дороги приводится г. Кистеромъ въ связь съ проектомъ дороги изъ Бреста въ Бердичевъ. Если такъ, то тутъ есть ошибка въ разчетѣ. Дорога изъ Бреста въ Бердичевъ не можетъ быть подспорьемъ дорогѣ изъ Либавы въ Бобруйскъ, а напротивъ должна вредить ей, отвлекая волынскіе грузы къ кенигсбергскому порту. Во всякомъ случаѣ тому акціонерному обществу которое возьмется за сооруженіе Либаво-Бобруйской линіи, надобно строить дальнѣйшее прямое продолженіе этой линіи внутрь страны, и нѣтъ никакого разчета желать линіи Бресто-Бердичевской. Если составители проекта имѣютъ въ виду соединить этою послѣднею линіей Либаву чрезъ Брестъ съ Одессой, то это также недоразумѣніе. Чрезъ Брестъ можетъ быть соединенъ съ Одессой только Кенигсбергъ, а отнюдь не Либава, которой для этого нужна дорога изъ Бобруйска въ Бердичевъ.

№ 220.

Москва, 11-го октября.

Оправдательный приговоръ Московской судебной палаты по дѣлу издателя газеты *Москва*, подробности коего читатели найдутъ ниже въ отдѣлѣ *Судебной Хроники*, встрѣченъ былъ съ живѣйшимъ сочувствіемъ многочисленною публикой привлеченною въ судъ интересомъ дѣла. Трудъ, который взялъ на себя И. С. Аксаковъ (конечно не въ видахъ только оправданія себя предъ судомъ), будетъ способствовать правильному разумѣнію въ нашемъ обще-

ствѣ довольно темнаго для многихъ вопроса о правѣ обращаться къ издателямъ періодическихъ изданій съ притязаніями по поводу статей, въ коихъ такъ или иначе затронуто личное самолюбіе. Подобные процессы отяготительны для подсудимыхъ, но они всего лучше знакомятъ публику съ тѣмъ чего можно и чего нельзя требовать отъ повременныхъ изданій по закону.

Но соглашаясь въ принципѣ съ доводами, которые были развиваемы г. Аксаковымъ предъ судомъ и отчасти повторены сегодня въ передовой статьѣ газеты *Москва*, мы не можемъ не выразить недоумѣнія по одному изъ пунктовъ обвиненія, взведеннаго на издателя газеты *Москва* вслѣдствіе жалобы г. Кохнова въ томъ именно, что онъ отказалъ сему послѣднему въ напечатаніи въ своей газетѣ его возраженія на замѣтку, которую онъ, г. Кохновъ, счелъ для себя оскорбительною. Своею подробною аргументаціей противъ этого обвиненія г. Аксаковъ какъ бы самъ допускаетъ сомнительность смысла закона объ этомъ предметѣ, а съ тѣмъ вмѣстѣ какъ бы соглашается съ правильностью привлеченія его къ суду по этому пункту обвиненія. Указывая на неопредѣленность выраженій ст. 1.033 Уложенія о наказаніяхъ, которая будто бы не даетъ яснаго отвѣта на вопросъ о томъ, обязано ли періодическое изданіе печатать всякія опроверженія и возраженія противъ высказанныхъ въ немъ отзывовъ, сужденій или мнѣній, или же только опроверженія фактическаго извѣстія, газета *Москва* говоритъ: „Нельзя не „пожалѣть, что въ ст. 1.033 не сдѣлано „въ самомъ текстѣ ссылки на выраженіе „§ 27 закона 6-го апрѣля объ *извѣстіяхъ;* „много недоразумѣній, хлопотъ и напра„сныхъ жалобъ и исковъ было бы тогда „предупреждено. Вотъ почему мы и при„даемъ важность вчерашнему процессу и „сдѣланной на немъ постановкѣ вопроса. „Рѣшеніе его судомъ, хотя и въ частномъ „случаѣ, не можетъ не послужить примѣ„ромъ, или, какъ выражаются юристы, пре„цедентомъ, для будущихъ судебныхъ рѣ„шеній.“ Мы никакъ не можемъ согласиться съ этимъ разсужденіемъ, и вовсе не думаемъ, чтобы смыслъ ст. 1033 Улож. о нак. былъ неясенъ и чтобы судебная практика по отношенію къ дѣламъ этого рода нуждалась въ прецедентахъ. Нарушенія, преслѣдуемыя уголовнымъ закономъ, бываютъ двухъ родовъ: дѣйствія и упущенія, или, какъ выражается Уложеніе о наказаніяхъ (ст. 1), „какъ самое противозаконное дѣяніе, такъ и неисполненіе того, что подъ страхомъ наказанія закономъ предписано.“ Этотъ двоякій характеръ преступковъ весьма важенъ по отношенію къ толкованію уголовныхъ законовъ. Дѣянія воспрещаемыя закономъ суть дѣянія уголовныя; они должны опредѣляться и определяются въ Уложеніи о наказаніяхъ. Тѣ же дѣйствія, которыя предписываются закономъ и за неисполненіе которыхъ назначены кары, опредѣляются не въ Уложеніи о наказаніяхъ, а въ спеціальныхъ отдѣлахъ законодательства: въ противномъ случаѣ Уложеніе о наказаніяхъ поглотило бы весь Сводъ Законовъ. Каждое наказаніе, положенное въ уголовномъ законѣ не за дѣйствіе, а за упущеніе, непремѣнно предполагаетъ существованіе положительнаго предписанія въ какомъ-либо особенномъ законоположеніи; не имѣя въ виду этого послѣдняго, нельзя правильно примѣнить и соотвѣтствующую ему статью уголовнаго кодекса, а тѣмъ менѣе строить единственно на основаніи статьи уголовнаго кодекса произвольныя предположенія о размѣрахъ той положительной обязанности, которая въ данномъ случаѣ предписана закономъ и неисполненіе которой составляетъ упущеніе, наказуемое уголовнымъ судомъ. 6-го апрѣля 1865 года возникъ у насъ законодательный актъ, радикально измѣнившій положеніе нашей печати; для нея созданы новыя права, на нее возложены новыя обязанности; эти послѣднія требовали для себя уголовной санкціи; и вотъ явился рядъ новыхъ уголовныхъ взысканій, которыя вошли въ новое изданіе Уложенія о наказаніяхъ и составляютъ бóльшую часть статей, включенныхъ въ отд. 2-е главы 5-й VIII раздѣла. Самыя же *предписанія*, созданныя закономъ 6-го апрѣля, не вошли и не могли войдти въ составъ Уложенія о наказаніяхъ, а остались въ этомъ законѣ, который долженъ войдти въ продолженіе къ т. XIV, какъ дополненіе и измѣненіе прежняго устава цензурнаго. Ст. 1.033 Улож. о нак. по новому изданію есть не что иное какъ буквальное воспроизведеніе § 33 главы II Высочайше утвержденнаго 6-го апрѣля 1865 года мнѣнія государственнаго совѣта и служитъ лишь огражденіемъ для §§ 26 и 27 той же главы упомянутаго законоположенія, коими предписывается всякому

повременному изданію помѣщать, вопервыхъ, сообщаемыя ему отъ правительства офиціальныя опроверженія или исправленія обнародованныхъ тѣмъ изданіемъ *извѣстій*, и вовторыхъ возраженія и поправки въ отвѣтъ на помѣщенныя въ томъ изданіи *извѣстія* касающіяся частныхъ лицъ. Въ этихъ двухъ параграфахъ, 26-мъ и 27-мъ, опредѣленъ совершенно точно и ясно размѣръ обязанности возлагаемой на издателей газетъ и журналовъ относительно сообщаемыхъ имъ офиціальныхъ и частныхъ поправокъ и возраженій, а исполненіе этой обязанности ограждено параграфомъ 33, вошедшимъ и въ новую редакцію Улож. о нак., въ ст. 1.033. Повторять въ этой статьѣ точное опредѣленіе обязанности, нарушеніе коей влечетъ за собою положенное въ ней наказаніе, не было никакой надобности, ибо ею не упразднялось, а лишь ограждалось законоположеніе изображенное въ §§ 26 и 27. Пятнадцатый томъ Свода Законовъ никогда не заключалъ въ себѣ устава цензурнаго, а слѣдовательно не было повода и въ Уложеніе о наказаніяхъ вводить цѣликомъ то, чѣмъ нынѣ для извѣстной части русской печати замѣненъ уставъ цензурный. Тутъ нѣтъ никакой неправильности, а тѣмъ менѣе можетъ это бросить какую-либо тѣнь на Высочайшее утвержденное 6-го апрѣля 1865 года мнѣніе государственнаго совѣта или подвергнуть сомнѣнію полноту его законодательной силы. Обязательность его силы для суда нисколько не уменьшается вслѣдствіе того, что оно не могло быть включено цѣликомъ въ Уложеніе о наказаніяхъ. Повторяемъ, положительное предписаніе свое законъ всегда обозначаетъ во всей точности. Вотъ почему уголовный законъ наказывающій за извѣстное дѣяніе долженъ совершенно точно опредѣлить характеръ и внѣшніе признаки того дѣянія, ибо наказаніе есть въ то же время и *воспрещеніе*. Но наказаніе ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться *предписаніемъ* и для точнаго уразумѣнія и правильнаго приложенія наказаній за преслѣдуемыя закономъ *упущенія* всегда предлагается другое положительное предписаніе, въ которомъ съ точностію опредѣлено дѣяніе вмѣняемое въ обязанность подъ страхомъ этого наказанія.

Сказаннаго здѣсь, полагаемъ, совершенно достаточно, чтобы придти въ недоумѣніе по поводу привлеченія г. Аксакова къ суду за ненапечатаніе возраженія противъ замѣтки, въ которой было все что угодно, но не было и тѣни какого-либо *извѣстія*. Мы недоумѣваемъ не по поводу жалобы на этотъ счетъ г. Кохнова: отдѣльному, частному лицу позволительно не знать того или другаго закона, но намъ непонятно, какимъ образомъ его жалобѣ, по крайней мѣрѣ относительно *этого* пункта, можно было дать законный ходъ? Что могло раскрыть въ данномъ случаѣ судебное слѣдствіе, чего не было бы въ виду власти, отъ которой зависѣло привлеченіе г. Аксакова къ суду? Обжалованная замѣтка была на лицо, и даже самъ жалобщикъ не придавалъ ей значенія ошибочнаго или ложнаго извѣстія. Какая же была надобность подвергать еще вопросъ объ этомъ судебному разбирательству? Уставъ Уголовнаго Судопроизводства говоритъ прямо (ст. 262), что уголовное дѣло „не можетъ быть начато безъ законнаго къ тому повода и достаточнаго основанія," и въ этомъ заключается одно изъ самыхъ существенныхъ обезпеченій личной неприкосновенности каждаго гражданина. Привлеченіе къ суду и неизбѣжно сопряженныя съ этимъ обремененія, иногда весьма тяжкія, не могутъ быть поставлены въ зависимость отъ личнаго произвола какого бы то ни было офиціальнаго органа власти или частнаго лица, и отъ ихъ знакомства или незнакомства съ законами. Въ возраженіе противъ этого указываютъ на то, что въ ст. 297 того же Уст. Угол. Суд., въ числѣ законныхъ поводовъ къ начатію уголовнаго дѣла, на первомъ мѣстѣ стоитъ „объявленіе и жалоба частныхъ лицъ." Но мыслимо ли чтобъ объявленіе или жалоба частнаго лица не были закономъ обставлены какими-нибудь условіями для того чтобъ они могли послужить достаточнымъ основаніемъ для привлеченія кого-либо къ слѣдствію и суду? Это значило бы открыть самый широкій просторъ побужденіямъ личной непріязни, и обратить судебную власть, организованную на началахъ столь здравыхъ и просвѣщенныхъ, въ послушное орудіе всякихъ шиканъ, далеко превосходящихъ всѣ злоупотребленія, для которыхъ представлялся въ этомъ отношеніи просторъ по нашему старому судопроизводству. Люди выставляющіе вышеприведенный аргументъ или не понимаютъ дѣла, или клевещутъ на Уставъ Уголовнаго Судопроизводства. Мы находимъ въ немъ

весьма существенное и совершенно достаточное ограниченіе всевозможныхъ ошибочныхъ или недобросовѣстныхъ притязаній частнаго лица относительно привлеченія другаго лица къ уголовной отвѣтственности; статья 302, исчисляющая условія, коимъ должна отвѣчать жалоба частнаго лица, требуетъ (п. 1-й) чтобы въ жалобѣ означены были „время и мѣсто совершенія *преступнаго* дѣянія." Итакъ жалоба можетъ быть приносима не на каждое дѣяніе, которое почему-либо можетъ непріятно поразить насъ, а лишь на такое дѣяніе, которое преступно съ точки зрѣнія закона, и лишь подъ этимъ условіемъ жалобѣ можетъ быть данъ законный ходъ. Законъ требуетъ еще указанія времени и мѣста совершенія, а также причинъ, по которымъ возводится на кого-либо подозрѣніе; но эти два условія, относящіяся больше до грубыхъ фактическихъ правонарушеній, не даютъ повода къ такимъ недоразумѣніямъ какъ первое условіе. Жалоба можетъ быть принята къ разбирательству только въ такомъ случаѣ, если указываетъ на что-либо преступное, то-есть или на дѣйствіе воспрещенное закономъ, или на упущеніе въ исполненіи обязанности, закономъ спеціально предписанной. Но когда жалоба указываетъ на фактъ, который, если и будетъ доказанъ, не можетъ однако быть признанъ преступнымъ, то давать подобной жалобѣ ходъ было бы беззаконіемъ. Устраненіе подобнаго недоразумѣнія въ особенности важно въ правонарушеніяхъ по дѣламъ печати. Независимо отъ другихъ особенностей дѣлъ этого рода, они существенно отличаются отъ остальныхъ уголовныхъ дѣлъ по тому, что тутъ фактъ нарушенія всегда на лицо и не требуетъ никакихъ изысканій; тутъ нѣтъ уликъ, а есть только доказательства; здѣсь судящему приходится изыскивать не вопросъ о существованіи и внѣшнемъ составѣ факта, а о внутреннемъ его содержаніи: и вотъ почему въ уголовныхъ дѣлахъ этого рода преданіе суду по жалобѣ не указывающей на *преступность* дѣянія или упущенія послужившаго основаніемъ для нея есть несправедливое обремененіе лицъ привлекаемыхъ къ отвѣтственности. При такой судебной практикѣ положеніе издателей газетъ и журналовъ было бы невыносимо. Стóитъ только допустить малѣйшее сомнѣніе относительно обязанности возлагаемой закономъ на издателя газеты печатать сообщаемыя ему опроверженія и возраженія, и не будетъ конца процессамъ. Но такого сомнѣнія нѣтъ и не можетъ быть: смыслъ закона совершенно простъ и ясенъ. Опроверженіе или возраженіе можетъ быть направлено только противъ извѣстія, факта. Коль скоро этого нѣтъ, не можетъ быть не только суда, но и привлеченія къ суду по поводу ненапечатанія опроверженія. Никакіе судебные прецеденты не нужны для подкрѣпленія этого простаго и столь естественнаго положенія, вытекающаго прямо изъ буквы закона.

№ 221.

Москва, 12-го октября.

А.

Сію минуту мы прочли оригинальное признаніе издателя *Вѣсти:* г. Скарятинъ извѣщаетъ своихъ читателей, что на большомъ обѣдѣ бывшемъ 8-го октября въ Смоленскѣ по случаю открытія желѣзной дороги между Витебскомъ и Рославлемъ, рѣчь, которую вздумалъ произнести этотъ почтенный публицистъ, была прервана восклицаніями: *довольно*, и наконецъ звуками оркестра. Г. Скарятинъ приводитъ въ своей газетѣ и рѣчь свою до того мѣста, на которомъ она была прервана трубами кавалергардовъ, какъ бы отдавая ее и общество предъ коимъ она произносилась на судъ просвѣщеннаго человѣчества.... Но рѣчь и произносящій ее ораторъ составляютъ для слушателей одно нераздѣльное; внимая словамъ, нельзя позабыть о лицѣ, которое ихъ произноситъ, и если слушатели находятъ, что между произносимыми словами и извѣстнымъ ей направленіемъ публичной дѣятельности оратора есть разладъ и противорѣчіе, то естественно, что они приходятъ въ негодованіе. Г. Скарятинъ (взобравшись на стулъ, какъ разказываетъ *Голосъ*) ораторствовалъ о *русскихъ силахъ*, долженствующихъ устремиться въ западный край, о *ключомъ бьющей русской жизни*, которая должна отнять его у Поляковъ, о *враждебныхъ силахъ гнѣздящихся на нашихъ окраинахъ*.... Но кто говорилъ объ этомъ? Представитель органа, который употреблялъ всевозможныя усилія противодѣйствовать правительствен-

ной мѣрѣ, выразившейся въ указѣ 10-го декабря 1865 года,—мѣрѣ, которая, при должномъ исполненіи, дѣйствительно открыла бы широкій доступъ *кореннымъ русскимъ силамъ* въ эту окраину, отбиваемую у Россіи ея врагами. И не этотъ ли органъ усердно работалъ въ рукахъ людей поставившихъ себѣ задачей подорвать эту мѣру, когда она поступала-было въ исполненіе, и тѣмъ сослужилъ немалую службу враждебному Россіи землевладѣнію въ ея западномъ краѣ? Не этотъ ли органъ ликовалъ, наконецъ, когда пять милліоновъ, ассигнованные для водворенія русскихъ *коренныхъ силъ* во *враждебной окраинѣ*, получили другое назначеніе? И теперь не его ли сподвижники, какъ слышно, хлопочутъ уже о томъ, какъ бы изъ Общества Поземельнаго Кредита, куда поступили означенные милліоны, выдавать ссуды польскимъ помѣщикамъ? Не этотъ ли органъ истощилъ весь запасъ злословія и поношенія на эти также коренныя русскія силы, на русскихъ чиновниковъ и мировыхъ посредниковъ, составлявшихъ, за неимѣніемъ русскаго землевладѣнія въ краѣ, его единственную русскую интеллигенцію, неподкупно служившихъ правительству въ его борьбѣ съ мятежомъ и измѣной и ограждавшихъ забитую и загнанную въ крестьянскихъ населеніяхъ русскую народность этого края отъ хищнической и коварной интриги пановъ и ксендзовъ? Не *Вѣсть* ли въ своихъ нападкахъ на русскую администрацію въ западномъ краѣ дѣйствовала заодно съ самыми враждебными заграничными органами, и далеко превзошла въ своей ревности и *Dziennik Poznanski*, и краковскій *Часъ*, и львовскую *Народувку*? Не она ли теперь съ дикою радостію провожаетъ всѣхъ удаляемыхъ оттуда русскихъ людей, осыпая ихъ проклятіями? Какже удивляться тому, что въ Смоленскѣ не хотѣли слушать патріотическій диѳирамбъ о коренныхъ русскихъ силахъ издателя *Вѣсти*, который вчера только рукоплескалъ удаленію этихъ *коренныхъ русскихъ силъ* изъ *враждебныхъ намъ окраинъ*? Онъ говорилъ почти въ виду этихъ окраинъ, въ пунктѣ, черезъ который можетъ-быть еще за нѣсколько дней предъ тѣмъ проѣхали чуть не съ жандармами нѣкоторые изъ тѣхъ, кого *Вѣсть* честила босоногими коммунистами.

Нѣтъ, господа, вы напрасно думаете, что въ Россіи не имѣется общественнаго мнѣнія. Вы ошиблись въ разчетѣ на глупость русской публики, вы впали въ анахронизмъ, вы не сообразили могучаго воспитательнаго дѣйствія послѣднихъ лѣтъ пережитыхъ Россіей..... Что касается лично г. Скарятина, то мы далеки всякой мысли заподазривать его побужденія и искренность словъ сказанныхъ или недосказанныхъ имъ на Смоленскомъ торжествѣ; мы не имѣемъ претензіи проникать во глубину чужой совѣсти и разгадывать тайная сердецъ человѣческихъ; но несомнѣнно то, что публичный органъ, съ которымъ связано имя г. Скарятина, находится въ рѣзкомъ противорѣчіи съ его смоленскимъ диѳирамбомъ, и что слова его были приняты слушателями за оскорбительную насмѣшку. Въ Смоленскѣ, на самомъ рубежѣ *враждебной* окраины, быть-можетъ лучше чѣмъ гдѣ-нибудь, понимаютъ всю тщету этихъ фразъ звенѣвшихъ въ устахъ издателя *Вѣсти:*

„Я убѣжденъ, я глубоко, безповоротно убѣжденъ, что Россія выйдетъ торжествующимъ побѣдителемъ изъ настоящихъ затрудненій.... Мы побѣдимъ мирнымъ наплывомъ на окраины русской силы, русской жизни, русской мысли.... Усумнимся ли въ побѣдѣ, когда коренная русская сила сойдется лицомъ къ лицу съ силами намъ враждебными, гнѣздящимися на окраинахъ? Нѣтъ, нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ! Двинемъ же впередъ эту коренную русскую силу....“

Произнеси эти слова не только издатель *Вѣсти*, но и кто бы то ни было въ настоящую минуту, русская публика поняла бы неумѣстность этихъ призывовъ къ ликованію побѣды Россіи надъ враждебными силами ея окраинъ. Русская публика понимаетъ, что ей теперь лучше забыть объ окраинахъ и предать ихъ на волю Божію.... Да, польскій вопросъ былъ близокъ къ окончательному рѣшенію; но онъ выскользнулъ изъ рукъ, и возвратится быть-можетъ болѣе серіозный чѣмъ когда-нибудь. Единственное что еще было живою русскою силой въ этомъ краѣ, крѣпкій духъ и сильное мнѣніе въ его администраціи послѣ 1863 года,—духъ и мнѣніе, которые поднимали русскій элементъ въ краѣ, которые смущали и разлагали польщизну, поникли и спрятались; а такъ какъ мѣсто не остается пусто, то ихъ мѣсто уже занимаютъ польскій духъ и польское мнѣніе. Обѣ стороны, польская и русская, помѣнялись ролями. Давно ли потомки здѣш-

нихъ старыхъ фамилій уже начинали вспоминать свое русское происхожденіе и своихъ православныхъ предковъ, отрекались отъ польщизны и спѣшили возвратиться въ лоно русскаго народа и въ церковь своихъ прадѣдовъ? То ли теперь? Давно ли римско-католическіе прелаты края выражали готовность очистить свою церковь отъ польскаго элемента, который равносиленъ въ Россіи революціи и заговору? У насъ предъ глазами копіи съ ихъ тогдашнихъ записокъ, весьма убѣдительныхъ...... А теперь польская римско-католическая коллегія, новосоставленная въ Петербургѣ, высокомѣрно отвѣчаетъ властямъ, что она не хочетъ знать ни о какомъ русскомъ языкѣ въ западномъ краѣ, что его населенія принадлежатъ къ польской національности и что учрежденіе римско-католической церкви въ немъ должно навсегда сохранить свой польскій характеръ. Вотъ какъ быстро идутъ дѣла, и какъ много воды утекло въ короткое время! Мудрено ли, что въ Смоленскѣ, во многочисленномъ собраніи, гдѣ конечно многочисленнѣе всѣхъ были русскіе землевладѣльцы, побѣдный пеанъ Тиртея *Вѣсти* возбудилъ столь единодушное негодованіе?

Довольно противорѣчій слова съ дѣломъ, довольно фразерства! рѣшили слушатели г. Скарятина, и велѣли играть маршъ.

С.-Петербургскія Вѣдомости, сообщая о приведенномъ случаѣ, находятъ что нежеланіе слушать фразерство г. Скарятина нарушаетъ свободу слова: но намъ кажется, что и слухъ имѣетъ право на нѣкоторую свободу. Намъ кажется также, что случай съ г. Скарятинымъ въ Смоленскѣ и тотъ который былъ недавно, по словамъ печатаемой нынѣ корреспонденціи, въ Петербургскомъ клубѣ сельскихъ хозяевъ съ г. Юматовымъ, доказываетъ для невѣрующихъ существованіе русскаго общественнаго мнѣнія. Оно уже не даетъ подкупать себя фразами; оно требуетъ отъ публичныхъ дѣятелей чтобы слова ихъ соотвѣтствовали ихъ дѣйствіямъ, а дѣйствія — словамъ. Эти два весьма сходныя между собою fiasco гг. Скарятина и Юматова доказываютъ также, что направленіе издаваемыхъ ими газетъ не встрѣчаетъ сочувствія въ той средѣ, на которую они разсчитывали, и что русское дворянство не дало обойдти себя...

Б.

Охотно даемъ мѣсто заявленію обвинителя по дѣлу г. Колзакова вызванному помѣщеннымъ въ № 213 нашей газеты письмомъ эксперта по этому дѣлу г. Крюкова. Мы не могли отказать въ помѣщеніи этого письма: но съ такою же готовностію приводимъ возраженіе г. товарища прокурора, котораго благодаримъ и за поправки нѣкоторыхъ неточностей вкравшихся въ помѣщенный у насъ отчетъ о судебномъ засѣданіи по дѣлу г. Колзакова. Это дѣло въ высшей степени заинтересовало читающую публику, и противоположныя свѣдѣнія, отчасти небывшія въ разсмотрѣніи суда, сообщаемыя г. Крюковымъ и товарищемъ прокурора, имѣютъ свой интересъ и теперь для полнаго ознакомленія со всѣми составными элементами вопроса подлежащаго обсужденію. Но отдавая полную справедливость тѣмъ побужденіямъ, которыя заставляютъ представителя обвиненія и послѣ произнесенія приговора присяжныхъ настаивать на той точкѣ зрѣнія, которую онъ столь энергически поддерживалъ предъ судомъ, мы думаемъ, что приговоръ присяжныхъ покончилъ съ одною стороной спорнаго вопроса, къ которой теперь нѣтъ надобности возвращаться. Вердиктъ присяжныхъ долженъ быть безапелляціоннымъ не только юридически, но и нравственно, не только въ глазахъ закона, но и предъ обществомъ. А присяжные высказались совершенно опредѣлительно; они сказали: *да, виновенъ въ обманѣ, но не въ похищеніи.* Текстъ этого отвѣта былъ переданъ первоначально въ нашей газетѣ не совсѣмъ точно, но смыслъ его совершенно тотъ же, который мы придавали ему, обсуждая процессъ г. Колзакова въ № 214 нашей газеты. „Приговоръ присяжныхъ, сказали мы, объявилъ подсудимаго виновнымъ въ обманѣ, но они не взяли на себя сказать, чтобы подсудимый извлекъ изъ обмана денежную для себя выгоду." Въ настоящее время рѣчь можетъ быть только о томъ, правильно ли судъ примѣнилъ къ вердикту присяжныхъ законъ предусматривающій мошенничество. Мы высказали, что не всякій обманъ есть мошенничество, что не всякій обманъ подлежитъ карѣ закона и что бываютъ обманы даже невинные и дозволительные. Въ настоящемъ случаѣ какъ бы предосудителенъ ни былъ поступокъ, въ которомъ при-

сяжные признали виновнымъ подсудимаго, но они отвергли вполнѣ тотъ признакъ, который одинъ могъ придать этому проступку характеръ уголовнаго и наказуемаго, они отвергли похищеніе, а для наказуемости обмана фактъ похищенія безусловно необходимъ, не только въ болѣе важныхъ преступленіяхъ, которыя подъ именемъ мошенничества предусмотрѣны Уложеніемъ о нак. (какъ ясно видно изъ опредѣленія мошенничества съ ст. 1.665 Улож.), но и въ тѣхъ легкихъ формахъ обмана, которые подсудны мировымъ судьямъ и предусмотрѣны въ Уставѣ о наказаніяхъ ими налагаемыхъ. Ст. 173 этого Устава (подъ которую судъ счелъ возможнымъ подвести поступокъ полковника Колзакова, опредѣленный приговоромъ присяжныхъ), вычисляя цѣлый рядъ разнообразныхъ обмановъ наиболѣе повторяющихся при сдѣлкахъ купли-продажи, ставитъ для всѣхъ ихъ одно общее условіе подсудности мировымъ судьямъ: „когда цѣна *похищеннаго* не превышаетъ трехсотъ рублей.“ Изъ точнаго смысла этихъ словъ слѣдуетъ не только то, что похищеніе чрезъ обманъ, чтобы подлежать наказанію по ст. 173 Уст. о нак. а не по 1.666 Улож. о нак. должно не превышать 300 руб., но и то что коль скоро обманъ не сопровождается никакимъ похищеніемъ, то и наказанія не можетъ быть никакого. А присяжные въ дѣлѣ г. Колзакова именно признали, что похищенія не было.

№ 222.

Москва, 14-го октября.

Мысль предлагаемая на судъ публики В. А. Кокоревымъ въ помѣщаемой ниже статьѣ: „Либавско-Севастопольская желѣзная дорога“, можетъ показаться на первый взглядъ слишкомъ смѣлою. Она заманчива, она увлекательна,—въ этомъ согласится всякій, но многіе, встрѣчаясь съ нею, усомнятся въ томъ, осуществима ли она въ ближайшее время? Объ отдѣльныхъ участкахъ этой линіи была рѣчь, особенно объ оконечныхъ участкахъ; участокъ отъ Либавы до Ковна былъ предметомъ заботъ либавскаго купечества; на участкѣ отъ Кременчуга до Николаева и Берислава произведены изысканія по инидіативѣ Херсонскаго земства, но въ такъ-называемую сѣть не вошли и эти участки, а взятая въ цѣломъ Либаво-Севастопольская линія есть новость. Изъ этого повидимому можно заключить, что она уступаетъ другимъ въ важности и выгодности. А если такъ, то не подлежитъ ли сомнѣнію, что на ея сооруженіе найдутся средства? Пять лѣтъ тому назадъ тутъ нечего было бы и сомнѣваться: тогда нужна была большая смѣлость, чтобы задумывать желѣзную дорогу во сто или двѣсти верстъ. Мудрено ли что вопросы о линіяхъ большаго протяженія не разрабатывались тогда даже и теоретически съ достаточною серіозностью? Какъ далеко подвинулось дѣло впередъ за это короткое время, всего лучше видно на теперешнемъ положеніи вопросовъ о линіяхъ первостепенной важности для государства. Они могутъ еще являться какъ новость, это правда, что̀ и случается нынѣ съ вопросомъ о Либавско-Севастопольской желѣзной дорогѣ, но мы ушли уже впередъ на столько, что обширность проекта, лишь бы онъ былъ выгоденъ, не можетъ считаться препятствіемъ къ его осуществленію. Нынѣ доказано на дѣлѣ, что въ Россіи можно довольно скоро строить линіи большой длины; нынѣ опасность положенія состоитъ главнѣйшее въ томъ, что силы разбрасываются по предпріятіямъ слишкомъ многочисленнымъ, и что менѣе полезныя линіи, особенно линіи проектируемыя въ иноземныхъ интересахъ, легко захватываютъ мѣсто принадлежащее по праву линіямъ болѣе выгоднымъ и національнымъ. Правильная постепенность—вотъ что̀ теперь наиболѣе нужно, дабы русское желѣзно-дорожное дѣло шло прямымъ путемъ къ успѣху, коего размѣры могутъ превзойдти всякое ожиданіе. Какую выгоду доставляютъ въ Россіи желѣзныя дороги, когда проходятъ не по болотамъ или мѣстамъ рѣшительно неудобнымъ для сельскаго хозяйства, видно изъ простаго разчета. Сколько есть мѣстностей, гдѣ вслѣдствіе проведенія желѣзныхъ дорогъ цѣна хлѣба удвоилась! Тамъ должна по меньшей мѣрѣ удвоиться и цѣна земли, то-есть удвоиться состояніе землевладѣльцевъ. Предположимъ же, что желѣзная дорога дѣйствуетъ только на 30 верстъ въ каждую сторону. На этомъ пространствѣ каждой верстѣ желѣзной дороги соотвѣтствуетъ слишкомъ 6.000 десятинъ; если изъ этого числа окажется только двѣ трети земли удобной для сельскаго хозяйства, и если

каждая изъ этихъ 4.000 десятинъ возрастетъ въ цѣнѣ лишь на 25 р., то получимъ, что вслѣдствіе проведенія желѣзной дороги одна цѣнность поземельной собственности возвысится на 100.000 р. съ каждой версты желѣзной дороги. Но при этомъ еще не принято въ разчетъ, что около желѣзныхъ дорогъ сельское хозяйство не ограничивается производствомъ дешевыхъ хлѣбовъ, и что къ сельскому хозяйству обыкновенно присоединяется тутъ производство фабричное, коему желѣзныя дороги доставляютъ еще болѣе удобствъ чѣмъ земледѣлію. Словомъ, приращеніе народнаго капитала, происходящее вслѣдствіе построенія желѣзныхъ дорогъ, колоссально. Населеніе въ Россіи рѣдко сравнительно съ населеніемъ западной Европы; въ этомъ была доселѣ наша слабость, но съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ отношенія измѣняются, и прежній недостатокъ можетъ стать преимуществомъ. Если же таково значеніе желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, то можетъ ли быть невыгодно ихъ построеніе? Это было бы противно логикѣ, и если еще недавно такъ казалось, то лишь вслѣдствіе чрезвычайныхъ ошибокъ Главнаго Общества, отозвавшихся тѣмъ сильнѣе на дѣлахъ его, что съ ними совпалъ монетный и акціонерный кризисъ конца пятидесятыхъ годовъ. Этотъ урокъ поучителенъ. Онъ напоминаетъ какъ опасно вызывать акціонерную лихорадку, и убѣдительно доказываетъ, что въ желѣзнодорожномъ дѣлѣ нужна постепенность. Главное Общество хотѣло вести постройку желѣзныхъ дорогъ чуть ли не въ десять разъ быстрѣе чѣмъ было прежде, и такой скачокъ не удался ему. Теперь дѣло стоитъ иначе; оно значительно развилось; теперь не подлежитъ сомнѣнію, что Россія можетъ легко строить по 500 верстъ желѣзныхъ дорогъ въ годъ. Что было не по силамъ Главному Обществу въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, то можетъ оказаться не превышающимъ силъ даже какой-нибудь отдѣльной акціонерной компаніи конца шестидесятыхъ годовъ; Но изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, чтобъ и теперь желѣзно-дорожное дѣло могло правильно идти впередъ безъ строгой послѣдовательности въ выборѣ линій и безъ соображенія ихъ размѣровъ со средствами. Желѣзно-дорожное дѣло имѣетъ извѣстныя силы, и эти силы, повторяемъ, не должны разбрасываться. Лишь при этомъ условіи сосредоточенія силъ русское желѣзно-дорожное дѣло будетъ внѣ опасности, но зато при этомъ условіи обширность желѣзно-дорожныхъ предпріятій не будетъ препятствіемъ къ ихъ осуществленію.

Что однако, спроситъ читатель, значатъ эти требованія строгой послѣдовательности и сосредоточенія силъ? Къ какому практическому заключенію ведутъ они? Намъ представляется это дѣло въ слѣдующемъ видѣ. Первѣйшею потребностью Россіи, послѣ соединенія Петербурга съ Москвой и Варшавой, было соединеніе Петербурга чрезъ Москву и Кіевъ съ Одессой и чрезъ Москву и Харьковъ съ Таганрогомъ и Ростовомъ на Дону. Осуществленіе этихъ задачъ, теперь уже близкое, обезпечитъ Россію въ южномъ ея краѣ и дастъ сильный толчекъ его благосостоянію. По многихъ причинамъ, этотъ край былъ на первомъ планѣ, но послѣ юга очередь очевидно за западомъ, какъ по его политическому положенію, такъ и потому что востокъ уже имѣетъ предъ нимъ естественное преимущество въ своей Волгѣ и ея многочисленныхъ обильныхъ водой притокахъ. Какія же линіи нужны западу Россіи? Особенность запада требуетъ для него двухъ линій, изъ коихъ одна должна пересѣкать его съ востока на западъ, связывая Варшаву съ Москвой, другая съ сѣверо-запада на юго-востокъ, связывая Балтійское море съ Чернымъ. Есть и другія линіи полезныя и желательныя, но легко доказать, что эти двѣ должны быть на первомъ планѣ. Обѣ онѣ равно важны; въ первой преобладаетъ политическое и военное, во второй—экономическое значеніе. Сколько извѣстно, первая изъ нихъ уже считается на первой очереди. Въ своемъ ближайшемъ къ Москвѣ участкѣ она начала нынѣшнимъ лѣтомъ строиться, и это рѣшеніе состоялось по прямой иниціативѣ Его Императорскаго Величества. Живая всеобщая радость вызванная въ Москвѣ относящимся къ сему Высочайшимъ повелѣніемъ даннымъ 26-го февраля, въ день рожденія Государя Наслѣдника Цесаревича, постановленіе московскаго городскаго общества предоставить безмездно городскую землю подъ полотно и станцію Смоленской дороги, чего не было сдѣлано ни для какой другой, просьба съ которою значительнѣйшіе представители подмосковной торговли и промышленности лично обращались здѣсь на дняхъ къ г.

министру финансовъ объ ускореніи постройки этой линіи, имѣющей соединить Москву кратчайшимъ путемъ съ Вильной, Ригой и западною Европой и доставить удобныя, по дешевизнѣ топлива и рабочихъ рукъ, мѣста для заведенія новыхъ фабрикъ,—все это достаточно свидѣтельствуетъ о важности Московско-Смоленскаго участка и ручается въ томъ, что начатая постройка его будетъ продолжаться безпрепятственно, подвигаясь и къ Москвѣ, и къ Смоленску, къ коему, упомянемъ кстати, отысканъ чрезвычайно выгодный, никакихъ затрудненій не представляющій подходъ. На дальнѣйшемъ участкѣ между Смоленскомъ и Брестомъ также произведены изысканія (на Минскъ), и слышно, что составляются компаніи для ходатайства о концессіи. Вотъ линія, которая, кажется намъ, должна стоять теперь на первомъ планѣ, а за нею должна непосредственно слѣдовать линія Либавская, для которой, если она будетъ на всемъ своемъ протяженіи внутрь страны строиться одною компаніей, всего выгоднѣе будетъ направленіе предлагаемое В. А. Кокоревымъ. Онъ считаетъ, что она будетъ имѣть протяженіе въ 1.700 верстъ, цифра крупная, но ея нечего пугаться, въ виду несомнѣнной выгодности дороги: стóитъ только сообразить чрезвычайное обиліе благопріятныхъ условій, соединяющихся въ ея пользу.

Какъ доходны пути, соединяющіе сѣверныя моря съ южными, извѣстно по опыту западной Европы. Такихъ соединеній можетъ быть въ Европѣ три: одно идущее въ Марсель, другое—въ Тріестѣ и наконецъ третье въ Севастополь. Только эти три соединенія могутъ считаться первоклассными. Одесса, которой соотвѣтствуетъ на сѣверѣ Кенигсбергъ, менѣе удобна для этой цѣли, какъ неудобенъ для нея и Кенигсбергъ, ибо эти оба порта замерзаютъ, и слѣдовательно не могутъ служить для *постояннаго* соединенія морей Балтійскаго и Чернаго. Севастополь, одна изъ лучшихъ гаваней на свѣтѣ, вотъ южный исходный пунктъ линіи. На сѣверѣ ему можетъ соотвѣтствовать только Либава, единственная не замерзающая гавань Балтійскаго моря на востокъ отъ Данцига. Итакъ о выборѣ исходныхъ пунктовъ не можетъ быть спора. Либава и Севастополь—пункты единственно выгодные, когда имѣется цѣлію связать *моря* Балтійское и Черное. Далѣе извѣстно, что желѣзныя дороги тѣмъ доходнѣе, чѣмъ разнообразнѣе и противоположнѣе мѣстности ими соединяемыя и пересѣкаемыя. Въ этомъ отношеніи съ Либаво-Севастопольскою дорогой не сравнится ни одна изъ русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Какъ она проектирована г. Кокоревымъ, она захватитъ на своемъ пути все чтò только можетъ быть найдено самаго противоположнаго въ Россіи. Она пройдетъ чрезъ обѣ главныя полосы ея, нечерноземную и черноземную. Въ нечерноземной полосѣ она пересѣчетъ и земледѣльческіе края и лѣсные. Ковенская губернія безспорно занимаетъ въ ряду нечерноземныхъ губерній первое мѣсто по выгоднымъ для сельскаго хозяйства условіямъ, между тѣмъ какъ окрестности Бобруйска принадлежатъ къ самымъ лѣснымъ мѣстамъ Россіи. Вступая въ полосу черноземную, эта линія пройдетъ и по густо-населенной Полтавской губерніи, и по степямъ губерніи Херсонской, а въ Черниговской губерніи, она направится неподалеку отъ промышленныхъ Слободжанъ. Относительно густоты населенія, въ Россіи нѣтъ бóльшихъ контрастовъ чѣмъ тѣ, которые будутъ взаимно сближены Либавско-Севастопольскою желѣзною дорогой. Равнымъ образомъ нѣтъ въ Россіи бóльшихъ контрастовъ и по избытку или недостатку въ продовольствіи чѣмъ между Полтавскою губерніей и нѣкоторыми мѣстами сѣверо-западнаго края, лежащими на линіи. Эти контрасты уже сами по себѣ обезпечиваютъ ей значительное движеніе и пассажировъ, и грузовъ, но оно еще болѣе обезпечивается тѣмъ, что Либаво-Севастопольская дорога пересѣчетъ цѣлый рядъ желѣзныхъ дорогъ, которыя послужатъ для нея боковыми, питающими ее вѣтвями. Г. Кокоревъ указываетъ на это обстоятельство, весьма важное для доходности дороги. Въ Вильнѣ она пересѣчетъ Петербургско-Варшавскую дорогу, въ Минскѣ—Московско-Варшавскую, въ Нѣжинѣ—Курско-Кіевскую, въ Кременчугѣ—Харьковско-Балтскую. Такимъ образомъ съ самаго перваго времени своего построенія она будетъ имѣть восемь боковыхъ вѣтвей. Кромѣ того она будетъ перенимать часть грузовъ: нѣманскихъ—въ Ковнѣ и на верхнемъ теченіи Нѣмана, березинскихъ и припетскихъ въ Бобруйскѣ, днѣпровскихъ въ Рогачевѣ и Кременчугѣ, деснинскихъ около Черни-

гова. Наконецъ и съ сѣвера, и съ юга она будетъ возить значительное количество соли. Вотъ бѣглый очеркъ нѣкоторыхъ изъ наиболѣе важныхъ условій доходности той линіи, о которой весьма своевременно возбуждаетъ вопросъ г. Кокоревъ.

№ 223.

Москва, 15-го октября.

Большинству публики, въ особенности у насъ, нынѣшнее положеніе дѣлъ въ Пруссіи и Сѣверо-Германскомъ Союзѣ можетъ казаться *блистательнымъ*. Таково искусство, съ которымъ прусскіе государственные люди умѣютъ скрывать свои затрудненія отъ чужаго глаза. Даже французская печать, при всей своей враждебности къ Пруссіи, настроена къ преувеличенію ея успѣховъ. Отъ подобныхъ заблужденій, какъ отъ всякаго ошибочнаго преувеличенія могущества людей, съ которыми приходится имѣть дѣло, возникаетъ не мало недоразумѣній въ международной политикѣ, которая особенно нуждается въ вѣрной оцѣнкѣ дѣйствующихъ на ея аренѣ силъ и безъ сомнѣнія наиболѣе даетъ промаховъ отъ ошибочнаго ихъ измѣренія. Если это справедливо всегда и вездѣ, то въ особенности справедливо относительно Пруссіи. Ея роль въ международной политикѣ зависитъ едва ли не болѣе чѣмъ роль всякой другой державы отъ самыхъ маловажныхъ обстоятельствъ ея внутренняго положенія, въ данный день, въ данный часъ. Ни для какого другаго государства тотъ или другой поворотъ въ ходѣ внутреннихъ дѣлъ не способенъ такъ быстро и рѣзко отозваться измѣненіемъ во внѣшнихъ отношеніяхъ къ другимъ государствамъ, какъ для Пруссіи. Сущность того исключительнаго международнаго интереса, который связывается нынѣ съ Пруссіей, заключается для Европы собственно въ необычайно быстромъ, обманувшемъ всѣ ожиданія перерожденіи Пруссіи изъ великой державы послѣдней величины, и къ тому же заторможенной во своемъ международномъ движеніи сложными отношеніями къ Германскому Союзу, въ великую державу первой величины, съ безусловною свободой дѣйствій въ международной политикѣ и сверхъ того еще съ наступательными, отважными политическими пріемами, замѣнившими медлительный и исключительно оборонительный характеръ прежней политики Берлинскаго кабинета. Это перерожденіе переставляетъ всѣ центры тяжести того политическаго равновѣсія, которое установилось въ Европѣ со времени Вѣнскихъ трактатовъ и несмотря на всѣ измѣненія сохранялось до сихъ поръ въ коренныхъ своихъ началахъ. Нѣтъ ни одного существеннаго международнаго интереса въ Европѣ, начиная отъ Испаніи до крайняго Востока, на которомъ бы такъ или иначе не должно было отозваться предпринятое Пруссіей поглощеніе Германіи. Но это поглощеніе, хотя и съ необычайною отвагой затѣянное, еще не совершилось окончательно: и въ этомъ весь вопросъ. Понятно, что всякій шагъ къ завершенію прусскаго дѣла и потому всякое обстоятельство внутри Пруссіи и Германіи, приближающее къ нему или отдаляющее отъ него ходъ дѣлъ въ Пруссіи и Сѣверо-Германскомъ Союзѣ необходимо влечетъ за собою тѣ или другія комбинаціи въ отношеніяхъ Европы къ Пруссіи, и вотъ почему прусская политика съ особенною заботливостью укрываетъ отъ любопытствующаго глаза свои внутреннія замѣшательства: ихъ весьма трудно узнать даже изъ *независимой* періодической печати, которая, при всѣхъ своихъ размашистыхъ по временамъ пріемахъ, дисциплинирована по своему на территоріи Сѣверо-Германскаго Союза (отчасти даже и южной Германіи) и знаетъ свое *командо*, не хуже чѣмъ прусская армія.

Какъ бы ни были велики шансы успѣха прусскаго дѣла, благодаря энергіи и талантамъ лица, стоящаго въ его главѣ, и непреклонной систематической настойчивости, лежащей въ основѣ всего прусскаго регимента, однакоже внутреннія препятствія, преграждающія нынѣ побѣдный путь Пруссіи посреди Германіи, далеко не ничтожны и не легко поборимы. Прежде всего должно замѣтить, что невозможность сколько-нибудь продолжительнаго существованія нынѣшней организаціи Сѣверо-Германскаго Союза признается всѣми безъ изъятія политическими партіями въ самой Пруссіи. Достаточно упомянуть здѣсь о сложности этого оригинальнаго государственнаго механизма создавшаго въ Берлинѣ два правительства. Эти оба правительства—прусскія и между тѣмъ одно изъ нихъ (сѣверо-германское) обязано старать-

ся быть въ одно и то же время какъ можно болѣе прусскимъ и какъ можно болѣе не прусскимъ,—прусскимъ, чтобы не упустить объединнія Германіи изъ рукъ Пруссіи, и не прусскимъ, чтобы не обратить въ бѣгство весьма чувствительныхъ къ своей независимости мелкопомѣстныхъ интересовъ государствъ, соединившихся въ Сѣверо-Германскій Союзъ. Въ особенности же союзное сѣверо-германское правительство, оставаясь вѣрнымъ своему чисто-прусскому дѣлу, должно казаться какъ можно менѣе прусскимъ, чтобы привлечь къ себѣ остальную Германію. Сверхъ того, политическій цвѣтъ людей, входящихъ въ составъ сѣверо-германскаго правительства и набранныхъ преимущественно изъ рядовъ прежней умѣренно-либеральной оппозиціи (національныхъ либераловъ), значительно иной чѣмъ характеръ людей, принадлежащихъ къ составу прусскаго правительства въ тѣсномъ смыслѣ и находящихся въ связяхъ, правда съ весьма разнообразными политическими партіями, однакоже съ преимущественнымъ склоненіемъ къ правой и даже юнкерской сторонѣ. Но и этого мало. Кромѣ двухъ правительствъ въ Берлинѣ можно отыскать еще третье, также прусское, уже теперь распространяющееся на всю Германію и дѣйствующее во имя общегерманскаго пошлиннаго парламента.

Этотъ тройственный государственный механизмъ имѣетъ большое сходство съ тѣмъ устройствомъ, которое введено г. фонъ-Бейстомъ въ Австріи, и на это сходство достаточно указать, чтобы видно было, въ какомъ административномъ положеніи еще находится прусское дѣло. Разница между Пруссіей и Австріей состоитъ въ томъ, что въ Пруссіи двойственность и тройственность *государственнаго* механизма замѣнила собой прежнія *международныя* отношенія союзныхъ независимыхъ государствъ, а въ Австріи прежнія государственныя связи мало-по-малу превращаются въ международныя; первая имѣя нѣсколько правительствъ, склоняется къ ихъ сліянію и отождествленію, а во второй, по силѣ вещей, хотя и безъ воли руководителей, дѣла идутъ обратнымъ путемъ. Разница—въ направленіи, которое дается движенію, и которое зависитъ отчасти отъ обстановки, но безспорно зависитъ также отъ личности людей, имъ руководящихъ, и отъ ихъ искусства пользоваться обстановкой. Въ данную минуту однакоже, если не смотрѣть на прошедшее и будущее, Пруссія столь же мало какъ и Австрія можетъ идти въ рядъ съ великими державами, обладающими дѣйствительнымъ государственнымъ единствомъ. Ей предстоитъ еще много трудовъ и много борьбы, пока она объединится, и до тѣхъ поръ ей нельзя не опасаться международныхъ столкновеній, а Франціи трудно удержаться отъ искушенія съ нею помѣриться. Теперь прусское правительство мастерски вывертывается изъ затрудненій. Оно то сжимается, то растягивается, смотря по обстоятельствамъ и надобностямъ каждаго дня; когда дѣла благопріятны, оно принимаетъ видъ правительства общегерманскаго; при обстоятельствахъ неблагопріятныхъ для общегерманскаго дѣйствія Пруссіи, оно готово совсѣмъ спрятаться подъ свою мелкогосударственную наименѣе наступательную личину чисто прусской державы. Но какъ ни удобенъ этотъ механизмъ, для изворотливости прусской политики, какъ ни соотвѣтствуетъ онъ въ теоріи понятію германскаго государства im Werden, онъ былъ бы на практикѣ совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ онъ оказывается теперь, еслибы подлѣ него не стоялъ человѣкъ, который вполнѣ обладаетъ тайною его дѣйствія. Только въ рукахъ самого создателя этой сложной и причудливой машины, возможно успѣшное ея движеніе. Безъ всякаго преувеличенія графъ Бисмаркъ есть въ этой машинѣ первая, необходимая пружина, безъ которой вся она была бы негодна для употребленія.

Оставляя въ сторонѣ вопросъ въ какой степени вообще благонадеженъ государственный механизмъ зависящій отъ одного человѣка и съ его удаленіемъ отъ дѣлъ обреченный на несомнѣнную опасность, уже теперь ощущаются Пруссіей нѣкоторыя неудобства продолжительности того государственнаго положенія, которое она, посредствомъ Сѣверо-Германскаго Союза и его дальнѣйшихъ видовъ, заняла въ Германіи. Это положеніе таково, что ежедневно плодитъ враговъ Пруссіи въ Южной Германіи, гдѣ прусское правительство не имѣетъ прямаго дѣйствія и гдѣ постоянно разростаются и дѣлаются болѣе шумливыми разнообразныя, враждебныя Пруссіи партіи, подстрѣкаемыя подземными и гласными интригами сѣверо-германскихъ династій и ихъ клевретовъ, раздавленныхъ, но не уничтоженныхъ Пруссіей. Извѣстно,

что политическая организація Германіи, поставленная Пруссіей на мѣсто бывшаго Германскаго Союза, никого не удовлетворяетъ въ Германіи, и всего менѣе горячихъ приверженцевъ идеи объединенія, которую Пруссія однакоже выставила на своемъ знамени въ 1866 г. и которую не можетъ покинуть и теперь. Въ этой идеѣ заключается вся сила обаянія Пруссіи внѣ Германіи и единственная причина примиренія съ прусскимъ правительствомъ не только южнаго, но и вообще германскаго патріотизма. Но эта идея въ понятіяхъ нѣмецкихъ патріотовъ поругана обособленіемъ Сѣверо-Германскаго Союза отъ остальной Германіи и во всякомъ случаѣ осуществляется нынѣ гораздо менѣе чѣмъ въ бывшемъ Германскомъ Союзѣ. Партіи, враждебныя Пруссіи, болѣе и болѣе поднимаютъ голосъ въ южной Германіи, хотя конечно вмѣстѣ съ тѣмъ возрастаетъ и число людей преданныхъ Пруссіи или, какъ говорятъ, *preussisch Gesinnte* въ политическихъ сферахъ, преимущественно высшихъ и образованныхъ. Вражда между двумя лагерями постоянно раздувается и безъ новаго рѣшительнаго дѣйствія Пруссіи въ пользу своихъ приверженцевъ, какъ того требуютъ національно-либеральные друзья прусскаго правительства, дѣла южной Германіи могутъ принять, подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ внѣшнихъ событій, оборотъ весьма не выгодный для видовъ прусской политики. Если неудобно положеніе Пруссіи относительно южной Германіи, то оно еще неудобнѣе въ кругу Сѣверо-Германскаго Союза, который всею своею тяжестью лежитъ на полной, не только внѣшней, международной, но и внутренней административной отвѣтственности Пруссіи, но въ которомъ она до такой еще степени не имѣетъ полной правительственной власти, что, по его организаціи, сношенія всѣхъ административныхъ органовъ союзнаго правительства съ союзными государствами должны происходить чрезъ посредство ихъ министровъ иностранныхъ дѣлъ. Если союзная исполнительная власть нынѣ всесильна, то это не болѣе какъ фактъ и нисколько не обезпечивается организаціей союза. Наконецъ, въ самой Пруссіи, условія ея новыхъ отношеній къ Германіи и Европѣ и тройственный образъ прусскаго правительства замедляютъ ходъ внутреннихъ реформъ, отчасти начатыхъ, отчасти нетерпѣливо ожидаемыхъ. Такова, напримѣръ, реформа провинціальнаго управленія, съ цѣлью расширить мѣстное самоуправленіе и ослабить бюрократическую централизацію. Эта реформа ожидается уже давно; теперь, съ присоединеніемъ новыхъ областей, она сдѣлалась безотлагательною, не только для удержанія въ рядахъ правительства людей либеральной партіи, далеко не безусловно къ нему присоединившихся, но и для пропаганды прусскаго дѣла въ остальной Германіи. Прусскій парламентъ займется на первой очереди обсужденіемъ уже составленнаго въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ проекта преобразованія провинціальной и окружной администраціи, но для проведенія этого проекта, какъ и многихъ другихъ, столько же необходимымъ, нужно гораздо болѣе единства въ составѣ правительства, нежели имѣется нынѣ.

Вотъ внутреннія затрудненія, окружающія прусское правительство вопреки мнѣнію, что Пруссіи нынѣ больше ничего не остается дѣлать какъ пожинать плоды ея побѣдъ. Мы еще не указали на множество другихъ затрудненій, не менѣе важныхъ, какова, напримѣръ, превышающая нормальныя силы Пруссіи тяжесть военнаго бюджета, которую, къ сокрушенію ея населеній, она вынуждена нести до тѣхъ поръ пока не завершится окончательно превращеніе Германіи въ Пруссію. Сами приверженцы прусскаго правительства впрочемъ ни мало не ослѣплены на счетъ ея затрудненій, чему доказательствомъ можетъ между прочимъ служить вышедшая на дняхъ новымъ изданіемъ и весьма популярная въ Германіи брошюра графа Мюнстера. Онъ преданъ прусской политикѣ, но видитъ единственный исходъ изъ нынѣшняго, по его мнѣнію, крайне затруднительнаго положенія Пруссіи, въ окончательномъ превращеніи Сѣверо-Германскаго Союза въ прусскую монархію. Допуститъ ли это Европа? Франція нынѣ достаточно вооружена. Австрія, какъ извѣщаетъ сегодня телеграфъ, такъ увѣрена въ неизбѣжности столкновенія, что возвышаетъ численность своей арміи по военному положенію до 800.000 человѣкъ.

№ 224.

Москва, 16-го октября.

Если вы обращаетесь ко мнѣнію публики, желая вызвать выраженіе ея сочувствія, то этимъ самымъ вы признаете за ней право выразить и несочувствіе. Ничто не обязывало г. издателя *Вѣсти* обращаться 8-го октября къ обществу соединившемуся въ Смоленскомъ дворянскомъ собраніи. Онъ присутствовалъ тамъ не въ качествѣ должностнаго лица; онъ не членъ управленія желѣзной дороги, не строитель, не инженеръ, не подрядчикъ; онъ присутствовалъ тамъ въ качествѣ вольнаго человѣка, который безо всякой обязанности и надобности, по собственному побужденію захотѣлъ обратиться съ рѣчью къ обществу при торжественномъ случаѣ. Никому не было возбранено это обращеніе; оно не было возбранено и г. Скарятину. Но г. Скарятинъ есть публичный дѣятель; онъ представляетъ собой извѣстный политическій органъ; не могъ же онъ забыть это свое качество, когда потребовалъ вниманія публики. Еслибы слушатели встрѣти и проводили его громкими изъявленіями своего одобренія, то онъ, безъ сомнѣнія, счелъ бы себя въ правѣ отнести эти знаки общественнаго сочувствія къ тому образу мыслей и дѣйствій, которымъ характеризуется публичный органъ связанный съ его именемъ. Умная публика произноситъ свое осужденіе не на основаніи только что слышанныхъ словъ; умная публика беретъ каждое слово въ связи цѣлой рѣчи, а рѣчь свѣряетъ съ общимъ образомъ мыслей и дѣйствій лица, которое къ ней обращается. Вышло, что издатель *Вѣсти* былъ въ крайнемъ заблужденіи относительно взгляда русской публики на то направленіе, которому служитъ его газета. Въ *Вѣсти* неоднократно заявлялось, что это направленіе съ каждымъ днемъ торжествуетъ, и что сама она служитъ органомъ консервативныхъ элементовъ русскаго общества. Во имя интересовъ дворянства проводила она въ публику всѣ свои мнѣнія, и подъ этимъ видомъ рекомендовала ихъ вниманію правительства. Кто далъ ей право взять на себя такое предстательство за интересы русскаго дворянства? Кто далъ ей право выдавать себя за органъ какой-то консервативной русской партіи? Всѣмъ извѣстно, что въ русскомъ обществѣ нѣтъ организованныхъ партій, и всего менѣе можетъ считаться за партію наше дворянство. Кто же далъ этому органу право говорить не отъ своего лица, а во имя русскаго общества и свидѣтельствовать о мнѣніи и потребностяхъ его землевладѣльческихъ классовъ.

Слова сами по себѣ ничего не доказываютъ. Слова равно служатъ и къ тому чтобы скрывать, и къ тому чтобы открывать истину человѣческихъ мыслей. Особенно въ нынѣшнее время, когда слово пріобрѣло столь обширное значеніе, оно служитъ орудіемъ всевозможныхъ ухищреній. Не рѣдко требуются многосложныя соображенія для того чтобъ опредѣлить цѣну словъ и извлечь изъ-подъ нихъ истину, которая иногда оказывается въ полнѣйшемъ противорѣчіи съ прямымъ смысломъ прикрывающихъ ее идей Бываетъ такъ, что люди пишущіе статьи и говорящіе рѣчи сами не отдаютъ себѣ отчета въ томъ, куда направляется производимое ими дѣйствіе и что изъ него въ концѣ концовъ выходитъ. Повидимому нѣтъ ничего противоположнѣе тѣхъ рѣчей, которыя ведетъ газета *Вѣсть*, и тѣхъ что были въ ходу до послѣдняго польскаго возстанія. Но если не останавливаться на поверхности и войдти глубже въ дѣло, то можетъ-быть окажется, что сущность того и другаго направленія есть одна и та же. Бываетъ такъ, что люди слѣдующіе самымъ противоположнымъ токамъ дѣйствуютъ сами того не замѣчая въ одномъ смыслѣ, и лишь немногіе искусные вожаки, сидящіе за кулисами кулисъ, знаютъ тайну этого смысла. Мы рады думать, что ни г. Скарятину и никому изъ ближайшихъ его сотрудниковъ, пишущихъ статейки въ *Вѣсти*, и воображающихъ, что они служатъ органомъ охранительныхъ началъ въ русскомъ обществѣ (хотя на это никто не уполномочивалъ ихъ), не совсѣмъ ясно, куда клонится то движеніе, которому они помогаютъ, и откуда оно исходитъ. Хотя бы и съ другой стороны, но это движеніе прямо клонится къ тому же результату что и нигилизмъ недавняго времени, и приносятъ пользу тѣмъ же интересамъ. И то и другое, только съ разныхъ сторонъ, равно соотвѣтствуетъ видамъ единственныхъ организованныхъ въ Россіи партій. Эти единственныя въ Россіи организованныя

партіи, въ существованіи которыхъ, теперь не дозволительно никому сомнѣваться, суть партіи антирусскія. Мы говоримъ: *антирусскія*, а не просто: *нерусскія*, потому что онѣ не то, что чужды Россіи, но всѣми своими интересами связаны съ ней, только въ обратномъ смыслѣ. Все что можетъ способствовать ея процвѣтанію и упрочить ея будущность, имъ невыгодно; все, напротивъ, что въ русской жизни может случиться недобраго, вреднаго, нездороваго, всякое замѣшательство, всякое недоразумѣніе, служитъ имъ въ пользу. Было время, когда нигилизмъ пособлялъ ихъ видамъ; теперь пора другая, и интересамъ этихъ партій соотвѣтствуетъ развитіе реакціонныхъ толковъ въ нашемъ обществѣ. Пусть всякій мыслящій и свѣдущій человѣкъ, въ видахъ опыта, мысленно представитъ себѣ такой анти-русскій интересъ, и спроситъ, какое направленіе было бы въ данныхъ обстоятельствахъ самымъ для нея выгоднымъ и желательнымъ? Фразеологія мнимо - либеральныхъ идей, которая была въ такомъ ходу лѣтъ за шесть или за семь предъ симъ, теперь была бы неумѣстна; но тѣмъ удобнѣе напускъ мнимо-консервативныхъ идей. Мнимо-либеральное или мнимо-консервативное движеніе, нигилизмъ или реакція, это только разные способы обойдти русское общество. И то и другое есть обманъ, который въ первомъ случаѣ употреблялъ во зло недоученость и умственную незрѣлость молодежи, а въ послѣднемъ старается извлечь ядъ изъ нѣкоторыхъ частныхъ недовольствъ и досадъ, неизбѣжно причиненныхъ развитіемъ великихъ преобразованій. Что̀ всего хуже съ точки зрѣнія какого бы то ни было антирусскаго интереса? Всего хуже патріотическое настроеніе общественнаго мнѣнія и національная политика правительства. При патріотическомъ общественномъ мнѣніи, при національномъ правительствѣ, всякое дѣло обращается въ прокъ, всякая реформа принимаетъ плодотворное развитіе, всякая льгота становится консервативною силой, всякое консервативное начало становится живою силой прогресса, всѣ затрудненія улаживаются, всякое сопротивленіе падаетъ, и всякій вопросъ бросающій тѣнь на будущее разрѣшается самъ собой. Въ виду искренняго и рѣшительнаго національнаго направленія дѣлъ не могутъ держаться никакія враждебныя Россіи организаціи, которыя потому только и пріобрѣли въ ней силу, что русское общественное мнѣніе не имѣло силы и ни въ чемъ не выражалось. Въ интересахъ анти-русскихъ все равно, нигилизмомъ или реакціей подорвать русское общественное мнѣніе и направить дѣла во вредъ Россіи и ея народу;—все равно *Колоколъ* ли во имя революціонныхъ идей предаетъ поруганію патріотизмъ и гонитъ порченые умы на сторону враговъ своего народа, или тѣ „молодые генералы" съ кадетскою мудростью, такъ мастерски очерченные г. Тургеневымъ въ его *Дымѣ*, которыя съ великосвѣтскою брезгливостью отзываются о національной политикѣ якобы навязанной правительству *par les misérables folliculaires*...

Вѣсть была попыткой возбудить въ русскомъ обществѣ реакціонные инстинкты и ввести въ заблужденіе правительство относительно настроенія общественнаго мнѣнія; она усердно служила въ этомъ смыслѣ, и подъ видомъ фальшиво возбужденныхъ интересовъ дворянства, работала въ истинномъ интересѣ партій непріязненныхъ Россіи, а стало быть и ея дворянству.

Попытка не удалась, и клика, руководившая этимъ органомъ, хотя и причинила не мало вреда, однако не успѣла загасить здравое разумѣніе въ русской публикѣ; ей не удалось обмануть общественное мнѣніе. Успѣхи ея ограничились только нѣкоторыми печальными колебаніями въ ходѣ дѣлъ...

Смоленское происшествіе не лишено своего серіознаго значенія. Издатель *Вѣсти*, движимый самообольщеніемъ, за которое на этотъ разъ нельзя не поблагодарить его, далъ обществу случай выразить и привести въ ясность дѣло, которое могло казаться сомнительнымъ. Г. Скарятинъ говорилъ не въ кругу мальчишекъ-нигилистовъ; онъ обращался съ своею рѣчью не къ уличной толпѣ; онъ надѣялся стяжать рукоплесканія среди избраннаго общества, въ которомъ заключались всѣ элементы русской интеллигенціи, и въ которомъ, какъ численностью, такъ и значеніемъ, преобладалъ элементъ дворянскій. Выраженіе общественнаго мнѣнія, вызванное имъ при этомъ случаѣ, было такъ недвусмысленно, такъ внезапно и такъ единодушно что въ смыслѣ этой демонстраціи сомнѣваться невозможно.

Но если лица руководящія *Вѣстью* не могутъ болѣе сомнѣваться относительно настроенія русскаго общественнаго мнѣнія въ самыхъ консервативныхъ его сферахъ, то, откровеніе за откровеніе, и русское дворянство имѣетъ теперь случай окончательно уяснить себѣ характеръ той клики, которая употребляла во зло его имя, льстила ему и прикрывалась будто бы его интересами.

Друзья *Вѣсти* договорились наконецъ и до истины. Взволнованный собственною неудачей въ Обществѣ Сельскихъ Хозяевъ и неудачей своего друга въ Смоленскѣ, г. Юматовъ, въ послѣднемъ нумерѣ *Новаго Времени*, разразился слѣдующею выходкой, говоря о смоленскомъ происшествіи:

„Есть люди, въ присутствіи которыхъ „нуженъ для поддержанія порядка не только обычный президентскій колокольчикъ, „но не будетъ излишнею и *кавалерійская „нагайка* какъ оружіе обороны. Это тѣ „люди, которые на умѣренное слово отвѣ„чаютъ призывомъ къ физической распра„вѣ. Кавалергардскій оркестръ на роскош„номъ банкетѣ вещь хорошая; но нѣсколь„ко *здоровыхъ вахмистровъ* могутъ быть „еще нужнѣе для предупрежденія нѣкото„рыхъ печальныхъ недоразумѣній.“

Итакъ, общество, которое выражаетъ свое нежеланіе выслушивать фразерство какого-нибудь непрошенаго краснобая, заслуживаетъ *нагаекъ;* надо привести дюжихъ *вахмистровъ*, чтобъ его урезонить... Это немножко сильно; но это относится къ почетнымъ гостямъ смоленскаго праздника.... Съ чего же однако взялъ первенствующій публицистъ *Новаго Времени*, что люди не приговоренные къ тому судомъ, обязаны съ покорностію выслушивать всякаго, кто взберется на стулъ и гаркнетъ „милостивые государи!“ Есть нѣчто называемое тактомъ, который указываетъ каждому удобно ли ему говорить въ извѣстныхъ обстоятельствахъ. Этого такта не оказалось у г. Скарятина, и слушатели, къ которымъ онъ обращался, напомнили ему объ этомъ. Казалось бы, что дѣло должно на этомъ и кончиться, но нѣтъ; онъ вздумалъ настаивать съ назойливостью, которая вызвала бурю негодованія. Распорядители обѣда поспѣшили прервать скандалъ, и приказали музыкѣ играть; но едва кончилась піеса, г. Скарятинъ опять полѣзъ на стулъ. Общество находившееся въ залѣ имѣло полное и неотъемлемое право не желать слушать г. Скарятина, а публичная дѣятельность этого журналиста не такова, чтобъ этому нежеланію можно было удивляться.

Нагайки и *вахмистръ!* Да, это немножко сильно; но это по вашему адресу, господа дворяне и коренныя русскія силы! Это немножко грубо; за то по крайней мѣрѣ откровенно, за то дышетъ несравненно большею искренностію чѣмъ патріотическія воззванія къ русской мысли, жизни и силѣ, которыя г. Скарятинъ, съ высоты своего стула, заклиналъ устремиться во враждебныя окраины. Наконецъ, это лишено нѣкоторой знаменательности, это характеризуетъ... Нагайки и вахмистры, это весьма выразительный символъ. У пьянаго, какъ говорится, что на умѣ, то и на языкѣ, точно также прорвавшаяся страсть распахиваетъ истинную натуру какъ людей, такъ и партій. Выходка г. Юматова не заслуживала бы вниманія, еслибъ она характеризовала его самого; но въ этихъ словахъ выразился духъ той среды, которая создала извѣстные органы. Вотъ что таится въ основѣ тѣхъ якобы консервативныхъ идей, которыя въ радужныхъ перспективахъ предлагались нашему дворянству! Реакціонно-антинаціональное направленіе ничего не говоритъ русскому обществу, кромѣ *вахмистровъ* съ *нагайками*, чтобы сторожить за всякимъ проявленіемъ его жизни и мысли.

№ 225.

Москва, 17-го октября.

При сопоставленіи положенія дѣлъ въ сѣверо-западномъ и въ юго-западномъ краѣ, естественно возбуждается вопросъ: что за причина вынуждаетъ правительство поддерживать въ первомъ военное положеніе до сего времени, тогда какъ въ послѣднемъ оно никогда, даже во время мятежа, не распространялось на цѣлый край и было окончательно снято еще въ 1866 году? Объясненія этого обстоятельства нельзя искать въ необходимости усилить власть администраціи: въ Кіевѣ администрація не слабѣе виленской. Еще труднѣе объяснить это настроеніемъ умовъ: полыщизна въ обѣихъ половинахъ западной окраины оказалась одинаково неблагонадежною въ политическомъ отношеніи,

одинаково работала противъ русскаго правительства и русской народности, одинаково формировалась въ повстанскія шайки; если же мятежъ былъ подавленъ на югѣ скорѣй чѣмъ на сѣверѣ, то это объясняется тѣмъ, что южно-русскія населенія обнаружили бо́льшую энергію въ противодѣйствіи мятежу чѣмъ забитые Бѣлоруссы, чѣмъ и навлекли на себя, какъ извѣстно, въ теченіе 1864 и первой половины 1865 года воинскія экзекуціи, которыя считались тогда чуть не сотнями и предпринимались по жалобамъ огорченныхъ неудачей польскихъ патріотовъ. Иные утверждаютъ, что военное положеніе въ сѣверо-западномъ краѣ затянулось, потому что онъ открытъ для революціонной агитаціи со стороны заграничныхъ Поляковъ; но юго-западный край, смежный съ Галиціей, еще менѣе огражденъ отъ заграничной пропаганды чѣмъ сѣверо-западный, гдѣ прусское правительство довольно зорко слѣдитъ за польскими затѣями. Говорятъ еще, что въ юго-западномъ краѣ католицизмъ слабѣе чѣмъ въ юго-западномъ. Но крестьяне-католики въ обѣихъ половинахъ края сами по себѣ никогда не обнаруживали мятежныхъ свойствъ и наравнѣ съ православными населеніями преданы правительству, и одинаково принадлежатъ къ консервативному элементу края, между тѣмъ какъ революціонный его элементъ составляютъ польскіе помѣщики, которыхъ отнюдь не менѣе въ Волынской или Подольской чѣмъ въ Гродненской или Минской губерніяхъ, но въ первыхъ еще болѣе считаютъ себя истыми Поляками чѣмъ во вторыхъ, литовскихъ.

Такъ какъ военное положеніе устанавливается въ виду неблагонадежныхъ элементовъ, а такіе элементы въ кіевскомъ и виленскомъ генералъ-губернаторствахъ одинаковы, то сохраненіе его въ большей части сѣверо-западнаго края едва ли можетъ быть объясняемо чѣмъ-либо инымъ, кромѣ того историческаго пути, которымъ оно сложилось, и рутины, которою оно держится.

До наступленія періода демонстрацій центральная власть въ Вильнѣ не имѣла и тѣни того значенія, которое пріобрѣла въ послѣдствіи. Въ ея владѣніи состояли только три губерніи: Виленская, Гродненская и Ковенская; военное управленіе въ уѣздахъ, существовавшее съ 1832 года, было упразднено; управленіе генералъ-губернатора было лишь посредствующею инстанціей при рѣшеніи важнѣйшихъ вопросовъ края. Агитація, начавшаяся съ февраля 1861 года, побудила высшее правительство снабдить генералъ-губернатора полномочіями для „быстраго и энергическаго," какъ говорилось тогда, подавленія революціонныхъ попытокъ. Въ теченіе 1861 года полномочія эти постепенно возрастали. Въ мартѣ главному начальнику края предоставлено было, въ видѣ временной мѣры, удалять оттуда во внутреннія губерніи неблагонадежныхъ въ политическомъ отношеніи людей, „не взирая на ихъ званіе и положеніе въ обществѣ" съ тѣмъ впрочемъ, чтобы таковая высылка производилась со всевозможною осмотрительностью и особенною разборчивостію. Мѣра эта оказалась недѣйствительною, потому что во главѣ агитаціи стояло высшее дворянство, вліятельное и на мѣстѣ и въ Петербургѣ, и своимъ примѣромъ увлекавшее массу. Въ самой Вильнѣ, центрѣ правительственной власти, уѣздный предводитель дворянства, графъ Иванъ Тышкевичъ, на глазахъ властей до того открыто вызывалъ нарушеніе порядка, что вынудилъ администрацію ходатайствовать объ удаленіи его отъ должности; удаленіе его вызвало бурю, поднятую мѣстными панами въ залахъ дворянскаго собранія: несмотря на противодѣйствіе властей, они на выборахъ подписали графу Тышкевичу благодарственный адресъ. Агитація, начатая панами въ костелахъ и перенесенная ими на улицу, до того смущала администрацію, что вызвала убѣжденіе въ необходимости ввести военное положеніе. Установлено было преданіе суду, по полевому уголовному положенію, лицъ подавшихъ поводъ къ объявленію военнаго положенія. Но всѣ эти мѣры, грозныя на бумагѣ, были въ сущности недѣйствительны, потому что онѣ или не приводились въ исполненіе или же исполнялись польскими чиновниками, которые не только содѣйствовали агитаторамъ, но сами становились въ ихъ ряды. Наконецъ, въ августѣ, состоялось положеніе объ учрежденіи временныхъ полицейскихъ судовъ и утверждены были правила объ объявленіи мѣстностей на военномъ положеніи. Генералъ-губернаторамъ западнаго края предоставлено, не испрашивая Высочайшаго разрѣшенія, самимъ объявлять

на военномъ положеніи тѣ мѣстности, гдѣ они сочтутъ это нужнымъ. Главные начальники облечены были властью утверждать приговоры военныхъ судовъ и предписывать исполненіе оныхъ.

Такимъ образомъ, въ началѣ второй половины 1861 года власть въ рукахъ администраціи сосредоточилась небывалая: къ чему же послужила она? Отвѣтомъ на это служатъ событія 1862 и 1863 годовъ, совершавшіяся при неограниченномъ почти полновластіи администраціи, при самомъ пламенномъ ея желаніи затушить разыгрывавшіяся страсти патріотовъ и при готовности дѣйствовать противъ агитаціи самыми энергическими мѣрами. Полновластная администрація, увѣренная въ преданности всей массы русскаго населенія и поддержанная вооруженною силой, чувствовала себя безсильною предъ горстью польскихъ дворянъ и ксендзовъ, но не желала сознаться въ своемъ безсиліи. „Самая существенная мѣра при настоящемъ обстоятельствѣ,“ писали въ 1861 году въ Петербургъ, „есть достаточная вооруженная сила.“ Затѣмъ слѣдовалъ длинный перечень разнаго рода грозныхъ полицейскихъ мѣръ противъ зачинщиковъ безпорядковъ, подкрѣпленный увѣреніями, что мѣры эти „строжайшіе“ и „дѣятельнѣйшіе“ должны приводиться въ исполненіе, хотя „благоразуміе“ требуетъ иногда смягчать строгость закона. Въ Петербургѣ многіе до того вѣрили въ умиротвореніе края „строгими и разумными полицейскими мѣрами,“ что въ январѣ 1862 года министръ внутреннихъ дѣлъ серіозно относился къ начальнику края съ вопросомъ, не пора ли, въ виду полнаго успокоенія умовъ, снять съ Гродненской губерніи военное положеніе.

Поразительное безсиліе администраціи было слѣдствіемъ противуестественныхъ отношеній ея къ польскому дворянству: слѣдуя тѣмъ самымъ началамъ, которыя проводитъ теперь *Вѣсть*, она усиливалась видѣть въ немъ не чуждую и враждебную Россіи народность, а интеллигенцію края и не признавала зла въ томъ, что дворяне того края открыто объявляли себя Поляками. Какъ ни добивались паны выставить себя въ истинномъ свѣтѣ, администрація закрывала глаза и настойчиво утверждала, что польскіе дворяне не революціонный элементъ края, а такіе же представители консервативнаго начала какъ дворяне внутреннихъ губерній. Крайняя необходимость вынуждала мѣстную администрацію удалять отъ должностей то того, то другаго предводителя дворянства, высылать изъ края то того, то другаго магната; ей была близко извѣстна степень участія крупныхъ пановъ въ адресахъ Минскомъ, Рогачевскомъ, Подольскомъ; но общій ходъ дѣлъ былъ таковъ, что предъ панами пассовали, и всѣ надежды возлагались на силу полицейской власти. Къ чести своей, администрація того времени чувствовала, однако, что для умиротворенія края необходимы прежде всего коренныя реформы, которыя вывели бы крестьянина изъ-подъ польскаго гнета, подняли бы его умственный уровень посредствомъ школы и ввели бы въ край русское землевладѣніе; она даже представляла обо всемъ этомъ въ Петербургъ проекты и соображенія: но пока въ краѣ существованіе польщизны, какъ интеллигенціи страны, имѣло законное признаніе, серіозная рѣчь о полезныхъ преобразованіяхъ была невозможна.

Тайна системы графа Муравьева заключалась въ томъ, что онъ, удаливъ польскихъ чиновниковъ отъ службы и замѣнивъ ихъ русскими, получивъ возможность исполнить постановленія, состоявшіяся при его предмѣстникѣ и значившіяся только на бумагѣ. Съ прибытіемъ въ край, онъ прежде всего направилъ силу администраціи противъ пановъ, и мятежъ сразу угасъ за недостаткомъ горючихъ матеріаловъ. Убѣжденный, что крестьянская реформа въ западномъ краѣ есть необходимое обезпеченіе русской власти отъ польской крамолы, онъ явился въ дѣлѣ надѣла крестьянъ не менѣе ревностнымъ поборникомъ манифеста 19-го февраля чѣмъ прославленные нынѣшнею *Вѣстью* соціалисты и коммунисты изъ русскихъ чиновниковъ. Польщизна сразу почувствовала свое безсиліе, пала духомъ и уже готова была на всевозможныя уступки. Военное ли положеніе помогло въ этомъ случаѣ графу Муравьеву? Оно было на заднемъ планѣ: первое мѣсто занимала система.

Нашъ виленскій корреспондентъ, письмо котораго печатается ниже, передаетъ мѣстные слухи о предположеніи снять съ края военное положеніе, сохраняя его только для явныхъ мятежниковъ *и для русскихъ чиновниковъ*. Мы имѣемъ и съ другой стороны свѣдѣнія подтверждающія эти слухи.

Можно, кажется, безо всякихъ опасеній снять съ края военное положеніе, уже утратившее свою силу и прежнее значеніе: его давно нѣтъ въ юго-западномъ краѣ, хотя рѣшенныя правительствомъ преобразованія подвигаются тамъ въ строго-обдуманной системѣ. Опасность въ западномъ краѣ грозила вовсе не по слабости полицейской власти; нѣтъ, напротивъ. Администрація съ неограниченными полномочіями въ мирное время грозила бы гораздо большею опасностію, еслибъ она стала направлять свои удары не противъ непріязненныхъ силъ, а противъ того, что ведетъ къ дѣйствительному объединенію окраинъ съ Россіей. Что толку что въ 1862 году военное положеніе въ сѣверо-западномъ краѣ то снималось, то снова объявлялось? Дѣла шли одинаково дурно, потому что зло гнѣздилось въ общей дѣйствовавшей тогда системѣ; военное положеніе только скрывало и маскировало зло, но ни мало не способствовало его искорененію. Администрація занята безпрерывною борьбой съ мелочами, и не имѣетъ ни побужденія, ни досуга войти въ сущность дѣла и заняться проведеніемъ тѣхъ органическихъ мѣръ, которыя требуются въ видахъ дѣйствительнаго, а не мнимаго умиротворенія края. Послабленіе или усиленіе взыскательности властей, вслѣдствіе разныхъ случайностей, при военномъ положеніи только волнуютъ и раздражаютъ умы, возбуждая то надежды, то опасенія. Какая польза теперь, напримѣръ, оттого что въ силу военнаго положенія, помѣщикамъ запрещаются продолжительныя отлучки безъ разрѣшенія властей, когда на дѣлѣ большинство пановъ снабжено отъ властей постоянными билетами на право такихъ отлучекъ? Не при военномъ ли положеніи край наполняется теперь, вопреки общему распоряженію, возвращающимися въ Царство изъ ссылки повстанцами изъ помѣщиковъ сѣверо-западнаго края, которые, прибывъ на родину, живутъ тамъ безпрепятственно подъ разными предлогами? Не во имя ли военнаго положенія, наконецъ, высылаются изъ сѣверо-западнаго края, безъ объясненія причинъ, тѣ самые Русскіе, которые вызывались правительствомъ тушить пожаръ?...

№ 226.

Москва, 18-го октября.

Мы уже упомянули вчера объ одномъ изъ главныхъ неудобствъ военнаго положенія въ сѣверо-западномъ краѣ, которое состоитъ въ томъ, что тамошняя администрація завалена мелочными занятіями и не имѣетъ досуга войти въ сущность дѣла и озаботиться проведеніемъ тѣхъ органическихъ мѣръ, которыя требуются въ видахъ дѣйствительнаго, а не мнимаго умиротворенія, или, что тоже, обрусѣнія края. Эти мѣры должны быть мѣрами общими; не касаясь отдѣльныхъ лицъ и не тревожа ихъ въ частныхъ дѣлахъ и интересахъ, онѣ должны имѣть своимъ предметомъ общее положеніе и вступать въ борьбу съ его условіями. Чтобы подтвердить эту мысль, сдѣлать бѣглый обзоръ мѣръ вызываемыхъ военнымъ положеніемъ. Мѣры эти поражаютъ своею разнохарактерностію. Что, напримѣръ, общаго между запрещеніемъ имѣть оружіе *на свое имя* лицамъ компрометтированнымъ и извѣстными распоряженіями о публичномъ употребленіи польскаго языка, подъ которыми копошится одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ края?

Масса правилъ военнаго положенія представляетъ двѣ категоріи:

1) Мѣры направленыя противъ проявленій открытаго мятежа и приготовленій къ нему. Это—правила собственно военнаго положенія. Такова напримѣръ инструкція 24-го мая 1863 года о военно-полицейскомъ управленіи, изданная графомъ Муравьевымъ въ самый разгаръ мятежа и подтвержденная генералъ-адъютантомъ Потаповымъ къ точному исполненію (см. циркуляръ 14-го марта 1868 г.); она всѣми своими пунктами относится къ подавленію вооруженнаго бунта, о которомъ теперь не можетъ быть и рѣчи.

2) Мѣры вызванныя политическими условіями края или находящіяся въ связи съ приготовляемыми реформами. По невозможности исчислить всѣ мѣры, къ которымъ ведетъ военное положеніе, жители края были предварены Высочайшимъ указомъ 9-го августа 1861 года, что „всякій безпорядокъ долженъ вызвать экстренныя и энергическія мѣры“. Это полномочіе данное генералъ-губернатору привело на практикѣ къ тому, что властію созданною военнымъ положеніемъ принимались мѣры

требуемыя соображеніями политическаго, а вовсе не военнаго положенія края, или же просто дѣлались приготовленія къ реформамъ. Такому порядку слѣдовали иногда во избѣжаніе долгой переписки съ высшими инстанціями въ Петербургѣ. Такъ отняты были права оказательства у католическаго богослуженія, и этимъ порѣшенъ на время отнюдь не полицейскій, а серіозный законодательный вопросъ. Запрещеніе употребленія польскаго языка на вывѣскахъ или въ публичномъ разговорѣ имѣло смыслъ какъ приготовленіе къ изъятію его изъ римской церкви въ Россіи. Внезапное прекращеніе подобныхъ полицейскихъ запрещеній, какъ бы они ни были сами по себѣ малозначительны, равнялось бы открытому пораженію правительства, еслибы произошло прежде полнаго и рѣшительнаго водворенія русскаго языка въ римско-католическомъ богослуженіи. Даже тѣ изъ помянутыхъ мѣръ, которыя, очевидно, носятъ временный характеръ (напримѣръ запрещеніе польскаго языка на улицахъ), могутъ быть упразднены лишь вслѣдствіе обдуманныхъ параллельныхъ распоряженій, которыя, прежде ихъ отмѣны, устранили бы ихъ политическую необходимость. Кстати, Поляки смѣются надъ тѣмъ что русская администрація сначала усиленно покровительствовала обращеніямъ въ православіе, дѣлая это изъ побужденій политическихъ, а потому сразу прекратила всякую рѣчь пропагандѣ православія, не получивъ отъ римскаго духовенства никакой соотвѣтствующей уступки. Каковы бы ни были нѣкоторыя изъ этихъ обращеній, большинство ихъ не могло не испугать ксендзовъ, и было время, когда мѣстное католическое духовенство сильно сдало тонъ. Недавно ксендзы считали введеніе русскаго языка льготой, а теперь привелось уже выслушать отъ нихъ высокомѣрные отвѣты по вопросу о русской молитвѣ за Царя.

Таковы два разряда мѣръ вызванныхъ военнымъ положеніемъ въ сѣверо-западномъ краѣ. Однѣ изъ нихъ можно назвать военными, другія—политическими. Однѣ направлены противъ мятежа, другія - противъ причинъ его и побужденій къ нему. Эти послѣднія мѣры могутъ быть устраняемы только въ томъ случаѣ, если удастся замѣнить ихъ чѣмъ-нибудь болѣе дѣйствительнымъ. Но совсѣмъ иное дѣло мѣры собственно военныя. Съ подавленіемъ открытаго мятежа онѣ потеряли свою цѣль. Въ точности исполнялись онѣ развѣ до 1865 года. Начиная съ августа 1866 года военное положеніе стало сниматься съ болѣе спокойныхъ мѣстностей, и теперь почти совсѣмъ снято съ Минской, Витебской и Могилевской губерній, правда, „съ сохраненіемъ нѣкоторыхъ мѣръ необходимыхъ для сдерживанія враждебныхъ попытокъ польскаго элемента“, то-есть преимущественно тѣхъ мѣръ, которыя относятся ко второму разряду (политическому). Въ остальныхъ трехъ губерніяхъ военное положеніе, за отсутствіемъ и тѣни открытаго мятежа, исполняется лишь формально. Можно сказать утвердительно, что отъ его правилъ остаются въ силѣ однѣ формальности касающіяся собраній въ частныхъ домахъ, отлучекъ съ мѣста жительства и пр., да еще множество частныхъ освобожденій отъ этихъ формальностей. До какой степени собственно военныя правила военнаго положенія мало подходятъ къ теперешней обстановкѣ, можно видѣть отчасти изъ опубликованныхъ *Виленскимъ Вѣстникомъ* конфирмацій надъ разбойниками и убійцами. Наказанія назначаемыя по полевому уголовному уложенію смягчаются и оказываются неприменимыми даже къ уголовнымъ злодѣямъ. Спрашивается, зачѣмъ же оставлять на бумагѣ то, что въ дѣйствительности не исполняется или признается не нужнымъ? Отмѣна чисто-полицейскихъ мѣръ военнаго положенія, не соотвѣтствующихъ теперешней обстановкѣ, врядъ ли повлекла бы за собою политическія затрудненія, но она навѣрное облегчила бы жизнь края. Въ самомъ дѣлѣ, какія тамъ могутъ водворяться русскія начала, когда жандармъ входитъ въ вечернее собраніе даже новоприбывшаго русскаго помѣщика и спрашиваетъ хозяина съ чьего разрѣшенія созвалъ онъ гостей? Какая польза для русскихъ интересовъ отъ имѣющихся у многихъ Поляковъ *особыхъ* разрѣшеній на продолжительныя отлучки?

Достоинство правительства требуетъ, чтобы совершившійся фактъ былъ признанъ прямо и открыто. Ничто не вызываетъ такой массы нареканій и жалобъ, какъ система, при которой практика совершенно расходится съ объявленными и неотмѣненными распоряженіями.

Говорятъ, что различныя льготы, предоставляемыя во время военнаго положенія людямъ благонадежнымъ, увеличиваютъ

число этихъ послѣднихъ. Но нельзя не сознаться, что въ нашей администраціи еще не выработался критерій годный въ этомъ отношеніи, а потому раздѣленіе польскаго общества на благонадежныхъ и неблагонадежныхъ до сихъ поръ ничего кромѣ вреда не причинило. Благонадежнымъ изъ Поляковъ или Нѣмцевъ можетъ быть признанъ только тотъ, кто искренно хочетъ быть Русскимъ, и разумное общество, какъ и просвѣщенная администрація не должны отталкивать такихъ людей за ихъ племенное происхожденіе или за религію, ими исповѣдуемую, а напротивъ, привлекать ихъ и отличать отъ другихъ. У насъ же обыкновенно поблажки дѣлались польскимъ патріотамъ, которые принимали благонадежный видъ для того чтобы руками русской администраціи обдѣлывать свои дѣла. Главные работники польскихъ интересовъ всегда вербовались изъ числа лицъ, умѣвшихъ заявить свою благонадежность, и не только изъ числа „благонадежнѣйшихъ,“ но даже приближеннѣйшихъ. Военное положеніе отнюдь не заключаетъ въ себѣ гарантій противу повторенія подобныхъ явленій; напротивъ, на дѣлѣ всегда оказывалось, что льготы предоставляемыя „благонадежнымъ“ вели къ тому, что среди военнаго положенія никто въ краѣ не пользовался такою свободой, какъ главные дѣятели полыщизны. Получились бы лучшіе результаты, еслибы правительство относилось одинаково ко всѣмъ лицамъ польскаго общества, пока они не позволяютъ себѣ противузаконныхъ дѣйствій, и сосредоточило бы все свое вниманіе на существенныхъ элементахъ польскаго вопроса. Но военное положеніе, заставляя администрацію вести партизанскую войну съ отдѣльными проявленіями польскихъ тенденцій, отвлекаетъ ея вниманіе именно отъ этой борьбы съ польскимъ вопросомъ въ его жизненныхъ условіяхъ.

Могутъ возразить еще—и это возраженіе имѣетъ особенную важность,—что, за отмѣной собственно военныхъ мѣръ по военному положенію, останутся еще многія занятія по его политической части, которыя будутъ обременять администрацію. Какъ сказано выше, политическій разрядъ распоряженій, примыкающихъ къ военному положенію, можетъ быть безъ вреда устраненъ лишь при его замѣнѣ мѣрами органическими, берущими дѣло шире и проникающими глубже. Но заботамъ объ этихъ мѣрахъ мѣшаютъ именно мелочныя занятія, возлагаемыя на администрацію тѣми распоряженіями, которыя должны быть замѣнены общими органическими мѣрами. Тутъ есть повидимому *cercle vicieux*. Какъ изъ него выйдти?

Намъ кажется, что выходъ простъ. Врядъ ли слѣдуетъ много распространяться о томъ, есть ли необходимость оставлять за генералъ-губернаторомъ обязанности полицейскаго судьи. На генералъ-губернаторѣ лежитъ бремя серіозныхъ политическихъ заботъ, и онъ не можетъ, безъ ущерба для дѣла, входить въ безчисленные полицейскіе случаи ежедневной жизни. Почему бы нельзя было возложить заботу о взысканіи за мелкіе политическіе проступки на особый, отдѣльный отъ администраціи органъ той же правительственной власти,—на мировыхъ судей? Наказываемые по правиламъ военнаго положенія политическіе проступки, даже тѣ изъ нихъ, которые могутъ имѣть весьма серіозное политическое значеніе, какъ, напримѣръ, публичное осмѣяніе русскихъ эмблемъ и т. п., пріобрѣтаютъ важность, сообразно обстановкѣ. Генералъ-губернаторъ за сотни верстъ не всегда можетъ правильно оцѣнить подробности, опредѣляющія значеніе проступка. Къ тому же мировымъ судьямъ предоставляется право приговаривать не только къ штрафамъ, но и къ аресту и тюремному заключенію. Надобно еще упомянуть, что взысканія по суду теряютъ характеръ произвола, и имѣютъ иное нравственное значеніе.

Введеніе правильнаго суда, о чемъ *Московскія Вѣдомости* говорили еще въ концѣ 1866 года, есть одна изъ настоятельнѣйшихъ потребностей края во всѣхъ отношеніяхъ, особенно же съ точки зрѣнія русскихъ интересовъ, и открыть относящійся сюда рядъ мѣръ нельзя ничѣмъ лучше какъ учрежденіемъ мировой юстиціи.

Предоставленіе мировымъ судьямъ налагать штрафы и другія наказанія за политическіе проступки полицейскаго свойства требуетъ, само собой разумѣется, дополнительныхъ, имѣющихъ силу только для западнаго края, параграфовъ къ уставу о наказаніяхъ налагаемыхъ мировыми судьями. Но это не можетъ представить никакихъ затрудненій. Болѣе подлежитъ спору вопросъ о постановкѣ мировыхъ судей въ западномъ краѣ. Сколько намъ кажется, и тутъ есть ясныя основанія, на-

ходящіяся внѣ сомнѣнія. Прежде всего очевидно, что теперь мировые судьи въ западномъ краѣ не могутъ быть выборные. Они должны быть опредѣляемы правительствомъ, то-есть правительствующимъ сенатомъ по представленіямъ министра юстиціи, въ вѣдомству коего будутъ принадлежать. Затѣмъ очевидно, что мировые судьи западнаго края, хотя и коронные, не могутъ претендовать на несмѣняемость въ томъ видѣ, какъ она предоставлена коронным судьямъ; по отношенію къ смѣняемости они должны стоять на равной ногѣ не съ коронными судьями общихъ судебныхъ мѣстъ, а съ мировыми судьями, то-есть назначаться на трехлѣтній срокъ, но въ продолженіи этого срока не должны быть увольняемы иначе какъ по суду, ибо безъ этого условія мировый судъ не могъ бы приносить пользу. Наконецъ апелляціонною инстанціей надъ остальными мировыми судьями очень могутъ быть, какъ и въ остальной имперіи, съѣзды мировыхъ судей. Такое устройство, кажется, удовлетворило бы и мѣстнымъ потребностямъ и общему правилу, что безъ крайней необходимости не слѣдуетъ отступать отъ однообразія въ судебной части благоустроеннаго государства.

№ 227.

Москва, 19-го октября.

Процессъ Бильбасова, довольно пространное изложеніе котораго читатели найдутъ въ нашихъ сегодняшнихъ *Воскресныхъ Прибавленіяхъ*, уже почти два года занимаетъ вниманіе публики, которая успѣла познакомиться съ этимъ дѣломъ во всѣхъ подробностяхъ еще прошлымъ лѣтомъ, когда оно въ первый разъ разсматривалось въ С.-Петербургскомъ окружномъ судѣ. Въ январѣ нынѣшняго года заговорили снова объ этомъ дѣлѣ перенесенномъ на разсмотрѣніе уголовнаго кассаціоннаго департамента, гдѣ подсудимый лично развивалъ предъ сенатомъ поводъ къ кассаціи состоявшагося о немъ приговора. Рѣчь г. Бильбасова въ кассаціономъ судѣ была образцомъ блестящей юридической діалектики и казуистики. Она, какъ извѣстно, увѣнчалась успѣхомъ. Вопреки заключенію оберъ-прокурора Ковалевскаго, кассаціонный судъ отмѣнилъ приговоръ присяжныхъ и суда, и передалъ дѣло для новаго разсмотрѣнія съ новымъ составомъ присяжныхъ въ другое отдѣленіе суда. 6-го октября, послѣ двухдневнаго судебнаго слѣдствія, новые присяжные произнесли свой, на этотъ разъ оправдательный, приговоръ.

Этотъ оправдательный приговоръ подаетъ поводъ къ разнообразнымъ толкамъ, которые, какъ при всѣхъ замѣчательныхъ процессахъ рѣшенныхъ въ нашихъ новыхъ судахъ, не ограничиваются даннымъ случаемъ, а часто переходятъ въ общія разсужденія о достоинствахъ и недостаткахъ новаго суда. Враги судебной реформы, которыхъ у насъ не мало, находятъ и здѣсь поводъ къ нареканіямъ на судъ присяжныхъ; указываютъ на прежній приговоръ по тому же дѣлу, разбираютъ всѣ имѣющіяся улики, и создавая изъ себя новую апелляціонную инстанцію, постановляютъ свой самозванный вердиктъ. Когда же прекратятся наконецъ эти вѣчные пересуды по поводу того или другаго приговора присяжныхъ? Судъ присяжныхъ есть судъ общественной совѣсти, представителями которой они являются на судѣ. Недаромъ имена присяжныхъ участвовавшихъ въ рѣшеніи дѣла никогда не публикуются. Недаромъ отъ нихъ не требуется отчета о соображеніяхъ, на коихъ основанъ ихъ приговоръ. Недаромъ самыя совѣщанія ихъ, по закону, должны оставаться тайной навсегда. Не Сидоръ, Карпъ и др. судятъ и приговариваютъ, а „великій анонимъ", взятый, по указанію жребія, изо всѣхъ слоевъ общества. Государственная власть отреклась отъ обязанности рѣшать вопросъ о виновности подсудимыхъ, и предоставила это самому обществу, обставивъ процессъ всѣми тѣми условіями, которыя, на основаніи вѣками выработаннаго опыта, наиболѣе способствуютъ раскрытію истины, насколько она вообще доступна человѣку. Законодатель отвергъ письменное судопроизводство, и замѣнилъ его изустнымъ процессомъ, гдѣ предъ судьею стоитъ живой человѣкъ и является дѣло со всею неуловимою на письмѣ обстановкой. Не слѣдуетъ забывать, что печатный отчетъ о судебномъ слѣдствіи не есть самое судебное слѣдствіе, и что читатель не есть присяжный. Человѣкъ произносящій свой приговоръ на основаніи печатныхъ свѣдѣній о процессѣ какъ бы снова замѣняетъ живой

и устный процессъ письмоводствомъ, говорящій фактъ — бумагой.

Если нѣтъ указаній на то, чтобы на судѣ были какія-нибудь нарушенія тѣхъ существенныхъ условій, которыя наукой права и положительнымъ закономъ признаны необходимыми для того чтобы судебный процессъ выработалъ достижимую для человѣка правду (не въ логическомъ смыслѣ истину, а *правду*, и не только юридическую, но и нравственную), то кто можетъ взять на себя рѣшить, что его личное мнѣніе болѣе согласно съ правдой чѣмъ состоявшійся на судѣ приговоръ? Совѣсти присяжныхъ, взятыхъ изъ общества, дано право охранять и ограждать общество отъ нарушеній направленныхъ противъ него или противъ его членовъ, противъ интересовъ болѣе всего ему близкихъ, противъ общественной безопасности, жизни, чести, собственности. Общество, а стало-быть и они, присяжные, какъ его представители, живо заинтересованы въ томъ чтобы преступленія не оставались не наказанными. Откуда въ этомъ отношеніи могъ бы взяться разладъ между властью предающею суду и общественною совѣстью, которая рѣшаетъ вопросъ о преступности дѣянія и о виновности лица? Онъ возможенъ лишь въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда уголовные законы не соотвѣтствуютъ воззрѣнію общества на характеръ того или другаго дѣянія. Но разногласіе невозможно относительно тѣхъ преступленій, которыя являются нарушеніемъ вѣчныхъ законовъ справедливости: здѣсь законодатель заинтересованъ совершенно одинаково съ общественною совѣстью, и присяжные всегда бываютъ расположены склоняться скорѣе на сторону обвиненія нежели защиты, а если даютъ оправдательный приговоръ, то лишь по долгу присяги, дабы не обвинить человѣка, коего виновность подлежитъ большему или меньшему сомнѣнію. Отвѣтственность присяжныхъ предъ своею совѣстію, отвѣтственность тяжкая, скрѣпленная торжественною присягой, лучше всего ручается въ томъ, что ихъ мнѣніе согласовано и съ обстоятельствами дѣла, и съ идеей справедливости, и съ интересами того общества, представителемъ котораго они являются на судъ. Сужденіе публики не можетъ слагаться съ такою же воздержностью: публика не умѣряетъ своего расположенія къ обвиненію равносильнымъ чувствомъ отвѣтственности; она судитъ строже, потому что ея приговоры не имѣютъ вліянія на судьбу подсудимыхъ.

Одною изъ причинъ могущихъ вліять на приговоръ присяжныхъ помимо общаго впечатлѣнія выносимаго ими изо *всего* что они видѣли и слышали на судѣ, выставляютъ неравенство силъ, обнаруживающихся иногда между обвиненіемъ и защитой. Говорятъ, что обвиненіе по дѣлу Бильбасова было поддержано не съ достаточною энергіей и настойчивостію, тогда какъ защитникъ исполнилъ свое дѣло блистательно. Отдавая полную справедливость искусству и таланту защитника г. Бильбасова, отнюдь нельзя сказать чтобъ обвинительная рѣчь прокурора г. Роде, содержаніе которой приведено у насъ въ пространномъ извлеченіи по *Судебному Вѣстнику*, была слаба, или чтобы въ ней были недостаточно сгруппированы всѣ матеріялы обвиненія. Тѣмъ не менѣе нельзя не согласиться и съ тѣмъ замѣчаніемъ, что въ этомъ процессѣ со стороны прокурорскаго надзора было, какъ кажется, сдѣлано упущеніе. Онъ не воспользовался своимъ правомъ сказать еще разъ свое слово послѣ потрясающихъ рѣчей защиты. Мы думаемъ, что въ настоящемъ случаѣ право это имѣло для него силу обязанности, потому что обвинитель г. Бильбасова былъ въ то же время ео ірѕо защитникомъ г. Дюховскаго. Нужды нѣтъ, что послѣ новыхъ объясненій со стороны прокурора защита имѣла въ свою очередь право снова потребовать слова, и что послѣднее слово по праву должно остаться за нею. Пусть бы она еще разъ высказалась: присяжные тѣмъ не менѣе изъ возраженій прокурора, которыми было бы вызвано послѣднее слово защиты, убѣдились бы, что обвинитель настаиваетъ на своемъ, что онъ не разбитъ доводами противной стороны, что въ его умѣ не произошло никакого колебанія. Говоря вообще, наши присяжные не имѣютъ слабости къ краснорѣчію, дѣйствительному или мнимому. Фраза не производитъ на нихъ обаянія, какъ напримѣръ на присяжныхъ французскихъ. Нельзя также согласиться, чтобы по крайней мѣрѣ до сихъ поръ перевѣсъ въ дѣлѣ судебнаго краснорѣчія и искусства аргументаціи оказался у насъ на сторонѣ адвокатуры. Но тѣмъ не менѣе мы все-таки остаемся при томъ мнѣніи, которое постоянно высказывали еще въ то время, когда наша судебная реформа вырабатывалась въ проектѣ, что основанія,

на которыхъ задумано у насъ учрежденіе прокуратуры (ея отдѣльность отъ адвокатуры), заимствованныя главнымъ образомъ изъ французскаго судоустройства, не вполнѣ соотвѣтствуютъ своему назначенію, что учрежденіе это будетъ слабымъ пунктомъ нашей судебной организаціи, что чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе обвиненіе будетъ слабѣть предъ защитой.

Изъ отчета о дѣлѣ Бильбасова не видно какъ заключены были судебныя пренія предсѣдателемъ суда. Безъ заключительнаго слова судьи судебныя пренія остаются какъ бы безъ конца. Мудрость правильнаго судоустройства ставитъ существеннымъ условіемъ, чтобы судья, предсѣдящій состязанію, безпристрастно вынесъ изъ него сущность дѣла, чтобы присяжные на его спокойномъ словѣ отдохнули отъ впечатлѣній борьбы, чтобы совѣсть ихъ пришла въ равновѣсіе. Въ этомъ господствующемъ надъ борьбой положеніи заключается возвышенное, руководящее назначеніе предсѣдателя суда. Выслушавъ все что могло сказать обвиненіе и все что могла выставить защита, первенствующій судья долженъ представить все дѣло въ его ясныхъ, простыхъ и чистыхъ очертаніяхъ, какъ оно выразилось съ своей фактической стороны въ его безпристрастномъ разумѣніи, ни усиливая, ни ослабляя искуственно доводовъ той или другой стороны, заявляя вниманію присяжныхъ какъ то чѣмъ сильна или слаба защита, такъ и то, чѣмъ сильно или слабо обвиненіе.

При всемъ томъ, если въ дѣлѣ Бильбасова защита одержала верхъ надъ обвиненіемъ, то причину этому слѣдуетъ главнѣйшимъ образомъ искать въ силѣ доводовъ адвоката. Непреложный и вѣчный принципъ правосудія гласитъ, что обвиняемый признается невиннымъ доколѣ противное не будетъ доказано, что всякое сомнѣніе должно быть обращаемо въ пользу, а не во вредъ подсудимому, и что лучше оправдать десять виновныхъ, чѣмъ осудить одного невиннаго. Въ дѣлѣ Бильбасова были два пункта, отъ полнаго разъясненія которыхъ зависѣлъ исходъ дѣла; но они не разъяснены. Такъ какъ подсудимый отрицалъ, чтобъ онъ получилъ выкупныя свидѣтельства, выданныя графомъ Шуваловымъ въ уплату долга князя Гагарина г-жѣ Засѣцкой, то необходимо было *доказать*, что свидѣтельства были ему вручены, или, если это было невозможно, *доказать*, что они были отъ него пріобрѣтены банкиромъ Ламне, продавшимъ ихъ купцу Грегеру. Относительно перваго пункта имѣлось показаніе главнаго свидѣтеля по дѣлу г. Дмоховскаго, который утверждаетъ, что онъ передалъ подсудимому свидѣтельства въ ресторанѣ Доминика. Противъ этого защита выставила двухъ свидѣтелей, которые утверждаютъ, что они не спускали глазъ съ гг. Дмоховскаго и Бильбасова во время ихъ свиданія у Доминика, продолжавшагося нѣсколько минутъ, и удостовѣряютъ, что они ничего другъ другу не передавали. Съ другой стороны, ни банкиръ Ламне, ни служащіе въ его конторѣ не знаютъ, кто продалъ конторѣ выкупныя свидѣтельства. Защита вполнѣ воспользовалась этими двумя слабыми пунктами обвиненія, которые должны были возбудить въ умѣ присяжныхъ сомнѣніе, а сомнѣніе по столь существенному обстоятельству не могло не быть обращено ими въ пользу подсудимаго. Присяжные не могли также не обратить вниманія на отношенія подсудимаго къ г-жѣ Засѣцкой, съ которой ему слѣдовало вскорѣ получить значительное вознагражденіе, и на отношенія князя Гагарина къ той же г-жѣ Засѣцкой, съ которой требовали уступокъ изъ капитала на томъ основаніи, что она давала расписки въ полученіи процентовъ, лихвенныхъ по закону, но въ общежитіи употребительныхъ. Присяжные видѣли въ этомъ дѣлѣ случай совершенно необыкновенный, дѣло весьма запутанное. Наконецъ, помимо этого, самымъ рѣшительнымъ образомъ конечно подѣйствовало на присяжныхъ то соображеніе, что *подсудимый высидѣлъ въ тюрьмѣ до суда три года*. Три года заключенія въ тюрьмѣ,— и въ какой тюрьмѣ!—въ нашемъ острогѣ! Еслибы даже присяжные склонялись болѣе на сторону обвиненія, то развѣ этого одного факта недостаточно было, чтобы разомъ перетянуть въ ихъ совѣсти вѣсы на другую сторону! По французскому уголовному кодексу (Code Pénal art. 405), преступленіе подобное тому, въ которомъ обвинялся подсудимый, наказывается тюремнымъ заключеніемъ отъ *одного* до *пяти* лѣтъ,— а французская тюрьма не нашъ острогъ!

Если процессъ Бильбасова можетъ подать поводъ къ какимъ-либо тревожнымъ толкамъ насчетъ слабыхъ сторонъ нашего судопроизводства, то не по результату сво-

ему, не по приговору присяжныхъ. Серіозную тревогу можетъ и долженъ возбудить этотъ послѣдній, указанный нами фактъ, который, увы! далеко не рѣдкость и вовсе не объясняется тѣмъ только, что процессъ этотъ три раза подвергался разсмотрѣнію, разъ въ кассаціонномъ порядкѣ и два раза по существу. Годъ, полтора и даже два года предварительнаго заключенія, это почти нормальный порядокъ вещей въ нашемъ уголовномъ судопроизводствѣ и притомъ по такимъ дѣламъ, гдѣ обвинительный приговоръ влечетъ за собою для осужденнаго заключеніе на время вдвое, втрое и вчетверо *меньшее* чѣмъ то, въ продолженіе коего онъ томился въ заключеніи до суда. Вотъ гдѣ истинное зло, грозящее дѣйствительною опасностью столь молодому еще у насъ дѣлу правосудія. Мы получили новый, правильно организованный судъ; но то что творится до суда, осталось при старомъ духѣ, хотя и съ нѣкоторыми новыми формами. Предварительное слѣдствіе и отдача подъ судъ, вотъ тѣ пункты, которые требуютъ всего вниманія законодательства. Здѣсь *punctum saliens*. Чтобы наша судебная реформа могла считаться вполнѣ обезпеченною, необходимо вникнуть въ ту темную исторію, которая предваряетъ процессъ, и организовать ее вполнѣ соотвѣтственно духу нашего новаго суда.

№ 228.

Москва, 21-го октября.

Во вчерашнемъ № *Воскресныхъ Прибавленій* къ нашей газетѣ было помѣщено извлеченіе изъ отчета о занятіяхъ податной коммиссіи за 1867 г. Пользуемся этимъ случаемъ, чтобы отдать справедливость упомянутой коммиссіи, которая при просвѣщенномъ руководствѣ своего предсѣдателя, А. К. Гирса, никогда не избѣгала гласности и сужденій печати. Публикѣ извѣстно, что главнымъ предметомъ трудовъ этой коммиссіи, въ послѣдніе два года, былъ пересмотръ горнаго устава, и связанные съ этимъ дѣломъ вопросы, какъ передача казенныхъ горныхъ заводовъ въ частныя руки, военные наряды и переходъ поссессіонныхъ заводовъ въ полную собственность ихъ владѣльцевъ. Признавая всю важность и настоятельность преобразованій по горной части, о чемъ уже не разъ была рѣчь въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, и не мало не сомнѣваясь, что горное дѣло много выиграетъ отъ здравыхъ началъ положенныхъ податною коммиссіей въ основаніе его реформы, мы не можемъ однако не замѣтить, что эта реформа, за исключеніемъ вопроса о горныхъ податяхъ, не входитъ прямо въ кругъ задачъ предлежащихъ изученію податной коммиссіи, и что нѣкоторыя особенно важныя изъ этихъ задачъ еще почти не тронуты ею. Впрочемъ, справедливость требуетъ оговорить, что преобразованіе столь многосложной системы нашихъ государственныхъ податей и сборовъ, долгое время остававшейся безо всякаго измѣненія, не можетъ, при настоящемъ положеніи нашихъ финансовъ, идти быстро. Къ тому же, дѣло это нуждается во многихъ работахъ, о которыхъ не помышляла прежняя администрація, а съ другой стороны оно затрогиваетъ множество другихъ государственныхъ вопросовъ, которыхъ податная коммиссія, по своей спеціальности, не можетъ касаться и которые либо обсуждаются въ другихъ спеціальныхъ коммиссіяхъ, либо еще вовсе не получили движенія. На это обстоятельство, не мало вредившее нѣкоторымъ изъ нашихъ реформъ, и отчасти совсѣмъ затормозившее разрѣшеніе иныхъ вопросовъ, было уже не разъ указано. Въ видѣ примѣра можно упомянуть о земскихъ учрежденіяхъ проектированныхъ лишь въ административномъ отношеніи, безъ соотвѣтствующаго пересмотра устава о земскихъ повинностяхъ, какъ объ источникахъ всѣхъ земскихъ доходовъ; можно указать также на вопросъ о паспортахъ, обсуждавшійся въ паспортной коммиссіи отвлеченно отъ своей фискальной стороны, имѣющей существенную важность; также точно преобразованіе гильдейскаго или патентнаго сбора было неполное, потому что не сопровождалось пересмотромъ сословныхъ привилегій, о которыхъ не могло быть рѣчи въ податной коммиссіи при обсужденіи новой системы этого налога. Случалось, что нѣсколько коммиссій, учрежденныхъ по разнымъ вѣдомствамъ, занимались однимъ и тѣмъ же дѣломъ, давали ему каждая противоположное другой направленіе, или же убѣдившись въ невозможности заниматься вопросомъ со спеціальныхъ точекъ зрѣнія, прекращали свои занятія. Разъединеніе по вѣдомствамъ разныхъ сторонъ одного и

того же государственнаго дѣла, требующаго, въ особенности въ законодательномъ отношеніи, общихъ государственныхъ соображеній, которымъ должны подчиняться спеціальные техническіе вопросы, не можетъ не парализовать правильный ходъ государственныхъ реформъ. Если наша судебная реформа отличается зрѣлостью, обдуманностью и послѣдовательностью, то причиною этого, безъ сомнѣнія, было то, что всѣ работы по преобразованію судебной части сосредоточивались въ государственномъ совѣтѣ, всѣ спеціальныя коммиссіи трудившіяся надъ этимъ дѣломъ находились подъ его высшимъ руководствомъ.

Податная коммиссія въ теченіе своего девяти-лѣтняго существованія не разъ испытывала затрудненія вышесказаннаго свойства, и этими-то затрудненіями отчасти объясняется значительное накопленіе ея трудовъ по исторической, статистической и теоретической части податныхъ и финансовыхъ вопросовъ,—трудовъ, впрочемъ весьма цѣнныхъ и почтенныхъ,—безъ замѣтнаго практическаго движенія этихъ вопросовъ въ законодательномъ отношеніи. Надобно, правда, сказать, въ оправданіе коммиссіи, что многія важныя преобразованія по податной системѣ были изъяты изъ ея вѣдѣнія, какъ напримѣръ отмѣна питейныхъ откуповъ и пересмотръ таможеннаго тарифа, причемъ мы не беремся утверждать, чтобы финансовыя преобразованія, совершившіяся такимъ образомъ помимо податной коммиссіи, именно оттого выиграли. Далѣе многія предположеніи коммиссіи и окончательно составленные ею проекты были, по неизвѣстнымъ публикѣ, можетъ-статься и весьма уважительнымъ, причинамъ, остановлены въ своемъ дальнѣйшемъ ходѣ, какъ напримѣръ проектъ новой системы солянаго акциза,—или подверглись существеннымъ измѣненіямъ, какъ проектированная ею система свеклосахарнаго акциза и свеклосахарныхъ таможенныхъ пошлинъ. Наконецъ, при упрекахъ дѣлаемыхъ податной коммиссіи за ея медленность, не слѣдуетъ упускать изъ виду преобразованій, уже окончательно вступившихъ въ силу, отчасти цѣликомъ ею проектированныхъ, отчасти совершившихся согласно ея предположеніямъ: таковы, напримѣръ, новая система сборовъ съ торговли, удвоившая государственный доходъ по этой части, передача въ частныя руки казенныхъ соляныхъ промысловъ, налогъ на городскія недвижимыя имущества взамѣнъ подушной подати съ мѣщанъ, недавнее пониженіе гербовыхъ пошлинъ съ вексельной бумаги и т. д. Независимо отъ множества мелкихъ статей государственныхъ доходовъ, по коимъ приняты или принимаются мѣры проектированныя коммиссіей, въ настоящее время находятся на разсмотрѣніи государственнаго совѣта предложенные податною коммиссіей общія основанія для коренной передѣлки дѣйствующей системы гербовыхъ пошлинъ, и вскорѣ будетъ представленъ окончательно составленный коммиссіей новый горный уставъ, вмѣстѣ съ другими относящимися сюда предположеніями. Въ самой коммиссіи, какъ намъ сообщаютъ, стоитъ на первой очереди вопросъ о преобразованіи крѣпостныхъ пошлинъ, для котораго всѣ подготовительныя работы давно сдѣланы.

Во всякомъ случаѣ, однако, нельзя не пожалѣть, что до сихъ поръ остаются безъ видимаго движенія двѣ изъ существеннѣйшихъ частей нашей финансовой системы, непосредственно входящія въ кругъ занятій податной коммиссіи: государственная подушная подать и земскія повинности. Экономическія и государственныя условія, подъ вліяніемъ коихъ сложилось у насъ законодательство о подушной подати и о земскихъ повинностяхъ, измѣнены въ своемъ корнѣ реформами нынѣшняго царствованія. Привести съ этими измѣненіями въ согласіе фискальную сторону дѣла есть безотлагательная потребность какъ въ финансовомъ отношеніи, такъ и въ виду общихъ государственнымъ интересовъ. Изъ отчетовъ податной коммиссіи видно, что въ ней разрабатывались нѣкоторыя отдѣльные вопросы, входящіе въ общую систему земскихъ повинностей (преимущественно о натуральныхъ государственныхъ повинностяхъ, каковы постойная, почтовая и проч.), и что для *общаго пересмотра устава о земскихъ повинностяхъ собирались необходимые матеріалы*. По послѣднему пункту мы имѣемъ буквально только это извѣстіе. Между тѣмъ уставъ о земскихъ повинностяхъ, нынѣ со введеніемъ въ дѣйствіе земскихъ учрежденій, почти не дѣйствуетъ. Онъ загроможденъ множествомъ сепаратныхъ узаконеній, даже просто административныхъ распоряженій, а какъ неудобны на практикѣ эти распоряженія, доказываетъ извѣстное постановленіе 1866

года воспрещающее облагать торговыя свидѣтельства выше 10% сравнительно съ государственнымъ по нимъ сборомъ. Къ изданію этого постановленія, можетъ-статься, вынудили уважительные интересы; но оно явилось совершенно оторваннымъ отъ общей системы законодательства по земскимъ повинностямъ, оно не было согласовано съ новыми началами положенными въ основу земскихъ учрежденій; въ особенности оно противорѣчитъ тому, что законнымъ образомъ выработалось-было въ практикѣ земскихъ учрежденій. Нельзя также отрицать, что этимъ постановленіемъ было задержано естественное развитіе земскихъ учрежденій, и значительно охлаждено только что возникшее, по мысли самаго правительства, общее рвеніе къ дѣлу, столь важному и полезному какъ земская администрація; наконецъ, что всего хуже, этимъ постановленіемъ заронено сѣмя розни между сословіями, которыя доселѣ были чужды ей. Важный государственный вопросъ о правѣ мѣстнаго или земскаго податнаго обложенія долженъ быть разрѣшенъ такъ или иначе, но твердо, точно и ясно. До тѣхъ поръ вся система нашего земскаго хозяйства будутъ подвергаться постояннымъ колебаніямъ и сомнѣніямъ, по необходимости возникающимъ изъ противорѣчія между Положеніемъ о земскихъ учрежденіхъ и старымъ законодательствомъ о земскихъ повинностяхъ, оставленнымъ въ силѣ, а равно изъ противорѣчія между отдѣльными постановленіями, въ разное время изданными. Если правительство, рѣшившись на реформу административной части земскихъ повинностей, безъ одновременнаго преобразованія финансовой части (то-есть, собственно устава о земскихъ повинностяхъ), хотѣло выждать практическихъ указаній въ самыхъ результатахъ дѣятельности новыхъ учрежденій, то нынѣ эти результы уже достаточно высказались. Для начертанія новаго устава о земскихъ повинностяхъ и для зрѣлаго разрѣшенія основнаго вопроса этого устава о правахъ земства на податное обложеніе, сообразно съ дѣйствительными практическими нуждами и условіями быта, имѣется въ настоящее время довольно много матеріала. Вмѣстѣ съ тѣмъ, во всѣхъ краяхъ Россіи, найдутся люди достаточно освоившіеся съ земскимъ дѣломъ на практикѣ, чтобы въ качествѣ экспертовъ оказать полезное содѣйствіе при пересмотрѣ устава о земскихъ повинностяхъ. Мы говоримъ это потому, что въ этомъ важномъ дѣлѣ, надобно думать, будетъ предоставлена заинтересованнымъ лицамъ та доля участія въ дѣлѣ какая была предоставлена одной изъ сторонъ, заинтересованныхъ въ пересмотрѣ таможеннаго тарифа; да и сама податная коммиссія не сдѣлаетъ въ этомъ случаѣ отступленія отъ правила, принятаго ею по другимъ работамъ, приглашать въ свою среду представителей всѣхъ затронутыхъ интересовъ.

Другая, также нетерпящая отлагательства и также лежащая на отвѣтственности податной коммиссіи, но еще болѣе важная задача есть преобразованіе подушной подати, которая въ нынѣшнемъ своемъ видѣ сдѣлалась рѣшительнымъ тормазомъ всѣхъ успѣховъ нашего народнаго благосостоянія и вовсе несовмѣстима съ наступающею въ 1870 году для лицъ сельскаго люда свободой передвиженія. Задача состоитъ въ томъ, чтобъ освободить податныхъ людей отъ бездны стѣсненій причиняющихъ имъ гораздо больше ущерба нежели удобствъ администраціи или казнѣ. Когда собственность не имѣла большой цѣны и когда главнымъ обезпеченіемъ сбора податей были лица, необходимость требовала чтобы правительство держало податныхъ людей какъ бы подъ запретомъ. Теперь къ этому уже нѣтъ повода. Государство, получающее большую часть своихъ доходовъ изъ косвенныхъ налоговъ, не можетъ считать личный трудъ незамѣнимымъ залогомъ взысканія недоимокъ по налогамъ прямымъ. Оно можетъ отпустить лица на свободу и держаться недвижимой собственности, имѣя предъ собой два главные предмета обложенія: полевыя угодья и усадьбы со строеньями. Если земскія повинности всего естественнѣе переложить съ душъ на землю, то для подушной подати представляются, какъ предметъ обложенія, усадьбы и строенье. Слышно, что предполагается дать въ высшемъ законодательномъ порядкѣ ходъ составленному податною коммиссіей еще въ 1863 г. проекту о замѣнѣ подушной подати такъ-названною *подворною*. Этотъ проектъ, устраняющій нѣкоторые изъ коренныхъ недостатковъ подушной подати (круговую поруку и ревизское исчисленіе податныхъ душъ), впрочемъ *только отчасти*, былъ въ теченіе пяти лѣтъ остав-

ленъ безъ движенія и преданъ забвенію. Хотя и помѣщенный въ печатныхъ трудахъ податной коммиссіи, онъ не обращалъ на себя вниманія; при всей важности возбуждаемыхъ имъ вопросовъ, онъ казался весьма неудовлетворительнымъ. Вѣроятно онъ подвергнется значительной переработкѣ. Во всякомъ случаѣ нельзя не порадоваться, что онъ извлеченъ изъ подъ спуда. Постараемся ознакомиться и ознакомить съ нимъ публику.

№ 229.

Москва, 23-го октября.

До сихъ поръ при разсылкѣ газетъ и журналовъ по почтѣ было дѣлаемо различіе между изданіями ежемѣсячными, еженедѣльными и ежедневными. Первыя платили 1 р. 50 к., вторыя—2 р., третьи—3 р. въ годъ въ пользу почтъ. Это различіе было совершенно основательное. Почта должна быть вознаграждена по пересылкѣ періодическихъ изданій за двоякое дѣйствіе, за пріемъ и выдачу пакетовъ и за перевозку извѣстной тяжести. Дѣйствіе перваго рода, очевидно, безъ всякаго сравненія легче, когда пересылается 12 книжекъ журнала, нежели когда почты должны принимать изъ редакціи и выдавать подписчикамъ 300 нумеровъ газеты. Что же касается до перевозки, то годовое изданіе обыкновенной большой газеты вѣситъ значительно болѣе чѣмъ годовое же изданіе обыкновеннаго большаго ежемѣсячнаго журнала. Годовой экземпляръ *Московскихъ Вѣдомостей*, напримѣръ, вѣситъ около 35 фунтовъ, а годовой экземпляръ *Русскаго Вѣстника* — около 10 фунтовъ. Слѣдовательно, вообще говоря, прежняя такса была назначена для газетъ и журналовъ соразмѣрно цѣнѣ той услуги, которую тѣ и другіе получаютъ отъ почтъ. Недостатокъ прежней таксы состоялъ въ томъ, что она не обращала вниманія на различіе между большими и малыми изданіями. Всякая ежедневная газета, большая и малая, а равно всякій журналъ, каковъ бы ни былъ объемъ его, платили наравнѣ. Газета дешевая, выходящая въ маломъ форматѣ, но ежедневно, обязана была платить тѣ же 3 руб., какъ и самая большая изъ существующихъ въ Россіи газетъ. Точно также и дешевый журналъ, выходящій тонкими книжками, подлежалъ одинаковой платѣ за пересылку какъ и самый толстый изъ выходящихъ въ Россіи журналовъ. Въ этомъ была неравномѣрность, и она повела къ исключеніямъ и льготамъ, сильно вредившимъ русской печати. Нынѣшняя почтовая администрація приняла полезное рѣшеніе освободить печать отъ этой системы исключеній и льготъ, замѣнивъ ихъ общимъ правиломъ. Вслѣдствіе этого постановлено, что всѣ вообще русскія періодическія изданія подчиняются одной общей для всѣхъ таксѣ по 25% съ ихъ подписной цѣны, въ томъ числѣ 20% за пересылку и 5% за коммиссію. Отдавая полную справедливость благому намѣренію поставить законъ на мѣсто монополіи и привилегій, мы должны однакоже сказать, что нововведенная такса весьма неравномѣрно падаетъ на разные разряды періодическихъ изданій. Въ объявленіяхъ почтоваго вѣдомства сказано, что эти нововведенія, дѣлаются въ интересѣ печати и что отъ нихъ ожидается развитіе русскаго журнальнаго дѣла. Многое заставляетъ усомниться, чтобъ эта цѣль была достигнута сообразно желанію почтоваго вѣдомства.

Вопросъ о пересылочной таксѣ періодическихъ изданій уже лѣтъ шесть тому назадъ былъ предметомъ гласнаго обсужденія. Мы предлагали тогда основать таксу на двухъ элементахъ:

1) На цѣнѣ изданія, взимая съ нея около 10%.

2) На числѣ и вѣсѣ разсылаемыхъ пакетовъ, взимая около $^1/_2$ к. с. за каждые 3 лота въ подаваемомъ на почту пакетѣ.

Полагаемъ, что такса, опредѣленная на этомъ основаніи, соотвѣтствовала бы всѣмъ справедливымъ требованіямъ. Большія изданія платили бы приблизительно то же, что платятъ теперь: газеты, стоющія 12 руб. безъ пересылки и дающія въ годъ до 330 нумеровъ, платили бы 2 р. 85 к., вмѣсто теперешнихъ 3 руб.; ежемѣсячные журналы, коихъ цѣна безъ пересылки 15 руб., платили бы 2 р. вмѣсто теперешнихъ 1 р. 50 коп. Облегченія тутъ не было бы; было бы даже обремененіе, но незначительное. За то дешевыя изданія, были бы въ выгодѣ, и всего выгоднѣе было бы тѣмъ изданіямъ, которыя предназначаются для народнаго чтенія. Такія изданія не имѣютъ надобности выходить

ежедневно, и мы на дѣлѣ видимъ, что періодическія изданія, дѣйствительно назначаемыя для простаго народа, вездѣ выходятъ или разъ въ мѣсяцъ или разъ въ недѣлю. По той таксѣ, которую мы предлагали, дешевая еженедѣльная народная газета въ 3 р. с. платила бы не болѣе 60 коп.; еслибы та же газета выходила по два или по три раза въ недѣлю, то пересылочная такса ея возрасла бы до 80 к. и до 1 р. и была бы 1 р. 80 к. при 300 нумерахъ въ годъ, но достигнувъ этихъ сроковъ выхода, газета уже не могла бы оставаться народною и слѣдовательно не имѣла бы права требовать для себя особенно дешевой пересылки, а потому должна была бы довольствоваться этою таксой, все-таки значительно болѣе легкою чѣмъ 3 руб. Ежемѣсячный духовный журналъ, коего подписная цѣна безъ пересылки 3 руб., платилъ бы за пересылку не болѣе 42 к. Такъ было бы при томъ порядкѣ, который мы предлагали въ 1862 году. По новымъ же таксамъ, вводимымъ нынѣ, такой духовный журналъ будетъ платить не 42 к., а 75 к.; онъ будетъ несправедливо приравненъ не только къ еженедѣльной, но и къ ежедневной газетѣ, то-есть изданіе для народа назначаемое—къ изданію, которое, судя по срокамъ своего выхода, имѣетъ въ виду не народъ, а обыкновенную читающую публику. Но всего тяжелѣе нововводимый порядокъ отзовется на большихъ ежемѣсячныхъ изданіяхъ. До сихъ поръ они платили за пересылку по 1 р. 50 коп. въ годъ, а безъ пересылки стоили около 15 р. Сообразно этой цѣнѣ опредѣлился и характеръ ихъ. Сильная, продолжительная конкурренція довела до крайнихъ предѣловъ и расширеніе ихъ объема и возвышеніе цѣны получаемой авторами помѣщаемыхъ въ нихъ статей, но размѣръ подписной цѣны остался почти безъ измѣненій, не смотря на всѣ усилія конкурренціи: лучшее доказательство что онъ отвѣчаетъ потребности, и что стало-быть его измѣнять нельзя безъ ущерба для распространенія изданій. Но при новыхъ таксахъ всѣ эти изданія, въ коихъ сосредоточивается русская не политическая литература, принуждены будутъ измѣнить условія своего существованія. Они должны будутъ либо требовать отъ публики большей платы чѣмъ прежде, либо утратить значительную долю своихъ средствъ. Въ первомъ случаѣ они рискуютъ потерять часть подписчиковъ, во второмъ они должны будутъ заранѣе пожертвовать достоинствомъ своего содержанія. Входило ли это въ виды почтоваго управленія? Мы говоримъ безкорыстно. Упроченное изданіе, какъ *Русскій Вѣстникъ*, можетъ легче другихъ перенести всякія невзгоды; оно даже выиграетъ въ экономическомъ отношеніи, если конкурренція сдѣлается труднѣе: такъ англійскія большія газеты находили для себя выгоду въ пошлинѣ съ бумаги, и по ея отмѣнѣ чувствительно пострадали. Какъ всякій налогъ на производство тѣснитъ мелкихъ производителей и сокращаетъ конкурренцію къ выгодѣ крупнаго производства, такъ и возвышеніе пересылочной платы за періодическія изданія. Уже теперь, вслѣдствіе положенія дѣлъ выработаннаго конкурренціей, новымъ журналамъ у насъ возникать очень трудно: объ этомъ свидѣтельствуютъ неудачи многихъ затѣвавшихся и лопавшихся изданій. При новыхъ таксахъ дѣло это будетъ еще труднѣе. Конкурренція уменьшится, а вмѣстѣ съ тѣмъ понизится и общій уровень журналистики, насколько онъ зависитъ отъ экономическихъ побужденій.

Мы ничего не преувеличиваемъ. Съ изданія, которое стоитъ 15 руб. безъ пересылки, и съ котораго почта доселѣ взимала 1 р. 50 к., она предполагаетъ взимать 3 р. 75 к. Набавка—2 р. 25 коп. Если редакціи рѣшатся возложить эту набавку на публику, то изданіе стоившее 16 р. 50 к. будетъ стоить 18 р. 75 к., что для подписчиковъ очень чувствительно и должно сильно отозваться на подпискѣ. Если же редакціи возьмутъ потерю на себя, то доходъ ихъ убавится на 2 р. 25 к. съ подписчика, то-есть на сумму, которая превышаетъ чистый доходъ даже изданій считающихъ своихъ подписчиковъ тысячами.

Мы не имѣемъ ни малѣйшаго права сомнѣваться въ искренности заявленія почтовой администраціи, что въ новомъ порядкѣ разсылки изданій она видитъ новое средство къ развитію русской журналистики, а потому считаемъ себя въ правѣ предположить съ увѣренностью, что мѣра долженствующая подорвать значительную часть русской журналистики, не соотвѣтствуетъ собственнымъ видамъ министерства почтъ, и что пораженнымъ ею изданіямъ будетъ указанъ исходъ, который не только позволитъ имъ продолжать существованіе, но и улучшить ихъ положеніе.

Какой же исходъ былъ бы всего удобнѣе? Наиболѣе справедливымъ, наиболѣе обезпечивающимъ правильное развитіе журналистики и наиболѣе соотвѣтствующимъ требующемуся отъ почтъ труду считаемъ мы и теперь тотъ порядокъ, который предлагали въ 1862 году, и который вкратцѣ описанъ выше. Замѣтимъ здѣсь для предупрежденія лжетолкованій, что онъ выгоднѣе для дешевыхъ изданій чѣмъ извѣстные намъ порядки существующіе въ государствахъ западной Европы. Но мы очень хорошо понимаемъ, что теперь трудно возвращаться на мѣру уже принятую и объявленную, и что ее можно только дополнять. Съ этой точки зрѣнія удобнѣе всего представляется слѣдующее. Кромѣ разсылки газетъ чрезъ газетныя экспедиціи, у насъ допускается еще разсылка газетъ подъ бандеролью чрезъ экспедиціи посылочныя, — способъ, которымъ и нынѣ приходится иногда пользоваться. Такса за бандерольныя отправленія положена умѣренная и одинаковая для всей Россіи: 1 к. сер. за $3^{1}/_{4}$ лота. Книжка толстаго журнала въ 29 лотовъ платила бы по этой таксѣ 9 к., а за 12 книжекъ пришлось бы платить 1 р. 8 к. Къ этому способу всего естественнѣе было бы прибѣгнуть ежемѣсячнымъ изданіямъ, еслибы не было двухъ препятствій:

1. Бандерольныя отправленія по существующимъ правиламъ не должны превышать 20 лотовъ, а ежемѣсячные журналы вѣсятъ болѣе.

2. Бандерольныя отправленія раздаются какъ простыя письма, и слѣдовательно вѣрная доставка ихъ обезпечена лишь добросовѣстностью и дисциплиной почтоваго вѣдомства; если теперь то и дѣло слышатся жалобы на пропажу писемъ, то тѣмъ скорѣе должно опасаться пропажи книжекъ журнала, имѣющихъ цѣну и легко сбываемыхъ.

Вотъ препятствія, которыя могутъ быть легко устранены; для этого требовалось бы:

1. Разрѣшить пріемъ журналовъ въ качествѣ бандерольныхъ оправленій безъ ограниченія вѣса или по меньшей мѣрѣ до $32^{1}/_{2}$ лотовъ.

2. Ввести для бандерольныхъ отправленій этого рода такой же порядокъ пріема въ газетныхъ экспедиціяхъ и выдачи изъ почтовыхъ канторъ съ зачеркиваніемъ нумеровъ на билетѣ, какой введенъ для газетъ и журналовъ сдаваемыхъ безъ бандеролей и оплачиваемыхъ по новой таксѣ, при чемъ могутъ быть взыскиваемы съ редакцій и коммиссіонныя деньги, но только въ размѣрѣ болѣе умѣренномъ чѣмъ 5%. Пятипроцентная коммиссія есть совершенная несообразность по отношенію къ журналамъ. Она введена взамѣнъ обязанности редакцій отправлять свои изданія въ заклеенныхъ конвертахъ съ печатною надписью. Но доставляемая такимъ образомъ экономія не превышаетъ 8 или 10 коп. Къ тому же редакціи едвали рѣшатся сдавать экземпляры своихъ изданій совершенно открытыми и слѣдовательно доступными для чтенія прежде нежели дойдутъ до подписчика. Опытныя редакціи, надобно думать, предпочтутъ во всякомъ случаѣ заклеивать книжки своихъ журналовъ въ перекрестный бандероль, по цѣнѣ немногимъ отличающійся отъ пакета, а при этомъ порядкѣ экономія будетъ самая незначительная, около 3—4 коп. сер. И за эту экономію, по новымъ таксамъ, пришлось бы платить въ пользу почтъ по 75 коп.! Коммиссіонныя деньги должны соотвѣтствовать коммиссіонному труду: ежемѣсячныя изданія требуютъ отъ почтъ самаго ничтожнаго коммиссіоннаго труда, а потому и коммиссіонныя деньги должны быть умѣренныя. Казалось бы достаточнымъ взимать съ ежемѣсячныхъ изданій по 2% съ ихъ подписной цѣны, съ еженедѣльныхъ по 3%, а съ прочихъ по 5%.

Еслибы наконецъ и этотъ способъ оказался несогласнымъ съ видами почтоваго департамента, то можно было бы отмѣнить то изъ нынѣ существующихъ и очевидно несправедливыхъ правилъ, по которому на журналы не распространяется дарованная книгамъ льгота болѣе дешевой пересылки въ качествѣ посылокъ, а велѣно принимать журналы за товаръ. Это правило показываетъ между прочимъ, что само почтовое начальство смотрѣло на газетныя экспедиціи какъ на средство извлекать почтовый доходъ съ журналистики, а отнюдь не оказывать ей какія-либо облегченія, хотя газетныя экспедиціи были учреждены для этой послѣдней цѣли. Книгамъ дана была льгота, журналы же объявлены не книгами, а товаромъ, потому что иначе доходъ газетныхъ экспедицій потерпѣлъ бы ущербъ. Еслибъ это различіе между книгами и журналами было отмѣнено, то редакціи можетъ-быть рѣшились бы отправлять свои изданія въ видѣ посылокъ. Выгода этого способа заключалась бы въ его

вѣрности: на каждый экземпляръ каждаго нумера имѣлись бы въ редакціи росписки, и почты въ свою очередь имѣли бы въ своихъ книгахъ росписки подписчиковъ; въ случаѣ утраты экземпляра выплачивались бы деньги, соотвѣтственно страховкѣ. Но съ другой стороны этотъ способъ разсылки былъ бы неудобенъ подписчикамъ по затруднительности получать съ почты посылочныя отправленія. Вотъ почему мы думаемъ, что для журналовъ всего удобнѣе держаться бандерольныхъ отправленій и надобно ходатайствовать только о двухъ упомянутыхъ выше распоряженіяхъ.

№ 230.

Москва, 24-го октября.

Мы имѣемъ маленькіе счеты съ *St.-Petersburger Zeitung*, которые хотимъ теперь очистить. Не такъ давно эта почтенная газета припомнила, что польскіе патріоты въ своемъ катехизисѣ ставили себѣ задачею ссорить Русскихъ съ Нѣмцами, и возвѣстила, что ссору эту возбуждаемъ мы, и что мы такимъ образомъ, по глупости нашей, становимся орудіемъ польской интриги, противъ которой ратуемъ.

Но что такое ссорить Русскихъ съ Нѣмцами въ Россіи? Не тотъ ли возбуждаетъ ссору между нами, кто говоритъ: это Русскій, а это Нѣмецъ? Не тотъ ли кто поплеменно выдѣляетъ людей изъ общей семьи, и ставитъ ихъ въ противоположность къ ней? Не тотъ ли кто посреди Русскаго народа скликаетъ людей нѣмецкаго имени подъ одно знамя, и говоритъ имъ: держитесь вмѣстѣ, и чуждайтесь всего остальнаго? Не тѣ ли обманываютъ ихъ, кто говоритъ имъ, что русское національное чувство дышетъ къ нимъ ненавистію, воздвигаетъ противъ нихъ гоненія, посягаетъ на ихъ вѣру? Не тѣ ли, кто тасуя слова и понятія, какъ шулера карты, сбиваютъ съ толку умы и увлекаютъ ихъ на ложные пути?

Дѣйствительно, есть партіи, которыя стараются возбуждать племенную рознь въ Русскомъ государствѣ, противиться его органическому объединенію и вносить въ него сѣмена смуты и разложенія; дѣйствительно, есть партія, которая въ этихъ видахъ направляетъ свои усилія и на нѣмецкій элементъ въ Россіи. Наши наблюденія подтверждаютъ, что интрига, имѣющая своимъ предметомъ нѣмецкій элементъ, разыгралась въ то же самое время какъ и польская интрига; но мы полагаемъ, что мастера, дѣйствующіе во имя нѣмецкой національности, не нуждались въ польскомъ катехизисѣ для того чтобы научиться своему искусству, а, напротивъ, сами могли бы поучить Поляковъ...

Было бы безразсудно и несправедливо обвинять и польское племя въ тѣхъ злоупотребленіяхъ которыхъ оно было предметомъ и отъ которыхъ само болѣе всѣхъ страдало. Польскія населенія постоянно были отдаваемы ложною политикой во власть крамольнаго меньшинства, которое, благодаря той же политикѣ, успѣло составить изъ себя организованный заговоръ противъ России. Нѣмецкій элементъ въ Россіи, уже по своей малочисленности, не представляетъ такого простора какъ польскій для злоумышленной интриги, тѣмъ не менѣе и онъ не ушелъ отъ нея. Что касается до насъ, то чѣмъ болѣе дорожимъ мы этимъ элементомъ въ нашемъ національномъ составѣ, тѣмъ болѣе имѣемъ мы основанія негодовать на эту интригу, которая всѣми способами обмана старается оторвать полезныхъ гражданъ отъ ихъ отечества и поставить ихъ въ ложныя къ нему отношенія.

Наша дѣятельность совершается публично; каждое слово наше напечатано. Мы приглашаемъ издателя нѣмецкой Петербургской газеты, или его вдохновителей и сотрудниковъ доказать выписками изъ нашей газеты, что мы были орудіями, а не противниками этой интриги. Доказать это — значило бы доказать, что *Московскія Вѣдомости* идутъ однимъ путемъ съ *St.-Petersburger Zeitung* и *Rigasche Zeitung*.

„Фактъ неоспоримый", говоритъ *St.-Petersburger Zeitung*: „польскій катехизисъ проповѣдывалъ ненависть къ Нѣмцамъ, а *Московскія Вѣдомости* до крайности слѣдуютъ этому ученію.... Вотъ „фактъ", восклицаетъ нашъ обличитель, „*Московскія Вѣдомости* не въ состояніи опровергнуть его!"

Московскія Вѣдомости не нуждаются въ опроверженіи небылицы, которая касается ихъ; но онѣ считаютъ нелишнимъ обличить обманъ имѣющій общее значеніе.

Ненависть къ Нѣмцамъ! Къ какимъ же Нѣмцамъ? Вообще или только къ нѣкоторымъ? Еслибы, напримѣръ, оказались между

Нѣмцами люди, которые сами дѣйствуютъ по катехизису такому же, какъ польскій, то не думаетъ ли издатель *St.-Petersburger Zeitung*, что мы должны радѣть и такимъ, потому только что они родомъ изъ Швабіи или Вестфаліи?

Что же касается нѣмецкаго элемента вообще, то кому можетъ придти въ голову блажная мысль ни за что, ни про что возбуждать къ нему ненависть? Изъ какихъ побужденій могли бы мы дѣлать это? Всѣ наши усилія были направлены противъ того, что можетъ возбуждать племенную рознь въ нашемъ отечествѣ. Не мы ли, вопреки грубымъ предразсудкамъ и фальшивымъ ученіямъ, постоянно доказывали, пользуясь всякимъ случаемъ, что племенное происхожденіе ничего не значитъ въ вопросѣ о національности, и что званіе Русскаго равно принадлежитъ всѣмъ, кому Россія есть отечество и кто пользуется въ ней правами полнаго гражданства? Не мы ли постоянно оспаривали тѣхъ, кто пытался разбирать Россію по племенамъ, или насчитывалъ въ ней столько же особыхъ національностей, сколько имѣется въ ней религій? Программа, которой мы слѣдовали въ нашихъ воззрѣніяхъ, есть законъ исторіи. Ни одна политическая нація въ мірѣ не есть только расплодившееся племя; вездѣ національность есть творческая комбинація исторіи. Начало Рускаго государства въ этомъ отношеніи представляетъ фактъ особенно знаменательный. Руский народъ въ самомъ началѣ сложился изъ самыхъ разнородныхъ племенъ, и въ числѣ ихъ былъ и германскій. Въ продолженіе всей исторіи нашего народа, въ составъ его входили, то путемъ территоріальныхъ присоединеній, то переселеніями, множество разнородныхъ племенныхъ началъ, и изъ нихъ, приходящіе съ запада тѣмъ цѣннѣе для насъ, чѣмъ болѣе народъ нашъ, по своему положенію между Европой и Азіей, вынужденъ принимать въ себя элементы азіатскіе. Мы не желаемъ, чтобы элементы, притекающіе въ нашъ національный составъ изъ Европы, обезличивались и уничтожались; напротивъ, въ интересѣ нашего національнаго развитія желательно, чтобъ они удерживали свои качества, но обращали ихъ въ достояніе народа, принимающаго ихъ въ свой составъ. Государственное единство не только не исключаетъ, но напротивъ условливаетъ всякое разнообразіе въ бытѣ, обычаяхъ, складѣ мысли. Программа русской національной политики должна быть также широка какъ и Россія. Русская національность, какъ и всякая націанальность заслуживающая это имя, не требуетъ, чтобы всѣ живущія на ея территоріи населенія были одного племеннаго происхожденія, и не должна требовать чтобы всѣ они были одной вѣры. Вѣротерпимость есть законъ всѣхъ цивилизованныхъ государствъ; вѣротерпимость есть издавна законъ и для Россіи, и надобно только, чтобы законъ этотъ въ Россіи вполнѣ соотвѣтствовалъ своему назначенію, чтобы онъ служилъ къ соединенію, а не къ расторженію, къ укрѣпленію ея единства, а не къ ослабленію, какъ это было до сихъ поръ. Нельзя, безъ величайшаго насилія *требовать*, чтобы всѣ люди въ дѣлахъ вѣры мыслили одинаково. Если самое основное правило цивилизованнаго человѣческаго общежитія воспрещаетъ насильственныя привлеченія разномыслящихъ къ церковному единству, то право національности не можетъ быть поставлено въ зависимость отъ вопроса церковнаго. Полноправнымъ гражданамъ русскаго государства нельзя отказывать въ званіи Русскихъ, хотя бы они не принадлежали къ господствующей въ Россіи церкви, стало-быть нельзя отказывать и въ правѣ на руссkій языкъ для ихъ религіозныхъ потребностей, что къ сожалѣнію дѣлалось у насъ по преданію отъ временъ грубой и въ наше время положительно опасной политики.

Никто болѣе насъ не отдаетъ справедливости германскому элементу. Мы рады мирнымъ переселенцамъ. Но нельзя допустить, чтобы къ намъ приходили завоеватели съ притязаніями на власть и съ презрѣніемъ къ народу принимающему ихъ въ свои нѣдра. Какого бы ни были происхожденія русскіе граждане, они не должны имѣть иное отечество кромѣ Россіи. Нельзя требовать чтобы всѣ были ревностными русскими патріотами, но слѣдуетъ требовать, чтобы русскіе подданные не имѣли иного патріотизма кромѣ русскаго. Государственное единство допускаетъ широкій просторъ для всякаго разнообразія, но оно не можетъ терпѣть никакихъ государствъ въ государствѣ, и не можетъ допускать, чтобы какія бы то ни были части страны могли организоваться въ смыслѣ особыхъ политическихъ національностей. Единое государство значитъ единая

нація. Въ какомъ бы изобиліи Россія ни принимала нѣмецкій или иной элементъ въ свои нѣдра, она можетъ принимать его какъ людей, которые признаютъ въ ней свое отечество и имѣютъ право на всю ту свободу, которая гарантируется ея законами; но нельзя ожидать, чтобы Россія разступалась предъ нашествіемъ чуждой націи, которая вторгалась бы въ ея предѣлы съ притязаніемъ имѣть въ ней свою особую организацію.

Никто болѣе насъ не желаетъ процвѣтанія нѣмецкаго языка въ нашихъ школахъ; никакой языкъ, а тѣмъ паче нѣмецкій, самъ по себѣ не можетъ быть предметомъ нашей ненависти. Мы высоко цѣнимъ нѣмецкій языкъ какъ органъ науки. Мы не имѣемъ ни малѣйшей причины ненавидѣть и языкъ польскій, столь родственный нашему. Не будь польскій языкъ символомъ національныхъ преданій и стремленій несовмѣстныхъ съ бытіемъ Россіи, не было бы никакого основанія принимать мѣры противъ его *свободнаго* употребленія, и мы были бы рады еслибы даже онъ былъ предметомъ изученія въ московскихъ школахъ. Но мы утверждаемъ что въ Россіи никакой языкъ, кромѣ русскаго, не можетъ имѣть политическаго значенія, то-есть быть *обязательнымъ* органомъ какого бы то ни было общественнаго отправленія. Вся сила вопроса заключается въ томъ, чтобы не стѣсняя свободы лицъ, въ то же время не давать никакому языку или учрежденію, кромѣ языка и учрежденій Русскаго государства, власти надъ людьми, и не допускать чтобъ они были необходимостью для нихъ. Дабы поставить въ ложное къ Россіи отношеніе какой-либо изъ вошедшихъ въ составъ ея элементовъ, стоитъ только возвесть его въ обязательный органъ какой бы то ни было общественной сферы и вдохнуть въ него притязаніе быть объединяющимъ національнымъ началомъ. Кто дорожитъ государственнымъ единствомъ Россіи, то-есть самою основой ея бытія и развитія, тотъ не можетъ равнодушно видѣть какъ интрига усиливается отравить то одинъ, то другой племенной элементъ въ составѣ нашего народа притязаніемъ на особую организацію. Мы считали своимъ долгомъ быть противниками и обличителями этой интриги, чего бы она ни касалась и гдѣ бы ни обнаруживала свое дѣйствіе. Всякій просвѣщенный и благомыслящій человѣкъ пойметъ, что мы не могли не протестовать противъ всякаго политическаго значенія, которое придается въ Россіи и нѣмецкому элементу. Но это, повторимъ, отнюдь не значитъ, чтобы мы были непріязненно расположены къ нему. Выдавать насъ за это врагами нѣмецкаго элемента могутъ только политическіе фокусники.

Мы могли бы представить цѣлый рядъ выписокъ изъ нашей газеты за всѣ годы ея изданія подъ нашею редакціей, въ доказательство того какъ мало подаемъ мы повода выдавать насъ за ненавистниковъ всего нѣмецкаго. Не въ Германіи ли искали мы образцовъ, когда рѣчь шла о преобразованіи нашей учебной системы? Не мы ли явились горячими защитниками нѣмецкаго элемента въ нашей Академіи Наукъ, когда она была предметомъ пререканій въ нашей печати? Когда рѣчь шла о какихъ бы то ни было правахъ и интересахъ, дѣлали ли мы различіе между честными русскими подданными, какого бы они ни были происхожденія? Протестовали ли мы хоть однимъ словомъ, когда по случаю возбужденнаго вопроса о правѣ пріобрѣтенія земель въ западномъ краѣ, за жителями балтійскихъ провинцій, которыхъ интрига именуетъ Нѣмцами, признано это право именно въ качествѣ лицъ *русскаго происхожденія* протестантскаго исповѣданія?

Точно также мы можемъ шагъ за шагомъ прослѣдить дѣйствія крамольной интриги съ той поры, какъ мы находимся на нашемъ наблюдательномъ посту. Еще Россія не успѣла отдохнуть отъ потрясенія причиненнаго ей польскими смутами въ 1863 году, какъ въ Ригѣ, въ церкви Св. Павла, предъ собраніемъ всего лифляндскаго дворянства, высшимъ духовнымъ лицомъ, было сказано сильное слово о священномъ якобы долгѣ лежащемъ на потомкахъ Меченосцевъ спѣшить германизаціей мѣстныхъ населеній, эстонскихъ и латышскихъ. Не можетъ быть ничего умѣреннѣе и осторожнѣе той протестаціи, которую тогда сочли мы своимъ долгомъ сдѣлать противъ этого страннаго поученія. И что же? Здѣсь, въ самой Москвѣ, должны мы были выслушать отъ другаго духовнаго лица той же церкви сердитую отповѣдь на наши скромныя замѣчанія, причемъ дано было намъ выразумѣть, что лица нѣмецкаго происхожденія причисляющія себя къ Русскимъ заслуживаютъ презрѣнія, — ученіе, которое потомъ въ самыхъ

рѣзкихъ выраженіяхъ повторялось въ газетѣ вестфальскаго патріота. Мы старались утѣшать себя и публику тѣмъ, что идеи, высказанныя докторомъ Вальтеромъ, суть только его личное мнѣніе, не встрѣчающее въ краѣ ни симпатіи, ни отзыва; но *Рижская Газета*, издаваемая подъ цензурой и подъ рукой губернскихъ властей, громогласно заявляла, когда докторъ Вальтеръ былъ смѣненъ, что онъ выражалъ общее чувство всего края.

Весною 1864 года мы были свидѣтелями страннаго зрѣлища. Двѣ нѣмецкія газеты, одна въ Ригѣ, другая въ Дерптѣ, одна выдававшая себя представительницей городскихъ сословій, другая говорившая гордымъ и величавымъ тономъ отъ имени рыцарства, *Rigasche Zeitung* и *Dorpater Tagesblatt*, вели между собою переговоры о переустройствѣ трехъ балтійскихъ провинцій. Велись эти переговоры такъ какъ бы Россія была при послѣднемъ концѣ своемъ и какъ бы не предполагалось въ ней ни единаго человѣка, который былъ бы въ состояніи выразумѣть тотъ слегка прикровенный, впрочемъ совершенно ясный способъ выраженія, который употребляли обѣ договаривавшіяся стороны. Дѣло шло о томъ, чтобъ условиться въ обширныхъ и глубокихъ преобразованіяхъ, которымъ долженъ, по мнѣнію обѣихъ партій, подвергнуться Балтійскій край въ виду обстоятельствъ.... Оставаться при прежнихъ порядкахъ оказывалось невозможнымъ. Требовалось существенно измѣнить положеніе дѣлъ и двинуть ихъ сильною рукой впередъ. Въ какую же сторону? Сословный принципъ, господствовавшій въ этомъ краѣ, предполагалось замѣнить національнымъ. Какая же національность имѣлась въ виду? Предполагалось, вмѣсто права привилегированныхъ сословій, поставить въ балтійскомъ краѣ право германской національности. Предполагалось, съ одной стороны, вывести привилегированныя сословія изъ ихъ разобщенности и соединить ихъ въ общую политическую организацію, а съ другой—составить въ одно государственное тѣло всѣ три балтійскія губерніи. Предполагалось, чтобы вмѣсто дворянскихъ собраній, пользующихся въ томъ краѣ особыми правами, возвысилось одно общее для всего края представительное собраніе, одинъ *Landtag*, гдѣ бы, въ возможной равномѣрности, были представлены совокупно и городскіе, и рыцарскіе (подъ именемъ земскихъ) интересы, и который имѣлъ бы уже не сословный, а національно-германскій характеръ. Требовалось, чтобы „совокупное представительство городовъ и земства, *von Stadt und Land* имѣло мѣсто, съ одной стороны, „въ уѣздныхъ собраніяхъ, съ другой—на „общемъ сеймѣ трехъ провинцій" (*Dorpater Tagesblatt*, отъ 15-го мая 1864 г.). Отъ дворянства требовалось, чтобъ оно, не дожидаясь какихъ-либо вынуждаемыхъ временемъ нововведеній со стороны правительства Россіи, поспѣшило само взять въ руки дѣло прогресса, съ тѣмъ чтобы повернуть его не къ Россіи, а отъ Россіи, и совершить посредствомъ этихъ реформъ то, чего до сихъ поръ не смогла сдѣлать исторія многихъ вѣковъ, то-есть объединить разноплеменныя населенія края въ символѣ національности германской. Требовалось, чтобы дворянство поступилось своими политическими преимуществами въ пользу нѣмецкаго элемента, и придало ему значеніе націи; требовалось чтобы дворянство всему что есть въ этомъ краѣ *de facto* нѣмецкаго дало участіе въ тѣхъ почти верховныхъ правахъ, которыми оно доселѣ пользовалось.

Спрашивается, что должны были дѣлать мы, присутствуя при подобныхъ переговорахъ и пользуясь правомъ публичнаго слова? Должны ли мы были прикинуться, что ничего не понимаемъ? Должны ли мы были оставаться равнодушными въ виду вопросовъ столь существенныхъ для Россіи? Пользуясь правомъ публичнаго слова, мы въ ту же силу чувствуемъ на себѣ обязанность, вписанную въ совѣсть каждаго русскаго гражданина, заботиться о пользахъ государства. Въ статьяхъ нашихъ, которыя можно упрекнуть во всемъ, только не въ неумѣренности или притязательности,—въ статьяхъ проникнутыхъ доброжелательствомъ и уваженіемъ ко всѣмъ законнымъ правамъ и интересамъ, поскольку они сами не становятся въ противорѣчіе съ высшими въ іерархическомъ порядкѣ правами и интересами, мы высказались объ этихъ странныхъ предположеніяхъ и раскрыли основы этой программы обсуждавшейся публично. Что развивалось по-нѣмецки и съ національно-германской точки зрѣнія, то мы передавали по-русски и обсуждали, конечно, съ русской точки зрѣнія. Насъ за это обозвали сикофантами. Насъ хотѣли принудить къ молча-

нію ожесточенными нападками; насъ пытались склонять къ молчанію лаской и лестью. Прошедшее нашей газеты свидѣтельствуетъ, что мы не поддались ни тому, ни другому, и продолжали дѣлать, по крайнему разумѣнію, то въ чемъ видѣли долгъ свой. Главная же сила нашей аргументаціи основывалась на убѣжденіи, которое мы постоянно высказывали,—что всѣ эти замыслы, направленные къ тому чтобъ обмануть Россію, прежде старались обмануть общественное мнѣніе края. Мы не только не хотѣли обвинять въ этихъ замыслахъ мѣстное дворянство, но каждый разъ со всею энергіей, къ какой только были способны, старались свидѣтельствовать объ отсутствіи всякой солидарности между здравомыслящимъ большинствомъ и крамольною агитаціей, которая пользовалась всякимъ случаемъ чтобы спутывать понятія и плодить недоразумѣнія между Россіей и ея балтійскою окраиной. Наши мнѣнія подвергались въ нѣмецкой печати систематическому искаженію, и насъ выставляли Тамерлановскою ордой. Чѣмъ умѣреннѣе и доброжелательнѣе старались мы высказываться, тѣмъ болѣе злобствовала противъ насъ интрига и тѣмъ дѣятельнѣе старалась она ославить насъ то какими-то безсмысленными врагами края, то демагогами и коммунистами. Знаменитый г. фонъ-Бокъ дошелъ, наконецъ, до того, что иначе не называетъ издателей *Московскихъ Вѣдомостей*, какъ Робеспьеромъ и Сенъ-Жюстомъ.

Впрочемъ, еслибы дѣло касалось только насъ лично, то никакой бѣды не было бы отъ того что интрига представляла наши мнѣнія въ превратномъ видѣ и извлекала ядъ изъ каждаго нашего слова. Несравненно важнѣе то, что она, пользуясь разными предубѣжденіями и предразсудками, укоренившимися въ Балтійскомъ краѣ, недоразумѣніями, ошибками и увлеченіями нѣкоторыхъ, успѣла до извѣстной степени овладѣть общественнымъ мнѣніемъ въ болѣе или менѣе обширныхъ кругахъ, и направить его соотвѣтственно своимъ видамъ. Успѣхи крамолы были тѣмъ понятнѣе, что ею руководили лица не безъ значенія и вліянія. Мы не намѣрены заглядывать за кулисы, но не можемъ не припомнить, что читали въ мѣстныхъ газетахъ статьи офиціальнаго происхожденія, которыя, своимъ очевиднымъ направленіемъ, повергали насъ въ крайнее недоумѣніе...

Но довольно. Мы не хотимъ рыться въ недавнемъ прошедшемъ. Да и къ чему припоминать то что у всѣхъ еще свѣжо въ памяти? Лучше смотрѣть впередъ съ увѣренностію, что прискорбныя недоразумѣнія, обложившія этотъ столь дорогой Россіи край туманомъ, прекратятся, и никто болѣе насъ не желаетъ, чтобъ они прекратились. Мы также желаемъ, чтобы реформы, въ которыхъ край этотъ нуждается, были дѣломъ мѣстной иниціативы; но мы полагаемъ, что никто не поставитъ намъ въ вину, если мы прибавимъ, что эти реформы должны клониться къ тому, чтобы царственное слово, сказанное въ прошломъ году въ Ригѣ, о единой русской семьѣ, стало живою правдой и непререкаемою дѣйствительностію.

№ 231.

Москва, 25-го октября.

А.

Рѣчь, которую г. фонъ-Бейстъ произнесъ недавно въ военной коммиссіи и дѣйствіе которой постарался возвысить полуоткровеніями и таинственными умолчаніями, является, судя по всему, новымъ доказательствомъ неисцѣлимыхъ честолюбивыхъ затѣй этого министра, весьма удачно характеризуемаго французскою игрой словъ: „c'estplus qu'unohomme d'état, c'est un homme dans tous les états."

Официальнаго текста этой рѣчи нѣтъ нигдѣ, хотя ее комментируютъ всѣ газеты, и потому трудно опредѣлить ея дѣйствительное содержаніе; но о немъ можно составить приблизительное понятіе, сообразивъ показанія двухъ пользующихся наибольшимъ авторитетомъ офиціозныхъ органовъ Вѣнскаго кабинета.

По увѣренію *Neue Freie Presse*, г. фонъ-Бейстъ въ короткихъ словахъ сказалъ слѣдующее: Усилія Австріи направлены къ сохраненію мира, но успѣшность этихъ усилій не отъ нея зависитъ. Въ наилучшихъ отношеніяхъ находится она ко Франціи и Англіи; она также въ дружбѣ и съ Италіей... Что касается Пруссіи, то г. фонъ-Бейстъ попрежнему полагаетъ, что Австріи не слѣдуетъ питать никакой мысли о мести. Равномѣрно Австрія старается *установить добрыя отношенія къ Россіи.*

Но въ глазахъ многихъ самая непростительная вина Австріи якобы состоитъ въ томъ, что она *существуетъ*. Предусматривая вѣроятность столкновенія Пруссіи съ Франціей, Австрія должна быть вооружена какъ для того чтобы заставить уважать свой нейтралитетъ, такъ и для того чтобъ остановить *другія державы*, которыя, можетъ-быть, вздумаютъ напасть на нее.

Въ *Wiener Tageblatt* сказано почти то же, только съ кое-какими оттѣнками, которыхъ значеніе не трудно уловить. По словамъ этой газеты, г. фонъ-Бейстъ сказалъ, что Австрія хочетъ сохранить за собою полную свободу дѣйствія, что она не имѣетъ никакой затаенной мысли, не питаетъ никакого чувства мести. Потомъ, заявивъ съ непоколебимою отвагой, которой официальныя свидѣтельства мы видѣли въ австрійской *Красной Книгѣ* прошлаго года будто по поводу Люксембургскаго дѣла миръ былъ сохраненъ только благодаря дипломатическимъ подвигамъ Австріи, г. фонъ-Бейстъ возвѣстилъ, что отношенія Австріи къ Англіи и Франціи, съ которыми имперію Габсбурговъ соединяютъ общіе интересы столь же многочисленные, какъ и важные, запечатлѣны дружбой самою искреннею. Со стороны Пруссіи, по словамъ канцлера Австрійской имперіи, въ прошломъ году были сдѣланы *предложенія союза;* къ чему г. фонъ-Бейстъ присоединилъ исполненное любезности замѣчаніе, „что Австрія охотно будетъ ждать доказательствъ дружелюбнаго сближенія.“ Относительно Россіи, австро-саксонскій государственный мужъ не только не прибѣгаетъ къ любезностямъ, но еще съ досадой плохо-скрываемою говоритъ слѣдующее: „Что касается до отношеній къ Россіи, то хотя они и дружественны, однако не безъ нѣкоторой холодности“.

Весьма не трудно понять цѣль этихъ двухъ версій. Первая, то-есть версія газеты *Neue Freie Presse*, назначена для Тюльерійскаго кабинета, и въ этомъ-то смыслѣ рѣчь г. фонъ-Бейста будетъ принята въ Парижѣ. Обѣщаніе „остановить, въ случаѣ столкновенія Франціи съ Пруссіей, другія державы, которыя покусились бы нарушить нейтралитетъ,“ очевидно внушено желаніемъ удружить Франціи и облегчить для нея рѣшеніе начать войну. Вторая же версія, въ *Wiener Tageblatt*, назначена для Берлинскаго кабинета, котораго бдительность г. фонъ-Бейсту желалось бы усыпить, и потому ему любезно сказано мимоходомъ, что Австрія охотно будетъ ждать со стороны Пруссіи доказательствъ дружелюбнаго сближенія.

Все это можетъ, пожалуй, показаться очень тонкимъ и искуснымъ. Можетъ-быть это есть верхъ дипломатической ловкости, но мы профаны видимъ тутъ лишь одинъ изъ тѣхъ маневровъ, которые обыкновенно обращаются противъ своихъ виновниковъ.

Каково бы ни было внутреннее достоинство этой новой импровизаціи г. фонъ-Бейста, сообразивъ обѣ официозныя версіи ея, мы можемъ извлечь изъ нихъ слѣдующіе выводы:

Пагубную для своихъ финансовъ необходимость имѣть войско въ 800.000 чел. Вѣнскій кабинетъ оправдываетъ преимущественно холодными отношеніями своими къ Россіи, въ глазахъ которой самая непростительная вина Австріи состоитъ въ томъ что она *существуетъ*. Вѣнскій кабинетъ считаетъ столкновеніе Франціи съ Пруссіей неизбѣжнымъ, и обязывается заставить другія державы уважать нейтралитетъ. Наконецъ, въ одномъ мѣстѣ пересказа сообщеннаго въ *Neue Freie Presse*, которое мы опустили, съ тѣмъ чтобъ обратить на него особенное вниманіе, г. фонъ-Бейстъ имѣлъ неосторожность предувѣдомить міръ, что „*венгерскому ландверу придется первому вступить въ дѣло*, ибо „всѣмъ извѣстно, что Дунайскія Княжества въ настоящее время составляютъ „большой арсеналъ,“ то-есть, говоря прямо, Австрія имѣетъ надобность въ 800.000 солдатахъ, дабы завладѣть Дунайскими Княжествами, какъ скоро вспыхнетъ война между Франціей и Пруссіей.

Что касается холодности отношеній между Россіей и Австріей, то въ этомъ мы отнюдь не станемъ противорѣчить г. фонъ-Бейсту.

Но съ другой стороны первенствующій министръ Австріи, кажется, очень ошибается, утверждая будто въ глазахъ Россіи самая непростительная вина Австріи есть та, что она существуетъ. Австрія надѣлала такъ много ошибокъ, что было бы очень затруднительно рѣшить, которая изъ нихъ самая непростительная: политика ли ея въ 1854 году, разъединившая съ нею Россію, или политика 1859 года, стоившая ей Ломбардіи? Походъ ли въ Шлезвигъ, такъ хорошо обдѣлавшій дѣла Пруссіи?

Политика ли 1866 года, вслѣдствіе которой Австрія лишилась Венеціанской области и подверглась пораженію при Кениггрецѣ? Возведеніе ли г. фонъ-Бейста на чреду перваго министра имперіи? Двусмысленное ли положеніе, принятое ею въ настоящее время между Франціей и Пруссіей? Система ли дуализма, попытки ли въ пользу Поляковъ, припоръ ли Славянъ къ стѣнѣ? Наконецъ, не сама ли эта рѣчь г. фонъ-Бейста, о которой мы ведемъ теперь рѣчь?

Рѣшить эти вопросы намъ было бы трудно, но мы можемъ неколеблясь утверждать, что самою непростительною, самою пагубною изъ попытокъ, на какія Австрія могла бы отважиться, было бы покушеніе двинуть, какъ въ рѣчи г. фонъ-Бейста намекается, „венгерскій ландверъ" для завладѣнія Дунайскими Княжествами или какою-либо частью восточной территоріи.

Послѣдствія этой ошибки были бы столь же важны какъ и немедленны. Въ этомъ случаѣ Австрійская имперія освободилась бы отъ упрека въ той, впрочемъ извинительной, ошибкѣ, что она существуетъ, ибо тогда она положила бы конецъ своему существованію самоубійствомъ.

Б.

Въ №№ 114 и 115 *Виленскаго Вѣстника* помѣщены интересныя статьи *О народныхъ нѣмецкихъ школахъ въ Ковенской губерніи*, гдѣ, какъ извѣстно, не имѣется никакого нѣмецкаго сельскаго люда, для котораго требовались бы народныя школы. Оказывается, что нѣмецкія школы Ковенской губерніи учреждены для мѣстнаго литовскаго населенія лютеранскаго и реформатскаго исповѣданій. Извѣстно, что на Жмуди, во времена Радзивилла Чернаго, и преимущественно благодаря его покровительству, протестантизмъ сдѣлалъ большіе успѣхи. Въ послѣднее пятидесятилѣтіе число протестантовъ въ Ковенской губерніи незамѣтнымъ образомъ размножилось, и нынѣ состоитъ въ этой губерніи 40.039 душъ лютеранъ и 9.046 реформатовъ, принадлежащихъ, за исключеніемъ городовъ, единственно къ литовскому племени.

При церквахъ и молитвенныхъ домахъ лютеранскаго и реформатскаго исповѣданій содержатся въ Ковенской губерніи 22 лютеранскія и 7 реформатскихъ школъ, и на каждую изъ нихъ приходится 1.508 прихожанъ обоего пола, между тѣмъ какъ каждое русское народное училище приходится на 5.990 душъ населенія.

Настоятели лютеранскихъ и реформатскихъ церквей пользуются ничѣмъ неограниченнымъ правомъ открывать училища по личному усмотрѣнію, причемъ училища ихъ имѣютъ исключительное право на совершенно безконтрольную свободу обученія, что не предоставлено закономъ никому, не только въ Россіи, но и въ Германіи. Составъ учащихъ, выборъ ихъ, предѣлы, способы и направленіе обученія совершенно зависятъ отъ мѣстныхъ пасторовъ.

Свидѣтельствуя о такихъ исключительныхъ правахъ, предоставленныхъ протестантскимъ пасторамъ официальная газета доказываетъ, что права эти существуютъ болѣе въ силу обычая, нежели въ силу закона.*) На официальные запросы учебнаго вѣдомства протестантскіе настоятели не могли дать положительныхъ отвѣтовъ о томъ, съ чьего именно разрѣшенія существуютъ ихъ школы, и путались въ толкованіяхъ. А между тѣмъ вотъ что сообщаетъ газета Виленскаго учебнаго округа:

„Реформатскія школы обязательно учатъ, „смотря по племенному составу прихожанъ, „мѣстами по-литовски, мѣстами и по-латышски..."

*) Лютеранскія и реформатскія вѣроисповѣданія обязываютъ конфирмандовъ знать катехизисъ. Въ прежнее время правительство неоднократно выражая свою заботливость о народномъ образованіи въ тѣсномъ смыслѣ слова, не принимало для него рѣшительныхъ мѣръ. Отсюда сама собою ложилась на пасторовъ обязанность готовить дѣтей къ конфирмаціи. Отсюда истекли ст. 164, 165 и 167 Св. зак. т. XI уст. ин. исп., коими законодательство не только поощряетъ, но и обязываетъ готовить конфирмандовъ. Въ этихъ же статьяхъ, по точному смыслу ихъ, предрѣшены и предѣлы обученія въ наименьшей крайности. Правда, подобное предрѣшеніе не исключаетъ болѣе широкихъ предѣловъ обученія, но и не обусловливаетъ необходимости особенныхъ школъ тамъ, гдѣ уже есть правительственныя училища. Это очевидно изъ сопоставленія 322 ст. того же тома Св. Зак. съ предыдущими. Въ 322 ст. мы читаемъ прямо: „проповѣдники должны тщательно *посѣщать* сельскія школы и наблюдать за религіознымъ образованіемъ юношества какъ въ школахъ, такъ вообще и въ приходахъ своихъ." Собственно говоря въ цѣломъ XI т. Св. Зак. нѣтъ никакого намека на необходимость особенныхъ школъ. Изъ сопоставленія приведенныхъ статей изъ XI и XII т. Св. Зак. очевидно, что отдѣльныя школы допускаются только тамъ, гдѣ нѣтъ никакихъ другихъ училищъ, и, наоборотъ, тамъ, гдѣ уже есть правительственныя училища, „проповѣдники обязаны тщательно *посѣщать* сельскія школы" (тоже ст. 322).

„тыщски (по преимуществу въ буквахъ „латинскаго или нѣмецкаго алфавита), и „только желающихъ обучаютъ по-нѣмецки „и по-русски. Обученіе русскому языку „стоитъ на степени попытки научить, по „крайней мѣрѣ, процессу чтенія и писа„нія безъ пониманія читаемаго и написан„наго, потому что сами учители, по боль„шей части органисты и канторы, не го„ворятъ и не понимаютъ по-русски. Что „же касается до лютеранскихъ школъ, то „въ нихъ всюду учатъ *исключительно на „нѣмецкомъ языкѣ*, и изъ всѣхъ 22 учи„лищъ едва ли въ десяти, по преимуще„ству въ городскихъ, обучаютъ *механи„ческому* чтенію и письму по-русски."

При училищахъ распродаются по неимовѣрно дешевой цѣнѣ книги Новаго Завѣта на *прусско-литовскомъ нарѣчіи*, и въ нѣмецкихъ буквахъ. Учебники, въ нихъ употребляемые, привозятся большею частію изъ Пруссіи; учителя, по крайней мѣрѣ въ послѣднія пять лѣтъ, тоже призываются изъ-за границы, причемъ замѣчено, что не только иностранцы новые учителя, но и тѣ кистеры, которые служатъ около тридцати лѣтъ, не понимаютъ по-русски. Вслѣдствіе преподаванія по прусскимъ учебникамъ, а также и того обстоятельства, „что болѣе половины на„ставниковъ состоятъ въ иностранномъ „подданствѣ, дѣти знакомятся изъ чтенія „и разказовъ съ исторіею и географіею „не Россіи, но Пруссіи и вообще Герма„ніи, и, за двумя-тремя исключеніями, не „знаютъ имени не только государства, въ „которомъ живутъ, но и Государя Импе„ратора."

Мирныя побѣды германизма, одерживаемыя нѣмецкими ковенскими школами, уже выразились замѣчательною исторіей Таурогенской школы, о коей *Виленскій Вѣстникъ* повѣствуетъ такъ:

„Во второй половинѣ XVIII ст. въ этомъ уѣздѣ была всего одна лютеранская церковь въ м. Таурогенѣ. Таурогенской школѣ посчастливилось устроить семь пришколковъ, въ м. Новомъ мѣстѣ, въ городѣ Россіенахъ, въ мм. Скавдиляхъ, Жвирахъ, Шиделяхъ и Юрбургѣ, а въ 1852 году въ м. Швекшняхъ. Мало-по-малу при этихъ пришколкахъ увеличилось число лютеранъ какъ переселенцами изъ Пруссіи, *такъ и новыми адептами изъ мѣстныхъ Литовцевъ*. При увеличившемся числѣ прихожанъ устроены были и молитвенные дома, или филіальныя церкви: въ 1814 г. построена такая церковь въ Новомъ мѣстѣ, въ 1818 году въ Россіенахъ, въ 1827 г. въ Скавдиляхъ, около того же времени въ Жвирахъ и Шиделяхъ, въ 1851 г. въ Юрбургѣ и въ 1852 г. въ м. Швекшняхъ. Въ настоящее время число прихожанъ этихъ филіальныхъ церквей настолько увеличилось, что уже послѣдовало разрѣшеніе министерства внутреннихъ дѣлъ на образованіе новыхъ отдѣльныхъ приходовъ въ городѣ Россіенахъ, въ м. Новомъ мѣстѣ и, какъ слышно, въ Жвирахъ. Само собою очевидно, что большинство прихожанъ составилось изъ Литовцевъ перешедшихъ *изъ католицизма въ лютеранство*. Большая часть переходовъ совершилась въ теченіи послѣднихъ тридцати и никакъ не болѣе пятидесяти лѣтъ. Оказавъ столь значительную услугу распространенію лютеранства, Таурогенская школа стала развиваться какъ школа. Съ теченіемъ времени она обратилась въ двухкласную и въ настоящее время обучаетъ 128 мальчиковъ и 106 дѣвочекъ, а всего 234 учащихся. Въ предшествующіе годы, то есть въ 1864, 1865 и 1866, она имѣла по 273 учащихся обоего пола *). Чтобъ увеличить успѣхи учащихся въ этомъ училищѣ, понадобились приготовительныя училища, или пришколки. Такихъ, начиная съ 1864 года, образовано было шесть въ шести деревняхъ, расположенныхъ вокругъ мѣстечка Таурогена въ разстояніи отъ 3-хъ до 8-ми верстъ. Такимъ образомъ таурогенское училище въ теченіе времени постепенно развивалось *въ цѣлую систему* училищъ, чрезъ нихъ распространило *знаніе нѣмецкаго языка*, обусловило построеніе филіальныхъ церквей и учрежденіе новыхъ лютеранскихъ приходовъ, а подъ конецъ окружило себя цѣлымъ кольцомъ приготовительныхъ школъ."

Вновь образуемые Таурогенскою школой Нѣмцы вербовались ею изъ чисто-жмудскаго населенія.

Иностранный характеръ протестантскихъ школъ Ковенской губерніи не замедлилъ поставить ихъ настоятелей въ антагонизмъ къ русскимъ народнымъ школамъ учебнаго вѣдомства:

„За немногими исключеніями, какъ въ городахъ, такъ и мѣстечкахъ, и особенно

*) Больше нежели въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ Виленскаго учебнаго округа.

въ Россіенскомъ уѣздѣ, ни пасторы или „проповѣдники,“ ни кистеры и органисты ихъ не считаютъ себя обязанными „тщательно посѣщать“ эти училища. На письменныя просьбы о томъ они обыкновенно довольствовались молчаніемъ, или даже прямо заявляли требованіе, *чтобъ ученики приходскихъ и народныхъ училищъ посѣщали церковныя училища*.... Короче, училищное начальство не могло согласить гг. пасторовъ *посѣщать* народныя училища для преподаванія закона Божія лютеранскаго и реформатскаго вѣроисповѣданія; если же имъ намекалось о правѣ требовать такого посѣщенія, то на это они давали замѣтить, *что училища зависятъ отъ г. пасторовъ*, а гг. пасторы состоятъ въ распоряженіи своего іерархическаго начальства и министерства внутреннихъ дѣлъ. Какъ бы въ доказательство независимости отъ министерства народнаго просвѣщенія и зависимости отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, одинъ извѣстный намъ канторъ, не состоя ни въ какой другой штатной службѣ, носитъ иногда *форменный полукафтанъ* сего послѣдняго министерства. Отвѣтами въ приведенномъ смыслѣ совершенно устранялось непосредственное участіе училищнаго начальства въ школахъ при лютеранскихъ и реформатскихъ церквахъ.“

№ 232.

Москва, 26-го октября.

Можно подумать, что Европа до такой степени опросталась отъ электричества, такъ раздѣлалась со всякими вопросами и затрудненіями и погрузилась въ такое глубокое затишье, что малѣйшій шорохъ обращаетъ на себя общее вниманіе, лишь бы только чѣмъ-нибудь занять время и прогнать дремоту. Но можно подумать и то, что въ Европѣ все до такой степени напряжено и заряжено, что не надобно бросать искры, а довольно плеснуть водою, чтобы встревожить всѣхъ опасеніями взрыва и пожара. Въ *Journal de St.-Pétersbourg* недавно была напечатана, въ видѣ письма въ редакцію, весьма обширная статья о современномъ положеніи дѣлъ въ Европѣ, подъ заглавіемъ: *Война или миръ?* Трудно представить себѣ что-либо умѣреннѣе и миролюбивѣе тона этой статьи. Авторъ обозрѣваетъ всѣ части Европы и нигдѣ не находитъ ни малѣйшаго предрасположенія къ войнѣ. Правительство всѣхъ державъ и общественное мнѣніе всѣхъ странъ клонятся къ миру и ничѣмъ такъ не озабочены какъ предотвращеніемъ всякихъ поводовъ къ его нарушенію: вотъ сущность этой статьи, которая не поднимаетъ никакого вопроса и изо всѣхъ возможныхъ статей наименѣе могла бы сама стать предметомъ вопроса. Вышло не такъ. Едва появилась она въ свѣтъ, какъ телеграфъ разгласилъ ее по всей Европѣ, и печать повсюду забила тревогу. Полученныя сегодня парижскія газеты воспроизводятъ наконецъ самый текстъ этой статьи и почти съ досадой спѣшатъ засвидѣтельствовать, что телеграфъ своимъ краткимъ сообщеніемъ ввелъ публику въ заблужденіе относительно характера и силы статьи. Парижскія газеты представляютъ собою видъ толпы людей, сбѣжавшихся на крикъ, въ увѣренности встрѣтить что-нибудь чрезвычайное и потрясающее, и съ сожалѣніемъ замѣчающихъ, что тревога была фальшивая и что какъ ни смотри, и ни ищи, ничего потрясающаго не оказывается. *Journal des Débats*, воспроизводя полный текстъ статьи и не находя что сказать о ней, передаетъ ее своему сотруднику по департаменту польскихъ дѣлъ, который видимо затруднился исполненіемъ въ этомъ случаѣ своей обязанности, такъ что редакція не могла получить отъ него для своего *premier Paris* ничего кромѣ слѣдующаго общаго отзыва: „этотъ скромный и „здравомыслящій корреспондентъ употребляетъ однако не менѣе четырехъ съ половиною столбцовъ для развитія своихъ „идей о мирѣ и войнѣ,“ да еще слѣдующаго специальнаго замѣчанія, съ притязаніемъ на нѣкоторую ядовитость и остроуміе: „Ограничимся указаніемъ на одинъ „терминъ, съ нѣкоторыхъ поръ совершенно забытый газетами выходящими въ имперіи царей: говоря о послѣдствіяхъ побѣды Французовъ на Рейнѣ, авторъ предсказываетъ движеніе въ княжествѣ Познанскомъ, которое неизбѣжно сообщится „и *царству Польскому*. Если русская администрація уже болѣе не знаетъ этого „царства установленнаго трактатами 1815 „г. и офиціально замѣненнаго съ нѣкотораго времени *губерніями привислянскими*, „то при мысли объ опасности, хотя только предположительной, въ Петербургѣ

„вспоминаютъ, что Польша еще существуетъ."

За то маститый старшина французскихъ публицистовъ, г. Эмиль-де-Жирарденъ, нашелъ въ своемъ безсмертномъ краснорѣчіи тоны восходящіе до паѳоса по поводу статьи петербургской газеты. „Франція разбитая параличомъ, *la France paralysée*," вотъ печальная картина, которая представилась мысленному оку знаменитаго публициста по прочтеніи вышеозначенной статьи, и подъ этимъ заглавіемъ излилъ онъ лиризмъ своего впечатлѣнія. „Это письмо", говоритъ г. Эмиль-де-Жирарденъ, „писанное канцелярскимъ стилемъ, есть „изученіе, основательное, спокойное и безпристрастное, положенія Европы и особенно положенія Франціи въ томъ видѣ „какъ измѣнили ихъ событія совершившіяся въ Германіи вслѣдствіе *Семидневной Войны* между Австріей и Пруссіей. „Хотя статья эта старается ничѣмъ не „уязвить Францію уязвленную, и хотя она „хочетъ какъ бы пролить бальзамъ на наши раны точащія кровь, она оставляетъ „впечатлѣніе глубокой и невыразимой грусти. Это та самая грусть, какая овладѣваетъ душою при видѣ великаго и блистательнаго разума внезапно пораженнаго параличомъ. Великая нація пораженная параличомъ! Это еще печальнѣе чѣмъ „великая нація побѣжденная."

Франція парализована тѣмъ, что ей не открывается ни случая, ни возможности, ни выгоды предпринять войну!.. Въ самомъ дѣлѣ, какъ это грустно!

Газета *France* пускается въ болѣе обширную оцѣнку. Этой газетѣ посчастливилось болѣе чѣмъ ея собратіямъ: ей удалось найдти въ петербургской статьѣ нѣкоторый оттѣнокъ, усмотрѣть нѣчто похожее на намекъ, нѣчто дающее поводъ къ политическимъ соображеніямъ. *France* отыскала въ статьѣ признаки пристрастія къ Пруссіи. „Петербургскій корреспондентъ", сказано въ этой газетѣ, „говоря „о важныхъ послѣдствіяхъ, которыя можетъ породить война, освѣтилъ только „часть картины. Онъ занимается только „Франціей и раскрываетъ лишь тѣ опасности, которыя могутъ возникнуть для „нея въ случаѣ европейскаго столкновенія; ему слѣдовало бы взглянуть также „и въ сторону Пруссіи, и спросить себя, „что можетъ потерять она въ случаѣ несчастной войны?... Зданіе, которое возвела она при Садовой, еще не совсѣмъ „осѣлось на почвѣ потрясенной и не крѣпкой. Ей предстоитъ совершить многое „дабы упрочить свое дѣло, и не многаго „потребовалось бы для того чтобы навсегда отнять у него будущность. Она также „должна подумать о пагубныхъ послѣдствіяхъ и не рисковать въ новыхъ битвахъ тѣмъ, что ея неожиданныя побѣды „такъ чудесно стяжали ей."

Мы не имѣемъ ничего возразить противъ этихъ замѣчаній о Пруссіи, хотя не можемъ не подивиться силѣ того микроскопа который помогъ публицистамъ *France* отыскать въ статьѣ *Journal de S.-Pétersbourg* предметъ для размышленій такого свойства, и поводъ къ патріотическимъ изліяніямъ переходящимъ въ *шовинизмъ*.

Итакъ, что же значитъ эта тревога возбужденная статьей самаго невиннаго содержанія и самаго безобиднаго тона? Есть ли это признакъ непробуднаго затишья, въ которомъ находятся дѣла, или, напротивъ, крайней напряженности отношеній? Отъ скуки ли бросились на эту статью, или отъ чрезмѣрной возбужденности, которая всему придаетъ значеніе и всѣмъ раздражается?

Судьба статьи, о которой рѣчь, договариваетъ то, что въ ней не сказано. Возбужденное ею вниманіе служитъ болѣе вѣрнымъ показаніемъ о положеніи дѣлъ нежели содержащіеся въ ней доводы и выводы. Значитъ, въ Европѣ не все обстоитъ благополучно, не все такъ спокойно, не все такъ далеко отъ опасеній за сохраненіе мира, какъ мнится автору статьи, если статья эта могла показаться сигналомъ къ тревогѣ.

Нѣтъ ничего справедливѣе увѣренія автора этой статьи, надѣлавшей столько шуму, *much ado about nothing*, что Россія не имѣетъ никакихъ властолюбивыхъ видовъ на Востокѣ. Россія совершенно устранилась отъ тамошнихъ дѣлъ и предоставила ихъ собственной судьбѣ. Но нельзя сказать, чтобы тамъ все обстояло благополучно. Событія не всегда начинаются отъ преизбытка силы, ихъ порождаетъ также и немощь. Австрія, или лучше Венгрія, ища себѣ центра тяжести, напираетъ на Востокъ. Новые элементы смуты уже брошены тамъ и начинаютъ оказывать свое дѣйствіе. Если съ одной стороны европейскому миру угрожаетъ соперничество между Германіей и Франціей, то съ другой—

ему не менѣе можетъ угрожать внутреннее безсиліе имперіи Габсбурговъ. Мы не знаемъ гдѣ можетъ вспыхнуть пожаръ, но было бы странно не видѣть горючаго матеріала въ такомъ изобиліи разбросаннаго по всей Европѣ.

Притомъ, если Европа представляетъ зрѣлище не совсѣмъ успокоительное, то за Океаномъ совершилось событіе, которое не будетъ лишено добраго значенія и для Европы. Блистательное торжество республиканской партіи въ Соединенныхъ Штатахъ надъ демократическою, и выборъ генерала Гранта на президентство есть событіе важное. „Республиканская" партія въ Америкѣ это то что называется національная партія. Это та партія, которая въ основу всему полагаетъ государственное единство, и которая не отступила ни предъ какими жертвами чтобы спасти Союзъ. Ей противустоитъ такъ-называемая „демократическая" партія, противная единству, антинаціональная, въ которой коренились измѣна и мятежъ едва не погубившіе государство. Измѣнническое убіеніе Линкольна едва не вырвало изъ рукъ республиканской или національной партіи ея побѣду. Но смутное время приходитъ къ концу. Раздоръ между законодательною и исполнительною властію, которымъ было ознаменовано управленіе г. Джонсона, склонявшагося къ демократамъ, отнынѣ прекратится, и съ возведеніемъ генерала Гранта на президентство національная политика Соединенныхъ Штатовъ пріобрѣтетъ новое и небывалое доселѣ развитіе какъ внутри, такъ и внѣ.

233.

Москва, 28-го октября.

Читатели, конечно, обратили вниманіе на помѣщенный въ послѣднемъ нумерѣ нашей газеты отчетъ о засѣданіи Московскаго Окружнаго Суда 23-го октября. Преданный суду по обвиненію въ грабежѣ, подсудимый Михаилъ Алексѣевъ обвиненъ присяжными въ оскорбленіи дѣйствіемъ полицейскаго унтеръ-офицера, за что, по ст. 31 устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, назначается арестъ не свыше трехъ мѣсяцевъ. Но подсудимый уже до суда претерпѣлъ наказаніе въ четыре раза болѣе тяжкое чѣмъ наивысшая мѣра того наказанія, къ которому судъ могъ приговорить его по закону: онъ просидѣлъ *цѣлый годъ* въ острогѣ. Судъ, принявъ во вниманіе какъ это обстоятельство, такъ и характеръ проступка, приговорилъ подсудимаго къ *семидневному аресту*. Нельзя найти болѣе разительное подтвержденіе высказанному нами на дняхъ замѣчанію, что правосудіе у насъ не можетъ считаться обезпеченнымъ, пока не будетъ обращено серіозное вниманіе на процедуру, которая предшествуетъ устному и гласному процессу съ участіемъ присяжныхъ.

Столь роковая для подсудимаго ошибка состояла въ томъ, что обвиненіе было, по непонятной причинѣ, возвышено безо всякаго соотвѣтствія съ дѣйствительною виной. Бываютъ случаи, хотя и рѣдкіе, когда судебное слѣдствіе совершенно измѣняетъ взглядъ на происшествіе, подавшее поводъ къ судебному преслѣдованію, но настоящій случай не подходитъ подъ ихъ разрядъ. Онъ совершенно простъ и ясенъ. Пьяный человѣкъ разсердился на полицейскаго служителя, который вмѣшался въ его разсчетъ съ извощикомъ. Вознамѣрившись отомстить за это, онъ подкрался къ полицейскому, накинулся на него и схватилъ его за шинель; шинель была надѣта въ накидку, и когда городовой вывернулся, осталась у пьянаго въ рукахъ. Тотчасъ же городовой свисткомъ призвалъ къ себѣ помощь; нападавшій не могъ этого не слышать, но не двинулся съ мѣста: когда явились другіе полицейскіе, онъ стоялъ съ шинелью въ рукахъ какъ вкопаный. Всѣ они показываютъ, что не замѣтили ни малѣйшей попытки съ его стороны бѣжать съ добытымъ противъ его воли добромъ. Все это происходило среди бѣла дня. Вотъ случай, который былъ предметомъ судебнаго преслѣдованія. Городовые могли назвать этотъ случай грабежомъ, когда разказывали о немъ сгоряча, но онъ не имѣетъ ничего похожаго на это тяжкое преступленіе. Тѣмъ не менѣе иносказательное выраженіе городовыхъ было усвоено обвинительною властію и облечено торжественно въ юридическую форму высшею судебною инстанціей, которой ввѣрено право предавать суду именно въ тѣхъ видахъ чтобы сдерживать возможныя увлеченія обвинительной власти и чтобы на скамью подсудимыхъ были сажаемы люди, дѣйствительно навлекающіе на себя достаточное подозрѣніе въ совершеніи извѣстнаго пре-

ступленія, причемъ и самое свойство этого преступленія должно быть въ точности опредѣлено. Въ дѣлѣ Михаила Алексѣева эта процедура, установленная въ интересѣ подсудимыхъ, повела къ тяжкимъ для подсудимаго послѣдствіямъ. Непонятная ошибка, допущенная въ юридическомъ опредѣленіи его проступка, была бы во всякомъ случаѣ чувствительна для него. Но ея дѣйствіе усугубилось вслѣдствіе крайней медлительности предварительнаго производства, и вотъ теперь оказывается чудовищный фактъ, что подсудимый, приговоренный судомъ къ семидневному аресту, высидѣлъ до суда цѣлый годъ въ острогѣ.

Медленность предварительнаго уголовнаго производства часто совершенно парализуетъ благотворное дѣйствіе судебной реформы. Судъ судитъ людей, уже понесшихъ безъ суда наказаніе, коего мѣра зависитъ или отъ случая, или отъ произвола. Законъ дѣлаетъ тонкія различія между оттѣнками преступленій и обязываетъ суды дѣлать еще болѣе тонкія различія, выбирая мѣру наказаній примѣнительно къ свойству каждаго даннаго случая. Но эту цивилизованную заботливость о дняхъ и недѣляхъ заключенія странно видѣть на ряду съ предварительнымъ заключеніемъ, которое зависитъ отъ случая или произвола и продолжается мѣсяцы и годы. Производство затягивается въ обѣихъ частяхъ своего пути, и во время слѣдствія, и во время составленія и разсмотрѣнія обвинительнаго акта. Обѣ эти части нуждаются въ существенныхъ улучшеніяхъ. Было бы въ высшей степени важно собрать свѣдѣнія о томъ, въ какой мѣрѣ замѣдляются дѣла предварительнымъ слѣдствіемъ и въ какой обрядомъ преданія суду. Этотъ послѣдній обрядъ, очевидно, также подлежитъ весьма серіозной критикѣ.

Судъ присяжныхъ есть та форма суда, которая, насколько это вообще достижимо для человѣка, всего вѣрнѣе ограждаетъ общество и отдѣльныя лица отъ опасности осужденія невиннаго. Но такъ-называемый „обрядъ преданія суду", установленный для того чтобы по возможности оградить отдѣльныя лица отъ опасности попасть, безъ достаточнаго основанія, на скамью подсудимыхъ, повидимому, не только не достигаетъ своей цѣли, но часто сопряженъ бываетъ съ такими страданіями для подсудимаго, которыя *превосходятъ* размѣръ наказанія, положеннаго въ законѣ за то преступленіе, въ которомъ онъ обвиняется. Мѣра обезпеченія противъ *возможности* неправильнаго привлеченія къ суду превращается для подсудимаго въ большее страданіе чѣмъ не только привлеченіе къ суду, но и самое наказаніе! Навѣрное можно сказать, что большая часть подсудимыхъ не пожелали бы пользоваться этимъ обезпеченіемъ, лишь бы сократился срокъ предварительнаго заключенія. Не требуетъ ли справедливость предоставить имъ право отказываться отъ гарантіи, въ ихъ пользу установленной, но оказывающейся для нихъ не гарантіей, а утѣсненіемъ?

Чтобы показать во что иногда превращается для подсудимаго предварительное производство, мы приведемъ здѣсь еще два примѣра изъ практики Московскаго окружнаго суда.

12-го ноября 1866 года, въ этомъ судѣ судились четверо подсудимыхъ по обвиненію въ покушеніи на разбой, заключавшемся въ томъ, что они 1-го августа того же года, въ 11 часовъ вечера, напали на Дербеновкѣ на трехъ Голландцевъ, рабочихъ съ строившагося тогда газоваго завода, съ намѣреніемъ ихъ ограбить. Покушеніе не удалось; дюжіе Голландцы храбро отбили нападеніе и нанесли двоимъ изъ нападавшихъ раны ножомъ въ бокъ и въ животъ, одну довольно тяжкую Грабители были молодые парни, двое изъ нихъ мальчики 18 лѣтъ; они принадлежали къ темному классу людей, для коихъ преступленіе превратилось въ ремесло. Впрочемъ, при всей своей нравственной порчѣ, двое изъ нихъ, и при томъ не самые младшіе, сохранили еще наивность молодости. Они сами, послѣ неудавшагося грабежа, позвали на помощь себѣ полицію и погнались за Голландцами, которые послѣ одержанной побѣды спокойно продолжали свой путь. Затѣмъ эти двое (остальные разбѣжались) прямо разсказали въ полиціи какъ происходило дѣло, а кстати сообщили и о другомъ грабежѣ совершенномъ ими въ тотъ же день. Они назвали своихъ сообщниковъ, и съ полною откровенностію заявили, что, кромѣ воровства, другихъ занятій не имѣютъ. Двое изъ остальныхъ трехъ сообщниковъ были впослѣдствіи арестованы; пятый, одинъ изъ мальчиковъ, скрылся. Такимъ образомъ на скамьѣ подсудимыхъ 12-го ноября 1866 года сидѣло четверо. Начался допросъ свидѣтелей.

Прежде всего спрошены были Голландцы; одинъ изъ нихъ, на вопросъ признаетъ ли онъ подсудимыхъ, отвѣчалъ, что онъ не можетъ ихъ признать, потому что во время происшествія было совершенно темно; онъ припоминаетъ только одного изъ нихъ, Ивана Трифонова; но въ комнатѣ свидѣтелей сидитъ-де еще одинъ, который также участвовалъ въ грабежѣ и лицо котораго онъ запомнилъ. Свидѣтель, на котораго указывалъ Голландецъ, оказался старшимъ братомъ подсудимаго Ивана Трифонова, по имени также Иванъ. Онъ былъ вызванъ въ качествѣ свидѣтеля по ссылкѣ на него брата по одному совершенно второстепенному обстоятельству. Вслѣдствіе заявленія Голландца судебное слѣдствіе относительно всѣхъ подсудимыхъ было пріостановлено и Иванъ Трифоновъ старшій привлеченъ къ суду по обвиненію въ томъ же преступленіи. Само собою разумѣется, что онъ тутъ же былъ арестованъ и затѣмъ началось предварительное слѣдствіе относительно его участія въ грабежѣ. Вторично дѣло разсматривалось въ здѣшнемъ окружномъ судѣ лишь 14-го марта текущаго года, такъ что всѣ подсудимые, а вмѣстѣ съ ними и Иванъ Трифоновъ старшій, просидѣли въ острогѣ лишнихъ *шестнадцать мѣсяцевъ*. На допросѣ судебному слѣдователю Голландецъ указавшій на него показалъ далеко не такъ опредѣлительно, какъ въ залѣ суда; онъ сказалъ, что запомнилъ подсудимаго по его чернымъ волосамъ (тогда какъ другихъ онъ за темнотой и въ лицо не разсмотрѣлъ). Остальные два Голландца не признали его вовсе. Затѣмъ Голландцы уѣхали въ Голландію и на вторичномъ судебномъ слѣдствіи уже не были. Иванъ Трифоновъ старшій доказалъ свое *alibi* и былъ признанъ на судѣ оправданнымъ. *) Это *alibi*, то-есть нахожденіе подсудимаго въ другомъ мѣстѣ во время совершенія преступленія, было столь же неопровержимо доказано на предварительномъ, какъ и на судебномъ слѣдствіи, и потому преданіе Ивана Трифонова старшаго суду не имѣло достаточнаго основанія. Кромѣ того, еслибы присяжные призваны были произнести свой приговоръ объ Иванѣ Трифоновѣ старшемъ чрезъ двѣ недѣли или черезъ мѣсяцъ, — какъ и слѣдовало бы ожидать, принимая во вниманіе, что обстоятельства дѣла уже до его арестованія были вполнѣ обнаружены, — то опрометчивое заявленіе Голландца имѣло бы для подсудимаго послѣдствіемъ лишь кратковременное задержаніе, и онъ имѣлъ бы полную возможность взыскать съ Голландца, еще не уѣхавшаго тогда изъ Россіи, вознагражденіе за неосновательный наговоръ. Предварительное производство тянулось такъ долго не по тому, чтобы дѣло требовало разъясненія, а только потому что потребовалась справка о лѣтахъ обоихъ братьевъ Ивановъ Трифоновыхъ. Между канцеляріей суда и Калужскою духовною консисторіей завязалась переписка о лѣтахъ Ивановъ Трифоновыхъ, которая ни къ чему не повела, кромѣ того, что засѣданіе отдалилось до 14-го марта нынѣшняго года. Присяжные освободили Ивана Трифонова старшаго, но онъ просидѣлъ въ острогѣ, какъ сказано, шестнадцать мѣсяцевъ.

Переходимъ къ другому случаю, еще болѣе характеристичному.

Можайскій мѣщанинъ Матвѣй Неугодовъ, въ іюнѣ 1867 года, разбуянившись въ пьяномъ видѣ, завелъ драку съ своимъ братомъ, а когда мать попыталась разнять ихъ, то ударилъ и ее. Мать Неугодова хотѣла наказать за это сына арестомъ на нѣсколько дней и обратилась съ жалобой въ полицейское управленіе, какъ обыкновенно дѣлалось въ случаяхъ подобнаго рода до введенія судебной реформы. Полиція передала дѣло судебному слѣдователю. Узнавъ о такомъ порядкѣ дѣла, мать подсудимаго немедленно, на другой или третій день, заявила слѣдователю, что она своего сына прощаетъ и проситъ слѣдствіе прекратить; при этомъ она и другіе свидѣтели показали слѣдователю, что подсудимый вообще человѣкъ смирный и сынъ весьма почтительный, а буянитъ только въ рѣдкихъ случаяхъ, когда напьется пьянъ. Судебный слѣдователь, признавъ, что заявленіе матери о примиреніи должно повести къ прекращенію дѣла, представилъ о томъ окружному суду на основаніи ст. 277 Уст. угол. судопр. Но судъ отвергъ это представленіе и предписалъ слѣдователю продолжать слѣдствіе, находя, что оскорбленіе родителей дѣйствіемъ не принадлежитъ къ разряду тѣхъ преступленій, которыя дозволено прекращать примиреніемъ. Мнѣніе свое судъ

*) Подробный отчетъ объ этомъ дѣлѣ напечатанъ въ № 9 *Современной Лѣтописи* нынѣшняго года.

основалъ на 2-й части ст. 1.591 Улож. о нак., въ которой сказано, что „дозволившіе себѣ какое-либо насильственное, хотя и не соединенное съ побоями, противъ родителей дѣйствіе, подвергаются, по жалобѣ оскорбленнаго родителя, наказаніямъ, опредѣленнымъ въ ст. 1.534," причемъ предоставляется родителямъ право „буде они пожелаютъ, ходатайствовать объ уменьшеніи мѣры наказанія." Судъ заключилъ, что такъ какъ родителямъ предоставлено ходатайствовать только объ уменьшеніи мѣры наказанія, то имъ не дано право совсѣмъ прощать виновнаго, согласно общему правилу о преступленіяхъ противъ чести частныхъ лицъ. Первымъ дѣломъ судебнаго слѣдователя, по полученіи такого постановленія суда, было взять подсудимаго подъ стражу, то есть посадить его въ Верейскій острогъ. Никакой надобности въ этомъ не было; подсудимый не убѣжалъ и до того, онъ не могъ и не имѣлъ надобности уклоняться отъ суда и въ послѣдствіи. Высшая мѣра наказанія, которую онъ могъ ожидать, была отдача въ арестантскія роты на полтора года. Можно смѣло сказать, что въ избѣжаніе такого наказанія, ни одинъ простолюдинъ нашъ не рѣшится сдѣлаться бродягой, за исключеніемъ однихъ бродягъ. Судебный слѣдователь поступилъ какъ поступаютъ вообще всѣ наши слѣдователи: ему достаточно было усмотрѣть, что подсудимый обвиняется въ преступленіи влекущемъ за собой ограниченіе правъ, чтобы примѣнить ст. 419 Уст. Угол. Суд., хотя этою статьей ему только дается *право* взять подсудимаго подъ стражу, а отнюдь не воспрещается, по своему усмотрѣнію, ограничиться другою менѣе строгою мѣрой изъ числа обозначенныхъ въ 416 ст. Устава. Слѣдователь упустилъ изъ виду и то, что мать подсудимаго будетъ просить о смягченіи наказанія и что такимъ образомъ подсудимый можетъ и вовсе не подвергнуться ограниченію правъ, и что стало-быть ст. 419 Уст. Угол. Суд. можетъ и вовсе не имѣть здѣсь примѣненія. Какъ бы то ни было, Матвѣй Неугодовъ очутился въ острогѣ, а слѣдствіе пошло своею обычною торною дорогой: отъ слѣдователя оно поступило къ товарищу прокурора окружнаго суда составившему обвинительный актъ, отъ послѣдняго къ прокурору судебной палаты, а отъ него въ судебную палату. Замѣтимъ, что каждая изъ этихъ инстанцій имѣла возможность исправить ошибку слѣдователя относительно взятія подсудимаго подъ стражу, но этого не было сдѣлано. Судебная палата согласилась съ тѣмъ мнѣніемъ, что проступокъ Неугодова, несмотря на прощеніе матери, подлежитъ суду, какъ тяжкое преступленіе, въ порядкѣ публичнаго обвиненія. Она утвердила обвинительный актъ. Наконецъ наступилъ день суда. 21-го іюля настоящаго года присяжные произнесли свой приговоръ, который былъ обвинительный (такъ какъ событіе преступленія было вполнѣ доказано), но съ допущеніемъ смягчающихъ обстоятельствъ. Судъ приговорилъ Неугодова къ лишенію всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ и къ заключенію въ рабочій домъ на 8 мѣсяцевъ, оставивъ безъ вниманія заявленіе его матери на судѣ, что она проситъ освободить его отъ всякаго наказанія. Лишь съ этого момента защита получила право жалобы въ кассаціонномъ порядкѣ для разъясненія теоретической стороны дѣла. Жалоба была подана, и 20-го сентября состоялось постановленіе кассаціоннаго суда, который нашелъ совершенно несогласнымъ съ прямымъ смысломъ закона привлеченіе Неугодова къ суду послѣ прощенія его матерью, и отмѣнилъ не только приговоръ суда, но и самое постановленіе судебной палаты о преданіи Неугодова суду. Подсудимый, какъ оказалось, не подлежалъ наказанію, а между тѣмъ онъ высидѣлъ въ острогѣ полтора года.

Недоразумѣнія въ толкованіи законовъ всегда и вездѣ возможны; они въ особенности возможны когда дѣло идетъ о примѣненіи нашего Улож. о наказаніяхъ. Въ настоящемъ случаѣ нельзя пенять на недоразумѣнія, даже если считать очевиднымъ, что нашъ законъ даетъ родителямъ двоякое право: вопервыхъ, наравнѣ со всѣми оскорбленными, прощать, и вовторыхъ, не прощая совершенно, просить, однакоже, объ уменьшеніи наказанія. Видя этотъ пунктъ разъясненнымъ, и подобныя недоразумѣнія устраненными для будущаго, можно было бы радоваться тому, что процессъ Неугодова подалъ поводъ къ теоретическому рѣшенію важнаго юридическаго вопроса, еслибы на долю Неугодова не выпало тутъ, какъ говорится, въ чужомъ пиру похмѣлье. Конечно, и оставаясь на свободѣ онъ пострадалъ

бы безо всякаго законнаго основанія, будучи стѣсненъ обязательствомъ явки на судъ, а также самимъ судомъ и сопряженнымъ съ нимъ публичнымъ позоромъ. Но что все это въ сравненіи съ полуторагодовымъ заключеніемъ въ острогѣ уѣзднаго города? Кому не случалось видѣть эти страшные вертепы, тотъ не можетъ себѣ составить и приблизительнаго понятія объ ужасѣ положенія заключенныхъ. Намъ сообщали, что Неугодовъ, слабый грудью, окончательно разстроилъ свое здоровье во время заключенія, *которое не прекратилось до сихъ поръ!* Да, Неугодовъ, котораго, согласно рѣшенію кассаціоннаго суда, не имѣли вовсе права привлекать къ суду, до сихъ поръ томится въ тюрьмѣ, несмотря на то что рѣшеніе сената состоялось еще 20-го сентября; онъ будетъ освобожденъ лишь по полученіи подробнаго указа сената; до тѣхъ поръ можетъ пройти еще мѣсяцъ, а пожалуй и два.

Защитникъ подсудимаго, узнавъ изъ *Судебнаго Вѣстника*, въ которомъ постоянно печатаются краткія резолюціи сената, что кассаціонная жалоба его уважена, поспѣшилъ войдти въ окружный судъ съ ходатайствомъ о немедленномъ освобожденіи Неугодова, причемъ сослался на стт. 947 и 958 Уст. Угол. Суд., по которымъ оправданный содержащійся подъ стражей немедленно получаетъ свободу. Окружный судъ оставилъ это ходатайство безъ послѣдствій на томъ основаніи, что по буквальному смыслу приведенныхъ статей „немедленно освобождается изъ-подъ стражи подсудимый лишь по приговору, состоявшемуся въ самомъ судѣ и оправдывающему его.“ Не станемъ разбирать статьи закона, подавшія поводъ къ этому постановленію, но не можемъ не замѣтить, что на этомъ случаѣ раскрывается, какъ было бы полезно, еслибы кассаціонный судъ принялъ за правило немедленно извѣщать подлежащій судъ о состоявшейся по тому или другому дѣлу резолюціи, все равно уважена ли кассаціонная жалоба или нѣтъ. Подробные мотивированные указы сената не могутъ быть скоро изготовлены, ибо изложеніе соображеній сената, печатаемыхъ во всеобщее свѣдѣніе и руководство, требуетъ самаго тщательнаго труда; между тѣмъ сообщеніе резолюцій можетъ быть возложено на канцелярію сената, и даже было бы достаточно печатать ихъ въ *Судебномъ Вѣстникѣ* (съ большею аккуратностью чѣмъ теперь и на другой же день), вмѣнивъ судамъ въ обязанность руководствоваться этими резолюціями. Такая мѣра была бы полезна по всѣмъ дѣламъ, ибо до сихъ поръ приговоры судовъ считаются вошедшими въ законную силу лишь со времени полученія въ судѣ подробнаго указа сената, а этимъ затягивается на нѣсколько мѣсяцевъ исполненіе приговоровъ, которые во многихъ случаяхъ сами по себѣ ограничиваются нѣсколькими мѣсяцами заключенія.

Читатели, надѣемся, не посѣтуютъ за приведенные нами съ такою подробностью случаи, изъ коихъ послѣдній не былъ до сихъ поръ обнародованъ. Эти случаи вполнѣ характеризуютъ тѣ слабыя стороны, которыя оказались на практикѣ въ нашей судебной реформѣ. Не явно ли проглядываетъ здѣсь, изъ-за новыхъ порядковъ, старый духъ канцелярскаго дѣлопроизводства? Вотъ зло, которое мы предвидѣли когда судебная реформа была въ проектѣ. Такъ или иначе, зло это должно быть устранено.

№ 234.

Москва, 29-го октября.

Невзгоды, которыя до сихъ поръ преслѣдуютъ Либаву, начались давно. Въ *Описаніи Курляндской губерніи* г. Орановскаго приведены цифры, показывающія наглядно, какъ ввозная торговля Либавскаго порта, весьма значительная въ началѣ нынѣшняго столѣтія, была подорвана прежде всего тарифомъ 1820 года, въ которомъ были установлены чрезвычайныя ограниченія для привоза товаровъ черезъ Либаву. Въ 1820 году привозная торговля Либавы сразу уменьшилась до $^1/_2$ и въ послѣдствіи, несмотря на отмѣну стѣсненій, никогда уже не могла войти въ прежніе размѣры. Затѣмъ ей суждено было вынести второй ударъ. Значительная разница сухопутныхъ и морскихъ пошлинъ, особенно пагубная для Либавы при ея близкомъ сосѣдствѣ съ главнѣйшими сухопутными таможнями и при близкомъ разстояніи ихъ отъ портовъ прусскихъ, довершила упа-

докъ либавской торговли, какъ наглядно показываетъ слѣдующая таблица:

Десятилѣтіе.	Вывозъ.	Привозъ.	Оборотъ.
1800—1809	10.739.902 р.	4.606.960 р.	15.345.862 р.
1810—1819	5.791.517 р.	5.608.920 р.	11.409.446 р
1820—1829	7 900.725 р.	1.687.735 р.	9.448.460 р.
1830—1839	8.461.751 р.	1.454.694 р.	9.916.445 р.
1840—1849	7.014.045 р.	1.360.781 р.	8.380.826 р.
1850—1857	7.802.803 р.	1.086.879 р.	8.879.682 р.

Паденіе торговли Либавскаго порта окажется громаднымъ, если принять въ соображеніе приращеніе цѣнъ съ начала нынѣшняго столѣтія. Подобный фактъ долженъ бы возбуждать изумленіе, еслибъ онъ не относился къ исторіи борьбы прусскихъ портовъ съ нашими, представляющей случаи еще болѣе необыкновенные.

Нельзя сказать, чтобы съ русской стороны вовсе не было разумѣнія національныхъ интересовъ, но всегда выходило такъ что это разумѣніе не вело ни къ чему прочному и серіозному, и наоборотъ когда, по случаю ли или по прусскому ходатайству, принималась мѣра противная національному интересу, то она вела къ весьма важнымъ послѣдствіямъ и держалась подолгу.

Мысль, напримѣръ о соединеніи Нѣмана съ курляндскими рѣками не была ни для кого новостію: она входила еще въ планы герцога Якова. Извѣстно, что въ 1807 году инженеръ-генералъ де-Витте составилъ проектъ соединенія притока Нѣмана, рѣки Невѣжи, съ курляндскою Аа, но изъ этого проекта ничего не вышло.

Затѣмъ въ концѣ двадцатыхъ годовъ, когда Королевскій (теперешній Днѣпро-Бугскій) и Огинскій каналы не были еще исправлены, а прусскіе порты имѣли значеніе лишь для ближайшихъ мѣстностей, возникъ проектъ направить торговлю богатой Ковенской губерніи въ русскій портъ Виндаву. Было приступлено къ работамъ по такъ-называемому виндавскому сообщенію: рѣка Дубисса, впадающая въ Нѣманъ, соединялась каналомъ съ рѣкой Виндавой, и на обѣихъ рѣкахъ производились улучшенія фарватера. Работы по виндавскому сообщенію шли довольно дѣятельно, пока польское восстаніе 1831 года не остановило ихъ. За тѣмъ случилось нѣчто совершенно невѣроятное. Несмотря на то что многія работы были кончены, каналы прорыты на значительное разстояніе, русла Виндавы и Дубиссы во многихъ мѣстахъ очищены отъ камней, на порогахъ, напримѣръ у Гольдингена, сдѣланы прокопы, нѣкоторые резервуары и шлюзы уже устроены (у Рингвянъ и у Будве), а для другихъ заготовленъ и вывезенъ кирпичъ, гранитъ и разные матеріалы, — несмотря на все это, виндавское сообщеніе брошено неоконченнымъ, и торговля почти всей Ковенской губерніи предоставлена прусскимъ портамъ. Въ срединѣ тридцатыхъ годовъ заботы администраціи сосредоточиваются на Королевскомъ каналѣ, а затѣмъ переходятъ на Огинскій: оба эти каналы ведутъ грузы въ Пруссію.

Въ сороковыхъ годахъ возникалъ проектъ соединенія Юрбурга съ Либавой, дабы обратить въ этотъ русскій портъ грузы, идущіе по Нѣману въ Мемель. Было разрѣшено приступить къ постройкѣ желѣзной дороги между Юрбургомъ и Либавой, дана была гарантія, но эта дорога не состоялась, потому что во Франціи въ 1848 году произошла революція.

Еще серіознѣе было предположеніе построить желѣзную дорогу изъ Либавы до Курска. Дѣло это было предоставлено Главному Обществу, на акціяхъ коего и теперь еще красуется видъ Либавы. На этотъ разъ не только была дана гарантія, но и взято обезпеченіе: либавская дорога была обязательна для Главнаго Общества подъ страхомъ большихъ пеней. Никакого возстанія, никакой революціи нигдѣ не произошло, но Главное Общество отказалось отъ стройки либавской дороги и никакихъ пеней не заплатило. Тогда Рига воспользовалась неудачей Либавы и постаралась перетянуть рельсовый путь къ себѣ. Невыгода рижской дороги, идущей вдоль Западной Двины, была очевидна, что и подтвердилось казенными приплатами по гарантіи, но рижская дорога менѣе либавской разногласила съ желаніями Пруссаковъ, и она была построена, а мѣсто либавской дороги заняла Ковенско-Вержболовская или лучше Ковенско-Кенигсбергская вѣтвь.

О значеніи этой вѣтви много было писано. Она замѣчательна между прочимъ, тѣмъ, что имѣетъ почти исключительно транзитное значеніе и нисколько не облегчаетъ торговли самой Ковенской губерніи. Ковенская торговля по прежнему направляется гужомъ въ сухопутныя таможни, лежащія между Либавой и Ковномъ: въ Полангенъ, Кретингенъ, Горжды, Новое Мѣсто, Таурогенъ и Юрбургъ.

Ковенско-Кенигсбергская вѣтвь была

своего рода Кениггрецемъ для русской внѣшней торговли. Чрезъ всѣ сухопутныя таможни Ковенской губерніи, до 1857 г., то-есть до того времени когда война создала усиленное движеніе въ прусскіе порты, отпускалось товаровъ среднимъ числомъ въ годъ на 5.439.672 р., а теперь вывозъ чрезъ одну Вержболовскую таможню доходитъ до 8.700.000 руб. Привозъ товаровъ чрезъ ковенскія таможни возросъ съ 2.788.731 руб., какъ это было во время Восточной войны, до 60 милл. руб. слишкомъ чрезъ одно Вержболово въ 1867 г.

По даннымъ *Видовъ внѣшней торговли* за 1867 годъ оказывается что въ 1867 году прусскіе порты привлекли къ себѣ привозныхъ и отпускныхъ товаровъ на 74.624.813 руб., *) то-есть оборотъ ихъ на счетъ русской торговли далеко оставилъ за собой торговлю чрезъ Ригу (35 м. р.) и чрезъ всѣ остальные балтійскіе порты, кромѣ Петербурга. Въ нынѣшнемъ году, какъ видно съ одной стороны изъ таблицъ барона Дельвига о сборахъ по желѣзнымъ дорогамъ и съ другой изъ вѣдомостей о товарахъ очищенныхъ въ таможняхъ, движеніе на Вержболово возрасло почти на цѣлую треть.

Разсматривая цифры внѣшней торговли за 1867 г. по отдѣльнымъ статьямъ, видимъ, что Вержболово начинаетъ брать значительный верхъ и надъ Петербургомъ **).

	Вывозъ.	Привозъ
*) Вержболово	8.498.641	31.660.839
Станція Варшавск. желѣзной дороги въ Петербургѣ .	151.680	4.638.942
Московская тамож.	54.476	23.784.611
	8.704.797	60.083.903
Полангенская там.	26.529	135.445
Кретингенская „	319.798	93.023
Горждовская „	663.212	124.043
Новомѣстная „	26.698	29.043
Таурогенская „	313.667	262.558
Юрбургская „	2.678.670	1.153.362
	4.028.544	1.857.480
Всего . .	12.733.341	61.891.472

**) Въ 1867 году ввезено въ Россію *чая* 465 т. пудовъ и изъ нихъ чрезъ Петербургъ 66 т., чрезъ Ригу $2^1/_2$ т. и почти все остальное чрезъ Вержболово. *Машинъ* ввезено чрезъ Петербургъ на 6.703.000 р., чрезъ Ригу на 78 т. руб. и чрезъ Вержболово на 4.532.000 руб. *Хлопка* ввезено чрезъ Петербургъ на 22.850.000 р., чрезъ Ригу на 434.000 р. и чрезъ Вержболово на 11.186.000 рублей. *Льна* вывезено чрезъ Петербургъ на 4.374.000 р., изъ Вержболова на 3.793.000 руб. *Хмѣля* изъ Петербурга на 193 т. р., изъ Вержболова на 520 т., изъ Риги на 554 руб. *Тряпья* изъ Петербурга на 41.569 пуд., изъ Вержболова 73.116 пуд., изъ Риги 3.938 пуд. *Лѣснаго товара* изъ Петербурга на 19.708 р. чрезъ Вержболово на 34 т. руб.

Кенигсбергъ, очевидно, грозитъ скоро сдѣлаться, по предсказанію *Ostsee Zeitung*, главнымъ портомъ торговли на Балтійскомъ морѣ.

Отчетъ Главнаго Общества Русскихъ Желѣзныхъ Дорогъ за 1867 годъ всего яснѣе вскрываетъ громадное значеніе побѣды, одержанной Пруссіей чрезъ проведеніе Ковенско-Кенигсбергской вѣтви. Благодаря разницѣ фрахтовъ изъ Пиллау и изъ Риги, и нѣкоторымъ другимъ удобствамъ кенигсбергскаго мѣста, этотъ городъ соперничаетъ съ Ригой даже въ ея непосредственномъ районѣ. Часть грузовъ идущихъ по Витебско-Динабургской дорогѣ поворачиваетъ въ Динабургѣ на Варшавскую линію и уходитъ чрезъ Вержболово въ Пруссію. Рѣжица, Островъ и Псковъ отправляютъ свой ленъ уже не въ Ригу, а въ Кенигсбергъ ***).

Торжество прусскихъ портовъ надъ русскою торговлей было бы безповоротное, еслибъ отъ Ковна до Либавы нельзя было провести дороги короче Кенигсбергской. И что же мы видимъ? Мысль о Либавской желѣзной дорогѣ сдѣлалась, правда, популярною, но обстоятельства слагаются такъ, что многіе изъ защитниковъ Либавской дороги, по разнымъ отношеніямъ, а отчасти даже по формальнымъ обязательствамъ, принуждены хлопотать за ея удлинненіе. Выбившись изъ силъ въ борьбѣ, Либава пошла на сдѣлку съ Ригой, и теперь либавскіе уполномоченные сами ходатайствуютъ о томъ, чтобы Либавская дорога шла на Шавли, то-есть чтобъ она была по возможности безполезна. При соединеніи Ковна съ Либавой приходится дорожить каждою лишнею верстой. Конкурренція Либавы съ Кенигсбергомъ настолько трудна,

***) Въ 1867 г. по Ковенско-Кенигсбергской вѣтви вывезено льна и пакли 1.080.000 пудовъ и въ томъ числѣ должна находиться часть грузовъ Острова (494.000), Пскова (350.000), разныхъ станцій Псковской и Витебской губерній (151 000), Динабурга (197.000), съ Витебской дороги (206.000) и даже съ Динабургско-Рижской, передавшей на Варшавскую 409.000 пудовъ льну и пеньки. Съ Варшавской дороги перешло на Рижскую по прямому сообщенію лишь 494.000 пудовъ льна и часть изъ остановившихся въ Динабургѣ 194.000 пудовъ. Пенька съ Витебской дороги уходитъ вся въ Кенигсбергъ.

что можетъ кончиться успѣшно для Либавы лишь при самомъ краткомъ пути въ Ковно. Грузы, идущіе на Кенигсбергъ, подвергаются тремъ таможеннымъ досмотрамъ: въ Вержболовѣ, въ Эйдткуненѣ и въ Пиллау. Либавская дорога сократитъ расходы на два прусскіе досмотра, что составитъ отъ $^1/_2$ к. до 1 к. съ пуда, смотря по роду товаровъ. Она упразднитъ еще перегрузку изъ нашихъ вагоновъ въ прусскіе. По тарифу Русско-Восточно-Нѣмецкаго сообщенія (§ 10 договора) перегрузка на границѣ принята компаніями на себя и за нее не взимается никакой платы или, говоря другими словами, плата за перегрузку включена въ тарифную, какъ это и сказано въ договорѣ Русско-Французско-Нѣмецкаго прямаго сообщенія (см. дополн. сборы п. 3). Стоимость нагрузки и разгрузки опредѣлена въ тарифѣ Главнаго Общества (ст. 139) отъ $^1/_4$ к. до $^1/_2$ к. (цѣлыми вагонами) съ пуда. Такимъ образомъ выгоды относительно досмотра и перегрузки даютъ на Либавской дорогѣ сбереженіе отъ 1 к. до $1^1/_4$ к. съ пуда, или около 9 к. съ четверти,—сбереженіе, которое такъ ничтожно, что для обезпеченія конкурренціи за Либавой надобно всячески заботиться объ усиленіи выгодъ пути на Либаву чрезъ возможное сокращеніе его.

Отъ Ковна до Пиллау считается 270 верстъ; отъ Ковна до Либавы, съ сѣвернымъ обходомъ гористой мѣстности подъ Тельшами, выйдетъ по прямому направленію около 250 верстъ, что дастъ для Либавы сравнительно съ Кенигсбергомъ 20 верстъ сокращенія пути или 1,5, 1,05, 0,8, 0,6 и 0,5 к. сбереженія съ пуда смотря по классамъ тарифа. Присоединивъ сюда выгоду отъ однократнаго досмотра и отъ избѣжанія перегрузки, получимъ, что либавскій портъ доставитъ отправителямъ выгоду отъ $1^1/_2$ к. и до $3^1/_4$ к. смотря по разряду товаровъ. Для грузовъ болѣе цѣнныхъ почти половина той выгоды, которою Либава должна соперничать съ Кенигсбергомъ, зависитъ отъ прямизны Ковенско-Либавской линіи ($1^1/_2$ к. изъ $3^1/_4$ к.), и обстоятельство это тѣмъ важнѣе, что относительно грузовъ большей стоимости соперничество съ Кенигсбергомъ будетъ особенно трудно для Либавы, по крайней мѣрѣ на первое время, пока въ Либавѣ не заведутся капиталы и всяческія удобства насиженнаго торговлею порта. Для товаровъ менѣе цѣнныхъ, Либавская дорога, устроенная по кратчайшему пути, можетъ назначить тарифъ на $1^1/_2$ к. меньшій противъ дороги Кенигсбергской; это дастъ $13^1/_2$ коп. съ четверти,—разница, какъ всякій видитъ, не очень большая. Если же будетъ предпочтено направленіе на Шавли, то эту небольшую разницу придется еще уменьшить на треть.

Имѣя это въ виду, нельзя не подивиться тому, что выборъ направленія Ковенско-Либавской линіи колеблется между прямымъ на Россіены и Тельши и обходнымъ на Шавли. Считая по картѣ, Ковно-Шавельско-Либавская дорога будетъ имѣть ту же длину, какъ и Кенигсбергская вѣтвь, а быть-можетъ нѣсколько верстъ болѣе. Итакъ обходъ на Шавли оставитъ за Либавой только сбереженія отъ таможеннаго досмотра и перегрузки на границѣ,—операцій, стоимость коихъ можетъ быть сокращена до ничтожной цифры,—и отниметъ у Либавы прочныя, не подверженныя случайности выгоды отъ сокращенія пути. Можно сказать утвердительно, что выборомъ направленія на Шавли или прямо на Россіены рѣшается судьба Либавскаго порта, рѣшается вопросъ о томъ будетъ ли Либава серіознымъ соперникомъ Кенигсберга, или просто сосѣднимъ, вспомогательнымъ ему портомъ, пріобрѣтетъ ли она значеніе для всей Россіи или будетъ портомъ для нѣкоторой части Ковенской и Курляндской губерній.

Прямое направленіе изъ Ковна въ Либаву выгоднѣе обходнаго еще тѣмъ, что пересѣкаетъ всѣ ковенскіе притоки Нѣмана въ низовьяхъ и всѣ гужевые пути идущіе къ сухопутнымъ таможнямъ *). Простой взглядъ на карту показываетъ, что лишь для $^1/_6$ или $^1/_5$ части Ковенской губерніи,—части прилегающей къ прусской границѣ,—будетъ ближе въ Мемель, чѣмъ въ Либаву, а изъ остальныхъ $^4/_5$ губерніи всѣ грузы будутъ взяты Либавскою дорогой. Напротивъ Шавельская линія проходитъ почти по серединѣ Ковенской губерніи, оставляя торговлю всей южной ея половины на долю Мемеля.

Итакъ, прямизна направленія есть вопросъ жизни и смерти для Либавской до-

*) А именно: 1) дорогу изъ Биржъ чрезъ Шадовъ и Россіены въ *Юрбургъ*, 2) Рижско-Таурогенское шоссе, 3) изъ Ворны въ *Новое мѣсто*, 4) изъ Жагоръ чрезъ Тельши въ *Горжды*, 5) изъ Сядъ въ *Кротингенъ* и 6) изъ Шкудъ въ *Полангенъ*.

роги. Второе условіе ея успѣшнаго дѣйствія заключается въ ея продолженіи внутрь страны на Минскъ и Бобруйскъ. Встрѣтившись въ Минскѣ со Смоленско-Брестскою линіей, Либавская дорога дастъ ближайшій не замерзающій портъ всей московской торговлѣ и всему району торговыхъ движеній Рижскаго порта, идущихъ къ нему изъ за Смоленска. Открытіе не замерзающихъ портовъ для русской торговли есть потребность становящаяся на очередь. Но и тутъ интересы Либавы, тождественные въ этомъ случаѣ съ общими интересами русской торговли, подвергаются опасности. Въ августѣ и сентябрѣ прошлаго года было разрѣшено инженеру Вильямсу произвести изысканія сперва отъ Витебска до Могилева, потомъ отъ Могилева до Кіева. Такимъ образомъ готовится состязаніе между двумя линіями: Кіевъ-Витебскъ и Кіевъ-Вильна, состязаніе могущее оказаться пагубнымъ для Либавы, нанести ей *coup de grâce*.

Къ чему нужна Кіево-Витебская дорога? Въ стратегическомъ отношеніи обѣ дороги, Кіево-Витебская и Кіево-Виленская, дающія сообщеніе между сѣверо-западнымъ и юго-западнымъ краемъ, прикрытое Полѣсьемъ, Березиной и Днѣпромъ, почти одинаково важны, если не считать, что направленіе на Бобруйскъ соединяетъ рельсами три крѣпости, а дорога на Витебскъ — лишь двѣ, Динабургъ и Кіевъ. Въ интересахъ же торговли Витебская дорога не можетъ быть и сравниваема съ Бобруйскимъ направленіемъ. Вопервыхъ, Кіево-Витебская дорога пойдетъ вдоль теченія Днѣпра, конкуррируя съ даровою силой природы; большаго движенія по ней не будетъ; это будетъ повтореніе, но еще болѣе убыточное, Рижско-Динабургской дороги, и нельзя не сказать, что такія дороги Россіи теперь еще рано строить. Вовторыхъ, Кіево-Витебская дорога, подрывая Либаву, привлечетъ днѣпровскіе грузы къ Рижскому порту, но мы видѣли, что онъ не въ силахъ задержать ихъ стремленія къ Кенигсбергу. Пренебрегая почти 200 верстъ лишняго пути по рельсамъ, грузы идутъ изъ Динабурга въ Кенигсбергъ, а не въ Ригу. Наконецъ, въ случаѣ осуществленія Бресто-Кіевской линіи, Витебско-Кіевская дорога приведетъ лишь къ тому, что самъ Кіевъ станетъ Кенигсбергскимъ пригородомъ и будетъ отправлять грузы въ Пиллау. Во всякомъ случаѣ для чего же заставлять эти грузы дѣлать длинный обходъ на Витебскъ и Динабургъ, когда такъ удобно направить ихъ прямо въ Либаву по Бобруйской линіи, которая, въ случаѣ вѣрно разсчитаннаго направленія Кіево-Брестской дороги, не будетъ опасаться и ея конкурренціи?

№ 235.

Москва, 30-го октября.

Мы говорили недавно о предполагаемомъ преобразованіи подушной подати. На дняхъ сообщено *С.-Петербургскими Вѣдомостями* извѣстіе, что подушную подать предполагается замѣнить отчасти подворною, а отчасти поземельною податью, въ такомъ видѣ, что $^3/_4$ всей суммы будутъ разложены на дворы, а $^1/_4$ на землю. Это извѣстіе, по доходящимъ до насъ свѣдѣніямъ, не совсѣмъ вѣрно. Сущность проекта Податной Коммиссіи по этому предмету, составленнаго большею частью на основаніяхъ, предложенныхъ ею еще въ 1863 г., заключается, сколько намъ извѣстно, въ слѣдующемъ. Реформѣ подвергается не только общая государственная подушная подать, составляющая нынѣ до 40.900.000 р. (съ 23 милліоновъ поселянъ всѣхъ именованій), но и та часть государственнаго земскаго сбора, которая взимается по душевой раскладкѣ, до 22.300.000 р., всего 63.200.000 р. Двѣ трети этой послѣдней суммы, соотвѣтствующія подушной подати, предполагается замѣнить *подворною податью*, а остальную одну треть, соотвѣтствующую душевому окладу государственнаго земскаго сбора, — *поземельнымъ налогомъ*. Эта численная пропорція двухъ вновь проектируемыхъ налоговъ выводится впрочемъ только приблизительно и только для первоначальнаго финансоваго разчета; она должна въ дѣйствительности измѣниться подъ вліяніемъ предлагаемыхъ коммиссіей способовъ раскладки этихъ сборовъ.

Податною единицей *подворной подати* принимается дворъ, то-есть совокупность принадлежащихъ въ каждомъ селеніи одному домохозяину усадебныхъ построекъ. Но дворъ признается только внѣшнимъ признакомъ для податнаго обложенія, а не единственнымъ его основаніемъ. Общая сумма подворной подати вычисляется для

государственнаго бюджета по количеству дворовъ, но при внутренней раскладкѣ въ каждомъ сельскомъ обществѣ, для исчисленія сбора слѣдующаго съ каждаго домохозяина, принимается въ соображеніе количество рабочихъ силъ во дворѣ и отчасти также бо́льшая или меньшая выгодность ихъ промышленныхъ занятій. Такое основаніе для податнаго обложенія подворною податью принято въ проектѣ по тому соображенію, что нынѣ источникомъ уплаты какъ государственной подушной подати, такъ и душеваго земскаго сбора, служатъ преимущественно рабочія силы, то-есть всѣ вообще промышленные заработки податныхъ сословій, и что собственно изъ крестьянскихъ доходовъ отъ одной земли уплачиваются душевые налоги только въ нѣкоторыхъ, особенно плодородныхъ и чисто-земледѣльческихъ мѣстностяхъ. Въ виду этой доли участія земли въ уплатѣ нынѣшнихъ душевыхъ налоговъ, учреждается въ дополненіе къ подворной подати поземельный налогъ; но онъ поставленъ на второй планъ въ сравненіи съ главнымъ налогомъ, долженствующимъ замѣнить болѣе двухъ третей всѣхъ нынѣшнихъ государственныхъ душевыхъ сборовъ,—податью подворною.

Въ основаніи этого соображенія лежатъ два элемента, которые, по нашему мнѣнію, надобно строго различать, дабы, производя реформу, въ сущности не остаться на прежнемъ мѣстѣ,—элементъ заключающійся въ экономическихъ условіяхъ дѣла и элементъ вносимый въ него законодательствомъ. Первый есть элементъ естественный, коимъ нельзя пренебрегать, не рискуя ошибиться; второй, который для краткости можно назвать сословнымъ, есть искусственная прибавка.

Усадьба и угодья суть два предмета обложенія, во многомъ весьма различные, и это различіе должно быть принято къ соображенію. Совершенно вѣрно, что крестьянскія полевыя угодья нынѣ уже обременены значительными сборами: оброкомъ (у временно-обязанныхъ крестьянъ), государственною оброчною податью (у государственныхъ крестьянъ), не вездѣ переложенною на промыслы, выкупными платежами и наконецъ губернскими и уѣздными земскими повинностями, разлагаемыми на землю, и что поэтому надобно остерегаться чрезмѣрнаго обложенія крестьянскихъ полевыхъ угодій. Совершенно справедливо также, чтобы подворная и поземельная подать одна другую дополняли и уравновѣшивали; съ этою цѣлію коммиссія предлагаетъ установить различные размѣры той и другой подати для разныхъ мѣстностей Имперіи: въ мѣстностяхъ нечерноземныхъ подворный налогъ можетъ быть выше, а поземельный ниже, въ мѣстностяхъ черноземныхъ и вообще гдѣ крестьянинъ бо́льшую часть своего дохода получаетъ отъ надѣла — наоборотъ. Наконецъ правильною кажется принятая общая взаимная соразмѣрность подворнаго и поземельнаго налога. Если не ошибаемся, средній окладъ подворнаго налога составитъ, по предположеніямъ коммиссіи, въ общей сложности по Имперіи 5 р. 50 к. со двора, а средній окладъ поземельнаго сбора 18 к. съ десятины; эти оклады опредѣлены такъ, чтобы вновь проектируемые налоги могли по нынѣшнему количеству крестьянскихъ дворовъ (до 7.639.300 въ Имперіи) и земель крестьянскаго надѣла (122.600.000 десятинъ) приблизительно вознаградить казну за утрату подушной подати и душеваго земскаго сбора. Эти средніе оклады впрочемъ имѣютъ, вслѣдствіе предположеннаго разнообразія раскладки, только самый общій теоретическій смыслъ. Вся сумма подворнаго и поземельнаго налоговъ, слѣдующая съ Имперіи, будетъ распредѣлена между губерніями въ законодательномъ порядкѣ, сообразно съ развитіемъ промысловъ, степенью благосостоянія, количествомъ и плодородіемъ земли,—сумма подворнаго налога разъ навсегда, а поземельнаго — на шесть лѣтъ, сообразно со смѣтой государственныхъ земскихъ повинностей. Развертка суммы налоговъ назначенныхъ съ каждой губерніи, между уѣздами, частями уѣздовъ и волостями, предоставляется земскимъ учрежденіямъ, а гдѣ ихъ нѣтъ, губернскимъ по крестьянскимъ дѣламъ и особымъ о земскихъ повинностяхъ присутствіемъ. Впрочемъ расписаніе окладовъ, основанное на этой внутренней развертке въ каждой губерніи, восходитъ черезъ министерство финансовъ и съ его исправленіями, на утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ: правило очевидно необходимое, ибо представители мѣстныхъ интересовъ могутъ обидѣть другъ друга либо не придти ни къ какому соглашенію. При этомъ предполагается различіе въ утвержденіи развертки подвор-

ваго и поземельнаго налоговъ: разверстка перваго не только по уѣздамъ, но и по волостямъ, утверждается въ законодательномъ порядкѣ; второй разверстывается по уѣздамъ съ законодательнаго утвержденія, а по волостямъ—съ утвержденія министра финансовъ, который впослѣдствіи можетъ и измѣнить разверстку. Внутренняя раскладка суммы подворной подати, исчисленной съ каждаго общества, будетъ производиться самимъ обществомъ, съ тѣмъ однако ограниченіемъ, что никакая усадьба не можетъ быть облагаема свыше двойнаго средняго оклада, и что избы крестьянъ не имѣющихъ полеваго надѣла могутъ быть облагаемы только въ половину противъ средняго оклада. Что̀ касается до поземельнаго налога, то внутренняя раскладка его не предоставляется обществамъ: оклады его, утвержденные по волостямъ, распредѣляются по селеніямъ волостными сходами, и раскладка утверждается мировыми посредниками. Затѣмъ допускаются жалобы на неправильное распредѣленіе окладовъ поземельнаго налога между селеніями и волостями; эти жалобы разсматриваются въ земскихъ собраніяхъ и разрѣшаются министромъ финансовъ. Нельзя не замѣтить, что процедура, проектированная для распредѣленія окладовъ поземельнаго налога, довольно сложная, что она, по разнообразію и количеству властей привлекаемыхъ къ участію въ ней, можетъ породить между ними столкновенія и недоразумѣнія. Что̀ же касается вообще до сдѣланнаго различія въ раскладкѣ подворной и поземельной подати, изъ коихъ первая будетъ имѣть *для членовъ каждаго сельскаго общества разные оклады*, а вторая—одинаковые, то это различіе справедливо, такъ какъ существо того и другаго налога совершенно различно; усадьбы представляютъ гораздо болѣе разнообразія нежели полевыя угодья, да къ тому же и вредно было бы брать лишній налогъ съ земель лучше удобренныхъ, между тѣмъ какъ наружный видъ усадьбы свидѣтельствуетъ о зажиточности, съ которою всякая справедливая подать должна соразмѣряться.

Таковы тѣ основанія проектированнаго преобразованія подушныхъ налоговъ, которыя составляютъ въ немъ элементъ болѣе или менѣе безспорный данный экономическими условіями и особенностями предметовъ обложенія. Но на ряду съ этими основаніями коммиссія допустила въ своемъ проектѣ и такія, коихъ необходимость и польза подлежатъ самому серіозному сомнѣнію. Отсюда произошли внутреннія противорѣчія проекта, вслѣдствіе коихъ одна часть его совершенно уничтожаетъ силу другой части. Коммиссія, очевидно, затруднялась общею стороною своей задачи, о чемъ впрочемъ и сама нѣсколько разъ заявляетъ. Это затрудненіе причинено, кажется намъ, неясною постановкой главнаго вопроса.

Почему требуется преобразованіе подати взимаемой подушно? Не потому ли что она доставляетъ казнѣ гораздо меньше, чѣмъ во сколько обходятся податнымъ сословіямъ тѣ стѣсненія, которыя она налагаетъ на нихъ въ предупрежденіе недоимокъ? Эти стѣсненія могутъ быть подведены подъ два главные вида: стѣсненіе личныхъ правъ посредствомъ закрѣпощенія лицъ обществамъ и стѣсненія правъ имущественныхъ посредствомъ круговой поруки, въ свою очередь еще болѣе закрѣпляющей власть обществъ надъ ихъ членами. Вотъ стало-быть тотъ предметъ, на который должна быть обращена реформа. Нельзя сказать, чтобы коммиссія не имѣла его въ виду; напротивъ она была имъ единственно озабочена и въ этомъ отношеніи поступала правильно, но она повидимому взяла дѣло болѣе съ его наружной стороны и не дошла или побоялась дойти до его корня.

Зло подушной подати не въ томъ, что она взимается съ лицъ, но въ томъ что обезпеченіемъ ея взиманія считаются лица, а не ихъ имущество, ихъ промыслы, ихъ трудъ. Лицо, обнаженное отъ всей этой обстановки, можетъ обезпечивать что-либо только своею свободой, а потому подать, обезпечиваемая личностью, должна именно на личность налагать запрещеніе. Вотъ что̀ пагубно дѣйствуетъ на весь народный бытъ у насъ; вотъ что̀ держитъ въ цѣпенѣніи наши народныя силы; вотъ что̀ должно быть устранено реформой подушной подати, заслуживающею мѣста наряду съ великими реформами нынѣшняго царствованія. Но будетъ ли достигнута эта цѣль, если вмѣсто души мы поставимъ, напримѣръ, семью, совокупность душъ, назвавъ ее пожалуй дворомъ? Это не будетъ подушная подать, но плательщикамъ не станетъ отъ того легче, если обезпеченіемъ подати будетъ признана попрежнему личность податнаго человѣка, хотя бы мы на-

звали личность человѣка не ея именемъ, а перекрестили ее въ иносказательное выраженіе: „рабочія силы.“

Чѣмъ труднѣе и сложнѣе реформа тѣмъ болѣе нуждается она въ томъ, чтобы принципъ ея былъ ясенъ. Подушную подать не стоило бы реформировать, еслибы необходимость требовала и впредь облагать личность человѣка, то-есть взимать съ человѣка подать не за то что онъ чѣмъ-либо владѣетъ или промышляетъ, а за то что онъ родился такимъ-то человѣкомъ, принадлежащимъ къ податному состоянію. Или реформа не будетъ имѣть никакого значенія, или она должна поставить взиманіе подати внѣ зависимости отъ сословныхъ различій. Спѣшимъ прибавить что понимаемая такимъ образомъ реформа подушной подати не есть еще уравненіе сословій относительно налога. Эта послѣдняя задача имѣетъ свою высокую цѣну, и можно сказать, что пока она не рѣшена, политическій бытъ народа нельзя считать нормальнымъ. Но она не находится въ неразрывной связи съ тою задачей, которая теперь подлежитъ разрѣшенію. Равномѣрное распредѣленіе податей весьма желательно; оно требуется справедливостью; оно было бы великимъ благодѣяніемъ для народа взятаго въ совокупности всѣхъ его классовъ. Но податныя сословія считали бы себя несказанно облагодѣтельствованными и въ томъ случаѣ, еслибы теперешнее неравномѣрное распредѣленіе податей осталось въ своей силѣ и только былъ измѣненъ способъ ихъ взиманія и обезпеченія. Такъ напримѣръ, государственный земскій сборъ взимается съ душъ и платится лицами крестьянскаго сословія. Когда говорится о переложеніи его на землю, то это отнюдь не значитъ, чтобъ его слѣдовало непремѣнно переложить на земли принадлежащія лицамъ всѣхъ сословій, подобно тому какъ подушная мѣщанская подать была переложена на городскую недвижимую собственность всѣхъ городскихъ обывателей, къ какому бы сословію кто изъ нихъ ни принадлежалъ. Государственный земскій сборъ очень можетъ быть переложенъ на однѣ крестьянскія земли. Но чтобъ эта новая подать была свободна отъ недостатковъ подушной подати, требуется совершенно очистить ее отъ связи съ личностью плательщиковъ, то-есть отъ сословнаго характера. Раздѣленіе людей на податныхъ и неподатныхъ должно совсѣмъ исчезнуть; но земли весьма могутъ быть раздѣлены на податныя и неподатныя. Извѣстная часть земель въ государствѣ, именно земли принадлежащія нынѣ крестьянамъ, могутъ быть объявлены податными, иначе черными, и затѣмъ удерживать этотъ характеръ неизмѣнно въ чьи бы руки онѣ не перешли въ послѣдствіи, то-есть какого бы званія ни былъ ихъ будущій владѣлецъ. Почти точно то же можно сказать и объ усадьбахъ. Для переложенія подушной подати на усадьбы отнюдь не требуется разверстывать ее на всѣ усадьбы, крестьянскія и помѣщичьи, какъ это сдѣлано въ городахъ. Въ особенности нѣтъ надобности оцѣнивать усадьбы и соразмѣрять подать съ ихъ оцѣнкой. Податная коммиссія предлагаетъ постановить за правило, чтобы ни одна усадьба не была облагаема болѣе чѣмъ двойною среднею податью своей мѣстности. Этимъ удерживается за подворною податью экономическій характеръ отмѣняемой подушной подати. Еслибы, ради единства въ финансовомъ законодательствѣ монархіи, было найдено нужнымъ распространить подворную подать въ этомъ ея видѣ на всѣ сословія, то она никого бы не обременила, ибо съ помѣщичьей усадьбы пришлось бы платить не болѣе 10 р. въ годъ. Нужна впрочемъ не отмѣна изъятій, которыя могутъ быть допускаемы на разныхъ основаніяхъ; нужно чтобы самая подать не имѣла сословнаго основанія, то-есть чтобъ ей подлежали, пожалуй за разными изъятіями, всѣ сельскія усадьбы, и притомъ усадьбы въ собственномъ смыслѣ, то-есть строенья и огороды, а не семьи. При этомъ слѣдуетъ дѣлать явственное различіе между основаніемъ обложенія и обезпеченіемъ поступленія подати. За основаніе обложенія усадьбы, если это почему-нибудь нужно, можетъ быть принято даже число живущихъ въ усадьбѣ людей, но чтобъ эта подать не была подушною податью и не страдала ея недостатками, необходимо признать обезпеченіемъ подати не личность этихъ людей, а ту усадьбу въ которой они живутъ. Иначе не было бы причины и предлагать, какъ предлагаетъ коммиссія, разныя раскладки подворной и поземельной подати въ губерніяхъ черноземныхъ и нечерноземныхъ. Въ первыхъ, по мнѣнію коммиссіи, долженъ быть выше поземельный налогъ, во вторыхъ—налогъ подворный. Это различеніе совершенно вѣрно, но оно по-

теряло бы смыслъ, еслибъ оба налога взыскивались одинаково и имѣли обезпеченіемъ своимъ личность людей, а не ихъ имущество, то-есть подворный — усадьбу, а поземельный — землю. Для чего было бы тогда расписывать, что вотъ эта часть налога взимается съ усадьбы, а вотъ эта съ земли.

Второй пунктъ, чрезвычайно затруднившій коммиссію и ею почти совсѣмъ обойденный, есть круговая порука, одно изъ главнѣйшихъ побужденій къ реформѣ подушной подати. Коммиссія, въ мотивахъ своего проекта, съ похвальною энергіей указываетъ на зло круговой поруки, несовмѣстимое съ успѣхами народнаго благосостоянія, и приводитъ многія фактическія доказательства противъ ошибочности мнѣнія, что круговая общественная порука выгодна для казны и доставляетъ ей обезпеченія въ исправномъ взносѣ податей. Опытъ показываетъ, что подати поступаютъ болѣе или менѣе исправно единственно подъ вліяніемъ бóльшихъ или меньшихъ урожаевъ и меньшихъ или бóльшихъ мѣстныхъ несчастій. Несмотря на круговую поруку, въ Россіи накоплялись огромныя недоимки, не бросающіяся въ глаза лишь вслѣдствіе ихъ частаго сложенія по Всемилостивѣйшимъ манифестамъ. Но при всей правильности своего взгляда на этотъ вопросъ, податная коммиссія не имѣла рѣшимости вовсе устранить изъ своего проекта зло круговой поруки. Она предлагаетъ разныя ограниченія ея. *Во-первыхъ*, круговая отвѣтственность обществъ по налогамъ подворному и поземельному вовсе отмѣняется въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ существуетъ участковое, а не общинное пользованіе землей и гдѣ до сихъ поръ, несмотря на это обстоятельство, подушные сборы обезпечивались круговою порукой и, что всего ужаснѣе, часто насильственно заставляли поселянъ, вопреки историческому быту, переходить отъ участковаго пользованія къ общинному (это заявляетъ сама податная коммиссія). *Во-вторыхъ*, во всѣхъ другихъ селеніяхъ, имѣющихъ землю въ общинномъ пользованіи, недоимка текущихъ окладовъ подворной и поземельной податей будетъ взыскиваться *до конца слѣдующаго года* съ самихъ недоимщиковъ, обозначенныхъ въ окладныхъ листахъ, и лишь по истеченіи этого срока раскладывается на всѣхъ членовъ общества и взыскивается съ нихъ вмѣстѣ съ окладомъ. По нынѣ дѣйствующимъ правиламъ недоимка въ податяхъ не внесенная нѣкоторыми крестьянами *до 10-го октября текущаго года*, раскладывается немедленно на прочихъ крестьянъ и взыскивается съ нихъ самими обществами или полиціей (то-есть, правильнѣе сказать должна взыскиваться по теоріи закона, но въ дѣйствительности взыскивается рѣдко). Наконецъ, *въ-третьихъ*, бремя круговой поруки по подворной и поземельной податямъ ослабляется тѣмъ, что въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ она останется, крестьянинъ желающій выйдти изъ общества и переселиться можетъ это сдѣлать заплативъ или обезпечивъ исчисленный съ него окладъ по 1-е января слѣдующаго года. Это послѣднее правило есть самое существенное изъ проектированныхъ ограниченій нынѣшняго закрѣпощенія сельскаго люда круговою порукой; но должно замѣтить, что обязательный выкупъ усадебъ, установленный Положеніями 19-го февраля, будетъ попрежнему тяжкимъ препятствіемъ свободѣ переселеній. Впрочемъ, какъ ни дорого обходилось бы отдѣльнымъ крестьянамъ освобожденіе отъ круговой поруки, оно было бы нѣкоторою льготой для богатыхъ крестьянъ, еслибъ упомянутое выше правило о личномъ выкупѣ отдѣльныхъ домохозяевъ изъ-подъ круговой поруки было положительно выражено въ проектѣ какъ безусловное *право*, а не въ видѣ нѣкоторыхъ несовсѣмъ ясныхъ сужденій коммиссіи о возможности дарованія обществамъ права увольнять своихъ членовъ при уплатѣ послѣдними податнаго оклада до 1-го января слѣдующаго года. Желательно, по крайней мѣрѣ, чтобъ это дорогое право было выражено какъ можно точнѣе и притомъ въ самомъ проектѣ закона.

Предлагая замѣну подушныхъ сборовъ подворнымъ и поземельнымъ налогами, коммиссія предлагаетъ совершенную отмѣну ревизскаго исчисленія душъ, со введеніемъ, для административныхъ цѣлей, статистической переписи народонаселенія; затѣмъ упразднилось бы все столь сложное дѣлопроизводство по припискѣ и перечисленіямъ ревизскихъ душъ, угнетающее и администрацію, и бытъ податныхъ сословій. Конечно, нельзя этому не порадоваться вмѣстѣ съ составителями проекта подворной и поземельной податей, но спрашивается какимъ образомъ можно надѣ

яться этого достигнуть, если будетъ сохранено обезпеченіе уплаты податей посредствомъ круговой поруки обществъ, такъ какъ эта порука неизбѣжно повлечетъ за собой, въ томъ или другомъ видѣ, нынѣшній порядокъ увольненія, пріема и перечисленія изъ одного общества въ другое, если не ревизскихъ душъ, то домохозяевъ? При сохраненіи этого порядка, необходимъ и нѣкоторый контроль надъ его соблюденіемъ. На много ли облегчится процедура всего этого дѣлопроизводства чрезъ замѣну единицъ ревизскихъ душъ единицами домохозяевъ? На много ли упростится эта процедура (да еще упростится ли?) только оттого что въ казенныхъ палатахъ будетъ прекращена всякая по этому предмету переписка, и что она вмѣсто казенныхъ палатъ будетъ заведена въ волостныхъ правленіяхъ и у сельскихъ старостъ подъ контролемъ полуграмотныхъ сельскихъ писарей? Привлекать общества къ податной отвѣтственности за своихъ членовъ, и отнять у обществъ право ограниченія свободы этихъ членовъ невозможно. Съ этимъ согласна впрочемъ и сама податная коммиссія, чистосердечно заявляющая, что и съ предлагаемою ею реформой, препятствія къ свободнымъ переходамъ податныхъ лицъ останутся въ значительной силѣ. Но для чего имъ оставаться въ силѣ? Это не требуется ни интересами государственной казны, ни интересами крестьянъ, ни наконецъ интересами помѣщиковъ, которымъ отнюдь не выгодно, чтобы круговая порука выгоняла изъ ихъ имѣній самыхъ богатыхъ крестьянъ, то-есть именно тѣхъ, коихъ участіе въ круговой порукѣ можетъ придавать ей цѣну.

№ 236.

Москва, 30-го октября.

А.

Партія имѣющая своимъ органомъ газету *Вѣсть* достаточно обнаружила свой характеръ. Ей ненавистно все что совершилось въ нашемъ отечествѣ, начиная съ 19-го февраля 1861 года, и всего противнѣе ей то направленіе, которое приняла политика нашего правительства съ 1863 г. послѣ польскаго мятежа, — направленіе, которое какъ бы чудотворною силой сразу возстановило значеніе Россіи въ Европѣ, уладило всѣ внутреннія затрудненія возникшія вслѣдствіе одной изъ величайшихъ реформъ нынѣшняго столѣтія, и примирило и согласило всѣ сословія, въ то самое время когда враги наши разчитывали на совершенное разстройство и деморализацію нашихъ общественныхъ силъ. Реакціонная и антинаціональная интрига, притихнувъ на время, разыгралась съ большею чѣмъ когда-либо силой въ послѣдніе три года, и *Вѣсть* служитъ ей усерднымъ орудіемъ въ печати. Нѣтъ ни одного изъ великихъ начинаній, обновившихъ Россію, подъ которое она бы не подкапывалась и которое не было бы предметомъ ея клеветы.

Одно изъ главныхъ мѣстъ въ ряду нашихъ преобразованій занимаетъ, конечно, новая организація нашихъ военныхъ силъ, которая ставитъ ихъ въ уровень съ перворазрядными арміями въ Европѣ, гдѣ индивидуальное развитіе солдата полагается въ основу тактическому образованію и дисциплинѣ. До сихъ поръ противъ военной реформы *Вѣсть* еще не отваживалась предпринимать рѣшительную компанію и ограничивалась только безпрерывными и ожесточенными нападеніями на *Русскій Инвалидъ*, какъ на органъ военнаго министерства, и злобными намеками на лица стоящія во главѣ этого управленія. Всѣмъ извѣстны заслуги оказанныя *Русскимъ Инвалидомъ* въ смутное время польскаго мятежа; всѣмъ памятно то благое дѣйствіе, которое производилъ въ то смутное время горячій патріотическій тонъ этого органа, поднявшій духъ нашей военной молодежи и возвратившій ее къ чувству долга. Прекращеніе этой газеты съ концомъ нынѣшняго года было для публики совершенною неожиданностію. Полагали, что причиной тому были соображенія экономическаго свойства, побудившія военное вѣдомство сократить расходы и отказаться отъ субсидій, какой при нынѣшнихъ обстоятельствахъ требуетъ изданіе *Русскаго Инвалида* (а еще болѣе *Сѣверной Почты*). Но вскорѣ дѣло разъяснилось: правительство признало за лучшее, чтобы всѣ министерства имѣли одинъ общій органъ, котораго изданіе откроется съ будущаго года подъ именемъ *Правительственнаго Вѣстника*. Тѣмъ не менѣе *Вѣсть* увидала въ прекращеніи *Русскаго Инвалида* какъ бы сигналъ для открытія компаніи противъ

военной реформы. Въ полученномъ сегодня нумерѣ она вооружается противъ нашей нынѣшней организаціи и предлогомъ къ тому беретъ книгу генерала Фадѣева *О вооруженныхъ силахъ Россіи*.

Статьи генерала Фадѣева по этому предмету были первоначально помѣщены въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, и тогда же мы отдали должную справедливость блестящимъ литературнымъ достоинствамъ, которыми онѣ отличаются. Особенно обращали мы вниманіе нашихъ читателей на главную мысль этого труда, которая всегда была намъ сочувственна, и которую мы высказывали еще въ 1863 году, когда внутри нашихъ предѣловъ кипѣлъ мятежъ и намъ угрожала европейская коалиція: это — мысль о народномъ ополченіи. Мы предоставляли спеціалистамъ оцѣнку подробностей труда генерала Фадѣева, и тѣхъ способовъ, какими онъ предполагалъ бы наилучшимъ образомъ осуществить мысль объ ополченіи; но мы тѣмъ съ большимъ сочувствіемъ отзывались о его трудѣ, что въ своихъ предположеніяхъ онъ основывался на совершившейся у насъ военной реформѣ, и отдавалъ ей полную справедливость. Говоря о преобразованіи нашихъ военныхъ учрежденій, генералъ Фадѣевъ выражался между прочимъ такъ: „оно составляетъ дѣло совершенно новое: основаніе несуществовавшей до сихъ поръ національной организаціи нашихъ силъ— трудъ гигантскій, который вмѣстѣ съ освобожденіемъ крѣпостныхъ и обновленіемъ нашего гражданскаго бытія составитъ вѣчную славу царствованія Александра II".

Въ особомъ изданіи своего труда авторъ сдѣлалъ много значительныхъ перемѣнъ, и *Вѣсть* поспѣшила воспользоваться или вѣрнѣе злоупотребить нѣкоторыми мѣстами его книги для своихъ цѣлей. „Общій взглядъ его" (генерала Фадѣева), говоритъ она, „на достоинства нашей военной организаціи высказывается такъ опредѣлительно, „что *не оставляетъ мѣста оптимизму*, въ „которомъ пребывало общество относительно военныхъ преобразованій." *Вѣсть* обходитъ основную мысль этого труда, она ни слова не молвитъ объ ополченіи, и сосредоточиваетъ вниманіе исключительно на мнимыхъ недостаткахъ нашей военной организаціи, ссылаясь на авторитетъ генерала Фадѣева. Она оставляетъ въ сторонѣ вопросъ, о которомъ хлопочетъ авторъ *Вооруженныхъ силъ*; ей нужно было заговорить объ этомъ трудѣ только для того чтобы повести атаку противъ совершившейся военной реформы, въ увѣренности, что теперь наступила для этого самая удобная минута. Посмотримъ же съ какою добросовѣстностью газета *Вѣсть* заставляетъ генерала Фадѣева вынимать изъ печи ея каштаны.

Дѣйствительно въ особомъ изданіи труда генерала Фадѣева есть мѣста, которыя можно истолковать въ смыслѣ неблагопріятномъ для нынѣшняго военнаго могущества Россіи. Мы понимаемъ побужденія заставляющія заботиться о новомъ усиленіи нашей военной реформы и говорить о немъ съ увлеченіемъ. Ничего не могло бы быть лучше какъ то народное подспорье, которое соотвѣтствовало бы учрежденіямъ вводимымъ и развиваемымъ на нашихъ глазахъ во всѣхъ первостепенныхъ державахъ. Не имѣя у себя подобнаго учрежденія подготовленнаго въ мирное время, мы въ случаѣ войны можемъ, дѣйствительно, оказаться позади другихъ и дорого поплатиться за это. Но подготовленіе превосходнаго ополченія было бы только дальнѣйшимъ развитіемъ нынѣшней военной организаціи, которая отличается удивительною эластичностію и допускаетъ возможность всякихъ усовершенствованій безъ коренныхъ перемѣнъ въ управленіи арміей. Для введенія ополченія въ систему нашихъ оборонительныхъ силъ, нѣтъ надобности производить ломку въ нашемъ военно-административномъ механизмѣ, который дѣйствуетъ съ небывалою въ прежнія времена исправностію и который такъ обдуманно устроенъ, что приспособленіе къ нему совершенно новыхъ аппаратовъ нисколько не нарушитъ его правильнаго хода.

Со всѣмъ этимъ генералъ Фадѣевъ согласенъ и теперь въ отдѣльномъ изданіи своего труда. Разсматривая преобразованія совершающіяся съ 1863 г., онъ говоритъ, что преобразованія эти, по ихъ важности, можно назвать девятнадцатыми февраля русской арміи (стр. 29): высокая похвала, впрочемъ, не во мнѣніи господъ *Вѣсти*, которые иначе думаютъ о девятнадцатомъ февраля. „Нынѣшнее военное министерство", продолжаетъ генералъ Фадѣевъ, „руководилось мыслію Освободителя и исполнило задачу съ твердостью и послѣдовательностью, увѣковѣчивающими его имя... „Вмѣсто постоянной, всегда содержимой „въ комплектѣ дѣйствующей арміи и ре-

„зервовъ создаваемыхъ на время войны „изъ безсрочныхъ рекрутъ, у насъ существуетъ теперь, какъ и вездѣ, армія съ „подвижнымъ, произвольно растяжимымъ „наличнымъ составомъ, которую можно „низводить по мѣрѣ надобности до однихъ „кадровъ и постепенно повышать до комплекта. Безсрочно-отпускные, вмѣсто того „чтобы формироваться въ новыя части, „служатъ только для пополненія арміи. „Когда принято такое основаніе, то дальнѣйшее развитіе военной организаціи, сообразно съ потребностями времени, *составляетъ уже вопросъ подробностей*, а „не сущности дѣла, какъ было прежде." Къ сожалѣнію, однако, авторъ, увлекаясь предлагаемыми имъ *подробностями*, преувеличиваетъ ту опасность, которую онѣ должны предотвратить. Послѣ произвольнаго и потому не вполнѣ соотвѣтствующаго дѣйствительности разчета нашихъ военныхъ силъ, онъ приходитъ къ убѣжденію, будто численность ихъ такова, что Россія не могла бы вступить теперь даже въ единоборство съ Пруссіей или Австріей. Онъ замѣчаетъ, что еслибы наша нынѣшняя организація дѣйствовала во время Восточной войны, то мы стояли бы тогда на одной ногѣ съ противниками, но что съ тѣхъ поръ Европа ушла много впередъ (стр. 23). Авторъ разумѣетъ подъ этимъ усиленіе регулярныхъ армій народными ополченіями; но это въ разныхъ государствахъ Европы есть фактъ новый, вчерашній и сегодняшній, и Европа не успѣла уйдти отъ насъ, такъ чтобы мы не могли сію же минуту догнать ее.

Газета *Вѣсть* могла бы подлить къ этимъ преувеличеніямъ своего яду и произвести на своихъ читателей извѣстный эффектъ, не прибѣгая къ прямымъ извращеніямъ. Она предпочла послѣднее. „Генералъ Фадѣевъ", сказано въ *Вѣсти*, „далеко не „раздѣляетъ тѣхъ воззрѣній, какія сложились въ публикѣ на основаніи *Русскаго „Инвалида* и *Военнаго Сборника*; онъ, къ „крайнему нашему удивленію, находитъ „настоящую нашу военную систему такъ „мало достигающею цѣли, что признаетъ „необходимымъ *совершенно замѣнить ее „новою*". Вотъ во что превратилось, подъ перомъ *Вѣсти*, то дальнѣйшее развитіе настоящей военной системы, которое составляетъ, по подлиннымъ словамъ генерала Фадѣева, вопросъ подробностей, а не сущности дѣла. Для чего же понадобилось подобное извращеніе? Для чего именно теперь понадобилось возгласить, что сужденія генерала Фадѣева о достоинствѣ нашей военной организаціи не оставляютъ мѣста оптимизму, какъ не оставляютъ мѣста оптимизму сужденія *Вѣсти* о достоинствѣ крестьянской реформы, будто бы разорившей Россію и понизившей ея производство, или отмѣны откуповъ, будто бы споившей весь русскій народъ?

Предпринимая перенести свою дѣятельность на новое для нихъ поле военнаго вопроса, алармисты *Вѣсти* останавливаются на численности нашихъ войскъ. Но цифры, на которыя они опираются, неточны.

Генералъ Фадѣевъ полагаетъ, что намъ для успѣшнаго веденія европейской войны необходимо имѣть 900.000 дѣйствующихъ войскъ и, кромѣ того, для внутренней службы, — 480.000 ополченія. При этомъ составѣ, численность дѣйствующей пѣхоты должна доходить, по его мнѣнію, до 768.000, вмѣсто 580.000, которыя Россія выставляетъ теперь.

Дабы каждый могъ оцѣнить значеніе этихъ цифръ, припомнимъ главныя черты нынѣшней военной организаціи.

Войска раздѣляются на *дѣйствующія*, имѣющія назначеніемъ полевую войну, и *мѣстныя*, имѣющія назначеніемъ внутреннюю службу и приготовленіе рекрутъ. Численность *дѣйствующихъ* войскъ, по военному времени, такова:

Пѣхоты	778.000
Кавалеріи	54.000
Артиллеріи	74.000
Инженерныхъ войскъ	17.000

Итого, дѣйствующихъ войскъ, которыя могутъ быть выведены въ поле противъ непріятеля, имѣется у насъ 923.000 человѣкъ *). По наименьшему мирному (кадровому) штату численность этихъ войскъ нисходитъ до 515.000.

Мѣстныхъ войскъ числится, по военному времени, 320.000; по мирному—272.000.

Иррегулярныхъ, казачьихъ войскъ по военному времени—229.000.

Если отчислить значительную часть казачьихъ войскъ для внутренней службы,

*) Приводимыя нами цифры взяты изъ *Статистическаго временника*, гдѣ напечатаны штаты нашей арміи, въ различныхъ ея положеніяхъ: линейные баталіоны, хотя и неорганизованы въ дивизіи, тѣмъ не менѣе суть дѣйствующія, а не мѣстныя войска.

то мы будемъ имѣть въ дѣйствующихъ войскахъ не менѣе 1.100.000 человѣкъ. Откинувъ же 200.000 на Кавказъ, Сибирь и Туркестанъ, мы можемъ противопоставить западной Европѣ около 900.000 человѣкъ. Въ единоборство съ Австріей или Пруссіей мы были бы не въ состояніи вступить развѣ только при крайней нераспорядительности, и еслибы стали раскидывать, какъ въ бывшую Восточную войну, наши силы отъ Соловца и Днѣстра до Николаевска на Амурѣ, а не сосредоточивать ихъ на главныхъ театрахъ войны, гдѣ рѣшается участь кампаній. Русская сѣть желѣзныхъ дорогъ, теперь, благодаря Бога, уже довольно значительная, ручается, что къ подобной ошибкѣ теперь не можетъ быть и повода.

Огромная разность между силами мирнаго и военнаго времени, на которую указываетъ генералъ Фадѣевъ, происходитъ отъ того, что онъ беретъ въ основаніе своихъ вычисленій сокращенные сроки службы. Само собой разумѣется, что и теперь можно значительно сократить расходы на содержаніе войскъ, увеличивъ разность между числомъ ихъ содержимымъ въ мирное время, и числомъ содержимымъ въ военное время. Но послѣ Восточной войны правительство постоянно стремилось къ уменьшенію сроковъ службы, и дошло наконецъ съ 25 до 8 лѣтъ дѣйствительной службы. Имѣй наша армія казарменное расположеніе, сокращеніе, несомнѣнно, пошло бы и далѣе.

B.

Не такъ давно *Вѣсть*, которая не на шутку призываетъ къ допросу администрацію юго-западнаго края, требовала объясненій: правда ли, что тамошніе крестьяне совершенно потеряли уваженіе къ законной власти, и въ доказательство приводила, что они не признаютъ границъ отведенныхъ имъ надѣловъ и самовольно вырываютъ межевые столбы. По словамъ *Кіевлянина*, случаевъ, на которые намекаетъ *Вѣсть*, было ровно пять во всѣхъ трехъ юго-западныхъ губерніяхъ, а именно: Кіевской губерніи Васильковскаго уѣзда, въ с. Черкасахъ; въ Смѣлянскомъ имѣніи графа Бобринскаго, Черкасскаго уѣзда; въ мѣстечкѣ Лысянкѣ, Звенигородскаго уѣзда; въ с. Куравѣ Бердичевскаго уѣзда и въ с. Рогузкѣ Бершадской, Ольгопольскаго уѣзда (Подольской губерніи). Въ маѣ мѣсяцѣ, при отводѣ крестьянамъ земель и обозначеніи ихъ границъ межевыми знаками, въ означенныхъ пяти имѣніяхъ крестьяне дѣйствительно вырыли межевые столбы, поставленные для отграниченія ихъ надѣловъ. „Администрація“, говоритъ кіевская газета, „заранѣе предвидѣла, что могутъ встрѣтиться недоразумѣнія, и потому еще предъ приступленіемъ къ отводу земель, распорядилась, какъ слѣдуетъ поступать въ случаяхъ непокорности, чтобы при самомъ началѣ не дать потачки и тѣмъ не способствовать появленію чего-либо серіознаго“. Эти распоряженія были въ точности исполнены: въ двухъ имѣніяхъ отводъ былъ сдѣланъ мировымъ съѣздомъ, а въ остальныхъ трехъ, у крестьянъ оказавшихъ неповиновеніе, были расквартированы военныя команды и крестьяне сами тотчасъ же вкопали вырытые столбы, а команды чрезъ два-три дня были выведены изъ селеній. Дѣло на томъ и окончилось, и *на 2.565 имѣній, въ которыхъ совершено въ это лѣто отграниченіе надѣловъ, были всего-на все эти пять случаевъ* неповиновенія, происшедшіе въ самомъ началѣ дѣла, окончившіеся менѣе чѣмъ въ недѣлю и стоившіе крестьянамъ трехъ селеній нѣсколько дней лишнихъ издержекъ.

Но при разслѣдованіи помянутыхъ пяти случаевъ, говоритъ *Кіевлянинъ*, оказалось, что причиной недоразумѣній былъ ложный слухъ, что ежели-де крестьяне теперь отграничатъ свои земли, то въ будущемъ ничего уже не получатъ, а между тѣмъ въ будущемъ слѣдуетъ будто бы прибавлять имъ земли на дѣтей. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьяне прямо говорили: „Намъ панъ-экономъ казавъ, що це вся земля наша, а мировые подкуплены отъ пановъ“.

Кіевлянинъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что распусканіе слуховъ подобнаго рода стало общимъ пріемомъ въ польской политикѣ со времени знаменитыхъ *золотыхъ грамотъ*.

№ 237.

Москва, 1-го ноября.

Знаменитый г. Лонгвортъ, бывшій командиръ и организаторъ турецкихъ казаковъ и баши-бузуковъ, нынѣ британскій генеральный консулъ въ Сербіи, ежегодно

объѣзжаетъ разныя провинціи Турецкой имперіи, съ особымъ порученіемъ доносить своему правительству, что все обстоитъ благополучно по Оттоманской имперіи, что подданные султана наслаждаются счастіемъ, и что турецкая администрація не оставляетъ желать ничего лучшаго. По заведенному порядку, заказанный г. Лонгворту рапортъ отправляется въ Лондонъ мѣсяца за два до собранія парламента, предварительно разглашается въ англійскихъ журналахъ для вящей подготовки публичнаго мнѣнія, и если кто-нибудь изъ членовъ оппозиціи вздумаетъ упрекнуть министерство за эгоистическое равнодушіе правительства ея величества королевы Викторіи къ страданіямъ христіанскихъ племенъ на Востокѣ, то лордъ Станлей величаво укажетъ на рапортъ г. Лонгворта, и членъ оппозиціи замолкнетъ за неимѣніемъ достовѣрныхъ фактовъ опровергающихъ офиціальныя данныя.

Съ точностію англійскаго хронометра, г. Лонгвортъ выслалъ и въ нынѣшнемъ году свой обычный рапортъ, посвященный ходу дѣлъ въ Болгаріи. Не будемъ утруждать читателей длинными цитатами изъ этого документа; достаточно сказать, что британскій ревизоръ положительно утверждаетъ:

что Болгары вообще чрезвычайно довольны турецкою администраціей и не могутъ нахвалиться отеческимъ попеченіемъ о ихъ благосостояніи оттоманскихъ властей,

что единственное препятствіе къ народному благоденствію и спокойствію странъ есть наплывъ иностранныхъ подстрекателей и возмутителей, которыхъ Болгары страшатся какъ огня. Кто эти agents provocateurs, откуда именно они наплываютъ, и какъ ихъ до сихъ поръ не переловили, объ этомъ правдивый ревизоръ не говоритъ ни слова; но умѣющимъ читать между строками легко понять, что дѣло идетъ о русскихъ агентахъ.

Рапортъ этотъ принятъ восторженными рукоплесканіями французской офиціальной и офиціозной печати. *Constitutionnel* взялъ первый кадило въ руки и вознесъ ѳиміамъ „безпристрастію“, „проницательности“ и „правдивости“ г. Лонгворта. Австрійскіе кадильщики г. фонъ-Бейста, въ свою очередь, взялись за дѣло, и большинство европейскихъ читателей волей-неволей проникаются сужденіями г. Лонгворта и убѣжденіемъ, что Болгарія была бы земной рай, еслибы не русскіе подстрекатели.

Правда, Болгары дѣйствительно могли бы быть счастливы и спокойны, еслибы не агенты-подстрекатели, безпрестанно ихъ волнующіе и препятствующіе развитію народнаго благоденствія. Но г. Лонгвортъ долженъ былъ прибавить, что эти подстрекатели высылаются не изъ Петербурга, какъ онъ намекаетъ, а изъ Константинополя, и что они составляютъ ту самую турецкую администрацію, которую онъ такъ усердно восхваляетъ.

Турецкія правительственныя лица, не имѣющія своей программы и дѣйствующія по указаніямъ и внушеніямъ, которыя даются имъ западными опекунами Турціи, усвоили себѣ ученіе о русскихъ агентахъ, и были бы, какъ кажется, не прочь объяснить кознями русскаго правительства даже и пресловутый заговоръ, открытый въ Константинополѣ.

Обращаемъ вниманіе читателей на печатаемыя нами сегодня интересныя сообщенія нашего константинопольскаго корреспондента объ этомъ заговорѣ, который до сихъ поръ былъ предметомъ лишь неопредѣленныхъ слуховъ въ европейской печати. Благодаря энергіи Императорскаго посольства въ Константинополѣ, интригѣ не удалось воспользоваться этимъ дѣломъ для того чтобы выдать его за русскую махинацію. „Тѣмъ не менѣе“, пишетъ нашъ корреспондентъ, „и несмотря на неудачу „впутать русскихъ агентовъ въ исторію „такъ-называемаго заговора, едва ли нынѣшній урокъ отучитъ турецкихъ государственныхъ людей отъ навязанной имъ „привычки видѣть вездѣ и во всемъ руку „Россіи.“

Ничего не было бы забавнѣе розказней о таинственныхъ странствіяхъ *du général Bibicroff* съ цѣлымъ штабомъ, или о „графѣ Иванѣ Ѳедоровичѣ“, еслибы положеніе дѣлъ, съ которымъ связаны всѣ эти нелѣпости, не принадлежало къ числу самыхъ прискорбныхъ и опасныхъ въ Европѣ. Сегодняшняя лондонская телеграмма, несмотря на краткость свою, кажется, свидѣтельствуетъ, что и въ Англіи начинаютъ сознавать, что въ Турціи дѣла идутъ не совсѣмъ ладно. Лордъ Станлей, въ рѣчи своей къ избирателямъ, заявляетъ, что несмотря на всѣ миролюбивыя заявленія, которыми было такъ обильно послѣднее время, будущее Европы омра-

чено облаками, а положеніе дѣлъ на Востокѣ смутно. „Пока Порта", пишетъ намъ между прочимъ константинопольскій корреспондентъ нашъ, „успокоивается относительно Кандійскаго возстанія, хотя его „еще нельзя считать вполнѣ усмиреннымъ, „съ другой стороны горизонта вновь возникаетъ *черная точка*... Недовѣріе между Турціей и Дунайскими Княжествами „возбуждено въ сильной степени и уже „выражается значительными военными приготовленіями на обоихъ берегахъ Дуная... „Повидимому," заключаетъ нашъ корреспондентъ, „не много нужно, чтобы тамъ „грянулъ ударъ тяготѣющей надъ Европой грозы."

Не безъ нѣкотораго основанія можемъ мы опасаться того, чтобы на Востокъ не была искусно отведена гроза, которая должна была бы разразиться въ другомъ мѣстѣ. На Востокѣ всегда было смутно, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія; но можно съ увѣренностію сказать, что не тамъ завязка событій, которыхъ съ тревогой ожидаетъ теперь Европа. Россія, на которую обыкновенно возлагаютъ отвѣтственность за движенія возникающія на Востокѣ, сократила до крайней степени свое участіе въ тамошнихъ дѣлахъ. Теперь, болѣе чѣмъ когда-либо, слѣдуетъ она политикѣ воздержанія на Востокѣ, а въ центральной Европѣ дѣйствія ея имѣютъ миротворный характеръ. Но, почемъ знать, можетъ быть именно оттого-то гроза и спроваживается изъ центра Европы на Востокъ... Дѣйствительно, на Дунаѣ не ладно и смутно; но, кто знаетъ, не затѣмъ ли это, чтобы громъ не грянулъ на Рейнѣ? События, которыя, не дай Богъ, прорвались бы теперь на Востокѣ, едва ли обратятся въ пользу Россіи; за то, положительно можно сказать, они послужатъ въ пользу нашей доброй германской сосѣдкѣ...

№ 238.

Москва, 2-го ноября.

Сегодня полученный нумеръ *Вѣсти* содержитъ манифестъ этой партіи именующей себя консервативною. Мы думаемъ, что наступило время, когда темное дѣло этой мнимо-консервативной партіи должно наконецъ разоблачиться. Вопросъ о газетѣ уступаетъ мѣсто другому, несравненно болѣе серіозному. Статья, о которой мы упомянули, въ сущности не заключаетъ въ себѣ ничего новаго, но она представляетъ квинтессенцію того чѣмъ помянутая газета въ каждомъ своемъ нумерѣ угощаетъ своихъ читателей; здѣсь обозначилась вся ея тактика, и подробный анализъ этого интереснаго документа можетъ дать просвѣтъ въ тайну того обмана, котораго значеніе не можетъ быть измѣряемо значеніемъ *Вѣсти* въ газетномъ мірѣ. Мы очень рады, что эта партія постаралась собрать свои такъ-называемыя консервативныя идеи воедино и запечатлѣть ихъ столь торжественнымъ выраженіемъ, и не замедлимъ возвратиться къ этому интересному документу; теперь же мы хотимъ сказать нѣсколько словъ по поводу помѣщеннаго въ томъ же нумерѣ *Вѣсти*, вслѣдъ за упомянутымъ манифестомъ, ея объясненія съ *Русскимъ Инвалидомъ*.

Мы совершенно понимаемъ негодованіе, съ которымъ *Русскій Инвалидъ* отозвался на выходку *Вѣсти* противъ нынѣшней организаціи нашихъ войскъ. Мы тѣмъ болѣе цѣнимъ это чувство, что *Русскій Инвалидъ* никогда не позволялъ себѣ отвѣчать на гнусныя выходки, которыхъ предметомъ были не только его редакція, но и лицо стоящее во главѣ военнаго управленія. Нѣтъ такого ненавистнаго намека, который не былъ бы брошенъ въ эту сторону изъ лагеря *Вѣсти*. Мы припоминаемъ съ какою безсовѣстностію эксплуатировалось ею одно мѣсто въ одной изъ статей *Русскаго Инвалида* напечатанныхъ года за четыре предъ симъ. Говоря объ инстинктивной, воспитанной исторіею преданности русскаго народа идеѣ Царя, авторъ статьи, о которой мы говоримъ, замѣтилъ, что даже самыя смутныя явленія въ жизни русскаго народа свидѣтельствуютъ о глубинѣ и силѣ этой преданности. Авторъ указалъ при этомъ на Пугачева, который могъ увлечь за собой массы не какъ бунтовщикъ, а обманомъ, какъ самозванецъ, въ которомъ невѣжественныя населенія видѣли законнаго государя. Этому замѣчанію тотчасъ же былъ приданъ такой смыслъ, что имъ какъ бы оправдывается и одобряется пугачевщина, и съ тѣхъ поръ имя Пугачева не иначе упоминалось *Вѣстью*, какъ въ связи съ *Русскимъ Инвалидомъ* или косвенно съ тѣмъ правительственнымъ лицомъ, къ вѣдомству котораго принадлежитъ это изданіе. Мы не

помнимъ, чтобы *Вѣсть* потерпѣла какую-нибудь непріятность вслѣдствіе своихъ совсѣмъ недвусмысленныхъ намековъ на военнаго министра или на кіевскаго генералъ-губернатора, въ то время какъ другія газеты подвергались весьма чувствительнымъ невзгодамъ за неуваженіе къ правительственнымъ властямъ. Есть безконечная разница между голословнымъ нареканіемъ на характеръ лица или ни его образъ мыслей и раскрытіемъ факта. *Вѣсть* фактовъ не раскрывала, а прибѣгала къ нареканіямъ личнаго свойства, которыя не могутъ не считаться предосудительными, къ кому бы они не относились; однако она не можетъ пожаловаться, чтобъ ее преслѣдовали за ненавистные, лишенные всякаго положительнаго основанія намеки, которые она бросала въ лица, между тѣмъ какъ печати нерѣдко поставлялось въ вину то въ чемъ она должна видѣть главный долгъ свой,—раскрытіе и оцѣнка фактовъ, которые говорятъ сами за себя.

Вѣсть никогда не входила въ подробности военной организаціи, какъ и вообще эта ничтожная газета не входила въ разсмотрѣніе ни одного изъ вопросовъ, которые заботили правительство и занимали общественное мнѣніе. Кромѣ общихъ фразъ о консервативныхъ принципахъ, она ничего не предлагала своимъ читателямъ, и если къ чему-либо спеціально примѣняла эти принципы, то развѣ только къ польскому землевладѣнію въ западномъ краѣ; точно также какъ только здѣсь обнаружила она свою антипатію къ бюрократизму и къ произволу административнаго самовластія, по скольку оно относилось къ польскимъ панамъ. Дурно ли, хорошо ли шли у насъ дѣла по военной части, объ этомъ читатели *Вѣсти* ничего не вѣдали.... Вдругъ теперь заговорила она о нашей военной организаціи. Сія минута почему-то показалась ей для того особенно удобною. Что же? Постарались ли эти господа освѣдомиться о дѣйствительномъ положеніи дѣлъ по этой столь важной части, успѣли ли они составить себѣ какой-либо опредѣленный взглядъ на это дѣло, вынесли ли они изъ своихъ изслѣдованій и размышленій какое-нибудь серіозное убѣжденіе, которое побудило ихъ повести публичную рѣчь о военномъ дѣлѣ? Поводомъ, говорятъ они, послужила имъ книга г. Фадѣева *О вооруженныхъ силахъ Россіи*; но книга эта вышла уже довольно давно, и книги этой вдобавокъ они не читали, что положительно доказано нами третьяго дня. Они ограничились нѣсколькими отмѣченными для нихъ мѣстами изъ этой книги, которыя оказались пригодными для того чтобы сдѣлать въ эту минуту нападеніе на военное управленіе....

Теперь *Вѣсть* отвѣчаетъ на замѣтку *Русскаго Инвалида*, которая была перепечатана въ нашемъ вчерашнемъ нумерѣ. Еслибъ ее дѣйствительно занималъ вопросъ о нашей военной организаціи, то въ отвѣтъ на улики *Русскаго Инвалида* она, конечно, постаралась бы подкрѣпить свои доводы и съ новою силой высказаться объ этомъ предметѣ. Что же она дѣлаетъ? Она бросаетъ вопросъ о военныхъ преобразованіяхъ и ни однимъ словомъ не касается этого важнаго предмета, какъ будто бы не объ этомъ вовсе шла рѣчь, а распространяется единственно о тонѣ, какимъ *Русскій Инвалидъ* отозвался на ея выходку. Еслибы *Русскій Инвалидъ* промолчалъ, она, конечно, сочла бы себя въ правѣ торжествовать; еслибы *Русскій Инвалидъ* пустился въ спеціальныя объясненія по поводу исполненныхъ грубѣйшаго невѣжества, голословныхъ и лишенной всякой серіозности замѣчаній, то этимъ онъ придалъ бы имъ значеніе, призналъ бы нѣкоторымъ образомъ ихъ основательность, уронилъ бы достоинство предмета. *Русскій Инвалидъ* могъ только съ негодованіемъ протестовать, и въ его замѣткѣ нѣтъ ни одного слова сказаннаго по адресу *Вѣсти*, которое не было бы давно доказанною правдой. Допустимъ, однако, что *Русскій Инвалидъ* въ своей протестаціи слишкомъ рѣзко и несправедливо отозвался о выходкѣ *Вѣсти*: еслибъ эта партія дѣйствовала добросовѣстно, то протестовавъ противъ тона своего противника, она не могла бы вслѣдъ затѣмъ не возвратиться къ тому предмету, въ которомъ заключается сущность вопроса...

Какъ? Вы сейчасъ только узнали, что Россія беззащитна, что ея военныя силы въ полномъ разстройствѣ,—и въ виду такого ужаса, считаетесь словами съ отживающею газетой! Вы подмѣниваете предметъ, и вмѣсто военной организаціи, которая, по вашему мнѣнію, грозитъ отечеству страшною опасностію, толкуете объ офиціальныхъ газетахъ и о своихъ отношеніяхъ къ *Русскому Инвалиду*. Очевидно, что военная организація была для васъ

только предлогомъ для того чтобы сдѣлать личное нападеніе, хотя бы то было въ ущербъ достоинству и чести вашего отечества.

Дѣло сдѣлано: брошено фальшивое нареканіе на нашу армію; у *Русскаго Инвалида* вызвано столь естественное въ этомъ случаѣ горячее слово; полученъ поводъ прочесть *Русскому Инвалиду* нотацію за рѣзкость его тона.

№ 239.

Москва, 4-го ноября.

Чѣмъ неудовлетворительнѣе состояніе внутреннихъ путей сообщенія, тѣмъ большее значеніе имѣютъ порты, глубоко вдающіеся въ материкъ: къ нимъ выходитъ больше удобнаго морскаго пути, меньше — труднаго, внутренняго. Глубоко врѣзавшіеся въ материкъ русскіе порты, Петербургъ на Балтійскомъ морѣ, Одесса на Черномъ, — пріобрѣли издавна большое торговое значеніе и вслѣдствіе того первые притянули къ себѣ желѣзныя дороги. Затѣмъ рельсы прошли къ портамъ менѣе вдающимся: къ Ригѣ и къ Азовскимъ. Но эти порты страдаютъ весьма значительными неудобствами. Въ нашемъ холодномъ климатѣ, въ нашихъ средиземныхъ моряхъ, не знающихъ прилива и отлива, всѣ вдающіеся въ материкъ порты покрываются льдомъ зимою. Порты незамерзающіе лежатъ дальше въ морѣ: таковы Либава и Севастополь. Торговля можетъ ими пользоваться только благодаря желѣзнымъ дорогамъ, и ближайшая задача состоитъ въ томъ, чтобы довести рельсы до этихъ портовъ, доселѣ лишенныхъ торговаго значенія.

Говорятъ, что желѣзные дороги — учрежденіе демократическое, что увеличивая удобства всѣхъ классовъ общества, онѣ оказываютъ особенно чувствительныя услуги классамъ менѣе достаточнымъ. Это вѣрно и относительно цѣлыхъ народовъ, цѣлыхъ государствъ. Страны менѣе покровительствуемыя природой получаютъ отъ желѣзныхъ дорогъ наиболѣе благодѣяній. Чѣмъ неблагопріятнѣе климатъ Россіи, чѣмъ невыгоднѣе теченіе главныхъ рѣкъ ея сравнительно съ другими странами Европы, тѣмъ болѣе должна выиграть и тѣмъ неожиданнѣе преобразиться Россія отъ сооруженія желѣзныхъ дорогъ. До сихъ поръ русская внѣшняя торговля производилась лишь въ теченіе 7 — 9-лѣтнихъ мѣсяцевъ. Это опредѣлялось какъ замерзаніемъ портовъ, такъ и прекращеніемъ на зиму главныхъ внутреннихъ сообщеній — водяныхъ. Петербургъ и Рига, Одесса и Азовскіе порты вполнѣ отвѣчали ведущимъ къ нимъ внутреннимъ сообщеніямъ, каковы они были до построенія желѣзныхъ дорогъ: и порты и сообщенія замерзали приблизительно на одинаковое время; порты покрывались льдомъ какъ разъ настолько позднѣе внутреннихъ водяныхъ сообщеній, чтобъ успѣть управиться съ полученными грузами. Съ устройствомъ сѣти желѣзныхъ дорогъ вся эта гармонія нарушается: теперь приходится либо проложить рельсы до незамерзающихъ портовъ, либо видѣть, что зимняя торговля пойдетъ въ иностранные порты чрезъ сухопутныя таможни, какъ уже и оказывается въ Вержболовѣ. Отчетъ Главнаго Общества Русскихъ Желѣзныхъ Дорогъ свидѣтельствуетъ, что движеніе въ зимніе мѣсяцы по цифрамъ касающимся всей линіи возрастаетъ на цѣлую треть, а судя по отношенію общаго движенія къ движенію по Кенигсбергской вѣтви надо думать, что на послѣдней движеніе усиливается по крайней мѣрѣ вдвое*). Перевозка нѣкоторыхъ громоздкихъ товаровъ по Вержболовской дорогѣ увеличивается въ зимніе мѣсяцы втрое и даже вдесятеро, сравнительно съ лѣтнею транспортировкой.

Какъ на Балтійскомъ, такъ и на Черномъ морѣ три упомянутыя нами группы главныхъ портовъ расположены на столь значительномъ разстояніи другъ отъ друга, что каждой изъ нихъ соотвѣтствуютъ отдѣльные районы торговыхъ движеній, а съ тѣмъ вмѣстѣ должны соотвѣтствовать и главныя желѣзныя дороги.

Къ Балтійскому морю примыкаютъ три отдѣльные района, имѣющіе естественный исходъ: a) въ Петербургѣ съ Балтійскимъ портомъ, b) въ Ригѣ съ Виндавой и c) въ Либавѣ. Къ двумъ первымъ группамъ пор-

---

*) См. таблицу 4. По нѣкоторымъ классамъ товаровъ зимнее движеніе возрастаетъ еще сильнѣе. Товаровъ *III класса* провезено въ іюлѣ на 21.000 руб. сбора, въ ноябрѣ на 67.000 руб.; *IV класса* въ августѣ на 25.000 руб., въ іюлѣ на 33.000 руб., въ декабрѣ на 69.000 руб., въ мартѣ на 63.000 руб.; *V класса* въ августѣ на 17.000 руб., въ ноябрѣ на 62.000 руб.

товъ прошли изъ самой глубины материка двѣ главныя желѣзныя дороги: Саратовско-Петербургская и Борисоглѣбско-Рижская. Самый бѣглый взглядъ на карту показываетъ, что ни Кіевъ, ни Минскъ, ни весь бассейнъ Нѣмана не могутъ принадлежать ни къ Ригѣ, ни къ Петербургу, и что торговыя движенія запада Россіи требуютъ болѣе западнаго порта. Параллельно съ двумя главными помянутыми линіями, очевидно, должна возникнуть третья, болѣе западная. На югѣ къ Азовскимъ портамъ тянетъ бассейнъ Дона съ Харьковско-Азовскою линіей, къ Одессѣ бассейнъ Днѣстра съ Кіево-Балтскою дорогой, къ Севастополю пространство между двумя помянутыми районами. Потребности Севастопольскаго района могутъ быть удовлеторены лишь желѣзною дорогой идущею по среднему пространству между линіями Кіево-Балтскою и Харьковско-Азовскою. Наконецъ, такъ какъ и Севастополь и Либава суть единственные незамерзающіе порты Россіи, то ведущія къ нимъ изнутри страны прямыя линіи должны быть по возможности выгодно связаны, каждая, съ обѣими своими параллелями, дабы во время зимы порты незамерзающіе могли послужить на пользу районамъ и прочихъ главныхъ портовъ Россіи. Вотъ крупныя черты теперешней потребности Россіи по части желѣзныхъ дорогъ.

Естественныя границы районовъ каждаго изъ главныхъ портовъ зависятъ отчасти отъ удобствъ представляемыхъ имъ торговлѣ, отъ стоимости складовъ, отъ цѣны нагрузки, отъ высоты фрахтовъ, но для опредѣленія въ общихъ чертахъ района портовъ, лежащихъ въ одномъ и томъ же морѣ, напримѣръ Балтійскомъ, достаточно взять въ разчетъ разстоянія. Если на этомъ основаніи обозначить на картѣ границы балтійскихъ портовыхъ районовъ, то Рижскій районъ отграничится отъ Петербургскаго линіею проходящею: a) южнѣе Острова между станціями Жогово и Пондури, *) b) восточнѣе Вязьмы c) сѣвернѣе Орла и d) восточнѣе Ельца. Со всего пространства лежащаго сѣвернѣе и восточнѣе этой линіи будетъ ближе къ Петербургу, съ пространства лежащаго къ югу и западу ближе въ Ригу: вотъ между прочимъ почему теперь въ Мценскѣ хлѣбъ дешевле чѣмъ въ Орлѣ,—явленіе поразившее многихъ своею неожиданностью. Западная граница Рижскаго района теряется теперь въ обширномъ пространствѣ, лежащемъ между Рижско-Харьковскою линіей съ одной стороны и Данцигско-Черновицкою съ другой. Все это громадное пространство, исключая Восточную Пруссію, не прорѣзывается въ настоящее время ни одною желѣзною дорогой ведущею къ порту. Сѣверо-западный край, сѣверная часть юго-западнаго, губерніи западнаго берега Днѣпра одинаково удалены какъ отъ Риги, такъ и отъ Данцига и, очевидно, нуждаются въ болѣе близкомъ портѣ.

Потребность въ незамерзающемъ портѣ на Балтійскомъ морѣ и задача выгоднѣйшаго проведенія желѣзныхъ дорогъ въ Западной Руси разрѣшаются всего удовлетворительнѣе линіей соединяющею Курско-Кіевскую желѣзную дорогу съ Либавой чрезъ Бобруйскъ, Минскъ, Вильну и Ковно, и нужною для сношеній восточныхъ районовъ съ Либавой линіей Минско-Смоленскою. Эта система желѣзныхъ дорогъ представитъ значительныя преимущества и предъ Витебско-Кіевскою дорогой, и предъ разными варіантами линіи Кіево-Бердичевско-Кенигсбергской.

Витебско-Кіевская линія должна повлечь за собою дорогу изъ Риги въ малозамерзающую Виндаву. Но Виндава лежитъ на прямомъ продолженіи Рижско-Динабургской дороги и, очевидно, принадлежитъ Рижскому району: она—передовой портъ Риги. Предпочтеніе Виндавы Либавѣ несомнѣнно дастъ слѣдующіе результаты:

1) Для русской внѣшней торговли будетъ открытъ сравнительно худшій портъ изъ числа не замерзающихъ и безъ примѣтной выгоды въ сокращеніи рельсоваго пути, даже для мѣстностей восточныхъ, ближайшихъ къ Виндавѣ. Отъ Москвы чрезъ Динабургъ въ Виндаву будетъ 1.154 версты, а чрезъ Смоленскъ, Минскъ и Ландварово въ Либаву 1.176 верстъ; эта разница соотвѣтствующая 0,55 к. съ пуда хлѣба, врядъ ли окупитъ необходимую затрату капиталовъ на Виндавскій портъ и вознаградитъ за нѣсколько большіе фрах-

*) Отъ Жогова до Петербурга 331 вер., до Риги 370 вер. Складывая эти цифры и дѣля ихъ на 2. получаемъ ту точку Варшавской дороги, которая лежитъ на одинаковомъ разстояніи отъ Риги и отъ Петербурга, а именно $^{331}/_{2} + {}^{370}/_{2} = 350\frac{1}{2}$ в. Впрочемъ, какъ сказано, торговые разчеты и связи иногда нарушаютъ границы районовъ, напримѣръ Псковъ торгуетъ льномъ съ Ригой, а не съ Петербургомъ.

ты и страховыя премiи. Для всѣхъ же мѣстностей болѣе западныхъ и южныхъ, чѣмъ подмосковныя, въ Виндаву будетъ дальше, чѣмъ въ Либаву. Взявъ длину непостроенныхъ дорогъ по картѣ, получаемъ слѣдующiя разстоянiя:

Кiевъ, Черниговъ, Витебскъ, Виндава . . 1.170.
Кiевъ, Черниговъ, Ландварово, Либава . 1.000.
Кiевъ, Нѣжинъ, Ландварово, Либава . . . 1.045.

Итакъ для бассейна средняго Днѣпра предпочтенiе Виндавы Либавѣ выразится налогомъ отъ 3,4 до 4,4 к. с. на пудъ хлѣба.

2) При выборѣ Витебско-Кiевской дороги съ ея Виндавскимъ портомъ вся западная Русь превратится въ районъ Кенигсберга. Изъ Вильны на 100 верстъ ближе въ Пиллау, чѣмъ въ Виндаву; изъ Кiева чрезъ Бердичевъ и Брестъ по разнымъ варiантамъ линiй также. Отъ Кiева до Виндавы выйдетъ по меньшей мѣрѣ 1.170 верстъ.

3) Витебско-Кiевская линiя увеличитъ районъ Риги Могилевскою и сѣверною частiю Черниговской губернiи, но не устранитъ опасности, что нѣкоторые грузы будутъ повертывать изъ Динабурга по теперешнему въ Кенигсбергъ.

Либавско-Нѣжинская линiя ведетъ въ удобнѣйшiй и ближайшiй не замерзающiй портъ изъ самостоятельнаго района торговыхъ движенiй. Этотъ районъ отдѣляется отъ Рижскаго линiей проходящею сѣвернѣе Вильны, около Орши на Смоленско-Брестской дорогѣ и близъ Путивля на Курско-Кiевской. Весь бассейнъ Днѣпра внизъ отъ Шклова будетъ тянуть къ Либавѣ, а на западѣ районъ Кенигсбергскаго порта будетъ оттѣсненъ къ самой западной окраинѣ западной Руси.

Приблизительное протяженiе разныхъ варiантовъ Кенигсберго-Бѣлостоко-Бресто-Кiевской дороги получается по картѣ въ такомъ видѣ:

Чрезъ Брестъ, Пинскъ, Житомiръ . . . 1087 в.
„ Брестъ, Житомiръ (прямая линiя) . 1015 „
„ Брестъ, Корецъ, Бердичевъ (прямая) 992 „
„ Брестъ, Ковель, Ровно, Житомiръ 1040 „

Отъ Кiева же чрезъ Черниговъ къ Либавѣ 1.000 вер., а чрезъ Нѣжинъ 1.045 верстъ, и притомъ въ предѣлахъ одного государства.

Сравненiе перечисленныхъ направленiй показываетъ, что Кiевъ, чрезъ проведенiе желѣзныхъ дорогъ, можетъ быть сдѣланъ по произволу и кенигсбергскимъ и либавскимъ райономъ. Нельзя предполагать, чтобы правительство рѣшилось добровольно отдать торговлю проходящую черезъ Кiевъ въ зависимость отъ Пруссiи и сдѣлать это вполнѣ сознательно, безъ всякихъ къ тому побужденiй, ибо Пиллауская гавань отнюдь не лучше Либавской. Подобное немыслимое самоотверженiе было бы тѣмъ удивительнѣе, что:

1) Кенигсбергскiя линiи не имѣютъ половины стратегическаго значенiя Кiево-Бобруйско-Либавской, а идущiя чрезъ Ковель и Пинскъ и вовсе непроходимы для армiи. Въ началѣ XVIII столѣтiя Карлъ XII довелъ свою армiю до Пинска, но увидавъ съ тамошней колокольни разстилавшiйся предъ нимъ хаосъ водъ и болотъ, повернулъ назадъ.

2) Всѣ эти линiи проходятъ на большемъ или меньшемъ протяженiи по болотнымъ и пустыннымъ полямъ, особенно кратчайшiя.

3) Всѣ онѣ, кромѣ самой длинной, проходящей чрезъ Пинскъ, теряютъ всякую связь съ водяными сообщенiями по Днѣпру и его притокамъ, между тѣмъ какъ Либавская дорога можетъ брать грузы въ Бобруйскѣ и при пересѣченiи съ Днѣпромъ, что дастъ возможность кременчугскому хлѣбу сдѣлать отъ 350 до 450 верстъ лишнихъ по водяному пути. Переходя на лѣвый берегъ Днѣпра, она пересѣкаетъ въ низовьяхъ Десну и Сожъ. При помощи Смоленско-Брестской дороги проходящей около пристани Столбцы на верхнемъ Нѣманѣ, она возьметъ всѣ его грузы вслѣдствiе неудобности судоходства на среднемъ Нѣманѣ.

4) Для губернiй восточнаго берега Днѣпра сообщенiя съ портомъ будутъ удлинены. Отъ Нѣжина до Либавы около 940 верстъ, а до Кенигсберга выйдетъ до 1.100 верстъ.

Предоставляя Либавѣ возможно болѣе широкiй районъ и обративъ государственную помощь на Либавско-Нѣжинскую дорогу, нѣтъ причинъ препятствовать рельсовому соединенiю Кенигсберга съ лежащими непосредственно предъ нимъ западными уѣздами Гродненской и Волынской губернiй. Вредная въ стратегическомъ отношенiи, Лыко-Бѣлостоко-Брестская дорога можетъ имѣть мѣстное значенiе для торговли, а потому но огражденiи страте-

гическихъ интересовъ иными средствами она могла бы, по нашему мнѣнію, быть допущена, только безъ гарантіи или какихъ-либо субсидій.

Въ будущемъ можно предвидѣть продолженіе Лыкской дороги отъ Бреста на Ровно, Заславъ, Старо-Константиновъ. Если она будетъ направлена далѣе на станцію Жмеринку (пунктъ отдѣленія Волочисской вѣтви), или если будетъ построена дорога отъ Бреста на Ковель, Луцкъ, Дубно, Старо-Константиновъ и Жмеринку, то получится линія, забирающая грузы Волынской губерніи, имѣющая стратегическое значеніе, представляющая кратчайшую транзитную дорогу между Чернымъ и Балтійскимъ морями и не создающая опасной конкурренціи для Либавы: отъ Кіева по этой линіи будетъ на 80—100 верстъ ближе до Либавы.

Въ предупрежденіе недоразумѣній прибавимъ, что Кіевъ принадлежитъ къ району Балтійскаго, а не Чернаго моря. Разница фрахтовъ изъ балтійскихъ и черноморскихъ портовъ доходитъ иногда до 25 и 35 коп. съ пуда, а это соотвѣтствуетъ 1.000—1.400 верстамъ провоза по рельсамъ.

№ 240.

Москва, 5-го ноября.

А.

Г. фонъ-Бисмаркъ начинаетъ замѣчать, что ремесло завоевателя сопряжено не съ одними радостями. При открытіи прусскихъ палатъ офиціально обнаружился фактъ, котораго важное значеніе берлинскіе журналы напрасно стараются затаить.

Уже болѣе столѣтія, то-есть съ того времени, какъ небольшое Бранденбургское курфиршество превратилось въ королевство и начало постепенно возрастать въ силѣ, Пруссія славилась цвѣтущими финансами и на нее всѣ указывали какъ на образецъ порядка и бережливости. Не далѣе какъ два года назадъ, въ прусскомъ бюджетѣ оказывался избытокъ доходовъ надъ расходами, и когда г. фонъ-Бисмаркъ совершалъ свое завоевательное дѣло, всѣ очень основательно находили, что одна изъ главныхъ причинъ его успѣха заключалась въ огромномъ превосходствѣ прусскихъ финансовъ надъ австрійскими, и особенно въ 75 милліонахъ талерахъ звонкой монеты хранившихся въ запасномъ прусскомъ казначействѣ.

Но вотъ, послѣ быстрыхъ и блистательныхъ побѣдъ, послѣ безчисленныхъ присоединеній и поглощеній, при отсутствіи какого бы то ни было коммерческаго кризиса или земледѣльческаго и промышленнаго застоя, въ бюджетѣ новой, великой Пруссіи оказывается дефицитъ. Прусскій министръ финансовъ исчисляетъ этотъ дефицитъ въ 5 милліоновъ талеровъ и предлагаетъ покрыть его выпускомъ билетовъ казначейства, новыми налогами и продажею Кельнско-Магдебургской желѣзной дороги, составляющей собственность государства.

Дефицитъ показывается въ 5 милліоновъ. Дѣйствительно, этой самой суммы недостаетъ въ прусскомъ казначействѣ; но дабы въ точности опредѣлить истинный дефицитъ, къ 5 милліонамъ надобно прибавить большія суммы, собранныя Пруссіей помимо ея обыкновенныхъ доходовъ, суммы, которыя должны бы значиться въ *активѣ* казначейства.

Очень трудно опредѣлить всю сумму богатой добычи исторгнутой Пруссіей въ послѣднюю войну и послѣ ея; но нѣкоторыя цифры, преданныя гласности, даютъ возможность составить себѣ приблизительное понятіе объ этой добычѣ. Такъ, напримѣръ, въ силу Никольсбургскаго трактата Австрія должна была уплатить болѣе 40 милліоновъ талеровъ военной контрибуціи. Равнымъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что Баварія уплатила 8 милліоновъ, Виртембергъ 5 милліоновъ, великое герцогство Баденское 6 милліоновъ, курфиршество Гессенское 6 милл., Франкфуртъ на Майнѣ 20 милл. Все это въ совокупности составляетъ 85 милліоновъ талеровъ. Къ этому надобно присоединить: казну и государственныя имущества королевства Ганноверскаго, герцогства Нассау, Гессенъ-Касселя, и города Франкфурта, а также весьма значительную частную собственность короля Ганноверскаго, курфирста Гессенскаго и герцога Нассаускаго. Исчисляя всѣ эти доходы приблизительно въ 60 милліоновъ талеровъ, мы далеко еще не подойдемъ къ истинной цифрѣ.

Но и это еще не все что̀ основательно можетъ быть считаемо въ *активѣ* прусскаго бюджета. Нельзя терять изъ виду, что всѣ сѣверо-германскія союзныя и всѣ

присоединенныя къ Пруссіи государства вносятъ очень значительныя суммы на содержаніе прусской арміи. Не ручаясь за точность привидимой ниже цифры, мы имѣемъ основаніе полагать, что союзныя и присоединенныя государства вносятъ по 285 талеровъ на каждаго солдата, что составляетъ огромный прибавокъ къ военному бюджету Пруссіи. Наконецъ слѣдуетъ упомянуть о содержаніи крѣпостей и германскаго флота, о работахъ въ Килѣ и Яде, короче о всѣхъ союзныхъ расходахъ, въ которыхъ сѣверо-германскіе союзники Пруссіи участвуютъ весьма большими суммами. Все это въ совокупности составитъ по меньшей мѣрѣ 300 милліоновъ талеровъ, которые слѣдовало бы помѣстить въ бюджетѣ подъ рубрикой экстраординарныхъ доходовъ Пруссіи. Вычтя изъ этой суммы расходы, также чрезвычайные на послѣднюю войну, и не могущіе по ея кратковременности превышать 200 милліоновъ, найдемъ огромный дефицитъ во 100 милліоновъ въ продолженіе двухъ только лѣтъ у государства, гдѣ до сего времени ежегодно оставался значительный излишекъ доходовъ. Остается посмотрѣть къ какимъ средствамъ прусское правительство можетъ прибѣгнуть дабы возстановить прежнее почетное и завидное положеніе своихъ финансовъ.

Дефицитъ можно покрыть только двумя средствами: уменьшеніемъ расходовъ, или увеличеніемъ доходовъ. Очевидно, что въ виду Франціи вооруженной, Австріи возглашающей, что ей до крайности необходимы 800.000 солдатъ, также въ виду не очень довольной Германіи, прусское правительство не можетъ думать о сокращеніи своихъ расходовъ. Итакъ, остается увеличивать доходы, то-есть усиливать бремя лежащее на томъ населеніи, которое должно доставлять эти доходы. Въ послѣдней рѣчи короля Вильгельма есть мѣсто весьма знаменательное, гдѣ сказано что „дабы „воспрепятствовать выходу Баваріи изъ „помпиннаго парламента, было необходи„мо отказаться отъ увеличенія нѣкоторыхъ „таможенныхъ пошлинъ.“ Вотъ почему приходится прибѣгнуть къ прямымъ налогамъ или къ средствамъ, подобнымъ продажѣ Кельнско-Магдебургской желѣзной дороги. Но прямые налоги уже такъ высоки, что возбуждаютъ ропотъ въ присоединенныхъ провинціяхъ; они составляютъ ощутительное бремя для земледѣлія и промышленности даже въ самой Пруссіи. Съ другой стороны, не всегда можно имѣть наготовѣ желѣзную дорогу для продажи, и вообще продажа предмета доставляющаго вѣрный и постоянный доходъ не есть разчетливое средство для покрытія дефицита.

Выставляя это на видъ, мы не думаемъ наносить ущербъ кредиту Пруссіи или ея славѣ. Цѣль наша—обращать уроки опыта въ пользу общаго спокойствія. Естествоиспытатели утверждаютъ, что для всякаго яда имѣется противоядіе. Эта утѣшительная истина особенно примѣнима къ политическому порядку вещей. Въ настоящемъ случаѣ спасительное дѣйствіе противоядія уже обнаружилось въ рѣчи, произнесенной королемъ Прусскимъ при открытіи палатъ, рѣчи удивившей весь міръ своею воздержностью. Можно только пожелать, чтобы то же самое дѣйствіе сказалось во всѣхъ сферахъ прусскаго общества, особенно же въ средѣ проповѣдниковъ пангерманизма, ищущихъ прозелитовъ въ отдаленныхъ областяхъ, которыя должны оставаться и останутся неприступны для вражескихъ попытокъ.

Б.

Нынѣ полученный нумеръ *Вѣсти* весь посвященъ намъ. На насъ наскакиваютъ эти господа съ четырехъ разбѣговъ, въ четырехъ статьяхъ и статейкахъ. Это страшное движеніе въ лагерѣ *Вѣсти* причинено нашими замѣтками по поводу ея выходокъ противъ военной реформы и лицъ стоящихъ во главѣ военнаго управленія.

Ярость овладѣвшая этими господами такъ велика, что они не посовѣстились употребить въ дѣло даже очевидную и имъ совершенно свѣдомую опечатку въ помѣткѣ нашей передовой статьи: *Москва, 30-го октября*, вмѣсто *31-го октября*. Выписываемъ, ради куріоза, слѣдующую направленную противъ насъ улику:

„*Московскія Вѣдомости* отвѣчаютъ на статью нашу о военной реформѣ, и отвѣчаютъ съ поспѣшностію, поистинѣ изумительною. Въ самомъ дѣлѣ, въ передовой статьѣ этой газеты, помѣченной *Москва, 30-го октября*, между прочимъ сказано: „Въ полученномъ сегодня нумерѣ она (*Вѣсть*)....“ Между тѣмъ, нумеръ *Вѣсти*, о которомъ идетъ рѣчь, вышелъ въ Петербургѣ того же 30-го октября. Итакъ этотъ номеръ былъ пересланъ въ редакцію

московской газеты тѣмъ способомъ, въ которомъ было отказано одному крестьянину.. Человѣкъ этотъ, узнавъ о существованіи телеграфовъ, просилъ переслать своему сыну сапоги, по телеграфной проволокѣ. Оставляя, однако, въ сторонѣ эту потребность, въ которой виноватымъ окажется, *вѣроятно*, корректоръ.....“

Изъ обстоятельности, съ которою изложенъ этотъ „изумительный“ случай, нельзя не заключить, что имѣлось въ виду произвести этимъ нѣкоторый эффектъ въ нѣкоторыхъ сферахъ. Въ самомъ дѣлѣ, не странно ли, что мы, въ Москвѣ, писали замѣчаніе на статью *Вѣсти* въ тотъ же самый день, когда она появилась въ Петербургѣ? Не изумительно ли что эту длинную статью въ нѣсколько столбцовъ намъ передавали по телеграфу? Значитъ, подумають иные, тутъ скрывается нѣчто необыкновенное...

А между тѣмъ лица писавшія и печатавшія всю эту исторію видѣли и знали, что тотъ нумеръ *Московскихъ Вѣдомостей*, о которомъ идетъ рѣчь, вышелъ въ *пятницу 1-го ноября*, и что стало быть онъ составлялся *31-го октября*, когда полученъ былъ въ Москвѣ нумеръ *Вѣсти*, вышедшій 30-го.

Вотъ образчикъ тактики и совѣстливости этихъ господъ!

Но это только „подробность“. Сущность же заключается въ томъ, что мы якобы подкапываемся подъ общественное благоустройство, колеблемъ государственный порядокъ и дисциплину, и подъ видомъ патріотизма дѣйствуемъ совершенно въ одномъ направленіи съ бывшими органами нигилизма.

Видите, какъ быстро идутъ дѣла!

Впрочемъ, что мы мятежники, это уже для насъ не новость; объ этомъ мы давнымъ-давно знаемъ изъ извѣстнаго памфлета нашего добраго друга, г. Шедо-Ферроти. Что мы коммунисты и демагоги, это мы также давно, къ нашей чести, читали въ стольхихъ нѣмецкихъ и французскихъ газетахъ, служившихъ орудіемъ клеветы и вражды противъ Россіи. Что мы изверги и враги человѣчества, это мы наизусть выучили изъ польскихъ газетъ, начиная съ 1863 г. Весьма естественно, что и на счету у *Вѣсти* мы находимся между людьми, которымъ мѣсто въ Сибири или въ острогѣ.

Однако почему же *Вѣсть* зачисляетъ насъ въ эту компанію? Выписываемъ обвинительный противъ насъ актъ:

„Стóитъ вспомнить яростныя статьи *Московскихъ Вѣдомостей*, направленныя противъ администраціи сѣверо-западнаго края за удаленіе нѣкоторыхъ чиновниковъ, оказавшихся, по ея мнѣнію, непригодными для службы. Этого было достаточно *Московскимъ Вѣдомостямъ*, чтобы прокурорскимъ тономъ обвинять администрацію сѣверо-западнаго края чуть не въ сообщничествѣ съ польскою интригой,—приписывать ей тайныя намѣренія снять военное положеніе съ Поляковъ и подчинить ему только русскихъ чиновниковъ.

„Несмѣняемость служащихъ лицъ допускается только въ области судебной, а никакъ не въ административной. Въ этой послѣдней, особенныя свойства служебной дисциплины (возстановленіе которой требуетъ у насъ въ настоящее время болѣе сильныхъ пріемовъ) вызвали, вездѣ существующее, право начальника удалять отъ службы лицъ, по его мнѣнію, не соотвѣтствующихъ своимъ должностямъ. Отрицаніе этого права, не подлежащаго контролю, обвиненіе въ предательствѣ русскаго дѣла за примѣненіе этого права, конечно, не могутъ быть разсматриваемы, какъ средства возстановить пошатнувшуюся, отъ вѣянія нигилизма, служебную дисциплину, а скорѣе способны поколебать возстановляющійся, послѣ рескрипта 13-го мая авторитетъ власти.“

Всё это очень хорошо, но, къ сожалѣнію, здѣсь все неправда отъ перваго слова до послѣдняго.

Вотъ что мы писали, вотъ ipsissima verba *Московскихъ Вѣдомостей*, (№ отъ 27-го апрѣля): „Мы не считаемъ себя „въ правѣ задавать вопросъ почему одни „изъ служащихъ лицъ замѣняются другими, и не имѣемъ основанія сѣтовать „по поводу новыхъ назначеній въ администраціи западнаго края. Власть несущая „отвѣтственность за управленіе краемъ „имѣетъ безспорное право окружать себя „дѣятелями, которые ей болѣе извѣстны „или могутъ болѣе соотвѣтствовать ея „видамъ.“

Слѣдуетъ ли изъ этихъ строкъ, что мы подвергали сомнѣнію *право начальника удалять отъ службы лицъ по его мнѣнію не соотвѣтствующихъ своимъ должностямъ*, какъ обвиняетъ насъ *Вѣсть?*

Но этого мало, мы говорили далѣе:

„Мы увѣрены, что по крайней мѣрѣ нѣ-„которыя изъ новыхъ назначеній въ сѣ-„веро-западномъ краѣ, и притомъ важ-„нѣйшія, отнюдь не таковы, чтобы могли „внушить надежды партіи, которая по-„чему-то считаетъ себя въ эту минуту „торжествующею, и которая по всему вѣ-„роятію будетъ также разочарована какъ „за полтора года предъ симъ, когда въ „Вильну былъ назначенъ новый генералъ-„губернаторъ.“

Это ли можно назвать яростнымъ нападеніемъ на личность новаго начальника края?

Но должностныя лица, которыя удалялись изъ сѣверо-западнаго края и изъ коихъ многія были лица вполнѣ почтенныя и заслуженныя, осыпались гнусными нареканіями въ *Вѣсти* и *Новомъ Времени*; вѣрные слуги Государю и отечеству, боровшіеся съ мятежомъ и измѣной, выдавались сами за революціонеровъ, заговорщиковъ и враговъ общественнаго порядка. Въ виду этого вопіющаго скандала, вотъ что писали мы вслѣдъ за вышеприведенными словами:

„Но нельзя допустить, чтобы съ такою „наглостію публично предъ цѣлою стра-„ной, подвергались огульному поруганію „лица, которыя добросовѣстно и по край-„нему разумѣнію служили государству въ „трудную пору и въ трудномъ мѣстѣ. Гдѣ „же интересы Россіи найдутъ слугъ впол-„нѣ преданныхъ имъ, если со свистомъ и „гамомъ (въ *Вѣсти* и *Новомъ Времени*) „выпроваживаютъ людей не за какія-либо „злоупотребленія, которыхъ никто не об-„наружилъ, но за то что они вѣрно ис-„полняли программу призвавшей ихъ вла-„сти, принятую ею во время борьбы съ „врагами государства? Цѣль, которую вер-„ховная власть предпоставила въ западномъ „краѣ, остается, нѣтъ сомнѣнія, неизмѣн-„ною, ибо съ нею соединяется величай-„шая государственная необходимость, но „правительство въ томъ или другомъ от-„ношеніи можетъ измѣнить систему дѣй-„ствій въ виду лучшаго достиженія той же „цѣли: слѣдуетъ ли, однако, изъ этого, „чтобы люди, исполнявшіе прежнюю про-„грамму, должны были отдаваться на по-„руганіе врагамъ, чтобы въ насмѣшку надъ „Россіей клеймили ихъ званіемъ револю-„ціонеровъ?“

Итакъ, въ чемъ же дѣло? Новое начальство сѣверо-западнаго края нашло нужнымъ уволить множество должностныхъ лицъ, служившихъ тамъ при прежнихъ генералъ-губернаторахъ. Мы заявили этотъ фактъ, но не только не дѣлали изъ него никакихъ неблагопріятныхъ заключеній, а напротивъ, старались объяснить его самымъ удовлетворительнымъ образомъ. Мы заявили также другой фактъ, именно тотъ, что два петербургскіе органа (въ ихъ же характерѣ нельзя сомнѣваться) выдававшіе себя за друзей новой администраціи, съ неслыханною яростію нападали на удалявшихся оттуда должностныхъ лицъ, которыя могли не соотвѣтствовать видамъ новаго начальства, но которыя отнюдь не заслужили того, чтобъ ихъ огуломъ поворили какъ людей преступнаго образа мыслей и дѣйствій.

Но дѣло не ограничивалось смѣной и увольненіемъ отъ должности. Происходило въ сѣверо-западномъ краѣ и еще кое-что. Что чиновники увольнялись и смѣнялись другими, это одинъ фактъ; но вотъ другой, не имѣющій съ нимъ ничего общаго, и подлежащій иной оцѣнкѣ. Русскіе люди, не находившіеся при должностяхъ, даже духовныя лица православнаго исповѣданія, высылались изъ края подъ стражей или получали предписаніе выѣхать оттуда во столько-то дней, подъ угрозой быть высланными съ жандармами. Мы заявляли и этотъ фактъ, и напечатали объясненіе одного изъ удаленныхъ такимъ образомъ лицъ, который никакой вины за собой не зналъ, кромѣ только той, что служилъ усердно и съ честію въ вѣдѣніи другихъ начальниковъ въ западномъ краѣ. Мы установили фактъ во всей правдѣ, и предоставляли всякому дѣлать изъ него такія или другія заключенія. Всякій могъ сказать: если это люди преступнаго образа мыслей, то зачѣмъ же ихъ не предаютъ суду? зачѣмъ изъ Виленской или Минской губерніи выбрасываютъ такихъ людей въ Тульскую или Костромскую?

Мы сообщали, что виленская администрація предполагаетъ снять съ подлежащихъ ея вѣдѣнію мѣстностей военное положеніе, но такъ однако, чтобъ оно оставалось въ силѣ по отношенію къ служащимъ тамъ русскимъ чиновникамъ. Имѣлось ли такое предположеніе? Правду ли мы говорили, или это была клевета? Вопросъ только въ этомъ. Если наши показанія были справедливы и не лишены основанія, если мы сообщали фактъ подлин-

ный, то не мы виноваты въ томъ, что онъ подаетъ поводъ къ тѣмъ или другимъ заключеніямъ. Обращаемся къ словамъ, которыя выше выписаны нами изъ *Вѣсти*. Эта газета находитъ, что „снять военное „положеніе съ Поляковъ и подчинить ему „только русскихъ чиновниковъ“ значитъ не что иное какъ „сообщничество съ поль„скою интригой.“

Сообщничество съ польскою интригой! Это не мы говоримъ, это говоритъ *Вѣсть*.

Итакъ, если администрація сѣверо-западнаго края имѣетъ намѣреніе, при снятіи военнаго положенія, удержать его однако въ силѣ относительно русскихъ чиновниковъ, то по заключенію, которое дѣлаетъ *Вѣсть*, это значитъ дѣйствовать за-одно съ польскою интригой.

Виноваты ли мы, что эти господа сами дѣлаютъ такое заключеніе изъ факта, въ которомъ мы также отнюдь не виноваты?

Всѣмъ конечно памятна исторія злополучнаго Минкевича, который двѣнадцать лѣтъ томился въ монастырскихъ казематахъ (да и до сихъ поръ состоитъ подъ надзоромъ полиціи) за то, что сдѣлалъ доносъ на злоумышленный заговоръ противъ Россіи и царствующаго въ ней Дома. Сообщая фактъ, мы не только не дѣлали никакихъ неблагопріятныхъ заключеній объ административныхъ лицахъ, подъ рукою которыхъ онъ совершился, но напротивъ, старались объяснить его какъ случайную ошибку, какъ печальное недоразумѣніе, всегда и вездѣ возможныя. Это одинъ фактъ; другой же фактъ тотъ, что мы получили офиціальное сообщеніе, которое должны были по закону напечатать; изъ этого сообщенія, какъ бы въ назиданіе нигилистамъ, явствовало, что Минкевичъ поступилъ предосудительно, изъявляя приверженность къ правительству, и что хотя бо́льшая часть его показаній подтвердилась, а прочая оставлена безъ изслѣдованія, онъ тѣмъ не менѣе заслужилъ ту кару, которой подвергся. Вотъ фактъ, который даже не мы и заявляли для публики. Мы только выставили его въ надлежащемъ свѣтѣ и полной рельефности, и благодаря случайно имѣвшимся у насъ подъ рукой документамъ, возстановили для публики честь и доброе имя пострадавшаго за свою приверженность къ правительству.

Мы никогда не беремся оцѣнивать внутреннія побужденія и намѣренія лицъ, и никогда въ нашихъ сужденіяхъ не отправляемся отъ личностей: никто не можетъ доказательно укорить насъ въ этомъ. Но мы стараемся установить фактъ, и не наша вина если онъ подастъ поводъ къ тѣмъ или другимъ заключеніямъ. Насъ иногда укоряютъ въ рѣзкости,—но рѣзкость заключается не въ словахъ и не сужденіяхъ нашихъ, а въ разъясненномъ и установленномъ фактѣ. Каковъ бы ни былъ фактъ, мы никогда не позволяемъ себѣ вмѣнять его намѣренію лица и въ томъ, что поражаетъ насъ, склонны видѣть только случайность, ошибку, недоразумѣніе. Раскрывая во всей силѣ смысла фактъ, мы думаемъ прежде всего принести пользу тѣмъ, кто его попускаетъ или совершаетъ.

№ 241.

Москва, 6-го ноября.

Предпринятая правительствомъ реформа гимназій на господствующихъ въ образованномъ мірѣ началахъ есть коренное условіе, единственно-возможное прочное основаніе успѣховъ всего учебнаго дѣла въ Россіи; серіозное улучшеніе его во всѣхъ его отрасляхъ не можетъ начаться иначе какъ съ гимназій, безъ содѣйствія коихъ равно безсильны и университеты и низшія школы. Гимназія (и тождественная съ нею по своему среднему мѣсту въ училищной системѣ духовная семинарія) есть средоточіе всего вопроса о русскомъ народномъ просвѣщеніи. Но вопросъ о будущности русской гимназіи въ свою очередь сосредоточивается въ вопросѣ о гимназическомъ учителѣ: педагогическое дѣло не можетъ занять въ странѣ принадлежащее ему мѣсто, пока не успѣетъ сложиться и окрѣпнуть педагогическое сословіе. Въ чемъ же состоитъ сущность вопроса о русскомъ гимназическомъ учителѣ? Что нужно для того чтобъ образовалось у насъ дѣятельное и уважаемое педагогическое сословіе? Первое, главное условіе, необходимое для этой цѣли, дано реформой, указавшею гимназическому курсу средоточіе въ древнихъ языкахъ. Пока этого не было, не было и гимназической науки и не могло быть учебнаго сословія, имѣющаго вѣсъ и голосъ въ учебномъ дѣлѣ. Нынѣ это условіе дано, и полагаются сѣмена будущаго русскаго педагогическаго сословія. Но дабы эти сѣмена развива-

лись, нужно еще нѣсколько условій, и самыя существенныя изъ нихъ два. Вопервыхъ, кругъ дѣятельности учителя, теперь слишкомъ формальной, долженъ быть расширенъ; ея задача должна быть поставлена выше, и сопряженная съ нею отвѣтственность усилена. Вовторыхъ, увеличенію требованій и болѣе высокому служебному положенію учителя должно соотвѣтствовать лучшее матеріальное обезпеченіе учительской карьеры.

Внѣшнія черты устройства гимназій мы заняли преимущественно изъ Германіи, гдѣ учебное дѣло стоитъ на весьма высокой степени и гдѣ вслѣдствіе того бываютъ нововведенія, переходящія за предѣлъ необходимаго. Многопредметность гимназическаго курса, теперь признаваемая за великое зло и въ самой Германіи; преувеличеніе требованій относительно объема преподаванія второстепенныхъ предметовъ, принудившее увеличить число и размѣры уроковъ ко вреду физическаго и нравственнаго здоровья учениковъ, — вотъ нововведенія, которыя въ Германіи еще могутъ быть извиняемы высокимъ уровнемъ тамошнихъ гимназій, но коимъ отнюдь не слѣдовало бы становиться предметомъ подражанія у насъ. Между тѣмъ мы не только подражали имъ, но, какъ всегда бываетъ при подражаніи внѣшнемъ, довели до крайности именно то, что въ нихъ было односторонняго. Въ Германіи очень часто бываетъ, что одинъ учитель преподаетъ разные предметы: у насъ это рѣдкое исключеніе. Въ нѣмецкихъ гимназіяхъ одинъ изъ учителей каждаго класса, такъ-называемый ординарный учитель (ordinarius), имѣетъ въ немъ больше уроковъ чѣмъ другіе учителя и обязанъ озабочиваться общимъ ходомъ преподаванія всѣхъ предметовъ, приводить его къ одному знаменателю, соразмѣрять требованія учителей съ силами учениковъ: у насъ нѣтъ ничего подобнаго, ибо инспекторъ и директоръ, на коихъ это дѣло возложено, могутъ исполнять его лишь формально, не будучи въ состояніи слѣдить за его подробностями. Иностранцевъ, коимъ случается знакомиться со внутреннимъ порядкомъ въ нашихъ гимназіяхъ, поражаетъ формальность отношеній нашихъ учителей къ ученикамъ. Мы довели ремесленное раздѣленіе занятій до *nec plus ultra*, и въ цѣлой гимназіи у насъ ученикъ по большей части не встрѣчаетъ лица имѣющаго поводъ и возможность вникнуть въ его положеніе, въ его нужды, въ его нравственныя особенности. Для учениковъ гимназія — безпріютная пустыня, для учителей — мѣсто работы, не оживляемой скорбями и радостями педагогическаго труда. Упомянемъ здѣсь кстати о томъ возраженіи, которое теперь дѣлаютъ противъ гимназической реформы, но которое относится не къ ней, а къ остаткамъ прежняго порядка, подлежащимъ отмѣнѣ. Мы разумѣемъ жалобу на чрезмѣрность задаваемыхъ ученикамъ уроковъ, слышимую, впрочемъ, въ Москвѣ рѣже чѣмъ въ Петербургѣ. Но можетъ ли быть иначе, когда каждый учитель старается о томъ, чтобъ ученики какъ можно больше занимались его предметомъ, и когда нѣтъ въ гимназіи такого человѣка, который имѣлъ бы своею обязанностью слѣдить ежедневно за уроками, задаваемыми ученикамъ, соглашать требованія учителей и соразмѣрять ихъ съ силами учениковъ? Ученики бываютъ обременяемы не только тѣмъ что уроки вообще задаются слишкомъ большіе. Еще болѣе страдаютъ они отъ неравномѣрнаго распредѣленія уроковъ по днямъ недѣли. Иногда вдругъ выдается такой день, что задано пять уроковъ и все трудные, требующіе каждый по часу и по два работы: какъ тутъ управиться ученику? И вотъ онъ пускается на хитрости и изощряется въ томъ какъ бы обмануть тѣхъ учителей, которые на то болѣе другихъ поддаются. Тутъ можно удивляться только тому, какъ держится этотъ порядокъ, не встрѣчая громкихъ протестовъ изъ среды учительскаго сословія. Чтобы поправить дѣло, всего лучше было бы ввести классную систему, при которой въ каждомъ классѣ всѣ главные предметы преподаются однимъ учителемъ. Но у насъ съ каждымъ годомъ уменьшается число учителей, основательно знакомыхъ съ цѣлымъ гимназическимъ курсомъ, и эта система неисполнима. Мы должны по крайней мѣрѣ ближе держаться того устройства, которое существуетъ теперь въ Германіи, откуда мы взяли образцы для своихъ гимназій. Должно быть допущено чтобы кто можетъ, тотъ преподавалъ разные предметы; въ особенности же необходимо поручать каждый классъ или въ случаѣ невозможности, каждые два класса завѣдыванію одного изъ учителей на инспекторскихъ правахъ. Введеніемъ этого послѣд-

няго порядка мы возвысимъ учительскую должность, усилимъ ея отвѣтственность и вмѣстѣ съ тѣмъ ея интересъ и ея привлекательность. Давъ каждому классу особаго инспектора, мы сдѣлаемъ излишнею должность инспектора классовъ цѣлой гимназіи или лучше обратимъ инспектора въ учителя, и тѣмъ ослабимъ вредное дѣйствіе теперешняго порядка, при которомъ обязанность преподавать считается какъ бы несовмѣстимою съ начальническимъ положеніемъ. Говорить ли что теперешній порядокъ, освобождающій директора и инспектора гимназій отъ обязанности преподавать, не способствуетъ ни возвышенію учительскаго званія, ни улучшенію личнаго состава учительскаго сословія? Лучшіе изъ учителей награждаются теперь тѣмъ, что отнимаются у преподаванія: что можетъ быть вреднѣе этого для гимназій, особенно при малочисленности хорошихъ учителей? Въ нѣмецкихъ гимназіяхъ инспекторовъ вовсе нѣтъ, а директоры обязаны преподавать и преподаютъ нерѣдко по 16 уроковъ въ недѣлю. Почему бы и намъ не послѣдовать этому примѣру, — по крайней мѣрѣ, почему бы не дозволить директорамъ брать на себя преподаваніе не даромъ, какъ по теперешнему уставу, а за общее, уставомъ опредѣленное вознагражденіе? Времени на то у нихъ достанетъ: если успѣваетъ преподавать университетскій ректоръ, завѣдующій хозяйствомъ въ 500 тысячъ рублей, то какъ не найдти времени директору гимназіи, подъ наблюденіемъ котораго расходуется 25 – 50 тысячъ рублей? Препятствіемъ можетъ быть обязанность директора осматривать уѣздныя училища своей дирекціи, но это препятствіе отнюдь не принадлежитъ къ числу неустранимыхъ.

Переходимъ ко второму условію необходимому для того чтобы могло образоваться у насъ соотвѣтствующее своему призванію педагогическое сословіе. Какъ сказано, это условіе заключается въ удовлетворительномъ матеріальномъ обезпеченіи учительской карьеры. Новый уставъ сдѣлалъ уже много въ этомъ отношеніи; главное затрудненіе, недостаточность прежнихъ штатовъ, устранено. Остается сдѣлать шагъ, нисколько не трудный, но важность этого шага такова, что безъ него, можно сказать утвердительно, новые штаты никакъ не принесутъ ожидаемой отъ нихъ пользы.

Учительская карьера лишена у насъ существеннаго условія всякой карьеры, — возможности правильнаго повышенія, сопряженнаго съ возрастаніемъ жалованья. Никакое вѣдомство не могло бы имѣть хорошихъ чиновниковъ, еслибы всѣ чиновники, за исключеніемъ немногихъ начальниковъ, получали одинаковое содержаніе и пользовались одинаковыми правами. А гимназическіе штаты именно такъ устроены, что всѣ учителя, которымъ не удается перейдти въ инспекторы или директоры, должны оканчивать службу съ тѣмъ содержаніемъ и служебнымъ положеніемъ, какое было предоставлено имъ при самомъ ея началѣ, когда они только что сошли со студенческой скамьи. Чѣмъ лучше это положеніе, тѣмъ щедрѣе это содержаніе, тѣмъ труднѣе довольствоваться имъ въ послѣдствіи, когда возрастутъ потребности. Молодой человѣкъ, только что кончившій курсъ въ университетѣ, можетъ получить, поступая въ должность учителя, отъ 1.000 до 1.400 р. содержанія. Привыкши жить на эти деньги, онъ тѣмъ больнѣе будетъ чувствовать нужду, когда вступитъ въ семейную жизнь, и еще болѣе когда ему придется воспитывать дѣтей. Можно ли ожидать что заслуженный учитель, обремененный семействомъ, будетъ доволенъ своимъ положеніемъ, будетъ способенъ трудиться съ тѣмъ спокойствіемъ, которое столь необходимо, чтобъ учительская дѣятельность увѣнчивалась успѣхомъ? Служить двадцать пять лѣтъ безъ повышенія, на одномъ и томъ же жалованьи, — положеніе не выносимое, ни въ какой другой отрасли государственной службы не встрѣчающееся.

Ничего подобнаго нѣтъ нигдѣ въ Европѣ, кромѣ Россіи. Мы не будемъ говорить объ Англіи, гдѣ учители большихъ школъ начинаютъ со 100 фунтовъ стерлинговъ и оканчиваютъ тремя, четырьмя, пятью тысячами фунтовъ. Возьмемъ двѣ страны, стоящія къ намъ ближе, Францію и Пруссію.

Во Франціи есть два вида гимназій: городскія и земскія или такъ-называемыя *коллегіи*, и казенныя, или такъ-называемые *лицеи*. Въ первыхъ учителя начинаютъ иногда съ ничтожнаго жалованья въ 1.000 франковъ и повышаются по мѣрѣ службы на 1.500 фр. и мѣстами на 2.000 фр. Затѣмъ въ лицеяхъ учителя низшей степени, такъ-называемые *chargés de cours*,

не выдержавшіе экзамена на профессора, получають 1.200 фр.; выдержавъ этотъ экзаменъ, они становятся профессорами третьяго разряда, затѣмъ повышаются въ профессора втораго и перваго разряда, съ чѣмъ сопряжено возрастаніе жалованья съ 2.000 фр. на 2.200 и 2.400 фр. Въ дополненіе къ этому жалованью они получаютъ почти столько же въ качествѣ прибавки изъ сбора съ учениковъ *), дѣлимой между ними соотвѣтственно размѣрамъ жалованья, такъ что содержаніе *chargé de cours* бываетъ не менѣе 2.000 фр., а высшее содержаніе профессора доходитъ до 5.000 фр. Таковы матеріальныя условія службы въ департаментахъ. Въ Парижѣ и Версали профессора третьяго класса получаютъ собственно жалованья 3.500 фр., втораго разряда 4.000 фр., перваго—4.500 фр., а съ прибавочными отъ 6.000 до 8.000 фр. Мы видимъ такимъ образомъ цѣлую лѣстницу разрядовъ, и надобно замѣтить, что повышеніе изъ разряда въ разрядъ не связано съ переводомъ изъ города въ городъ, а можетъ быть получаемо безъ перемѣны мѣста служенія. Департаментскій учитель, начиная свою службу въ коллегіи, имѣетъ на наши деньги лишь 250 р. (звонкою монетой) жалованья; оканчивая ее въ лицеѣ и не сдѣлавшись ни цензоромъ, ни провизоромъ, къ чему не всѣ способны, онъ имѣетъ, смотря по числу учениковъ своего заведенія, отъ 800 до 1.200 руб., слѣдовательно въ три, четыре и пять разъ противъ того, съ чего началъ. Иные начинаютъ службу прямо въ лицеяхъ, съ 500 р. содержанія; для нихъ жалованье возрастаетъ въ меньшей пропорціи, но все-таки возвышается въ $2^1/_2$ раза противъ начала службы.

Въ Пруссіи находимъ не менѣе разнообразія. Учительскіе помощники, служащіе для испытанія, получаютъ 200, 300, 400 тал., а иногда и ничего не получаютъ. Учителя проходятъ чрезъ пять или шесть степеней повышенія и по мѣрѣ служебныхъ успѣховъ получаютъ въ городахъ третьяго разряда отъ 500 до 1.000 тал., въ городахъ втораго разряда отъ 550 до 1.150 тал., въ городахъ перваго разряда отъ 600 до 1.300 тал., въ Берлинѣ отъ 600 до 1.500 тал.

Упомянемъ, что такая же градація принята и нашимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія для вознагражденія университетскихъ преподавателей. Они раздѣляются на три разряда, различающіеся и по жалованью и по другимъ преимуществамъ: доценты получаютъ 1.200 содержанія, экстра-ординарные профессоры — 2.000 р., ординарные—3.000 р. Если эта столь разумная система считается полезною въ университетахъ, то что же препятствуетъ примѣнить ее къ гимназіямъ, по примѣру всѣхъ странъ, заслуживающихъ подражанія? Въ гимназіяхъ она еще нужнѣе чѣмъ въ университетахъ. Новый уставъ возвысилъ учительское жалованье, что было совершенно необходимо, въ виду возросшей дороговизны и произведенныхъ по другимъ вѣдомствамъ еще болѣе значительныхъ повышеній жалованья. На первыхъ порахъ своихъ учительская служба теперь достаточно вознаграждается, но для успѣха дѣла необходимо, чтобы гимназіи получили возможность сдѣлать привлекательнымъ и дальнѣйшее ея прохожденіе. Для этого не потребуется большихъ жертвъ со стороны государства; главнѣйшія средства могутъ быть найдены безъ измѣненія штата, и мы не замедлимъ возбудить нѣсколько вопросовъ о нихъ пріисканіи.

---

*) Въ эту прибавку идутъ 9% съ платы, вносимой пансіонерами (отъ 450 до 1.600 фр. смотря по городамъ), и половина сбора съ приходящихъ (отъ 50 фр. до 250, также смотря по городамъ). Впрочемъ, плата, взимаемая съ пансіонеровъ и приходящихъ зависитъ также отъ того въ какомъ они классѣ учатся; она всего выше въ дополнительномъ математическомъ классѣ. За ученье въ общихъ классахъ взимается:

	Съ пансіонеровъ.			Съ приходящихъ.		
	Въ приготовительныхъ классахъ.	Въ низшихъ классахъ.	Въ высшихъ классахъ.	Въ приготовительныхъ классахъ.	Въ низшихъ классахъ.	Въ высшихъ классахъ.
Въ Парижѣ.	1.000	1.100	1.200	500	200	250
„ Ліонѣ. .	850	900	950	120	150	200
„ Нимѣ . .	700	750	800	90	110	140
„ Бастіа .	450	500	550	50	70	90

№ 242.

Москва, 7-го ноября.

До присоединенія западнаго края къ Русскому государству, проживавшіе въ въ Россіи римскіе католики, коихъ число было весьма незначительно, не имѣли епископа, и духовныя дѣла ихъ, какъ и прочихъ иновѣрцевъ, вѣдались въ такъ-

называемой юстицъ-коллегіи лифляндскихъ и эстляндскихъ дѣлъ, съ участіемъ депутата отъ ихъ духовенства. *) Первая римско-католическая епархія въ Россіи была учреждена послѣ перваго раздѣла Польши (14-го декабря 1772 г.). Это была епархія бѣлорусская. Но при ея учрежденіи было опредѣлено попрежнему (п. 8), что если ея епископъ „рѣшитъ дѣло духовное, касающееся экономіи и добраго порядка въ монастыряхъ и церквахъ приходскихъ, и тѣмъ его судомъ кто доволенъ не будетъ, таковымъ апелляція дается юстицъ-коллегіи лифляндской, а на оную по порядку въ сенатѣ.“ **) Первымъ бѣлорусскимъ епископомъ римскаго исповѣданія былъ извѣстный Сестренцевичъ, и указъ о его назначеніи (22-го ноября 1773 г.) подтверждалъ опредѣленія указа предыдущаго года слѣдующими словами (п. 5): „Что касается до его должности и правленія епископскаго... также апелляціи на его епископскія рѣшенія по дѣламъ экономическимъ и свѣтскимъ между ихъ духовными и прихожанами, *исключая дѣла до вѣры ихъ принадлежащія*, о томъ объяснено уже въ прежнемъ указѣ.“ ***)

Итакъ, въ то время рѣшенія епископа *исключая дѣла до вѣры принадлежащія*, подлежали апелляціи въ лифляндскую юстицъ-коллегію и въ сенатъ. Такой порядокъ продолжался до 1782 г., когда бѣлорусское епископство было переименовано въ Могилевское архіепископство римско-католическаго исповѣданія. Въ указѣ, отъ 17-го января 1782 г.****) п. 6., сказано: „Сему архіепископу для разсмотрѣнія и вершенія дѣлъ, въ коихъ церковные и гражданскіе законы предполагаютъ разборъ духовныхъ мѣстъ, учредить подъ предсѣданіемъ своимъ консисторію изъ нѣсколька канониковъ... составленную, въ коей, еслибы дѣло коснулося до осужденія мірскаго человѣка, требовать отъ гражданскаго правленія депутата для присутствія въ консисторіи по тому дѣлу; а кто судомъ сея консисторіи и архіепископа доволенъ не будетъ, тѣ могутъ приносить жалобы въ сенатъ.“ П. 7: „Юстицъ-коллегіи лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ въ дѣла, до римской церкви принадлежащія, вступаться вовсе запретить.“ То же самое опредѣлено впослѣдствіи, черезъ 13 лѣтъ, при учрежденіи новыхъ епископствъ въ Пинскѣ, Летичевѣ и Вильнѣ, указами отъ 6-го сентября 1795 г. *)

Императоръ Павелъ I, вскорѣ по восшествіи своемъ на престолъ, указомъ отъ 26-го февраля 1797 г. отмѣнилъ этотъ порядокъ. „Желая доставить“, сказано въ этомъ указѣ, „удовлетвореніе вѣрнымъ нашимъ подданнымъ римско-католическаго исповѣданія... по дѣламъ, до духовенства и брачныхъ тяжебъ относящимся, повелѣваемъ: учредить въ С.-Петербургѣ при юстицъ - коллегіи лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ, подъ особымъ надзираніемъ президента той коллегіи, департаментъ для римско-католицкихъ юстицкихъ дѣлъ, въ которомъ производиться самъ дѣламъ на основаніи принадлежащихъ тѣмъ народамъ законовъ, подобно какъ оныя въ самой юстицъ-коллегіи теченіе свое имѣютъ; и для того долженствуетъ сенатъ во 1-хъ постановить, чтобы дѣла сіи по окончаніи въ частныхъ духовныхъ правительствахъ, входили на вершеніе въ сей департаментъ, а изъ онаго по апелляціи въ сенатъ...**)

Этотъ новый департаментъ былъ составленъ, по образцу протестантской юстицъ коллегіи, изъ свѣтскаго вице-президента, трехъ членовъ изъ римско-католическихъ духовныхъ и трехъ свѣтскихъ. „Доставить удовлетвореніе“ католикамъ могъ этотъ департаментъ развѣ только тѣмъ, что дѣла ихъ были поставлены особнякомъ отъ лютеранскихъ, и вѣроятно для вящщаго достиженія той же цѣли, указомъ 26-го января 1798 г. невоучрежденный департаментъ былъ совсѣмъ отдѣленъ отъ юстицъ-коллегіи и поставленъ подъ осо-

*) На основаніи указа Анны Іоанновны отъ 23-го февраля 1734 г. (*Полн. Сбор. Зак.* т. IX, № 6.548). То же самое подтверждено указомъ Екатерины Великой, отъ 6-го ноября 1766 г., въ коемъ сказано: „Повелѣваемъ юстицъ - коллегіи во всѣхъ случаяхъ, когда прихожане римско-католическаго закона, какой бы они націи ни были, жалобы имѣть будутъ на свое духовенство или духовенство на нихъ въ дѣлахъ церковныхъ, *исключая догматы вѣры ихъ*, вѣдомымъ быть судомъ и расправою въ нашей юстицъ-коллегіи лифляндскихъ, эстляндскихъ и финляндскихъ дѣлъ, въ которой и всѣ другія чужестранныя христіанскія націи по ихъ церковнымъ и консисторіальнымъ дѣламъ вѣдомы иныя.“ (*Полн. Собр. Зак.* т. XVII, 12.776).

**) *Полн. Собр. Зак.* т. XIX, 13.922.

***) *Полн. Собр. Зак.* XIX, 14.013.

****) *Полн. Собр. Зак.* XXI, 15.326.

*) *Полн. Собр. Зак.* XXIII, 17.379 и 80.

**) *Полн. Собр. Зак.* XXIV, 17.836.

бое начальство архіепископа могилевскаго. *)

Такимъ образомъ получила свое начало римско-католическая духовная коллегія, окончательное устройство которой и совершенное освобожденіе ея отъ подсудности сенату было однако опредѣлено лишь въ началѣ царствованія императора Александра I, положеніемъ „о *возстановленіи* духовнаго и церковнаго правительствъ римско-католическаго закона въ Россіи", отъ 13-го ноября 1801 г. **) Опредѣленный въ этомъ отношеніи составъ коллегіи тотъ же самый, какой существуетъ и теперь, именно: подъ предсѣданіемъ архіепископа-митрополита Могилевскаго состоятъ въ оной два члена, опредѣляемые и увольняемые Высочайшими указами по представленію коллегіи, и засѣдатели (по числу епархій), избираемые каждый въ своей епархіи каѳедральнымъ капитуломъ, черезъ каждые три года, изъ прелатовъ или канониковъ. (Св. Зак. т. XI ч. I ст. 21, 34. 35). По предметамъ вѣдомства, коллегія составляла высшую инстанцію въ дѣлахъ брачныхъ, по жалобамъ на архіеревъ и на консисторіи, и „по дѣламъ духовнымъ и церковнымъ, къ догматамъ вѣры и правамъ каноническимъ относящимся и не подлежащимъ суду мірянъ".

Очевидно, что тогдашнее правительство, дарованіемъ коллегіи столь обширныхъ правъ, имѣло въ виду успокоить совѣсть католиковъ, предоставляя окончательное рѣшеніе всѣхъ церковныхъ и духовныхъ дѣлъ учрежденію, составленному исключительно изъ лицъ принадлежащихъ къ римско-католическому духовенству. Но при этомъ оно упустило изъ виду слѣдующее весьма важное обстоятельство. Дѣла въ коллегіи рѣшались по большинству голосовъ; члены же ея, за исключеніемъ одного, были не епископы, а пресвитеры, и такимъ образомъ судъ надъ епископами, стоящими на высшей степени церковной іерархіи, былъ предоставленъ простымъ священникамъ, что противорѣчитъ всѣмъ правиламъ церкви, какъ римской, такъ и православной***). Ненормальность этого порядка становилась особенно рѣзкою, когда въ коллегію поступали жалобы на самаго митрополита, кои рѣшались въ коллегіи, естественно, безъ его присутствія, и слѣдовательно, если не было члена-епископа, одними священниками! Понятно, что коллегія не могла пріобрѣсти себѣ сочувствіе католиковъ и возбуждала неоднократные протесты Римскаго двора. Но быть-можетъ она была полезна для правительства? Нѣтъ, въ этомъ отношеніи коллегія есть учрежденіе гораздо болѣе вредное чѣмъ полезное. По свидѣтельству графа Д. А. Толстаго (*Le catholicisme romain en Russie*. II. p. 151), извѣстный своею преданностію правительству митрополитъ Сестренцевичъ писалъ въ 1805 году министру юстиціи князю Лопухину о членахъ коллегіи, что они „скорѣе представители своихъ епархій и защитники старыхъ неправильныхъ привилегій духовенства, нежели судьи безпристрастные и праведные; что они не знали гражданскихъ законовъ, кои во многихъ случаяхъ приходилось имъ примѣнять, а нѣкоторые изъ нихъ не знали и русскаго языка, между тѣмъ какъ всѣ дѣла въ коллегіи производились по-русски." Сестренцевичъ предлагалъ измѣнить составъ коллегіи такъ, чтобъ его митрополичья власть имѣла, согласно съ канонами, большее вліяніе; но его проектъ не былъ принятъ, и такимъ образомъ, по словамъ графа Толстаго, „управленіе латинскою церковію продолжалось на началахъ штатскихъ (bases chancelantes), посредствомъ коихъ думали согласовать оное какъ съ каноническими правилами, такъ и съ законами государственными."

По нѣкоторомъ времени, вѣроятно, и правительство убѣдилось въ томъ, что обширныя права данныя коллегіи не произвели желанныхъ результатовъ. Оно сочло наконецъ нужнымъ учредить, въ 1810, главное управленіе духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, въ составъ коего были отдѣлены отъ коллегіи нѣкоторыя весьма важныя ея дѣла, между прочимъ *жалобы на епархіальныхъ архіереевъ* и охраненіе духовныхъ имѣній и капиталовъ по регламентамъ. *) Но и затѣмъ коллегія все-таки оставалась высшею инстанціей въ дѣлахъ чисто-духовныхъ и брачныхъ; пока вслѣдствіе соглашенія съ Римскимъ дворомъ, отъ 29-го ноября 1848 года, и эти дѣла не были изъяты изъ ея

*) *Полн. Собр. Зак.* XXV 18.345.

**) П. С. З. XXVI, 20.053.

***) См. *Опытъ курса церковнаго законовѣдѣнія* архимандрита Іоанна, ч. 2, стр. 139.

*) *П. С. З.* XXXI, 24.326 п. VI, соч. гр. Толстаго II, 155.

вѣдомства. Что же послѣ того осталось за нею? Выпишемъ исчисленіе ея занятій изъ 67 ст XI т. 1 Св. Зак., и посмотримъ настолько ли эти дѣла имѣютъ важности, чтобъ изъ-за нихъ стоило содержать особое учрежденіе:

1) „Полныя свѣдѣнія о всѣхъ римско-католическихъ церквахъ, монастыряхъ, духовенствѣ учебныхъ и другихъ духовныхъ заведеніяхъ, движимыхъ и недвижимыхъ имуществахъ.“ Всѣ эти свѣдѣнія коллегія можетъ получать только отъ епархіальныхъ епископовъ, которые могутъ доставлять ихъ точно также прямо въ департаментъ иностранныхъ исповѣданій.

2) „Надзоръ за правильнымъ и успѣшнымъ теченіемъ дѣлъ въ епархіальныхъ консисторіяхъ, пересмотръ ихъ рѣшеній и мѣры исправленій по отзывамъ, аппеляціоннымъ и частнымъ жалобамъ или протестамъ, кромѣ *брачныхъ и другихъ духовныхъ дѣлъ.*“ Всѣ эти дѣла гораздо проще предоставить или прямо гражданскимъ судамъ, или же вѣдѣнію архіепископа могилевскаго, какъ канонической высшей инстанціи надъ епископами; его же по всѣмъ дѣламъ не духовнымъ подчинить, какъ было установлено Екатериной, прямо правительствующему сенату.

3) „Разсмотрѣніе и представленіе высшему правительству всякаго рода предложеній епархіальнаго начальства, относящихся къ общей государственной и вмѣстѣ церковной пользѣ.“ Всѣ подобныя предположенія вовсе не требуютъ особой посредствующей инстанціи и могутъ восходить отъ епархіальнаго начальства прямо въ департаментъ иностранныхъ исповѣданій, который, если найдетъ нужнымъ, можетъ прямо отъ себя потребовать мнѣнія архіепископа и другихъ архіереевъ.

4) „Дѣла о пріемѣ желающихъ поступить въ монашество и о дозволеніи желающимъ изъ Евреевъ, магометанъ и язычниковъ принять вѣру христіанскую по римско-католическому исповѣданію.“ И здѣсь нѣтъ никакой надобности въ посредствѣ коллегіи, тѣмъ болѣе что эти дѣла ею не рѣшаются, а поступаютъ изъ нея въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

5) „Завѣдываніе вспомогательнымъ капиталамъ римско-католическаго духовенства въ Имперіи, по особымъ о семъ правиламъ; также завѣдываніе особымъ на постройки и починки церквей опредѣленнымъ, ремонтнымъ капиталомъ, и употребленіе лишь процентовъ его на сіи предметы, по собственному усмотрѣнію коллегіи, въ ссуды или же въ безвозвратныя пособія.“ Такъ какъ на основаніи статьи 131 всѣ пособія, назначаемыя насчетъ вспомогательнаго капитала, требуютъ разрѣшенія министра внутреннихъ дѣлъ, а въ извѣстныхъ случаяхъ даже Высочайшаго соизволенія, то завѣдываніе этимъ капиталомъ можно бы возложить или прямо на департаментъ иностранныхъ исповѣданій, или же, какъ предполагалъ еще Сестренцевичъ, на особую коммиссію, составленную изъ двухъ членовъ духовныхъ и двухъ свѣтскихъ, утвержденныхъ правительствомъ (см. у графа Толстаго, II, 152). То же самое можно сказать и о ремонтномъ капиталѣ

6) „Ревизія отчетовъ о капиталахъ вспомогательномъ и ремонтномъ, и ревизія отчетовъ объ употребленіи всѣхъ суммъ, отпускаемыхъ на содержаніе духовенства римско-католическаго изъ государственнаго казначейства.“ Такъ какъ и эта ревизія производится „подъ особымъ наблюденіемъ министерства внутреннихъ дѣлъ,“ то и къ ней можно примѣнить сказанное относительно предыдущаго пункта.

Изо всего этого ясно, что почти всѣ дѣла коллегіи суть дѣла административныя и восходятъ въ департаментъ иностранныхъ исповѣданій, а потому легко могутъ быть предоставлены прямо этому департаменту. Дѣла судебныя *не духовныя*, не только можно, но и должно подчинить гражданскимъ судамъ; дѣла же судебныя, *духовныя и брачныя*, не подлежатъ нынѣ вѣдѣнію коллегіи и едва ли могутъ быть вновь предоставлены ей, ибо ея некомпетентность въ этихъ дѣлахъ, на основаніи общихъ церковныхъ законовъ, признана самимъ правительствомъ уже двадцать лѣтъ тому назадъ, и теперь было бы несообразно съ общимъ направленіемъ настоящаго царствованія и съ законами вѣротерпимости, вновь подчинять епископовъ суду, хотя прелатовъ, но по духовному сану простыхъ священниковъ, составляющихъ по послѣднимъ рубрицеллямъ на $^7/_8$ большинство коллегіи. Поэтому ясно, что коллегія есть совершенно лишняя инстанція, ничему не приносящая пользы, а замедляющая только теченіе дѣлъ, въ нее поступающихъ. До 1848 года существованіе ея могло еще быть оправдываемо тѣмъ, что она была высшею

инстанціей по дѣламъ духовнымъ и брачнымъ; но послѣ того какъ правительство признало несообразность такой власти коллегіи съ церковными законами, всего послѣдовательнѣе было бы упразднить тогда же эту коллегію, тѣмъ болѣе что ни въ какомъ другомъ государствѣ нѣтъ подобнаго учрежденія, а между тѣмъ отношенія римско-католическаго духовенства къ разнымъ правительствамъ отъ этого нисколько не хуже, напротивъ почти вездѣ гораздо лучше чѣмъ у насъ. Мы уже говорили и не преминемъ поговорить подробнѣе о недавней выходкѣ коллегіи по вопросу о произнесеніи молитвъ за Государя на русскомъ языкѣ вмѣсто польскаго. Эта непозволительная выходка ясно доказываетъ, на сколько правительство можетъ разсчитывать на содѣйствіе коллегіи относительно самыхъ необходимыхъ мѣръ, отнюдь не касающихся сущности религіи. Замѣну польскаго языка русскимъ коллегія находитъ, вопреки очевидности, противною канонамъ, и повидимому, не замѣчаетъ, что ея существованіе всего менѣе согласно съ какими бы то ни было канонами.

Выше мы упоминали, что въ силу особаго соглашенія, состоявшагося съ Римскимъ дворомъ 29-го ноября 1848, брачныя и чисто-духовныя дѣла были изъяты изъ-подъ вліянія коллегіи. Съ тѣхъ поръ первую степень суда духовнаго по дѣламъ брачнымъ и другимъ духовнымъ составляетъ мѣстный епархіальный епископъ или архіепископъ, съ своею консисторіей; вторую степень архіепископъ, а по тѣмъ дѣламъ, которыя были рѣшены самимъ архіепископомъ какъ въ первой степени, епископъ одной изъ епархій назначенный предварительно папой. Если рѣшенія двухъ первыхъ инстанцій сего суда духовнаго будутъ разныя, равно какъ и въ случаѣ аппеляціи, жалобы и протеста, разсмотрѣніе дѣлъ брачныхъ предоставляется Римскому престолу. (Св. Зак. т. XI, ч. 1, ст. 60 прим. 1.) Теперь это особое соглашеніе, конечно, утратитъ свою силу съ упраздненіемъ конкордата. Перерывомъ нашихъ дипломатическихъ сношеній съ Римомъ можно бы воспользоваться, чтобъ и брачныя дѣла римскихъ католиковъ изъять изъ вѣдомства духовныхъ судовъ и передать ихъ судамъ гражданскимъ, какъ это уже давно учреждено въ Пруссіи и Франціи, а въ послѣднее время и въ Австріи. Нѣтъ надобности насиловать совѣсть римско-католическихъ духовныхъ лицъ. Если рѣшеніе гражданскаго суда можетъ быть несогласно съ законами римской церкви, то можно допустить гражданскій бракъ въ тѣхъ случаяхъ, когда латинское духовенство отказывалось бы, въ силу своихъ правилъ, вѣнчать разведенныхъ гражданскимъ судомъ. Но еслибъ и въ этихъ случаяхъ найдено было неудобнымъ допустить гражданскій бракъ, то, несмотря на дипломатическій разрывъ съ Римомъ, слѣдовало бы удержать и для дѣлъ брачныхъ, какъ для другихъ духовныхъ дѣлъ, порядокъ суда учрежденный соглашеніемъ 29-го ноября 1848 г. Одно изъ двухъ: или правительство должно имѣть въ виду только гражданскія послѣдствія брака и въ такомъ случаѣ предоставить вѣдѣніе брачныхъ дѣлъ гражданскимъ судамъ (что было бы правильнѣе по крайней мѣрѣ по отношенію къ вѣроисповѣданіямъ только терпимымъ, а не властвующимъ); или же предоставить разрѣшеніе брачныхъ дѣлъ, наравнѣ съ другими духовными дѣлами, законнымъ церковнымъ властямъ того исповѣданія, къ которому принадлежатъ супруги.

Но возвратимся къ коллегіи. Упраздненіе этой ненужной инстанціи, въ которой не могутъ не храниться польскія преданія, было бы важнымъ шагомъ къ установленію правильныхъ отношеній между католицизмомъ въ Россіи и государствомъ, и наоборотъ, предполагаемое, по слухамъ, усиленіе польскаго въ ней элемента новыми членами изъ привислянскихъ епархій, внесло бы только новую смуту въ дѣла касающіяся римской церкви въ Россіи, и окончательно утвердило бы за коллегіей характеръ средоточія польскихъ стремленій, тѣмъ болѣе вредный, чѣмъ болѣе правъ было бы ей даровано. Для сліянія епархій бывшаго Царства Польскаго съ Россіей, достаточно ихъ подчинить вѣдѣнію петербургскаго департамента иностранныхъ исповѣданій. Но пусть онѣ, въ церковномъ отношеніи, составляютъ особую группу или провинцію, подъ начальствомъ своего варшавскаго архіепископа: тамъ большинство латинской паствы—населенія чисто польскія, и потому, по крайней мѣрѣ, въ ближайшемъ будущемъ, тамъ нельзя такъ легко отдѣлить латинскую церковь отъ польской національности. Въ западномъ же краѣ, гдѣ почти вовсе нѣтъ польскаго народа, введеніе русскаго языка въ костелы возможно теперь же.

Если упразднить противящуюся этой мѣрѣ коллегію—учрежденіе, противное уставамъ церкви, которую она представляетъ,—то останется только одна еще важная задача—преобразованіе римско-католическихъ семинарій. Объ этомъ преобразованіи много было рѣчи, и до насъ доходили о томъ разные толки изъ Вильны. Предлагали, напримѣръ, приставить къ каждой семинаріи по два чиновника отъ правительства, одного изъ окончившихъ курсъ въ православной духовной академіи и состоящаго въ вѣдѣніи оберъ прокурора святѣйшаго синода; другаго—изъ учениковъ инженерной академіи, который состоялъ бы въ вѣдѣніи министерства внутреннихъ дѣлъ; сверхъ того, предлагали ввести въ римско-католическія семинаріи учебники, запрещенные папой! Но что же было бы послѣдствіемъ такой политики? Вышли бы изъ семинарій, правда, плохіе священники; но они очень могли бы быть отличными польскими патріотами. Нѣтъ, не такими мелкими и недостойными шиканами можно достигнуть желаемаго результата. Есть средство гораздо вѣрнѣе ведущее къ цѣли: оно состоитъ въ томъ, чтобы замѣнить въ семинаріяхъ теперешнихъ польскихъ преподавателей другими. Пусть эти новые преподаватели будутъ папистами, это ихъ дѣло, это ихъ церковь; но необходимо чтобъ они не могли злоупотреблять религіей въ видахъ польской пропаганды. Такихъ католическихъ священниковъ не трудно будетъ набрать изъ австрійскихъ Славянъ, Чеховъ, Словенцевъ, Хорватовъ. Это было бы согласно съ примѣромъ подобнаго преобразованія въ Саратовской семинаріи, куда года четыре тому назадъ были вызваны изъ Германіи богословы-преподаватели. Родственные намъ Славяне будутъ еще полезнѣе; въ нихъ мы найдемъ не только отсутствіе вражды, но искреннее сочувствіе Россіи, и притомъ всѣ они легко и скоро научатся русскому языку.

№ 243.

Москва, 8-го ноября.

Во многихъ нѣмецкихъ и англійскихъ журналахъ уже нѣсколько дней толкуютъ о рѣшеніи Тюльерійскаго кабинета прекратить съ 1-го января 1869 года денежное пособіе предоставляемое имъ 600 польскимъ эмигрантамъ живущимъ въ Парижѣ и 800 поселившимся въ разныхъ мѣстахъ Франціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ предполагается сократить на половину пенсіи нѣкоторымъ другимъ Полякамъ, ни въ какомъ случаѣ не назначать впредь новыхъ пособій и принять рядъ мѣръ къ уменьшенію по возможности числа польскихъ политическихъ выходцевъ находящихся во Франціи, съ каковою цѣлію остающіеся еще во Французской имперіи эмигранты будутъ подчинены строгому надзору и при малѣйшемъ проступкѣ высылаемы за границу. Съ другой стороны, французское правительство благопріятствуетъ, какъ слышно, усиліямъ агентовъ, вербующихъ польскихъ эмигрантовъ на службу Аргентинской республики, и даетъ каждому изъ завербованныхъ по 250 франковъ на путевые расходы. Говорятъ также, что у высшей польской школы на Монпарнасѣ, учрежденной въ самомъ Парижѣ, будетъ отнята ежегодная субсидія въ 100.000 франковъ, которая до сихъ поръ ей давалась и была еще увеличена въ 1863 году, благодаря ходатайству принца Наполеона и ксендзовъ, которые были тогда въ большомъ ходу въ тюльерійскихъораторіяхъ и будуарахъ.

Газеты съ нѣкоторою настойчивостью передающія эти извѣстія приписываютъ такую благоразумную перемѣну во французской политикѣ революціоннымъ проискамъ польскихъ эмигрантовъ, которые, отчаявшись достигнуть своей цѣли при помощи правительства императора Наполеона, принимаютъ весьма дѣятельное участіе въ анти-династическихъ козняхъ французской республиканской партіи.

Каковы бы ни были причины побудившія къ этому рѣшенію, несомнѣнно то что его настоятельно требовали международное приличіе, собственное достоинство Франціи и ея интересы какъ внутри, такъ и внѣ.

Сошлемся въ этомъ случаѣ на здравый смыслъ и безпристрастіе самихъ Французовъ. Что сказали бы они, еслибъ Альзасцы или Вандейцы, послѣ бунта съ явною цѣлью отдѣлиться отъ Франціи, удалились въ Россію, и еслибы наше правительство не только открыло имъ пріютъ у себя, не только давало пропитаніе неимущимъ изъ нихъ, но и награждало ихъ пенсіями по мѣрѣ ихъ участія въ заговорахъ и бунтѣ, назначало субсидіи ихъ школамъ, имѣющимъ цѣлію подготовлять

людей къ будущимъ возстаніямъ, терпѣло и даже поощряло продолженіе ихъ анархическихъ происковъ и затѣй? Не будемъ пускаться въ такія широкія предположенія; спросимъ просто, что сказало бы, что сдѣлало бы правительство императора Наполеона III, еслибы наше правительство дало пенсіи только гг. Луи-Блану, Піа, Шарасу или Рошфору? Какими воплями ежедневно наполнялись бы тогда французскіе журналы, съ какимъ законнымъ негодованіемъ протестовали бы тогда въ Парижѣ противъ подобнаго поступка!

Съ точки зрѣнія достоинства Франціи и здраваго смысла это постоянное поощреніе раздора и вражды столь же необъяснимо, какъ и съ точки зрѣнія международнаго приличія. Великая держава какъ Франція только унижаетъ себя подобными мелочными манифестаціями безплоднаго недоброжелательства. Если она убѣждена что ея интересы и честь предписываютъ ей причинить ущербъ другому государству, если она чувствуетъ себя въ силахъ сдѣлать это и готова жертвовать для достиженія своей цѣли кровью и деньгами своихъ согражданъ, то пусть она дѣлаетъ это добросовѣстно и честно, пусть явно вступитъ во вражду съ противникомъ, не унижая себя въ собственныхъ глазахъ и въ глазахъ всего міра мелкими и подпольными происками.

Уже болѣе тридцати лѣтъ французскіе плательщики податей вносятъ ежегодно около полумилліона франковъ для покрытія расходовъ на безплодныя и пагубныя интриги руководителей польской эмиграціи. Это составляетъ по самому малому счету пятнадцать милліоновъ, употребленныхъ не только непроизводительно, но вредно для истинныхъ интересовъ Франціи. Никто не въ правѣ протестовать противъ тѣхъ благородныхъ инстинктовъ французскаго національнаго чувства, которые могутъ находить себѣ удовлетвореніе въ оказаніи гостепріимства несчастію; Франція вольна давать ненарушимое убѣжище изгнанникамъ и бѣглецамъ всѣхъ странъ, но надобно, чтобъ это были не злоумышленники и не употребляли во зло оказываемаго имъ гостепріимства. Но кому неизвѣстно, что польская эмиграція ни на минуту не прекращала своихъ злоумышленныхъ агитацій, и что возбуждая смуты вдали, она постоянно участвовала во всѣхъ проискахъ, во всѣхъ революціонныхъ затѣяхъ, которыми была потрясаема и сама Франція. Какое употребленіе польскіе выходцы дѣлаютъ изъ денегъ вносимыхъ для нихъ французскими плательщиками податей, доказывается тѣмъ юридически засвидѣтельствованнымъ фактомъ, что пистолетъ, которымъ былъ вооруженъ Березовскій, купленъ имъ на тридцать франковъ данныхъ ему въ префектурѣ французской полиціи.

Есть, правда, политическая школа, вдохновляемая принципами Макіавелли, утверждавшаго будто для государствъ весьма полезно держать въ запасѣ средства, которыми можно вредить сосѣду, и на всякій случай пользоваться тѣмъ временемъ, пока онъ съ нами въ дружбѣ, чтобы наготовить ему затрудненій или опасностей. Но мы полагаемъ, что эти устарѣлыя и отжившія свой вѣкъ теоріи не имѣютъ теперь никакого практическаго значенія. Чѣмъ болѣе распространяется область гласности, тѣмъ труднѣе становится утаить происки и шиканы и тѣмъ большее вліяніе на взаимныя отношенія государствъ должны имѣть впечатлѣнія производимыя подобными дѣйствіями на чувство народовъ, а слѣдовательно тѣмъ бо́льшую силу пріобрѣтаетъ въ политикѣ правило, что между государствами, какъ между частными людьми, высшее искусство состоитъ въ высшей честности, и махинаціи вѣроломства всегда обращаются противъ тѣхъ, кто прибѣгаетъ къ нимъ. Во всякомъ случаѣ, даже съ точки зрѣнія макіавеллизма, нельзя отрицать, что въ запасѣ надобно держать лишь надежныя и серіозныя средства. Тридцатилѣтній опытъ долженъ бы, кажется, доказать Франціи, что эти польскія интриги, которыя она съ такими расходами держитъ въ запасѣ, не имѣютъ практическаго значенія какъ орудіе противъ Россіи. Три раза, въ 1830, въ 1848 и въ 1863, въ Парижѣ пытались ими воспользоваться. Особенно въ 1863 году все было пущено въ ходъ, чтобы возмутить общественное мнѣніе и устроить противъ Россіи всеобщую коалицію. Что же изъ этого вышло? Вышла лишь неудача, отъ которой пострадало международное положеніе Франціи, и то же безъ сомнѣнія будетъ каждый разъ когда она вздумаетъ пользоваться тѣмъ же орудіемъ.

№ 244.

Москва, 9-го ноября.

Извѣстно, что папа, замысливъ созвать въ Римѣ вселенскій соборъ, обратился съ окружнымъ посланіемъ къ духовнымъ властямъ православной церкви; извѣстно также, что приглашеніе папы не имѣло успѣха. Святѣйшій Григорій, патріархъ Константинопольскій, дабы не вступать въ напрасную полемику, счелъ за лучшее вовсе не принимать пригласительнаго посланія Римскаго владыки, о чемъ въ свое время довольно подробно писалъ нашъ константинопольскій корреспондентъ.

Мы не хотимъ видѣть во всемъ только дурную сторону; мы не хотимъ объяснять всякое дѣйствіе, хотя бы и противныхъ намъ силъ, только изъ неодобрительныхъ побужденій. Мы хотимъ вѣрить, что папа Пій IX и его совѣтники были движимы искреннимъ и чистымъ желаніемъ видѣть возстановленіе давно расторгнутаго духовнаго единства въ христіанскомъ мірѣ. Но желательно, чтобъ и церковнымъ властямъ православнаго Востока была отдана должная справедливость, и чтобы римскіе клерикалы не осыпали ихъ упреками за равнодушіе къ дѣлу, которое, дѣйствительно, есть великая забота и святая скорбь христіанства. Не равнодушіе, не небреженіе, а также не духъ вражды и розни преобладающій надъ духомъ любви и единенія, были виной отказа православныхъ восточныхъ церквей, и напрасно органы ультрамонтанства возлагаютъ на нихъ отвѣтственность за эту несостоявшуюся попытку примиренія. Какъ начало, такъ и продолженіе розни падаетъ на отвѣтственность Рима. Что̀ повело къ расторженію церкви, то держится и понынѣ, хотя ослабленное, умаленное и поруганное. Виной причинившею разрывъ и не допускающею возсоединенія было и есть начало свѣтской власти, которое змѣемъ прокралось въ Римскую церковь. Пусть эта свѣтская власть была навязана римскому епископу неотразимою силой вещей, пусть она была историческою необходимостію, но она тѣмъ не менѣе внесла въ самое существо Христовой церкви противное ей начало, и извратила характеръ ея духовнаго авторитета; въ ней корень того властолюбія, которымъ было нарушено вселенское единеніе христіанской церкви и тѣхъ злоупотребленій которыя послѣ потрясали ея основанія. Гдѣ возникло и держится начало розни, тамъ и должно оно прекратиться. Простое приглашеніе на вселенскій соборъ не есть еще доказательство живаго и дѣйственнаго стремленія къ возстановленію нарушеннаго единства. Римскій владыка не много сдѣлалъ для этой цѣли, написавъ свое окружное посланіе. Требуется дѣло, а не слова, которыя могутъ только усилить рознь и смуту. Требуется отреченіе отъ того начала, которымъ внесена рознь въ христіанскій міръ, и тогда дѣло единенія совершится легко и само собою. А видимъ ли мы, чтобы Римъ отрекся отъ этого начала или даже изъявлялъ къ тому готовность? Увы! римскій первосвященникъ, повидимому, тѣмъ крѣпче держится своей свѣтской власти, чѣмъ болѣе она оспаривается силой вещей, чѣмъ слабѣе и ничтожнѣе она становится. Онъ цѣпляется за остатокъ своего скипетра и не думаетъ бросить его чтобы взять посохъ добраго пастыря. Споръ между Римомъ и православнымъ Востокомъ уже рѣшается исторіей, независимо отъ своего церковнаго значенія. Если въ давнюю пору дѣла міра сего, въ своемъ роковомъ теченіи, навязали христіанскому пастырю свѣтскую власть, то въ наши дни тотъ же роковой ходъ вещей вырываетъ у него эту власть, и скоро быть-можетъ отъ ней останется только призракъ. Но римскій епископъ, повидимому, болѣе всего вѣритъ въ силу чудесъ преподобнаго Шасспо.

Мы заговорили объ этомъ предметѣ по поводу голоса поданнаго однимъ духовнымъ лицомъ на Востокѣ, въ отвѣтъ на пригласительное къ собору посланіе папы. Голосъ этотъ поданъ архимандритомъ Евгеніемъ, бывшимъ экзархомъ константинопольской церкви въ Александріи. Мы не можемъ при этомъ не пожалѣть о медленности, съ какою приходятъ къ намъ греческія газеты изъ Аѳинъ и Константинополя. Отзывъ архимандрита Евгенія, первоначально напечатанный въ константинопольской газетѣ Βυζάντις, облетѣлъ всю Европу, появился въ *Sémaphore de Marseille* и воспроизведенъ отсюда въ *Journal de St.-Pétersbourg*, а мы въ Москвѣ получили означенную константинопольскую газету еще только отъ 19-го октября. Богъ знаетъ, когда получимъ мы подлинный текстъ письма архимандрита Евгенія, и должны пока довольствоваться отрывка-

ми, быть можетъ, въ переводѣ не совсѣмъ точномъ.

Отецъ Евгеній свидѣтельствуетъ, что Восточная церковь не остается равнодушною къ великому дѣлу церковнаго единства. „Восточная церковь,“ говоритъ онъ, „первая возвеселится возстановленію древняго церковнаго единенія, когда единеніе сіе будетъ предложено ей дѣйствительно и въ духѣ истинной христіанской „любви, чего, къ сожалѣнію, не замѣтно „въ окружномъ посланіи папы.“

Вмѣстѣ съ тѣмъ, архимандритъ Евгеній выражаетъ надежду, что въ наше время болѣе чѣмъ когда-либо становится вѣроятнымъ возстановленіе духовнаго единства въ христіанскомъ мірѣ. На чемъ же основывается эта надежда православнаго пастыря?

Западная просвѣщенная Европа чуждается православнаго Востока, и ея органы глумятся надъ нимъ и именуютъ его царствомъ тьмы. Но пусть и въ Парижѣ, и Лондонѣ сличатъ языкъ ультрамонтанской мудрости изложенной въ папскомъ *Силлабусѣ* съ этими словами сказанными изъ глубины церкви бѣднаго и порабощеннаго Востока. „Правда,“ говоритъ архимандритъ Евгеній, „соединеніе церквей, коего мы „пламенно желаемъ, имѣетъ много вѣроятій „успѣха въ наше время, ибо развитіе „наукъ и искусствъ, распространеніе либеральныхъ идей, узы соединяющія народы матеріальными интересами, замѣтное ослабленіе фанатизма, духъ терпимости все болѣе и болѣе торжествующій „между народами, — все это пріуготовляетъ и облегчаетъ соединеніе, которое совершится во славу Божію.“

Вотъ голосъ православнаго священника и монаха. То, что поражаетъ Римъ своими перунами, есть въ его глазахъ предметъ благословеній какъ залогъ торжества истины, какъ пути Провидѣнія. Церковь, не имѣющая въ царствѣ міра сего никакой части, не проклинаетъ, а благословляетъ его въ его путяхъ; она не ставитъ себя въ антагонизмъ съ успѣхами человѣческаго разумѣнія, съ развитіемъ гражданственности и свободы и съ благосостояніемъ народовъ. Въ чемъ же мыслящая, стремящаяся и работающая Европа можетъ узнать себя лучше,—въ этихъ ли словахъ, или въ мрачныхъ проклятіяхъ *Силлабуса?*

Но находя, что наше время особенно благопріятствуетъ возстановленію церковнаго единства, православный пастырь утверждаетъ что оно совершится только тогда, „когда епископъ римскій волей или „неволей сложитъ съ себя свѣтскую власть „и останется духовнымъ пастыремъ, ибо „тогда различіе догматовъ можетъ быть „рѣшено исторіей и не представитъ никакой преграды. Мы скажемъ обо всемъ „этомъ въ свое время, нынѣ же ограничимся замѣчаніемъ, что исторія показываетъ „очевидно кто и затѣмъ произвелъ перемѣны. А пока дѣла остаются въ томъ „положеніи, какъ мы видимъ ихъ въ западной церкви, пока сія церковь мечу „слова, которое есть Слово Божіе, будетъ „предпочитать сѣкиру палача, посылая на „смерть своихъ духовныхъ чадъ для поддержанія свѣтской власти,—власти противной божественному духу ученія Господня,—власти антихристіанской,—пока „она не отступится отъ своей гордыни и „высокомѣрія,—ничего, къ несчастію, не „будетъ.“

Требованія поставляемыя Риму православнымъ духовнымъ не суть ли въ то же время и требованія лучшихъ умовъ въ самой римской церкви, — требованія всей просвѣщенной Европы,—требованія наконецъ неотразимой силы вещей? Не есть ли это вопросъ между Италіей и Римомъ?

Итакъ, не восточной церкви идти къ соединенію: „только западная церковь,“ говоритъ отецъ Евгеній, „можетъ совершить дѣло соединенія, если она того „искренно пожелаетъ. Но православная „восточная церковь постоянно возсылаетъ „моленія Богу мира и любви, да внушитъ „Онъ благія чувства его святѣйшеству и „его совѣтникамъ, дабы они отвергли всякую недостойную мысль, дабы они оставили путь кривой и извилистый и вышли „на истинный путь нашего Господа и поработали для соединенія всего христіанства, для славы святой Христовой церкви, „для веселія, спасенія и радости всѣхъ „вѣрующихъ во Христа Іисуса.“

№ 245.

Москва, 11-го ноября.

Первою мыслью нашихъ государственныхъ людей, когда возникъ вопросъ о сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ, была мысль о Либавѣ: линія изъ Либавы въ Курскъ

на Динабургъ вошла въ первоначальную сѣть Главнаго Общества. Это была мысль столько же естественная, сколько государственная. Но потомъ выступили разные личные интересы, приключились разныя неблагопріятныя обстоятельства, и мысль эта была сначала отложена, а потомъ почти вовсе забыта. Лишь недавно она возродилась снова, подверглась всестороннему разсмотрѣнію и, можно сказать, пріобрѣла популярность. Мы старались по силамъ содѣйствовать разъясненію ея важности, и наши читатели знаютъ, что мы трудились не безъ усердія. Изъ этого не слѣдуетъ, правда, чтобы въ балтійскихъ губерніяхъ не пускали въ ходъ толковъ о томъ, что мы будто бы изъ ненависти къ тому краю не хотимъ замолвить слово за Либавскую желѣзную дорогу, хотя не можемъ не сознавать ея государственной пользы. Недавно мы получили (изъ Царскаго Села) одно безыменное письмо на французскомъ языкѣ, вызывавшее насъ высказаться о Либавской дорогѣ и тѣмъ очистить себя отъ обвиненія, что своей непріязни къ балтійскому краю мы жертвуемъ даже общими государственными интересами. При томъ письмѣ была прислана намъ въ наставленіе вырѣзка изъ *Nord*, гдѣ резюмировались тѣ доводы въ пользу Либавской дороги, которые пространно и много разъ излагались въ нашей газетѣ. Какъ ни куріозно подобное обращеніе, но идя, очевидно, изъ лагеря привыкшаго судить о *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, никогда въ нихъ не заглядывая, оно дѣйствуетъ менѣе непріятно чѣмъ сѣтованіе, также иногда доходящее до насъ, что мы уже черезчуръ много толкуемъ о Либавской желѣзной дорогѣ, какъ будто бы этотъ вопросъ стоялъ неудовлетворительно въ административныхъ сферахъ и какъ будто бы благопріятное рѣшеніе его подвергалось какому-нибудь сомнѣнію. Это сѣтованіе кажется намъ крайне неосновательнымъ. Вопросъ о Либавской желѣзной дорогѣ есть вопросъ текущій, еще не рѣшенный, и какъ таковой естественно долженъ быть предметомъ обсужденія печати; къ тому же это вопросъ чрезвычайно важный; наконецъ, это вопросъ запутанный вмѣшательствомъ разныхъ интересовъ и противоположностью сужденій, исходящихъ изъ разныхъ точекъ зрѣнія. Печать не исполнила бы своей обязанности, еслибы не посвятила ему всего своего вниманія.

Впрочемъ позволительно еще спросить, такъ ли несомнѣнно его благопріятное рѣшеніе, какъ инымъ кажется? Публикѣ извѣстно, что есть линіи, за коими въ состоявшихся доселѣ постановленіяхъ желѣзно-дорожнаго комитета признана первостепенная важность, но мы не знаемъ, чтобы къ числу этихъ линій была отнесена Либавская; напротивъ, если не ошибаемся, эта линія была доселѣ причислена лишь къ длинному реестру линій признаваемыхъ полезными, да и то подъ условіемъ чтобъ она была соединена съ Рижско-Митавскою желѣзною дорогой, для каковой цѣли ей и дано направленіе на Шавли, совершенно убивающее ея коммерческую будущность. Мы утверждаемъ положительно,—и продолжаемъ утверждать это прочитавъ появившуюся на дняхъ въ въ *Русскомъ Инвалидѣ* статью неизвѣстнаго автора возражающаго намъ,—утверждаемъ положительно, что линія изъ Ковна въ Либаву, идущая на Шавли, никакъ не можетъ выдержать конкурренціи съ линіей идущею изъ Ковна чрезъ Кенигсбергъ въ Пиллау. Прямизна линіи, т.-е. направленіе ея не на Шавли и тѣмъ паче не то, еще болѣе кружное направленіе которое предлагается въ статьѣ *Русскаго Инвалида*, а направленіе на Россіены есть для нея жизненное условіе. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ взглядъ найдетъ себѣ защитниковъ и въ административныхъ сферахъ, но можно ли сказать, чтобъ онъ былъ внѣ спора? Этого мало. Ковенско-Либавская линія получаетъ важное значеніе лишь какъ оконченный участокъ пути ведущаго къ незамерзающему порту изнутри страны. Взятая отдѣльно, Ковенско-Либавская линія есть линія мѣстная, можетъ-быть болѣе полезная и болѣе выгодная чѣмъ иныя другія, но не заслуживающая того, чтобы считаться первостепенною съ общей государственной точки зрѣнія. Вѣроятно, потому то она и стоитъ доселѣ на заднемъ планѣ, что ее привыкли разсматривать саму по себѣ и оцѣнивать единственно на основаніи того значенія, какое оно можетъ имѣть какъ соединительная вѣтвь между Ковномъ и Либавой, а не какъ устье одной изъ главныхъ артерій государства. Мы готовы признать, что такой тѣсный взглядъ на Либавскую дорогу возникаетъ естественно. Та артерія, безъ которой Либавская линія теряетъ весь интересъ свой, еще не существуетъ, и даже ея на-

правленіе еще не намѣчено; а ея протяженіе такъ велико, что мысль о ней не можетъ не казаться слишкомъ отважною. Но еслибы нельзя было создать большую артерію ведущую къ Либавѣ,—равнозначащую съ двумя существующими, ведущими къ Петербургу и Ригѣ,—то не стоило бы такъ усердно хлопотать о Либавѣ, какъ, по нашему мнѣнію, слѣдуетъ. Вотъ средоточіе всего вопроса, тотъ пунктъ, который, еслибы былъ достаточно разъясненъ, разомъ поставилъ бы вопросъ о Либавской дорогѣ на принадлежащее ему мѣсто вопроса первостепеннаго.

Сознаваемая съ государственной точки зрѣнія потребность воспользоваться выгодами Либавскаго порта въ общихъ интересахъ государства можетъ вызвать предположеніе, которое еще не было серіозно высказано въ печати, но тѣмъ не менѣе заслуживаетъ обсужденія. Лица, внимательно вникавшія въ вопросъ о Ковенско-Либавской вѣтви, не могутъ не видѣть, что удлинненіе ея вслѣдствіе направленія на Шавли лишаетъ Либаву шансовъ успѣшной конкурренціи съ Пиллау, передовою гаванью Кенигсберга. Если будетъ избрано это направленіе, то всѣ тѣ дороги, которыя примкнутъ къ Либавской въ послѣдствіи изнутри страны, повезутъ грузы не въ Либаву, а въ Пиллау; и слѣдовательно намъ не будетъ интереса строить эти линіи на русскія деньги. Видя, что тѣмъ не менѣе направленіе на Шавли находитъ много приверженцевъ, нельзя не предположить, что они руководятся какимъ-нибудь серіознымъ, еще не заявленнымъ предположеніемъ. Это предположеніе можетъ состоять лишь въ томъ, что какъ скоро Ковенско-Либавская вѣтвь будетъ построена съ изгибомъ на Шавли, то нельзя будетъ не воспользоваться этимъ для соединенія Шавлей съ Динабургомъ, и такимъ образомъ осуществится первоначальная мысль желѣзной дороги Курско-Либавской. Посмотримъ же, что слѣдуетъ сказать объ этомъ предположеніи. Какъ оно ни улыбается съ перваго взгляда, но теперь оно далеко не то, чѣмъ было въ 1858 году, когда учреждалось Главное Общество. Фактическое положеніе совершенно измѣнилось вслѣдствіе сооруженія Рижско-Динабургской линіи, гарантированной правительствомъ. До того въ общемъ государственномъ интересѣ, было несравненно выгоднѣе идти изъ Динабурга въ Либаву, а не въ Ригу, имѣющую съ Динабургомъ водяное сообщеніе. Теперь дѣло сдѣлано, и было бы не только несправедливо, но и матеріально убыточно подрывать Рижско-Динабургскую линію, тѣмъ болѣе что вмѣстѣ съ тѣмъ мы подрывали бы и Ригу, которая хотя и злоупотребляетъ своимъ господствомъ надъ внутренними производителями, но какъ русскій городъ, можетъ быть приведена къ болѣе справедливому образу дѣйствій и безъ отвлеченія отъ нея торговли съ Орломъ и лежащими за нимъ плодородными краями. Нѣтъ сомнѣнія, что по открытіи Динабурго-Шавельской линіи прекратились бы чинимыя въ Ригѣ притѣсненія, но какъ скоро это случилось бы, динабургскіе грузы стали бы опять предпочитать Ригу болѣе отдаленной Либавѣ. Что сталось бы тогда съ Либавскою дорогой? Изъ Ковна не шли бы по ней грузы, потому что предпочитали бы Кенигсбергъ; изъ Динабурга, потому что имъ было бы ближе идти въ Ригу въ продолженіе навигаціи. Либава получила бы значеніе передовой гавани Риги и была бы оживлена только въ зимніе мѣсяцы. Этого ли желать для Либавы, когда она легко можетъ быть самостоятельнымъ торговымъ мѣстомъ? Наконецъ стоитъ обратить вниманіе и на то, что всѣ желѣзныя дороги составляющія рижскую артерію построены въ одинъ путь и имѣютъ по своимъ концесіямъ весьма незначительный подвижной составъ, а одна изъ нихъ, Динабургско-Витебская, управляется изъ Лондона. Все это послужитъ сильнымъ препятствіемъ къ осуществленію тѣхъ боковыхъ питательныхъ вѣтвей, которыя могли бы примкнуть къ этой артеріи въ послѣдствіи и уже теперь въ обиліи проектируются (Витебско-Могилевская, Рославльско-Бахмачская, Серпуховско-Брянская, Ряжско-Вяземская). Можно предвидѣть, что оставляя пространство на западъ отъ Рижско-Орловской линіи безъ самостоятельной къ Либавѣ идущей желѣзной дороги, мы принудимъ все это пространство тянуть къ Нѣману и Вислѣ, то-есть искать себѣ сбыта въ портахъ прусскихъ. Итакъ, задача теперь не въ томъ, чтобы привлечь рижскій районъ къ Либавѣ, а въ томъ томъ чтобы дать ей тотъ районъ который принадлежитъ ей по праву географическаго положенія и который оспаривается у ней Кенигсбергомъ единственно вслѣдствіе добровольнаго попущенія со стороны

Россіи. Только при такой постановкѣ задачи можемъ мы достигнуть чего-нибудь прочнаго и воспользоваться, какъ слѣдуетъ, тѣми источниками богатства и цивилизаціи, которыя природа дала намъ въ такомъ портѣ какъ Либавскій.

Говорятъ, что Либавская дорога популярна, что рельсы будутъ непремѣнно положены между Ковномъ и Либавой. Но вѣдь дѣло не въ томъ, чтобы рельсы лежали въ извѣстномъ пространствѣ, а въ томъ, чтобы по нимъ было движеніе. Движенія же по Ковенско-Либавской желѣзной дорогѣ не будетъ если не будутъ даны два необходимыя условія: вопервыхъ, чтобъ эта дорога была для отправителей выгоднѣе чѣмъ Ковенско-Кенигсбергская, а вовторыхъ, чтобы къ ней былъ подвозъ грузовъ изнутри страны. Первымъ изъ этихъ условій требуется прямизна пути, вторымъ— продолженіе линіи изъ Ландварова на Минскъ и далѣе параллельно съ Ряжско-Орловскою желѣзною дорогой. Но эти два требованія далеко еще не могутъ считаться обезпеченными, особенно второе и вотъ почему нельзя не возвращаться къ Либавской дорогѣ.

Эти оба требованія равно существенны. При отсутствіи одного изъ нихъ все значеніе Либавской дороги для государства падаетъ, и она становится незначительною мѣстною вѣтвію, не заслуживающею гарантіи. Осуществимы ли эти требованія? О прямизнѣ пути говорить нечего; она вполнѣ зависитъ отъ свободнаго рѣшенія подлежащихъ вѣдомствъ. Труднѣе повидимому вопросъ о продолженіи линіи на юго-востокъ далѣе Ландварова (той станціи на Варшавской дорогѣ, гдѣ отдѣляется отъ нея Ковенская вѣтвь). Какъ сказано выше, громадность предпріятія даетъ ему видъ проекта слишкомъ отважнаго. Но это только кажется. Первый участокъ отъ Ландварова до Минска заключаетъ въ себѣ не болѣе двухъ-сотъ верстъ, и въ рукахъ правительства уже есть вызовъ строить его даже безъ правительственной гарантіи. Кромѣ того на всемъ пространствѣ отъ Кіева или Нѣжина чрезъ Бобруйскъ и Минскъ до Вильны производятся изысканія, и притомъ одновременно двумя конкуррирующими компаніями. Протяженіе линіи исчисляютъ въ 560 верстъ. Безо всякой натяжки можно сказать, что пугающіеся этого предпріятія, какъ слишкомъ громаднаго, судятъ о немъ по прежнимъ понятіямъ, уже не соотвѣтствующимъ дѣйствительности. Успѣхи Россіи по желѣзно-дорожному дѣлу такъ велики и такъ недавни, что мы еще, можно сказать, не привыкли къ нимъ и потому еще не всегда считаемся съ ними въ нашихъ сужденіяхъ. Перечислимъ же линіи открытыя въ нынѣшнемъ году и тѣ коихъ открытіе можетъ быть навѣрно ожидаемо въ теченіи текущаго и будущаго года. Вотъ ихъ списокъ внушающій столь живую радость и бодрость:

Московско-Курская	502	вер.
Курско-Кіевская	438	„
Кіевско-Балтская съ вѣтвями	628	„
Балтско-Кременчугская	380	„
Курско-Азовская съ Аксайско-Ростовскою	776	„
Орловско-Витебская	487	„
Ряжско-Моршанская	121	„
Козловско-Воронежская	167	„
Орловско-Грязская	275	„
Грязе-Борисоглѣбская	192	„
Козловско-Тамбовская	66	„
Шуйско-Ивановская	85	„
Сергіевско-Ярославская	196	„
Ряжско-Митавская	40	„
Тираспольско-Кишиневская	67	„
Итого	4.420	„

Можно считать, что на постройку всѣхъ этихъ линій пойдетъ съ небольшимъ три года, такъ что стало-быть въ послѣднее время Россія имѣла возможность строить безъ малаго по полуторѣ тысячѣ верстъ въ годъ. При этомъ замѣтимъ, что изъ вышечисленныхъ дорогъ было отдано въ однѣ руки (г. Полякова) 1 218 верстъ, и слѣдовательно одинъ предприниматель успѣвалъ строить по 400 верстъ рельсовыхъ путей въ годъ. Много ли сравнительно съ этимъ значатъ тѣ линіи, коихъ сооруженіе признается необходимымъ, но внушаетъ опасенія своею громадностью?

Нынѣ по Высочайшему повелѣнію, обсуждается вопросъ о сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Это было необходимо, чтобы внести въ дѣло послѣдовательность и тѣ широкіе взгляды, которые возможны лишь при общемъ обозрѣніи интересовъ государства во всей ихъ совокупности. Дабы вывести дѣло изъ той дробности, которая его запутываетъ, надобно прежде всего установить главныя цѣли. Это должны быть великія цѣли, соотвѣтствующія величію государства, но число ихъ, по самой сущности дѣла, не должно и не можетъ быть велико. Онѣ должны быть просты и ясны, должны бросаться въ глаза: вотъ лучшій критерій ихъ вѣрности.

Что же представляется на первомъ планѣ какъ не путь изъ Москвы въ Брестъ, какъ не тотъ путь, который сдѣлаетъ Россію неуязвимою на западѣ, замѣнитъ для нея армію въ 200 тысячъ и навѣки упрочитъ ея международное положеніе? Одинъ участокъ этого пути уже строится по личной инииціативѣ Государя Императора. Этотъ участокъ Московско-Смоленскій, имѣющій въ длину около 390 верстъ. Затѣмъ остается участокъ между Смоленскомъ и Брестомъ, длиной 650 верстъ, на построеніе коего уже есть не мало охотниковъ, привлеченныхъ патріотическимъ примѣромъ Его Высочества принца Ольденбургскаго.

Что представляется на второмъ планѣ какъ не пути къ двумъ лучшимъ изъ нашихъ портовъ, въ коихъ дано намъ великое сокровище, но коими мы не могли до сихъ поръ пользоваться? Не было ли бы однако странностію строить желѣзный путь отъ Севастополя къ Перекопу, съ тѣмъ чтобъ онъ тамъ остановился? Не менѣе странно было бы построить Ковенско-Либавскую вѣтвь и тѣмъ удовольствоваться. Надобно провести обѣ линіи на столько, чтобъ онѣ были обезпечены грузами, надобно дотянуть ихъ до главныхъ мѣстъ производства. Это самое малое что требуется, ибо весьма желательно было бы связать ихъ съ самаго начала одною, возможно прямою дугой. Если это кажется сразу неисполнимымъ, то по крайней мѣрѣ надобно теперь же намѣтить эту дугу и проложить рельсы съ обоихъ концовъ ея на столько, чтобы частные интересы могли легко взяться потомъ за пополненіе пробѣла.

Отъ Севастополя предполагается строить дорогу до одной изъ станцій Харьковско-Азовской линіи, протяженіемъ до 525 верстъ. Другое предположеніе состоитъ въ томъ чтобы соединить Севастополь съ Кременчугомъ на Бериславъ, протяженіемъ до 600 верстъ. Оба проекта представляютъ значительныя выгоды, но очевидно, что надобно начать съ котораго-нибудь одного изъ нихъ; это вопросъ спорный, подлежащій рѣшенію правительства.

Отъ Либавы до Ковна по прямому пути 250 верстъ, и, какъ сказано, прямой путь есть въ этомъ случаѣ путь единственно возможный. Отъ Ландварова до Кіевско-Курской линіи считаютъ 560 верстъ; итого 810 верстъ.

Вотъ то что необходимо прежде всего другаго. Изъ Смоленска въ Брестъ 650 верстъ; изъ Либавы до Кіевско-Курской желѣзной дороги 810 верстъ; изъ Севастополя до сѣти, по кратчайшему проекту, 525 верстъ; по длиннѣйшему проекту 900 верстъ. Итого около 2.000 верстъ. Въ виду опыта послѣднихъ лѣтъ кто скажетъ, что это не по силамъ Россіи? Нѣтъ, дѣло только въ томъ что-бы сосредоточить существующія средства и силы; если онѣ не будутъ разбрасываться, ихъ станетъ съ избыткомъ. Достигнуть этого и есть высокая задача желѣзно-дорожнаго комитета совѣщающагося нынѣ о сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ.

№ 246.

Москва, 12-го ноября.

А.

Одновременно съ утвержденіемъ правилъ о порядкѣ испрошенія концессій и допущенія конкурренціи между соискателями состоялось 18-го октября сего года Высочайшее повелѣніе, предписывающее министрамъ путей сообщенія и финансовъ внести въ комитетъ желѣзныхъ дорогъ свои соображенія о тѣхъ важнѣйшихъ линіяхъ, на которыя считается возможнымъ даровать концессіи съ пособіемъ отъ правительства. Постановленіе по сему предмету комитета желѣзныхъ дорогъ будетъ разсматриваться въ комитетѣ министровъ и затѣмъ имѣетъ быть поднесено на Высочайшее благоусмотрѣніе. Вотъ офиціальная форма, опредѣляющая цѣль и порядокъ происходящихъ нынѣ совѣщаній о сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ. По слухамъ, предполагается раздѣлить „важнѣйшія" желѣзныя дороги на двѣ категоріи: категорію дорогъ первостепенной важности и категорію дорогъ второстепенной важности, съ тѣмъ чтобы концессіи выдавать по порядку очереди, каждый разъ на одну дорогу, и лишь по обезпеченіи денежныхъ средствъ нужныхъ на ея исполненіе, давать ходъ концессіи на линію слѣдующую за нею по принятой очереди. Каждая линія, говорятъ, не только получаетъ свою очередь, но сверхъ того причисляется либо къ первой, либо ко второй категоріи. Какая можетъ быть цѣль

подобнаго двоякаго размѣщенія линій, по очередямъ и категоріямъ? Положимъ, что къ первой категоріи было бы отнесено 5 линій, ко второй 10. Еслибы линіи обѣихъ категорій различались только очередью, то переходъ напримѣръ отъ 5-й линіи 1-й категоріи къ 1-й линіи 2-й категоріи былъ бы совершенно такой же, какъ переходъ отъ одной линіи къ другой внутри одной и той же категоріи. Въ такомъ случаѣ было бы достаточно установить очередь и не было бы надобности въ категоріяхъ. Если кромѣ очереди установляется раздѣленіе линій на категоріи, то изъ этого повидимому прямо слѣдуетъ, что линіямъ 2-й категоріи предполагается дать не только дальнѣйшее мѣсто по очереди, но и нѣсколько меньшее правительственное пособіе. Безъ этого условія дѣленіе на категоріи было бы дѣленіемъ празднымъ.

Намъ кажется, что для успѣховъ желѣзно-дорожнаго дѣла въ Россіи необходимо именно подобное различие въ размѣрѣ правительственнаго пособія. Всѣмъ извѣстная неправильность нынѣшней постановки этого дѣла заключаются въ томъ, что оно сдѣлалось исключительно строительною спекуляціей. Тѣ искатели концессій, коими теперь кишитъ Петергургъ, смотрятъ по большей части на желѣзныя дороги какъ на средство нажиться отъ ихъ постройки и вовсе не думаютъ объ эксплуатаціи. Эта неправильность имѣетъ вліяніе съ одной стороны на характеръ сооруженій, о прочности коихъ мало заботятся строители не имѣющіе намѣренія заниматься эксплуатаціей дорогъ, съ другой стороны это ведетъ къ усиліямъ преувеличивать строительную поверстную стоимость дорогъ, а чѣмъ выше цифра номинальнаго капитала дороги, тѣмъ сравнительно меньше будетъ приносимый ею доходъ, тогда какъ для успѣшности дѣла желательно, чтобы русскія желѣзныя дороги приносили акціонерамъ хорошій доходъ. Выйдти изъ этого крайне неправильнаго положенія и внести въ желѣзно-дорожныя предпріятія серіозность возможно только черезъ уменьшеніе размѣровъ казенной гарантіи или иныхъ казенныхъ пособій, и для того самымъ удобнымъ средствомъ можетъ быть раздѣленіе желѣзныхъ дорогъ на двѣ категоріи. Линіи первой категоріи строились бы съ полною казенною гарантіей; линіи второй категоріи имѣли бы право на гарантію менѣе значительную. Это отозвалось бы гораздо менѣе благопріятнымъ образомъ на ихъ построеніи, которое имѣло бы въ виду будущую эксплуатацію, и на самой эксплуатаціи, которая велась бы внимательнѣе и расчетливѣе, ибо доходъ участниковъ предпріятія, не гарантированный правительствомъ, зависѣлъ бы отъ эксплуатаціи, а это побуждало бы заботиться о ней со всѣмъ возможнымъ усердіемъ.

Сравнивая многочисленныя линіи, о коихъ въ настоящую минуту уже начато ходатайство, замѣчаемъ, что онѣ легко распредѣляются на два разряда:

1. Линіи коихъ построеніе необходимо въ государственномъ интересѣ, стратегическомъ, или политическомъ, или экономическомъ.

2. Линіи важныя въ коммерческомъ отношеніи.

Только линіи первой категоріи имѣють право на полную правительственную гарантію. Изъ вторыхъ нѣкоторыя, меньшія, вовсе не нуждаются въ гарантіи, ибо капиталъ ихъ можетъ быть доставленъ заинтересованными лицами, и сами предприниматели не просятъ о ней. Другія коммерческія линіи, бо́льшаго размѣра, хотя не могутъ вовсе обойдтись безъ гарантіи, потому что капиталъ ихъ не можетъ быть собранъ безъ заграничной помощи, а для полученія заграничной помощи требуется гарантія дохода, но даруя гарантію, государство должно быть поставлено внѣ всякаго риска, что дѣло когда-нибудь дойдетъ до казенной приплаты. Совсѣмъ отказать многочисленнымъ проектируемымъ линіямъ этого разряда въ казенномъ пособіи значило бы отсрочить на неопредѣленное время ихъ постройку, но нѣтъ надобности, чтобъ это пособіе обезпечивало весь строительный капиталъ. Дороги дѣйствительно выгодныя въ экономическомъ отношеніи всегда могутъ обойдтись безъ высокой гарантіи, обременительной для казны, и наоборотъ это условіе есть самый вѣрный критерій того, что строиться будутъ только дороги дѣйствительно выгодныя, что весьма важно для народнаго богатства, и чего инымъ путемъ вовсе нельзя достигнуть. Прибавимъ, что при этомъ порядкѣ должна быть предоставлена компаніямъ полная (разумѣется, съ общимъ правомъ согласная) свобода разнообразить по своему усмотрѣнію условія

собиранія той части капитала, которая не будетъ гарантирована правительствомъ.

Поэтому относительно казеннаго пособія проекты желѣзныхъ дорогъ распадаются на три категоріи:

1. Проекты по коимъ можетъ быть обезпеченъ весь строительный капиталъ казенною гарантіей или субсидіей.

2. Проекты по коимъ можетъ быть обезпечена, помянутыми способами, лишь часть строительнаго капитала.

3. Проекты по коимъ вовсе не требуется правительственнаго пособія.

Каждая изъ этихъ категорій требуетъ особаго порядка въ выдачѣ концессій. Предустановленная очередь нужна только въ первой категоріи, —въ категоріи дорогъ имѣющихъ государственное значеніе. Такихъ дорогъ не много, и очередь можетъ быть опредѣлена между ними безошибочно, а размѣры гарантіи должны быть опредѣлены конкурренціей. Первѣйшія изъ этихъ линій мы перечислили вчера. Это вопервыхъ линія Смоленско-Брестская, вовторыхъ линіи ведущія къ Либавѣ и Севастополю. Первая имѣетъ значеніе политическое и нужна въ интересѣ всѣхъ плательщиковъ податей государства, на коихъ лежитъ обязанность его защиты. Она можетъ пріобрѣсти и значеніе экономическое, войдя въ систему линіи идущей къ Либавѣ. На протяженіи своемъ отъ Минска до Могилева она можетъ даже сдѣлаться участкомъ линіи Либавской, если правительство предпочтетъ чтобы Либавская линія направлялась изъ Минска не на Бобруйскъ, а на Могилевъ, дабы идти далѣе внутрь страны по лѣвому берегу Днѣпра (изъ Могилева на Новозыбковъ и Бахмачъ или Роменъ). Другія двѣ линіи, Либавская и Севастопольская, нуждаются въ полной гарантіи только потому что довольно длинны и прелагаютъ новые коммерческіе пути. Ихъ колоссальная экономическая важность несомнѣнна, но онѣ сами должны создать движеніе пассажировъ и грузовъ, при теперешнихъ путяхъ сообщенія вовсе не существующее. Сверхъ того, въ общихъ интересахъ русской торговли и національнаго мореплаванія желательно возможно-скорѣйшее ихъ построеніе. Вотъ почему онѣ имѣютъ право на полную правительственную гарантію. Кромѣ этихъ трехъ линій и вслѣдъ за ними можно признать государственное значеніе, сколько мы понимаемъ дѣло, развѣ лишь за двумя линіями, изъ коихъ одна вела бы къ Кавказу, другая—въ Сибирь.

Остальныя предполагаемыя линіи суть коммерческія. Онѣ и предлагаются какъ таковыя, а потому должны быть разсматриваемы совершенно иначе чѣмъ линіи первой категоріи. Предустанавливать очередь между ними значило бы насиловать, безъ всякой пользы и смысла, экономическія условія, которыя не подлежатъ регламентаціи государства. Здѣсь можетъ быть плодотворно только свободное развитіе экономическихъ отношеній. Государство поступитъ здѣсь тѣмъ лучше, чѣмъ менѣе будетъ оказывать вмѣшательство, которое направляло бы токъ экономическихъ интересовъ въ ту или другую сторону. Со стороны правительства будетъ совершенно достаточно, если оно составитъ возможно полный списокъ полезныхъ коммерческихъ линій и объявитъ, что по всякой линіи, вошедшей въ этотъ списокъ, будетъ дана опредѣленная гарантія, напримѣръ 25, 30 или 35 тысячъ съ версты, съ присоединеніемъ субсидіи, на время постройки, въ 5 или 10 тысячъ рублей, также съ версты, и съ соблюденіемъ очереди, для выпуска бумагъ, соотвѣтственно времени представленія подробныхъ проектовъ.

Наконецъ, линіи малаго протяженія, примѣрно до ста верстъ, если предполагается строить ихъ безъ гарантіи, могутъ быть безпрепятственно разрѣшаемы съ устраненіемъ лишь такихъ, по общему праву, непозволительныхъ недосмотровъ, какой приключился при подпискѣ на Рыбинско-Овѣченскую дорогу, открытой прежде нежели были сдѣланы изысканія и даже прежде нежели былъ составленъ уставъ компаніи, такъ что акціонеры оказываются не владѣльцами предпріятія, а заимодавцами безыменнаго заемщика, не отвѣчающаго предъ ними никакимъ капиталомъ.

Б.

Намъ пишутъ изъ Петербурга, что на дняхъ была вытребована, по телеграфу, изъ Ревеля въ Гапсаль, рота пѣхоты для воспрепятствованія выселенію значительной толпы Латышей и Эстовъ, нанявшихъ цѣлый пароходъ дабы отправиться въ Петербургъ, и что на другой же день въ подкрѣпленіе этой роты вытребована другая, затѣмъ третья...

Гонимые безвыходною нуждой, злополучные батраки вздумали воспользоваться своею личною свободой, подъ видомъ которой стали ускользать у нихъ, еще съ 1816 года, всѣ гарантіи осѣдлости, какія обезпечивало за ними шведское законодательство, подтвержденное Высочайшимъ указомъ 1804 года. Еще неизвѣстно къ какимъ результатамъ привело этихъ несчастныхъ вѣрованіе въ личную свободу, которой они до сихъ поръ обязаны лишь своею безземельщиной и контрактами извѣстнаго нашимъ читателямъ свойства. Если нѣтъ у нихъ ни земли, ни личной свободы, то что же есть у нихъ? Между тѣмъ, другой корреспондентъ извѣщаетъ насъ, что подобнаго же рода фактъ повторился почти одновременно и на островѣ Эзелѣ. Многочисленныя семейства крестьянъ, за невозможностью получить паспорты, собрались-де украдкой на морскомъ берегу, дабы сѣсть на суда и разстаться навсегда съ роднымъ своимъ островомъ. Но въ Аренсбургѣ, кромѣ казаковъ, вслѣдствіе настояній мѣстнаго дворянства, расположена инвалидная команда. Несчастные бѣглецы застигнуты на морскомъ берегу... Говорятъ, что въ порывѣ отчаянія жены и дочери бѣдныхъ Чухонцевъ бросили нѣсколько камней въ оцѣпившую ихъ военную команду...

Вмѣстѣ съ этими извѣстіями, вчера полученъ нами № 317 французской клерикальной газеты *Monde*, гдѣ мы читаемъ, что якобы „сердце всякаго просвѣщенна„го человѣка должно быть возмущено при „видѣ гоненій, коимъ Россія подвергаетъ „подвластныхъ ея игу Поляковъ и *Нѣм„цевъ*...“ Какое грубое невѣдѣніе, или какое наглое извращеніе истины!

№ 247.

Москва, 13-го ноября.

Теперь даже прусскія газеты перестаютъ доказывать, что Либавская линія безполезна, или что Россіи больше выгодъ сулило соединеніе Либавы съ Ригою чѣмъ съ Кіевомъ. Недоброжелателямъ Либавы хотѣлось бы теперь одного: чтобы Либавская дорога была отложена *хоть на годъ*, въ надеждѣ, что въ продолженіе года утечетъ много воды и пожалуй успѣетъ остынуть всеобщее горячее сочувствіе роднымъ интересамъ въ ихъ борьбѣ съ интересами иностранными, а тѣмъ временемъ и самый вопросъ о Ковно-Либавской линіи можетъ усложниться до того, что русскій умъ совсѣмъ потеряется въ немъ. Трудно освободиться отъ опасенія, чтобъ эти желанія какъ-нибудь случайно не осуществились. Для этого нужно весьма немногое; скажемъ болѣе, для этого нужно нѣчто такое, чего даже весьма естественно ожидать. Если въ очереди линій первостепенной важности Либавская дорога будетъ поставлена вслѣдъ за какою-нибудь довольно большою линіей, по которой еще не сдѣланы разысканія и для которой будетъ довольно трудно собрать капиталъ, то построеніе Либавской дороги отсрочится не на годъ, а на три или четыре. Пусть будетъ Либавская линія признана первостепенною, но пусть будетъ впереди ея поставлена напримѣръ линія изъ Моршанска въ Оренбургъ, и этого будетъ уже достаточно чтобы похоронить Либавскую дорогу. Да не думаютъ читатели, что мы дѣлаемъ предположеніе фантастическое. Намъ самимъ казалось бы оно несбыточнымъ, еслибы мы не имѣли случая убѣдиться, что не въ шутку, а весьма серіозно возбуждается вопросъ о томъ, какой линіи слѣдуетъ дать болѣе высокое мѣсто въ очереди, линіи ли Моршанско-Оренбургской или Либавской, и притомъ рѣчь идетъ не о Либавско-Нѣжинской, а о миніатюрной Либавско-Ковенской желѣзной дорогѣ. Отъ Моршанска до Оренбурга—тысяча верстъ, отъ Ковна до Либавы — 250; первая ведетъ къ киргизской безлюдной пустынѣ, вторая—къ лучшему изъ нашихъ портовъ, коего отдѣлка стоила 2 милліона рублей. Но все это ничего не значитъ, а также ничего не значитъ и то, что на Оренбургской линіи не только не сдѣлано изысканій, но даже оба ея конечные пункта подлежатъ еще вопросу: съ одной стороны—Моршанскъ или Нижній, съ другой—Оренбургъ или Троицкъ. Почти всѣ торговцы, какъ одинъ человѣкъ, утверждаютъ, что было бы величайшею странностью строить въ тѣхъ странахъ какой-нибудь другой путь, кромѣ единственно нужнаго пути изъ Нижняго, на Казань и Уфу, въ Троицкъ. Мы слышимъ съ разныхъ сторонъ, что только лихорадочною торопливостью можно будетъ объяснить себѣ, если направленію изъ Нижняго въ Троицкъ будетъ предпочтена линія изъ Моршанска въ Орен-

бургъ. Мы передаемъ то, что слышимъ отъ знающихъ и незаинтересованныхъ людей, не успѣвъ еще вникнуть въ подробности этого дѣла и составить себѣ о немъ собственное сужденіе. Но во всякомъ случаѣ какъ можно ставить столь спорную и столь длинную линію на одну доску съ Либавскою и еще отдавать ей предпочтеніе? Въ виду такого положенія дѣла о Либавской дорогѣ, признаемся, намъ было странно встрѣтить въ *Русскомъ Инвалидѣ*, въ статьѣ хотя и нередакціонной, но обратившей на себя вниманіе, между прочимъ и *Крестовой Газеты*, упрекъ, что мы обсуждаемъ вопросъ о Либавской дорогѣ „съ какою-то *лихорадочною торопливостью*“. Не странно ли слышать это обвиненіе въ „лихорадочной торопливости“, при обсужденіи вопроса, который поставленъ 26 лѣтъ тому, въ 1842 году, когда; по распоряженію графа Канкрина, произведены были первыя подробныя изысканія для сооруженія желѣзной дороги отъ Либавы до Юрбурга;—который казался окончательно рѣшеннымъ въ 1847 г., когда, на основаніи объясненій, представленныхъ генералъ-адъютантомъ Чевкинымъ, послѣдовало высочайшее разрѣшеніе либавскому купечеству на построеніе помянутой дороги, и въ 1855 и 1856 годахъ, когда, по предложенію того же купечества вести дорогу не на Юрбургъ, а на Ковно, вопросъ этотъ разсматривался *два раза* въ комитетѣ желѣзныхъ дорогъ; и въ 1857 году, когда утверждена и разрѣшена Главному Обществу постройка линіи отъ Орла чрезъ Динабургъ на Либаву,—и наконецъ въ 1860, и въ 1862, и въ 1867 годахъ, когда вопросъ этотъ каждый разъ разсматривался и изучался со всевозможною подробностью, и каждый разъ откладывался въ долгій ящикъ, попадая, вслѣдствіе какихъ-нибудь неожиданно возникавшихъ соображеній, въ число проектовъ имѣющихъ важность, но лишь второстепенную. Столь многократныя неудачи не могутъ же считаться случайностью, и наконецъ не даетъ ли этотъ продолжительный опытъ право, и еще болѣе не обязываетъ ли онъ опасаться, чтобы не повторилось еще разъ то, что уже такъ часто бывало? Не странно ли удивляться настояніямъ о *безотлагательномъ* разрѣшеніи этого вопроса, въ виду дѣйствительно „лихорадочной торопливости“, съ какою были испрошены многія другія концессіи, оказавшіяся убыточными казнѣ, какъ напримѣръ Ряжско-Моршанская, и съ какою теперь не только ходатайствуется о дорогѣ Моршанско-Оренбургской, но и отдается ей предпочтеніе предъ дорогой Либавскою? Пусть авторъ помянутой статьи *Русскаго Инвалида* прислушается къ голосамъ изъ Кенигсберга, Штеттина и Мемеля, и онъ увидитъ, что эти голоса еще усерднѣе его совѣтуютъ намъ не предаваться „лихорадочной торопливости“ и не увлекаться „національнымъ фанатизмомъ“, по вопросу о жизни и смерти Либавы, а поспѣшить озаботиться о сооруженіи хоть Бердичево-Брестско-Лыкской или какой-нибудь Пинско-Бѣлостокской линіи. Наконецъ, какъ не принимать въ соображеніе, что условія денежнаго рынка, нынѣ благопріятныя нашему желѣзно-дорожному дѣлу, могутъ совершенно измѣниться съ наступленіемъ весны?

Мы не можемъ согласиться и вообще со взглядами изложенными въ упомянутой статьѣ *Русскаго Инвалида*. Дорога отъ Ковна до Пиллау имѣетъ 274 версты протяженія; защищаемая нами Ковно-Либавская дорога, черезъ Тельши и Россіены, имѣетъ около 250 верстъ; при одинаковыхъ условіяхъ фрахта, коммиссіи и перевозки, торговое движеніе, по построеніи этой линіи, очевидно, предпочтетъ направиться на Либаву. Въ *Русскомъ Инвалидѣ* предлагается 283-верстный путь черезъ Шавли и Кликоле *); вмѣсто предлагаемаго нами сбереженія 24 верстъ, т.-е. $^{24}/_{40}$ к. съ пуда, въ сравненіи съ движеніемъ на Кенигсбергъ, по проекту изложенному въ *Инвалидѣ* выходитъ 9 верстъ лишнихъ, и торговое движеніе конечно предпочтетъ направляться попрежнему, на Кенигсбергъ. По мнѣнію автора статьи *Инвалида*, эта небольшая надбавка стоимости перевозки покроется, для русскихъ товаровъ, сбереженіемъ „*излишнихъ*“ (курсивъ въ текстѣ) коммиссіонерскихъ и таможенныхъ „расходовъ. Изъ Либавы русскіе купцы „могутъ прямо отправлять свои товары; изъ „Пиллау они должны пройдти чрезъ *ино-*

*) Авторъ такъ „внимательно изучилъ это дѣло“, что ошибается даже въ разстояніяхъ, утверждая что предлагаемая имъ кружная дорога на Кликоле и Шавли имѣетъ 273 версты, тогда какъ превосходная карта, приложенная при запискѣ инженера Гетте: *О Либавской и Виндавской желѣзныхъ дорогахъ* означаетъ 273 версты по дорогѣ черезъ Шавли прямо на Либаву, дорогѣ, которая оказывается 10 верстами короче дороги предлагаемой авторомъ.

„*странныхъ* коммиссіонеровъ". Такая постановка вопроса показываетъ совершенное незнаніе дѣла. При перегрузкѣ товара съ желѣзной дороги на корабль, *всегда* происходитъ уплата коммиссіи, за исключеніемъ того случая, когда товаръ выписывается изъ внутреннихъ губерній самимъ приморскимъ отправителемъ, и когда коммиссія уплачивается ему въ цѣнѣ продукта. Вопросъ, слѣдовательно, состоитъ не въ *излишнихъ* коммиссіонерскихъ расходахъ, а въ томъ, либавскому или кенигсбергскому купцу будетъ уплачена эта коммиссія. Между тѣмъ всякому извѣстно, что коммиссіонерскіе расходы гораздо выше у насъ нежели въ Пруссіи. Правда, что конкурренція между двумя портами понизитъ всякіе расходы, а особенно коммиссіонерскіе, до крайнихъ предѣловъ возможнаго; но, еще разъ, для этого прежде всего надо же дать Либавѣ возможность выдерживать конкурренцію, а потому облегчить въ ея пользу расходы по перевозкѣ товаровъ. То же самое можно сказать и о таможенныхъ расходахъ. „Прусское правительство", сказано въ *Русскомъ Инвалидѣ*, „не можетъ не останавливать и „не подвергать нашихъ грузовъ таможен„ному *осмотру*." Неужели писавшему эти строки неизвѣстно, что при перевозкѣ товара *транзитомъ* не происходитъ нигдѣ *никакого осмотра?* Все дѣло ограничивается, особенно въ Пруссіи, безплатнымъ наложеніемъ пломбъ, что исполняется въ благоустроенныхъ государствахъ въ продолженіи времени, необходимаго для смазки колесъ и перемѣны локомотива. Вѣдь самъ же авторъ признаетъ вѣроятнымъ, что на прусской дорогѣ между Эйдкуненомъ и Пиллау будутъ положены рельсы русской ширины, дабы освободить грузы отъ необходимой перегрузки изъ вагона въ вагонъ на русской границѣ.

Тѣмъ не менѣе авторъ статьи *Русскаго Инвалида* положилъ на *излишніе* коммиссіонерскіе и таможенные расходы въ Пруссіи лишнія двѣ копѣйки съ пуда; а такъ какъ двѣ копѣйки соотвѣтствуютъ стоимости перевозки пуда на протяженіи 80 верстъ, то онъ считаетъ возможнымъ, безъ всякаго ущерба для Либавы, строить свою дорогу 9-ю верстами кружнѣе предлагаемой Либавцами и 33-ю верстами кружнѣе дороги, защищаемой нами. Повторяемъ это разчетъ ошибочный. Дабы привлечь къ себѣ движеніе грузовъ направляющееся нынѣ въ Кенигсбергъ, Либавѣ надо будетъ выдержать трудную борьбу, не только съ низкими коммиссіонерскими, но также съ низкими фрахтовыми цѣнами Кенигсберга. Это будетъ борьба тѣмъ болѣе трудная, что торговое движеніе, какъ весьма справедливо замѣчаетъ штеттинская *Ostsee-Zeitung*, не скоро и не легко рѣшается отстать отъ принятаго однажды направленія и предпочесть ему новое. Переманить это движеніе въ Либаву могутъ только очевидныя и значительныя выгоды, какими можно считать развѣ предлагаемое нами сокращеніе пути на 24 версты и связанную съ тѣмъ вѣроятность, что въ виду этого сокращенія прусская Эйдкунско-Кенигсбергская желѣзная дорога не рѣшится проложить рельсы русской ширины, дабы избѣжать перегрузки товаровъ. *Русскій Инвалидъ* предлагаетъ возложить на Либавскую дорогу обязательство построить еще боковую вѣтвь между Кликоле и Добленомъ, для соединенія Ковна и Либавы съ Ригой; Либавскую дорогу онъ выгибаетъ на востокъ до мѣстечка Кликоле, лежащаго восточнѣе Лайжева, съ другой стороны онъ выгибаетъ Митаво-Виндавскую дорогу на западъ до мѣстечка Доблена, лежащаго прямо на западъ отъ Митавы; это дѣлается съ тою цѣлію, чтобы соединительная вѣтвь между Ковенско-Либавскою и Митавско-Виндавскою дорогами была возможно короче. По исчисленію автора, въ ней будетъ не болѣе 40 верстъ, и притомъ достигнется тотъ, по его мнѣнію, выгодный результатъ, что Виндавскій портъ будетъ соединенъ съ Ригой желѣзною дорогой болѣе короткимъ путемъ чѣмъ Либава (Рижско-Либавская 215. в; Рижско-Виндавская 200 верстъ). „Еслибы путь къ Виндавѣ изъ Риги", говоритъ авторъ, „былъ „длиннѣе чѣмъ въ Либаву.... то вѣтвь, „идущая къ Виндавѣ не приносила бы „*почти* никакой пользы" Мы находимъ это: *почти* совершенно лишнимъ, пока дѣло разсматривается въ одномъ коммерческомъ отношеніи. Но въ этой фразѣ стоитъ только словамъ: Либава и Виндава, помѣняться мѣстами, и мы придемъ къ тому же самому результату относительно Либавской линіи. Эта линія будетъ непроизводительна на пути къ Митавѣ, потому что изъ Митавы будетъ ближе въ Виндаву, а на пути къ Ковну, потому что товарамъ будетъ удобнѣе идти по старой привычкѣ въ Кенигсбергъ. Для чего же

намѣренно портить ее? Вопервыхъ, чтобы дать Виндавѣ „хотя нѣкоторый перевѣсъ" надъ Либавой (это такъ прямо и сказано); вовторыхъ, чтобы соединить Митаву съ Ковномъ въ стратегическихъ видахъ. Но положимъ, что это послѣднее крайне нужно: если эта цѣль несовмѣстима съ экономическими условіями Либавской дороги, то ни чего болѣе не остается какъ строить дорогу изъ Митавы въ Ковно, а покамѣсть Либавской дороги совсѣмъ не строить. Это лучше чѣмъ тратить деньги на дорогу непроизводительную. Нельзя смѣшивать различныя цѣли. Либавско-Ковенская, положимъ, нужна для цѣлей коммерческихъ. Митавско-Ковенская, положимъ, нужна для цѣлей стратегическихъ. Придавая послѣднимъ больше значеніе чѣмъ первымъ, можно утверждать, что Митавско-Ковенская дорога нужнѣе чѣмъ Ковенско-Либавская. Такое утвержденіе было бы понятно, но не понятно требованіе, чтобы строились обѣ дороги въ такомъ направленіи, что первая будетъ соотвѣтствовать своей цѣли, а вторая не будетъ годиться ни для коммерческихъ, ни для стратегическихъ цѣлей, и между тѣмъ будетъ стоить большихъ денегъ. Еще разъ, стратегическіе интересы могутъ требовать постройки соотвѣтственной имъ линіи, но никакими стратегическими интересами не требуется строить, въ связи съ стратегическою линіей, другую, съ этой точки зрѣнія не нужную, а въ коммерческомъ отношеніи безполезную. Точно также никакою логикой не можетъ быть оправдано требованіе, чтобы соединеніе Риги съ Либавой было искусственно удлинено дабы сдѣлать болѣе выгоднымъ соединеніе Риги съ Виндавой. Постановка такого требованія показываетъ, что въ коммерческомъ отношеніи Рижско-Виндавская дорога не нужна. Говорятъ, она нужна въ стратегическомъ отношеніи. Очень хорошо. Пусть она строится. Но для чего же искусственно портить коммерческую дорогу изъ Риги въ Либаву?

Либавское купечество, какъ извѣстно, ходатайствовало о дарованіи ему концессіи на Ковенско-Либавскую дорогу, чрезъ Лайжевъ и Эссернъ, и предполагало соединить эту линію съ Митавой боковою вѣтвью отъ Эссерна (въ 100 верстахъ отъ Либавы и въ 60 отъ Митавы). Дабы сократить эту послѣднюю вѣтвь, оно рѣшилось изогнуть Ковенско-Либавскую дорогу на Лайжевъ и Эссернъ, вслѣдствіе чего пришлось вести ее далѣе на Шавли. Съ другой стороны, Общество Рижско-Митавской желѣзной дороги, въ силу своей концессіи, было обязано представить проекты и смѣты на продолженіе этой дороги въ Либаву. Оно и представило ихъ, но для устраненія конкурренціи соединилось, въ началѣ нынѣшняго года, съ либавскимъ купечествомъ. Такъ составилось новое товарищество Рижско-Либавско-Ковенской желѣзной дороги, которое, въ виду укороченія Ковенской линіи сравнительно съ Пиллаускою, вошло съ ходатайствомъ объ измѣненіи направленія Ковенской линіи, съ тѣмъ чтобы по возможности выпрямить ее. По этому новому проекту Митавская соединительная вѣтвь начнется у Вайнедена и будетъ имѣть 110 верстъ протяженія, но за то Ковенско-Либавская линія сократится на 10 верстъ и будетъ имѣть 273 версты протяженія, дабы не быть длиннѣе Пиллауской. Это поправка внушена правильнымъ соображеніемъ, но принявъ ее, уже нѣтъ основанія держаться направленія на Шавли, а можно прямо отъ Вайнедена поворотить по направленію къ Россіенамъ и Ковну. Послѣ этой новѣйшей поправки изгибъ на Шавли можетъ условливаться уже не соединеніемъ Либавы съ Ригой, а единственно видами на будущее соединеніе Шавлей съ Динабургомъ, — видами, коихъ несоотвѣтствіе теперешнему положенію дѣлъ мы старались показать третьяго дня. Полагаемъ поэтому, что теперь нѣтъ препятствія Товариществу Рижско-Либавско-Ковенской дороги возвратиться къ первоначальному проекту, сокращающему разстояніе между Ковномъ и Либавой до 250 верстъ.

Пусть Виндава будетъ соединена *кратчайшимъ* путемъ съ Ригой; пусть Либава будетъ соединена *кратчайшимъ* путемъ съ Ковномъ: это единственное средство удовлетворить вполнѣ всѣмъ потребностямъ; но пусть дорога въ Либавскій портъ, уже готовый, строится прежде дороги въ Виндаву, гдѣ надобно еще устраивать портъ, на что потребуется четыре или пять лѣтъ времени. Если затѣмъ стратегическія соображенія потребуютъ соединенія Риги съ Ковномъ, то пусть будетъ удовлетворена и эта потребность, не портя линій коммерческихъ, не изгибая съ этою цѣлью на Шавли и Кликоле прямой линіи изъ Либавы въ Ковно, такъ какъ этотъ

изгибъ лишилъ бы Россію возможности достигнуть *главной основной цѣли* постройки Ковно-Либавской дороги, а именно возстановленія независимости нашей заморской торговли привлеченіемъ въ Либаву русскаго торговаго движенія, которое сосредоточивается нынѣ въ Кенигсбергѣ и Мемелѣ. Что же касается опасенія, чтобы проходящая черезъ Россіены линія не подверглась въ случаѣ войны захвату, по своей близости къ прусской границѣ, то хотя мы уже неоднократно возражали этимъ опасеніямъ, однако напомнимъ еще разъ, что для непріятеля, который успѣетъ захватить нашу дорогу въ Россіенахъ, не будетъ ничего стоить сдѣлать еще какихъ-нибудь 40 верстъ, чтобы захватить дорогу идущую черезъ Шавли (допуская даже что онъ направится на дальнѣйшую точку ея вмѣсто того, чтобы захватить ее у самаго Ковна),—что для пресѣченія сообщенія по желѣзной дорогѣ, для снятія рельсовъ, перекопанія дороги, взорванія моста, весьма достаточно ковалерійскаго летучаго отряда, который можетъ совершить въ однѣ сутки и этотъ переходъ, и всѣ эти работы, и даже въ случаѣ нужды, бо́льшую часть своего отступленія.

Въ заключеніе прибавимъ, что возможная прямизна Ковно-Либавской линіи нужна въ видахъ конкурренціи съ Пиллау не только по теперешнему пути, имѣющему отъ Ковна 274 версты длины, но и по другому болѣе короткому пути, коего сосооруженіе уже есть предметъ толковъ въ Пруссіи. Какъ важна цѣль, имѣющаяся въ виду при постройкѣ Либавской линіи, и какъ слѣдуетъ дорожить всѣми шансами конкурренціи, не упуская ни малѣйшаго изъ нихъ, объ этомъ можно судить по слѣдующимъ словамъ просьбы города Кенигсберга, поданной мѣстному ландтагу еще 20-го октября 1860 года и приведенной въ вышедшей на днихъ *Запискѣ о Ковенско-Либавской желѣзной дорогѣ:*

„Предполагаемою постройкою дороги отъ Ковна до Либавы Россія помышляетъ пресѣчь существующія издревле торговыя по Нѣману и впадающимъ въ оный рѣкамъ, а равно и по Огинскому каналу, сообщенія восточной части Пруссіи съ русскими губерніями: Виленскою, Гродненскою, сѣверною частію Царства Польскаго и губерніями: Минскою, Могилевскою, Черниговскою и Полтавскою, составляющими на пространствѣ 6.000 кв. миль собственно главный источникъ Восточно-Прусской торговли, и отрѣзавъ сообщенія Пруссіи со всѣми этими мѣстностями, у самаго товарнаго склада (Ковна), направить торговлю опять въ собственный свой портовый городъ Либаву, коему предстоитъ блестящая будущность и который, равно какъ и Пиллауской и Мемельскій порты, имѣетъ то большое преимущество предъ всѣми прочими балтійскими портами, что зимою почти вовсе не покрывается льдомъ. Посему русскіе товарные транспорты, шедшіе по направленію на Пиллау, послѣ устройства путей отъ Ковна до Кенигсберга и отъ Ковна до Либавы, по прибытіи на складочное мѣсто, будутъ имѣть возможность избирать любое, одно изъ двухъ направленіе, то-есть либо въ Пиллау, либо же въ Либаву. Дабы не потерять выгодъ русской торговли, оказывается неизбѣжно необходимою постройка кратчайшей дороги, чѣмъ Кенигсбергско-Эйдкуненъ-Ковенская, именно въ прямомъ направленіи отъ Кенигсберга вверхъ до города Гродна, лежащаго у Нѣмана.“

Вотъ какое значеніе даютъ наши сосѣди Либавской линіи! Имъ выгодно притянуть русскую торговлю къ Пиллау и убить Либаву, а мы дѣлаемъ все съ своей стороны, чтобъ исполнить эту программу! Мы истощаемся въ изобрѣтеніяхъ, чтобъ отклонить постройку линіи Либавско-Ковенской, испортить эту линію, сдѣлать ее по возможности менѣе выгодною и лишить значенія нашъ незамерзающій портъ, которому, по сознанію нашихъ соперниковъ, „предстояла бы блестящая будущность.“ Недавно слышали мы даже о такомъ предположеніи, чтобы линію отъ Либавы вести не на Ковно, гдѣ она могла бы перенимать нѣманскіе грузы, а на Вильну,—за чѣмъ? За тѣмъ, должно быть, чтобы нѣманскіе грузы шли благополучно къ Мемелю и Пиллау, о чемъ такъ хлопочутъ наши соперники.

Если Ковенско-Либавская линія будетъ продолжена внутрь страны и если она пересѣчется линіей Смоленско-Брестскою, которая пройдетъ мимо пристани Столбцы на верхнемъ Нѣманѣ, выше Гродно, то нѣманскіе грузы будутъ прочно обезпечены за Либавой.

№ 248.

Москва, 15-го ноября.

А.

Болѣе полустолѣтія англійскіе государственные люди полагали всѣ свои усилія на то чтобы скрыть отъ міра истинное значенѣе и единственный возможный исходъ Восточнаго вопроса. Со времен Питта до лорда Станлея не было ни одного британскаго министра, который не считалъ бы своимъ долгомъ прибѣгать ко всякимъ уловкамъ притворства, дабы держать міръ въ полномъ невѣдѣніи относительно Восточной задачи, которую никто изъ нихъ не хотѣлъ добросовѣстно поставить въ ея истинномъ видѣ. Лордъ Пальмерстонъ особенно отличался энергіей и упорствомъ, съ какими онъ слѣдовалъ этой системѣ. Подъ предлогомъ необходимости противиться мнимымъ посягательствамъ Россіи и обезпечить цѣлость Оттоманской имперіи отъ мнимыхъ нападеній извнѣ, онъ попускалъ развитіе внутренняго зла, коимъ страдаетъ эта имперія, и усиливался скрывать его не только отъ Европы, но и отъ самой Турціи. Не далѣе какъ за два года предъ симъ, лордъ Дерби, упорствуя въ той же системѣ, счелъ долгомъ объявить въ полномъ парламентѣ, что всѣ бѣдствія, терзающія Востокъ, ограничиваются лишь кое-какими *административными непріятностями*, которыхъ тягость христіанское населеніе преувеличиваетъ.

Но *tempora mutantur*! Родной сынъ лорда Дерби уличилъ своего знаменитаго отца въ неправдѣ.

Рѣчь, произнесенная имъ недѣли двѣ назадъ предъ избирателями города Линна, есть событіе, о которомъ еще не сказано послѣднее слово. Мы уже упоминали о ней, и имѣемъ въ виду поговорить о ней болѣе въ послѣдствіи. Теперь хотимъ мы обратить вниманіе только на ту часть ея, которая касается Востока.

„Очень опасаюсь," сказалъ лордъ Станлей, переходя къ Турціи, „чтобы кто-нибудь, обращая взоры свои на эту страну, „не подумалъ, что тамъ собираются тучи. „Это можетъ случиться скоро, и можетъ „быть отдалено на нѣсколько лѣтъ, но „вѣроятно послѣдуетъ, и на такое положеніе намъ нельзя не обращать вниманія.... Я не думаю, чтобъ опасности „угрожающія Турецкой имперіи приближались къ ней извнѣ; ей скорѣе угрожаетъ внутренняя нежели внѣшняя опасность. Никакой иноземный союзъ, никакая европейская гарантія не можетъ „защитить ея правительство отъ финансовой гибели и отъ мятежа въ ея собственныхъ областяхъ."

Эти неоспоримыя истины, столь долго не признанныя въ Англіи и до сихъ поръ столь запальчиво ею отвергаемыя, были высказаны лордомъ Станлеемъ $^{1}/_{13}$ ноября 1868 г. Каковы бы ни были побужденія заставившія его такъ высказаться, прямой смыслъ его словъ ясенъ и не подлежитъ спору.

Но два года назадъ, то-есть 12-го сентября 1866 года, министръ иностранныхъ дѣлъ другой великой державы высказался объ этомъ же вопросѣ въ выраженіяхъ, которыхъ поразительную аналогію со словами лорда Станлея не безполезно будетъ поставить на видъ.

.... „Никакая опасность," писалъ этотъ министръ, „не угрожаетъ Портѣ съ нашей „стороны. Но не позволяя себѣ предугадывать волю Провидѣнія, мы не скроемъ опасностей, коимъ существованіе оттоманскаго правительства подвергается „вслѣдствіе своей внутренней организаціи... „Мы убѣждены, что примиреніе упомянутаго правительства съ христіанскими подданными Турціи, основанное на удовлетвореніи ихъ законныхъ требованій, есть „непремѣнное условіе ея существованія."

Первоначальное заявленіе этихъ истинъ, столь холодно тогда принятыхъ въ Лондонѣ, а теперь такъ торжественно высказанныхъ лордомъ Станлеемъ, принадлежитъ канцлеру Россійской Имперіи: вышеприведенныя строки онъ писалъ къ императорскому послу въ Лондонѣ, о чемъ свидѣтельствуетъ одинъ изъ дипломатическихъ документовъ, заключающихся въ офиціальномъ сборникѣ, который былъ въ прошломъ году обнародованъ нашимъ правительствомъ.

Этотъ фактъ лучше всякихъ доводовъ говоритъ противъ теорій устраненія, проповѣдуемыхъ у насъ нѣкоторыми лицами, теорій, въ силу коихъ Россія должна смотрѣть, въ бездѣйствіи и безмолвіи, на все что дѣлается и что будетъ дѣлаться на Востокѣ до тѣхъ поръ пока не будетъ вынуждена выставить милліонъ людей противъ европейской коалиціи. Близорукій

индифферентизмъ проповѣдниковъ этой теоріи не видитъ того что держава какъ Россія не можетъ молчать безнаказанно, какъ не можетъ и говорить безполезно.

Употребленіе силы часто бываетъ признакомъ неправоты дѣла ею защищаемаго. Кто имѣетъ на своей сторонѣ право и разумъ, тотъ не долженъ отказываться отъ употребленія нравственнаго оружія, иногда гораздо болѣе дѣйствительнаго чѣмъ пушки и штыки.

Есть и еще европейскій вопросъ, выходящій мало-по-малу изъ мрака. Это польскій вопросъ.

Недавно мы упоминали о слухахъ, что французское правительство намѣрено прекратить денежныя пособія, даруемыя имъ анархіи въ лицѣ польскихъ выходцевъ. Слухи эти, повидимому, подтверждаются. Кажется, что при имѣющемъ вскорѣ послѣдовать обсужденіи французскаго бюджета, суммы на этотъ предметъ назначенныя будутъ отмѣнены.

Итакъ, надобно думать, что въ парижскихъ правительственныхъ сферахъ начинаютъ здраво смотрѣть на пагубную мистификацію, извѣстную подъ именемъ Польскаго вопроса. Это уже большой выигрышъ въ интересѣ общаго спокойствія и равновѣсія; но еще замѣчательнѣе то, что въ этомъ отношеніи свѣтъ начинаетъ распространяться не только въ правительственныхъ сферахъ, но и между европейскими агитаторами. Не такъ давно извѣстный Мадзини обращался къ Полякамъ съ письмомъ, изъ котораго приводимъ слѣдующее мѣсто:

„Кровь текущая въ вашихъ жилахъ есть „кровь славянская. Вы братья людей населяющихъ и требующихъ себѣ почву „ими воздѣланную въ Босніи, Герцеговинѣ, „Черногоріи, земляхъ сербскихъ. Эти люди, „эти Славяне, возстанутъ въ скоромъ „времени во имя права, на которое вы „ссылаетесь, во имя вашихъ же преданій, „во имя жизни, для которой настало время, „жизни славянскаго міра, жизни, коей вооруженными глашатаями должны бы быть „вы сами. Пойдете ли вы противъ нихъ? „Станете ли вы сражаться за луну противъ „креста, за фатализмъ противъ свободы, „за неподвижность противъ прогресса, за „фактъ противъ права, за иноземное порабощеніе противъ самостоятельнаго труда, „за Азію противъ Европы? Принесете ли „вы колыбель въ жертву „могилѣ?“

Оставляя въ сторонѣ почтительный тонъ, съ какимъ Мадзини обращается къ своимъ сотрудникамъ по части анархіи, нельзя однако не признать всей тяжести заслуженныхъ обвиненій, которыя бросаетъ онъ въ Поляковъ. Они *жертвуютъ колыбелью могилѣ:* въ этихъ двухъ словахъ заключается вся исторія и весь смыслъ шляхетской, клерикальной и анархической Польши.

Б.

Въ №№ 299 и 303 *Биржевыхъ Вѣдомостей* напечатаны двѣ статьи, заслуживающія серіознаго вниманія не столько по своему содержанію, сколько вслѣдствіе появленія ихъ въ свѣтъ именно на столбцахъ этой газеты.

Предметъ помянутыхъ статей—полемика, возникшая въ послѣднее время между *Вѣстью*, съ одной стороны, и *Русскимъ Инвалидомъ* и *Московскими Вѣдомостями*, съ другой, по поводу отзыва *Вѣсти* о военныхъ реформахъ. Публика знаетъ, что это былъ за „отзывъ“. Никогда не занимавшись вопросами о военной организаціи и только служа органомъ какой-то таинственной личной вражды противъ военнаго министра, *Вѣсть* въ минуту, которую сочла для себя удобною, воспользовалась нѣкоторыми отмѣченными для нея мѣстами изъ книги г. Фадѣева: *О вооруженныхъ силахъ Россіи*, чтобы бросить тѣнь на положеніе нашей арміи созданное послѣдними преобразованіями. Публика знаетъ также какъ высказались по поводу этой выходки наша газета и *Русскій Инвалидъ*. По поводу этихъ-то объясненій и появились упомянутыя статьи въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ*, служащихъ, какъ извѣстно, офиціознымъ органомъ почтоваго департамента, составляющаго нынѣ часть министерства внутреннихъ дѣлъ.

Надобно сказать, что *Биржевыя Вѣдомости*, какъ почти и вся наша печать, высказываются о характерѣ и направленіи *Вѣсти* въ томъ самомъ смыслѣ какъ понимаетъ ее общественное мнѣніе. *Биржевыя Вѣдомости*, не обинуясь, называютъ *Вѣсть* и *Новое Время* „полупольскими органами“ и ставятъ ихъ на ряду съ враждебными Россіи, „западными публицистами въ родѣ Мазада“;—признаютъ *Вѣсть* „органомъ отстаивающимъ интересы польскихъ пановъ“; не упускаютъ случая выставить на видъ „обогащеніе“

Вѣсти отъ „пановъ-помѣщиковъ“. Не далѣе какъ 5-го ноября, *Биржевыя Вѣдомости* съ гордостью ссылались на постоянство высказываемыхъ ими мнѣній по сему предмету, и яркими красками живописали агитацію *Вѣсти* противъ „*всѣхъ* преобразовательныхъ мѣръ нашего правительства“, встрѣчаемыхъ другими органами общественнаго мнѣнія съ горячимъ сочувствіемъ.

Таковы мнѣнія редакціи *Биржевыхъ Вѣдомостей*, по сколько онѣ служатъ органомъ общественнаго мнѣнія, объ агитаціи чинимой *Вѣстію*. Эта газета признается органомъ польскимъ на русскомъ языкѣ, и врагомъ *всѣхъ* преобразованій происходящихъ въ нашемъ отечествѣ. Сильнѣе этого ничего не было сказано въ печати объ этомъ прискорбномъ явленіи. Мнѣнія эти не могли измѣниться въ краткій промежутокъ между 5-мъ и 10-мъ ноября, когда въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ* появилась первая изъ статей о полемикѣ, вызванной агитаціей *Вѣсти* противъ преобразовательныхъ мѣръ правительства по военному вѣдомству и противъ личнаго состава нашего военнаго управленія. Что же однако сказано въ статьяхъ напечатанныхъ въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ* отъ 10-го и 14-го ноября по поводу этой полемики? Допускаетъ ли тонъ этихъ статей какую-нибудь возможность предположить, что онѣ составлены въ редакціи *Биржевыхъ Вѣдомостей?*

Статья, напечатанная въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ* отъ 10-го ноября, вопервыхъ свидѣтельствуетъ, что въ полемикѣ, о которой идетъ рѣчь, „вся нравственная „несправедливость находится на сторонѣ „противниковъ *Вѣсти*“, что передовая статья въ № 121 *Вѣсти* по поводу книги г. Фадѣева написана въ „сдержанномъ тонѣ“, котораго не мѣшало бы держаться и ея противникамъ, и что если въ этой статьѣ и есть ошибочныя мнѣнія, то не могло быть никакой неблагонамѣренности. За аттестатомъ въ благонамѣренности выданномъ *Вѣсти* отъ имени *Биржевыхъ Вѣдомостей*, которыя только что признали ее органомъ польскимъ и враждебнымъ Россіи, — слѣдуетъ обвинительный актъ противъ *Русскаго Инвалида* „*вздумавшаго* возражать *Вѣсти*“. *Русскому Инвалиду* ставится въ вину, что онъ заявилъ „вообще объ антирусскомъ направленіи и „беззастѣнчивости *Вѣсти*, объ ея ярыхъ „проклятіяхъ русскимъ дѣятелямъ, кото„рые ставятъ интересы Россіи выше ин„тересовъ и эгоизма польской шляхты и „о тѣхъ пріемахъ, которые она употреб„ляетъ для очерненія ненавистныхъ ей „учрежденій“. *Русскій Инвалидъ*, выставляя *Вѣсть* какъ врага Россіи, подрываетъ-де „кредитъ этой газеты во мнѣніи „патріотовъ и, быть-можетъ, готовитъ ре„дактору ея гдѣ-нибудь такой же точно „пріемъ, какой онъ уже встрѣтилъ въ „Смоленскѣ“... „Съ какимъ бы ожесточе„ніемъ и съ какою бы несправедливостью „ни нападала *Вѣсть* на высшую админи„страцію“, заявляетъ въ заключеніе цитуемая статья, „все же такія нападки еще „слишкомъ далеки отъ такого образа дѣй„ствій, который давалъ бы кому-либо пра„во приравнивать ее къ органамъ, руга„ющимъ и проклинающимъ Россію.“ А накануне *Биржевыя Вѣдомости* приравнивали *Вѣсть* даже къ г. де-Мазаду. Все это напечатано 10-го ноября въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ*, которыя 5-го ноября отзывались о *Вѣсти* согласно общему о ней мнѣнію всей русской печати и едва ли не рѣзче *Инвалида!* Не ясно ли, что передовая статья въ № 299 *Биржевыхъ Вѣдомостей*, діаметрально противоположная собственнымъ воззрѣніямъ редакціи этой газеты и такъ рѣзко порицающая эти воззрѣнія, не принадлежитъ самой редакціи, а доставлена для напечатанія, въ видѣ передовой статьи, откуда-нибудь со стороны? Что редакція нашлась вынужденною напечатать отъ себя статью, коренннымъ образомъ разногласящую съ ея мнѣніями, — этому удивляться нечего. Весьма возможно, что эта газета бываетъ вынуждена печатать и то чего бы не хотѣла. Какъ бы затѣмъ чтобы не оставить сомнѣнія въ томъ, что передовая статья въ нумерѣ отъ 10-го ноября не принадлежитъ ей самой, редакція *Биржевыхъ Вѣдомостей*, въ томъ же самомъ нумерѣ, помѣстила внизу, въ фельетонѣ, статью, гдѣ о *Вѣсти* говорится такъ, какъ обыкновенно высказываются о ней *Биржевыя Вѣдомости*, и между прочимъ упоминается о панахъ - подпищикахъ этой газеты — источникѣ ея обогащенія.

Помѣстивъ противную своимъ убѣжденіямъ статью въ нумерѣ отъ 10-го ноября, редакція *Биржевыхъ Вѣдомостей* напечатала таковую же въ нумерѣ отъ 14-го ноября, несомнѣнно идущую изъ того же

источника какъ и предыдущая, коей она служитъ продолженіемъ. Здѣсь рѣчь идетъ не о *Русскомъ Инвалидѣ*, а о нашей газетѣ, причемъ, между прочимъ, вотъ что̀ вложено въ уста *Биржевыхъ Вѣдомостей*, признающихъ *Вѣстъ* „полупольскимъ органомъ и врагомъ *всѣхъ* преобразованій предпринятыхъ нашимъ правительствомъ"

„По словамъ московской газеты, нѣтъ ни одного изъ *великихъ начинаній*, обновившихъ Россію, подъ которое она (*Вѣстъ*) не *подкапывалась* бы и которое не было бы предметомъ ея *клеветы*. Очень понятно, что еслибы *Вѣстъ* сообщила даже какія-нибудь дѣльныя замѣчанія о нашей военной реформѣ, то они послѣ такой интродукціи *Московскихъ Вѣдомостей* должны были бы утратить всякое значеніе. Развѣ, сказали бы весьма основательно читатели *Московскихъ Вѣдомостей*, можно въ чемъ-нибудь довѣриться *Вѣсти* послѣ того, что̀ о ней прямо говоритъ г. Катковъ? *Вѣстъ*, по словамъ его, служитъ орудіемъ анти-національной интриги, она подкапывается подъ всѣ великія начинанія; слѣдовательно, что̀ бы она ни говорила о военной реформѣ, противъ нея будутъ излишни какія-либо фактическія доказательства; для насъ достаточно знать ея общее анти-національное направленіе для того чтобъ убѣдиться въ томъ, что она не можетъ говорить справедливо и о военномъ министерствѣ! Вообще же, способъ доказательствъ, употребляемыхъ, какъ *Московскими Вѣдомостями*, такъ и *Русскимъ Инвалидомъ*, наводитъ насъ на слѣдующую, весьма простую мысль: еслибы назадъ тому лѣтъ пятьдесятъ кто-нибудь вздумалъ отозваться невыгодно, положимъ, хотя объ Аракчеевскихъ военныхъ поселеніяхъ, то развѣ нельзя было бы доказывать несправедливость такихъ отзывовъ только тѣмъ, что человѣкъ, сдѣлавшій подобное заявленіе, служитъ орудіемъ реакціонной и анти-національной интриги, и что онъ подкапывается подъ всѣ великія начинанія.

„Мы хотимъ указать на то, какъ далеко уходятъ у насъ подъ прикрытіемъ патріотизма отъ основательнаго обсужденія спорныхъ вопросовъ, и рѣшаютъ эти послѣдніе только взаимными обвиненіями другъ друга почти что̀ въ государственной измѣнѣ. Иначе, какъ кажется, нельзя и понимать заявленія *Московскихъ Вѣдомостей* о томъ, что *Вѣстъ* служитъ усерднымъ орудіемъ анти-національной интриги, и что она подкапывается подъ всѣ великія начинанія, обновившія Россію."

Надобно замѣтить, что въ *Вѣсти* не было высказано никакихъ серіозныхъ замѣчаній о нашей военной организаціи; между тѣмъ какъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* по поводу приведенныхъ ею мѣстъ изъ книги г. Фадѣева были представлены весьма положительныя фактическія возраженія. Но главный интересъ въ томъ, что вышесказанныя строки появились въ свѣтъ, 14-го ноября, въ той самой газетѣ, которая 5-го ноября, въ передовой статьѣ, говорила между прочимъ слѣдующее:

„Обвиненія Русскаго народа и русскихъ дѣятелей въ коммуническихъ и демократическихъ стремленіяхъ и наклонностяхъ... давно уже повторяются въ *Вѣсти*, въ органѣ, отстаивающемъ интересы... польскихъ пановъ западнаго края... Среди похвалъ и горячаго сочувствія, съ какими встрѣчены были и встрѣчаются доселѣ нашими печатными органами общественнаго мнѣнія всѣ преобразовательныя мѣры нашего правительства, нѣсколько лѣтъ одна *Вѣстъ* издавала сдержанные, впрочемъ, вздохи недовольства самыми мѣрами правительства и крикливые вопли противъ частныхъ исполнителей этихъ мѣръ и противъ ненасытной, чисто-соціалистической, жадности Русскаго народа, который будто бы все еще недоволенъ сдѣланными ему благодѣяніями на счетъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Горько сожалѣя о совершеніи крестьянской реформы на огромныхъ пространствахъ Имперіи и считая совершенно безполезнымъ ратовать противъ дѣла, уже совершеннаго вездѣ, исключая западнаго края и остзейскихъ губерній, *Вѣстъ* до послѣдняго года изливала накопившуюся въ представляемой ею партіи желчь на администрацію сѣверо-западнаго края: „Она, говоря словами одной московской газеты, чернила тамошнихъ русскихъ чиновниковъ, тушившихъ пожаръ, и выставляя ихъ людьми опасными не для поджигателей, а для правительства, которому они служили..." Русское образованное общество сбито съ толку и рѣшительно не въ состояніи теперь понять что̀ дѣлается въ сѣверо-западномъ краѣ. „Неужели, говоря словами *Московскихъ Вѣдомостей*, дѣла тамъ повернулись такъ, что вчерашніе мятежники, заговорщики и измѣнники

государству являются представителями консервативных началъ, а люди, которые тушили мятежъ, боролись съ измѣною, разрушали заговоръ и спасали государство, вышли революціонерами и коммунистами?“ Эти вопросы, хотя и не въ такой опредѣленности и раздѣльности, приходилось намъ дѣлать и прежде—въ виду извѣстій объ обширныхъ перемѣнахъ въ личномъ составѣ мировыхъ учрежденій сѣверо-западнаго края. И мы тогда замѣтили (№ 245), что, съ своей стороны, мы никакъ не согласны объяснять эти перемѣны тѣмъ, что мѣстная администрація, вслѣдъ за западными публицистами въ родѣ Мазада и вслѣдъ за нашими полупольскими органами, *Вѣстью* и *Новымъ Временемъ*, пришла, наконецъ, къ убѣжденію въ томъ, что русскій человѣкъ вообще, въ частности же русскій чиновникъ въ западномъ краѣ, демократъ и соціалистъ по преимуществу, что крестьянская реформа въ краѣ, какъ она ведена была доселѣ прежними русскими дѣятелями, имѣла характеръ крайне радикальный и соціалистическій.“

Для чего же понадобилось печатать въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ* статьи столь несогласныя ни по тону, ни по направленію, съ обычными ихъ статьями и столь рѣзко противорѣчащія только что высказаннымъ нами мнѣніямъ? И зачѣмъ въ этихъ статьяхъ безпрестанно напоминается о безпристрастіи *Биржевыхъ Вѣдомостей* и о томъ, что эта газета вовсе не раздѣляетъ убѣжденій г. Скарятина? Не имѣется ли въ виду произвести на общественное мнѣніе, а главное на высшія сферы, разсчитанное напередъ впечатлѣніе? Вотъ-де безпристрастная газета, не дружащая *Вѣсти*, взвѣсившая доводы обѣихъ сторонъ; и что же? Вопервыхъ, она держится по вопросу о военной реформѣ взгляда, въ сущности сходнаго со взглядомъ *Вѣсти*. Вовторыхъ, никакого антирусскаго направленія въ *Вѣсти* не признается, а статья ея о военной реформѣ, отъ которой сыръ-боръ загорѣлся, есть-де статья благонамѣренная и дѣльная, которую во всякомъ случаѣ слѣдуетъ принять къ свѣдѣнію, а пожалуй и къ руководству, такъ какъ-де *Русскій Инвалидъ* и *Московскія Вѣдомости* не нашлись сказать противъ нея ничего, кромѣ голословныхъ обвиненій. Заявленія и мнѣнія *Вѣсти* о военной реформѣ остаются-де неопровергнутыми, а защитники этой реформы не сказали-де въ ея пользу ничего, чего нельзя было бы сказать и въ защиту Аракчеевскихъ военныхъ поселеній.

Но неужели же можно думать, что подобныя продѣлки пройдутъ незамѣченными и неоцѣненными?...

Кстати, посреди молчанія печати о *Правительственномъ Вѣстникѣ*, вдругъ появилась въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ* и *Дѣятельности* тождественная статья, высказывающаяся объ этомъ вопросѣ съ увлеченіемъ, столь же мало объяснимымъ интересами этихъ газетъ, какъ мало объяснима интересами и общимъ направленіемъ другой, пользующейся почтовою льготой газетки, непонятная замѣтка, напечатанная въ ней недавно о „пьяныхъ“ хулителяхъ г. Скарятина въ Смоленскѣ, немедленно подхваченная *Вѣстью* какъ выраженіе будто бы другой стороны общественнаго мнѣнія. Упомянутая тождественная статья напечатана въ *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ* мелкимъ штрифтомъ, а въ *Дѣятельности* появилась въ видѣ передовой статьи съ соотвѣтственнымъ тому измѣненіемъ начала. Странный куріозъ! Тождественная статья удивляется, что мы ничего не говоримъ о *Правительственномъ Вѣстникѣ*, изданіе котораго должно будто бы повести къ нарушенію нашего контракта съ Московскимъ университетомъ. Причина нашего молчанія простая. Нашъ контрактъ выгоденъ казнѣ, а не намъ (мы теперь платимъ въ казну по контракту 76½ тысячъ рублей во годъ); отъ нарушенія контракта *Московскія Вѣдомости* могли бы только выиграть, но подговариваться къ тому мы считаемъ неприличнымъ. Мы платимъ слишкомъ дорого за привилегію казенныхъ объявленій, между тѣмъ какъ *Биржевыя Вѣдомости*, а равно и нѣкоторыя другія газеты пользуются почтовою льготой, ничего не платя за нее.

№ 249.

Москва, 16-го ноября.

Вѣсть произвела не мало эффекта на довѣрчивыхъ читателей рядомъ статей кіевскаго помѣщика Еремѣева, въ которыхъ съ большою плодовитостью доказывалось, что мѣстная администрація и мировыя учрежденія систематически при-

страстны къ крестьянамъ, что имъ отводятся лучшія земли, не только въ достаточномъ, но и въ излишнемъ количествѣ, что платежи за эти земли уменьшены до ничтожества, что крестьянамъ въ большей части имѣній предоставлены пастьбы на земляхъ помѣщиковъ, и что не взирая на таковыя и многія другія поблажки со стороны „вольной дружины", положеніе крестьянъ не только не улучшается, но что, напротивъ того, оно замѣтно ухудшилось какъ въ нравственномъ, такъ и въ матеріальномъ отношеніи. Подобныя статьи, обставленныя цифрами и даже выдержками изъ офиціальныхъ бумагъ, производятъ впечатлѣніе, набрасываютъ тѣнь на мѣстную администрацію и могутъ послужить благовидными аргументами противъ русскихъ крестьянъ за польскихъ помѣщиковъ. Что же мы видимъ въ дѣйствительности?

Г. Еремѣевъ смѣло выступилъ противъ мѣстной администраціи, уличая ее въ офиціальной лжи, ибо по свѣдѣніямъ, ею недавно офиціально опубликованнымъ, крестьянскія хозяйства улучшаются, а не падаютъ, какъ онъ утверждаетъ. Прежде всего заслуживаетъ упоминанія, что г. Еремѣевъ, болѣе счастливый чѣмъ газетные корреспонденты нѣкоторыхъ другихъ мѣстностей, не былъ, сколько извѣстно, высланъ изъ края. Онъ писалъ себѣ на полной свободѣ, и Киргизъ-Кайсаки, усвоивъ себѣ обычаи цивилизованныхъ народовъ, ограничились тѣмъ, что опровергали его показанія своими доводами. Помощію однихъ голыхъ фактовъ обратила она въ прахъ весь арсеналъ его аргументовъ. Г. В. Юзефовичъ, мировой посредникъ той самой мѣстности, гдѣ находится имѣніе г. Еремѣева и его супруги, взялся возстановить истину фактовъ и отвѣчалъ на всѣ обвинительные пункты г. Еремѣева. Въ обширной статьѣ, напечатанной въ *Кіевлянинѣ*, онъ говоритъ именно о 2-мъ участкѣ Кіевскаго уѣзда и говоритъ такъ, что дѣлаетъ всякое возраженіе невозможнымъ. Г. Еремѣевъ утверждалъ, что крестьяне получили тамъ излишнюю землю по ничтожной цѣнѣ. Этотъ участокъ, говоритъ г. Юзефовичъ, почти весь отнесенъ къ 6-й мѣстности. Въ 40 селеніяхъ, по коимъ совершены выкупные акты, земля крестьянскихъ надѣловъ оцѣнена кругомъ въ 20 р. 50 к., что соотвѣтствуетъ существующимъ въ дѣйствительности цѣнамъ, ибо на послѣднихъ публичныхъ торгахъ земли той мѣстности продавались отъ 15 до 22 р. за десятину. Земли приходится на душу не много болѣе 3 десят., а на дворъ пользующійся полевымъ надѣломъ около 10 десят. (включая въ то число и усадебную землю). А по Положенію 19-го февраля 1861 г. minimum надѣла по 6-й мѣстности безъ усадьбы опредѣленъ $7^1/_2$ на душу. Очевидно стало-быть что крестьяне не надѣлены излишними землями и что платежи ихъ не доведены „до ничтожности". Г. Еремѣевъ утверждалъ, будто крестьянамъ отведены лучшія земли, на выборъ; г. Юзефовичъ свидѣтельствуетъ, что изъ 40 имѣній, по коимъ состоялся выкупъ, въ большинствѣ ихъ всѣ присельныя земли, всегда удобныя и вообще лучшаго качества, принадлежатъ помѣщикамъ; если въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, по добровольнымъ условіямъ, крестьяне получили земли лучшаго качества, то въ большей части случаевъ, въ собственность къ нимъ поступили тѣ самыя земли, которыми они пользовались прежде, и которыя, большею частью, хуже помѣщичьихъ присельныхъ земель. Далѣе г. Еремѣевъ жаловался, что крестьянамъ предоставлено *почти вездѣ* пасти скотъ на помѣщьихъ земляхъ; г. Юзефовичъ, съ своей стороны, положительно говоритъ, что существующія постановленія дозволяютъ крестьянамъ пасти скотъ на своихъ и помѣщичьихъ поляхъ общаго сѣвооборота, но что право пастьбы въ помѣщичьихъ лѣсахъ (*почти вездѣ предоставленное по инвентарямъ*) ни въ одномъ имѣніи не предоставлено крестьянамъ 2-го участка Кіевскаго уѣзда по выкупнымъ актамъ; стало-быть прежнее положеніе не только не измѣнено въ пользу крестьянъ, но еще сокращены ихъ права на пастьбу скота, тогда какъ за помѣщиками вполнѣ сохранено прежнее право пастьбы на крестьянскихъ поляхъ.

Посмотримъ теперь такъ ли ничтожны крестьянскія повинности вообще, чтобы г. Еремѣевъ могъ удивляться, что крестьяне давно не сдѣлались Крезами (пользуясь кругомъ тремя десятинами на душу). Крестьянинъ той мѣстности, говоритъ г. Юзефовичъ, вноситъ выкупнаго платежа и окладныхъ сборовъ по 2 р. 30 к. въ годъ за десятину душеваго надѣла; всѣ крестьяне тѣхъ селеній, по

которымъ составлены выкупные акты, платятъ 62.069 р. Еслибъ они въ 1862 (до увеличенія податей) надѣлены были тѣмъ самымъ количествомъ земли, какимъ пользуются нынѣ, и еслибы земля эта обложена была платежемъ на основаніи Положенія 19-го февраля 1861 г., т.-е. по 5 р. 10 к. за десятину усадебной и по 2 р. за десятину полевой земли, и еслибы сумму поземельныхъ платежей сложить съ суммой окладныхъ сборовъ, взимавшихся въ то время съ крестьянъ, то составилась бы общая сумма платежей въ 67.162 р. 68 к., но если, оставляя окладные сборы безъ измѣненія, сумму выкупныхъ платежей за землю, въ силу обязательнаго выкупа понизить на 20% согласно указу 30-го іюля 1863 г., то общая сумма платежей крестьянъ составила бы 56.926 р. 30 к., то-есть слишкомъ на 5 тыс. р. меньше ихъ теперешнихъ денежныхъ повинностей. Изъ этого видно, что принимая платежи за землю въ совокупности съ прочими окладными сборами, крестьяне, въ настоящее время, вслѣдствіе увеличенія податей, платятъ на 8% болѣе чѣмъ слѣдовало бы съ нихъ брать при пониженіи на 20% оброка, вычисленнаго по Положенію 1861 г.

Итакъ, нельзя сказать и съ этой стороны, чтобы крестьянскія повинности были уменьшены „до ничтожности“. Однако, вопреки утвержденіямъ сторонниковъ *Вѣсти*, г. Юзефовичъ утверждаетъ, что благосостояніе крестьянскаго сословія теперь несравненно выше того, что было во время *панщины*. Свобода, которою крестьянинъ пользуется теперь, даетъ свои естественныя послѣдствія; если безпечный и неумѣлый человѣкъ бѣднѣетъ, то расторопный и дѣятельный богатѣетъ, принимаетъ земли и беретъ самъ работниковъ. Повидимому и здѣсь оказывается то же явленіе, о которомъ съ такимъ комическимъ ужасомъ говорило Холмское земское собраніе, а именно, что нынѣ только у хорошаго хозяина урожай хорошъ, а у плохаго плохъ. Г. Еремѣевъ оплакиваетъ сверхъ того паденіе чумачества, самъ говоря, впрочемъ, что крестьяне бросаютъ этотъ промыселъ для земледѣлія, которое становится выгоднѣе. Но чѣмъ же оказывается въ дѣйствительности это паденіе чумаческаго промысла? Во всемъ околоткѣ, говоритъ г. Юзефовичъ, было прежде и теперь есть всего на все 11 чумаковъ. Одинъ изъ нихъ дѣйствительно хотѣлъ промѣнять этотъ промыселъ на земледѣліе и торговалъ землю у сосѣднихъ помѣщиковъ, но такъ какъ не сошелся въ цѣнѣ, то и продолжаетъ чумачить по прежнему. Вотъ изъ чего раздулъ г. Еремѣевъ свое увѣреніе, будто чумаки бросаютъ свой промыселъ!

Кто не помнитъ какъ много было рѣчи въ газетѣ *Вѣсть* о томъ, что русскіе крестьяне повсюду спились и излѣнились, лежатъ себѣ на печи и не хотятъ работать. Особенно обвинялись въ томъ Малороссы Заднѣпровья. Г. Еремѣевъ снимаетъ съ нихъ этотъ укоръ. Многіе изъ крестьянъ, говоритъ онъ, отдаютъ членовъ своихъ семействъ въ услуженіе къ помѣщикамъ. Повидимому, онъ долженъ бы этому радоваться, но не тутъ-то было. Если крестьяне не работаютъ, это дурно; значитъ, ихъ избаловала свобода. Если они работаютъ, это еще хуже: значитъ, ихъ разорила свобода. При такой логикѣ всего хуже то, что они нанимаютъ землю у сосѣднихъ помѣщиковъ: значитъ, они дошли до послѣдней крайности. Что бы крестьяне ни дѣлали, какъ бы они ни вели себя, люди партіи *Вѣсти* сумѣютъ вывести, что освобожденіе отъ крѣпостной зависимости повредило имъ, что для ихъ собственной пользы надобно подчинить ихъ по меньшей мѣрѣ вотчинной полиціи ихъ прежняго владѣльца.

Очень любопытно показаніе г. Юзефовича о томъ, каково было при крѣпостномъ правѣ экономическое положеніе крестьянъ, принадлежащихъ г. Еремѣеву, этому печальнику о ихъ нынѣшнемъ благосостояніи. Г. Юзефовичъ говоритъ:

„Въ инвентарной выпискѣ показано было 27 тяглыхъ и 36 пѣшихъ, а всего 63 двора. Въ постановленіи инвентарнаго комитета сказано, что тяглые хозяева надѣлены по 15 дес. 876 саж.; 15 пѣшихъ по 7 дес. 1.640 саженъ и 21 пѣшій по 7 дес. 321 саж. полевой земли. Всего земли, безъ усадебной, съ присоединеніемъ 9-ти-десятинной общественной запашки, показано въ пользованіи крестьянъ 688 десятинъ 2.163 сажени. Въ уставной грамотѣ, составленной г-жею Еремѣевой, поземельное устройство крестьянъ является уже нѣсколько измѣнившимся; тяглыхъ дворовъ показано только 15 и пѣшихъ 37, всего 52 двора; всей земли показано за крестьянами 558 десят. 565 саж. съ уса-

дебною, и 502 дес. 1.200 саж. безъ усадебной земли. Изъ общаго количества этой земли, крестьяне приняли въ пользованіе только 390 десятинъ полевой земли, а отъ $112^1/_2$ десятинъ отказались. Можетъ ли что нибудь краснорѣчивѣе этихъ цифръ изобразить дѣйствительное положеніе крестьянъ во время крѣпостнаго права? Въ промежутокъ 17 лѣтъ, уменьшеніе числа хозяевъ на 11, уменьшеніе количества надѣленной имъ земли на 186 дес. и, при первой возможности отказа, возвращеніе крестьянами въ распоряженіе помѣщицы еще $112^1/_2$ десятинъ."

И что же? Эти самые крестьяне, которые начинали такъ нищать во время управленія ими г. Еремѣева, нынѣ поправляются. Г. Юзефовичъ вызываетъ г. Еремѣева освѣдомиться о числѣ ихъ скота. По самому тщательному опросу, за четыре года предъ симъ у нихъ было 84 штуки рабочаго скота и менѣе десяти лошадей, а теперь у нихъ 120 штукъ рабочаго скота и до 30 лошадей. Они увеличили засѣвы, иные до 20 десятинъ, и нанимаютъ землю въ сосѣднихъ селеніяхъ, даже у самаго г. Еремѣева. Замѣчательно также, что въ той самой волости, гдѣ проживаетъ этотъ землевладѣлецъ, сѣтующій на усиленіе пьянства между крестьянами, *нѣтъ ни одного кабака*, равно какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ изъ сосѣднихъ волостей. Вокругъ этого землевладѣльца у многихъ крестьянъ есть хлѣбные запасы съ 1866 года, не взирая на два сряду плохіе урожая. Наконецъ во всемъ участкѣ г. Юзефовича нѣтъ ни одной копѣйки недоимки и образуются мірскіе капиталы.

Таково сравненіе нынѣшнихъ свободныхъ крестьянъ съ прежними крѣпостными. А вотъ сравненіе прежнихъ крѣпостныхъ съ прежними свободными. Вѣрный своей теоріи, г. Еремѣевъ полагаетъ, что казенные крестьяне бѣднѣе бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, что матеріальное благосостояніе ихъ падаетъ и что причиной тому существующее у нихъ съ давняго времени общественное управленіе и излишняя доля самостоятельности. Г. Юзефовичъ утверждаетъ наоборотъ, что положеніе помѣщичьихъ крестьянъ, во время крѣпостнаго права, не можетъ даже выдерживать сравненіе съ настоящимъ положеніемъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ. Достаточно сказать, что въ пяти волостяхъ бывшихъ казенныхъ крестьянъ, находящихся въ участкѣ г. Юзефовича, имѣется 48 мельницъ, принадлежащихъ крестьянамъ въ собственность, тогда какъ въ 8 волостяхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ мельницъ, принадлежащихъ крестьянамъ, только 4; что въ Кіевскомъ уѣздѣ, въ 25 волостяхъ крестьянъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости мірскіе капиталы составляютъ 9.536 р., а въ 17 волостяхъ бывшихъ казенныхъ—59.181 р.

Такъ г. Еремѣевъ побивается на всѣхъ пунктахъ непререкаемыми фактами.

Ожесточенныя нападки *Вѣсти* на положеніе дѣлъ въ юго-западномъ краѣ, участившіяся, какъ извѣстно, особенно въ послѣднее время, встрѣчаютъ и по другимъ пунктамъ неутомимый отпоръ въ *Кіевлянинѣ*, отвѣчающемъ фактами и цифрами на задирательныя выходки петербургской *soi-disant* охранительной газеты. Какъ нарочно, говоритъ *Кіевлянинъ*, вслѣдъ за открытіемъ осенней компаніи *Вѣсти* противъ мѣстной администраціи, когда сгустились мрачныя краски, коими въ этой газетѣ принято живописать всеобщее обѣднѣніе и разореніе края, въ дѣйствительности открываются въ немъ, одно за другимъ, промышленныя предпріятія, свидѣтельствующія о замѣчательномъ развитіи экономической жизни. 24-го сентября начало свои операціи въ Кіевѣ городское общество взаимнаго кредита, 8-го октября—частный коммерческій банкъ, а на дняхъ готовится къ открытію и приглашаетъ къ подпискѣ на акціи товарищество центральнаго для юго-западнаго края кіевскаго сахарорафинаднаго завода, въ огромныхъ размѣрахъ. Въ разоренномъ краѣ не могутъ возникать столь значительныя предпріятія,—тѣмъ паче возникать одновременно. *Вѣсти*, при ея отношеніяхъ къ банку гр. Бобринскаго, наслѣдовавшаго тѣ 5 милліоновъ, которые назначались на водвореніе русскаго землевладѣнія въ западномъ краѣ, весьма неприлично разсуждать о томъ, какъ туго идетъ это дѣло, съ тѣхъ поръ какъ заботу о немъ взялъ на свою отвѣтственность банкъ гр. Бобринскаго. Но *Вѣсть* находитъ въ себѣ достаточно духу сѣтовать на то, что водвореніе русскаго землевладѣнія въ юго-западномъ краѣ ни на шагъ не подвинулось да и не можетъ подвинуться впередъ, не вслѣдствіе отсутствія ссудъ, о чемъ благоразумно умалчивается, а вслѣдствіе

киргизъ-кайсацкаго образа дѣйствій мѣстныхъ административныхъ властей вообще и мировыхъ посредниковъ въ особенности. Что же говорятъ голыя цыфры, которыхъ при такомъ дѣлѣ, какъ покупка или продажа имѣній, нельзя ни преувеличить, ни въ карманъ спрятать? До 1865 года число русскихъ и польскихъ помѣщиковъ въ юго-западномъ краѣ было:

	Русск. помѣщ.	Польск. помѣщ.	Имѣній.
а) въ Кіевской губерніи .	262	931	1.104
б) „ Подольской губерніи.	221	1.309	1.512
в) „ Волынской губерніи .	170	2.107	2.118
Итого . .	653	4.347	4.734

Въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ прибавилось русскихъ поземельныхъ собственниковъ:

а) путемъ продажи казенныхъ участковъ . .	75	въ томъ числѣ адмиралы, пріобрѣтшіе земли въ Балтскомъ уѣздѣ.
б) обязательною продажей имѣній	34	
в) продажей съ публичныхъ торговъ за долги .	67	
г) продажей съ вольной руки . .	91	въ томъ числѣ Червоное, купленное г. Терещенко и Браиловъ—г. Мекномъ.

Такимъ образомъ, несмотря на неисполненіе тѣхъ обѣщаній, коими банкъ графа Бобринскаго выманилъ у государства пять милліоновъ рублей, и несмотря на то, что *Вѣсть* и ея кампанія систематически отпугивали русскихъ покупателей отъ пріобрѣтенія имѣній въ юго-западномъ краѣ, тамъ прибавилось новыхъ русскихъ собственниковъ 267. Этимъ нельзя довольствоваться съ государственной точки зрѣнія, но это показываетъ какъ успѣшно могло бы идти дѣло, еслибы встрѣчало поддержку, а не противодѣйствіе, въ особенности еслибы не была прекращена выдача ссудъ на облегчительныхъ условіяхъ, которую правительство первоначально имѣло въ виду. На публику, по крайней мѣрѣ, жаловаться нельзя. При отсутствіи правительственнаго содѣйствія, въ одномъ настоящемъ году изъ польскихъ рукъ въ русскія перешло имѣній не подлежавшихъ обязательной продажѣ 89 (123.070 десятинъ на 3.858.000 р.), а съ имѣніями обязательно проданными 105 (148.558 десят. на 3.921.456 р.). Вотъ какъ подвигается впередъ это дѣло, несмотря на усиленныя старанія партіи *Вѣсти*, чтобы было иначе. Что же было бы, еслибы тѣ злосчастные 5 милліоновъ не были поглощены банкомъ графа Бобринскаго!

№ 250.

Москва, 18-го ноября.

А.

Не разъ приходилось намъ замѣчать съ какимъ презрѣніемъ отзывался органъ графа Бисмарка, *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, о тревожныхъ извѣстіяхъ распускаемыхъ вѣнскими газетами о Румыніи, этомъ „великомъ арсеналѣ", какъ выражался г. фонъ-Бейстъ. „Всѣ эти вѣн„скія извѣстія", говорила весьма недавно берлинская офиціозная газета, „были чи„стыя выдумки, для того чтобы волновать „общественное мнѣніе". Самая поѣздка г. Голеско „къ верховному визирю", говорила въ другомъ мѣстѣ та же газета, „достаточно доказываетъ, что отношенія „Турціи къ Румыніи далеко не такъ на„тянуты, какъ увѣряли вѣнскія газеты". Понятно, что вступаясь столь рѣшительно за Румынію, прусская офиціозная печать не могла не заподозрить дѣйствій Вѣнскаго кабинета, систематически враждебнаго правительству князя Карла. Не оставаясь въ долгу предъ нареканіями прусской печати, австрійская офиціозная журналистика, съ своей стороны, усердно расхваливала сѣть интригъ, которыми Пруссія якобы опѣпляла возраждающуюся Габсбургскую державу, волновала Богемію, возбуждала Мадьяръ и готовила себѣ въ Румыніи точку опору на случай нужды. Австрійскіе офиціозные журналисты выдумали наконецъ басню о какомъ-то союзѣ между Россіей, Пруссіей и Румыніей, съ цѣлью создать „великую Румынію", округленную Трансильваніей. Но Трансильванія есть принадлежность короны Св. Стефана, и приверженцы „великой Венгріи" въ свою очередь большіе охотники до Румыніи. Усердіемъ австро-польскихъ журналистовъ созданъ, такимъ образомъ, пунктъ столкновенія между двумя „великими идеями". Благопріятствуя самостоятельной Венгріи, чтобы сокрушить Австрію, Пруссія, говорили они, готова поразить Венгрію, чтобы создать на широкихъ основаніяхъ самостоятельную Румы-

нію. Мадьярская печать встрепенулась, общественное мнѣніе въ Венгріи начало тревожно озираться на Берлинъ.

Въ недоумѣніи, Мадьяры рѣшились, по дѣламъ Румыніи, обратиться къ пештской делегаціи съ запросомъ къ правительству. Но въ это время, какъ бы по свистку невидимаго машиниста, вдругъ измѣнилась сцена берлинской офиціозной печати по отношенію къ Румыніи. Еще 19-го ноября *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* удостовѣряла, что „правительство князя Карла, „отнюдь не предаваясь приписываемымъ „ему предпріимчивымъ затѣямъ внѣшней „политики, *постоянно* обращаетъ все свое „вниманіе на улучшеніе внутренняго уп„равленія.“ Но 20-го ноября уже является совсѣмъ иного свойства декорація. „За„просъ, предстоящій правительству въ „пештской делегаціи по поводу *румын„скихъ интригъ*,“ говоритъ тотъ же вѣщій органъ канцлера Сѣверо-Германскаго Союза, „послужитъ къ разъясненію и раз„сѣянію ложныхъ идей, распускаемыхъ „букурештскими газетами насчетъ вымыш„леннаго ими *призванія Румыніи*.... До „сихъ поръ всѣ надѣялись, что румын„ское правительство воспользуется увели„ченіемъ своей политической самостоя„тельности лишь для развитія естествен„ныхъ средствъ края... Но волненіе умовъ, „вызванное кознями партій, заставляетъ „опасаться, что *это правительство не бу„детъ въ состояніи исполнить программу „требуемую общественнымъ благосостоя„ніемъ*. Трудно сказать кто виноватъ: *пра„вительство* ли или подданные; во вся„комъ случаѣ, вовсе не въ интересахъ „Пруссіи, изъ-за Румыніи, подвергать опа„сности миръ Европы. Съ тѣхъ поръ какъ „*Австрія* выступила на путь своего пре„образованія, Румынія должна болѣе все„го заботиться о сохраненіи дружескихъ „*къ Венгріи* отношеній...“

Какъ видно, на этотъ разъ, берлинскій офиціозный сфинксъ не счелъ нужнымъ предлагать слишкомъ головоломныя загадки. Онъ вступался за румынское правительство, пока это заступничество ссорило Берлинъ *только съ Австріей*; но онъ сознается въ несостоятельности румынскаго правительства, какъ только это заступничество стало грозить ему разрывомъ съ Венгріей. Въ особѣ императора Франца-Іосифа распознаетъ прусская политика два лица: она дорожитъ дружбой короля Венгерскаго, но отвергаетъ всякое сближеніе съ императоромъ Австрійскимъ. Наконецъ, *предписывая* румынскому правительству дружить съ *Венгріей*, которая произошла вслѣдствіе „*преобразованія Австріи*“, то-есть изгнанія ея изъ Германіи, газета графа Бисмарка подтверждаетъ наши давнія предвѣщанія, что естественнымъ послѣдствіемъ событій 1866 г. будутъ стремленія Пруссіи передвинуть центръ тяжести Австріи на низовья Дуная, дабы рано или поздно оторвать отъ нея, для Германіи и Италіи, все что не вошло въ составъ „великой Венгріи“. Въ видахъ противодѣйствія этимъ стремленіямъ, Австріи не предстояло ничего иного какъ держаться всѣми силами федеральной системы, разчитанной на самостоятельное существованіе каждой отдѣльной національной группы во многоязычной Габсбургской державѣ, также какъ съ другой стороны, чтобы содѣйствовать прусскимъ видамъ, Австріи не представлялось ничего лучшаго какъ подчинить всѣ эти различныя національности двумъ рѣзко отдаленнымъ господствующимъ началамъ: мадьярскому и нѣмецкому.

Родина Ришелье и Талейрана не оказалась, въ этомъ случаѣ, болѣе дальновидною чѣмъ Австрія. Франція восхищалась „либеральною“ программой г. фонъ-Бейста; Франція рукоплескала „либеральному“ патріотизму Мадьяръ, и своимъ золотомъ помогала имъ устраиваться. За одно съ Пруссіей и Венгріей, Франція негодовала противъ стремленія Чеховъ оградить свою національность отъ угрожающаго имъ, въ случаѣ распаденія Австріи, поглощенія прусскою германизаціей; заодно съ прусскими и венгерскими органами сѣтуетъ французская печать до сихъ поръ на мнимые происки русскаго панславизма. Усердно играя въ искусныя руки прусскихъ пангерманистовъ, Франція не подозрѣваетъ, что истинный вопросъ жизни и смерти ея политическаго значенія разыгрывается уже два года еще болѣе въ Пештѣ и Прагѣ, чѣмъ на берегахъ Майна...

И вотъ при первомъ телеграфномъ извѣстіи о вышеприведенной статьѣ прусской газеты, *Journal des Débats* съ тупою радостью привѣтствуетъ найденный имъ въ этой статьѣ „залогъ міра“; *Journal des Paris* поздравляетъ маркиза де-Мутье съ побѣдой французской дипломатіи надъ прусскимъ упрямствомъ; *Вечерній Монитеръ*,

ничего не замѣчая, продолжаетъ трепетать за нераздѣльность Турціи, указывая якобы скопляющееся въ Румыніи „количество „оружія, совершенно несоразмѣрное съ по„требностями этой страны," и заботится объ участи ожидающей ее „въ случаѣ если „она лишится дарованныхъ ей трактатами „привилегій." Между тѣмъ органъ французской дипломатіи, *France* присоединяясь ко мнѣнію *Journal des Débats*, говоритъ: съ „радостью заявляемъ сегодня, что нашъ „взглядъ на прискорбныя стремленія пра„вительства князя Карла Румынскаго ус„военъ нынѣ и самыми уполномоченными „органами правительствъ, которыя до сихъ „поръ, казалось, благопріятствовали по„литикѣ князя," и присовокупляетъ, что „не въ одномъ Берлинѣ порицаютъ поли„тику румынскаго правительства. *Corre„spondence Italienne*, офиціозный органъ „кабинета Менабреа, *высказывается въ „томъ же смыслѣ*.... Россія, кажется, „изолирована," восклицаетъ въ слѣпомъ порывѣ дипломатическая газета, „и, будто „по манію волшебнаго жезла оказывается „повсюду сходство взглядовъ, представ„ляющее гарантіи мира для Европы...."

Но эти самодовольныя ликованія французской печати не могутъ быть продолжительны. Прошло не болѣе пяти дней, и вотъ вчера полученный нами нумеръ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* посиѣшилъ высказаться съ ясностью, не допускающею никакихъ двухсмысленныхъ толкованій. Органъ графа Висмарка пугаетъ Мадьяръ союзомъ федералистовъ и централистовъ. „Мы нисколько не сомнѣваемся," говоритъ берлинскій оракулъ, „что одна „изъ этихъ партій должна одержать по„бѣду, если Венгерцы дадутъ орудовать „собою противъ Пруссіи въ пользу австрій„скихъ централистовъ.... Дабы достигнуть „разрушенія *венгерской монархіи*, привер„женцы централизаціи стараются *склонить „Венгерцевъ къ участію въ союзѣ Австріи „съ Франціей* противъ Пруссіи. Съ раз„громленіемъ прусскаго могущества, силою „австро-французскаго союза, пробьетъ, „надѣются они, и послѣдній часъ для „Венгріи.... Чѣмъ же надѣются они по„дѣйствовать на Венгерцевъ? Возбужде„ніемъ опасеній, что Пруссія стремится „къ расширенію Румыніи на счетъ Венгріи. „Но въ основаніи всякой разумной поли„тики находится положительный разчетъ. „Пусть же сравнятъ могущество хотя бы „и расширенной Румыніи съ могуществомъ „венгерской державы, и въ Пештѣ вѣроят„но согласятся, что прусскіе политики имѣ„ютъ настолько смысла, чтобы придавать „большой вѣсъ сочувствіямъ Венгріи и „не придавать никакого поддержкѣ Румы„ніи...."

Итакъ, на первое время усиленіе Пруссіи союзомъ съ Венгріей, а въ будущемъ сплоченіе Германіи съ славянскими остатками подъ прусскою державой: таковы блистательные результаты и радостныя гарантіи міра, съ какими французскіе органы могутъ поздравлять мудрую политику своего правительства. Помѣщаемая ниже парижская корреспонденція свидѣтельствуетъ, что внутренняя политика второй Имперіи оказывается не болѣе удачною чѣмъ внѣшняя. Отчаянное положеніе требуетъ отчаянныхъ мѣръ.... А дипломатическая *France* философски утѣшается мыслію, что „Россія изолирована!..."

В.

Сегодня, 18-го ноября, происходитъ открытіе Орловско-Витебской желѣзной дороги, обѣщавшей столько немедленныхъ блистательныхъ результатовъ для русскаго торговаго движенія. Между тѣмъ оказывается, что *уже съ 7-го ноября* закрыта для русскаго отпуска именно та гавань нашего прибалтійскаго поморья, которая избрана исходомъ этому новому прямому сообщенію! На этотъ годъ, слѣдовательно, Орловско-Витебская дорога, — за необъяснимымъ систематическимъ пренебреженіемъ къ заглохшей Либавѣ съ ея не замерзающимъ портомъ, — какъ разъ поспѣла во время чтобы послужить къ оживленію не рижскаго, а кенигсбергскаго порта, къ поощренію прусскаго, а не русскаго торговаго флота. Ужели Либавѣ придется еще двадцать шесть лѣтъ дожидаться уже двадцать шесть лѣтъ назадъ обѣщанной ей *прямой* желѣзной дороги отъ Нѣмана? Судя по тону приводимыхъ нами сегодня прусскихъ газетъ, весьма позволительно имѣть въ виду, что миролюбивый status quo Европы, быть-можетъ, далеко недолговѣченъ. Что станется съ нашими дорогами проведенными въ прусскіе порты, въ случаѣ, напримѣръ, морской блокады этихъ портовъ? Что станется тогда съ нашимъ балтійскимъ отпускомъ и съ многочисленными рельсовыми путями,

доставляющими его исключительно въ тѣ два наши порта, которые обречены суровымъ климатомъ на шести и пятимѣсячное замерзаніе? Что станется въ то время, наконецъ, и съ прусскимъ отпускомъ, принужденнымъ обратиться къ ближайшему русскому порту, Либавѣ, чрезъ невылазныя грязи, такъ какъ Либавѣ также не посчастливилось шоссейными, какъ не посчастливилось ей желѣзными дорогами?.. Опытъ показываетъ, что кратковременная отсрочка постройки Либавской дороги каждый разъ равнялась преданію ея многолѣтнему забвенію. Въ настоящее время тѣмъ болѣе позволительно опасаться подобнаго исхода отсрочки, что при нынѣшней политической обстановкѣ никто не можетъ поручиться за доступность денежнаго рынка даже въ шестимѣсячный срокъ...

Массы хлѣба потянутся теперь изъ Орла и Курска... куда?—къ замерзлому заливу, гдѣ по меньшей мѣрѣ на четыре мѣсяца прекращается всякое движеніе. Какая же выгода грузамъ идти не къ Петербургу, а къ Ригѣ? Что новаго пріобрѣла наша торговля съ желѣзною дорогой къ Рижскому порту? Не удивительное ли дѣло, что именно единственный не замерзающій русскій портъ на Балтійскомъ морѣ остается не связанъ съ сѣтью русскихъ желѣзныхъ дорогъ, и что истощаются всѣ возможные предлоги для того, чтобъ этотъ портъ остался и на будущее время безъ употребленія и пользы для Россіи?..

Нѣтъ сомнѣнія, что гарантія, о которой ходатайствуютъ общества, предпринимающія постройку Либавско-Ковенской дороги, будетъ чисто фиктивная. Если въ той цифрѣ, которую, согласно самымъ точнымъ статистическимъ даннымъ, могутъ доставить ея движенію мѣстная производительность и населеніе, присоединить *только половину* отпуска доставляемаго Россіей Кенигсбергу, то получится валовой доходъ въ 6.000 р. сер. на версту,— сумма достаточная, при бережливой эксплуатаціи, чтобъ обезпечить чистый 5% доходъ даже со стоимости 67.500 р., опредѣленной по смѣтѣ и конечно подлежащей значительному пониженію. Но все дѣло въ томъ, чтобы Либавская дорога слѣдовала *непремѣнно* кратчайшему направленію между Либавой и Ковномъ, то-есть чрезъ Россіены. Въ этомъ заключается conditio sine qua non того чтобъ неоплачиваемая гарантія не обременила казны, а дорога имѣла грузы. Даже при кратчайшемъ направленіи Либавѣ будетъ трудно конкуррировать съ Кенигсбергомъ: Мѣсто это насиженное, и фрахты изъ Пиллау будутъ всегда ниже чѣмъ изъ Либавы, вопервыхъ потому что изъ Либавы морской путь длиннѣе, вовторыхъ потому что при нашемъ тарифѣ въ Либаву будетъ приходить гораздо больше кораблей съ балластомъ чѣмъ въ Пиллау, гдѣ дѣйствуетъ тарифъ болѣе выгодный для привоза.

№ 251.

Москва, 18-го ноября.

Правительство занято, какъ слышно, составленіемъ нормальнаго устава для операцій такъ-называемыхъ *земскихъ* или лучше (во избѣжаніе недоразумѣній) *поземельныхъ* банковъ, то-есть, кредитныхъ учрежденій производящихъ ссуды подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ; проектъ такого устава готовится, говорятъ, для представленія, въ скоромъ времени, на утвержденіе въ законодательномъ порядкѣ, и до этого утвержденія, пріостановлено разсмотрѣніе проектовъ разныхъ мѣстныхъ поземельныхъ банковъ, по ходатайствамъ частныхъ учредителей. Мы не знаемъ содержанія упомянутаго законодательнаго проекта; но считаемъ себя обязанными сказать нѣсколько словъ о поземельныхъ банкахъ бывшихъ лѣтъ шесть, семь тому назадъ, по вызову правительства, предметомъ продолжительныхъ и всестороннихъ преній въ нашей печати. Нельзя не пожелать, чтобъ эти пренія, исчерпавшія вслѣдъ за изданными трудами коммиссіи (1859—1862 гг.), вопросъ объ устройствѣ поземельнаго кредита въ Россіи, были приняты въ соображеніе при возникающемъ нынѣ вновь разсмотрѣніи этого вопроса въ правительственныхъ сферахъ. Высказавшіяся тогда въ печати мнѣнія, повсемѣстныя заявленія сословныхъ и земскихъ собраній, совокупно съ практическимъ опытомъ нѣсколькихъ дѣйствующихъ у насъ поземельныхъ банковъ, достаточно разъяснили это дѣло, и на счетъ естественныхъ экономическихъ условій, нужныхъ для развитія поземельнаго или недвижимаго кредита, а равно насчетъ государственныхъ мѣръ, имѣющихъ способ-

ствовать этому развитію, не можетъ быть сомнѣнія. Мы не ошибемся, если скажемъ, что изданіе нормальнаго устава для поземельныхъ или закладныхъ банковъ вовсе не требуется, и что оно скорѣе можетъ причинить дѣлу вредъ, нежели принести пользу. Очевидно, что если нормальный уставъ долженъ служить руководствомъ и инструкціей для учредителей банковъ, то эта цѣль уже вполнѣ достигнута четырехъ-томными трудами коммиссіи для устройства земскихъ банковъ; спеціальныя свѣдѣнія по этому предмету достаточно распространены теперь въ нашей публикѣ, которая въ случаѣ надобности можетъ всегда руководствоваться какъ упомянутымъ изданіемъ, такъ и утвержденными правительствомъ уставами существующихъ банковъ. Что же касается до обязательнаго нормальнаго устава, то онъ былъ бы стѣснителенъ для учредителей банковыхъ компаній, которыя могутъ быть вынуждены мѣстными условіями, а отчасти и обстоятельствами времени, къ значительнымъ видоизмѣненіямъ до сихъ поръ господствующихъ у насъ формъ недвижимаго кредита. Къ этимъ видоизмѣненіямъ, которыя трудно предвидѣть, могутъ привести не только мѣстныя экономическія и юридическія условія, весьма разнообразныя въ Россіи, но отчасти и общія перемѣны въ юридическихъ условіяхъ кредита, происходящія подъ вліяніемъ судебной реформы и новаго устройства нотаріальной части, которой подвѣдомы закладные акты. Какъ на нужду особенно важный укажемъ на краткосрочныя ссуды, въ которыхъ особенно нуждается сельское хозяйство, и которыя, несмотря на нѣсколько попытокъ, остаются пока внѣ круга дѣйствій нашихъ поземельныхъ банковъ. При исключительномъ господствѣ въ нынѣшнихъ поземельныхъ банкахъ долгосрочнаго кредита съ постепеннымъ погашеніемъ капитала (посредствомъ ежегодныхъ взносовъ), краткосрочныя ссуды могутъ совсѣмъ не войти въ проектируемый нормальный уставъ, а между тѣмъ весьма желательно, чтобы онѣ развивались у насъ на основахъ недвижимаго или закладнаго кредита (преимущественно посредствомъ ипотечной системы, также можетъ быть посредствомъ *поземельныхъ книгъ*, упоминаемыхъ въ новомъ положеніи о нотаріальной части), ибо кредитъ личный или вексельный и также движимый закладной (посредствомъ устройства операцій подъ залогъ сельскохозяйственныхъ произведеній) едва ли будутъ въ состояніи удовлетворить потребности въ краткосрочныхъ ссудахъ, которая уже теперь весьма сильна, а съ успѣхами сельскаго хозяйства будетъ постоянно возрастать. Если изданіемъ нормальнаго устава имѣется въ виду предупредить возникновеніе ко вреду публики несостоятельныхъ банковыхъ предпріятій, съ дурно-разсчитаннымъ или не соотвѣтствующимъ требованіямъ страны кругомъ операцій, то такая забота совершенно напрасна; это доказалъ у насъ опытъ нѣсколькихъ банковыхъ компаній, коимъ, вслѣдствіе несообразности ихъ плана операцій съ нуждами публики, не удалось начать эти операціи, несмотря на то что каждая статья ихъ устава была тщательно разсмотрѣна и провѣрена правительствомъ. Впрочемъ въ нынѣшнемъ порядкѣ разсмотрѣнія и разрѣшенія банковыхъ предпріятій есть дѣйствительно неудобства, которыя, можетъ-статься, и предполагается устранить посредствомъ узаконеннаго нормальнаго устава. Эти неудобства заключаются въ томъ, что вся эта административная процедура, весьма медленная и отяготительная для учредителей поземельныхъ банковъ, — въ особенности отяготительная для банковыхъ предпріятій, не разсчитывающихъ на денежные барыши въ свою пользу, — не имѣетъ въ основаніи своемъ общаго закона и много зависитъ отъ произвола и усмотрѣнія правительственныхъ лицъ разбирающихъ поданные банковые проекты. Не мало слышалось жалобъ отъ учредителей поземельныхъ банковъ, что имъ неизвѣстны виды правительства, коими руководствуются учрежденія, разсматривающія банковые проекты и одобряющія или не одобряющія тотъ или другой проектъ. Иначе и быть не можетъ когда нѣтъ законной нормы для разсмотрѣнія и утвержденія отдѣльныхъ банковыхъ уставовъ. Банковыя предпріятія нельзя приравнивать къ желѣзно-дорожнымъ; послѣднія всегда заключаютъ въ себѣ монополію, которой нѣтъ въ первыхъ процвѣтающихъ лишь при свободной конкурренціи. Монополія же, совокупно съ правительственными гарантіями и субсидіями, влечетъ за собою исключительныя условія разсмотрѣнія и утвержденія желѣзно-дорожныхъ предпріятій прави-

тельствомъ, обязаннымъ руководиться въ этомъ случаѣ государственными цѣлями, не всегда совпадающими съ разчетомъ строителей. Каждая желѣзно-дорожная линія требуетъ особаго правительственнаго разсмотрѣнія и утвержденія, даже въ законодательномъ порядкѣ (какъ это дѣлается въ Англіи), уже потому что нельзя строить желѣзную дорогу безъ права принудительнаго отчужденія земель, а это право не можетъ быть предоставляемо безъ особаго разрѣшенія верховной власти; равнымъ образомъ и вообще размѣры правительственнаго содѣйствія сооруженію каждой линіи невозможно подчинить никакимъ общимъ, разъ навсегда узаконеннымъ нормамъ. Поэтому для каждаго желѣзно-дорожнаго предпріятія требуется правительственная *концессія*, вовсе ненужная по существу дѣла для банковаго предпріятія, въ особенности по поземельному кредиту. Поземельные банки могутъ быть въ извѣстныхъ, точно указанныхъ закономъ предѣлахъ, предоставлены дѣйствію свободной конкурренціи безо всякаго вмѣшательства правительства въ организацію и ходъ дѣла. Желателенъ только такой общій законъ, который бы въ точности обозначилъ какъ самый порядокъ утвержденія или лучше просто вступленія въ законную силу уставовъ банковыхъ компаній (если предварительное законодательное разсмотрѣніе каждаго проекта будетъ признано возможнымъ вовсе устранить), такъ и границы, въ которыхъ дозволяются частнымъ банкамъ разныя кредитныя операціи. Такой законъ устранилъ бы нынѣ замѣчаемую случайность въ правительственномъ утвержденіи банковыхъ проектовъ и положилъ бы конецъ всякимъ личнымъ проискамъ для присвоенія одному банку таких преимуществъ, которыя не предоставлены всѣмъ остальнымъ: при дѣйствіи общаго закона для устройства поземельныхъ банковъ, было бы невозможно напримѣръ исходатайствованіе такихъ исключительныхъ привилегій, какія даны были Обществу Взаимнаго Поземельнаго Кредита, въ подрывъ мѣстнымъ банкамъ, готовившимся образоваться согласно первоначальнымъ видамъ правительства. Но такой законъ, который былъ проектированъ коммиссіей о земскихъ банкахъ еще въ 1862 г., не имѣетъ ничего общаго съ нормальнымъ уставомъ. Банковый законъ, который бы могъ быть изданъ даже не для однихъ поземельныхъ банковъ, а для всякаго рода частныхъ кредитныхъ учрежденій, долженъ имѣть по преимуществу отрицательный характеръ, то-есть указывать на тѣ общія необходимыя условія, безъ соблюденія которыхъ не разрѣшается образованіе банковыхъ компаній, и на тѣ операціи, которыя имъ въ видѣ исключенія не дозволяются, съ допущеніемъ всякихъ иныхъ. Такого закона не имѣется у насъ лишь потому, что самое существованіе частныхъ банковъ есть новизна въ Россіи, послѣ дѣйствовавшей у насъ до 1859 года полной монополіи казеннаго банковаго кредита.

Изданіе общаго закона для поземельныхъ банковъ есть единственная мѣра, какую правительство могло бы принять спеціально для содѣйствія развитію этого рода банковъ. Устраненіе другихъ препятствій къ ихъ успѣшному ходу отчасти не зависитъ отъ непосредственныхъ распоряженій правительства, находясь въ связи съ общими экономическими условіями государства (каково напримѣръ, большее или меньшее обиліе капиталовъ, готовыхъ помѣститься подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ, производительное употребленіе въ сельскомъ хозяйствѣ занятыхъ капиталовъ и т. д.), отчасти же обусловлено всею совокупностью нашей финансовой системы и отношеній правительства къ кредиту. Въ этой послѣдней категоріи условій развитія банковыхъ операцій по долгосрочному поземельному кредиту, занимаетъ первое мѣсто вопросъ о внутреннихъ государственныхъ займахъ и всякаго рода государственныхъ процентныхъ бумагъ, дѣлающихъ самую сильную конкурренцію выпускамъ облигацій поземельными банками. Такъ нѣтъ сомнѣнія, что главнымъ тормазомъ къ распространенію у насъ долгосрочныхъ поземельныхъ банковъ явилась выкупная операція, какъ это и было предвидѣно въ 1859 г., при самомъ первоначальномъ обсужденіи вопроса объ образованіи частныхъ банковъ, на мѣсто ликвидированныхъ тогда государственныхъ кредитныхъ учрежденій. Но, съ другой стороны, жалобы на это были бы не совсѣмъ основательны, такъ какъ выкупная операція, составляющая важную государственную мѣру въ другихъ отношеніяхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, на первое время, въ значительной степени удовлетворила и тѣмъ потребностямъ нашего земле-

владѣльческаго класса, для которыхъ нужны были поземельные банки. Впрочемъ, какъ бы то ни было, частныя банковыя учрежденія по долгосрочному недвижимому кредиту уже получили у насъ начало, и ихъ операціи, если и недостаточныя для всѣхъ мѣстностей имперіи, достигли однако, несмотря на всѣ затрудненія, большихъ размѣровъ, о чемъ свидѣтельствуютъ десятки милліоновъ облигацій, выпущенныхъ петербургскимъ, московскимъ и херсонскимъ кредитными обществами. Общій банковый законъ несомнѣнно облегчилъ бы образованіе подобныхъ товариществъ заемщиковъ и въ другихъ краяхъ Россіи, а облегченіе тутъ особенно нужно, ибо исключительныя привилегіи и льготы Общества Взаимнаго Поземельнаго Кредита будутъ надолго весьма существеннымъ препятствіемъ къ образованію мѣстныхъ поземельныхъ банковъ, не пользующихся привилегированнымъ положеніемъ этого общества.

Но долгосрочнымъ поземельнымъ кредитомъ, составляющимъ исключительное достояніе банковыхъ учрежденій и компаній и недоступнымъ для отдѣльныхъ капиталистовъ, никакъ не исчерпываются кредитныя потребности землевладѣльческаго класса. Въ массѣ случаевъ гораздо важнѣе банковаго кредита частныя кредитныя сдѣлки землевладѣльцевъ съ капиталистами по залогу земель и недвижимыхъ имуществъ; для развитія этихъ краткосрочныхъ сдѣлокъ, всюду несравненно болѣе многочисленныхъ чѣмъ банковыя ссуды подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ, не достаетъ у насъ *ипотечной системы*, введеніе которой было бы нынѣ самою важною государственною мѣрой въ пользу землевладѣльческаго кредита. Объ этомъ предметѣ было достаточно говорено въ № 94 *Московскихъ Вѣдомостей* нынѣшняго года. О результатахъ трудовъ учрежденной въ то время вновь коммиссіи для обсужденія вопроса объ ипотечныхъ книгахъ до сихъ поръ ничего не извѣстно. Остается пожелать, чтобы труды этой коммиссіи достигли своей цѣли, и Россія получила бы наконецъ, послѣ судебной реформы, систему ипотечныхъ книгъ, существующую повсемѣстно въ Европѣ.

№ 252.

Москва, 20-го ноября.

А.

Разсмотримъ подробнѣе такъ-называемыя стратегическія возраженія противъ *прямой* Ковно-Либавской желѣзной дороги. Эти возраженія полнѣе всего изложены въ той статьѣ *Русскаго Инвалида*, о которой уже не разъ шла у насъ рѣчь. Свои доводы авторъ статьи выражаетъ въ двухъ пунктахъ: „Военное вѣдомство,“ по словамъ его, „обязано высказывать желаніе: 1) чтобы пути были по возможности обезпечены *отъ захвата* непріятеля, и „2) чтобы при помощи этихъ путей установилось также удобное сообщеніе между Ригой и Ковной *или Вильной* (?!), „сообщеніе въ высшей степени важное для „обороны не только прибалтійскаго края, „но и ковенско-виленскаго района.“

Вопервыхъ, что касается возможности „захвата“ желѣзной дороги, то, какъ мы говорили еще въ началѣ октября (№ 211):

„это соображеніе ни въ какомъ государствѣ не удерживаетъ отъ сооруженія важныхъ въ торговомъ отношеніи желѣзныхъ дорогъ. Дѣйствительно, подобными опасеніями не руководилась ни Пруссія относительно Россіи при постройкѣ Лыко-Кенигсбергской линіи или при постройкѣ двухъ линій отъ Бреславля къ Австрійской границѣ, ни даже Австрія относительно Пруссіи и Россіи при постройкѣ длинной линіи отъ Вейскирхена черезъ Оденбергъ, Краковъ и Львовъ на Тарнополь, съ вѣтвью на Броды, ни второстепенныя державы Германіи и сама Пруссія, при проведеніи своихъ желѣзныхъ дорогъ по лѣвому берегу Рейна, параллельно французской границѣ. Всѣ эти линіи, безъ исключенія, почти нигдѣ не удаляются отъ границы болѣе чѣмъ на сто верстъ, и весьма многія изъ нихъ, особенно австрійская, слѣдуютъ почти на всемъ протяженіи своемъ менѣе чѣмъ въ десяти верстахъ отъ границы.“

Чѣмъ же руководились въ этихъ случаяхъ и Пруссія, и Австрія, — державы, которыя отнюдь нельзя упрекнуть въ пренебреженіи „своими военными интересами?“ Куріознѣе всего то, что онѣ руководились въ большей части упомянутыхъ случаевъ именно стратегическими соображніями, потому что линіи параллельныя границѣ и

въ близкомъ отъ нея разстояніи идущія, именно съ военной точки зрѣнія и считаются особенно выгодными. Франція имѣетъ на всемъ протяженіи своей границы съ Германіей параллельную границѣ линію, и линія эта вчетверо ближе къ границѣ чѣмъ была бы прямая Ковно-Либавская. Если же доводъ о захватѣ не приложимъ къ стратегическимъ пограничнымъ линіямъ, то онъ столь же мало приложимъ и къ линіямъ коммерческимъ, идущимъ вдоль границы. Захватомъ можетъ быть причиненъ ущербъ коммерческому движенію, это правда, но вѣдь война есть дѣло *случайное*, временное и исключительное. Войны въ нашемъ балтійскомъ краѣ вотъ уже полвѣка не было; а въ эти полвѣка, особенно со времени открытія Виленско-Кенигсбергской линіи, ушли, по Нѣману, въ Мемель, и по желѣзной дорогѣ, въ Кенигсбергъ, сотни милліоновъ рублей, которыми обогатились и прусскіе порты и прусскій флотъ, и которые сберечь для Россіи могла *одна Либава*; повторяемъ: *одна Либава*; а никакъ не Рига, не Виндава и не Балтійскій Портъ. Этими сотнями милліоновъ давнымъ-давно были бы выкуплены всѣ расходы по постройкѣ Либавской дороги, еслибы даже и пришлось ей когда-нибудь въ послѣдствіи подвергнуться *случайности* „захвата". Признать ли напускную мысль, что Либавская дорога могла бы, въ такомъ случаѣ, стать опасною для Россіи? Чѣмъ можетъ она стать опасною? Непріятелю, наступающему внутрь страны, можетъ оказать значительное подспорье дорога, ведущая по направленію его операціонной линіи, тѣмъ болѣе что и самая порча ея, производимая отступающею арміей, по большей части легко можетъ быть исправлена, при огромныхъ матеріальныхъ и техническихъ ресурсахъ всякой значительной арміи наступающей. Такъ, въ послѣднемъ богемскомъ походѣ, оказали большую пользу Пруссакамъ австрійскія дороги, ведущія отъ границъ Пруссіи и Саксоніи внутрь Богеміи. Но Пруссакамъ не могла оказать никакой существенной пользы дорога отъ Троппау въ Одербергъ и Краковъ, и прочія слѣдующія параллельно границѣ.

Итакъ, не параллельныя границѣ, а вертикальныя къ ней дороги, т.-е. тѣ, что направляются внутрь страны, могутъ быть „опасны" въ томъ смыслѣ, что онѣ могутъ послужить для сообщеній наступающаго непріятеля со своею операціонною базой. Что касается дорогъ слѣдующихъ по близости отъ границы въ направленіи къ ней параллельномъ, единственная опасность въ случаѣ „захвата" ихъ заключается въ томъ, что онѣ временно не будутъ оказывать прежней пользы торговому движенію. Коммерческой пользы кратчайшаго направленія Либавской дороги никто не отрицаетъ; разумно ли отказываться *навсегда* отъ этой пользы только потому, что въ извѣстномъ случаѣ мы *временно* можемъ лишиться ея? Конечно лучше, если можно, оградить себя даже противъ этого временнаго лишенія. Но развѣ мы достигаемъ этой цѣли, изгибая на какія-нибудь 33 версты Либавскую линію внутрь страны, къ востоку и сѣверу? Непріятель, наступающій по направленію отъ Прусской границы къ Тельшамъ, никакъ не остановится въ Тельшахъ, а либо подвинется далѣе, черезъ Шавли къ Двинѣ, либо отступитъ. Во всякомъ случаѣ, если онъ не завладѣетъ дорогою у Шавель, то, находясь въ Тельшахъ, онъ всегда имѣетъ средство испортить ее, поручивъ это дѣло летучему отряду.

Итакъ доводъ о „захватѣ" не имѣетъ никакой силы при выборѣ направленія для Ковно-Либавской линіи. Если же Ковно-Либавская линія изгибается на Шавли и Кликоле только для удобнѣйшаго устройства, въ интересахъ стратегическихъ, соединительной вѣтви на Митаву (второй доводъ военной статьи, напечатанной въ *Русскомъ Инвалидѣ*), то, допуская что это сообщеніе необходимо, есть другое средство согласовать въ этомъ случаѣ интересъ военный съ интересомъ торговымъ. Вся разница тутъ въ какихъ-нибудь тридцати трехъ верстахъ, и дабы сберечь эти 33 версты у Митавской вѣтви, ихъ набавляютъ на Либавскую вѣтвь. Не основательнѣе ли оставить Ковно-Либавской линіи ея прямое сообщеніе черезъ Тельши и прибавить эти 33 версты къ Митавской вѣтви, дабы не отвлекать Либавской дороги отъ ея главнаго назначенія,—конкурренціи съ Ковно-Пиллаускою линіей?

Повторяемъ однако: пусть военное вѣдомство строитъ себѣ предполагаемое прямое сообщеніе между Митавой, Ковномъ и Либавой. Но нельзя портить для этого Либавско-Ковенскую желѣзную дорогу, нельзя лишать для этого Либавско-Ковенскую дорогу не только всякой доходности, но

и всякой пользы и смысла. Мы говорили не разъ: Либавѣ предстоитъ трудная борьба чтобы перетянуть къ себѣ русско-кенигсбергское движеніе товаровъ. Трудности этой борьбы объясняются сравнительно гораздо болѣе дорогими фрахтами Либавы, коихъ пониженіе не въ ея власти, такъ какъ оно есть естественное послѣдствіе нашего высокаго таможеннаго тарифа. Къ тому же Либава отстоитъ далѣе Кенигсберга отъ датскихъ проливовъ. Уравновѣсить всѣ эти неблагопріятные для Либавы шансы можно только связавъ ее съ Ковномъ болѣе короткимъ рельсовымъ путемъ чѣмъ дорога отъ Ковна до Пиллау. Предполагаемый нами *кратчайшій* путь сберегаетъ въ пользу Либавы, сравнительно съ Пиллау, всего 24 версты, и это сбереженіе *только что уравновѣситъ* шансы Либавы съ шансами Кенигсберга.

Что касается насъ, то, признаемся, мы не въ состояніи усмотрѣть стратегическую важность соединенія Митавы съ Ковномъ.

Это сообщеніе, говорятъ намъ, „въ *высшей степени* важно для обороны не только Прибалтійскаго края, но и ковенско-виленскаго района.“ Прежде всего замѣтимъ, что если это сообщеніе дѣйствительно „въ *высшей степени* важно,“ то почему же заводятъ о немъ рѣчь только теперь, дабы, къ великому удовольствію *Крестовой Газеты* и *Ostsee-Zeitung*, оказать новыя препятствія дѣлу, коего безусловной пользы самъ авторъ статьи *Русскаго Инвалида* не отрицаетъ? Что о немъ до сихъ поръ молчали, изъ этого прямо слѣдуетъ, что, если оно и важно, то отнюдь не въ *высшей степени*. Посмотримъ, въ чемъ заключается важность этого сообщенія. Если оно важно „для обороны Прибалтійскаго края“ на случай дессанта по дугообразному курляндскому берегу, относительно коего предлагаемая Митаво-Кликольская вѣтвь есть хорда, то полезными могутъ быть пути идущіе къ морю, а не сорокаверстная хорда трехсотверстной дуги, подверженной дессанту. Въ ожиданіи дессанта нашему отряду полезнѣе всего будетъ занять положеніе центральное, какое только дастъ ему возможность поспѣть кратчайшимъ путемъ, т.-е. по направленію радіусовъ, ко всѣмъ угрожаемымъ пунктамъ набережной дуги, а это положеніе доставитъ ему не Митаво-Ковенская, а Митаво-Либавская линія. Если же требуемое сообщеніе „важно,“ для обороны виленско-ковенскаго района и доставленія къ нему прибалтійскихъ войскъ, то Митава и Рига и безъ того соединены съ Вильной рельсовымъ путемъ, соотвѣтствующимъ менѣе чѣмъ однѣмъ суткамъ ѣзды *).

Но есть и другое предположеніе: это случай вторженія въ прибалтійскій край со стороны прусской границы, именно тотъ случай во избѣжаніе коего Либавскую дорогу предлагаютъ вести дальнѣйшимъ *безопаснымъ* путемъ, которымъ нашъ лучшій и даже *единственный* хорошій портъ, Либава, можетъ быть *навсегда* сдѣланъ совершенно безопаснымъ... для Кенигсберга.

Да будетъ позволено намъ высказаться откровенно на счетъ этого предположенія. Ужели какой-нибудь военный человѣкъ можетъ не понимать, что непріятель наступающій отъ Тильзита, чрезъ Тельши, къ Митавѣ, не только открываетъ намъ правый флангъ своего операціоннаго фронта, но и оставляетъ въ тылу своемъ всѣ наши войска, расположенныя по всей польской границѣ, а также по линіи Нѣмана? Подобное наступленіе возможно, въ самомъ строгомъ значеніи этого слова, только въ томъ случаѣ, когда непріятель не только завладѣетъ Ковномъ, но будетъ наступать отъ него далѣе внутрь Россіи, по направленію къ Днѣпру, какъ то было въ 1812 году, когда корпусы Йорка, Макдональда и Сенъ-Сира, только по мѣрѣ наступленія главной непріятельской арміи къ Витебску и Смоленску отдѣлялись отъ нея по направленію къ Митавѣ и къ Полоцку. Итакъ, близко ли, далеко ли отстоитъ Либаво-Ковенская линія отъ границы, она подвергается серіозному захвату только въ томъ случаѣ, когда непріятель завладѣетъ Ковномъ, который, какъ было доказано въ № 247 нашей газеты свидѣтельствомъ самого кенигсбергскаго купечества, долженъ во всякомъ случаѣ быть точкою соприкосновенія Либавской линіи съ линіей Главнаго Общества. Такимъ образомъ выходитъ, что для разумной и дѣйствительной обороны прибалтійскаго края, нечего заботиться о томъ или другомъ направленіи ковенско-курляндскихъ линій, а слѣдуетъ оборонить стратегическій ключъ

---

*) Въ силу условій уступки Николаевской дороги, Главное Общество обязано производить перевозку войскъ со скоростію *не менѣе* 30 верстъ въ часъ.

этого края, то-есть бассейнъ Нѣмана и верховьевъ Бобра и Нарева, на протяженіи отъ Ковна, черезъ Гродно, до Бѣлостока. Пока этотъ бассейнъ будетъ въ нашихъ рукахъ, пока армія наша не отступитъ отъ Ковна, до тѣхъ поръ для обороны Тельшей и Россіенъ, а за ними и всей Курляндской губерніи, противъ вторженія съ прусской границы, достаточно будетъ нѣсколькихъ незначительныхъ летучихъ отрядовъ. Для предварительной же обороны означеннаго протяженія Нарево-Бобро-Нѣманскаго бассейна, могутъ быть дѣйствительны двѣ мѣры. *Первая* изъ нихъ — проведеніе Московско-Смоленско-Брестско-Варшавской желѣзной дороги, по своему отдаленію отъ границы уже рѣшительно не подверженной захвату, а по устанавливаемому ею прямому сообщенію съ Москвой, гдѣ сходятся всѣ желѣзнодорожныя артеріи,—доставляющей нашимъ сѣверо-западнымъ арміямъ всѣ военные и жизненные ресурсы нашего отечества. Наши военные люди оказали бы ему истинную услугу, еслибы взяли на себя иниціативу этого дѣла, которымъ вѣрнѣе всего обезпечивается успѣхъ защищаемыхъ ими, на нашей западной окраинѣ, интересовъ. *Вторая* же мѣра, которою можетъ быть обезпечена оборона подверженной вторженію части Нѣманскаго бассейна, состоитъ въ сооруженіи укрѣпленнаго лагеря въ центральномъ пунктѣ этого бассейна, въ Вильнѣ, и нѣсколькихъ форпостовъ въ пунктахъ сосѣднихъ. Таковы единственныя раціональныя средства обезпечить, со стороны прусской границы, и Прибалтійскій край и Западный.

Мы „невнимательны къ дѣлу,“ говоритъ авторъ статьи *Русскаго Инвалида*, мы „пренебрегаемъ военными интересами“ нашего отечества. Въ настоящемъ случаѣ „невнимательность,“—только не наша,—ставитъ насъ въ необходимость отвѣчать повтореніемъ того, что уже было нами сказано въ № 211 *Моск. Вѣд.* „Полемика по нашему „желѣзнодорожному дѣлу поистинѣ куріозна,“ говорили мы въ этой статьѣ. „Когда приходилось“—

„доказывать стратегическими потребностями нашей сѣверо-западной окраины необходимость прямаго желѣзно-дорожнаго сообщенія между Москвой и Варшавой чрезъ Смоленскъ и Брестъ; когда возникала рѣчь о совершенномъ отсутствіи укрѣпленій по всей этой окраинѣ, именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ намъ болѣе всего угрожаетъ близость прусской границы; когда мы указывали въ этомъ отношеніи на образецъ мудрой предусмотрительности, съ какою Пруссія, при самыхъ дружественныхъ отношеніяхъ къ Россіи, неуклонно воздвигала грозные верки и въ Кенигсбергѣ, и въ Кюстринѣ, и въ Летценѣ, и въ Пиллау, и въ Мемелѣ; когда изо всѣхъ этихъ обстоятельствъ выводили мы необходимость укрѣпленнаго лагеря въ Вильнѣ,—что отвѣчали въ то время наши занѣманскіе противники устами своихъ петербургскихъ сознательныхъ и безсознательныхъ пособниковъ? Они отвѣчали намъ, что между Россіей и Пруссіей немыслима и возможность какого-нибудь столкновенія; что обнаруживать въ этомъ отношеніи какія-нибудь опасенія было бы, съ нашей стороны, и неполитично, и несправедливо; что никакой угрозы намъ съ этой стороны ожидать не слѣдуетъ... вслѣдствіе чего всѣ вопросы о направленіи на этой окраинѣ нашей желѣзно-дорожной сѣти должны-де разсматриваться совершенно независимо отъ всякихъ военныхъ соображеній и руководствуясь единственно интересами матеріальными, чисто торговаго, чисто промышленнаго свойства... Въ настоящее время возникъ вопросъ о чисто матеріальныхъ, чисто торговыхъ, чисто промышленныхъ интересахъ... И что же? Оказывается, что какимъ-то фокусомъ вопросъ уже перенесенъ на иную почву, именно на почву чисто военную; что о возможности столкновенія съ Пруссіей говорятъ какъ о фактѣ весьма естественномъ, которымъ всѣ прочія соображенія отодвигаются будто бы на задній планъ, и въ припадкѣ внезапнаго недовѣрія къ нашей сосѣдкѣ, вдругъ рекомендуютъ намъ относительно ея такія предосторожности, о какихъ сама Пруссія не думаетъ не только по отношенію къ намъ, но и по отношенію къ Франціи, о какихъ не помышляетъ даже и Австрія ни относительно Пруссіи, ни относительно Россіи.“

Б.

Говоря о выдачѣ концессій на желѣзныя дороги безъ гарантій, мы сказали, что, по нашему мнѣнію, онѣ могутъ быть выдаваемы на небольшія линіи безпрепятственно, но съ соблюденіемъ тѣхъ основныхъ положеній гражданскаго права, ко-

торыя были упущены изъ виду при объявленіи подписки на рыбинско-осѣченскія акціи. Такъ какъ концессіи даются обыкновенно не именнымъ компаніямъ (на вѣрѣ), а безыменнымъ (акціонернымъ), то-есть юридическимъ лицамъ, то условія существованія этихъ фиктивныхъ субъектовъ права должны быть даны прежде чѣмъ они начнутъ дѣйствовать; другими словами, акціонерная компанія должна имѣть уставъ опредѣляющій права акціонеровъ, прежде нежели откроется подписка на акціи. Послѣдствія того случая, когда это коренное правило общаго гражданскаго закона упускается изъ виду, мы выразили такъ, что тогда акціонеры становятся кредиторами безыменнаго заемщика, не отвѣчающаго предъ ними никакимъ капиталомъ. Мы извѣстились нынѣ, что выраженіе *безыменный заемщикъ* было нѣкоторыми читателями понято неправильно. И по связи рѣчи и по свойствамъ русскаго языка, оно не могло заключать въ себѣ никакого нравственнаго сужденія, а было употреблено единственно въ смыслѣ выраженія *анонимный заемщикъ*. Мы очень хорошо знали также и не имѣли ни малѣйшаго намѣренія отрицать, что учредители Рыбинско-Осѣченской акціонерной компаніи внесли въ государственный банкъ значительный залогъ. Но они внесли его въ качествѣ учредителей акціонерной компаніи. По своему взносу они пріобрѣли права акціонеровъ; они также кредиторы Общества. Но гдѣ же Общество? Его не имѣется. Кто имѣетъ право, по закону, распоряжаться собранными деньгами? Такихъ лицъ не имѣется. Если скажутъ, что это право принадлежитъ учредителямъ, то, при отсутствіи устава, гдѣ тотъ юридическій титулъ, на которомъ это право основывается? Съ акціонернымъ капиталомъ нельзя поступать такъ, какъ можно поступать съ капиталомъ облигаціоннымъ, и публичная подписка на акціи не то же самое что денежная или безденежная въ кругу знакомымъ уступка части акцій, оставленныхъ учредителями сполна за собой.

Мы искренно желаемъ успѣха будущему Обществу Рыбинско-Осѣченской желѣзной дороги,—желаемъ тѣмъ болѣе что эта дорога строится безъ правительственной гарантіи и, какъ утверждаютъ, будетъ отстроена безъ правительственной субсидіи. Это важный шагъ въ русскомъ желѣзно-дорожномъ дѣлѣ, — шагъ смѣлый, имѣющій право на привѣтъ и сочувствіе. Онъ можетъ послужить ободрительнымъ примѣромъ для многихъ другихъ предпринимателей; но было бы крайне опасно, еслибъ онъ послужилъ примѣромъ для повторенія тѣхъ юридическихъ упущеній, коими сопровождалась подписка на рыбинско-осѣченскія акціи. Подписка на акціи есть сдѣлка гражданскаго права, договоръ, какъ другіе договоры; она не должна грѣшить противъ элементарныхъ положеній права.

№ 253.

Москва, 22-го ноября.

А.

По мнѣнію лорда Стэнлея, высказанному въ извѣстной рѣчи его предъ избирателями, объединеніе и сплоченіе сорокамилліонной Германіи подъ верховенствомъ Пруссіи есть только вопросъ времени. Быть-можетъ, Франція и не стерпѣла бы этого въ настоящемъ году; но государственные люди ея начинаютъ-де свыкаться съ мыслію о неотвратимости такого исхода, и лишь бы Пруссія протянула дѣло года на два, все обойдется миролюбиво, благодаря тому, что оба противника изнурятъ себя своими громадными вооруженіями и благодаря также „отвращенію французскаго крестьянина отъ конскрипціи“.

Французская офиціозная печать всѣми силами старалась доказать, что рѣчь лорда Стэнлея была не иное что какъ избирательная реклама, не заслуживающая вниманія Европы. „Эта рѣчь“, говоритъ ультра-офиціозный *Constitutionnel*, „интересуетъ только англійскій народъ.“ Дипломатическая *France* утѣшала себя тѣмъ, что противъ мнѣнія отходящаго министерства торіевъ возстаетъ вся англійская нація, и что поэтому, съ перемѣной министерства, надо ожидать измѣненія программы политики Англіи...

Но что пользы во всѣхъ этихъ уловкахъ? Здравомыслящая часть Франціи не можетъ не знать, что по всѣмъ вопросамъ иностранной политики, а равно и по вопросу между Франціей и Пруссіей, какъ виги, такъ и торіи держатся одной и той же программы.

Высказываясь столь рѣшительно по ад-

росу Франціи, лордъ Станлей высказался не менѣе категорически и о Восточномъ вопросѣ. Провозглашая здѣсь принципъ невмѣшательства, англійскій министръ присоединился, въ сущности, къ извѣстной декларацiи, состоявшейся 15-го октября 1867 за подписью четырехъ державъ, по иниціативѣ Императорскаго кабинета. Провозглашать принципъ невмѣшательства и признаваться вмѣстѣ съ тѣмъ, что на Востокѣ сбираются тучи,—это фактъ, не лишенный важнаго значенія въ устахъ британскаго министра. Объ избирательной рекламѣ, конечно, въ этомъ случаѣ не могло быть и рѣчи, такъ какъ заявленіемъ своимъ лордъ Станлей прямо шелъ на перекоръ закоренѣлымъ предразсудкамъ Англіи.

Впрочемъ, что касается этой части рѣчи лорда Станлея, то по отношенію къ ней съ самаго начала оказалось нѣкоторое единомысліе между Парижемъ и Берлиномъ. „Черныя точки“, съ радостью восклицаетъ *Крестовая Газета*, „которыя „нѣкогда виднѣлись на горизонтѣ Франціи, оказываются нынѣ на горизонтѣ „Австро-Венгерскомъ“, и эта статья немедленно воспроизводится всѣми французскими офиціозными газетами, какъ бы въ видѣ комментарія къ философскимъ разсужденіямъ *Монитера* по поводу рѣчи британскаго министра. Проходя молчаніемъ отзывы лорда Станлея объ отношеніяхъ Франціи къ Пруссіи, *Монитеръ* безусловно одобряетъ „строгіе, но мудрые совѣты“, съ какими благородный лордъ обратился ко христіанскимъ населеніямъ Востока. Не менѣе берлинской патріотической газеты, официальный органъ Тюльерійскаго кабинета желаетъ предать забвенію щекотливыя дѣла береговъ Рейна и Майна, дабы устремить все вниманіе на Востокъ. Въ Парижѣ были недовольны букурештскимъ министромъ, теперь уже павшимъ; въ Берлинѣ недовольны вѣнскимъ, и вотъ *Крестовой Газетѣ* пишутъ изъ Парижа, что въ тамошнихъ правительственныхъ сферахъ высказывается неудовольствіе на г. фонъ-Бейста, а если вѣрить аугсбургской *Allgemeine Zeitung*, то настояніями лорда Станлея въ Берлинѣ совершился извѣстный фокусъ, начавшійся грозными статьями, которыми органъ графа Бисмарка приносилъ Румынію въ жертву Венгріи, и завершившійся паденіемъ министерства Братіано-Голеско. „Россія изолирована“, восклицаетъ *France*, „между Берлиномъ и Вѣной произошло наконецъ соглашеніе...“.

На дѣлѣ оказывается, напротивъ, что между Берлиномъ и Вѣной препирательства продолжаются пуще прежняго, а произошло соглашеніе между Берлиномъ и Пештомъ. Любезности, съ какими *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, обращается къ Венгріи, дабы отдѣлить ее отъ Австріи, по справедливости признаются въ Вѣнѣ за признакъ явной враждебности.

Интересно, что вслѣдъ за извѣстными статьями органа графа Бисмарка, редакціи вѣнскихъ газетъ неожиданно получили отдѣльный листокъ издаваемой подъ рукой прусскаго правительства *Correspondence de Berlin*, и какъ свидѣтельствуетъ *Neue Freie Presse*, въ этомъ нумерѣ сказано прямо, что „истинный центръ тяжести Австрійской монархіи *уже находится нынѣ въ Пештѣ*. Отнынѣ рѣшаются „въ Пештѣ всѣ капитальные вопросы Австріи. Такъ, даже усиленіе арміи до „800-тысячнаго наличнаго состава, *непремѣнно сначала въ Пештѣ*.“ Нисколько не стѣсняясь въ заключеніяхъ своихъ, прусскій офиціозный органъ выводитъ изъ этого факта необходимость замѣщенія г. фонъ-Бейста „венгерскимъ дѣятелемъ, и „высказываетъ желаніе, чтобы графъ Андрашъ былъ назначенъ въ должность государственнаго канцлера, и чтобъ эта „должность была перенесена изъ Вѣны въ „Пештъ...“ „Если“, замѣчаетъ при этомъ *Neue Eреie Presse*, „такимъ образомъ „будетъ окончательно перенесенъ центръ „тяжести, тогда... Но намъ нечего высказывать чего ожидаетъ въ такомъ случаѣ *Correspondence de Berlin*.“

Итакъ, политическая махинація, которую мы предусматривали съ полною ясностью еще за два года предъ симъ, начинаетъ уже приводиться въ исполненіе. Легко можно было предвидѣть, что ставъ неограниченною повелительницей Сѣверной Германіи, Пруссія не удовольствуется дѣйствіемъ только на южныя германскія государства. Нѣмецкія провинціи Австріи не могли ускользнуть отъ вожделѣній Пруссіи. Употребленіе силы представляетъ серіозныя опасности, и Пруссія могла бы потерпѣть неудачу въ борьбѣ съ доведенною до отчаянія Австріей, а можетъ-быть и съ раздраженною Франціей, и вотъ въ Берлинѣ прибѣгли къ искуснымъ полити-

ческимъ козлямъ, дабы достигнуть цѣли неопрометчиво и совершенно безопасно. Для этого сначала нужно было посѣять зародыши разложенія въ Австрійской монархіи; надобно было благопріятствовать введенію въ Австріи системы, которая, удовлетворивъ и одобривъ честолюбіе Венгерцевъ, оскорбила бы прочія части монархіи и принесла бы ихъ существенные интересы въ жертву Венгріи. Ничто не могло болѣе согласоваться съ этими видами какъ система дуализма водворенная г. фонъ-Бейстомъ. Кто-то весьма мѣтко сказалъ, что графъ Бисмаркъ поручилъ г. фонъ-Бейсту довершить пріостановленное дѣло Кенигтрецкой битвы. И австро-саксонскій государственный мужъ исполнилъ это порученіе съ замѣчательнымъ усердіемъ. Въ настоящее время Австрійская монархія подверглась полному превращенію, или лучше сказать, Австрія перестала существовать, уступивъ мѣсто безпокойной, дерзкой Венгріи, которая хотя еще благоволитъ терпѣть одного изъ Габсбурговъ на тронѣ святаго Стефана, но твердо намѣрена поступать съ прочими частями имперіи какъ съ немощными принадлежностями этой короны. Тѣмъ не менѣе, несмотря на разрушительное дѣйствіе политики г. фонъ-Бейста, теперь Берлинскій кабинетъ находитъ, повидимому, нужнымъ ускорить довершеніе этого превращенія. Такъ какъ самое вѣрное для этого средство состоитъ въ томъ, чтобъ еще болѣе усилить могущество венгерскаго элемента, то въ Берлинѣ, кажется, придумали воспользоваться съ этою цѣлью Румыніей и Сербіей. Венгрія давно уже хочетъ овладѣть Дунаемъ, а по водвореніи системы дуализма, въ Пештѣ перестали даже и скрывать это. Офиціозные органы графа Андраши открыто проповѣдуютъ о необходимости и выгодахъ тѣснаго соединенія Сербіи и Румыніи съ Венгріей. Венгерскіе эмиссары, разсѣянные въ упомянутыхъ странахъ, уже успѣли завести самыя тѣсныя связи въ Бѣлградѣ и Букурештѣ. Надобно, наконецъ, замѣтить еще, что всѣ австрійскіе консульскіе агенты въ Румыніи и Сербіи назначены г. фонъ-Бейстомъ, или, лучше сказать, навязаны ему графомъ Андраши изъ Венгерцевъ.

Norddeutsche Allgemeine Zeitung засвидѣтельствовала, что эти венгерскіе происки въ Румыніи и Сербіи вполнѣ одобряются Берлинскимъ кабинетомъ, который всячески поощряетъ ихъ.

Съ перваго взгляда трудно объяснить себѣ, почему офиціозный прусскій органъ такъ рѣзко отзывается о правительствѣ, во главѣ котораго стоитъ принцъ изъ дома Гогенцоллерновъ. Нельзя понять съ какою цѣлью упомянутая газета выходитъ изъ предѣловъ истины и справедливости, и присоединяется къ противу-румынскимъ возгласамъ, сигналъ къ которымъ былъ поданъ изъ Вѣны, особенно изъ Пешта; но заключительная фраза статьи *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* объясняетъ загадку. Вотъ эта фраза: „Съ тѣхъ поръ какъ Австрія вступила на путь преобразованія, Румынія должна „болѣе всего заботиться о томъ, чтобы „находиться въ дружественныхъ съ Венгріей связяхъ.“

Стóитъ того, чтобы вникнуть въ значеніе этихъ словъ. *In cauda venenum.*

Въ 1854 году, когда Австрія измѣнила намъ, императоръ Николай Павловичъ писалъ по этому поводу слѣдующее: „Въ „настоящее время, кажется, Францу-Іосифу „обѣщаютъ протекторатъ надъ Дунайскими „Княжествами. Я не позавидую ему и въ „этомъ, но пусть онъ, юный другъ нашъ, „размыслитъ, что тѣ, кто предлагаютъ „ему Княжества, быть-можетъ имѣютъ въ „виду отнять у него что-нибудь получше „въ Италіи.“ Стóитъ только замѣнить слово *Италія* словомъ *Австрія*, и вѣщее предостереженіе покойнаго государя будетъ и теперь умѣстно.

Съ окончательнымъ перенесеніемъ въ Пештъ центра тяжести Австріи, неотвратимо и быстро начинается процессъ разложенія, а съ тѣмъ вмѣстѣ и насильственное образованіе Великой Венгріи.... Не противъ Пруссіи же потребовала Венгрія 800-тысячной арміи.... Изъ Берлина пишутъ въ *Times*, что съ начала весны Австрія непремѣнно возьмется за оружіе; съ другой стороны, органъ австрійскаго посольства въ Парижѣ, газета *Presse*, не обинуясь заявляетъ, что къ веснѣ война неизбѣжна.... Какое же значеніе имѣютъ послѣ этого миролюбивыя завѣренія лорда Стэнлея! Если вѣрить берлинскому корреспонденту *Кельнской Газеты*, въ основаніи ихъ было убѣжденіе англійскаго министра, что въ настоящее время Россія уклоняется отъ разрѣшенія Восточнаго вопроса, и говоря о мирѣ, лордъ Стэнлей, очевидно, имѣетъ въ виду объединеніе

Германіи. Естественнымъ дополненіемъ этого дѣла является сосредоточеніе на низовьяхъ Дуная сильной имперіи подъ скипетромъ Габсбурговъ. Теперь близокъ часъ, когда поступитъ въ дѣло вторая часть программы прусско-венгерскаго союза, успѣшно направляемаго англійскою политикой... Громовая туча съ Рейна быстро перенесется къ низовьямъ Дуная. А противъ кого, за окончательнымъ униженіемъ Франціи, готовятся предположенныя Венгріей и радующія Поляковъ вооруженія, на это довольно ясно намекаетъ наша нынѣшняя телеграмма изъ Пешта....

Б.

Весь послѣдній нумеръ *Вѣсти* есть не что иное какъ одинъ бѣшеный и нечленораздѣльный вопль противъ насъ. Скандалъ, который представляетъ эта газета, доходитъ теперь до крайнихъ предѣловъ. Все что есть въ Россіи мыслящаго ясно видитъ ту постыдную и злую игру, которой этотъ самъ по себѣ столь ничтожный листокъ служитъ выраженіемъ и орудіемъ. Пружины этой махинаціи теперь на виду, и всѣ знаютъ для чего эта газета съ такою настойчивостію повторяетъ то, чему сама не вѣритъ, и прибѣгаетъ къ мистификаціямъ, которыя, какъ ей самой совершенно свѣдомо, никого въ публикѣ обмануть не могутъ ...

Какой удивительный матеріалъ готовится для лѣтописца нашихъ дней!

Но мы должны прервать нашу рѣчь и уступить мѣсто нижеслѣдующему письму изъ Рязани адресованному къ намъ, съ просьбой немедленно напечатать его, г. Офросимовымъ и княземъ Волконскимъ, которые взялись быть органомъ негодованія, возбужденнаго въ ихъ кругу недавнимъ манифестомъ *Вѣсти*. Мы радуемся этой столь рѣшительной протестаціи изъ среды русскаго дворянства противъ клики, которая съ неслыханною дерзостью прикрываетъ свою контрабанду флагомъ русскаго дворянства. Оба почтенныя лица, адресовавшія къ намъ нижеслѣдующее письмо, принадлежатъ къ помѣстному сословію, которое вынесло на плечахъ своихъ главную реформу положенную въ основу обновляемой Россіи, и было тогда предметомъ недостойнаго поруганія, но которое теперь подвергается еще болѣе глубокому оскорбленію въ видѣ обмана, употребляющаго во зло его честное имя:

„Мм. гг., надняхъ мы прочли въ №№ 122 и 127 газеты *Вѣсть* двѣ передовыя статьи, и пришли въ изумленіе. Какъ, въ настоящее время, послѣ десяти почти лѣтъ новой жизни въ Россіи, находятся еще люди, которые, безъ зазрѣнія совѣсти, увѣряютъ печатно, что начала, положенныя въ основу реформъ крестьянской, земской и судебной, суть не болѣе какъ стремленія къ переустройству Русскаго государства на основахъ анти-монархическихъ? Откуда могли взяться эти анти-монархическія начала? Реформы истекли непосредственно отъ верховной власти, приняты народомъ какъ даръ и тѣмъ же народомъ и избранными изъ среды его дѣятелями усвоены въ томъ именно смыслѣ, въ какомъ были дарованы, безо всякого со стороны кого-либо возраженія. Одного этого факта уже кажется достаточно, чтобъ убѣдиться въ томъ, что существующій въ Россіи государственный строй, наслѣдственно-монархическій, ни на минуту не поколебался. Государь, какъ исконный обладатель земли Русской, счелъ за благо (слова всѣхъ манифестовъ, открывавшихъ реформы) даровать своему народу новыя льготы, народъ съ благоговѣніемъ ихъ принялъ, и мы, которые, съ перваго дня обращенія Государя Императора къ дворянству объ улучшеніи быта крѣпостныхъ, трудились надъ приведеніемъ всѣхъ положеній въ исполненіе, можемъ засвидѣтельствовать, что начала, положенныя въ основу реформъ, какъ свѣжія и зрѣлыя сѣмена, быстро принимались на благодатной русской почвѣ, и въ настоящее время уже пустили здоровые ростки. Могло ли бы это быть, еслибы они были противны, какъ увѣряетъ *Вѣсть* духу народа и вводили бы новый строй въ исторически-сложившуюся жизнь Русскаго государства?

„Вѣроятно, такое простое положеніе хорошо понимаютъ и тѣ, выраженіемъ мыслей которыхъ служитъ газета *Вѣсть*. Что же заставляетъ ихъ возмущать спокойствіе людей, которые посвящаютъ себя въ настоящее время общественной дѣятельности, выдвигая предъ ними фантомы какого-то злостнаго демоса, какой-то республики, основы которой положительно несовмѣстны съ принципомъ наслѣдственно-монархическимъ, истекшимъ изъ исторической жизни нашего отечества? Мы рѣшаемся утверждать, что такія выходки могутъ проистекать изъ двухъ причинъ: или,—и это

самое выгодное для газеты *Въсть*,— отъ легкомысленно-испуганнаго воображенія, или же, хуже, отъ лукаваго злоухищренія путемъ такихъ инсинуацій навести смущеніе на общественныхъ дѣятелей, съ тѣмъ чтобъ они, оторопѣвъ поворотили въ сторону отъ пути, указаннаго имъ державною рукой, и привели бы, въ другой лишь формѣ, народную жизнь къ тому же порядку вещей, отъ котораго реформы такъ быстро стали отодвигать Россію.

„Оставляя въ сторонѣ испуганное воображеніе поборниковъ газеты *Въсть* и порожденные этимъ воображеніемъ призраки, мы смѣло можемъ увѣрить что надежды ихъ совратить съ проложеннаго реформами пути общественныхъ дѣятелей останутся тщетными. Россія не уклонитъ своихъ ушей въ словеса лукавствія, несмотря на всѣ хитросплетенныя сопоставленія газеты *Въсть*. Эта газета можетъ свободно проповѣдывать, что выборное начало, поставленное въ основу земскихъ учрежденій, есть начало не монархическое, а республиканское, и приводитъ для сего примѣры изъ государственнаго устройства Сѣверо - Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Мы всѣ хорошо знаемъ, что у насъ выборные люди получаютъ права и являются дѣятелями не иначе какъ съ утвержденія верховной власти, а въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ сама верховная власть получаетъ свое начало отъ выбора граждaнъ; мы хорошо знаемъ, что наши всѣ сословныя земскія собранія отнюдь не суть собранія демократическія, въ томъ смыслѣ, какъ ихъ понимаетъ газета *Въсть*. Кругъ дѣйствій ихъ очерченъ Положеніемъ и лишенъ политическаго значенія, а потому и выставляемый *Въстью* призракъ какого-то злостнаго демоса, которымъ одержимы Французы, можетъ лишь появляться въ разстроенномъ воображеніи людей, которымъ грустно видѣть, что новыя учрежденія призываютъ къ жизни каждаго гражданина безъ различія сословій, поручаютъ самимъ гражданамъ пещись о своихъ нуждахъ и пользахъ, а не дѣлятъ Россію на два лагеря опекуновъ и опекаемыхъ, управляющихъ и управляемыхъ, угнетающихъ и угнетаемыхъ,— на два лагеря, которые по самому своему значенію не могутъ не быть враждебными.

„Мы давно слѣдили за мнѣніями, высказываемыми газетой *Въсть*, и послѣ продолжительной ея дѣятельности обратили сочувственное вниманіе на взрывъ негодованія общественнаго мнѣнія противъ редактора этой газеты на Смоленскомъ обѣдѣ; но молчали до тѣхъ поръ пока эта газета не коснулась непосредственно реформъ, служенію которыхъ мы себя посвятили. Нынѣ же, когда эта газета рѣшилась коснуться основъ дѣла земскаго, мы признаемъ молчаніе съ нашей стороны не только неумѣстнымъ, но даже преступнымъ. Стоя на мѣстѣ и, по самому свойству нашей дѣятельности, видя близко благотворные результаты реформъ, мы не можемъ оставаться равнодушными къ такимъ журнальнымъ статьямъ и мнѣніямъ, которыя, затемняя дѣйствительность, настойчиво силятся доказать, что установившійся порядокъ вещей, а не преобладаніе одного сословія надъ другимъ, можетъ быть причиной какихъ-то бѣдствій и золъ, и долженъ повести въ какой-то глухой борьбѣ между наслѣдственно-монархическимъ принципомъ и тѣми новыми основами, на которыхъ созидается русскій общественный строй.

„Конечно, выписываемая нами изъ № 127 газеты *Въсть* послѣдняя фраза есть не болѣе какъ фраза, и фраза ни чѣмъ не подкрѣпляемая, а потому, повидимому, и не стоящая возраженія, но худо то что она обставливается, хотя фальшивыми, но тѣмъ не менѣе, для нѣкоторыхъ лицъ, жгучими аргументами. Въ № 122 газета *Въсть* выдвигаетъ слѣдующіе аргументы въ подтвержденіе своихъ соображеній, сѣтованій и предсказаній: упадокъ сельскаго хозяйства; лишеніе элемента личнаго землевладѣнія надлежащей доли вліянія на управленіе краемъ; дарованіе бывшимъ еще вчера крѣпостнымъ правъ политическихъ; расточительность земства и, вслѣдствіе того, возвышеніе расходовъ земства по губерніямъ вдвое, втрое, впятеро, вдесятеро, даже почти въ двадцать разъ,— выборное начало, положенное въ основаніе земской реформы, имѣющее повести насъ къ республикѣ въ родѣ Соединенныхъ Штатовъ, въ которой главное условіе то, чтобы дворянства не было. Ни въ одинъ изъ этихъ аргументовъ *Въсть*, мы надѣемся для ея чести, сама не вѣритъ, а если вѣритъ, то мы ее поздравляемъ съ совершеннымъ незнаніемъ страны, объ интересахъ которой она такъ ратуетъ. Сельское хозяйство, тамъ гдѣ оно ведется при хо-

зявитъ, процвѣтаетъ не хуже прежняго, доказательствомъ тому служитъ возвышеніе цѣнности на землю. *) Элементъ личнаго землевладѣнія преобладаетъ во всѣхъ собраніяхъ; въ этомъ *Вѣсть* можетъ убѣдиться сама, просмотрѣвъ росписаніе числа гласныхъ по уѣздамъ; а если фактически личные землевладѣльцы въ иныхъ мѣстахъ не посѣщаютъ собраній и тамъ преобладаетъ элементъ крестьянскій, то это не вина Положенія о земскихъ учрежденіяхъ. Политическихъ правъ бывшіе вчерашніе крѣпостные не пріобрѣтали, ибо и самимъ земскимъ собраніямъ, въ которыхъ они являются представителями, не придано Положеніемъ о земскихъ учрежденіяхъ политическаго характера. Увеличеніе, происшедшее въ земскомъ бюджетѣ, не можетъ быть отнесено къ расточительности земства, чего, мы увѣрены, не докажетъ и газета *Вѣсть*, хотя и обязалась представить доказательства. Введеніе на началахъ гражданскихъ администраціи бывшихъ крѣпостныхъ людей, лежавшей прежде на помѣщикахъ, которымъ государство платило за это уступкою части своихъ правъ, естественно потребовало матеріальныхъ затратъ со стороны земства и такія затраты конечно ни для земства, ни для государства, не могутъ быть считаемы непроизводительными. Введеніе на началахъ самостоятельныхъ суда равнаго для всѣхъ потребовало такихъ же затратъ, но этотъ судъ, вездѣ гдѣ онъ введенъ, принесъ уже несомнѣнно благіе плоды въ гражданскомъ и государственномъ отношеніи, а въ особенности въ видахъ наслѣдственно-монархическаго начала, предъ лицомъ котораго всѣ граждане земли Русской равны и пользуются равнымъ покровительствомъ. Наконецъ введеніе земскаго самоуправленія, съ цѣлію служенія хозяйственнымъ пользамъ и нуждамъ каждой губерніи, не могло также обойтись безъ новыхъ затратъ, но затраты эти не могутъ считаться непроизводительными, такъ какъ напримѣръ безъ правильнаго уравненія всѣхъ лежащихъ на земствѣ повинностей нельзя достигнуть благосостоянія края. Естественно, что обремененіе налогами одного класса населенія въ выгоду другаго ведетъ къ объѣдненію обездоленныхъ классовъ, а бѣдность массы есть бѣдность всего государства, которой восполнить не могутъ никакіе частные капиталисты, какъ бы они богаты ни были. Мы считаемъ излишнимъ затѣмъ доказывать насколько не только производительны, но и человѣчны тѣ затраты, которыя земство дѣлаетъ въ видахъ попеченія о народномъ продовольствіи, здравіи и образованіи. Выборное наше начало никогда не поведетъ насъ къ республикѣ Соединенныхъ Штатовъ, и имъ не только не исключается дворянство отъ общественной дѣятельности, но почти всѣ дѣятели избираются изъ этого только сословія. Само собою разумѣется, что за тѣмъ уже отъ дворянъ будетъ зависѣть удержать за собою это значеніе честною и добросовѣстною службой.

„При такой явной несостоятельности аргументовъ, мы признаемъ выдвинутыя *Вѣстью* опасенія или пустымъ бредомъ разстроеннаго воображенія или, что хуже, злоухищреніемъ противъ успѣха реформъ, дарованныхъ нашимъ возлюбленнымъ Монархомъ, и которыми призвано къ жизни наше отечество."

„Мы надѣемся, милостивые государи, что вы не откажете намъ это заявленіе помѣстить на столбцахъ вашей уважаемой газеты.

Ѳ. Офросимовъ,

членъ губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, предсѣдатель Рязанской уѣздной управы и таковаго же съѣзда мировыхъ судей.

Кн. С. Волконскій,

предсѣдатель Рязанской губернской земской управы."

*) Мы готовы подтвердить это возраженіе статистическими данными, которыя имѣемъ подъ рукой.

№ 254.

Москва, 23-го ноября.

Не терпящіе отлагательства вопросы, каково начертаніе нашей желѣзно-дорожной сѣти, отвлекли насъ отъ обсуждаемой въ правительственныхъ сферахъ податной реформы, хотя это дѣло какъ по самой сущности своихъ первостепенныхъ государственныхъ задачъ, такъ и по значенію нѣкоторыхъ ставшихъ извѣстными проектовъ, къ нему относящихся, заслуживаетъ самаго тщательнаго вниманія публики. Съ проектируемыми нынѣ податными преобразованіями связана судьба не только самой податной системы, остававшейся неизмѣнною съ Петра Великаго,

ию, что еще важнѣе, судьба многихъ существенныхъ вопросовъ нашего народнаго быта. Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* (№ 235) уже было говорено о составляемомъ въ податной коммиссіи проектѣ подворной подати, долженствующей замѣнить подушную. Насколько было намъ возможно ознакомиться съ сущностію этого проекта, мы старались выяснить цѣли, къ которымъ должно стремиться задуманное преобразованіе важнѣйшей отрасли нашихъ государственныхъ налоговъ, соотвѣтственно новымъ условіямъ нашего государственнаго быта, и затѣмъ старались опредѣлить общее направленіе реформы по этой части. Совокупно съ подворною податью предположена, какъ было сказано, *поземельная*, долженствующая замѣнить ту часть государственнаго земскаго сбора, которая нынѣ раскладывается на души сельскаго населенія. Основаніемъ для поземельнаго налога будетъ доходность земель. Составители проекта хотятъ настолько воспользоваться этимъ основаніемъ, чтобъ устранить экономическія несообразности проистекающія нынѣ отъ ревизской душевой единицы. Недостатокъ этой системы, который имѣется въ виду устранить черезъ новыя прямыя подати съ сельскаго люда, есть *неравномѣрность* распредѣленія налога между плательщиками относительно ихъ имущественныхъ и платежныхъ средствъ. На мѣсто голаго исчисленія ревизскихъ душъ, подчиняемыхъ нынѣ государствомъ платежу податей безъ всякаго соображенія съ ихъ дѣйствительными податными силами, ставятся признаки по имуществу. Въ этомъ чисто-экономическомъ отношеніи предлагаемое измѣненіе было бы положительнымъ успѣхомъ въ нашемъ финансовомъ законодательствѣ; но остается желать, чтобы проектируемое преобразованіе повело за собою такой же успѣхъ и въ гражданскихъ условіяхъ сельскаго быта, что отнюдь не менѣе важно. Къ сожалѣнію, круговая порука оставляется въ своей сущности, и несмотря на всѣ проектированныя податною коммиссіей ограниченія ея дѣйствія (въ томъ числѣ и вновь предположенная, какъ слышно, отмѣна круговой поруки во всѣхъ селеніяхъ имѣющихъ менѣе 12 дворовъ), не только не устраняется въ большей части случаевъ главное зло нынѣшнихъ подушныхъ налоговъ — закрѣпощеніе личности міру, — но и совершенно парализуется даже разрѣшеніе экономической задачи, особенно озаботившей въ этомъ дѣлѣ составителей проекта, то-есть равномѣрность распредѣленія налоговъ сообразно имущественнымъ средствамъ плательщиковъ. Въ большей части нашихъ деревенскихъ населеній, и преимущественно въ тѣхъ краяхъ гдѣ при наибольшей густотѣ населенія и промышленномъ характерѣ народнаго быта ощущается крайняя необходимость въ свободѣ дѣятельности и передвиженія, удержанная круговая порука будетъ попрежнему угнетать самое развитіе крестьянскихъ имуществъ и промысловъ, въ которыхъ по новой системѣ податей должны заключаться основанія для обезпеченія ихъ исправнаго поступленія въ казну. Какая же надобность искать въ имуществахъ и заработкахъ, или какъ выражено въ проектѣ, — въ рабочихъ силахъ населенія, — источниковъ исправной уплаты податей и возрастанія ихъ доходности для казны, когда право распоряженія и пользованія этими рабочими силами будетъ попрежнему стѣснено, а потому будетъ продолжаться и нынѣшнее оскудѣніе этихъ силъ? Съ другой стороны, круговая порука, болѣе или менѣе вынуждающая міръ выбирать подати не съ тѣхъ, кто наиболѣе подпадаетъ ихъ уплатѣ по своимъ имущественнымъ средствамъ, а съ тѣхъ, съ кого такъ или иначе легче ихъ выбрать, подрываетъ равномѣрность внутренней раскладки, а между тѣмъ эта равномѣрность есть главный мотивъ проектированной системы.

Итакъ, при дальнѣйшемъ обсужденіи системы податей проектируемой взамѣнъ подушныхъ налоговъ, необходимо тщательно взвѣсить, возможно ли при удержаніи главнаго зла нынѣшней системы этихъ налоговъ, круговой поруки, достигнуть даже той цѣли, которая болѣе всего сосредоточила на себѣ усилія податной коммиссіи, — равномѣрнаго распредѣленія налоговъ между плательщиками. Мы утверждаемъ, что невозможно, а еслибъ и было возможно, то не повело бы къ чувствительному облегченію плательщиковъ. Какое значеніе можетъ имѣть правильная раскладка, когда подать окончательно взыскивается помимо раскладки? Странно толковать о копѣйкахъ налога, уплачиваемаго изъ ежегоднаго дохода, когда можетъ быть отнятъ не только весь доходъ,

но и все имущество. При круговой порукѣ вся собственность крестьянина нисколько не ограждена, и сверхъ того у него отнята личная свобода.

Чтò касается до третьей неправильности нынѣшней системы подушныхъ налоговъ, до ея сословнаго характера, при коемъ обложены податью только нѣкоторыя сословія, а другія пользуются привилегіей свободы отъ налога, несовмѣстимою съ современными понятіями о государствѣ и повсемѣстно исчезнувшею въ Европѣ, то этотъ сословный характеръ, хотя нѣсколько и ослабленъ въ предположеніяхъ податной коммиссіи, однако въ сущности остается. Подворная подать, замѣняющая государственную подушную, сохранитъ въ себѣ исключительно сословный характеръ этой послѣдней, распространяясь лишь на лица, принадлежащія къ сельскимъ, то-есть, крестьянскимъ обществамъ. Мы уже имѣли случай замѣтить, что при назначеніи низкаго *максимума* подвижной подати (около 10 руб.) нѣтъ надобности освобождать отъ нея лица другихъ сословій, и что поземельный налогъ, проектируемый взамѣнъ подушнаго государственнаго земскаго сбора, долженъ потерять свой сословный характеръ относительно личности плательщиковъ, такъ какъ ему предполагается подчинить земли состоящія нынѣ въ *крестьянскомъ надѣлѣ* и затѣмъ не освобождать эти земли отъ налога въ чьи бы руки онѣ потомъ ни перешли, а вмѣстѣ съ тѣмъ не облагать налогомъ земель, которыя будутъ послѣ его введенія пріобрѣтаемы крестьянами въ собственность, личную или общественную. Сословный характеръ нынѣ дѣйствующей системы прямыхъ податей есть важная, коренная неправильность въ государственной жизни. Послѣ упраздненія крѣпостнаго права, устраненіе этого зла въ нашей государственной жизни сдѣлалось возможнымъ, и къ нему постепенно ведетъ вся совокупность другихъ великихъ реформъ нынѣшняго царствованія.

Преобразованіе въ этомъ направленіи податной системы, основанной на сословныхъ различіяхъ, есть, безъ сомнѣнія, необходимое условіе успѣха въ этомъ отношеніи. Прежде всего должно пасть раздѣленіе людей на податныхъ и неподатныхъ, пасть не въ томъ смыслѣ разумѣется, чтобы неподатные сдѣлались податными, а въ томъ, чтобы податныхъ людей вовсе не стало въ Россіи, а были податныя, или *черныя* земли. Вотъ первое чтò нужно, и чтò нужно разумѣется не на словахъ, а на дѣлѣ, то-есть съ предоставленіемъ крестьянину всей той личной свободы, которою нынѣ пользуются лица неподатныхъ сословій. Лишь въ послѣдствіи можетъ наступить очередь тѣхъ условій, которыми обезпечивается равномѣрность податей для всѣхъ классовъ общества. Податная коммиссія справедливо находитъ, что послѣ недавней реформы и при нынѣшнемъ переходномъ положеніи дѣлъ, когда еще не установилась нормальная доходность земель и, прибавимъ, при отсутствіи кадастра, общій налогъ, который падалъ бы безъ различія на всѣ земли, былъ бы отягощеніемъ для помѣщичьяго класса, и безъ того уже платящаго новые мѣстные налоги: сборы на мировыя учрежденія и губернскія и уѣздныя земскія повинности. Впрочемъ, составители проекта поземельной подати указываютъ на необходимость распространить ее въ будущемъ на всѣ земли, чтò дастъ возможность не усиливать размѣровъ этой подати при развитіи государственныхъ земскихъ повинностей, для покрытія которыхъ спеціально предназначается поземельный налогъ. Подворной подати въ томъ видѣ, въ какомъ она проектирована, могла бы соотвѣтствовать для всѣхъ остальныхъ некрестьянскихъ сословій *общая подоходная подать*, ибо въ подворномъ налогѣ усадьбы и строенія крестьянъ принимаются лишь какъ признаки ихъ общаго благосостоянія, общей доходности ихъ имуществъ и заработковъ, подпадающей дѣйствію налога. Говоря объ установленіи общей подоходной подати, неоднократно предлагавшейся у насъ даже въ правительственныхъ сферахъ, податная коммиссія справедливо замѣчаетъ, что этотъ налогъ, удовлетворяя отвлеченнымъ требованіямъ теоріи, не осуществимъ пока у насъ на практикѣ, и замѣчаніе это тѣмъ болѣе справедливо, что даже и въ другихъ государствахъ, гдѣ держится нынѣ подоходная подать, въ весьма впрочемъ ограниченныхъ размѣрахъ, она возбуждаетъ сильное неудовольствіе и горькія жалобы на неравномѣрность распредѣленія. Несравненно проще такъ-называемая *классная* подать, которою облагаются разные классы народонаселенія по нѣкоторымъ валовымъ признакамъ ихъ имуще-

ственнаго положенія, обусловливающимъ въ каждомъ классѣ одинаковый размѣръ налога. Податная коммиссія съ осторожностью, заслуживающею всяческаго одобренія, предпочитаетъ другія предположенія, которыя менѣе чувствительнымъ образомъ приведутъ къ болѣе равномѣрному распредѣленію податной тяжести между разными классами народонаселенія. Таковъ нынѣ занимающій коммиссію проектъ преобразованія крѣпостныхъ пошлинъ; въ этомъ проектѣ предполагается между прочимъ развитіе налога на переходъ имуществъ по наслѣдству, дѣйствующаго нынѣ у насъ лишь въ видѣ пошлинъ съ завѣщаній. Общая мысль о распространеніи платежа пошлинъ на всѣ наслѣдства какъ по завѣщаніямъ, такъ и по закону (съ исключеніемъ прямой линіи нисходящей и восходящей) принята, пишутъ намъ, коммиссіей въ ея засѣданіяхъ бывшихъ на дняхъ. Налогъ на наслѣдства въ движимыхъ и недвижимыхъ имуществахъ, съ освобожденіемъ отъ него, какъ предположено, мелкихъ наслѣдствъ до извѣстной суммы и крестьянскихъ земельныхъ надѣловъ, платящихъ оброки и выкупные платежи, значительно уравновѣситъ тяжесть налоговъ, которою нынѣ дѣйствительно излишне обременены низшіе и рабочіе классы. Какъ ни справедливъ однакоже налогъ на наслѣдства въ формѣ актовыхъ (крѣпостныхъ) пошлинъ и какъ ни повсемѣстно онъ распространенъ нынѣ въ Европѣ, онъ все-таки встрѣтитъ нѣкоторую оппозицію, и потому справедливость и благоразуміе требуютъ, чтобъ одновременно съ этимъ проектомъ не были разомъ предлагаемы еще другіе налоги, которые составили бы слишкомъ крутой переворотъ въ нашей податной системѣ. Противъ налога съ наслѣдствъ можно сказать только то, что онъ выплачивается не изъ дохода, а изъ капитала, и что слѣдовательно имъ уменьшается народный капиталъ.

№ 255.

Москва, 25-го ноября.

А.

Въ ночь предъ выходомъ послѣдняго нумера *Московскихъ Вѣдомостей* получили мы извѣстіе о кончинѣ знаменитаго іерарха, преосвященнаго Іосифа, митрополита литовскаго. Великая потеря и для церкви, и для государства! Съ именемъ митрополита Іосифа связано одно изъ важнѣйшихъ событій нашего столѣтія въ западной Россіи. Онъ былъ главнымъ двигателемъ въ дѣлѣ возсоединенія уніатовъ съ православною церковью, и затѣмъ оставался твердымъ оплотомъ русской народности противъ происковъ Поляковъ.

Уроженецъ Кіевской губерніи Іосифъ Сѣмашко получилъ первоначальное образованіе въ Немировской гимназіи и довершилъ его въ существовавшей при Виленскомъ университетѣ главной семинаріи. Это учебное заведеніе, гдѣ подготовлялись лица на высшія должности въ латинской и уніатской іерархіи, обладало силой полонизаціи, противъ которой трудно было бороться молодымъ собраннымъ въ немъ людямъ. Но въ юномъ Сѣмашкѣ было непобѣдимо крѣпко чувство его русской народности; что же касается до его религіозныхъ убѣжденій, то еще въ ту пору высказывалось въ немъ живое влеченіе къ православной церкви. Вотъ что разсказываетъ объ этой порѣ жизни покойнаго архипастыря товарищъ его дѣтства и въ послѣдствіи ближайшій сотрудникъ, архіепископъ Антоній: „Я много отъ него „слышалъ малороссійскихъ пѣсенъ и поговорокъ, въ которыхъ ясно высказывалась нелюбовь къ Ляхамъ и даже къ „уніи. Сѣмашко, еще будучи въ Главной „Семинаріи, многостороннею начитанностію „развилъ въ себѣ критическій взглядъ, „такъ что въ послѣдствіи онъ, какъ искусный анатомъ, умѣлъ рѣзко отдѣлять „дѣйствительные факты отъ облекавшей „ихъ фантазіи, подъ которою обыкновенно „скрывалось преднамѣренное искаженіе истины. Сѣмашко и тогда уже былъ вполнѣ „самостоятеленъ въ своихъ убѣжденіяхъ, „какъ это можно было замѣтить изъ того, „что онъ предпочелъ русскую литературу „всѣмъ другимъ предметамъ, предоставленнымъ на выборъ учениковъ съ цѣлью „спеціальнаго изученія *).“

Назначенный въ началѣ двадцатыхъ годовъ ассессоромъ бывшей въ Петербургѣ римско-католической коллегіи по греко-уніатскому департаменту, молодой Іосифъ Сѣмашко, принадлежавшій къ бѣлому духовенству, скоро пріобрѣлъ своими дарова-

*) См. *Русскій Вѣстникъ* 1864 года статью о русско-уніатской церкви.

ніями, свѣдѣніями и безкорыстіемъ значительное вліяніе.

По восшествіи на престолъ императора Николая, онъ представилъ чрезъ министра Шишкова записку о мѣрахъ, которыя должны были систематически и безъ потрясеній вести уніатовъ къ возсоединенію съ православіемъ. Эти предварительныя мѣры заключались главнымъ образомъ въ подчиненіи монашескаго уніатскаго духовенства (которое, въ противоположность бѣлому, тяготѣло къ латинству) епархіальному вѣдомству, упраздненіи нѣсколькихъ лишнихъ базиліанскихъ монастырей и распространеніи числа училищъ для образованія уніатскаго духовенства. Послѣдующими за этимъ мѣрами были свѣрка служебниковъ московскаго и уніатскаго съ греческимъ, „для чего былъ принятъ въ разсмотрѣніе греческій служебникъ римско-католическаго изданія,“ и распространеніе этого служебника по краю. Отобраніе подписокъ отъ священниковъ, добровольно изъявлявшихъ желаніе слѣдовать во всемъ обрядамъ православной церкви, было конечнымъ слѣдствіемъ предложенной Іосифомъ Сѣмашкомъ программы дѣйствій.

Въ 1830 году Іосифъ Сѣмашко рукоположенъ во епископа, съ назначеніемъ на литовскую епархію, и въ первые же годы его управленія совершилось полное возсоединеніе уніатовъ съ православіемъ безо всякаго потрясенія, безо всякаго насилія, само собою, общимъ движеніемъ духовенства.

Знаменитый іерархъ имѣлъ сверхъ того неоцѣнимое политическое значеніе для западной Руси. Ни одна важная государственная мѣра по отношенію къ западнымъ губерніямъ не принималась безъ совѣщанія съ нимъ. Бывали, однако, періоды, когда на Литвѣ дѣла шли смутно и странно: въ такіе періоды митрополитъ литовскій устранялся отъ всего и уходилъ во глубь своей души. Но его безучастіе, при подобныхъ обстоятельствахъ, было только наружное: онъ видѣлъ все и за всѣмъ слѣдилъ съ глубокою скорбію; довѣряясь лишь немногимъ, онъ не переставалъ заботиться о судьбахъ края.

Нашимъ читателямъ извѣстно то исполненное правды, убѣжденія и разума посланіе, съ которымъ виленскій іерархъ обращался къ высшему правительству въ смутное время 1855 года, когда дѣло въ западномъ краѣ принимало опасный оборотъ, и когда начиналась несчастная политика соглашенія съ польскою національностію. На митрополитѣ литовскомъ лежала, какъ онъ говорилъ, „отвѣтственность предъ возсоединенными и за возсоединенныхъ,“ и онъ писалъ свое сильное слово подъ гнетомъ этого чувства. Удивительная судьба руской народности въ Русскомъ государствѣ, и также православной церкви въ странѣ, гдѣ она считается господствующею! Будьте въ Россіи чѣмъ угодно, но помните, что быть Русскимъ въ ней всего хуже, труднѣе и опаснѣе. Извѣстно во что обошлось присоединеніе въ Балтійскомъ краѣ латышскихъ и эстонскихъ населеній къ православію, и какъ тяжко отозвалось на уніатахъ ихъ возсоединеніе. Возсоединитель чувствовалъ это съ сердечною болію. „Кажется,“ писалъ онъ, „не обращено вниманія на то, что „совершенно страдательное положеніе, въ „которое поставлены возсоединенные, со „времени слитія ихъ съ православною „церковію, должно было и облегчить, и „осмѣлить польскую партію въ ея дѣйствіяхъ. Не знаю, приходилось ли кому „измѣрить и оцѣнить вполнѣ, что сдѣлано „въ пользу этой партіи въ послѣднія 10 „или 15 лѣтъ... Я не говорю о себѣ: участь „свою уже предалъ я на волю Провидѣнія. „И не одно положеніе православной паствы здѣсь заставило меня изъяснить все „прописанное. Я не разъ о томъ представлялъ, и боюсь, не наскучилъ ли. Не „забота также о русской народности въ „сей странѣ меня къ тому побудила. Какъ „ни больно, что 10 милліоновъ Русскаго „и Литовскаго народа въ западныхъ губерніяхъ подчиняются болѣе и болѣе преобладанію сорока или пятидесяти тысячъ „такъ-называемыхъ польскихъ семействъ; „но это со временемъ измѣнилось бы при „первомъ вѣрномъ взглядѣ правительства. „Теперь дѣло уже не о православіи, не о „народности въ западныхъ губерніяхъ, но „о положеніи государства, и молчаніе съ „моей стороны было бы преступно. Не мнѣ „одному извѣстно, что наканунѣ послѣдняго польскаго мятежа еще не вѣрили „людямъ, предостерегавшимъ объ ономъ. „Кто же можетъ увѣрить, что латино-польская партія не имѣла въ виду нынѣшнихъ событій при устройствѣ, какъ выше „видно, столь сильнаго своего преобладанія въ здѣшней странѣ? Я не говорю, „чтобъ эта партія сама собою была теперь

„столько сильна матеріально, дабы слишкомъ безпокоить правительство. Но въ „случаѣ движенія Запада на Россію.... „объ этомъ кажется, стóитъ подумать. „Стóитъ подумать о томъ, что гражданское „управленіе не формируется такъ скоро „и удобно, какъ переформированъ литовскій корпусъ въ 1830 году.... Сохрани „Господи, чтобы прописанное выше перетолковано было во вредъ и недоброжелательство къ здѣшнимъ чиновникамъ изъ „Поляковъ.... Но въ здѣшней странѣ они „связаны личными отношеніями и общественнымъ мнѣніемъ, которое указываетъ „не на Россію, а на Польшу.... Пишу это „вашему сіятельству“ (письмо было адресовано къ графу Протасову) „не какъ „оберъ-прокурору святѣйшаго синода, но „какъ ближайшему слугѣ Государя Императора. Здѣсь уже дѣло не объ участи „какого-нибудь митрополита Іосифа, или „700.000 возсоединенныхъ (въ Виленской „епархіи). Теперь не въ томъ дѣло, пріятнѣе ли и удобнѣе ли здѣшнимъ правителямъ держаться партіи сильной, богатой и со вліяніемъ, но въ томъ чтобы „десяти-милліонную массу руско-литовскаго народа въ западныхъ губерніяхъ „обезпечить на пути долга при всякихъ „могущихъ возникнуть случайностяхъ, и „охранить ее отъ чуждаго влiянія. Ссылаюсь на совѣсть каждаго не предубѣжденнаго, можетъ ли онъ иначе какъ я „смотрѣть на усиленіе въ здѣшнемъ краѣ „латино-польской партіи. Впрочемъ, можетъ статься правительство во всемъ этомъ „имѣло въ виду особыя обстоятельства, „мнѣ не извѣстныя.“

Смыслъ этихъ грустныхъ словъ маститому іерарху приходилось повторять и въ послѣдніе дни своей жизни. Ему не суждено было унести въ могилу радостную увѣренность, что русское дѣло, которому онъ такъ много поработалъ, вышло здѣсь изъ сомнѣній и вопроса....

Когда великіе подвижники, двигатели событій и вожди людей умираютъ, не достигнувъ земли обѣтованія, оскорбленные или опечаленные, потерявшіе путь или застигнутые мракомъ, то кончина ихъ бываетъ нерѣдко какъ бы умилостивительною жертвой! Да будетъ и эта кончина умилостивительною жертвой. Да оправдается любовь усопшаго къ своему народу! Да снимется съ него такъ долго тяготившее его душу чувство отвѣтственности предъ возсоединенными и за возсоединенныхъ! Да искупится скорбь послѣднихъ дней его жизни! Да озаритъ его могилу лучъ солнца, которое видѣлъ онъ въ тучахъ предъ своею кончиной!

Б.

Въ № 249 *Московскихъ Вѣдомостей*, при разборѣ одной изъ іеремiадъ *Вѣсти* о разореніи крестьянъ юго-западнаго края, было сказано, съ приведеніемъ доказательствъ, что общее благосостояніе крестьянъ того края несомнѣнно возрастаетъ, но что при этомъ естественно обнаруживаются неизбѣжныя послѣдствія свободы: расторопный и дѣятельный крестьянинъ богатѣетъ, принанимаетъ земли, беретъ работниковъ, между тѣмъ какъ безпечный и неумѣлый бѣднѣетъ. „Повидимому,“ прибавили мы, „и здѣсь оказывается то же явленіе, о которомъ съ такимъ комическимъ ужасомъ говорило Холмское земское собраніе, а именно, что нынѣ только у хорошаго хозяина урожай хорошъ, а у плохаго—плохъ.“ Эти мимоходомъ сказанныя слова задѣли за живое издателя *Вѣсти*, который, по его словамъ, „какъ гласный холмскаго земскаго собранія, не можетъ и не желаетъ уступать другому лицу чести защищать это собраніе въ печати.“ Защита тутъ дѣйствительно умѣстна, ибо почтенные сенаторы Холмскаго уѣзда, очевидно, погрѣшили преувеличеніемъ своего авторитета по части статистики, порѣшивъ считать Холмскій уѣздъ въ безвыходномъ положеніи и представить о томъ на благоусмотрѣніе высшаго правительства. Какъ же издатель *Вѣсти* защищаетъ ихъ? Онъ все еще не замѣчаетъ различія между тѣмъ, что годится въ передовую статью его газеты, и тѣмъ, что требуется отъ офиціальнаго дѣловаго представленія, сопровождаемаго ходатайствомъ объ отпускѣ 15.000 р. казенныхъ денегъ въ пособіе нуждающемуся уѣзду. Онъ повидимому совершенно доволенъ документомъ, въ составленіи коего участвовалъ, и заботится не о томъ чтобы придать ему серіозность какими-нибудь понятными доказательствами, а о томъ чтобъ оградить его отъ того, что называетъ искаженіями и что въ дѣйствительности есть только упоминаніе. Онъ обвиняетъ насъ въ *безсовѣстныхъ* искаженіяхъ, а слова, приведенныя нами изъ того документа, имену-

етъ, не понятно въ какомъ смыслѣ, *ложью*. Но сквозь этотъ задоръ просвѣчиваетъ одно: приведенныя нами слова должны казаться и издателю *Вѣсти* крайне нелѣпыми, когда онъ такъ гнѣвается на насъ за напоминаніе о нихъ. Мы въ правѣ заключить, что стало-быть и по его мнѣнію крайне смѣшно видѣть разореніе Холмскаго уѣзда въ томъ, что у хорошаго хозяина урожай бываетъ тамъ хорошъ, а у плохаго—плохъ. Но именно это, только еще рѣзче, говорится въ Холмскомъ постановленіи, напечатанномъ въ качествѣ передовой статьи въ № 119 *Вѣсти*. По этому документу, у хорошаго хозяина урожай тамъ бываетъ не просто хорошій, а *необыкновенно* хорошій, у плохаго— не совсѣмъ, а лишь *довольно* плохой. „Въ одной деревнѣ, сказано тамъ, на полосахъ рядомъ расположенныхъ, при совершенно одинаковыхъ природныхъ качествахъ земли, у однихъ хозяевъ рожь родилась самъ-8, а у другихъ самъ-3.“ Вотъ подлинныя слова холмскаго документа. Но самъ-3 есть почти средній урожай той мѣстности, и если у плохаго хозяина рожь родилась самъ-8, то тутъ нѣтъ ничего удивительнаго. Напротивъ, удивляться, и не только удивляться, но и радоваться надобно тому, что у хорошихъ хозяевъ урожай доходитъ до высокаго размѣра самъ-8, свидѣтельствующаго о блистательномъ положеніи хозяйства. Вотъ что̀ слѣдуетъ изъ фактическаго показанія холмскаго документа. Какой же тамъ сдѣланъ выводъ? Совершенно обратный. Холмское собраніе поражено тѣмъ, что̀ въ порядкѣ вещей. Оно распространяется о несчастномъ положеніи хозяевъ, у коихъ рожь родится самъ-3. Нужда-де этихъ людей не есть случайная, но хроническая, постоянная. Она происходитъ-де отъ бѣдности, отъ недостатка скота, а слѣдовательно и удобренія, отъ неумѣнья справиться съ хозяйствомъ. нерѣдко отъ лѣности, пьянства и т. п. Положеніе дѣлъ въ уѣздѣ безвыходное, и никакого просвѣта въ немъ холмское собраніе не видитъ. Оно не знаетъ средствъ помочь бѣдѣ и только заявляетъ предъ высшимъ правительствомъ объ ужасающей дѣйствительности. Лишенное всякой надежды на лучшее будущее, оно живетъ только воспоминаніями и эти воспоминанія излагаются весьма развязно въ слѣдующихъ словахъ: „Въ прежнее время помѣщики присоединяли такихъ неспособныхъ хозяевъ къ семьямъ благонадежнымъ Такимъ образомъ такая благонадежная семья пріобрѣтала работника, за которымъ смотрѣла и трудомъ котораго распоряжалась толково, а самъ этотъ работникъ жилъ въ чужомъ дому въ довольствѣ.“ Вотъ та Аркадія, которая исчезла съ отмѣной крѣпостной зависимости, и положеніе дѣлъ безвыходно именно потому, что вовсе не видится какъ опять дойдти до нея. Газета *Вѣсть* требуетъ насъ къ отвѣту; она спрашиваетъ строго что̀ нашли мы смѣшнаго въ приведенныхъ нами (какъ видно изъ предыдущаго, безъ малѣйшаго искаженія, хотя *Вѣсть* и говоритъ объ искаженіи *безсовѣстномъ*) словахъ холмскаго документа? Неужели слѣдовало негодовать, а не смѣяться, видя несообразительность сочинителя холмской іереміады, не подумавшаго о томъ, что если при крѣпостномъ правѣ обѣднѣвшій крестьянинъ, отданный помѣщикомъ въ работники, живалъ въ чужомъ дому въ довольствѣ, то теперь, когда такой крестьянинъ самъ можетъ уговариваться объ условіяхъ своего труда, онъ долженъ жить въ чужомъ дому еще въ большемъ довольствѣ, потому что конечно лучше позаботится о себѣ, чѣмъ заботился помѣщикъ о негодномъ крестьянинѣ? Работнику теперь не можетъ быть хуже чѣмъ прежде, и недосягаемое нынѣ блаженство крѣпостной Аркадіи состоитъ только въ томъ, что благонадежныя семьи были принуждены тогда принимать къ себѣ въ домъ неспособныхъ крестьянъ по назначенію помѣщика, а не по собственному, какъ теперь, выбору и не по свободному обоюдному уговору. Но неужели не смѣшна та шутка, что объ этомъ отлетѣвшемъ блаженствѣ заставили единодушно воздыхать холмскихъ гласныхъ отъ крестьянъ?

Намъ пришлось мимоходомъ упомянуть только объ этомъ пунктѣ холмскаго постановленія; о другихъ пунктахъ мы не говорили, и газета *Вѣсть* не имѣла повода перечислять ихъ. Но она ихъ перечислила, какъ бы вызывая насъ на сужденіе о нихъ. Они не заслуживаютъ того чтобы долго на нихъ останавливаться. „Въ теченіе послѣдняго пятилѣтія цѣна на хлѣбъ возвысилась вдвое и даже болѣе.“ Но какъ ей было не возвыситься, когда открылось движеніе по Варшавской желѣзной дорогѣ Главнаго Общества? Это вездѣ бывало и вездѣ будетъ. Москва, Козловъ, Орелъ

имѣли бы такое же основаніе жаловаться на удвоеніе цѣны хлѣба, еслибы захотѣли жаловаться неразумно. „Число выплавляемыхъ съ хлѣбомъ барокъ не составляетъ теперь и шестой доли противъ прежняго времени.“ Вопервыхъ, это голословно; чтобы говорить на этомъ основаніи о безвыходномъ положеніи уѣзда, приличіе требовало бы привести цифры подлежащія провѣркѣ, а вовторыхъ, открытіе желѣзной дороги не могло не сократить и сплава барокъ. Столь же голословны и другія показанія, не говоря уже о томъ что ихъ можно различно толковать. Сокращеніе скота напримѣръ можетъ зависѣть отъ ограниченія крестьянскихъ пастбищъ, а газета *Вѣсть*, надобно думать, не будетъ стоять за сервитуты. Съ другой стороны, уменьшеніе запашекъ можетъ быть признакомъ интензивности хозяйства: получить съ одной десятины урожай самъ-8 выгоднѣе, чѣмъ получать съ двухъ—урожай самъ-4. Что касается до количества производимаго хлѣба, то его опредѣлить трудно даже при тщательномъ статистическомъ изслѣдованіи. Достовѣрно то, что хлѣбомъ Псковская губернія никогда не была обильна, а славилась она льномъ, о которомъ холмскій документъ дальновидно умалчиваетъ. Чтобы судить о производствѣ льна, у насъ есть только одинъ достовѣрный источникъ,—отчеты по Варшавской желѣзной дорогѣ. Къ сожалѣнію, они представляютъ полныя цифры только за два года, 1866 и 1867, и изъ этихъ цифръ, но меньшей мѣрѣ, оказывается, что производство льна въ Псковской губерніи за послѣднее время отнюдь не падаетъ, а напротивъ весьма замѣтно идетъ въ гору. *)

Какъ мало вѣроятія заслуживаютъ тенденціозныя показанія сотрудниковъ *Вѣсти*, лучше всего видно на полемикѣ между г. Еремѣевымъ и г. Юзефовичемъ. *Вѣсть* предоставляетъ г. Еремѣеву честь отвѣта на возраженія г. Юзефовича, но вотъ уже три недѣли какъ отвѣта не появляется, да и что отвѣчать на дѣйствительное краснорѣчіе фактовъ? Въ полученномъ сегодня нумерѣ *Кіевлянина* г. Юзефовичъ продолжаетъ свои обличенія. „Рабочія руки, говорятъ, дороги, потому что крестьяне получили слишкомъ много земли.“ Г. Юзефовичъ беретъ два имѣнія своего участка, изъ коихъ въ одномъ крестьянамъ надѣлено по 13 дес., въ другомъ но 11 дес. на дворъ (самые большіе надѣлы участка): въ первомъ средняя цѣна поденной работы обошлась въ 15 к., во второмъ въ 19 к. Въ одномъ имѣніи крестьяне въ теченіи почти трехъ лѣтъ не получали вознагражденія ни за поденныя работы, ни за годовое услуженіе, и все-таки не бросали службы и не переставали выходить на работы. Укажетъ ли *Вѣсть* на что-либо подобное въ нашихъ внутреннихъ губерніяхъ? Возможность одного этого факта краснорѣчивѣе всего говоритъ противъ толковъ о всеобщей распущенности крестьянъ юго-западнаго края. „Но поземельные сборы слишкомъ обременительны для помѣщиковъ.“ Г. Юзефовичъ документально высчитываетъ, что этихъ сборовъ приходится по $8^1/_4$ к. съ десятины. Подъ ладъ холмскому собранію г. Еремѣевъ счелъ нужнымъ утверждать, что засѣвы въ его имѣніи и вокругъ онаго уменьшились, а г. Юзефовичъ свидѣтельствуетъ, что спросъ крестьянъ на землю именно въ томъ околоткѣ усиливается, арендная плата возрастаетъ, и что тѣмъ не менѣе помѣщики стремятся *сами засѣвать* возможно большее количество земли. Онъ прибавляетъ, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ при урожаѣ въ 10 копенъ ржи съ десятины валовой доходъ десятины составлялъ 15 р., а въ нынѣшнемъ году при урожаѣ въ 7 копенъ и одинаковомъ умолотѣ десятина даетъ 30 р. Г. Еремѣевъ пишетъ, что въ его околоткѣ до 1864 года жили и занимались хозяйствомъ четыре русскіе помѣщика, теперь же остался онъ одинъ. Что же оказывается? Всѣ трое помянутые помѣщика на службѣ, и притомъ двое служатъ предводителями дворянства въ сосѣднихъ уѣздахъ. Они стало-быть не разбѣжались изъ края вслѣдствіе того, что въ немъ будто бы невыносимо жить. Но г. Еремѣевъ умолчалъ, что послѣ 1864 года въ той же мѣстности явились три новые русскіе помѣщика, которые живутъ въ имѣніяхъ и лично занимаются хозяйствомъ. Зачѣмъ г. Еремѣевъ умолчалъ о томъ? Зачѣмъ, говоря о своемъ имѣніи,

*) Со станцій Псковской губерніи *льна* и *пакли* вывезено:

	Въ 1866 г.	Въ 1867 г.
Новоселье. . .	153	2.138
Псковъ. . . .	216.274	350.279
Орелъ	—	638
Островъ . . .	373.292	494.523
Жогова. . . .	83	423
Полдера . . .	3.909	3.586
Корсовка. . .	32.521	60.971

онъ сказалъ, что съ питейной продажи получаетъ 170 р., когда онъ отдалъ ее по контракту за 300 р.? „Еслибы, заключаетъ г. Юзефовичъ, положеніе имѣній было въ дѣйствительности такъ худо, какъ объ этомъ говорятъ, то недостаточно ли было бы выставлять его въ истинномъ его свѣтѣ, ничего не скрывая и не преувеличивая? Являлась ли бы надобность искажать статистическія свѣдѣнія и подтасовывать цифры?“

Въ томъ же нумерѣ *Вѣсти*, гдѣ на насъ возведено обвиненіе во *лжи* и *безсовѣстномъ* искаженіи документа, который напечатанъ и коего текстъ всякому доступенъ, эта газета, не зная чѣмъ уколоть насъ, принимается, вслѣдъ за *Биржевыми Вѣдомостями*, высчитывать доходы, доставляемые *Московскими Вѣдомостями*. Будучи въ азартѣ, благоразумнѣе говорить такими общими выраженіями, какъ въ холмскомъ постановленіи, а прибѣгать къ цифрамъ опасно. Какъ хороши цифры, приводимыя *Вѣстью*, можно видѣть изъ того, что при исчисленіи нашихъ доходовъ, каждый экземпляръ газеты считается въ 15 руб., и не принято во вниманіе что изъ этой суммы идетъ 3 р. на пересылку. Сколько бы мы ни получали прибыли или убытка, до этого нѣтъ никому дѣла, но будучи издателемъ газеты и слѣдовательно зная газетное дѣло, присчитывать доходъ почтъ къ доходу редакціи или утверждать что можно издавать *Московскія Вѣдомости* на 60.000 р. сер., значитъ выдавать свою привычку пользоваться завѣдомо невѣрными цифрами.

№ 256.

Москва, 26-го ноября.

Въ № 130 *Вѣсти* помѣщена направленная противъ насъ статья за подписью „Леонидъ Спичаковъ“. Статья эта, какъ значится изъ ея содержанія, написана по новоду напечатаннаго въ № 30 *Современной Лѣтописи*, отъ 1-го сентября, „Объясненія“ бывшаго новогрудскаго (Минской губ.) мироваго посредника Сумарокова, который, по распоряженію нынѣшняго начальства, сѣверо-западнаго края, былъ уволенъ отъ должности и высланъ изъ края.

Г. Спичаковъ прежде всего разказываетъ похожденія статьи, прежде чѣмъ она появилась въ столбцахъ *Вѣсти*. Это сообщеніе, равно какъ и самая статья, характеризуютъ тактику извѣстной партіи и въ этомъ отношеніи заслуживаютъ вниманія, котораго мы и просимъ у нашихъ читателей.

Г. Спичаковъ, завѣдующій виленскою конторой Общества Взаимнаго поземельнаго Кредита, а прежде бывшій председателемъ новогрудскаго мироваго съѣзда, есть сотрудникъ *Вѣсти*, и одинъ изъ тѣхъ таинственныхъ корреспондентовъ, которые, принадлежа къ составу администраціи сѣверо-западнаго края, такъ усердно чернили ее въ столбцахъ этой газеты. Но съ своею статьей г. Спичаковъ обратился первоначально не къ *Вѣсти*, а въ редакцію *Московскихъ Вѣдомостей*. Г. Спичакову пришла веселая мысль заставить насъ быть органомъ мнѣній, доктринъ и антипатій извѣстной партіи, находящей себѣ выраженіе въ упомянутой газетѣ, для которой онъ работаетъ. Мало того, что онъ или его единомышленники ругались надъ русскими людьми, принужденными въ послѣднее время выѣхать изъ сѣверо-западнаго края,— ему было угодно, чтобъ и *Московскія Вѣдомости* широко открыли свои столбцы для этого недостойнаго скандала.

Изъ редакціи *Московскихъ Вѣдомостей* было сообщено г. Спичакову, что большая часть его статьи, состоящая изъ разглагольствій неудобныхъ къ помѣщенію въ столбцахъ нашей газеты и ругательствъ вообще неудобныхъ въ печати, ни въ какомъ случаѣ напечатана быть не можетъ, но этимъ самымъ мы предоставляли ему выбрать изъ его статьи для напечатанія въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* то, что въ ней есть фактическаго по вопросу, который касался его лично, хотя точный смыслъ о закона о печати въ данномъ случаѣ не обязывалъ насъ и къ этому. Но г. Спичаковъ ставилъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы статья его была напечатана „безъ всякихъ перемѣнъ и сокращеній“.

Вѣсть, сообщая теперь что мы отказали ему въ пріемѣ его статьи, заявляетъ, что онъ, обремененный занятіями, не имѣетъ времени искать противъ насъ суда, чтобы заставить насъ напечатать его статью.

Читая это показаніе, мы были поражены легкостью, съ какою люди могутъ за-

вѣдомо утверждать то чего не было и отрицать то что было. Г. Спичаковъ не имѣлъ права, но онъ имѣлъ время, въ продолженіи двухъ съ половиною мѣсяцевъ, хлопотать о томъ, чтобы статья его была напечатана въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*. Онъ обращался ко властямъ, онъ искалъ на насъ суда. Мы имѣемъ доказательства, которыя даже и онъ не отважится отрицать. Не далѣе какъ за двѣ недѣли предъ симъ, онъ писалъ намъ, прося насъ возвратить его рукопись, слѣдующее:

„Послѣ отвѣтной телеграммы вашей отъ 23-го сентября о невозможности напечатать въ *Современной Лѣтописи* большей части статьи моей „Возраженіе на объясненіе капитана Сумарокова помѣщенное въ № 30 *Современной Лѣтописи*", я получилъ отъ главнаго управленія по дѣламъ печати, въ отвѣтъ на прошеніе мое, извѣщеніе, что статья моя „въ настоящемъ ея видѣ, какъ имѣющая чисто полемическій характеръ, не могла быть принята главнымъ управленіемъ къ обязательному помѣщенію „*Московскихъ Вѣдомостяхъ*".

Еще характеристическая черта: г. Спичаковъ хотѣлъ, чтобы мы напечатали его статью безо всякихъ изъ нея выпусковъ; но самъ онъ напечаталъ ее въ *Вѣсти* со значительными перемѣнами и выпусками, чему ниже представимъ мы доказательство. Оказалось, что даже эта газета, по крайней мѣрѣ изъ страха уголовнаго суда, не могла принять въ свои столбцы многихъ выраженій, украшавшихъ писаніе г. Спичакова.

Въ началѣ этой статьи, у г. Спичакова вырвалось интересное признаніе какъ за себя, такъ и за своихъ товарищей по образу мыслей и дѣйствій. Г. Спичаковъ съ похвальною откровенностію относитъ себя къ разряду лицъ „не односторонне служащихъ русскому дѣлу въ сѣверо-западномъ краѣ." Этихъ чиновниковъ русскаго правительства, дѣйствующихъ на обѣ стороны, онъ противополагаетъ *отставнымъ дѣятелямъ*, которые служили, какъ умѣли, только русскому дѣлу и больше ничему. Какая честь отставнымъ дѣятелямъ! И какъ она неожиданно воздана имъ! Какъ зло посмѣялось надъ г. Спичаковымъ собственное перо его, очиненное имъ для того чтобъ обругать этихъ *отставныхъ дѣятелей*!

Г. Спичакову угодно было представить насъ въ видѣ великаго потентата окруженнаго фалангой служебныхъ геніевъ, которые изо всѣхъ силъ хлопочутъ о томъ, чтобы до насъ не доходила истина. Вслѣдствіе этого мы также оказываемся людьми крайне односторонними. Г. Спичаковъ разказываетъ, что онъ когда-то почтилъ насъ своимъ посѣщеніемъ и провелъ въ бесѣдѣ съ нами два часа, и что при этомъ онъ справлялся у насъ о какой-то своей корреспонденціи, которая якобы была къ намъ отправлена изъ сѣверо-западнаго края, дабы разъяснить намъ тамошнее положеніе дѣлъ и вывести насъ изъ потемокъ, которыми мы окружены. Къ крайнему его изумленію, мы-де отвѣчали ему, что никакого письма, о которомъ онъ намъ говорилъ, получено нами не было: значитъ-де, заключаетъ г. Спичаковъ, есть въ редакціи *Московскихъ Вѣдомостей*, таинственныя лица, которыя перехватываютъ письма и не допускаютъ истины до издателей.

Мы положительно удостовѣряемъ г. Спичакова, что не имѣемъ чести знать его, хотя не отрицаемъ того, что онъ могъ быть у насъ и бесѣдовать съ нами. У насъ такъ много бываетъ разныхъ лицъ, знакомыхъ и незнакомыхъ, и со столькими приходится намъ бесѣдовать, что г. Спичаковъ могъ быть у насъ, а мы всетаки не узнали бы его. Самое имя его памятно намъ впервые только по статьѣ г. Сумарокова напечатанной въ *Современной Лѣтописи*.

Затѣя представлять насъ жертвами какой-то таинственной интриги намъ давно уже свѣдома. Клевеща на насъ и злословя насъ, ловкіе люди въ иныхъ случаяхъ считаютъ полезнѣе прибѣгать къ другому маневру, и говорятъ такъ: „мы не сомнѣваемся въ ихъ добросовѣстности, но они обмануты."

Забавно именно то, что интрига, существованіе которой всѣмъ извѣстно, принимаетъ респектабельный видъ и сама обвиняетъ тѣхъ кто съ нею борется, также въ интригѣ. Недавно разказывали намъ очень характеристическій фактъ. Будто бы одинъ изъ участниковъ послѣдняго польскаго мятежа, игравшій значительную роль въ его организаціи и высланный въ 1863 году изъ западнаго края въ одну изъ отдаленныхъ губерній Россіи, возвратившись теперь на родину, написалъ

записку, которую будто бы даже представилъ по начальству и въ которой объясняетъ, что никакого польскаго мятежа не бывало, что польскій мятежъ есть выдумка революціонныхъ публицистовъ (между которыми, разумѣется, фигурируемъ мы), но что дѣйствительно былъ заговоръ и бунтъ, только бунтъ крестьянъ противъ пановъ и заговоръ московскихъ революціонеровъ, которые осѣтили западный край и Царство Польское своими интригами и подняли крестьянскія населенія. Мы не ручаемся за достовѣрность этого разказа, и не знаемъ дѣйствительно ли существуетъ такая записка, писанная однимъ изъ бывшихъ *довудцевъ*, но нельзя сказать, чтобъ это было лишено правдоподобія. Что это весьма правдоподобно, доказательствомъ тому служитъ каждый нумеръ *Вѣсти*, да и самая статья г. Спичакова, о которой идетъ теперь рѣчь и которая клонитъ свои инсинуаціи къ тому, что мы служимъ орудіемъ таинственной интриги. Г. Спичаковъ имѣетъ любезность не называть насъ самихъ интриганами, но дѣлаетъ намъ честь, возводя насъ въ санъ важной особы, вокругъ которой неутомимо работаетъ интрига.

Впрочемъ, мы не хотимъ скрывать, что при всей скромности нашего положенія мы дѣйствительно были предметомъ весьма дѣятельныхъ попытокъ, которыя имѣли своею цѣлію обмануть насъ и сбить съ толку. Но насъ спасала именно скромность нашего положенія, которая давала намъ возможность знать и видѣть многое что ускользаетъ отъ лицъ стоящихъ выше; да и самый родъ нашей дѣятельности таковъ, что намъ легко обезпечить себя отъ систематическаго обмана. Мы должны, однако, присовокупить, что попытки уловить насъ шли именно съ той самой стороны, откуда теперь идутъ толки, что мы якобы запутались въ сѣтяхъ какой-то интриги. Это-то есть одинъ изъ маневровъ интриги...

Мы легко можемъ доказать г. Спичакову, что если мы не одинаково съ нимъ смотримъ на вещи, то это отнюдь не потому чтобы мы были обмануты или чтобы намъ какою-то интригой пресѣчены были пути знать истину. Онъ свидѣтельствуетъ, что корреспонденція его не дошла до насъ, и намекаетъ на то что якобы кто-то перехватилъ ее у порога нашего кабинета. Пусть такъ. Пусть кто-нибудь перехватилъ корреспонденцію г. Спичакова и лишилъ насъ возможности прочесть ее. Но что же черезъ это могли мы потерять въ познаніи истины? Чего не удалось намъ такимъ образомъ прочесть въ рукописи г. Спичакова, то имѣли и имѣемъ мы полное удобство читать напечатанное въ *Вѣсти*, *Новомъ Времени* и въ разныхъ заграничныхъ изданіяхъ. Какъ же намъ не знать показаній противной стороны, когда намъ ежедневно приходится уличать и опровергать ихъ? Да, наконецъ, вотъ самое убѣдительное для г. Спичакова доказательство, что мы можемъ знать истину. Онъ въ статьѣ своей разказываетъ, что посѣтилъ насъ и провелъ болѣе двухъ часовъ въ бесѣдѣ съ нами о дѣлахъ западнаго края: время не малое, и мы увѣрены, что бесѣда была, по крайней мѣрѣ для насъ, весьма пріятная и поучительная. Что же отсюда слѣдуетъ? Не то ли, что мы имѣли полную возможность, столь долгое время бесѣдуя съ г. Спичаковымъ съ глазу на глазъ, черпать изъ самаго источника истины, и вполнѣ вознаградить себя за утрату его корреспонденціи?

Спѣшимъ также засвидѣтельствовать, что если намъ ничего не помнится о бесѣдѣ нашей съ г. Спичаковымъ, то намъ весьма памятны бесѣды съ другими лицами, однихъ съ г. Спичаковымъ взглядовъ,—съ родоначальниками того направленія, которому служитъ *Вѣсть*,—съ польскими землевладѣльцами западнаго края. Мы свидѣтельствуемъ и имѣемъ свидѣтелей, что еще въ концѣ 1865 и въ началѣ 1866 года, мы слышали, прямо съ этой стороны, тѣ самыя истины, которыя тогда высказывались подкупными французскими писателями и которыя теперь развиваются въ *Вѣсти* и *Новомъ Времени*. Всѣ тѣ нареканія и ругательства, которыми г. Спичаковъ въ статьѣ своей осыпаетъ мировыхъ посредниковъ и чиновниковъ западнаго края, слышали мы точь въ точь въ тѣхъ же выраженіяхъ прямо отъ польскихъ пановъ, именно въ томъ самомъ „редакторскомъ кабинетѣ“, гдѣ, какъ сказываетъ г. Спичаковъ, мы имѣли удовольствіе бесѣдовать съ нимъ.

Что касается до писемъ, то мы получали ихъ со всѣхъ сторонъ, получали даже отъ жандармовъ-вѣшателей. Мы пользовались ими для нашихъ соображеній, хотя и не въ томъ смыслѣ какъ можетъ-быть желали наши непрошенные корреспонденты.

Сейчасъ говорили мы о письмахъ, которыя мы получали. Но мы не отрицаемъ,

что могутъ быть письма, которыя до насъ не доходятъ; насъ увѣряютъ даже, что есть письма, *которыя будто бы къ намъ пишутся и посылаются по почтѣ, но не съ тѣмъ чтобъ они приходили въ наши руки*...

Мы очень благодарны г. Спичакову за то, что онъ вздумалъ почтить насъ своею корреспонденціей, но еслибъ она и дошла до насъ, мы не могли бы напечатать ее. Мы не можемъ принимать случайныя сообщенія отъ кого бы то ни было. Даже отъ постоянныхъ корреспондентовъ нашихъ, отъ лицъ совершенно намъ извѣстныхъ, мы не все можемъ принимать прямо къ печати, при всей увѣренности въ ихъ добросовѣстности. Люди самые добросовѣстные и основательные могутъ болѣе или менѣе увлечься, что-нибудь преувеличить или дать вѣру слухамъ болѣе или менѣе не точнымъ, если не будутъ держаться положительныхъ фактовъ, черпать изъ источниковъ и удостовѣряться документально. Наши корреспонденты такъ и поступаютъ, и только при этомъ условіи мы пользуемся ихъ сообщеніями. Мы никогда не позволяемъ себѣ выдавать за вѣрное то, на что не имѣемъ положительныхъ доказательствъ. Но о насъ и о характерѣ нашей дѣятельности г. Спичаковъ говоритъ лишь мимоходомъ. Статья его направлена главнымъ образомъ противъ г. Сумарокова, который осмѣлился оправдываться отъ нареканій *Вѣсти* и *Новаго Времени*. Предоставляемъ г. Сумарокову самому отвѣчать на эту новую противъ него выходку, если онъ сочтетъ это нужнымъ. Но мы должны засвидѣтельствовать, что длинная статья г. Спичакова вовсе не есть опроверженіе того что сообщалъ г. Сумароковъ въ своемъ „Объясненіи". Г. Спичаковъ подтверждаетъ всю фактическую часть этого „Объясненія" и ничего не прибавляетъ къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя сообщилъ г. Сумароковъ. Разница только въ томъ, что г. Спичаковъ излагаетъ факты въ другомъ свѣтѣ и въ выраженіяхъ, которыя не дѣлаютъ чести его вкусу и не свидѣтельствуютъ о его разборчивости.

Мы не считаемъ себя призванными выступать адвокатами мнѣній и дѣйствій г. Сумарокова. Мы мало знаемъ его лично, и впервые увидѣли его лишь когда онъ доставилъ намъ свое объясненіе, вмѣстѣ съ документами подтверждавшими его показанія. Сущность дѣла заключается въ слѣдующемъ: однимъ изъ первыхъ дѣйствій новаго начальника сѣверозападнаго края, по прибытіи въ Вильну, было увольненіе г. Сумарокова отъ должности мироваго посредника; дѣло повидимому имѣло такую важность, что объ увольненіи г. Сумарокова дано было знать губернатору телеграммой, а черезъ два дня послѣ того получена другая телеграмма, предписывавшая г. Сумарокову немедленно оставить край, состоящій изъ шести губерній, гдѣ правительство борется съ польскимъ вопросомъ. Г. Сумароковъ состоялъ въ должности новогрудскаго мироваго посредника, отъ которой былъ такъ быстро уволенъ лишь нѣсколько недѣль. Но прежде того въ западномъ краѣ прослужилъ онъ около трехъ лѣтъ: около года въ Ковенской и два года въ Волынской губерніи. Со всею откровенностію (повторяемъ нами слова изъ № 199 *Московскихъ Вѣдомостей*) разсказалъ онъ столкновенія свои бывшія еще въ 1864 г. съ тогдашнимъ ковенскимъ губернаторомъ, столкновенія не имѣющія важности, и въ которыхъ правда, какъ показали послѣдствія, была на сторонѣ г. Сумарокова. Состояніе здоровья г. Сумарокова принудило его перейти на службу въ юго-западный край. 30-го мая 1865 г. вступилъ онъ въ завѣдываніе мировымъ участкомъ въ Волынской губерніи, которою тогда управлялъ генералъ Чертковъ, и черезъ нѣсколько дней перечисленъ въ должность предсѣдателя повѣрочнаго отдѣленія Кременецкаго уѣзда, „гдѣ", говоритъ онъ, „благодаря даннымъ намъ средствамъ и содѣйствію мѣстныхъ мировыхъ посредниковъ, я могъ окончить повѣрочныя работы по выкупу крестьянами надѣла ранѣе срока 1-го декабря 1866 года." По окончаніи работъ, онъ въ Кіевѣ получилъ за нихъ благодарность отъ главнаго начальника края. Семейныя обстоятельства принудили его однако покинуть службу и вызвали его на родину. Но въ мартѣ нынѣшняго года онъ снова поступилъ на службу въ сѣверо-западномъ краѣ не задолго до назначенія въ Вильну новаго генералъ-губернатора, которымъ такъ внезапно былъ отставленъ отъ службы и высланъ изъ края.

Мы не считаемъ себя въ правѣ входить въ разбирательство, какія причины могли побудить главнаго начальника края уволить г. Сумарокова посредствомъ телеграфа отъ службы. Но г. Сумароковъ былъ не просто уволенъ отъ службы; онъ былъ

высланъ изъ края. Даже въ качествѣ частнаго лица, ему не дозволено было оставаться ни въ одной изъ шести обширныхъ губерній ввѣренныхъ управленію виленскаго генералъ-губернатора.

Изъ объясненія г. Сумарокова нельзя усмотрѣть ничего, что могло бы сколько-нибудь удовлетворительно объяснить эту постигшую его катастрофу. Но точно также и изъ обвинительной противъ него статьи г. Спичакова нельзя извлечь ничего сколько-нибудь въ этомъ отношеніи удовлетворительнаго. Г. Спичаковъ находитъ, что онъ якобы не былъ хорошо приготовленъ своею предыдущею службой къ исполненію обязанностей мироваго посредника, и что онъ не имѣетъ объ этомъ дѣлѣ здравыхъ понятій.

Въ подкрѣпленіе такого отзыва г. Спичаковъ приводитъ поданную г. Сумароковымъ въ 1864 году по начальству записку о необходимости войти въ положеніе батраковъ, которыми переполнена Ковенская губернія и принять нѣкоторыя мѣры къ улучшенію ихъ быта. Г. Сумароковъ, въ своемъ объясненіи, самъ подробно разказалъ этотъ фактъ и изложилъ сущность возбужденнаго имъ тогда вопроса.

Мы не будемъ теперь разбирать этотъ вопросъ о ковенскихъ батракахъ и рѣшать кто лучше судитъ объ этомъ дѣлѣ, г. Сумароковъ или г. Спичаковъ. Но мы отнюдь не можемъ согласиться съ г. Спичаковымъ будто записка поданная мировымъ посредникомъ по начальству въ 1864 году о мѣрахъ къ улучшенію быта ковенскихъ батраковъ могла послужить достаточнымъ основаніемъ не только для отрѣшенія его отъ должности въ 1868 году, но и къ высылкѣ его изъ края какъ человѣка неблагонадежнаго или преступнаго. Что въ этомъ мнѣніи о батракахъ не было ничего не только преступнаго, но и сколько-нибудь несогласнаго съ видами правительства, доказательствомъ служитъ то, что графъ Муравьевъ въ послѣдствіи нашелъ нужнымъ учредить особую коммиссію для изученія именно этого вопроса. Возможно ли серіозно допустить, чтобъ это обстоятельство даже по прошествіи трехъ лѣтъ дѣлало пребываніе г. Сумарокова, въ качествѣ частнаго лица, нетерпимымъ въ сѣверо-западномъ краѣ? Публика состоитъ не изъ дѣтей, которымъ можно сказать все и которые все примутъ и всему повѣрятъ. Никто не повѣритъ, чтобы можно было осудить человѣка на изгнаніе за то только, что онъ когда-то представлялъ законнымъ властямъ проектъ, который не могъ не соотвѣтствовать и дѣйствительно соотвѣтствовалъ видамъ правительства и вполнѣ согласовался съ дѣйствующими законами Имперіи.

Нѣтъ, катастрофа, постигшая г. Сумарокова, должна имѣть иную причину для того чтобы можно было объяснить ее сколько-нибудь удовлетворительно. Начальства въ западномъ краѣ снабжены обширными полномочіями. Главная возложенная на нихъ задача есть борьба съ польскимъ вопросомъ. Съ точки зрѣнія русскаго правительства, была бы понятна высылка изъ Царства Польскаго или изъ западнаго края людей, которые систематически противодѣйствовали бы поставленнымъ здѣсь Верховною Властію задачамъ, или которые писали бы оттуда, въ подрывъ дѣлу, злостныя и лживыя корреспонденціи въ краковскій *Часъ* или петербургскую *Вѣсть*. Можно было бы понять, напримѣръ, распоряженіе кіевскаго генералъ-губернатора, еслибъ онъ пригласилъ выѣхать извѣстнаго г. Еремѣева, о которомъ мы имѣли случай упомянуть вчера и который поставилъ себѣ задачей искажать факты и представлять въ фальшивомъ свѣтѣ положеніе дѣлъ въ этомъ краѣ. Нельзя не цѣнить того, что кіевское начальство не сочло нужнымъ прибѣгать къ столь крайней мѣрѣ; но мы увѣрены, что прусскія власти во Франкфуртѣ не поцеремонились бы съ тѣми господами, которые вздумали бы обвинять ихъ въ коммунизмѣ и соціализмѣ за тяжкую контрибуцію, которая была наложена на жителей этого города, хоть они не были прусскими подданными виновными въ мятежѣ и измѣнѣ.

Итакъ, только польскій образъ мыслей и дѣйствій, только прямое или косвенное содѣйствіе замысламъ польской партіи, только систематическое противодѣйствіе русскому дѣлу, могли бы при настоящихъ обстоятельствахъ побудить начальство края, находящагося подъ польскимъ вопросомъ, къ столь энергическому примѣненію своихъ полномочій. Мы боимся, не подалъ ли г. Сумароковъ какъ-нибудь повода подозрѣвать себя въ польскомъ образѣ мыслей? Или не было ли на него какого-нибудь навѣта въ въ этомъ смыслѣ?

Въ статьѣ своей, которую г. Спичаковъ первоначально прислалъ къ намъ для на-

печатанія безо *всякихъ измѣненій и пропусковъ*, значится: „Наглость, съ какою „г. Сумароковъ и ему подобные господа, „административно удаленные изъ сѣверо-„западнаго края, приписываютъ свое уда-„леніе однимъ только интригамъ и *само-„властію*, не принимая на свою долю ни „малѣйшаго сознанія вины, даетъ остав-„шимся на мѣстахъ своихъ право возра-„жать имъ въ такомъ же тонѣ. Не при-„бѣгая однакоже къ такому нравственно-„непозволительному образу дѣйствій, по-„зволяю себѣ только замѣтить, что тонъ „изгнанниковъ - скитальцевъ значительно „понизился бы, еслибы начальству края „заблагоразсудилось, въ дополненіе къ сво-„имъ административнымъ распоряженіямъ, „опубликовалъ въ подробности служебную „исторію каждаго, безъ прошенія уволен-„наго или по внушенію удалившагося дѣ-„ятеля. Тутъ оказалось бы *кто удаленъ „за пьянство, буянство и шулерство, кто „за воровство-кражу и мошенничество, „кто за лѣнь и спячку*, и кто наконецъ „за проявленіе, въ служебной дѣятельно-„сти своей, взглядовъ, безаппелляціонно „осуждаемыхъ Высочайшимъ рескриптомъ „13-го мая 1866 г.“ *)

Нельзя не пожалѣть, что для апологіи нынѣшнихъ виленскихъ властей не нашлось адвоката получше.

Въ числѣ преступныхъ дѣйствій, за которыя административно высылались изъ сѣверо-западнаго края русскіе люди, г. Спичаковъ поставилъ пьянство, буянство, шулерство, воровство кражу и мошенничество. Въ первый разъ довелось намъ узнать, чтобы за пьянство люди высылались изъ одного генералъ-губернаторства въ другое.

*) Въ газетѣ *Вѣсть* это мѣсто статьи г. Спичакова имѣетъ слѣдующій видъ:

„Безцеремонность, съ какою г. Сумароковъ и ему подобные, выбывшіе изъ С. З. края приписываютъ свое удаленіе, административнымъ порядкомъ, только будто бы интригамъ и самовластію, не принимая на свою долю малѣйшаго даже сознанія вины, даютъ оставшимся на своихъ мѣстахъ право возражать имъ въ такомъ же тонѣ. Не прибѣгая однако къ такому образу дѣйствій, позволяю себѣ только замѣтить, что тонъ удаленныхъ изъ края значительно понизился бы, „и многое обрушилось бы на ихъ голову,“ еслибы подробности служебной исторіи каждаго безъ прошенія уволеннаго, или по внушенію удалившагося изъ края *дѣятеля* были оглашены. Тогда всякій увидѣлъ бы, что проявленіе въ служебной ихъ дѣятельности взглядовъ, безаппелляціонно осужденныхъ Высочайшимъ рескриптомъ 13-го мая 1866 года, не могло быть терпимо.“

Какое страшное передвиженіе народа должно бы произойти отъ этого въ цѣлой странѣ! Что же касается до шулерства, воровства и мошенничества, то мы еще съ бо̀льшимъ удивленіемъ освѣдомились, что людей оказавшихся виновными въ этихъ преступленіяхъ начальство сѣверо-западнаго края не предаетъ уголовному суду, а просто высылаетъ изъ этихъ благословенныхъ губерній въ остальную Россію, гдѣ предоставляется имъ жить на свободѣ или состоять на государственной службѣ. Но еще страннѣе то, что на ряду съ такими преступниками, по сказанію г. Спичакова, высылаютъ изъ виленскаго генералъ-губернаторства людей *за лѣнь и за спячку!* Въ самомъ дѣлѣ, благословенный край! Тамъ нѣтъ мѣста не только ворамъ и мошенникамъ, но и людямъ склоннымъ къ излишнему употребленію горячихъ напитковъ, даже нѣтъ мѣста лѣнтяямъ, наконецъ нѣтъ мѣста одержимымъ спячкой! Всѣхъ таковыхъ высылаютъ оттуда.

Въ заключеніе мы считаемъ долгомъ заявить, что имѣли въ рукахъ копію съ прошенія, поданнаго г. Сумароковымъ на имя начальника сѣверо-западнаго края, о томъ чтобъ надъ нимъ было назначено слѣдствіе и чтобъ его отдали подъ судъ. Прошеніе его не было уважено; но оно свидѣтельствуетъ, что г. Сумароковъ не опасался раскрытія истины.

№ 257.

Москва, 27-го ноября.

Намъ доставалось все ссориться съ газетой *Monde*, и мы рады, что представляется теперь случай похвалить ее за вѣрность нѣкоторыхъ ея сужденій. Ни одна французская газета не оцѣнила такъ вѣрно, какъ *Monde*, истиннаго значенія извѣстной рѣчи лорда Стэнлея, а особенно замѣченной нами связи между этою рѣчью и происходящими на глазахъ нашихъ явленіями. Раскрывъ какъ торговыя, такъ и политическія опасенія, побуждающія Лондонскій кабинетъ напрягать всѣ силы, дабы предотвратить столкновенія между Франціей и Пруссіей, *Monde* находитъ, что „Англія предпочитаетъ, чтобы Пруссія расширялась въ Германіи и становилась „сильна своими сухопутными войсками; но

„чтобъ она была лишена средствъ пріобрѣсти значительную силу на морѣ, — а „Франція чтобы сторожила свою границу, „лишенная вліянія, которымъ она такъ гордилась, чтобъ она истощала свои финансы „вооруженіями и обороной, и озабоченная „со стороны Рейна, не имѣла возможности заняться своимъ внутреннимъ развитіемъ и усиленіемъ своего флота". Другая газета съ клерикальнымъ оттѣнкомъ, *Presse*, говоритъ въ свою очередь: „Никакая иная политика не могла бы быть „такъ враждебна ко Франціи, какъ политика невмѣшательства лорда Станлея", — и эти слова, по свидѣтельству парижскаго корреспондента аугсбургской *Allgemeine Zeitung*, „суть вѣрнѣйшій отголосокъ мнѣній французскаго министерства иностранныхъ дѣлъ".

Итакъ, матеріальное разстройство и политическое униженіе — такова перспектива, которую открываетъ для Франціи ея недавняя „сердечная" союзница. Парижская независимая печать шумно разглашаетъ это; французское правительство безмолвно сознаетъ это. Что же касается Австріи, то, по мнѣнію *Monde*, „Англія желаетъ, „чтобъ она обратила свои усилія и дѣятельность *на страны Востока*, гдѣ она „*можетъ найти себѣ вознагражденія*, которыя *Пруссія должна дружелюбно предоставить ей*, лишь бы *отдѣлиться отъ „Россіи* и получить убѣжденіе, что можетъ „обойтись безъ этого опаснаго покровителя". Внушеніямъ въ этомъ смыслѣ, со стороны лорда Станлея, приписываетъ *Monde* тѣ извѣстныя статьи въ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, которыя головой выдаютъ Венграмъ Румынію. Это мѣткое заключеніе совпадаетъ съ положительными свѣдѣніями, сообщенными берлинскимъ корреспондентомъ аугсбургской газеты. Но еще въ началѣ минувшаго лѣта, *Кельнская Газета* замѣчала, что завоеваніями Россіи въ Средней Азіи тревожатся въ Англіи однѣ несвѣдующія массы, а не правительственные классы, ибо, какъ только того потребуютъ интересы Англіи, она-де мгновенно можетъ собрать грозу на юго-западной границѣ Россіи... Именно этою заботой лондонскаго кабинета объясняетъ *Monde* обнаруживающееся нынѣ усиленіе враждебности Англіи къ Россіи. „Опасность", присовокупляетъ упомянутая газета, „которая казалась химерой лѣтъ двадцать назадъ, представляется нынѣ неизбѣжною, благодаря успѣхамъ русскаго оружія въ независимой „Татаріи"...

Нельзя не согласиться, что отходящее торійское министерство завѣщало своимъ преемникамъ ясную програму, которая направлена равно и противъ Франціи, и противъ Россіи. Нѣтъ сомнѣнія, что либеральная партія вступающая теперь во власть не отдалится отъ этой програмы, ибо въ Англіи игра партій не простирается на ея иностранную политику.

Прусско-венгерскій союзъ, которому Пруссія уже принесла въ жертву Румынію, какъ бы предначинаетъ исполненіе этой замысловатой программы, отдѣляя Австрію отъ Франціи, а Пруссію отъ Россіи... А между тѣмъ предположенное Венгерцами усиленіе австрійской арміи до 800.000 наличнаго состава поддержано въ Вѣнѣ польскими депутатами. Въ Пештѣ, князь Владиславъ Чарторыйскій настоятельно требовалъ усиленія военныхъ приготовленій и обороны галицкой границы; въ свою очередь Венгерцы ходатайствуютъ въ Вѣнѣ о томъ чтобы Полякамъ дарованы были такія же права относительно Австріи, какія предоставлены Хорватамъ относительно Венгріи, и чтобъ одинъ изъ польскихъ патріотовъ былъ назначенъ намѣстникомъ Галиціи, — и ходатайство Венгерцевъ оказывается не безуспѣшнымъ. Извѣстіе это воспроизводится *Крестовою Газетой* и не вызываетъ съ ея стороны никакого, столь обычнаго ей въ подобныхъ случаяхъ, крика негодованія. Или и въ самомъ дѣлѣ, разчитывая на распаденіе Австріи и взирая какъ на вѣрную добычу на нѣмецкія и славянскія населенія Цислейтаніи, Пруссія, въ угоду Венгріи и въ предупрежденіе лишнихъ затрудненій, готовится нынѣ же, какъ говорятъ Французы, — faire la part du feu польской интригѣ?.. Дѣло въ томъ, что противъ этого успѣха венгерскаго ходатайства въ пользу Поляковъ не протестуетъ до сихъ поръ ни одна прусская газета; а между тѣмъ въ цислейтанской делегаціи между военнымъ министромъ и депутатами, на глазахъ цѣлой Европы, обсуживается вопросъ о „возможномъ и даже, „*весьма вѣроятномъ столкновеніи на сѣверо-востокѣ*", что однако нисколько не мѣшаетъ г. фонъ-Бейсту по примѣру маршала Ніеля, а императору Францу-Іосифу по примѣру г. фонъ-Бейста, заявлять тор-

жественно, что громадныя вооруженія суть не иное что какъ доказательство миролюбія.

Но въ Румыніи, которая до сихъ поръ была предметомъ опасеній не дававшихъ ни сна, ни покоя государственнымъ мужамъ Вѣны и Пешта, — въ Румыніи, по сигналу поданному изъ Пруссіи, совершился переворотъ, которымъ, повидимому, должны бы успокоиться наконецъ эти странныя тревоги. Министерство Братіано пало; но вотъ, изгнанный изъ министерства иностранными вліяніями, этотъ же г. Братіано избранъ національными представителями въ президента палаты депутатовъ, и вѣнскіе офиціозные органы снова начинаютъ хмуриться. Между тѣмъ, на южной окраинѣ Турціи, уже является новый поводъ къ возбужденію Восточнаго вопроса... Получаемыя нами телеграммы о рѣшимости Турціи то начать противъ Греціи дѣйствія по поводу ея подмогъ Критянамъ, то воздержаться и повременить, какъ бы свидѣтельствуютъ своими противорѣчіями о какой-то дипломатической борьбѣ. Изъ Константинополя идутъ извѣстія самаго тревожнаго свойства; изъ Аѳинъ электрическія проволоки приносятъ извѣстія болѣе успокоительныя, которыя немедленно подтверждаются французскими офиціозными газетами *Constitutionnel* и *Patrie*, а *Гавасово Агентство* опровергаетъ тревожныя извѣстія газеты *Turquie* редижируемой, какъ извѣстно, польскимъ патріотомъ... Не соотвѣтствуютъ ли эти различныя толкованія и противорѣчивыя увѣренія двумъ взаимно противорѣчащимъ себѣ группамъ сочувствій и интересовъ?

Но для пробы искренности къ намъ дружескихъ отношеній той или другой державы, у Россіи есть критерій.

Не разъ говорили мы о случаяхъ, что французское правительство имѣетъ намѣреніе отнять субсидію у патріотическихъ польскихъ школъ во Франціи. Изъ полученныхъ сегодня польскихъ газетъ видно, что Батиньйольская школа, основанная въ 1848 Адамомъ Чарторыйскимъ „съ цѣлью „сохранить на чужбинѣ дѣтямъ выходцевъ „національно-польское воспитаніе и развитіе“, и имѣвшая до 300 воспитанниковъ, обращается нынѣ къ ревнителямъ польской справы въ Россіи съ крикомъ отчаянія и мольбой о спасеніи, такъ какъ ежегодная французская субсидія въ 150.000 фр. для нея прекратилась.

Резюмируя политику Англіи *Monde*, не безъ удовольствія впрочемъ, замѣчаетъ, что имѣется въ виду изолировать какъ Францію, такъ и Россію, и лишить ихъ союзовъ.

А что если обѣ эти державы обманутъ своихъ враговъ и подадутъ другъ другу руку?..

№ 258.

Москва, 28-го ноября.

„Мы не можемъ,“ писалъ г. фонъ-Бейстъ, отъ 19-го декабря 1867 года, австрійскому консулу въ Бѣлградѣ, „смотрѣть равно„душно на превращеніе сосѣдней страны, „такъ-сказать, въ *обширный плацъ-дармъ*,“ и тогда вся офиціозная журналистика Австріи и Франціи твердила о необходимости немедленнаго занятія Сербіи турецкими войсками. Но 11-го ноября 1868 г., при обсужденіи военнаго закона, графъ Бейстъ уже держалъ совсѣмъ иного рода рѣчь. Въ виду чрезмѣрныхъ-де вооруженій уже не Сербіи, а Румыніи, „превращенной въ *обширный арсеналъ*,“ онъ находилъ настоятельно нужнымъ надѣлить Австрію 800-тысячною дѣйствующею арміей. Съ Сербіей, гласитъ *Красная Книга*, Австрія въ наилучшихъ отношеніяхъ; о необходимости же занятія Румыніи турецкими войсками и дипломатическаго вмѣшательства въ ея дѣла заявляютъ въ одинъ голосъ всѣ австрійскія офиціозныя газеты. Румынія, одна Румынія, а никакъ не благодушная, миролюбивая Сербія и не потопленный въ своей крови геройскій Критъ, тревожатъ спокойствіе Европы; тутъ только и есть та „черная точка,“ коей присутствіе на Востокѣ торжественно возвѣщено и британскимъ министромъ.... „Безнадежная борьба,“ писалъ еще 31-го октября нашъ константинопольскій корреспондентъ по поводу критскаго возстанія, „видимо „*утомляетъ греческихъ волонтеровъ*. Изъ „нихъ 600 человѣкъ, почти *послѣдніе* изъ „находившихся въ Кандіи, обратились къ „консуламъ съ просьбой о доставленіи имъ „средствъ къ *возвращенію въ Грецію*.... „Пока Порта успокоивается относительно „кандійскаго возстанія.... съ другой сто„роны горизонта вновь возникла *черная „точка*.“ „Отношенія Турціи къ Румыніи,“ пишетъ еще нашъ корреспондентъ, отъ 17-го ноября, „все болѣе и болѣе услож-

„вяются … Не скрою, что люди имѣющіе „связи съ турецкими чиновниками пред-„полагаютъ, что здѣшнее правительство „*желаетъ довести дѣло до военнаго за-„нятія княжествъ…*.“

Читателямъ извѣстно, какой крутой поворотъ совершился тутъ на прошлой недѣлѣ. Румынія, наравнѣ съ Сербіей, внезапно удостоилась полнаго довѣрія и Турціи, и Франціи; даже Австрія перестала трепетать предъ вооруженіями бѣдной Румыніи. Вслѣдъ за обширнымъ *плацъ-дармомъ*, каковымъ выставлялась въ 1867 г. Сербія, и обширный *арсеналъ* Румыніи внезапно лишился способности тревожить и вѣнскихъ, и парижскихъ, и стамбульскихъ государственныхъ мужей. Дунулъ сѣверо-западный вѣтеръ, и дѣла въ Румыніи приняли другой ходъ, и встали тучи готовыя разразиться, но ужь не надъ Румыніей, а надъ Греціей, и разразиться въ ту самую минуту, когда изнемогающее критское возстаніе лишаетъ Турцію всякаго приличнаго повода и благовиднаго предлога къ разрыву.

Интересно прослѣдить за различными фазами передвиженія „черной точки“ съ горизонта Сербіи на горизонтъ Румыніи и отъ Румыніи къ Греціи. Съ начала минувшаго іюня, грозное положеніе Австріи относительно Сербіи внезапно уступаетъ мѣсто самымъ дружескимъ изъявленіямъ Вѣнскаго кабинета. Что же случалось въ этотъ промежутокъ времени? Случилась кровавая топчидерская катастрофа, и вмѣсто князя Михаила, освободителя сербскихъ крѣпостей, на престолѣ Сербіи явился отрокъ, окруженный французскими наставниками и австрійскими дипломатами. Сербія, сердце и мечъ славянскаго протеста противъ ига магометанской орды, Сербія обезоружена.… Безсознательныя руки фанатиковъ злодѣевъ послужили орудіемъ чуждаго имъ замысла, и вотъ враги всего восточнаго православнаго христіанства спѣшатъ сосредоточить всѣ свои усилія противъ втораго, по значенію своему, вассальнаго владѣнія Турціи. Въ продолженіе пяти мѣсяцевъ всѣ эти ожесточенныя нападки и угрозы не могутъ поколебать румынскаго князя. 27-го ноября онъ произноситъ тронную рѣчь; переданное телеграфомъ извлеченіе изъ нея свидѣтельствуетъ, что „положеніе дѣлъ внутри страны, „а равно и отношенія къ иностраннымъ „державамъ *превосходны*… что правитель-„ство всегда соотвѣтствовало строгому „обязательству нейтралитета, возложен-„ному на страну Парижскими трактатами“… „Въ заключеніе же,“ говоритъ телеграмма, „князь только увѣщаетъ быть въ согласіи „и отказаться отъ раздоровъ партій.“ Но на другой же день, 28-го ноября, летитъ изъ Букурешта объ этой рѣчи другая телеграмма, совсѣмъ иного значенія. „Князь,“ гласитъ она, „высказалъ сожалѣніе о пере-„ходахъ Болгаръ чрезъ Дунай… онъ го-„ворилъ *съ удареніемъ* о сохраненіи друже-„ственно-сосѣдскихъ отношеній къ сопре-„дѣльнымъ странамъ… о вѣрномъ сохра-„неніи политическаго союза *съ Портой*.“ Наконецъ еще телеграмма, отъ того же числа, объявляетъ о внезапно совершившемся министерскомъ кризисѣ. Министерство, которое, по словамъ телеграммы отъ 27-го ноября, дѣйствовало *превосходно*, вдругъ оказалось никуда негоднымъ, по смыслу телеграммы отъ 28-го ноября. Г. Когальничано получилъ-де порученіе составить новый кабинетъ… и вотъ,—въ Парижѣ и Стамбулѣ усердно рукоплещутъ миролюбивымъ стремленіямъ и благоразумной политикѣ князя Карла. Но не проходитъ и трехъ дней, какъ константинопольская телеграмма сообщаетъ, отъ 1-го декабря, что „слышно, Порта пригласила „своего посланника въ Аѳинахъ *требовать*, „чтобы тамошнее правительство не до-„пускало волонтерскихъ экспедицій въ „Критъ; въ случаѣ же отказа — *угро-„жать неизбѣжнымъ отозваніемъ послан-„ника*.“ Отъ 4-го же декабря новая константинопольская телеграмма извѣщаетъ, что, по словамъ *Turquie*, Порта уже „*рѣ-„шила* прервать дипломатическія сношенія „съ Греціей;“ а другая телеграмма отъ того же дня сообщаетъ *русскимъ газетамъ*, что въ Константинополѣ „говорятъ, что „турецкая эскадра отправляется *къ Криту*,“ между тѣмъ какъ въ *иностранныя газеты* телеграфъ сообщаетъ объ отправленіи этой эскадры „съ неизвѣстнымъ назначеніемъ,“— т.-е. въ Грецію, мѣтко присовокупляетъ *Nord*. „Въ Константинополѣ,“ утверждаетъ телеграмма, отъ 5-го декабря, „го-„ворятъ, что Порта приняла свое рѣше-„ніе и ограничивается отправленіемъ уль-„тиматума.“ „Порта,“ присовокупляетъ телеграмма отъ 6-го декабря, „поддержи-„ваемая Англіей, Франціей и Австріей, „*отправила* ультиматумъ.“ Завтра Порта „выставитъ ультиматумъ,“ гласитъ со словъ

Turquie, телеграмма отъ 8-го декабря. „Ультиматумъ съ пятидневнымъ срокомъ „отправленъ въ Аѳины," говоритъ, наконецъ, сегодняшняя телеграмма, и „въ „случаѣ отказа *послѣдуетъ немедленный „разрывъ. Представители западныхъ дер- „жавъ поддерживаютъ Порту*…." „Относительно Греціи," по извѣстіямъ другой, одновременной съ предыдущею телеграммой, со словъ *Turquie*, „Турція принима- „етъ рѣшенія *независимо отъ всякаго вмѣ- „шательства западныхъ державъ*…."

Turquie, газета польская, еще недавно офиціозная, отрицаетъ содѣйствіе западныхъ державъ Портѣ; другой же источникъ, *Journal de Constantinople*, положительно утверждаетъ это содѣйствіе.

Но такъ или иначе, ультиматумъ *посланъ*; Греціи грозитъ либо война, либо униженіе, которое уничтожитъ обаяніе новой династіи и повергнетъ несчастную страну въ безвыходныя смуты…. Этимъ ли способомъ надѣются державы упрочить умиротвореніе мученическаго Востока?…

Турція опасалась солидарности христіанскихъ народовъ, съ которыми ей приходилось развѣдываться, и вотъ поодиночкѣ расправилась сначала съ Сербіей, потомъ съ Румыніей, и у Турціи теперь развязаны руки. Вчера еще не смѣла она возвысить голоса предъ Греціей, а сегодня уже шлетъ ей ультиматумъ и снаряжаетъ свои эскадры.

Припомнимъ надѣлавшія столько шума статьи газеты графа Бисмарка, въ которыхъ послѣ недавнихъ столь положительныхъ изъявленій сочувствія касательно положенія дѣлъ въ Румыніи, такъ внезапно, такъ безцеремонно похвала перешла въ рѣзкое порицаніе. Статья эта появилась 20-го и 25-го ноября, и уже 28-го въ Букурештѣ совершился министерскій кризисъ, а вслѣдъ за тѣмъ разразился надъ Греціей громовой ударъ…

№ 259.

Москва, 29-го ноября.

Вопросъ о предварительномъ заключеніи людей состоящихъ подъ слѣдствіемъ и подлежащихъ уголовному суду сталъ теперь предметомъ общаго вниманія. Неумѣренное право предоставленное обвинительной власти заключать въ тюрьму почти каждаго подсудимаго, подлежащаго процессу съ присяжными, есть положительное зло, которое можетъ повредить дѣлу судебной реформы, если не будетъ устранено. Мѣры противъ этого зла тѣмъ необходимѣе, что оно съ теченіемъ времени будетъ непремѣнно возрастать и усиливаться.

Предварительное слѣдствіе въ большинствѣ случаевъ тянется чрезмѣрно долго; но извѣстно, что время, протекающее по окончаніи предварительнаго слѣдствія до суда и затѣмъ до исполненія рѣшенія, даже когда дѣло не переносится на разсмотрѣніе кассаціоннаго суда, вдвое, втрое, вчетверо продолжительнѣе чѣмъ предварительное слѣдствіе. По крайней мѣрѣ одна треть изъ общаго числа уголовныхъ дѣлъ, назначаемыхъ къ докладу въ окружномъ судѣ, отлагается по тѣмъ или другимъ препятствіямъ (какъ напримѣръ, неявка свидѣтелей, болѣзнь подсудимаго и пр.). Будучи отложено такое дѣло рѣдко возвращается въ списокъ раньше чѣмъ чрезъ два мѣсяца, хотя бы препятствіе къ докладу его было устранено на другой же день. Это бываетъ потому, что списокъ дѣлъ уже назначенныхъ къ докладу большею частію распредѣленъ за два мѣсяца впередъ: такъ велико накопленіе дѣлъ. Между тѣмъ вновь возникающія уголовныя дѣла продолжаютъ поступать своимъ чередомъ. Замедленіе въ ихъ движеніи должно постоянно возрастать, ибо экспедитивность суда не соотвѣтствуетъ средней статистической цифрѣ вновь возникающихъ уголовныхъ дѣлъ.

Но замедленія въ ходѣ дѣлъ, прискорбныя сами по себѣ, получаютъ ужасающій смыслъ, если разсудить, что многіе, или вѣрнѣе, бо́льшая часть подсудимыхъ высиживаютъ все это время въ тюрьмѣ, претерпѣвая такимъ образомъ тяжкую кару не въ силу закона, а по случайности или по причинамъ, не имѣющимъ никакого отношенія къ ихъ винѣ.

Оставляя пока въ сторонѣ причины медленности и накопленія дѣлъ въ окружныхъ судахъ, мы желали бы прежде всего обратить вниманіе на продолжительность предварительнаго заключенія подсудимыхъ и на безпечность судебныхъ слѣдователей при принятіи этой мѣры „пресѣченія обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія". Насъ побуждаетъ возвратиться къ этому предмету заявленіе, которое мы получили по городской почтѣ отъ неизвѣст-

ныхъ лицъ и которое вызвано нашими замѣчаніями въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, отъ 29-го октября, о вредѣ проистекающемъ для правосудія отъ слишкомъ опрометчиваго или неразборчиваго пользованія правомъ предварительнаго заключенія подслѣдственныхъ лицъ въ тюрьму. Заявленіе это, помѣщаемое ниже, яркими красками рисуетъ дѣло. Мы выпустили изъ него мѣста не имѣющія прямаго отношенія къ дѣлу, но не сочли нужнымъ смягчать тонъ его выраженій, который не есть результатъ посторонняго наблюденія, а вырвался изъ сердца людей испытавшихъ на себѣ всю тяжесть такого порядка вещей. Если зло несомнѣнно существуетъ, то умалять его значеніе нѣтъ ни малѣйшей надобности. Лица судебнаго вѣдомства, повидимому, сами вполнѣ раздѣляютъ этотъ взглядъ. Это доказывается обнародованнымъ на дняхъ циркуляромъ прокурора С.-Петербургской судебной палаты перепечатаннымъ въ № 253 нашей газеты. Прокурорскій надзоръ, коему ввѣрено наблюденіе за охраненіемъ законовъ, давно уже былъ озабоченъ этимъ неправильнымъ явленіемъ. Еще въ іюлѣ прошедшаго года, то-есть не болѣе какъ черезъ годъ по введеніи судебной реформы, прокуроръ С.-Петербургской судебной палаты обратилъ вниманіе своихъ подчиненныхъ на то, что „обвиняемые весьма нерѣдко подвергаются при производствѣ предварительнаго слѣдствія заключенію подъ стражу, „несмотря на то, что по падающему на „нихъ обвиненію или по обнаруженнымъ „уже чрезъ слѣдствіе обстоятельствамъ „дѣла, эта мѣра пресѣченія имъ возмож„ности уклоняться отъ слѣдствія *вовсе не „представляется необходимою*... Независимо отъ того, что такое не опирающееся „на твердыя законныя основанія лишеніе „кого-либо личной свободы, даже на са„мый непродолжительный срокъ, вообще „представляется тяжкимъ и несправедли„вымъ стѣсненіемъ, подобные случаи об„ращаютъ на себя вниманіе еще въ томъ „отношеніи, что заарестованныя такимъ „образомъ лица обыкновенно принуждены „бываютъ претерпѣвать это стѣсненіе въ „теченіе долгаго времени." Замедленіе это прокуроръ приписываетъ тому, что жалобы на распоряженіе судебнаго слѣдователя о задержаніи подъ стражей требуютъ довольно долгаго времени для своего разрѣшенія. Но къ этому можно бы прибавить, что далеко не каждый, а лишь самое незначительное число задержанныхъ подъ стражей лицъ приносить частныя жалобы на такое распоряженіе, по той простой причинѣ, что большинство подсудимыхъ бываетъ изъ людей малограмотныхъ, между которыми еще не успѣло распространиться понятіе о какихъ бы то ни было правахъ личности, а тѣмъ болѣе о томъ, что человѣкъ „посаженный въ острогъ" чрезъ это еще не лишился всякаго права. Уставъ уголовнаго судопроизводства, который относительно огражденія личной неприкосновенности гражданина, можетъ быть названъ нашимъ *Habeas Corpus*, предусмотрѣлъ возможность произвола со стороны властей, коимъ предоставлено задержаніе обвиняемаго или подозрѣваемаго въ преступленіи. Оно обставлено тщательными формальностями, и арестуемому даны всѣ средства жалобы. Статья 499 постановляетъ, что жалоба на лишеніе свободы должна быть отправлена по принадлежности, съ объясненіями, *въ теченіе сутокъ*. Тѣмъ не менѣе количество такихъ частныхъ жалобъ, поступающихъ въ судъ, совершенно ничтожно въ сравненіи съ громаднымъ числомъ арестантовъ, коими судебные слѣдователи такъ торопливо населяютъ остроги.

Мы недостаточно знакомы со статистическими свѣдѣніями о теченіи дѣлъ въ округѣ С.-Петербургской судебной палаты, чтобы судить на сколько упомянутый циркуляръ прокурора этой палаты имѣлъ желаемое дѣйствіе. Но можно a priori сказать, что едва ли въ округѣ С.-Петербургской судебной палаты положеніе этого дѣла существенно лучше чѣмъ въ Московскомъ, если даже принять, что циркуляръ этотъ встрѣтилъ ревностныхъ исполнителей.

Уставъ уголовнаго судопроизводства предоставляетъ шесть постепенныхъ мѣръ пресѣченія обвиняемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія: 1) отобраніе вида на жительство или обязаніе подпиской о явкѣ къ слѣдствію и неотлучкѣ съ мѣста жительства; 2) отдача подъ особый надзоръ полиціи; 3) отдача на поруки; 4) взятіе залога; 5) домашній арестъ, и 6) взятіе подъ стражу (ст. 416). Судебному слѣдователю не дано право выбрать одну изъ этихъ мѣръ по своему усмотрѣнію. Въ этомъ отношеніи власть его ограничена. Всѣ преступленія раздѣлены по отноше-

нію къ этимъ мѣрамъ на три разряда, а именно: 1) противъ обвиняемыхъ въ преступленіяхъ подвергающихъ заключенію въ тюрьмѣ, смирительномъ домѣ или крѣпости безъ ограниченія правъ и преимуществъ, высшею мѣрой обезпеченія можетъ быть отдача на поруки (ст. 417); 2) противъ обвиняемыхъ въ преступленіяхъ подвергающихъ заключенію въ смирительномъ домѣ или крѣпости съ ограниченіемъ правъ и преимуществъ, высшею мѣрой обезпеченія можетъ быть требованіе залога (ст. 418); и 3) противъ обвиняемыхъ въ преступленіяхъ подвергающихъ содержанію въ рабочемъ домѣ или арестантскихъ ротахъ, или ссылкѣ на житье въ сибирскія или другія отдаленныя губерніи съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, или же наказаніямъ уголовнымъ, какъ-то: ссылкѣ на поселеніе или въ каторжныя работы съ лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія, высшею мѣрой обезпеченія *можетъ быть* содержаніе подъ стражей (ст. 419). Эта послѣдняя мѣра можетъ быть принята противъ обвиняемыхъ не имѣющихъ осѣдлости, хотя бы они обвинялись въ преступленіяхъ менѣе важныхъ (ст. 420). Наконецъ ст. 421 гласитъ: „При избраніи мѣры къ пресѣченію „обвиняемому способовъ уклоняться отъ „слѣдствія, принимаются въ соображеніе „не только строгость угрожающаго ему „наказанія, но также сила представляю„щихся противъ него уликъ, возможность „скрыть слѣды преступленія, состояніе „здоровья, полъ, возрастъ и положеніе „обвиняемаго въ обществѣ.“ Всѣ эти постановленія устава уголовнаго судопроизводства не оставляютъ ничего лучшаго желать по своему человѣколюбію и справедливости. Заключать подъ стражу дозволено лишь обвиняемыхъ въ самыхъ тяжкихъ преступленіяхъ, влекущихъ за собою лишеніе всѣхъ правъ состоянія или всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ. Но всматриваясь ближе въ этотъ послѣдній разрядъ преступленій, мы видимъ, что онъ обнимаетъ собою, въ лѣстницѣ такъ-называемыхъ исправительныхъ наказаній, *девять степеней* исчисленныхъ въ статьяхъ 31 и 33 Уложенія о наказаніяхъ. Для лицъ непривилегированныхъ сословій, то-есть для громаднаго большинства, „лишеніе всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ“ (которое, мимоходомъ сказать, не имѣетъ для послѣднихъ въ дѣйствительности почти никакого значенія, ни юридическаго, ни нравственнаго), сопряжено съ отдачей въ арестантскія роты или въ рабочій домъ. Но и высшій срокъ заключенія въ арестантскихъ ротахъ продолжается *четыре года* (1-я степ. 31-й ст.); самый низкій срокъ въ рабочемъ домѣ продолжается *два мѣсяца* (4-я степ. 33-й ст.). Но уже по 5-й степ. 31-й ст. срокъ заключенія не превышаетъ *полутора года*.

Итакъ, вотъ гдѣ кроется главный корень зла. Люди обвиняемые въ преступленіяхъ, за которыя по закону положено въ особенныхъ случаяхъ заключеніе на 4 года, въ большинствѣ же случаевъ менѣе чѣмъ на 2 года и даже *не болѣе чѣмъ на два мѣсяца*, подвергаются до суда заключенію равному по продолжительности, а чаще *въ нѣсколько разъ превосходящему* срокъ заключенія, коему они могутъ подлежать по приговору суда послѣ строгаго и тщательнаго изслѣдованія ихъ вины. Правило, установленное новымъ закономъ, что обвиняемый въ *тяжкомъ* преступленіи (при достаточныхъ уликахъ) уже по этому одному можетъ быть лишенъ свободы, такъ какъ предполагается, что *тяжесть* грозящаго ему наказанія есть достаточное побужденіе для него, чтобъ уклониться отъ суда, основательно и практически-разумно. Но при вопросѣ о томъ, что такое *тяжкое* преступленіе, мы видимъ, что *старый* законъ, опредѣляющій эту тяжесть, такъ широкъ, что обнимаетъ собою *никакъ не менѣе 80% общаго числа преступленій* подвѣдомыхъ общимъ судебнымъ мѣстамъ. Всѣ эти преступленія „сопряженныя съ лишеніемъ правъ“ судятся съ присяжными; для нихъ установлена, въ видѣ особой гарантіи, отдѣльная процедура преданія суду высшею судебною инстанціей; для нихъ предварительное слѣдствіе безусловно необходимо. И вотъ не проходитъ недѣли, чтобы мы не встрѣтили чего-нибудь въ слѣдующемъ родѣ: на скамьѣ подсудимыхъ въ торжественномъ засѣданіи суда, съ присяжными, является шестнадцатилѣтній мальчикъ, охраняемый предъ судомъ, какъ и подобаетъ тяжкому преступнику, двумя жандармами съ саблями на-голо; онъ обвиняется въ томъ, что *годъ или полтора года* тому назадъ вынулъ изъ сундука своего товарища, фабричнаго рабочаго, пять аршинъ миткаля по 15 коп. аршинъ, три аршина сукна, которые и продалъ за одинъ рубль сере-

бромъ. Но развѣ кража на одинъ рубль подсудна окружному суду? Не мировые ли судьи судятъ всякую кражу не свыше 300 руб.?—О! онъ не просто укралъ; онъ укралъ со взломомъ. — Что же онъ, подъ стѣну подкопался, выломалъ двери, окна? Нѣтъ, онъ просто гвоздикомъ, а то и руками, отомкнулъ нехитрый замочекъ, который лежитъ тутъ же „на столѣ вещественныхъ доказательствъ" и на которомъ присяжные тщетно отыскиваютъ слѣды учиненнаго надъ нимъ насилія. Но ст. 1.647 Улож. о Нак. не оставляетъ на этотъ счетъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Это „кража со взломомъ", и подсудимый есть тяжкій преступникъ. Онъ не то что карманный воръ, который вытащилъ у васъ бумажникъ съ 299 руб. и котораго мировой судья чрезъ недѣлю уже отправилъ по судебному приговору на 8 мѣсяцевъ въ тюрьму. Дѣяніе этого тяжскаго преступника требуетъ тщательнаго предварительнаго изслѣдованія и соблюденія „обряда преданія суду". Судебный слѣдователь, дабы воспрепятствовать ему „скрыть слѣдъ преступленія" (несмотря на то, что злодѣй въ большинствѣ случаевъ съ первыхъ словъ сознался въ своемъ преступленіи) распорядился отправить его въ острогъ, гдѣ онъ и дожидался настоящаго торжественнаго дня годъ, а иногда и болѣе. Присяжные очень часто или совсѣмъ освобождаютъ тяжкаго преступника, уже высидѣвшаго годъ и болѣе въ тюрьмѣ, или же отвергаютъ „взломъ", и тогда его отправляютъ въ тюрьму на нѣсколько недѣль. Но можно навѣрное сказать, что годичное пребываніе въ острогѣ не прошло даромъ для шестнадцатилѣтняго мальчика, и если мы вскорѣ еще разъ увидимъ его на скамьѣ подсудимыхъ, то на этотъ разъ „взломъ или разрѣзъ" будутъ сдѣланы уже опытною рукой мастера.

Итакъ, прежде всего необходимо значительно сузить разрядъ тяжкихъ преступленій. Этимъ сократится въ громадномъ размѣрѣ число случаевъ предварительнаго заключенія, которое рѣшительно не нужно противъ большинства обвиняемыхъ въ преступленіяхъ, влекущихъ за собою отдачу въ рабочій домъ и даже въ арестантскія роты, ибо, какъ мы уже разъ имѣли случай замѣтить, никто изъ нашихъ простолюдиновъ не рѣшится, во избѣжаніе кратковременнаго заключенія, сдѣлаться бродягой, если уже прежде того не былъ бродягой. Измѣненіе наказаній за „кражу со взломомъ", которая составляетъ около 65—70 процентовъ всѣхъ дѣлъ разсматриваемыхъ съ присяжными и представленіе болѣе легкихъ формъ этого преступленія мировымъ судьямъ, какъ того требуетъ справедливость, сократитъ по крайней мѣрѣ на половину число дѣлъ въ окружныхъ судахъ и тѣмъ значительно ускоритъ производство по остальнымъ дѣйствительно важнымъ дѣламъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ сократитъ и предварительное заключеніе обвиняемыхъ въ дѣйствительно тяжкихъ преступленіяхъ. Что же касается дѣйствій судебныхъ слѣдователей и вообще неудовлетворительности у насъ слѣдственной части, то объ этомъ и послѣ того останется еще многое сказать.

№ 260.

Москва, 30-го ноября.

Никто не могъ бы повѣрить, что мысль о разрывѣ съ Греціей сама собою пришла въ голову турецкимъ государственнымъ людямъ. Въ продолженіе двухъ лѣтъ съ тѣхъ поръ какъ Порта борется противъ критскаго возстанія, всѣмъ было извѣстно, что греческое правительство не препятствовало отъѣзду волонтеровъ въ Критъ, и что въ Аѳинахъ дѣйствовалъ филокритскій комитетъ съ явною цѣлію помогать инсургентамъ и снабжать ихъ боевыми снарядами и съѣстными припасами. Всѣ знали и должны были понять, что иначе и быть не могло. Въ то время когда утверждалось Эллинское королевство, Критяне, также какъ и Греки на материкѣ, протестовали противъ уступки Крита Туркамъ. Прозорливые государственные люди тогда же предсказывали, что Европа пожалѣетъ современемъ объ этой ненужной жестокости, вынужденной эгоистическою политикой Англіи. Герцогъ Леопольдъ Саксенъ-Кобургскій, въ послѣдствіи король Бельгіи, котораго благоразуміе вошло въ пословицу, отказался отъ настоятельно предлагаемаго ему эллинскаго трона единственно потому что Кандія была оставлена Туркамъ, ибо онъ предвидѣлъ всѣ послѣдствія этой несправедливости. Знаменитый графъ Каподистрія, игравшій важную роль во всѣхъ великихъ европейскихъ дѣлахъ и потомъ

посвятившій себя Греціи, истощилъ всѣ свои усилія, дабы доказать великимъ державамъ какъ островъ Критъ необходимъ новому Эллинскому государству. Убѣдясь въ безплодности своихъ стараній, этотъ государственный человѣкъ, не рѣдко возвышавшійся до силы прорицанія, высказался объ этомъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Пусть будетъ такъ. Если Европа „хочетъ этого, мы должны смириться и „оставить нашихъ братьевъ въ неволѣ. „Но Европа рано или поздно сама себя „осудитъ. Продолживъ безъ надобности „страданія Критянъ, проливъ потоки чернилъ и крови, она сознается, что была не „права... Изъ Крита будетъ поданъ первый „сигналъ къ возрожденію Востока..."

Теперь, когда, послѣ тридцатилѣтняго оттоманскаго гнета, который уменьшилъ критское населеніе съ 700 тысячъ на 300.000, усѣялъ развалинами плодоноснѣйшій и прекраснѣйшій изъ острововъ Архипелага, когда выведенные изъ терпѣнія неслыханными угнетеніями Кандіоты взялись за оружіе, не естественно ли, не справедливо ли было чтобъ это отчаянное усиліе встрѣтило въ Греціи горячее и дѣятельное сочувствіе? Волонтеры стеклись массами, снарядились корабли, и презирая оттоманскихъ крейсеровъ, повезли Критянамъ оружіе, съѣстные припасы и боевые снаряды, купленные на деньги, собранныя національною подпиской, въ которой принимали участіе и самые богатые, и самые бѣдные люди. Въ Греціи явились образцы самоотверженія и героизма почти невѣроятные въ наше время. Одна женщина, напримѣръ, продала все что имѣла, дабы купить оружіе своему единственному сыну, и новая спартанка отравила его „на смерть за освобожденіе братьевъ." Пятнадцати-лѣтніе мальчики убѣгали изъ школы и тайно отправлялись на *Панэллепіонъ* умирать въ Критѣ. Энтузіазмъ былъ такъ великъ, такъ повсемѣстенъ, что даже сынъ турецкаго посланника въ Аѳинахъ, природнаго Грека, хотѣлъ поступить въ ряды критскихъ волонтеровъ, и отецъ едва могъ удержать его.

Въ виду такого общаго порыва, можно ли было безъ нарушенія справедливости требовать, чтобы король Георгій пренебрегъ желаніями, преданіями и сочувствіями своего народа, и дѣйствовалъ заодно съ Турками противъ Грековъ? Да еслибъ онъ и рѣшился на это, имѣлъ ли онъ средства обуздать объявшее всѣхъ движеніе? Гдѣ у него флоты для преслѣдованія пароходовъ, ускользавшихъ отъ турецкихъ крейсеровъ? Къ какой вооруженной силѣ могъ бы онъ прибѣгнуть дабы остановить безпрерывно возрастающій отливъ волонтеровъ? Наконецъ, какъ этотъ конституціонный король могъ бы согласовать уваженіе къ хартіи, которой онъ присягалъ, съ нарушеніемъ свободы частныхъ лицъ и права сходокъ узаконенныхъ этою хартіей?

Отъ короля Георгія могли требовать только того, чтобъ онъ не далъ увлечь себя національнымъ движеніемъ и сдерживалъ его по возможности, прося великія державы объ участіи въ пользу несчастныхъ Критянъ. Такъ и поступалъ король Эллиновъ неуклонно и съ полною добросовѣстностію. Порта хотя подъ-часъ придиралась къ эллинскому правительству и срывала на немъ досаду, внушаемую ей упорствомъ критской инсуррекціи, однако, повидимому, до сихъ поръ не отрицала затрудненій, въ какихъ находится король Георгій и не старалась еще болѣе увеличить ихъ требованіями, которыхъ онъ не могъ исполнить. Отчего же теперь турецкіе министры вдругъ, закусивъ удила, бросились на Грецію съ угрозами, съ ультиматумомъ и съ воинственными манифестаціями.

Нѣтъ сомнѣнія, что Турки предоставленные самимъ себѣ никакъ не осмѣлились бы на такой рѣшительный шагъ. Какъ бы султанъ ни гнѣвался на упорство критскаго возстанія, которое въ прошломъ году до такой степени раздражало его, что онъ, не помня себя, стрѣлялъ изъ пистолета въ зеркала своего дворца, все-таки онъ не рѣшился бы нападеніемъ на Грецію бросить огонь, который взорветъ порохъ во всѣхъ углахъ Востока. Али-паша — министръ осторожный и осмотрительный; онъ не принялъ бы на себя отвѣтственности за столь опасное начинаніе. Нѣтъ сомнѣнія, что оно было внушено и даже быть-можетъ навязано Портѣ иностранными вліяніями. Кознямъ идущимъ издалека Европа обязана этимъ новымъ началомъ раздора, который можетъ имѣть своимъ послѣдствіемъ всеобщее воспламененіе.

Австрійская *Красная Книга* свидѣтельствуетъ самымъ положительнымъ образомъ,

что канцлеръ Австро-Венгерской монархіи, графъ-Бейстъ, почти въ продолженіе цѣлаго полугода направлялъ всѣ свои батареи противъ Греціи, и что онъ не упускалъ никакого случая раздражать противъ нея Турцію и возбуждать непріязнь къ ней Франціи. Еще весьма недавно отъ Вѣнскаго кабинета вышла мысль выслать канонирскія лодки, австрійскія и французскія, подъ фальшивымъ предлогомъ для чего-то наблюдать за возвращеніемъ критскихъ выходцевъ на ихъ родину.

Итакъ, не столько Али-паша, сколько г. Прокешъ-Остенъ былъ виновникомъ нелѣпаго ультиматума, который Турція отправила въ Аѳины. Надобно думать также, что г. Буре, который на свою руку ведетъ въ Константинополѣ политику и болѣе компрометтируетъ свое правительство чѣмъ служитъ ему, присоединялся къ этому маневру. Съ другой стороны, нельзя не сказать, что и Берлинскій кабинетъ былъ радъ такому обороту дѣлъ въ Константинополѣ, который облегчалъ ему дѣла его въ Германіи, и что онъ, и можетъ-быть съ большимъ усердіемъ, способствовалъ принятію турецкимъ правительствомъ рѣшенія, которое можетъ воспламенить Востокъ и отвлечь туда всѣ элементы столкновенія, скопившіеся въ Европѣ.

Есть еще надежда, что въ Парижѣ взглянутъ на дѣло яснѣе, и что императоръ Наполеонъ не захочетъ увеличить трудности своего положенія, не дастъ своему послу увлечь себя на гибельный путь и не станетъ снова орудіемъ противъ самаго себя въ рукахъ своихъ противниковъ. Можно надѣяться также, что и на этотъ разъ г. фонъ-Бейсту не окупятся его козни, и что когда греческое правительство на невозможныя требованія Турціи дастъ окончательный отвѣтъ категорическимъ отказомъ, все ограничится только тѣмъ, что уполномоченные министры, турецкій при греческомъ, а греческій при турецкомъ дворѣ, будутъ замѣнены простыми повѣренными въ дѣлахъ.

Что касается до Россіи, то ей представляется теперь случай облегчить Франціи выходъ изъ ея ложнаго положенія, и отклонить ее отъ неправаго и пагубнаго пути, куда ее толкаютъ враги и куда старается увлечь ее въ своихъ предсмертныхъ судорогахъ Австрія...

№ 261.

Москва, 2-го декабря.

Читателямъ нашимъ нѣсколько извѣстно имя г. фонъ-Бокка. Оно неоднократно упоминалось въ нашей газетѣ. Это уроженецъ одной изъ нашихъ балтійскихъ губерній, оставившій Россію и издающій теперь рядъ антирусскихъ памфлетовъ подъ заглавіемъ *Livländische Beiträge*. О характерѣ этого изданія было довольно говорено въ нашей печати, и направленіе его оцѣнено по достоинству.

Давно уже заграничныя нѣмецкія газеты сообщали слухъ, который подтверждаютъ намъ теперь изъ Петербурга, будто между дворянствомъ всѣхъ трехъ балтійскихъ губерній возникла мысль сдѣлать какое-либо публичное заявленіе противъ вышесказаннаго г. фонъ-Бокка, и отречься ото всякой съ нимъ солидарности.

Что̀ касается до самой мысли сдѣлать что-либо подобное, то намъ не оставалось бы ничего иного, какъ отдать справедливость почтеннымъ побужденіямъ, изъ коихъ она должна была произойти. Но еслибы зашла рѣчь о томъ, чтобъ эту мысль привести въ исполненіе, то мы позволили бы себѣ замѣтить, что простое предположеніе и совершившійся фактъ не всегда другъ на друга походятъ. Предположеніе указываетъ на свой источникъ, а фактъ цѣнится по результату, и что̀ хорошо какъ мысль, то на дѣлѣ можетъ оказаться неудачнымъ. Намъ кажется, что еслибы дѣйствительно состоялось какое-либо совокупное заявленіе отъ дворянства трехъ балтійскихъ губерній, имѣющее своимъ предметомъ личность г. фонъ-Бокка, то оно только придало бы новое значеніе сему злокозненному дворянину и подняло бы его въ собственномъ мнѣніи. Личность г. фонъ-Бокка едва ли заслуживаетъ быть предметомъ не только подобнаго корпоративнаго заявленія, но и серіозной статьи въ уважающей себя газетѣ. Что же касается до ученій, развиваемыхъ г. фонъ-Боккомъ, объ отношеніяхъ Балтійскаго края къ Россіи, то они не могутъ быть ему поставлены ни въ вину, ни въ заслугу. Г. фонъ-Боккъ проповѣдуетъ то же что̀ и нѣкоторые другіе балтійскіе публицисты. По своимъ убѣжденіямъ г. фонъ-Боккъ ничѣмъ не разнится, напримѣръ, отъ г. Егора фонъ-Сиверса; *Livländische Beiträge*

скорѣе отстали чѣмъ ушли впередъ отъ лежащихъ теперь передъ нами писаній гг. Эккарта и Каттнера. Протестовать противъ мнѣній г. фонъ-Бокка значитъ протестовать противъ цѣлой фаланги корреспондентовъ изъ Балтійскаго края, наполняющихъ своими клеветами на Россію заграничныя газеты, — наконецъ противъ тѣхъ взглядовъ, которые высказывались въ нѣмецкихъ газетахъ издаваемыхъ въ самомъ Балтійскомъ краѣ и въ Петербургѣ, и которые совершенно совпадаютъ съ ученіями излагаемыми въ памфлетахъ г. фонъ-Бокка. Эти ученія не связаны съ его личностію и составляютъ програму нѣкоторой партіи, давно работающей съ большою настойчивостью чтобы завладѣть общественнымъ мнѣніемъ въ Балтійскомъ краѣ. Торжественная протестація противъ этихъ ученій была бы дѣломъ, конечно, превосходнымъ, но она утратила бы силу и смыслъ, еслибы приняла характеръ личный. Дѣло не въ г. фонъ-Боккѣ, а въ ученіяхъ, которымъ онъ слѣдуетъ, и слѣдуетъ, къ сожалѣнію, не одинъ.

Фальшивыя ученія смолкнутъ, и дурныя партіи признаютъ себя побѣжденными не прежде какъ въ виду дѣйствій, которыя бы шагъ за шагомъ выводили Балтійскій край изъ его искуственнаго разобщенія съ Россіей. Незабвенное слово, произнесенное въ Ригѣ 15-го іюня 1867, вотъ програма которая можетъ согласить и одушевить всѣ здравомыслящіе и честные умы какъ въ Москвѣ, такъ и въ Ригѣ, какъ на Волгѣ, такъ и на Двинѣ. Вотъ открытая арена для дѣятельности, вотъ поприще для заслугъ которыя оцѣнитъ исторія. Все что можетъ способствовать оправданію этого царственнаго слова и приведенію его въ дѣйствіе будетъ истиннымъ благомъ какъ для края, такъ и для всей великой страны, которой онъ часть. Балтійскій край нуждается въ „нововведеніяхъ," столько же справедливыхъ, сколько и необходимыхъ, которыя должны возвысить благосостояніе его населенія и упрочить его будущность въ органическомъ единеніи съ Россіей, и всякое искреннее содѣйствіе этимъ нововведеніямъ, всякій предваряющій шагъ въ этомъ смыслѣ, подѣйствуетъ вѣрнѣе и успѣшнѣе торжественныхъ протестацій, какъ бы ни были онѣ торжественны.

Что касается до протестаціи, которая будто бы готовится со стороны балтійскаго дворянства, то дурныя партіи повидимому нисколько не опасаются ея дѣйствія. Интрига не только не приходитъ въ уныніе, но забѣгаетъ впередъ и заранѣе старается лишить эту протестацію серіознаго значенія и извратить ея смыслъ. Вотъ что по этому предмету недавно прочли мы въ одной прусской газетѣ, издаваемой почти на границѣ нашего Балтійскаго края, въ штеттинской *Ostsee-Zeitung*: „Русская „національная партія, *совокупно съ органами правительства*, агитируетъ въ прибалтійскихъ областяхъ Россіи, съ цѣлью „побудить тамошнее нѣмецкое населеніе „къ тому, чтобъ оно торжественно заявило „будто оно чувствуетъ себя совершенно счастливымъ подъ русскимъ владычествомъ „и будто всѣ *въ чужихъ краяхъ распространенныя извѣстія объ угнетеніи нѣмецкой національности* не имѣютъ никакого основанія. Хотя нѣмецкое население заранѣе предвидитъ, что отказъ въ „подобномъ заявленіи будетъ сочтенъ за „манифестацію чувствованій противныхъ „долгу вѣрноподданства, и что этимъ воспользуются какъ предлогомъ для *новыхъ* „*угнетеній*; однако тѣмъ не менѣе оно „оказываетъ рѣшительное и единодушное „сопротивленіе этимъ настояніямъ, которыя „возобновляются съ безпрерывно возрастающею силой, ибо требуемое отъ него „заявленіе *столько же противорѣчитъ* „*его внутреннему чувству*, какъ и *очевиднымъ фактамъ*."

Спрашивается, къ чему послѣ этого могутъ повесть какіе бы то ни было протесты? Хитрая интрига дѣйствуетъ съ такою предусмотрительностью, что для успѣшнаго противодѣйствія ей можно протестовать только *фактами*.

Также изъ Петербурга сообщаютъ намъ интересное извѣстіе о томъ, будто бы лифляндскіе бароны теперь хлопочутъ тамъ о концессіи на цѣлую сѣть желѣзныхъ дорогъ, долженствующихъ покрыть весь Балтійскій край, totam terram balticam. Предложенія, какъ увѣряютъ, дѣлаются самыя выгодныя; казенной гарантіи будто вовсе не требуется, и будто гарантію отъ 2 до $2^1/_2$% даетъ тамошнее торговое сословіе; будто, наконецъ, постройка желѣзныхъ дорогъ предлагается по неслыханно-дешевой цѣнѣ, по 30.000, даже по 26.000 за версту. Нельзя не порадоваться этому слуху, если онъ справедливъ; но намъ ничего неизвѣстно о направленіи этихъ

предполагаемыхъ желѣзныхъ дорогъ. Какъ бы ни были выгодны условія, нѣтъ сомнѣнія, что направленіе ихъ будетъ предметомъ внимательнаго изученія, и что правительство не откажется отъ принадлежащаго ему въ столь важномъ дѣлѣ контроля. Каждая желѣзная дорога есть какъ бы новое учрежденіе, и должна быть согласована съ общими потребностями страны. Въ Англіи никогда не даютъ казенной гарантіи на постройку желѣзныхъ дорогъ, а тѣмъ не менѣе проектъ каждой новой дороги разсматривается въ законодательномъ порядкѣ и разрѣшается не иначе какъ особымъ актомъ. Надобно также ожидать, что въ виду задачъ столь ясно и рѣшительно поставленныхъ правительствомъ въ Балтійскомъ краѣ, будетъ обращено вниманіе и на то, чтобы желѣзныя дороги, которыми предполагается покрыть его, были русскія, а не нѣмецкія, подобно Динабургско-Рижской и вновь открытой Рижско-Митавской, гдѣ всѣ дѣла ведутся на нѣмецкомъ языкѣ. Если предположить, что проектированная сѣть новыхъ желѣзныхъ дорогъ будетъ имѣть иностранный характеръ, то эти могучія орудія объединенія послужатъ напротивъ средствомъ къ большему отчужденію Балтійскаго края отъ Россіи. Не странно ли, что въ то самое время, когда правительство заботится о томъ, чтобы ввести русскій языкъ въ школы и присутственныя мѣста балтійскихъ губерній и остановить быстро идущую германизацію ихъ населеній, развилась бы обширная иностранная администрація, которая охватила бы весь край и могущественно пособляла бы его германизаціи. Чтò значатъ нѣсколько чиновниковъ въ казенной палатѣ или въ палатѣ государственныхъ имуществъ сравнительно со множествомъ всякаго рода агентовъ служащихъ на цѣлой сѣти желѣзныхъ дорогъ?

Мы полагаемъ, что выскажемся согласно съ заботами и цѣлями правительства и съ мнѣніемъ лицъ стоящихъ у дѣлъ и несущихъ на себѣ большую или меньшую отвѣтственность за ихъ ходъ, если выразимъ желаніе чтобы разъ навсегда было поставлено непремѣннымъ условіемъ для всѣхъ обществъ берущихся за постройку желѣзныхъ дорогъ какъ въ Балтійскомъ краѣ, такъ и вообще, чтобъ они давали имъ русскій характеръ, чтобъ они вели все относящееся къ нимъ дѣлопроизводство на русскомъ языкѣ, чтобы названія станцій, объявленія, росписанія, пассажирскіе билеты, квитанціи, товарныя накладныя и т. п. печатались по-русски. Только легкомысліе и неразуміе могутъ счесть все это мелочами. Несравненно лучше объявить напередъ свои условія чѣмъ въ послѣдствіи начинать ломку того чтò укоренится.

№ 262.

Москва, 8-го декабря.

Странная происходила *переписка* въ продолженіе почти всего минувшаго лѣта между газетами сѣверной и южной Германіи. Говоримъ *переписка*, а не *полемика*, потому что во всемъ этомъ обмѣнѣ воззрѣній и желаній, дѣйствительно, не было ничего полемическаго, а господствовалъ тонъ обычный въ предварительныхъ договорныхъ соглашеніяхъ. Впрочемъ, не могло и быть иначе, ибо между сѣверомъ и югомъ Германіи впервые шла серіозная рѣчь о проектѣ австро-прусскаго союза. Голоса изъ Вѣны сѣтовали на колебанія Пруссіи, не рѣшавшейся высказаться положительно по Восточному вопросу; голоса же изъ Берлина не менѣе громко тужили о нерѣшительности Австріи относительно германскаго вопроса. Съ обѣихъ сторонъ заявлялись только требованія, но ни въ той, ни въ другой не замѣтно было готовности къ уступкамъ, какъ вдругъ въ половинѣ августа усилившіеся толки о франко-бельго-голландскомъ союзѣ, а также неудовольствія по поводу празднества стрѣлковъ въ Вѣнѣ и пресловутой Узедомовой ноты, внезапно вызвали съ обѣихъ сторонъ болѣе рѣшительныя объясненія. *National-Zeitung*, не разъ оказывавшая Берлинскому кабинету въ журнальной полемикѣ такія же услуги, какія оказывала ему въ парламентѣ такъ-называемая національно-либеральная партія, имѣющая эту газету своимъ органомъ, вдругъ выпустила статью, которая имѣла видъ манифеста или ультиматума этой партіи по вопросу объ австро-прусскомъ союзѣ. Во имя германской народности и историческихъ преданій, Австрія увѣщевалась отстать отъ союза съ извѣстнымъ врагомъ единства Германіи. „Правда,“ присовокуплялъ передовой органъ прусскаго пангерманизма, „соглашеніе меж-„ду Франціей и Австріей считается *необ-*

„*ходимымъ на почвѣ Восточнаго вопроса*, „вслѣдствіе интересовъ общихъ обѣимъ „державамъ.... Но со стороны сѣверной „Германіи достаточно объяснено, что на „Востокѣ *она не имѣетъ никакихъ непо„средственныхъ интересовъ*. Ея политика „тутъ *совершенно свободна*. Къ чему же „Австріи соглашеніе съ Франціей, когда „опору для своей восточной политики она „можетъ имѣть въ Германіи?...“ И вотъ именно въ то самое время въ печати возникла рѣчь о томъ, что „если въ Румы„ніи дѣла дойдутъ до революціоннаго дви„женія, то со стороны Австріи предвидит„ся даже вооруженное вмѣшательство“, хотя еще 25-го іюня *Крестовая Газета*, въ самомъ разгарѣ объясненій, болѣе иронически чѣмъ наивно, замѣчала, что ей „рѣшительно непостижимо, почему *прави„тельственныя сферы Франціи* такъ *раз„дражаются* при первомъ словѣ о согла„шеніи между Австріей и Пруссіей *для со„вокупнаго дѣйствія на Востокѣ*“....

Ужели всѣ эти толки, увѣщанія и увѣренія были не иное что̀ какъ пустыя слова, брошенныя на вѣтеръ? „Вы можете „увѣрить лорда Станлея“, писалъ, однако, еще 21-го января 1868 года г. фонъ-Бейстъ австрійскому послу въ Лондонѣ, отвѣчая на переданный имъ, отъ 15-го января, разговоръ съ британскимъ министромъ,—„что „мы ничего такъ не желаемъ, какъ обрѣ„сти въ Берлинѣ то дружеское располо„женіе къ намъ, *о какомъ говорилъ вамъ „первый статсъ-секретаръ*; но въ послѣд„нее время не произошло ни одного фак„та, который могъ бы вызвать отъ насъ „выраженіе особеннаго удовольствія. Что̀ „же касается *приписаннаго графу Бисмар„ку* намѣренія *не давать поддержки пра„тивной намъ восточной политикѣ*, то „мы горячо желаемъ его исполненія, но „не видимъ еще, чтобъ это предположеніе „опиралось на факты...Присоединить Прус„сію къ политикѣ, согласной *съ нашими „видами*“, присовокупляетъ австрійскій канцлеръ, „Англія можетъ лишь пропове„дуя собственнымъ примѣромъ, лишь изъ„являя готовность начать на Востокѣ *рѣ„шительное дѣйствіе*... *Болѣе рѣшитель„ная* иниціатива Англіи на Востокѣ, бо„лѣе строгій отпоръ всякому разрушитель„ному стремленію (tendance subversive) по„будили бы прусское правительство *по„соблять нашимъ видамъ и интересамъ въ „своихъ сношеніяхъ съ С.-Петербургомъ*...“

Итакъ, взаимныя усилія австрійскихъ и прусскихъ газетъ были въ этомъ случаѣ только продолженіемъ и отголоскомъ попытокъ, обращавшихся въ томъ же смыслѣ еще съ начала года къ посредничеству лорда Станлея. Въ чемъ состояла, со стороны Пруссіи, программа всей этой журнальной и дипломатической кампаніи, это ясно высказалъ вышеупомянутый манифестъ *National-Zeitung*. Именемъ исторической связи съ германскою семьей, Австрію заклинали отказаться отъ надежды занять когда-нибудь прежнее мѣсто у очага этой семьи, и обѣщали ей вознагражденіе на Востокѣ. Но и въ самомъ Лондонѣ, въ этомъ случаѣ, г. фонъ-Бейстъ не встрѣтилъ большаго довѣрія. Лорду Станлею, какъ видно изъ отвѣтной (отъ 28-го января) депеши австрійскаго посла, показалось страннымъ, что миролюбивый г. фонъ-Бейстъ требуетъ „рѣшительнаго образа дѣйствія,“ да и самое положеніе дѣлъ Востока, повидимому, показалось британскому министру далеко не столь подверженнымъ „разрушительному стремленію“, пока графъ Бисмаркъ „въ своихъ сношеніяхъ съ Петербургомъ не принималъ въ соображеніе видовъ и интересовъ Австріи“... Не сочувствуя прусской программѣ и не имѣя надежды на Англію, вѣнскіе органы охладѣли къ мысли о союзѣ съ Пруссіей. Выражая, какъ бы изъ приличія, готовность стать на сторону Пруссіи въ случаѣ войны ея съ Франціей, уполномоченные органы г. фонъ-Бейста, *Correspondance Générale* и *Дрезденская Газета* весьма рѣшительно высказались въ то же время въ пользу приписываемыхъ Франціи замысловъ союза съ Бельгіей и Голландіей, въ заключеніи котораго Берлинскій кабинетъ видѣлъ для себя самую серіозную опасность. Въ Берлинѣ такимъ образомъ стало понятно, что Пруссія не можетъ ожидать никакого сближенія съ Австріей. Но насколько прусская программа была пагубна для Австріи, настолько должна была она казаться выгодною для Венгріи, которая своею самостоятельностью обязана лишь изгнанію Австріи изъ Германіи. Обѣ договаривавшіяся стороны, послѣ взаимныхъ любезностей, пустились въ брань. Обѣ обратились къ Венгріи. Изъ Вѣны принялись пугать Мадьяръ какими-то русско-прусскими происками въ ихъ странѣ и замыслами округлить на ея счетъ Румынію; изъ Берлина

стали стращать Мадьяръ гибелью ихъ самостоятельности, паденіемъ ихъ господства въ случаѣ еслибъ Австрія возвратилась въ Германію. Наконецъ 20-го и 25-го ноября появились надѣлавшія столько шума статьи *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*, въ которыхъ прямо совѣтуется Венгріи отстать отъ Австріи въ случаѣ союза ея съ Франціей противъ Пруссіи, ибо торжество Австріи было бы смертію Венгріи. Органъ графа Бисмарка не только гарантируотъ Венгріи ея самостоятельность, но и явно отказывается въ ея пользу отъ всякихъ сочувствій къ Румыніи. Что заявленія эти были поняты въ Букурештѣ, доказывается тѣмъ, что *три дня спустя* пало министерство Братіано, которое было предметомъ придирокъ и нападокъ со стороны Австро-Венгерской монархіи, Франціи и Турціи. Это министерство удерживалось подъ угрозами и увѣщаніями Австріи, Франціи, Турціи, но оно немедленно было принесено въ жертву первымъ сомнѣніямъ Венгріи. 28-го ноября пало министерство Братіано, а уже 1-го декабря Оттоманская Порта, до тѣхъ поръ занятая Румыніей, обратила запоздалый гнѣвъ свой противъ Греціи. Что же говоритъ объ этомъ органъ графа Бисмарка? Побужденіемъ къ грозному положенію Турціи относительно Греціи послужилъ-де успокоительный оборотъ дѣлъ на Дунаѣ; нынѣ же этотъ оборотъ упрочивается... Слѣдовательно? Выводъ понятенъ, и событія показываютъ, что онъ былъ понятъ...

Съ Австріей, членомъ Германскаго Союза, Россія жила мирно въ продолженіе слишкомъ полустолѣтія. Съ Венгріей подавлявшею около пяти милліоновъ своихъ славянскихъ населеній, Россія немедленно вступила въ борьбу къ общей радости всего православнаго Востока, какъ Славянъ, такъ и Эллиновъ. „Эллинская нація,“ сказано въ брошюрѣ извѣстнаго эллинскаго патріота *), „вѣчно будетъ ненавидѣть Австрію, которая препятствовала эллинскому возрожденію, но будетъ желать ей всего лучшаго, какъ только она вступитъ въ борьбу съ Венграми...“ Это исконное недовѣріе православнаго Востока къ Мадьярамъ нынѣ оправдалось. Ихъ торжество послужило Турціи сигналомъ опрокинуться на Грецію.

*) *Le Russisme Grec*, par Cleón Gelon. Paris Dentu 1867.

№ 263.

Москва, 4-го декабря.

Мы сообщали надняхъ что государственное значеніе Ковно-Либавской желѣзной дороги признано единогласнымъ постановленіемъ желѣзнодорожнаго комитета и что эта линія занесена въ первую категорію желѣзныхъ дорогъ имѣющихъ право на финансовое пособіе правительства. Мы получили уже съ разныхъ сторонъ нѣсколько заявленій, свидѣтельствующихъ о томъ съ какимъ всеобщимъ сочувствіемъ было принято это извѣстіе. Надежда на то, что командующее положеніе Кенигсберга надъ русскою торговлей въ скорости ослабѣетъ и что лучшему изъ русскихъ портовъ Балтійскаго моря данъ будетъ обширный торговый районъ, казалась тѣмъ основательнѣе, что всѣ были увѣрены въ утвержденіи прямаго, проходящаго чрезъ Россіены, направленія Ковно-Либавской дороги, которое одно лишь можетъ дать Либавѣ средства къ успѣшной конкурренціи съ Кенигсбергомъ и за которое высказался министръ путей сообщенія. Но вотъ теперь распространились слухи, что въ виду представленій предпринимателей на Ковно-Либавскую дорогу, будто бы рѣшено вести ее кружнымъ направленіемъ на Шавли, а не прямымъ на Россіены.

Мы не знаемъ въ какой мѣрѣ эти слухи достовѣрны, но на всякій случай считаемъ не лишнимъ замѣтить, что представленіе предпринимателей—плохая основа для рѣшенія подобныхъ вопросовъ. Если при обсужденіи государственнаго значенія Ковно-Либавской дороги и отнесенія ея къ той или другой категоріи или сѣти линій, зашла рѣчь о выгоднѣйшемъ направленіи ея, то поднятый вопросъ, очевидно, долженъ быть рѣшенъ не голосомъ предпринимателей, а соображеніями высшаго порядка. Какія же соображенія могутъ говорить за кружную линію идущую на Шавли?

Говорятъ, что Ковно-Шавельско-Либавская линія, въ ея исправленномъ видѣ, будетъ имѣть какъ разъ одинаковое протяженіе съ Ковно-Эйдкуненско-Пиллаускою. Что же побудитъ тогда грузы, пришедшіе въ Ковно, сворачивать въ Либаву? Расходы перегрузки изъ нашихъ вагоновъ въ прусскіе и издержки таможенныхъ обрядностей на границѣ могутъ быть доведены до самой ничтожной цифры, и тогда

уже рѣшительно нечѣмъ будетъ уравновѣсить невыгоды либавскихъ фрахтовъ сравнительно съ пиллаускими. Фрахты, какъ извѣстно, опредѣляются не только разстояніемъ между портами (которое впрочемъ больше отъ Либавы до датскихъ проливовъ чѣмъ отъ Пиллау), сколько равновѣсіемъ отпуска и привоза въ извѣстномъ портѣ. Корабли, принужденные приходить съ балластомъ за грузами, должны брать съ нихъ фрахты двойные, за оба пути. Но привозъ въ Либаву будетъ неизбѣжно затрудненъ нашимъ тарифомъ, столь стѣснительнымъ въ сравненіи съ прусскимъ, а потому большинство кораблей будутъ приходить въ Либаву пустыми. Пониженію фрахтовъ въ нашихъ отпускныхъ портахъ можетъ въ особенности способствовать привозъ громоздкихъ грузовъ, и Либава могла бы перетянуть къ себѣ часть каменнаго угля, соли и сельдей, ввозимыхъ въ Россію черезъ Мемель и далѣе вверхъ по Нѣману,—но можно ли съ увѣренностію разчитывать на это? Направленіе на Шавли, удлиняя дорогу болѣе чѣмъ на 20 верстъ, затруднитъ конкурренцію ея и съ Нѣманомъ и чрезъ то поддержитъ высоту либавскихъ фрахтовъ. Мы видимъ, что самъ Кенигсбергъ, при тѣхъ же 273 верстахъ рельсовъ до Ковна, оказывается плохимъ соперникомъ Мемелю по громоздкимъ грузамъ. Тѣмъ паче слѣдуетъ предположить, что Либавѣ будетъ трудно отбить себѣ хоть нѣкоторую часть нынѣшней торговли Мемеля. Наконецъ должно принять въ соображеніе, что и Мемель и Кенигсбергъ суть порты, гдѣ торговля уже устроилась. Это, какъ говорится, насиженныя мѣста. По всѣмъ этимъ соображеніямъ можно утвердительно сказать, что Либава при Шавельскомъ направленіи не будетъ въ силахъ дѣятельно соперничать съ прусскими портами и останется лишенною будущности.

Желѣзная дорога на Шавли, какъ предполагается она по послѣднимъ изысканіямъ, идетъ сперва параллельно границѣ Ковенской губерніи и потомъ входитъ въ нее параллельно рѣкѣ Виндавы. Простой взглядъ на карту показываетъ, что при такомъ направленіи желѣзная дорога потеряетъ грузы большей части мѣстностей Ковенской губерніи. Россіенскій и Тельшевскій уѣзды будутъ отправлять свои товары по прежнему гужемъ черезъ сухопутныя таможни въ прусскіе порты. Грузы Ново-Александровскаго и Вилькомірскаго уѣздовъ и частію Ковенскаго, придя въ Ковно и имѣя впереди одинаково длинный рельсовый путь до Либавы и до Пиллау, свернутъ къ болѣе дешевымъ кенигсбергскимъ фрахтамъ. Стѣсненная съ одной стороны конкурренціей Нѣмана, съ другой соперничествомъ Варшавской дороги и ея вѣтви, Шавельская линія будетъ имѣть грузы только Шавельскаго, Поневѣжскаго и части Ковенскаго уѣздовъ. Между тѣмъ прямая дорога изъ Ковна въ Либаву переняла бы *всѣ* гужевые пути къ сухопутнымъ таможнямъ Юрбургской, Таурогенской, Новомѣстской, Горждовской, Кретингенской и Полангенской, а также встрѣтила бы главнѣйшие притоки Нѣмана, Невѣжу и Дубиссу въ ихъ низовьяхъ.

Возражаютъ, что и направленіе Либавской дороги на Россіены представляетъ ту опасность, что Пруссаки могутъ провести линію отъ Мемеля къ Россіенамъ, а по ней будетъ ближе въ Мемель чѣмъ черезъ Тельши въ Либаву. Но Мемельско-Россіенская дорога должна пройти по русской территоріи: спрашивается какимъ же образомъ Пруссія можетъ построить ее? А еслибы Пруссія дѣйствительно была въ силахъ провести эту линію, тогда направленіе Либавской линіи на Шавли ни мало не спасло бы Либавы. Продолживъ Мемельско-Россіенскую дорогу до встрѣчи съ Ковенско-Шавельскою, напримѣръ близь мѣстечка Ясвойни, Пруссаки получатъ столько же, если не болѣе близкую дорогу въ Мемель. Или, еще лучше, соединивъ Мемель съ Тильзитомъ, о чемъ уже дѣлались предположенія, и положивъ рельсы между Тильзитомъ и Ковномъ, Пруссія получила бы самую короткую дорогу изъ Ковна къ порту и окончательно забрала бы всѣ ковенскіе грузы. Ковно-Тильзитъ-Мемельская линія большею половиной своею прошла бы по прусской землѣ. Но все это было бы опасно Либавѣ только въ томъ случаѣ, еслибы Мемель представлялъ одинаковыя удобства съ Пиллау и съ Либавой, и еслибы бо́льшая замерзаемость его могла быть устранена какими-либо сооруженіями. Природа лишила Мемель средствъ конкуррировать съ Либавой на равной ногѣ. Перевѣсъ ему можетъ быть данъ лишь болѣе выгоднымъ для него чѣмъ для Либавы расположеніемъ желѣзнодорожной сѣти.

Потерявъ главное средство въ борьбѣ

съ Кенигсбергомъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ быть-можетъ всѣ ковенскіе грузы, оставивъ торговлю собственно Ковенской губерніи идти по прежнему, чрезъ сухопутныя таможни и по Нѣману, въ прусскіе порты, *Шавельское направленіе не дастъ почти никакой выгоды для соединенія Либавы съ райономъ Риги и Западной Двины*. На картѣ приложенной къ замѣчательной брошюрѣ инженера Гетте означено, что соединеніе Митавы съ Либавой предполагается черезъ дорогу примыкающую къ Ковенско-Шавельской около Декшне. Если продолжить Митавско-Декшненскую линію до встрѣчи съ прямою Ковенско-Либавскою у мѣстечка Шкудъ, то разстояніе отъ Митавы до Либавы удлинится сравнительно съ предполагаемымъ при Шавельскомъ направленіи на 10, много на 15 верстъ. Можно ли серіозно полагать, что эти 10—15 верстъ, приходящіяся притомъ на движеніе, которому Кенигсбергъ не можетъ сдѣлать опаснаго соперничества (отъ Динабурга до Либавы чрезъ Митаву будетъ почти 120 верстъ ближе, чѣмъ до Кенигсберга), стóятъ того, чтобъ изъ-за-нихъ отдать Пиллауской гавани всю торговлю проходящую черезъ Ковно?

Направленіе на Шавли влечетъ къ себѣ быть-можетъ тѣмъ, что сулитъ въ будущемъ соединеніе этого пункта съ Динабургомъ, при чемъ Либава сдѣлалась бы опасною соперницей Ригѣ. Желателенъ ли, однако, подобный оборотъ дѣлъ? Правительство до сихъ поръ приплачиваетъ по гарантіи Рижско-Динабургской желѣзной дороги: неужели желательно сдѣлать эту приплату хроническою? Въ государственныхъ интересахъ нужно, чтобы Либава распространяла свой районъ не на счетъ Риги, а насчетъ иностранныхъ портовъ.

Болѣе чѣмъ вѣроятная потеря ковенскихъ грузовъ для дороги идущей на Шавли заставитъ отбросить всякую мысль о продолженіи Ковно-Либавской дороги къ югу, внутрь страны. Стóитъ ли притягивать днѣпровскіе грузы къ Ковну для того чтобы они ушли въ Пиллау? Тогда получатъ силу предположенія связать верхній Днѣпръ съ менѣе удобнымъ Рижскимъ портомъ, при чемъ днѣпровскіе грузы пойдутъ зимой въ Либаву длиннымъ обходомъ на Митаву: изъ Могилева будетъ построена желѣзная дорога въ Витебскъ, и нынѣшніе могилевскіе и шкловскіе грузы направятся черезъ Витебскъ въ Динабургъ и Ригу, съ тѣмъ чтобы только въ зимнюю пору идти изъ Риги черезъ Митаву въ Либаву. Какое же значеніе будетъ имѣть тогда вся вѣтвь между Ковномъ и Либавой? Съ другой стороны неудобства такого оборота дѣлъ заставятъ продолжать Либавско-Шавельскій участокъ до какой-либо изъ станцій Варшавской дороги между Вильной и Динабургомъ и направятъ оттуда главную дорогу Либавскаго района либо на Минскъ, либо на Могилевъ. Могилевско- или Минско-Либавская желѣзная дорога, проходя черезъ Шавли, дастъ, правда, ближайшій путь къ Либавѣ для грузовъ Днѣпра, которые и направятся по участку отъ Шавель къ Либавѣ; но въ такомъ случаѣ какой же смыслъ будетъ имѣть Ковно-Шавельскій участокъ? Всѣ ковенскіе товары и грузы нижняго Нѣмана останутся потеряны для Либавы, и на участкѣ между Ковномъ и Шавлями грузовъ не будетъ. Кромѣ того, дорога изъ Либавы черезъ Шавли къ Подбродью или къ Свенцянамъ была бы почти тоже что̀ и линія изъ Динабурга прямо въ Либаву и повредила бы Рижско-Динабургскую дорогу, что отнюдь нежелательно.

Эйдкуненская вѣтвь Варшавской желѣзной дороги дала Кенигсбергу прочное преобладаніе надъ русскою внѣшнею торговлей. Для борьбы съ ними необходимо взять въ разчетъ всѣ подробности и не упускать изъ виду ни одной мелочи. Малѣйшая небрежность отзовется непроизводительною приплатой по гарантіи Ковно-Либавской дороги. Прямое направленіе Ковно-Либавской дороги и продолженіе ея къ югу отъ Ландварова на Минскъ соединяло бы на ней движеніе днѣпровскихъ и нѣманскихъ грузовъ и подкрѣпляло бы ее всею торговлей самой Ковенской губерніи и усиленіемъ возможности конкуррировать съ Нѣманомъ. Никакое иное направленіе, кромѣ прямаго, не можетъ совмѣстить всѣ эти элементы и представить равное ручательство за доходность дороги.

Линія изнутри страны къ порту представляетъ такія выгоды, что должны найтись предприниматели готовые взяться за постройку ея безъ гарантіи правительства. Подобное предложеніе уже сдѣлано касательно участка отъ Ландварова на Минскъ. Участокъ отъ Минска до Могилева входитъ въ линію Смоленско-Брестскую, нынѣ утвержденную. Отъ Могилева до Кіево-Кур-

ской желѣзной дороги поспѣшило бы тогда проложить рельсы черниговское земство, которое такъ и рвется чтобы соединить одинъ изъ среднихъ пунктовъ Курско-Кіевской съ балтійскимъ моремъ и намѣревается идти на Рославль только потому что Могилевъ еще не соединенъ съ Либавой. Итакъ путь отъ Конотопа или Нѣжина до Ковна можетъ считаться почти обозначеннымъ. Къ какому же порту примкнетъ эта линія? Съ проведеніемъ Ковенско-Либавской дороги на Шавли, днѣпровскимъ грузамъ идущимъ изъ Могилева, а также черниговскимъ и полтавскимъ идущимъ по Черниговской земской дорогѣ, открывается въ перспективѣ болѣе прямой путь на Минскъ и Ландварово въ Пиллау чѣмъ въ Либаву, и соединеніе Могилева съ Витебскомъ не дѣлаетъ въ этой перспективѣ существенной перемѣны. Положеніе дѣлъ выйдетъ такое, что Нѣманскій районъ будетъ исключительно принадлежать прусскимъ портамъ, а днѣпровскій будетъ подѣленъ между ими и Ригой. Могилевскіе грузы пойдутъ лѣтомъ въ Ригу, а когда Рижскій портъ будетъ закрытъ, то въ порты прусскіе. Такъ понимаемъ мы это дѣло и не видимъ возможности понимать его иначе, а потому и настаиваемъ на важности прямаго направленія Ковно-Либавской желѣзной дороги.

№ 264.

Москва, 5-го декабря.

A.

Сегодня мы воспроизводимъ свѣдѣнія сообщенныя *Русскимъ Инвалидомъ* о послѣднихъ событіяхъ въ Средней Азіи.

Походъ генералъ-адъютанта Кауфмана въ Бухару минувшею весной много измѣнилъ наше прежнее положеніе въ Туркестанѣ. Дѣйствовавъ до тѣхъ поръ только въ долинѣ рѣки Сыра, мы со времени этого похода перевалили въ долину Аму. Занятіе Самарканда имѣло не только важное нравственное значеніе, но и чуть не повлекло за собой совершеннаго распаденія ханства. Старшій сынъ властителя Бухары, Катты-Тюря, по заключеніи мира съ Россіей, сталъ во главѣ недовольныхъ чтобы свергнуть отца съ престола. Садыкъ, извѣстный своею отвагой и хищническими набѣгами въ наши предѣлы, присталъ къ недовольнымъ, и ханству грозила общая смута. Дѣйствіями нашихъ войскъ, подробно изложенными въ приводимыхъ ниже извѣстіяхъ, власть эмира возстановлена.

Мирное существованіе средне-азіатскихъ ханствъ вовсе не противорѣчитъ интересамъ Россіи. Всѣ земли, занятыя нами до похода генерала Кауфмана въ Бухару, принадлежали къ Кокаискому ханству, но это не помѣшало хану Худояру, понявшему свое положеніе, стать въ миролюбивыя и дружественныя къ Россіи отношенія. Россія только выиграла оттого, что не заняла Коканскаго ханства. Въ настоящее время торговыя и другія сношенія съ Коканомъ идутъ безпрепятственно, и лицо наиболѣе заинтересованное въ охраненіи безопасности личной и имущественной каждаго Русскаго пріѣзжающаго въ ханство есть самъ ханъ. Разумѣется, онъ лучше поддержитъ спокойствіе въ своихъ владѣніяхъ нежели прибывшій издалека и часто не свѣдущій въ дѣлахъ края русскій чиновникъ. Излишнее ослабленіе Кокана вообще имѣло бы не совсѣмъ благопріятныя послѣдствія, ибо повлекло бы за собою усиленіе сосѣдняго алтышарскаго владѣтеля, который можетъ быть приведенъ въ зависимое отъ Россіи положеніе черезъ Коканскаго хана безо всякихъ съ ея стороны пожертвованій. Сказанное о Коканѣ относится и къ Бухарѣ. Намъ гораздо лучше имѣть сосѣдомъ зависимаго отъ насъ эмира нежели самимъ занять Бухару и примкнуть непосредственно къ кочевьямъ Туркменъ. Россія уже испытала что̀ значитъ сосѣдство кочующихъ населеній. Отъ Урала вынуждена она была перенестись за 2.000 верстъ, и въ верховьяхъ Сыра и отрогахъ Небесныхъ Горъ искать себѣ точки опоры. Бухара есть варварское мусульманское ханство, но все же она цивилизованнѣе Туркменъ. Если бухарскіе порядки непрочны и ненадежны, все же коль скоро эмиръ Бухарскій пойметъ, что существованіе его какъ государя находится въ рукахъ Россіи, то онъ можетъ быть добрымъ и полезнымъ сосѣдомъ. Весенній походъ въ Бухарскія владѣнія имѣлъ именно такое отрезвляющее дѣйствіе. Прежде общее мнѣніе въ Средней Азіи полагало, что эмиръ можетъ еще поспорить съ Россіей и счастливымъ ударомъ лишить ее прежнихъ пріобрѣтеній. Походъ доказалъ убѣдительно всю несостоятельность этого

кичливаго мнѣнія. Отмежеваніе Самарканда съ его райономъ (Зарявшанскій округъ) настолько ослабило Бухарскаго эмира, что онъ долженъ стать относительно насъ въ положеніе Коканскаго хана, но онъ еще достаточно силенъ для того, чтобы государство его могло спокойно продолжать свое существованіе. Поведеніе Бухарскаго эмира, по заключеніи мира, показываетъ, что онъ теперь хорошо понялъ свое положеніе. При проведеніи новой границы онъ выслалъ съ своей стороны уполномоченныхъ, такъ что граница проводилась коммиссіей имѣвшею видъ международной,— обстоятельство доселѣ не виданное въ Средней Азіи. Затѣмъ эмиръ не поколебался попросить у русскаго правительства помощи, какъ у друга, противъ своихъ враговъ. Генералъ Абрамовъ, согласно инструкціи данной на этотъ случай туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ, двинулся съ частію войскъ въ Бухарскіе предѣлы, и прогнавъ мятежнаго эмирова сына, возвратился въ Самаркандъ.

Иные думаютъ, что интересы нашей торговли могутъ современемъ потребовать занятія Бухары и Хивы. Это кажется намъ весьма ошибочнымъ. Россіи нѣтъ ни малѣйшей надобности далѣе распространяться въ Средней Азіи и брать на себя тяжкую и дорогую обязанность управлять ея варварскими населеніями. Если торговый путь дѣйствительно направится по Аму-Дарьѣ, то это будетъ такъ выгодно ханствамъ, что побудитъ ихъ властителей изъ личныхъ интересовъ поддерживать такое движеніе торговли. Прошедшее доказало, что на это можно разчитывать, ибо ханы весьма чутки къ своей пользѣ. Но и въ томъ случаѣ, еслибы для охраненія торговаго движенія обстоятельства вынудили къ военному занятію страны, то это не должно бы вести за собою присоединенія этихъ ханствъ. Въ Средней Азіи подручный ханъ гораздо предпочтительнѣе непосредственнаго управленія страной при помощи чиновниковъ.

Въ послѣднее время англійскія газеты снова забили тревогу по поводу нашихъ дѣйствій въ Средней Азіи. Положеніе принимаемое тамъ Россіей кажется для нихъ опаснымъ. Смущаться этими толками нечего. Англія не имѣетъ никакихъ непосредственныхъ отношеній къ Средней Азіи и ея вмѣшательство въ наши дѣйствія на Сырѣ и Аму было бы равносильно вмѣшательству въ наши внутреннія дѣла. Дѣйствія Россіи въ тѣхъ краяхъ могутъ имѣть въ виду только ея собственные интересы.

В.

Замѣчанія высказанныя нами въ № 259 нашей газеты по вопросу о предварительномъ заключеніи подсудимыхъ и напечатанное въ томъ же нумерѣ заявленіе лицъ испытавшихъ на себѣ всю тяжесть этого заключенія, вызвали разъясненія со стороны директора Московскаго Тюремнаго Комитета, г. Давидова. Въ сущности мы съ нимъ совершенно согласны. Мы весьма сочувствуемъ тому, что Тюремный Комитетъ озаботился доставленіемъ работъ арестантамъ Московскаго тюремнаго замка. Но дѣло въ томъ, что для лицъ, которыя подвергаются заключенію не вслѣдствіе признанія ихъ виновными по судебному приговору, а *лишь въ ожиданіи* такого приговора, который можетъ быть не только обвинительный, но и оправдательный, работа, какъ признаетъ и г. Давидовъ, не можетъ быть принудительною, и стало-быть улучшеніе указанное г. Давидовымъ относится лишь къ тюремному заключенію какъ мѣрѣ карательной или исправительной, но не предупредительной. Мы же не имѣли въ виду касаться обширнаго и сложнаго вопроса объ улучшеніи нашей карательной системы. Не на бóльшую или меньшую тяжесть наказаній желали мы обратить вниманіе, не объ исправительномъ характерѣ системы наказаній была наша рѣчь. Мы считаемъ нужнымъ поддерживать общее вниманіе къ вопросу о заключеніи людей находящихся подъ слѣдствіемъ до суда, и повторительно указывать на то, что эта предупредительная мѣра въ большей части случаевъ значительно превосходитъ кару, которой подсудимый подвергается по суду, и что размѣръ этого предварительнаго наказанія зависитъ отъ причинъ совершенно случайныхъ и не имѣющихъ никакого отношенія къ винѣ подсудимаго.

Намъ кажется, что продолжительное заключеніе, коему подвергаются несовершеннолѣтніе подсудимые, гибельно дѣйствуетъ на ихъ нравственность, даже несмотря на то что при Московскомъ тюремномъ замкѣ, попеченіями дамскаго тюремнаго комитета, несовершеннолѣтніе арестанты, не достигшіе семнадцатилѣтняго возраста, содержатся отдѣльно отъ взрослыхъ. Какъ

бы ни было хорошо устроено отдѣленіе для несовершеннолѣтнихъ при Московскомъ тюремномъ замкѣ, судебный слѣдователь не можетъ съ спокойною совѣстью сажать туда каждаго не совсѣмъ испорченнаго мальчика, хотя и заподозрѣннаго въ маленькой кражѣ, разсуждая, что если эта мѣра не есть необходимость съ точки зрѣнія правосудія, то она можетъ быть полезна въ педагогическомъ отношеніи, а потому желательно чтобъ она длилась возможно долгое время. Впрочемъ примѣръ указанный въ № 259 нашей газеты не имѣетъ индивидуальнаго характера и относится не къ одной Москвѣ.

Повторяемъ, мы не имѣли и теперь не имѣемъ намѣренія трактовать о тюремномъ вопросѣ. Наше правительство давно уже посвятило ему серіозное вниманіе, и если до сихъ поръ у насъ мало или почти ничего не сдѣлано по этой части, то главнымъ препятствіемъ къ тому были конечно финансовыя соображенія, а также необходимость предварительнаго преобразованія нашихъ карательныхъ законовъ.

Вопросъ о предварительномъ заключеніи *подсудимыхъ* ни въ чемъ не зависитъ отъ вопроса объ устройствѣ карательныхъ тюремъ для *осужденныхъ*, и если послѣдній для правильнаго своего разрѣшенія требуетъ обширныхъ законодательныхъ работъ и значительныхъ финансовыхъ средствъ, то для перваго требуется только болѣе внимательное примѣненіе законовъ уже существующихъ. Словомъ, рѣчь теперь идетъ не о желательныхъ улучшеніяхъ, возможныхъ лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, а о злѣ, для устраненія котораго требуется прежде всего бо́льшая осмотрительность, бо́льшая забота объ истинныхъ интересахъ правосудія со стороны исполнителей закона, большее уваженіе къ личности и менѣе канцелярское и безучастное отношеніе къ дѣлу со стороны тѣхъ, кому ввѣрено грозное право лишенія свободы не въ видѣ законной кары, а въ смыслѣ мѣры предварительной.

Не станемъ спорить съ г. Давидовымъ о томъ на сколько удовлетворительно въ другихъ странахъ состояніе тюремъ служащихъ для заключенія слѣдственныхъ арестантовъ. Почтенный директоръ попечительнаго комитета, надѣемся, согласится съ нами, что во всякомъ случаѣ Берлинская и другія осмотрѣнныя имъ слѣдственныя тюрьмы не совсѣмъ походятъ на наши остроги, и что онъ хотя и не говорилъ публично, что Московская тюрьма „переполнена, грязна, сыра и душна“, однако сказалъ, что наши остроги переполнены, сыры и душны, и въ этихъ словахъ нѣтъ преувеличенія. Вопросъ пока не въ этомъ, а въ томъ, на сколько нашъ уголовный процессъ обусловливаетъ то зло, на которое мы указываемъ; вездѣ ли люди отдаваемые подъ судъ по обвиненію въ уголовномъ преступленіи выносятъ *до суда* наказаніе равное и часто превосходящее то, коему они подвергаются *по суду*.

Продолжительность предварительнаго заключенія подсудимыхъ зависитъ отъ времени, которое потребно на то, чтобы возникшее уголовное дѣло, пройдя всю предварительную процедуру установленную закономъ для наиболѣе важныхъ преступленій въ видахъ огражденія подсудимаго и для обезпеченія правосудія, достигло своего конечнаго разрѣшенія на судебномъ слѣдствіи. Эта предварительная процедура распадается на нѣсколько періодовъ; въ каждомъ изъ этихъ періодовъ дѣло подлежитъ вѣдѣнію особаго судебнаго учрежденія, единоличнаго или коллегіальнаго, и каждое изъ этихъ учрежденій имѣетъ свое вліяніе не только вообще на дальнѣйшее *направленіе* дѣла, но и на бо́льшую или меньшую скорость его *движенія* впередъ. Эти учрежденія суть судебный слѣдователь, прокурорскій надзоръ, судебная палата какъ отдающая подъ судъ власть, и наконецъ окружный судъ и его предсѣдатель, отъ котораго преимущественно зависятъ распоряженія могущія замедлить или ускорить окончательное рѣшеніе дѣла. Каждое изъ этихъ учрежденій имѣетъ свой кругъ, а потому и вопросъ о мѣрахъ къ ускоренію уголовной процедуры видоизмѣняется въ приложеніи къ каждому изъ этихъ учрежденій въ отдѣльности.

Не входя теперь въ это разсмотрѣніе, мы считаемъ однако не лишнимъ представить читателямъ общее сравненіе между нашимъ и французскимъ судопроизводствомъ, съ которымъ въ главныхъ чертахъ сходствуетъ нашъ уголовный процессъ. Точныхъ статистическихъ свѣдѣній о *скорости* движенія дѣлъ въ нашихъ новыхъ судахъ мы до сихъ поръ нигдѣ не встрѣчали. Въ *Судебномъ Вѣстникѣ* печатаются по временамъ статистическія таблицы о движеніи дѣлъ въ томъ или другомъ судѣ; но свѣдѣнія эти касаются ко-

личества дѣлъ, раздѣленія ихъ по родамъ преступленій, числа обвинительныхъ и оправдательныхъ приговоровъ и проч. О времени же употребленномъ для производства каждаго дѣла въ этихъ таблицахъ указаній нѣтъ, и этого нельзя не считать весьма важнымъ пробѣломъ. Но на практикѣ вполнѣ удостовѣрено, и многочисленными процессами подтверждается, что по дѣламъ съ присяжными (составляющимъ не менѣе 90% общаго количества дѣлъ подсудныхъ окружнымъ судамъ), предварительное производство (то-есть время отъ совершенія преступленія до открытія по этому дѣлу судебнаго засѣданія) лишь въ исключительныхъ случаяхъ продолжается менѣе 8—10 мѣсяцевъ; большею же частью подсудимый дожидается суда отъ *одного* до *двухъ* лѣтъ.

А какъ во Франціи? Мы имѣемъ подъ рукой офиціальныя статистическія свѣдѣнія за четыре года: 1855, 1856, 1857 и 1858. Свѣдѣнія эти касаются продолжительности заключенія, коему подвергаются подсудимые во Франціи до суда. Повидимому тамъ на статистическія цифры по *этому* вопросу обращаютъ большее вниманіе чѣмъ у насъ.

Итакъ, въ 1855 году во Франціи подверглись предварительному заключенію:

въ 364	случаяхъ	изъ	1000	отъ	1—15 дней.
„ 367	„	„	„	„	16—30 „
„ 182	„	„	„	„	1— 2 мѣсяц.
„ 185	„	„	„	„	2— 3 „
„ 20	„	„	„	„	3— 4 „
„ 7	„	„	„	„	4— 5 „
„ 3	„	„	„	„	5— 6 „
„ 2	„	„	„	„	болѣе продолжител. время.

Но дѣло въ томъ, что до 1855 года существовала во Франціи одна лишняя инстанція, которую проходило каждое дѣло подлежавшее суду ассизовъ. Именно, прежде отсылки дѣла въ обвинительную камеру (chambre d'accusation), соотвѣтствующую нашей судебной палатѣ, оно докладывалось предварительно слѣдственнымъ судьей отдѣленію суда первой инстанціи (chambre de conseil), которое обсуждало дѣло съ участіемъ прокурора и могло или прекратить его, или дать ему дальнѣйшій ходъ. Въ 1856 году эти chambres de conseil какъ замедляющія производство были отмѣнены, и вотъ результатъ оказавшійся въ послѣдующіе три года:

Изъ 1000 случаевъ подсудимые подвергались предварительному заключенію:

на время. отъ		1856 г.		1857 г.		1858 г.	
1—15 дней	въ	421	въ	451	въ	474	случ.
16—30 „	„	384	„	357	„	357	„
1— 2 мѣсяц.	„	147	„	143	„	129	„
2— 3 „	„	35	„	38	„	30	„
3— 4 „	„	8	„	7	„	7	„
4— 5 „	„	3	„	2	„	1	„
5— 6 „	„	1	„	1	„	1	„
болѣе прод. время		1	„	1	„	1	„

Итакъ, послѣ отмѣны во французскомъ процессѣ одной лишней инстанціи, которая у насъ не существуетъ, предварительное производство, или лучше предварительное заключеніе подсудимыхъ во Франціи, въ 1858 году, продолжалось въ 474 случаяхъ изъ тысячи не болѣе 15 дней, въ 831 случаѣ не болѣе 30 дней, въ 960 не болѣе двухъ мѣсяцевъ, и только въ *одномъ* случаѣ шесть мѣсяцевъ и въ *одномъ* болѣе шести мѣсяцевъ. Изъ этихъ цифръ явствуетъ, что скорость французскаго судопроизводства превосходитъ скорость нашей уголовной процедуры по крайней мѣрѣ въ *десять разъ*. А между тѣмъ теоретически нашъ уставъ уголовнаго судопроизводства въ общихъ чертахъ своихъ близокъ ко французскому кодексу, и если отступаетъ отъ него, то лишь въ такихъ пунктахъ, которые должны считаться усовершенствованіями процесса, ведущими къ большей быстротѣ въ ходѣ правосудія, но никакъ не наоборотъ. Само собою разумѣется, что, принимая въ разсужденіе новость дѣла и различныя неблагопріятныя условія, нельзя еще помышлять о томъ, чтобы нашъ уголовный процессъ достигъ въ скоромъ времени такой же быстроты какъ французскій. Но, съ другой стороны, нельзя также сомнѣваться и въ томъ, что какъ бы велики ни были естественныя къ тому преграды, теперешній порядокъ вещей не можетъ быть признанъ нормальнымъ. Улучшеніе, и притомъ весьма существенное, необходимо и, какъ мы думаемъ, весьма возможно.

№ 265.

Москва, 7-го декабря.

А.

Съ прошлой весны тревожныя извѣстія о приготовляющихся новыхъ правилахъ

по крестьянскому дѣлу въ сѣверо-западномъ краѣ распространились въ публикѣ и перешли въ газеты. Министерство внутреннихъ дѣлъ сочло тогда необходимымъ успокоить общественное мнѣніе. Для устраненія неосновательныхъ надеждъ съ одной стороны, и опасеній съ другой, въ *Сѣверной Почтѣ* было между прочимъ объявлено, что ни переповѣрки повѣрочныхъ дѣйствій, ни отрѣзки крестьянскихъ земель не предполагается, а напротивъ, разрабатываются предположенія, которыя клонятся къ тому, чтобъ избѣжать отобранія земель у крестьянъ и въ то же время освободить имѣнія отъ обременительныхъ сервитутовъ.

Но если эти предположенія еще только внимательно разрабатываются въ правительственныхъ сферахъ, то на мѣстахъ, какъ кажется, не ждутъ правилъ, которыя будутъ установлены. Споры о принадлежности того или другаго угодья помѣщику или крестьянамъ поступаютъ на рѣшеніе подлежащихъ мѣстныхъ властей, и уже разрѣшаются ими. Весьма важно бы прослѣдить, принимается ли притомъ въ соображеніе на практикѣ заявленіе *Сѣверной Почты* о неотрѣзкѣ крестьянскихъ земель. Къ сожалѣнію, положеніе корреспондентовъ въ сѣверо-западномъ краѣ стѣснено до крайности, и намъ остается обратиться лишь къ губернскимъ вѣдомостямъ, въ которыхъ бывало печатались постановленія губернскихъ присутствій. Но и тутъ оказывается недочетъ: теперь только *Гродненскія Губернскія Вѣдомости* продолжаютъ исполнять свою существеннѣйшую обязанность, и публикуютъ постановленія мѣстнаго губернскаго присутствія по крестьянскимъ дѣламъ.

Сколько извѣстно, однимъ изъ поводовъ къ переповѣркѣ выкупнаго дѣла выставляется несходство количества земли, показаннаго въ выкупномъ актѣ, съ дѣйствительнымъ крестьянскимъ владѣніемъ. Это несходство легко объяснить: на повѣрочныя коммиссіи вовсе не было возложено обязанности повѣрять количество и составъ надѣла, поступившаго къ крестьянамъ по уставнымъ грамотамъ. Надѣлъ по Мѣстному Положенію для четырехъ принѣманскихъ губерній, Ковенской, Виленской, Гродненской и Минской, утвержденъ тотъ, который находился въ постоянномъ пользованіи крестьянъ. Правительство полагало, что уставныя грамоты, опредѣлявшія составъ надѣла, согласно правиламъ Положенія, повѣрены посредниками, при введеніи ихъ въ дѣйствіе; поэтому оно и не установило повѣрки надѣла чрезъ повѣрочныя коммиссіи, а возложило на нихъ лишь обязанность, обращая грамоту въ выкупной актъ, повѣрить повинности и привести ихъ въ соотвѣтствіе съ достоинствомъ крестьянскихъ участковъ. На эту повѣрку былъ назначенъ двухгодичный срокъ. Правда, съ самаго начала дѣйствій повѣрочныхъ коммиссій оказалось, что возникаютъ жалобы на неполноту отвода всѣхъ угодій слѣдовавшихъ крестьянамъ, и тогда графъ Муравьевъ поручилъ коммиссіямъ входить въ разборъ подобныхъ споровъ. Но и затѣмъ всѣ подробности отвода надѣла, на которыя стороны не жаловались, остались внѣ круга дѣйствій повѣрочныхъ коммиссій. Поэтому въ основаніи большей части выкупныхъ актовъ лежатъ первоначальныя показанія уставныхъ грамотъ, составленныхъ польскими панами и повѣренныхъ польскими мировыми посредниками. Во многихъ случаяхъ эти показанія не соотвѣтствуютъ дѣйствительному владѣнію, что нынѣ и оказывается при такъ-называемомъ отграниченіи крестьянскихъ земель отъ помѣщичьихъ, то-есть при утвержденіи межъ по просьбѣ одной изъ сторонъ.

Приведемъ содержаніе нѣсколькихъ дѣлъ, которыя касаются упомянутаго несходства показаній земли въ актахъ съ дѣйствительнымъ пользованіемъ, и которыя разсматривались въ гродненскомъ губернскомъ присутствіи.

Крестьяне деревни Ханевичи Гродненскаго уѣзда (ст. 563, зас. 4-го іюня), получивъ данную согласно утвержденному выкупному акту и планъ, заявили, что по сличеніи оныхъ съ дѣйствительнымъ ихъ владѣніемъ, коимъ они пользуются издавна и доселѣ безпрепятственно, они усмотрѣли, что за ними не показано многихъ земель. Показанія этихъ крестьянъ о всегдашнемъ безспорномъ владѣніи подтвердилось при мѣстномъ изслѣдованіи, и мировой съѣздъ (въ ноябрѣ 1867 года) положилъ утвердить пропущенныя въ актѣ земли за крестьянами, на точномъ основаніи ст. 3 Мѣстнаго Положенія. Нынѣ помѣщица Оржешко оспариваетъ рѣшеніе съѣзда. Она проситъ оставить эти земли за нею, такъ какъ крестьяне не заявляли о пользованіи ими предъ повѣрочною коммиссіей и не об-

жаловали ея дѣйствій. Губернское присутствіе находитъ запутанность въ разъясненіи дѣла мировымъ съѣздомъ и указываетъ ему, чѣмъ онъ долженъ руководиться при разрѣшеніи возникшаго спора, а именно онъ долженъ-де повѣрить количество земли по плану, и только въ томъ случаѣ признать за крестьянами земли, которыя помѣщица хочетъ у нихъ отрѣзать, если на планѣ не достаетъ земель противъ акта уже окончательно утвержденнаго. Сомнѣваясь, вѣроятно, въ безобидности подобныхъ указаній, которыхъ исходъ легко угадать изъ просьбы крестьянъ (они именно и жалуются на то что спорныя земли пропущены не только на планѣ, но и въ актѣ), губернское присутствіе прибавляетъ, что для успѣшнаго окончанія подобныхъ дѣлъ необходимо употребить старанія къ добровольному соглашенію сторонъ. Другими словами, если за помѣщицей будетъ признано право на земли принадлежащія по закону крестьянамъ, то она можетъ-быть согласится добровольно подарить имъ что-нибудь. Русская власть объявитъ крестьянамъ, что у нихъ будутъ отрѣзаны ихъ исконныя земли, а польская пани великодушно возстановитъ справедливость!

Всякому понятно, какой исходъ могутъ имѣть въ политическомъ отношеніи направленныя такимъ образомъ дѣла. Какую запутанность производятъ они на мѣстахъ даже съ чисто-административной точки зрѣнія, видно изъ другаго случая по Слонимскому уѣзду. Крестьяне деревни Тушевичъ (ст. 839, зас. 7-го іюля) также жаловались, что землемѣръ, при отграниченіи угодій, отрѣзалъ отъ нихъ на помѣщиковъ, гг. Пусловскихъ, болѣе 70 десятинъ всегда принадлежавшихъ имъ земель. Въ іюнѣ этого года слонимскій мировой съѣздъ удостовѣрилъ, что въ дѣйствительномъ пользованіи крестьянъ находится больше земли чѣмъ значится въ выкупномъ актѣ, и постановилъ представить о семъ губернскому присутствію, но присутствіе уничтожило это постановленіе съѣзда и предоставило мѣстному мировому посреднику сдѣлать самому свое постановленіе и объявить оное сторонамъ. Можно догадываться, что, въ виду затруднительности улучшать бытъ крестьянъ отрѣзкой отъ нихъ земель, посредникъ не знаетъ какъ исполнить это порученіе. Между тѣмъ претензіи помѣщиковъ возрастаютъ; они не спорили противъ дѣйствительнаго владѣнія при составленіи акта, при выдачѣ данной и плана, а теперь, увидѣвъ, что въ планахъ значена не вся крестьянская земля, требуютъ землю себѣ. Они даже домогаются сноса усадьбы одного крестьянина, вписанной въ актъ, но пропущенной на планѣ.

Ходатайство пановъ объ отрѣзкѣ, какъ видно изъ приведенныхъ дѣлъ, не разрѣшены еще губернскимъ присутствіемъ, но при тѣхъ указаніяхъ, которыя оно теперь дало, отрѣзка крестьянскихъ земель неминуема, а съ тѣмъ вмѣстѣ неминуемо нарушеніе 3 ст. Мѣстн. Полож., принявшей основаніемъ поземельнаго устройства крестьянъ закрѣпленіе за ними земель, бывшихъ въ ихъ пользованіи при крѣпостномъ правѣ.

Но есть дѣла того же рода окончательно рѣшенныя присутствіемъ, напримѣръ дѣло крестьянъ деревень Илоски и Березны (ст. 1.056, зас. 1-го сентября), Кобринскаго уѣзда. Послѣ отграниченія ихъ земель по данной, крестьяне этихъ деревень заявили что отъ нихъ отходятъ пять сѣнокосныхъ урочищъ, всегда бывшихъ, въ ихъ владѣніи. Присутствіе приняло во вниманіе, что крестьяне не дѣлали возраженій противу введенія уставной грамоты, не жаловались на дѣйствія повѣрочной коммиссіи, не заявляли ничего при вводѣ ихъ во владѣніе, и что количество земли, отведенное имъ по выкупному акту больше чѣмъ по инвентарю, а по отграниченію, произведенному на основаніи акта, какъ замѣчается весьма наивно, количество земли то же, что и по акту. Поэтому присутствіе признало требованія крестьянъ притязательными и имъ отказано въ правѣ на пропущенныя въ актѣ земли, хотя эти земли издавна находились въ ихъ владѣніи и слѣдовательно принадлежатъ имъ по Мѣстному Положенію *).

Свѣдѣнія, приводимыя нами изъ однѣхъ лишь *Гродненскихъ Губернскихъ Вѣдомостей*, за неимѣніемъ никакихъ извѣстій

*) По подобному же дѣлу. Слонимскаго уѣзда, деревни Мохначи (ст. 1.111, зас. 23-го сентября), на вопросъ посредника, чѣмъ руководствоваться при отграниченіи отъ помѣщичьихъ угодій крестьянскихъ земель, планомъ ли и протоколомъ коммиссіи или дѣйствительнымъ владѣніемъ крестьянъ, присутствіе указываетъ на планы, выкупной актъ и именные списки крестьянъ-домохозяевъ, и предлагаетъ руководствоваться правилами 27-го іюля 1861 г. и циркуляромъ управляющаго межевымъ корпусомъ 14-го сентября 1863 года.

изъ другихъ губерній, показываютъ, что въ ожиданіи правилъ вырабатываемыхъ, какъ сказано въ *Сѣверной Почтѣ* для избѣжанія отрѣзки земель у крестьянъ, на дѣлѣ *отрѣзка крестьянскихъ земель уже производится*, и отбираются не земли, неправильно намежеванныя крестьянамъ, а напротивъ земли, которыя, на сколько можно судить изъ краткаго изложенія сущности дѣла въ губернскихъ вѣдомостяхъ, неправильно не вошли въ составъ надѣла по выкупному акту. *Сѣверная Почта* сообщала, что предполагается оставить за крестьянами даже тѣ земли, которыя имъ неправильно намежеваны; она удостовѣряла, что вовсе никакой отрѣзки крестьянамъ земель не будетъ: этому нельзя было не порадоваться, хотя это еще не есть юридическая необходимость, но отобраніе земель, которыя, по 3 пунтку Мѣстнаго Положенія, должны были войти въ уставную грамоту и по указу 1-го марта 1863 г. подлежали выкупу, отобраніе такихъ земель, только потому что онѣ ошибочно пропущены въ инвентарѣ или уставной грамотѣ составленныхъ при господствѣ польщизны и въ выкупномъ актѣ, на оныхъ основанномъ, есть уже прямое нарушеніе Положенія и указа 1-го марта. Интересно, что отобраніе крестьянскихъ земель основывается на уваженіи къ святости акта, вошедшаго въ законную силу, но гдѣ же законъ уполномочивающій на отрѣзку крестьянскихъ земель, и притомъ, повторяемъ, не тѣхъ которыя неправильно намежеваны и коихъ неприкосновенность обѣщана *Сѣверною Почтой*, а тѣхъ, которыя всегда состояли въ крестьянскомъ пользованіи? Не противорѣчатъ ли такія распоряженія всему смыслу Положенія 19-го февраля? И они дѣлаются именно въ то самое время, когда поднятъ такой шумъ о необходимости дѣйствовать легально!

Въ приведенныхъ случаяхъ дѣло было, повидимому, такъ: Обращая въ актъ грамоту, составленную помѣщикомъ, и не встрѣчая никакого спора о количествѣ и составѣ надѣла, коммиссія ввела въ актъ цифры, представленныя помѣщикомъ, а обхода границъ въ натурѣ коммиссія не дѣлала, ибо границы извѣстны сторонамъ, и измѣренія не предпринимала, ибо оно никѣмъ не было требуемо. Что спора не было со стороны помѣщика, составлявшаго грамоту, это весьма естественно; что и крестьяне не спорили, это также понятно: у нихъ ни при составленіи грамоты, ни при составленіи акта ничего не отнимали. Каждая сторона продолжала владѣть спокойно въ своихъ границахъ и помѣщикъ при выдачѣ ему выкупной ссуды никакой претензіи не предъявлялъ. Но вотъ по выдачѣ данной и по вводѣ во владѣніе извѣстнымъ формальнымъ способомъ, чрезъ годъ, чрезъ два, приступаютъ къ отграниченію крестьянскихъ угодій отъ помѣщичьихъ. Тутъ берутъ планы, протоколы коммиссій, выкупные акты, грамоты, даже инвентари, и оказывается по обходѣ въ натурѣ границъ по плану, что онѣ то тутъ, то тамъ отхватываютъ гдѣ крестьянскій сѣнокосъ, гдѣ пастбище, гдѣ наконецъ усадьбу, или по исчисленіи оказывается, что въ данныхъ границахъ крестьянскаго владѣнія находится больше земли чѣмъ значится въ актѣ. Исполнители не знаютъ какъ быть. Помѣщикъ является съ требованіемъ чтобъ у крестьянъ отрѣзали эту излишнюю землю, и доказываетъ, что они пропустили срокъ на обжалованіе выкупнаго акта, съ чѣмъ соглашается и администрація. Но какъ же имъ было жаловаться, когда выкупной актъ не былъ введенъ въ дѣйствительное исполненіе и они, какъ не землемѣры, не могли знать что заключается въ планѣ. Вѣдь и помѣщикъ никогда не жаловался, что въ актѣ за крестьянами показано меньше земли чѣмъ они владѣютъ, и что сдѣланный съ нимъ разсчетъ за всѣ земли дѣйствительнаго пользованія крестьянъ не вѣренъ. Откуда же вдругъ возникаетъ право помѣщика на отрѣзку крестьянской земли или на дополнительную ссуду? Помѣщикъ болѣе крестьянъ имѣлъ понятія о мѣрѣ на десятины; онъ самъ означалъ въ грамотѣ количество крестьянской земли; онъ же долженъ нести и отвѣтственность за все это. Если администрація приметъ на себя трудъ провѣрять для пановъ и добавлять имъ ссуды за тѣ земли которыя были ими же укрыты или пропущены, то это ея дѣло, но чѣмъ же виноваты крестьяне и почему же за недобросовѣстность пановъ, за ихъ ошибки и за самую спѣшность работъ, которая требовалась правительствомъ, крестьяне должны терять часть угодій, на которыя по Положенію 19-го февраля и указу 1-го марта они имѣютъ неотъемлемое право? Полагаемъ, что дѣйствительное непрерывно продолжавшееся владѣніе крестьянъ въ безспорныхъ границахъ, обез-

печенное за ними Положеніемъ, должно быть свято и ненарушимо. Панамъ можетъ быть выдано вознагражденіе за земли пропущенныя въ актѣ, если они при составленіи его заявляли, что у крестьянъ находится больше земли. Но это вознагражденіе легко взять изъ иныхъ источниковъ, а не изъ выкупныхъ платежей. Смущать крестьянъ панскою попыткой обойти сущность закона формальностями, едва ли согласно съ политическими видами правительства и, что̀ еще важнѣе, съ справедливостью. Впрочемъ всѣ эти разсужденія могутъ относиться лишь къ предположенію узаконить отрѣзку крестьянскихъ земель. Что̀ же сказать о томъ, что отрѣзка уже производится прежде нежели это предположеніе разсмотрѣно и утверждено въ законодательномъ порядкѣ?

Б.

Въ одно время получили мы сегодня телеграмму о замѣщеніи маркиза де-Мутье маркизомъ де-Лавалеттомъ, и газеты, въ которыхъ сообщаются разные толки предшествовавшіе этому министерскому кризису въ Парижѣ. Такъ парижскій корреспондентъ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* извѣщаетъ, что эти толки начинаютъ заслуживать вниманія, съ тѣхъ поръ какъ газета *le Public*, извѣстный органъ государственнаго министра Руэра, уже нѣсколько дней сряду нападаетъ на министра иностранныхъ дѣлъ, съ упрекомъ, что онъ зашелъ слишкомъ далеко какъ по Сѣверо-Шлезвигскому вопросу, такъ и по Румынскому и вообще по Восточному вопросу. Съ другой стороны, *Крестовую Газету* утѣшаютъ изъ Парижа, что въ настоящее время маркизъ де-Мутье вновь пользуется полнымъ довѣріемъ своего государя. „Тѣмъ лучше," присовокупляетъ корреспондентъ феодальной газеты, „ибо маркизъ де-Мутье принадлежитъ къ числу тѣхъ французскихъ государственныхъ людей, которые искренно „желаютъ и домогаются сохраненія добрыхъ отношеній между Пруссіей и Франціей."

Съ своей стороны можемъ мы присовокупить, что г. де-Лавалеттъ, какъ сообщали въ то время всѣ парижскія корреспонденціи, только потому и вышелъ въ отставку въ минувшемъ году, когда рѣшено было отправленіе несчастной Ментанской экспедиціи, что этою экспедиціей Италія безвозвратно „повергласъ въ объятія Пруссіи." Но слѣдуетъ припомнить также, что его рукой подписанъ, 16-го сентября 1866 г., „за отсутствіемъ министра иностранныхъ дѣлъ" (г-на де-Мутье, еще не пріѣзжавшаго изъ Константинополя), знаменитый циркуляръ къ заграничнымъ дипломатическимъ агентамъ Франціи, въ которомъ провозглашалось ученіе о великихъ національныхъ агломераціяхъ, и единственною опасностію Европы выставлялись Россія и Америка, подавшія другъ другу руку. Въ Пруссіи обрадовались было этому циркуляру; но почти одновременно съ изданіемъ его начались тайные переговоры, разрѣшившіеся въ мартѣ 1867 года Люксембургскою тревогой, которой въ Пруссіи не были рады...

№ 266.

Москва, 9-го декабря.

А.

Польскій патріотизмъ есть явленіе искусственное, фальшивое и болѣзненное. Дѣло въ томъ, что польской національности не достаетъ народа. Отчаянныя воззванія водителей послѣдняго мятежа болѣе всего имѣли цѣлію задобрить крестьянъ и увлечь ихъ лживыми посулами даровой земли. Нѣтъ сомнѣнія, что сѣверо-западный край возвращенъ Россіи быстрыми мѣрами графа Муравьева по крестьянскому дѣлу и дѣйствіями повѣрочныхъ коммиссій. Разказываютъ, что выѣздъ на повѣрку первой коммиссіи изъ Вильны огорошилъ пановъ сильнѣе всякаго пораженія шаекъ и съ тою же силой отдался обратно на крестьянскомъ населеніи. Революціонная организація въ Царствѣ Польскомъ, державшаяся подъ всѣми ударами, вдругъ замерла съ выходомъ Положенія 19-го февраля 1864 года.

Нерѣдко, особенно за послѣднее время, доводится слышать несмысленныя или лукавыя разсужденія, клонящіяся къ тому, чтобы сблизить крестьянское дѣло сѣверо-западнаго края съ тѣмъ же во внутреннихъ губерніяхъ. Но между тѣмъ и другимъ нѣтъ ничего общаго. По всѣмъ политическимъ и экономическимъ условіямъ, и по преобладанію участковаго хозяйства, и по ходу законодательства, и по взаим-

ной враждебности сословій, неизвѣстной внутри Россіи, крестьянское дѣло въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ должно быть сравниваемо съ ходомъ этого дѣла не въ губерніяхъ внутреннихъ, а въ Царствѣ Польскомъ.

Указъ 26-го мая 1846 года, которымъ, какъ извѣстно, правительство впервые вступилось въ положеніе крестьянъ Царства Польскаго, постигнутъ почти тою же участью что и указы объ инвентаряхъ опредѣлявшіе крестьянскіе права на землю въ Заднѣпровьѣ. Указъ 1846 года шелъ впрочемъ нѣсколько далѣе чѣмъ указы объ инвентаряхъ. Онъ требовалъ отъ помѣщиковъ Царства Польскаго представленія *престаціонныхъ* табелей, соотвѣтствующихъ нашимъ уставнымъ грамотамъ. „Помѣщики", читаемъ мы въ отчетѣ о поѣздкѣ статсъ-секретаря Н. А. Милютина по Царству Польскому, „показали за крестьянами менѣе земли чѣмъ сколько было „ея въ дѣйствительномъ ихъ владѣніи. Въ „послѣдствіи, особенно при переходѣ крестьянъ на окупъ или на чиншъ, владѣльцы производили болѣе точныя измѣренія, „и когда оказывалось въ пользованіи крестьянъ земли въ натурѣ болѣе чѣмъ по „табели, лишекъ отъ нихъ отбирался, какъ „припашка будто бы самовольно ими допущенная." Эти слова, написанныя осенью 1863 года, выражаютъ также одно изъ главныхъ затрудненій обязательнаго выкупа и въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, происшедшее отъ невѣрнаго показанія земли панами въ уставныхъ грамотахъ,—затрудненіе упомянутое нами въ послѣднемъ нумерѣ нашей газеты и выставляемое какъ поводъ къ отрѣзкѣ земель, якобы законной, но въ сущности рѣзко противорѣчащей самому ясному предписанію дѣйствующаго закона (ст. 3 Мѣстнаго Положенія).

Нынѣ, когда повсюду въ шести губерніяхъ причисленныхъ къ Виленскому генералъ-губернаторству, возникли съ одной стороны надежды, съ другой — опасенія, что тамошнее крестьянское дѣло готово вступить въ новую фазу, благопріятную для такъ-называемой партіи *бѣлыхъ* (въ которой собственно и коренится все зло польскаго вопроса и серіозная опасность его для государства), поучительно припомнить соотвѣтственную этой предполагаемой фазѣ политику графа Велёпольскаго, осужденную и безвозвратными рѣшеніями правительства, и громкимъ свидѣтельствомъ событій. Тѣмъ менѣе разумна рѣчь о примѣнимости ея къ сѣверо-западному краю, и тѣмъ удивительнѣе надежды, что подобная несообразность можетъ сбыться.

Врядъ ли какое-либо распоряженіе до такой степени ясно обозначаетъ систему маркиза Велёпольскаго, какъ постановленіе объ обязательномъ очиншеваніи 1862 года. Это постановленіе можетъ считаться главною стратагемой „консервативной" польской партіи; оно совершенно соотвѣтствовало видамъ графа Замойскаго и было поддержано состоявшимся въ 1862 г. союзомъ *бѣлыхъ* и *красныхъ*. Его сущность, нынѣ особенно поучительная для насъ, состоитъ въ томъ, что тогда предполагалось прикрыть одинъ рядъ дѣйствій по крестьянскому дѣлу операціей совершенно другаго рода: подъ предлогомъ перевода крестьянъ на чиншъ, то-есть оцѣнки повинностей отбываемыхъ за существующій надѣлъ, должно было произойти размежеваніе крестьянскихъ и господскихъ земель въ соединеніи съ отмѣной сервитутовъ, то есть измѣненіе самаго надѣла и въ его границахъ, и въ его составѣ. Въ этой мутной водѣ можно было наловить много рыбы, а въ перспективѣ усматривалась еще возможность устранить поводы къ столкновеніямъ между крестьянами и панами. По правиламъ разверстанія, крестьяне не могли потерять пашню и сѣнокосы и получить за нихъ лѣсъ или кустарники, въ нѣсколько большемъ количествѣ противъ пашни и съ нѣкоторою приплатой отъ помѣщика, причемъ сервитуты могли бы отойти незамѣтно, безо всякаго дѣйствительнаго вознагражденія. Что касается до возвышенія повинностей, объявленныхъ прежде не подлежащими увеличенію, то оно было, какъ извѣстно, предметомъ усиленнаго ходатайства пановъ, со времени поднятія крестьянскаго вопроса въ Имперіи, и въ пользу его еще въ 1859 году высказывалась варшавская коммиссія внутреннихъ дѣлъ, но въ проектѣ о немъ прямо не говорилось, а равно не отвергалась открыто и равноправность крестьянъ и помѣщиковъ въ дѣлѣ разверстанія. Приличіе было соблюдено въ большей мѣрѣ чѣмъ иные считаютъ нужнымъ теперь въ примѣненіи къ сѣверо-западному краю. А надобно еще замѣтить, что проекты графа Велёпольскаго относились къ безсрочнымъ арендаторамъ земель, тогда какъ кресть-

яне сѣверо-западнаго края нынѣ признаются собственниками.

Проекты графа Велёпольскаго о выкупѣ чиншей, упраздненіи сервитутовъ и разверстаніи исполнены не были. Они остались на степени попытки и имѣютъ для насъ лишь значеніе предостереженія.

Въ Царствѣ Польскомъ, по счастію, подобное предостереженіе, по крайней мѣрѣ для крестьянскаго дѣла, уже болѣе не нужно.

Осенью 1863 года, когда Царство Польское находилось еще въ полной анархіи, Государю Императору было угодно отправить ревизіонную коммиссію въ Варшаву. Статсъ-секретарь Милютинъ, начальствовавшій ревизіей, подтвердилъ представленія мѣстныхъ властей о необходимости немедленнаго принятія рѣшительныхъ мѣръ по крестьянскому дѣлу. Коммиссія объѣхала нѣкоторыя мѣстности, удостовѣрилась въ положеніи дѣлъ, опросила крестьянъ и пановъ; въ короткое время была собрана цѣлая масса статистическихъ данныхъ, составлены проекты крестьянской реформы и соображены съ постановленіями по крестьянскому дѣлу въ Галиціи и Пруссіи. Составитель проекта, подъ непосредственнымъ руководствомъ Государя Императора, окончилъ порученную ему работу съ небольшимъ въ мѣсяцъ, и съ 19-го февраля 1864 года началась новая эпоха для Царства Польскаго. За крестьянами закрѣплена вся земля, которою они пользовались въ 1846 году, и опредѣленъ экстра-ординарный способъ вознагражденія помѣщиковъ. Безземельнымъ крестьянамъ предоставлено получать надѣлъ изъ отобранныхъ крестьянскихъ земель 1846 г., а также изъ земель казенныхъ. Сервитуты, общія владѣнія и существующую черезполосность положено устранять лишь по добровольнымъ соглашеніямъ, съ тѣмъ чтобы правила объ упраздненія ихъ были выработаны въ послѣдствіи на основаніи точныхъ данныхъ, при болѣе спокойныхъ обстоятельствахъ. Приведеніе въ исполненіе Положенія и развитіе его на мѣстѣ поручено учредительному комитету, снабженному обширными полномочіями.

Крестьянская реформа въ Царствѣ Польскомъ удалась вполнѣ. Это одинъ изъ самыхъ блистательныхъ фактовъ въ исторіи нашего государственнаго управленія. Дѣло это такъ обдумано и такъ приведено въ исполненіе, что даже польскіе паны теряютъ надежду повернуть его назадъ въ привислянскихъ губерніяхъ. Въ Положеніи 19-го февраля 1864 года предусмотрѣны всѣ случайности, и на практикѣ оно не приведо ни къ какимъ замѣшательствамъ, хотя въ Царствѣ Польскомъ приходилось бороться съ особыми трудностями, ибо тамъ отчаянными попытками польскихъ патріотовъ были дѣйствительно возбуждены въ крестьянахъ неумѣренныя притязанія. Тамъ не просто былъ обѣщанъ имъ даровой надѣлъ, но тайное революціонное правительство приступало уже къ исполненію своихъ декретовъ.

Повторимъ, преобразованія предпринятыя правительствомъ въ Царствѣ Польскомъ послѣ мятежа 1863 были рядомъ мѣръ столько же мудро задуманныхъ, сколько вѣрно и успѣшно исполненныхъ. Онѣ были вызваны столько же государственною необходимостію, сколько справедливостію и требованіями гражданственности и истиннаго прогресса; онѣ послѣдовательно и неуклонно вытекали одна изъ другой, составляя систему, коей каждая часть существенна для цѣлаго. Главная сила ихъ есть та, что на дѣла Царства Польскаго непрерывно и неразвлекаемо обращено было *особенное* вниманіе правительства. Говоря эти послѣднія слова, мы не хотимъ сказать фразу, мы хотимъ указать на фактъ. А фактъ состоитъ въ томъ, что дѣла Царства Польскаго составляли особую систему дѣлъ, которая имѣла свой особый высшій правительственный органъ при Верховной Власти. Особый правительственный органъ—это значитъ не что иное какъ особенное вниманіе обращенное на предметы требующіе специальнаго изученія и соотвѣтственнаго ухода за собою. Именно въ тѣхъ видахъ, чтобы ввести этотъ край въ общій строй русской государственной жизни требовалось (и до сихъ поръ еще требуется) удерживать его въ особомъ положеніи, ибо для того чтобы получить одно и то же дѣйствіе при разныхъ условіяхъ необходимы разные пріемы. Преждевременно смѣшать съ общею массой дѣлъ тѣ, которыя требовали бы специальнаго изученія и ухода, значитъ собственно выпустить ихъ изъ вниманія. Смѣемъ думать, что дѣла западнаго края шли бы несравненно лучше и успѣшнѣе, что край этотъ вѣрнѣе и несомнѣннѣе слился бы съ цѣлымъ государствомъ и польскій вопросъ былъ бы въ немъ очень скоро дѣломъ оконча-

тельно рѣшеннымъ, еслибы при общей національной политикѣ правительства западный край выдѣлялся изъ общей массы дѣлъ и имѣлъ свой особый центральный правительственный органъ, по крайней мѣрѣ въ теченіи нѣкотораго времени.

Впрочемъ, это предметъ слишкомъ обширный, въ который мы теперь не намѣрены углубляться. Но мы считаемъ полезнымъ явственно выставить, что крестьянское дѣло въ сѣверо-западномъ краѣ пошло совершенно инымъ путемъ чѣмъ въ Царствѣ Польскомъ. Мѣстное Положеніе 1861 года не имѣло въ виду мятежа и не было соображено съ созданными имъ обстоятельствами. Въ немъ предоставлялся значительный просторъ вліянію помѣщиковъ на крестьянъ, которое вполнѣ понятно и законно до извѣстныхъ предѣловъ внутри Россіи, но которое польскимъ панамъ сѣверо-западнаго края давало въ руки могучее политическое орудіе. Къ тому же, какъ показано недавно въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, *) помѣщикамъ сѣверо-западнаго края удалось воспользоваться малоизвѣстностью тамошняго положенія дѣлъ и выторговать себѣ въ редакціонныхъ коммиссіяхъ исключительныя льготы, какихъ не досталось помѣщикамъ нигдѣ въ Россіи. „Во всей Россіи лишь въ „однѣхъ литовскихъ губерніяхъ,“ сказано въ упомянутой статьѣ *Русскаго Вѣстника*, „не было принято никакихъ мѣръ „къ возвращенію земель обезземеленнымъ „крестьянамъ и къ обезпеченію батраковъ. „Точно также во всей Россіи, не исключая юго-западнаго края, повинности крестьянъ были ограничены извѣстными нормами, и лишь въ однѣхъ при-нѣманскихъ „губерніяхъ Положеніе 19-го февраля, отвергавшее для нихъ всякое значеніе инвентарей по надѣлу, сохраняло инвентарныя повинности съ нѣкоторыми облегченіями. Положеніе, правда, требовало, „чтобы барщина была не свыше 23-хъ „дней, оброкъ не выше 3 р. съ десятины, но эти нормы не имѣли почти никакого примѣненія, потому что на тощихъ „земляхъ западной Руси подобныя повинности были вообще невозможны.“ Въ той же статьѣ, на которую мы не можемъ не обратить особеннаго вниманія читателей, непререкаемыми цифрами доказано, что обезземеленіе крестьянъ происходило въ сѣверо-западномъ краѣ не только по корыстнымъ видамъ тамошнихъ помѣщиковъ, но и изъ политической ненависти: до сихъ поръ еще, несмотря на всѣ мѣры графа Муравьева и его преемниковъ, крестьянскіе надѣлы лучше тамъ, гдѣ крестьяне Жмудяки или Мазуры, и становятся тѣмъ скуднѣе, чѣмъ болѣе преобладаетъ въ крестьянскомъ населеніи элементъ русскій. Понятно, что въ виду мятежа невозможно было оставлять въ силѣ порядки столь возмутительные, и что необходимость предписывала значительно измѣнить узаконенія по крестьянскому дѣлу, столь несправедливо льготныя для помѣщиковъ въ сѣверо-западномъ краѣ. 1-го марта 1863 состоялось распоряженіе объ обязательномъ выкупѣ. Оно было выработано спѣшно и не устранило затрудненій происшедшихъ отъ криваго направленія, даннаго крестьянскому дѣлу въ сѣверо-западномъ краѣ сперва подъ вліяніемъ слишкомъ успѣшныхъ настояній со стороны пановъ при составленіи Положеній 19-го февраля 1861 года, а потомъ, при ихъ исполненіи, вслѣдствіе недобросовѣстности польскихъ мировыхъ посредниковъ. Такъ какъ эти затрудненія не были предусмотрѣны указомъ о выкупѣ, то пришлось устранять ихъ по мѣрѣ того какъ они обнаруживались на практикѣ, и эта задача выпала на долю графа Муравьева. Положеніе его было весьма тягостное. Онъ не имѣлъ въ руководство себѣ такого полнаго законодательнаго труда, какимъ для Царства Польскаго было Положеніе 19-го февраля 1864 года. Онъ не находился въ Петербургѣ, непосредственно при особѣ Его Величества. Около него не было ничего подобнаго учредительному комитету Царства Польскаго, а напротивъ надъ нимъ стояла инстанція министерства внутреннихъ дѣлъ, наблюдавшая за исполненіемъ крестьянской реформы во всей Россіи и потому обращавшая нерѣдко главное вниманіе на то, какое впечатлѣніе можетъ произвести та или другая мѣра во внутреннихъ губерніяхъ, которыя не имѣли ничего общаго въ крестьянскомъ дѣлѣ со взбунтовавшимися губерніями западными. Иностранная печать усердно разглашала о несогласіяхъ, которыя возникали по крестьянской реформѣ между администраціей графа Муравьева и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

*) См. въ октябрьской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* статью: „Крестьянское дѣло въ сѣверо-западномъ краѣ.“

Разсуждать нынѣ о полномочіяхъ генералъ-губернатора посланнаго тушить мятежъ, еслибы для подобнаго разсужденія и имѣлись данныя, значитъ, по нашему мнѣнію, затемнять дѣло изысканіями, совершенно для него посторонними. Имѣлъ ли графъ Муравьевъ полномочія издавать свои распоряженія по крестьянскому дѣлу безъ предварительнаго сношенія съ министерствомъ, или онъ почему-либо ошибался въ своихъ полномочіяхъ, во всякомъ случаѣ его распоряженія признавались за законныя всѣми тѣми высшими инстанціями, до которыхъ доходили дѣла по обязательному выкупу, а въ томъ числѣ и самимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. При изученіи крестьянскаго дѣла въ сѣверо-западномъ краѣ, приходится иногда встрѣчать распоряженія, повидимому не имѣющія законнаго основанія, но при дальнѣйшихъ розыскахъ оказывается ихъ законность: дѣло въ томъ, что нѣкоторыя Высочайше утвержденныя постановленія главнаго комитета по крестьянскому дѣлу не были обнародованы, какъ надобно думать, случайно. *)

Крестьянское дѣло сѣверо-западнаго края графъ Муравьевъ привелъ въ соотвѣтствіе съ потребностями и обстоятельствами времени цѣлымъ рядомъ быстро слѣдовавшихъ одно за другимъ распоряженій, а не такимъ цѣльнымъ, обнимающимъ всѣ подробности дѣла уставомъ какъ сдѣлано въ Царствѣ Польскомъ. Но поступать иначе было невозможно. Избранный графомъ Муравьевымъ или, вѣрнѣе, обстоятельствами вынужденный порядокъ имѣлъ свои неудобства, которыя и оказались на практикѣ; но способъ этотъ представлялъ ту выгоду, что немедленно укрощалъ мятежъ.

Несомнѣнно, что быстрыя рѣшительныя мѣры принятыя въ Вильнѣ дали возможность приступить къ болѣе обдуманнымъ и послѣдовательнымъ распоряженіямъ въ Царствѣ Польскомъ. Когда ревизіонная коммиссія, подъ начальствомъ статсъ-секретаря Милютина, прибыла въ Варшаву, польское возстаніе было уже надломлено подавленіемъ бунта на Литвѣ.

*) Для примѣра приведемъ Высочайшее повелѣніе 7-го апрѣля 1864 г., одобрившее инструкцію повѣрочнымъ коммиссіямъ, и 25 го мая того же года оставившее въ силѣ правила 18-го октября 1863 г., противъ коихъ протестовало министерство внутреннихъ дѣлъ.

Читатели знаютъ, что мы никогда не были безусловными поклонниками всѣхъ мѣръ, принятыхъ графомъ Муравьевымъ. Еще въ то время, когда онъ дѣйствовалъ въ Вильнѣ, намъ приходилось не разъ дѣлать оговорки, имѣвшія преимущественно тотъ смыслъ, что законная власть, какъ намъ казалось, пользовалась тогда не всѣми способами дѣйствія, которые были желательны и возможны, хотя съ другой стороны отъ насъ не могло укрыться, что выборъ средствъ въ большей части случаевъ не зависѣлъ отъ мѣстной администраціи, и что ожесточенныя нападки, какимъ она подвергалась, были вызваны успѣхомъ ея дѣйствія съ помощію средствъ ей подручныхъ. Мы признаемъ, что распоряженія полномочнаго генералъ-губернатора могутъ быть предметомъ разнообразныхъ сужденій съ общей точки зрѣнія, но отказываемся понять тѣ побужденія, которыя заставляютъ нынѣ провозглашать чуть не противозаконнымъ самое существенное изъ того что̀ сдѣлано графомъ Муравьевымъ, именно распоряженія его по крестьянскому дѣлу. Нѣкоторые изъ этихъ новѣйшихъ толковъ очень куріозны. Графа Муравьева упрекаютъ напримѣръ за то, что онъ недостаточно согласовалъ дѣйствія повѣрочныхъ коммиссій и въ то же время винятъ за изданіе общей инструкціи этимъ коммиссіямъ, причемъ умалчивается, что эта инструкція *Высочайше одобрена 7-го апрѣля 1864 года*; остается ожидать, что иныя канцеляріи сочтутъ законнымъ офиціально оспаривать законность мѣръ принятыхъ по Высочайшему повелѣнію. Распространеніе дѣйствій повѣрочныхъ коммиссій на земли гродненскихъ крестьянъ, находящіяся въ Царствѣ Польскомъ, толкуется какъ превышеніе власти, но и это распоряженіе одобрено. Учредительный комитетъ Царства Польскаго признаалъ мѣру графа Муравьева, и съ своей стороны распространилъ дѣйствіе Положенія 19-го февраля 1864 года на земли крестьянъ Царства, находящіяся въ Гродненской губерніи. (Пост. учр. ком. ст. 172 зас. XXXI.)

Нельзя не сказать, что подобныя странныя нареканія бросаютъ невыгодный свѣтъ на проекты, выступающіе подъ такимъ прикрытіемъ....

Б.

Дворянства балтійскихъ губерній торжественно протестуютъ противъ „враждеб-

ныхъ Россіи направленій писателей подобныхъ г. фонъ-Бокку," и мы съ живѣйшимъ сочувствіемъ воспроизводимъ сегодня извѣстіе объ этомъ изъ *Сѣверной Почты*. Имя г. фонъ-Бокка придаетъ этому протесту совершенно опредѣленное значеніе. Агитація нѣмецкаго патріотизма въ Россіи имѣетъ, какъ извѣстно, два направленія. Одно, грубое и до времени совершенно сумасбродное, прямо проповѣдуетъ присоединеніе балтійскаго края къ Германіи. Но г. фонъ-Боккъ — надобно отдать ему справедливость—человѣкъ умный и свѣдущій, хотя можетъ-быть и „желчный:" онъ не позволяетъ себѣ впадать въ подобныя несвоевременныя нелѣпости. Напротивъ, во главѣ всѣхъ своихъ нареканій противъ Россіи и ея правительства, ставитъ онъ изъявленія вѣрноподданства. Но подъ этою личиной онъ проповѣдуетъ дѣйствительно опасныя въ настоящее время ученія. Фальшиво ссылаясь на исторію въ подкрѣпленіе мнимаго права балтійскихъ губерній на *государственное* обособленіе, г. фонъ-Боккъ хочетъ, чтобы правительство тамъ было нѣмецкое, чтобъ оно имѣло своимъ органомъ нѣмецкій, а не русскій языкъ, чтобъ оно тѣмъ способствовало германизаціи населеній этого края, и не считало себя въ правѣ вводить тамъ учрежденія, хотя бы и настоятельно требуемыя жизнію, но общія съ Россіей. Онъ проповѣдуетъ ненависть и презрѣніе къ Россіи и систематическое противодѣйствіе всѣмъ мѣрамъ относительно балтійскаго края, которыя правительство признало необходимыми въ виду „общаго всѣмъ русскимъ подданымъ отечества." Такъ какъ протестъ со стороны дворянствъ трехъ губерній и острова Эзеля указываетъ между прочимъ, на г. фонъ-Бокка, то мы съ радостью готовы привѣтствовать въ этомъ заявленіи симпатическій отголосокъ словъ сказанныхъ Государемъ Императоромъ 15-го іюня 1867 года въ Ригѣ и признавшихъ населенія этого края дѣтьми „единой русской семьи."

№ 267.

Москва, 10-го декабря.

А.

Отзывами почти всей иностранной печати и телеграммами, одна за другою слѣдующими, подтверждается то что̀ мы предвидѣли и заявляли касательно распри между Турціей и Греціей, приписывая внезапныя мѣры принятыя Портой вліянію Австріи. Теперь въ этомъ уже невозможно сомнѣваться, и если вѣрить извѣстію, сообщенному нами на дняхъ (хотя вѣнскія офиціозныя газеты отрицаютъ его), то Франція и Англія обратились къ дипломатическому perpetuum mobile, графу Бейсту, съ дружескими увѣщаніями быть воздержнѣе на Востокѣ. Офиціозныя газеты Вѣнскаго кабинета даже не приняли на себя труда скрывать роль агента подстрекателя, принятую на себя ихъ патрономъ въ этой импровизованной кутерьмѣ.

Такъ какъ теперь участіе г. фонъ-Бейста въ греко-турецкомъ столкновеніи всѣмъ извѣстно, то не безполезно посудить какія имѣлись у него къ этому поводы и какія могутъ быть послѣдствія его попеченій. Вопервыхъ, можно спросить что̀ за цѣль имѣлъ мудрый преобразователь Австріи, пускаясь въ эту новую махинацію? Очевидно не ту чтобы спасти Турцію отъ неминуемой опасности, ибо силы критскаго возстанія уже истощились и пособія изъ Греціи не могли бы долго поддерживать его. Кто-то очень справедливо сказалъ, что Австрія и Турція походятъ на двухъ умирающихъ положенныхъ рядомъ, и оттого смертныя судороги одного отдаются и на другомъ. Дѣйствительно обѣ эти державы страдаютъ смертнымъ недугомъ, но именно по этому-то для Австріи нѣтъ никакого интереса наталкивать Турцію на предпріятія не соотвѣтственныя ея силамъ и могущія воспламенить массу разрывныхъ матеріаловъ накопившихся на Востокѣ. Австрія не въ видахъ самосохраненія и не для спасенія Турціи побудила Порту вступить на этотъ путь. Нельзя также полагать, чтобы Вѣнскій кабинетъ слѣдовалъ въ этомъ случаѣ внушеніямъ Франціи, хотя г. Бурре, французскій посолъ въ Константинополѣ, пособлялъ ему въ этихъ происках. Г. де-Мутье былъ, это правда, не очень хорошо расположенъ къ Грекамъ и вообще къ христіанамъ на Востокѣ; особенно къ Критянамъ былъ онъ крайне суровъ, и мы неоднократно имѣли случай ставить на видъ прискорбныя противорѣчія, въ какія впадала французская политика на Востокѣ въ послѣдніе годы. Тѣмъ не менѣе было бы несправедливостью полагать, чтобы Тюльерійскій каби-

нетъ могъ, вопреки всѣмъ своимъ началамъ и преданіямъ, пожертвовать Эллинскимъ королевствомъ и предать его Турціи. Потому съ самаго начала думали мы, что если французскій посолъ въ Константинополѣ присоединился къ австрійскому интернунцію и возбуждалъ Турокъ противъ Греціи, то онъ вышелъ изъ предѣловъ данныхъ ему инструкціей и навязалъ своему правительству свою личную политику. Это предположеніе подтверждается положеніемъ, какое принялъ Тюльерійскій кабинетъ, и тономъ его официозныхъ органовъ.

Итакъ, г. фонъ-Бейстъ дѣйствовалъ не въ согласіи съ Франціей, хоть ему и хочется увѣрить въ этомъ всѣхъ. Онъ поступилъ по собственному побужденію и съ цѣлью, которую при обычной неловкости своей самъ обнаружилъ. Въ *Mémorial diplomatique* и *Debatte*, органахъ получающихъ внушенія отъ австро-саксонскаго министра, сказано: „что послѣ прекращенія интригъ Россіи въ Румыніи посредствомъ отставки г. Братіано, предстояла надобность достигнуть той же цѣли на Эллинской территоріи.“ Другими словами: г. фонъ-Бейстъ, полагающій будто онъ нанесъ Россіи страшный ударъ удаленіемъ г. Братіано, который ей ни на что не нуженъ, вообразилъ, что было бы не дурно нанести еще ударъ и Греціи черезъ посредство Турціи.

Есть основаніе полагать, что въ этомъ случаѣ усилія г. фонъ-Бейста будутъ безплодны. Распря Турціи съ Греціей будетъ улажена мирно, ибо ни Россія, ни Англія, ни Франція не имѣютъ надобности допустить Турцію до войны съ Греціей; но эта австро-турецкая импровизація не останется безъ полезныхъ поученій. Европа убѣдится наконецъ, что для ея спокойствія всего опаснѣе умирающія государства, которыхъ агонія слишкомъ длится. Христіанскія населенія Востока еще разъ удостовѣрятся, что самый непримиримый врагъ ихъ есть Австрія, и что эта держава, столь жестоко уморившая въ одной изъ крѣпостей своихъ Александра Ипсиланти, ничего не забыла и ничему не научилась въ продолженіе сорока лѣтъ, и теперь была бы готова подвергнуть всю Грецію той же участи, какую претерпѣлъ эллинскій герой въ Мункачѣ....

Всего желательнѣе, чтобы Тюльерійскій кабинетъ понялъ наконецъ какъ неприлична и вредна для Франціи солидарность ея политики съ политикой Австріи на Востокѣ,— солидарность, о которой г. фонъ-Бейстъ такъ суетливо хлопочетъ. Въ австрійской *Красной Книгѣ* нѣтъ ни одного документа, который не имѣлъ бы цѣлью намекнуть на эту солидарность и возложить на Францію отвѣтственность за козни Вѣнскаго кабинета. Но интересы французской политики на Востокѣ совершенно противоположны направленію австрійской. Австрія постоянно заботилась только о томъ чтобы поддержать на Востокѣ бѣдствія христіанъ, надѣясь воспользоваться смутами для присоединенія къ себѣ Босніи и Герцеговины. Совсѣмъ не таковы цѣли Франціи; она не имѣетъ въ виду присвоить себѣ что-нибудь изъ турецкаго наслѣдія, и хотя желаетъ до времени поддержать оттоманское владычество, однако не остается равнодушною къ участи турецкихъ христіанъ и желаетъ согласовать ихъ благо съ потребностями европейскаго равновѣсія. Прискорбное недовѣріе къ Россіи и неумѣстное соперничество совратили французскую политику съ пути, начертаннаго ей собственными интересами Франціи, ея принципами и преданіями, но это уклоненіе не можетъ быть продолжительно, и вопреки личнымъ ослѣпленіямъ, вопреки всякимъ проискамъ, французская политика силою вещей невольно побуждается къ возвращенію на путь діаметрально противоположный тому, которымъ слѣдуетъ политика австрійская.

Это доказывается и критскими дѣлами. Три года тому назадъ, когда критская депутація пріѣзжала въ Аѳины свидѣтельствовать о невыносимыхъ страданіяхъ жителей острова, французскій посланникъ былъ глубоко тронутъ описаніемъ этихъ бѣдствій и увѣрилъ критскихъ депутатовъ, что его правительство не оставитъ населенія острова на произволъ его притѣснителей. Таковъ былъ, и таковъ долженъ былъ быть первый порывъ французской политики. По несчастію, первый порывъ былъ непродолжителенъ и не могъ выстоять противъ усилій интриги, а можетъ-быть и противъ неразумнаго усердія нѣкоторыхъ дипломатическихъ и консульскихъ агентовъ. Первоначальное сочувствіе и поощреніе замѣнилось недоброжелательными, почти жестокими заявленіями. Въ *Монитерѣ* называли Критянъ разбойниками, авантюристами, и французское посольство въ Константинополѣ поощряло

ожесточеніе Порты, побуждая ее высылать войска для подавленія возстанія. Тайну этого печальнаго поворота не трудно разгадать. Франція сблизилась съ Австріей, и въ противорѣчіе самой себѣ допустила увлечь себя въ политику столько же безчеловѣчную, сколько непредусмотрительную. То же случилось и въ другомъ восточномъ вопросѣ, именно въ дѣлѣ Дунайскихъ Княжествъ. Здѣсь Франція сначала дѣйствовала либерально, можетъ-быть даже съ чрезмѣрнымъ увлеченіемъ. Она болѣе всѣхъ настаивала на полной автономіи Румыніи, не заботясь о томъ какое дѣйствіе это могло произвести на остальныя части Турціи; но потомъ, уступая пагубному вліянію Австріи, она еще разъ принялась дѣйствовать вопреки себѣ самой и разрушать собственное дѣло.

Надобно надѣяться, что императоръ Наполеонъ не пойдетъ этимъ путемъ въ греко-турецкомъ вопросѣ. Покинуть Эллинское королевство, основанію котораго Франція такъ много содѣйствовала, допустить насилія, къ которымъ Австрія побудила Порту, значило бы для французскаго правительства впасть въ ошибку слишкомъ важную. Франція навсегда лишилась бы симпатіи эллинскаго народа, которому предстоитъ несомнѣнная будущность; ея ошибка повела бы къ нарушенію всеобщаго мира; наконецъ она поставила бы Россію, противъ ея воли, на сторону враговъ Франціи, которые теперь только о томъ и хлопочутъ....

Б.

Въ одномъ изъ недавнихъ нумеровъ *Вѣсти* мы прочли замѣтку г. Ерогина, касающуюся возбужденнаго теперь вопроса о несходствѣ показанія крестьянской земли въ выкупныхъ актахъ сѣверо-западнаго края съ количествомъ земли закрѣпленной за крестьянами Положеніемъ 19-го февраля. Г. Ерогинъ замѣчаетъ, что „вопросъ о несогласіи выкупныхъ сдѣлокъ съ дѣйствительнымъ пользованіемъ „встрѣчался во многихъ мѣстахъ Россіи, „и для разрѣшенія его изданы Высочайше „утвержденныя положенія главнаго комитета, отъ 24-го іюля 1865 года и 7-го „мая 1867 года въ томъ смыслѣ, что „выкупная сдѣлка есть безспорный актъ „владѣнія, и что по ней *должно быть* „исправлено дѣйствительное пользованіе „крестьянъ землей.“ Г. Ерогинъ находитъ далѣе, что выкупныя сдѣлки равносильны выкупнымъ актамъ, и что потому Высочайшія повелѣнія, относящіяся къ выкупнымъ сдѣлкамъ внутреннихъ губерній, должны быть примѣнены къ выкупнымъ актамъ сѣверо-западнаго края.

Удивительные курьозы заключаются въ этой небольшой статейкѣ. Прежде всего надобно упомянуть, что 7-го мая прошлаго года не состоялось никакого Высочайше утвержденнаго положенія главнаго комитета. Откуда же взялъ свою цитату г. Ерогинъ? Какъ оказывается, онъ повторяетъ ошибку, вкравшуюся въ проектъ, изложенный въ № 42 *Современой Лѣтописи*. Въ этомъ документѣ, вездѣ, гдѣ только рѣчь идетъ о Высочайшемъ повелѣніи 3-го мая 1867 года, оно значится подъ именемъ Высочайшаго повелѣнія 7-го мая 1867 года. Повторяя эту случайную ошибку проекта, г. Ерогинъ самъ выдаетъ происхожденіе своей замѣтки и лишаетъ *Вѣсть* возможности сказать, что ея сотрудники впервые познакомились съ тѣмъ проектомъ изъ *Современной Лѣтописи*

Ссылка на Высочайшія повелѣнія 24-го іюля 1865 и 3-го мая 1867 года, сдѣланная въ видахъ оправданія предполагаемыхъ отрѣзокъ крестьянской земли въ сѣверо-западномъ краѣ, поражаетъ своею необдуманностью. Упоминаемыя законоположенія на виду у всѣхъ: первое изъ нихъ относится до нарѣзки крестьянской земли при *размежеваніи* въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ, а второе до *повѣрочнаго измѣренія* крестьянскихъ земель по поводу *заявленій дѣлаемыхъ при существованіи обязательныхъ отношеній*. Но еслибъ эти Высочайшія повелѣнія относились къ выкупу, то изъ этого еще не слѣдовало бы чтобъ они были примѣнимы къ сѣверо-западному краю.

Въ великороссійскихъ и малороссійскихъ губерніяхъ выкупъ совершается либо по соглашенію сторонъ, либо по требованію помѣщика. Въ сѣверо-западномъ краѣ выкупъ произведенъ не по добровольному соглашенію и не по требованію помѣщиковъ, а по требованію правительства, вызванному крайнею политическою необходимостью. Но пусть бы въ сѣверо-западномъ краѣ и не было обязательнаго выкупа: все-таки было бы нелѣпо утверждать, что къ этому краю могутъ относиться правила размежеванія или повѣрочнаго измѣренія

установленныя для губерній, на которыя не простирается сила Мѣстнаго Положенія, еще въ 1861 году особо изданнаго для губерній литовскихъ. Надобно быть ребенкомъ или считать своихъ читателей ребятами, чтобы, говоря о сѣверо-западномъ краѣ, забывать о существованіи статьи 3-й Мѣстнаго Положенія для литовскихъ губерній. Иные держатся того мнѣнія, что бумага все терпитъ. Знающіе люди, думаютъ они, замѣтятъ несообразность, а на незнающихъ все-таки будетъ произведено впечатлѣніе, и въ общемъ результатѣ выйдетъ, что дѣло все-таки будетъ немного болѣе затемнѣно чѣмъ прежде. Лишь въ такихъ видахъ можно ссылаться на Высочайшія повелѣнія 24-го іюля 1865 и 3-го мая 1867, рекомендуя воспрещенную закономъ отрѣзку крестьянскихъ земель въ сѣверо-западномъ краѣ. Въ великороссійскихъ и малороссійскихъ губерніяхъ, когда выкупъ совершается по добровольному соглашенію, вовсе не требуется представлять планъ или измѣрять крестьянскія земли, а лишь тщательно означаются ихъ границы, „чтобы не могло возникнуть спора или сомнѣнія о томъ, какія именно земли пріобрѣтены крестьянами" (ст. 75 п. 9 Пол. о вык.); при выкупѣ по требованію владѣльца, обязательно измѣреніе крестьянскаго надѣла и составленіе подробнаго плана, который провѣряется посредникомъ (ст. 86 п. 3 и ст. 97 П. о вык.). Но въ сѣверо-западномъ краѣ, гдѣ дѣйствовалъ обязательный выкупъ, не требовалось точнаго измѣренія крестьянскихъ земель и составленія плана; высшія инстанціи часто утверждали акты составленные на основаніи уставныхъ грамотъ, въ которыхъ описаніе границъ крестьянскихъ угодій было сдѣлано весьма неопредѣленно; при тамошней разбросанности крестьянскихъ земель часто было почти невозможно описать границы всякаго куска. Далѣе, внутри Россіи были назначены нормы надѣловъ, и *количество* крестьянской земли имѣло важное значеніе въ опредѣленіи крестьянскаго надѣла. Въ сѣверозападномъ краѣ, внѣ всякихъ нормъ, укрѣплялись за крестьянами земли состоявшія въ ихъ пользованіи. Къ чему-же тутъ нужно измѣреніе? Графъ Муравьевъ, котораго нельзя упрекнуть въ незнакомствѣ съ межевымъ дѣломъ, предписалъ дѣлать отграниченіе крестьянскихъ земель отъ помѣщичьихъ простою постановкой межевыхъ знаковъ по границамъ дѣйствительнаго пользованія и составленіемъ акта обхода границъ. (Цирк. 3-го февраля 1865 г.).

Но этого мало. Главный куріозъ въ томъ, что еслибы даже законоположенія 24-го іюля 1865 и 3-го мая 1867 г. могли быть примѣнены къ исполненію выкупныхъ актовъ въ сѣверо-западномъ краѣ, то и въ такомъ случаѣ Высочайшее повелѣніе 3-го мая 1867 даетъ указаніе противъ отрѣзки земель. По п. б. § 2 означеннаго повелѣнія, въ имѣніяхъ, гдѣ выкупъ производился безъ обязательнаго составленія плана крестьянскихъ угодій, то-есть по выкупнымъ договорамъ, въ нечерезполосныхъ дачахъ за основаніе повѣрочнаго измѣренія принимается не количество земли, а границы надѣла обозначенныя въ выкупномъ документѣ.

Сказавъ, что ссылка на помянутыя Высочайшія повелѣнія есть куріозъ, мы избрали самое мягкое изъ примѣнимыхъ къ этому фокусу словъ.

Г. Ерогинъ говоритъ о крестьянскихъ захватахъ. Онъ восклицаетъ: „на что не рискнетъ крестьянинъ въ виду постоянныхъ добавленій земли?" Выраженіе: „добавленіе земли" тутъ употреблено метанимически, вмѣсто „добавленіе акта", ибо рѣчь идетъ о томъ, чтобы съ случаѣ ошибочности выкупнаго акта исправлять актъ, а не измѣнять надѣлъ и не отрѣзывать у крестьянъ земель, находящихся въ ихъ пользованіи.

Прекраснымъ отвѣтомъ на вопросъ г. Ерогина, а равно и разъясненіемъ тѣхъ поводовъ, по которымъ иные настаиваютъ на тщательномъ „измѣреніи" крестьянской земли въ сѣверо-западномъ краѣ, можетъ служить дѣло самого же г. Ерогина.

Г. Ерогинъ, новый землевладѣлецъ въ краѣ, купившій со ссудой Товарищества одно изъ брестскихъ имѣній, въ прошломъ августѣ подалъ мѣстному мировому посреднику жалобу на то, что крестьяне засѣяли показанную за владѣльцемъ по плану и по инвентарю (!) землю въ урочищѣ Нестановѣ, и просилъ о возвращеніи оной. Крестьяне показали, что урочище Нестаново дано имъ въ добавокъ къ усадебной землѣ лѣтъ десять назадъ и дѣйствительно показано за ними въ уставной грамотѣ, но не значится на планѣ. Такъ какъ въ выкупномъ актѣ показано за крестьянами по 1.800 кв. саж. усадебной земли безъ

особаго упоминанія объ урочищѣ Нестановѣ, то посредникъ рѣшилъ, что слѣдуетъ произвести измѣреніе. Г. Ерогинъ и крестьяне согласились было на измѣреніе, но вышелъ споръ объ урожаѣ полученномъ съ урочища Нестанова. Добросовѣстные, не отведенные сторонами, оцѣнили урожай въ 18 р., а г. Ерогинъ—въ 120 р., и когда крестьяне собрали урожай съ урочища, посредникъ приговорилъ ихъ къ отвѣтственности во 120 р., не взирая на то что споръ былъ предъявленъ послѣ засѣва, а потому крестьяне во всякомъ случаѣ не должны были лишиться стоимости обработки. Крестьяне жаловались въ съѣздъ, и къ удивленію, съѣздъ нашелъ дѣйствія посредника правильными. Тогда крестьяне перенесли дѣло въ губернское присутствіе, и гродненское присутствіе, столь развязное въ отрѣзкахъ крестьянскихъ земель, вынуждено было однако кассировать всѣ распоряженія или „ошибки" допущенныя посредникомъ и съѣздомъ „съ явнымъ отступленіемъ отъ выкупнаго акта". Такимъ образомъ отмѣнена не только оцѣнка урожая урочища Нестанова, но отмѣнено и „измѣреніе", на которое крестьяне, по неразумной уступчивости своей, уже соглашались. Присутствіе указало, что ур. Нестаново, пространствомъ въ двѣ десятины, значится присоединеннымъ съ 1850 г. къ усадебной землѣ крестьянъ, по уставной грамотѣ, которую крестьяне предъявляли посреднику, что при составленіи выкупнаго акта помѣщикъ не оспаривалъ принадлежности крестьянамъ урочища Нестанова, что постановленія посредника и его выводы находятся „въ прямомъ противорѣчіи" съ данными его протокола и пр.

Вотъ образчикъ крестьянскихъ „захватовъ" и той панской „легальности", которую г. Ерогинъ и другіе *новѣйшіе* дѣятели въ сѣверо-западномъ краѣ не только защищаютъ, но и практикуютъ. Нельзя не пожалѣть, что фамилія посредника 1-го участка Брестскаго уѣзда остается неизвѣстною изъ печатнаго журнала гродненскаго губернскаго присутствія, откуда приведены сообщенныя выше свѣдѣнія (см. № 44 *Гродн. Губ. Вѣд.*).

B.

Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ *Вѣсти* (№ 137 отъ 6-го декабря) сказано: „Возстановленіе авторитета закона въ „сѣверо-западномъ краѣ есть главная и „безотлагательная задача новой администраціи. Кто слѣдилъ за ходомъ крестьянскаго дѣла въ виленскомъ генералъ-„губернаторствѣ, тотъ изъ опубликованнаго *Сборника правительственныхъ распоряженій по устройству быта крестьянъ* въ томъ краѣ легко убѣдится, что „самыя важныя, органическія мѣры, сопряженныя нерѣдко съ отмѣной или измѣненіемъ статей закона, Положеній 19-го „февраля, Высочайшихъ повелѣній и распоряженій министерствъ, производились „не путемъ законодательнымъ, а прямо административными циркулярами." Эта тирада эффектна, но еще эффектнѣе слѣдующее *Вѣсть* говоритъ съ ужасомъ о томъ, „что если слухи, конечно, вѣрны, „то одно изъ губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій простерло свою „власть на другую, сосѣднюю губернію, „не подчиненную даже виленскому генералъ-губернатору." Рѣчь идетъ очевидно о Гродненской губерніи и Царствѣ Польскомъ, и *Вѣсть* спрашиваетъ: „не выразилось ли въ этомъ стремленіе распространить подобную же дѣятельность на „сѣверо-западъ (то-есть на губерніи прибалтійскія) и на востокъ (то-есть на губерніи внутреннія)?"

Вчера, въ передовой статьѣ нашей о крестьянскомъ дѣлѣ въ сѣверо-западномъ краѣ сказано, что распоряженіе графа Муравьева, распространившее дѣйствія повѣрочныхъ коммиссій на земли гродненскихъ крестьянъ, находящихся въ Царствѣ Польскомъ, было одобрено. Въ одномъ изъ множества выпусковъ *Постановленій Учредительнаго Комитета* (т. VIII стр. 34), въ журналѣ засѣданія этого комитета отъ 3-го сентября 1866 г. напечатанъ *самый текстъ Высочайшаго повелѣнія, одобрившаго сказанную мѣру графа Муравьева.* Но Высочайшее повелѣніе, о которомъ идетъ рѣчь, не появилось въ *Сборникѣ Правительственныхъ Распоряженій по устройству быта крестьянъ. Вѣсть* говоритъ справедливо, хотя бы ей лучше было не заговаривать о томъ, что „скрытіе Высочайшихъ повелѣній можетъ быть „провѣрено только правительствомъ." Частнымъ лицамъ подобная провѣрка недоступна, но тѣмъ не менѣе не подлежитъ сомнѣнію, что въ *Сборникѣ Правительственныхъ Распоряженій*, какъ мы ска-

зали вчера, нѣкоторыя Высочайше утвержденныя постановленія главнаго комитета по крестьянскому дѣлу не были обнародованы. Для примѣра, мы привели Высочайшія повелѣнія 7-го апрѣля и 25-го мая 1864 г.; примѣръ приведенный сейчасъ есть третій. Весьма замѣчательно, что пропущенныя въ *Сборникѣ* Высочайшія повелѣнія относятся именно къ тѣмъ распоряженіямъ, за которыя графъ Муравьевъ наиболѣе обвиняется въ превышеніи власти и на которыхъ преимущественно основываются странныя разсужденія о необходимости передѣлать въ сѣверо-западномъ краѣ крестьянское дѣло....

№ 268.

Москва, 11-го декабря.

А.

Извѣстія изъ Аѳинъ свидѣтельствуютъ о крайнемъ напряженіи народнаго энтузіазма въ небольшомъ Эллинскомъ королевствѣ. Успѣетъ ли сдержать его дипломатія, не знаемъ; но теперь даже англійскія газеты находятъ весьма естественнымъ сочувствіе свободной Греціи къ своимъ порабощеннымъ соплеменникамъ, хотя и утверждаютъ въ то же время, что Греція, огражденная протекторатомъ державъ отъ наступательныхъ дѣйствій Турціи, должна-де по этому самому быть какъ можно миролюбивѣе и не давать Турціи никакого предлога къ войнѣ. Не касаясь, однакоже, политической стороны вопроса и, съ своей стороны, желая полнаго успѣха усиліямъ дипломатіи для сохраненія мира, мы считаемъ нелишнимъ сказать нѣсколько словъ о томъ нестѣсненномъ дипломатическими приличіями и формами выраженіи сочувствія къ страждущимъ населеніямъ Турціи, которое свободно проявилось на отдаленномъ отъ насъ крайнемъ Западѣ, по ту сторону Атлантическаго океана. Мы получили на дняхъ нѣсколько нумеровъ выходящей въ Соединенныхъ Штатахъ на англійскомъ языкѣ газеты *Критянинъ (The Cretan)*, о коей мы еще упомянемъ ниже. Не можемъ не подѣлиться съ публикой свѣдѣніями взятыми изъ этой газеты, а также собранными на мѣстѣ нашимъ нью-йоркскимъ корреспондентомъ.

Въ ту минуту, когда трехъ-лѣтняя геройская борьба Критянъ близится къ исходу, результаты коего пока еще нельзя предвидѣть, когда Порта, возбуждаемая своекорыстными совѣтами, грозитъ и свободной Греціи, кстати упомянуть о тѣхъ благородныхъ личностяхъ, которыя, не поддаваясь обману дипломатическихъ ухищреній, приняли живое участіе въ угнетенномъ племени и безкорыстно посвятили свои труды на облегченіе его страданій. Имена Американцевъ гг. Финлея и Гилери Скиннера, писавшихъ корреспонденціи въ англійскія газеты, американскаго доктора Гау и еще другаго американца г. Юлія Бинга, будутъ жить въ памяти христіанскихъ населеній Востока. Первые два сами посѣщали неоднократно Критъ, раздѣляли всѣ бѣдствія и лишенія инсургентовъ и доставляли имъ матеріальныя средства на пожертвованія собранныя ихъ же усиліями и медицинскія пособія организованныя подъ руководствомъ доктора Гау. Что же касается до г. Бинга, бывшаго американскаго консула въ Смирнѣ, то онъ взялъ на себя обязанность дипломатическаго агента критскаго временнаго правительства въ Соединенныхъ Штатахъ. Съ неутомимою энергіей ведетъ онъ пропаганду сочувствія къ восточнымъ христіанамъ всѣми средствами, какія только представляетъ открытая общественная дѣятельность. Съ 1866 года онъ напечаталъ не менѣе 300 статей на англійскомъ и французскомъ языкахъ въ газетахъ Новой Англіи, а также западныхъ и другихъ штатовъ. Пропаганда его старалась возбудить сочувствіе къ христіанамъ Турціи въ законодательныхъ собраніяхъ различныхъ штатовъ, резолюціи коихъ имѣютъ большое вліяніе и на національный конгрессъ. Онъ взывалъ къ религіозному чувству Американцевъ, возмущающемуся противъ владычества магометанской династіи надъ христіанскими народами. Въ то же время, опираясь на чувство уваженія къ женщинѣ, которое въ Америкѣ развито сильнѣе чѣмъ въ Европѣ, и выставляя на видъ постыдное униженіе женщины на Востокѣ и язву многоженства поражающаго самыя основы человѣческаго общежитія, растлѣвающаго жизнь и обращающаго въ ничто всѣ реформы, какими опекуны Турціи надѣются поддержать и оживить ее, онъ старался проникнуть американское общество убѣжденіемъ, что честь нашего вѣка, нашей религіи, нашей цивилизаціи,

настоятельно требуетъ освобожденія всѣхъ восточныхъ христіанскихъ народностей. Затѣмъ предстояло ему болѣе трудная задача—перенести пропаганду на почву политическую и дипломатическую. Здѣсь прежде всего надобно было выдержать борьбу противъ софизма, выставляемаго турецкими и туркофильскими агентами, будто бы ученіе Монроэ не допускаетъ Американцевъ къ участію въ европейскихъ дѣлахъ. Г. Бингъ, въ многочисленныхъ журнальныхъ статьяхъ, энергически оспаривалъ этотъ софизмъ. Онъ доказывалъ, что ученіе Монроэ ограждаетъ американскій материкъ отъ посягательствъ, но не отнимаетъ у Американцевъ права сочувствовать народамъ Востока. Г. Бингъ доказывалъ, что Америка не должна, не отрекаясь отъ призванія христіанской націи, уклоняться отъ обязанности содѣйствовать освобожденію христіанскихъ народовъ.

Пропаганда г. Бинга имѣла успѣхъ и члены обѣихъ палатъ конгресса доказали на дѣлѣ, что ученіе Монроэ ни сколько не мѣшаетъ Американцамъ выражать свое сочувствіе дѣлу свободы гдѣ бы то ни было. Они доказали это двумя резолюціями сената и палаты представителей, которыя были утверждены президентомъ Соединенныхъ Штатовъ, и тремя другими резолюціями палатъ, которыя были послѣдовательно внесены г. Бромвеллемъ, изъ Иллинойса, г. Шанксомъ, изъ Индіаны, и г. Лоуриджемъ, изъ Айовы. Принимая въ соображеніе, что эти резолюціи, утвержденныя обѣими палатами конгресса и совокупно съ ними исполнительною властью, получили силу національнаго закона, и что оба комитета иностранныхъ дѣлъ, гдѣ онѣ разсматривались, состоятъ изъ членовъ почти всѣхъ штатовъ, слѣдуетъ заключить, что всѣ представители Американскаго народа и всѣ его партіи согласны между собою въ этомъ вопросѣ. Общественное сочувствіе не ограничилось этими заявленіями. Болѣе ста тысячъ долларовъ были пожертвованы для критскаго дѣла въ штатахъ Новой Англіи, Нью-Йоркѣ, Филадельфіи и западныхъ штатахъ. Далѣе, стараніями г. Бинга была основана въ Бостонѣ упомянутая газета *Критянинъ*, разсылаемая къ членамъ конгресса и дѣятельно распространяемая какъ въ Америкѣ, такъ и въ Европѣ. Этотъ листокъ, статьи котораго воспроизводятся по-гречески и по-французски, старается возбуждать и поддерживать сочувствіе Американцевъ ко всѣмъ восточнымъ христіанамъ.

Одновременно съ тѣмъ, г. Бингъ велъ и дипломатическую пропаганду. Ему удалось поколебать условія Парижскаго трактата, охраняющаго Константинополь со стороны Дарданеллъ, ибо палата представителей утвердила билль, обязывающій правительство заботиться объ отмѣнѣ ограниченій судоходства въ Дарданеллахъ и Черномъ морѣ. Турецкія газеты претендуютъ, что Америка не имѣетъ права вмѣшиваться въ этотъ вопросъ. Американцы отвѣчаютъ имъ, что Турція не имѣетъ права подчинять Америку трактатамъ, которые она никогда не подписывала и которые суть явное нарушеніе международнаго права въ дѣлѣ судоходства по такому проливу какъ Дарданельскій, соединяющій Средиземное море съ Чернымъ и служащій одною изъ важнѣйшихъ артерій морскихъ сообщеній.

Въ заключеніе скажемъ, что множество дѣтей Критянъ воспитываются въ школахъ, основанныхъ, устроенныхъ и управляемыхъ Американцами. Нынѣшній американскій посланникъ при Портѣ, не выходя изъ строгихъ границъ своего офиціальнаго положенія, успѣлъ оказать добрыя услуги дѣлу свободы восточныхъ христіанъ Консулъ Соединенныхъ Штатовъ въ Канеѣ, г. Стильманъ, пріобрѣлъ право на признательность не только Критянъ, но и всего греческаго племени, своими услугами дѣлу человѣколюбія. Ненавидимый, оклеветанный, вынося угрозы и подвергаясь опасности, онъ крѣпко держался на своемъ посту. Еслибъ его дверь не была охраняема звѣзднымъ флагомъ, то онъ давно былъ бы растерзанъ на части. Американскій консулъ въ Сирѣ, г. Эммануилъ Сапунцаки, также оказалъ не малыя услуги правому дѣлу.

Вотъ что̀ дѣлаетъ отдаленная Америка для христіанскихъ племенъ на Востокѣ. Что̀ же Европа?...

Б.

Читая полученное нами и помѣщенное въ нынѣшнемъ № нашей газеты письмо М. В. Юзефовича, мы не можемъ не припомнить одно изъ величайшихъ событій русской исторіи.

8-го января 1654 года въ Переяславлѣ, маленькомъ городкѣ нынѣшней Полтав-

ской губерніи, собиралась казачья рада; довбыши били въ барабанъ: старый гетманъ Малороссіи хотѣлъ, чтобы какъ можно болѣе народа собралось на раду. И весь народъ собрался; площадь была покрыта казаками; многіе сидѣли на заборахъ или стояли на крышахъ сосѣднихъ домовъ. Окруженный полковниками и эсаулами, подъ бунчуками, пришелъ Богданъ Хмельницкій, вступилъ въ кругъ и, поклонясь, объяснилъ, что настало время выбрать себѣ царя.

„Изберите себѣ государя изъчетырехъ, кого захотите: султана Турецкаго, хана Крымскаго, короля Польскаго и Царя православнаго Великой Руси. Царь Турецкій— бусурманъ; всѣмъ намъ извѣстно, какую бѣду терпятъ наши братья православные христіане, Греки, и въ какомъ живутъ утѣсненіи отъ этихъ безбожниковъ. Крымскій ханъ тоже бусурманъ; хоть мы, по нуждѣ, и вели съ нимъ дружбу, однако приняли чрезъ то нестерпимыя бѣды, плѣненіе и нещадное пролитіе крови христіанской. Объ утѣсненіи отъ польскихъ пановъ нечего и говорить: сами знаете, что они лучше собаку чѣмъ нашего брата христіанина почитали. А православный христіанскій царь восточный—одного съ нами греческаго благочестія, единаго закона и исповѣданія: едино мы тѣло церковное съ православіемъ Великой Россіи, главу имѣя Іисуса Христа. Этотъ великій Царь христіанскій склонилъ къ намъ теперь свое милостивое христіанское сердце и прислалъ своихъ ближнихъ людей съ царской милостью. Если мы его съ усердіемъ возлюбимъ, то кромѣ его царской высокой руки благотишайшаго пристанища не обрящемъ. Кто же съ нами не согласенъ, тому вольная дорога, идти куда хочешь.“—„Волимъ подъ царя восточнаго православнаго,“ воскликнулъ народъ въ отвѣтъ на слова *батька*.—„Буди такъ,“ сказалъ Богданъ Хмельницкій, „да укрѣпитъ насъ Господь Богъ подъ его царскою крѣпкою рукою!“ И вслѣдъ за нимъ народъ повторилъ: „Боже, утверди! Боже, укрѣпи, чтобы мы во вѣки были едино!“

И сбылась народная молитва: Великая и Малая Русь *во вѣки стали едино*.

Таково великое событіе совершившееся нѣкогда въ одномъ изъ самыхъ незначительныхъ городковъ Полтавской губерніи, — событіе, разомъ измѣнившее положеніе Россіи и имѣвшее на судьбы ея неизмѣримое вліяніе. Въ самомъ дѣлѣ, что была Россія на половинѣ XVII вѣка? Обширное но бѣдное государство, отброшенное въ дальній сѣверо-восточный уголъ Европы, безъ морей, безъ торговли, безъ просвѣщенія, безъ политическаго значенія и съ весьма слабыми вѣроятностями занять видное мѣсто на исторической сценѣ. Русскій міръ, границы котораго такъ широко намѣтилъ равноапостольный князь Кіева, былъ разбитъ на части, расхищенъ, порабощенъ чужестранцами, ему грозила та же участь, какъ и прочему славянству... Присоединеніе Украйны разомъ измѣнило все положеніе дѣлъ. На переяславской радѣ былъ, можно сказать, предрѣшенъ польскій вопросъ. За нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ польскіе короли протягивали руку къ коронѣ Мономаха, отнынѣ это становилось невозможнымъ; отдѣленіе Украйны отъ Польши надломило Рѣчь Посполитую; это былъ первый шагъ въ ряду раздѣловъ Польши; за нимъ должно было неизбѣжно послѣдовать возсоединеніе и прочихъ областей, отторгнутыхъ нѣкогда отъ Россіи. Изъ глухаго своего уединенія Московское царство разомъ выдвигалось за Днѣпръ. Оно становилось Всероссійскимъ государствомъ; въ немъ должно было образоваться тяготѣніе къ югу, къ Черному морю; въ туманѣ будущаго предвидѣлись столкновенія съ Турціей и великое призваніе Россіи на Востокѣ. Какъ только въ Цареградѣ сдѣлалось извѣстно о возстановленіи русскихъ границъ Владимірова и Ярославова времени, оттуда писали: „Греки Бога молятъ, чтобъ Онъ совокупилъ христіанство воедино и быть бы имъ подъ благочестивымъ христіанскимъ государемъ; только того и дожидаются, какъ государевы ратные люди Дунай-рѣку перейдутъ, и они тотчасъ на Турокъ сами встанутъ и будутъ надъ ними промышлять сообща...“

Этому-то событію давшему такой поворотъ Россіи слѣдовало бы, по мысли возникшей въ Кіевѣ, соорудить памятникъ. Событій столь важныхъ, счастливыхъ и славныхъ, какъ дѣло совершенное Богданомъ Хмельницкимъ, мало во всей тысячелѣтней исторіи Россіи, и можно удивляться лишь тому, что оно давно уже не увѣковѣчено бронзой или гранитомъ... Къ несчастію, мы еще слишкомъ недавно перестали смотрѣть на нашу исторію и на

нашихъ историческихъ дѣятелей чужими глазами, а въ интересахъ многихъ было, какъ замѣчаетъ г. Юзефовичъ, представлять Богдана Хмельницкаго чѣмъ-то въ родѣ Пугачева. Другіе, нелѣпые мечтатели пытались воспользоваться именемъ знаменитаго *батька* казачьяго для того чтобы разрушить его собственное дѣло; они толковали о Малороссіи отдѣльной отъ Россіи и старались выставить Кіевъ соперникомъ Москвѣ... Нѣтъ, Кіевъ есть символъ единства всея Руси,—Великой и Малой, Бѣлой, Черной и Червонной, а Богданъ Хмельницкій былъ однимъ изъ великихъ собирателей Россіи.

Съ живѣйшимъ сочувствіемъ даемъ мѣсто письму г. Юзефовича и сообщаемъ читателямъ о прекрасномъ предположеніи нашего даровитаго художника, г. Микѣшина. Отъ души желаемъ, чтобы мысль о памятникѣ Хмельницкому, воздвигнутомъ на кіевскихъ холмахъ, облетѣла всю Россію, и не сомнѣваемся въ сочувствіи къ ней. Да начертаются на этомъ памятникѣ знаменательныя слова, — *Богдану Хмельницкому единая, недѣлимая Россія*; это было бы отвѣтомъ на молитву Переяславской рады: „Боже, укрѣпи, чтобы мы во вѣкъ были едино."

№ 269.

Москва, 12-го декабря.

Въ числѣ разсматриваемыхъ теперь новыхъ правилъ по крестьянскому дѣлу сѣверо-западнаго края находится предположеніе объ обязательной для помѣщиковъ и для крестьянъ отмѣнѣ пастьбищнаго сервитута по паровымъ полямъ, скошеннымъ лугамъ и лѣсамъ бывшаго владѣльца.

При крѣпостномъ правѣ, помѣщики предоставляли крестьянамъ не одну лишь землю для обработки, но дозволяли имъ еще пользоваться господскими угодьями, напримѣръ пасти скотъ по лѣсамъ и господскимъ полямъ, рубить лѣсъ на постройку и на топливо, сбирать валежникъ, вѣтви, листья на подстилку скоту, хвойныя иглы и пр. Эти сервитуты были чрезвычайно разнообразны; въ иномъ имѣніи встрѣчались всѣ виды ихъ; въ другомъ лишь нѣкоторые.

Всѣ сервитуты, существовавшіе во внутреннихъ губерніяхъ Россіи при крѣпостномъ правѣ, отмѣнены Положеніемъ 1861 года, и эта мѣра не вызвала особенныхъ затрудненій, благодаря отсутствію вражды между нашими сословіями и той благородной роли, которую большинство русскаго дворянства заняло въ крестьянской реформѣ. Изъ помѣщиковъ внутреннихъ губерній весьма немногіе ищутъ случая прижать крестьянъ и дать имъ почувствовать свою власть; большинство помѣщиковъ по прежнему позволяетъ крестьянамъ пасти скотъ по пару, сбирать хворостъ въ лѣсу и т. п., и часто это дозволяется безъ всякаго вознагражденія. Впрочемъ, и въ губерніяхъ внутреннихъ отмѣна сервитутовъ сопровождалась мѣстами сокращеніемъ крестьянскаго скотоводства, и дозволеніе пасти скотъ на господскихъ поляхъ есть почти повсюду для помѣщиковъ дешевое средство держать крестьянъ въ зависимости отъ себя.

Иначе стояло дѣло сервитутовъ, и преимущественно пастьбищнаго, въ тѣхъ краяхъ и мѣстностяхъ, гдѣ село распадается на двѣ непріязненныя стороны. Ни Австрія, ни Пруссія не рѣшились отмѣнить сервитуты при упраздненіи крѣпостнаго права въ бывшихъ польскихъ провинціяхъ. Наши сосѣди поняли, что внезапное упраздненіе пастьбищнаго сервитута поставило бы крестьянъ въ тяжкую зависимость отъ пановъ. Во всѣхъ областяхъ покойной Польши крестьянскіе промыслы были убиты и, въ то же время, крестьяне, задавленные барщиной, имѣли самые незначительные надѣлы земли. Паны рѣдко предоставляли крестьянамъ особые выгоны для пастьбы, а ограничивались дозволеніемъ гонять скотъ въ лѣсахъ и по пару. Крутой переходъ въ границы собственно крестьянскихъ земель, съ упраздненіемъ пользованія на помѣщичьихъ угодьяхъ, заставилъ бы крестьянъ либо измѣнить хозяйство, начать посѣвъ кормовыхъ травъ и держать скотъ въ стойлахъ, либо какою бы то ни было цѣной вымаливать позволеніе владѣльца на прежнее пользованіе его угодьями. Послѣднее обстоятельство, вѣроятно, не казалось желательнымъ ни прусскому, ни австрійскому правительствамъ, и они съ крайнею осторожностью приступили къ упраздненію сервитутовъ. Сколько намъ извѣстно, пастьбищные и отчасти лѣсные сервитуты до сихъ поръ еще окончательно не отмѣнены въ Галиціи. Графъ Голуховскій пытался въ послѣднее время покон-

чить съ ними, но мы не имѣемъ свѣдѣній о томъ, къ чему повели попытки графа Голуховскаго, о которыхъ писали въ газетахъ.

Въ Царствѣ Польскомъ, по 4 ст. конституціоннаго устава 22-го іюля 1807 года, крестьяне объявлены свободными и полноправными, но это не избавило правительства отъ заботъ о сервитутахъ. Указъ 18-го іюня 1830 года опредѣлилъ право пользованія сервитутами, а также порядокъ отмѣны ихъ за вознагражденіе. Вопреки всѣмъ экономическимъ невыгодамъ представляемымъ сервитутами, паны сами удерживали ихъ, и указъ 1846 года закрѣплявшій крестьянское пользованіе засталъ ихъ почти повсемѣстно. Пастьбищный сервитутъ въ лѣсахъ принадлежитъ къ числу самыхъ неудобныхъ; иногда трудно отвести такой участокъ лѣса, въ которомъ бы вовсе не было молодыхъ зарослей и границы котораго строго бы соблюдались; право входа въ лѣсъ облегчаетъ лѣсныя кражи и пр. Однако, пастьбищный сервитутъ существовалъ во множествѣ имѣній еще въ то время, когда его отмѣна зависѣла отъ произвола помѣщиковъ. Крѣпостное право уже было упразднено, и помѣщики, не имѣя повода много заботиться о благосостояніи своихъ крестьянъ, всячески ихъ стѣсняли, но пастьбищный сервитутъ оставался въ силѣ: настолько была очевидна невозможность для крестьянъ безъ него обойтись.

Соціальный переворотъ, которымъ, съ согласія пановъ, сопровождался мятежъ 1863 года, обѣщалъ крестьянамъ даровую землю. Онъ имѣлъ бы несомнѣнно болѣе пагубныя послѣдствія, еслибы между панами и крестьянами не открылись тогда раздоры по поводу обезземеленія и сервитутовъ, а также изъ-за перенесенія усадебъ. Въ этихъ раздорахъ, отнявшихъ у помянутой революціонной мѣры добрую долю ея политическаго значенія, сказались существенныя стороны крестьянскаго вопроса и между прочимъ обнаружилась чрезвычайная важность сервитутовъ для крестьянскаго хозяйства: безъ сервитутовъ даже даровое предоставленіе надѣла не имѣло цѣны въ ихъ глазахъ. Правительство приняло во вниманіе эти обстоятельства и взяло въ свои руки рѣшеніе столь важныхъ вопросовъ. Статья 11 Положенія 19-го февраля 1864 года признала за крестьянами право на все то пользованіе, которое они имѣли при изданіи Положенія' а также право на возстановленіе всего пользованія 1846 года. Упраздненіе сервитутовъ допущено впредь лишь по утвержденнымъ добровольнымъ соглашеніямъ сторонъ или на основаніи новыхъ правилъ, которыя обѣщано было издать, но съ „непремѣннымъ условіемъ, чтобы владѣлецъ выдалъ крестьянамъ соотвѣтственное вознагражденіе“ (ст. 12).

Учредительный комитетъ, столь несправедливо упрекаемый за пристрастіе къ крестьянамъ, велъ дѣла о сервитутахъ съ съ чрезвычайною осмотрительностью, которой мы не видимъ даже въ дѣйствіяхъ точныхъ и опытныхъ австрійскихъ чиновниковъ въ Галиціи *). Порядокъ избран-

*) Учредительный комитетъ былъ такъ остороженъ, что сперва поручилъ лишь коммиссіямъ право рѣшать дѣла о возстановленіи сервитутовъ по обычаю (ст. 118) лишь потомъ, когда коммиссары при приготовительныхъ работахъ познакомились съ подробностями и вскрылась совершенная однородность подобныхъ случаевъ, рѣшеніе такихъ дѣлъ предоставлено коммиссарамъ (ст. 231). Учредительный комитетъ рѣшилъ, кассаціоннымъ толкованіемъ, что ст. 11-я Положенія относится лишь къ лѣсному и патьбищному сервитутамъ и не распространяется на другіе виды послѣднихъ, напримѣръ на право втораго укоса и проч. (ст. 578 пост. Учр. Ком.). Коммиссарамъ было поручено прежде всего привести въ извѣстность виды и размѣры сервитутовъ: обоюдность и необоюдность пастьбищнаго сервитута по полямъ, число головъ скота которое выпускается на пастьбище и на какое пространство и проч. Такое регулированіе сдѣлано въ Австріи лишь нѣсколько лѣтъ спустя послѣ выкупа. Относительно вознагражденія крестьянъ за сервитуты, возстановленіе которыхъ было бы сопряжено съ разстройствомъ помѣщичьихъ хозяйствъ, были приняты мѣры: опредѣлены главнѣйшіе виды такого разстройства (выключеніе пароваго поля въ многопольное хозяйство безъ пара, распашка или засадка пастьбищъ со введеніемъ ихъ въ садовое, огородное и полевое хозяйства и проч.) и крестьянскимъ комитетамъ поручено собрать подробныя свѣдѣнія о каждомъ изъ такихъ случаевъ, соглашать стороны къ вознагражденію за возстановленный сервитутъ, а въ случаѣ недостиженія соглашенія представлять все дѣло въ учредительный комитетъ. Высочайшее повелѣніе 21-го апрѣля 1865 г. предоставило учредительному комитету рѣшать дѣла по вознагражденіямъ за невозстановленные сервитуты. Въ журналахъ учредительнаго комитета находится множество любопытныхъ относящихся сюда примѣровъ. Съ какою точностью дѣлалась эта замѣна сервитутовъ, показываютъ случаи по дд. Орла-Гура, Семнова, Семитька и др., было разчитано сколько и какого скота пасли крестьяне, во что цѣнится пастьбище съ головы и за тѣмъ крестьянамъ отведено земли столько, чтобы доходъ съ нея покрылъ наемъ пастьбища въ прежнихъ размѣрахъ (ст. 422, 506 и пр.). Затѣмъ учредительнымъ коми-

ный учредительнымъ комитетомъ есть единственный путь къ правильному рѣшенію дѣла. Сервитуты Царства Польскаго были приведены въ точную извѣстность и регулированы; случаи вознагражденія крестьянъ за сервитуты, не возстановимые безъ нарушенія помѣщичьяго хозяйства, восходили на рѣшеніе самого комитета послѣ тщательнаго изученія всѣхъ подробностей дѣла на мѣстѣ; помѣщиковъ поощряли къ заключенію добровольныхъ сдѣлокъ по замѣнѣ сервитутовъ особыми угодьями и съ этою цѣлію въ нѣкоторыхъ случаяхъ выдавали ликвидаціонное вознагражденіе за эти угодья. Результатомъ порядка, принятаго въ Царствѣ Польскомъ, были 4.224 добровольныя сдѣлки, обыкновенно по цѣлымъ селеніямъ, замѣнявшія сервитуты отводомъ лѣса или полевой земли. (Обз. хода кр. д. въ Ц. П. стр. 13). Замѣна сервитутовъ въ Царствѣ Польскомъ шла постепенно, не разстраивая быта крестьянъ и съ тѣмъ вмѣстѣ скопляя матеріалъ для опредѣленія условій и данныхъ, по которымъ можно бы было основательно приступить къ *обязательной* отмѣнѣ сервитутовъ, разумѣется, по требованію одной изъ сторонъ. Сколько извѣстно, проектъ упраздненія сервитутовъ въ бывшемъ Царствѣ Польскомъ уже составленъ и внесенъ въ учредительный комитетъ. По слухамъ, въ этомъ проектѣ выработаны правила о различнаго рода вознагражденіяхъ, сообразныхъ мѣстнымъ условіямъ; предполагается вести дѣло и впредь постепенно и осторожно, безъ чего важный вопросъ о сервитутахъ врядъ ли можетъ быть рѣшенъ удовлетворительно.

Въ юго-западномъ краѣ право пастьбы скота по полямъ общаго сѣвооборота предоставлено крестьянамъ Высочайшимъ повелѣніемъ 4-го апрѣля 1865 года. Мѣстное Положеніе 19-го февраля 1861 года для сѣверо-западныхъ губерній закрѣпляло за крестьянами все ихъ дѣйствительное пользованіе, а слѣдовательно и сервитуты, хотя о нихъ прямо не упоминалось. Ст. 136 Мѣстнаго Положенія, на которую обыкновенно ссылаются въ доказательство того, что въ сѣверо-западномъ краѣ сервитуты были отмѣнены, вовсе не опредѣляетъ пользованія крестьянъ; она лишь облегчаетъ повинности оброчныхъ крестьянъ, сообразно съ порядкомъ, принятымъ въ инвентаряхъ. Графъ Муравьевъ много разъ свидѣтельствовалъ о необходимости поставить крестьянъ въ независимое отъ пановъ положеніе, и когда губернаторы извѣстили, что паны стали усердно стѣснять крестьянъ въ пастьбищѣ и топливѣ, графъ Муравьевъ разъяснилъ, что (какъ сказано въ циркулярѣ 1-го іюля 1864 года) крестьянамъ дозволено „пасти скотъ тамъ, гдѣ они пасли его при крѣпостномъ правѣ, впредь до разграниченія угодій, если только за пользованіе этими пастьбищами они не были облагаемы особою повинностью.“ Министерство внутреннихъ дѣлъ указывало главному комитету на распоряженіе графа Муравьева, касающееся отпуска топлива, полагая необходимымъ разсмотрѣть этотъ вопросъ по окончаніи выкупной операціи въ краѣ, но возстановленіе пастьбищнаго сервитута не возбудило никакихъ замѣчаній. Выкупные акты, въ которыхъ возстановлялся пастьбищный сервитутъ, утверждались министерствомъ и главнымъ выкупнымъ учрежденіемъ, причемъ былъ признанъ и самый порядокъ, принятый по этому дѣлу въ сѣверо-западномъ краѣ. Возвращеніе крестьянамъ права пастьбы по угодьямъ помѣщика представляло въ литовскихъ губерніяхъ гораздо меньше затрудненій чѣмъ въ Царствѣ Польскомъ: въ виленскомъ генералъ-губернаторствѣ въ большей части случаевъ закрѣплялось не прекращавшееся пользованіе, или возстановлялось пользованіе времени весьма близкаго (1861

тетомъ изданы правила разрѣшающія помѣщику рубить лѣсъ обремененный сервитутами, подъ условіемъ лишь свидѣтельства коммиссара о томъ, что предлагаемая рубка не уменьшитъ размѣра пользованія крестьянъ (ст. 31 экстрен. жур.). Учредительный комитетъ призналъ силу положеннаго совѣтомъ управленія 1-го апрѣля 1862 г. запрещенія на право пастьбы въ казенныхъ лѣсахъ. Большинство казенныхъ крестьянъ было уже очищевано съ вознагражденіемъ угодьями за пастьбищный сервитутъ. Рѣшеніе не возстановлять этого сервитута (ст. 219) тамъ гдѣ его уже не было, не помѣшало комитету облегчить крестьянамъ казеннымъ и частнымъ право на пользованіе угаемъ, т. е. хворостомъ, вѣтвями и проч. и обставить его такими гарантіями, при которыхъ оно могло быть лишь полезно для лѣснаго хозяйства (ст. 232). Въ послѣдствіи, когда оказалось, что нѣкоторые крестьяне Августовской губерніи вовсе не имѣютъ пастьбищъ, комитетъ для извѣстныхъ случаевъ (недостаточность надѣла) разрѣшилъ на извѣстный срокъ пастьбу скота въ помѣщичьихъ лѣсахъ, долженъ былъ не разъ продолжать этотъ срокъ и распространять дозволенія на другія губерніи (ст. 682, 1.114), но въ то же время составлялись уже предположенія объ отводѣ угодій на пастьбища въ исключительныхъ случаяхъ.

года) и послѣ котораго не могло произойти большихъ перемѣнъ въ помѣщичьемъ хозяйствѣ. Порядокъ возстановленія пастьбищныхъ сервитутовъ въ сѣверо-западномъ краѣ неизвѣстенъ намъ въ точности. Мы знаемъ лишь, что когда въ Минской губерніи нѣкоторыя учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ вздумали собственною властію отказывать крестьянамъ въ правѣ пастьбы по пару въ тѣхъ случаяхъ, когда имъ предоставлены пастьбища специальныя и по лѣсамъ, то генералъ-адъютантъ Кауфманъ разъяснилъ, что такіе пріемы несогласны съ циркуляромъ графа Муравьева и съ порядкомъ установившимся въ остальныхъ губерніяхъ. Извѣстно также, что въ иныхъ актахъ повѣрочныя коммиссіи не опредѣляли въ точности размѣра пастьбищнаго сервитута по лѣсамъ, а ограничивались указаніемъ что крестьянамъ предоставляется пасти скотъ на мѣстахъ прежняго пользованія. Это и подало поводъ къ анекдотамъ о томъ, что крестьянамъ отведены подъ пастьбище десятки тысячъ десятинъ лѣса. Одинъ случай невозможнаго возстановленія сервитута въ имѣніи съ многопольнымъ хозяйствомъ (имѣніе г. Задки) и два примѣра (имѣнія Лаздуны и Нарушевичи) предоставленія крестьянамъ пастьбы на угодьяхъ, будто бы вовсе не бывшихъ въ ихъ пользованіи, составляютъ также анекдотическую сторону дѣла, и порядокъ, которому слѣдовали въ краѣ власти возстановлявшія пастьбищный сервитутъ, остается все еще не выясненнымъ, несмотря на всѣ нападки, коимъ эти власти подвергались: три-четыре случая неправильныхъ дѣйствій еще не свидѣтельствуютъ о характерѣ общей мѣры

Графъ Муравьевъ, какъ извѣстно, усиленно хлопоталъ объ утвержденіи составленнаго тогдашнимъ виленскимъ управленіемъ проекта разверстанія, причемъ имѣлось въ виду упразднить пастьбищные сервитуты. Въ этомъ проектѣ предполагалось, чтобъ учрежденія по крестьянскимъ дѣламъ опредѣляли на мѣстѣ въ каждомъ селеніи способъ вознагражденія крестьянъ за пастьбищный сервитутъ по *угодьямъ* и лѣсамъ помѣщика по примѣру порядка принятаго въ Высочайшемъ повелѣніи 6-го сентября 1863 года относительно разверстанія лѣсныхъ покосовъ (между деревьями). Но въ прошломъ 1867 году былъ составленъ въ Вильнѣ, преимущественно чиновниками министерства внутреннихъ дѣлъ, новый проектъ разверстанія, при которомъ также упразднялись и пастьбищные сервитуты. Проектъ этотъ, какъ извѣстно, находился на разсмотрѣніи главнаго комитета, который, если не ошибаемся, указалъ, что правила по обязательному разверстанію и по упраздненію сервитутовъ, на добровольномъ соглашеніи не основанному, должны быть составлены не произвольно, а опираться на изученіе случаевъ добровольнаго соглашенія по этимъ предметамъ. Въ сѣверо-западномъ краѣ, сколько мы знаемъ, было не мало подобныхъ соглашеній; весьма значительное число сдѣлокъ состоялось, напримѣръ, по Люцинскому уѣзду Витебской губерніи.

Соотвѣтствуетъ ли новый проектъ этимъ указаніямъ? Были ли добровольныя соглашенія изучаемы въ Вильнѣ? Нѣтъ никакого слѣда чего-либо подобнаго. Новый проектъ принимаетъ отвлеченныя нормы и озабоченъ преимущественно тѣмъ, чтобы крестьяне получили возможно меньшее вознагражденіе. Онъ составленъ спѣшно и предположено приводить его въ исполненіе еще съ большею спѣшностью. Составители проекта какъ бы сами не вѣрили въ возможность того, чтобы выработанныя ими мѣры были долговѣчны, и предлагаютъ такую торопливость въ ихъ осуществленіи, что одна уже эта сторона проекта достаточно характеризуетъ его.

Упраздненіе сервитутовъ облегчаетъ возможность лучшаго устройства хозяйства и поднимаетъ цѣнность имѣній. Понятно, что упраздненіе сервитутовъ будетъ въ интересахъ помѣщиковъ, но новыя предположенія не ограничиваются предоставленіемъ помѣщику права требовать замѣны сервитута. Эта замѣна, въ противность порядку принятому въ Царствѣ Польскомъ, сдѣлана обязательною. Въ теченіе слѣдующихъ двухъ лѣтъ посредники должны объѣзжать имѣнія и упразднять сервитуты даже въ тѣхъ случаяхъ, еслибы помѣщикъ вовсе и не желалъ того или еслибы по какимъ-либо причинамъ не успѣлъ онъ представить свой проектъ замѣны сервитутовъ. Такимъ образомъ всѣ почему-либо отсутствующіе русскіе владѣльцы будутъ имѣть удовольствіе видѣть что ихъ имѣнія устроены чиновниками въ нѣсколько дней, безъ изученія мѣстныхъ обстоятельствъ и условій. Въ имѣніяхъ стоящихъ на очереди для перехода къ русскимъ владѣльцамъ, то-есть въ имѣніяхъ

обязательной продажи или обремененныхъ долгами, польскій панъ, уже равнодушный къ интересамъ имѣнія, по всей вѣроятности предоставитъ все дѣло произволу чиновника. Той же произвольной чиновничьей передѣлкѣ подвергнутся, можетъ-быть къ ущербу владѣльцевъ, имѣнія малолѣтнихъ и вообще состоящія подъ опекой. Для всяческихъ злоупотребленій будетъ открыто тѣмъ болѣе широкое поле, что перевершители крестьянскаго дѣла въ сѣверо-западномъ краѣ получатъ возможность оправдываться крайнею спѣшностью возложенной на нихъ работы.

Крутая замѣна сервитутовъ, по нормамъ произвольнымъ, а не выведеннымъ изъ соглашеній, и притомъ обязательная въ теченіе такого короткаго срока, что *на каждое имѣніе придется едва три дня работы посредника*, должна влiять гибельно на сельское хозяйство цѣлаго края, препятствовать водворенію въ немъ русскаго землевладѣнія и породить столько жалобъ, что для ихъ разбора придется учредить особое вѣдомство. Что касается до подробностей предлагаемаго способа замѣны сервитутовъ, то онѣ въ такой мѣрѣ неожиданны, что мы находимъ необходимымъ разсмотрѣть ихъ завтра въ особой статьѣ.

№ 270.

Москва, 13-го декабря.

Возвращаемся къ предмету нашей вчерашней статьи.

Если оказалось неудобнымъ отмѣнять пастьбищный сервитутъ въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ при самомъ производствѣ выкупа, когда за крестьянами только еще укрѣплялись права на земли и угодья, то понятно, что упраздненіе какого-либо сервитута окончательно предоставленнаго крестьянамъ-собственникамъ не можетъ быть сдѣлано безъ соотвѣтственнаго вознагражденія за отходящее отъ нихъ пользованіе. Положеніе 19-го февраля 1864 года постановило такое правило для всѣхъ сервитутовъ въ Царствѣ Польскомъ (ст. 12).

А между тѣмъ, проектъ нынѣшней администраціи сѣверо-западнаго края предполагаетъ отмѣнить пастьбищный сервитутъ по полямъ и лугамъ безо всякаго вознагражденія крестьянъ. Подобное нарушеніе данныхъ крестьянамъ имущественныхъ правъ мотивируется тѣмъ, что при крѣпостномъ правѣ означенный сервитутъ былъ якобы обоюдный. Но мало ли чего не было при крѣпостномъ правѣ? Развѣ бывшее въ ту пору можетъ служить образцомъ для того какъ слѣдуетъ относиться къ теперешнимъ правамъ крестьянъ-собственниковъ? Впрочемъ, право пастьбы по паровымъ полямъ и лугамъ вовсе не было неизмѣнно обоюднымъ и при крѣпостномъ правѣ, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьянскіе надѣлы сравнительно съ господскою землей незначительны, какъ по большей части бываетъ въ сѣверо-западномъ краѣ. Во всякомъ случаѣ теперь пастьбищный сервитутъ предоставленъ въ огромномъ большинствѣ актовъ однимъ крестьянамъ и приходится имѣть дѣло именно съ этимъ установившимся фактомъ, а не съ тѣмъ, что существовало во время крѣпостной зависимости. Въ инструкціи 16-го іюля 1850 года объ оцѣнкѣ повинностей въ Галиціи право (необоюдное) пастьбы по пару и по лугамъ оцѣнялось наравнѣ со всѣми другими обязательствами сторонъ. Въ Царствѣ Польскомъ упоминаемый сервитутъ подлежитъ отмѣнѣ не иначе какъ за вознагражденіе: есть ли возможность на правомъ берегу Буга упразднять его даромъ во имя крѣпостнаго права?

Право пастьбы по паровымъ полямъ и лугамъ даетъ во многихъ имѣніяхъ наибольшее количество подножнаго корма сравнительно съ лѣсною пастьбой, и есть самый подручный видъ пользованія пастьбищемъ. Какъ высоко цѣнится этотъ сервитутъ, видно изъ нѣкоторыхъ примѣровъ отмѣны его за вознагражденіе въ Царствѣ Польскомъ. Въ имѣніи Дрязлево Влоцлавскаго уѣзда крестьянамъ прибавлено въ вознагражденіе за пастьбищный сервитутъ пять морговъ къ прежнимъ семи на усадьбу, и эта сдѣлка состоялась еще въ 1862 году; она лишь подтверждена учредительнымъ комитетомъ (ст. 455). Въ имѣніи Кшисосы владѣлецъ предоставилъ крестьянамъ за то же право пастьбы не только чистое пастьбище, но и часть луга. Безъ сомнѣнія, изученіе добровольныхъ соглашеній по отмѣнѣ сервитутовъ въ сѣверо-западномъ краѣ ни въ какомъ случаѣ не подтвердило бы упраздненія пастьбы по пару и пожнямъ безъ вознагражденія, а добровольныя сдѣлки, кажется, ближе къ дѣлу чѣмъ крѣпостное право,—единствен-

ный аргументъ приводимый составителями нынѣшняго проекта.

Права на пастьбу по лѣсамъ предполагается отмѣнить съ извѣстнымъ вознагражденіемъ, но норма этого вознагражденія въ большей части случаевъ ничтожна, и притомъ она не выведена изъ опыта, а составлена на основаніи умозаключеній. Тутъ играютъ большую роль правила для люстраціи казенныхъ имѣній, которыя на самомъ дѣлѣ не могутъ дать никакихъ указаній. Люстрація занималась не закрѣпленіемъ существующихъ надѣловъ за крестьянами, а улучшеніемъ поземельнаго обезпеченія крестьянъ. При люстраціонныхъ дѣйствіяхъ имѣлось въ виду чтобъ у крестьянъ было достаточное количество не только чистыхъ пастьбищъ, но и сухаго корма, то-есть сѣнокосовъ. Приравнивать отводъ лѣсной, а тѣмъ болѣе всякаго рода малоудобной земли, къ надѣленію крестьянъ казенныхъ имѣній пастьбищемъ настоящимъ въ возмѣщеніе за сервитутъ нѣтъ никакой возможности.

Выкупъ пастьбищнаго сервитута въ лѣсахъ по разбираемому проекту будетъ для крестьянъ равносиленъ отнятію у нихъ части земель ихъ надѣла. Чтобъ объяснить значеніе этой операціи, надобно сказать, что такое въ сѣверо-западномъ краѣ такъ-называемыя необложенныя земли. Это вовсе не какая-нибудь даровая придача, полученная крестьянами сверхъ того надѣла, на который они имѣли право по закону. Это такая же неотъемлемая составная часть надѣла какъ и земли обложенныя, и вся разница между тѣми и другими та, что по принятой системѣ оцѣнки надѣла для опредѣленія повинностей берется въ разчетъ не весь надѣлъ, а лишь та болѣе цѣнная часть его, которая и называется вслѣдствіе того землями облагаемыми или цѣнимыми. По правиламъ инвентарей, повинности крестьянъ опредѣлялись частью произведеній съ земли, а потому цѣнились только пахатныя и сѣнокосныя земли. Тотъ же порядокъ таксацій принятъ и въ Мѣстномъ Положеніи, а равно и при обязательномъ выкупѣ. По ст. 136 Положенія пастьбища не облагаются никакимъ платежомъ. При другихъ пріемахъ таксаціи можно было бы обойтись безъ этого раздѣленія земель на облагаемыя и не облагаемыя, и тогда удобныя изъ нынѣшнихъ необлагаемыхъ земель вошли бы въ оцѣнку, но, само собой разумѣется, оцѣнка облагаемыхъ земель была бы нѣсколько ниже противъ теперешняго. Словомъ, все это различіе между землями вошедшими и не вошедшими въ оцѣнку касается лишь таксаторскихъ дѣйствій, а отнюдь не правъ владѣнія. Но терминъ много значитъ, и вотъ земли особо неоцѣненныя трактуются какъ будто бы онѣ были даровою частью надѣла, которая могла быть и не быть предоставлена крестьянамъ. Чѣмъ больше крестьяне получили особо неоцѣненныхъ земель, тѣмъ меньшее вознагражденіе предполагается дать имъ за отходящіе отъ нихъ сервитуты. Полное возмѣщеніе за сервитутъ ($1\frac{1}{2}$ десятины на участокъ въ 20 дес. оцѣненной земли, участокъ, замѣтимъ кстати, воображаемый, потому что въ дѣйствительности подворные участки, во всѣхъ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, кромѣ Ковенской, много меньше) дается лишь когда на 20 дес. обложенныхъ платежомъ придется менѣе 2 дес. необложенныхъ, а изъ каждыхъ 480 кв. саж. сверхъ 2 дес. засчитывается $82\frac{1}{2}$ кв. саж. за сервитутъ такъ, что при 50% особо неоцѣненныхъ земель крестьяне получаютъ за право пастьбы по лѣсамъ всего 300 саж. ($\frac{1}{8}$ дес.) на участокъ въ 20 дес. оцѣненной земли.

Итакъ, пастьбу по полямъ и лугамъ предполагается отмѣнить безо всякаго вознагражденія, а пастьбу по лѣсамъ замѣнить такъ сказать отчасти отводомъ крестьянамъ собственныхъ ихъ земель. Въ довершеніе ироніи эти собственныя земли крестьянъ будутъ часто болота или пески. Дѣло въ томъ, что въ разрядѣ земель особо неоцѣненныхъ проектъ разумѣетъ безразлично и удобныя и неудобныя земли, а потому во многихъ имѣніяхъ въ зачетъ вознагражденія на пастьбищный сервитутъ въ лѣсахъ непремѣнно пойдутъ земли совершенно неудобныя. Какую важность имѣетъ это обстоятельство можно видѣть изъ количества неудобныхъ земель въ нѣкоторыхъ частяхъ сѣверо-западнаго края. Въ Гродненской губерніи считается 18% пространства подъ неудобною землей, въ Мозырскомъ уѣздѣ до 25% подъ *чистыми* болотами.

Право пановъ на возвращеніе имъ крестьянскихъ земель особенно не оцѣненныхъ объясняется въ проектѣ тѣмъ, что паны *постоянно домогаются* подобной мѣры. Удивительный аргументъ! Мало ли

чего паны не домогаются постоянно? До сихъ поръ они довольно постоянно домогались раздробленія Россійской Имперіи. Панскія домогательства на необложенныя платежомъ земли совершенно противозаконны.

Въ приложенной къ Высочайше утвержденнымъ правиламъ 9-го апрѣля 1863 формѣ акта и слѣдущаго къ нему списка показывается въ особой графѣ, сколько пастбищъ и неудобныхъ мѣстъ вошло въ черту выкупной земли. Высочайше утвержденная 7-го апрѣля 1864 года инструкція повѣрочнымъ коммиссіямъ предписываетъ включать въ число неоцѣняемыхъ земель перелоги (отд. 1, ст. 1, прим. 1), заросли, мѣста подъ вырубленнымъ лѣсомъ, не употребляемыя ни для пашни, ни для сѣнокоса (отд 2 ст. 5). Вотъ основанія непререкаемаго права крестьянъ-собственниковъ на такъ-называемыя неоцѣняемыя земли. Откуда же вдругъ явились права пановъ на возвращеніе хотя части этихъ земель, дабы пустить ихъ въ зачетъ вознагражденія за сервитутъ?

Мы имѣли случай сказать, что о Высочайшемъ повелѣніи 7-го апрѣля 1864 года нынѣ старательно умалчиваютъ, что его не поминаютъ ни разу, но врядъ ли изъ такого порядка могутъ возникнуть какія-либо права для пановъ. Высочайшее повелѣніе 7-го апрѣля 1864 года имѣетъ еще, благодаря Бога, силу закона, и потому мало ли, много ли пришлось особо-неоцѣняемыхъ земель крестьянамъ, во всякомъ случаѣ эти земли составляютъ неотъемлемую ихъ собственность. Впрочемъ изъ подробныхъ цифръ приведенныхъ въ октябрьской книжкѣ *Русскаго Вѣстника* (статья „Крестьянское дѣло въ сѣверо-западномъ краѣ") по всѣмъ уѣздамъ сѣверо-западнаго края оказывается, что крестьяне вовсе не получили значительнаго количества неоцѣненной земли.

По шести губерніямъ этого края поминаютъ девять случаевъ, повидимому, дѣйствительно слишкомъ значительнаго количества неоцѣненныхъ земель. Но въ числѣ этихъ девяти случаевъ одинъ, по имѣнію Переходичи, относится лишь къ проекту акта даже необъявленнаго сторонамъ, другой по имѣнію Санники излагается не полно, ибо, какъ объявлено въ № 32 *Гродненскихъ Губернскихъ Вѣдомостей*, помѣщикъ призналъ дѣйствія повѣрочной коммиссіи правильными и прекратилъ жалобу. Вотъ два образчика того, какъ основательны ссылки составителей проекта на такъ-называемые факты! Но еслибъ эти ссылки и заслуживали полнаго довѣрія, то въ параллель къ приводимымъ девяти случаямъ злоупотребленій мы могли бы помянуть, напримѣръ, имѣніе князя Четвертинскаго, гдѣ крестьяне отказались отъ 300 дес., которыя предоставлялъ имъ помѣщикъ даромъ, имѣніе Илоску и Березну, гдѣ повѣрочная коммиссія нашла лишь 17 дес. неудобныхъ мѣстъ, а самъ помѣщикъ, при исполненіи акта, отдалъ крестьянамъ 482³/₄ дес. неудобной земли. (См. № 38 *Гродненскихъ Губернскихъ Вѣдомостей*). Стало-быть коммиссіи, могли бы мы сказать, были, напротивъ, очень скупы на отводъ неудобной земли. Общій вопросъ можетъ-быть разрѣшенъ лишь обзоромъ всего края. Два-три случая, даже десятокъ-другой случаевъ на шесть губерній, ничего не значатъ для оправданія какихъ-либо общихъ мѣръ...

Годъ тому назадъ полагалось уменьшать вознагражденіе за пастьбищный сервитутъ по лѣсамъ соразмѣрно землямъ неудобнымъ и переложнымъ вошедшимъ въ надѣлъ, а теперь придумано брать въ разсчетъ кромѣ того и пастьбища, находящіяся у крестьянъ, то-есть всѣ необложенныя платежомъ земли. Понятно, что это для крестьянъ еще хуже, потому что тѣмъ меньше будетъ вознагражденіе за отходящій отъ крестьянъ пастьбищный сервитутъ по лѣсамъ. Подобный шагъ впередъ былъ бы понятенъ лишь въ томъ случаѣ, еслибы правительственная задача въ краѣ состояла въ возможно меньшемъ надѣленіи крестьянъ пастьбищами и въ передачѣ крестьянъ въ возможно бóльшую зависимость отъ пановъ. Чѣмъ больше быть крестьянъ зависитъ отъ количества пастьбищъ, тѣмъ стѣснительнѣе являются нынѣ предлагаемыя нормы.

Въ предположеніяхъ, которыя теперь въ ходу, вознагражденіе за пастьбищный сервитутъ по лѣсамъ доведено до ничтожества, и тѣмъ не менѣе не поставлено непремѣннымъ правиломъ даже и то, чтобы въ тѣхъ малыхъ размѣрахъ, въ коихъ былъ бы допущенъ замѣнъ этого сервитута отводились земли годныя для пастьбы. Помѣщикъ можетъ предоставлять крестьянамъ песчаный боръ, топкое болото, даже соснякъ по сыпучему песку. Для этого надобно только увеличить норму воз-

награжденія, и тогда, по проекту панъ получаетъ право сбыть крестьянамъ, подъ видомъ возмездія за сервитутъ, самыя неудобныя мѣста своего имѣнія, даже земли непріуроченныя къ крестьянскому надѣлу.

Въ полѣсныхъ имѣніяхъ предполагается, вмѣсто $1^1/_2$ десятины полнаго вознагражденія за пастьбищный сервитутъ по лѣсамъ, нарѣзывать въ восемь разъ болѣе, то-есть 12 десятинъ, что, повидимому льготно. На дѣлѣ выходитъ иначе. Въ полѣсныхъ имѣніяхъ, гдѣ по офиціальному свидѣтельству существуетъ 4-хъ, 6-ти и 9-тилѣтнее перелоговое хозяйство, на десятину оцѣненной пашни надѣла включалось столько десятинъ перелогу, сколько лѣтъ земля находится въ отдыхѣ и потому необложенныя земли составляютъ почти всегда болѣе 50% оцѣненныхъ. *) При 50% неоцѣненныхъ земель нормальное вознагражденіе было бы $^1/_8$ десятины хорошей земли на нормальный участокъ (20 десятинъ оцѣненной земли), и стало-быть вмѣсто этой восьмушки десятины хорошей земли будетъ отведена одна десятина земли полѣсной. Значитъ въ вознагражденіе за сервитутъ придется въ Полѣсьѣ лишь одна десятина, быть-можетъ, бору съ сыпучимъ пескомъ или топкаго болота! Прибавимъ, что полная $1^1/_2$ д. норма вознагражденія за сервитутъ не подойдетъ почти ни къ одному уѣзду сѣверо-западнаго края, ибо во всѣхъ ихъ (за исключеніемъ двухъ-трехъ уѣздовъ Ковенской губерніи, гдѣ крестьяне лучше обезпечены землей), среднимъ числомъ имѣется въ надѣлѣ больше 10% необложенной платежомъ земли, какъ это видно изъ цифръ, приведенныхъ въ статьѣ *Русскаго Вѣстника*. Наибольшее вознагражденіе придется въ уѣздахъ, гдѣ земля лучше, гдѣ она меньше требуетъ удобренія; напримѣръ, въ Поневѣжскомъ уѣздѣ дадутъ за сервитутъ $1^1/_2$ дес. порядочной земли вознагражденія, а въ Полѣсьѣ, какъ мы сейчасъ видѣли, десятину болота или песковъ. Зачѣмъ было тѣснить крестьянъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ они бѣднѣе? Это уже просто объясняется чрезмѣрною спѣшностью выработки проекта.

Мы никогда не высказывались за удержаніе сервитутовъ на неопредѣленное время; мы, напротивъ, указывали на экономическія неудобства ихъ, но мы разумѣли упраздненіе сервитутовъ разумное, справедливое, постепенное, основанное на изученіи дѣла, принимающее въ разчетъ политическія обстоятельства западнаго края. Всего менѣе предполагали мы возможность того, чтобы замѣна сервитутовъ соотвѣтственнымъ вознагражденіемъ могла повести къ разстройству крестьянскаго хозяйства или еще хуже къ достиженію цѣлей въ родѣ зачета неудобныхъ земель... Единственный путь къ справедливому рѣшенію вопроса о сервитутахъ есть выводъ нормъ и правилъ изъ добровольныхъ (не мнимо, а поистинѣ добровольныхъ) сдѣлокъ, какъ это принято въ Царствѣ Польскомъ. Нельзя также допустить, чтобъ упразднялись сервитуты въ тѣхъ имѣніяхъ, гдѣ отмѣна ихъ явно разстоила бы быть крестьянъ. Тутъ достаточно регулировать сервитуты въ случаѣ если это еще не сдѣлано въ актѣ. Такой пріемъ усвоенъ въ Галиціи относительно лѣснаго сервитута (инстр. 5-го іюля 1852 г.), какъ и вообще спеціальныя инструкціи для оцѣнки и выкупа сервитутовъ въ Австріи слѣдовало бы принять въ соображеніе при серіозной подготовкѣ вопроса о сервитутахъ къ законодательному рѣшенію.

Раздѣлъ выгоновъ и пастьбищъ, состоящихъ въ общемъ владѣніи крестьянъ и помѣщиковъ, предполагается поручить мировымъ учрежденіямъ на томъ основаніи, что каждый владѣлецъ общей дачи можетъ просить о выдѣлѣ слѣдующей ему части по правиламъ полюбовнаго спеціальнаго межеванія. Нельзя не признать совершенной справедливости подобнаго взгляда, оговоривъ впрочемъ, что возлагать на мировыя учрежденія производство межевыхъ дѣйствій можетъ быть не совсѣмъ правильно. Помѣщики и крестьяне представляютъ теперь равноправныя стороны, и къ ихъ общему владѣнію могутъ быть примѣняемы лишь межевые законы. Но ссылаясь на права каждаго владѣльца общей дачи и указывая на межевые законы, надобно соблюдать вѣрность этому взгляду и въ томъ, что изъ него выводится. А между тѣмъ виленскій проектъ предполагаетъ дѣлить общій выгонъ, такъ чтобы крестьянамъ пришлось не больше 1 т. кв. саж. на дворъ, общее пастьбище, такъ чтобы крестьяне получили не больше $^2/_3$ его пространства и не больше $^1/_3$ коли-

*) Теперь отрицаютъ существованіе девятилѣтнихъ перелоговъ, но это отрицаніе основывается лишь на томъ умозрѣніи, что не стóитъ разрабатывать землю не дающую одного урожая въ семь лѣтъ.

-чества ихъ пахатныхъ полей! Признаемся, о такихъ законахъ полюбовнаго межеванія мы еще не слыхивали. Въ имѣніяхъ, гдѣ бытъ крестьянъ много зависитъ отъ скотоводства, гдѣ пахатныя крестьянскія поля незначительны, выдѣлъ общаго пастьбища въ размѣрѣ $^1/_3$ пространства пахатныхъ полей долженъ окончательно разорить крестьянъ. Менѣе разорительно для крестьянъ предположеніе, чтобъ имъ досталось при выдѣленіи никакъ не больше $^2/_3$ пространства общаго пастьбища. Но и это предположеніе произвольно. Треть общаго пастьбища оставляется пану во имя воспоминаній о крѣпостномъ правѣ, чрезъ перетолкованіе ст. 6 Мѣстнаго Положенія.

Что говоритъ эта статья? Она относится къ цѣлому имѣнію и предоставляетъ помѣщику право, при составленіи уставныхъ грамотъ для крестьянъ выходившихъ изъ крѣпостной зависимости, удерживать за собой $^1/_3$ всѣхъ земель имѣнія. Можно ли теперь эту столь извѣстную статью примѣнять къ крестьянамъ-собственникамъ, дабы на ея основаніи урѣзывать ихъ пастьбища, о коихъ въ той статьѣ нѣтъ и рѣчи?

№ 271.

Москва, 14-го декабря.

А.

Въ послѣднее время намъ приходится не разъ поминать ходъ крестьянской реформы въ Царствѣ Польскомъ, далеко оставляющей за собой успѣхъ того же дѣла въ Галиціи и даже Пруссіи. Справедливость требуетъ сказать, что и въ юго-западномъ краѣ крестьянское дѣло идетъ съ замѣчательнымъ успѣхомъ. Достаточно упомянуть, что въ юго-западныхъ губерніяхъ, при всемъ раздраженіи тамошнихъ населеній противъ пановъ, не только не возникло никакихъ особыхъ затрудненій по крестьянскому дѣлу, но оно завершено во множествѣ имѣній добровольнымъ разверстаніемъ угодій.

Безъ всякаго нарушенія принципа собственности, къ началу текущаго года разверстано съ добровольнаго согласія помѣщиковъ и крестьянъ болѣе половины имѣній Кіевской губерніи. Сколько извѣстно, въ настоящее время добровольное разверстаніе исполнено тамъ въ весьма значительныхъ размѣрахъ. Въ Галиціи, за 20 лѣтъ непрерывной работы надъ крестьянскимъ дѣломъ, до сихъ поръ не достигнуто еще по разверстанію тѣхъ результатовъ, какіе, благодаря вѣрному направленію дѣйствій администраціи, осуществились въ юго-западномъ краѣ въ послѣдніе три, четыре года. Обстоятельства, пособлявшія успѣху крестьянской реформы въ юго-западныхъ губерніяхъ, у всѣхъ на виду. Рядъ мѣръ дополнявшихъ Мѣстное Положеніе 19-го февраля состоялъ въ неуклонномъ развитіи началъ, положенныхъ въ основу великой реформы и въ соотвѣтственномъ примѣненіи ихъ къ обстоятельствамъ. Перечислимъ нѣкоторыя изъ упомянутыхъ мѣръ.

Платежи крестьянъ объявленныхъ собственниками зачисляются въ юго-западномъ краѣ въ выкупную ссуду со дня выхода указа объ обязательномъ выкупѣ. Въ сѣверо-западномъ же краѣ крестьяне платятъ послѣ объявленія обязательнаго выкупа, до извѣстныхъ сроковъ, зависящихъ отъ времени утвержденія выкупнаго акта губернскимъ присутствіемъ, оброкъ и лишь излишекъ оброковъ противъ размѣра будущихъ выкупныхъ засчитывается въ ссуду. Ходатайство графа Муравьева о такомъ зачетѣ, который принятъ для юго-западнаго края, не получило хода.

Въ юго-западномъ краѣ разрѣшено облегчать платежи крестьянъ, по такъ-называемымъ добровольнымъ сдѣлкамъ, предшествовавшимъ обязательному выкупу. Подобное же ходатайство генералъ-адъютанта Кауфмана относительно выкупныхъ договоровъ Могилевской губерніи отклонено министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

Въ видахъ уменьшенія обезземеленія, крестьянамъ юго-западныхъ губерній дано право выкупать вакантныя земли не только при составленіи выкупнаго акта, но и послѣ того по актамъ дополнительнымъ. Развязка подобнаго же вопроса въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ подвергается сомнѣнію.

Ходатайства кіевской администраціи, повидимому, непосредственно восходили на рѣшеніе верховной власти, и рядъ Высочайшихъ повелѣній устранилъ всѣ являвшіяся затрудненія.

2-го сентября 1864 года было приказа-

но приводить повинности крестьянъ въ соотвѣтствіе съ дѣйствительною стоимостью надѣла. Эта мѣра не только способствовала прекращенію недоимокъ, но и условила постоянное улучшеніе быта крестьянъ и вслѣдъ за тѣмъ отозвалась на возстановленіи цѣнности помѣщичьей земли.

4-го сентября 1864 года опредѣлены въ точности размѣры крестьянскаго надѣла подлежащаго выкупу, а именно за крестьянами признана вся мірская земля *„сообразно дѣйствительному пользованію 1847 года.“* (См. *Сборн. правит. расп.* т. V, ч. 2-я стр. 26.)

4-го апрѣля 1865 года рѣшены вопросы о пастьбищѣ на поляхъ общаго сѣвооборота, о садахъ, о возстановленіи границъ инвентарнаго надѣла крестьянъ и пр. Этими распоряженіями вносился строгій порядокъ въ разсмотрѣніе дѣлъ, возникавшихъ изъ исключительныхъ мѣстныхъ условій.

Всѣ означенныя Высочайшія повелѣнія мы находимъ въ *Сборникѣ правительственныхъ распоряженій по устройству быта крестьянъ*, въ которомъ не встрѣчаемъ нѣсколькихъ Высочайшихъ повелѣній, касающихся важнѣйшихъ вопросовъ крестьянскаго дѣла въ сѣверо-западномъ краѣ *). Понятно, какія затрудненія должны были возникнуть вслѣдствіе подобной неизвѣстности закона.

Приведенными фактами, при неуклонной, разумной, столько же твердой, сколько и просвѣщенной дѣятельности мѣстной администраціи, не подвергавшейся колебаніямъ и запинкамъ, объясняются главныя причины разницы въ успѣхахъ крестьянскаго дѣла въ Вильнѣ и въ Кіевѣ.

Припомнимъ, что нынѣшняя администрація юго-западнаго края приняла отъ предшествовавшей тяжкое наслѣдіе великихъ затрудненій именно по крестьянскому дѣлу. Интрига успѣла уже выставить чуть ли не мятежниками тѣхъ самыхъ крестьянъ, которые только что предъ тѣмъ помогали усмиренію вооруженнаго бунта. О настроеніи крестьянскаго населенія края говорили тогда почти то же самое, что теперь твердятъ о несчастныхъ Бѣлоруссахъ, будто бы распущенныхъ посредниками, и въ тогдашнихъ толкахъ о юго-западныхъ крестьянахъ было повидимому больше основаній: недоимки въ платежахъ достигали тогда дѣйствительно громадныхъ цифръ; въ Кіевской губерніи онѣ доходили до 89%, въ Волынской—до 75%. Причины подобнаго хода дѣлъ были тщательно изучены въ Кіевѣ, покровъ наброшенный на нихъ интригой сдернутъ, и исполненіе державной воли пріобрѣло твердость и послѣдовательность. Добровольное разверстаніе явилось краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ объ успѣшности заботъ кіевскаго генералъ-губернатора и той настойчивости, съ которою онъ всегда возражалъ на обращеніе сказанной операціи въ принудительную для одной изъ сторонъ.

Мѣры принятыя въ юго-западномъ краѣ всего лучше показываютъ путь для выхода изъ затрудненій возникшихъ въ сѣверо-западномъ краѣ. Мы постараемся разъяснить это сегодня по вопросу о безземельныхъ крестьянахъ.

Обезземеленіе крестьянъ въ мѣстностяхъ, находящихся подъ польскимъ вопросомъ, имѣетъ важное политическое значеніе, предъ которымъ должны смолкнуть толки о преимуществахъ крупной или мелкой собственности. Мятежъ 1863 года представилъ намъ невиданное зрѣлище—приложеніе барщины къ возстанію. Въ панскія шайки принимались на заработки безземельные крестьяне; за злотый, за два въ день они въ точности несли новѣйшій видъ паньщины, исполняя въ шайкахъ служительскія должности. Кромѣ 15 к. въ день, паны сулили еще этимъ несчастнымъ даровой надѣлъ въ послѣдствіи. Этимъ они поставили правительство въ политическую необходимость озаботиться обезпеченіемъ безземельныхъ. Правительство, чрезъ графа Муравьева, приня-

---

*) Въ № 267 нашей газеты, говоря о Высочайшихъ повелѣніяхъ по крестьянскому дѣлу сѣверо-западнаго края, не появившихся въ *Сборникѣ правительственныхъ распоряженій по устройству быта крестьянъ*, мы упомянули три таковыя Высочайшія повелѣнія, но одно изъ нихъ, а именно отъ 26-го іюля 1866 г. оказывается напечатаннымъ въ *Сборникѣ* (т. VII, ч. 2, стр. 13). Чтобы привести третій примѣръ ненапечатанныхъ въ *Сборникѣ* Высочайшихъ повелѣній, слѣдовало помянуть Высочайшее повелѣніе 25-го мая 1864 года о разверстаніи пастьбищъ.

Вѣсть въ послѣднемъ своемъ № объявляетъ, что, по слухамъ, въ сѣверо-западномъ краѣ оставалось въ неизвѣстности въ теченіи двухъ лѣтъ іюньское Высочайшее повелѣніе 1865 года о нераспространеніи повѣрочныхъ дѣйствій на земли ковенскихъ крестьянъ въ Курляндіи. Дѣйствительно, по повѣркѣ, это Высочайшее повелѣніе есть четвертое ненапечатанное въ *Сборникѣ правительственныхъ распоряженій по устройству быта крестьянъ*.

ю впрочемъ мѣры въ пользу не безземельныхъ вообще, а только обезземеленныхъ, въ чемъ большая разница.

Относительно юго-западнаго края забота объ обезземеленныхъ высказалась въ самомъ Положеніи 19-го февраля: они получили право на такъ-называемыя вакантныя земли. Какое значеніе придавалось этой заботѣ, видно изъ Высочайшаго повелѣнія 3-го сентября 1864 года. Мѣстное Положеніе по ст. 4 давало временно-обязаннымъ крестьянамъ право ходатайствовать о возвращеніи вакантныхъ земель въ теченіе *шести* лѣтъ со дня выхода Положенія. Упомянутое Высочайшее повелѣніе даровало крестьянамъ-собственникамъ, отказавшимся при составленіи выкупнаго акта отъ выкупа вакантной земли, право выкупать ее по актамъ дополнительнымъ въ теченіе *девяти* лѣтъ со дня обнародованія Положенія 19-го февраля 1861 года. Администрація юго-западнаго края точно и неуклонно исполняетъ предначертанія Государя Императора.

Въ четырехъ принѣманскихъ губерніяхъ, гдѣ обезземеленіе достигло гораздо бо́льшихъ размѣровъ, чѣмъ въ юго-западномъ краѣ, Положеніе 19-го февраля 1861 года не принимало никакихъ мѣръ для обезпеченія безземельныхъ. Оно давало панамъ исключительную льготу, которая нигдѣ во всей Россіи не предоставлена помѣщикамъ. Высочайше утвержденными 25-го мая 1864 правилами, которыя изданы графомъ Муравьевымъ 18-го октября 1863 г., упомянутая льгота была отмѣнена и приказано надѣлять обезземеленныхъ, потерявшихъ свои участки за время отъ введенія инвентарей до 1857 года, 3-хъ-десятинными, а лишившихся земли послѣ 1857 г. полными участками, бывшими прежде въ ихъ пользованіи. Такой порядокъ велъ въ однихъ случаяхъ къ оставленію за помѣщиками значительнаго количества инвентарной земли, и дѣйствительно, въ большинствѣ имѣній за панами осталась прежняя крестьянская земля въ видѣ пустокъ разбросанныхъ между крестьянскихъ полей. Но въ другихъ случаяхъ надѣлъ обезземеленныхъ пришлось дѣлать изъ фольварковой земли. Сохраняя порядокъ введенный графомъ Муравьевыхъ и Высочайше одобренный, было бы странно оставлять въ немъ въ силѣ лишь выгодное для пановъ неполное возвращеніе инвентарныхъ земель и отвергать выгодный для крестьянъ отводъ фольварковой земли въ исключительныхъ случаяхъ, коихъ впрочемъ было крайне мало и которые встрѣчаются только въ Ковенской губерніи. Если уже измѣнять мѣру графа Муравьева, то слѣдовало бы возстановить инвентарный надѣлъ по повѣркѣ его съ крестьянскимъ владѣніемъ бывшимъ при изданіи инвентарныхъ правилъ, что̀ было сдѣлано въ юго-западномъ краѣ тотчасъ вслѣдъ за введеніемъ инвентарей, но отъ чего успѣли вывернуться паны сѣверо-западнаго края. Тѣмъ не менѣе отводъ надѣла изъ фольварковыхъ земель въ сѣверо-западномъ краѣ былъ вскорѣ воспрещенъ по настоянію министерства внутреннихъ дѣлъ, и это воспрещеніе исполнено административнымъ порядкомъ.

Въ сегодняшнемъ № *Современной Лѣтописи* читатели найдутъ статью объ обезземеленныхъ крестьянахъ сѣверо-западнаго края, въ которой подробно разказаны мѣры принятыя по этому важному вопросу. Проектируемыя нынѣ стѣсненія въ дѣлѣ уменьшенія обезземеленія, о которыхъ также говорится въ этой статьѣ *Современной Лѣтописи*, противорѣчили бы смыслу и ходу крестьянской реформы въ Россіи, гдѣ законодательство стремилось къ повсюдному обезпеченію землей всего сельскаго люда и пошли бы наперекоръ всѣмъ заявленнымъ видамъ правительства относительно Западной Руси.

Предлагаемыя мѣры не только не устраняютъ затрудненій, но еще усиливаютъ запутанность. А между тѣмъ выходъ изъ затрудненій, повидимому, весьма простъ.

Примѣняясь къ смыслу Высочайшаго повелѣнія 3-го сентября 1864 года, которымъ рѣшенъ для югозападнаго края вопросъ о составленіи дополнительныхъ актовъ на вакантныя земли, идущія на обезпеченіе обезземеленныхъ, можно бы утвердить составленные дополнительные акты для обезземеленныхъ сѣверо-западнаго края и признать право на дальнѣйшее составленіе такихъ актовъ до извѣстнаго срока, напримѣръ, до того же 19-го февраля 1870 года. Если въ юго-западномъ краѣ, въ видахъ противодѣйствія обезземеленію, оказалось возможнымъ дать крестьянамъ право выкупа даже тѣхъ вакантныхъ земель, отъ которыхъ они отказались первоначально, то не будетъ ли еще болѣе справедливымъ, если право отыскивать отнятую у нихъ землю будетъ дано обез-

земеленнымъ крестьянамъ сѣверо-западныхъ губерній, не имѣвшимъ возможности при составленіи выкупнаго акта заявить свои ходатайства, вслѣдствіе невыхода самыхъ законоположеній, сюда относящихся? Утвержденіе силы распоряженія генералъ-адъютанта Кауфмана, дозволившаго возвращать обезземеленнымъ землю послѣ утвержденія акта для остальныхъ крестьянъ имѣнія, вполнѣ соотвѣтствуетъ Высочайшему повелѣнію 3-го сентября 1864 года. Въ западной Руси разчетъ помѣщиковъ дѣлался не съ цѣлою сельскою общиной, а съ извѣстнымъ числомъ домохозяевъ, и потому дополнительный актъ не былъ бы тамъ отмѣной первоначальнаго. Уставныя грамоты, какъ справедливо говорится въ статьѣ *Современной Лѣтописи*, и акты могли составляться въ сѣверозападныхъ губерніяхъ не только на каждое селеніе, но и на каждое односелье и застѣнокъ.

Крутая ломка прежнихъ рѣшеній была бы такимъ образомъ избѣгнута и безземельные получили бы однообразное устройство, согласно предположеніямъ графа Муравьева, основаннымъ на особенномъ ходѣ дѣла объ инвентаряхъ въ сѣверо-западномъ краѣ.

Что̀ же касается до актовъ, являющихся въ прямую отмѣну прежнихъ рѣшеній по дѣламъ тѣхъ же самыхъ крестьянъ, то такіе исключительные случаи могли бы быть вносимы на рѣшеніе главнаго комитета, въ который поступаютъ уже дѣла подобнаго рода.

Затѣмъ мы полагаемъ, что цѣль поставленная правительствомъ должна быть достигнута непремѣнно, и потому въ имѣніяхъ, гдѣ акты еще не составлены, надѣленіе обезземеленныхъ должно бы производиться безъ измѣненія прежнихъ основаній этого дѣла. Еще приблизительно одна треть актовъ или не составлены или не утверждены. Нѣтъ никакой возможности лишать третью долю крестьянъ края тѣхъ правъ, коими воспользовались двѣ другія трети.

Особеннаго вниманія правительства не могутъ не заслуживать также эти несчастные вольно-отпущенные, лишенные земли такимъ недостойнымъ маневромъ, какъ описано въ сегодняшней *Современной Лѣтописи*. Въ подобныхъ случаяхъ, бывавшихъ нерѣдко во внутреннихъ губерніяхъ, испрашивались особыя Высочайшія повелѣнія. Есть примѣръ, что крестьянамъ одного селенія Орловской губерніи были возвращены не только земли, но и самыя строенія. (См. Высоч. пов. 24 стр. 1862, 6-го марта, 1-го мая 1863 и пр.)

Б.

Угодно ли вамъ знать, что̀ такое демагогія?

Обратитесь къ *Вѣсти* или къ не менѣе польскому органу, къ краковскому *Часу*, и вы узнаете, что демагогъ и радикалъ есть тотъ, кто противодѣйствуетъ польскимъ интригамъ.

Хотите ли вы знать еще что̀ такое демагогія?

Обратитесь къ газетѣ издаваемой въ Берлинѣ подъ рукой графа Бисмарка и именуемой *Norddeutsche Allgemeine Zeitung*. Тутъ вы узнаете, что демагогъ въ Россіи и въ Европѣ есть тотъ, кто возразитъ что-нибудь противъ политики графа Бисмарка. Демагоги—русскія газеты, обсуждающія прусскую политику съ точки зрѣнія Россіи; демагоги—австрійскіе органы, которые съ своей точки зрѣнія имѣютъ причины не соглашаться съ комбинаціями берлинскаго государственнаго мужа; въ демагоги, наконецъ, попалъ и король Ганноверскій, злополучный Гитцингскій заточникъ...

Norddeutsche Allgemeine Zeitung называетъ „демагогическимъ органомъ" петербургскую газету *Голосъ*. Поводомъ къ дарованію ей этого громкаго титула послужилъ № 331 этой газеты. Что̀ же сказано въ этомъ многогрѣшномъ нумерѣ? Въ этомъ нумерѣ, говоря словами прусской газеты, приписывается Пруссіи участіе въ испанской революціи, возбужденіе Мадьяръ противъ Россіи и Румыніи, а въ концѣ концовъ завоевательные замыслы на Польшу. Что же во всемъ этомъ демагогическаго? Замѣтимъ кстати, что о завоевательныхъ замыслахъ Пруссіи петербургская газета заговорила по поводу сочиненія прусскаго публициста г. Каттнера *Preussens Beruf im Osten*, гдѣ эти замыслы развиваются съ похвальною откровенностью. Почему же возраженія противъ замысловъ, столь нагло заявляемыхъ берлинскими enfants terribles, называются демагогіей? Русской газетѣ не нравятся ни способы, ни цѣли прусской политики. Она приписываетъ Пруссіи, напримѣръ въ Испаніи, тѣ же про-

дѣлки, какія приписывали ей не только легитимистская *Gazette de france*, но и бо́льшая часть французскихъ правительственныхъ газетъ, особенно *Pays*. Пусть все это неправда,—но что̀ же тутъ демагогическаго?

Какъ бы то ни было, сопричисливъ *Голосъ* къ „демагогическимъ органамъ,“ *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* объясняетъ, почему означенная газета приняла такой предосудительный характеръ. Демагогическую пропаганду *Голоса*, по мнѣнію прусской газеты, „иначе нельзя объяснить себѣ „*какъ гицингскими капиталами* (!), коихъ „влiянію не чужды *акціи* (?) *Голоса*.“ Но чужды или нечужды акціи *Голоса* какимъ бы то ни было вліяніямъ, неужели поддерживать права законнаго короля, низвергнутаго безъ объявленія войны, вторженіемъ *не непріятелей, а союзниковъ*, есть дѣло демагоговъ?

Вотъ до какого безстыдства можно дойти въ злоупотребленіи политическими терминами!

Коль скоро рѣчь зашла о демагогіи, то при этомъ случаѣ не могло не достаться и *Московскимъ Вѣдомостямъ*. Онѣ-де „*разсказывали*, что парализовавъ Румынію, „Пруссія развязала Портѣ руки противъ „Греціи.“ Демагогическимъ органомъ мы за это *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* называть не будемъ, но напомнимъ ему *кто именно* „разказывалъ“ эту весьма поучительную для Россіи быль. „Къ своимъ рѣшительнымъ дѣйствіямъ противъ „Греціи,“ разказывалъ органъ графа Бисмарка, „высокая Порта побуждена, повидимому, *болѣе успокоительнымъ направленіемъ дѣлъ въ Дунайскихъ Княжествахъ*. „По всѣмъ свѣдѣніямъ, отношенія Румыніи къ Портѣ *становятся съ каждымъ „днемъ болѣе дружескими*...“ Извѣстно, что это „болѣе успокоительное“ направленіе находится въ прямой связи съ паденіемъ министерства Братіано; извѣстно также, что паденіе это находится въ связи съ внезапнымъ поворотомъ Берлинскаго кабинета ознаменованнымъ статьями *Norddeutsche Allgemeine Zeitung* отъ 20-го и 25-го ноября. Какое же логическое заключеніе можно вывесть изъ вышеприведенныхъ двухъ начальныхъ фразъ послѣдовавшей за румынскимъ министерскимъ кризисомъ статьи *Norddeutsche Allgemeine Zeitung?*

№ 272.

Москва, 16-го декабря.

Извѣстіе, что вопросъ о томъ какія линіи желѣзныхъ дорогъ должны быть отнесены къ первой категоріи, разсмотрѣнъ въ двухъ высшихъ правительственыхъ по этой части инстанціяхъ и окончательно подготовленъ для Высочайшаго рѣшенія, не можетъ не радовать. Главныя изъ линій, которыя избраны упомянутыми инстанціями, составляютъ столь существенную потребность и имѣютъ столь важное государственное значеніе, что ихъ проведеніе должно дать иной видъ и лучшую обезпеченность всему будущему Россіи. Въ соединеніи съ линіями доселѣ отстроенными и находящимися въ построеніи, эти новыя линіи послужатъ могущественнымъ источникомъ какъ благосостоянія Россіи, такъ и ея государственной силы, столько же въ дѣлахъ внѣшнихъ, сколько и внутреннихъ. Стратегически наша западная граница будетъ какъ нельзя лучше обезпечена линіями Московско-Смоленско-Брестскою и Брестско-Житомірскою, къ которымъ, въ качествѣ дополнительнаго обезпеченія, присоединится за-днѣпровская Могилевско-Нѣжинская линія, имѣющая служить недоступнымъ для непріятеля, даже въ случаѣ несчастной войны, соединеніемъ сѣверо-западнаго театра войны съ юго-западнымъ. Послѣ сооруженія этихъ линій Россія получитъ возможность воспользоваться своею превосходною стратегическою позиціей на средней Вислѣ, и Царство Польское впервые сдѣлается не бременемъ для государства, а его охраной отъ нападеній и твердымъ пунктомъ опоры въ случаѣ необходимости наступательнаго дѣйствія. Беззащитность сѣверо-западнаго края, легкая возможность со стороны сосѣдней державы прервать его сообщенія съ средоточіями русской государственной силы, а вмѣстѣ съ тѣмъ отрѣзать отъ нихъ и передовую позицію русской арміи въ Царствѣ Польскомъ, всѣ эти весьма искусительныя для германскихъ патріотовъ новой школы приманки мечтаній объ оттѣсненіи Русскаго государства за Днѣпръ потеряютъ добрую долю своего теперешняго вѣса, а въ случаѣ возведенія укрѣпленій въ окрестностяхъ Вильны или Гродна будутъ и совсѣмъ устранены. Чѣмъ болѣе цѣнить блага европейскаго мира и проч-

ность дружественныхъ отношеній между Россіей и Сѣверо-Германскимъ Союзомъ, тѣмъ выше должно ставить тѣ мѣры, которыя, усиливая рискъ войны Сѣверо-Германскаго Союза съ Россіей, увеличатъ невыгоды нарушенія теперешней дружбы: въ международныхъ отношеніяхъ прочно только то что̀ предписывается обоюднымъ интересомъ или необходимостью. Со стороны Австріи наше положеніе уже теперь, при имѣющемъ открыться завтра правильномъ движеніи между лѣвымъ берегомъ Днѣпра у Кіева и Курскомъ, много лучше прежняго; оно будетъ еще лучше, когда откроется наконецъ Кіево-Балтская желѣзная дорога съ вѣтвію къ Волочиску; оно окончательно улучшится сооруженіемъ линіи Житомірско-Брестской, отнесенной, какъ извѣстно, къ числу линій первой категоріи; затѣмъ, съ этой стороны, ничего болѣе не останется желать, кромѣ развѣ продолженія линіи Кишиневской. Къ стратегическому значенію всей этой системы западныхъ линій присоединяется не менѣе важное ея значеніе—политическое. Тѣснѣйшая связь, въ которую введетъ она весь этотъ край со внутренними губерніями Россіи, должна сплотить государство и, при благопріятныхъ условіяхъ, способствовать дѣйствію указа 10-го декабря въ видахъ обрусенія западной окраины. Завяжутся живыя сношенія между обѣими половинами западнаго края и сосѣдними ему чисто-русскими губерніями и мало-помалу будетъ возрастать сила взаимныхъ интересовъ. Несчастныя, подавленныя населенія того края оживутъ подъ вліяніемъ желѣзныхъ дорогъ, которыя разливаютъ благосостояніе во всѣхъ классахъ общества, но особенно благотворно дѣйствуютъ на низшіе классы, доставляя удобства болѣе цѣнныя для нихъ чѣмъ для классовъ высшихъ. Если церковный вопросъ въ западномъ краѣ получитъ разумное разрѣшеніе, если крестьянское дѣло въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ будетъ приведено къ разрѣшенію столь же правильному и и благодѣтельному какъ въ Кіевскомъ генералъ-губернаторствѣ, то при содѣйствіи желѣзныхъ дорогъ общее благосостояніе всего западнаго края сдѣлаетъ неожиданные успѣхи и вознаградитъ его за вѣковыя страданія, которымъ его подвергла слишкомъ суровая исторія. Суждено ли ему такое счастіе, распространится ли и на этотъ мученическій край заря свѣтлаго будущаго возстающая надъ остальною Россіей, это остается подъ вопросомъ, пока крестьянское дѣло тамъ не устроено. Но если будетъ выдержана тамъ столь важная въ политикѣ послѣдовательность дѣйствій, если будетъ посрамлена не надежда четырехмилліоннаго населенія на законную власть, а интрига нѣсколькихъ десятковъ тысячъ польскихъ шляхтичей, враговъ Русскаго государства, то и землевладѣльцы не будутъ имѣть причины сѣтовать на свое положеніе, ибо обширныя земли оставшіяся въ ихъ рукахъ за надѣломъ крестьянъ пріобрѣтутъ удвоенную цѣнность подъ двойнымъ вліяніемъ политической безопасности и улучшенныхъ путей сообщенія. Они выиграютъ на вздорожаніи земель и на возвышеніи дохода съ нихъ неизмѣримо больше чѣмъ сколько потеряютъ вслѣдствіе того, что правительство твердою рукой положитъ конецъ ихъ вѣковой неправдѣ относительно порабощенныхъ и низведенныхъ на степень *быдла* населеній. Въ этомъ отношеніи весьма важно, что нынѣ проектированныя желѣзныя дороги распредѣлены по западному краю такъ, что должны дѣйствовать на возвышеніе общаго благосостоянія тамъ почти равномѣрно: достаточно припомнить, что сѣть не только коснется всѣхъ губернскихъ городовъ на пространствѣ отъ Житоміра и Кіева до Ковна и Вильны, но и перерѣжетъ, въ разнообразныхъ и наиболѣе выгодныхъ направленіяхъ, всѣ губерніи края, за исключеніемъ южной части Кіевской губерніи, еще ожидающей проектированнаго г. Беккерсомъ пути изъ Кіева прямо на югъ. Достоинство выработанной нынѣ сѣти состоитъ въ томъ, что удовлетворяя требованіямъ стратегическимъ, и политическимъ она дѣлаетъ все возможное и для экономическихъ интересовъ, открывая имъ новые пути неизмѣримой важности для ихъ будущаго развитія. За исключеніемъ Подольской губерніи и самыхъ южныхъ частей губерніи Кіевской, весь западный край принадлежитъ къ торговому району Балтійскаго моря Наиболѣе западная полоса этого края естественно тяготѣетъ къ прусскимъ портамъ, и этому тяготѣнію будетъ соотвѣтствовать желѣзная дорога Житомірско-Брестская. Остальная часть края, теперь искусственно привлеченная въ зависимость отъ прусскихъ портовъ, получитъ самостоятельный національный портъ въ Либавѣ. Въ новопроектирован-

ной сѣти уже намѣчена та главная артерія которая несомнѣнно поравняется въ близкомъ будущемъ въ коммерческомъ значеніи съ Николаевскою дорогой. Эта артерія возьметъ свое начало отъ Курско-Кіевской линіи, которую она оживитъ и отчасти освободитъ отъ невыгодныхъ для нея послѣдствій того что она проведена не изъ Орла на Кіевъ, а изъ Курска. Далѣе эта артерія пойдетъ на Черниговъ, чтобы взять грузы Десны и оживить этотъ историческій городъ. Затѣмъ она направится на Могилевъ настолько близко въ теченію Днѣпра, чтобы служить для стратегическихъ цѣлей, но не настолько однакоже близко, чтобъ отнимать работу у днѣпровской воды. Въ этомъ отношеніи желѣзная дорога между Черниговомъ и Могилевомъ будетъ лучше дороги Витебско-Рижской, почти нисколько не удаляющейся отъ берега Западной Двины. Дойдя до Могилева, наша артерія приметъ всѣ грузы идущіе теперь вверхъ по Днѣпру до Шклова и направится съ ними въ Минскъ, чтобы передать ихъ на Либавскую дорогу, съ которою Минскъ будетъ, конечно своевременно соединенъ, хотя участокъ отъ Минска до Ландварова и не попалъ въ сѣть (надобно думать только потому что на немъ еще не произведено изысканій). Къ грузамъ, которые будутъ подходить для Либавской дороги черезъ Могилевъ, присоединятся въ Минскѣ грузы Брестской линіи, ибо, надобно думать, что для всей мѣстности отъ Синявки до Минска будетъ выгоднѣе имѣть своимъ портомъ Либаву чѣмъ порты прусскіе. Такимъ образомъ Смоленско-Брестская линія своимъ участкомъ отъ Могилева до Минска войдетъ сама въ большую Либавскую артерію, какъ часть ея, и своимъ участкомъ отъ Синявки до Минска будетъ ея питательною вѣтвію, тогда какъ участокъ Смоленско-Могилевскій послужитъ для доставки въ Либаву грузовъ орловскихъ и московскихъ въ то время года, когда Петербургскій и Рижскій порты бываютъ затерты льдомъ. Примыкая къ либавской артеріи, и Курско-Кіевская линія поправится въ своихъ экономическихъ условіяхъ, и Смоленско-Брестская линія, необходимая въ стратегическомъ и политическомъ отношеніи, пріобрѣтетъ въ значительной мѣрѣ экономическую важность.

Мы упомянули, что благодѣянія проектированной желѣзнодорожной сѣти распредѣлены по всему пространству западнаго края съ замѣчательною равномѣрностію (еслибы не была забыта Кіевская губернія). Взятая въ цѣломъ, система линій первой категоріи столь же замѣчательна справедливою равномѣрностію и относительно всѣхъ частей Имперіи. Собирательницѣ Русскаго государства, Москвѣ даруется прямое рельсовое соединеніе съ западомъ Имперіи черезъ Смоленскъ, утверждающее на вѣки торговое значеніе этого прежняго государственнаго центра. Западный край, оторванный и отчужденный отъ Великой Руси несчастною исторіей, но болѣе исконно-русскій чѣмъ сама Великая Русь, получаетъ разомъ три большія линіи. Но наряду съ этими древними областями первобытной Руси заслуживалъ вниманія примыкающій къ нимъ съ юга новый край, такъ-называемая Новороссія, и онъ не забытъ въ проектированной сѣти. Кіево-Балтская дорога оживляетъ его западную часть; для его восточной части проектирована нынѣ линія Харьковско-Севастопольская съ вѣтвями въ Екатеринославъ и Александровъ; позволительно надѣяться, что и пространство между этими двумя линіями получитъ въ непродолжительномъ времени весьма важную для него дорогу изъ Елисаветграда или другаго пункта Кременчугско-Балтской линіи въ Николаевъ съ вѣтвями къ Херсону и Бериславу и съ возможнымъ въ послѣдствіи продолженіемъ на Перекопъ до Севастополя. Эта промежуточная линія тѣмъ нужнѣе, что безъ нея Кременчугско-Балтская дорога будетъ оставаться неустранимымъ укоромъ для своихъ поборниковъ и строителей. До сихъ поръ никто еще не объяснилъ, почему требовалось соединять Кременчугъ съ Одессой не прямымъ путемъ и не на Николаевъ, а чрезъ Балту, какъ никто не можетъ утверждать, чтобы капиталъ потраченный на эту дорогу могъ доставлять казнѣ достаточный доходъ, пока эта линія, извивающаяся змѣйкой по границѣ юго-западнаго края и новороссійскаго генералъ-губернаторства, не превратится въ питательную вѣтвь линіи, соотвѣтствующей потребностямъ мѣстнаго торговаго движенія, какова линія Кременчугско-Николаевская. Новороссія есть страна будущаго: всякая разсудительно избранная линія тамъ окупится, если не сейчасъ, то въ послѣдствіи, потому что возвыситъ цѣнность земель и увеличитъ ихъ населеніе. Нельзя впрочемъ

не признать, что Кременчугско-Николаевская линія, помимо того подспорья которое она дастъ казнѣ по гарантіи линіи Кременчугско-Балтской, не можетъ оспаривать права на предпочтеніе у вошедшей въ сѣть линіи Воронежско-Грушевской, если только эта послѣдняя будетъ направлена не исключительно въ интересахъ строительскихъ, а сообразно экономическимъ условіямъ края, то-есть если она выгодно пересѣчетъ поясъ каменнаго угля и желѣзной руды, коего линія Харьковско-Таганрогская, нынѣ строимая, къ сожалѣнію только едва касается. Донецкій районъ важенъ этими двумя своими богатствами и ихъ сочетаніе тамъ столь равномѣрно, что эта мѣстность, пересѣченая двумя желѣзными дорогами, должна сдѣлаться для Россіи ея Ланкаширомъ, если только Воронежско-Грушевская желѣзная дорога будетъ проведена съ точнымъ соблюденіемъ интересовъ эксплуатаціи каменнаго угля и желѣзной руды.

Воронежско-Грушевская линія подводитъ русскую желѣзно-дорожную сѣть къ Аксаю. Можетъ ли она здѣсь остановиться? Должна ли остаться дорога изъ Поти на Тифлисъ въ Баку безъ соединенія съ сѣтью русскихъ желѣзныхъ дорогъ? Было ли бы это согласно и съ интересами Россіи и съ интересами Закавказья? Начертаніе желѣзно-дорожной сѣти, достойное такого государства какъ Россія, должно отличаться смѣлостью. Если друзья наши Американцы не испугались линіи въ 4.000 верстъ, имѣющей соединить Атлантическій океанъ съ Тихимъ, и если такою рѣшительностію они высоко подняли свое всемірное положеніе, то не слѣдуетъ ли Россіи отважиться на продолженіе своей желѣзно-дорожной сѣти въ Закавказье? Это бездѣлица не только сравнительно съ тѣмъ предпріятіемъ, но и сравнительно съ тою сѣтью, которая нынѣ проектирована въ самой Россіи. Во всякомъ случаѣ, теперь, когда ближайшія потребности по желѣзно-дорожной части обезпечены и предстоитъ опасность, что пойдутъ строиться мелкія дороги, въ родѣ Ряжско-Моршанской, или Волжско-Донской, или Шуйско-Ивановской, не имѣющія шансовъ доходности и лишенныя всякаго другаго значенія (опасаемся, что къ этому разряду будутъ принадлежать и дороги Самарско-Бузулукская и Борисоглѣбско-Царыцинская), — теперь, кажется намъ, время возбудить вопросъ о линіи, которой значеніе, не только мѣстное, но и всероссійское, и не только всероссійское, но и всемірное не подлежитъ сомнѣнію. Какое направленіе можетъ быть дано большой Кавказской дорогѣ? Начаться она должна очевидно отъ Аксая и идти на Ставрополь и Пятигорскъ по направленію къ Владикавказу. Но мечтать ли о переходѣ такого высокаго хребта какъ Кавказскій? Не требуетъ ли благоразуміе остановиться уже предъ однимъ препятствіемъ, обвалами, еслибы не было другихъ? Очевидно, что Кавказская линія должна идти вдоль по сѣверному склону Кавказа и перейти въ Закавказье тою низменностью Каспійскаго берега, которая искони служила великими воротами народовъ на пути ихъ въ Европу. Здѣсь сѣверная линія могла бы примкнуть къ линіи Баку-Тифлисской. Это былъ бы прямой торговый путь въ лучшія части Средней Азіи и къ Персіи, и никакая сила не могла бы перехватить этотъ великій путь у Россіи.

№ 273.

Москва, 17-го декабря.

Греко-Турецкая распря будетъ предметомъ обсужденія на конференціи державъ подписавшихъ трактатъ 1856 года. Сколько намъ извѣстно, предложеніе о конференціи было сдѣлано Россіей и встрѣтилось съ мыслію французскаго правительства. Итакъ Европа сохраненіемъ мира будетъ обязана соглашенію Петербургскаго кабинета съ Тюльерійскимъ. Упоминался еще одинъ фактъ, впрочемъ недостаточно разъясненный: утверждали, что къ англійскому авантюристу Гоббартъ-пашѣ, который, выманивъ у одного петербургскаго банкира 30.000 руб. сер., поступилъ въ турецкіе адмиралы, и блокировалъ гавань Сиры, былъ присланъ отъ французскаго посланника въ Аѳинахъ корабль съ требованіемъ воздержаться отъ враждебныхъ дѣйствій и прекратить блокаду Сиры. Не знаемъ, въ какой степени это извѣстіе вѣрно; очень можетъ быть, что во всякомъ случаѣ цѣль посылки французскаго судна въ Сиру была нѣсколько иная, болѣе благопріятная для Турціи. Будь это извѣстіе основательно, мы конечно были бы довольнѣе, еслибы дѣло столь хорошее было совершено русскимъ военнымъ ко-

раблемъ, или еслибы по крайней мѣрѣ въ этомъ случаѣ нашъ флагъ присоединился ко французскмму. Нельзя не пожалѣть, что при обстоятельствахъ столь важныхъ Россія держитъ въ водахъ Греціи только небольшое военное суденышко, и тѣмъ грустнѣе воспоминаніе о прекрасномъ фрегатѣ *Александръ Невскій*, который былъ отозванъ изъ Пирея и такъ злополучно погибъ у береговъ Даніи. Какъ бы то ни было, нельзя не порадоваться, что благодаря инниціативѣ Императорскаго кабинета Эллинское королевство будетъ, — какъ надобно надѣяться, — избавлено отъ нашествія турецкихъ полчищъ.

Увольненіе г. де-Мутье дозволяетъ надѣяться, что на предстоящей конференціи Франція будетъ говорить въ смыслѣ болѣе благопріятномъ для праваго дѣла, чѣмъ можно было ожидать отъ этого министра. Г. де-Мутье, подобно нѣкоторымъ нашимъ запоздалымъ политикамъ, видѣлъ въ восточномъ вопросѣ только поприще для церковнаго соперничества. Хотя бонапартистъ по виду, онъ фанатическій клерикалъ самаго худшаго сорта, мѣшающій политику съ церковными дѣлами, къ явному урону того и другаго. Состоя посломъ въ Константинополѣ, онъ далъ опутать себя происками латинскаго духовенства Перы. Онъ велъ войну на жизнь и смерть съ православіемъ, и подъ предлогомъ сохраненія цѣлости Оттоманской имперіи, примирительныхъ реформъ, и т. д., посвящалъ себя исключительно этой враждѣ, въ печаль и ущербъ христіанскому дѣлу вообще.

Особенно на Грековъ направлялъ онъ свои удары. Критское дѣло представляло ему на это средства или лучше сказать предлогъ. Г. фонъ-Бейстъ, задумавъ безъ затѣй низвергнуть тронъ короля Георгія, нашелъ себѣ въ г. де-Мутье надежнаго соучастника. Воспользовавшись въ это время маневромъ, который былъ сдѣланъ Берлинскимъ кабинетомъ, господа эти присовѣтовали Портѣ ринуться на Грецію, въ надеждѣ противопоставить волѣ Европы совершившійся фактъ. Они основывали свой разчетъ на слѣдующей дилеммѣ: Греческое правительство или уступитъ угрозѣ нападенія, и въ такомъ случаѣ король Георгій подвергнется участи своего предшественника, или не уступитъ, и тогда Гоббартъ-паша съ моря, а Омеръ-паша съ сухаго пути нанесутъ Греціи такіе удары, отъ которыхъ ей никогда не оправиться.

Дабы отвратить всякое подозрѣніе, австрійскій интернунцій, г. Прокешъ Остенъ, получилъ приказъ, запаливъ мину, прогуляться въ Египетъ, а г. де-Мутье, по обыкновенію сослался на непослушность г. Бурре.

Замыселъ былъ соображенъ не дурно, и чуть-чуть не удался. Но, благодаря бдительности нашего кабинета и доброму личному расположенію императора Наполеона, эта махинація благополучно предупреждена. Г. де-Мутье, уже слишкомъ долго употреблявшій во зло довѣріе своего государя, обращая французскую политику въ свою личную, былъ уволенъ, а замѣнившій его г. де-Лавалеттъ не совсѣмъ такъ настроенъ какъ его предшественникъ. Хотя въ 1854 году, бывъ посланникомъ въ Константинополѣ, онъ поднялъ вопросъ о святыхъ мѣстахъ, который послужилъ предлогомъ къ Восточной войнѣ, но въ дѣлѣ этомъ было много разныхъ другихъ элементовъ, и извѣстно, что г. де-Лавалеттъ не фанатикъ и не игрокъ въ религію. Это человѣкъ гибкій, искусный, очень дружный съ г. Руэромъ, какъ пишетъ нашъ парижскій корреспондентъ; слѣдовательно, приверженецъ политики умѣренной, мирной и либерально-консервативной.

Менѣе Франціи счастливая въ этомъ случаѣ Австрія не освободилась отъ безпокойнаго государственнаго мужа, который компрометтируетъ ея интересы, и своею лихорадочною агитаціей становится всѣмъ въ тягость. Г. фонъ-Бейстъ остался при дѣлахъ, но былъ вынужденъ прибѣгнуть къ одному изъ обычныхъ у него маневровъ. Не смѣя пренебречь мнѣніемъ европейскаго большинства, онъ поспѣшилъ отречься отъ всякой солидарности съ происками, имъ самимъ затѣянными, и старается свалить за нихъ отвѣтственность на англійскаго посла въ Константинополѣ, г. Эллiота.

Онъ поспѣшилъ объявить, что Австрія приметъ участіе въ конференціи, и прежде всѣхъ назначилъ уполномоченнымъ на ней князя Меттерниха. Но его досада обнаруживается въ отзывахъ его офиціозныхъ органовъ.

Вотъ вопервыхъ, что̀ въ его довѣренной газетѣ, *Neue freie Presse*, было на дняхъ сказано о ссорѣ Греціи съ Турціей,

и вотъ человѣколюбивыя желанія этой газеты касательно исхода ссоры: „Портѣ „оче..ь легко блокировать греческія гавани, „бомбардировать Пирей и овладѣть въ видѣ „залога двумя или тремя островами Архи„пелага до тѣхъ поръ, пока Греція пред„ставитъ необходимыя удостовѣренія въ „своемъ дальнѣйшемъ образѣ дѣйствія... „Если Омеръ-паша вступитъ въ Аѳины, „какъ въ Цетинье, то Портѣ можно будетъ „заговорить совсѣмъ другимъ тономъ, чѣмъ „когда Французы находятся въ Пиреѣ и „когда европейская дипломатія взвѣшива„етъ права Порты и притязанія Греціи. „Чѣмъ болѣе вопросъ затруднителенъ, тѣмъ „болѣе Турціи необходимо противопоста„вить державамъ совершившійся военный „фактъ, который конференціи не легко „будетъ опровергнуть.“

Итакъ вотъ одна изъ первостепенныхъ державъ, изъявляющая желаніе, чтобы христіанское государство, поставленное подъ охрану международныхъ договоровъ, было залито кровью и предано огню и мечу! Вотъ одинъ изъ великихъ европейскихъ кабинетовъ, который присоединясь къ конференціи, имѣющей цѣлью рѣшить распрю, человѣколюбиво совѣтуетъ Туркамъ противопоставить рѣшенію этой конференціи совершившійся военный фактъ!

Къ сожалѣнію, можно предвидѣть, что Лондонскій кабинетъ, подъ предсѣдательствомъ г. Гладстона, не окажетъ дѣлу Греціи благопріятнаго расположенія. Правда, самъ г. Гладстонъ извѣстенъ за филэллина и много содѣйствовалъ присоединенію Іоническихъ острововъ къ Греціи; но теперь его дѣятельность и вниманіе поглощены врутренними вопросами. Онъ занятъ Ирландіей и улаженіемъ церковнаго вопроса, и быть-можетъ досадуетъ на Грецію за то что она отвлекаетъ его вниманіе въ сторону. Сверхъ того, лордъ Кларендонъ, нынѣшній секретарь иностранныхъ дѣлъ, и лордъ Грей суть ревностные приверженцы политики покойнаго лорда Пальмерстона. Догматъ неприкосновенности Турецкой имперіи занимаетъ первое мѣсто въ ихъ политическомъ *credo*, и они, хотя порицаютъ насильственныя и необдуманныя мѣры Порты, однако желали бы принудить Грецію къ тому, чтобъ она исполнила всѣ требованія Турціи. Это доказывается тѣмъ, что лордъ Кларендонъ, какъ слышно, предложилъ тремъ державамъ-покровительницамъ вступить между собою въ соглашеніе на основаніе пяти пунктовъ турецкаго ультиматума, за что, какъ сообщаютъ вчерашнія телеграммы, крѣпко уцѣпилась Высокая Порта. Дѣлая это предложеніе, англійское министерство очевидно хотѣло заставить Грецію подчиниться волѣ Турокъ, а Россію вовлечь въ такое совѣщаніе, при которомъ мы непремѣнно остались бы въ меньшинствѣ.

Что касается Пруссіи, то политическую игру ея разгадать довольно трудно; какъ слышно, Берлинскій кабинетъ намѣренъ вести дѣло въ добромъ смыслѣ.

Въ искренности Италіи по этому вопросу нельзя, кажется сомнѣваться. Невозможно, чтобы государство, само стремящееся къ національному объединенію, было враждебно расположено къ эллинскому дѣлу.

Таковы разныя роли, усвоенныя актерами готовящимися дѣйствовать въ новой политической піесѣ, которая будетъ разыграна въ Парижѣ.

№ 274.

Москва, 18-го декабря.

Въ печатаемой нами сегодня корреспонденціи изъ Ташкента читатели найдутъ весьма интересныя свѣдѣнія о тѣхъ условіяхъ мирнаго договора, заключеннаго съ Бухарой, которыя касаются торговыхъ сношеній. Всѣмъ русскимъ подданнымъ предоставляется право торговать въ Бухарѣ повсемѣстно, имѣть своихъ агентовъ въ городахъ и свободно проѣзжать черезъ Бухару въ сосѣднія владѣнія. Съ русскихъ товаровъ пошлина выговорена не свыше $2^1/_2$%, стоимости товара, между тѣмъ какъ до сихъ поръ такая пошлина взималась лишь съ магометанъ, а съ купцовъ иныхъ исповѣданій обыкновенно бралось 5%, съ русскихъ же товаровъ часто взыскивалось по 10% и даже выше. Эмиръ принимаетъ на себя отвѣтственность за безопасность русскихъ купцовъ и ихъ имущества въ его владѣніяхъ. Такой же договоръ прежде заключенъ съ Коканскимъ ханомъ.

До занятія Средней Азіи, наши купцы вовсе не ѣздили въ ханства. Бухарцы и Хивинцы пріѣзжали сами въ Оренбургъ и Нижній для закупки произведеній нашихъ мануфактуръ. Только вслѣдъ за движені-

ями войскъ въ верховья Сыра появились въ Средней Азіи наши купцы, и въ самое короткое время, благодаря умѣнью и отвагѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ, ходъ средне-азіатской торговли принялъ совершенно иной оборотъ, и размѣры ея растутъ ежегодно. Русскія мануфактурныя произведенія уже не лежатъ, какъ прежде, въ складахъ Москвы и Нижняго, ожидая прибытія покупателей, но сами пробираются на далекій Востокъ и отыскиваютъ себѣ выгодные рынки.

Въ десятилѣтіе 1850 — 1860 сношенія наши съ Среднею Азіей были весьма незначительны. Среднимъ числомъ ввозъ въ Россію изъ ханствъ простирался ежегодно на сумму 1.418.000. Вывозъ же былъ такъ ничтоженъ, что доходилъ среднимъ числомъ въ годъ лишь до 659.000 руб. Если же взять данныя за послѣднія семь лѣтъ, то увидимъ, что не смотря на постоянныя войны, торговые обороты тамъ съ 1864 года все возрастаютъ, обѣщая въ близкомъ будущемъ занять видное мѣсто въ видахъ внѣшней торговли Россіи.

Привозъ изъ Средней Азіи въ Россію простирался:

Въ 1862	году	на	сумму	3.201.100	р.
„ 1863	„	„	„	4.378.200	„
„ 1864	„	„	„	7.699.700	„
„ 1866	„	„	„	5.005.700	„
„ 1867	„	„	„	8.503.753	„

Въ эти итоги вошли обороты только съ Хивой, Бухарой и Кокаиомъ. Обороты торговли съ Киргизскою степью сюда не включены, хотя они весьма значительны. Въ 1867 году изъ Киргизской степи привезено товаровъ на 4.343.777 р., а въ Киргизскую степь вывезено на 6.359.108 р., въ томъ числѣ бумажныхъ издѣлій на сумму 3.845.200 р. Главная статья привоза изъ Средней Азіи есть хлопокъ, котораго привезено:

Въ 1862	году	на	1.889.265	р.
„ 1863	„	„	2.928.052	„
„ 1864	„	„	6.514.933	„
„ 1865	„	„	3.487.812	„
„ 1866	„	„	4.031.116	„
„ 1867	„	„	5.513.031	„

Отсюда видно, что привозъ хлопка возрастаетъ съ каждымъ годомъ. Усиленный привозъ его въ 1864 году былъ вызванъ войной въ Сѣверной Америкѣ, повлекшею за собою хлопковый кризисъ. Кто не помнитъ какое подспорье нашли въ то время наши мануфактуры въ бухарскомъ хлопкѣ, и сколько изъ нихъ, благодаря ему, были избавлены отъ необходимости прекратить производство? Правда, средне-азіатскій хлопокъ, по достоинству, ниже американскаго. Думали было, что американскія сѣмена на туркестанской почвѣ дадутъ хорошіе всходы, но сдѣланные доселѣ опыты не подтвердили этихъ предположеній. Цѣнность азіатскаго хлопка сравнительно еще высока, и главная причина этому кроется въ дороговизнѣ и долговременности перевозки. Когда торговое движеніе направится по Аму, Каспійскому морю и Волгѣ, то торговля хлопкомъ приметъ несомнѣнно болѣе значительные размѣры.

Сообразно съ увеличеніемъ ввоза изъ Средней Азіи, возрастаетъ и вывозъ русскихъ товаровъ въ ханства. Вывозъ изъ Россіи простирался:

Въ 1862	году	на	3.274.100	р.
„ 1863	„	„	3.047.900	„
„ 1864	„	„	4.740.210	„
„ 1865	„	„	3.773.910	„
„ 1866	„	„	5.619.760	„
„ 1867	„	„	10.275.288	„

Въ томъ числѣ бумажныхъ издѣлій было вывезено:

Въ 1862	году	на	1.720.799	р.
„ 1863	„	„	1.410.190	„
„ 1864	„	„	2.397.000	„
„ 1865	„	„	2.360.070	„
„ 1866	„	„	3.777.400	„
„ 1867	„	„	6.951.889	„

Эти цифры лучше всего выражаютъ то значеніе, какое должна имѣть торговля съ средне-азіатскими ханствами для развитія и процвѣтанія нашихъ мануфактуръ.

Если разсматривать вывозъ изъ Россіи по каждому ханству отдѣльно, то нельзя не замѣтить, что онъ подвергался ежегодно большимъ колебаніямъ. Такъ отпускъ въ Хиву простирался въ 1864 году всего до 10.970 р., а въ 1866 году неожиданно достигъ цифры 1.565.450 руб. Отпускъ же въ Бухару, дошедшій въ 1864 году до 4.654.980 р., понизился въ 1866 до 877.180 р. Главная причина такихъ неожиданныхъ явленій кроется въ военныхъ дѣйствіяхъ. Бухарскіе караваны, опасаясь попасть въ 1866 году въ руки воюющихъ, направились на Хиву и увеличили собой офиціальную цифру Хивинской торговли. Что же касается до отпуска изъ Россіи въ Коканъ и Ташкентъ, то въ послѣдніе годы онъ получилъ чрез-

вычайное развитіе. Доходивъ въ 1864 году въ общемъ итогѣ только до 74.250 руб., онъ составлялъ въ 1866 году 3.187.124 руб., а въ 1867 году 5.478.177 р. Въ короткое время отпускъ въ Ташкентъ (съ Коканомъ) превысилъ сумму отпуска въ Китай (въ 1867 году въ Китай отпущено товаровъ на 4.094.423 р.), не смотря на то что наша китайская торговля ведется уже въ теченіи столѣтій. Несомнѣнно, что часть товаровъ направилась изъ Ташкента въ Бухару, но бо́льшая часть ихъ, направясь на Коканъ и Кашгаръ, открыла себѣ новый и обширный рынокъ на восточномъ Туркестанѣ. Изъ русскихъ торговыхъ людей честь проложенія этого новаго пути принадлежитъ гг. Хлудову и Первушину.

Въ настоящее время много говорятъ о желѣзной дорогѣ до Оренбурга, съ тѣмъ чтобъ оттуда направить желѣзо-конную дорогу на Ташкентъ. Мы полагаемъ, что будущность съ этой стороны принадлежитъ не Оренбургу, а Троицку, который равно ведетъ и въ Сибирь, и въ Среднюю Азію. Впрочемъ ходъ средне-азіатской торговли еще не выяснился. Со временемъ быть-можетъ она приметъ еще болѣе выгодное направленіе по Аму-Дарьѣ на Красноводскій заливъ Каспійскаго моря. Послѣдній трактатъ съ Бухарою далъ русскимъ купцамъ право не только торговать въ Бухарѣ, но и имѣть тамъ свои конторы и постоянныя факторіи; и едва ли можно сомнѣваться, что когда наши купцы утвердятся и освоятся въ Бухарѣ, то они пожелаютъ имѣть сношенія съ центральною Россіей не кружнымъ путемъ, а прямымъ черезъ Каспійское море. Выгоды этого послѣдняго пути очевидны. Отъ Бухары до Красноводскаго залива менѣе 1.000 верстъ, причемъ значительная часть пути можетъ быть пройдена еще водою по Аму-Дарьѣ. Отъ Бухары же до Оренбурга черезъ фортъ № 1 около 1.700, а всего сухопутной перевозки до Самары по этому направленію около 2.120 верстъ. Путь на Каспійское море есть наивыгоднѣйшій для всего торговаго движенія производящагося нынѣ въ бассейнахъ Сыра и Аму. По этому же пути направится развивающаяся нынѣ торговля съ китайскимъ Туркестаномъ. Вмѣстѣ съ сокращеніемъ пути и удешевленіемъ перевозки, обороты нашей средне-азіатской торговли станутъ возрастать еще быстрѣе нежели теперь.

Препятствія къ установленію торговаго движенія изъ Средней Азіи на Каспійское море будутъ весьма не велики. Движеніе въ бухарскихъ предѣлахъ совершается теперь уже вполнѣ безпрепятственно, и нѣтъ причины опасаться затрудненій въ Хивѣ. Хивинскій ханъ давно уже понялъ выгоды мирныхъ сношеній съ Россіей. Затрудненія могутъ встрѣтиться лишь на пространствѣ отъ хивинскихъ предѣловъ до Каспійскаго моря; но и ихъ не слѣдуетъ преувеличивать. Туркмены кочующіе между Аму и Красноводскимъ заливомъ (Іомуты) издавна искали и ищутъ покровительства и даже подданства Россіи, и по образу жизни не болѣе хищны чѣмъ наши сыръ-дарьинскіе Киргизы. При Петрѣ Великомъ Туркмены признавали себя подданными Россіи. Чтобы приручить ихъ къ землѣ русской, въ 1764 году, былъ посланъ майоръ Ладыженскій, съ порученіемъ занять восточный берегъ Каспія и построить укрѣпленіе въ заливѣ Киндерленскомъ. Дѣло это, однако, не состоялось. Въ 1813 году Іомуты отправили на Кавказъ къ генералу Ртищеву посольство съ просьбой о защитѣ ихъ отъ Персіянъ. Съ этихъ поръ вопросъ о необходимости занятія западнаго берега Каспійскаго моря не прерывался. Въ 1816 году, дѣлалъ объ этомъ представленіе адмиралъ Мордвиновъ. Въ 1819 году генералъ Ермоловъ отправилъ къ Туркменамъ майора Пономарева и капитана Муравьева, которые представили просьбы Іомутовъ, за подписью старшинъ, о принятіи ихъ въ подданство Россіи и устройствѣ въ ихъ землѣ всякаго рода русскихъ заведеній. Въ 1820 году генералъ Ермоловъ былъ даже уполномоченъ построить въ Красноводскомъ заливѣ укрѣпленіе на 1.000 человѣкъ; но и на этотъ разъ дѣло не состоялось. Въ 1844 году, Туркмены снова подали просьбу и принятіи ихъ въ подданство Россіи. Съ тѣми же просьбами обращались Туркмены и къ генералу Катенину. Въ послѣднее время съ тѣмъ же обращались они и къ генералу Крыжановскому. Въ 1858 году, князь Барятинскій, управляя Кавказомъ, полагалъ необходимымъ занять Красноводскій заливъ; того же мнѣнія были посланникъ нашъ въ Персіи, г. Аничковъ, и бывшій оренбургскій генералъ-губернаторъ А. П. Безакъ. Съ своей стороны, купечество наше всегда находило это полезнымъ въ видахъ торговыхъ. Въ

1858 году составилась было компанія, во главѣ которой находился г. Бенардаки, просившая разрѣшенія устроить торговую факторію на Красноводскомъ заливѣ съ правомъ имѣть небольшую флотилію, которая оживила бы пустынныя воды Каспія, но дѣло это, къ сожалѣнію, не получило хода.

№ 275.

Москва, 19-го декабря.

А.

По слуху, подтверждаемому сегодняшними телеграммами, Порта объявила, что не приметъ участія въ конференціи, если имѣется въ виду измѣнить условія ультиматума, препровожденнаго ею въ Аѳины, или поднять вопросы территоріальнаго и административнаго свойства. Другими словами, Порта удостоитъ принять участіе въ конференціи лишь въ томъ случаѣ, если великія державы всепокорнѣйше подчинятся волѣ Турціи и заранѣе обяжутся вынудить Грецію къ принятію *невозможныхъ* условій турецкаго ультиматума.

Съ другой стороны утверждаютъ, будто Греція не будетъ допущена въ конференцію съ правомъ принимать участіе въ совѣщаніяхъ (которое однако даруется Турціи), и будто представителю Греціи предоставится только право отвѣчать на вопросы, которыми его почтятъ.

Можно ли думать, чтобы великія державы, даже сама Англія, до того утратили чувство своего достоинства, что дозволили бы Турціи предписывать себѣ законы и заранѣе отказывались бы отъ всякой свободы дѣйствія и сужденія? Надобно полагать, что если Турція упрется, то на нее не посмотрятъ и безъ нея постановятъ рѣшеніе, которое она должна будетъ исполнить. Столь же невѣроятно, будто совѣщающіяся державы хотятъ нарушить всякую справедливость отказомъ допустить Грецію въ конференцію наравнѣ съ Турціей. Зачѣмъ же бы въ такомъ случаѣ и совѣщаться? Лучше тотчасъ же объявить, что державы предаютъ независимость и достоинство Эллинскаго королевства на произволъ Порты и Австріи.

Тѣмъ не менѣе, вопреки этимъ грубымъ кознямъ, конференція состоится, и съ участіемъ ли заинтересованныхъ сторонъ, или безъ ихъ участія, соберется въ урочный день 2-го января новаго стиля. Но мало собраться, надобно достигнуть результатовъ практическихъ и полезныхъ.

Надобно, чтобы рѣшенія европейскаго ареопага не обратились въ постыдное фіаско, какъ два года назадъ случилось съ совѣщаніями и постановленіями конференціи по дѣламъ Дунайскихъ Княжествъ. Было бы позорно, еслибъ эта дипломатическая гора родила только мышь, еслибы конференція ограничилась только примѣненіемъ пяти пунктовъ турецкаго ультиматума. Да и что̀ такое сказано въ этихъ пресловутыхъ пяти пунктахъ? Первымъ и вторымъ требуется обезоружить и распустить отряды волонтеровъ, а также разоружить и не впускать въ греческія гавани корабли подозрѣваемые въ томъ, что они снабжаютъ критскихъ инсургентовъ боевыми снарядами и съѣстными припасами. Изо всѣхъ этихъ требованій можетъ быть принято въ разсужденіе только одно: распустить волонтеровъ. Въ этомъ греческое правительство можетъ и должно уступить, ибо пока оно не находится въ войнѣ съ Турціей, оно обязано не терпѣть формированія отрядовъ, которые вооружались бы и открыто обучались бы военному дѣлу съ явною цѣлью напасть на Турокъ. Но что̀ касается волонтеровъ отправлющихся въ Кандію порознь и кораблей выходящихъ изъ греческихъ гаваней и подозрѣваемыхъ въ доставкѣ чего-либо критскимъ инсургентамъ, то нелѣпо требовать отъ эллинскаго правительства чтобъ оно взяло на себя обязанность турецкаго жандарма. Притомъ, какъ ему отбывать эту повинность? На какое право сошлется оно, препятствуя частнымъ лицамъ и кораблямъ выходить за предѣлы королевства? Задержитъ ли оно ихъ по одному только подозрѣнію: „мнѣ „кажется, вы отправляетесь въ Кандію; „вы похожи на волонтера, и я задерживаю „васъ по подозрѣнію, дабы угодить его „величеству султану.“ Но всего смѣшнѣе то, что турецкій адмиралъ, которому поручено поддерживать эти нелѣпыя требованія, самъ не иное что̀ какъ волонтеръ, и не просто независимый волонтеръ, а офицеръ британскаго флота, внесенный въ списки англійскаго адмиралтейства и потому еслибы англійскій уполномоченный сталъ поддерживать требованія Турціи (что̀ можетъ-быть онъ и сдѣлаетъ судя по тону

англійскихъ журналовъ), то дабы заставить его умолкнуть, достаточно будетъ указать на Гоббартъ-пашу. Возлагала ли Россія отвѣтственность на Францію или Австрію за множество французскихъ и австрійскихъ волонтеровъ, оказавшихся въ 1863 году въ рядахъ повстанцевъ? Что же касается судовъ, доставлявшихъ инсургентамъ боевые снаряды, перевозившихъ волонтеровъ и нарушавшихъ блокаду, то Грепія можетъ сослаться на множество примѣровъ, что правительства самыя сильныя, отлично огранизованныя, имѣющія всѣ средства для наблюденія и дѣйствія, не могли и не считали себя обязанными отвѣтствовать за поступки частныхъ лицъ и купеческихъ кораблей. Стóитъ только указать на *Трентъ и Алабаму* и на англійскіе пароходы перевозившіе Гарибальди въ Сицилію и на берега Неаполитанскаго королевства.

Три остальные пункта турецкаго ультиматума столь же мало состоятельны, какъ и два первые. Греческое правительство не препятствовало возвращенію въ Критъ выходцевъ привезенныхъ въ Грецію на военныхъ корабляхъ державъ, если они сами того хотѣли, и оно никогда не отказывалось въ принципѣ отъ удовлетворенія оскорбленныхъ или потерпѣвшихъ ущербъ турецкихъ офицеровъ или солдатъ.

Итакъ, если держаться программы ультиматума, рекомендованной лордомъ Кларендономъ, то окажется, что шесть великихъ державъ торжественно собрались на конференцію только затѣмъ, чтобы рѣшить, что Грепія не должна допускать у себя формированіе партій волонтеровъ! Это было бы курамъ на смѣхъ. Очевидно, что совѣщанія конференціи не могутъ ограничиться исполненіемъ только такой ребяческой формальности. Достоинство великихъ державъ обязываетъ ихъ сдѣлать нѣчто болѣе, по крайней мѣрѣ для того чтобы предупредить возобновленіе подобныхъ раздоровъ, поразивъ зло въ его корнѣ, то-есть разсмотрѣвъ несчастный критскій вопросъ, который уже три года потрясаетъ Востокъ, оскорбляя чувство человѣколюбія и въ Старомъ, и въ Новомъ Свѣтѣ.

Императорскій кабинетъ высказалъ это въ документахъ, которые дойдутъ до потомства. Онъ говорилъ такъ:

„Самый непосредственный, самый безотлагательный изъ фактовъ, на которые въ „настоящую минуту должна быть обращена забота кабинетовъ, есть критское возстаніе. Каковы бы ни были, повидимому, „успѣхи турецкихъ войскъ, было бы ребячествомъ скрывать отъ себя, что подавленіемъ возстанія этотъ прискорбный „вопросъ не можетъ быть рѣшенъ. Если „турецкое правительство будетъ умѣренно „пользоваться побѣдой и сдѣлаетъ уступки требуемыя Кандіотами, то оно вложитъ имъ въ руки новое оружіе, къ которому рано или поздно они прибѣгнутъ „для болѣе удачной попытки. Если, напротивъ, турецкія власти окажутъ избытокъ строгости, и великія державы дозволятъ эту систему или хотя бы только „потерпятъ ее, то это нельзя будетъ назвать умиротвореніемъ. Это было бы насиліемъ надъ несчастнымъ населеніемъ,— „насиліемъ, къ которому мы съ своей стороны не могли бы присоединиться. Сверхъ „того это было бы столь же безполезно, „какъ и возмутительно. Это отозвалось бы „на всемъ Востокѣ самымъ опаснымъ образомъ. Можно, конечно, водворить безмолвіе на развалинахъ Кандіи: но было „бы невозможно достигнуть того же результата на всемъ материкѣ Европейской „Турціи, взволнованномъ при видѣ этой „отчаянной борьбы. Слѣдовательно, надобно искать другаго рѣшенія.... По нашему мнѣнію, возможенъ только одинъ „исходъ: присоединить Кандію къ Эллинскому королевству. Островъ Кандія принималъ участіе столь же дѣятельное, какъ „и вся Греція, въ войнѣ за независимость. „Въ то время кабинеты не согласились „на присоединеніе его къ Эллинскому королевству, и теперь событія доказываютъ, „что тогдашній поступокъ державъ былъ „плодомъ слабости и ложнаго разсчета. „Исправивъ эту ошибку въ настоящее время, державы утвердили бы въ Греціи „монархическое начало и власть короля „Георгія.... Еслибъ эта комбинація показалась слишкомъ радикальною, то по „крайней мѣрѣ можно бы сдѣлать изъ Кандіи самостоятельную область, связанную „съ Портой простыми вассальными узами, „подобными тѣмъ, какія существуютъ для „Дунайскихъ Княжествъ. Это былъ бы переходъ къ окончательному соединенію „острова съ Греціей, соединенію, рано „или поздно, неизбѣжному.“ *)

*) Депеша князя Горчакова къ барону Будбергу, отъ 16-го ноября 1866 г.

Говоря такимъ языкомъ и исполняя въ такомъ смыслѣ обязанности великой державы, Россія не можетъ быть застигнута врасплохъ событіями; она можетъ спокойно предоставить другимъ заслугу новой инициативы. Эта инициатива должна принадлежать Франціи, которой слѣдуетъ многое исправить на Востокѣ въ ея собственныхъ интересахъ, дабы возвратить себѣ сочувствіе тамошнихъ христіанъ, ибо имъ, а не вымирающимъ Туркамъ, предстоитъ здѣсь будущность. Россія сказала свое слово; ей остается теперь только предупреждать столкновенія, примирять интересы, обезоруживать своимъ доброжелательствомъ, и безкорыстіемъ недовѣріе, бытьможетъ, еще питаемое къ ней. Если императоръ Наполеонъ не сойдетъ съ ненадежнаго пути, на которомъ все еще стараются удерживать его, то по крайней мѣрѣ не по недостатку въ урокахъ опыта... Востокъ, рано или поздно, все-таки освободится: онъ не забудетъ, что наполеоновской Франціи былъ онъ обязанъ губительною отсрочкой своего освобожденія.

Б

Рижская Газета, въ № 290, объясняетъ отчего она, такъ же какъ и всѣ балтійско-нѣмецкія газеты, до сихъ поръ не высказала ни слова въ порицаніе своего земляка, г. фонъ-Бокка. По ея словамъ, это произошло потому что она *не пользуется нужною для того свободою печати!* Но намъ—какъ и всѣмъ ея читателямъ—достаточно извѣстно, что она пользовалась совершенною свободой изливать всю свою желчь на противниковъ г. фонъ-Бокка. Еслибы, напримѣръ, она одинаково непріязненно отзывалась и о г. Самаринѣ, и о г. фонъ-Боккѣ, то это не удивило бы насъ. Но она изливала свой гнѣвъ не на втораго, а только на перваго, и теперь спокойно объявляетъ, будто такой *односторонній* образъ дѣйствій налагаетъ на нее цензура!...

Все дальнѣйшее содержаніе направленной противъ насъ передовой статьи въ упомянутой газетѣ такъ ничтожно, что мы можемъ пройти его молчаніемъ. *Рижская Газета* упрекаетъ насъ за то что мы находимъ тенденціи ея бывшаго редактора, г-на Эккарта, равно какъ г. Егора фонъ-Сиверса столь же враждебными для Россіи какъ и г-на фонъ-Бокка, и даже еще враждебнѣе. Просимъ *Рижскую Газету*, чтобъ она объяснила намъ въ чемъ же тенденціи вышеупомянутыхъ господъ разнятся съ тенденціями г. фонъ-Бокка? Мы весьма внимательно читали ихъ писанія, но различія не нашли никакого.

Въ заключеніе этой статьи *Рижской Газеты* вставлена еще слѣдующая интересная фраза: „И мы хотимъ *нововведеній*, „только не тѣхъ, какихъ желаютъ *Московскія Вѣдомости*". Что *Рижская Газета* разумѣетъ подъ этими словами, она вѣроятно не замедлитъ объяснить. Мы желаемъ для балтійскихъ провинцій нововведеній, которыя сблизили бы ихъ съ Россіей; другіе желаютъ нововведеній, которыя поставили бы ихъ еще далѣе отъ нея. Какихъ же нововведеній желаетъ *Рижская Газета?*

№ 276.

Москва, 20-го декабря.

Въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* было упомянуто о составленномъ въ министерствѣ финансовъ проектѣ нормальнаго положенія о земскихъ банкахъ; теперь содержаніе этого проекта сдѣлалось извѣстно черезъ передачу его, по распоряженію правительства, на обсужденіе земскихъ собраній, и потому открывается возможность поговорить о предполагаемыхъ земскихъ банкахъ нѣсколько подробнѣе.

Подъ именемъ земскихъ банковъ въ проектѣ разумѣются банки учреждаемые земствомъ почти на тѣхъ же основаніяхъ, на какихъ городскіе общественные банки учреждаются городскими обществами. Рѣчь идетъ отнюдь не спеціально о поземельномъ кредитѣ, а о кредитѣ вообще, и преимущественно о краткосрочномъ. Все различіе проектируемыхъ земскихъ банковъ отъ существующихъ и достаточно извѣстныхъ публикѣ городскихъ общественныхъ банковъ заключается въ томъ, что послѣдніе принадлежатъ городскимъ обществамъ и дѣйствуютъ за ихъ отвѣтственностію и подъ контролемъ городскихъ думъ, а вновь проектируемые земскіе банки имѣютъ принадлежать земству уѣзда или губерніи и дѣйствовать подъ контролемъ органовъ земства, земскихъ собраній и управъ, и за его отвѣтственностью, то-есть, за отвѣтственостью всѣхъ платель-

щиковъ земскихъ сборовъ уѣзда или губерніи (смотря по тому уѣздный ли то будетъ, или губернскій банкъ). Въ кругъ дѣйствій проектируемыхъ банковъ введены всѣ возможныя кредитныя операціи: пріемъ вкладовъ, текущіе счеты, храненіе всякихъ цѣнностей, учетъ векселей и другихъ срочныхъ обязательствъ, ссуды подъ залогъ земель, строеній, товаровъ, всякихъ драгоцѣнныхъ и другихъ не подверженныхъ порчѣ вещей, процентныхъ бумагъ и даже просто подъ поручительство благонадежныхъ лицъ (какъ сказано въ проектѣ), покупка и продажа (какъ за свой счетъ, такъ и на коммиссію) процентныхъ бумагъ, драгоцѣнныхъ металловъ и монеты, полученіе и производство разныхъ платежей по порученію, и, наконецъ, даже открытіе подписки на государственные и общественные займы, акціи и облигаціи, не только русскія, но иностранныя (послѣднее съ разрѣшенія министра финансовъ). Вотъ какое новое, обширное поприще открывается для дѣятельности нашихъ земскихъ учрежденій, не рѣдко испытывающихъ столько стѣсненія при исполненіи прямыхъ своихъ обязанностей и въ занятіяхъ, конечно несравненно болѣе имъ близкихъ и подручныхъ чѣмъ банковое дѣло и биржевая спекуляція.

Въ длинномъ рядѣ операцій, перечисляемыхъ проектомъ положенія о земскихъ банкахъ, ссуды подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ (то-есть операціи по поземельному кредиту) далеко не поставлены даже на первомъ планѣ. При полномъ просторѣ, открываемомъ для всякихъ другихъ банковыхъ сдѣлокъ, не исключая биржевой игры (въ видѣ торговли за свой счетъ процентными бумагами), ссуды по поземельному кредиту подвергаются въ проектѣ множеству ограниченій, при которыхъ онѣ едва ли могутъ получить развитіе болѣе значительное чѣмъ въ городскихъ банкахъ. Извѣстно, что ссуды подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ составляютъ до сихъ поръ самую ничтожную долю оборотовъ городскихъ банковъ, причемъ и эта ничтожная сумма ссудъ по недвижимому кредиту выдана большею частію подъ залогъ городскихъ, а не сельскихъ имуществъ, то-есть, вообще домовъ, а не имѣній и земель. Поземельный кредитъ ограниченъ въ новомъ проектѣ земскихъ банковъ между прочимъ тѣмъ что сроки и сумма ссудъ этого рода, выдаваемыхъ болѣе чѣмъ на 9 мѣсяцевъ, не могутъ выходить за предѣлы сроковъ и суммы срочныхъ и вѣчныхъ вкладовъ каждаго банка. Это совершенно понятно при воспрещеніи земскимъ банкамъ выпуска собственныхъ процентныхъ бумагъ и при обязательномъ для нихъ производствѣ всѣхъ ссудъ и операцій только на наличныя деньги. Уже этимъ однимъ правиломъ почти пресѣкается возможность долгосрочныхъ ссудъ подъ недвижимыя имущества (съ ежегодными, малыми долями производимымъ погашеніемъ капитальнаго долга), то-есть, возможность операцій составляющихъ главную задачу тѣхъ поземельныхъ банковъ, коихъ проекты обсуждались въ земскихъ собраніяхъ нѣкоторыхъ губерній. Впрочемъ, повторяемъ, ограниченія для поземельнаго кредита, указанныя въ проектѣ положенія о земскихъ банкахъ, совершенно понятны. Въ этомъ проектѣ, какъ и въ операціяхъ городскихъ банковъ, господствуетъ коммерческій краткосрочный кредитъ, почти не соединимый съ особыми условіями долгосрочнаго недвижимаго кредита. Съ другой стороны, земству, за кредитною отвѣтственностію котораго должны дѣйствовать проектируемые банки, также точно какъ и городскимъ обществамъ, дѣйствительно не можетъ быть предоставлено право выпуска процентныхъ кредитныхъ бумагъ, необходимое для операцій по долгосрочному поземельному кредиту. Земство даже если разсматривать его какъ товарищество имѣющее нѣкоторое подобіе съ акціонерными компаніями, есть союзъ людей соединившихся между собою не по добровольному уговору; оно захватываетъ не только живущія, но и будущія поколѣнія, которыя въ земскихъ собраніяхъ не имѣютъ своихъ представителей. Сверхъ того, въ органахъ земства, какъ въ собраніяхъ *представителей*, а не самихъ членовъ кредитующагося общества, нѣтъ и не можетъ быть такого живаго чувства личнаго промышленнаго интереса, какое одушевляетъ членовъ акціонернаго собранія и какое необходимо для благонадежности кредитной отвѣтственности по банковой операціи. Наконецъ земство, подобно городскому обществу, располагаетъ правомъ налога, и даже въ высшей мѣрѣ чѣмъ городское общество,— правомъ налога, составляющимъ главную гарантію всякихъ кредитныхъ обязательствъ земства, какъ бы ни былъ значителенъ земскій капиталъ, отдѣленный

въ пользу банка, — а это право, какъ и всякое публичное право, не можетъ не быть регулировано государствомъ, и лишь въ самыхъ крайнихъ случаяхъ и въ весьма точно обозначенныхъ границахъ можетъ быть употребляемо на содѣйствіе частнымъ промышленнымъ интересамъ.

Всякому само собой понятно, что акціонеры дѣйствуютъ на свой счетъ и страхъ, а члены земскихъ собраній на счетъ и страхъ не только свой, но и другихъ лицъ ими представляемыхъ. Этимъ отнюдь не отрицается возможность напримѣръ земскихъ гарантій по желѣзнымъ дорогамъ и займамъ, которые земство, подобно сословнымъ займамъ у насъ и провинціальнымъ займамъ въ другихъ государствахъ, очень можетъ заключать для общеполезныхъ цѣлей съ разрѣшенія законодательной власти. Но именно условія и ограниченія, въ какихъ допускаются подобные займы, лучше всего подтверждаютъ невозможность допущенія неограниченнаго права земства на кредитъ и тѣмъ менѣе на выпускъ кредитныхъ цѣнностей въ народное обращеніе.

Стало-быть проектируемые нынѣ земскіе банки не могутъ быть такъ организованы какъ нужно для долгосрочнаго кредита. Не имѣя права выпускать закладные листы погашаемые многолѣтнимъ тиражемъ, они не будутъ имѣть и возможности выдавать ссуды погашаемыя многолѣтними ежегодными платежами. Они предназначаются преимущественно для краткосрочнаго кредита. Чтобы правильно судить о ихъ будущемъ значеніи, надобно сравнить ихъ съ родственными имъ городскими банками и принять во вниманіе, что потребность, которая повидимому громко заявляетъ себя въ размноженіи городскихъ банковъ, вызвана нѣсколько искусственно. Размноженіе городскихъ общественныхъ банковъ есть не болѣе какъ послѣдствіе изданія правительствомъ въ 1861 году нормальнаго устава для этихъ банковъ, чѣмъ значительно облегчилось ихъ устройство, между тѣмъ какъ частныя банковыя предпріятія, въ томъ числѣ и акціонерныя, не имѣютъ для себя никакой общей узаконенной нормы, такъ что во всякомъ отдѣльномъ случаѣ дозволеніе получается законодательнымъ путемъ, весьма длиннымъ и затруднительнымъ. Не слѣдуетъ забывать, что первоначально городскіе общественные банки учреждались у насъ на разные пожертвованные частными лицами капиталы, и притомъ съ благотворительною цѣлію, для употребленія барышей на разные спеціально указанные жертвователями предметы. Лишь съ изданіемъ нормальнаго положенія, почти каждое городское общество стало отдѣлять на устройство банка часть своего общественнаго капитала и банковые барыши стали предназначаться для общеполезныхъ цѣлей, достижимыхъ и посредствомъ иного помѣщенія общественныхъ капиталовъ. Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ, въ какой степени полезно само по себѣ нынѣшнее размноженіе у насъ городскихъ общественныхъ банковъ, ограничимся общимъ замѣчаніемъ, что было бы еще полезнѣе образованіе частныхъ банковъ, принадлежащихъ акціонернымъ компаніямъ, товариществамъ на вѣрѣ и отдѣльнымъ лицамъ. Во всякомъ случаѣ распространеніе городскихъ банковъ отнюдь не должно считаться свидѣтельствомъ въ пользу того, что будто бы въ Россіи есть особенная потребность именно въ этой формѣ банковъ, а не въ какой-либо другой, и что употребительныя въ другихъ странахъ формы банковъ будто бы у насъ не приложимы. Кажущійся успѣхъ нашихъ городскихъ банковъ нисколько не опровергаетъ всеобщаго опыта, что самая выгодная форма кредита есть та, которая основана на частной иниціативѣ и свободной конкурренціи. Что же касается спеціально земства, то не можетъ подлежать сомнѣнію, что развитіе земскаго хозяйства только тогда будетъ успѣхомъ въ нашей народной жизни, когда оно будетъ постепенно заступать, гдѣ это возможно, мѣсто казеннаго хозяйства; но гдѣ земство будетъ развиваться на счетъ частной дѣятельности и предпріимчивости, тамъ оно будетъ каждый разъ не успѣхомъ, а шагомъ назадъ. Столько общеполезныхъ предпріятій, вовсе недоступныхъ для частной дѣятельности, каковы, напримѣръ, пути сообщенія, поддержка народныхъ школъ, санитарная часть, ждутъ отъ земства, и отъ одного земства, своего осуществленія! Разчетливо ли тратить земскія силы и земскіе капиталы на банковые операціи, которыя съ несравненно бо́льшимъ успѣхомъ могутъ быть производимы частными лицами и компаніями? На проектируемые нынѣ земскіе банки должно смотрѣть лишь какъ на временную мѣру, могущую въ нѣкоторой степени восполнить недостаточность частной иниціативы въ нашей провинціальной жизни. Это ступень переходная, дол-

женствующая вести къ частнымъ банкамъ для сельскаго кредита, какъ краткосрочнаго, такъ и долгосрочнаго. Какъ мѣра временная, новопроектируемые земскіе банки могутъ принести нѣкоторую пользу, особенно благодаря предполагаемому учрежденію при нихъ сберегательныхъ кассъ. При своей неспособности взяться за кредитъ долгосрочный, они окажутъ содѣйствіе преимущественно кредиту сельскому краткосрочному. Этимъ они удовлетворятъ чувствительной потребности сельскаго хозяйства, которое всего болѣе нуждается въ оборотномъ капиталѣ. Получивъ возможность занимать по дешевой цѣнѣ деньги для временныхъ сельско-хозяйственныхъ затратъ или для того чтобы выждать выгодныхъ цѣнъ на продукты, сельское хозяйство много выиграетъ. Тѣмъ не менѣе, повторяемъ, никакъ нельзя считать земскіе банки явленіемъ нормальнымъ. Правильное участіе земства въ учрежденіи банковъ можетъ поддерживать сельскій кредитъ, краткосрочный и долгосрочный, лишь содѣйствіемъ возникновенію частныхъ банковъ. Единственная вполнѣ раціональная помощь, которую земство могло бы оказать банковому кредиту, заключается въ иниціативѣ къ устройству частныхъ банковъ, съ отдѣленіемъ части своихъ капиталовъ на первоначальное обзаведеніе ихъ, подобно тому какъ это сдѣлали с.-петербургское и московское городскія общества при учрежденіи городскихъ (домовладѣльческихъ) кредитныхъ обществъ. Сверхъ того, земскіе капиталы могутъ быть помѣщаемы или какъ вклады, когда дѣло идетъ о банкахъ для кредита краткосрочнаго, или въ закладныхъ листахъ, когда предполагаются банки поземельные.

№ 277.

Москва, 21-го декабря.

Весьма желательно, чтобы наши земскія собранія пользовались возможно большею самостоятельностью въ кругу своей законной дѣятельности и своихъ естественныхъ интересовъ. Польза уѣзда и губерніи,—а такъ какъ мы говоримъ о совокупности земскихъ собраній, — то истинная польза цѣлой страны требуетъ, чтобъ эти новыя у насъ учрежденія дѣйствительно удовлетворяли своему назначенію и не оставляли бы нетронутымъ ни одного изъ интересовъ входящихъ въ ихъ сферу.

Но если желательно, чтобы гласные земскихъ собраній и члены земскихъ управъ наполняли своею дѣятельностію кругъ завѣдуемыхъ ими интересовъ, то еще болѣе желательно, чтобъ они изъ этого круга не выступали, и не хватались бы ни въ какомъ случаѣ за то что̀ по самой натурѣ своей не можетъ быть предметомъ ихъ дѣятельности. Этимъ мы не хотимъ сказать что-либо для земскихъ собраній стѣснительное. Съ точки зрѣнія самой либеральной нельзя пожелать иного. Граница, которую полагаетъ намъ собственная природа, никакъ не можетъ стѣснять насъ; напротивъ, только она даетъ нашей дѣятельности силу и смыслъ. Это равно истинно и для людей, и для собраній.

Земскія учрежденія должны быть чистымъ органомъ земства; въ противномъ случаѣ они станутъ органомъ обмана. Для того чтобы быть правдой, постановленія земскаго собранія должны быть такого свойства, чтобы въ нихъ могли по правдѣ участвовать, утвердительно или отрицательно, всѣ его члены. Заводить въ этихъ собраніяхъ рѣчь о томъ, что̀ не можетъ быть предметомъ сознательнаго убѣжденія не только для большинства, но хотя бы для какой-нибудь части членовъ, есть дѣло предосудительное во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ томъ или другомъ земскомъ собраніи могутъ случиться люди, имѣющіе свое мнѣніе о самыхъ разнородныхъ предметахъ; но собраніе не можетъ всюду послѣдовать за каждымъ изъ своихъ членовъ; напротивъ, каждый изъ его членовъ долженъ строго сообразоваться съ характеромъ собранія и не выходить изъ круга его занятій, въ которыхъ всѣ члены должны принимать равное участіе. Пусть окажутся въ собраніи нѣсколько спеціалистовъ, напримѣръ, по военному дѣлу; нельзя однако допустить, чтобъ эти господа могли предлагать собранію на обсужденіе вопросъ какой системы ружья слѣдуетъ принять для нашей арміи. Это было бы не только противно закону, которому земскія собранія обязаны своею организаціей, это было бы противно здравому смыслу, это было бы нелѣпостію, это было бы непростительнымъ неуваженіемъ къ самому собранію. Представьте себѣ, что, напримѣръ, Елисаветградское уѣздное земское собраніе, по предложенію од-

ного изъ своихъ членовъ и по бльшинству голосовъ постановило бы ходатайствовать о томъ, чтобы для постройки военныхъ кораблей была принята такая-то система какъ наиболѣе соотвѣтствующая условіямъ морскаго дѣла или потребностямъ времени. Что должно подумать правительство въ виду такого постановленія, принятаго въ такомъ-то уѣздномъ земскомъ собраніи? Что можно было бы подумать о такомъ куріозѣ съ точки зрѣнія здраваго смысла? Еслибы случайно и вышло, что рекомендованный Мценскимъ уѣзднымъ, или даже Черниговскимъ губернскимъ земскими собраніями способъ обмундированія арміи и вооруженія кораблей былъ дѣйствительно наилучшій, то фактъ тѣмъ не менѣе былъ бы крайне куріозенъ и не могъ бы быть истолкованъ къ чести этихъ почтенныхъ собраній. Какъ бы ни былъ хорошъ проектъ такого рода, представленный отъ имени земскаго собранія, онъ могъ бы свидѣтельствовать только о томъ, что въ числѣ его членовъ затаился человѣкъ, который упредилъ науку и заботы спеціальныхъ правительственныхъ учрежденій. Но между изысканіями такого остроумца и занятіями земскаго собранія нѣтъ ничего общаго Изобрѣтателю открыты широкіе пути мимо земскаго собранія; онъ можетъ заявить свою мысль въ печати, онъ можетъ издать цѣлый трактатъ о результатѣ своихъ изслѣдованій, онъ можетъ подать проектъ правительству. Во всякомъ случаѣ ему предстоитъ привлечь къ своей мысли вниманіе людей вполнѣ разумѣющихъ дѣло; но мы съ трудомъ можемъ повѣрить, чтобы серіозный человѣкъ позволилъ себѣ пускать свою мысль на голоса въ собраніи людей, не имѣющихъ возможности войти въ нее по своей неприготовленности и по краткости времени предоставленнаго имъ на занятія совсѣмъ другаго рода.

Надобно однако признаться, что подобные случаи возможны въ земскихъ собраніяхъ, и что нѣчто подобное дѣйствительно произошло въ послѣднее время въ одномъ изъ уѣздныхъ земскихъ собраній новороссійскаго края. Это почтенное собраніе, по предложенію одного изъ своихъ членовъ, постановило ходатайствовать о предоставленіи такъ-называемымъ реальнымъ гимназіямъ права аттестаціи къ университету наравнѣ съ такъ-называемыми классическими гимназіями!

Нельзя не пожалѣть, что земскія собранія съ своими совѣщаніями и постановленіями вдругъ скрылись отъ взоровъ публики. Полная гласность есть для этихъ учрежденій одно изъ самыхъ жизненныхъ условій. Въ полумракѣ все неразумное и фальшивое разыгрывается смѣлѣе, и многое дурное часто происходитъ единственно потому, что люди чувствуютъ себя укрытыми отъ серіознаго общественнаго контроля. Свѣтъ гласности то же что и всякій свѣтъ: многаго нельзя сдѣлать только потому что видно всѣмъ.

Представьте себѣ этихъ добрыхъ людей, собравшихся для раскладки земскихъ повинностей и для обсужденія другихъ полезныхъ предметовъ входящихъ въ программу ихъ занятій: вдругъ предложили имъ рѣшить одинъ изъ самыхъ спеціальныхъ вопросовъ государственнаго законодательства, и не по отношенію къ одной мѣстности, а къ цѣлой великой странѣ и не по отношенію къ нимъ самимъ, а къ поколѣніямъ грядущимъ и подрастающимъ, къ развитію цѣлаго народа, къ судьбамъ его будущаго, къ дѣлу науки въ высшемъ ея значеніи, къ организаціи университетскаго образованія, къ нашимъ будущимъ ученымъ по всѣмъ отраслямъ человѣческаго знанія, къ нашимъ будущимъ судьямъ, администраторамъ и двигателямъ, всѣхъ общественныхъ интересовъ. Все это предложено и рѣшено въ полчаса времени, между вопросомъ о починкѣ развалившагося мостика, который быть-можетъ и теперь еще пребываетъ въ печальныхъ развалинахъ, и о поправкѣ проселочной дороги, которая быть-можетъ и доселѣ остается непроѣздною. Нѣтъ сомнѣнія, что большинство этого собранія не имѣетъ понятія о томъ, что такое классическая или реальная гимназія, а нѣкоторые быть-можетъ не слыхивали этихъ словъ. И вотъ выступаетъ предъ собраніе ораторъ съ рѣчью о классическихъ и реальныхъ гимназіяхъ, и предлагаетъ ходатайствовать объ отмѣнѣ одного изъ самыхъ существенныхъ основаній нынѣ дѣйствующаго устава университетскихъ учебныхъ заведеній! Далеко ли уйдутъ наши земскія собранія, если подобные скандалы будутъ въ нихъ повторяться?

Что въ этой продѣлкѣ былъ нѣкоторый планъ, въ этомъ убѣждаетъ насъ слѣдующее обстоятельство: дѣло не ограничилось сказаннымъ постановленіемъ; руководите-

ли собранія поспѣшили сообщить объ ономъ въ разныя другія земскія собранія съ покорнѣйшею просьбой поддержать его. Предполагалось, повидимому, повести противъ устава гимназій генеральную аттаку и смутить правительство многими одновременными заявленіями по одному и тому же предмету. Если собраніе одного уѣзда дало вовлечь себя въ обманъ, то нѣтъ причины почему бы не дались въ тотъ же обманъ и другія. Дѣйствительно, какъ слышно, въ разныхъ собраніяхъ было читано означенное заявленіе, и если въ нѣкоторыхъ болѣе уважающихъ себя оно было отвергнуто, то въ нѣкоторыхъ было, какъ слышно, принято. Надобно еще присовокупить, что въ нѣкоторыя собранія, какъ напримѣръ московское, вовсе не было препровождено означенное заявленіе, такъ что, по всему вѣроятію, зачинщики агитаціи руководились какими-нибудь соображеніями въ выборѣ собраній и ограничились только тѣми, гдѣ могли разчитывать на успѣхъ.

Что̀ касается до легкости, съ какою иныя земскія собранія дались въ обманъ; то въ извиненіе ихъ надобно припомнить, что въ то время, когда въ правительственныхъ сферахъ обсуждалась учебная реформа, сама тогдашняя администрація, слѣдуя фальшивымъ совѣтамъ, возбуждала вопросъ о системахъ высшаго образованія чуть не на площадяхъ и рынкахъ.

Имѣя въ виду людей, которые могутъ добросовѣстно стать орудіемъ интриги, мы позволимъ себѣ припомнить, что вопросъ, о которомъ идетъ рѣчь, былъ рѣшенъ законодательствомъ послѣ долгихъ изученій и обширныхъ предварительныхъ трудовъ. Мысль о преобразованіи нашей учебной системы давно уже заботила правительство. Нельзя было не замѣчать, что по этой части мы не только не шли впередъ, но даже понижались противъ прежняго уровня. Безъ самостоятельной науки не можетъ успѣшно развиваться народная жизнь, а наука была у насъ въ крайнемъ небреженіи. Учебныя заведенія, слывшія у насъ подъ именемъ гимназій, гдѣ воспитывался цвѣтъ нашей молодежи и для науки и для государственной службы, соотвѣтствуютъ тѣмъ школамъ, которыя въ цивилизованныхъ странахъ Европы назначаются для людей, не имѣющихъ притязанія на высшее умственное образованіе и которое Европейцы заводятъ у варваровъ для того чтобы на первый разъ очеловѣчить ихъ. Всѣ наши гимназіи были именно тѣмъ что̀ называется въ Германіи реальными школами; всѣ онѣ по свойству и силѣ сообщаемаго ими образованія принадлежали къ разряду тѣхъ, какія г. деМутье заводилъ въ Турціи. Наши дѣти учились не такъ какъ учатся въ Европѣ, а какъ учатся юные Японцы подъ руководствомъ европейскихъ учителей. Наши будущіе просвѣтители и дѣятели приготовлялись въ годы отрочества къ своему призванію такъ какъ въ Германіи или во Франціи приготовляются къ жизни кондукторы желѣзныхъ дорогъ, лавочники, машинисты и коновалы. Это положительный фактъ, въ которомъ можетъ убѣдиться всякій, кто заинтересованъ этимъ предметомъ. Это не есть какое-либо событіе изъ ассирійской или египетской исторіи, о которомъ спорятъ ученые; это фактъ живой, у всѣхъ на глазахъ, всѣмъ доступный для повѣрки. Сто̀итъ только взять статистику учебныхъ заведеній Германіи, Франціи, Англіи, справиться съ ея показаніями и сличить съ ними положеніе учебнаго дѣла въ нашемъ отечествѣ.

Правительство, пубуждаемое заботами возвысить уровень нашего народнаго просвѣщенія, не вдругъ, однако, могло напасть на слѣдъ истинной потребности. Нерѣдко изъ желанія пособить злу принимались мѣры, которыя только усиливали его. Наконецъ поднятъ былъ вопросъ о преобразованіи гимназій. Задумавъ эту реформу, правительство не вдругъ одинакоже приступило къ ней. При скудости и смутности педагогическихъ понятій въ нашемъ обществѣ, правительство должно было идти ощупью. Приготовительныя соображенія длились нѣсколько лѣтъ. Одному изъ принадлежащихъ къ высшей администраціи лицъ было поручено изучить организацію гимназій за границей и вступить по этому предмету въ сношенія съ извѣстнѣйшими иностранными учеными и педагогами. Къ разнымъ заграничнымъ авторитетамъ по этому дѣлу былъ разосланъ первоначально составленный министерствомъ проектъ реформы, и получены отъ нихъ замѣчанія. Тотъ же проектъ разсылался во всѣ попечительскіе совѣты, во всѣ университеты и гимназіи. Всѣ мнѣнія и замѣчанія, полученныя отовсюду, были взвѣшены, соображены, сведены и напечатаны, такъ что изо всего этого составилась цѣ-

лая библіотека. Проектъ новаго устава гимназій былъ переработанъ нѣсколько разъ. Онъ прошелъ чрезъ всѣ инстанціи, вытерпѣлъ всѣ испытанія и подвергся всевозможнымъ возраженіямъ. И хотѣть, чтобы дѣло такого свойства могло быть передѣлано постановленіемъ гласныхъ земскаго собранія послѣ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ какимъ-нибудь краснобаемъ!

Сказываютъ (не странно ли, что о земскихъ дѣлахъ, которыя вполнѣ принадлежатъ публикѣ, приходится имѣть свѣдѣнія только по слухамъ?),—сказываютъ, что вопросъ объ организаціи гимназій въ одномъ изъ уѣздныхъ земскихъ собраній новороссійскаго края былъ поднятъ господиномъ съ нѣмецкою фамиліей. Что это за фамилія и кто этотъ господинъ, мы не знаемъ; но можно предположить, что, нося нѣмецкую фамилію, господинъ этотъ знаетъ по-нѣмецки. Если такъ, то онъ имѣлъ полную возможность освѣдомиться о дѣлѣ изъ первыхъ источниковъ. Какихъ бы онъ ни былъ мнѣній о педагогическихъ вопросахъ, онъ долженъ былъ бы, по крайней мѣрѣ, постараться узнать фактъ въ его истинномъ видѣ. Говорятъ, ораторъ этотъ объяснилъ собранію, что повсюду въ Европѣ такъ-называемая классическая система есть дѣло отживающее, поконченное, брошенное, и что мѣсто ея заняла такъ-называемая система реальная. Если дѣйствительно онъ говорилъ что-либо въ этомъ родѣ, то онъ повторялъ предъ своими добродушными слушателями, лишенными возможности уличить его въ неправдѣ, всѣ тѣ грубо невѣжественныя или умышленныя искаженія факта, которыми наполнялись многія изъ нашихъ газетъ во время обсужденія правительственнаго проекта о преобразованіи гимназій. Ораторъ земскаго собранія съ нѣмецкою фамиліей прибѣгалъ въ тѣсномъ кругу своей аудиторіи къ тѣмъ же самымъ маневрамъ, которые употреблялись въ печати en grand, съ тою только разницей, что эти послѣдніе происходили всенародно и могли встрѣчать отпоръ, между тѣмъ какъ первые совершались предъ 20 или 30 человѣками не свѣдущими въ дѣлѣ, изъ нихъ же иные едва знаютъ грамотѣ. Къ грубой неправдѣ въ этомъ случаѣ присоединилось столь же грубое оскорбленіе нанесенное почтеннымъ лицамъ составлявшимъ аудиторію оратора: они были поставлены имъ въ смѣшное положеніе людей, вынужденныхъ слушать и высказываться о дѣлѣ, къ которому они не призваны и о которомъ не имѣютъ понятія Говоря попросту, гласные земскаго собранія были одурачены, и господинъ затѣявшій съ ними эту продѣлку не могъ не понимать что̀ онъ дѣлалъ. Вотъ почему земскимъ собраніямъ, въ обезпеченіе себя отъ подобныхъ недостойныхъ продѣлокъ, слѣдуетъ строго держаться своей программы. Въ томъ нѣтъ ничего дурнаго, что люди не только полуграмотные, но и болѣе или менѣе образованные, даже ученые, имѣютъ смутное понятіе о предметахъ педагогическихъ, которые составляютъ особую спеціальность; но дурно то, что люди дозволяютъ дурачить себя. Заговори кто-нибудь на языкѣ непонятномъ для слушателей, они, конечно, сочли бы себя оскорбленными и поспѣшили бы прекратить шутовскую выходку: а не то ли же самое поднимать вопросъ въ не приготовленномъ и не призванномъ къ нему собраніи? Гласные земскаго собранія въ описанномъ случаѣ сыграли роль людей, выслушавшихъ рѣчь на непонятномъ языкѣ, — рѣчь, въ которой быть-можетъ, всѣ они были постыдно обруганы.

Еслибы вопросъ состоялъ въ томъ, какую науку ввести въ нашу народную жизнь, схоластическую, безплодную, мертвую, или живую, плодотворную, открывающую новые горизонты, дающую человѣку власть надъ природой, а народу сокровище умственныхъ силъ, которыя такъ необходимы для совершенія его судебъ, то неужели можно думать, чтобы кто-нибудь изъ людей мыслящихъ и доброжелательныхъ сталъ хотя минуту колебаться въ выборѣ? Неужели можно думать, чтобы спеціальныя правительственныя учрежденія, которыя были призваны къ рѣшенію этого вопроса, послѣ всѣхъ предварительныхъ работъ, колебаній и соображеній, послѣ всенароднаго обсужденія, избрали систему всѣми оставленную и отвергли ту, которая повсюду процвѣтаетъ? Термины: *классическая и реальная система* вводятъ въ заблужденіе людей не желающихъ подумать о дѣлѣ серіозно. *Реализмъ* въ этомъ случаѣ есть случайный терминъ, отнюдь не выражающій того смысла, въ какомъ обыкновенно употребляется это слово. Терминъ этотъ заимствованъ нами изъ Германіи, и тамъ по отношенію къ учебнымъ заведеніямъ, онъ означаетъ разрядъ школъ

разныхъ степеней устроенныхъ для дѣтей, которые не предназначаются къ университету и къ высшимъ профессіямъ. Есть реальныя школы высшаго и низшаго разряда, которые вмѣстѣ съ такъ-называемыми „мѣщанскими школами" составляютъ особый родъ учебныхъ заведеній, строго отличающійся отъ гимназій, какъ школъ университетскихъ. Реальныя школы въ Германіи назывались прежде латинскими школами, и отъ гимназій онѣ существенно разнятся тѣмъ, что лишены главной ихъ силы, того что̀ называется по-французски *fortes études*. Для воспитанниковъ реальныхъ училищъ не требуется той концентраціи учебныхъ занятій, которая составляетъ сущность классической гимназіи, и благодаря которой во Франціи, Германіи, Англіи, выходятъ, не случайными счастливыми исключеніями, а во множествѣ, люди способные къ самостоятельной дѣятельности въ наукѣ и къ умственному труду. Только гимназіи, основанныя на сильной концентраціи, признаны способными воспитывать людей достаточно зрѣлыхъ къ университетскимъ факультетамъ. Гимназіи вовсе не имѣютъ своею цѣлію быть разсадниками латинистовъ и эллинистовъ, и лишь самая малая доля ихъ воспитанниковъ выходитъ въ послѣдствіи записными филологами; но изъ нихъ, и только изъ нихъ, выходитъ вся мыслящая Европа, весь свѣтъ ея знанія, вся сила ея науки; изъ нихъ, и только изъ нихъ, выходятъ ея естествоиспытатели, математики, богословы, государственные люди. Когда въ правительственныхъ сферахъ шла рѣчь о преобразованіи нашихъ гимназій, то вопросъ состоялъ только въ томъ, можно ли было оставаться при тѣхъ школахъ, которыя мы имѣли подъ именемъ гимназій и которыя довели насъ до полнаго банкротства по части науки, — или и въ Россіи положить начало школѣ, которая была бы равносильна европейской. Въ основаніи вопросъ этотъ былъ рѣшенъ нашимъ законодательствомъ вполнѣ удовлетворительно. Оно признало ту самую учебную организацію, которая составляетъ силу и гордость Европы. Къ сожалѣнію, благое дѣло восторжествовало только въ принципѣ, но въ подробностяхъ новый уставъ является прискорбною полумѣрой, отъ которой нельзя ожидать удовлетворительныхъ результатовъ. Тѣ *fortes études*, которые составляютъ преимущество европейской школы, почти исчезли въ развитіи основной мысли новаго устава. Дабы дѣло могло идти успѣшно, легко и плодотворно для учащихся, необходимо предоставить главнымъ предметамъ, на которыхъ сосредоточивается гимназическое ученіе, гораздо болѣе времени, приблизительно столько же сколько посвящается этимъ предметамъ во всѣхъ подобныхъ школахъ Германіи, Франціи, Англіи и другихъ образованныхъ странъ Европы. Особенно необходимо измѣнить въ этомъ смыслѣ программу четырехъ низшихъ классовъ гимназіи; только при этомъ условіи дальнѣйшее ученіе можетъ идти съ должною пользой, не отягощая, но развивая и укрѣпляя силы учащихся. Къ тому же, наши гимназіи остались по прежнему семилѣтними, между тѣмъ какъ, не говоря уже о Германіи, даже въ нашихъ балтійскихъ губерніяхъ гимназіи имѣютъ курсъ восьмилѣтній. Странная повадка ставить самихъ себя всегда въ худшія условія сравнительно съ другими! Наконецъ, новый уставъ, на ряду съ классическими гимназіями, призналъ еще гимназіи реальныя, въ чемъ не было бы худа, еслибы съ тѣмъ вмѣстѣ не было предположено отнять у университетовъ большее или меньшее число принадлежащихъ къ нимъ учебныхъ заведеній. Реальныя гимназіи, которыя приличнѣе было бы назвать, какъ онѣ называются въ Пруссіи, реальными школами, или какъ-нибудь иначе, могутъ быть заводимы и частными лицами, и мѣстными обществами; но въ уставъ вкралось странное предположеніе превращать гимназіи, которыхъ въ Россіи и такъ не много, въ реальныя школы. Всякій легко пойметъ что это не прибытокъ, а убытокъ для дѣла науки. Въ Германіи реальныя школы, въ награду и повышеніе, преобразуются въ классическія гимназіи, которыхъ число безпрерывно увеличивается, а у насъ предположено было сократить число учебныхъ заведеній имѣющихъ право аттестаціи къ университету. Выходило такъ, что иныя губерніи лишались всякой возможности готовить свое юношество къ университету, ибо единственная на всю губернію гимназія превращалась въ училище, лишенное возможности аттестовать своихъ воспитанниковъ къ университету.

Но смутная пора миновала. Новая администрація народнаго просвѣщенія свободна отъ давленія партій, не благопріятствую-

щихъ реформѣ. Скоро было усмотрѣно, что дѣло сдѣлано только на половину, и что остановиться на сдѣланномъ значило бы уронить это столь великое по своимъ послѣдствіямъ преобразованіе. Все что можно было сдѣлать для исправленія дѣла административнымъ порядкомъ было тотчасъ же сдѣлано; но для того чтобы признанный нашимъ законодательствомъ принципъ получилъ вполнѣ соотвѣтствующую ему организацію, требуется законодательный пересмотръ устава. Къ сожалѣнію, встрѣтились обстоятельства, которыя затянули это дѣло, а дѣло это такого рода, что не можетъ долгое время безъ большаго вреда оставаться подъ вопросомъ. Слухъ о предстоящемъ пересмотрѣ устава распространился въ публикѣ, и противодѣйствующія партіи оживились. Еще минувшею весной, когда дѣло оставалось безъ хозяина за отъѣздомъ министра народнаго просвѣщенія за границу, гдѣ задержала его болѣзнь, вдругъ разыгралась въ печати бѣшеная агитація противъ учебной реформы. Разныя газеты и журналы какъ будто сговорились и разомъ выпустили залпъ статей, одну другой лживѣе и нелѣпѣе. Мы сочли безполезнымъ пускаться тогда въ полемику. Дѣло по необходимости было отсрочено, и заводить о немъ рѣчь было не ко времени. Агитація въ печати, открывшаяся какъ будто по данному сигналу, также быстро пресѣклась, какъ и началась; но случай, о которомъ пришлось намъ заговорить въ этой статьѣ, свидѣтельствуетъ, что агитація не окончилась и что, пользуясь затяжкой вопроса, она продолжаетъ свою работу.

Возвращаясь къ земскимъ собраніямъ, мы считаемъ не лишнимъ высказаться о томъ участіи, которое могутъ они съ пользою принимать въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. Земскія собранія могутъ, напримѣръ, какъ нельзя лучше знать свои денежныя средства. Имъ подобаетъ рѣшать сколько денегъ изъ земскихъ суммъ можно употребить на пособіе учебному дѣлу и въ какихъ школахъ нуждается ихъ мѣстность. Такъ Смоленское земство признало за нужное, между прочимъ, ходатайствовать объ открытіи гимназіи въ уѣздномъ городѣ Вязьмѣ, и нашло возможнымъ отпустить нужную на это сумму: дѣло доброе. Такъ теперь Рязанское земство предположило устроить сельскую нормальную школу, или учительскую гимназію,—дѣло также несомнѣнно полезное. Московское губернское земское собраніе признало полезнымъ открыть и вмѣстѣ постановило не открывать сельскую учительскую семинарію. Въ продолженіи двухъ или трехъ лѣтъ оно аттаковало этотъ предметъ, и въ нынѣшнюю сессію, которая заключилась сегодня, снова оставило дѣло не рѣшеннымъ, отвергнувъ послѣ долгихъ преній прекрасный проектъ составленный коммиссіей, которая была наряжена для этого дѣла собраніемъ. Къ сожалѣнію, вкралось нѣсколько ошибокъ въ веденіе этого дѣла, которыя и объясняютъ столько же печальный сколько комическій исходъ его. Земскія собранія никакъ не могутъ входить въ обсужденіе учебной организаціи, хотя бы даже народныхъ школъ. Рѣшивъ вопросъ въ принципѣ, то-есть обсудивъ какую сумму можно отпустить на удовлетвореніе признанной потребности, а также о томъ какъ велика и настоятельна эта потребность, затѣмъ выбравъ людей, по мнѣнію большинства достаточно способныхъ для того чтобы спеціально разработать дѣло признанное полезнымъ и необходимымъ, собраніе могло считать свое дѣло конченнымъ. Вотъ предѣлы въ которыхъ могло успѣшно и съ достоинствомъ выразиться участіе земскаго собранія въ дѣлѣ просвѣщенія. Когда проектъ былъ готовъ, достаточно было принять или отвергнуть его въ его принципѣ, то-есть рѣшить вопросъ быть или не быть школѣ такого-то свойства и такихъ-то размѣровъ. Но пересматривать проектъ въ его подробностяхъ и входить въ разборъ учебной программы, пускаться въ словопренія о томъ какъ и что преподавать, это большая ошибка. Тѣ изъ гласныхъ, у кого имѣлись по этимъ предметамъ готовыя мысли въ головѣ, могли предложить ихъ въ коммиссіи; но разглагольствовать объ учебныхъ предметахъ въ такомъ разнокалиберномъ собраніи, какъ земское, дѣло совершенно неумѣстное. Не будь этого, въ Московскомъ губернскомъ земскомъ собраніи было бы сказано меньше словъ, за то навѣрное было бы сдѣлано болѣе дѣла, и въ его протоколахъ не остались бы для потомства куріозы, которые живо напоминаютъ тѣ отдаленныя времена, когда по московскимъ улицамъ бѣгали юродивые и смѣшили прохожихъ шуты-балагуры.

Выбравъ лицъ для спеціальной разработки вопроса, собраніе поступило бы лучше, еслибы довѣрилось собственному выбору, а окончательную оцѣнку и провѣрку составленнаго коммиссіей учебнаго плана предоставило бы министерству народнаго просвѣщенія, на утвержденіе котораго пришлось бы ему идти во всякомъ случаѣ.

№ 278.

Москва, 23-го декабря.

Въ средѣ перевершителей крестьянскаго дѣла сѣверо-западнаго края происходитъ смятеніе, о чемъ ясно свидѣтельствуетъ бюллетень появившійся въ послѣднемъ № *Вѣсти*. Мы узнаемъ изъ него, что въ Петербургѣ присутствуютъ и возбуждаютъ агитацію, прибывшіе „изъ близи и дали“ коноводы крестьянскаго дѣла 1864 — 1866 годовъ. Петербургскіе клубы-де волнуются, а петербургскія канцеляріи еще больше; и тѣ и другія вступаютъ въ какія-то тайныя сдѣлки съ журналистами для совокупнаго сопротивленія переповѣркѣ переповѣрокъ повѣрочныхъ дѣйствій въ сѣверо-западномъ краѣ. Въ основаніи же этой агитаціи, по свѣдѣніямъ *Вѣсти*, лежитъ „дерзкая надежда повліять на разумъ и совѣсть людей, которые должны окончательно разрѣшить судьбу этого важнаго для Россіи вопроса“. Такъ какъ дѣйствительность очень мало похожа на то, чѣмъ она рисуется въ воображеніи *Вѣсти*, то, значитъ, въ лагерѣ агитаторовъ, не мнимыхъ, а дѣйствительныхъ, то-есть агитаторовъ полонофильскихъ, приключилось въ самомъ дѣлѣ не малое замѣшательство. Это добрый знакъ въ пользу русскаго дѣла, и мы нисколько не сѣтуемъ на то, что помраченному зрѣнію *Вѣсти* мы кажемся представителями „разрушительныхъ началъ“, и что намъ напоминаютъ въ этой газетѣ судьбу журналистовъ, „сошедшихъ съ журнальнаго поприща путемъ не совсѣмъ обыкновеннымъ“. Еще недавно насъ звали крѣпостниками, можетъ-быть отчасти тѣ же люди, для которыхъ мы теперь, когда зашла рѣчь о польскомъ дѣлѣ, превратились въ опасныхъ радикаловъ. Мы дѣйствительно стараемся быть опасными радикалами—въ польскомъ дѣлѣ: мы желаемъ вырвать съ корнемъ польскій вопросъ въ Россіи. Мы совершенно равнодушны и къ ругательствамъ, и къ предостереженіямъ *Вѣсти*. Если мы взялись за перо, то лишь потому, что эта газета пытается распространить овладѣвшую ею панику на такія сферы, до которыхъ интересы защищаемые *Вѣстью* въ возбужденномъ нынѣ вопросѣ, или вовсе не касаются, или касаются враждебно. Для запугиванія этихъ сферъ, которыя должны быть опорой русскому дѣлу, придумана басня о свитомъ будто бы въ Вильнѣ *гнѣздѣ* соціальнаго броженія, которое легко можетъ *перешагнуть* за Днѣпръ и Двину и *разлиться* по всему пространству Россіи.

Русскимъ землевладѣльцамъ стараются внушить, будто тотъ или другой исходъ затрудненій, возникшихъ въ крестьянской реформѣ сѣверо-западнаго края, можетъ отозваться на крестьянскомъ дѣлѣ внутри Россіи. Потерявъ повидимому надежду защитить предлагаемыя мѣры въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ онѣ возникли и къ которымъ относятся, стараются перенести вопросъ на почву не имѣющую съ нимъ ничего общаго.

Крестьянское дѣло въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ было обставлено такими условіями и разрѣшено на такихъ основаніяхъ, которыхъ мы не видимъ внутри Россіи. Прежде всего въ Западной Руси, еще при существованіи крѣпостнаго права, оказалось необходимымъ ввести инвентари, и по инвентарнымъ правиламъ крестьянскія земли признаны неприкосновенными. Инвентари были введены, когда объ упраздненіи крѣпостной зависимости въ остальной Россіи никто и не помышлялъ. Не слѣдуетъ ли изъ этого, что инвентари не имѣютъ ничего общаго съ крестьянскою реформой? А инвентари легли въ основаніе тѣхъ особенностей западнаго края, которыя теперь партія *Вѣсти* надѣется сгладить и подвести подъ одинъ уровень съ остальною Россіей, прикрывшись распущеннымъ слухомъ, будто бы кто-то задумываетъ подвести остальную Россію подъ одинъ уровень съ западнымъ краемъ. Сочинители этой неостроумной шутки, повидимому, увѣрены, что имъ удастся сбить съ толку русскую публику. Между тѣмъ все это дѣло какъ нельзя болѣе просто. Притязанія, подлежащія разсмотрѣнію, состоятъ въ томъ, чтобы въ отмѣну Мѣстныхъ Положеній и правилъ обязательнаго выкупа не только прирав-

нять сѣверо-западныя губерніи въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ ко внутреннимъ, но и предоставить помѣщикамъ сѣверо-западнаго края такія льготы, которыми помѣщики внутреннихъ губерній не пользовались, о которыхъ никто для нихъ не просилъ и не проситъ, о которыхъ никогда и не заикалась *Вѣсть*, отстаивающая вообще ихъ интересы лишь безплодными фразами и только въ польскомъ дѣлѣ умѣющая входить въ подробное обсужденіе вопросовъ, практически важныхъ. *Вѣсть* проповѣдуетъ, что интересы помѣщиковъ внутреннихъ губерній и сѣверо-западнаго края солидарны. Въ чемъ же эта солидарность? Инвентарныя правила закрѣпили за крестьянами западнаго края право пастьбы по общему выгону, пожнямъ и перелѣскамъ, такъ-называемое право сервитутовъ. Въ остальной Россіи это право закрѣплено за крестьянами не было, а потому и могло быть упразднено при разрѣшеніи крестьянскаго вопроса безъ всякаго вознагражденія. Примѣнять этотъ порядокъ къ сѣверо-западному краю значило бы нарушать инвентарныя права крестьянъ. Но какъ ни смотрѣть на то, что сервитуты, занесенные въ инвентари и нарушенные въ уставныхъ грамотахъ, были въ сѣверо-западномъ краѣ возстановлены, во всякомъ случаѣ это вопросъ посторонній для внутреннихъ губерній. Далѣе, Положеніе 19-го февраля 1861 года закрѣпило за крестьянами сѣверо-западнаго края всѣ земли дѣйствительнаго пользованія внѣ всякихъ нормъ, чего также не было и не могло быть во внутреннихъ губерніяхъ, гдѣ, какъ извѣстно, опредѣлены нормы высшаго, низшаго и указнаго надѣловъ, и на основаніи этихъ нормъ надѣлы отведены окончательно. Пусть же русскіе землевладѣльцы, внимательно взглянувъ на агитацію *Вѣсти*, взвѣсятъ всю недобросовѣстность того запугиванія, котораго предметомъ *Вѣсть* хочетъ ихъ сдѣлать. Принципъ неприкосновенности старинной крестьянской земли, принятый инвентарными правилами, могъ бы еще перешагнуть чрезъ Днѣпръ въ то время, когда вырабатывалось крестьянское Положеніе 19-го февраля 1861 года. Тогда, однакожь, объ этомъ не кричали, и никто не запугивалъ помѣщиковъ внутреннихъ губерній опасностью, которой дѣйствительно не было. Принципъ этотъ какъ былъ, такъ и остался исключительною принадлежностью Заднѣпровья. Онъ былъ закрѣпленъ для этого края Мѣстными Положеніями, и на устройство крестьянскаго дѣла въ остальной Россіи не имѣлъ ни малѣйшаго вліянія. Чтобъ онъ могъ оказать какое-нибудь вліяніе теперь, утверждать это противно здравому смыслу. Да и о чемъ идетъ теперь рѣчь? Невѣроятно, а между тѣмъ въ самомъ дѣлѣ рѣчь идетъ не о распространеніи помянутаго принципа, не о томъ, чтобы придать ему какую-нибудь новую силу, а единственно о томъ, чтобы не нарушать его и не колебать основаній, принятыхъ инвентарными правилами и утвержденныхъ Мѣстнымъ Положеніемъ сѣверо-западнаго края. Въ польскомъ лагерѣ возникла мысль воспользоваться минутой, которая почему-то кажется благопріятною, чтобы сдѣлать брешь въ законахъ непрерывно дѣйствовавшихъ съ 1844 года. Не противъ польскихъ пановъ что-либо замышляется, а на противъ они замышляютъ отдѣлаться отъ закона, подъ который они до сихъ поръ тайно подкапывались, но на который открыто нападать не дерзали. Вотъ истинное положеніе дѣла. И что же? *Вѣсть* издаетъ не членораздѣльные вопли о томъ, что въ Петербургѣ чуть не составляется заговоръ. Какой? Не заговоръ ли пановъ, затѣявшихъ отрѣзывать у крестьянъ землю и возвышать ихъ выкупные платежи, въ явное нарушеніе закона и въ ущербъ спокойствію государства? Нѣтъ, говоритъ *Вѣсть*, заговоръ составляется не польскій, а русскій, и если онъ не будетъ подавленъ по отношенію къ сѣверо-западному краю, то разольется по всей Россіи: поэтому всѣ русскіе землевладѣльцы должны-де примкнуть къ польскимъ панамъ и помочь имъ отбиться не отъ новыхъ какихъ-либо противъ нихъ направленныхъ притязаній, коихъ нѣтъ, а отъ стараго закона, которому теперь въ сущности уже 24 года. *Вѣсть* любитъ твердить о своемъ сочувствіи русскому землевладѣльческому сословію, хотя и не оказала ему ни одной своевременной услуги. Хорошее же мнѣніе имѣетъ она о сообразительности этого сословія, когда надѣется уловить его такимъ грубымъ маневромъ!

Новѣйшіе виленскіе проекты касаются вопросовъ, которые либо давнымъ-давно разрѣшены внутри Россіи, либо вовсе не могутъ возникнуть въ ней. Сущность про-

ектированныхъ предположеній по сѣверо-западному краю состоитъ въ предоставленіи тамошнимъ панамъ такихъ льготъ, о которыхъ, какъ сказано выше, никогда и не помышляли помѣщики внутреннихъ губерній. Ни въ Харьковской, ни въ Ярославской губерніи никто изъ землевладѣльцевъ, вѣроятно, не представляетъ себѣ возможности производить *послѣ выкупа* принудительный обмѣнъ крестьянскихъ угодій, или обязательное для крестьянъ разверстаніе. А между тѣмъ вопросъ возбуденъ нынѣ о томъ, чтобы предоставить подобную льготу панамъ и притомъ обставить эти операціи надъ землями крестьянъ-собственниковъ меньшими гарантіями, чѣмъ какія были приняты внутри Россіи при обмѣнѣ или разверстаніи земель временно-обязанныхъ, окончательно не устроенныхъ крестьянъ.

Приходило ли въ голову кому-либо изъ русскихъ землевладѣльцевъ производить раздѣлъ земель общаго владѣнія съ крестьянами-собственниками не на основаніи законовъ полюбовнаго размежеванія, но по такимъ правиламъ, которыя давали бы помѣщику права не предоставленныя ему даже при первоначальномъ отводѣ земель временно обязаннымъ крестьянамъ,— дѣлить напримѣръ общій выгонъ такъ чтобы крестьянамъ пришлось ни въ какомъ случаѣ не больше 1.000 квадр. саж. на дворъ, или обрѣзывать нѣкоторые крестьянскіе участки до 3-хъ-десятиннаго размѣра, или наконецъ совсѣмъ задаромъ отнимать у крестьянъ занесенное въ инвентари и выкупные акты право пастьбы по пару и скошеннымъ лугамъ?..

Возбужденіе тревоги среди русскихъ землевладѣльцевъ, воззванія къ ходу крестьянской реформы внутри Россіи, дѣлаемыя по поводу совершенно постороннихъ для внутреннихъ губерній вопросовъ сѣверо-западнаго края, плохо рекомендуютъ пригодность мѣръ, защищаемыхъ такими посредствами. Интересы русскихъ землевладѣльцевъ по отношенію къ новому обороту крестьянскаго вопроса въ виленскомъ генералъ-губернаторствѣ состоятъ прежде всего въ томъ, чтобы крестьянское дѣло западной Руси было ведено къ пользѣ, а не ко вреду государства, чтобъ авторитетъ русскаго правительства не пострадалъ тамъ, чтобы не были брошены въ ту почву сѣмена новыхъ смутъ, могущихъ отозваться скорбно на всей Россіи, а слѣдовательно и на русскихъ землевладѣльцахъ, коихъ благоденствіе неразрывно связано съ благоденствіемъ и спокойствіемъ Русскаго государства.

Попытка произвести панику въ средѣ русскихъ землевладѣльцевъ и вызвать между ними такое настроеніе, которымъ можно было бы воспользоваться въ интересѣ враждебной имъ польщизны, есть самая безсовѣстная самая безчестная изъ возможныхъ политическихъ агитацій. Надобно отбросить эту примѣсь, чтобы подлежащій рѣшенію вопросъ упростился и поставленный на свою почву, получилъ свой дѣйствительный смыслъ. При просвѣщенномъ взглядѣ на дѣло всегда легко согласить государственные интересы съ требованіями справедливости. Отрѣзка крестьянской земли есть вопіющее дѣло; возвышеніе выкупныхъ платежей, окончательно утвержденныхъ, есть сущая невозможность. Первая противорѣчила бы 3 статьѣ Мѣстнаго Положенія литовскихъ губерній, второе— указу 1-го марта 1863 года. Если при спѣшности, съ которою вводился обязательный выкупъ, случались ошибки, требующія исправленія, а мѣстами быть-можетъ бывали и злоупотребленія, то въ этихъ исключительныхъ случаяхъ ничего другаго не остается, какъ возвысить выкупную ссуду на счетъ государства, если потерпѣлъ помѣщикъ, или понизить, также на счетъ государства, выкупные платежи, если потерпѣли крестьяне. Предъ лицомъ справедливости не можетъ быть различія между помѣщиками и крестьянами.

Въ *Вѣсти* увѣряютъ, что мы не признаемъ никакихъ затрудненій въ крестьянскомъ дѣлѣ виленскаго генералъ-губернаторства, но мы ничѣмъ не подали повода къ такому увѣренію. Мы напротивъ сожалѣемъ, что обнаружившіяся замѣшательства не были изучены во всей подробности, и что настоящіе размѣры ихъ остаются не вполнѣ ясными. Затѣмъ мы полагаемъ, что рѣшеніе такого важнаго вопроса, каково крестьянское дѣло сѣверо-западнаго края, должно быть подвергнуто подробному разсмотрѣнію не подъ мѣстными вліяніями и соображено не съ одними случайными исключеніями, а съ духомъ общаго законодательства, что можетъ быть сдѣлано лишь въ высшихъ инстанціяхъ. Мѣстныя власти высказались; теперь надобно привести ихъ предположенія въ соотвѣтствіе съ общими видами правитель-

ства по западному краю и съ общимъ направленіемъ нашего законодательства. За послѣднія пять лѣтъ въ Вильнѣ перемѣнилось четверо генералъ-губернаторовъ, и каждое новое управленіе отражалось какими-либо колебаніями по крестьянскому дѣлу. Теперь, съ успокоеніемъ края, приходитъ время разъ навсегда опредѣлить основанія для окончательной развязки дѣла—основанія, конечно, зависящія не отъ личныхъ взглядовъ того или другаго генералъ-губернатора, а указанныя главными и неизмѣнными потребностями государства.

Крестьянское дѣло сѣверо-западнаго края есть своего рода спеціальность, весьма мало у насъ извѣстная. Условія мѣстнаго крестьянскаго вопроса долго укрывались отъ правительства и публики, и это создало много неудачъ и затрудненій въ дѣлѣ. Еслибы высшія инстанціи, призванныя къ рѣшенію вопроса, нашли имѣющіяся у нихъ свѣдѣнія недостаточными, то нелишнимъ было бы обратиться къ людямъ свѣдущимъ и опытнымъ въ дѣлѣ, не ограничиваясь канцелярскимъ порядкомъ.

Таковъ нашъ взглядъ, свободный отъ предубѣжденій. Мы твердо стоимъ только на томъ, что въ подкрѣпленіе предлагаемыхъ мѣръ нельзя приводить отдѣльныя злоупотребленія или крупныя погрѣшности, каковы напримѣръ случаи изъ Мозырскаго уѣзда, гдѣ чрезвычайныя особенности крестьянскаго землевладѣнія, не предвидѣнныя Положеніемъ, привели къ замѣшательству въ работахъ повѣрочныхъ коммиссій. Необходимость обмѣна участковъ, составляющихъ принадлежность хозяйственныхъ заведеній помѣщика, нельзя доказывать примѣромъ *одного* мельника, которому отвели надѣлъ, загородившій подъѣздъ къ мельницѣ графини Красинской. *Одинъ* случай непонятнаго возстановленія пастбищнаго сервитута по полямъ многопольнаго хозяйства въ имѣніи г. Іодки нельзя выдавать за характеристику пастбищъ по пару, пожнямъ и пр. Мы уже не говоримъ о примѣрахъ, которые разказываются не точно и не полно, а такихъ довольно много, какъ мы уже указали и какъ будемъ имѣть поводъ указать еще и въ послѣдствіи. Десятокъ другой несообразностей легко пріискать въ любой губерніи; злоупотребленія бываютъ вездѣ; разныя аномаліи встрѣчаются повсюду въ отдѣльныхъ случаяхъ при исключительныхъ обстоятельствахъ, которыхъ не предвидѣла реформа (какъ въ уѣздахъ Мозырскомъ, Рѣчицкомъ); надо еще удивляться, что дѣятели *Вѣсти* могутъ привести по извѣстнымъ вопросамъ только три-четыре примѣра на шесть губерній, а не тридцать, не сорокъ. Слѣдуя логикѣ, принимаемой этими господами, можно бы утверждать, что желѣзныя дороги *привели* лишь къ убійству людей. Общія мѣры въ такомъ серіозномъ вопросѣ, какъ крестьянское дѣло виленскаго генералъ-губернаторства, должны опредѣляться не подъ вліяніемъ эффектовъ, производимыхъ скандалами, а изученіемъ тѣхъ главныхъ чертъ, которыя обозначились въ общихъ дѣйствительныхъ результатахъ. Не странно ли видѣть предположенія, при выработкѣ которыхъ остались въ пренебреженіи напримѣръ добровольныя соглашенія по упраздненію сервитутовъ, по обмѣну земель, разверстанію и пр., которыя одни могли дать отыскиваемыя нормы для рѣшенія возникшихъ вопросовъ, а между тѣмъ на первый планъ выдвинуты одни куріозы?

Дѣятели *Вѣсти* приглашаютъ насъ аттестовать сдѣланное ими изложеніе порядка повѣрочныхъ работъ въ сѣверо-западномъ краѣ. До сихъ поръ въ нашемъ одобреніи эти почтенные господа кажется не нуждались, и прежде нежели мы исполнимъ ихъ желаніе, не мѣшало бы, для большей ясности дѣла, имѣть съ ихъ стороны отвѣты, напримѣръ, на слѣдующіе вопросы:

1) Повѣрочное измѣреніе крестьянскаго надѣла послѣ выкупа допускается во внутреннихъ губерніяхъ лишь по требованіямъ, заявленнымъ сторонами до утвержденія выкупнаго акта,—и эта повѣрка количества крестьянской земли не имѣетъ ничего общаго съ операціей отграниченія угодій, которая, какъ показываетъ самое названіе, состоитъ въ обходѣ и означеніи границъ. Почему же въ сѣверо-западномъ краѣ полагается соединить съ отграниченіемъ угодій еще и повѣрочное измѣреніе, которое послужитъ главною причиной нарушенія теперешняго спокойнаго владѣнія крестьянъ, въ границахъ хорошо извѣстныхъ сторонамъ?

2) Почему предлагается придать въ выкупныхъ актахъ сѣверо-западнаго края юридическую силу лишь завѣдомо невѣрному показанію количества земли, тогда какъ во внутреннихъ губерніяхъ по вы-

купнымъ договорамъ, при составленіи которыхъ не требовалось измѣренія земель (что было также при обязательномъ выкупѣ сѣверо-западнаго края), рѣшающее значеніе придано границамъ надѣла?

3) Почему при разсрочкѣ въ возвращеніи излишне зачтенныхъ въ долгъ кредитному учрежденію выкупныхъ ссудъ полагается примѣнять къ панамъ не Высочайшія повелѣнія рѣшающія этотъ вопросъ, а сдѣланныя изъ нихъ исключенія для графини Строгановой, г. Горвата и пр.? Во внутреннихъ губерніяхъ излишне полученныя ссуды взыскиваются по иску казны, а въ сѣверо-западномъ краѣ предполагается разсрочка ихъ на 49 лѣтъ.

4) Почему Высочайшее повелѣніе 7-го апрѣля 1864 г. ни разу не помянуто въ разсматриваемыхъ предположеніяхъ, даже тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о вопросѣ рѣшенномъ этимъ повелѣніемъ (относительно необлагаемыхъ платежомъ земель)?

5) По поводу статьи нашей объ отрѣзкахъ отъ крестьянской земли, разрѣшенныхъ гродненскимъ губерскимъ присутствіемъ, въ *Вѣсти* извѣщаютъ, что виленская администрація запретила таковые порядки, лишь только они дошли до ея свѣдѣнія. Мы можемъ прибавить, что упомянутыя нами постановленія, напечатанныя своевременно въ *Гродненскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ*, состоялись за періодъ времени съ мая по октябрь этого года. *Вѣсть* объясняетъ распоряженія гродненскаго присутствія тѣмъ, что губернскія присутствія сѣверо-западнаго края перестали нынѣ ставить себя выше законодательной власти и дѣйствуютъ „по закону.“ Гдѣ же этотъ „законъ“ разрѣшающій вопросъ объ отрѣзкахъ, и въ силу какой власти генералъ-губернаторъ могъ бы пріостановить исполненіе „закона“?

6) Дѣятели *Вѣсти* соглашаются теперь, что отрѣзывать крестьянскія земли въ сѣверо-западномъ краѣ невозможно. Для чего же въ проектахъ виленской администраціи признается за выкупными актами сила безспорнаго юридическаго акта, изъ чего само собой слѣдуетъ, что въ случаѣ несогласія дѣйствительнаго пользованія съ выкупнымъ актомъ должно либо возвышать выкупные платежи, что запрещено указомъ 1-го марта 1863 г., либо отрѣзывать землю, что противорѣчитъ 3-й статьѣ Мѣстнаго Положенія?

7) Если опасно нарушать ясный законъ отрѣзкой земли, то для чего же предлагается дѣлать отрѣзки между прочимъ изъ земель общаго пользованія? Вѣдь такія земли имѣются почти въ каждомъ селеніи, и слѣдовательно, въ случаѣ принятія этого предположенія, отрѣзки были бы произведены почти повсемѣстно.

№ 279.

Москва, 24-го декабря.

Помѣщенный въ послѣднемъ нумерѣ *Современной Лѣтописи* „Обзоръ дѣйствій Новосильскаго уѣзднаго училищнаго совѣта съ 1-го сентября 1867 по 1-е сентября 1868 года“ оставляетъ два противоположныя впечатлѣнія. Съ одной стороны нельзя безъ сочувствія и уваженія видѣть усердную дѣятельность членовъ этого совѣта и его почтеннаго предсѣдателя, І. Н. Шатилова, принимающаго самый живой интересъ въ дѣлѣ, которое ему поручено общественнымъ довѣріемъ, и нельзя не оцѣнить готовности, съ которою земство вотировало 6.000 р. на поддержку народныхъ училищъ: еслибы во многихъ уѣздахъ были такіе совѣты, и еслибы въ ихъ распоряженіе были отпускаемы такія суммы, то дѣло народнаго обученія въ Россіи находилось бы на вѣрномъ пути къ прекрасному будущему. Но съ другой стороны Новосильскій училищный совѣтъ свидѣтельствуетъ, что многіе изъ народныхъ учителей прекратили свои занятія, потому что не могли ожидать отъ крестьянъ достаточнаго вознагражденія за свой трудъ, и что это особенно относится къ училищамъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ, сильно пострадавшимъ вслѣдствіе перехода изъ вѣдомства государственныхъ имуществъ въ земство. Въ другихъ мѣстахъ повторилось то же еще въ бо́льшихъ размѣрахъ. Вообще нельзя не признать прискорбнымъ того факта, что училищная часть въ селеніяхъ бывшихъ государственныхъ крестьянъ идетъ не впередъ, а назадъ. Попятный ходъ есть явленіе печальное во всякомъ полезномъ дѣлѣ; здѣсь онъ тѣмъ печальнѣе, чѣмъ болѣе возрастаетъ потребность въ народномъ обученіи, вызываемая всѣмъ ходомъ дѣлъ въ нашемъ отечествѣ. Вѣдомство государственныхъ имуществъ взимало обязательный налогъ въ пользу народныхъ

училищъ, и училища обезпеченныя этимъ налогомъ существовали въ продолженіе почти трехъ десятилѣтій; времени было достаточно, чтобы крестьяне привыкли посылать своихъ дѣтей въ школу, убѣдились въ пользѣ ученья, признали школу потребностью и принадлежностью своего быта. Если мы видимъ теперь, что этого не случилось, то стóитъ всмотрѣться въ этотъ фактъ, поискать его объясненія, подумать о томъ, какъ обезпечить лучшій ходъ дѣлъ въ будущемъ.

Было бы несправедливо возлагать на бывшихъ государственныхъ крестьянъ вину въ ихъ равнодушіи къ ученью. Массы нигдѣ не чувствуютъ такой живой потребности образованія, чтобы на ней одной могла быть основана система удовлетворительнаго народнаго обученія. Повсюду это великое дѣло поддерживается государствомъ: въ однихъ мѣстахъ посредствомъ обязательнаго налога, въ другихъ требованіемъ обязательнаго посѣщенія училищъ, а гдѣ начало обязательности не признано, какъ въ Англіи, тамъ государственная казна принимаетъ на себя значительную долю издержекъ содержанія народныхъ школъ. Въ виду такого хода дѣлъ во всѣхъ государствахъ, было бы вреднымъ обольщеніемъ ожидать что народное образованіе въ Россіи разовьется само собой, и преувеличивать значеніе отдѣльныхъ случаевъ свидѣтельствующихъ, что потребность образованія пробуждается въ нашемъ народѣ съ значительною силой. Какъ бы ни были убѣдительны эти отдѣльные случаи, они капля въ морѣ, и изъ нихъ нельзя выводить никакихъ общихъ заключеній. Тѣмъ не менѣе нельзя не признать, что ощущаемая массами потребность ученья была бы гораздо лучшимъ основаніемъ системы народнаго обученія чѣмъ обязательность, которая, въ какомъ бы видѣ она ни была установлена, не можетъ придать этому дѣлу жизнь и силу потребности, возникающей изъ глубины народнаго быта. Всего успѣшнѣе была бы такая система мѣръ, которая, не прибѣгая къ обязательности, вызывала бы потребность ученья, гдѣ ея еще нѣтъ, и усиливала бы ее тамъ, гдѣ она уже сказалась. Въ нашей газетѣ около года тому назадъ была сообщена мысль о самомъ простомъ и дѣйствительномъ средствѣ возбудить въ нашемъ народѣ живую потребность образованія. Эта мысль, какъ мы сказали тогда, невольно напоминающая о Колумбовомъ яйцѣ, состоитъ въ томъ, чтобы сроки военной службы были приведены въ соотвѣтствіе съ мѣрой образованія рекрута. Это совершенно согласно съ условіями военной службы, ибо человѣкъ хорошо учившійся можетъ тѣмъ скорѣе пріобрѣсти выправку требуемую отъ хорошаго солдата; это неоцѣнимо какъ побужденіе къ ученью, какъ средство вызвать въ народныхъ массахъ стремленіе заводить и поддерживать училища. Сокращеніе сроковъ военной службы сдѣлалось бы при этой системѣ могущественнымъ орудіемъ народнаго образованія.

Но чтобы народныя училища могли учреждаться, мало одного стремленія къ нимъ учащихся; надобно чтобы было кому учить. Новосильскій училищный совѣтъ указываетъ и на эту сторону дѣла. Онъ приходитъ къ весьма правильному заключенію что всего желательнѣе было бы, еслибы можно было замѣщать должности сельскихъ учителей людьми сельскаго же происхожденія, для которыхъ мѣсто сельскаго учителя представлялось бы заманчивымъ и выгоднымъ. Это условіе дѣйствительно самое существенное. Народный учитель долженъ выходить изъ народа: другіе классы общества снабжали бы народныя школы учителями лишь изъ людей не годившихся для болѣе прибыльныхъ или почетныхъ занятій, да и такіе смотрѣли бы на свое мѣсто какъ на заточеніе; сердце ихъ не лежало бы къ призванію, которое однакоже нуждается именно въ сердечномъ участіи. Здѣшняя учительская семинарія военнаго вѣдомства, заведеніе дѣйствительно образцовое, не могла бы процвѣтать, еслибы не получала своихъ питомцевъ изъ лучшихъ учениковъ начальныхъ военныхъ школъ, кои она въ свою очередь снабжаетъ учителями. Примѣняя этотъ раціональный порядокъ къ большимъ размѣрамъ всенароднаго образованія, надобно желать, чтобы въ народные учителя поступали лучшіе ученики народныхъ школъ. Только при этомъ условіи будутъ привлечены къ дѣлу народнаго образованія люди съ дарованіемъ и въ то же время такіе люди, для которыхъ полученіе учительскаго мѣста будетъ счастіемъ, какъ счастіемъ считаютъ ученики начальныхъ военныхъ школъ попасть въ военную учительскую семинарію и выйти оттуда учителями начальныхъ школъ. Принадлежа къ народу и не выдѣляясь изъ него, та-

кіе учителя облагораживали бы народный бытъ, вносили бы въ него элементы цивилизаціи; будучи въ народной средѣ представителями учебнаго дѣла, они обезпечивали бы ему въ ней мѣсто и силу. Народное образованіе не можетъ пріобрѣсти прочность, пока въ народной организаціи нѣтъ разряда людей, исключительно посвятившихъ себя дѣлу учительства, какъ равно не можетъ возвыситься народный бытъ, пока люди изъ народа, получившіе образованіе, не могутъ находить себѣ соотвѣтственное занятіе, не покидая своего быта. Въ какой степени особый классъ народныхъ учителей необходимъ для прочности и успѣховъ народнаго образованія, доказывается опытомъ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Повсюду дѣло это стало на ноги только съ тѣхъ поръ какъ были приняты мѣры къ приготовленію народныхъ учителей. Не у насъ однихъ случается что народныя школы, долго существовавшія, вдругъ начинаютъ закрываться за недостаткомъ сочувствія въ народѣ; это бывало повсюду, гдѣ подборъ народныхъ учителей былъ дуренъ, и это естественно: нельзя требовать, чтобы народъ дорожилъ тѣмъ что само по себѣ неудовлетворительно. Но по мѣрѣ того какъ улучшаются народныя школы, обыкновенно возрастаетъ и сочувствіе къ нимъ народа. „Такъ было," говоритъ г. Веселъ въ статьѣ о народномъ училищѣ, помѣщенной въ сентябрьской книжкѣ *Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія*,—„такъ было и въ „Пруссіи съ начальными народными училищами; крестьяне не питали къ нимъ „никакого сочувствія, и только насильственными мѣрами можно было заставить „ихъ платить жалованье учителямъ и содержать училища до тѣхъ поръ, пока „учительскія семинаріи не приготовили хорошихъ начальныхъ учителей, и крестьяне не почувствовали пользы хорошаго „ученія. То же было и во Франціи и въ „Англіи. Всѣ мѣры французскаго правительства, всѣ преобразованія и новые „уставы начальнаго обученія (sur l'enseignement primaire), всѣ самыя подробныя „инструкціи и наставленія не приводили „ни къ какимъ полезнымъ результатамъ, „пока не было приступлено, по училищному закону 28-го іюня 1833 года, къ устройству учительскихъ семинарій (écoles „normales). Изданіе этого закона Жюль „Симонъ (въ сочиненіи *Ecole*) признаетъ „важнѣйшимъ событіемъ въ исторіи общественнаго обученія."

Нельзя не радоваться, что вопросъ о семинаріяхъ сельскихъ учителей начинаетъ привлекать на себя у насъ общественное вниманіе, и что это вниманіе уже сказывается въ рѣшеніяхъ земскихъ собраній. Мы упоминали въ предпослѣднемъ нумерѣ нашемъ, что Рязанское губернское земское собраніе постановило устроить учительскую семинарію; оно опредѣлило на это дѣло 12 т. р. Еще въ бóльшихъ размѣрахъ задумано оно въ средѣ земства Московской губерніи.

Бывшее въ январѣ истекающаго года Московское губернское собраніе остановилось, послѣ долгихъ преній, на слѣдующемъ, какъ намъ кажется, раціональномъ рѣшеніи: устройство и поддержка народныхъ школъ признаны дѣломъ уѣзднаго земства, приготовленіе для нихъ учителей—дѣломъ земства губернскаго. Въ виду сего, была тогда же избрана коммиссія, которой поручено выработать къ слѣдующей сессіи собранія проектъ особаго учебно-воспитательнаго заведенія, которое имѣло бы главною цѣлью готовить своихъ учениковъ въ наставники для сельскихъ народныхъ училищъ. Въ коммиссію эту, кромѣ предсѣдателя и членовъ губернской управы, вошло нѣсколько гласныхъ; изученіе вопроса и подготовку его для коммиссіи принялъ на себя членъ управы П. А. Васильчиковъ, потрудившійся надъ этимъ дѣломъ съ чрезвычайнымъ усердіемъ. Плодомъ занятій коммиссіи былъ „проектъ устава Московской учительской школы," внесенный на разсмотрѣніе губернскаго земскаго собранія. Эту школу предположено устроить внѣ Москвы, въ мѣстности совершенно сельскаго характера, на 75 человѣкъ, съ раздѣленіемъ ихъ на три класса и трехгодичнымъ курсомъ ученія, который распредѣлялся бы такъ: младшій классъ—теоретическій, воспитанники въ немъ только учатся; курсъ средняго класса—теоретико-практическій, воспитанники подъ руководствомъ наставниковъ готовятся къ преподаванію; курсъ старшаго класса—преимущественно практическій, воспитанники преподаютъ, подъ руководствомъ наставниковъ, въ состоящемъ при учительской школѣ народномъ училищѣ. Внѣшняя обстановка жизни воспитанниковъ, относительно помѣщенія, пищи, одежды, строго сообразовалась бы съ характеромъ и усло-

віями крестьянскаго быта; въ лѣтнее, свободное отъ ученія время воспитанники занимались бы, буде можно, полевыми, садовыми, огородными работами при школѣ. Преподавателей же въ учительскую школу предполагалось избрать изъ людей высокаго образованія, а потому и жалованье имъ назначено значительное.

Къ сожалѣнію, этотъ проектъ, поступившій на разсмотрѣніе не того собранія, которое назначило коммиссію, а вновь избраннаго, подвергся поправкамъ внесеннымъ въ него безъ плана, и отчасти импровизованнымъ, такъ что многіе изъ поборниковъ его охладѣли къ нему. Въ цѣломъ, измѣненномъ составѣ своемъ, онъ былъ отвергнутъ незначительнымъ большинствомъ, но деньги, которыя предполагалось опредѣлить на учительскую школу. оставлены при своемъ назначеніи, и это даетъ поводъ надѣяться, что дѣло учительской семинаріи будетъ еще разъ пересмотрѣно въ одну изъ ближайшихъ сессій, и что это полезное и крайне необходимое учебное заведеніе еще можетъ состояться въ Московской губерніи и послужить образцомъ для другихъ подобныхъ заведеній, имѣющихъ учреждаться въ Россіи.

Искренно сожалѣемъ, что говоря въ предпослѣднемъ нумерѣ нашемъ о судьбѣ постигшей проектъ учительской семинаріи въ нынѣшнемъ Московскомъ губернскомъ собраніи, мы проронили въ концѣ нѣсколько выраженій, которыя невѣрно передали нашу мысль и могли произвести тягостное впечатлѣніе на членовъ почтеннаго собранія, въ числѣ которыхъ мы имѣемъ многихъ друзей. Не имѣя права безъ предварительной цензуры публиковать отчеты о земскихъ засѣданіяхъ, мы не можемъ ближе ознакомить читателей съ преніями по упомянутому вопросу, но считаемъ долгомъ сказать, что эти пренія ни въ какомъ случаѣ не подаютъ повода къ тѣмъ выраженіямъ, которыя лишь случайно уцѣлѣли въ корректурѣ при послѣдней редакціи статьи. Только рѣчи М. П. Погодина представляютъ явленіе дѣйствительно нескладное и неумѣстное въ серіозномъ собраніи. Какъ ни куріозно все то что̀ воспроизведено изъ этихъ рѣчей въ издаваемой имъ газетѣ *Русскій*, рѣчи произнесенныя имъ устно далеко оставляютъ за собою нѣсколько сглаженный печатный текстъ. Почтенный ораторъ доказывалъ ненадобность учительской семинаріи тѣмъ что требуется-де только быть образованнымъ человѣкомъ, дабы учительствовать въ народныхъ школахъ. Но учительская семинарія для того и нужна, чтобы дать молодымъ людямъ, готовящимъ себя къ званію сельскихъ учителей, надлежащее образованіе. Народныя школы составляютъ особую систему обученія, которая можетъ имѣть нѣсколько степеней и должна въ самой себѣ находить завершеніе. Требуется, какъ выше замѣчено нами, чтобы народныя школы могли изъ самихъ себя выдвигать людей, которые были бы потомъ ихъ украшеніемъ и силою. Всего хуже выброски изъ высшихъ сферъ образованія. Гимназіи и духовныя семинаріи не могутъ давать хорошихъ учителей для народныхъ школъ; только негодный и ни къ чему другому неспособный повернетъ оттуда въ народные учителя, а отъ негоднаго и неспособнаго мало толку для какого бы то ни было дѣла. Да и во всякомъ случаѣ люди принадлежащіе къ системѣ иного образованія всегда будутъ менѣе полезны; они всегда будутъ казаться случайностію, всегда будутъ чужаками, и вліяніе ихъ слова или примѣра никогда не пріобрѣтетъ той силы какъ вліяніе человѣка принадлежащаго всѣмъ существомъ своимъ къ той средѣ, гдѣ дѣйствуетъ. Дабы поднять народную среду, надобно чтобы въ ней самой могли образовываться люди, которые, оставаясь въ томъ же быту, возвышали бы его собою. Сельская учительская семинарія должна быть цвѣтомъ народной школы, и ей давать свои плоды.

Г. Погодинъ обратился къ гласнымъ съ такими рѣчами, которыя имѣли бы смыслъ развѣ только въ обращеніи къ молодымъ учителямъ, отправляющимся впервые на мѣста. Дѣло шло о томъ, нужно ли открыть учительскую семинарію, а г. Погодинъ объяснялъ, какъ и чему надобно учить деревенскихъ ребятишекъ. Дѣло это простое: сегодня идетъ снѣгъ, вотъ ты и скажи имъ, что̀ такое снѣгъ; завтра празднуется память Св Алексія Митрополита, ты вотъ возьми и объясни имъ, что̀ такое святой, мощи и проч. Случилось тебѣ прочесть въ газетахъ объ убійствѣ: вотъ ты и растолкуй, что̀ такое значитъ преступленіе, что̀ такое судъ и т. д. Быть-можетъ иные учители и хорошо воспользовались бы наставленіями маститаго академика, но рѣшительно нельзя понять ка-

кой все это имѣло смыслъ въ земскомъ собраніи, которое разсуждало о народныхъ школахъ и объ учительской семинаріи. Отчего въ самомъ дѣлѣ не поговорить и о снѣгѣ, и о Спиридонѣ Поворотникѣ и о турецкихъ или объ испанскихъ дѣлахъ? Но на такихъ бесѣдахъ не можетъ быть основана школа, которая должна имѣть опредѣленную программу. Первоначальная школа обязана учить читать, писать, считать и проч. Только опредѣленные результаты школы могутъ быть и предусматриваемы, и контролируемы; только въ виду такихъ результатовъ заводятся школы, а не для бесѣдъ о разныхъ предметахъ. Г. Погодинъ, произнося свои рѣчи, хотѣлъ конечно позабавить собраніе. Отчего между дѣломъ и не пошутить? Но, къ сожалѣнію, дѣла-то не было въ рѣчахъ почтеннаго оратора.

№ 280.

Москва 28-го декабря.

Конференція должна была непремѣнно собраться сегодня (9-го января н. ст.), но собраться при такихъ условіяхъ, которыя уничтожаютъ всякую надежду на удовлетворительный результатъ.

Рѣшающими на совѣщаніи державами будутъ: Австрія, Франція, Англія, Италія, Пруссія, Россія и *Турція!* Итакъ, Турція будетъ вмѣстѣ и судьей, и подсудимымъ; она произнесетъ приговоръ въ собственномъ дѣлѣ, и мнѣніе ею поданное будетъ имѣть рѣшающее дѣйствіе, если голоса раздѣлятся, а это весьма вѣроятно. Что касается Греціи, то державы предполагаютъ, *въ случаѣ надобности*, обратиться къ ней за нѣкоторыми справками, и тогда ея представитель будетъ имѣть случай сообщить *полезныя свѣдѣнія*.

Невозможно откровеннѣе дѣйствовать вопреки всѣмъ началамъ справедливости и здраваго смысла. Невозможно болѣе обезсилить и обеззаконить заранѣе приговоръ, который произнесутъ великія державы. Невозможно хуже запутать дѣло подъ предлогомъ его разрѣшенія, и невозможно болѣе раздражить Восточный вопросъ подъ видомъ стараній успокоить его.

Нельзя сказать, чтобы результатъ конференціи, собиравшейся три года назадъ по дѣлу о Дунайскихъ княжествахъ, былъ очень назидателенъ и достославенъ. Тогда всякій могъ видѣть, что продолжая *pro forma* совѣщаться и обсуждать это дѣло, нѣкоторые изъ европейскихъ амфиктіоновъ занимались тайными происками, имѣвшими цѣлью подорвать дѣйствіе рѣшеній, которыя были ими официально постановлены. Тогда горсть революціонеровъ въ Румыніи спокойно насмѣялась надъ коллективнымъ рѣшеніемъ Европы, и вопреки неоднократному внушенію конференціи, водворила въ Букурештѣ прусскаго драгунскаго офицера. Тогда, наконецъ, всѣ совѣщавшіяся державы, за исключеніемъ одной, безмолвно подчинились результату столь для нихъ унизительному, и затѣмъ спокойно разошлись. Императорско-русскій кабинетъ тогда протестовалъ, хотя и безплодно, противъ такого хода дѣлъ. „Невозможно,“ писалъ онъ, „пренебречь съ „большею наглостью рѣшеніями Европы; „въ виду такого своевольства со стороны „мелкаго государства, конференція не на„шла ничего лучше сдѣлать какъ только „преклониться предъ совершившимся фак„томъ и предоставить революціонерамъ со„крушить ея собственное дѣло...“ „Къ такой комедіи,“ сказано въ русской депешѣ отъ 31-го мая 1866 г., „мы не можемъ присоединиться.“

Совершенно справедливо, что то была комедія; но какъ назвать то представленіе, которое приготовляется теперь въ Парижѣ, буде все такъ состоится какъ теперь предполагается?

Если западныя державы рѣшились подвергнуть Грецію всѣмъ насиліямъ и униженіямъ, которыя готовитъ ей Турція, слѣдуя совѣтамъ и пользуясь поощреніемъ европейской интриги, то было бы всего проще не мѣшать дѣйствовать пашамъ Гобарту и Омеру. Въ случаѣ одного изъ тѣхъ геройскихъ сопротивленій, какихъ примѣры явили намъ война за независимость Греціи и Критское возстаніе, было бы весьма легко выслать изъ Тулона или Полы нѣсколько броненосныхъ фрегатовъ или отрядъ англо-французскихъ войскъ для занятія Аѳинъ.

Это было бы вопіющею несправедливостію и насиліемъ, но тутъ было бы только простое употребленіе грубой силы, къ которой и безъ того очень часто прибѣгаютъ; по крайней мѣрѣ державы не посрамили бы себя дипломатическимъ лицемѣріемъ.

Собираясь торжественно, съ явно высказанною цѣлью разрѣшить несогласія возникшія между Греціей и Турціей по поводу Критскаго возстанія, державы прежде всего съ непоколебимою важностью объявляють, что ими не будетъ допущено никакого намека на Критскій вопросъ, и что онѣ хотятъ ограничиться только возстановленіемъ добрыхъ отношеній между Греціей и Турціей. Какъ будто можно возстановить эти отношенія, оставляя Критскій вопросъ безъ вниманія? Какъ будто можно надѣяться отвратить зло, не касаясь причины его производящей? Какъ будто можно умиротворить Востокъ, увѣковѣчивая поводы къ волненіямъ въ его народахъ?

Многіе французскіе журналы ставятъ Тюльерійскому кабинету въ честь, что именно по его требованію послѣдовалъ отказъ допустить Грецію въ конференцію наравнѣ съ Турціей. Этому трудно повѣрить несмотря на положеніе принятое офиціозными органами французскаго правительства. Если же это такъ, то г. де-Лавалеттъ страннымъ образомъ открываетъ свои дѣйствія въ званіи министра иностранныхъ дѣлъ. Онъ дѣлаетъ непростительный промахъ, если думаетъ этимъ скрѣпить дружескую связь съ Англіей, связь, о которой столько уже лѣтъ Франція безплодно хлопочетъ. Лордъ Кларендонъ слѣдуетъ преданіямъ Пальмерстоновской политики и благоговѣетъ предъ догматомъ неприкосновенности Турецкой имперіи; но несомнѣнно и то, что англійская политика постоянно стремится лишить Францію уваженія и популярности повсюду, гдѣ она могла бы пріобрѣсти сочувствіе и вліяніе, и завлечь ее въ опасныя и пагубныя для ней предпріятія. Это удалось Англіи въ Крыму, въ Мексикѣ, въ Италіи, въ Польшѣ, въ Германіи, и то же она хочетъ сдѣлать на Востокѣ посреди христіанскихъ населеній Турціи, которымъ принадлежитъ будущее. Для достиженія такого результата самымъ лучшимъ средствомъ было исключить греческаго уполномоченнаго изъ конференціи въ столь критическую для Греціи минуту. Это не только явное нарушеніе справедливости, но и обида нанесенная самолюбію народа, весьма въ подобныхъ случаяхъ щекотливаго. Греки никогда не забудутъ этой обиды, и еслибы на сей разъ были они вынуждены уступить гнету цѣлой Европы, все-таки исключительно Франціи припишутъ они униженіе, которому ихъ подвергнутъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и другіе христіане Востока узнаютъ чего они могутъ ожидать отъ Франціи и будутъ съ этимъ опытомъ согласовать свои чувства къ ней.

Недавно случилось намъ замѣтить, что Франція должна многое исправить на Востокѣ, многое возстановить для своей же пользы. Судя по слухамъ, которымъ не хотѣлось бы вѣрить, надобно полагать, напротивъ, что она не хочетъ покинуть путь ошибокъ, а напротивъ старается о томъ чтобъ утратить и послѣдніе остатки своего тамъ вліянія, которое современемъ могло бы стать одною изъ опоръ ея европейскаго положенія.

Правда, дѣлая такимъ образомъ дѣло своихъ враговъ, французское правительство обезпечиваетъ себѣ благодарность Порты, но сомнительно, чтобъ этимъ могли быть вознаграждены огромныя невыгоды подобной политики, ибо она отчуждаетъ весь Востокъ отъ Франціи и удаляетъ ее отъ Россіи, а Россію заставляетъ сближаться съ Пруссіей....

Есть люди, которые, въ виду такого расположенія западныхъ державъ и несправедливаго исключенія Греціи изъ конференціи, полагаютъ, что Россіи лучше бы вовсе не принимать участія въ этой конференціи и предоставить столь несправедливому большинству отвѣтственность за его рѣшенія. Признаемся откровенно, мы почти готовы согласиться съ этимъ мнѣніемъ. Можетъ-быть и въ самомъ дѣлѣ было бы лучше, еслибы Россія отказалась отъ всякаго участія въ подобной конференціи. ..

Сейчасъ только прочли мы въ *Times* письмо берлинскаго корреспондента этой газеты. Онъ сообщаетъ, будто бы г. де-Лавалеттъ извѣстилъ Порту, что послѣдніе два пункта ея ультиматума не могутъ быть допущены къ обсужденію; что диванъ былъ крайне раздраженъ этимъ, и что будто французскому послу въ Константинополѣ едва удалось удержать Порту отъ рѣшенія прервать всякіе переговоры. Далѣе, тотъ же корреспондентъ утверждаетъ, будто Тюльерійскій кабинетъ, не заботясь о согласіи своихъ турецкихъ друзей, не поколебался сообщить свое новое предложеніе нѣкоторымъ другимъ державамъ и увѣрился въ согласіи на

оное Россіи, Пруссіи и Италіи; и наконецъ будто Франція, не довольствуясь тѣмъ, что вопросъ о конференціи рѣшался такимъ образомъ помимо Порты, обнаруживаетъ наклонность допустить на конференціи обсужденіе будущаго положенія Крита, сходясь до нѣкоторой степени со взглядами Россіи. Чего желаешь, тому готовъ вѣрить, и мы были бы рады повѣрить сообщеніямъ берлинскаго корреспондента лондонской газеты, хотя сообщенія его невсегда бываютъ благонадежны. Можно по крайней мѣрѣ сказать, что путь который онъ приписываетъ французскому правительству былъ бы наилучшимъ для Франціи и наиболѣе согласнымъ съ ея интересами. Не можемъ также не прибавить, что со стороны Россіи было бы дѣломъ истинно національной политики облегчить для Тюльерійскаго кабинета этотъ путь.

№ 281.

Москва, 30-го декабря.

Мы хотѣли сказать нѣсколько словъ по поводу манифеста *консервативной партіи*, публикованнаго *Вѣстью*; но такъ какъ этотъ документъ все-таки въ сущности есть объявленіе о подпискѣ на газету, то мы предпочли переждать обычное для этой операціи время, чтобы наши замѣчанія не могли показаться вмѣшательствомъ въ торговыя дѣла газеты.

Итакъ, наконецъ, у насъ есть партіи, которыя издаютъ свои манифесты!

Въ самомъ дѣлѣ, упомянутая газета формально говоритъ отъ лица какой-то партіи, именуя ее консервативною. Но гдѣ же эта партія, какъ она составилась, чѣмъ выразилась, кто ея вожди? Либо эта консервативная партія есть обманъ, либо она имѣетъ опредѣленную организацію: на какихъ же выборахъ подавала эта партія голоса за своихъ кандидатовъ? Въ какомъ парламентѣ она вотируетъ? На какихъ митингахъ установила она свою програму и выбрала органы, которые поддерживаютъ ея направленіе въ печати?

Мы согласны, что *Вѣсть* служитъ органомъ нѣкоторой партіи, и что эта партія имѣетъ и вождей, и организацію, и программу; но мы отрицаемъ, чтобъ это была какая-то всероссійская консервативная партія, ибо таковой не имѣется въ натурѣ. Партія, которой *Вѣсть* служитъ органомъ, есть во всякомъ случаѣ организація негласная, ея вожди не показываются, ея истинная программа не публикуется.

Случай свелъ теперь предъ нашими глазами и манифестъ консервативной партіи публикованный *Вѣстью*, и другой документъ не менѣе интересный, именно циркулярное предписаніе одного изъ польско-католическихъ епископовъ въ западномъ краѣ, разосланное минувшею осенью къ подвластнымъ ему духовнымъ лицамъ. Въ этомъ послѣднемъ документѣ также идетъ рѣчь о либеральныхъ и консервативныхъ началахъ. Протестуя противъ введенія русскаго языка въ костелы, вмѣсто польскаго, его преосвященство относитъ этотъ языкъ къ консервативнымъ началамъ, а въ той части русской печати, которая этого не думаетъ, онъ видитъ опасныхъ либераловъ. Польскій іерархъ католической церкви начинаетъ такъ свое посланіе (цитуемъ буквально): „Почти нѣтъ „нумера либеральной печати, которая на„страиваетъ общественное мнѣніе *противъ* „*консервативныхъ началъ*, въ которомъ не „было бы разсужденія, какъ бы изъ пре„подаванія римско-католическаго катехи„зиса на русскомъ языкѣ вынести молитвы „и обряды не только въ училищахъ, но „даже и въ костелахъ на томъ же языкѣ, „*вытѣсневъ польскій*...“ Досточтимая особа писавшая эти строки, очевидно, также принадлежитъ къ консервативной партіи, и мы не сомнѣваемся, что консервативная *Вѣсть* читается ею съ немалымъ удовольствіемъ.

Однако упомянутая газета выражаетъ програму консервативной партіи слѣдующимъ образомъ: „Желанія *консерваторовъ* „могутъ быть выражены въ двухъ словахъ: „порядокъ и дальнѣйшее движеніе впередъ „на основахъ соотвѣтствующихъ монар„хическому порядку вещей, исторически „сложившимся нравамъ и понятіямъ рус„скаго народа. Мы глубоко убѣждены, что „эти желанія“ (порядка и движенія на основахъ монархическихъ) „не противорѣ„чатъ (еще бы!) основнымъ мыслямъ пре„образованій нашего Государя; напро„тивъ! .. Пусть же перестанутъ клеветать „будто косерваторы не сочувствуютъ осво„божденію крѣпостныхъ, дарованію граж„данскаго полноправія, гласному суду, „безцензурной печати, всесословному пред-

„ставительству, гласности государственна-„го бюджета, правильному контролю госу-„дарственныхъ расходовъ и доходовъ...“

Но если дѣйствительно такова програма консервативной партіи, то въ чемъ же можетъ заключаться ея отличие отъ либеральной? Тутъ есть и освобожденіе крѣпостныхъ, и судебная реформа, и свобода печати, и всесословное представительство, и равенство предъ закономъ, и дальнѣйшее движеніе впередъ, и даже многоточіе при контролѣ надъ государственными доходами и расходами. Противъ какой же либеральной партіи борется *Вѣсть?* Если она держится этой програмы, то она можетъ поздравить себя органомъ еще болѣе либеральной чѣмъ консервативной партіи.

Къ сожалѣнію, слово можетъ находиться въ разногласіи съ дѣломъ, и словамъ не вѣрятъ, если они не сопровождаются дѣлами. Обыкновенно бываетъ такъ, что слушая человѣка, который повѣствуетъ намъ о своихъ добродѣтеляхъ, мы только крѣпче держимъ свои карманы. Такъ бываетъ въ частномъ обиходѣ, но такъ бываетъ и въ общественныхъ сферахъ. Вы говорите, что желаете всего лучшаго; но кто же, кромѣ сумасбродовъ, скажетъ: я желаю всего дурнаго? Сумасброды хороши по крайней мѣрѣ тѣмъ, что они говорятъ безхитростно и никого не обманываютъ. Но если вы дѣйствительно желаете блага, если у васъ есть программа какого бы то ни было оттѣнка, консервативнаго или либеральнаго, только дѣйствительно внушенная вамъ этимъ желаніемъ, покажите намъ ее хоть немножко на дѣлѣ. Отъ партій и ихъ органовъ требуется также дѣла, какъ и отъ лицъ. По вашимъ словамъ, вы служите партіи, которая желаетъ блага странѣ: прекрасно! Но мы спрашиваемъ васъ какія дѣла дѣлала та партія, которой вы служите? Вы служите этой партіи, вы развиваете ея программу: представьте же намъ рядъ тѣхъ вопросовъ, которые вы разработали? Консервативное направленіе отвлеченно взятое, точно также какъ и либеральное направленіе въ отвлеченности, ничего не значитъ. Богъ далъ человѣку языкъ, который въ наши дни сталъ особенно развязенъ, и не трудно наговорить множество весьма хорошихъ фразъ въ какомъ угодно направленіи; но требуются не фразы. Покажите намъ со всевозможною отчетливостію, какъ надобно поступить въ томъ или другомъ случаѣ, отпечатлѣйте намъ ваше направленіе въ обсужденіи разнообразныхъ вопросовъ текущей жизни, и мы увидимъ какого вы направленія и что̀ вы за партія.

Вы честите насъ либералами, радикалами, демагогами. Изъ глубины тѣхъ же побужденій, только съ другой стороны, еще такъ недавно ругали насъ приверженцами феодальныхъ порядковъ, обскурантистами, крѣпостниками. Мы предоставляемъ всякому классифировать насъ какъ угодно. Сами же мы никогда не выставляли себя органомъ какой-либо партіи и старались только о томъ чтобъ оставаться самими собою вездѣ и во всемъ.

Мы не причисляемъ себя ни къ какой партіи, но мы имѣемъ прошедшее, которое можемъ свидѣтельствовать о нашемъ направленіи по всѣмъ вопросамъ, заботившимъ нашу общественную жизнь. Мы не останавливались на заявленіи общихъ принциповъ, но входили въ каждый фактъ, требовавшій вниманія, и входили всею нашею мыслію. Во всемъ что̀ становилось предметомъ публичнаго обсужденія, начиная отъ вопросовъ государственнаго управленія и международной политики до устройства нашихъ школъ и направленія нашихъ желѣзныхъ дорогъ, мы высказывались быть-можетъ неразумно и дурно, но со всеможною отчетливостью, доходя до всѣхъ подробностей. Мы говорили *да* или *нѣтъ*, и говорили *да* въ одномъ вопросѣ именно потому, что̀ должны были говорить *нѣтъ* въ другомъ. Какъ бы ни были разнородны вопросы, которые становились предметомъ нашего изученія, мы въ каждомъ были вѣрны себѣ, и если кто отрицалъ насъ въ одномъ, тотъ отрицалъ насъ во всемъ.

Было время, когда въ нашемъ отечествѣ былъ поднятъ вопросъ о русскомъ землевладѣніи. Мы спрашиваемъ, кто въ нашей печати отстаивалъ права и интересы русскаго землевладѣнія въ то время когда не было осла, который не лягнулъ бы его своимъ копытомъ? Почему мы отстаивали русское землевладѣніе въ то время когда оно подвергалось вопросу? Потому что русское землевладѣніе есть русская сила, и потому что оно дѣйствительно подвергалось вопросу въ своихъ правахъ и интересахъ. Какъ наша сила, какъ двигатель нашей исторіи, какъ стихія нашей гражданственности, землевладѣніе

имѣло право на уваженіе къ себѣ и на бережное обращеніе съ его интересами во всемъ что̀ они могли заключать въ себѣ справедливаго и полезнаго. Мы невольно были мнительны, и опасались, чтобы при необходимой и желательной перемѣнѣ условій, въ которыхъ оно дотолѣ находилось, не было убито или подавлено то что̀ въ немъ было цѣннаго для жизни и призваннаго къ будущему. Не все совершилось такъ, какъ намъ казалось полезнѣйшимъ и лучшимъ; но кризисъ, слава Богу, миновалъ благополучно.

Въ настоящую минуту нѣтъ и тѣни вопроса о русскомъ землевладѣніи; за то въ послѣдніе годы, послѣ польскаго мятежа, поднятъ вопросъ о землевладѣніи антирусскомъ. Мы были поборниками русскаго землевладѣнія: можемъ ли мы не быть противниками землевладѣнія антирусскаго? Быть поборникомъ перваго и противникомъ послѣдняго, не есть ли это одно и то же?

Вы говорите, что принимаете къ сердцу интересы русскаго землевладѣнія, но почему же вы пустили въ ходъ ваши консервативныя идеи, именно въ тотъ промежутокъ времени, когда о русскомъ землевладѣніи нѣтъ вопроса, а поднятъ вопросъ только о землевладѣніи антирусскомъ? Почему вы именно теперь такъ вдохновились интересами собственности и землевладѣнія и такъ встревожились за нихъ? Вы ничего не сказали намъ серіознаго и обдуманнаго о томъ что̀ могло бы быть сдѣлано дабы обезпечить русскія силы въ ихъ развитіи; но вы истощаетесь въ усиліяхъ поддержать польское землевладѣніе, когда принимаются мѣры для того чтобы вывести крестьянское дѣло въ заднѣпровскомъ краѣ изъ путаницы обмановъ и злоупотребленій, о какихъ не было и помину въ остальной Россіи? Вы, выдающіе себя за друзей русскаго землевладѣнія, метались изъ стороны въ сторону и старались смутить правительство, когда оно обдумывало примѣры къ тому чтобы ввести въ западный край русское землевладѣніе...

Законъ 10-го декабря есть одна изъ самыхъ дѣйствительныхъ мѣръ, принятыхъ правительствомъ къ благополучному разрѣшенію Польскаго вопроса въ Россіи. Поражая зло въ принципѣ, законъ этотъ есть въ то же время мѣра снисхожденія и пощады въ отношеніи къ лицамъ. Онъ разчитанъ на то, чтобы съ помощію правильно организованнаго кредита привлечь въ западный край русскихъ помѣщиковъ и въ то же время дать возможность польскимъ землевладѣльцамъ продавать свои имѣнія не разоряясь. Наше дворянство откликнулось на эту важную мѣру, и въ виду обѣщаннаго кредита начали составляться общества русскихъ помѣщиковъ для систематической покупки имѣній преимущественно въ пограничныхъ губерніяхъ. Выдавая себя поборниками русскаго землевладѣнія, вы не только не способствовали ему, вы напротивъ съ успѣхомъ помѣшали ему распространиться и утвердиться въ западномъ краѣ.

Вы были противъ единственной дѣйствительной мѣры, которая могла способствовать обрусенію землевладѣнія въ западномъ краѣ: это было бы понятно, еслибы вы объявили себя вообще противъ крупнаго и средняго землевладѣнія и ратовали только за развитіе собственности крестьянской. Но вы постоянно являлись ожесточенными до неприличія врагами крестьянской собственности въ западномъ краѣ, гдѣ она остается единственною русскою собственностью. Вы готовы отнять у ней и тѣ льготы, которыя уже обезпечены за ней правительствомъ. Вы противъ всего что̀ могло бы сообщить крестьянству, какъ стихіи русской, характеръ силы въ западномъ краѣ, и съ тѣмъ вмѣстѣ вы были заклятыми врагами единственной дѣйствующей тамъ русской силы, которая была призвана туда вслѣдствіе мятежа. Эта сила— русскіе мировые посредники и чиновники, замѣнившіе польскихъ.

Никогда въ нашей печати не воздвигалось такого гоненія на бюрократическое начало, какъ вами въ эти послѣдніе годы. Что̀ же возбуждало васъ противъ этого начала? Почему именно въ этотъ промежутокъ времени вы возревновали противъ него до такой степени, что не хотѣли терпѣть его даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно является единственною русскою силой? А между тѣмъ нигдѣ кромѣ этихъ мѣстъ вы не обнаруживали антипатіи къ бюрократическому началу. Единственная мѣра, которой вы безусловно рукоплескали, было расширеніе губернаторскихъ полномочій. Столь придирчивые къ административному произволу въ отношеніи къ польскимъ помѣщикамъ въ западныхъ губерніяхъ, вы оказывались сторонниками бюрократическихъ порядковъ въ ихъ столкновеніяхъ съ новыми учрежденіями иного характера.

Что же значитъ ваша ненависть къ бюрократическому началу?

Вы полагали всю вашу энергію на противодѣйствіе русскимъ силамъ въ окраинахъ Россіи, гдѣ она борется съ началами ей враждебными; здѣсь вы были дѣятельны, здѣсь вы входили въ факты, чтобъ искажать ихъ, здѣсь вы ловили каждый случай, здѣсь вы сторожили каждую оплошность; для остальной же Россіи у васъ были въ распоряженіи только дешевыя фразы, которыми вы будили запоздалыя страсти, и будили не затѣмъ, чтобы дать имъ удовлетвореніе, а чтобъ ослѣпить людей и настроить выгоднымъ для вашей политики образомъ общественное мнѣніе.

Вы недовольны совершившимися въ Россіи реформами. Нѣтъ сомнѣнія, что наши реформы, какъ и всякое дѣло на свѣтѣ, могутъ подавать поводъ къ болѣе или менѣе серіознымъ замѣчаніямъ. Но потому-то самому, что ими недовольны антирусскія, единственныя организованныя партіи въ Россіи, которыхъ дѣлу вы служите, никто изъ доброжелательныхъ и мыслящихъ людей не находитъ удобнымъ и своевременнымъ заводить рѣчь о пересмотрѣ того или другаго изъ этихъ новыхъ учрежденій. Они молчатъ именно потому что говорите вы, справедливо опасаясь, что всякая критика новыхъ учрежденій, не вызываемая практическими поводами, только пособила бы вашей игрѣ.

Впрочемъ, вы остерегаетесь протестовать противъ либеральныхъ реформъ нынѣшняго царствованія. Если вѣрить вамъ, вы глубоко сочувствуете имъ въ принципѣ и недовольны только развитіемъ положенныхъ въ основу имъ началъ. Но для того чтобы критиковать разработку законодательныхъ мѣръ, необходимо войти въ ихъ подробности. Гдѣ же плоды вашихъ изученій, гдѣ же ваши проекты лучшей организаціи того или другаго учрежденія? Зачѣмъ же вы остаетесь въ отвлеченностяхъ? Зачѣмъ не скажете съ точностію чего вы хотите? Если правда, что вы довольны принципами, но недовольны разработкой, то почему же вы медлите представить ваши соображенія со всевозможною практическою отчетливостію, а предпочитаете бросать въ публику общія фразы, безсвязно выхваченныя изъ системы воззрѣній, вамъ существенно чуждой и высказанной не вами?

Вы говорите, что реформы приняли будто бы дурной оборотъ, потому что въ то время, когда онѣ разрабатывались и приводились въ исполненіе, господствовали люди будто бы радикальнаго образа мыслей. Вы морочите публику и упрекаете насъ въ томъ, что мы будто бы мѣняемся въ нашемъ образѣ мыслей, подлаживаясь къ господствующимъ партіямъ и лицамъ. Но если, по вашему сужденію, мы въ прежнюю пору отличались консервативнымъ образомъ мыслей, а теперь стали радикалами, то выходитъ, что мы были консервативны именно въ ту пору, когда господствовали радикалы, и стали радикалами, когда господствуютъ консервативы. Скжжите, кто тѣ во власти сущіе радикалы, которымъ будто бы мы угождаемъ въ настоящее время нашимъ радикализмомъ? Надобно имѣть большое презрѣніе къ здравому смыслу людей, чтобы разчитывать на успѣхъ столь грубой тактики.

Подвергать ли оцѣнкѣ тѣ консервативныя фразы, которыми вы разчитываете смутить общественное мнѣніе? Вы протестуете противъ выборнаго начала, какъ противъ начала чуждаго нашей исторической жизни. Но выборное начало также старо въ Россіи какъ и она сама; оно было еще въ большей чѣмъ теперь силѣ при царѣ Иванѣ, и Россія однако не превратилась въ республику демократическую и соціальную, но собрала всю свою землю и выработала самую сильную въ мірѣ монархическую власть.

Вы лукаво говорите о необходимости соглашенія нашихъ новыхъ порядковъ съ принципомъ наслѣдственной монархіи, и не договариваете вашей мысли. Но каковы бы ни были ихъ недостатки, въ нихъ нѣтъ какого бы ни было разлада съ этимъ принципомъ, который внѣ всякаго спора и выше всякаго сомнѣнія въ Россіи. Вы любите ссылаться на Англію, но тамъ за многія столѣтія предъ симъ изчезъ самый принципъ потомственныхъ сословій. Политическій идеалъ, который вы грубо малюете для приманки нашего общественнаго мнѣнія, походитъ не на Англію нынѣшняго времени, а развѣ на Францію старыхъ порядковъ, кончившую кризисомъ, который унесъ и монархію, и всѣ основы общества, и изъ котораго страна эта не вышла и понынѣ...